Родимый край

ОГЛАВЛЕНИЕ

И. И. Курицын — «Донское казачество и Россия».
Выборы Кубанского Войскового Атамана.
Т. Данилевич — «Свободный голос».
Письмо писательницы Л. Чуковской М. Шолохову.
Юшкин-Котлубанский — «Над степью».
Карта расселения Казачьих Войск.
Е. Ковалев — «Как мы жили на Дону».
М. Черныш — «О возникновении Запорожского казачества».
Н. Н. Воробьев — «Праотцы черноморцев».
А. Падалкин —«Июльское восстание большевиков в 1917 г. и донские казачьи полки».
А. Мишаткин — «Родимый Край».
И. Сагацкий «Первая съемка».
Из казачьей жизни за рубежом и письма в редакцию.
Ушедшие.
Денежные поступления в редакцию «Род. Края».
От редакц. коллегии «Род. Края».

РОДИМЫЙ КРАЙ

Орган общеказачьей мысли.
Издатель: Донское Войсковое Объединение.
Association des Cosaques du Don
Arr du Ministre de l'Int. J.O. 70 1955

PAYS NATAL JANVIER — FEVRIER 1967
№ 68 — Январь-Февраль 1967 г. 3.50
Parait tous les 2 mois. Directeur: *Bogaevsky.*

Редакционная Коллегия: Б. А. Богаевский, А. И. Клочков, В. М. Кузнецов, А. П. Падалкин, Н. Н. Туроверов, Б. Н. Уланов.
Адрес редакции:

B. BOGAEVSKY
230, Av. de la Division-Leclerc
95 — Montmorency
France

ДОНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО И РОССИЯ

В царствование Павла I мы видим временное возрождение донской автономии и Круга. Павел I благодарил Войско за поздравление с восшествием на престол уже 13 декабря 1796 г. Павел I восстановил ряд автономий, уничтоженных Екатериной II. Указом 5 июля 1797 г. на имя атамана ген. Орлова, восстановил и донскую автономию.

Повеление это было торжественно объявлено на Дону в Войсковом Кругу. Идея Войсковой автономии нашла свое выражение в полковнике Грузинове. Он говорил, что все донские казаки независимы от царского престола и призывал казаков идти на Стамбул «учредить сенат». Павел I расценил это как измену, и Грузинов был казнен в 1800 г.

Конечно, не все в прошлом у казачества было хорошо. Были времена, когда некоторые казаки немало хлопот и неприятностей доставляли царскому правительству: Разин, Булавин, Пугачев вошли в историю, как исключительное явление борьбы уже прочно осевшего в своем краю донского казачества с центральной властью, которая своими мероприятиями возмущала казаков. Все это давно отошло в вечность. Казачество в своей подавляющей массе оставалось верно своему историческому предназначению — быть авангардом великого русского народа и выполнять — лучше, чем кто бы то ни было — национальные задачи России.

Царствование Александра I и в истории Дона ознаменовано возвращением к Екатерининым идеям. Очень интересные принципиальные рассуждения относительно донской автономии были высказаны Государственным Советом в 1802 г. по поводу преобразования Войсковой канцелярии. «Неоспоримо, — рассуждал Совет, — что виды правительства в отношении к управлению казачьих войск клонились к тому, чтобы привесть их в единообразие с прочими обывателями; но частные — воинский их состав, дух народный, нравы и обычаи — всегда налагали сильные сему препятствия». Об историческом Круге Совет умолчал.

Казаки всегда бесстрашно принимали удары многочисленных врагов, творя великое дело собирания и оберегания Земли Русской. Достаточно вспомнить Отечественную войну 1812-1815 гг., в которой казаки (с 17-летнего возраста) принимали участие под командой атамана Платова. Бородино было подлинным «началом конца» карьеры великого завоевателя. Находившийся при штабе Наполеона, писатель де Брак позже писал: «вся многочисленная конница Европы, собранная под знаменем великого корсиканца, погибла, главным образом, под ударами казаков атамана Платова».

Александр I ценил казаков и пожаловал два знамени всему Войску, 11 Георгиевских знамен и штандартов в казачьи полки и грамоту Дону.

Но об историческом Круге и его восстановлении в прежних правах в грамоте не упомянуто. Платов чувствовал необходимость общего законодательного акта, который утверждал бы казачьи права на прочных основаниях. Свой проект Платов представил в 1814 году, но безуспешно. Сменивший Платова А. К. Денисов хотел кодификации донского войскового права и системы жалованных прав и привилегий.

Рескриптом 10 марта 1819 г. Александр I повелел учредить «Комитет об устройстве Войска Донского» и истолковал идею атамана, как желание «собрать воедино все узаконения относительно Войска» для составления «Нового Войскового положения». Денисов

просил не вводить в комитет лиц, посторонних Войску. В этот комитет был назначен ген. Чернышев, он писал в Петербург: «Донской народ угнетен беззакониями всякого рода... Он полагает свою надежду только на нас» (царя и его доверенных — И. К.). Выше названный комитет свою работу затянул на долгие годы.

В начале царствования Николая I казачьи войска были введены в титул наследника престола. 2 октября 1827 г. цесаревич Александр Николаевич был назначен атаманом всех казачьих Войск. Наказным атаманом на Дону был Андриянов. Войсковой Круг служил лишь пышной декорацией при приезде на Дон высочайших особ.

«Положение об управлении Донского войска» было актом центральной власти. Это «Положение не имело общего с историческими правами Дона и казачества, хотя войсковому наказному атаману, — «Положением» предписывалось иметь «неусыпное, чтобы... не были нарушаемы или ослабляемы дарованные Войску привилегии и преимущества» (Ч. 1, пар. 7, п. 2).

Наказный атаман был приравнен к военному губернатору, управляющему гражданской частью». Эпоха наказных атаманов в истории Дона была временем постепенного падения значения Войскового Круга. Чем дальше, тем больше утрачивает Круг свои исконные права в пользу центральной власти в Петербурге, тогда как Войсковой Круг в историческом прошлом являлся высшим органом на Дону. Казачество многократно ходатайствовало перед монархами о восстановлении в правах Войскового Круга, которыми он пользовался до 1709 года.

В вышеупомянутой грамоте, как и в грамотах прежних царей, заключалось некоторое «уверение» монархов, подтверждение прав и преимуществ Войска. «Образ служения» включал в себя и автономию, и права Круга, и многое другое, исподволь или вдруг отмененное и нарушенное в 18 и 19 вв. Войсковой Круг именовался «воинским Кругом», а привиллегии, оказывалось, «дарованными «за службу»: очевидно, уничтожить Круг не решались (все таки — «древний обычай»), но не хотели, чтобы «вычет» (чтение) грамот о привилегиях повторялся несколько раз в году. Важно отметить, что ген.-адъютант Чернышев возглавлял «Комитет об устройстве Войска Донского». Он был противником восстановления в правах исторического Круга, который составлял бы себе законы. По мнению ген. Чернышева, что в государстве, где всякий закон и всякое начальство проистекает от единой самодержавной власти государя, подобные присвоения и даже самые мысли об оных не должны быть терпимы... Доселе, — утверждал Чернышев, — в России ни одна область не имела права избирать представителей...

В царствование Александра II Круг продолжал собираться. А. А. Леонов, один из донских патриотов, написавший ряд статтей в «Донских Ведомостях» о прошлом Дона, оставил хорошее описание того, чем был Круг в то время (в начале 60-х годов).

«Церемония Круга и теперь еще существует, — писал он в статье, посвященной Кругу в 1862 г., — но это не более как тень старого Войскового Круга. Мы выносим, в известное время, войсковые регалии, т. е. грамоты и знамена, перед церковью становим последние в две шеренги (и тут даже нет точности даже физической), а грамоты выносятся на средину, где приготовлен церковный аналой. В этот Круг всходит духовенство и чиновники Войска; один дьяк войскового правления, а чаще кто нибудь (именно, кто нибудь, а не так, как встарь, непременно войсковой дьяк), читает грамоту в подтверждение прав Войска. Потом происходит молебствие и Круг кончается» («Донские Ведомости». 1862 г.). Изложивши вкратце эволюцию прав и значения Круга, Леонов заключил: «было бы странно, да и неразумно желать возвращения от нынешнего порядка ко временам Войскового Круга». Дальше Леонов писал: «нет, мы хотели показать, на каких началах было основано устройство Войска, какими идеями оно жило и еще до сих пор продолжает жить, ибо, с совершенным вырождением этих идей, казачество, несмотря ни на какую искусственную поддержку, должно необходимо исчезнуть»...

Идея исторического права, идея самоуправления продолжала жить на Дону и прорывалась сквозь цензуру «Донских Ведомостей»... Эта официальная газета отразила движение, происходившее в среде донской интеллигенции. Ряд статтей, посвященных прошлому выборному началу на Дону, Войсковому Кругу. Не только казачья интеллигенция заговорила о Круге, начальник штаба Войска Донского, не-донец, ген. князь Дундуков-Корсаков выступил в защиту прав Войска с проектом на имя военного министра. Он подробно изложил в своем проекте, что необходимо сделать для Войска Донского.

Дундуков был сторонником широкого мест-

ного самоуправления на Дону. Он стоял за выборы.

Дундуков протестовал против централизации казачьих дел в Петербурге и мысли «подчинить однообразному положению все казачьи войска»... Но в Петербурге Главным управлением проект был признан «не соответствующим духу новейшего законодательства». В 1863 г. обстоятельства сложились серьезными для России. Восстала Польша. 6 июня 1863 г. Александр II открыл финский сейм. Наследник Николай Александрович 8 августа 1863 г. прибыл на Дон и в Войсковом Круге принял знаки атаманского достоинства. Его прибытие имело политический характер, ибо казачество волновалось слухами, что казаков «хотят повернуть в крестьян». Свита цесаревича, вернувшись в Петербург, сообщила, что существует «стремление донских казаков к автономии».

8 сентября 1863 г. была прислана на Дон грамота, подтверждавшая права Войска и казачества. После смерти наследника престола Николая Александровича, звание атамана перешло к великому князю Александру Александровичу, который в 1869 г 31 июля прибыл на Дон и в Войсковом Круге принял знаки атаманского достоинства. Он в 1870 г. вторично был на Дону по случаю 300-летнего юбилея Войска. В Войсковом Круге цесаревич произнес речь: «Наше общее пожелание это — чтобы наше славное русское казачество сохранилось и укрепилось на долгое время, во веки веков»... Александр II в 1872 г. 12 августа в Войсковом Круге сказал: «Мне остается желать, чтобы Войско Донское, сохраняя доблести своего векового казачества, развивалось в гражданском быту, согласно данным мною указаниям».

В жизни же проводилась другая программа военного министра Милютина. Он хотел «объединить» казачье сословие с другим, совместно с ним обитающим, населением, под одним гражданским управлением, сохранив отдельность только в военном устройстве казаков, в собственном хозяйстве войсковом и военной администрации. Все дела, касающиеся Дона, были сосредоточены в военном министерстве, где дела по управлению Войском не были признаком автономности Дона.

Наоборот, это было средством еще большей милитаризации управления, введение военных навыков и требований в гражданскую жизнь казачества.

Казаков охватила тревога, вызванная слухами о возможности переименовать казачьи области в губернии. Эти слухи подтвердились: по окончании Кавказской войны был образован на восточном берегу Черного моря Черноморский округ, который подчинялся кубанскому наказному атаману. Возник вопрос — как быть с этим округом дальше? Присоединить ли его к Кубанской области или образовать особую губернию. Министерство внутренних дел ответило, что оно не считает вообще казаков способными к колонизации, а потому высказывается за учреждение особой губернии... Это — после вековой колонизаторской деятельности казаков, после того, как все окраины государства были колонизированы казаками и в культурном отношении стоят не только не ниже, но во многом отношении даже выше многих русских губерний! Два раза поднимался вопрос об упразднении казачьих Войск и оба раза дело ничем не кончилось. Причиной выставлено было то, что три казачьих Войска оказались внутри Империи и их, как «живую изгородь», нужно уничтожить, ибо надобность в них миновала. В этом смысле был сделан доклад Милютиным Александру II.

Александр III вступил на престол после трагической смерти Александра II. В то время Россия переживала тяжелое время.

В царствование Александра III Круг собирался по традиции в немногие дни в году, имея характер войскового «парада». В 1887 г. обнародована была высочайшая грамота, в которой Александр III, «желая ознаменовать» тогдашнее свое посещение «славного Войска Донского знаком особого к нему благоволения», подтвердил права и преимущества Войска.

Но о древнем Войсковом Круге, который избирал войсковых атаманов и других должностных лиц, умалчивалось.

В 1886 г. упраздняется должность «окружных начальников» и заменяется «окружными атаманами», сосредоточивающими в своих руках власть военную и гражданскую. В 1887 г. были изданы правила о дисциплинарных взысканиях с казаков по усмотрению наказного атамана. В 1892 г. ввели высочайше утвержденное 3 июня 1891 г. «Положение об общественном управлении станиц казачьих войск». Станичный суд в кассационном порядке был подчинен окружному атаману. Наказные атаманы приносили казачеству только вред. Они не интересовались действительной жизнью казаков, которые из года в год все беднели. Достаточно вспомнить, что поголовная служба за свой счет тяжким бременем ложилась на казака.

Кроме того, казачество всегда чувствовало себя окруженным атмосферой какого то упорного непонимания его, незнания его быта, его

побуждений, намерений, предубеждения против него и даже прямо недоброжелательства царского правительства.

В юбилейном сборнике военного министерства «Столетие военного министерства» (см. статью проф. Сватикова «Донской Войсковой Круг») — говорится: «в казачьих областях военное министерство умело одну заботу — возможно прочнее подчинить казачье население центральной власти, упразднить внутреннее самоуправление казачества и превратить его в исполнителей велений государственной власти, как прежде оно было исполнителем велений Войскового Круга».

Однако, все это не мешало казакам в тяжкие дни жизни России отдавать на ее защиту все свои силы, нисколько не собираясь отделяться от России.

Казачество вправе было высказывать свои пожелания, а именно: «о возрождении исторического Войскового Круга, состоящего из представителей от каждой станицы, который со своим выборным атаманом должен решать все дела и представлять центральной власти казачьи нужды»...

Казачество было в надежде, что Александр III восстановит древние права Войскового Круга.

В царствование императора Николая II был проведен ряд реформ. Для Дона это царствование было эпохой, с одной стороны, полного отсутствия какой-либо автономии, с другой, — временем оживления идеи Войскового Круга. Идея эта принимала различные очертания. То это был орган чисто сословный, казачий, который должен был ведать дела общины донских казаков, то Круг рисовался, как областной представительный орган с участием в нем лишь казачьего населения — потомков полноправных граждан края. Благодаря созданию Государственной Думы, возникла идея всесословного краевого (областного) земства. Но для Дона было приятно то, что Николай II своей грамотой подтвердил права Войска Донского.

В грамоте этой отмечались заслуги донцов: «...в ныне минувшую войну с Японией, а особливо в наступавшие дни смуты, донские казаки, свято исполняя завет своих предков — верою и правдою служить царю и России, — явили пример всем верным сынам отечества. За столь самоотверженную, неутомимую и верную службу объявляем близкому сердцу нашему, доблестному Войску Донскому, особое монаршее наше благоволение и подтверждаем все права и преимущества, дарованные ему в Бозе почивающими высокими предками нашими, утверждая императорским словом нашим как нерушимость настоящего образа его служения, стяжавшего Войску Донскому историческую славу, так и неприкосновенность всех его угодий и владений, приобретенных трудами и кровью предков...».

В 1905-1906 гг. вне всяких сомнений, как монархию, так и императорскую Россию, — спасли, главным образом, казаки и Семеновский полк. На долю казачества всегда выпадали самые неприятные наряды, как, напр., наряд в помощь полиции, или для усмирения народных волнений. Военный министр ген. Сухомлинов объясняет это тем, что казаки имеют для чтого довольно безобидное оружие — нагайки. Но с этим ген. П. И. Кокунько не согласен и высказал свои мысли так: «Объяснение ген. Сухомлинова, по меньшей мере, наивное. Казалось бы, удобнее было купить нагайки и раздать их армейским частям. Оружие это особого обучения не требует. Во всяком случае, это стоило бы много дешевле, чем мобилизовать льготные части. Но нельзя же сказать прямо, что подобный наряд несовместим с достоинством армии. Это было бы слишком обидно для казаков. Сознаться же в том, что казаки в этом случае представляют более надежный элемент, значит расписаться в собственной несправедливости к нам, изменить той политике, которая установилась по отношению казаков не только в армии, но и вообще в правительстве. Под влиянием правительства, взгляд на казачество, как на пережиток прошлого, проник и в общественность, которая не дала себе труда углубиться в размышление о значении казачества в истории государства российского не только с военной, но и социальной точки зрения».

Ген. П. Н. Краснов всегда подчеркивал «тяжелое подневольное положение казаков. Сидели у нас на Дону наказные атаманы из России, служили мы на задворках российской конницы»... «Спасали Россию и от французов и от турок, держали порядок в России, в благодарность за это — «палачи, опричники, нагаечники» («Донская Летопись», т. 3).

Назначение наказных атаманов, людей, не знакомых ни с казачеством, ни с его жизнью и укладом, часто приезжающих только для того, чтобы отбыть нужный служебный ценз и двигаться дальше по служебной лестнице, не было полезным казачеству. Войсковые капиталы были в зависимости от центральной власти и пр. Это убивало в казачестве всякую самостоятельность и получался застой в жизни. Наказные атаманы интересовались только исправным выходом казака на службу. А что жизнь становилась с каждым

годом труднее, их мало трогало. Задолженность казаков в станичные суммы с каждым годом увеличивалась, и не было возможности ее погашать, ибо уже не всякому казаку становилось под силу снаряжать своих сыновей за свой счет. Казачество стало беднеть. Были и хорошие наказные атаманы — Самсонов и Мищенко, которые видели тяжелое положение казаков и, идя навстречу их нуждам, они писали в Петербург доклады в смысле необходимости улучшить положение донского казачества. Но такие наказные атаманы причислялись к разряду «беспокойных», и их доклады оставались втуне. Состояние войсковых финансов усугублялось еще и тем обстоятельством, что неоднократно, по требованию военного министра, донцами отпускались заимообразно государству из войсковых средств весьма большие суммы, но последние обратно не возвращались, несмотря на неоднократные просьбы областного правления и наказных атаманов.

Задолженность государства Войску в 1910 г. выразилась в нескольких миллионах рублей. Благодаря такой «задолженности» у Войска свободных капиталов не было и Дон очутился в плохом финансовом положении.

Здесь уместно привести один анекдотический случай: «Кривянская станица при поддержке соседних станиц неоднократно добивалась постройки дамбы. Эта дамба была необходима для тех станиц, которые во время весеннего разлива и затем распутицы совершенно отрезывались от Новочеркасска. Военный совет каждый раз отклонял ходатайство.

При свидании, Генерал Греков (помощник наказного атамана), был просто огорошен неожиданным выпадом одного из членов Военного совета: «К чему дамба казакам? Что ж, что разлив. И отлично... Казакам необходимо для поддержания удали предоставить возможность плавать. Вашим «малолеткам» это особенно полезно...» — «Ваше превосходительство, да, ведь, с повозками не поплывешь, ведь, дело идет о путях сообщения. Кривянцы с городом имеют торговые дела...» — «Вот и отлично ... Пусть учатся на бурдюках переправляться, а там, в случае войны, ни перед какой рекой не остановятся...» (Из дневника ген. Грекова).

Дворянство свидетельствовало, что «современное экономическое положение казаков представляет тяжкую картину прогрессивно растущей среди них нужды». Военный министр Куропаткин, в сопровождении наказного атамана, совершивший быстрый объезд Дона, доложил императору, что дело не так плохо и предложил давать 100-рублевое пособие казаку, выходящему на службу с конем: главное внимание надо обратить на конский состав, ибо земли у казаков достаточно, но казачество ею «недостаточно энергично и умело пользуется». Поэтому, вместо земства, стали насаждать станичное коневодство. В эту эпоху создалась казачья поговорка, — довольно меткая, что войсковая администрацияя начинается войсковым наказным атаманом и кончается станичным жеребцом.

Приводим слова ген. А. П. Богаевского: «эта поголовная служба — на свой счет — тяжким бременем ложилась на казака. Нас, казаков, вообще мало знают и чаще думают о нас хуже, чем мы этого достойны. Отношение к Войску — недоверчивое: с одной стороны, — царские грамоты с добрым словом о службеказачьей, а с другой, — много десятков лет войсковые наказные атаманы — неказаки (как будто среди казачества не было достойных для этого поста людей), недоверие к местным силам, централизация, — управление Войсками из Петербурга» (ген. Богаевский, кн. «Казачество»).

В 1914 г. разразилась небывалая по размерам война. Казачьи полки героически сражались с неприятелем на всех фронтах в ожидании радостного дня конечной победы России и ее союзников.

Но судьба вынесла иной приговор. В 1917 г. наступает революция, в которой главным двигателем была Германия, стремившаяся разрушить нашу родину.

Устраивая в 1917 г. смуту в России, Германия «разгружала» свой восточный фронт, что давало ей возможность всей массой войск ударить на запад. Но не прошло и года, как Людендорф чистосердечно признался: «Если бы я мог предвидеть, что люди, которые сидели по швейцарских кафе без сантима в кармане, были способны не только овладеть властью над 150 миллионами людей, но и удержаться и стать страшной опасностью для всего мира, я, конечно, отказался бы подписать им пропуск через Германию, хотя позволить этим субъектам вернуться в Россию было для нас военной необходимостью.» Германия была врагом России, а потому судить ее мы не можем, — она боролась за свое существование. Ну а те, кто были союзниками и друзьями России, а не помогли ей подавить смуту?..

Важно отметить, что на протяжении всего периода власти Временного Правительства казачьи войсковые части вообще и, в частности, Донские — выявляли порядок и соблюдение дисциплины, служа сдерживающим

началом и карательным орудием против тех, кто вносил разложение в армии и в тылу. Пример: в первых числах июля месяца 1917 г. в Петрограде большевики подняли восстание с целью свергнуть Временное Правительство; то восстание было подавлено Первым и Четвертым Донскими казачьими полками.

В августе того же года донской атаман ген. Каледин был в Москве, где от имени всех казачьих Войск выступил со знаменательной декларацией, в которой рекомендовал Временному Правительству принять соответствующие меры для немедленного водворения порядка и законности в стране и дисциплины в армии. Волею судьбы совершился 25 октября 1917 г. переворот в России, где власть захватили большевики. Началась гражданская война с ними. Результат этой войны известен всем.

Заканчиваю свой исторический очерк словами А. Ф. Керенского: «Думаю, что будущее казачества заключено в его прошлом, в тех началах «народоправства, братства и равенства». которые три века тому назад пытались осуществить казаки в своей общественной жизни. Всем нам, участвовавшим в государственном управлении во время Февральской революции, никогда не забыть, что именно тогда, правда, на краткий срок, — эти начала были восстановлены правительством всероссийским.

«Включая казачество в понятие русского народа, я отнюдь не покушаюсь тем на своеобразную самобытность казачьих областей. Разнообразие местных политических и социальных укладов только богатит русскую культуру, умножает творческие возможности народа и тем крепит государство.

«Ведь некоторая местная сословно-войсковая дореволюционная привилегия только прикрывала собой исключительные воинские тяготы, которые несло казачество и которые, на самом деле, в корне подрезывали хозяйственную мощь его.

Надо только, чтобы в свободной России Казачество твердо держалось своих исконных традиций, три века назад уже осуществлявшихся: народоправства, социального братства и политического равенства» (книга «Казачество» 1928).

США. **И. И. Курицын**

ВЫБОРЫ КУБАНСКОГО ВОЙСКОВОГО АТАМАНА

В воскресенье 4 декабря в Кубанском доме в Астории состоялся Войсковой Собор по выборам Кубанского Войскового Атамана.

Бльшинством голосов делегатов, представляющих свыше двух тысяч кубанцев, на пост Войскового Атамана на срок 1966-1970 гг. избран полковник Владимир Иванович Третьяков.

Редакция «Род. Края» поздравляет братьев кубанцев с благополучным разрешением трудного дела выбора Атамана, нового же Кубанского Войскового Атамана полковника Третьякова — с высокой честью стоять во главе родного Войска и желает ему сил и здравия в его тяжелой ответственной работе.

«СВОБОДНЫЙ ГОЛОС»

(По страницам иностранной печати.)

После нашумевшего показательного процесса Синявского и Даниеля в Москве, проведенного для устрашения всех советских писателей интеллектуалистов, 23 сентября с. г. в Загребе состоялся суд над гражданином Югославии. На суде он категорически опро-

вергал обвинительный акт — распространение заграницей ложных информаций и рассеивание ненависти и беспокойства среди населения Югославии — и кроме того упорно отстаивал свои взгляды, публично критикуя на суде однопартийный режим Тито.

Каково же положение вещей и кто этот смелый, рискнувший поднять голову посреди склоненной толпы?

Михаил Михайлов — 32-летний югославянский писатель, профессор истории русской литературы в университете Загреба и знаток этой литературы, даже эмигрантской. В порядке «культурного обмена» он в 1964 году провел месяц в Москве.

Насколько было возможно, он ознакомился с советской жизнью, встречался с представителями научного, литературного и мира искусства. Возвратясь в Югославию в начале 1965 года, стал печатать в белградском ежемесячнике «Дело» свои неповседневные репортажи под названием «Лето в Москве».

Об этом стало известно советскому посланнику Пузанову, который внес официальный протест.

Цензура прервала печатание «Лето в Москве», Михайлова арестовали, обвинили в клевете и судили. Суд провели «культурно» — с прекрасным защитником, с заграничными корреспондентами на процессе. Обвиняемого осудили на девять месяцев ареста — условно в течении двух лет.

«Предупреждение» не охладило Михайлова, борющегося за социализм демократический, называя его иногда даже христианским, и говорящего: «Безусловно, каждая борьба приносит жертвы. Никогда до сего свободу не давали в подарке. Но в данное время в Югославии свободный социализм имеет шансы».

Он решил основать в Югославии независимую от партийного влияния газету и предварительно созвать съезд писателей, для определения программы официального оппозиционного издания — СВОБОДНЫЙ ГОЛОС.

Но Михайлова снова арестовали, благодаря чему съезд не состоялся, а вместо него — упомянутый процесс 23 сентября.

**
*

В Париже, в июне сего года, польский «Институт Литераторов» издал книгу Михайлова под заглавием «Русские темы».

Книга делится на две, определенно отдельные части. Первая — репортаж о Москве 1964 г., а вторая посвящена Достоевскому, который, видимо, оказал большое влияние на мировоззрение Михайлова. Каждая страница книги насыщена живым описанием русской действительности и не знаешь, что выбрать для краткого обзора.

В «Московское лето 1964», после вступления, автор подробно вспоминает о дороге в Москву и о впечатлении на первой советской станции: «в зале памятник Ленина непомерных размеров, но... о, Боже мой! — покрыт золотой краской, как размалеванный пряник, как звезда на новогодней елке, или театральная декорация.»

Но поезда замечательные — холодная вода из холодильника, чай горячий, все места номерованные, в каждом купе громкоговоритель, чистота образцовая и ни минуты опоздания.

Поезд часами пробегает по совершенно незаселенной местности — леса, леса и поля. А в купе все время повторяется «официально» самая популярная песенка Пахмутовой — Главное, ребята, сердцем не стареть!

В данное время Москва по величине является пятым городом в мире, но не похожа на то, что человек ожидает.

«Метро не поддается описанию, поезд каждую минуту и все идет как по маслу. Информационные будки на каждом шагу, шампанское продается на рюмки и в каждом районе «вытрезвитель», но по вечерам встречаются пьяные. Помимо патрулируюших «дружинников», в отдаленных от центра частях Москвы опасно ночью выходить на улицу.»

Взаимоотношения между людьми поразительно грубые и только с иностранцами обходятся предупредительнее.

У магазинов часто собираются очереди, особенно если подбросят «заграничный» товар из сателлитов. Необыкновенно дешевы все электрические и фотографические аппараты и невероятно дороги текстильные изделия и водка. Литр водки равняется стоимости шести больших грамофонных пластинок и можно удивляться, откуда люди берут средства злоупотреблять ею.

Очереди на Красной площади у мавзолея создаются преднамеренно. Мистическое настроение вызывает это мрачное советское капище, где лежит напоказ мумия Ленина — а может быть восковая фигура? — спрашивает автор.

Метро, университет, центральная библиотека и даже цирк носят имя Ленина и люди не замечают, что, становясь избитым, оно теряет всякое значение.

Побывал Михайлов и на кладбище Новодевичьего монастыря, где лежит половина русской истории. Чья-то заботливая рука

приносит живые цветы на могилу Владимира Соловьева. Сорок открытых в Москве церквей всегда переполнены и в них трудно попасть, молящиеся — старики, женщины и молодые девушки.

Михайлов сумел посетить, без своего официального проводника, Троице-Сергиевскую Лавру в Загорске. Большевики осквернили древнюю Лавру XIII века, помещая в ней государственный антирелигиозный музей.

Паломники из самых отдаленных уголков этого огромного измученного края неустанно спешат к месту, прославленному традицией и легендой — лучезарному молитвой многих поколений.

«Антирелигиозная борьба в СССР приняла новую форму: недавно введенная «индивидуальная обработка» людей верующих напоминает методы инквизиции. Применяемые психические «пытки» калечат человека морально, так же, как пытка физическая калечит тело.»

**
*

Почти все представители «высшего света» проводят лето в подмосковных небольших поселках в лесу — «на даче», приезжая ежедневно в Москву для несения своих служебных обязанностей.

Студенты Московского Государственного университета им. Ломоносова живут в университетском общежитии и ничем не отличаются от югославянских, разве лишь тем, что не разносят молоко, а работают истопниками и ночными сторожами. Студенты открыто обсуждают и без страха критикуют все недостатки своей страны, не боясь высылки на год или два в «рабочие колонии». Хотя существует еще некоторое взаимное недоверие... Обращают на себя внимание группы студентов, на лестницах поющие песни лагерников. При помощи заграничных студентов, (их в МГУ около тысячи), с запада просачивается литература и грамофонные пластинки, потому былой изоляции уже нет.

Солженицын — самый популярный советский писатель. На филологическом факультете МГУ, в течении 1964 года, в четырех случаях защищали диссертацию об авторе «Один день Ивана Денисовича», но Ленинскую премию все-же дали украинскому писателю Гончарову, бывшему начальнику концентрационного лагеря...

После Солженицына, огромный интерес у читателей визвали воспоминания генерала армии А. В. Горбатова — описание лагерей перед второй Мировой войной — где генерал находился благодаря ложному доносу.

Многие подсоветские люди с сарказмом отзываются о способе реабилитации. «Семья получает формуляр с именем, фамилией и официальным подтверждением реабилитации. Никто не знает — где, когда и как умер «реабилитированный»? В СССР почти в каждой семье имеется реабилитированный, потому общее неудовольствие полумерами ликвидации сталинизма.»

Заслуживают внимания многочисленные реабилитации эмигрантов и модернистов. В печати находятся произведения Мандельштама и Гумилева. Последнему уделяется особое внимание и говорится о росте его популярности среди молодых советских поэтов и студентов. Эта популярность певца б е с с т р а ш н ы х — весьма многозначительна.

«Если так пойдет дальше, а все на это указывает, недалек день, когда Союз Советских Писателей соединится с Союзом Русских Писателей в Париже» — предполагает Михайлов.

Одновременно молодежь зачитывается произведениями сов. мистика Александра Грина (1880-1932). Бродяга, профессиональный революционер и солдат гражданской войны, в своих произведениях создал фантастический мир. «Та, что по волнам пробегает.» Еще недавно Грин находился в черном списке.

Автор книги удивляется отношению большинства молодых людей к Шолохову: «Это историческая древность, Шолохов когда то, перед войной, был артистом.»

В феврале 1956, на съезде писателей, Шолохов подтверждал мнение Александра Воронского, высказанное еще в январе 1925 г.: — В профессии писателя жажда власти является ненужной!

«Однако теперь тот самый Шолохов охотно согласился с созданием в Ростове на Дону «Института по изучению жизни и творчества Михаила Шолохова» — чтобы в советской прессе на все лады повторялось его имя» — порицает Михайлов.

Представителями русской литературы теперь являются молодые поэты — Андрей Вознесенский, Евгений Евтушенко, Белла Ахмадулина, Рима Казакова, Новеля Матвеева, Рождественский, Тамара Жирмунская и поколение постарше — Евгений Винокуров, Булат Окуджава с корифеем Леонидом Мартыновым.

Прозаики — Солженицын с Дудинцевым, старичек Паустовский и младшие — Владимир Тендряков, Юрий Бондарев, Василий Аксенов, Виктор Некрасов, Юрий Казаков, Наталия Тарасенкова и многие другие, все

время появляющиеся новые таланты, с трогательною смелостью обсуждающие «наболевшие» темы советского общества.

«Это молодое советское поколение, бескомпромисное в своем «еретизме», дает надежду, что будущее русской литературы не только в ее прошлом».

Со многими из них, живущими в Москве и Ленинграде и уехавшими на юг или север на отдых, югославянин повидался в неофициальной атмосфере их квартир и подмосковных дач.

В санатории Академии Наук СССР — Узкое — Михайлов встретился с академиком Борисом Михайловским, известным историком новейшей русской литературы.

Повидал и Дудинцева, который живет очень бедно, зарабатывая на жизнь переводами. Известный на весь свет автор, за свой труд «Не хлебом единым» не получил и гроша, хотя его издатели на Западе выплатили, как гонорар за его повесть, огромные суммы советскому представительству «Международная книга».

**
*

На одной из студенческих вечеринок с Михайловым появился певец — сибиряк-гитарист. Под звуки гитары, необработаннным, но замечательным баритоном, стал петь собравшимся песню за песней. Песни советских лагерников — то полны отчаяния и цинизма, то шутливые. Ими говорит Россия, которую мы знаем по произведениям Толстого и Достоевского — суровые, иногда наивные, но всегда глубокие, мелодичные и трагические.

Эти песни родились в глубокой тайге, у лесного костра, обогревающего бесчисленных лагерников, изнуренных тяжелым трудом и голодом.

Богата Россия слезами и красотой...

«Благодаря счастливому случаю, я стал первым наигравшим их на магнитофонную пленку и около двадцати этих песен привез в Югославию.»

«Спасибо тебе, сибиряк, и вам, оставшимся далеко московским друзьям, песни русского народа все равно будут слушать — запишут ли их в СССР или промолчат.»

Нельзя обойти молчанием визит у Виктора Шкловского в дачной местности Переделкино, где жил и погребен Борис Пастернак.

Шкловский родился в 1893 году и до сего времени занимается творчеством. Историк литературы, критик и теоретик, писатель с универсальной культурой — свободно себя чувствует среди литературы античной, древнекитайской, средневековой и современной.

Многие годы в Сов. Союзе его игнорировали и оскорбляли. Только в 1956 году снова появились книги Шкловского в большом количестве. Особенно интересна и ценна его книга «За и против» — замечания о Достоевском (Москва. 1957).

Виктор Борисович оживился, когда беседа с Михайловым перешла на тему о Достоевском. Заговорили о мистицизме и он вспомнил о своей дружбе с Циолковским — этот великий русский ученый, пионер экспансии в космос, определенно утверждал, что общается и беседует с духами. Его первым учителем математики был Николай Федоров — наиболее таинственная фигура из русских философов XIX века.

«Удивительный и загадочный, малоизвестный мыслитель, он печатал свои вещи лишь в десятках экземпляров и считал, что они «не для каждого». Его очень ценили и Толстой, и Достоевский. Ведущая идея Федорова — общее воскресение когда либо живших. По рассказу Шкловского, однажды Федоров представил эту теорию своему юному ученику. Циолковский совершенно трезво спросил: «А как же столько людей поместится на земле?» — на что Федоров ответил: «Звезд хватает».

Яко-бы именно это возбудило у мальчика желание осуществить полеты в космос, и таким образом родился великий теоретик космических полетов.»

**
*

Булат Окуджава родился в 1924 году. Его отец грузин расстрелян как «японский шпион», мать армянка отсидела девятнадцать лет в женском лагере в Сибири и в 1956 году, реабилитированная, возвратилась в Москву.

После войны он окончил педагогический институт и начал заниматься поэзией — его стихи печатали. Затем занялся прозой и совсем случайно в компании, под акомпанимент гитары, запел слова своего стихотворения. Песнь всем понравилась и поэт, долго не думая, импровизировал мелодии для ряда иных своих произведений. Его друг, редактор «Знамя» Лев Анненский, сразу записал их на пленку. На следующий день было уже пять копий и все хотели получить новосозданные песни.

Окуджава, совершенно бессознательно, двинулся в победный поход по русской земле. В парках, поездах, на студенческих вечеринках, среди моряков и молодежи рабочих поселков в Казахстане — везде слышатся песенки большого московского артиста, о ко-

тором советская пресса молчит. Песни Окуджавы расходятся на магнетофонных тесьмах.

В жизни Сов. Союза магнетофоны играют огромную роль, они дешевы и многие их имеют. Из города в город, на магнетофонных пленках распространяется все то, о чем умалчивает официальная печать и радио.

Упоминая об антисемитизме, Михайлов пишет: «В первый день пребывания в СССР, я имел возможность на себе испытать настроение антисемитизма — на пограничной станции белградский вагон прицепили к советскому поезду и я прошел по всем вагонам, присматриваясь к пассажирам. В ресторан-вагоне один выпивший громко сказал что-то мне вслед. Только возвращаясь, я понял, что повторенное — вишь, жидок шляется! — относится ко мне. Пораженный неожиданностью, я чуть не стал выяснять, что я не еврей, а внук кабардинца с Кавказа и сын врангелевских белых эмигрантов.»

***

Во второй части книги «Достоевский сегодня» — требующей отдельного, вдумчивого обзора — югославянский писатель рассматривает отношение Достоевского к революции, мистике, прогрессу, религии, его влияние на русское прошлое и на сегоднешний день в СССР.

Знаменательна все возрастающая популярность Достоевского и большое количество научных работ о нем. К изданию готовится полное собрание его сочинений, а до 1956 г. никто не смел его вспоминать и книг достать.

Михайлов подчеркивает: наперекор создаваемому властью «homo sovieticus» — мыслящая молодежь фанатически ненавидит л о ж ь, во всех ее проявлениях, будь то в общественной, или частной жизни.

«Этот протест против лжи, долгие годы официально распространяемой, вызывает надежду на оздоровление угнетенного народа».

***

15 сего ноября пришло газетное сообщение из Вены — апелляция Михайлова в Хорватском Наивысшем суде о т к л о н е н а.

Профессор Михайлов — руководитель оппозиционного движения в Югославии, инициатор редакционной группы газеты «Свободный Голос», издания которой власть не допустила — начал годичное заключение в тюрьме Сремской Быстрицы.

Англия.

Т. Данилевич

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ПИСАТЕЛЬНИЦЫ ЛИДИИ ЧУКОВСКОЙ М. ШОЛОХОВУ

Недавно в Париже, в издательстве «Пять Континентов», вышла повесть советской писательницы Лидии Чуковской «Опустелый дом». Повесть страшная, рассказывающая о самых черных днях сталинщины конца тридцатых годов. О том, как приходилось жить советским людям в «период культа личности», написано немало книг и воспоминаний — самые яркие из них «Один день Ивана Денисовича» Солженицына и «Воспоминания» генерала Горбатова, уже выходящие из рамок литературы и переходящие в разряд «человеческих документов». Таким же человеческим документом является и повесть Лидии Чуковской.

Приводим ниже письмо писательницы Л. Чуковской — М. Шолохову, написанное в защиту Синявского и Даниеля, показывает, что даже советские писатели осуждают характер его выступления во время процесса.

МИХАИЛУ ШОЛОХОВУ, АВТОРУ «ТИХОГО ДОНА»

Выступая на XXIII съезде Партии, Вы, Михаил Александрович, поднялись на трибуну не как частное лицо, а как представитель советской литературы.

Тем самым Вы дали право каждому литератору, в том числе и мне, произнести свое суждение о тех мыслях, которые были высказаны Вами будто бы от нашего общего имени. Речь Вашу на съезде воистину можно

назвать исторической. За все многовековое существование русской культуры я не могу вспомнить другого писателя, который, подобно Вам, публично выразил бы свое сожаление не о том, что вынесенный судьями приговор слишком суров, а о том, что он слишком мягок.

Но огорчил Вас не один лишь приговор: Вам пришлась не по душе самая судебная процедура, которой были подвергнуты писатели Даниэль и Синявский, Вы нашли ее слишком педантической, слишком строго законной. Вам хотелось бы, чтобы судьи судили советских граждан, не стесняя себя кодексом, чтобы руководствовались они не законами, а «правосознанием». Этот призыв ошеломил меня — и я имею основание думать — не одну меня. Миллионами невинных жизней заплатил наш народ за сталинское попрание закона. Настойчивые попытки возвратиться к законности, к точному соблюдению духа и буквы советского законодательства, успешность этих попыток — самое драгоценное завоевание нашей страны, сделанное ею за последнее десятилетие. И именно это завоевание Вы хотите у народа отнять! Правда, в своей речи на съезде Вы поставили перед судьями в качестве образца не то сравнительно недавнее время, когда происходили массовые нарушения советских законов, а то, более далекое, когда самый закон, самый кодекс еще не родился: «памятные двадцатые годы». Первый советский кодекс был введен в действие в 1922 году. Годы 1917-1922 памятны нам героизмом, величием, но законностью они не отличались, да и не могли отличаться: старый строй был разрушен, новый еще не окреп. Обычай, принятый тогда: судить на основании «правосознания», был уместен и естественен в пору гражданской войны, на другой день после революции, но он ничем не может быть оправдан накануне 50-летия советской власти. Кому и для чего это нужно — возвращаться к «правосознанию», то есть по сути дела к инстинкту, когда выработан закон. И кого, в первую очередь, мечтаете вы осудить этим особо-суровым, не опирающимся на статью кодекса, судом, который осуществлялся «в памятные двадцатые годы»? Прежде всего, литераторов.. Давно уже в статьях и публичных речах Вы, Михаил Александрович, имеете обыкновение отзываться о писателях с пренебрежением и грубой насмешкой. Но на этот раз Вы превзошли самого себя. Приговор двум интеллигентным людям, двум литераторам, не отличающимся крепким здоровьем, к пяти и семи годам заключения в лагере со строгим режимом, для принудительного, непосильного физического труда — то есть в сущности приговор к болезни, а может быть, и к смерти, — представляется Вам недостаточно суровым. Суд, который судил бы их не по статьям уголовного кодекса, без этих самых статей — побыстрее, попроще! — изобрел бы, полагаете Вы, более тяжкое наказание, и Вы были бы этому рады.

Вот Ваши подлинные слова:

«Попадись эти молодчики с черной совестью в памятные двадцатые годы, когда судили, не опираясь на разграниченные статьи уголовного кодекса, а «руководствуясь революционным правосознанием», ох, не ту меру получили бы эти оборотни! А тут, видите ли, еще рассуждают о «суровости» приговора».

Да, Михаил Александрович, вместе со многими коммунистами Италии, Франции, Англии, Норвегии, Швеции, Дании (которых в своей речи Вы почему-то именуете «буржуазными защитниками» осужденных), вместе с левыми общественными организациями Запада, я, советская писательница, рассуждаю, осмеливаюсь рассуждать о неуместной, ничем неоправданной, суровости приговора. Вы в своей речи сказали, что Вам стыдно за тех, кто хлопотал о помиловании, предлагая взять осужденных на поруки. А мне, признаться, стыдно не за них и не за себя, а за Вас. Они просьбой своей продолжили славную традицию советской и досоветской русской литературы, а вы своею речью отлучили себя от этой традиции. Именно в «памятные двадцатые годы», то есть с 1917 по 1922, когда бушевала Гражданская война и судили по «правосознанию», Алексей Максимович Горький употреблял всю силу своего авторитета не только на то, чтобы спасать писателей от голода и холода, но и на то, чтобы выручать их из тюрем и ссылок. Десятки заступнических писем были написаны им, и многие литераторы вернулись, благодаря ему, к своим рабочим столам. Традиция эта — традиция заступничества — существует в России не со вчерашнего дня, и наша интеллигенция вправе этим гордиться. Величайший из наших поэтов Александр Пушкин гордился тем, что «милость к павшим призывал». Чехов в письме к Суворину, который осмелился в своей газете чернить Золя, защищавшего Дрейфуса, объяснял ему: «Пусть Дрейфус виноват, — и Золя все-таки прав, так как дело писателей не обвинять, не преследовать, а вступаться даже за виноватых, раз они уже осуждены и несут наказание... Обвинителей, прокуроров... и без них много».

Дело писателей не преследовать, а вступаться...

Вот чему учит нас русская литература в лице лучших своих представителей. Вот какую традицию нарушили Вы, громко сожалея о том, будто приговор суда был недостаточно суровым.

Вдумайтесь в значение русской литературы.

Книги, созданные великими русскими писателями, учили и учат людей не упрощенно, а глубоко и тонко, во всеоружии социального и психологического анализа вникать в сложные причины человеческих ошибок, проступков, преступлений, вин. В этой проникновенности и кроется, главным образом, очеловечивающий смысл русской литературы. Вспомните книгу Достоевского о каторге — «Записки из мертвого дома», книгу Льва Толстого о тюрьме — Воскресение». Оба писателя страстно всматривались в глубь человеческих душ и социальных условий. Не для дополнительного осуждения осужденных совершил Чехов свою героическую поездку на остров Сахалин, и глубокой оказалась его книга. Вспомните, наконец, «Тихий Дон» — с какой осторожностью, с какой глубиной понимания огромных социальных сдвигов, происходивших в стране, и мельчайших достижений потрясенной человеческой души относится автор к ошибкам, проступкам и даже преступлениям против революции, совершаемых его героями! От автора «Тихого Дона» удивительно было услышать грубо-прямолинейный вопрос, превращающий сложную жизненную ситуацию в простую, элементарнейшую — вопрос, с которым Вы обратились к делегатам Советской Армии: «как бы вы поступили, если бы в каком-нибудь из подразделений появились предатели?». Это уж прямой призыв к Военно-полевому суду в мирное время. Какой мог быть ответ воинов, кроме одного: рассреляли бы! Зачем, в самом деле, обдумывать, какую именно статью уголовного кодекса нарушили Синявский и Даниэль, зачем пытаться представить себе, какие именно стороны нашей недавней действительности подверглись сатирическому изображению в книгах, какие события побудили их взяться за перо, и какие свойства нашей теперешней, современной, действительности не позволили им напечатать свои книги дома? Зачем тут психологический и социальный анализ? К стенке их! Расстрелять в 24 часа!

Слушая Вас, можно было вообразить, будто осужденные распространяли антисоветские листовки или прокламации, будто они передали за границу не свою беллетристику, а по крайней мере план крепости или завода... Этой подменой сложных понятий простыми, этой недостойной игрой словом «предательство», Вы, Михаил Александрович, еще раз изменили долгу писателя, чья обязанность всегда и везде разъяснять, доводить до сознания каждого всю многосложность, противоречивость процессов, совершающихся в литературе и в истории, а не играть словами, злостно и намеренно упрощая и тем самым искажая случившееся.

Суд над писателями Синявским и Даниэлем по внешности совершался с соблюдением всех формальностей, требуемых законом. С вашей точки зрения в этом его недостаток, с моей — достоинство. И однако я возражаю против приговора, вынесенного судом. Почему?

Потому что самая отдача под Уголовный суд Синявского и Даниэля была противозаконной.

Потому, что книга, беллетристика, повесть, роман, рассказ — словом, литературное произведение, слабое или сильное, талантливое или бездарное, лживое или правдивое, никакому суду, кроме общественного, литературного, ни Уголовному, ни Военно-полевому не подлежит. Писателя, как и всякого советского гражданина, можно и должно судить Уголовным судом за любой проступок — только не за его книги. Литература Уголовному суду неподсудна. Идеям следует противопоставлять идеи, а не лагеря и тюрьмы.

Вот это Вы и должны были заявить своим слушателям, если бы Вы в самом деле поднялись на трибуну как представитель советской литературы.

Но Вы держали речь как отступник ее. Ваша позорная речь не будет забыта историей.

А литература сама отомстит за себя, как мстит она всем, кто отступает от налагаемого ею трудного долга. Она приговорит Вас к высшей мере наказания, существующей для художника, к творческому бесплодию. И никакие почести, деньги, отечественные и международные премии не отвратят приговор от Вашей головы.

(Апрель 1966 г.)

Лидия Чуковская

«ГРАНИ» № 62.

НАД СТЕПЬЮ

Звенит подголосок над степью раздольной;
Рыдает, тоскует, кого то зовет...
А сердце сжимается сладко и больно...
На что то надеется и что то все ждет.

Сокрыты от каждого планы судьбины.
И кто угадает свой шаг роковой?
Придется ль вернуться с далекой чужбины
Соколику ясному в край свой родной?!

Вновь будет ли песне внимать соловьиной
С своей ненаглядной, душе дорогой,
И ласковость речи ее голубиной
Вбирать в грудь с нектаром сирени густой?!

Иль рок начертал ему долю иную —
Пасть смертию смелых в борьбе огневой
За веру, за счастье, за землю родную,
За дедовско-отчий присуд вековой?

Звенит подголосок то горем-терзаньем,
То вдруг он надеждою яркой блеснет
И сердце, и небо внезапным лобзаньем,
Как пламя бессмертной любви, обожжет.

Порфирий Юшкин-Котлобанский

КАРТА РАССЕЛЕНИЯ КАЗАЧЬИХ ВОЙСК

По просьбе и при материальной поддержке донского казака Семикаракорской станицы есаула Н. А. Ломакина, в этом № «Род. Края» помещается схематическая карта расселения Казачьих Войск Российской империи перед революцией.*)

Советская наука, советское воспитание всячески стараются вытравить не только казачью идеологию, но и само имя казака. Поэтому послереволюционные поколения имеют подчас очень смутные, если просто не превратные, понятия о казачьей истории, о казачьем быте, о казачьих «обыкновениях», о том, где жили казаки разных Войск.

А между тем, если посмотреть на карту, сразу станет ясной роль Казачьих Войск в охране Государства Российского.

И не даром покойный ген. П. Н. Краснов писал:

«Одинадцать казачьих Войск — одинадцать жемчужин в блистательной короне Российской Империи. А три городовых казачьих полка — три бурмицких зерна Белого Царя.

Донское, Кубанское, Терское, Уральское, Сибирское, Астраханское, Оренбургское, Забайкальское, Семиреченское, Амурское и Уссурийское казачьи Войска — у каждого своя история, у кого — уходящая в даль веков, к истокам земли Русской, у кого — еще не долгая, молодая жизнь искусственно продвинутых на «линию» казачьих полков. Все они покрыты неувядаемой славой походов и боев, сражений и побед. У каждого был свой неприятель, свой театр военных действий, свои, в песнях воспетые, герои.

Три городовых полка — Красноярские, Иркутские, Енисейские казаки — три горододержавца, хранители порядка в Сибири, на далеком сибирском тракте...»

А писатель Короленко задолго до революции пишет:

«Казачьи земли — это не административно территориальные единицы, губернии, отделенные одна от другой условной чертой.

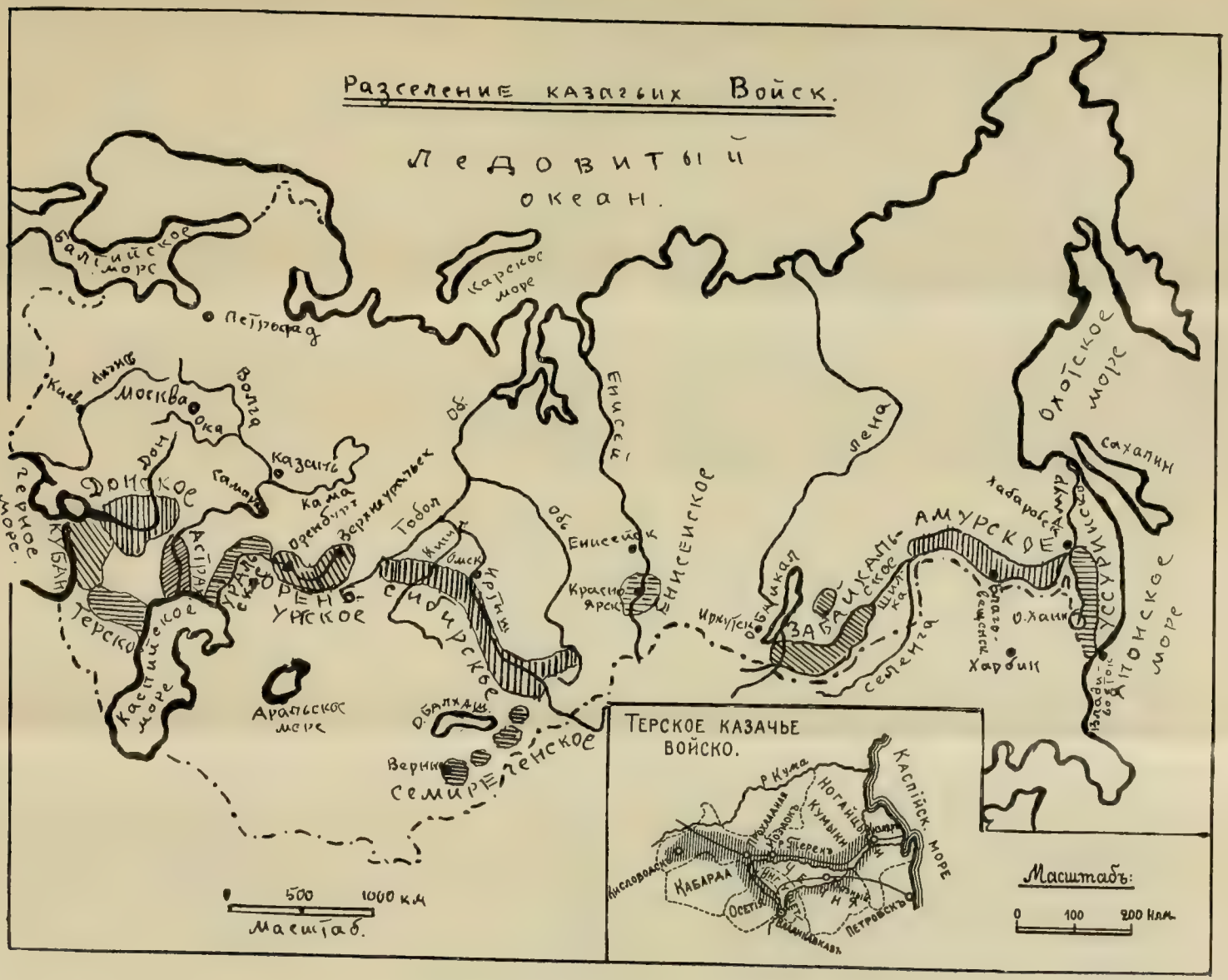
Это Край, заполненный глубоким историческим содержанием и этим же содержанием отграниченный от своих соседей. Это особый, законченный, оригинальный, самобытный организм, живущий, живший и желающий жить по своему особому казачьему укладу. У него своя идеология, своя психика, своя программа, свой быт.

Исключительно красочным и глубоко трагическим содержанием краевой истории, уходящей в туманы седой старины, объясняется горячая любовь казаков к своей Казачьей Родине — их патриотизм».

Вместе с читателями «Род. Края» мы просим ес. Ломакина принять нашу искреннюю благодарность за то, что он нам дал возможность опубликовать этот правдивый документ.

---

*) Из труда ген. Головина «Российская Контр-Революция».


Разселение казачьих Войск.
Ледовитый океан.
Балтийское море
Карское море
Петроград
Киев
Москва
Ока
Волга
Казань
Дон
Самара
Кама
Донское
Черное море
Кубан
Терское
Каспийское море
Астрах
Уральское
Оренбург
Верхнеуральск
Тобол
Оренбургское
Сибирское
Омск
Иртыш
Обь
Енисей
Енисейское
Енисейск
Красноярск
Иркутск
Обдикал
Забайкальское
Шилка
Селенга
Лена
Амурское
Хабаровск
Амур
Охотское море
Сахалин
Уссурийское
Японское море
Владивосток
О. Хани
Харбин
Аральское море
О. Балхаш
Верный
Семиреченское
500
1000 км
Масштаб.
Терское казачье войско.
р. Кума
Каспійск. море
Ногайцы
Кумыки
Терекъ
Кабарда
Осетія
Кисловодскъ
Петровскъ
Масштабъ:
0
100
200 Клм.

КАК МЫ ЖИЛИ НА ДОНУ

Часто слышать нам пришлося,
Где и как кому жилося, —
И выходит, что была
Жизнь повсюду тяжела.
О хорошей лишь мечтали
И с восторгом все читали
Сказки, как жилось не плохо
В царстве у царя Гороха.
Уж не знаю в кои веки
Там текли молочны реки
Сквозь кисельны берега —
Словом, жизнь была легка.
Я же сказкой не грешу,
Я лишь просто опишу
Правду-истину одну:
КАК МЫ ЖИЛИ НА ДОНУ.

— О —

Это вроде сказки тоже...
Все мы были помоложе
В те благие времена.
Как теперь, была весна,
Как теперь, цвела сирень.
Двинешь шапку набекрень,
Как завидишь русы косы
И лицо нежнее розы...
Вспомним образ дорогой:
Брови тонкие дугой,
Щеки нежного овала
Расцвели румянцем ало,
Стан, как гибкая лоза,
Ниже пояса коса,
Грудь упруга, губы вишни...
Только раз бывает в жизни
Эта юная краса...
Эх, вы — карие глаза,
Эти очи с поволокой!
Сколько к ним любви глубокой
Испытали мы тогда
В те счастливые года.

Этим жизнь была красна,
А весна — была весна.

— О —

Степи вдруг зазеленели,
Птичьи песни зазвенели
И, как в прошлые года,
Пришла полая вода.
Всюду, где ни глянет око,
Разлилась она широко
И похожа стала вскоре
Наша степь на сине море.
Плещет волнами разлив,
Тонут в волнах ветви ив,
Там, где были берега,
Из воды торчит куга.
С гирл от самого Азова,
Мимо шумного Ростова,
Выше белого Аксая,
Вверх стремилась рыбья стая.
Шла она густым потоком,
Расходилась по притокам,
Мелким речкам, ручейкам,
По мельчайшим озеркам.
Рыбы всякой было много,
Всюду ей была дорога,
Вот и шла она туда,
Где для ней была вода.

Здесь, чтоб ясен был рассказ,
Нужен маленький прислаз.

— О —

Чин у нас всегда был разный:
Там — ефрейтор, наш — приказный.
Мы вели свои чины
От далекой старины.
Нас водили в «басурманы»
Наши Вихри — Атаманы.
В помощь им была дана
Войсковая Старшина
Да лихие Есаулы,
Что не льстились на посулы,
Голос — зычен, кровь буйна...
Их всегда влекла война.

— О —

В глубине придонских вод
Рыбий тоже чин не тот.
Вот скажу я вам на-обумь:
Есть такая рыба окунь,
А, смотрите-ка, у нас
Назывался чикомас.
Карпа звали мы сазаном,
Лещь давно у нас чебак,
А судак? так то ж была
Наша славная сула.

— О —

Карп-сазан, что за рыбина...
Часто более аршина...
Был он, я бы вам сказал,
Как бы рыбий генерал.
Вы его видали сами:
С чуть отвисшими усами,
С золотистой чешуею,

Всей осанкою своею
Он внушал к себе почтенье
И на вкус — так объеденье.
Мы их вялили, солили,
В масле жарили, сушили,
Да еще был каждый рад
Опустить их в маринад
С массой специй ароматных,
Тонко пахнущих, приятных,
Раздражавших аппетит,
Когда уксус закипит.
Под кусок такой находки,
Как не выпить рюмку водки!
Пили даже по стакану,
Чтобы честь воздать сазану.

— О —

Той же самою весной,
Часто сетью раскидной,
Мы ловили чебака.
В широченные бока
Вдоволь клали вкусной каши
И его хозяйки наши
В жарком коробе пекли.
А когда на стол несли
Подрумяненый изрядно,
Верьте, было так приятно
Для любого казака
Съесть донского чебака.

— О —

О суле сказать мне лестно,
Что у ней, как вам известно,
Кроме всех иных статей
Почти не было костей.
Но хоть рыба не костиста,
То зато весьма мясиста
И к тому ж была она
Удивительно жирна.
Ею были в годы оны
Все увешаны балконы.
Сохла там она постом
Вверх главою, вниз хвостом.

— О —

Что бы там ни говорили,
Рыбы много мы ловили
И, как в мясе дикий волк,
Понимали в рыбе толк.
Уж давно б сказать пора
Про донского осетра
Да про верную подругу
Распрекрасную севрюгу.
Их ведь как же не уважешь!
Только разве ж все расскажешь?
Как расскажет мой язык
Про нежнейший наш балык
Ну и дальше, по порядку,
Про икорку, про стерлядку,
Иль каков был, наконец,
Знаменитый наш рыбец.
Тем, кто кушал их когда-то
И рассказывать не надо,
Кто ж не ел, тот в землю глядя,
Может буркнет: «Врешь ты, дядя!»
И пойдет вас величать...
Так уж лучше помолчать.
Как-что с рыбою бывало,
Рассказал я вам не мало
И, оставив рыб в покое,
Расскажу вам про другое.

II

Хорошо у нас весной...
Тихо плещет Дон волной,
В синем небе реют птицы,
Ярко зелены станицы.
Воздух — каждый им упьется...
От акаций так и льется
Тонкий пряный аромат —
Им наполнен каждый сад.
Ночью лунной, но нескромной,
Замечал я в позе темной
На скамейке иль в беседке
Силуэт моей соседки.
В уголке своем укромном,
В белом платье, платье скромном,
Вся в мечтах она забылась —
Было видно, что влюбилась.
Дышет грудь, а сердцу тесно...
Хороша, свежа, прелестна,
Вся она была такая,
Как весною ночь донская.
Вдруг от грез она очнулась
И, как птица, встрепенулась...
Сердце молотом забило,
Значит чует — близко милый...
Тихий шорох... легкий свист...
Задрожал на ветке лист
И тихонько, как улитка,
Отворилася калитка.
Слабый возглас от волненья,
Громкий вздох — конец сомненья,
Были ясно слышны мне
В той вечерней тишине.
А потом, обнявшись нежно,
Тихим шагом, безмятежно,
Отстраняя вишен ветки,
Пара двинулась к беседке.

Эти первые свиданья
С страстным чувством ожиданья,

Что давно забыты вами,
Трудно выразить словами...
Много разных чувств бывало
Нашу душу волновало...

И давно все это было...
Ну, а вспомнишь — сердцу мило.

Е. Ковалев

О ВОЗНИКНОВЕНИИ ЗАПОРОЖСКОГО КАЗАЧЕСТВА

Отрывок из его истории.

ЗАПОРОЖСКОЕ КАЗАЧЬЕ ВОЙСКО существовало с самых отдаленных времен. Разные историки указывают разные годы закладки первой Запорожской Сечи. По истории Военного министерства надо считать 1500-й год. История Запорожского казачества в течении 225-летнего его существования настолько сложна и пространна, как в смысле организации Войска, так и его военной истории, что уместить ее в рамки краткого исторического очерка не представляется возможным.

5-го июня 1775 г. войска ген. Текелия заняли Сечь. Запорожское казачество, как Войско, перестало существовать: 3-го августа 1775 г. Екатерина 2-ая издала указ, который официально объявил об его упразднении.

Изучению его истории посвящены многие труды, специальные и популярные, исторические и литературные произведения, драматургия, музыка, устное народное творчество и т. д.

Первую попытку изложить отдельные моменты истории Запорожского Войска предприняли уже в 16-17 столетиях польские историки — Мартин Бельский, Павел Пясецкий, Самуил Твардовский и др.

Особый интерес представляет хроника М. Бельского (1494-1575).

Современник основания Запорожской Сечи, Бельский оставил нам ряд важных заметок и наблюдений. Бельский видел в казаках крестьян-«хлопов», стремившихся к уничтожению крепостных порядков. В его трудах, как и в произведениях других польских писателей, сказалась ненависть польского панства к показачившемуся украинскому крестьянству и мещанству, боровшемуся против национального и социального гнета.

Версия о «хлопском» происхождении, высказанная польскими историками, не могла, конечно, встретить сочувствия у украинских авторов — идеологов казачьей старшины и украинского шляхетства. Украинские авторы, писавшие свои труды по истории казачества уже после присоединения Украины к России, писали о нем в своем духе и понимании.

Одним из первых трудов такого рода была летопись Григория Грабянки (умер в 1734 г.). Грабянка ведет происхождение казаков от «козар», некогда по его словам обитавших в Средней Азии, а во время монголо-татарского нашествия перешедших на Украину. Примечательно, что Грабянка считает козар не столько отдельным народом, сколько сословием. Козары, замечает он, проводили время не в труде, а в постоянных воинских упражнениях и со времени переселения на Украину стали называться казаками. После захвата Украины польскими и литовскими магнатами, казаков стали принуждать к отбыванию разных непривычных работ и повинностей. Но казаки предпочли удалиться за днепровские пороги. Так Грабянка объясняет происхождение запорожского казачества, под которым, однако, понимает реестровое казачье войско. Увидев храбрость запорожцев, польские короли начали приглашать их на государственную службу. Более того, даже самые родовитые шляхтичи стали считать честью для себя предводительствовать храбрыми казачьими отрядами.

Последователем Грабянки был П. И. Симоновский (род. в 1710 г.). Свое произведение «Краткое описание о казацком малороссийском народе» Симоновский закончил в 1765 г. Казаков Симоновский считает, как и Грабянка, потомками особого издревле существовавшего славянского народа, известного во времена Киевской Руси под названием «касогов», или русским произношением назвать — «казаков». Казаки, утверждает Симоновский, были известны уже в 1021 г. князю Мстиславу Владимировичу. После захвата Киева Литвой в 1320 году, пишет Симоновский, казаки вы-

нуждены были «оставить дома свои и искать поселения себе в Низу на Днепре».

На первых порах казаки жили в Южном Поднепровье в виде малоорганизованной массы. Однако вскоре в низовья Днепра стала переселяться также украинская шляхта, подвергшаяся притеснениям со стороны литовских захватчиков. Украинская шляхта, по словам Симоновского, была тем элементом, который содействовал окончательному оформлению казачества, как военного сословия. Отныне казачество, подобно западно-европейским рыцарским орденам, всецело посвящает себя борьбе с «неверными» — турками и татарами. В то время, уверяет Симоновский, казачество было строго однородным сословием, не знавшим социальных различий в своей среде. Исключительные заслуги казачества в его борьбе побудили польского короля Сигизмунда 1-го взять на службу «оттуда некоторую часть того вольного народа». Отобранные правительством казаки были поселены в центральных частях страны по среднему течению Днепра, получив при этом земли и шляхетские привилегии. Казаки, т. е. приллегированная верхушка реестра, верой и правдой служили Литве и Польше. Предводителями казаков, их гетманами, были всегда, утверждает Симоновский, люди знатного происхождения.

Свое дальнейшее развитие взгляды на происхождение казачества получили в известном анонимном произведении второй половины 18 века — «Истории Русов». В отличие от Грабянки и Симоновского, автор «Истории Русов» считает, что казаки — это славянские воины и что от козар они заимствовали не более, как свое название. Этим автор стремится обосновать мысль об исконном существовании казачества: «сие название, — читаем в «Истории Русов», — получили наконец и все воины славянские». Казаками, иначе славянскими воинами, или рыцарями, уверяет автор этого труда, могли быть лишь «избранные», причем звание это передавалось по наследству. Мысль о принадлежности казаков к классу феодалов автор «Истории Русов» стремится подкрепить ссылкой на то, что они, подобно другим разрядам привиллегированных служилых людей в Речи Посполитой, владели землями и крепостными с правом передачи их по наследству. Эти права подтверждались каждым из польских королей немедленно после вступления на престол.

Через всю «Историю Русов» проходит идея о независимости украинского «рыцарства» — казачества, свободно, по своему желанию, служившего либо литовскому великому князю, либо польскому королю, либо русскому царю. Причину восстаний против Речи Посполитой в 16-17 веках автор «Истории Русов» видит не в угнетении народных масс польскими и литовскими феодалами, а в утеснении, прежде всего религиозном, старшины реестрового казачества польскими феодалами.

Автор «Истории Русов» приветствует воссоединение Украины с Россией, как важный исторический акт. Но тут он сосредоточивает свое внимание на том вопросе, который является основным стержнем его труда: принимая Украину под свою власть, царь, уверяет он, уравнял в правах казачью старшину и украинское шляхетство с русским боярством и дворянством, подтвердил те привиллегии, которыми они пользовались при польских королях.

Г. Грабянка, П. Симоновский и автор «Истории Русов», несмотря на частичные различия во взглядах на происхождение и роль казачества, сходны в одном — в стремлении утвердить мысль о том, что казачество, под которым они разумели главным образом старшину, является древним рыцарским украинским сословием. В период после воссоединения Украины с Россией эта «теория» должна была обосновать право казачьей старшины и украинского шляхетства на все феодальные привиллегии, т. е. на уравнение в правах с российским дворянством. Этот вопрос приобрел для старшины и украинского шляхетства особую остроту после уничтожения гетманства на Украине в 1764 г.

К концу 15 века исконные украинские земли, в течение двух с половиной столетий находившиеся под игом монголо-татарских завоевателей, оказались поделенными между разными феодальными государствами.

Правое и отчасти левое поднепровье, Восточная Волынь и южные степи находились под властью Литвы. Галицкая земля, Западная Волынь и Подолия были захвачены Польшей. В Закарпатьи господствовали венгерские феодалы. Буковиной владели молдавские бояре.

Восточная Европа, совсем недавно освободившаяся от тяжкого татарского ига, шла по пути экономического и политического прогресса. Однако ликвидация феодальной раздробленности и образование централизованных государств имели в Восточной Европе свои особенности, в результате чего судьбы восточно-европейских стран складывались далеко не одинаково. Так например, в то время, как Россия превращалась в могучую централизованную многонациональную державу, в Литве и Польше продолжали долго

оставаться губительные остатки феодальной раздробленности.

Остатки феодальной раздробленности и анархии задерживали социальное и политическое развитие Литвы и Польши. Стремление феодалов приспособиться к новым экономическим условиям имело своим ближайшим следствием рост эксплуатации крестьян и усиление их зависимости, что нашло отражение в феодальном законодательстве. 2-го мая 1447 г. великий князь Казимир издал закон (привилей), распространявший крепостное право на значительную часть крестьянства Литвы. Этим законом был запрещен переход частновладельческих крестьян в великокняжеские имения Кроме того, что очень важно, феодалу предоставляется право суда над своими крестьянами.

Тяжкий гнет, которому подверглось украинское крестьянство и широкие слои городского населения, усублялся жестоким национальным угнетением и религиозными преследованиями. Поляки стремились насильственно ополячить и окатоличить украинский народ.

В западных украинских землях преследование украинской народности началось уже в 14-ом веке. Католическая церковь, польские магнаты и шляхта попирали обычаи и культуру украинского народа. Жестоким гонениям подверглась православная религия. Показателем жестокого национального гнета являлись разного рода притеснения и ограничения, которые терпело украинское мещанство. Во Львове, например, одном из крупнейших городов Украины, украинские мещане не допускались в цехи, ограничивались в правах на торговлю сукном, спиртными напитками, а также в правах на занятие должностей в городском самоуправлении и др. Проживать и приобретать недвижимую собственность им разрешалось только в определенном районе города, называвшемся «Русской улицей». Запрещалось публичное исполнение православных обрядов. В таком же положении находилось украинское мещанство Перемышля, Каменца и других городов.

Социальное и национальное угнетение украинского народа в Литве и Польше усугублялось царившей в этих странах феодальной анархией, произволом магнатов и шляхты. В княжестве Литовском государственная власть сосредоточивалась в руках приблизительно десяти магнатских фамилий. Крупные магнаты, собиравшие огромные доходы с подвластного сельского и городского населения, имели свои собственные войска, крепости и т. д. Значительная часть магнатских служащих состояла из мелкой и средней шляхты, которым магнаты, под условием отправления службы, в их пользу давали земли с крестьянами. Эта шляхта находилась в полной зависимости от своих патронов. Магнаты являлись, по существу, неограниченными властителями в своих владениях. Стремясь сохранить и расширить свои привиллегии, они упорно боролись за всемерное ограничение власти главы государства — короля и великого князя.

Такое же положение, как в Литве, сохранилось и в Польще. Здесь король также всецело зависел от всесильных вельмож-магнатов, которые, захватив в свои руки власть, использовали ее в своих интересах.

Большую роль в деле сохранения остатков раздробленности в Польше сыграл Ватикан, некоторые западно-европейские державы, заинтересованные в политической слабости Польского государства. Остатки феодальной раздробленности тяжело сказывались на обороноспособности Литвы и Польши, южные границы которых часто подвергались опустошительным набегам турецких и татарских феодалов. Крым и Турция того времени были особенно опасными соседями.

Во главе Крымского государства стоял хан. Крупные татарские феодалы, стремясь удержать свою независимость, часто вступали с ханом в вооруженную борьбу. Господство татарских феодалов имело тяжелые последствия для экономической и культурной жизни Крыма.

Местное население, состоявшее из украинцев, русских, армян и т. д., изнывало под ненавистным татарским игом. Беспрерывной междуусобной борьбой крымских феодалов не преминула воспользоваться Турция. В Крым турки вторгнулись в 1475 г. Крымское ханство попало в зависимость от Турции, стало ее вассалом. Ханский трон стал замещаться по воле султана членами крымской династии Гиреев. Во всех важных стратегических пунктах были сооружены крепости и размещены турецкие гарнизоны.

В конце 15 века, со времени установления турецкого господства на северном побережье Черного моря, набеги татар и турок стали страшным бедствием для украинского и русского народов. В России для защиты от этих набегов и их предотвращения были предприняты серьезные меры. В первой половине 16 века на южных окраинах страны стали возникать оборонительные линии, так называемые «засечные черты». Они состояли из целой системы городов, острожков и сторожевых башен, а также из сплошных завалов

подсеченных деревьев. В дно рек на месте бродов для затруднения прохода татарской конницы вбивались колья.

Для наблюдения за врагом далеко в степь посылались конные «сторожи» и «станицы». Последние, устраивая наблюдательные вышки и объезжая отдельные участки, давали знать в город о появлении татар. Борьба с татарами требовала огромного напряжения сил всего государства.

Совсем другим было положение в Польше и Литве. Польские и литовские магнаты, озабоченные лишь тем, чтобы удержать в повиновении своих подданных и расширить свои владения, почти ничего не делали для организации обороны юго-восточных границ от татарских набегов.

Пользуясь этим, татары безнаказанно по нескольку раз в году вторгались в пределы Украины. Во время набега татарская орда, разделившись на несколько отрядов, охватывала большие пространства и достигала самых дальних районов Польши и Литвы. В 1527 году татарское войско, двинувшись на Литву по приказу турецкого султана, дошло до Пинска на севере и до Люблина на западе.

Жестокость насильников не знала пределов. Они без разбора убивали взрослых и детей, грабили и сжигали поселения, вытаптывали посевы. Больше всего от татарских набегов страдали народные массы. Магнаты и шляхтичи отсиживались за толстыми стенами своих замков и крепостей, охраняемых вооруженными отрядами. Пути, по которым проходила орда, освещались зловещим заревом пожаров и устилались трупами убитых и замученных людей. Тысячи и десятки тысяч людей татары угоняли в Крым. Дороги оглашались стонами и воплями несчастных. Многие пленники от голода, жажды и побоев умирали в пути.

Литовское и польское правительства не могли защитить ни свои земли, ни захваченную ими Украину от татарских набегов. Они сами платили ханам унизительную дань. Кровавая татарская и турецкая агрессия задерживала хозяйственное и культурное развитие Украины. Юго-восточные пределы Киевщины, Волыни и Подолии, чаще других подвергавшиеся набегам, почти совсем обезлюдели. По словам современника, эти богатые и живописные местности могли быть цветущим краем, если бы не набеги и вторжения татар.

Тяжкий социальный и национальный гнет, которому подвергали население Украины литовские и польские феодалы, а также опустошительные набеги татар и турок ставили под угрозу самое существование украинского народа. Все это вызывало мужественный протест со стороны населения Украины. В связи с ростом крепостничества в Польше, крестьяне и мещане все чаще и чаще стали отказываться выполнять феодальные повинности. Участились случаи нападения крестьян на феодалов и убийства последних. Протест крестьян принимал порой форум волнений, охватывавших часто целые округа. В 1469 г. в Галиции, по словам польских летописцев, вспыхнуло большое восстание крестьян.

Повстанцы громили шляхетские имения и замки, изгоняли и убивали ненавистных польских панов. Волна восстания докатилась до Галича и затем захлестнула левый берег Днепра. Однако вскоре феодалы нанесли им тяжелое поражение. Восстание было подавлено.

Протест населения Украины против социального и национального гнета проявлялся и в других формах. Одной из них, получившей наиболее широкое распространение, было бегство крестьян от феодалов. Посредством бегства они, разумеется, стремились избавиться от феодальной зависимости. В России и на Украине бегство крестьян, в связи с усилением крепостного гнета, приняло, в особенности со второй половины 15 века, широкие размеры. Украинские крестьяне и мещане, группами и семьями, а нередко целыми селениями, уходили в почти безлюдные восточные и южные окраины Подолии, Брацлавщины, Киевщины.

Феодалы, стремясь воспрепятствовать уходу своих подданных, не останавливались ни перед чем. Они отправлялись за ними в погоню с погонщиками. Пойманных беглецов подвергали пыткам, вешали, сажали на кол. Борьба с беглыми крестьянами велась и средствами государственной власти. Согласно «Судебнику» великого князя Казимира Ягеллона от 1467 г., лица, подстрекавшие крестьян к побегу, подлежали смертной казни через повешение. Все эти законы преследовали единственную цель: лишить беглых возможности найти пристанище и заставить их отказаться даже от мысли о побеге. Однако бегство крестьян не только не прекращалось, но, напротив, с каждым годом усиливалось.

Порывая с феодальной зависимостью и оседая на новых местах, беглые считали себя вольными людьми — казаками. Слово «казак» тюркского происхождения и означает «вольный человек». С. Грондский (середина 17 века), останавливаясь на вопросе о возникновения казачества, писал: «Те из украинского народа, которые не хотели терпеть

ярмо и власть местных панов, уходили в далекие края, к тому времени еще не заселенные, и присваивали себе право на свободу... Основывали новые колонии и чтобы отличаться от подданных, принадлежащих польским панам, стали именовать себя казаками».

Во второй половине 15 и в начале 16 века в верховьях Южного Буга, у Соби и Синюхи, на Роси, Тясмине, а также на левом берегу Днепра — по Трубежу, Суле, Пслу и т. д. — появляется немало слобод и хуторов. Население их считало себя казаками. Вскоре казачьи поселения заняли значительную полосу восточного украинского пограничья — от днепровского Левобережья до Днепра. Современник (16-й век), описывавший заселение пограничных украинских земель беглыми крепостными, подчеркивал, что «в то время, как многолюдные некогда земли, местечки и села серединных областей страны совсем запустели, необитаемые прежде пространства украинные наполнялись жителями к неисчислимому вреду их прежних помещиков».

Самые ранние данные о казаках на Киевщине относятся к 1492 г., а еще более выразительно — к 1499 г. В грамоте великого князя Литовского Александра от 1499 г. о взимании пошлин киевским воеводой, читаем: «Которые козаки з верху Днипра и с наших сторон хорят водою на низ до Черкасс и далей и што там здобудут, с того со всего воеводе киевскому десятое мают давати». Хотя сведения о казаках, как видим, относятся лишь к концу 15 века, однако, разумеется, возникновение казачества на Украине нужно отнести к более раннему периоду.

Появление казаков в пограничных землях оживило малолюдные, пустынные, хотя и богатые своими естественными рессурсами, южноукраинские степи. Ценою огромных усилий казаки отвоевывали у природы ее дары: они распахивали целинные земли, заросшие густой травой и терновником, прокладывали дороги, строили мосты, основывали поселения, разводили сады и т. д. Казаки положили начало развитию земледелия в степном крае. Наряду с этим, в местах, заселенных казаками, успешно развивалось скотоводство и промыслы — рыболовство, звероловство и т. д.

Основная масса казаков занималась земледелием, а также и промыслами. Однако среди казаков было немало и ремесленников — кузнецов, бондарей, скорников, шорников, ткачей и т. д. Ремесленники селились у редких степных замков — Брацлава, Винницы, Переяслава, Черкас и т. д., основывая местечки. Даже гораздо позднее, в 17 веке, значительная часть населения этих городов считала себя казаками.

Наряду с сельским хозяйством и ремеслами, казачье население местечек и городов занималось также торговлей продуктами сельского хозяйства. Черкасские и каневские казаки, например, возили в Киев мед, воск, кожи, меха, сало, солод и т. д. Заметное место занимала торговля рыбой — свежей, вяленой, соленой.

В социальном отношении казачество не было однородным целым. Экономическое неравенство в среде казачества возникло одновременно с его появлением, ибо от крепостнической зависимости в казаки бежали различные по своему имущественному положению элементы: с одной стороны масса бедного, часто лишенного всяких средств к существованию, сельского и городского люда, а с другой — крестьяне и ремесленники, обладавшие средствами производства и надеявшиеся найти на новых местах более благоприятные условия для развития своего хозяйства.

Крестьяне и мещане часто бежали со своими семьями и имуществом — скотом, лошадьми, сельско-хозяйственным инвентарем и т. д. Среди крепостных, особенно тех, кто владел средствами производства, было известное число зажиточных и богатых. Наиболее зажиточные из крестьян, даже отцы семейств, накопив известное имущество, забирали его и, не спросив разрешения у своих панов, устремлялись в казаки, откуда их было невозможно вернуть. Таким образом бегство крестьян с имуществом было дело не столь уже редким. Более того, богатые крестьяне и ремесленники нередко бежали вместе со своими наймитами.

На новых местах социальное неравенство в среде казачества не только сохранялось, но и получало свое дальнейшее развитие. Пользуясь экономической несостоятельностью бедняков, богачи и здесь продолжали эксплуатировать их в своих хозяйствах.

Подводя итоги сказанному, нужно отметить следующее. В странах Западной Европы беглые крестьяне служили источником пополнения городского населения и, следовательно, содействовали развитию городов. В России, Литве и Польше бегство крестьян в города, ввиду относительной малочисленности последних, не могло приобрести такого значения, как на Западе. К тому же в Литве и Польше значительная часть городов находилась во владении отдельных феодалов. Другими словами, города Восточной Европы не могли поглотить всю массу беглого сельско-

го люда. Зато здесь перед беглецами открывались такие пути, каких не знала Западная Европа: возможности освоения обширных пространств на южных и юго-восточных окраинах Литвы и Польши.

В процессе борьбы с феодалами казаки выработали своеобразные формы организации и управления. Горожане объединялись в общины, которые управлялись выборными лицами, имели свой суд, финансы и войско. В войске участвовало, как правило, все взрослое мужское население. Необходимость борьбы с феодалами, не говоря уже о мотивах, подсказываемых хозяйственными интересами, заставила казаков с самого начала объединиться в общины. Эти общины были одновременно самоуправляющимися и вооруженными организациями. Создание военной организации казачества ускорялось тем, что казаки вынуждены были защищать себя от непрерывных набегов со стороны турецких и татарских феодалов. В системе организации городского и казачьего самоуправления существовали однако и заметные различия. Казачество занимало сплошные районы, целые области. Это способствовало тому, что оно могло сравнительно быстрее объединиться в целях организации отпора наступающим феодалам. Городские общины всегда, или почти всегда, сохраняли какую-то степень зависимости от феодалов. Казачество же, если иметь в виду особенно начальный период его существования, порывало всякую зависимость от феодалов и даже в известном смысле от феодального государства.

Феодалы, понятно, не могли без опасения смотреть на усиление казачества, которое близко примыкало к угнетенным массам крестьянства и всегда могло выступить им на помощь. Они стремились во что бы то ни стало уничтожить казаков и вернуть их в крепостное ярмо.

Не последнюю роль, конечно, играло тут стремление магнатов захватить обработанные казачьи земли и другие обработанные ими угодья. Для этой цели польские и литовские магнаты не жалели сил и средств. В казачьи местности они отправляли свои отряды. Последние вторгались в казачьи слободы, грабили население, убивали тех, кто сопротивлялся панскому произволу.

В конце 15-го и начале 16-го столетия польским и литовским магнатам удалось присвоить себе значительную часть казачьих земель на Подолии, Брацлавщине, Киевщине. Стараясь закрепить за собой захваченные земли, превратить их в наследственную собственность, захватчики испрашивали на них у правительства жалованные грамоты, и в разное время такие грамоты были выданы королем и великим князем их просителям. Точные границы пожалований в грамотах не указывались: их предоставлялось определять самим магнатам «посредством своих сабель».

Примечание. Материалом для этого очерка послужили следующие данные:

1. В. А. Голубоцкий. «Запорожское казачество.» Киев. 1957 г.

2. Др. В. Д. Синеоков. «Государственное значение казачества». Белград. 1939 г.

3. С. В. Болдырев. «Казачий Исторический Календарь за 1955-1957 гг.»

Нью Иорк. США.

М. Черныш

(Продолжение следует)

ПРАОТЦЫ ЧЕРНОМОРЦЕВ

В № 66 «Родимого Края» была помещена очень интересная историческая справка М. Черныша «Черноморское Войско». В своей статье М. Черныш покрывает главным образом период, начиная с 1775 года, т. е. со времени уничтожения Запорожской Сечи. Этот крайне интересный труд навел меня на мысль забраться в еще более далекое прошлое и попытаться в кратком очерке напомнить читателю некоторые подробности из начального периода жизни Запорожья.

О казаках в киевском крае впервые упоминается в конце пятнадцатого века. Тем не менее, отсюда не следует делать поспешный вывод, что до того, мол, времени казачества в Киевщине не существовало. Появление Казачества надо, конечно, отнести к более ранней эпохе, но к какой именно — сказать трудно, а просто строить предположения, не опираясь на исторические документы — безот-

ветственно. В девяностых годах пятнадцатого столетия Александр, великий князь литовский, устанавливает законы о поборах и в главе посвященной налоговой юрисдикции воеводы Киевского, пишет: «...а которые же козаки з верху Днипра и з наших сторон ходят водою на низ до Черкасс и далей и што там здобудут з того со всего воеводе киевскому десятое мают давати».

Оставляя в стороне общеизвестные причины возникновения Казачества — одиночные и массовые побеги недовольных барщиной и правительственными органами — будь это в Литве, на Руси, в Крыму или в другом государстве — постараемся перейти к вопросу заселения пограничных земель. В течение полутора столетий, если даже не меньше того, степной пустынный край превратился в цветущий сад. Об этом свидетельствует один из строителей Сечи, французский инженер Боплан, проживший на Украине 18 лет и оставивший немало записок по этому вопросу. «Казаки настолько отодвинули границы государства», пишет Боплан, «и приложили столько усилий к обработке пустынных земель, что в настоящее время их необыкновенное плодородие составляет главный источник государственного дохода». Радостно трудились поселенцы на своей, только своей, как они думали, земле, освободившись от ярма, от поборов, от дыбы и кнута. Росли хутора и села. Прилепившись к стенам замков, росли местечки, заселенные ремесленниками — чеботарями, шорниками, бондарями и др. Возле Каневского и Черкасского, возле Переяславского и Винницкого замков вырастали эти местечки. Начиналась торговля — мехами, воском да медом, кожами да рыбой; товары везлись в Киев, продавались магнатам в степных замках. Но даже и здесь не всегда удавалось ушедшему в «казакованье» навсегда избавиться от поборов. Уже в середине шестнадцатого столетия казаки жалуются, напр., на черкасского старосту самому королю Сигизмунду, и тот принимает их под защиту. Понятно, что освоение казаками целинных земель и превращение их в плодороднейший край не могли не вызвать зависти польской и литовской шляхты, которая всячески старалась захватить эти земли, а самых казаков — закабалить. Согласно историку восемнадцатого столетия Ригельману «паны почему-то вообразили, что Украйна — их вотчина, а казаки — их подданные и холопы, и начали они того дня усильно в жилища их вторгаться и в свои работы усильно принуждать». Одним словом — из огня да в полымя. Мужественно обороняло права свои казачество, но сила солому ломит, и вот, под давлением вооруженных отрядов шляхты с их холопами, большой части казачества пришлось отойти к югу, в низовья Днепра. Особенно многолюдные центры возникли в районе Черкасского и Каневского замков, преграждавших татарам путь на Литву.

В четырехсот километрах от Канева, там, где теперь Днепропетровск, начинаются пороги — каменные гряды, преграждающие путь могучему Днепру. Эти гряды, или как их еще называют — «лавы», высотой метров в пять-семь, пересекают русло реки от одного берега до другого. Главных порогов двенадцать, но некоторые из них состоят не из одной, а из нескольких лав. Самым опасным порогом считается Ненасытец или Дид-Порог. За порогами, выйдя на простор и затопив широкую равнину, спокойно и привольно течет старый Днепр, образуя целую сеть островов. Вот эта местность и есть Запорожье. Из островов следует отметить Большую и Малую Хортицу (сразу за порогами), Томаковку (при устье речки того же названия), Великий (при устьи речки Конской) и Базавлук, лежащий у устья двух рек — Базавлука и Чертомлыка. Много, очень много рек, речек и потоков впадает здесь в Днепр. Все это хитрое сплетение их, вместе с девственными зарослями камыша составляет плавни. По свидетельству того же Боплана «плавни настолько изобиловали рыбой, что от чрезмерной тесноты она гибла, разлагалась и заражала самый воздух. За один «заход» казаки, бывало, брали по две тысячи и более штук, причем самая маленькая была не менее фута». Но для заселения местность эта мало годилась — оводы, мухи, комары, малярия — все это расхолаживало несколько энтузиазм переселенца. Однако, даже несмотря на все это, постепенно казаки принялись за освоение и этого края — слишком уж богат он был и рыбой и зверем. В степях — табуны тарпанов, стада сайгаков, даже лоси и туры попадались, а в плавнях — несметное количество кабанов, куниц и бобров и к тому же масса птицы.

Близко, ох, близко тут к татарским кочевьям, немного дальше зайдешь и прямо в пасть волку — в татарский полон. Уже в 1527 году Сагиб-Гирей, хан татарский, посылает грамоту Литве, жалуясь, что «казаки — каневцы да черкассы становятся по Днепру у самых татарских кочевий...»

Появляются зимовники, зарождается скотоводство. В универсале гетмана Богдана Хмельницкого от 15 января 1655 года упоминается о том, что «запорожские козаки имели тут свои зимовники еще с начала шестнад-

цатого столетия». Зимовники служили для сохранения конских табунов и рогатого скота в зимний период и состояли из «кошар» — загонов, обнесенных плетнем, и саманных хат, а также и сараев для заготовки и хранения корма. При зимовниках иногда имелись и пасеки. Но все же скотоводство в этот период не являлось главным занятием запорожцев. Главным образом они занимались рыболовством и охотой. Для ловли рыбы козаки сходились в «ватаги» и выбирали себе «ватажных» атаманов. Улов везли в Киев и другие города и замки, а прибыль делили поровну или же согласно вложенному труду и внесенным рыболовным принадлежностям. Итак, уже в первой половине шестнадцатого столетия низовья Днепра были заселенным краем, который постепенно развивался экономически.

— О —

Так как шляхта все более и более старалась закабалить казачье население, проживавшее над порогами, в 1536 году началось восстание, охватившее и район Канева. Восстание было подавлено в крови, в результате чего значительное число казаков белажо дальше, в Запорожье, так как местность в низовьях Днепра в те десятилетия считалась как бы ничьей. Таким образом, население Запорожья благодаря этому значительно увеличилось. Итак, мы говорили все время об образовании Запорожского казачества, но ни словом не обмолвились о Запорожской Сечи, потому что таковой еще не было.

В истории Запорожского казачества часто попадается фамилия Вишневецких. Род магнатов Вишневецких сыграл большую роль в ней, иногда положительную, а иногда и отрицательную. В середине шестнадцатого века был известен князь Михаил Александрович Вишневецкий, управляющий двумя старостваами сразу — Каневским и Черкасским. Его главной целью было выманить казаков из Запорожья и поселить на своих землях, и дабы достигнуть этого он прибегал ко всяким ухищрениям — когда по шерстке, а когда и против. Но ни так, ни этак, своей цели не достиг, несмотря на ласковые грамоты и на вооруженные набеги. Казаки попрежнему оставались за порогами. С другой стороны угрожали татары. Не раз и запорожцы оставались за порогами. С другой стороны угрожали татары. Не раз и запорожцы нападали и били татар. Нападали и били они и турок. Уже в 1490 году был совершен поход на Очаков. В 1503 году запорожцы напали и разбили сильнейший татарский отряд у Тягинского перевоза, на самых порогах. Сохранились письма-жалобы хана литовским князьям от 1545 года, где хан жалуется на то, что «...собравшися на поли за Черкассы козаки нападоша на наших крымских людей што в московское княжество идоша а было их своевольных козаков восемьсот и старшие им беша Карп, а Андруша, а Лесун, а Яцко и иншии». В том же году на помощь турецкому султану пошел со своим отрядом молодой хан Эмин-Гирей, направляясь к Аккерману, но запорожцы неожиданно напали на него и не позволили переправиться через Днепр: «...а тут козакы на него ударили инших побили и инших поимали а сам царевич Эмин ледве до Бела города втек... Часто они козаци перешедше Днепр по сей стороне на Самаре на Чарной Криницы у Дробных Криницах завжды на воде и на поли людей наших имают...»

И вот приблизительно в этот период, т. е. еще в конце пятнадцатого и начале шестнадцатого века казаки начинают строить постоянные укрепления, так называемые «городцы». В этом отношении историческая литература бедна сведениями, и мы не знаем точно, где такие крепостцы имелись, но знаем, что они были и что именно это и следует считать началом основания Запорожской Сечи. Об этом прежде всего ипоминает историк Мартин Бельский: «Казаки», пишет он, «постоянно заняты рыболовством на Низу, там же сушат они рыбу на солнце без соли. А как лето проходит, расходятся они по городам — Киев, Черкассы и другие — и оставляют на острове, на безопасном месте лодки и несколько сотен казаков на коше, как они называют — при стрельбе — так как есть у них и пушки, у татар отбитые и в турских крепостях отнятые». Итак, казаки, вернее большая часть их, уходит на зиму в города. Но это только в самом начале, а после восстания 1536 года они уже постоянно проживают в Сечи и в городах не показываются. Итак, к 40-м гг. шестнадцатого столетия у запорожцев уже существует определенная военная организация, именуемая Кошем, есть укрепления, есть гарнизон и есть артиллерия. Трудно, вернее невозможно, указать точную дату формирования Сечи — она складывалась постепенно, в течение десятилетий.

Несмотря на то, что отсутствует точное указание, где именно были расположены отдельные крепостцы, имеются самые определенные сведения о том, где был расположен главный Кош, который и считался самой Сечью. Мартин Бельский же указывает нам ме-

сто: к югу от острова Хортицы есть другой остров — Томаковка; «...на нем чаще всего проживают низовые козаки и он служит им по существу самой сильной крепостью на Днепре». Этот остров называли потом и Буцким, от слова «буц», что означает «беглец», т. е. остров беглецов; называли его также и Городищем или Днепровским островом. Томаковкой он назван был из-за одноименной реки Томаковки, правого притока Днепра, который образует, подходя к острову, два рукава. Один сливается с Ревуном, а другой с Речищем, притоками Днепра. Историк Лясота утверждает, что в то время все три реки назывались Томаковками. «Томаковка», пишет Боплан, « в одну треть мили в диаметре, круглой формы, покрыт лесом. С его вершины видно все течение Днепра от Хортицы до Тавани». По свидетельству Самуила Зборовского, побывавшего там во второй половине шестнадцатого века, «остров может вместить двадцать тысяч человек и много лошадей.» Почва каменистая. Берег, особенно в одном месте, довольно высокий.

Попытки захватить Запорожье продолжаются со всех сторон. Пытаются это сделать литовские магнаты, пытаются и татары. Снова появляется Вишневецкий, на этот раз сын Михаила, Иван, который продолжает дело отца, но также безуспешно. Зато, когда старостой каневским и черкасским становится его сын Димитрий Иванович, положение меняется. Димитрий князь Вишневецкий считается многими историками основоположником Сечи Запорожской и одним из самых крупных ее героев. Именно под его предводительством были совершены многие походы против татар и турок, и имя его вошло в историю и казачьи песни. В них он воспевается, как казак Байда. Советские историки стараются опровергнуть эту версию, умалить его значение в жизни Украины и даже приписать ему небывалые преступления и козни. Но, если доверять историческим изысканиям Костомарова, Эварницкого и Грушевского, Димитрия Вишневецкого следует считать одной из центральных фигур того периода. То же самое утверждает и Мартын Бельский, которому мы обязаны первыми сведениями о Запорожской Сечи. После многочисленных походов и битв князь Димитрий Вишневецкий был схвачен турками и казнен в Стамбуле: «...а Вишневецкий и Пясецкий были сброшены с башни на крюки железные, вделанные в стены у морского залива по дорогу из Константинополя а Галату... зацепившись за крюк, он (т. е. Вишневецкий) жил так три дня, пока турки не убили его из луков за то, что порицал их басурманскую веру...» Так пишет Бельский. Советские историки почему-то опровергают эту версию, ссылаясь при этом на мемуары французского посла, в которых сказано: «...Дмитрашко (Вишневецкий) едва прибыл, как его величество султан приказал его казнить вместе с Пясецким. Всех остальных отправили на галеры». Я не вижу, в чем расхождение, разве лишь в отсутствии деталей...

Вследствие частых нападений литовцев на запорожских казаков и угнетения украинцев, проживавших в верховьях Днепра, в 1591 году вспыхнуло сильнейшее восстание, продолжавшееся почти три года и охватившее значительный район. Началось с нападения запорожцев вместе с реестровыми казаками на белоцерковский замок князя Острожского, а затем вспыхнуло в Триполье и Переяславле. Зимой 1592 года оно распространилось уже на воеводства Волынское и Брацлавское, а осенью 1593 года казаки окружили и осадили Киев.

Очень возможно, что и Киев был бы взят восставшими, но в это время татары, воспользовавшись отсутствием большого числа запорожцев, неожиданно напали на Сечь. Во главе армии шел сам хан. Небольшая группа защитников мужественно сопротивлялась во много раз превосходившей ее армии, но, видя безнадежность положения, под покровом ночи ушла на быстых лодках, и татары разрушили Сечь до основания. Не ограничившись этим, татары той же зимой совершили несколько нападений на поселения Запорожских казаков, чем причинили большой хозяйственный ущерб. Одних лошадей было захвачено в этот период свыше двух тысяч голов, не считая другого имущества. Вследствие разрушения Сечи казаки вынуждены были снять осаду, но не прежде чем выговорить себе выгодные условия от киевского воеводы. Реестровая казачья артиллерия получила 24 пушки, а каждый казак получил по 12 золотых откупа. Так закончился первый период истории славной Запорожской Сечи.

— О —

БАЗАВЛУЦКАЯ СЕЧЬ

Запорожское казачество не могло жить без укреплений, без постоянной вооруженной охраны — слишком быстро развивалось оно в хозяйственном отношении, слишком быстро осваивало оно девственные земли. Поэтому сразу же после разрушения татарами первой Сечи на Томаковке запорож-

цы приступили к постройке новой. Для этой цели они выбрали остров Базавлук, находившийся километров на 25 юго-западнее Томаковки. В этом месте три реки вливаются в Днепр — Подпольная, Скарбная и Чертомлык. Остров тянется на два километра в длину, образуя треугольник. Постройка Сечи началась в том же 1593 году. Быстро выросли валы и палисады, вокруг них — глубокий ров. Но на случай зимнего нападения запорожцы пробивали лед в нескольких местах и, как только прорубь затягивалась тонкой коркой льда, насыпали сверху снег, чтобы неприятель, понадеявшись на толщину льда, неминуемо нашел смерть в ледяной могиле. Все валы и палисады соединялись высокими башнями, в бойницах которых были установлены пушки. Посреди Сечи была большая площадь — майдан, на котором происходили все важные собрания. Тут же были все войсковые учреждения и склады всего необходимого. Тут были свои мастерские, в которых делали порох и изготовляли оружие. На той же площади стояли курени — продолговатые здания из плетенки с глиной, покрытые камышом.*) Здесь жил и гарнизон и прибывавшие в Сечь беглецы. Кроме этого далеко в степи находились сторожевые вышки.**) Сигнализация о приближении неприятеля производилась зажженной соломой или сухой травой, вздетой на палку, после чего сторожевой вскакивал на коня и несся к следующей вышке или прямо к Сечи.***) Ниже Днепр представлял собой довольно сложную систему островов, покрытых густыми зарослями. Здесь неприятеля ожидали неприятные сюрпризы — в зарослях были поставлены пушки, а по протокам и речкам шныряли дозоры — пройти было трудно. Вся эта многосложная система островков и островов называлась Войсковой Скарбницей. Где-то тут хранилась и Войсковая казна, и запасы, и разные ценности. Об их точном местонахождении знали далеко не все. «Рассказывают», пишет Боплан, «что в Войсковой Скарбнице скрыто казаками в разных каналах множество пушек, и не только литовцы не знают об этом, но даже не многие казаки знают об этом. В этих местах погибло много турецких галер, потому что, заблудившись между многочисленными островками, турки и татары не могли зачастую отыскать путь, а казаки преспокойно обстреливали их из зарослей. С этого времени галеры никогда не заходят сюда дальше, чем на 5 миль от устья».

Росло Запорожье, слава о нем ширилась, увеличивался и приток беглецов. Были богатые, были и бедные. Советские историки в своих трудах о Запорожье особенно подчеркивают разницу между бедными («сиромахами») и богатыми, стараясь изгладить в представлении читателя всю ту «романтику», с которой его знакомили писатели-классики старой России, начиная с Гоголя. Следуя своим обычным приемам, они и жизнь на Запорожье расценивают исключительно с материалистической точки зрения, намеренно замалчивая или же не особенно подчеркивая такие элементы, как **полное равенство** в казачьей среде (где бы то ни было среди казаков; оттого-то на Дону и поговорки пошли: казаки — все наголо атаманы, что ни казак — то и атаман, коли не на Кругу — ни перед атаманом курпея не ломай, и многие другие), глубокое религиозное чувство, особую товарищескую боевую спайку, схожую с традициями старых рыцарских орденов Западной Европы и презрение к т. наз. «благам жизни». Судя по советским источникам, и Запорожская Сечь не являла собой пример классового и социального равенства, и «богачи безжалостно эксплуатировали бедноту». Забывается, очевидно, что во всем мире не было, нет, и вероятно не будет, **идеального** равенства между людьми, исключая, пожалуй, общины древних христиан, древне-коптские общины и дохристианскую общину, к которой, согласно свиткам Мертвого моря, принадлежал Иоанн Креститель. Умалчивается и резкая классовая и экономическая разница в советском обществе, где сливки снимаются партийными, а крестьянин закабален похуже, чем во время «проклятого царизма». Как и всюду, так и в Запорожье были зажиточные, обжившиеся казаки и была голь, беднота, так же как и у нас на Дону во времена Булавина существовала голытьба. Голытьба у нас приходила с севера, а сиромаха на Запорожье приходил и с севера и с северо-запада. Конечно, требовалось известное время, чтобы он, путем ли упорного труда на ниве, охотой ли или в боях с басурманами, мог встать на ноги, приодеться и устроить свою личную жизнь получше. Но обращал ли уж такое особое внимание запорожец на то, скажем, как он одет? Если и обращал, так в то же время непрочь был и выказать глубочайшее презрение ко всем этим «благам жизни», загваздав в дегте или в грязи дорогие шаровары или жупан аксамитовый — «как пришло, так и ушло!»

---

*) — Позже их строили из бревен.

**) Т. наз. «бекеты».

***) Вместо травы позже сигнализация производилась путем зажигания бочек со смолой.

Оружие запорожцев составляли: кремневая рушница (самопал), пистоль, сабля («ненькаридненька»): кроме того были в пользовании чеканы или келепы (боевой молот), кинжалы, копья (списы, а на Дону — дротики), ощепы (копье с крюком, чтобы всадника стаскивать с коня) и другие виды оружия. Интересно то, что латами, шлемами, кольчугами и панцырями запорожцы почти не пользовались.

Для нас особенно интересно то, что Запорожцы были очень тесно связаны с Донскими казаками. Среди запорожцев не только бывало много Донцов, но даже имелся особый Донской **(Динской)** курень, рядом со **Шкуринским** куренем. Вместе дрались, вместе головы клали. Невольно вспоминается страшное недавнее время — гибель наших Вождей, когда на плаху в Кремле взошли вместе — последний Шкуринец, Андрей Григорьевич, и наш Петр Николаевич. Так красной нитью сквозь всю историю это братство и прошло до наших дней. В 1632 году донцы сказывали Угрюмову, стрелецкому пятидесятнику: «А у нас такой приговор, у донских казаков с Запороскими Черкасы учинен — как приходу откуда чаят каких... людей многих на Дон или в Запороги и Запороским Черкасом на Дону нам козаком помогати а нам, Донским козаком, помогати Запороским Черкасом». Запорожцы часто подолгу живали у донцов, и наоборот. Напр., запорожский старшина Шафран, живший на Дону более 18 лет, говорил: «...а всех де на Дону нас есть с тысящу человек. А в Запорогах де донских казаков много также, живут переходя — они ходят на Дон, а з Дону казаки к ним и живут сколько где кто хочет. А повелось де у них то с донскими казаки **изстари,** что меж себя сходятца и живут вместе в одних куренях». Здесь интересует нас, конечно, слово «изстари», и как жаль, что нельза установить — какой срок имел ввиду говоривший.

Росло Запорожское казачество, росло и число куреней. В XVIII веке их насчитывалось уже тридцать восемь: Каневский, Корсунский, Шкуринский, Динской, Брюховецкий, Уманский, Пластунский, Леушковский, Дадьковский, Платнировский, Пашковский, Медведовский, Кущевский, Кисляковский, Ивановский, Конеловский, Сергиевский, Крыловский, Батуринский, Поповичевский, Васюринский, Незамаевский (позже Незамайский), Щербиновский, Титаревский, Роговской, Калниболотский, Деревянковский, Вышестеблиевский, Нижестеблиевский, Джерелиевский, Переяславский, Полтавский, Мышастовский, Минский, Тимошевский, Величковский, Ирклиевский.

В 1793 году появились новые курени: Березанский и Екатериновский (последний в честь Императрицы Екатерины II).

Интересно, что Запорожское казачество называло себя также «товариством», что ясно подчеркивает самую характерную его черту. Советский историк Голобуцкий, говоря о несении запорожцами воинской повинности, указывает на то, что, несмотря на обязанность отбывать службу «по очереди», «...богатые казаки всячески избегали этого, предпочитая вместо себя посылать служителей, и вскоре это стало обычным явлением в жизни Войска». В доказательство он ссылается на старинную думу, в которой поется:

Та чую загадано та заповидано,
Усим козаченькам та на вийсько йти —
У кого е сини то висилати,
А в кого нема — то наймати.

Предположим, что подобное явление и имело место, но, где же доказательство тому, что это «стало обычным явлением в жизни Войска»? Автор серьезного труда, изобилующего всевозможными ссылками на различные исторические источники, в этом, казалось бы немаловажном, пункте не привел никаких доказательств, кроме малоубедительной думы; доказательством ее считать нельзя не потому, что она искажает быт, а просто потому, что она говорит о другом: когда призывались молодые люди, престарелый бездетный казак мог послать наймита. Невероятным кажется, что в Запорожском Войске, покрывшем себя неувядаемой славой, в настоящем «товариществе», которого побаивались и сам Султан, а Литовское государство не было в состоянии с ним справиться в течение нескольких веков — чтобы подобное откровенное отчынивание от воинской обязанности могло принят форму «обычного» явления — не верится, да и только.

Высшую власть в Войске представляла Рада, т. е. все казаки, исключая тех, кто по какой-либо причине не мог присутствовать. На Войсковую Раду созывали Войсковые довбиши, бившие в литавры. Иногда сзывали и пальбой из пушки. Собравшись в круг на майдане, казаки ожидали появления Кошевого Атамана и старшины. Сначала Войсковой есаул выносил на майдан Войсковые регалии, или клейноды, — Войсковое знамя и бунчуки. После этого выходили Кошевой Атаман и его свита — старшины. В руках у Кошевого был знак его власти — булава, в руках у Войскового судьи — Войсковая печать, у писаря — серебряная чернильница, у шафаря — шкатулка для сбора податей, и т. д. и т. д. Кошевой занимал свое место под

бунчуком и, осенив себя крестным знамением, уставно клянялся на все четыре стороны, а за ним и вся старшина. Официальная форма обращения к Войску по историку Соловьеву была следующая: «Панове молодци, славне Вийсько Запоризько и Кош Днипровий и Кош Морской!» О выборах на Раде оставил нам свое свидетельство историк Ригельман: «...став под знаменем и бунчуком, кошевой обращался к казакам со словами — «Пани молодци! Чи не будете сього року по старим вашим звичаям инших нових старшин вибирати, а старих скидати?» Если Рада требовала перевыборов, старшины клали наземь свои шапки и знаки своей власти и удалялись. Вновь же избираемые по обычаю дважды отказывались и принимали только по третьему разу...»

Но самый прекрасный момент, по-моему, наступал при выборах кошевого: «...новоизбранному кошевому атаману казаки тут же клали на голову землю, которую горстями брали прямо из-под ног, хотя бы и грязь на то время случилась». Какая прекрасная символика — помни, что ты — один из нас, такой же, как и мы, не лучше и не хуже! Это ли не наивысшее проявление демократического принципа во всей его первобытно-наивной простоте? Вот в этом-то, казалось бы, полукомическом древнем обычае и кроется вся характеристика Казачества, «товарищества» тесно спаянного кровью Ордена зипунных рыцарей — Запорожье ли, Дон ли, Кубань ли, Терек ли, или еще какое другое Казачье Войско — поистине товарищество в самом глубоком смысле этого слова. Только возложив грязь на голову атаману, казаки вручали ему булаву и низко кланялись, а довбиши били в литавры, и радостно кричала — вопила вся эта громада казацкая — подавался и аксамитовый жупан, и простой чекмень и продранная рубаха сиромахи — радовались братья-казаки.

А не по вкусу была старшина — сбрасывали ее. Мышецкий свидетельствует, что «казаки на радах часто свою старшину сзади в шею пихают, как у них и завсегда чинится». А Ригельман пишет: «...казаки кричали — покинь, негодний сину, свое кошевье! Уже ви вийськового хлиба наилися, кошовии, и паньство свое покидайте, сучьи дити!»

О старшине ксендз Окольский (XVII век) пишет: «Присмотревшись к старшине, должно признать, что в нее избирают людей далеко не дюженных, в особенности, когда казаки поднимают руку на короля, на его гетманов и солдат». И далее: «Хотя нет в среде казацкой ни князей, ни сенаторов, ни воевод, но... есть зато такие люди, что если бы не препятствовали тому составленые против плебеев законы, то среди них нашлись бы достойные назваться равными по храбрости Цинциннату или Фемистоклу!» Говоря же вообще о казаках, Боплан пишет:

«Казаки смышлёны и проницательны, находчивы и щедры, не стремясь к большим богатствам, но превыше всего дорожат свободой, без которой жизнь для них немыслима. Все они редко умирают от болезни, разве лишь в глубокой старости, большинство же кончает жизнь свою на поле битвы. Они легко переносят стужу и зной, голод и жажду. В походах довольствуются сухарями да соломахой (варевом из пшена или муки). Во время походов казаки отличаются большой трезвостью; если же случится меж них пьяный, напр. на морском походе, атаман приказывает такого немедленно выкинуть за борт».

Хвалили и враги. Турецкий историк XVII века Наима говорит: «Уверенно можно сказать, что нельзя найти на земле людей более смелых, которые бы так мало заботились о своей жизни и так мало боялись бы смерти».

— О —

Да, славные предки были у наших братьев и соседей Кубанцев, и они вправе ими гордиться. На этом периоде существования Запорожской Сечи на этот раз мы и закончим очерк, еще не касаясь деятельности Второй (Базавлуцкой или Чертомлыцкой) Сечи.

Калифорния США

Н. Н. Воробьев

БИБЛИОГРАФИЯ:
По И. Карелину «Запорожские городища»
В. Котельникову «Дон, Кубань и Терек»
В. Голобуцкому «Запорожское Казачество»
Н. Костомарову «Собр. сочин.» т. 8
«Донские Дела» кн. I 1898 год.

ИЮЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ БОЛЬШЕВИКОВ В ПЕТРОГРАДЕ В 1917 г. И ДОНСКИЕ КАЗАЧЬИ ПОЛКИ

«Русь, смотри, какую силу
Казаки таят.
За тебя сойти в могилу
Каждый будет рад.»
(Из стихотворения А. Н. Радищева 1802 г.)

В истории Русской революции 1917 г. до октябрьского переворота было семь главнейших событий: образование Временного правительства и Совета Солдатских и рабочих депутатов, апрельский кризис, июньские манифестации, июльское восстание большевиков, когда они пытались захватить власть, Московское Государственное Совещание, выступление ген. Корнилова, Совет республики.

Во всех этих событиях казаки играли первостепенную роль. Наибольшим событием было июльское восстание. В эмиграции каждый раз, когда казаки говорят, что оно было подавлено казаками, то в обще-русской печати раздаются голоса, что «это неверно».

В 1965 г. в Нью-Йорской газете «Новое Русское Слово» была напечатана большая обстоятельная статья И. И. Курицина (донского казака) «Донское казачество и Россия», в которой сделан упор на то, что казаки всегда не только стояли на страже интересов России и расширяли ее границы, но, будучи глубоко демократическим свободолюбивым народом, всегда охраняли правопорядок в стране, что революцию 1917 г. казаки приняли, как приняла ее вся Россия, но головы не потеряли и «на протяжении всего периода млас-сти Вр. П-ва казачьи войсковые части вообще и в частности донские выявляли порядок и соблюдение дисциплины, служа сдерживающим началом и карательным оружием против тех, кто вносил разложение в армию и в тылу». Что поднятое большевиками 3 июля «восстание с целью свергнуть Вр. П-во было подавлено 1-ым и 4-ым Дон. каз. полками». Эта статья помещена и в этом № «Род. Края».

Заявление И. И. Курицина вызвало со стороны Э. Чавдара «поправку». Э. Чавдар, «опираясь на труд проф. П. Н. Милюкова «История 2-ой Русской революции», в том же «Н. Р. С.» пытается доказать, что утверждение И. И. Курицина неверно, но при этом ссылается только на стр. 245 и 246 этой книги, на которых почтенный профессор-историк, видимо чтобы скрыть настоящую роль казаков в интересах «престижа» всего русского народа, все 3-ех дневные события смешал в кучу, а г-н Чавдар со своей стороны, не приняв это во внимание, внес еще и перестановку в порядок изложения событий Милюковым и умолчал о предыдущих страницах, которые как раз и подтверждают, что только казаки и выполнили приказ командующего войсками Петроградского Военного округа ген. Половцева «приступить немедленно к восстановлению порядка».

Интересно отметить, что один из серьезнейших исследователей истории русской революции проф. С. Мельгунов в его критическом очерке, в брошюре «Гражданская война в освещении П. Н. Милюкова», говорит, что «История» последнего грешит большими неточностями, искажением фактов и замалчиванием некоторых из них.

А сам П. Н. Милюков в предисловии к своему труду на 4-ой стр. говорит, что «вообще факитческое изложение не составляет главной задачи автора».

Г-н Чавдар, вероятно, не обратил внимания на это замечание Милюкова, а это дает объяснение, почему он на стр. 245 особенно все перепутал, смешав все в кучу.

Казаками же до сих пор и особенно участниками и свидетелями событий, видимо из скромности, к сожалению не дано описания подавления восстания 3-5 июля. Правда, существуют высокоавторитетные казачьи свидетельства, что восстание было подавлено казаками, но и только. Однако в обще-русской, как зарубежной, так и советской литературе, июльскому восстанию отведено немало места и из всего сказанного ее авторами выясняется, что если казаки в буквальном смысле этого слова не подавили силой оружия восстания, то во всяком случае каз. полки были единственной вооруженной силой в распоряжении ген. Половцева и с самого начала восстания, т. е. с 3-го июля, и примерно до 5-ти часов вечера 5 июля. Они были единственными воинскими частями Петроградского гарнизона, беспрекословно выполнывшими в это время приказы командующего Округом и ведшими боевые операции» против восставших. Своим примером вооруженной борьбы с анархией и защиты правопорядка они заставили выступить, хотя только к вечеру 5 июля, но все же выступить против большевиков, и другие части петроградского гарнизона. Если казаки и не подавили **силой оружия** попытку захвата власти большевиками 3-5 июля, то, во всяком случае, они своими дей-

ствиями дали им понять, что у Вр. П-ва есть защитники, защищающие его не на словах, а с оружием в руках. Л. Троцкий в его «Истории Русской Революции» пишет, что большевики «увидели, что еще не настало время для захвата власти».

В дни 3-5 июля из всего Петроградского гарнизона только одни каз. полки понесли потери убитыми и ранеными и уже одно это доказывает, что они были единственными частями, ведшими против большевиков «боевые операции». Большая часть частей Петроградского гарнизона и его окрестностей с самого начала восстания была на стороне большевиков, а меньшая, соблюдая нейтралитет в борьбе Вр. П-ва с большевиками, относительно исправно несла всякого рода наряды караульной службы, однако отказываясь выполнять приказы командующего Округом «навести в городе порядок». Некоторые части из державших «нейтралитет», по разным причинам, а главное «зараженные примером казаков», только после полудня 5 июля выступили тогда, когда восстание фактически уже было ликвидировано или во всяком случае прекратились «боевые действия» на улицах Петрограда. Ни одна из этих частей не понесла кровавых потерь. Об этом нет никаких следов в литературе, посвященной событиям 3-5 июля, как нет и никаких следов и о «боевых операциях не каз. частей, тогда как о действиях казаков, как и об их потерях убитыми и ранеными, в печати существует немало свидетельств.

Л. Троцкий во 2-ом томе его «Истории Русской революции» пишет, что в дни июльского кризиса «небольшое меньшинство Петроградского гарнизона состояло из наиболее квалифицированных элементов армии: офицерства, юнкеров, ударников и... казаков и политически завоевать эти элементы было нельзя: их надо было победить». Однако в дни вооруженной борьбы с большевиками оказались одни казаки (других частей Троцкий не называет), которых победить большевикам не удалось. В другом месте своей «Истории» Троцкий пишет, говоря об организации большевиками вооруженной манифестации 10 июня с возможностью уже тогда свержения Вр. Пва, что и тогда большевики рассматривали как своих возможных противников: «офицеров, юнкеров, ударные батальоны, казачьи полки, членов Общеказачьего Съезда и только», что «остальные части Петроградского гарнизона они рассматривали как своих сторонников и некоторую часть, главным образом гвардейскую пехоту, как нейтральных, которые не выступят ни на чьей стороне и во время возможной борьбы тихонько будут сидеть в своих казармах». Все это почти полностью сбылось 3-5 июля.

Для подтвержения того, что восстание было подавлено при помощи каз. частей, следовало бы привести список всей литературы, касающейся этих событий, и привести из нее для полноты картины все относящееся к ним и рисующее роль и значение казаков в то время, но для этого потребовалось бы написать целую книгу. Это потребует немалых материальных средств, каковых нет, но чтобы не быть в своих утверждениях голословным, я использую только часть трудов, т. е. только труды лиц, не менее, а вероятно более авторитетных, чем П. Н. Милюков, т. е. лиц, которые были или руководителями событий или по занимаемому положению более осведомлены, чем он. При этом почитаю необходимым дать к ним, как объяснения, и личные нигде не опубликованные свидетельства казаков участников подавления восстания и в частности офицеров 1-го Дон. каз. полка С. В. Болдырева, ес. Д. А. Артемова и войск. старш. Чукавова, а также и отдельных рядовых казаков 1-го и 4-го Дон. каз. полков.

В некоторой части литературы, который я буду касаться, есть неясности и просто неточности, вызванные, быть может, ошибками. Встречаются также искажения фактов, замалчивание о действиях казаков, тенденция умалчивать о их роли и т. д. Однако, несмотря на все это, из общей суммы свидетельств ясно вытекает, что восстание было ликвидировано благодаря казакам, хотя большевики, готовя еще манифестацию 10 июня, в своей пропаганде твердили казакам: «поезжайте к себе на Дон и там устраивайтесь, как хотите, а здесь в Питере не мешайте солдатам и рабочим устраиваться так, как они хотят».

С первых дней революции большевики увидали в лице казаков своих врагов и в большевистской прессе, да и не только в ней, имя казака склонялось во всех падежах, когда дело касалось контр-революционеров. Пропаганда большевиков в предвидении их выступления против Вр. П-ва натравливала рабочих, крестьян и солдат на казаков. Особенно это проявилось после июньских манифестаций, а максимума эта пропаганда достигла после событий 3-5 июля. В целях экономии места я не всегда буду придерживаться текста авторов повествований, а все сказываемое ими, не меняя смысла, дам в вольном пересказе, но особо важные части их свидетельств будут приведены буквально и взяты в кавычки, но в тех же целях экономии места я

не буду указывать страницы, с которой взяты приводимые цитаты.

I

Обще-российская эмигрантская печать:

1. Командующий Войсками Петроградского Военного Округа того времени, ген. Половцев, непосредственно руководящий подавлением восстания, в его труде «Дни затемнения», июльскому восстанию посвящает отдельную главу в 52 стр., в которой пишет, что: «В последних числах июня получаются все более и более определенные сведения, что большевики, оставшиеся довольными подсчетом своих сил на мирной манифестации 18 июня, теперь решили предпринять крупное вооруженное выступление для свержения правительства, одновременно и Совета, слишком, по их мнению, консервативного, а также вообще власть придержащих. Приток денег из Стокгольма в кассу большевиков заметно увеличивает их деятельность, в полках становится более напряженно, в Кронштадте готовят десант и, наконец, получаются достоверные сведения, что выступление произойдет 4 июля».

Вр. П-во в страхе, Совет сильно волнуется. Атмосфера по мнению ген. Половцева сложится повидимому «неблагоприятно» для него, да, кроме того, он «не совсем уверен в надежности даже самых верных частей», подвергшихся усиленной большевистской агитации в последние дни. Поэтому он требует только, «чтобы пехота сидела по казармам в боевой готовности», но... вызывает казаков, да пару эскадронов 9-го запасного кавалерийского полка, поместив их во дворе и в проездах Зимнего Дворца. Делает он также распоряжение о вызове пехотных юнкерских училищ, с тем, чтобы из них организовать охрану штаба, телефонной станции и проч., а также сформировать юнкерский резерв в Зимнем Дворце. Он не хочет «начинать боя юнкерами и казаками, чтобы не создалась контрреволюционная обстановка». Но никого другого в его распоряжении нет, так как, кроме как об действии казаков, он ни о каких других частях не говорит. Пригласил он к штабу «своих друзей» — гвардейских конно-артиллеристов из Павловска с несколькими орудиями, хотя вообще он «враг применения пушек в городе», но полагал, что они понадобятся для «морального воздействия». В Михайловском Арт. Училище орудия находились в руках большевистски настроенной солдатской команды, которая не дает их запречь. Константиновскому Училищу он дал «специальную задачу — дать бой с позиции в Галерной Гавани в том случае, если из Кронштадта появятся какие-нибудь суда большевиков».

Гвардейские Конно-Артиллеристы на его «приглашение» повидимому не отозвались, ибо ни у кого никаких данных об их участии в борьбе с большевиками нет. Хотя сам ген. Половцев «по ошибке», как утверждает полк. Никитин, или по каким то другим причинам все время в своем труде говорит о Конно-Артиллеристах, тогда как другие авторы пишут об орудиях Лейб-Гвардии 6-ой Донской запасной батареи, называя не только имя офицера — донского казака, командовавшего этим орудием, но и некоторые имена убитых казаков-артиллеристов.

В № 28 журнала «Часовой» помещена краткая история «6-ая Л. Гв. Донская Его Величества батарея». Автор статьи, не давая своей подписи, пишет: «4 июля командир запасного взвода батареи — подъес. Фолимонов на Литейном мосту в Петрограде открывает огонь по большевикам, поднявшим в городе восстание». Этот подъес. Фолимонов, позже, в первые дни гражданской войны на Дону, был убит в районе не то станции Сулин, не то на станции Каменоломня, как свидетельствует ес. Е. Е. Ковалев.

Константиновское Училище, видимо, не могло выполнить возложенную на него «специальную задачу», т. к. высадка матросов производилась не в Галерной Гавани, а по одним сведениям на Васильевском Острове, а по другим в устьи Невы. Где бы высадка ни производилась, но в Петрограде с мелких судов высадилось 10 тысяч матросов, солдат и вооруженных рабочих из Кронштадта.

О действиях «юнкерского резерва», как и об юнкерах пехотных Училищ, кроме Владимирского, никаких сведений в печати нет. Видимо, «распоряжение» ген. Половцева осталось на бумаге.

Николаевское Кавалерийское Училище ген. Половцев просто «не применил во время восстания», т. к. «всегда считал его самым последним и самым надежным резервом, к которому не пришлось прибегнуть». Однако, по рассказам офицеров 1-го Дон. каз. полка, казачья сотня Училища с первого дня выступления большевиков принимала деятельное участие в его подавлении и, по их свидетельству, в дни 3-5 июля в ней было несколько юнкеров ранено и когда в некоторых воспоминаниях пишут о действиях юнкеров на улицах Петрограда, речь идет «несомненно о казачьей сотне Николаевского Училища».

Ген. Половцев был «глубоко уверен, что

большевики растеряются от отсутствия всякого сопротивления», но оказалось, как увидим ниже, большевики «растерялись» и потеряли веру в свою силу не от отсутствия всякого сопротивления, а именно от сопротивления казаков.

Ген. Половцев посылал, не называя из кого, «дозоры на Петергофское шоссе для предупреждения возможного выступления 2-го пулеметного полка из Ориенбаума (По свидетельству полк. С. В. Болдырева дозоры эти были из казаков 1-го Дон. каз. полка). Генерал сговаривался с Советом Солд. и Раб. Депутатов о дежурстве броневиков у Таврического Дворца и у Штаба Округа, предупреждал городские власти «быть готовыми всякую минуту развести мосты, потушить электричество, убрать трамваи и прочее, однако, все это было «гласом вопиющего в пустыне». Пулеметный полк спокойно пришел в Петроград, броневиков никто, кроме большевиков, не получил, мосты разведены не были и т. д.

Утром 4-го июля «Петроград производил впечатление мертвого города. Испуганный обыватель спрятался. Войска, не примкнувшие к большевикам, сидели по казармам. Только два большевистских бронеавтомобиля разъезжают по городу, производя разведку, да несколько грузовиков, наполненных большевиками-солдатами и рабочими с пулеметами.

По свидетельству ес. Д. Артемова, в это время каз. сотни находились в проездах Зимнего Дворца и во дворе Штаба Округа, а находившиеся в своих казармах были в боевой готовности и ждали распоряжения командующего Округа «начать действовать».

«Начинается с небольшой перестрелки около штаба на Певческом мосту, где с большевистского грузовика было сделано несколько выстрелов неизвестно по кому. Спрятанная во дворе штаба дружина Георгиевского Союза после краткого столкновения захватила грузовик, вооруженный пулеметом. Броневики бежали, оставив на тротуаре еще один пулемет, который георгиевцы торжественно приволокли в штаб, как первый трофей». Ген. Половцев «жалует» его георгиевцам и отмечает, что «последние, упоенные победой, просят разрешения атаковать редакцию ленинской «Правды» на Мойке.» Ген. Половцев дает разрешение на это дело: «они выполняют его быстро, без кровопролития, несмотря на присутствие в редакции караула от сапер (Саперный батальон был особенно предан большевикам) и приволакивают в штаб корзины с большевистской литературой».

По свидетельству ген. Половцева, организатором Георгиевского Союза и его председателем был донской казак полковник Ген. Штаба Гущин, по личному свидетельству которого, по его инициативе и под его командованием к 3-5 июля при Союзе была организована «боевая дружина» главным образом из георгиевских кавалеров казаков разных Казачьих Войск. В состав дружины вступило немало казаков, как инвалидов, и так и находившихся на положении выздоравливающих в петроградских госпиталях. Поэтому дружину полк. Гущина одни назвали «Георгиевской», а другие «Инвалидной». Ген. Половцев пишет именно об этой дружине.

«Тем временем обозначается наступление противника. Прибывают из Кронштадта на пароходах и буксирных баржах неприятельские отряды, численность которых паникерами исчисляется во много тысяч. Высадка происходит на Васильевском острове, где к кронштадцам присоединяются «финляндцы» (Финляндский полк), солдаты 180-го запасного полка и прочая дрянь. Эта колонна, повидимому самая главная, берет направление на Таврический Дворец. Туда же двигаются из заречных частей вместе с вооруженными рабочими солдаты 1-го запасного, 1-го пулеметного, Гренадерского и Московского полков, а со стороны штаба округа большое число «павловцев».

В Таврическом Дворце — «в Совете царит паника невероятная». В штаб Округа приезжает Войтинский с просьбой от Совета прислать казаков для его защиты. Об этом же просит ген. Половцева полк. Никитин, посланный Половцевым в Совет для организации его защиты.

Ген. Половцев приказывает «конно-артиллерийскому командиру Ребиндеру, взять два орудия с сотней казаков прикрытия, идти на рысях по набережной и по Шпалерной к Думе, сняться с передков, не доходя до нее, и после одного, возможно более краткого предупреждения, или даже без этого, открыть огонь по толпе перед Таврическим Дворцом...»

По свидетельству С. В. Болдырема и Д. А. Артемова, группой этой командовал не Ребиндер, что подтверждает и полк. Никитин, а есаул Лащенов, командир 4-ой сотни 1-го Дон. каз. полка. В группу входило по одной сотне от 1-го и 4-го Дон. каз. полков и два орудия не от конно-артиллеристов, а взвод Л. Гв. 6-ой Дон. запасной батареи под командованием подъес. Фолимонова.

«Ребиндер, пройдя благополучно по набережной и достигнув пересечения Шпалерной с Литейным проспектом, вдруг подвергся об-

стрелу с обоих франгов... Ребиндер, несмотря на близкую дистанцию, снялся с передков и направил против них огонь. Первая шрапнель разорвалась где то около Петропавловской крепости и, говорят, понизила настроение в доме Кшесинской (где помещался штаб большевиков), вторая разогнала какой то митинг у Михайловского Артил. Училища, из которого московцы (Московский пехот. полк) хотели тоже добыть себе артиллерию... а 3-ий выстрел попал в самую середину арестантов пулеметчиков и, уложив 8 человек на месте, рассеял остальных. Но кроме таких, чисто местных, результатов, эти три выстрела произвели неожиданный переворот во всем ходе событий. Толпа большевиков у Таврического Дворца, услышав близкий арт. огонь, пустилась в паническое бегство во все стороны и через несколько минут вся местность, окружающая Думу, была очищена естественным порядком.». Совет оказался спасенным, о чем ген. Половцеву, не без иронии, донес полк. Никитин.

Насколько помнит ген. Половцев, «убитых у казаков было 6, у конно-артилл. — 4, много среди них раненых, и погибло столько лошадей, что даже нельзя было сразу вывести орудия после боя». «Большевики, окружавшие Таврический дворец, после боя у Литейного моста рассеявшись по городу, учиняют мелкие перестрелки в разных углах, но все эти скандалы довольно быстро ликвидируются посылкой казаков и грузовиков с посаженными на них юнкерами и чинами георгиевских кавалеров». Только «после посрамления большевиков у Тавр. Дворца благоприятное настроение в 1-ой Дивизии (т. е. в полках Семеновском, Преображенском и др. А. П.) растет с поразительной быстротой», но ночь на 5 июля все-таки прошла «довольно тревожно»: большевики продолжают поднимать то тут, то там неожиданную пальбу, наводя панику на обывателя».

К утру (5-го днем. А. П.) выясняется, что какие то остатки разбитых большевиков собрались в районе дома Кшесинской и заняли свой конец Троицкого моста. Там же собрались кронштадские моряки. Они проникли также в восточную часть Петропавловской крепости.

После полудня 5 июля поступили известия, что А. Ф. Керенский для подавления беспорядков в столице направил с фронта отряд в составе пехотной бригады, кавалерийской дивизи (в которую входил 14-й Дон. каз. полк. А. П.) и батальон самокатчиков.

Около полудня 6-го июля ген. Половцев получил шифрованную телеграмму от Керенского, извещающую, что он приезжает в Петроград перед вечером и что для его встречи приказывает построить у вокзала отряд Ребиндера (казаков. А. П.), а войска прибывшие с фронта поставить шпалерами от вокзала до места пребывания Времен. Правительства. (По словесному свидетельству С. В. Болдырева, такое распоряжение Керенского относительно казаков для его встречи на вокзале было вызвано желанием с его стороны особо отметить и подчеркнуть роль казаков в дни 3-5 июля. А. П.)

Ген. Половцев, не желая «обидеть те столичные части, которые в восстании не участвовали, но не принимали и участия в его подавлении, назначил в добавление к отряду фронтовых войск полки 1-ой дивизии. Вр. П-во этому воспротивилось, но согласилось «вместо почетного караула» на Царскосельском вокзале за решоткой около царского павильона поставить отряд казаков, принимавших участие в подавлении восстания, т. к. Керенский «раньше всего хотел поблагодарить этих людей».

В конце концов, для его встречи были назначены только 1-ый и 4-ый Дон. каз. полки и конно-артиллеристы, т. е. взвод Л. Гв. 6-ой Дон. запасной батареи. На вокзале в ожидании Керенского ген. Половцев, беседуя с казаками, говорил о представлении к наградам, крестам и медалям раненых и наиболее отличившихся казаков во время подавления восстания. «Но эти молодцы, оказывается, отказались от получения наград». По свидетельству в. ст. Чукавова, казаки, отказываясь от наград, заявили, что за «убийство заблудившихся русских людей они получать награды не желают».

Керенский, приняв на вокзале рапорт командующего войсками и выслушав доклад своего помощника полк. Якубовича, благодарил последнего «за проявленную им энергию при подавлении безпорядков», а ген. Половцеву заявил: «А вам ставлю в вину, что при исполнении ваших обязанностей вы слишком считались с мнением Совета Солд. и Раб. Депутатов». Половцев этим заявлением был обижен и через некоторое время подал в отставку.

Керенский, подойдя к выстроенным казакам, обратился к ним: «Здравствуйте, казаки» (вместо обычного «здравствуйте, товарищи»). И «красноречиво благодарил за их подвиги» и за подавление восстания. Как видим, он благодарил только одни каз. части, как подавившие восстание, и никакие дру-

гие, а части Петроградского гарнизона, на которые указывает г-н Чавдар, Керенский даже не захотел видеть.

А. Падалкин

(Продолжение следует)

РОДИМЫЙ КРАЙ

Как ласково слова эти звучат светлым, — они словно согревают вас на далекой чужбине... Сколько воспоминаний полузабытых, смутно трепещущих, как в утреннем тумане, будят эти слова: родимый край. Край зеленых верб, белых куреней с высоко вскинутыми колодезными журавлями и кизячного дыма. Край весеннего разлива Дона и могильных курганов с легендами о казачьих героях, сложивших свои буйные головушки среди серебристого ковыля. Край удалых и тоскливых мелодий казачьих песен о седой старине, об Азовском сидении, о войнах с бритолобыми бусурманами. Край, где можно услышать такие беспредельно ласковые и теплые слова: «мой балезный, мой сердешный!»

Нет милее для человека своего родного края, нет милее земли, на которой он родился.

«ГВОЗДИК»

Речь идет не о том гвоздике, который забивают в стену, чтобы на нем повесить картину или фотографию.

Это совсем другое. Начнем с вопроса. Вы знаете, что такое степь?

Представьте себе море в спокойную тихую погоду. Это далеко раскинувшееся море покрыто сухой травой, но кое-где из этого пыльного степного покрова высовывается серебристая полынь, незаменимое средство для изгнания малярии. Тут же вьется дорога, а по ней, скрипя плохо смазанными колесами, тащится арба; ее тянут два старых быка. Флегматично, словно во сне, они ступают своими раздвоенными копытами. Иногда слышится, тоже сонное, «цоб-цабэ!», но этот возглас быки совершенно игнорируют и продолжают идти с прежней скоростью.

На совершенно безоблачном небе, неподвижным ярким пятном застыло солнце. В воздухе нет никакого движения и вам кажется, что вы медленно печетесь в какой то огромной духовке или в русской печи.

И вот в этой всеобщей неподвижности, в застывшей от жары тишине, вдруг слышится тягучее и монотонное «гво-о-о-о...» Этот звук порою резко поднимается почти до звенящего дисканта, а потом звучит низкими баритональными нотами: «гво-о-о...» Он рвет тишину, но как бы дополняет ее и совершенно естественно вливается в застывшую степную жару.

На арбе, сдвинув фуражку на глааз, лежит на охапке сена казак. Он возвращается домой, в свой хутор из станицы, и когда эта знойная неподвижность допекла его, он затянул эту песню.

Откуда взялась эта песня без слов, поющаяся в степи, в знойную жару? Возвожно, что эту мелодию начал еще древний скиф. Кто знает?

Всю дорогу казак тянет это длинное, нескончаемое «гво...» а когда подъезжает к своему базу и быки упрутся в закрытые ворота, тогда казак кончит свою песню, резко выговаривая: «...здик!»

Вся эта степная песня состоит из одного слова «гвоздик».

ВАРЕНИКИ С ВИНОГРАДОМ

Наш баркас, черный от недавнего осмоления, поледний раз пронзительно чихнул мотором и остановился у берега. На землю спущена толстая доска, по которой мы сошли на берег.

Раздорская станица раскинулась на берегу Дона, вверх по реке от Ростова. Цымлянская станица считалась столицей донского виноделия, давая на рынок такое замечательное вино, как «Донское игристое», мало чем отличающееся от шампанского «Абрау Дюрсо». Но и Раздорская станица лицом в грязь не ударила перед Цымлянской и вырабатывала также хорошие вина.

И так, вступивши на берег, мы отправились на край станицы, где жил Евграф Гаврилович, приятель моего отца. Мы — это: отец, я

— двенадцатилетний мальчишка — и еще один казак, вместе с нами приехавший в станицу.

Шли мы по кочковатой дороге, вдоль кустистых колючек, разросшихся около плетней. Одна городская девочка, первый раз приехавшая с мамой в станицу и увидев плетень, удивленно вскрикнула:

— Мама, посмотри-ка, заборы из корзин!

Вот у такого то плетня стоял сам Евграф Гаврилович, папин знакомый. После того, как был выполнен необходимый обряд каждой встречи с постоянными вопросами: «Как поживаете, как доехали, все ли благополучно дома, как поживает ваша супруга?» и прочее, Евграф Гаврилович повел нас в свой дом.. Считался он казаком зажиточным и имел дом под железной крышей.

Когда вошли в горницу, большую, в три окна, комнату, нас встретила хозяйка. Поздоровавшись с отцом, а потом подойдя ко мне, изумленно всплеснула руками и засмеялась:

— Господи, зачем же вы парнишку в скоморошью рубашку обрядили?

Я, и правда, был похож если не на скомороха, то на ходячую рекламу американской мукомольной промышленности. Время было вскоре после гражданской войны. Моим родителям пришлось бежать, бросив имущество. Все, во что мы были одеты, давно износилось, особенно у меня, а купить было негде. Какими то путями отец достал несколько мешков из под муки американской «АРА» — организации, которая в то время присылала в Россию продовольственную помощь. Мешки были полотнянными, хорошего качества и из них вышел мне недурной костюмчик: рубашка и короткие штанишки. Беда была в том, что на мешках был напечатан американский герб — орел, слова «АРА» и еще что то непонятное на английском языке. Мать стирала и долго вываривала в золе (мыла тогда не было), но так буквы и не отстирались, и у меня на груди гордо красовался американский орел, под ним «USA» а сзади «АРА» и текст каких то непонятных слов и даже цифр.

Когда отец объяснил все это смеющимся хозяевам, то те окрестили меня «мериканцем» и так звали, пока мы не уехали.

Взрослые, выпив по стопке «сорокаградусной», стали закусывать провяленным чебаком, мне же поднесли стакан вина, наполовину разбавленного водой.

Все это было мне знакомо и никакого удивления не вызвало, хотя я и с удовольствием съел кусок жирной вяленной рыбы. Когда же хозяйка принесла миску вареников, они тоже меня не удивили. Подумаешь, вареники! Моя мать также умела их делать с творогом или вишнями.

Но эти вареники были необычными, и ел я их первый раз. Куда там гоголевским варениками или галушкам, которые сами мазались в сметане, а потом ловко прыгали в раскрытый казачий рот.

Это были вареники, начиненные виноградом. Понимаете? и не каким нибудь паршивеньким виноградишкой, а самым лучшим, сладким, белым мускатным виноградом. (Память еще подсказывает о «Ладане» — крупном, черном винограде и «Дамских пальчиках» — винограде с удлиненными ягодами). Политы они были не какой то там кислой сметаной, а настоящим казачьим каймаком. Вы представляете, какое это было вкусное блюдо?

ВЫМОРОЗКИ

Знаете, что это такое?

Какой либо ваш знакомый станичник приглашает своих приятелей, в том числе и вас, выпить «выморозок». Такое событие происходит, конечно, зимой.

Входите в курень и по казачьему обычаю здороваетесь:

— Здоро́во дневали?

— Слава Богу! — отвечают вам и приглашают садиться.

В доме уже целая компания дружков. Нескончаемым потоком идут рассказы, воспоминания, веселые шутки, «ядерные» остроты, за которыми следуют взрывы смеха.

Хозяин толкает соседа:

— Ну ка, Федотыч, готово?

Оба выходят из куреня. Через пяток минут возвращаются с кувшином вина. Его разливают по стаканам или чашкам, и каждый, набрав глоток в рот, смакует, а потом кто нибудь скажет:

— Да, винцо ищо слабовато. Подождем немного, — и переходит на какое нибудь воспоминание из времен гражданской войны.

Через полчаса хозяин приносит еще кувшин вина, и все пьют и опять кто то медленно изречет:

— Ищо слабовато.

В чем же дело? Во дворе, на крепком морозе стоит ведро с вином. Сверху образуется корочка льда. Хозяин приходит, снимает лед, наливает в кувшин вино и уходит. В то время, когда в курене пьют и разговаривают, в ведре образуется новая пластинка льда, его выбрасывают и дают заморозиться еще раз. Лед образуется из воды, которая находится в

вине, с каждым разом воды отается все меньше. Вино превращается в густой и крепкий напиток. Последний кувшин с остатками вымороженного вина напоминает скорее крепкий коньяк, чем слабенькое виноградное вино. После пробы «выморозок» все с трудом возвращаются домой на слабых и расползающихся ногах.

РЫБЬЯ КАША

Не помню, в то же лето или в другое, отец взял меня с собой в Богаевскую станицу. Сна расположена также на берегу Дона, недалеко от Раздор. Станица стоит на ровном месте, но на обрывистом берегу. Противоположный берег покрыт лесом и недалеко от этого берега из воды выдвинулась узкая и длинная песчаная отмель, которую все звали косой.

Казак, знакомый моего отца, был рыболов и сказал, что он поставил перемет между косой и лесистым берегом. Утром следующего дня обещал накормить, необычной для нас, рыбьей кашей.

Семен, взрослый сын хозяина, рано утром должен был ехать на лодке к перемету и снять с него рыбу, а потом, на другом берегу, приготовить эту рыбью кашу. К тому времени, на другой лодке, хозяин с моим отцом должны прибыть к этому берегу.

Ночью, когда на востоке начал светлеть горизонт, Семен разбудил меня. По пустынным станичным улицам мы направились к реке. Кое где начали перекликаться петухи, или кочеты, как называют их казаки. Отомкнув замок у цепи, которая была прикреплена к лодке, Семен подсадил меня на сидение и с силой оттолкнул лодку от берега. Лодка быстро подошла к косе и обогнув ее, приблизилась к перемету.

Услышав в первый раз слово «перемет», мне почему то казалось, что он должен обязательно походить на пулемет и если не стреляет, то ловит рыбу каким то совершенно необычным способом. На деле ж, все оказалось гораздо проще. На берегу и на косе были вбиты колья и к ним крепко привязаны концы толстой веревки, которая опускалась под воду. Примерно через каждые полметра, к этой веревке были подвязаны лески с крючками, с нанизанными на них червями.

Семен стал поднимать веревку и из воды показывались трепещущие чебаки и сулы, некоторые же крючки были без рыб и без червей.

Собрав всех пойманных рыб, мы поплыли к берегу.

Суть рыбьей каши заключалась в следующем: от каждой рыбы отрезался только жир от спинки и брюшка, брались также икра и молоки и все это бросалось в чугунный котел. Долив немного воды, посолив и поперчив, котел ставили на огонь.

Все это, в конце концов, уваривалось и превращалось, действительно, в жирную рыбью кашу, где крупа заменялась икрой. Блюдо это очень вкусное, но так как оно очень жирное, то много съесть нельзя.

Н. Мишаткин
(«Новое Русское Слово»)

ПЕРВАЯ СЪЕМКА

(Примечание. — В 1921 г. часть Белой Армии ген. Врангеля была вывезена с острова Лемноса и из Галлиполи в Югославию. Осенью того же года наиболее сохранившиеся воинские части были призваны к несению пограничной службы на границах Королевства С.Х.С. с Венгрией, Италией, Грецией и т. д.

К этому периоду и относится нижеследующий рассказ.)

Мой пост № 4 на венгерской границе стоит на самом берегу Дравы. Помещение, землянка с единственным маленьким окном, дающим очень ограниченный обзор местности в сторону границы, с соломенной крышей, окружено небольшой площадкой. Четвертой стеной его является вертикально срезанный откос глиненного берега реки. В землянке сыро и холодно; неумело сложенная печь дымит и не греет.

Шагах в десяти от поста стоит водяная мельница, прочно укрепленная на цепях и канатах. Река Драва здесь широка, многоводна, с мощным стремительным течением, водоворотами и глубокими ямами. Берег по-

крыт вербами, зарослями тальника и высокой травой.

Сообщение с постами, расположенными на противоположном берегу Дравы, трудное и опасное: чтобы попасть в нужную точку переправы, приходится сначала подниматься вверх по течению чуть ли не на километр и потом лишь, отправив лодку наискось, начинать настоящую переправу. Часто приходится издали следить за этим: все казаки поста так или иначе умеют плавать, а сербы нет. Из-за них увеличивается ответственность начальника поста. Ночью, кроме самых исключительных случаев, переправа через Драву запрещена.

На нашем берегу проще: до поста № 5, которым командует М. М. Ротов, от нас идет тропинка, огибающая небольшое озеро. Несколько в стороне разбросаны домики местных жителей — хорватских крестьян. Все они дружелюбно относятся к нам и казаки этого вполне заслуживают. Венгерские же патрули, осведомленные о том, что с другой стороны границы службу несут казаки, первые приветствуют нас при встрече. Из предосторожности, сербов мы отсылали в сторону или прикрывали собой: венгры их ненавидят и были уже случаи до нас обмена выстрелами между ними.

Наблюдение за границей ведется беспрерывно часовыми на самом посту парными патрулями, высылаемыми в обе стороны, и днем поверкой пропусков у крестьян, появляющихся в пограничной зоне. Ночью в разных местах выставляют засады. С наступлением зимы условия жизни и службы стали очень тяжелыми: снег по-пояс, в землянке чернила замерзают в пузырьке; мизерного жалования еле-еле хватает, чтобы расплатиться с хорватами, у которых мы столуемся; книг для чтения нет почти никаких, а о развлечениях и думать не приходится. Время проходит в несении службы на границе, а в часы перерывов в изучении устава и просмотре «Полицейского Вестника» со сведениями и фотографиями преступников, контрабандистов и опасных шпионов.

Чтобы как нибудь занять казаков, читаю им историю нашего полка, устраиваю репетиции, навожу их на разные вопросы и рассказываю, что сам знаю. В общем — безпросветная скука, однообразие, полная оторванность от жизни, бьющей где-то вдалеке от поста.

Граница на нашем участке начинается метрах в двухстах от поста, в месте впадения в Драву небольшого, но глубокого ручья. К востоку граница уходит по середине Дравы. К западу же она тянется по этому ручью, густо поросшему высоким камышом и кустарником. Тропинок вдоль ручья нет и при осмотре границы приходится продираться через сплошные заросли, что довольно трудно и утомительно, когда на плече висит заряженная винтовка.

По долгу службы начальник поста должен был периодически обходить лично весь свой участок. И вот как-то, выходя из этих самых зарослей на небольшое поле, в конце которого одиноко стоял домик лесничего, я увидел, как его парнишка, никак не ожидавший моего появления и не заметивший меня, перебрасывает через ручей небольшой сверток... На венгерском берегу сверток был пойман на лету каким-то человеком в военной форме. На мой оклик он бросился в кусты и исчез. Я арестовал мальчишку. На крыше дома лесничего стояла баба и издали наблюдала за происходившем...

Отправленный мною в штаб пограничной роты парнишка был вскоре отпущен обратно. Об его отце-лесничем у меня были сведения неблагоприятные, как о сторонике Венгрии, помогающим ей шпионажем и не брезгающим контрабандой. Причиной благосклонного отношения к лесничему нашего командира роты — капитана второго класса Танасия Тепавчевича — я особенно не интересовался: Танасий Тепавчевич был командир, а я капрал в его подчинении. И дело заглохло, только лесничий стал осторожен со мной.

Но происшедший инцидент показал мне ясно, что в районе дома лесничего повседневная жизнь идет гораздо более интенсивно, чем мог об этом предполагать я сам и казаки моего поста, а кроме того и это самое главное — что все мы совершенно не знали деталей границы нашего участка. По этим соображениям и от части от скуки, я решил произвести полезную работу: сделать съемку окрестностей поста. Среди моего скудного багажа я нашел чудом сохранившийся еще с Новочеркасска маленький компас, пристроил его к небольшой дощечке с листом бумаги, вырванным из тетрадки, и перебрав все, что запомнил из курса топографии по юнкерскому училищу, отправился на съемку. Оказалось плохо без резинки, но с этим затруднением я справился, заменив ее мякишем свежего хлеба. Карандашей же на посту нашлось целых два. И даже оказалась маленькая линейка. Работа сразу увлекла меня, и через несколько дней лист на дощечке, несмотря на свой грязный вид, стал настоящим и интереснейшим планом расположения поста № 4. Теперь все было ясно: и мало выраженный рельеф

местности, и удобные для скрытного перехода границы места, и все остальное. Я бережно переснял план на чистый лист бумаги, приклеил его к куску картона и с удовлетворением повесил мое произведение в землянке, около единственного окна.

При первом же посещении поста, капитан Танасий Тепавчевич, произведенный в офицеры из нижних чинов за отличие в Германскую войну, сразу заинтересовался моей картой. Он, как и его помощник — поручик Миланович, принадлежал к самой многочисленной категории офицеров тогдашней Сербской Армии доблестных служак и горячих патриотов своей страны, благодаря которым маленькая, истерзанная войной, Сербия смогла выйти из войны победительницей и широко развернуть пределы своего бедного и полудикого королевства. Этим офицерам не хватало только одного — культуры и они отлично чувствовали и сознавали свою слабость.

Не могу сейчас, как и в дальнейшем, воспроизвести по сербски отрывки разных разговоров. Жалею об этом, так-как для неопытного человека русского происхождения, сербская речь часто носит печать своеобразного тяжело-грубоватого юмора, уснащенного меткостью и неприличностью выражений. Язык забывается, но я постараюсь придерживаться возможно ближе высказанных мыслей, слов и настроений. Итак, Тепавчевич, поверив постовые книги и отчетности, обращается ко мне, конечно на «ты», как это принято у сербов в отношении всех подчиненных. «А это что такое?» Он морщит нос и тыкает пальцем в мой план.

«Пограничный участок поста № 4» отвечаю я ему.

«Объясни». Тепавчевич снимает карту со стрелкой вниз. Я мягко сделал вид, что это произошло по рассеянности капитана, верчу съемку в его руках и даю ей надлежащую ориентацию. Он же сопротивляется и весь уходит в слух. Я же говорю ему: «Вот этот маленький черный квадратик — пост № 4. Рядом широкая полоса — Драва. Маленькая стрела указывает, что река течет на северовосток... Эта двойная неровная линия — пограничный ручей. Маленькие крестики, тянущиеся по ней, государственная граница Юго-Славии и Венгрии...»

Тепавчевич молча слушает меня, увлеченный объяснениями. Сначала он чего-то не понимает и несколько раз пытается перевернуть план вверх ногами, но я не даю ему сделать это, крепко зажав угол дощечки между моих пальцев. В конце концов я вижу, что надо повторить все, но начиная с азов, то-есть с самых оснований принципов топографической маршрутной съемки. Тогда глаза капитана начинают оживляться, что-то как будто мгновенно осеняет его и он с возбуждением спрашивает: «Кто же это сделал?»

Отвечаю: «Я сам в свободные от службы часы».

«Да ну?..» Тепавчевич с недоверием искоса взглядывает на меня: «Как же так?

«Пешком, с маленьким компасом... вот этим самым», показываю ему его.

«Гм... да», многозначительно произносит капитан и в раздумьи повторяет, «гм... да»... Я не мешаю ему наслаждаться и думать.

Тепавчевич смотрит на план и справа и слева, покачивая головой и бормоча: «Как это красиво... Как это необыкновенно хорошо.» Потом вдруг вскрикивает: «Да, ты ведь большой человек...»

Я не возражаю капитану; то, что такую же съемку у нас должен был уметь сделать любой юнкер, но как это высказать своему командиру, который даже неизвестно где учился грамоте?

Тепавчевич что-то мучительно соображает. От усилий и переживаний он весь в поту. Капитан сдвигает кепи на затылок, вытирает платком лысеющую голову и, не отводя глаз от плана, повторяет: «Да это потрясающе... Ты большой человек...»

Уже собираясь уходить, Тепавчевич начинает как-то мяться на месте.

В конце концов он произносит нерешительным голосом: «А ты... не смог-бы снять весь участок нашей роты?»

Говорю: «Думаю, что да.»

Глаза капитана сразу вспыхивают от удовольствия: «Правда? А сколько для этого потребуется времени и что надо из принадлежностей?»

Я спрашиваю его об общем протяжении границы на вверенном ему участке. Тепавчевич долго подсчитывает, загибает пальцы на руках и отвечает: «Точно нельзя сказать, пограничных карт у нас здесь нет, да и самая граница в некоторых местах еще не установлена международной комиссией. Пожалуй, будет километров пятьдесят, а может быть и больше.»

Мне уже рисуются незнакомые еще линии границы, цепь постов, занятых нашим дивизионом, совершенно самостоятельная работа, полная свободы, втечении целого ряда дней... Но надо ответить так, чтобы было время задержаться на каждом посту, выпить стакан-другой вина с нашими господами, ведь прошло уже около полгода, как мы не виделись, и сделать все надо так, чтобы подобное вре-

мяпрепровождение не пошло в ущерб работе.

Решаю назначить срок с запасом, и, боясь перехватить через край, говорю капитану: «Мне надо дней десять, чтобы снять весь участок границы, вернуться обратно и вырисовать карту на посту, но, конечно, лучше иметь командировку на пятнадцать дней.»

Тепавчевич в восторге. Он обещает сейчас же по своем возвращении в штаб роты отдать приказ о моем назначении на топографическую съемку границы и прислать недостающие мне принадлежности для черчения: приличную бумагу, резинку, тушь, цветные карандаши и т. д. Капитан уходит от меня веселый, возбужденный, подпевая что-то собственным мыслям.

Действительно, дня три спустя я получил официальное предписание произвести в двухнедельный срок съемку границы от поста № 4 на реке Драве до большого села, вернее городка, Леград, расположенного дальше на запад на той-же Драве.

Итак, сдав свой пост сменившему меня хорунжему Номикосову, я совсем налегке вышел в путь, но тут меня сразу охватила нерешительность; согласиться-то я на такое ответственное поручение согласился, а что это будут за километры работы да и сколько их окажется по настоящему? Справлюсь-ли я с такой серьезной задачей?

Но идти на попятный было поздно, а потом очень уж манила временная свобода, начавшаяся ранняя весна, встреча с однополчанами... И я бодро начал работу. У меня сразу-же оказывались съэкономленными один, два дня, так-как район поста № 4 был снят раньше. Поэтому, не спеша, я огибал пограничное озеро, шел потом вдоль него по опушке леса до соседнего поста № 5. Там — полный порядок, необыкновенная чистота и радушие. Сразу, помимо организаторских способностей М. М. Ротова, на посту чувствуется присутствие одной из реликвий старого полка — подхорунжего Тита Чеботарева, большого весельчака, необычайно дисциплинированного, вежливого и вот какого крепкого. Молодые казаки слушаются его безпрекословно. Все подхорунжие, молодцеватые, приветливые.

Сразу устраивается мне постель, а после вечерней еды идет общий хохот, льются песни и льется вино. У нас по казачьему: вне строя резких границ между казаками-офицерами и казаками — не офицерами не существует.

На следующее утро М. М. Ротов объясняет мне, как граница идет дальше. Оказывается чрезвычайно просто — вдоль нового ручья, впадающего в то же озеро. Через несколько километров лес отступает от границы и ручей течет по открытой местности до большого пограничного села Ждала, где стоит пост №6 с подъесаулом и хорунжим Моргуновыми. В самом же селе живет И. Н. Оприц и при нем наш общий дорогой «дядя Степа», то-есть Степан Федорович Ефремов, титулярный советник, казначей и столп Донского дворянства.

Ждала — важное в пограничном смысле село. Это — единственный пункт в восточной части расположения нашей роты, где существует переброшенный через ручей деревяный мост. Наши и венгерские часовые сходятся до середины моста, а окрестные крестьяне переезжают туда и обратно на тележках. С венгерской стороны находится большой офицерский пост, довольно многочисленный, с пулеметами. Наши отношения с венграми очень дружелюбны, но сербских пограничников на мост не ставят, опять-таки во избежание возможных инцидентов на почве расовой обоюдной ненависти. Венгерский офицер неоднократно разрешал разные деликатные вопросы, запросто приглашая к себе на пост И. Н. Оприца.

Снимаю границу, идя вдоль ручья. Вижу — навстречу появляется парный венгерский патруль. Он, заметив меня, замедлил шаг. Пограничники переговариваются. Я поворачиваю к ним левое плечо, на нем — уменьшенного размера, русский офицерский погон со звездочками по чину, а ниже — бело-сине-красный угол. Вслед за этим слышу с венгерской стороны: «Добрый день.» Отвечаю им по венгерски то-же самое, беря под козырек. Венгры желают счастливого пути и мы расходимся.

В Ждале, конечно, задержка. Лежа на матрасе прямо на полу в комнате Степана Федоровича, я часов до трех ночи разговариваю с ним, пока не убеждаюсь, что дядя Степа уже крепко спит и все-таки наговориться не хватило времени.

Утром иду в костел, где нахожу немало наших казаков. Ксендз, у которого квартирует И. Н. Оприц и «дядя» Степа, очень доволен этим. А вечером, в тот-же день воскресенья, мы встречаемся с ним в отдельной комнате местной корчмы, где идет большая гулянка. Пьем обжигающий губы глинтвейн из белого вина, а рядом в большой комнате, увешанной портретами каких-то военных-усачей в австрийской форме, с медалями, сидят и попивают вино или ракию крестьяне пожилого возраста. Молодежь — парни в высоких сапогах, белых рубашках, расшитых золотом жилетах, в шляпах с большими темно-зеле-

ными петушиными перьями, носятся в чардаше под звуки своего-же и, нужно сказать, замечательного сельского оркестра. Девки в цветных сапожках, желтых, красных, светло-зеленых, в широких юбках с доброй сотней складок и богато вышитых рубашках с широкими рукавами, с массой разноцветных длинных лент в волосах. Веселье полное, здоровое. Картина чрезвычайно пестрая, увлекательная, захватывающая...

Но увы, на следующий день надо идти дальше, километры незаметно остаются позади. Я продвигаюсь на запад в совершенно открытой с обеих сторон равнине, где граница с трудом опознается среди полей по редким отметинам. Иду долго, совершенно свободно, как на прогулке, и так добираюсь до поста Кутырева. Он с казаками живет еще хуже меня, то-есть в настоящей лачуге, врытой в землю, посреди голого поля. Кутырев предупреждает, что впереди есть опасное пространство, где граница совсем не отмечена, и сербы и венгры претендуют на это мертвое пространство, покрытое сплошным высоким кустарником и травой. Там уже целый ряд могил — следы кровавых встреч патрулей. Эту местность можно проходить только днем и особенно не задерживаясь на ней. Принимаю все советы к сведению. Дальше работа идет по-прежнему, гладко и быстро, но в конце-концов местность начинает становиться все более и более глухой. Уже не видно ни построек, ни виноградников. Полная тишина и дичь со всех сторон.

Иду очень долго от одной указанной приметы к другой. Слева вдали начинает намечается непрерывной черной лентой прибрежных зарослей ложе реки Дравы. Где-то впереди на ней должен быть большой железно-дорожный мест, и на нем пост есаула Гринева.

Еще несколько километров спустя, Драва поворачивает все круче и круче, сближаясь с моим маршрутом. Уже видна лента воды, а вскоре впереди появляется и кустарник пустынного никому не принадлежащего участка. Он быстро закрывает весь горизонт. Беру направление, кажущееся наиболее полезным, и, отдохнув немного от хотьбы с раннего утра, исчезаю в зарослях.

Приходится идти только по компасу, отсчитывая шаги. Через добрый час, по ровному глухому шуму слева, понимаю, что иду уже невдалеке от Дравы. Однако, несмотря на усталость и трудность продвижения в чаще, приходится ускорить шаг: солнце заметно склоняется к горизонту. Слава Богу, никто в меня не стреляет и как-будто не собирается зарезать, но на сколько еще километров тянется этот проклятый кустарник мне неизвестно, а спать в нем я никак не хочу. Напрягаю усилие. Почти на закате, впереди намечается легкий просвет. Еще через полчаса сразу открывается горизонт: я выхожу из дикого участка на местность, поросшую низкой травой. Драва совсем близко от меня бурлит у подножья высокого обрывистого берега. Метрах в трехстах появляется арка железнодорожного моста. Вздыхаю облегченно и направляюсь прямо к часовому, который указывает мне вагон на запасном пути около моста, в котором живет есаул. Ночь прошла с ним очень приятно, Поутру я, не торопясь, продолжал съемку и благополучно закончил ее у городка Леград, где меня встретил наш Б. П. Шелякин, достойно охранявший на посту с винтовкой «на-ремень» Королевство СХС.

Пост в Легради был последним в расположении нашей роты. Наши офицеры и казаки вели тут чуть-ли не аристократический образ жизни в сравнении с остальными постами: полковник Воронин жил в самом Легради, в венгерской интеллигентной семье, Шелякин и Н. П. Прокофьев все свободное время проводили там-же. Съэкономив несколько дней, я особенно не спешил обратно, но своего поста № 4 мне больше не пришлось увидеть: в Ждале я узнал от И. Н. Оприца, что капитан Тепавчевич приказал прикомандировать мена к штабу нашей роты и велел безотлагательно явиться туда сейчас же по окончании съемки.

Штаб роты находился верстах в пятнадцати от границы, на станции Копривница. На ней происходил полицейский и таможенный контроль пассажиров, едущих поездом Будапешт-Загреб. Там уже были на месте сотник Мигулин и хорунжий Кострюков с группой казаков нашего дивизиона.

Мне было объяснено, что капитан Тепавчевич вызывает меня в Копривницу для того, чтобы дать мне возможность вычертить произведенную съемку в приличных условиях, но позже оказалось, что это не совсем так. Когда я представлялся в штабе Мигулину, как старшему меня в чине, тот сказал мне: «Капитан не находит себе места от нетерпения. Он мечтает возможно скорее получить твою карту, о которой уже растрезвонил всем, да еще так, что нельзя понять толком , кто ее делает: ты или он сам. А дирекция таможни и прочие приятели Тепавчевича не верят ему и говорят, что это, мол, не его ума дело. А капитан им всем предложил пари на несколько бутылок токайского вина, утвер-

ждая, что все они вскоре убедятся в том, что он совсем не осел, а ослы они сами: они увидят у него «его-же» карту всего нашего пограничного района... Вот в чем дело» заключил Мигулин, «и капитан тебя обратно не отпустит».

Я и не пытался протестовать: мне было по душе работать в канцелярии штаба, состоявшего, как оказалось, только из нас троих и самого капитана, спать в чистой и теплой комнате на станции, ходить гулять в близ-лежащий городок.

Когда-же я появился у Тепавчевича, тот так и расплылся от удовольствия. Указав мне мое место в общей комнате канцелярии, где работал и он сам, капитан объявил Мигулину и Кострюкову, что меня беспокоить нельзя, так-как я буду занят «очень важной» работой. Мне он объявил, чтобы я не жалел казенных денег на то, чтобы карта вышла возможно красивее. Съемка ему была нужна в двух экземплярах и времени у меня, мол, на это хоть отбавляй. Капитан добавил, что первый экземпляр все же было бы лучше приготовить поскорее, так-как тогда он быстро-бы «утер нос кое-кому, кто осмеливается говорить, что капитан Тепавчевич не умеет расставлять на границе свои засады и безопасно переправлять наших тайных агентов в Венгрию». Когда Тепавчевич увидел меня склоненного над большим листом ватманской бумаги, с рейсредером в руке, окруженного карандашами и прочими чертежными принадлежностями, он счастливо улыбнулся и от возбуждения даже начал бормотать в полголоса неприличные ругательства...

Все последующие дни он заметно нервничал: часто прерывал свою работу, вставал, говорил очень тихим голосом с Мигулиным, «потому — что «он», то-есть я, «может сделать ошибку». Капитан осторожно обходил мой стол и, стесняясь долго смотреть на карту, спрашивал участливо: «Не слишком ли трудно?» Получив ответ, что работа подвигается нормально, он возвращался к своему радостному настроению. Видимо, всей душой, всеми силами он был со мной и был бы готов помочь мне... если-бы мог делать это.

Я уже заканчивал карту, раскрашивая Драву голубою акварелью, а пограничные леса светло-зеленою, когда Тепавчевич не выдержал: «Черт побери, как это здорово». Он громко щелкнул пальцами и прибавил: «Ну, теперь я их всех»... Не объяснив, что именно он хочет теперь сделать с «ними», капитан, гремя саблею, решительно вышел из канцелярии.

Еще один день спустя, первый экземпляр карты был готов. Тепавчевич все время, видимо, ждал с большим нетерпением момента, когда я ему объявлю об этом. Момент настал. Услышав от меня, что карта закончена, капитан, как напружиненный, вскочил со своего стула, отбросив ручку на какую-то ведомость, где посадил большую кляксу, и застыл с выражением полного блаженства на лице над моей работой. Я спокойно давал ему объяснения, а Тепавчевич от них таял все больше и больше... Но вдруг он резко вышел из оцепенения и почти закричал: «Дайте мне скорее мою ручку с золотым пером...» Своим стило с золотым пером он чрезвычайно дорожил и пользовался только в самых торжественных случаях Капитан пристроился на моем табурете и впился глазами в чертеж. Потом он вскочил с места, схватил на своем столе казенную печать, прижал ее с ожесточением к подушке и вернулся на табурет. Мы все трое молча следили за капитаном, сдерживая улыбку.

Нацелившись на выбранное место, Топавчевич покрутил над ним печатью и потом приложил ее к бумаге, повернув к нам свое лицо. Надо было видеть его в этот момент... Оно окаменело, выражая полное удивление и торжественность...

Когда капитан отнял печать, на бумаге осталось отчетливо отпечатавшееся: «Командир такой-то роты, такого-то отдела, такого- то пограничного округа... и т. д.» Тепавчевич попробовал на клочке бумаги свое золотое перо, задумался на несколько секунд и, скользнув по мне взглядом, как по пустому месту, подписал ниже печати: «Капитан второго класса Танасий Тепавчевич». Он окутал свою подпись тонкой паутиной довольно сложного росчерка, потом добавил дату и «Ст. Копривницы».

«Вот так стрекулист...» подумал я, но Тепавчевич перебил мою мысль:

«Завтра садись за новый экземпляр. Я пошлю его в штаб дивизии, чтобы все видели там, как работает и служит капитан Танасий Тепавчевич. А ты позже получишь за это неделю отпуска, езжай, куда хочешь, хоть в Белград».

В ближайшие дни я вычетил копию моей съемки. Она также торжественно, как и предыдущий экземпляр, была засвидетельствована и подписана капитаном. С необыкновенными предосторожностями капитан ее свернул, запаковал и с сопроводительным пространным письмом-рапортом отправил дальше по начальству.

Первый экземпляр карты был заведен в

полированную рамку и повешен над рабочим столом Тепавчевича.

Как-то уже к вечеру в канцелярию ввалилось человек пять таможенников со своим директором во главе. Капитан, составлявший в это время какую-то очередную отчетность, явно был недоволен их безцеремонным вторжением, но чиновники на это не обратили никакого внимания.

«Танасие, а где-же твоя хваленая карта границы, которой ты прожужжал нам уши?» спросил его один из них, но капитан сделал вид, что не слышит вопроса, наморщил только сильнее свой нос и усиленнее продолжал полушопотом подсчет.

«Да ты еще не привык к небылицам нашего Танасия? Откуда ему сделать карту, когда он не шибко, а каждый свой рапорт рождает в мучениях по нескольку дней. Ведь он так, по недомыслию, поспорил с нами, что у него будет своя собственная карта границы. Ну, отвечай, старый козел, где твоя карта или сознавайся, что проиграл нам токайское», сказал директор таможни, потянув капитана за рукав. Тепавчевич чертыхнулся, освободил свой рукав и, взглянув злобно исподлобья на чиновников, вдруг хитро улыбнулся: «Вон чего захотел... Да вот она», он указал на стену: «смотри, читай и все проглоти, а, главное, мою подпись: Капитан второго класса Танасие Тепавчевич...» Эфект был, как от разорвавшейся рядом бомбы; чиновники мгновенно стихли и, вытаращив глаза, всматривались в карту. После продолжительного гробового молчания один из таможенников процедил язвительным тоном: «Ничего не поделаешь, подпись твоя, значит и карта сделана тобою. Ты выиграл пари. Но скажи, старый жулик, кто этот бедный человек, который помог тебе надуть твое начальство? Мы то тебя знаем хорошо.» Тепавчевич торжествовал; он высокомерно оглядывал таможенников и не спешил с ответом. Помучив их вволю своим молчанием, он указал на меня.

«А... тогда все понятно», протянул директор. «Танасие, ты, действительно, большой жулик, но выигранное тобою ты получишь, хотя понастоящему оно принадлежит русскому подпоручику». Капитан, продолжая насмешливо улыбаться, довольно громко выругался непечатными словами и объявил:

«Ну, а теперь ретируйтесь. У меня нет времени для всех дураков»... Он стал слегка выталкивать чиновников из канцелярии. Однако немного погодя, дверь снова открылась и в канцелярию вошел директор таможни. На этот раз совершенно иным, задабривающим, голосом обратился к Тепавчевичу: «Танасие, хоть ты и надул нас, ты все же не сможешь отказать нам, твоим приятелям, в услуге. Дай нам копию твоей карты, — ты должен понимать, что этот документ нужен и нам.»

Тепавчевич смутился. «Я не могу приказать ему, он кивнул на меня, работать для вас. Попросите его сами, если он согласится, у вас будет копия моей карты, а нет, то вам всей банде ослов придется идти на границу и делать съемку самим. Я даже смогу тогда дать вам и проводника.» Конечно, я охотно согласился и обещал вычертить копию карты для дирекции таможни. Капитан был заметно доволен моим согласием. Говоря откровенно, карта уже порядочно застряла мне в зубах и в шее, но я справился и с третьим экземпляром. Представив его капитану, я понес съемку в таможню, тут же на станции. Чиновники все были вместе, они курили, добродушно переругивались между собой и рассказывали друг другу полуприличные истории.

Карта снова произвела на них большое впечатление. Я выждал удобный момент, чтобы распрощаться с таможниками. Меня задержали. Директор неловко отвернулся в сторону и стал рыться в своем бумажнике, потом он повернулся ко мне и торжественно произнес, протягивая синюю десятидинарную бумажку:

«Возьмите, подпоручик, и выпейте стакан вина: вы, ведь, не даром работали для нас.»

Но я бумажку не взял и, заложив руки назад, поблагодарил его за деньги. Директор вспыхнул и сконфузился.

«А может быть мало?» спросил он с осторожностью. Я рассмеялся и сказал, что мне не надо денег и, чтобы покончить с разговором, просил подарить мне что-нибудь из старых сербских почтовых марок, которые могли бы найтись в архивах таможни. Все остались очень довольны таким выходом из положения.

А несколько дней спустя, я отправился в обещанный отпуск. Вернувшись обратно, я нашел капитана Тепавчевича несколько иным: он держался прямо гоголем, был хорошо выбрит и от его стола доносилось сильное подобие благоухания бриллиантина. Капитан был весел, пощелкивал пальцами и более обыкновенного поносил неприличными словами таможенников и штатских вообще, как никчемные элементы государства. Позже, случайно он проговорился мне:

«Твоя карта имела громадный успех у начальства. Я получил за нее благодарность по дивизии, мне даже дали понять, что за такое

ревностное отношение к службе и инициативу, в дальнейшем может создаться благоприятная обстановка для моего продвижения в следующий чин, а эти дармоеды-таможенники еще смели сомневаться в моих способностях».

Я действительно остался в штабе и до самого конца службы у всех нас с капитаном Тепавчевичем сохранились самые приятные служебные отношения.

Париж. **И. Сагацкий**

ИЗ КАЗАЧЬЕЙ ЖИЗНИ ЗА РУБЕЖОМ И ИЗ ПИСЕМ В РЕДАКЦИЮ «РОД. КРАЯ»

◆ **Незамеченный день.** — Читатели «Род-Края», вероятно, знают о существовании Группы казаков, проживающих в столичном Вашингтоне Северной Америке и его окрестностях. Молодая организация семейного порядка с задачами морального характера; ее антибольшевистское и противокоммунистическое направление определяется казачьим происхождением ее членов.

Недавно исполнилось пятнадцать лет со времени, когда было положено начало существования Группы. Духовным пристанищем Группы является Свято-Предтеченский храм в Вашингтоне.

В ознаменование пятнадцатилетия Группы пишутся эти строки, как свидетельство для будущего историка эмигрантской судьбы казаков, ушедших из родных земель от коммунистического произвола в неизвестное далекое.

Промелькнули незаметно на фоне общей жизни и событий пятнадцать лет скромного и тихого существования Группы. Ушло время в лоно своей вечности. Члены Группы постарели, стали силами беднее, но они не забыли своего казачьего имени и своей родины.

Большинство казаков живет чаяниями на возрождение родных земель и верой в их светлое будущее. Да, многие казаки верят в будущее и все чтят прошлое. Это почитание минувшего выражается в ежегодном торжестве, устраиваемом повсеместно в праздник Покрова Пресвятой Богородицы: этот день не только православный праздник, но и праздник казачий.

Покровское торжество казаков в Вашингтоне началось обедней и общим с сестричеством и хором молебном, за которым было пропето многолетие казакам, их атаманам и всем участникам торжества. Кратко были помянуты усопшие и погибшие в борьбе за веру, правду и справедливость и была пропета им «Вечная память». Закончилось торжество собранием, перед которым была исполнена содержательная художественная программа. Общественный хлеб-соль и дружеская беседа завершили празднество. Надо отметить, что хотя вкусная трапеза была без веселящих напитков, но протекала без всякой скуки и натянутости.

Миновал праздник и все казаки снова ушли в свою частную жизнь и в свои заботы; только по временам задается еще вопрос: почему Группа в печати была указана, как принимавшая участие в выборах атамана по односторонней инструкции организации, именующей себя «Войсковым Советом». Этот вопрос затрагивается по той причине, что группа участия в выборах **не принимала.** Только некоторые отдельные лица из проживающих в Вашингтоне и в Группу не входящие голосовали, разумеется, без ведома Группы.

Пусть эти строки послужат не только информацией, но и казачьим приветом из Вашингтона всем казакам и их семьям, рассеянным по всему белому свету.

Старший Группы: **Ал. Гр. Павлов**
Старейший член Группы бывший Окружной Атаман Верхне-Донского Округа: полковник **Дронов**
Казак Куб. Войска: **Ф. Захаров**

◆ **В Союзе Казаков-комбатантов.** — 27 ноября прошлого года на празднике Атаманского Военного Училища в Париже, секретарь Союза войск. старш. Шляхтин сообщил о награждении председателя Союза ген. Н. Г. Зубова французской médaille de Merite (медаль за заслуги).

Союз Казаков-комбатантов был зарегистрирован в парижской префектуре 16. 3. 26 г., а 2. 4. 32 г. вошел особой секцией во французский Союз Комбатантов (Union Nationale des Combattants).

«К празднованию Францией 50-тилетия

сражения при Вердене — сообщил секретарь Союза — мы получили приглашение присутствовать на этом торжестве, но, к сожалению, ген. Зубов как раз заболел, а я работал и не мог уехать на два дня.

За месяц до 11 ноября, когда должно было состояться празднование, нами было получено от U.N.C. предложение указать лицо, заслуживающее быть отмеченным французскими властями для награждения его médaille de Merite.

Наиболее подходящим был, конечно, наш председатель ген. Зубов, участник войны 1914-17 гг., в продолжении 15 лет находящийся во главе нашего Союза. И после празднования ген. Зубов получил диплом о награждении его медалью.

Такое отношение французских комбатантов к своим соратникам казакам-комбатантам нас очень трогает и мы очень признательны им за то, что один из наших генералов, всеми уважаемый ген. Зубов, был ими так оценен.

Неоднократно мы приглашались на возжигание неугасимой лампады на площади «Этуаль», но трудно было разослать всем казакам приглашения, но отдельные казаки часто присутствовали.

А генералу Зубову, кавалеру французской медали, желаем доброго здравия на многие годы». Сообщил **В. Ш.**

◆ Один из наших читателей обратился с просьбой напечатать в журнале справку об **условиях призыва донцов на действительную службу,** в частности об конях и об вешах, которые казаки должны были иметь собственными, в гвардии и в армейских частях.

Офицеры Л. Гв. Казачьего полка на заданные вопросы по этому поводу дали следующие справки. В Гвардию (Л. Гв. Казачий и Л. Гв. Атаманский полки) казак приходил со своим конем, не менее $2^1/_2$ вершков, имея при нем недоуздок, попону, щетку и скребницу. Седло выдавалось полком, так же, как все обмундирование. Из личных вещей собственными были запасная пара белья и «верблюдка» (куртка). После окончания службы гвардейцы уносили всю форму домой. В Лейб-Казачий полк подбирались преимущественно брюнеты, но кони были разных мастей, больше всего гнедых и темных. В Л. Гвардии Атаманский полк попадали больше блондины и были они почти все на рыжих конях.

Существовал обычай, что когда гвардейские казаки, окончив действительную службу, возвращались из Петербурга домой, то при переезде по ЖД мосту через Дон, они бросали свои фуражки в реку в знак своей радости возвращения в родные края и в виде подарка батюшке Тихому Дону. Голубые безкозырки атаманцев и алые лейб-казаков яркими цветами отмечали возвращение служивых. Кажется, нигде в России не было такого обычая так отмечать радость возвращения.

В армейские полки брались кони 2-ух вершков. При коне казак должен был иметь собственными все седло с полным прибором, шашку, пику, патронташ, личное белье. Лишь винтовка выдавалась казной.

◆ **Награждение редактора «Род. Края» Б. А. Богаевского.** — 3 декабря 1966 г. в мерии г. Монморанси во время торжественной церемонии представителем французского Министерства Труда была вручена золотая медаль (d'Honneur de Travail) инженеру Б. А. Богаевскому за 35-тилетнюю службу французской промышленности.

◆ **В дополнение к статье ес. Е. Е. Ковалева «Донские юнкера»** в № 66 и добавочной заметке в № 67 «Род. Края» (стр. 38).

1. Е. Е. Ковалев к выписке о Новочеркасском Каз. Училище из Военной Энциклопедии в № 67 сообщает следующее:

«Учрежденный в 1876 г. казачий отдел при Елисаветградском кавал. Училище в составе 35 человек (один взвод) был переведен в 1886 г. в Новочеркасское каз. Юнкерское Училище».

2. Из Греции П. Талалаев пишет: «Я был юнкером Атаманского Военного Училища с августа 1919 г. до марта 1921 г. и мне хочется сообщить несколько дополнений и внести несколько поправок:

а) Училище ушло из Новочеркасска 25. 12. 1919 г. около 5 часов вечера.

б) Донской Юнкерский Пластунский полк состоял из Атаманского Военного училища (1 конная сотня, 1 пластунская сотня и 1 пулеметная ломанда) и Донского Военного Училища (1 конная сотня, 5 пластунских сотен, 1 пулемет. команда). Таким образом, Дон. пласт. Юнкер. полк состоял из двух конных сотен, шести пластунских сотен и двух пулеметных команд.

в) В бою под Каховкой войск. старш. Жуковский был смертельно ранен и умер через 2 или 3 дня.

г) Я сам Лемносского выпуска, и знаю, что в этом выпуске, кроме хорунжих, были выпущены один сотник и один чиновник (по собственному желанию — портупей-юнкер М. Лысов).

◆ **Из отзывов о сборниках стихов «Луч» (кн. 1 и 2) Порфирия Юшкина Котлубанского.** — «Спасибо вам за ваши прочувствован-

ные стихи, за ваши мысли, за ваш плачь о Родине... Только усилием воли я сдержал себя, чтобы не разрыдаться. Потеряна не только Родина, потерян русский народ, о котором Вы поете... Остатки моего народа вымирают, а новый русский народ это народ будущего...» проф. А. Шнайдеров.

«С большим наслажденим я прочел Ваши две книги «ЛУч»; они как целительный бальзам, ложатся в душу, ибо вечное — казачьи подвиги — остается вечным и незабываемым!

Будучи сам казаком, я с 17-тилетнего возраста, начиная с Быховского сидения, прошел все невзгоды нашей борьбы с мировым злом-коммунизмом, но мне, волею судьбы, пришлось пережить до конца поголовное уничтожение казачества на нашей Родине. Батюшка — Тихий Дон обмелел, захирел — его ведь соединили с Волгой, а в родных станицах — мерзость запустения... и владычествует ХАМ!

Больные раны Вы затронули своими чудными словами о жертвенности, воле и стойдве книги «Луч»; они как целительный балькости казаков, но... раны эти не должны заживать, пока наш батюшка-Дон в неволе!

Спаси Вас Христос за Ваше доброе дело и дар казачеству!..

Свящ. **Михаил Былинский**

«Будучи поклонником Вашей выдающейся и талантливой почзии, я был очень обрадован извещением, что Вы выпустили вторую книгу сборника «Луч». О Вашей новой книге скажу в коротких словах, что отдельные Ваши стихотворения прямо напрашиваются на музыку, и то на старую классическую, а не на модерную какофонию, т. к. в них содержится все, что для этого нужно:

1) Строгая ритмичность (как бы просящая музыки),

2) Благозвучность, построенная на строгой рифме,

3) Короткое, но сильное содержание, построенное на душевных эмоциях. Все эти элементы в музыке (для мелодекламации или хорового пения), подчеркнут для слушателей всю их прелесть...»

Книги «ЛУЧ» можно приобрести по адресу

Al. Gr. Pavlov
1881 Newton Street, N. W
Washinton, D. C. 20010. U.S.A.

Стоимость книги два амер. доллара. Для стран с низкой валютой значительная скидка.

Было бы упущением не сказать, что композитор Р у д и к о в, проживающий в американском Пало-Алто, положил начало музыкальному применению стихотворений сборника «ЛУЧ». — **А. П-в**

◆ **Казачий Словарь-Справочник.** — Сообщение издателей. В результате 10-летней работы поступил в продажу 1-ый том «Каз. Словаря-Справочника» в двух отдельных выпусках. Стоимость - 5 долл. с пересылкой.

Готовится к печати 2-ой том, цена его также 5 долл. с пересылкой. Подписчикам, приславшим до сего дня только подписку за 1-ый том, рекомендуется теперь же подписаться на 2-ой том, и прислав его стоимость помочь издателям ускорить его выход. Заказы и предварительную подписку надлежит направлять по адресу:

THE COSSACK DICTIONARY
Alexei I. Scrilov, Editor
15 Bungalow Avenue
San Anselmo, Ca., U.S.A. 94960

УШЕДШИЕ

† 13 сент. в г. Лиенце (Австрия) после тяжелой болезни скончался Григорий Федорович Фролов, ст. Распопинской В.В.Д. При своей жизни покойный пользовался у местного населения большим уважением и авторитетом, вполне им заслуженными. Это особенно подчеркнул в своей речи священник во время его похорон, состоявшихся при большом стечении народа, пришедшего проводить усопшего к месту вечного упокоения.

†27 сент. в доме для престарелых в С. Рафаель (Франция) скончался подхор. И. С. Коломиец, 81 года, стан. Ново-Титовской Куб. В.

† 17 сент. в Петерсоне (США) скончался ст. ур. П. С. Карпов, 70 лет, ст. Ново-Николаевской В.В.Д.

†21 июня в Худерсфилде (Англия) умер на 66 году жизни хор. Г. И. Михайлов ст. Кумшацкой В.В.Д.

† 6 окт. в Майс Ландинг (США) скончался

войск. старш. Н. И. Бородычев, 78 лет, ст. Терновской Куб. В.

† ноября в Дорнштадте (Германия) скончался И. А. Ефремов, В.В.Д.

† 22 ноября в госпитале г. Немура (Франция) скончался георгиевский кавалер хор. Г. Г. Мушихин, станицы Мигулинской В.В.Д.

† 18 ноября в г. Драгиньяне (Франция) скончался полковник конной артиллерии Ф. Н. Шатов Куб. В.

ДЕНЕЖНЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ В РЕДАКЦИЮ «РОД. КРАЯ»

(С 1 ноября по 15 декабря 1966 г.)

В ьонд Издательства: М. Калмыков — 12 фр., Донец — 10 фр., Елистархов — 50 австр. шилингов, г-же Фетисова в память умершего брата Г. Ф. Фролова, ст. Распопинской В.В.Д. — 30 фр., ес. Н. А. Ломакин — 50 фр., Е. Д. Свинарев (атаман Чернецовской станицы в Фарминдайле) — 37 долл., через Б. Н. Уланова —16 долл. (от д-ра Ряхина — 10 долл., И. И. Медведева — 5 долл., Б. Н. Уланова — 1 долл.).

Для передачи **Дамскому Комитету Каз. Союза:** Сергеев — 30 фр., Максимов — 10 фр., М. Я. Борисов — 10 герм. марок.

От М. Я. Борисова для передачи **Союзу Казаков-Комбатантов** — 10 герм. марок, Каз. Союзу вместо билета на Обще-Казачий бал 25. 2. 67 — 10 герм. мар.

На издание **книги, увековечивающей память Атамана А. М. Каледина:** От марковцев, которых принял на Дону приснопамятный для них Атаман — 100 фр., от Объединения Михайловского Арт. Училища через его секретаря полк. Чернявского — 100 фр., от теперь уже покойного Г. А. Улитина (7-ой вянос) — 20 долл., П. И. Еронина (3-ий взнос) — 10 фр., ген. П. К. Писарева — 10 фр., Г. И. Елисеева — 5 фр., г-жи А. Давыдовой (2 взн.) — 15 фр., ген. Е. И. Балабина (из Чили) — 5 долл., собрано по подписному листу атаманом Казачьей станицы имени полк. Чернецова в Фарминдайле Е. Д. Свинаревым — 72 долл. (А. Кибирев — 10 долл., Д. Свинарев — 10 долл., Д. Фалимонов — 10 долл., А. Афанасьев — 5 долл., М. Усиков — 5 долл., К. Пудовкин — 5 долл., А. Якушев — 5 долл., В. Савченков — 5 долл., М. Юськин — 5 долл., В. Биюк — 5 долл., Т. Козлов — 3 долл., С. Донсков — 2 долл., Г. Аников — 2 долл.)

Ген. Н. Г. Зубов — 30 фр., Б. А. Богаевский (2-ой взн.) — 50 фр., Р. Кузнецов (из Люксембурга) — 10 фр., Е. Кадиков — 10 фр., Максимов — 10 фр., И. Т. Серебряков (из Люксембурга) — 15 фр., Фердинандо Вияль из Чили — 5 долл., г-жа Фетисова (2-ой взн.) — 10 др.

Всех жертвователей просим принять нашу искреннюю благодарность.

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ «РОДИМОГО КРАЯ»

Непринятые рукописи обратно не возвращаются и в переписку о них редакция не вступает. Редакция оставляет за собой право статьи сокращать, не меняя смысла написанного. За статьи, подписанные полным именем автора, редакция не отвечает и они не всегда выражают взгляды редакции.

Корреспонденцию на имя Редакционной Коллегии направлять по адресу:

Mr. Bogaevsky — 230 av. de la Division-Leclerc
95 — Montmorency (France)

Через редакцию «Р. К.» можно выписывать: «Воспоминания ген. А. П. Богаевского» о Ледяном походе, с многочисленными фото-

графиями белых и казачьих вождей (цена 12 фр.,), «Ермак Тимофеевич кн. Сибирский, его сподвижники и продолжатели» Н. М. Мельникова, с ценными иллюстрациями. Стоимость во Франции 8 фр., заграницей — 2 доллара; книжки рассказов неравно скончавшегося донского писателя П. М. Аврамова: «Ковылий Сказ» и «Яровой Сев» (цена 3 франка за оба рассказа, помещенных в одной книге), «Никифор Кашеев» (цена 3.50 фр.), брошюру Н. М. Мельникова («как извращается история», цена 1,50 фр.), Н. Н. Туроверова «Стихи» книга пятая (15 фр.), Н. Н. Воробьева «Кондратий Булавин» (цена 12 фр. или 3 долл.), а также репродукцию в красках с картины С. Г. Королькова «Выдача казаков в Лиенце» (цена 3 фр. плюс пересылка).

◆ Редакция обращается с настоятельной просьбой ко всем своим читателям и подписчикам не задерживаться с внесением подписной платы. Издание «Род. Края» основано исключительно на самоокупаемости, при полной безвозмездной работе всех наших сотрудников. То-есть журнал издается на деньги, за него полученные, и на пожертвования отдельных лиц в Фонд Издательства, иначе говоря на деньги самих читателей, от которых зависит дальнейшее существование «Род. Края».

◆ Сестра розыскивает брата Валентина Климнина рожд. 1904 г. станицы Букановской. Учился в Дон. Кадет. Корпусе в Югославиии. Около 1925 г. переехал в Париж, откуда уехал в 1930 или 1932 г. Писать по адресу:
Mrs A. Pachkevitch.
3700 S. W. Donovan Seatle. Math. 98126. USA.

В субботу 25 февраля 1967 г.

в залах мерии 15 арондисмана г. Парижа состоится

ежегодный традиционный благотворительный

КАЗАЧИЙ БАЛ

устраеваемый

Казачьим Союзом

НОВАЯ КНИГА СТИХОВ НИКОЛАЯ ТУРОВЕРОВА

Цена — 15 фр. для Европы и 3,50 долл. для США.

В Европе книгу можно достать в русских книжных магазинах Парижа или выписать из редакции «Род. Края» или у автора:
N. Touroveroff. Rue Paul Lafargue. Bat. 1. Esc. F. 93 — Pierrefitte. France.

На востоке США: у П. Д. Гульдиева:
4141-44 Str. LI City — New-York. 11104 NY. U.S.A.
или у Н. Е. Королькова:
Freewood Ackers. Farmingdale. New-Jersey. U.S.A.

В Сан Франциско: у представителя журнала «Грани» — А. А. Цвикевича:
2314 — 25th ave. San-Francisco, Calif. 94116. U.S.A.
или в магазине Л. П. Бетхена — 2050 Филлмор стрит или в библиотеке Русского Центра, в часы когда она открыта.

Вышла из печати, под редакцией Н. М. Мельникова, в издательстве «Родимого Края», монография

МИТРОФАН ПЕТРОВИЧ БОГАЕВСКИЙ

В книге 276 стр. и редкие фотографии. Выписывать из редакции «Род. Края». Стоимость во Франции — 16,50 фр., заграницей — 3,50 долл. В книге, кроме яркой обрисовки личности и деятельности Донского Златоуста, перед глазами читателя попутно проходит героическая эпоха Калединского периода истории Дона.

Осталось еще ограниченное количество экземпляров.

РУССКИЙ КНИЖНЫЙ МАГАЗИН В ПАРИЖЕ

— Все новинки книжного рынка —
MAGASIN DU LIVRE
10, rue des Carmes Paris 5
Tél. DANton 25-28.

«ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА»
Редакционная Коллегия: А. Долгополов, Г. Головань и В. Мяч.
ежемесячный журнал, посвященный Первому Кубанскому походу и истории Белых Армий.
Издание Калифорнийского отдела Союза Учасников 1-го Кубанского ген. Корнилова похода
Подписная плата на 1 год (12 номер.) дол. 5.00, на 6 месяцев долл. 3.00, цена отд. номера 0.50 цент. Адрес редакции:
Vasily Miatch. 1624 1/2 Echo Park Ave. Los Angeles. Calif. 90026. USA.

Imprimerie P.I.U.F. - 3, rue du Sabot - Paris (6e)

Родимый Край

ОГЛАВЛЕНИЕ

Христос Воскресе.
Б. Богаевский — «50 лет».
И. Курицин — «Корниловские дни и октябрьский переворот 1917 г.»
П. Кумшацкий — «Судьба».
А. П. Падалкин — «Июльское восстание большевиков в Петрограде и донские казачьи полки» (продолжение).
Юшкин-Котлубанский — «Вопросы».
П. К. — «Еще к вопросу о происхождении казаков».
М. Черныш — «Запорожье и Запорожская Сечь» (продолжение).
Н. Туроверов — «Казачьи заметки».
Н. Вдовкин — «Ко дню Войскового праздника Оренбургского Каз. Войска».
А. И. Третьяков — «Из борьбы донских казаков с большевиками».
Б. Турчанинов — «Путевые заметки».
Ген. М. Зубов — «Донские казачьи дела».
И. Сагацкий — «Об Атаманском Военном Училище».
Я. Богаевский — «Светлой памяти праправнука былинного богатыря Никиты Селяниновича».
«Аргентина».
Ушедшие.
Денежные поступления в редакцию «Род. Края».
От редакционной коллегии «Род. Края».

РОДИМЫЙ КРАЙ

Орган общеказачьей мысли.
Издатель: Донское Войсковое Объединение.
Association des Cosaques du Don
Arr du Ministre de l'Int. J.O. 70 1955

PAYS NATAL MARS — AVRIL 1967
№ 69 — Март-Апрель 1967 г. 3.50
Parait tous les 2 mois. Directeur: *Bogaevsky.*

Редакционная Коллегия: Б. А. Богаевский, А. И. Клочков, В. М. Кузнецов, А. П. Падалкин, Н. Н. Туроверов, Б. Н. Уланов.
Адрес редакции:

B. BOGAEVSKY
230, Av. de la Division-Leclerc
95 — Montmorency
France

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ

Правление Казачьего Союза поздравляет казаков и казачек всех Казачьих Войск с Светлым Праздником Воскресения Христова. Оно шлет им искренние пожелания забыть в этот Великий День повседневные заботы, вытеснить из души побуждения к взаимной вражде и проникнуться братскими чувствами казака к казаку.

Братство в христианском смысле этого слова было раньше основой казачьей жизни. Тот из казаков, кто действительно хочет быть казаком, должен признать высокое значение этого христианского понятия. Основное свойство братства — поддержка друг друга и взаимное прощение обид.

Приблизимся-же в день Святой Пасхи друг к другу, троекратно поцелуемся и от чистого сердца воскликнем:

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

чтобы получить ответный такой-же искренний возглас:

ВОИСТИНУ ВОСКРЕСЕ!

Председатель Каз. Союза **В. Кузнецов**
Секретарь **Н. Ломакин**

Редакция «Род. Края» поздравляет казаков всех Казачьих Войск и всех своих читателей со Светлым Праздником Св. Пасхи и шлет им всем свои наилучшие пожелания всего самого хорошего.

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Редакция «Род. Края»

50 ЛЕТ

В этом 1967 г. советская власть готовится к торжественному празднованию 50-тилетия революционных событий, приведших нашу Родину к небывалой катастрофе.

Большевистскому перевороту предшествовали не менее роковые события, которые подготовили почву для захвата власти большевиками.

Конечно, коммунистическая партия СССР использует эти празднования в целях пропаганды. Уже вышли и будет еще выпущено много литературных трудов, посвященных революции, в которых происшедшее будет описываться так, как это наиболее желательно для коммунизма в данное время. То есть много будет лжи, умалчиваний, подтасовок и извращений. Ибо не нужно никогда забывать, что несмотря на будто бы происшедшие перемены, на поворот от «холодной войны» к «мирному сожительству», идеология и цели коммунистической партии остаются все те же: мировая революция, для достижения которой все средства хороши. Мировая же революция имеет своей конечной целью установление коммунистической диктатуры во всем мире.

Меняется тактика, но стратегия остается та же.

Русская эмиграция и, конечно, мы, казаки, не должны и не можем остаться без-

участными. Слишком много казачьей крови стоили деяния большевиков и их невольных помощников... Слишком много сынов Тихого Дона, вольной Кубани, бурного Терека, Астраханских и Оренбургских степей, сурового Забайкалья, просторной Сибири, мощного Амура и далекой Уссури сложило свои головы в борьбе против красной диктатуры, в борьбе за родные края, за право быть свободными, за честь казачью, за достоинство человека... Велики жертвы казачества... Атаманы Каледин, Дутов, Караулов, Бирюков, ген. Корнилов и многие другие погибли тогда в этой борьбе...

С того времени прошло 50 лет, т. е. половина века, 20-тилетний казак, попавший в 20-ых годах заграницу, уже превратился в 70-тилетнего деда, если не прадеда. А людей, бывших старше в то время, осталось уже немного. Люди 1-ой эмиграции уходят с исторической сцены...

Новые поколения, выросшие за рубежом, в большинстве случаев не дали им соответствующей смены. Мы не будем останавливаться на причинах этого явления, вина ли это их родителей или неизбежная ассимиляция отдельных индивидиумов попавших в иную среду, но факт остается фактом. Им не понятна и чужда идеология их отцов и гораздо ближе образы мышления, взгляды той страны, где они проживают.

Те же поколения, что выросли в Сов. Союзе, воспитывались сов. наукой, в сов. школах и имеют о нашем прошлом, о нашей идеологии чаще всего совершенно превратное понятие или вообще ничего не знают, ибо с малых лет им внушалось то, что указывала коммунист. партия, не считаясь с правдой. Извращению подвергалось не только недавнее прошлое, но и вся казачья история.

И мы, уходяшие в небытие, должны оставить правдивые свидетельства о том, что было, об истории свободолюбивых Казачьих Войск, об их борьбе с большевизмом.

Казачьи журналы иногда упрекают в том, что в них пишется только о прошлом, мало о настоящем и почти ничего о будущем. Да, пишется о прошлом, ибо события прошлого — уроки для будущего. На ошибках — учатся.

Настоящее зарубежного казачества в данное время имеет скорее грустный характер. Дрязги, раскол, ссоры, доходящие до суда, непримиримость к иному мнению, стремление к призраку власти любой ценой, самовосхваление и самореклама... и так мало реального дела. На страницах русских газет оппоненты обливают друг друга грязью в самой грубой некорректной форме, не гнущаясь подтасовкой фактов, «передергиванием»... Стыдно становится за авторов, имеющих порой высокие военные звания или получивших высшее образование. Такой род полемики доказывает лишь убожество их мышления, их миросозерцания... Все это прикрывается громкими словами о высоких идеалах, о верности заветам старины, о непримиримости с коммунизмом. Да, мы непримиримы друг к другу, но гораздо более терпимы к тем, кто проповедуют эволюцию коммунист. партии, цели которой остались неизменными и для достижения которых яд коммунистического учения прикрывается благородными фразами об его человечности и стремлении к мирному сожительству, к счастью человека.

Эта непримиримость к друг другу в каз. среде, да и вообще в русской эмиграции, умело вызывается и поддерживается темными силами, вызывающими ссоры и нелады, основанные на слабых сторонах человеческой натуры, на будто бы оскорбленном самолюбии, на попрании идеалов. Противники обвиняют друг друга в том, что противная сторона — «разлагатели казачества». По существу таковыми являются все те, кто не желает и не хочет считаться, признавать, уважать чужое мнение, при условии, конечно, что оно не потворствует коммунизму. Вот этим людям следует призадуматься, кому выгодны, кому желательны все эти ссоры и дрязги... И кто за всем этим может стоять, стоять совершенно незаметно, но и умело играть на слабых сторонах человеческой натуры, разжигая страсти, подстрекая, выдвигая новые доводы «для оскорбленного самолюбия».

Будущее для нас неизвестно. Мировые события происходят с такой калейдоскопической быстротой, что не только мы — эмигранты, но и «сильные мира сего» не могут предвидеть того, что будет завтра. Меняются отношения между странами и формами их правления, меняются человеческие отношения, громадными шагами идет вперед техника, промышленность, наука, появляются новые факторы, новые понятия. Эта эволюция неизбежна и бороться против нее невозможно.

Происходит эволюция и в среде казачества. И вполне был прав председатель Каз. Союза В. М. Кузнецов в своей речи на Войск. Празднике 1966 г. в Париже, сказавший: «А казаки 19-го и начала 20-го веков разве были те же, что их предки во время Азовского Сидения?». К сожалению, очень многие из нас не отдают или не хотят себе отдать отчета, что жизнь идет вперед, что сейчас другие усло-

вия существования и что нельзя оставаться на уровне начала этого столетия или гражданской войны.

Но есть понятия и учения, которые не меняются в течении многих, многих веков. Высоко моральная идеология религиозных учений — христианства, буддизма удержались и удерживаются в течении многих, многих столетий, несмотря на все происшедшие жизненные перемены.

Достоинства и ценность казачьей идеологии не во внешних формах, а в тех высоких духовных и моральных устоях, которые завещали нам наши предки. Братство, равенство прав, но и обязанностей, а главное — уважение к человеку, к его достоинству, свобода взглядов, мышлений и понятий — вот эти духовные ценности мы обязаны сохранить и передать будущим поколениям.

Об этом должны вспоминать все те, кто именует друг друга «разлагателями казачества» и не желает считаться с иным мнением.

Париж. **Б. Богаевский**

КОРНИЛОВСКИЕ ДНИ И ОКТЯБРЬСКИЙ ПЕРЕВОРОТ 1917 ГОДА

Корниловские дни правильнее было бы назвать делом Керенского, объявившего ген. Корнилова и атамана Каледина изменниками...

Временное Правительство — не лишне это припомнить — одно время требовало выдачи Каледина, на что получило исторический ответ: «С Дона выдачи нет», а позже само пыталось опереться на казаков. Нужно отметить и то, что в конце октября 1917 года, когда Вр. Пр. уже было свергнуто большевиками, атаман Каледин и правительство Дона обращались (безуспешно) с телеграммами к членам Вр. Пр., предлагая им собраться на Дону и отсюда, опираясь на казачество, начать борьбу с большевиками. В отношении последних атаман Каледин и генерал Корнилов обладали общностью взгляда. Взгляд этот бывал высказан очень точно, ясно и честно.

Вот что писал В. Л. Бурцев о Государственном совещании в Москве, куда прибыли ат. Каледин и ген. Корнилов, встреченные овациями:

«Огромный зал Московского театра заполнен депутатами, приехавшими с разных концов России и с фронта. Все они горят политическими страстями. Все — это очевидно для всех было и тогда — резко поделились на два лагеря: на тех, кто за большевиков и на тех, кто против большевиков. Все чувствуют, что находятся накануне величайших событий, ожидающих Россию. На кафедре со страстными речами проходят ораторы за ораторами, представители разных течений: к-д, с-р, меньшевики, промышленники, большевики, статские, военные и т. п. Со страстной речью выступил и ген. Каледин. Он говорил об угрожающем положении России, об ее великом прошлом и великом будущем, о казаках и об их роли в общей борьбе за Россию, о предательстве большевиков и т. д. А. М. Каледин взволновал тогда всех нас, и он был для нас — нашим Калединым.

На той же кафедре, в тот же день говорил и ген. Л. Г. Корнилов. Он говорил приблизительно то же самое, что и ген. Каледин. Во время речей ген. А. М. Каледина и Л. Г. Корнилова мы не делились на «мы» и «вы» — все вместе аплодировали обоим им и все вместе отбивали яростные нападки на них большевиков и их союзников. В то время все антибольшевики чувствовали себя членами одного общего течения».

Ген. Каледин говорил от имени 12 казачьих Войск. Привожу выдержку из его декларации: «С глубокой скорбью отмечая общее расстройство народного организма, расстройство в тылу и на фронте, развал дисциплины в войсках и отсутствие власти на местах, преступное разжигание вражды между классами, попустительство в деле расхищения государственной власти безответственными организациями как в центре, так и внутри на местах, грозное падение производительности труда, потрясение финансов, промышленности и транспорта, казачество призывает все живые силы страны к объединению, труду и самопожертвованию во имя спасения родины.

В глубоком убеждении, что в дни смертельной опасности для существования Родины все должно быть принесено в жертву, казачество полагает, что сохранение родины тре-

бует прежде всего доведения войны до победного конца в полном единении с нашими союзниками. Пораженцам не должно быть места в правительстве. Россия должна быть единой. Всяким сепаратным стремлениям должен быть поставлен предел в самом зародыше. Дисциплина в армии должна быть поднята и укреплена самыми решительными мерами; тыл и фронт единое целое. В заключение, мы не можем остановиться перед предстоящим государственным событием, на которое весь русский народ смотрит, как на свою конечную надежду положить для нашей многострадальной Родины прочные и твердые основы новой государственной жизни. Мы говорим об Учредительном Собрании. Мы требуем, чтобы во всей подготовительной обстановке и течении самих выборов в Учредительное Собрание Вр. Правительство приняло бы все меры, обеспечивающие правильность и закономерность выборов на всем пространстве земли русской. Мы полагаем, что местом созыва Учредит. Собрания должна быть Москва, как по своему историческому и центральному положению, так и в интересах спокойной и планомерной работы Учредительного Собрания. Время слов прошло, терпение народа истощается. Нужно делать великое дело спасения Родины».

Так говорил и Каленин и Корнилов, люди из тех, которые говорят то, что думают и которые делают то, что говорят. Как же развернулись события?

После того, как Государственное совещание закончилось, атаман ген. Каледин возвратился на Дон, а генерал Корнилов — на фронт. С фронта он не раз честно и прямо предупреждал Вр. Пр. о том, что германо-большевицкие агитаторы, агенты и шпионы разваливают армию. Но во Вр. Правительстве не хотели слушать предостережений. Очнулись только после Калушского разгрома и позора армии Брусилова. 22 июля Корнилов был назначен командующим Юго-Западного Фронта. Первым его жестом было требование прекратить наступление, легкомысленно начатое Керенским. 31. июля Корнилов был назначен главнокомандующим. Принимая назначение, он поставил условием, что в военных делах он будет свободен от постороннего вмешательства, что измена будет караться смертью, а меры борьбы с анархией и пораженчеством будут действительно проведены на фронте и в тылу. Испуганное брусиловским поражением, Вр. Правительство приняло все эти условия, но как только острота перепуга миновала, не смогло и не захотело их выполнить. И тогда стало неизбежно столкновение между тем, кому были даны обещания и теми, кто их дал, но не сдержал.

Вся моральная правота в этом столкновении была на стороне Корнилова. Чтобы понять его, достаточно вспомнить сцену, происшедшую в начале августа на заседании Совета Министров, куда главнокомандующий Корнилов был приглашен для обсуждения положения армии. Во время доклада ген. Корнилова Керенский передал ему потихоньку записку, в которой просил его быть осторожным в изложении военных секретов, ибо не все члены Кабинета, оказывается, были надежны. (Савинков, бывший тогда зам. военного министра, пояснил Корнилову, что речь шла о В. Чернове, министре земледелия).

Можно себе представить, каково было настроение ген. Корнилова, когда он встретился с таким неслыханным фактом. Уже одного этого было вполне достаточно, чтобы дать Корнилову право восстать. Однако, Корнилов еще некоторое время сдерживался и сохранял лояльность. Поднял он знамя восстания, лишь будучи вызван и спровоцирован на это Керенским. История эта уже достаточно известна. Керенский сознательно позволил Савинкову и другим своим помощникам войти в конспиративную связь с Корниловым и начать разговоры. Затем он послал к ген. Корнилову Вл. Львова, передавшего Корнилову, что Керенский готов действовать заодно с ним — объявить диктатуру, разогнать советы и силой подавить большевистское движение. Ген. Корнилов, прямой и честный, признался Львову, что он стоит за диктатуру, но хочет поступить в согласии и сговоре с Керенским, которому он все еще верил.

Керенский же, узнав от Львова, что Корнилов сочувствует идее диктатуры, обрадовался, что «заставил Корнилова выдать свои планы», и предложил Вр. Правительству дать Корнилову отставку, на что оно согласилось. Тщетно командующие фронтами и начальник штаба главнокомандующего телеграфировали Керенскому, заклиная его не делать этой роковой и преступной ошибки.

Что оставалось Корнилову, сперва обманутому, затем понявшему, какого рода люди стоят у власти? Бросить все, сдать в их предательские руки судьбу обороны, или открыто выступить против Вр. Правительства. Он предпочел последнее. Но армия уже была разложена изнутри. Корнилов выпустил воззвание:

«Я, генерал Корнилов, сын крестьянина-казака, заявляю всем и каждому, что лично мне ничего не надо, кроме сохранения Вели-

кой России, и я клянусь довести народ путем победы над врагом до Учредительного Собрания, на котором он сам решит свою судьбу. Все, у кого бьется русское сердце... молите Господа о явлении величайшего чуда, спасения родимой земли. Предать же Россию в руки врага и сделать русский народ рабом я не могу, не в силах и предпочитаю умереть на поле чести и брани, чтобы не видеть позора и срама русской земли. Русской народ! В твоих руках жизнь твоей страны...». 14 сентября ген. Корнилов был смещен, а через три дня правительство Керенского выпустило из тюрьмы Троцкого и др.

В декабре 1917 года ген. Корнилов прибыл на Дон и вступил в командование Добровольческой Армией, сформированной ген. Алексеевым под крылышком атамана Каледина. Тихий Дон стал колыбелью Добровольческой Армии. Цель, которую преследовали ген. Алексеев, Каледин и Корнилов — борьба с произволом и насилием, борьба за спасение России. На знаменах этой борьбы было начертано: К Учредительному Собранию, т. е. то же самое, что значилось и на знаменах февральской революции. Была проявлена искренняя лояльность. В своей приветственной речи, сказанной им 7 мая при открытии офицерского съезда, созванного с ведома Вр. Правительства, ген. Алексеев, тогда Верхов. Главнокомандующий, точно формулировал настроения офицеров Действующей Армии. Эта речь была полна здорового, глубокого и неподдельного патриотизма и не содержала в себе ни малейшего упрека по адресу Вр. Правительства.

— О —

31 марта 1918 года, под Екатеринодаром, гранатой, направленной рукой русского большевика, ген. Корнилов был убит. Привожу слова Донского Атамана, героя Луцкого прорыва на германском фронте, А. М. Каледина: «Я лично отдаю России и Дону свои силы. Не пожалею и своей жизни». Трагическая смерть его 29 января 1918 года потрясла всех. История заклеймит презрением тех, кто по своекорыстным побуждениям ткал паутину гнусной клеветы вокруг героя, ген. Каледина. Здесь уместно вспомнить следующий случай. В самых последних числах августа, перепуганное выступлением ген. Корнилова, Вр. Правительство, без всяких оснований, руководствуясь лишь появившейся в некоторых газетах провокационной телеграммой (якобы отправленной Дон. Атаманом А. М. Калединым на имя Вр. Правительства), не проверив правильности сообщения, не запросив самого атамана и Донское правительство, не запросив даже собственного Областного Комиссара М. С. Воронкова, спокойно сидевшего в Новочеркасске, где якобы Каледин поднял «мятеж», — Вр. Пр. объявило Донского Атамана изменником. Разве это не произвол со стороны Вр. Пр. по отношению Каледина, который это правительство признавал?

В доказательство привожу полностью следующие подлинные и несомненные телеграммы: «Донской Войсковой Круг признает Временное Коалиционное Правительство единственной властью в стране и выражает уверенность, что Вр. Правительство закрепит добытую свободу, доведет страну до Учредительного Собрания и оградит ее от анархии и разрухи». И вторая, после получения сведений о планах большевиков, адресованная кн. Г. Е. Львову (копия военному министру А. Ф. Керенскому): «Донской Войск. Круг, признавая Коалиционное Правительство единственной властью в стране, приветствует Правительство со вступлением на путь активных мер для спасения родины, ее чести и достоинства. в борьбе с братанием и дезертирством, неповиновением частей, в борьбе с анархией, разрухой, во имя спасения свободы и самой родины, донские казаки горячо стремятся оказать Правительству всемерное содействие».

Это не было только словами. Реальное содействие казачества было оказано 3-5 июля 1917 года в Петрограде, при первом восстании большевиков против Вр. Правительства. Восстание было ликвидировано 1-м и 4-м донскими полками. Еще один пример: В июле, когда на Двинском направлении вспыхнул солдатский бунт с лозунгом «Долой войну», казаки донские, кубанские и драгуны быстро востановили порядок — **без пролития крови.** И что же? Временное Правительство, вместо того, чтобы решительными мерами вести борьбу с главарями большевиков в Петрограде, вступило в борьбу с теми, кто мог быть для него единственной опорой. В центральной России в этот раз не оказалось ни Мининых, ни Пожарских. Огромный процент крестьянского населения пошел за большевиками, соблазненный разделом всех земель между крестьянством, и в результате получил землю... для вечного упокоения.

Большевики совершили вопиющее преступление. Кто же допустил совершить таковое? Все изложенное, суммированное в общий итог, говорит не в пользу Временного Правительства.

Уроки истории печальны и жестоки, но они — поучительны...

США. **И. Курицын**

СУДЬБА

С тобой расстаться, край родимый,
Пришлось мне с очень ранних лет,
Уйти долой, судьбой гонимый,
Как вечный странник, в белый свет.

Остались дом, семья родная,
Приволье степи, Тихий Дон...
Осталось все и с ними были,
Мечты ушли в глубокий сон.

На смену им пришло другое —
Для сердца чуждая статья,
Без тени прошлого — иное
По сути дела и бытья.

Когда то жили по заветам,
Примером брали старшинство,
Блистали верностью обетам,
Законом чтили большинство.

В том большинстве был каждый равен,
Имел права на весь свой век,
Гордился прошлым, вечно славным,
И был всегда, для всех, как человек.

На смену этому пришли названья
Как «ост», «дипи» и... спрос туда,
Где нет уж места для призванья,
Где биржа черного труда.

Марокко.

П. Кумшацкий

ИЮЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ БОЛЬШЕВИКОВ В ПЕТРОГРАДЕ В 1917 г. И ДОНСКИЕ КАЗАЧЬИ ПОЛКИ

(Продолжение № 68)

После подавления восстания, в казармах Преображенского полка состоялось собрание представителей всех полковых комитетов, как фронтовых, так и столичных, посвященное большевистскому выступлению. Присутствовали на нем и представители Совета Солд. и Раб. Депутатов и Командующий войсками ген. Половцев, которому, по его свидетельству, представители фронтовых комитетов задали и такой вопрос: «на какие части столичного гарнизона он мог вполне расчисывать перед началом восстания?» Ген. Половцев «твердо» ответил: «На две: 1-ый и 4-ый Дон. каз. полки». Представители 1-ой гвард. дивизии были этим обижены и представитель Преображенского полка спросил: «А мы?» Ген. Половцев ответил: «Друзья мои, скажите совсем по совести, если бы в самом начале беспорядков я бы вас вызвал с приказанием встретить идущих к Таврическому Дворцу большевиков и остановить их огнем, мог ли я быть совсем уверен, что все ваши роты выйдут на это дело безпрекословно?» — Смущенное молчание явилось красноречивым ответом». На это ген. Половцев, по свидетельству С. В. Болдырева, присутствовавшего на совещании от казаков, сказал: «Вот, видите, а на казаков я мог расчитывать и они безпрекословно все дни восстания выполняли мои приказания». В ответ на это представители фронт. комитетов задали вопрос: «Какие части петроградского гарнизона присягали Вр. П-ву?» Командующий ответил: «Две, 1-ый и 4-ой Дон. каз. полки...» На это представители петроградского гарнизона заявили: «Так они и были обязаны защищать его». Дальше ген. Половцев говорит: «Против этих фактов никто не возражал, а фронтовые депутаты ехидно улыбались».

После подавления восстания подписка в пользу семей казаков, убитых во время беспорядков, в первый же день дала больше 200 тысяч рублей. Инициатива подписки исходила от Экономического Клуба, насмехаясь над которым после подавления восстания обыватели именовали «партией испуганной интеллигенции».

Ген. Половцев свидетельствует и о том, что командир 1-го Дон. каз. полка полк. Траилин за подавление восстания был представлен к производству в генерал-майоры и что пред-

ставление Военному Министру Керенскому было сделано правительственным комиссаром при Штабе Округа поруч. Кузьминым и что в тот же день ген. Половцев поздравил Траилина с генеральским чином. Никаких других производств за подавление восстания не было. Все это свидетельствует о роли и заслугах казаков в дни большевистского восстания 3-5 июня. Пишет ген. Половцев и о том, что при похоронах казаков «правительство устраивает грандиозную манифестацию: участвуют эскадроны и роты от всех частей гарнизона, многочисленные депутации и пр.».

С приездом Керенского начальником Штаба Округа полк. Балабиным, тоже дон. казаком, был составлен список свыше 20-ти большевиков, с Лениным и Троцким во главе, подлежащих аресту. Список был одобрен Вр-ым П-вом и передан Керенским ген. Половцеву. Полк. Балабин разослал на автомобилях офицеров с казаками для производства обысков и арестов. Когда машины уехали, в Штаб Округа пришел Керенский, заявивший, что аресты Троцкого и Стеклова, как членов Совета, нужно отменить. Но получил ответ: «Это невозможно — уже поздно». Но офицер, посланный на квартиру Троцкого для его ареста, нашел там Керенского, который ордер Половцева для производства ареста отменил. Арестованного казаками и доставленного в Штаб Округа Стеклова освободили по требованию Председателя Совета Солд. и Раб. Депутатов — Чхеидзе. В это же время в Павловске казаки Л. Гв. Дон. зап. батареи по собственному почину арестовали знаменитую Суменсон и доставили ее в Штаб Петроград. Округа. Тогда же посылка одной сотни на Семеновский плац «навестить товарищей сорокалетних», собравшихся в количестве до 10 тыс. человек и имевших оружие, было достаточно, чтобы «республика сорокалетних» была ликвидирована в мгновение ока.

Пулеметный полк в 19 тыс. человек списочного состава был разоружен одной сотней казаков. 7-8 тыс. пулеметчиков были отправлены в Штаб Округа, но казаки после ухода полка обшарили казармы и пригнали к Штабу еще партию прятавшихся там.

Начавшееся разоружение рабочей гвардии, в котором казаки играли первостепенную роль, по требованию Совета Солд. и Раб. Деп. было отменено.

Все это дало основание казакам думать, что их жертвы 3-5 июля были напрасны и 7 и 8 июля на Надеждинской улице состоялось закрытое заседание «главарей Казачьего Съезда», на которое был приглашен ген. Половцев. Казаки просили его «осветить политическое положение». После этого «совещания» казаки «говорят о необходимости грозного протеста от лица всего казачества» против «церемоний» п-ва с большевиками и против вмешательства Советов в его распоряжения». Ген. Половцев указывает «на бесполезность такого шага, соединяющуюся с опасностью попасть в контр-революционеры», и высказывает свое «всегдашнее мнение, что в столице их задача охранять объединенное казачество от проникновения в его среду большевизма». Этот его совет был, особенно молодежи, не по душе. (Свидетельство С. В. Болдырева, присутствовавшего на совещании в качестве представителя 1-го Дон. каз. полка).

На другой день, от имени казачества вообще и в частности от имени каз. частей петроградского Военного Округа, Советом Союза Каз. Войск соответствующий протест был подан. В ответ А. Ф. Керенский «согласно решению Вр. П-ва» прислал Командующему Войсками Петроград. Округа распоряжение: «принять меры против вмешательства казаков в распоряжения Вр. П-ва». Распоряжение это, «с наставлениями» в духе, желаемом для П-ва, ген. Половцевым было разослано в каз. части и в Совет Союза Каз. Войск. Все это видимо дало основание проф. С. Мельгунову в его труде «Как большевики захватили власть» написать: «ген. Половцев, бывший Командующий войсками в Петрограде в момент большевистского выступления, счел для себя предприятием «невыгодным» поддерживать правительство, обреченное «на гибель».

Полк. Б. Никитин, бывший начальник контр-разв. отделения Штаба Петрог. Округа и в дни восстания исполнявший обязанности генерал-квартирмейстера Штаба Округа, которому ген. Половцевым была поручена защита Таврич. Дворца, в котором заседал Совет Солд. и Раб. Деп., на который по сведениям Штаба большевики должны были нанести главный удар, чтобы силой заставить его «взять власть в свои руки», в своем труде «Роковые годы» июльскому восстанию посвящает две главы (12-ую «Июльское восстание» и 13-ю — «Последняя карта»), всего 42 стр. В 1-ой описываются события 3-5 июля, а во второй — аресты руководителей восстания, ликвидацию большевистских организаций и разоружение рабочих дружин.

О восстании он пишет: что «уже 2 июля, к 10 ч. вечера, выяснилось, что полки 1-ой Гв. Дивизии во главе с Преображенским полком решили не принимать участия ни с той, ни другой стороны, и «обещают завтра не выйти на улицу» т. е. «будут держать нейтралитет»,

что «2-ая Гв. Дивизия во главе с Финляндским полком, 1-ый запасный полк, 1-ый пулеметный полк и др. части не только выйдут на улицу, но и выступят на стороне большевиков» и что таким образов «пехоты у Главнокомандующего совсем нет», что «из артиллерии выполняют его распоряжения только Л. Гв. 6-ая Дон. зап. батарея, стоящая в Павловске», что юнкера артилл. училищ давно сидят без лошадей и орудий», что «броневые машины официально находились в подчинении Совета Солд. и Раб. Депутатов и выступят на стороне большевиков», что остается кавалерия: 1-ый и 4-ый Дон. каз. полки, 2 эскадрона 9-го запасного кавал. полка и запасные сотни Л. Гв. Сводно-Казачьего полка, стоявшие в Павловске», и что «таким образом ген. Половцеву выступить против большевиков в буквальном смысле не с чем», т. к. «казаки просили, по возможности, без пехоты их не выводить». «Ген. Половцев решил выждать с казаками событий, чтобы использовать их в удобном случае, когда таковой представится».

Полк. Никитин, приехав в Тавр. Дворец и не имея в своем распоряжении никакой воинской силы для его защиты, требовал от президиума Совета Солд. и Раб. Депутатов дать в его распоряжение сначала одну пехот. бригаду, потом полк и наконец только один батальон, и ничего не получил. Военная секция Совета обещала весь гарнизон, но только после обеда 4-го, делегаты Совета Гоц и Анисимов «взялись ехать за Измайловским полком и действительно поехали, но полка не привезли». Через некоторое время после их отъезда «по Невскому проспекту действительно прошел целый полк в полном порядке, да еще с музыкой и с развевающимися знаменами. В Совете приняли его за Измайловский, т. к. он направлялся к Тавр. Дворцу». С подходом полка ко Дворцу выяснилось, что это не измайловцы и что это «не союзники, а враги». Это был «1-ый запасный полк, приведенный большевиками в большом порядке» со всеми офицерами.

Позднее выяснилось, что Гоц и Анисимов «ошиблись адресами и попали не в Измайловский полк, а в какой то другой и обратно выйти на улицу уже было невозможно». Выпустили их оттуда только 5 июля.

«Первые боевые действия открылись в 12 ч. дня 4 июля в Эртелевском переулке у типографии газеты «Новое время»,, куда приехали матросы печатать свои воззвания. Они привезли два пулемета и поставили их по углам переулка и времени от времени открывали из них бестолковый огонь». По личному свидетельству С. В. Болдырева, типографию освободили от матросов казаки 1-го Дон. каз. полка. Матросы не сопротивлялись, и, сдав казакам пулеметы, ушли из типографии.

«Уже с утра в городе, не говоря о том, что по улицам разъезжали броневые автомобили с пулеметами, из которых стреляли в кого и почему неизвестно, большевики поставили команды с пулеметами на некоторых перекрестках улиц, откуда фланкировались главные артерии». «Такая огневая связь была например установлена по всей линии — по Литейному, Невскому и Садовой улице. Эта система прорезала весь Петроград левого берега Невы и отделяла Штаб Округа от Таврического Дворца».

По личным свидетельствам в. ст. Чукавова и др. офицеров 1-го и 4-го Дон. каз. полков, для ликвидации этой «огневой связи» посылались небольшие группы казаков «спугнуть» большевистские команды и это им удавалось, но через короткое время команды эти с пополнением возвращались на свои места и казаки вновь ездили, чтобы их «спугнуть». Игра эта в «кошки-мышки» продолжалась весь день 4 июля.

К 11 ч. дня Таврич. Дворец был окружен десятками тысяч солдат и рабочих, образовавших непроходимую живую стену на сотни саженей в глубину. Однако казак-урядник, посланный начальником Штаба Округа полк. Балабиным для связи в Таврич. Дворец, пробрался туда и явился полк. Никитину. К этому времени в распоряжении Штаба из 12-ти каз. сотен «свободными» оставалось четыре сотни, а остальные восемь были разбросаны по разным частям города, где «вели стычки» с восставшими.

Говоря об этих стычках 4 июля, полк. Никитин пишет, «что нет возможности перечислить все места стычек», но указывает, что они были у «Николаевского вокзала в 1-ом часу дня, затем на углу Литейного и Жуковской в 2 часа, на углу Невского и Садовой в 3 ч., на Садовой в 5 ч., на Невском в 6 ч., на Знаменской площади в 9 ч. вечера. На Литейном проспекте и на Обводном канале стычки происходили весь вечер и продолжались большую часть ночи. На Воскресенской набережной дважды за день большевики обстреливали и пытались громить Контр-Разведку», которую по свидетельству С. В. Болдырева охраняли казаки.

В 4-е ч. по Литейному проходила колонна кронштадских анархистов с черными знаменами. Им помещерилось, что где то вдали казаки. Анархисты в панике открыли огонь из пулемета, поставленного на грузовик. Его

стрельба была поддержана и ружейной стрельбой. Досталось и своим.

Полк. Никитин пишет, что в одной из этих стычек в отряд 1-го Дон. каз. полка была брошена бомба, на углу Невского и Морской, которая вывела из строя убитыми и ранеными 6 казаков и 10 лошадей, что с наступлением вечера начались грабежи: грабили магазины Гостинного Двора, Апраксина Рынка и по Садовой улице. Были сделаны попытки грабежа банков на Невском и частных квартир по Литейному и Жуковской. Для восстановления порядка во все эти места посылались небольшие каз. отряды, которые и разгоняли грабителей.

Троцкий в его «Истории революции» не только не отрицает этих фактов, но подтверждает их, стараясь оправдать их тем, что «изголодавшиеся рабочие» брали только съестные припасы и табак, и отмечает, что в этих случаях казаки «были немилосердны».

Полк. Никитин пишет, что в Совете в это время «продолжали говорить, как притащить Измайловский полк».

Около 8-и ч. вечера 4 июля, несмотря на незначительность сил, оставшихся «свободными» в распоряжении Штаба, после разговора по телефону между полк. Никитиным и Балабиным, ген. Половцев посылает в распоряжение полк. Никитина на защиту Таврич. Дворца 4-ую сотню 1-го Дон. каз. полка и 2-ую сотню 4-го Дон. каз. полка с придачей им двух орудий Л. Гв. 6-ой Дон. запас. батареи. Орудия были под командой подъес. Фолимонова. Отряд выехал с приказанием: «подъехав к толпе, сняться с передков и предложить разойтись и если не разойдутся — открыть огонь».

Далее полк. Никитин рассказывает историю этого маленького каз. отряда, названного впоследствии почему то «отрядом полк. графа Ребиндера».

По личному свидетельству ес. Д. Артемова, офицера 4-ой сотни 1-го Дон. каз. полка, отряд этот был под общей командой командира 4-ой сотни 1-го полка ес. Лащенова.

«Отряд с Дворцовой площади шел на рысях, когда внезапно недалеко от Литейного и Шпалерной попал под пулемет, поставленный на Литейном мосту солдатами Финляндского полка... На улице под прямыми выстрелами пулемета, атаковать его в лоб для маленькой конной группы — предприятие почти безнадежное. Тогда остается прежде всего скрыться в складках местности, т. е. в данном случае по улице за домами», что казаки и сделали. «В тот же момент оба орудия остановились и стали сниматься с передков, но одно из них тут же было окружено восставшими солдатами 1-го Запасного полка; другое орудие, с убитым в спину коренным ездовым Пискуновым, успело проскочить Литейный проспект, сняться с передка и дать три выстрела на 200 шагов гранатой по кучке солдат, окружавших 1-ое орудие. Граната метко разрывается, нанося тяжелый урон противнику, который разбегается, освободив таким образом 1-ое орудие.

Второй выстрел был сделан по пушкам Гочкиса, обстреливавшим казаков с северного берега Невы. Третий снаряд разорвался перед домом Кшесинской, где уже было объявлено новое правительство во главе с Лениным. Разрыв перед окнами дома Кшесинской показал большевикам, что не только существуют защитники Временного правительства, но и выступают активно на его защиту».

В этом эпизоде «отряд теряет 6 казаков убитыми и 26 ранеными. Эпизод этот и был переломом не только в настроениях руководителей восстания, но и в массах восставших солдат и рабочих». Троцкий в своей книге называет его «потерей души энергии». После «эпизода» у Литейного, ес. Лащенов послал в Таврич. Дворец разъезд под командой капитана Цигурия, присоединившегося к казакам в Штабе Округа. В разъезде были два брата 1-го Дон. каз. полка Даниил и Петр Пестрецовы. Разъезд благополучно добрался до Дворца, где было немало большевистских осведомителей во главе с Л. Троцким, которые, наслушавшись рассказов братьев Пестрецовых о «боевых действиях» их отряда, подняли панику среди восставших, которые и стали расходиться по домам, чему способствовал начавшийся ливень.

К 12-ти ч. ночи к Таврич. Дворцу «прибыл весь казачий отряд» под командой ес. Лащенова. К этому времени «было ясно, что восстание кончено». Полк. Никитин, поблагодарив казаков от имени командующего войсками, отпустил их «домой, в казармы». Подтверждают это и офицеры 1-го Дон. каз. полка, а из этого следует, что каз. отряд, посланный в Таврич. Дворец, добрался до него и был «отпущен», а не «растаял» и не «испарился» после эпизода у Литейного, как утверждает Л. Троцкий, и не вернулся в Штаб Округа, «не пробив себе дороги к Таврич. Дворцу», как утверждает Церетелли.

После ухода казаков охрану Таврич. Дворца взяли на себя члены военной секции Совета, которых к этому времени собралось до половины ее состава. Из их числа особую активность в защите Дворца от мятежников в течении всего дня проявил унтер-офицер

Панов, уроженец Донской Области, станицы Каменской, о чем он сам рассказывал и что подтверждали полк. Никитин и член Исполнительного Комитета Сомов.

Полк. Никитин, описывая действия казаков и вообще события 3-5 июля, о действиях других полков, кроме Георгиевской дружины, ничего не говорит. И не потому, что умалчивает об этом, а потому, что никаких других полков, кроме казачьих, не было.

Потери казаков он, за время всего восстания, исчисляет в 20 человек убитых и 70 раненых казаков и выбывших из строя около 100 лошадей». И замечает, что восставшие часто открывали огонь по мирному населению, то-ли для устрашения, то-ли по нервозности, и что «правительственных войск против них не было, т. к. их вообще не имелось, а что было — заканчивает он — то были 1-ый и 4-ый Дон. каз. полки».

После событий 4 июля «отдельные, одиночные раскаты восстания раздавались еще двое суток. То была бессвязная короткая стрельба, преимущественно по ночам, на окраинах и в центре на Адмиральтейской набережной и у Александровского парка». «Известное влияние на руководителей в доме Кшесинской оказал маневр каз. отряда у Литейного моста, точнее выстрелы Л. Гв. 6-ой Дон. запасной батареи, которые показали, что Временное П-во не отказалось от борьбы». Окончательный разгром большевиков начался на рассвете 5 июля», для этого приходилось посылать дружины Георгиевского Союза, юнкеров и казаков. Разъезжая по городу, они без выстрела захватывали большевистские помещения, беря по несколько человек пленных, забирая оружие, бомбы и т. д. «Эти маленькие отряды не знали усталости». При этом не только точно и аккуратно выполняли приказы и поставленные им задачи, но и не редко брали на себя задачи добровольно. «Пойдите прежде всего спать — говорил полковник Никитин одному офицеру донцу из Союза Георгиевских кавалеров — Вы уже 3-ьи сутки ездите без перерыва, я пошлю другого»... «Ну, позвольте хоть еще раз съездить. Об этом просили меня казаки» — упрашивает тот и спешит по новому адресу.

Эти экспедиции, о которых говорит Никитин, по словам ес. Болдырева — во многих случаях состояли из 5-6 казаков и т. к. на такие маленькие группы в каз. полках не хватало офицеров, то начальниками их часто назначались офицеры-казаки из Георгиевской дружины и офицеры из Управления Ген. Штаба, приведенные в Штаб Округа ген. Ю. Романовским под командой полк. Д., т. к. «все равно им в своей канцелярии сегодня служить не придется», а в Штабе Округа они могут «пригодиться».

Когда по городу распространились вести о восстании большевиков, первыми, по собственной инициативе, на защиту Тавр. Дворца прибыл Гвардейский Саперный батальон, и только после него пришел «давно ожидаемый Измайловский полк». Полк. Никитин указывает время прихода измайловцев — 9 часов вечера, но не указывает даты, из общего же описания событий вытекает, что это было 5 июля.

6 июля к полковнику Никитину добровольно пришел сотник (значит — казак, А. П.) с двумя казаками-урядниками, заявившими, что они «хотят убрать Ленина и только что получили сведения, где он находится». Они не просили никакого документа или распоряжения: «люди наши, дайте только нам два грузовика». Полк. Никитин, посоветовавшись с н-ком Ген. Штаба ген. Ю. Романовским, их просьбу выполнил, дав им два груз. автомобиля. Через день, в газетах появились глухие сведения о налете казаков на грузовиках на Выборгской стороне, но Ленина они там не нашли.

Алилуев — отец жены Сталина — в своих воспоминаниях рассказывает, что казаки совершили налет на конспиративную квартиру Ленина на Выборгской стороне примерно через полчаса после ухода оттуда Ленина. Поэтому казаки там его не нашли.

Подтверждает это в своих воспоминаниях и Бонч-Бруевич, бывший в ленинские времена управляющим делами Совнаркома, и упоминают об этом и другие авторы воспоминаний об июльских днях.

(Продолжение следует)

А. П. Падалкин

ВОПРОСЫ

— Бабушка... бабка, что это значит:
Рядом три С и Р на конце?
— Не приставай!.. Не слышишь, как плачут
Малые дети, там на крыльце?!..

—Ну, так скажи же, бабка, скорее!..
Должен я правду знать или нет?
— Жить скоро будем все веселее...
Бросила бабка внуку в ответ.

—Нам будет лучше, бабушка, тоже?!
Вдруг оживившись, внук вопрошал.
— Да... будет лучше, славный, пригожий...
Голос старушки горем дрожал.

Весело внук, тряхнув головою,
Мчится сестренок малых унять.
Шепчет старушка, справляясь с слезою:
— Нет даже хлеба!.. Хлеба где взять?

США. **П. Юшкин-Котлубанский**

ЕЩЕ К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ КАЗАКОВ

Профессор Миллер в своей статье «К вопросу о происхождении Казаков» («Род. Кр. № 63) затронул больной вопрос, и снова подымаются споры, которым и конца не видать. Сам по себе вопрос о происхождении Казаков является вещью весьма заурядной и при наличии доброй воли мог бы быть давным-давно разрешен. Вся беда заключается в том, что его тесно связали с политикой. Каждая из спорящих сторон видит только то, что ей хочется видеть, а в каком соответствии с исторической истиной находится отстаиваемая ими точка зрения, это не важно, а важно только то, чтобы «мой черт был старше.» Надеяться на достижение какого-либо компромисса между спорящими сторонами едвали возможно, т. к. прошло уже 46 лет, как мы, казаки, оказавшись заграницей, подняли этот спор, а разрешение его за это время нисколько не продвинулось вперед, а наоборот запуталось еще больше.

Утешением является то, что этот спор не нами начат и не нами будет закончен. Ведь еще донской атаман М. И. Платов говаривал: «кто мы такие — донские казаки? Языком изъясняемся русским, веру исповедуем православную, а зовут нас русскими — мы обижаемся...» Без видимой причины атаман Платов этих слов не сказал бы, следовательно и в то время были подобные споры.

Казачье самосознание, охарактеризованное атаманом Платовым, сохранилось среди всего Казачества вплоть до гражданской войны. Эта война дала толчек для пробуждения казачьего национализма. Росту его способствовали большевистское зверство и беззаконие, творившееся среди казачьего населения, а так же черезчур предвзятое отношение белого командования ко всему казачьему. Оно считало Казачьи Войска русскими **губерниями** со всем отсюда вытекающим. В то время шла гражданская война и Казачество, истекая кровью, вело непосильную борьбу, так что заниматься выяснением происхождения казаков было некогда. Когда же казаки проиграли войну и оказались заграницей, то времени для размышлений оказалось больше, чем нужно. У каждого казака, помимо его воли, возникал вопрос, а почему же только нам, казакам, приходится платить за побитые горшки? Почему же русский многомиллионный народ дал для борьбы с большевизмом только несколько тысяч бойцов для Добровольческой армии? Ген. Деникин, командовавший этой армией, сказал, что казаки составляли 85% Добрармии. Спрашивается, какой же долей процента может быть выражено число чисто русских бойцов Добрармии по отношению ко всему населению России?

Казаки, попавшие в плен к большевикам, а потом в небольшом количестве ушедшие заграницу, принесли с собой воззвание ген. Брусилова (герой 1-ой мировой войны.). В этом воззвании ген. Брусилов призывал русское офицерство на защиту Родины. Заканчивалось оно словами: «Хоть я и не согласен с доктриной коммунизма, но против горячелюбимой Родины и своего народа я никогда и ни с кем не пойду.» Русское офицерство того времени, в своем подавляющем большинстве,

дралось в рядах Красной армии не за страх, а за совесть, и не только против внешних врагов (поляков), но и против своих, т. е. против Добрармии.

И снова вспоминаются слова атамана Платова: «Языком изъясняемся русским, веру исповедуем православную, а назовут нас русскими — мы обижаемся». Казакам, ушедшим заграницу, и казакам, оставшимся «там», обижаться было на кого и было на что. Горечь изгнания и горечь обиды и породили острый и непримиримый казачий национализм.

Здесь, заграницей, начались поиски казачьих предков и ничем не стесняемая фантазия изыскателей доходит иногда до смешного. Были казаки националисты, которые с изуверской настойчивостью старообрядческого начетчика, отстаивали иногда такие ископаемые «истины» о происхождении казаков, что противная сторона, просто, смеялась им в лицо, настолько были дики и нелепы их доводы. Само собой разумеется, что казак-спорщик твердо верил, что он отстаивает истину, но вся трагедия заключается в том, что этими «липовыми» сведениями казаков снабжают люди, преследующие какую то заднюю мысль, а что еще хуже, казаки слепо верят этим проходимцам, сумевшим втереться в их доверие.

Спор этот был, есть и, повидимому, будет продолжаться и в будущем, а тут еще вторая мировая война добавила лишние темы для этих разговоров. В эту же войну всплыли наверх два забытых лозунга: казачий и русский.

Казачий: «Хоть с чертом, но против большевиков». Русский: «Хоть черт, да свой». Выводы из вышесказанного каждый может делать, сообразуясь со своими вкусами и политическими убеждениями.

Профессор Миллер в своей статье старается лишний раз доказать, что казаки произошли из разного сброду. Им приводится масса документальных данных, доказывающих с неопровержимой точностью, что до татарского нашествия никаких казаков, вообще, не существовало. Все писания историков любителей и казаков националистов, старающихся доказать, что казаки отдельный и особый от русских народ, есть не что иное, как самая досужая и не ни на чем не обоснованная фантазия.

«Таким образом», пишет профессор, «Донские казаки формируются на протяжении первой половины 16-го столетия и во второй половине этого столетия выступают уже, как сформировавшееся Войско Донское.»

Получается явная неувязка: бродячие банды какой то беспардонной шпаны, рыскающие по Дикому Полю и грабящие всех и вся, никому не подвластные, не признающие ни Бога, ни черта, и вдруг... государство. Тут «даже не учившемуся в семинарии» станет ясно и понятно, что в такой короткий промежуток времени из разнузданных разбойничьих шаек создать какую то государственность никак нельзя. Было какое то ядро, поглощавшее все эти бродячие шайки и заставлявшее этих бродяг жить так, как хотело большинство. Кто был этот народ? Как он назывался до татарского нашествия: Черные Клобуки, Торки, Бродники? На этот вопрос никто не может дать точного и исчерпывающего ответа, в том числе и профессор Миллер.

Достопочтенному профессору еще до войны 1914-го года, наверное, приходилось пересекать границу Войска Донского. Переезжал ли он границу Войска с севера, со стороны Великороссии или с запада, со стороны Украины, то сразу было видно, что попал в другое государство: тип построек другой, люди иначе одеты и язык русский тот да не тот и даже отношение к приезжему было иное. Это показывает на то, что какой то народ жил своей жизнью, пережил татарское иго и после татар стал называться Казаками.

Само собой разумеется, что пополнение казаки получали из Великороссии и из Украины. Все приходившие к казакам довольно быстро растворялись в казачьей среде. Это является доказательством того, что государственные и моральные устои у казаков были настолько высоки, что пришельцы беспрекословно принимали все требования новой для них жизни и сливались с казаками, забыв о своем прошлом. Только их фамилии и названия, которые они давали окружающим предметам, напоминали о том, откуда пришли эти люди. Вот один яркий пример. В трех верстах от станицы Вешенской есть озеро Ильмень, а в него впадает маленькая река Волхов. Эти два названия говорят сами за себя: принесли их сюда новгородцы, после разгрома Великого Новгорода Москвой. Группа новгородцев, осевшая здесь, была, нужно полагать, довольно многочисленная, т. к. оказала сильное влияние на разговорную казачью речь и акцент казаков станицы Вешенской единственный и неповторимый во всем Войске Донском.

Еще до первой мировой войны подшучивали над украинским акцентом казаков станиц Луганской и Митякинской: «Як Луганці та Митякінці ні козаки, то черт ма козаків.» Здесь ясно и понятно, что Луганцы и Митя-

кинцы потомки тех запорожцев, которые после какого то совместного похода с донцами остались на Дону.

Историк С. М. Соловьев, говоря о периоде 1054-1228 г.г. упоминает, что кроме Черных Клобуков были еще Бродники, по всем вероятностям сбродные и бродячие шайки позднейших Казаков. Во времена татарского ига, в татарских владениях находилась Сарайская епархия. Христиане находились в пределах Червленного Яра и по караулам возле Хопра по Дону. Была также христианская слобода на верхнем Дону, построенная ханами Батыем и Сартаком. Жители ее обязаны были перевозить через реку купцов и послов. (С. М. Соловьев: «История России».)

Кто были эти христиане, находившиеся на татарской службе? Повидимому, это были предки казаков, получившие это название от татар и забывшие о своем прошлом. Этот народ во время татарского нашествия, видя, что враждующие между собой русские князья не смогут остановить татар, и дабы не быть уничтоженным татарами, изъявил покорность татарам и пошел на их службу. Перед Куликовской битвой он поддержал Москву, поверив, что пришел час избавиться от татар. Куликовская битва решающих результатов не дала и этому народу (казакам) пришлось уходить от татарской мести в Московскую и Киевскую Русь. Поэтому нет ничего удивительного в том, что ехавший в 1389 году в Константинополь Новгородский митрополит Пимен нашел Дон пустым. И как пишет об этом проф. Миллер: «...проплыл на судне весь Дон сверху до низу. На всем Дону не было людей и не было поселений, кроме небольших групп татар, которые с ужасом смотрели на, никогда не виданное ими, судно, плывущее по воде.»

У историка Соловьева тоже имеется описание путешествия митрополита Пимена, но у Соловьева татары без ужаса смотрели на плывущее судно. Кроме того, у него упоминается также о том, что митрополит Пимен видел развалины городов по берегам Дона.

Профессор Миллер доказывает, что казаки выходцы из Золотой Орды. Совершенно верно. Ну, а в Золотую Орду казаки откуда попали? Повидимому, с неба свалились... В Золотой Орде казаков было не сотня и не две, а целый народ. Проф. Миллер это прекрасно знает, но, в силу каких то соображений, он это отрицает. Странно только то, что в его статье «К вопросу о происхождении донских казаков» («Род. Край» № 49) имеется такой пассаж: «Однако не правы и те, которые считают всех казаков русскими по происхождению. Эта ошибка происходила главным образом потому, что казаки говорят по русски и исповедуют православную религию. Но и здесь политические стремления играли значительную роль. Конечно, в формировании Донского Войска русские сыграли значительную роль, особенно выходцы из Рязанского княжества и из Новгородских земель. НО ЕДВА ЛИ РУССКИХ БЫЛО БОЛЬШИНСТВО (подчеркнуто мной). Русская духовная культура была принята главным образом благодаря близости Дона к Московии и постоянным экономическим и политическим связям Дона с Москвой.» Я подчеркнул фразу профессора: «...но едва ли русских было большиство» — спрашивается, кто же представлял большинство? Безымянные бродячие разбойничьи шайки?

Тут профессор что то не договаривает и ударяется в вспомогательно-историческую генеалогию.На эту тему можно говорить до бесконечности, но это никак не является ответом на вопрос: была ли отдельная христианская народность в составе Золотой Орды и с легкой татарской руки превратившаяся в Казаков.

Г. Губарев в своей статье «Наше имя» («Род. Кр.» № 66.), приводит слова русского историка Карамзина, смысл которых сводится к тому, что история Казачества — древнее истории Батыя. Обвинить Карамзина в сочувствии казачьему национализму никак нельзя и если он привел эти слова, то не для красного слова и не из пальца высосал эти сведения, а у него были какие то весьма веские исторические данные, давшие ему право сказать, что история Казачества — древнее истории Батыя.

Будет ли документально и точно доказано, что казаки отдельный от русских народ или нет, но положение Казачества от этого не изменится. Большевики во главе с Лениным считали, что главнейшими врагами коммунистической революции были казаки. Комвласть сделала все возможное, дабы уничтожить Казачество если не все целиком, то хоть частично. Даже сломленное Казачество внушало им опасения и они старались окончательно обезвредить Казачий народ всеми доступными им средствами. Как производилось это «обезвреживанье» и каковы результаты этого «обезвреживанья», это всем известно, повторять тяжело.

Что же касается зарубежного Казачества, то все данные говорят за то, что мы, зарубежные казаки, являемся «последними Могиканами», а поэтому нужно прекратить — смешные со стороны и унизительные для нас

казаков — споры. Нужно использовать всю полноту свободы здешней печати и записать все правдивое и неизвращенное о прошлом нашего народа.

Один журналист поместил свою заметку в крупной русской эмигрантской газете о том, чтобы все сообщения о казачьих делах и спорах помещать в юмористическом отделе газеты. Эта насмешка далеко не первая и, нужно полагать, не последняя. Для нас же казаков все эти насмешки «как с гуся вода». Склока продолжается. Благодаря этой склоке политический вес зарубежного Казачества равен нолю. «Там» Казачество обезврежено на все 100%, а здесь зарубежом мы сами себя «обезвредили» тоже на все 100% и смеются над нами все, кому только не лень.

США **П. К.**

ЗАПОРОЖЬЕ И ЗАПОРОЖСКАЯ СЕЧЬ

(Отрывки из истории запорожского казачества)

(Продолжение № 68)

Возникновение Запорожья. — Часть казачества, не желавшая признать над собой власть притеснителей, была постепенно оттеснена к югу, в низовья днепровских притоков — Тясмина, Роси и т. д. Именно в это время, в начале 16 века, начинает заметно возрастать казачье население на самых отдаленных границах Украины, главным образом в окрестностях Канева и Черкасс. Эти места часто подвергались нападению со стороны татар, — это было причиной того, что магнаты не решались тут обосновываться.

Вот почему с начала 16 века сюда чаще всего переселялись те казаки, которым наступление магнатов-феодалов угрожало неизбежным закрепощением. Не случайно именно район Канева и Черкасс представлялся современниками основным местом сосредоточения украинского казачества. Значительное место в хозяйстве населения этих районов занимало земледелие. Кроме земледелия, не менее важное место в жизни населения этого края занимало рыболовство.

Исключительно важную роль в жизни края играла река Днепр с ее многочисленными притоками. К югу от Канева Днепр течет в полосе лесо-степи, покрытой заливными лугами, густыми зарослями кустарника и лиственными лесами. Правый берег возвышен и круто обрывается к реке у Канева. Ниже Кременчуга лесостепь сменяют безбрежные степи. Левый берег Днепра остается неизменным на всем своем протяжении. На расстоянии приблизительно 400 км. от Канева Днепр круто поворачивает на юг. Могучее течение реки преграждалось здесь каменной грядой из гранита и гнейса, образовавшей знаменитые «Днепровские пороги», занимавшие длинную полосу около 100 км. по течению реки. Пороги представляли собой каменные хребтовидные массы (лавы) высотой от 4 до 7 м., пересекавшие русло Днепра от одного берега до другого. Между «лавами» из воды выступали многочисленные остроконечные каменные скалы, залегающие на большой глубине и составляющие целые гряды. Всех порогов принято считать двенадцать. Порог состоял не из одной, а из нескольких «лав» и гряд.

В районе порогов свободное судоходство было невозможно. Проводить через них суда удавалось лишь с огромными трудностями, тайну чего постигли только запорожцы. Самым опасным из всех порогов был Ненасытец, или «Дид-порог». Он состоял из 7 лав и 12 гряд. Основная их масса сосредоточивалась у правого берега. Это место, где вода при падении с 4,5 м кипела и бурлила, как в гигантском котле,вздымая огромные клубы седой пены, получило название «пекла». Даже весной, в половодье, когда другие пороги покрывались водой, проводить суда через Ненасытец, из-за узости прохода между высокими камнями, было делом очень опасным.

За порогами начинался тот край, который позже получил известность под названием «Запорожья». Здесь Днепр, вырвавшись из каменных теснин, разливается по широкой низменности, которая простирается до берегов Черного моря. Водное пространство Днепра было усеяно тут сотнями больших и ма-

лых островов. Самые значительные Хортица, Великий, Томаковка, Базавлук и т. д. За порогами в Днепр впадает множество степных рек, которые при впадении в Днепр образуют сложную систему протоков и озер, носивших общее название плавней. Плавни представляли собой почти непроходимые заросли камыша и кустарников, напоминавших настоящий лес. Они занимали длинную полосу, тянувшуюся вдоль обоих берегов Днепра. Устье Днепра и местность, прилегавшая к нему, находились в руках татар и турок. Характерной особенностью этой местности является обилие балок и буераков. Первые покрыты, по преимуществу, травой и кустарником, вторые — лесом. Чем ближе к югу, тем балок становится меньше. В балках, буераках, а также по берегам рек росли дикие яблони, вишни, сливы, терн, виноградная лоза и т. п. Встречались рощи дуба, клена, вяза.

Одним из основных богатств края, лежавшего у порогов и за порогами, была в то время рыба. В Днепре и его притоках водились: белуга, осетр, севрюга, стерлядь, сом, сазан, судак, окунь, щука, лещь, тарань и др. Озера, образовавшиеся после спада воды, были так переполнены рыбой, что она гибла от тесноты и, разлагаясь, заражала воздух.

В плавнях водились звери — бобры, выдры, куницы, дикие свиньи, а также водяная птица: утки, гуси, лебеди. В балках и буераках было множество лисиц, волков, медведей, зайцев, хорьков; из птиц водились дрофи, стрепеты, куропатки, тетерева и т. д. В степи паслись табуны диких лошадей, стада диких коз, туры, лоси.

Запорожье, несмотря на многие неблагоприятные условия жизни там, давно привлекало к себе казаков. Уже в начале 16-го века, а возможно и раньше, население ближайших к Запорожью мест, по преимуществу черкасцы и каневцы, начинает хозяйственное освоение этого края. Казаки не только достигают порогов, но проникают значительно ниже их. Уже в 1527 году хан Сагиб-Гирей жаловался литовскому правительству на каневских и черкасских казаков, которые селятся по Днепру у самых татарских кочевий.

В этих местах появляется немало промыслов: рыбные тони, звериные ловы, места соледобычи, пасеки. Промыслы, однако, не являлись единственным занятием казаков у порогов и за порогами. Обильные сочной травой запорожские степи служили прекрасными пастбищами для скотоводства, а тучные нивы — для земледелия.

Вот почему одновременно с промыслами тут возникают и зимовники (хутора). В документе, датированном 15 января 1655 года и называемом универсалом Богдана Хмельницкого, говорится, что на территории, простиравшейся от р. Орели (севернее порогов) вниз до самых степей ногайских и крымских, казаки запорожские свои зимовники имели еще в самом начале 16 века. Зимовники, ввиду постоянной опасности татарских набегов и в силу других причин, долгое время оставались преимущественно хозяйствами скотоводческими.

Зимовники ставились в местах, удобных для пастьбы и водопоя. Они состояли из загонов, загородей (кошар) и жилья (хат, построенных из хвороста и обмазанных глиной, и землянок) и предназначались для содержания скота и лошадей в зимнее время. При зимовниках имелись запасы корма — стога сена, иногда и пасеки. Но в начале 16 века зимовники только еще появлялись на Запорожье. Главное место тут занимали промыслы, в первую очередь рыболовство.

Известная часть промышленников с наступлением зимы уходила с Запорожья на волости. Однако и поле этого край не оставался безлюдным. В зимовниках проживали их владельцы и работники. На месте промыслов оставались люди для охраны лодок, для изготовления и починки снастей и подготовки их к весне и т. д. Именно в зимнее время начинали на Запорожьи свою деятельность охотники. Работа на рыбных промыслах продолжалась до осени. По окончании сезона обработанная рыба и жир грузились на телеги и лодки и сушей или водой отправлялись вверх по Днепру — в Черкасы, Канев, Киев и другие города. Что по Днепру в Киев сплавлялось безмерное количество рыбы отмечает ет в 1550 году современник М. Литвин. Кроме рыбы, из Запорожья вывозились и другие товары. По словам того же Литвина, по Днепру в Киев доставляли мясо, меха, мед, а также соль из таврических лиманов.

С необходимостью сбыта товаров было связано появление тут такого промысла, как чумачество. Владельцами упряжек, нанимавшими себе погонщиков среди казачьей голыдьбы, выступали зажиточные казаки.

Товары, вывозившиеся из Запорожья, пользовались большим спросом. Рыба, например, была в то время одним из распространенных продуктов питания. Меха, а также высококачественная соль, доставляемая раньше преимущественно из Галиции, стоили очень дорого. Владельцы зимовников, рыбных промыслов и т. д. получали немалые доходы. На деньги, вырученные от продажи

своих продуктов, они покупали в городах оружие и припасы, хлеб, снасти, ножи, топоры, одежду и многое другое. Все это отправлялось в низовья Днепра. Кроме того, с Низом вели торговлю купцы украинских городов. За привозимые товары тут платили лошадьми, волами и другими «добытками», а также деньгами.

Образование Запорожской Сечи. — Хозяйственное освоение Запорожья казаками теснейшим образом связано с появлением здесь Сечи, сыгравшей впоследствии столь выдающуюся роль в освободительной борьбе украинского народа. Вопрос о времени возникновения и месте основания Сечи принадлежит к числу наиболее сложных. Решение его затрудняется отсутствием прямых указаний источников. Украинские летописи, к сожалению, не сохранили решительно никаких данных, которые могли бы помочь выяснить этот важный вопрос.

Продвижение феодалов к низовью Днепра в первые десятилетия 16 века служило грозным предостережением для украинского народа (казачества). Весьма показательным в этом отношении было положение, создавшееся к этому времени в Каневском и Черкасском старостве. Опасность дальнейшего продвижения феодалов на юг особенно возросло после подавления украинского восстания 1536 года в Черкассах и Каневе.

Литовские и польские магнаты стали предпринимать все более решительные попытки овладеть запорожскими землями и превратить в своих подданных живущих там казаков. Каневское и Черкасское староства стали служить как бы плацдармом для феодалов в деле осуществения их намерений.

В 30-х годах 16-го века управление обоими староствами получил князь М. А. Вишневецкий, при котором наступление литовских магнатов на Запорожье усилилось. Он несколько раз вторгался со своими отрядами на Запорожье, запорожцы, однако, успешно отбивали все эти попытки, и Вишневецкий решил прибегнуть к другим мерам.

В 1540 г., надеясь выманить казаков из Запорожья, он обратился к ним с королевской грамотой. Последняя призывала казаков добровольно вернуться в староства. В случае повиновения казакам было обещано не подвергать их тем наказаниям, какие предусматривались для ушедших в «Московские земли». Обращение это, как и следовало ожидать, осталось без всякого ответа, т. к. запорожцы прекрасно понимали его истинные цели. Более того, численность запорожских казаков, в связи со все усиливавшимся угнетением народных масс и бегством крестьян и мещан, непрерывно увеличивалась.

Опасность подстерегавшая запорожцев со стороны литовских и польских магнатов, была, однако, не единственной. Над запорожцами постоянно висела другая страшная угроза: быть застигнутыми врасплох татарами и быть истребленными или захваченными в плен.

Современник (1540 г.), впоследствии барский староста, отмечая частичные нападения татар на степных промышленников, писал, что «не проходит года без того, чтобы татары не увели в неволю рыболовов». Казаки, со своей стороны, не оставляли безнаказанными насильников. Они совершали ответные нападения на татар и турок.

В 1545 г., когда царевич Эмин-Гирей, направившийся с отрядом татар на Белгород (Аккерман) на помощь султану, пытался переправиться через Днепр, «козаки на него ударили, инших побили, а инших поймали, а сам Эмин-Гирей едве втек до Бела города».

Опасность, подстерегавшая казаков с двух сторон, заставила их с самого начала заботиться об устройстве укрнплений в районе уходов.

Если в местах, на которые не распространялась власть старост, подобные укрепления можно было строить без особых препятствий со стороны последних, то на территории староств казаки встречали в этом отношении большие затруднения.

Первое упоминание о существовании у казаков укреплений за днепровскими порогами оставил нам Мартин Бельский (1494-1575 гг.). Казакам Бельский посвятил в своей Хронике специальный отдел «О казаках». «Эти люди — пишет он — постоянно заняты ловлей рыбы на Низу (на Днепре и его притоках.), там же сушат ее без соли». Пробыв тут лето, казаки, по словам Бельского, расходятся на зиму по ближайшим городам, как например, Киев, Черкассы и др., оставив на острове, на безопасном месте, на Днепре, лодки и несколько человек на коше, как они говорят, «при стрельбе», так как имеют у себя и пушки, взятые в турецких крепостях и отбитые у татар.

На том основании, что раздел «О казаках» помещен в Хронике Бельского за описанием событий 1574 года, некоторые историки сделали вывод, что данные, сообщаемые им, относятся к 70-м годам 16 века.

Основание казаками Коша за порогами следует считать ни чем иным, как образованием Запорожской Сечи.

Понятно, что это произошло не внезапно, а

в процессе длительной борьбы казаков против польских и литовских феодалов с одной стороны, татарских и турецких захватчиков — с другой. Эта борьба, точно также как и создание организации запорожских казаков, заняли, конечно, не одно десятилетие.

Бельский не только сообщил нам о существовании казачьего «Коша» за порогами, но указал также и место, где он находится. По его словам, к югу от острова Хортицы разсположен другой остров, называемый Томаковкой, на котором чаще всего живут низовые казаки и который служит им по существу сильнейшей крепостью на Днепре.

Остров Томаковка расположен приблизительно в 60 км. южнее Хортицы, получил свое название от одноименной реки. Река Томаковка, правый приток Днепра, подходит к острову с восточной стороны. Остров Томаковка, господствующий над окрестностями, представлял собою прекрасное естественное укрепление. Остров два с половиной км. в диаметре, почти круглый и возвышенный в виде полушария, весь покрытый лесом; с вершины его видно все течение Днепра от Хортицы до Тавани. Другой современник С. Зборовский, побывавший на Томаковке во второй половине 16 века, передавал, что остров этот «так широк, что может вместить 20 тысяч человек и немало лошадей». По данным Боплана окружность острова равна 6 км., а поверхность 350 гектаров.

Осваивая Томаковку, запорожцы возвели на острове земляные валы и построили деревянные палисады. Эти укрепления были затем опоясаны глубоким рвом. Чтобы сделать стров неприступным в зимнее время, казаки делали проруби на реке. Когда проруби покрывались тонкой пленкой льда, их засыпали снегом. Врага, пытавшегося подойти по льду к острову, ждала тут верная гибель.

Валы и палисады соединялись сторожевыми башнями, образуя собственно «Сечь» (крепость), из бойниц которой глядели жерла пушек и стволы казачьих самопалов.

Посредине Сечи находилась площадь, или майдан, игравшая важную роль в жизни Сечи. На майдане происходила казачьи рада, на которой решались войсковые дела, выбиралась старшина и т. д. Вокруг майдана располагались войсковые учреждения — канцелярия, пушкарня, склады, дома старшины и т. д. Тут же были кузницы и другие мастерские, в которых изготовляли и починяли оружие, делали порох и т. д.

На площади (майдан) находились войсковые литавры и столб, у которого производились наказания. Наконец, на сечевой площади располагались продолговатые низкие здания, сделанные из обмазанных глиной плетней, покрытые камышем, — Курени. Позднее курени строились из бревен. В куренях жили казаки, составлявшие сечевой гарнизон, а также новоприбывшие в Сечь беглецы.

Подступы к Сечи охранялись сторожевыми вышками, выставляемыми далеко в степь. Казак, стоявший на вышке, внимательно всматривался в растилавшуюся перед ним даль. Заметив врага, он зажигал ворох сухой травы или хвороста (позднее стали зажигать бочки со смолой, приготовленной заранее на вышке), вскакивал на стоявшую внизу оседланную лошадь и мчался к ближайшему наблюдательному пункту. Такие посты носили названее бекетов (пикетов). Пламя и поднимавшийся к небу столб дыма были вестником приближавшейся опасности.

Этот знак передавался от вышки к вышке, и скоро вся Сечь знала о появлении неприятеля.

К юго-западу от Запорожской Сечи русло Днепра резко расширялось. В этом месте Днепр был усеян бесчисленным множеством больших и малых островов. Последние, болотистые в большей части, были покрыты густыми зарослями камыша. Многочисленные извилистые проходы между ними представляли собой настоящий лабиринт, опасный для любого неприятеля. Здесь, в тайниках, врага подстерегали пушки; тут же сновали на челнах казачьи дозоры.

Весь этот комплекс островов, вместе с построенными на них укреплениями, получил название «Войсковой Скарбницы». В Скарбнице стояла казачья флотилия. По преданию, здесь запорожцы хранили войсковую казну (скарб) и другие ценности. Доступ в Скарбницу был закрыт для посторонних. В Войсковой Скарбнице нашло себе могилу много вражеских судов. Здесь погибло немало турецких галер, которые, запутавшись между островами, не могли отыскать дороги, между тем как казаки в своих лодках безнаказанно стреляли по ним из тростников.

Нью-Йорк. США. **М. Черныш**

(Продолжение следует.)

КАЗАЧЬИ ЗАМЕТКИ

Заметка 2-ая.

Говорить о старшинстве казачьих Войск затруднительно, потому что и само понятие старшинства зыбко. Как можно говорить о старшинстве, например, Донского Войска, когда год его основания неизвестен, да и не может быть известен: Войско не город, который был основан такого то года, месяца и числа. Российская империя базировала казачье старшинство на грамотах, адресованных царями УЖЕ проживавшим на местах казакам. Причем осторожно указывалось: старейшая из ОТЫСКАННЫХ грамот. Или откровенно признавалось: старшинство не установлено. Не надо забывать, что старшинство может быть «наследственным», что так очевидно в Кубанском Войске. И если год его основания 1788 (переселение на Кубань остатков запорожцев) бесспорен, то надо помнить о происхождении запорожцев, — начало 16-го века. Империя пошла на компромис, дав старшинство Кубанскому Войску с 1696 года, по старшинству Хоперского полка. В 1696 году хоперские казаки, в числе донских, ворвались в Азов; из их остатков, после Булавинского бунта, поселившихся возле Ново-Хоперской крепости, была образована в 1724 году кон. команда, потом в 1767 г. полк, вошедший только в 1860 году в состав Кубанского Войска.

Если каждому полку хочется быть старше другого, то Войскам и подавно. Этот вопрос остается трудным и мы его коснемся в отдельной заметке. С одной стороны, грамоты и приказы, с другой — жизнь очень часто далеко от этих бумаг уходящая и с ними несогласная. В детстве я слышал от стариков-казаков, что где то есть «голубиная книга» казачества, что св. Егорий с пикой был казаком Клетской станицы, а сотник у гроба Христа — Атаманского полка.

Надо не забывать, что истории казачества или хотя бы Донского Войска нет. Есть только более или менее ценный материал, ждущий своего историка. Был слух, что предлагалось им быть проф. С. Ф. Платонову, он запросил 40.000 руб. (конечно, золотых), это показалось дорого. На культурные дела казачество было всегда скуповато. Поэтому, никогда не расстававшийся с конем, Платов красовался на своем памятнике в пешем строю, а на памятнике Бакланову кроме бурки и папахи, вообще, ничего не было.

На родине общий запрет на казачество еще остается в силе; но робко, застенчиво начинает пробиваться то, что принадлежит уже истории. Всяческое упоминание о казачестве и «там» и «здесь» всегда ценно.

Недавно в Париже вышла книга С. П. Андоленко (в издательстве «Танаис»: А. А. Геринг и Н. И. Катенев): «Нагрудные знаки Русской армии». В этой книге уделено много места казачьим частям. Нагрудный знак части — это ее маленькая металлическая история. Знаки (именовавшиеся обычно: значки) зародились в начале этого века. Недолго они носились на Родине, немного их уцелело за ее рубежом. Мы очень благодарны автору книги о них и ее издателям за право воспроизвести интересующее нас.

Донское Каз. Войско — (18. 2. 1912) — Серебряный венок из дубовых и лавровых ветвей, увенчанный золотым вензелем императора Николая II. На низ венка наложен белый эмалевый георгиевский крест, на ленте ордена. Центр знака залит голубой эмалью, на которой помещен герб Донского Войска (среднее поле серебряное, правое и левое красные, а наверху, на золотом фоне, черный орел). Над гербом царская корона, а по сторонам его 4 императорских знамени. (Герб, корона и знамена золотые). Герб обрамляет георгиевская лента, на которой помещены юбилейные даты: «1570-1870».

Кубанское Каз. Войско. (18. 2. 1912) — Серебряный венок, увенчанный двухглавым золотым орлом, на белом щитке которого поставлена цифра «200». В центре знака золотой соединенный вензель императрицы Екатерины и императора Николая II. Внизу помещен герб Войска. (На золотом щите под царской короной, в верхнем поле, на золотом фоне черный двухглавый орел, а в нижнем, на зеленом — золотая стена). Над щитом голубой штандарт с вензелем Александра II, а по бокам его по два голубых знамени с вензелями Александра 1-го, Павла 1-го, Николая 1-го и Екатерины 2-ой. Внизу знака красная эмальевая лента с юбилейными датами: «1696-1896».

Терское Каз. Войско. (18. 2. 1912) — Золотой двухглавый орел, под коронами, положенный на золотой же венок. На груди орла герб Терского Войска (на черном фоне, серебряная река и золотой императорский штандарт), над гербом серебряные ленты с надписью голубым: «1577-1877», а под ним, на скрещен-

ных золотых шашке и насеке, черный Кавказский крест.

Уральское Каз. Войско. (18. 2. 1912) — Серебряный орел под императорской и царскими коронами, держащий в клювах георгиевскую ленту, а в лапах серебряную атаманскую насеку. На груди орла герб Войска (золотой щит, в верхнем поле, на синем поле два белых осетра, а на нижнем, в красном поле, белый всадник). На крыльях орла голубые щитки с серебряной каймой с вензелем царя Федора Иоанновича и имп. Александра III и юбилейными датами «1591» и «1891».

Астраханское Каз. Войско. (18 2. 1912). — Щит синей эмали наложенный на скрещенные пики и ружья. В центре круглый медальон, верх которого голубой, а низ зеленый с изображением скачущего всадника. Вокруг верхней части щита золотая лента, по которой написано красной эмалью «Астраханское Казачье Войско». Знак увенчан гербом Войска (на синем поле серебряный меч под золотой короной). Внизу знака, на золотой ленте, юбилейные даты: «1750-1850».

Сибирское Каз. Войско. (18. 2. 1912) — Круглый щит красной эмали, окруженный белой эмальевой лентой, на которой малиновым написано: «Царская служилая рать». На щите три золотых вензеля: царя Иоанна Васильевича, и императоров Александра III и Николая II. На низ щита наложена серебряная голова Ермака. Щит лежит на золотом венке из лавровых и дубовых ветвей, увенчанном серебряным двухглавым орлом под золотыми коронами. Над щитом георгиевская лента с датами: «1582 — 1903 — 1882», а под ним белая лента с надписью малиновыми буквами «Сибир. Каз. В.»

Оренбургское Каз. Войско (18. 2. 1912). — Щит, увенчанный казачьей шапкой с голубым верхом и обрамленный голубой лентой с золотым ободком, на банте которого поставлено «1574», год основания Войска. Щит составлен из четырех полос, в верхней, золотой, двухглавый орел на белом поле, под ней голубая полоска, означаючая реку Урал, а еще ниже Андреевский крест на белом поле. На нижней части щита, на золотом поле, лук и стрелы.

Забайкальское Каз. Войско. (31. 10. 1914). — Желтая эмалевая подкова, на которой красной эмалью изображен китайский дракон и две сосновые ветви. Внизу, внутри подковы, коричневый частокол, а под ним линия голубой реки. На подкову наложен золотой орел, на щитке которого на белом фоне черный Св. Георгий. Под орлом соединенный вензель Александра II и Николая II. Орел держит в лапах серебряную ленту, на которой черным написано: «1655-1913».

Семиреченское Каз. Войско. (18. 2. 1912). — Овальный щит под серебряной императорской короной, обрамленный слева Георгиевской лентой, а справа Александровской (красной). Под короной, на серебряной ленте — «1873». В центре, на красном поле серебряный двухглавый орел, на щитке которого «100». Над ним 1582. Внизу, на зеленом щите, лежащем на голубой ленте, золотые вензеля Николая II и Александра I под серебряной короной.

Енисейское Каз. Войско — В красном щите золотой лев с голубыми глазами и языком, и черными когтями, держащий в правой лапе золотую лопату, а в левой золотой серп.

Уссурийское Каз. Войско — В серебряном щите голубой столб между двух черных, горящих красным пламенем, сопок.

Амурское Каз. Войско — В зеленом щите серебряный волнистый пояс (река Амур), а во главе щита три восьмиконечных звезды.

Иркутское Каз. Войско. — Серебряный венок, увенчанный двухглавым орлом под золотой короной. На груди орла красный щит с белым изображением Св. Георгия. Под орлом накладная серебряная цифра: «1607». Середина венка заполнена щитом, обрамленным желтой лентой и разделенным на две части, верхнюю голубую с коричневыми башнями и нижнюю золотую. Внизу знака, окруженный зелеными ветвями, перевитыми голубой лентой, Иркутский герб под золотой имп. короной (в серебряном поле черный тигр с красным соболем в пасти).

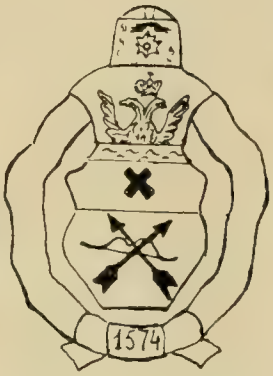
Л. Гвардии Атаманский Е. И. В. Наследника Цесаревича полк (4. 4. 1910). — Серебряный киверный герб полка времени имп. Николая 1-го, а на нем золотой польский крест Виртути Милитари, напоминающий отличие полка в сражении под Варшавой. на середину креста наложен золотой вензель Николая II, обрамленный белым эмалевым кружком, с зеленым венком. Под крестом на щитке золотая буква «А», а по бокам ее рельефные юбилейные даты основания полка «1775-1875».

1896

1591
1891

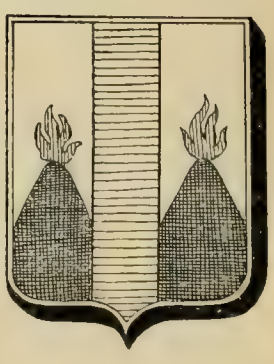
АСТРАХАНСКОЕ
КАЗАЧЬЕ ВОЙСКО
1750-1850

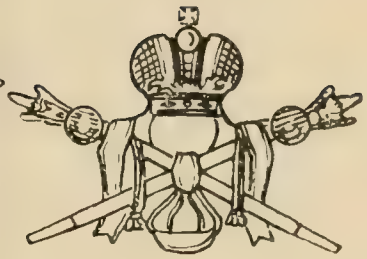
1903
1882
IB
СИБИР. КАЗ.

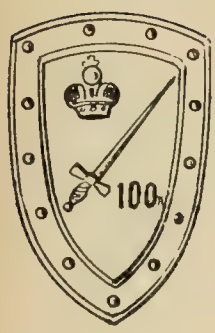

1574

1635

1873
1582
100






100

ЗА СЛУЖБУ
ВЪ КОНВОѢ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА

Л. Гвардии Казачий Его Величества полк. (14. 9. 1911). — Золотой Мальтийский крест, покрытый малиновой эмалью, с золотым сиянием между концами креста, по виду креста фигурировавшего на первых полковых штандартах, данных полку Павлом I.

Л. Гвардии Уральская Казачья Его Величества сотня. (20. 6. 1909). Существовала особой частью с 1798 г. по 1906 г., когда вошла в состав Л. Гв. Сводно-Казачьего полка. Серебряный венок, увенчанный серебряным двухглавым орлом, под золотой короной. На щитке орла, на красной эмали, вензель Имп. Павла 1-го, основателя сотни. Венок завязан внизу малиновой лентой, на которой написано: «5. сент. 1798-1898». В середине венка, на двух черных скрещенных насеках с золотым прибором, серебряный вензель Николая II-го. (знак не изображен)

Л. Гвардии Сводно-Казачий полк. (4. 1. 1912). Состав полка: 1-ая сотня — Уральская, 2-ая — Оренбургская, 3-ья — полсотня Сибирского Войска и по одному взводу Астраханского и Семиреченского, 4-ая сотня — полусотня Забайкальского Войска и по одному взводу от Амурского и Уссурийского Войск.

Большая императорская золотая корона, опирающаяся на две, залитые черной эмалью, скрещенные атаманские насеки. Шары, наконечники насек и кисти со шнурами — золотые. Орлы на насеках серебряные. Через весь знак проходит завязанная бантом голубая андреевская лента, прозрачной эмали.

Конвой Его Величества (20. 6. 1909). — Утвержден в память 100-летнего юбилея Л. Гв. 1-ой и 2-ой Кубанских сотен. Оксидированный темный серебряный щит, по краю которого проходит золотой рельефный ободок. На щите меч, прикрывающий коорну, и цифра «100». Все фигуры золотые.

За службу в **Конвое Имп. Александра III.** (24. 5. 1884). — знак давался за службу в конвое между 1833 и 1893 гг. Золотой лавровый венок, на который наложен золотой же вензель Александра III под импер. короной. Над венком голубая эмелевая пента с подписью золотом: «За службу в Конвое Его Величества». На нижних концах ленты: «4 окт. 1883».

За службу в **Конвое Имп. Николая II.** — Тот же тип знака, что и предыдущий, но венок из дубовых и лавровых листьев. На голубой ленте надпись: «4 окт. 1895 г. За службу в Моем Конвое». Знак этот давался в награду за службу в Конвое с 1895 г.

Существовал еще третий знак, для служивших в конвое в 1894 г., т. е. при двух императорах. На нем был соединенный их вензель и надпись на ленте: «4 окт. 1894 г. За службу в Нашем Конвое».

Донская казачья артиллерия. (26. 9. 1912) — Знак Донского Войска, к которому прибавлены две скрещенные пушки. Но тогда, когда на знаках конных частей эмаль голубая, на артиллерийских знаках она синяя.

6-ая Донская Его Величества батарея Л. Гв. Конной артиллерии. (16. 9. 1913) — На знак Донской каз. артиллерии наложена Андреевская звезда и по бокам Георгиевские кресты. Прибавлена дата «1830», т. е. год основания батареи.

Новочеркасское Казачье Училище. — Серебряный оксидированный двухглавый орел, держащий в лапах герб г. Новочеркасска (герб Донского Войска). На верху, на золотом поле, черный двухглавый орел. В середине, на серебряном поле, голубая полоса и красные башни. Правая и левая стороны герба красные, , с серебряными буквами, насекой и бунчуком.

Оренбургское Казачье Училище — знака не имело. Оно должно было его получить после 50-ти лет существования, как и другие части, в 1918 г., но происшедшая революция этому помешала.

— О —

Напомним, что в Российской империи числилось 11 Казачьих Войск: Донское, Кубанское, Терское, Астраханское, Уральское, Оренбургское, Сибирское, Семиречинское, Забайкальское, Амурское и Уссурийское. Двенадцатым Войском числилось казачье население Енисейской и Иркутской губерний, самообразовавшихся в Войска уже после революции.

В книге С. П. Андоленко нет знаков Амурского, Уссурийского и Енисейских Войск. Мы даем их гербы.

Желающие могут легко раскрасить вышеприведенные графики.

Париж. **Н. Туроверов**

КО ДНЮ ВОЙСКОВОГО ПРАЗДНИКА ОРЕНБУРГСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА

Приближается праздник — день св. великомученика и победоносца Георгия. Оренбургские казаки отмечали и отмечают день своего Войскового праздника. В связи с событиями вынужденные оставить пределы своего Войска — родные степи — свои поселки и станицы — и, находясь за рубежом нашей родины России, разбросанные в силу сложившейся обстановки по разным местам земного шара, в этот знаменательный для Оренбуржцев день — мысленно перенесемся в милое, родное нам всем прошлое и будем черпать из него силы, которые помогут нам переносить все лишения, неразрывно связанные с нашим эмигрантским положением.

В этот день хочется расшевелить казачью душу и подогреть остывающие от долгого пребывания в чужих краях сердца братьев казаков. Хочется поделиться с молодежью, выросшей здесь за рубежом, в условиях, ничего общего с казачьим бытом не имеющих, славным прошлым их предков, дедов и отцов, образованием, жизнью и службой Оренбургского Казачьего Войска, и познакомить с этим братьев казаков других Казачьих Войск.

1575 год — Уфимские казаки защищают уфимские укрепления от нашествия сибирских царевичей Аблая и Тевнеля и наносят им поражение, за что получают награду и царское спасибо от Иоанна Васильевича Грозного.

1586 год — Основан г. Самара и заселен поволжскими казаками, дворянами, иноземцами и смоленскими шляхтичами, записанными в казаки. Ведется успешная борьба с татарами, ногаями, башкирами и калмыками.

1639 год — Разбивают на голову 10 тысяч калмыков, пытавшихся осадить Самару. За военные подвиги и заслуги казаки награждаются вестовым колоколом с надписью: «Лета 7157 Господня августа в 26 день по Государеву указу с Москвы в Самару — весу в нем 14 пудов и 25 гривенок».

1643 год — Исетский казак Давид Андреев основал острог Красный Бор Усть-Миасский и Исетский

С 1675 по 1680 год — Уфимские и Самарские казаки награждаются за заслуги землею «в потомство» и жалуются знаменами и праперцами.

1724 год — Самарские казаки участвуют в походе против Персии и жалуются деньгами «на сабли».

1725 год — Атаман Яицкого Войска Василий Арапов основал Самарский городок, где по преданию встретился с атаманом Исетских казаков Геровасковым.

1734 год — Самарские и Уфимские казаки заложили на реке Урале, при впадении в него р. Орьи, город Оренбург. Для поселения в Оренбурге по линии повелено принять из Яицких казаков 500, из Сибирских ближних городов казачьих и дворянских детей до 1000 человек.

1724 год — Оренбург перенесен ниже по р. Уралу на то место, где в него впадает р. Сакмара, где он находится и поныне. Две сотни Уфимских казаков и все Самарские казаки в полном составе переведены в Оренбург и на линию. Исетские казаки причислены к Оренбургским казакам. Утверждена должность Войскового атамана Оренбургского Каз. Войска. Первым атаманом был Матвей Шилов. Выработан штат и положение о Войске, и с этого времени все казаки — Самарские, Уфимские, Исетские и Алексеевские известны под общем названием Оренбургских казаков.

1756 год. Пожаловано войсковое знамя с надписью «Оренбург» и 10 малых знамен.

1758 год — Оренбургские казаки по положению и довольствию сравнены с Донскими казаками.

1756-1772 годы — Оренбургские казаки под начальством атамана Могунова ведут борьбу с башкирами, киргизами и калмыками; последние, отложившись от России, двинулись в Китай, были задержаны Оренбургскими казаками и возвращены на свои прежние места.

1774 год — Оренбургские казаки принимают участие в усмирении Пугачевского бунта, состоя в отрядах Чернышова, Бибикова, Палицына, Деколонга, Микельсона и др.

1790 год — Оренбургский каз. корпус под командой секунд-маиора Мертвого участвует в войне со Швецией.

1796 год — Пять станиц Донского Войска за участие в бунте есаула Рубцова переселены на Урал и зачислены в Оренбургское Войско.

1803 год — Установлена общая войсковая форма.

1807 год — В войне с Францией участвуют два полка Оренбургских казаков № 1 и № 2 под общим командованием полковника Углицкого (впоследствии Войсковой атаман). Дерутся против Массена и Креде.

1809 год — Перебрасываются в армию, действующую против турок. Находясь под командой графа Платова, отличаются в боях под Шумлой, Силистрией, Рущуком, Никополем, Мачина Гирсов и Кюстендж. При взя-

тиии укрепления Рассевана и в разбитии Сераскира также принимают участие. За мужество и храбрость, проявленные в этих делах, полкам объявлено Высочайшее благоволение и многие офицеры (Авдеев, Севастьянов, Занков, Углицкий и др.) удостоены Высочайших рескриптом и получили ордена и другие награды, а казаки — знаки военного ордена.

1812 год — В борьбе с Наполеоном участвует 1-й Оренбургский Атаманский тысячный (непременный) и № 3 пятисотенный (майор Беляков) казачьи полки. Участие под Лейпцигом, Глогау, Вонимаром, Франкфуртом у Шатобриана и при взятии Парижа. № 3 полк участвовал также в занятии Берлина, а Атаманский при осаде Данцига.

1819 год — Сформированы две конно-артиллерийские роты № 10 и № 11.

1828-1829 годы — В Войне с Турцией особенно отличился Оренбургский казачий № 9 полк под командой есаула Падурова. Награжден знаменем с надписью: «Ему войска Оренбургского 9-му полку».

1842 год — Ставропольское казачье войско влито в Оренбургское и поселено по линии между гор. Орском и р. Уем — главным образом калмыки.

Во всех последующих войнах — как-то Венгерский поход, Крымская война с англо-французами, Турецкая 1877-78 года, Русско-Японская, мы видели, что Оренбургские казачьи полки уже десятками принимали в них участие, так как к этому времени Войско численно очень разрослось. Об участии же Оренбургских казаков в покорении Туркестана и его вековой борьбе на линии поделиться в кратком очерке не представляется возможным. Неоспоримо только, что уральская степь с киргизкими ордами была усмирена и подчинилась России при исключительном участии и труде Оренбургских казаков, положивших без числа трудов, терпения, пролив море крови, как вражеской, так и собственной казачьей.

Покорение Туркестана, Коканды, Бухары, Закаспия, Ахал-Текинского оазиса, потребовало тоже десятки лет, прошло все при самом активном и жертвенном участии Оренбургских казаков, что и отмечено с высоты престола рядом наград, отличий и других видов воинских заслуг. Этот вид служения Войска и его участие по замирению юговосточной границы с кочевниками и азиатами не носил характера внешней организованной войны. Оно велось ежечасно и днем и ночью на протяжении почти двух веков и привело в конечном результате к тому, что Средняя Азия до границ Персии, Афганистана и Китая отошла в вечное и нераздельное владение России.

Оронбургские казаки, сохранив свою прежнюю территорию, держали свои полки для охраны границ Российского Государства уже за тысячи верст от своих станиц: на Памире (крыша мира), Амур-Дарье и в Закаспии.

Начавшаяся мировая война в 1914 году потребовала от Войска полного напряжения: 18 конных полков, 9 батарей и отдельные сотни приняли участие в борьбе за Россию на всех фронтах от Восточной Пруссии через Польшу, Карпаты, Дунай и до Эрзерума.

Десятки тысяч жизней отдало Войско на алтарь отечества без ропота, как долг чести. Жертвы, понесенные казаками, оказались напрасными.

Вспыхнувшая революция и падение Императорской власти повергли Россию, а в частности и Оренбургское Войско, в хаос и еще больше — в горькие испытания. Явно неприемлевый порядок — вернее беспорядок — Временного правительства и пришедших за ним к власти большевиков потребовал от казаков нового и еще большего напряжения и жертвенности. Оренбургские казаки это дали. 26 октября 1917 г. приказом по Войску за № 816 Атамана А. И. Дутова началась другая война — война гражданская, братоубийственная, худшая и горшая из всех видов войн. Оренбургское Войско, если и не с первых дней борьбы, а с весны 1918 года — поднялось и мобилизовалось поголовно от стара до мала. Свыше 40 конных полков, несколько пеших — пластунских, соответственное количество батарей, много отдельных сотен и множество мелких отрядов и дружин встало на защиту Войска.

Взялись за оружие все: сплошь и рядом стояли в одних рядах отец с сыновьями и дед со внуками.

Два года сдерживали Оренбургские казаки напор большевистских коммунистических орд, зашишая свои очаги, пытаясь спасти Россию от ига коммунистической заразы и от хамско-каторжной и безбожной власти озверелых банд под вывеской III Интернационала.

Но все оказалось напрасным. Неподдержанные своевременно ни временно ослепленным русским крестьянством, ни бывшими союзниками, праздновавшими в это время победу над Германией, Оренбургские казаки со своим Атаманом покинулі область родного Войска и, совершив тысячеверстные легендарные походы, ушли — большая часть в Зап. Китай, а меньшая на Дальний Восток.

Гибель атамана А. И. Дутова ослабила си-

лы казаков, но не уничтожила их. Казаки, связанные многовековой службой на полях чести, освященные пролитой кровью, сохранившие в своих сердцах Бога — могут только умереть, но без следа исчезнуть не могут.

Долголетнее пребывание вне пределов своих областей показало бессмертность казачьей общины. Казачество живет, будет жить и будет еще служить своей многострадальной родине России.

Подводя итог выше написаному, хочется просить братьев казаков чаще вспоминать прошлое Войска — и не только в дни знаменательных событий, но и в другое время, черпая в этом силы, которые помогут пережить годы добровольного изгнания и помогут сохранить в нас пригодность послужить еще родному Войску. Будем верить и надо верить, что час искупления все же приближается. И когда Родина позовет нас, мы дружно без всякого колебания и разговоров заполним святое место, встав в строй освободительного движения.

Несомненно, что беспристрастная история со временем отметит, что казачество было, есть и будет.

Н. Вдовкин

(«Русская Жизнь»)

ИЗ БОРЬБЫ ДОНСКИХ КАЗАКОВ С БОЛЬШЕВИКАМИ

(Ноябрь 1917 г. — апрель 1918 г.)

(Продолжение «Хутора Коновалова» А. И. Третьякова «Род. Край» № 63)

От автора.

Много уже написано разными авторами о борьбе Донских казаков, как и казаков других Войск, с большевиками, много рассказано боевых эпизодов из этой борьбы. Написана «Трагедия Казачества», три тома «Донской Летописи» и много, много других книг, но борьба Мигулинцев осталась незамеченной. Вот этот то пробел я и хочу восполнить в этом повествовании, поскольку сам принимал активное участие, как в подготовке, так и в самом разгроме советской дивизии 18 апреля 1918 года.

Соблюдая объективность, уместно будет напомнить, что о факте разгрома упоминает и писатель М. Шолохов в романе «Тихий Дон». К сожалению, он исказил действительность, что я и хочу исправить.

М. Шолохов пишет, что действие происходило в хуторе Сетракове, где была разоружена бригада красной гвардии. В действительности же, разоружение советской пехотной дивизии, расположившейся на ночлег в хуторах по речке Тихой: Назаровском, Мешковском, Меловачском 17 апреля 1918 г., — произошло в ночь под 18 апреля 1918 г. и закончилось в тот же день вечером под хут. Коноваловым, на стыке с Мрыхиным.

Соблюдая историческую точность фактов в моем повествовании, я не буду в претензии, если найдутся живые свидетели этого славного дела и внесут свои поправки и дополнения. Это будет принято с благодарностью, поскольку мы хотим оставить нашим потомкам чистую память о себе.

В конце августа 1917 года, с разрешения начальника 6-ой Донской Каз. дивизии и по ходатайству командира 25-ой Дон. каз. батареи войскового старшины Дубовского, — я был командирован на курсы для подготовки поступления моего в Военное училище.

Штаб нашей дивизии находился в это время в гор. Житомире и я, для окончательного оформления моей командировки, явился туда и быстро получил все документы за подписью начальника дивизии ген.-лейт. Пономарева.

Должен немного пояснить вышесказанное. Полки нашей дивизии в это время были отозваны с фронта для задержки дезертиров, а наш 12-ый артиллерийский дивизион был временно прикомандирован к 31-ому Туркестанскому корпусу, занимавшему позиции на фронте.

В тот же день я выехал в Новочеркасск. Хотя поезда еще шли по расписанию, но солдаты наводнили своей массой все станции железной дороги, так что ж. д. администрация была бессильна поддерживать порядок и на все злые солдатские насмешки отмалчивалась. О предъявлении права на проезд не было и речи, будь то пассажирский или товарный поезд. Все вагоны, не исключая и крыш, были облеплены дезертирами, бороться с которыми было невозможно.

Получить место в таком поезде было абсолютно невозможно, а ехать надо. Хотя я и имел законное право на проезд, но никто на

это не обращал внимания и приходилось проявлять максимум энергии, чтобы втиснуться в вагон. На станции Знаменка дал солдатам пачку папирос и они меня втащили в окно 2-го класса скорого поезда.

И вот, с такими неудобствами я все же добрался до Новочеркасска. Разыскав нужное мне учреждение, я представил заведующему курсами свои командировочные документы.

Он расспросил меня о положении на фронте, интересовался, давно ли я был дома? Узнав, что я два с половиной года не имел отпуска, он написал мне 2-недельный отпуск. Моей благодарности не было предела.

Ведь только подумать, что я две недели проведу в своем родном хуторе Коновалове, где прошли мое детство и юность, с чем было связано столько радостных воспоминаний!

Поблагодарив Заведующего курсами, я направился на вокзал и сел на поезд. Излишне говорить о том, что на нашей земле поезда ходили в полном порядке и никакие дезертиры без билетов ездить не могли.

Прибыв на станцию Чертково, Юго-восточной Ж. Д., я направился к коменданту, который дал мне место на подводе с двумя другими пассажирами: учительницей, ехавшей в ст. Казанскую, и солдатом, ехавшим в хут. Мешков.

Ехать мне надо было 75 верст и в дороге я пробовал разговаривать с солдатом, но он старался отвечать уклончиво и больше помалкивал. Не обшительна была учительница и несмотря на мои попытки разговориться с ними, мне это не удалось.

Сколько же было радости от возвращения к родной семье и эта радость усублялась еще и тем, что я не просто был отпущен в отпуск, но и командирован начальником дивизии, по ходатайству моего непосредственного начальства. Все это скоро стало известно в хуторе многим, особенно старикам. Два с половиной года я не был дома, очень многое изменилось во многом, отчасти в наружности и суждениях. Но как все проходит в жизни, так и первая радость встречи сменилась деловыми беседами.

Надо было готовиться к предстоящей жизни в Новочеркасске, что то новое сшить, другое переделать по форме и росту, поскольку теперь я буду находиться не на фронте, а среди прилично одетых людей. В хорошем костюме чувствуешь себя увереннее и как бы свободнее. Поэтому я старался хорошо одеться, чтобы не стыдиться перед товарищами на курсах.

Время моего отпуска, в деловой спешке и хлопотах, пролетело так быстро, что я и не заметил. За это время побывали в гостях у Ивана Федоровича Коновалова, всей семьей. Иван Федорович многим интересовался, коснулся и революции, моей командировки на курсы и много другого.

Были мы с отцом в гостях у нашего священика отца Михаила, у Е. А. Суденкова, статского советника и крупного помещика. Несколько недель назад он с женой Марией Савельевной поселился в нашем доме при церкви.

Как культурный и деятельный человек, Е. А. Суденков не остался бездеательным и у нас. Оставив девять своих больших имений с высокотехническим оборудованием, он продолжал работать в доступных ему рамках и в хуторском обществе. В моем отце он нашел нужного себе помощника в делах и намечаемых, совместно с отцом, планах. Об этих планах я знал очень мало, поскольку был занят делом, на которое меня командировали.

Мне удалось узнать, что Суденков с отцом основали в хуторе Коновалове кредитное товарищество, что для хутора было большим достижением, поскольку ни Мигулинская, ни большой торговый хутора Мешков и Тиховской кредитного товарищества не имели. Была ими также пущена в ход паровая мельница. Жизнь в хуторе протекала мирно и деловито. Хотя и чувствовался недостаток некоторых товаров первой необходимости, но с этим злом казаки как-то мирились.

,За время моего отпуска я часто навещал Суденковых, как и они нас. Они были высоко культурные люди, очень милые и простые в обращении с окружающими.

Супруга Суденкова в совершенстве владела языками: немецким, французским, английским и испанским.

Жизнь в х. Коновалове быстро прогрессировала и заметно было стремление казаков к науке и культуре. Если бы не помешало большевистское нашествие, то наши хутора и станицы далеко бы ушли в культурном отношении. Но, увы! Одни должны были покинуть родные края и скитаться по заграницам, а оставшиеся испытать на себе весь ужас правления оккупантов.

Но вот, пришло время ехать в Новочеркасск.

Отец отвез меня на станцию Чертково. За длинную дорогу много-много рассказал я отцу из военных эпизодов, о перевороте на фронте и трагических явлениях в тылу после революции, свидетелем которых я был, так как часто ездил в тыл за получением запасных частей для орудий нашей батареи.

Он воспитан был в повиновении начальству и в его голове просто не укладывалось происходящее в бывшей Империи.

Оставив лошадей на постоялом дворе, мы пошли на станцию. Ждать поезда пришлось не более пяти минут. Распрощавшись с отцом,, я устроился в вагоне и покатил. Утром я был уже в Новочеркасске.

На квартиру я устроился у нашего бывшего соседа по хутору, И. А. Сытина, служившего швейцаром в Областном присутствии по крестьянским делам.

Приобретя все нужные учебники, я занялся наукой с большой энергией и пылом. Я хотел доказать своим бывшим начальникам, что оказанное мне доверие я полностью оправдал.

Делая большие успехи в науках, мне не раз пришлось услышать похвальные отзывы преподавателей. Должен заметить, что преподавательский состав на курсах был подобран из высоко квалифицированных специалистов.

В это время из Центральной России много прибыло на Дон русской интеллигенции, бежавшей от анархии и произвола. Вот, среди них и подобрали преподавателей для наших курсов.

Все лучшее, что не мирилось с утопией Ленина и Троцкого, бежало на Дон, где нашло приют и гостеприимство. В то время уже ходила поговорка: «На Дону порядок и закон!».

В ближайшем будущем предполагалось преобразовать курсы в Народный Университет, использовав для этого казармы в Хутунке, которые к тому времени были уже освобождены от разоруженных солдат, в количестве более 16 тысяч.

Наши педагоги говорили, что это уже решено Донским Правительством.

Моим стремлением было закончить как можно скорее курсы, но... события развивались со сказочной быстротой и положили предел моим желаниям.

Однажды вечером, наше Дон. Правительство предложило нам, курсантам, добровольно записаться в отряд ген.майора А. М. Назарова, на два-три дня, максимум на неделю. Объясняли это тем, что ожидалась высадка десанта матросов в Таганроге. Не имея лишних войск для этой операции, наше Правительство и обратилось к нам за помощью. Из слушателей курсов записалось нас 95 человек. В этот же вечер мы все получили необходимое оружие, провиант и аммуницию, спешно погрузили четырех орудийную батарею, стоявшую в Новочеркасске и обслуживаемую молодыми казаками и, этой же ночью, двинулись в Таганрог.

Флотилия, десант который мы были посланы встречать, очевидно получила сведения о готовящейся встрече, а посему не подошла и близко к Таганрогу, а незаметно двинулась по Дону к Ростову. Став на рейде ростовском в полной боевой готовности, она грозила обстрелом города.

Приход ее к Ростову воодушевил местных большевиков, которые начали готовиться к решительным действиям против Дон. Правительства.

Солдатские гарнизоны, вооруженные рабочие и военнопленные должны были начать борьбу с казаками. Силы большевиков насчитывали более 60 тысяч в Ростове и 28 тысяч вооруженных рабочих в Таганроге. Рабочие Таганрога, ввиду прихода туда Назаровского отряда, не выступили, так как выжидали выступления отрядов в Ростове, чтобы выступить одновременно.

Генерал Назаров, увидев, что флотилия в Таганрог не пришла и направилась на Ростов, вывел отряд за город и расположил его на даче «Лакиерши», а спустя некоторое время, потребовал у ж. д. администрации железнодорожный состав для погрузки отряда. Строгое требование ген. Назарова было быстро выполнено, но пяти минутами позже по телефону потребовали вернуть состав обратно, угрожая прибегнуть к силе, подкрепляя угрозы нецензурными словами, так характерными для властей большевистских.

Ген. Назаров приказал спешно грузить батарею, а нескольких курсантов послал разобрать путь в направлении к Таганрогу и тем воспрепятствовать возможной погони большевиков. Соблюдая нужную предосторожность, мы медленно двинулись к Ростову. Не доезжая до станции Гниловской, остановились на полустанке.

Ген. Назаров, оставив отряд в вагонах, приказал ожидать его возвращения, а сам, в сопровождении двух курсантов, на дрезине поехал на станцию Гниловскую, откуда ему была видна вся большевистская флотилия. В центре ее находилась «Колхида, которая от других выделялась своими размерами и формой конструкции. Она играла роль флагманского судна и стояла против станции Гниловской. О нашем приближении моряки были извещены из Таганрога и потому приготовились для нашей встречи.

Ген. Назаров предполагал о возможности такой встречи, а посему поехал на дрезине для ознакомления с положением. В данном случае он мог расчитывать только на возможность перехитрить противника и избе-

жать большой крови.

Достичь этого можно было только неожиданным ударом по тому месту, где противник менее всего ожидал этого. По левую сторону жел. дороги, за насыпью находилась котловина, а с насыпи можно было прекрасно наблюдать весь красный флот.

Вернувшись к отряду, генерал еще на ходу спрыгнул с дрезины и приказал немедленно выгрузить батарею.

Через полчаса батарея пошла влево от полустанка в поле, делая это для обмана наблюдающих за ней. Когда же батарея скрылась за бугром, то спустилась лощиной в котловину, скрытую от наблюдения с флотилии.

Сняли орудия с передков, протянули телефонный провод на наблюдательный пункт. Командиром батареи дан по телефону угломер батарее, взята точка отметки и построен параллельный веер. Меня и еще двух артиллеристов из курсантов ген. Назаров оставил при батарее для замены недостающих офицеров.

С остальными курсантами ген. Назаров занял позицию на железнодорожной насыпи, где был также и командир батареи со своим наблюдательным пунктом.

Командир батареи подал команду батарее: орудиями первое шрапнелью огонь и через минуту снова команда: один патрон беглым огнем. Это уже говорило нам артиллеристам, что первое попадание было удачным, а потому и вторая команда была с той же установкой первого орудия. Четыре шрапнели опять рвутся над «Колхидою». Как потом мы узнали, убило и ранило многих чинов экипажа.

Нам на батарее не было видно, что происходит на реке Дон, но мы с точностью опытных артиллеристов определили (по характеру стрельбы противника), что у них неустойка и паника. Это опыт многих кровавых боев и долгих лет, проведенных на фронте, дал нам навык, — по стрельбе оценить противника и его устойчивость.

Мы — трое старых артиллеристов — сейчас же высказали свое суждение об ураганном и безпорядочном артиллерийском огне флота, как только он начался. «У матросов паника» — сказали мы и так оно было в действительности.

Когда первые залпы нашей батареи произвели опустошение среди экипажа флота, то другие суда, видя бедствие на «Колхиде», бросились уходить, стреляя на ходу по невидимым «кадетам» из разнокалиберных орудий.

Гаубицы рыли насыпь полотна железной дороги, не причиняя вреда залегшим курсантам с ген. Назаровым. Другие делали большой перелет через батарею и шрапнели рвались в облаках, делая «журавля», как говорят артиллеристы.

Эта агония продолжалась не более 10 минут. Таким образом, матросы, «краса и гордость революции», пришедшие к казакам наводить порядок, которые, кстати сказать, совершенно в этом не нуждались, — искали свое спасение в поспешном бегстве.

Революционный гарнизон г. Ростова был удручен бегством флота в Черное море, и он в обороне Ростова от казаков больше не участвовал.

Радостно и сердечно благодарил всех нас ген. Назаров за меткую стрельбу, а главным образом командира батареи, искусного артиллериста. Определение точной дистанции — большое искусство в артиллерии и этим даром обладают очень немногие.

После одержанной победы мы пошли на отведенные нам квартиры в хут. Семерников, Гниловской станицы, в нескольких верстах от нее.

Был уже вечер, и я с двумя курсантами отправился на отведенную нам квартиру. Хозяином был пожилой казак со старухой. Они имели одного сына не женатого, который в это время был, как раз, в отпуску. Старик был очень рад нашей победе над красным флотом, а с ним радовался и его сын. Хозяин был рыбалка, и мы лакомились вкусной рыбой, то поджареной, то вареной или рыбьим холодцом.

Перед нашим уходом сын хозяина записал мой адрес в Новочеркасске и когда, после разгрома большевиков в Ростове, мы вернулись на курсы, два раза приезжал ко мне перед Рождеством и всегда привозил от отца в подарок свежую рыбу, упрямо отказываясь от вознаграждения, говоря: «отец не велел заплаты брать».

Через три дня после поражения красного флота началось наше наступление с двух сторон на Ростов. К нашему отряду, под командой ген. Назарова, присоединилась пулеметная команда 51-го Дон. Каз. полка, а из Новочеркасска наступал другой отряд, в котором были две сотни курсантов, юнкера Донского Военного училища и другие казачьи части, находившиеся в это время в Новочеркасске. Всеми силами командовал первый выборный Донской Атаман ген. А. М. Каледин.

Мы, назаровцы, рассыпались в цепь, а справа от нас заняла фронт пулеметная команда и, держа с нами связь, продвигалась вперед, таща за собой пулеметы.

По приказу ген. Назарова пулеметная команда выслала конный разъезд в город, а сама подходила к городскому кладбищу, правее нас.

Когда мы подошли к бумажной фабрике, там сейчас же раздался гудок, после которого рабочие стали спускаться вниз. После нескольких минут молчания, началась беспорядочная стрельба из разнокалиберного оружия, которая отчасти и смешила нас, так как пули не свистели, а жужжали, как шмели, на разные голоса. Ген. Назаров нам приказал не стрелять без команды, а поскольку мы залегли в канаве перед заводом, стрельба рабочих нам была не страшна, так как велась не опытными стрелками, а рабочими, впервые взявшими оружие в руки.

Наш разъезд возвращался галопом и в него стреляли из города. Когда начальник разъезда сообщил об объектах, в которых были сосредоточены большевики, то наша батарея открыла по ним огонь, главным образом, в целях морального воздействия на красную гвардию.

К двум часам дня стрельба по нам прекратилась и из города появились сестры милосердия с санитарами, но они нам не понадобились, так как у нас раненых не оказалось. Выяснилось, что Ростов взят отрядом из Новочеркасска. Как гарнизон, так и рабочие оказали слабое сопротивление наступавшим казачьим частям. Рассказывали о том, что ген. Каледин со своим штабом проехал на открытом грузовике по Садовой улице, а жители города кричали ура, бросали цветы, приветствуя Атамана по случаю победы.

Разоружив солдат и распустив их по домам, правительство продолжало организацию борьбы с наседавшими с севера красными полчищами. Мы же, курсанты, вернулись к прерванным занятиям. Но это мирное занятие продолжалось сравнительно недолго. Подошло Рождество и нас распустили на каникулы.

США.

А. И. Третьяков

(Продолжение следует)

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

«В степях половецких, привольных и диких, растет эта травка (по-татарски) Емшан, былинка душистая силы великой, от недугов злых талисман...»

Н. Х.

1.

Чебрец

Слыхали ли вы когда-нибудь, как в придорожных кустах горлинка стонет? А как в приозерных камышах чибис плачет — не слыхали? Жаль. А вот когда из дали степной несется ржанье табуна, бегущего на водопой донской волны, или как сверчок под лавкою звенит, а месяц тихонько в окошко глядит? Тоже не слыхали? — Ну, а видали ли вы, как над вершиной седого кургана, возвышающегося над степью донской, орел сизокрылый неподвижно парит, как изваяние? Стога буреющей соломы и журавель задумчивый на них? — Кто слыхал, кто это видел, тот помнит и сейчас прелесть степи... степи Тихого Дона. Но больше всего в степи весной, летом и до глубокой осени, аж до Покрова Пресвятой Богородицы — вас охватит в степи запах скошенной травы, свежего сена и разных степных цветов. Особенно один запах сильный, пьянящий и, раз услышав его, вовек не забываемый — душистый Емшан. Цвет его — средство целебное от недугов, ран... А на Дону его звали Чебрец.

На Троицу в городах, станицах, хуторах, в каждом доме на полу зеленая травка, над дверьми ветки березки, липы, молодого дубка, акации; и свежестью пахнет, и праздник в доме. В углу, под образами мерцает огонек лампады и чуть слышно пахнет Емшан — по казачьи Чебрец.

Последний раз приложился я к иконе Пресвятой Богородицы на праздник Покрова в станице Ольгинской, в станичной церкви, 1-го октября 1918 года. Большой образ, в богатой ризе, увит хризантемами. Образ лежит на еще зеленой травке и... пахнет былинка душистая, — Чебрец...

Последняя Троица на Дону — 1919 год. В степи станиц Аксайской, Александровской, станции Кизитиринки — последний раз трава косилась для праздника, и в каждом доме была зелень, и пахло свежестью, и пахло тонко Чебрецом. — уезжая с Дона, многие казаки с собою в сумку брали пучек этой травки, Чебреца, а по-татарски Емшан, и верили в свой талисман. Эта травка, запах напоминали свое, степь, станицу, Дон, родимый край. С нею и умирали за честь отчизны, за славу дедов и отцов.

Все это и многое другое не раз на протяжении детства, ранней юности я видал, слыхал, перечувствовал, проезжая на бричке, а больше верхом по донским степям. И запечатлелась на всю жизнь вся неповторимая гамма волшебных звуков тех далеких лет родного края. Нигде такого нет другого...

2.

Степная рапсодия
(Двадцать с лишним лет спустя)

Вернемся мы назад, и снова сад вишневый
Покроет старые места...

Широко раскинулась бескрайная степь широкая. Мерно колышется степной ковыль, и, серебром переливаясь, волна за волной бегут по его шелковой поверхности. Тишина степная нарушается лишь клекотом орла, как на ниточке повисшего над бескрайностью. Легкий наклон — и на распластанных крыльях перемещается на сотни метров, и опять застыл в своей выси.

Кое-где, изредка, перепел зовет — «пить пойдем, пить пойдем», — и через короткий промежуток времени вдали чуть слышно другой ему в ответ: «пить пойдем, пить пойдем». Вот и все звуки степные в жаркий летний день. Но это если не прислушаться. А прислушайтесь — Боже, как много разных прелестных звуков.

В жаркий полдень жаворонок тихо поет, над дорогой поднявшись, на месте крылышками машет. Пчелка жужжит, мухи — и те поют на разные тона. А стрекозы, как миниатюрные аэропланчики, стрекочут, да жук этакой трещеткой над ковылью промчится и на дорогу плюхнется, и пошел ковылять по пыли, на ходу укладывая свои крылышки.

Особый и только тем местам присущий запах — смесь мяты, меда, сухой травы — можно услышать там. Но Чебреца там нет. Вдали «спят курганы темные», таящие тайны веков, ушедшие в невозвратное время. Несколько дальше ветряк машет неутомимо своими крыльями, а чуть левее в густых садах вишневых утонуло красочное село, как бы уснувшее в полдень знойного дня.

Хороши и привольны южно-русские степи Таврии, преддверье Крыма, веками обильно политые русской кровью. Потому и маки там цветут кроваво-красные. Если на мгновенье забыть недавное прошлое, жуткое настоящее и совсем уже мраком покрытое будущее, то, глядя на степь, на дорогу, вдыхая пьянящий воздух, невольно переносишься в атмосферу жизни и быта времен «Миргорода» и его героев, так красочно описанных Н. В. Гоголем. Но то ушло. Унесла река времени благорастворение воздухов и тот мир, которого уже не будет.

«...видно, бес водил нас в поле,
да кружил по сторонам...»

В этих местах пришлось побывать ранней осенью 1942 года.

Здесь прошли броневые дивизии нашествия с запада. А потом... с востока на запад потянулись густые колонны русских измученных людей в серых шинелях. — Несколько раньше доморощенные тевтоны особого назначения, не хуже броневых дивизий, прошлись по этим местам и также гнали колонны разоренных русских измученных людей куда-то в северном и восточном направлении. А еще глубже в века ушедшие заглянуть — разные татары, монголы, турки проутюжили степь широкую и тоже гнали великомучеников земли русской, только уже куда-то на юг... Многострадальная скифская степь...

С такими обрывками дум и воспоминаниями из истории моей родины — что знал, что помнил — я и мой спутник катились на некоем четырехколесном сооружении, влекомом, поднимая густую, только русским дорогам присущую, родную пыль, двумя мохнатыми низкорослыми лошаденками, которые, с разгону перебежав, как по клавишам рояля, деревянный мостик через узкий ручей, вкатили нас на главную улицу как бы уснувшего села, перепугав своим видом и ужасным скрипом всех частей нашего транспортера выпорхнувших из пыли двух ворон и очумелого от сна пса, который что-то хрипнул заспанным собачьим голосом, причем из ноздрей его, как у огнедышащего змея-горыныча, вылетели две струи пыли, втянутой собачьим носом во время сна, отчего сконфуженный страж, поджав хвост, поплелся в тень забора из подсолнухов. Насколько красочно выглядело издали утонувшее в зелени садов село, настолько жутко бедным оказалось оно перед глазами, пока мы его проезжали.

Несколько сгоревших хат обугленной жутью покоились на буйно разросшемся бурьяне. Убого выглядели сохранившиеся — по всем призналамъ, с незапамятных времен. Не видно домашней птицы, не видно скота, почти не видно людей. Все угнано ушедшими на восток. Остальное угнано и съедено, как саранчей, пришедшими с запада. Картина давнишней постоянной бедности и разорения, плюс недавние военные вихри. Выезжая из села, я вспомнил где-то, когда -то слышанную или прочитанную легенду о тихо летящем над землей ангеле. И подумал: глядя на эту жуткую тишь, ангел должен был бы заплакать.

3.

Тарантас

«О славных страницах борьбы той суровой
Певцы и баяны молчат...»

Наш возница сивоусый, лет шестидесяти, Опанас, недавний конюх колхоза «Красная степь» (почему «красная»?) поведал, что это тот самый тарантас, про который в годы гражданской войны сложили песню:

«...Ах шарабан мой, американка,
А я девченка, да шарлатанка...», —

а во время оперировавших здесь махновцев выполнял функции пулеметной тачанки, в подтверждение чего кнутовищем показал на нашем сидении четыре круглых дырки для болтов, когда-то державших катки «Максима». На передке, давно стертом, когда-то было краской написано; «не уйдешь», а на задке надпись гласила — «Не догонишь». Это историческое сооружение, долженствовавшее пребывать в каком-нибудь музее нашего времени, воскресило многое из прошлых лет и послужило причиной многих вопросов Опанасу, который, умудренный годами «ловчиться и приспосабливаться», ухмыляясь в ус, односложно отвечал: «Всего бывало». Видно, в карусельные годы «революционных лет» у Опанаса, действительно, «всего бывало». На правой руке не хватало двух пальцев, отсутствовало правое ухо, по виску к шее шла глубокая борозда.

Обернувшись, он показал несколько пулеметных дыр в бортах поводки и добавил: «Це красные».

— А це билые, — указывая пальцем под сиденье, где отсутствовал один угольник, поддерживавший сиденье. Несколько помолчав, обернувшись к нам и хитро улыбаясь, сказал:

— Махновцы им пользовались, як красных и билых билы, а вони нас теж... — и, задумавшись, как бы про себя добавил: Эх, житья була, всего бувало... Ну, даешь! — вдруг крикнул он на лошадей и со свистом взмахнул кнутом.

Я понял —старик воскресил из прошлого победный клич, что гулял тогда по всем просторам взбаламученной России. Мы снова катились уже по степи, еще более живописной, еще более усеянной яркими пятнами красных маков. Подумал, не здесь ли Глиер вымучивал свои бесшабашные звуки к опере «Красный мак».

Перепела затихли, какая-то стайка птиц кубарем скатилась с высоты к подножью кургана, из-за которого метнулась темная тень степного орла.

—Бачьте, орел, кивнув на хищника Опанас, — а тоди був орленок, така писня була, — и замолчал.

Я внимательно стал разглядывать нашего возницу, его крепкий загорелый затылок, широкую спину, мне видны его жилистые руки с остатком закорузлых пальцев, и вдруг я спросил его:

—А ты, дядя, чего ж не отступил на восток?

Не оборачиваясь к нам, ответил:

— А хай им грец, нехай соби втикають, без них, мабуть, липше буде.

—А ты, — спрашиваю, — в революцию, верно, в Красной армии был?

Опанас как-то крякнул, пошевелил возжами, сидя полу-боком, сказал:

— Спочатку був у красных, як с германской пришел, набачився богато, не добре робилы, так я до билых перемахнувся, до казаков. Може слыхали, корпус генерала Маманова был. Донской. Всяко бувало.

Лошади побежали с горки, «шарабан» наш запылил среди кустарников, начались перелески, за одним из них был виден до тла сгоревший хутор, у дороги, уткнувшись дулом пушки в канаву, боком стоял танк с красной звездой, с перебитой гусеницей. Опанас, указывая кнутовищем на хутор, поведал:

—У девятнадцатом роке тут мени буденовец, как в атаке столкнулись, ось што мени зробыв, — показывая на шрам у шеи, — тильки вин малость промахнулся, а я и доси то мисто знаю, кажинный раз, як минаю, так про себе и помяную душу раба Божьего, яку я до неба пустив.

— Ого, да ты бывалый, Опанас!

Опанас ухмыльнулся.

— Всяко бувало, — говорит. — Как бы не соромно, так я б штаны сняв, та показал бы,

як мене билые шомполами отработали, доси боком сидю.

— Погоди, дядя, как же так, ты же у билых был?

— А я потим до махновцев втик. Дюже строго у билых було: то не можно, це не можно, а у махновцев все було можно, — гуляй соби и годи. Така хвиля була, молод був, другий раз горилки напьешься, так сам соби атаман... Ну, а потим, як билые из Крыма вышли, так под Каховкой нас злапали, а мене спизнали. Полковник, який у казаков був, коли я до них пристав, спизнав мене, як по строю полоненых проходил. Як побачив мене, тай каже: да це ж Опанас. Ты, каже, собачий сын, у красных був, до нас пристал, а зараз до махновцев подался. Ото ж я тоби злыдень покажу, як щастя шукать. Ну и показали, доси памятую. А чоловик добрый був, другий бы в расход пустив.

Старик, помолчав, добавил:

— Коли б знав, що потим буде.. Це вин правильно тоди сказав мени. Щастя шукав, ото ж найшов це щастя... — Старик, видно, растрогался. — Ну, давай, давай! — закричал он на лошадей; лошадки побежали быстрее, вдали за перелеском показались строения города.

4.

Всколыхнулся Тихий Дон

То край родной восстал за честь
отчизны,
За славу дедов и отцов...

Ф. К.

Небольшой степной город, каких немало на юге России. Домишки с когда-то зелеными ставнями, с давным давно некрашеными крышами, дворы с ветхими покосившимися заборами. Пыльные улицы, обсаженные акациями...

Центр, если можно так выразиться, это небольшая городская площадь. На одной стороне церковь... без крестов, напротив старое, с претензией на монументальность здание местной управы, затем городской сад с вековыми разросшимися дубами, липами, который пересекает прямая главная улица, уходящая в степь — так и зовется «Степная».

Проходя по улицам и даже любуясь этими свидетелями старого доброго времени и глубокого мира, мы обратили внимание на коегде расклеенные, с грехом пополам отпечатанные, афиши, громко гласящие:

«В воскресенье в 9 часов утра в Соборе(!) будет отслужена панихида по на поле брани павшим казакам в походе. Затем будет отслужен молебен о ниспослании победы Христолюбивому воинству, после которого состоится парад(!) сводной группы казачьих войск».

Переглянувшись, глазам не поверили. Снова перечитали. Внимательно рассмотрели афишу, и показался нам этот лист бумаги каким-то опять вспыхнувшим тем светочем, что зажжен был на Дону больше двух десятков лет тому назад. Не слова на ней были, а музыка, мелодии тех лет как бы зазвучали над нами. За живое задели памятные слова, фразы... «павшие на поле брани»... Вспоминаются лица юные, безвременно павшие на полях брани за «Веру, Царя и Отечество», а вскоре и другие такие же и еще более юные, павшие на родных полях за Русь Святую... «О ниспослании победы Христолюбивому воинству...» Вспоминаются — большая площадь, на ней ровные ряды, много коленопреклоненных рядов с обнаженными головами, над ними — лес сверкающих штыков, перед ними священник с поднятым благословляющим крестом, кругом хоругви и задушевные песнопения хора молебна.

«Парад сводной группы казачьих войск»... и опять перед глазами площадь, ровные, стройные ряды конницы, под звуки оркестра и все заглушающего «ура», проходят сотни казачьих полков, уходящих на фронт, в блеске оправы их оружия, снаряжения, и над ними лес колыхающихся пик. Как все это было давно, и вдруг... Пошли в управу убедиться, что это нам не галлюцинация. Какие-то старички, новые отцы города, разъяснили нам, что на днях в их город прибыла большая группа казаков с Дона, с семьями, походным порядком в военном строю, в форме, с оружием и с официальным разрешением германского командования двигаться в тыл. Под постой им отвели школу, сразу за городским садом.

Несмотря на торопливость нашего Опанаса пускаться в обратный путь, все же решили остаться еще на один день. Была суббота. Выйдя из управы, пересекли сад, вышли на широкую улицу и сразу увидели здание школы, а на всей территории двора, вдоль забора, ровными рядами выстроенные возы с поднятым кверху дышлами, между которыми на натянутых веревках было развешано разношерстное сушившееся белье. В углу двора шла стирка, бегали женщины, девушки, одни белье снимали, другие мокрое вешали, справа была правильная коновязь с лошадьми, несколько казаков чистили своих коней, задавали сено, мелькали лампасы, зеленые гимнастерки, синие погоны, кой у кого с лыч-

ками, бегала детвора, несколько овчарок лежали под возами, у крайнего воза блеяли овцы и несколько коз. У ворот ходил казак с шашкой через плечо, в старом, давно выцвешем обмундировании, но подтянутый, вроде дневальный у ворот, чуть дальше несколько казаков стояли, окруженные группой горожан; слышен громкий розговор, прерываемый смехом, возгласами. У главного входа в школу мы сразу заметили в корридоре двух офицеров, решили подойти.

Поздоровались. «Здорово дневали». Улыбаясь, выходят к нам. Оба пожилые, загорелые лица, на обоих старые, когда-то серебряные, погоны (где сохранились?) — сотник и есаул. Сбоку простые казачьи шашки. Мой спутник только и мог сказать: — «Пришли, значит?»

— Ушли — говорит есаул, улыбаясь, а сотник добавляет: — И уходим.

— Вы что же, — спрашивают, — с запада?

— С запада.

— Ну, а мы, вот, с востока. Вот и встретились.

— Выходит, что вроде опять встретились, — говорит мой спутник. — Вы где же были тогда?

Оба рассказывают: в мировую войну воевал в армии генерала Каледина, в гражданскую — в корпусе генерала Мамантова, а потом в корпусе генерала Гусельщикова. На эвакуацию в Новороссийск дойти не успели. Схоронились. Ну, а потом... и вспоминать не хочется. «Сейчас, вот, идем на формирование казачьего корпуса, наш-то атаман, Петр Николаевич Краснов, ждет нас, голос подал, ну и всколыхнулся Дон, а там, как Бог даст.»

Долго беседовали, уже сидя в их комнате. Многое рассказали казаки за все годы. Грустно было слышать всю горечь их слов, слов седых утомленных людей, которые в годы 1-й мировой войны были острием, ушами и глазами русской армии в Восточной Пруссии, на Карпатах, у Перемышля и т. д. Но все было как-то привычным слушать для того времени, для тех мест, от всех слоев населения. С есаулом идет дочь с двумя детьми, сына и зятя нет, рассказывает, как забрали в 1937 году, так и сгинули, и грустно добавил — то ли о здравии поминать, то ли за упокой. Сотник — с женой. Говорит о своей истории. В 1930 году всю семью, родных, близких, почитай полстаницы — скотским порядком вывезли в Нарымский край, да не все доехали. После отбытия 10 лет заключения были оставлены на так называемом вольном поселении. С начала войны бежали на Дон, куда и прибыли как раз в самую точку, и, смеясь, сказал: как раз к походу, еще б чуток, и опоздали бы.

Наговорились вдоволь, угостили по чашке бекмеса. Дружески попрощались, обещали быть завтра в церкви на службе и, уходя, я все же спросил, чем это пахнет в комнате, чем-то знакомым, что-то напоминающим, не потниками, не седлом казачьим, что тут же в углу лежали, а чем-то степным. Есаул улыбнулся, подошел к седлам, из сумы вытащил мешочек из парусины, подавая мне, сказал:

— А ну, угадайте, там вот земля Кагальницкая, что Тимофеевкой зовется, а промеж ней...

А я приложил мешочек к лицу, вдохнул в себя этот родной запах и перебил его: «Знаю, Чебрец там»...

Отдал ему в руки мешочек и вышел из комнаты. Шел через парк, — как нектара вроде глотнул, заставившего все забыть, что есть, и все вспомнить, что было...

5.

Христолюбивое воинсто

К половине девятого мы были уже на площади. Тротуары были запружены жителями, бедно, но по возможности по-воскресному одетыми. Перед церковью на площади стоял небольшой столик с утварью, рядом налой с большой иконой на вышитых полотенцах, убранный цветами и зеленью. В две шеренги выстроен казачий пеший строй, заметно после дальней дороги подчищенные, подтянутые; в строю стояли и их возницы — старики. На левом фланге стояли женщины, дети. Трудно передать всю прелесть трогательной картины и всю гамму родных красок. Лампасы, фуражки цветные, несколько кубанских казаков, как потом оказалось, станицы Старотиторовской, погоны, почтенные бороды, седые головы, а рядом несколько задорных чубов молодых. И все это — в солнечный летний день и на фоне православной церкви. Перед строем ходил вахмистр, пожилой усатый донец. Подравнивал строй, поправлял снаряжение, поговорил с левофланговым женским строем и было уже повернулся, как из-за кофт и юбок вырвался мальчуган лет 10-12 в казачьей форме и, оторопело остановившись, закричал: «Деду, я до казаков у строй хочу!»

Вахмистр, обернувшись, погрозил пальцем, что-то сказал, но мальчик не унимался: «Не хочу я тут промеж баб и девок, до казаков хочу, деду, можно?»

По площади пронесся смех. Сцена была, действительно, смешная и умилительная. Вахмистр что-то сказал и пошел дальше, а

мальчик стремглав бросился мимо женщин и сияющий, на всех победно поглядывая, стал крайним в строю.

Где ты сейчас, Казаченок? Прочтешь — отзовись!..

Минут через десять вахмістр засуетился — сквозь толпу горожан протискивался духовой «оркест»: музыканты, восемь человек, одетых с претензией быть хоть как-нибудь похожими на военных, с начищенными кларнетами, флейтой и другими дудками и даже с барабаном. Вахмистр устроил их на правом фланге и даже за руку поздоровался с «капельмейстером», и они стали обсуждать что-то, очевидно, важное, судя по их озабоченным лицам и неимоверной жестикуляции.

— О —

Ровно в девять часов вахмистр, в роли «командующего парадом», поправил на себе снаряжение, фуражку, вышел на середину, четко повернулся к строю и, как видно, так и не отвыкший за два десятилетия от службы, подал громким голосом команду — «Пар-рад смирно!» и... буквально выхватил шашку, блеснувшую на солнце клинком, и двинулся, отбивая шаг, навстречу идущему к строю уже знакомому есаулу.

Остановились друг против друга, один с обнаженной шашкой в руке, другой с рукой у козырька казачьей фуражки. В нависшей тишине прозвучал рапорт: «Господин есаул, сводный отряд донских и кубанских казаков построен по вашему приказанию. В строю сто двадцать восемь казаков. К походу все готовы». Все взоры были устремлены на эти две сугубо национальные фигуры, воскрешающие минувшее, незабываемое, былую славу.

После краткого приветствия и обхода строя есаулом, из церкви вышел в полном облачении старенький священник, дьякон, два мальчика прислужника, небольшой хор певчих, среди которых было несколько прибывших казаков; двое из них держали хоругви, недавно реставрированные. Обнажились головы, наступила полная торжественная тишина, замелькали руки, кладущие крестное знамение.

6.

Во блаженном успении...
и
Спаси, Господи, люди Твоя...

Началась краткая панихида по убитым уже на походе. Вглядываясь в лица, я не нашел ни одного безбожника, вернее, ни одного насмешливого лица или просто праздностоящего. Многие становились на колени, большинство истово крестились, свечей было мало, а те, что горели, были, видно, наспех приготовлены. В женском строю замелькали часто платки, вытирали глаза и казаки, вахмистр и есаул клали на грудь широкие кресты.

Настал жуткий, глубоко тронувший всех момент, когда старенький священник проникновенно и громко провозгласил: «Во блаженном успении вечный покой подаждь, Господи, усопшим рабом Твоим воинам: Петру, Алексию, Сергию, Николаю, павшим на поле брани за Веру православную и за народ свой многострадальный, и сотвори им, Господи, вечную память».

Хор запел «Вечную память», которую подхватил и весь упавший на колени казачий строй; казалось, поет вся площадь, обливаясь слезами, ибо многие буквально плакали навзрыд. Момент был потрясающий и незабываемый.

Я не помню, как прошел напутственный молебен, ибо все время был под впечатлением прошедшей панихиды, в которой вечную память пели бесконечному множеству безвременно и безвинно погибшим и в смуте умученным.

В строгом порядке, степенно подходили к аналою, сотворив крестное знамение, прикладываясь к образу, затем подходили ко кресту. Подошли и мы. За несколько шагов до аналоя я уже глядел на лежащий передо мной образ Владычицы, на проникающий в душу кроткий взор, как бы все видяший, все знающий и успокаивающий. Вспомнил тот год — последний на Дону — станица Ольгинская, войсковой праздник, станичная церковь, убранная цветами, зеленью, посередине на аналое образ такой же. А может быть, и тот самый. Только еще более потемневший. Перекрестился. Положил обе руки на края аналоя, приложился к Покрову Пресвятой Богородицы. Еле слышный запах заставил вздрогнуть, поднять голову. На меня смотрели святые глаза, а сбоку, в зелени, лежало несколько полузасохших былинок Чебреца, а надо всем украшением лежал сухой бледно-васильковый вечный бессмертник... смертию смерть поправ.

И на мгновение ярко воскресились в памяти моменты далекого прошлого, степной запах — вот такой же, как у образа сейчас — как в расплывавшемся тумане открылись картины родного края, безжалостно отнятого... Ковыль, камыши у озера, кресты родных могил на погостах, пыльные дороги, и среди

рощ, курганов и степи широкой течет Тихий Дон. А над всем краем — Покров Пресвятой Богородицы, чей образ, так бережно хранимый долгие годы, увозили сейчас с горстью земли станичной и душистой былинкой с собою казаки в изгнание, а может быть и на смерть за верность себе и Отчизне.

— О —

Приложившись ко кресту, я отошел в сторону и сразу увидел у аналоя с образом коленопреклоненную фигуру, крестясь, кладущую поклоны. То был наш возница. Опанас с трудом поднялся, как видно, очень бережно приложился, затем подошел ко кресту, перекрестившись, поцеловал крест и вдруг обеими руками взял руку священика и ее поцеловал. Батюшка растерянно посмотрел вслед уходящему Опанасу, и до меня донеслись его слова — «Спаси Христос!»

7.

Парад

С площади унесли столик, аналой. Завернутый в полотенцах образ унесли казачки. Батюшка вышел в церковную ограду, поднялся на паперть да так и простоял на ней до самого конца. Из-за церковной ограды коноводы стали выводить по походному оседланных коней. Через несколько минут в конном строю стояло сто двадцать восемь всадников. На площадь из улицы от школы стали втягиваться уложенные по дорожному возы. С ними появился наш другой знакомец, сотник, к нему мы и направились узнать, зачем такая громоздкость для парада. Улыбаясь, он нам пояснил:

— А мы зараз и уходим, четыре дня задержались по ремонту, вместо двух, так надо поспешать.

Пожали ему руку, пожелали всего доброго и отошли в сторону. Вдоль всей площади до городского сада стояли мужчины, женщины, дети, у городской управы стояла группа стариков и уже знакомый нам есаул. Позади стояли два казака и три оседланных лошади. Интересны были наблюдения этого исключительного явления того времени. Мне кажется, что большинство стоявших тут жителей переживали торжественность момента, соприкоснувшись с отголоском прошлого, и чувство сладостной надежды, очевидно, уже недалекого и несравненно лучшего будущего делало всех людей трогательными и любвеобильными. Мне кажется, так выглядела площадь Белогорскоой крепости перед появлением орд Пугачева. На площади все же немногочисленные жители, довольно бедно одетые, сравнительно небольшая группа всадников, выстроившихся в одну линию. Глядя на на этих сынов Дона, было грустно видеть, что это уже не те лихие сотни казачьих полков, которые я видел уходящими на фронт в годы мировой войны. Разно одетые, не все имели сапоги, разные масти лошадей, разные седла, не у всех шашки, всего несколько винтовок, резкая разница в возрасте — рядом с очень пожилыми казаками были совсем юные мальчики, — но, что было очевидно, это у всех на лицах было выражено горячее желание быть теми, кем они были, и быть достойными их предков и славы родного Дона.

Над площадью опять нависла торжественная тишина. Сотник сел на своего коня, поправил фуражку и подал команду.

—Группа смир-рна, спр-рава по три, марш...

Оркестр заиграл марш, затрудняють сказать, какой, но играл с душой. Казаки быстро, как на учении, перестроились по три и во взводных колоннах двинулись за сотником.

Перед каждым взводом шел урядник. Приятно было видеть, что все четыре урядника, как и вахмистр и почти все правофланговые, и по виду, и по одежде были настоящие казаки прежнего времени, вот только если б... не так много седых голов.

Трогательно было видеть, как, поравнявшись с группой пожилых людей, скромно стоящих у здания городской управы с непокрытыми головами, и есаулом, с рукой у козырька фуражки, взводы отчетливо поворачивали головы направо и раздавалось довольно громкое троекратное ура. Оркестр превзошел себя и действительно гремел, кричали ура и жители, аплодировали, раздавались крики: «Браво, казаки, Бог вам на помощь, да здравствует Дон и Кубань!»

На паперти церкви одиноко стоял старенький священник с поднятыми обеими руками, в которых держал крест, как бы благословляя уходящих, обреченных людей. Прошли взводы, прошел и ушел небольшой обоз, и последними прошли рысью молодцеватый вахмистр с восемью казаками, как бы замыкая походный порядок. За ними, попрощавшись с городом, поблагодарив за помощь и гостеприимство, ускакал со своими ординарцами и есаул.

8.

И т а к . . .

Через час пустились и мы в обратный путь. Перед нами опять степь широкая. Резво бегут лошади. Скрипит и стонет видавший виды наш тарантас. Волнуется, серебром переливаясь, сбоку ковыль. Каждый из нас погружен в свои, ему одному известные, думы. Каждый по-своему переживает так неожиданно все виденное, все перечувствованное. Мой спутник как бы дремлет, а я знаю — не дремлет он. Ведь тогда он на Дону был, когда первые начавшие зажгли первый светоч среди мрака, окутавшего Россию.

В то время я был лишь только гимназист. А он уже был поручик. Как бы очнувшись от глубокой задумчивости, он, глядя на степь, сказал:

— Вот тогда тоже такие же маки были разбросаны по степи, да и не только маки...

...И не знали мы... что через несколько лет ярко зацветут кроваво красные «маки» в долинах Лиенца, Дахау, Планинга, Ромини и других мест, усердно взращенные трудами офицеров Его Беличества Короля Великобритании.

И вспомнил я запах былинки донской, что вдохнул вчера и сегодня у образа Покрова, такой же, как и тогда на Дону, многое напоминающий и никогда незабываемый чебрец, а по татарски емшан, и сказал об этом спутнику.

Опанас, все время молчавший и все слыхавший, добавил, все так же боком сидя:

— А я увчора у казаков быв, тоже им горилки поднес вид кума, а потим воны спивалы про свий тыхий Дон. Так уси люды, яки на вулице были, плакали, сердешны. — И немного потом добавил: — Я теж дюже растрогался, споминали, як тоди у походах теж спивалы. Отож уся житья у походах...

Умолк Опанас, чуть пошевелив вожжами и поникнув своей седой головой, полной, видно, дум своих печальных...

Солнце уходило на запад, куда ушли казаки, куда уйдем и мы... Справа на нас смотрел задумчивый курган, а над ним, словно на ниточке повисший, как бы с ним прощаясь, парил степной орел.

— О —

Нет богатства у нас на чужбине,
Ничем не залечить наших ран.
Мы здесь, но душою мы там,
Где в встепи Донской благоухает Емшан...

Тихий Океан.

Б Турчанинов

ДОНСКИЕ КАЗАЧЬИ ДЕЛА

Не в моих принципах выносить на общественную арену, да притом еще в обще-русской печати, существующее домашнее нестроение в нашей Донской среде, а особенно споры и раздоры среди лиц, достигших в прошлом довольно высокого положения. Ген. Поляков, повидимому, другого мнения и мне, волей-неволей, приходится отвечать на его статью «Казачьи дела», помещенную в газете «РУССКАЯ ЖИЗНЬ» от 23-го сентября 1966 года, издающейся в Америке. Я не буду касаться содержания всей статьи. Скажу только, что в ней нового ничего нет. Все тот же лейт-мотив статей и г-на Измайлова и самого ген. Полякова о его личных и в прошлом своих служебных делах, достаточно набивших оскомину всем читателям, и с довольно желчным и злобным поношением и порицанием казаков «инакомыслящих». Я коснусь лишь того, что касается моего отношения к выборам по словам ген. Полякова.

В своей статье ген. Поляков пишет: «Генерал Позднышев вместе с ген. Зубовым НЕ ТОЛЬКО БОЙКОТИРОВАЛИ, НО И ПРОТИВОДЕЙСТВОВАЛИ ПРОИЗВОДИТЬ БЫБОРЫ Д.В.С., СОГЛАСНО ВОЛИ БОЛЬШИНСТВА ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА».

Обращаю внимание на слова: «согласно воли большинства Донского Казачества». Это черезчур смелое и мало соответствующее действительности утверждение. Число Донских казаков заграницей никому не известно, в том числе и ген. Полякову. Он может играть этими словами, преследуя какую то особую цель, ибо уже дальше в этой же статье, как-бы между прочим, он пишет: «В заключение

следует подчеркнуть, что ОРГАНИЗОВАННОЕ (курсив мой) Донское Казачество блестяще выдержало свой экзамен». Тут он уже пишет не о большистве Донского казачества, а об «организованном» казачестве, вкладывая в это свой особый смысл.

В действительности, это только часть, группа, донских казаков заграницей, — ген. Поляков, проф. Федоров, Д. В. Совет, — которую ген. Поляков почему то очен гордо называет «Организованное Казачество», этим самым сваливая пренебрежительно всю остальную массу Донского казачества в какую то бесформенную кучу, — безименное и некудышнее стадо. На самом же деле, почти во всех странах рассеяния существует много Донских казаков, признававших Атаманом покойного генерала П. Х. Попова и посчитавших незаконным правом производить выборы Д. В. Советом. Есть благоустроенные станицы, хутора, союзы и объединения, признававшие или не признававшие ген. Полякова Атаманом, которые тоже не признавали право за Дон. В. Советом производить выборы. И все эти организации и отдельные казаки настаивали на создании избранной Избирательной и Контрольной Комиссии в деле выборов Атамана. Но по своим особым соображениям Дон. В. Совет — орган профессора Федорова, замкнулся в самом себе и не только не создал Гл. Изб. и К. Комиссию, но даже и не допустил в организации выборов ни одного человека, не принадлежащего к составу Д. В. Совета.

Взывать после этого, «Что двери открыты для всех», — было чистой демагогией. Я не буду подробно касаться вопроса о производстве выборов, произведенных Д. В. Советом, мое мнение об этом было изложено в моей статье «Подлинная правда о выборах Донского Атамана» (см. «Род. Край» № 62), скажу только, что все вышеупомянутые мною казаки не приняли участия в голосовании и число их значительное, во всяком случае более числа казаков, принявших участие в голосовании. Попутно замечу, что ген. Поляков не разъяснил, а обошел молчанием вопрос: по какому праву и почему Д. В. Совет производил выборы Донского Атамана. Он имел только право производить выборы атамана группы донского казачества, по номенклатуре ген. Полякова «организованного» и, конечно, выборы не могли не пройти блестяще при единственном кандидате, к тому-же среди своих. Ибо, кто же другой согласился бы баллотироваться в таких далеких от законов и обычаев казачьих условиях. Понятно, что названные другими казаками кандидаты: Б. А. Богаевски и Н. Е. Корольков — отказались. Проф. Федоров согласился. Это его дело. Получив громкое название Донского Атамана, он в сущности является только атаманом части Донских казаков.

Обвинение, предъявленное мне ген. Поляковым в том, что я совместно с ген. Позднышевым не только бойкотировал, но и противодействовал Дон. В. Совету производить выборы, совершенно голословно и не подтверждено фактами. Ген. Поляков не может их указать, потому что их не было. Где, когда и в чем проявлялись бойкот и противодействие, как с моей стороны, так и со стороны ген. Позднышева?

В Париже не было ни одного собрания казаков, на котором могли бы быть подобные выступления. Не поместили мы также ни одной заметки и от себя. В Париже состоялись по атаманскому вопросу три совещания во время выборов, производимых Д. В. Советом: 1-е — 14-го марта, 2-е — 18-го июня,, на котором я был рядовым членом совещания и 3-е — 14-го августа 1965 года, на последнем я был председателем. Собрания эти состояли из представителей организаций и отдельных казачьих общественных деятелей, каждый раз в числе 18-25 человек, которые выносили соответствующие постановления с изложением своих взглядов на предстоящие выборы с советом и пожеланиями создать избранную Гл. Избир. и Контр. Комиссию, в которую входили бы казаки различных течений, существующих среди них.

Ген. Поляков нашел нужным выделить только ген. Позднышева и меня, предъявив к тому же еще обвинение нас в требовании производить выборы Д. В. Совету совместно с Организационным Комитетом по подготовке выборов Д. Атамана, образовавшемся в Америке. Для ясности привожу выдержку из протокола от 18-го июня 1965 года: «Просить Д. В. Совет поддержать идею к объединению казачества и с этой целью ВОЙТИ В ПЕРЕГОВОРЫ С ОРГАНИЗАЦИОННЫМ КОМИТЕТОМ НА ПРЕДМЕТ СОЗДАНИЯ В АМЕРИКЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КОМИССИИ» (курсив мой). Ясно и определенно. Не производить выборы, а войти в переговоры и т. д. Собрание не входило в обсуждение всего обращения Организационного К-та, а преследовало только цель: ВЫБОРЫ АТАМАНА.

На искреннее желание собрания избежать «двуатаманства», ген. Поляков не обратил внимания, а пожелание посчитал за требование. Такое суждение можно иметь только с

какой то особой специальной целью. Естественно, что для создания Гл. Изб.. и Кон. Комиссии и избрания единого Атамана необходимо было входить в переговоры со всеми казачьими группами и организациями, в том числе и с Организационным К-том. Личные обиды тут не должны были иметь места. Главная цель должна была быть: ИЗБРАНИЕ ЕДИНОГО Атамана.

Ген. Поляков о всех трех вышеупомянутых постановлениях умолчал, точно также как и о постановлениях казачьих собраний по этому же поводу и в Н-Йорке, и в Лос-Анджелосе, и в Вашингтоне, и в С-Франциско, и в Германии, и во Франции. Неужели во всем этом ген. Поляков видел тоже только «бойкот и пр.» и до сознания его не дошло истинное положение вещей, — почему так мало, сравнительно, казаков приняло участие в голосовании. Сомнительно. Повидимому он преследовал и тут какую то цель. А все постановления выражали только искреннее стремление казачества к объединению. В казачьей толще проснулось страстное желание, во что-бы то ни стало, покончить с казачьим раздором и выбрать ВСЕНАРОДНОЙ ДУШОЙ единого Атамана. Увы! Этот исключительно благоприятный случай был отвергнут ген. Поляковым, проф. Федоровым и Донским В. Советом.

Повторяю, что ген. Позднышевым и мною руководило лишь самое искреннее желание объединить наконец то всех казаков — донцов, что стало вполне возможным после смерти ген. Попова, которого значительная часть казаков признавала Донским Атаманом.

А теперь я позволю себе высказать свое личное мнение по поводу выборов Атамана вообще.

Атаман является историческим символом единения казачества и не только символом, но и духовным вождем, выразителем мнения и пожеланий казачества, и естественным центром, откуда идут нити, связывающие Донских казаков в одно Всевеликое Войско Донское.

Но для того, чтобы достигнуть единения казачества необходимо, чтобы его избрание и пребывание на посту Атамана покоилось на твердых основах и в его выборах приняло бы участие большинство Донских казаков.

Мы, Донские казаки, являемся сынами Всевеликого Войска Донского, временного государственного образования, возникшего во время борьбы с большевиками, впредь до возрождения России и воссоединения с ней. У нас были свои Основные Законы, отражающие исторические традиции и навыки, применявшиеся к современной жизни, принятые через Войсковой Круг всем казачеством и являющиеся обязательными для всех казаков. Конечно, они не могут быть полностью применимы для нас, в рассеянии проживающими по странам нас приютившим, законам которых мы должны повиноваться. Но в вопросе выборов нашего возглавителя, они для нас обязательны, тем более, что они не нарушают законов наших гостеприимных хозяев.

В Основных Законах ясно сказано, что во главе Войска Донского должен стоять Атаман. Атаман, выбранный на три года, и указано, что в случае смерти его или невозможности для него выполнять свои обязанности, власть его переходит к Председателю Совета Управляющих, который немедленно созывает Круг и что Председатель Правительства назначается Атаманом. Неважно, что у нас нет Председателя Сов. Упр. Важно то, Атаман назначает лицо, все равно, как оно ни называется, которое исполняет временно обязанности атамана на время производства выборов.

В былые времена атаман избирался всеобшим голосованием на Войсковом Круге — на Майдане. В последнее время на Дону атаман избирался Войсковым Кругом, которому казачество делегировало свои права. Здесь у нас Войскового Круга нет, но Казачество не потеряло своих прав и обязанностей выбирать атамана и оно, не делегируя никому своих прав, само ВСЕНАРОДНЫМ ГОЛОСОВАНИЕМ ВЫБИРАЕТ АТАМАНА, а подсчет голосов и установление порядка выборов должно быть доверено свободно избранной, независимой Главной Избирательной и Контрольной Комиссии из представителей разных казачьих течений, которую должно избрать казачество в государстве, где проживает атаман или в государстве по его усмотрению.

Вот это твердая основа, которая может объединить и сохранить единство Казачества зарубежом. А всякая отсебятина, которая происходит у нас в течении уже восьми лет, — увеличение срока пребывания Атамана на посту до пяти лет; существование вр. и. д. Донского Атамана втечении двух лет при отошедшем от управления Войском Дон. Атамане, вместо немедленных выборов нового атамана; сохранение отошедшим Атаманом своего звания Донского Атамана, «дешевые и упрощенные выборы», произведенные Д.В.Советом по желанию «Большинства организованного казачества»; назначение четырех заместителей, — вся эта отсебятина может при-

вести только к РАЗЪЕДИНЕНИЮ, а не к ЕДИНЕНИЮ и избранию единого ДОНСКОГО АТАМАНА.

Париж. **Ген. м. Зубов**

ОБ АТАМАНСКОМ ВОЕННОМ УЧИЛИЩЕ

В № 66 «Родимого Края» помещены заметки Е. Е. Ковалева «Донские Юнкера». Они достаточно верно воспроизводят прошлое юнкеров Войска Донского, но, к сожалению, носят немного поверхностный характер. Было бы очень жаль, если бы к наступающему через несколько лет столетия училища сведения о нем остались в рамках подобной статьи. Надо будет сделать больше.

В данный момент мое внимание задерживается только на том, что относится к «настоящему», то есть старому Атаманскому Военному Училищу, или, чтобы не вызвать гримас на лицах некоторых читающих меня — к «Орлиному» выпуску такового. Термин «орлиный» был придуман самим покойным ген. Максимовым, хоть в дальнейшем особенного успеха у «орлов» не имел...

Роль этого 1-го выпуска Атаманского Училища, обеспечившего преемственность от Новочеркасского Казачьего училища в 1919 году, да простят мне мое замечание представители «голубого» и «железного» выпусков, в обстановке официальных собраний или торжеств Училища, как то обыкновенно стушевывается и поэтому оставшиеся в живых свидетели его прошлого чувствуют себя иногда на таких собраниях в положении гостей. А этого в принципе не должно быть.

Для большей обоснованности слов, приходится сделать добавление и уточнения некоторых фактов, ускользнувших от внимания Е. Е. Ковалева в его заметке, а именно:

Новый курс юнкеров, в то время еще Новочеркасского Казачьего Училища, начавший свою учебную жизнь 15-го августа 1919 года, оказался совершенно небывалым за всю свою историю, а может быть и за историю всех Российских военных Училищ, по высоте общеобразовательного ценза принятых юнкеров. Как и в предшествующем выпуске, состав юнкеров определялся 1-ой конной и 1-й пластунской сотнями, 1-м артиллерийским и 1-м инженерным взводами, поступление на разные отделы Училища было очень затруднено весьма серьезным конкурсом аттестатов. В результате последнего выяснилось, что в среде пластунской сотни, наименее требовательной к образовательному уровню поступающих, оказались студенты; им уже не оставалось свободных вакансий на других отделах, заполненных людьми со средним образованием.

Одних кадет Донского Императора Александра III кадетского корпуса, училище получило тогда добрых три четверти его выпуска, блестяще уже подготовленных к строевой и боевой дальнейшей жизни. Все это быстро создало и укрепило доброе имя и престиж нового Атаманского Военного Училища. За четыре с половиной месяца серьезной и интенсивной работы в Новочеркасске были достигнуты настолько большие результаты, что они сказались позже во всей дальнейшей судьбе Училища. Еще в самом Новочеркасске, действительная служба юнкеров-атаманцев началась несением караулов в самых ответственных местах города.

Вечером 26-го декабря Атаманское Училище оставило Новочеркасск и вышло в поход на Кубань, а позже к Новороссийску.

Вскоре, на походе, на конную сотню легла тяжелая и в общем непрерывная служба разъездов в прифронтовой и фронтовой зоне. 2-ая пластунская сотня, с прикомандированным к ней инженерным отделом, была назначеа на охрану штаба Командующего Донской Армией ген. Сидорина. Приблизительно в то же время, 1-ая конная сотня получила неожиданное пополнение — большую группу кадет Донского корпуса выпускного класса. Он вошел в состав Училища, как младший курс конного отдела. Немного времени спустя Атаманское Училище понесло свою первую жертву — молодого юнкера Карасева. Его разъезд был застигнут внезапной атакой красной конницы. На мосту Карасев упал с лошадью и попал в руки атаковавших... Царство ему Небесное...

В Новороссийске перевернулась первая страница Атаманского Училища. В эту пору у него уже выявилось свое лицо, и оно стало

известным далеко вне прифронтовой полосы. Увы, к Новороссийску среди юнкеров оказалось очень большое количество тифозных. Эти несчастные были брошены там на произвол судьбы. Оставшиеся из них в живых, конечно, никогда не поминали нас за это добрым словом.

Новороссийская трагедия была большим ударом для старого Атаманского Училища: состав его — и юнкерский и офицерский — весьма поредел в Феодосии. Благодаря энергии и предприимчивости ген. Максимова, появившегося в Евпатории со своим Донским Военным Училищем и принявшего в командование Атаманское , жизнь последнего стала снова налаживаться.

После Евпатории юнкера-Атаманцы продолжали держаться обособленно, как отдельная воинская часть, выполняя неоднократно поручаемые им задания в тылу и в прифронтовой полосе (охрана Чонгарского перешейка, наблюдение в Геническе, укрепление гор. Мелитополя и пр.

Из сказанного выше следует, что к июлю 1920 года «Орлиным» выпуском Атаманского Военного училища и его младшим курсом уже была создана своими собственными силами известность такового, то есть уже была закончена первая и одна из самых трудных глав истории Училища.

Недооценивать значение совершенного юнкерами, замалчивать или не соглашаться с этим было бы чрезвычайно несправедливо в отношении самой истории Атаманского Военного Училища. «Орлиный» выпуск донес ее достойно на своих крепких плечах до самого острова Лемноса.

Дальнейшие мои мысли и пояснения относятся к Атаманскому Военному Училищу, то есть к соединению всех трех его выпусков: «орлиного», «голубого» и «железного». Слияние их в Атаманское Училище заграничного периода, как известно, произошло чрезвычайно поздно, а именно накануне выступления в боевой операции на Днепре у дер. Каховки 26 июля. Если Училище в полном своем составе, оставшееся на фронте в самое горячее время, под руководством ген. В. П. Попова справилось со всеми поставленными ему заданиями, я считаю уместным подчеркнуть, что в боях под Каховкой, в особенности в атаке Училища 2-го августа, главную тяжесть удара и огня большевиков принял «Орлиный» выпуск, то есть 1-ая и 2-ая, слегка переформированные к тому времени, сотни. Для того, чтобы это сделать наглядным, следует воспроизвести по-именно и по-сотенно полный список потерь училища за период каховских боев юнкерами и офицерами. 2-ая сотня вышла в атаку 2-го августа без вахмистра (вахм. Расторгуев был ранен в ногу) и при одном лишь офицере шт. кап. Пименове. В 1-ой сотне в самой атаке был ранен в грудь навылет ес. Сохранов и в ногу ес. Колышкин. К счастью, командование в передовой линии было в руках войск. ст. Кочетова, который личным примером беззаветной храбрости мог вызвать справедливое восхищение не только одних своих юнкеров...

Выполнив свой долг под Каховкой, юнкера-атаманцы были отведены в тыл (против «зеленых»). Во 2-ой сотне, оберегавшей знамя и штаб Училища в Бахчисарае, стало известно, что Главное Командование Армии ген. Врангеля затребовало списки юнкеров, достойных награждения. Один из таких списков составлялся на моих глазах.

Ко всеобщему разочарованию, ген. Максимов ответил, что у него нет «более достойных или менее достойных юнкеров», а по сему ходатайствовал о награждении всего Училища гвардейскими Георгиевскими петлицами. Я сам и большинство «Орлиного» выпуска до сих пор не знаем, кто именно, кроме самого ген. Максимова и нескольких, быть может, офицеров, носил георгиевские петлицы «за отличие в боях под Каховкой».

Но факт остается фактом: в «Орлином» выпуске «героев» не оказалось... Тем более необъяснимой показалась потом непоследовательность училищного командования, нашедшего возможным, вопреки своему отказу за всех юнкеров от личных наград, выхлопотать таковые для некоторых из них...

Когда я вспоминаю сейчас об этих мелочах, в особенности в среде трех соединенных выпусков нашего дорогого Атаманского Военного училища, я невольно ищу глазами среди присутствующих моего старого «дружка» еще по боям 42-го Донского казачьего полка под гор. Вознесенском, летом 1919 года, Ивана Созонтовича Ашуркина. 2-го августа в цепи своей 1-ой сотни «Орлиного» выпуска, он получил пулю, она вошла около левой брови, пробила ему голову и вышла в затылке...

Мне хочется указать на него и спросить всех: — А разве он не герой? Ведь, смотрел-то он смерти прямо и открыто в глаза...

— Неужели, только эта пуля была ему наградой, как одному из представителей всего «Орлиного» выпуска?!

— Ранение — не подвиг, но и подвиги бывают «липовые»...

Атаманского Военного училища Старший подтупей — юнкер **Иван Сагацкий.**

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ПРАПРАВНУКА БЫЛИННОГО БОГАТЫРЯ НИКИТЫ СЕЛЯНИНОВИЧА

На границе отцовского участка лепился хуторок Аверкин из 9-ти дворов — это были выселки из Курской губ., народ бедный и хотя пришли они из земельной тесноты на свободную еще тогда донщину, жизнь их текла лениво, по необходимости, ради существования, не выходя из заведенной нормы. Выделялся из их среды один степенный, кряжистый, с силой мужик великоросс Пахом Иванович Носорьков. Пышная рыжая борода обрамляла его умное доброе лицо, уважали его окрестные крестьяне за честность, трудолюбие, ни с кем никогда не создавал он пререканий. Привез он свое имущество на телеге, запряженной кобылой Сивкой (с сосунком) среднего роста. Что-то было в ней от хозяина: топорное, прочное, ласковое, доброе. На телеге трое малых ребят, свинья «Хаврюшка», в клетке петух и несколько кур, сундучек, узлы и прочая скромная хозяйственная надобность, за телегой брела рябая корова «Рябуха», собачка «Валетка». Пахом Иванович и жена его Мария Тимофеевна шли сзади; на горках Пахом Иванович помогал Сивке. Приехав, по дележу получил Пахом Ив. хорошую около десятины усадьбу, вытянувшуюся полосой к реке, росла по ней верба, лоза, на берегу камыш, куга, чакан, лужки, маленькие озерца, все, что нужно было для хозяйства на усадьбе. Вблизи получил десять десятин пахатной ровной земли. Радовались Пахом и Мария земельному простору после Курской тесноты; требовалось только много труда, чтобы все привести в нужный порядок, но не страшил их труд, а радовал, в особенности Пахома; ходил он улыбался, расправлял могучие плечи, руки.

Закипела работа, выкопана землянка, огорожены-сплетены закутки «Сивке, Рябухе, Хаврошке», все из подручного усадебного материала — все де временное, на зиму будет попрочней, потеплей: надо спешить в поле. Наладил Пахом сошку, боронку, Сивка на вольном жирном корму отъелась, «и вышел сеятель сеять, раным-рано на заре».

Наше маленькое имение было близко от поля Пахома, где, как говорил, он воевал с зарослью бурьяна, березки, а особенно полыну. На «войне» я и познакомился с Пахомом Ивановичем, сначала робко смотрел издали, затем подошел ближе; остановил Пахом Сивку отдохнуть, покормить сосунка, и огромный Пахом подошел ко мне, ласково улыбаясь, протянул свою руку, я осмелел, подал свою и мог пожать только его палец.Разговорились о чем не помню, я сначала все же робел, но потом мы быстро подружились. Мне было 9 лет, ему под тридцать и наша дружба тянулась около тридцати лет.

Так было приятно ходить за сошкой, когда он пахал... Как он любил землю, называя ее: «святая, родимая, кормилица, вот я с Сивкой тибе ослоболю от заросли, дряни, что ссилила тебя» говорил, а Сивка, как бы понимая его, временами поворачивала голову, ласково смотрела на него, довольно хлопала ушами и если бы могла сказать, то сказала бы: «хороший, добрый у меня хозяин». Работой сошки в умелых и сильных руках Пахома, при усердной ровной тяге Сивки, земля рассыпалась, парил от нее земляной приятный запах — и не сходила блаженная улыбка с светлого лица праправнука «Никиты Селяниновича». Но вот подскочили бурьяны, вереск, дереза. Качает головой умная толстая Сивка... «Нича, нича, Сивушка, наддай, подсоблю». Сливаются в одно пахарь, сошка, Сивка, и толстые, длинные корневища ползут из земли еще и еще. «Теперича, Сивушка, стой, отдыхай, а я нечисть сберу». Тихо заржала Сивка и сосунок подскочил покормиться, а Пахом Иваныч собирает, выдергивает оставшиеся корневища и все выбрасывает на вспаханное, приговаривая:«сберем, просушим, с корневища-бурьяна хозяйка блянов напякёт, из березняка веников навяжу для избы, для двора, тока. Ну, Сивушка, шевелись»... И Сивушка все понимала; на ней был только хомут, да седелка, ни оброти, ни возжей, а кнута и отродясь не знала; поворот-ли, нажать-ли, или остановка, — все делала без слов. Подходило время к обеду; по дорожке из хутора показывались двое миловидных белоголовых мальчика-сыновья Пахома Ивановича, Миша и Петя; старший нес на веревке глиняный горшок, обмотанный ветошью, а меньшой в чистеньком полотенце аржаной хлеб, и от горшка и хлеба несло приятным запахом и так хотелось на зеленой травке поесть теплой ли каши, борща, все такое вкусное... А чистейший ароматный воздух, а пение жаворонка и других пичуг и мирная счастливая жизнь честного хлебороба. Тихо ржала Сивка, она хотела есть: «Зараз, зараз, Сивка, навешу торбу». Снимался хомут, седелка, «чтобы свободно могла есть». Навешивалась торба, Сивка опускала торбу на траву и начинала не спеша есть мешанку из половы,

рубленого сена, отрубей — все слегка смоченное. Отец с детьми, помолившись Богу, садились у горшка, все звали меня; я стеснялся, благодарил, но все настаивали, находилась расписная деревянная ложка, в руках кусок аржаного хлеба, густо посыпанного крупной солью, а борщ-каша, что за радость, блаженство! Все говорили, смеялись, Пахом Иваныч был среди нас с нашими радостями, с нашим весельем. Кончали, молились, — благодарили Бога, что напитал нас. Я с ребятами бегал по зеленям, залазили в заросли, кричали, отдавались детским радостям. К полудню брели домой; мои милые друзья поворачивали вправо на свой хуторок, а я налево к отцовской усадьбе. Мама, смеясь, бранила меня, что объедаю бедных людей, но и отец и мама любили Пахомову семью и шли им по возможности на помощь.

Было и у отца далеко не налаженное хозяйство после долгой военной службы.

Начались годы учения, реже приходилось видеться с Пахомом и его славными ребятами. Был он занят стройкой хаты, сарайчиков, базочков, приведением усадьбы в нужный порядок, и что только там не росло: саженная конопля — основа деревенского хозяйства, картошка, бураки, капуста, огурцы, арбузы, дыни; на берегу плескались гуси, утки, на луговинах паслись Сивка с сыном Гнедком и сосунком — кобылкой Пегашкой. На третий год появился маленький плужок и Пахом Иваныч не мог нарадоваться, Сивка с сыном легко его тянула, изредка на корнях нажимал пахарь на чапиги, ровная, чистая борозда оставалась позади и без надсады ни лошадям, ни пахарю. «Почитай, в Курской лет 15, да и здесь мучился с сошкой, а с плужком одна радость», довольно поговаривал Пахом. Стали дети помогать родителям: старшая Анюша матери по хозяйству, а ребята отцу в поле, радостно, смеясь сидели верхом на Сивке и Гнедке, запряженных в бороны, и волочили засеянную пахоть, а отец с сапеткой на ремне через плечо, без шапки: «святое, де, дело — сев» говорил, крестясь, Пахом Иваныч и ритмически разбрасывал мощной рукой золотистые зерна, в лучах весеннего яркого солнца летевших фейерком. Радостно катились годы честного труженика, наростало довольство, ушла злая нужда; прикупил Пахом еще десятин десять: два сына, — у обоих будет скромное хозяйство. Сивка ожеребила четвертого, Рябуха не отставала, то бычек, то телочка, десяток овечек, — «уже и тело сыто, и душа согрета», — хрюкала Хаврошка с шайкой поросят, услаждая слух домовитых хозяев. На технику Пахом не рисковал, гремели косарьки вокруг, «зачем мне?» говаривал он — «130-140 рублей косарька, проценты, починка, мука лошадям, сею я 15 десятин и за две недели скошу косой я ее, матушку; как наладить с измальства знаю; бритва она у меня, по своему здоровью отхвачу аршина в четыре полосу, да как махну, то пол снопа, да колос к колосу, стебель к стебелю, дома наготовим перевесла из куги, чакана, болотных трав, ссучим, что веревки, накатают ребята валки на перевесла, скрутят концы, поддернут в середину, и сноп загляденье; в полдень бросаю косить, подсобляю ребятам вязаньем, к вечеру сложим кресцы по 15 снопов и не страшен ни дождь, ни ветер, и возка без потерь, скирды аккуратные, круглый год могут стоять без убытка,, а молотьба, хоть катком, хоть машиной, очень спорая, а косарька разбросает по полю и сколько пропадает зерна и корма для скота...»

Так разумно рассуждал Пахом Иваныч и не имел он непосильных долгов и «неразрезанная» сотенка лежала на дне сундука на лихую беду. Но в лучшую пору его хозяйственных дел посетила семью лихая беда: стала слепнуть верная помощница Прохора, Мария Тимофеевна... Как, что?, конечно, никто объяснить не мог, знахаря с травами, наговорами не помогли, все больше туманились глаза, слезы, горе охватили семью, посоветовали к доктору (земский за 30 верст), посмотрел доктор, показал головой и сказал: помочь невозможно. Так и оставили леченье. Еще с год справлялась кое-как Тимофеевна с хозяйством, а там и навеки закрылись глаза. Дочь Аннушка, 12 лет, еще с 7-8 лет помогала матери, а теперь перешло хозяйство на нее, тяжелые работы: месить тесто, доить коров, делала еще мать, привыкшая к постоянной работе.

Тимофеевна тяготилась бездельем, но постепенно приспособилась к пряжам и веретено бойко жужжало в ее проворных руках, по теплу с палочкой выходила со двора на лавку у стены хаты, подсаживались соседки, соседи, мирно разговаривали, щелкая семечки, но находились охотники и посмеяться над несчастной слепой, говорили: «Ты, Тимофеевна, не видишь, а твой Пахом на чужих баб заглядывается» и тому подобные злые шутки... Отшучивалась она, смеялась сначала, а потом сердилась, плакала. Если был близко муж, подходил, распрашивал, в чем дело, узнавал, успокаивал, говорил «не до чужих баб, он один в поле и дома», допытывался, кто мутит жену, подходил к болтуну и, поднеся громадный кулак к носу, спокойно говорил:

«Иван, или Николка, коли у тебя нет разума, что слепую обижаешь, то я тебе его вставлю» и отвадил пустобрехов.

Шли годы, заневестилась Аннушка. И красивая и хозяйственная, все в ее руках горит. Сваты степенные, зажиточные приехали. Не отказывали отец и мать, но просили обождать год, сыну Мишке выйдет 18 лет, можно будет женить — дочь из дома, невестка в дом, — две свадьбы справим вместе; сваты, понимая, что без хозяйки дом сирота, охотно согласились, была бы Аннушка за ними. Быстро прошел год, сваты нашли Мишке невесту тихую, трудящуюся. Честь-честью справили свадьбы, сваху Марию Тимофеевну сваты особенно чествовали и местом и угощением, благодарила за честь, радостно плакала, что дочь пошла в хорошие люди и в дом вошла хозяйка. Пошло по хорошему, невестка была покорна свекрухе с мужем, жила душа в душу. Укреплялось хозяйство Пахома Иваныча: у него было три работника в доме и в поле. Вышла Петьке солдатчина — проводили. Сивка жила около года в полном покое, не работая и на зеленой траве. Скончалась и под плач всей семьи была там же зарыта, оставила четыре рабочих лошади и стригуна, честно проработав около 20-ти лет.

За смертью отца я уже 5-6 лет хозяйничал на своем маленьком участке, изредка заходил ко мне Пахом Иваныч, мы дружески беседовали под стаканчик, радовался его хозяйственности, дружной семье. Однажды, как обычно, немного подпитый Пахом Иваныч, посмотрев кругом, — никого не было, — подумал, махнул рукой и сказал: «Тебе, Январь Петрович, я знаю смальства, уважаю и расскажу тебе мою тайну, а ты только помолчи». Дал слово молчать. «Помнишь, восемь годов тому назад, зимой, прошла по хуторам большая тревога; страшный злодей, Никола, богатырь, пьяница, конокрад, разоривший не одного мужика; в полночь его собственная лошадь вошла в его двор, на ней сидел чуть живой Николка, семья выскочила, сняла с лошади, внесла в хату, он был без памяти и скоро помер. Оглядели: шея и ниже изорвано в клочьях, в крови, и решили, что Николка наскочил на своего человека большой силы и тот изорвал ему вязы. Приехал урядник, знал он о разбойном поведении Николки, для порядка кое-кого опросил, ничего точно не узнал — только, что Николка смерть получил на своей работе. Приказал похоронить. Зарадовались многие: не стало разбойника, тише будет... Но кто же на богатыря-Николку мог выступить, перебрали всех сильных по хуторам и меня назвали, а потом: где, де, ему, дюже, де, смирный мужик. Так поговорили зиму да и стали забывать, а теперича и совсем забыли. А Николку убил я и не каюсь, — ослобонил себя и людей от злодея, так Бог повелел.»

Удивился я, что Пахом мог это сделать. А он продолжал: «Дело было так: стояла лютая зима, ночью я послышал, что мои собаки Волчек и Дамка лают, да не на дорогу, а во дворе, тревожно прячась за сарайчики, и понял я сразу, что у меня работает конокрад, схватился, надел валянки, в рубахе и портках потихонько вышел в сени, ночь была светлая, глянул в дыру в стене, а здоровенный мужик ломает ломиком мои слабые запоры в конюшенке, где Сивка с сыном... Запоздай я малость, и вывел бы лошадей злодей. Почуял я в себе страшную силу и злобу, сразу открыл дверь чулана и бросился, как зверь, на конокрада, левой рукой схватил за ворот шубы, сорочки, пальцы влезли в шкуру, теплую кробь почуял на пальцах, кулаком правой ударил по голове, думая оглушить, свалить на земь и задавить, но толстый тряух и волосы оборонили голову, я снова замахнулся, но он как крикнет — «пропал», да рванулся от меня с силой и, подняв руки, крича «пропал», повежал к дороге, я за ним, а у меня в руке ворот его шубы и сорочки... Гляжу, а навстречу ему бягить другой человек, окоротился я, гляжу — подскочил, подхватил тот маво дружка, да к дороге, где у кислицы стояли две их лошади, повозились (видно, другой сажал первого) и ускакали в степь, а «там сто дорог». Постоял, подумал, соседи спят, молчат, зашел в хату, бросил в печь, в горящую золу, кусок ворота и рубахи, вымыл руки, оделся и вышел из хаты, зашел в конюшню, запор был оторван и ломок на земле, подошел к Сивке, а она, бедная, дрожит, лащится, чуть не говорит: оборонил меня от злодея, Пахомушка. Оборонил, оборонил, Сивушка, не придет теперь за тобой, да и куда тебе, старой, жеребой, скакать, на третьей версте бы упала, выручала ты меня долгие годы из нужды, вывела на хозяйство меня и только через меня вывели бы тебя с силой. Раздумал я тады — следствие, дознание, да и от злодеев опаска, и решил обо всем молчать, другой вор, зная дело, молчал, ему болтать совсем было не с руки». На этом он и кончил свою исповедь. Поблагодарил я за доверие Пахома Иваныча и мы расстались.

Во время войны, приезжая в отпуск, встречался я с Пахомом. Хозяйство, семья, все было в порядке, но не радостен был он, живя в гуще народной, чуял грядущие беды, казалось ему, что не за дальними горами много

Ванек, Сенек, Николок послазят с грязных печей и будут жадно шарить по его сундукам, закромушкам, катушкам и с хохотом забирать: все де «нашей кровушкой, потом нажитое»...

Не ошибся Пахом Иваныч, вернувшиеся с фронта Сеньки, Ваньки все больше распоясывались, на верхах были свои, ждали от них приказа и загремел Ленинский глас на всю Россию: «Грабь награбленное».. И пошел гулять по Руси красный петух, топор, обрез...

О Пахоме Иваныче слышал: сын Петька с фронта не вернулся, Мишка с женой ушли к жениной родне — в бедняки, от ужаса, тоски умерла мученица Тимофеевна, похоронили ее без гроба — не было досок, устлали могилу камышем, кугой, накрыли травами... Пахом Иваныч, записанный в кулаки, ждал отправки на север — один в пустой разоренной усадьбе, питаясь аржаным только хлебом, приносимым Мишкой по ночам, таял, как воск от огня, и молился, молился, прося смерти и могилы рядом с женой и вблизи разоренного гнезда, в создание которого вложил столько труда, любви; из былого богатырского склада, Пахом превратился в худенького старичка, с трудом передвигавшегося, но его глубоко сидящие глаза отражали радость, он чуял близкую смерть...

С ним разделяла одиночество старая собака, как-то уцелевшая, она жалась к хозяину, лизала руки, жалобно смотрела в глаза, делился с ней Пахом кусочком хлеба, и за день до смерти хозяина, полизав руки, склонила голову на его ноги и умерла. Заплакал Пахом Иваныч, погладил голову последнему другу, с трудом встал, нашел обломок лопаты, с трудом на мягкой огородной земле вырыл яму, принес собачку, опустил, притрусил травой и зарыл. Последние силы отдал верному другу.

С великим трудом добрался до хаты и лег на траву, заменявшую постель, под пустым святым углом и тихо скончался. Пришедший на зоре Мишка, увидев отца мертвым, призвал жену, родню и похоронили рядом с женой Марией Тимофеевной.

И Господь Бог упокоил их добрые честные души в селениях Праведных за их любовь, усердный труд на святой кормилице земле.

Париж. **Ян. Богаевский**

АРГЕНТИНА

(Стихи полученные одним из наших читателей из Аргентины)

В этой странной Аргентине
Все совсем наоборот:
Даже месяц в небе синем
Ходит задом на перед.

В январе ищи прохлады
От томительной жары,
По ночам звенят цикады
И кусают комары.

В мае осень наступает,
А в июле сыплет снег,
Ничего не понимает
Опупевший человек.

Здесь зима бывает летом,
Лето знойное — зимой,
Европеец же при этом
Ходит вечно сам не свой.

Ветер северный ласкает
И тепло с собой несет,
Если с юга задувает,
Значит — осень настает.

Птицы здесь размером в муху,
И в тарелку пауки,
Муравьи вползают в ухо
И кусаются жуки.

Аромата нет ни крошки
В пышных розах на дворе,
И справляют свадьбу кошки
Вместо марта в сентябре.

Мы попали в антитадар
Странной прихотью судьбы,
И для нас здесь вся природа
Словно стала на дыбы.

Так что видишь безпрестанно
Здесь во всем обратный строй,
Только люди, как ни странно,
Ходят кверху головой.

У Ш Е Д Ш И Е

† **Памяти П. М. Гладкова.** 11 дек. 1966 г., 65 лет от роду, после продолжительной болезни скончался Петр Меркулович Гладков, ст. Гиачинской Куб. В. Похоронен на деревенском кладбище дер. Шамплей, депар. Ионны.

Ушел еще один из молодых, один из тех самых неоперившихся орлят, оставивших классную скамью (Средне-Техническое Училище) для того, чтобы взять винтовку в руки для защиты Матери-Родины, и это уже тогда, когда всем в Крыму стало ясно, что белому движению пришел коноц, т. е. летом 1920 г. Это была последняя вспышка народного патриотизма на Кубани. Вспышка безнадежная, в благополучный исход которой верила лишь молодежь. Правда, вспышка эта вначале имела успех, но в конечном итоге лишь немногим участвующим удалось уйти из кольца окружения большевиков, перейти через Кавказский хребет, геройски пробить себе путь к черноморскому побережью, проникнуть на грузинскую территорию, и там быть подобранными пришедшими из Крыма судами. Вместе с отрядом ген. Фостикова они попали в Крым лишь за 20 дней до его эвакуации.

Там П. М. поступил в Кубанское, имени ген. Алексеева, военное Училище, с ним эвакуировался в Галлиполи, но окончить его не успел. Из Галлиполи он ушел в Грецию, затем в Болгарию и в 1923 г. попал во Францию, где вначале пришлось добывать кусок хлеба тяжелым трудом. Но это не мешало ему заботиться о своем ближнем. Будучи членом правления Кубанской станицы, много добра он сделал для своих братьев-кубанцев. По его инициативе и благодаря его настойчивости была создана первая Касса Взаимопомощи при Кубанской станице в Париже в 1929 г. Покойный был ее первым председателем в течении нескольких лет.

Журнал «Кубанская старина и современность» тоже многим ему обязана. К сожалению, этот журнал выходил недолго — не хватало средств.

Оставив общественную деятельность, П. М. поселился в деревне в 150 км. от Парижа, где занялся сельским хозяйством и куроводством. На новом месте был очень любим и уважаем местными жителями-французами.

Хоронил его местный католический священник с разрешения Высшего Духовенства. Провожала его, можно сказать, вся деревня и у многих французов были слезы на глазах.

Пусть будет ему пухом та самая земля, которую он обрабатывал своими руками. — К. Т. Баев.

† 6 янв. 1967 г. в Мангайме (Германия) скоачался в возрасте 91 года протоиерей Отец Николай Фомин, казак станицы Луганской В.В.Д. Похоронен на русском кладбище г. Висбадена.

В революционные годы О. Николай служил дьяконом в Новочеркасском Кафедральном Соборе. С занятием немцами Новочеркасска в время 2-ой Мировой войны он был священником в Михайловской церкви на Старом базаре. В 1943 г. ушел на Запад и до 1951 г. был священником в г. Мангайме, а затем переехал в Нью-Иорк и все время служил при Синоде в Нью-Иорке при митрополите Анастасии. За год до смерти вернулся к сыну в в Германию, где и скончался.

† 18 дек. 1966 г. в госпитале г. Иера (Франция) после долгой болезни (паралич левой стороны) скончался на 75 г. жизни Н. Ф. Шурупов ст. Мигулинской В.В.Д. — Сообщил И. В. Ковалев.

† 13 ноября 1966 г. в г. Рочестер (США) умер вахм. Ф. Е. Пляшкун, 70 лет, ст. Полтавской Куб. В.

† 18 ноября 1966 г. в Маис Лендинг (США) скончался хор. С. Ф. Гунько, 72 лет, ст. Терновской Куб. В.

† В Сан Пауло (Аргентина) скончался донской казак инж. А. М. Ситник.

†9 ноября 1966 г. в Сомборе (Югославия) скончался К. Г. Губанов Терск. В.

† 17 ноября 1966 г. в Патертоне (США) умер ст. ур. П. С. Карпов В.В.Д.

† 26 ноября в Брюсселе скончался после продолжительной болезни сот. А. И. Крылов Куб. В.

† 17 янв. в Париже скончался И. Е. Павлов, станицы Раздорской, хут. Пухлякова В.В.Д. Похоронен на русском кладбище в С. Женевьев.

† 23 окт. 1966 г. в Буенос-Айресе (Аргентина) скончался ген. майор Б. Н. Полозов, казак В.В.Д.

† 22 декаб. 1966 г. в г. Карлсруе (Германия) скончался ротм. А. С. Петровский, 63 лет, служивший в Каз. Корпусе ген. Панвица.

† В явнаре с. г. в Париже скончался есаул Войска Донского П. Тюрьмозеров, участник Степного Похода.

Редакция «Род. Края» удивлена, а вместе с ней и казаки, знавшие покойного, что его родственнники, хорошо известные в каз. кругах, не сообщили в местной газете «Русская Мысль» ни об его кончине, ни о том, когда и где его хоронили, ни когда служили панихиды. Многие, ведь, хотели помолиться за упо-

кой его души и отдать последний долг хорошему человеку и достойному казаку. Получилось очень нехорошо...

† 3 ноября 1966 г. в Буенос-Айресе скончался сот. Л .Гв. Казачьего полка Ф. М. Гончаров.

† 16 дек. 1966 г. в Брен ле Комт (Бельгия) умер полк. З. С. Панов Куб. В.

† 12 дек. 1966 г. в Патерсоне (США) умер подхор. А. Х. Мармыш ст. Невиномысской Куб. В.

† 25 дек. 1966 г. в Лейквуде (США) умер подхор. Н. Е. Чевычелов ст. Костромской Куб. В.

† В декабре 1966 г. в Париже скоропостижно скончался на 84 г. жизни ес. Д. И. Братчиков, ст. Усть-Лабинской Куб. В.

† 25 янв. в Сиднее (Австралия) скончался В. Старш. Забайкальского Каз. Войска В. П. Пешков.

† 29 янв. в доме для престарелых в Туркуане (Франция) от разрыва сердца умер подхор. М. И. Акульшин Куб. В.

† 5 февр. после долгой и тяжкой болезни в старческом доме Русского Красного Креста в г. Шелль (Франция) скончался ес. Н. Г. Крынкин Уральского Каз. Войска в возрасте 67 лет. Сообщил — Г. Елисеев.

† 12 июня 1966 г. в Леиквуде умер Л. И. Ткачев ст. Бекешовской Куб. В., 71 года.

† 20 ноября 1966 г. во Франции умер от сердечной болезни чин. Ф. Н. Шатов Куб. Войска, 79 лет.

† 2 дек. 1966 г. в Зальцбурге скончался от рака полк. П. В. Хлебников, 75 лет. Астраханского Каз. В.

†13 дек. 1966 г. в Лос Аджелос после долгой и тяжкой болезни скончался сот. В. П. Мячь, долголетний редактор «Вестника Первопоходника».

† Сообщают из США — Ал. Гр. П. и Р. И. Уш. — в конце 1966 г. скончались после тяжкой болезни А. Чеботарев, ст. Урюпинской, хут. Горского В.В.Д., проживавший в Сев. Америке, и Д. А. Митусов ст. Митякинской, хут. Ср. Митякин В.В.Д., 76 лет. Усопший закончил свою жизнь в Св. Троицком монастыре в Джорданвиле шт. Нью-Иорк, США, в сане иеродьякона. В свое время перенес тяжкие гонения от сов. власти и отбыл 10 лет каторги на Соловках.

† 11 февраля в Доме для престарелых г. Шелль (Франция) скончалась первопоходница К. И. Николич, Куб. Войска.

†21 янв. в Париже скончался от разрыва сердца ген. И. Н. Коноводов ст. Гундоровской В.В.Д., бывший к концу гражданской войны начальником 8-ой Донской каз. конной дивизии.

† 25 февраля в Нью-Иорке после двух операций, в тяжелых мучениях скончался наш любимый сын уральский казак Алексей Масянов, 36-ти лет, о чем сообщают убитые горем родители Галя и Леонтий Масяновы.

Похоронен на кладбище в Ново-Девичеве.

ДЕНЕЖНЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ В РЕДАКЦИЮ «РОД. КРАЯ»

(С 15 декабря 1966 г. по 1 февраля 1967 г.)

В **Фонд Издательства:** атаман Платовской станицы в Патерсоне С. В. Чернов — 20 долл., г-жа Попандопуло — 5 фр., М. С. Черныш — 1 долл., В. Л. — 5 герм. мар., Сетраков и Яшкин — 10 фр., Аристов — 10 фр., Осетров — 8 фр., Е. Е. Ковалев — 5 ф., Кумшацкий из Марокко — 10 фр., Я. П. Богаевский — 3 фр., С. И. Донсков — 10 долл., С. Н. Шелудковский из Чили — 5 долл., Н. А. Ломакин — 22,20 фр.

Для передачи **Дамскому Комитету Каз. Союза:** г-жа Абрамова — 10 фр., В. М. Петрусь — 5 долл., Б. Н. Шарапов — 2 долл., Н. П. Казинцев — 20 фр., А. А. Леонов — 50 фр., П. И. Алексеев — 5 долл., Сетраков — 10 фр.

Для передачи Отделу Партизан Чернецовцев-семилетовцев от В. М. Петруся — 5 долл.

На издание **книги, увековечивающей память Атамана А. М. Каледина:** Кравцов — 10 фр., собрано по подписному листу атаманом Платовской ст. в Патерсоне С. В. Черновым — 68 долл. (С. В. Чернов — 5 д., И. Р. Клифюов — 5 д., Н. В. Каймашников — 30 д., Н. Пятницкий — 1 д., Я. Моисеенко — 1 д., Ф. Крылов — 5 д., Д. Монасев — 1 д., А. Д. Мышкомасов — 3 д., А. Пискунов — 2 д., И. И. Цыганов — 5 д., С. В. Каймашников — 5 д., И. В. Белоусов — 5 д.).

П. А. Алексеев (2-ой взн.) — 5 долл., Аристов — 20 фр., И. А. Ченцов — 5 долл.,Ященков — 10 фр., г-жа Сторкенбекер — 10 фр., Ю. А. Карпов — 10 фр., И. В. Ковалев — (2-ой взн.) — 10 фр., С. Дмитров — 5 долл., В. М. Петрусь — 5 долл., отдел партизан чернецовцев-семилетовцев через М. И. Кацмана — 5 долл., г-жа М. П. Баратинская — 5 долл., Рындин — 20 фр., Б. Н. Шарапов (3-ий взн.) — 3 долл., Е. Д. Богаевская — 10 долл., В. Г. Улитин — 5 долл., Н. Н. Воробьев (3-ий взн.) 3 долл., С. З. Алферов — 5 дол.

Всех жертвователей просим принять нашу искреннюю благодарность.

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ «РОДИМОГО КРАЯ»

Непринятые рукописи обратно не возвращаются и в переписку о них редакция не вступает. Редакция оставляет за собой право статьи сокращать, не меняя смысла написанного. За статьи, подписанные полным именем автора, редакция не отвечает и они не всегда выражают взгляды редакции.

Корреспонденцию на имя Редакционной Коллегии направлять по адресу:

Mr. Bogaevsky —
230 av. de la Division Leclerc
95 — Montmorency (France)

Через Редакцию «Р. К. можно выписывать: «Воспоминания ген. А. П. Богаевского» о Ледяном походе, с многочисленными фотографиями белых и казачьих вождей (цена 12 фр.), «Ермак Тимофеевич кн. Сибирский, его сподвижники и продолжатели» Н. М. Мельникова, с ценными редкими иллюстрациями. Стоимость во Франции 8 фр., заграницей — 2 доллара; книжки рассказов недавно скончавшегося донского писателя П. М. Аврамова «Ковылий Сказ» и «Яровой Сев» (цена 3 фр. за оба рассказа, помещенных в одной книге), «Никифор Кащеев» (цена 3.50 фр., брошюру Н. М. Мельникова «Как извращается история» (цена 1,50 фр.), Л. Масянова: «Гибель Уральского Каз. Войска» (цена 15 фр.), Н. Н. Туроверова «Стихи» книга пятая 15 фр.), Н. Н. Воробьева «Кондратий Булавин» (цена 12 фр. или 3 долл.), а также репродукцию в красках с картины С. Г. Королькова «Выдача казаков в Лиенце» (цена 3 фр. плюс пересылка).

◆ Редакция обращается с настоятельной просьбой ко всем своим читателям и подписчикам не задерживаться с внесением подписной платы. Издание «Род. Края» основано исключительно на самоокупаемости, при полной безвозмездной работе всех наших сотрудников. То-есть журнал издается на деньги, за него полученные, и на пожертвования отдельных лиц в Фонд Издательства, иначе говоря на деньги самих читателей, от которых и зависит дальнейшее существование «Род. Края».

◆ Редакция «Род. Края» и ее редактор Б. А. Богаевский просят принять всех тех, кто их поздравил с Праздниками их искреннюю благодарность за память и за добрые пожелания. К нашему глубокому сожалению, из за перегруженности работой (большинство из нас занято службой) мы не имеем физической возможности ответить всем лично. И всех вспомнивших нас просим принять наше искреннее казачье спасибо. — Редакция «Род. Края».

◆ **Розыски. — Мих. Ив. Нужненков** из Новочеркасска розыскивает двоюродного брата Ефима Димитр. Черноусова ст. Грушевской. Писать по адресу:

Mr. Loukianenko
8 rue Voltaire. 92 — Puteaux. France.

— Сестра розыскивает брата **Валентина Климнина** рожд. 1904 г. станицы Букановской. Учился в Дон. Кадет. Корпусе в Югославии. Около 1925 г. переехал в Париж, откуда уехал в 1930 или 1932 г. Писать по адресу:

Mrs. A. Pachkevitch
3700 S. W. Donavan
Seatle, Math. 98126. USA

— **Минаева Феодора Фолимоновича,** казака Гундоровской станицы, рожд. 1898 или 1899 г. розыскивают родственники в России. Просим имеющиеся о нем сведения, сообщить станичнику Ф. Ф. Минаева по адресу:

W. Alochin.
5, rue Ledru Rollin.
30 — Beaucaire. (Gard) — France.

Вышла из печати, под редакцией Н. М. Мельникова, в издательстве «Родимого Края», монография

МИТРОФАН ПЕТРОВИЧ БОГАЕВСКИЙ

В книге 276 стр. и редкие фотографии. Выписывать из редакции «Род. Края». Стоимость во Франции — 16,50 фр., заграницей — 3,50 долл. В книге, кроме яркой обрисовки личности и деятельности Донского Златоуста, перед глазами читателя попутно проходит героическая эпоха Калединского периода истории Дона.

Осталось еще ограниченное количество экземпляров.

РУССКИЙ КНИЖНЫЙ МАГАЗИН В ПАРИЖЕ

— Все новинки книжного рынка —
MAGASIN DU LIVRE
10, rue des Carmes Paris 5
Tél. DANton 25-28.

«ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА»
Редакционная Коллегия: А. Долгополов, Г. Головань и В. Мяч.
ежемесячный журнал, посвященный Первому Кубанскому походу и истории Белых Армий.
Издание Калифорнийского отдела Союза Учасников 1-го Кубанского ген. Корнилова похода
Подписная плата на 1 год (12 номер.) дол. 5.00, на 6 месяцев долл. 3.00, цена отд. номера 0.50 цент. Адрес редакции:
842 NO. Alexandria ave. Los Angelos. Calif. 90029. USA.

Imprimerie P.I.U.F. - 3, rue du Sabot - Paris (6e)

НОВАЯ КНИГА СТИХОВ НИКОЛАЯ ТУРОВЕРОВА

Цена — 15 фр. для Европы и 3,50 долл. для США.

В Европе книгу можно достать в русских книжных магазинах Парижа или выписать из редакции «Род. Края» или у автора:
N. Touroveroff. Rue Paul Lafargue. Bat. 1. Esc. F. 93 — Pierrefitte. France.

На востоке США: у П. Д. Гульдиева:
4141-44 Str. LI City — New-York. 11104 NY. U.S.A.
или у Н. Е. Королькова:
Freewood Ackers. Farmingdale. New-Jersey. U.S.A.

В Сан Франциско: у представителя журнала «Грани» — А. А. Цвикевича:
2314 — 25th ave. San-Francisco, Calif. 94116. U.S.A.
или в магазине Л. П. Бетхена — 2050 Филлмор стрит или в библиотеке Русского Центра, в часы когда она открыта.

Родимый Край

ОГЛАВЛЕНИЕ:

Увековечение памяти Атамана Каледина.
Н. Кузнецов — «Атаман Печаль».
Т. Данилевич — «Пасха».
И. Курицын — «О Союзе Казачьих Войск и Временном Правительстве».
А. Падалкин — «Июльское восстание большевиков в Петрограде в 1917 г. и донские каз. полки» (продолжение).
П. Фадеев — «Гражданская война на Уральском отдельном фронте».
М. Черныш — «Запорожье и Запорожская Сечь» (продолжение).
Г. Губарев — «О корнях нашего рода».
Н. Евсеев — «О казаках».
А. И. Третьяков — «Из борьбы донских казаков с большевиками» (продолжение).
Н. Туроверов — «Из калмыцкого».
Г. И. Барашкин — «Дума».
Казак-наблюдатель — «Бал Казачьего Союза».
С. И. Донсков — «Общеказачий день Скорби в США».
Ф. Головко — «Мария-Магдалинская пустынь».
А. Туроверов — «Содружество».
Б. Уланов — «В. А. Харламов».
В. Кузнецов — «С. Г. Корольков».
Ушедшие.
Денежные поступления в редакцию «Род. Края».
От редакционной коллегии «Род. Края».
Розыски.

РОДИМЫЙ КРАЙ

Орган общеказачьей мысли.
Издатель: Донское Войсковое Объединение.
Association des Cosaques du Don
Arr du Ministre de l'Int. J.O. 70 1955

PAYS NATAL MAI — JUIN 1967
№ 70 — Май-Июнь 1967 г. 3.50
Parait tous les 2 mois. Directeur: *Bogaevsky.*

Редакционная Коллегия: Б. А. Богаевский, А. И. Клочков, В. М. Кузнецов, А. П. Падалкин, Н. Н. Туроверов, Б. Н. Уланов.
Адрес редакции:

B. BOGAEVSKY
230, Av. de la Division-Leclerc
95 — Montmorency
France

УВЕКОВЕЧЕНИЕ ПАМЯТИ АТАМАНА КАЛЕДИНА

Прошло больше двух лет с того момента, когда казаки во Франции взяли на себя инициативу увековечить память генерала А. М. Каледина изданием книги об этом талантливом военачальнике, герое Луцкого прорыва, и незабываемом вожде казачества.

Созданной 15 марта 1965 г. для осуществления этой задачи специальной Комиссией и Н. М. Мельниковым был собран ценный богатый материал, относящийся к жизни и деятельности этого выдающегося человека. Написанная Н. М. Мельниковым, последним председателем Донского Войскового правительства и непосредственным сотрудником ген. Каледина, книга «А. М. Каледин и его эпоха» готова для сдачи в печать.

Книга должна не только по богатству содержания, но и по внешнему виду быть достойной памяти покойного Атамана. Для этого необходимы значительные средства. Комиссией собрано около 9500 франц. франков, для издания же книги нужно иметь не менее 12.500 фр.

Много казаков и русских людей откликнулись на наши обращения, но далеко не все из тех, которые могли бы нам оказать поддержку в осуществлении этой казачьей исторической работы. Откликнулись многие казачьи организации, много казаков и не казаков из всех стран свободного мира, но мы должны особенно отметить отзывчивость казаков-стариков, выбывших из трудового строя, находящихся в старческих домах, и из своих скудных средств делающих посильные взносы. А им это значительно труднее, чем многим другим. Особенно трогателен жест донской казачки, попросившей не оглашать ее имени, приславшей нам золотые часы на издание книги.

Мы обращаемся еще раз ко всем тем, кто еще не откликнулся на наш призыв увековечить память А. М. Каледина и последовать примеру казаков стариков, примеру вдовы донской казачки, пожертвовавшей на благое дело ценный сувенир.

Председатель Комиссии по увековечению памяти Атамана Каледина
Б. Богаевский
Председатель Казачьего Союза во Франции
В. Кузнецов.

Взносы направлять по следующим адресам:

1. На имя председателя Комиссии Б. А. Богаевского:
B. Bogaevsky, 230, Av. de la Division-Leclerc
95 — Montmorency, France.
2. На имя председателя Каз. Союза:
Kouznetzoff. 37 rue Gallieni.
92 — Malakoff. France.
4. На имя атамана Обще-Казачьей станицы
Union des Cosaques, C.C.P. № 21209-10. Paris.
4. На имя атаман Обще-Казачьей станицы в Нью-Йорке:
Afan. 49 Miller Ave. Brooklyn. N.Y. 11206. USA

АТАМАН ПЕЧАЛЬ

А. М. Каледину

О чем ты думал, Атаман?..
О ком твоя душа болела?
Когда с степей сошел туман
И ночь в глаза твои глядела...

Был тяжек, безисходен час
Последнего с собой разлада,
И ты решил за Дон и нас...
И ты поверил — так вот надо:

Нажать курок, порвав с землей,
Окончить жизнь на благо внуков...
И вот теперь, как часовой,
Стоит в сердцах с тобой разлука...

С тех пор прошло немало лет,
Но ты, как совесть перед нами...
И не один донской поэт
Тобой болеть не перестанет.

О, Атаман... Забудь наш грех,
И малодушье, и измену,...
Мы твердо помним красный смех,
Мы для тебя готовим смену.

О, Атаман-Печаль, прости!
Я знаю — тяжек час разлуки —
Тебя достойные расти
В Донской земле начали внуки.

Николай Кузнецов

П А С Х А

И снова Пасха... но которая вне страны Родной? Воспоминание рисует совсем иные Пасхи — светлые, радостные и торжественные...

...Но я не стану говорить о чудной музыке Пасхальной, разносившейся по зеленеющим лугам широкой матушки Великой, когда из Псковских вековых церквей богатых летел трезвон недельный из под ног седого, а зачастую и слепого звонаря. А он, взобравшийся на колокольню, как музыкант врожденный, перебирая педалями, потрясал колоколами окружные просторы — сердца и души псковичей!..

Там некогда Стефан Баторий, осаждая Псков, хотел разрушить Русь и уничтожить витязей, закованных в доспехах боевые и выходящих из Поганкиных палат...

— О —

...Я вас не поведу на берег Жиздры многоводной, в Козельск старинный, где через луг зеленый, на фоне рощ дубовых, белела Оптина Обитель. А из нее, чрез вольные просторы, неслись Пасхальные трезвоны!.. В ней старец Оптинский благословенье уделял — на путь далекий, многотрудный...

То было там, где некогда Батыя скакали орды кочевые, всё ту-же Русь уничтожая...

— О —

...Не стоит вспоминать и об иных лугах просторных, когда стремясь от Немана на юг, ты за десятки километров видел Храм высокий, на горе большой! И там, неистово звоня, в трехдневном перезвоне ржавых рельс, (ведь колокола, недавно, враг перелил на пушки), отстаивал свою, все ту-же, русскость православный люд...

— О —

Сейчас я расскажу о Пасхе прошлой и отменной, о Воскресении Христовом! о нем поведал мне когда-то рассказчик молодой. В то время верил он и в воскресение Христа и стороны Родимой!

...И было это не так уже давно, но многие забыли о случившемся... В стране сказочно прекрасной, где Господь щедро разбросал множество красот и в морщинках горных великанов, и в долинах цветуших. Там, уже в конце января, чуть стают снега, южные склоны покрываются желтобелыми коврами пер-

вых весенних цветов. Ну, а к маю все стоит в пышном подвенечном наряде весны. Кажется, каждая былинка, устремляясь к солнцу, хочет воспеть воскресение к новой жизни!

Это было в то время, когда тысячи, — что тысячи, десятки тысяч — людей стремились вперед, в поисках выхода и спасения! Среди той многотысячной массы казачьей было и Военное училище.

Когда трагический круг суживался над обреченными людьми, начальник училища получил ночью приказ, по которому, рано поутру, он выступил со своими юнкерами в последний поход.

Был Чистый Четверг. Солнышко искрилось миллиардами рассыпанных по долине бриллиантов — отражаясь в микроскопических капельках утренней росы. Воздух был свеж и хрустально прозрачен, разнося дыхание множества весенних цветов.

Но окружающая атмосфера последних дней войны была зловеща.

Училище беспрепятственно продвигалось на восток, все время имея на глазах партизан, державшихся на расстоянии и не дерзнувших задержать его. Красные партизаны занимали оставляемую юнкерами территорию.

Придя в Толмеццо, в штаб Походного Атамана, юнкера застали там хаос и растерянность.

С трудом удалось избежать разоружения, которого требовали партизаны, и вывести казаков из той страны. Юнкерское училище прикрывало отход и, по возможности, регулировало отступление.

Дело было не из легких — люди, обезумевшие в стремлении возможно скорее достигнуть северной границы той страны, сами создавали панику и хаос. Они неслись вперед, обгоняя друг друга, и запруживали дорогу. Надо было разгружать то и дело создаваемые пробки. А тут, над головой, все время ворчали вражеские аэропланы. С окружающих высот смотрели дула везде расставленных красных пулеметов. Юнкера, по-юношески храбро, несли свой долг и не старались уйти первыми. Пропустив последние колонны отступающих казаков, они снялись с линии реки Таглияменто и, в нестроевом порядке, цепью стали продвигаться на север. Они покидали солнечную страну... унося с собой много пережитого в той прекрасной стране, в вечной боевой тревоге и вражеском окружении партизан.

К вечеру юнкера подтянулись к Пиано, предназначенному для привала. В этом небольшом селении скопление казаков было таково, что яблоку негде упасть. Все полуразрушенные дома были заняты ранее прибывшим штабом Атамана и обозом. Юнкера целый день не ели; переживания, связанные с выходом из Толмеццо, и проделанный марш до того изнурили, что все еле держались на ногах. Первым делом надо было утолить жажду и голод, затем как-то пристроиться на ночлег. Они вповалку завалились на пол в большом, но разоренном помещении. Их начальник устроился тут же, в какой-то развороченной комнатушке, на ободранной кровати без матраца. Не спалось ему, он ворочался с боку на бок, стонал и вздыхал, а его молодой конвоец прикурнул тут-же рядом, не раздеваясь, на голой сетке соседней кровати. Той ночью, под впечатлением пережитого дня, юнкер несколько раз вскакивал, бредя во сне.

Утром он получил приказ от начальника: «найти для меня комнату!» Делать было нечего. Выполняя полученный приказ, конвоец взял с собою еще одного юнкера и отправился на поиски. Но в селении полным-полно казаков, все было занято. Задумавшись, посланец посмотрел на высокие горы и голубое небо... И вдруг, тут-же, невдалеке, на высоком холме, покрытом елями, он увидел белый дом. Недолго думая, он пустился в гору и вскоре достиг вершины. На ней, на небольшой поляне, стояло палаццо, из него уходили последние офицеры немецкой комендатуры. Объяснившись со старшим из них, конвоец узнал, что в этом огромном доме найдется не только комната для его начальника, но и помещение для всего училища.

Оставив второго юнкера на часах, он помчался вниз и, прибежав, отрапортовал: — Я нашел помещение для всего училища! Донесение было столь невероятно, что начальник училища поверил лишь тогда, когда сам увидел помещение.

И в Великую Пятницу, с большим ликованием, юнкера перебрались в тот шикарный дом. В то тяжкое время, это был совершенно неожиданный и последний дар судьбы...

Обстановка была напряженная, с часу на час ожидался приказ о продолжении похода. Вечером в тот день у терцев вспыхнул бунт. Казаки требовали немедленного продвижения вперед и соединения с армией генерала Власова. Поздно вечером, по приказанию Походного Атамана, заместитель его и начальник училища выехали на место расположения Терского полка. По приезде, когда генерал Силкин обратился к казакам, кто-то выстрелил в приехавших и пуля ранила руку стоящего рядом с конвойцами казака, но тер-

цев удалось успокоить.

Великая Суббота прошла сравнительно спокойно. Под вечер одна знакомая сердобольная казачка принесла начальнику училища яичко пасхальное, белое — некрашенное... И настало 6 мая, день Воскресения Христова! Переломив на три части принесенное яйцо, полковник поделился им со своими ближайшими спутниками.

Юнкера не могли отметить светлый праздник торжественным богослужением — училищный священник оставил свою паству, устремившись вперед. Тогда адъютант училища, есаул П-ин, человек церковный, организовал Пасхальную молитву.

С балкона белого палаццо открывалась живописная картина — небо безоблачно прекрасное, играло солнышко пасхальное, освещая яркими лучами, вокруг сгромаздившиеся, седые и хмурые Альпы. А внизу, прямо у ног, на площадке, окруженной елями, выстроились юнкера. По команде головы их оголились и полилось: «Христос Воскресе из мертвых!». Казалось, все трепетало, эхом разнося по окрестным вершинам торжественные слова... молитвы, вырывавшейся из глубины сердец молодых!

Не прошло и двух часов, как училище, снявшись с привала, последней казачьей колонной уходило из той страны. Миновав последнее селение, юнкера стали медленно подниматься в гору. К вечеру они сильно приустали, неся на себе тяжелые пулеметы, автоматы, карабины, гранаты и даже противотанковые кулаки, уже брошенные немцами и подобранные юнкерами во время последнего привала.

Дорога к перевалу вилась серпантином и казалась бесконечной. Юнкера были утомлены не только тяжестью амуниции — каждый нес в душе тягчайшую думу — что ждет впереди?..

...Преодолевая перевал, они вздумали развлечься — отогнать усталость и сонливость. Они стали пускать ракеты. То над головой, то где то внизу, в хвосте колонны, с шипением вспыхивали разрывающиеся ракеты раз красным, раз зеленым фосфорическим светом. Снеговые вершины и пропасти на момент освещались сказочной, но какой то зловещей красотой...

Перевал достигли к полночи, в жуткой темноте. Сразу стали попадаться группы ранее ушедших обозов. То тут, то там дымили костры, у них обогревались замерзшие казаки.

Подъем к перевалу был тяжел, но спуск в долину не стал легче. Ночь, ничего не видно, все сонные и усталые, по бокам дороги крутые обрывы. Тормазов у телег не было, казаки поминутно что-то мастерили, делая их из веревок, которые то и дело рвались. На дороге лежал снег, местами лед, на нем колеса буксовали, лошади шевелили ушами и, боясь чего-то, шарахались в сторону... Помогая лошадям, казаки хватались по бокам за телегу, стараясь тормозить. А рядом рассказывали, что кто-то не смог удержать лошадь, она понесла и с телегой скатилась под откос.

На перевале пополз печальный слух, с тревогой передаваемый из уст в уста, что генерал Краснов ушел от дел и находится в тягчайшем душевном состоянии.

Утром юнкера остановились на привал уже в новой стране. Следующую ночь училище провело в долине Дравы, в местности, которая со времени Суворова называется «Долиной смерти». Как сейчас вспоминается та широкая, покрытая легкой вечерней мглой, долина... Она дымила и мерцала бесчисленными кострами. Ранее пришедшие казаки на привале варили ужин и радостно встретили училище.

Шел третий день Пасхи, в новой стране, но с теми же Альпами, прикрытыми густым туманом, а долину покрывала вуаль белой мглы... и когда поднявшееся из-за гор солнце залило зеленые луга, серебряшиеся обильной росой, юнкера снялись с бивака и направились к месту нового расположения. По бокам шоссе, на протяжении километров, стояли ранее пришедшие полки и станицы. Надо было видеть, с какой радостью они встречали своих юнкеров... это не была организованная овация — но юнкера были гордостью и надеждой казаков — их детьми, их будущим!

Все они, молодые, здоровые и полные сил — цвет казачества — приближались к месту, откуда они не ушли никуда... а их у в е з л и — помимо их воли!

— О —

П р о м ч а л и с ь г о д ы... И снова Пасха, как тогда — 6 мая... В стране иной, среди людей совсем чужих. Не слышен благовест Пасхальный на Темзы берегах — тоскливо шумных. Но в памяти не погасли огни взлетающих ракет в ночи Пасхальной, на перевале Альп... И годы не стерли с лица тех истерзанных, несущих К р е с т, страданий.

И чудится... в тумане предрассветном, я слышу гул колоколов Р у с и В о с к р е с ш е й !

Англия.

Т. Данилевич

О СОЮЗЕ КАЗАЧЬИХ ВОЙСК И ВРЕМЕННОМ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ (1917 г.)

Полвека тому назад, с разрешения Вр. Пра, в Петрограде 23 марта ст. ст. 1917 г. состоялся Обще-Казачий съезд, на котором присутствовали представители всех 12-ти Казачьих Войск. Председателем съезда был избран М. П. Богаевский, популярный в казачьих кругах. Цель съезда — организовать в Петрограде Совет Союза Казачьих Войск для защиты прав казачества. В такое революционное время для делегатов съезда положение было необычайное; будущее рисовалось неопределенно и чувствовалась общая растерянность на фоне различных переживаний.

После обмена мнениями делегатов, съезд положил начало Обще-Казачьему объединению на обшем чувстве патриотизма и национализма — любви к обшей Матери-России и своим родным казачьим краям.

Съезд выработал основные положения обще-казачьей программы и указал линии жизни и поведения казачества в ходе русской истории. Казачество — едино в единой неделимой России.

Война должна быть доведена до конца совместно с союзниками. После войны, Казачьим Войскам должна быть обеспечена самобытная жизнь и управление в духе их исторических традиций; казачьи области должны быть автономны, а земли казачьи, их историческое достояние, должны остаться неприкосновенными ввиду того, что они завоеваны казаками и во имя их долгой, тяжелой и разорительной военной службы на собственный счет.

Съезд, после ряда решенных вопросов, организовал Совет Союза Казачьих Войск, состав которого был избран тем же Съездом. Съезд закрылся 27 марта ст. ст. 1917 г.

В самом начале работ Совета Союза Казачьих Войск представители Совета А. И. Дутов и А. И. Греков были на приеме у военного министра А. Ф. Керенского. Он выслушал докладчика Дутова о работе Съезда и организованного Съездом Совета Союза Казачьих Войск, обещал всякое содействие в дальнейшей работе и заверил, что ни один закон, ни одно распоряжение, касающееся Казачьих Войск, не будут введены в силу без рассмотрения и одобрения его в Совете Союза Казачьих Войск и дал разрешение на созыв второго казачьего съезда в Петрограде.

В то время в Таврическом дворце, под боком у Вр. Пра-ва, образовался Совет солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, который начал проявлять свою деятельность с целью захватить в свои руки власть. Этот Совет, узнав об организации Совета Союза Казачьих Войск, сделал попытку, через своих делегатов, уговорить Казачьий Совет войти в их организацию и все казачьи дела проводить через Совет солдатских, рабочих и крест. депутатов.

Это предложение было отклонено Советом Союза Казачьих Войск и делегатам было заявлено, что казаки ничего общего с большевиками иметь не могут. Тогда, впротивовес Совету Союза Казачьих Войск, самочинно организовалась так наз. казачья секция, в состав которой вошли есаул Нагаев Оренбургского Войска, несколько казаков во главе с подхорунжим Семикиным и какими то казаками-самозванцами, ибо никто из представителей Казачьих Войск их не знал.

С тех пор большевистский Совет вступил в открытую борьбу с Советом Союза Казачьих Войск, стремясь его ликвидировать. Последний этому серьезного значения не придавал и занялся своей работой. Он вошел в связь со всеми строевыми казачьими частями на фронте и в тылу и подготовил дела к докладу второму Обще-Казачьему Съезду, который состоялся 1 июня ст. ст. 1917 г. в Петрограде. Председателем съезда был избран А. И. Дутов, известный всему казачеству. Заседания Съезда посещали некоторые из членов Вр. Пра-ва и Гос. Думы и выступали с речами. В числе выступавших отметим Некрасова, Набокова, Милюкова и др. Все заканчивали свои речи призывом о продолжении войны до победного конца и о созыве Учредительного Собрания. Из Таврического же дворца раздавались голоса от Совета солд., рабочих и крест. депутатов о немедленном прекращении войны...

Одно заседание съезда посетил председатель Гос. Думы Родзянко. Он в своей речи ознакомил съезд с тем, как произошел переворот, и сознался в том, что для Думы это произошло настолько неожиданно, что когда толпа рабочих подошла к Думе и предлагала Думе принять на себя власть, то он от лица Думы заявил, что Дума считает себя для этой работы неподготовленной и для управления страной избирает Вр. Пра-во, которому и передаст власть.

Интерес к многолюдному Обще-Казачьему съезду был настолько велик среди Петроградского населения, что на всех заседаниях съезда хоры зала Армии и Флота положительно ломились от публики. Для постороннего зри-

теля съезд казался единомыслящим, твердым в своих решениях.

Между первым съездом и вторым никаких расхождений в смысле обще-казачьей программы не было.

По отношению к Вр. Пра-ву полная лояльность и защита от внутренних врагов — большевиков.

Съезд в своих работах шел по правильному пути, не уклоняясь слишком ни вправо, ни влево. Им была вынесена общая резолюция: по вопросу о России — единая, неделимая; о войне — война вместе с союзниками до победного конца и заключения почетного мира; об образе правления — вся надежда на созыв Учредительного Собрания, на котором русский народ сам решит свои судьбы и выберет уклад новой государственной жизни. Съезд постановил: все намеченное съездом провести в жизнь Совету Казачьих Войск, который получил формальное право быть выразителем воли всего Российского Казачества.

Съезд, после решения всех вопросов, переизбрал состав Совета Союза Казачьих Войск и закрылся. Почти во все законодательные комиссии при Врем. Пр-ве были допущены, с правом совещательного голоса, представители С.К.В.

Было решено, чтобы в казачьи части назначались на командные должности только офицеры-казаки.

Все шло нормально и вдруг, в первых числах июля 1917 г., вспыхнуло в Петрограде восстание большевиков, которое было быстро ликвидировано преимущественно казачьими частями.

На фронте, после провала июльского наступления русской армии у Тарнополя, усилился процесс полного развала армии. Войска не только не были способны к наступательным операциям, но не могли даже удерживать фронт против неприятельских войск. Массовое дезертирство солдат, полный развал тыла, все усиливающаяся большевистская агитация не предвещала ничего хорошего на всем протяжении фронта. Шло поголовное «братание» солдат с неприятелем.

Советом С.К.В. была получена с фронта телеграмма о том, что армия разлагается, солдаты убивают своих офицеров и убегают с позиций. Только казачьи части остаются верными долгу.

В подтверждение этой телеграммы от главнокомандующего юго-западным фронтом ген. Корнилова была получена копия телеграммы, адресованной Вр. Пр-ву, в которой он заявил, что если Вр. Пр-во не утвердит предлагаемых им мер и тем лишит его единственного средства спасти армию, то он сложит с себя полномочия главнокомандующего.

Совет Союза Казачьих Войск, получив копию телеграммы ген. Корнилова, вынес резолюцию о необходимости введения самой строгой дисциплины в армии и о введении на фронте смертной казни. В резолюции указывалось, что казачьи части остались верны присяге и в них не было случая неповиновения начальству или самовольного ухода с фронта, а потому казачество считает себя в праве настаивать перед Вр. Пр-вом об удовлетворении требований ген. Корнилова. Резолюция была передана Вр. Пр-ву 11 июля 1917 г. 16 июля г-н Керенский прибыл в Ставку на совещание. Бывший в то время Верховным Главнокомандующим ген. Брусилов был смещен и вместо него назначен ген. Корнилов, но это возвышение на последнюю ступень военной власти явилось началом конца и для ген. Корнилова, и для Вр. Пр-ва, и для России.

Ген. Корнилов, принимая назначение, поставил условием, что в военных делах он будет свободен от постороннего вмешательства, что измена будет караться смертью, а меры борьбы с анархией и пораженчеством будут действительно проведены на фронте.

Как же отнеслось к этому Вр. Пра-во? Дальнейшие события были таковы: Совет Союза Казачьих Войск посетил управляющий военным министерством Савинков, который беседовал с председателем Союза А. И. Дутовым и в конце разговора сказал Дутову, что положение ген. Корнилова пошатнулось и министр-председатель высказал мысль о замене ген. Корнилова другим лицом. Возможно, что Керенскому придется занять пост верховного главнокомандующего.

При разговоре присутствовал А. К. Греков (донец).

Совет Союза Казачьих Войск выступил в защиту ген. Корнилова и вынес постановление следующего содержания, переданное Вр. П-ву: — «Союз Казачьих Войск доводит до сведения Вр. Пр-ва и печати, что ген. Корнилов не может быть смещен, как истинный народный вождь и, по мнению населения, единственный генерал, могуший возродить боевую мощь армии и вывести страну из тяжелого положения. Посему Союз заявляет громко и твердо о полном и всемерном подчинении своему вождю-герою и считает нравственным долгом заявить также Вр- Пра-ву и народу, что он, Союз Казачьих Войск, снимает с себя возложенную на него ответственность за поведение казачьих войск на фронте

и в тылу при смене ген. Корнилова. Эта смена неизбежно внушит казачеству печальную мысль о безполезности дальнейших казачьих жертв ввиду ясного нежелания власти спасти Родину, честь армии и свободу народа действительными мерами».

Копии постановления С.К.В. были переданы для сведения Союзу офицеров и Союзу Георгиевских Кавалеров. Первый, рассмотрев постановление, вынес свое постановление: — «Союз офицеров, протестуя против беззастенчивой травли ген. Корнилова безответственными людьми, врагами родины, не только разлагавшими армию, но и доведшими до гибели всю страну, возлагает все свои надежды на любимого вождя; не допускает возможности вмешательства в его, утвержденные Вр. Пра-вом, действия каких бы то ни было лиц и учреждений, и изъявляет готовность всемерно поддерживать его законные требования».

Второй также вынет свое постановление и заявил Вр. Пра-ву, что если оно допустит восторжествовать клевете и ген. Корнилов будет смещен, то Союз Георгиевских Кавалеров немедленно отдаст свой клич всем своим членам о выступлении совместно с казачеством.

В Москве по этому поводу был съезд представителей общественных деятелей, на который, по приглашению, прибыли представители Союза Казачьих Войск. Они ознакомили съезд с содержанием своей резолюции в защиту ген. Корнилова. После чего от имени съезда была отправлена телеграмма ген. Корнилову, за подписью Родзянко, следующего содержания: — «Съезд общественных деятелей, приветствуя ген. Корнилова, заявляет, что всякие покушения на подрыв его авторитета в армии и России считает преступным и присоединяет свой голос к голосу Союза офицеров, Союза Георгиевских Кавалеров и Казачества. В грозный час тяжелого испытания вся мыслящая Россия смотрит на Вас с надеждой и верой».

Важно еще отметить следующее. Прибывший в Ставку немедленно после Корниловского выступления ген. Алексеев, знавший подробно все обстоятельства дела, имел возможность мужественно заявить на первом смотру корниловцев, что «Корнилов не виновен в приписываемых ему преступлениях» и что «праведный суд снимет с него тяжелое и необоснованное обвинение»...

Кроме вышеупомянутых протестов в защиту ген. Корнилова, отовсюду шли упреки и негодование по адресу Вр. Пр-ва.

Как же оно реагировало на все это?

По приглашению г-на Керенского в Зимний дворец прибыли члены Президиума Союза Казачьих Войск во главе с. А. И. Дутовым. Г-н Керенский принял делегацию в своем кабинете (бывший кабинет государя Николая II). Разговор заключался в следующем: — г-н Керенский хотел, чтобы С.К.В. вынес резолюцию о том, что ген. Корнилов изменник, а Каледин мятежник. А. И. Дутов ответил Керенскому — не зная истинного положения дела и причин, вызвавших выступление ген. Корнилова, С.К.В. находит невозможным вынести такую резолюцию. В ответ на это г-н Керенский сказал: — «Вы мне не опасны, трудовое казачество на моей стороне. Можете быть свободны. Я жду от вас сегодня же нужной для меня резолюции». Это было 31 августа. В тот же день, вечером, состоялось заседание Союза Казачьих Войск, на котором А. И. Дутов изложил собранию весь разговор с г-ном Керенским. После обмена мнениями, было решено написать г-ну Керенскому письмо, в котором изложить мнение Союза К. В. Составить письмо было поручено А. И. Дутову и М. А. Караулову. В письме было сказано, что в составе Союза К. В. преимущественно представители трудового казачества, которое не разделяет мнения, высказанного им — Керенским. В этом же письме Союз К. В. предлагал свое посредничество между ним, Керенским, и ген. Корниловым.

Но казачий голос повис в воздухе. Вр. Пр-во продолжало обвинять незаслуженно ген. Корнилова. Оно пошло по скользкому пути, надеясь одними красивыми речами и несбыточными посулами достигнуть порядка, не опасаясь разложения армии.

Так повествуют нам неопроверживые документы истории. Дальше, из тех же источников мы видим, что 1 сентября ген. Корнилов был арестован Вр. Пр-вом, а 4 сентября выпущены на свободу Бронштейн-Троцкий и др.

В то время на Дону, в гор. Новочеркасске, происходили заседания Войскового Круга, под председательством Н. М. Мельникова. Союз Казачьих Войск ожидал от Войскового Круга подробных сведений относительно Донского Атамана ген. Каледина, которого Вр. Пр-во обвиняло в мятеже и отстранило его от должности.

По этому поводу Войсковой Круг вынес резолюцию, в которой Круг возмущается действиями Вр. Пр-ва по обвинению в мятеже ген. Каледина на основании нелепых непроверенных слухов и требует расследования.

Копии резолюции были своевременно отправлены Вр. Пра-ву и Союзу Казачьих

Войск. Также Вр. Пра-вом была получена телеграмма от Донского Войскового Пра-ва, в которой сообщалось, что оно видит провокацию в обвинении ген. Каледина и требует отмены распоряжения об его аресте.

Все вместе взятое заставило Вр. Пра-во считаться с казачеством и свои ошибки исправлять.

15 сентября представители С.К.В. А. И. Дутов и А. И. Греков посетили военное министерство. Министром был ген. Верховский, который высказал сожаление о происшедшем инциденте с Калединым. Он задал им вопрос — очень ли им недовольно казачество? А. И. Дутов ответил, что, безусловно, виновником всего происшедшего казаки считают его — ген. Верховского. Тогда последний подал Дутову пачку телеграмм и просил прочитать их. Эти телеграммы были адресованы на имя ген. Верховского, когда он был главнокомандующий Московским военным Округом, из различных мест, о движениях казачьих частей с фронта, о занятии казаками станции «Поворино».

Когда Дутов и Греков прочли эти телеграммы, Верховский сказал: — «мог ли я поступить иначе, имея эти сведения?»

Дутов попросил разрешения снять копии с этих телеграмм, на что ген. Верховский охотно согласился. После окончания разговора Дутов и Греков были приглашены ген. Верховским к нему на обед.

Итак, Вр. Пра-во было введено в заблуждение провокационными телеграммами и ген. Каледин был оправдан.

Что же касается ген. Корнилова, то к нему Вр. Пр-во отнеслось еще более сурово. Необходимо здесь отметить, что в течении первых недель новой власти в лице Вр. Пр-ва произошел разгон старшего командного состава, коснувшийся 150 лиц. Совершенно безпричинные смены лиц высшего командования... (см. «Очерк Русской Смуты», т. I, стр. 9 и 10. ген. Деникин).

Последней жертвой оказался без вины виноватый ген. Корнилов. Он был не только смещен с должности Верховного Главнокомандующего, но и арестован и подвергся Быховскому заключению.

Для армии это был величайший позор, что во главе таковой стал штатский человек, адвокат по профессии, г-н Керенский...

Столь печальные события в армии на фронте явились для Союза К. В. тяжелым ударом и повелительно требовалось изменение дальнейших действий Союза К. В., у которого впервые пошатнулось доверие к Вр. Пр-ву.

Так как ген. Корнилов состоял в списках Союза К. В., как член его, то Союз в категорической форме заявил, что его члены не могут быть заложниками и узниками, и настойчиво требовал от Вр. Пр-ва освободить из под ареста ген. Корнилова, а вместе с ним и группу старшего генералитета, как невинно пострадавших.

К требованию Союза К. В. присоединился Донской Атаман ген. Каледин. Он всех, находящихся в Быховской тюрьме, брал на поруки Донского Казачества. Позже разными путями из тюрьмы они разновременно прибыли на Дон в гор. Новочеркасск.

Российская могущественная армия, по вине ошибочной политики Вр. Пр-ва, правившего Россией после февральской рев., быстро разлагалась.

Большевики, пользуясь положением Армии, постепенно захватывали в свое подчинение Государственные Учреждения, Почту, Телеграф, Центральную Телефонную Станцию и проч., готовясь ко второму восстанию. Для этой цели были организованы большевистские силы. Об этом знало Временное Правительство. Доказательством служит следующее: когда ген. Корнилов был у власти, то управляющий военным министерством Б. Савинков по прямому проводу просил ген. Корнилова о выдвижении войск к Петрограду для обеспечения столицы от новых большевистских восстаний. Савинков почему то настаивал, чтобы 3-ий конный корпус под командой ген. Крымова был подтянут к Петрограду. Таким образом передвижение войск ген. Крымова делалось по просьбе Вр. Пр-ва. Этот корпус медленно продвигался вперед, ибо его задерживали на станциях распоряжением «Викжеля», которому было предписано г-ном Керенским не исполнять распоряжения ген. Корнилова. («Донская Летопись» т. II).

Вот, в каких условиях находился Верховный Главнокомандующий ген. Корнилов...

В то время ген. Краснов командовал 2-й Св. Каз. Дивизией и получил назначение команд. 3-го Конн. Корпуса вместо ген. Крымова, который был назначен Командующим всеми войсками, идущими на Петроград.

Необходимо отметить, что в конце августа месяца были приглашены представители Союза Казачьих Войск в штаб Петроградского Военного Округа ген. Васильковским, который, обращаясь к представителям Союза, сказал: — «Известно ли вам, что ген. Корнилов двинул войска на Петроград с целью захватить власть и объявить себя диктатором»? На эти слова представители Союза К. В. ответили, что они в первый раз слышат об этом и задали вопрос ген. Васильковскому: — «От-

куда получены эти сведения?» Ген. Васильковский ответил, что требования ген. Корнилова переданы через Львова, прибывшего из Ставки. Этим разговор был закончен. Всплывает провокация... Доказательством служит ответ ген. Корнилова Вр. Пр-ву: — «Телеграмма Министра-Председателя за № 4163 во всех своих частях является сплошной ложью: не я послал члена Гос. Думы В. Львова к Вр. Пр-ву, а он приехал ко мне, как посланец Министра-Председателя. Тому свидетель член Гос. Думы Алексей Аладьин». (Белая Россия». т. I).

Таким образом совершилась великая провокация, которая поставила на карту судьбу России. Это и заставило ген. Корнилова выступить против Вр. Пр-ва в те дни обозначившегося уже крушения Русской Государственности.

Привожу текст воззвания ген. Корнилова, т. к. таковое в массе русской эмиграции неизвестно.

«Русские люди! Великая Родина наша умирает. Близок час ее кончины. Вынужденный выступить открыто — я, ген. Корнилов, заявляю, что Вр. Пр-во под давлением большевистского большинства советов, действует в полном согласии с планами Германского Генерального Штаба и одновременно с предстоящей высадкой врнжеских сил на Рижском побережье, убивает армию и потрясает страну внутри. Тяжелое сознание неминуемой гибели страны повелевает мне в эти грозные минуты призвать всех русских людей к спасению умирающей Родины. Все, у кого бьется в груди русское сердце, все, кто верит в Бога, в храмы, молите Господа Бога о явлении величайшего чуда, спасении родимой яемли.

Я, генерал Корнилов, сын казака-крестьянина,заявляю всем и каждому, что мне лично ничего не надо, кроме сохранения Великой России, и клянусь довести народ, путем победы над врагом, до Учредительного Собрания, на котором он сам решит свои судьбы и выберет уклад новой государственной жизни.

Предать же Россию в руки ее исконного врага — германского племени и сделать русский народ рабами немцев — я не в силах. И предпочитаю умереть на поле чести и брани, чтобы не видеть позора и срама русской земли.

Русский народ, в твоих руках жизнь твоей Родины».

Так высказал свои мысли в воззвании большой русский патриот ген. Л. Г. Корнилов.

Возвращаюсь к войскам, шедшим к Петрограду под командой ген. Крымова. Его штаб уже находился в г. Луга. После бурных объяснений с Керенским ген. Крымов застрелился. («Белая Россия» т. I). По другой версии ген. Крымов был застрелен. Этот случай и поныне остается загадочным. Гроб был отвезен на простых дрогах и заслуженный генерал, Георгиевский Кавалер, погребен без воинских почестей («Донская Летопись», т. II).

Что же касается ген. Краснова с его войсками, то он имел в непосредственном своем распоряжении всего лишь 700 Донских и 50 Енисейских казаков (что составляет в спешенном строю всего две роты) и в этот момент находился с ними на расстоянии около 300 верст от Петрограда.

Я не буду на этом задерживаться, т. к. о дальнейшем передвижении ген. Краснова с его войсками было подробно изложено в Н. Р. Слове от 27 июля 1965 г. под заглавием «Керенский и Краснов».

Вся описанная выше странная обстановка, созданная «трудами» Вр. Пра-ва, привела к тому, что к моменту октябрьского переворота власть не имела боеспособной армии на фронте, а в Петрограде надежных гарнизонов, готовых выступить на борьбу с большевистскими силами. Казачьи части на этот раз предпочли воздержаться от выступления против большевиков, зная совершенно определенно о решении войсковых частей петроградского гарнизона держать нейтралитет.

Таким образом октябрьский переворот совершился быстро.

Этим печальным событием кончилась власть Вр. Пр-ва.

Важно здесь отметить, что в дни описываемых событий проф. Милюков, занимавший раньше во Вр. Пр-ве должность министра иностранных дел, в «Очерке 2-ой русской революции» писал не в пользу г-на Керенского.

Пишущий эти строки пользовался для своей настоящей статьи следующими источниками: 1) «Донская Летопись», т. I.; «Белая Россия»; «Очерки русской смуты» т.т. I и II ген. Деникин; «Дни затемнения» ген. Половцев; «1918 год» проф. Зайцев; кн. 1 и 2 ч. 1. ген. Головина и газеты «Вольность Казачья», издававшаяся Союзом Казачьих Войск в Петрограде под редакцией Амфитеатрова.

Когда вдумываешься в прошлое, просто ужас охватывает душу, даже теперь через 50 лет.

Нью Йорк.

И. Курицын

ИЮЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ БОЛЬШЕВИКОВ В ПЕТРОГРАДЕ В 1917 Г. И ДОНСКИЕ КАЗАЧЬИ ПОЛКИ

(Продолжение № 69)

И. Г. Церетелли, в момент восстания большевиков 3-5 июля министр Врем. правительства и один из виднейших членов президиума Совета Солд. и Раб. Депутатов, в его «Воспоминаниях о февральской революции» пишет, что 3 июля с утра стало известно, что «неизвестные люди, солдаты и рабочие стали появляться в казармах и на заводах, требуя немедленно выходить на улицу для присоединения к солд. и раб. демонстрациям, которые якобы уже начались и которые якобы являлись протестом против расформирования революционных полков на фронте. К вечеру 3 июля большинство солдат и рабочих вышло на улицу с оружием в руках. Врем. п-во предписало командующему войсками ген. Половцеву «принять решительные меры для восстановления порядка», но не указало, какими средствами это надо осуществить, т. к. в этот период ни один из членов правительства не считал возможным вывести навстречу манифестантам «верные демократии» военные части с приказом «разогнать демонстрантов, в случае необходимости пустить в ход оружие».

Поэтому пр-во предписало Половцеву «организовать разоружение в городе повстанческих автомобилей и отдельных безчинствующих групп, угрожавших частным домам и магазинам, а также принять меры для охранения главного телеграфа и военных и продовольственных складов».

Около часа ночи на 4 июля по Садовой улице на Невский проспект прошло 30 тысяч путиловских рабочих с женами и детьми. К этому времени город был заполнен рабочими Петроградского, Московского, Коломенского и др. районов, а все большевистские агитаторы были направлены в казармы, на заводы и на улицы для организации всеобщего выступления с требованием создания чисто советского правительства.

По личным свидетельствам офицеров 1-го и 4-го Дон. каз. полков такие агитаторы являлись и в их полки, но их оттуда просто выгоняли, а некоторым «особо нахальным» даже «намяли бока», предложив не заниматься противоправительств. пропагандой.

Около 6 ч. вечера 3 июля, когда к дому Кшесинской подошел пулеметный полк, увлекший с собой массы путиловцев, члены Петроград. Комитета большевиков вышли на балкон и объявили, что Комитет принимает на себя руководство движением, и все вооруженные отряды солдат и рабочих направлял к Таврическому дворцу, где заседали исполнительные комитеты совет. раб., солд. и крестян. депутатов. Шли эти массы туда с требованием, чтобы центральные исполнительные комитеты Всероссийских Советов взяли бы власть в свои руки. К решению большевиков примкнула и часть членов Петроград. Совета меньшевиков и эсеров и таким образом способствовала их работе.

Флеровский и Подвойский прямо указывают, что матросов из Кронштадта вызвали на вооруженную манифестацию они с целью установить советскую власть.

...«4-го июля 20 тысяч матросов, вооруженных до зубов, высадилось у Николаевского моста. И так как им нечего было противопоставить, кроме КАЗАКОВ, то по инициативе председателя Совета 5-ой Армии Виленкина и по сговору с ним Церетелли, в Петрограде, от 5-ой Армии в распоряжение правительства и «центральных органов революционной демократии» предполагалось получить сводный отряд. Штаб Петроград. Военного Округа со своей стороны, не имея в своем распоряжении вооруженной силы, кроме тех же казаков, еще раньше инициативы Виленкина разослал военным властям на фронт просьбу прислать отряды для водворения порядка в столице. Верховное командование об этом обращении ген. Половцева сообщило Комиссару Северного франта, который в свою очередь разослал обращение в Армейские Комитеты «для обсуждения».

Пока шла вся эта волокита, в Петрограде единственными зашитниками Пр-ва и Совета были каз. части из состава войск Петроградского Военного Округа и был момент, когда положение пр-ва казалось безвыходным.

Преображенцы, семеновцы, измайловцы, не примкнувшие к большевикам, заявили, что они сохраняют «нейтралитет». На Дворцовой площади, для защиты Штаба были только инвалиды и несколько сотен казаков. Войска, вызванные главнокомандующим из окрестностей Петрограда, могли явиться только к вечеру. В ожидании их приказ ген. Половцева воинским частям «приступить немедленно к восстановлению порядка» оставался мертвой буквой...

4 июля в помещении Волынского полка состоялось собрание представителей полков: Финляндского, Преображенского, Литовского, Павловского, Гренадерского, Семеновского, Кексгольмского, Егерского, Петроградского, 6-го запасного сапер. батальона, 9-го кавал.. запасного, 1-го Гвардейского Стрелкового и 180-го запасного, которые приняли резолюцию, клеймящую выступление большевиков, однако, против них, ни одна из выше указанных частей до 6 июля не выполнила ни одного приказа ген. Половцева».

По личному свидетельству ес. Д. Артемова, офицера 1-го Дон. каз. полка, на этом совещании в качестве представителей каз. частей некоторое время присутствовал сот. Хохлачев. Когда было объявлено, что совещание созвано для обсуждения вопроса, должны ли части Петроград. гарнизона выступать с оружием в руках против большевиков, поднявших восстание против правительства, сот. Хохлачев первым попросил слова и стал укорять собравшихся, что они, представители воинских частей, вопрос выполнения долга выносят на митинг и в горячих словах призывал всех, осудив выступление большевиков, не обсуждая вопроса, выступать или нет, а, взяв пример с каз. частей, точно и безпрекословно выполнить распоряжение командующего войсками Петроград. Округа. После своей речи сот. Хохлачев покинул совещание и в тот же день при походе казаков навыручку Советов в Тавр. дворце был тяжело ранен в стычке с восставшими у Литейного моста и на следующий день скончался. Речь его не убедила представителей полков выступить против большевиков, однако заставила их хотя бы вынести резолюцию, «клеймящую» их выступление. В некоторых частях, как в Семеновском и Преображенском полках, было озлобление против большевиков и представители их говорили представителям совета, что они готовы выступить против большевиков и разогнать демонстрантов, но ставили условие, чтобы их вывести не для переговоров, а для действия, не желая выходить на улицу и подставлять свои груди под большевистские выстрелы. Однако представители советов считали, что такого рода выступление было «и психологически невозможно и политически нецелесообразно...»

Дальше Церетелли пишет: «Восстание 3-5 июля прекратилось внезапно. Манифестанты в своем большинстве потеряли энтузиазм и волю к продолжению демонстрации» и что «некоторые объясняют это тем фактом, что командующий войсками Петроград. Округа выслал на улицу две сотни казаков, открывших огонь по манифестантам», и отмечает «мужество обнаруженное казаками, попавшими под перекрестный огонь», а далее «две сотни казаков, располагавшие двумя пулеметами, выведенные против тысячных вооруженных солдат и рабочих, не смогли пробить путь к Тавр. Дворцу и... должны были вернуться в Штаб Округа». Прекращение восстания он относит к вызову частей с фронта и опубликованию 5 июня документов, уличающих Ленина и Ко в работе на немцев.

Церетелли отмечает, что «первой частью», после опубликования обвинения Ленина в измене, 5 июля вышла с оружием в руках «для защиты Таврич. Дворца от возможных новых нападений, был броневой дивизион, приведший несколько броневиков к Дворцу». Говорит он и о том, что «есть сведения, что солдаты Петроградского гарнизона, узнав о вызове частей с фронта, говорили — мы и своими силами можем дать манифестантам острастку и еще до прибытия солдат с фронта принудить их прекратить безобразия», что было возможно по причинам самолюбия. — «Действительно первыми вышли для этой цели измайловцы, семеновцы и преображенцы». Церетелли не указывает даты их выхода, но из общего изложения ясно, что это было 5 июля.

Офицеры и казаки 1-го и 4-го Дон. каз. полков тоже отмечают, что одной из причин выступления «нейтральных полков против мятежников — движение на Петроград фронтовых войск, но они определенно говорят, что оно было после полудня 5 июля, и что было не по причинам самолюбия, а из боязни «незаслуженных» репресий со стороны фронтовых войск. В разговоре с казаками они этого и не скрывали.

Сведения о движении войск с Фронта распространились в Петрограде 5-го утром. В их числе шел 14-ый Дон. каз. полк, но в столице говорили, что «идет казачий корпус» и даже указывали, что Кубанская каз. дивизия уже стоит на ст. Сиверская. Действительно, в это время часть эшелонов 5-ой Куб. каз. дивизии по дороге в Финляндию была задержана на этой станции и помошник Военного Министра полк. Якубович намерен был их использовать в Петрограде, но против этого восстал Совет Солд. и Раб. Депутатов. Распространившиеся сведения о «каз. корпусе» очень смущали как восставших, так и «нейтральные» полки. И поэтому первые 5 июля не вышли на улицу, хотя их выхода Совет и ожидал, а вторые, выступив, отдали себя в распоряжение Совета Солд. и Раб. Депутатов, а не командующего войсками.

Когда Ленин был обвинен в измене, Совет открыто стал на его защиту. «Известия» 6 июня поспешили опубликовать решение Исполкома, в котором предлагалось «воздержаться от распространения позорящих обвинений и от выражения к ним своего отношения...» Такое «решение» Совета очень смутило казаков.

«В кругах социалистической демократии с трудом усваивалась мысль о необходимости применения к большевикам государственной властью репресий»... А согласившись на аресты, Совет потребовал от Пр-ва, чтобы были приняты меры против самочинных арестов большевиков. Когда пр-во приняло решение об аресте Ленина и др. вождей восстания, министры социалисты сделали об этом доклад на собрании руководителей Совета. Члены Совета просто растерялись, а Либер заявил, что «история будет считать нас преступниками» и «никогда нам этого ареста не простит».

Солдаты, прибывшие в составе сводного отряда с фронта, как и казаки, понесшие потери убитыми и ранеными, идя 4 июля на защиту Совета, были этим смущены и не могли понять поведения Советов, боявшихся ареста Ленина.

Министры-социалисты издали ряд распоряжений о борьбе с анархией и контр-революцией, но не с большевиками, и строго следили за их выполнением, но не в единении с правительственными органами, а в единении с Советами, и особенно за направленными против «контр-революционной агитации и попыток самочинных арестов и расправ, предпринимавшихся группами солдат, юнкеров, казаков и обывателей против большевиков».

Революционная демократия не сумела объединить неказачьи демократические силы страны и вдохнуть в них волю к борьбе, чтобы предотвратить смертельную угрозу, которую нес большевизм, но и своими действиями оттолкнула от себя не революционную, а многовековую, природную, казачью демократию.

После подавления восстания, революционная демократия, боясь силы духа казаков, не отдавала себе отчета ни в подлинном характере, ни в истинном значении большевистской опасности. В совете часто говорили: «большевизм, вот те ворота, через которые контр-революция прорвется к нам». Они, боясь контр-революции, проглядели то, «что сам большевизм возьмет на себя практическое осуществление самой страшной реакции».

В свете такого поведения революционной демократии вырисовывается вся тяжесть ее ответственности перед русским народом. Она не хотела защищать демократический строй от реальной опасности слева с той же решительностью, которую она проявляла в борьбе с мнимой опасностью справа. Во время правительственного кризиса, после событий 3-5 июля, члены пр-ва социалисты стремились деятельность пр-ва всецело подчинить социалистическим директивам, тогда они подчеркивали в пр-ве, что заслуга ликвидации мятежа 3-5 июля принадлежит советам, подчеркивая вероятно, как и Церетелли, что две сотни казаков, посланные для защиты Совета, не решили хода событий. На это председатель пр-ва кн. Львов, не без основания, конечно, несколько раз бросил им: «В деле ликвидации большевистского восстания выступление двух сотен казаков имело большее значение, чем поведение центрального органа демократии».

Ген. А. И. Деникин, бывший н-к штаба Верховного Главнокомандующего, в его «Очерках русской смуты» говорит, что — восстание 3-5 июля было подавлено главным образом благодаря Владимирскому военному училищу и казачьим полкам, восстание это доказало, что за исключением казаков и юнкеров, — как свидетельствует Л. Троцкий, никто не был расположен сражаться за пр-во против большевиков или за правящие партии совета». Что «в этом заключался весь трагизм Вр. пр-ва и Совета. Толпа не шла за отвлеченными лозунгами, она оказалась одинаково равнодушной и к Родине и к революции и не собиралась ни за одну из этих ценностей проливать свою кровь и жертвовать своей жизнью... Восстание 3-5 июля вскрыло для непосвященных всю глубину распада демократии, бессилие революции против анархии и силу меньшинства, действующего организованно и внезапно...»

Как видим из перечисленных выдержек, ген. Деникин, несомненно знающий историю подавления восстания, кроме казаков называет только Владимирское училище, которого у других авторов, кроме П. Н. Милюкова, нет.

А. Демьянов — товарищ министра Юстиции Вр. пр-ва, в его статье «Моя служба при Вр. пр-ве», (том 7-й «Архива Русской Революции») пишет: «к июлю месяцу общество как будто перестало видеть во Вр. Пр. силу, способную дать большевикам отпор. Большевистское выступление 3-5 июля было ликвидировано благодаря помоши казаков. После чего доверие к пр-ву возросло, но казаки остались не у дел, обиженные каким то несправедливым распоряжением Керенского,

непосредственно их касавшемся».

К этому редакция дает свое примечание, в котором пишет, что — «Распоряжение Керенского, обидевшее казаков, касалось похорон павших казаков при подавлении июльского выступления большевиков».

Здесь редакция, пожалуй, грешит. Казаки были обижены тем, что они остались не у дел по требованию Советов, за спасение которых 4 июля они пролили кровь, а некоторые и отдали свои жизни и в благодарность за это Советами были зачислены в контр-революционеры. Обижены были и на то, что А Керенский, «по решению Вр. пр-ва, предложил им не вмешиваться в дела Пр-ва», о чем подробно говорит ген. Половцев.

С. Марков в его книге «Покинутая Царская семья» пишет: «3 июля около Гостинного Двора и посреди Невского проспекта стояла целая колонна грузовиков, вооруженных пулеметами. Все это было окружено толпами рабочих и солдат, слушавших ораторов, говоривших с грузовиков. Над грузовиками реяли плакаты «Долой министров капиталистов», «Долой войну», «Долой Вр. пр-во», «Вся власть Советам». Со стороны Литейного проспекта показалась какая то конница и стоило кому то крикнуть «казаки, казаки», как все бросились врассыпную, а грузовики зарычали и вся их колонна медленно стала отходить назад. С машины раздалось несколько выстрелов. Толпа обезумела и шарахнулась кто куда. Так началось выступление большевиков».

Дальше он говорит, что «большевистское восстание в Петербурге было легко подавлено казаками 1-го Дон. казачьего полка, оставшегося верным Вр. пр-ву. Были жертвы с обеих сторон. Казаки действовали лихо. Казачья спайка в это время еще не была нарушена и казаки съумели и после восстания постоять за себя и не ударили лицом в грязь. Выступление большевиков и удачные действия против них казаков, ясно показали, как Вр. Пр-ву, так и обывателю, как нужно разговаривать с большевиками. Но, увы, Совету не то было нужно — не водворение порядка, а еще большая смута. Советы были предтечею большевиков и расчищали для них дорогу. Казаков они объявили своими врагами и во время виступления ген. Корнилова Керенский тоже объявил казаков своими врагами и пытался опереться на Кронштадских матросов, на тех самых, которые 3-5 июля пытались свергнуть Вр. пр-во. Они сначала помогли ему подавить казачью попытку создания Национальной власти, а потом обернулись против него».

В. Алуэрбах, в его труде — Революционное общество («Архив русской революции», т. 14-й) пишет: «Взрыв подлинного патриотизма, который привел казаков к смелому демонстрированию своих симпатий министрам, отстаивавшим Государственно-национальную идею — министрам-капиталистам — был настолько силен, что интернациональная идея отступала побежденной. Что 4 июля одна из сотен 4-го Дон. каз полка была размещена в жандармских казармах, мимо которых проходили большевистские манифестации во главе с Кронштадцами, и когда их головная часть поравнялася с казармами, манифестанты остановились и руководители манифестации начали уговаривать казаков присоединиться к манифестантам, при этом предлагали каждому присоединившемуся по 25 рублей. Матросы нарочно показывали пачки денег. Казаки отказались, гордо заявив, что они служат не за деньги; через некоторое время горожане могли видеть, как казаки вели в свои казармы лошадей, раненых из засады у Литейного моста».

В. Станкевич — правительственный комиссар при Ставке Верховного и один из виднейших членов президиума Всероссийского Совета солдатских и рабочих депутатов, в его труде «Воспоминания», 3-ий том, пишет:

«В исполнительном комитете обсуждался вопрос об организации власти; во время заседания получены были сведения, что на заводах начались митинги и что 1-ый пулеметный и др. полки вышли на улицу с оружием и всюду раздаются крики «вся власть советам». Немедленно была выбрана от комитета делегация, чтобы убедить полки вернуться в казармы. В состав делегации вошли и большевики, но в последний момент отказались ехать, чем и сорвали посылку делегации. Так, под лозунгом «вся власть советам», началось восстание большевиков, коими массы вооруженных рабочих и солдат были направлены против Совета к Таврическому Дворцу. В распоряжении Командующего войсками ген. Половцева для защиты Таврического дворца и Вр. Пр-ва были только казачьи полки и юнкера. Штаб округа требовал немедленной помощи с фронта, но комиссар Станкевич в ответ на это предложил всем армиям и фронтам обсудить меры о помощи Вр. Пр-ву».

Н. Суханов, один из осведомленнейших авторов о Русской революции, журналист по профессии, один из активнейших членов президиума совета солдатских и рабочих депутатов и член его контрольной комиссии, редактор Горьковской газеты, принадлежал к группе интернационалистов. В его многотом-

ных записках о революции», в книге 4-ой, говоря о восстании 3-5 июля, он пишет: «По данным большевистской военной организации, выступление против большевиков допускалось, в первую очередь, со стороны 2-х казачьих полков и во вторую очередь со стороны Семеновского, Преображенского и 9-го кавалерийского запасного и, конечно, юнкеров. Полки: Измайловский, Петроградский, Кексгольмский, Литовский, рассматривались большевиками, как колеблюшиеся и сомнительные, не-надежным представлялся и Волынский полк, но во всяком случае все эти полки не считались активной враждебной силой, а только нейтральной. Предполагалось, что они не выступят ни за, ни против. Финляндский полк издавна был уделом интернационалистов не большевиков и должен был по меньшей мере соблюдать благожелательный нейтралитет. Крайне важная часть гарнизона — броневой дивизион — делился пополам, но мастерские давали определенный перевес большевикам. Вполне верные большевикам полки, готовые служить активной силой переворота, были следуюшие части:
1-й и 2-й пулеметные полки, Московский, Гренадерский, Павловский, первый запасный, 180-й со значительным числом большевистских офицеров, гарнизон Петропавловской крепости, Солдатская команда Михайловского артиллерийского училища, в распоряжении которой находились пушки. При этом нужно отметить, что все эти части были расположены вокруг большевистского центра — дома Кшесинской на Петроградской и Выборгской стороне. Восстание должны были активно поддержать окрестности. Во первых Кронштадт, в Петергофе стоял 3-й армейский запасный полк, где господствовали большевики, в Красном селе 176-й полк, где прочно утвердились «Метрайонцы». Эти части по нужде могли быть срочно вызваны в Петербург. Пр-во в окрестностях могло расчитывать только в Павловске на запасные сотни Л.-Гв. Каз. полка, 6-ую Донскую зап. батарею и школы прапорщиков. Все повстанческие полки должны были подавить сопротивление правительственных войск, устрашить Невский проспект и столичное мещанство, поступить реальной опорой новой власти». Дальше он рассказывает, как и другие авторы, о действиях только казачьих полков, тогда как полки не выступившие против Пр-ва сидели в казармах, держа «нейтралитет», а о выступлении Семеновцев и Преображенцев говорит, что они выступили против большевиков только после опубликования Алексинским и Панкратовым документов об «измене Ленина», о его работе на Германский штаб, что 4-го июля поздно ночью положение становилось совсем серьезным и не было никаких видимых средств к предотвращению всеобщего погрома и озлобленного кровопролития, но вдруг над Петроградом проливной дождь, минуты две-три и «боевые колонны» не выдержали. Очевидцы и командиры рассказывали потом, что солдаты повстанцы разбегались, как под огнем, и переполнили собою все подъезды и навесы, подворотни. Настроение было сбито, ряды расстроены; то что начали казаки, то завершил дождь — распылив восставшую армию. Восставшие массы не находили своих вождей, а вожди подчиненных.»

По словам **Луначарского,** Ленин, призывая к выступлению 3-го июля, имел определенный план государственного переворота. Власть, фактически передаваемая в руки большевистского центрального комитета, официально должна была быть воплощена в «Советском Министерстве» из выдающихся и популярных большевиков. Пока что, было намечено три министра — Ленин, Троцкий и Луначарский. Это пр-во должно было немедленно издать декреты о мире и земле, чтобы привлечь симпатии тыла и фронта и закрепить этим свою власть. Такое соглашение было заключено между этими тремя лицами. Оно состоялось в тот момент, когда кронштадцы направлялись к Таврическому Дворцу. Все эти планы строились и заключались договоры без учета казачьих сил и их действий. Самый акт переворота мыслился ими так: 176-й полк должен был арестовать Ц.И.К. солдатских и рабочих депутатов, а Ленин, приехав на место действия, должен был провозгласить новую власть, но Ленин опоздал. 176-й полк, не разобравшись в обстановке, усталый, промокший, был «перехвачен» Даном, который и создал из него караулы для охраны Совета. В силу действия казаков, «ошибки» 176-го полка и «опоздания» Ленина — переворот не удался.

6-го июля с раннего утра через Варшавский и Николаевский вокзалы стали прибывать вызванные с фронта войска. Войска эти получили наименование «сводного отряда», командуюшим отрядом был назначен поручик Мазуренко, сын Донского крестьянина. Войска эти уже слышали об убийстве мятежниками казаков 1-го и 4-го каз. пол. и Л.-Гв. 6-й Дон. зап. батареи и, возбужденные, озлобленные, они обнаруживали полную готовность расправиться с «безответственными» группами. Совет, на защиту которого в дни 3-5 июля посылались казаки, видя столь

энергичные меры и особенно действия 14-й дивизии с казачьими полками, принял свои меры, чтобы их разложить; для этого было решено организовать для фронтовиков торжественные приемы и развлечения, мобилизовать все артистические силы, реквизировать на ближайшие дни все театры, цирки и кинематографы для специальных митингов, представлений и сеансов, затем перемешать части в казармах с частями гарнизона, чтобы растворить «завоевателей» среди «мятежников». Затем организовать экскурсии по заводам для «братания» с рабочими. По свидетельству офицеров 14-го Донского каз. полка, пулеметная команда их полка в силу этой меры была оторвана от полка и «загнана» в Павловск, отдельные сотни полка были распределены по казармам разных пехотных полков. Подтверждение того, что пулеметная команда 14-го полка была «загнана» в Павловск для «растворения», имеется в труде ген. П. Н. Краснова «На внутреннем фронте» в «Архиве русской революции» том I-й.

6-го июля Гоц и Авксентьев во главе отрядов, главную силу которых составляли казаки, были направлены для «взятия» дома Кшесинской и Петропавловской крепости, которые и «были взяты без боя». В 4 часа дня 14 Дон. каз. полк занял дачу Дурново, которую анархисты с приближением казаков бросили и бежали, оставив большое количество всевозможного оружия, огнеприпасов, агитационной литературы, спиртных напитков и продовольствия. Когда Командующий округом издал приказ о разоружении рабочих дружин и воинских частей, принимавших участие в мятеже, и об аресте большевиков, руководитель восстания, — Президиум Совета, — против этого протестовал. Когда производили обыск в квартире Стеклова, то Керенский ездил туда лично дважды, чтобы спасти Стеклова и прекратить обыск.

Массы, мобилизованные Лениным, несли на себе бремя ответственности за июльские дни, от этого бремени не могли освободиться никаким способом, часть из них осталась на своих заводах, в своих районах, изолированная, затравленная, с невыразимой путаницей в головах. Часть была арестована и находилась в заключении, в ожидании возмездия. А действительный виновник бросает свою армию, своих товарищей и ищет личного спасения в бегстве. Он скрылся с обвинением в работе за деньги на Германский ген. штаб. Любой смертный, не чувствующий за собой вины, потребовал бы суда и следствиа над собою, даже в самых неблагоприятных для него условиях, но Ленин скрылся с таким обвинением на своем челе, значит он не мог себя реабилитировать.

А. Падалкин

(Продолжение следует)

ГРАЖДАНСКИЯ ВОЙНА НА УРАЛЬСКОМ ОТДЕЛЬНОМ ФРОНТЕ

Давно я собирался записать некоторые события гражданской войны и ее окончание на фронте уральских казаков, но этому мешало отсутствие времени из-за работы для добычи куска хлеба насушного, а иногда не было и настроения вспоминать о пережитом кошмаре. Даже и теперь, спустя пятьдесят лет, при воспоминании о некоторых событиях прошлого у меня начинают дрожать руки и я принужден останавливаться. Но все же мне хочется оставить хоть некоторую память о героической борьбе уральцев и этим самым отдать честь всем погибшим в этой неравной борьбе.

До описания этих событий уместно будет упоминуть о том, что в то время представляло из себя Уральское Казачье Войско, каково было его административное управление, экономика, каковы были особенности быта, коснуться его истории, создавшей уральского казака, упомянуть об его отношении к внешнему миру. Из этого будет понятно, почему между уральскими казаками с самого начала борьбы не было деления на два лагеря, почему среди них не было большевиков, почему упорство уральцев привело Войско к полной гибели.

До революции Уральское Войско управлялось «Наказным Атаманом» и «Войсковым Съездом». Наказ. Атаман, как высшая власть, с помощью и посредством Войскового Штаба, следил главным образом за исполнением во-

енных обязанностей, предписанных Петербургом, и вообще за выполнением обще-государственных российских законов. Хозяйственной жизнью Войска ведал В. Съезд, исполнителем воли которого было Войсковое Хозяйственное Правление, со старшим членом во главе. Школы, местная почта (письма по Войску ходили без марок), дороги, мосты, агрономы, ученый рыбовод, больницы — все содержалось за счет Войска и были бесплатными. Пользование всеми Войсковыми угодьями было несколько иное, чем во многих других Каз. Войсках. Каждый казак брал земли под пашню столько, сколько мог обработать, и там, где ему нравилось. Земли и все «угодья» принадлежали Войску и не были разделены на паи. Казаки переселенных станиц, по своему выбору могли брать земли и селиться в других станицах, более богатых простором. Леса же, где они были, и луга каждый год делились на паи. Каждый казак, их вдовы имели право свои луговые и лесные паи продать. Пользование же пахотной землей и рыболовством ни продавать, ни сдавать в аренду никто не мог.

Генералы, офицеры, войсковые чиновники, духовенство (из казаков) пользовались всеми угодьями наравне с рядовыми казаками. В Уральском Войске дворян не было и в «казаки», после последней переписи при Петре Великом, никого не принимали.

Занимая правый берег р. Урала и луговую часть его на Бухарской стороне, земля уральских казаков имела в длину до 700 верст, а шириной местами — до 150 верст. Населения было примерно до 300.000 душ. Из этого видно, как велики были эти просторы. Были места (по Узеням), где, как у Гоголя («Тарас Бульба»), трава скрывала всадника с пикой. Реки и озера были полны рыбой при обилии водяной птицы, в степях же по балкам и ростошам водилось много волков, лис, барсуков и много мелкого зверя. В степях же водились еще дудаки и национальные красавцы Сайгаки. Занимались казаки по станицам от г. Калмыкова выше по Уралу земледелием, скотоводством и отчасти рыболовством, а вниз по Уралу, до Гурьева — скотоводством и главным образом рыболовством.

Время рыболовства было строго определено и охранялось особыми командами по Уралу и вооруженными канонерками в водах (коридор) Каспийского моря, принадлежавших Уральскому Войску. Урал сам был перегорожен стальной сетью (Учуг), чтобы осетры и белуги не уходили выше Уральска. Последнее время под Уральском были устроены специальные пруды для разведения пород дорогих рыб на научных началах. При Войске для этого был ученый рыбовод. Выращенных осетров пускали в Урал.

Уральские казаки были горды своими просторами, горды всеми особенностями своих «привилегий», а их бурная история и даже недалекое прошлое («уходцы» 1874 г.), их религиозные убеждения выработали в них недоверие ко всему, что приходило извне, и поэтому они никак не желали какого бы то ни было вмешательства в их существующий уклад. «Живи, пока Москва не знает...» Прав В. Правдухин, автор вышедшего уже в советское время романа «Яик впадает в море», в своей характеристике яицкого казака: «На иногородних, пришлых людей, он (казак) смотрит свысока, с пренебрежением... Не казаку даже проездом нельзя безопасно показаться на улицах Форпоста...» Каковы же к этому причины? Не только темнота и некультурность, как объясняет Правдухин, были причинами неприязни уральцев ко всему «иногороднему». Между прочим, по станицам и форпостам иногородних было очень мало: 1-2 лавочника и один мельник, как общее правило. В городах (больших станиц в Войске не было), как Уральск, Гурьев, Илек их количество доходило быть может до 10% населения. Главной же причиной является сама история Войска, пережитое казаками, с которым связано много фактов, вызвавших это явление. Прекрасные работы по истории Уральского Войска, хорошо документированные, автора подписывавшего свои стаьи «Чужинец» — «Борьба Яицкого Войска за автономию 18 в.», и А. Ленивова «Яицкие казаки» в журнале «Вольное Казачество» (№ 191, 192, 193 и т.д.) показывают, какие муки перенесли яицкие казаки за нежелание принять «Новое положение» 1874 г. Они от России никогда не пытались отделиться и никогда не высказывали такого намерения, но были против вмешательств в их внутреннюю жизнь, в их быт, в их уклад жизни. На все требования они указывали на грамоту царя Михаила Федоровича, где помимо того, что они «жаловались р. Яиком с притоками», было сказано: «служить казачью службу, а в прочем ничем невредиму состоять» (Чужинец). А требования о выдаче раскольников, беглых, неоднократные переписи, все это сопровождалось казнями и ссылками в Сибирь. Приезды из столицы полк. Захарова (расстрел Круга), ген. Черепова (тоже), Дурнаво, ген. Потапова кончились печально для яицких казаков. Один из таких «преобразователей» Войска чиновник доносил, что «за воровство (то есть за непослушание) казнями в надлежащее покоре-

ние приведены» (Чужинец). Все это и является причиной неприязни ко всему русскому и постороннему. Постоянное же сопротивление за сохранение своего уклада, своей веры выработали характер яицкого казака: упорный, подозрительно-скрытный и в тоже время на все готовый во имя своих идеалов. После каждого кровопролитного столкновения с центральной властью умирающие в скитах завещали:

«Стойте грудью открыто за Яикушку нашего кормильца. Пострадайте за веру и докажите начальству, что вы не ясычные татары, не пахотные солдаты, а вольные люди, славные яицкие казаки... Нас хотели сделать солдатами, обрить бороды — не смогли (в начале Турецкой войны, около 1769 г. по идее Потемкина было сформировано два 6-титысячных отряда войск, под названием Петербургского и Московского Легионов. Каждый из них состоял из 1-го гренадерского и 3-ех мушкетерских батальонов, 4-ех карабинерских и 1-го гусарского эскадронов, артиллерии и казачьей команды в 300 казаков. Казаки Московского легиона были набраны из волжских казаков, а Петербургские — из чугуевских. Первоначально предполагалось привлечь и яицких казаков, но Екатерина 2-ая, опасаясь бунта на Яике, это отменила). Наша взяла!.. Стойте и вы... Все равно всех не перестреляют, всех не перевешают, не переказнят...»

Вот причины неприязни ко всему, что неказачье, и условия, в каких вырабатывался тип яицкого казака. Этим же объясняется и отсутствие среди уральцев сторонников «нового положения», которое хотели насадить большевики и теми же кровавыми способами. «Кровью мы приобрели Яик и нашу землю — кровью и продадим...» (Правдухин).

После Пугачевского движения, кончившегося для Войска сотнями казенных, сосланных в Сибирь и т.д., Войско будто бы успокоилось (реформы имп. Екатерины 2-ой этому помогли), но внутри оно все еще кипело. По хуторам и уметам недовольно шепталось: «Толи еще, братцы, будет... Так ли мы еще тряхнем Москвой...» (Чужинец). Действительно тряхнули, да еще так, что и имени их не осталось на «Седом Яике Горыныче»...

В своем распоряжении я не имею, и иметь не могу, перво-источников по истории Яицкого Войска. Ссылками и выдержками я пользуюсь из статей Чужинца, А Ленивова и отчасти В. Правдухина. Признавая ценность их трудов, я все же нахожу, что их выводы в отношении разделения в прошлом в Войске на две партии, старшинской и Войсковой, и перед революцией, по В. Правдухину, на богатых и бедных, сделаны немного торопливо.

В Правдухин прав, что перед революцией и в эпоху, которую он описывает (1874 и последующие годы), были и богатые и бедные, как были и есть во всех временах и при всех режимах. Яицкие казаки имели все необходимое, чтобы не быть «бедными», а режим и условия пользования «угодьями» нисколько не препятствовали стать «богатыми».

Статьи Чужинца и А. Ленивова более обоснованы, но все же и их выводы и объяснения событий в прошлом исключительно существованием двух партий и их борьбой — тоже несколько торопливы. Расхождения во мнениях, действиях весьма естественны и неизбежны среди живых людей. Редкие злоупотребления властью, лихоимство, иногда измена, конечно, иногда бывали в среде старшины, но как исключение, а не как общее правило.

Измена Войску и лихоимство жестоко наказывалось. Так, Атаман Григорий Тамбовцев (1771 г.) изменил Войску и не остался с ним, когда ген. фон Траубенберг приказал солдатам стрелять по собравшимся на Круг казакам, и был жестоко за это наказан. На другой же день казаки под руководством сотника Кирпишникова и др. офицеров, атаковав Войсковую Избу, зарубили ген. Траубенберга и Тамбовцева и у последнего, еще живого, за измену вырезали сердце. Не стеснялись и с духовенством, когда оно пыталось по приказу повлиять на религиозные верования путем принуждения служить по новым церковным книгам. Так, священника, обвинившего Рукавишникова в «хулении на церковь» за его отказ принять новые книги и ходить в православную церковь, Круг после разбора дела решил «посадить попа в воду». Войскового писаря Суетина за лихоимство жестоко избили, а дом его разгромили из пушек.

Но и центральные власти тоже иногда не жаловали старшин. Атаман Войска Баловень в 1614 г. был повешен московским воеводой за укрывательство Ивана Заруцкого с Мариной Мнишек, искавших убежище на Яике в конце Смутного Времени. Памятью об этом остался так называемый «Маринкин Яр», где, по преданию, затоплена будара с золотом. При Анне Иоанновне Атаман Меркулов был смещен присланным контролером. В 1765 г. Атаман Андрей Бородин со старшинами был разжалован и смещен, так же как и Атаман Иван Акутин за недоверие к нему центральных властей. О том, что по главным вопросам в Яицком Войске разделения не было, лучше всего свидетельствует доклад ген. Бибикова

Екатерине 2-ой во время пугачевского движения: «...что они (казаки и старшины, что не пошли с Пугачевым) более со злодеями связаны и сообщаются, нежели должны».

До самого последнего времени, офицеры, вплоть до командиров полков, здоровались с казачьим строем: «Здорово, Братцы!...». Ни одного случая оскорбления офицеров во время революции в уральских полках не было.

На основании всего этого я делаю заключение, что к началу гражданской войны Уральское Войско было «единым и неделимым».

Происхождение же Яицкого Войска, также как и Донского и Терского, относится к доисторической эпохе, как и происхождение вообще казачества. Поэтому делать заключения и категорически утверждать ту или иную теорию невозможно. Наш Войсковой историк (была такая должность) войск. старш. Карпов с мнением о происхождении казаков от донских казаков не соглашается. Цитаты из его книги я привести не могу (ее у меня нет), но с содержанием ее я знаком. В дополнение к его книге добавлю легенду об атамане Нечае, который когда то с Волги(?) с 400 казаками пришел на устье(?) Яика, через неизвестное время занял устье р. Рубежни и Она, и этим положил якобы основание Яицкого Войска. Тут является сомнение, — кто не знал географию края? Атаман Нечай или перво-писавший о нем? Дело в том, что от устья Волги сухим путем до устья р. Урала пройти не только «нечайно», но и «чайно» — невозможно. Морем — да. От Гурьева (устье Яика) до Рубежной, где по сказаниям Нечай основал городок, вверх по Яику 545 верст. Зачем все это он делал? Не станем строить догадки — это завело бы нас очень далеко.*)

Легенда об атамане Гугне еще менее обоснована. Лишь потому яицкие казаки происходят от донских, что на Дону была Гугнинская станица, а на Яике — «бабушка Гугниха»? Родство их не установлено.

Ссылка на «допись» Атамана Войска Донского Фрола Минаева (1690 г.), что «яицкие казаки в полном послушании от донских находятся», страдает тоже неувязкой. С 1614 г. яицкие казаки были в ведении Посольского Приказа, а в 1690 г. они еще были в «послушании» у Минаева? То есть имели два подданства? Если Яицкое Войско было **колонией** Донского, то должно было быть его согласие, какой то акт на это с его стороны. Или если оно было донцами завоевано — тоже должен был бы остаться какой то след об этом. «Допись» Донского Атамана написана без всякой ответственности и даже риска быть известной, а потому он мог писать (в целях ему известных) все, что ему угодно. Но одно казачье Войско никогда не было колонией другого.

По поводу происхождения яицких казаков сделаю еще одну заметку: ничто так справедливо не доказывает происхождения народа, племени, ветви одно от другого, как говор, обычаи, песни и главным образом свадебные песни. У меня есть друзья — несколько семей донских казаков, люди они интеллигентные, родились и выросли на Дону. Я же родился и вырос в Илецкой станице, знаю много уральских песен, в том числе и свадебных, и при сравнении их с донскими ничего общего не нахожу. Остановимся на том, что «Яицкие казаки — люди собственные» (В. Правдухин).

Родство же наше с донскими казаками не только нам приятно и лестно, но даже и весь-

---

От редакции. Так как не все читатели знакомы с историческими предположениями об основании Яицкого Войска, то мы приводим их ниже.

Русская историческая наука упоминает о двух теориях образования Яицкого Войска.

После покорения Казани и Астрахани, Волга, во второй половине 16 в., сделалась почти непроезжей из за постоянных нападений волгских казаков на торговые, посольские и правительственные суда Московского государства. Подвергались нападению их и ногайцы, злейшие враги Крымского Ханства, исконных недругов Москвы. В результате на Волгу была отправлена сильная экспедиция стольника Мурашкина (1577 г.), под давлением войск которого часть казаков уходит с Волги. Этот исход происходит в трех направлениях.

Одна группа, Ермака, уходит вверх по Волге, но, узнав по пути о приближении московских войск, переходит на Каму, а оттуда на р. Чусовую. Позже она покоряет Сибирь.

Другая, атамана Андрея, спускается на Хвалынское (Каспийское) море и через некоторое время оседает на Тереке.

Третья, атамана Нечая, также уходит на юг. В 1581 г. она совершенно уничтожила столицу ногайцев Сарайчик, а затем, поднявшись по Яику, основала свой городок, положив начало Яицкому Войску. Каким путем Нечай прошел на Яик, по суше, или опустившись на стругах на Каспий, а затем морем до устьев Яика — в исторических трудах сведений не встречается.

Другая теория указывает, что начало Яицкому Войску положили переселенцы с Дона атамана Гугни. До 80-ых годов донская Баклановская станица (из нее родом был ген. Я. П. Бакланов) называлась Гугнинской. Она находилась будто бы на месте прежней стоянки атамана Гугни. Это переселение произошло значительно раньше: во время нашествия Тамерлана (1395 г.). Жена атамана (Гугниха) стала своего рода историческим лицом Яицкого Войска. По преданию, яицкие казаки долго не имели продолжительной семейной жизни. Жен себе брали из татарок и, уходя в поход, их бросали. Гугня первый нарушил этот обычай — это означало переход к семейной жизни.

ма возможно. «Горынычами» себя называли... Верили в легенду, что прародители — древние богатыри, которые горы ворочали и землю трясли, потому они и «Горынычи», а р. Яик — Яик Горыныч. Судя по песням, яицкие казаки участвовали в Куликовской битве в 1380 г. Предание же говорит, что первой столицей, а может быть и большим укрепленным пунктом, яицких казаков был «Синь-Город», расположение которого определяет насыпной плоский курган — «Городище», что находился под г. Илеком в луке Зумора. До изменения русла Урала, Городище было на бухарской стороне. Старое русло до последнего времени называлось «Старый Яик». О существовании Городища упоминает писатель Железнов и историк Карпов. Старый Яик, питаясь вешними водами и родниками, до последнего времени был небольшой рекой, впадающей в новое русло Урала. Мимо Городища, как и по всему Старому Яику, до последнего времени казаки избегали проезжать в полночь. На Городище будто бы виднелись огоньки и были слышны глухие стоны. Берега Старого Яика в прошлом были покрыты густыми лесами, в которых укрывались скиты. До последнего времени в этих лесах, теперь уже не таких густых, встречались заброшенные фруктовые сады и остатки построек, ямы с перегнившим навозом и все признаки бывшего жилья. Мои родители были владетелями одного из таких заброшенных садов. Старый Яик славился еще (о чем упоминает и Железнов) присутствием в его водах несметного количества окуней, линей и... русалок, и другой «нечисти». Я не видел ни одной, и хотя в «это» не верил, но, под влиянием таких разговоров, чувствовал себя как то стесненно, идя ночью в баню, находившуюся на самом берегу, или поздно вечером возвращаясь с охоты. Раскопок никогда нигде не производилось.

Выше от ст. Илецкой (она на бухарской стороне) до последнего времени еще сохранились «Заноги» — малая и большая. «Заноги» — это две канавы с завалами, соединяющие р. Урал с р. Илеком. Тянутся они во всю длину между ними — до 8 верст. Мой дед еще помнил и рассказывал мне, как на «Заногах» казаки держали посты, во всю их длину были натыканы талы, чтобы знать, проходят ли киргизы через них, как бабушка Лисеиха (соседка) смотрела с крыши своей землянки на своего Лисея, уходившего в погоню за киргизами, видя его дольше всех, так как он был в ее красной «стёганке».

Последняя легенда об яицких казаках, найденная уже заграницей(?) во время нашего изгнания, говорит следующее: когда праотец Ной блуждал на своем ковчеге по Каспию, то попал в «воды» яицких казаков, чем вызвал большое из возмущение. С песнями «Уренчь» на своих бударках, с пиками, казаки атаковали ковчег. С возмущением спрашивали его капитана, кто он такой и как посмел плавать в запрещенных водах? Но когда узнали, кто он, и что попал в «яицкие воды» по незнанию, вежливо перед ним извинились и указали ему дорогу на Арарат, только убедительно просили его голубей его на Яик не выпускать. Казаки эти были под командой атамана Василиста Кизляк-Чая.

Покончив с легендами и апокрифами, из всего вышесказанного я посмею сделать вывод, что Яицкое Войско никогда не было колонией Войска Донского, что вообще противоречит общей идее казачества. Действительных памятников об этом нет. Одиночные и групповые переходы с одной реки на другую, особенно на Яик, были весьма часты. И Разин побывал на Яике, как пишет А Ленивов. Повидимому искал себе сторонников, зная, что яицкие казаки «к вольностям всяким склонны», и для того, чтобы обеспечить себе тыл. «Пугачев — чучело, которым играют яицкие казаки» — так писал ген. Бибиков в докладе имп. Екатерине 2-ой. А позже Екатерина, зная упорство казаков в отстаивании своих прав и обычаев, отменила указ о призыве яицких казаков в Легионы, в которых нужно было брить бороды и носить форму. «Наша взяла!..» Без отмены вновь бы вспыхнуло восстание на Яике, и вероятно кончилось бы окончательным уничтожением Войска. Был назначен администратор, достойный благодарности от Войска, гвардии поручик Савва Маврин, который рядом успокоительных действий (восстановил Круг, освободил арестованных, раздал жалованье и т. д.) спас Войско от гибели. Новым указом Имп. Екатерины, несмотря на все, доброй к яицким казакам, на 28 лет было отложено применение нового положения об управлении Каз. Войсками. Это было сделано только для Уральского Войска. Но на вечное забвение Яицкое Войско было переименовано в Уральское, яицкие казаки — в уральских и лишены были права иметь свою артиллерию. Чужинец пишет: «как ни странно, но с Яицким Войском в 1775 г. наиболее поцеремонились». Запорожская Сечь была уничтожена, Волжское Войско переселено на Кавказ... «Наша взяла!».

«Малиновый цвет — уральский цвет. Когда он завелся в этих степях?»... Спрашивает В. Правдухин в романе «Яик уходит в море».

«Завелся» он в то же время, одним и тем же указом 1775 г.

Раньше, чем писать о ходе гражданской войны на Уральском отдельном фронте, я постараюсь дать примерную численность наших войск, их вооружение, с которым они вышли «в последний бой» за свое существование. Не имея в своем разспоряжении официальных данных, кроме небольших заметок, сделанных по свежей памяти, я не беру на себя ответственность за точность цифр, но указываю их как свидетель и участник событий.

При объявлении всеобщей мобилизации всего мужского населения до 50 лет в гражданскую войну, надо предполагать, что число полков удвоилось по сравнению с их числом выставленных Войском в войну 1914-17 гг.

На этой войне их участвовало 9 и 5-6 отдельных сотен, а при мобилизации в гражданскую войну их нужно считать до 18 конных (в среднем 800 шашек каждый) и 2-3 пеших с учебными 3-мя полками.

В начале лета 1919 г., я это определенно знаю, на фронте было 6 конных дивизий и до 4 пеших полков (по 800 человек каждый). Войну начали с одной 3-ех дюйм. батареей. Винтовок для всех не хватало. Учебный пеший полк был вооружен берданками «Витерли», каким то образом сохранившимися в войсковых оружейных складах, с большим количеством патронов для них.

Впоследствии наши войска вооружились довольно сносно за счет красных. В 1919 г. каждая конная дивизия имела свою батарею и столько же стояло на главных направлениях. Снаряды для пушек получали таким же образом, т. е. от красных, если не считать небольшой помощи, которую нам оказали чехи после занятия ими заводов Иващенко под Самарой. Пулеметами были богаты. К примеру, приведу вооружение 1-го Партизанского полка, где была пулеметная команда — 8 пулеметов и, кроме того, по два пулемета в каждой сотне. Полк этот был из 4-ех сотен, следовательно имел 16 пулеметов. Но, правда, этот полк был самым сильным по своему вооружению. О других качествах 1-го Партиз. полка мне говорить неловко по причине, что я провел и делил с ним все, начиная со дня его формирования и до конца его существования. Я его привел в Форт-Александровск.

В следующем № «Род. Края» будет описано первое вооруженное столкновение уральских казаков с красной гвардией в ст. Илецкой.

Париж.

П. Фадеев

ЗАПОРОЖЬЕ И ЗАПОРОЖСКАЯ СЕЧЬ

(Отрывки из истории Запорожского Казачества)

(Продолжение . См. № 69)

К концу 16 века хозяйственная жизнь населения Запорожья улучшилась. Увеличилось количество зимовников (казачьих хуторов), рыбных и других промыслов. Однако, нужно заметить, что социальное и экономическое неравенство, существовавшее в Польше и Литве, с самого начала возникновения Запорожья до некоторой степени привилось и здесь. Весьма значительную часть населения Запорожья составляла сирома или «голота», искавшая на Запорожье спасения от крепостнического и национального гнета чужеземных феодалов. Богатые и зажиточные казаки, прочно осевшие в своих зимовниках и на промыслах, широко пользовались трудом таких недавно прибывших сюда беглецов и зачастую безжалостно эксплуатировали эту сирому или голоту.

От сиромы резко отличалось зажиточное казачество. Эти казаки рядились в дорогие одежды: в жупаны из красного или синего атласа и сукна, в суконные контуши с откидными рукавами, украшенными золотыми и серебряными позументами и пуговицами, в широчайшие шаровары красного или синего цвета и т. д. Кафтан подпоясывался длинным шелковым поясом, несколько раз обматывавшимся вокруг талии. Головной убор состоял

обычно из цветной суконной шапки с длинным ниспадающим верхом, заканчивавшимся золотой кисточкой, отороченной дорогим мехом, или меховой шапки, суконный верх которой украшался позументом. Обувью служили красные или желтые сафьяновые сапоги, часто подбитые серебряными подковами. Чтобы дорисовать внешний облик запорожского казака, необходимо заметить, что все казаки, как богатые, так и бедные, брили по обычаю бороду и голову, оставляя лишь длинные усы и чуприну (оселедець). Последняя спускалась с макушки на левую сторону и часто наматывалась на ухо.

Оружие казаков состояло из самопалов, или рушниц, разного калибра и вида, с кремневым замком, а также из пистолей, заткнуных обычно за пояс. Из холодного оружия непременной спутницей запорожца была, приобревшая широкую известность, казачья сабля; она подвязывалась к поясу с левой стороны двумя узкими ремнями. Неразлучное свое оружие запорожцы любовно называли «саблею-сестрицею», «ненькою-ридненькою» и т. д. Распространены были также кинжалы, чеканы и длинные копья (пики) с металлическими наконечниками и т. д. Порох и пули запорожцы носили в ладунках, иначе пороховницах, или в чересах, — патронташах, перекрешивавших грудь

Запорожским казаком считался всякий, кто по прибытии в Сечь вносился в войсковые списки. Некоторые украинские историки утверждают, что вступление в Сечь было сопряжено с большими трудностями. Это утверждение является вымыслом. В запорожское «товарищество» принимался всякий пришелец, прибывший в Сечь и желавший стать казаком, исключая, разумеется, тех, кто по каким либо причинам вызывал подозрение у сечевиков. Что касается принадлежности к православию, то такое условие действительно существовало, но по существу в Сечи мало интересовались религиозными убеждениями казака.

Известно, что среди запорожцев нередко встречались не только украинцы, но также представители других национальностей. Особенно много было среди запорожцев донских казаков. Донцов с запорожцами сближала прежде всего борьба против крепостнического гнета и чужеземных поработителей — татар и турок, а также сходства многих черт в хозяйственном и общественном укладе жизни. В то же время в положении запорожского казачества по сравнении с донским были существенные различия. Запорожское войско не признавалось польским правительством, а запорожские казаки считались преступниками, с которыми поляки вели непрерывную борьбу. Донское войско, наоборот, было признано с течением времени русским правительством. Донское казачество, игравшее видную роль в обороне юго-восточных границ Русского государства, пользовалось правами на самоуправление и получало от казны жалованье хлебом, порохом, свинцом. Старшине, кроме того, посылались сукна и деньги. В ходе длительной борьбы донских казаков с крепостническими порядками, они отвоевали себе право давать убежище беглым, получившее молчаливое признание в известном выражении: «С Дона выдачи нет». Между запорожцами и донцами издавна существовал тесный боевой союз. Запорожские казаки часто жили на Дону, а донские на Запорожье, пользуясь при этом совершенно равными правами.

Всякий принятый в каазки приписывался к определенному куреню. Число куреней увеличивалось по мере численного роста Запорожского войска. В 18-м веке куреней было уже тридцать восемь. Название некоторых куреней заставляет предположить, что они первоначально объединяли выходцев из определенной местности — земляков. Так надо думать возникли названия куреней Каневского, Корсунского, Уманского, Переяславского, Полтавского, Батуринского, Ирклиевского и др.

Куренем называлось не только помещение, в котором жили сечевые казаки. Курени были одновременно и войсковыми единицами, из которых состояло запорожское «товарищество». Все повинности, связанные с отправлением службы, выполнялось с учетом принадлежности казака к определенному куреню, по наряду куренного атамана. Всеми куренными делами ведал куренной атаман.

Каждый запорожец был обязан отбывать по очереди военную службу. Главным местом отбывания службы была Сечь. Казак должен был явиться сюда по первому зову куренного атамана. Одна часть казаков несла службу в сечевом гарнизоне, другая — исполняла обязанности стражи в степи, служила в Войсковой флотилии, артиллерии и т. д.

На службу казак должен был явиться с собственным вооружением, снаряжением, одеждой и запасом продовольствия. Относительно большие затраты, связанные с отправлением службы, были под силу только казакам, имевшим хозяйство. При этом зажиточные казаки всегда избегали нести службу, предпочитая посылать вместо себя своих рабочих. Очень скоро этот класс казаков закре-

пил за собой эту привиллегию и она с течением времени стала обычным явлением в жизни Войска. Хозяин должен был лишь предоставить посылаемому вместо себя на службу казаку лошадь, вооружение и запас продовольствия.

Высшей властью на Запорожье считалась войсковая рада. Она созывалась от случая к случаю для решения важнейших вопросов, как, например, участия Войска в войне, выборы войсковой старшины и т. д. Право участия в раде имели все без исключения казаки, на деле же подавляющее большинство их, как например, казаки, работавшие в разных местах Запорожья, на зимовниках и промыслах, не имели возможности явиться на раду. Созывая казаков на раду, довбыши били в войсковые литавры. Призывом на раду служили также выстрелы из сечевых пушек. Рада происходила в торжественной обстановке. Собравшись на площади, казаки составляли круг. Те, кому не хватало места, взбирались на крыши куреней, располагались на валу.

Войсковой есаул выносил войсковые клейноды — знамя и бунчуки, устанавливал их посреди круга. После этого в праздничной одежде со знаками своей власти в руках на площадь выходила войсковая старшина. Кошевой атаман нес булаву, судья — войсковую печать, писарь — большую серебряную чернильницу и т. п. Старшина становилась под бунчуком, снимала шапки и кланялась «товариству» на все четыре стороны.

Кошевой объявлял затем о деле, которое предстояло решать, и рада начиналась. Став под знаменем и бунчуком, кошевой атаман обращался к казакам со словами: «Паны молодци! Чи не будете сього року, по старым вашим звычаям, инших новых старшин выбираты, а старых скидаты»? Если рада требовала перевыборов старшин, последние клали на землю шапки и знаки власти и, поблагодарив за оказанную им честь, удалялись. Вновь же избираемые по обычаю дважды отказывались от знаков власти и принимали их лишь после третьего предложения. При этом новоизбранному кошевому атаману казаки тут же клали на голову землю, которую горстями брали прямо из под ног. Так избиралась высшая или войсковая старшина — кошевой атаман, являвшийся начальником войска, судья, ведавший войсковым судом, писарь, управлявший канцелярией, и есаулы, помошники кошевого атамана по войсковым делам. Куренные атаманы избирались не на радах, а в куренях на куренных сходках.

Несмотря на всю свою торжественность, , войсковая рада не играла большой роли в жизни войска. Все важнейшие вопросы решались до рады на так называемых старшинских сходках. В этих сходках, кроме войсковой старшины, всегда принимали участие куренные атаманы и знатные старые казаки, часть которых уже раньше занимала старшинские места.

Решения, принятые сходкой, старшина проводила на раде даже тогда, когда они явно противоречили интересам основной массы казачества. В последнем случае старшина не пренебрегала никакими средствами, пуская в ход обещания, обман и даже неприкрытое насилие. Решения на раде принимались громкими выкриками присутствующих. Когда предложение получило одобрение, казаки бросали также вверх свои шапки. Такой обычай, разумеется, представлял старшине немалый простор для злоупотреблений. Опираясь на зажиточное казачество, старшина стремилась самовластно управлять Войском; при всяком удобном случае старалась не давать казакам отчета в своих действиях, удерживала за собой, вопреки обычаям, должности в течение ряда лет и прочее. Старшина присваивала себе лучшие войсковые угодья. В то же самое время в интересах имущих слоев казачества эта самая старшина устанавливала жестокие кары за всякое посягательство на право собственности. Даже за мелкую кражу виновного приковывали к столбу на сечевой площади и нещадно избивали киями, а в отдельных случаях — вешали.

Протестуя против эксплуатации, притеснений и издевательств, казаки нередко поднимались против старшины и зажиточного казачества. Говорят, что когда казаки начинают высказывать на радах свое возмущение и требовать отрешения старшины от должности, последние уходят скорее к куреням своим, не говоря ничего, опасаясь, чтобы не прибили. Во время восстаний казаки сами созывали раду, на которой решали важнейшие дела, избирали своих старшин и т. д.

Таким образом общественно-политической организации казачества на определенной ступени развития, несмотря на все засилье старшины и зажиточного казачества, были свойственны известные черты демократизма. Демократизм этот в начальный период сушествования казачества выражался в признании формальном, разумеется, но отнюдь не фактическом, равных прав за всеми казаками на пользование землей, участие в радах, избрание старшины и т. д. Казачье самоуправление отличалось в этом смысле от тех поряд-

ков, которые господствовали в областях, где политическая власть всецело принадлежала классу феодалов-крепостников.

Тяжелые условия жизни, постоянная военная опасность выработали у запорожских казаков высокие моральные и физические качества: любовь к свободе, мужество, бесстрашие, стойкость, находчивость, выносливость.

Ксендз Окольницкий, например, отмечает: «Хотя в среде казацкой нет ни князей, ни сенаторов, ни воевод..., зато есть такие люди, что если бы не препятствовали тому составленные против плебеев законы, то среди них нашлись бы достойные назваться равными по храбрости Цинциннату или Фемистоклу». Другой современник Боплан пишет:

«Казаки смышленны и проницательны, находчивы и щедры, не стремятся к большим богатствам, но больше всего дорожат своей свободой, без которой жизнь для них немыслима». По Боплану, казаки — «все высокого роста, отличаются силой и здоровьем; они очень редко умирают от болезни, разве только в глубокой старости; большинство оканчивает жизнь на поле битвы. Казаки легко переносят голод и жажду, зной и стужу. Они могли долгое время находиться под водой, держа во рту полую камышину и т. д.»

Во время походов казаки довольствовались одними сухарями и соломахой (варево из муки или пшена). Употребление спиртных напитков в походе считалось большим преступлением. Отвага и неустрашимость запорожских казаков приводила в изумление современников и вызывала похвалу даже у врагов. В вековой борьбе с врагами запорожцы создали высокое самобытное военное искусство. Запорожские казаки были стойкими пехотинцами, меткими стрелками, лихими наездниками, искусными пушкарями, бесстрашными мореходами. Запорожцы-пехотинцы, в большей своей части, отличались большим искусством в строительстве полевых укреплений. Для этой цели они, кроме оружия, брали в поход топоры, лопаты, веревки и пр. Обычным укреплением были шанцы (окопы) с высоким земляным валом. Когда же условия не позволяли рыть окопы, казаки устраивали табор из возов. В этом случае они опрокидывали возы, тесно связывали их цепями, обратив оглобли в сторону противника наподобие рогатин, для того, чтобы не допустить противника к самым повозкам. При длительной осаде возы засыпались землей. Засев за таким «валом», казаки отбивались от нападавшего противника. Табор был грозным для неприятеля укреплением.

В военном деле запорожцы отличались большой изобретательностью, пуская в ход самые неожиданные хитрости. Инсценировав, например, бегство из лагеря, они поджидали, пока враг бросится грабить оставленное ими имущество, а затем внезапно нападали на него.

Часто вокруг лагеря устраивались разного рода тайники и «волчьи ямы», в дно которых вбивались колья с обращенными вверх острыми концами. Казаки нередко переодевались во вражеское платье, чтобы дезориентировать противника и т. д.

Богатый боевой опыт запорожского казачества служил для народных масс Украины родником, откуда они черпали высокие образцы военного искусства. Это искусство широко использовалось украинским угнетенным народом в его борьбе с его жестокими поработителями: Польшей и Литвой с одной стороны, с турками и татарами — с другой.

Возникновение Запорожской Сечи имело большое историческое значение. С образованием Сечи, угнетенный и закрепощенный украинский народ приобрел мощную опору в борьбе против чужеземного гнета.

Тут находили убежище и поддержку все украинские повстанцы, выступавшие против своих поработителей. Своей героической борьбой запорожское казачество оказывало большое влияние на население Украины, поддерживая у него дух протеста против угнетателей и вдохновляя на борьбу со своими угнетателями — польскими и литовскими магнатами.

Во времена тяжелых испытаний народные массы Украины всегда обращали свои взоры к русскому народу, который в длительной борьбе с татарами и другими иноземными поработителями отстоял свою национальную независимость. Историческая судьба России сложилась так, что Россия того времени была единственным централизованным государством у славянских народов, поэтому она становилась их естественной опорой в борьбе с чужеземными захватчиками. Для населения Украины стремление к освобождению от гнета Польши было неразрывно связано с мыслью о воссоединении Украины с Россией.

В 1591-1592 годах, запорожцы, готовясь к новому восстанию против Польши, пытались обеспечить себе поддержку русского правительства и добиться принятия Украины в состав России. Однако Русское государство, пережившее тяжелые последствия Ливонской войны, не могло в то время решить вопрос о воссоединении Украины с Россией.

Тем не менее русское правительство не

оставило без внимания обращение Запорожского войска. В Сечь из Москвы были присланы деньги и припасы, в которых казаки сильно нуждались.

Осенью 1593 года Приднепровье было охвачено пламенем восстания. Восстание было ответом на издевательства польских магнатов, грубо нарушающих условия их договора с казаками. Движение казаков вызвало страшный переполох среди шляхты, собравшейся в Киев на очередную судебную сессию. Казаки окружили Киев и приступили к осаде города, которая, однако, длилась недолго, т. к. казаками было получено известие о нападении на Сечь татар.

Польское правительство уже давно подстрекало крымского хана к нападению на Запорожье. Воспользовавшись походом запорожцев к Киеву, крымский хан во главе своего войска вторгся в Запорожье и подступил к Сечи. Небольшой казачий гарнизон оказал врагу мужественное сопротивление, однако недостаток продовольствия принудил защитников покинуть Сечь. Под покровом ночи они ушли на лодках вверх по Днепру.

Ворвавшись в опустевшую Сечь, татары разрушили все ее укрепления. Известие о разрушении Сечи заставило запоржцев снять осаду Киева и поспешить на Запорожье.

Хотя восстание 1591-93 годов и потерпело поражение, оно нанесло чувствительный удар по чужеземному крепостническому строю на Украине. Запорожскому казачеству в том восстании принадлежит видная роль. Разрушение Сечи на Томаковке побудило запорожцев перенести войсковые укрепления в более удобное место. В том же году запорожцы заложили новую Сечь на Базавлуке.

Остров Базавлук расположен приблизительно в 25 км. юго-западнее Томаковки. Остров напоминает собой прямоугольный треугольник, стороны которого имели около двух километров в длину.

Запорожцы в короткое время возвели на острове земляные валы и построили деревянные палисады. Эти укрепления были затем опоясаны глубоким рвом. Это все, вместе взятое, образовало собственно «Сечь», из бойниц которой грозно глядели жерла пушек и казачьих самопалов.

Положение Украины в то время (1651-1652 гг.) стало чрезвычайно тяжелым. Уже шестой год украинский народ вел изнурительную борьбу против агрессивной Польши. Эта борьба потребовала от него огромных жертв и напряжения всех сил. Осенью 1653 г. польский король поднял на борьбу с украинским народом все наличные силы Речи Посполитой.

В этот, решающий для судеб украинского освободительного движения, момент, 1-го октября 1653 г. в Москве был созван Земский Собор, который единодушно высказался за воссоединение двух братских народов и было торжественно объявлено о принятии Украины в состав России.

Тотчас после собора на Украину отправились послы, на которых возлагалась почетная обязанность завершить великий акт воссоединения Украины с Россией присягой украинского народа.

(Продолжение следует)

Нью-Йорк. США.

М. Черныш

О КОРНЯХ НАШЕГО РОДА

Как то давно мне пришлось слышать рассказ об одном действительном происшествии:

В г. Баку, лет сорок тому назад, велись горячие диспуты о религии и о происхождении человека. На трибуну вышел какой то волосатый, некрасивый азиат и стал утверждать, что все должны, не сомневаясь, считать своими предками только обезьян. На это из публики раздалась громкая реплика: «Конечно, каждый знает своих предков лучше, чем кто либо иной». Публика разразилась хохотом, потому, что заросший волосами оратор сам был очень похож на обезьяну.

Этот случай я вспомнил, начиная читать статью: М. Черныш: «О возникновении Запорожского Казачества» (Род. Край № 68).

Конечно, г. Черныш знает своих предков лучше меня и тот факт, что его отцы были украинцами не уменьшает его достоинств и никого не может беспокоить. Но, обобщая, он пробует от тех же украинцев повести и весь род заднепровских казаков. Вместе с тем, ни-

каких доказательств достойных внимания г. Черныш не привел, а всю сумму своих познаний по этому вопросу опирает на советской книге В. А. Голубоцкого «Запорожское Казачество» (Киев 1957). Прошу обратить внимание, что выпустило ее в свет Государственное издательство **политической** литературы УССР.

О другом произведении того же автора (В. А. Голубоцкий, «Освободительная война украинского народа под руководительством Хмельницкого», — Москва 1954) я имел возможность поместить свои соображения в газете «Казак» № 32.

Прежде всего надо заметить, что обе книги этого автора — только фрагменты украинской истории в советском аспекте. Составлены они по принципу, провозглашенному советским же историком Покровским: «История это политика, обращенная в прошлое». Гн. Черныш надо было бы поискать более объективных данных «о возникновении»..., а не переписывать почти дословно чужие абзацы. Особенно в части обширных разглагольствований о причинах появления казаков на Днепре. Прежде всего потому, что и у самого Голубоцкого нет никаких положительных данных утверждать, как он это делает, что днепровские казаки повелись от украинцев, беглых крестьян, которые, покинув своих злых панов, бежали в степи, наполненные татарами (очевидно, лучшими, чем прежние паны). С каким удовольствием он указал бы нам документы, подтверждающие, что это именно так происходило и что в степях украинцы делались казаками. Но он их не нашел в архивах Юго-Западной Руси, хотя и имел их в своем полном распоряжении. Потому и привел только один сомнительный случай: в 1563 г. шляхтянка М. Сенютина жаловалась Луцкому подстаросте, «что ее подданные, в частности «седельник з наймитами, Васечко з наймитем, Дмитр з сынми, Прыс с сынми и з наймитами» и др. сожгли ее усадьбу «и тое ж ночи с женами и детьми и з маёнтностями (имуществом) своими повтекали проч».

Едва ли такой документ сможет убедить кого либо, что эти украинцы бежали именно в татарские степи. В то время на волынском Полесье возник не один укрепленный город, литовские паны звали в них людей отовсюду, обещая всякие удобства, землю для обработки и податные льготы. Вероятнее всего, эти украинцы со своими наймитами «повтекали» в один из таких городов.

Голубоцкий ссылается и на С. Грондского, который написал во второй половине XVII века «Историю Казачье-польской войны». Этот источник тоже не достаточно убедителен. Грондский писал: «Наиболее состоятельные из крестьян, даже отцы семейств, накопив известное имущество, забирали его и, не спроса разрешения у своих панов, устремлялись в казаки, откуда их невозможно было вернуть».

Это действительно случалось во время восстаний и войны и кто станет отрицать, что Богдан Хмельницкий пользовался услугами громадного количества восставших крестьян. Но из этого не следует, что они при этом обращались в казаков. Украинец и русский историк Н. Костомаров нашел в хрониках сообщение, что под Берестечком в армии Хмельницкого их было множество и при успехах они не плохо бились, но когда в боях наступали неудачи, они вопили: «Смилуйтеся, панове Ляхи! мы не казаки, мы мужики. (В Казачьем Словаре имеется подробное описание битвы под Берестечком).

Кроме того, приведя запись Грондского, Голубоцкий не сообщил, что в договорах с московским царем, вскоре после Казачье-польской войны, было поставлено условие удалить из полков всех попавших туда «мужиков» и что уже тогда население Земли Запорожских Черкасов (Гетманщины) было разделено на два обособленных слоя: один — господствующие и правящие Черкасы-Казаки, другой — подчиненный им «весь народ православный российский».

Не замечает Голубоцкий и того, что акты неизменно называют запорожцами всех днепровских казаков, независимо о того, живут ли они за порогами или далеко выше порогов, на Суле, Десне и т. д. По Ригельману же («История Малой России»), который от 1740 г. общался с сичевиками на их же земле, произошло это потому, что они все пришли под Киев и Чернигов из за порогов с татарского юрта» и наименованы они обоих сторон реки Днепра все, вообще, Запорожскими Казаками», а «по навычке к воинским делам от татар, делали, вообще, великие услуге Пельше».

Не знает также Голубоцкий, по какой причине днепровские казаки в русских актах постоянно называются черкасами. А между тем, кто такие черкасы истории хорошо известно. Это прежние жители Сев. Кавказа, страны Черкасии, те племена, которые до прихода татар (1240 г.) назывались в летописях Черными Клобуками, Козарами и Порсянами (Торки, Берендеи, Болоховцы и др.). А в XV веке московский летописный свод разъясняет под годом 1152, что это «все Черные Клобуки, еже зовутся Черкасы». Через 50 лет то

же пояснение повторяет Воскресенская летопись. На картах времени Петра Первого донские казаки тоже называются черкасами. Знают и их происхождение: в конце XIII в., призванные баскаком Ахматом, из земли Черкасской, из Пятигорья, казаки основали на Днепре г. Черкасы (Болтин, Татищев). В Ермолинской летописи под годом 1445: «тое же весны цар Махмет и сын его Мамутяк послали в Черкасы по люди и прииде к ним две тысячи казаков». Речь здесь идет о стране Черкасской. В ином случае стояло бы, по правилам древнего слога: «послали в город в Черкасы». Что эти казаки-черкасы пользовались славянским языком, писали в начале XVI века С. Герберштейн («Объяснения московских дел») и Матвей из Мехова («Трактат о двух Сарматиях»).

Не вспоминает Голубоцкий и о том, что до Белградского мира (1739 г.) все земли Днепровско-Бугского клина за реками Тясьмин и Синие Воды принадлежали Крымскому ханству. А это значит, что начиная от 1240 г. Запорожье входило в границы ханства и было связано с его политической историей.

Действительно, по историку Костомарову, литовские хроники вспоминают народ живший там в отдаленные эпохи под властью своих **атаманов.** По тем же хроникам (Мартин Бельский), в. кн. Литовский Ян Альбрехт в 1489 г. шел по татарским землям вдоль Ю. Буга, «имея проводниками казаков, хорошо ознакомленных с теми местами».

О том, что казаки еще раньше жили в границах Крымского ханства, имеются и другие памятники, не считая, высеченных на камнях, античных надписей с нашим именем. Запись в греческом Синоксарии, Кратком дневнике крымского г. Сугдея, гласит: «17 мая 1308 г. раб божий Альмальтку, сын Самака, погиб от меча казаков». Там так и сказано: казаков, а не татар.

Половцы тоже знали наших предков. Наше имя в сочетании «Хасал Козак» помещено в словаре половецкого языка, составленного в XIII веке для генуэзских купцов. Оно переведено там в таком значении, как его понимали генуэзцы — «Казак страж, хранитель, разведчик». Этот перевод означает только, что некоторые казачьи группы вместе со своими атаманами, судьями, оргузиями (так слово «оргузии» переводит А. А. Васильев в своей английской книге «Готы в Крыму»), приходили на службу охраны черноморских колоний Генуи. Устав этих колоний (1449 г.) говорит о том же. Татарами они ни там, ни тут не называются. Отдельная группа Крымских казаков состояла и в дружине местного хана, в то время как остальные кочевали двумя улусами Перекопским и Белгородским.

Исторические памятники говорят, что в конце XV века, с приходом в Крым турок, большая часть казаков ушла оттуда. Пути Перекопских и Белгородских казаков к рекам Роси, Суле, Десне указаны актами и летописями. Хотя они и переняли от татар их многие привычки, но татарами не стали.

В самом деле, могли ли быть татарами Белгородские казаки, часть которых позднее известна, как казаки Путивльские и Северские? Были ли татарами, отколовшиеся от них Севрюки, что вместе с племенем Сары Азман спустились в 1549 г. к Дону и основали там «три и четыре» городка?

Если они все были татарами, если татарами были те «казаки многие», которых Иван Грозный отпустил на Дон вместе с мурзой Чигри Бердеем, если татарами были пятнадцать тысяч казаков, переселенных в 1702 г., по свидетельству современника В. Н. Татищева, Петром Первым из Шацкой и Тамбовской провинции к Азову, то и все мы должны считать себя татарами Золотой Орды. А это очевидно абсурд!

С другой стороны, могли ли украинские крестьяне, уходившие «от нестерпимого феодального гнета», добровольно принимать к себе в качестве начальников и руководителей тех самых феодалов, от которых они только недавно бежали. А ведь среди казачьих боевых сотрудников в 16-м веке много этих знатных феодалов: рыцарь Ланцкоронский, зять князя Острожского, князь Евстафий Дашкевич, князь Ружинский, князья Михаил и Дмитрий Вишневецкие...

По аналогии: захотим ли мы, эмигранты от коммунизма, принять к себе в руководители видных членов коммунистической партии, советских «феодалов»? Конечно, нет! Казаки тоже не приняли бы к себе своих классовых врагов, если бы они действительно были беглыми крестьянами.

Не было, г. Черныш, никакого «возникновения Запорожского Казачества». Просто жили от половецких времен при Днепре некоторые казачьи племена. Местные жители Руси — Украинцы называли их Черными Клобуками, Черными шапками. Жили они там и во время Киевской Руси, и при татарах, и при Литве, жили и независимой республикой со многовековыми политическими, военными и бытовыми традициями. Не ладили с Речью Посполитой. А потом пришли русские войска, разрушили без следа их вольную республику, заставили бросить мечты о ее «неистовом»

строе, переселив почти всех Черноморцев и «малороссийских казаков» на те черкасские места, откуда их 700 лет назад изгнали исторические ураганы.

Какими черкасы ушли на Днепр, такими они и вернулись в Приазовье; сохранили свой первоначальный славяно-туранский физический тип и свою славянско-христианскую душу. А язык!? Что же! всякая эмиграция через два-три поколения теряет язык и ее потомки пользуются тем наречием, которое господствует вокруг них.

Не избежали этих процессов и днепровские казаки. За многие века сожительства с украинцами-Русью, они позаимствовали их язык, и только внесли в него свои коррективы. Даже в Донском (Динском) курене речь донцов исчезла за один век их пребывания на Днепре.

Может быть, через взятых на стороне жен некоторые казаки и породнились с украинцами, как другие породнились с греками, татарами, русскими и даже с ненавистными турками, но до сегодняшнего дная, как мы видели на примере 1918-19 гг., наши Черноморцы не проявляют желания объединяться с украинцами политически.

И напрасно сторонники Соборной Украины мечтают, по примеру Крыма, приобрести и наши земли, а потом создать государство «от Черных Карпат до Билого Кавказу». В собственном своем виде и без наших краев мы им, пожалуй, и не нужны. Но часть нашего прошлого украинцам необходима; ведь без «Козацкой добы» история Украины станет удручающе скучной. Что останется ей, если из нее изьять века Запорожья и Гетманщины?! Поэтому некоторые украинцы, понимающие историю, как «политику углубленную в прошлое», и сочиняют всякие небылицы о казаках.

Нам нужно разрабатывать образ нашей древности не покладая рук. Следует создать собственные молодые кадры ученых. И не для того, чтобы обосновать идею независимости Казакии, а для того только, чтобы отряхнуть со своего прошлого нечистоплотную ложь, накопившуюся за время нашей невольной непробудной духовной спячки.

США.

Г. Губарев

О КАЗАКАХ

Край Донской благословляю
За любовь к нему свою
И во сне на Дон летаю,
И хвалу ему пою.
Я пою просторам, нивам
И озерам и лугам,
Половодьям и разливам,
Всем живущим казакам.

Да, «казак» простое слово.
В нем любовь к стране родной.
Жизнь казачья пусть сурова,
Несравненная с другой.
Казаки не знали рабства.
Шли за волю умирать
Против гнета, хамства, чванства,
За земную благодать.

Париж. **Н. Евсеев**

ИЗ БОРЬБЫ ДОНСКИХ КАЗАКОВ С БОЛЬШЕВИКАМИ

(Ноябрь 1917 г. — апрель 1918 г.)

(Продолжение № 69)

В Новочеркасске правительство устроило в честь курсантов бал в здании 2-ой гимназии. На балу присутствовал и Донской Атаман ген. Каледин со своим правительством. Атаман выступил с речью, которая и не отличалась особым красноречием, но в ней было

сказано все! Он предупреждал казаков о наступающих испытаниях и бедах, если казаки дружно не станут на защиту своих станиц и не отразят попытки нарушить казачье право «устраивать свою жизнь по своему, по казачьему». Следующим говорил член Донского правительства П. М. Агеев. Его речь была бессодержательна, не дававшая ничего ни уму, ни сердцу.

После бала мы сразу же разъехались по своим станицам и хуторам. За мной на станцию Чертково приехал брат Михаил. Своих родных я предупредил телеграммой о дне приезда на Чертково. Михаил приехал немного ранее, оставил лошарей на постоялом дворе, а сам поспешил на станцию, где вскоре мы радостно и встретились.

На мой вопрос, возвратились ли домой с фронта мои друзья Филипп и Никифор, брат сказал, что не вернулись, хотя многие хуторяне уже дома. Михаил сообщил, что ходят слухи о том, что наш 12-ый полк пробивается с оружием на Дон.

Дав отдохнуть лошадям и как следует накормив их, мы двинулись домой, чтобы к ночи доехать до ночлега в Каменке. Переночевав у знакомого, двинулись дальше. Было холодно, мороз был изрядный и к тому же дул сильный ветер, который понадувал большие сугробы снега, но несмотря на это кони шли весело и мы к 12 часам дня были уже в хуторе Мешкове, а через два часа приехали в свой родной хутор Коновалов.

Дома меня с нетерпением ожидали и встреча была милая и радостная. Многие хорошие знакомые интересовались услышать от меня то, о чем в газетах не пишут. К тому же и газеты приходят с большим запозданием, а я новый человек из центра казачьей жизни, по их мнению, привез много свежего и интересного.

На другой же день мы пошли с отцом к Суденковым. Позвали нас на чай, а главным образом — побеседовать. Наш священник отец Михаил, увидя нас из окна своего дома, тоже поспешил прийти к Суденковым.

Пришлось рассказать о разгроме красного флота под Гниловской под командой ген. Назарова, о взятии Ростова, о разоружении солдат и рабочих в Ростове и роспуске их по домам, о бале в честь курсантов.

Выслушав мой рассказ с большим интересом и напряженным вниманием, Е. А. Суденков сказал: «Алексей Иванович, с большим вниманием я прослушал ваш рассказ. С чувством долга и сознания важности поступка, совершенного Донским Атаманом в Ростове, я приношу ему сердечную благодарность за совершенное им дело. И вам, как участнику всего, добровольно откликнувшемуся на зов Атамана и правительства». При этом он крепко мне пожал руку. Отец Михаил также поспешил поблагодарить меня.

Было уже поздно, когда мы с отцом, поблагодарив хозяев за угощение и попрощавшись, пошли домой. Под впечатлением речи Донского Атамана я начал смотреть на будущее с большой тревогой, в разговорах с родственниками и особенно со знакомыми стал более сдержанным, давал им сначала высказываться, а потом веской аргументацией заканчивал дебаты. Даже старики со вниманием выслушивали меня, соглашаясь с моими трезвыми суждениями. И часто они вели между собой такие разговоры, о которых я узнал впоследствии: «он ведь командирован в Черкасский самим начальником шастой дивизии, штобы быть ахвицером, с ним, с Алексеем Ивановичем, и поговорить антиресна, он рассказывает о всем, не споминая эту слабоду, как другие казаки, пришедшие на побывку с фронта, слабода, да слабода! К чему она тольки приведет?»

И действительно, старикам разговоры о свободе и всех новшествах на фронте, о которых многие приходившие с фронта казаки рассказывали — не нравились и они с недоверием и неуважением относились к таким рассказчикам.

Большевистская пропаганда делала свое дело и в казачьих частях, хотя и не с таким успехом, как у солдат. Казаки остались верными воинскому долгу, товарищеской спайке и своему казачьему единству, выработанному веками. В этом кроется разгадка их отношений к своим офицерам, боевым соратникам.

После каникул на станцию отвез меня опять Михаил. Ночевали мы в хуторе Сетракове, куда пришел и где расквартировался 12-ый Донской казачий полк, в котором служил Михаил и все наши мигулинцы, а поэтому мы сейчас же розыскали с братом нашего соседа Филиппа, лучшего друга моего детства.

Хотя мы и были рады, встретившись хоть на короткое время, но потом наша радость была чем-то отравлена: мы выяснили, что находились в разных лагерях.

Для Филиппа война была окончена и он пришел домой на заслуженный отдых, после перенесенных трудов войны — окопной жизни. Я уже кое-что знал о предстоящей нам, казакам, борьбе и об очень трудных испытаниях. Во время встречи я избегал затрагивать этот больной вопрос. Я ему все рассказал о

себе и куда сейчас еду продолжать образование.

На мой вопрос, что намерен предпринять 12-ый полк, Филипп сказал, что полк сегодня собрал митинг и на нем постановил: знамя полка поставить в Сетраковской церкви, полковое имущество сложить в бараках лагеря для малолетков, а все чины полка (офицеры и казаки) получат временный отпуск.

Время было уже позднее и мы за разговорами и не заметили, как оно пролетело, так все было интересно. Так же мило, как встретились, мы и распрощались, обнявшись и расцеловавшись, не зная, на долго ли опять?

Перед вечером мы с братом были уже на станции Чертково. Ждать поезда не пришлось долго и, распрощавшись с братом, я прошел в вагон. Поезд шел с большими остановками на станциях, пассажиры о чем то шептались между собой, но я был погружен в свои думы и мало обращал внимания на окружающее.

Выяснилось позже, что причина остановок была та, что около станицы Каменской, где находился штаб Донских революционных войск, во главе с войск. старш. Голубовым и подх. Подтелковым, оперировал партизанский отряд полковника Чернецова.

Приехав в Новочеркасск, я на другой день возобновил свои занятия на курсах. В это время вокруг Новочеркасска уже находился фронт, который оборонялся партизанскими отрядами, организованными, преимущественно, из учащейся молодежи: студентов, гимназистов, реалистов, кадет, семинаристов. Настроение в городе было тревожное. Каждый день звонил большой колокол ,извещавший об очередных похоронах молодых героев Дона, отдавших свои юношеские жизни за свободу Казачьей земли.

За гробами героев шел всегда Донской Атаман А. М. Каледин, провожая их в далекий путь. Он был всегда задумчив и грустен. Так продолжалось весь январь.

И вот, 29 января 1918 года город облетела страшная весть: Донской Атаман А. М. Каледин застрелился! Нужно-ли говорить о том, как мы и все остальные были потрясены этим страшным известием...

Всем уже было ясно, что надвигается неотвратный конец нашему сопротивлению и масса большевизма зальет родные хутора и станицы.

Первому, выборному после 200-летнего перерыва, Донскому Атаману А. М. Каледину устроили торжественные похороны.

На экстренном заседании Малого Круга был временно избран на пост Донского Атамана ген. А. М. Назаров.

Первый приказ Донского Атамана призывал к мобилизации всех учащихся от 17 лет. Я был мобилизован в инженерную сотню, вновь сформированную.

Мобилизованную молодежь мешали с казаками из окрестных станиц, прибывших в Новочекрасск. Казалось, что создается какая-то внушительная сила для борьбы с красной гвардией, со всех сторон наседающей на Новочеркасск и Ростов.

Партизанские отряды совершали чудеса храбрости. Отряды Чернецова, Семилетова сдерживали врага, дабы дать время для организации частей из мобилизованных. Но вот пришла опять страшная весть. Под ст. Глубокой, отряд полк. Чернецова был окружен, разбит и сам Чернецов, попав в плен, был зарублен Подтелковым. Оказалось, что эту операцию провели два казачьих полка из ст. Каменской под командой Голубова. Это была бригада из 10-го и 27-го Дон. Каз. полков.

Что же представлял из себя войск. старш. Голубов? Об этом мне поведал И. А. Сытин, у которого я жил на квартире. Сытин с 1914 года, по мобилизации, попал в 27 Дон. Каз. полк в сотню, которой командовал Голубов. Голубова казаки сотни очень любили, так как он был хорошим и добрым командиром. Таким же уважением он пользовался и у казаков других сотен. Этим и можно объяснить то, что ему удалось в Каменской увлечь за собой казаков.

Убийство Подтелковым полк. Чернецова вызвало гнев Голубова, но несмотря на это оно легло грязным пятном на его память.

Затем последовал Голубов с этими полками в Новочеркасск и здесь, войдя на заседание Малого Круга, арестовал Донского Атамана ген. Назарова, Малый Круг разогнал силой.

Бригада голубовских казаков, как на параде, вступила в Новочеркасск. Несмотря на риск, я решил посмотреть и определить, насколько пала дисциплина среди них. По Ермаковскому спуску казаки Голубова проследовали к Войсковому Собору в полном порядке, сотня за сотней, с офицерами и урядниками на своих местах и с погонами на плечах. Это обстоятельство меня заинтересовало и навело на размышления. Казаки голубовцы не являются настоящими большевиками, подумал я. Их доверчивость к Голубову и привела их на границу измены родному Войску. Ведь, все их поведение и внешний вид не отвечали тому, что представлял собой в то время революционный большевизм. Это у меня не увязывалось в голове и не хотелось ве-

рить, что братья казаки поддерживают голубовскую измену.

С такими мыслями я вернулся на квартиру, где было уже полно гостей — казаков 27-го Дон. Каз. полка с командиром сотни сот. Черепахиным. Все они были сослуживцы Сытина до 1916 года, когда он был уволен навсегда из полка по ранению. Сытин представил меня всем гостям, как соседа с хутора Коновалова, ст. Мигулинской. Я счел нужным приветствовать их с прибытием на Тихий Дон, а затем присел около сот. Черепахина, который водку не пил, да и вино только пригубливал. Когда все немного подпили и на нас с сотником не обращали внимания, сот. Черепахин спросил меня: «а Вы кто-же будете?»

У меня, совсем неожиданно, вырвалось: «я враг большевиков, а следовательно и Ваш». Сотник насторожился и переспросил еще раз. Тогда я рассказал ему по порядку...

Сотник до шопота понизил свой голос, наверное не желая, чтобы его слушали другие, и спросил, имею ли я на руках какие либо документы. Я ему сказал, что имею документы только с курсов, на которых обучаюсь. Сотник предложил мне вступить в его сотню, как выход из положения, в котором я нахожусь.

Я поблагодарил его за участие, но заявил, что большевикам не служил и служить не намерен. На это сотник мне сказал, что он не знает больше, как мне можно помочь. Как мне показалось, он это сказал с грустью в голосе. Тогда я обратился к нему с вопросом, не мог ли бы он мне выдать командировочный документ в станицу Каменскую? Этой просьбой, как мне казалось, я вывел сотника из затруднительного положения. Он улыбнулся и сказал, что его сотня расквартирована в Донском Военном училище, куда я к нему должен явиться ровно в 12 часов.

В указанное время я явился в Военное училище, розыскал сотника и получил от него уже заготовленный командировочный документ. Подавая мне бумагу, он пожелал мне счастливого пути, а затем обратился к взводному уряднику и приказал выдать мне винтовку и патроны.

Получив винтовку и патроны и имея в кармане документ, который избавлял меня от всяких неприятностей в пути, я отправился на квартиру.

14-го февраля, по следам голубовцев, в столицу донских казаков вошла красная гвардия. Это была толпа, вооруженная до зубов, людей.

В шинелях русских солдат, в костюмах рабочих, в купеческих сюртуках и даже в подрясниках. Комиссары были обвешаны крест на крест пулеметными лентами.

Сколько их набилось в Новочеркасск — неизвестно, но дела этой гвардии видели все. Это было что-то невероятно дикое и кошмарное!

Красногвардейцы врывались в дома пьяные, грабили жителей, и не было на них управы. Врывались в госпитали, выбрасывали тяжело раненых на улицу и тут же, с издевательствами, расстреливали. Вывели на улицу Преосвященного Гермогена, начали издеваться, но появились казаки голубовцы и прекратили бесчинство.

По несколько раз в день я наводил справки на станции относительно поездов, но, к сожалению, никакого движения в сторону Воронежа не было.

Прийдя 16 февр. на станцию, я увидел, что к паровозу под парами прицепили два классных вагона, которые направлялись в сторону Воронежа. Предполагая, что в вагонах едет какое-то красное начальство, я в вагон не пошел, а устроился на площадке. Персияновку я проехал благополучно. На следующем полустанке Каменоломная поезд остановился и из станционного здания вышли два солдата с винтовками. Один из солдат, указывая на меня кивком головы, сказал другому: «смотри, Фядот, эта птица летит из их кадетов разбитого гнезда».

Я делал вид, что не слышу их разговора и не обращаю на них внимания. Когда же они подошли ко мне, то один из них спросил: «чавож, товариш, не заходишь в вагон?» Я ответил, что зайду, если это возможно. Я сошел с площадки и последовал за солдатом, а второй шел за мной. Когда вошли в вагон, то шедший впереди меня быстро повернулся и с выпученными глазами заорал: «руки вверх! ты арестован, твои документы!»

Я не испугался ареста, хладнокровно вынул и подал ему мой командировочный документ, но им это оказалось мало, они требовали еще документ от советов. Такого документа у меня не было и быть не могло, так как я еще не жил под советской властью, а поэтому они начали меня обыскивать с особой тщательностью. Искали в сапогах, под подклейками сапог, ощупали все кармани шинели и мундира, но не заметили, что я был в двух брюках. Дело в том, что во вторых брюках тонкого сукна и было то, что большевики с таким рвением искали: документы с курсов, командировка от 25 Дон. Каз. батареи, аттестация из батареи и резолюция начальника дивизии. Это была объемистая пач-

ка документов. Только чудом я спасся от расстрела в то страшное и безправное время.

Читатель может задать вопрос, да зачем же он все эти документы носил с собой? Я считал, что эти документы для меня очень ценны, а кроме того мне и в голову не приходило, что меня могут арестовать или подвергнуть обыску.

Когда же это случилось, то я готов был пожертвовать и документами и всем чем угодно, лишь бы спасти свою жизнь, но было уже поздно.

У меня оставалась надежда только на помощь Божью и она пришла своевременно. Многое из случившегося со мной в жизни давно изгладилось из памяти, но арест 16 февраля 1918 года между полустанком Каменоломная и ст. Сулин остался неизгладимым в моей памяти и останется так до самой смерти.

В то время солдаты охотились за офицерами и «кадетами» и при каждом удобном случае расстреливали их без суда и следствия. Очевидно, моя физиономия подходила к их представлению об интеллигентах, поэтому они так и привязались ко мне. Уж больно им хотелось разделаться со мной. Несмотря на мою попытку разубедить их вескими аргументами, т. е. что они меня арестовали потому, что я казак, а наши казаки 10-го и 27-го полков первыми заняли Новочеркасск еще 12 февраля. В это время поезд входил уже на станцию Сулин и остановился перед вокзалом.

Солдат, арестовавший меня, приказал следовать за ним, а второй шел за мной, держа винтовку наготове. Повели меня к коменданту.

На станции было много народа и я уже подумывал нырнуть в толпу, но солдат, шедший по пятам за мной, мог ударить меня штыком и тем остановить мой побег. Это-то и удержало меня.

Мы вошли в станционное помещение, называемое теперь комендантской. На возвышенном месте сидел матрос балтийского флота в форме моряка. Это и был всесильный комендант. Просмотрев мой документ, комендант спросил у задержавшего меня солдата, почему он меня задержал? Солдат ему заявил, что у меня оказался документ только от казачьей части, но нет от советских властей. Комендант приказал солдату вернуть мне мой документ и все, что было отобрано при аресте, так как 27 Каз. полк советский и этот полк несколько дней назад проходил через его этап.

Солдаты, арестовавшие меня несколько часов назад, должны были мне вернуть винтовку, патроны и часы. Не чудо ли это Господне?

Я возблагодарил Всемогущего Господа Бога за проявленную Им ко мне милость.

Выехав далее и прибыв в ст. Каменскую, я попросил пропуск в х. Коновалов и получил его без всяких затруднений. Администрация в ст. Каменской осталась старая, казачья. Получил я также карточку на довольствие и ночлег, но ночевать не остался, а сев на поезд, хотя и с долгими остановками, прибыл на Чертково в три часа утра 18 февраля.

Была оттепель и шел дождь. Я брел напрямую в новых английских сапогах, которые получил во время моей службы по мобилизации в инженерной сотне, обходя все неказачьи поселения, население которых было пропитано большевистским духом, т. к. опасался возможных неприятностей. Идти было очень тяжело по размокшему снегу, а я к тому же сделал большой переход и страшно уставшим дошел до хутора Верхняковского, проделав за день 51 версту.

На ночлег я попросился к бедному, только что вернувшемуся с фронта, казаку.

Жена казака вела в течении трех лет все хозяйство сама, благо детей у них не было. Покормили меня чем только могли и устроили на лавке постель, приставив к ней стулья. Ложе было жесткое, но я так устал, что сразу же заснул сном праведника и был благодарен за уют, предоставленный мне в этом гостеприимном доме.

Утром я увидел, что за ночь подмерзло и присыпало снежком, так что идти мне было легче вчерашнего. Молодые хозяева были уже на ногах. Хозяйка суетилась возле печки, приготавливая завтрак, а хозяин вышел покормить и напоить лошадь и корову с телкой. Это было теперь и все его хозяйство, а когда он выходил по мобилизации, то было у него две коровы с телятами, пара быков и конь, на котором он теперь вернулся к родному куреню.

У каждого молодого казака, уходящего в отдел от отца, было всегда мечтой обзавестись своей запряжкой для плуга в три пары быков. но это не всегда и не сразу мог иметь при отходе на свое хозяйство. Многие должны были долгие годы тяжело трудиться, пока достигали исполнения своего желания.

Управившись со скотиной, пришел хозяин, хозяйка приготовила все на столе и пригласила меня покушать.

После завтрака я попросил хозяина отвезти меня на хутор Калмыков к П. Л. Лутченкову, обещая ему за это отдать мои последние

пять рублей. Хозяин охотно согласился, так как Лутченкова хорошо знал.

Когда мы прибыли к Лутченковым, то старики от радости и удивления не знали, что и делать. Старуха Лутченкова, Акулина Антоньевна, была родной сестрой моей бабушки — они часто у нас бывали и подолгу гостили и любили нас как своих. Она, как увидела меня, сейчас же бросилась обнимать, причитывая: «Алеша милый, да ты ли это? Уж не видение ли это? Мы с твоими родителями уже давно оплакали тебя, как убитого и похоронили тебя в нашей памяти».

«Как видиш. бабушка, у жив и здоров», сказал я, обняв и расцеловав обоих стариков.

Бабушка засуетилась было с самоваром, но я отказался и попросил Петра Леонтьевича отвезти меня домой. Он с удивлением посмотрел на меня и сказал: «Алеша, что же ты думал, что мы пустили бы тебя пеши домой?» Я извинился перед ним за необдуманную просьбу, объяснив это моим желанием поскорее добраться домой.

Петр Леонтьевич ушел запрягать в двухместные легкие санки бурого мерина, а я тем временем должен был что-то съесть, приготовленное бабушкой. Без этого она меня бы не отпустила.

Казак, доставивший меня к Лутченковым, со всеми сердечно распрощался и поехал домой, а я, поблагодарив бабушку за угощение и расцеловавши ее, вышел во двор. Бурый мерин нетерпеливо бил снег передней ногой и когда мы уселись в санки и, покрыв ноги шубой, шагом выехали за ворота на улицу, он тронул рысью по хорошо укатанной дороге. Наш хутор Коновалов был всего в девяти верстах и мы быстро промчались без остановки. К 12 час. мы были уже дома, но въехали во двор не с улицы, как обычно, а прямо с поля через большое гумно, огороженное каменной стеной, за которым не было других построек, кроме четырех амбаров для ссыпки зерна. Амбары стояли в некотором расстоянии один от другого, на случай пожара. Была на гумне еще высокая, с широкими дверями, клуня, куда закатывалась молотилка на зиму и укладывалась полова или збой. Были там сложены скирды сена и соломы.

Нас всретила свора собак, но, узнав меня, собаки стали ласкаться и радостно повизгивать. Отворив еще одни ворота, мы въехали в неширокую уличку, разделившую базы для рогатого скота по обе стороны. Заканчивалась уличка во дворе. Наш двор представлял из себя квадратную площадь, обнесенную с двух сторон постройками и дворовым заездным сараем с третьей стороны двора.

Наш дом стоял окнами во двор, а задняя часть дома была обращена к саду с фруктовыми деревьями, отделяя сад от двора. Когда мы с Петром Леонтьевичем въехали во двор, то санки и свору, сопровождавших нас, собак было отлично видеть из окон дома. Мать с бабушкой первыми увидели санки с военным и прыгавших около собак, старавших лизнуть военного. Хоть и говорили многие, что они были уверены в моей смерти, но мама все же продолжала ждать чуда — моего возвращения в отчий дом.

Поведение собак сразу воскресили в ней надежды: «Уж не Алешинька ли это», подумала она, выбегая на двор.

Тут уж они обе угадали меня. Сколько было пролито слез радости, сказано ласковых слов и причитаний! Затем Петр Леонтьевич, в свою очередь, рассказал им, как они с бабушкой Акулиной встречали меня. «Даже от чая отказался, так спешил домой». Бабушка еще раз обняла меня и, крепко поцеловав, сказала: «Милый мой мальчик». Эти слова ласки мы от бабушки слышали еще в раннем детстве, а вот теперь эти простые слова были мне так приятны и милы.

Я еще толком не привел себя в порядок, как отворилась дверь и входит мой брат Михаил, бросается ко мне в объятия и принимается целовать. Он сказал мне, чтобы я извинил его странное поведение. После этих слов он уехал к хуторскому правлению, где, как потом выяснилось, собрался хуторской сход, для выбора хуторского совета. Хотя в хуторе подавляющее большинство было против советов и их предписаний, все же некоторые фронтовики были не прочь завести большевистские порядки, считая, что это им выгодно.

Старики, не зная, что творится в Новочеркасске, каждый говорил на свой лад.

Узнав же, что я приехал из Новочеркасска, все захотели выслушать от меня о событиях в центре казачьего управления. Мой рассказ мог оказать большое влияние на решения схода. На сходе поднялась целая буря. Кричали, чтобы за мной выслали санки и доствили меня на сход.

Отец заявил сходу, что его сын Алексей через 30-40 минут будет на сходе и расскажет все по порядку, и приказал Михаилу ехать домой и привезти меня.

В помещении правления нас уже с нетерпением ждало общество, атаман и свящ. отец Михаил. Зал правления был переполнен до отказа, пришлось открыть двери в смежные комнаты, в которых тоже было уже полно народа.

Чувствовалось, что на сходе должны были обсуждаться важные вопросы и вынесены решения. Когда мы вошли, то шум сразу прекратился и воцарилась напряженная тишина. Обнявшись и расцеловавшись с отцом, который от радости прослезился, но быстро овладел собой и дал мне возможность поздороваться с атаманом и священником. Затем, обратившись к атаману, я спросил, чем могу служить собравшемуся сходу хуторян?

Атаман вкратце сообщил о положении, упомянул о том, что они теперь оторваны от Новочеркасска и не знают, что там делается. От новой власти получены предписания, а поэтому хотели бы узнать от меня, что сталось с Казачьим правительством?

Я начал свой доклад с того, что 12 февраля бригада донских казаков под командой войск. старш. Голубова из 10-го и 27-го казачьих полков, признавшая советскую власть, заняла столицу Дона Новочеркасск.

Ген. П. Х. Попов, как походный атаман, объединив все партизанские отряды, выступил из города Новочеркасска и ушел в направлении ст. Аксайской. Донской Атаман должен был тоже выехать с ним, но ген. Назаров заявил, что своего поста и столицы Дона не оставит и выполнит свой долг до конца. Присланный ген. П. Х. Поповым конвой для Донского Атамана получил приказ догонять отряд походного атамана. Многие фронтовики сразу же, в один голос спросили: «Значит, казаки не сдались на милость большевикам?» Я уже знал, что тяготит мятущиеся души казаков, и, немного помедлив, ответил: «Да, могу смело сказать вам, дорогие станичники, что горжусь тем, что казачья армия не сложила своих прославленных знамен перед советской властью, не капитулировала перед ней, но отступила в степи, чтобы продолжать борьбу за свою свободу, готовая вернуться на зов вольных казаков. Походный Атаман ген. П. Х. Попов уверен, что такой призыв он скоро услышит и поспешит с помощью». Далее я сообщил, что казачья армия ушла из Новочеркасска не под давлением силы противника, а потому что не хотела проливать братскую казачью кровь. Правильно ли поступило казачье правительство — это будет судить история. Заняв Новочеркасск, казаки Голубова заняли все правительственные учреждения и порядок в городе нигде не был нарушен. Но на второй день по следам Голубова ввалилась красная гвардия, к которой сразу же присоединились и местные большевики и столица Дона увидела то, чего она не видела за всю свою историю. Пошел разгул, грабеж, пьянство, насилия и расстрелы. Выбрасывали на улицу из госпиталей тяжело раненых и тут же, издеваясь над ними, расстреливали. Не оставили в покое и Владыку Гермогена, архиепископа Донского и Новочеркасского, вывели его на улицу и глумились над ним, и только казаки 27-го полка спасли его от смерти и, водворив в архиерейский дом, поставили от полка для его охраны караул.

Познакомился я на квартире нашего хуторца Сытина с сот. 27-го полка, который снабдил меня командировочными документами, с которыми я сегодня и приехал. На этом я закончил свой доклад.

Атаман поблагодарил меня от имени схода, но просил меня высказать свое мнение по вопросу: признать ли советскую власть и выполнить ли ее предписания?

На этот сложный вопрос я ответил не сразу, а с минутной паузой. Вы, братья казаки, умудренные житейским опытом, думаю, сами сумеете найти нужное решение в том, как перестроить власть в хуторе из атаманской в советскую. С переменой только названия власть не изменится!

После этого я распрощался с атаманом и с хуторцами, из которых многие подходили ко мне, чтобы поздравить с прибытием в родной хутор. Затем с отцом и Михаилом, не спеша, мы уехали домой.

А. И. Третьяков

(Продолжение следует)

ИЗ КАЛМЫЦКОГО

Сяхм урслгута Куберле горн.
Гоголь Ив. Барашкин.

Если мертвый опадающий листок
И не знает, где ему упасть,
Если каждый расцветающий цветок
Распусканью отдает всю страсть,
Что же нам, блуждающим во мгле?
— Только повторять растенья!
Амазонка мира, — Куберле
Все еще в спящем теченьи.

Н. Туроверов

САНАН

Нарн ямур ике халун болучн,
Экин халунла адль болшуга.
Инек ямр сян болучн,
Гаргасн омн ла адль болшуга.
Кюне газр сян гивючн,
Гарсн газрла адль болшуга.

Орн газр ямр ике холу болучн,
Ондин уханасм холтохш.
Сяхм урслгута Куберле горн,
Энкер болад узегдня.
Тер хамгин санад окнь
Нольмсен асхрад урсна.

Гоголь Ив. Барашкин

ДУМА

Солнце, как ни было бы жарко,
С материнской теплотой не имеет сравненья.
Друг, как бы ни был он хорош,
С родственником не имеет сравненья.
Чужая земля, как бы ни была хороша,
С Родиной нет ей сравненья.
Родина, как бы ни была далека,
Никогда не удаляется от думы.
Сияющее течение Куберле-реки,
Садовень, с лицом кавказской женщины, про-
Милым кажется в виденьи.
Все это сливается в думе
И слезы текут рекой.

Стихи Гоголя Ивановича Барашкина и его же их перевод по-русски полны глубокого очарования. Эти стихи нам близки, как и калмыцкий народ, вошедший в Донское казачество и нераздельно деливший с ним его судьбы.

Николай Туроверов

БАЛ КАЗАЧЬЕГО СОЮЗА.

Громадная продолговатая зала мерии 15-го района Парижа вечером 25-го февраля была полна оживления и веселья. Громко звучала музыка бального оркестра, двигались танцующие пары, слышался гомон и смех. То был Казачий бал.

Большинство танцующих были французы. Молодежь 15-го района знает балы Каз. Союза и охотно их посещает. Русские, среди которых преобладали казаки, были представлены лицами самых различных возрастов: от юношеского до 80-тилетнего.

Нелишнее отметить среди них видных представителей эмиграции: председателя Союза Казаков-Комбатантов ген. Н. Г. Зубова, заместителя Войскового Атамана Уральского Войска войск. старш. П. А. Фадеева, председателя Союза Георгиевских Кавалеров полк. Н. А. Звонникова, председателя Калмыюкого Союза доктора Н. Д. Чурюмова и др. Были гости и из провинции, как председатель секции Казаков-Комбатантов в г. Монтаржи Ф. М. Миронов.

Зала, в которой происходил бал, по своим размерам, по количеству окон, имеет импозантный вид. С двух сторон ее в несколько рядов были расставлены маленькие столики на четырех человек. Редки были столы, на которых не было бы ведерка с шампанским. В одном конце залы расположена сцена, а в другом буфет, в середине же происходили танцы. Поблизости от буфета на продолговатых столах, составленных прямоугольником, обосновалась лотерея. Чего только там не было!. Заведующая лотереей А. В. Сергеева и ее сотрудницы расставили выигрыши с большим

вкусом. Некоторые вещи были уже проданы до начала розыгрыша.

В середине бала состоялась американская лотерея, на которой были разыграны золотые часы Павла Буре, пожертвованные донской казачкой на издание книги памяти Атамана Каледина. Благородный и трогательный жест ее достоин внимания и глубокой признательности казаков.

Около буфета безпрерывно толпилась публика. Настроение ее постепенно менялось в зависимости от выпитого. В начале она была почти молчалива, потом стала более шумной и наконец достигла наивысшего состояния оживления, проявившегося в стремлении некоторых из составлявших ее выразить свои чувства пением боевой казачьей песни. Эта часть публики была подвижной в противоположность той, которая сидела за столиками и в момент выступления артистов она приближалась к сцене.

Все выступавшие артисты имели большой успех. Suzette Vezir, француженка с русской душой, бывшая ученица оперной артистки Садовень, с лицом кавказской женщины, пропела с большим темпераментом, сопровождая первую песню танцами и звуками кастанет. Закончила она свое выступление «Калинкой», которой подпевала публика.

После нее выступил ансамбль Димитрия Ляхова, донского казака. Ансамбль состоял из оркестра балалаечников и трех певцов-солистов. Оркестр играл прекрасно, а солисты привели в восторг публику. Мягко звучал приятный тенор В. Коссаковского, хорошо пропела «Марфушу» Алена Сокольникова, а давершила все Ольга Лова, спев грудным низким голосом «Льется песня», и др. цыганские песни, сопровождая их танцами. У многих из присутствующих старшего поколения О. Лова вызвала воспоминания о далеком прошлом, о щемящих душу цыганских романсах, слышанных ими в дни их молодости.

Приятно спели Christiane Pecoul и G.Dalquir de Levinhoc.

Артистическая программа закончилась выступлениями супругов Немировых. Мощный голос Бориса Немирова наполнял всю залу, публика наградила его шумными аплодисменсами.

Тамара Немирова, дочь донской казачки и любимица казаков, прекрасно исполнила характерные народные танцы и песни. В интонациях ее голоса, в мимике и движениях чувствуется проникновенное понимание народных мотивов, стремление к передаче их в артистической форме с сохранением подлинности.

Я не могу закончить мой отзыв о бале, не упоминув об оркестре Игоря Черноярова. Он полностью справился со своим заданием.

Кончился бал, разошлась публика, но остались казаки. Усевшись за столом около буфета вместе с артистами Тамарой и Борисом Немировыми, Дмитрием Ляховым, Н. В. Ломакиной, они изливали свои чувства в пении. Мерия 15-го района долго оглашалась казачьей песней, в которой необработанные голоса казаков сливались с голосами артистов.

Париж.

Казак-наблюдатель

ОБЩЕКАЗАЧИЙ ДЕНЬ СКОРБИ В США

По установившейся традиции у казаков в эмиграции, 12-го февраля 1967 г. казаки в США отметили День Общеказачьей скорби в казачьем Доме Ди-Пи, Фарминдэйл, Фривуд Эйкрс, Штат Нью Джерси.

По инициативе Атамана Д. Е. Свинарева и Правления станицы им. полк. Чернецова, совместно с Союзом Донских Казаков и др. организациями, была совершена панихида, после которой состоялись траурное Собрание и Трапеза.

Панихиду совершил донской казак Протоиерей От. Петр Попов, с хором, составленным из местных казаков и казачек, под руководством казака Кубанского Войска ст-ка Кривцова.

Траурное собрание открыл деятельный и энергичный Атаман Чернецовской станицы Д. Свинарев пением молитвы «ОТЧЕ НАШ» и исполнением казачьих гимнов, после которых было предоставлено слово Председ. Союза Донских Казаков С. И. Донскову, сказавшему:

«Общеказачий День Скорби является од-

ним из самых трагических дней КАЗАЧЕСТВА за его многовековую историю. Этот день по праву назван «Днем Скорби» потому, что КАЗАЧЕСТВО в изгнании переживает трагическое время своего быта, оставив свои родные Края в борьбе с коварным коммунизмом, потеряв на полях сражений неисчислимые казачьи жертвы, потеряв родных и близких на своей родной Земле, которая в настоящее время находится под советско-коммунистическим игом.

В свободном мире, во всех государствах, установился культ поминовения павших героев у могилы «Неизвестного солдата».

Казаки же, находясь в эмиграции, рассеянные по всему миру, не имея родной территории, вместо могилы устроили нерукотворную символическую могилу-памятник, установив «День Скорби, как культ памяти славных атаманов, вождей, героев казачества, казаков и казачек, павших за Свободу, Волю и казачье ИМЯ, приурочив этот траурный день ко дню трагической смерти первого избранника Донской земли — Атамана А. М. Каледина (29 января по ст. стилю).

В 1917 г. над бывшей самодержавной Российской Империей нависли грозные тучи, покрывшие всю ее территорию неумолимым роком, предвещавшим ей уготованную дальнейшую судьбу, свидетелями которой мы являемся.

2-го марта 1917 г. (по ст. ст.), последний Государь из дома Романовых, царствовавшего в течение 300 лет, вынужден был отречься от престола. Его постигла самая страшная трагедия из всех царствовавших доселе на русском престоле.

На смену дома Романовых стало Временное Правительство сначала во главе с князем Львовым, а потом вскоре с А. Керенским, которое было свергнуто 25 октября большевиками. С захватом ими центральной общероссийской власти, бывшая Российская Империя превратилась в бушующую революционную стихию, повергнув страну в полный хаос, который ознаменовал собою начало страшной вакханалии советской власти, ввергнув народы в братоубийственную войну.

В этот революционный период из 180 милл. российского народа, одно только Казачество являло пример разумного понимания гражданской свободы, сохраняя порядок, право и законность государства.

В марте месяце 1917 г. в Петрограде собрались Представители всех 12-ти Казачьих Войск на Общеказачий Съезд и выбрали Совет Союза Казачьих Войск.

А 16-го апреля в столице Войска Донского, в Новочеркасске, состоялся первый Донской Казачий Съезд, на котором единогласно было решено восстановить древние вольности и обычаи, отобранные в 1709 г. царем Петром I: восстановление права избирать Войсковой Круг и Войскового Атамана.

22-го мая открылась первая сессия Большого Войскового Круга, означавшая возрождение исторического народоправства и самобытности Донских казаков.

После 200-летнего перерыва, в течение которого были упразднены древние права казаков, снова из померкшего символа былого казачьего народоправства — Войскового Круга возрождаются его былая слава и мощь.

На арене общероссийской революционной смуты, разрухи и развала волею судьбы, предначертанной историей Казачеству, выдвигаются два казачьих великана, со всей присущей им решительностью в борьбе за восстановление порядка и законности государства.

Казак Сибирского Войска Корнилов Л. Г., генерального штаба, генерал от-инфантерии, Верховный Главнокомандующий Российской Армией, в гражданскую войну Командующий Добровольческой Армией, убитый в бою с большевиками 31-го марта при атаке г. Екатеринодара.

Казак Донского Войска Каледин А. М., ген. штаба, ген. от-кавалерии, Командующий 8-ой Армией, герой знаменитого Луцкого прорыва в 1916 г., в первую мировую войну. С приездом на свой родной Дон, в грозный час его судьбы, Каледин избирается Войсковым Кругом, 18-го июня 1917 г., Войсковым Атаманом Войска Донского.

После свержения Временного Правительства большевиками и захвата ими центральной Российской власти, Атаман Каледин с Донским Правительством принимают на себя временно всю полноту государственной власти в пределах территории Донского Войска и Дон становится независимым государственным образованием, отделившись от большевиков.

С провозглашением независимости Дона, Донское Войско вступает в неравную борьбу с большевиками, в борьбу не на жизнь, а на смерть, в защиту исконных прав устраивать свою жизнь на своей земле своими руками.

Отделение Дона, как суверенного государственного образования, ознаменовало начало борьбы донских казаков с севером и центром Российского большевизма. На казачий Юго-Восток обрушились большевистские вооруженные силы, и в начале ноября 1917 г. в Азовском море появляются большевистские

суда Черноморского флота и высаживают десант в Таганроге, а через некоторое время отряд матросов занимает г. Ростов. Дон оказался беззащитным, т. к. казачьи части находились в это время на германском, австрийском и др. фронтах первой мировой войны, с трудом пробирались среди революционной массы солдат в свои хутора и станицы. Атаман Каледин остался с горстью учащейся молодежи с кадетами, юнкерами Новочеркасского Военного училища и с незначительным количеством казаков и офицеров.

Защитником Дона оказался отряд партизан из учашейся молодежи, имея во главе бесстрашного Донского богатыря духа, есаула Чернецова, выступившего с молодыми орлятами на зашиту чести, достоинства и былой славы седого Дона. В неравной борьбе с большевистскими вооруженными силами и революционно настроенными казачьими частями предателя войск. ст. Голубова, 22-го января 1918 г. полк. Чернецов трагически гибнет от руки другого предателя казака — вахмистра Подтелкова. С гибелью Чернецова дорога большевистским силам к Новочеркасску была открыта. Фронтовики-казаки, уставшие от войны и частично разложившиеся под влиянием большевистской пропаганды, предпочли ограничиться нейтралитетом, который вскоре обошелся им иеисчислимыми жертвами и потоком казачьей крови.

Видя безнадежность положения и дальнейшего сопротивления, Атаман Каледин, 29 января 1918 г. (по ст. ст.) кончил жизнь выстрелом в сердце в атаманском дворце. Гордый, с чувством своего достоинства в бескомпромиссной борьбе, Атаман Каледин при его избрании заявил Кругу: «итак значит борьба не на жизнь, а смерть», «прошу верить, долг свой исполню до конца». И он не поколебался исполнить свой долг.

После смерти атамана Каледина, в трагический час судьбы Дона, Малым Войсковым Кругом власть вручается Походному Атаману ген. А. М. Назарову для дальнейшей зашиты Дона. 18-го февраля Атаман Назаров, Председатель Малого Войскового Круга Е. А. Волошинов и ряд др. генералов и офицеров погибают от рук красногвардейских банд, а вскоре, в марте месяце, постигла та же участь «Баяна» Донской земли — помощника Атамана, М. П. Богаевского.

Атаман Назаров проявил необычайную силу духа и бесстрашие перед расстрелом: снял с шеи икону-благословение, помолился, поцеловал ее, и, скрестивши руки, отдал команду вооруженной банде красных: стрелять, как казаки: Пли...

Гибнут смертью храбрых в бесстрашной борьбе с большевизмом Атаманы и вожди других Казачьих Войск — Войсковой Атаман Кубанского Войска — Успенский; Войсковой Атаман Терского Войска — М. Караулов; Войсковой Атаман Астраханского Войска — Бирюков и многие другие.

На вольных и обширных степях Оренбургского Войска раздается тревожный «Набат» Войскового Атамана — Дутова, оповещавший о смертельной опасности, нависшей над Казачеством от берегов седого Дона до берегов Байкала, Амура и Уссури. Казачьи вожди и Атаманы поднимали казаков на борьбу с большевизмом, защищая своей грудью свою историческую самобытность, являя пример бесстрашия и падая смертью храбрых в этой неравной борьбе.

Так гордо, храбро и с достоинством, умирали сыны вольных степей, кристально чистые и бесстрашные богатыри духа за свою Свободу, Волю и Долю казачью. Своей смертью они принесли искупительную жертву на алтарь казачьей борьбы за исконные казачьи права, быть хозяевами своей земли, подняв казаков на борьбу с большевизмом.

Трагический выстрел Атамана Каледина и гибель его сподвижников зловещим эхом раздались по всему Дону, предвещая всему Казачеству страшную опасность его бытия. Казалось, что гордый и непокорный Дон умолк навсегда, потерял свою былую славу и покорился судьбе, придавленный холодной могильной плитой. Но это только казалось...

С началом весны 1918 г. весь Дон забурлил «снизу доверху, сверху донизу». Дон восстал, сбросив с себя могильную большевистскую плиту, вступив в безкомпромисную борьбу с аморальным и безбожным большевизмом, идеология которого несовместима и никогда не может быть приемлема казачьему мировоззрению, его вековым традициям и укладу свободной жизни, не знавшей в своей истории рабства. И Казачество поставило вопрос: или оно или советская власть, другого положения быть не могло.

Началась освободительная война Казачьего Юго-Востока от Российского большевизма, продолжавшаяся в течении трех лет (1917-1920 гг.), принесшая неисчислимые жертвы казачьему народу, страдания, лишения и потерю исконных казачьих земель, которые населяются пришедшим с севера неказачьим элементом.

Слава КАЗАЧЕСТВУ, бессмертная слава павшим атаманам, вождям и героям, одним из первых поднявшим знамя борьбы с мировым злом-коммунизмом.

Вечная память им, казакам и казачкам, павшим в борьбе с коммунизмом за Волю и Долю Казачью».

По окончании доклада общим хором казаков и казачек была спета «Вечная Память» павшим в борьбе с коммунизмом.

Потом последовали выступления с речами Председателя казачьего дома Ди-Пи Н. Е. Королькова, общественного деятеля казаков националистов В. Г. Глазкова и др. Траурное собрание прошло в дружеской и деловой обстановке.

США. **С. И. Донсков**

МАРИЯ-МАГДАЛИНСКАЯ ПУСТЫНЬ

В связи с гонениями на веру и верующих, с разрушением храмов и церквей на нашей родине, мне вспомнился женский монастырь, воздвигнутый во имя Марии Магдалины.

Расположен он был на войсковой земле между юртами станиц Роговской и Тимошевской — старых куреней Войска Запорожского. Я не помню точно года его основания, но по данным казачьей истории и по сохранившимся могильным плитам в ограде обители, его можно отнести ко времени переселения Войска Черноморского на Таманский полуостров, откуда оно начало свою героическую борьбу за освоение Кавказа.

Много тогда пало казачьих голов, много осталось вдов, сирот и изувеченных, и чтобы спасти их от гибели Кошевые Атаманы основывали Обители-убежища, где обездоленные находили кров, пищу и защиту от воинственных горских народов. В таком порядке, вероятно, возникла и Мария-Магдалинская пустынь, получив название «пустыни» от пустынного и мало обитаемого края. Другой мужской монастырь, под названием Лебяжий, находился у Лебяжьего лимана в районе ст. Брюховецкой, там еше в мое время водились белые лебеди. В нем мне не пришлось побывать, но за то с первым я знаком.

Параллельно с ростом куреней, потом переименованных в станицы, с возникновением городов, с замирением Кавказа, развивалась и женская обитель, выполняя свое религиозное и социальное назначение. На моей памяти это был благоустроенный, экономически крепкий монастырь, где на ниве церковной и общественной, как прилежные муравьи, трудились монашки. Одни принявшие постриг, пожилые, в посте и молитве замаливали собственные грешки и грехи мира, другие, помоложе, держали испыт и были на послушании, выполняя разные хозяйственные и бытовые работы. Третьи, юные отроковицы, учились грамоте, церковному пению, разным прикладным искусствам и по достижении зрелого возраста или полностью включались в жизнь монастыря, или возвращались в мир, принося с собой любовь к Богу и ближнему. Выходили замуж и создавали крепкую казачью семью. Были примерными хозяйками и смиряли суровые нравы своих мужей, природных воинов.

При обители, вне ее ограды, был посад постороннего люда, который жил самостоятельной жизнью и поддерживал с нею лишь религиозные и деловые связи.

Я не буду входить в подробности монастырской жизни и ее устава, да я их хорошо и не знаю, — ограничусь общими наблюдениями и впечатлениями, которые врезались в памяти.

Большой белый собор в византийском стиле. Синие маковки куполов, увенчанных позолоченными крестами. Пирамидальные серебристые тополя, вокруг высокая белая ограда. Все это возвышалось и царило над ровной степью. У ограды мирно пасется монастырский скот, среди которого выделялись верблюды и ослики, придавая общему ландшафту какой то библейский вид. Как верная стража, с восточной стороны по речке Кирпили, спрошной стеной стояли камыши. Над камышами носились чайки и своими тревожными криками предупреждали монахинь о приближении постороннего человека. Покой и тишина царили кругом и лишь соборный колокол нарушал ее, призывая монахинь к очередной службе и молитве.

Но в большие празники, в особенности на Престольный день, обитель оживала. С ближайших станиц и хуторов к ней тянулись паломники. Ехали на подводах с кучей детей, или пешие, на маленьких тележках, в

ручную, везли убогих. Весь этот людской поток останавливался у ограды монастыря, располагался табором, разбивался на группы и вливался в стены обители. Седобородые старики в чекменях при кинжалах, в высоких остроконечных шапках, с красным верхом, молодой возраст казаков, отбывших «действительную», в своих полковых формах, казачата-подростки в бешметах и балахончиках, казачки в резко цветных нарядах — все это видение прошлого. Вспоминаются и наши казачьи паны, доживающие свой век на своих хуторах: Камянские, Вербицкие, Бурносы, Халявки и др. В эти дни извлекали они из сундуков свои мундиры, облачались в них и показывались народу. Их дальние предки вели свой род от славного Войска Запорожского, а ближайшие создавали Войско Кубанское.

Некоторые из них спали вечным сном под могильными плитами в монастырской ограде и об упокоении их душ молились монашки. Из живых особенно запомнилась мне фигура есаула Бурноса: высокий старик в серой черкеске, борода до пояса. Говорили, что зимой он обматывал ею шею вместо шарфа. Народ почтительно раступался перед ним и давал дорогу. О его подвигах в Турецкую войну 1877-1878 г.г. ходили целые легенды, а жизнь на хуторе обволакивалась разными таинственными вымыслами. Тут и конь вороной, который знал наизусть все дороги окольные и прямоезжие, и сын красавец Колька от жены турчанки — «наказание Божье» для молодых послушниц — но об этом в другой раз.

Собор переполнен народом. Долгая монастырская служба. Вышитые золотом и серебром ризы духовенства ярко сияли на фоне черного одеяния монахинь. На двух клиросах хоры монашек: на левой пожилые в клобуках, на правом — юные отроковицы в конусообразных скуфейках. Длинные до ступни черные платья-рясы, опоясанные широкими ременными поясами, из под стоячих воротников выглядывают белые накрахмаленые полоски, кипарисовые крестики на шее — все скромно, просто и в то же время красиво. Их плавное стройное пение создавало молитвенное настроение среди молящихся и в особенности у их мирских сестер.

Станичное церковное пение с низкими октавами и громоподобными басами, от которых гасли паникадила, больше нравилось мужской половине человеческого рода. Суровая природа казака, даже при молении, искала покровительства у Небесного Воинства, зажигая свечу у икон св. Великомученика Георгия Победоносца, Архистратига Михаила, Благоверного князя Александра Невского, пророка Ильи и др. — в то время, как казачки-матери ставили ее Божьей Матери с Младенцем на руках.

Обычно, после церковной службы, народ расплывался по всему монастырю. Одни навещали знакомых матушек и приносили им в дар свои домашние произведения, делали заказы по шитью и вышивкам, оставляли деньги матушке на новую рясу и на поминовение душ усопших. Другие служили панихиды по предкам, третьи шли на общую трапезу отведать монастырскую хлеб-соль и запить ее монастырским квасом. Всюду, как ласточки, сновали монашки и слышалась их кроткая речь: «Спаси Вас Господь...» «Подай Вам Господи...» «Храни Вас Царица Небесная...» Эти простые слова умиляли сердца, смиряли гордыню и напоминали людям Того, кто сотворил Небо и Землю.

И щедрой рукой опускал народ свой трудовой грош в монастырские кружки на нужды Обители, памятуя о том, что «рука дающего не оскудеет». И никто тогда из придержащих властей его не преследовал, не доносил, не глумился над его религиозной совестью и вековыми обычаями — они не угрожали ни государственной безопасности, ни прогрессу жизни вообще.

За оградой обители в такие дни бывали базары. На лотках были разложены иконки, образки, нательные крестики, перстеньки с надписью, книжки о житии святых, картинки из Ветхого и Нового Завета. Представлены были и ручные изделия монастыря: различные вышивки крестиком и гладью, вязанные бисером кошельки, сумочки, ожерелья, деревянная расписная посуда с видами церквей и монастырей и многое другое. Монастырские бублики, мятные и медовые пряники, халва и пастила в изобилии покупались, как гостинец домашним, а различные вещи, как сувениры монастыря. Тут же на базаре, под акомпанемент кобз, распевали нищие свои жалобные песни из церковного эпоса. Некоторые импровизировали пророчества о кончине мира и «Гиене огненной» Слушал народ нищую братию — одни верили, другие не верили, но каждый считал благородным долгом опустить в миску нищего грош.

Удовлетворив религиозные потребности, отдав долг обычаю, получив массу впечатлений, казаки возвращались домой и принимались за свой обычный труд, а монастырь вновь погружался в мир и тишину. Но было бы большим заблуждением думать, что в Обители зажигались лишь свечи, курился ладан, монашки с раннего утра и до позднего вече-

ра клали поклоны. У нее было и свое большое хозяйство: засевались поля, снимались сенокосы, велось садоводство и огородничество, молочное хозяйство, пасека, птица и др. При монастыре была школа и различного рода мастерские прикладного искусства. Больше сотни церковного люда прикреплено было к монастырской общине — всех нужно было накормить, одеть и дать кров. Во главе этой обшины стояла игуменя мать Варвара, энергичная и волевая была монахиня.

Твердой рукой вела она свой корабль по пути веры православной, благочестия и благоденствия. Происходила она из казачьей среды, хорошо знала ее быт и традиции, в обращении была проста и непосредственна, но сурова к грехам мира и нарушению Устава монастырской жизни. Казаки относились к ней с большим уважением, а казачки даже побаивались. Наслышались они, что мать Варвара не за одну косу послушниц «подержалась». Этот метод «убеждения» в казачьем быту в мое время еще не терял своей силы и простой народ допускал его и в Обители, как противодействие грехопадению. Одно «ссорило» казаков с матушкой Варварой — это ее верблюды. Казачьи кони совершенно не переносили этих пустыножителей, на этой почве случались трагикомические курьезы. Едет верблюжья подвода с монашками, навстречу ей казачья, лошади, завидя издали «монастырское шествие», начинали беситься, становились на дыбы, рвали постромки, ломали дышло, а то и переворачивали арбу с поклажей. Беда тогда казаку. Злится, машет руками сестрам, чтобы остановились. Выпрягает лошадей и дает им зуботычины...

«У, ироды прокляти... зроду верблюда нэ бачили... шоб вы выздыхли...» Отводит в сторону за закрытие, или закрывает им глаза полами бешмета. Достается в сердцах и сестрам-монашкам: «та проезжайте скорише, черноризницы... жены непорочны... шоб вас на тим свити...» А сестры, продолжая «шествие», кротко приветствуют — «спаси вас Господь, братец».

Бывали и другие недоразумения: потравы монастырских посевов, запашки земли, попытки молодежи завязать «дружбу» с послушницами. Тогда держись атаман. Мать Варвара налетала «коршуном». — Так то ты, атаман, сполняешь службу?.. Балуешь народ..., хочешь монастырь по миру пустить, завести вавилонский вертеп...

—Да что вы, матушка игуменья? Хиба ж я нехрист який нибудь?.. Завтра всих винуватых в тюгулевку (карцер) посадю...

Мать Варвара «отходит» и берет «винуватых» под защиту.

— Посади, посади, батюшка, только не на долго, да не вздумай плетей давать.., а то я тебя хорошо знаю... Ох, грехи наши тяжкие... Прости меня, атаман, может я наговорила чего и лишнего...

Но это лишь мелочи жизни, в главном же дружно и в согласии жили казаки с Обителью, она им служила религиозной нравственной и духовной опорой. И родил тогда хлєб в изобилии и никто не умирал с голода. Во что превратила теперь безбожная власть Марие-Магдалинскую пустынь, точно не знаю. Колхоз ли это, свинородческая ферма, или клуб комсомола?

Париж.

Ф. Головко

«СОДРУЖЕСТВО»

(Из современной поэзии Русского Зарубежья)

В этом году в издательстве В. Камкина (Вашингтон США) вышла книга «Содружество» со стихами 75-ти поэтов.

«Особенностью книги является то, что на ее страницах представлены либо нигде еще не опубликованные, либо напечатанные только в периодических изданиях произведения... Сведения, сообщены поэтами о себе в следующем за их стихами разделом, нельзя назвать биографическими справками... Они как бы создают определенный климат, тем более, что присланные поэтами данные не подвергались каким либо изменениям — этим сохранилось непосредственность разговора поэта с читателем, который сразу может почувствовать, **ЧТО** именно тот или иной автор считает для

себя важным...» — так пишет в предисловии Т. Фесенко — составитель этой очень интересной книги.

В «Содружестве» приняли участие четыре казачьих поэта. Возможно, мало? Возможно, но раз четыре, так четыре — будем говорить о них.

Волкова, Мария Вячеславовна. — «Родилась в западной Сибири, детство, отрочество и юность прошли «у подножья Тянь-Шаня», в Петрограде, Сибири, а молодость и зрелые годы — вне Родины. По происхождению — казачка, почему до минувшей войны сотрудничала больше в каз. изданиях Парижа и Дальнего Востока... Жить пришлось все время на отшибе, в глухих уголках... Один сборник стихов «Песни Родины» был издан в Харбине (1936 г.), другой — «Стихи» — кружком Казаков-литераторов в 1944 г. в Париже... Все написанное после распылилось в периодической печати».

В сборнике М. В. представлена семью стихами, один другого лучше:

«Нет, не вымостят площадь в аду
Отраженьями наших намерений!
Почему-то чем дальше иду,
Тем я в этом уверенней...»
(«Несбывшееся»)

Мария Вячеславовна идет очень четко и уверенно нашей казачьей дорогой. Идет по военному, со своим собственным поэтическим словом, мужественным и нежным:

«Не кружева,
Не камни драгоценные,
Не редкие тепличные цветы —
Слова, слова
Совсем обыкновенные,
Но сильные геройством простоты».
(«Мастерство»)

Это простое и гордое геройство очень присуще М. В. Но нас особенно порадовала ее «Прабабка».

«Ее лицо, как будто, мне знакомо:
Не стану ль такою, как она?
Журчат слова: «Все маешся без дома?
О, Господи, какие времена!..
Да что роптать? Ты ропот лучше спрячь-ка!
Благой совет тебе я ныне дам:
Терпи — и все. На то ты и казачка!
А что к чему, про то не ведать нам...

. . . . . .

И я рвалась на волю и на солнце,
Но не давал податься супостат.
Мне до конца пришлось глядеть в оконце
На крепостной зубчатый палисад...
Теперь, крепостной «деревянный палисад» поднялся до неба прозрачным и трудно проходимым занавесом.

Участие М. В. в «Содружестве» нас очень порадовало и слегка удивило. Мы уже привыкли, что ее долго и упорно забывали. В сборниках стихов русских зарубежных поэтов (антологиях) — «Якорь» (1936), «Устафета» (1948), «На западе» (1953), «Муза Диаспоры» (1961) — стихи М. В. отсутствуют, а их присутствие не снизило бы общий поэтический уровень этих сборников, особенно последнего, составленного Ю. К. Терапиано.

Воробьев, Николай Николаевич. — «В течении последних 16 лет преподает русский язык в одном из колледжей на западном побережье США... Литературная деятельность Н. Н. В. довольно многолика. Будучи казаком, он пишет на чисто казачьи темы и является постоянным сотрудником парижского журнала «Родимый Край», а также «Каз. Энциклопедического Словаря» в США... Совсем недавно он выпустил поэму «Кондратий Булавин...»

К Н. Н. В. мы давно прислушивались. Нам всегда казалось, что когда то он скажет свое «самое главное». И это возможно произошло на страницах «Содружества»:

«Приходи... Подведу к окошку,
Полюбуемся мы вдвоем —
Я боярышник за дорожкой
Посадил под самым окном.
От него так и веет Доном,
Ну, как будто рукой подать!

. . . . . .

Пусть в саду его кисть алеет,
Как когда-то алел лампас.»*)

Но больше всего нас удивили его «Калифорнийские стихи». Как жаль, что он в Калифорнии, а не на нашем Тихом и Вольном Дону, которого пока нет.

Евсеев, Николай Николаевич. — «Я родился в 1891 г. в степной полосе России... Первые стихи начал писать в эмиграции... Первые критические строки о моих стихах написал В. Ходосевич, отметивший «недюжинные способности в самом трудном стихотворном жанре». Мои стихи печатались в литературном сборнике «Орион». С появлением газеты «Русская Мысль» я стал постоянным ее сотрудником, в ней было помещено до 300 моих стихотворений... В 1963 г. вышла моя книга «Дикое Поле» и в 1965 г. «Крылатый шум». Все расходы по изданию этих книг были по-

*) Это стихотворение Н. Н. Воробьева, было напечатано целиком в № 43 «Род. Края» (сент.-окт. 1962 г.).

крыты предварительной подпиской еще до сдачи рукописей в типографию...»

В «Содружестве» Н. Н. Е. представлен 4-мя стихотворениями и о них мы не можем сказать то, что сказали выше о стихах Волковой и Воробьева. Евсеев популярный «парижский» поэт. Он часто выступает на литературных собраниях. (Выступал однажды на балу «Донской Пирамиды»). Все эти выступления были всегда награждены «громом апплодисментов».

Популярность его бесспорна, как и его «поэтическая плодовитость».

Н. Н. Е. — донской казак, хотя это он не потвердил: ни в автобиографии, ни в стихах «Содружества», но «слава» его и «падения» — нам не безразличны.

Я внимательно прочел эти 4-е стихотворения в «Содружестве» и его последнюю книгу «Крылатый шум», о которой не было отзыва (как мне кажется, в «Род. Крае»)*) и ощутил некоторое полуразочарование. Да, то-же самое, что волновало раньше с эстрады, но очень поблекшее. Те же слова — и не те.

В чем дело?... Может, это однообразность тем, которую мы в малых дозах не замечаем?... Может, повторяемость одних и тех же поэтических образов?..

И чтобы не быть «голословным»:

«Мой ангел сероокий,
Хранитель мой земной».
. . . . . .

«Мой ангел сероокий,
Ты вспомнишь о весне,»
(«Содружество» стр. 196)

«Много лет, мой ангел сероглазый,
В этом мире ласковом живем...»
(«Дикое Поле» стр, 176)

«Много лет шагаем дружно вместе,
Ангел сероглазый милой мой»
(«Дик. Поле» стр. 168)

«Богом данная подруга,
Сероглазый ангел мой»
(«Крыл. Шум» стр. 138) и т. д.

Это повторение было бы оправдано, если бы не было раньше у другого казачьего поэта:

«Моя милая казачка,
Черноокий ангел мой»
(1938)

Зачем эти повторения? Совпадение?

Но несмотря на это, какие-то стихи Н. Н. Е. возможно будут в будущем «казачьей хрестоматией».

Туроверов, Николай Николаевич. — «Родился в 1899 г. Донской казак. Захватил I-ую Великую, всю гражданскую и 2-ую (в Иностранном Легионе) войны... Участвовал во многих русских периодических изданиях за рубежом. Выпущено 5 книг стихов: 1928, 1937, 1938, 1942 и 1965 гг. Устраивал выставки: 1812 г., Суворов, Казаки».

Мне невозможно говорить о поэзии Н. Н. Т. Мы с ним близкие родственники, а посему — приведу только часть его стихотворения из «Содружества»:

«Сотни лет. Какой недолгий срок
Для степи. И снова на кургане
У своей норы свистит сурок,
Как свистел еще при Чингиз-Хане.
Где то здесь стоял его шатер,
Веял ветер бобылевыми хвостами,
Поднебесный голубой простор
И костров приземистое пламя.
Приводили молодых рабынь,
Горячо пропахнувших полынью,
Так, что даже до сих пор полынь
Пахнет одуряюще рабынью...»

Спасибо им всем четырем. Казачье спасибо.

Париж. **А. Туроверов**

Наверно, среди семидесяти одного членов «Содружества» есть казаки или наши братья — «иногородние», позабывшие о своем происхождении. Хотелось бы ближе с ними познакомиться. Но как?

Может, они подскажут?

Очень вероятно, и я уверен в этом, некоторых казаков-поэтов опять забыли.

До набора этой статьи мне указали, что я не упомянул забайкалькальского казака Александра Михайловича Перфильева (Александра Ли), стихи которого помещены в «Содружестве». Но ни в его помещенных там стихах, ни в автобиографии совершенно неуловимо его казачье происхождение.

От редакции.

Много казаков поэтов не попало в «Содружество», многие из них выпустили сборники своих стихов. Укажем главнейших из них. Донцы П. С. Поляков («Лирика» 1958, «Поэмы» 1939, «Сказки» 1957), Н. Келин (два сборника «Стихов» 1937 и 1939), Н. В. Альникин (два сборника «Сполох» 1960 и 1961), Юшкин-Котлубанский (два сборника «Лучь» 1954 и 1963), М. И. Гаврилов («Думы Казака» 1965), И. Сагацкий («Встречи» 1942), уралец Я. С. Угольков («Стихотворения» 1960).

*) *От редакции.* — В № 58 «Род. Края», май-июнь 1965 г., была перепечатана из газеты «Русская Мысль рецензия на «Крылатый Шум» Ю. К. Терапиано.

Другие печатались лишь в периодической прессе: донцы Валентина Краснова, Виктор Иванов, М. Н. Залесский, М. П. Морозова, П. П. Кумшацкий и др.

ВАСИЛИЙ АКИМОВИЧ ХАРЛАМОВ

(К десятилетию со дня его кончины)

19 марта с. г. исполнилось десять лет со дня кончины Председателя Донского Войскового Круга и б. Члена Государственной Думы всех созывов В. А. Харламова. По сему поводу дети его Т. В. Кривошеина с семьей и Др В. В. Харламов с семьей отслужили в Астории, Н. И., панихиду.

Для донцов В. А. Харламов имеет особое значение. Вспоминая его, Донские казаки воздают дань и признание за его любовь, верность и неизменное служение родному Войску Донскому.

Казак Усть-Быстрянской станицы Аким Харламов несомненно хотел, чтобы его сын Василий послужил родному Войску в более видной роли, чем он, урядник В. Д. Также и сын его Василий, выросший среди донского простора, в лоне родной станицы, впитавший в себя родные казачьи песни, слушавший постоянно предания о казачьих подвигах, наверное мечтал так послужить Тихому Дону, чтобы об этом знали все. Те казаки, которые родились и выросли среди своей родной стихии, знают и помнят эти сначала неясные, а потом все более отчетливые мечты.

Первый этап образования мальчика Васи Харламова — Станичное Приходское училище. Но Аким Харламов задумал бóльшее. По совету с родственниками он определил сына в Духовное Училище в Новочеркасске, а по окончании его сын поступил в Духовную Семинарию там же. «На священника», как говорили в узкой родственной семье. Но Василий Харламов нарушил этот план. Он поступил в Духовную Академию в Троицко-Сергиевской Лавре у Москвы. «На архиерея», как решили в станице. Для казаков это было нечто большое. Много ли казаков кончало Духовную Академию? Единицы. И Василий Харламов кончил Академию. М. б., ему предстояла видная духовная карьера. Но... под боком Академии в Москве был университет. Наука. Это уже не узкие, сравнительно, рамки служения священника, даже академика. И еще: в душе молодого академика жила мысль о Донском казачестве.

Спрашивалось: зачем казак Василий Харламов учится? Почему?

Не для того ли, чтобы на большем поле служить Донскому казачеству? Нужно знать не только настоящее своего родного Войска, но и его прошлое, чтобы плодотворнее работать для его будущего. Ведь Войско Донское не губерния какая-нибудь, а Донские казаки не крестьяне с их грустным, бедным, темным и безправным прошлым. Для донских казаков некогда право, свобода, воля были их природными, историческими и неотъемлемыми атрибутами их общественно-политической мысли и быта. Донское казачество, как некий светлый маяк, манило к себе всех обездоленных и безправных. И Донское казачество утеряло эти права. Почему? Казалось, только в лоне университета можно было найти верный ответ на этот вопрос.

И Василий Харламов, в нарушение всех планов своего родителя, поступил на Историко-филологический факультет Московского университета. «На что он, Василий Харламов, теперь учится?», говорили в станице. Этого, м. б., никто не знал.

Однако, шаг молодого Харламова не был простой случайностью.

Также поступил и другой донской казак — Митрофан Богаевский. И он поступил на Историко-филологический факультет, только СПетербургского университета. Харламов стал учеником Ключевского, а Богаевский — Платонова, Кареева и др.

Неслучайно и Харламов и Богаевский в тяжкие годы Государства и Дона были Председателями Донского Войскового Круга.

Это было их исторической мисией в жизни Донского казачества. И М. П. Богаевский и В. А. Харламов в каком-то смысле были искупителями Донского казачества...

Кончив университет, В. А. явился на Дон, начав свою работу с исследования прошлого Дона в археологических работах и в общественной культурно-просветительной деятельности. На этом же поприще начал свою работу на Дону и М. П. Богаевский. Затем В. А.

становится преподавателем истории в Новочеркасской Женской Гимназии, а М. П. Богаевский директором Мужской Уимназии в Каменской.

И работа и путь деятельности этих замечательных казаков — знаменательны.

В 1905 г. по всей России поднялась волна общественно-политического движения с требованием в Империи конституционного строя и установления народного представительства. Эта волна захватила и Дон. Все более или менее живые элементы Донского общества примкнули к этому российскому движению. Захвачен им был и В. А. Харламов, к этому времени ставший видной фигурой в Новочеркасске.

Появился Манифест 17 октября 1905 года. Идея народного представительства оформилась в провозглашении Государственной Думы. Первая Государственная Дума созывалась в 1906 году. Подготовка к выборам и намечание кандидатов стали реальным практическим вопросом. Одним из первых кандидатов был В. А. Харламов. Образование, ораторский дар, глубокое понимание государственных задач, прав, нужд и интересов Донского казачества дали В. А. Харламову право быть Представителем Дона в Государственной Думе в с е х созывов.

Он был центральной фигурой всего казачества и всего казачьего студенчества Петербурга. Наконец-то, у Донцов, как и всего Казачества, был с в о й Представитель и заступник перед наивысшей властью. Казаки знали, к кому обращаться за защитой и советом.

К несчастью, это Народное Представительство в России было ограниченным. Случилась роковая 1-ая Мировая война. В 1917 г. разразилась революция. Общественность оказалась славой. Родился большевизм-коммунизм. Империя распалась. Повсеместно царили бесправие, произвол, безпорядок и беззащитность населения.

Такое положение коснулось и Дона. И Казачество вспомнило свое старое «обыкновение»: народное представительство в лице Войсковых Кругов и Войсковой Рады и выборную власть — Войсковых Атаманов и ответственных пред Войсковыми Кругами и Войсковой Радой Правительств. И Казачьи Войска всюду выбирали себе для управления достойных людей. В 1917 г. Донское казачество избрало Донским Атаманом и Председателем Правительства таких замечательных казаков, как А. М. Каледин, М. П. Богаевский. Но повсеместный развал был так велик, что и А. М. Каледин, М. П. Богаевский, В. М. Чернецов, А. М. Назаров и др. кончили свою жизнь трагически.

Но безмерный произвол большевиков вызвал против них восстание Донского казачества. И Донские казаки в 1918 г. вновь вызвали к жизни Донской Войсковой Круг и избрали Донским Атаманом писателя и генерала П. Н. Краснова. И, конечно, к участию на Войсковом Круге был призван В. А. Харламов, избранный Председателем Войскового Круга.

Под его председательством В. К. в 1918 г. принял, по предложению Атамана Краснова, Донскую Конституцию под именем «Основные Законы Всевеликого Войска Донского».

Когда в 1917 г. были выборы во Всероссийское Учредительное Собрание, всеобщим голосованием Донского казачества был избран и В. А. Харламов.

Но борьбу с большевизмом Казачество проиграло. Вожди Казачества эмигрировали. В эмиграцию ушел и В. А. Харламов. Но его историческая миссия не кончилась. Он был призван Атаманом А. П. Богаевским стать Председателем Донской Исторической Комиссии. Ее задачей было увековечить историю борьбы Донского казачества с большевизмом и государственное строительство Войска Донского от 1917 г. Донская Историческая Комиссия выпустила три тома «Донской Летописи», ставшей ныне библиографической редкостью и являющейся драгоценным материалом исторического бытия Донского казачества в революционный период.

В. А. Харламов в с е г д а был т а м и делал т о, где требовался среди Казачества настоящий авторитет.

Вторая Мировая война всюду в Европе вызвала катастрофу.

И судьба забросила Василия Акимовича в далекую Аргентину. Время не стоит. Человек стареет. 80-тилетие Василий Акимович пережил в Аргентине. На нем уже сказывалось влияние возраста. И однажды, когда его застигло болезненное состояние, на него наехал автомобиль. Его отвезли в больницу. И ему, старому донскому казаку и славному Донскому деятелю, свою жизнь было суждено кончить в Аргентине...

От своей демократической позиции он никогда не отступал.

Он был символом зрелой, уравновешенной государственной мысли и лучших традиций Донского казачества, казаком, который никогда не порывал с своей родной Усть-Быстрянкой.

Донское казачество его н е з а б у д е т...

США.

Б. Уланов

С. Г. КОРОЛЬКОВ

До нас дошла печальная весть о смерти выдающегося художника и скульптора Сергея Григорьевича Королькова, казака Константиновской станицы В.В.Д.

Родился он в 1905 г. Отец его был известным коннозаводчиком.

Его талант художника проявился еще в раннем возрасте. Юношей он поступил в Художественную школу в Ростове. Яркость его таланта привлекла внимание академика И. Бродского, по совету которого С. Г. переехал в Ленинград и поступил в Художественную Академию. В 25-тилетнем возрасте он получил заказ на выполнение барельефов для Ростовской Оперы. Иллюстрации его к «Тихому Дону» Шолохова, с одобрения Горького, были помещены в первом издании романа. В 1937 г. в Нью-Йорке, в советском павильоне Международной выставки, красовались два больших барельефа Королькова.

Приход немцев на Дон в последнюю войну дал ему возможность покинуть в 1943 г. Сов. Союз. Этапами, к 1949 г. ему удалось добраться до США. Там его рисунки стали появляться во многих американских журналах. Появились картины высокой художественной ценности. Он честно служил искусству, отдаваясь творчеству всем своим существом. Будучи казаком, он посвятил казачьим темам лучшие из своих произведений. Им нарисован портрет и высечена статуя Ермака. Тонкость работы, выразительность бьюшая в глаза — основные достоинства его работ. Статуя как бы иллюстрирует слова стихотворения Рылеева: ґРевела буря, дождь шумел...» Ермак изображен сидяшим на скале в кольчуге, с саблей, с опущенной головой, «объятый думой». В полусорванной с плечь ветром развиваюшейся накидке чувствуется порыв «ревущей бури».

Сила таланта С. Г. Королькова с редкой яркостью проявлена в большой картине «Выдача казаков в Лиенце», находящейся к казачьем Музее в Нью Джерси. Жутко смотреть на нее... Она навсегда останется укором передовой нации, свободные сыны которой избиением безоружных людей загоняли их в ненасытную пасть большевистского чудовиша, загоняли тех, кто ставил себе целью добыть свободу своей Родине. Картина изображает жестокость избивающих англичан, которая не была смягчена ни молитвой духовенства, ни страданиями раненых стариков, ни плачем казачек, ни испугом маленьких детей...

Беспощадная смерть лишила жизни С. Г. Королькова в то время, когда талант его достиг полной зрелости. Она нанесла тяжелый удар его супруге и сыну.

Казачий Союз во Франции просит их принять от него искреннее соболезнование и заверение, что казаки разделяют их тяжкое горе.

Председатель Каз. Союза **В. Кузнецов**

Примечание: Биографические сведения о С. Г. Королькове взяты из газеты «Новое Русское Слово».

Ермак — Скульптура С. Г. Королькова

УШЕДШИЕ

† 21 янв. в Сан Франциско скончался заместитель Войск. Атамана Забайкальского Войска полк. А. П. Духовской.

† 3. дек. 1966 г. в Нью-Йорке скоропостижно скончался сот. Н. Ф. Козорезов стан. Митякинской В. В. Д. Мир праху его. — Сообщил М. К. Бугураев.

† 11. окт. 1966 г. в Клягенфурте (Австрия) умер М. И. Елисеев, В.В.Д., 77 лет.

2 февр. в Филадельфии (США) умер сот. Ф. М. Фортель, стан. Гривенской, Куб. В. 83 лет.

† 30 янв. в Австрии от сердечного припадка скончался П. М. Бугрий, 68 лет, ст. Тимошевской Куб. В.

† 2 дек. 1966 г. в Ред Банке (США) скончался Д. И. Саенко, ст. Гривенской Куб. В.

13 февр. в Милвиле (США) скончался В. Д. Шепель, 65 лет, ст. Государственной Терского Войска.

† 28 февр. в Трофайахе (Австрия) от разрыва сердца скончался войск. старш. П. И. Бондарь, 71 года, ст. Новоулешковской Куб. В.

† 11 марта, в Париже, в Доме для престарелых, после тяжкой болезни скончался И. А. Харитонов, ст. Милютинской В.В.Д. о чем с большим прискорбием сообщает Союз Казаков-Комбатантов.

† 21 марта в Ричмонде (США) после тяжкой болезни скончался казак Уральского Войска И. М. Анненков.

† Правление Казачьего Союза в Германии с глубоким прискорбием сообщает о безвременной кончине своего члена и доброго друга ротмистра 15-го Казачьего Кав. Корпуса ген. Панвица А. С. Петровского, последовавшей 21 дек. 1966 в г. Карлсруе (Германия), и выражает искреннее соболезнование вдове почившего и его родителям.

Ротмистр германской службы А. С. Петровский был выдан англичанами в Лиенце большевикам в мае 1945 г. По возвращении из Сибири в 1956 г. им был издан на немецком языке весьма ценный труд «Незабываемое предательство», посвященный мученическому пути казаков Каз. Корпуса Лиенца и беженцев: стариков, женщин и детей. — Мир праху твоему, наш верный друг и доблестный казачий офицер.

† Опечаленные станичники, проживающие в г. Адинкур (Франция), сообщают о кончине от несчастного случая М. Перепудова, ст. Белореченской Куб. В., 67 лет. Похороны состоялись 8 марта. На французской земле появился еще один свежий курганчик на казачьей могиле. Вечная память тебе, дорогой станичник. Казачий Союз разделяет горе друзей усопшего.

† Родные, Казачий Союз, Донское Войск. Объединение, Союз степняков, редакция «Род. Края», Дам. Комитет Каз. Союза с глубоким прискорбием сообщают о кончине донского казака Д. В. Процикова, 13 лет ушедшего в Степной поход. Да будет ему пухом французская земля.

† 23 марта в г. Труа (Франция) скончался ес. А. П. Тормасин ст. Ниже-Чирской В.В.Д.

†В Труа умер И. С. Столповский, Усть-Медведицкой ст. хут. Горбатова, В.В.Д.

† 26 апр. в доме для престарелых в Ганьи (Франция) скончался есаул Л. Гв. Атаманского полка В. В. Михайлов ст. Каменской В.В.Д.

ДЕНЕЖНЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ В РЕДАКЦИЮ «РОД. КРАЯ»

(с 1-го февраля по 1 апреля 1967 г.)

В Фонд Издательства: от д-ра Ряхина (через Б. Н. Уланова) — 20 долл., от Наташи Туроверовой, из ее копилки — 50 фр., В. А. Балахнина — 82,13 фр., С. Артемова — 30 фр., атамана Платовской станицы С. Чернова — 10 долл., полк. Елисеева — 20 фр., полк. Леонова — 20 фр., А. М. Протопопова — 10 герм. мар., проф. М. М. Афанасьева — 10 долл., ген. М. А. Безмолитвеного — 10 фр., П. Бокова — 10 шв. фр., Б. И. Седова — 10 долл., Романцева — 10 фр., г-жи Попондопуло — 5 фр., С. Пахомова — 20 долл.

На специальный № «Род. Края» **памяти Атамана ген. П. Х. Попова:** от Строительного

Комитета памятника на могилу Поход. Атамана ген. П. Х. Попова через отца Петра Попова и А. П. Падалкина — 271,37, от кап. Воеводы — 5 фр.

Для передачи Дамскому Комитету Каз. Союза: Максимов — 10 фр., Процков — 20 фр., г-жа Сергеева — 30 фр., Борисов — 10 герм. мар.

На издание **книги, увековечивающей память Атамана А. М. Каледина:** — собрано по подписному листу в Вашингтоне С. А. Павловым — 57 долл. (отец Павел Лютов — 3 долл., Ф. Ф. Захаров — 5 долл., В. М. Бандалков — 3 долл., Г. В. Заречнык — 5 долл., П. П. Заворотнов — 5 долл., Х. — 5 долл., С. Г. Максимов — 3 долл., М. А. Александров — 5 долл., В. В. Сифулин — 5 долл., В. И. Абазатуров, Н. И. Нико, Журкин, А. А. Фетисов, А. П. Буковский, В. Я. Данченко — по 3 долл.).

Д. М. Школенко через ген. С. В. Позднышева — 100 фр., полк. А. А. Леонов (2-ой взнос) — 20 фр., проф. М. М. Афанасьев (3-ий взн.) — 10 долл., Б. И. Седов — 10 долл., Д. Процков — 10 фр., В. М. Кузнецов (2-ой взн.) — 30 фр., Щитковский (2-ой взн.) — 5 фр., продажа на американской лотерее на Казачьем Балу золотых часов, пожертвованных донской казачкой из США — 406,70 фр., Объединение Атаманского Военного Училища, через хор. И. А. Евстратова — 100 фр., Б. А. Богаевский (3-ий взн.) — 50 фр.

Всех жертвователей просим принять нашу искреннюю благодарность.

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ «РОДИМОГО КРАЯ»

Непринятые рукописи обратно не возвращаются и в переписку о них редакция не вступает. Редакция оставляет за собой право статьи сокращать, не меняя смысла написанного. За статьи, подписанные полным именем автора, редакция не отвечает и они не всегда выражают взгляды редакции.

Корреспонденцию на имя Редакционной Коллегии направлять по адресу:

Mr. Bogaevsky — 230 av. de la Division Leclerc
95 — Montmorency (France)

Через Редакцию «Р. К.» можно выписывать: «Воспоминания ген. А. П. Богаевского» о Ледяном походе, с многочисленными фотографиями белых и казачьих вождей (цена 12 фр.), «Ермак Тимофеевич кн. Сибирский, его сподвижники и продолжатели» Н. М. Мельникова, с ценными редкими иллюстрациями. Стоимость во Франции 8 фр., заграницей — 2 доллара; книжки рассказов недавно скончавшегося донского писателя П. М. Аврамова: «Ковылий Сказ» и «Яровой Сев» (цена 3 фр. за оба рассказа, помещенных в одной книге), «Никифор Кащеев» (цена 3.50 фр.), брошюру Н. М. Мельникова «Как извращается история» (цена 1.50 фр.), Л. Масянова: «Гибель Уральского Каз. Войска» (цена 15 фр.), Н. Н. Туроверова «Стихи» книга пятая (15 фр.), Н. Н. Воробьева «Кондратий Булавин» (цена 12 фр. или 3 долл.), «Казачий словарь-справочник» — 1-ый том, — цена 25 фр., а также репродукцию в красках с картины С. Г. Королькова «Выдача казаков в Лиенце» (цена 3 фр. плюс пересылка).

◆ Редакция обращается с настоятельной просьбой ко всем своим читателям и подписчикам не задерживаться с внесением подписной платы. Издание «Род. Края» основано исключительно на самоокупаемости, при полной безвозмездной работе всех наших сотрудников. То-есть журнал издается на деньги, за него полученные, и на пожертвования отдельных лиц в Фонд Издательства, иначе говоря на деньги самих читателей, от которых и зависит дальнейшее существование «Род. Края».

◆ Редакция «Род. Края» и Б. А. Богаевский просят принять всех тех, кто их поздравил с Праздниками, искреннюю благодарность за память и за добрые пожелания. К нашему глубокому сожалению, из за перегруженности работой (большинство из нас занято службой), мы не имеем физической возможности ответить всем лично. И всех вспомнивших нас просим принять наше искреннее казачье спасибо. — Редакция «Род. Края».

◆**Розыски. — Мих. Ив. Нужненков** из Новочеркасска розыскивает двоюродного брата Ефима Димитр. Черноусова ст. Грушевской. Писать по адресу.

Mr. Loukianenko — 8, rue Voltaire
92 — Puteaux. France.

— Сестра розыскивает брата **Валентина Климнина** рожд. 1904 г. станицы Букановской. Учился в Дон. Кадет. Корпусе в Югославии. Около 1925 г. переехал в Париж, откуда уехал в 1930 или 1932 г. Писать по адресу:

Mrs A. Pachkevitch.
3700 S. W. Donovan. Seatle. Math. 98126. USA

— **Минаева Федора Фолимоновича,** казака Гундоровской станицы, рожд. 1899 г., розыскивают родственники в России. Просим имеющиеся о нем сведения сообщить станичнику Ф. Ф. Минаева по адресу:

W. Alochine — 5, rue Ledru Rollin.
30 — Beaucaire (Gard) — France.

— Хорунжего **Евлантьева Георгия,** розыскивает племянник. Знающих об его судьбе просят написать по адресу:

Stephan Evlanjev. — 12 Lakeside Drive.
Somerset. N. Jersey. USA.

До войны жил в Курбевуа или Гаген-Коломб.

Розыскивается донской казак инженер **Владимир Александрович Ульянов.** В 30-ых годах работал на заводе Рено. Жил в Иври под Парижем. Женат, жену звали Раиса. Имел сына. Писать по адресу:

Obroucheff — 88, rue Lecourbe.
Paris (15e). France.

Из России розыскиваются родственниками **Петр Степанович Половой,** год рождения 1895, Новочеркасск, и **Александр Николаевич Пустынников,** рожд. 1893, Новочеркасск. Писать на редакцию «Род. Края».

НОВАЯ КНИГА СТИХОВ НИКОЛАЯ ТУРОВЕРОВА

Цена — 15 фр. для Европы и 3,50 долл. для США.

В Европе книгу можно достать в русских книжных магазинах Парижа или выписать из редакции «Род. Края» или у автора:
N. Touroveroff. Rue Paul Lafargue. Bat. 1. Esc. F. 93 — Pierrefitte. France.

На востоке США: у П. Д. Гульдиева:
4141-44 Str. LI City — New-York. 11104 NY. U.S.A.
или у Н. Е. Королькова:
Freewood Ackers. Farmingdale. New-Jersey. U.S.A.

В Сан Франциско: у представителя журнала «Грани» — А. А. Цвикевича:
2314 — 25th ave. San-Francisco, Calif. 94116. U.S.A.
или в магазине Л. П. Бетхена — 2050 Филлмор стрит или в библиотеке Русского Центра, в часы когда она открыта.

Вышла из печати, под редакцией Н. М. Мельникова, в издательстве «Родимого Края», монография

МИТРОФАН ПЕТРОВИЧ БОГАЕВСКИЙ

В книге 276 стр. и редкие фотографии. Выписывать из редакции «Род. Края». Стоимость во Франции — 16,50 фр., заграницей — 3,50 долл. В книге, кроме яркой обрисовки личности и деятельности Донского Златоуста, перед глазами читателя попутно проходит героическая эпоха Калединского периода истории Дона.

Осталось еще ограниченное количество экземпляров.

РУССКИЙ КНИЖНЫЙ МАГАЗИН В ПАРИЖЕ

— Все новинки книжного рынка —
MAGASIN DU LIVRE
10, rue des Carmes Paris 5
Tél. DANton 25-28.

«ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА»
Редакционная Коллегия: А. Долгополов, Г. Головань и В. Мяч.
ежемесячный журнал, посвященный Первому Кубанскому походу и истории Белых Армий.
Издание Калифорнийского отдела Союза Учасников 1-го Кубанского ген. Корнилова похода
Подписная плата на 1 год (12 номер.) дол. 5.00, на 6 месяцев долл. 3.00, цена отд. номера 0.50 цент. Адрес редакции:
842 NO. Alexandria ave. Los Angelos. Calif. 90029. USA.

Imprimerie P.I.U.F. - 3, rue du Sabot - Paris (6e)

Родимый край

71

ОГЛАВЛЕНИЕ

Савич — «Христос Воскресе».
Н. Греков — «Дело братьев Грузиновых».
М. Черныш — «Запорожье и Запорожская Сечь» (продолжение).
Н. Альникин — «Песня покинутых казачек».
Ф. Ф. Дюрзи — «Казаки в Монтаржи в 1814 г.».
Письма Атамана Платова.
А. П. Падалкин — «Цюльское восстание большевиков в Петрограде в 1917 г. и донские казачьи полки» (продолжение).
П. А. Фадеев — «Гражданская война на Уральском отдельном фронте« (продолжение).
Д. Пронин — «Книга, которая заслуживает Нобелевскую премию, но которая ее никогда не получит».
Н. Кузнецов — ***
А. И. Третьяков — «Из борьбы донских казаков с большевиками» (продолжение).
Памяти отца и дедушки Г. А. Улитина.
Я. Богаевский — «Полковник Рытиков».
Доброволец Иванов — «С русской песней по белу свету».
Ген. Н. Г. Зубов — «Об Атаманском Военном Училище».
С. И. Донсков — «Проводы масленицы в США».
Участник — «Красная горка у казаков в США».
Из казачьей жизни зарубежом и из писем в редакцию «Род. Края».
Ушедшие.
Денежные поступления в редакцию «Род. Края».
От редакционной коллегии «Род. Края».
Розыски.

РОДИМЫЙ КРАЙ

Орган общеказачьей мысли.
Издатель: Донское Войсковое Объединение.
Association des Cosaques du Don
Arr du Ministre de l'Int. J.O. 70 1955

PAYS NATAL JUILLET — AOUT 1967
№ 71 — Июль-Август 1967 г. 3.50
Parait tous les 2 mois. Directeur: *Bogaevsky.*

Редакционная Коллегия: Б. А. Богаевский, А. И. Клочков, В. М. Кузнецов, А. П. Падалкин, Н. Н. Туроверов, Б. Н. Уланов.
Адрес редакции:

B. BOGAEVSKY
230, Av. de la Division-Leclerc
95 — Montmorency
France

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Читатель недоумевает, ибо не ко времени эти, душу и сердце волнующие, два слова. А участники Белого Движения в Сибири свидетельствуют, что, когда им доводилось изгонять красных из городов и селений, то жители, перенесшие ужасы кровавого произвола красных, встречали своих избавителей возгласами Христос Воскресе, — было ли это летом, осенью или даже зимою.

Казачий разъезд Оренбуржцев со стороны Верхисецкого завода вошел в Екатеринбург и к нам бежали люди с кликами Христос Воскресе, бросали нам цветы, брали коней за поводья, шли рядом с нами и плакали. Не понимая их переживаний, мы не отвечали им Воистину Воскресе, ибо был июль, но слезы их понимали и утирали свои. На окраине города нам отвели двор для постоя. Хозяин дома И. В. Золотухин, узнав, что мы должны явиться в штаб командующего сводными наступавшими на Екатеринбург отрядами полк. Войцеховского, предложил нам свой уцелевший экипаж с лошадью, взял в руки возжи, сел вместо кучера на козлы и повез нас, трех офицеров разъезда, через город в штаб на станцию железной дороги. Всю дорогу Золотухин приветствовал встречных кликами Христос Воскресе, и мы слышали ответное Воистину Воскресе, и храмы были открыты и с колоколен лился пасхальный трезвон.

После явки по начальству, Золотухин предложил нам посетить дом, где томилась царская семья. Дом уже был опечатан, но во двор дома нас впустили, и было какое то непонятное чувство пустоты душевной, одиночества и страха. Подходили мы к окнам подвала, но ничего видно не было, поднялись по широкой лестнице на крытую веранду, на которую выходили двери и окна из дома, но все было закрыто и опечатано. Свидетельствуем, что косяки окон и дверей и самые стены были испещрены непристойными рисунками и бранными по адресу заключенных надписями на русском языке. Ходили мы по двору и взяли по куску дерева, напиленного самим государем для детских игр, а я нашел небольшую рамочку с разбитым перламутром и с вышитым, очевидно детскими руками, двуглавым орликом. И в течение долгих лет я возил эту рамочку, как талисман, и берегу ее и она меня бережет, хотя много видел страшного... Пришлось скоро оставить дом и у ворот мы встретили женщину, рассказавшую, что мужа ее и сына замучили в че-ка, арестовав за то, что они, проходя мимо дома, поклонились стоявшему у окна государю, ибо в начале досчатый забор высотой своей доходил до окон, а потом стекла замазали мелом и забор повысили до крыши. Женщина живет недалеко от дома и в ночь на 4 июля (ст. ст.) слышала грохот моторов, заглушавших стрельбу в доме Ипатьева.

По городу были разбросаны и расклеены летучки, извещавшие, что в виду приближения контрреволюционных банд и чехословацких войск Николай Романов казнен, а семья его увезена...

Золотухин сообщил нам, что большевицкие верховоды намечали планы устройства « народного суда над Романовыми, судить всех на берегу реки, казнить и тела потом бросить в воду ». Подробности знал брандмейстер Гаврилов, который был обязан бывать на собраниях главарей, и уверявший, что все распоряжения получались из Кремля. Очевидно наступление белых помешало выполнить планы с устройством « народного суда ». Всех перебили в подвале дома Ипатьева, и по этому поводу даже говорили — « в монастыре Ипатьевском началась династия Ро-

мановых, у Ипатьева ей и конец... »

Но верится, что сооружение, построенное на костях сотни миллионов Русь населявших людей, рухнет и, может быть, тогда бывшие русские, прибежавшие в Америку для спасения своих шкур, но здесь прославляющие коммунизм, вспомнят Серафима Саровского, видевшего сто лет тому назад позор России и пророчившего, что после ужасов, вдруг среди жаркого лета запоют пасхальный канон с пением Христос Воскресе, и будет это во всеобъемлющем размере. а в малом уже было, как утвердят все участники белой борбы с красными.

А преданный своими же окружающими людьми ,имена коих указаны в писаниях игумена Серафима, Жильярда, Дитерихса, Соколова, державный хозяин земли русской со всей своей семьей был отдан на поругание черни, имена коих и знать не надо, ибо это были только исполнители воли, как те воины, что били плетьми Спасителя нашего Христа, поили его уксусом и кололи копьями висевшего на кресте.

Аминь.

Войсковой старшина Оренбургского Войска
Савич

ДЕЛО БРАТЬЕВ ГРУЗИНОВЫХ

(Черкасск 1800 год)

« Жалует Царь, да немилует псарь »
(Русская поговорка)

В конце 1965 г. издательством « Литература да Хеловнеба » в городе Тбилиси, Грузинской ССР, вышла небольшая (110 страниц), но интересная книга О. Ш. Гвинчидзе под заглавием « Братья Грузиновы » (1) *).

Книга хорошо издана и содержит много указаний на литературные источники, частью опубликованные еще в Императорской Росси, частью в СССР. Кроме того, использованы документы, найденные в государственных архивах Москвы и Ленинграда, а также « семейный архив » (кавычки автора — прим. Н. Г.) семьи Грузиновых, находящийся у одного из потомков семьи, Петра Евграфовича Грузинова, по словам автора проживающего в настоящее время в Москве. Отметим, что в числе дореволюционных источников указана также « История Лейб-Гвардии Казачьего Его Величества полка. 1775-1813 гг. » Б. Р. Хрещатицкого, изданная в 1913 г. в Санкт-Петербурге (2).

Выход в свет этой книги и стремление автора как то по новому осветить это печальное дело вынуждает нас вкратце напомнить здесь трагическую судьбу двух братьев — полковника ЕВГРАФА ОСИПОВИЧА и подполковника ПЕТРА ОСИПОВИЧА ГРУЗИНОВЫХ.

Гвардии полковник Евграф Грузинов, командуя эскадроном Л. -Гв. Казачьего полка, сначала в Гатчине, а позже в Петербурге, пользовался особым доверием Наследника — затем Императора — Павла Петровича. Неожиданно он попадает в опалу, весной 1798 г. ссылается на Дон и через два года, 5 сентября 1800 г., забит кнутом на смерть в городе Черкасске. В том же 1798 г. из Л. -Гв. Казачьего полка исключается и ссылается на Дон его брат Петр, в свою очередь казненный 26 сентября 1800 г .в Черкасске. Согласно Гвинчидзе, после этих ссылок, из Л. -Гв. Казачьего полка « исключают и высылают (на Дон) из Петербурга верных Евграфу Грузинову офицеров: эскадронного командура штаб-ротмистра Гурова, поручиков: Егорова, Полтарцева, Афанасия Грузинова (одного из младших братьев — прим. Н. Г.), корнетов Давидова, Краснощекова, Мурашева » (стр. 52).

В нижеследующих строках мы постараемся вкратце разобрать доводы Гвинчидзе, стремящегося выставить Грузиновых, в частности Евграфа, с одной стороны — как бы предшественниками декабристов, с другой — противниками монархии вообще и Павла I в частности. Затем, небезинтересно будет ознакомиться с историей рода Грузиновых, со служ-

*) Номера в скобках указывают на список литературы, приведенный в конце статьи.

бой братьев при Императоре, их опалой, предъявленными обвинениями, расследованием дела и его трагическим эпилогом. Дальше — по весьма отрывочным сведениям — мы постараемся создать себе впечатление об идеях Евграфа Грузинова, повидимому культурного и гуманного по тем временам человека, и, наконец, вывести общее заключение.

По словам Гвинчидзе, Евграф Грузинов принадлежал к « славной плеяде прогрессивно настроенных дворян » (стр. 37), « органически враждебный милостям царского двора » (стр. 54) и т. д. Вместе в тем Гвинчидзе признает тут же (стр. 59), что из имеющихся матерьялов неизвестно, был ли знаком Евграф « с общественно - политическими воззрениями передовых людей России, в частности, читал ли он их произведения » и вообще был ли он знаком с ними самими.

Выше мы говорили, что Евграф Грузинов, по книге советского автора, является как бы предшественником декабристов, утверждая здесь, что движение декабристов было якобы чисто русским, не заимствованным в Западной Европе. Не вдаваясь в какие либо рассуждения по поводу движения декабристов, напомним лишь, что, например, идеи конституции были несомненно восприняты ими с Запада. Но, конечно, эти идеи упали на благодатную почву: честное и гуманное русское дворянство, не хотевшее мириться с аракчеевской реакцией и крепостным правом.

Дальше, разбирая обвинения и следствие, мы попробуем рассмотреть — действительно ли братья Грузиновы, особенно Евграф, были противниками монархии и к каким выводам можно прийти, рассуждая на основании документов, как приведенных в книге Гвинчидзе, так и в других.

Краткая история рода Грузиновых. (1) стр. 38-41.

В 1727 г. грузинский князь Роман НАМЧЕВАДЗЕ, после неудачного заговора в междуусобной борьбе владетельных князей Грузии, спасся побегом на Дон « в вольные станицы донских казаков. Прибрежья Дона, населенные казаками, славились богатством своих станиц... В главном городе казаков, или лучше сказать станице, Черкасске, поселился князь Роман и женился на казачке. Сыновья Романа Намчевадзе Иосиф, Михаил и Илья приняли название Грузиновых ». *)

Старший сын Романа Намчевадзе — Иосиф (Осип) Грузинов был энергичный и образованный человек и в царствование Екатерины Великой дослужился до чина войскового старшины. От брака с казачкой Афанасьевой у него было пять сыновей — Евграф, Петр, Роман, Афанасий и Николай и одна дочь, имя которой осталось, к сожалению, неизвестным. Имеются лишь сведения, что она вышла замуж за казака Рубашкина.

Служба Евграфа и Петра Грузиновых (1) стр. 42.

Евграф родился в 1770 г. в Черкасске, 16 лет он поступает на военную службу и через два года он сотник Атаманского полка. Евграф был « статный, высокий, красивый Донец, богатырской силы, сметливый и ловкий » (2 — стр. 162).

В 1788 г. Евграф Грузинов, в чине сотника, повел из Черкасска в Гатчину отряд, где пребывал в это время наследник престола Павел Петрович. В этом же году он участвовал в русско-шведской войне, где командовал казачьим эскадроном. Позже, уже в чине майора одного из казачьих полков, которым командовал тогда граф А. Денисов*), он участвует в русско-польской войне в составе отряда Суворова и приказом фельдмаршала Салтыкова от 22 сентября 1795 г. производится в чин войскового старшины.

В 1796 г. он в недавно сформированном Лейб-Гвардии Казачьем полку, где один эскадрон называется эскадроном Его Величества Павла I, а другой эскадроном Евграфа Грузинова. 10 апреля 1797 г. Евграф уже полковник гвардии и в 1798 г. определяется в Свиту Его Величества.

Второй брат — Петр, годом моложе Евграфа, в возрасте 17 лет получил орден Св. Георгия за участие во взятии Очакова и золотой крест за Рымникский бой.

В 1796 г. Петр — подполковник Л.-Гв. Казачьего полка, где служат и два другие брата: Роман — ротмистр и Афанасий — поручик.

Евграф пользовался полным доверием сначала Наследника, а затем и Императора Павла Петровича. Он исполнял его, иногда да-

---

*) Семейный архив Грузиновых. (1) стр. 38, 39).

*) Здесь в книге Гвинчидзе, вероятно, ошибка. Повидимому, дело касается Адриана Карповича Денисова, племянника графа Федора Петровича Денисова. Граф Ф. П. Денисов командовал в Польской кампании корпусом русских войск. А. К. Денисов, в будущем (1818) Донской Войсковой Атаман, также участвовал в Польской кампании и оставил записки, но он не имел графского достоинства (I — стр. 44; 2 — стр. 72, 73).

же секретные, поручения, безотлучно состоял со своими казаками при Императоре, даже спал во дворце у входа в царскую спальню в качестве телохранителя.

Прежде, чем описывать опалу братьев Грузиновых, постараемся охарактеризовать Павловскую эпоху.

Павловская эпоха и заговор против Императора.

Вступив на престол, Павел I, не разделявший многих взглядов своей матери Великой Екатерины, решил многое переменить. Будучи человеком горячим, увлекающимся, он был большим поклонником прусского короля Фридриха II-го и многое повернул на прусский лад. Далеко не все русские офицеры и генералы были такими же поклонниками пруссаков: тут достаточно назвать одного — Александ. Васильевича Суворова. Но вместе с этим Павел I был исключительно честный, высоко моральный человек, считавший себя помазанником Божиим и, как таковой, требовавший безукоризненной службы от своих подданных. Император Павел стремился к справедливости и старался быть беспристрастным, соблюдать порядок, дисциплину, часто останавливая самоуправство некоторых избалованных вельмож (2 — стр. 158).

Несмотря на то, что Гвинчидзе утверждает (1 — стр. 35), что при Павле « Клещи крепостничества постепенно сжимались вокруг крестьянства », напомним только, что это Павел издал указ о трехдневной барщине, т. е., что крепостные крестьяне работают на помещика не всю неделю, а только три дня, остальные три дня — на себя.

А что касается казаков, то, взойдя на престол, Павел I благодарил Донское Войско за поздравление и 13 декабря 1796 г. восстановил ряд автономий, уничтоженных Екатериной. Указом от 5 июля 1797 г. на имя атамана Орлова он восстановил донскую войсковую автономию, что было торжественно объявлено на Дону в Войсковом Кругу (3).

Но вернемся в Петербург ко двору Императора Павла.

Крутые меры Государя не нравились многим дворянам. Опала ,ссылки многих бывших сановников Екатерины вызывали недовольство и в среде придворных стал постепенно создаваться заговор против Императора. А тут заговорщикам помогла внешняя политика Павла, а именно франко-русский союз, направленный против Англии. Русский Император и французский Первый Консул генерал Бонапарт заключили союз, предвидевший совместные военные действия, осуществившиеся в походе казаков на Индию в 1801 г. Существование заговора придворных против Павла было конечно на руку Англии, посол которой стал помогать заговорщикам, гравным лицом которых был Петербургский военный губернатор граф Пален, откровенно говоривший Ланжерону, что он нарочно побуждает Павла на особо непопулярные меры, чтобы усилить общее ожесточение против Императора (2 — стр. 161). Следует заметить, что в книге Гвинчидзе говорится очень мало, как бы между прочим, о заговоре против Павла и практически ничего о франко-русском союзе.

Конечно, такие телохранители Императора, как братья Грузиновы, были весьма серьезным препятствием для заговорщиков: их надо было удалить.

Приведем выписку из книги Гвинчидзе, который, на основнии документов, найденных в Центральном Государственном Военно - Историческом Архиве (ЦГВИА, ф. 8, Но 845) в Москве, пишет (I — стр. 51):

« В 1798 г. Евграфа Грузинова неожиданно подвергают аресту. **К сожалению, из документов причину его ареста установить трудно** (подчеркнуто Н. Г.). 18 апреля 1798 г. Павел I собственноручно писал Евграфу Грузинову: ...с получением сего... немедленно... быть ко мне в г. Павловск ». В Павловске Евграф имел аудиенцию у Императора, а « что было сказано во время этой аудиенции между Павлом I и Евграфом Грузиновым, неизвестно, но через несколько дней Евграфа Грузова заточили в Ревельскую крепость », где он содержался в тяжелых условиях.

Почти одновременно, 24 апреля того же года, был исключен из полка и также арестован второй брат Петр, но потом 29 июня прощен (2 — стр. 145), а позже сослан на Дон.

Опала.

17 сентября 1798 г. Евграф Грузинов исключается приказом из полка и высылается на Дон « за ложное рапортование себя больным » (2 — стр. 166).

Отчего же оба брата, особенно Евграф, высылаются на Дон после освобождения от ареста? Здесь, даже Гвинчидзе, внимательно изучавший архивы *), признает, что « за

---

*) Относительно архивов, не совсем ясно, почему Гвинчидзе, имея доступ к государственным архивам СССР, не пишет об архивах Донского Музея в Новочеркасске. Всем историкам известно, что этот Музей имеет богатый архив, до сих под очень мало исследованный. Вполне увероятно, что в нем могут найтись документы, которые разъяснят, может

неимением достаточного документального материяла ,который помог бы разобраться в перипетиях, постигших братьев Грузиновых на протяжении 1798 р., **нам приходится выдвинуть некоторые свои соображения »** (I — стр. 55; подчеркнуто Н. Г.). В числе этих соображений, Гвинчидзе предполагает, что Павел сомневался в их « неверноподданничестве » (кавычки Гвинчидзе). А тут представился заговорщикам удобный случай: отец братьев, Иосиф (Осип) Романович Грузинов, тяжело заболел, его разбил частичный паралич и он хотел повидаться хотя бы со старшим сыном Евграфом. Заговорщики горячо советовали Павлу отпустить Евграфа на Дон, хотя бы на короткий срок. Тутде, вдали от двора он легче раскроет свою, якобы, революционную деятельность. Известно, с какой подозрительностью Павел относился ко всему, что так или иначе связывалось не только с якобинством, рожденным недавней французской революцией, но с малейшим проявлением « неверноподданничества ». Была пущена в ход клевета, сначала осторожная, потом все более и более открытая.

По совету заговорщиков Павел Петрович сам предложил Евграфу поехать на Дон навестит отца, а при прощании с ним дал устное поручение атаману Орлову и пожаловал Грузинову деревню в тысячу душ крестьян. Это произошло еще до приказа 17 сентября о ссылке его на Дон с фельдъегерем. По книге Хрещатицкого (2 — стр. 167) этот фельдъегерь сопровождал Евграфа под видом курьера, якобы для почета. А по приедзе на Дон этот « курьер » передал атаману Орлову секретное поручение гр. Палена о надзоре и слежке за Грузиновым. Каково же было удивление Орлова, когда Грузинов передал ему устное и тоже секретное поручение Императора: справку о передвижении некоторых полков Донского Войска.

Несколько месяцев провел Евграф Грузинв не получая известий из Петербурга. Тут он, между прочим, отпустил на волю пожалованных ему Павлом крестьян.

Установив надзор и слежку за обоими братьями — второй брат Петр также сослан на Дон без малого через год после Евграфа — атаман Орлов тщательно собирал сведения о них через своих агентов. А тут в Черкасск в средине 1800 г. прибыл инспектор армии генерал Кожин, который занялся делом братьев вместе с генералом Репниным *) — уже давно бывшим в Черкасске для производства следствия. Характерно, что опала братьев Грузиновых совпала по времени, приблизительно, с опалой Суворова, о чем напоминает Гвинчидзе (I — стр. 53). Повидимому, в эти годы Павел I был особенно подозрителен и недоверчив.

У Хрещатицкого (2 — стр. 168-174) подробно описана полицейская слежка, доносы, отдельные фразы, поставленные потом в вину Евграфу. Мы не можем здесь подробно на этом останавливаться, а посмотрим, какие же обвинения были оффициально возведены на Евграфа Грузинова.

Предъявленные обвинения и расследование дела.

Генерал-Адъютант Кожин, сразу же по приезде в Черкасск имеет секретное совещание с атаманом Орловым и с ранее прибывшим генералом-от-кавалерии Репниным. На другой же день Евграф и Петр Грузиновы арестованы и отведены в тюрьму.

13 августа 1800 г. распоряжением атамана Орлова была учреждена судебная комиссия во главе с « презусом » ген. Родионовым. Обвинения, предъявленные полковнику Евграфу Грузинову, были:

1. Он хвалился, де, что возьмет Константинополь, учредит там свой Сенат, свое управление и населит его разных вер людьми.
2. Он пройдет, де, всю Россию, да не так, как Разин и Пугачев, а так, что и Москва затрясется.
3. Поносил, де, бранными словами Императора.

Комиссия военного суда действовала « с крайней поспешностью ». Несмотря на то, что Евграф почти не отвечал на вопросы и категорически отказался подписать документ, составленный комиссией, 25 августа ему был вынесен приговор. Что касается этого приговора, то в Истории Лейб-Казаков Хрещатицкого (2 — стр. 174) указывается, что именно в этом заседании 25 августа комиссия назначила « нещадный » кнут для Евграфа и « простой » для Петра, лишение чинов и дворянства и отобрание имущества. Гвинчидзе (1 — стр. 101, 102) говорит о другом приговоре той же комиссии: « Комиссия военного суда...

*) В книге Гвинчидзе (1) и в статье Гордеева (4) пишется « Репин ». Во всех же других документах, в частности в Истории Государевой Свиты, СПБ, 1902, стр. 364, 365 (5), упоминается только Репнин.

быть, то, что сейчас кажется не совсем понятным.

находя учиненные им, Грузиновым, в приписанных важнейших преступлениях собственное признание за существительное, хотя оно в ответах его, набело переписанных, от упорства его **не подписано** им (подчеркнуто Н. Г.) ... приговорила его ...четвертовать » **). Тут он указывает (стр. 92) дату 4 сентября 1800 г., а перед этим отмечает, что Павел I уже 26 августа подписал указ, гласящий: « исключенного полковника Грузинова за измену против нас и государства наказать нещадно кнутом и отправить к нашему генерал-прокурору, а имение его отписать в казну ». Этот же указ приведен Хрещатицким (2 — стр. 174).

Почему же комиссия 4 сентября решила его четвертовать, когда она, конечно, уже знала об указе 26-го августа о кнуте? В те времена фельдъегерь ехал из Петербурга в Черкасск 5-6 дней; туда и обратно, считая доклады, заседания и т. д. — не больше двух недель.

Войсковой прокурор Антон Миклашевич протестовал письменнно против приговора и советовал атаману Орлову « не учинять над Грузиновым старшим экзекуции », веря в милосердие Павла.

После казни обоих братьев, 13 октября 1800 г. Павел издает указ: « Указом нашим, в сей день сенату данным, исключить из службы с отобранием патентов генерала-от кавалерии Репнина за приведение в исполнение сентенции смертной казни на Дону, вместо заменяющего оную наказания, положенного нашей конфирмациею, повелеваем сенату судить его, Репнина, уголовным судом ». За дело Грузиновых Репнин был разжалован и отрешен от должности. Он был вновь принят на службу в чине генерал-лейтенанта уже при Александре I, в 1807 г.

Что касается Кожина, то он как будто не подвергся преследованию за это дело, вся тяжесть за него легла только на Репнина. О Кожине известно только ,что 5 октября 1800 г. он был назначен в Конный полк командиром, после чего в свите больше не упоминается (5 — стр. 306).

Попробуем теперь разобраться, какие же идеи проповедывал Евграф Грузинов, за которые он принял мученическую смерть. Нужно сказать, что авторы приводят только отрывки, подробностей очень мало. Все же, какое то общее представление создать можно.

Идеи Евграфа Грузинова.

По книге Гвинчидзе, Евграф Грузинов якобы хотел свержения не только Павла I, но и царской власти вообще. Тут советский автор больше приводит свои собственные рассуждения, основанные главным образом на предположениях.

Во время ареста Грузинова в его доме нашли две бумаги, излагающие его идеи. Из этих бумаг приводятся здесь только отдельные выдержки, неполные фразы. Евграф хотел будто бы создать новое государство, на совершенно новых началах, где очень большую роль играл бы « сенат », чтобы « увеселить и всеумножить щастие... для всех народов, живущих под солнцем » (Уч. Зап. Новгородского Педагог. Инст., 1956, Т. I, стр. 125 — по Гвинчидзе, 1 — стр. 64). Это государство должно обладать сильной армией, чтобы « разбить всех, кто б ни вступил в войну » (там же). Кстати, совершенно неизвестно, **где** хотел Евграф создать такое идеальное, по его мысли, государство? Похоже, что он даже не имел в виду России — например по трудам Курицына (3), Хрещатицкого (2) и Гордеева (4), он будто бы призывал казаков итти на Стамбул (Константинополь) и там уже учреждать свой сенат.

А что касается казаков, то тут вполне вероятно, что Евграф Грузинов, как и многие, если не все казаки тех времен, включая и донскую старшину (кстати уже переименованную тогда в дворянство), стояли за эту автономию Войска. В донесении протоиерея Волошеневского, которому по предписанию атамана Орлова было поручено «беседовать» с Евграфом наедине, сказано, что « он, Евграф, не признавая себя в зависимости подданного и будто высокомонаршие благодеяния принадлежали ему по заслугам... представлял донского казака Ермака Тимофеевика, упоминая и о всех донских казаках, что они от высокомонаршего престола состоят независимости и будто к тому вечною присягою не обязавшимися, а только к службе — временною... » Тут, как будто, Евграф шел дальше « автономии » Донского Войска, возвращенной Дону Павлом, и,конечно, для самодержавного Императора конца 18-го века, к тому же поклонника прусской дисциплины и абсолютно враждебного всякому « либерализму », подобные идеи были вряд ли приемлемы. Заметим однако, что от всего этого донесения протоиерея Волошеневского, подосланного Орловым нарочно к Грузинову, чтобы выведать от Евграфа то, что ему, Ор-

**) Гвинчидзе указывает справку (стр. 102, пометка внизу страницы): ЦГИАЛ, ф. 1345, оп. 98, д. 525, л. 11 об.

лову, было нужно, веет какой-то неискренностью. Вообще неизвестно, передает ли Волошеневский действительные слова Евграфа.

Все исследователи, в том числе и советский автор Гвинчидзе, не находят документа, доказывающего антимонархические идеи Евграфа и Петра Грузиновых.

Гвинчидзе (стр. 66) пишет, что в своих рукописях « Евграф Грузинов... совершенно не упоминает слова « демократия » (кавычки Гвинчидзе), а относительно Павла I, ...он будто бы говорит, что « самодержавного государя он не признает уже законным государем ».

Выдержки эти далеко неполные, и по нашему мнению никак не позволяющие утверждать какие-то анти-монархические идеи, проповедываемые Евграфом. Мы не знаем, когда, почему, в каких условиях, отвечая ли на вопросы или в других обстоятельствах Евграф произнес эти, в общем, мало что значащие слова, дошедшие до нас в виде неполных фраз. Нет к этому доказательств и в матерьялах следствия. Вспомним, что Грузинов отказался подписать предъявленные ему обвинения (1 — стр. 102), вообще почти не отвечал на задаваемые вопросы и никого не выдал.

Заключение.

В начале этой статьи мы поставили вопрос: был ли Евграф Грузинов противником монархии вообще и Императора Павла в частности.

Рассмотрев документальные данные, приведенные как Гвинчидзе, так и другими авторами, касающиеся предъявленных обвинений, расследования дела и, собственно, идей Евграфа, к такому выводу трудно прийти — чтобы не сказать, нельзя.

Может быть он и шел дальше « автономии » Войска Донского, думая о создании какого-то идеального государства в Константинополе с сенатом во главе. Это, может быть, и было понято Павлом как « измена »? И эти мысли, именно о Константинополе, не были ли они тут отголоском « Греческого Проэкта » Потемкина, напоминавшего Павлу Петровичу так не любимую им Екатерининскую эпоху?

Подверженный болезненным припадкам жестокого гнева, нервной раздражительности, но от природы благородный и благодушный, Император Павел вступил на престол уже изломанным, раздраженным и озлобленным (Платонов, 6 — стр. 274). Он, конечно, поверил своим приближенным: Палену, Ливену и другим, когда те наговорили ему на братьев Грузиновых, и велел наказать их кнутом. Но он считал совершенно нормальным наказывать своих подданных по своему усмотрению. Великий Суворов и тот был сослан в Кончанское и даже по возвращении из швейцарского похода, после милостивых писем, Павел снова разгневался на уже умирающего фельдмаршала.

В записках барона В. И. Штейнгеля, опубликованных в журнале « Исторический Вестник » (СПБ, май 1900, т. 80, стр. 446 — по Гвинчидзе; 1 — стр. 8, 9) написано следующее: когда Император Павел узнал о казни братьев Грузиновых, то он велел бывшему коменданту Ревеля Горчакову немедленно отправиться в Черкасск для выяснения всех подробностей происшедшего. Когда Горчаков явился перед поездкой на Дон в Гатчину к Императору, его сейчас же позвали в кабинет к Павлу. Ожидавший его у дверей Павел схватил его за руки, подвел к образу и сказал: « Вот тебе Матерь Божия свидетельница, я не виновен; защити меня ».

Зачем ему, самодержавному Императору, всецело распоряжающемуся жизнью и благами своих подданных, не считающему нужным отдавать кому бы то ни было отчет в своих действиях, произносить такие слова? Зачем он потом отдает под суд Репнина, который явно « перестарался » в Черкасске? У такого человека, как Павел I, не может быть лицемерия или комедии. Как бы ни были жестоки его действия — он всегда искренен.

Братья Грузиновы казнены — теперь у Павла нет больше телохранителей, он всецело в руках заговорщиков. Дальнейшее известно.

В ночь с 11 на 12 марта 1801 г. заговорщики врываются в Михайловский замок, проникают в царскую спальню и убивают Императора Павла Петровича.

Характерно, как они вообще боялись казаков. Гвинчидзе (1 — стр. 20) и Хрещатицкий (2 — стр. 182) приводят рассказ, называемый Хрещатицким « легендой », ходившей среди казаков.

В Петербурге был у Царя Уральский конвой. В эту ночь его услали в Павловск сопровождать карету, в которой якобы ехал Павел. Но казакам что-то показалось подозрительно, они заглянули в карету — там пусто. Моментально Уральцы повернули, поскакали назад, но было уже поздно — им объявили, что «Царь, де, скоропостижно в Бозе почил».

Многое можно было бы привести из рассказов, писем, документов по этому грустному делу, но это слишком бы удлинило эту и без того уже длинную статью. Все же мне хочется сказать несколько слов о роли атамана В. П. Орлова.

Роль, сыгранная атаманом Орловым в деле братьев Грузиновых, далеко не в его пользу. Он ведет дело с Репниным и Кожиным и как будто с самого начала хочет погубить обоих братьев, особенно Евграфа. Это ему граф Пален пишет секретные инструкции о слежке и т. д. Тут у Хрещатицкого (2 — стр. 41) написано, что дочь Орлова Екатерина была замужем за ...графом П. П. Паленом. У нас нет подробностей об этом П. П. Палене, но вполно вероятно, что н был родственником ливонского выходца графа Петра Людвига Палена, военного губернатора Санкт-Петербурга, одного из главных участников заговора против Императора Павла.

А дальше? Были ли реабилитированы злосчастные братья Евграф и Петр? Об этом у нас сведений нет. Известно только, что младший брат, Афанасий Осипович Грузинов, исключенный из Лейб-Гвардии Казачьего полка в 1798 г., высочайшим приказом от 29 марта 1801 г., т. е. через какие нибудь две недели по восшествии на престол Александра I, возвращен в полк. 9 апреля того же года последовал указ Императора Александра: « отписанное в казну по указу от 26 августа прошлого 1800 года имение, принадлежавшее лишенному чинов и дворянского достоинства полковнику Грузинову, состоящее в городе Черкасске, Всемилостивейше повелеваем возвратить братьям его яко ближайшим его наследникам » (2 — стр. 186). Но ничего не говорится о двух замученных старших братьях.

В заключение скажем, что несмотря на свои идеи создания какого-то идеального государства с сенатом, где бы царствовало всеобщее « щастие », где-то в Стамбуле, и будучи как будто сторонниками казачьих вольностей на Дону, Грузиновы, особенно Евграф, совсем не были противниками ни царской власти, ни монархии в России.

« Здравствуй Царь в Кременной Москве,
а мы казаки — на Тихом Дону! »

Париж.

Н. Греков

(Бюллетень Музея Л. Гв. Казачьего Его Величества полка. №11).

ЛИТЕРАТУРА

(1) — Гвинчидзе, О. Ш., 1965 Братья Грузиновы. (Институт Истории, Археологии и Этнографии им. И. А. Джавахишвили, Ак. Наук Грузинской ССР, Изд. « Литература да Хеловнеба », Тбилиси).

(2) — Хрещатицкий, Б. Р., 1913. История Лейб-Гвардии Казачьего Его Величества полка. (Санкт-Петербург).

(3) — Курицын, И. И., 1967. Донское Казачество и Россия. (« Родимый Край », 68, янв.-февр. 1967, стр. 1-6, изд. Донского Войскового Объединения, Париж).

(4) — Гордеев, А., 1952. Поход донских казаков в Индию. (« Обще-Казачий Журнал, VII, 13, стр. 64-71, изд. Обще-Каз. Центра в САСШ, Englishtown, N. J.).

(5) — Квадри, В., 1902. История Государевой Свиты. XVIII век. (Санкт-Петербург).

(6) — Платонов, проф. С. Ф., 1945. Учебник Русской Истории. (Изд. Лашкевич и бр., Буэнос-Айрес).

ЗАПОРОЖЬЕ И ЗАПОРОЖСКАЯ СЕЧЬ

(Отрывки из истории запорожского казачества)

(Продолжение № 70)

Переяславская Рада).

8-го января 1654 г. в присутствии представителей всех полков состоялась знаменитая Переяславская Рада, которая единодушно высказалась за воссоединение Украины с Россией: « чтоб есми во веки вси едино были ». Вместе со всем украинским народом воссоединение Украины с Россией приветствовала Запорожская Сечь.

Еще 26 декабря 1653 г. гетман Богдан Хмельницкий отправил из Чигирина в Сечь своего посланца с письмом. Гетман просил запорожцев высказать свое мнение по вопросу о предстоящем воссоединении Украины с Россией. Воздавая должное запорожскому казачеству за тот вклад, который оно внесло в освободительную борьбу украинского народа, гетман писал: « Кдиж мы яко мазину

войны з Поляками зачинали не без воли и совета вашего брати нашой, так и сего не меншого дела, о протекции помещенной московской, без вашего ж соизволения и порады чинити не хочем ». Письмо адресовано так: « Мосци пане атамане кошовый зо всим войском Низовым Запорожским, мне велце зичливые мосци панове и братя ». (Летолись С. Величка, стр. 92-93).

3 января 1654 г. запорожцы прислали гетману свой ответ: « Замысл ваш, — писали сечевики, — що удатися и бути зо всим народом Малороссийским, по обоим сторонам Днипра будучим под протекциею великодержавнейшего и пресветлейшего монарха всероссийского, за слушный быти признаваем, и даемо нашу войсковую вам пораду, абысте того дела не оставляли и оное кончили, як ку найлутшой ползе отчизне нашой Малороссийской и всего войска Запорожского ».

При этом запорожцы советовали остерегаться, чтобы делу воссоединения двух братских народов не помешала чем-либо панская Польша: « Абы поляки, проведавши, не учинили в том своими хитростями яковой перепони ». (Летопись С. Величка, стр. 93-94).

Воссоединение Украины с Россией явилось выдающимся историческим событием в жизни украинского и русского народов. Воссоединившись с русским народом, украинский народ сохранил себя как нацию.

Россия 11-го века была одним из централизованных государств мира, которое могло обеспечить условия для нормального хозяйственного и культурного прогресса. Поэтому после воссоединения с Россией, производительные силы Украины получили большой простор для своего развития. Царское правительство хотя и выдавало отдельным старшинам жалованные грамоты на право владения землями и крестьянами, однако, на первых порах, учитывая напряженное положение на Украине, не предпринимало решительных мер для обеспечения этих прав. В результате всего этого, положение украинского крестьянства было несколько облегчено. Улучшилось положение городского населения. Изменилось положение и Запорожского казачества. За Запорожским Войском были признаны те же права, что и за другими казачьими Войсками в Русском государстве: право на сохранение традиционного казачьего самоуправления и право на прием беглых. Позднее царское правителство стало посылать на Запорожье жалованье в форме денег, оружия, пороха, хлеба и т .д. Границы территории Запорожья продвинулись значительно к северу: пограничными межами стали считаться реки, левые притоки Днепра, — Самара и Орель. После воссоединения Украины с Россией, Запорожье, ставшее в хозяйственном отношении неотъемлемой частью всероссийского рынка, сделало заметные шаги в своем экономическом развитии.

Конец 17-го и начала 18-го столетия были для Русского государства периодом дальнейшего расширения внутреннего рынка, роста городов, усиления экономических связей с западноевропейскими странами.

Крупные землевладельцы, все более втягиваемые в рыночные отношения, стремились увеличить доходность своих имений путем эксплуатации крестьян. Русское правительство всему этому явно покровительствовало. При Петре I помещикам было роздано огромное количество крестьянских земель и сотни тысяч крестьян.

Кроме работы на своих владельцев, крестьяне принуждались к отбыванию многочисленных повинностей, в том числе к новой рекрутской в пользу государства. Тяжелым бременем ложились на крестьянство бесчисленные налоги и поборы. Крестьянство оказывало своим притеснителям упорное сопротивление, которое жестоко подавлялось правительством. Спасаясь от угнетения, многие крестьяне попрежнему бежали к казакам, прежде всего на Дон. Однако в то время обстановка в казачьих землях резко изменилась. На границах казачьих земель, а кое-где и в самых казачьих областях, строились крепости и ставились армейские гарнизоны.

В 1696 году в результате успешных действий русской армии, донских и запорожских казаков был взят Азов. Воспользовавшись тем, что теперь опасность для русских границ со стороны Турции уменьшилась, царское правительство с новой силой развернуло наступление на донцов. Правительство стало все более самовластно вмешиваться в дела Войска, стремясь закрыть деступ в него для беглых и окончательно подчинить своим интересам. В 1700 году последовал указ, повелевавший донским казакам, живущим по Хопру и Медведице, переселиться на юг, ближе к Азову. В 1702 г. донцам было запрещено ловить рыбу в низовьях Дона, т. е. в самых обильных рыбой местах, а в 1703 г. был издан приказ « отписать » всю сушеную рыбу « на государя ». Донских казаков в принудительном порядке обязывали выполнять всевозможные работы на Бердянских соляных промыслах. Казачьи земли быстро прибирались к рукам боярами и правительством. Вторжение на Дон русских карательных отрядов для розыска укрывавшихся на Дону

беглых крестьян, наряду с другими мероприятиями, угрожало самому существованию донского казачества. Много донцов бежало в это время на Запорожье, Яик, Терек и т. д.

Крепостнический и национальный гнет усиливался и на Украине. На Левобережье гетман и старшина захватывали крестьянские и казачьи земли. В одних случаях земельные участки, принадлежащие крестьянам и казакам, переходили к старшинам за долги, в других — крестьян и казаков просто гнали с земли, бросали в тюрьмы, а имущество отнимали. Во время своего правления гетман Мазепа раздал старшине и духовенству свыше тысячи универсалов на имения. Царское правительство подтверждало такие захваты своими жалованными грамотами, узаконяя этим грабеж народа. Стремясь восстановить крепостнические порядки в таком виде, как они существовали в период владычества Польши, Мазепа требовал от крестьян « обыклого послушенства ».

В 1701 г. он издал универсал о двухдневной барщине. Хотя на Левобережьи не существовало закона о крепостной зависимости крестьянства, в действительности крестьяне в редких случаях могли уходить от своих владельцев. Значительная часть крестьян и казаков Левобережья была закрепощена. Крестьянам категорически было запрещено вступать в казаки. Население Гетманшины стонало под непосильным гнетом многочисленных налогов и сборов в пользу гетмана, старшины и царской казны.

К этому добавлялись поборы на содержание наемного войска. Боясь народной мести, Мазепа окружил себя наемными войсками.

Еще тяжелее было положение народных масс Правобережной Украины. Поляки, захватив Правобережье, восстанавливали там крепостные порядки и жестокий национально-религиозный гнет. В ответ на это крестьяне и казаки бежали в так называемую нейтральную территорию — в Южную Киевщину и Брацлавщину. Поселившись тут, они образовали несколько казачьих полков. Эти казаки под предводительством атамана Семена Палия развернули в 1702-1704 годах борьбу против поляков за освобождение от социального и национального гнета и воссоединения Правобережья с Россией.

Крестьяне и казаки Левобережья и Правобережья, изнывавшие под тяжестью усиливавшегося социального и национального гнета, попрежнему бежали на Запорожье. Запорожская Сечь продолжала оставаться плацдармом в борьбе народных масс против чужеземного крепостнического и национального гнета. Число беглецов, искавших в этот период спасения на Запорожьи, быстро росло.

В 1702 г. гетман Мазепа жаловался правительству на бегство « в Запорожье многих людей из малороссийских городов ». В том же году он доносил правительству: « Оные запорожцы недобрым духом дышат и с недобрым намерением великими купами собираются ». Неколько позднее Мазепа писал, что «чуть не вся Украина тем же запорожским духом дышет, понеже народ посполитый (крестьянство) и всякий под властью пребывающий желает оной над собою не имети». Мазепа и его приближенные делали все возможное, чтобы побудить царское правительство уничтожить Запорожскую Сечь. Гнусной клеветой на запорожских « бунтовщиков », которые якобы стремятся перейти под власть Крымского хана, они хотели спровоцировать царское правительство на репрессии в отношении Сечи. Стремясь, как некогда польские магнаты, разорвать всякую связь Запорожья с населением Гетманщины и « укротить » своеволие запорожцев, Мазепа еще в 1687 г., тотчас по вступлении в гетманскую должность, предложил правительству построить на Днепре, у северных границ Запорожья, крепость и содержать в ней крупный гарнизон. И действительно, в следующем 1688 году такая крепость была сооружена при впадении р. Самары в Днепр и названа Богородицкой. Гарнизон крепости должен был наблюдать за запорожцами, которые якобы готовы объединиться с Крымским ханом. Сам Мазепа отправил в качестве постоянной стражи за пороги отряды своих войск.

В это тревожное время началась война России со Швецией за выход в Балтику. Эта война всей своей тяжестью легла на население, что ухудшило и без того бедственное его положение. Несмотря на это, бояре с удвоенной силой продолжали наступление на крестьян и казаков. На Запорожье царский воевода задерживал беглецов и всячески притеснял казаков. Недовольство в казачьих областях росло с каждым днем. Особенно накаленной была атмосфера на Дону.

В сентябре 1708 г. шведские войска во главе с Карлом XII-м, которые раньше намеревались из Белоруссии итти прямо на Москву, внезапно изменили направление и вторглись на территорию северного Левобережья. Сюда шведов звали иезуитский выученик Мазепа и его немногочисленные подручные из среды немногочисленной казачьей старшины. Эти предатели стремились при помощи шведов и их союзников польских магнатов вернуть украинское крестьянство и ка-

зачество в то ярмо, которое они влачили до освободительной войны 1648-1654 гг.

Предварительно Мазепа заключил тайный договор с Карлом XII-м, обязуясь оказать ему военную помощь, а также снабдить шведскую армию провиантом и фуражом. Захватом Левобережья шведы стремились обеспечить себе также связь с Крымом и Турцией, которые обещали им в помощь значительные воинские силы. Когда шведские войска приблизились к р. Десне, Мазепа с кучкой старшин, сердюков и компанейцев перешел на их сторону. Измена Мазепы вызвала всеобщее негодование.

Украинский народ, с презрением отрекшийся от изменника, поднялся на героическую борьбу против оккупантов.

Казаки и крестьяне уходили в леса, создавали партизанские отряды, наносившие противнику большой урон. Борьба приняла общенародный характер и вскорости шведы заняли на Украине оборонительную позицию: они начали отходить в исходное положение. При попытке взять г. Веприк, который защищали местное население и небольшой русский гарнизон, шведы потеряли 1200 человек убитыми и ранеными.

Между тем русские войска разбили у деревни Лесной войско шведского генерала Левенгаунта, двигавшееся из Прибалтики на помощь Карлу XII-му. Шведы и мазепинцы попали в трудное положение.

При создавшихся условиях они решили любой ценой обеспечить себе помощь со стороны Запорожья, ибо, помимо всего прочего, этим они могли сохранить связь с Крымом. Однако, когда дошло до претворения всех этих планов в жизнь, то запорожцы, сохраняя свою верность России, перейти на сторону шведов категорически отказались.

Русское правительство с своей стороны не могло допустить, чтобы такая важная в стратегическом отношении крепость, как Сечь, оказалась в руках шведов или агентов Мазепы. 26 апреля 1709 г. царское правительство отправило на Запорожье полковника П. Яковлева с двумя армейскими полками. 7-го мая полки Яковлева прибыли к Сечи. К запорожцам, которых было в Сечи всего несколько сот человек, он отправил посланца с письмом, обещая им безопасность и требуя, чтобы они принесли повинную и избрали другую старшину. Но старшина перехватила посланца Яковлева и утопила его, не допустив таким образом до казаков. 14 мая 1709 г. царские войска вступили в Сечь. Оказалось, однако, что в Сечи осталось всего около 300 казаков. Большинство запорожцев незаметно ушло на лодках через протоки, захватив с собой кое-какое войсковое имущество. Русские войска захватили в Сечи 36 пушек, 4 мортиры, 12 гаковниц и другое оружие, а также 13 знамен, войсковые литавры и т. д. Сечевые укрепления были разрушены. Многие из оставшихся казаков были казнены. Базавлукская (иначе Чертомлыцкая или Старая) Сечь перестала существовать.

Затем русские войска спустились по Днепру и стали хватать и казнить даже тех казаков, которые находились на промыслах и не принимали никакого участия в событиях. Запорожские земли были приписаны к Миргородскому полку, и « зостало Запорожье пусто ».

Запорожцы не желали покинуть свою родину и стали располагаться на р. Каменке. Однако в 1711 г., по приказу царского правительства, они были изгнаны и отсюда. После этого запорожцы переселились в Алешки, к югу от впадения Ингула в Днепр, на территорию, принадлежащую тогда Крымскому ханству.

Очутившись на чужбине, запорожцы оказались в очень тяжелом положении. Лишенные права возводить оборонительные укрепления, иметь пушки, они оказались беззащитными перед произволом крымских феодалов. Поэтому называть Алешки, где располагался Кош, Сечью можно только условно. Грабежи, убийства и увод запорожцев в плен стали теперь обычным явлением. Вместе с тем, по приказу хана запорожцев принуждали к тяжелым работам. В пользу ханской казны с них взимали разорительные поборы. Болезненно переживали запорожцы разрыв их исконных экономических связей с Украиной. Мытный трактат 1713 года, заключенный между Россией и Турцией, провел пограничную черту между реками Орелью и Самарой. Это лишало запорожцев возможности сбывать в Россию предметы своего хозяйства — скот и продукты скотоводства и рыболовства, а также вывозить оттуда хлеб, ткани, оружие и другие необходимые предметы. Резко сократился приток беглых, которые были коренным источником пополнения запорожских казаков. Запорожское казачество очутилось в ложном противоестественном положении. Оно было обречено на неминуемое вымирание. В среде казачества нарастал протест против старшинской группировки, которая, опираясь на татарских феодалов, стремилась воспрепятствовать возвращению казаков на родину.

Недовольство массы запорожцев привело к тому, что в 1719 году кошевым был избран

сторонник возвращения на родину И. Малашевич.

От имени запорожского « товарищества » Малашевич обратился к русскому правительству с просьбой разрешить Войску возвратиться на свои прежние земли. Когда правительство, избегавшее в то время осложнения отношений с Турцией, отказалось от положительного разрешения этого вопроса, запорожцы стали возвращаться на родину — группами и в одиночку. Последующие события со всей убедительностью показали, что Запорожские казаки решительно стояли за немедленное возвращение на родину. Забрав войсковые клейноды, казаки двинулись вскоре вверх по Днепру...

Вопрос о разрешении запорожцам вернуться на родину был положительно решен Русским правительством в начале 30-х годов.

В 1734 году запорожцы основали на р. Подпольной, приблизительно в 6 км. от прежней Чертомлыцкой или Старой Сечи, так называемую Новую Сечь. Запорожскому войску были отданы во владение земли, которые Войско занимало ранее, и назначено годовое жалованье в размере 20.000 рублей. На постройку сечевой крепости правительство отпустило дополнительные средства. С этого времени в истории Запорожского Войска наступил новый период.

Нью-Йорк. США

(Скончание следует)

М. Черныш

ПЕСНЯ ПОКИНУТЫХ КАЗАЧЕК

(На мотив: « Ой-да ты подуй-подуй »...)

Ой-да ты подуй-подуй,
Ветер низовый,
Ты надуй-надуй
Тучу грозную.

Принеси на Дон
С моря Черного
Из чужих сторон
Дорогих гостей.

Принеси ты их
Грозной тучею —
Казаков лихих
На степной простор.

Забурлит волной
Тихий Дон Седой
И в последний бой
Смело выступит.

Сбросим цепи мы,
Цепи рабские,
Сгинет царство тьмы
Нечестивое.

Ты надуй скорей,
Ветер низовый,
С голубых морей
Тучу грозную.

Н. Альникин

КАЗАКИ В Г. МОНТАРЖИ В 1814 Г.

Ф. М. Миронов и Н. Я. Самойлов, проживающие в г. Монтаржи, прислали в редакцию »Род. Края« номер местного французского журнала «Дистрикт» (№ 15 — 1966 г.), в котором напечатана, под вышеприведенным названием, небольшая статья.

Ее содержание — письмо подполковника Ф. Ф. Дюрзи его племяннику, чиновнику Судебного ведомства в Орлеане. Автор письма, служившиЙ в штабе ген. Мишо, участвовал в военных операциях в Голландии, Магдебурге и в районе Ганновера. В

1812 г. он вышел на пенсию и поселился в г. Монтаржи, где был поставлен во главе ополчения (в то время оно во Франции называлось Национальной Гвардией) из жителей города. Редакция «Дистрикта» считает опубликованный документ очень интересным и важным.

Вот, что пишет подполк. Дюрзи:

«Ты наверно уже знаешь, что с нами случилось. Так как казакам удалось переправиться через р. Лоин в селе Суп (к северу от Монтаржи — редакция) и занять Наржи и Серуа, наш комендант решил, что защищать город нет возможности и будет более благоразумным уйти вместе с гарнизоном и боеприпасами. Это отступление произошло в полночь с 11-го на 12 февраля.

Ты, конечно, понимаешь, что если мы не считали себя достаточно сильными даже при наличии вооруженного гарнизона, то теперь, после ухода войск, наши жители притихли и чувствовали себя очень неуверенными. У всех городских ворот мы выставили посты, дабы не подвергнуться произволу небольшого отряда противника.

На рассвете их патруль появился у Сиренских ворот, а немного позже у ворот Луона. Мы их не впустили в город, сказав, что впустим лишь их главные силы.

Через несколько часов подошел, под начальством генерала, отряд из полка казаков и полка улан с двумя пушками, которые вошли в город после того, как генерал обещал обезпечить порядок и безопасность жителей, указав, что его войска расположатся на биваках около города и что он потребует только пищу и фураж.

Несмотря на это обещание, на другой день были произведены довольно большие реквизиции полотна, кож и т. д. В городе произошло несколько небольших инцидентов, но на казаков, которых я хорошо знаю, пожаловаться нельзя.

Некоторые же деревни сильно пострадали.

14 февраля все эти войска направились через Бон на Питивье, оставив у нас лишь небольшой отряд в 50 человек, выставивших на все дороги посты, которые останавливали и обыскивали всех проезжих и прохожих, и часто их грабили.

Мы узнали, что главные их силы были отбиты от Питивье и тогда они направились через Белеград на Орлеан.

В итоге у нас было почти все спокойно, но мы сильно волновалитсь за вас. Всю пятницу до нас доносилась сильнейшая канонада со стороны Мелена и Монтро.

В следующую ночь проезжий русский офицер, направлявшийся в отряд, шедший в вашем направлении, сообщил, что их войска имели большой успех.

Но в воскресенье утром мы увидали вернувшихся с большой спешкой русских, что подтвердило слухи об успехах Императора (Наполеона — ред.). Они оставались всего несколько часов около церкви Св. Доминика, потребовав большое количество припасов, фуража и напитков и направились затем к Ферьер (к северу от Монтаржи), где присоединились к своим войскам, отходившим от Немура и Фонтанебло. Вместе с ними после короткого отдыха они направились к Куртанай на р. Ионе (к западу от Монтаржи).

Ходят слухи, что в Сансе они были отбиты нашими, не пустившими их дальше. Генерал Аликс преследует их с большим отрядом. Вчера он был в Немуре, а этой ночью — в Ферьер. Мы надеемся, что он нас от них избавит. Ты мне, конечно, поверишь, если я тебе скажу, что мы не хотели бы их возвращения. Несмотря на их обещания, на обратном пути они у нас произвели новые реквизиции. Их офицеры сами выбирали у купцов, торгующих текстилем, тонкие полотна, кружева, кашмиры и т. д.

В городе, конечно, без властей, без жандармерии и без войск было не очень безопасно и некоторые из жителей этим пользовались. А наши ополченцы, часто подвергавшиеся обидам и насмешкам казаков и часто ими обезоруживаемые, не стремились ревностно выполнять службу. Тем не менее нам удалось поддерживать некоторый порядок, но наши леса несколько пострадали.

Возвращение нашего гарнизова и жандармерии (все это вчера вечером вернулось из Жиена) прекратит весь этот безпорядок.

Мы невольно себя спрашиваем, что станет с нашими рабочими, уже не работающими целый месяц, и с многочисленными барочниками, которые уже давно ничего не делают и нескоро смогут начать работать, так как русские разрушили с десяток шлюзов.

Я думаю, что Орлеан должен быть благодарен прежде всего Императору (Наполеону — ред.), отбившему казаков, а затем и нашим небольшим оборонительным операциям, задержавшим их на десяток дней. Иначе, вероятно, вам пришлось бы испытать их власть и обиды, если бы они имели на 8-10 дней больше».

**
*

Ниже приводятся два других исторических документа, относящихся к той же эпохе, о тех же событиях, но исходящие с другой, т. е. русской, стороны.

Это письма Атамана Войска Донского графа М. И. Платова.

Они были напечатаны в ежемесячном историческом журнале «Русская Старина», выходившем в С. Петербурге, в декабрьском № 1877 г. (стр. 677-687).

Редакция «Русской Старины» поместила следующее вступление:

«Платов — один из наиболее народных героев Отечественной войны 1812 г. — живет и до сих пор в памяти обитателей России и Казачества во множестве песен и рассказов. Ряд подвигов предводимого им Войска Донского занесен на страницы истории, но сам доблестный Атаман не любил писать, потому и оставил по себе не много своеручных документов. В ряду напечатанных до сих пор материалов, мы весьма мало встречали его писем: тем более интересно небольшое собрание грамоток Платова к его «истинному приятелю» Якову Васильевичу Виллие (лейб-медик императора Александра I-го).

Печатаемые 18 писем писаны в эпоху величайших событий 1812-14 гг. вождем грозной орды казаков: писаны большей частью с бивуаков и, не отличаясь богатым содержанием, представляют однако несколько черт любопытных для характеристики Платова. Обращаем особое внимание на грамотки от 25 окт. 1812 г., писанные в самый разгар гибели французской армии, и от 24 янв. 1814 г., в которой Платов, затронутый за живое обвинением в том, будто он в преследовании неприятеля дал себя обогнать нашим союзникам австрийцам, горячо рассказывает о своих действиях на марше к Парижу.

Внешность писем оригинальна: почти все на грубой, серой, оборванной и отсырелой бумаге. Для знакомства с правописанием Платова — одну из его грамоток приводим дословно.

Сообщением настоящих документов мы обязаны одному из доблестных преемников Платова, Войска Донского генерал-лейтенанту, ныне уже покойному, Якову Петровичу Баклакову».

В этом номере помещаются два письма Платова от 24 «генваря» и 18 февраля 1814 г. в той редакции, в которой они были помещены в «Русской Старине», так же, как и вступление этого журнала. Остальные письма будут помещены в одном из ближайших номеров «Родимого Края».

А донского казака, читателя «Род. Края», приславшего нам этот ценный исторический и интересный материал просим принять, как от имени читателей, так и от нашего, нашу искреннюю благодарность.

«24 генваря 1814 г. — при городе
Вильневе - Леруа.
Милостивый государь мой,
Яков Васильевич.

Ваше приятельское письмо с удовольствием моим я получил только вчерашний день, при городе Вильнев Леруа. Благодарю вас, моего друга, за ваше ко мне пожелание и здоровье. Я истинною уверен, что вы, по доброте души вашей, и расположением вашим ко мне сего желаете и желать будете всегда.

Пишите ко мне приятельски, что я опоздал от австрицев, к городу Бар-Серопу. Плюньте вы, друг мой, в глаза тем м...чесам, которые при Главной Квартире только сплетни сплетают. Сие я вам сказал, не за счет должностных и честных людей, а на счет праздных, которые только из утра до вечера зубы свои точат, языку своему не дают покоя и губами безпрестанно шевелят, а голова их, отягощение главной квартире в продовольствии, и подобны чекалкам. Зверь есть чекалка в Персии, которая безпрестанно лаит; и вторительно вам, другу, скажу что это я выше обьяснил не на счет честных людей и должностных, ибо им занявшись делом, некогда небылицы произносить, а этакие рассказы бывают от праздных м..... чесов, как выше сказал.

Я вам, другу, скажу прошедшее. За Рейн я перешел и шел вперед, на город Епинал, поспешнее всех. При Епинале нашел неприятеля сильнее меня гораздо, и притом в гористых местах, при крепких дефилеях. Надо ждать принца Виртембергскаго, с его войском, с которым посоветовался, и вообще зделали наше распоряжение. Он, достойный хвалы, кронпринц Виртенбергский, пошел пехотой в лице, а я с левой стороны на обход города, скрывшись от неприятеля. Достойный кронпринц Виртембергский выбил их из города Епиналя, а я частью их на биваках, обошел город по стежкам, а не дорогой, а потом в тыл их, где совершенно тут неприятельский корпус был разбит, и преследуемой мною неотступно боем до города Шарма, где они имели подкрепления, и — тут не удержались и прогнаны почти до самого города Нанси. Малые остатки ушли в город Нанси, доказательством сего, их кавалерия была истреблена; начальники взяты до одного человека в плен и нижних чинов

до тысячи, а прочие побиты. Пехоты спаслось менее тысячи человек в г. Нанси, и те воспользовались в ночное время.

В то время еще никакого войска нашего не было близь Нанси, кроме того что с правой стороны онаго подходили анангарды достойного фельдмаршала Блюхера. Тут я получил повеление следовать мне через город Меруар в Ништат, где я с поспешностью воспользовавлся зафатить (захватить) несколько пленных и два орудия, а потом вслед получил повеление идти на Барсироп. Разлитие от распустившегося из яр снега и от сильных дождей река Мез меня не удержала. С большой трудностью переправился: вот как. Малые неприятельские партии на противной стороне по течению оной, с левой стороны, разъезжая, не воображая, что мы можем переправится, засчисчая (защищая) мост. Пустил своих, Атаманского полку Орлова, по выше мосту, истинко вплывь, чего французские партии не ожидали, которые порожая их, побили или покололи; а более тридцати человек с двумя офицерами взяли в плен. Тогда я перешел реку, последовал через г. Жуанвиль, и две встречающие партии от города Васни к Барсиропу, впух разбиты. Все, в разных местах взятые, а пленные отсылаемы от меня были в ближайшие союзные войска, и рапортовано от меня обоим главнокомандующим о том.

Вы пишете, ко мне мой друг, что будто бы я опоздал к Барсюропу. Нет, я пришел прежде австрийцев один день: что же мне было делать против большого корпуса, как только оставалось тревожить его денно и нощно, пока с корпусом пришел генерал Вло и с которым я также действовал.

Я не сделал роздыху, пошел левее города Труа, через Барсюстень, Оксон и Арс, к городу Сансу, где нашел неприятеля сильнее меня, состящий в кавалерии и пехоте и с орудиями. Не смотря на то, дрался с ними весь день, вогнал его в форштат, и выбил его из форштата в самый город, который окружен каменной стеною, на подобие крепости. На другой день пришел в Санс города Понта сикурс левой стороной реки Сены. Нечего мне было делать с горстью людей, которых под ружьем не более двух тысяч человек.

Отступил ночью к городу Вильнев Леруа. Неприятель поутру меня атаковал близь онаго. Авангард его был разбит Божеской милостью и прогнан до пехоты их, которая была на подкреплении им, и та, по счастью нашему, струсила, вошла попрежнему в город Санс, где и теперь состоит, а я около онаго наблюдаю его. На сем деле по чести побито его довольно. Взято в плен: подполковник, четыре офицера, два трубача и нижних чинов трех сортов, как-то: гусар, драгун и конных сапер, более ста человек.

Сильная партия, отряженная от меня была еще третьяго дня к городу Монтаржи, который по дороге идущей из Парижа в Арлян, отбила ведущихся туда гишпанских офицеров, полоненных в разные годы, четыреста пять человек и простых гишпанских солдат, кои прислуги им, до сту человек. Вы не можете вообразить, какая то радость от тех, гишпанских офицеров, избавившихся от рук неприятельских: восклицают, благодарят Бога, целуют у казаков руки... Я их отправил под прикрытием до первых австрийских войск для доставлению в главную квартиру, и донес о том по команде.

Можно было бы и больше делать, но нет такого числа, с коим около Парижа было пошуметь. Я вам, друг, напомню русскую пословицу, она хотя матерная, но справедливая: «..... - ли, петь-ли, когда голоса нет». Так точно и со мной случилось, что войска нет. Я весьма добирался до города Фонтанебло, где высокопочтенейший папа содержался, но по верной выправке моей, его там нет... Наполеон слух распустил, якобы его отправил в Италию, так жители городов уверяют, но, я не верю. Надобно полагать, что он, его, папу, куда нибудь и спрятал.

Вот вам, друг мой, моя повесть. Нынешний день у меня с неприятелем драки не было, и погода днем вышла прекрасная. Я, сидя на бивуках, от скуки марал на сих двух листах мое вам изьяснение. А завтра, что будет, отгадать не могу, только скажу вам, хотя я и малые силы при себе имею а действовать против неприятеля, не отстану.

Есмь и буду всегда и непремено с поим подчтением и прч. граф

Платов.

Второе приводимое ниже письмо Платова датировано 18 февр. 1814 г. Редакция «Русской Старины«, публикуя его, сделала примечание: «Письмо это, как и большая часть предыдущих писем, писано Платовым собственноручно. Для знакомства с его орфографией, мы приводим это письмо буквально». Слабость в грамоте Атамана графа Платова — явление вполне нормальное для той эпохи. Генерал от кавалерии граф Ф. П. Денисов, котораго император Павел хотел назначить Донским Войсковым Атаманом после смерти А. И. Иловайского, просил его

этого не делать, ссылаясь на свою малограмотность.

«Милостивый Государь, истенной приятель Яков Васильевич,

Нашел свободную минуту, даю о себе вам другу знать. Хотя я инесавсем здаров, однакож как подолгу моему также и поистеному усердию тенусь и отбываю службу попословицы. Хотяже я болит, а говори что свербыть.

Был я слевай стороны, левее еще Фонтанебло иблиско Парижа, но как наступил на меня и с корпусом могдональ едва едва уплелся, однакож безпотери людей, исче дрался с его кавалерией четыре раза, исьмоею горсточкою людей недалы себя отрезать припереправах через реку луаист, иконал, такоже реку Лион, который меня преследовал уступно три часа до города шетилеан, тут я уже примкнул кооастрийским войскам. Аставлю продолжать далее многобы много надобно писать о прошедшем. Бог милостию мвоею помогает избавылятца отнесчастных случаев, бросаюсь как будто на жертву, безваннаго подкрепления.

Теперь следую поповелению фарсировано направый фланг чтоб зделать связ с фелтмаршалом брюхерем.

Пращай истенной приятель ая есмь и буду всегда покорнейшим вам слуга. «На марше из Барсирепа».

Граф Платов

ИЮЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ БОЛЬШЕВИКОВ В ПЕТРОГРАДЕ В 1917 г. И ДОНСКИЕ КАЗАЧЬИ ПОЛКИ

(Продолжение № 70)

А. Ф. Керенский — Военный министр Временного Правительства того времени, в его книге «Русская революция 1917 г.», изданной в Париже на французском языке в 1928 г., на стр. 237 пишет, что «лучшие полки — Преображенский, Семеновский и Измайловский, на которые Вр. П-во всегда расчитывало», в дни 3-5 июля «объявили нейтралитет», а на стр. 238 говорит, что «в критические моменты для Таврического Дворца, когда нужна была помощь советам, казаки, верные Правительству, от огня мятежников потеряли 7 чел. убитыми и 30 ранеными».

Доктор С. Перский в своей книге на французском языке «От Николая II до Ленина» пишет, что 6-го июля в столицу казаки (14-го Дон. каз. полка — А. П.) прибыли двумя группами по 500 человек в каждой. Выгрузились на Николаевском вокзале. Там их встретил офицер, назвавшийся поручиком Мазуренко, который «по распоряжению Штаба Петроградского Округа» дал приказ командиру 14-го полка провести казаков в пешем строю на Знаменскую площадь, следуя по определенным улицам. На одной из этих улиц казаки были обстреляны из домов и потеряли несколько человек ранеными. К-р полка оставил на месте обстрела одну сотню казаков, приказав обыскать дома и захваченных с оружием в руках расстреливать на месте. Оказалось, что стреляли из окна коммунистической ячейки, где было захвачено несколько вооруженных солдат и рабочих — большевиков. Во время обстрела поручик, представившийся как Мазуренко, исчез. Оказалось, что настоящий пор. Мазуренко в это время находился на вокзале, ожидая приказаний Штаба Округа, а казаков, как потом выяснилось, на Знаменскую площадь повел немецкий провокатор, который и подвел их под обстрел, желая этим вызвать безпорядки.

По свидетельству С. Перского, во время отпевания убитых казаков в Соборе в толпе наблюдались такие картины: бедно одетая женщина с цветами в руках пробирается к цепи, охраняющей путь, по которому должна следовать похоронная процессия. Ее останавливает милиционер и спрашивает, в чем дело? Женщина отвечает: «Я плачу по нашим защитникам — по убитым казакам». Но милиционер ответил: «Чего тебе плакать? Уходи за цепь, иначе тебя раздавят...» и прогнал ее за цепь.

Пишет С. Перский, что Керенский, в своей нагробной речи, обращаясь к толпе, говорил: «Века вы были рабами, теперь вы

— свободные граждане. Защищайте свободу, как эти убитые казаки...» и потом призывал толпу поклясться «на гробах убитых казаков, принесших жертву, безпрекословно исполнять приказы правительства и защищать Родину и Свободу». Со всех сторон раздались крики: «Мы клянемся...».

С. Перский, наблюдавший картину похорон, пишет: «Вся процессия прошла перед мною. За колесницами с гробами двигалась большая колонна донских казаков в боевом вооружении, в своей форме — синей с красным. Какие замечательные части... Единственные в мире по своей добровольной дисциплине, выправке, в своей примитивной степной красоте. Если бы Россия имела в армии на один миллион казаков больше, немцы давно были бы изгнаны с нашей территории. Века казаки, состоя на службе России, всегда были сторонниками и защитниками мира и порядка в стране. Большевицкая пропаганда и сейчас не коснулась их. И сейчас они свидетельствуют, что готовы отдать все свои силы в распоряжение энергичного правительства, могущего независимо какими способами подавить в стране анархию, навести порядок».

Надпись под фотографией: «2-ая сотня 14-го Дон. каз. полка в то время, когда 6 июля полк по прибытии в Петроград продефилировал в пешем строю по его улицам, во взводных колоннах, имея во главе старое полковое знамя, а для «устрашения пролетариата» вслед за знаменем шла пулеметная команда в 36 пулеметов (20 «максимов» и 16 «люисов»).

II. КАЗАЧЬЯ ЛИТЕРАТУРА

Донской казак — полк. А. Н. Греков, казначей Союза Казачьих Войск, в статье «Союз Казачьих Войск в Петрограде в 1917 г.» (Донская летопись, т. 2-й), нередко, как и другие авторы, не дает ясного и последовательного изложения событий 3-5 июля и подробностей о действии казачьих полков, что отмечает и проф. Мельгунов в его труде

«Как большевики захватили власть», ставя это обстоятельство Грекову, как казаку, в минус. Несмотря на все недочеты свидетельства А. Н. Грекова, он ясно говорит: «3-го июля по телефону от Командующего войсками Петроградского округа ген. Половцева сообщили в Совет Союза Казачьих Войск, что рабочие фабрик подняли восстание на Петроградской стороне, устроили митинг у дома Кшесинской и думают арестовать Вр. пр-во и захватить власть в свои руки, что на улицах появились автомобили с неизвестными лицами, останавливаются у казарм войсковых частей и приглашают их примкнуть к вооруженному выступлению. Необходимо направить на них казачьи полки, что уже сделано распоряжение быть на готове I-му и 4-му Дон. каз. полкам и спрашивали, можно ли вполне положиться на казаков. На это был дан ответ, что 1-й полк благонадежен, что 4-й полк внушает некоторое недоверие, но что и он не решится не исполнить приказание, раз таковое последует».

Чтобы подготовить полки к выступлению, в. стар. А. Н. Греков был командирован в 1-й полк, а сотник Калмыков в 4-й. Тогда же была срочно вызвана полусотня от 4-го полка для охраны Зимнего Дворца. Полк исполнил приказание и полусотня 4-ой сотни с офицерами сотн. Генераловым и сотн. Козюбердиным отправлена к Зимнему дворцу.

4-го июля с утра к восставшим примкнули Гренадерский и Пулеметный полки. Преображенцы, Семеновцы и Измайловцы объявили, что они держат нейтралитет. В этот день с утра на Дворцовую площадь для охраны Дворца и штаба Главнокомандующего высланы были 5-ая сотня 4-го полка, сотня 1-го полка и 2 орудия 6-й Дон. гвардейской батареи.

Полусотня 4-го полка, ранее бывшая у Зимнего, переведена к Аничковому Дворцу. В этот день толпы рабочих двинулись по Невскому проспекту. По городу раздавались выстрелы. Положение становилось очень тревожным. Была вызвана еще одна сотня, сотня 1-го полка, которая, едва свернув с Невского к Литейному, налетела на заставу, вытавленную большевиками с 2-мя орудиями; не дав опомниться, сотня атакой сбила заставу и загнала ее за мост, однако потеряла убитыми 5 чел. и ранеными 9-ть, тяжело был ранен сотник Хохлачев, на другой день умерший от ран.

Отряд казаков, бывший у Зимнего Дворца (сотня 1-го п., сотня 4-го пол. и 2 орудия 6-й Дон. гв. батареи), шедший к Литейному мосту, попал в засаду и был обстрелен из пулеметов, потеряв 4-х казаков убитыми (2-х 4-го п. и 2-х 6-й Дон. гвар. батареи) и 11 ранеными.

Гвардейские пехотные полки, узнал о выступлении казаков, 5-го июля тоже стали на защиту Вр. пр-ва. Безусловно в подавлении восстания главную роль сыграли казаки, это сознавало Вр. пр-во, так понимали и жители Петрограда. Первые дни после описанных событий казаки пользовались громадным почетом и уважением. Бывали случаи, когда при входе кого либо в казачьей форме в общественное место, в ресторан, где много было публики, все вставали и приветствовали вошедших рукоплесканием.

Когда в городе узнали об убитых казаках, то в помещение Совета С.К.В. стали являться жертвователи: одни в пользу семейств убитых, другие на памятник убитым, третьи на устройство религиозных похорон. Наплыв жертвователей был настолько велик, что пришлось установить безпрерывные дежурства членов Совета для приема этих пожертвований. Жертвовали и деньгами и вещами, между последними были и драгоценные.

Кроме того, по примеру театра «Мне», устроившего первым благотворительный спектакль, многие театры, кинематографы и сады, как, например, «Буфер», устроили ряд благотворительных вечеров и весь сбор отдали в пользу жертв 3-5-го июля. Пожертвованные вещи были розыграны на лотерее в Павловске. Общая сумма пожертвований достигла более 800 тысяч рублей.

В виду такой огромной суммы пожертвований, решено было как можно торжественнее устроить похороны казаков, похоронить их в Александро-Невской Лавре и воздвигнуть над могилой памятник в образе Часового. Кроме того семействам убитых казаков было выдано тогда же по 10 тысяч рубл., а оставшуюся сумму обратили на образование степендии для обучения детей убитых казаков, как в низших, средних, так и высших учебных заведениях. Хлопоты по устройству похорон были возложены Советом на А. Н. Грекова. Долго не удавалось получить разрешения на устройство этих похорон, т. к. Совет солдатских и рабочих деп. требовал устройства общих похорон жертв, как с одной стороны, так и с другой. Грекова дважды вызывали в Таврический Дворец, но он категорически отказался от общих похорон и в конце концов разрешение было получено. Многие боялись каких нибудь вы-

ступлений со стороны большевиков во время похорон. По ходатайству Грекова, в день похорон по пути следования процессии была снята милиция и охрану взяли на себя казаки, о чем было объявлено заблаговременно.

Похороны прошли в полном порядке и с большой торжественностью. Трудно описать величественную картину похорон. От Исаакиевского собора, куда накануне вечером были перевезены гробы с убитыми, процессия протянулась по всему Невскому и когда голова процессии входила на Знаменскую площадь, то хвост ее находился на Морской улице. Впереди, в три ряда несли венки, которых насчитывалось до 30-ти, между ними много серебряных. Особенно красив был венок от Совета С. К. В., изображавший Георгиевский крест, сделанный из белых и желтых цветов, так как среди убитых большинство было кавалеров Военного ордена, получивших его в Великую войну. Затем тянулись 8 катафалков с убитыми (двух казаков артиллеристов, по желанию батареи, похоронили отдельно в Павловске — месте постоянной стоянки батареи), за ними масса духовенства от многих церквей Петрограда с хоругвями, Совет Союза Казачьих Войск, делегации от многих учреждений и даже от Совета сол. и р. депутатов, все казачьи полки в полном составе и конном строю и особый воинский наряд.

А. Ф. Керенский и здесь воспользовался обстановкой, чтобы произнести речь. Когда гробы вынесли и поставили на катафалки, он с паперти собора обратился к многочисленной толпе со словом, в котором, указывая на гробы, приглашал всех сплотиться и встать на защиту родины от внешнего врага: «Пусть эти тела послужат вам примером, как нужно любить Родину и не бояться умереть за нее», этими словами закончил он свою речь. В ответ на речь толпа ответила громовым «ура», что как-то не гармонировало с торжественностью траурной процессии и вызвала у многих неодобрение неуместному выступлению Керенского.

Н. М. Мельников, бывший в дни событий 3-5 июля председателем Дон. Войс. Круга, в его статье в сборнике «Казачество« на стр. 223-224 пишет: — «Правительство демократа, а затем социалиста Керенского обратилось к казакам в Петрограде пустить в ход против бунтовщиков и революционных организаций не только нагайку, но и винтовку. И казаки исполнили приказ министра социалиста, как государственники и люди порядка, ибо приказ этот исходил от носителей верховной власти, признанной тогда большинством народа... Торжественно похоронив убитых 3-5 июля большевиками казаков, через короткое время казаки увидали на свободе тех, в кого пр-во приказывало стрелять, как во врагов родины: арестованные главари были выпущены на свободу тем-же пр-вом и открыто громил казаков повсюду, называя их палачами и опричниками. Заколебались 1-й и 4-й Донские полки, спасшие положение в Петрограде в июльские дни».

К. П. Каклюгин, член Дон. пр-ва того периода, в его статье «Войсковой Атаман и его время» (Донская летопись, том 2-й) в главе 3-й пишет: »Казаки, как крепкие части, сохранившие дисциплину, обращаются на установление порядка... Они подавляют вооруженной рукой большевистское восстание в Петрограде 3-5 июля, понеся при этом жертвы людьми. Однако усилия казаков оказались безрезультатными — остановить стихийного процесса развала армии они не могли».

Профессор И. Малиновский, присутствовавший на Московском Государственном Совещании в августе 1917 г., в журнале «Донская Волна» писал:

«Атаман Каледин на Госуд. Совещании в казачьей декларации в пункте 6-м говорил: — Казачеству брошено обвинение в реакции и контр-революции после того, как казачьи полки, спасая революционное пр-во, по приказу министров-социалистов 3-го июля вышли решительно, как всегда, с оружием для защиты государства от анархии и предательства и подавили восстание большевиков». Против этого заявления Атамана Каледина никто из участников Совещания не протестовал и не отметил, что в подавлении восстания принимали участие не только казаки, но и другие части.

Н. М. Мельников, бывший членом Донской делегации на Московском Госуд. Совещании, в его воспоминаниях «Личность и деятельность Атамана Каледина», в «Донской Летописи« том 1-й, глава 3-я, не только подтверждает сказанное профессором, но и отмечает, что на это заявление Атамана Каледина по пункту 6-у «вся зала апплодировала».

Отмечает этот факт и П. Н. Милюков в его «Истории 2-й русской революции», отмечено это также в ряде статей, посвященных памяти атамана Каледина и Московскому Совещанию, в журналах «Казачий путь» и «Путь Казачества». Все это свидетельствует о том, что Московское Госуд. Совещание

признало, что восстание большевиков 3-5-го июля было подавлено только при помощи казаков.

Полк. Ф. Елисеев в «Р. Кр.» № 58 поместил статью «Еще одна казачья страница». Она еще в памяти читателей «Род. Кр.» — но я все таки приведу из нее выдержки, т. к. у меня в отделе «обзор совет. литературы» будет идти речь о кубанской дивизии без указания номера, но речь идет несомненно о дивизии, о которой говорит полк. Елисеев. Из этого материала будет видно, что дивизия не «опоздала», а ее, по требованию Совета сол. и раб. депут., задержали на подступах к Петрограду и не впустили в Петроград.

Полк. Елисеев пишет, что 5-ая Кавказская (кубанская казачья) дивизия в составе 1-го кавал. корпуса перебрасывалась к Петрограду, где и было выступление большевиков с целью свергнуть Вр. пр-во, «что корпус опоздал» и что «восстание подавили 1-й, 4-й и 14-й Донс. казачьи полки и что по этому дивизия проследовала в Финляндию, где из Казачьего Союза в Петрограде дивизия получила приглашение «прислать одного офицера и казака для участия в похоронах донских казаков, погибших при подавлении восстания». Ко дню похорон Казачий Союз выпустил однодневную газету «Вольность», в которой известные российские писатели посвятили свои статьи Донским казакам, погибшим при подавлении восстания. Для продажи ее был назначен особый наряд казаков. Выручка от продажи газеты должна была пойти на помощь семьям убитых казаков.

При похоронах на площади перед собором были выстроены три Донских полка, имевшие на правом фланге казачью сотню юнкеров Николаевского Кавалерийского училища. Вид конных полков был величественный, на пиках одеты трауные флюгера, говорившие зрителям о горьком казачьем трауре. В соборе было 9 гробов убитых казаков и тело сотн. Хохлачева, также погибшего при исполнении воинского долга. Когда гробы были вынесены и поставлены на катафалки, Керенский в его речи, обращаясь к стоящим на площади, кричал: «Поклянемся над этими казачьими жертвами, что мы отомстим большевикам» и толпа гулом голосов отвечала «кля-а-нем-ся-я». При движении процессии к месту вечного упокоения, громадный Невский проспект и прилегающие улицы были заполнены безчисленным народом с обнаженными головами. Гробы были вынесены членами Временного Пр-ва, которые и провожали тела убитых к месту упокоения.

Из всего этого полк. Елисеев делает совершенно правильный вывод, говоря: «Если в печальных похоронах участвовали не только Донские казаки, но и члены Вр-го пр., то значит, главную роль в подавлении восстания играли Донские полки».

III. СВИДЕТЕЛЬСТВА ИНОСТРАНЦЕВ

Английский посол в Петрограде **сэр Бьюкенен** в его книге «Моя миссия в России» рассказывает о событиях 3-5 июля: «Пока мы обедали, казаки атаковали крондштадских матросов, собравшихся в прилегающем к посольству сквере, и заставили их обратиться в бегство. После этого они повернули обратно по набережной и попали под перекрестный огонь. Мы увидели лошадей без всадников, мчавшихся галопом, и как на двух казаков, ведущих пленных, напали солдаты и убили их под нашими окнами». Как видим, речь идет опять только о казаках.

Дочь английского посла, **Мариель Бьюкенен,** в ее книге «Крушение Великой Империи», тоже рассказывает о действиях 3-5 июля против вольшевиков только казаков. Она пишет: — «на Невском проспекте происходили сильные бои, на Марсовом поле послышалась стрельба пулемета. По Суворовской площади и по Марсову полю прошли тысячи кронштадских матросов. В обеденное время толпа матросов стала распространяться по Суворовской площади, некоторые из них бежали по мосту и вдоль набережной с обеих сторон. Одни из них бежали молча, другие с криками и проклятиями, а за ними в облаке пыли мчались вдоль Марсова поля казаки, стоя на стременах и стреляя в воздух вслед убегавшим матросам, другие размахивали шашками, третьи, низко наклонившись к седлу, с пиками в руках. Повернув вдоль набережной, они поскакали по направлению к Летнему саду и едва стих шум лошадиных копыт, как послышалась резкая стрельба, которая продолжалась несколько минут. Потом раздался выстрел из орудия, секунду спустя проскакали 3-4 казачьи лошади без всадников и исчезли в направлении Зимнего дворца. Выяснилось потом, что казаки попали в за-

саду у Летнего сада, после чего применили оружие и должны были вести с большевиками настоящий бой на Литейном и в других местах». Засада в Летнем саду, по свидетельству Дыбенко в его воспоминаниях «Из недр царского флота к великому октябрю», была устроена Балтийскими матросами по распоряжению Раскольникова.

Сам Раскольников в его труде «В июльские дни» не только рассказывает об этой засаде, но и подчеркивает, что пр-во защищали только казаки и только с ними матросам пришлось иметь дело. Засаду у Летнего сада он относит к 4-у июля.

А. М. Бьюкенен, продолжая свои воспоминания, пишет: — «И только на другой день к вечеру, т. е. 5-го июля, вышли пехотные гвардейские полки, которые в сопровождении броневиков и захватили мосты, чтобы изолировать большевиков на той стороне реки. Но войска, примкнувшие к большевикам, захватили крепость и угрожали тяжелыми орудиями. Около крепости появились казаки и большевики, не оказав сопротивления, сдались, после наступила тишина и только время от времени проезжали по улицам города казаки и их длинные пики торчали к небу и громко в тишине раздавался стук подков казачьих лошадей».

Взятие крепости относится к 6-у июля, и во взятии ее принимал участие 14-й Дон. каз. пол., прибывший в Петроград 6-го июля в составе «особого отряда». Английского посла и его дочь никак нельзя заподозрить в особых симпатиях к казакам.

Французский журналист **Клод Анэ,** в его книге о русской революции, пишет, что он в беседе с новым французским послом в Петрограде Нюлансом, знакомя его накануне 3-5 июля с положением Вр. пр-ва, говорил Нюлансу, что у пр-ва нет иной силы, кроме моральной, если не считать казаков, силы которых слабы.

(Продолжение следует)

А. П. Падалкин

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА УРАЛЬСКОМ ОТДЕЛЬНОМ ФРОНТЕ

(Илецкое восстание — продолжение № 70)

В декабре 1917 г. после заключения мира в Брест-Литовске, на Юго-Западном фронте начались усиленные«братания» и дезертирство. В 16-ом Армейском корпусе (8-ая армия), в составе которого был 8-ой Уральский каз. полк, было проведено в жизнь «выборное начало». Полк был расположен в ближайшем тылу корпуса с задачей охранения интендантских складов.

В один прекрасный день командир корпуса ген. Щ. со шт. кап. В. приехали в полк. Оказалось, что ген. Щ. советом солдатских депутатов был смещен со своего поста и вместе с ново-выбранным командиром корпуса ш. кап. В. «сбежали» из корпуса к нам.

Развал на Ю.-З. фронте был полным. 1-й Уральский каз полк (9-ая кав. дивизия) с теми же задачами, что имел и 8-ой полк, находился поблизости от нас. Оба полка решили, что в таких условиях оставаться на фронте не к чему. К этому их побуждали неоднократные безтолковые требования Временного правительства и угрозы и нападения дезертиров, нападавших не только на одиночных казаков и отдельные их группы, но даже и на расположение полков. Нападения солдат, дезертировавших целыми полками и бригадами, кончались всегда печально для них, но положение создавалось невыносимое. Для начала было решено воспользоваться приказом по армии нового главнокомандующего прапорщика Крыленко об освобождении нескольких старших возрастов. 8-ой полк был 3-ей очереди. Из этих освобожденных из двух полков был сформирован эшелон в 250 человек. С конями, с оружием, запрятанным под настилкой вагонов, в Хотине эшелон погрузился в вагоны для отправки на Урал. Открыто было оставлено несколько винтовок для возможной сдачи. Погоны, кресты, медали были сняты... Вести эшелон был назначен пишущий эти строки. Вагоны были взяты силой. На каждом большом ЖД узле мне было приказано оставлять отдельных казаков с донесениями для наших полков о своем пе-

редвижении и вообще об обстановке на ЖД линии.

После 22-ух дней мытарств, без одной выводки коней, сохранив оружие, эшелон 13 янв. 1918 г. благополучно прибыл в Уральск, а полки 1-ый, 8-ой, 1-ая батарея, сотня Л. Гв. Сводно-Каз. полка прибыли, также с оружием, в середине февраля. Их «походом» руководил гл. об. командир 8-го полка полк. С. Г. Курин. По пути они должны были (частью выгрузившись в поле) атаковать Воронеж и Саратов для принуждения советских властей пропускать их безпрепятственно.

Еще при моем проезде через Воронеж там уже существовал «Штаб войск, воюющих против Каледина». В этом штабе мне пришлось побывать и защищаться там всеми правдами и неправдами от сдачи оружия, коней и даже и седел. Мне удалось проскочить с оружием только потому, что у меня имелась расписка с печатями и соответствующими подписями о сдаче нами коменданту одной из ЖД. станций 220 винтовок. Фактически же они сданы не были и расписку эту я получил не совсем нормальным образом. Я сдал всего 20 приготовленных винтовок, комендант был малограмотным и к тому же пьяным, и количество сданных винтовок написал только цифрами и моим же карандашем. А мне ничего не стоило попросить нашего вахмистра поставить тем же карандашем впереди цифру «2», вот и получилось 220.

На требование в Воронеже начальника «штаба» не славянского типа Муралова, я ему сказал, что кони, седла и шашки являются личной собственностью казаков и что он может их купить у них с их согласия. На этом все это и кончилось.

На ЖД станции Воронежа был большой безпорядок и нам удалось выбраться оттуда лишь благодаря помощи одного ЖД служащего, донского казака, и начальника товарной станции. При моем посещении он посоветовал закрыть двери вагонов и не выходить до вечера на станцию, а ночью переправил эшелон на товарный вокзал, прицепил паровоз и без всякого спроса коменданта станции отправил эшелон дальше.

После сдачи в Уральске отчетности по эшелону, я уехал в свою Илецкую станицу в ожидании прибытия полка.

Илецкая станица, где произошло первое вооруженное столкновение с красной гвардией, находится на самом севере земли Уральских казаков от Уральска в 150 верстах, от Оренбурга в 120. Ближайшая ЖД станция Новосергеевка — в 70 верстах на ЖД линии Самара-Ташкент. Это единственная станица Уральского Войска, которая расположена на левом (бухарском) берегу Урала. Она была административным центром для соседних 3-ех станиц: Студеновской, Мухрановской и Мустаевской с их хуторами, и коммерческим центром для киргисских аулов, находившихся от нее радиусом до 50 верст. По понедельникам там бывали большие базары — ярмарки скота. Киргизы пригоняли табуны — гурты скота, а самарские купцы и оренбургские казаки были покупателями. Населения тогда было в станице до 10 000 душ, из них 10-15% иногородних. Настроение их в ту эпоху было разное: у казаков было «твердое» и противобольшевистское, а иногородние, несмотря на их хорошее материальное положение, особенно молодежь, сочувствовали красным, и были случаи, что дети богатых людей записывались добровольцами в пришедший в станицу отряд красной гвардии, принимали деятельное участие в организации 1-го Совета и т. д.

Казаки-фронтовики от войны устали, и на войну не рвались, но большевиков среди них в станице, ни вообще в Войске, не было, за исключением нескольких лиц, имена которых потом были всем хорошо известны: доктор Ружейников, сотник Чеботарев Виктор, хор. Зузанов, подхор. Почиталин и еще, возможно, несколько неизвестных.

После демобилизации, возвратившись по станицам, многие казаки нуждались во всем. Во помощь им был организован станичный «Комитет помощи фронтовикам». Впоследствии этот же Комитет превратился в «Комитет Обороны» и был организатором восстания против красных.

Такое настроение я застал вернувшись с герм. фронта в середине января 1918 г. Вначале все было спокойно. Оренбург большевики заняли в начале февраля и вскоре после этого я видел сотню Оренбургского Военного Училища, ночевавшую в станице и отходившую в Уральск, где училище потом было распущено.

Вскоре после занятия Оренбурга красными пошли слухи, что большевики скоро придут в Илек. Никто этому не придавал значения — не верили. Как, придут в Илек? Были еще сильные морозы, а 1-я ЖД станция от нас — в 70 верстах. Жили спокойно, я успел жениться, съездить в Уральск, куда был вызван на демобилизацию полка.

И вдруг, 10-го марта, как снег на голову, в станицу пришел отряд красной гвардии,

около 800 чел. пехоты, до полусотни конных, с 3-я пулеметами и с запасом оружия для возможных добровольцев. Разместили их по квартирам в центре станицы. Помещение, где был Клуб, было занято под штаб отряда. Мой дом был рядом с Клубом, но ко мне казаки-квартирьеры из станичного правления никого не поместили под предлогом находящихся будто бы в доме больных сыпным тифом.

После обеда комиссаром отряда было приказано собрать станичный сход, который и собрался на станичной площади и был немедленно окружен вооруженными красногвардейцами, а за углом магазина купца Муратова был поставлен их резерв с пулеметом.

Комиссар немедля продъявил свои требования:

1. «Принять советскую власть...». На сходе, как обычно, поднялись крики, но потом ему был дан точный ответ: у нас есть своя власть — Войсковое правительство в Уральске, к нему и обращайтесь. Если наше Правительство примет вашу власть, то и мы примем.

2. «Сдавайте оружие...». Опять поднялись крики возмущения, но был дан ясный ответ: оружия у нас нет, при демобилизации оно всеми было сдано в Уральске.

3. «Выплатите контрибуцию в 2 000 000 рублей...». Снова поднялся крик, но уже с угрожающими жестами... обстановка накаливалась и комиссар приказал стрелять из пулемета по сходу. Невооруженные, казаки разбежались кто куда мог. Но, повидимому, заранее было приказано стрелять по верху, т. к. убитым оказался лишь один подхор. Фролов.

У нас действительно никакого оружия не было, за исключением случайных 10-15 винтовок и десятка или двух охотничьих ружей. Шашки, конечно, фронтовики имели все, да еще несколько пик почему то сохранившихся в станичном правлении. После разгона схода красные ушли с площади, а разбежавшиеся казаки тайно собрались в стан. правлении. «Комитет помощи» был превращен в «Комитет Обороны» с полной властью от «общества», как в подобных случаях называли «властвовавших».

Комитет немедленно связался с полк. Д. А. Балалаевым, который после демобилизации жил в г. Илеке и пользовался большой любовью и уважением казаков станицы. «Комитет Обороны» вынес постановление держаться тех ответов, что были даны комиссару на сходе и предъявить ему ультиматум покинуть станицу к 12 ч. дня вторника (сход был в субботу). Если же он этого не сделает, то пусть берет на себя все последствия. Одновременно предупредить казаков станицы, что в случае отказа комиссара выполнить требование Комитета, 13 марта атаковать и выгнать красных.

В постановлении Комитета Обороны было добавление: казаки и офицеры, которые не будут выполнять приказов Комитета Обороны, будут «лишены всех казачьих прав».

После схода большевики арестовали несколько богатых людей, не желаявших платить установленные красными суммы, и несколько офицеров: сот. Сорокина, хор. Сергеева. Арестованные были отведены в Клуб. Было также реквизировано несколько коней, седел и шашек у казаков.

Так как ультиматум еще не был послан, то к нему добавили требование освободить арестованных и вернуть захваченное имущество. Обстановка сгущалась и накалялась... Комитетом при большом участии полк. Балалаева был выработан план действий и атаки. Полковник еще укрывался, связь с ним поддерживалась через назначенных Комитетом лиц. Необходимо отметить энергию и работоспособность Комитета, главными его руководителями были подхор. Разживин Александр, Небатаев Иван и некоторые другие, имена которых я не помню.

В воскресенье, 11 марта, в соседние станицы были посланы гонцы с просьбой о помощи, с указанием, что если таковая будет, то требовалось обложить г. Илек со стороны Урала и по набату в станице — ее атаковать. Сама станица или город Илек, как я ее называю, базарной улицей была разделена на два участка. Участком в сторону р. Илека командовать назначен был пишущий эти строки, а другим — в сторону моста через р. Урал и паровой мельницы — сот. В. С. Юткин.

Со стороны красных, занимавших станицу, никаких новых действий не было. Потом стало известно, что они ждали подкреплений.

Наш ультиматум был вручен комиссару в понедельник утром 12 марта. Ждали полудня вторника напряженно, за час-полтора до восстания произошло несчастье, которое еще больше накалило атмосферу. Двумя красногвардейцами, пришедшими за ним, был арестован сот. В. С. Юткин. Повели его в Клуб. Обидно стало ему, что его, георгиевского кавалера, два каких то мужиченка, на глазах у всех, арестовали и ведут, как вора или пьяницу... Василий Сергеевич был произве-

ден в офицеры из подхорунжих после получения двух Георгиев в одном полку со мной. Под конец войны, уже сотником, командовал 3-ой сотней 8-го Уральского Каз. полка. Когда вывели его на улицу, потемнело у него в глазах, не стерпел удалой, вырвал он винтовку из рук одного из его сопровождавших и заколол его на месте. Другой успел бежать. Недалеко от месте происшествия, находилось около взвода красногвардейцев, они бросились к сотнику и он был убит в соседнем дворе. Вооруженных казаков никого поблизости не было. Согласно плану атаки, к этому часу они были на окраинах станицы, незаметно, по дворам сосредоточиваясь вокруг постов красных. По первому удару набатного колокола они должны были снять посты и двигаться к центру.

Мне удалось избежать ареста, несмотря на то, что я временно жил в доме тещи, соседнем со штабом красных. Красный патруль приходил за мной еще в воскресенье, но моя теща его уверила, что я уже три дня тому назад с женой уехал в Уральск. Коней в доме не было, они были у моего отца — доказательство моего отсутствия было на лицо.

С утра 13 марта казаки, главным образом Студеновской станицы, обложили г. Илек со стороны моста и правее. Все они приехали на санях. Не ожидая тревоги-набата, они в пешем строю по льду повели атаку на Челышеву мельницу, где была расположена красная пехота с пулеметами. Завязался бой... К красным подошло подкрепление. В это время раздался набат, посты красных, расставленные вокруг станицы, были сняты казаками, все двинулись к центру. Полк. Балалаев руководил наступающими казаками. Студеновцы взяли Челышеву мельницу, а пехота красных, не зная, что клуб и центр станицы уже заняты казаками, отступала в этом направлении. Конница их бросила свою пехоту и ускакала по дороге в Оренбург.

Клуб — штаб отряда красных — был взят приступом, несмотря на жестокий пулеметный и винтовочный огонь оттуда. Казак-богатырь Зиновий Баранов, плечом выбил запертую и забаррикадированную дверь, казаки ворвались внутрь, перебили красных и освободили арестованных. Утром потом рассказывали, что все стены были забрызганы кровью. Главный руководитель красных, иногородний, комиссар Чукан был еще до взятия клуба убит, пронизан пешней, казаком Венедиктом Савиным, моим соседом и соседом клуба. Целый вечер труп Чукана лежал перед воротами двора Савина.

Пехота красных, отступавшая к центру станицы, была почти вся перебита наступающими студеновцами и казаками станицы, в каждом каз. дворе ожидавшими ее с ружьями, вилами, пешнями, с чем попало. Даже мальчишки казачата пронимали в этом участие. Каким то чудом уцелевшие укрывшиеся, красные вылавливались и приводились на площадь станичного правления. К 6-и часам вторника 13 марта все было кончено — красных больше не было. Я возвратился в станичное правление и нам с полк. Балалаевым пришлось потратить много усилий, чтобы удержать казаков на площади от самосуда над приводимыми красногвардейцами и красными добровольцами из местных иногородних. Центр станицы и клуб были завалены трупами убитых красных. Атаманом станицы и Комитетом обороны были спешно назначены казаки для очищения станицы: во льду Урала были пробиты большие проруби и все трупы были спущены под лед.

До позднего часа мы с полк. Балалаевым оставались в станичном правлении. Наши потери в этом, до крайности импровизированном, бою были ничтожны — несколько казаков легко раненых.

Вечером же 13 марта нами был послан гонец в Уральск с докладом Войсковому правительству о случившемся. Ибо восстание в Илецкой станице произошло стихийно, неожиданно и без всякого участия в нем Уральска.

Вернувшись домой, я увидал, что весь двор полон коней, а дом полон казаков: то сотня Бородинского поселка пришла нам на помощь. Поселок этот расположен в 45 верстах от Илека, чем и объяснилось опоздание казаков. Остановились же они все у меня, так как их привели вахм. Тетиков и подхор. Сигней Давыдович Ражков. Тетиков был вахмистром в моей сотне в 8-м Уральском полку, а Ражков был охотником: было ему 77 лет, на груди у него было 4 георгиевских креста, 4 медали, имел одну деревянную ногу. В нашем полку он был знаменосцем, но всегда находился при мне, так как я был инициатором его принятия в полк.

Едва я успел поужинать и прилечь, как раздался набат на двух церквах. Я немедленно направился в станичное правление, там нашел полк. Балалаева и казака с заиндвиневшей от мороза бородой, который только что прискакал из поселка Лапаза, ближайшего к ЖД станции Новосергеевск

с донесением, что из Лапаза выступил большой отряд красных, с артиллерией, в направлении на Илек. От Илека до Лапаза около 40 верст. Отряд этот выступил после обеда.

Наша станичная площадь уже полна конными и пешими казаками. Полк. Балалаев, выйдя на крыльцо правления, сообщил собравшимся о полученных сведениях и приказал всем быть на площади, конными или пешими, кто как может, на утро следующего дня.

Утром, как приказано, я явился в правление. Полк. Балалаев приказал мне взять всех конных, собравшихся на площади, и занять поселок Уманский в 4-ех верстах от стан. Мухрановской, через которую подимому, и должны пройти красные. Оставаться скрытыми, выслать гонцов в Студеный и соседние поселки и хутора с просьбой о помощи. При движении красных пропустить их, дать им выйти из станицы Мухрановской, после чего занять ее и атаковать красных с тыла. Пехота наша, под командой ес. И. И. Портнова, займет перевал в луке Зумора (на половине пути до Илека) и атакует красных в лоб, одновременно со мной.

Я занял Яманский, выслав разъезды для наблюдения за дорогой. Со всех сторон ко мне начали прибывать конные казаки, набралось у меня около 500 человек. Но разъезд, наблюдавший за дорогой, скоро донес, что отряд красных, выйдя из Лапаза, был догнан их разъездом, после чего повернул влево и ушел на село Кулагино Самарской губ., через хут. Ржавский. Немедленно был уведомлен об этом полк. Балалаев, который с пехотой отошел в г. Илек. Мне также было приказано возвратиться, распустив по домам казаков, собравшихся нам на помощь.

Так как телеграфное сообщение Илек-Уральск шло через Оренбург, занятый в то время большевиками, наша связь с Войск. Правительством была установлена посылкой гонцов. Поэтому решение Уральска было нами получено через несколько дней. На совместном заседании Войск. П-ва и Войск. Съезда было решено, что Войсковая власть всю ответственность за события в Илеке берет на себя, а в случае новых нападений красных на наши станицы обещает нам помощь. Будучи морально поддержаны В. П-вом, мы были готовы к возможным в будущем осложнениям. До наступления полной распутицы, таяния снегов и вскрытия Урала, большевики несколько раз выходили со станции Новосергеевки напасть вновь на Илек и каждый раз наши дружины выходили им навстречу. Но наши тревоги были напрасны. Каждый раз по выходе из Лапаза большевики поворачивали вправо или влево.

Наконец Урал вскрылся и мы оказались отрезанными от всего мира, кроме Оренбурга. Между ним и Илеком нет ни рек, ни иных естественных преград: ровные степи тянутся по левому берегу Урала.

Париж.

П. А. Фадеев

КНИГА, КОТОРАЯ ЗАСЛУЖИВАЕТ НОБЕЛЕВСКУЮ ПРЕМИЮ, НО КОТОРАЯ ЕЕ НИКОГДА НЕ ПОЛУЧИТ

Под таким заглавием в июньском номере «Часового» (№ 492) была опубликована рецензия на книгу известного польского писателя Мацкевича «Лева Вольна» (Лондон, 1965).

В прошлом Мацкевич — участник гражданской войны в России и войны Сов. Союза с Польшей. Другая его книга «Контра» описывает гражданскую войну на Дону и судьбу семьи донского казака и заканчивается выдачей главного героя в Лиенце.

Мацкевич не только писатель и блестящий публицист, но и глубокий вдумчивый исследователь прошлых исторических событий. Его книги не только интересное чтение, но содержат и целые главы, посвященные их точному описанию. Поэтому его труды представляют большой интерес для всех участников борьбы с коммунизмом и для тех, кто интересуется этим вопросом. Многое из прошлого становится понятным.

Вот, что пишется в «Часовом».

«Лева Вольна!» это команда в польской кавалерии соответствует нашей «Повод вправо!», когда кавалерия, идя по дороге справа по три, подается, чтобы слева дать свободный проход. Так озаглавил свою книгу Иосиф Мацкевич, самый талантливый из польских писателей в изгнании. Повесть из времен Польско-Советской войны 1919-20 г. г. Эта война происходила в то же время и в той же обстановке, как еще не закончившаяся гражданская война на русских просторах. По составу участников тоже не было большой разницы, так как красные части перебрасывались с юга России на польский фронт и с польского на фронты под Орлом и в Крыму. В польских войсках было много русских, как индивидуально, так и в частях ген. Перемыкина, Булак Балаховича, казачьих Сальникова, Духопельникова, Яковлева. Наконец, большинство поляков были только недавно подданными Российской Империи, и потому вся война носила очень близкий характер к тому, который существовал на фронтах белых армий. Яркое и точное описание этой эпопеи представляет для нас, участников Белого Движения, очень большой интерес.

Иосиф Мацкевич не только талантливый беллетрист, ярко и верно рисующий батальные картины, безошибочно дающий читателю живые типы солдат, офицеров, польских помещиков, местечковых евреев, но беспристрастно рисует и пресловутую «стратегму Пилсудского», когда польская армия по его приказу стояла с винтовкой «к ноге», ожидая, чтобы большевики смяли добровольческие части под Орлом и Брянском. Деникин спешно послал курьера в Варшаву и предложил И. Пилсудскому: «Пусть польские войска перейдут в наступление только вдоль линии Мозырь-Калинковичи в общем направлении на Днепр. Этого будет достаточно. Вы на этом участке располагаете четырехкратным преимуществом сравнительно с большевиками. Тогда мешок, в котором находится вся 12-я советская армия, будет завязан. Левое крыло Добровольческой армии получит свободу действий. А правое крыло большевиков окажется перед смертельной угрозой этого наступления. Польская армия сократит фронт и освободит все свои силы на южном участке фронта. В такой перспективе падение Москвы и окончательный разгром большевизма станет неизбежным».

В это время, несмотря на заявления Колчака и Деникина о признании польской независимости, Пилсудский на совещании командующих войсками заявляет: «Меньшим злом для нас будет помочь красной России побить Белую. Если мы сейчас поможем Деникину в борьбе с большевиками, то это была бы в сущности борьба за Россию. А мы боремся за Польшу против всякой России. Пусть Запад говорит себе, что хочет, а мы не дадим втянуть себя в боьбу с русской революцией, но, наоборот, во имя неизменных польских интересов, облегчим революционной армии действия против контрреволюции». Одновременно, для отвода глаз, Пилсудский выслал к ген. Деникину своего посла ген. Карницкого и в придачу к нему Ивановского, товарища Пилсудского по революцинной деятельности. Ленин был поставлен в известность о решении Пилсудского и, оставив незначительные заслоны на польском фронте, перебросил под Орел и Брянск, против 1-го корпуса добровольцев, войска в количестве 43-х тысяч штыков и сабель (большая часть 12-й армии, новосформированные «червоные казаки» *), бригада Павлова). Последовало поражение белых, отход на Дон, Кубань и потом на Новороссийск.

Хотя и кратко, но очень красочно рисует автор поход Пилсудского в мае 1920 года на Киев, для «Освобождения Украины». Занятие поляками Киева не сопровождалось нарождением Украины и, постояв там недолго, поляки закончили бесплодное путешествие, потеряв около 60-ти тысяч человек, и вернулись на исходные позиции.

В Иосифе Пилсудском, человеке волевом и польском патриоте, смешались совершенно различные и исключающие один другого элементы: «Кресового» (окраинный) шляхтича с налетом романтизма и мечтаний о великой Речи Посполитой «от моря и до моря» и социалиста, террориста революционера (Пэ Пэ Эс, Польская Социалистическая Партия), приятеля и товарища Савинкова, Феликса Дзержинского и Ко, ненавистника Царской России, по тюрьмам которой он сидел, и, наконец, присяжного конспиратора, заговорщика, устроившего в собственной армии уже независимого польского государства тайную, замаскированную организацию ПОВ (Польска Организация Войскова), которая действовала сама по себе по его указаниям.

---

*) «Червонные казаки» ничего общего с настоящими казаками не имели. Это были отряды образовавшиеся на Украине, из украинцев, после ухода немцев. (Редакция Р. К.)

4-го июля Тухачевский сильным ударом прорывает на северном участке польский фронт.

Литва в отношении Польши заняла позицию подобную той, какую Пилсудский занял в отношении белых. 12-го июля Литва подписала договор с большевиками с обязательством пропустить красную армию, преследовавшую поляков, отступавших к Варшаве.

Вслед за советскими войсками на территорию Польши следует Революционный Комитет Польши с членами Юлианом Мархлевским, Феликсом Дзержинским, Феликсом Коном, Эдвардом Прухняком и Иосифом Уншлихтом. На одном из заседаний Комитета Дзержинский поучал: «От искусного проведения красного террора зависит для нас возможность избежать неожиданностей, которые постигли товарища Белла Куна в Венгрии. Мы не ведем войны с единицами, но с целым классом буржуазии и должны уничтожить ее, как класс. Народ польский должен ясно почувствовать, что мы уничтожаем только класс, который его эксплуатировал. И мы должны это сделать сразу. Это самое важное».

С криками «Даешь Варшаву!» на польскую столицу наступали красные войска.

Автор рисует трех улан на улицах Варшавы. Один из них донской казак Белкин, два другие поляки. Они останавливаются около воззвания:

«Граждане поляки! Наш вечный враг нам угрожает...» Белкин по слогам прочитал по польски, пожал плечами и проворчал:

— Почему вечный? Разве большевизм начался века тому назад?

— Не знаю, — отозвался Карась.

Идут бои под Варшавой, 2-го августа Иосиф Сталин, председатель Военно-Революционного Совета Юго-Западного фронта при войсках Егорова и Буденного под Львовым, получает депешу от Ленина: «Произвели в Политбюро разделение фронтов и постановили, чтобы вы исключительно занялись Врангелем. В связи с восстанием на Кубани и Сибири опасность со стороны Врангеля становится угрожающей, и ЦК требует немедленного заключения мира с буржуазной Польшей. Прошу все взвесить относительно вопроса с Врангелем и представить свое мнение. Ленин».

1-го августа Сталин получает новую депешу:

«Наша победа в Польше велика и будет полной, если мы добьем Врангеля. Принимаем все меры. Нажмите и вы, чтобы в результате нашего наступления любой ценой захватить Крым. От этого зависит все. Ленин».

16-го августа Пилсудский собрал ударную группу верховного вождя в составе: 14-й, 16-й, 1-й и 3-й дивизии легионов, двух бригад кавалерии, бригады Булак Балаховича, донских казаков Сальникова — и нанес удар с юга, восточнее Демблина во фланг наступавшим советским армиям. Совершилось чудо на Висле. Сталин, согласно распоряжениям Ленина, не допустил Буденного подойти на помощь Тухачевскому и советские войска в беспорядке покатилить назад. В Крыму Врангель вел непрерывные бои в Северной Таврии

12-го октября Пилсудский, имея перед собой совершенно разбитые остатки советских войск и свою победоносную армию в двадцать раз превосходившую силы Врангеля (у поляков 900.000, у Врангеля 40.000), спешно заключает мир с большевиками. Еще до его заключения в Риге, за три дня перед этим по приказу Пилсудского начинается разоружение русских частей в польской армии (ген. Пермыкина, Сальникова, Булак Балаховича и др.). Руки большевиков на крымском направлении совершенно развязаны.

Напрасно добивается ген. Махров, посланный Врангелем к Пилсудскому, аудиенции. Пилсудский его не принимает. В разговорах в Варшаве лица, знающие положение, говорят: «главной целью рижского мира было развязать руки большевикам, закончить русскую контрреволюцию, или повторить маневр в отношении Врангеля, который был применен осенью 1919 года в отношении Деникина».

«28-го октября», пишет Мацкевич, «Буденный начинает наступление от предмостного укрепления на Днепре в Каховке в направлении на Петровское-Рождественская. Врангель переходит в контрнаступление. Но, несмотря на все, силы были слишком неравные...

Около села Рождественского идут упорные бои. Генералы: Кутепов, Абрамов, Барбович, Туркул, Писарев разбивали несколько раз более многочисленные большевистские группы, пробивались из окружения, переходили в контратаки. Но отход и связанное с этим постепенное разложение сил они не были в состоянии остановить».

Это политическо-историческая канва книги. Но на этом фоне вы видите живых людей и их переживания.

. . . . . .

Расплата за политическую игру Пилсудского пришла для польского народа позже, после его смерти. Это было 17-е сентября 1939 года, когда советские армии перешли польскую границу и заняли Польшу до Буга, а по окончании войны с немцами оккупировали всю Польшу. Польские патриоты, погибавшие в концентрационных лагерях, заполнившие своими телами ямы-могилы в Катынском лесу или погибшие в развалинах Варшавы, были уплатой польской кровью по дружественному векселю, выданному Пилсудским Ленину в 19-м и 20-м годах.

Димитрий Пронин

***

Ветерок по балкам листья кружит,
По завалинкам метелицей метет,
По чубатому жалмерка крепко тужит,
А чубатый никогда уж не придет.

Казака умчал далеко конь ретивый,
В чужедальнюю сторонушку унес,
Не махать коню в степях ковыльных гривой,
Не вплетать казачке ленты в темень кос.

По-над Доном плачет чибис на рассвете,
Никнут вербы по затонам у реки...
Ветер, ветер! расскажи, ты не приметил,
Не идут ли из похода казаки?

Но летит бездумный ветер над станицей,
По закоскам жадно лижет вязкий ил,
Полегли казачьи силы заграницей,
Много по миру неведомых могил...

Н. Кузнецов

ИЗ БОРЬБЫ ДОНСКИХ КАЗАКОВ С БОЛЬШЕВИКАМИ

(Ноябрь 1917 г. — апрель 1918 г.)

(Продолжение № 70)

После всего пережитого мне захотелось остаться самим с собой наедине, наверное это было от переутомления. Вошла мама и позвала всех на ужин, сказав, что работники уже ждут нас.

На кухне мама по праздничному накрыла большой стол, на котором уже находился поджаренный поросенок, гусь и многое другое.

Прежде всего, как и полагается, традиционный казачий борщ, наваристый и душистый, которого я не ел уже давно. Были всем налиты рюмки и рюмочки и все ждали слова отца по поводу моего прибытия.

Отец повременил, как бы что-то обдумывая, но, как потом оказалось, он крепил свои нервы, чтобы не разрыдаться. Затем он начал: «Не думали мы, Алексей, увидеть тебя и прослушать твой интересный исторический доклад, который ты сделал сегодня на хуторском сходе!» Но нервы не выдержали и он зарыдал.

Я быстро поставил свою рюмку на стол, обнял своего горячо любимого отца и, целуя его, сказал: «От души радуюсь, дорогой папа, видя слезы радости, но как близко я был от смерти... Потом я об этом рассказу когда нибудь вам всем.

Сейчас, дорогие, мы веселимся и не будем омрачать нашего веселия кошмарными рассказами. Выпьем же за мой счастливый возврат в родное семейство. Я, со своей сторо-

ны, рад, что всех вас увидел счастливыми и здоровыми».

Мирон Михайлович, работник, много лет работавший у нас, выпив, стал веселым и разговорчивым. Кроме него, у нас было еще два молодых работника из слободы Донецкой. Отец налил уже по третьей, но я отказался и принялся за борщ, поросенка и гуся, но от чрезмерного потребления воздержался, так как от такого обилия явств отвык и боялся себе повредить.

Мирон вспоминал времена нашего детства, когда он нам рассказывал сказки и повести, мешая действительность с вымыслом. Во время своих рассказов он не терпел возражений и замечаний, так что мы должны были терпеливо его выслушивать. После ужина все разошлись.

Дома я проводил время, помогая работникам по хозяйству и никуда не выходил. А в хуторе в это время сходы собирались каждый день и отец с Михаилом не пропускали ни одного собрания. Что решали на сходах я не спрашивал, но одним ухом слышал, что отец бурчал на фронтовиков, которые признавали советскую власть и требовали назначения твердых цен на пшеницу по 4 рубля за пуд, в то время как она продавалась у нас по 15 руб. за пуд.

Советская власть хотела натравить бедных на богатых или зажиточных хозяев, но многие в это сумбурное время еще не понимали истинной цели большевиков. Положение казачьих хозяйств у многих было катастрофическое. Поголовная мобилизация казаков на войну с немцами оставила семьи без мужчин и вся работа легка на женщин с малыми детьми, которые не справлялись с ней и хозяйства с каждым годом все больше и больше приходили в упадок.

Хозяин три года не был дома, но он и сам догадывался о том, в каком состоянии может быть хозяйство, а когда пришел домой, то и сам увидел всю катастрофу. С семьей нужно прожить до нового урожая, а семена нужно купить, засеять и ждать когда уродит. Советская пропаганда подсказывала этим беднякам, как можно получить дешевое зерно для пропитания и покупки семян и вполне естественно, что они требовали объявления о твердых ценах.

Должен все же констатировать, что большинство безхлебных казаков не желало применения подобных насильственных мер против своих же хуторян.

Надо было искать выход из положения, чтобы не произошло раскола среди казаков хутора. Как читатель увидит — выход был найден, но об этом будет сообщено в дальнейшем.

Я на сходе не показывался не потому, что не интересовался тем, что там делается, а потому, что после пережитого хотел пару недель отдохнуть душевно. Да и считал себя еще слишком молодым и мало опытным, а посему и решил предоставить решение хуторских дел более опытным в этом деле. Как-то вечером, сидя в рабочей комнате и читая какую-то историческую повесть, я услышал стук в окно. Это был казак второй очереди, хорошо мне знакомый, но я никогда никаких дел с ним не имел и, поздоровавшись, спросил, с чем хорошим пожаловал Василий Семенович?

«Да дело вот в чем, Алексей Иванович, сход хутора Коновалова просит вас сейчас же прибыть со мной на сход и я привел для вас и заводного коня по распоряжению хуторского атамана». Я спросил его о том, присутствует ли на сходе мой отец, на что он ответил утвердительно.

Быстро одевшись и выехав на улицу, мы двинулись рысью и через 10 минут были уже в правлении хутора.

После короткого приветствия, хуторской атаман ознакомил меня с вновь избранным составом хуторского совета, в который вошли фронтовики в подавляющем большинстве, но председателем совета избрали бывшего атамана, а меня, как он сказал, заочно избрали секретарем и теперь «мы просим вашего согласия, Алексей Иванович». Я, в свою очередь, обратился к атаману и спросил, а спрашивали ли вы и весь сход хутора Коновалова согласия моего родителя? Мой отец как бы виновато и оправдываясь, быстро ответил в том смысле, что он свое согласие дал, но добавил, что поставил условие: председателем совета должен оставаться атаман и только в том случае ты будешь у него секретарем. Я спросил еще раз сход, согласны ли казаки с моей кандидатурой в секретари? Если кто против, то прошу поднять руку. Весь сход дружно и громко подтвердил свое согласие.

Поблагодарив общество за честь, оказанную мне этим избранием, я предупредил сход о том, что я в общественных делах новичек и только под опытной рукой бывшего атамана, а также дружным сотрудничеством всего совета мы можем надеяться, что мы справимся с возложенными на нас обязанностями. Затем постановили обрать на другой день сход, не позже десяти часов утра, а члены совета к семи час. утра.

С помощью брата Михаила мы составили

проект создания комиссии по обследованию запасов зерна на хуторе.

Когда на другой день мы собрались, то я попросил у председателя совета разрешения сказать вступительное слово на тему сегодняшнего заседания совета. Получил разрешение, я обратился к совету: «Дорогие хуторцы, нам с вами сход поручил наладить в хуторе нормальную и спокойную жизнь.

Я, с своей стороны, предлагаю проект, который состоит в следующем: избрать комиссию из шести человек и для успешности работы разделить ее на три части по два человека. Каждые два члена комиссии получат от совета разграфленные листы, в которых будут отмечаться следующие данные: сколько членов семьи, скажем, у Тимофея Самолаева, сколько он имеет пудов пшеницы, жита, ячменя и проса. Определять будет комиссия на глазок с хозяином дома на месте, ни в коем случае не преувеличивая.

Дальше идет графа: сколько спахано зяби или наволоком будет сеять этот хозяин? У иногородних комиссия запишет только членов семьи».

Атаман поблагодарил меня за мой проект, который вполне разрешил трудный вопрос, и этот проект мы предложим сходу, чтобы он его немедленно утвердил. По приказанию атамана-председателя мы написали соответствующее постановление, которое тут же подписали все члены совета. Нашлись люди, знакомые с кнацелярским делом, которые и принялись к заготовлению графленых листов. Одновременно мы просили атамана внести на этом же сходе предложение об избрании комиссии для выработки твердых цен на зерно.

Открыв сход, председатель предложил избрать комиссию из шести хорошо грамотных казаков. Когда комиссия была избрана, то совет разделил ее на три части.

Каждая часть получила свой район обследования и графленые листы. Выслушав напутствие атамана о том, чтобы работу проводили мирно, без шума, с обоюдного согласия, комиссии направились выполнять поручение схода.

Затем атаман предложил избрать вторую комиссию из шести человек, в которую три войдут от тех, кто нуждается в хлебе, а три от тех, кто имеет лишний хлеб для продажи. Эта комиссия должна выработать твердые цены на зерно, а сход их должен утвердить. Когда сход утвердил предложенных атаманом кандидатов, то избранная комиссия удалилась в другую комнату и через 20-30 минут вернулась на сход и предложила утвердить новые цены на зерно: пуд пшеницы продавать по 9 руб., за жито 5 руб., за ячмень 4.50. Сход единогласно цены утвердил и поручил атаману-председателю опубликовать их для населения.

Этим постановлением были полностью выбиты все козыри советской пропаганды, пытавшейся внести рознь в казачьи ряды.

К вечеру первая комиссия закончила свои обследования и сдала графленые листы в совет. Проверил записи, совет подсчитал запасы зерна в хуторе, необходимое количество зерна для посева и прокормления населения до нового урожая, — нашел, что все нужды легко будут удовлетворены и останется еще большой излишек зерна. Это радостное сообщение совета быстро облетело весь хутор и вызвало ликование всего населения.

А ведь еще не так давно думали посылать на Кубань для закупки для хуторян зерна. Мой отец предложил двести пудов пшеницы, очищенной для посева, по цене шесть руб. за пуд, но поставил условие о том, что нуждающихся он сам найдет.

Совет поблагодарил отца за жертвенность и только председатель попросил его сообщить совету имена получивших от него хлеб, для отметки в книге.

Свой хлеб отец отдал многодетным порядочным фронтовикам, которые нуждались в семенах. Всем нуждающимся казакам были выданы квитанции за подписью председателя и секретаря и указание, у кого он может получить это зерно по твердым ценам. Может быть все, что предпринял совет и было слишком примитивно, но казаки руководствовались в своей деятельности законами Божьими и братско-казачьими. Но не обошлось и без непорядков.

Один край нашего большого хутора назывался Горбачев. Кто-то из умников этого края предложил создать независимый совет от Коноваловского. Вновь избранный совет начал работать по большевистским предписаниям и это чуть было не привело к серьезным беспорядкам.

К нам в совет пришло несколько хозяев горбачевцев и заявили, что они не желают быть отделенными от хутора Коновалова, к которому всегда принадлежали.

Они просили послать от Коноваловского совета уполномоченных и предупредить горбачевский совет об этом. Наш совет решил удовлетворить их просьбу и пошли атаман-председатель, секретарь и заместитель председателя из бедных казаков-фронтовиков.

Когда мы пришли на горбачевский край, то увидели следующую картину: около двора богатого казака Брехова стояло несколько порожних подвод, а во дворе толпилось человек пятнадцать горбачевцев, с горбачевским советом во главе. Как только они увидели нас, то все они разбежались. Когда мы зашли во двор Брехова, то встретили там нескольких оставшихся стариков, пришедших, из любопытства, посмотреть. Оказалось, что их совет постановил отобрать у хозяев все лишнее зерно, свезти его в совет, а потом распределять неимущим. Это глупое и необдуманное постановление делалось под диктовку большевистских советников.

Они не приняли в расчет того обстоятельства, куда ссыпать свезенное зерно. Ведь у них не было ни амбаров, ни складов, а у хозяев оно бережно хранилось в сухих амбарах. Объяснив старикам о положении зернового вопроса в Коноваловском совете, атаман рассказал им, как были все удовлетворены зерном для посева и для пропитания, причем различия не делалось между казаками и иногородними, все получили одинаково. Если пожелаете воспользоваться нашими порядками, то милости просит завтра же пожаловать на сход в Коновалове, а то ведь до сева остались считанные дни.

Горбачевцы заверили, что завтра утром все они соберутся в нашем совете и заявят, что не хотят отделяться от нашего хутора Коновалова и хотят жить в нем, как и раньше жили.

Сказав это, старики стали расходиться по домам, а мы пошли тоже, разговаривая о поступке горбачевского совета. П. Е. Самсонов высказал свое мнение об этом поступке, который ничего не имеет казачье-народного, а только лишь слепое выполнение предписаний советской власти. Увидя же нас, они поспешно разбежались, так как имели на своей казачьей совести нечто нечистое. «Да, вы верно охарактеризовали поступок горбачевского совета, ответил я, но не упоминайте об этом, когда завтра к нам прийдут горбачевцы».

Атаман поддержал меня и мы стали прощаться.

На следующее утро правление хутора было полно горбачевцами. С ними пришли и члены их бывшего совета. По распоряжению атамана я ознакомил их с нашей работой по обеспечению семенами неимущих казаков, а также хлебом до нового урожая. Затем рассказал им о твердых ценах на зерно. Я переспросил потом, всем ли было понятно то, о чем я говорил. Все громогласно заявили, что они все прекрасно поняли и оценили разумные постановления совета.

Затем горбачевцы заявили, что признают все постановления Коноваловского совета обязательными для себя и будут их выполнять, как и в прошлом.

Ими было избрано шесть человек в комиссию, которая так же, как и в Коноваловом, обследует все хозяйства и запишет все в разграфленые листы. Таким образом все неимущие были удовлетворены на горбачевском крае, а жизнь в хуторе потекла мирно и спокойно.

Задумываясь над тем, почему часть казаков северных округов оказалась на стороне советской власти, можно это объяснить случившимся в горбачевцами, которые, не обдумав хорошенько предписания советских властей, чуть было не натворили глупостей, которые могли бы им принести в будущем большие неприятности, поскольку породили бы массу недовольных. Боясь их мести, члены горбачевского совета искали бы защиты у советской власти. Слава Богу, такую развязку удалось предотвратить, а в скольких случаях ее предотвратить не удалось? Ведь не надо забывать, что казаки в политике разбирались очень слабо, советским провокациям поддавались легко, так как со стороны советской власти действовали провокаторы, всеми силами старавшиеся расколоть крепкий казачий орех. В это судьбоносное время надо было быть сугубо осторожными не только казакам, но и их вождям, которые, не думая о последствиях, часто рубили с плеча, а большевики, пользуясь такими ошибками, дискредитировали правое казачье дело.

Большой вред казачьему делу принесло и отношение к казакам, попадавшим в плен казачьей армии. Частые расстрелы пленных не оставались тайными и бывшим в советских частях казакам не оставалось ничего иного, как воевать дальше в советских рядах, так как, даже добровольная, сдача в плен грозила многими осложнениями, а может быть и смертью. Никто не анализировал положения, заставившего многих казаков фронтовиков уйти к красным вначале войны. Многие фронтовики пришли после войны к разбитому корыту, а свои местные и хуторские власти не додумались до того, чтобы им помочь, в то время как большевики обещали всяческие блага и там, где они захватили вначале власть, помогали бедным казакам очень щедро, так как эта помощь опять таки им ничего не стоила, поскольку шла из казачьего кармана. Больше-

вики создавали себе политический капитал из казачьих рессурсов. Много позже, когда так геройски оборонялись от большевиков Верхне-донцы, в продолжении нескольких месяцев окруженные со всех сторон, а перед тем добровольно сложившие оружие перед красными, — начали понимать и казачьи вожди, что подход к казакам, находящимся в рядах красных, должен быть иной, более гуманный. После этого начались случае добровольного перехода казаков в казачью армию. Первоначальный подход много способствовал нашему поражению.

Начали готовиться к весеннему севу. В этом 1918 году весна пришла рано и я выехал за 35 верст на зимовник, где начинался у нас главный посев.

Все тревоги улеглись, новости не тревожили, да они и не доходили к нам, в степь.

Посев мы закончили скоро и я приводил в порядок наши притивные постройки.

Утром 17 апреля я запрег лошадь в дрожки и выехал в хутор Коновалов. Была среда Страстной седьмицы. День был солнечный и теплый. Засеянные поля уже покрылись всходами, а на душе было легко и спокойно, как бывало и раньше перед Пасхой, во времена беззаботного детства.

За месячное отсутствие хутор успел так принарядиться, что его было и не узнать теперь. Вишневые сады, в которых утопал хутор, кусты терна, груши, яблони покрылись зеленью листьев и розово-белым цветом яблонь. Все цвело и благоухало!

Среди же цветущих зеленых садов, как мазки художника, небрежно брошенные в общую красивую картину, выделялись дома и другие хуторские постройки, крытые жестью и покрашенные зеленой и красной краской, с выбеленными к Пасхе стенами, как это было вообще принято у казаков.

В юности я не раз любовался этой картиной, но за три года пребывания на фронте, когда я был лишен этой радости, — эта картина вновь предстала перед моими глазами и я в радостном упоении взирал на мой хутор Коновалов в весеннем наряде.

Вот я и у высоких ворот нашего, опрятно устроенного, двора с выбеленными высокими стенами по обе стороны ворот. Собаки, как всегда, встречают с радостным лаем. Мой младший брат Гриша, 14-летний мальчик, с радостным приветствием встретил меня и предложил отпречь лошадь и поставить в конюшню.

Гриша передал мне, что «хуторской атаман два раза присылал узнать о тебе и просил, как только ты приедешь, то не медля ни минуты пришел бы в правление, а Миша занят каким то формированием», добавил он.

Из сообщения Гриши я понял, что затевается что-то важное, а посему быстро переоделся, быстро что-то перекусил и направился в правление.

(Продолжение следует)

США.

А. И. Третьяков

ПАМЯТИ ОТЦА И ДЕДУШКИ

Григория Антоновича Улитина

Вижу я хутор родимый Шумилин,
Горы Грачевы — холмы меловые,
Речки спокойной узоры извилин,
Берег песчаный, обрывы крутые.
Церковь на площади, школа кирпичная,
Лавки рядами, священника двор.
Эта картина — нам с детства
привычная —
Так и стоит предо мной до сих пор.
В полном разгаре в донской степи лето,
Воздух наполнен томительным зноем.
Слышится песня унылая где-то,
Мошки над мною кружат целым роем.
Слышатся грома раскаты глухие,
Лист не шелохнет на вербах у речки.
Тихо шумят камыши лишь сухие,
Воздух из степи горяч, как из печки.
В поле народ урожай убирает,
Хутор как вымер — нигде ни души...
Речка прохладой ребят развлекает,
Дома остались одни малыши.

Там возле мельницы, скрытой осокой
И старой столетней вербой,
Люд беззаботный с плотины высокой
Прыгает в воду веселой гурьбой.
Медленно выехал воз на плотину,
Хлеб свеже-скошенный с поля везут.
Воды каскадами льются в пучину,
Прыгают, брызжут и шумно ревут.
Под колесом, в водяной этой пропасти,
Воды кипят как в огромном котле.
Движутся мерно деревянные лопасти
С радугой красок в сверкающей мгле.
Сразу за мельницей — стойло коровье
С парою старых и чахлых ракит.
Прячась от зноя и мух, поголовье,
В воду по брюхо залезши, стоит.
Вдруг на деревьях листва зашумела,
Ветер прохладный внезапно подул,
Серой полоской вода зарябела,
Грома отчетливо слышится гул.
Туча тяжелая темно-свинцовая
Быстро ползет из-за склона горы.
Молния с грохотом ярко-пунцовая
Залила светом все хаты, дворы.
Крылья раскрыв широко в обе стороны,
Куры бегут через двор под навес.
Громко кричат за ливадами вороны.
Крупные капли упали с небес.
Ливнем сильнейшим дождь разразился.
Воды обмыли наш хутор степной.
Воздух очистился, вновь освежился,
Блещет природа волшебной красой.
Яркая радуга вдруг появилась
В синей лазури огромной дугой.
Вижу тебя я иль мне лишь приснилось,
Край наш прекрасный, край наш родной!
Ныне покойный, отец наш родился
В хуторе этом назад много лет.
Там он любить на всю жизнь научился
Солнца веселого радостный свет.
Много воды утекло в Песковатке,
Много отец наш, прожив, пережил.
Все-же в житейской рискованной схватке
Духом не падал, душой не тужил.
Верил он свято и искренно в Бога,
Жизнь — Божий дар — безгранично любил.
Черпал он в вере так щедро и много
Бодрости духа и жизненных сил.
Даже и здесь, стариком уж, в Глендоре
Много шутил и смеялся порой.
Бодрость светилась всегда в его взоре,
Нрав не оставил веселый он свой.
Всю свою жизнь наш отец был таков,
В годы последние много писал.
Все хлопотал за родных земляков.
Помощь для них неустанно искал.
Тихо, внезапно он ночью скончался,
В мир неизвестный уйдя навсегда.
Жизненный путь человека прервался.
Вновь не увидим его никогда.
Мы не увидим улыбки веселой
И не услышим его бодрый смех.
В жизни суровой и многим тяжелой
Был он им другом сердечным для всех.
Словом своим, как живительным соком,
Людям вселял в душу веру, уют.
Вот почему бесконечным потоком
Письма столь грустные к детям идут.
Всем казакам, всем друзьям ты уважил
В наш столь богатый раздорами век.
С ними мы вместе тебе, родной, скажем:
Был ты с большою душой человек!..

США

Сын Николай
(Станицы Казанской В. В. Д.)

ПОЛКОВНИК РЫТИКОВ

В 1912-м году я был переведен в 5-ый класс Новочеркасского реального училища из одного частного реального училища в Петербурге. Сразу почувствовалось содружество среди реалистов; их связывали необъятная донская степь и протекающий по ней необъятный прихотливый Дон с многими большими притоками, речками, речушками, ручьями; вольный, чистый воздух, то тихий, то возмущенный, высшими явлениями беснующийся, дикий, как волны «моря-океан»; а солнце, лаская, согревая, смеясь, прячется за тучи и снова приветливо манит. Нить небес насыщена трелями пернатых певцов нежных гармоний, высь грозными, боевыми звуками, как бы эхо былых, ушед-

ших в века, диких, жестоких народов, которые, двигаясь с востока, увичтожали на своем пути другие народы и сами уничтожались идущими за ними. Что-то было от истории времен давно минувших в громадной семье детей, юношей семи классов реального училища; физическая крепость, красота, смелый, ищущий взгляд, в подавляющей массе тяга к учению, дающему в будущем лучшую жизнь, и горделивые мечты к открытию нового мира в окружающих безпредельных просторах, где высь небес и глубь земли таят чудесные загадки. Сказал бы, что царящая бодрящая свежая атмосфера училища в Новочеркасске захватила меня после пяти лет пребывания в спертом, както давящем, Петербурге.

В погожий сентябрьский день было объявлено по классам, что в 12 часов приедет почетный попечитель отставной полковник Рытиков. В классах оживление, многим попечитель покроет плату за правоучение и после встречи реалисты будут распущены по домам.

К 12-ти часам училище было выстроено в актовом зале: две шеренги 1, 2, 3-го классов и две шеренги 4. 5, 6, 7-го классов, по середине проход. Мне впервые предстояло видеть полковника Рытикова. Ровно в 12 часов к подъезду училища подкатила изящная коляска, запряженная парой вороных красавцев, на козлах в кучерском наряде, с пышной бородой, пожилой кучер. В коляске сидел лет под шестьдесят полковник. Неспеша он сошел с коляски, изящно отдал честь учительскому персоналу во главе с директором, затем любезно поздоровался с каждым и впереди всех поднялся во второй этаж, вошел в актовый зал; команда «Смирно» и мы застыли.

Полковник, слегка поворачивая голову направо и налево, улыбаясь кланялся. Шел стройной военной походкой среди выстроившегося училища. Пройдя больше половины, он повернулся и громко сказал: «Здравствуйте, дорогие дети, юноши!». Мы почтительно поклонились ему. «Рад видеть вас здоровыми, бодрыми и, как сообщили мне, успевающими в учении. Старайтесь, подготовляйтесь к высшей школе, которая откроет вам широкие дороги, где будете с большой пользой работать на благо Великой России, чтите родителей, заботящихся о вас, преподавателей, дающих вам знания. От души желаю вам здоровья. как основу жизни, и всего, всего лучшего». Сделал общий поклон, на что мы ответили вторичным почтительным поклоном.

Окруженный педагогами, полковник прошел в малый зал, где был от педагогического персонала сервирован великолепный завтрак для дорогого гостя. За три дня до приезда попечителя был приглашен директором владелец одного лучшего ресторана в городе. Пожилой почтенный ресторатор был любезно принят директором и бывшими в кабинете несколькими преподавателями. Директор обратился к нему с просьбой оказать любезность устроить в уличище завтрак для почетного попечителя, который устраивает ему учительский персонал. Ресторатор, польщенный предложением, с полной готовностью согласился организовать банкет для столь уважаемого в городе полковника Рытикова, обещал под личным наблюдением устроить все с надлежащей красотой и обилием, а о цене просил не беспокоиться: она будет не обременительна для скромного бюджета. Условились о нужных деталях, ресторатор откланялся, поблагодарил за лестное для него предложение и заметил, улыбаясь, что он в курсе привычек полковника, т. к. тот бывает его клиентом в ресторане.

Меня поразила величественная фигура полковника — это был от начала до конца аристократ. выше среднего роста, стройный, умеренно полный, с лицом мужественно красивым, волевым, умным, в прекрасно пригнанном длиннополом казачьем мундире, штаны с лампасами на выпуск, на груди два ордена. Его движения были стройны, расчитаны, все в нем внушало почтение; единственно, немного портил несколько крупный нос с коварными красными жилками, но этот недостаток был нужен ему, подчеркивая, что он любить жизнь и пользуется ее радостями, делясь возможным с другими.

По просьбе полковника училище было распущено и педагоги могли свободно приняться за чествование почетного попечителя.

На следующий день надзиратели, ближе стоявшие к нам, рассказывали восторженно о банкете, в котором принимали и они участие.

Длинный стол, накрытый белоснежной скатертью, был уставлен дарами вод и степи Дона, особенно выглядели краснорыбицы, воспетые в поэзии, песнях, во всех падежах, числах, глаголах — полноту красоты и вкусовых гамм не вмещала грамматика и переносилось на осязание, зрение, вкус — просто на безнадежный взмах руки, на вздох... Бахус, несколько смущенный неве-

домою ему и как бы главенствующей водкой, ударил по винам разнообразнейшими колерами, вкусовыми гаммами, вгонявшими приемлющего в умственные эмоции, где разрешается неразрешимое в веках...

Входят в банкетную залу... Полковник, директор и педагоги все удивлены обилием, разнообразием, красотой сервировки. После краткой молитвы батюшки и благословения яств и пития, все рассаживаются и многие несколько смущенно ищут затерявшуюся водку, но скоро найдя ее взглядом, облегченно вздыхают. Первый тост директора за дорогого гостя, здравие, благополучие ему на годы. Ловко обслуживающие молниеносно наполняют не нелепые наперстки, а просто хорошие рюмки не могущие вызвать протеста у человека уважающего себя. Полковник чокается с ближайшими, отдаленные друг с другом, при этом от нервности дрожит рюмка и капли, как алмазы, падают на скатерть, а ведь маститые старые потребители говаривали, что «лучше хороший ковш водки в рот, чем каплю на пол». Холодная искристая катится по назначению, лаская, согревая. Полковник, обладая многолетним рюмочным стажем, показал как взять рюмку, как держать, спокойно, без торопливости, без жадности, влить в умеренно открытый рот, три секунды сосредоточенности, отблеск удовольствия, как встреча неожиданная с близким другом. Царит растерянность от множества закусок, чем закусить, и иной посылает за водкой несообразное здравому смыслу. Полковник, как на поле брани, взглянул и, обнаружив около своего прибора скромную керченскую селедочку в соусе из деревенского, очень пахучего, конопляного масла с перчиком, горчичкой и иными нужными специями, посыпанную зеленым лучком, с удовольствием закусил.

Через пять минут он, легко встав, попросил слова: знал, что первые три рюмки идут в скачь, а дальше в рысь и т. д. Слово было крепко, благодарил за сердечность, чудное угощение, пожелания присутствующим здоровья, благополучия на годы.

Восторженно покатилась вторая, ориентированная в закусках, публика посылала вслед за водкой традиционную закуску.

Попросил слово и батюшка, вообще словоохотливый, преисполненный елейностью обстановки, связанный саном, он пытался сочетать небесное с земным и зятянул ценнейшее рюмочное время, но в глазах присутствующих заметил нервность и перешел на здоровье и благопожелание дорогого гостя.

Третья имела рекордный успех в смысле умиротворения духовных и физических свойств, возможно у иного зародилась мысль, придя домой, срочно изжить неполадки с женой.

Настал момент... Почетный попечитель не спеша вынул из бокового кармана мундира солидный бумажник, из него извлек чек на 20 тысяч рублей и передал директору, сказав, что он хотел бы покрыть плату за правоучение половине учащихся (18 рублей в год), приблизительно двум стам, остальные на улучшение физического кабинета, библиотеки и на другие надобности, в коих прекрасно разбирается педагогический совет, «отчета, как обычно, не прошу».

Умиленный директор пытался благодарить, но попечитель мягко отклонил, заявив: «Я удостоен чести быть почетным попечителем и несу с готовностью жертвы на благо близкому мне училищу. В минуты нужды я в распоряжении педагогического совета». На этом «слово и дело» было закончено и знали все, что напоминание о нем было бы неприятно попечителю.

Четвертую пили без тостов, чоканий, пошла беседа попросту, по дружески; полковник был исключительно любезен, тактичен, пил водочку под селедочку и еще обнаружил около себя что-то им очень любимое и пропустил две-три рюмки не в счет. Перейдя на вина, в которых он прекрасно разбирался и давал даже нужные разъяснения; беседы интересные, временами захватывающие, как полагается царили в высококультурном кругу; полковник прекрасно разбирался в вопросах науки, в особенности техники, т. к. ему, как владельцу шахт в донецком басейне, приходится иметь дело с разными комбинациями по улучшению оборудований, заботился о рабочих, но жаловался на несочувствие и отсталость других шахтовладельцев... Перебрасывался тепло и сердечно на воспоминание военной долголетней службы и что у него не угасает связь с былыми друзьями. Благодаря исключительной тактичности полковника, не дававшего ни малейшего повода, что он только должен быть объектом внимания, все чувствовали себя свободно, ели, пили, группами беседовали, были сыты и... под градусами. Последовал залп донского шампанского, дальше следовало крепкое турецкое кофе с ромом, желающие пили всевозможные ликеры.

Около трех часов полковник встал и все встали, благодарил за чудное угощение и просил разрешения оставить любезное общество. Директор благодарил за любезный

визит столь радостный для учительского персонала. Провожали все до подъезда, где уже стоял экипаж, кучер, слегка выпивший, браво держал вожжи (его чествовавили сторожа училища). Тепло попрощавшись со всеми, полковник твердой походкой подошел к экипажу, спокойно сел, отдал всем честь, и коляска плавно покатила по улице.

Возвратившись к столу, все выражали удовлетворение столь щедрой помощью училищу и исключительной выдержкой полковника, что и много пивший он оставался до конца интересным собеседником с широкими культурными взглядами. Еще продолжалась беседа под стаканчики чудных вин. Было решено собраться педагогическому собранию в ближайшее время, классные наставники должны установить путем опроса число учеников, подлежащих освобождению от платы за правоучение.

Приехал ресторатор, всеми радостно встреченный, любезно здоровались, просили составить компанию, все благодарили, было несколько хвалебных речей, посвященных шикарному банкету, его творцу прокричали ура, пили его здоровье, желали долголетие и успеха в его делах. На смущенный запрос директора о стоимости банкета, назвал закругленную весьма скромную сумму; на выраженное всеми удивление, он скромно ответил: разрешите, господа, и мне принять участие в чествовании столь уважаемого в городе полк. Рытикова и щедрого почетного попечителя реального училища, где учатся и мои два сына. Снова благодарности и здравие любезному ресторатору, который обратился к своим, указав на привезенный им рогожный кулек. Моментально были сменены рюмки, захлопали пробки, ресторатор сказал: «Это что-то особенное!»

Все запротестовали, переполненные яствами, питиями, но ресторатор резонно заметил: «Церковь переполнена молящимися, некуда яблоку упасть, а пришел городничий и ему место нашлось». Вино, действительно, было особенное и свободно входило в казалось переполненные желудки, некоторая усталось исчезла и до вечера царило исключительное веселие, смех, шутки...

Начали педагоги собираться по домам, долго прощались умиленные, растроганные, нежно целовались с ресторатором, обещая его навещать, целовались меж собой, щедро «скинулись» лакеям и, пошатываясь, расходились по квартирам-домикам в садиках, мостящимися на скате новочеркасской горы к реке Аксай. В домиках ждали нетерпеливо запоздавших жены и домочадцы, засыпали вопросами, но мало услышали дельного; день, прошедший в дарах Бахуса, закончился высшим даром богов — сном.

Париж.

Ян. Богаевский

С РУССКОЙ ПЕСНЕЙ ПО БЕЛУ СВЕТУ

(Все права сохранены за автором)

Дорогие читатели. — Первая часть моих воспоминаний «По следам памяти» была напечатана в «Вестнике Первопоходника». Так как содержание 2-ой части — «С русской песней по белу свету», — касается главным образом Донского казачьего Хора С. А. Жарова, то я считаю, что им место в казачьем журнале.

Для большей ясности я конспективно сообщаю содержание 1-ой части, охватывающей жизнь добровольца гражданской войны на юге России с половины ноября 1917 г. до весны 1926 г.

Я из духовной семьи, окончил семинарию, был студентом Дон. ветер. института. Пел во многих хорах, в том числе и в Архирейском под управлением о. Михаила Ерхона. Поступил в студ. боевую дружину, а когда в Миллерово казаки донцы и возвращавшиеся откуда то кубанцы проявили к нам резкое недружелюбие, я оставил дружину и дней через десять был уже в Чернецовском отряде.

Боевое крещение, кровавое, я получил в бою на станции Лихой, сразу после расправы Голубова — Подтелкова с ес. Чернецовым. Как и все участники этого боя, был награжден Атаманом Калединым Георгиевской медалью.

Вместе с отрядом участвовал в Корниловском Ледяном походе, где под Выселками был убит мой 16-летний брат.

После похода был произведен в первый офицерский чин и вместе со всеми донцами был откомандирован в распоряжение Дон. Войс. штаба. Три раза я был в Войсковом штабе, в ожидании назначения в часть или кратковременного отпуска для поездки домой. В 4-й раз в Штаб я не пошел, а сел на коня и в составе Дроздовского полка, в 4-ой Дон. сотне, уехал в стан. Мечетинскую, в Добров. Армию.

17-го ноября 1918 г., далеко за Ставрополем, в конной атаке был ранен тяжело и оставлен на поле сражения. Пулей, раздробившей обе берцовые кости, была убита и лошадь. Уже в сумерки приятели вытащили...

На другой день почти ночью попал в Ставрополь, где после беглого осмотра погрузили в поезд и отправили в Ейский Войск. лазарет. На 4-й день «пошел» на операцию в уверенности, что ногу «отхватят»: так она распухла и почти почернела... Операцию сделали совсем незначительную и ногу в гипсе положили на вытяжение. Кость не срослась и недель через десять я был отправлен в Ростов. В Нахичевани в госпитале сделали большую сложную операцию — кость опять не срослась и через 12 недель я попал в третий госпиталь на Таганрогском проспекте гор. Ростова. Операцию делал проф. Напалков, — кость опять не срслась. Соседи по койке уговорили поехать с ними в город повеселиться...

Вернулся я с «веселья» в припрыжку, с костылями в руках. Через два дня нога в переломе воспалилась и распухла. Палатный ординатор сделал чистку кости и положил ногу в лубок. Так на костылях, вместе с госпиталем, я и эвакуировался в Новороссийск.

После врачебного осмотра нас погрузили на английское госпитальное судно «Панаму», которая 7-го февр. вышла в море и после скитания по морям и весям нас высадили в Салониках. Недели через три, другой пароход доставил нас в Египет. Поездом добрались до Тель-Эль-Кебира, где весь госпиталь расположился в лагерных палатках.

Месяца через полтора, каким-то чудом нога срослась и я перекочевал в лагерь выздоравливающих здесь же рядом. После настойчивого требования и долгого ожидания пришел «Херсон» и забрал нас, около тысячи человек, столько же прихватили с ост. Кипра и столько же с Лемноса и доставили в Феодосию, увы к «шапочному разбору».

Эвакуировался я в Галлиполи на том же «Херсоне», но уже переполненном до отказа — ехал под нарами.

Дальше Болгария и все отрасли физического труда, и всюду пение в хорах: — пел в Египте, пел в Галлиполи, пел в Болгарии и даже тогда, когда был на самых тяжелых работах. Весной 1926 года, в составе бывшего Дроздовского хора, я выехал из Болгарии — искать счастья... Через восемь месяцев я перебрался в небольшой хорик при Великорусском хоре балалаечников, а еще через пол года я был уже в Донском казачьем хоре, которым управлял С. А. Жаров.

В этом хоре мне посчастливилось петь до 1960 года. Этому хору и его регенту, главным образом, и посвящено все последующее повествование. Донской казачий хор, уже одним своим именем, прославлял и прославляет казачество по всему миру. И всякому повествованию об этом хоре, даже небольшому рассказу о нем, место в казачьей литературе. Исходя из этого, я и обратился к редактору «Родимого Края» Б. А. Богаевскому с просьбой взять на себя заботы по печатанию этой повести на страницах «Родимого Края».

**
*

В начале Страстной недели 1926 года, мы, бывший хор Дроздовского полка, сели в поезд в гор. Софии, который должен был довезти нас до Вены. Незадолго до отъезда, хор переменил свое название и стал называться «Кубанский казачий хор». Не помню точно, что принудило к этому переименованию. Смущало то, что в хоре того времени не было ни одного кубанца, но мы уже точно знали, что «Кубанский Войсковой хор», которым управлял очень хороший регент Соколов, уже прекратил свое существование. Ко времени оставления Болгарии переменился и состав хора. Несколько человек оставили хор еще в Севлиеве; пять-шесть хористов, имея приличные места, с хорошими перспективами на будущее, остались в Габрово; наконец, пять-шесть человек по разным причинам не пожелали расстаться с Софией. Места выбывших заняли другие певцы, в которых в то время недостатка не было, но хор, бывший одной семьей, потерял свою однородность и внутреннюю еще боевую спайку, что и отразилось на нем впоследствии. Итак, мы ехали в Вену, как «Кубанский казачий хор«, но в форму Кубанских казаков облачились лишь два-три м-ца спустя, когда к тому представилась первая возможность. Наш поезд был простой пассажирский и вовсе не спешил доставить нас в Вену. На югославской границе, в Цариброде, пришлось пройти всю пограничную процедуру, и по просьбе пограничников и чиновников что-то спеть. Среди ночи долго стояли в Нише, а утром в Белграде была довольно продолжительная пересадка, так что время позволило, хотя бы поверхностно, осмотреть город. Вся привокзальная часть его представляла собою сплошной пустырь, на котором было лишь несколько, более или менее солидных, новых построек. Но даже и в самом центре города капитальных зданий было очень мало.

Взглянув на братский Белград, двинулись мы в дальнейший путь на Вену. Дорога была нудная и утомительная. Лишь на следующий день нашего путешествия мы наконец очутились в Вене.

Встретил нас, бывший некоторое время в Донском каз. хоре, Н. Краснянский хорошо знавший город и имевший некоторые связи в концертном мире. Трамваем домахли до центра города, где и остановились в «Отель Бандель» — в том самом, в котором жил поначалу и Дон. каз. хор. Отель был расположен рядом с собором Св. Стефана, в самом центре города. Мало кто из нас в достаточной степени владел немецким языком, а наш вид явно обличал беженцев: одеты мы были кто во что попало и только два-три человека имели приличные штатские костюмы. Робко выползали мы из отеля, боясь затеряться в столь большом горо-

де. Но вскоре кто-то сияющий вернулся из ближайшей лавочки, где кроме всего прочего есть и съестно, и рассказал, как сначала ему не удавалось объяснить продавцу, что именно ему нужно, но присмотревшийся коммерсант вдруг спросил его по русски: «Вы русский?»

Оказалось, что в недавнюю войну чуть ли не половина взрослого мужского населения Австрии побывала в плену в России, откуда они вывезли самые лучшие воспоминания и знание русского языка. И тут мы сразу ожили. Смелее стали знакомиться с городом, постепенно увеличивая радиус своих выходов, пока не дошли до ринга, откуда было рукой подать до Концертхауза, где нам вскоре предстояло петь концерт.

Странное впечатление производил город. Множество драгоценных произведений строительного искусства, великолепные дворцы, храмы, памятники, парки; всюду чистота и порядок. Но на всем лежала печать грусти и опустения. Вена, недавняя столица большой империи, с пышным и блистательным Двором, обратилась в столицу маленькой республики и словно облеклась в траур. Все ее многочисленные дворцы, правительственные здания, храмы и памятники напоминали огромный музей — спокойный и замерший. Даже в ее торговой части — Грабен, Кернерштрасэ, Мариягильфштрасэ — не приходилось наблюдать ни сутолоки, ни спешки. Познакомились мы и со знаменитым Пратером и его развлечениями, и впоследствии заглядывали туда неоднократно; побывали и в Шенбруне, и в его фантастическом парке, полюбовались исключительно красивым видом, открывавшимся от главного входа дворца, откуда широкая и длинная, пересеченная посередине небольшим обрамленным в гранит озерком, с чудным фонтаном в центре, аллея, постепенно поднимаясь, заканчивалась крутым холмом, увенчанным царственно-стройной аркой с амфиладой колонн. Да, все это было очень красиво, но как то холодно. Всех причудливо подрезанных деревьев и кустов коснулась рука искусного садовника. создавшего совершенную, но мертвую форму. Увы, и здесь царила тяжелая грусть — посетителей, кроме нас, не было.

С первого же дня нашего приезда в Вену хор начал репетировать программу уже назначенного концерта и вскоре в Концертхаузе состоялась генеральная репетиция, на которую была приглашена пресса. Отзывы, появившиеся в печати, были восторженные, но мы все же ожидали концерта с большим волнением, ибо здесь должна была решиться дальнейшая судьба хора, т. к. впереди, кроме намечавшихся одного или двух концертов, никакой работы у нас не было — одни надежды.

В назначенный день концерта, в приподнятом и слегка нервном настроении, мы собрались за кулисы, чуть ли не за час до начала. Когда в зале появились первые слушатели, то каждый из нас старался взглянуть: а сколько их? Зал стал быстро наполняться и когда мы вышли на подиум, незанятыми оставались лишь обочины задних рядов. Под апплодисменты публики вышел регент, С. Д. Игнатьев, поклонился и занял свое место. Концерт начался. За обилием впечатлений и переживаний, программа концерта не сохранилась в моей памяти, но приняты мы были и слушателями и музыкальными критиками более, чем одобрительно. Однако, ни новинкой, ни сенсацией, хор уже не был, а потому мы не задержались в Вене, а, получив новый ангажемент, сразу же уехали в в Германию, в Мюнхен. Там мы дали концерт в Штадтхале, в довольно своеобразной обстановке: публика сидела за столиками, кто с чашкой кофе, кто со стаканом вина. Не помню, пели ли мы духовное отделение, но хорошо помню, что во время пения соблюдалась полная тишина и многие исполненные нами вещи приходилось исполнять на бис. Запомнилась и маленькая сценка, когда в конце нашего выступления в зал ввалилась довольно большая группа, одетая в черкески. Это были регент и хористы «Уральского хора», избравшие себе кавказское одеяние. Основой этого хора были остатки хора Алексеевского полка. Алексеевцем был и регент хора А. И. Шелух, которого я хорошо знал еще по Египту. Пели они по большей части в Мюнхенских кинематографах.

В Мюнхене мы получили новый ангажемент, в Ульм, где и задержались чуть ли не две недели. Пели в самом городе, пели и где то поблизости. Лучше всего концерт прошел на курорте, название которого не удержалось в памяти. Зал, правда небольшой, был набит до отказа и редкое явление: директор заплатил хору более условленного гонорара. Вообще же за все «Ульмское сидение» в самом городе мы дали только четыре концерта, из которых три прошли с довольно плачевным материальным результатом.

Начиналось лето, когда концертные залы пустуют, а курорты начинают готовиться к приему гостей. В свободное время бродили мы по городу, расположенному по берегу

Дуная, и не раз заходили в тамошний, кажется самый высокий в мире, готический собор.

Полученный нами новый ангажемент позволил нам познакомиться со Штутгартом, большим и красивым городом, с некоторой претензией на модернизацию в новых постройках. Пели мы там сначала в небольшом концертном зале, находившемся на просторной площади, лежащей у подножья средневекового замка, а потом в обширном зале одного из городских кафе. Там же, в Штутгарте, был подписан новый контракт на целый месяц на выступление хора в самом большом кафе Гамбурга. Кафе «Фатэрлянд», где нам предстояло петь, находившееся в центре города, на берегу красивого озера «Альтстэр», всегда бывало полно и ежедневно давало большую артистическую программу, повторявшуюся дважды: после обеда и вечером. В каждой из них наш хор выступал с 4-5-ью вещами, выступали и наши два танцора-лезгинга. Работы было не так уж много; первая половина дня уходила на спевки и оставляла достаточно времени для знакомства с городом.

Затем Гамбург, второй по величине город Германии, и один из самых больших портов в Европе, океанские пассажирские пароходы доходили только до Куксхафэна, находящегося в самом начале очень широкого устья Эльбы, на которой выше по течению лежал Гамбург. Его главной достопримечательностью являлся зоологический сад Гакенсбек, где звери, как казалось посетителю, гуляли на полной свободе. Гамбургский зоолог. сад — главный поставщик всех зоологических садов в Европе, а потому временами некоторые отделения почти пустовали. Красивый был Гамбург в районе Альстэра, где вокруг озера расположились роскошные виллы, богатейшие дома и все лучшие магазины города. По соседству с Альстэром находилась главная площадь, лучшим украшением которой было здание городской ратуши.

Наши выступления в «Фатэрлянде» пользовались большим успехом у публики, нескупившейся на апплодисменты по окончании каждой вещи, но сохранявшей полную тишину во время исполнения. Успех хора был настолько очевидным, что дирекция предложила подписать новый контракт еще на три недели, но не сразу, а через месяц, т. е. в конце лета. Ежедневный гонорар хора был не так уже высок, но жизнь на одном месте давала большую экономию в квартирах и питании, а кроме того совершенно отпадали расходы по переездам из одного города в другой. Все это дало возможность хору заказать кубанскую форму и вообще привести себя в лучший вид. И перед самым отъездом из Гамбурга, на нашем последнем выступлении в «Фатэрлянде», мы появились перед публикой в новом облачении и даже с кинжалами... конечно деревянными, обтянутыми кожей. За время, т. е. в течение целого месяца, до выполнения возобновленного контракта с «Фатэрляндом» хор дал несколько концертов вблизи Гамбурга: пели в Хайдэ, Итцехээ, Букстэхудэ, Куксхафэнэ, после чего отправились на курорты, в район Шварцвальда, спели в Ляре, недалеко от Бадэн-Бадэна и покатили по дороге на Констанц. Выступали в Филингэн, Трибэрг, Дэнаушингэн. В Трибэрге жил в то время Боголюбов, защищавший цвета Германии на международном шахматном турнире. В Дэнаушингене, против казино, где происходило наше выступление, протекал, взятый в каменные берега, маленький ручеек, исток Дуная. Едва два месяца до этого, мы были у его широченного устья, — тогда это казалось почти сказкой.

Выступали мы в Бадэн-Бадэне и в Бадвильдугэн и Констанц, пели в Гездяр и еще на каких то курортах. Германия изобилует множеством всевозможных курортов с различными минеральными водами, но еще большей степени «Люфт» курортами — «лечение воздухом», — которыми был полон весь Шварцвальд. Немало их и в Харцэ и в южной Баварии. Не помню, какой дорогой возвратились мы в уже знакомый нам Гамбург, разместились почти все по старым квартирам. На этот раз, кроме «Фатэрлянда», хору пришлось петь и в Штадхале, находившемся на другом берегу озера «Альтэр». Выступали мы там один раз в день, после обеда. При хорошей погоде пели на открытом воздухе, а при дождевой, что в Гамбурге не редкость, в просторном закрытом помещении. Ездили мы в Штадхаээ, чаще всего пароходиком, крейсеровавшем по озеру, а иногда и подземкой, шедшей от главного вокзала.

Кончался летний сезон, но перерыва в работе хора не было, т. к. бывшая служащая большой концертной дирекции в Мюнхене доставала нам все новые и новые ангажементы. Зимний концертный сезон в Германии обычно начинался с самого начала сентября, а иногда с конца августа. К этому времени мы уже имели контракт с Берлинской дирекцией Ю. Беркон, на концертное турнэ. Хор уже не знал отдыха. На ходу разучива-

лись все новые вещи. Довольно быстро осилили «На реках Вавилонских» Гуно, номер серьезный и интересный, разучили и чудную «серенаду Гросбауэра», построенную на дуэте тенора и баритона. Звучала она у хора прекрасно.

Но чем дальше, тем больше выяснялось, что слушателей интересует русская народная мелодия и русские песни. Семен Димитриевич Игнатьев, регент хора, был в хороший композитор и мастер аранжировок. «Эй ухнем» и «Стенька Разин» входили в репертуар хора еще раньше, и без них в Германии не мог обходиться ни один концерт. Постепенно вошли в аранжировку «Вечерний звон», «Калинка», «Метелица», «Кобза» (Давыдовского), «Глухой неведомой тайгой» и «Двенадцать разбойников». Позднее в репертуар были введены «Коробейники», «Однозвучно звенит колокольчик», «Камаринская» и др.

Не могу не забежать вперед. Когда пришлось петь в Японии, подобно тому, как в Германии «Эй ухнем» и «Стенька Разин» стали фаворитами публики, так в Японии предпочтение было отдано «Бродяге», «По диким степям Забайкалья» и «Вниз по матушке по Волге». Их знала и пела вся поющая Япония. Об этой старане я буду говорить в дальнейшем особо.

Все аранжировки Игнатьева были просты и очень доходчивы до слушателя. В них совершенно не нарушалась мелодия и не затемнялась акомпаниментом. Управлял он хором прекрасно, никогда не терялся. Особенно показательным в этом отношении был случай на втором концерте в Берлине: хор пел в «Адмираль Паляс», где зал выглядел очень богато, но акустика была убийственна: все утопало в красивом тяжелом бархате. И не только кожи и партэр были щедро увешаны бархатом, им была обита вся мебель, в нем утопала вся сцена. И когда солисты на «Воскресни, Боже» вышли чуть вперед и запели, мы их почти не слыхали. А когда на последнем номере духовного отделения, «Воздех очи мои», хор дошел до заключительного, — «от ныне и до века», — где на быстром темпе тенора «догоняют» басы, вступая несколько раз на восьмую позже, тенора не слыхали басов и не вступили во время, регент хора вступил сам и тем дал нам возможность вступить правильно и хорошо закончить концерт.

Наш первый концерт в Берлине состоялся в небольшом зале Зингакадеми, где мы имели большой успех и хорошую критику, а кроме того часть концерта была записана на пластинки фирмой «Электрола», которые поступили в продажу и быстро разошлись. Не помню всей программы концерта, но помню пластинку, которая звучала прекрасно, на которой были: — «В 12 ч. по ночам», «Марш» и «Закувала». — В Берлине, мы дали еще два концерта в Блютнерзале, после чего пели по всем городам Германии, вплоть до инославного Рождества. Запомнился один концерт в Вилефэльдэ, где слушателей было немного, после которого музыкальный критик, дав блестящий отзыв о хоре и программе концерта, меланхолично добавил: «Увы, этому хору достались лишь сливки со взятого другими молока». Материальные дела хора если не были блестящи, то все же вполне приличны: можно было не только жить, но и откладывать что то про черный день.

На рождественские праздники мы были свободны, но кто то сообщил, что Донской хор дает в эти дни концерты в Дрездене. О существовании этого хора мы узнали еще в конце лета, когда он вернулся из Австралии, где пел несколько месяцев. Регентом этого хора был С. А. Жаров.

Несколько человек из нашего хора сели в поезд и покатили в Дрезден слушать донцов, дабы иметь представление об этом хоре. Остановились мы в том же отеле, где жили донцы. Приняли они нас с распростертыми объятиями, зачислили на полный пансион, оплативши все из кассы хора. Пробыли мы в Дрездене два дня, прослушали полностью два концерта, оставивших глубокое впечатление. Было в этом хоре что то новое, чувствовалась строгая дисциплина и предельная шлифовка песнопений. Особенно поразили нас церковные песнопения, где хор показал и мощь и бесподобное пианиссимо, изумительные речитативы и широту размаха. Пели «Блажен муж» киевского распева, «Благословен еси Господи» (Чайковского), «В церкви» (его же), «Спаси Боже» и «Господи, сохрани» (Чеснокова). Наибольшее впечатление произвела последняя вещь, где мелодию в стиле древних песнопений ведут басы, а тенора дают лишь основу, все песнопние идет ступенями вверх с наростанием звука и последнюю фразу «Господи, сохрани их на многая лета» поет уже весь хор и в фортэ-фортиссимэ. Это было исполнено, действительно, захватывающе, незабываемо.

Новинкой, и даже загадкой, был сам регент. Небольшого роста, молодой, интересный, подчеркнуто подобранный, до предела напряженный и очень скупой на движения,

как будто он их экономил. Его руки были все время у груди, но как они были напряжены! Казалось, они вот-вот взовьются, соответственно наростающему звуку. Но это только казалось; за два концерта не было ни одного широкого жеста, руки все время оставались у груди. Это было ново, интригующе и даже, пожалуй, загадочно. Заслуживали внимания и солисты хора, а некоторые из них были просто прекрасны. Светский репертуар Донского хора того времени не мог конкурировать с церковными песнопениями: добрая половина светских вещей была бледнее церковных, но отшлифованы они были тщательно.

Прослушав два концерта, поблагодарив донцов за доставленое нам наслаждение и оказанное радушное гостеприимство, вернулись мы в Берлин в свой хор, где рассказали подробно о всем виденном и слышанном в Донском хоре. В противуположность царившей у донцов дружеской атмосфере, в нашем хоре шли непрерывные раздоры. Начались они еще в Гамбурге с незначительных недоразумений, уже не помню по какому поводу, а затем, все разростаясь, приняли непозволительные формы. Жизнь стала нервной и мы с приятелем стали подумывать, где бы найти спокойную работу в спокойной обстановке. Так как в то время в Германии русских певцов брали на расхват, то ждать нам пришлось недолго. Вскоре приятель уехал наемным певцом в Великорусский хор балалаечников, а дней через десять уехал туда же и я. Грустно было оставлять хор, которому я с увлечением отдавал себя в течении пяти лет. Ни к кому у меня не было неприязни, кроме одного хориста, который впоследствии показал себя с самой худшей стороны, даже немыслимой в офицерской среде.

Б.Х.Б. целиком вышел из рядов Западного фронта, попавших в эмиграцию, пробыл я в его составе больше полу года и так же внезапно покинул, как и поступил. Историю этой «музыкальной» единицы я передаю со слов одного из ее основателей. Уже в 1920-м году в Берлине начали свою деятельность два оркестра балалаечников: Бориса Романова, обрусевшего немца, и доктора Зверькова, а осенью того же года, в лагере Вюнсдорф, под Берлином, взялся за составление 3-го оркестра балалаечников кап. Михайловский, человек с консерваторским образованием, спокойный и даже больше, чем следовало-бы. Кроме народных мотивов, он стал вводить в репертуар оркестра и классические музыкальные произведения, т. ч. к началу 1927 года, ко времени нашего появления, оркестр был настолько хорошо подготовлен, как в шлифовке отдельных музыкантов, так и в общей сыгранности, что без труда преодолевал почти любое музыкальное произведение. Увертюра из «Марты», «Поэт и крестьянин» — Супэ, «Андантэ кантобиле», «Осенняя песня» и «Песня без слов» Чайковского и многое-многое другое заставляли забывать, что перед тобою балалаечный оркест, — настолько мягко и певуче звучали как лирическая непривычная кантилена, так и бравурные вещи. Состав оркестра был невелик: две балалайки-контробасы, четыре первых и два-три вторых альта, такое же приблизительно количество было и домбр. Имелся бубен, барабан и трезель, был и пианист. Музыканты-любители за ряд лет непрерывной работы и тренировки превратились в профессионалов. Солистом-балалаечником был сравнительно пожилой Погорелов, бывший солистом еще в России в оркестре Андреева, были при оркестре два танцора и одна танцовщица. Из танцоров следует отметить Орлика, изящнее его никто не танцевал, был он артистом своего дела. Легкий, подвижной, с грациозной техникой, на сцене он творил, и даже нам не было скучно ежедневно видеть его в танце.

Еще за несколько лет до нас, т. е. до 1927 г., оркестру пришлось обзавестись и хором. Основой этого хора были человек 13-15 музыкантов, обладавших слухом и весьма посредственными голосами. К этому своему хорику оркестр добавил 3-4-х платных хористов. Репертуар хора был совсем несложный, завсегдатаями в нем были: «Эй ухнем», «Стенька Разин», «Вечерний звон», «Однозвучно», т. е. все то, что знала уже вся Германия. Работал оркестр на артельных началах, а мы, вольнонаемные, получали определенный гонорар. Платили нам не так много, но и работы было совсем мало, а отношение к нам со стороны администрации, да и всего оркестра, не оставляло желать лучшего. Выступал оркестр чуть ли не во всех городах, больших и маленьких. Было это еще во время немого фильма, в Европе было принято сопровождать картины музыкой. Иногда это бывали оркестры, хоры, солисты, а иногда одно пианино. Когда же появились на рынке фильмы на русские темы, то спрос на русскую музыку и песни необыкновенно возрос, русские хоры, квартеты и трио, даже самые захудалые, все были заняты по кинематографам, соответственно своему рангу. Самым большим и лучшим

ансамблем этой категории был тогда, встреченный нами в Мюнхене, «Уральский казачий хор», имевший более двадцати певцов. Пели они по большим кинематографам больших городов, иногда чуть ли не по месяцу подряд.

В.Х.Б. в Германии по кинематографам не выступал, но, попавши вскоре в Голландию, оркестр, хор и танцоры подвизались в больших кино Тушинского: две недели в Амстердаме и одну в Гааге. Выступления всего ансамбля происходили между сеансами, когда давалось большое музыкальное отделение. Сеансов было три, а выходов оркестра два. Свободного времени было много, кто проводил его за винтом, кто за шахматами, а кто шел в город поглазеть на богатые витрины. Скоро и я стал заправским винтером. Помню, однажды, когда мы ехали на дневное выступление в Эссене, то так заигрались в вагоне, что не заметили, как проехали свою станцию. Не заметили этого и наблюдавшие нашу игру «болельщики», тоже винтеры. Как мы потом гнали своего таксиста, и все же приехали в театр с маленьким опозданием, за что, конечно, получили заслуженную взбучку.

Во время нашего пребывания в Амстердаме глубоко переживали и с волнением следили за шахматным турниром на мировое первенство между Капабланкой и Алехиным, и радости нашей не было конца, когда наша взяла.

Хор наш был слабенький, но повсюду мы имели успех. Между прочим, запомнился мне один комический случай: в нашем репертуаре имелся отрывок из «Кобзы» Давыдовского, «Завидкиль идэш человиченьку», где глубокий низкий бас отвечает: «из корчмы», а во втором куплете — «куль соломы». В Гааге этот наш бас, проведя ночь с друзьями в обильных возлияниях, все же явился на первое выступление. Но в каком виде! Выпустить его на сцену было решительно невозможно, однако регент Погорелов не только выпустил его, но и заставил петь свое соло. Такого успеха этот номер никогда не имел и регенту пришлось взять плохо соображавшего растрепанного солиста и вытащить его на авансцену. Гром апплодисментов встретил столь необычайную пару.

За время нашего пребывания в Голландии, где оркестр дал еще несколько концертов по разным городам, пришлось мне взглянуть на Дворец Мира в Гааге и побывать на знаменитом морском курорте Шевенинг. Начались «фашинги», время общего веселья, и мы снова вернулись в Германию, где оркестр перекпючился на смешанную музыку: сначала давалось короткое концертное отделение, после которого все музыканты переодевались в смокинги, появлялись саксофоны и другие инструменты фокстротной музыки, начинались танцы. Усладившись зрелищем, я обыкновенно шел спать, а оркестр играл еще долгое время.

Но вот прошли «фашинги» и опять начались концерты. Несколько недель подряд оркестр выступал в Ганновере, в большом кафэ «Георг Палас», дававшем большую музыкальную программу. Атмосфера в этом кафэ была больше, чем приятная и публика принимала выступления оркестра с большим одобрением. Выступали мы два раза в день, т. ч. свободного времени было много и я употреблял его на знакомство с городом. Красивый и опрятный Ганновер, кроме одной из самых красивых ратушей Германии, украшенной золотым куполом, имел великолепный вокзал с широкой вокзальной площадью и памятником большой художественной ценности. Эти два образа особенно отчетливо запечатлелись в моей памяти. После Ганновера начались выступления оркестра в больших залах крупных городов: Эссене, Заальбау, Бремене, Штадтхалэ и др.

В начале июня месяца Погорелов оставил В.Х.Б. и уехал на другую, кажется самостоятельную работу. В управление хором вступил домбрист П. П. Россинский, вскоре освоивший и свою добавочную работу регенства. Человек музыкальный и скромный, он и не претендовал на манерность и показную сторону управления, давал тон, держал темпы. Петь под его управлением было очень легко, солистов он не понукал, но и не удерживал: пой, как можешь. Но легкость работы никак не компенсировала стремление певца к поискам лучшего. Состав хора оставался более чем слабенький, программа примитивная, исполнение чисто любительское.

В середине июля я неожиданно получил письмо от администратора Донского хора с предложением мне и приятелю-октависту явиться в назначенное место, в последних числах июля, на репетиции хора. Посоветовавшись между собой, мы тотчас же ответили согласием и поставили в известность свою администрацию о нашем выходе. Препятствий к отъезду никто нам не чинил, а скорее было выражено благожелательное сочувствие и поздравление всего хора с поступлением в Донской Казачий хор.

(Продолжение следует)

Доброволец Иванов

ОБ АТАМАНСКОМ ВОЕННОМ УЧИЛИЩЕ

В № 69 журнала «Родимый Край» помещена статья портупей-юнкера Атаманского Военного Училища Ивана Сагацкова «Об Атаманском Военном Училище».

Можно только порадоваться той любви, которую испытывает портупей-юнкер Сагацкий к своему родному Училищу и тому, что оно воспитало в нем верного и достойного сына своей Родины в борьбе за Веру, Величие, Честь и Достоинство России. Вполне понятна и та гордость, с какой он пишет, что «Орлиный выпуск» донес историю Ат. В. Уч. достойно на своих крепких плечах до самого Лемноса», но ведь донес не только он, но и выпуск «голубой», Атаманское Военное Училище в целом.

Можно также быть ему благодарным за то, что он осветил жизнь Училища от 15 авг. 1919 года (начало учебного года) до Новороссийской эвакуации, как и Крымского периода до июля 1920 года. Безспорно, что за этот период подготовка к званию офицера, как в строевом, так и в учебном отношении и в Ат. В. Уч. и в Донском В. Уч. стояла очень высоко, важно еще и то психологическое влияние, какое оказывали Училища и на окружающих. Юнкера, хорошо одетые, своим бодрым видом, блестящей выправкой, своими песнями, своей дисциплинированностью благотворно влияли не только на окружающие потрепанные части с немного, после Новороссийской катастрофы, придавленным моральным состоянием, но и на окружающих жителей. При взгляде на них зарождалась энергия и воля к продолжению борьбы.

Точно также вполне понятно желание портупей-юнкера Сагацкого оттенить особые, с его точки зрения, тяжести, выпавшие на долю «Орлиного выпуска», в боях при Каховке. Но ведь «голубой выпуск», о котором он не упоминает, наверное тоже имеет свое слово сказать. Он в этих боях не был простым статистом, он также принимал участие в них и также смотрел открыто и смело смерти в глаза. Для истории Училища, конечно, интересно, какое из его подразделений более или менее пострадало или отличилось, но важно, что это было Атаманское Военное Училище.

К списку раненых полковника Сохранова и есаула Колышкина я добавлю, что был смертельно ранен командир 2-ой пластунской сотни войсковой старшина **Жуковский Борис** и убиты юнкера **Панков Вадим, Скрынник Павел, Черенков Михаил, Киселев Павел и Барабашкин Павел** и кроме того было свыше 40 раненых.

Это все были **офицеры и юнкера Атаманского Военного училища.**

Не понимаю я иронического замечания портупей-юнкера Сагацкова в отношении ген. Максимова по поводу представления последним к награждению Училища Гвардейскими Георгиевскими петлицами за бои под Каховкой.

Да, я смело могу утверждать, что любой начальник части, а тем более начальник Училища, на которое редко выпадают такие задания, поступил бы так, как поступил ген. Максимов. На предложение Главнокомандующего представить списки юнкеров к наградам, он ответил, что у него нет более достойных и менее достойных и, конечно, добавил, что все Атаманское Военное Училище блестяще выполнило приказ Главного Командования, потеряв 6 убитых и свыше сорока раненых, и что Училище заслуживает высокой боевой награды. Главное Командование согласилось с этим и пожаловало Училищу Гвардейские Георгиевские петлицы. Не о себе думал ген. Максимов, а о будущем Училища. Он знал, что награды юнкерам все равно придут, и они и пришли, но он также знал, что фамилии получивших награды забудутся в веках, а Атаманское Военное Уличище будет всегда сиять боевой славой.

Я очень сожалею, что юнкер Ашуркин не получил боевой награды, но конечно он герой, как герои и те, кто получили награды, но фамилии которых я здесь не упоминаю, как герои и те, кто не получил ни ранений, ни воевой награды, но с гордостью могут сказать: «Я был в боях под Каховкой, за которые Училище получило Гвардейские Георгиевские петлицы».

Председатель Объединения Атаманского Военного Училиюа **ген.-м. Зубов**

В 1969 г. исполняется столетие со дня основания Новочеркасского, переименованного затем в Атаманское, Военного Училища. К этому времени должна быть изготовлена ПАМЯТКА. Удастся ли нам ее издать или нет, это будет видно в свое время. Во всяком случае ЮБИЛЕЙНАЯ ПАМЯТКА должна быть изготовлена. Для этой цели создается специальная комиссия.

Я обращаюсь ко всем новочеркассцам атаманцам, с просьбой написать свои воспоминания, особенно оттенив героическую эпопею Училища с 1917 г.

Эти воспоминания пока присылать по адресам: Mr. Zouboff. 7, rue de la Cavalerie. Paris (15), France. Mr. Evstratoff. 7, rue Estienne d'Orves. 92 - Courbevoie. France и они будут переданы в Юбилейную Комиссию.

Париж **Н. Зубов**

ПРОВОДЫ МАСЛЕНИЦЫ В США

Глубокие традиции, унаследованные от наших предков на родной Земле, доселе хранятся в тайниках казачьей души, и несмотря на то, что казаки находятся в изгнании почти в течение полвека, воспоминания о них остаются незыблемыми.

В родных хуторах и станицах казаками устраивались бурные и задорные проводы Масленицы, отмечавшиеся особой своеобразностью выездами на улицу на лучших лошадях, запряженных в легкие и красивые санки-козырьки.

Улица или площадь заполнялись веселыми задорными казаками и казачками, устраивавшими своеобразный маскарад, с примитивными юмористическими выходками, шутками и прибаутками, а юные казачата, бравируя перед собравшейся публикой, неслись на разгоряченных в упряже конях по растаявшему уже снегу, стараясь перегнать друг друга под громкие и одобряющие крики собравшихся зрителей.

А в домах суетливые хлопотливые хозяйки — без устали готовили целую неделю блины с разными приправами: кому что нравится.

Сковорода шла из печки за сковородой с зарумянившимися пышными блинами, а на их любителя хорошего едока хозяйка не успевала печь блины и на двух сковородах, и облегченно вздыхала, когда любитель, вылезая из-за стола, скажет: «Слава Богу — насытился».

Это было, действителэьно, широкой масленицей в родных и привольных краях, и никогда этого не будет того своеобразного-широкого веселья, навсегда ушедшего от нас, где бы мы — казаки ни проживали: в Сев. Америке-ли, в Европе-ли, или в других государствах земного шара.

То была, в полном смысле этого слова, раздольная масленица, сохранившаяся по сей день в памяти юношеского возраста.

Однако, несмотря на нашу долголетнюю оторванность от Родины, ряд казачьих организаций в Сев. Америке отметили проводы «широкой» Масленицы.

Одной из таких организаций является Донская станица им. полк. Чернецова в Фарминдэйле, во главе с энергичным и деятельным Атаманом станицы Д. Е. Свинаревым, устроившей действительно широкую Масленицу, предусмотрев не только традиционные блины, но и эстрадную постановку замечательного детского концерта.

Дети-казачата и казачки своими выступлениями показали исключительные способности по танцам и интеллектуальному развитию, преобладающему по серьезности исполнений концертной программы над их детским возрастом.

Хорошо исполнила балет — Аня Усикова, аккордеон — Нелли Новикова и лезгинку — любимец публики — Дима Свинарев, с изумительной виртуозностью, легкостью и грациозностью, вызвавший у публики своим исполнением необыкновенный восторг, наградившей его горячими апплодисментами и криками: Браво.

В этом детском концерте заключается и особенность широты и красоты Масленицы, прививающей в детском возрасте казачатам наши традиции, наши пляски и песни, являющиеся своеобразным и бессмертным творчеством Казачьего народа.

Было бы несправедливым обойти молчанием приготовление традиционных блинов нашими казачками, стоявшими за буфетом со сковородой, готовя удивительно вкусные блины, разбиравшиеся нарасхват публикой.

Все это напоминает казакам их былое, глубоко связанное с вековыми традициями, которые в долголетней эмиграции не легко сохранить, а еще труднее передать ассимилирующемуся поколению, быть может, навсегда уходящему от казачьих традиций на чужбине.

И все же, есть казаки, воспитывающие

своих детей, как следует, оставляя в детской памяти и сознании будущий зародыш, который при благоприятных условиях несомненно взойдет на плодородной казачьей почве.

Такое устройство Масленицы, с привлечением молодежи, нужно только приветствовать и благодарить руководителей этих организаций, пытающихся привить молодежи наши традиции и обычаи, на которых росла, крепла и создавалась жизнь у нас на Дону.

По воле Божией, нам не дано возможности быть участниками и продолжателями наших предков построения казачьей жизни на родной Земле, но нам — изгнанникам — дана возможность в изгнании хранить и сохранить до конца наших дней бессмертные традиции наших предков — оставивших великое прошлое в назидание своему потомству.

США.

С. И. Донсков

КРАСНАЯ ГОРКА У КАЗАКОВ В США

Следуя веками освященной традиции, казаки в США поминают своих погибших и усопших предков, согласно правилам православной Церкви, на Фоминой неделе, а этот день у казаков называется Красной Горкой.

В последние годы общие поминовения происходили на Свято-Владимировском кладбище, на котором три года тому назад был сооружен величественный памятник «Казаки — Казакам», к которому совершались процессии казаков и их друзей, приезжавших даже из самых отдаленных мест.

И в этом году казаки надлежащим образом готовились отметить этот день и достойно почтить память всех казаков, казачек и детей казачьих. Для этой цели объединились свыше десяти казачьих организаций, являющихся не списочными или мертвыми организациями, а живыми и активно действующими среди казаков США.

Должным образом собиралась отметить память погибших и усопших казаков и казачья молодежь, готовила свои национальные костюмы, тренируясь к торжественной процессии, во главе которой должна была шествовать именно она, неся флаги, казачьи и казачьих организаций и казачьи общественные и политические деятели и все казаки и казачки и их друзья. На этот раз ожидалась особенно импозантная процессия, чтобы перед всеми подчеркнуть единство всех казаков в защите их неотъемлемых прав на свою свободу. По указанию заведующего казачьим музеем В. Г. Глазкова из Нью-Йорка были доставлены многочисленные казачьи регалии и булавы и насеки для атаманов организаций, долженствующих быть в процессии.

Однако, начавшийся еще в вечера сильный дождь с холодным, пронизывающим, ветром шел и весь день в воскресенье 7-го мая с. г. Но невзирая на такую весьма неблагоприятную погоду, казаки съехались к означенному часу на Свято-Владимировское кладбище в Джэксон, штат Нью-Джерзи. Там решено было ввиду продолжавшейся бури с сильным дождем отслужить общую панихиду в кладбищенской церкви, возложить к памятнику «Казаки — Казакам» венок, а также традиционную пасху и яйца и затем направиться в отстоящий от кладбища в 30-ти километрах Казачий дом Ди Пи в Фарминдэйль и там совершить общие поминки.

Настоятель кладбищенского храма казак протоиерей отец Петр Попов отслужил общую казачью панихиду с провозглашением всем погибшим, замученным и усопшим казакам и казачкам «Вечной памяти». Храм был заполнен молящимися.

Несмотря на отдаленность от кладбища Казачьего дома Ди Пи, туда собралось много казаков. Казачки быстро заставили столы приготовленными пасхальными яствами. Присутствующий настоятель Свято-Покровского монастыря на Новой Кубани архимандрит отец Адам благославил поминальную трапезу при пении всеми собравшимися пасхальных песнопений.

Атаман местной Донской имени полк. В. Чернецова станицы Д. Е. Свинарев, главный организатор празднества, приветствовал духовных отцов, атаманов и председателей казачьих организаций, казачьих общест-

венных и политических деятелей и всех присутствовавших, вкратце ознакомив с проведенной подготовкой процессии и общей казачьей панихиды, которые, вследствие разбушевавшейся стихии, приняли иные рамки, чем те, в которых они были запланированы.

Затем выступил председатель Строительного комитета по сооружению памятника «Казаки — Казакам» и атаман Общеказачьей станицы в Нью-Йорке инж. А. Е. Афанасьев, который в своем слове отметил древнюю казачью традицию поминать своих предков, как и уже установившуюся тут, в США, традицию совершать общее казачье поминовение перед памятником «Казаки — Казакам». Уже одним этим сооруженный всеми казаками памятник достиг своей цели и своего назначения.

В заключение ст. Афанасьев призвал присутствовавших оказать поддержку изданию книги, посвященной памяти первому выборному после революции Атаману А. М. Каледину. На этот призыв живо откликнулись станичники и их друзья.

США.

Участник

ИЗ КАЗАЧЬЕЙ ЖИЗНИ ЗА РУБЕЖОМ И ИЗ ПИСЕМ В РЕДАКЦИЮ «РОД. КРАЯ»

◆ Годовщина Лиенцевской трагедии в Париже в этом году была отмечена 4 июня. Казачьим Союзом, Союзом Казаков-Комбатантов и др. каз. организациями парижского района была отслужена в кафедральном Соборе на ул. Дарю торжественная панихида. Служил архиепископ Георгий в сослужении с двумя священниками.

◆ 14 мая, в Париже, в Доме «Белого Воина» на ул. Мериме, состоялась многолюдная пасхальная встреча, устраиваемая Казачьим Союзом, на которой присутствовали почетный член Каз. Союза и председатель Союза Казаков-Комбатантов ген.-м. Н. Г. Зубов и многочисленные гости из провинции, в том числе Ф. М. Миронов, председатель секции Союза Каз. Комб. из г. Монтаржи.

◆ Донская Объединенная станица в г. Мельбурне (Австралия) начала издавать журнал «Станичник«. Сейчас вышел уже № 4. Журнал издается на ротаторе, хорошим четким шрифтом. На обложке — девиз журнала: «Казак казаку — брат». «Род. Край» шлет привет новому собрату с искренним пожеланием иметь и дальнейшую возможность выходит и дальше. В наше время это не легко.

◆ Объединением и Музеем Л. Гв. Казачьего полка уже в течении нескольких лет издается Бюллетень под редакцией ес. Г. М. Гринева. Если вначале он имел исключительно информационный характер членов Объединения, то последние номера уже представляют собой объемистый литературно-исторический журнал, интересный не только для членов Объединения, но и для посторонних лиц. В нем деятельное участие принимает и следующее поколение, сыновья Лейб-Каказов, уже выросшие заграницей, и это особенно ценно. Редакция «Род. Края» искренно шлет свои наилучшие пожелания редакции, издательству и администрации Бюллетеня.

◆ Полк. Ф. И. Елисеев, хорошо известный казакам своими брошюрами из жизни Кубанцев, и их истории времен первой мировой и гражданской войны и жизни казаков-джигитов заграницей, приступил к изданию новой серии брошюр «Оренбургское Казачье Военное Училище6. Сейчас вышла брошюра № 1. Выписывать у автора: Elysseev. 66 Ft. Washington ave. Apt. 25. New-York. N.Y. 10032. U.S.A.

◆ В дополнение к его статье «Золотой запас Новочеркасского отделения Государственного банка» («Род. Край» №№ 65 и 66) А. П. Падалкин сообщает следующее:

«В настоящее время советские историки исследуют гражданскую войну на Дону; в частности, К. Хмелевский в своем труде пишет, что золотой запас из Новочеркасского Казначейства был перевезен в Ростов между 4 и 20 апрелем, а оттуда вместе с деньгами отделения Ростов. Гос. Банка по распоряжению черезвычайного комиссара Юга России Орджоникидзе был перевезен в Царицын через ст. Торговую и что из этого

«запаса» в Царицине содержалось «Донское Советское правительство» и что первая выдача в 3 миллиона рублей по распоряжению Орджоникидзе была сделана «Центральному Исполнительному комитету Дон. Сов. республики в мае 1918 г.».

◆ Полк. А. М. Голубов прислал в редакцию следующее письмо:

«Меня очень интересует один вопрос, возможно он также заинтересует и других читателей и казаков, которые ничего не знают о так называемых чалдонах в Сибири. И я хотел бы обратиться к проф. Миллеру, а также и к другим казакам, хорошо знающим нашу историю.

В бытность мою после последней войны на советской каторге в главном концентрационном лагере при станции Яя, на реке того же названия в Сибири, мне приходилось встречать довольно много таких же бедолаг, как и я, и называющих себя чалдонами. Это были в большинстве случаев очень крупные люди, здоровые, сильные, напоминающие сибирских медведей. Жили они между собой как то отдельно, и были очень дружны. Особенной грамотностью они не отличались, но все были исключительно политическими заключенными. Среди них не было людей «дюже письменных».

И вот как то подошел ко мне один из них и спрашивает: «Говорят, ты **тоже** казак, да еще полковник?»Я разговорился с ним и вот что он мне рассказал: Мы все переселенцы. Жили на Дону, где Дон сливается с Чалом. Теперь живем на реке Яя. Занимаемся хозяйством, а главное ловим рыбку и охотимся в лесу. Медведь для нас не страшнее собаки. Раньше жили очень хорошо, свободно. Знали, что на Руси не стало царя, но коммунисты к нам не заглядывали, а теперь их столько наехало, что собак у нас меньше по дворам, чем их, и стали они нас выдергивать один по одному, а за что, мы и сами не знаем. Буржуев у нас нет, все мы одинаковы, а вот не любят они нас и т. д.

Я ему задал вопрос, а можно ли сбежать к вам? Не выдадут ли меня чалдоны? Он мне ответил: «Чалдоны не выдадут никогда, но не советую, слишком за нами следят и сразу же посадят в «черный ворон» и прощай.

Я никогда раньше не слышал о таких казаках-чалдонах и меня это заинтересовало. Мой собеседник мне рассказал, что их много по реке Яя и в лесах. Насчитал больших поселков больше десятка, а сколько их всего, он и сам не знает. Обычаи их, разговор, очень похожи на наши донские, и много у них тех же песен, что и у нас на Дону. Любимые песни их были про Ермака, и мотивы те же.

Быть может, кто либо из читателей «Род. Края» и сообщить, были ли действительно такие переселенцы с Дона и Чала».

УШЕДШИЕ

† 20 окт. 1966 г. в Санта Роза (США) скончалстя есаул Забайкальского Войска И. Д. Размахин.

† 25 янв. в Австралии скончался войск. старш. В. П. Пешков, Забайкальского Войска.

† 12 мая в инвалидном доме Монтморенси (Франция) скончался полк. Г. В. Иноземцев Куб. В.

† 28 февр. в Мезон Альфор (Франция) умер казак Л. Гв. Казачьего полка С. Д. Манжиков (78 лет) ст. Платовской Сальского округа В. В. Д.

† 18 марта в Париже скончался сот. Башнур Угурович Даков, (68 лет), ст. Платовской Сальского округа В. В. Д.

† 11 апр. в Фарминдале (США) скончался сот. Н. М. Поморцев, (68 лет), стан. Грозненской Терского Войска.

† 28 апр. в США скончался войск. старш. Г. А. Винников, 78 лет, стан. Петровской, Куб. В.

† 5 марта в Австрии скончался хор. Н. И. Шорников-Бабак, 72 лет, стан. Пашковской Куб. В.

† 14 мая в г. Виши скончался войск. старш. М. В. Попов, 70 лет, стан. Каменской В. В. Д.

† 4 апр. в Париже скончался хор. С. И. Супрунов, Куб. В.

† 5 июня в г. Пети Клямар под Парижем скончался инженер электрик Я. С. Ященков, 70 лет, Усть-Белокалитвенской станицы

В. В. Д., о чем с прискорбием сообщает правление Каз Союза и выражает свое искреннее соболезнование супруге, детям и брату покойного в постигшем их горе. — Пусть легка будет тебе, дорогой станичник, приютившая тебя навсегда французская земля.

† 12 апр. в Броклине (США) скончался И. В. Степанов, 82 лет, ст. Усть-Бело-Калитвенской В. В. Д.

† 2 июня в старческом доме в г. Грассе (Франция) скончалстя полк. Г. И. Жидков В. В. Д.

† 19 апреля в г. Лос-Анжелос (США) умер ген.-майор М. А. Скворцов, ст. Суворовской Куб. В.

ДЕНЕЖНЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ В РЕДАКЦИЮ «РОД. КРАЯ»

(С 1 апреля по 1 июня 1967 г.)

В фонд Издательства: П. И. Алексеев — 10 долл., В. Л. — 5 герм. мар., А. Голубов — — 100 белг. фр., В. А. Балахнин — 82,13 фр.

От Объединения Партизан-степняков на номер посвященный памяти Поход. Атамана ген. П. Х. Попова — 50 фр.

Отделу партизан чернецовцев-семилетовцев от В. М. Петруся 5 долл.

Дамскому Комитету Казачьего Союза: П. А. Алексеев — 5 дол.., г-жа Абрамова — 10 фр., Севостьянов — 5 фр., П. И. Еронин — 10 фр., из Германии — 1 долл.

На издание **книги, увековечивающей память Атамана А. М. Каледина:**

Княгиня Голицина — 100 фр., Н. И. Басов — 5 долл., В. М. Петрусь (2-ой взнос) — 5 долл., П. И. Латкин — 10 фр., г-жа Абрамова (2-ой взн.) — 5 фр., М. К. Бугураев — 5 долл., И. Лаврухин — 10 фр., К. Мохов (2-ой взн.) — 10 фр., А. Небыков (2-ой взн.) — 10 фр., П. И. Алексеев (3-ий взн.) — 10 долл., Объединение партизан-степняков через А. П. Падалкина — 50 фр., А. Г. Колесников (2-ой взн.) — 10 фр., Гончаров из Иври (3-ий взн.) — 10 фр., Ф. М. Миронов (2-ой взн.) — 10 фр., В. А. Скандилов (2-ой взн.) — 20 фр., от Секции Союза Казаков-Комбатантов в г. Монтаржи через Ф. М. Миронова — 10 фр.

По подписному листу № 3 Обще-Казачьей станицы в Нью-Йорке через ее атамана А. Е. Афанасьева — 90 долл. (А. Бурдюков — 10 долл., Е. А. Богаевкий — 5 долл., А. А. Полтавская (семья) — 5 долл., И. Р. Клевцов — 5 долл., И. А. Ченцов — 5 долл., П. Парван — 5 долл., М. П. Чукавов — 5 долл., Б. В. Прянишников — 5 долл., М. Я. Зазерский — 5 долл., М. А. Саринов (2-ой взн.) — 5 долл., В. Бенюк (2-ой взн.) — 4 долл., П. Алексеев — 3 долл., отец Адам — 2 долл., П. И. Кузнецов — 2 долл., А. Н. Баранников — 2 долл., И. Ткаченко — 1 долл., М. Н. Афанасьева — 1 долл., Г. П. Рыжов из Бразилии — 20 долл.).

Всех жертвователей просим принять нашу искреннюю благодарность.

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ «РОДИМОГО КРАЯ»

● Непринятые рукописи обратно не возвращаются и в переписку о них редакция не вступает. Редакция оставляет за собой право статьи сокращать, не меняя смысла написанного. За статьи, подписанные полным именем автора, редакция не отвечает и они не всегда выражают взгляды редакции.

Не имея возможности документально проверять имена, даты и события, описываемые сотрудниками, редакция возлагает всю ответственность за содержание статьей на авторов.

Корреспонденцию на имя Редакционной Коллегии напрявлять по адресу:
Mr. Bogaevsky — 230 av. de la Division Leclerc 95 - Montmorency (France).

● Через Редакцию «Р. К.» можно выписывать: «Воспоминания ген. А. П. Богаевского» о Ледяном походе, с многочисленными фотографиями белых и казачьих вождей (цена 12 фр.), «Ермак Тимофеевик кн. Сибирский, его сподвижники и проодлжатели» Н. М. Мельникова, с ценными редкими иллюстрациями. Стоимость во Франции 8 фр., заграницей — 2 доллара; книжки рассказов недавно скончавшегося донского писателя П. М. Аврамова; «Ковылий Сказ» и «Яровой Сев» (цена 3 фр. за оба рассказа, помещенных в одной книге), «Никифор Кащеев» (цена 3.50 фр.), брошюру Н. М. Мельникова «Как извращается история» (цена 1,50 фр.), Л. Масянова: «Гибель Уральского Каз. Войска» (цена 15 фр.), Н. Н. Туроверова «Стихи» книга пятая (15 фр.), Н. Н. Воробьева «Кондратий Булавин» (цена 12 фр. или 3 долл.), «Казачий словарь-справочник» — 1-ый том, — цена 25 фр., «Казачья трагедия» — воспоминания организатора казачьего движения против коммунистического режима в Ростове на Дону во время последней войны (цена 2 долл. или 10 фр.), а также репродукцию в красках с картины С. Г. Королькова «Выдача казаков в Лиенце» (цена 3 фр. плюс пересылка).

● Редакция обраащется с настоятельной просьбой ко всем своим читателям и подписчикам не задерживаться с внесением подписной платы. Издание «Род. Края» основано исключительно на самоокупаемости, при полной безвозмездной работе всех наших сотрудников. То-есть журнал издается на деньги, за него полученные, и на пожертвования отдельных лиц в Фонд Издательства, иначе говоря на деньги самих читателей, от которых и зависит дальнейшее существование «Род. Края».

РОЗЫСКИ

Мих. Ив. Нужненков из Новочеркасска розыскивает двоюродного брата Ефима Димитр. Черноусова ст. Грушевской. Писать по адресу: Mr. Loukianenko. 8, rue Voltaire. 92 - Puteaux. France.

◆

Сестра розыскивает брата **Валентина Климнина** рожд. 1904 г. станицы Букановской. Учился в Дон. Кадет. Корпусе в Югославии. Около 1925 г. переехал в Париж, откуда уехал в 1930 или 1932 г. Писать по адресу: Mrs A. Pachkevitch. 3700 S. W. Donovan Seatle. Math. 98126. U.S.A.

◆

Минаева Федора Фолимоновича, казака Гундоровской станицы, рожд. 1898 или 1899 г., розыскивают родственники в России. Просим имеющиеся о нем сведения сообщить станичнику Ф. Ф. Минаева по адресу: W. Alochine. 5, rue Ledru Rollin. 30 - Beaucaire. (Gard). France.

◆

Хорунжего **Евлантьева Георгия** розыскивает племянник. Знающих об его судьбе просят написать по адресу: Stephan Evlanjew. 12 Lakeside Drive. Somekset. N. Jersey. U.S.A.

До войны жил в Курбевуа или Гарен-Коломб., под Парижем.

◆

Из России розыскиваются родственниками **Петр Степанович Половой,** год рождения 1895, Новочеркасск, и **Александр Николаевич Пустынников,** рожд. 1893, Новочеркасск. Писать на редакцию «Род. Края».

◆

Сестра розыскивает брата **Бориса Станиславовича Катвенского,** офицера 80-го конного Зюнгарского полка, и друзей **Андрея Одинцова, Александра Магутина** из Пятиизбянской станицы, оба учились в Калаче, позже были офицерами в Донской Армии, и **Анну Бабушкину** из Арчеды. Лиц, знающих о их судьбе, прошу написать по адресу: Madame Oussov-Blonsky, rue № 1, 85, Antsakoviro, Tananarive, Madagascar.

◆

Розыскивается донской казак **Василий Сергеевич Алексеев,** уроженец хутора Новоцарицинского, Клетского района, Волгоградской области, проживавший в г. Донецке Ростовской области. Знающих о его судьбе просят написать в редакцию «Род. Края».

Вышла из печати, под редакцией Н. М. Мельникова, в издательстве «Родимого Края», монография

МИТРОФАН ПЕТРОВИЧ БОГАЕВСКИЙ

В книге 276 стр. и редкие фотографии. Выписывать из редакции «Род. Края». Стоимость во Франции — 16,50 фр., заграницей — 3,50 долл. В книге, кроме яркой обрисовки личности и деятельности Донского Златоуста, перед глазами читателя попутно проходит героическая эпоха Калединского периода истории Дона.

Осталось еще ограниченное количество экземпляров.

РУССКИЙ КНИЖНЫЙ МАГАЗИН В ПАРИЖЕ

— Все новинки книжного рынка —
MAGASIN DU LIVRE
10, rue des Carmes Paris 5
Tél. DANton 25-28.

«ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА»
Редакционная Коллегия: А. Долгополов, Г. Головань и В. Мяч.
ежемесячный журнал, посвященный Первому Кубанскому походу и истории Белых Армий.
Издание Калифорнийского отдела Союза Учасников 1-го Кубанского ген. Корнилова похода
Подписная плата на 1 год (12 номер.) дол. 5.00, на 6 месяцев долл. 3.00, цена отд. номера 0.50 цент. Адрес редакции:
842 NO. Alexandria ave. Los Angelos. Calif. 90029. USA.

Imprimerie P.I.U.F. - 3, rue du Sabot - Paris (6e)

Родимый Край

О Г Л А В Л Е Н И Е

Поздравления с Днем Покрова и войсковыми Празниками.
М. Бугураев — «В Новочеркасске 50 лет тому назад».
Т. Демченко — «Плат Покрова».
Увековечение памяти Атамана А. М. Каледина.
И. Курицин — «Обще-казачий съезд в Киеве и Временное правительство».
Письма Атамана Платова.
А. Падалкин — «Июльское восстание большевиков в Петрограде в 1917 г. и донские казачьи полки». (Продолжение).
А. Г. — «Покров».
П. А. Фадеев — «Гражданская война на Уральском отдельном фронте».
И. Крюков — «Об Атаманском Военном Училище».
Я. Богаевский — «Казаки, казаки...».
Е. Полякова — «Увидимся...», «Возде неодинаково».
Доброволец Иванов — «С русской песней по белу свету». (Продолжение).
А. И. Третьяков — «Из борьбы донских казаков с большевиками». (Окончание).
А. Г. — «Памяти жертв Лиенца».
Часовня-памятник жертвам Лиенца.
В. Кузнецов — «Вынужденный ответ».
Из казачьей жизни зарубежом и писем в редакцию «Род. Края».
А. Падалкин — «Памяти партизана-степняка».
Нохчин Кант — «К светлой памяти Тапы Чермоева».
Ушедшие.
Денежные поступления в редакцию «Род. Края».
От редакционной коллегии «Род. Края».
Розыски.

РОДИМЫЙ КРАЙ

Орган общеказачьей мысли.
Издатель: Донское Войсковое Объединение.
Association des Cosaques du Don
Arr du Ministre de l'Int. J.O. 70 1955

PAYS NATAL SEPTEMBRE - OCTOBRE 1967
№ 72 — Сентябрь-Окжябрь 1967 г. 4 фр.
Parait tous les 2 mois. Directeur: *Bogaevsky.*

Редакционная Коллегия: Б. А. Богаевский, А. И. Клочков, В. М. Кузнецов, А. П. Падалкин, Н. Н. Туроверов, Б. Н. Уланов.
Адрес редакции:

B. BOGAEVSKY
230, Av. de la Division-Leclerc
95 — Montmorency
France

ПОЗДРАВЛЕНИЯ

Братья казаки всех Казачьих Войск,

По случаю Дня Покрова Пресвятой Богородицы, правление Казачьего Союза шлет вам братский привет и сердечное поздравление с престольным праздником трех казачьих Войск: Донского, Кубанского и Терского.

Пусть в этот торжественный день преисполнятся сердца ваши благолепием и радостью.

Да защитит казаков заступничеством своим Пречистая Мать Богородица, да сохранит Господь казачество до тех пор, пока будут течь казачьи реки.

Председатель Каз. Союза **В. Кузнецов**
Секретарь **Н. Ломакин.**

**
*

Редакционная коллегия «Род. Края» поздравляет всех казаков и казачек с днем Покрова Пресвятой Богородицы, а донцов, кубанцев и терцев с их Войсковым Праздником и желает им здоровья, сил и моральной бодрости.

Редакц. Коллегия «Род. Края»

В НОВОЧЕРКАССКЕ 50 ЛЕТ ТОМУ НАЗАД

Был год 17-ый. Век 20-ый. А день 27-го февраля, когда в России неожиданно началась «безкровная» революция.

С тех пор прошло уже пол века. Срок большой. И многие свидетели событий этой революции ушли в тот мир, откуда нет возврата. Но те, кто еще живы, должны, обязаны дополнить то, что другими уже написано. Необходимо им всю правду рассказать русскому народу. А в будущем... историк-летописец разберется в этих сведениях и запишет все в летопись России. И расскажет он, что делали в то время, как жили всех Войск Казачьих казаки.

В Донской Летописи (том 2) есть много сведений на эту тему. Для нас, казаков, она особенно интересна, так как многие не знают, как протекало начало революции в Новочеркасске и на фронте у казаков.

«В ночь на 1-ое марта 1917 г. (ст. ст.) Войск. Наказ. Атаман ген. гр. Граббе получил из Петрограда телеграмму о совершившемся там перевороте», и вызвал в Атаман. дворец только своих ближайших помощников (нач. Штаба Войска, коменданта города, начальника гарнизона и др.). У всех присутствующих явилось сомнение в правдивости полученных сведений — так это было неожиданно — и ими было решено: «до получения точных дополнительных данных из Петрограда о происходящих там событиях, телеграмму не опубликовывать».

Утром 2-го марта железнодорожники в Новочеркасске получили телеграмму от Бубликова (министра почты и телеграфа) с особыми для них приказаниями по случаю перево-

рота. Содержание обеих телеграмм стало известно в городе, Начались волнения, митинги, главным образом на северной его окраине, на Хутунке, где жили премущественно рабочие и беднота. Там же в бараках находились и солдаты двух запасных полков (272-го и 273-го) — 16 000 штыков.

Арт. дивизион (запасный, казачий), Новочеркасская местная команда, 38-ая, 18-ая дон. конн. запасные сотни к происшедшим событиям отнеслись довольно спокойно.

«Утром городская дума имела заседание... Чувствовалась общая растерянность и вместе с ростом револ. движения с каждым часом все больше и больше обнаруживалось бессилие власти». После заседания Дума отправила делегацию к Наказ. Атаману. Он ее принял. Прочитал телеграмму Времен. Правительства и выразил надежду, что «представители города помогут ему в эти дни сохранить в городе спокойствие и порядок».

Вечером было частное совещание гласных городской Думы, на котором было решено обратиться к населению с сообщением о происшедших событиях и с воззванием о соблюдении в городе спокойствия и порядка.

«В 11 часов ночи, по инициативе Военно-Промышленного Комитета, совместно с представителями Город. Думы и различными организациями города, состоялось собрание. Решили **взять власть в свои руки».** (Подчеркнуто здесь и дальше мною. М. Б.). Воен. Промыш. К-ты были образованы во время 1-ой Мир. войны, когда обнаружился катастрофический недостаток снарядов, вооружения, снаряжения и пр. для армии; тогда же была произведена мобилизация всей частной промышленности. В дальнейшем этот Комитет пополнялся выборными от организаций, которые не входили в него, и вскоре число членов Комитета дошло до 180 человек.

Был образован Областной Донской Исполнительный Комитет из 37 человек с председателем присяжным поверенным А. И. Петровским.

Около часа ночи на собрание явилась группа казачьих и пехотных офицеров во главе с ес. Голубовым и поруч. Арнаутовым (большевиком), заявившими, что «среди офицеров Новочеркасского гарнизона происходят волнения и офицеры стремятся присоединиться к революционному движению».

Исп. Комитет принял решение послать к Наказ. Атаману делегацию с требованием созыва общегарнизонного собрания офицеров и передачи почты и телеграфа под контроль Исп. Комитета».

3-го марта, в 3 часа ночи, Нак. Атаман принял эту делегацию. Выслушал и заявил делегатам: 1. образование Исп. Комитета и установление им контроля над государственными учреждениями он считает незаконными, 2. — никаких дополнительных указаний или распоряжений из Петрограда он еще не получил, 3. — вмешательство Исп. К-та в действия Ден. Атамана считает недопустимым, 4. — на гарнизонное собрание офицеров он согласен, «при условии его аполитичности».

Ответ гр. Граббе Исп. Комитету не понравился. **Можно и надо считать, что с этого момента в Дон. Области «началась борьба за власть».**

3-го же марта Исп. К-т выбрал президиум из 10 чел., выделил различные комиссии и т. д.

В этот же день в Новочеркасске образовался Совет рабочих депутатов. Вечером состоялось гарнизонное собрание офицеров. Ген. Абрамов (начальник Войск. Штаба) объяснил ход происходящих событий и выразил уверенность, что офицеры сохранят полное спокойствие. Согласно распоряжению Наказ. Атамана, никаких политических выступлений на собрании он допустить не может. «Раздались протестующие голоса. Больше всего волновались Голубов и Арнаутов». Затем... наступила тишина и ген. Абрамов объявил собрание закрытым. Большинство офицеров ушло. В вестибюле Абрамов встретил пришедших в. старш. Е. А. Волошинова и А. И. Петровского. Разрешил им поговорить с оставшимися офицерами «об общем политическом положении», причем Волошинов обещал ему не допускать никаких политич. дебатов и не выносить полит. резолюций. Но полит. речи были произнесены и Волошиновым и др. офицерами.

Оставшимися на собрании офицерами было решено «послать в Дон. Исп. К-т депутацию с заявлением о своем присоединении к революции». После этого Исп. К-т вынес, как казалось сначала, необдуманное постановление: **«представителей Армии принимать** в состав Исп. К-та в **неограниченном количестве.** Вскоре число членов Военного Отдела Исп. К-та значительно превысило число остальных членов Комитета. При рассмотрении различных вопросов и принятии окончательных решений, почти всегда преобладало мнение солдат-большевиков Военного Отдела, что, конечно, было ненормально.

Военный Отдел получил от Исп. К-та право контроля и направления деятельности всех военных учреждений и воинских частей в Дон. Области.

5-го марта президиум Исп. К-та дополнили Комиссаром Времен. Правительства М. С. Воронковым, председателем Совета Раб. Депутатов и председателем Военного Отдела.

Исп. К-т разослал всем окружным и станичным атаманам циркулярное распоряжение, что он «считает себя единственной законной революционной властью в Области, требует от всех ее учреждений подчинения и исполнения приказов и распоряжений Исп. К-та» и «начинает переустройство краевой жизни Войска Донского».

В Петроград Исп. К-т решил послать докт. В. В. Брыкина и К. П. Каклюгина, чтобы разобраться в происходящих там событиях, сообщить о них на Дон и приветствовать Времен. Пр-во и казаков 1-го и 4-го дон. каз. полков, находившихся в то время в Петрограде.

7-го марта, по настоянию Военного Отдела, за сокрытие телеграммы и явно двусмысленное отношение к совершившемуся перевороту, Исп. К-т постановил: «немедленно отрешить гр. Граббе от занимаемой им должности Наказного Атамана Войска Донского и назначить Времен. Атаманом войск. стар. Е. А. Волошинова»... и арестовать гр. Граббе. «Около 12-ти часов ночи (с 7-го на 8-ое) Петровский, Волошинов, Голубов и два члена Воен. Отдела (казак и солдат) в сопровождении 38-ой дон. запас. сотни двинулись ко дворцу для ареста Атамана. «Граф Граббе с полным спокойствием встретил новую власть» и согласился на передачу Атаманской должности. Тотчас были подписаны два приказа: один об уходе гр. Граббе, другой — о вступлении в должность Атамана Войска в. ст. Е. А. Волошинова.

Так закончили на Дону свою службу Наказные Войсковые Атаманы.

9-го марта гр. Граббе Петровским и Голубовым, под конвоем казака и солдата, членов Комитета, был отвезен в Ростов в распоряжение Вел. кн. Николая Николаевича, ехавшего на Кавказский фронт.

14-го марта военный министр Вр. П-ва, прапорщик запаса А. И. Гучков, присланной телеграммой временно разрешил Исп. К-ту ведать гражданским управлением Области и назначить заместителя Атамана. Исп. К-т с этого момента начал «очищать все учреждения Дон. Войска от «контр-революции», — удобный предлог для удаления всех лиц, почему либо неугодных членам Исп. К-та. Один за другим увольнялись или уходили по своему желанию окружные и станичные атаманы «старого режима».

В городе с начала революции безпрерывно собирались митинги. Бурлил и волновался солдатский Хутунок. С ломкой всего административного аппарата, управлявшего Областью, в Новочеркасске наступили дни административной неразберихи и завала дел в учреждениях. Во всей Области постепенно начало усиливаться влияние иногородних, живших на Дону, и пришлого вновь элемента. «Под влиянием «демагогии» Арнаутова и Голубова солдатская масса становилась с каждым часом все разнузданнее. Усилилось пьянство, происходили скандалы, население города начало жаловаться на грабежи. Изредка, а потом чаще и чаще, по адресу казаков слышались фразы: «Поцарствовали и буде... теперь наш черед настал... Мы эти казацкие привольности да угодья во как зажмем...» Хмурились казаки... Вызывающе на казаков поглядывали солдаты...»

Голубов разлагал не только солдатскую массу, но и казаков запас. арт. дивизиона. Всех казаков разделили на »трудовых« и «не трудовых». «Трудовых» натравливали на офицеров и интеллигенцию. В Военном Отд. и среди солдат города началась усиленная пропаганда ликвидации Войск. Штаба и даже его ареста.

И первое серьезное сопротивление казаков Военный Отдел встретил именно в Войсковом Штабе. Его чинов «ввиду контр-революционности» хотели и решили подчинить комиссарам. Голубов и назначенный комиссар солдат Рябцов явились в Штаб на «большом взводе», попросту сказать пьяными. Но новому начальству было немедленно предложено удалиться из Штаба, а Военный Отдел был предупрежден, что при следующем появлении комиссара и с ним др. лиц — «они уже из Войск. Штаба в двери не выйдут».

«Цель всех политических дельцов была в в первую очередь ликвидировать Новочеркасск, как культурно-духовный центр Войска, а затем, обезличив казаков во всех отраслях краевой жизни, сделаться господами положения в Области».

Наконец казакам стало ясно, что Временный Войск. Атаман никакой власти не имеет и является только послушным исполнителем решений Исп. К-та, а последний находится всецело под влиянием Военн. Отдела, в котором Голубов и Арнаутов приобретали все больше и больше влияния. Всякое сопротивление решениям Воен. Отдела рассматривалось ими как «контр-революционное выступление»... Постепенно у казаков появилось недовольство Дон. Област. Исп. Комитетом.

В станицах к перевороту отнеслись спокойно, но очень внимательно следили за

происходящими событиями в Новочеркасске и... выжидали, что будет дальше. Были созданы окружные и станичные комитеты, проводившие в жизнь «завоевания революции», в большинстве случаев, по своему, вопреки указаниям и распоряжениям Обл. Исп. К-та. К лицам новой областной власти, неизвестным им раньше, казаки старики относились с большим недоверием. Эта «власть» у них ни авторитетом, ни популярностью не пользовалась. Отношения между иногородними и казаками нисколько не улучшилось. Земельные комитеты накладывали свои руки не только на инвентарь и земли помещиков-казаков, но кое-где предъявляли притязания и на казачьи юртовые земли. В «Известиях Дон. Исп. К-та» проводилась мысль покончить с «каз. гегемонией». «На войсковых землях, в маныческих и сальских степях, на отведенных участках Войскового Провальского конского завода, в гирлах Дона и по Дону «армейские комитеты» стали выявлять свои волю, осуждать, отчуждать... Казакам низовых станиц объявили форменную войну. До революции в гирлах Дона на должности была два офицера — один начальник (штаб. оф.) в ст. Елизаветинской и другой (об. офиц.), его помощник, на хут. Рогожкине, здесь же находилась и полусотня пеших казаков для охраны рыбных ловлей. Были два парохода: «Казак», винтовой, глубоко сидящий в воде, со стоянкой в Елизаветинской, и плоскодонный, колесный, «Казачка», со стоянкой на хут. Рогожкине. Дон. Исп. К-тет уволил офицеров и на их место назначил штатских, неопытных, не имевших никакого понятия, как надо вести охрану рыбных богатств Дона. Новое начальство сразу сняло постоянные рыболовные посты в рукавах Дона, что сразу увеличило контрабандную ловлю рыбы. Началось хищничество, безрассудное истребление рыбы.

Все эти непорядки в Области и недовольство Дон. Исп. Ком. навело казаков на мысль, что надо принять какие-то меры для защиты своих каз. интересов. При создавшейся обстановке группа членов Войск. Штаба, к которой примкнули отдельные видные лица в городе, решила, в противовес Исп. Ком., его Воен. Отделу и Хотунку, организовать каз. объединение в виде Каз. Союза. Комитету и его Воен. Отделу это очень не понравилось, но воспрепятствовать этому они не смогли. 14-го марта в Новочеркасском станичном правлении собралась инициативная группа: выборные от Войск. Штаба, мужской гимназии, Военного Училища, Реального училища, всех каз, учреждений и частей гарнизона. Было решено поддержать Временного Атамана в. старш. Е. А. Волошинова.

17-го апр. в Новочеркасске собрался большой Донской Каз. Съезд от всех станиц Области. Сначала он встретил Волошинова несовсем доверчиво и дружелюбно, но, ознакомившись с его взглядами и отношением к каз. вопросам, переменил мнение.

Каз Съезд постановил: — 1. восстановить древние каз. вольности, отобранные царем Петром I-ым, 2. — избрать полноценный Исполнительный Комитет и совместно с ним вручить Е. А. Волошинову Атаманскую власть, 3. — обязать его подготовить необходимый материал для Войск. Круга, который должен собраться в мае.

26-го мая открылась первая сессия Большого Донского Войскового Круга, 18-го июня им был избран на пост Донского Атамана природный донской казак, герой Луцкого прорыва, Ген. Штаба генерал от кавалерии А. М. Каледин.

США. **Полк. М. Бугураев**

ПЛАТ ПОКРОВА

Николаю Туроверову

У кого вся жизнь размерена,
Кто сомкнул свой круг в себе,
Кто живет душой уверенной
В ограниченной судьбе, —
Тот не слышит зова вешнего,
Тот не видит блеск лучей
Из далекого, нездешнего:
Храма Божьего свечей.
Тот же, кто душой открытою
Видит тайны трав и рос,

Кто из дальнего забытого
Веру древнюю принес,
Тот услышит днем и ночию
Глас призывный, глас веков,
И откроет он воочию
Внукам славу казаков.
И воскреснут в гордом пении
Терек, Дон, Кубань, Урал;
Все Войско, кому терпение
И любовь Бог даровал.
Дух казачий не изменится,
Не нужны ему слова, —
Над казачьим духом стелется
Плат извечный Покрова.

Татьяна Демченко (США)

УВЕКОВЕЧЕНИЕ ПАМЯТИ АТАМАНА ГЕН. А. М. КАЛЕДИНА

Прошло более двух лет с того вреемни, как казаки во Франции решили увековечить память ген. Каледина изданием книги об этом талантливом военачальнике, герое Луцкого прорыва, и незабвенном вожде казачества. Созданная для этой цели комиссия и автор книги собрали ценный и богатый материал, относящийся к жизни и деятельности этого выдающегося человека. Многое впервые появится в печати. Написанная Н. М. Мельниковым, последним председателем Донского Войскового Правительства и непосредственным сотрудником ген. А. М. Каледина, книга «Генерал А. М. Каледин — герой Луцкого прорыва и Донской Атаман» сдана в печать.

Она состоит из 3-ех частей: первая часть — «Ген. Каледин до революции» — описывает его деятельность до переворота (его служба, командование 12-ой Кав. дивизией и 8-ой армией, Луцкий прорыв и т. д.), вторая — «Ген. Каледин — Донской Атаман» (Московское Государственное Совещание, Каледин на Дону, Калединские Войсковые Круги и Правительство, восстание фронтовиков, начало гражданской войны, зарождение Добровольческой Армии, Триумират и т. д. Несколько глав отведено полк. Чернецову — яркой звезде Калединской эпохи), третья часть — стихи, посвященные памяти Каледина, и в конце — документы и другие приложения.

В книге 350 страниц, много редких фотографий и карт.

Перед читателем и будущим историком нашего смутного времени воскреснет — во всем его обаянии, простоте и величии — образ не только Донского Атамана, но и выдающегося военачальника и полководца русской армии.

В данное время, в связи с приближением 50-тилетия с начала роковых событий, происшедших на нашей Родине, в СССР издается много трудов, посвященных революционному периоду и тому, который ему предшествовал, т. е. 1-ой Мировой войне. В них советские авторы, высоко оценивая командование 8-ой армии и операцию Луцкого прорыва, не упоминают имени Каледина. Коммунистическая «мораль», всегда находящаяся на службе партии, этого им не позволяет: по их мнению один из главных основоположников борьбы с коммунизмом не мог сделать ничего положительного. Книга же «Ген. А. М. Каледин — герой Луцкого прорыва и Донской Атаман», в которой обрисован подлинный образ ген. Каледина и с полной объективностью и безпристрастием описана его деятельность, позволит будущему историку восстановить истину.

Вместе с недавно вышедшими монографией «Митрофан Петрович Богаевский» и «Воспоминаниями ген. А. П. Богаевского», книга об Атамане Каледине дает яркую картину начала белой борьбы на Дону.

Выпуск книги намечается в начале 1968 г. Ее стоимость по предварительной подписке 26 фр. фр. (или 5,50 долл.). Тираж ее ограничен.

Подписка принимается:

1. В редакции журнала «Род. Край»: Bogaevsky. 230 avenue de la Division Leclerc. 95 - Montmorency. France.

2. У Председ. Казачьего Союза во Франции: Kouznetzoff. 37, rue Gallieni. 92 - Malakoff. France.

3. У атамана Обще-Казачьей станицы в Нью-Йорке: Afan. 49 Miller Ave. Brooklyn. N.Y. 11206. U.S.A.

Лиц, внесших меньше 26 фр. (или 5,50 долл.), просят прислать дополнительную сумму.

Председатель Комиссии по увековечению памяти Атамана ген. А. М. Каледина
Б. Богаевский

ОБЩЕКАЗАЧИЙ СЪЕЗД В КИЕВЕ И ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

50 лет назад, после состоявшихся в Петрограде в 1917 г. двух съездов в Киеве в том же 1917 г. 1 июля ст. ст. состоялся съезд представителей от казачьих полков, находящихся на Юго-Западном фронте. Резолюции съезда соответствовали постановлениям вышеупомянутых съездов: Верность России, война до победного конца, созыв Учредительного Собрания.

На съезде выяснилось отношение к ген. Каледину. Настроение делегатов съезда было таково: выборный Войсковой Атаман старейшего Войска сделался центром внимания и казачьих надежд, что ген. Каледин найдет достойный путь, дабы вывести не только донских, но и других Войск казаков из тех сложных и запутанных обстоятельств, кои с момента революции были созданы во всей армии и особенно тяжелыми оказались для казачьих полков.

Такое сердечное отношение съезда к генералу Каледину явилось как бы единым собранным отголоском казачьего отношения к Донскому Атаману. Имя ген. Каледина широко было известно в армии. Его избрание Донским Атаманом было встречено на фронте в донских полках с большим удовлетворением. Но Вр. Пр-во отнеслось к нему с довольно изрядной долей боязни. («Дон. Летопись» Т. I).

О личности ген. А. М. Каледина важно здесь отметить существенное и главное. Он в 1916 году, будучи Командующим восьмой армии, блестяще подготовил и выполнил Луцкий прорыв, этим ген. Каледин выявил свои исключительные способности в военном деле и дал военной истории образец операции, русскому оружию — славу, а себе — место в ряду первых полководцев русской армии. («Белая Россия» Т. I).

Документальные данные, в том числе и книга В. Черчилля «Россия и Царь», свидетельствуют, что русская Императорская Армия окрепла, длительное отступление было остановлено, прекращен снарядный голод, оружие стало поступать в избытке и армия начала творить чудеса, до победы над врагом. С победою, почти достигнутою, в то время вспыхнула революция. В эти, необычайно тяжелые моменты жизни нашего Отечества, армия в лице ее старших военачальников, подчиняясь велению двух манифестов, признала власть Вр. Пр-ва. Но в то же время военачальники просили Вр. Пр-во, чтобы оно не нарушало порядков в армии. Как же на это реагировало Вр. Пр-во? Оно аннулировало манифест Государя Николая II-го. Он перед своим отречением назначил вновь Вел. князя Николая Николаевича Верх. Главнокомандующим, но Вр. Пр-во назначило ген. Алексеева, а 22 мая 1917 г. он был уволен! Русская Армия лишилась опытного и талантливого руководителя армии. Привожу слова из речи, бывшего в те дни Начальником Штаба Верх. Главнокомандующего, ген. Деникина: «Верховный Главнокомандующий, покидая свой пост, поручил мне передать Вам, господа, свой искренний привет и сказать, что его старое солдатское сердце бьется в унисон с вашим, что он более той же болью и живет той же надеждой на возрождение истерзанной, но великой Русской Армии»: («Белая Россия» Т. I). Эта речь ген. А. И. Деникина сказана им 22 мая 1917 г. при закрытии Офицерского съезда при Ставке. Этот съезд был созван в связи с увольнением генерала Алексеева.

Что же касается вышеупомянутых съездов, то они были созваны по следующим причинам: 1) Казачьи полки не опьянились кубком свободы и оставались верными долгу в борьбе с немцами и их союзниками, тогда как солдатская масса не хотела продолжать войну и убегала с фронта, со злобой косясь на казаков... «Подождите, доберемся и до вашей землицы. Довольно поцарствовали«, — злобно кричали солдаты казакам... 2) Казачество как на фронте, так и в своих казачьих краях убедилось в том, что Совет раб. и солд. депутатов стремится свергнуть Вр. Пр-во и установить коммунистическую власть. Доказательством служит первое восстание большевиков в Петрограде в 1917 г. (См. «Родимый Край» № 68). Этот большевистский мятеж был подавлен, ноне раздавлен. В то время Вр. Пр-ву представлялся случай положить конец большевистской стихии. Для этой цели казаки предлагали Вр. Пр-ву свою готовность разогнать Совет, как анархическую организацию, но Вр. Пр-во это предложение отклонило. 3) Как могло Вр. Пр-во позволить Совету раб. и солд. депутатов выпустить «Приказ № 1», который уничтожил командную власть офицеров и разрушил дисциплину? А в скорости появилась и «Декларация прав солдата». Это нанесло существованию армии уничтожающий удар. Армия с каждым днем в количественном своем составе уменьшалась вследствие массового бегства солдат, со своих позиций. Оставались лишь казачьи полки и те верные долгу солдаты, которые не

были искушены большевистской пропагандой. 4) Казачество убедилось, что Совет раб. и солд. депутатов проводит свои большевистские идеи, не встречая препятствий со стороны Вр. Пр-ва.

Угроза большевистского движения, которое возглавлялось Лениным, была очень опасна для России. Исходя из этого, Казачество признало нужным объединиться. Для этой цели были созваны съезды, благодаря которым был создан в Петрограде Совет Союза всех 12-ти Казачьих Войск — в противовес Совету раб. и солд. депутатов. «Между Вр. Пр-вом и Советом раб. и солд. депутатов установилось полное единение в задачах и целях («Белая Россия» Т. I). »Вр. Пр-во, — писал Гучков, — один из неудачных февралистов, — не располагает никакой реальной властью и его распоряжения осуществляются лишь в тех размерах, которые допускает Совет раб. и солд. депутатов». Можно прямо сказать, что Вр. Пр-во существует лишь пока это допускает Совет. раб. и солд. депутатов. А вот слова проф. Милюкова: «Вопреки обещанию, данному в Москве — «Погубить душу, а родину спасти». — Керенский душу свою спас, а погубил родину, отдав революцию тем другим, о которых сам знал, что они ведут Россию к гибели». (Очерк 2-ой русск. революции П. Н. Милюков). Потрясающие данные о безмерном тщеславии, верхоглядстве и прочих достоинствах Керенского дополняю словами ген. Лампе: «Керенскому и мне было немного более 35 лет. Оба мы имели высшее образование: он — юридическое, я — военное. Я никогда бы не принял поста министра юстиции — он шел не только на пост военного и морского министра, но и на пост Верх. Главнокомандующего во время величайшей войны» («Пути верных», стр. 251). Стремление отдельных лиц к власти есть жажда славы без подвигов, самореклама, самовозвышение без народной опоры.

«Существуют избранники милостию Божией — и вожди — по Божьему изволению, а не многомятежному человеческому хотению». Так писал Курбскому Грозный.

Историк Карамзин, как бы в предвидении трагедии России, писал: «Были времена подлее да и те прошли»...

Диктаторы и режимы приходили на русскую землю и уходили. Как пример: монгольское иго, анархия Смутного времени и 1812 г. Все это русский народ изжил, изживет и коммунистический режим.

Заканчиваю свою статью словами Государя Александра II-го:

«Казаки еще смогут быть полезными России».

Нью-Йорк
С.Ш.А. **И. Курицын**

ПИСЬМА АТАМАНА ПЛАТОВА

В № 71 «Род. Края» в очерке «Казаки в Монтаржи в 1814 г.» были помещены два письма Донского Атамана графа М. И. Платова, напечатанные 90 лет тому назад в историческом журнале «Русская Старина» в 1877 году.

В этом номере помещается еще 16 его писем из того же источника, в той же редакции, в которой они были помещены в «Русской Старине».

Последнее же письмо Платова, предоставленное Н. Н. Туроверовым, хранится в музее Л. Гв. Атаманского полка.

18-го июня 1812 г.
Близь г. Лиды.

Милостивый государь мой, Яков Васильевич.

Два письма ваши, почтеннейший приятель, имел удовольствие получить. Извините меня приятельски за нескорый ответ. Ей, было некогда. Из Белостока чрез Гродно по сей день на лошади и перо в руки не принимал. Теперь я приближаюсь к вам. Сию, будущую ночь ночую в Лиде. Иду искать фланга прежних наших союзников, а теперешних не-

приятелей и врагов, что-то Бог милостью своею благославит.

Донской Войсковой Атаман граф М. И. Платов

Дивизионному лекарю Несторову, я голову мыл. Теперь он оправдывается что тогда это было по повелению генерала Ессена. Теперь они все взяты под его ведение и отправлен своим лазаретом при вагенбурге, к стороне Минска. Наделал мне гродненский лазарет хлопот: во множестве разных материалов и большой суммы стоющий, так что на четырехсот подвод чрез великую мочь едва мог отправить, ибо прежде не одного не было приготовленных подвод. Последний транспорт и с перестрелкой мною увезен, что называется, из рук неприятельских утащен. И все оно отправлено через Белиц, Новогрудек к стороне Минска.

Сутулов точно будет, по вашему желанию, в Петербурге. Я писал на Дон, чтоб его отправили непременно.

Лошадь вам, которая будет у меня — надобно поправить: недавно из Дону приведены и еще худы телом от дальней дороги.

Прощайте, до свиданья. Есмь и буду всегда непременно покорнейшим слугой

МАТВЕЙ ПЛАТОВ.

25-го октября 1712 г., у переправы через Днепр, у селения Городок.

Милостивый государь, истинный друг, Яков Васильевич,

Не взыскивайте простому моему слогу, к вам теперь относящемуся. Нахожусь на открытом поле и холоде и пишу: я уведомляю вас о себе, как другу.

Слава Всемогущему Богу, еще жив, а что и нездоров, то вы мой друг, знаете и до сего. Дела у меня идут хорошо; желал бы я, чтоб друг мой Вильсон (Вильсон, сэр Роберт, английский генерал, комиссар Англии при русской армии в 1812-1813 гг. — Ред. «Род. Края»), послал кого либо от Можайска посмотреть по дороге до Дрогобужа; сколько мерских неприятелей лежит в преследовании моем по дороге и сколько я отдал жителям пленных, кроме взятых орудиев, о которых донес его светлости фелтмаршалу. Теперь сын мой посылается с трофеями. Приказал ему явиться до вас, и узнать о вашем здоровье и моему почтенейшему приятелю генералу Вильсону от меня кланяйтесь. И вам мое почтение сердечное приношу. Дай Бог чтобы вы были здоровы. Вашим штаб-лекарям я очень доволен. Господин Берхман ко мне прибыл. Будьте уверены, он будет от меня доволен. Жалею очень, что почтенный медик господин Синяхин не со мной. Есмь и проч.

МАТВЕЙ ПЛАТОВ.

Писал я вам сие письмо в поле и при выпадающем снеге.

3-го сентября 1812 г. При Смоленске.

Милостивый государь мой, Яков Васисьевич.

Приятельское письмо ваше, чрез адьютанта моего г-на Жилина, я получил и буду желать сердечно, коль скоро сблизимся, увидеться с вами, найдя к тому способ со стороны моей.

Большую Владимирскую звезду послал я вам для того, чтоб носить ее вам на шинели, а не на мундире.

С совершенным к вам подчтением и проч.

ГРАФ ПЛАТОВ.

И нынешняго дня в форштате Смоленском взято девять пушек и более 1 000 пленных.

Надеюсь, что неприятель сегоднейшей ночью вытеснен будет из города.

Ноября 5-го дня 1812 г. Село Катань.

Любезный друг и истинный приятель, Яков Васильевич. — Вы меня простите что я не пишу к вам сам. Александр Петрович расскажет вам о причине. Я посылал через него вам поклон мой и, сожалею что вы скучаете, желаю искренно с вами свидиться. Пребываю всегда и проч. ГРАФ ПЛАТОВ.

(На обороте) — Я играл от 13 октября с французами в сто одну. Двадцать шестого числа превзошел. И играл же на другие сто же одну, а сего дня, Божеской милостью заигрался при взятии Смоленска на третью сотню, а именно орудиев. А сколько их дерзких мизераблей полонено, я и счет оным потерял. В заключении скажу: ура, ура, ура... Другу моему и приятелю Милорду Вилсону мое истинное подчтение приношу.

3-го декабря 1812 г. Ковно.

Истиной друг, милостивый государь, Яков Васильевич.

Податель сей г-н Караулов, перескажет о моем нахождении и всего прошедшаго дела он был очевидец. Я тебя почитаю и люблю. Прошу от меня кланяться хорошему приятелю моему милорду Вилсону. Я его доброжелательно всегда помню. По дружбе моей вам скажу, единственно для собственного вашего знания: граф Орлов-Денисов, по молодости его, сильно закрапризничаль Я в нем ошибся. Прощай истинный друг, до свиданья. Пребываю и проч. ГРАФ ПЛАТОВ.

Рукой Виллье на обороте помета: «Глупости со стороны графа».

---

12 декабря 1812 г. В г. Ковно.

Милостивый государь мой, истинный друг, Яков Васильевич,

Почтеннейшее дружеское письмо ваше из Вильны я получил. Занятие ваше по Виленским гошиталям, наполненным и нашими и неприятельскими больными, кончно доставит вам много трудов, к которым вы привыкли, по многотрудной должности вашей достойным знаниям.

Получивши сегодня уведомление о высочайшем прибытии государя императора в Вильну, я полагаю, что вы отъезд свой, как предпологали через Ковно на Ригу, оставите и я лишаюсь удовольствия видеться с вами, истинной друг мой и оказать услугу мою препровождением вас подчиненными моими в Ригу.

За искренние объяснения наши на счет мнения некоторых завистников рассуждения службы моей, чувствительнейше вас благодарю. Бог видит, сколько предана душа моя ко всемилостивейшему монарху моему и любезнейшему отечеству. Кто же может потемнить ревностнейшее служение мое государю и отечеству, когда оно чисто и основано на непоколебимом верноподданическом усердии? С каковым я окончу дни жизни моей.

Вы изволите писать, что г. Вильсон не успел сделать своего дела, как бы следовало, но признаюсь вам, что я и дел его не знал и не знаю к чему это относиться? А желал бы узнать, в чем оно состоит, хотя на параде (?).

О графе Орлове (Орлов-Денисов — прим. ред. «Род. Ккрая») больше ничего не нахожу сказать вам, как что я сожалею о нем, как он из нашого рода и сын покойнаго приятеля моего, но что происходит — я не понимаю.

Пребываю к вам и проч. ГРАФ ПЛАТОВ.

---

15 декабря 1812 г.

Милостивый государь мой, истинный друг, Яков Васильевич.

Я получил при почтенейшем письме вашем присланные от вас желудочные капли и покорнейше за сные вас благодарю. Начинаю употреблять их для укрепления здоровья моего.

Я точно нездоров, но что делать? Должно исполнять служебные дела по долгу моему. Теперь я иду в поход на Инстербург и далее.

Ежели Бог даст,буду здоров, то я надеюсь иметь приятнейшее удовольствие видеться с вами, где случай позволит. А до сего прощай, истинный друг. Пребываю к вам и проч. ГРАФ ПЛАТОВ.

Сделай милость, уведомь меня, я твое уведомление, единственно для одного знания моего, сохраню: долго ли государь император пробудет в Вильне, или возвратится скоро в Петербург? Мне весьма нужно по Войску Донскому о внутренних нуждах донести.

---

12 генваря 1813 г. Село Остеркин, около Данцига, в двух милях.

Ваше превосходительство, милостивый государь, Яков Васильевич.

Присланные от вашего превосходительства капли для его сиятельства Матвея Ивановича (Платов — прим. ред. «Род. Края«) произвели желаемое действие. Тошнота по утрам и позыв на рвоту — утолились, желудок начал укрепляться. Остается головная боль и слабость в груди. Припадки, как кажется от почечуя, который открывается гораздо в меньшем, против прежняго количестве, и безпрерывных душевных занятий. Имея особенную доверенность к особе вашего превосходительства, он просит о присылке тех же капель и мази для груди, называемой Аподелдок, каковой в прусских аптеках не имеется.

С отличным уважением и проч. ВАСИЛИЙ СОКОЛОВ. *)

Свидетельствую вам, моему истинному другу, мое искренне и душевное подчтение. Господин Соколов вам доносит о моем нездоровьи и что для меня надобно от вашей дружеской помощи, а особенно для грудей моих (!) мазью. Господином Соколовым я доволен... ГРАФ ПЛАТОВ.

---

26 генваря 1813 г. Деревня Бушунава.

Милостивый государь мой, истеннейший приятель Яков Васильевич,

Я вслед за сим из под Данцига, в главную квартиру отправлюсь — позвольте мне взъехать к вам, другу; иначе я ни к кому не согласен — вы мой прямой друг и в характере есть честнейший англичанин.

Я грустен по домашним обстоятельствам и здоровьем не так хорош. Сын мой больной есть в горячке жестокой. Благодарен я господину Соколову за его ко мне, сыну моему и другим многим больным, штаб и обер-офицерам, кроме казаков, коих он наиприлежнейше искуством своим и неусыпными трудами блюдет и много помогает спасением жизни.

Пребываю навсегда и прочее ГРАФ ПЛАТОВ.

На этом письме сделана приписка рукою Виллие на франц. языке: «28 января, Плоцк, 1813. этим утром получили известие что господин Рапп командующий в Данциге сделал вылазку с 1500, которые были все взяты, убиты казаками, которые увлекли их довольно далеко от города для получения такого счастливого результата. 27 офицеров и 250 солдат были захвачены, остальные убиты. Граф (Платов) будет здесь этим вечером. Виллие». *)

Письмо без даты.

Якова Васильевича, моего хорошаго приятеля, в квартире не нашел... А под кроватью видел женские башмаки. Надобно полагать что была гостья. Потревожась, оные не успела взять с собою, оставила на память, а я их прибрал и взял с собою, чтобы другие постороние сего не увидели.

Покорнейший слуга — ГРАФ ПЛАТОВ.

---

25 сентября 1813 г. Близь Борно.

Милостивый государь мой, Яков Васильевич. — Я всегда уверен на истинное ваше приятельское ко мне расположение, и что вы участвуете по доброй душе вашей, в моем благополучии, о чем потвердил мне приехавший ко мне адьютант мой Кузнецов. Я принимаю за сие в полном моем признании, за что покорнейше благодарю и благодарить всегда вас, друга, буду. Чем далее, то явное открывается недоброжелательство от некоторых ко мне, и, как вижу, зло желают мне, но не удается сие им жало сотворить. Бог мне помошник и покровитель. Я беру меры ко всей осторожности, чтобы им не восторжевать в намерениях их. Слава Богу, хотя с малым корпусом моим, а успех идет хорош. Сию ночь ночую близь Борно, а завтра предпринимаю к стороне Лейпцига. Бойгушов со мной в Атаманском полку начинает воевать.

Прощай, истинный приятель, до свидания. Будь здоров. Пребываю всегда с моим сердечным почитанием и проч. ГРАФ ПЛАТОВ.

---

28 сентября 1813 г.

Если что узнали, или другое что либо любопытству моему, покорнейше прошу уведомить меня. Я не открою никому, а сохраню единственно для себя. И письмо ваше издеру или сожгу.

Податель сея — человек верен. П. (Платов — прим. редакции «Р. К.»).

---

*) Соколов — дивизионный штаб-лекарь, донской казак.

*) По заключению редакции «Русской Старины», эта приписка сделана для императора Александра I-го, без сомнения Виллие показывал ему письма Платова.

Ответ Виллие — «Получил этим вечером. Говорят что Наполеон отступает. Королевский принц и Блюхер почти что вместе, с этой стороны Бенигсен около Дрездена. Наши резервы здесь. Армия впереди. Через несколько дней вы узнаете большие новости. Саксония. Шемниц. Вечер 28 сентября — Виллие».

---

31 декабря 1813 г. — Нанси.

Милостивый государь мой, Яков Васильевич. — Имея вас в памяти, как хорошаго моего приятеля, поздравляю с наступившим Новым годом и уведомляю вас, что я, Слава Богу, здоров.

С Божией помощью вчерашний день, обще с его высочеством, кронпринцем Виртенбергским, выгнали мы неприятеля из города Епиналя, который потом был преследуем мною, с большим поражением, до 6-ти часов вечера, к самому городу Шарму, куда спаслось весьма немного. Сего же дня остатки сих, пораженных вчерашний день, равномерно и находившиеся в г. Шарме неприятельские войска, выбиты из сего города Донскими полками команды моей и прогнаны по большой дороге, к городу Нанси, с большим поражением. Что случилось у нас здесь вперед, я буду вас уведомлять, как хорошаго моего приятеля. — Пребываю и проч. ГРАФ ПЛАТОВ.

---

21 сентября старого штыля 1814 г. Аршава.

Милостивый государь мой, Яков Васильевич. — Уведомляю вас, друга, о себе: по выезде моем из достойно почтеннейшаго города Лондона, который я содержу в моей памяти за их много сказанную приязнь и во всю жизнь мою за их доброе и для меня лестное расположение обязан достойной ея нацией быть благодарным, а особливо двум моим истинным приятелям, почтенейшим лордам — Морею и Персни, которым я обязан. Нетерпеливо буду ждать их приезда в Россию, а особливо иметь их, почтенейших гостей у себя на Дону.

Отравивши на Дон, дожидаюсь еще прибытия пяти полков из армии от графа Бенигсена, из которых буду комплектовать десять полков, кои остаются неотпущенными на Дон, а находиться будут при армии.

Проживаю теперь в Аршаве скучном и буду ожидать приезда государя, а потом мне должно быть и в Петербурге. Если, по дружбе, что пойдете по мне писать, можете адресовать в Аршаву. Не забудьте, пожалуй о бедняке Байгушеве: я известился, что он и по сию пору в лазарете Ольтенбургском — видно что рана его весьма тяжелая. — Есмь и буду на веки и с моим истинным подчтением и проч. ГРАФ. ПЛАТОВ.

Февраля 20-го дня 1815 г. Г. Варшава.

Милостивый государь мой и истинный друг, Яков Васильевич. — Давно и весьма давно уже ни весточки, ни грамотки от вас, любезнейший друг нет... Прискорбно мне сие, но не ропщу на вас, ибо знаю, с одной стороны, искреннюю любовь вашу ко мне и дружбу, а с другой — многие занятия ваши, которые конечно, существенные причины молчанию вашему. Я же, оставаясь в ожидании прибытия вашего сюда, живу с полгода уже возле скучнаго города Варшавы, но Бог знает, когда утешите вы нас приездом вашим.

Приятно мне у сего препроводить к вам, любезнейший друг, по три экземпляра сомоучебных произведений одного нашего Донца. Труды его, по тому уважению, что он нисколько не учен, а руководствуется одним природным талантом, конечно приобретут одобрение каждаго: но вы, почтенный друг, по любви своей к стране нашей у ко всем сынам ея, почтите оные особенным. И если найдете их того достойными, то прошу уделить и по экземпляру тем кого более оне могут заинтересовать. Прилагаю также несколько экземплярцев переписки моей с фельдмаршалом и изявление собственной благодарности мною предводительствоемому Донскому Войску. Все сие примите знаком истиннейшаго и отличнаго почитания и преданности и проч. ГРАФ ПЛАТОВ.

---

28 декабря 1816 г. Мелзак.

Милостивый государь, истинный приятель, Яков Васильевич. — Где я нахожусь и куда следую, донесет вам податель сей, г-н Штабуш. Я здоровьем слаб, но от дела своего не отступаю, поколь дух во мне существует. Интриги против меня опять начали раздражать мое сердце и приводить меня в сокрушение, которыя я вижу по бумагам, доходящим до меня. Я вам о сем сказал, как другу. Беру сокрушительное терпение, а потом, что далее

будет, я и сам не отгадываю. — Пребываю и проч. ГРАФ ПЛАТОВ.

За присланные капли покорнейше благодарю. Я их принимаю с красным вином в сутки по одной чайной ложке. Кажется, есть польза.

Ниже помещается еще одно письмо Атамана Платова к его жене, хранящееся в архиве Л. Гв. Атаманского полка у Н. Н. Туроверова. Печатается оно с сохранением подлинной орфографии.

Милая моя Марфа Дмитревна

По отпускъ сего, я, дети, изатья слава Богу здаровы, неприятеля врага Россіи бонапарда, благодаримъ всемогушаго бога поворотили боемъ из Россій вонъ, мы его гонимъ вслѣдъ за нимъ, на наши русскіе границы, учителя детей наших Ронгфельда я нашелъ иденьги ему жалованные или условные заплатилъ, вы его поблагопріятствуйте, он не виноватъ что не успѣпъ, вивчить, но слава богу Матвѣ русскаго писма знает хорошо, и по французски, он у насъ вишелъ хорошим воиномъ, много раз отличился. Даже и пушки бралъ искоказаками и все его любятъ, мнѣ как отцу приятно и лестно это видеть что сынъ мой полезенъ отечеству наше дело молитца богу о спасеніи его здаровья, а Иванъ сынъ всегда при мнѣ по молодости его я берегу и непускаю въперед ивнемъ вижу храбрый духъ, между тѣмъ и приучаютъ его науки мои пріятели, остаюсь навеки инеприменно

вашъ моя милая
вернѣйшій Матвѣй Платовъ.

Ноябрь ч. 9-го 1812 годъ. Напоходѣ икстронѣ Смеленска.

Приписано более взволнованным почерком (Ред. «Род. Края»).

«Занаписаніемъ сего писма сей денъ получилъ я отъ государя пожалованъ я и потомство мое графскимъ достоинствомъ. Итакъ вы моя милая графиня. Дѣти сыновья наши Матфѣй, Иванъ графи, идети ихъ будутъ а наши внуки естли божескою милостию мы ихъ дождемся графенятажъ, поблагодарите Господу богу, за его пославшею къ намъ милость —

— попрятствуйте вдову невестку Марью Степановну ипоздравте ее, сынъ ее и мои внук Матюша графъ инадежа внучка дазамужества ее графиня, и она графиня потомучто была замоимъ сыномъ.

Даниле Анеревичу Ронфилю подарите триста рублей а естли больше подарите я согласенъ, а уряднику Чирину сто рублей.

Примечания. О слабости в грамоте Атамана Платова было написано в предыдущем номере «Род. Края». Это было нормальное явление для той эпохи.

«Сынъ Иван» — Иван Матвеевич Платов — будущий командир Атаманского полка.

Ронфельд — домашний учитель детей Платова.

Урядник Чирин доставил приведенное письмо на Дон.

«Сынъ Матфѣй» — старший сын Атамана Платова, — был убит в 1812 г. под Малоярославцем.

ИЮЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ БОЛЬШЕВИКОВ В ПЕТРОГРАДЕ В 1917 Г. И ДОНСКИЕ КАЗАЧЬИ ПОЛКИ

(Продолжение № 71)

4. СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Л. Троцкий в его книге «Моя жизнь» о событиях 3-5-го июля пишет: — «В июльском столкновении обнаружилось, что за Керенским нет никакой демократической армии, что те силы которые поддерживали п-во против нас, казаки и юнкера, являются силами контр-революции, что к 5-му июлю наступление масс было отбито, что противник оказался победителем без труда, только при помощи казаков».

В его «История русской революции», в части 1-ой Т. 2, дает более полный обзор событий 3-5 июля. Говорит, что 2-го июля 1-ый пулеметный полк постановил выступить против пр-ва и создал временный революционный комитет под председательством прапор-

щика Семашко, который разослал делегатов по полкам Петроградского гарнизона и в Кронштадт, что «масла в огонь подливали анархисты» и может быть немецкие агенты. Прапор. Семашко требовал от заводов автомобили и, вооружив их пулеметами, посылал к Таврическому Дворцу и в другие места. Поддерживал постоянную связь с военной организацией большевиков и их лидером Лениным, выслал от пулеметного полка караул с пулеметами для охраны военной организации большевиков. Вр. пр-во, Президиум совета и штаб Петрограского округа не могли об этом не знать, но никаких мер противодействия не принимали.

В первый день выступления первой колонной по Сампсониевскому проспекту, по его середине, прошел 1-ый пулеметный полк. Во главе каждой роты шли грузовые машины с «макетами», за пулеметным полком шли рабочие выборгской стороны: в арьергарде, прикрывая манифестантов, шел Московский полк. Забота о безопасности Ц.И.К. советов была возложена на члена Ц.И.К. Войтинского, который разослал от имени Ц.И.К. во все полки гарнизона комиссаров с просьбой дать солдат для охраны Таврического дворца, но каждый полк озирался на другой — как тот поступит — и в результате у Ц.И.К. не было никаких сил, и у дверей Таврического дворца стояли шесть человек охраны; поэтому Ц.И.К. вызвал войска с фронта.

В ночь на 4-ое июля военная организация большевиков под руководством Подвойского создает «импровизированный штаб», который во все части газнизона разослал краткие призывы и предписания, чтобы охранять демонстрантов от нападения казаков и юнкеров, у мостов ведущих из окраин к центру и на узловых пунктах важнейших операций поставить боевые машины. Пулеметчики уже с ночи выставили свои караулы у Петропавловской крепости. По телефону и с нарочными оповещены о демонстрации гарнизоны Ориенбаума, Петрограда, Красного Села и др. ближайшие к столице пункты.

Ц.И.К. советов и Вр. пр-во ждут верных войск, но получают отовсюду донесения, что на столицу идут враждебные части из Кронштадта, Нового Петергофа, Красного Села, с форта Красная Горка и т. д.

В Зимнем дворце, где заседало Вр. пр-во, из штаба округа сообщили, что на Невском проспекте началась стрельба, поэтому заседания пр-ва перенесены в штаб округа.

Преображенцы, Семеновцы и Измайловцы, не примкнувшие к большевикам, заявили пр-ву, что они сохраняют нейтралитет.

На Дворцовой площади для защиты Штаба округа были только инвалиды и несколько сотен казаков, но ген. Половцев 4-го июля опубликовал извеещние о предстоящей чистке Петрограда от вооруженных полчищ... Однако командующему войсками удалось выставить против демонстрантов лишь мелкие отряды казаков и юнкеров, и весь день 4-го июля шли бессмысленные перестрелки и кровавые столкновения. При этом приводится показание следственной комиссии хорунжего 1-го Дон. каз. полка Америна, который докладывал особой комиссии, назначенной для расследования, что ему при охране со взводом казаков Зимнего дворца было приказано разоружать проходящие мимо небольшие группы людей из кого бы они ни состояли, а также вооруженные автомобили: «исполняя это приказание, мы время от времени выбегали в пешем строю из Дворца и занимались разоружением».

Троцкий, коментируя эти показания, пишет: «Нехитрый рассказ казачьего офицера безошибочно рисует и сопротивление сил и картину борьбы», он поясняет дальше: «мятежные войска выходят из казарм ротами и батальонами, владеют улицами и площадями, правительственные войска в силу своей малочисленности действуют из засады, налетами, небольшими отрядами, т. е. именно так, как полагается действовать повстанческим отрядам партизан. Объяснялось это тем, что почти вся вооруженная сила пр-ва была враждебна ему или в лучшем случае нейтральной, что наибольший размах демонстраций придало появление на петроградской арене кронштадских моряков», при этом отмечает, что в заседании кронштадских организаций даже робкий комиссар Вр. пр-ва голосовал за поход на Петроград. Для нужд десанта моряков из складов военного ведомсва было выдано 75 пудов огнестрельных припасов, что в 12 час. дня 4 июля в устьи Невы в Петрограде высадилось около 10 тысяч вооруженных матросов, солдат и рабочих.

Побывав во дворце Кшесинской, матросы двинулись к Таврическому дворцу. На углу Невского и Литейного авангарды матросов были обстреляны казаками, преграждавшими путь. Более жестокий обстрел последовал на углу Литейного и Пантеймоновской улицы, несколько человек пострадало. Среди матросов началась беспорядочная стрельба во все стороны. Кровавых стычек с казаками в этот день было не мало в разных частях города, «главной причиной кровопролития являлись казачьи отряды, бессильные, чтобы

справиться с движением, но достаточные для провокаций; они сеяли панику и вызывали столкновения воинских частей между собою». Рассказывает также о том, что особенно поддавались панике отряды анархистов, которые начинали разбегаться при одном слове «казаки», даже не видя их.

«Около 8-ми часов вечера 4-го июля, когда демонстрация была в полном разгаре, две казачьи сотни с легкими орудиями направлялись для охраны Таврического дворца, упорно отказывались по пути вступать в разговоры с демонстрантами, что само собою являлось дурным признаком. Казаки по пути следования, где можно было, захватывали вооруженные автомобили и разоружали отдельные мелкие группы. Все предвещало столкновение. У Литейного моста казаки сближаются с компактными массами врага, который успел воздвигнуть, здесь на пути к Таврическому дворцу, кое какие заграждения. Минута зловещей тишины, которую нарушают выстрелы, «казаки действуют пачками» — как пишет рабочий Метелев — рабочие и солдаты, рассыпавшись в прикрытиях или просто лежа на панели, отвечают тем же».

Пулеметный огонь солдат заставляет казаков отступить. Пробившись на набережную Невы, они из орудий дают три залпа, но, настигнутые ружейным и пулеметным огнем солдат, отступают в сторону Таврического дворца. Встречная колонна из засады наносит казакам решительный удар. Бросая орудия, казаки прячутся в подъездах буржуазных домов или рассеиваются. Столкновение на литейном, настоящее маленькое сражение, было самым крупным военным эпизодом июльских дней и рассказ о нем проходит через воспоминания многих участников демонстраций: Брусин, рабочий завода Эриксон, выступивший вместе с солдатами пулеметного полка, рассказывает, как при встрече с ними казаки сразу же открыли ружейный огонь; Конторович, описывая обстрел одной из рабочих колонн, говорит, что на Садовой улице шла 60-тысячная толпа рабочих и когда они проходили мимо церкви, раздался звон с колокольни и как бы по сигналу его из пересекающих улиц появились казаки, открыв ружейную и пулеметную стрельбу в воздух. Демонстранты стали разбегаться или прятаться в подъезды домов».

В столкновении у Литейного убито 7 казаков, ранено 19, среди демонстрантов убито 6, ранено около 20-ти, здесь и там лежали трупы лошадей». Дальше в своей истории Троцкий пишет, что «Интересное показание дает Аверин, тот самый хорунжий, который совершал с утра партизанские налеты на регулярных мятежников. Он рассказывает: в восьмом часу вечера мы получили приказание от ген. Половцева выступить в составе двух сотен при двух скорострельных орудиях к Таврическому дворцу... мы дошли до Литейного моста, на котором увидели вооруженных рабочих, солдат и матросов... Со своим головным отрядом я подъехал к ним и попросил их отдать оружие, но просьба моя исполнена не была и вся эта банда бросилась бежать по мосту на Выборгскую сторону. Не успел я последовать за ними, как какой-то небольшого роста солдат, без погон, повернулся лицом ко мне и выстрелил в меня, но промахнулся. Этот выстрел послужил как бы сигналом, и отовсюду по нас был открыт беспорядочный оружейный огонь.

Со стороны толпы раздались крики «казаки по нас стреляют». Огонь по нас был усилен. Тогда казаки слезли с лошадей и тоже начали стрелять по толпе, а когда подтянулся весь отряд, была сделана попытла открыть огонь из орудий, но солдаты открыли такой ураганный оогнь из ружей и пулеметов, что казаки принуждены были отступить и укрыться в подъездах домов».

По другим сведениям — пишет Троцкий — первые выстрелы раздались не с улицы, а из засады, что якобы подтверждает в своих показаниях следственной комиссии рядовой казак из той же сотни, что и хор. Аверин, уверенно показывает, что казаков обстреляли со стороны здания Окружного суда, затем из других домов в Самурском переулке и на Литейном», и что в «Известиях» советском официозе упоминалось, что казаки, не доезжая до Литейного моста, были обстреляны пулеметным огнем из каменного дома, что сражение на Литейном создало в развитии демонстрации резкий перелом... уличная борьба превратилась в разрозненные стычки без определенных целей. В ночные часы шли рукопашные схватки демонстрантов с «патриотами», беспорядочные разоружения, переход винтовок из рук в руки. Столкновения, бессмысленные жертвы, безрезультатность борьбы, не осязательность ее практической цели, панические настроения развились до крайности, при одном слове «казаки» демонстранты разбегаются и т. д. — все это исчерпало движение».

Дальше Троцкий исправляет «ошибку» П. Н. Милюкова, «будто на выручку Таврического дворца спешил 176-й полк и утверждает, что этот полк, прибывший из Красного Села, не собирался выручать правительство:

связанный с Мезирайонцами, выступил под руководством двух солдат большевиков, Левинсона и Медведева, чтобы добиться власти советов. Руководители Исполнительного комитета, сидевшие как на углях, донесли, что перед окнами дворца располагается в полном порядке с офицерами пехотный полк. Дан, член испол. комитета, носивший форму военного врача, обратился к командиру с просьбой дать караулы для охраны дворца. Получив предложение о караулах, командир полка обратился к дежурному помощнику коменданта юному поручику Пригоровскому.

Пригоровский был большевик и сейчас же обратился за советом к Троцкому, который с небольшой группой большевиков занимал наблюдательный пункт в одной из боковых комнат дворца. От него Пригоровский получил совет немедленно расставить как следует караулы: гораздо выгоднее иметь у входов и выходов друзей, чем врагов. Таким образом 176-й полк, явившийся для демонстрации против власти, опранял эту власть от демонстрантов, или вернее держал ее в плену.

П. Н. Милюков числит этот полк, в его «Истории» в томе I-м, выпуске I-м, на стр. 245-й, как пришедший на выручку Таврического дворца.

Суханов, в его труде, издеваясь над президиумом Совета, пишет, что он добровольно сдался в плен 176-му полку, пришедшему в Петроград под проливным дождем, чтобы требовать от Совета взятия на себя власти Вр. Пр-ва, т. е. пришел за тем, для чего официально был поднят мятеж. Продолжая свое повествование, Троцкий пишет, что «с утра 5-го июля казаки и юнкера арестовывают на улицах матросов, солдат и рабочих и отправляют их в тюрьмы и на гаупвахты». И приводит свидетельства рабочего Мятелева, который рассказывает о том, что часам к двум 5-го июля он видел, как поодиночке, закоулками, прячась от казаков, возвращались в Кронштадт матросы... распространяя версию, что все большевики-немецкие шпионы»... и в четыре часа ночи на 5-е июля появились первые сведения, что на помощь правительственным войскам готовы выступить Преображенцы, Семеновцы и Измайловцы, которые «начали суждение этого вопроса». 3-его июля эти полки объявили нейтралитет и угрюмо сидели по казармам, выжидая — чего?

«Наконец собрались выступить к вечеру 5-го июля» т. е. выступили тогда, когда по выражению Троцкого антиправительственное движение было уже «исчерпано». Как видим, Троцкий, рассказывая об июльских событиях, в качестве реальной силы пр-ва и о боевых действиях этой силы, все время говорит только о казаках и не о каких-либо других частях и отмечает факт если не подавления, то во всяком случае только их активность в борьбе с восставшими, которая «исчерпала у восставших волю к борьбе». Отмечает и то, что другие части или были на стороне большевиков или держали «нейтралитет» и даже задает вопрос: «выжидая чего?»

Рассказывает Троцкий и о том, что после прибытия в Петроград особого отряда с фронта, газета Горького писала, что прибывшие в большом количестве казачьи части настроены очень агрессивно. А мы уже знаем, что из казачьих частей в особый отряд входил только один 14-й Д.к.п., но «у страха глаза велики» и полк этот превратился в большое количество казачьих частей. Вентинский на собрании представителей воинских частей Петроградского гарнизона, упрекая одних за поддержку большевиков, а других за нейтралитет, говорил им: «Вот теперь по Миллионной улице проходят войска и броневики по направлению к Дворцовой площади, чтобы стать в распоряжение ген. Половцева. Вот это и есть наша реальная сила, на которую мы опираемся».

Дальше Троцкий пишет, что «соглашатели (президиум совета и министры социалисты) были бы готовы позволить казакам окончательно задавить большевиков, если бы не было очевидно, что, справившись с большевиками, казаки, офицеры, Георгиевские кавалеры и ударники разгромят самих соглашателей». О том, как общественность оценила роль казаков в дни 3-го, 5-го июля, Троцкий пишет: «Казаки стали подлинными героями буржуазного Петрограда, театры, синематографы и сады устраивали ряд благотворительных вечеров в пользу раненых казаков и семей убитых», что бюро исполнительного комитета избрало особую комиссию во главе с Чхеидзе для участия в руководстве похоронами убитых казаков, что первый гроб из собора был вынесен на руках Родзянко (председатель Госуд. Думы), Милюковым (быв. мин. иностр. дел), князем Львовым (председ. Вр. пр-ва) и Керенским (воен. и морск. мин. Вр. пр-ва). А другие гробы, по свидетельству офицера 1-го Дон. каз. полка Д. Артемова, были вынесены высшими представителями Армии и Флота, виднейшими представителями политических партий, стоявших правее большевиков, высшими представителями общественности, науки, печати и т. д. А говоря о Московском совещании общественных деятелей в августе 1917 года,

Троцкий свидетельствует о том, что председательствовавший на совещании Родзянко, в лице присутствовавшего на совещании представителя одного из казачьих полков, благодарик казаков от имени совещания за подавление ими июльского восстания большевиков». В заключение описания событий 3-5 июля, Троцкий пишет, что эти события показали с полной очевидностью, что руководящие партии Совета находились в Петрограде в совершенной политической пустоте. «Правда, гарнизон вовсе еще не был в то время на нашей стороне, были среди него колеблющиеся части, были нерешительные и пассивные, но было и небольшое меньшинство наиболее квалифицыpованных элементов, среди которого на первом месте стояли казаки, политические завоевать эти элементы нельзя было, их надо было победить».

В сборнике «Красный Архив» Т. 18-й приведены выписки «Из записной книжки архивариуса» Всероссийского Цент. испол. ком. солд. и раб. деп., посвященные событиям 3-5 июля, в которых говорится: 1. Член бюро комитета Сомов, сношением № 6224 писал в Михайловский манеж запасному броневому дивизиону: «По постановлению Исполнительного комитета предлагаю немедленно исполнить приказание главнокоманд. войсками Петроградского округа о высылке броневых машин в распоряжение коменданта Таврического дворца сотника Грекова». Сотник Греков, по свидетельству офицеров 1-го Дон. п., был назначен в помощники полк. Никитину из состава Георгиевской дружины.

Вслед за этим, председатель Совета Чхеидзе, сношением № 6259, в автомобильную базу писал: «Совет настоящим удостоверяет, что автомобильная база Вр. пр-ва находится в полном распоряжении Совета и потому без его разрешения ни одна машина не может выводиться какой-бы то ни было группой».

Сношения №№ 6275, 6276 за подписями члена Исполнительного комитета М. Бройдо и члена секретариата А. Дроздовского, были посланы предписаниями в Преображенский и Волынский полки о высылке в Таврический дворец в распоряжение Исполнительного комитета по 120 чел.' вооруженных солдат. За их же подписью послано предписание № 6278, полк. Трестеру с просьбой — в порядке наибольшей срочности мобилизовать все машины автомобильной школы и выслать достаточное количество в Исполнительный комитет. Для переговоров по этому вопросу был послан тов. П. Н. Иванов».

Одновременно с этим Председатель Совета Н. Чхеидзэ и за секретаря Евреинов, писали броневому отделу 1-й запасной автом. роты: «Ц.И.К. просит прислать в его распоряжение в Государ. Думу четыре броневых машины».

4-го июля они же писали в Михайловский манеж: «Ц.И.К. просит прислать в его распоряжение девять броневых машин в Таврический дворец».

4-го июля Чхеидзе писал комитету Измайловского полка: «Прошу немедленно прислать 400 вооруженных солдат для несения караулов по охране Таврического дворца, в соответствии с этим уже отдано Вам распоряжение штаба округа и для личных пояснений отправляется тов. Гоц». Того же 4-го июля, за подписью члена Исполкома Скалова и члена секретариата, писалось в ротный комитет главного артиллерийского полигона, что Исполком предлагает строго следить за тем, чтобы ни одно орудие без приказа Исполкова не было выдано помимо требования Комитета и что 200 чел. должны быть наготове по первому требованию прибыть для охраны Таврического дворца, и что требование будет подписано Чхеидзэ, Даном, Гоцем, Либером или Скаловым.

Того же 4-го июля было послано сношение в Исполком Ораниенбаумской стрелковой школы, что «Временный военный комитет при Ц.И.К. просит о назначении и присылке в Таврический дворец в распоряжение Ц.И.К. отряда в 500 человек по возможности вооруженных: 250 винтовками и остальных пулеметами. Тогда же была послана просьба Семеновскому полку прислать для несения караулов по охране Тавр. дворца одну роту».

4-го июля Чхеидзэ писал в орудийный завод: «Исполком предлагает орудийному заводу выдать находящееся у него 3-дюймовое орудие с передками и снарядами, как принадлежащее конно-гвардейской артиллерии. Орудие выдать уполномоченному на это от Исполкома старшему фейерверку Мазуркевичу» и командиру Гвардейского флотского Экипажа: «в виду особо тревожных событий, угрожающих революции, Ц.И.К. предлагает вам с получением сего выслать в распоряжение коменданта Таврического дворца всех свободных от наряда солдат для охраны Исполкома».

5-го июля он писал в ротный комитет 12-й роты 2-го пулем. п.: «Временный военный комитет при Ц.И.К. сообщает ротному комитету, что всякое приказание должно быть дано за подписью ген. Половцева и полк. Балабина и скрепленное подписью одного из членов Ц.И.К. на то уполномоченных: Либера, Гоца, Веншинского, Анисимова, Филлиновского, Борисова, Соколова, Скалова и Бинасика».

За № 6685 была объявлена резолюция, одобряющая решение пр-ва объединить все действия военных и гражданских властей по восстановлению и поддержания порядка в Петроградском военном округе и что соединенное заседание бюро Ц. И. Комитетов постановило уполномочить Авксентьева и Гоца вступить в возможно тесные сношения с представителями Вр. пр-ва, для полного согласования действий в намеченном направлении». В конце этих записей говорится, что ни одна просьба или приказание из вышеперечисленных выполнены не были и что в распоряжении командующего войсками были только: казаки, инвалиды, юнкера, Георгиевские кавалеры и добровольцы. Во всех этих просьбах или распоряжениях обращает на себ явнимание то, что все они касались присылки войск не для подавления восстания и не для содействия казакам, а только для охраны Таврического дворца, т. е. Совета солд. и раб. депутатов, но и на это никто из тех, к кому обращался Ц.И.К., не пошли и потому 4-го июля в 8 час. вечера, когда толпы стали требовать на расправу министров-социалистов, то Ц.И.К. просил ген. Половцева о присылке казаков.

С. М. Лебидова, в своем труде «От февраля к октябрю», в главе «Петроград в июльские дни», пишет, что первым из воинских частей в 4-е часа дня 3-го июля, из своих казарм, расположенных на углу Флюгова и Самсониевского переулков, вышел 1-й пулеметный полк, окруженный тысячами вооруженных рабочих. Во главе его двигались грузовые автомобили с установленными на них пулеметами по три на каждом. Автомобили сопровождали каждую роту полка. На Самсониевском проспекте № 65 помещались казармы гвардии Московского полка и когда около 5-ти часов мимо их казарм проходили пулеметчики, к ним присоединился и Московский полк.

Все двигались к особняку Кшесинской и к Таврическому дворцу, при этом по дороге у Гренадерского моста на Большой Вульфовой улице № 11 (казармы Гренад. полка) к ним присоединились Гренадеры, дальше присоединился Волынский полк, потом у казарм Павловского полка присоединились Павловцы и 180-й пех. полк, шедший со среднего проспекта Васильевского острова. Около 11 час. вечера на Невском у Садовой улицы в проезжавший казачий разъезд была брошена ручная граната. Собравшиеся здесь толпы рабочих и солдат пулеметного полка одни открыли беспорядочный пулеметный огонь из нескольких пулеметов, а другие побежали во двор Армянской церкви, в галерею Гостинного двора, на Михайловскую и Думскую улицы. Около часа ночи на 4-го июля по Садовой улице на Невский шли 39 тысяч Путиловцев и почти столько же рабочих из Петергофского, Московского и Коломенского районов. Во главе каждой группы шла вооруженная Красная гвардия. Между часом и четырьмя часами ночи на 4-ое Ц. К. большевиков вызвал броневики, которые были поставлены около Николаевского вокзала, Литейного проспекта, Главного штаба и т. д.

4-го июля с утра трамваи стали, т. к. персонал и рабочие в 10 ч. утра ушли на демонстрацию. После полудня 4-го июля у Николаевского моста высадились 10 тысяч Кронштадцев и, перейдя по Биржевому мосту на Петрограскую сторону по Каменноостровскому проспекту, двинулись к особняку Кшесинской, оттуда через Троицкий мост по Невскому и Литейному проспекту направились к Таврическому дворцу. В это время ариергард их на углу Невского и Литейного был обстрелян казаками, а когда авангард Кронштадцев на Литейном поровнялся с Пантелимоновской улицей, он также был обстрелян казаками, которые получили приказ командующего округом ген. Половцева «навести порядок на улице», матросы в панике открыли огонь из винтовок во все стороны.

Около 2-х часов дня 4-го июля, Путиловцы вновь вышли на манифестацию в числе 60 тысяч человек во главе с многочисленным отрядом красной гвардии. Впереди ехали грузовики с пулеметами и когда голова колонны манифестантов подошла к Нарвским воротам хвост ее был еще у Путиловского завода. Когда колонна проходила по Садовой ул. через Сенную площадь, где по сигналу звона церковного колокола по колонне выше голов была открыта стрельба казаками из ружей и пулеметов. Отряд красной гвардии Путиловцев ответил огнем из своих пулеметов.

На перекрестке у Чернышева переулка колонна вновь была встречена казаками огнем из дома на углу Садовой ул. и Апраксина переулка. Стрельба видимо производилась »психологическая« для того, чтобы рассеять демонстрацию, т. к. вновь стреляли над головами. В этот день казаки помимо указанных пунктов делали набеги на демонстрантов со стрельбой на Михайловской площади, на Литейном проспекте, на набережной Невы, на углу Садовой и Инженерской улиц, на Невском проспекте и в других местах. В результате таких набегов демонстранты «потеряли душу» и в ночь с 4-го на 5-ое июля со-

вещание членов Центрального и Петроградского комитетов партии большевиков постановило призвать массы организованно закончить выступление

5-го июля в газете «Живое слово» были опубликованы документы, что Ленин — Германский шпион, и уже рано утром 5-го июля в квартиру Елизаровых на Широкой ул. пришел Я. М. Свердлов и настоял, чтобы Ленин немедленно скрылся. Ленин последовал этому совету, а в тот же день вечером на квартиру Елизаровых были посланы казаки для ареста Ленина, но было поздно — Ленин бежал.

Здесь, как видим, речь все время идет только о казаках.

Париж.

А. Падалкин

(Окончание следует)

ПОКРОВ

Покров святые Богородицы
Любимый праздник казаков,
Она невидимым покровом
Нас охраняет от врагов.

И на Дону, и здесь в изгнании
Нет для меня светлее дня,
Когда с другими вспоминаю
Престольный праздник октября.

Я горд и счастлив, что родился
И на Дону, и казаком
И в этот День
Душа моя горит огнем.

Франция. **А. Г.**

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА УРАЛЬСКОМ ОТДЕЛЬНОМ ФРОНТЕ

«Два похода весной 1918 г.«

(Продолжение № 71)

После происшедшего в Илецкой станице и тревожных слухов из Саратова, Уральск спешно готовился к обороне. Да и было о чем подумать... Оружия было недостаточно, запасов тоже, телеграфная линия была лишь Уральск-Гурьев, транспорт, санитарная часть — все необходимое для ведения военных действий всем Войском отсутствовало.

Весной 1918 г. была объявлена всеобщая мобилизация. Каждая станица должна была выставить дружину и сама должна ее обслуживать. В каждой станице, больших хуторах, форпостах были организованы комитеты обороны, на обязанности которых лежало все снабжение, лечение, организация транспорта, вооружение, охрана и первая оборона. В силу невозможности держать части по всей границе Войска, были сформированы ударные группы-кулаки на направлениях, откуда можно было ожидать наступления красных: Уральск-Саратов, Уральск-Бузулук через Соболевскую станицу, Новосергеевск-Илецк, Александров-Гай — станица Саломихинская, Гурьев-Багатинские нефтяные прииски.

Вначале дружины оставались дома и выступали на фронт лишь по тревоге. Сторожевую службу несли учебные полки и они же принимали на себя первый удар, защищаясь до прибытия подкрепления.

Как я уже указал, на решение уральцев не признавать сов. власть и защищать Войско, но самим не нападать, никакого влияния извне не было. Оно было принято всем Вой-

ском добровольно, деления на две стороны, на две партии, у нас не было и никого не было из уральских казаков на стороне большевиков. Характерным примером является восстание в Илеке. Полк. Балалаев, как и все офицеры станицы, на сходе не были, не были и на первом заседании «Комитета Обороны», на котором было решено восстать против красных. Все офицеры вышли из «подполья», когда были извещены о решении Комитета. Главными же участниками Комитетов Обороны были **фронтовики.** О молодежи и стариках будет сказано дальше. Несмотря на примитивный способ ведения войны и отсутствие вооружения, только одним единодушием, особенным характером уральских казаков, любовью к Яику Горынычу и можно объяснить необыкновенную стойкость фронта Уральской Отдельной Армии, чему способствовало, кроме озлобления на красных, грубые приемы и поведение первого большевистского отряда в Илецкой станице. Они были как бы скопированы с приемов ген. Траухенберга в 1772 г. Он также, когда его не послушали, расстрелял Съезд казаков. Комиссар очевидно надеялся также «казнями в надлежащее покорение привести...», но он повидимому не знал, что яицкие казаки даже Высочайшим Особам не позволяли безпричинно наступать им на ноги. А тут какой то иногородний, быть может еврей, пришел по своему распоряжаться в станицу...

Весной 1918 г. направление Илецкая-Оренбург вызывало большое беспокойство нашего командования. Красные, заняв Оренбург в феврале 1918 г., никаких действий в сторону Илецкой еще не предпринимали, а направляли свои усилия на очищение Ж. Д. линии и занятие Ташкента. Оренбургские каз. станицы, отделявшие земли уральских казаков от Оренбурга, в это время были еще в состоянии «брожения». Представители ген. Дутова уговаривали их «подняться», организовать дружины и идти на Оренбург для очищения его от красных. Полк. Махин, будучи осведомлен о положении в Уральском Войске, просил наше Войск. Правительство помочь ему присылкой воинских частей, появление которых способствовало бы восстанию 1-го Отдела Оренб. Войска. Так как выступление оренбурцев против красных очень устраивало бы Уральс. Отд. Армию, наше Войск. Правительство приказало полк. Балалаеву выслать две сотни из Илецкой дружины в распоряжение оренб. полк. Махина. На второй день Пасхи мы выступили (я был командиром одной из сотен) из Илецкой с задачей дойти до ст. Дедюревской Оренб. Войска, которая наиболее была склонна к восстанию, и там стать в подчинение полк. Махину. По пути мы прошли две станицы Оренб. Войска. Местные казаки смотрели на нас косо, а вслед кричали: «юнкаря», «белопогонники...» В ст. Дедюревской нас встретили лучше. Раньше, чем мы разошлись на ночлег, полк. Махин приказал нам остаться некоторое время на площади перед станич. правлением, где в то время собирался стан. сход, чтобы оренбургские казаки нас видели и убедились в нашей поддержке. На другой день наш дивизион, во главе с полк. Махиным и вместе с присоединившимися в станице оренбр. казаками, выступил дальше в направлении к Оренбургу. В каждой станице наш отряд останавливался, собирался станичный сход, полк. Махин уговаривал казаков восстать. Видя уральцев и своих соседей присоединившихся к нам, казаки станиц тоже присоединялись. Так отряд, постепенно увеличиваясь, дошел до ст. Павловской, последней перед Оренбургом (в 18 верстах). Она находилась на левом берегу р. Урала, Оренбург — на правом. Из-за половодья станица не была занята красными.

В Павловской в нашем отряде было уже 1500 конных, не не все были вооружены винтовками, патронов было мало, ни пулеметов, ни артиллерии не было. Из Павловской мы, вместо того, чтобы идти дальше на Оренбург, повернули в обратную сторону и пошли на городок и Ж. Д. станцию Илецкая Защита, на линии Оренбург-Ташкент. (Илецкая Защита — городок и Ж.Д. станция Оренбургской губ., а Илек или Илецкая станица — Уральской Области Каз. Войска). Причинами перемены направления, как объяснил полк. Махин, было, с одной стороны, увлечь оренб. казаков этого отдела в действия против красных, а с другой — втянуться казакам в военные действия до начала главной операции. Последнее оказалось, как показало дальнейшее, необходимым. Два раза мы пытались взять Илецкую Защиту и оба раза не имели успеха.

Первый раз, наш отряд с уральцами во главе подошел к цели на 3-4 версты. Наступление предполагалось вести в конном строю. Не успел отряд занять исходного положения, что происходило на заре, как раздался один орудийный выстрел. Снаряд разорвался далеко вправо от отряда, но весь отряд разбежался — один лишь уральский дивизион остался на »поле брани«. Два дня понадобилось, чтобы собрать расскакавшихся по степи оренб. казаков.

Второй раз было решено атаковать городок и Ж.Д. станцию в пешем строю, с другой стороны и тоже на заре. Но тоже ничего не вы-

шло. Одна из уральских сотен заняла строения перед станцией без выстрела. Все шло хорошо, но на беду послышалось несколько винтовочных выстрелов, и опять цепи оренбуржцев разбежались, хотя выстрелы эти были не по цепям, а просто красногвардейцы ночью стреляли время от времени, чтобы показать свою бдительность. Красная гвардия того времени не отличалась большой храбростью и стойкостью и при малейшей настойчивости взятие Илецкой Защиты было весьма возможным. Причинами же такой неустойчивости оренбургжцев было то, что это было лишь начало борьбы, не было еще достаточной спайки, не было командиров, да и вооружения не хватало.

После этой второй неудачной попытки уральцы получили приказание вернуться в Илек. Впоследствии, и очень быстро, оренбургские казаки организовались, заняли Илецкую Защиту, отрезав Оренбург от Ташкента, а весной с помощью Уральс. Отд. Армии заняли и Оренбург. Между прочим замечу, что среди наших соседей, оренбургских казаков, и с самого начала было немало большевиков. С декабря 1918 г., и даже раньше, их Область была целиком захвачена большевиками и киргизами. Были позже красные части целиком состоявшие из оренбургских казаков, действовавшие против правого фланга Уральс. Отд. Армии. Оренбургское Войско дало революции Каширина и позже Маленкова.

Во время нашего нахождения в пределах Оренбургского Войска в Отдельной Уральской Армии произошли большие события. Полк. Балалаев с дружинами Илецких станиц, атаковав Ж.Д. станцию Новосергеевку (Самарской губ.), занял ее, захватив большие запасы оружия, огнеприпасов. Но были и потери. Из Илецкой станицы был убит сот. С. А. Кокорев и казак Крылов.

На главном направлении Уральск-Саратов, в первый день Пасхи красные перешли границы Войска и повели наступление на Уральск. Учебные полки были брошены им навстречу, по Войску была объявлена тревога для дружин. Вся учащаяся молодежь, не исключая и иногородних, добровольцами пошли на фронт. Прибыли и дружины из ближайших станиц, большевики были разбиты и прогнаны за «грань». Был нами захвачен даже один аэроплан. Но отогнав большевиков, наши части за «грань» Войска не пошли. Командование и часть общественного мнения находили постановление «за грань не пойдем» решение ненормальным. С военной точки зрения, «разбитого противника надо добивать и уничтожить», но дело в том, что против уральцев были такие большие силы противника, что, несмотря на всю доблесть уральцев, перебить всех им все равно не удалось бы.

Ген. Акулинин, Оренбург. Войска, активный участник гражданской войны и занимавший крупные посты, разбирая действия противников, был неправ, обвиняя командование Ур. Отд. Армии в отсутствии «большого плана войны». Ур. Отд. Армия никак не была подготовлена к такой войне и не имела соответствующего снабжения. Стремление же взять Астрахань силами Ур. Отд. Армии было бы самым абсурдным решением.

После неудачной атаки красных на Уральск, в течении месяца на всех фронтах было в общем спокойно, крупных операций не было. Местами красные приходили «за грань», их прогоняли, и так тянулось до середины июня.

На Илецком фронте, после взятия Новосергеевки, присланный из Уральска ген. Л. В. Загребин совместными действиями с оренбургцами занял Оренбург, а после двинулся на Самару. В это же время чехи, заняв Самару раньше, двинулись навстречу ген. Загребину. Красные оказались зажатыми на Ж.Д. станции Бузулук. После двухдневного боя они были уничтожены, нами было захвачено много оружия и припасов. Вся Ж.Д. линия Самара-Оренбург была очищена от большевиков и их Ташкентская группа отрезана. Чехи, заняв Самару и Казань, заняли и оружейные заводы Иващенко (в 40 верстах на юг от Самары). Вооружившись сами до «зубов», остаток запасов чехи отдали Уральс. Отд. Армии и частично оренбуржцам. Гужевым путем, нескончаемыми обозами, вывозилось все, что можно, в склады Уральска.

Во время этих событий полк. Балалаев получил задание сформировать 2-ой Учебно-конный полк из молодых казаков 4-ех станиц. Местом его формирования был избран «Яманский Сборный Пункт», где имелись казармы и были отведены луга для выпаса коней. Сюда обычно каждый год собирались молодые казаки на один месяц перед отправлением их в полки действительной службы. Он находился, примерно, в центре 4-ех станиц и в 8-ми верстах от г. Илека. Молодежь начала прибывать, но три четверти из них явились без оружия и пешими, так как отцы их и часто старшие братья были уже мобилизованы и оружия и коней в некоторых семьях для всех не хватало. Все необходимое ожидали из Уральска. Поэтому вся подготовка производилась пешими по конному с

двумя винтовками, для ознакомления с ними, на сотню. В каждой сотне было по одному младшему офицеру, а на должность вахмистра командир сотни по своему выбору мог пригласить из числа фронтовиков. Не успели еще окончательно составить списки полка, как в середине июня приехал в полк член Войск. П-ва сс. И. И. Климов узнать, готов ли полк к выступлению на фронт. Эта поспешность была вызвана тем, что на фронте Саратов-Уральск большевики вновь перешли «грань» Войска большими силами с броневиками и броневыми поездами по Ж.Д. Была объявлена общая тревога... Это было в воскресенье, занятий в полку не было и многие офицеры отсутствовали. Полк. Балалаев определенно заявил, что полк не готов, курса стрельбы еще не начинали, оружия нет, казаки одеты по домашнему и т. д. Так как была крайняя необходимость, было решено вызвать охотников. Некоторые из казаков уже участвовали и в Илецком восстании и при взятии ст. Новосергеевка. Оружие, обмундирование и все необходимое обещали дать в Уральске. Я, по приглашению полк. Балалаева, был командиром 4-ой сотни.

Когда же в полку было предложено охотникам выйти вперед, то весь полк оказался охотниками.

В понедельник утром все командиры сотен были уведомлены о случившемся, но они заявили полк. Балалаеву, что они с казаками совершенно неподготовленными на фронт не пойдут и ответственность за могущие быть последствия брать на себя не желают. Наш «воевода», полк. Балалаев, был этим страшно смущен. Прежде, чем отправиться в штаб полка, я объявил в сотне, пользуясь наивностью казаков, что на фронт с ними я не пойду, так как охотником не записывался. Казаки группами тоже направились к штабу.

«Что же делать? Я согласен с вами, но если опасность такова, как рассказывал И. И. Климов — мы не можем оставаться дома и сидеть сложа руки...», волнуясь и крича, повторял нам полк. Балалаев. Но отказы командиров сотен были перднамеренными и не совсем искренними: их цель была подействовать на казаков в том смысле, что офицеры, идя с ними, делают им милость, а следовательно и послушание казаков и дисциплина должны быть на должной высоте. В конце концов этот вопрос был разрешен положительно и все пошли на фронт. Согласно приказаниям, казаки группами и одиночно, на обывательских подводах, должны были направиться к Уральску и через три дня собраться там у Холодильников. В назначенное время все были на месте. Наскоро получили винтовки, патроны, кое-какое обмундирование. Патронташей не было, патроны должны были носить в карманах. Поданы нам были вагоны и по железной дороге полк отправился на фронт. Красные уже заняли станц. Шипово в 45 верстах от Уральска. Поезд остановился на Ж.Д. станции Приметная, защищать которую было поручено полку. Шанцевый инструмент отсутствовал. Вместо окопов штыками и шашками выкопали ямки и залегли. Утром большевики повели наступление тремя цепями с броневиками. А с нашей стороны был бронированный поезд «домашнего» приготовления. Молодежь наша держала себя более, чем надо, храбро. Много труда было потрачено мною вместе с вахмистром Федором Фадеевичем, чтобы заставить их лежать, не показывать себя и не стрелять без приказания. В «окопах» же было им показано, как действовать с затвором винтовки. Понятия о войне у них были самые примитивные: показался противник, так надо его атаковать.

Бой продолжался целый день; красные, подгоняемые конными всадниками, все время двигались на нас. Под вечер моей сотне было приказано стойти за находящуюся сзади небольшую возвышенность. Воспользовавшись тем, что цепи большевиков снова пошли на нас в атаку и спустились в небольшую ростошку, что была между нами и ними, сотня успела перебежать за небольшой увал, понеся лишь потери от разорвавшихся над нами нескольких шрапнелей. Наши потери за день — 11 казаков и 2 офицера (из иногородних, приданные нам в Уральске) ранеными. Наш бронепоезд прикрывал нас при отходе, а бронепоезд красных нас не преследовал, так как при отходе нами снимались рельсы. Несмотря на такую для начала »трепку», наша молодежь не пала духом, и на другой день, когда сотне было приказано перейти в контратаку, молодые казаки без всякого замешательства, во весь рост, равняясь, пошли на красных. На последних это так подействовало, что они залегли. Залегли и мы. Наш правый фланг был уже на р. Деркуле, в 7-м верстах от Уральска. Но главные действия в борьбе за Уральск происходили в центре и на левом фланге фронта, где были сосредоточены вся наша конница, большая часть пехотных частей и артиллерия. При страшной жаре бой тянулся до вечера без заметных успехов. Наша конница местными атаками задерживала наступление красных, все время маневрируя, поджидая подходящего случая.

Наконец под вечер 1-му Учебному полку удалось прорваться в тыл правого фланга красных и атакой внести замешательство в цепях красных, что и решило участь боя. Вся наша конница, заметив это, бросилась в атаку и уничтожела первые три цепи противника. Подъем и возбуждение были велики... Не надо забывать, что это был не простой бой, а бой за самое существование, бой за столицу и честь Войска... Одним из первых бросился в общую атаку конный полк из самых **старых казаков** г. Уральска под командой полк. Н. Н. Мезинова, находившийся в резерве. А старики, назначенные подвозить воду частям, услышав «атакуют — наша берет!..», выпрягали своих маштаков, бросали бочки и с чем попало тоже ринулись в атаку. Поэтому этот бой получил название «атаки стариков».

Наша конница, все та же, что целый день вела бой, до ночи преследовала и добивала красных. Кони отказывались идти, казаки от жажды и усталости валились с седел... Поле битвы представляло собой картину из «Слова о полку Игореве». Уральск. Отд. Армия понесла большие потери убитыми и ранеными. Был убит полк. С. Г. Курин, командир 1-го Учебного полка, тяжело ранен и вскоре умер от ран полк. Н. Н. Мезинов. Кстати замечу, что ген. Акулинин ошибался, когда в своих трудах писал о неудовлетворительном состоянии Войска в медицинском отношении, в полном отсутствии медиц. персонала и что доктора были главным образом из пленных. В самом Уральске имелось два больших госпиталя: Войсковая больница и Земская, обе хорошо оборудованные, и с большим количеством потому времени медиц. персонала и медикаментов. Уход за ранеными и лечение их, вплоть до сложных операций, был обеспечен. В Илеке, Лбищенске, Калмыкове, Гурьеве были в каждом так называемые «Войсковые приемные покои». В каждом из них был врач. По остальным станицам были фельдшера. Все 9 полков пришли с фронта Великой войны, за небольшим исключением, со своими врачами и медиц. материалом. До 10-15 врачей было из казаков, но и иногородние при сдаче Уральска и дальнейшем отходе нашей армии добровольно у большевиков не оставались.

Бой за Уральск окончился полной победой уральцев. Красные снова были выбиты за «грань», а собравшиеся дружины возвратились по домам. 2-ой Учебный пок также принял участие в преследовании разбитых большевиков. При страшной жаре, без одной санитарной повозки. Не было даже бутылок, чтобы взять на переход немного воды. Ослабевшим от жары и недоедания оставалось одно: нести их на руках или поддерживать и тянуть, помогая несчастным переставлять ноги. Неутомимый вахмистр Федор Фадеевич старался поднять дух усталых. Вдруг запоет: «Палынушка — горька травынька!.. Горше ее в поле не было!.. Горше ее только служба царская!.. Охотничков в ней не было!.. Охотничек в ней млад полковничек!..».

«Подтягивай!.. Что приуныли, охотнички?.. Наша взяла... Уральска товарищам не видать...»

В конце концов полк, голодный и измученный, собрался на Ж.Д. станции Шипово. В это же время, возвращаясь с «грани», в Шипово пришел и полк старших казаков тех же станиц. В нем было некоторое количество отцов и родственников наших «охотничков». На станции снабдили полк хлебом, привезли немного мяса, но варить его было не в чем. Старшие казаки, узнав, в каких условиях их детям пришлось воевать, жаловались полк. Балалаеву, упрекая его в нерадении, а он в свою очередь слагал вину на спешность выступления полка на фронт и на обстоятельства, потребовавшие это. В результате всего этого и этой встречи на утро ни одного «охотника» в полку не оказалось. Вместе с уходившим полком старших казаков молодежь тоже ушла с фронта. В тоже утро на станции остановился ехавший на фронт командующий Армией ген. Мартынов, которому было доложено о случившемся. Никто этому большого значения не придал. Молодежь свое обещание выполнила, наступление на Уральск было отбито и все были уверены, что казачата, успокоившись, отдохнув, снова соберутся и будут вновь хорошо. воевать. Поэтому о каких то бы то ни было наказаниях и речи не было. Грустно лишь было командному составу полка. Жаль, очень жаль!.. Такая хорошая молодежь, терпевшая безропотно все лишения и хорошо воевавшая, а неудачное распоряжение Вр. Войск. П-ва и командования в связи с трагическим моментом оборвало, оскорбило, как бы насмеясь над искренним намерением принести любую жертву для спасения того, за что боролось Войско. Не будь такого несчастья, 2-ой Учебный полк был бы очень хорошим полком. Искренность их убеждений доказывает хотя бы то обстоятельство, что спустя много лет, я, будучи уже в Праге, получил приписку в письме моего младшего брата от одного из этих охотников, в которой он пишет, что все помнит, шлет «нижайшее почтение и с любовью

низкий поклон» и просит забыть о случае в Шипово.

Так была настроена казачья молодежь в Уральском Войске в описываемую эпоху.

Париж. **П. А. Фадеев**

ОБ АТАМАНСКОМ ВОЕННОМ УЧИЛИЩЕ

Вполне одобряю намерение И. И. Сагацкого установить точно роль и историю заграничных выпусков Атам. Воен. У-ща, и, подтверждая в главной части его изложение (№ 69 «Род. Края»), хочу внести некоторые дополнения и уточнения.

Наименование «Атаманское Военное Училище» было пожаловано Новочеркасскому Военному Казачьему Училищу Донским Атаманом ген. А. П. Богаевским в день 50-летия Училища на Михайлов День (21 ноября нов. ст.).

Выступили мы из Новочеркасска не 26-го, а 25-го дек. (на Рождество) приблизительно в 15 часов.

В службе охраны Штаба Дон. Армии принимала участие и 1-ая сотня: ее 1-ый взвод «сел на поезд» командующего Дон. Армией ген. Сидорина на станции Сосыка. Мы выезжали поездом навстречу 4-ому Дон. Корпусу (Мамантовскому), бышему в то время под командой ген. Павлова. Корпус этот в переходе через Сальские степи из-за сильных морозов, хотя это было во 2-ой половине февраля (ст. ст.), понес страшные потери замороженными казаками и лошадьми. Нам было больно и жутко смотреть на встречный поезд с открытыми вагонами, нагруженными, как бревнами, трупами замерзших.

Конвоировал ген. Сидорина на фронт (на Кубани) 2-ой взвод под командой ес. Борисова.

И. И. Сагацкий упоминает о первой жертве Училища — юнкере Карасеве, упавшем на мосту с лошадью и зарубленным красной конницей. Его конь, по кличке «Артур», на котором начальник Училища ген. Семенченков выезжал на конные учения в Новочеркасске, имел большой порок: он был «спотыкливый» на всех аллюрах. С Екатеринодара до Новороссийска я отступал на Артуре, а наш 1-ый взвод в службе охраны Штаба был заменен 2-ым взводом.

Позже, в Евпатории, нам было объявлено, что на место ген. Семенченкова, умершего от тифа, начальником Училища Атаманом Богаевским назначен ген. Греков, чем мы, атаманцы, даже зная его мало, были довольны, так как ген. Максимов, временно объединявший два Училища (Атаманское и Донское), не имел у нас, старых атаманцев, надлежащего престижа. Но он повидимому имел друзей-приятелей в штабе ген. Врангеля, да и ген. Греков в то время был болен. В одно раннее и прекрасное утро он поднял нас по тревоге (в Евпатории), мы были посажены в вагоны и были отправлены на Чонгарский Мост для отражения «прорвавшейся» красной конницы. Но перед отправкой поезда он все же нашел время (через 4-5 часов после тревоги) устроить нам парад, проскакав перед нашим строем на своем коньке Горбунке.

Бои под Каховкой были от 31/7 до 2/8 (ст. ст.) включительно. Боевые качества 1-ой и 2-ой сотен Атаманского У-ща были на очень большой высоте. Молодежь, которая по своей моральной юношеской чистоте большевизм, как ЗЛО, не принявшая еще до того, как попала в Училище, в огромном своем большинстве получила уже боевое крещение: кто в Степном походе, кто в 1-ом Кубанском, кто в разных казачьих частьях и имела уже чины от приказного до хорунжего включительно. А в Училище она получила окончательную военную подготовку и моральное оформление в твердой стойкости перед лицом Зла. Каждый из нас был не только отдельным бойцом, но мог быть и командиром, способным вести в бой других.

Войск. старш., а не есаул, Сохранов, наш командир взвода, был ранен 31/7. Перед боем он между прочим сказал: «По последней военной статистике союзников, чтобы убить бойца, нужно по нем выпустить столько металла, сколько весит его тело». А через час он был тяжело ранен.

Юнкера шли в бой спокойно и с твердой решимостью, мысль отступать нам не могла и придти в голову, а из обороны нас могла вывести из строя только смерть. Самые тя-

желые потери понесла 1-ая конная сотня, одна четверть ее состава была переранена. Во 2-ой сотне (пешей) был смертельно ранен ее командир ес. Жуковский.

По заслугам наших двух сотен, старых атаманцев, и были пожалованы Атаманом Богаевским Училищу гвардейские георгиевские петлицы.

Приказ Атамана вместе с сообщением о слиянии двух Училищ и назначением ген. Максимова начальником У-ща был нам своевременно прочитан.

Ген. Врангель, как Главнокомандующий, имел, конечно, право награждать, но он обычно этим своим правом пользовался сразу же, на фронте.

В 1-ой сотне были награждены (позже) юнкер Никольский, как один из тяжело раненых, и сестра Наташа за свое мужество в деле помощи раненым во время боя.

Командования ген. Попова (Училищем), ген. Максимова (дивизией), ген. Барбовича (группой войск) мы не ощущали. По выражению одного полковника, бывшего при штабе ген. Максимова: «Никто, кроме командиров сотен, вами не командовал», что довольно правдоподобно.

Сначала пошла в атаку 2-ая Дон. дивизия, которая была отбита, после этого часов в 16-17 пустили. нас. Мы заняли две линии красных (1-ая — легкая, 2-ая — окопы). Было бы уместно после этого бросить в атаку 2-ую дивизию для завершения этой операции, но из-за сумерок это было невозможно, что спасло красных от разгрома.

Поведение войск. старш. Кочетова было выше всяких похвал. После боев он поблагодарил сотню такими словами: «Спасибо за отлично проведенные тактические занятия...»

В заключение хочу спросить И. И. Сагацкого: связался ли он со своим «дружком» И. Ашуркиным («Жижкой»), который обосновался и процветает в Нормандии?

Франция.

И. Крюков

КАЗАКИ, КАЗАКИ...

Первая революция, май 1904-го года. День тезоименитства Государя Императора.

В Вильно, в древнем соборе, переполненном молящимися, представителями военной и гражданской власти, идет торжественная служба. Немногочисленные отряды полиции охраняют площадь перед собором и ведущие в ней узкие волнистые средневековые улицы; в городе, кроме донской казачьей конной сотни из запаса, никаких воинских частей нет — войска были распылены по громадной территории западных губерний России.

Почти пустая площадь и входящие в нее улицы начали наполняться группами поляков, евреев, белоруссов, украинцев и др., фабрично-заводской, крестьянский, исключительно мужской, молодой возраст. В них были вкраплены студенты, курсистки с красными повязками, бантами — они представляли командный элемент, все были возбуждены, злы. Подходящими из окраин, пригородов Вильны, толпа все уплотнялась. Попытки полиции задержать напиравших из улиц — успеха не имели, вызывали лишь брань, угрозы. Площадь, сравнительно небольшая, наполнилась до отказа. Полиция сосредоточилась у трех массивных дверей собора, изготовясь к борьбе. Сначала было в собравшейся массе в несколько тысяч человек сравнительно тихо, но затем послышался какой то неопределенный шум, как перед бурей в лесу пролетают струйки ветра, шевелящие пышные зеленые шапки деревьев... Умолкают тогда лесные жильцы, слыша предгрозовые сигналы...

Шум в толпе наростал. начали выделяться отдельные возбуждающие выкрики: «Смерть царизму, смерть опричникам, кровопийцам, грабителям... Да здравствует свобода, равенство, братство...» и много другого революционного... Особенно бесновались студенты, юркие склизкие еврейчики, и курсистки; крики на разных, хотя и родственных, языках составляли дикую какофонию звуков бури: замахали палки, дубины, поблескивали револьверы, ножи.

В соборе заперты изнутри крепкие запоры главных и боковых дверей, у которых собрались небольшие группы офицеров и чиновников, готовых при проломе дверей вступить

в бой. Женщины истово, коленопреклоненно, молились о спасении, иные как бы предсмертно плакали. Служба не прерывалась, достигая наоборот высшего духовного напряжения — чаяния чуда.

Древний, седой как лунь, архиепископ после одного из возгласов истово благославил молящихся и пророчески сказал: «Братья, сестры, молитесь, молитесь... Господь в последние страшные минуты пошлет нам чудо...» Он как бы ѣлил успокоение, дал теплоту надежды, а глубокие, захватывающие, божественные напевы укрепляли веру в чудо...

Вне Собора, в исступленном реве толпы, уже слышались револьверные выстрелы, из ближайших к собору улиц тянули длинные, тяжелые дрючьки разбивать двери собора. Полиция защелкала затворами оружия... Тяжкое, как бы предсмертное, томление — прощание души с телом — продолжалось недолго, почувствовалось, что будет борьба до последнего вздоха...

Но пророчество старца архиепископа сбылось... На площади вдруг раздались крики: «Казàки!... Казàки!...».

Казачья сотня, находившаяся у себя в казармах, получила приказ с возможной скоростью прибыть на площадь у собора. Наличность сотни только 60 человек, остальные в окрестностях. Сотенный командир, пожилой есаул из запаса, повел отряд на рысях, но в узкой улице толпа попыталась сделать пробку и не пропустить на площадь. Есаул, приподнявшись на стременах, грозно крикнул толпе: «Сейчас же пропустить, а то прикажу прорубить шашками дорогу...». Казаки, как бы подтверждая слова командира, тоже приподнялись на стременах и взялись за эфесы шашек. Преграждавшие путь в ужасе бросились бежать к выходу на площадь, и, вклинившись в стоящую там толпу, дико заорали: «Казàки... Казàки... офицер приказал рубить шашками...» И сгущенная на площади толпа, увидав казаков, сразу прекратила беснование, а затем с воплем ужаса, подло, трусливо, сбивая с ног друг друга, бросалась в узкие улицы.

А казаки, скромные, оторванные от мирного труда хлеборобов, выпрягшие из плуга, косарки, катка часто своего старого служивого гнедка, поседлав его, ехали, куда прикажут... Спокойно, шагом, по три, помахивая плётками, выехали на площадь. Лица простые, открытые, спокойные, большинство пожилые, бородатые, на лицах нет злобы, а только удивление, что пришли тысячи убивать в святом храме молящихся, из которых больше половины женщин, детей.

Магическое слово «Казàки, казàки...» стоило тысяч испытанных бойцов. Площадь быстро освобождалась. Казаки построились в две шеренги, есаул, смеясь, сказал: «Тысячный противник не принял боя с горстью казаков и трусливо бежал...» Смеялись и казаки. И еще благодушно сказал старик-есаул: «Коли дойдет до плетей, то, братцы, девкам, бабенкам выставки не портите — это их счастье. Ведь смута на лице всю их жизнь испортить может». — «Слушаемся, Ваше Высокоблагородье...» отвечали казаки, а между собой, смеясь, говорили: «Знаем, знаем, как ума вставлять, учивали дома своих...».

Бунтарей на площади уже не было. Есаул подвел казаков к собору. Выравнялись. Открылись двери собора, вышел генерал-губернатор, должностные военные и гражданские лица, за ними штатская публика, у большинства женщин лица были бледные, измученные, но ввиду счастливого конца быстро оживлялись, появлялась радость воскресения. Есаул подъехал к вышедшему вперед губернатору и отрапортовал: «Прибыл с 60-тью нижними чинами, противник боя не принял и, струсив, бежал». Улыбнулся генерал, подошел к казакам. поздоровался. «Здравия желаем, Ваше Превосходительство...» Поблагодарил. «Рады стараться...». Есаулу приказал оставаться с частью у собора до распоряжения. Пообещал улучшить стоянку сотни и, любезно простившись, отошел. Быстро «соборные пленники» собрали значительную сумму денег, треть дали полиции, две трети казакам.

По отношению к убегшим горе-демонстрантам никаких мер разумне было предпринято, руководствуясь «что посеял, то и пожни». И действительно, два встречных человеческих безумных потока с площади с криком «Казàки, казàки, рубят шашками...» и встречное: «Долой, смерть царизму, смерть опричникам и проч...» в узких волнистых улицах произвели страшное дело: сбивали друг друга, топтали павших, давили на смерть, калечили, безумие злобы сплелось с низостью трусости и через час-полтора живые, измятые, но могущие бежать, исчезли. В нескольких улицах остались кучи сильно искалеченных, измятых, под ними стонали умирающие. Быстро узнали окрестности о происшедшей катастрофе и много подвод родни поспешили к кучам, вытаскивали еще живых и увозили, прятали, боясь преследования властей. А городские власти собирали пострадавших и размещали по госпиталям, оставались на месте лишь мертвые. Утром разобрали их окрестности, откуда они были, а оставшийся де-

сяток безродных был зарыт в общей могиле.

Казаки стояли на площади часа три. Нашелся овес, сено, орликам, соколикам, гнедкам, а казакам хорошая еда и выпивка от спасенных ими. Есаула две красивые дамы пригласили в близкий богатый дом; уходя, он приказал вахмистру сейчас же известить его, если будет какое-либо приказание. Действительно, часа через три пришел пакет, который был немедленно передан вахмистром есаулу, сидевшему за богатым столом в окружении нарядных дам и подтянутых офицеров, чиновников. Раскрыв пакет, есаул приказал вахмистру вести казаков в казарму. Сам встал, начал благодарить хозяев, но последовал общий протест, просьба остаться еще хоть на часок, будете доставлены в экипаже на вашу квартиру. Замялся старик, начал говорить, что, мол, служба, порядок и прочее... Уговорили. Остался. Не налегали на крепкое, а на слабое, приятное.

Не в обиде был и вахмистр, хозяйка что то сказала подбежавшей горничной и та, уходя с казаком из столовой, в коридоре попросила обождать и скоро выскочила из кладовки с сумкой, в которой было несколько бутылок, и, кокетливо улыбаясь, сказала, что барыня приказала передать вам эту сумочку. Умиленный вахмистр просил благодарить барыню, поручкался с хорошенькой горняхой и ушел.

Конечно, на площади его окружили казаки — все свои, браты, сваты, кумовья и другая родня, — что да что в мешочке? Почухал вахмистр затылок, да и сказал — мало на всех, только попробовать, ну так попробуем. Пробовали стаканчиком, умилялись, восторгались и в один голос говорили «отродясь такого не пили, да никады и пить не будем...» Жаль, жаль, но хоть память...

Ну, вот, казаки в казарме, приехал в коляске командир, пошел в свою квартиру, а за ним приехавший на козлах лакей понес рогожную сумку... «Некабы шампани...» решили казаки.

В дальнейшем квартирные и продовольственные условия сотни значительно улучшились, подкормились казаки и меренки, гнедки, и писали станичники домой длинные победные письма. Есаул и два его субалтёрна часто приглашались знатью города на богатую хлеб-соль.

Тихо стало в Вильно, только собаки лают по ночам, да иногда «портной из Парижа» Иван Голубец, выйдя от друга целовальника Ивана Ивановича Цыбули, из-за закрытия заведения, согласно полицейскому часу, недопитый и не договоренный, и поэтому расстроенный, шумел на улицах, пускал сильные бранные слова по адресу революции вообще, а особенно юрким, склизким еврейчикам, «многоязычным, мутящим многие народы, а сами увидали казацкие плети, то как мыши по щелям, ни один черт из них не пропал, а те, дураки, с...чь, трусы, перекалечили, передавили друг друга и, распалясь в еще большем гневе, громко закричал «Бей жидов, спасай Россию». Правда, у «мссье» Голубца была старинная к евреям неприязнь на почве конкуренции по портяжному делу.

Проходивший патруль не придрался, только старший сказал: — «Правильно, но только ори потише...»

Рассказал «соборный сиделец» в Вильно полковник Белявский 101-го Пермского полка, умерший в старческом доме в Шелль в 1955 г. Записал **Я. Богаевский.**

УВИДИМСЯ...

Меня увозили в Канаду,
Тебя приютил Парагвай —
Но все-таки, милый, не надо
Жестокого слова «прощай»...
Что значат для нас страны света?
Где запад — там есть и восток...
Мы в плащ эмигрантский одеты
И мир нам не так уж широк.
Чудес в жизни сказочно много,
А наша планета одна...
Увидимся! Наша дорога
Еще далека до конца...

Е. Полякова

ВЕЗДЕ НЕОДИНАКОВО

(Романс)

В Австралии, в Зеландии — пурпуровые розы
В Гренландии, в Исландии — мятели и морозы,
В Англии, Шотландии — коричневый туман,
В Боливии, Бразилии — бушует ураган...
Везде не одинаково, везде различен свет, —
Так не тоскуй же, милый мой,
покоя в мире нет!
Ступени эмиграции до рубежа пройдем
И за его пределами покой себе найдем...

Е. Полякова

«С РУССКОЙ ПЕСНЕЙ ПО БЕЛУ СВЕТУ»

(Продолжение № 71)

(Все права сохранены за автором)

Оркестр работал тогда у бельгийской границы в районе Аахен-Крефель, а ехать нам предстояло в Варен на озере Мюриц в Померании. Распрощались мы с оркестром в Крефельде и решили ехать с первым утренним скорым поездом. Рано утром я уже был на вокзале, но напрасно искал своего приятеля, — его не было. Пришлось ехать одному. Сел в вагон и покатил на северо-восток, через Кельн на Берлин, дорогой вспомнил рождественские концерты Донского хора и слегка волновался. Я знал, что требования к хористу, да еще новичку, большие. За свои голосовые данные я не опасался: кроме тенора, легко идущего до самых высоких нот, у меня был высокий фальцет, наличие которого я неожиданно обнаружил во время моего пребывания в оркестре. Но как привыкнуть к такому загадочному регенту, к его управлению?

В Берлин я приехал уже под вечер. Здесь мне надо было делать пересадку и уезжать с другого вокзала. Не желая очутиться в маленьком городке ночью, я заночевал в Берлине, а рано утром уехал в Варен.

На станции Варен встретил меня один из хористов. Сели мы на маленький пароходик и поплыли на другую сторону довольно широкого озера. По его берегу было проложено большое шоссе, отделявшее жилые дома от воды. Среди вилл и просторных домов, где размещались хористы, был порядочный Гастхоф, гостиница с номерами для гостей и вместительным рестораном. В него меня и водворили. Потом в ресторане этого же Гастхофа происходили спевки. Сразу же мне пришлось взяться за старый репертуар хора, брать ноты и уходить в лес и там буквально зубрить наизусть. Репертуар хора тогда был еще не так сложен, как впоследствии, и я за три дня выучил наизусть почти все. К моменту моего появления в Варене уже съехались многие старые хористы-тенора: Евлампиев, Золотарев, Соболев, из вновь прибывших были Иратов и я.

Иратова я не раз слушал на концертах в Софии; Соболев пел несколько соло в рождественских концертах, а Золотарева я немного помнил по архиерейскому хору в Новочеркасске, где он был мальчиком солистом.

Постепенно съехались почти все хористы; приехал из Софии еще один тенор Дроздовского полка кап. Крыжановский, который с семи лет и до 21 года был постоянным солистом архиерейского хора при Владыке Антонии, Волынском. С приездом регента начались спевки.

Здесь я должен остановиться на личности С. А. Жарова, как человека и как регента. Его человеческий, как и музыкальный, облик, казалось, истекал из несомой им фамилии, он легко воспламенялся, иногда по совсем пустяшному поводу, был быстр на принятие решений, пламенно-доверчив, не сребролюбив и щедр на благотворительность. Свою доверчивость он простирал не только

на друзей, но и на тех лиц, которые отплатили ему впоследствии черной неблагодарностью. Как регент, С. А. Жаров был очень трудолюбив, усидчив в работе и непреклонен в своей трактовке и отделке песнопений. На подиуме он перерождался, управляя хором он буквально горел, а иногда и пылал, находясь в каком то творческом экстазе. И этот экстаз регента не мог не передаваться публике. Его манера исполнять разученные вещи «сегодня», не совсем так, как «вчера», его требование: «смотрите все на меня, будьте внимательны и готовы к тому, что я что то изменю в исполнении» — держало хор в постоянной готовности, в постоянном напряжении, и повторявшиеся на каждом концерте номера программы не теряли своей свежести и не звучали затасканно.

Как регент, Жаров был несомненным новатором, и тем певцам, которые имели 10-15-20 лет практики пения, не так легко было свыкнуться с этими новшествами. Спевки производились в чисто деловой обстановке: работа была, кропотливая, выучка проводилась с большой настойчивостью и терпением. Ни одной детали в программе не оставалось недоделанной. Иногда затрачивались часы для усвоения какого нибудь трудного пассажа. Новостью было и то, что Жаров при разучивании некоторых пассажей сразу требовал и добивался их концертного исполнения. Редко номер разучивался с начала и до конца в последовательном порядке, нередко случалось, что вещь разучивалась с середины, а то и с конца. Возможно, что и это он делал из желания преодолеть рутину в хоровом пении, которую он так ненавидел. Жаров был ярым противником пения в одном заученном исполнении, и горе, если кто-либо, хотя бы по рассеянности, забывал это требование. Регента это выбивало из колеи и он мог совершенно сломать номер. Нередко он говорил: «Я остановлю хор» и это было его капризом. Говорили, что Жаров нарушил традиции русского хорового искусства, но ведь Жаровцы, как взошли в 1923-м году на большую сцену, так и подвизаются на ней и до сих пор, неся русскую песню по всему свету.

Это ли не достижение, это ли не заслуги новаторства С. А. Жарова? Ему надо было уловить, пленить сердца и души иностранцев, не знающих русского языка, и он сделал это, как никто, как ни один русский артист, как ни один ансамбль. Это мое мнение о Жарове родилось не сразу, оно созрело уже в самом конце моего пребывания в хоре, а может быть и позднее.

Приведу я и мнение проф. Шведова о своем бывшем ученике. После одного концерта хора, из зала вышли проф. Шведов, один из хористов и один знакомый профессора. За чашкой кофэ поднялся разговор о прослушанном концерте и знакомый профессора задал ему вопрос: Как по вашему, какой регент лучше — «Жаров или X управлявший этим концертом!»

«Что, — почти закричал профессор, — Жаров, это регент, и после короткой паузы, также возмущенно добавил: — у Жарова есть недостатки, но это регент». — Сам проф. Шведов был прекрасный композитор и лучший знаток теории музыки, композиции, контрапункта и т. д. Он же был неизменным корректором произведений таких корифеев, как пианист, дирижер и композитор С. В. Рахманинов и скрипач и композитор Ф. Крайслер.

С. В. Рахманинов очень высоко ценил как регента, так и весь хор. Вот его запись в хоровой книге: «Прекрасному регенту прекрасного хора», и я сомневаюсь, чтобы кто-либо другой получил столь высокую оценку этого серьезного и великого музыканта.

Что касается хора, то он состоял из добровольцев гражданской войны Добровольческой, Донской и Кубанской армий. Голосовой состав, за редким исключением, был прекрасный, лучшие голоса Корниловского хора — Бажанов, Патаржинский, Поповкин, Яровицкий, Камаралли; Дроздовского хора — Крыжановский, Фомин, Каратаев, Терихов и др. перебывали в нем, и когда Жаров получил в свое распоряжение столь богатый голосовыми возможностями хор, он твердо повел его к вершинам полного совершенства и славы.

Вернусь теперь к подготовке хором нового репертуара на концертный сезон 1927-28 года. Спевки продолжались весь август, не менее 6-и часов в день: три часа до обеда и столько же после, разучивалась полная программа, с запасом 17-18 номеров. В хоре, в те времена, было не меньше трех хороших октав, почти все первые тенора без особого напряжения шли на третье «до», а некоторые и выше, прославленные фальцеты и альтино увеличивали диапазон хора еще на целую кварту вверх, что давало нам возможность соперничать со смешанными хорами.

В старое время на Руси, в архиерейских хорах партии дискантов и альтов исполнялись мальчиками, голоса которых много нежнее и мягче женских и не вносят ни малейшей резкости. Хоры, с участием мальчиков, звучали более молитвенно. К такому исполнению приближался и Донской хор, в первое свое десятилетие использовав полностью

свои возможности. Использовал их и проф. Шведов, уделявший хору очень большое внимание и много работавший над аранжировками предназначенными для хора, т. е. приспособленными для наших возможностей. Только большие номера, на 10-12 минут, исчисляются десятками, а малых и не упомнишь.

Как пример, «Стенька Разин» К. Н. Шведова, начинавшийся фразой «Сарынь на кичку» и прекрасно аранжированный для хора, другим хорам был не по силам, там в куплете, изображавшем ропот, и первых теноров музыкальная фраза начиналась на второй добавочной линии внизу и повышалась постепенно к фортэ, заканчивалась на третьей добавочной линии вверху. Правда, эта вещь продержалась в репертуаре хора недолго, но причиной этому были привычка и желание слушателей, чтобы главная мелодия-соло баса нигде не затемнялась акомпаниментом и звучала бы ясно сначала и до конца.

Спевки шли своим чередом, успешно, т. ч. через три недели программа наша была разучена. В дальнейшем, начали петь без нот, а иногда строясь по концертному, стоя. Наконец состоялась и генеральная репетиция, когда хор строится в концертном порядке и вся программа проводится в концертном исполнении.

Но раньше, чем перейти к описанию данных хором концертов, я считаю нелишним познакомить читателя со структурой хора, укладом его жизни и взаимоотношений.

Детище Добровольческой и Донской армий, прошедшее гражд. войну, а после и тяжелую трудовую жизнь, в которой все были равны, хор в основном построил свою жизнь на равных артельных началах и все хористы получали поровну. Если хор, в начале сезона 1927-28 г. состоял из 39-ти человек, включая танцоров и регента, то сумма, подлежащая раздаче, делилась на 40 паев, из которых каждый получал по одному, а регент два. В хоре было много должностных лиц: администратор, кассир, квартиръер, заведующий передвижением, заведующий сценой, ревизионная комиссия и административная, в основном состоявшая из должностных лиц с добавлением к ним двух-трех наиболее уважаемых хористов. На некоторые должности хористы выбирались общим собранием хора, а другие, как кассир, всегда назначались регентом. Никто из должностных лиц не получал больше других за свою добавочную работу, ни гроша, и никто не претендовал на ее оплату. И это было вполне естественно. Никто из солистов, даже первоклассных, не получал больше других. Этот семейственный уклад жизни способствовал развитию хора, его сплоченности, его дружной работе, устранялась нездоровая конкуренция с подкопами один под другого. Как прием новых хористов, так и увольнение, были полностью в ведении регента. По окончании летних спевок происходили общие хоровые собрания, на которых делались ассигновки на регулярную благотворительность, на поддержку тех или иных лиц, выбирались должностные лица и обсуждались будущие контракты. Регент имел, как и все, один голос, но если он бывал не согласен с принятым решением, то заявлял об этом собранию, и я не помню случая, когда бы хор не пошел навстречу его желанию.

Начавшиеся концерты проходили главным образом в Германии и в первый сезон моего поступления в хор мы не покидали ее границы в течении двух месяцев. Первые семь лет хор давал по 12-13-ти концертов только в одном Дрездене: три подряд осенью, шесть-семь на рождественские праздники и два-три весной. В остальное время концерты давались по всем большим, средним и малым городам Германии. Однако постепенно количество концертов уменьшалось, т. к. хор начал петь в гораздо больших залах; так в Берлине хор пел в зале Филармонии, в Спортпалас, где было 8.000 мест в Марморзале, в большом зале Фелькстеатра и даже в одной кирхе, кажется — Сант Лукас. Традиционные концерты в «кар-Фрайтаг» (Великую Пятницу), когда все увеселения были запрещены, хор пел духовные вещи, со включением некоторых светских номеров, в самом большом кинематографе. Билеты на все эти концерты бывали неизменно распроданы полностью. В Берлине и Дрездене были у хора такие поклонники, которые еще до второй мировой войны посетили по сто наших концертов. Узнав об этом, Жаров распорядился отвести им бесплатные постоянные места. Это были уже почетные гости.

Постепенно знакомясь с техникой С. А. Жарова в управлении хором, я все больше убеждался в том, что его нельзя причислить к регентам профессионалам — это был художник, жаждавший творчества. Его внутренний мир никак не укладывался в рамки профессионализма, на сцене он не просто управлял, он создавал и сам настолько упивался своим творением, что невольно заражал им слушателей, заставляя их переживать все, что пелось хором, и большую часть успеха я приписываю именно этому свойству регента. На сцене, стремясь слышать каждого певца, каждую партию и весь ансамбль

хора, он требовал, чтобы его подиум был поставлен не менее, чем в семи шагах от вздвоенного закругленного хора. Насколько большое значение придавал Жаров своему месту, видно из того, что часто подиум его выносился в публику, соединяясь со сценой временным мостиком. Для устройства сцены имелась особая должность заведующего сценой. Хорошо помню, как в Лозанне, в Швейцарии, в новом для хора помещении большого кинематографа, сцена была так мала, что подиум для регента пришлось поставить всего в трех шагах от хора. За это упущение лицо, назначенное для заблаговременного устройства сцены, было оштрафовано на сто швейц., тогда золотых, франков. А так как это лицо вообще не явилось на концерт, — до предела «нагрузилось» днем на именинах у знакомых — оно было оштрафовано за пропуск концерта еще на сто швейц. франков. Случай этот был исключительным, но одновременно и весьма показательным. Кстати о штрафах: в начале этим ведал сам Жаров, а впоследствии передал это дело хору и на общем собрании была выработана шкала автоматических штрафов: за опоздание на спевку, за опоздание на концерт, за пропуск спевки, за пропуск концерта. За эти упущения кассир автоматически удерживал из выдач жалования положенные штрафы. За другие же упущения или регент штрафовал сам, или, в особых случаях, передавал дело на рассмотрение всего хора. Экстренное общее собрание могло вынести и суровое наказание, плоть до увольнения хориста с лишением его права на любое вознаграждение, включая и причитающуюся ему сумму из процентов за напетые хором пластинки. Все штрафы отчислялись в благотворительный фонд.

Из пропетых в сезон 1927-28 года в Германии до Рождества полусотни концертов, не могу не упомянуть концерта в Штетине, где перед нашим выходом на сцену среди хористов поднялась особая суета и двое самых статных из них поспешили в залу. Как оказалось, вышли они для того, чтобы у входа встретить фельдмаршала Макензена и проводить его до отведенного ему места. Как только они вернулись, хор сразу вышел на сцену. Фельдмаршал сидел в своей полной военной форме. После концерта и бисов, пропели «Коль славен» и те же два хориста и регент пошли проводить высокого гостя. Такое исключительное внимание было оказано фельдмаршалу не только как славному военачальнику 1-ой мировой войны, но и как человеку высокой культуры, свободному от всякого шовинизма. Еще на первом концерте, данном Дон. Хором в Штетине, когда раздавались враждебные голоса-отзвук недавно проигранной войны, присутствовавший на концерте фельдмаршал счел нужным выступить в зале с коротким словом, смысл которого был приблизительно следующим: «Недавно, на поле брани вы были достойными противниками, а ныне, в этой концертной зале, я приветствую вас как триумфаторов». После этого он попросил хор еще раз спеть «Коль славен». С тех пор на всех посещаемых им концертах, ему оказывался особый почет и после концерта исполнялось «Коль славен».

В последний раз я видел фельдмаршала в 1939-м году, перед тем, как петь наш последний концерт в Штетине. Жили мы тогда в хорошем скромном отеле, «Госпицэ», где в ресторане ничего спиртного не подавалось. Первый этаж занимался какими то учреждениями, а контора отеля и ресторан помещались этажом выше. Как всегда перед концертом, мы сидели там за столиками и пили кофэ. Я направился к лестнице, чтобы спуститься в концертный зал, а снизу, навстречу мне, медленно поднимался фельдмаршал в своей неизменной военной форме. Я моментально дал знать регенту, сидевшему еще в ресторане, и он с несколькими хористами поспешил встретить старика. Фельдмаршалу в то время было уже около девяноста лет. И как мы все были изумлены и тронуты этим его подчеркнутым вниманием.

Вообще, фельдмаршал занимал в Германии особое положение. К нац.-соц. он не примкнул, но никто его не тревожил и не препятствовал его частым посещениям Вильгельма 2-го, жившего тогда в Дорне, в Голландии.

Осенью были получены сведения, что в Берлине состоится концерт бывш. «Царской капеллы», которой управлял ее прежний регент проф. Климов. Жаров послал просьбу нашей концертной дирекции не назначать на этот день концерта, вернее — снять уже назначенный и резервировать для всего хора места на концерт капеллы. Концерт капеллы, — кажется, она называлась Государственным хором, — состоялся в том же зале, где всегда пел наш хор. Места все мы получили хорошие. Вышел хор на сцену в составе ста человек: немного больше 30-ти мужчин, чуть меньше женщин и около 40 мальчиков. Полностью спели «Бандуру» Давыдовского, «В темном лесе» Пащенко, целое отделение, с обязательными для Германии «Эй, ухнем» и «Стенькой Разиным». Все остальное не запечатлелось. Почти академическое пение ка-

пеллы, не блиставшей к тому же солистами, тенор, бас, сопрано — не оставили в памяти большого следа. Но очень хороша была октава, пожилой певец еще старого времени, да в одном месте мальчики зацепили за сердце: «В темном лесе» хор начал петь без голосов мальчиков и когда они уверенно вступили на «повадился, повадился», то по телу побежали мурашки, и казалось, что даже волосы на голове зашевелились, настолько это было ярко на общем бледном фоне пения капеллы.

По окончании концерта оказалось, что наш хор и капелла остановились в тех же двух отелях, и по распоряжению Жарова хоровой кассир засыпал мальчишек сластями, а взрослый мужской персонал, уже по собственному почину, объединился за беседами «с возлиянием».

Закончив серию концертов в Германии, наш хор направился в Копенгаген, где жила Вел. Кн. Ольга Александровна со своим мужем и двумя мальчиками. Образ ее никогда не изгладится в моей памяти. Она была так женственна, так проста и так скромна, что казалась застенчивой. Постоянно присутствуя на концертах хора во время его частых посещений Копенгагена, Ольга Александровна, кроме того, всегда приходила в отель, вызывала Жарова и дарила ему что-либо собственной работы: то картину, то светер.

После концертов в Копенгагене, направились мы в Швецию, где, уже не помню в какой последовательности, давали концерты в Стокгольме, в Гетеборге и еще в нескольких городах, затем пели в Осло, откуда ездили на два концерта в Берген. Поездка в Берген была чрезвычайно интересной; ехали мы в спальном вагоне ночью. На одной станции поезд задержался довольно долго и я вышел из вагона посмотреть, что творится с наружи. По сторонам жел. дороги, в уровень с крышами вагонов, лежал снег, наш поезд только что перевалил через самую высокую точку горного хребта. С раннего утра долго ехали по высокому берегу очень извилистого, глубоко лежавшего под нами, фиорда. Вокруг только скалы и снег, небольшие высокие водопады, да где то внизу едва поблескивала вода. Начали спускаться в город, расположеный на самом берегу океана, но и там все было покрыто снегом. В Осло мы возвращались той же дорогой, а из Осло ездили на автобусе давать концерт в какой-то, лежавший неподалеку, город, а по обочинам дороги катились и в одну и в другую сторону цепочки лыжников.

Закончив серию концертов в Скандинавии, через Германию, где хор давал попутные концерты, прибыли мы в Швейцарию. Зимний сезон был в разгаре: страна была наводнена туристами-любителями земнего спорта.

Стояли большие морозы и все было обильно покрыто снегом. Здесь с 1-го по 10-е декабря хор дал 21 концерт. Все эти концерты проходили при переполненых залах и, естественно, при полных сборах, что было не по душе местным музыкантам, певцам и всевозможным музыкальным союзам, требовавшим от властей запрещения на въезд хора в Швейцарию в этом месяце. Года через два, им удалось добиться своего и хору предложено было перенести свои концерты на весну, когда наплыв иностранцев совсем спадал. Особенно характерное положение создалось в этом отношении в Базеле, где большинство населения немцы. Созданый ими большой хоровой «Ферейн», певческий союз, довольно часто давал свои концерты, никогда не делавшие хороших сборов и очень мало привлекавшие публику, в то время как Дон. хор, в какой бы то ни было сезон, имел полную аудиторию и огромный материальный успех. Немцев это бесило и не раз они сетовали в местной печати на это загадочное для них явление. И весьма не случайно, что в дни концертов хора всегда ими устраивались многолюдные спевки в том же здании. Трудно сказать, делалось ли это для того, чтобы отвлечь их певчих от посещения концертов Жарова, или же, наоборот, дать им возможность бесплатно послушать концерт донцов и хоть немного поучиться у них искусству пленять слушателей. Скорее всего и то и другое. Длинный, очень широкий, корридор, отделявший сцену от комнат артистов, во время наших концертов буквально кишел хористами «Ферейна». Но вообще, ни один из немецких хоров даже приблизительно не мог сравниться с Дон. хором.

В Швейцарии, кроме всех крупных и средних городов, было дано три концерта в полудеревнях и на таких высоких курортах, как Давос и Ароза, лежавших на высоте 2000 метров. В Давосе, при 20-градусном морозе, но при абсолютном безветрии, холода не ощущалось, зато на концерте, в неотапливаемой кирхе, ноги застывали, а озябшее нутро не спасали и пальто, в которые должен был облечься хор. В Цюрихе 20-го дек. состоялся повторный и последний концерт, закончивший турнэ по Швейцарии. Отсюда мы поехали на четырехдневный отдых в Дрезден. Семейные везли в подарок своим женам шелка и все хористы непревзойденные швейцарские шоколадные конфекты.

В течении четырех дней в предрождественские праздники в Дрездене концертов не было и все ограничивалось двумя репетициями, которые происходили в концертном зале, в предвидении семи концертов, долженствовавших начаться с 25-го дек. Было известно, что в те годы С. В. Рахманинов свой рождественский отдых проводил в Дрездене, у своих близких родственников — Сатиных. И вот на репетициях хора мне впервые пришлось увидеть этого великого русского музыканта. К Жарову, как и ко всему хору, он относился с большим одобрением, очень внимательно прослушивал спевки и после подолгу беседовал с регентом. Рассказывая об этих беседах, Жаров говорил, что их тема сводилась, главным образом, к советам Рахманинова, как управлять хором, но я не помню, был ли Рахманинов автором инициативы управления хором совсем короткими движениями, или же только подтверждал технику регента, категорически отвергая широкие жесты, сокращающие возможности регента в нюансировке исполнения, как в церковных песнопениях, так и в произведениях светского характера. Где бы и когда бы ни происходили спевки хора в присутствии Рахманинова, они постоянно заканчивались «Господи, сохрани» Чеснокова, исполнявшимся по его просьбе. После репетиции С. В. Рахманинов охотно фотографировался с хором на сцене, в зале или наружие при входе в зал. Иногда на спевку приходили и все родственники и знакомые С. В. и тогда хор фотографировался со всей гурьбой посетителей.

О своих духовных произведениях С. В. прямо заявлял, что они написаны для очень большого хора. С его разрешения Дон. хор пел вначале лишь «Тебе поем», а позднее и «Богородице Дева». Первое звучало у хора, действительно, ангельски-молитвенно и соло тенора Крыжановского здесь было бесподобно. Я упоминал, что голоса мальчиков и голоса мужчин более соответствуют церковным песнопениям, чем голоса женские, благодаря тому, что в них больше мягкости, скромности и... смирения, так необходимых в церковном пении.

Пять лет спустя, присутствуя на концерте Рахманинова в Карнеги-Холл в Америке, я нашел его таким же, как видел в Дрездене; медленным в походке, немногоречивым, с легкой, едва заметной, улыбкой на лице, и тогда же, как и во время его присутствия на спевках хора в Станвей-Холле, мы заканчивали их «Господи, сохрани» Чеснокова.

В программе хора имелись «Верую» Гречанинова и «Великая Ектиния» его же. Эти два песнопения, построеные на соло, лучше всего интерпретировались и звучали у тенора большого диапозона и силы звука, каковым был Золотарев, певец воспитанный в архиерейском хоре. Дрезденские концерты, как и всегда, прошли при полных сборах и с огромным успехом. С неменьшим успехом прошли и дальнейшие концерты по Германии. Дальше нам предстояло ехать на Север, в Прибалтику, главным образом в столицу Латвии Ригу. Нашим концертам в Риге я посвящу отдельную главу, т. к., даже и на нашем триумфальном пути, оказанный нам в Риге прием вышел из рамок ежедневности и едва не послужил причиной скандала государственного размера. В той главе мне придется познакомить читателей с отзывом о нас местной латвийской и русской печати и привести выписки из той и другой.

США.

Доброволец Иванов

(Продолжение следует)

ИЗ БОРЬБЫ ДОНСКИХ КАЗАКОВ С БОЛЬШЕВИКАМИ

(Ноябрь 1917 г. — апрель 1918 г.)

(Окончание)

Хуторского атамана я застал в кабинете, где он как раз получил донесение. Атаман рассказал, что он создал из молодых ребят 16-17 лет команду разведчиков, которых высылает на шлях для наблюдения за войсками большевиков, двигавшихся по шляху.

Разведка непрестанно доносила о количестве проходивших войск и о направлении, в котором они двигались. Большевики и не подозревали, что разведчики следят за ними. Более опытные разведчики посылались проследить за тем, куда части отправились на ночлег и в каком количестве там расположились. Теперь, сказал атаман, ты хочешь знать, с чего все началось? Я сказал атаману, что с нетерпением ожидаю его рассказа.

Атамана, немного помедлив, начал рассказывать «Станичный атаман нашей Мигулинской станицы 15 апреля после обеда разослал экстренно сидельцев по всем хуторам нашей станицы с приказом хуторским атаманам, доверенным хуторов и вообще казакам, вернувшимся с фронта домой, обязательно явиться на станичный сбор 16 апреля к 10 часам утра. Секретно. Важно. Подпись и печать станичного атамана».

На другой день станичный атаман открыл сбор и сделал краткий доклад: «Дорогие станичники! Мной только что получены сведения от лица, заслуживающего полного и абсолютного доверия, что через наш юрт будет проходить сильно вооруженная советская пехотная дивизия с пулеметами, артиллерией и дивизионом кавалерии. Идет она с румынского фронта. Завтра эта дивизия расположится на хуторах по речке Тихой, Меловатке, Мешкове и Назарове, а часть артиллерии и дивизион конницы в хуторах Федоровом, Водяном и Богомоловом. Получив эти сведения, я и собрал вас, чтобы обсудить вместе с вами. С какими целями это делает красное командование, мне не известно. Вам же известно, братья казаки, что казачьи части вернулись на Дон обезоруженными советской властью. Вот я и хочу предупредить вас и посоветоваться с вами, пока еще не поздно, что нам следует предпринять? Сидеть и молча ждать, когда красные, переправившись через Дон в Казанскую, начнут посылать карательные отряды к нам для сбора продовольствия и фуража и заставлять исполнять предписания советской власти, а может быть и еще что нибудь похуже придумает советское командование. Ведь от него всего можно ожидать...»

«Нет! Не бывать этому! Мы не позволим на нашей земле распоряжаться красногвардейцам», — закричали старики. «Обезоружить надо эту дивизию», — кричали казаки фронтовики, которых при возвращении с фронта безоружили большевики.

«Обезоружить! Обезоружить!», — кричал весь станичный сбор. Было тут же вынесено соответствующее постановление и тут же был выбран военный совет во главе с начальником всех наших казачьих вооруженных сил войсковым старшиной Сергенковым.

Было постановлено сбором сохранить все в глубокой тайне до момента нападения. Постановили всем быть готовыми и начать одновременно нападение на всех хуторах, где будет на ночлеге советская дивизия: Меловатке, Мешкове, Назарове. Хуторам Сетраковскому, Ольховскому, Вежинскому, Наполовскому вооружиться оружием 12-го полка, которое находится в лагере для малолетков в Сетракове и в конном строю, на рассвете 18 апреля, атаковать советскую пехоту с артиллерией в хуторе Мешкове.

Моему брату, Михаилу Ивановичу, военный совет, хорошо зная его боевые и организаторские способности, поручил собрать сотню хорошо вооруженных казаков и обезоружить артиллерию и кавалерию в хуторах Федоровом и Водяном и кавалерию в Богомоловом. Наша разведка точно установила, что в хуторе Федоровом расположилась на ночлег полевая 4-х орудийная батарея, а в Водяном гаубичная, но конница прошла до реки Дона и в хуторе Озерском стала на квартиры, уже в юрте Казанской станицы. Как видно, атаман установил точное расположение советских частей.

Для меня осталось и до сих пор тайной — кто был лицом, заслуживающим полного доверия атамана Мигулинской станицы. На сборе были и казаки других хуторов нашей станицы: Тиховского, Варваринского, Затонского, Провальского, Наголинского, Батальщиковского, Калмыковского, Бирюковского, Громчанского, Поздняковского, Верхняковского.

Как видит читатель из перечисленных мною хуторов, казалось бы, что после постановления сбора на назначенные пункты явится масса казаков, хоть и не полностью вооруженных, но получилось далеко не так, как предполагали.

Одно было кричать на сборе, а когда коснулось самого дела, то многие свернули в кусты. Все же, для предстоящего нападения более трех сот казаков явилось на помощь казакам хуторов Меловацкого, Мешковского и Назаровского.

Главное внимание было обращено на артиллерию и пулеметы. Каждый рядовой казак знал, что, лишив пехоту артиллерии и пулеметов, с ней будет возможно легче и быстрей расправиться.

К рассвету 18 апреля началось нападение на все хутора, где были советские части. Везде завязался бой красных с нападавшими ка-

заками за обладание орудиями и пулеметами. Были нападения удачные, но в некоторых потерпели и поражение. Все зависело от стойкости советских войск. Вот маленький пример: В хуторе Верхне-Меловатском А. Ф. Медков, с тремя сыновьями и еще другими казаками, захватил два орудия с зарядными ящиками и запряжками.

Были убитые и раненые как среди казаков, так и среди солдат советских войск. Настроение красных войск было подавленное, кроме китайцев, которых было немало в дивизии и которые стойко защищались. Много солдат во время ночного нападения побросало оружие и разбежалось под прикрытием темноты.

Но все же дивизия еще представляла грозную силу. Красное командование быстро стянуло все потрепанные и деморализованные части солдат на шлях за хутором Мешковым и готовилось дать бой мелким казачьим частям, осмелившимся так дерзко напасть на сильно вооруженную советскую дивизию.

Так как нападение было во всех местах ночлега красной дивизии одновременно проведено, то для красных командиров было ясно, что руководство казачьими отрядами было ведено из одного центра. Это было потом ясно из донесений красных командиров. Их командование решило проучить казаков и дать им бой.

Еще только начало рассветать, но в предутренней мгле были уже ясно видны силуэты казачьей конницы, рассыпанной в лаву и атакующей хутор Мешков. Это были казаки хуторов: Сетраковского, Ольховского, Вежинского и Наполовского. Только теперь поняли красные командиры всю серьезность своего положения, Быстро свернули развернутые полки, выделив охрану для обозов, с которыми шла и бездействующая артиллерия, и двинулись по шляху на станицу Мигулинскую, через хутор Мрыхин.

Казаки не погнались за отступающим противником, но для наблюдения за колонной красных войск выслали сотню, которая должна была присылать донесения каждые 30 минут. Начальник казачьей конницы решил атаковать колонну перед хутором Мрыхиным, не зная ничего об удачном налете на две красные батареи и отбитии казаками хутора Коновалова атаки красной кавалерии. Он разослал ординарцев по хуторам, чтобы все способные носить оружие собрались в хутор Мешков к 11 часам утра.

Многие казаки пожилые с подростками явились без призыва, где начали формироваться сотни. В среду фронтовиков влились подростки и отвыкшие уже от ратных дел старики. Казачий вековой навык и сноровка быстро сказались, и достаточно было нескольких перестроений, как казаки поняли и приспособились к конному делу. Начальник мешковской конницы, быстро пропуская перед собой казачьи сотни, с удовлетворением отметил бравый вид казаков и выправку. В прошлую ночь под 18 апреля Михаил Иванович Третьяков со своими казаками захватил полевую 4-хорудийную батарею в хуторе Федоровом и отвел ее в хутор Коновалов, а затем захватил и 4 орудия гаубичной батареи. Гаубичная батарея была готова к выступлению, когда к ней с двумя казаками подъехал М. И. Третьяков и заявил командиру батареи, что он требует сдачи всего оружия батареи, иначе, по сигналу, батарея будет атакована и взята. Командир батареи выпалил несколько ругательств и выхватил револьвер, направив его на М. И. Третьякова. В это время казак П. И. Коновалов ударил плетью по голове командира и пуля минула цели, а револьвер выпал у командира из руки и он сам едва не упал.

Казачий отряд, готовый к атаке, услышав выстрел и предполагая, что это сигнал М. И. Третьякова, сейчас же с трех сторон атаковал и захватил батарею. Ее начальство, видя, что с казаками шутки плохи, стали во всем сговорчивы и в течении пяти минут все оружие было сдано. Тем временем полевая кухня незаметно выехала на дорогу и галопом направилась на станицу Казанскую. Посланная погоня вернулись ни с чем, — слишком большой наскок имела кухня.

М. И. Третьяков с двумя своими помощниками выехал перед запряженной гаубичной батареей и отдал приказ: «Все ездовые остаются на своих местах. Пешие чины батареи сядут на лафеты орудий, зарядные ящики и повозки батарейного обоза, а теперь слушай команду: «По коням! Садись! По орудийно, первое шагом марш!» Второе, третье, четвертое, а за каждым орудием следовал зарядный ящик со снарядами и обоз со снарядами, провиантом и фуражем. Все это вытянулось на прямую дорогу Водяной-Коновалов, а сзади следовала казачья конница коноваловцев. М. И. Третьяков подал команду «рысью».

Он спешил все привести в порядок до появления с хутора Озерского красной кавалерии. По его расчетам, солдат удравшей кухни передаст о захвате батареи и кавалеристы вернутся для поисков своих батарей, а поэтому надо солдат во время изолировать, дабы, в случае боя, они не начали помогать

красным, что было вполне вероятно.

Казаки хутора Коновалова вооружились взятым у солдат оружием, и вновь сформированная сотня с двумя пулеметами, под командованием урядника Чекунова, залегла скрытно в огородах хутора, поджидая от хутора Водяного советскую конницу. Всех обезоруженных солдат артиллеристов хуторской атаман приказал накормить и отправить в станицу Мигулинскую под конвоем. М. И. Третьяков, доехав до Коновалова, отправил сейчас же разъезд по шляху подальше за хутор Богомолов, чтобы он следил и если появится кавалерия красных немедленно ему донес.

Полевую батарею, только что взятую у красных, поставили за хутором на Сидоровской возвышенности, откуда был виден шлях, по которому, предполагалось, будет идти из хутора Озерского кавалерия большевиков.

Ровная и открытая степь была далеко видна в сторону хутора Мешкова. Оттуда мы ожидали красную пехоту и были настороже.

Мы до сих пор еще не знали о результате акции по обезоружению пехоты в Мешкове и это заметео действовало на нервы всех казаков.

По распоряжению нашего хуторского атамана я принял командование батареей.

Артиллерийских офицеров у нас не было, да не было и опытных урядников, а раздумывать было некогда и надо было исполнить свою обязанность.

Вся трудность моего положения заключалась в том, что прислуга орудий совсем не знала артиллерийского дела и в случае появления пехоты и кавалерии одновременно нужны были опытные артиллеристы, а их то и не было. Но вдруг оказалось, что нашлись наводчики для орудий устарелого типа, и это было уже хорошо. Затем нашлось два знакомых с панорамой-угломером, а это было уже совсем хорошо, хотя я и не мог расчитывать на успешное отражение кавалерии, а должен был положиться всецело на пешую сотню с пулеметами. С установкой дистанционной трубки не было затруднений, так как нашлись специалисты этого дела. Время до появления советской кавалерии я использовал для подготовки прислуги орудий нашей батареи.

Наконец, прискакал казак из разведки и сообщил, что два эскадрона кавалерии на рысях идут к хутору Федорову, что было уже и нам с батареи прекрасно видно. Кавалерия, не дойдя до хутода Федорова, развернулась в лаву и пошла вниз по склону возвышенности к хутору Коновалову, перейдя с рыси на намет.

Я командую: «Батарея, прямой наводкой по атакующей нас кавалерии, шрапнелью, прицел 110, трубка 108». Проверив установку, командую: «Первое, огонь!»

Подбегаю ко второму орудию, проверил установку и вижу уже разрыв нашей шрапнели перед самым фронтом атакующих. Командую второму орудию открыть огонь. Вторая шрапнель рвется на поражение и кавалерия быстро повернула назад.

Третьему орудию командую: «Прицел 120, трубка 118, огонь! Четвертое прицел 125, трубка 123, огонь!» Кавалерия широким наметом скрылась за бугор. В преследование за ней была послана казачья конница, прибывшая из задонских хуторов и стоявшая в резерве, но догнать красные эскадроны так и не удалось. Красные кавалеристы пронеслись через деревню Журавку, слободу Медово, уже на территории Воронежской губернии, ни у кого и ничего не спрашивая. Так рассказали жители преследующей красных казачьей коннице. Я поблагодарил прислугу батареи за хорошую и успешную стрельбу и поздравил с боевым крещением. Командуя батареей, я не чувствовал своего командирского положения, как и не давал этого понять казакам батарейцам, которые во мне видели своего станичника и друга. Между собой они говорили: «Маладой, а знаить толк в стряльбе, а главное — хороший глазомер, точно определял дистанцию». Старые артиллеристы, стоя группой в сторонке, чтобы не мешать нам, с большим интересом следили за всем.

Успех стражения кавалерии поднял дух казаков, но все мы и далее с тревогой ожидали появления советской дивизии. Мы все еще ничего не знали об этой пехоте и знали, что это серьезная сила, которая может оказать не только сопротивлением, но и сама перейти в атаку.

Если бы эта серая масса прорвалась в наши хутора, то всю злобу она вылила бы на наших близких и, вероятно, сожгла бы все хутора. Этого мы очень опасались и решили во что бы то ни стало не допустить их в свои хутора.

В 2 часа 30 мин., на большой дороге, идущей через хутор Мрыхин на станицу Мигулинскую, с Мешкова, появилась колонна. По мере приближения она все увеличивалась, а конницы — все еще не было видно, хотя растянулась она почти на 10 верст. Еще не было возможности отличить пехоту от обоза и обоза от артиллерии. В бинокль было виднее

и я стал отличать пехоту от обоза и артиллерии, и посему и направил свою батарею в направлении этой колонны, выжидая нужную мне дистанцию.

По моему определению, надо было взять прицел 130, трубка 128 и построить параллельный веер. Командую первому орудию: «огонь». Шрапнель рвется перед носом колонны на поражение и пехота противника начала рассыпаться в цепь в направлении нашего хутора, свернув с дороги на Мигулинскую. За первой рассыпается вторая цепь и я командую другим трем орудиям: «огонь».

В это время появляется конный ординарец с приказом: «Прекратить артиллерийский огонь по советской пехоте, так как ведутся переговоры с начальником советской дивизии. Войск. старш. Сергенков».

Все, как будто, в порядке. Но какие же могут быть переговоры, если станичный сбор, назначив Сергенкова начальником казачьих войск, приказал ему обезоружить советскую дивизию, а не вести с ними переговоры. Ведь советские начальники могут воспользоваться переговорами для того, чтобы занять казачьи хутора. По мере приближения пехотных цепей, мое возмущение все возрастало и, наконец, терпение иссякло!

Я беру все на свою ответственность и командую: «Батарея, к бою! Шрапнелью, прицел 100, трубка 98. Первое огонь, второе, третье, четвертое огонь!».

Через пять минут появился конный ординарец и передал мне устное приказание открыть огонь по наступающей советской пехоте. Очевидно, Сергенков передумал или не договорился. Я облегченно вздохнул и подумал с иронией, что лучше поздно, чем никогда...

О переговорах я узнал позже. Оказалось, что начальник советской дивизии вел себя заносчиво. Угрожал казакам и, как и я предполагал, хотел выиграть время для занятия хуторов Коновалова и Мрыхина. Старики были против переговоров и начальник казачьих войск войск. старш. Сергенков начал вести переговоры по своей инициативе. Иван Ионович Третьяков обратился с резким вопросом к нему. «Вы, ваше высокоблагородие, на станичном сборе 16 апр. были первым, кто требовал разоружения советских войск, а почему вы сейчас изменили свое мнение? Ведь эта серая масса может войти в наши хутора и за ночь вырезать наших жен и детей. Ваши переговоры являются нарушением приговора станичного сбора от 16 апреля!»

Наш хуторский атаман и все присутствовавшие при этом разговоре старики полностью одобрили заявление И. И. Третьякова и потребовали разоружения красных.

Войск. старш. Сергенков просил извинить его, чем как бы сгладил недовольство казаков его поведением.

По поводу того, что я не вытерпел и открыл стрельбу, Сергенков, улыбаясь, сказал: «А. И. Третьяков не дождался приказания, сам открыл огонь и правильно сдела». После его извинения перед стариками и атаманом инцидент был исчерпан. Объяснял Сергенков свое решение начать переговоре тем, что ничего не знал еще о разоружении в Мешкове, а начальник советскоЙ дивизии ему сказал о полном поражении казаков и грозил тоже сделать и с нашими хуторами, если окажут сопротивление и не сдадутся на милость красных .Опасаясь за судьбу хуторов, Сергенков и дал приказ нашей батарее прекратить огонь. Потом он понял свою ошибку и послал ординарца с устным приказом открыть огонь по пехоте.

— — — —

Я вновь подал команду: «Прицел 96, трубка 94, батареею огонь! Первое второе, третье, четвертое!» Мне хорошо было видно попадание в пехоту, которая замялась и тогда я уменьшил прицел и трубку и снова дал залп всей батареей. А в это время, еще далеко, далеко, уже можно было отличить, из черного, быстро приближающегося, столба пыли большую колонну конницы. Эта конница уже поравнялась с Шаровым (так назывался мелкий лес, состоявший из дубняка, смешанного с кустами черноклена и других пород), а затем мы увидели, как конница в намете разворачивалась в знаменитую казачью лаву!

Как видно, командир конницы отдал уже приказ к атаке, — был уже виден блеск оружия на солнце. Солнце было уже к закату, но конница продолжала нестись грозным ураганом, который должен был все снести на своем пути.

В это время пешие казачьи сотни, под командой Михаила Ивановича Третьякова, перешли в контр-атаку. Это так подействовало на пехоту, что она, бросая оружие, сбивалась в безформенную толпу. Нужно отдать справедливость коннице, так как она своей стремительной атакой полностью деморализовала пехоту и тем добилась разгрома пешей двизии.

Это событие произошло 18 апреля, на Страстной неделе, а чистый четверг, перед заходом солнца.

Вся пехота, с начальством, было обезору-

жена и окружена охраной. Раненых собрали и разместили в двух Коноваловских школах, где за ними начали ухаживать врачи, фельдшера, сестры милосердия и санитары. Я приказал санитарам взять ведро и с запиской сходить к моей матери, чтобы она дала молока и пирогов, а в провожатые дал им глазевших хуторских ребятишек.

Принесенное молоко и пироги были розданы раненым и больным. Всех пленных солдат оставили ночевать на большой площади возле церкви, поручив наблюдение и охрану казакам с хуторов из-за Дона. Эти казаки участия в бою и разоружении не принимали. Атаманы хуторов: Коноваловского, Мрыховского и Федоровского распорядились собрать по хуторам продукты и накормить разоруженных солдат-пленных. Было собрано несколько возов хлеба, много возов других продуктов, так что все наелись казачьего хлеба досыта.

Надо отметить, что казаки не проявляли никакой злобы к солдатам и говорили: когда мы возвращались с фронта через Россию, то мы должны были отдать вам свое оружие, а теперь вы на нашей земле, то должны также отдать нам свое оружие, и все будет в порядке. А тут еще и предпасхальные дни. Праздников праздник! Торжество из торжеств!..

Уже поздно вечером, когда я, возвращаясь домой, проходил мимо группы стариков, то слышал, как они громко рассуждали между собой: «...и не вина была Мигулинцев, што эти вот большаки пришли к нам под сам Вялик день, штож нам оставалось делать, как не разоружить их»...

Когда старики узнали меня, то задержали и, желая завязать разговор, Ватей Зиновеевич с похвалой отозвался обо мне, когда я угощал кавалерию красных шрапнелью, а Тимофей Абрамович Самолаев прибавил, что и «фантерии» досталось на орехи». Другую восторженную хвалу выразили моему брату Михаилу: «Вяликая заслуга была Михаила Ивановича ноня во всем». Я потвердил сказанное словами: «Да, вы правы, Артем Платонович, героем сегодняшего дня и есть Михаил Иванович».

«Ведь он без единого выстрела взял и привел в Коновалов батарею, с помощью которой я и мог отразить атакующую нас кавалерию красных, а потом нанес серьезный урон и пехоте». «Надо признать, что сделал он это не один и честь победы принадлежит всем, кто с ним был в этом деле. Слава Богу, что нам, Мигулинцам, Господь Бог дал одержать сегодня победу над советскими войсками. К примеру, скажу вам, господа старики, что немецкий фронт мы, казаки, оставили последними, но когда шли с фронта домой, то были разоружены вот такими, которых мы сегодня разоружили. Сегодня мы взяли только часть того, что забрали у нас большевики».

Старики наперебой начали мне рассказывать о переговорах, которые вели с красным начальником дивизии, на которых они присутствовали.

«О, как складно ваш папаша сказал Сергенкову, который было закипятился, а когда мы с атаманом крикнули, что правильно говорить Иван Ионович, то полковник сычас же сменил свой тон и начал просить извинения у стариков и атамана.

Он сычас же послал ардинарца, штобы антилерия открыла огонь по фантерии большаков, но ардинарец ишо не вышел из дому, как антилерия оглушила нас всех сваей стряльбой. Палковник смеясь сказал, что Третьяков сам открыл стрельбу, ну и хорошо сделал, а этих начальников большаков приказал разоружить».

Я сердечно распрощался со стариками и поспешил домой, чтобы в кругу семьи порадоваться успеху казачьей отваге, сноровке и спайке. По пути домой мне снова и снова вспоминалось все, что пришлось увидеть за сегодняшний день. Несравнимая по отваге операция при взятии двух батарей...

Легкое отражение атаки красной кавалерии, которая после первых залпов батареи кинулась на утек, так что ее и посланные в догон сотни не могли настигнуть на Донской земле. Красивая атака мешковской конницы, когда тысяча всадников, охватив фланги советской пехоты, с блестевшими на солнце шашками ринулась на тысячные массы красной пехоты. Как эта пехота бросала оружие и сдавалась подскакавшим казакам, не оказав сопротивления, — до такой степени она была деморализована храбростью казачьей лавы...

Вспомнил и рассказ стариков о переговорах и как я был горд своим дорогим отцом, который всегда был послушен начальству, а когда надо было постоять за правду, не постеснялся ее сказать в глаза войск старшине Сергенкову...

С этими мыслями я вошел в комнату отца, окна которой выходили в сад и вся комната была наполнена ароматом цветущего сада. Я долго еще не мог заснуть, лежа с открытыми глазами, перебирая в памяти, как недавнее прошлое, так и события сегодняшнего дня. Пришло мне на ум, что, возможно, мы, казаки Мигулинцы, сегодня сделали пробное на-

чало за полное свое казачье освобождение. Еще недавно наши казаки, возвратясь с фронта домой, говорили: «Мы вместе с солдатами переносили все тяготы окопной жизни, а когда был голод, то последним сухарем с солдатами делились». А вот когда солдат посягает на казачье право, на казачьей же земле, то тут сразу же началась переоценка ценностей.

Казак — сознательный гражданин и за свое право готов постоять, но было бы ошибочно думать, что революция не оставила следа, особенно у молодого поколения, которое три года воевало.

Все это прошло в моей утомленной голове и я заснул. Не слышал я прихода брата Михаила, который не спал уже две ночи, так как нужно было позаботиться о посылке разъезда, расставить караулы, связать телефонной сетью полевой штаб с начальником штаба. С церковными сторожами уговорились, что в случае чего-либо подозрительного или если будет сообщено о тревоге, то звонить тремя ударами в большой колокол с 30 секундными интервалами.

Но ночь прошла спокойно. Наступила Великая пятница. Утро было теплое и туманное, но с восходом солнца туман рассеялся.

Накормив пленных солдат собранными вчера продуктами, их построили в колонну и направили в станицу Мигулинскую. Раненых и больных отправили туда же на подводах. Все отобранное оружие и военные трофеи были сложены в больших кладовых станицы. Часть оружия, взятая мешковцами прямо на поле боя, также была уложена в сараях для ссыпки зерна у П. А. Локтева, а для охраны был поставлен караул.

Сколько было отбитого оружия, не знаю, но было масса телефонного кабеля и телефонных аппаратов, масса ручных гранат, 72 пулемета, много тысяч винтовок и тысячи цинковых ящиков с патронами. Был большой запас снарядов для полевой и гаубичной батарей. Подсчет орудий был не точный. По одной версии было 12 гаубичных и 24 полевых орудий, а по другой было 24 полевых и 24 гаубичных. Какая из этих двух версий отвечала истине, не берусь утверждать, но знаю, что дивизия шла с румынского фронта и была снабжена оружием и всем снаряжением в избытке. Все взятое у красных оружие было очень трудно учесть, да в этом и не было необходимости. Например, А. Ф. Медков взял два отбитых им орудия прямо к себе во двор и в бою под Коноваловым они не были использованы, а такие случаи были не единичными.

Но так или иначе, а Мигулинцы, после разгрома красных под Коноваловым, вооружились всем необходимым, выставив на защиту своих границ, Земли Донской, два полка конных, Мешковский и Мигулинский, и пехоту с артиллерией.

Кроме того, вооружили соседние станицы: Казанскую, Вешенскую и Каргинскую.

Мигулинская станица стала как-бы арсеналом для снабжения всякого рода амуницией, артиллерийскими снарядами, ручными гранатами, кабелем и телефонными аппаратами.

Спокойно прошла и наступившая суббота. Были высланы два разъезда в сторону Воронежской губернии, для выяснения намерений советской власти.

Разведка, углубившись почти на 50 верст на территорию Воронежской губернии и расспросив жителей, донесла, что никакой концентрации советских войск в этом районе не было, как и не было замечено каких-либо вооруженных групп.

Наконец, наступила Пасха и прошла спокойно и чинно, как было в казачьих традициях, но у меня на душе было как-то тревожно, хотя к этому, как будто бы, и не было причины.

Старший мой брат Михаил Иванович возложенную на него обязанность по формированию частей и их командования выполнил успешно. Поскольку он был инвалидом, от дальнейшего командования отказался.

Первоначально, его сослуживцы по 12 полку единогласно его выдвинули на такую ответственную должность потому, что знали как его организаторские способности, так и его боевой опыт на германском фронте, где он командовал большими разведывательными группами очень успешно, за что и был награжден многими отличиями. В одной из таких разведок он чуть было не поплатился жизнью, но казаки вытащили его из реки Буга, тяжело раненого в голову и без чувств, и доставили в полковой госпиталь. После этого ранения Михаил Иванович остался навсегда инвалидом. Этим я и закончу вторую часть своей повести о подвиге Мигулинцев.

США.

А. И. Третьяков

ПАМЯТИ ЖЕРТВ ЛИЕНЦА

В годовщину насильственной выдачи казаков и казачьих беженцев на расправу коммунистической власти после окончания второй мировой войны, по инициативе казачьей станицы имени атамана Платова в Пэтерсоне, Нью Джерзи, была отслужена панихида по жертвам этой трагедии.

По окончании службы, казаки и их друзья собрались в зале Польского народного дома в Пэтерсоне, чтобы за общей трапезой почтить память погибших антикоммунистов.

Атамана станицы С. В. Чернов, приветствуя присутствовавших, указал на установившуюся среди пребывающих в свободном мире казаков традицию ежегодно отмечать память тех, кто стал жертвой бесчеловечной акции, а затем тех, кто погиб во время свыше десятилетнего пребывания в концлагерях Сибири.

С. В. Чернов просил прибывшего из Нью-Йорка председателя Верховного казачьего представительства г-на Глазкова сказать слово, посвященное жертвам выдач, и В. Глазков отметил, что выданные были бескомпромиссными врагами коммунизма, который они познали на своем собственном опыте, начиная с эпохи военного коммунизма, насильственной коллективизации и выселений из родных очагов насилем и кончая созданным самой советской властью голодом. Неудивительно, что они отказались защищать чуждую и ненавистную им власть, пытаясь использовать начавшуюся войну для своего освобождения от коммунистической тирании. Они не имели никакого понятия ни о нацизме, ни о фашизме, и не являлись их пособниками. Их одной заветной мечтой было — быть свободными людьми.

Прошла трапеза в теплой дружеской обстановке, что особенно отрадно отметить при наличии различных политических убеждений ее участников.

В этот же день у памятника, сооруженного в память жертв Лиенцовской трагедии на Св. Владимирском кладбище в Джэксоне, была также отслужена панихида, на которую из разных мест прибыло свыше сотни человек.

А. Г.

ЧАСОВНЯ-ПАМЯТНИК ЖЕРТВАМ ЛИЕНЦА НА СВЯТО-ВЛАДИМИРСКОМ КЛАДБИЩЕ НА КАЗАЧЬЕМ УЧАСТКЕ В ДЖЕКСОН, НЬЮ ДЖЕРСИ

4 июня 1967 г. при часовне-памятнике Св. Иоанне Крестителя была отслужена панихида по всем казакам и казачкам, погибшим при выдаче их безбожному коммунизму. Панихиду отслужил игумен о. Василий в сослужении о. Емельяна и дьякона Воронкова. Присутствовало около 90 человек.

Вначале предполагалось построить часовню в Австрии, на месте Лиенцевской трагедии, но ввиду возникших разногласий между различными каз. группировками, городской голова Лиенца, не зная, какой группе выдать разрешение на постройку — отказал всем. Тогда было решено построить часовню в Джексоне, в США.

Инициативная группа, получив благословение на постройку часовни у митрополита Анастасия, избрала строительный комитет во главе с В. В. Мухиным и приступила к работе. Закладка часовни была произведена 12 сент. 1965 г. Освещение совершал участник лиенцевской трагедии о. Кравченко в сослужении игумена о. Василия, настоятеля Св. Владимировского Храма-Памятника. Все рисунки и чертежи сделал архитектор М. В. Лермонтов. За полтора года постройка часовни продвинулась хорошо. Часовня обложена художественно декоративными кирпичами, крыша покрыта медными листами. Донец художник Н. С. Котульский написал безвозмездно большую икону Спасителя «Моление о чаше», которая была освящена 27 мая 1967 г. в Св. Владимировском храме-памятнике архиепископом Антонием из Австрии.

К сожалению, в настоящий момент дальнейшие работы приостановлены ввиду полного истощения средств. Пожертвования поступали со всех стран рассеяния казаков. На

1 апр. 1967 г. они выразились в сумме 6203,48 долл. Расход выразился в сумме 5153,58 долл. Остаток на счете в банке к 1 апр. — 1049,58 долл. Кроме того, Комитет Помощи Казакам Ди-Пи из своих средств уплатил администрации Св. Владимировского кладбища за вечный уход за часовней 500 долл.

После 1-го апр. было уплочено за медную крашу 1400 долл., так что в банке ничего не осталось, а нужно еще уплатить за крышу 200 долл.

Предстоящие расходы определены ориентировочно: купол и крест — 1000 долл., двери и окна — 800 долл., ступеньки — 200 долл., внутренняя штукатурка — 200 долл., тротуар — 120 долл., прочие расходы — 100 долл., а всего — 2420 долл.

Правление Фонда по постройке часовни надеется на помощь Господа Бога и на дальнейшую жертвенную отзывчивость казаков, чтобы достойно завершить начатое святое дело. Часовня безусловно будет украшением казачьего участка кладбища, как и памятник «Казаки-казакам».

Все пожертвования Правление просит посылать денежными чеками, money order почт. переводами по адресу:

Building Fund of the St. John Chapel,
New Brunswick Savings Institution. P.O. Box 831. New Brunswick. New Jersey 08903. U.S.A.

Правление Фонда

ВЫНУЖДЕННЫЙ ОТВЕТ

Читал я много статей генерала И. А .Полякова полемического характера. Они позволили мне сделать определенные выводы, которые я намерен изложить сейчас.

Во-первых, генерал отличается надоедливостью. Помимо этого в своих печатных спорах он не стремится к убедительности и к доказательству неправоты противника, а переходит на его личность, прибегая к избитым выражениям, к плоским остротам, стараясь унизить лицо, с которым он спорит. Не задумываясь, он дает характеристику лицам, которых совершенно не знает. Почти всем им он приписывает стремление к известности, к водительству и к величию. Справедлива пословица: «У кого что болит, тот о том и говорит».

В своих статьях он берет на себя роль наставника и требует уважения к его «заслугам». Будучи заранее уверен в неудовлетворении своего требования, он старается облить противника грязью. В силу-ли чрезмерного самообольщения своим талантом, или же просто по причине отсутствия чуткости, он не замечает, что его наставнический тон, обращенный к казакам, унижает их. Генерал забывает, что те казаки, которые в 1920 году были юношами, давно уже вступили в совершеннолетний возраст и приобрели зрелость мышления.

Он пишет: «Среди донцов ОСТАЛОСЬ очень мало заслуженных высокообразованных и культурнвх людей», причисляя к таковым себя и свое окружение. Из этого можно сделать вывод, что после смерти ген. Полякова и членов Дон. В. Совета, культурных донцов больше не будет. Генерал упускает из виду, что жизнь не стоит на месте: одни стареют и умирают, другие рождаются, растут, учатся. В силу этого извечного цикла культурные силы казаков не могут иссякнуть. Не только среди казаков, которые по возрасту могут быть сынами ген. Полякова, но и в среде тех, кто годится ему во внуки, имеются лица, могущие преподать ему уроки.

До сих пор я воздерживался от полемики с ген. Поляковым. В своей статье, помещенной в журнале «Новая Русская жизнь» № 6151, он в числе других затронул и меня. Я промолчал. После этого он поместил в «Атаманском Вестнике» довольно длинную статью, касающуюся меня исключительно. В ней он, совершенно не зная меня, дает мне характеристику и излагает сведения, противоречащие истине. Я вынужден отвечать. В статье, помещенной в газете «Н. Р. Жизнь» ген. Поляков затрагивает 17 человек, лиц самых разнообразных взглядов: от монархиста до левого демократа, от неделимца до самостийника. Политическое мнение и моральные качества критикуемых им лиц для него не имеют значения. Важно для него их отношение к его «заслугам» и к его деятельности вообще и, в частности, в области выборов Донского ата-

мана. Генерал не терпит отклонения от его точки зрения. В числе 17-ти лиц имеются два уважаемых генерала. На каждое упомянутое лицо ген. Поляков выливает известную долю своего запаса грязи. Он говорит о взаимоотношениях и влиянии друг на друга лиц, ему совершенно неизвестных, с такою подробностью, как-будто он живет в их интимной среде. Когда читаешь эту статью, то невольно задаешь себе вопрос: неужели пишет это генерал, бывший начальник штаба Донских армий?

Перейду теперь к статье, помещенной в «Дон. Атам. Вестнике» за октябрь-декабрь 1966 года «Необходимые разъяснения», в которой ген. Поляков отвечает на мою статью: «Атаман с перначем, но без доверия казаков». Статья генерала не изменяет установленному им основному правилу, она является набором слов, восхваляющих автора и стремящихся унизить противника. На затронутый мною вопрос она не отвечает. В моей статье я говорю о **порочности происшедших выборов Донского Атамана.** В ответной статье ген. Поляков пишет исключительно обо мне, не касаясь вопроса о выборах. Он говорит обо мне, как о «Не бывшем участнике ни гражданской, ни 2-й мировой войны», причисляет меня к лицам «Скрывающим свое прошлое и не желающим признаться, чем они занимались в эмиграции, что сделали полезное для донцов», называет меня: «**малой** и неизвестной величиной».

Я крайне удивлен, как может образованный ген. Поляков давать оценку неизвестной величине. Слова «Неизвестная величина» имеют определенное понятие, не допускающее никакой оценки.

Причислять кого-либо, кто не говорит о себе, «к скрывающим свое прошлое» — чрезвычайно глупо. Не все-же уподобляются ген. Полякову, который прожужжал всем уши о о своем таланте и о своих заслугах, «Достаточно набивших оскомину всем читателям» (Последние слова взяты из статьи генерала Н. Г. Зубова: «Донские казачьи дела» см. «Р. Край» № 69).

Что касается участия в гражданской войне, то в этом отношении я заслуживаю меньше упрека, чем сам ген. Поляков. Будучи студентом Донского политехнического института, я был свидетелем и участником событий, которые происходили в Новочеркасске в период революции. В числе других сынов Тихого Дона я пережил трагические дни горячо любимого родного края. В тяжелый момент для него я оставил студенческую скамью, добровольно пошел в армию и в ноябре 1919 года был тяжело ранен в грудь (выписка из Военного госпиталя, свидетельствующая об извлечении осколка из моей груди, хранится у меня до сих пор). Раны мои были залечены в 1920 году после эвакуации в Болгарии, в г. Рущуке.

Я задам вопрос беспристрастному читателю: кто больше заслуживает уважения — гражданский человек, добровольно ушедший на фронт и на поле сражения проливший кровь, или офицер, дослужившийся до генеральского чина, проделавший всю свою карьеру в штабах вдали от фронта.

Я позволю себе кратко восстановить карьеру ген. Полякова, основываясь на том, что он сам пишет. Во время войны 1914-18 годов он в начале служил в штабе В. Князя Николая Николаевича, потом был начальником Ж.-Дорожного отдела штаба 9-й армии, «контролируя, как состояние главных железнодорожных узлов, так и работы по постройке и поддержанию в порядке шоссейных и грунтовых дорог, а также разного рода переправ» (из книги г. Полякова: «Донские казаки в борьбе с большевиками»). Разве это роль боевого офицера? Нет сомнения, что с этой полезной работой лучше-бы справился инженер путей сообщения или даже техник той-же специальности.

По прибытии 23 января 1918 г. в Новочеркасск молодой подполковник И. А. Поляков, горящий желанием «погибнуть с оружием в руках» (слова из книги г. Полякова), опять устраивается в штаб. И это в момент, когда на фронте дрались дети, глубоко штатские люди: студенты, гимназисты. Не было тогда нужды в увеличении головы, нужны были руки, способны держать винтовку.

На стр. 98-й своей книги ген. Поляков пишем: «В Новочеркасске бездельничало около шести тысяч офицеров». Ясно, что всех офицеров в штаб зачислять нельзя было, а на фронт они не хотели итти так-же, как не хотелось и подполк. Полякову. Разница между ним и этими офицерами — «бездельниками» была та, что первый, устроившись в штабе, получал жалованье и жил в Московской гостинице (стр. 92), а вторые преимущества этого не имели. При освобождении Новочеркасска восставшими казаками подп. Поляков опять попадает в штаб. Кончает он свою карьеру, занимая высокий пост Начальника Штаба Донских Армий, от которого был отрешен, почти единогласно, за исключением одного голоса, Донским Войсковым Кругом — хозяином Дона.

В его книге (в 387 страниц) 87 страниц от-

ведено описанию переезда подп. Полякова из Румынии в Новочеркасск. В рассказе этом он не забыл упомянуть о визите к своей будущей теще. Не знаю, какое отношение имеют эти 87 страниц к **«Борьбе Донских казаков».**

В переезде своем он видит подвиг. Безусловно, проезд подполк. Полякова был связан с риском, но он мог прибегнуть к более достойному способу достижения г. Новочеркасска, к тому, который избрал полковник ген. Штаба, бывший там-же в Румынии, М. Г. Дроздовский. Полк. Дроздовский не брал подложных документов, не переодевался в купца-спекулянта, а совершил свой путь из Румынии до Новочеркасска в офицерской форме, в боевой обстановке, с погонами на плечах. Умер он от полученных ран в бою, не написав книг о своих подвигах. Пишут о нем другие, о нем поются песни.

Ген. Поляков в своей книге называет дезертирами донских офицеров, которые в период его пребывания на посту Начальника Штаба Дон. Армий переходили из Донской Армии в Добровольческую, «будучи лишены желаемых ими должностей».

Как можно назвать поступок ген. Полякова, который после увольнения его с поста Н-ка Шт. Дон. Армий, покинул родную землю и поехал искать приключений в Японии?

В статье ген. Полякова имеется одно правильное сведение, касающееся меня, — это то, что я кончил горный институт в Пщибраме, в Чехии, и что я состоял в Казачьем хуторе студентов-горняков. Хутор являлся составной частью Обще-Казачьей Студенческой станицы, будучи, в противовес заявлению ген. Полякова, абсолютно независимым от Сельско-хозяйственного Союза.

Дальше ген. Поляков клевещет на чешское правительство, заявляя, будто-бы оно допускало условия, при которых часть студентов «под опекой социалистов получала большие материальные выгоды, в то-же время молодежь правого направления была в загоне, почти не получала пособия и жила впроголодь».

В Чехии училось, пользуясь государственными стипендиями, около 3 000 молодых людей. Каждый из них, в том числе и я, прочитав заявление ген. Полякова, скажет: какая гнусная ложь! Комитет по обеспечению образования русских студентов в Чехии делал единственную классификацию по успехам, но никак не политическим убеждениям. В Горном институте учился генерал Харжевский, бывший командир Дроздовского полка, теперешний Начальник Русского Общевоинского Союза. Я очень хотел бы, чтобы заявление ген. Полякова дошло до него. Думаю, что этот боевой офицер не замедлил-бы выразить свое негодование.

Как раз я по прибытии в Чехословакию находился довольно долго в неблагоприятных условиях, но не потому, что меня причисляли к правым, а потому, что я проник на территорию этой страны незаконным путем. В течение 4-х месяцев мне отказывали в стипендии, а потом зачислили на частичное иждивение. К сожалению, в трудную минуту ни один социалист не пришел мне на помощь, помогли мне чешские студенты.

Не в моем характере говорить о себе, особенно в печати. Однако, чтобы опровергнуть обвинение ген. Полякова в том, что я «скрываю свое прошлое», я вынужден дать краткое описание моего пребывания заграницей.

Из Крыма в 1920 году, будучи раненым, я был эвакуирован в Болгарию. Из Болгарии я пробрался в Чехословакию, где окончил Горный институт. Закончив образование, уехал во Францию, а оттуда в Алжир на свинцово-серебряный рудник. Специальность мою мне вскоре пришлось бросить из-за суставного ревматизма, не позволявшего работать в сыром руднике. Я перешел на строительное дело. По новой моей специальности мне пришлось работать на постройке двух Ж.-Д. линий, участвовать в сооружении гидроэлектрических станций, в прокладке городских канализаций и водопроводов. Под моим непосредственным руководством проложено 300 километров водопроводов искусственнного орошения. Тридцать два года я прослужил в крупнейшем французском строительном обществе, основная специальность которого — гидравлические сооружения. За мою продолжительную службу французским Министерством Труда я награжден двумя медалями: серебряной и золотой. В период алжирской войны я руководил работами, часто подвергаясь смертельной опасности. В момент объявления Алжиром самостоятельности, опасаясь проявления фанатической ненависти к европейцам, я покинул Африку и переехал в Париж. Второй раз очутился беженцем, потеряв многое из того, что приобрел долголетним трудом.

В Париже казаки оказали мне высокую честь, избрав меня председателем Казачьего Союза, в который входят: Донское, Кубанское и Терское Войсковые Объединения, Уральцы во главе с заместителем Войскового Атамана и Союз Казаков-Калмыков.

Вернусь к возражениям на необоснованные утверждения ген. Полякова, в частности на его заявление, что: «В. Кузнецов **совер-**

шенно не знает ни казачьей жизни, ни казачьих обычаев». В смысле знания казачьей жизни и казачьих обычаев не мне брать уроки у ген. Полякова, это могут подтвердить все, кто знает меня.

Ген. Поляков отнимает у меня, штатского человека, право защищать военного, ген. Позднышева, а сам, будучи военным, допускает для себя возможность защищать штатского — проф. Федорова. Кстати сказать, ген. Позднышев в защите не нуждается. Защищают только обвиняемых, в данном же случае обвиняемым является проф. Федоров, а не ген. Позднышев.

В своей статье ген. Поляков выкопал какой-то закон, в силу которого ген. Позднышев являлся закрепощенным в должности представителя Донского атамана и освободить себя от нее не мог.

Я думаю, что ген. Поляков помнит тексты из своей книги. На стр. 189-й он поместил письмо полк. Денисова к походному атаману, в котором он (полк. Денисов) ходатайствует об освобождении его от должности Командующего войсками Южной группы. А 3-го февраля 1919 г. ген. Краснов сложил с себя полномочия Донского Атамана. Два видных лица, знавших законы не хуже ген. Полякова, могли уйти с занимаемых ими постов первостепенной важности, а ген. Позднышев в эмигрантских условиях жизни, по словам ген. Полякова, не мог освободить себя от должности представителя Донского Атамана.

Занятны слова ген. Полякова, в которых он выражает желательное для него отношение казаков к профессору Федорову, как к заместителю атамана. «Каждый **настоящий** казак, узнав о приезде заместителя атамана, поспешил бы его встретить, представиться ему и доложить и т. д.» пишет он.

В ответ на это скажу, что для того, чтобы **настоящие** казаки встречали заместителя атамана, необходимо **Атаману быть настоящим Атаманом.** Лиц, присваивающих себе это высокое звание, казаки встречать не будут. Каждое лето проф. Федоров приезжает в Париж. Его появление рекламируется на страницах «Русской Мысли», однако желающих встречать его находится очень мало. Летом 1966 г. его чествовали в музее Лейб-казаков, всего навсего, шесть близких ему лиц (число указано одним из участников чествования).

Что касается выборов проф. Федорова в атаманы, то, по заявлению ген. Полякова, в голосовании во Франции принимало участие около 100 человек (цифра не большая), а по существующему среди здешних донцов мнению — не больше двадцати. Очень хотелось бы, чтобы ген. Поляков опроверг это мнение, поместив в «Атаманском вестнике» список казаков, принявших участие в голосовании, с их адресами.

Необходимо отметить печальный для донцов факт: метод, примененный Дон. В. Советом при последних выборах, убил в донской казачьей среде во Франции интерес как к выборам, так и к атаману. Вероятно, достигнутый результат радует сердце генерала Полякова.

В моей статье, помещенной в № 65-м «Родимого Края», я говорил о проф. Федорове, как о кандидате на атаманский пост, не касаясь его качеств ученого. По словам ген. Полякова: «Имя его широко известно за пределами Америки». Сам проф. Федоров заявляет о ряде французских ученых **наград.** Я, прослуживший 32 года в строительном обществе, занимающимся главным образом гидравлическими сооружениями, заявляю, что в среде многочисленных инженеров его фамилия «профессор Федоров» совершенно не известна. В технических журналах я встречал фамилию проф. Чеботарева, имя же проф. Федорова, как ни старался его найти, мне не попадалось. Во Франции он — величина неизвестная.

Хвалебного отзыва ген. Полякова далеко не достаточно для того, чтобы создать для кого-либо известность ученого. Для этого необходимо что-то другое.

Генерал Поляков кончает свою статью «остротой» по моему адресу, которую привожу без лишних комментариев: «Беда в том, что автор статьи, хотя позднее и натянул на себя штаны, но совершенно забыл о существовании стыда и совести и потому не застегнул прорешки». «Острота» эта требовала бы ответа ей в тон, но я не могу поместить его из-за уважения к журналу «Родимый Край» и его читателям.

В заключение скажу, что я предпочитаю быть «величиною неизвестной», чем величиною известной и отрицательной, каковою является ген. Поляков.

Париж.

В. Кузнецов

ИЗ КАЗАЧЬЕЙ ЖИЗНИ ЗАРУБЕЖОМ И ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

◆ **Дополнение к статьям А. П. Падалкина «Июльское восстание большевиков в Петрограде в 1917 г. и дон. каз. полки» («Род. Край» № 68, 69, 70). «Из прошлого» («Р. К.» № 62).**

Главной темой работ А. П. Падалкина является описание роли и участия донских казаков в событиях 1917 г. в Петрограде, но тем не менее, пишет в редакцию полк. М. Т. Чернявский, следует сделать некоторые разъяснения и добавки.

Большинство цитируемых А. П. Падалкиным авторов, описывая происходящие события, упоминает Преображенский, Измайловский, Финляндский и др. гвардейские полки, что может создать впечатление, что в столице произошел бунт гвардии. На самом же деле этих гвардейских полков в Петрограде не было: все они с начала войны были на фронте, в столице же находились запасные батальоны этих полков, расквартированные в казармах гвардии и позже вследствие их многолюдия переименованные в запасные полки с теми же наименованиями. Состояли они из призывных очень старых возрастов и из новобранцев призывного возраста. Из этих частей должны были поступать пополнения на фронт. Они были очень многочисленными, по несколько тысяч человек.

Упоминается также об участии взвода Лейб-Гвардии 6-ой Донской **запасной** батареи. Таковой не было, а сама Л.-Гв. 6-ая Дон. батарея (не запасная) находилась на фронте. Донской артилл. взвод действительно принимал участие в описываемых событиях, но принадлежал он к другой части: к «Запасной батарее Гвардейской Конной артиллерии».

Весной 1915 г. в Павловске была сформирована «Запасная бригада Гвардейской Конной Артиллерии» (позже переименованная в батарею) для пополнения потерь во всех шести гвард. конн. батареях (1, 2, 3, 4, 5 — неказачии и 6-ая Донская), также находившихся на фронте. В 1917 г. этой батареей командовал полк. граф С. А. Ребиндер, а казачьим взводом (2 орудия) подъес. Фолимонов. Этим объясняется, что в некоторых трудах указывается начальником отряда полк. Ребиндер, а не Фолимонов. По вызову ген. Половцева из Павловска прибыл каз. взвод под командой Фолимонова, а вместе с ним и командир Запасной батареи Гв. Конн. Арт. полк. Ребиндер. Когда отдельный арт. взвод посылается в отдельную специальную командировку, то часто командир батареи, если он не занят с остальной ее частью, едет с назначенным взводом, чтобы ознакомиться с обстановкой, и устроив, так сказать, этот взвод, или возвращается к батарее, или сам командует взводом, если того требует обстановка.

В «Род. Крае» № 62, в статье «Из прошлого» стр. 14 автором неправильно указана шифровка на погонах сотни, шедшей под командой ес. Лащенова на выручку каз. офицеров к Таврическому Дворцу. Наследник Цесаревич был шефом 2-го Дон. каз. полка, а 1-ый Дон. каз. полк имел шифр императора Николая 2-го, так как это был полк Его Величества. По мысли автора важен тот факт, что казаки, имея на своих погонах «шифровку» (вензеля) императорской фамилии, не стали ее снимать и не побоялись идти с ней в Государственную Думу, своего рода революционный штаб.

◆ 29 июля в г. Понтарлье (Франция) состоялась свадьба донского казака инженера политехника Л. М. Кузнецова и М. М. Вионэ. Л. М. Кузнецов, сын председателя Казачьего Союза во Франции, сейчас занимает пост главного инженера Военного Производства. Редакция «Род. Края» шлет молодым свои наилучшие пожелания долгой и счастливой жизни.

◆ Издательством «Казачья Старина» П. Д. Гульдиева в Нью-Йорке выпущен небольшой сборник 36-ти каз. песен всех Казачьих Войск, составленный Н. Н. Туроверовым. Большинство песен с нотами. Цена — 5 фр. (или 1 долл.) — Выписывать из редакции «Род. Края» или у издателя: P. D. Gouldieff, 41-41. 44 Street. Apt. 3-H. Sunnyside L I. N.Y. 11104. U.S.A.

◆ Казачий Союз во Франции и Союз Казаков-Комбатантов сообщают, что День Покрова Пресвятой Богородицы и Войсковые Праздники донцов, кубанцев и терцев будут праздноваться в Париже 15 октября. После церковной службы в кафедральном Соборе Св. Александра Невского состоится братская трапеза в ресторане Люц (на площади Клиши). В субботу 14 октября, как обычно, будут отслужены панихиды на казачьих могилах на русском кладбище Св. Женевьевы.

ПАМЯТИ ПАРТИЗАНА СТЕПНЯКА

8 апр. с. г. скончался участник Степного Похода Димитрий Васильевич Процков. Он был одним из самых молодых участников Похода.

Родился Д. В. или, как его все называли, Митя, в 1904 г. в Донском Кадетском Корпусе, где его отец, полк. Процков, казак станицы Цымлянской, в это время был преподавателем, а потом, после производства в генералы, инспектором классов. Мать его, донская красавица Жеребкова, после смерти мужа — отца Мити, желая дать сыну военное образование, отдала его в Донской кадетский пансион, а сама переехала в Цымлянскую, где вела виноградное дело покойного мужа.

В 1914 г. Д. В. перешел в Кадетский корпус. В ноябре 1917 г. он был кадетом 3-го класса, т. е. еще почти ребенком, но когда Атаман Каледин объявил поход на Ростов против большевиков, он с группой кадет бежал из Корпуса в войска, находившиеся под Ростовом, чтобы защищать Дон. Однако принять участие в боях ему не удалось, т. к. по распоряжению Атамана все учащиеся были изъяты из войск и кадеты под командой классного наставника полк. Туроверова были возвращены в Корпус. Его мать, проживавшая в то время в Новочеркасске, зная его лютую ненависть к большевикам и опасаясь за его судьбу в случае занятия красными города, будучи лично знакома с ген. П. Х. Поповым, упросила взять сына в Степной Поход. Митя был зачислен в отряд малолетних партизан полк. Хорошилова, который к тому же лично его знал по Кадетскому пансиону.

При походе сводного отряда полк. Мамантова на ст. Платовскую отряд Хорошилова был ему придан. Во время этого похода «детям Хорошилова» пришлось переправляться через разлившийся Манычь по пловучему мосту и в зависимости от возраста одни переходили его по колена, другие по пояс и выше в ледяной воде. Митя Процков, большого роста и большой физической силы, под ружейным огнем красных на своей спине перенес нескольких малышей, боявшихся идти по мосту, залитому водой. Ген. Попов, узнав о «ледяной ванне» «детей Хорошилова и об их участии» в бою при занятии хут. Шара-Булук приказал зачислить их «в последний резерв», находившийся всегда при штабе Поход. Атамана для охраны обозов и отрядного госпиталя. Мите в «резерве» не сиделось и он дважды бегал из него в действующие отряды, где, как он говорил, «по настоящему воюют с красными», но каждый раз его возвращали в «резерв».

После Степного Похода Митя продолжал образование в Кадет. Корпусе, с гордостью нося крест Степного Похода.

В Корпусе же он попал после эвакуации в Египет, а оттуда, после прекращения его содержания англичанами, в Болгарию, в Шуменскую гимназию, где большинство учащихся были великовозрастными, связанными с армией и из которой и от своих сослуживцев получали материальное пособие. Другие в возрасте Мити получали ее от своих родных. Митя был совершенно одинок и, не имея ни моральной, ни материальной поддержки, был принужден бросить учение и искать работу. С группой казаков, перевозимых для работы по контракту во Францию, Д. В. попадает в г. Ромба, где работает на шахтах, а потом, окончив контракт, перебирается в Париж, где сначала работает на разных заводах, пока не устроился на «Холодильники» в Клиши, где стал контрометром. В дни оккупации немцами Парижа, он, не веря им, и за отсутствием реботы в «Холодильниках», работал грузчиком на Сене.

С приездом в Париж Д. В. женился на вдове, имевшей двух малолетних дочерей, вырастил их, выдал замуж и стал дедушкой, пользуясь любовью не только их, но и всех, кто его знал.

Не принимая активного участия в каз. организациях, Д. В. викогда не забывал, что он казак и был всегда очень отзывчив на казачьи нужды, помогая всем каз. начинаниям, регулярно присылая свою помощь в Дамский Комитет Каз. Союза и поддерживая «Род. Край» и его издания. Всю свою жизнь он был очень скромным, большим труженником, хорошим семьянином. Кроме большевиков, врагов у него не было. Умер он от астмы, полученной им на рабете в холодильниках. Похоронили его на русском кладбище в С. Женевьев-де-Буа.

На место упокоения новопреставленного воина Димитрия собралось много друзей и знакомых. Гроб утопал в цветах. Вместе с другими венками был возложен и общий венок от Объединения Партизан-Степняков, Дамского Комитета Каз. Союза и редакции «Род. Края».

Участники Степного Похода скорбят о несвоевременной кончине их соратника и шлют всей его семье искренние соболезнования, разделяя их горе.

Мир праху его. Да будет ему легка чужая земля.

Вр. Исп. дожность председателя Объединения Партизан-степняков. Вице-председатель Объединения

А. Падалкин

К СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ТАПЫ ЧЕРМОЕВА

30 лет тому назад, 28-го августа 1937 года, неумолимая и безжалостная смерть унесла в небытие славного сына многострадального чеченского народа, — Абдул-Мажида (Тапа) Чермоева.

Покойный не было еще старым человеком: он родился 15 марта 1882 г.

Я не ошибусь, если скажу, что после шейха Ушурмы Мансура (первого борца за национальную независимость Чечни), Тапа Чермоев являлся одним из первых вождем в галлерее поборников за свободу и независимость родной отчизны.

Пусть холопствующие лакеи-борзописцы нынешнего режима в своем рабском усердии, в своих «исторических трудах» обильно льют помои грязи и клеветы на все историческое славное прошлое чеченского народа и на его истинных сынов, пусть они и крохоборы коммунистического «пирога», так легко забывшие муки и страдания своего народа в 20-летней ссылке в казахских знойных пустынях, оскверняют память всех тех, кто отдал свои жизни за народное дело и спят вечным сном в чужих землях, всеравно им никогда не удастся заглушить светлую память рыцарей-борцов, лучших сынов чеченского народа!

Одним из первых среди славной плеяды народных трибунов и был покойный Тапа Чермоев!

Отпрыск из самого знатного узденского рода Чечни, сын генерала Орцу Чермоева, Тапа родился в городе Грозном. По окончании Владикавказского реального училища, поступил в Николаевское кавалерийское училище, которое блестяще окончил в 1901 году. Затем служба в Лейб-Гвардии Собственном Его Величества конвое...

В 1906 году Тапа женился на ханше Хавар Ханум Ибрагимбековой, а в 1908 году, после кончины отца, вынужден был еще совсем молодым человеком выйти в запас. — Богато одаренная натура с увлечением отдается хозяйственно - промышленной деятельности. Как представитель семьи, обладавшей крупными нефтеносными земельными участками в районе Грозного, он, естественно, оказался одним из самых активных и энергичных деятелей в развитии грозненской нефте-добывающей промышленности. И грозненская нефтяная промышленность во многом обязана своим развитием большому его природному уму и кипучей деятельности.

Недолго продолжалась его промышленная деятельность. Когда вспыхнула русско-германская война, Тапа Чермоев, как истинный патриот своей Родины-России, одним из первых пошел на ратное дело, и в чине штабротмистра Чеченского конного полка в составе знаменитой Кавказской туземной («дикой») дивизии, которой командовал младший брат государя великий князь Михаил, проявил себя блестящим военачальником и безупречным воином. Полученные им многочисленные военные отличия свидетельствовали, что свой долг перед Родиной он выполнил с честью, как это подобало настоящему воину-чеченцу.

После отречения Государя, когда необъятная Российская империя стала легкой добычей злых сил интернационального коммунистического «кагала» и разных либеральствующих »кумиров на час» — присяжных поверенных и профессоров разного калибра, Тапа во главе своего полка вернулся на свою отцовскую землю — Чечню и стал в первом ряду патриотов, поставивших своей задачей спасти от большевизации свою отчизну — Северный Кавказ, — поставив себе целью — политическое объединение и эмансипацию народов Северного Кавказа.

По его инициативе и благодаря его неутомимой энергии состоялся 1-го мая 1917 г. съезд объединенных горцев Кавказа, предрешивший создание независимого горского государства. Тапа Чермоев не только был одним из организаторов съезда и членом Комитета по созыву съезда, но и взял на себя все расходы как по устройству его, так и по со-

держанию выделенного им Исполнительного Комитета.

Тапа в обстановке хаоса и раздоров показал себя, как умный и деятельный государственный муж. В атмосфере взабаламученных страстей и анархии, создаваемой большевиствующими подонками из среды местных горцев и так называемыми иногородними, вроде чеченца Асланбека Шерипова, кабардинца Калмыкова, осетина Кермена, ингуша Ахриева, грознеского фельдшера-дезертира Гикало и тому подобной гоп-кампании, благодаря исключительному обаянию своего характера и выдержанному такту и тонкому воспитанию, а так же личным добрым отношениям с казачьими вождями — с первым выборным Терским атаманом Карауловым (принявшим мученическую смерть от темной солдатской толпы на станции Прохладная), сумел не раз предотвратить весьма опасные столкновения между горцами и терскими казаками, подчас выливавшиеся в кровавые эксцессы... И недаром теперешние «историки» ставят в вину Тапе его мужественное поведение в эти смутные дни, когда Тапе удавалось наладить добрососедские отношения между казаками и горцами, необходимые для отпора большевистских сил, и то, что Тапа дружественно относился к казакам и их вождям и призывал в своих речах своих соплеменников к мирным и справедливым методам разрешения старых спорных вопросов...

После долгой подготовительной работы, в обстановке анархии и раздоров, в обстановке полной тревоги, когда красные полчища Ленина и Троцкого еще не были в состоянии сжать горло Кавказа, горцам Северного Кавказа удалось провозгласить независимую Республику Горцев Северного Кавказа. Под этой исторической в жизни горцев декларацией независимости Сев. Кавказа, от 11 мая 1918 года, красуется и имя Тапы Чермоева.

Трагична была судьба независимого государства горцев! Всего один год существовало их детище! В мае 1919 году Правительство Горской республики вынуждено было прекратить свою деятельность ввиду занятия Северного Кавказа Добровольческой армией.

В новообразованном правительстве Горской Республики, Тапа Чермоев занимал сперва пост первого министра, а потом пост министра иностранных дел.

В начале марта 1919 году, за два месяца до падения Горской Республики, Тапа Чермоев во главе делегации от Горской Республики выехал в Париж для участия на мирной Конференции Великих Держав. В задачи делегации входило — добиться признания Великими державами самостоятельности Северного Кавказа. Увы... неумолимая судьба не дала осуществиться мечтам Тапы и его друзей... Через год, в марте 1920 года, Кавказ был вероломно «проглочен» шакалами Ленина-Троцкого...

Так же трагична была судьба и многих соратников Тапы Чермоева, вождей различных горских народов, которые вместе с ним создавали независимое государство горцев: кабардинец Пшехамо Коцев, дагестанец Нухбек Тарковский, ингуши братья Висангирей и Магомет Джабагиевы, кумык Гайдар Баммат, осетин Х. Хадзарага и многие другие, как и сам Тапа, были объявлены Деникинским командованием изменниками и предателями и заочно были проговорены к смертной казни... А для советской власти они тоже являлись ярыми контрреволюционерами и националистическими «бандитами». Всем им пришлось эмигрировать в чужие страны и там влачить бесправную жизнь бездомных и бесправных беженцев.

Тапа оставил по себе память как человека кристально чистой души, неподкупного и мужественного рыцаря-борца за дело своего многострадального народа. В частной жизни он был скромным с широкой истинно кавказской гостеприимной натурой, готовый всегда и всюду помочь своим обездоленным соплеменникам в их беде. Что и не помешало некоторым безсовестным и нечестным типам злоупотреблять его отзывчивым сердцем...

...Пройдут года. Настанет час, когда над серебристыми вершинами седого Кавказа взойдет желанное Солнце Свободы и горцы вспомнят своих верных сынов и первым из них незабвенного Абдул-Мажида Тапу Чермоева!

Как небесное светило, удаляясь на покой, увеличивается в своем кажущемся размере, так и светлая память о том славном сыне чеченского народа — будет жить в сердцах его соплеменников, с каждым годом все больше и больше возрастая!..

Пусть эти строки от твоего сородича послужат как маленький букетик на твоей могиле, мужественный Тапа!

Да станет для тебя, дорогой соплеменник Тапа, пуховой постелью приютившая тебя земля чужбины!

Швеция.

Нохчин Кант

УШЕДШИЕ

† 17 мая в Лейквуде (США) умер А. Д. Коваленко ст. Владимирской Куб. В.

† 1 июня в Праге (Чехословакия) скончался А. Г. Кожевников, Уральского Войска.

† 11 июля в Ницце (Франция), в госпитале «Пастер» скончался хор. К. А. Шапошников, Уральского Войска.

† 15 июня в Аргентине после тяжкой болезни скончался Г. А. Куркин ст. Терновской В. В. Д.

† 22 июня в Париже скончался полк. Л. Гв. Атаманского полка А. В. Михайлов.

† 2 мая в Доме для престарелых в Ганьи (Франция) скончалась М. П. Субботина, ст. Ильинской Куб. В.

† 19 июня в Патерсоне (США) умер С. С. Саньков, ст. Марьевской Куб. В.

† 24 июня в Ландсвиле (США) скончался хор. М. Я. Погрецкий, стан. Упорной, Куб. В., 72 лет.

† 29 марта в Лейквуде (США) скончался В. Т. Безмельнечный, ст. Кужорской Куб. В., 74 лет.

† 18 февр. в Чикаго (США) умер сот. А. Д. Юрченко, Куб. В.

† 17 июля в США скончался хор. В. М. Байдалаков, основатель Нац. Союза Нового Поколения (преобразованного в Нац. Трудовой Союз) и долголетний его и преобразованного Союза председатель, создавший в 1955 г. отдельную организацию Н.Т.С.

† 1 июля в Доме для престарелых в Париже, после долгой и тяжкой болезни, скончался Г. И. Онищенко ст. Уробной Куб. В., о чем с глубоким прискорбием извещает Союз Казаков Комбатантов.

† 17 июля в госпитале Вожирар, в Париже, скончался подъес. Г. М. Воронцов, Астраханского Войска.

† 8 июля в Нью-Йорке после непродолжительной болезни скончался А. Ф. Крамаровский, ст. Кумылженской В. В. Д.

† 5 авг. в Зорбад-Халь (Австрия) в Доме для престарелых скончался подхор. Н. И. Кузнецов, ст. Есауловской В. В. Д.

ДЕНЕЖНЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ В РЕДАКЦИЮ «РЕД. КРАЯ»

(С 1 июня по 1 сент. 1967 г.)

В Фонд Издательства: г-жа Усова-Болонская — 20 фр., Н. Карташев — 5 фр., В. Н. Букановский — 10 фр., В. Л. — 5 герм. марок, Г. Ященков — 5 фр., М. П. Негоднов — 5 долл.

С. В. Чернов (2 взн.) — 30 долл., И. Я. Крюков — 50 фр., Б. Н. Уланов — 5 долл.

Дамскому Комитету Каз. Союза: П. И. Еронин — 10 фр.

На издание книги «Генерал Каледин — герой Луцкого прорыва и Донской Атаман»: М. Герасимов (2-ой взн.) — 20 фр., И. Я. Крюков — 20 фр., П. А. Селиверстов (3-ий взн.) — 10 фр., неизвестный казак — 5 фр., М. Т. Чернявский (2-ой взн.) — 25 фр., К. Щепкин — 5 фр., г-жа А. Фетисова (3-ий взн.) — 10 фр., г-жа А. Давыдова (3-ий взн.) — 20 фр., И. Г. Грибов — 10 дол.., Р. Кузнецов — Люксембург (2-ой взн.) — 50 фр., К. Н. Арванитакис — 30 фр., А. Д. Небыков (3-ий взн.) — 10 фр., проф. Н. Н. Воробьев (4-ый взн.) — 3 долл., Донской казачий хор С. А. Жарова — 20 долл., В. Грешнов (Чили) — 5 долл., А. Филин — 2,50 долл., Н. В. Каймачников — 100 долл., отец Игнатий Любимов — 3 долл., от кадет зарубежных Российских корпусов через Обще-Казачью станицу в Нью-Йорке — 50 долл., проф. Н. Н. Воробьев (5-ый взн.) — 3 долл., Ф. М. Агеев (2-ой взн.) — 3 долл., от казачки стан. Аксайской — 10 фр., от казачки стан. Николаевской — 10 фр., г-жа А. Давыдова (4-ый взн.) — 20 фр., Е. Тушканов — 25 фр.

Всех жертвователей просим принять нашу искреннюю благодарность.

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ «РОДИМОГО КРАЯ»

Непринятые рукописи обратно не возвращаются и в переписку о них редакция не вступает. Редакция оставляет за собой право статьи сокращать, не меняя смысла написанного. За статьи, подписанные полным именем автора, редакция не отвечает и они не всегда выражают взгляды редакции.

Корреспонденцию на имя Редакционной Коллегии направлять по адресу: Monsieur Bogaevsky — 230 av. de la Division Leclerc, 95 - Montmorency (France).

Через редакцию «Род. Края» можно выписать:

«Воспоминания ген. А. П. Богаевского» (Ледяной поход) — 12 фр.

Н. М. Мельников — «Ермак Тимофеевич, кн. Сибирский, его сподвижники и продолжатели» — 8 фр. или 2 долл.

Л. Масянов — «Гибель Уральского Казачьего Войска» — 15 фр.

«Митрофан Петрович Богаевский» — сборник статей о Донском Баяне — 16,50 фр. или 3,50 долл.

Н. М. Мельников — «Как извращается история» — 2 фр.

П. М. Аврамов — «Ковылий сказ» — 3 фр.

П. М. Аврамов — «Никифор Кащеев» — 3 фр.

Казачий словарь справочник, 1-ый том — 25 фр.

Н. Н. Туроверов — «Стихи», книга 5-ая — 15 фр.

Н. Н. Воробьев — «Кондратий Булавин» — 15 фр.

Адмиралов — «Казачья трагедия» (1940-1945 гг.) — 12 фр. или 2,50 долл.

В. А. Беляевский — «Голгофа» (Очерки из воспоминаний 1882-1964) — 12 фр. или 2,50 долл.

П. Поляков — «Поэмы» 4 фр.

Казачьи песни (изд. «Каз. старина») — 5 фр.

◆ Редакция обращается с настоятельной просьбой ко всем своим читателям и подписчикам не задерживаться с внесением подписной платы. Издание «Род. Края» основано исключительно на самоокупаемости, при полной безвозмездной работе всех наших сотрудников. То-есть журнал издается на деньги, за него полученные, и на пожертвования отдельных лиц в Фонд Издательства, иначе говоря на деньги самих читателей, от которых и зависит дальнейшее существование «Род. Края».

◆ С большие сожалением редакция «Род. Края» сообщает, что начиная с № 72, стоимость годовой подписки на 6 номеров будет повышена до 24 фр. или 6 долл. Это повышение вызвано тем, что цены на типографские работы и на бумагу увеличены на 15%. Стоимость отдельного номера будет 4 фр., а в заокеанских странах — 1 долл.

Последнее повышение подписной платы и стоимости отдельного номера было нами сделано более 3-ех лет тому назад с номера 52. За это время жизнь непрестанно дорожала.

Редакция и все сотрудники работают совершенно безвозмездно. Все вырученные деньги идут исключительно на оплату типографских работ и на почт. расходы по рассылке журнала. При новом повышении типографских цен получаемых до этого средств нам хватить не может. И если наши читатели хотят, чтобы «Родимый Край» выходил бы дальше, то они не откажут нам в своей поддержке.

Мы повторяем еще раз нашу покорнейшую просьбу присылать подписную плату по возможности без задержки, а не пожелавшим продолжать подписку сообщить об этом в Редакцию.

Розыски

◆ **Мих. Ив. Нужненков** из Новочеркасска розыскивает двоюродного брата Ефима Димитр. Черноусова ст. Грушевской. Писать по адресу: Mr. Loukianenko, 8, rue Votaire, 92 - Puteaux. France.

◆ Сестра розыскивает брата **Валентина Климнина** рожд. 1904 г. станицы Букановской. Учился в Дон. Кадет. Корпусе в Югославии. Около 1925 г. переехал в Париж, откуда уехал в 1930 или 1932 г. Писать по адресу: Mrs A. Pachkevitch. 3700 S. W. Donovan Seatle. Math. 98126. U.S.A.

◆ **Минаева Федора Фолимоновича,** казака Гундоровской станицы, рожд. 1898 или 1899 г., розыскивают родственники в России. Просим имеющиеся о нем сведения сообщить станичнику Ф. Ф. Минаева по адресу: W. Alochine. 5, rue Ledru Rollin. 30 - Beaucaire. (Gard). France.

◆ Хорунжего **Евлантьева Георгия** розыскивает племянник. Знающих о его судьбе просят написать по адресу: Stephan Evlanjew. 12 Lakeside Drive. Somerset. N. Jersey. U.S.A.

До войны жил в Курбевуа или Гарен-Коломб под Парижем.

◆ Из Росси розыскиваются родственниками **Петр Стенанович Половой,** год рождения 1895, Новочеркасск, и **Александр Николаевич Пустынников,** рожд. 1893, Новочеркасск. Писать на редакцию «Род. Края».

◆ Сестра розыскивает брата **Бориса Станиславовича Катвенского,** офицера 80-го конного Зюнгарского полка, и друзей **Андрея Одинцова, Александра Магутина** из Пятиизбянской станицы, оба учились в Калаче, позже были офицерами в Донской Армии, и **Анну Бабушкину** из Арчеды. Лиц, знающих о их судьбе, прошу написать по адресу: Madame Oussov-Blonsky, rue № 1. 85, Antsakoviro, Tananarive, Madagascar.

◆ Сын розыскивает отца урядника **Иосифа Караваева,** артиллериста, казака стан. Михайловской Хоперского Округа. По слухам, он проживал около г. Брно в Чехословакии. Лиц, знавших его, просят написать в редакцию «Род. Края».

◆ Три сестры и племянники розыскивают **Павла Васильевича Богачева,** ст. Усть-Белокалитвенской. Последнее письмо от него было из Франции в 1928 г. Лиц, знающих о его судьбе, просят сообщить в редакцию «Род. Края».

◆ Елена Александровна Погорелко розыскивает брата **Михаила Александровича Жилина** и его сына Александра, до 2-ой Мировой войны живших в Белграде. Писать по адресу: Madame Pogorelko. 55, rue Beklioz. 78 - Velizy-Billacoublay. France.

◆ Розыскивается донской казак **Василий Сергеевич Алексеев,** уроженец хутора Новоцарицинского, Клетского района, Волгоградской области, проживавший в г. Донецке Ростовской области. Знающих о его судьбе просят написать в редакцию «Род. Края».

«ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА»
Редакционная Коллегия: А. Долгополов, Г. Головань и В. Мяч.
ежемесячный журнал, посвященный Первому Кубанскому походу и истории Белых Армий.
Издание Калифорнийского отдела Союза Участников 1-го Кубанского ген. Корнилова похода
Подписная плата на 1 год (12 номер.) дол. 5.00, на 6 месяцев долл. 3.00, цена отд. номера 0.50 цент. Адрес редакции:
842 NO. Alexandria ave. Los Angelos. Calif. 90029. USA.

Imprimerie P.I.U.F. - 3, rue du Sabot - Paris (6e)

Родимый Край

ОГЛАВЛЕНИЕ

Новогодние поздравления.
А. Г. Павлов и С. П. Полковников — «Нужная заметка».
И. Курицин — «Л. Г. Корнилов и А. М. Каледин на Московском Совещании».
Г. Струве, Е. Евлампиев, И С. Г., М. Коряков — «Еще о Шолохове».
Н. Туроверов — «Юбилей».
П. Поляков — «Дону».
Проф. Н. Воробьев — «Светлана Аллилуева».
Б. У. — «Объединение плененных коммунистической властью народов».
Е. П. Негоднов — «Памяти ген. А. К. Негоднова».
А. П. Падалкин — «Июльское восстание в Петрограде в 1917 г. и донские каз. полки». (Окончание).
П. А. Фадеев — «Гражданская война на Уральском отдельном фронте». (Продолжение).
Т. Смирнова-Макшеева — «Белым воинам».
Т. Данилевич — «Катынь».
Иванов — «С русской песней по белу свету». (Продолжение).
М. А. Петров — «Зайцы».
В. Щербаков — «Празднование дня Покрова Пресвятой Богородицы в Париже».
Ушедшие.
Из казачьей жизни.
Денежные поступления в редакцию «Род. Края».
От редакционной коллегии «Род. Края».

РОДИМЫЙ КРАЙ

Орган общеказачьей мысли.
Издатель: Донское Войсковое Объединение.
Association des Cosaques du Don
Arr du Ministre de l'Int. J.O. 70 1955

PAYS NATAL NOVEMBRE - DECEMBRE 1967
№ 73 — Ноябрь - Декабрь 1967 г. 4 фр.
Parait tous les 2 mois. Directeur: *Bogaevsky.*

Редакционная Коллегия: Б. А. Богаевский, А. И. Клочков, В. М. Кузнецов, А. П. Падалкин, Н. Н. Туроверов, Б. Н. Уланов.
Адрес редакции:

B. BOGAEVSKY
230, Av. de la Division-Leclerc
95 — Montmorency
France

НОВОГОДНИЕ ПОЗДРАВЛЕНИЯ

Правление Казачьего Союза во Франции поздравляет казаков и казачек с НОВЫМ ГОДОМ и шлем им свои искренние пожелания здоровья, бодрости духа и веры в лучшее будущее казачества.

Оно напоминает казакам о том, что прошедший год был юбилейным начала трагических событий. В наступающем году исполнится пятьдесят лет с момента массового освободительного движения казаков, полного радужных надежд. Надеждам этим не суждено было осуществиться. Горечь неуспеха в вооруженной борьбе, тяжесть разлуки с Родиной и пребывания на чужбине, не убили в нас этих надежд.

Будем верить, что они осуществятся.

Председатель Казачьего Союза
В. Кузнецов
Секретарь **Н. Ломакин**

**
*

Редакция «Родимого Края» поздравляет всех своих читателей с Новым Годом и праздниками Рождества Христова и от души желаем им здоровья, сил и бодрости духа.

Редакция «Род. Края»

НУЖНАЯ ЗАМЕТКА

(Памяти об А. М. КАЛЕДИНЕ)

Нельзя не приветствовать выхода книги, посвященной незабвенной личности Алексея Максимовича Каледина, погибшего в год людского неразумия и людской слепоты.

А. М. Каледин — гордость казачества, исторической и будущей России, — олицетворение чести казачьей и славы общерусской. Ни один добросовестный историк не пройдет мимо памяти Великого Донского Атамана, каждый отдаст ему должную дань, как заслуженному перед казачеством и всем русским народом человеку, ставшему по доброй воле искупительной жертвой за грехи всего народа.

Великан благородного духа! Это чувствовали все, кому с ним приходилось соприкасаться и прежде всего его подчиненные по воинской службе.

Военная карьера А. М. Каледина красочна и многогранна, и отмечена она высокой оценкой не только начальства, но и подчиненных. Оценка подчиненных выразилась в следующей песне:

Споем про Дон, Кубань и Терек,
Где наша честно кровь лилась
И где среди степей и гор скалистых
Россия снова родилась.

На берег Дона и Кубани слетались
Все мы, как один,
Святой могиле поклониться,
Где вечным сном спит Каледин.

Твои заветы вечно помня,

Твоя дивизья здесь тобой.
Твое мы имя гордо носим
С высоко поднятой главой.
Полков родных былую славу
С тобой на Дон мы принесли
И в их страницы боевые
Венки терновые вплели.

Эта песня — подлинный документ истинных чувств к А. М. Каледину его подчиненных. Чувства эти не вседневны и проникнуты немеркнущей любовью. И это потому еще, что А. М. Каледин в годы первой мировой войны быстро прославил имя свое, как бесстрашный блестящий начальник дивизии. С его именем прославилась и руководимая им 12 Кавалерийская Дивизия быстро и ярко. Этой дивизией командовал Алексей Максимович перед первой мировой войной и в первый год ее; его заботы о дивизии были подобны отеческим; его начальствование было мудрым и справедливым.

В дивизии ген. Каледина просто боготворили и до настоящих дней им гордятся оставшиеся в живых чины дивизии. Служить в дивизии при ген. Каледине считалось большою честью офицерами и рядовыми. Вот почему в годы гражданской войны (1917-1920 г.г.) бывшие соратники Каледина отметили память своего погибшего незабываемого начальника ген. Каледина созданием в рядах Добровольческой Армии кавалерийского полка: этому полку было дано наименование: Сводный полк 12-й Кавалерийской Генерала Каледина дивизии.

Выше приведенная песнь и возникла в рядах этого полка, став его коронной песней. Автором песни этой является генерал Чекотовский — один из соратников А. М. Каледина, подвизавшийся во имя родины в качестве офицера и командира 12-го Драгунского полка и ставший к концу мировой первой войны Начальником 12-й Кавалерийской дивизии.

Для более полной характеристики значения имени ген. А. М. Каледина, завершившего свое служение родине на посту Донского Атамана, приведем полностью еще одно стихотворение: **Дворцовый выстрел.**

Осиротел казачий стан
В столице вольности донской:
Ушел из жизни а т а м а н,
Как жертва слепоты людской.
Былинный словно исполин,
Привыкший меряться с бедой,
Погиб великий К а л е д и н,
Боряся с красною звездой...
Раздался выстрел роковой
В палатах царственных свобод,
Чтоб пробудить к борьбе святой
Лжецом обманутый народ.
Чтоб веру, вольность уберечь,
Заветы правды вековой,
Призвал нас вынуть острый меч
Дворцовый выстрел громовой.
Бессмертный дух богатырей
Проснулся в честных казаках,
И от Хопра до вод морей
Восстал народ с мечом в руках...
Вздымились волны на Дону
Могучей грозною грядой,
И, потрясая всю страну,
Начался долгий страшный бой...
Бой не окончен и теперь;
Неравный тяжкий с злобой бой;
Сражен в нем будет бездны зверь!
С проклятьем рухнет красный строй!
И царством мудрой красоты,
Эпохи тяжкой великан,
Прославлен будешь громко ты,
Наш славный вождь, наш а т а м а н!

Это стихотворение взято из первого сборника «Луч» Порфирия Юшкина-Котлобанского. Им мы и закончим нашу заметку, восполняющую один из пробелов в биографии Великого Атамана — тишайшего Алексея Максимовича К а л е д и н а.

Вашингтон.

Ал. Гр. Павлов
и
С. П. Полковников

Л. Г. КОРНИЛОВ и А. М. КАЛЕДИН НА МОСКОВСКОМ СОВЕЩАНИИ (1917 г.)

50 лет назад, приехавшие в Москву на Государственное Совещание генералы Корнилов и Каледин были встречены овациями с возгласами: «Спасите Россию и благодарный народ увенчает вас...» Таково было к ним отношение общественных кругов...

Для встречи Верховного Главнокомандующего ген. Корнилова, по распоряжению Керенского, были назначены воинские части из местного гарнизона, но помимо их прибыли на вокзал юнкера и казачьи части. По выходе ген. Корнилова из вагона его встретил с рапортом командующий парадом. По окончании рапорта ген. Корнилов выслушал приветственные речи от представителей различных организаций, после чего ген. Корнилова вынесли на руках к толпе, которая встретила его восторженными криками. Затем в автомобиле, в сопровождении конвоя из охранявших его текинцев, он отбыл в часовню Иверской Божией Матери, где был отслужен молебен. Это обстоятельство еще более расположило к ген. Корнилову граждан Москвы.

Государственное Совещание открылось 14 августа. Огромный зал Московского Большого театра занят депутатами, приехавшими с разных концов России и фронта. В числе выступавших ораторов выступала Брешко-Брешковская, которая в своей речи нападала на Совет раб. и солд. депутатов: «Ваше место не здесь, а там в окопах». При появлении ген. Корнилова ему на совещании устроили шумную овацию с возгласами: «Да здравствует ген. Корнилов». «Да здравствует Армия». Группа Совета раб. и солд. депутатов демонстративно повернулась на своих местах спиною к ген. Корнилову. По адресу их раздались выкрики: «Хамы», «Германские наймиты». Выступил Керенский и сказал: «Предлагаю вам в лице присутствующего здесь Верховного Главнокомандующего ген. Корнилова приветствовать мужественного руководителя за свободу и Родину сражающейся армии». Снова устраивается овация ген. Корнилову. Он появляется на эстраде, все встают, за исключением большевиков. Раздаются крики: «Встать!», «Позор!». Наступила тишина. Ген. Корнилов начал читать свой доклад. «С глубокой скорбью я должен заявить открыто, что у меня нет уверенности, чтобы русская армия без колебания исполнила свой долг перед Родиной. Позор Тарнопольского разгрома — это непременное и прямое следствие того неслыханного развала, до которого довели нашу армию, когда-то славную и победоносную, влияния извне и неосторожные меры, принятые для ее реорганизации. Враг уже стучится в ворота Риги, и если только неустойчивость нашей армии не даст нам возможности удержаться на побережье Рижского залива, дорога в Петроград будет открыта. Я верю, что боеспособность нашей армии, ее былая слава будут восстановлены, но я заявляю, что времени терять нельзя. Нужны решимость и твердое непреклонное проведение намеченных мер. Разрушительная пропаганда развала армии продолжается. Солдаты убивают своих офицеров в кошмарной обстановке безрассудного безобразного произвола, бесконечной темноты и отвратительного хулиганства. Был случай самовольного бегства полка, прославленного в прежних боях, перед наступающим врагом, но я по телеграфу приказал истребить полк, и он вернулся. Были случаи готовности отдельных полков заключить мир с немцами, заплатив контрибуцию в 200 рублей на брата и согласившись на аннексию оккупированной врагом территории. Были уже не отдельные случаи, а общее явление голода на фронте; наконец, такое же явление громадного падения производительности заводов, работающих на оборону: на 60% для орудий и снарядов, на 80% на авиацию, только с октября 1916 г. по январь 1917 г., т. е. до революции. Я верю сердцем, что страна хочет жить и что, как временное наводнение, уходит та обстановка самоубийства великой страны, которую создали брошенные в самую темную невежественную массу безответственные лозунги, но для этого необходимо немедленное безотлагательное проведение мер, указанных в моем докладе Вр. Пр-ву.

Невозможно допустить, чтобы решимость каждый раз проявлялась под давлением поражений и уступок отечественной территории. Если решительные меры для поднятия дисциплины на фронте последовали, как результат Тарнопольского разгрома и утраты Галиции и Буковины, то нельзя допустить, чтобы порядок в тылу был последствием потери нами Риги и чтобы порядок на жел. дорогах был восстановлен ценою уступок противнику Молдавии и Бессарабии» («Дон. Летопись» Т. 2). Ген. Корнилов после своего доклада выехал на фронт.

Нельзя обойти молчанием и не отметить

интересный факт. На совещании председательствовал г-н Керенский, сзади его стояли два офицера, морской и армейский, вытянувшись в струнку, и когда Керенскому нужно было что-либо, он писал записку и, не оборачиваясь, передавал ее через плечо; тогда один из стоявших сзади офицеров, подбегая, брал записку и бежал с ней по назначению. Такое поведение офицеров вызвало недовольство в офицерской среде. В гостинице «Дрезден» состоялось заседание Союза офицеров, на котором обсуждался этот вопрос. Полковник Сахаров, как уполномоченный Союза, был у адъютантов Керенского и изложил им постановление Союза Офицеров, на что один из них ответил: «Мы свободны и можем поступать как хотим, — хоть галоши будем подавать, это наше дело». Во время разговора вошел Керенский и спросил полк. Сахарова: «Полковник, что вам угодно?». Полк. Сахаров изложил ему постановление Союза Офицеров. На это Керенский ответил: «Они могут сидеть» — повернулся и ушел. На других заседаниях Совещания эти офицеры уже сидели. («Дон. Летопись» Т. 2).

На этом Совещании Донской Атаман ген. Каледин прочитал знаменательную Декларацию от имени всех 12-ти Казачьих Войск, из которой привожу выдержки: «Выслушав сообщение Вр. Пр-ва о тяжелом положении Русского Государства, Казачество, в лице представителей Казачьих Войск Донского, Кубанского, Терского, Оренбургского, Яицкого, Астраханского, Сибирского, Амурского, Забайкальского, Семиреченского, Енисейского и Уссурийского, — Казачество, стоящее на общенациональной государственной точке зрения, и, отмечая с глубокой скорбью существующий ныне в нашей внутренней государственной политике перевес частных классовых и партийных интересов над общими, приветствует решимость Вр. Пр-ва освободиться, наконец, в деле государственного управления и строительства от давления партийных и классовых организаций, вместе с другими причинами, приведшего страну на край гибели»... «Казачество с гордостью заявляет, что полки его не знали дезертиров, сохранили свой крепкий строй и в этом крепком свободном строе защищают и впредь будут защищать многострадальную отчизну и свободу. Служа верой и правдой новому строю, кровью своей запечатлев преданность порядку, спасению Родины и армии, с полным презрением отбрасывая провокационные наветы на него, обвинения в реакции и контр-революции, Казачество заявляет, что в минуту смертельной опасности для Родины, когда многие войсковые части, покрыв себя позором, забыли о России, оно не сойдет со своего исторического пути служения Родине с оружием в руках на полях битвы и внутри в борьбе с изменой и предательством. Вместе с тем казачество отмечает, что это обвинение в контрреволюционности было брошено именно после того, как казачьи полки, спасая революционное правительство по призыву министров-социалистов, 3 июля вышли решительно, как всегда, с оружием в руках для защиты государства от анархии и предательства. Понимая революционность не в смысле братания с врагом, не в смысле самовольного оставления назначенных постов, неисполнения приказов, предъявления к правительству неисполнимых требований, преступного расхищения народного богатства, не в смысле полной необеспеченности личности и имущества граждан, грубого нарушения свободы слова, печати и собраний — Казачество отбрасывает упреки в контр-революционности. Казачество не знает ни трусов, ни измены и стремится установить действительные гарантии свободы и порядка.

С глубокой скорбью отмечает общее расстройство народного организма, расстройство в тылу и на фронте, развал дисциплины в войсках и отсутствие власти на местах, преступное разжигание вражды между классами, попустительство в деле расхищения государственной власти безответственными организациями как в центре, так и внутри на местах»... «Армия должна быть вне политики. Декларация прав солдата должна быть пересмотрена и дополнена декларацией его обязанностей. Дисциплина в армии должна быть поднята и укреплена самыми решительными мерами. Тыл и фронт — единое целое, обеспечивающее боеспособность армии и все меры необходимые для укрепления дисциплины на фронте и в тылу. Дисциплинарные права начальствующих лиц должны быть восстановлены. Россия должна быть единой...» «Время слов прошло. Терпение народа истощается. Нужно делать великое дело спасения Родины» («Дон. Летопись» Т. 1).

Впечатление от декларации, прочитанной Дон. Атаманом, было колоссальное. Отзыв В. Л. Бурцева: «Тогдашние заветы ген. А. М. Каледина и ген. Л. Г. Корнилова и в настоящее время остаются по-прежнему нашими общими заветами. Их заветом, прежде всего,

была борьба с большевиками во имя сохранения России» («Казачество» 1928 г.).

Вр. Пр-во вместо того, чтобы содействовать армии в скорейшей победе над врагом, своим вмешательством парализовало армию. Доказательством служат слова ген. Деникина, сказанные им Керенскому в Ставке: «Ведите русскую жизнь к правде и свету под знаменем свободы. Но дайте и нам реальную возможность за эту свободу вести войска под нашими старыми боевыми знаменами...».

Документальные данные свидетельствуют: «Благодаря сентиментальности гг. Керенского и К-о, своевременно не расстрелявших Ленина и компанию, которую немцы преподнесли нам в запломбированном вагоне — погибла Россия, пролилися реки крови и напрасно погибли десятки миллионов людей, замученных большевиками и погибших от голода. А ведь, что стоило тому же Керенскому послать в свое время только одну роту надежных солдат к дворцу Кшесинской и тут же, на Троицкой площади, на том самом месте, где двести лет тому назад грозный Петр вешал изменников и казнокрадов, — повесить бы всю эту теплую компанию, которая совершенно безнаказанно открыто призывала солдат к измене»... («Дон. Летопись» Т. 1. ген. А. П. Богаевский).

Но Керенский, дрожавший перед призраком «Контрреволюции» в лице генералов Корнилова и Каледина, доказавших свою лояльность Временному Пр-ву, и несмотря на это, продолжал борьбу не с большевиками, а с ген. Корниловым. Эта борьба вела к неизбежному развалу, который и стал совершившимся фактом к 25-му октября, когда власть перешла в руки коммунистов-большевиков.

Старая Армия прекратила свое существование и на смену ей явились суррогаты военного организма: — красногвардейцы, красноармейцы, гепеу и своеобразный флот «Краса и гордость революции». («Белая Россия» Т. 1).

Пройдут определенные сроки, исчезнут коммунисты.

Нью-Йорк, США.

И. Курицын

ЕЩЕ О ШОЛОХОВЕ

В «Русской Мысли» (№ 2651) журналист и писатель Глеб Струве в своем очерке «Вознесенский и Шолохов» пишет:

В напечатанном в иностранных и русских газетах стихотворении Андрея Вознесенского, прочитанном им в Москве на 200-м представлении «Антимиров», есть строки, которые должны были удивить некоторых его русских читателей.

Эти строки относятся к Михаилу Шолохову. Они гласят:

Сверхклассик и сатрап,
стыдитесь, дорогой.
Чужой роман содрал —
не мог содрать второй.

Многим русским и в самом Советском Союзе и за рубежом, вероятно, неизвестно, что именно скрывается за этими строками. Между тем, рассказ о том, что первый том «Тихого Дона» был плагиатом, что написал его не Шолохов, а какой-то убитый в гражданскую войну «белогвардейский офицер», на теле которого была найдена рукопись — рассказ этот в конце 20-х и начале 30-х годов имел в СССР довольно широкое хождение.

В 1948 г. его нашел нужным возродить — конечно, отвергая его, как небылицу и клевету — критик и литературовед Исай Лежнев (1891-1955) в своей книге «Михаил Шолохов». Лежнев писал, что в литературной среде Шолохов был «встречен недружелюбно», что «первые книги его подвергались самым жестоким нападкам», что ему «учинили вселенскую смазь», что в нескольких работах тех лет его «обвиняли в... кулацкой идеологии», что критики «из кожи вон лезли, чтобы опорочить писателя, запятнать его имя, задушить молодое дарование». К этим своим фразам Лежнев сделал следующее примечание:

«Рассказывали, сперва шопотом, а потом и в печати, будто **Тихий Дон** написан вовсе не Шолоховым, а каким-то убитым в граждан-

скую войну белогвардейским офицером, у которого Шолохов якобы уворовал рукопись. Вскоре после выхода в свет первого тома романа в ростовской газете (Лежнев не говорит, в какой — **Г. С.**) появились три газетных «подвала» под заголовком «Неопубликованные главы из **Тихого Дона**», а потом еще статья «Творцы чистой литературы», где Шолохову предъявлялось обвинение в плагиате (в литературном воровстве). За распространение этой клеветы редактор был снят с работы».

Лежнев писал затем, что честь открытия художественного дарования Шолохова принадлежала А. С. Серафимовичу, который написал предисловие к «Донским рассказам» Шолохова. При этом Серафимовича он величал «старейшим пролетарским писателем», хотя ничего «пролетарского» никогда не было. Но и похвалы Серафимовича — писал Лежнев — не помогли Шолохову избежать «дальнейших мытарств», и когда в 1927 году он прислал в редакцию «Октября» рукопись «Тихого Дона», к ней отнеслись довольно сдержанно. «Редколлегия — писал Лежнев — не поняла ни темы романа, ни замысла автора». Рукопись было трудно читать: «строка лепилась к строке, одна налезала на другую — сплошное месиво букв» — вспоминал Лежнев. Но Серафимович рукопись прочел, нашел роман «художественным шедевром», и с января 1928 года его стали печатать в «Октябре». В апреле того же года Серафимович напечатал в «Правде» восторженную статью о романе.

Все это можно было прочитать в книге Лежнева, вышедшей в 1948 году, в момент апогея ждановщины. Уже после этого, перед самой смертью Сталина, Шолохов переделал роман — и со стилистической, и с идеологической точки зрения. Лежнев пережил Сталина на два года. А в 1958 году, уже посмертно, вышла новая книга его о Шолохове, озаглавленная «Путь Шолохова. Творческая биография».

В этой книге мы читаем, что в 1929 году, когда уже появился второй том «Тихого Дона» и было опубликовано двенадцать глав третьего, в «Правде» было напечатано письмо А. Серафимовича, В. Ставского и А. Фадеева в защиту Шолохова «от грязной клеветы врагов, утверждавших, что роман... является якобы плагиатом чужой рукописи». «Правда», мол, отбила удар врагов по передовой советской литературе и «разоблачила клевету». В других, более недавних работах советских литературоведов (например, Л. Якименко) о Шолохове вся эта история вообще не упоминается, насколько мне известно.

И вот теперь Вознесенский, не называя Шолохова, вдруг воскресил разоблаченную Серафимовичем и «Правдой» «клевету». Значит, выдвинутое в свое время против Шолохова подозрение или обвинение до сих пор держится, хотя это и не помешало ему получить Нобелевскую премию. Как реагировал на стихотворение Вознесенского сам Шолохов, мы не знаем. До сих пор он, кажется, никогда ничего об этом эпизоде не говорил. Едва ли ему было приятно в свое время, что о нем напомнил Лежнев.

Не знаем мы, и какие основания были у Вознесенского воскрещать это обвинение. Как бы ни относиться к Шолохову, как к писателю, а тем более к его позорным выступлениям против Пастернака, против Синявского и Даниэля и т. д., выступлениям, которые, казалось бы, лишали его права на Нобелевскую премию, не следует забывать, что обвинение в плагиате, когда оно было выдвинуто, даже если оно было верно, относилось только к первому тому «Тихого Дона». И не совсем ясно, что имел в виду Вознесенский в строке «не мог содрать второй». Одна английская газета, напечатавшая стихотворение, комментируя эту строку, отнесла ее к роману «Они сражались за родину» — о Второй мировой войне, — который Шолохов никак не может закончить. Но ведь вторым романом Шолохова была «Поднятая целина», тоже встреченная советской критикой с оговорками. И как бы ни относиться к этому роману с литературной точки зрения, и особенно в сравнении с «Тихим Доном», нельзя отрицать, что это вещь интересная. Картина насильственной коллективизации местами производит сильное впечатление.

Как бы то ни было, надо признать знаменательным, что смелый молодой поэт нашел возможным и нужным, по истечении почти сорока лет, повторить обвинение, выдвинутое же почему-то против советского «лауреата». Будем надеяться, что когда-нибудь правда выйдет наружу».

От редакции. — Из статьи Г. Струве видно, что вопрос о том, действительно ли Шолохов является автором «Тихого Дона», интересует не только эмигрантов, но и подсоветских людей.

В журнале «За Казачество» (№ 39-40 янв. февр. 1966 г.) помещено письмо станичника Е. Евлампиева, в котором он пишет:

М. Шолохов работал или служил приказчиком у одного из купцов стан. Вешенской, кажется Озерова. В то же время в одной из

ближайших станиц, как будто Букановской, жил священник, имевший несколько дочерей. За одной из них ухаживал или даже был его зятем донской офицер. За другой дочкой ухаживал Шолохов. Офицер, проживавший у священника станицы Букановской, вел дневники и записи о событиях, происходивших как в старой России, так и революционных событий и эпизодов гражданской войны».

Далее Е. Евлампиев пишет, что о дальнейшей судьбе этого офицера он ничего не знает, но «... его записи остались в доме священника и там ими завладел М. Шолохов, и они то и послужили основой «Тихого Дона».

В журнале «Часовой» (№ 479, май 1966 г.) помещено письмо в редакцию И. С. Г., в котором автор, проживающий в одном из университетских городов США, задает тот же вопрос:

«В Краткой Советской Энциклопедии указано, что Шолохов родился в 1905 году. Первая книга «Тихий Дон» была опубликована в 1927 г.

Насколько я помню, первая книга охватывает эпоху до Первой Мировой Войны, касаясь казачьего быта, армии, офицерской и общественной среды и пр. Книга написана языком опытного писателя, художественное оформление персонажей, их эмоций, их реакцию на современную им Россию, армию, казачество — достаточно правдиво. По художественной отделке, многие сравнивают это произведение с «Войной и Миром» Толстого. Словом, книга вышла из под пера опытного художника слова, исторически правильная.

Ввиду того, что написать и обработать можно лишь в течении нескольких лет, спрашивается: можно ли ожидать такой шедевр от простого казачка, проведшего свою юность в станице, да еще в период гражданской войны.

Ему было всего 22 года в 1927 г. Написать и обработать такую книгу надо не менее 4-5 лет. До этого он должен был получить не меньше, как среднее образование. Надо было иметь хороший личный опыт созревшего художника как в своей, так и в чуждой ему среде тех времен. Надо было провести большую изыскательную работу в архивах, литературе и современной той эпохе прессе. Надо было также и воевать в Гражданской Войне! Школы, университеты, архивы, библиотеки — все работало спорадически.

Мне кажется, что Шолохов **физически не мог** провести такую предварительную работу, не говоря о самом писании. Он не мог иметь какого-либо образования или литературного опыта, необходимого даже и для «вундеркинда», чтобы написать такую вещь, как «Тихий Дон», особенно первую часть. С другой стороны, все его дальнейшие произведения очень далеки качественно от «Тихого Дона».

Написал ли Шолохов «Тихий Дон» сам вообще?

Я был бы очень благодарен за резонно мотивированный ответ на этот вопрос. Мне по моей работе иногда приходится встречаться с учеными из СССР и раз и два я этот вопрос поднимал в частной беседе и, понятно, никакого ответа получить не мог, как мне думается из-за неожиданности угла подхода к личности Шолохова — автора».

Быть может, среди читателей «Род. Края» имеются жители Вешенской или Букановской станиц, которые смогли бы сообщить дополнительные свеедния о версии, сообщаемой стан. Е. Евлампиевым?

У наших читателей возможно возникнет вопрос, почему мы так много места отводим М. Шолохову?

Дело в том, что между личностью Шолохова и действительным автором «Тихого Дона» слишком много несоответствий, слишком много противоречий. С одной стороны, лакей коммунистической партии, писатель, претендующий на большой талант, но... кроме «Тихого Дона» не смогший дать ничего, что позволило бы ему на это претендовать. С другой стороны — произведение классической литературы, признанное таковой ее знатоками почти всех стран и получившее Нобелевскую премию (Шолохов получил ее именно, и только, за «Тихий Дон»). Мы не будем говорить сейчас о значении «Тих. Дона» как о произведении, ознакомившим весь мир с донским казачеством, о его борьбе с большевизмом, о том, что оно не приняло, да и не могло принять коммунистическое учение, с его идеями, порабощающими сознание свободного человека и делающими его рабом противоестественных идей Карла Маркса, Ленина и жесточайшего сатрапа Сталина.

Укажем на другое. «Тих. Дон» не только произведение художественной литературы, его нельзя читать только как занимательный роман — в нем высказано много таких мнений, над которыми стоит призадуматься. Писатель и журналист М. Коряков в «Нов. Русском Слове» пишет:

«Помните эти две сцены из «Тих. Дона»:

«...Всем корпусом поворачиваясь вправо, приседая, Подтелков вырвал из ножен шашку и, выпадом рванувшись вперед, со страшной силой рубанул Чернецова по голове.

Григорий видел, как Чернецов, дрогнув, поднял над головою левую руку, успел заслониться от удара; видел, как углом сломалась перерубленная кисть, и шашка беззвучно обрушилась на открытую голову Чернецова. Сначала свалилась папаха, а потом, будто переломленный в стебле колос, медленно падал Чернецов, со странно перекосившимся ртом и мучительно зажмуренными, сморщенными, как от молнии, глазами. Подтелков уже лежачего рубанул еще раз, отошел постаревшей грузной походкой, на ходу вытирая покатые долы шашки, червонившие кровью. Ткнувшись о тачанку, он повернулся к конвойным, закричал выдохшимся, лающим голосом: — Руби-и-их... Такую мать! Всех! Нету пленных... в кровину, в сердце...!»

Так Подтелков, командир отряда красных, зарубил белого офицера Чернецова. Не прошло много времени, как он сам попал в плен к белым, среди которых был и ушедший от красных Григорий Мелехов.

«...Приводили новые партии босых и раздетых красногвардейцев, брызгали залпы, сухо потрескивали одиночные выстрелы. Раненых добивали. Первый настил трупов в перерывы, спеша, засыпали землей. Подтелков и Кривошлыков подходили к тем, кто дожидался очереди, пытались ободрить, но слова не имели былого значения — иное владело в этот миг людьми, чья жизнь минуту спустя должна была оборваться, как надломленный черенок древесного листа.

Григорий Мелехов, протискиваясь сквозь раздерганную толпу, пошел в хутор и лицом к лицу столкнулся с Подтелковым. Тот, отступая, прищурился:

«И ты тут, Мелехов?»

Синевая бледность облила щеки Григория, он остановился.

«Тут. Как видишь....»

«Вижу... — вкось улыбнулся Подтелков, с вспыхнувшей ненавистью глядя на его побелевшее лицо. — Чтож, расстреливаешь братов? Обвернулся? Вот ты какой... он, близко приблизившись к Григорию, шепнул. — И нашим и вашим служишь?»

Григорий поймал его за рукав, и спросил, задыхаясь:

«Под Глубокой бой помнишь? Помнишь, как офицеров стреляли? По твоему приказу стреляли!.. А? Теперича и тебе отрыгивается...»

. . . . . .

«Теперича и тебе отрыгивается...» Вот она, великая правда — пишет дальше М. Коряков — искусства автора «Тихого Дона»... Ибо разве это не правда, что всем все «отрыгивается»?

Вспомните десятилетия после гражданской войны — десятилетия сталиновщины, годы ежовщины... Сколько ни в чем неповинных людей было погублено в тюрьмах и лагерях. Но разве все это не «отрыгнулось» самим губителям? — Шли в лагеря невинные жертвы чекистов, но вслед за ними туда же шли и сами чекисты... «Отрыгнулось» и Ежову, и Берии и даже самому Сталину...»

Автор «Тихого Дона» уже в те годы, когда это произведение писалось, как бы предвидел во что выльется «диктатура пролетариата». И вряд ли Шолохов, верный прослужник коммунизма решился бы об этом написать. И таких мест не мало в «Тихом Доне».

«Отрыгнется« советской власти и гибель многих и многих казаков.

ЮБИЛЕЙ

И старцев нет. Есть молодые люди.
Уланщина, гусарщина, — все есть!
И водка и шампанское. На блюде,
Еще никем не тронутая честь

Конечно, были неудачи.
Полвек не в счет. Полвека нет.
И надо всем еще маячит
Казаче-конный силует.

Н. Туроверов

ДОНУ

До последней улыбки,
До последнего вздоха,
До последнего слова
Поминать о Тебе.
Не отречься от нашего
Права людского,
Не кориться дурацкой,
Преступной судьбе.
Помнить веру отцов
И казачьи преданья,
Славы дедов своих
Никогда не забыть.
Не склониться пред здешней
Торгующей рванью
И степной нашей Правде
Бесстрашно служить.

До последней улыбки,
До последнего слова,
До последнего вздоха
Молиться за тех.
Кто погиб от ударов
Холопов Молоха,
Кто, подстреленный, в Альпах
Свалился на снег.
До последнего вздоха,
До последнего слова,
До последней улыбки
О Воле тужить.
И о них, о несчетных,
О Божьих ошибках,
Там, в заоблачном мире,
С Ним Самим говорить.

П. Поляков

СВЕТЛАНА АЛЛИЛУЕВА

(Из письма из США)

По телевизору выступала здесь Светлана Аллилуева, смотрел позавчера. Многие относятся к ней с большим недоверием — все же дочь Сталина и проч. и проч. Но я должен откровенно признаться — она умеет подкупить своей непосредственностью и как будто искренностью своих суждений. Не знаю — передают ли ваши газеты об этом последнем ее интервью, а потому на всякий случай напишу несколько слов о нем, выбрав самое главное.

«Книгу свою я посвятила матери, она и является главной героиней моей книги. Многие, конечно, удивляются — как же это возможно, чтобы отец — человек, так жестоко относившийся даже к членам своей семьи, такой безжалостный по отношению ко всем своим врагам, кажущимся и настоящим — мог быть таким нежным по отношению к дочери? Но это было именно так, как я и описала, а описывать я могу только то, чему была свидетелем и **как** я все это наблюдала из своего детского угла.

Советское правительство, ясно, хочет дискредитировать мою книгу потому, что автором ее являюсь именно я, а меня необходимо в настоящее время дискредитировать и, наконец, потому, что советские правители просто не привыкли, чтобы кто-то осмеливался высказывать свое собственное мнение. С приходом Хрущева к власти многое в стране изменилось — прекратился террор, и все мы надеялись, что жизнь, наконец, войдет в нормальную колею. Однако, пришлось разочароваться. В особенности потом, после смещения Хрущева, начало возвращаться кое-что старое. Вообще, я смотрю на вещи пессимистически, потому я и покинула страну. Вернулась строгая цензура, затем перлюстрация писем, а затем и все остальное — вспомните ужасный случай с Синявским и Даниэлем да еще и новые процессы против русских писателей — Галанскова, Гинсбурга, Кушева, Делонэ и других; ведь никто не смеет открыто выражать свое мнение, малейшая попытка выразить свою мысль — задушена властью в самом зачатке. Со времени ухода Хрущева было дано много обещаний, но они остались на бумаге, не было сделано ничего, жизнь в стране нисколько не улучшилась. Прошло уже пятнадцать лет со времени смерти моего отца, но все те же люди управляют страной, ничто не изменилось, жизнь такая же, а люди, стоящие наверху и не со-

бираются менять ее. Я считаю, что возврата к сталинизму быть не может, но, тем не менее, факт остается фактом — правительство старается заглушить малейшее проявление свободной, либеральной и демократической мысли. Конечно, самым прогрессивным элементом в стране является молодежь — подростки и студенты, в общем — новое поколение. Они задают вопросы, они требуют, они желают иметь все то, что им обещано Конституцией и чего они не имеют. В общем — Советский Союз является именно таким, каким его обычно рисуют здесь на Западе — это полицейское государство, основанное исключительно на терроре.

Вы спросили — отвернулись ли от меня мои высокие друзья после смерти отца? Я должна сказать вам, что в правительственных кругах никаких друзей у меня не было, я никогда не принадлежала к правительственной элите. Она меняет свои убеждения вместе с переменой режима. Мои настоящие друзья — это университетская молодежь, интеллигенция.

Что я думаю о вашей прессе? Из газеты «Нью Йорк Таймз» я, конечно, узнаю неизмеримо больше о России, чем знала, сидя там, на Родине. А кроме того — не забывайте, что русские вообще относятся к советской прессе довольно иронически, не верят ей.

Что касается моих привилегий — в особенности после смерти Сталина — я жила на пенсию, на которую обычно живут и другие советские женщины, имеющие связь с правительственными кругами, напр., вдовы министров. Но уже тот факт, что я жила в квартире из четырех комнат на трех членов семьи — это уже была небывалая привилегия для СССР, большая редкость. Только теперь, поживши в Америке, я вижу, что самый простой крестьянин из Пенсильвании, напр., живет несравненно богаче, чем вдовы советских министров, чем жила я там.

Вы задали мне вопрос — арестовали ли бы меня, если бы я решилась вернуться теперь в Советский Союз? Так как меня считают они ненормальной — они, по всей вероятности, сказали бы, что это, т. е. возвращение — совершенно нормальный поступок для ненормальной. Но я надеюсь, что когда то настанет день, когда оба наших великих народа смогут, наконец, быть в дружеских отношениях и когда я смогу встретиться со своими детьми.

Что касается правды об Америке — нет, советский народ не знает этой правды, ни об Америке, ни о Европе, все буквально подносится ему вискаженном виде. Я получаю обширную корреспонденци, сотни и сотни писем. Есть предложения брака, есть просьбы прислать фотокарточку, есть много просто теплых и задушевных писем. Но попадаются и забавные — мне, напр., вдруг задается вопрос — свои ли у меня зубы, и если нет — то где я их делала — в СССР или в Швейцарии, и довольна ли я ими.

Слухи о том, что я будто собираюсь уехать в Индию — ошибочны. Может быть, когда-нибудь, гораздо позднее я и поеду в Индию на могилу мужа, но не сейчас — я вообще, откровенно говоря, не собираюсь покидать США.

Вы задали мне вопрос — собираюсь ли я и в будущем писать. Да, собираюсь. Моя следующая книга будет несколько иной. Она будет гораздо более критической по отношению к системе и режиму, чем моя первая книга. Я должна подчеркнуть, что сама система — вредная, что эта вредная система не изменилась за все пятьдесят лет своего существования, но что русский народ только и мечтает о получении свободы слова, печати, собраний и других демократических свобод, которых он не имеет. Нет, я не сожалею о том, что я покинула свою страну».

Все это, мной изложенное — мой перевод с английского, я записывал самое главное, сидя перед телевизиром, так что не взыщите, если перевод будет несколько неуклюжим.

США.

Н. Воробьев

«ОБЪЕДИНЕНИЕ ПЛЕНЕННЫХ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ВЛАСТЬЮ НАРОДОВ»

Ни широкой массе российской эмиграции и не многим эмигрантским деятелям, возможно, не известны существо и цели того Объединения, которое возникло в США и получило 17 июля 1959 года санкцию Конгресса и установление ежегодной Недели, посвященной проблеме этого Объединения.

Но некоторым русским эмигрантам в США это Объединение представляется объединением самостийников и противников русского народа и России.

Так ли это? Нет. Далеко это не так.

В числе участников этого Объединения имеются представители народов, никогда не бывших в составе России: Албания, Болгария, Венгрия, Восточная Германия, Южный Вьетнам, Северная Корея, Национальный Китай, Куба, Монголия, Сербия, Словакия, Словения и Тибет.

Этим народам нет основания и причин говорить о независимости от России, а Монголия и Тибет в прошлом всегда были руссофилами.

Можно ли также хотя бы с некоторым основанием говорить, будто США поощряют национальные эмигрантские группы, бывшие подданными России, под именем указанного Объединения отделиться от России или проникнуться к ней какой-то ненавистью. Конечно, нет.

Представители в с е х народов нерусской национальности, бывших подданными России, з н а ю т, чем для них явилась коммунистическая власть.

Эти народы в течение всего своего пребывания в составе России, несмотря и на известные национальные ограничения, н и к о г д а не подвергались такому истреблению со стороны российской власти, как от коммунистической.

Ее жертвы в СССР: м и л л и о н ы людей.

Но если у больших народов остатки исчисляются миллионами или сотнями тысяч, то малые народы подверглись почти поголовному уничтожению, не говоря о материальном и духовном их обнищании.

Но и самый многочисленный в СССР народ — русский, считающийся господствующим, также подвергся небывалому когда-либо уничтожению наилучших, одареннейших общественно-политических, духовных, культурных и хозяйственных элементов.

Мнение о «господствующем» положении русского народа слишком формально и иллюзорно.

Бесспорно, наряду со всеми прочими народами России и вне ее и русский народ также является узником коммунистической власти.

Если у нехристианских народов СССР почти полностью уничтожены в с е духовно-религиозные институты, то и у русского народа неменьшему подверглись уничтожению и надругательству его духовно-религиозные институты.

Все указанные факты ныне, после 50-летнего властвования коммунистической власти, не нуждаются в доказательствах.

В «Нов. Рус. Сл» от 25 июля с. г. в заметке «Неделя Порабощенных Народов» ее автор возмущается, что русский народ не включен в число порабощенных коммунистами народов. Но, с другой стороны, он иронически относится и к самой идее объединения этих народов.

Он, цитируя слова из газеты «Вашингтон Пост» о «Плененных коммунистической властью народах»: «Народ Соединенных Штатов разделяет с ними их стремление к свободе и независимости», обращаясь к читателям, « о чем, м. б., вы и не знаете», говорит: «Эта фантастическая риторика холодной войны была выпущена Конгрессом в 1959 году в припадке истерического антикоммунизма... Ежегодная шарада Порабощенных наций скорее может быть названа «Неделей порабощенных конгрессменов».

По мнению автора заметки, мечта о свободе раба или порабощенного народа, видимо, не естественна. Из слов автора заметки следует, что он не верит искренности и серьезности Конгресса, который вынес резолюцию о «Плененных коммунистической властью народах», а ежегодная «Неделя Порабощенных Наций» им названа «Ежегодная шарада». О факте «Объединенных плененных наций» он выразился: «Этот аспект этнической дискриминации особенно возмутителен тем, что получается так, что Россия не состоит в числе порабощенных наций».

Спрашивается: кто может и должен за Россию входить в Объединение порабощенных наций? Кто имеет право или кому надлежит об этом заявить?

Ведь в это Объединение входят представители тех национальных групп в эмиграции, которые думают и болеют о порабощении своих народов.

Но кто, кроме самих русских или русских национальных организаций, может себе позволить заявить о вхождении в указанное Объединение?

Кого тут винить или кем возмущаться?

В основание идеи указанного Объединения, ведь, речь идет не о порабощении русскими или Россией, а ненациональной, антинациональной, интернациональной коммунистической властью. Правда, центр этой власти в Москве и огромное большинство власть имущих коммунистов — русские. Но должно сказать, правды и справедливости ради, что в данном случае Москва — н е национальный центр русского народа или России, как таковых, а ц е н т р КПССР, а власть имущие коммунисты (все эти г. г. Косыгины, Брежневы, как некогда Сталин и др.) — н е национальные представители русского народа или национальной России, а исключительно Коммунистической Партии.

Н е русский или иной народ в СССР является суверенным, а СССР суверенным Российским государством, а единственный суверен — Коммунистическая Партия или, точнее, диктаторы в лоне этой партии.

Она и ее диктаторы пользуются в с е м и способами и средствами, в том числе и всеми народами СССР, как человеческим материалом, осуществляя свою диктаторскую власть и над русским и над в с е м и народами СССР.

СССР — своеобразная в 20-ом веке жестокая п а р т и й н а я государственность, не имеющая ничего общего с правовым, демократическим и культурным государством.

Это — тип государства, близкий к деспотической, тиранической государственности («культ личности»), но отличающийся и от нее тем, что в коммунистическом государстве н е т и той крохи правового и рационально-хозяйственного начала, какое было у самых деспотических государств древности.

Коммунистическая партия в 20-ом веке стала своего рода родовой аристократией, **«новым классом»,** по определению юго-славянского публициста и патриота Милована Джиласа, быв. коммуниста.

Н у ж н о п р и з н а т ь, что СССР и его сателлиты, как и КНР, Сев. Корея, Сев. Вьетнам и Куба — сильные государства, но и в с е они суть подлинные поработители своих и покоренных ими народов, в с е х их творческих сил, возродители в 20-ом в. деспотии или тирании и рабства в самой худшей форме (лицемерной, лживой, обманчивой и предательской).

И идея объединения порабощенных или, мягко выражаясь, плененных коммунистической властью многочисленных народов, понятна.

Казалось бы, это должно быть понятным эмигрантам и вызывать их сочувствие.

Иное дело, насколько организационно, идейно и культурно сильны национальные группы, входящие в «Объединение плененных коммунистической властью народов» и насколько они пользуются доверием и сочувствием своих соплеменников и компатриотов.

Во всяком случае, нам представляется трогательным и знаменательным самое желание представителей американской общественности в какой-то мере поддержать эти национальные группы.

22-го июля с. г. нам пришлось в Нью-Йорке в первый раз быть на собрании представителей объединенных национальных групп в отеле «Коммодор», а 23 июля на торжественной церковной службе в храме «Триниты», посвященной «Объединению плененных коммунистической властью народов» и в демонстрации этих национальных групп на острове Свободы.

Нас поразила молитва христианского священника на англ. языке **об освобождении** порабощенных коммунистической властью народов и в числе их и иноверных азиатских народов — Монголии и Тибета.

Христианский священник молился з а с в о б о д у Монголии и Тибета! Это показалось удивительным.

Подозревать неискренность и лицемерие священника протестантской епископальной церкви нет основания.

Мы знаем, что значит быть под властью коммунизма. И молитва христианского священника об освобождении от этой власти — трогательна. Священники борятся молитвами. Их сила, значение и действенность **в вере этим молитвам.** Нет сомнения, что они в какой-то момент претворятся в дело...

Как в зале отеля «Коммодор», так и перед величественным храмом «Триниты», были флаги порабощенных наций. Они развевались и у подножия памятника Свободы. На правом фланге — три больших американских фланга, а за ними флаги: Азербейджана, Албании, Армении, Белоруссии, Болгарии, Венгрии, Южного Вьетнама, Грузии, Дона, Кубани и Терека, Идель-Урала, Северного Кавказа, 15-го Каз. Кавал. Корпуса, б. под начальством ген. фон Панвица, повешенного вместе с П. Н. Красновым и др., Национального Китая, Кубы, Сербии, Словакии, Словении и Украины.

Нет русского флага и представителей русской общественности.

Причина? Очевидно, — мысль, что протестующие против коммунистической власти — самостийники и противники русского народа и России.

Однако проверить это возможно лишь, подойдя ближе к «Объединению плененных коммунистической властью народов», на первых порах хотя бы в качестве наблюдателей.

Ведь борьба именно с коммунизмом и его порабощением породила неисчислимые жертвы и со стороны русских.

Когда многие думают и говорят о самостийниках, самостийности указанных национальных груп, они смешивают идею борьбы за свободу и независимость народов от коммунистической власти в СССР с мыслью об отделении от России и русского народа.

Ведь вся самостийность среди б. подданных России народов и областей была рождена только страстным нежеланием быть под властью коммунизма, ужасом перед его убийственной во всех отношениях властью и жаждой правового, демократического строя.

Отвращение к коммунистической власти — крик жизни, непреодолимый ее инстинкт.

Народы Европы и Америки долгое время не имели ясного представления о том, что несет коммунизм.

Ныне США яснее, чем кто-либо, познали природу коммунизма, его власти. Это — реальная угроза всему миру, угроза всей человеческой культуре, всему духовному миру и морали.

Перед такой угрозой мотивы только национальные — узки и эгоистичны.

Нам кажется, что идея «Объединения плененных коммунистической властью народов» является лишь скромным началом того, что должны предпринять все ныне порабощенные этой властью народы и те, которым уже угрожает такое несчастье.

И неслучайно именно представители общественности США выразили сочувствие идее вышеуказанного Объединения: только демократическая правовая идея — основа и моральная атмосфера того объединения народов, какое может с успехом противостоять упорному и умелому под коммунистическим флагом наступлению коммунизма — роковой опасности всем народам всего мира.

США. **Б. У.**

ПАМЯТИ ГЕНЕРАЛА А. К. НЕГОДНОВА

Два года тому назад в Буенос-Айресе после непродолжительной болезни скончался ген.-майор Терского Каз. Войска Амос Карпович Негоднов. Родился он 8 июня 1883 г. в станице Ищерской, Моздокского отдела Терск. области. За боевые отличия своего отца получил стипендию в Нижегородском гр. Аракчеева Кадетском Корпусе, а затем окончил Оренбургское Военное Училище. Потом обычная служба в 1-ом Волгском каз. полку. Затем участие в 1-ой Мировой войне. В чине есаула А. М. Негоднов особенно отличился в знаменитой ночной конной атаке терцев, — случай едва ли не единственный в течении всей войны. Вот, что пишет про эту атаку ген. П. Н. Краснов («Душа Армии» — Очерки по военной психологии), разбирая различные факторы, влияющие на боевые качества войск и их начальников:

«...В июле 1915 г. наши армии отступали к Варшаве, преследуемые немцами. У нас было мало снарядов и патронов. Нам необходимо было задерживаться арьергардами, чтобы убирать обозы и парки. Каждый день тишины на фронте равнялся выигранному сражению, ибо накапливал нам снаряды и патроны.

22 июля наш 16-ый армейский корпус вел целодневный бой у посада Савина на Влодавском шоссе. К вечеру войска изнемогли и начали беспорядочно отступать. На нашем правом фланге еще держался Лохвицкий пех. полк. на левом — отступление Брянского пех. полка становилось похожим на бегство. Ген. Жилинский послал 2-ую Каз. Сводную дивизию с приказанием остановить бегущих и во что бы то ни стало задержать немцев...

Наступала ясная лунная ночь. На Влодавской дороге ярко горел целый ряд деревень и

зарево пожаров далеко освещало поля. Посланный для остановки Брянского пех. полка 16-ый Дон. каз. полк ничего не мог сделать. Войск. старшина Ушаков был убит солдатами-брянцами. Там уже была невменяемая толпа, объятая паникой.

Лохвицкий полк, как только его фланг обнажился, стал отступать. Немцы шли за ним. Начальник 2-ой Сводной Каз. дивизии приказал 1-ому Волгскому полку атаковать лавами наступающих немцев. В атаку пошли 2-ая и 6-я сотни есаулов Негоднова и Горячева.

Была уже ночь. Шел 11-ый час. Но ночь была светлая, лунная, озаренная заревами пожаров. Волгцы смяли и порубили передние цепи. Задние сомкнулись в батальон, но при виде несущихся на них казаков бросили ружья и подняли руки вверх. Волгцы порубили и их. Они дошли до болота и гати. За гатью был господский дом, в котором помещался штаб германской пехотной дивизии.

В этом штабе началась паника. Две сотни волгцев и шедший за ними, но не принимавший участие в атаке, 11-ый Линейный полк показались прибежавшим немцам целой казачьей армией, обрушившейся на них. Наступление на всем фронте приостановилось. Наступил день, а немцы были так нервно настроены, что не шли вперед.

День 23 июля прошел спокойно. Ночью на 24-ое наш броневик «Илья Муромец», выехав на разведку по Влодавской дороге и увидав на поле густую колонну немецкой кавалерии, бросил в нее два снаряда. Настроение немцев было такое напряженное, что они бросились в рассыпную назад. Их пехота в темноте приняла их за казаков и встретила ружейным и пулеметным огнем. Эта новая паника была так сильна, что немцам для успокоения своих частей пришлось на пять дней отказаться от продолжения наступления и сделать перегрупировку частей...»

Вот результат лихой ночной конной атаки терцев... За это славное дело ес. А. К. Негоднов получил орден Св. Георгия 4-ой степени, а все казаки — георгиевские кресты.

После развала русской армии А. К. Негоднов со своим 1-ым Волгским полком, в боях с революционными частями, в конном строю прошел весь юг России и демобилизовал казаков в родных станицах Терека.

Но недолго пришлось казакам отдыхать после тяжелой долголетней фронтовой жизни. Дон, Кубань, Терек поднимались на защиту родных станиц от красной нечисти. Зарождалось и Белое движение. С первых же дней А. К. Негоднов принимает в нем самое деятельное участие со своими терцами. В белой армии за боевые отличия получает английский орден Д.С.О. Белую эпопею заканчивает он уже в чине генерал-майора. При отступлении группы Добр. Армии ген. Эрдели на Владикавказ, он со своим отрядом терцев его прикрывает, благодаря чему ген. Эрдели смог потом спокойно по Военно-Грузинской дороге уйти в Грузию.

Потом Крым и снова отступление, на этот раз уже последнее. Дальше эвакуация, Лемнос, Париж. Тут славный боевой генерал превращается на долгое время в таксиста. В 1948 г. он переезжает в Аргентину, где тяжелую работу таксиста сменил на молоток и шило сапожника.

Последние годы А. К. Негоднов вел замкнутую и скромную жизнь труженника. Годы шли, а за ними подошла и старость, закончившаяся тихой и спокойной смертью.

Да будет тебе пухом далекая аргентинская земля... Терское Войско не забудет твоих славных дел.

Венецуелла.

М. П. Негоднов

ИЮЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ БОЛЬШЕВИКОВ в 1917 Г. И ДОНСКИЕ КАЗАЧЬИ ПОЛКИ

(Окончание)

Х. И. Муранов, в его труде «Революционное движение в Русской армии в 1917 году», в главе — «Июльская демонстрация и участие в ней солдат Петроградского гарнизона», пишет: — В различных частях города демонстранты не раз подвергались обстрелу со стороны казаков и юнкеров. Активнейшими участниками демонстрации были солдаты 1-го Пулеметного полка. Полк установил связь с Московским, Гренадерским и гвар-

дейскими полками, с запасным броневым дивизионом и др. частями гарнизона, а также и с Петропавловской крепостью. Решено было выйти на демонстрацию всем в одно время 3-го июля к 8-ми час. вечера.

Одновременно с пулеметчиками вышел на демонстрацию 180-й запас. пех. полк, личный состав которого насчитывал до 20 тыс. человек. К ним присоединились, помимо Московского и Гренадерского, также 1-й зап. пех. полк, расположенный на Охте; по дороге присоединилась значительная часть Павловского полка. Затем колонна двинулась в расположение Преображенского и Кексгольмского запасных батальонов, из коих Кексгольмский присоединился полностью, а Преображенский частично, потом присоединились матросы 2-го флотского Экипажа, а на Вознесенском проспекте примкнули солдаты 3-го Гвардейского стрелкового полка. Когда колонна солдат Гренадерского и 180-го запасного полков двигалась к Николаевскому вокзалу, то на Садовой улице она была обстрелена казаками. В ответ на стрельбу казаков, гренадеры открыли беспорядочный огонь, но, потеряв ранеными 4-х товарищей, повернули в свои казармы. 3-го июля утром броневой дивизион получил приказ штаба Петроградского округа приготовить броневые машины, а около 7-и часов вечера в Манеж приехали представители Совета Гоц и Богданов, они просили две машины для охраны Таврического дворца, однако ни уговоры, ни приказы Гоца и Богданова не помогли и они уехали, не получив бронемашин, а через полчаса в Манеж прибыл представитель большевиков Якубович, который просил четыре бронемашины для охраны дворца Кшесинской, машины ему были даны. Отказался подчиниться требованию Ц.И.К. Советов 2-й зап. пулем, полк и выступил на демонстрацию. Когда 4-го июля утром Чхеидзе предписал особой команде по охране стрельбищ на стан. Стрельна немедленно выехать на охрану Таврич. дворца, солдаты отказались выполнить этот приказ.

Около 11 час дня 4-го июля в Петроград на демонстрацию отправился из Нового Петергофа 3-й запас. пех. полк и 3-й батал. 1-го пул. пол., расположенный в Ораниенбауме. Недалеко от Таврического, 3-й пех. полк около 5-ти час. вечера устроил митинг, на котором обсуждали, возвратиться в Новый Петергоф или принять участие в демонстрации. Во время речи большев. Толкачева, призывавшего к демонстрации, казаки и юнкера обстреляли поверх голов митинговавших, полк рассеялся и большинство солдат вернулось в Новый Петергоф. 4-го июля в Петроград прибыли матросы, а на рассвете 5-го июля из Гельсингфорса выехала делегация матросов в составе 70-ти человек. В тот же день по распоряжению Вр. Пр-ва она была арестована казаками. К вечеру в тот же день в Петроград была послана вторая делегация во главе с П. Е. Дыбенко, но и она была арестована казаками. Делегациям поручалось собрать данные о событиях в Петрогдаде.

М. И. Капустин, в его труде «Солдаты Северного фронта в борьбе за Советскую власть», пишет: «К 3-5 июля, воинские части Петроградского гарнизона в значительном большинстве были готовы к восприятию Советской власти и приняли участие в вооруженных манифестациях, незначительная часть колеблющихся осталась сидеть в казармах, объявив нейтралитет. Два дон. казачьих полка, входивших в гарнизон, не поддались большевистской пропаганде и выступили в защиту Вр. Пр-ва и своими действиями, хотя и в конце восстания, но увлекли на борьбу с большевиками и колеблющиеся-нейтральные части».

Н. Подвойский, руководивший манифестациями из дома Кшесинской, в его статье, напечатанной в пятом томе «Красного Архива» «Военная организация Ц.К.Р.С.Д.П.». пишет: «К июлю военная организация большевиков имела господствующее положение и влияние в войсках гарнизона, имея свои ячейки: в Финдляндском, 180-м, 1-м пулеметном, Гренадерском, Московском, Павловском, Преображенском, Егерском, Измайловском, Петроградском и др. частях, при помощи которых 3-5-го июля одни из этих частей выступили на стороне большевиков, а другие (меньшинство) объявили «нейтралитет» и остались в казармах, отказавшихся выступить. В дни самого восстания, только казаки и отдельные нестроевые команды... составляли вооруженный оплот Вр. Пр-ва, и что этот оплот действовал только из-за угла в буржуазных кварталах». 6-го июля Петроградская сторона с домом Кшесинской, где помещались редакция «Солдатской Правды», Петроградский комитет большевиков, их военная организация и др. учреждения партии, были окружены со всех сторон войсками; броневиками, казаками и прибывшим ночью с фронта пехотой и артиллерией, во время этой операции Подвойский был арестован казаками, но члены Ц.И.К. советов дали ему возможность ускользнуть. В специальной его брошюре, посвященной событиям 3-5 июля, он пишет: против манифестантов на защиту пр-ва выступили только казаки и то-

гда движение после нескольких кровавых столкновений с казаками пошло на убыль. После опубликования Алексинским и Панкратовым, якобы уличающих большевиков в их связи с германским штабом, против большевиков 5-го июля выступили Преображенцы, Семеновцы и др. части, державшие «нейтралитет».

Лацис, ведавший большевистской пропагандой в войсках Петроградского гарнизона, в его труде «Июльские дни в Петрограде», напечатанном в сборнике «Пролетарская революция», пишет: большинство гарнизона было на стороне большевиков и вышло на улицы. Меньшинство держало нейтралитет и осталось в казармах, только казаки выступили на защиту пр-ва и что никакой агитационной обработке казаки не поддавались. Примерно тоже самое говорится и в статье «Из архивных материалов об июльских днях 1917 года», напечатанной в сборнике «Пролетарская революция», а также и в ряде статей в сборнике «Красный Архив» № 23.

В **6-й книге «Красная летопись»** напечатаны выдержки из труда **Н. А. Бухбиндера** «На фронте в предоктябрьские дни», в котором приведено письмо Верховного Главнокм. ген. Брусилова, от 8-го июля 1917 г. за № 290, посланное им Командующим фронтами, сообщавшее о событиях в Петрограде 3-5-го июля: «Несколько выстрелов казачьей артиллерии, оставшейся верной Пр-ву, восстановили порядок. Всего за два дня ранено и убито от 300 до 400-х человек. Причем из одной казачьей сотни, преграждавшей путь к Таврическому дворцу, выбыло из строя несколько десятков казаков». В 5-ом томе **«Красный Архив»,** приведено письмо ген. М. В. Алексеева к председателю Государственной Думы Родзянко от 25-го июля, в котором он, между прочим, писал: «События в Петрограде 3-5-го июля показали, что чем глубже нравственное падение толпы, тем более трусслива она и тем легче пасует она перед решимостью и смелостью казаков», а в примечании редакции сказано, что «об этом он позже писал и Керенскому, преллагая для борьбы с большевиками, по примеру 3-5 июля, использовать казаков».

В сборнике **«Документов и материалов»,** отеосящихся к **«Революционному движению в России в июле 1917 года»,** изданном Академией наук СССР в 1925-м году, имеется немало документов, относящихся к событиям в Петрограде 3-5-го июля. Там приведен приказ Командующего войсками ген. Половцева командиру Гвардейского запас. артил. дивизиона о присылке орудий из Петергофа в Петроград на Дворцовую площадь. Приказ датирован 4-го июля, приказывающий прибыть в Петроград 5-го июля с восемью орудиями, под прикрытием школы прапорщиков. Приведено также постановление Петергофского Совета, который постановил категорически отвергнуть требование ген. Половцева и 8 орудий не посылать.

Там же приведена запись разговора по прямому проводу военного министра Керенского с тов. министра Якубовичем, из которого видно, что к 7-ми часам вечера 3-го июля в распоряжении команд. войсками ген. Половцева было около 100 человек добровольцев Преображенского полка, рота Владимирского училища, около 50-ти инвалидов, немного больше сотни человек отряда союза Георгиевских кавалеров, около 2-х тысяч казаков и прибывший из Павловска взвод л.-гв. 6-й Донс. запасной батареи при 2-х орудиях с прикрытием полусотни казаков л.-гв. Сводно-Казач. полка, что не все части Петроградского гарнизона демонстрировали на улице, и на их выступление расчитывать абсолютно невозможно, что после защиты казаками 4-го июля Таврического дворца, т. е. Совета солд. и раб. депутатов, там, по миновании опасности, опять пошли разговоры о нежелательности привлечения с фронта казаков для ликвидации восстания и расчеты, что может быть удастся опереться ва части Петроградского гарнизона». Разговор происходил около полудня 5-го июля, Якубович докладывал, что Донские казачьи полки за три дня измотались и что он решил было привлечь в Петроград части Кубанской казачьей дивизии, направляемой в Финляндию, т. е. те эшелоны, которые оказались задержанным на станции Сиверской, для пропуска частей, направляемых в Петроград штабом Север. фронта, но что в Исполнительном комитета продолжали говорить о нежелательности привлечения казаков. Одни говорили, что нельзя не привлекать Кубанскую казачью дивизию, а большинство категорически требовало не допускать ее в Петроград и что теперь они надеются на части, которые прибудут с фронта.

Казаки и после подавления восстания 3-5-го июля играли видную роль в наведении порядка, что очень раздражало большевиков, и они все время напоминали рабочим роль казаков. **Сталин** в обращении к рабочим и солдатам Петрограда, напечатанном в газете «Рабочий и солдат» № 2 24-го июля 1917 года, писал: «Вр. пр-во для подавления восстания натравило юнкеров и казаков и что силами контрреволюции являются юнкера и казаки». В томе 32-м **«Полного собрания**

сочинений Ленина» приведен ряд ленинских статей, в которых он так или иначе касается событий 3-5-го июля, и печатавшихся в разных большевистских изданиях.

В «Листке Правды» от 19 июля, в статье «Где власть и где контрреволюция» Ленин писал: «Власть бездействует, ни Керенский, ни Вр. Пр-во, ни Исполнительный комитет Совета, не думает даже о том, чтобы арестовать Ленина и др., если они подозрительны. Чхеидзе и Церетелли просят не печатать клеветы, и однако ген. Половцев посылает юнкеров и казаков разгромить «Правду»... что 5-го июля был единственный политический случай применения насилия — это разгром «Правды» юнкерами и казаками по приказу Половцева, без ведома и помимо Совета. Ни Вр. пр-во, ни Совет не призвали юнкеров, казаков и Половцева к мирным организованным и законным действиям».

В журнале «Работница» № 7 от 19 июля, Ленин в статье «Три кризиса» писал, что 3-5-го июля была противоправительственная демонстрация — таково было бы, формально, наиболее точное описание событий, но в том то и суть, что это не обычная демонстрация, и меньше, чем революция, это взрыв революции и контр-революции, это резкое, иногда почти внезапное, выживание средних элементов в связи с бурным обнаружением пролетарских и буржуазных стремлений, но на стороне последних были казаки.

В специальной брошюре «К Лозунгам» Ленин писал, что «Государство теперь есть прежде всего отряды вооруженных юнкеров и реакционных казаков, специально свезенных в Питер. Это они закрыли газету «Правда», это они разоружили рабочих и определенную часть войска не только 3-5-го июля, но продолжают это делать и сейчас не только в тылу, но и на фронте; это есть палачи, это реальная сила и власть, и теперь вопрос поставлен ребром, либо полная победа контрреволюции, либо новая революция. Что необходима беспощадная расправа с контрреволюцией, что 3-5-го июля правительство отсутствовало, Советы отсутствовали, что они дрожали за свою судьбу, т. к. получали сведения, что казаки могут разгромить их, что Советы униженно участвовали в демонстрации похорон убитых казаков, целуя таким образом руки контрреволюционеров».

Как видим, Ленин за разгром манифестаций и после нее болшевистской организации возлагает вину только на юнкеров и казаков, т. н. никаких других частей, выступавших энергично против большевиков 3-5-го июля, он не видел, и не видел их потому, что их не было и потому вся его злоба была сосредоточена на казаках. В интересах будущего выступления большевиков он восстанавливал массы против казаков и может быть этим желая заставить казаков отойти-отгородиться от Пр-ва Керенского, которое своими распоряжениями поске 3-5-го июля в отношении казаков немало способствовало Ленину. Следствием чего и был «Великий Октябрь».

В заключение нужно привести и выдержки из труда **П. Н. Милюкова,** чем предоставить читателю возможность сопоставить его свидетельства со свидетельствами других, по существу почти однородных, но изложенных с меньшей последовательностью и иногда носящих сумбурный характер и тем путающих ход событий в вопросах подавления восстания. При этом нужно иметь ввиду, как уже сказано вначале настоящего труда, что П. Н. Милюков в предисловии к его «Истории» на стр. 4-й, пишет, что для него вообще фактическое изложение не составляет главной задачи. Стр. 239-я: «Около 6-ти час. вечера 3-го июля на улицах появились автомобили с неизвестными лицами, которые останавливались у казарм войсковых частей и приглашали солдат примкнуть к предстоящему вооруженному выступлению. К 7-ми час. забастовали рабочие Выборгской стороны и Путиловского завода».

Стр. 240-я: «Около 8 час. 30 мин. выступили Гренадерский и Пулеметный полки, появились вооруженные пулеметами автомобили; начался захват встречных автомобилей и грузовиков. У Финляндского вокзала, у Литейного моста, на Невском начались митинги; усердно агитировали анархисты и большевики, с дачи Дурново мальчишки раздавали вооруженным лицам патроны. Появились обычные плакаты известного нам содержания; сороколетним солдатам объявили, что они свободны и могут ехать по домам: Советы уже взяли власть. Большевики, с трибуны Таврического дворца, рисовали картины поголовного восстания... К 9-ти час. вечера подошел к Таврическому первый пулеметный полк с плакатами — Долой министров-капиталистов, за ними следовали автомобили с пулеметами и «Красная Гвардия».

Речь Чхеидзе к пулеметчикам не имела никакого успеха. Троцкий, заявивший, что теперь настал момент, когда власть должна перейти к советам, был встречен шумными аплодисментами».

Стр. 241-я: «Главным штабом начавшегося таким образом серьезного движения оказался однако не Таврический, а цитадель Ленина, дом Кшесинской, с классическим балко-

ном, с которого приветствовал восставших сам Ленин... всей операцией по восстанию 3-го июля и следующих дней заведывала военная организация при центр. комитете С. Д. партии большевиков, помещавшаяся в доме Кшесинской. В нее, кроме членов Ц. К. партии, входили представители различных воинских частей. (По свидетельству офицеров 1-го Дон. п., от казачьих полков тоже были приглашены представители, но они отказались послать таковых. — **А. П.**). Военная организация имела сведения о распределении воинских частей и вооруженных рабочих по районам; в ней же были сосредоточены сведения по разведке, внешнему караулу, по сношению с частями, по Петропавловской крепости, сведения о воинских частях, входящих в группу Выборгской и Петроградской сторон, Марсова поля и т. д. На своих бланках военная организация рассылала боевые приказы о вооруженном выступлении, о присылке машин, о присылке из Кронштадта крейсеров. Здесь на карте были обозначены пункты, которые надлежало захватить. Пока здесь действовали, в Таврическом дворце говорили».

Стр. 242-я: «Во время прений в Совете, Таврический дворец все время был окружен толпами рабочих и солдат, часть их разошлась к часу ночи, но на смену им явились новые толпы, еще более враждебно настроенные. Ночь прошла тревожно. Только к утру, прекратились одиночные выстрелы. Утро 4-го июля с внешней стороны началось нормально, но уже в 10 ч. было прекращено трамвайное движение. Толпы рабочих опять двинулись из рабочих кварталов на Невский. К полудню к восставшим частям петроградского гарнизона пришли на поддержку пулеметчики из Ораниенбаума и подвезены были матросы и солдаты из Кронштадта под предводительством Раскольникова и доктора Рошаля... Десятки тысяч вооруженных манифестантов двигались от особняка Кшесинской к Таврическому в сопровождении членов Ц. К. большевиков и броневых автомобилей. О Вр. Пр-ве как то забыли».

Стр. 243-я: «Керенский, накануне приехавший в Петроград, тотчас же уехал на Западный фронт; двадцать минут спустя после отхода поезда восставшие пришли ловить его, но уже не застали. Заседание Пр-ва еще не кончилось, когда из Штаба сообщили, что на Невском происходит стрельба, решено было заседание перенести в Штаб Округа... Был момент, когда положение Пр-ва казалось безнадежным. Преображенцы, Семеновцы, Измайловцы, не примкнувшие к большевикам, заявили и Пр-ву, что они сохраняют «нейтралитет», на Дворцовой площади, для защиты Штаба были только инвалиды и несколько сотен казаков. Войска из окрестностей Петрограда, вызванные ген. Половцевым, могли явиться только к вечеру. В ожидании их, приказ Половцева воинским частям приступить немедленно к восстановлению порядка, оставался мертвой буквой. Два министра-капиталиста: Н. В. Некрасов и М. И. Терещенко при этих условиях исчезли из Штаба, не предупредив товарищей. На следующее утро появился приказ Н. В. Некрасова, от 4-го июля, что Пр-во удовлетворяет его ходатайство об отставке и он передает управление министерством своему товарищу А. В. Ниверовскому. Таврический дворец сделался настоящим центром борьбы, в течении целого дня к нему подходили вооруженные части, раздраженно требовавшие, чтобы Совет взял наконец власть».

Стр. 244-я: «Из Таврического дворца вышел для успокоения толпы Чернов... Чернову кричали, объявите немедленно, что земля переходит к трудящему народу, а власть к Советам; рослый рабочий, поднося кулак к лицу министра, иступленно кричал: «Принимай, с. с., власть, коли дают». Среди поднявшегося шума, порвав на министре пиджак, кронштадцы втянули его в автомобиль и объявили, что не выпустят, пока Совет не возьмет всю власть... Освободил его подъехавший Троцкий».

Стр. 245-я: «В заседании Исполнительных комитетов Дан твердил, что власть должны взять виновники 3-го июля, на улицах все время происходила стрельба и отдельные стычки. Видную роль в борьбе с восставшими сыграли в этот день казаки, но и они поплатились за это. У Литейного моста отряд казаков попал в засаду, был обстрелян из пулеметов и потерял несколько человек ранеными и убитыми. Наконец, около 7-ми часов начали обнаруживаться первые последствия правительственных обращений к войскам, оставшихся верными». (Здесь у почтенного профессора начинается путаница. — **А. П.**). «В это время пришли на Дворцовую площадь и подкрепили Инвалидов 9-й кавалер. полк, Владимирское военное училище, 1-й казач. полк. Пр-во ободрилось, на выручку Таврического шли Литовский и 176-й полки. (Историю их прихода смотрите у других авторов воспоминаний. — **А. П.**). «Это было как раз во время, так как Тарический дворец переживал самые тревожные минуты. Толпа, окружающая дворец, стала вести себя особенно вызывающе, требуя уничтожения бур-

жуазии и заявляя, что надо убить министров-социалистов. Вдруг раздались выстрелы, это окружающая толпа стреляла в приближающуюся ко дворцу артиллерию. Один залп и слухи о приближении названных полков привели толпу в состояние паники. Солдаты и рабочие бросились бежать от дворца куда попало.

Заседавшие советы, по ироническому замечанию Зиновьева, дождались наконец радостного момента, когда на трибуне показался поручик Кучин и председатель Дан бросился в его объятия и они облобызались.... Раздались звуки Марсельезы, это был оркестр музыки Измайловского полка, прибывший в первом часу ночи в полном вооружении и построившийся в зале Таврического дворца. В это время министры Некрасов и Терещенко вернулись на заседание Вр. Пр-ва. Авантюра большевиков приходила к концу. (Лобзания Кучина с Даном, прибытие Измайл. полка и возвращение министров, принимая во внимание свидетельства других авторов воспоминаний, должно относиться не к ночи на 5 июля, а к вечеру 5-го июля. — **А. П.**).

Стр. 245-246: «Одним из обстоятельств, переломивших настроение «нейтральных» воинских частей, было опубликование некоторых документов разведки..., указывавших на связь Ленина с германским ген. штабом. О впечатлении, произведенном этими документами, можно судить по тому, что, когда они были прочтены делегатами Преображенского полка, то Преображенцы заявили, что теперь они немедленно выйдут на подавление мятежа. Действительно, они пришли первыми из Гвардейских частей на Дворцовую площадь; за ними подошли Семеновцы и Измайловцы». (Из сказанного по этому поводу у других авторов ясно вытекает, что все это прозошло 5-го июля, т. е. тогда, когда «движение, потеряв душу», прекратилось. — **А. П.**). «Правительство решило остановить печатание разоблачений о связи Ленина с немцами, но уже не могло: документы появились в маленькой газете «Живое слово», а на следующий день были перепечатаны и большими газетами».

Стр. 247-я: «Для окончательного восстановления порядка Вр. Пр-во, по соглашению с исполнительным комитетом, решило составить особую комиссию в контакте с Главнокомандующим войсками округа. Вместе с тем решено было создать следственную комиссию, для выяснения виновных. По городу в течении дня еще ездили автомобили с вооруженными людьми, но они немедленно захватывались патрулями правит. войск. К вечеру Петроград был совершенно спокоен».

Стр. 248-я: «Большевикам, 3-5 июля были чрезвычайно полезны, они показали им, с какими элементами надо иметь дело, как надо организовать эти элементы, наконец, какое сопротивление могут оказать Пр-во, Совет и воинские части. Итоги опыта были чрезвычайно поощрительны. Большевики увидели, как в сущности легко овладеть властью. Было очевидно, что они, когда наступит время для повторения опыта, произведут его более систематически».

Что извлекла из урока другая сторона?... Можно мне сказать, что победители слишком легко отнеслись к своей быстрой победе и далеко недооценили значения тех фактов, действие которых причинило им несколько неприятных часов. Прошел минутный страх — и все как будто пошло по старому.

Париж.

А. Падалкин

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА УРАЛЬСКОМ ОТДЕЛЬНОМ ФРОНТЕ

(Осень и зима 1918-19 гг. — продолжение № 72)

После первого наступления большевиков на Уральск и их поражения, события на Уральском фронте протекали в постоянных перемещениях частей с одного угрожаемого участка на другой. Нападения красных повсюду кончались их неудачей. В наших частях применялась тактика окружения и внезапных нападений, обычно на заре. При таком способе борьбы у нас всегда был успех, мы несли минимум потерь, а наша армия вооружалась и накапливала запасы на будущее из захваченного у противника.

Для связи с чешскими легионами и с так называемой Народной Армией, что интересовало наше Войск. Правительство, было решено отправить еще две сотни уральцев в Самару, бывшую в то время центром антибольшевистской борьбы. Для этого был сформирован дивизион из казаков верхних станиц, под командой войск. ст. Н. А. Кокарева, в середине сентября 1918 г. отправившийся в Самару. Там уже находился представитель от Ураль. Войск. П-ва войск. ст. С. В. Акутин и две сотни Уральского Конно-Учебного полка, участвовавшего вместе с чехами при взятии ими Казани.

В Самаре же находился штаб чешских легионов и «Комитет Учредительного Собрания» («Комуч») под председательством В. Чернова, претендовавший на общероссийскую власть. Этот Комитет издал указ о мобилизации нескольких возрастов для формирования «Народной Армии» с лозунгом «против большевиков — за Учредительное Собрание». Формирование Народ. Армии было поручено известному по революции полк. Галкину.

Дивизион поступил в распоряжение нашего представителя, но гарнизоном и фронтом командовал ген. Чечек (впоследствии он был в Праге начальником Военной канцелярии президента Масарика — отца). Я был командиром одной из сотен в этом дивизионе. Расположены мы были в одной из казарм Самары и три недели оставались там в бездействии. Присутствие наше было очевидно нужно для проведения мобилизации Народ. Армии, ибо население слобод, окружающих Самару, совсем не было расположено выполнять распоряжения «Комитета».

От чешских легионов у меня осталось очень хорошее впечатление, от их дружеского отношения к нам и их помощи оружием. Чехи того времени были прекрасными воинами и хорошими организаторами. Большевиков они абсолютно не боялись, но зато красные при одном появлении чехов, при одном упоминании о них, приходили в панику. Один баталион чехов, при котором был наш дивизион, держал в страхе целую бригаду пехоты красной гвардии.

Осенью 1918 г. чехи решили уходить к себе на родину через Сибирь и Владивосток. Несмотря на нелестное мнение о них некоторых авторов воспоминаний о той эпохе, я нахожу, что в Самаро-Казанской эпопее они вели себя по отношению к нам очень благожелательно. Ведь они были посторонним элементом в русской смуте и могли бы уйти раньше, а не воевать и нести потери. Только в 1-ых числах октября, дав Народ. Армии достаточно времени на формирование, они стали снимать свои части с фронта, по мере того, как Народ. Армия могла их заменять.

Еще раньше этого Уральский дивизион выступил на фронт и присоединился к баталиону чехов в д. Каменка, в 40 верстах на юг от Самары. А Уральский Учебный дивизион и две сотни оренбуржцев находились под Казанью.

Народ. Армия фронта сдержать не смогла и в середине октября сдала большевикам и Самару и Казань. Все чешские части, два дивизиона уральцев, две сотни оренбуржцев, пехотный полк Народ. Армии (до 1 000 штыков, три разнокалиберных орудия и пулеметная команда) отошли на Ж.Д. станцию Кимель, где магистраль делится на две линии: одна на Уфу, Екатеринобург и т. д., другая — на Оренбург, Ташкент. Чехи, погрузившись в эшелоны, стали уходить на Уфу, а уральцы вместе с оренбуржцами и полком Народ. Армии пошли на Оренбург. Оба уральских дивизиона были сведены в Уральский Конный сводный полк, командиром его был назначен войск. старш. Н. М. Абрамов, он же командовал и всем сводным отрядом. Войск. ст. Акутин же уехал из Самары в Уральск с докладом Войск. Правительству о положении.

Еще в Кинеле мы получили приказание отходить не задерживаясь, потому что на Уральском фронте красные сосредотачивают большие силы. Приказом было тем не менее обусловлено: покинуть линию Ж.Д. Кинель-Оренбург не раньше станции Бузулук, дав Оренбургу возможность организовать защиту в важном для него направлении.

Отход от Кинеля к Бузулуку ничем особенным не ознаменовался. Красные с бронепоездом наступали по линии Ж.Д. — мы отходили... Солдаты Народ. Армии разбегались. Каждое утро в ротах оставалось все меньше и меньше. В Бузулуке пришлось пулеметную команду полка Народ. Армии, пополнив ее казаками, зачислить в Уральский полк. Дезертирству солдат Народ. Армии способствовало то, что проходимые нами деревни были настроены очень большевистски. В деревнях Домашкино и Васильевка зародилась 25-ая знаменитая Чапаевская дивизия, 1-й полк которой назывался Домашкинским, 2-ой — Васильевским (3-ий полк назывался Пугачевским, 4-й — Степана Разина). Часто наши арриергардные сотни по выходе из деревень обстреливались, за что иногда получали несколько снарядов в «благодарность».

В Бузулуке отряд ждало приказание —

оставить Ж.Д. линию и занять поселок Царь Никольский Соболевской станицы. К большому удивлению оренбургцы ес. Пискунова и в Бузулуке не получили ни новостей, ни подкреплений из Оренбурга. Мы были вынуждены там их оставить защищать такое важное направление всего с двумя сотнями.

От Бузулука до Ц. Никольска около 50 верст. К вечеру наш отряд был на месте. Наш разъезд выгнал оттуда разъезд красных, а из доклада председателя Комитета Обороны стало известно, что красные силой пехотной бригады, с одной батареей и двумя эскадронами кавалерии, занимают д. Васильевку и намерены атаковать Ц. Никольск. Через Комитеты Обороны пограничных хуторов нам было всегда известно, что происходит «за гранью». Нами были выставлены посты по окраинам, дежурная сотня должна была иметь на ночь коней под седлом и утром с зарей выслать разъезды в трех направлениях. Очередь была моей 3-ей сотни. Войск. старш. Абрамов был выдающимся офицером, как по своей неустрашимости, так и как хороший военачальник. Им было заведено в полку, что каждый командир сотни каждый вечер получал приказание на следующей день (порядок, существовавший в 1-ой Мировой войне) и расписывался в журнале приказаний. Командиры сотен в свою очередь имели свою книгу приказаний, где расписывался вахмистр сотни или отдельный офицер, если получал особую задачу.

В описываемый вечер порядок был соблюден. Но... По свидетельству всех времен, все казаки всегда отличались своей безпечностью. Надо добавить к тому же, что яицкие всегда имели большую слабость по утрам «к пильменчикам» да «лепешкам с каймаком». Ласково встреченные милыми казачками с «пильменчиками» и лепешками, казаки разъездов опоздали с выездом. Утром рано вышел я на улицу и направился к квартире вахмистра, бывшего, как и другие казаки Илецкой станицы, моими однолетками, вместе бегали мы в школу, а при случае иногда и дрались. Встретил я его около одного из дворов в большом волнении и узнал, что разъезды еще не выехали. Некоторое время я задержался по дворам, выгоняя казаков в разъезды, а затем, поручив это вахмистру и приказав построить сотню, направился в штаб полка с докладом. В это время в Ц. Никольске стали рваться снаряды. Командира полка я нашел на улице в большом волнении и недоумении. Влетело мне здорово: «Где разъезды? Что ты со мной делаешь? Почему молчал до сих пор?» и т. д. Все это было сказано в форме при других обстоятельствах недопустимой. Но так как я чувствовал, что часть вины все же падает на меня, да и с Абрамовым мы находились в дальнем родстве, то не возражал, а сам заявил, «что я сотней, которая моих приказаний не выполняет, командовать не желаю и прошу меня от командования отчислить...»

«Ничего не желаю слушать»! — кричал мне в ответ Н. М. Абрамов — «Надеюсь, что твоя сотня готова... Беги, скачи, руби, делай, что хочешь... Спасай положение...»

Вахмистр прислал мне коня к штабу полка и я поскакал в расположение сотни. По пути встречаю урядника Кабаева, местного председателя Комитета Обороны. Встрече этой я очень обрадовался, так как он был моим сослуживцем по Германской войне, будучи одним из лучших взводных моей 1-ой сотни.

«Откуда стреляют? Как можно обойти их с тылу или фланга? Поедешь ли со мной?» — бросил я ряд вопросов.

«С вами я еду... Стреляют с дороги из Васильевки... Ростошь есть вправо, идет до самой грани, вдоль дороги...» — отвечал мне Кабаев на скаку и мы уже были в расположении сотни.

«Справа по три, наметом, за мной...» В сотне набралось лишь человек 70, потому что часть разъездов уже выехала, но застигнутые разрывами, разъезды к сотне присоединиться не успели.

Мы втянулись в ростошь, но нам не было видно, что происходит на большой дороге, была лишь слышна ружейная и пулеметная стрельба. Проскакав версты три, я остановил сотню и вдвоем с Кабаевым мы поднялись на бугор. Оттуда увидели: тремя густыми цепями большевики наступают по дороге на Ц. Никольск, рассыпавшись на версту в каждую сторону от нее, мы находимся на их левом фланге, котрый почти что касается спуска с бугра, в центре стоят орудия, на левом их фланге маячат эскадрона два конницы, в тылу двигаются и стоят бесконечные обозы, мы находимся на высоте 2-ой цепи.

«Атакуем?» — спрашиваю Кабаева.

«Необходимо, иначе все пропало...» — был короткий ответ.

Спустившись к сотне, немедленно послал донесение командиру полка о своем местонахождении, о том, что атакую пехоту и прошу прислать подкрепление для развития действия во фланг красным.

Обернувшись к сотне, не упрекая казаков за опоздания, сказал, что для спасения положения мы должны атаковать цепи: «Скакать дружно, в стороны не смотреть. Я буду впе-

реди, смотреть за моими командами шашкой. Вахмистр — сзади. На молитву шапки долой...«

Казаки крестятся, шепчут как их учили: «Господи, в руци твоя предаю дух мой.. Господи, спаси и сохрани...»

Мы с Кабаевым, стоя впереди, тоже снимаем фуражки, крестимся и слышим шопот казаков.

«Накройся...» — Надевая фуражку, показываю на их серьезные лица Кабаеву, и с укором, так, чтобы ближайшие слышали, говорю «Пиль-мен-щи-ки...»

Рассыпав лаву в ростоши, шагом поднялись на бугор, а потом: «В атаку марш, марш...»

Атаковали удачно, скакали дружно, рубили... Многие красные при взмахе шашки падали на землю, казаки стреляли в них сверху... И нельзя иначе, потому что казак проскачет, а красный выстрелит ему в спину... Лежачего не бьют... Да, но и в спину тоже не стреляют...

Красная конница с левого фланга поскакала в тыл. Цепи повернулись, кто мог начали обстреливать нас, сбиваться в кучи... С одной стороны, — явное замешательство, но огонь по нас усилился... Уже несколько раненых. Знаками я повернул сотню назад, вскочили на бугор, мигом спешились и открыли огонь по цепям красных. С нами был легонький пулемет Люиса, цепи красных были рядом с нами и наш огонь нанес им больше вреда, чем шашки.

В это время прискакала 2-ая сотня и, не спешиваясь, пошла дальше по ростоши и атаковала обозы большевиков. Артиллерия переменила позицию и перенесла огонь на сотню. Цепи красных начали отходить.

В. старш. Абрамов в начале тревоги успел собрать вокруг себя около ста казаков и, выступив с одним пулеметом на окраину Ц. Никольска, открыл оттуда огонь. Когда же заметил мою атаку, перешел тоже в наступление, чем окончательно вынудил красных к отходу. Их пехота в начале сбилась в кучу, но затем все же ей удалось построить карэ и большим количеством пулеметов держать нас на расстоянии. Пушки наши (прислуга орудий была из состава Народ. Армии) в начале тревоги в панике переправились на другую сторону р. Деркула, потеряв одно из орудий, и в деле под Ц. Никольском не участвовали, поэтому нам не удалось окончательно уничтожить красных. Я забыл упомянуть до описания этого боя, что две сотни нашего Учебного полка еще со стан. Кинель, согласно полученному приказанию, оставили наш отряд, не заходя в Ц. Н., для соединения со своим полком. Следовательно, у нас было две сотни дивизиона и маленький Брыковский партизанский отряд. А артиллерия, остаток полка Народ. Армии, в бою участия не принимала. Из-за этого недостатка сил красные смогли уйти «за грань», оставив много убитых, да нами было захвачено несколько пленных и много обозов с провиантом и огнестрельными запасами.

Этот маленький случай из войны на Ураль. Отд. фронте мною описан, как характерный, для того, чтобы показать тактику обеих сторон и некоторые особенности «взаимоотношений» между рядовыми казаками и офицерами из своей же каз. среды. Иногородних офицеров в полках было очень мало. Что касается тактики нашего противника, то главным его недостатком, а нашим преимуществом, было то, что большевики нас боялись и поэтому действовали только большими группами-кучами, боясь выделять даже маленькие отряды, хотя бы для охранения. Маленькие же их группы никогда инициативы не проявляли. Постоянный перевес у нас в конных частях давал возможность уральцам по мере необходимости сосредоточивать кулаки или ударные группы в нужных местах и внезапными атаками уничтожать красных.

Казаки иногда позволяли себе нарушения дисциплины, как это было в Ц. Н., но когда дело доходило до защиты своих станиц или выручки застигнутых врасплох своих товарищей, то уж не было речи о другом, как: «Господи, в руци твои предаю дух мой... Спаси и сохрани...»

По возвращении после боя в Ц. Никольск я сказал вахмистру, что от командования сотни отказываюсь и с рапортом об этом иду к командиру полка и, несмотря на «уговоры» его и присутствующих при этом казаков, пошел в штаб. Встреча меня Н. М. Абрамовым была противоположна утренней, очень ласковая, благодарит меня, обещает крест Св. Архистратига Михаила (я его потом получил), но об моем отказе и слышать не хочет: «Ты — говорит — до этого просил отпуск, так поезжай и успокойся...» Действительно, за два месяца отсутствия из дома вещи износились, наступала зима, к ней нужно было подготовиться. В этот период войны ни казаки, ни офицеры, кроме «довольствия», никакого жалования не получали, за исключением Учебных полков, зачисленных в «штаты Войска». А когда зачислили и нас, то все равно ничего не получали — не было денег в Войсковой Казне. Выпустили было «войсковые деньги» на вексельной бумаге, а потом и

это прекратили, так как и бумаги больше не было.

По приезде в станицу я узнал, что о том, что произошло в сотне перед боем и о самом бое уже известно. Из разговоров со стариками я понял, что все осуждают «ослушников» и, вообще, «общественное мнение» за порядок и послушание. А так как вся эта история кончилась в конце концов даже успехом, то мне всячески «намекали», чтобы я сотню не оставил и «стыда» для станицы не делал бы. Так часто заканчивались «недоразумения» между офицерами и казаками. Правда, дело иногда кончалось упреками, руганью, а то и подзатыльником. После боя в Ц. Никольске произошел еще один случай, и последний, с казаком Степаном Ведерниковым, пока окончательно не установилась внутренняя дисциплина в сотне. Во время одного из ночных переходов, казаки как всегда балагурили. Один из них, смеясь, говорит: «Лучше бы теперь быть дома и в теплой избе с женушкой под одеялом барахтаться, чем трястись здесь по холоду, в степи...» — Ведерников не понял шутку, или только что очнулся от дремоты, сердито начал ворчать: «...Все это офицеры выслуживаются... они жалование получают, на квартиру приедут — вестовой коня уберет, деньщик чаю нагреет... А ты придешь — ничего нет, коня убирай, сена ищи, да и на пост надо идти...» — Все это происходило в 1-ом взводе и так, чтобы я слышал.

«А ты бы лучше замолчал — обернувшись, я ему заметил — если не хочешь идти на пост в неочереди...» — но он продолжал ворчать.

«Замолчи, Степан...» сердито прикрикнул взводный.

«А если я не замолчу?» — ответил ему Ведерников.

Повернув на месте коня, я врезываюсь в взвод. Степан выскакивает в степь, я его догоняю, замахнулся нагайкой, еще не ударил (за всю свою службу я никогда не занимался рукоприкладством), а он, остановившись и, повидимому, одумавшись, кричит: «Прости Христа ради, Ваше Благородье. Ей Богу, никогда больше не буду...»

Это тот самый Степан, который однажды, когда я попал в очень неудачное положение, защищал моего вестового с раненым конем и найденного раненого казака, вместе со мной и сам отдельно бросался на преследующую нас группу красных в 10 человек, и только потом, по возвращении на занятый нами хутор, дав перевязать выручennого раненого, заявил мне, что он тоже ранен. Оказалось, что он действительно ранен в грудь навылет, но без повреждении ни ребер, ни каких-либо органов, и это произошло в самом начале, когда из травы поднялась красная пехота, на которую нас заманили конные. Это произошло, когда я в поисках полусотни, с которой должен был атаковать маячивший перед нами эскадрон, попал в ловушку. Летом 1919 г. Степан был еще раз «счастливо» ранен в конец носа: пуля прошла по щеке и вышла около уха, физиономию ему перекосив до неузнаваемости. Таков был казак Степан Ведерников.

По возвращении из отпуска, через неделю, я нашел Сводный полк на Чапуринских хуторах, соседних с Ц. Никольском. За мое отсутствие большевики его заняли. В направлении Соболевской и Илецкой красные сосредоточили большие силы и в начале зимы 1918 г. начали наступление с целью занять Уральск со стороны Бузулука и Самары, и Илек со стороны Сороки и Новосергиевки. Эти направления были им важны еще и потому, что пограничные станицы Соболевская, Красновская и Озерновская, Благодарновская, Муставская и соседние были житницами Войска, находясь на самых плодородных землях Области. В 1-ой половине ноября большевики в д. Степановке, правее Ц. Никольска, сосредоточивают большую группу для наступления на Благодарновскую. Наш Сводный полк получил приказание, оставив заслон перед Ц. Никольским, присоединиться к частям, группирующимся около Степановки под начальством ген. С. Бородина. 19-го ноября Степановка должна была быть с раннего утра окружена нашей конницей — не менее четырех конных полков. Илецкий пеший дивизион (до 800 штыков), на заре, сняв посты красных, ворвался в деревню и начал ее очищать от перепуганных неожиданностью большевиков. Из-за выпавшего ночью глубокого снега конница опоздала к началу занятия деревни, что позволило красным выйти из нее, построить карэ и начать отходить на Белгорки, те самые, что Пушкин описал в «Капитанской дочке». Наша конница окружила карэ, но долгое время топталась на месте, сдерживаемая огнем винтовок и пулеметов. Глубокий снег (Степановка находится в котловине, окруженной холмами, покрытыми мелким лесом) мешал стремительной атаке. Наш Сводный полк был в резерве, и, находясь на возвышенности со штабом ген. Бородина, посылал время от времени по пулусотне в разные места карэ для его прорыва. Только после полудня с последней сотней Сводного полка из тех же казаков любителей пельменей, что опоздали с выездом в разъезды, мне удалось маленькой ростош-

кой подойти незамеченным и на стыке звеньев с тыла атаковать и ворваться в карэ красных. Половина звена воткнула винтовки в снег и подняла руки, другая, как и другие звенья, продолжала стрелять. Наши конные полки, заметив это, бросились на карэ, которое было все порублено или захвачено в плен. Уже в самом карэ я был ранен. Эта группа красных состояла из большой бригады — трех полков пехоты, которой будто бы командовал упомянутый мною сот. Чеботарев, чуть ли не единственный в самом начале перешедший к большевикам. Два красных эскадрона ускакали в Белгорки при занятии Степановки. Их батарея, пулеметы, большое количество винтовок, снарядов, патронов, весь обоз были нами захвачены.

Был у нас в это время и большой успех в Соболевском направлении, где ген. Мартынов разгромил красную дивизию пехоты с приданной кавалерией и др. вспомогательными частями. Им было взято до 2 500 пленных, 10 орудий, много пулеметов и др. оружия. Но и эти потери не останавливали красное командование. Несмотря на неуспехи, оно всюда посылало все новые и новые подкрепления. Наши части, находясь бессменно в постоянных боях и передвижениях, неся потери, были в конец измучены. На несчастье, зима 1918-19 гг. была необыкновенно суровой и снежной. Не хватало теплой одежды, было немало обмороженных. Чувствовалось, что «беда» приближается и она не «за горами».

В это время появился на фронте «Дедушка Кабаев», старик, за 70 лет, станицы Соболевской, всегда с открытой, белой как лунь, головой, такой же белой бородой, с большой иконой на груди, разъезжавший по нашему фронту. Войсковое Правительство по его просьбе разрешило ему сформировать команду в 15-20 «благочестивых» казаков, которые бы «бород не брили, табак не курили и нехороших слов в разговоре не употребляли». Все они с большими медными крестами на груди сопровождали старца. Команда эта называлась «командой крестоносцев». А дедушка Кабаев, как в старину старцы в скитах, чуть не теми же словами ободрял казаков:

«Братцы, стойте грудью за Яикушку — нашего кормильца... Не падайте духом, Господь Бог не покидает нас... Я Богу за спасение Войска молюсь...

Против антихристова войска мы сражаемся и Пресвятая Богородица закроет нас...»

Молодым казакам пешего Учебного полка Кабаев говорил:

«Сынки наши, детки дорогие... Не бойтесь вы ничего, покажите, что вы казаки, покажите, что вы не хуже отцов, дедов наших героев Горыничей... Спасителя молю и он вас защитит и закроет... Не бойтесь ничего... Завтра он (Красные) будет из батарей стрелять по вас, а снаряды рваться не будут... И мы его погоним...»

«И представь себе, что это так и было — рассказывал мне уже в эмиграции войск. старш. А. И. Потапов.

«Тогда, зная о намерении красных наступать, командир полка полк. Емелин еще с вечера уехал в Уральск просить подкреплений. Я остался его заместителем. С утра красные повели наступление тремя густыми цепями и начали обстреливать мою цепь и ближайший тыл. И представь себе — большинство снарядов не рвалось. Для нас момент был критический — мы были в 40 верстах от Уральска. С моей жиденькой цепью до самого полудня я удерживал красных на месте. Если бы не это и не герой старик я был бы вынужден отходить. У нас вышли уже все патроны, старик собрал двуколки и по собственной инициативе с редкой распорядительностью выслал их на каждый фланг и одну в центр. Получив патроны, казачата местами группами переходили в контр-атаки.

К полудню приехали полк. И. В. Емелин и «сам» ген. Мартынов с маленьким подкреплением: он собрал в Озерной всех деньщиков, телефонистов, артельщиков, кашеваров, и мы все перешли в контр-атаку. Ген. Мартынов в цепи, полк. Емелин тоже, и мы вынудили большевиков к отходу. В это время подоспел справа ген. Л. В. Загредин с конной дивизией. Все три цепи стали отходить, орудия, пулеметы, 2 500 пленных досталось нам. Кончилось тем, что мы загнали красных «за грань».

Мы «за грань» не пошли, наши части были измучены, а кроме того они были нужны для борьбы с красными в других направлениях и выходить с нашей территории нам было нельзя».

Но красное командование своими поражениями не смущается, с новыми силами в середине декабря 1918 г. снова оно повело наступление по Соболевскому и Илецкому направлениям. Несмотря на сопротивление и наши временные успехи, в конце декабря они заняли Соболевскую, ее хутора, Благодарновскую и Мустаевскую. 6-го янв. 1919 г. заняли они Илек и 11-го янв. после упорных боев был ими взят Уральск после ожесточенных уличных боев. Части, защищавшие Илецкое направление, отошли на бухар-

скую сторону, а из под Уральска — в Круглоозерновскую станицу в 18 верстах к югу от Уральска.

В бою за Уральск был тяжело ранен, уже в 9-ый раз, ген. М. Ф. Мартынов, также как и дедушка Кабаев и войск. старш. А. И. Потапов.

Париж.

(Продолжение следует)

П. А. Фадеев

БЕЛЫМ ВОИНАМ

Посвящено юношам-добровольцам,
принявшим участие в Белом Движении.

Ты, да я. Вот все, что нам осталось.
Дом чужой стал свой — но не родной.
Жизнь идет к концу. Болезни и усталость
Старость притащила высохшей рукой.
Ты — когда то мальчик Белого Движенья
Шел спасать Россию, не жалея сил;
За нее боролся, вынес пораженье,
Но не ты виновен, что не победил.
Расстилалось море и шумели волны,
Гнали пароход, несясь к земле чужой;
Юными бойцами был он переполнен,
Удалял их быстро от страны родной.
И вам всем — героям Белого Движенья,
Плывшим в неизвестность в силу
принужденья
«...в белом венчике из роз
Впереди Иисус Христос» *)
Намечал стези лишений,
Испытаний, унижений,
Облегчал вам крестный путь
На страдания, в тьму и жуть...
. . . . . .
Начались скитанья. Нежеланны всюду.
Как рабы, вы тяжести таскали,
Красили фасады, мыли пол, посуду,
В шахтах, на заводах, много лет страдали.
Вы лакеями, шоферами служили
И дороги и каналы проводили.
. . . . . .
Вас в столицах в разных странах
Нанимали в рестораны:
Блеск, шампанское, гитары...
Ночь мелькала, как в угаре,
Утром ждал вас мутный хмель
И дешовенький отель.
Вечером будильник громко и упорно
На работу гнал: «Пора в кабак!»
Вы вставали нехотя. Жалкие, покорные,
На лицо усталое наводили лак.
. . . . . .
Ночью в ресторане, вы там пели песни,
Вкладывали чувство, — радость и печаль.
Вырывалась песня, (в кабаке ей тесно),
И неслась в Россию, в голубую даль.
Вы в клубах тумана
Развлекали пьяных:
Заломивши шапку,
Шли плясать в присядку,
«Развернись пошире — По-боку мораль,
Русская душа? топчи ее, — не жаль».
И толпа ее топтала
И шампанским заливала.
. . . . . .
Так, в труде, вся ваша жизнь прошла.
Незаметно старость подошла,
Но хотя и были времена лихие,
Сохранили честь вы, и любовь к России.
Многие из вас давно уже забыты,
В мир иной ушли, в чужой земле зарыты.
. . . . . .
Пусть еще промчатся диким вихрем годы,
Унесут с собою войны и невзгоды,
Но когда наступят времена иные
И из пепла встанет гордая Россия —
Вам она поставит памятник высокий
На родных просторах, средь степи широкой;
У подножья будет урна золотая,
Желтой с черным лентой скромно
обвитая.
В урне той алмазы — это ваши слезы;
Алые рубины — это ваша кровь,
И, благоухая, расцветут там розы
И лазурь небесная даст вам свой Покров.
А внизу на пьедестале
Будут светлые скрижали
И на них слова святые:
«Белым воинам моим
Тем, кто крест свой нес за НИМ,
Благодарная Россия».

Франция.

Т. Смирнова-Макшеева

*) Цитата из «Двенадцати» Блока. — Т.С.М.

КАТЫНЬ

На основании свидетельских показаний пленных, оставшихся в живых и освобожденных после польско-советского соглашения, а так же документов, собранных польскими военными властями, можно воспроизвести точную картину лагеря и подробности Катынского преступления.

Там, где обрываются вдаль уходящие густые дубовые леса, на противоположном берегу вся местность изрезана живописными и глубокими оврагами. По их склонам расстилаются пестрые, в богатых узорах, ковры необыкновенной величины полевых цветов. На припеке бледноголубые, в тени синие, огромные колокольчики — неуловимо перезваниваясь — ритмически покачиваются под легким дуновением ветерка...

Рядом плещется многоводная Жиздра. В тихих заводях раскрываются белые кувшинки. Низко над водой и в ней отражаясь, улыбаются небу голубые незабудки.

На соседнем кургане приземлился степной орел, повел своим грозным взглядом, встрепенулся и снова распростер могучие крылья к дальнейшему лету.

Внизу по оврагам, с шумом пронесся поезд из Смоленска в Тулу.

Это окрестности старинного Козельска, входившего в число уездных городов Калужской губернии. Один из древнейших городов Руси, уже отмеченный в XII веке. «Во время татарского нашествия, когда Батый втечении двух лет покорил всю северо-восточную Русь, Козельск прославился геройской обороной, оказав небывалое сопротивление татарам. Это так ожесточило врага, что после взятия город был разрушен до тла, малолетний князь Василий казнен и население истреблено до единого человека».

В конце XIV века Козельск принадлежал уже Москве, хотя в истории имеются упоминания о князьях козельских, вступивших в то время в литовское подданство. В половине XV столетия Великое Княжество Литовское захватило и Козельск, но, после кратковременного господства, в конце века возвратило Москве.

Во время 1-й Мировой войны на западных окраинах России грохотали пушки, горели города и села — пылал зловещий пожар войны. В центральных губерниях жизнь протекала нормально и население вело свой веками налаженный быт. Патриархальные русские купцы в Козельске — все эти Еремеевы, Зотовы, Каширины, — не открывали торговые дома и мелочные лавочки, не побывав предварительно ранним утром в ближайшей церкви.

Брызгаясь и пенясь по камням, сбегает с Крутиц и впадает в городе в Жиздру бурный поток.

В 4-х верстах от Козельска, на фоне рощь дубовых, белела Оптина Обитель. От города ее отделял замечательный зеленый луг. Над ним сливался звон многочисленных церквей города и монастыря, устремляясь ввысь под купол вечернего звездного неба.

Пройдя луг, путник останавливался на берегу Жиздры — моста не было. Монах-перевозчик недовольно бурчал: «Позволь, позвольте!» и тянул канат парома, перевозя нас в монастырь. Чем ближе мы приближались к Обители, тем сильнее наростал гул мощных колоколов — звонили к вечерне. В огромном величественном храме все необыкновенно чинно и строго. Много свечей, света посредине церкви, а в темных уголках лишь мерцают лампады...

Спустя много лет, уже в игнании, я узнала, чем была для русских людей Оптина-Введенская-Макариева Пустынь — по преданию основанная в XIV веке раскаившимся предводителем разбойничьей шайки Оптом, принявшим имя Макария.

Кто хоть раз побывал в ней и сподобился исторической благодати Руси, для того через мглу далеких лет неугасимо теплятся ее лампады, белеют очертания старинного монастыря.

В глубине длинной полутемной трапезной, внимание приковывал на матовом стекле наружной стены, необыкновенно красивый, в живых красках, портрет во весь рост Государя Николая II. В ней разносился особый аромат ладона, постного масла и кваса. Этим замечательно вкусным хлебным квасом потчевал странников гостеприимный старый монах.

В хранилищах Оптиной Пустыни лежало много древностей и старинных рукописей. В монастырской лавке продавались иконы, молитвенники, всевозможные крестики — от кипарисовых до перламутровых и золотых. Масса четок. Блюда для хлеба, деревянные ложки, разнообразные шкатулочки — точеные с выжиганием и расписные в русском стиле — все работы иноков.

Одна из них, пройдя со мной длинный путь — уцелела и теперь красуется на почетном месте, иногда привлекая внимание иностранного глаза. А когда по вечерам в комнате гаснет свет, но играет радио, под мело-

дию Чайковского или Глинки — моя коробочка, одушевляясь, начинает рассказ...

По всей необъятной Руси славна была Оптина Обитель подвижничеством ее прозорливых старцев. Неподалеку от монастыря, в темном лесу, стоял «скит». Вход в него разрешался только мужчинам. Однажды, дядя с приехавшими с фронта офицерами вошли в него, а дамы (с ними и я) увидали в приоткрытую калитку, утопающую в цветах и убегавшую внутрь скита, искрящуюся на солнце тропинку.

Православный люд — от великих князей до простолюдинов — со всех уголков России, стекался в Оптину для отпущения грехов и благословения. С каким трепетом душевным мы ожидали Старца, который благословил меня в путь по мировому бездорожью...

Через двадцать лет, давно уже вне границ России, я теряла маленького младшего сына. Он уходил от меня навсегда... и я положила с ним в гроб данное мне благословение — образок из Оптиной Пустыни.

В конце лета 1916 года, мои старшие с компанией собрались на станции Козельск. Пришел свитский поезд, затем через город проскакали конвойцы, прокатились открытые коляски. Великий князь, в военной форме, седой и высокий, проследовал со своими спутниками в Оптину.

В начале того-же года, меня везли в Шамордино — монастырь, основанный глубокочтимым старцем Амвросием. Был ясный, морозный январский день. Кони резво бежали, сани быстро скользили по укатанной дороге и пятнадцать верст, отделяющие Шамордино от Козельска, проскочили незаметно. В этом женском монастыре монахиня-проводник показала нам бывшую келью сестры Льва Николаевича Толстого, в ней все сохранилось. Толстой часто заглядывал к любимой сестре и перед смертью направлялся именно в Шамордино, но по дороге задержался в Оптиной, вернее в гостинице вне ограды монастыря, утром бродил по лесу и берегу реки. Вместо Шамордина он надумал возвратиться домой и в час его кончины на станции к нему спешил духовник из Оптиной Пустыни.

Только раз побывав в Шамордине, я точно не помню всех ее достопримечательностей. В памяти запечатлелась главная святыня обители — храм Чудотворной Иконы Казанской Божьей Матери. И нигде более не виданные, великолепные усыпальницы именитых и богатейших русских купцов — замечательные часовенки с витражными оконцами, всюду мрамор, позолота, огромные венки и неугасимые лампады...

**
*

Эта картина воскресла предо мной, когда я ознакомилась со сборником документов Катынского преступления и с ужасом установила, что первое действие этой сверхъестественной трагедии разыгралось в стенах намоленной, исторической Оптиной Пустыни.

Вероятно, не думал Ф. М. Достоевский, вдохновлявшийся Оптиной и прославивший упомянутого уже Старца Амвросия в «Братьях Карамазовых», что так скоро «на месте святе, настанет омерзение и запустение», что «Бесы» вылезут из преисподней и расползутся по православной Руси.

«Пути небесные» увели из этого мира Ивана Сергеевича Шмелева, глубоко почитавшего эту Обитель и он никогда не узнал, как однажды ярко засветило «Солнце Мертвых» в бывшем козельском монастыре — в советском концлагере.

**
*

В Козельском лагере насчитывалось около 5.000 пленных поляков — от высших офицеров до унтер-офицеров. Там находились профессора и военные врачи, несколько юристов и сотни инженеров, были литераторы и журналисты, промышленники и купцы. Несколько ксендзов дополняло картину.

После бесконечных просьб, им разрешили переписку с родственниками.

В общем, офицеры были настроены оптимистически, они верили в могущество западных союзников и мечтали соединиться с их армией. Они не скрывали свою ненависть к немцам и симпатию к Западу, чем сильно раздражали советских офицеров охраны.

Общеизвестно, что советская политическая тактика применяет два способа: заставляет покоренного противника работать и служить целям Сов. Союза, или же уничтожает его. В данном случае большевикам надо было решить, которую из них применить к польским офицерам. Подготовление материала для этого решения и было задачей особой следственной группы НКВД, прибывшей в Козельск и возглавляемой комбригом Зарубиным.

От момента приезда в «Оптину Пустынь» высоких представителей власти, очень скромное, еле хватавшее для существования, питание пленных сразу же улучшилось. Помещение оставалось плохим, не хватало места. Ощущался недостаток мыла, прачешной и большой бани — пленных заедали вши.

Большое значение придавалось допросам военнопленных. Каждый должен был быть «освещен» со всех сторон, определено его значение с советской точки зрения. Офицеров допрашивали поодиночке, допросы продолжались по несколько часов, иногда вызывали по ночам. От пленного требовали подробно рассказать о своем прошлом, познакомить допрашивавшего офицера НКВД со своими взглядами, особенно по общественным и политическим вопросам. Открыть свое социальное происхождение и образ жизни в Польше. Дать подробности о семье, приятелях и знакомых. Кроме того, НКВД само собирало сведения о каждом пленном из других источников, и часто во время допросов узник с удивлением убеждался, что следователь знал о нем уже многое, знал подробности из его прошлого. Каждого офицера фотографировали и снимки прилагались к актам, которые, по всей вероятности, высылались в Москву.

Интересно остановиться на особе главного чекиста, присланного в Оптину, которого даже его несчастные жертвы дарили доброжелательным вниманием. Зарубин — яркий представитель советской власти, всесильный начальник следственной комиссии в Козельском лагере — был человеком действительно интересным, образованным, хорошо воспитанным. Трудно точно определить его функции, но все знали, что он является главным начальником лагеря и ему подчинен комендант, который имел обыкновение ссылаться на «комбрига».

Отношение офицеров охраны к пленным было сносное. Обычно с НКВДистами пленные не здоровались, но старейший из польских генералов приказал отдавать честь «комбригу». Он очень вежливо отвечал на привествия, иногда даря встречного приятельской улыбкой.

Зарубин не принимал участия в допросах, но время от времени тот или иной интернированный вызывался к нему на особую беседу, иногда без свидетелей, чаще в присутствии шефа третьего сыскного отделения. Беседа с комбригом доставляла удовольствие — он знал не только Россию, но и заграницу. Говорил без заминки по-немецки и французски, знал английский. Он имел обыкновение переводить разговор на общественные, политические и даже философские темы, проверяя взгляды и мнения собеседника. Обыкновенно он угощал пленного хорошими папиросами, а то подавался чай с печеньем, или апельсины.

Комбриг привез с собою небольшую, но подобранную библиотеку, томов 500 — русских, французских, английских и немецких писателей, и разрешал пленным пользоваться ею. Он не вмешивался в пропагандную кампанию перевоспитания, проводившуюся его людьми в лагере. Он как бы стоял выше ее повседневного низкого уровня.

Из воспоминаний польских офицеров видно, что эта особа сильно интриговала пленных, хотя никто не знал его подлинной фамилии, но по лагерю курсировало множество слухов: что Зарубин — один из советских посланников, бывших на Западе, что он продолжительное время находился в Варшаве...

Кто проникнет в тайные глубины души человеческой? Тем более такой непроницаемой и темной, как душа чекиста, и откроет его подлинные чувства и мысли? — было ли его вежливое и на вид доброжелательное отношение к пленным лишь прекрасно разыгранной провокацией, или подлинной искренностью? Какие предложения он представил по начальству в Москву? Предлагал ли использовать польских офицеров для советских целей, или высказывался за необходимость их ликвидации?

Кроме допросов, НКВД проводило «перевоспитание» политических узников. Агитаторы беспрестанно сновали в помещениях заключенных и расхваливали жизнь в Союзе, они старались переубедить пленных. Офицеры откровенно говорили, что не уверены в высоком уровне советской общественной системы. На дворе монастыря распинались громкоговорители, передавая новости из Москвы. Лагерь забросали пропагандной литературой. Пленные с большим интересом читали газеты и слушали радиопередачи, чтобы быть в курсе военных событий. В изобилии покупали, по баснословно низкой цене, пропагандные брошюры для каждодневного употребления, т. к. бумаги в лагере не хватало.

Большевики главным образом стремились искоренить у пленных «религиозные предрассудки», но и в этом отношении не преуспели. Поляки, от крестьянина до высококультурного интеллигента, религиозны. Из-за вечерней молитвы (традиционный обычай всех христианских армий) происходили частые инциденты. Общая молитва была запрещена, но пленные игнорировали это распоряжение, пока не начались наказания. Тогда вместо общей молитвы, в определенное для нее время, по всему лагерю в течении нескольких минут распространялось молчание.

Вообразите старинную Оптину Пустынь,

разоренную и осквернённую коммунистическими хулителями — в большом Соборе несколько слабых электрических лампочек под потолком горят грязно-красным тусклым светом, не рассеивая мрака. Все пространство заполнено пятиэтажными нарами и шестьюстами заключенных. Часов в девять вечера, со стороны клироса из абсолютной темноты раздавался властный призыв: «Предлагаю трехминутное молчание!» Жизнь замирала, людской муравейник замолкал и задерживался на месте. Наступала тишина. Люди разных религий и взглядов — католики, православные, протестанты, иудеи и вольнодумцы — все в течении нескольких минут сосредоточивались в поисках контакта с Тем, Кто является сущностью всего бытия. Только со двора доносились звуки жизни; приглушенные толстыми стенами церкви, они казались очень далекими и чужими.

Однажды, во время такой своеобразной молитвы, капитан НКВД вошел в помещение бывшей церкви. Он задержался у порога и спросил, в молчании стоявшего, пленного: «Что за причина этой странной тишины?» — Только эхо в куполе церкви повторило его слова, а пленный продолжал молиться. Тогда с темного клироса разнеслось: «Конец молчания!« Задвигались и заговорили люди. Капитан-чекист, выходя из церкви, наверняка подумал, что присутствовал при новой демонстрации ненависти к СССР.

Все время скрываясь, католические ксендзы совершали богослужения и причащали хлебом из лагерного пайка. Начальству стало известно о ночных службах и ксендзов начали наказывать «карцером». Однако все усилия большевиков остались без желаемого результата. Подлинные религиозные чувства пленных возрастали.

В Сочельник 1939 года, всех ксендзов вызвали и увезли из Козельска в неизвестном направлении. Больше никто о них не слыхал. В лагере уцелел только один ксендз, в момент увоза находившийся в карцере. Он носил форму майора и, принятый вероятно за военного, избежал случайно общей участи.

Не кажется ли странным вопрос уцелевших козельских сидельцев: «Почему именно в Рождественскую ночь увезли ксендзов?» Неужели им еще не известны методы большевиков? — Почему власть Тьмы борется со всем светлым, где бы и как бы оно не проявлялось?

Оставшийся ксендз продолжал пасторское служение и во время Великого поста 1940 года исповедывал тысячи заключенных в монастыре. Часто можно было видеть его прогуливавшимся с каким-нибудь из пленных офицеров. Они вели беседу, к ней остальные старались не прислушиваться — это была исповедь под «недремлющим оком» НКВД. Он так быстро совершал богослужения в разных уголках лагеря, что стража не могла ориентироваться в происходящем. Для многих тысяч, вскоре погибших в Катыни, эта исповедь была последней.

(Продолжение следует)

Т. Данилевич

С РУССКОЙ ПЕСНЕЙ ПО БЕЛУ СВЕТУ

(Все права сохранены за автором. Продолжение № 72)

Накануне 1-го февраля 1928 года, через Тильзит, рано утром въехали мы в Литву. Замелькали так хорошо знакомые пейзажи, напоминая недавнее прошлое: одетые снегом леса, покрытые им поля, лошадки, запряженные в сани, люди одетые в поддевки, полушубки, на ногах валенки, на головах шапки треухи. Все такое родное, милое.

В Ригу мы приехали на другой день сразу после обеда. На рижском вокзале творилось нечто невообразимое; весь перрон и, видная из окон вагона, вокзальная площадь были покрыты густой толпой молодежи. Очевидно, в городе происходят какие-то торжества, вызвавшие это необыкновенное скопление публики, подумалось нам. Как только поезд остановился, вся эта огромная толпа засуетилась и, устремившись к вагонам, видимо кого-то искала. Едва мы вышли из вагона, как сразу попали в руки толпы, захватившей наши чемоданы, несмотря на наше сопротивление. Когда же на перроне появился Жаров,

его подняли на руки и всей толпой вынесли на площадь, откуда вся эта масса, не спуская с рук С. А., двинулась к отелю, находившемуся не далеко от вокзала. Прибыв к отелю, этот поразительный кортеж, с отдавшимся на милость победителей регентом, до того заполнил вестибюль, что трудно было пробиться на улицу. Все это были страстные поклонники, жаждавшие автографов.

Скептически настроенный читатель легко сочтет описанную мною сцену встречи Дон. хора рижанами, пламенно воспринятой, а потому преувеличенной. Должен признать, что окруженные и захлебнувшиеся в разбушевавшемся море толпы, мы не могли видеть всего, что происходит, равно как и понять причины такого энтузиазма, а потому я считаю необходимым познакомить читателей с описанием встречи донцов, появившимся на следующий день на страницах местной печати.

«Как Рига встретила хор казаков» (газета «Сегодня», № 31 2-го февр. 1928 года). — Ни балтийская агентура, сообщившая редакции точный срок приезда хора, ни редакция, оповестившая об этом читателей газеты, не предполагали, какой эфект будет иметь невинная заметка в две строчки: «Хор донских казаков прибудет в Ригу в среду 1-го февраля». Между тем, эфект этого сообщения неожиданно оказался потрясающим.

Уже задолго до прихода берлинского поезда на либавском вокзале трудно было протолкнуться, к 9-ти часам автомат для продажи перронных билетов позорно сдался и перестал в обмен на монетки выбрасывать билеты. Его пришлось заменить кассирами. На перроне толчея еще больше, чем на вокзале; люди всех возрастов и социальных положений. В густой толпе восторженных девиц и взволнованных молодых людей, густо разбросаны и солидные лица — представители разных русских организаций, члены местных певческих обществ и больше всего фигур, при одном виде которых сразу можно сказать, что в лице участников хора они хотят приветствовать не только певцов, но и своих бывших собраться по оружию. Там и сям в толпе мелькают формы офицеров латвийской армии.

«Помилуйте, я ведь с ними в Крыму был», заявляет один.

«Да я многих еще с 14-15 годов помню, вместе на австрийском фронте были», — с гордостью заявляет другой.

Отдельной группой на вокзале держатся представители правительства и чины министерства иностр. дел, во главе с генеральным секретарем Альбатом. Они встречают прибывающего из Ковно нового латвийского министра иностр. дел А. Балодиса и с явной тревогой выбирают стратегическую позицию для того, чтобы удобнее встретить своего нового шефа.

«В первый и, вероятно, в последний раз», с добродушной иронией заявляет кто то, «латвийский министр приезжает под экскортом казаков».

С каждой минутой волнение на перроне возрастает, все разговоры сосредоточиваются на двух одинаково важных вопросах: — будет ли хор одет в полную казачью форму и... остановится ли вагон с казаками у выхода или конца перрона? Наконец, подходит поезд и толпа бросается вперед, сметая представителей каких-то организаций, уже готовившихся начать речь, журналистов и фотографов, с трудом успевающих спасти свои аппараты от натиска встречающих. Поезд остановился. В первую минуту разочарование: «Да они вовсе не в форме», слышатся возгласы со всех сторон. В дверях появляется Жаров, кто то узнает его, ему передают букет белых альпийских фиалок, украшенный лентами русских национальных цветов, и сразу все внимание сосредоточивается на этой неожиданно маленькой фигурке. Пока его приветствуют и со всех сторон пожимают руку, кто то кричит «Ура». Крик этот подхватывается публикой и, под влиянием какого то массового подъема, сразу охватившего толпу, встреча казаков превращается в бурную овацию. Жарова, сошедшего на перрон, не видно задним рядам публики. Кто то предлагает поднять его. Немедленно находятся лица, подхватывающие эту идею. Жарова под несмолкаемые крики поднимают на плечи и несут по перрону к выходу. На лестнице возникает давка. Вокзальное помещение залито сплошной толпой, с воодушевлением подхватывающей несущиеся сверху крики, как только на лестнице появляется группа с Жаровым на руках...

Каким-то образом возникает мысль отнести Жарова на руках в Коммерческую гостинницу. Сказано-сделано. И головная группа беглым шагом мчится мимо Двинского вокзала и префектуры. За нею поспевает огромная толпа встречавших. Персонал гостинницы, в первую минуту чуть было не смятый неожиданным нашествием, проявил изумительную распорядительность и хладнокровие. Влетевшую в двери толпу с Жаровым на плечах остановили на ступеньках гостинницы и во внутрь никого больше не впускали. В несколько минут вся улица ока-

залась запружена толпой, почти безпрерывно разражающийся криками «Ура...»

В своей статье «Донцы в Риге», русская газета «Слово», описывая встречу донцов с уже известными перепитиями заполняет пробел газеты «Сегодня» добавлением: «...По самому скромному подсчету, певцов встречало не менее четырех тысяч человек: латышей, русских и немцев...».

Начиная со 2-го февраля, все русские газеты полны статьями о донцах, отчетами о концертах, фотографиями Жарова и всего хора. Под заманчивым объявлением «Донцы в Риге» расторопные фотографы предлагают рижанам снимки, относящиеся к пребыванию хора в Риге, регента хора Жарова, общую группу певцов, прибытие хора в Ригу, торжественное богослужение при участии хора донских казаков, благословение хора и другие. Их можно получить в конторе газ. «Слово», принимаются заказы.

У кассы Национальной оперы, где нам предстояло петь, по описанию той же газеты: «Хвост извивался вчера вверх по лестнице во внутренние помещения театра, снова спускался вниз, затем очередь прерывалась и начиналась в другом месте, и все же конец этой длинной ленты далеко выходил наружу на улицу. Люди терпеливо стояли часами в ожидании возможности приобрести билет. Дирекция Оперы отдала распоряжение продавать не более пяти билетов в одни руки. Все время дирекцию осаждали делегации публики, причем делегаты, стоявшие ближе к кассе, просили о продаже одному лицу 10-ти билетов, а делегаты тех, кто находился далеко в хвосте, просили о продаже не более трех билетов. Замечалось также обычное для сенсационных гастролей явление — барышничество билетами. Кассирша театра вынуждена была даже обратиться к администрации с просьбой принять меры против такого явления, т. к. билеты перепродавались только что вышедшими из очереди барышниками тут же на ее глазах. Сегодня в Ригу прибывает уполномоченный устраивающей концерты хора берлинской антрепризы Ебнэр, для переговоров с дирекцией Нац. Оперы об устройстве, в виду огромного интереса к хору, еще одного — шестого — концерта хора».

Для полного завершения картины, опишу то, что творилось в гостиннице. Молодежь толпилась целыми днями в вестибюле и нередко стучалась в двери номеров, в погоне за автографами. От приглашений на обеды и ужины не было отбоя. Отдохнуть перед концертом не представлялось возможным. А что творилось у входа в зал и за кулисами! Билеты на все концерты расхватывались сразу, но было еще много желающих, увы, безбилетных. Всегда при входе за кулисы толпилась молодежь, умолявшая провести ее через входную дверь. Хотя там всегда стоял театральный страж, протащить кого-то за кулисы часто удавалось, и впоследствии к юбилейным торжествам хора получали множество поздравительных телеграмм с подписью: «Ваши рижские зайцы». Все концерты проходили словно в угаре, с фурором. Выйти из театра после концерта тоже было нелегко: всюду стояли заставы, ловившие хористов на ужин. Все шесть дней мне как-то удавалось ускользать от всяких приглашений на обеды и ужины.

После концертов, мы маленькой группой незаметно пробирались в ресторан-погребок, почти рядом с отелем, и там скромно ужинали, а затем, также незаметно, к себе в отель. Так было и после последнего концерта. Однако едва мы поднялись из ресторана на улицу, нас окружила молодежь и почти силой втолкнула в автомобиль. Через несколько минут мы оказались среди массы празднующего студенчества. Тут был и Жаров. Студенты веселились, пели и конечно подвыпили. Пришлось и нам выпить за их и за наше здоровье, развезло и нас. Сфотографировались всей веселой компанией, запечатлев на карточке, в назидание потомству, наши разгоряченные физиономии. Потом студенты устроили специально для нас дуэль на рапирах — до первой крови. Женского элемента на этом веселье не было, но вдруг появились несколько девушек-курсисток со слезной мольбой уступить им хоть одного казака. Я и еще один тенор отправились к ним. Что было у курсисток, я уже не помню, т. к. наше пребывание у них не было продолжительным: надо было возвращаться в отель, ибо рано утром хор уезжал в Мемель.

Однако, прием, оказанный нам в Риге и исключительный успех концертов, с непрерываемыми овациями, разко расходились с мнением о нас в местной латвийской печати, и я нахожу нужным привести и ее отзывы.

Газета «Латвис» дала следующую статью: «Никто еще так не обманывал рижан, как казацкая сотня вчера в Нац. Опере. Хор пришел к нам от имени большого и настоящего искусства. Забыты нагайки 1905 года, спины зажили и никому и в голову не пришло бояться поющего казака с красными лампасами. Некоторые скептики уже взволновались необычным рекламным шумом, которым сопровождался приезд казаков (так именуется овация, устроенная нам на вокзале). Но ка-

заки не были бы казаками, если бы не пошли в атаку с шумом, свистом и криками ура. Они хорошие вояки и занять столицу Латвии им не представилось большого труда. Оккупация продолжится еще четыре дня и когда сотня казаков соберет с рижан обильную контрибуцию, она спокойно уедет в другое место, оставив нас с пустыми кошельками и еще больше с пустыми душами. Правду говорили скептики, предупреждавшие, что от казаков нечего ждать хорошего».

Далее этот «музыкальный критик» Я. Цирулис, утверждает, чцо хор находится в весьма скверном соотношении с музыкальной «культурой» и артистическим качеством вещей, которые он поет. — Десяти строками ниже в той же статье он заявляет: «Таким песням, как «Стенька Разин» и «Сигнальный марш кавалерии», нет места в серьезном концерте, а скорее в кабаках и балаганах. Совершенно малоценны в музыкальном отношении остальные гармонизации народных песен, но венцом всей программы являлась песня донцов «Хмель», и Жаров заслуживал бы того, чтобы публика ему ответила таким же свистом, какой несся со сцены».

Однако, лично убедившись в полном несогласии с ним слушателей, Я. Цирулис кончает свою статью меланхолическим признанием: «Билеты же все были цроданы. В публике преобладали русские и евреи, бешено рукоплескавшие и бесновавшиеся как полоумные. Стыдно».

Другая латвийская газета, «Педейя Бриди», свою статью «За 30 серебряников» начинает фразой: «Пощечина теперь получена. Бедовая пощечина, по донски-нежной рукой». Это — единогласное заключение всей латвийской прессы относительно хора донских казаков в Нац. Опере. Новостью в этой статье является то, что ее автор А. Авот, отпустив по адресу хора целую кучу «комплиментов» и соглашаясь с Я. Цирулисом относительно того, что подмостки балаганов более соответствуют выступлению донцов, чем сцена Национальной Оперы, окрестил первый концерт «монархической демонстрацией»: »не хватало только Боже, Царя храни».

В дальнейшем вся статья обрушивается на латвийское общество, дирекцию Нац. Оперы, министров и пр., хотя и начинается в этой своей части гордой фразой: «К чести латышского общества нужно сказать — оно совершенно игнорировало этот вечер». В подтверждение своего утверждения А. Авот, не смущаясь, продолжает: «На представлении присутствовал один латвийский генерал, которому предоставлен почетный пост не только в армии, но и в деле воспитания юношества, был также и один полковник... было также несколько министров... и если государственный контролер был на монархической демонстрации... и если жена одного из высших чинов полиции с интересом смотрела на казаков... и если руководители паспортного отдела министерства внутренних дел... и если в ложе были и такие лица, как деп. Брейкш и Трасуп и один из высших чинов министерства финансов Мелналкснис, — то это наверно по ошибке. Они наверно думали, что в этот день дают «Вайделотэ» или «Спридитис».

«...После пощечины, которую дала дирекция Нац. Оперы донскими казаками латвийскому обществу, ей остается, если она имеет хоть немного чуткости, сложить свои полномочия...» заканчивает А. Авот.

Газета «Педейя Бриди» разюмировала концерт Дон. хора так: «...Один читает молитву, другие гнусят. Затем один гнусит, а все молятся, как когда... Гнусят, свистят и танцуют, цирк в Нац. Опере...»

Газета «Яунакас Зинас» писала: «...Нужно спросить, подумало ли наше правительство о том, что, открыв столь гостеприимно двери эмигрантам с ярко выраженными политическими тенденциями, оно рискует неприятной перепиской, которая может возникнуть с внимательным восточным соседом...»

Дав эту полную картину признания Дон. хора публикой и враждебно до неприличия отношения к нам латвийской прессы, я не могу удержаться от описания маленькой сценки, когда на одном концерте хора присутствовал почти весь дипломатический корпус. Наша директриса-немка обратилась к немецкому послу с просьбой узнать, может ли хор рассчитывать на повторные концерты в Риге? Когда немецкий посол задал этот вопрос латвийскому министру, тот рассмеялся и ответил: «Низачто. Это не Россия».

В Риге, кроме шести концертов в Нац. Опере, в воскресный день хор пел в соборе во время архиерейского богослужения. Архиепископ Иоанн благословил хор иконой. В один из последующих дней мы посетили Владыку на дому, в нижнем помещении собора, каждому из нас Владыка раздал по Евангелию со своею подписью. Какою духовной силой веяло от этого православного иерарха, открыто громившего коммунизм! Увы, кровавая лапа звероподобных палачей через шесть с половиной лет расправилась и с этим большим человеком.

Наученный горьким опытом, во избежание шумных проводов, навсегда покидая Ригу, хор уезжал не с главного вокзала, а со сле-

дующего по пути следования. Но едва мы успели усесться в вагон, как в него ввалилась целая толпа провожающей молодежи, главным образом курсисток. Их появление вызвало у нас смущение, ибо тайна нашего отъезда не была для них тайной. Но как очаровательны, как трогательны были эти проводы... Провожавшие проехали с нами до следующей станции, и только там сошли с поезда.

После неизжитых впечатлений рижского триумфа, концерт, данный в Мемеле, показался скучным и плохо запомнился. На следующий день мы были уже в Восточной Пруссии. Дав несколько концертов в Германии, из которых самым крупным был концерт в Данциге, посетили мы столицу Чехии, Прагу, а затем явились в Вену, где хор справлял свой юбилейный тысячный концерт. После этого концерта, в лучшем отеле на Ринге, в огромном зале, был сервирован стол. Вена была колыбелью Дон. каз. хора и вся венская концертная дирекция, равно как и дирекция устраивавшая все концертные турнэ хора, были приглашены на юбилейный банкет. Среди гостей был и только что появившийся на большой сцене певец-тенор Ян Кипура. Но самым почетным гостем был, конечно, Донской Атамана А. П. Богаевский, неизменно приглашавшийся на все хоровые торжества. Не мало гостей было и из местной русской колонии, много и хоровых дам. Как и полагается, были речи, поздравления, пожелания, множество телеграмм из всех концов Европы. Но недавняя Рига, кажется, перещеголяла всех. Поздравления оттуда были от духовенства, от общественности, от отдельных лиц и даже от «зайцев». Одним словом, банкет прошел с большой помпой.

Я уже не помню последовательности, где выступал хор после Вены, но как-то вскоре после юбилея очутились мы в Будапеште, где хор преподнес регенту тяжелый золотой портсигар, впоследствии покрытый монограммами.

Из Будапешта направились мы в Румынию — открывать новый рынок. Дорога была дальняя, стояли большие холода и все было занесено снегом. Ехали мы вторым классом и, казалось бы, имели основание рассчитывать на большее тепло, чем в вагоне с деревянными сидениями. Не тут-то было: первоначальное тепло принялось постепенно улетучиваться, стало прохладно, а потом и холодно. Кто-то из нас пошел узнать, что случилось и вернулся с вестью: «Отопление испортилось, обещают скоро починить». Время шло и в нашем вагоне-леднике стало еще холоднее. Один из аборигенов, ехавший с нами в одном вагоне и, очевидно, хорошо знакомый с нравами своего отечества, поставил нас в известность, что на паровозе надо дать «смазку». Выполнение этого совета немедленно отразилось на температуре в нашем вагоне, ноги перестали застывать, все поснимали пальто. Часа через два, когда по расчету машиниста полученная им плата за распределение теплых калорий изсякла, отопление снова испортилось. Новая починка отопления не представляла теперь никакой сложности и после очередной «смазки» отопление работало нормально... до следующей поломки.

В Румынии взяточничество было почти узаконено. Наконец дотащились до Букареста. Остановились мы в лучшем отеле города, судя по его внешнему виду. Я не помню, сколько концертов мы дали в самом городе, но зато хорошо помню выступление хора в королевском дворце.

Королем в то время был малолетний Мигай (Михаил), регенствовали румынский патриарх, бабушка короля, королева Мария и, кажется, еще кто-то. Приемом хора распоряжалась королева Мария, не отходившая ни на шаг от своего внука. В качестве гостей присутствовали все родственники Двора; мать короля, королева сербская с наследником Петром и греческий король, проживавший тогда в изгнании.

Наследник Югославии, Петр, был подвижнее, стройнее и чуть выше Михаила. Что касается Михаила, то он поразил меня своей серьезностью — за целый час, который мы провели в зале, он ни разу не улыбнулся. Во дворце хор спел два церковных песнопения и целое отделение светское. Затем был танец, после которого всем был предложен чай с печением. Чай разносил кто-то из мужской прислуги, а печеньем угощал сам король, в сопровождении своей неотлучной бабушки, королевы Марии. На концерте, происходившем в небольшой, но красивой зале в Букаресте, королева Мария присутствовала также.

Из Букареста хор ездил двумя небольшими автобусами и двумя легковыми автомобилями петь концерт в Плоешти. Эта поездка была, пожалуй, самым худшим из совершенных нами путешествий и никогда не изгладится в моей памяти. Дорога твердая, вся усеяная ухабами и рытвинами, наверное ни разу не ремонтированная с момента ее постройки, а наши автобусы, старые, расхлябанные, с очень низкими потолками. Мало того, что все наши внутренности подвергались непрестанному сотрясению, но и головы

наши на всех ухабах бились о твердый потолок. Сперва боли почти не чувствовалось, но скоро на макушках не осталось живого места и пришлось одной рукой держаться за сиденье, а другой защищать голову от «прямых попаданий».

Окончив концерты в Румынии, выехали мы в Белград, где дали концерт сперва для широкой публики, а затем в небольшом зале для духовенства. Из присутствовавших на этом последнем концерте запомнился мне митр. Антоний и архиепископ Гермоген, которого я хорошо помнил по Новочеркасску. В Белграде хор королем Александром был приглашен во дворец. На этом приеме присутствовал и весь русский генералитет. После спетого большого концертного отделения, мы были приглашены к обеду.

Покинув Белград, хор дал несколько концертов в провинциальных городах Югославии. В Новом Саду на вокзале хор был встречен военным оркестром, сопровождавшим нас до самого отеля. Среди встречавших запомнилась плотная, невысокого роста, фигура кубанского генерала Павличенко, который, прихрамывая, шел вместе с нами. Лет 25 спустя, в Бразилии нам пришлось встретиться с казаками его большой группы, переселившейся в те края.

Из Югославии, с концертами по пути, хор добрался до Франции. Концерт в Париже был в нарядном театре Елисейских полей. Прекрасный зал, хорошая сцена, чудная акустика, дамы и мужчины в вечерних туалетах — петь одно удовольствие. Возбуждало еще и то, что в зале много бывших высших начальников Белого Воинства. Состояние у всех нас нервное, настроение повышенное, регент волнуется. Тогда Париж был для нас столицей, столицей Белого Воинства — и нас, вышедших из рядов этого воинства, это не могло не волновать. Концерт проходил с исключительным блеском. В первом коротком антракте посетителей за кулисами было мало, лица больше близкие хору, но в большом антракте и на сцене и за кулисами творилось сущее столпотворение. Хорошо помню ген. Деникина, в сопровождении полк. Колтышева, и высказанные им слова, повторенные по смыслу впоследствии генералами Богаевским, Кутеповым, Баратовым и др. Вот драгоценный для нас смысл его слов: «Мы все вместе не можем сделать для русского национального дела того, что сделали вы».

А сколько восхищения и благодарности высказывалось со всех сторон! В происходившей сутолоке я очутился рядом с Жаровым, беседовавшим с митрополитом Евлогием. Тут же стоял и Гинсбург, который неожиданно вынул очень крупную ассигнацию и хотел передать ее регенту. В первый момент Жаров сильно смутился и не хотел брать деньги, но быстро взял себя в руки, поблагодарил Гинсбурга, ассигнацию принял и тотчас же передал ее митрополиту «для находящихся в беде».

Произведенное впечатление, оставленное этим концертом, ярко отразилось в статье ген. Позднышева, напечатанной в «Русском Инвалиде». Вот краткая выписка из нее: «По небу полуночи»... «Прошел месяц со времени концертов знаменитого жаровского хора, а все еще как будто слышится серебряный звон в ушах и переливается, дрожит и замирает вдалеке прекрасная мелодия. Льется и будоражит сердце нежнейшего тембра бархатный голос: «Не шей ты мне, матушка, красный сарафан». Широкой, победной, нарастающей волной гремит великому прошлому России: «Славься, славься наш русский Царь». И скорбным, безутешным, подавленным рыданием смятенного духом перед неизбежным концом человека, звучат его вопли: «Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть... погибаю окаянный... трепещу дня страшного...».

«Появление Жаровского хора на мировой эстраде, — это одна из изумительных чудесных сказок наших беженских дней. Жаров привлек сердца только силой своего внутреннего горения и несказанной красотой родных напевов. Среди уличной толпы Жаров пройдет незамеченным, не выделяясь из нее, на сцене он преображается, царит безраздельно, он кудесник, маг, чародей, извлекающий дивной красоты звуки из сложного инструмента в 35 голосов».

В Париже хор выступал и в огромном мрачном зале «Трокадеро». Петь в этом неуютном зале было очень тяжело, и уже одно появление его названия в росписании концертов приводило нас в уныние.

Покончив с Парижем, двинулись мы на юг, и, дав по пути несколько концертов, выступали в Каннах, в Монте-Карло, в Ницце. В Ниццу мы попали как раз во время карнавала. Такого непринужденного общего веселья мне не приходилось еще видеть. Все было в диковинку и многочисленные причудливо разубранные колесницы, и толпы, пришедшие повеселиться. Любая компания могла, взявшись за руки, окружить мужчину и женщину и требовать от них поцеловаться между собою, без исполнения какого требования окружающее их гогочущее живое кольцо не разжималось. Правда, были и озорники, ко-

торые могли открывшему рот зеваке, вроде нас, запустить в рот целую пригоршню конфети, от которого было не легко отплеваться.

Побывали мы в Тулоне, а затем пели в Марселе. Круглый зал в Марселе по своей площади был не так велик, но ложи, балконы и галерки чуть ли не в пять ярусов. Когда после бурных аплодисментов хор уже приготовился петь следующий номер программы, в полной тишине, с «голубятни» раздался громкий голос какого-то взбесившегося поклонника советской каторги: «На плаху». Доняло парня...

Постепенно поднимаясь к северу, дали мы несколько концертов, из которых помню Лион и Лиль, а затем явились в Бельгию, где дали концерты в Брюсселе и Антверпене. В Брюсселе жил тогда ген. Врангель, уже прикованный к постели своей тяжелой сердечной болезнью.

Несколько концертов было дано в Англии, а в конце Великого поста хор был уже в Голландии.

Светлое Христово Воскресение мы были в Гааге и с наступлением весны снова заколесили по Германии. В Страстную Пятницу, по инославному календарю, пели духовный концерт в Берлине. Опять замелькали знакомые города: Гамбург, Кельн, Бреслау, Лейпциг и пр. и пр.

Приближалось лето, надо было искать место для летнего отдыха, где было бы возможно готовить репертуар для следующего концертного сезона 1928-1929 г. Задача эта не принадлежала к числу легких, т. к. с одной стороны хор избегал шумных и многолюдных мест, но с другой нуждался в достаточном количестве, для размещения не менее 70-ти человек, считая с женами и детьми, удобных жилищ и большом помещении для спевок. Кроме того, общим и обязательным требованием являлось наличие воды, морского берега или озера, т. е. места для купанья. Многие хористы, особенно семейные, сразу по окончании концертного сезона уезжали немедленно на эти места отдыха и спевок. Такое место легче всего можно было отыскать на Австрийских или Баварских озерах, и недели за две до окончания сезона туда были отправлены наши «разведчики», вскоре вернувшиеся с добрыми вестями. Вблизи Мюнхена открыли они большое озеро Штарнбергерзее с расположенным на берегу его маленьким городком Штарнберг, могшим удовлетворить все требования хора. В первых числах июня хор, распущенный на летний отдых, получил наконец возможность вкусить прелесть почти трехмесячной оседлой жизни.

(Продолжение следует)

Доброволец Иванов

З А Й Ц Ы

Двор дяди Пимки выходил на «Большую» главную улицу, что делила хутор по длине на две неровные части. В одном направлении она пересекала железнодорожное полотно и шла в сторону другого хутора и дальше в степь, а в другом вела в станицу и город Луганск.

Двор отделен от улицы высоким деревянным покрашенным забором. По средине высокие деревянные ворота, так что с улицы не все видно во дворе. Только большой дом справа на высоком фундаменте, с тремя большими окнами на улицу, поднимался выше забора. Дом был «срублен с дуба» — полная гарантия на много лет. Покрытый черепицей с железными кочетками по углам. В трех шагах от дома и по одной линии с ним стоял вместительный амбар с широкими всегда наполненными зерном закромами.

С левой стороны двора против дома длинная просторная кухня с двумя комнатами. Собственно, вся повседневная жизнь большой семьи сосредоточивалась на кухне. В доме только спали и собирались в торжественные дни. К кухне приделана постройка с двумя комнатами и двумя окнами во двор — это Пимкина мастерская. Это половина двора.

Вторая половина — конюшни, сараи для скота и т. д. и другие малые ворота для выгона скота. А дальше огород. Таким образом, двор перед домами всегда был чист. При входе во двор сразу опытный хозяйский глаз замечал присутствие твердой хозяйской руки.

Пимка был одним из лучших хозяев в хуторе. Другие хозяева старались равняться по нем.

Пимон Андреевич имел, как говорили, золотые руки — он был непревзойденным во всей станице шорником. Он седла не делал, а «лил» — так отзывались о его работе, и был, так сказать, главным поставщиком седел для казаков станицы. Все стены его большой мастерской были завешены различными предметами из его профессии, а по средине — большой модный верстак. Мастерская зимой отапливалась углем, (донецкий антрацит), для чего в углу был поставлен большой чугунок-печка. В холодные декабрьско-январьские вечера у него собирались казаки хуторцы по делам или просто провести вечер. Пимка выписывал «Донские Областные Ведомости», которые можно почитать и узнать новости по всей области Донской.

Пимка закончил несколько седел и казаки, как будто сговорившись, пришли за седлами в один вечер.

— Ну как, Пимон Андреевич, седельце мне готово?

— Готово, готово и твое, Иван Петрович и Ефрема Семеныча. Можно брать, но лучше пусть еще несколько дней подсохнут здесь в мастерской. Это, кажется, четвертое седло я тебе делаю, Иван Петрович? Значит, четвертого сына провожаешь — большая тебе честь и слава.

— Благодарю Бога, три сына честно послужили Царю и Отечеству и вернулись со службы в галунах, есть чем гордиться. Двух уже отделил, третий покудова еще со мною. Четвертого, Андрея, взяли в Атаманский полк. Коня ему купил Провальских заводов — загляденье. Только я за него побаиваюсь.

— Он у тебя хорошо грамотный и дюже острый, к тому же очень красив, сразу заберут в учебную команду, в люди выйдет.

— Оно то так, Пимон Андреевич, только, как бы этими историями и геграфиями, что он изучал, ему не повернули голову в другую сторону. Скажу тебе по секрету, как своему человеку, что у нас было один раз. Приезжают из Луганска двое Андрюшкиных знакомых, из городских, один будто учитель, а другой «скриподент!» — что в газетах пишет. Приняли их честь-честью, накормили, напоили. В разговоре убеждаюсь, что ребята не лыком шитые и дюже остры на язык. Карманы набиты у них исписанными тетрадями. Начинают читать и объяснять: «Вам казакам тоже живется несладко. Малоземелье (7 десятин пай), тяжелые обязанности по службе, а кто о вас побеспокоится? А вот посмотрите — в вашем Донецком округе, три помещика Ковалевы имеют по пять тысяч десятин земли, на которую вы имеете большее право. О крестьянах соседних сел и говорить не приходится — они вечные работники помещиков. Эту землю нужно у них отобрать и раздать крестьянам. А на заводах и рудниках что творится? За насущный кусок хлеба рабочие платят своей кровью. Это справедливо?.. У нас в России нет социальной справедливости. Мы боремся за народ, за правду... за республику, мы против помещиков и капиталистов. — Тут »скриподент» стал объяснять, что такое республика... Это значит — Царя долой и выберем другого...

— Это то в моем доме и такие речи... Тут я не выдержал... Знаете что, ребятушки, забирайте ваши тетради и убирайтесь вон из моего дома и чтобы никогда сюда не заглядывали... иначе я вам такую республику пропишу... вон... вон...

— А ты, Андрей, раз и навсегда выбрось из головы дурь, и помни, что казак есть слуга Царю и Отечеству, заступник от врагов внутренних и внешних, и в службе честно исполни долг, как это делали твои деды и отцы. Кроме того, тебе выпала большая честь служить в Атаманском полку. История, география, арифметика — это одно, а политика другое.

— Хорошо, папаша, я тоже прихожу к такому же заключению...

— Это ты правильно поступил, Иван Петрович. Многих их теперь, забастовщиков... все вспоминают 1905-й год. Нам, казакам, с ними не по пути, и Андрея нежножко одернул... тоже хорошо.

Постукивая обмерзлыми сапогами, вошли еще весколько человек и по очереди подходят к чугунку погреть руки...

— Глядите, и гвардия приперла, — кричит батареец. — А знаете, братцы, в гвардию берут только рослых, вроде, как говорится, хоть дура, но большая фигура. — Смех.

— А в батарею, измеряют только в грудях: широкий, вроде рака — хорош. Они, батарейцы, все на один штыль ходят. как не кованные коровы по льду — отшучивался гвардеец.

— Вот и получается, что настоящими воинами остаются армейцы, — поспешил заметить урядник армеец.

— Да, да вроде как бы селедки в бочке — ответил разом гвардеец и батареец.

— Стой, стой, казаки, вы забыли, какой сегодня день особенный: одни седла получают, а другие деньги... Значит, день могарычевый... А кроме того ты, гвардия, сам знаешь,

что обещал поставить бутылку водки за окошенную десятину пшеницы со своими конями, когда у тебя косилка поломалась.

— Знаю, знаю, вот полтинник, пошлите кого к Аксютке — у нее всегда найдется.

Батарейцы не заставили себя долго ждать и тоже дали на бутылку, армейцы последовали за ними. И скоро на верстаке выстроились три бутылки от гостей и четвертая от хозяина. Словно из под земли появилась приветливая хозяюшка Ефремовна с громаднейшей деревянной чашкой, полной соленых огурцов и помидор. Верстак, покрытый самотканной белою скатертью, превратился в праздничный стол, а большая кастрюля, полная жареной колбасы и сала, дополнила убранство.

Словно магнитом всех потянуло к верстаку-столу, как только любезная хозяшка произнесла:

— Просим откушать нашей хлеба-соли.

— Вот это, братцы, так сказать, самотеком... без особых приглашений... случайно... как в песне поется:

Был случай Донским казакам
Чины, кресты заслужить;
Чины, кресты золотые,
Донцы в поле молодцы...

встретились здесь, чтобы выпить за здоровье дорогого хозяина и его верной спутницы в жизни, и чтобы он и в будущем продолжал «лить» седла нашим казакам, — начал старейший белобородый дед Макар Игнатьевич.

— Правильно, правильно... ясно как божий день, нечего добавлять, — закричали все разом и опорожнили наполненные рюмки с живительным напитком.

После второй бутылки почти все сняли поддевки, полушубки, и речь гостей «хмельна, шумна». Третья бутылка совсем развязала языки. Начало четвертой бутылки было началом конца для деда Макара, он, вооружившись вилкой, все хотел схватить кусок огурца, но непослушная вилка гуляла то в пространстве, то попадала в рюмку соседа, то кому то в руку. Тут догадливый батареец насадил ему на вилку огурец и ткнул в рот.

— Хорошо — процедил дед и отправился на отдых под стол...

— Отпахался...

Тут поднялся громаднейший гвардеец и запел:

На маневрах мы стояли,
Государь к нам приезжал.
Государь к нам приезжал
По полтине даровал.
По полтине серебра и по порции вина...

— Стой, стой, после водки вино не пойдет, брось, не гундось, вот Илья Иваныч может быть что затянет?

Илья, считавшийся лучшим песенником, начал:

В островах охотнички целый день гуляли,
Если ж неудача — счастье проклинали,
Ах, отчего же да счастью не быть?
Нельзя быть веселому коль зверь не бежит...

Льется длинная песня, в которой говорится о приключении охотника, нашедшего в конце-концов утешение в... любви.

Успокоились казаки. С цыгарками в зубах перекидаются случайными словами, только дед Макар из под верстака своим храпом напоминал, что он еще жив.

И в это время в мастерскую поспешно вошел дед Иван Федорович, всеми уважаемый старик, хороший хозяин, бывший хуторской атаман.

— Пьете, гуляете, а что в садах делается вам неведомо? Молодые яблони стоят, как лысые коровы, без одной корочки... все зайцы ободрали, наберем мы яблок в следующем году... А?

— Ничего, дедушка, будем собирать со старых яблонь.

После выпитой маленькой рюмочки, дедушка подробно рассказал о печальном положении садов. Толстый слой снега превратился в лед и голодные зайцы, не находя ничего ни в поле, ни в лесу, устремились в сады. Сибирские, светло-серые и большие, как кобели.

Каждый из присутствующих имеет сады и предупреждение деда Ивана охмеляюще подействовало на них. Тут же обсудили и выработали план действий на завтрашний день.

Рано утром казаки обошли свои сады и воочию убедились в действительном печальном положении вещей. Откладывать нельзя. Несколько дворов, имеющих сады в этом направлении, решили сделать поголовную мобилизацию, вооружив воинство особенным образом: старые ведра, железные коробки, дудки, трещетки, свистульки, барабаны и вообще, кто на что горазд, лишь бы больше шума.

Вооруженная до зубов армия должна со стороны леса атаковать гулящих в садах зайцев и направить их к пересекающимся под прямым углом двум заборам, разделенным

широкими воротами. В углах ворот поставили самых расторопных казаков Серегу и Свирида, закутанных в белые простыни и с длинными палками, приподнятыми вверх и такой длины, чтобы каждая палка доставала до середины ворот.

Перед вечером решили сделать генеральную репетицию, почти все мобилизованные явились при полном вооружении и в боевых доспехах, некоторые, видимо для внушения, повывернули шубы, другие подвязали головы мешками, подпоясались огудиной от лука или женскими юбками.

А ну, Ерошка, вжарь в гармошку,
Вжарь, вжарь, вжарь.
А вы, ребята, в бубны громки
Вдарь, вдарь, вдарь.

И вдарили и вжарили... Так и мертвые проснутся, а Иерихонские стены превратятся в пепел...

Атакующая армия заняла исходное положение. Раздался условный выстрел. Все засвистело, затарахтело, заскрипело и армия широким фронтом двинулась вперед. Зайцы устремились в желанном направлении.

— Не зевай, ребята, молоти их!

Только нескольким зайцам удалось прорваться через «железное» кольцо, большинство же лежало с перебитыми спинами. Заметил Серега, что один заяц не подобран и потихонку наклонился, чтобы его подобрать.

Темная тучка совсем закрыла луну и видимость стала очень плохая. Свирид принял движение Сереги за зайца и добросовестно пропустил палкой по спине Сереги. Ахнул Серега и кое-как отлез от середины ворот. Подобрали казаки дюжину убитых зайцев и... Серегу.

Нашел фельдшер повреждение костей у несчастного, много месяцев пролежал Серега в постели и навсегда остался почти калекой.

В дополнение еще дали ему имя: Серега-заяц.

Франция.

М. А. Петров

ПРАЗДНОВАНИЕ ДНЯ ПОКРОВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ В ПАРИЖЕ

Прошел долгожданный для казаков день Покрова Пресвятой Богородицы. Отпразднован он по установившейся традиции.

В субботу 14-го октября, как всегда, была отслужена панихида на могиле последнего выбранного на родной земле Донского Атамана — генерала А. П. Богаевского. Задолго до начала панихиды начали прибывать казаки и казачки на русское кладбище в С.-Женевьев. Те из них, у кого похоронены здесь родственники, использовали время для приведения в порядок дорогих им могил. У многих из них на этом обрусевшем клочке земли спят вечным сном их «ненаглядные дружочки».

Прошли казаки длинный путь, приведший к конечному пункту. Некоторые из покойников в 1914-17 годах побывали на австрийской, германской, турецкой земле, бились с захватчиками власти в родных краях, в Таврических степях и тянули лямку на Балканах. Добрались они до прекрасной Франции и сложили кости свои в ее гостеприимной земле, далеко от родных краев.

Те из приехавших в Сэнт-Женевьев, у кого нет похороненных родных, ходили по кладбищу, ища на крестах знакомые фамилии. Постепенно создались группы, в которых велась беседа о нашей эмигрантской жизни, о новостях, полученных из родных краев. Было высказано мнение о необходимости в приведении в порядок могил казаков, у которых нет в живых близких людей.

В 15 часов началась панихида на могиле Атамана. Молящихся было очень много. Среди них присутствовала казачка, приехавшая с Дона. До начала богослужения она высказала свое антирелигиозное мнение, а во время богослужения начала молиться. В момент, когда раздалось пение: «Со святыми упокой», она опустилась на колени и по щекам ее потекли слезы.

В воскресенье 15-го октября в Кафедральном соборе на улице Дарю, Высокопреосвященным Архиепископом Георгием в сослужении со священниками и протодиаконом, был отслужен молебен. Церковь была переполнена молящимися. Духовенство бы-

ло в праздничном облачении. Владыко сказал прочувственное слово, подчеркнув веру казаков в заступничество Божьей Матери. Прекрасно пел соборный хор под управлением донского казака П. В. Спасского и солистка уральская казачка Михеева. Проникали в душу, велнуя ее, нежные напевы ектинии. С необыкновенной торжественностью спето было «Многая лета» Всевеликому Войску Донскому, Войску Кубанскому, Войску Терскому.

После молебна в ресторане «Люс» состоялся совместный обед казаков трех Казачьих Войск, на который были приглашены казаки других Войск. Организаторы обеда, уполномоченные казаки от Казачьего Союза и Союза Казаков-Комбатантов, были удивлены необыкновенным наплывом желающих обедать. Число их превысило расчеты на 50%. Получилось замешательство из-за недостатка мест в громадной зале и количества заготовленных обедов. Уплотнение не могло разрешить затруднения, пришлось посадить часть казаков в побочном помещении, которое соединяется с главной залой дверью.

Ген. Н. Г. Зубов, председатель Союза-Казаков Комбатантов и почетный член Казачьего Союза, председательствовал на обеде.

После того как были пропеты «Отче наш» и три казачьих гимна ген. Зубов сказал содержательное слово, прослушанное с большим вниманием. Короткая, сказанная с большим подъемом речь председателя Каз. Союза В. М. Кузнецова произвела сильное впечатление на присутствующих (текст ее помещен в конце заметки). От Кубанского Объединения приветствовал казаков его председатель ес. М. Л. Малышко, от Терского — его председатель полк. Н. И. Зимин, от уральцев — заместитель Атамана Уральского Войска войск. старш. П. А. Фадеев, от казаков-калмыков — С. Ш. Балданов. На этом закончилась официальная часть трапезы.

После речей загомонила зала, но вскоре уступила место каз. песне. Пели то в одной, то в другой части зала. А потом начались и танцы, кубанцы и терцы танцевали лезгинку, донцы — казачка.

Большое внимание было уделено присутствующей молодежи, особенно терскому казаку инженеру В. Ф. Звереву, который по просьбе терцев обратился к собравшимся с коротким приветствием.

На обеде присутствовал казак, приехавший сюда недавно с Дону. Будем надеяться, что вернувшись на родину, он расскажет нашим братьям, находящимся там, о том, как зарубежные казаки чтут День Покрова Пресвятой Богородицы.

Прошло уже не мало дней, а впечатление, произведенное на меня празником не слабеет. В памяти проходят отдельные эпизоды празднования, разговоры с друзьями, в ушах звенит казачья песня, а на душе некоторая грусть, связанная с воспоминаниями о прошлом, ставшим теперь далеким.

Париж. **В. Щербаков**

СЛОВО ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КАЗ. СОЮЗА В. М. КУЗНЕЦОВА

«Поздравляю вас, вольные сыны седого Дона, красавицы Кубани и бурного Терека, с праздником Покрова Пресвятой Богородицы.

От вашего имени я приветствую присутствующих здесь старейших казаков: Н. М. Мельникова, Ян. П. Богаевского, генерала Н. Г. Зубова, а так-же наших дорогих гостей: заместителя Атамана Уральского Войска — войскового старшину П. А. Фадеева, представителя казаков района Монтаржи — Ф. М. Миронова, представителя Союза Казаков-Калмыков — С. Ш. Балданова, Н. А. Ломакину-Маньковскую и Тамару Немирову.

На заре-то было ранней утренней,
На заре-то было да на зорюшке,
На закате было светла месяца,
На восходе было красной солнушки.
Собирались казаки — люди вольные,
Собирались они во единый круг,
Во единый круг, да во единый луг.

Так пели наши предки — казаки начала 18-го века.

После моления, обращенного к заступнице казаков Пречистой Матери, собрались и мы, братцы, здесь вольными людьми во единый круг. Воля, как дорога ты казачьему сердцу!

За тебя предки наши складывали головы свои, за тебя боролись и мы, собравшиеся здесь. Не отстояли мы тебя для всех наших братьев: «сила одолела силу». В неравной борьбе не склонили мы наших казачьих голов, ушли, уходя, мы унесли с собою волю. Свободная, прекрасная Франция дает нам возможность пользоваться ею и беречь ее.

На нас, казаков, живущих в свободных странах, судьба возложила ответственную миссию хранения духовных ценностей казачества. Сбереженные здоровые зерна казачьей идеи, попав на родную почву, взойдут и дадут сочные плоды. Наш долг исполнить нашу миссию. Выполним мы ее — помянут нас добрым словом наши потомки, не выполним — заклеймят они нас презрением.

Я поднимаю свой стакан и пью до дна за здоровье присутствующих здесь казаков и казачек и за все славное казачество».

УШЕДШИЕ

† 20 июня в Бельгии после продолжительной и тяжкой болезни скончался П. Е. Колесников, ст. Ермаковской В.В.Д., 80 лет.

† 18 июня в доме для престарелых в Брайне ле Компе (Бельгия) скончалась Л. А. Черная, ст. Ново-Корсунской Куб. В., 82 лет.

† 4 июля скончалась в Лейквуде (США) Е. А. Еременко, ст. Старо-Ниже-Стеблиевской, Куб. В.

† 25 июля в Лейквуде (США) скончался З. Я. Бутенко, ст. Дондуковской, Куб. В.

† 1 июля в старческом доме для престарелых в Париже, скончался Г. Я. Онищенко, ст. Удобной, Куб. В., о чем сообщает с глубоким прискорбием Союз Казаков-Комбатантов.

† 12 июля в Треффлинге (Австрия) в старческом доме умер И. Е. Ермишкин, ст. Чернышевской В. В. Д. 67 лет.

† 5 авг. в Инсбруке (Австрия) скончался подпор. В. И. Кузнецов, ст. Есауловской В. В. Д. 70 лет.

† 10 авг. в Пасеике (США) умер хор. Н. И. Дураков, ст. Кожурской Куб. В. 70 лет.

† 14 авг. в Бериссо (Аргентина) скончался сот. С. Г. Дзюба, ст. Роговской, Куб. В. 69 лет.

† 18 авг. в Лондоне скоропостижно скончался М. А. Зензиков, казак В. В. Д. 67 лет.

† 19 авг. в США скончался Ф. С. Лосев, ст. Богаевской В. В. Д. после продолжительной и тяжкой болезни.

† 23 авг. в Аргентине скончался ес. М. А. Белоусов ст. Михайловской Терск. В., 75 лет.

† 19 сент. в г. Труа (Франция) после продолжительной и тяжкой болезни умер казак ст. Попутной, Куб. В., А. В. Шандубаев, 67 лет.

† 5 авг. скоропостижно скончался член правления 1-го Кубанского хутора в Мельбурне (Австралия) инженер Сергей Тимофеевич Козлов ст. Архонской Терского Войска, родив. 2 февр. 1900 г. Получив образование инженера строителя С. Т. Козлов работал на городском строительстве Владикавказа и его окрестностях.

В войну 1941-45 гг. будучи призван в сов. армию, служил военным инженером 2-го ранга, но попав в плен к немцам оказался в лагере для военнопленных в г. Владимир-Волынский. Здесь он примкнул к стихийно возникшему Русскому Освободительному движению, активно участвуя в идеалогической борьбе с сов. властью в качестве пропагандиста. Позже был переведен в Берлин и в чине капитана занимал различные должности в штабе РОА.

По окончанию войны очутился в американском лагере военнопленных в г. Регенсбурге, откуда, видя свое безвыходное положение, вместе с группой офицеров бежал. До 1950 г. находился в лагере Ди-Пи в Шлясенгайме, где состоял в правлении Обще-Каз. станицы, активно борясь с сов. провокаторами.

В Австралии, с 1950 г. посвятил себя служению казачеству, в то же время активно участвуя в общественной и церковной жизни русской колонии. Одно время возглавлял Обще-Каз. станицу в Мельбурне. Незадолго перед смертью он был одним из инициаторов организации 1-го Куб. хутора в Мельбурне.

Болезнь сердца заставила его прекратить всестороннюю активную деятельность и сократить выступления с докладами, которыми он был широко известен в русской колонии Мельбурна. Он всегда живо откликался на все общественные события, всегда поддер-

живал достойные начинания и до конца дней своих оставался стойким и непримиримым борцом с коммунизмом .

Неожиданная смерть С. Т. была тяжелым ударом для Куб. хутора, для его верной спутницы жизни — супруги Юлии Моисеевны и для детей Сергея и Наташи.

Мир праху твоему — дорогой хуторянин и незабвенный друг. — Сообщил **М. Борисенко.**

† В сент. с. г. в Канаде скончался Н. В. Быкадоров, казак В. В. Д., собственник известного русского ресторана.

† 28 авг. в США скончался П. И. Пашко, ст. Ново-Покровской Куб. В.

ИЗ КАЗАЧЬЕЙ ЖИЗНИ

◆ **В Донском Войсковом Объединении.** — 24 сент. с. г. в помещении при русской церкви на рю Дарю состоялось общее собрание Дон. Войск. Объединения. Свой краткий доклад председатель Д.В.О. Н. П. Казинцев начал с указаний на настоящее положение донцов во Франции:

«Во Франции существует много дон. организаций, кроме Д.В.О.: Союз Казаков-комбатантов, Объединение Л.-Гв. Казачьего полка, Объединение Атаманского Училища, Союз Дон. артиллеристов, Союз Казаков-калмыков и др. более мелкие. Большинство из них организованы по роду военной службы, и, кроме Д.В.О., не являются всеобъемлющими. Д.В.О. же находится на особом положении. В него входят донцы разных политических взглядов, разных профессий. Для всех в нем имеется место, кроме избравших советское подданство. Наш лозунг: «Казак казаку родной брат». Многочисленность наших организаций дробит число казаков на мелкие группы и ослабляет наши силы. Нужно откровенно признать, что нас осталось мало, все мы убелены сединой. Нам необходимо объединиться и в этом направлении уже ведется интенсивная работа.

Перейдя к деятельности правления, и главным образом его президиума, за прошедшие два года, Н. П. Казинцев указал, что работы было очень много, особенно в связи с разработкой порядка выборов Донского Атамана. К сожалению, по вине Дон. Войск. Совета не удалось придти к всеобщему соглашению и фактически этот вопрос остался открытым, и в данный момент у нас нет Донского Атамана, признаваемого если не всеми, то большинством донских казаков.

«В данное время — продолжал свой доклад Н. П. Казинцев — главная задача Д.В.О. должна заключаться в том, чтобы усилить наше единение, продлить существование нашей организации и существование нашего журнала «Родимый Край». Работа по его изданию сложная и ответственная. Вся тяжесть ее лежит на плечах редактора Б. А. Богаевского и его неустанной помошницы Н. И. Богаевской. От вашего имени я им выражаю сердечную благодарность.

Что же касается денежных средств Д.В.О., то они очень небольшие. Источников дохода у нас нет, членские взносы не существуют. Все расходы по делам Д.В.О. оплачиваются членами президиума из собственного кармана. Думать о материальной помощи донцам из нашей кассы не приходится. Благотворительность передается нами в правление Каз. Союза, мы же ограничиваемся моральной поддержкой. Не буду о ней распространяться: о добрых делах говорить не принято».

Собрание единогласно постановила выразить большую и глубокую благодарность Н. П. Казинцеву за его тяжелую бескорыстную работу как в сфере Д.В.О., так и Каз. Союза, казначеем которого он является. Эта работа была еще несколько раз подчеркнута выступавшими после Н. П. Казинцева лицами.

В кратком докладе редактор «Род. Края» сообщил о положении с изданием журнала и книги, посвященной памяти Атамана ген. А. М. Каледина. Издание «Род. Края» основано попрежнему на самоокупаемости, т. е. он издается на деньги, вырученные от его продажи, подписной платы и на пожертвования отдельных лиц в Фонд его издательства, при полной безвозмедной работе всех его сотрудников. Иначе говоря, «Род. Край» выходит на деньги самих читателей. «Род. Край» существует уже 12 лет и этим доказывается, что он действительно отвечает запросам казаков заграницей. Расходится он по всем странам свободного мира, есть сведения, что он попа-

дает и за железный занавес. Более десяти иностранных библиотек (во Франции, США, Англии, Германии, Австралии) выписывают наш журнал.

Книга «Генерал А. М. Каледин — герой Луцкого прорыва и Донской Атаман» Н. М. Мельникова сдана в печать и выйдет в начале будущего года.

После доклада ревизионной комиссии были произведены выборы нового правления. Выбранными оказались: Н. П. Казинцев, Н. А. Ломакин, Б. А. Богаевский, Н. И. Богаевская, В. М. Кузнецов, А. П. Падалкин, С. Ш. Балданов, И. Е. Николаев, К. И. Жибров, Н. Н. Евсеев. В ревизионную комиссию: Доманов, Морозов, Цимлов.

Председателем Д.В.О. избран Н. А. Ломакин, вице-председателем — Б. А. Богаевский, казначеем — Н. П. Казинцев, секретарем — Н. И. Богаевская.

◆ **В Австралии, в г. Сиднее,** в русском литературном обществе «На 5-ом материке» в августе с. г. П. А. Сухотиным был прочитан большой доклад о стихах нашего каз. поэта Н. Н. Туроверова, собравший большую аудиторию, которая после доклада долго не расходилась, делясь впечатлениями о творчестве Туроверова. Доклад П. А. Сухотина был закончен его стихами, посвященными Туроверову:

В нем отблески того огня,
Которым мы когда-то жили;
О нем он пишет не кляня
Ничто, — как о давнейшей были.
Спокойно, просто каждый штрих
Легко бросает на бумагу
И выдает прекрасный стих
Незаурядную отвагу.
И чувствуешь его в седле
На рубеже такой эпохи,
Когда прошли по всей земле
Безумства храбрых сны.
Ни вздохи,
Ни слезы льет он над былым,
Суровый, твердый воин,
Он будет вечно, и седым,
Седла любимого достоин.

◆ **В Парижском кафедральном соборе,** на улице Дарю, находятся две казачьи иконы: Донской Божьей Матери и Покрова Пресвятой Богородицы. Перед каждой из икон по большому подсвечнику. Подсвечник перед иконой Донской Божьей Матери вышел в ветхость и нуждался в замене. Теперь трудами донского казака Усть-Белокалитвенской станицы И. Е. Николаева это сделано. Новый подсвечник из никелированной стали оканчивается атаманским перначем, наверху которого помещена неугасимая лампада. Большое казачье спасибо станичнику И. Е. Николаеву за его бескорыстную работу.

◆ В ответ на запрос **о чалдонах** полк. Голубова в № 71 «Род. Края», А. П. Падалкин пишет: «Помню, когда мы детьми во время игр поднимали много шуму, чем беспокоили нашу бабушку, то она кричала на нас: «Уймитесь вы, идоловы чалдоны...», а на наши вопросы: «А что такое чалдоны?» она всегда отвечала: «Шумливые, неспокойные люди», добавляя, что чалдоны занимались торговлей в разнос мелкими галантерейными товарами по станицам и были очень надоедливыми. Поэтому и беспокойных надоедливых детей называли чалдонами.

Позднее уже наш дедушка объяснил, что чалдонами на Дону называли бывших новгородских староверов, бежавших на Дон после разгрома Новгорода в средние века. Повидимому, позже всех беспокойных, надоедливых и непоседливых на одном месте, возможно и на всем Дону стали называть чалдонами, т. к. это обозначение я слышал не только у нас в Черкасском округе, но и в Усть-Медведицком.

Но как и почему они оказались в Сибири — не знаю».

Вопрос остается открытым, быть может наш каз. историк Г. В. Губарев сможет дать соответствующие разъяснения?

◆ В газете «Новое Русское Слово», выходящей в Нью-Йорке, в № от 13 мая 1967 г. в отделе «Хроника» было помещено следующее сообщение:

«Выборы в Обществе помощи русским инвалидам за рубежом.

13 апреля в Доме Свободной России состоялось годичное собрание Общества помощи русским инвалидам за рубежом. Председательствовал в собрании Б. В. Сергиевский.

После отчетов о деятельности правления, которое возглавлял все эти годы кн. С. С. Белосельский, подошли к выборам.

Председатель правления кн. С. С. Белосельский заявил, что он согласен выставить свою кандидатуру при условии, что будет выбран новый секретарь правления, вместо ген. И. А. Полякова. (Как выяснило «Новое Русское Слово», между кн. С. С. Белосельским и И. А. Поляковым были серьезные разногласия по поводу распределения денежных сумм, собранных Обществом).

Выборы дали несколько неожиданный результат: за кн. С. С. Белосельского было подано 10 голосов: исп. обязанности донского

Атамана проф. Н. В. Федоров собрал 16 голосов и, таким образом, был объявлен выбранным председателем общества.

Председательствовавший Б. В. Сергиевский и кн. С. С. Белосельский покинули собрание, предварительно заявив, что они, ввиду результатов выборов, прекращают свою материальную поддержку общества.

Инцидент нельзя считать исчерпанным, так как по имеющимся у нас сведениям, сторонники кн. С. С. Белосельского намерены обжаловать выборы, как незаконные: по словам участников собрания, за Н. В. Федорова голосовали лица, состоящие в Обществе менее 3 месяцев и не имевшие права принимать участия в выборах.

В том же «Новом Русском Слове» от 28 июня с. г. помещено следующее письмо в редакцию кн. С. С. Белосельского и Б. В. Сергеевского:

По причинам, изложенным в письме князя С. С. Белосельского ген. И. А. Полякову, мы не находим возможным продолжать нашу дальнейшую помощь инвалидам через Общество помощи русским военным инвалидам. Не желая лишать инвалидов столь необходимой для них помощи, мы будем оказывать нашу посильную помощь через Союз инвалидов, возглавляемый князем Александром Амилахвари, а также собирать пожертвования на инвалидов через Представительство российских эмигрантов в Америке.

Председательствовавший на собрании 13 мая Б. В. Сергиевский считает необходимым раз навсегда установить касающийся его факт: когда были объявлены результаты выборов, он передал председательствование проф. Н. В. Федорову и сразу же пошел к выходу. Проф. Федоров, еще не занявший место председателя, остановил Б. В. Сергиевского и предложил ему быть почетным председателем, на что Б. В. Сергиевский ответил, что он благодарит за предложенную честь, но что он уже более 30 лет состоит почетным членом Главного правления в Париже, добавив, что помощь инвалидам он считает необходимым продолжать и найдет пути делать это и в будущем. С этим он немедленно покинул собрание.

Мы считаем необходимым довести до сведения общественности и жертвователей, что в кассе местного Общества Помощи русским военным инвалидам задержана сумма около 18 тысяч долларов, которая по Уставу Общества должна быть переведена в Главное правление в Париже. Мы надеемся, что вновь избранный председатель Общества настоит на выполнении этого обязательства.

С совершенным уважением
Князь С. С. Белосельский
Б. В. Сергиевский

◆ Из Вашингтона А. Г. Павлов, старший группы казаков, проживающих в Вашигтоне и его окрестностях, и Ф. Захаров пишут о памятнике **«Казаки — казакам».**

Наличие этого памятника, воздвигнутого за трудовые копейки в рассеянии сущих казаков, бодрит наше сознание, что мы, казаки, не утратили в свое рассеянии всесветном своего казачьего облика. Больше того. Памятник **«Казаки — казакам»** говорит о нашей вере, о нашем убеждении, что **Казачество** не умерло для будущего и что оно неуклонно продолжает идти по пути верности долгу, верности законам Божеским и законам человеческим, основанным на началах незыблемых понятий о правде, справедливости и разумной свободе.

Хотелось бы, чтобы во имя такого исторического значения памятника как можно скорее угас шум, вызванный угрозой судебного процесса странного и мало понятного. Этот шум вызывает недоумение и естественный вопрос: кому нужен этот судебный процесс, порочащий доброе имя **Казачества** и оскорбляющий память тех, кому был памятник воздвигнут? Суд над теми, кто честно и бескорыстно потрудился над делом сооружения памятника. Суд вместо благодарности! Какая несуразность! Какая нелепость! По недомыслию и недоброжелательству возникшая распря оскорбляет тех, кто потрудился над нелегким делом претворения идеи памятника в монументальное сооружение и в первую очередь оскорбляет достойное имя казака-инженера А. Е. Афанасьева, как возглавителя всего дела по созданию памятника. Упомянутая распря омрачает и самую идею памятника и умаляет и честь и достоинство нашего общего казачьего имени. Затеваемый процесс явится насмешкой над добрым порывом жертвователей.

Порадуются возникающей судебной тяжбе недруги **Казачества** и его враги. Это несомненно. Мудрый американский суд не спешит: он, очевидно, надеется, что истцы, как казаки, образумятся и возьмут обратно свою странную жалобу, подсказанную недобрым духом. Ждем и мы, что такой благородный шаг будет сделан истцами, которым также дороги, как мы убеждены, честь у достоинство казачьего имени. Не хотелось бы, чтобы предъявившие иск непонятный стали игрушкой темных сил, а имя казачье предметом глумления.

◆ **Успех донской казачки.**

В конце прошлого года и по апрель текущего в Западной Германии проводился конкурс молодежи на лучшие показатели как по основным занимаемым молодежью профессиям, так и по политическим, экономическим и общим вопросам.

Первое место по Саарской области, а затем объединенных областей Юго-Западной Германии и наконец одно из первых мест в обще-германском конкурсе заняла наша Донская казачка Ирина Карташева (18 лет).

По окончании конкурса группа первых в числе 21 молодых девушек и юношей, посетила Берлин и Бонн, где состоялся прием их Президентом Германской Федеративной Республики доктором Г. Любке и его супругой Велгельминой.

После чего вся эта группа была направлена за счет Федеративной Республики самолетом через Северный полюс и Аляску в Японию, где в течении пяти недель ознакомлялась (посетив ряд городов) как с экономическим положением страны, так и с бытовыми условиями японских семей, проведя по несколько дней в домашней обстановке в двух, трех семьях.

Объяснения производились на английском языке, которым большинство интеллигентных семей Японии владеет в совершенстве и которым Ирина владеет так-же вполне удовлетворительно.

Перед отлетом обратно в Германию вся группа была принята наследником престола.

В настоящее время Ирина успешно заканчивает досрочно на полгода курсы техников лаборантов металлоиндустрии и после года работы на одном из заводов Германии думает продолжить учебу для получения звания инженера-химика. Сообщил — **Никаров.**

◆ В сентябре с. г. председатель Дон. Войск. Объединения ес. Н. А. Ломакин, работающий ночным шофером в Париже, подвергся нападению пьяного клиента, нанесшего ему сильный удар тяжелым предметом по голове. После 6-тидневного лечения Н. А. Ломакин смог снова начать работать. Работа ночного шофера больших городов далеко не безопасна.

◆ В июне с. г. в Мельбурне (Австралия) организовался 1-ый Кубанский хутор, утвержденный Кубанским Войск. Атаманом полк. Третьяковым. Кубанцы в Австралии, желая изжить возникшие недоразумения в связи с перевыборами Куб. Атамана сейчас объединяются в станицы и хутора для того, чтобы общим решением снова придти к общему единению. Сообщил представитель Куб. Войск. Атамана на Австралию и Новую Зеландию **М. Борисенко.**

◆ В Азове (СССР) открыта художественная диорама «Азовские походы Петра Великого« изображающая осаду и взятие Азова в 1696 г. Размещена диорама в пороховом погребе, являющемся памятником военно-инженерного искусства 17 в. Создана она ростовским ухдожником А. М. Чернышевым и посвящена 900-летию Азова, которое было отмечено в сентябре с. г.

◆ Казаче-Американским Народным Союзом издана книга А. К. Ленивова «Материалы по казачьей истории» (Исторические исследования), затрагивающая мало исследованные периоды истории казаков. Выход такой книги нельзя не приветствовать, она представляет большой интерес для всех, кто интересуется нашим прошлым, несмотря на высказываемые автором личные политические убеждения, которых многие не разделяют. Содержание книги: «О происхождении определении, толковании и значении слова «Казак» — Казачья Тьму-Таракань — Бродники российских летописей, основоположники Донских казаков — Сарайская и Подонская казачья православная Епархия в 13-15 столетиях — Участие дон. казаков в Куликовской битве в 1380 г. — Казаки в истории Генуэзских и Венецианских колоний Азовско-Черноморского басейна в 13-15 вв. — Историческая судьба Азовских казаков».

◆ Полк. Ф. И. Елисеевым выпущена брошюра № 2 «Оренбургское Казачье Военное Училище». Цена — 1 долл., выписывать у автора: Mr. Elyseev. 66 Ft. Washington ave. Apt. 25. New-York. N.Y. 10032. U.S.A.

◆ **Благодарность правления Казачьего Союза во Франции.** — Не будучи в состоянии ответить всем лицам, поздравившим его с праздником Покрова Пресвятой Богородицы, правление Каз. Союза через «Род. Край» сердечно благодарит всех казаков и казачек, приславших ему поздравления. Оно выражает особую благодарность за поступившие пожертвования: от А. А. Пятницина, казака находящегося в старческом доме — 20 фр. на оплату обеда неимущему казаку в день Войсковых Праздников, от П. И. Еронина — 20 фд. для той же цели, от П. Г. Халеевой (96-ти летней терской казачки) — 30 фр. на помощь нуждающемуся казаку, от В. И. Пахомова к Празднику Покрова — 40 фр.

◆ Казаки района г. Монтаржи (Франция) праздновали день Покрова Пресвятой Богородицы и Войсковые Праздники 22 октября. Присутствовали и многочисленные гости из Парижа: председатель Союза Казаков-Ком-

батантов ген. Зубов, председатель Каз. Союза инж. В. М. Кузнецов, председатель Д.В.О. ес. Н. А. Ломакин, редактор «Род. Края» инж. Б. А. Богаевский и др.

ДЕНЕЖНЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ В РЕДАКЦИЮ «РОД. КРАЯ»

(С 1 сент. по 1 ноября 1967 г.)

В Фонд Издательства: проф. Улитин — 5 долл., д-р Ряхин — 10 долл., Б. П. Попов — 14,50 фр., В. Ф. Зверев — 20 фр., Гончаров (из Иври) — 20 фр., В. А. Балахнин — 82,13 фр., С. И. Донсков — 10 долл., С. Чернов — 10 долл. П. К. — 7 долл.

Дамскому Комитету Каз Союза: Калиманов — 6 фр., Гончаров — 16 фр., Ломакин — 2 фр., Петров — 9,50 фр., Зверев — 10 фр.

На издание книги «Генерал Каледин — герой Луцкого прорыва и Донской Атаман»: М. Н. Залесский — 100 долл., проф. Улитин — 30 фр., Г. Русаков — 10 фр., В. М. Терентьев — 20 фр., Д. М. Школенко (2-ой взнос) — 100 фр., М. Петров (3-ий взн.) — 6,50 фр., Н. Н. Евсеев (2-ой взнос) — 10 фр., И. Е. Николаев (3-ий взнос) — 10 фр., К. Жибров (2-ой взнос) — 10 фр., А. П. Падалкин (2-ой взнос) — 10 фр., Т. Н. Данилевич (2-ой взнос) — 1 анг. фунт, Б. П. Попов (2-ой взнос) — 50 фр., И. П. Рыбкин (2-ой взнос) — 15 фр., В. Ф. Зверев (3-ий взнос) — 50 фр., М. Г. Божков (2-ой взнос) — 16,20 фр., княгиня Урусова — 20 фр., К. Мохов (3-ий взнос) — 15,80 фр., Н. И. Зимин (3-ий взнос) — 6 фр., З. П. Кумшацкая — 10 фр., Ивановсков — 27 фр., С. Ш. Балданов (3-ий взнос) — 10 фр., Н. И. Бирюков (2-ой взнос) — 15 фр., Гончаров из Иври (4-ый взнос) — 40 фр., Н. Я. Самойлов (3-ий взнос) — 8 фр., К. Щепкин — 26 фр., М. П. Сергеев (2-ой взнос) — 10 фр., П. К. — 35 долл.

Всех жертвователей просим принять нашу искреннюю благодарность.

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ «РОДИМОГО КРАЯ»

Непринятые рукописи обратно не возвращаются и в переписку о них редакция не вступает. Редакция оставляет за собой право статьи сокращать, не меняя смысла написанного. За статьи, подписанные полным именем автора, редакция не отвечает и они не всегда выражают взгляды редакции

Корреспонденцию на имя Редакционной Коллегии направлять по адресу: Monsieur Bogaevsky — 230 av. du la Division Leclerc, 95 - Montmorency (France).

Через редакцию «Род. Края» можно выписать:

«Воспоминания ген. А. П. Богаевского» (Ледяной поход) — 12 фр.

Н. М. Мельников — «Ермак Тимофеевич, кн. Сибирский, его сподвижники и продолжатели» — 8 фр. или 2 долл.

Л. Масянов — «Гибель Уральского Казачьего Войска» — 20 фр.

«Митрофан Петрович Богаевский» — сборник статей о Донском Баяне — 16,50 фр. или 3,50 долл.

Н. М. Мельников — «Как извращается история» — 2 фр.

П. М. Аврамов — «Ковылий сказ» — 3 фр.

П. М. Аврамов — «Никифор Кащеев» — 3 фр.

Казачий словарь справочник, 1-ый том — 25 фр.

Н. Н. Туроверов — «Стихи», книга 5-ая — 15 фр.

Н. Н. Воробьев — «Кондратий Булавин» — 15 фр.

Адмиралов — «Казачья трагедия» (1940-1945 гг.) — 12 фр. или 2,50 долл.

В. А. Беляевский — «Голгофа» (Очерки из воспоминаний 1882-1964) — 12 фр. или 2,50 долл.

П. Поляков — «Поэмы» — 4 фр.

Казачьи песни (изд. «Каз. старина») — 5 фр.

◆ Редакция обращается с настоятельной

просьбой ко всем своим читателям и подписчикам не задерживаться с внесением подписной платы. Издание «Род. Края» основано исключительно на самоодупаемости, при полной безвозмездной работе всех наших сотрудников. То-есть журнал издается на деньги, за него полученные, и на пожертвования отдельных лиц в Фонд Издательства, иначе говоря на деньги самих читателей, от которых и зависит дальнейшее существование «Род. Края».

◆ Редакция «Род. Края» не имея физической возможности отвечать на все письма, просит принять искреннюю благодарность приславших поздравления и теплые пожелания ко дню Покрова и к праздникам Р. Х. и Н. Г.

РОЗЫСКИ

◆ Три сестры и племянники розыскивают **Павла Васильевича Богачева,** ст. Усть-Белокалитвенской. Последнее письмо от него было из Франции в 1928 г. Лиц, знающих о его судьбе, просят сообщить в редакцию «Род. Края».

◆ Елена Александровна Погорелко розыскивает брата **Михаила Александровича Жилина** и его сына Александра, до 2-ой Мировой войны живших в Белграде. Писать по адресу: Madame Pogorelko. 55, rue Beklioz. 78 - Velizy-Billacoublay. France.

◆ Розыскивается донской казак **Василий Сергеевич Алексеев,** уроженец хутора Новоцарицинского, Клетского района, Волгоградской области, проживавший в г. Донецке Ростовской области. Знающих о его судьбе просят написать в редакцию «Род. Края».

◆ Сестра розыскивает брата **Бориса Станиславовича Катынского,** офицера 80-го конного Зюнгарского полка, и друзей **Андрея Одинцова, Александра Магутина** из Пятиизбянской станицы, оба учились в Калаче, позже были офицерами в Донской Армии, и **Анну Бабушкину** из Арчеды. Лиц, знающих о их судьбе, прошу написать по адресу: Madame Oussov-Blonsky rue № 1. 85, Antsakoviro, Tananarive, Madagascar.

◆ Хорунжего **Евлантьева** Георгия розыскивает племянник. Знающих о его судьбе просят написать по адресу: Stephan Evlanjew. 12 Lakeside Drive. Somerset, N. Jersey. U.S.A.

До войны жил в Курбевуа или Гарен-Коломб под Парижем.

◆ Сестра розыскивает брата **Валентина Климнина** рожд. 1904 г. станицы Букановской. Учился в Дон. Кадет. Корпусе в Югославии. Около 1925 г. переехал в Париж, откуда уехал в 1930 или 1932 г. Писать по адресу: Mrs A. Pachkevitch. 3700 S. W. Donovan Seatle. Math. 98126. U.S.A.

◆ Сын розыскивает отца урядника **Иосифа Караваева,** артиллериста, казака стан. Михайловской Хоперского Округа. По слухам, он проживал около г. Брно в Чехословакии. Лиц знающих о его судьбе просят написать в редакцию «Род. Края».

Imprimerie P.I.U.F. - 3, rue du Sabot - Paris (6e)

Родимый Край

ОГЛАВЛЕНИЕ

Б. В. Уланов — « По поводу 50-тилетнего юбилея коммунистической власти в России.
М. Бугураев — « Донцы на фронте и революция ».
Н. Туроверов — « Перекличка ».
Г. М. Астахов — « Астраханское Казачье Войско ».
П. А. Фадеев — « Гражданская война на Уральском отдельном фронте » (продолжение).
Кубанец — « Ежовщина ».
Т. Данилевич — « Катынь » (продолжение).
И. Сагацкий — « Кредо ».
Иванов — « С русской песней по белу свету » (продолжение).
Н. Евсеев — « Бузулук ».
Я. П. Богаевский — « Поставщик Двора Его Императорского Величества ».
Б. Богаевский — « Памяти полковника П. Н. Кудинова ».
Из казачьей жизни за рубежом и письма в редакцию: от представителя Кубанского Войскового Атамана во Франции, перекличка партизан участников Степного Похода, в Донской имени ген. Краснова станице в Нью-Йорке, в Каз. Союзе, обращение к сибирским казакам.
Ушедшие.
Денежные поступления в редакцию « Род. Края ».
От редакционной коллегии « Род. Края ».
Розыски.

РОДИМЫЙ КРАЙ

Орган общеказачьей мысли.
Издатель: Донское Войсковое Объединение.
Association des Cosaques du Don
Arr du Ministre de l'Int. J.O. 70 1955

PAYS NATAL Janvier-Février 1968
№ 74 — Январь-Февраль 1968 г. 4 фр.
Parait tous les 2 mois. Directeur: *Bogaevsky.*

Редакционная Коллегия: Б. А. Богаевский, А. И. Клочков, В. М. Кузнецов, А. П. Падалкин, Н. Н. Туроверов, Б. Н. Уланов.
Адрес редакции:

B. BOGAEVSKY
230, Av. de la Division-Leclerc
95 — Montmorency
France

ПО ПОВОДУ 50-ТИЛЕТНЕГО ЮБИЛЕЯ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ В РОССИИ

Москва отпраздновала этот юбилей. Им внимал мир и посылал свои приветствия.

Хотя по поводу Московских юбиляров высказались многие эмигранты, однако, и особенно, нам, казакам, есть о чем сказать и отдать должное юбилярам.

С помощью враждебной России Германской власти и ее финансовой поддержки весною 1917 г. прибыл в Петроград Ленин.

Ни Вр. Правительство, ни иные органы законной власти, ни жизненные интересы великой страны и ее народов Ленина не интересовали. Его цель: большевистская революция и захват государственной власти в Петрограде, пожар революции зажечь по всей стране и перебросить ее в иные страны. Развал России был в интересах воюющей с нею Германии.

В феврале 1917 г. в Петрограде, Москве и некоторых других больших городах России организовался Совет Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. В него, кроме большевиков, входили и другие социалистические партии, как в орган Революции, как влиятельный вспомогательный Вр. Правительству орган.

Ленин со своими товарищами всеми средствами и способами старался захватить Советы в свои руки и сделать их органом своей власти. В помощь Ленину на всем пространстве страны и фронта действовали его товарищи.

Казачество, м. б., одним из первых осознало и почувствовало грядущие беды от развала страны и фронта.

В виду возрастающего в стране безвластия, Казачьи Войска в своих Областях обратились к старинным своим государственным органам: Войсковым Кругам, Войсковой Раде и избранной и ответственной перед ними власти.

Вр. Правительство организовало т. н. « Совет Вр. Рос. Республики » или « Предпарламент » из представителей партий, общественных управлений и персонально авторитетных лиц. Но этот Совет был орган совещательный.

Первая попытка захвата власти в государстве большевиками была сделана в Петрограде в июле 1917 года. Солдаты держали нейтралитет. Это выступление большевиков было подавлено Донскими казачьими частями.

В июне 1917 г. Войско Донское впервые за 200 лет избрало Донской Войсковой Круг. Он собрался в Новочеркасске. Его Председателем был избран М. П. Богаевский. Этот Круг выбрал Донским Атаманом казака Усть-Хоперской станицы Усть-Медведицкого округа ген. от-кавалерии А. М. Каледина.

Июльская попытка большевиков захватить государственную власть не была тогдашней государственной властью понята во всем ее значении и не представлялась серьезной угрозой государству. Но все же Вр. Правительство созвало Московское Государственное Совещание из представителей российской общественности и Казачества. На этом Совещании особенно знаменательным было выступление представителя всего Казачества в лице Донского Атамана А. М. Каледина. Он выразил взгляды и настроение Казачества. Выступление Атамана Каледина исчерпывающе обрисовало всю безотрадную обстановку и опасность, в которых уже очутилось государство, и необходимость принятия чрезвычайных мер для оздоровления фронта и тыла.

На этом Совещании участие принимал и Верховный Главнокомандующий ген. Л. Г. Корнилов.

Выступление на Московск. Госуд. Совещании ген. Каледина и Корнилова немного позже стало для Вр. Правительства основанием мобилизовать против Дона два военных округа и приказа ген. Каледину явиться в Могилев и предстать перед Следственной Комиссией, как сообщнику ген. Корнилова. Последний вместе с ген. Деникиным и др. были арестованы и посажены в Быховскую тюрьму. Ген. Каледину было предъявлено обвинение в измене Родине — чисто провокационное. Так как ген. Каледин был Донским Атаманом, он, прежде всего, был обязан дать отчет перед Д. В. Кругом.

Председатель Донского Правительства М. П. Богаевский объявил свой знаменитый « Сполох », призвав членов Д. В. Круга в Новочеркасск на заседание Круга. Заседание было открыто Председателем Правительства. В. Круг своим Председателем избрал Н. М. Мельникова.

Круг выслушал своего Атамана, давшего пространное объяснение о своей поездке по Области и категорически опроверг все выставленные против него обвинения.

Д. В. Круг Атамана оправдал, дав ему приказ Дона не покидать. Д. В. Круг вынес Постановление в форме древнего Донского казачьего принципа: « с Дону выдачи нет ». О решениях Круга было сообщено Вр. Правительству. Последнее признало свою ошибку в отношении мобилизации против Дона и приказа о явке ген. Каледина в Могилев.

Тем временем Лениным и его партией подготовка к захвату государственной власти продолжалась. И 25 октября ст. ст. состоялось второе выступление большевиков против Вр. Правительства. На этот раз его никто не защищаль, если не считать слабый « Женский баталион » и группу юнкеров.

Вследствие саботажа железнодорожников, кавалерийский корпус, главным образом, из Донских казачьих частей, под начальством ген. П. Н. Краснова, задержался на пути и не мог во время прибыть в Петербург.

И ничтожным силам из матросов и маленькой группы солдатских частей большевикам без труда удалось занять в Петрограде « командные высоты ».

Последний символ Российской власти — Вр. Правительство пало.

Ленин установил в Петрограде власть « Совета Народных Комиссаров ».

И с этого момента прошло пятьдесят лет.

И это событие, как « Великую Октябрьскую Революцию » ныне пышно отпраздновали московские диктаторы.

Но уже с первого момента появления « Совета Народн. Комиссаров » под председательством Ленина, как государственной власти, его не признало Войско Донское в лице своего Атамана и Правительства. Вслед за ними власть « Сов. Нар. Комиссаров » не признало и все Казачество.

Почему Казачество не признало власти большевиков?

Потому, что это была власть чисто захватническая. Это была власть не народная, не национальная, не правовая и не демократическая.

Это была лишь диктатура Ленина и подчиненного ему партийного органа « Сов. Народн. Ком. ». Демократическая природа Донского казачества не могла принять диктатуру ничтожного меньшинства народа, тем более диктатуру партии большевиков.

Чтобы привлечь к себе сочувствие и поддержку масс-рабочих и крестьян, Ленин и его партия ни пред какими обещаниями не останавливались. Рабочим — фабрики и заводы, крестьянам — вся земля, национальным меньшинствам национальное самоопределение вплоть до отделения, солдатам немедленное прекращение войны и мир без аннексий и контрибуций, народу вся власть и т. д.

Но все обещания большевиков-коммунистов остались без исполнения.

Под титулом национализации частного капитала и имущества в пользу неимущих происходил повсеместный грабеж. Под формой « колхоза » произошло новое закрепощение крестьянства. Под формой « совхоза » введен монопольный государственный капитализм с полным лишением права рабочим защищать свои интересы. Единственным хозяином и распорядителем и « колхоза » и « совхоза » и всего достояния народов СССР стала коммунистическая партия, точнее, ее диктаторы.

Не права народам России, а полное их закабаление принесли коммунисты. Право национального самоопределения народов свелось к самому жестокому централизму под неограниченной властью Коммунистической партии, ее диктаторов. Коммунистическая власть как была, так и осталась интернациональной. Она разогнала Всероссийское Учредительное Собрание — единственный признанный на основе права, морали и национальных интересов институт.

Советско-коммунистическая власть существовала и существует только для самое себя. Ее основная и перманентная задача-распространиться и утверждать себя во всем мире. Для нее не существует проблемы национальных интересов и национального благополу-

чия. Она отвергает самые элементарные права человека.

Она ведет безпощадную борьбу со всеми видами духовного и материального творчества, признавая и поддерживая только то, что укрепляет и распространяет коммунистическую власть, точнее, диктаторов данного момента.

Под видом борьбы с религиозными « предрассудками » коммунистическая власть 50 лет ведет небывало безпощадную борьбу против всякого духовно-морального начала, против религиозной совести и общественных начал. Все органы советско-коммунистической власти существуют только для того, чтобы, утверждая ее, перенести ее на весь земной шар.

Этой цели в жертву приносятся в с е духовные и материальные силы и рессурсы страны и народов СССР.

Страна, вывозившая хлеб, вынуждена была его покупать заграницей. Потребности еды, одежды, крова, культурного общения и развития широкой массы народа и личности приносятся в жертву военной индустрии, вооружения, изобретению новых и новых видов оружия для снабжения ими многочисленных народов внешнего мира ,чтобы среди них расширить свое влияние и укрепить коммунистическую власть.

Тысячи и тысячи дорого оплачиваемых за счет национального благополучия агентов и провокаторов Советы бросают на весь мир, дабы разложить, подчинить своему влиянию его народы.

Вот «благо», смысл и значение для мира того юбилея, который с таким торжеством отпраздновила в Москве Советско-коммунистическая власть.

Донские казаки (как и все Казачество) 50 лет тому назад не признало этой власти. Годы боролось с нею, понесло неисчислимые жертвы людьми, неся потери самыми замечательными и талантливыми своими сынами и всем своим достоянием.

Казаки потерпели военное поражение, так как вынуждены были бороться фактически почти со всей Россией, ее восстановленной армией, снабженной вооружением и снабжением бывшей Империи. На стороне Советов стала большая часть Генерального штаба и значительная часть офицерства...

Однако и поныне ни на одно мгновение казаки не признали и не признают советско-коммунистической власти.

Мы глубоко убеждены, что эта анти-народная, анти-национальная власть фатально обречена на развал и крушение и это, может быть, случится не в далеком будущем.

Правду, Совесть человеческую, духовно-моральное начало, религиозную веру и убеждение, как и Право и Справедливость, начало Свободы н е л ь з я убить...

Они победят.

« Возопиют камни под ногами » и дела нечестивых обратятся на содеявших их...

Вот то Слово Казачье, какое мы хотели сказать миру по поводу Московских ликований...

Нью-Йорк **Б. Н. Уланов**

(Выступление на собрани Казаков в Нью-Йорке 19. 11. 67).

ДОНЦЫ НА ФРОНТЕ И РЕВОЛЮЦИЯ

К моменту революции на театре военных действий донских казачьих частей было: 60 кон. полков, из них 2 Гвардейских, 32 Кон. батареи, одна Гвард. бат., одна пешая бригада и более 100 отдельных « особых » сотен.

Я в 1915 году был на долности младшего офицера 12-й дон. каз. бат., 5-ая дон. кон. дивизия-полки 27-ой, 28-ой, 29-ый, 33-ий; 12-ая и 13-ая дон. кон. бат.

В 1915-16 годах в штаб дивизии из Петрограда приезжал профессор Н..., к сожалению, его фамилии не помню. Месяца за полтора до революции он приехал опять. Был и у нас в батарее. Я отлично помню, что он говорил офицерам батареи о возможности близкого переворота и революции в России. Никто из нас профессору не поверил. В это время на всем фронте шла усиленная подготовка для весеннего общего наступления по всему фронту. Шло накапливание артиллерий, и различного специального оружия. В крепких блиндажах, близких к фронту, делались колоссальные запасы снарядов и патронов. Все с нетерпением ожидали « весну » и общее на-

ступление, о чем немцы, конечно, знали.

Чтобы знать, прав ли был профессор и какое основание было у него говорить о революции, надо сделать большое и необходимое объяснение. Можно его сделать только теперь, имея под руками различные книги, описывающие события того времени; книги которые за давностью лет теперь достать почти невозможно. Тогда (50 лет тому назад) на фронте ничего нам не было известно. Знали м. б. только люди тайно занимавшиеся вопросами политики. Казаки, да и не только казаки, не знают точных причин быстрого разложения Русской Императорской армии.

«Как могли в такой короткий срок, сильную с огромным историческим прошлым, десятимиллионную Армию, развалить в течении трех-четырех месяцев» — пишет ген. Деникин во 2-м томе своих «Очерков». «Прожив недели две в Харбине в конце ноября 1905 г. и проехав по сибирскому пути 31 день от Хабаровска до Петербурга, я составил себе ясное понятие, что можно ждать от разнузданных, лишенных сдерживающих начал, солдатских масс. И все тогдашние митинги, резолюции, и вообще все проявления воен. бунта, с большей силой, в несравненно более широком масштабе, но с точностью повторились в 1917 году».

«На фронте уже к октябрю 1914 года иссякли запасы для вооружения пополнений, которые стали получать на фронте сначала вооруженными на одну шестнадцатую, потом и вовсе без ружей. Наконец... была мобилизована вся частная русская промышленность под контролем вновь созданных военно-промышленных комитетов. В июле 1915 года получали по 33 парка, вместо затребованных — 50, а в сентябре, благодаря привлечению к работе частных заводов, приспособленных для выделки необходимого на фронте, получали 78. К концу 1916 г. армия обладала вполне достаточными боевыми средствами, чтобы начать широкую операцию на всем фронте».

В конце сент. Жоффр, Главком на Зап. фронте союзников, интересовался, достаточно ли имеет Русская Армия артиллер. снаряжения для продолжения военных действий. Военный министри Сухомлинов отвечал: «настоящее положение относительно снаряжения... не внушает опасения».

Катастрофа разразилась окончательно в 1915 году. При отступлении из Галиции не было ни патронов, ни снарядов. О причинах недостатка в Армии снарядов и др. вооружения очень ценные сведения дает А. Наумов: в книге «Из уцелевших воспоминаний».

13-го ноября 1915 года Наумов был назначен Управляющим Министерством Земледелия с оставлением членом Госуд. Совета по выборам от земств Самарской губ.

Он пишет: «До 1915 года Франция и Англия не принимают наших заказов, якобы из-за перегрузки своими. Япония, за 700.000 винтовок, хотела получить весь ост. Сахалин, получили от нее по сходным ценам 400.000 винтовок. В Америке, с начала войны Германия закупила все необходимое для воинского снаряжения».

«Уже в июле 1915-го года, среди законодательных и общественных кругов росло недовольство всем, что происходило на фронте и в верхах тылового управления; в самих войсковых частях и в рабочих массах все сильней и ярче начали проявляться грозные признаки ожесточения гнева на «начальство» за неумелые распоряжения, причинявшие огромные потери в людях и территории. При выборах представителей от столичных рабочих в Военно-промышленные комитеты открыто раздавались общие возгласы: «Долой войну, Долой самодержавие». (Это говорил Наумову Петроградский вице-губернатор граф А. Н. Толстой).

«В целях выяснения причин недостаточного снаряжения действующей Армии, Государь в половине июля 1915 года приказал образовать Особую Верховную Комиссию из семи человек; четыре лица состоящие на Госуд. службе, два из среды Госуд. Думы и один член Госуд. Совета — А. Наумов. После расследования деятельности бывш. Воен. Министра, Верх. Комиссия представила в Госуд. Совет свое постановление о необходимости возбудить против Сухомлинова уголовное преследование по обвинению его в противузаконном бездействии, превышении власти, служебных подлогах, лихоимстве и в государственной измене» (А. Н. 11-318).

«29-го апр. 1916 года Сухомлинов был арестован и заключен в Петропавловскую крепость, но в октябре был освобожден и переведен под домашний арест. После февральской революции Сухомлинова вновь арестовали и предали суду. Правительствующий Сенат, с участием присяжных заседателей, признал Сухомлинова виновным и приговорил его к лишению всех прав состояния и к пожизненной каторге. В закрытом заседании Государств. Совета, 4-го авг. 1915 года военный министр. А. А. Поливанов нарисовал тяжелую картину состояния фронтов, отметил полное отсутствие в армии запасных винтовок, снарядов и даже обученных солдат... а у нем-

цев, по его словам, во всем этом был избыток ».

« 11-го авг. 1915 г. ген. Кузьмин-Караваев довел до сведения След. Ком., что у русских артиллеристов, по имеющимся у него сведениям, в данный момент имелось не больше двух снарядов на каждую пушку ».

Были образованы отдельные комиссии для расследования, как работали орудийные, ружейные и др. заводы, как они получали заказы... Наумов обследовал деятельность Царицынского оруд. завода. Свидетельские показания давали, начиная с простых рабочих, и кончая даже Великими Князьями.

Нач. главн. артил. управления ген. А. Маниковский показал, что — « Большая программа Воен. министерства... реорганизация армии и обезпечение ее всем неоходимым... могла быть проведена полностью лишь к 1917 г. (Н. стр. 321). К началу войны было очень мало орудий тяжелой артил., недостаточно бронеавтомобилей, биноклей, телефонов, телеграфных принадлежностей и пр. Авиация — только начинала развиваться. Поэтому с первых месяцев войны должны быть приняты меры по усилению отечественного производства и прибегнуть к заграничным заказам.

Наряду с Воен. министерством действовали совершенно самостоятельно Всероссийские Земские и Городские союзы, Военно-промышленный комитет, Красный крест и др. организации. Шло соревнование, что вносило путаницу в дело снабжения армии. Дело велось частью непосредственно с оффициальными представителями иностранных держав, а также и через представителей частных фирм, комиссионеров и ловких спекулянтов, что приводило к различному качеству получаемых заказов и различным ценам. При устройстве и оборудовании заводов не предусмотрели возможности быстрого расширения их производительности, что могло потребоваться обстоятельствами воен. времени. Частная промышленность совсем не была приспособлена для обслуживания военно-технических нужд. (Начала работать только с образованием Военно-промышл. комитетов — конец июля). При расследовании о Царицынском заводе, А. Наумов обнаружил много упущений и не добросовестного отношения к выполнению заказов администрацией завода. Для того, что бы избавиться от продолжения дальнейшего расследования, люди, занимавшие высокие посты в управлении государством, « устроили » А. Наумова на пост Управляющего Министерством Земледелия и он должен был оставить свой пост в Верх. Следст. комиссии.

С 1916 г. деятельность Верх. Следс. комиссии заметно стала ослабевать и в конце концов совершенно прекратилась. Вместо нее начало работу Особое Совещание по Обороне, и за один 1916 год оно смогло заготовить должное снаряжение и вооружение для всей многомиллионной Императорской Армии.

« Меня всегда интересовал вопрос: знал ли Государь о том, что творилось и что готовилось в Росии? — и теперь, разбираясь в книгах современников, можно сказать положительно: — « Да. Он знал » (А. Н.).

Еще в свое первое представление Государю в 1907 году А. Наумов докладывал о крестьянском разбое, грабежах, терроре и убийствах помещиков, поджогах усадеб и уничтожении конских заводов-расплодов, различных фабрик и т. п. Председатель Госуд. Думы Родзянко предупреждал Государя, что в стране существует большое недовольство тем, что Государыня Александра Феодоровна принимает деятельное участие в назначении Министров, их увольнении и в управлении Государством, что было известно не только занимающим Государственные посты, но даже и частным лицам.

У ген. Деникина, т. I-37, читаем: « К началу 1917 года крайне напряженная атмосфера политической борьбы в России выдвинула новое средство: « переворот ». В Севастополе больному Алексееву представители некоторых думских и общественных кругов откровенно заявили, что « назревает переворот. Как к этому отнесется страна — они знают. Но какое впечатление произведет переворот на фронте, они учесть не могут ».

« Ген. Алексеев указал им на недопустимость каких бы то ни было государственных потрясений во время войны, на смертельную угрозу фронту, который по его пессимистическому определению и так непрочно держится, и просил во имя сохранения армии не делать этого ».

« Те же представители, говорит ген. Деникин, посетили ген. Брусилова и ген. Рузского и, получив от них ответ противуположного свойства, изменили свое первоначальное решение, подготовка « переворота » продолжалась ». А. Наумов в т. II ст. 298 пишет: « уже 19-го июля 1916 г. говорили в Петрограде о готовящемся перевороте ».

А. Деникин пишет, что « о готовящейся опасности стране и династии Государя опять предупреждали вдовствующая Императрица Мария Федоровна, вел. князь Алексей Михайлович, ген. Алексеев, ген. Гурко, протопр. Шавельский, Пуришкевич. И опять предупреждал письменно Председатель Госуд. Ду-

мы Родзянко, хотя он через ген. Алексеева, за предыдущее свое письмо, получил от Государя письменный выговор ».

Известно письмо вел. кн. Николая Михайловича от 1-го ноября Государю, — « о порядке назначений министров при посредстве среды окружающей Императрицу, о необходимости устранения постоянного вторгательства темных сил в управление Государством », « Ты находишься накануне эры новых волнений, скажу больше, новых покушений »... Так закончил свое письмо вел. князь.

Никакие предупреждения о возможной опасности на Государя не подействовали. « В первой половине марта предполагалось вооруженной силой остановить императорский поезд во время следования его из ставки в Петроград. Предложить Государю отречься от Престола, а в случае несогласия физическое его устранение. Наследником предполагался законный правопреемник — Алексей, а регентом Михаил Александрович ».

Но... судьба решила иначе. На фронте, совершенно неожиданно, получили манифест Государя об отречении Его и за сына от престола в пользу вел. князя Михаила Александровича.

Приведу очень интересное сообщение, о котором и сейчас мало кто знает. « Поздно ночью поезд 2-го марта со стан. Дно уносил отрекшагося Императора в Могилев, где при свидании с ген. Алексеевым он, государь, глядя на него усталыми ласковыми глазами, как то нерешительно сказал: — Я передумал. Прошу вас послать эту телеграмму в Петроград ».

« На листке бумаги отчетливым почерком Государь писал собственноручно о своем согласии на вступление на престол сына своего Алексея. Ген. Алексеев унес телеграмму... и не послал. Было слишком поздно — стране и армии объявили уже два манифеста. Телеграмму эту ген. Алексеев, « чтобы не смущать умы », никому не показал, держал в своем бумажнике и передал мне в конце мая, оставляя верховное командование ». (Ден. « Очерки », т. I-54).

Затем последовал манифест Вел. Князя Михаила Александровича, в котором он писал:

« Я принял твердое решение в том лишь случае воспринять Верховную власть, если такова будет воля великого народа нашего... Прошу всех граждан Державы Российской подчиниться Временному Правительству ». (Д. т. I-55). В томе I, стр. 60, читаем: « Войска были ошеломлены — трудно определить другим словом первое впечатление, которое произвело опубликование манифестов. Ни радости, ни горя ».

Все эти, совершенно неожиданные, события казаки приняли совершенно спокойно, т. к. все происшедшее было утверждено согласием и волею Монарха. Казаки спрашивали офицеров — что же будет дальше? Как все это произошло? Чем было вызвано? Почему отрекся Государь? Где он находится? Почему войска не защищали Его от врагов внутренних?

На все эти вопросы офицеры им ответить не могли, так как сами ничего не знали и не имели никаких сведений, как это произошло. На фронте, немедленно за манифестами, появился приказ № 1-ый Совета Солдатских и Рабочих депутатов.

Иосиф Гольденберг, член Сов. сол. депутатов и редактор газеты « Новая Жизнь », говорил французскому писателю Клод Анэт: « Приказ № 1-ый не ошибка — необходимость. Он является единодушным выражением воли Совета... Мы поняли, что если не развалить старую армию, она раздавит революцию » (Д. т. I-66).

Приказ № 1-ый: 1) выбрать немедленно комитеты из представителей нижних чинов, 2) по одному от каждой части в Сов. С. и Р. деп. 3) воинская часть подчиняется в политическом выступлении своим комитетам, 4) все приказы исполняются только если они не противоречат приказам Сов. С. и Р. деп., 5) все оружие находится только под контролем комитетов и офицерам не выдается, 6) солдаты пользуются правами всех граждан; отдание чести отменяется, и 7) вводится новое титулование офицеров — господин генерал и т. д. Обращение к солдатам на « ты » отменяется.

Об этом приказе ген. Деникин пишет: « он привел к переходу фактической военной власти к солдатским комитетам, к выборному началу и смене солдатами начальников... приказ давший первый толчек к развалу армии ». Это был приказ о правах солдата, но не об их обязаностях. Он явился первой ласточкой разложени Русской Армии, уничтожения дисциплины в частях и неподчинения приказам своих офицеров.

У нас в батарее с получением этого приказа сразу почувствовался « появившийся холодок » в отношениях казаков со своими офицерами, хотя все приказы еще выполнялись точно. А когда выбирали батарейный комитет, в состав которого лучшие казаки и урядники не хотели попасть. то казаки перестали задавать офицерам различные политические вопросы, т. к. остерегались попасть « на за-

метку » членов батар. комитета.

На фронте, один за другим, безпрерывно получались приказы Врем. Пр-ва, распоряжения, объяснения, дополнения... Часто и даже раньше в противовес этим приказам, во фронтовые части поступали категорические приказы Петрогр. Сов. Сол. и Раб. депутатов, который выполнял все инструкции партии большевиков, объявившей солдатской массе лозунги: « Немедленный мир без аннексий и контрибуций », — « мир хижинам — война дворцам », — « земля и воля народу ». Мир и все то, что хотели солдаты, уставшие от войны...

Обманутая солдатская масса поверила большевикам и пошла за ними. Сотнями пудов, фронт засыпался большевистскими бесплатными газетами « Правда », « Окопная правда », « Социалистический вестник » и др. (Деньги на пропаганду и разложение армии давал большевикам немецкий генеральный штаб). Солдаты, призываемые газетами к « немедленному миру » с противником, не хотели больше воевать. На фронте началось « братание » с немцами. Шел обмен и торговля хлебом, водкой, папиросами. Немцы снабжали солдат газетами на русском языке с обвинением Вр. Пр-ва и ком-состава Армии в нежелании начать переговоры о мире, к которому так стремились солдаты, и использовали это « братание » для развития широкой сети шпионажа. Иногда артиллерия, чаще казачья, по приказу из штаба, открывала огонь и разгоняла « братающихся ». Конечно, это усиливало рознь между солдатами и казаками. Армия разваливалась все больше и больше. И... наконец началось дезертирство солдат с фронта. В ближайших к фронту тылах скопилась масса дезертиров. Не хватало поездов для всех стремящихся вглубь России. Солдаты самочинно захватывали поезда, переполняли их до отказа. Лезли на крыши, стояли на буферах, что часто приводило к несчастьям со смертельным исходом.

Войти в вагоны было невозможно и лезли через окна. Для скорейшей отправки поездов вне росписания дезертиры прибегали к насилию над начальниками станций. В тылу начались грабежи, насилия над мирными жителями, уничтожение различных заводов, фабрик, государственного имущества и т. п. Местные власти, поддерживающие порядок, не могли и не имели возможности справиться своими силами с бесчинством дезертиров.

Необходимо было спешно принять специальные меры для охраны ближайшего к фронту тыла. И опять прибегли к помощи казаков и регулярной кавалерии, где еще сохранилась дисциплина. Были и сохранившие еще дисциплину части-пехотинцы, но их было слишком мало. Более продолжительное время порядок сохранялся в гвардейских, артиллерийских и кавалерийских частях и у казаков, которые только по приходе на Дон отказались выполнять приказы и разошлись по домам, дав возможность большевикам захватить Донскую Область.

« Дон. Лет. ». т. II стр. 9, указывает, что казачьи полки, отдельные и особые сотни, кроме службы связи и разведки, получили назначение нести еще службу по борьбе с дезертирством и охране тыла. В мае месяце 29 казачьих полков и отдельных сотен были заняты этой службой. В июне месяце их было уже 45 полков и до 65-ти отд. сотен. К сожалению, о кавалер. полках, занятых этой службой, сведений нет. Эта неблагодарная служба создавала неприязненное, а часто даже и враждебное, отношение солдат к казакам. Давала много лишних поводов для агитации и натравливания большевиками солдатской массы на казаков-« старорежимников, защищающих Вр. Пр-во, как раньше защищали царское ».

На фронте у Донцов долгое время из дома вестей не было и... не знали казаки, что там творится. Пришел запоздалый приказ Вр. Пр-ва о выборе комитетов. Казаки не признавали Сов. С. иР. деп., а признавали Вр. Пр-во и Совет Союза Казачьих Войск, работавший в контакте с Вр. Пр. У нас в батарейном комитете председателем выбрали нестроевого старшего разряда (писарь) А. Саламатина. Он был очень груб, озлоблен и недоброжелателен в отношениях с офицерами за то, что не получил ни одной боевой награды. Преследовал офицеров и придирался ко всякому удобному случаю, чтобы создать им лишнюю неприятность. (На Дону в начале янв. 1918 года в хуторе Чеботовка по его настоянию в 12-ой батарее были арестованы и отправлены к большевикам в ст. Каменскую три офицера. 13-ая дон. батар. не арестовала ни одного из своих офицеров).

Только батар. комитетам было дано право при Вр. Пр-ве награждать отличившихся офицеров и казаков. Причем и для офицеров и казаков награждение было одинаковым образцом креста (так называемым солдатским) с добавлением к нему на ленте « веточки ». Она указывала, что крест получен через постановление комитета части.

В начале революции наша дивизия занимала позиции по болотистой, зимою незамерзающей, широкой, со многими островками, реке Стоход (направление Сарны-Ковель). В ты-

лу, в 4 кил., была ж. д. станция Софиевка. В конце апреля дивизию передвинули на несколько десятков килом. к северу по р. Стоход, в район сел Малое и Большое Морочно. При нашем переходе туда, мы в пути встретились с 27-ой пех. дивизией. Все чины ее были украшены красными бантами и имели красные кокарды. В это время у нас в батарее (да и во всех частях дивизии) еще никто не носил « революционных отличий ».

« Почему Вы, казаки, не носите красных бантов? » говорили злобно солдаты. « Значит, вы не за революцию? », спрашивали они с добавлением нецензурной ругани. Началась довольно острая и сильная перебранка, скоро прекратившаяся, т. к. части, не останавливаясь, разошлись в различных направлениях. При первой же остановке батареи « на отдых » большинство казаков и прапорщик Н. одели красные банты. Вечером « на привале » батар. комитет вынес постановление: « всем офицерам и казакам батареи одеть красные банты ». Часть офицеров игнорировала постановление и бантов не одела. На Дону в янв. 1918 г. все они были батар. комитетом арестованы и отравлены в ст. Каменскую в распоряжение военного трибунала большевиков, занявших в то время станицу, но конвой, их сопровождавший, освободил и красным не передал.

Постепенно и казаки на фронте, под влиянием пехоты ,начинают митинговать, проводят выборное начало, новыми выборными командирами, в большинстве случает, остаются старые. — Нелюбимым офицерам, расцениваемым придирчиво-строгими, выносят недоверие, а некоторых комитеты удалили из частей за « несоблюдение казачьей копейки. Ношение красных бантов у казаков долго не задержалось. У нас в батарее урядники и офицеры сняли их одновременно. Вскоре за ними, один по одному, поснимали и казаки. И с красными повязками на правом рукаве остались только одни члены батар. комитета.

Нашим соседом в районе сел Морочно была 177-ая пех. дивизия, ежедневно проводившая вооруженные митинги, на которые казаки батареи, по постановлению комитета, не ходили. А некоторые случаи указали на то, что пехотинцы боялись трогать казаков. На одном из митингов было принято решение арестовать штаб дивизии и начальника див. ген. Миллера. Арест не состоялся только потому, что казаки батареи (12-й) через свои комитеты заявили, что будут защищать штабных офицеров и до самосуда не допустят. И, в виде угрозы, заняли позицию батарейными орудиями — двумя в районе штабдива. Нужно еще подчеркнуть, что служба казаков была очень тяжелая и неблагодарная. В казачьих частях дезертиров не было. Несмотря на специально усиленную пропаганду большевиков среди казаков, они продолжали точно исполнять все получаемые распоряжения для прекращения безчинств пехотных солдат. Все же, постепенно и казаки начали подпадать под влияние большевистской агитации. Стремились на Дон, с нетерпением ждали приказа Атамана « идти домой ». Но в силу сложившейся обстановки на фронте и в тылу Атаман ген. Каледин не считал возможным отдать такой приказ. Это привело к тому, что казаки-фронтовики стали выражать недовольство своим Атаманом.

В половине августа дивизию из района Морочно передвинули на охрану свекло-сахарного района городов Шпола-Смела. Артиллерийский дивизион стоял в местечке Васильково. В этом районе дивизия простояла приблизительно до начала октября. Было известно, что большевики готовят новое восстание для свержения Временного Правительства и захвата власти по всей России. Дивизию передвинули ближе к гор. Киеву в район дачной местности Боярка. Уже здесь казаки от большевиков агитаторов знали, что в гор. Киеве они поднимут восстание.

Батарейный комитет вынес постановление о « нейтралитете », в случае движения дивизии в гор. Киев. Об этом было заявлено штабу дивизии. Знали об этом и большевики в городе и украинские части, которым было сообщено об этом решении. 13-я батар. тоже заявила о своем нейтралитете. Но все же 28-го окт. 1917 г. к вечеру уже вся 5-я дон. каз. кон. дивизия была введена в город, без сопротивления со стороны большевиков. Очевидно, как показали следующие дни, они хотели, чтобы казаки ушли из города, соблюдая свой « нейтралитет », и потому не хотели ввязывать казаков в бой. Об этом времени надо писать отдельную статью, т. к. в печати описания этого нигде нет.

Но все же, я коротко коснусь пребывания нашей дивизии в гор. Киеве. Штаб дивизии находился в Киево-Печерской Лавре, оторванный от своих полков. Полки дивизии умышленно по сотням размещались далеко одна от другой; так же, как и батареи, которые не имели никакого прикрытия. 12-я батар. находилась на Меловой ул. на «Меловом дворе» с большим двором и конюшнями, где были извозчики города. Связь была только посыльными, т. к. телефонная связь сразу была большевиками уничтожена.

В течении двух дней шли переговоры ко-

мандующего войсками, верными правительству, с украинцами, и пришли к соглашению, что казаки и все не украинские части должны оставить город, так как никаких большевиков в Киеве нет. Ночью 30-го октября дивизия оставила Киев. Каждой отдельной части дивизии были присланы специальные проводники от большевиков, которые со специальным паролем благополучно вывели дивизию за город. Ночевали в городке Николаевского Артил. училища. Рано утром 31-го окт. на ближайшей станции ж. д. к училищу были поданы составы вагонов. Погрузка шла очень быстро, торопились железнодорожники. К вечеру в городе уже началась вооруженная борьба с украинцами. От их командующего был получен нами телеграфом приказ идти в город. « Зачем, сказал дивизионный командир, там нет большевиков ». В ночь эшалоны двинулись на Дон. В эти же дни ноября последовал приказ донским казакам идти домой на Дон. Вместе с дивизией уехали на Дон юнкера, кто хотел офицеры из города, были даже и семейные штатские люди, т. к. казаки и комитеты брали к себе по вагонам всех, кто пришел на станцию к погрузке и кто хотел уехать с ними. Я знаю подробности пребывания казаков в Киеве, так как два дня со взводом батареи, два орудия, находился при штабе ген. Жилинского, командующего воисками верными Правительству. Офицеры, юнкера, казаки, корниловцы и рота чехов, подошли еще бригада кубанских и бригада уссурийских казаков, они не были вооружены, так как состоялось « соглашение ». И их помощь уже не была нужна.

США. **М. Бугураев**

ПЕРЕКЛИЧКА

I

Убиенные подростки-подголоски
Поют в небесной тишине.
К нам долетают отголоски
Казачьих песен в вышине.
Ремнем могучий опоясан
Казачий стан. И старики
Им отвечают низким басом:
Мы казаки! Мы казаки!

II

Одиноко сижу я в тоске;
Но чарка не дрогнет в руке:
Я за казачество пью,
За светлую долю свою,
За счастье быть казаком!

Н. Туроверов

АСТРАХАНСКОЕ КАЗАЧЬЕ ВОЙСКО

(Краткий исторический очерк)

Началом образования Астраханского казачества следует считать 1556 г. — год покорения Астраханского царства и взятия Астрахани ратью Иоанна Грозного, когда какая то часть донских, гребенских и волгских казаков, бывших в московском войске, там осталась.

Последующие крупные события в истории Астрахани, в которых принимали участие приходившие казачьи отряды пополняли их ряды, так как какая то часть казаков оседала в Астрахани. 1605-06 гг. она была взята и разграблена донскими и гребенскими казаками, в 1614 г. временно захвачена вольницей Заруцкого, бежавшего сюда в конце Смутного Времени вместе с женой Лжедимиртия Мариной Мнишек и ее сыном «воренком Иваш-

кой », объявленным Заруцким царем всей Руси. Но скоро Астрахань была взята царскими стрельцами, а Заруцкий казнен.

Через 50 лет, в 1667 г., Астрахань была взята Ст. Разиным, вскоре ушедшим вверх по Волге, но оставившим своего наместника Ф. Шолудяка со значительным отрядом казаков. Но и Шолудяк, кстати проявивший себя хорошим администратором, продержался недолго: вскоре в Астрахань вошла царская рать, а Шолудяк, бывший первое время на свободе « под надзором полиции », был схвачен и казнен. В 1705 г. в Астрахани взбунтовались стрелецкие полки. Восстание было вызвано притеснениями местных властей, непосильными податями и распоряжениями Петра носить платье немецкого образца и брить бороды. Ходили слухи, что Петр хочет установить новую веру и отдать всех русских девиц насильно замуж за немцев. В подавлении восстания, принявшего большие размеры, участвовали и донские казаки. В 1706 г. Астрахань сдалась царским войскам.

Но все это время правильной организации Астраханских казаков не было. Часть их несла городскую службу или охраняла границы от кочевников, другие занимались рыболовством, а некоторые « добывали зипуны » на Волге или на Каспийском море.

В 1737 г. при Анне Иоанновне было решено организовать казачье население Астрахани. Указом Военной Коллегии было приказано сформировать Астраханскую казачью команду из 100 человек казаков и 20 новокрещенных калмыков. В таком виде команда просуществовала недолго — к 1742 г. калмыки разбежались, уведя с собой казенных лошадей. Но тем не менее, в 1750 г. команда эта была преобразована в Астраханский казачий военный полк в 600 человек. С этой даты в царской России считалось старшинство Астраханского Войска, т. е. это была дата его официального образования. Для поселения полка в 5 верстах на Юго-восток от Астрахани была создана станица Казачебугровская. Организованное таким образом, Астраханское каз. Войско несло регулярную кордонную и охранную службу. Высылались казаки и для охраны рыбных и соляных промыслов, выставляли кордоны по Волге и на почтовых трактах в Калмыцкой и Ногайской степи. Ряды казаков непрестанно пополнялись вольными людьми, так что в 1762 г. правительство запретило принимать в казаки « бродяг и беглых людей ».

В 1764 г., при Екатерине Великой, вверх по правому берегу Волги, по распоряжению властей, были основаны станицы Дурновская, Лебяжинская, Замьяновская, Городофарностинская, Сероглазинская Копаневская, Витлянская, Грачевская. Распоряжениями правительства Астраханское Каз. Войско все увеличивается: в 1784 г. к нему присоединена Енотаевская команда городовых казаков, в 1786 г. — Черноярские и Красноярские городовые казаки, в 1801 г. — Саратовские, Камышинские, Царицынские городовые казаки, в 1802 г. — остатки Волжского Казачьего Войска, большая часть которого за участие в Пугачевском движении была переселена на Кавказ и позже вошла в состав Терского Каз. Войска. В Астраханском Войске волгские казаки образовали станицы Александровскую и Пичигинскую.

В 1803 г. количество строевых казаков Астраханского Войска достигало 1600 человек. В 1808 г. астраханские казаки выставляли три полка, а с 1816 г. и одну полуроту конной артиллерии 6-тиорудийного состава.

В Отечественную войну астраханцы воюют против французов в рядах русской конницы, а часть их в 1813 г. находилась на персидской границе. В 1823 г. 2-ой Астраханский каз. полк принимал участие в делах против лезгин в Дагестане, в 1828 г. и в 1877 г. во время войн России с Турцией астраханские каз. полки находятся на Кавказском фронте, в 1828 г. участвуют в войне с Персией.

В начале этого столетия в мирное время Астраханское Войско выставляло I конный полк и с 1906 г. один взвод в Лейб-Гвардии Сводно-Казачий полк. В 1-ую Мировую войну астраханцы выставили три конных полка, одну запасную сотню и конную батарею.

До революции главное управление Войска находилось в Астрахани. В административном отношении оно делилось на два отдела (правление 1-го было в Енотаевске, 2-го — в Камышине), должность Наказного Атамана выполнял астраханский военный губернатор. Населяли казаки 18 станиц: Александровскую, Ветлянихскую, Грачевскую, Городофарностинскую, (позже Атаманскую), Дурновскую, Земьяновскую, Зинзенинскую, Казачебугровскую, Дубовскую, Кошкинскую, Копановскую, Карантинную, Лебяженскую, Николаевскую, Пичужинскую, Серноглазинскую, Вольскую и Черноярскую. Главным занятием казаков низовых станиц было скотоводство, затем рыболовство. Верховые станицы занимались земледелием. Перед революцией коренных казаков было около 50-ти тысячь. Строевая форма была такой же, что и у донцов, с той лишь разницей, что погоны и лампасы были желтого цвета.

После революции Астраханским Войско-

вым Кругом Войсковым Атаманом был выбран старый казак Т. Соколов. При нем в сентябре 1917 г. было принято важное решение о зачислении 250 тысяч калмыков в Астраханское Казачье Войско. Вскоре на место Т. Соколова Войсковым Атаманом был выбран известный писатель генерал-маиор И. А. Бирюков, автор « Истории Астраханского Казачьего Войска » в 3-ех томах, казак станицы Сероглазинской.

Как и во всех казачьих Областях астраханские казаки не подчинились октябрьскому захвату власти большевиками. 4-го января 1918 г. казаки в Астрахани восстали против коммунистической власти. 25 дней продолжалось восстание, но в конце концов оно было подавлено превосходящими силами красных. В конце января Атаман И. А. Бирюков, его помошник полк. Г. М. Астахов и небольшой отряд астраханских казаков отошел в калмыцкие степи. Через месяц красные в одной из станиц захватили ген. Бирюкова, отвезли в Саратов и там зверски замучили.

Весной и летом 1918 г. начались восстания против красной власти в разных станицах Войска, но они имели разрозненный характер и кончались неудачей. Много казаков из низовых станиц ушли на восток к уральским казакам и там вступили в ряды Уральской Армии. Верховые казаки, главным образом происходившие из остатков Волгского Войска, станицы Пичуженская и Александровская, ушли к донцам. В станице Морозовской Донского Войска была сформирована Астраханская Казачья дивизия, состоявшая из одного полка астраханских казаков и трех полков австрах. калмыков. Она входила сначала в состав Астраханской армии, затем была переведена в Кавказскую. В ее составе дивизия принимала участие во всех боях на Царицынском и Черноярском направлениях и много голов астраханских казаков полегло в калмыцких степях, на донских и кубанских равнинах. Атаманом Астраханского Каз. Войска стал Ляхов.

Вместе с остатками Добровольческой и Донской армий астраханцы попали в Крым, и снова степи Таврии оросились кровью астраханских казаков. В Крыму астраханцы доблестно сражались до самого конца. Потом эвакуация, Лемнос, балканские страны, Франция...

Париж.

По материялам
Г. М. Астахова

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА УРАЛЬСКОМ ОТДЕЛЬНОМ ФРОНТЕ. ВЕСНА 1919 г.

(Продолжение № 73)

Итак, г. Илек был сдан большевикам 6-го января, а Уральск — 11 анв. 1919 г.

Части Илецкого фронта полк. Балалаева за 5 дней разницы в сдаче городов могли свободно пройти расстояние в 150 верст, придти в Уральск до 11 янв. и принять там участие в боях. Произошла какая то неувязка, несогласованость действий по недостатку ли связи или по иным причинам. Согласно приказу, полк. Балалаев по сдаче Илека повел свои части Бухарской стороной на Уральск, но почему то с Бурлинского базара (45 верст от Илека) свернул с прямого пути и пошел на Куспу к СВ от Уральска. По пути была указана дневка, затем вновь повернули на Уральск и, в конце концов, потеряв связь, пришли под Уральск лишь 12 янв.

Для получения последних сведений о судьбе Уральска пришлось прибегнуть к помощи « хабара ». « Хабар » — это « безпроволочный киргизский телеграф ». Его существование в степях является вещью поразительной и скорость передачи сведений изумительной. Не доходя верст 30 до Уральска, части остановились на ночлег, а я с пор. Новиковым (оба мы свободно говорили по киргизски) поехали дальше к киргизским аулам, в 6-7 верстах от Менового двора под Уральском. Для получения сведений (новостей) необходимо соблюдать известный церимониал. Киргизов называют азиатскими французами за их вежливость и за соблюдение установленных церемоний в обращении между собой. Заехав в один двор в ауле, мы были приняты хозяином, который видя нас хорошо одетыми, на хороших конях, хорошие сани, работников (вестовых) с нами, пригласил нас внутрь. Когда же была вынута царская 10-тирублевка,

чтобы хозяин с ее « помощью » распорядился поместить наших коней ,накормить их, а для нас резать барашка и варить « бишбарман » (вареная баранина с лешешками из теста) — лед растаял и мы были приняты как « бай-кунаки ». Вежливость требовала не говорить сразу о главном, но в начале справиться о здоровьи хозяина, детей, его дворни, благополучно ли со скотом, не безпокоют ли волки, а уже потом о « катын » — о женах во множественном числе. И только тогда, когда придут друзья-соседи хозяина (это обязательно и без приглашения, если варят барана и есть гости), рассевшись на полу на кошмах-подушках, как бы между прочим, задается вопрос « Ниден Хабар бар » — « Какие новости? »

Киргизы необыкновенно наблюдательны и что мы казаки и офицеры им стало известно через нескольких минут знакомства, при взгляде на нашу одежду, упряжку коней. Вообще к казакам они относились хорошо, но переселенцев и иногородних не любили. Себя они, киргизы, называли « казак » совершенно отчетливо произнося обе буквы « а » и « к ». Нас называли « Урус-казак », а иногородних « карачекмень » (черный зипун).

« Хабар » был таков, что « болшавик » находится в Теке-Кала (Уральск), а казаки в « Свыстун » — так казаки между собой и киргизы называли Круглоозерновскую, и что сегодня не стреляют и « мы думаем, что заключили мир ».

Переночевав в ауле, утром вернувшись в отряд, мы доложили « Хабар » полк. Балалаеву. Наши части повернули к Уралу ниже Круглоозерновской станицы и расположились в аулах против пос. Владимирского и Кушума. Полк. Балалаев и Сводный полк с пулеметной командой перешли Урал и расположились в самом поселке Кушуме, где находился штаб нашего фронта. Таким образом, действительность противоречит тому, что написал ген. Акулинин (« Гражданская война на Уральском фронте »), что « после сдачи Уральска Илецкие части потеряли связь с центром и казаки разъезжались по домам ». К счастью для Войска, этого не было...

Большевики, заняв Уральск, свою власть в стороны не распространяли, а захватили лишь узкие полосы для связи со своими базами: железную дорогу Уральск-Саратов и Уральск-Бузулук, через станицы Красновскую, Соболевскую, Илек, Новосергеевку, станицы Мухрановскую и Мустаевскую.

Станицы вверх по Уралу Трекинская, Рубежинская, Кирсановская, Иртецкая, и Студеновская были свободны от большевиков, и поэтому полки этих станиц после сдачи Уральска, из за растерянности Войск. Правительства, отсутствия раненого ген. Мартынова, не получая приказаний оставаться на фронте, как было принято до этого, по окончании боевых операций разъехались по домам. На это их решение повлияло также и то, что по сдаче Уральска много частей сгруппировались в районе Круглоозерновской, тыл был забит беженцами и из за неожиданности событий все терпели большой недостаток в довольствии и фураже.

Полки же Илецкого фронта полк. Балалаева не разъезжались по домам, а в силу тех же недостатков питания, по установлению связи с Центром, отодвинулись глубже в степь с задачей действовать на правом фланге Армии, открытом после крушения Оренбургской Армии.

Ген. Акулинин пишет, что « во время борьбы Уральского Каз. Войска с большевиками обнаружилось много дефектов(?) в жизни Войска и ненормальностей в способе ведения борьбы. Героизма, доблести, самопожертвования было проявлено много, но порядка в Войске было мало... » В его статье много критики, много деталей, которые не имели места, да к тому же он не отдавал себе отчета в наших возможностях. Совершенно верно, что многого не хватало в Уральс. Отд. Армии, чтобы поставить борьбу на рельсы большой войны с определенными планами, с налаженным тылом и оборудованием, с бронемашинами (отсутствие их относится им на счет непорядка в Войске), с большим количеством офицеров Ген. Штаба. Их отсутствием ген. Акулинин и объясняет все недостатки организации борьбы. Но... из ничего нельзя сделать все. Кроме того, уральских казаков было не так то много. Обозную службу несли малолетки, древние старики и зачастую женщины.

Еще дальше идет сов. исследователь Кутяков, который в своей работе « Разгром Уральской каз. белой армии » пишет: « После падения Уральска и наступившей полной изоляции Яицкой Каз. Армии, в некоторых частях появляется упадок духа.. казаки группами переходили к красным... 21 янв. сдались большевикам 9-ый, 7-ой, 17-ый полки, а 23-го пришел и 13-ый полк... Все были распущены по домам... А вообще до взятия Лбищенска, до конца февраля 1919 г., за этот период сдалось около 7000 казаков » (« Вольное Казачество № 161 »). Это явное противоречие с действительностью можно объяснить лишь желанием красного командования похвалиться своими « победами ». Яицкие

казаки ни одиночно, ни группами, а тем более полками никогда красным не сдавались... Я не видел и не слышал... Уральская Отд. Армия была настолько мала и находившимуся там с самого начала и до конца на командных должностях было не трудно знать, что происходит на самом деле. А показания Кутякова противоречат его же собственным исчислениям наших сил. По его труду в Уральс. Отд. Армии с начала гражданской войны было 9700 сабель, 5400 штыков, 169 пулеметов, 151 орудий. Цифры им преувеличены и на много, особенно в двух последних категориях. Такого количества орудий у нас не было даже в самый наибольший период наших успехов, т. е. летом 1919 г. Если считать, что сдалось 7000 казаков, прибавить к ним наши (и большие) потери в боях 1918 г., то является вопрос, с какими же силами мы воевали в 1919 г., брали два раза Лбищенск, загоняли красных вновь в Уральск? За лето 1919 г. нами было взято до 15 000 пленных, а всего красная армия потеряла на Урал. Отд. фронте 50 000 бойцов убитыми и ранеными, причем больший процент потерь их относится к 1919 г.

После потери Уральска, действительно, нельзя скрывать, положение создалось трагическое... Все было... И растерянность, и некоторое падение духа в связи с навязчивым вопросом — что будет дальше? Но исчезновения воли продолжать борьбу до конца — не было, как не было и сдачи красным целыми полками. Были еще люди в Войске крепкие духом, которые убеждали и повторяли: « Уж если так, так кровью мы приобрели наш Яик и только кровью продадим Его... »

Председатель Войск. Правительства Г. М. Фомичев и войск старш. Климов, тоже член П-ва, сдвинули дело с мертвой точки, расшевелили станичные комитеты обороны, а где их не было, создали их, и с их помощью стали действовать на казаков самовольно отлучившихся, требуя их возвращения на фронт и организации в тылу всего нужного для прокормления фронта. Некоторые части, как Бородинская сотня, Щаповская (по 250 шашек), Серебряковская не пошли дальше Круглоозерновской, и первые дни, дни самой разрухи и ожидания, что красные выйдут из Уральска, без смены оставались на фронте.

В середине февраля 1919 г. произошли события, которые окончательно укрепили дух Армии: командование Армией и власть Войскового Атамана принял ген. В. С. Толстов, коренной казак Уральского Войска, сын ген. Толстова, бывшего до войны Наказным Атаманом Терского Войска. Георгиевский кавалер, он под конец войны командовал 4-ым полком Уральской льготной дивизии. При возвращении с фронта, он с 4-ым полком выгрузился под Саратовом и с оружием прибыл в Уральск. До сдачи Уральска 11. 1. 1919 г. он командовал Богатинским направлением фронта под Гурьевым. Ген. Толстов пользовался большой популярностью и был как бы вторым лицом после ген. М. Ф. Мартынова, недавно скончавшегося от ран.

По сдаче Уральска части Отд. Уральс. Армии не отступили на Калмыков, как пишут ген. Акулинин и Кутяков, но целый месяц держали фронт под Уральском около ст. Круглоозерновской в 12 верстах от Уральска. Вся Бухарская сторона, вплоть до Менового Двора (7 верст), была в наших руках. Штаб Армии находился в 14-15 в. ниже ст. Круглоозерновской.

После сдачи Уральска, по вышеуказанным причинам, находившееся на фронте офицерство безпокоилось о своей судьбе, о судьбе частей, оставшихся верными долгу, в случае возможного продвижения красных на юг и полного краха фронта. В результате собрания фронтовых офицеров, по инициативе начальника штаба фронта ген. Моторного, было вынесено решение отправить делегата к ген. Толстову с наказом просить его принять командование Армией и тылом, и объявить себя Войск. Атаманом. В случае же его категорического отказа просить его, как уроженца Гурьева, дать сведения о возможности отхода наших частей на Форт-Александровск. На этих собраниях был и я, хотя официально и находился на излечении по ранению и лишь 19 февр. должен было явиться в Калмыков на комиссию. Ввиду того, что я еще обладал свободой передвижения, что было затруднительно вследствие их работы для Г. М. Фомичева и в. ст. Климова, отправлявших казаков на фронт, делегатом выбрали меня. Выехал я из пос. Владимировского 10 февр.

Получив подкрепления, красные 11 февр. вышли из Уральска, и, имея большое количественное преимущество, потеснили наши немногочисленные части и заняли Круглоозерновскую, а затем, через неколько дней и дальше к югу, Лищенск и Горячкин. Все дороги в тылу были забиты беженцами и обозами. Около дорог были сложены снаряды и патроны и члены Комитетов Обороны, задерживая все, что двигалось в тыл, на каждую подводу укладывали по несколько ящиков боеприпасов, для дальнейшей их эвакуации в тыл. Большевики, заняв Лбищенск и Горячкин, в ожидании подкреплений остановились там на несколько дней, а наши части в пер-

вой к югу от Горячкина ст. Мергеневской. Приехав в Калмыков, я немедленно отправился на квартиру ген. Толстова, его не застал, но был приятно удивлен, встретив там полк. К. И. Карнаухова, моего бывшего начальника, который, узнав цель моего визита, посеветовал мне придти к 5-6 ч. вечера, а за это время он ознакомит генерала с постановлением офицеров фронтовых частей. К 6-ти часам я вместе с приехавшими полк. Н. М. Абрамовым и хор. Сакмаркиным с тем же наказом, что и у меня, были приняты ген. Толстовым. После доклада полк. Абрамова, возлавлявшего нашу миссию, о положении дел и о постановлении собрания офицеров фронта, генерал немедленно выразил свое согласие. В этот же вечер им был написан приказ № 1, где сообщалось, что он, ген. Толстов, видя безпорядки как на фронте, так и в тылу, для спасения чести Войска берет на себя власть командующего Армией и тылом. Всякое невыполнение приказаний, самовольная отлучка из полков будут строго караться, вплоть до расстрелов. Войсковые правительство и Съезд распускаются до нового созыва.

На другой день, в Калмыкове, станичный сход вынес приговор, что ген. Толстов им выбирается Войсковым Атаманом и командующим Армией. Об этом сообщено во все свободные от большевиков станицы и все они присоединились к этому приговору.

Таким образом, ген. В. С. Толстов стал Войсковым Атаманом Уральского Войска. Только одно желание спасти Войско от разрухи и развала, глубокая любовь в нему вызвали его согласие. Правда, эти выборы не совсем точно соблюдали «присуды» старины, но последующие мероприятия по приведению в порядок Армии и тыла и большие успехи, как следствие этого, оправдали спешность и игнорирование всех тонкостей выборов. Никого Атаман при вступлении на свой пост не расстрелял, как неправильно пишет ген. Акулинин («смутьянов из числа членов правительства и Съезда»). Этого не было...

Не одно только постановление офицеров фронта повлияло на согласие ген. Толстова. Общественное мнение уже давно было против многоликого управления Войском во время войны. После сдачи Уральска это стало особенно ярко. До того все сглаживалось нахождением в Армии ген. Мартынова, который, пользуясь полным доверием и Правительства и Армии, и в делах войны действовал совершенно самостоятельно и независимо. В итоге, смена власти произошла совершенно мирно.

Атаман немедленно принялся за наведение порядка в Армии: сведение мелких частей в полки, организация штабов, транспорта и довольствия частей фронта и тыла. В каждой станице был назначен комендант, на обязанности которого была охрана складов продовольствия и огнеприпасов и решение других, связанных с этим, вопросов. Полк. Абрамов немедленно выехал на фронт, где им из сотней Бородинской, Щаповской, Серебряковской и остатков Сводного полка с пулеметной командой был образован 1-ый Партизанский конный полк. За оказанные услуги Войску, Атаман, как исключение, дал сотням право приглашать командиров по их выбору. Полк. Гаршков сформировал 2-ой Партиз. полк из казаков Круглоозерновской станицы по преимуществу. Оба полка были уже сформированы, когда красные вышли из Горячкина и атаковали Мергенев. Но на этот раз получилась другая картина. Целый день наши части держали их под Мергеневым, к вечеру перешли в контр-атаку, разбили их, взяли пленных, два орудия, много снарядов и отогнали до Лбищенска, выбив из Горячкина. Этот первый успех после многих неудач сильно поднял дух в армии. Мы опять убедились, что способны бить большевиков.

Полк. Абрамов, раненый в ногу в бою под Мергенеым, ожидавший меня по пути в госпиталь в ст. Сахарновской (по выздоровлении от ран я ехал в распоряжение начальника 2-ой дивизии), сообщил мне о результатах боя и о том, что Бородинская сотня приглашает меня командовать ею. Не ожидая моего согласия, он торопил меня с отъездом ,так как я должен временно командовать 1-ым Партиз. полком. По приезде в Мергенев, на другой день я с полком занял Горячкин, заменив там 2-ой Партиз. полк. Большевики, ожегшись в Мергеневе, засели в Лбищенске, забарикадировав все улицы ,в ожидании подкреплений. В начале марта в Страстной Четверг (числа не помню), обложив Лбищенск со всех сторон, мы на заре атаковали его. Вторая дивизия, в которую входил мой полк, в пешем строю должна была вести наступление со стороны степи. При начале атаки наша артиллерия открыла огонь по окраине, обращенной к Горячкину, и по центру города. Находясь с двумя сотнями в середине наступающих цепей, я должен был при приближении в центру города выпустить две ракеты, для указания артиллерии, что мы заняли центр и артиллерия должна прекратить огонь по нему. Ракеты оказались видимо залежалыми — одна из них совсем не вспыхнула, а другая вспыхнула очень низко, артиллеристы ее не заметили и продолжали стрелять, на этот раз

уже по нас. На моих глазах своим снарядом был убит находившийся при мне хор. Хондохин. Ища выхода, как предупредить нашу артиллерию, я продвинулся к окраине, где встретил полк. В. М. Хохлачева, командующего этим участком фронта, который приказал мне, собрав сотни, двигаться на Уральск для очищения тылов. В этом направлении была уже отправлена наша 3-я резервная сотня с прибывшим еще до атаки на Лбищенск временно командующим полком войск. старш. Албиным. Полк. Хохлачев сказал мне. что меры для прекращения огня артиллерии приняты и судьба Лбищенска решена. К 12 часам он был в наших руках. Никто из красных из него не вышел. Нашими трофеями были 2200 пленных, 11 орудий и до 80 пулеметов. Двинувшись со своими двумя сотнями в направлении Уральска, я проскакал, не задерживаясь, Кожехаров, Барановку и только в Бударине догнал свою сотню с командиром полка.

Главные силы наши после захвата Лбищенска двинулись на Уральск. До него наши части дошли без боев и без сопротивления красных и Уральск не был взят с налета лишь из за вскрытия рр. Урала и Чачапа. Последний впадает в Урал под городом и отделял его от Круглоозерного.

Из Бударина 1-ый Партиз. полк был направлен на левый фланг, где на ЖД ст. Зеленой высадились красные, которые, как подкрепление Лбищенску, должны были идти туда, не заходя в Уральск, степью. Им было неизвестно, что Лбищенск уже занят нами и мы должны были их уничтожить. Заняв хутора по направлению на Зеленый полк выслал в нужных направлениях разъезды. 2-ая и 3-я сотня заняли хут. Портнов и Федулин, через которые, вероятнее всего, должны были бы пройти красные. Был 1-ый день Пасхи, обозов при полке не было и у нас в этот день не было даже хлеба. В резерве у нас оставалось около 70 человек. В ожидании наших обозов и новостей нам с командиром полка и адъютантом ничего не оставалось, как греться под скирдами сена на солнце и курить опилки, смоченные в никотине, закручивая « табак » в старые « Войсковые Ведомости ». Ко времени обеда прискакал казак с донесением от ес. Кокорева, что он забрал обоз с провиантом и 250 пленных и отправляет их на наш хутор. При обозе были две подводы с подарками « героям Лбищенска » для красных бойцов и комсостава. Все это было честно поделено. Помимо колбас, окороков, сыра, там было много папирос, одеколона, перчаток и тд. Все эти « дары » сильно повлияли на наше настроение к лучшему. Но вскоре прискакал казак-старец и сообщил, что на Б. Татарские хутора по степной речке Усихе идет много красной конницы — « видимо — невидимо ». Сообщив об этом сотням ес. Кокорева и ес. Сорокина с приказанием наблюдать за этими хуторами и в случае наших или противника действий поддержать нас, а пока что держаться скрытыми, мы в количестве 70 казаков с одним пулеметом поскакали на р. Усиху, чтобы захватить М. Татарские хутора до прихода красной конницы в Б. Татарские. Между ними около 2-х верст расстояния. Эти хутора мы заняли во время: со скирдов сена нам хорошо было видно, как начали втягиваться в хутор 6 красных эскадронов, пулеметы, обозы. Установили пулемет на гумне — ждем, что будет дальше. И замечаем, что с хутора, занятого ес. Кокоревым, едут к нам два казака, и, ничего не подозревая, мирно беседуют. Но красные тоже их заметили и выслали вслед 4-ех всадников. Услышав топот их коней, казаки карьером направились на наш хутор, но, заметив наши знаки, проскакали мимо. Когда вся кавалькада скрылась за гумнами, мы отправили двух казаков вслед за красными. Положение изменилось: казаки видят своих, красные не видят... А когда заметили, то было уже поздно.

Эта игра « открыла » нас и красные, рассыпав в лаву эскадрон, бросились в атаку на наш хутор. Мы, в свою очередь, обстреляв их из пулемета, бросились на них. Красные остановились. Момент был критический... Кто повернет? Красные не выдержали и повернули. Их главные силы из за своей лавы не могли видеть, сколько нас, и, вместо того, чтобы встретить нас огнем или контратаковать, стали поначалу малыми группами выскакивать из хутора, а под конец и все понеслись назад, покрыв степь бегущими. Нам ничего не оставалось, как догонять их и сшибать. Убегая, они не защищались. При приближении казака падали с коней, многие крестились и кричали « Христос Воскресе... » Казаки их не рубили... Всего было взято 220 пленных, 6 пулеметов на хороших двуколках и целый табун — до 300 коней (вместе с обозными). За наступлением темноты преследование было остановлено. То были 9-ый кавалерийский полк (4 эскадрона) и дивизион имени Гарибальди (2 эск.), сформированные в Саратове и в первый раз выедшие на фронт.

После этого наши части вышли на жел. дорогу и отрезали Уральск от Саратова. Полк. Балалаев с частями Илецкого фронта на 1-ый день Пасхи взял г. Илек и двинулся на Но-

восергеевку на ЖД линии Самара-Оренбург. Таким образом, к середине мая 1919 г., все станицы вверх по Уралу (они и до этого не занимались красными), за исключением узкой полосы от Уральска до Бузулука через Соболевскую, все снова оказалось в наших руках. К этому же времени относятся и наши успехи на Соломихинском фронте, где ген. Н. Н. Бородин разбил красных и прогнал их вплоть до Николаевска и Красного Кута Самарской губ. В силу всех этих успехов Богатинская группа красных тоже не проявляла никакой активности.

Париж

П. А. Фадеев

(Продолжение следует)

ЕЖОВЩИНА

(То, о чем не говорит советская пропаганда в « юбилейный » год).

Это было в 1938 году — спустя два года после утверждения « самой демократической в мире » « сталинской » конституции.

Народы СССР, « согретые ее теплыми лучами », конвульсивно содрогались в цепких когтистых лапах кровавого сталинского наркома НКВД — Ежова.

Кошмарный 1937 год уже прошел, но наступивший за ним был не легче.

Творилось нечто ужасное. Никто не был уверен в своем благополучии. Каждый ожидал ареста: вчера ночью взяли одних, а сегодня днем — не явились с работы другие. Проходивший около двора энкаведист или остановившаяся среди ночи возле автомашина многих приводила в ужас. Если в годы, предшествовавшие обнародованию « сталинской » конституции, в основном, арестовывали, расстреливали и ссылали на строительство « особо-важных социалистических строек », якобы, за « контрреволюционную деятельность », бывших помещиков, купцов, фабрикантов, офицеров, белогвардейцев, духовенство,кулаков, подкулачников, лишенцев, церковников и прочих « чуждых » — « им же несть числа » — то теперь, когда они были уже « ликвидированы », т. е. расстреляны или погибли в ссылках, на смену им пришло новое пополнение, в котором, наряду « с недобитыми еще » конттреволюционерами всех мастей » — « социально чуждыми » — стали появляться уже и бывшие члены ВКП (б) всех рангов — от рядового до особо-ответственных, как гражданских, так и военных и политических.

В этот сектор, не угодивших Сталину, бывших его соратников, признанних « врагами народа », входили: бригадиры, агрономы и председатели колхозов, директора и старшие агрономы МТС, директора и главные инженеры фабрик и заводов, руководящие работники трестов, главков, наркоматов и даже сами наркомы, командный состав Красной Армии, в основном, высший, бывшие красные партизаны и даже особо ответственные работники НКВД. Такой участи не избегли так-же и « избранники советского народа » — члены Верховного, республиканских, областных и краевых советов.

Жизнь человека в стране окончательно была обесценена, в то время, когда благополучие какого-либо колхозного животного могло стоить нескольких человеческих жизней.

Издохла ли свинья на колхозной свиноферме, сейчас же агенты НКВД, возглавляемые заместителем директора МТС по политической части, начинают доискиваться причины: кто обслуживает свиноферму, кто непосредственно ухаживает за животными, не из « чуждых » ли он и нет ли у него или его близких кого-либо из родственников заграницей, или « изъятых » органами НКВД, с кем водит он компанию, не является ли его знакомый « классово-чуждым », не заходил ли кто-либо из посторонних на свиноферму, к кому, что он делал, если разговаривал, то с кем и т. д. Не дай Бог, если среди животных начнется эпидемия! Всех работников свинофермы пересажают и в конечном итоге таки «найдут» « вредителей и диверсантов », « действующих по указанию вражеской руки », хотя, в действительности, эти люди, абсолютно, ни в чем не были виноваты. Им, как тогда говорили, НКВД «подшивали дело ». Не успел бригадир полеводческой бригады, ввиду дождливой погоды, во время обмолотить хлеб, сложенный в копны, слышишь, уже арестован органами НКВД и выслан, как вредитель.

Сломалась ли молотилка во время убороч-

ной кампании на колхозном поле, смотришь, повезли в районное отделение НКВД полную автомашину арестованных колхозников, стоящих на коленях в кузове машины со связанными назад руками, прикрытых брезентом, под охраной двух энкаведистов, а спустя несколько дней читаешь в районной или краевой газете статью, озаглавленную « Больше классовой бдительности » или Классовый враг не спит », примерно, следующего содержания: « Воспользовавшись притуплением классовой бдительности среди членов колхоза (следовало его название) и политической близорукостью его руководства, в наши ряды пролез классовый враг (такой-то). Сын высланного кулака, недобитый кулацкий змееныш, завидуя успехам колхозного строительства, достигнутым под руководством гениального, великого и мудрого отца народов — товарища Сталина, решил больнее ужалить своим ядовитым жалом здоровый организм колхозной системы: дабы сорвать уборочную кампанию в колхозе, он вложил в сноп пшеницы железный болт, который попав, во время обмолота, в барабан молотилки, вывел последнюю из строя.

Виновный, сознавшийся в совершенном им преступлении, приговорен по ст. 58 п. 8. УК к высшей мере социальной защиты — расстрелу (приговор приведен в исполнение), а косвенные его пособники (следует перечень их фамилий) приговорены по ст. 58 п. 8. УК к высылке в концентрационные лагеря на исправительно-трудовые работы сроком на 5 лет ».

И погибали ни в чем неповинные люди. А болт то был всунут в сноп с провокационной целью. И не только болт, но и оружие, если это было в интересах НКВД, могли подсунуть в крышу сарая, крытого камышем, или какое-либо другое место двора, намеченной жертвы, а потом, делая обыск, « находили » это оружие, арестовывали « виновного » и человек бесследно исчезал. Точно так могли переслать с провокационной целью письмо, а потом, якобы, перехватив его и обнаружив в нем контрреволюционное содержание, арестовывали адресата.

Несколько тайных агентов НКВД могли подтвердить на допросе то, что вы при них, такого-то числа, там-то, ругали советские порядки и даже самого товарища Сталина.

В общем всех случаев провокации НКВД не опишешь. О них имеют некоторое, но отнюдь не полное, представление только те, кто прожил в условиях «сталинского рая» лет 25.

В результате такой жизни граждане « бесклассового общества » « страны победившего социализма », стали даже бояться своей тени. Они, замкнувшись в себя, перестали ходить в гости друг к другу, так как это было весьма рискованно: либо нарвешься на сексота (секретного сотрудника) НКВД, а ими, зачастую, были те, на кого нельзя было и подумать, а не то, на будущего « врага народа ». Арестуют его и тебя потянут.

В семейном кругу разговоры на политические темы велись шопотом, с таким расчетом, чтобы никто не смог их подслушать, так как никто не был гарантирован, а в особенности вечером — с наступлением темноты, или ночами — от того, что под окнами их квартиры не подслушивает какой-либо сексот НКВД. Последнее, в большинстве случаев, вменялось в обязанность, так называемой, « легкой кавалерии », то-есть членам комсомола и пионерам, которые обязаны были следить за, указанными им НКВД, « подозрительными » гражданами.

Так с детства, проходя стадии растлевающего душу коммунистического воспитания — — (октябрят, пионеров, комсомола, сочувствующих и кандидатов), « выковывались » члены коммунистической партии, для которых « цель оправдывала средства ».

Большинство родителей при своих детях старалось не вести разговоров на политические темы, так как, хотя и редко, но имели место случаи, когда дети, рассердившись на кого-либо из родителей, доносили на них в НКВД

Бывало и так, что при аресте родителей арестовывали и детей, а потом, подвергая пыткам последних, пытались от них узнать что-либо о контрреволюционной деятельности их родителей.

Дошли до того, что граждане « самой счастливой в мире страны », особенно те, кто жил в общежитиях, даже во сне боялись выдать свои чувства к ненавистной коммунистической власти.

Чем же можно было объяснить все те ужасы, какие имели место в 1937-1938 годах, то-есть тогда, когда, как говорила советская пропаганда, « сопротивление классового врага уже было окончательно сломлено », а советское общество стало « бесклассовым »?

Неужели и в самом деле везде и всюду были контрреволюционные заговоры и группы « врагов народа » — « вредителей и диверсантов »?

Народы СССР, на собственном горьком опыте, убедились в том, что контрреволюционные заговоры и восстания, в советских условиях, при наличии небывалой в истории человечества по своей жестокости деспотичес-

кой власти, охраняемой миллионами штыков солдат РККА и войск НКВД, подкрепленных членами коммунистической партии и комсомола, опирающейся на широко разветвленную сеть секретной агентуры советской безопасности, без мощной поддержки извне, не могли привести к свержению коммунистического режима.

Советские граждане, а в особенности те, кто имел хотя бы отдаленное отношение к «чуждым» и «изъятым» органами НКВД, после, несравнимых по своей жестокости, уроков 1930-1933 годов, «из кожи лезли вон», чтобы выполнить свою работу на производствах и в сельском хазяйстве, по возможности, лучше, дабы и тени подозрения не могло пасть на их репутацию. Поэтому утверждать о наличии массовых случаев вредительства и диверсии, безусловно, не приходилось. Возможно, были лишь единичные случаи и некоторый процент обстоятельств, которые в условиях жизни нормального человеческого общества, даже при самом строгом отношении к делу, можно было бы отнести за счет халатности. Преобладающий же процент «вредителей и диверсантов» были совершенно невинные люди. Знало ли это коммунистическое руководство?

Безусловно, знало, но оно также учитывало и то, что процентов 90 советских граждан, в тайниках своей души, ненавидело коммунистический режим и ждало только удобного случая, чтобы посчитаться с своими поработителями.

Политбюро коммунистической партии также великолепно знало и то, что, несмотря на чистки партийных рядов, после годов насильственной коллективизации и искусственного голода, среди коммунистов всех рангов было много разочарованных в истинах коммунистической догмы, недовольных генеральной политикой партии и ее руководством.

Поэтому и было решено, задрапировавшись красивой (для простаков) ширмой, так называемой, «сталинской» конституции, внедрить еще глубже, оправдавший себя неоднократно ранее, метод массового террора, что дало возможность коммунистическому руководству одним выстрелом убить нескольких зайцев:

1. Держать народ в состоянии повседневного страха и недоверия друг к другу, чем и лишить его антикоммунистического единства.

2. Путем арестов, изъять всех тех, в ком НКВД предполагало внутреннюю антипатию и несочувствие, так называемой, генеральной политике коммунистической партии, как на данном этапе «социалистического строительства, а, возможно, и в более далеком будущем.

3. Стране «победившего социализма» необходимо было иметь в неограниченном количестве бесплатных и бесправных рабов, взамен «ликвидированных» ранее, для производства разных «особо важных» работ оборонного значения.

4. При ухудшающихся условиях жизни, подтолкнуть трудящихся СССР, использовав фокус стахановского движения, к еще большей производительности труда.

5. Закрепить рабочих и служащих «самой демократической страны в мире» за производствами, запретив, под страхом тюремного заключения, самовольный их переход с одного места работы на другое, что и дало возможность, в дальнейшем, повести строгую борьбу с прогулами и опозданиями на работу, путем привлечения «виновных», «согласно решений «советского суда», к исправительно-трудовым работам, с последующим за этим, в злостных случаях», тюремным заключением.

6. Убрав старых ветеранов большевистской революции, кичащихся своими революционными заслугами, не особенно считающихся с авторитетом Сталина, расчистить, таким образом, путь к власти молодым коммунистам сталинской школы, всецело обязанным и преданным кремлевскому диктатору.

Террор НКВД в период этих двух лет достиг своего апогея в ноябре 1938 года, а в декабре неожиданно исчезли со стен учреждений и были изъяты из магазинов торгующей сети портреты наркома НКВД — Ежова. Он был снят с этой должности и назначен наркомом водного транспорта. Но и там Ежов пробыл недолго.

Невольно возникает вопрос: чем можно было объяснить то, что Ежов так почетно был смещен с поста наркома НКВД, в то время, когда других наркомов и многих ответственных партийных работников «ликвидировали», как «врагов народа», «вредителей и диверсантов»? Вопрос вполне ясен. Как в период 1930-1933 годов «проведения сплошной коллективизации на базе ликвидации кулачества, как класса», так и в период 1937-1938 годов — борьбы с «врагами народа» — «вредителями и диверсантами», творцом и режиссером этих ужасных и небывалых еще и истории человечества трагедий, был сам Сталин.

Когда «отец народов» убеждался в том, что намеченные им кровавые эксперименты себя не вполне оправдывали, он, перестраиваясь

в своей политике, перекладывал ответственность за провал кампании, якобы, на переусердствовавших исполнителей заданий компартии.

Весной 1930 года, когда проведение сплошной коллективизации вызвало во многих местах так называемые «бабьи бунты» и даже вооруженные восстания, результатом такого переложения ответственности было известное письмо Сталина, озаглавленное «Головокружение от успехов», и, как его следствие, безобидное перемещение «актеров», игравших главные роли в кровавой трагедии народов России, известной в истории, под названием: «Проведение сплошной коллективизации на базе ликвидации кулачества, как класса».

Так точно и в конце 1938 года, когда Сталин убедился в том, что проводимые, по его указанию, при содействии верного генеральной политике коммунистической партии наркома НКВД Ежова, мероприятия по борьбе с «врагами народа» вошли в стадию «Головокружения от успехов», вызвав растерянность и недовольство в партийных рядах, он сместил садиста Николая Ежова.

Другие же «ликвидированные» «партийные товарищи», очевидно, не были кое в чем солидарны со своим вождем, а возможно и злоумышляли против «отца народов», за что поплатились.

Народ-полуголодный, постоянно переутомленный физически и морально, лишенный личной жизни, находящийся в состоянии повседневного напряжения и страха за свое благополучие ,— по понятию «величайшего гуманиста двадцатого века, великого Сталина» и верных его сатрапов членов Политбюро коммунистической партии, был самым подходящим материалом для строительства ленинско-сталинской вавилонской башни.

Но «тактики и стратеги» мировой революции чуть было не просчитались. Игнорируя общественное мнение, так называемых, советских граждан, они не учли самого главного, а именно того, что симпатия народа, в критические моменты существования государства, стоит дороже армий, моторизированных по последнему слову техники, и тысяч самолетов.

Поэтому, как только 22 июня 1941 года грянули первые залпы орудий немецкой армии, а советское радио оповестило своих граждан «о вероломном нападении» немецких фашистов» на (бывшего своего союзника) — «невинный» Советский Союз, народы России, предполагая в немцах своих действительных освободителей от коммунистического рабства, решили не затягивать на своей шее петлю этого рабства, а, сбросив ее, вдеть в эту петлю шеи своих поработителей.

Первая, самая мощная линия советской обороны, охраняемая кадровыми, казалось бы, самыми надежными, войсками РККА, была легко разбита. Бросая первоклассную военную технику, многие сотни тысяч красноармейцев почти без боя начали сдаваться в плен, а другие бежали вглубь своей территории.

«Освобожденные», по договору с Гитлером, в 1939 году «братские народы» — поляки, украинцы и белоруссы-западники, а также и прибалтийцы, свинцовым дождиком поливали и без того удирающих в панике своих «освободителей».

Подходящие подкрепления, укомплектованные рядовыми советскими обывателями, по спинам которых в течение 25-ти лет так бесцеремонно и безжалостно прохаживалась ленинско-сталинская плетка, сочли глупым защищать столь ненавистный им коммунистический режим.

Поверив немецкой пропаганде, они надеялись быть использованными в общей борьбе против мирового зла — коммунизма, как союзники немцев.

При первой возможности, миллионы красноармейцев, ликвидировав своих партийных начальников, — комиссаров, политруков и командиров — зачастую с оружием в руках, переходили на сторону немцев. Положение большевиков стало катастрофическим. Фронт докатывался до Ленинграда, Москвы, Орла, Волги и Кавказского хребта.

Но неожиданно Сталину помог его прежний союзник — немец завоеватель.

Доверчивые перебежчики (военнопленные) оказались не в рядах антикоммунистических войск, а за колючей проволокой — в лагерях военнопленных.

Твердолобые политики немцы, переоценив свои силы, приписали столь легкую победу непобедимости «высшей германской расы». С первых же дней войны, они, наряду с стратегическими успехами, политически стали ее проигрывать.

Военнопленные оказались в самых бесчеловечных условиях. Они массами, особенно зимой 1941-42 года, стали вымирать от голода и холода.

Трупами военнопленных были устланы все дороги, по которым их прогоняла охрана, расстреливавшая, по приказу немецкого высшего военного командования, каждого отстающего, а они почти все, от систематического

голода и ужасного режима, еле передвигали ногами.

Видя это, местное население, (а ведь почти у каждого в семье были близкие, мобилизованные в РККА), с ненавистью стало относиться к таким «освободителям».

Зная о наличии немецкого приказа о репрессиях по отношению к местному населению в случае убийства офицеров или солдат немецкой или союзной ей армии в тылу фронта, (когда за одного убитого офицера подлежало расстрелу 120 человек местного населения, а за солдата — 60), большевики, отступая, оставляли или спускали на парашютах с самолетов проверенных ими людей, зачастую женщин, для производства разных диверсионных большевицких заданий, рассчитанных на порождение взаимного озлобления населения и оккупационных армий и на подрыв авторитета последних.

Производя убийства офицеров и солдат этих армий, советские агенты вызывали ужасные ответные репрессии, жертвой которых было невинное местное население.

Так, в станице Славянской, Краснодарского края, (бывш. Кубанской области), 13 августа 1942 года, в центре станицы, днем, выстрелом из револьвера был убит немецкий унтерофицер. Убийца обнаружен не был. Сейчас же немецкими и румынскими солдатами было окружено несколько кварталов, расположенных возле места убийства. Солдаты, обыскивая дома и дворы, арестовывали всех мужчин и подростков мужского пола. Арестованные, в количестве 158 человек, были отведены под строгой охраной на окраину станицы — к хлопковому заводу. Здесь их заставили вырыть себе могилу, а потом, выстроив шеренгу возле, отсчитали, примерно, каждого третьего из них, а всего 58 человек, отвели к могиле и на глазах у сотни оставшихся, а также наблюдавших издали жителей, — расстреляли из пулемета. После этого, приказав уцелевшим сбросить тела расстрелянных в яму и зарыть, отпустили их по домам.

Спустя несколько дней, спять-таки в центре той же станицы, после обеда был убит другой немецкий солдат, к счастью, убийца была сейчас же поймана. Она оказалась сотрудницей паспортного стола станичной полиции, (организованной, после отступления большевиков, немцами), бывшей комсомолкой, оставленной по заданию. Она сейчас же была повешена на дереве, возле станичного базара.

Подобных случаев были сотни. Особенно характерным был следующий: спустя несколько месяцев после прихода немцев, возле одного из хуторов Ростовской области (бывшей Донской) был убит немецкий солдат. Убийцу обнаружить не удалось. По требованию немецкой комендатуры, староста этого хутора должен был составить список на 60 человек, которых он считает подозрительными. К тому времени на хутор возвратился кое-кто из коренных жителей: кулаков и раскулаченных, сбежавших с хутора в период большевицких репрессий или отбывших сроки ссылки и проживавших до прихода немцев подальше от родных мест. Староста хутора их всех внес в этот список, как, якобы, не имеющих оседлости — людей случайно попавших в этот населенный пункт. Немцы их арестовали и расстреляли, а когда разобрались, в чем дело, то было уже поздно. Воспользовавшись твердолобостью немцев, «староста» хутора немецкими руками сделал дело, порученное ему большевиками, а затем скрылся. Как потом выяснилось, он оказался бывшим членом компартии. Подобные люди, обыкновенно, прилагали все усилия к тому, чтобы пролезть на руководящие работы при немцах, дабы получше выполнять большевицкие задания.

Вслед за продвигающимися вперед немецкими войсками пришли немцы-колонизаторы, офицеры хозяйственного управления, так называемые зондер-фюреры, случайно набранные из бывших мясников, колбасников, купцов и прочих, негодных к строевой службе, немцев.

Вот они то и показали народам России истинное лицо немцев-завоевателей.

Сохранив систему колхозов, столь ненавистную русским, многие из них, особенно в 1941 году, окружили себя бывшими коммунистами и комсомольцами, что на Украине наблюдалось почти повсеместно. Для таких зондер-фюреров было совершенно безразлично, кто ими был назначен на должность старосты села, начальника полиции или старосты колхоза. Для них важно было то, чтобы назначенное ими лицо получше выполняло все распоряжения хозяйственного управления о поставке сельско-хозяйственных продуктов, рабочих для отправки на работу в Германию и на прочие хозяйственные работы.

До сознания таких зондер-фюреров не особенно быстро доходило, за счет кого и в чьих интересах усердствует подобный староста. А он, смотришь, назначил для отправки на работы в Германию детей расстрелянного или высланного в Сибирь кулака, а деток отступившего партийца оставил дома, а не то и единственную корову отберет у вдовы расстрелянного «врага народа», а потом, договорившись с зондер-фюрером, отдаст ее, слу-

чайно застрявшей в селе, жене видного красного командира-пограничника, отступившего с частями Красной Армии. Это не вымысел, а абсолютнейший факт, к сожалению, часто встречавшийся. Он имел например место в селе Арнаутовке, возле Вознесенска на Украине. К счастью, этот немецкий «радетель» был разоблачен и расстрелян, но за два с половиной года своей работы он на много процентов перевыполнил то задание, которое ему было дано при отступлении большевиками. Переводчица — его племянница, бывшая комсомолка, ему в этот помогла.

«Дольметчеринен», (понятно, не все, а некоторая их часть), были особенным злом тех времен. Большинство из них, в основном молодых, пользовались исключительным благорасположением господ немецких офицеров хозяйственного управления, отъевшихся на колхозных харчах. Окружив себя гаремом из интересных женщин, в основном комсомолок или жен отступивших коммунистов, (так как приличные женщины не устраивались на работу в хозяйственное управление), зондерфюреры сразу же попали в расставленные им сети.

Как хотели, так и переводили такие переводчицы, что хотели, то и делали.

Много бывших «кулаков» и прочих, случайно уцелевших «из чуждых людей», погибло при активном содействии таких переводчиц.

Надо же было уничтожать «недобитых» еще «кулаков» и прочих «врагов народа», которые после отступления большевиков, осмотревшись, стали вылазить из всех щелей, в которых им до того удавалось прятаться. И уничтожали, но не всегда удачно — ведь палка о двух концах. Смотришь, арестовали и расстреляли переводчицу, а «папу», разжаловав, отправили солдатом на фронт, но такая «победа» давалась нелегко... При этом бывали и потери...

Бывало и так, что на должность зондерфюреров иногда попадали бывшие немецкие коммунисты, что имело место в г. Мариуполе на консервном заводе.

«Герр» — геноссе Бендер, окружив себя бывшими коммунистами, работавшими ранее на консервном заводе, безжалостно избивал рабочих завода и прочих, чьи физиономии не нравились ему или кому либо из его помощников.

Мордобоем увлекались не только немцы-руководители из бывших коммунистов. Этим занимались и некоторые прочие офицеры хозяйственного управления, армии и даже солдаты. Если первые это делали с целью озлобления населения против немцев, то-есть с целью дискридитации, то остальные — по своей твердолобости, из сознания своего расового превосходства, расценивая русских, как людей низшей рассы, с которыми дозволено поступать, как с скотами.

За период своего 25-тилетнего пребывания под пятой коммунистов, народы России великолепно узнали, что в застенках НКВД, в тюрьмах и концлагерях, жертвы подвергались самым утонченным пыткам, в том числе и жестоким побоям, но вне тюремных стен — на свободе соблюдалась видимость непрекосновенности личности и всякая попытка применения физической силы по отношению к другому расценивалась как хулиганство, с вытекающими из этого последствиями.

Население оккупированных немцами областей СССР, в результате таких наглядных уроков, а их повседневно можно было видеть во всем им разнообразии, сразу же поняло захватнические тенденции «немцев-освободителей» и стало на распутьи.

Сталин, через свою разведку, был великолепно осведомлен о настроении населения, как в немецком тылу, так и в советском.

Спасая положение, он в 1943 году еще раз решил на время изменить направление генеральной политики коммунистической партии.

15-го мая, до особого распоряжения, был распущен Коминтерн, поэтому отменили пение коммунистического гимна — интернационала; якобы, легализировали православную церковь и избрали патриарха; были введены погоны, сбразца царской армии; извлекли «из под спуда» имена русских национальных героев; заговорили о великом русском народе в тоне, который до того считался проявлением шовинистических тенденций и карался, как контрреволюционное действие и т. д., и т. п.

Все эти хитросплетенные махинации были рассчитаны на то, чтобы создать у советских граждан, а также и у западных союзников, впечатление о перерождении коммунизма в сторону уменьшения его агрессивности, до уровня национальных притязаний.

Из граждан СССР, искушенных в тонкостях советской политики, мало кто этому поверил. Подоспевшая в этот критический момент мощная материальная и политическая поддержка западных союзников подняла, до некоторой степени, авторитет «генералиссимуса» и его соратников — Политбюро — в общественном мнении населения СССР, а также помогла перестроиться и подготовиться частям РККА к решительному наступлению.

Захватнические намерения немцев к тому времени стали очевидны для всех.

Зверское отношение «освободителей» к военнопленным и мирному населению оккупированных ими областей, сделало свое дело.

***

Колеблющееся большинство советских граждан, потеряв надежду на освобождение от ненавистного коммунистического режима при содействии таких освободителей, какими оказались немцы, видя безвыходность положения, сочло единственно-правильным защищать свое национальное отечество, надеясь избавиться от коммунистического ига в более далеком будущем.

У многих помимо их воли, проснулось, таящееся в тайниках их души, национальное чувство русских, которое постепенно, по мере продвижения фронта на запад по территории СССР, разоренной войной и оккупацией, вызывало чувство мести к завоевателям.

В немецких тылах стали организовываться большевицкими силами, оставленными заранее или спущенными на парашютах — партизанские отряды, в которые, особенно в период, предшествующий отступлению немцев, стали уходить многие мужчины и подростки лесных районов Украйны и Белорусскии, боявшиеся, что немцы при своем отступлении отправят их на работу в Германию.

Сов. агенты, пробравшиеся в аппарат управления при немцах, всячески им помогали, а под конец и сами уходили к партизанам.

Этим и воспользовались большевики.

Усилившиеся репрессии по отношению к так называемым «изменникам родины» — расстрелы, виселицы, штрафные батальоны, а в особенности «заградительные» отряды разставленные сзади первой линии сов. фронта, расстреливающие из пулеметов сов. воинские части в случае неудачи их наступления, все это вместе взятое способствовало продвижению сов. войск на запад, тем более, что немец. восточный фронт к этому времени был значительно ослаблен за счет переброски воинских частей на западный и юго-западный фронт, где обстановка для немцев усложнялась с каждым днем.

Так с момента сталинградской победы, Сов. Глав. Командование постепенно начинает забирать инициативу в свои руки и когда в конце июля 1943 г. в секторе так называемой «Орловской дуги» немецкий восточный фронт дрогнул, началось «планомерное отступление немцев на запад в целях выравнивания фронта».

Ряд других причин: успехи англо-американских войск в Сев. Африке и Италии, всесокрушающие бомбардировки их авиацией промышленно-стратегических объектов Германии, высадка десанта западных союзников в Нормандии, переход Италии и Румынии на сторону блока демократиченких народов, потери источников нефти и совместное координированное наступление союзников сделали свое дело. В первых числах мая 1945 г. — Германия капитулировала. Граница коммунистического влияния на западе продвинулась на линию Одер-Триест.

Если некоторая их часть, еще задолго до плена, особенно, после периода массового ареста комсостава РККА, происходившего в 1937-38 гг., в тайниках своей души разочаровалась в «истинах» коммунистической идеи и была даже враждебна ей и плыла лишь до времени за течением политических событий, то большинство из них стало заниматься «переоценкой партийных ценностей» с выводами не в пользу сталинского режима лишь после того, как оказались за колючей проволкой лагерей военнопленных.

Нашлись и такие, которые, применяясь к немецким порядкам в условиях лагерной жизни, — решили использовать политическую недальновидность немцев для торжества коммунизма, чем и надеялись «искупить свою вину перед социалистической родиной» и «вождем народов».

Всячески угождая немцам, они, добравшись до власти, в первую очередь обрушились на виновников своего плена — красноармейцев, не пожелавших воевать «за родину и Сталина».

Расхаживая внутри лагеря, эти сталинские агенты умело пользовались властью и палкой, доверенными им немцами. Всячески придираясь к военнопленным, они выискивали разные причины для того, чтобы пустить в ход палку. Избивая военнопленных, они самым наглым образом терроризировали их. При этом, если возле не было свидетелей, можно было услышать: «Не хотели защищать родину, ждали немцев, так нате-ж вам немецкой палки!»

Передачи продуктов, привозимых военнопленным их родственниками из станиц, не всегда попадали по назначению, а зачастую расхищались внутри лагерным начальством для собственного употребления. Когда же немцы стали набирать из числа военнопленных добровольцев, которыми и доукомплектовывали свои военные команды, предназначенные для охраны и конвоирования военнопленных, то эти «товарищи», хорошо помня-

советские инструкции о диверсионной работе в тылу у немцев, с охотой пошли в эти команды, а затем, получив в свои руки оружие, при всяком удобном случае, пользовались им на пользу сталинского дела.

Так, в январе 1943 года, перед своим отступлением из Краснодара, немцы перегоняли из краснодарских лагерей десятки тысяч военнопленных по маршруту — Краснодар, Славянская, Варениковская, Тамань. Конвоирами были, в основном, «добровольцы», под командой немцев. Пользуясь оружием и правом конвоира, они устлали трупами расстрелянных военнопленных все дороги своего следования. Видя все признаки отступления немцев, ликуя в душе, они особенно неистовствовали, сопровождая военнопленных через станицу Славянскую. На глазах у жителей, на главной улице этой станицы, конвоиры застрелили, без всякой причины, десятки военнопленных. Администрация района и станицы, расценивая это действие, как явно диверсионное, с вытекающими из этого непоправимыми последствиями, немедленно обратилась к немецкому военному коменданту с просьбой о прекращении подобных явлений в будущем и о наказании виновных, но представитель немецкой военной власти, усмехнувшись, заявил: «Мы здесь не при чем — это делают сами же ваши русские».

Трупы военнопленных, убитых советскими агентами в немецкой военной форме, в тот же день были собраны и привезены на нескольких подводах на кладбище, где и похоронены.

Месяца через полтора, немцы, оставив станицу Славянскую, отошли до позиции Кубанского предмостного укрепления. Вслед за ними пришли части Красной Армии. Трупы застреленных в степи военнопленных так и остались неубранными возле дорог до прихода красных.

Можно себе представить, как реагировали красноармейцы, увидя собственными глазами эти жертвы. Рассказы местных жителей только укрепили у них чувство ненависти к немцам. Красноармейцы — очевидцы этого — в плен уже не сдевались, а сражались до последнего.

Что и требовалось доказать!

Кубанец.

(«Часовой» №496)

КАТЫНЬ.

(Продолжение № 73)

В марте 1940 года, когда глубокие снега еще покрывали русскую землю, дыхание весны чувствовалось во всем — оно неслось с соседних полей и лесов. Наступающая весна несла надежду на долгожданное наступление англо-французских войск, которое сокрушило бы мощь Гитлера и сократило бы его нового союзника — Советский Союз. Заключенные с трепетом сердечным ждали ликвидацию козельского лагеря, к ней велись приготовления и администрацией. Понятно, никто не знал решения большевиков, но всем хотелось верить в скорое освобождение.

Мнения пленных офицеров расходились. Некоторые считали, что жителей оккупированной Советами местности отошлют домой. Другие протестовали: — большевики никогда не оставят на западных окраинах своей стратегической территории столько интеллигентных людей. Большинство предполагало, что пленных будут держать в лагерях Союза, в лучшем случае на поселении. Больше всего их согревала надежда встречи с семьями.

Тем временем солнце разливало яркие лучи, разукрашивая ободранные стены монастыря. Снег искрился и таял. Заключенные пригреваясь на солнышке успели загореть.

С залитого светом двора в темноту церкви вошел «стрелок». Он пришел с приказом из лагерной канцелярии, вызывая одного из офицеров в комендатуру.

— Двигайся, пан! живее вставай, скоро поедешь к своей пани! — подгонял стрелок замешкавшегося на нарах, а широкое, добродушное лицо его расплылось в улыбку.

Одновременно распространилась новость, что из других помещений также вызывают пленных. Начали прибывать группы по несколько человек из «скита», где помещалось

около I. 200 пленных, жителей из занятых советами областей. Раньше охрана строго следила и контакта между офицерами из монастыря и находившимися в ските не было. Но время от времени их под конвоем приводили в монастырскую баню, проходя, они ухитрялись выкрикнуть несколько слов и дать знать о жизни в их изоляторе. Теперь пленных взволновал факт, — прибывшим из скита никто не запрещал беседовать с приятелями на монастырском дворе.

Сборный пункт устроили в «клубе» и туда приводили всех вызванных с вещами, хотя многие их вовсе не имели. Отъезжающим принесли хороший обильный обед и они комментировали: «Вероятно, на прощанье хотят оставить впечатление получше». Это предположение заключало радостную недоговоренность — пленных передают из Сов. Союза, — и сейчас же вставал тревожный вопрос: в чьи руки, союзников или немцев?

Кроме обеда вся группа получила на дорогу небольшой паек хлеба, сахару и по три селедки. Подлинную сенсацию произвел способ их упаковки — селедки были завернуты в новую и чистую серую бумагу... Только тот, кто побывал в советских лагерях, знает, какова там цена бумаги, ведь часто нет обрывка скрутить «козью ножку» или написать записку. И вдруг, сотни свертков упакованы без всякой экономии в новую бумагу?

— Хотят произвести впечатление, что, мол, в Сов. Союзе царит «культура» — перебрасывались между собою пленные, все с той же надеждой попасть на Запад.

После первого транспорта, отправленного 3-го апреля 1940 года, численностью около трехсот пленных, началась последовательная ликвидация лагеря в Оптиной Пустыне. Почти ежедневно, иногда с перерывами в несколько дней, офицеры партиями в двести, триста человек увозились в неизвестном направлении. Им объявляли, что перевозят в распределительные пункты, из которых они должны выйти на свободу. Через русских рабочих лагеря остающиеся установили — эшелоны с польскими офицерами отправляются из Козельска по железной дороге на запад.

Не только пленные, но и лагерное НКВД не знало ни дня, ни состава следующего транспорта. Обыкновенно часов в 10 утра комендатура принимала телефон из Москвы — приказ об отправлении следующей группы, именной состав которой диктовался из центра. Это обстоятельство сильно смущало пленных, они не могли понять, почему их судьбу решает Москва? но подбадривали себя предположением: в Москве заседает какая то смешанная западно-советская комиссия, которая и дает списки тех, кто должен отправиться на Запад.

Весть о телефоне быстро разносилась по лагерю. Как только список нескольких первых десятков был готов, «стрелки» бежали и сообщали вызванным, те собирали свои пожитки и сходились в клубе.

На стенке кухни в монастыре около кранов с кипятком, кто то неизвестный отмечал даты отъезда последующих групп. Этот своеобразный календарь обрывается 10. 5. 1940 г., а сбоку имеется заметка, приблизительно такого содержания: «сегодня уезжает последняя группа из ста человек. Направление неизвестно.»

Из всего Козельского лагеря в Оптиной уцелела лишь одна группа, человек около ста, вывезенная 26 апреля. Некоторые из офицеров очутились затем в лагере Павлищев Бор и Грязовец.

Один из них, попав заграницу, поместил показания в лондонском «Дзеннике Польском» 21 апреля 1943 г. Ко времени отъезда его группы, из лагеря в Козельске уже вывезли 3.500 пленных. Люди терялись в догадках — куда их увозят? Все говорило об направлении на запад, а политруки и мелкие служащие лагеря подсказывали:

— «Вас всех выдают немцам!» — они называли, даже Брест, как место передачи.

Перед отъездом всех обыскивали. К ожидавшим очереди подошел комиссар лагеря Димидович, взглянул на пленных и бросил:

— Ну, значит, хорошо попали! — тогда никто не понял значения сказанного и только впоследствии, по какой то счастливой случайности избежав общей участи, они вспомнили искренность слов комиссара.

Группу посадили в грузовики и окружной дорогой через лес перевезли на железнодорожную ветку станции Козельск и поместили в тюремные вагоны. Через несколько часов эшелон тронулся и пленные, ориентируясь по солнцу, заметили, что из Козельска их повезли в юго-западном направлении. Через некоторое время поезд остановился на узловой станции, вероятно Сухиничи, и оттуда отправился на северо-восток. Лежа на верхней полке вагона, во время пути указанный свидетель заметил на стене надпись карандашем, может быть спичкой:

— «Через две станции за Смоленском высаживаемся, разгружаемся.»

Таким же таинственным образом, одновременно, большевики ликвидировали три лагеря с польскими военнопленными — в Козельске, Старобельске и Осташкове, в общей

сложности человек приблизительно 15.000, из них 9 тысяч офицеров. Кроме упомянутой группы, никто из этих лагерей не дал о себе знать. От весны 1940 года родственники перестали получать от них письма.

Некоторые семьи военнопленных пытались разыскивать пропавших без вести и обращались к советским властям. Позднее в архиве смоленского НКВД, во время немцев, был обнаружен и опубликован интересный документ:

«Некая Александра Урбанская, после прихода большевиков в восточные области Польши, была с семьей вывезена в Казахстан. Ее муж находился среди заключенных в лагере Козельска и от марта 1940 года переписка с ним оборвалась. Она обратилась с прошением в НКВД, прося выяснить, где находится муж. Служащий смоленского НКВД Филипович сделал пометку на прошении Урбанской — «Известить, что переведен в неизвестный лагерь». Следует подпись и дата — 6. V. 40.

**
*

22-го июня 1941 года Германия неожиданно напала на Сов. Союз. Красная армия терпела поражения, отступала и сдавалась в плен.

При изменившемся политическом курсе и спасая положение, советское правительство стало искать сближения ни только с западными державами, но и с Польшей.

Последняя соглашалась на союз с большевиками при условии: освободить из лагерей СССР всех военнопленных поляков.

Польско-советское соглашение заключено в июле 1941 года и на основании его была объявлена амнистия всем военнопленным, арестованным и сосланным в СССР польским подданным.

При формировании польской армии в Сов. Союзе сразу выснилось, что находящиеся налицо пленные являются лишь минимальным процентом взятых в плен в 1939 г. Начались безконечные переговоры по поводу пропавших, длившиеся в течении года, до момента эвакуации польской армии из СССР.

В сентябре 1941 года, польское правительство в Лондоне и польские военные представители в советах предприняли энергичные шаги по делу пленных, которые не явились на сборные пункты. Тогда еще никто не сомневался в доброжелательности центральных советских властей и проволочку объясняли недобропорядочностью провинциональных начальников лагерей или техническими затруднениями.

Уже 16 августа 41 года произошло первое совещание освобожденного из тюрьмы на Лубянке генерала Андерса с представителями советской армии. Председательствовал ген. Панфилов, участвовал генерал Жуков. Сразу им был задан вопрос — каким количеством солдат сможет располагать формируемая польская армия?

— Можно расчитывать на тысячу офицеров и 20 тысяч солдат — последовал ответ, крайне смутивший ген. Андерса.

— А где же многочисленные пленные из Козельска, Осташкова и Старобельска? — На этот вопрос советская сторона ответить не смогла и обещала представить точные информации.

На последующих пяти конференциях ген. Андерс ставил тождественные вопросы, но всегда получал неопределенные ответы.

Произошло несколько встреч польского амбасадора Ст. Кота с А. Вышинским. Во время одной из них Вышинский заявил:

— Мы отдадим всех ваших людей, за исключением тех, которых у нас нету.

Характерно, в протоколах всех конференций большевики сознательно умалчивали о деле военнопленных.

В то время польское правительство в Лондоне получило информацию от советских офицеров связи: военнопленные, из вышеперечисленных лагерей, освобождены в 1940 году и отправлены на родину. Однако при проверке подпольная организация из Польши сообщила: пленные офицеры домой не возвратились, их нету и в немецких лагерях, а контакт с ними прервался в апреле 1940 года.

14 ноября 1941 года, в Лондоне, советский посол Богомолов вручил Е. Рачинскому ноту, в которой находится параграф:

«Все польские офицеры на территории СССР — освобождены. Предположение Председателя Совета Министров о том, что большая их часть рассеяна по лагерям северных областей СССР, основано на неточных информациях.»

За два дня перед тем состоялась пятая по счету встреча амбасадора Кота с Вышинским, заявившим:

— По-моему, все офицеры уже освобождены, следует только установить место их пребывания. Если же кто-нибудь заключен, то безусловно будет освобожден. Этот вопрос для меня больше не существует. Того же-14 ноября, Кот добился ауденции у Сталина. Внимательно слушая амбасадора, диктатор проявил возбуждение, встал с кресла и начал прохаживаться; затем быстро подошел

к письменному столу Молотова и соединился по телефону с НКВД.

— Здесь Сталин. Все ли поляки освобождены из тюрем? Тут у меня польский посланник, утверждающий, что освобождены не все. (Слушает ответ, откладывает телефонную трубку и возвращается к столу, за которым происходила конференция.)

Через несколько минут отозвался телефонный звонок, подошел Сталин и, выслушав ответ, вероятно выяснивший судьбу пленных, без слова отложил трубку.

Не ловкая ли это инсценировка, желавшая создать впечатление — Сталину ничего неизвестно о судьбе нескольких тысяч пленных офицеров?

В конце концов генерал решил сам заняться этим делом и выяснить его у Сталина. Их встреча произошла в Кремле 3-го декабря 1941 г., в присутствии ген. Андерса и комиссара Молотова. В результате ее еще раз выносилось впечатление, что пропавшие офицеры живы и находятся где-то на далеком севере. Эту надежду поддерживали заверения самого Сталина: «офицеры наверняка освобождены, но еще не прибыли!» И его обещание: «Будут даны особые распоряжения исполнительным властям!»

Зная, с какой точностью и тщательностью НКВД ведет свою работу, никто из недавних военнопленных не сомневался, что высшим инстанциям НКВД известно пребывание пленных. Но разве обещание Сталина, его категорический приказ — выяснить судьбу польских пленных — не давали им надежды узнать, где находятся их соратники?

18 марта 1942 года Сталин снова принял генерала Андерса с его начальником штаба. Они снова возобновили вопрос о пропавших. Сталин протестовал:

— Я не знаю, где они и мне нет нужды их задерживать. Может быть они находятся в лагерях на территории, занятой немцами. Быть может, офицеры разбежались...

Первый раз в словах Сталина проскользнула версия, которая в недалеком будущем — после открытия немцами могил в Катыни — стала официальной советской.

Тогда прошло уже II месяцев от занятия Смоленска немецкими войсками и большевики прекратили отвечать на польские ноты о пленных.

В начале июня 1942 года один польский офицер передал начальнику Польской Военной Миссии ген. Воликовскому письменное донесение: «В конце апреля 1940 года я был свидетелем разгрузки из поезда группы польских офицеров; она происходила на маленькой станции в десятке километров на северо-запад от Смоленска. Пленных перевозили автобусом с закрытыми окнами, он систематически возвращался, забирал человек по тридцать и уходил по направлению лесистой местности.»

Следует заметить, что еще в октябре 1940 года, за восемь месяцев до начала немецко-советской войны, «товарищи» стали привозить штабных польских офицеров в специальный лагерь вблизи Москвы, затем в Москву. Им предложили приготовиться к организации польской армии против Германии. Подполковник Берлинг, пользовавшийся дурной славой в армии Польши и впоследствии ставший сов. генералом, охотно шел на предложения большевиков, при условии — в армию должны войти все солдаты и офицеры, независимо от их политических взглядов. Обсуждение происходило между Берией и Меркуловым с советской стороны и группой польских офицеров, заключенных в Бутырках и на Лубянке, с другой.

— Понятно, все поляки любых взглядов смогут вступить в эту армию — утверждал Меркулов.

— Замечательно — ответил Берлинг — у нас прекрасные кадры в лагере Козельска.

Тогда у Меркулова вырвалось: — Нет, не эти! Мы допустили с ними ошибку.

Из приведенного можно заключить, что с польскими офицерами из Козельска «случилось что-то» перед октябрем 1940 года.

Лишь ввиду единства союзников, громкое дело о пропавших польских офицерах не имело международной огласки. Однако — в течении поисков и переговоров с советскими властями — польская сторона собрала огромный материал и документы. Через два года, в результате трагических фактов, они приняли подлинное значение.

Англия.

Т. Данилевич

(Продолжение следует)

CREDO

Моя Россия — здесь: в намоленных иконах,
Среди своих могил, в общении друзей,
В указанных душой, неписанных законах
О преданности Ей — Отчизне прежних дней.

Мы шли не для того в далекий путь изгнанья,
Чтоб много лет спустя как будто позабыть,
Что нам судьба велит беречь в своем сознаньи
Кем были прежде мы и кем должны мы быть.

Я глух и нем к словам и зову возвращенья,
И даже к отголоскам древнего Кремля...
Моя Россия-здесь и с нею в утешенье
Легка мне будет всюду чуждая земля.

Париж **И. Сагацкий**

С РУССКОЙ ПЕСНЕЙ ПО БЕЛУ СВЕТУ

(Все права сохранены за автором)

(Продолжение № 73)

Оказавшись свободными до начала августа, когда должна была начаться подготовка новой программы на сезон 1928-29 года, хористы разъехались кто-куда. Многие почти сразу направились в Штарнберг, что-же касается меня, то я сначала съездил в Дрезден, имея в виду экипироваться вещами для летних каникул. В Дрездене мне удалось довольно тщательно ознакомиться со знаменитой картинной галлереей и насладиться созерцанием картин непровзойденных художников. Обилие впечатлений от множества виденных картин во всевозможных галлереях всех пяти континентов не дает возможности стройной градации всех этих шедевров, но в Дрезденской галлерее я был буквально ошеломлен, попав в зал, заполненный творчеством Рубенса. Какое обилие красок, какая яркость и сила изобразительности его персонажей, особенно в их дородной женской половине.

Незабываемое впечатление произвела на меня Сикстинская Мадонна Рафаэля. Картина, довольно большого размера, помещена в отдельной комнате, у противуположной картине стены, для удобства посетителей, поставлена скамья. Позднее мне не раз приходилось сидеть на этой скамье и проводить на ней немало времени.

Удовлетворив свою любознательность и покончив свои личные дела, из Дрездена поехал в Штарнберг. Но ни сам городишко, ни озеро, где можно было купаться только в определенном месте, где для этого была построена большая купальня с кабинками, меня нисколько не привлекали. Меня, выросшего в степной груши, всегда тянуло к простору, полям, зелени. За недалекой околицей городка среди хлебных полос, пастбищь, скошенных лугов, на чистом и свежем воздухе нашел я отдых для легких, для глаз и нервов, уставших от постоянной суеты и сутолоки людских скопищ.

Скоро начали съезжаться все хористы, появились и новые, заменившие двух оставивших хор теноров. Один из вновь появившихся, тенор-альтино, в действительности не был новичком и только вернулся в оставленный им некогда хор; другой-же, новенький, обладал звонким серебристым голосом. Из ушедших мне было особенно жаль М. Соболева. Певец во всех отношениях культурный, он умел передать характер любой исполняемой им вещи. Его « Серенада » Абта дышала южной страстью, его « Сенин » Добровейна были полны задора, его « Колыбельная » Гречанинова передавала нежную материнскую заботу о ребенке, а « Былина » (« То не белая береза к земле клонится... ») была ровное, спокойно-эпическое повествование.

С уходом М. Соболева все эти номера также ушли навсегда из репертуара. Теперь на смену ему пришли другие прекрасные солисты и другие сольные номера, пополнившие

арсенал нового репертуара. Не могу с точностью сказать, какие именно вещи относились к сезону 28-29, или к 29-30 гг. т. е. до поездки в С.Ш.А., но за эти годы в программу вошли: « Земело тебя снегом, Россия », « Звонили звоны », « Расцветали в поле цветики », « Песнь индийского гостя », « В темном лесе » — Пащенко, « Меж крутых бережков », « В селе малом » и др.

Из церковных песнопений в эти годы были введены в репертуар: « Аллилуя », « Упокой, Господи » и « Вечная память » — из панихиды Чеснокова, « Внуши Боже » и ежегодно новое « Верую » — Гречанинова, Архангельского, Кастальского. Были введены и « Во царствии Твоем » — двух композиторов, « Тебе поем » — Рахманинова, « Великая ектинья » — Гречанинова.

Из Нью-Йорка были получены от проф. К. Н. Шведова его аранжировки и композиции светских вещей: « Справка о Донс. каз. хоре », « Очи черные », « Лезгинка », « Две гитары ». В первой рассаказывалась жизнь и история регента и хористов; Великая война, война гражданская и наконец сцена. Начинался этот большой номер с « Всколыхнулся, взволновался... », а заканчивался « Много лет Войску Донскому ». В « Справке » было много сольных фраз, среди них и боевая русская песня « Пусть свищут пули », а перед самым концом красивое соло баритона на слова: « Нам-же, Боже, пошли силы нести наше новое знамя, знамя искусства, с честью и славой ».

Почти все аранжировки проф. Шведова бывали очень сложны и не так легко усваивались хором ,но они были так прекрасны, что вполне оправдывали затраченные усилия. В новую программу вошло и несколько аранжировок Жарова, главным образом казачьих песен и церковных песнопений.

Его большими аранжировками хор стал обогащаться позднее, когда серьезно заболел проф. Шведов.

Усердно работая над новой программой, хор, после спевок, уделял не мало времени общим собраниям, о которых я уже упоминал ранее. Считаю нужным познакомить читателей с тем, с чем мне пришлось познакомиться более подробно, как избранному сначала членом, а потом председателем ревизионной комиссии. Начну с того, что прошедший сезон закончился разрывом с дирекцией, платившей хору определенный гонорар и не согласившейся работать на процентах. За разрыв контракта, хору по суду пришлось уплатить сто тысяч немецких марок. Кроме того, на нас лежали моральные обязательства в отношении к обездоленным инвалидам из нашей воинской среды. Чаще всего, хор давал концерты в пользу Союза Инвалидов в Париже, а затем и в Нью-Йорке. Иногда хор из своих концертов делал солидные отчисления в пользу инвалидов. Прекрасно помню, что на долю Союза Инв. с одного концерта пришлось 13 000 фр. Иногда Союзу Инв. давалось солидное количество билетов для продажи в их пользу. С первых же лет налаженной регулярной концертной работы хор считал своим долгом высылку ежемесячно двухсот нем. марок Донскому Атаману на представительство и ста марок ген. Гусельщикову, командиру того полка, из рядов которого вышел хор. 100 марок посылалось и одному хористу, вынужденному покинуть хор по состоянию здоровья.

В ежемесячные ассигновки хора входила сумма на поддержание Храма-Памятника в Лейпциге. Но часто во время концертных турнэ за помощью обращались и люди, попавшие в беду, и остро нуждающиеся храмы, и не помню, чтобы кто нибудь ушел с пустыми руками. Будучи в течении почти двадцати лет кассиром хора, во время наших разъездов я ведал делом помощи и хорошо помню старика полковника, жившего в Манхейме в бомбоубежище и во время наших приездов в Манхейм регулярно поджидавшего кассира при выходе из концертной залы. В Фленебурге приходил за « данью » старик гусляр и сказитель Котомкин, который всегда подносил хору букетик полевых цветов и каждый раз со сцены читал трогательное приветствие на гуслярный лад. В Мюнстэре, где мы пели в огромной выставочной зале, пришел в артистическую уже пожилой исхудавший казак, родной брат Кузьмы Крючкова, оказавшийся в нужде; в каком то маленьком городке, неподалеку от Гамбурга, обратился за помощью казак-инвалид, искалечившийся на джигитовке. Незадолго до происшедшего с ним несчастия, он имел свою небольшую группу джигитов, которую теперь пришлось распустить. Много прошло этих горемык, несчастных, обездоленных и не было времени поговорить, распросить, какая беда их постигла, но помочь надо было.

К концу августа новая программа была готова и первая проба произошла в Гермиш-Партенкирхен, известном курорте, знаменитом своим зимним спортом. Впоследствии на этом курорте мы давали концерты в самый разгар зимнего сезона, когда он был наводнен иностранцами. Лето, проведенное в этом городке, в полу-городской обстановке, не оставило ярких воспоминаний. Регулярные кон-

церты хор начал с соседнего Мюнхена и продолжал их по жел-дорожной линии Мюнхен-Берлин. Второй концерт был дан в Регенсбурге.

1928-ой год был переходным в фильмовом деле в Европе; наряду с немыми, стали появляться фильмы говорящие, вернее полу-говорящие. Тотчас мы получили предложение участвовать в полуговорящем фильме « Белый Дьявол », посвященном борьбе Шамиля. Так как в Германии это была первая попытка-проба перехода к говорящим фильмам, то работа двигалась медленно и хор был занят чуть ли не три недели. Наша роль сводилась к пению или на сцене, или за кулисами. Когда приходилось петь на сцене, то, одетые в летнюю солдатскую форму ,мы сидели вокруг бутафорского костра и пели ,увы, все тоже « Эй ухнем », на которое был такой спрос, что его клеили даже туда, куда совсем не шло. Впрочем, у костра пели еще что то. Когда же надо было петь за кулисами, то на пол клались большие листы железа, по которым хор, давая « ножку », маршировал или делал шаг на месте и пел залихватские солдатские песни, из которых хорошо запомнилась только « Взвейтесь соколы орлами », да и то потому, что петь ее приходилось целыми часами подряд. Режиссером этого фильма был Волков и две главные мужские роли исполнялись тоже русскими; Мозжухиным и Мурским. Ив. Мозжухин играл Шамиля, главную женскую роль — императрицы исполняла обаятельная Лиль Даговер. Мозжухин не владел ни одним иностранным языком, что и привело его к большой трагедии: с появлением первых говорящих фильмов ему пришлось прекратить свою кинематографическую карьеру, в полном расцвете своего таланта.

Во время нашей работы в фильме « Белый Дьявол » хор получил предложение от другой кинематографической фирмы напеть для фильма « Двенадцать разбойников » два номера: « Отче наш » и « Кудеяра ». Эту работу мы делали в концертном исполнении. Явились в студию в своей казачьей форме, построились на большом подиуме и пели сперва один номер, до тех пор, пока он не был принят дирекцией, а затем точно также и второй. Все это было закончено в один вечер.

Вслед за окончанием работы хора в полуговорящих фильмах, в небольшой церкви вблизи вокзала « Ам Цоо », состоялось бракосочетание, венчавшихся одновременно, двух пар. Хор пел под управлением хориста В. Чижова, т. к. сам регент Жаров, со своею невестой Н. Н. Кудаш, находился в первой паре; вторую пару составлял тенор солист А. П. Яровицкий с избраноой им спутницей жизни. После венчания это большое семейное торжество было отмечено пышным свадебным пиром, на котором, в качестве самого почетного и желанного гостя, присутствовал Донской Атаман ген. А. П. Богаевский.

Из Берлина, после нескольких концертов в Дрездене, хор выехал в Чехию и дальше на юг. Концерты всюду проходили блестяще. В Праге хор встречала и провожала большая группа Российской общественности, среди которой было много казаков. Особенно обращал на себя внимание уже глубокий старик, известный писатель В. Ив. Немирович-Данченко. При проводах вся эта группа ,вместе с регентом и частью хористов, фотографировалась на площади против вокзала (площадь Вильсона) на фоне девственно-белого снега.

Из Праги направились мы в Вену, дав попутно концерт в Брно и, сделав скачек влево, побывали в Прикарпатской Руси, где хору было оказано особое радушие. В Мукачеве поразили чисто патриархальные фигуры евреев, которых до того я не встречал.

Их патриархальные головы с обильными шевелюрами, их длинные просторные патриархальные одежды невольно переносили воображение на страницы Ветхозаветной Священной Истории. В Ужгороде, столице провинции, атмосфера была почти русская. В особенности это выявилось на приеме хора клубом, или, вернее, обществом имени Духновича. Все там льнуло к русскому народу, к России.

Оттуда попади мы в Братиславу, Вену и еще в другие австрийские города. Неоднократно наведывались в небольшой венгерский пограничный город Сопрон, где концертный зал всегда бывал переполнен нарядной публикой, большинство мужчин в военной кавалерийской форме, дамы в вечерних туалетах. Перекочевав в Венгрию и дав несколько концертов в Будапеште и в других городах Венгрии, хор снова посетил Румынию. На этот раз, кроме Бухареста, пели в Галаце и Мишкельце. Как и в первый приезд, в Бухаресте хор был на приеме у королевы Марии и юного короля в присутствии гостей-родственников.

В Галаце, большом университетском городе, концерт прошел в особой, довольно своеобразной, атмосфере. Когда мы подходили к театру, то увидели, что вход в театр охраняется вооруженной воинской частью, на которую наседает большая толпа молодежи. Выяснилось, что все билеты на концерт были давно распроданы и студенты, не имевшие билетов, требовали, чтобы их пропустили в

зал. Крик стоял неимоверный, и нередко в стены театра летели камни. Концерт все-же начался, но шел он чуть ли не до конца под акомпанимент бухающих в стены булыжников.

Из румынских впечатлений запомнилась церковная служба в соборе, стоявшем на главной площади, не помню какого города. Служба шла на малопонятном (одном из славянских) языке. Был воскресный день. Прихожане, как шедшие в собор, так и те, что уже наполнили его, были одеты в опрятные, все в светлых тонах, расшитые узорами, праздничные национальные наряды. Кажется, это были русины. Вернувшись в Букарест, хор дал еще один концерт, на котором присутствовала королева Мария.

Проездом через Венгрию, в маленьком городке Бекешаба, хор дал концерт, после которого заболел хорист Н. Каратаев, выехавший с хором из Софии еще в 1923 году. Знал я его по Галлиполи, где вместе мы не раз путешествовали из лагеря в город на спевки « корпусной капеллы ». Временами он испытывал сильные боли, которые считал последствием ранения. После Букареста боли усилились, а в Бекещабе Каратаев почувствовал себя настолько плохо, что в сопровождении физически сильного хориста его отправили в Вену, хор же отправился в турне по Швейцарии. Вскоре из Вены пришло сообщение: врачи установили у него запущенный апендицит ,перешедший в перетонит, и сразу отправили на операционный стол. Все с тревогой ждали результатов операции. В следующем городе, где мы давали концерт, было получено извещение, что в сердце больного проник сгусток крови, который сердце все же протолкнуло, что в то время было редким явлением. Все облегченно вздохнули. А через день пришло сообщение о смерти Каратаева, от проникшего в сердце нового сгустка крови. Со смертью его я потерял однополчанина и друга, с которым всего четыре дня тому назад стоял на сцене. Теперь уже десятки старых хористов ушли в другой мир, но тогда это была первая жертва, вырванная смертью из рядов хора, и воспринята она была крайне болезненно.

Турнэ по Швейцарии проходило блестяще, что еще более озлобило местные музыкальные и певческие союзы (ферейны). 20-го декабря закончились наши швейцарские концерты и утром 21-го, по раз заведенному обычаю, выехали мы в Дрезден, где с 25-го по 31-ое были назначены наши выступления. На спевках, в предрождественский трехдневный отдых, как и раньше, присутствовал С. В. Рахманинов и в его честь спевки заканчивались « Господи, сохрани » — Чеснокова. Посетил он и один концерт.

Нельзя не упомянуть о тех непринужденных жизнерадостных вечеринках-балах, которые устраивала хору русская колония Дрездена. Главным устроителем и душой этих вечеров был уже пожилой Я. И. Мульман, родной брат артиста Мурского. Мульман был влюблен в русскую культуру, в русское искусство и так привязался к хору, что считался неотемлемым членом хоровой семьи. В залах лучшего дрезденскаго отеля, в обстановке самого беззаботного веселья, объединялись с нашими хористами ,бывшими всегда в своей концертной форме ,семьи Сатиных, Скалонов, Герсдорфов, кн. Оболенского и др. Наши хоровые дамы, а их было уже много, блистали молодостью, были интересны и пользовались случаем щегольнуть своими нарядными туалетами. По разбросанным комнатам бального помещения, народу казалось не слишком много, но к началу танцев большой танцевальный зал наполнялся танцующими парами. Бал открывался вальсом и всегда в первой паре был Мульман с одной из молоденьких и очаровательных хоровых дам. Старику было далеко за 70, но он чувствовал собя еще настолько бодрым и подвижным, что отплясывал и мазурку.

Зарабатывал он довольно хорошо, благодаря безукоризненному знанию русского и немецкого языков и был долголетним преподавателем русского языка в Дрезденском военном училище. В хоре он был неизменным переводчиком на немецкий текст всей новой программы, которую он отпечатывал к началу нового сезона в десятках тысяч экземпляров, а во время летних репетиций, когда хор приглашал фотографа-специалиста, делавшего несколько снимков хора, из которых более удачные он также отпечатывал в десятках тысяч экземпляров, размером в почтовую открытку. Эти фотографии « текстбух » и программы продавались на каждом концерте, а получаемая прибыль поступала в особый фонд, в конце сезона, на покрытие летних расходов.

После Дрездена, пели мы снова по всей Германии, включая и Восточную Пруссию, отделенную « Польским корридором ». При переезде — «корридора» — двери вагонов замыкались и никто из пассажиров не смел не только выйти на платформу, но и стоять на площадке вагона.

Вдоль и поперек исколесили мы В. Пруссию, пели в Кенингсберге и в Тильзите, в Инстербурге, пели и еще в каких то, неудержав-

шихся в памяти, городах. В одном из таких городов разместились мы в отеле « Прейсишергоф », где побывал со своим штабом ген. Ренненкамф, а затем фельдмаршал Гиндербург. Там на многих дверях номеров отеля были прибиты медные дощечки с именами, некогда известных всем, как немецких, так и русских генералов. Должен заметить, что непрерывный триумф хора приобрел для нас характер обыденности и слился в памяти в одно целое, т. ч. я могу и спутать концерты дававшиеся хором в одном или в другом сезоне.

Данциг. Раза два в год выступали мы и в этом городе. Оттуда, после продолжительного путешествия с концертами по Германии, хор отправился во Францию, где задержался более чем на три недели.

Париж, Лион, Марсель, Страсбург, Бордо, Лиль, Руан, Дижон, Бельфор, Тулуза, Тулон, Ним, По, Гренобль, какие то города под Пиренеями и многие другие — вот путь нашего хора. В Париже хор давал не менее двух концертов и посещал этот город раза два в сезон.

Тенор-солист, окончивший Киевскую консерваторию, с хорошо поставленным голосом широкого диапазона, до верхнего диез включительно, был лучшим солистом в исполнении арии « Расцветали в поле цветики », словно созданной для него; в нее он вкладывал столько экспрессии, что едва ли в зале находился хоть один слушатель, которого она бы не захватила. Имея в хоре такого солиста, Жаров решился нарушить традицию, а быть может и замысел автора, и дал петь « Песнь Индейского гостя » не лирическому, или лирико-драматическому тенору, а именно этому тенору.

« Не счесть алмазов... » пелось им минимум на тон выше. Этот номер регент с опаской поставил в программу Парижского концерта. Выпевая все « узоры » арии, солист постепенно вкладывал в исполнение все больше экспрессии и когда в кульминационном пункте он « распустил перья », да еще и немного задержался на этом месте, эффект был потрясающий. По окончании номера, аудитория театра « Елисейских Полей » разразилась громом аплодисментов, главным образом по адресу солиста. Прекрасно проходили и « Звонили звоны » и « Замело тебя снегом, Россия », исполнявшиеся другими блестящими тенорами лирико-драматического характера. Эти номера продержались в репертуаре хора и безвозвратно исчезли из него вместе с их исполнителями. Вообще в хоре было много первоклассных солистов во всех партиях, но некоторые из них пронеслись метеорами, не успев врасти в хор, другие же срослись с хором и в нем же состарились. В моих воспоминаниях я упоминаю лишь о тех, с кем много-много лет я простоял рядом; мне хотелось подчеркнуть, как индивидуальны бывают голоса и как индивидуальны способности их обладателей.

Нередко мне приходилось слышать от собеседников певческого мира « Жаров рвет голоса ». Эта фраза высказывалась не то в форме полувопроса, не то полуутверждения. То обстоятельство, что хор пел в повышенных тонах очень многое, не дает однако места такому утверждению, хотя бы уже потому, что в хор принимались люди, я говорю о первых тенорах, свободно идущие до самих верхних нот, т. е. до верхнего « до » и даже с диезом. И если на сцене верхние ноты у теноров « свистели », то петь их было кому. В начале я умышленно упомянул о товарищеской пробе голосов вскоре после моего прибытия в хор. Пели мы с азартом и подстегивать нашего брата не было необходимости. Все мы привыкли целиком отдаваться делу, которому служили. Так относились мы к своим военным обязанностям, так относились и к тяжелому физическому труду, которым пришлось зарабатывать кусок хлеба, также относились к работе в хоре и особенно в Дон. каз. хоре, где регент умел учитывать и полностью использовать голосовые возможности хора. Конечно, голоса изнашивались, но причины этого явления следует искать или в самих певцах или в обстоятельствах, сопутствовавших работе хора. Прежде всего, при нашей напряженной работе, не все хористы питались как следует и не все хорошо за собой следили и своевременно не пользовались услугами врачей. Настоящим бичом для певца является простуда, которую легко заполучить во время путешествий автобусами и в холодных отелях. Во Франции, в провинции и особенно на юге, хорошо отапливаются лишь очень дорогие отели, напр. в Ницце, где также бывает снег и холод, хорошо отапливаются отели ранга « Негреско » « Руль », « Пале Мединеранэ », где живут толстосумы.

В Лионе хор жил несколько дней во вполне приличном отеле, где было центральное отопление, но, в виду ветхости труб, в некоторые номера тепло не поступало, а наружи было порядочно холодно. Я лично в своей комнате почти не снимал пальто. Перед самым отъездом в Париж выяснилось, что некоторые хористы сильно простудились. Главный солист-бас, не сказавши регенту, уехал в Бельгию, где у него была семья, а на пути в Париж главный солист-тенор заявил регенту, что простужен настолько, что петь не

в состоянии. Жаров так вскипел, что наговорил заявившему кучу неприятностей. Эти сюрпризы поставили регента почти в безвыходное положение. Конечно, при таком положении концерт надо было-бы снять, тем более, что и сам Жаров с утра ходил с температурой 39 град., но за 3-4 часа до начала концерта сделать это было невозможно. Наспех, какие то номера программы были заменены, а некоторые пелись другими солистами. Но как мы волновались все, когда Сергей Алексеевич вышел управлять хором с температурой в 40 град.... Иногда казалось, что он вот-вот свалится. И все таки концерт прошел очень хорошо. Было это в 55-56 году, когда в составе хора имелось всего 22 певца.

Случались неприятности и другого характера, как то, что произошло с нами в С.Ш.А. во время последней мировой войны. С самого вступления в войну Америки, там был издан закон, объявлявший военнообязанными всех мужчин до 40 лет включительно и всем лицам призывного возраста было воспрещено покидать страну и выезжать даже в Канаду. С этим законом нам пришлось познакомиться на практике, когда хор выехал на два концерта в Ванкувер. На канадской границе не пропустили 10 хористов, в том числе шесть первых теноров, никакие переговоры и просьбы не помогли, и так и поехали петь два концерта с тремя первыми тенорами. Зал был большой и тяжелый, регент перебросил к нам одного тенора со второй партии, но петь было трудно, некогда было передохнуть. Форсирование голоса в двух концертах подряд невсегда проходит безнаказанно, но кого же винить, — дело то свое, общее.

По окончании концертного турнэ по Франции пели мы и в Англии, Бельгии, Голландии и в конце Великого поста снова вернулись в Германию, где в Страстную Пятницу (инославную) дали духовный концерт в зале самого большого кинематографа, рядом с вокзалом в Берлине. До первых чисел июня, т. е. до конца концертного сезона, безвыездно концертировали мы в Германии. Местом летнего отдыха хор избрал Австрию, куда заранее были отправлены «разведчики». Вернувшись, они с восторгом рассказывали о небольшом поселке, лежащем на берегу Мильштадтского озера и удовлетворяющем все требования хора: большой зал для спевок, количество квартир достаточное для всего хора, купанье, чудные окрестности для прогулок, одним словом для хора клад. Название поселка — Зеебоден. Туда-то через неделю отправилась большая часть хористов, в числе которых был я.

США **Доброволец Иванов**

(Продолжение следует)

БУЗУЛУК

Моим дорогим бузулуковцам сестре и брату Жибровым.

Вы явились в Париж с Бузулука,
Дорогая казачка моя.
Ваш приезд для меня здесь порука,
Что увижу родные края.
Написал эти строки я ночью,
А потом мне пригрезился сон,
Будто займище вижу воочью
И доносится хутора звон.
Там все те же луга дорогие,
И тоскуя свистят кулики,
И свистят мне про Дон и Россию
На косе Бузулука реки.

Бузулук, Бузулук... Там Кондратий
Воевал за родных казаков,
За свободу и поротых братьев,
За бежавших на Дон мужиков.
Два столетья прошло, и Кондратий
Жив в сердцах всех донских казаков.
Жизнь, как перстень, отдал он за братьев,
И прославлен на веки веков.
Будулук, ты река дорогая,
Ты прими мой казачий привет.
О тебе здесь грустят, вспоминают
И для многих реки лучше нет.

Париж. **Н. Евсесев**

ПОСТАВЩИК ДВОРА ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА

В 1872-м году 12-го авг. в донскую столицу Новочеркасск прибыл Государь Император Александр II-й. Город в начале века взгромоздился на неуютной, открытой всем ветрам, непогодам, каменистой горе на подобие аула Гуниб, столицы Шамиля. Три ската горы и местами очень крутых, спускались к речкам, омывающим гору, Тузлову и Аксаю, четвертая широкая часть сливалась со степью. Правительственные здания и церкви доминировали над большой заселенной площадью города, которая была благоустроена только в центре.

Раздался могучий свист паровоза роскошного императорского поезда; торжественная встреча, красочные, парадные шеренги войск по пути следования Государя и его свиты к Атаманскому дворцу.

Войсковая старшина чествовала Государя и его свиту непревзойденными дарами вод и степей Дона и многолетними винами, поражавшими гостей своим вкусом, цветом, искристостью, ароматом, подобным нектару небожителей Олимпа.

На другой день были парады, смотры, лихие воинские упражнения, джигитовки, скачки ит. п. Тысячные толпы приехавших и пришедших из станиц и хуторов в старинных красочных нарядах, тесными рядами стояли у стен зданий, оград садов, где деревья были обсыпаны, как птицами, детьми подростками. Особенно выделялись молодые казачки, у которых с природной здоровой красотой сочетались сила, стройность, острота зрения, гармонирующие с безкрайними далями родных просторов, в которых родились, выросли, расцвели и целиком восприняли душу степи — ласковую, добрую с сияющей бездной голубого неба, с греющим солнцем. Но, вдруг, что-то непонятное разрушит гармонию степи и неба: зашумят гневно, заволнуются необъятные просторы, набежавшие тучи скроют ясное солнце, таинственный полумрак, страшный, бешеный ураган ломает, выкорчевывает деревья, срывает крыши построек. Все живое прячется, но сгустились, почернели, ниже к земле спустились тучи, безпрерывные молнии, громовые раскаты, удары. — Стих ураган, дождик переходит в ливень, алчущая земля обильно впитывает воду, воскресает поблекшая растительность, дождевые стены понеслись дальше, а песни пернатых певцов волнами океана то взлетают в высь, то свергаются с высоты. Заликовала жизнь на небе и на земле.

А зимы с суровыми холодами, с крепкими морозами, с глубокими снегами, со старшными губительными мятелями, когда замерзающий путник гибнет у околицы своего хутора или станицы. Где же не быть силе, находчивости, смелости, когда грозная природа то ласкает, то губит оробевших. Казаки век в походах « за зипунами » хватали из смардных гаремов женский отбор и они в ласке, на просторе, цвели яркими цветами степи. Вековая боевая непогода отвлекала казаков от родных куреней с милыми женами, дорогими детьми; но жены, воспитанные в особой тревоге, не страшились набегов хищников, а с оружием в руках защищали детей, стариков, старух, скот и разбойники с позором исчезали.

Но уже полтора века на Дону тишь и благодать. Явились правнучки славных прабабушек на смотр Великого Православного Императора необъятной России.

Государь был очень доволен парадами, воинскими учениями, джигитовками; радовало его присутствие тысячных масс казачества из семейно-хозяйственного быта, не без восторга прислушивался к лихим захватывающим мотивам казачьих песен, несшихся из края в край города.

Отпустив войсковые части, Государь в окружении войсковой старшины и свиты проследовал среди сплоченных масс восторженных горожан к Атаманскому дворцу, где столы ломились от богатой роскошной казачьей хлеба-соли. Наказный атаман по пути доложил Государю, что на следующий день будет представлена Его Величеству гвардейская часть. Государь пожелал при ее представлении быть в ее мундире.

Заведующий хозяйственной частью царя сообщил Атаману, что в гардеробе Государя нет нужного на завтра мундира, Атаман обещал все устроить. Решено были вызвать лучшего в городе портного Ивана Потураева и обязать его сшить за ночь требуемый мундир; для мерки заведующий дал мундир Государя. Быстро прибывший Потураев, внимательно выслушав приказ, сказал только: « Слушаю ».

« Выручишь, наградим, в расходах не стесняйся », сказал Атаман. Закипело дело; было куплено нужное сукно и пр., вызваны четыре его лучших помощника, в помощь принесли царский мундир на смерку. Потураев попросил Атамана разрешить взглянуть только на фигуру Государя, что и устроил ему адъютат при входе Государя в столовую; очень довольным остался Потураев, но несколько смущенный взглядом Государя, обращенным на почтительно стоящих в орденах, лентах со-

ставляющих его окружение: возможно, что ничтожная искорка больших лучистых глаз Государя попала в напряженное зрение простого человека...

У Ивана Гавриловича Потураева и его четырех помощников закипела работа. Тишина, только деловой разговор... Жена Ивана Гавриловича, Аграфена Федоровна, приготовила ужин, портные и присутствующий в мастерской для охраны полицейский пристав хорошо поужинали, о горячительном ни звука, хотя то одного, то другого портного ищущая рука ходила по столу, но вид строгого пристава парализовал ее и она, как бы выправляясь, хватала солонку, перец горчицу или быстро опускалась в карман за тавлинкой нюхательного табаку, услащенного липовым цветом. Пристав оставался с портными всю ночь и ежели кому было надо, то призывался полицейский и портной шел с ним, чтобы не было обмана. На улице ходили два полицейских и проходившим наказывали скорей без шума проходить, какой-то выпивший огрызнулся полицейским: « чаво торопите, знаем, знаем, здесь Иван Гаврилыч царю мундир потрафляет, во славу Дона, дай ему Бог здоров'я ». Полицейские, зная, что с пьяным можно наделать шуму милостиво посоветовали: « Проходи, проходи любезный, знаешь приказ, должна быть тишина, чтобы Иван Гаврилыч в аккурате справился с царским мундиром ».

« Ну и вы, молодцы, в аккурате караул держите ». И мурлыча песенку, скрылся.

А Иван Гаврилович с помощниками, обливаясь потом, творили Высочайший мундир, каждую строчку проходили зубами, разглаживали, растягивали, пригоняли много раз, измеряли царский мундир, головы, руки в безпрерывном движении и временами быстрый умоляющий взгляд куда-то и сладострастная мысль: только бы рюмочку, но мечта сразу гасла при взгляде на бурбонистую красную физиономию с сизым мясистым носом пристава. Конечно, и суровый страж порядка понимал драму портных, но приказ, да еще полицмейстера! Неисполнение его грозило потерей долголетней « непорочной » службы, а главное обильных явств и питий.

Заиграла заря, заканчивали работу сильно усталые портные, самый строгий просмотр всех деталей мундира уже при дневном свете; признав все в порядке, долго основательно чистили. Иван Гаврилович и один из помощников умылись, приоделись, завернули мундир в белоснежные куски материи и с приставом пошли в Атаманский дворец. Пристав доложил, где надо, и пристав и портные были впущены и передали царским лакеям пакеты. Иван Гаврилович просил разрешения обождать, чтобы ежели что на примерке неладно, сейчас же поправить. Какой то из лакеев вышел, сказав: « обождите ». Через полчаса пришел, видно большой, чиновник, любезно поздоровался; ответили по форме. И сказал он: — « Молодцы, ребята, мундир сшит в аккурате, по фигуре Государя, а вам вот 25 рублей, — работали всю ночь, устали, выпейте, а расчеты будете иметь со своим начальством ». Иван Гаврилович с помощником поблагодарили, низко поклонились и, выйдя из дворца, радостные возвратились в мастерскую.

Застали всех спящими, разбудили. Обрадовались все, что все благополучно кончилось и все в один голос: « выпить, выпить, безпременно выпить »! « Чичас, чичас », сказал Иван Гаврилович, — выпьем, закусим ». У хозяйственной Аграфены Федоровны было все припасено и водка и закуска, был накрыт быстро стол. Сели все такие радостные и сразу выпили за здоровье Царского Величества, а там за лихих донских портных, и еще, и еще за что-то ,а потом уже и прост так пили. Часа через два хозяин и помощники были вдребезги пьяны и мертвецки спали по лавкам и на полу; предустмострительная хозяйка, хоть и была выпитая, заложила входную дверь, что-бы кто не побезпокоил спящих, да и сама не без труда влезла на кровать, утонула в перине и громко захрапела.

Еще два дня шли торжества в Новочеркасске и Государь отбыл, провожаемый исключительно тепло и сердечно войсками и казачьим народом, где присутствовали и патураевские мастера. Когда возвращались со станции домой, на Платовском проспекте уже открывались питейные заведения, зашли в одно, уже полное « гладившими дорожку » Государю Императору. Вошедшего Ивана Гавриловича присутствующие сразу узнали и громко закричали: « Ура герою Дона », бросились качать его и помошников, подносить. Речи, песни, гремело питейное от всего пережитого при приезде Государя.... Донское казачество показало себя во всей силе и красоте, на все способное; пять, шесть часов и нужный мундир Государю готов...

В пьяной восторженной толпе Иван Гаврилович двинулся по другим « питейным », где гремело ура герою Дона и пр. пр.

Уже вечером, где-то в низовом кабаке, разгневанная Аграфена Федоровна нашла своего мужа, поругала для порядка, но, видя, что он вдребезги пьян, подхватила Гавриловича и потянула к выходу: сопротивлялся, но безнадежно, чествователи героя Дона разобра-

лись, что перед ними достойнейшая жена героя, закупорили двери кабака и усиленно просили Аграфену Федоровну к стойке. Поломавшись, согласилась. Как даме, целовальник и угощающие предлагали ей лучшего вина, включительно до Соколовской «шампани», но героиня плевала на барские затеи и потребовала просто водки и под ура, не моргнув глазом, осушила уемистый стаканчик, строго заказала мужу не подносить; кто то решил отметить « словом » присутствие « матери-героини », но пьяный говорок понес несуразное — от зарождения при Адаме казачества. Дальнейшее не было слышно за шумом восторгов в адрес героя и героини. Безтолковщину разрешила энергичная Федоровна: приказав целовальнику поднести стаканчик водки, она лихо выпила за присутствующих, третьим поблагодарила за любовь, внимание к ней и к мужу, а затем, выйдя на середину залы, стала в позу и только сказала: « Ну же », и понеслась под нужные звуки: свисты, выкрики, хлопанье, обрывки плясовых мотивов. Дородная Федоровна превратилась в молодую проворную и дала столько жизни, движения, внесла столько безграничного веселья, что исчезла у многих пьяная дурь и они составили круг танцующих по легкости, красоте, быстроте движений и разнообразию фигур восторгающих, захватывающих, — в круге лебедушкой плавала Федоровна, царица общего восторга, веселья, радости.

До полночи длился бал, все устали и от питья и от пляса, да и целовальник напоминал, что время закрывать заведение. Клиентура начала высыпать на улицу. Иван Гаврилыч был безсилен передвигаться. Три человека пытались его взять, но он сопротивлялся; подошла Федоровна, прикрикнула на него, легко, как ребенка, взяла и понесла. На улице несколько голосов шумели: « извозчика, извозчика » — Но глушь ночи отвечала молчанием. Поставив мужа на землю, она присоединилась к общему призыву: « извозчик, извозчик »... Ее сильный звонкий голос покрывал мужские, скоро с горы послышался стук колес, подков и наконец подъехал старик извозчик. Все обрадовались за Ивана Гаврилычы. Извозчик рассказал, что он уже собирался ехать домой, но услышал несколько мужских голосов, посчитал; вышли пьяные из кабака; подумал: дойдут, свяжись с пьяными и не разберешься апосля, только слышу женский голос да сильный, призывной, подумал может беда какая случилась, надо ехать, подсобить. —

« Спасибо, спасибо, дедушка, — многие сказали, — здесь Иван Гаврилович, дюже ослаб, дойти домой не сможет ».

« Иван Гаврилыч, наш донской герой, я его бесплатно подвезу, сажайте », подошла Федоровна с мужем, посадила его, обняла, чтоб не выпал.

« Прощайте, прощайте, спасибо, дорогие друзья; трогай, дедушка » — сказала громко Федоровна.

«-Стой, стой, дедушка ». И один из друзей поднес ему чайный стакан водки и хлеба с колбасой на закуску. Поблагодарил старик, не успел еще выпить, закусить, как подошел другой с картузом: « Ну, дедушка, подставляй карман, скинулись помалости, что отозвался на беду, мы будем спокойны, что Иван Гаврилыч благополучно доедет до дома ».

Слезно благодарил старик, ссыпал пятаки и гривенники в карман, допил водку, доел закуску. Скинул шапку, поблагодарил добрую компанию, попрощался и зашевелил своего Серко, видимо не первой молодости. Приехали, Федоровна хотела уплатить, — « нет, нет, мне ваши знакомые заплатили, пусть будет здоровый Иван Гаврилыч и Вы, прощайте, « сказал старик-извозчик...

Ночь прошла спокойно, к обеду навалилась большая компания почитателей Ивана Гаврилыча, со своим обильным угощением, и загремели похвальные речи, песни, плясы. Аграфена Федоровна не перечила и тянула свое, тоже обильное, угощение, и сама не забывала себя водочкой. Чествование закончилось поздно вечером. На следующий день новая компания нагрянула, Федоровна угощала, а сама подумывала; « для мужа уже и будя, выпивал он и раньше ,но легче, побалуется денек, да и за дело, а таперича уже неделя пьяный и пьяный, да еще ее тревожило; начал заговариваться: — ...все глянул на царя, да и снял размер, точка в точку, а что прислали царский мундир для размера, оказался не нужен... Посидит, выпьет и опять..., только глянул... а там и дальше, ...что я спас от позора Дон..., и другое, никчемное, буровит, но пока по пьяну, а не дай Бог по трезву »...

По трезву он думал о словах Атамана; — « будет де с мундиром все хорошо, наградим; вызову, скажешь, что ты хочешь в награду ». — Будет де он просить пензию по гроб жизни, чин старшего урядника, через приказного и младшего урядника, и ишшо диплом на поставщика Двора Его Величества Государя Императора, с золотым орлом и золотыми буквами, да ишшо Аграфена гудеть: два отреза шелка, на два рясных платья, красного и желтого, и ишшо — забыл...

До обеда работал Иван Гаврилыч, знали друзья, что он ждет вызова Атамана, а выз-

вать магеть до обеда. После обеда приходили и снова..., за героя Дона и пр. пр.

И снова де, « ...взглянул на Государя, а Он и говорит атаману, какой у тебя способный портной, только глянет », и пр. Стала Федоровна потихоньку отваживать друзей от дома, много — де работы, а Иван Гаврилыч после обеда и уйдет из дома и без денег, вечером приведут пьяного, а на утро какая работа и помощники горюют: такой умелый закройщик к работе не годен.

Наконец, пришел рассыльный и сообщил, что его вызывают к 10 часам к атаману. Поднесла Федоровна посыльному водки, поблагодарил и ушел. И начала обряжать мужа в парадную тройку, аглицкого сукна, наваринского дыма с искрой, белоснежная крахмаленная сорочка с черным мотыльком на шее, лаковые сапоги с бутылочными голенищами, красный глаженый платок в карман, вынула Федоровна из картонки новую казачью фуражку, с красным околышом и кантом на верху и с кокардой, но помощники, да и Иван Гаврилыч, решили, что де не по моде и не по уставу фуражка к тройке, нашлась черная шляпа-котелок, хотели пустить по животному пространству Ивана Гаврилыча позолоченную цепочку, но раздумали: идешь, де, к атаману с просьбами просительными, а блестишь золотом. Дернул для прочистки мозгов в оба носовые отверстия по хорошей щепоти нюхарного табаку, Федоровна из бутылочки что то налила в стакан и приказала Гавриловичу пополоскать рот, чтобы, когда будет говорить с атаманом, не перло от него водочным смрадным перегаром.

Из окна жена увидела проезжающего извозчика, окоротила и приказала подать экипаж к подъезду, хотя до дворца было пять минут ходу. Растерянный, но важный Иван Гаврилыч был засыпан благими пожеланиями, главное не забыть просьб, а особенно гудела Федоровна до самого отъезда, чтобы не спутал цветов на отрезы шелка. Толстый бородач извозчик получил приказ: « к дворцу », тряхнул бородой, почухал всей громадной пятерней виски, стриженные под горшок, и сообщил, что Иван Гаврилыч, вызван к Атаману по большому делу, и « пяшой не полагается ». Замахал кнутом, задергал возжи и лошаденка, почти в скачь через три минуты подкатила с громом по булыжной мостовой к подъезду дворца экипаж с Иваном Гавриловичем, который важно, не спеша, сошел, вручил извозчику три медных пятака и поднялся к парадной двери.

Парные часовые, увидя галмана (штатского), не салютовали. Войдя в приемную, где сидело несколько офицеров и дам, Иван Гаврилыч робко стал у двери. Адъютант вызывал по очереди к Атаману. Подойдя к Ивану Гаврилычу, предложил сесть на стул. Ждал около часа и наконец был приглашен к Атаману — генерал-адъютанту Черткову. Войдя в большой роскошный кабинет и увидя Атамана, Иван Гаврилыч низко поклонился.

« А Потураев, здравствуй, любезный », сказал Атаман.

Иван Гаврилыч четко ответил: « Здравия желаю Вашему Высокопревосходительству ». Атаман сразу перешол к делу: « Ты, Потураев, оказал нам большую услугу, изготовив нужный мундир Его Величеству Государю Императору и мы должны тебя отблагодарить; что бы ты хотел иметь? говори, нестесняйся ».

Ободренный снисходительными словами Атамана, портной посмелел и доложил: « Желаю иметь денежное удовлетворение себе и помощникам, желаю быть пожалован в звание старшего урядника, я простой казак, покорнейше прошу Ваше Высокопревосходительство патент на звание поставщика Его Императорского Величества, что будет способствовать моему рукомеслу, и ишшо последняя просьба, прошу пожаловать моей жане шелковой материи на два платья, желтого и красного цвета ».

Закончив, Иван Гаврилович низко поклонился Атаману, который, улыбаясь, что то быстро отметив в бумагах, сказал:

« Все твои просьбы мы рассмотрим и думаю, по всем будешь удовлетворен, исключая патента, так как это дело зависит от Петербурга, но я там имею нужные знакомства, может быть и выхлопочу, что тебе будет на пользу, а столице Дона на украшение, но нужно будет обождать два, три месяца. А теперь, Потураев, иди с Богом, наше решение будет вскоре ».

Низко поклонившись Атаману, Иван Гаврилович вышел из кабинета. Действительно, вскоре был принесен пакет из атаманской канцелярии, где Потураеву сообщалось, что в воздаяние его заслуг перед Доном ему жалуется звание старшего урядника и пожизненная пенсия 7 рублей в месяц, кто то из советников Атамана, зная Потураева, как любящего временами выпить, посоветовал дать пенсию: в случае сопьется, будет все же на хлеб. Приложено было сто рублей помощникам и талон в магазин материи для Потугаевой, на два отреза шелка, для двух платьев по ее выбору. Росписался, угостил рассыльного, проводил ,передал деньги помощникам да с радости запили, дернула и Федоровна и, не

вытерпев, побежала в магазин с талоном, хозяин с приказчиками завалили прилавок горою шелка перед знатной клиенткой, были учтены сообща возраст Федоровны, ее кубовинькие формы, плотность, грация, красоту нарядные платья создадут, коммерсант посоветовал по лишнему аршину к отрезам на возможную прибавку дородности, а что качество шелка было вне конкуренции и доступно было лишь исключительно богатым. Подруки спустили Федоровну по ступенькам на улицу, мальчик нес за ней аккуратно упакованные отрезы. У порога дома взяла Федоровна пакет, дав мальчику гривенник, радостно вошла в помещение, где нашла всех портных пьяными и мужа говорящего: « как глянул на Государя, так как сфотографировал », — цукнула мужа, приказала распустить отрезы и держать на весу и получился пожар: огонь переливался красным, желтым цветом, не горел, а радовал всех и разрешилась еще водка, пироги; гуляли до полночи, помощники спали по лавкам.

С трудом вставали, похмелялись, а в дом ломились с подношениями, поздравлениями друзья, почитатели героя и героини Дона.

Тосты, песни, танцы, Федоровну окутывали пожаром красного и желтого огня, а кругом пожарщики с полными стаканами вина, водки, в присядку несутся, выделывая замысловатые па, а на носу стакан. Вдруг истерический крик Федоровны: « Горю, горю, спасайте, спасайте, люди добры ».

И моментально все стаканы выплеснули в огонь глоток и ни капли на пол. Красное, желтое пламя взлетает над Федоровной, она кланяется во все стороны и благодарит пожарщиков за спасение. Умные толковые гости не держали хозяйку в тени, зная, что с ней уйдут штофы водки и закуски: « Ты, де, сделала счастье и славу мужу и Тихому Дону », а серебряная чарочка по столику похаживала чаще к Федоровне, и за ее славные дела гремело ура — « Ура, да и пить де дорогой, да безценной Аграфене Федоровне »...

А она, веселая, в кладовку, а назад с парой бутылок водки, с пирогами, а навстречу ей и вприсядку, и так и этак, не утерпит и с подношением понеслась молодухой...

И сколько казачество из веков боевой тревоги вынесло всепобеждающих мотивов, движений души и тела, то глубокое безкрайное прощание с жизнью, часто молодой, когда оставалось только одно, — продать дороже жизнь и продавалась ценой неоцененной. Редко фортуна с завязанными глазами, на своем крылатом колесе, заглядывала с рогом изобилия в убогие укрепленные жилища казаков, жесток был уклад жизни вокруг. Но радости, часто скромные, встречались бодро с захватывающими песнями, с лихими грациозными танцами, краткие периоды мирной жизни были стремлением наладить лучшую жизнь. А юмор так богат у казаков, где часто под грубой формой таилась глубокая мысль, мораль, а еще чаще просто смех, заражающий всех смех, и все тело в движении, крики: « так, как, как »... и меткое слово, мысль в движении, и в нужный момент улыбаясь исчезает, оставив застывших в движении произнесенных все побеждающим смехом...

Как самый крепкий гранит, казачество смогло быть века бессменным часовым Руси, России на ее исторических путях; в страшные годы безумств в экстазе сатанинства, не раз спасало население в сто раз превышавшее казачество, сбрасывало в реку времен, которая в своем течении топит все дела людей, царства и царей.

« Мавр сделал свое дело, мавр может уйти » (Шекспир).

Наконец, все устали, обезсилили, потянуло домой, на отдых, пили стремянную, целовались, разошлись, остались только хозяева. Была заперта дверь, спали крепко до обеда. После обеда заглядывали два три раза поздравители. Федоровна на пороге заявляла: « Иван Гаврилыч болен лежит, апосля ». На другой день утром пришли два помощника, два расчитались, увидя, что Потураев с пришедшей ему славой испортит хорошо налаженное раньше дело. И ховяева и помощники взялись за работу, плохо она шла, поднесла Федоровна водочки, ободрились, зашевелились, а Иван Гаврилович собрался уже рассказывать про царский мундир, но Федоровна строго посмотрела, — « окоротись, апосля, работать нужно ». — Развернул Потураев сукно, разметил, вырезал кое-что, да и смотрит, что дальше делать. Стали помогать — не вяжется. Нет бойкого смекалистого закройщика, а он весь в думах, руками кабы обглаживает, что то улыбается. Затужила Федоровна, видит — ее опаски сбываются, чтой-то с мужем приключилось. К вечеру пришли поздравители, пять человек со своим прикладом, выпили, попели, выпросили Гаврилыча у жены погулять, неохотно согласилась Федоровна. Привели в полночь вдребезги пьяного и все лепечет про царский мундир... Не ладилась работа, Иван Гаврилыч старался улизнуть из дома, денег не просил, в любом кабаке находил друзей, напаивали и приводили домой. Стали лучшие заказчики забирать материал; Федоровна с помощниками шили бед-

ным чиновникам, горожанам низовым.

Потураев немного поработает и уходит, приходит пьяный и спать, а во сне про мундир лепечет. Но настало некоторое просветление, стал вникать в работу, меньше пить. Осторожно хозяйка стала зажимать копейку, боясь, вернется болезнь и ни родни, ни друзей. Вышел патент на поставщика Его Величества, ободрился, ожил Потураев, заказал золотого орла, вывеску с золотыми буквами. Приходили поздравлять, Потураевы благодарили, но слабо угощали. Блеск ли золотого орла, вывеска ли подействовали на Гаврилыча, начал нормально работать, пошли хорошие заказы.

Выйдет ли молодой хорунжий, или почтенный майор от Потураева, мундиры одно заглядение, а пройдутся по Александровскому саду, и дамы и девицы глаз не сводят со стройных фигур, отбивающих парадный марш. Радовалась Федоровна благополучию мужа, но все же еще внимательнее присматривалась к нему и находила, что не все с ним, как до царского приезда, какая то видимость тягости в голове и он вздрагиванием старается освободиться от чего-то ненужного. Молчала, замкнулась. Больше года тянулось благополучие, работал как раньше, очень мало пил, но становился из былого весельчака, говоруна, молчаливым, задумчивым.

Затревожилась Федоровна, предчувствуя возвращение болезни мужа, была с ним особенно ласкова, предупредительна, старалась быть бодрой, веселой, развлекала его смешными расказами, вызывая временами улыбку, оживление глаз, но роковая неведомая болезнь приближалась. Уже он плохо соображал в своем деле и пришлось отказываться от ценных заказов и скоро от портняжной работы совсем. Федоровна с двумя старыми помощниками работала на дешевых заказах.

Чем дальше, тем больше отрывался Гаврилыч от привычной обстановки. Федоровна по прежнему внимательно следила за мужем и решила, что его положение есть следствие таинственных сил, называемых в народе « причиной », которую якобы знахарь и ворожеи умеют снимать Поделилась Федоровна с близкими ей женщинами своими мыслями, посоветовали, указали на нужных, знающих. Звала, охотно приходили, шептали, дули, плевали, заставляли пить какое то зелье, сулились снять причину, затягивали лечение, т. к. Федоровна хорошо платила, кормила-поила. Помощи не было.

Закрыла двери от бабок, ведуний, знахарей. Обратилась к духовенству, молилась усердно, привлекала к молитве мужа, заказывала молебны о здравии болящего Ивана, улучшений не было. Посоветовали к докторам. Водила, поверхностно опрашивали, давали реценпты, состояние больного не улучшалось, уже почти потеряв веру в докторов, решила еще пойти к молодому недавно приехавшему доктору.

Внимательно выслушав подробный рассказ Федоровны о зарождении болезни после встречи мужа с Государем, доктор понял, что имеет дело с психически больным, от случайной встречи двух взглядов, одного величественного, полубожественной красоты и силы Великого Монарха, переживающего в скромном окружении исключительно преданных Ему больших людей, тяжесть великих реформ, ужасы безумных заговоров, покушений. И другой, робкий, простой, земной человек с слабо одаренной духовностью. Не вместилось невместимое, произошли умственные сдвиги, вызвавшие болезнь-полубезумие.

Занялся серьезно Иван Гаврилычем доктор, два раза в неделю по часу, просто, возможно понятнее, беседовал с ним, говорил, что в людях нет резкой природной разницы, а есть только искуственная и надо спокойно относиться к случайным поразившим встречам, разобрал подробно его встречу с Государем, сделал выводы и так в дальнейшем, путем дружеских бесед, в голове Ивана Гаврилыча происходили медленные сдвиги, появлялась улыбка, радость понимания, и продлись 2-3 месяца столь удачный метод лечения, возможно, что Потураев был бы здоров. Но доктор был вызван харьковским университетом, где продолжал дальнейшее образование и был в дальнейшем известный психиатр.

Два-три месяца чувствовалось улучшение, и снова тоска, пустой взгляд — последние надежды исчезли... Были сняты загрязненный птицами золотой орел и вывеска, Иван Гаврилыч закончил свою работу, т. к. был безнадежно болен. Бедняк еще около двух лет угасал. Неосторожные советчики уговаривали Федоровну поместить мужа в дом для сумасшедших, но она честно сказала: « 35 лет жили дружно, любовно и перед концом его жизни вы советуете, сопхну его в дом сумасшедших? Надо будет, все что имею проживу, а он будет при мне до смерти ». И проявляла исключительные заботы, водила гулять в сад, был он безразличен ко всему, отходило последнее сознание ума.

Предвидя близкую смерть, пригласила Федоровна священника, совершил глухую исповедь, причастил и через два дня Гаврилович тихо-тихо отошел... Федоровна устроила торжественные похороны с духовенством, певчи-

ми, провожало много людей; любили, уважали честного, доброго Ивана Гавриловича. Через пол года, на собранные его друзьями деньги, был поставлен приличный памятник.

Еще несколько лет Федоровна, с единственным помощником, перешедшим к ней с семьей на квартиру, продолжала скромное портняжное дело, а затем продала дом помощнику, а себе купила на окраине города, близко к кладбищу, маленький домик, где в окружении бедных семей, под названием « бабушки Потураихи », любимой, уважаемой, творила простое христианское дело; молилась в ближайшей церкви, посещала могилу мужа, крестила, растила, женила, лечила, обшивала и другие добрые дела творила.

Дар Дона, шелковые отрезы, сохранила, за смертью мужа носила только темное, и отрезы пошли на радость молоденьким бедным невестам. В конце девяностых годов, в глубокой старости, тихо безболезненно скончалась.

Перед смертью росписала скромные остатки имущества окружению, которое с великим плачем отнесло на руках « бабушку Потураиху » на кладбище и под чудные погребальные слова священника и глубокие мотивы певчих, опустили в могилу рядом с мужем Гаврилычем.

Рассказ отца, начала века.
Ян. Богаевский

ПАМЯТИ ПОЛКОВНИКА П. Н. КУДИНОВА

19-го окт. в Болгарии после тяжкой болезни скончался полковник Донского Войска Павел Назарьевич Кудинов, казак станицы Вешенской, хутора Средне-Дударевского.

С его именем связана одна из страниц истории гражданской войны на Дону — восстанием казаков Верхне-Донского округа в начале 1919 г., когда волей судеб бывший вахмистр Кудинов стал во главе 25-титысячной армии восставших.

Родился П. Н. в 1891 г. в многодетной бедной казачьей семье и с детских лет был принужден сам зарабатывать себе на жизнь. Суровая самостоятельная жизнь выработала в нем сметливость, наблюдательность и сильную волю.

Накануне 1-ой Мировой войны — П. Н. Кудинов лихой вахмистр 5-сотни 12-го Донского казачьего полка, имевший ряд призов, полученных в спортивных состязаниях. Во время Великой войны он проявил большую храбрость, заслужив все 4 степени Георгиевского креста. Затем, после небольшого учебного стажа — производство в прапорщики, орден Св. Станислава с мечами и бантом и производство в хорунжие.

После развала фронта Кудинов, вернувшись на Дон, принял участие в борьбе с большевиками. В июне 1918 г. он начальник пулеметной команды 1-го Вешенского конного полка, в рядах которого был ранен.

К концу лета вся Донская Область была очищена от красных. Боевая обстановка, казалось, была благоприятна, но с наступлением зимы она изменилась. Наступившие холода, отсутствие теплой одежды и боеприпасов, неудовлетварительная служба тыловых учреждений и их несправедливое отношение к частям, находившимся на фронте, большевистская пропаганда, умело воспользовавшаяся создавшимся положением, были причиной того, что в самом конце 1918 г. казаки верхних округов, без согласия высшего командования, начали переговоры с красными, обещавшими, если донцы не пойдут дальше на север, оставить в покое Донскую Область. Большинство казаков северных округов разошлись по домам. Полки же Донской Армии, укомплектованые казаками южных округов, оказывая частичное сопротивление, спешно уходили на юг.

Но уже в январе 1919 г., красные, нарушая свое обещание « в Донскую Область не ходить » ,заняли станицу Казанскую, а затем и весь Верхне-Донской округ, устанавливая советский режим со всеми его « прелестями »: грабежом, насилием, произволом и жесточайшим террором. Казаки убедились, как ошибочно было верить обещаниям красных. В ночь на 26 февр. казаки хутора Шумилина Казанской станицы уничтожили карательный отряд большевиков. Это было начало новой борьбы. Восстают станицы Казанская, Мигулинская, Вешенская, Еланская и др. В начале марта произошло объединение всех групп восставших и их командующим был

выбран сотник П. Н. Кудинов, ставший во главе 25-титысячной армии, состоявшей из пяти конных дивизий. Это была действительно народная армия. Все боевое начальство было выборным, дивизиями командовали хорунжие, подхорунжие, полками — урядники, ведь большинство офицеров ушло на юг с Донской Армией при отступлении в 1918 г. Но нужно было не только воевать, но как то организовать и тыловые службы: снабжение огнеприпасами, питание. Восставшие были окружены кольцом красных — фронт был кругом.

Несмотря на выборность начальства, дисциплина в частях была образцовая. В строю были все способные держать оружие, не было ограничения возрастом, были и казачки, дравшиеся наравне с казаками. Содержание и довольствие были обязанностью населения, деды несли службу по снабжению и транспорту, малолетки — почтовую связь между станицами и отдельными частями. Неудовлетворительно обстояло дело с медикаментами — их не было. Больные и раненые получали помощь уходом и временем. В начале не хватало вооружения и огнеприпасов, но потом были созданы свои примитивные патроннные и оружейные заводы. Патроны стали делаться из находившегося на одном из хуторов склада холостых снарядов, а пули отливались из свинца, собранного по казачьим хозяйствам. Брали огнеприпасы и в боях с красными.

До конца мая бились казаки, неоднократно разбивая отборные большевистские части (отряды ЧОН-а, матросов, курсантов, латышей), имевшие большое численное превосходство. Уже в апреле против восставших действовало 40 тысяч красных, а в начале мая с фронта Донской Армии была еще направлена 9-ая Советская армия — всего более 60 т. бойцов.

Долгое время у восставших не было никакой связи с Донской Армией, несмотря на то, что для этого неоднократно посылались гонцы. Не знали подробностей о восстании и в Штабе Дон. Армии, куда доходили какие то смутные неопределенные сведения. Наконец, в середине апреля удалось установить связь по воздуху прилетевшим с юга аэропланом Дон. Армии. Этот первый полет был для летчиков делом очень рискованным — ведь они не знали ни района восстания, ни об его масштабе, с самолета нельзя было определить, какие перед летчиками — красные или казачьи части, и при спуске они легко могли попасть в плен к большевикам. А затем, в конце мая, большая конная группа ген. Секретева из Дон. Армии соединилась с восставшими. Так закончилось восстание Верхне-Донцов. П. Н. Кудинов был произведен в есаулы, а потом и в полковники и до конца гражданской войны участвовал в борьбе с большевиками. *)

После он проживал в Болгарии, но в 1944 г. при ее занятии советской армией был схвачен и отправлен в Москву, там был судим, но суд решил, что, за давностью событий гражданской войны, он суду не подлежит. Однако, на решение суда Берия наложил резолюцию о ссылке П. Н. Кудинова на 10 лет в концлагерь, в Сибирь. После долгих мытарств по разным тюрьман и 10-тилетнего пребывания в тайге, через 14 лет он был выслан обратно в Болгарию.

Последние годы П. Н. Кудинов сильно бедствовал, здоровье его было сильно подорвано, пенсию он не получал, право работать было сильно ограничено.

После него осталась вдова, тоже преклонного возраста, так же бедствующия, обратившаяся с просьбой помочь ей поставить крест на могиле покойного донского казака полковника П. Н. Кудинова, верно служившего своей Родине. Сама она сильно нуждается и не может этого сделать. Просила помочь и ей.

Будем надеяться, что русские люди и в первую очередь донские казаки это сделают.

Взносы принимаются у председателя Казачьего Союза В. М. Кузнецова или на текущий счет Каз. Союза.

(Union des Cosaques, CCP: 21 209 10 — Paris) — 37, rue Gallieni. 92 — Malakoff. (France).

Б. Богаевский.

Правление Каз. Союза сообщает, что на обращение с просьбой помочь вдове П. Н. Кудинова осуществить ее желание поставить скромный памятник на могиле ее мужа и помочь ей отозвались следующие лица: В. М. Кузнецов — 20 фр., П. Г. Халеева — 50 фр., А. М. Дадонов — 5 фр., Н. П. Казинцев — 20 фр., Н. А. Ломакин — 20 фр., Б. А. Богаевский — 50 фр., Н. Ф. Пузанов — 30 фр., И. И. Сагацкий — 20 фр., Б. Ф. Дубенцев — 10 фр., Н. И. Греков — 10 фр., С. Артемов — 10 фр., Кучкин — 5 фр., Н. Г. Зубов — 2 фр., П. Приходьков — 100 фр., М. П. Сергеев — 20 фр., Г. Т. Калмыков — 50 фр., Т. Г. Поляков — 100 фр., А. С. Кулягин — 20 фр. И. Я. Крюков — 13 фр.,

Правление просит жертвователей принять искреннюю благодарность за проявленную ими казачью солидарность Сбор продолжается. — Председатель Каз. Союза В. Кузнецов.

---

*) В «Год. Крае» были помещены воспоминания самого Кудинова об этом восстании. (№ 58, 59, 60, 61)

ИЗ КАЗАЧЬЕЙ ЖИЗНИ ЗА РУБЕЖОМ И ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

● **От Представителя Кубанского Войскового Атамана во Франции.** — Получив постановление (резолюцию) 15-го очередного Кубанского Войскового Сбора, состоявшегося 29/10 /67 в Нью-Йорке и представляющего почти 1500 голосовавших кубанцев, довожу настоящим до сведения всех казачьих и всех общероссийских, общественных, воинских и церковных организаций, а также и всех казаков всех Казачьих Войск, что на выборах 4/12/1966 г. в полном согласии с действующим положением о выборах на пост Кубанского Войскового Атамана большинством 63-ех делегатских голосов против 50-ти избран полковник Владимир Иванович Третьяков.

Всем вышеупомянутым лицам и организациям надлежит обращаться по делам Куб. Каз. Войска только и исключительно к Войсковому Атаману полк. Третьякову.

Кубанских же казаков Войсковой Сбор призывает дружно сплотиться вокруг своего Атамана и поддержать его в его тяжелой работе по сохранению Войска и восстановления его единства, грубо нарушенных беззаконными действиями и поведением войск. страш. Ткачева, нарушившего данную им атаманскую присягу и вызвавшего в Кубанском Войске небывалую еще смуту. Подлинная резолюция Куб. Войск. Сбора подписана: почетным председателем ген. Науменко, председателем Сбора М. К. Кулик, заместитель предс. Войск. Старш. Гулый, инж. Баев, секретари: Бабушкин, И. Бублик.

Объявляя настоящее постановление Войск. Сбора, считаю долгом напомнить кубанцам, что у нас существует во Франции одно единственное Объединение кубанцев (Arrêté du Ministère de l'Intérieur J. O. № 276-49), которое одно правомочно выступать от лица кубанских казаков, проживающих во Франции и которому надлежит избавиться от составителей фальшивых списков и делегатских полномочий, дабы пресечь их злостную работу на пользу большевикам.

С 1920 г. по декабрь 1966 г. мы, кубанцы, были едины, во главе нас стоял ген. Науменко (за исключением последних 8-и лет). Он же нас и зовет теперь в одну кубанскую семью, что нам и надлежит выполнить ». — Представитель Кубанского Войскового Атамана войск. старш. Зайцев.

● **Перекличка партизан участников Степного Похода** — В фебрале 1968 г. исполняется 50 лет с тех пор, как Донские партизаны, не выдержав, вследствие своей малочисленности, натиска Красной Гвардии и не желая сдаваться на милость победителя, а также для сохранения в пределах оДна идеи борьбы с большевиками, ушли, по инициативе походного Атамана Донского Войска — ген. П. Х. Попова в Задонские степи. Оттого поход назван Степным, а партизаны — Степняками.

Сколько участников этого легендарного похода осталось в живых к 50-летию его начала — неизвестно.

С целью установить число оставшихся в живых участников похода, объявляется **перекличка.** Прошу Партизан-Степняков, рассеянных по всему миру, сообщить мне как можно скорее: 1) чин или звание, имя отчество и фамилию, какого отряда и настоящий адрес; 2) фамилии других, еще живых участников похода, по каким-либо причинам не могущих лично откликнуться, но известных откликающимся, с указанием о них, по возможности, данных, указанных в параграфе 1-м.

Все сведения посылать по адресу:

Mr. Padalkine — 3, rue Jobbé-Duval
75 — Paris-15e. France.

Просьба к другим эмигрантским газетам и журналам перепечатать настоящее обращение.

Заместитель председателя Союза Партизан — Степняков Вице-председатель подъесаул
А. Падалкин

● **В Донской имени ген. П. Н. Краснова станице в Нью-Йорке.** 19. ноября 1967 г. Станицей было устроено под председательством инж. И. Б. Белоусова собрание казаков по случаю 50-тилетнего юбилея коммунистической власти в СССР. После обстоятельного доклада атамана Станицы ес. А. И. Тульцева о событиях 1917 г. собранием был принята единогласно следующая резолюция:

« 1. Донские казаки, как и все Казачество, неизменно остаются верными своей КАЗАЧЬЕЙ ИДЕЕ, своей старой позиции в отношении Коммунистической власти в СССР и верными заветам той борьбы, какую наши отцы и братья на Родине вели с коммунистами-большевиками.

2. Советско-коммунистическая власть неизменно остается властью интернациональной. Ее основной задачей являются не проблемы национального права и благополучия, а коммунистическая революция во всем мире.

3. 50 лет диктатура Московских коммунистов безпощадно подавляет свободное творчество во всех областях жизни народов нашей Великой Родины России, неугодных своей власти предавая мучительной смерти или истязая и заключая в тюрьмы или в дома

умалишенных или ссылая в каторжные работы в концентрационных лагерях на далеком Севере, отдаленнейших углах Сибири и Средней Азии.

4. 50 лет Московская Коммунистическая власть под предлогом борьбы с религиозными «предрассудками» ведет гонение против каждой религиозной веры и совести и против всякого духовно-морального начала.

5. В форме « колхоза » Московская Коммунистическая власть вновь закрепостила природных землеробов — крестьян. В форме « совхоза » эта власть лишила рабочих самых элементарных прав на защиту своих интересов и элементарного устройства своей жизни. В форме государственного хозяйства эта власть убивает всякое свободное хозяйственное творчество и инициативу, заменив их мертвящей бюрократической системой. Все это на языке Московской власти называется « социалистическим хозяйством ». Единственными хозяевами всего достояния народов нашей Родины является Коммунистическая партия и ее очередные диктаторы.

6. Вот те « достижения », смысл и значение коммунистического юбилея, какой так пышно отпраздновала Москва.

7. Московский юбилей для всего Казачества и, в особенности для Донского, является тем грозным — Помни час смертный —, указывающий Казачеству необходимость теснее сомкнуть свои ряды, прочно хранить заветы отцов и братьев — борцов и своей организованностью и единством добиваться возрождения Казачества и воскресения своей Великой Родины.

8. Московский Коммунистический юбилей должен дать новый импульс жизни эмигрантскому Казачеству и повелительно напомнить всему ему, чтобы ни один казак и казачка не были вне своей Войсковой организации ».

● **Письмо в редакцию « Род. Края » ес. Е. Е. Ковалева.** В №№ 110 и 111 журнала « Каз. Единство », г. Плахов поместил большую статью с длинным подзаголовком: « Еще о последних днях Степного Похода, восстании ст. Баклановской и о роли Походного Атамана ген. П. Х. Попова ». Она является ответом на мою статью в № 67 « Р. Края », в которой я опроверг три пункта « поправок » г. Плахова, касающихся Степного Похода.

В своей статье Г. Плахов снова пытается доказать, что он прав и статья носит характер полемический. Продолжать эту полемику я однако не намерен и вот почему. В № 28 «Род. Края » г. Плахов поместил статью « Как не надо писать историю » и было бы хорошо, если бы он сам придерживался тех советов, которые давал другим. Но уже тогда, иллюстрируя свою статью примерами и исправляя неточности, он следал несколько ошибок, вызвавших немедленно опровержения. Теперь он рецидивирует. Участником похода он не был, никаких документов не имеет и делает свои мнимые поправки, занимаясь казуистикой и ворожбой, наперекор свидетельству участников похода.

Такие поправки искажают историю и только. Ни один серьезный историк не примет их во внимание, как не имеющих исторической ценности. Но г. Плахов не скупится на похвалы самому себе и делает это трижды. (Мое выражение « стало известно » вполне правильно и логично. Выводы мои совсем не « изумительны », а вполне обоснованы. И здесь мои выводы и логичны и правильны. № 110 « Каз. Единства »). Было бы лучше, если бы оценку сделал кто-нибудь другой, достаточно компетентный ибо в своей самоуверенности Г. Плахов не замечает, что его логика порочна, а события, особенно в период революций и гражданских войн, часто развиваются независимо от логики.

Относительно же событий в районе Котельниково-Ремонтная, где по словам Пох. Атамана восставшие казаки замитинговали и бросили позиции, что Г. Плахов считает выдумкой ген. Попова, написанной много времени спустя, я должен заметить, что « Записки Пох. Ат-на » были опубликованы не « много времени спустя », а в сентябре 1918 г. Большинство участников этих событий в то время были еще живы и, если бы ген. Попов опубликовал заведомую неправду, это вызвало бы протесты. Атаманом в то время был ген. Краснов, отношение которого к руководителям Степного Похода было, мягко выражаясь, прохладное. Он и его окружение не упустили бы случая дискредитировать ген. Попова. Однако никаких протестов и никакого шума это свидетельство ген. Попова в то время не вызвало ».

● **Исправление неточностей.** — В № 72 « Род. Края » в некрологе « Памяти Партизана-степняка », написанном А. П. Падалкиным, вкрались неторые неточности, которые нас просят исправить: полковник Процков не был преподавателем, а был офицером воспитателем, а затем командиром 1-ой сотни Донского Кадетского корпуса. Вообще классных наставников в кадетских корпусах не было, а были офицеры воспитатели.

● Вышел № 1 вестника связи **Объединения 1-го Казачьего Юнкерского Училища Казачьего Стана** « Юнкер, Слушай ». Адрес редак-

ции: I. G. Gribov (Gray). P. O. Box 562. Shreveport. La. 71102 USA.

Редакция « Род. Края » от всей души приветствует появление нового собрата по оружию, или вернее « по перу », и также приветствует образование нового Объединения, ибо это доказывает, что « не сгинули еще казаки ,есть еще порох в пороховницах ». Казаки 1-ой эмиграции верно и неуклонно, и все быстрее уходят в иной мир и вопрос их смены был очень болезненным вопросом. Создание же Объединения из людей более молодого поколения показывает, что эта смена существует и что она осталась, судя по содержанию Вестника, верной казачьим заветам наших отцов и дедов.

« Бог на помощь » юнкерам 1-го Казачьего Юнкерского Училища.

● **От издателей « Казачьего Словаря-Справочника ».** — (Склад издания: Scrilov. 15 Bungalow avenue. San Anselmo. Cal. 94960 USA — 2-ой том Каз. Сл. Спр. будет разсылаться подписчикам по получению его из типографии в начале года. Цена каждого тома — 5 долл. с пересылкой. Приступлено к систематизации материала для 3-го (заключительного) тома, от буквы « Р » до конца алфавита.

Для сведения подписчиков сообщается, что около 70 библиотек, городских и университетских США, Австралии, Англии, Шотландии, Франции, Германии, Канады и Израеля подписались на все издание.

● **К Казакам Сибирскаго Казачьего Войска.** (От редакции. — К нашему сожалению, поздравление сот. Красноусова из далекой Австралии пришло слишком поздно, чтобы быть помещенным в рождественском № « Род. Края »).

Станичников — Сибирцев...!

Сердечно поздравляю с праздником родного нам СИБИРСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА — «С ВОЙСКОВЫМ НИКОЛИНЫМ ДНЕМ!»

Вот уже почти пятьдесят лет, как мы пребываем оторванными от родного края, но мысли наши, в особенности в этот день, неизменно направлены туда к родному Иртышу, где Ермак Тимофеевич в 1584-м году заложил основание нашем Войску.

383 года прошло с того дня!! За этот период времени мы сумели получить наименование « Всеначального Войска Сибирского », положившего основу Дальневосточным казачьим Войскам, участвовали в ряде войн, заслужили четыре Георгиевских знамени и прочие « Георгиевские награды », а в 1919-м году, в разгар гражданской войны, мы все, по зову своего Войскового Круга, встали на защиту Родины и Войсковой территории против наседавшего красного врага.

Судьба не судила нам быть победителями в этой борьбе, но мы вправе сказать, что « свое мы дело совершили ».

И сейчас, в эмиграции, мы не забыли своего Войска и заветов наших предков, которых так картинно и образно описала наша « войсковая гордость » — поэтесса Мария Вячеславовна Волкова, в своем стихотворении « Землепроходцы ».

Наш возраст не дает нам надежды на то, что мы, выполнив свою задачу « землепроходцев », вновь вернемся к себе на Родину — в родную нам Сибирь: мы все — еще « в походе », и этому походу не видно конца, а наши братья там — в Сибири все еще ждут нашего возвращения домой.

Вспомним сегодня их, оторванных от нас, вспомним былую славу нашего Войска и поднимем заздравную чашу за ныне еще живых « землепроходцев », до сих пор продолжающих выполнять свой долг перед Родиной и Войском.

Вечная память погибшим сибирцам и многая лета еще и поныне здравствующим!! Слава родному Сибирскому казачьему Войску и верным его сынам. УРА!!

Сибирского Каз. Войска:
Сотник **Красноусов**

(Декабрь 1967 г. Брисбан. Австралия).

● **В Казачьем Союзе.** 17 дек. 1967 г. в Париже состоялось собрание Каз. Союза во Франции под председательством А. П. Падалкина, на котором был сделан краткий доклад председателем Союза В. М. Кузнецовым о деятельности правления за истекшие годы и оглашены отчет казначея Н. П. Казинцева и отчетный акт Ревизионной комиссии.

Собрание единогласно постановило вынести большую благодарность всему правлению, а в особенности его президиуму за его работу и утвердило акт ревиз. комиссии.

Были произведены перевыборы новаго правления: выбранными единогласно оказалось старое правление в составе: председатель В. М. Кузнецов, генеральный секретар: Н. А. Ломакин, секретарь и казначей Н. П. Казинцев.

УШЕДШИЕ

† 16 сент. 1967 г. в Нью-Йорке скончался войск. старш. П. А. Савич, Оренбургского Каз. Войска.

† 1 авг. 1967 г. в госпитале г. Паусанду, в Уругвае, на 68-ом году жизни скончался инж. П. В. Наталюткин, ст. Усть-Медведицкой В. В .Д.

† 3 авг. 1967 г. в боях в Вьетнаме погиб 22-ухлетний сержант 9-ой пех. дивизии США — Б. Б. Зборовский-Бентли, сын донского казака.

† 13 сент. в Сан-Франциско умер войск. старш. П. Д. Калачев Сибирского Каз. Войска.

† 18 авг. во Франции скончался подхор. И. Е. Устименко 86 лет, ст. Некрасовской Куб. Каз. В.

† 16 сент. в США умер хор. В. М. Поначевный ст. Раевской Куб. В.

† 17 сент. 1967 г. в Патерсоне (США) умер ес. Н. Г. Вдовиченко ст. Славянской Куб. В.

† 15 июля 1967 г. в Зальцбурге (Австрия) скончался подхор. С. И. Ефимов 82 лет, ст. Морозовской В. В. Д.

† 1 окт. в 1967 г. в г. Вайнлэнде скончался Н. И. Щиров, ст. Упорной Куб. В.

† 24 дек. 1966 (позапрошлого) года во Франции умер подхор. В. Ф. Власов Гундоровской станицы ВВД. Похоронен на кладбище Гилиотьер в г. Вилербане.

† 8 ноября 1967 г. в. Париже скончался А. И. Филь, станицы Горячеводской Терского Войска.

† 12 ноября 1967 г. в старческом доме в Дормштате (Германия) скончалс И. Сиротин В. В. Д.

† 27 сент. 1967 г. в Намюре (Бельгия) скончался инж. А. А. Заханевич, донской казак, родившийся в Новочеркасске в 1904 г. Покойный окончил в Бельгии Лиежский Университет и был известным и выдающимся инженером. В 1958 г. к Международной выставке по его расчетам был построен знаменитый « Атомиум » (115 м. высотой), бывший самым интересным местом выставки. Покойный был исключительно отзывчивым и добрым человеком. Сообщил В. Тевяшов.

† В ноябре 1967 г. в Доме для престарелых в Абондане (Франция) скончались есаул Н. Г. Ягодинцев ст. Невиноминской Куб. В. родившийся в 1893 г. и подхор. А. Н. Чунжинов, Кутейниковской ст. В. В. Д. рождения 1891 г.

† В ноябре 1967 г. в госпитале Монфермей скончался Ф. А. Кострик ст. Прохладной Терского Каз. Войска.

† 4 дек 1967 г. в Шавиле (Франция) скончался полковник П. Д. Калиманов В. В.Д.

† 11 сент. 1967 г. в Австралии неожиданно скончался ген. И. Н. Кононов, казак станицы Новониколаевской В. В. Д., рожд. 1903 г., командовавший во время последней войны одним из казачьих полков, воевавших против советской армии.

† 27 окт. 1967 г. в доме для престарелых в Гани (Франция) скончался М. Манжиков, 68 лет, Платовской станицы В. В. Д.

ДЕНЕЖНЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ В РЕДАКЦУЮ « РОД. КРАЯ »

(С 1 ноября по 1 дек. 1967 г.)

В Фонд Издательства: С. И. Донсков — 10 долл., Х. — 10 фр., Козин — 6 фр., Боков — 10 шв. фр., г-жа Фетисова — 20 фр., Сетраков и Яшкин — 20 фр., Серебряков — 6 фр., В. П. Романчук — 10 фр.

Дамскому Комитету Каз. Союза: Максимов — 10 фр., Борисов — 10 герм. мар., Нестеров через священика из Мурмелона — 5 фр., П. Приходькова для донских казаков инвалидов — 500 фр.

На издание книги « Генерал Каледин — герой Луцкого прорыва и Донской Атаман »: М. П. Богаевский — 26 фр., М. Т. Чернявский (4-ый взн.) — 20 фр., А. А. Мозоров (2-ой взн.) — 6 фр., П. Максимов — 26 фр., Н. П. Чижов (3-ий взн.) — 10 фр., В. А. Иванов (из Южной Африки) — 10 рандов., Калмыков — 26 фр., Полковников — 28 фр., г-жа Фетисова (4-ый взн.) — 10 фр., проф. Улитин (3-ий взн.) — 10 долл., Птушенко — 6 фр., П. Клопотович (2-ой взн.) — 16 фр., Н. И. Зайцев и Е. И. Рытиков — 26 фр., Г. Русаков (2-ой взн.)

— 16 фр., проф. М. М. Афанасьев (4-ый взн.) — 10 долл., Альникин (2-ой взн.) — 7 фр., Я. П. Богаевский — 26 фр., И. А. Евстратов (2-ой взн.) — 6 фр., Союз Дон. Артиллеристов (2-ой взн.) — 3 фр., Е. Е. Ковалев — 7 фр., С. Дмитров (2-ой взн.) — 1 долл., проф. Чеботарев — 5 долл., А. Косоротов — 26 фр., И. Я. Крюков (2-ой взн.) — 7 фр.

Всех жертвователей просим принять нашу искреннюю благодарность.

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ « РОДИМОГО КРАЯ »

Непринятые рукописи обратно не возвращаются и в переписку о них редакция не вступает. Редакция оставляет за собой право статьи сокращать, не меняя смысла написанного. За статьи, подписанные полным именем автора, редакция не отвечает и они не всегда выражают взгляды редакции.

Корреспонденцию на имя Редакционной Коллегии направлять по адресу:
Mr. Bogaevsky - 230 av. de la Division Leclerc, 95 — Montmorency (France).

Через редакцию « Род. Края » можно выписать:

« Воспоминания ген. А. П. Богаевского » (Ледяной поход) — 12 фр.

Н. М. Мельников — « Ермак Тимофеевич, кн. Сибирский, его сподвижники и продолжатели » — 8 фр. или 2 долл.

Л. Масянов — « Гибель Уральского Казачьего Войска » — 20 фр.

« Митрофан Петрович Богаевский » — сборник статей о Донском Баяне — 16,50 фр. или 3,50 долл.

Н. М. Мельников — « Как извращается история » — 2 фр.

П. М. Аврамов — « Ковылий сказ » — 3 фр.

П. М. Аврамов — « Никифор Кащеев » — 3 фр.

Казачий словарь справочник, 1-ый том — 25 фр.

Н. Н. Туроверов — « Стихи », книга 5-ая — 15 фр.

Н. Н. Воробьев — « Кондратий Булавин » — 15 фр.

Адмиралов — « Казачья трагедия » (1940-1945 гг.) — 12 фр. или 2,50 долл.

В. А. Беляевский — « Голгофа » (Очерки из воспоминаний 1882-1964) — 12 фр. или 2,50 долл.

П. Поляков — « Поэмы » 4 фр.

Казачьи песни (изд. « Каз. старина ») — 5 фр.

● Редакция обращается с настоятельной просьбой ко всем своим читателям и подписьчикам не задерживаться с внесением подписной платы. Издание « Род. Края » основано исключительно на самоокупаемости, при полной безвозмездной работе всех наших сотрудников. То-есть журнал издается на деньги, за него полученные, и на пожертвования отдельных лиц в Фонд Издательства, иначе говоря на деньги самих читателей, от которых и зависит дальнейшее существование « Род. Края ».

РОЗЫСКИ

● Лиц, знающих что либо о Семене Федоровиче Кудинове, с хутора Муховаткина, район Миллерово Донской Области, просят написать в редакцию « Р. К. »

● Родные с Дона розыскивают Афанасия Тимофеевича Матвеева станицы Распопинской Дон. Войска и Николая Ивановича Белоусова из города Бердянска. Писать по адресу:
A. Kuliagin. 5346 Lee Str. Bristol. Pa. U.S.A.

● Сестра розыскивает брата **Валентина Климнина** рожд. 1904 г. станицы Букановской. Учился в Дон. Кадет. Корпусе в Югославии. Около 1925 г. переехал в Париж, откуда уехал в 1930 или 1932 г. Писать по адресу:
Mrs A. Pachkevitch. 3700 S. W. Donovan Seatle. Math. 98126. U.S.A.

● Сестра розыскивает брата **Бориса Станиславовача Катынского,** офицера 80-го конного Зюнгарского полка, и друзей **Андрея Одинцова, Александра Магутина** из Пятиизбянской станицы, оба учились в Калаче, позже были офицерами в Донской Армии, и **Анну Бабушкину** из Арчеды. Лиц, знающих о их судьбе, прошу написать по адресу:
Mme. Oussov-Blonsky, rue № 1. 85, Antsakoviro, Tananative, Madagascar.

● Елена Александровна Погорелко розыскивает брата **Михаила Александровича Жилина** и его сына Александра, до 2-ой Мировой войны живших в Белграде. Писать по адресу:
Mme. Pogorelko. 55, rue Beklioz. 78 — Velizy-Villacoublay. (France).

Вышла из печати, под редакцией Н. М. Мельникова, в издательстве «Родимого Края», монография

МИТРОФАН ПЕТРОВИЧ БОГАЕВСКИЙ

В книге 276 стр. и редкие фотографии. Выписывать из редакции «Род. Края». Стоимость во Франции — 16,50 фр., заграницей — 3,50 долл. В книге, кроме яркой обрисовки личности и деятельности Донского Златоуста, перед глазами читателя попутно проходит героическая эпоха Калединского периода истории Дона.

Осталось еще ограниченное количество экземпляров.

РУССКИЙ КНИЖНЫЙ МАГАЗИН В ПАРИЖЕ

— Все новинки книжного рынка —
MAGASIN DU LIVRE
10, rue des Carmes Paris 5
Tél. DANton 25-28.

«ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА»
Редакционная Коллегия: А. Долгополов, Г. Головань и В. Мяч.
ежемесячный журнал, посвященный Первому Кубанскому походу и истории Белых Армий.
Издание Калифорнийского отдела Союза Участников 1-го Кубанского ген. Корнилова похода
Подписная плата на 1 год (12 номер.) дол. 5.00, на 6 месяцев долл. 3.00, цена отд. номера 0.50 цент. Адрес редакции:
842 NO. Alexandria ave. Los Angelos. Calif. 90029. USA.

Imprimerie P.I.U.F. - 3, rue du Sabot - Paris (6e)

Родимый Край

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пасхальные поздравления.
И. Курицин — « Трагедия России в свидетельствах современников ».
В. Иванов — « Пятидесятилетие ».
Н. Воробьев — « Книга об Атамане Каледине ».
Белогорский — « На смерть Атамана Каледина ».
П. И. Медведев — « В час добрый ».
Н. Туроверов — « Джанкой ».
Б. Уланов — « Казачество ».
Н. Воробьев — « Скрижали славы казачьей ».
Н. Евсеев — « О казаках ».
П. А. Фадеев — « Гражданская война на Уральском отдельном фронте » (продолжение).
И. Ступников — « Птицы перелетные ».
Э. М. Теми-Хан — « Эмир Чечени и Дагестана Узун-Хаджи — феномен смутных лет на северном Кавказе ».
Т. Данилевич — « Катынь » (продолжение).
Н. Н. Пенинский — « Хибины ».
Доброволец Иванов — « С русской песней по белу свету... » (продолжение).
Б. Богаевский — « Памяти профессора М. А. Миллера ».
Ушедшие.
А. Падалкин — « Памяти полковника П. Д. Калиманова ».
Из казачьей жизни зарубежом и письма в редакцию Н. И. Зимина, К. Пономарева, М. К. Бугураева, г-жи Кудиновой, д-ра Дмитрова, А. Н. Туроверова, от редакции каз. « Словаря » и проч.
Денежные поступления в редакцию « Род. Края ».
От редакционной коллегии « Род. Края ».
Розыски.

РОДИМЫЙ КРАЙ

Орган общеказачьей мысли.
Издатель: Донское Войсковое Объединение.
Association des Cosaques du Don
Arr du Ministre de l'Int. J.O. 70 1955

PAYS NATAL MARS — AVRIL 1968
№ 75 МАРТ-АПРЕЛЬ 1968 г. 4 фр.
Parait tous les 2 mois. Directeur: *Bogaevsky.*

Редакционная Коллегия: Б. А. Богаевский, А. И. Клочков, В. М. Кузнецов, А. П. Падалкин, Н. Н. Туроверов, Б. Н. Уланов.
Адрес редакции:

B. BOGAEVSKY
230, Av. de la Division-Leclerc
95 — Montmorency
France

ПАСХАЛЬНЫЄ ПОЗДРАВЛЕНИЯ.

Христос Воскресе!

Правление Казачьего Союза поздравляет казаков и казачек со светлым Праздником Христова Воскресения.

Да вселит Господь в казачьи души благочестие и радость и да укрепит в них веру в то, что Всемогущий Бог не оставит казачество без щедрой милости своей.

Председатель Каз. Союза
В. Кузнецов
Секретарь **Н. Ломакин.**

Редакция «Родимого Края» шлет казакам и казачкам всех Каз. Войск и всем своим читателям свои наилучшие пожелания сил, здоровья и моральной бодрости к светлому Празднику Воскресения Христова.

Христос Воскресе!

Редакция «Род. Края».

ТРАГЕДИЯ РОССИИ В СВИДЕТЕЛЬСТВАХ СОВРЕМЕННИКОВ

Не будь Февральской революции 1917 года, не было бы Сктябрьской контрреволюции, а была бы славная победа России над внешним врагом. Об этом свидетельствует В. Черчиль, который, будучи в ту пору военным министром Великобритании, лучше чем кто либо из иностранцев знал все подробности усилий и действий воевавших народов и армий.

В книге «Русская катастрофа — Россия и царь» Черчиль писал:

«Положительно, ни к одной нации судьба не была столь жестока, как к России. Ее корабль пошел ко дну уже в виду пристани; она попала в бурю, когда все было кончено, все жертвы принесены и последнее усилие сделано. Отчаяние и предательство похитили власть как раз в то время, когда труд был завершен. Длительное отступление было остановлено, прекращен снарядный голод, оружие стало поступать в избытке»...

В подтверждение слов В. Черчиля привожу текст приказа французского ген. Жоффра о высадке русских частей 20 апреля 1916 г.

«Наша верная союзница Россия, армия которой доблестно сражается против Германии, Австрии и Турции, пожелала дать Франции новый залог своей дружбы, еще более блестящее доказательство преданности общему делу... От имени французской армии я говорю: «Добро пожаловать» офицерам, унтер-офицерам и солдатам русских частей, высадившихся во Франции. Я склоняюсь перед их знаменем, на котором скоро будут начертаны славные имена общих побед. Жоффр».

Этот приказ свидетельствует, что русская

армия оправилась после длительного отступления и начала теснить неприятеля, в то же время оказывая помощь французской армии живой силой.

Но не дремали и революционеры. Министр финансов П. А. Барк в своих воспоминаниях свидетельствует, что они (революционеры) успешно вели демагогическую пропаганду не только среди рабочих, но и в самой армии. Несмотря на это, к началу 1916 г. фронт начал оправляться от неудач лета 1915 г. и готовился к разгрому врага. Ген. Андсленко в статье «1916 г.» пишет, что в армии произошел перелом к лучшему и ссылается на военного министра ген. Шуваева, который, обращаясь к Гос. Думе, сказал: «Господа, победа у нас в руках: нет в мире сил, способных победить нас». И он был прав в то время. Русская армия своим наступлением на фронтах:

Турецком и Австро-Венгерском заставила неприятеля в срочном порядке отступать. Были взяты Эрзерум и Трапезунд. В то время государь лично был во главе армии (начальником штаба был ген. Алексеев). Здесь уместно привести слова члена прогрессивного блока гр. Д. А. Олсуфьева, сказанные им в заседании бюро этот блока: «Мы отнеслись трагически к перемене командования, но все мы ошиблись. Государь видел дальше. Перемены привели к лучшему... Мы предлагали для войны сменить министров. Самый нежелательный (Горемыкин) остался, а война пошла лучше. Прекратился наплыв беженцев, не будет взята Москва, а это бесконечно важнее, чем кто будет министром и когда будет созвана Дума».

На русском фронте находилась армия фельдмаршала Гинденбурга, который со своим нач. штаба Людендорфом стремились занять Москву и Петроград, но так как русская армия успешно наступала на других фронтах, то армия Гинденбурга начала разгружать свой восточный фронт, что давало ей возможность всей массой войск ударить на запад и этим остановить наступление русских армий и их союзников. Гинденбург и Людендорф в своей победе были уверены, рассчитывая, что их наймиты — большевики выполнят план германского ген. штаба, устраивая в Петрограде и в Москве смуту и с помощью агитаторов розложат русскую армию. Расчеты оправдались, но Ленин и его люди вовсе не намерены были ограничиться Россией — у них были свои планы, распространявшиеся на весь мир.

Людендорф признался: «Если бы я мог предвидеть, что люди, которые сидели по швейцарским кафе без сантима в кармане, были способны не только захватить власть над 150 милионами людей, но и удержаться и стать страшной опасностью для всего мира! Тогда я, конечно, отказался бы подписать им пропуск через Германию, хотя позволить этим субъектам вернуться в Россию — было для нас военной необходимостью. Германия была врагом России, а потому осуждать ее нельзя — она боролась за свое существование. Ну а те, кто был союзниками и друзьями России, не помог ей подавить смуту?!».

Документы, объединенные под общим заглавием « Интервенция (История в лицах) », свидетельствуют об отношении государств к трагедии России. Привожу выдержки:

Людендорф: «Наше правительство, послав Ленина в Россию, взяло на себя огромную ответственность. Это путешествие оправдывалось с военной точки зрения: нужно было, чтоб Россия пала. Но наше правительство должно было принять меры, чтоб этого не случилось с Германией».

Кайзер Вильгельм: «Славянский вопрос нам надоел, поэтому знайте, что никакой «единой России» не будет, а будет четыре государства: Украина, Юго-Восточный Союз, Великороссия и Сибирь. Я отлично знаю, что у нас думают, что вы присоедините к Киеву все остальное и таким образом объедините Россию. Мы это знаем, мы этого не желаем и не допустим».

Гинце — министр иностранных дел Германии (24 августа 1918 г.) путает понятие «Россия» с понятием «большевицкий режим. «Германское правительство ожидает, что Россия примет все средства, которыми она располагает, чтобы немедленно подавить восстание ген. Алексеева и чехословаков.

С другой стороны, и Германия выступит всеми имеющимися в ее распоряжении силами против ген. Алексеева».

У союзников не было единства взглядов по русскому вопросу, а была полная разноголосица й нерешительность.

Французский ген. Бертелло: «На Юг России будут двинуты 12 дивизий французских и греческих. Союзники быстро займут Киев, Харьков, Дон и Кубань, чтобы обеспечить скорейшее наступление всех русских южных армий под единым девизом «Всем на Москву!».

Французский же ген. Франше д-Эспре: «Мои солдаты, не возражающие против пребывания на востоке и охотно наступающие на Венгрию, предвкушая триумфальное вторжение в Германию, вряд ли согласятся учас-

твовать в военных операциях, имеющих целью оккупацию России и Украины».

Лорд Берти (англ. посол в Париже): «Если только нам удастся добиться независимости буферных государств, граничащих с Германией на Востоке, т. е. Финляндии, Польши, Эстонии, Украины и т. д., сколько бы их ни удалось сфабриковать, то, по мне, все остальное может убираться к черту и вариться в собственном соку».

В. Черчиль: «Не колеблюшемуся, трещащему по швам сплоту западных лимигрофов, а борьбе Востока и Юга России Европа обязана тем обстоятельством, что волна большевицкой анархии не захлестнула ее. В согласии с политикой его величества, мое министерство скажет всякую поддержку путем доставки военного снаряжения и специалистов-экспертов не только южной, но и северной России и Сибири».

Ллойд-Джордж: «Я не могу решиться взвалить на плечи Англии такую страшную тяжесть, как водворение порядка в стране, раскинувшейся в двух частях света, в стране, где проникавшие внутрь ее чужеземные армии всегда испытывали страшные неудачи... Мы не можем тратить свои скромные средства на участие в бесконечной гражданской войне...».

През. Вильсон: «Правительство Соединенных Штатов, к несчастью, не в состоянии в настоящий момент сказать русскому народу действительную помощь; военное вмешательство скорее принесло бы вред...».

Маршал Отани: «Японское правительство решило послать соответствующие силы в Сибирь для выручки чехословацких войск, выносящих давление превосходящих сил неприятеля. По достижении указанной цели, мы немедленно выведем все японские войска с русской территории».

Пилсудский: «Войска Польской Республики, по моему приказу, вторглись глубоко в украинскую землю, выполняя благородную задачу борьбы за свободу народов. Польские войска отбросят с территории, населенной украинским народом, чужих захватчиков, против которых восстали украинцы».

Чешский президент Масарик: «Мы не должны вмешиваться во внутренние русские дела».

Королевич Александр: «Сербия совершенно разорена... Тем не менее, я готов приступить к формированию 30-40-тысячного добровольческого корпуса, если только мне помогут материально союзники... Готов содействовать делу воссоздания России — делу, имеющему неизмеримое значение для всех славян».

Казалось бы, что предложение королевича Александра должно быть приемлемо союзникам России, так как они знали, что коммунисты вознамерились овладеть всем миром. Но союзники помощи не оказали.

США

И. Курицын

ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЕ.

За народ и за Церковь, устой вековой,
Мы в изгнанье ушли, не бежали,
И в гражданской войне — исполинской борьбе,
Мы бессмертную славу стяжали.

Золотую страницу вписали в нее,
Имена Ты их, Господи, веси,
Всех кто пали в боях, в безпредельных степях,
Безкорыстные рыцари чести.

Мы ушли, а народ нес, как крест, страшный гнет,
Тяжкой цепью сковавший Отчизну,
И в дремучих лесах, среди льдов — в лагерях,
Испытал «красный рай» коммунизма.

И прошло много лет.... Сколько горестей, бед,
Нам чужбина дала, заграница,
Но как светочь вдали от любимой Земли
Светила белой Идей страница.

Пол столетья прошло и на смерть унесло
Миллионы людей лихолетье,
Но стоит Русь, как дуб, не подавшись на сруб,
И не гнутся могучие ветви.

В этот день пред иконой святой
И в изнаньи вдали от родной стороны,
Я в смиреньи глубоком склонюся
За казачий народ помолюся.

За любимый мой Дон, за казачию честь,
За заветы дедов — Атаманов,
За могилы донцов (всех их ведь не счесть),
Что слегли средь степи меж курганов.

Точно ветер весенний ночной порой,
Слышу голос родной издалека,
Он все звонче, все громче зовет за собой,
Разливаясь по степи широко.

Это голос поэтов отчизны моей,
Возвещает всегласно свободу,
Не взирая на гнет, на террор палачей,
Он взывает к родному народу.

Верю, время придет и великий народ
Вдруг дубиной родной размахнется,
Да как ухнет не-ча с векового плеча,
Так что Кремль до основ содрогнется.

Южная Африка.

В. Иванов.

КНИГА ОБ АТАМАНЕ КАЛЕДИНЕ.

Каждое произведение, беллетристическое ли, научного ли характера, написанное казаком, является вкладом, более или же менее ценным, в нашу общую сокровищницу. Мы гордимся этими произведениями. Но особенное значение в области исторических воспоминаний приобретают произведения, написанные непосредственными участниками событий.

Николай Михайлович Мельников — автор монографии об Алексее Максимовиче Каледине — живой свидетель и один из ближайших сотрудников покойного Атамана. Появление этого труда особенно ценно потому, что стоящие ныне у кормила правления и контролирующие прессу на Родине, даже и через 50 лет не могут допустить правды во всей ее наготе, и история попрежнему представляется ими в искаженном виде. Правда допускается в последнее время по кусочкам, процеживается по ничтожным порциям и только в отдельных областях, где требуется заклеймить культ личности. Но период гражданской войны — это область, в которой Правде нет места на нашей Родине, объективное изображение событии исключается. Пишется только то, что выгодно правительству, режиму. Конечно, объективность найдет свое место в изложении исторических событий, но когда — Бог весть, во всяком случае позже. И вот поэтому искреннее, правдивое описание того, что произошло — драгоценный подарок всем нам и будущим поколениям и историкам нашей освобожденной Родины.

Еще одна вещь. Когда пишешь воспоминания, трудно отделаться от «я». Иногда оно назойливо, а иногда его не избежать — ну, как выразить мысль, если действительно «он обратился ко мне», «я спросил его» и т. д. и т. д. Но автор монографии о Каледине удивительно умело справился с этой задачей. Ограничившись краткой справкой о том, при каких обстоятельствах он познакомился с Алексеем Максимовичем и почему оказался одним из ближайших его сотрудников, автор скромно становится в сторонку, уступая место документам, статьям, отчетам, очеркам, и вообще всему тому материалу, который он же с любовью и упорством собирал в течение долгого времени.

Весь материал для книги Н. М. несколько раз переписывал, пока не добивался окончательной, четкой редакции. Мне удалось ознакомиться с этим материалом в его окончательной обработке. Я задумался о том, что слышал о жизни Николая Михайловича от других — нелегко ему приходилось в последние годы. Я подумал о том, что у многих из нас день заканчивается шлепанцами, беседой с друзьями за стаканчиком вина, или же книгой, телевизором — одним словом, заслуженным отдыхом. Глядя на сотни листов, исписанных мелким, почти каллиграфическим почерком, я задумался — я знал, что ухаживать за больной женой, выполнять все домашние работы, успевать копаться в грядках клубничной «плантации» и помимо всего этого еще корпеть над большим исто-

рическим трудом, требующим большого напряжения, точности, предельной внимательности — все это требует от человека огромной, исключительной выносливости. И когда я вспоминаю о том, что автору идет восемьдесят шестой год — я не могу не преклониться перед ним и не занести его труд в разряд подвигов чисто героических. Хвала и честь ему и низкий поклон от Казачества за это большое дело!

Вполне возможно, что у отдельных лиц найдется потом еще какой-либо материал, заслуживавший того, чтобы быть внесенным в труд о Каледине. Может быть. Даже наверняка — впоследствии, когда наши дети или внуки вернутся на возродившийся Дон (а быть иначе не может и не смеет!), пусть напишутся о нашем первом выборном Атамане тома и тома. Он это заслужил. А пока — мы можем только поблагодарить автора монографии и Комиссию, поддерживавшую его в этом начинании, за кропотливое собирание по крохам всего того, что было разбросано по периодическим изданиям на Дону и заграницей, в воспоминаниях отдельных лиц и официальных документах. Перед глазами проходят отрывки из дневника адъютанта, свидетельства соратников, мнения благорасположенных, мнения завистников и недоброжелателей — все это калейдоскопом проходит в книге. Постепенно вырисовывается образ Каледина — вождя, администратора, человека... Он постепенно сживает перед нашими глазами, все яснее обрисовывается его облик, и по прочтении книги — он весь, и его характер, как на ладони. Сухие, бесстрастные строчки документов, заботливая кисть автора, с любовью пишущая дорогой портрет, и в довершение всего, ласковая рука вдовы пок. Митрофана Петровича Богаевского, ближайшего сотрудника покойного Атамана. Но не по-женски, а скорее по-мужски, добавляет Елизавета Дмитриевна сочные, яркие мазки, и в результате всей этой работы — дорогое нам лицо ясно выступает из мрака,

Вечная память большому русскому патриоту и настоящему казачьему герою и мученику, жизнь свою за Россию и за существование Дона положившему! Николаю Михайловичу — низкий поклон и пожелание долголетия и дальнейшей работы на ниве казачьей!

Калифорния **Н. Воробьев**

НА СМЕРТЬ АТАМАНА КАЛЕДИНА

Вокруг гроба плакали свечи,
Недвижим лежал Атаман.
Ненужны нагробные речи:
В них бы был затаенный обман.

Порошилася снегом дорога,
Шли дети в боях умирать,
Над городом билась тревога,
И не знаю, чья плакала мать.

На Дону распяли свободу
И спас Атаман только честь, —
Ушел к Чернецовскому взводу,
Чтобы жалобу Богу принесть.

И в волнах церковного звона
Пошел Атаману вослед,
К подножью Божьего трона,
Весь кортеж Галицийских побед.

Белогорский

В ЧАС ДОБРЫЙ

Когда нибудь, если Господь Бог даст мне времени, а его осталось так мало, сесть за «труд упорный», я рассказал бы многое, что прошло незаметно, или просто замалчивалось

некоторым нашими « бесспорными авторитетами ».

« Воспоминания невольно предо мною свой длинный развивают свиток... »

Начало осени. Тепло. Летний театр Бабенко на Платовском проспекте в Новочеркасске. Заседание Войскового Круга. « Суд » над Атаманом Калединым.

Имея билет от моего дяди П. П. Зимовнова (юриста), члена Войскового Круга всех созывов, делегата от Ново-Николаевской, единственной станицы Таганрогскаго округа, стою у перил, отделяющих сидящих в « партере » делегатов от посторонних, очень близко к эстраде, где сидит президиум Круга во главе с его председателем Н. М. Мельниковым. В противоположном углу на эстраде ген. Каледин давал объяснения членам Круга.

Эту речь ген. Каледина, его биографию, службу солдата без протекции, выдвинувшегося в первые ряды героев войны до должности командующего 8-ой армией, волнующую всех несправедливостями, как в отношении его самого, так и казачества со стороны Российской власти и многое другое, я доложил спустя неделю на собрании офицеров 1-го запасного полка, где я был взводным командиром 1-го взв., 1-ой сотни ес. А. А. Волошинова, брата трагически погибшего первого исполняющего должность Донского Атамана или временного, войск. старш. Е. А. Волошинова, бывшего воспитателя приготовительного класса Кадетского корпуса.

Наш полк состоял из 6-и сотен, имея 40 офицеров. Командовал полком полк. И. И. Крюков маститый старец. Говорили, что в прошлом он командовал 2-ым ген. Сысоева полком.

Приказ по полку: явиться всем офицерам в полк к 10 ч. утра, занятий в это день не производить.

Все явились. Полк. Крюков прочитал секретное распоряжение Войскового Штаба выяснить откровенно отношение офицеров полка:

I. К решению Круга удержать от поездки из пределов Дон. Области Атамана Каледина.

2. Есть ли у офицеров доверие к Атаману?

3. Может ли Атаман расчитывать на их поддержку?

« Будем говорить прямо », сказал полк. Крюков: « есть три мнения: **за, против и нейтральность ».**

Была ли сговоренность у старшего офицерства или нет, не знаю. Но мы — молодежь — решили между собой выдвинуть « против » — хор. А., и « за » — меня, с тем, что я буду говорить последний.

И. И. Крюков ,открыв заседание, предложил выслушать « живого свидетеля » исторического заседания Войск. Круга, указав на меня. Я изложил в 20 минут, главные тезисы сторон, обвиняемых и обвиненных, последнее касалось больше Атамана Каледина. После моего доклада сорвалось много хлопков, но... потише. Дисциплина...

Я вспомнил, как в середине июня, по дороге на Кавказ, у Атамана Каледина гостил бывший главнокомандующий ген. Гурко и партия Народной свободы пригласила его сделать доклад на тему: « К каким последствиям приведет нас текущая война ». Зимний театр, где был доклад, был полн. Я с трудом пробрался на галерку и не пожалел. Ген. Гурко в черном костюме, и только два Георгия на шее и на груди свидетельствовали о личной храбрости и доблести невысокого, худощавого человека. Это был оратор Божией милостью. Его каждое образное слово, звучный баритональный командный тембр голоса часто прерывался аплодисментами. Жестоко бичевал он социалистов, представил жуткую картину развалившегося фронта, предрек безславный и вынужденный мир и возможность Варфоломеевской ночи для безправного офицерства.

« До царства Божия на земле мы еще не доросли — сказал генерал — о чем проповедуют нам г. г. социалисты, и народ как ребенок, который едва научился ходить, ударившись головой об стол, будет винить не себя, покачнувшегося на неуверенных ногах, а, по неразумию, стол, подвернувшийся ему по дороге. Идея прекрасна. Но не пришло еще время. Сейчас путь к ней — путь кровавых жертв. И когда кровь широким потоком зальет нашу страну, то народ возропщет не на себя, неподготовленного исторически к новой форме жизни, а восстанет, уничтожит « пророков » и « проклянет саму идею... »

« ...Мы, офицеры Русской армии, входим на Голгофу. Прольется кровь непонятых героев долга. « Великая, безкровная » еще потребует неизчислимых жертв, как ненасытный Молох, и если это выпадет на горькую долю нашего гонимого офицерства, и если, как поют некоторые из вас, после всех ужасов войны « засияет солнце правды и братской любви », корпус русских офицеров, имеющий всегда один девиз, и жизнь и смерть за счастье Родины « отдаст безропотно свои жизни ». Долго не смолками овации после конца доклада.

Впечатление о ген. Каледине — другое. На Войсковом Круге стоял в военной форме более представительный генерал. В сюртуке.

Тоже с двумя Георгиями. Речь очень тихая. Говорит как преподаватель, но не командир. Гладко. Не подыскивая слов, но от сердца. Это захватывает. И речь захватила всех, когда появились слезы на лице Атамана, вызвавшие у многих, как и у меня тоже, невольные слезы, когда он заговорил о несправедливости власть имеющих к казачеству и к нему самому.

Легко разбив обвинения в контр-революции, в попытках мятежа, в отсутствии лояльности к Вр. Правительству и многое другое, ген. Каледин поведал о тяжкой военной службе казаков, об их тягостном участии в подавлении волнений и безпорядков, давших злосчастный повод к презрительной кличке « нагаечники... »

« Мы были в загоне — тут Атаман повысил свой голос до звонкости — мы **были разъединены, мы были четвертыми полками в кавалерии, мы были пасынками в Российской армии...** Круг весь встает. Многие плачут. Атаман машет рукой... Не надо... Громовые раскаты Ура, Ура Атаману...

Вот это иногда замалчивается нашими « историками ». А я там был, я все это слышал и записал в свою памятку. Об этой атаманской мысли о несправедливости российской власти к казачеству я вспомнил, когда выступал на собрании полка.

Почему я вспомнил о ген. Гурко? Потому, что этот блестящий офицер, один из сыновей прославленного освободителя славян, прекрасно знал, что донские казали патриотичны, гостеприимны, любят правду-матку, дисциплинированы, уважают чужое мнение и особенно авторитетных людей-старших. Знал он и об каз. законе-обыкновении « С Дона выдачи нет... ». В те смутные и жуткие времена подобное выступление в другом быте, без всякой охраны, было бы риском и подвигом.

Вернусь к нашему полковому собранию. Наш круг знакомств в то время ограничивался средой сотни и впервые встретились и познакомились офицеры всего полка и было интересно и приятно увидать многих, побывавших уже на фронте, « закаленных в боях » и теперь несущих службу дома, но имеющих « на грудях крясты... »

Первым говорил ес. Ханжонков, командир 6-ой сотни. Смысл его краткого слова сводился к тому, что « мы — казачья горсточка — не можем принимать никакого решения, ибо цвет Дона и его вся живая сила сейчас на фронтах и оттуда мы должны ждать решения. Как скажут казаки-фонтовики, так мы и поступим ». Часть присутствующих была довольна, другая « ворчала ». Но мир не был нарушен.

Вторым говорил хор. А, с университетским значком, что внушало невольное уважение. Упускаю его фамилию, ибо он может быть еще жив и не хочется вспоминать старое, и, как говорит Тургенев, «хороша старина, да и Бог с ней... ». Его речь ему удельного веса не прибавила. Сказал он прямо: Дона я не знаю. Жил в разных местах России, куда переводили по должности его отца. Закончил свое высшее образование в Петербурге. По требованию Войскового Штаба приехал в Новочеркаск и окончил ускоренный выпуск юнкеров младшим портупей-юнкером. Живя все время в российских городах, проникся русским духом. Воспринял революцию, как движение государственной целесообразности. Всременное Правительство нужно поддерживать всегда и всюду. Восемь месяцев в Военном Училище, несколько месяцев в полковой среде были для него слишком малым сроком для восприятия казачьего духа. Он считает решение В. Круга и поддержку Атамана Каледина (он сказал с ударением на Е) попыткой бунта против законной власти, и, что, не дай Бог, может повлечь пролитие братской крови.

После его речи наступило до неловкости гробовое молчание. И он сел, почувствовав вокруг себя « холодную пустоту ».

Чтоб сгладить горький осадок после его речи, наш маститый отец-командир поблагодарил за откровенность незадачливого оратора, пожалел, что наши культурные силы, покидая своего кормильца Дона Ивановича, теряют дух и подобие казачье. « Придет время — закончил он — рожденный казаком сделается и казаком душой.. » После этого слова у всех как то отлегло от сердца.

Слово было предоставлено мне: « Г. г. офицеры. Скажу моему коллеге разных университетов и факультетов, но странных взглядов на наростающие тревожные события прямо: в недалеком прошлом наши отцы и деды певали в своем кругу:

Снаряжай ты, матушка, снаряжай, родимая,
Меня добра молодца на службу Царю.
За Него, за Батюшку, всю кровь молодецкую
Я готов пролит во смертном бою.

Над Донским казачеством в течении нескольких веков тяготеет зловещий рок вопиющего безправия. Бунтует в нас свободолюбивое чувство казачье, за которое своими головами платили наши предки.

Не стало царя, но нам час от часу не легче. Образовалось Временное правительство в России, а у нас на Тихом Дону установилась исконная власть — **народоправство**, всенарод-

ной душой избравшее Войсковым Атаманом лучшего сына Дона, героя Луцкого прорыва, командовавшего 8-ой Армией ген. А. М. КалединА. Не КалЕдина... И казалось бы, всем теперь надлежало бы зажить спокойной созидательной жизнью.

Но... так только казалось. Неугомонный враг, живущий среди нас, послал ложный донос на нашего избранника, что им готовится контр-революция, что идет тайная мобилизация казаков против Вр. Правительства. Это было опровергнуто на заседании Войск. Круга. Поверят ли там, в глубине России, объяснениям Атамана — не знаем, но мы знаем решение Круга: « С Дона выдачи нет... »

Кто же будет защищать нашего избранника? Все казаки на фронте. Помощи от них ждать нечего. Остались лишь на Дону запасные полки молодняка казачьего. Они знают нас. Мы их знаем. Будет приказ и они его выполнят. Иначе будет измена и предательство, как было при Атамане Булавине. Там Вр. Правительство еще мало устойчивое, а у нас постоянное, с выборным главой края героем-Атаманом. Мы все должны стать на его защиту. Наша казачья честь, долг и право это повелевают. Пусть знают на севере, что только через наши трупы могут взять нашего избранника. Мы выполним свой долг перед Доном. Пусть « придут и возьмут ». Пусть попробуют... Да здравствует Атаман Каледин. Ура Атаману... »

Сердца слились в общем порыве и дело было решено. « ЗА » полностью воторжествовало.

Войск. стар. М. В. Кононов обратился к командиру полка с вопросом, присоеняется ли он к решению гг. офицеров? Тот так просто ответил, что всех разсмешил: « Куда конь с копытом, туда и рак с клешней ».

Что ответил полк. Крюков в В. Штаб, мне неизвестно, но однажды, возвращаясь домой, на Московской улице я встретил М. П. Богаевского, Помошника Атамана, и этой встрече очень обрадовался. Митрофан Петрович был в свое время моим преподавателем истории в Новочеркасской классической гимназии, в последнем классе. Помимо уроков лекционного характера, М. П. давал темы для работ на дому, старался, чтобы ученики не ограничивались только « сухими » учебниками, но часто давал книги из своей библиотеки. Лектор он был безподобный. Только впоследствии, в Харьковском университете сверкал красноречием проф. Фатеев, отдаленно напоминая нашего Донского Баяна. Примерно раз в месяц мы с ним посещали наш музей и тут то он священнодействовал. « Ума-палата » — так мы окрестили М. П.

Провожая его к атаманскому дворцу, где он тогда жил, я услышал от него: « Слышал о твоем выступлении в полку. Знает о нем и Атаман. Открываешь новый орден « калединский »... Бог на помощь... » Пригласил он к себе. Я не стал отнимать у него времени. Это была моя последняя встреча с моим любимым учителем.

Моя душа молиться станет
Всегда о имени твоем...

И постоянно, в дни Каз. Скорби, куда бы ни бросила меня судьбина, синодик с именем Митрофана поминается на панихидах...

« Орденство » продолжилось. Через два месяца от полка потребовались офицеры для сформированной сотни курсистов (не курсантов, как пишет ес. А. П. Падалкин). Курсисты — это были присланные из полков заслуженные казаки, от урядников до подхорунжих, георгиевские кавалеры, для прохождения обще-образовательного курса, по окончании которого они должны были быть выпущены в офицеры. Сотня была из добровольцев. Была только одна сотня. Командовал ею подъес. В. С. Зеленков, его помошником был подъес. Балабин, я был командиром 1-го взвода. « Приняли » сотню уже в вагонах. Высадились под Нахичеванью. Нахичеванским направлением командовал ген. штаба полк. Бояринов. И в одном из первых боев был смертельно ранен в живот командир 2-го взвода хор. Ф. Костюков, умерший на моих руках. Царство ему небесное...

Все это мне вспомнилось в связи с 50-тилетием смерти Атамана Каледина.

США.

П. И. Медведев
(Ново-Николаевской станицы В. В. Д.)

ДЖАНКОЙ

— Е. В. Б.

Соратники все на покое.
Им ли ворчать на судьбу?
Скажи, что случилось в Джанкое,
Зимою в двадцатом году?
И ночь и луна. Королева
Решилась вдруг ехать со мной.
На Перекопе, налево,
Вскипал изумительный бой.
Была ты в нагольном тулупе
С крестовой повязкой сестры.
Мы ночевали в халупе,
Нас освещали костры.

Николай Туроверов

КАЗАЧЕСТВО

(Ответ на письмо в Редакцию НРС « О судьбе Казачества » г. Юл. Мовчан).

В « Новом Русском Слове » от 13 янв. 1968 г. было письмо в Редакцию « О судьбе Казачестве » Юл. Мовчан. Вопросы, затронутые в нем, действительно, касаются судьбы Казачества и в частности Донского. Юл. Мовчан свои вопросы поставил отчетливо и резко. Возможно, не он один думает так. Письмо требует ответа, так как суждения в нем о Казачестве нам представляются неверными и не отвечающими действительности, искажая подлинное лицо казаков. Не отрицая факта, что в последнее пол-столетие Казачество пережило тяжкую трагедию, Юл. Мовчан спрашивает: « Но кто же виноват в этой трагедии? Неужели только большевики и ихние союзники времени 2-ой мировой войны, насильно выдавшие казачьих беженцев на растерзание озверелым энкаведистам? »

Уже из этого вопроса вытекает, что в этой трагедии какая-то вина и в самих казаках. Отвечая Б. Ткачеву, Мовчан говорит: « Почему же этот храбрый до безумия народ не сумел отстоять свою самобытность в борьбе с врагами, в то время, как некоторые гораздо меньшие и не такие « храбрые » народы Российской империи сумели это сделать ». Спрашивается: какие же это « некоторые гораздо меньшие и не такие « храбрые » народы Рос. империи?

Да, в Казачестве была одна великая причина его трагедии, а именно: оно в с е й своей массой бросилось на борьбу с большевиками и в этой борьбе истекло кровью. Тех, кто остался в живых, большевики, как могильной плитой, придавили или бросили в свои « исправительно-трудовые » лагеря. Большевики убедились, что опаснейшие их враги — к а з а к и .

А как те народы, о которых пишет г. Мовчан, сохранили свою самобытность? Очевидно, они для советско-коммунистической государственности оказались менее опасными. Но если уж речь идет о сохранении самобытности в смысле почитания моральных и общественных принципов, традиций и верования, то там ,где казаки физически сохранились, т. е. в эмиграции, никто не скажет, что казаки не хранят своей самобытности. В своем быту у них прочная религиозность, в семейной жизни-крепкие традиции, а в общественном и моральном быту — верность своим демократическим традициям.

Но примечательно то, что далее пишет Ю. Мовчан: « историческая правда такова, что, не беря во внимание многих исключений, казаки в значительной своей части проявляли свою « честность, храбрость и верность » не столько в направлении сбережения своей казачьей самобытности, сколько желая быть полезными и послушными тому режиму, под которым им приходилось жить ».

В подтверждение этому г. Мовчан ссылается на Запорожцев, бывших за Дунаем, которые вернулись в Россию при условии жить и служить государству, переселившись на Кубань. Этим они будто отказались от своей самобытности. Да, они не пожелали оставаться под владычеством Турции, под чужой верой и быть турецкими янычарами. Разве в этом отказ от своей самобытности? Бывшие запорожцы стали снова подданными христианского государства, в атмосфере общей куль-

туры. Если существование Запорожской Сечи исторически оправдывалось борьбой за свою православную веру, за свою национальную культуру, их братья и потомки и на Кубани оставались верными этой традиции.

Правда ,Россия была государством не только монархическим, но почти до 1917 г. самодержавным. Но и Турция тогда не была государством демократическим. Петербург знал подлинную природу Казачества и потому никогда по настоящему ему не доверял и тем не менее не решился вырвать с корнем известные традиции Казачества: выборность станичных атаманов и власть в низах. Даже отменив выборных Войсковых Атаманов и Войсковые Круги, Петербург сохранял видимость Войсковых Кругов, а, чтобы засвидетельствовать свое доверие к Казачеству, учредил институт « Атамана всех Казачьих Войск » в лице Наследника Цесаревича, ввел гвардейские казачьи полки, батареи и участие казаков в Конвое Государя.

Но Войсковые Наказные Атаманы с первой половины 19 в. неизменно назначались из неказаков. При всем этом в своей жизни, в своем станичном быту, Казачество крепко хранило свою самобытность.

Да, Казачество надежной стражей стояло на окраинах государства. Но это было его древней традицией. Оно хранило и свое бытие, свою веру и культуру. Мовчан указывает, что на Кавказе Казачество вело « экспансию на юг », что казаки были « самой надежной опорой царского самодержавия и как только где то начинались крестьянские волнения, на подавление их посылали казаков ». Это делалось в случаях, когда местные полицейские и административные силы были бессильны. Страшные крестьянские волнения в России в 17 и 18 в. в. были известны. Именно поэтому, зная любовь Казачества к порядку, законности и его энергию, Правительство умело его использовало. Хотя всякие массовые движения против власти подавлялись не одними только казаками, власть имущие их выдвигали главной силой для подавления революционных волнений. В 1905-1906 гг. неказачьи воинские части (Семеновский полк и др.) много жестче подавляли крестьянские безпорядки.

Как бы в согласии с тактикой власти, с другой стороны ,представители революционной и либеральной общественности рисовали казаков врагами демократического начала, хотя во всей России только Казачество исторически является подлинным демократическим элементом. Когда в 1917 г. Империя развалилась и в стране царили безвластие и беззаконие, Донское казачество установило на своей Земле подлинный демократической строй, дав прибежище и возможность организоваться Добровольческой Армии и спасение т ы с я ч а м людей от безумия большевистской власти. Но казаки — природные воины с естественной дисциплиной. Это, с одной стороны, а, с другой, нужно иметь в виду, что такое было в российской действительности народное или крестьянское волнение. Еще Пушкин дал отзыв о « крестьянском бунте ». Поджоги, пожары, страшные насилия, убийства и грабежи. Из опыта большевизма мы хорошо знаем, чем были « революционное народное движение » и « народные суды ». Неудивительно, что казаки подавляли такого рода явления.

Но г. Мовчан, говоря о деятельности казачьих частей, в то же время умалчивает о деятельности неказачьих частей. Казаки в Петрограде в июле 1917 г. были в о и н с к о й единицей. Готовящееся большевиками восстание для государства было грозной опасностью. Поэтому ПРИКАЗ — восстание ПОДАВИТЬ. И востание большевиков Донскими каз. частями было подавлено. **Большевиками было убито девять казаков и ранено двадцать.** Тяжело раненый сотник Хохлачев умер на другой день. « Но, пишет Юл. Мовчан: « если казаки действительно были антибольшевиками, то почему же они не выступили против второго (на это раз рокового!) большевицкого восстания в октябре того же года ». Вопрос уместный, если бы в отношении г. Мовчан к казакам уже не чувствовалось их осуждения. Казаки не были просто « антибольшевиками, как то было позже, а воинской единицей, призванной действовать при известных условиях и в соответственной обстановке. По мнению г. Мовчан, казаки были обязаны при всех условиях, при всяких случаях и во всякое время, жертвовать своей жизнью. Г. Мовчан не ставит вопрос: « почему сотни тысяч солдат и десятки тысяч офицеров, сосредоточенных в Петрограде, не выступили против готовящегося восстания большевиков? » А вот казаки!? Логика?!...

Нужно иметь в виду, что к 25 окт. 1917 г., в силу огромной пропаганды « революционной демократии», располагавших огромными средствами большевиков, в с я масса рабочих Петрограда и почти в с е неказачьи воинские части были п р о т и в казаков. Их же было всего т р и полка, разбросанных по городу. Нельзя было поручиться и за то, что вся эта солдатская масса вместе с рабочьей не набросятся на казаков. Вполне было возможно, что и казаки могли колебаться. Но к счастью

казаков, в это время в Петрограде находился для казаков большой авторитет — Совет Союза Каз. Войск. Он, в это ужасное, шатающееся время, был и посредником между Вр. Правительством и казачьими частями.

Жертвы июльского восстания должны были быть грозным предупреждением для власти. Большевики готовились ко второму и решительному восстанию, чтобы захватить власть. Накануне октябрьского восстания Совет С. К. В. устроил заседание вместе с представителями 1-го, 4-го и 14-го Дон. каз. полков.

Было решено, что полки против попыток восстания большевиков выступят, но: 1. Полки должны быть снабжены достаточным количеством пулеметов, 2. Находящиеся на заводах сотни должны быть немедленно отозваны к полкам, дабы не быть отрезанными от полков и не подвергнуться избиению со стороны рабочих заводов, каждому полку должны быть приданы броневые машины, 4. Необходимо, чтобы с казачьими полками выступила и пехота. (Стр. 272, 273. Донская Летопись. № 2. Изд. Дон. Ист. Ком-сии). Это были естественными и справедливыми условиями действия воинской единицы при сложившихся тогда в Петрограде обстановке и отношении к Казачеству.

« По получении этих директив, пишет А. Н. Греков (там же, стр. 273): « я и сотник Калмыков отправились в Зимний Дворец к Керенскому. Последний обещал исполнить все требования ». Но казаки не получили необходимого вооружения. Греков и Калмыков снова отправились в Зимный дворец к Керенскому. Во время их разговора явился командующий войсками Петроградского Воен. Округа полк. Полковников. На вопрос г. Керенского « какие части находятся в их распоряжении », полк. Полковников доложил, что « в распоряжении Вр. Правительства, кроме юнкеров и женского баталиона, нет никаких сил и что восставший Павловский полк занял Михайловский манеж с броневиками ». « Тогда нам стало ясно, пишет Греков (там же стр. 273): « что действительно выступление казаков в том состоянии и вооружении, в каком они были — безполезно ».

Можно ли при таких условиях сколько-нибудь серьезно говорить о казаках, что они не пожелали выступить в защиту Вр. Правительства. У Донских казаков, верных « принципу служить тому, кто при власти », как думает г. Мовчан, был чисто **военный мотив: не вступать в бой слепо, без соответственного вооружения и при крайне неблагоприятных условиях.** Свое письмо г. Мовчан кончает так: « Не в менее позорной роли очутилась часть казаков во время 2-ой мировой войны, когда они (конечно, далеко не все) за кусок гнилой немецкой колбасы пошли на службу гитлеровским людоедам ».

Но в военном сотрудничестве с немцами, ведь, были не одни казаки. У всех, вступивших в военное сотрудничество с немцами, был **один и единственный мотив: воспользоваться редким случаем возобновить борьбу с большевиками и освободить от них свою Родину.** И в этой борьбе не один отдал свою жизнь. Те казаки ,о которых так пишет Юл. Мовчан, во главе с своим Походным Атаманом полк. С. В. Павловым, с оружием в руках, в тяжких условиях пробивались из страны рабов на свободу. Это были воскресшие казаки, которых все считали погибшими от советско-коммунистической власти.

Уйти на свободу помимо немцев, без определенного военного контакта с ними, было исключено: условия и обстановка величайшей войны.

Сотрудничество с немцами в эпоху Гитлера было вопросом спорным и сложным. Но в числе сотрудников из казаков были такие выдающиеся личности, как б. Д. А. ген. П. Н. Краснов, ген. А. Г. Шкуро, кн. ген. Кучук Шахим-Гирей и многие другие, в том числе ген. Власов — организатор РОА. Как известно, свою судьбу с ними добровольно разделил и б. командир Каз. Кавал. Корпуса ген. фон Панвиц. Они были повешены в Москве. Сотрудничество многих русских, начиная от рядового до генерала, калмыков, представителей тюркских и кавказских народов является вопросом огромного значения...

Да, выдача союзниками, по желанию Сталина, 30-ти слишком тысяч казаков — испытанных борцов против мировой опасности — большевизма и трех слишком тысяч офицеров и чиновников Советам — действительно безпримерная трагедия Казачества и великое торжество государства энкаведистов. Такая выдача союзниками казаков Советам — дело преступное против свободного мира и дело величайшей близорукости...

Как в капле воды отражается весь мир, так и то понимание казаков, какое выразилось в письме Мовчана — отражение определенного и специфического отношения к Казачеству.

Только и можно сказать: читай и понимай...

Нью-Йорк **Б. Уланов**

СКРИЖАЛИ СЛАВЫ КАЗАЧЬЕЙ

Просматривая военно-оперативную документацию, касающуюся действий русской армии в 1813 году против войск Наполеона в Германии, что ни шаг — наталкиваешься на упоминание о славных прадедах и прапрадедах наших, пронесших славу Российского оружия по полям Европы. Зачастую обращает на себя внимание как бы некоторая разбросанность казачьих частей — кажется, будто они повсюду. Они не только в корпусе Атамана графа Платова, не только в отдельных армиях и корпусах других военачальников; они также и в партизанских отрядах, а потом совершенно неожиданно оказываются и в составе иностранных — прусских, силезских и других отрядов. Этого мало — они и в составе... прусских партизан, о существовании которых я, грешный, узнал впервые. И вот создается впечатление, что одно появление отважных степняков было тогда для всех своего рода стимулом, подбадриванием. В этом компилятивном очерке мне хотелось бы представить ряд документов (за недостатком места, конечно, только частично), которые касаются непосредственного участия казачьих частей. Они охватывают период от конца 1812 до конца 1813 года, т. е. до перехода союзных армий через Рейн. На мысль написать этот очерк натолкнуло появление в журнале « Родимый Край » замечательных писем Атамана Платова.

А как « зачиналось » — напомнят нам старинные казачьи песни: « Как во той то было во французской земелюшке, проявился там сукин враг Наполеон-король, собирал он себе армеюшку по разными земелюшкам... »

Не в лузях-то вода полая разливалася —
Тридцать три кораблика во поход пошли
С дорогими со припасами — свинцом, порохом.
Французский король царю белому отсылается:
« Припаси-ка ты мне квартир ровно сорок тысяч,
Самому мне, королю, белые палатушки ».
На это наш православный царь призадумался,
Его царская персонушка перменилася,
А пред ним стоял генералушка сам Кутузов,
Уж он речь-то говорил, как в трубу трубил;
« Не пужайси ты, наш батюшка-православный царь!
А мы стренем злодея середи пути,
А мы столики поставим ему — пушки медные,
А мы скатерти постелим — вольны пули,
На закусочку поставим каленых картеч,
Угощать его будут канонерушки,
Провожать же его будут все казачушки! »

Несмотря на это, Наполеону, как мы знаем, удалось пробраться в самое сердце России:

Не пыль во поле пылит, не дубровушка шумит —
Француз с армией валит — генералам говорит:
« Генералы, генералы, я возьму вашу Москву,
Я со ваших со церквей кресты, главы пособью! »
Уж как стал француз палить — толькая дым-сажа валить.
Граф Платов генерал разъезжает на коне,
На своем добром коне по крутой да по горе.
Подъезжает граф Платов ко всей силушке своей,
Ко донским да казакам.
« Ох, вы братцы, мои братцы, вы донские казаки!
Ох, нельзя ли вам, ребяты, караулы крепки скрасть? »
— « Не велика эта страсть — караулы крепки скрасть! »
Караулы поскрадали — за Дунай-реку метали,
И граф Платов генерал усю силушку побил —
Он которую побил, а котору потопил.
Остальную ево силушку он у плен усю забрал,
Во Сибирь-город сослал.

Да не смущается читатель упоминанием « Дунай-реки » — название реки чисто условное. А в общем —

Как заплакала Рассеюшка от француза...
« Ты не плачь, не плачь, Рассеюшка, Бог тебе поможет ».
Собирался сударь Платов да со полками
С военными полками да с казаками.
Из казаков выбирали да есаулы,
Есаулы были крепкие караулы,
На часах долго стояли да приустали,
Белы ручушки, резвы ноженьки задрожали.
Тут спроговорит-спромолвит да князь Кутузов:
« Ай, ды вставайтя же, мои деточки, утром пораняе,
Умывайтесь, мои деточки, побеляе,
Вы идитя, мои деточки, в чисто поле,
Вы стреляйте ж, мои деточки, не робейтя,

Вы свово свинцу, пороху не жалейтя!

. . . . . .

Берегла степь золото червонное — старые песни казачьи, берегла со времен Алексея Михайловича, со времен Бориса Годунова и, чтобы не заглохла старина, а может и от лени-матушки (ды чиво там новую придумывать, и старая сойдеть!) переделали донцы старую, петровских времен, песню о том, как « для большого боярина Шереметева скрали швецкава маээора » и как « Государь тут звеселился и велел маэора голову отляпать. В 1812 году наши прапрадеды переделали « маэора » в майора, шведа обрядили во французский мундир и певали так:

Наш батюшка казак Платов воружалси,
Под Москвою со полками собиралси.
Набирает казак Платов ясаулов,
Посылает ясаулов под француза.
Ясаулы-то француза порубили,
А французского майора ко фельдмаршалу,
Ко тому ли ко фельдмаршалу, к Кутузову.
Стал его выспрашивать: « Ты скажи, скажи, майорик,
Ты скажи французской — уж и много ль в тебе силы во Париже? »
« У меня силы в Париже сорок тысяч,
В самово Наполеёна — сметы нету ».

Как нам известно, эту же песню певали наши деды в турецкую кампанию — « сорок тысяч батальенов, ескадронов — сметы нет » и потом — « Врешь ты, врешь, майор турецкий, облыгаисси! » и тд.

Так как « наш батюшка казак Платов со полками собиралси » — нехудо посмотреть — сколько же тогда собралось и какое в то время было соотношение сил регулярной и иррегулярной конницы.

Собиралась наша армия в поход по француза,
Занимала себе лагерь да среди во чистого поля...

Согласно рапорту № 145 от 15 апреля 1813 г. « о состоянии войск под главным предводительством генерал-фельдмаршала князя Голенищева - Кутузова - Смоленского, могущих быть в строю и действии » — после перечисления пехотных корпусов и отрядов следует: « кавалерии **регулярной** штаб-офицеров 158, обер-офицеров 1004, унтер-офицеров 1993, рядовых 17785, итого — 20940 человек; кавалерии **иррегулярной** — штаб-офицеров 98, обер-офицеров 776, унтер-офицеров 1051, рядовых 21138, всего 23053 человека. Артиллерии регулярной: штаб-офицеров 45, обер-офицеров 357, унтер-офицеров 864, рядовых 8547, итого — 9813 человек: артиллерии Донской: штаб-офицеров 1, обер-офицеров 10, унтер-офицеров 34, рядовых 331, всего 376 чел. »

Похвалялись злы французы
Всю Рассеюшку пройти —
Расстроились, расплакались
Наши сенаторы.
« Вы не плачьтя, не тужитя,
Нам Платов поможет! »
Едет силушка российска
Со четыре страны,
Генерал казачий Платов
Со правого флангу,
Он во левой ручке держит
Шелков поводочек,
А во правой ручке держит
Подзорную трубку.
Высматривал Платов
Французскую силу,
Наказывал-приказывал
Своим канонирам:
Канониры-бомбадеры,
Слушайте приказу:
Пушки-ружья заряжайте,
Огня не скрывайте! »
Запалил тут злой французик
Из пушек картечью,
Ну а граф казачий Платов
Из казачьих ружев.
Увидал-то злой французик
Огонек рассейскай,
Увидавши огонечек,
Начал убегати.
Мы французика догнали,
Знамя отобрали.

Давайте говорить на чистоту — « уперли » мы эту песню у братьев наших — уральцев, да простят нам они этот грешок: переделали это донцы из уральского фольклора. Но, как бы то ни было, « мы французика догнали », и к началу декабря 1812 года вся территория России была уже очищена:

Кутузов направил против группы Мюрата войска Чичагова, Витгенштейна и Платова, всего до 55.000 человек, под общим командованием Чичагова. Витгенштейн из казачьего корпуса Платова организовал 3 подвижных отряда под командой Чернышева, Теттенборна и Бенкендорфа. Последнее произошло уже после того, как русские войска очистили Восточную Пруссию, Йорк вышел из войны, а Шварценберг отошел в Австрию. Вспомним вкратце, что произошло потом — победа у Калиша, объявление Пруссией войны Франции, а в марте 1813 и Швеция примкнула к коалиции. Все войска коалиции делятся на две группы, и « большой » войны еще нет, но Кутузов, не теряя времени, уже ведет войну « малую », а именно — бросает против французов казачьи « летучие » отряды под командой Чернышева, Теттенборна и

Дернберга. Действия этих отрядов носят чисто партизанский характер. Развиваются они в районе между Вартой и Одером. Казаки появляются то тут, то там, сея ужас среди французов и ободряя немецкое население. 6-го февраля казаки производят налет на Берлин, где стоит шеститысячный корпус Ожеро, и « дерзость сия, равной не имеющая » производит сильное впечатление на противника. А затем начинается наступление обеих групп коалиции, сначала (18-го февраля) Витгенштейна, а затем (8 марта) Блюхера. Наполеон стремится в Саксонию, но там — крепкий кулак Кутузова. Зато оголяется север Центральной Германии, и ей снова грозит возможность повторного занятия французами. Поэтому Кутузов именно сюда направляет подвижные отряды Чернышева, Теттенборна, Дернберга и Бенкендорфа, поставив перед ними цель: вопервых-поднять на борьбу местное население, а во-вторых — сковать сосредоточенные в этом округе силы. Казачьи отряды с успехом выполнили задачу. Отряд Теттенборна выдвинулся к Гамбургу и, несмотря на то, что насчитывал всего 1300 человек, с ходу захватил город со ста тысячами населения. В Гамбурге Теттенборн устроил свою базу и стал беспокоить казачьими отрядами Любек, Бремен, Варден и Люнебург. После этих операций — Бауцен и Люцен, неудачные сражения, отход из Саксонии и назначение на пост Главнокомандующего Барклая-де-Толли. Далее — перемирие с 23 мая по 29 июля и осенняя кампания. В период осенней кампании особое значение придавали формированию подвижного казачьего корпуса, во главе которого был поставлен Донской Атаман граф Матвей Иванович Платов. Задачей корпуса было совершение глубоких рейдов. Центральным пунктом этой кампании было Лейпцигское сражение, в котором большую роль сыграли отряды Платова, Чернышева и Иловайского ,а лейб-казаки покрыли себя неувядаемой славой. Указанные отряды захватили в плен более 3000 чел. Во всех решающих битвах — Калиш, Кульм, Катцбах и Лейпциг — громадную роль сыграли казачьи полки. « Летучие » отряды поднимали народ на войну и обрастали отрядами самообороны.

Пусть, хоть и казенным, сухим языком, поведают нам документы о славе казачьей тех дней.

30 ноября 1812 года — Приложение к рапорту М. И. Кутузова Императору Александру: « После оставления неприятелем Вильны и его отступления к Неману предполагаю я следующий план дальнейших операций. Генерал-от-кавалерии Платов продолжает следовать за неприятелем к Ковне. Армия адмирала Чичагова переправляется через Неман в удобном месте, между тем отряжает сильные казачьи партии к Олите и Меречу, куда также назначен партизан подполковник Давыдов. Корпус генерала Витгенштейна продолжает движение за корпусом маршала Макдональда и идет к Ковне, где, переправясь ниже этого города, идет в направлении к Гумбинену. Сим движением неприятель, преследуемый генералом графом Платовым в Ковне, буде захочет при сем городе держаться, отрезан будет движением адмирала Чичагова. Летучие отряды графа Ожаровского к Белице, ген. -адъютанта Васильчикова к Мостам, подполковника Давыдова через Олиту и Меречь к Гродне. Коль скоро все выше означенные части присоединятся к армии, тогда оная берет центральное положение около Гродно по направлению к Варшаве. Фельдмаршал князь Голенищев-Кутузов ».

Рапорт № 4 1812 декабря 2/14 Кутузова Императору Александру: « Хотя из генеральной диспозиции моей Ваше Императорское Величество высочайше усмотреть изволите, что я хотел преследовать неприятеля за Неман армиями адмирала Чичагова и корпусом графа Витгенштейна, однако ж в исполнении сего встречаю затруднения. В беспрестанном движении от Москвы, делая форсированные марши, люди пришли в очевидное изнурение. Я положил дать отдых Главной армии на несколько дней, что, однако ж, может продолжиться до двух недель. Однако граф Платов со всеми казачьими полками, одним гусарским и двумя драгунскими из армии адмирала Чичагова, равно и авангард графа Витгенштейна и Чичагова, преследуют неприятеля по его следам и должны продолжать движение до самой Вислы ».

Рапорт № 8 1812 декабря 9/21 Императору: « ...впрочем сей отдых Главной армии нимало не останавливает наших наступательных действий, ибо армия адмирала Чичагова и корпусы графа Витгенштейна, генерала Платова, генерала Дохтурова и генерал-лейтенанта Сакена продобжают действовать на неприятеля, а партизаны наши не теряют его из виду ».

1812 декабря 12/24 Записка Кутузова адмиралу: « ...а генерал Платов остается до времени за Неманом около Ковно, дабы иметь с правым флангом неразрывную связь ».

Декабрь 1812. Журнал военных действий. С 23 по 28 декабря 1812 года.

Генерал граф Платов с Донскими полками следует на Инстербург. Адмирал Чичагов тремя рапортами доносит от 20 числа: 21 чи-

сла прибыл в мест. Вербален, откуда пойдет в три перехода до Инстербурга, и что ген. гр. Платов с полками идет перед армией. Жители Пруссии весьма довольны и принимают российские войска везде с радостью. Декабря 28. Генерал граф Витгенштейн рапортует от 26 числа о занятии Кенигсберга. Неприятель вытеснен из города четырьмя казачьими полками — генерал-майора Родионова 2-го, подполковников Чернозубова 8-го, Лощилина и майора Селиванова, все под командой полковника Ридигера. С самого вечера они наблюдали движения неприятельские и при малейшем его отступлении, невзирая на темноту ночи, воспользовались оным. 23 числа во втором часу пополуночи полк. Ридигер упомянутыми казаками сделал сильный натиск и по упорной перестрелке вошли в город на плечах неприятеля, где взято в плен около 1300 человек. Быстрота, с каковой казаки ворвались в город, принудила неприятеля оставить сверх того до 8000 усталых и затопить до 30 орудий с зарядными ящиками. Освобождены все те штаб-обер-офицеры и рядовые, что взяты были у Тильзита. В магазейнах найдено много провианта и фуража. Кутузов ».

Святорусская земля, много славы про тебя!
Много славы про тебя, про Платова-казака!
У Платова-казака небритая борода,
Небритая борода, нестрижены волоса.
Платов голову остриг и бородушку обрил,
Он бородушку обрил — у француза в гостях был.
Француз его не узнал, за купчину почитал —
На улочку выбегал, за горожею стречал,
За белые ручки брал, в нову горницу вводил,
За дубовый стол садил, чаем-кофием поил.
На серебряном подносе сладкой водкой обносил:
« Выпей рюмку, выпей две, усю правду скажи мне.
Уж я всех же в Москве знаю генералов и господ,
Одново толькя на знаю я Платова-казака.
Кто бы, кто бы мне сказал, тому б много злата дал
И в полон бы ево взял и с живого кожу снял ».
Выпил Платов рюмку-две — зашумело в голове

Вот теперь и догадайся — отсюда ли « Чижик-чижик, где ты был » или же, наоборот, знаменитый « Чижик » внесен из более старой песни.

« А на что злато терять, можно так его узнать:
Он со личика беленек, ростом, корпусом с мово,
Русы волосы его — как у брата моего ».
У француза дочь Орина что догадлива была!
Из палаты выходила с купцом речи говорила:
« Ах ты, купчик, мой голубчик, ты удалой молодец!
Ты подай мне свой патрет! »
Патрет Платов вынимал, на белые руки клал,
На белые руки клал, из палаты вон бежал,
Зычным голосом кричал:
« Уж вы гой еси ребяты, вы донские казаки!
Вы подайте мне коня, как ясного сокола! »
На коня Платов садился, как соколик ясный взвился,
Под окошки подбегал, таковы слова сказал:
« Ты ворона, ты ворона, подгуменная карга!
Не умела ты, ворона, сокола в руках держать
Что ясного сокола — да Платова казака!

Рапорт генерала-от-кавалерии М. И. Платова М. И. Кутузову от 1812 г. декабря 31/12 января 1813 г.:

№ 295 г. Эльбинг. За донесением моим Вашей Светлости я прибыл того ж 28 числа в Прейш-Голанд, где известился, что по правой стороне от меня в Мельгаузене показался неприятель в довольных силах пехоты. Не теряя времени последовал туда и 30-го на рассвете вытеснил его оттуда; неприятель преследован был до самого Эльбинга лесными местами и бригадою генерал-майора Дехтерева с четырьмя орудиями донской конной артиллерии, командовавшего на тот раз авангардом. И по сближении наших войск на выстрел от города неприятель поспешно оставил Эльбинг сего дни в 5 пополуночи и ретировался по двум дорогам. Я вслед за неприятельскими колоннами иду форсированно к Мариенбургу, за мною корпус графа Штейнгеля, состоящий не более как в четырех тысячах пехоты — буду преследовать до самого Данцига, а потом займу дороги так, чтобы из Данцига и в Данциг никаких команд и курьеров их не пропущать. Неприятеля всего находится до 12000 не менее или и более. По быстрому преследованию захвачено в городе в плен более четырехсот вооруженных, больных же неприятелем оставлено 35 офицеров и 942 рядовых, также 62 человека российских, находящихся в плену. Магазейнов в городе не имеется. Генерал-адъютант Чернышев отряжен к Висле в Мариенвердер вчерашнего утра с отрядом две тысячи из селения Тигартен, где по достоверному известию находятся

вице-король италианский и принц Невшательский с небольшим прикрытием войска; я отрядил генерала Чернышева, ежели малейшая возможность будет схватить оных особ. Сия экспедиция должна произведена быть сего числа рано поутру. Ген. Платов.

1812 г. декабрь — Журнал военных действий с 29 по 31 декабря т. е. 10 по 12 января 1813 г. Генерал граф Платов рапортует от 25 числа, что он с корпусом 24-го прибыл к Велау вместе с корпусом графа Витгенштейна, а как неприятель тянется к Висле, то, дабы отрезать ему переправу, составил он отряд из 1500 лучших доброконных казаков с 4-мя орудиями Донской конной артиллерии, препоручив в командование генерал-адъютанту Чернышеву, который должен следовать форсированно до Мельзака, а оттуда далее. В подкрепление ему следует подполковник Власов с двумя Донскими полками, а за сими и генерал граф Платов с остальными войсками 25 числа выступил и будет находиться в один переход от генерала-адъюданта Чернышева. Фельдмаршал кн. Кутузов-Смоленский.

США **Н. Воробьев**

(Продолжение следует)

О КАЗАКАХ

Т. Г. Полякову

Осенняя прохлада,
И осень хороша,
И ей подетски рада
Веселая душа.

Она летит в просторы,
В родную глушь полей,
Где балки, косогоры,
И все так мило ей.

Коричневые стаи
Тяжелых дудаков
Торжественно гуляют
В сиянии веков.

Их пращуры и скифы
Росли в одних степях...
И это быль, не мифы
В туманных полуснах!

И Дария разбили
Парфяне — скифы то ж,
И Персы осрамились.
Узнал и Дарий дрожь.

И только за Дунаем
Его оставил страх.

От Геродота знаем,
Как Дарий был в степях.

От скифов получили
Мы « лаву » — « вентеря » .
Они нам послужили,
Победой нас даря.

И « вентеря » и « лаву »
Узнал Наполеон,
И дезкий маршал Даву
Запомнил « Тихий Дон ».

Как скифы, нападали,
Рубили казаки,
А после отдыхали
В Париже у реки.

Они и щи варили,
И кашу и кулеш,
Французам говорили:
« Голодный? » « ...На, поешь ».

Французы отвечали:
« Са-ва » и « карашо ».
Мармитки подставляли,
Прося налить еще.

Париж **Н. Евсеев**

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА УРАЛЬСКОМ ОТДЕЛЬНОМ ФОНТЕ

(Весна 1919 г. — продолжение № 74).

К началу мая 1919 г. положение на Уральском Отд. фронте создалось следующее: на главном направлении по р. Уралу казаки занимали станицу Кругло-озерновскую, большевики — г. Уральск, ж. д. линию Уральск-Саратов и узкую полосу гужевого пути, связывающего их с их базой Бузулук, через станицы Красновскую, Озерную и Соболевскую. Как по линии ЖД., так и по линии Уральск-Бузулук, власть красных в сторону не распространялась. В последнем направлении эта полоса была так узка, что по словам казака И. Китрярова, проживающего в данное время в Париже, он зимой, вскоре после падения Уральска, ездил из Бударина на хутора Б. Усовы Соболевской станицы за пшеницей, пересекая линию сообщения красных с Бузулуком.

На Соломихинском фронте полк. Н. Бородин после удачных боев загнал красных за « грань », в Александровск-Гай.

На Богатинском фронте — без перемен. Уральские части (гурьевцы) попрежнему занимали Богатинские нефтяные прииски.

На правом же фланге Уральс. Отд. Армии еще в 1-ый день Св. Пасхи полк. Д. А. Балалаев выбил большевиков из г. Илека (Илецкая станица), переправился через р. Урал и начал продвигаться на ЖД станцию Новосергеевку на линии Оренбург-Самара. То есть вся Бухарская сторона, начиная от Илецкой до Гурьева, была свободна от красных.

Мало того, Войсковой Атаман ген. В. С. Толстов с весны 1919 г. вошел в соглашение с киргизским правительством Алаш-Орды., ханом которой после революции был выбран адвокат Досмухамедов, который со своим братом доктором и управлял Алаш-Ордой, оказывая влияние и на племена других киргизских орд, как Адай-Орда и Букей-Орда, находившихся в степях на восток от Астрахани. Оба брата были воспитанниками Уральского Войскового Реального Училища. По этому соглашению наш Атаман в первую очередь обязался помочь правительству Алаш-Орды организовать юнкерскую школу для киргиз, для чего был послан полк. Ериклинцев с несколькими офицерами, оружием для школы и некоторыми пособиями для обучения юнкеров.

В замен этого правительство Алаш — Орды обещало по сформировнии армии выступить активно на стороне уральцев против большевиков, а до этого оказывать нам помощь в вывозе хлебных запасов из Уильского района. В нем, занятом пока остатками Южно-Оренбургской армии, было много переселенческих участков, богатых хлебом. Инженер Пейросов, конструктор бронепоездов для Ураль. Армии, организовал там закупку хлеба. Обоз-транспорт в 500 подвод, частью состоявший из киргизов, под командованием и управлением полк. Беляева, непрерывно двигался между Уилом и Калмыковым или Гурьевым. Таким образом, Ур. Отд. Армия и население Области были обезпечены хлебом. Мяса же было в избытке. И до ухода Армии из Войсковых пределов (до конца декабря 1919 р.) голода в Войске не было, как об этом неправильно писал ген. Акулинин.

В конце апреля 1919 г. Войсковой Атаман прибыл в Круглоозерновскую для подготовки наступления на г. Уральск, в ожидании успокоения вод рр. Урала и Чагана, находившихся в это время в полном разливе (Чаган впадает в Урал между Уральском и Круглоозерновской).

К этому времени из станиц, находившихся выше по р. Уралу: Трекинской, Рубеженской, Кирсановской, Соболевской, Иртицкой, не занятых большевиками, но отрезанных от центра разливами, приехали к В. Атаману депутаты Войск. Съезда этих станиц. Полки именно этих станиц разъехались « по домам » после сдачи Уральска. Депутаты просили Атамана прислать им как можно скорее офицеров (при уходе полков офицеры оставались на фронте) для приведения в порядок групп казаков, собравшихся в степях по хуторам и начавших уже разрозненно нападать на пути сообщения красных Уральск-Бузулук. Они привезли станичные приговоры об избрании ген. Толстова Войск. Атаманом, и в некотором роде просили извинения за разъезд полков, упирая на то, что полкам не было приказано оставаться на фронте. Часть полков, при защите Уральска бывшая на правом фланге, отошла на Трекинскую станицу, а другая — на Круглоозерновскую. Страшные холода, большое количество скопившихся беженцев и воинских частей в районе Круглоозерной и ниже, и в связи с этим, затруднения с нахождением помещения для жилья, временами недостаток продовольствия и фуража, все это вместе взятое было причиной разъезда полков по домам, как это бывало и раньше по окончании какой нибудь операции. Принимая во внимание царивший безпо-

рядок при сдаче Уральска, нельзя было не согласиться с их доводами. Большевикам они не сдались, да и красных в их станицах еще не было.

В это время 1-ый Партизанский полк находился на левом фланге группы, действовавшей на пути сообщения Уральск-Саратов. По делам полка и из-за кризиса малярии я поехал в Круглоозерную, где был обоз полка, исполнять мне порученное и отлежаться в тепле. А когда собирался возвращаться в полк, неожиданно получил приказание явиться к Атаману. У Атамана встретил полк. С. П. Шадрина, войск. старш. Аничихина и подес. Я. Сорокина. Атаман объяснил нам нашу задачу: под командой полк. Шадрина сегодня же мы должны на лодке пересечь разлившийся Урал, высадиться на бухарской стороне, степью, своими средствами, добраться к ст. Рубеженской на другой стороне реки, где нас будут ждать казаки и депутаты окрестных станиц. С их помощью вновь пересечь Урал в Рубеженскую, и там войти в связь с казаками, находящимися в степи, организовать их и нападать на линию сообщения красных Уральск-Бузулук. Через час мы должны были быть готовыми к отправке. Адъютант Атамана сот. П. Юдин взялся предупредить командира нашего полка о полученной нами с подъес. Сорокиным миссии.

Через час мы собрались на указанном нам берегу, забрав кое что из еды на день и свои седла. На берегу нас уже ждала лодка (бударка) со старым казаком на корме и помоложе на веслах. Яицкие бударки довольно своеобразны: они длиной до 10 метров, легки, потому что выдолблены из одного ствола, быстроходны, потому что узки, в силу чего они также и « утлы », то есть неустойчивы, вертлявы на воде. Это про них поется в песне на Яике: « наш челнок простой работы, не крылатая ладья, переплываем беззаботно мы в нем реки и моря... » Но служат они хорошо лишь яицким казакам и лишь тем, кто умеет ими пользоваться.

Поместились мы все в лодке, а старик на корме спрашивает: « Все ли гг. офицеры из казаков? » — Получив утвердительный ответ, он сказал — « Ну, тогда с Богом... », казаки перекрестились и мы отправились в путь.

Урал во время половодья бурлит, торопится очиститься от всего, что снес и вырвал с берегов, и быстро несет свои воды. На глубоких местах, при поворотах и при впадении в него « ериков » («ерик » — пролив, соединяющий реку с озером, старицей или какой нибудь ямой) образует котлы, воронки, где огромные массы воды, при большой скорости встречаясь, образуют водовороты, которые с большой силой и быстро затягивают внутрь на дно, вновь выбрасывают на поверхность и вновь затягивают все, что плывет по Уралу: вырванные целиком с корнями деревья, трупы животных, обломки строений и тд., и тд. Попавшему в такой « котел » остается одно — « не тратить силы понапрасну... » Обычно казаки знают эти места, но они часто образовываются по капризу несущихся вод. На наше счастье погода была хорошая и мы без приключений пересекли русло Урала. Когда же добрались до затопленных лугов, то плавание по ним было приятной прогулкой. Вылеты испуганных уток, ворочающихся по тальникам и камышам сазанов, необыкновенная яркость зелени со щебетанием радующегося солнцу пернатого населения, успокаивали напряжение нервов, вызываемое ожиданием ожидающих нас « авантюр ».

Высадились мы на бухарской стороне около одного из киргизских аулов. Казаки на своей бударке отправились обратно, недоуменно почесав за ушами, прощаясь с нами. С седлами мы поднялись на увал, уложили их под базами и вдвоем с Сорокиным отправились в аул на поиски подводы. Знание киргизского языка мне сильно пригодилось. Нашли одного киргиза караульщика аула, имевшего лишь одного « маштака » с немазанной арбой. Все зажиточные киргизы уже откочевали, как всегда на лето, вглубь степей. Киргиз этот за плату обязался довести нас до середины нашего пути, резонно доказывая, что на своем малосильном коне он не может сделать до 45-ти верст без отдыха. На половине пути сменили подводу и с наступлением темноты были уже на лугах против ст. Рубеженской. Криками обратили на себя внимание: казаки вышли нам навстречу и довели до беженского лагеря, где мы и переночевали. В станице были пожары, зажженные налетевшей красной конницей.

Утром из разговоров с депутатами выяснилось, что казаков в станице очень мало, что они все находятся в степях вокруг Савичевых хуторов на речке Быковка. Еще ночью пошел дождь и поднялся сильный ветер. На Урале так заволновались воды, что полк. Шадрин отказался переправляться на другую сторону на бударке, но наше дело было слишком спешным и мы вдвоем с Сорокиным, вымокши до костей и продрогнув, удачно переправились в Рубеженскую, где старик-казак со своей « бабушкой » нас обсушил, накормил и лепешками с каймаком, и блинами и разными яишницами. Едва в тепле мы привели

себя в порядок, как приехал подхор. Чигирин с несколькими казаками и двумя конями для нас. Как сейчас вижу, Чигирин был с бородой, черный как цыган, а конь под ним был большой, пегий и горбатый.

Согласно распоряжениям полк. Шадрина, Сорокин остался в станице, как передаточном пункте, а я с Чигириным и казаками отправился на Савичевы хутора. Войск. старш. Аничихин, боясь пепеправляться с нами, остался с полк. Шадриным.

По приезде на хутора узнаю, что на другой стороне Быковки находится рота красных с одним орудием и небольшим количеством конницы, примерно в пол эскадрона. Первый день я провел в ознакомлении с собравшимися казаками с их вооружением. Их собралось до 600 человек, шашки были у всех, половина имела винтовки с небольшим количеством патронов. А затем было решено атаковать красных, находящихся на другой стороне Быковки. Речка эта болотиста и весной непроходима. Переправа через нее находилась в 10-ти верстах от Савичевых хуторов, в тылу красных, там была водяная мельница и плотина. Местность была совершенно открытой и для того, чтобы быть незамеченными при подходе к переправе, поход этот нужно было совершить ночью и далеко от речки, на которой было несколько хуторов под наблюдением красных. Первую ночь мы не дошли до плотины, заблудившись в степи. Вторая была удачнее. Плотина и хутор при ней были зняты без выстрела, двинулись дальше и, несмотря на упорную защиту следующего хутора, вплоть до стрельбы картечью из пушки, он был взят. Конные и орудие ускакали в степь, мы же захватили несколько пленных и две подводы с винтовками и патронами. Пехота же красных, оврагом вышедшая раньше конных, не была нами замечена. Пока прискакала резервная сотня (атаковали мы в пешем строю) и коноводы, все это скрылось за холмами. Довольные первым успехом, утомленные ночными походами и боем, до полудня мы решили отдыхать в занятом хуторе в ожидании своих обозов. Полк. Шадрину было послано донесение. Еще до атаки у меня был разговор с урядниками о том, что хотя В. Атаман и принял во внимание доводы депутатов о причинах ухода полков из под Уральска в январе, но он ждет от вас проявления и доказательства вашей готовности продолжать войну до конца наших сил. Этот разговор был одной из двигательных сил смелой атаки в первом бою.

Полк. Шадрин еще до получения моего донесения уже знал по казачьему « хабару » о нашем успехе. С собравшимися казаками из ст. Рубежинской он двинулся на Уральск и без боев занял Трекин в 18-ти верстах от Уральска. Не ожидая ответа на мое донесение и соответствующего приказания, после ночлега я решил двигаться на юг, в направлении на хут. Чувашенский, на линии Уральск-Соболев в 20-ти верстах от первого. Разведкой и опросами было установлено, что хутор этот занять небольшими силами красных — примерно двумя ротами пехоты, двумя орудиями и небольшой группой конных — и что по дороге Уральск-Соболев постояно происходит движение обозов с прикрытием. На совете с подхорунжими и вахмистром нами было решено перед расветом атаковать Чувашинский. Мы еще не разошлись, как прискакали два казака от полк. Шадрина, с приказанием двигаться на Чувашинский, связаться с подъес. Сорокиным, который в свя получения приказания должен находиться на хуторах в 15-ти верстах от меня, и, соединившись с ним, атаковать Чувашинский. Я немедленно послал Сорокину сообщение о своем местонахождении и о намерении утром атаковать указанный хутор и просил, его к утру с отрядом прибыть к Чувашинскому и помочь мне, если я встречу затруднения. Мой « совет » предлагал мне обождать прихода отряда Сорокина и лишь совместно с ним атаковать хутор, но я отказался, считая, что нельзя быть уверенными, что кто то, как то не осведомил красных о нашем нахождении около них, что наши разъезды сновали повсюду и могли быть замечены ими и они могли просить и получить подкрепление и, вероятно, наши намерения им известны. А потому, чем раньше их атаковать — тем лучше для нас. Нахождение же возле нас отряда Сорокина — наша выгода. Так и было сделано.

Операции такого сорта были шаблонны на Уральском Отдельном Фронте. Ночью подошли к хутору, спешились, коноводы и резервная сотня в конном строю остались под прикрытием ночи. По сигналу, без выстрела, вошли в окраину хутора. Красные встревожились, началась стрельба, но все выходы из хутора нами заняты, их конница по одиночке и группами стала выскакивать в сторону Уральска, под обстрелом казаков, занимавших окраины хутора. Когда атака произведеан неожиданно и стремительно (главное условие успеха), редко группа, собравшаяся вокруг начальника, окажет сопротивление, ибо нет времени на организацию обороны. В самом начале боя отряд подъес. Сорокина подошел к Чувашинскому и, услыша стрельбу и

заметя выскакивающих конных красных, направил полусотню для их преследования, а с оставшимися двинулся на Чувашский, что и решило его участь. Два красных орудия в начале боя зацепились между собой и не смогли выбраться из хутора и были захвачены нами, как и все обозы, 200 пленных, 2 пулемета и много патронов. После этого боя уже каждый казак имел винтовку и в отряде был пулеметный взвод.

К этому времени, т. е. во 2-ой половине мая 1919 г., Уральск был отрезан от Бузулука и его гарнизон имел лишь связь с Саратовом, но и она не была постоянной. Казачьи части, действовавшие в этом направлении, постоянно разрушали ЖД линию: рвали мосты, снимали рельсы, но красные под прикрытием бронепоездов из Саратова и Уральска поправляли разрушения. Ж.Д. мост через р. Чаган, под Уральском, был в их руках и был сильно защищен. И в итоге большевики не могли получать из Саратова ни подкреплений, ни боевых припасов, ни продовольствия для гарнизона Уральска. Фактически он был обложен со всех сторон. Красный полковник Хлебников, бывший в то время одним из ближайших сотрудников Чапаева, так позже охарактеризовал положение красного гарнизона в Уральске в ту эпоху: « Более полутора месяца героически защищался Уральск от яростных атак. В городе положение становилось критическим: не было боевых припасов, продовольствия, начались эпидемии... Сам Ленин просил телеграммой защитников Уральска продержаться некоторое время до прихода Чапаева... », который со своей 25-ой Сов. дивизией задержался под Уфой, занятой большевиками лишь 9 июня 1919 г.

Уральск защищался уже достаточно потрепанной под Лбищенском 22-ой Сов. дивизией, 4-ой Сов. Армии. Взятием Чувашинского и развитием действий в сторону Соболевской Ураль. Отд. Армия, кроме морального удовлетворения, приобрела и некоторые стратегические выгоды, но, к сожалению, их значение сильно уменьшалось тем, что Соболевская группа полк. Шадрина была отрезана от центра на левом фланге два раза р. Уралом, а справа рр. Чаганом и Деркулом, на которых не было мостов, а во время разливов не было даже и паромов. Технические возможности Ураль. Отд. Армии для устройства переправ, установки телеграфной и телефонной связи были очень ограничены, что в большой степени уменьшало достигнутые выгоды. С прибытием полк. Шадрина в Чувашинский связь с центром была установлена, но всякие « эстафеты » тратили много дней для сообщения одного пункта с другим.Впоследствии для связи была привлечена « авиация », состоявшая из 2-3 стареньких аэропланов для всей Уральс. Отр. Армии.

Сравнительно скоро было получено приказание В. Атамана о формировании из казаков, собравшихся на Соболевской линии, конной дивизии. Полк. Шадрин был назначен ее начальником, а войск. старш. Аничихин его начальником штаба. По прибытии офицеров для ее укомплектования я отбыл в свой полк. Подъес. Сорокин получил командование Рубежинским полком и остался. В это время попасть в Круглоозерной можно было или пересекши р. Деркули и Чаган через х. Халилов или в ст. Текинской переправиться через Урал бухарской стороной до Круглоозерного и опять пересечь Урал. Я выбрал второй путь, с тем, чтобы на бухарской стороне заехать в г. Илек и узнать о судьбе семьи, которая при сдаче Илека красным в январе случайно осталась там.

За это время нами была сделана попытка взять Уральск. Для этого на фронт прибыл Гурьевский пеший полк, были « мобилизованы » все лодки в Круглоозерном и соседних станицах. На заре « флотилия » (лодки принесли на руках) форсировала р. Чаган и через « Ханскую Рощу » атаковала Уральск. Вначале все шло хорошо, переправа через Чаган прошла незамеченной и гурьевцы ворвались в город. Но части со стороны Соболевского тракта опоздали с атакой, или, прибыв раньше, были отбиты красными, которые после этого все бросились на гурьевцев, которые вынуждены были отступить. При обратной переправе этот полк и другие атаковывавшие части сильно пострадали от артиллерийского огня, который на этот раз, как исключение, бил по цели: по реке....

После этого никаких попыток взять Уральск не делалось. Общественное мнение было этим недовольно. В нашей Армии тоже недоумевали, потому что знали, что гарнизон Уральска не силен и испытывает недостаток во всем. Уральская Отд. Армия в это время была как никогда сильна и агрессивно настроена. Наши части на левом фланге имели большой успех и даже занимали г. Николаевск Самарской губ. Впоследствии и скоро выяснилось, что решение « отложить взятие Уральска » было правильно. Дело в том, что задачей Уральс. Отд. Армии было держать свой фронт, а « победу » над красными должны были « одержать » Южная Армия и адмирал Колчак, но армия последнего откатывалась за Уральский хребет, части Южной (Добровольческой) Армии, хотя и перепра-

вились на левый берег Волги, но не проявляли никаких намерений соединиться с уральцами, или хотя бы взять Астрахань. Правый фланг армии неудачами Оренбургской Южной армии был обнажен. В силу этих обстоятельств брать уральцам Уральск не было смысла, ибо это выдвигало бы фронт вперед и удлиняло бы и без того его длинную линию для того же количества бойцов. Взятие Уральска теперь сопровождалась бы потерями, а весьма вероятная сдача его в будущем внесла бы деморализацию в нашу Армию. И действительно, ждать пришлось недолго...

9-го июня красные взяли Уфу, и, как « сам Ленин обещал », 25-ая сов. дивизия « легендарного Чапаева » и другие части 4-ой Сов. Армии были спешно переброшены на Уральский фронт с категорическим приказанием « раздавить » яицких казаков и уничтожить Уральск. Отд. Армию.

К 20-ым числам июня 25-ая сов. дивизия выгрузилась в Бузулуке и повела наступление к Уральску через Соболевскую. Дивизия полк. Шадрина, едва « сколоченная », без артиллерии, не смогла сдержать в 10 раз сильнейшего и лучше вооруженного противника. Из-за отсутствия переправ через рр. Урал, Чаган и Деркул, от центра Уральс. Отд. Армии не могло быть прислано никаких подкреплений (кстати, все они были заняты на левом фланге), ни артиллерии. Красные части гарнизона Уральска частично выступили навстречу Чапаева и части Шадрина, атакуемые и с фронта и с тыла, вынуждены были отойти на ст. Трекинскую, где и переправились на бухарскую сторону. Чапаев вошел в Уральск в конце июня, сообщения с Бузулуком остались в руках красных.

На правом фланге Уральс. Армии красные выбили части полк. Балалаева из станиц около Новосергеевки и вновь заняли г. Илек.

На Саратовском фронте, имея всю ЖД линию в своих руках, красные начали высаживаться на ст. Шипово и Зеленой, угрожая обходом станиц по Уралу, и пытались двигаться хуторами на Лбищенск. Для борьбы с этими частями были направлены наши 1-ая и 2-ая конные дивизии.

По окончании своей миссии у полк. Шадрина, я вернулся в свой 1-ый Кон. Партизанский полк, который был во 2-ой дивизии. Полк. Абрамов, раненый под Мергеневым, вернулся в полк. Полку была придана и 4-ая сотня — Соболевская. Я попрежнему оставался помощником командира полка, но уже без командования сотней.

К концу июня большевики вышли из Уральска, заняли Круглоозерной и повели наступление на станицы вниз по Уралу. Упорно задерживаясь на каждой складке местности, при каждой станице, под давлением во много раз превосходящих сил красных, уральцы медленно отходили на юг. Вся 4-ая сов. Армия была брошена на Уральский Отд. фронт. На левом фланге, не имея достаточно сил удержать ЖД линию, конные каз. дивизии применяли тактику уничтожения высаживающихся там красных соединений, направлявшихся в обход, по частям. Разведкою и следя за ними, мы всегда знали, на каком из хуторов ночевала или дневала та или иная часть. Обычно на заре, этот хутор внезапно атаковывался и красный батальон или полк или рота унитожались. Сколько таких нападений было сделано полком — сказать трудно. Но помню такой случай: как то, где то, на рассвете, лежа в двух шагах от цепи (атаковывали мы всегда в пешем строю) слышу разговор двух станичников: — « Ну, как, Семеныч, еще раз попробуем потревожить « спозоранку » товарищей?... » — « Не знаю, как ты, а я их уже 20-ый раз безпокою... »

Под хут. Старый Кордон 1-ым Партизанским и Лбищенским полками был настигнут хвост обоза пех. бригады красных. Все обозы были нами отбиты. Взяли мы много оружия, припасов и все пищевые запасы бригады. Много дней полки кружили около бригады, атаковывая на ночлегах, а днем в конном строю преграждали пути к колодцам итд. Только через неделю, бригада, деморализованная в конец, смогла пробиться к фронту по р. Уралу. Ее спасло от полного разгрома наличие одной батареи и многих пулеметов.

Все лето 1-ый Партиз. полк находился по хуторам на левом фланге. Хутора в этой части Области очень небольшие — по2-3 двора. Это были « зимовки » или « зимовники », где зимой богатые казаки держали скот, а летом они служили пристанищем для посевов, уборки хлеба, сенокосов. Все они были расположены (« сидели ») около колодцев с общепринятыми « журавлями », со старым колесом на конце. На редких были ветряные мельницы. Некоторые были на « копонях », иначе говоря около простых ям с водой. Фактически все это время полки провели в степях, спали на земле, коней часто кормили на поле. Кухонь в полках не было. Казаки разбивались на « компании » и, получая продукты, сами варили себе еду. Хлеба часто не было из-за отдаленности от баз, но мука была всегда, родные пельмени, « пержинцы », да « бишбармак » разнообразили стол. Временами готовили « брандахлыст » — суп из мяса и соли без всяких овощей. Овощей вообще никаких не

было. Табак тоже чаще всего был « трофейный », т. е. отбитый у красных. Весной 1919 г. казаки сделали посевы хлебов ,но при наступлении красных летом все побросали, угнав лишь скот. В конце лета, когда пшеница и овес созрели, в 1-ом Партизанском полку, в тылу, были сформированы команды из « наших » пленных (т. е. не сданных в армию), которые под руководством и наблюдением казаков косили хлеба (сель. хоз. машины были оставлены по хуторам), молотили, мололи на ветряных мельницах по хуторам, а излишки муки и овса отправляли в обоз 2-го разряда « про запас ». Поэтому полк ни в чем не нуждался и, благодаря организаторским способностям командира полка полк. Абрамова и офицеров полка, был одним из самых богатых. У нас единственных был даже духовой оркестр, взятый в плен при занятии г. Николаевска. При обозе 2-го разряда были мастерские: швальные, шорные и сапожные. Полковой флаг, сотенные значки все были из натурального шелка. Конский состав был в прекрасном состоянии, а казаки имели « обличия » (физиномии) розовые, настроение было веселое. Все « черные »работы в обозах полка выполнялись пленными, которых в Уральской армии было огромное количество, в буквальном смысле без числа, ибо не знали ,сколько их и что с ними делать. К концу лета 19-го г. их число безусловно превышало численность Уральской Армии. Казаков же в плену у красных не было, обмен пленными следовательно исключался. В Уральской области не было никаких фабрик-заводов, где можно было бы их использовать. Хозяйства все были разрушены, богатые станицы заняты. Незначительная часть первых пленных были заняты в Гурьевском порту разгрузкой редко приходивших судов с юга России с материалами для Армии. По станицам, ни в Лбищенске, ни в Калмыкове не было ни помещения для них и никакой организации для их прокормления. Бродили они голодные, раздетые по станицам, питаясь летом тыквами и милостынью добросердечных казачек. Их не стерегли и почти не было никакого наблюдения. Много из них болело тифом, были среди них и раненые. Кто мог и хотел — бежал на бухарскую сторону и прятался там в переселенческих селах. Удерживало их от побегов незнание местности и страх быть расстрелянным « без суда », как их пугали. Да и суд был жестким. Я не хотел бы быть на месте судьи... Он протекал примерно так: судья спрашивает: « как зовут? » — « Иваном » — отвечает тот. « Ты коммунист, доброволец? » — « Никак нет, — мобилизованный, не коммунист... » — « Иди, следующий... » Те же вопросы. Все это означало, что ночью выводили их за станицу, ставили около вырытой ямы и расстреливали. Едва ли где и когда либо существа, называемые человеком, были более несчастны, чем пленные в Уральской Отд. Армии... Содержание пленных было ненормально безчеловечным и жестоким, но не потому, что яицкие казаки были безсердечны, злы и жестоки... Это делалось ненамеренно и лишь только в силу отсутствия каких бы то ни было возможностей найти более человечный выход из этого положения. Огромные массы беженцев занимали все тылы. Не находя мест по станицам (которые были забиты частями, обозами и учреждениями), они располагались в поле, по берегам Урала, преимущественно по бухарской стороне. Питались они тем, что вывезли с собой, никакой медицинской помощи им не было, а между ними были больные и раненые с фронта... А жизнь шла своим чередом, и часто на беженских стоянках казачки рожали на земле, лишенные самых необходимых удобств и гигиены...

О жестокостях в революциях и гражданских войнах написано много. В этом отношении самые цивилизованные нации не составляют исключения. Писать об этом, бороться с проявлением зверских инстинктов во всех случаях необходимо. По этой причине я и коснулся вопроса о пленных, но трудно не признать, что условия в Уральск. Отд. Армии создались такие, что избежать описанного было невозможно и безчеловечные акты в отношении пленных надо рассматривать, как акт непреднамеренный.

Никому в голову из тыловых учерждений не пришла мысль продать пленных... Я пишу это совершенно серьезно... Во первых, « ясырь » вполне узаконен в прошлом каз. историей, как и вообще выкупы пленных. И этот выход был бы наиболее гуманным по моему мнению. Правда, единственным покупателем могла бы быть только Красная армия. Но побывавший в плену, как воин, как « противник », уже не имел никакой цены. Если считать, что рабство, торговля людьми в наш век недопустимы, то еще более недопустимы ГПУ, НКВД, Гестапо, то, что происходит в Индокитае, не говоря уже про Сов. Союз. А случаи торговли людьми были не так давно. Когда, после падения Муссолини, в Неаполе, сторонники новой ориентации начали проявлять зверства по отношению к случайно оставшимся немецким солдатам и своих же итальянцев, оставшихся верными Муссолини, другие сердобольные неаполитанцы их прятали и кормили, несмотря на опасность и

большие затруднения. Когда американцы заняли Неаполь, неаполитанцы предложили американскому ген. Кларку купить у них пленных немцев и сторонников Муссолини. По началу генерал сильно возмутился: « Как, в наш цивилизованный век?... » Но когда « хозяева » пленных указали, что содержание пленных и несение риска им стоит « столько то », то после некоторой « торговли » сделка состоялась и пленные были « проданы » американцам. Так рассказывает писатель, кап. Малпарт, прикомандированный к штабу Кларка, в своей книге « La peau ». По моему, это был гуманный выход. Тот же ген. Кларк смотрел сквозь пальцы, когда его негры покупали итальянских женщин за пачку папирос. Последние их не курили, но их было легче всего променять на килограмм кукурузной муки. Французский генерал Гийьом знал, что его мароканцы и тунисцы покупали итальянских детей, грозил за это расстрелом, но все таки не мог это прекратить.

На фронте Уральской Отд. Армии часто возмущались таким « судом » и как бы в виде протеста часто « без суда » отпускали пленных. Помню один случай, когда один, Гараською его звали, после « суда » и « ямы », при побеге снова был захвачен. На допросе поначалу он не сознавался, говоря, что он из той части, с которой полк только что вел бой. Был он в одном грязном белье и ранен в руку. При перевязке доктор заметил, что ранение Гараськи имеет давность 3-4 дней. После того только, как он досыта наелся арбузов с хлебом, в слезах (был он совсем молодым, из крестьян) рассказал, как его расстреливали, как он упал в яму, будучи ранен лишь в руку, как засыпали его землей, как он ночью выбрался из ямы и убежал в степь. Снабженный хлебом и арбузом, к общему удовлетворению он был отпущен. Это был не единственный случай у нас в полку. Знаю, что и в других частях под конец это делалось довольно часто.

Но и красные при занятии станиц были далеки от гуманного отношения к жителям, случайно оставшимся. Так, при занятии Красновской станицы они схватили 4-ех древних стариков, связали их и бросили между рядом стоящими скирдами соломы, которые тут же зажгли.... При преследовании красных, разбитых под Уральском весной 1918 г., братья М. и Н. Беляевы зарвались вперед и были захвачены большевиками, которые на месте их зверски убили. Я их после видел: на лицах было по несколько ран, а на теле много, совсем не нужных, штыковых и пулевых ранений. Весной 19-го г. красные, отступая из Илека, захватили с собой 9 стариков. Половина из них была иногородними. На другом берегу Урала все они были зверски убиты. Среди них был отец пор. Новикова, на котором нашли 13 штыковых ран. Таких примеров жестокостей, **намеренных,** можно привести много.

. . . . . .

Возвращаюсь к военным операциям на фронте. Красные, медленно, временами с упорными боями ,продвигались на юг и в конце июля вновь заняли Лбищенск (в 120 верстах от Уральска). Левый фланг Уральск. Отд. Армии вел непрерывные бои по хуторам, уничтожая высаживающиеся красные части и оставаясь постоянно немного уступом по отношению к главному направлению.

За август красные продвинулись еще на 100 верст и после упорного боя заняли Сахарный. В это время нахождение конных частей на фланге и сзади не было уже необходимостью и дивизия была вызвана на главное направление.

Париж **П. А. Фадеев**

(Продолжение следует)

ПТИЦЫ ПЕРЕЛЕТНЫЕ

Мы птицы особые, гордые птицы,
Из гнезд опустевших и разоренных,
Нас выгнали ветры стихий разъяренных,
И всюду рассеялись наши станицы...

Когда то могучей была наша стая,
«Вернемся...!» кричали мы, вдаль улетая,
«Мы верим... Время придет...»

И нет у нас песен — мы стали угрюмы,
Нет родных, насиженных гнезд,
И ветер туда уносит наши думы,
Несет их высоко, высоко до звезд.

И сколько обиды, сколько печали...
И слезы в глазах наших сталью сверкали
И как мы страдали. И... многие пали...

Но крылья все крепли, железными стали,
Казак не без счастья — и вот
Вы слышите ветра весеннего рокот?...
Оттуда, оттуда несется к нам клекот,
« Народ пробудился... » Готовьтесь в полет!

Монтаржи (Франция). **И. Ступников**

ЭМИР ЧЕЧЕНИ И ДАГЕСТАНА УЗУН-ХАДЖИ — ФЕНОМЕН СМУТНЫХ ЛЕТ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

(Отрывок из подготовляемого к печати очерка « Абрек Зелим-Хан »)

...Формально подчинившись Деникинскому командованию (весной 1919), Чечня фактически жила своей жизнью. Власть ген. Деникина простиралась только на узкую полосу территории по чеченским аулам, расположенным вдоль железной дороги. О том, как чеченцы упорно отказывались признать власть русского генерала — представителя враждебной им силы, которая не желала признать самостоятельность и суверенитет национальных меньшинств, говорит нам сам генерал Деникин в своей книге « Очерки русской смуты », вышедшей в начале 20-х г. заграницей:

« 16-23 марта (1919) сильный отряд, состоявший из кубанских и терских казаков, под начальством ген. Драценко, нанес поражение чеченцам особенно тяжкое у аула Алхан-Юрта, **где они потеряли до 1000 ч.** (подч. мною Э. Т.) Бои сопровождались жестокостями с обеих сторон и разрушением нескольких аулов ». Потери чеченцев в этом только одном бою, если учесть, что всех чеченцев обоего пола в то время насчитывалось не более 300.000 душ, а боев таких было не мало, показывают, как они дорого платили за свою землю...

Летом 1919 года в горной части Чечни, бывший мюрид и соратник имама Шамиля (1798-1871), столетний старец Узун-Хаджи Акушинский, аварец по национальности, объявил себя эмиром (имамом) Чечни и Дагестана.

До революции Узун-Хаджи провел долгие годы в ссылке в Сибири за свои националистические идеи. Вернувшись после февральской революции на Кавказ, он провел больше года запершись в своей сакле в родном ауле Акуши в горном Дагестане. Все это время он вел замкнутую жизнь, предаваясь молитвам и соблюдая строгий пост...

И когда, по его мнению настало время — брожение и хаос среди горского населения — энергичный старик организовал небольшой отряд ему преданных, как и он сам, фанатичных горцев, стал разъезжать по чеченским аулам, проповедуя священную войну (газават) против « неверных » (считай не мусульман-русских. Э. Т.)...

Обосновавшись в ауле-крепости Ведено — (приблизительно в 50 км. на ЮВ от Грозного) — в бывшей « резиденции » своего покойного мюрида и учителя — имама Шамиля, Узун-Хаджи, поддерживаемый чеченскими и дагестанскими национал - шовинистическими элементами, после торжественной молитвы в соборной мечети слободы Ведено, в начале августа 1919 года, с большой помпезностью, торжественно зачитал перед собравшимся большим скопищем народа декларацию об образовании на территориях Чечни и Дагестана самостоятельного государства-эмирата. Политическая программа эмира Узун-Хаджи была очень простая: в интервью, данном самим эмиром-имамом турецкому журналисту, старец, между прочим, сказал: « Я вью веревку, чтобы перевешать всех тех, кто зовутся «урусом » и чьи руки пишут слева направо!... »

Честолюбивый ученый-фанатик, маленького роста, с большой амбицией, всегда по военному подтянутый, в изящной снежно-белой черкеске из домотканной шерсти-сукна, в огромной белой папахе с зеленой чалмой, с неизменно висящей на левом боку длинной кавказской шашкой, почти равной по своей величине росту самого хозяина, с острыми, наск-

возь человека пронизывающими, маленькими гипнотическими глазами, с необычайно для его телесного сложения громким повелительным голосом, таким рисуют этого феномена смутных времен на Кавказе соприкасавшиеся с ним очевидцы...

...Узун-Хаджи удалось, хотя и ненадолго, осуществить свою затаенную заветную мечту— возродить вновь государственный строй — имамат, павший под силой русского оружия шестьдесят лет тому назад...

Умный по природе, искусный азиатский дипломат, хорошо понимавший психологию темных горцев, — « Имам Чечни и Дагестана, Эмир-шейх Узун-Хайр-Хаджи-Хан », как он официально титуловался, умело лавировал, удачно использывая борьбу красных и белых. Объявив « строгий нейтралитет », Узун-Хаджи сумел удержаться у кормила им созданного карликового эмирата до своей смерти.

Объявив себя Державным Повелителем Чечни и Дагестана, Узун-Хаджи поручил чеченскому узденю из знатного рода, статному и стройному мужчине сорока лет, Камилю Мухамеду Арсанукаеву князю Дышнинскому составить кабинет министров, назначив его премьер - министром и министром иностранных дел. Хотя сам « повелитель » был карликового роста, но министры его были специально подобранные рослые и стройные мужчины. Так, например, военный министр, чеченец из аула Шали, Шиты Истамулов, достигал роста двух метров. Несмотря на то, что бывший абрек Шиты еле-еле мог подписать свое имя, он блестяще командовал « великой мюридской гвардией » эмира ,состоявшей из разнородного элемента чеченцев и тавлин. Армия Его Величества Эмира состояла из добровольцев, но в последние месяцы его правления была введена обязательная военная служба. Одетые в разнообразные « мундиры » воины, вооруженные новейшими винтовками различных образцов, там где это требовалось, сражались отлично.

Государственным Флагом Эмирата было зеленое полотнище из шелка, формой трехугольного значка, бывших в ходу во время Шамиля.

Выпускались и деньги. В Ведено находился « монетный двор » Эмирата. Управляющим этим « двором » был бывший фальшивомонетчик из аула Шали — Абдул-Вахаб Масалов. На « казначейских билетах » Эмирата (боны) на одной стороне было изображение круто спускавшейся к морю горы... а на другой стороне были изображены весы. Весы поддерживались или опирались на стойку, состоявшую из сложенных винтовки со штыком, кинжала и шашки. На одной чаше весов лежал « Коран », на другой чаше зеленое знамя.

Эти деньги имели хождение на всей территории « великого эмирата ». На них были надписи на трех языках: французском, арабском и русском... Печатались они на довольно плохой бумаге, которая доставлялась благодаря связям « министра иностр. дел » из Грузии. Транспорты ишаков и мул ходили через перевал за бумагой. Бумага шла в обмен на шкуры и другое сырье, а меньшевисткое правительство Грузии не препятствовало такой торговле с северным маленьким соседом, « эмиратом Чечни и Дагестана ». Да к тому же сам премьер-министр был женат на знатной княгине из фамилии, кажется, Орбелиани, что облегчало получение бумаги из « социалистической » соседки южанки!...

Эмиру « повезло »... Только своевременная смерть-избавительница в начале марта 1920 года избавила малюсенького монарха с великой амбицией от неизбежной чекисткой пули в затылок...

...Этой безжалостной чекистской пули не избежал премьер-министр карликового Эмирата, благородный сын Чечни, — сын Дышнинского узденя, — статный мужчина и любимец женского пола, Иналук Арсанукаевич Камиль-Хан и его бравые « министры », безжалостно замученные в темных подвалах Ростовского и Грозненского Чека...

В конце марта 1920 года полчища с красными тряпками поставили окончательный « крест » над свободной монархией горцев и вбили « осиновый кол » в могилу честолюбивого старца, карлика-эмира!...

Швеция **Э. М. Теми-Хан**

КАТЫНЬ

(Продолжание № 74)

13. апреля 1943 года, в 9 часов 15 минут утра, Берлинское радио передало сообщение:

« Из Смоленска сообщают, что население указало место неизвестных массовых казней, совершенных большевиками. Там ГПУ ликвидировало 10.000 польских офицеров. Эта местность называется Косогорами (Косогоры или Козьи Горы — место казней в большом лесу Катыни) и расположена в 16 километрах на запад от Смоленска. Там сделано страшное открытие — обнаружена могила в 28 метров длины и 16 метров ширины, а в ней в двенадцать слоев сложены трупы польских офицеров, приблизительно 3.000 человек. Все они в военных мундирах, частично связаны и имеют раны позади головы от револьверных пуль. Благодаря качествам почвы, трупы находятся в стадии мумификации, при них имеются документы, потому без труда можно будет установить тождественность растрелянных. Сегодня уже известно, что среди замученных найдено тело генерала Сморавинского из Люблина. Установлено — эти офицеры находились в Козельске под Орлом и в феврале, или марте, 1940 года перевезены в Смоленск, а оттуда на грузовиках доставлены в Косогоры. Найденные трупы, приблизительно, отвечают численности всего польского офицерского корпуса, взятого большевиками в плен. Продолжаются поиски новых могил.

Посетившие Косогоры норвежские корреспонденты лично убедились в подлинности преступления, о чем и донесли своим газетам в Осло ».

В первый момент сообщение берлинского радио вызвало в Лондоне недоверие.

И 15 апреля большевики передали опровержение по радио: « В течении последних дней подлецы Гебельса распространяют отвратительные выдумки и утверждают, что советская власть весной 1940 г. произвела массовый расстрел польских офицеров в районе Смоленска.

Немецко-фашистские преступники не останавливаются перед самой низкой клеветой; как теперь выяснилось, это преступление совершено ими.

Германское сообщение не оставляет сомнения в трагической судьбе бывших польских офицеров, которые в 1941 году работали на постройках неподалеку Смоленска. Тем летом, после отступления наших войск, они вместе с советскими подданными района попали в руки немецких палачей ».

Сопоставляя факты, встает главный, достойный особого внимания, вопрос — каким образом московское радио, сразу же — 15. 4. 43 — могло утверждать, что найденные в Катыни, являются могилами именно польских пленных, находившихся на работах в районе Смоленска? Почему, если это отвечало действительности, большевики не нашли нужным ранее сообщить польским представителям, в течении ряда месяца добивавшимся выяснить местонахождение своих людей?

Ведь их ответ последовал после немецкого оповещения — пленные лежат убитыми в могилах Катыни.

После совещания польского Совета Министров в Лондоне, 17 апреля 1943 года стало известно о страшном происшествии в Катыни, о том, что польское правительство предложило своему представителю в Швейцарии обратиться в Международный Красный Крест, с просьбой расследовать дело Катыни на месте. Еще раз решили обратиться и к советскому правительству — выяснить доподлинную судьбу военнопленных офицеров.

Во врученной советскому послу ноте говорится: — Как видно из сообщения советского Информационного Бюро, правительство СССР обладает большими данными о наших пленных, чем своевременно сообщенные представителям польского правительства. Только подлинные факты можно противопоставить утверждениям немцев о найденных в Катыни могилах ». На эту ноту ответа не последовало.

Накануне, немецкий Красный Крест обратился по телеграфу в Женеву, прося Международный Красный Крест — ввиду значения дела Катыни — принять участие в расследовании и выслать делегацию на место преступления.

Почти одновременно, Радзивил, заместитель Председателя Польского Красного Креста в Швейцарии, просил МКК расследовать массовую резню в Катыни и выслать туда соответствующую нейтральную комиссию.

Межд. Кр. Крест, ввиду заинтересованности Катынским делом на всем свете, 23 апреля 1943 года опубликовал коммюнике: « Немецкий Кр. Кр. и польское правительство из Лондона обратились в МКК, прося установить тождественность трупов, найденных вблизи Смоленска, в братских могилах в Катыньском лесу ».

МКК соглашался произвести расследова-

ние, подобрав нейтральных экспертов, но при условии, что все заинтересованные стороны, в том числе и Сов. Союз, пришлют свои предложения .

В это время на основании помещенной в « Правде » статьи — « Польские сообщники Гитлера », московское радио, в омерзительной форме обвиняло польское правительство в сотрудничестве с Гитлером. « Тасс » напал на правительство ген. Сикорского, указывая как велико влияние « про-гитлеровцев » в польских правительственных кругах.

Большевики неистовствовали — как посмели поляки обратиться в Международный Красный Крест?

Все взоры были устремлены на Сов. Союз, ждали согласия его правительства — что сразу оправдало бы от обвинений в совершенном злодеянии. Однако вместо согласия на расследование Катынского преступления, Советы прервали дипломатические сношения с польским правительством в Лондоне и, одновременно, приступили к формированию « Польского Комитета » в Москве из польских коммунистов.

На первый день Пасхи, 25 апреля, Молотов стремился ночью вручить ноту польскому посланнику:

« Советское правительство считает ненормальными отношения Польши к СССР. Возмутительная кампания врага по делу ликвидации польских офицеров в районе Смоленска — сразу же нашла отклик у польского правительства.

Власть немецких фашистов затевает следственный фарс. Польское и гитлеровское правительства пригласили Межд. Красный Крест провести это « следствие », которое ведется за плечами СССР и не возбуждает доверия у честных людей ».

« Одновременно начатая кампания немецкой и польской прессой против советской власти, определенно указывает на контакт и полную согласованность между польским правительством и Гитлером ».

« Когда советский народ истекает кровью в борьбе с общим врагом, польское правительство — как видно желая прислужиться тирании Гитлера — наносит предательский удар в спину Сов. Союза ».

« Приняв враждебную позицию, правительство Польши перестало поддерживать дружественные отношения с СССР. Это и заставило сов. правительство прервать дипломатические сношения с Польшей ».

Документ подписал сам Молотов. Эту ноту, как оскорбительную и не соответствующую действительности, польский амбасадор не принял.

29 апреля 1943 г. « Дзенник Польски » в Лондоне поместил декларацию. В ней опровергаются советские обвинения и подчеркивается — « Польское правительство, 17 апреля с. г., категорически запретило немцам использовать трагедию польских офицеров в политических целях ».

Разрыв дипломатических сношений между Советами и польским правительством в Лондоне, поразил неподготовленное к подобному обороту дела общественное мнение Запада. Кроме того, советский жест перенес пункт тяжести Катыньского дела из области моральной в политическую. Разоблачения немцев внесли разногласие в среду Объединенных Наций. Вспыхнула, никогда не потухавшая, боязнь, что СССР заключит сепаратный мир с немцами!

В правительственных кругах Великобритании, приведенное событие произвело сильное впечатление и министру иностранных дел сэру Идену пришлось сделать разъяснения в Палате Общин: « Правительство Его Королевского Величества стремилос, убедить поляков и русских о недопустимости недоразумений во время войны. Но я с прискорбием узнал, что советское правительство прервало дипломатические сношения с Польшей ».

« Наше правительство никого не обвиняет, кроме немцев. У нас единственное желание прекратить конфликт и наладить отношения между союзниками ».

« Безусловно правительство Е. К. В. находится в самом тесном сотрудничестве с Соединенными Штатами. Мы верим, что в конце концов, интерес государственного значения победит, как побеждал и ранее ». (« Дзенник Польски », Лондон, 5 мая 1943).

Бывший Премьер Великобритании, сэр Уинстон Черчилль, в четвертом томе своих воспоминаний о второй Мировой войне, говорит, как в начале апреля 43 года, генерал Сикорский во время обеда у него утверждал, что имеет доказательства о растреле большевиками 14.500 польских военнопленных. Что большинство офицеров найдено в братских могилах около Катыни.

« Они не живут — сказал Черчиль — и что бы вы не предприняли, к жизни их не вернете ».

На это Сикорский ответил, что он не может удержать справедливый гнев польского общественного мнения; что все факты уже известны прессе.

Из разных источников, подробно ознако-

мясь с Катынським преступлением, сэр Уинстон все же настаивал: « Главное победить Гитлера — теперь не время ссориться и обвинять друг друга ». Но он не смог ничего предпринять и предотвратить советско-польский конфликт, который принес много хлопот.

. . . . . .

Вскоре немцы обнародовали « Правительственный материал по делу массовой ликвидации в Катыни ». Он собран, обработан и издан « Немецким Информационным Бюро » на основании обвинительных данных и по предписанию Министерства Иностранных Дел.

Кроме коллекции фотографий и списка тел польских офицеров, найденных в Катыни, книга состоит из 160 страниц и делится на « Общее описание » — неофициальная часть и « Документы » — правительственная ».

Она заканчивается рапортом немецкой полиции 10. 6. 1943. « Раскопки, опознание и перенос тел в новые могилы закончены 7-го июня с. г. Лес Косогоры служил местом приведения в исполнение приговоров ГПУ от 1925 года. Пробные раскопки в этой лесистой местности обнаружили братские могилы, в которых лежат тела русских обоего пола. Некоторые из них были исследованы и без исключения установлено — причиной смерти являлся выстрел в затылок.

7 братских могли польских офицеров находились на сравнительно небольшом участке леса и были засажены молодняком. Из извлеченных 4.143 тел — 2.815 опознано на основании паспортов, метрик рождения и личной корреспонденции, найденных в карманах расстрелянных.

Затем, каждое тело, снабженное номером, после судебно-медицинской экспертизы и при сотрудничестве Польского Красного Креста, снова погребено в наново приготовленных могилах ».

« Из переводов дневников, календарей, записных книжечек и просто записок, обнаруженных в одежде убитых — установлено, что польские офицеры, попавшие в 1939 году в плен к советам, были размещены в различных лагерях, но растрелянные в Катыньском лесу исключительно из лагеря в Козельске.

От конца марта и до начала мая 1940 года, из Козельска отправлялись транспорты, состав их колебался между 100-300 пленных. Их перевозили и разгружали на станции Гнездовая вблизи Смоленска. Оттуда, ранним утром, перевозили грузовыми тюремными автомобилями в лес Катыни, в 3-х километрах от станции; там офицеров сразу расстреливали и сбрасывали в приготовленные ямы.

За малым исключением все тела имеют раны от выстрела в затылок. Калибр найденных пуль соответствует отверстиям в голове жертв и равняется 7,65 мм. Использованная амуниция является немецким фабрикатом фирмы « Genschow ». Запрошенная 31. V. 43. Главная Комендатура Армии сообщила: « Пули к револьверам этого калибра, как и сами они, доставлялись СССР и Польше. Не выяснено, взяты ли револьверы из советских складов, или при оккупации восточных областей из польских ».

« В некоторых могилах тела лежали беспорядочно, многие сплетенные друг с другом. Вероятно, они сброшены в могилы после расстрела. Все без исключения были с поднятыми, в большинстве простреленными, воротниками шинелей. У некоторых руки были связаны сзади крестообразно и только небольшой процент тел спутан крепкими шнуром за шею и выкрученные назад руки, с заброшенной на голову одеждой; во рту у них обнаружены опилки.

Несмотря на объявления и воззвания, очевидцев расправы не нашлось. Показания окрестных жителей говорят, что доступ в упомянутый лес строго воспрещался и охранялся в течении продолжительного времени ».

Все документы и вещи, принадлежавшие убитым, приведены в порядок и снабжены номерами.

Этот рапорт подписан секретарем Полевой полиции Воссом.

Характерный выстрел в затылок и способ (очень умелый), каким связаны жертвы, указвают — это дело одних и тех же привычных рук. Незначительный же процент связанных перед расстрелом — только подтверждает примеры последних страшных десятилетии что жертвы, при массовом насилии, теряют способность сопротивления и легко поддаются психозу обреченности.

. . . . . .

Когда Международный Красный Крест, благодаря позиции, занятой советским правительством, был вынужден отказаться от расследования преступления в Катыни, Германия решила действовать самостоятельно. Следствие было доверено известным в Европе в области судебной медицины специалистам.

В Берлине собрались тринадцать делегатов — из Бельгии, Болгарии, Дании, Финляндии, Кроации, Италии, Голландии, из Протектората Чехии и Моравии, Румынии, Швейцарии, Словакии и Венгрии. Они постановили про-

водить свою работу только с научной точки зрения, исключая моменты политические и полемические.

Комиссия выработала три основных пункта:

1) Установить личности жертв,
2) Причину их смерти и
3) Когда она наступила.

Экспертов перевезли в Катынь; свобода передвижения им не ограничивалась; немцы предоставили в их распоряжение все технические возможности; каждый из них, лично, сходил в братские могилы и распоряжался связанной с экспертизов работой.

Одновременно, но отдельно, в Катыни работала прибывшая из Варшавы комиссия Польского Красного Креста.

Возвратясь в Берлин, Комиссия международных экспертов представила рапорт начальнику здравоохранения Германии доктору Конти.

Следует подчеркнуть — члены этой Комиссии не получили за свою работу ни вознаграждения, ни благодарности.

Вскоре немецкие войска отступили и в Смоленск вошли большевики. Они без промедления организовали Особую Комиссию для проведения следствия в Катыни. Методы советского « правосудия » и « показательных процессов » известны не сегодня. Не приходится сомневаться, что и « дело » Катыни они провели гладко. Стоит ли в таком случае тратить время и слова на описание из « расследования », в котором не принимал участия ни один иностранный эксперт, кроме граждан Советского Союза, которые должны поступать под диктовку коммунистической партии и правительства.

В то время в Москве пригласили заграничных корреспондентов посетить могилы в Катынском лесу. И до прибытия на место, большинство англо-американцев уверяло, что преступление совершено немцами, они предпочитали верить своим союзникам, доказывавшим вину немцев. И характерно, — московская цензура вычеркивала из их репортажей целые фразы, выражавшие какое либо сомнение. В результате, эти донесения, попадая в Америку, обвиняли немцев точно также, как это проделывала « Правда ». (По показанию американского журналиста В. Л. Уайта).

Большевики утверждают, что польские офицеры расстреляны немцами в августе-сентябре 1941 года. Как и следовало ожидать, свидетели, присягавшие немцам по делу преступления в Катыни, при большевиках отреклись от своих показаний, утверждая, что свидетельствовали по принуждению Гестапо. Нашлись и такие, которые подтверждали советскую правительственную ложь — якобы немцы свозили в Катынь расстрелянных евреев и переодевали их в польские мундиры.

Подобные свидетели, дважды присягавшие « по принуждению », теряют значение. Зато нельзя не считаться с загробными показаниями самих жертв — найденные при них документы, дневники, письма, а главное советские газеты — говорят сами за себя! Их дата не перешагнула **мая 1940 года**, и определенно указывает на время ликвидации. Если к этому ответить на вопрос — какая власть в то время господствовала на территории Смоленской области, то без труда выясняется и главный вопрос: Кто совершил преступление?

Советская версия, опровергая все доказанное немцами, в одном соглашается с германскими агитационными данными — в лесу Катыни найдено 10.000 жертв — что не отвечает действительности. Большевикам н аруку, зараз сбросить со счетов всех пропавших без вести польских пленных.

Доктор Водинский, член комиссии Польского Красного Креста из Варшавы, работавший на месте преступления в течении пяти недель, в своих показаниях утверждает: в братских могилах в Катыньском лесу найдено не более 4.500 трупов — хотя немцы хотели во что бы то ни стало подтянуть до десяти тысяч, цифра, которую они первоначально официально сообщили по радио. Показание Водинского как раз совпадает с числом пленных, находившихся в Козельском лагере. Знаменательно, жертвы в могилах Катыни лежали в порядке имен, вывезенных из Оптинского монастыря групп.

Лондон **Т. Данилевич**

(Окончание следует)

ХИБИНЫ

Далеко, далеко на крайнем севере, за невидимой чертой страшного Полярного круга, плотно закутавшись в толстую с нежную шубу, крепким сном тысячалетия спят земли Кольского полуострова.

Унылы однообразные тундры, покрытые бесчисленными озерами. Здесь сама земля подобна замерзшей губке с водой. За шестимесячный полярный день она оттаивает только на 40 см. А ниже, на громадную неведомую глубину, лежит вечная мерзлота. Здесь снег сходит в конце июня, а числа 15-20 авг. выпадает новый

Полугодовой серенький полярный день сменяется глубокой зимней ночью, освещаемой лишь причудным северным сияньем. Общая картина дополняется чудовищным количеством комаров, к которым в августе приходит на смену еще более страшная местная « мошка ». Жить, передвигаться, работать, есть и спать, можно только в специальных предохранительных сетках-комарниках. Где повыше и от этого посуше, растет низкорослый лесок. Срубишь такую елку, что метров 4-5 высоты, да у пня сантиметров 40, очистишь от веток и диво берет. Не дерево, а морковка... Приезжий плотник молча смотрит на нее, удивленно прикидывая в уме, как же такое дерево в сруб положить...

Спокон веков в здешних местах проживали лопари, народ трудолюбивый, спокойный, терпеливый, к жизни полузвериной привычный. Было этих лопарей в начале 20-го столетия тысяч 5-6, не больше, а теперь и 500 не осталось, все ушли в Швецию да Норвегию. Царская власть на них внимания не обращала, лишь местный урядник, что находился в Мурманске, когда то отдал приказ: « ...от сего числа быть всем лопарям православными и свои языческие имена на русские переменить »... Тут тебе и вся Российская ассимиляция — одним приказом...

Еще в конце 15-го столетия, отдельные Новгородцы и Псковичи начали убегать на север от Московской власти на местах. Но и эти беглецы, образовывая свои поселения, ни разу не посмели и никогда не отваживались поселиться за Полярным кругом.

Впервые Карельские болота и Карельская тундра услышали казачью речь триста сорок лет назад, в 1612-14 гг., когда Запорожские казаки, под командой Атамана Якова Пунтусова, совершили вооруженные нападения на различные места территории Московии. В ту пору Запорожскими казаками были взяты многие города и посады: Вологда, Тотьма, Вельск, Сольвычегодск, Каргополь, Холмогоры, Архангельск и другие. Казаками были пройдены с боями тысячи верст и были покорены силе оружия почти все северные провинции Москвы.

Оторванность от Родины-Запорожской Сечи и медленное таяние казачьих рядов вследствие постоянных потерь, подтачивали казачьи силы, почему казаки-сечевики впервые потерпели поражение от московских войск возле города Слонца. Ослабленные поражением и отрезанные от Юга, Запорожские казаки после неудавшейся попытки прорваться в Лифляндию, предпочли смерть позору сдачи. Около 2.000 Запорожских казаков пошли на Крайний Север и пройдя в Карелию, вступили на Кольский полуостров. Здесь следы их прекращаются. Страшное Заполярье не любит выпускать своих жертв, а претендующая на Запорожских казаков, т. наз. мать Украина, не помогла « своим сынам » и оставила на погибель « своих сынов », как нерадивая мачеха.

Стремление государства Российского к Мурманской незамерзающей гавани неоднократно приводило к попыткам российской государственной власти построить линию железной дороги между Петербургом и Мурманском.

Первую попытку провести простые дороги проявил царь Петр 1-й, лично ездивший из Повенца. Тогда же на строительство этого « тракта » были посланы в разные сроки до 10.000 Донских, Запорожских и других казаков, как и до 2.000 военнопленных шведов, из теперешних эстонцев и латышей. Тогда же на Кольском полуострове вторично зазвучала казачья речь, чтобы замолкнуть еще на 220 лет!

Из казаков и шведов, сосланных Петром 1-м на Кольский полуостров, конечно, никто не вернулся обратно, погибли все в дикой тундре Крайнего Севера. Как память о них, и сейчас кое-где видны сгнившие ленты дороги, построенной из сплошь уложенных в болота огромных бревен. Петр 1-й так и не смог достроить дорогу к Мурманску и эту « российскую мечту » выполнил много позже последний российский император Николай 2-й.

В Первую мировую войну (1914-18 гг.), когда Россия оказалась запертой в Черном и Балтийском морях, не замерзающий Мурманский порт приобрел первостепенное стратегически-экономическое значение, почему к нему стали тянуть железную дорогу.

На указанное строительство российским правительством было брошено 120.000 германских военнопленных. Суровый полярный климат беспощадно косил ряды невольных строителей и к началу 1916 года на стройке Мурманской железной дороги оставалось едва 20.000 человек. Тогда, в поисках дешевой и многочисленной рабочей силы, российское правительство прибегло к найму китайцев и корейцев. Так появились в России китайцы.

Окончательную доделку железнодорожного пути из Ленинграда (быв. Петроград) в Мурманск совершила Россия Советская, построив руками и жизнями сотен тысяч политических заключенных « известный » Беломорско-Балтийский канал. Однако, если бы не особые обстоятельства, то наверное и сегодня этот канал не был бы выстроен. Таким обстоятельством явился т. наз. Хибинский апатит.

Говорят, что помимо обыкновенного золота имеется еще « жидкое золото », так наз. нефть, и « черное золото », в виде каменного угля. Среди этих многочисленных видов « золота », по праву должен занять почетное место и Хибинский апатит, в качестве « зеленого золота ».

Апатиты, это — особого свойства руда, имеющая высокое содержание фосфора. Есть бедные фосфором руды-фосфориты, а в апатитах фосфора содержится во много раз больше, чем в фосфоритах.

Апатиты находятся только в четырех местах земного шара, и из них два месторождения апатитов настолько слабы и бедны, что не имеют никакого промышленного значения. Знаменитое мароканское месторождение апатитов было единственным в своем роде и пользовалось общепризнанной монополией на всех рынках мира.

О наличии на Кольском полуострове громадного количества превосходнейшей по своему качеству и количеству апатитовой руды, было хорошо известно уже в 19-м столетии. Сначала швидские ученые, а затем и российские, произвели первые горные разведки. Кольские апатиты лежат, однако, не под землей, как в Марокко, а на поверхности, имея толщину слоя не в 80 сантиметров, а в 160 метров. Процент содержания фосфора в Кольской руде ровно в шесть с половиной раз выше, чем в мароканской руде. Нахождение и изучение Кольской апатитовой руды предвозвещало полнейшую « революцию » в мировой фосфорной промышлености, ибо фосфорное производство обслуживает не только сельское хозяйство, поставляя последнему первокласное удобрение, но и преследует военные цели.

Однако, этой ожидаемой фосфорной « революции » так и не произошло. Почему? Да потому, что французская торгово-промышленная компания, разрабатывавшая мароканские апатиты, « подарила » кому нужно « небольшой подарок », в 5.000.000 золотых рублей. Дело о Кольских апатитах было немедленно забыто в российских правительственных сферах, а академику проф. Карпинскому было дано понять, что за Полярным кругом находятся не только одни апатиты, но и многие непослушные « верноподданные Российской империи ». Нахождение на Крайнем севере, в Хибинских горах Кольского полуострова, богатейшей в мире апатитовой руды, всегда помнилось промышленными кругами Франции и злые языки утверждали, не без основания, что один из столбов, которыми подпирался традиционный франко-русский союз, был именно столб из апатита Кольского полуострова.

Лихорадочное выкачивание материальных средств из окраин империи, необходимых Советской России для организации и содержания « пятых колонн » повсеместно, во всем мире, заставило Москву обратить внимание и на полузабытые было Кольские апатиты. Усовершенствованные методы горной разведки установили баснословное богатство Хибинских гор. Сравнительно небольшой Хибинский горный массив (около 110-ти километров в окружности), состоял на 90 % из горной породы, носящей название « нифелин », содержащий в себе до 30 % соды. Расплавляя этот волшебный нифелин, без каких-либо прибавок, промышленники получают высококачественное темно-зеленое бутылочное стекло. Из-за высокого содержания в нифелине « фтора », ценность его была такова, что в 1930 году за тонну выплачивали по 6,5 долларов, « франко » пристань в Мурманске.

И тем не менее, материальная ценность всех этих неисчислимых богатств сводилась к нулю из-за полного отсутствия дорог. Само Хибинское апатитовое месторождение было расположено всего в 25 клм. от ближайшего железнодорожного разъезда Белого, но зато эти 25 километров были по своему профилю трудными. Однако, нельзя забывать того обстоятельства, что если красная Москва что-либо решила, она уже не останавливалась абсолютно ни перед чем...

Шел 1930-й год, разгар сплошной коллективизации в русско-советском « раю » на земле. Советская Россия, стремясь возможно скорее перейти на следующую ступень своего эво-

люционного развития, с лихорадочной поспешностью усиливала степень порабощения окраинных народов. Изымался из жизненного обращения слой национального хлебороба, который был наибольшим производителем национальной интеллигенции. Ненавистническая кличка « кулака »—эксплоататора трудящихся, лишь служила маской для прикрытия истинного намерения Советской России, сводившегося к уничтожению подлинной национальной интеллигенции. В этой безжалостной денафикации, Советская Россия уничтожала не только самих интеллигентных националистов (« буржуазных националистов », иначе говоря сепаратистов), но и те слои порабощенных народов, из которых эта интеллигенция рождалась.

Когда руки палачей из состава ОГПУ стали дрожать от усталости, правящими кругами красной Москвы было изобретено « спецпереселение », сводившееся к тому, что в определенный населенный пункт являлся отряд войск ОГПУ-специального назначения, сгонял всех людей на центральную площадь и объявлял списки лиц, подлежащих « спец-переселению ». Обычно, в означенные списки входило до 25-30 % всех, живущих в указанном месте. Объявленным » « спец-переселенцам » давалось 2 часа (максимум) на сборы и разрешалось брать с собою лишь т. наз. « ручной багаж » (т. е. что человек был способен нести в своих руках). Бросаемое имущество « спец-переселенцев » переходило в собственность СССР, и за бесценок продавалось с торгов.

Под усиленным конвоем специальных отрядов ОГПУ, « спец-переселенцы » препровождались к ближайшей железнодорожной станции, где грузились в скотские товарные вагоны, которые по целым неделям не распломбировывались в пути. Железнодорожные поезда, с этими « спец-переселенцами », ломая все установленные расписания, тысячами бороздили всх страну в направлении с юга на север и на восток. На железнодорожных узловых станциях образовывались « пробки », зачастую состоявшие из десятков таких же эшелонов.

Как правило, « спец-переселенцев » в течение первых 15 суток предержащие власти из состава ОГПУ не кормили вовсе. Далее, по истечении указанного срока времени, была положена выдача т. наз. маршевого пайка, состоявшего из 200 грамм хлеба и половины соленой селедки на сутки, и сверх того горячий суп (« баланда »), один раз в пять суток. Однако и эти « правила » ОГПУ выполнялись редко в отношении « спец-переселенцев ». Взятые последними из дому продукты рано или поздно съедались, и запломбированные в вагонах люди начинали люто голодать.

Когда правящие круги СССР решили приступить к разработке апатитов, они обязали ОГПУ обеспечить эту стройку необходимой рабочей силой. Долог был путь из Казачьих Земель, Кавказа, Туркестана к Кольскому полуострову, обычным пассажирским поездом едут 3-4 суток, но еще большим был этот путь для « спец-переселенцев », ибо обыкновенно он длился не менее двух-трех месяцев.

Так наз. « рабсила » (рабочая сила, прим. ред.) поступала в Хибинскую тундру тремя путями:

1) Вольнонаемые рабочие по линии « Апатиттреста ».

2) Политические заключенные, присылавшиеся со стороны СЛОН-а (Северные или Соловецкие лагери Особого назначения).

3) « Спец-переселенцы », доставлявшиеся ГУЛАТ-ом (Главное Управление лагерей в СССР).

В феврале 1930 года, в Хибинской тундре, на разъезд Белый впервые прибыли несколько железнодорожных составов со шпалами, рельсами, костылями, столбами и прочим материалом для строительства железнодорожной ветки, имея, в качестве приложения, заключенных СЛОН-а. В темноте полярной ночи, в жестокую пургу, при 35 градусах мороза, под ударами прикладов и стрельбой охраны, полуодетые и полуголодные заключенные приступили к разгрузке прибывших материалов, начиная очередную... « великую стройку социализма »...

По прошествии двух месяцев, к началу мая 1930 года, железнодорожная ветка была протянута на целые четыре километра. Над ее продолжением трудилось несколько сот заключенных ,в том числе и автор этих строк. Проезжая на оленях мимо работавших заключенных, один вольнонаемный бросил в группу последних банку с мясными консервами. Немедленно над ней образовался комок дерущихся полуозверевших от голода людей. Раздались крики и выстрелы, комок человеческих тел распался, но земля окрасилась кровью и с нее не поднялось несколько человек.

Соловецкие лагери Особого Назначения, по официальной номенклатуре-СЛОН, в людском просторечии — « Соловки », являлись лагерями, куда собираемы были все « сливки » (верхушка интеллигенции: остатки аристократии, высшее духовенство, врачи, художники, ученые, философы, инженеры. Тут мало было одного высшего образования, а

требовалось со стороны ЧЕКА и ОГПУ еще какая-то известность и плодотворность интеллектуального проявления. Другую часть коренных кадров многочисленного числа заключенных составляли казаки Дона, Кубани, Терека, Урала, Астрахани, Оренбурга и Сибири, число которых к началу 1930 года определялось примерно в 40.000 с лишним человек. Для того, чтобы ОГПУ могло иметь « развязанными » руки в отношении управления столь разнородной и разношерстной массой заключенных, в состав полседних были внедряемы и представители советской « шпаны », составлявшейся из « урков » (уголовники).

Редко кто из заключенных возвращался из этих лагерей русского каторжного труда, созданного русской коммунистической властью на Крайнем Севере. По своему существу СЛОН (Соловецкие или Северные лагери Особого назначения) представляли собою колоссальный комбинат по уничтожению заключенных путем медленного изматывания их сил и здоровья, посредством применения к ним тяжелого принудительного труда. Этот лагерь, ставший просто« притчей во языцех », как гигантский паук растянул свои нити по всей территории Карельской Автономной Республики, соседнему с нею Северному Краю и по Кольскому полуострову. Сотни филиалов этого лагеря, нося название « командировок », были раскиданы от Мурманска до Петрозаводска и от финской границы до реки Северной Двины. Означенные « командировки » имели свою нумерацию и выполняли определенную работу: лесозаготовки, лесосплав, дорожно-строительные работы, заготовка строительных материалов, рыбо-переработка и ряд хозяйственных функций, необходимых для СЛОНа. Личный сотав заключенных, находившихся на работах в подобных « командировках », насчитывал в каждом отдельном случае от 2.000 до 20.000 человек.

Для строительства Хибинского апатитового рудника было создано три таких « командировки ». Одна у самого разъезда Белого, включая около 2.000 заключенных, вторая, на « 11-м километре », численностью в 8.000 заключенных и третья, « 114-я командировка », на « 19-м километре, численностью в 20.000 заключенных.

Судьба этих 30.000 человек, из числа которых, по крайней мере, 25.000 индивидов приходилось на политических заключенных, была особенно трагична. Нормы выработки для них были на 25 % повышены против норм, принятых для вольных рабочих, по « Урочному положению для Строительных рабочих в СССР на 1930 год ». Это повышение было следствием того, что вольнонаемные рабочие работали всего по 8 часов в день, а заключенные должны были работать по 10 часов. Выполнение этих норм достигалось коллективной ответственностью каждого рабочего отряда (20-50 человек). Практически это значило то, что пока общая норма не выполнялась полностью, весь рабочий отряд не уводился с места работы.

Как следствие особого государственного значения Хибинских « командировок », они были уже к июню 1930 года поставлены в исключительные для прочих лагерей условия. Выдававшаяся заключенным пища содержала витамины. Практиковалась выдача квашеной капусты и сырого картофеля, как средства против цынги. Рабочие отряда заключенных были одеваемы в солдатское обмундирование царского периода. Сами « командировки » состояли из сборных бараков и не имели ни одной землянки.

Эти 30.000 заключенных были предназначены для строительства подъездной железнодорожной ветки, жилых строений нового города « социалистической стройки » — Хибиногорска, зданий обогатительной фабрики и рудничного поселка. Для добычи апатитовой руды, ОГПУ предполагало использовать труд вольнонаемных рабочих и главным образом принудительный труд « спец-переселенцев ».

Для завоза вольнонаемных рабочих, по СССР были властями разосланы десятки вербовщиков, которые соблазняли встречных « длинным рублем », гарантируя минимум заработной платы в 250 рублей, что, по индексу цен и валютной стоимости, равнялось 185 золотым рублям. Помимо того, вербовщики обещали каждому жилище в объеме одной комнаты, специальное « полярное питание » и бесплатную разнообразную « спецодежду ». В качестве аванса, было выдаваемо навербованным вольнонаемным рабочим по 100 рублей и по паре новых кожаных сапог.

Такие навербованне рабочие прибывали уже в Хибины, обыкновенно, с пустыми карманами. Не получив обещанных квартир и питания, они после первых же столкновений с местной администрацией и профсоюзными работниками, убеждались в том, что попались на удочку вербовщикам и, стиснув потому зубы, принимались работать, чтобы накопить денег на обратный путь. Обычно вольнонаемные рабочие работали не более 2-х месяцев, после чего, нарушив контракты, уезжали восвояси, домой.

Конечно, описанным путем никакой апатитовый рудник на Крайнем Севере в Хибин-

ской тундре не мог создать постоянных рабочих кадров, и уже в самом начале работ чекистская администрация забила тревогу. Тутто и возникла « идея » организовать в Хибинских горах « спец-поселения », для создания из них дешевой рабочей силы.

По созданному плану, в контакте с ОГПУ, было намечено поселение в Хибинах до 180.000 заключенных. К осени 1930 года туда было уже завезено 80.000 человек на принудительные работы, ибо для « спец-поселенцев », вынужденных проживать в тундре, работа на апатитовых рудниках представляла одну единственную возможность иметь хотя какой-то кусок хлеба. В указанное количество завезенных в Хибины « спец-переселенцев », входили 20.000 Донских казаков, 18.000 Кубанских казаков, 4.000 казаков и крестьян Ставрополья, 16.000 узбеков и пр.

Еженедельно приходило по два переселенческих эшелона, из которых были выгружаемы шатающиеся от слабости люди, однообразно одетые, порой в остатках ярких восточных халатов, то в бешметах и низких шапках-« кубанках », то в кожухах с высокими шапками: мужчины, женщины, дети, старики, больные, щуря глаза от яркого для них, серого, полярного дневного света, испуганно оглядывали суровые горы, лишь местами покрытые карликовой растительностью.

Прибывающих « спец-переселенцев » чекисты отводили в « колонию », т. е. на площадь, огороженную высокой колючей изгородью, с монументальными воротами-аркой, хитро сделанными из березовых веток, конечно, с портретом Сталина, красными флагами с золочеными серпом и молотом и с издевательской надписью: «Добро пожаловать на перековку!»

Напрасно удивленный взгляд искал на этой площадке жилые строения! Их просто не существовало. Лишь у ворот лагеря стояли два-три деревянных барака, где помещалась охрана лагеря и лагерная администрация. Более внимательный осмотр обнаруживал какие-то длинные странные бугры на поверхности земли ,напоминавшие по своим контурам братские могилы. Это были жилища « спец-поселенцев », т. наз. « шалманы », позаимствовавшие свое наименование из воровского жаргона.

Следует особо остановиться на специальном описании этих « шалманов », которые по существу представляли как бы громадную землянку и в то же время как будто и барак, но врытый в землю по самую крышу. Выражение « врытый » будет неверным толкованием, т. к. фактически здесь, на выкопанный в земле котлован, устанавливалась лишь толевая барачная крыша, обычно для тепла сверху заваливавшаяся мохом. Края ее только на 20 сантиметров возвышались над уровнем земли и в них кое-где были втавлены узенькие оконца, величиной не более обыкновенной форточки. В таких « шалманах » стены и пол были земляными, внутренность была общей, неперегороженной, и содержала вдоль обеих стен сплошные ряды двухэтажных досок.

Вдоль всего « шалмана », по середине, шел ряд столбов, поддерживающих крышу, и прямо на полу канава для сточных грунтовых вод. То, что называлось полом «шалмана», находилось на два метра ниже поверхности земли. Если вспомнить, что вечная мерзлота в этих краях оттаивает не глубже 40 сант., то будет легко понять, что земляные стены и полы « шалманов » должны были оттаивать за счеть тепла живущих в них людей. Каждый « шалман » имел в длину 50 метров, и при норме полметра нар на одного человека, вмещал 400 обитателей. И на все указанное число людей от ОГПУ полагалось всего только 5 железных печек. Население « шалмана » должно было само заботиться о топливе, водоснабжении, санитарии и о ныносе оттаявшей воды из сточной канавы « шалмана ». Керосин для освещения выдавался только во время зимней полярной ночи. В этих « шалманах » жили, болели и умирали сотни тысяч семей.

Первые партии « спец-переселенцев » стали прибывать в начале июня 1930 года, а уже через два месяца, в августе, на « 11-м километре » возникло специальное детское кладбище численностью в 3.500 могилок.

« Спец-переселенцы » официально не считались заключенными и поэтому русская коммунистическая государственная власть не счатала своим долгом заботиться об их одежде и питании. Ведь « спец-переселенцы » выполняли « нормальные » нормы выработки и за свою работу получали настоящие деньги, правда с вычетом стоимости жилищ и администрирования. Фактически положение заключенных СЛОНа в экономическом и правовом отношениях было лучше положения « спец-переселенцев ». Так, заключенные имели надземные сухие жилища, витаминную пищу, лагерную одежду, примитивную, но все же медицинскую помощь, но, главное, они имели все же какой-то определенный срок пребывания в заключении. Лагерные « деньги » скупались вольнонаемными рабочими и « спец-переселенцами », по цене 5 рублей « советскими » за 2 рубля « лагерных », т. к. в лагерных ларьках продавались продукты, ко-

торых на воле совсем не имелось: копчушки, толокно, конфекты, махорка и т. п. Так « организовывалась » жизнь и труд за Полярным кругом в СССР. Заключенные СЛОНа, страшных лагерей смерти, без шифровки именовавшимися, как Соловецкие или Северные лагеря Особого назначения, что называется « варились в собственном соку », основанием чего служит следующая схематика, представляющая иерархическую лестницу градации каторжного труда в « Соловках »в годы 1922-35: 1) заключенные или просто — « З/К ».

II) « Спец-переселенцы » или просто «КОНТРА».

III) Администрация рудника из числа досрочно освобожденных или просто « ПАРАЗИТЫ ».

IV) Горсточка вольнонаемных, которые либо в прошлом уже отбыли заключение, или ожидали заключения в будущем, называвшиеся просто « МУЖИКИ ».

Все вместе взятое определяло собой маленькую частицу колоссального современного рабовладельческого государства, в виде СССР — коммунистической России, до краев налитого рабством и заключением, прежде всего так называемых « националов », иначе именовавшихся « перерожденцами » или « буржуазными националистами », где доминировали численно казаки.

† **Н. Н. Пенинский**

(« Казачья Жизнь »)

С РУССКОЙ ПЕСНЕЙ ПО БЕЛУ СВЕТУ

(Все права сохранены за автором)

(Продолжение № 74)

Ехать было далековато. Из Берлина, Дрездена, Франкфурта, где главным образом жили семейные, через Мюнхен сначала надо было добраться до австрийской границы, потом пересечь с севера на юг почти всю Австрию. Ближайшая станция к Мильштадтскому озеру — Шпиталь, в четырех килом. Кто-то из ранее приехавших встретил нас на станции и через 10 минут мы были в Зеебодене. На обширной площади полого ската, сбегавшего к озеру, живописно разбросался небольшой поселок. Место действительно было чудесное. Разместились мы по соседним крестьянским фермам. Мы, например, два холостяка и одна семейная пара, заняли три комнаты в верхнем этаже дома, а две другие семейные пары поселились в отдельном флигеле той же усадьбы. Эту обширную усадьбу прорезывал горный ручеек, на котором перед домом имелась не то старенькая крупорушка, не то что то другое мельничного характера. В противуположность пологому спуску к озеру шел крутой подъем к лесу. По хорошо утоптанной тропинке я поднялся к великолепному сосновому бору, оглянулся назад и замер от восторга; открывавшийся внизу широкий вид был сказочно красив; далекое озеро, по которому неспеша плыл маленький белый пароходик, лежало подо мною, как на ладони, фермы-усадьбы Зеебодена казались совсем игрушечно-миниатюрными, а влево таким же игрушечным выглядел и городок Мильштат.

А воздух! Он был так чист и прозрачен, что можно было видеть вершины далеких гор. В лесу меня окружили огромные деревья, сквозь вершины которых кое-где светлыми мазками проглядывало голубое небо. От приведшей меня в лес тропы разбегались узенькие тропы, у начала которых на столбиках были прибиты указатели с названием местечек, куда они ведут, расстояние до них и что там можно получить: деревенский хлеб, ветчина, масло, яишница, молоко и кофе, одним словом все, что нужно утомленному прогулкой человеку. Местность уже не сулила крутых подъемов, а расстояние до этих местечек не превышало пяти километров. Насладившись прогулкой по лесу, спустился я к озеру. Вдоль его берега пролегало неширокое шоссе-улица с несколькими лавченками. У самой воды были положены низенькие деревянные настилы, на которых располагались купальщики, раздеваться и одеваться нужно было в своих квартирах. На берегу имелось кафе-поплавок, где можно было получить ко-

фе, чай с пирожными и даже спиртное. По вечерам в нем играла музыка и происходили танцы. Для невзыскательного человека Зеебоден, с его почти семейным укладом жизни, с его скромными развлечениями, с его роскошной природой, был истинным местом отдыха. Жители проявляли к хору полное радушие и жить было легко. Семейные хористы все питались дома, а к ним пристраивались и хористы холостяки.

Приближался Петров день. Среди нас было два Петра и один Павел, решившие отпраздновать день своего Ангела вместе, хоровые дамы взяли на себя труд приготовить закуски и всю снедь. Мы облюбовали одну усадьбу, где бежал также горный ручей, на зеленой лужайке расставили столы, скамьи, стулья. За богато убранные всевозможными явствами столы село более 20-ти человек. Погода выдалась не особенно жаркая, спешить было некуда, а горный ручей, которому было поручено охлаждение водки, исполнял свою обязанность так хорошо, что поднимаемые за именинников тосты проглатывались с большим удовольствием. Вкусно приготовленные закуски, в изобилии покрывавшие столы, в значительной степени содействовали тому, что общее настроение постепенно приподнималось, подтверждением чему служит неоспоримое вещественное доказательство: фотокарточка трех именников. Среди хористов был один полковник, которого по приятельски все мы звали по имени — Алешей. После закусок, несколько человек, под командой Алеши, отправились в дом усадьбы, оттуда через несколько минут появилась процессия: Алеша шел впереди с большим подносом, на котором красовался испеченый поросенок, по бокам — две фрейлины — хоровые дамы. Начиненный гречневой кашей, с коричневой хрустящей кожицей, поросенок вызвал новый прилив аппетита.

По окончании пиршества вынесли грамофон и начались танцы, на траве. Такие веселые и жизнерадостные празднества в жизни хора бывали очень редко, а потому особенно запомнились. На следующее утро Алеша пришел к нам, уселся у ручья в тени деревьев, с вынесенной ему четвертью водки и большой банкой соленых огурцов, без всякой спешки он опорожнял свою стопку, а если кто подходил, то подносил и гостю. Так уж под вечер, уничтожив все, Алеша солидно встал, поблагодарил хозяев и, как ни в чем ни бывало ,спокойно пошел домой. Был наш Алеша колоссально силен, высок ростом, статен и красив. Вскоре после нашего отъезда из Зеебодена, Алеша пересилился в Австралию, где нам пришлось снова встретиться в Сиднее в 1956 году. Теперь его голову украсила пышная седая шевелюра, а большие белые усы с небольшими подъусниками придавали его осанистой фигуре разительное сходство с гравюрными изображениями старых генералов времени Отечественной войны.

С. А. Жаров на празднике не присутствовал, но, приехав дня через два и узнав, как весело провели именины у ручья, решил отпраздновать и свои именины в такой же обстановке. Это, устроенное на бис, торжество состоялось через несколько дней, на том же месте и с теми же аксесуарами, включая и поросенка с гречневой кашей. Было также весело и непринужденно, а на танцах дурачились, пожалуй, даже и больше.

Кафе-поплавок было единственным местом для танцев, общих встреч и общих развлечений, как для нас, так и для местных жителей. Как-то собралось в нем много наших хористов со своим женами, много и других гостей. Пришел и регент со своей совсем молоденькой женой. Поплелся туда и я, никогда не танцевавший. Причина такого необычайного скопища вскоре была выяснена.

В этот вечер выбирали королеву Зеебодена. Мы — несколько хористов — сговорились выбрать жену нашего маэстро. Правило выборов было весьма оригинально: на покупаемых билетах, прибыль с которых шла на какую-то благотворительную цель, надо было вписать фамилию кандидатки и сдать билет в особую комиссию, ведающую подсчетом голосов. Поднятая нами ажитация невольно захватила и других хористов. Шилинги посыпались, избирательные билеты раскуплены и мадам Жарова была избрана королевой Зеебодена подавляющим большинством голосов.

Кроме описываемых мною празднеств, хору приходилось и много работать. Программа на будущий сезон была полностью обновлена и отделана с такой-же тщательностью. Первый (пробный) концерт был дан в Мильштадте и вскоре не без сожаления расставались мы с Зеебоденом, больно уж привольно там жилось. Лично мне через несколько лет вновь пришлось посетить эти края. В 1937 году, после перенесенной мною операции в Берлине, встал вопрос о месте отдыха; я без колебания избрал Мильштадт, где и поселился в вилле на самой окраине городка, пансион который держала русская дама.

Медленно полз в гору увозивший нас из Зеебадена поезд. Чем выше поднимались мы по откосу, тем обширнее становилась открывавшаяся перед глазами панорама. До самого горизонта все утопало в яркой зелени, а там

далеко-далеко виднелись верхушки снеговых гор. Наконец, подъем кончился, поезд нырнул в длинный, почти 11 килом. тунель, на противуположном конце которого расположен знаменитый лечебный курорт « Бад-Гастайн ». Два года спустя нам пришлось петь и в этом чудесном месте. Через Бад-Гастайн проносится шумный горный поток, ниспадающий каскадным водопадом в широкую долину, где утратив свой бурный характер, превращается в небольшую речку. Пройдя тунель, поезд теперь шел по уклону вправо и спустившись в долину, покатил по берегу этой речки. Широкая в начале долина, сплошь покрытая зеленью, изредка проблескивала опрятными фермерскими домиками, украшенными резными узорами, но постепенно съужаясь теряла свое зеленое убранство и вскоре поезд шел по глубокому каменистому ущелью. Вернулись мы в Германию через Зальцбург, где давали концерты по тем же городам, что и в прошлые годы. Исколесив Германию, заглянули в Чехию, посетили Австрию, пели в Швейцарии, и к рождественским праздникам оказались все в том же Дрездене.

Во время этого сезона хор получил предложение на короткое концертное турнэ по С.Ш.А. и Канаде, и большая часть сезона 29-30 г. уже проходила в подготовке хора к поездке за океан. Хор все время продолжал расти, как в богатстве своего репертуара и в музыкальном совершенствовании, так и в подборе голосов. Все отлично понимали, что вопрос шел о « завоевании » нового концертного рынка. Америка была избалована всеми видами музыкального и вокального искусства, и в том числе лучшими иностранными хорами. Ставшая перед нами задача была не из легких: « завоевание Америки ».

С целью улучшения голосового состава, хору в конце сезона пришлось расстаться с четырьмя старыми хористами и заменить их более сильными певцами. Тяжелее всех эту замену переживал сам регент, вынужденный расстаться со своими старыми друзьями, сроднившийся с ними за годы боевой страды, лагерных лишений и болгарской совместной работы. Тем из них, кто, по тем или иным причинам, не имел сбережений, хор оплатил переезд в Австралию, куда решили поплыть трое « стариков »...

А концертный сезон шел своим чередом; в январе было десятка полтора концертов по Германии, затем Австрия, Италия и юг Франции, ко времени карнавалов. В Австрии особенно запомнилась поездка в Инсбрук; стояли сильные холода и все было занесено снегом. Поезд шел вдоль реченки по извилистому каменистому ущелью, так феерически украшенному морозом и снегом, что взор не успевал перебрасываться от одного окна к другому, стремясь удержать эту дивную декорацию. Сам Инсбрук лежал у подножья очень высоких гор и, не такой уж маленький университетский город, казался небольшим, занесенным снегом « селом » с прижатыми к земле зданиями.

В Милане, в день концерта, в здании консерватории была спевка, когда мы проходили через двор, кто-то сообщил ужасную новость: в Париже похищен ген. Кутепов. Похищен самый ярый, самый активный противник коммунизма, один из самых ярких представителей Добровольчества. Чекисты знали, кого вырвать из рядов Белой эмиграции. Где надо было искать преступников, всем было ясно... кроме тех, кто производил следствие.

После концертов в Милане и в Генуе посетили мы Ривьеру, повсюду карнавалы, бои цветов... Монтэ-Карло, Ницца, Канны, а дальше Тулом, Марсель. Пели раза два в Париже, К концу сезона только и были разговоры о предстоящей поездке в Америку. На общем собрании хора было постановлено, для однообразия верхней одежды, всем приобрести черные папахи и темносиние пальто с поясами, или такого же цвета плащи. Плащи и папахи были куплены, а пальто ездили заказать в Прагу. Некоторые обзавелись новой концертной формой, вплоть до сапог. Одним словом, все стремились к тому, чтобы в этой поездке хор был подтянут во всех отношениях.

Так как предстоящая поездка могла потребовать много хлопот для получения американских виз, а кроме того предвиделся приезд Нью-Йоркской дирекции, с которой был подписан контракт, то хор решил на каникулы не удаляться от Берлина. Подходящее место было наЙдено в Чехии, сразу по переезде границы по линии Дрезден-Прага. Городок носил название Тамюл, а вся местность именовалась « Чешским Раем ». Местом купания служил огромный глубокий пруд, где водилась и хорошая рыба. Окрестности были действительно красивы; небольшие леса, по склонам невысоких гор, были полны грибов, а в более низких местах много ежевики. Я, как степной «бродяга», любил прогулки в любом новом направлении, в компании ходил по грибы, собирал ежевику, а случалось и забрести очень далеко. Однажды, гуляя в далекой балочке, поросшей низкорослыми деревьями и кустарником, отошел я далеко от дороги и, вдруг, из под ног что-то выскочило

и остановилось в ближайшем кустике. Присмотрелся: маленькая дикая козочка. Овладеть ею не стоило большого труда, у малютки оказалась сломанной передняя ножка, чуть выше колена. Ни крови, ни ранки, ни даже опухоли не было. Подержал я козленка на руках и выпустил, наверное где-либо поблизости была его мать. Пошел дальше, но увидев, что забрел слишком далеко, повернул назад той же балочкой, не желая выходить на открытое место, козочки на прежнем месте уже не было.

Сделав еще десятка два шагов, я почувствовал как будто внезапный ожог в нижней части ноги. От неожиданности прыгнул в сторону и огляделся. С того места, куда я ступил, быстро уползала небольшая медянка. Был я в трусиках и сандалиях на босу ногу. Сел на землю и осмотрел ногу, нога была в сплошных царапинах, но никаких признаков укуса я не нашел. Все же, зная, как ядовиты медянки, рысью выскочил из балки и побежал к дороге, добежал, уселся и вновь осмотрел ногу: боли не было, не было и опухоли. Успокоенный, побрел тихо домой.

Наш летний отдых в Тамюле был весьма относительным, т. к. хору приходилось работать над программой будущего сезона и над ударной программой, предназначенной для Америки, в которую вошли уже вещи из старых программ. Наш маэстро настолько отдался своему любимому делу, что едва ли находил свободные минуты для отдыха. Еще и еще раз я отдаю должное его трудолюбию, настойчивости и терпению. Талантливость Жарова сказывалась во все большем совершенствовании его детища-хора, поражавшего и музыкантов с большим мировым именем, и самых известных музыкальных критиков, слышанных Дон. каз. хор выше всех других, слышанных ими хоров. Перед самым концом наших летних репетиций пожаловал и господин Копикус, директор концертной фирмы, заключившей с хором контракт на семинедельное турнэ в С.Ш.А. Все было окончательно зафиксировано, назначен и день отъезда — в октябре месяце.

Наш первый пробный концерт начинающегося нового сезона пели мы в небольшом чешском городишке — Габленц — после которого посетили многие чешские курорты: Карлсбад, Мариенбад, Бад Теплин, Франценсбад и пр. Вспоминаю не без улыбки курорт Франценсбад, известный своей водой, излечивающей какие то женские болезни, мы со смехом пили и эту воду.

Из чешских курортов перекочевали мы на немецкие, где как и в прошле годы пели: в Висбадене, Баден-Бадене, Бад Наугаймэ, Бад Кисингене, Бад Пирменте, Бад Вильдунгене и других менее крупных.

В Висбадене посетил я очень красивую и благоустроенную церковь, расположенную на высокой горе, вне черты города, рядом с ней заросшее кладбище, где на крестах и нагробных плитах значатся имена наших отживших соотечественников. Среди известных имен бывших царедворцев мелькают и ничего не говорящие фамилии.

В Баден-Бадене не совсем приятное впечатление произвели на нас отели, некогда принимавшие русскую знать, а ныне полупустующие. Отель « Руссишер Гоф », где сохранившиеся еще старые служащие рассказывали, как роскошно жили их титулованные клиенты и как щедро вознаграждали прислугу.

Сентябрь пропели мы в Германии, а затем направились в Англию, где дали концерт в Лондоне, поспешили в Порт-Саутгемптен для посадки на пароход, идущий в Нью-Йорк, « Колумбус », на который мы должны грузиться. По тем временам, он был одним из самых больших и комфортабельных океанских пароходов, и весь зимний сезон курсировал преимущественно в южные экзотические страны.

В эту первую для меня дальнюю морскую поездку океан уже с самого начала был неспокоен и некоторые наши хористы, едва ступив на палубу и получив свои кабинки, сразу же улеглись на койках; их мутило от покачивания океанского гиганта, другие же, наоборот ,спешили, хотя бы бегло, осмотреть весь пароход. Все было ново, все интересно.

Восхищались роскошью больших зал, особенно в первом классе, и обилием прекрасных картин. Закончив погрузку багажа и пассажиров, « Колумбус » снялся с якоря и вышел в открытый океан. Нас начало качать из стороны в сторону, может быть не сильно, но весьма чувствительно. Палубы быстро пустели, их начали на всякий случай опутывать канатами. Воздух уже был неприятный в кабинках, где вентиляция не успевала очищать и освежать воздух. Спалось плохо, всю ночь то скрипело и силилось переворачивать с бока на бок. Поспать удавалось урывками. На утреннем завтраке народа было мало. По океану катились огромные волные с взбитыми гребнями белой пены. Некоторые двери на палубы были закрыты, а палуба оплеталась канатами все более, появились они и во внутренних больших помещениях. Вскоре, только держась за них, можно было пройти по пароходу или постоять у борта. Начался большой шторм.

И все же хор умудрялся делать репетиции, конечно не полным составом. Вечером было общепринятое на пароходах « Добро пожаловать », когда пассажиры знакомятся друг с другом. В программу этого празднества входят изысканный ужин и бал. Дамы должны являться в вечерних туалетах, а мужчины в смокингах. Увы, и ужин и бал вышли весьма тощими, большинство пассажиров отлеживались в своих кабинах.

Шторм свирепствовал. Время от времени весь пароход словно схватывали судороги, от которых он стонал, скрипел и содрогался. Огромные волны задирали вверх корму парохода, оголяя его винты, продолжавшие работать в воздухе.

Казалось, Колумбус переломится пополам. Количество страдающих морской болезнью пассажиров значительно увеличилось. Не могу точно сказать, сколько дней прошло в этом памятном путешествии, но все же мы приближались к Нью-йорку. Волны попрежнему штурмовали пароход. Ночью мутило и не спалось, а днем часто приходилось валяться на койке с куском лимона во рту, это как будто помогало, но немного. Из спертого воздуха кабины тянуло на свежий воздух, на палубу, а с палубы гнали брызги, а иногда и потоки воды от захлестывавших волн.

Конечно, на океанах бывают и более сильные бури, но с нас было и того, что мы пережили, вполне достаточно. Впрочем, не обошлось и без комического инцидента. В составе хора был очень хороший тенор, только что получивший свой докторский диплом в Праге, поступил он к нам только в этот концертный сезон. В то время, как многие страдали морской болезнью, он бодро бродил по пароходу и не скупился давать советы, как избавиться от морской болезни. На третий день бушевавшего шторма стояли мы на нижней палубе и наблюдали, как под нами то вдруг образовывалась глубокая пропасть, то поднималась громадная волна, грозящая захлестнуть все палубы. Над нами, на более высокой палубе, стоял наш сладкопевец-доктор. Неожиданно оттуда раздался его предупреждающий вопль: « Мишка, тикай! » — и вслед затем на нашей палубе появилось неоспоримое доказательство « неузъявимости » доктора. Пробыл наш тенор-доктор всего один сезон 30-31 г., и, умудрившись скопить достаточную для приобретения докторского кабинета сумму, он оставил хор и занялся врачебной практикой.

За время переезда кормили нас хорошо и чуть ли не шесть раз в день: в 7-8 утра завтрак, в 10 — бульон, в 12-1 час обед, в 4 ч. — чай или кофе с пирожными или печением, в 7-8 — ужин, в 10 — сосиски с сандвичами. Были мы на приеме у капитана парохода и вскоре стало известно, что мы дадим концерт, приуроченный к прощальному вечеру, с тем же парадным ужином и неизбежным балом.

На этих прощальных вечерах, даваемых по традиции в пользу сирот погибших моряков, дамы и барышни производили доброхотные сборы. Ко дню концерта шторм уже значительно спал, но все же петь нам пришлось в « уплотненном положении », поддерживая друг друга. Хуже было танцорам, которых толкало то в одну, то в другую сторону. Концерт прошел хорошо, а собранные суммы превысили много сот долларов.

На следующий день шторм окончательно стих. Мы приближались к Нью-йорку. Показались берега и все повыползли на палубу, даже и те, кто всю дорогу пролежал на койке. Города все еще не было видно. С подошедшего катера взяли на пароход лоцмана, который и повел его к пристани.

Вскоре на Колумбус поднялась большая группа иммиграционных чиновников, а с ними представитель концертной дирекции, в сопровождении фотографа, сделавшего с хора несколько снимков. Замедленным ходом вошли мы в устье Гудзона, вдали завиднелись громады небоскребов. Прошли статую « Свободы » и « Остров слез ». Наше внимание сосредоточилось на береге справа от нас, на котором расположена нижняя часть Нью-Йорка, где сосредоточена вся деловая и финансовая жизнь города. Еще более замедленным ходом прошли центральную часть города и вскоре пароходные машины остановились. Колумбус перешел в ведение полудесятка мощных катеров, одни из них тащили пароход вправо, другие силились тупыносами, оснащенными веревочными войлоками, занести корму парохода так, чтобы он стал перпендикулярно Гудзону и смог причалить к своей пристани. Причал океанских гигантов дело медленное и нудное.

Иммиграционные чиновники, с момента их появления на Колумбусе, занялись проверкой документов всех пассажиров. Проверенным вручалась особая карточка-пропуск с парохода на пристань. При большом количестве пассажиров, эта процедура шла медленно.

В первую очередь проверялись американские граждане, с которыми возни было гораздо меньше, а затем подвергались проверке люди, въезжавшие по квоте, или по временной визе ,как мы.

Как только Колумбус пришвартовался, к берегу подкатили трапы, их закрепили и име-

ющие пропуска начали сходить на пристань. Одновременно большими конвейерами стали сгружать багаж, а носильщики вагонетками развозили его по классам и по буквам, наклеенным на чемоданах и ящиках. Случались и неувязки, когда ваш багаж, хотя и попал в вашу букву, но в другой класс. Пристань длиннющая, бегай-ищщи. По сборе всего багажа воедино приглашается таможенник, который достанет ваш багажный лист и осмотрит все ваши вещи.

По окончании этой сложной операции, мы оказались в городе, разместили нас в одном из отелей, в самом центре, поблизости от Таймс Сквера, « Карнеги Хол », где нам предстояло дать концерт, и оперы Метрополитэн. Немало русского люда явилось нас приветствовать и среди них были и такие, которые имели в хоре знакомых. Наше прибытие в Нью-Йорк пришлось на субботу и большая группа хористов пожелала посетить воскресную службу в русской церкви. Утром явившийся за нами провожатый отвез нас подземкой до храма Христа Спасителя, на углу Мадиссон авеню и 121-й улицы. Литургию служил от. Василий Курдюмов искренно и проникновенно, но как то непривычно было слышать священника прекрасного баса. Хор пел хорошо. Базируясь на том, что мы быстро доехали до церкви, я и еще двое хористов решили вернуться пешком. Нам казалось, что это совсем близко. Объяснили нам дорогу, сказав, что надо идти по 5-му авеню до нашей улицы и повернуть по ней направо. Начали мы обратный путь очень бодро, а подошли к отелю еле волоча ноги. Правда, мы убедились, что Нью-Йорк самый легкий город для ориентировки, в длинну города шли Авеню, почти все под номерами ,а пересекали их улицы, тоже почти все номерные.

Свои спевки мы производили или в отеле или в Карнеги Хол, но одна из них была усроена в Стайнвей Хол, специально для С. В. Рахманинова, закончившаяся, как и всегда, любимым его песнопением: « Господи, сохрани ».

Доброволец Иванов

(Продолжение следует)

ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА МИЛЛЕРА

15-го февр. в Мюнхене, после продолжительной и тяжкой болезни скончался профессор Михаил Александрович Миллер, казак станицы Старочеркасской В. В. Д.

Род донских казаков Миллеров ведет свое начало со времен Елизаветы Петровны. Ее лейб-медик из немцев, Абрам Егорович Миллер, участвовал вместе с Шетарди и Лестоком в перевороте 1741 г., возведшем Елизавету на престол. Но вскоре царица, желавшая прекратить влияние иностранцев при дворе, большинство из них разослало по всей Руси. А. Е. Миллер был назначен Донским Войсковым Лекарем. Приехав в Черкасск в 1742 г., он принял православие, стал казаком Средней станицы Черкасска и вскоре женился на близкой родственнице Донского Войскового Атамана Степана Даниловича Ефремова. Отсюда и пошли донские казаки Миллеры, верно и долго служившие России и Дону. Их сын Иван Абрамович был донским полковником, так же, как и внук Федор Иванович, который в чине войскового старшины командовал донским полком в отряде Платова в 1790 г. и при взятии Измаила получил георгиевский крест. Отец профессора Мих. Ал. служил в одном и гвардейских донских полков. Помимо военной службы, род Миллеров дал немало ученых, инженеров, строителей и не без оснований одна из больших ЖД станций на Дону называется Миллерово.

Проф. М. А. Миллер родился в 1883 г., в Донской Области. В 1903 г. окончил Таганрогскую гимназию, в 1908 г. — историко-филологический факультет Московского Университета, в 1911 г. — юридический факультет Харьковского Университета.

С ранних лет М. А. Интересовался археологией и древней историей. Первую научно-исследовательскую работу в области археологии он выполнил в 1907-08 гг., будучи еще студентом, по поручению Русского Археологического Общества в Москве и Русского Отдела Музея имени Александра III в Петербурге.

С того времени М. А. опубликовал свыше 120 крупных научных работ на русском, немецком, английском и украинском языках, давших ему мировую известность.

При окончании гражданской войны на юге России М. А., бывший тогда мировым судьей в Таганрогском округе, не смог эвакуироваться заграницу. Перейдя на педагогическую деятельность, он получил возможность посвятить себя любимой науке — археологии и древней истории.

В 1926-29 гг. он произвел многочисленные раскопки по северному побережью Азовского моря, открыв ряд неизвестных до того археологических памятников, в 1929-32 гг. он руководил Днепропетровской археологической экспедицией. С 1934 г. он профессор истории древнего мира и археологии Ростовского пединститута и университета. Одновременно он руководит археологическими экспедициями Государственной Академии Материальной Культуры (ГАИМК) в районе Волго-Дона (1934), Моздока (1935) и по нижнему Дону (1937-1939). Результатом этих исследований были многочисленные археологические открытия и научные работы, далеко не все опубликованные при советском режиме.

После 2-ой Мировой войны М. А. удалось выбраться заграницу. В Мюнхене он был одним из основоположников и основателей Мюнхенского Института по изучению СССР, занимаясь там не только научно- административной деятельностью, но и опубликовывая целый ряд научных работ. В то же время он профессор древней истории на матуранских курсах в Гетингенне и в Украинском свободном университете и член Украинской свободной Академии Наук. Научные труды М. А. имели мировую известность. Много из его работ посвящены родному ему казачеству. Их перечисление заняло бы много страниц. Укажем лишь на некоторые из них: « Материальная культура донских казаков », « Некоторые курганные погребения Таганрогского округа », « Обследование памятников материальной культуры сев. побережья Азовского моря », « Археологические разведки памятников в ст. Н. Гниловской », « Славянский город Белая Вежа над Доном », « Танаис », « Третий центр Руси — Тания в свете археологических памятников », « Место битвы князя Игоря с половцами, на основании археологических данных », « Доклассовый период в истории Дона », « Основные моменты в истории донского казачества », « Партизанские методы ведения войны у дон. казаков в 1812 г. », « Первобытный период в истории Дона », « Отчет о работах арх. экспедиции в Моздоке в 1935 г. », « Дон и Приазовье в древности » (в 3-ех томах), « Первобытный период в истории нижнего Днепра », « Археология в СССР » итд.

С его кончиной мы потеряли не только крупного русского ученаго, большого казачьего патриота, но и хорошего человека в лучшем смысле этого слова. Все, кому приходилось встречаться с М. А., сохранят о нем наилучшую память.

Да будет ему пухом чужая земля...

Б. Богаевский

УШЕДШИЕ

† 19 ноября 1967 г. в Брисбане (Австралия) скончался сот. Иркутского Каз. Войска Г. С. Челпанов.

† В августе 1967 г .в Буенос-Айресе скончался полк. В. В. Шапкин В. В. Д.

† 28 дек. 1967 г. в Везине-Шалет (Франция) умер А. К. Батицкий ст. Старотитаровской К. В.

† 17 декаб. 1967 г. в Париже в доме для престарелых скончался ес. Г. И. Дронов, ст. Усть Лабинской К. В.

† В начале декабря в доме для престарлых в Розей ан-Бри (Франция) скончался ес. А. Я. Герасименко, Куб., В. 82 л.

† 1 окт. 1967 г. в Лос-Анжелос (США) скончался хор. Г. Ф. Сергеев ст. Каменобродской Куб. В.

† 10 ноября 1967 г. в с. Диманти (Аргентина) умер В. И. Криворучко, ст. Ново-Ладожской Куб. В.

† 5 окт. 1967 г. в Куритибе (Бразилия) скончался ген. С. С. Савицкий 75 лет, ст. Старокорсунской Куб. В.

† В конце дек. 1967 г. в Ричмонде скончался подхор. Топорков В.В.Д., там же 22 янв. с. г. умер В. Журавлев ст. Мечетинской В.В.Д.

† 19 ноября 1967 г. в Фармингдайле, после продолжительной и тяжкой болезни, скончался К. И. Пудовкин 69 лет, ст. Березовской В. В.Д. Попав из Югославии в США, покойный

принимал самое деятельное участие в ряде общественных и благотварительных организаций. Особенно он много потрудился в Комитете Помощи казакам Ди-Пи в США, где был вице-преседателем. К. И. отличался исключительной скромностью, но был удивительно чуток и отзывчив к каждому, кто нуждался в моральной или материяльной поддержке.

† 22 дек. 1967 г. в доме для престарелых в Шелль (Франция) скончался старейший русский генерал, ген. лейт. П. К. Писарев, 93 лет, ст. Иловлинской В. В. Д. Некролог будет в следующем № « Род. Края ».

† 16 янв. в русском доме для престарелых инвалидов в Монтморенсу (Франция) после долгой и продолжительной болезни скончался полк. П. И. Джалюк Куб. Войска, о чем с прискорбием сообщает Кубанской Объединение и Каз. Союз.

† В дек. 1967 г. в США скончался пулеметчик Калмыцкого полка Б. Лалыков, Платовской ст. В. В. Д.

†В боях в Вьетнаме убит сержант и кавалер американской медали за храбрость Б. В. Хулхачинов, Ново-Алексеевской ст. В. В. Д. пошедший добровольцем, служивший в частях парашутистов. Калмыцкая колония США горячо оплакивала гибель способного юноши, потерявшего жизнь в защите Вьетнамского народа от коммунистического ига и продолжившего ту борьбу с большевиками, что вели его отцы на родной земле.

† 2. дек. 1967 г. в Новой Зеландии скончался П. П. Юриков, 62 лет, ст. Ищерской Терск. Войска, атаман местной каз. станицы.

† 1 дек. 1967 г. в Австрии скончался полк. Н. Н. Тропин, 83 лет, ст. Константиновской В. В. Д.

† 10 февр. в Париже умер С. М. Евтушенко Куб. В.

† Из Германии Виктор Фатьянов, казак Куб. Каз. В., сообщает о смерти своего деда Григория, последовавшей 6 февр.

† В сент. 1967 г. в Люцерно Джиовани (Италия) скончался войск. страш. А. Д. Краснюк, 75 лет. ст. Кореновской Куб. В.

† 1 окт. 1967 г. в Филадельфии (США) умер подхор. Н. И. Широв, 75 лет, стан. Упорной Куб. В.

† 7 ноября 1967 г. в Ричмонде (США) умер В. Г. Васильченко, 75 лет, стан. Новорождественской Куб. В.

† 22 ноября 1967 г. в Сан-Франциско (США) умер гвардии есаул А. А. Грамоткин, ст. Дядьковской Куб. В.

† **Памяти полковника Петра Даниловича Калиманова, Чернышовской станицы В. В. Д.** — П. Д. Калиманов родился в 1894 г. После окончания Н. Чирского Реального Училища и Новочеркасского Каз. Военного Училища, в 1915 г. вышел в 4-ой Дон. Каз. полк, с которым вплоть до революции пробыл на фронте.

Незадолго до февральской революции сот. Калиманов, командуя одной из сотен 4-го Дон. каз. полка, прибыл в Петроград, где принимал активное участие в подавлении полком антиправительственных демонстраций и выступлений. В дни « великого октября » П. Д. со своей сотней находился в Зимнем Дворце, защищая Временное правительство. Они ушли оттуда только тогда, когда Вр. П-во, не давая никаких распоряжений для борьбы с осаждавшими дворец большевиками, разрешило казакам уйти.

Позже, в Ноночеркасске, когда полк. Чернецов в офицерском собрании обратился к дон. офицерам стать на Защиту Дона, П. Д. одним из первых записался в числе 48 человек в отряд для охраны Атамана Каледина. Атаман отказался от этой охраны и приказал этой группе ехать на фронт. Начальником ее он назначил ес. Лазарева, а помошником П. Д. Калиманова, хотя в группе были офицеры старше его в чинах. Он же фактически и командовал этой группой.

После гибели полк. Чернецова эта группа становится « прикрытием » батареи кап. Шмелинга, с которой уходит за ст. Глубокую. После оставления стан. Каменской батарея с « прикрытием » отходят к стан. Зверево. П. Д. с 3-4 партизанами, хорошими пулеметчиками, ночью, в течении почти 2-ух часов, огнем своих « Максимов » сдерживает несколько сот латышей, пытавшихся захватить батарею, благодаря чему батарея, сгрузившись с ЖД платформ, уходит походным порядком в Новочеркасск, через стан. Мелиховскую.

После смерти Атамана Каледина — П. Д. Калиманов — помощник ес. Р. Лазарева, командира сотни партизан-чернецовцев, защищающих подступы к Ростову в феврале 1918 г. у с. Олимпиадовка, Эпизод, характеризующий П. Д.: командуя тогда фактически сотней партизан и будучи хорошим стрелком, в то время, как партизаны залегли под сильным огнем красных, П. Д. Калиманов, став во весь рост, ведет поединок своим японским карабином с командиром черноморских матросов, котрого после двух или трех выстрелов он уложил на месте. П. Д. был на редкость храбрым и хладнокровным офицером, в то же время всегда полным инициативы. Все его боевые подвиги трудно описать в краткой заметке. Хорошо понимая душу и психологию

казака, он считал, что казачий « нейтралитет » в то время был временным явлением. После сосредоточения Добр. Армии в Ольгинской ст., П. Д. покидает чернецовцев, уходящих на Кубань, с целью организовать сопротивление сов. власти среди казаков своего 2-го Дон. округа. Добравшись до своей станицы, он скрывается на хуторах в районе ст. Обливы, где вместе с полк. Стефановым ко 2-ой половине марта 1918 г. подготовил восстание казаков Обливско-Морозовского района. В первые дни восстания полк. Стефанов был убит, и П. Д., бывший его главным помощником, принимает командование над каз. дружинами. С прибытием в Н. Чирскую полк. Мамантова П. Д. утверждается им в должности командующего Обливско-Морозовскими дружинами. Скоро он был тяжело ранен, что надолго вывело его из строя.

По выздоровлении он занимает в Донской Армии различные командные должности. К концу 1919 г. П. Д. — полковник и старший помощник командира 16-го имени Атамана Каледина полка. В начале 1920 г., из за болезни к-ра полка, П. Д. командует Калединским полком и почти полностью сохраняет его до переброски в Крым с Черноморскаго побережья. В Крыму он служит в Донском корпусе.

В эмиграции П. Д., приехав в Париж ,одним из первых садится на облучок такси. Одно время он состоит членом правления Каз. Союза. Потом отходит от активной каз. общественной работы, но навсегда остается большим жертвователем на нужды донцов, попавших в беду. Выписывая почти всю зарубежную каз. литературу, П. Д. мечтал с выходом на пенсию написать свои воспоминания о борьбе дон. казаков с большевизмом за свободу Дона, а сказать ему было что. Однако скоропостижная смерть не позволила ему выполнить это намерение.

Мир его праху, хорошему и крепкому донскому казаку. Да будет легка ему гостеприимная, но чуждая ему земля Франции.

А. Падалкин

† 19 февр. в Инвалидном Доме в Монтморанси (Франция) скончался подъес. Терского Каз. Войска Н. А. Зимин.

† 24 янв. в госпитале Св. Винценция в Лос Анжелос (США) скончался А. С. Любибогов, 78 лет, ст-цы Усть-Медведицкой В. В. Д.

† 12 февр. в Лос Анжелос (США) скончался ветеринарный врач В. И. Ефремов, 85 лет, ст. Константиновской В. В. Д.

ИЗ КАЗАЧЬЕЙ ЖИЗНИ ЗАРУБЕЖНОМ И ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ « РОД. КРАЯ »

● Полк. Н. И. Зимин указывает на некоторые опечатки, вкравшиеся в статью « Памяти ген. А. К. Негоднова » (« Род. Край » № 73) и сообщает некоторые дополнительные сведения:

« Армейский корпус был 14-ый, а не 16-ый.

« Две сотни 1-го Волгского полка участвовали в атаке под командой есаула А. К. Негоднова, командовавшего дивизионом. 2-ой сотней командовал подъес. Сериков, а младшим офицером в сотне был хор. Б. Вдовенко, 6-ой сотней в атаке командовал хор. Кулеш, так как командир сотни ес. Горячев был в отпуску. За эту атаку получили орден Св. Георгия 4-ой степени ес. Негоднов, подъес. Сериков и хор. Кулеш. Хор. Вдовенко получил орден Св. Владимира 4-ой степени. Все казаки обеих сотен получили георгиевские кресты и медали. Во время атаки были убиты хор. Кулеш, 8 казаков, ранены хор. Вдовенко и 12 казаков. Лошадей было убито 9, ранено 12. Эти сведения взяты из статьи ген. П. Н. Краснова из журнала « Россия » № 11 — 1931 г. ».

● К. Пономарев, Букановской станицы В. В. Д., пишет относительно письма стан. Е. Евлампиева (« Род. Край » № 73, стр. 6): « У нас в станице Букановской священником Покровской церкви был отец Иоанн Попов, не имевший дочерей. При церкви был псаломщик Угомославский, к о т о р ы й действительно имел красивую дочь, ныне вышедшую замуж и проживающую совместно с отцом в станице Вешенской ».

● От А. Е. Алимова — « Вышел из печати сборник « Краткие мысли на предмет выручки матери казаков — земли Донской ». Цена для Франции 10 фр., для других стран — 2 долл. Выписывать у издателя:

A. E. Alimoff 60 — Villers St. Sépulcre France
C.C.P. 7933-43

● Полковник Дон. Артиллерии М. Бугураев пишет о « Казачьем Словаре-Справочнике »:

« Вышел 1-ый том, в двух книгах этого Словаря-справочника. Его издатели поставили себе целью расширить возможность казачьего самообразования, не дать новым поколениям забыть главные этапы нашей трагической истории, сохранить в их памяти не только воинов казаков, но и многих тружеников пера, науки и искусства, не дать уйти в туман забвенья имена борцов за казачью идею, за казачью землю...

В этом справочнике каждый казак, интересующийся прошлым Казачьих Войск, найдет много ценного исторического материала, собрать который нужно много времени и много сил. А главное надо иметь большую любовь к этому делу, любовь к казачьей истории, к нашему славному, но столь трагическому прошлому. Издатели словаря работали над его составлением, совершенно безвозмездно, более десяти лет. Издать книгу в наших эмигрантских условиях труд очень большой, а не имея денег — почти непосильный.

Казачий словарь-справочник, несмотря на то, что он не охватывает полностью всю историю всех Каз. Войск — книга очень ценная. Тираж ее ограничен, потому советую ее приобрести.

А вам, дорогие казаки издатели Г. В. Губарев и А. И. Скрылов, разрешите мне сказать: большое, большое казачье спасибо... »

Редакция « Казачьего Словаря-Справичника » сообщает, что 1-ый том был выписан многими иностранными библиотеками, городскими и университетскими: в США — 33, в Канаде — 8, в Англии — 16, в Ирландии — 2, в Шотландии — 3, во Франции — 5, в Германи — 2, в Австралии — 1, в Израеле — 1.

● Письмо от вдовы полк. П. Н. Кудинова, полученное председателем Каз. Союза во Франции:

« Дорогие братья, — Не знаю ваших имен, отчества и фамилии, но я должна вас всех безсчетно благодарить за вашу отзывчивость, за сердечную помощь, оказанную вами для погребения Павла Назарьевича Кудинова. Ваши имена будут записаны у нашего Творца — Отца Небесного. Нет большей награды за помощь своему брату.

Благодарю В. М. Кузнецова, как организатора жертвенности. Мне, супруге П. Н. Кудинова, прислано 555 фр. — С искренним уважением и самыми наилучшими пожеланиями жертвователям — П. И. Кудинова.

Правление Каз. Союза сообщает, что после этого перевода поступило еще дополнительно: К. Губин — 50 фр., М. Т. Чернявский — 50 фр., А. Стромберг — 10 фр., А. Казьмина — 5 фр., « тетя Женя » — 30 фр., В. В. Шляхтин — 10 фр., доктор Д. Дмитров (из Марокко) — 100 фр., Я. Голенов — 10 фр., Г. И. Звонарев — 10 фр., и выражает всем жертвователям глубокую благодарность за их отзывчивость

Читателям « Род. Края », вероятно, будет интересно ознакомиться с выдержками из письма доктора Дмитрова, из Марокко:

« Уважаемый г-н Богаевский. Не имея чести Вас знать, я позволил себе написать Вам несколько слов, прочтя в « Русской Мысли » ваше сообщение о смерти полк. Кудинова.

« ...Я болгарин и в свое время хорошо знал П. Н. Кудинова, работая в Михайлограде, в Болгарии, где жил и П. Н. со своей женой, на окраине города, в большой бедности. Это был человек замечательный, честный, прямой, безкорыстный и безстрашный. Не боялся ни властей, ни милиции и всегда говорил правду, что явление совершенно исключительное в современной коммунистической Болгарии... Я очень любил с ним встречаться и слушать его рассказы о его Родине, о Доне, о всех мытарствах и приключениях, которое ему пришлось пережить... И будучи потом тоже эмигрантом, я часто вспоминал про Кудинова... Не имея никакой возможности сделать что либо в его память или для его семьи, прошу Вас, уважаемый господин Богаевский, принять ничтожную сумму в 100 фр., и употребить ее, как Вам будет угодно — на пользу семьи или на поддержание могилы покойного полк. Кудинова... »

● А. Н. Туроверов пишет о недавно вышедшей книге « 50 лет верности России » (1917-1967).

« Марковцы-артиллеристы к 50-тилетию начала наших походов издали эту очень интересную книгу. Несмотря на то, что она напечатана на ротаторе, издана она очень тщательно и читать ее очень легко.

В ней мы находим рассказы участников событий тех лет, « страшных лет России и казачества ». Героических, трагических... Рассказы юношей юнкеров артиллеристов (« михайлонов » и « константиновцев ») не только воскрешают те необыкновенные годы в памяти, но заставляют почувствовать все то, что переживали тогда в незабываемые дни Атамана А. М. Каледина люди, не потерявшие чести и достоинства, когда на « взволновавшемся » Дону начался « детский » крестовый поход.

Об этом уже писалось неоднократно. Но вот эти очень спокойные рассказы юношей, прибывших в Новочеркасск, снова взволно-

вали своей сдержанностью и скромностью повествований... Когда говорят о « традициях родов оружия » и спорят о каких то деталях, мне всегда вспоминаются наши артиллеристы, у которых традиция была скромность и долг. От толстовского Тушина?

Нет, значительно раньше...

Эта героическая скромность присуща и названной книге. Прочтя ее, вы ее закрываете с тихой грустью и радостью сознания, что тогда не все еще было потеряно и что то очень ценное осталось и остается с нами... Было что-то очень и светлое и сверх героическое.

Занятие восставшего Ростова, рейд на 5-ти подводах 7 юнкеров артиллеристов с 18-тью юнкерами Новочеркасского Военного Училища и взятие в селе Лежанке Ставропольской губернии батареи... Об этом « рейде » мало знают, но он замечателен своей дерзостью и результатами. Из участников его уже почти никого нет в живых *).

Очень подробно описан Чернецовский поход и гибель полк. Чернецова под Глубокой. Тогда в отряде погибло 19 юнкеров артиллеристов ,большинство из них (16) были зарублены « голубовскими » казаками 27-го полка...

Эти потери Марковцы никогда не забудут и в дальнейших воспоминаниях о 1-ом, 2-ом Кубанских и других походах есть иногда « выпады » против членов Кубанской Рады и отдельных известных казаков, давно уже мертвых...

Зачем вспоминать это через 50 лет?

Обыкновенно человеческой душе дано одно из главных « Божеских » начал: забывать в прошлом все нехорошее и помнить только хорошее. Но, оказывается, это не закон, а только наше христианское понимание прошлого.

Несмотря на эти незначительные « этические » недочеты, книгу эту мы очень советуем прочесть всем казакам.

Книга очень честная, со многими подробностями боев, со схемами и многими редкими фотографиями.

Она больше всего порадовала нас твердой и вечной любовью к Родине. Для будущего историка « Белой борьбы », она — ценное пособие.

Спасибо Марковцам, что они нашли средства издать ее и именно теперь к 50-тилетию наших первых походов ».

● В газете « Россия » от 10 янв. 1968 г., выходящей в Нью-Йорке, было напечатано сообщение о постановлении « Донского Войскового Совета » от 11/12/1967 о присуждении ген. И. А. Полякову звания почетного казака Всевеликого Войска Донского, на основании следующего: « Из разных мест нашего рассеяния, от хуторов и станиц организованного казачества, в Дон. В. Совет поступают протокольные постановления о награждением Вас званием почетного Казака В. В. Д. ».

И горько, и смешно было читать эту заметку. Смешно потому, что каждому казаку, сохранившему здравый смысл, ясно, что В. В.Д. заграницей нет, а есть донские казаки заграницей. Это ясно каждому, кто имеет мужество прямо и смело смотреть в глаза действительности. В свое время у нас на Дону бывали почетные казаки станиц, но почетных казаков всего Всевеликого Войска Донского история не помнит. Был такой вопрос поднят в Новочеркасске, на Войсковом Круге, в 1917 г. М. П. Богаевским о присуждении этого высокого звания ген. Каледину, но и он не имел последствий. Значит, так называемый кучкой поляковцев « Дон. В. Совет » считает себя более компетентным в этом вопросе, чем Войсковой Круг? И ген. И. А. Поляков заслуживает большего уважения со строны донцов, чем ген. Каледин? Вряд ли это так...

Невольно возникает вопрос: чем руководствовался Дон. В. Совет, вынося такое постановление? Какие мотивы побудили его на это? Абсолютное непонимание существующей обстановки или, наоборот, желание внести как можно больше раздала в казачью среду?

Неоднократно мы старались понять выражение « организованное казачество ». Судя по заметкам, появляющимся в прессе, под этим обозначением нужно понимать тех казаков каз. организаций (если они существуют), которые признают своими руководителями ген. Полякова и проф. Федорова. Ну, а другие казачьи организации (Казачий Союз во Франции, Каз. Союз в Германии, Обще-Каз. станица в Нью-Йорке, Пратовская, Красновская станицы в США, Союз Донских казаков, Донское Войсковое Объезинение, донские организации в Австрии и тд. итд.) не являются « организованными » казаками?

Мы закончим эту заметку сообщением, начетанным в бюллетене « Корпусник » № 65, выходящем в Нью-Йорке, в котором кн. Белосельский, отвечая на выпады по его адресу, напечатанные в газете « Россия », пишет: — « Не вдаваясь в содержание этих выпадов, считаю нужным разъяснить Русскому Зарубежью, что основной причиной этих враждебных выступлений против меня редактора га-

*) От радекции — Участником этого рейда был и еще здравствующий наш казачий поэт и доголетний председатель Каз. Союза Н. Н. Туроверов.

зеты « Россия » Г. Б. Александровского приходится считать мой отказ оказывать ему денежную помощь, что произошло потому, что я не доверяю политической устойчивости г. Александровского ». Быть может, из этого вытекает решение газеты « Россия » напечатать сообщение Дон. В. Совета о присуждении звания почетного казака В. В. Д. ген. Полякову? И принятие им такого решения?

● От редакции « Казачьего Словаря Справочника ».

Вышел в печати 2-ой том. Всем подписчикам ,уплатившим 10 долл., 2-ой том будет выслан без промедления, по мере его получения из типографии в течении марта 1968 г.

Подписчиков, уплативших до сих пор 5 долл., просят прислать стоимость 2-го тома, чтобы получить его без задержки.

Получивших 1-ую часть 1-го тома и не приславших еще его стоимости, в случае их желания иметь оба тома — просьба прислать 5 долл., чтобы получить 2-ую часть 1-го тома, или прислать 10 долл, дабы получить недостающие части двух томов. Не желающих иметь « Словарь » вообще — просьба редакции вернуть ей полученные ими 1-ую часть 1-го тома. Так как имеются желающие на недостающие редакции экземпляры первых выпусков и нужны средства для оплаты издания 3-го и последнего тома Словаря.

Заказ и деньги присылать по адресу редактора-издателя:

The Cossacq Dictionary. A. Scrilov Editor
15 Bungalow ave. San Anselmo CA. 94960 USA

● 20-го и 23-го февраля в Париже состоялись два концерта Донского хора С. А. Жарова, как всегда прошедшие с большим успехом. Во Францию хор приехал после турнэ по странам Европы, а из Парижа уехал в турнэ по Франции.

ДЕНЕЖНЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ В РЕДАКЦИЮ « РОД. КРАЯ »

(С 1 декабря 1967 г. по 1 марта 1968 г.)

В Фонд Издательства: И. Я. Крюков — 50 фр., Н. Н. Евсеев — 10 фр., Д. И. Свинарев — 258,20, Алексеев (Марсель) 26 фр., В. Л. — 5 герм. мар., Б. Седов — 6 долл., С. И. Донсков — 10 долл., П. И. Алексеев (США) — 10 долл., из копилки Н. Н. Туроверовой — 64,50 фр., А. Арестов — 6 фр., А. Г. Филин — 5 долл., Т. Г. Поляков — 75 фр., Кравцов — 69 фр., д-р Ряхин — 20 долл., Парамонов — 6 фр., С. Ш. Балданов — 10 фр., М. В. Васильев — 12 фр., С. А. Пахомов — 25 долл., С. Артемов — 30 фр., С. В. Чернов — 10 долл.

Для передачи **Дамскому Комитету Каз. Союза:** А. А. Леонов — 50 фр., г-жа Сергеева — 50 фр., Б. Седов — 2 долл., В. М. Петрусь — 4 долл., П. А. Алексеев — 5 долл., С. Ш. Балданов — 10 фр.

Для передачи **Отделу партизан-чернецовцев:** В. М. Петрусь — 5 долл.

На издание книги « Генерал Каледин — герой Луцкого прорыва и Донской Атаман »: И. П. Осетров — 28 фр., Б. Седов (2-ой взн.) 6 долл., В. М. Петрусь (3-ий взн.) — 5 долл., Ф. М. Миронов (3-ий взн.) — 10 фр., П. И. Алексеев — (4-ый взн.) — 5 долл., И. В. Ковалев (3-ий взн.) — 16 фр., Г. П. Рыжиков (Бразилия) — 26 фр., И. В. Попов (2-ой взн.) — 16 фр., А. Л. Уваров (2-ой взн.) — 6 фр., К. Жибров (3-ий взн.) — 10 фр., Петро Дашу из Италии (2-ой взн.) — 30 фр., В. Горин (2-ой взн.) — 1 долл., Кравцов (2-ой взн.) — 16 фр., Ф. И. Елисеев (2-ой взн.) — 1 долл., проф. Плохий — 6 долл., Н. П. Негоднов (Венецуелла) 16,50 долл., А. М. Морозов (3-ий взн.) — 6 фр., А. М. Протопопов — 50 герм. марок, И. М. Воевода — 10 фр.

По подписному листу Обще-Казачьей станицы в Нью-Йорке, через ее атамана А. Е. Афанасьева — 83 долл. (Американский Комитет Радио-Свободы — 25 долл., И. Г. Ермолаев из Принсетовна — 15 долл., П. Е. Афанасьев — 10 дол., А. И. Ченцов — (3-ий взн.) — 5 долл., В. Т. Глазков (2-ой взн.) — 5 долл., М. П. Чукавов (2-ой взн.) — 5 долл., Н. Зубков — 5 долл., В. П. Растригин — 5 долл., 3 Мартынов — 2 долл., М. С. Черныш — 2 долл., Д. И. Золотаревский 1 долл., Ф. М. Штовхань — 1 долл., П. Н. Савичев — 1 долл., А. Левченко — 1 долл.

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ « РОДИМОГО КРАЯ »

Непринятые рукописи обратно не возвращаются и в переписку о них редакция не вступает. Редакция оставляет за собою право статьи сокращать, не меняя смысла написанного. За статьи, подписанные полным именем автора, редакция не отвечает и они не всегда выражают взгляды редакции.

Корреспонденцию на имя Редакционной Коллегии направлять по адресу:

Mr. Bogaevsky, 230 av. de la Division Leclerc, 95 — Montmorency (France).

Через редакцию « Род. Края » можно выписать:

« Воспоминания ген. А. П. Богаевского » (Ледяной поход) — 12 фр.

Н. М. Мельников — « Ермак Тимофеевич, кн. Сибирский, его сподвижники и продолжатели » — 8 фр. или 2 долл.

Л. Масянов — « Гибель Уральского Казачьего Войска » — 20 фр.

« Митрофан Петрович Богаевский » — сборник статей о Донском Баяне — 16,50 фр. или 3,50 долл.

Н. М. Мельников — « Как извращается история » — 2 фр.

П. М. Аврамов — « Ковылий сказ » — 3 фр.

П. М. Аврамов — « Никифор Кащеев » — 3 фр.

Казачий словарь справочник, 1-ый том — 25 фр.

Н. Н. Туроверов — « Стихи, книга 5-ая — 15 фр.

Н. Н. Воробьев — « Кондратий Булавин » — 15 фр.

Адмиралов — « Казачья трагедия » (1940-1945 гг.) — 12 фр. или 2,50 долл.

В. А. Беляевский — « Голгофа » (Очерки из воспоминаний 1882-1964) — 12 фр. или 2,50 долл.

П. Поляков — « Поэмы » — 4 фр.

Казачьи песни (изд. « Каз. старина ») — 5 др.

● Редакция обращается с настоятельной просьбой ко всем своим читателям и подписчикам не задерживаться с внесением подписной платы. Издание « Род. Края » основано исключительно на самоокупаемости, при полной безвозмездной работе всех наших сотрудников. То- есть журнал издается на деньги, за него полученные, и на пожертвования отдельных лиц в Фонд Издательства, иначе говоря на деньги самих читателей, от которых и зависит дальнейшее существование « Род. Края ».

РОЗЫСКИ

● Лиц, знающих что-либо о **Семене Федоровиче Кудинове,** с хутора Муховаткина, район Миллерово Донской Области, просят написать в редакцию « Р. К. ».

● Родные с Дона розыскивают **Афанасия Тимофеевича Матвеева,** станицы Распопинской Дон. Войска и Николая Ивановича Белоусова из города Бердянска. Писать по адресу:

A. Kuliagin, 5346 Lee Str. Bristol Pa. USA

● Сестра розыскивает брата **Валентина Климнина** рожд. 1904г. станицы Букановской. Учился в Дон. Кадет. Корпусе в Югославии. Около 1925 г. переехал в Париж, откуда уехал в 1930 или 1932 г. Писать по адресу:

Mrs. A. Pachkevitch. 3700 S. W. Donovan Seatle. Math. 98126. U.S.A.

● Сестра розыскивает брата **Бориса Станиславовича Катынского,** офицера 80-го конного Зюнгарского полка, и друзей **Андрея Одинцова, Александра Магутина** из Пятиизбянской станицы, оба учились в Калаче, позже были офицерами в Донской Армии, и **Анну Бабушкину** из Арчеды. Лиц, знающих о их судьбе, прошу написать по адресу:

Madame Oussov-Blonsky, rue № 1. 85, Antsakoviro, Tananarive Madagascar.

● Елена Александровна Погорелко розыскивает брата **Михаила Александровича Жилина** и его сына Александра, до 2-ой Мировой войны живших в Белграде. Писать по адресу:

Mme. Pogorelko. 55, rue Beklioz. 78 — Velizy-Villacoublay. France

● Розыскивается **Анна Хрисанфовна Воробьева**, (урожденная Пишванова) из Новочеркасска. Знающих об ее судьбе просят напи-

сать Н. П. Казинцеву по адресу « Род. Края ».

● Розыскиваются казаки станицы Усть-Белокалитвенской **Афанасий Емельянович Пятибратов** и **Николай Пруцаков.** Последний служил в Атаманском полку в команде связи. Работал в г. Деказевиле во Франции в 1924-25 гг. Писать по адресу:

Svinareff, 38, rue de l'Avant-Garde
93 — Drancy. France.

● Иван Михайлович Свеколкин, проживающий в Болгарии, ищет **Ювеналия Димитриевича Свеколкина.** Афанасий Иванович Губа розыскивает **Василия Ивановича Гарбузова.** Имя его супруги Елена, имел дочь и двух сыновей, одного звали Андреем. Писать на адрес « Род. Края ».

● Вдова розыскивает брата своего умершего мужа **Владимира Александровича Федорова,** казака Лабинской станицы Куб. В., который по ее словам проживал в Париже. Писать в редакцию « Род. Края ».

Вышла из печати, под редакцией Н. М. Мельникова, в издательстве «Родимого Края», монография

МИТРОФАН ПЕТРОВИЧ БОГАЕВСКИЙ

В книге 276 стр. и редкие фотографии. Выписывать из редакции «Род. Края». Стоимость во Франции — 16,50 фр., заграницей — 3,50 долл. В книге, кроме яркой обрисовки личности и деятельности Донского Златоуста, перед глазами читателя попутно проходит героическая эпоха Калединского периода истории Дона.

Осталось еще ограниченное количество экземпляров.

РУССКИЙ КНИЖНЫЙ МАГАЗИН В ПАРИЖЕ

— Все новинки книжного рынка —
MAGASIN DU LIVRE
10, rue des Carmes Paris 5
Tél. DANton 25-28.

«ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА»
Редакционная Коллегия: А. Долгополов, Г. Головань и В. Мяч.
ежемесячный журнал, посвященный Первому Кубанскому походу и истории Белых Армий.
Издание Калифорнийского отдела Союза Участников 1-го Кубанского ген. Корнилова похода
Подписная плата на 1 год (12 номер.) дол. 5.00, на 6 месяцев долл. 3.00, цена отд. номера 0.50 цент. Адрес редакции:
842 NO. Alexandria ave. Los Angelos. Calif. 90029. USA.

Imprimerie P.I.U.F. - 3, rue du Sabot - Paris (6e)

Родимый Край

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Б. Ширяев — « Лиенц ».
Кн. З. Шаховская — « Лиенц ».
Б. Богаевский — « Страшные цифры ».
И. Курицин — « Донской Атаман А. М. Каледин ».
Б. Уланов — « Донской Атаман А. М. Каледин и его эпоха ».
Н. Воробьев — « Ответ на письмо ».
Проф. А. М. Миллер — « В чем слава казачья? ».
Т. Дудкин — « Клад Степана Разина ».
Н. Воробьев — « Скрижали славы казачьей » (продолжение).
Н. Кузнецов — ***
П. А. Фадеев — « Гражданская война на Уральском Отд. фронте ». (продолжение).
Т. Данилевич — « Катынь » (окончание).
Доброволец Иванов — « С русской песней по белу свету... » (продолжение)
Я. П. Богаевский — « Буря в стакане воды ».
Н. Туроверов — « Чистилище ».
Отзывы русской печати в Америке о стихах Н. Туроверова.
Г. Раковский — « День Казачьей Скорби в Нью-Йорке.
А. Падалкин — « Памяти старейшего донского партизана ген. л. П. К. Писарева ».
Т. Н. Т. — « Памятка Дон-Кихоту ».
Из казачьей жизни за рубежом и письма в редакцию.
Ушедшие
Денежные поступления в ред. « Род. Края ».
От редакционной коллегии « Род. Края ».
Розыски

РОДИМЫЙ КРАЙ

Орган общеказачьей мысли.
Издатель: Донское Войсковое Объединение.
Association des Cosaques du Don
Arr du Ministre de l'Int. J.O. 70 1955

PAYS NATAL MAI-JUIN 1968
№ 76 — МАЙ — ИЮНЬ 1968 г. 4 фр.
Parait tous les 2 mois. Directeur: *Bogaevsky.*

Редакционная Коллегия: Б. А. Богаевский, А. И. Клочков, В. М. Кузнецов, А. П. Падалкин, Н. Н. Туроверов, Б. Н. Уланов.
Адрес редакции:

B. BOGAEVSKY
230, Av. de la Division-Leclerc
95 — Montmorency
France

ЛИЕНЦ.

Страшная «Тирольская обедня» была совершена 1-го июня 1945 г. Только две такие литургии знает христианский мир: первую совершали двадцать тысяч мучеников в Никодимии сожженных; память их святая Церковь установила 28-го декабря. Вторая литургия совершена тоже двадцатью тысячами мучеников Казачьего Христолюбивого Воинства... ...Память их будет установлена впоследствии первого июня.....

Служили эту литургию 18 священников, из восемнадцати Чаш причащались на смерть казаки... Танки репатриационных отрядов раздавили церковный помост и разрезали собравшихся на отдельные островки, в которых закипела насильственная посадка в автомашины. Люди бросались под колеса автомашин, под гусеницы танков, стреляли в своих жен, детей, в себя. Над войском стоял сплошной стон, вслушиваясь в который можно было различить слова: « Христос.... »

Отец Николай в ризах, с Чашей, стоял среди волнующегося моря людей на каком то высоком столбе — остатке церковного помоста — и был виден всем. Высоким звенящим тенором, охваченный экстазом мученичества, запел он гибнующему войску « Святии мученици, добре страдальчествовавшии и венчавшиеся, молитеся к Господу.... » Голоса сотен казаков и казачек-певчих подхватили брачный гимн.... Войско обручалось со своим Небесным женихом.... Цокали машины, работали приклады, лилась кровь..... А над всем этим плыл торжественный напев верной до гроба невесты-Церкви, оплакивающей чад своих..... »

Эта повесть о людях живших записана среди людей живущих, в лагерях, в скоплениях вырвавшихся из тьмы.

Кто они эти люди, при жизни своей служившие сами по себе панихиду? Мы не в состоянии определить, взвесить их ни по одному из общепринятых измерений. Мы не можем установить ни удельного веса различных социальных групп, ни ступеней культуры, ни религиозных верований, ни даже национальностей российских людей, ушедших с казаками от потерявшей свое имя России. Мы вправе лишь утверждать одно: подавляющее большинство этих разноликих, разнородных, разноязычных, разномыслящих людей прошли сквозь колючую проволоку советского концлагеря или близко соприкоснулись с нею через своих родственников, друзей, единомышленников. За колючей проволокой, в разросшихся вглубь и в ширь Соловецких лагерях — страдания, кровь, смерть. Муки тела и страдания духа.....

† **Б. Ширяев.**
(« Неугасимая лампада »)

Пишет об Лиенце и известная французская писательница и журналистка, историк и литературный критик, княгиня З. Шаховская в своей последней книге « Странный мир » (« La drôle de paix »). Кн. Шаховская родилась в Москве, но выросла заграницей. В 1940 г. она служит в Медицинском Отделе французской армии, в 1942 г. — в Лондоне редактором французского Информационного Агенства, с 1945 г. — военный кореспондент в Германии, Австрии, Италии. Награждена орденом Почетного Легиона. Ею написано 14 книг на франц. языке, многие из них переведены и на другие языки.

« Самая ужасная трагедия, если отчаяние и смерть людей является спектаклем — была трагедия в Лиенце. Некоторым, находив-

шимся там, удалось избежать этой своего рода Катыни, устроенной союзниками через подставных лиц (в нашем мире все же встречается некоторая « скромность »), когда были принесены в жертву тысячи людей.

Некоторое количество книг, очерков, написанных русскими, но которые не были переведены на другие языки, будут для будущих историков ценными источниками для изучения того, что происходило в СССР до, во время и после войны.

Трудно отрицать, при наличии интеллектуальной честности, что советский режим после окончания гражданской войны не получил поддержки большинства советских граждан. Если было бы не так, разве была бы необходимость сов. властям лишать сов. людей права свободно ездить заграницу, права, которым так свободно пользуются испанцы при наличии, так сказать, диктатуры, строить берлинскую стену позора, обвинять, как это сделал Шолохов на Конгрессе Сов. писателей в 1967 г., Светлану Сталину в дезертирстве, как и многих, из « комунистического рая »?.

Сов. люди, находившиеся под гнетом власти и ею притесняемые, мало знакомые с « идеалогией » Гитлера, приняли вторжение немцев на их территорию, как приближение освобождения. Часто население встречало их с распростертыми объятиями. Оно слышало, что красный генерал Власов перешел на сторону немцев, что казаки остались непримиримыми врагами режима, который, чтобы их наказать за участие в борьбе против « красных », всячески их уничтожал. Один из них говорил мне в 1946 г. — « помнилось, что немцы, занявшие в 1918 г. Украину были корректными людьми, наводившими порядок в тогдашнем хаосе, без оскорбления нашего национального чувства ». К сожалению, немцы теперь были иными и местные уроженцы были для них « Untermenshen ». Эти возможные союзники были врагами, но коммунизм оставался еще более ненавидимым врагом.

Лишь один человек в Германии понял, какую пользу можно извлечь из этих отчаявшихся людей и из их боевых качеств. Это был генерал Гальмут фон Панвиц. С большими трудностями он получил разрешение на формирование отдельных русских частей. К этим казакам, имевшим во главе их же руководителей атамана Краснова, Шкуро, Доманова, Келеча и др., присоединились кавказцы и русские эмигранты анти-коммунисты.

Не будучи советской гражданкой и никогда не жившая в СССР, жившая в бедности, но всегда совершенно свободной, то есть имея полное право отказаться от компромисса со своей совестью из за материальных неудобств, я не могу судить людей той страны, где я родилась, что они выбрали другой лагерь чем мой. Быть может, на их месте я поступила бы также. Если они подняли оружие против своей родины, то разве немецкие эмигранты не появились в Германии в составе союзных армий, нося форму союзников? Не выступали ли они на радио-станциях врагов Германии, призывая по политическим соображениям к поражению страны, откуда они были родом?

Если в Испании, во время гражданской войны немцы и итальянцы поддерживали, помогая ему, ген. Франко, то разве республиканцы, его противники, не пользовались помощью СССР и интернациональных бригад? Политические страсти иногда бывают сильнее национальных убежденний, и так было всегда. И французские эмигранты в прошлом столетии воевали вместе с союзниками против французского императора, появившегося из революции.

И я считаю своим долгом громко заявить, что ничто не справдывает жестокость цивилизованного мира по отношению к жертвам Лиенца ».

Сообщая подробности Лиенцевской трагедии со слов ее переживших, автор дальше пишет:

« И это произошло при полном молчании Запада. Ничья совесть не была запронута, ни один голос протеста не раздался среди тех, кто так часто выступал против несправедливости и преступлений других. Ни Сартр, ни Бовуар, ни Майер, ни Франсуа Морьяк, ни лорд Рюссель, ни один католический священник, ни один протестанский пастор, ни один раввин, ни Лига по Защите Прав Человека, ни Общества Покровительства животных, ни одна газета или журнал не выразили протества, хотя бы в виде шопота.....

Ген. Панвиц, взятый в плен союзниками, был тем не менее выдан в СССР. После суда в Москве 16 янв. 1947 г. он был приговорен к повешению вместе с атаманом П. Красновым и генералами Шкуро, Келечем, Домановым, С. Красновым. Все они были казаками. Приговор был приведен в исполнение в тот же день. Что же касается тысяч других людей, то их смерть была также анонимна, как и их жизнь... Наиболее счастливые были отправлены гнить в конц. лагеря.....

Нокоторым удалось выжить....

В истории Лиенц останется большим пятном, среди многих других пятен, на мировой совести.....

Теперь маленький памятник, созданный трудами и руками уцелевших, отмечает место трагедии в Лиенце. Если Господь Бог не всегда сохраняет жизнь тем, кто об этом просит, то Он всегда принимает в свое Лоно тех, кто были раздавлены, уничтожены другими людьми.... »

СТРАШНЫЕ ЦИФРЫ.

В связи с 50-тилетием коммунистического режима в России, было опубликовано немало статей и книг, превозносящих достижения, достигнутые при советской власти. Но сов. пропаганда умалчивает, во сколько человеческих жизней обошлась населению России коммунистическая диктатура.

В газете « Русская Мысль » (№ 267) М. Ошаров пишет на эту тему:

Проф. И. А. Курганов, известный ученый-статистик, сделал подсчет, которым мы здесь воспользуемся.

Посмотрим на границы СССР, какими они были до 17 сентября 1939 года. На этой территории в 1917 году население достигало 143,5 миллиона человек. Это — первая цифра. Теперь — вторая: естественный прирост населения за период с 1918 года по 1939 год нормально должен был быть 64,4 миллиона человек. В-третьих, прирост населения вследствие присоединения в 1940 году к СССР новых территорий составил 20,1 миллиона человек. Наконец, естественный прирост населения за период с 1940 года, в современных границах, нормально должен был быть 91,5 миллиона человек. Следовательно, общая численность населения СССР, в современных границах, в 1959 году должна была бы составлять 319,5 миллиона человек. В действительности же, по переписи пятьдесят девятого года, оказалось 208,8 миллиона человек. Недостает 110 миллионов 700 тысяч человек. Таким образом, за период с 1917 года по 1959 год население Советского Союза потеряло 110 миллионов 700 тысяч человеческих жизней.

Только ли военными событиями объясняются эти потери? Конечно, военные события имели очень большое значение. Каковы же были людские потери во время войны?

Сталин называл такую цифру погибших во вторую мировую войну — семь миллионов человек. Хрущев назвал другую цифру, заявив, что «германские милитаристы развязали войну против Советского Союза, которая унесла два десятка миллионов жизней советских людей». В действительности потери во вторую войну были еще больше.

Посмотрим, во-первых, какова была численность населения СССР к началу мировой войны? 197,1 миллиона человек. Естественный прирост населения за 1941-1945 годы составляет 15,4 миллиона человек. Следовательно, к началу 1946 года население Советского Союза должно было достигать цифры в 212,5 миллиона человек. Между тем, в действительности к началу 1946 года в Советском Союзе имелось 168,5 миллиона человек населения. Значит, людские потери, связанные с войной, составляют не семь миллионов, как говорил Сталин, и даже не двадцать миллионов, как утверждал Хрущев, а 44 миллиона.

Что же именно входит в эту цифру людских потерь СССР за годы второй мировой войны? Ведь цифра огромная — 44 миллиона!

« В эту цифру, — говорит проф. И. А. Курганов, — входят: боевые потери на фронте убитыми и умершими от ран; гражданские потери в тылу от бомбардировок, голода, болезней и террора оккупантов; специальные потери на территории противника, связанные с гибелью людей в лагерях военнопленных и лагерях остарбайтеров; эмиграционные потери, связанные с беженством и невозвращенчеством; наконец, естественные потери, связанные с падением рождаемости во время войны. Сбщую сумму этих потерь и составляет цифра — 44 миллиона человек ».

« Эта цифра, — продолжает проф. И. А. Курганов, — во многом связана со сталинской тактикой ведения войны, порой совершенно не считавшейся с потерями людского материала. Если мы возьмем изданную в Москве книгу « Итоги всесоюзной переписи населения 1959 года », то увидим, что в пер-

вую мировую войну естественный рост населения перекрывал военные потери. Население России в первую мировую войну не сократились, а, наборот, несколько увеличилсь. Между тем, за время второй мировой войны население СССР не только потеряло весь свой естественный прирост — 15,4 миллиона человек, но, кроме того, потеряло еще 26,6 миллиона человек от своего довоенного количества».

«Потери, связанные с военными событиями, грандиозны, — говорит проф. И. А. Курганов — Но они далеко не покрывают всех потерь народа за время партийной диктатуры. Как мы уже видели, общие потери населения с 1917 года по 1959 составляют 110,7 миллиона человек. Потери в военное время составляют 44 миллиона, т. е. сорок процентов. Потери же в невоенное время составляют 66 миллионов 700 тысяч человек».

Таков, быть может, самый страшный итог минувшего полустолетия.

Страшные цифры..... Есть о чем призадуматься.... Слишком дорогую цену платит население своими жизнями коммунистическому режиму. За 50 лет погибло больше людей, чем все население Франции (48 миллионов в 1962 г.) или Англии (53 миллиона).

Сов. пропаганда доказывает, что никакого гнета, никакого террора больше в СССР нет. Так ли это? Непрекращающиеся судебные процессы писателей Синявского, Даниеля, Гинзбурга, Добровольскаго, Галанскова и др., посмевших более или менее свободно выразить свои мысли, это не подтвержают.

В конце марта во французской газете «Заря» («Aurore» — от 28, 29, 30, 31 марта) был напечатан рассказ жены Даниеля, посетившей своего мужа, приговоренного к 5-ти годам принудительных работ и находящегося в лагере №17 в 400 км. от Москвы.

Сов. власти утверждают, что концлагерей сталинских времен больше нет. Но из этого рассказа жены Даниеля выходит, что они существуют, хотя и приняли другую форму. Цель их, лагерей, осталась та-же — уничтожение заключенных. Их прямо не убивают, но ставят в такие условия существования, что человек погибает от недоедания, болезней, недостатка медицинскй помощи. Питание заключенных основано на выполнении установленной нормы работ. Работа может быть и не особенно утомительной, но.... норма трудно выполнима. Так, Даниель одно время работал в мастерской перчаток. Нормой было сшить 47 пар перчаток. А такая же мастерская, с тем же оборудованием, не в лагере, а в городах, на свободе вырабатывает в то же время от 17 до 25 пар. Невыполнение нормы влечет за собой уменьшение пайка и без того мало питательного. Заболевший человек может обратиться к доктору, когда он уже «без памяти и на носилках». Ношение шерстяного белья, фуфаек, запрещено — в сильные морозы выдается шинель без подкладки.

Если же человек все же «отсидит» положенный срок и не погибнет, то он выходит на свободу с сильно подорванным здоровьем, конец его будет ускорен, и с сильно подорванной же моралью, т. е. душевно и морально он уже уничтожен.

Иначе говоря, уничтожение людей неугодных советскому режиму продолжается, но оно приняло лишь иные формы.

Париж

Б. Богаевский.

ДОНСКОЙ АТАМАН А. М. КАЛЕДИН

(50 лет со дня смерти)

«Иметь героя в своей среде — радость и счастье. Потерять героя — горе и беда» (Проф. Ильин). Беда потерять героя постигла Донское Казачество 50 лет тому назад. 29 января ст. ст. 1918 года печальное эхо трагического выстрела атамана А. М. Каледина было последним «прости», сказанным всему казачеству и Добровольческой Армии, в формировании которой А. М. Каледин принимал деятельное участие. По его распоряжению первые средства на ее зарождение были отпущены Государственным Банком-15 миллионов рублей, переданных ген. Алексееву. Таким образом, Тихий Дон

стал колыбелью зарождения Добровольческой Армии.

Основоположниками Белого движения были генералы Алексеев, Корнилов, Деникин и Каледин. Последний, до прибытия на Дон ген. Корнилова, являлся старшим начальником частей Добр. Армии, участвовавших совместно с отрядами донских казаков во всех боях под непосредственным командованием Атамана Каледина, который отдавал себе ясный отчет о смысле ее рождения и значения для России. Он также проявлял рыцарское благородство в отношении Временного Правит., уже павшего, предложив ему защиту на Дону и готовность помогать в борьбе с захватчиками власти (« Белая Россия », т. I.). Была установлена Верховная власть на юге Белой России в лице триумвирата, членами коего являлись генералы Алексеев, Корнилов и Каледин. Триумвират этот представлял из себя как бы первое общерусское Правительство и Атаман Каледин по праву занимает должное место среди вождей Добр. Армии, а не только казачества. Триумвират автоматически прекратил свое бытие после смерти А. М. Каледина.

Из последнего его воззвания к казакам привожу выдержки:

« Граждане казаки. Среди постигшей Дон разрухи, грозящей гибелью Казачеству, я, ваш Войсковой Атаман, обращаюсь к вам с призывом, быть может последним. Вам должно быть известно, что на Дон идут войска из красноармейцев, наемных солдат, латышей и пленных немцев, направляемые Лениным и Троцким. Войска их подвигаются к Таганрогу, где подняли мятеж рабочие, руководимые большевиками. Такие же части противника угрожают станице Каменской и станциям Зверево и Лихой. Железная дорога от Глубокой до Чертково в руках большевиков. Наши казачьи полки, расположенные в Донецком округе, подняли мятеж и в союзе с вторгнувшимися в Донецкий округ бандами Красной гвардии и солдатами, сделали нападение на отряд полк. Чернецова и часть его уничтожили ...Войсковое Пра-во, в силу необходимости, выполняя свой долг перед родным краем, принуждено было прибегнуть к формированию добровольческих казачьих частей и, кроме того, принять предложение и других частей нашей Области, главным образом доблестной молодежи, беззаветно отдающей свою жизнь в борьбе с анархией и бандами большевиков... Ростов прикрывается частями особой Добровольческой организации... Время не ждет, опасность близка, и если вам, казакам, дорога самостоятельность вашего управления и устройства, если вы не желаете видеть Новочеркасск в руках пришлых банд большевиков и их казачьих приспешников-изменников долгу перед Доном, то спешите на поддержку Войсковому Пра-ву посылкой казаков-добровольцев в стряды. В этом призыве у меня нет личных целей, ибо для меня атаманство — тяжелый долг. Я остаюсь на посту по глубокому убеждению необходимости сдать пост при настоящих обстоятельствах только перед Кругом.

Войсковой Атаман Каледин

28 января 1918 г. (« Донская Летопись » т. 2)

Обстановка на Дону из тревожной превращалась в грозную и эпоха незабвенного Атамана А. М. Каледина кончалась, т. к. к 26-му января в руках Донского Правительства остались только Новочеркасск и II станиц Черкасского округа. Остальной Дон был занят Красной армией. Неизбежность печального конца становится очевидной. Атаман А. М. Каледин, получив сведения о том, что Добр. армия уходит с Дона, когда выяснилось, что Северный фронт закрепиться не может, выстрелом в сердце заканчивает свой земной путь. (« Белая Россия »).

Весть о смерти А. М. Каледина разнеслась словно по внушению. Казалось, что на фронте еще не знают, но уже чувствуют, что совершилось роковое. Скоро узнали все. Впечатление потрясающее. Законопослушные казаки плакали. Ведь в нем сосредоточилось все: идея борьбы, вера в победу, надежда на спасение не только своего Дона, но и общей матери-России. В лице погибшего Атамана, волнующийся от большевизма Дон терял все.

Нью-Йорк.

И. Курицын

ДОНСКОЙ АТАМАН
АЛЕКСЕЙ МАКСИМОВИЧ КАЛЕДИН И ЕГО ЭПОХА.

(К выходу книги, посвященной его памяти)

В этом году 11-го февраля н. ст. Донцы отмечали не только годовщину трагической кончины Д. А. А. М. Каледина и его близких соратников, но и 50-летний юбилей этого события.

В борьбе с большевиками-коммунистами Донцы понесли жертвы в лице самых выдающихся казаков, каких они могли выдвинуть в трагические дни России в 1917 г.

Но эти дни дали и великий ореол Атаману А. М. Каледину.

В чем его значение для Войска Донского и Казачества? Это связано и с его личностью и со всей обстановкой, условиями жизни и истории России.

В 1917 году личность и деятельность А. М. Каледина явилась символом воскресения великих древних учреждений Донского казачества.

В Первую Мировую войну А. М. выступил начальником 12 Кавал. дивизии. Э. Г. Фон Валь в своей книжке, посвященной « Кавалерийским обходам ген. Каледина », так его характеризует: » Распоряжения Каледина по своей обдуманности и ясности были понятны всякому исполнителю. Любой чин дивизии убеждался, что начальник дивизии все предвидел, все принял в расчет и всякое его распоряжение оправдывалось сбстановкой ». Далее тот же автор говорит: » Характерно для Каледина, что у него, когда он неожиданно сказался без достаточных сил непосредственно перед развернутой неприятельской дивизией, первая мысль была устремлена не на критическое собственное положение: Он мгновенно определил ключи положения. Такова была быстрота и легкость его стратегического мышления ». Еще одно замечание Ф. Валь: » Была ли у Каледина вера в неуязвимость или суеверие, или верил он в приметы? Несомненно то, что Каледин систематически становился там, где ранение его казалось наиболее вероятно ».

Замечание Ф. Валь, очевидно, было основано на многих наблюдениях над А. М. во время его воевой жизни.

Но в этом поведении Алексея Максимовича — весь его характер.

И он полностью оправдывался в жизни и деятельности его на посту Донского Атамана.

Характеризуя А. М., как начальника дивизии, Ф. Валь говорит: » Он был тут в сфере соответствующей его кавалерийскому гению. Никто в русской армии не может справиться с ним по глазомеру, по быстроте схватывания обстановки, оценке тактического ключа дела, быстроты решения, железной воли при приведении в исполнение намеченной цели, твердости и упорству в минуты великой опасности. Его успехи выдвинули его на должность командира корпуса и вскоре после этого командующего армией ».

Ген. Брусилов усумнился в способности Каледина быть командующим армией, но Ф. Валь говорит: » в историю имя Каледина, как командующего армией, все же войдет в качестве героя Луцкого прорыва ». Этот прорыв, как известно, имел величайшее значение в дальнейшем успехе Рос. армии. В этом несомненно неосновательность мнения ген. Брусилова.

Зато при безукоризненной честности, любви к родине и готовности жертвовать собою для пользы дела А. М., у него не было гибкости спины перед высшими, жестов и слов, им приятных, их услаждающих. И физически он отвечал указанным свойствам: высокий, прямой и стройный с суровым, кайне выразительным, лицом и проницательными глазами.

Он был всплощением правдивости, честности и прямоты. 1917 г. Февраль. Март. Революция. Все здание Рос. Империи заколебалось. Рушились привычные законы и устои. Пали все авторитеты. Все очутились как бы перед зияющей пропастью.

Где спасение, в чем и в ком?

Люди задыхались в хаосе беззакония и безвластия.

Нигде и ни в ком защиты...

Но в древности, далеком прошлом, Донское казачество знало, что делать. Оно веками привыкло бороться со всеми бедами и врагами и побеждать их. Донское казачество свое спасение находило в своей инициативе, в своих моральных и боевых качества. У него были Войсковой Круг, избранный им Войсковой Атаман, есаулы и прочие войсковые чины.

Но покойный российский режим сделал все, чтобы с корнем вырвать все эти основы жизни, самодеятельности и самозащиты.

Все исходило из центра. Все должно быть

по наказу и приказу высшей власти. И этот приказный строй утвердился прочно и надолго.

Сднако лишение права инициативы и самодеятельности неизбежно влекло атрофию организационных и деятельных способностей Донского казачества. Развал власти в 1917 г. неизбежно вызвал его беспомощность и растерянность. По шаблону из Петербурга (Петрограда) стали возникать разные комитеты, не имеющие корней и сочувствия в казаках. Возникшее в момент безначалия, Вр. Правительство попало в зависимость от Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

Но, вопреки всем усилиям высшей Рос. власти, в душе Донских казаков где-то под спудом хранилась старая закваска.

До них дошел голос древности.

И Донцы вспомнили старое.

Главная на Дону Станица Новочеркасская пробудилась. Она обратилась к казакам с призывом спасти Войско Донское на основе древних «обыкновений» — Войскового Круга, выборного им Войскового Атамана и выборного Войскового Правительства.

Новочеркасская станица призвала казаков организовать Казачий Союз, созвать Донской Войсковой Съезд и возродить Донской Войсковой Круг. Союз Донских казаков организовался. И под его давлением Донской Исполнительный Комитет созвал на **16 апр. 1917 года Донской Войсковой Съезд.** Его исполнительный орган — Исполнительный Комитет Войскового Съезда выработал нормы о выборах членов Д. В. Круга и созвал его.

Депутаты Станиц съехались в Новочеркасск.

26 мая 1917 года Донской Войсковой Круг открылся.

Он был возрожден через два века, когда царем Петром Первым было прекращено его существование.

Председателем Д. В. Круга был избран казак Каменской станицы и ее депутат Митрофан Петрович Богаевский.

18 июня 1917 года Д. В. Круг Войсковым Атаманом Войска Донского избрал казака Усть-Хоперской станицы Усть-Медведицкого округа б. Командующего 8-й армией, кавалера двух Георгиевских крестов ген. от-кавал. Алексея Максимовича Каледина.

Это совершилось после двухсот-летнего перерыва, когда Петром Первым было отнято у Донского казачества право выбирать себе Войскового Атамана.

Так возродились на Дону через 200 лет древние Войсковые институты Донского казачества — Донской Войсковой Круг и его право избирать Донского Войскового Атамана.

Они потребовались самой жизнью, как единственные основы законности, права и порядка.

Донское казачество организовалось. Оно обрело прочные моральные и юридические основы общественного и государственного строя и жизни.

Алексей Максимович Каледин стал воплощением высшего представителя власти на Дону. Символом единства Донского казачества. Оно в его лице обрело себя, свое истинное лицо. Он стал выразителем древнего Донского казачьего общественного принципа. Главой Войска Донского его избрал Донской казачий народ в лице Донского Войскового Круга.

Как в древности, они вновь стали неотделимой сущностью казачьей общественной жизни, неотъемлемого казачьего принципа народоправства.

Именно в трагические, роковые, дни 1917 года ярко выявилась жизненность того общественного начала, которым в древности жило Донское казачество и которое дремало под спудом в последние два века в казачьей душе.

Это могло осуществиться при счастливом сочетании функции Д. А. с такой личностью, как А. М. Каледин. Тогда найти соответственного кандидата в Д. А. было необычайно трудно: в лице избранника Донского казачества должны были сочетаться — громадный моральный авторитет, высокие душевные и духовные качества.

Мало того, Казачество еще оставалось народом — воином.

В нем еще жил древний дух воина. И кандидат в Д. А. не мог не отвечать этому духу, а, в силу совершившихся великих исторических событий, этот кандидат должен был быть проникнутым демократическим духом.

Личность А. М. Каледина, странным и счастливым образом, отвечала всем этим требованиям.

Он был казаком совершенно исключительным.

Период его служения Войску Донскому был проникнут и окрашен ореолом его исключительной личности и, по справедливости, носит его имя.

Выражение — «Калединская этоха» — не пустые слова.

Величайшей заслугой Д. В. Круга 1917 го-

да было избрание такого Атамана. Также было замечательно сочетание с ним и его Помощника — М. П. Богаевского. Они в полной мере восполняли друг друга.

Но 11 февраля по нов. ст — не только 50-летие со дня трагической кончины А. М. Каледина и великих его сотрудников — М. П. Богаевского, полк. В. М. Чернецова, ген. А. М. Назарова, предтечи А. М. на посту Д. А. Волошинова, но и определенной судьбы всего Донского казачества.

Сно, в силу 200-летнего существования предшествующего «наказного и приказного строя», к 1917 году почти утеряло реальное чутье понимания прав и интересов Войска и неоходимости казакам бороться за свои права и интересы.

Это понимание позже пришло в полной мере, но до этого Донское казачество понесло невозградимые великие жертвы.

Увы, произошло нечто неизмеримо большее, нечто величайшее.

Ныне Войско Донское, верю-временно, на неопределенное время, лишилось своего родного Тихого Дона, а тысячи его детей обретаются на чужбине,, а оставшиеся в СССР унизительно спасаются, отрекаясь от своего казачьего имени.

Все это неразрывно связано с трагедией А. М. Каледина, его сотрудников и прочих казаков, несть им числа.

Мало того: это — трагедия всего Казачества.

Что осталось от Терского Войска, героического Уральского Войска, Оренбургского, Семиреченского, Забайкальского, Сибирского, Амурского и Уссурийского?

Все они, в том числе и большие Войска, как Донское и Кубанское, к 1917 г. были неподготовленными к борьбе за свои права и жизнь с коммунистами, ныне поработившими все Казачьи Земли и все народы б. Рос. Империи.

Самое явление соглашательства, пусть и кратковременного, казаков — фронтовиков с большевиками стало роком для Казачества и ближайшей причиной трагедии Атамана Каледина и его соратников.

Много было заслуженных обвинений казаков — фронтовиков и целых полков.

Но это было явлением трагического порядка, потому что немного позже те же казаки, что шли за Голубовым, Подтелковым и подобными, жертвенно боролись с большевиками и жизнь свою отдавали за Казачество, за Родную Землю. И то, что теперь нам представляется ошибкой, заблуждениями, изменой и предательством ,суть явления исторического трагического порядка.

И все Казачество пережило и переживает свою великую трагедию...

Совсем недавно поработители нашей Родины, наших Казачьих Земель и народов б. Империи торжественно отпраздновали в Москве 50-летний юбилей своей власти. Они частично поработили Европу и устремляются в Азию, Африку и другие части Света.

А как и чем им на это торжество ответили казаки-эмигранты — братья и дети тех казаков, которые тысячами отдали свою жизнь в борьбе с врагами всего свободного человечество коммунистами?

Донцы не могут им ныне ответить всеобщим восстанием, как то было **с 21 марта 1918 года,** начиная восстанием казаков Суворовской станицы, потом Нижне-Чирской и далее, далее.

Сно началось через **один месяц и 22 дня** после выстрела Каледина.

Если бы это случилось **28 января того же года,** не было бы этого выстрела, не было бы расстрела А. М. Назарова, мученической смерти Е. А. Волошинова, убийства М. П. Богаевского и многих других.

Но в этом и трагедия Казачества.

Да, в ответ ликованиям коммунистов в Москве, казаки не могут ответить восстанием и вооруженной борьбой. Ныне требуются иные формы и способы борьбы. Но одна форма «восстания» у Донских казаков в эмиграции может быть и должна быть.

Это — ЕДИНСТВО Донских казаков. Сомкнуть свои ряды в лоне Донских Станиц и Объединений.

Это — нелегко. Но это повелительно требуется во имя чести и достоинства, во имя возрождения Лонского казачества.

Основной очаг Донского казачества — ДОНСКАЯ СТАНИЦА.

Неслучайно пробуждение Донского казачества в марте 1917 года началось в Новочеркасской станице — столице Войска Донского.

Никогда и нигде казаки не должны забывать, что ОСНОВНАЯ КЛЕТКА всякого Казачьего Войска — его Станица.

Каково в эмиграции организационное состояние Донских казаков?

Сни в массе распылены. Тем они на бессилие обрекают себя самих и свои Донские станицы.

Это — повторение прошлого, рокового, — причина казачьей трагедии. Калединской эпохе предшествовала и сопутствовала картина аморфного, несрганизованного состояния Донского казачества.

И личность Великого Атамана А. М. Ка-

ледина историей и судьбой нам дана, чтобы ярче и резче показать нам трагическую картину этого прошлого.

А. М. Каледин сам, добровольно, принес себя в жертву, **открылись глаза** Донского казачества и блуждающий разум его обрел свет.

Такого и значение не для одного только Донского казачества Калединского выстрела.

И когда мы часто живем в сфере личных интересов, во власти всякого рода личных мотивов, вспомним выстрел нашего дорогого незабенного Донского Атамана А. М. Каледина 29 января 1918 года в Новочеркасске, в Атаманском дворце в маленькой комнате за его кабинетом...

Что с того, что потом были плач, рыдания и муки!..

Б. Уланов.

ОТВЕТ НА ПИСЬМО
А. С. Ш.

Ты упрекал меня, мой старый добрый друг,
Что не одною мы с тобой бредем тропою,
Что я коня через бурьянный луг
Вожу на берег Дона к водопою,

Что, будто, ждет меня оседланый Пегас,
Чтоб, подстегнув его ввысь устремленным слогом,
Я взлетом мысли бороздил Парнас
По неизъезженным еще дорогам.

Нет, там неезженных тропинок не найти...
Они измерены, они уже не новы;
Давно взрыхлили все туда пути
Следы российской ищущей подковы.

Ты арфу протянул, ты умолял с тоской
В стихах воспеть какую то Цирцею,
Которую волшебною травой
Пришлося одурманить Одиссею.

Но и у нас когда то Танаис
Дворцы античные ласкал своей волною,
И на вратах с тех пор у нас повис
Наш герб — елень, пронизанный стрелою,

Чтобы нескромному на вековечный страх
Служить напоминанием обмана,
Чтоб вечно чудился на наших берегах
Стан девичий разгневанной Дианы.

Прошли века. Исчез античный миф...
И предок мой жестокий и суровый,
Звериной шкурою едва прикрытый скиф,
Степную пыль взмел властною подковой.

Столбом она взвилась, и дерзко небеса
Лизнуло пламя городов сожженных,
А отблеском его и посейчас глаза
Горят казачьи в час сражений конных.

Как видишь, друг, нам из степей донских
Тащиться на парнасы — несподручно...
Все, все у нас стыщет звонкий стих,
А наши лютни, как и арфы, звучны.

Нет, не зови меня с собою, милый друг:
Парнас — высок. Я выберу пониже...
Здесь — столько красоты вокруг,
И мне мой край и радостней и ближе.

Я вечно буду петь с тоскою нежной
О днях былых станиц и хуторов,
О шелесте родной куги прибрежной,
О синих взлетах дедовских кликов...

Милей мне аромат седельной кожи,
Чем фимиама пряная волна,
И Настя-босоножка мне дороже,
Чем девять муз с парнасского холма.

И что б ни видел я, где б я ни колесил,
Живу ли на Балканах, иль в Париже —
Одно себе я твердо уяснил:
До Дона — далеко, но он мне все же ближе.

США. **Н. Воробьев.**

В ЧЕМ СЛАВА КАЗАЧЬЯ?

В № 63 «Род. Края» была напечатана статья покойного теперь проф. М. А. Миллера под названием «К вопросу о происхождении казачества». Она не была закончена, должно было быть продолжение. Но профессор тяжело заболел и в последствии состояние его здоровья не позволило ему закончить эту работу. После его кончины, Т. А. Миллер, разбирая бумаги покойного мужа, обнаружила черновик окончания этой статьи, которыЙ и помещается в этом № журнала.

В чем же казачья слава? Вовсе не в том, в каком столетии или даже тысячелетии сформировались казаки. Это не имеет никакого значения. Казачья слава заключается в том, что казаки — единственная в истории социально-экономическая группа, образовавшая военно-демократическую общину со своим особым укладом, особой организацией, особым вооружением и тактикой.

В последние века, казаки — это легкая конница, без обоза, прославившаяся быстротой своего передвижения, неожиданностью нападений, часто ночью, выдающейся храбростью, своим «вентерем» и другими тактическими приемами. Эта слава начала распространяться во всей Европе со времен 7-и летней войны, когда казаки занимали Берлин и неоднократно наносили поражения немцам. Великий знаток военного дела того времени, король прусский Фридрих Великий так был восхищен казаками, что пытался завести казаков и у себя, в Пруссии, не понимая того, что казачество с его особенностями и традициями сложилось исторически и что по приказу казаков создать нельзя. Эту же ошибку повторили и большевики, создав казачьи полки в 1937 г. Но казаков на Дону уже не было и советские казачьи полки состояли из великоруссов, армян и др. и даже немцев-колонистов. Понятно, что эти «казаки» не оправдали себя и после эти полки были расформированы.

Особенно отличились казаки в Отечественной войне 1812 г., при отступлении французов. Один крик «Казаки...» вызывал панику среди отступавших. Наполеон с досадой называл казаков «эти канальи», но в воспоминаниях его современников записано, что он говорил также, что если бы у него была армия из казаков, то он бы завоевал весь мир.

Казаки по отношению ко всему населению России представляли всего лишь несколько процентов. Но в то же время из казаков выдвинулся целый ряд запечательных исторических деятелей, — таких, как Ермак, Разин, Булавин, Пугачев (историческая наука давно отказалась от упрощенного толкования движений Разина, Булавина, Пугачева, рассматривающего их, как простые бунты), много знаменитых полководцев — Краснощековы, Платов, Орловы, Денисовы, Иловайские, легендарный Бакланов, в наше время Каледин и многие другие. Казаки дали также замечательных ученых: историка Иловайского, геологов Мушкетова, Богачева, Иловайского, ботаника А. Н. Краснова, физика И. И. Косоногова, знаменитого путешественика и исследователя Азии Г. Н. Потанина, профессоров медицины Пашутина, Васильева, Косоротова, хирурга Грекова, именем которого назван хирургический Институт в Ленинграде, профессора Мельникова-Разведенкова, делавшего чучело Ленина, пионера кинематографического дела в России А. А. Ханженкова, первого строителя подводных лодок с винтовым двигателем в России адм. Кононова, художников Сурикова, Дубовского, Крылова, М. Б. Грекова, скульпторов Бударина, Курбатова, Королькова, художников-декораторов Масянова, К. В. Попова, известного эксперта и знатока старинного фарфора А. А. Попова, известных не только в России, но и в Европе и Америке, композиторов С. А. Траилина, В. И. Сафонова, балетмейстера Де Базиля (сотник Вознесенский), известного собирателя старинных песен Листопадова. Наконец, писатели и поэты: А. Леонов, Р. Кумов, Ф. Д. Крюков, Гусев Оренбургский, П. П. Короленко, П. В. Аврамов, П. Н. Краснов, Щербина (писатель и историк), Серафимович (Попов), Карасев, Тренев, Шолохов, Н. Туроверов, П. Поляков, Н. Воробъев, Мария Волкова, Н. Евсеев, Альникин и много много других. (Добавим от редакции: В. А. Краснушкин (В. севский), Н. М. Мельников — автор «Ермака» и «Каледина»).

Вот эти люди создали славу казачью, и ими мы можем и должны гордиться, а вовсе не тем, в каком столетии сложилось казачество. Это, повторяю, не имеет никакого значения.

В России было много областей с населением гораздо более многочисленным, чем казаки. Но ни одна из областей не дала и малой части таких выдающихся людей, каких дали казаки. И это можно объяснить только тем, что при образовании казачьего Войска сюда шли исключительно энергичные, волевые и предприимчивые люди. Так

на Дону создавалась как бы особая порода людей.

И было бы гораздо интереснее и более полезно, если бы больше уделалось бы внимания выдающимся казачьим деятелям, а их не мало во всех областях науки и исскуства, чем псевдонаучным фантазиям и гипотезам о древности происхождения казаков.

† **Проф. М. А. Миллер.**

КЛАД СТЕПАНА РАЗИНА?

Советский историк Роман Пересветов обнаружил в документах XVII века, принадлежащих перу секретаря нидерландского посольства в России Бальтазара Койэта, рассказ о казни Степана Разина. Как сообщает Койэт, брат Разина Фрол перед самой казнью крикнул палачам, что хочет сообщить царю тайну. Оказывается, Степан перед походом на Царицын закопал на одном из островов реки Дон клад — письма и сокровища, привезенные из Персии.

Царь отправил на Дон своих посланцев. Сохранилось письмо, где они сообщают, что вместе с донскими казаками перерыли много земли на разных островах, но найти клад не смогли. Несмотря на пытки, Фрол не сообщил никаких дополнительных сведений. Через пять лет его казнили. Возможно, брат Разина не хотел открыть место клада, а лищь оттягивал время казни. Легенды о кладе были на Дону известны.

За три века в России находилось много охотников найти разинские сокровища.

Полвека назад в Петербурге объявился претендент на разинский клад — некий есаул Войска Донского. Говорят, что в столице он предъявлял весьма убедительные документы о месте клада, которые произвели сенсацию.

Газета «Донские ведомости» сообщила летом 1903 года, что купец Зимюков по гороскопу узнал, что ему предстоит вырыть клад. Он тут же отправился на поиски, но ничего не нашел. В 1904 году один отставной русский офицер якобы нашел в архиве покойной бабушки подлинную кладовую опись спрятанных сокровищ Разина. Он начал раскопки, обнаружил подземную галерею на дубовых подпорках. Дальнейшим поискам помешала русско-японская война.

Недавно в Новочеркасский музей истории донского казачества пришло письмо Григория Аникеева. Его отец — известный краевед Виссарион Аникеев с 1870 года вел дневник, где сохранились записи со слов его дела и прадеда. В дневнике упоминается о кургане, где зарыт клад Степана Разина. Григорий Аникеев приложил к письму примерный план расположения курганов, где, по его мнению, можно обнаружить сокровища.

После сообщений местной печати об археологических раскопках на Дону в музей стали приходить разнообразные сведения о кладе. Но археологи искали не клад.

Историкам известно, что после возвращения на расписных челнах из Персии Разин основал на Дону, недалеко от бывшей столицы донского казачества Старочеркасска, свой городок. Укрепленный городок служил местом сбора восставших крестьян. Отсюда они отправились против русского царя. Сюда же предводитель восстания и его друзья вернулись после поражения. Известно, что их схватили богатые казаки и выдали царскому правительству. Степан Разин был казнен, а его городок разрушен.

Советские археологи больше десяти лет занимаются поисками разинского городка. Экспедиция во главе с историком Захаром Витковым в прошлом году обнаружила около 600 предметов. Среди них — русские и татарские монеты, оружие, предметы казачьего быта, женские украшения. Сказать, что находки принадлежали разинскому городку, еще нельзя. Это покажут дальнейшие исследования.

— Советские археологи не ставят перед собой задачу найти разинский клад, — говорит научный сотрудник Новочеркасского музоя Лидия Новак. — Это слишком рискованное предприятие, так как мы не располагаем конкретными данными. Но мы надеемся обнаружить место, где находился разинский городок. Он поможет пополнить исторические источники о крестьянском восстании в России.

Т. Дудкина
(«Казахстанская Правда»)

СКРИЖАЛИ СЛАВЫ КАЗАЧЬЕЙ.

(Продолжение №75)

(Взятие городов Мариенбурга, Эльбинга, Плоцка и др. Блокада Данцига).

1813 г. января 1/13 Донесение Кутузову от генерал-майора А. И. Чернышева.
Ваша Светлость уже достаточно осведомлены из донесений графа Платова о моих быстрых движениях, после того, как генерал Платов вверил мне командование отрядом. От Пилькапена я в три дня прибыл за Эльбинг, где захватил более 300 пленных.

1813 г. января 2/14 Рапорт адмирала Чичагова Кутузову о взятии Мариенбурга, Мариенвердера и Эльбинга.
Спешу донести Вашей Светлости, что правой берег Ногата очищен, города Мариенбург, Мариенвердер и Эльбинг заняты, в последнем значительные магазейны. Генерал-от-кавалерии Платов преследовать будет неприятеля по дороге через Мариенбург в Данциг.

1813 январь. Журнал военных действий. Генваря 2 — Генерал граф Платов рапортует, что генерал-адъютант Чернышев с отрядом 27 числа декабря перешел в Прейш-Эйлау, а генерал-адъютант Голенищев-Кутузов, следуя к Эльбингу, 26 числа находился под Браунсбергом. Сам же граф Платов с Донскими полками идет за отрядом Чернышева на Прейш-Голанд, стараясь отрезать переправу через Вислу.

Генваря 5. Генерал граф Платов рапортует, что 28 числа, прибыв в Прейш-Голанд, известился он, что по правой стороне в Мельгаузене показался неприятель в довольных силах пехоты, почему, не теряя времени ,пошел туда и, 30 числа на рассвете вытеснив его, преследовал бригадой ген.-майор Дехтерева до самого Эльбинга. Неприятель поспешно город оставил и ретировался к Мариенбургу и Нейтигу. Генерал Платов, отделив генерал-майора Шепелева на Нейтиг, сам пошел к Мариенбургу. По занятии Эльбинга взято в плен до 400 нижних чинов, сверх того больных: офицеров 35, рядовых 942 и российских в плену бывших 62 челов. Генерал Платов преследует неприятеля по дороге через Мариенбург к Данцигу.

Генерал Платов рапортует от 3 числа, что 1-го сего месяца г. Мариенбург его войсками занят. Неприятель был сильно преследуем до Диршау, где упорствовал в тет-де-поне, но и из сего был вытеснен. При Мариенбурге взято: до 300 человек, сверх того — больных офицеров 40, рядовых 726, да российских рядовых 8, а в Диршау более 200 чел., причем отбиты большие палубы с ружьями и понтонами.

Генерал-адъютант Чернышев уведомляет ген. Платова, что 31 декабря он с рассветом прибыв к Мариенвердеру и разделив отряд на три части, немедленно атаковал город. Неприятель упорно держался, но принужден был уступить храбрости казаков. Подполковник Андриянов, командовавший 3-ей частью, первый занял город. Вице-король италианский и маршал Виктор присутствовали в сем деле и едва успели укрыться с помощию пехоты от преследования казаков. При занятии города взят 1 генерал Ла-Пиерр, 4 сфицера, до 200 рядовых и курьер, отправленный от Наполеона с депешами к принцу Невшательскому, 15 пушек с зарядными ящиками, много шанцовых инструментов и магазейн с жизненными припасами.

При преследовании же неприятеля по дороге к Нейенбургу подполковник Андрианов напал на Баденской эскадрон и совершенно истребил, взяв 47 чел. в плен. Притом доносит, что он сейчас получил уведомление, что посланными от него казаками Нейенбург занят, где захвачено офицеров 16, рядовых 350, также отбито русских, бывших в плену 2 офицера и 32 рядовых. Фельдмаршал кн. Кутузов-Смоленский.

1813 января не позднее 12/24 — Обращение генерала-от-кавалерии Донского Атамана графа М. И. Платова к магистрату Данцига с предложением о сдаче города.

Достопочтенному магистрату г. Данцига.

Упомянутый магистрат еще, видимо, не знает о том, что мой корпус, корпус ген.-от-кав. графа Витгенштейна и корпуса Штейнгеля, Кутузова и Левиза намереваются осадить крепость Данциг, для чего только что прибыла пехота с осадными орудиями. Однако я знаю сердце моего монарха, который ничего более страстно не желает, как добиться для немецкого народа его прежней свободы и неограниченной торговли, восстановить подорванное благосостояние этого доброго народа, с тем, чтобы он никогда больше не испытывал бедствий войны, если только эти благородные цели не могут быть достигнуты каким-либо другим способом. Поэтому, следуя человеколюбивым желаниям моего всемилостивейше-

го Императора и Государя, я предлагаю достопочтенному магистрату подумать о способах, с помощью которых я смогу овладеть городом, не прибегая к пагубной осаде.

Французский генерал-губернатор должен сам признать, что он с незначительным гарнизоном из остатков французских войск не сможет долго оказывать сопротивление нашей силе, не смея расчитывать ни на чью помощь, и что было бы бесцельно, отказываясь от сдачи крепости, ставить на карту уже и так истощенные силы добрых данцигских горожан. Поэтому достопочтенному магистрату предлагается ради любви к большинству городского населения воздействовать на упомянутого генерал-губернатора в целях добровольной сдачи города и, если это не будет сделано, принудить его другими подходящими мерами, чтобы предотвратить бедствия. Пред лицом нашей армии, которая возьмет под свою защиту патриотическое гражданское население, достопочтенный магистрат сумеет воспользоваться любыми средствами для предовращения гибели человечества и разрушения древнего города. К этому я и призываю и одновременно с этим объявляю, что если, не взирая на мою доброжелательность, г. Данциг не захочет сдаться, я начну вскорости осаду города. Подписано: генерал-от-кавалерии и казачий Атаман граф Платов. С подлинным верно: генерал граф Платов.

1813 января 15/27 — Предписание Кутузова Витгенштейну о блокаде Данцига и о выдвижении корпуса графа Платова на линию Столпе — Руммельсбург — Нейштеттин — Шнейдемюль.

№69 г. Вилленберг.

Государь Император с особым удовольствием увидит скорое возвращение к вверенному вам корпусу, ибо теперешние обстоятельства требуют личного вашего командования над оным. Я уверен, что вы, уважая сие мое предложение, отправитесь к своему месту.

Предлагаю вам на первый случай обложить Данциг вблизости одними легкими войсками, **как обложен ныне оный войсками графа Платова.** Употребить все способы для овладения судами на Висле и материалами для построения мостов, а корпус графа Платова тем временем займет сильными отрядами Столпе-Руммельсбург, Нейстеттин и Шнейдемюль. От сих мест Платов будет посылать сильные партии к Одеру. Сим положением граф Платов **обеспечит совершенно блокаду Данцига и квартирное расположение армии вашей.** Генерал-фельдмаршал кн. Кутузов-Смоленский.

1813 января 16/28 — Журнал военных действий с 8/20 по 15/27 января 1813.

8-го — Из рапорта адмирала Чичагова от 6 генваря видно, что граф Платов продолжал преследовать неприятеля до самого предместья Данцига, после чего для пресечения всякого сообщения обложил сей город войсками своего корпуса. В подкрепление графу Платову граф Штейнгель подвинул к нему отряды генерал-майоров Иловайского 4-го и Каховского. 12 генваря гр. Платов имел свою квартиру в сел. Леблау близ Данцига, обложив крепость легкими войсками; для обеспечения посылаются партии к Одеру. Фельдмаршал кн. Кутузов.

1813 января 22/февраля 3. Рапорт Чернышева Кутузову.

Ваша светлость! Я был поставлен в известность графом Платовым 6-го числа сего месяца, что блокада Данцига уже началась дней 5 тому назад. На это я поспешил запросить его — кому было поручено занять дистанцию на левом фланге — наиважнейшем. Граф ответил мне, что это был отряд генерал-адъютанта Кутузова, из-за болезни которого им командовал Иловайский 4-ый, и что этот отряд, имевший регулярную кавалерию и артиллерию, был способнее, чем какой-либо другой, выполнить задачу. Уже получив сведения, впрочем довольно неясные, что пост Слива находится в таком пренебрежении, что гарнизон крепости устроил вылазку в количестве 4000 чел., которым удалось вступить в Оливу и обеспечить подход подкрепления в числе 2000 чел. из Штеттина, я переговорил с графом и просил его разрешения отправиться самому, чтобы улучшить расположение постов на левом берегу. Граф выразил согласие, заверив меня, что трижды отдавал приказание генералу Иловайскому занять Оливу. Он считал, что слухи о приходе помощи в Данциг ложны, так как генерал не рапортовал ему об этом. В момент, когда я утром 9 числа намеревался выехать на передовые посты, граф получил извещение, что отряду ген. Иловайского приказано идти по другому назначению. Тогда, чтобы заменить этот отряд, он назначил войска под командованием ген. Иловайского 3-го и потребовал от меня, чтобы я приказал ему занять все важнейшие пункты. Весь день 9-го я употребил на то, что лично размещал каждый полк, каждый пост и почти каждый патруль, и с того дня, я утверждаю, не только полк, но ни один солдат не прошел в Данциг. Отряд ген. Иловайского 4-го не входит в состав нашего корпуса и был использован для блокады до моего прибытия к графу. По приказу Вашей светлости граф Платов, чьи войска, занятые

на блокаде Данцига, заменены войсками ген. Витгенштейна, выделил корпус достаточно многочисленный, чтобы суметь пробиться вперед и доверил мне командование им. А. Чернышев.

1813 января 26/февр. 7 — Журнал военных действий.

21-го — неприятель, стесненный в Данциге, покушался 14-го делать вылазку с конницею и пехотою в числе 2000 человек к Оливе, но был с уроном вогнан опять в крепость. Граф Платов посылает сильные партии к стороне Одера. Отряд генерал-майора Иловайского 3-го занял Лауэнбург и нашел там магазейн.

22-го — Казачьи партии, следующие впереди колонн Главной армии и ее авангарда, вступили вчера в Плоцк и немедленно переправились за Вислу для дальнейшего поиска неприятеля. В Плоцке наден значущий магазейн — 5000 корцев овса, 6000 центнеров муки, 7000 хлебов и до 800 бочек соли.

25-го — Казачьи партии колонн Главной армии прибыли 23-го генваря в мест. Гомбин и Гостинин и нигде неприятеля не встречали. Фельдмаршал кн. Кутузов-Смоленский.

1813 января 27/февр. 8 — Предписание Кутузова Витгенштейну о направлении казачьих отрядов за Одер к Франкфурту и Кроссену.

Казачьи полки корпуса графа Платова на первый случай могут оставаться в Старгарде и Ландсберге. От сего последнего места нужно будет не только посылать за Одер, но и к стороне Франкфурта и Кросена, чем угрожаема будет коммуникация между Кюстрином и Позеном. Ген. — фельдмаршал К. С.

1813 января 29/февр. 10 — Журнал военных действий с 26 по 29 янв./7 по февр. —

Генваря 26 — Генерал-майор Паскевич занял с 7-м корпусом Закрочин и выставил казачьи посты для наблюдения за Модлином, где схвачены были до 30 пленных под самой крепостью.

Генваря 28 — Желая овладеть продовольствием в селениях около Данцига, неприятель сделал 23 генваря вылазку на наш левой фланг против сел. Брентай — был немедленно встречен казачьим полком Ребрикова 3-го и 1-м Башкирским майора Лачина, которые, несмотря на упорность неприятеля, поражая оного стремительными ударами и взяв несколько в плен, удержали вылазку.

В то же время показалась сильная пехотная колонна с кавалерией на нашем правом фланге, противу села Ненкау и сначала потеснила наши передовые посты. Войсковой старшина Мельников 4-ый воспользовался сим временем, выстроил полк и, присоединив к себе разные казачьи команды, на помощь пришедшие, обскакал фланг неприятеля и столь стремительно и внезапно ударил в тыл, что привел его в смятение и совершенный беспорядок. Последствии сего дела имели желаемый успех. Из всей колонны, которая была отрезана от города, не возвратился ни один, на месте положено до 600, в плен взято до 200, сверх того еще 1 полковник, 1 подполковник, 1 майор, 7 капитанов, 6 порутчиков, 8 подпорутчиков и 49 унтер-офицеров. В сих делах отличились: майор Лачин и войсковые старшины Мельников 4-й и Ребриков 3-й, которые первыми врубились в колонны. С нашей стороны убито: 2 урядника, 4 казака и 7 башкирцов; ранено офицеров 4, урядников 5, казаков, башкирцов 46, лошадей убито 51 и ранено 23.

Генерал-адъютант Чернышев казачьим отрядом занял местечки Шлохау, Фридлянд и Флатов. Везде встречают жители победоносные войска наши с радостию.

29-го — 23-го неприятель сделал сильную вылазку из Данцига на наш пост в Оливе. Генерал-майор Иловайский 3-й встретил его обще с полковником Изюмского гусарского полка графом Долоном. Опрокинув, преследовали до самой крепости. При сем прилагается копия с капитулации крепости Пиллау. Кн. К. — С.

1813 февраля 5/17 — Предписание Кутузова Витгенштейну о совместном с корпусами Йорка и Бюллова наступлении на Ландсберг с задачей отрезать противника от Магдебурга.

После такого жестокого поражения неприятеля и, можно сказать, уничтожения его армии в течение всей войны, Наполеон при всех усилиях едва мог подкрепить остатки своих сил корпусом генерала Гренье, которые не превышает 17000. Если к этим еще присоединить войска вице-короля италианского, тогда все силы могут составить армию в 40.000 челов., между коими 1500 чел. кавалерии. Я полагаю, что Ваше сиятельство имеет от 30 до 35 тысяч войска; к сему присоединяются корпусы Бюллова в 10.000 и Йорка в 20.000 человек, которые в ваше полное распоряжение отдаются. Марш учредить на 3 колонны: корпус Бюллова составит правую, г-на Йорка — среднюю, а из российских войск — левую. Весь корпус, бывший в команде генерала-от-кавалерии графа Платова, составит передовое ваше войско.

1813 февраля 6/18 — Рапорт Кутузова Императору Александру о сражениях при Калише и Познани.

Генерал-адъютант барон Винценгероде свидетельствует о безпримерной храбрости

всех чинов, в сем деле находившихся. Войсковой старшина Денисов целую ночь перестреливался с оставшимся ариергардом и сейчас, по соединении с ним полковника Луковкина, оба сии казачьи полка, прогнав последних стрелков, из коих захвачено в плен до 100 чел., вошли в Позен, где найдены более 2 тыс. ружей, довольно значущий магазейн, насколько амуниции и до 500 чел. в гошпитале. Фельдм. кн. К-С.

1813 февраля 6/18 — Журнал военных действий с 29 января/10 февраля по 5/17 февраля.

Февраля 1. Генерал Милорадович доносит, что неприятель в числе 100 чел. намеревался 30 генваря занять сел. Поликов, но казаками был опрокинут. Равномерно 200 чел. напали на казачий пикет в лесу близ Модлина стоящий, но казаки спешились, опрокинули неприятеля и убили 5 чел. без потерь.

Н. Воробьев.

(Продолжение следует)

В стране далекой, но родной,
На старом брошенном кладбище
Под белоснежною горой
Бездомный ветер в поле рыщет.

Давным давно там спит мой дед,
Мой дед седой артиллерист;
Уж столько мертвых, страшных лет
Шумит над ним вербовый лист.

Его могилы тихий сон
Лишь ветер северный тревожит,
Никто от самых похорон
Цветов на холмик не положит.

Вокруг шуршит степной бурьян,
Полынь струится медом к небу,
Да Дон, под игом северян,
Ведет с сухой кугой беседу...

Н. Кузнецов.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА УРАЛЬСКОМ ОТД. ФРОНТЕ.

(2-ой Лбищенск. Гибель Чапаева).

К концу августа 1919 г. после некоторой отлучки возвратился на фронт в качестве командующего сов. войсками легендарный Чапаев. На главом направлении, по р. Уралу, со стороны красных были 22-ая и 25-ая пех. дивизии с приданными конницей, артиллерией и другими вспомогательными частями. Красные в это время уже занимали ст. Сахарновскую (180 верст от Уральска), их штаб находился в Лбищенске — 45-50 верст в тылу от фронта. Казачьи части занимали поселок Калёный Сахарновской станицы в 12 верстах на юг от нее.

Василий Иванович Чапаев получил приставку к своему имени по смерти « легендарный ». Про него и теперь поют песни, восхваляя его личную храбрость. Имеется и обширная литература, как книга Д. Фурманова « Чапаев ». Про бой в Лбищенске имеется фильм. Лбищенск теперь называется Чапаевск. В песнях поется — « Гулял по Уралу Чапаев лихой... » или « Блеснули клинки, прокричали Ура — И все разбежались юнкера ». Юнкеров на фронте не было, но они понадобились « поэту » для рифмы с « Ура ». Как в песнях, так и в фильмах — сходство с истиной имеют лишь собственные имена. 25-ая дивизия именуется Чапаевской, а сам Чапаев, несмотря на его поражения и промахи на Урал. Отд. фронте — «герой Советского Союза ». Биография его проста: фельдфебель запасного пехот. полка в Николаевске, участник войны 1914-17 гг., кавалер нескольких георгиевских крестов и медалей, был ранен. До войны состоял в партии социал-демократов, а с революции в партии коммунистов.

У казаков тоже про Чапаева были легенды. Говорили про его строгости для введения дисциплины среди красногвардейцев: непослушных он выстраивал, приказывал открыть рот и собственноручно из нагана убивал осужденных. Говорили, что он любит курятину, почему всегда возит с собой корзины живых кур. « Чапаевскими комиссарами » казаки называли тех всадников, которые гнали пеших красных в атаку (что вначале можно было видеть часто).

К концу августа уже не было необходимости держать конную дивизию далеко на левом фланге и 2-ая дивизия была вызвана на главное направление. Расположилась она в небольшом лесочке по р. Уралу между поселками Сахарновской станицы — Калёный и Лебедок. Пешие наши части занимали заблаговременно вырытые хорошие окопы в сторону Сахарного. Лето продолжало быть сухим, стояла хорошая погода и стоянка на берегу Урала могла бы быть приятным отдыхом, если бы снабжение, главным образом фуражем, было бы хорошим. Не было сена и полк с риском быть захваченным « врасплох », каждое утро переправлял коней через Урал, на бухарскую сторону, на выпас. На правом же берегу Урала по лугам и степи все, до корней, было съедено скотом беженцев, конским составом частей и обозами при отходе. Вечером вплавь коней переводили на правый берег, привязав за хвост каждой лошади по связке травы на ночь. Зерном же снабжались из обозов 2-го разряда.

После нескольких дней пребывания на берегу Урала на фронте появился ген. Тетруев в роли командующего каз. частями со своим « планом ». На нашем участке фронта его никто не знал. Был он прислан из Добр. Армии и до последнего времени находился в Гувьеве, занимаясь делами Богатинского (3-ее степенного) направления. Он не казак, но кажется Генерального Штаба. Его « план » состоял в том, чтобы всей конницей (2-ой дивизией), в конном строю, средь « бела-дня » атаковать Сахарный тремя, одна за другой идущими, лавами. Местность между Сахарным, занятым красными, и Каленым, занятым казаками, была ровна как стол. Сахарный был занят двумя сов. пех. дивизиями (22-ой и 25-ой) с артиллерией, конницей и большим количеством пулеметов. На окраинах Сахарного в сторону Каленого были окопы, а все улицы во все стороны были забаррикадированы, забиты телегами, боронами, сельскохоз. машинами. Атаковать в таких условиях было просто сумашествием... Но план Тетруева был принят высшим командованием и была назначена « демонстрация », где генерал должен был указать место каждому полку. И она состоялась. Несуразность и пагубность этого плана была настолько очевидна, что вызвала глубокое возмущение всех офицеров 2-ой дивизии, которые обратились к начальнику ее полк. Т. И. Сладкову с просьбой план отвергнуть, для чего, если будет нужно, снестись с командиром корпуса и даже Атаманом. Так и сделали, и вечером этого же дня стало известно, что атака Сахарного средь бела-дня в конном строю отменяется. Больше ген. Тетруева на фронте не видели. Потом рассказывали, уже в эмиграции, что его видели при сдаче большевикам Баку. Там он и остался.

Появился новый план военных действий — обход в тыл красных и нападение на Лбищенск. Результатом его был полный разгром красных и гибель Чапаева со всем его штабом.

Через 2-3 дня после отмены « плана » Тетруева полки нашей 2-ой дивизии получили приказ: запастись на несколько дней продовольствием, фуражем и с малым обозом быть готовым к походу. 30-31 августа дивизия под командой полк. Т. И. Сладкова выступила из Каленого в степи. Состояла она из конных полков: 1-го Партизанского с полк. Н. Абрамовым, Лбищенского с полк. Н. Лифановым, 2-го Партизанского с полк. В. Гаршковым и Кавалерийского с полк. Ф. Поздняковым. Были приданы два орудия из только что полученной батареи английских пушек с командиром батареи ес. А. Юдиным. Чтобы не быть замеченными красными, дивизия за ночь должна была углубиться в степь, днями отдыхать, а ночами выйти на высоту Лбищенска. К этому же времени туда же должен был подойти с частями Саломихинского фронта, полк. Бородин, который и будет командовать всем отрядом.

Во время этой операции обнаружилась необыкновенная безпечность красных или же постоянная их боязнь отделяться малыми группами от своих баз. Выйдя на высоту Лбищенска, дивизия остановилась в складке местности, возле колодцев зимовника в 15 верстах от Лбищенска. Были высланы дозоры под скирды сена с тем, чтобы задерживать всех, не исключая и женщин, дабы никто не мог бы вернуться в поселки по линии р. Урала. Подошел и отряд полк. Н. Н. Бородина, остановившийся на дневку для восстановления сил конского состава, что было необходимо после утомительных походов по степям.

В первую же ночь от 1-го Партиз. полка был послан разъезд на дорогу между Лби-

шенском и Горячкиным. Перед рассветом он возвратился, приведя с собой две повозки с хлебом и с их кучерами. Разъезд этот со стрельбой разогнал большой обоз и будто бы видел фары приближающегося автомобиля, который, услышав стрельбу, возвратился в Лбищенск. От пленных мы получили точные сведения о месте нахождения штаба красных и личной квартиры Чапаева. Но тем не менее шесть конных полков, с обозами (кони паслись в поле), с батареей два дня и две ночи простояли в 15 верстах от Лбищенска и не были замечены, несмотря на нападение на обоз и стрельбу на дороге.

На следующую ночь отряд приблизился к Лбищенску, полки спешились, оставив коноводов. 2-ой Партиз. полк был оставлен в резерве. 1-ый Партизанский и полк Позднякова должны были атаковать Лбищенск со стороны степи и выхода в сторону Уральска. Лбищенский полк и части полк. Бородина — со стороны выхода на низ, т. е. к. Сахарному. В этом деле, как и весной при первом разгроме Лбищенска, 1-ому Партиз. полку достался тот же участок, а 2-ой Партизанский также оставался в резерве. Как и весной, полк. Абрамов должен был командовать участком в степи, а пишущий эти строки, как и тогда — вести полк в атаку. Подойдя чуть ли не вплотную к дворам Лбищенска, мы залегли в ожидании сигнала « подниматься ».

Станичные кобели, почуя казаков, подняли лай. Но странно, и казаки тоже это заметили, что собаки лаяли не сердито, не так, как на волков или киргизов, а « ласково », как будто приветливо.

Наконец получаю долгожданное приказание подняться и « вперед »... 1-ая сотня 1-го Партизанского полка должна была, по возможности нигде не задерживаясь, дойти до берегов р. Урала, где расположен в большом доме с этажом штаб красных, а напротив личная квартира Чапаева, и постараться их занять. Но сотне полностью сделать этого не удалось, что я и предвидел, настаивая, что сотню нужно послать целиком, в конном строю, и, заняв нужные дома, забрав там всех живыми, там забаррикадироваться, ожидая полного очищения Лбищенска от красных.

Остальные цепи без выстрела вошли в улицы города. Расположение улиц было хорошо известно, и скоро началась их « очистка », но уже со стрельбой. Сотня, а где и полусотня, занимали улицу: взвод — направо, взвод — налево, по середине улицы резерв, заходили в дворы, дома, постройки, приказывая грозно « урядническим голосом » — « Бросай оружие, выходи во двор пока живы... А то брошу гранату (которых у нас и не было) в окно.... ». Полураздетые, испуганные красногвардейцы выбегали и сдавались..... их группировали при резервах, а затем гнали бегом в степь, к ветрянкам, где их со 2-ым Партиз. полком ждал полк. Гаршков.

Сопротивления были редки и ликвидировались быстро: один-два выстрела в окно (что делает большой шум) и красные выбегали. Уже рассветало, когда участок полком был очищен и сотни вышли на берег Сухой Старицы, которая отделяла эту часть Лбищенска от р. Урала. В центре станицы, на церковной и станичной площади, была еще слышна ружейная и пулеметная стрельба.

Вдруг послышалась пулеметная стрельба со стороны ветрянок... В недоумении я спросил бывших около меня офицеров: « Что такое? В чем дело?.. » Командир 2-ой сотни мне ответил: « Это 2-ой Партизанский полк упражняется »... Я понял..... Жестокая вещь гражданская война.

Сдна из сотен 1-го Партиз. полка была выдвинута по Сухой Старице в направлении на р. Урал. Коноводы полка еще находились вне Лбищенска. Размышляя, что делать дальше, я оглянулся и вижу перед собой моего деньщика Кирсанова, который оставался с коноводами. Удивленно спрашиваю его:

« Что ты здесь делаешь, Кирсанов? »

« Да я — говорит — прибежал сюда, думал, что ты может быть закусить что-нибудь хочешь? Я уж нашел здесь горшочек с каймаком и « какурку »... Закуси.... »

Казак Иван Кирсанов Бородинского поселка Иртецкой станицы еще во время германской войны был у меня деньщиком и всегда отличался необыкновенной заботливостью о пропитании своего командира и редкой способностью, в условиях самых неблагоприятных, розыскать все, что надо для стола офицеров сотни. Во время же гражданской войны, зимой и летом, в лаве или цепи, к 12 часам или вечером в часы ужина приезжал на своем тарантасе в лаву или цепь со своими « котлетами ».....

От « закуски » я отказался, но попросил его немедленно отправиться к коноводам, отыскать моего вестового с моим конем, и на карьере отправить его ко мне. — « Коноводы скоро будут здесь, получили уже приказание, а если тебе надо лошадь, то я уже здесь подыскал одного маштачка, Овчинивского завода, в базочке спрятал, заседланный... » Кирсанов помимо « продовольствия » заботился и о других « удобствах » жизни.....

На приобретенном Кирсановым коне я направился к центру Лбищенска, в надежде

отыскать там комадира полка. Участок Лбищенска от церковной площади на низ был значительно больше участка данного 1-ому Парт. полку и он к этому времени не был еще окончательно очищен от красных. От станичного правления шла широкая улица к р. Уралу, в конце упираясь в большой дом, где помещался главный штаб красных. Против него — дом, квартира Чапаева. В доме штаба красные, собравшись, поставили два пулемета в окнах, стрелки пробили бойницы в заборах и держали улицу под обстрелом. На карьере я ее пересек, оставил коня сгруппировавшимся под стенами домов казакам и от них узнал, что командир полка полк. Абрамов находится впереди, под штабом красных, и дворами, под стенками, стал пробираться к нему. Недоходя двух дворов от красного штаба, я нашел его и пулеметную команду полка во дворе, вне обстрела, и узнал от него, что за 1/4 часа до моего прихода полк. Бородин тем же путем, как и я, под стенками пробирался вперед... Неосторожно он остановился против маленького окна летнего помещения, и выстрелом из винтовки оттуда был убит наповал. Стрелявший был немедленно извлечен и здесь же во дворе получил расплату.... Все это произошло за какой нибудь час до окончательного очищения Лбищенска от красных. Командование отрядом после смерти полк. Бородина принял полк. Т. И. Сладков.

Задний двор помещения красного штаба выходил непосредственно на р. Урал. Полученное мною приказание — направить сотни на Урал и, частично повернув, занять дворы против штаба, мною было быстро выполнено и я возвратился к полк. Абрамову. Порк. Лифанов с Саломихинскими частями был еще занят очищением своего участка и с полк. Абрамовым был лишь подхор. Шайшников, начальник пулеметной команды. Из помещения красного штаба со двора продолжали стрелять пулеметы, держа постоянно улицу под огнем. Все же нами было решено выкатить наши пулеметы и как нибудь, из под стенки, попробовать заставить замолчать пулеметы красных, особенно один из них, установленный в окне дома, хотя бы на короткое время. На мое приказание нашей пулеметной команде снять с повозок два пулемета и выкатить их под стену, на улицу, урядник Юшкин, племянник сот. Юшкина, убитого в Илеке, мне заявил, что снимать их не нужно, а что он выскочит на « долгушке » (тарантас без козел), запряженной парой коней, на улицу, на карьере сделает поворот и « расшибет » пулемет красных. На мой доклад об этом полк. Абрамову, он смог только выговорить: « Сумасшедший, сумасшедший.... ». Открыли ворота, карьером выскочил Юшкин со двора и сделал поворот.., красный пулемет не поспел взять его на прицел, как Юшкин в ста метрах от окна расстрелял по нему ленту.... Кучер-казак, он же 2-ой номер, лежа на животе в « долгушке », подал ему вторую ленту.., Юшкин продолжал стрелять по окну и « сеять » время от времени по забору, по воротам..... Пулеметы красных замолчали, все казаки бросились во двор, в дом, где нашли несколько убитых и раненых и умирающего раненого в голову, видимо адъютанта штаба, по бумагам бывшего капитаном. Остальные красногвардейцы, занимавшие дом и двор штаба, бросились к Уралу и поплыли на бухарскую сторону: двумя пулеметами 1-го Партиз. полка все они были перебиты и потонули. Уряд. Юшкин был ранен в бок, по его словам в самом начале при первой ленте. Ранение его было не серьезно и он оставался в строю полка.

Советский генерал Хлебников, бывший тогда там начальником артиллерии красных, пишет об этом так: « В ночь с 4-го на 5-ое сент. 1919 г. в штаб прибыл Чапаев с новым комиссаром Батуриным (до этого комиссаром Фронта был Д. Фурманов) конная группа противника внезапно (?) атаковала Лбищенск. Застигнутые врасплох, чапаевцы, отдыхавшие по домам, выбежали на улицы, дрались ожесточенно, но почти все погибли. Чапаев со своим верным ординарцем Исаевым, комиссаром Батуриным, командармом штаба Крайнаковым, Суворовым и Чаповым погибли в неравном бою. Раненый Чапаев пытался переплыть реку Урал, но, сраженный пулей, пошел ко дну... »

В Лбищенске был паром на участке атакуемом полк. Лифановым, но в момент занятия этой части станицы он оказался на бухарской стороне Урала. Казаки Лбищенского полка переплыли реку, перегнали паром на правый берег и переправили на нем конный взвод для преследования, возможно спасшихся, красногвардейцев. Но там, кроме десятка убитых, на берегу никаго не было. Говорили, что между убитыми была одна женщина.

Первая сотня 1-го Партиз. полка, несмотря на задержки в пути, первой заняла квартиру Чапаева. Ворвавшись во двор, как рассказывал вахм. Белоножкин, он увидал заседланного коня, которого держал за чумбур кто-то спрятавшийся за дверь летнего помещения. Выстрелом в слуховое окошечко конь был так напуган, что рванулся и на поводу вытянул державшего его красного. В этот момент

из дома выбежал человек (Беложкин в лицо Чапаева не знал) в кожаной куртке и бросился к воротам, к выходу.... На окрик « Стой... » не остановился. Белоножкин выстрелил в него, но он все же открыл ворота, перебежал улицу и скрылся во дворе штаба. « Трудно поверить, чтобы я его не « задел », стреляя на 20-25 шагах расстояния » — говорил Белоножкин.

Казаки из 1-ой же сотни рассказывали, что при вступлении в Лбищенск, когда еще не было полного рассвета, видели конного, скакавшего по улицам с криком о тревоге. Отсюда понятно, почему красные успели организовать сопротивление вокруг своего штаба. Но каким образом узнали они о грозившей им опасности?

Вспоминаю, что, размещая цепи сотен на последней позиции, перед началом атаки, я был еще на коне, со мной был вестовой. Еще было темно, но все же в стороне от моего пути я заметил тень бегущего человека. Подскакал к нему. Спрашиваю — кто он такой и почему здесь? Отвечает, что он солдат из Поздняковского полка, ищет свой эскадрон. Ничего не подозревая, занятый мыслями о предстоящей атаке, я ему указываю, что он идет не к полку, а от него. Указал ему направление. Думаю: ночь, темень, отбился, заблудился.... А в полку у полк. Позднякова было много солдат из пленных красногвардейцев, изъявивших желание служить « у нас». Полк. Поздняков после, в разговоре, так же допускал возможность побега одного или даже нескольких из них. Возможно, что встреченный мною и был один из доносчиков.

Но как бы то ни было, если красные и были предупреждены за 1/4 часа до нашей атаки, они ничего серьезного сделать не могли к 11 часа 5-го сент. Лбищенск был в руках казаков. До этого красные ни в Уральске (тыл), ни в Сахарном (на фронте), несмотря на наличие безпроволочного телеграфа (остальные линии были перерезаны до атаки на Лбищенск), ничего не знали об этом. Это видно из того, что едва мы заняли помещение красного штаба и покончили с плывшими через Урал большевиками, как заметили круживший над Лбищенском аэроплан. Наш отряд ждал своего аэроплана и для опознания, что в Лбищенске можно спускаться, около ветрянок уже были крестом разложены простыни. Но когда самолет снизился для посадки, то заметили на крыльях серп и молот и звезды. С десятком конных казаков, я, с полк. Абрамовим на тарантасе, окружили снизившийся аэроплан и с винтовками и револьверами, направленными на его кабинку, приказали летчику выходить и « Руки вверх »... Советский летчик был сильно удивлен неожиданным приемом. Он оказался бывшим офицером, поручиком Железновым, хорошей уральской фамилии. Аэроплан был уведен в тыл спустившимся через несколько минут казачьим самолетом. А Железнов « раскаялся », служил « верой и правдой » Уральскому Войску, был хорошо принят, но все это не помешало ему под конец « улететь к своим », захватив сведения о боевом (тогда плачевном) составе нашей армии.

Самолет Уральс. Отд. Армии, снизившийся в Лбищенске в 11 часов, тоже ничего не знал, что происходит на фронте. При его отлете красные еще были в Сахарном.

Все, что было в Лбищенске из красных частей (до 2000 человек) погибло. Осталось лишь около 100 человек пленных случайно уцелевших, в том числе уральская казачка женщина врач Овчинникова и другие женщины из красного штаба. Обозы, кони, склады провианта, огнеприпасов и тд. все было взято. Между прочим казаки набрали много бурок, кинжалов и каз. седел.

Приказывалось ничего не брать, не перегружаться, но это не помешало обозам распухнуть (« жалко бросать ») до невероятности. Захваченный гурт скота и тот стараниями 1-го Партизан. полка был угнан в глубь степей, и впоследствии был использован как мясной запас.

Наши потери, если не считать полк. Бородина были ничтожны. В 1-ом Парт. полку, кроме ур. Юшкина, было ранено еще 2-3 казака. В других потери были также незначительны. Смерть полк. Бородина была большой потерей не только для нашего отряда, но и для всего Войска. Посмертно он был произведен в генералы. Трагедия его смерти усугублялась еще тем, что произошло это всего за час до окончательного захвата Лбищенска и тем, что совсем не входило в роль начальника отряда идти в опасное место, по району, еще не очищенному от красных, и без всякой охраны. Пренебрежение опасностью и желание своим присутствием ускорить падение Лбищенска, побудили его пуститься на этот необдуманный риск.

К вечеру 5-го сент., после короткого отдыха, полки 2-ой Партизанский, Чижинский и Позднякова выступили из Лбищенска на Уральск. Одновременно Лбищенский полк полностью выступил в направлении на Сахарный и занял позиции на « Урале » в 3-ех верстах от станицы, откуда начиналась равнина до самого п. Горячкина, через который и должны были идти красные, если они пой-

дут на Лбищенстк из Сахарного.

Оставшейся в Лбищенске бригадой командовал полк. Абрамов. 1-ый Партизанский полк имел задачей еще раз просмотреть дома и дворы и окончательно очистить станицу. Улицы, дворы были забиты трупами перебитых красных, их нужно было полку убрать, так как здорового мужского населения в Лбищенске больше не было. Трупов было такое количество, что убрать из за остаток дня было невозможно. Ночью, не обращая на них внимания, спали во дворах, где они еще находились. Ночь с 5-го на 6-ое провели спокойно. К 12 часам дня 1-ый Партиз. полк должен был отправиться на « Увал » и заменить там Лбищенский полк.

Едва Лбищенцы скрылись за поворотом, как наши дозоры заметили цепи красных, вышедшие из Горячкина. Получив донесение об этом, полк. Абрамов приказал подпустить их на выстрел, обстрелять из винтовок и пулеметов, и, не задерживаясь, на рысях возвратиться в Лбищенск. Три цепи, вправо и влево от дороги, быстро, чуть не бегом, приближались к « Увалу ». Обстреляв их, полк, как было приказано, возвратился в Лбищенск. Продвижение красных было так стремительно, что при возвращении полка они были уже верстах двух от Лбищенска. Артиллерии у нас не было — наши два орудия ушли с полк. Сладковым на Уральск. На нашем правом фланге появились два эскадрона красных, старавшихся обхватить Лбищенск со стороны степи. В центре, цепи красных, в силу их обстрела спешившимся Лбищенским полком с окраин города, задержались, но их левый фланг, никем не сдерживаемый, уже выдвинулся вперед своей пехоты, углубляя обход. Получаю приказ: « Послать одну сотню и разогнать красных... » Такова было оценка красной конницы, той самой, про которую большевики поют « Гулял по Уралу Чапаев лихой.... ». Ее на Уральском Отд. Фронте никогда не считали серьезным противником.

Со 2-ой сотней Русаков карьером выскочил из Лбищенска и бросился на красные эскадроны.... Красные, увидав казаков, заскакали за свои цепи, дав им возможность обстреливать сотню Русакова, которая, отойдя, старалась обойти их фланг. Против же Лбищенска огонь спешенного Лбищенского полка заставили красных « залечь », в ожидании, как мы предполагали, их артиллерии. Но их левый фланг все же продвигался вперед, грозя нам обходом. С двумя сотнями 1-го Партиз. полка я был послан туда и, маневрируя то атакой, то спешиванием, задержал красные цепи до сумерок. Подошла красная артиллерия и начала обстрел окраины Лбищенска, не забывая и нас. Я получил приказание с тремя сотнями 1-го Партиз. полка оставаться до ночи на этом фланге, а с ее наступлением, минуя поселок Кожехаров (в стороне от дороги), отойти в пос. Барановский Бударинской станицы. Лбищенский полк и одна сотня 1-го Партиз. полка тоже оставят Лбищенск, что можно будет узнать по взрывам зажженного там ими в последнюю минуту складов снарядов.

Стемнело. В Лбищенске послышались взрывы, потом вскоре видны стали пожары; то красные его заняли и зажгли во многих местах. Тогда мы отошли на Барановку, где были встречены разъездом 1-ой сотни, сообщившим нам, что в самый последний момент перед оставлением Лбищенска полк. Абрамов был ранен пулей в ногу. Я его увидал в Барановке и получил от него приказание — 1-ому Партиз. полку оставаться на ночь в Барановке, а Лбищенский полк и все обозы этой же ночью должны уйти на Бударин.

Со всеми предосторожностями провели мы там ночь. Спали не крепко и было не очень весело, несмотря на то, что вечером ели « чапаевскую курицу ». Кирсанов все же добрался до квартиры Чапаева в Лбищенске и « подобрал », как он сказал, в курятнике 2-3 курицы, а чтобы не уходить из дома с « голыми руками, захватил » полдюжины тарелок, кастрюлей и все, в чем он имел недостаток.

Рано утром большевики повели наступление на Барановку. Заняв ее, зажгли и, не останавливаясь, пошли на Бударин. 1-ый Партиз. полк, не теряя контакта с красными, также отходил по луговой дороге и почти одновременно с красными цепями вошел в Бударин. Там нам стало известно, что полк. Сладков с полками 2-ой бригады и соломихинцами, двигаясь на Уральск, после Бударина прошел поселки Колвертный, Прорвинский и в Богатском уперся в красный отряд, высланный из Уральска против каз. частей.

У нас же пока ничего не знали, что делается на фронте, т. е. в районе Сахарного. Предполагалось, что большевики там держат фронт и выделенными оттуда частями стараются вытеснить нас, находящихся у них в тылу. Для того, чтобы оторваться от них, 1-ый Партиз. и Лбищенский полки после оставления Бударина ускоренным темпом двинулись на соединение с полк. Сладковым. Только вечером этого дня встретились с ним в лугах между поселками Порвинским и Богатским. Между ними около 10 верст. Ночью на военном совете было решено с утра выйти

в степь. Утром, двумя колоннами, с нескончаемыми обозами, прикрываясь на обе стороны, на виду красных цепей с обоих сторон, без каких бы то ни было активных действий со стороны красных, отряд вышел в степь. Получалось впечатление, что красные были рады «выходу из игры» казачьего отряда. Скоро высянилось, что они имели основания быть довольными.

Оказалось, что красные дивизии, занимавшие Сахарный, узнав о падении Лбищенска, все целиком бросили фронт и спешно двинулись на Лбищенск. Оставление Сахарного они старались сделать незамеченным. Главные силы их отошли с фронта на один переход раньше конного арьергарда, который, оставляя Сахарный, взорвал церковь, и тем привлек внимание казачьих частей, находившихся на фронте к югу от Сахарного. Но преследование красных велось недостаточно энергично, эти наши части догнали отступающих красных лишь в поселке Богатском утром в день выхода полк. Сладкова в степь. В 5-6 верстах от р. Урала, на глазах соединившихся красных (из Сахарного и из Богатского) к нашему отряду спустился аэроплан Уральс. Отд. Армии, тот же, что спускался в Лбищенске, от которого мы и узнали об истинном положении на фронте. Но было поздно использовать отход красного фронта от Сахарного... И стало понятно, почему красные не препятствовали выходу каз. отряда из окружения, и почему отряд полк. Сладкова, находясь в глубоком тылу у красных, не проявлял активности, оставаясь до последней минуты в убеждении, что фронт все еще находится в Сахарном, не желая нести потери, обременяться ранеными и рисковать быть окруженным и уничтоженным. Было бы другое дело, если бы этому отряду было все известно. Тогда если бы обе красные дивизии не были бы совершенно уничтожены, то были бы сильно потрепаны и потеряли бы во всяком случае артиллерию и обозы. Местность способствовала скрытному оставлению частей в тылу и флангах отступавших красных. Дорога, по которой они должны были отходить, местами удалялась от р. Урала на 2-3 версты. Лесочки по берегу реки и лугам могли укрывать целые полки. Как всегда, охранение у большевиков было плохо организовано и не было большого риска быть замеченным, устраивая им засады.

По получении сведений от летчика о полном крушении красного фронта, отряд полк. Сладкова повернул на линию р. Урала и, совместно с преследовавшими красных каз. частями с фронта, выбили большевиков из Богатского, Прорвинского и Янайского поселков. Красные зацепились на хорошей для них позиции в Скворкинской станице, где и задержались на целый месяц.

Таким образом кончился рейд на Лбищенск, появившийся как протест пагубному плану ген. Тетруева. В результате него красные потеряли до 2500 бойцов, командующего фронта Чапаева, со всеми его ближними сотрудниками, вся организация фронта была нарушена и они были отброшены на 140 верст на север.

Париж **П. А. Фадеев.**

КАТЫНЬ

(Продолжение № 75)

Тут нет места рассматривать показания всех свидетелей, однако нельзя обойти молчанием толковое и последовательное свидетельство бывшего советского гражданина Ивана Кривозерцева. Он ушел на Запад и в октябре 1946 года дал показания. Его имя фигурирует и в немецком следственном материале. (глава VI, 3.)

Он родился в 1915 году в деревне Новые Батоки, в 12 верстах от Смоленска по дороге в Витебск. По одной стороне ее разбросаны деревни, по другой тянется дремучий лес, носящий название, как и большое село, Катынь, на его опушке. Часть леса в сторону Смоленска называется Косогоры, или Козьи Горы.

Окончив пятиклассную школу и научившись ремеслу, в 1937 году Иван был призван в Красную Армию и служил в строительном батальоне. Вскоре он был навсегда освобож-

ден от военной службы, благодаря серьезной болезни глаз.

В начале марта 1940 года, внимание всех привлекала Финская война. Кривозерцов жил в колхозе, в деревне Грущенка, и работал в парниках, вблизи станции Гнездовая. С места своей работы он заметил, что в лес Косогоры, в открытых грузовиках, систематически привозят людей с лопатами. Местные колхозники ухитрились перебросится с ними вопросами и узнать от заключенных Смоленской тюрьмы, что их привозят в лес копать большие ямы. Население насторожилось, зная, что эта часть леса служит местом расстрелов...

От первых дней революции в Косогоры, время от времени, привозили небольшие группы осужденных на расстрел. Местные жители ходили в лес собирать грибы и валежник, и только в 1927 году Косогоры заняло ГПУ, обнесло лес колючей проволокой, от стороны дороги поставило деревянный забор. Над воротами появилось: « Запретная зона ГПУ. Посторонним лицам вход запрещен ». Одновременно, в глубине леса, на берегу Днепра, выстроили « дачу » — она служила местом отдыха для работников ГПУ и временного пребывания конвойных чекистов; местом выступления на казнь для обреченных и ночлежкой палачей. Если кто нибудь из деревенских жителей, увлекшись собиранием грибов, перелезал через проволоку, его сейчас же прогоняли из « запретной зоны ».

Однажды утром, упомянутого марта, продолжая работать в парниках, Иван заметил на дороге ряд автомобилей: впереди легковая машина, за нею две черные, тюремные, и за ними полуторатонный грузовик. В полдень он встретил сестру, которая возила навоз для парников мимо станции Гнездовая и заметила, что туда прибыл транспорт военнопленных. — « Финов возят расстреливать! » — шепнула она брату.

— « Не Финов, да поляков! » — опроверг Хрусталов, так же колхозник, возивший навоз мимо станции, бывший солдат первой мировой войны, разбиравшийся в военной форме.

На следующий день, увидя новый транспорт, Иван понял, что творится недоброе и стал осторожнее наблюдать и прислушиваться. Среди населения поднялась волна внутреннего возмущения и поползли слухи... Железнодорожники из Смоленска рассказали, что туда прибывают большие составы с польскими пленными. Их разбивают на меньшие — в два, три тюремные вагона с паровозом — и пускают на станцию Гнездовая, в « тупик », невидимый со станции. К составу подкатывали « черные вороны », заключенных перегружали, их вещи забирал грузовик и транспорт быстро направлялся в Косогоры.

Трудно установить, какая « черезвычайка » конвоировала пленных по железной дороге, но шоферы и конвоиры « черных воронов » были чекистами из Смоленска. Колхозники знали некоторых из них в лицо. Утверждали, что расстреливает « чека » из Минска. Караул « запретной зоны » был усилен и никто из жителей не рисковал подходить к ней близко.

Летом 1940 года, родственник Кривозерцова собирал грибы и залез под проволоку в Косогорский лес, вдруг на него напала и покусала собака. Оказывается, по лесу ходили патрули с ищейками. Отозвав собаку, чекист пригрозил подростку, что в следующий раз собаки разорвут его.

В июле 1941 г. эту территорию заняли немцы, не проявив никакого интереса к Косогорам. Охраны не стало и люди беспрепятственно стали ходить по лесу. На « даче » поместился какой то высший офицер. Иван пилил в лесу дрова для немцев.

Подошел 1943 год. Неудачи на фронте изменили курс немецкой политики и отношение к русским... Появились газеты на русском языке с антикоммунистическими лозунгами. Приблизительно в январе, Кривозерцов прочел в смоленской газете « Новый Путь », что ген. Сикорский формирует в Советах польскую армию, но не досчитывается и не может отыскать своих офицеров, попавших в 39 году в плен к большевикам.

Сообщение произвело на него сильное впечатление — его никогда не покидала мысль о таинственности происшедшего в Косогорах. И он сразу отправился в жандармерию к переводчику Восса, заявив — « Сикорский ищет своих офицеров в Сибири, а они лежат тут, в Косогорах ». — Не обратив внимания, переводчик ничего ему не ответил. Однако вскоре он явился к Ивану и предложил ехать с ним на « дачу ». Там выяснилось, что Кривозерцов точно не знает места расправы и его послали за поблизости живущим Киселевым. Тот указал могилу, которая впоследствии оказалась самой большой из семи найденных.

Так началось открытие могил в лесу Катыни.

Киселев, Кривозерцов и другие свидетели дали немцам показания под присягой и подписали их. Во время приезда на братские могилы значительных посетителей, немцы всегда приглашали Киселева — имеются его фо-

тографии с членами Международной Комиссии.

Когда отступление немецкой армии докатывалось до Катыни, среди свидетелей наступило сильное замешательство — что делать? — Послышались угрозы от местных большевиков. Красные партизаны вели провокационную работу и через третьих лиц старались убедить: — « Не уходите с немцами, мы вас обороним! » Кривозерцов решил уезжать, но заходил к соседям посоветоваться. Зашел и к старику Киселеву; у того жил « кандидат партии » Тимофей Сергеев, который и решил за него: « Киселев никуда не поедет, он стар. Скажет, что немцы заставили его давать показания ».

Иван с матерью в последний момент ушел на запад. Добравшись до Гамбурга, ему пришлось там оставить мать, которая не имела сил уходить с ним. Приближался конец войны, а с ним и большевики. Мысль о Катыни не оставляла Кривозерцова. Уходя все далее на запад, он надеялся после окончания войны найти должное понимание у западных союзников к происшедшему в его родной Катыни.

Война окончилась. В Бремене он обратился в американскую комендатуру, переводчик там показался ему подозрительным. Выслушав его, американец высмеял и посоветовал обратиться по этому делу к советскому офицеру...

До глубины души возмущенный, Кривозерцов стал искать контакта с поляками. И, наконец, в Меппень дал показания польским военным властям, закачивая их пожеланием: « Хотел бы я дожить до той минуты, когда смогу перед судом свидетельствовать по делу преступления в Катыньском лесу ».

(Позже я узнала, это Кривозерцов « ликвидирован» из-за угла в одном из лагерей для беженцев в Германии).

Обвинительный акт Нюрнбергского процесса в §3 содержит и Катыньское преступление:

« В сентябре 1941 года немцы убили в Катыньском лесу, вблизи Смоленска, 11.000 польских офицеров-военнопленных ».

С обвинением по этому делу выступил прокурор полковник Покровский и представил рапорт « Особой Комиссии ». Однако, варшавское правительство в своих обвинениях даже не упомянуло о Катыни. В Москве и послушной Варшаве, вероятно, решили, что не следует допускать в такое « деликатное » дело иных, кроме советского, обвинителя.

1-го и 2-го июля 1946 года, Трибунал в Нюрнберге рассматривал показания советских и немецких свидетелей, не внесших ничего нового, но единственных допущенных на процесс. Давал показания и доктор Марков из Болгарии, который в 1943 году участвовал в Международной Врачебной Комиссии в Катыни и подписал рапорт, обвиняющий большевиков. В Нюрнберге, Марков отказался от своих предыдущих показаний и во всем обвинял немцев.

Однако, приговор Международного Военного Трибунала в Нюрнберге, вынесенный 1-го октября 1946 года, не обвинил немцев в Катынском злодеянии.

В то время в Женеве коммунистический посол Винцент решил атаковать профессора Naville за участие в Комиссии, созванной немцами в 1943 г., и обратился в Государственный Совет Швейцарии.

Рассмотрев внесенное обвинение, Совет не счел нужным входить в детали дела Катыни, но пожелал установить:

1) Каковы были отношения у профессора Н. со швейцарской властью перед его отъездом в Катынь?

2) Получил ли он от немцев вознаграждение за экспертизу?

3) Согласился ли работать в обстоятельствах принуждения, противоречащих достоинству швейцарского ученого?

Ответ на эти вопросы находится в подробном рапорте проф. Н. В. возможном сокращении, он представляется так:

« Ночью 22 апреля 1943 года ко мне обратился из немецкого Генерального Консульства доктор Штэйнер с предложением — не соглашусь ли я, в понедельник 26 апреля, поехать с группой экспертов и принять участие в расследовании открытого в Катыни преступления.

Враждебно относясь к немецкой агрессивной политике — продолжает профессор — я сразу же отказался и указал фамилии других специалистов. Вскоре мои друзья обратили мое внимание на ошибку в моем решении; в данном случае это не была бы услуга немцам, скорее полякам, которые добивались беспристрастного исследования ».

После вторичного приглашения, профессор Н. согласился и выехал в Катынь. Он получил разрешение швейцарских военных властей, Политического Департамента и предупредил Ректора университета.

Ученый категорически утверждает, что он не получил за свою работу вознаграждения и не знает, кто оплачивал дорожные издержки. « Я считал совершенно недопустимым получить вознаграждение, работая для морального удовлетворения — я старался приот-

крыть тайну, которая окружает страшное преступление».

«На месте преступления мы произвели полное вскрытие десяти трупов, на наших глазах и при нашем указании извлеченных из более глубоких слоев братской могилы. Кроме того, мы проверили до ста тел, совершенно не тронутых ранее. В одежде одного из убитых я нашел самодельный деревянный портсигар с надписью КОЗЕЛЬСК. Главное внимание мы обращали на изменения кожи и внутренних органов жертв, на изменения в костях и степень разложения, на все то, что могло указать нам — как давно наступила смерть».

Как видно далее из рапорта, ученых никто не ограничивал во время экспертизы при высказывании их взглядов и заключений. После обследования могил и трупов, в пятницу 30 апреля, Международная Комиссия обсуждала план рапорта, а в 3 часа ночи рапорт уже в законченном виде был представлен профессору Naville для подписи.

Однако он внес поправки и потребовал искоторого изменения.

Ознакомясь с показаниями профессора Н., Государственный Совет решил, что нет причин обвинять, действовавшего с достоинством, ученого специалиста Швейцарии.

Но после правительственного выяснения начались прения. Вновь атакующие профессора утверждали, что только следствие, проведенное советским правительством, было единственно беспристрастным.

В заключение дискуссии, Председатель Правительства г-н Пикот заявил: «...если болгарский проф. Марков действовал по принуждению, то трудно установить — было ли это во время экспертизы под немецкими штыками, или через три года под советскими». (Из Швейцарской газеты «La Tribune de Geneve», 20 января 1947)

**
*

Много людей побывало в Катыни в период раскопок братских могил. Кроме двух упомянутых официальных Комиссий, немцы привозили туда группы со всех стран Европы. На могилах побывали иностранные журналисты и много русских людей. Во второй половине мая 1943 года из Варшавы на аэроплане прилетала группа польских рабочих, делегаты разных фабрик из т. н. Генерального Губернаторства; побывали и группы из соседних городов.

Привозили немцы и военнопленных. Самой значительной группой была англо-американская, в состав ее входили: американский подполковник Ван-Влет, капитан американской артиллерии Дональд Стюерт, африканский офицер связи подполковник Стивенсон и английский военный врач капитан Стенлей Джильер.

В мае 1945 года, освободившись из плена и прибыв в Соединенные Штаты, подполковник Ван-Влет (John H. Van Vliet, jr.) представил по-начальству подробный рапорт о своем пребываний в Катыни. Хотя рапорт полковника представлял тайну, весть о нем распространилась в американских политических кругах. Узнал о нем и посол Г. А. Дондеро, который обратился к военным властям, прося разрешения опубликовать рапорт.

Ему отказали, мотивируя: «ввиду того, что виновники преступления в Катыни до сих пор доподлинно не установлены. а рапорт заключает ряд очень деликатных информаций, Департамент Армии считает, в настоящем напряженном международном положении, обнародование его несвоевременным».

Настала Корейская война... посол Лодж поддержал давнишнее желание опубликовать рапорт полковника, указывая, что в Корее коммунисты уничтожают американских пленных таким же образом, как они это проделали в Катыни.

По сообщению газеты «Нью-Йорк Таймс» 19 сентября 1950 года, рапорт накануне был предъявлен Департаменту Обороны Соединенных Штатов, а на следующий день, на заседании Парламента в Вашингтоне, полностью прочтен послом Ранкиным.

Одновременно выяснилось, что оригинал его 1945 года пропал. Общественное мнение Америки было сильно взволновано этим делом; в печати появились возмущенные комментарии — пропажу присывали афере Хисса.

Но для нас трагичнее всего — фатальная ошибка, допущенная в рапорте подполковника Ван Влета: «все обстоятельства и впечатление, произведенное посещением могил, все вместе взятое заставляет сделать заключение, что это совершили р у с с к и е...» (курсив Т. Д.)

**
*

Беспощадная расправа в Катыни — как потрясающий пример — определенно указывает преступников, от 1917 года заливших кровью Русскую Землю.

Не пришло ли, наконец, время свободному Западу решить: кто же ответственен за зло-

деяния большевиков? — русский народ, или коммунистические правители?

Бесконечное попустительство « сосуществователям » не копает ли братской могилы « Катыни » в мировом маштабе?

Лондон.

Т. Данилевич.

С РУССКОЙ ПЕСНЕЙ ПО БЕЛУ СВЕТУ.

(Все права сохранены за автором)

(Продолжение № 75)

Газеты уже пестрели снимками и статьями, посвященными приезду Дон. каз. хора. Пришел день нашего триумфального концерта в Каргени Хол, явившегося большой сенсацией для всего музыкального мира и для всех слушателей, переполнивших огромную аудиторию. Концерт начался с « Верую » Кастальского. Хор уверенно вступил на фортиссимо: « Верую... » и оборвал после вступления, как один человек. Через долю секунды, все басы, мощные и до предела спетые, начали громогласно излагать символы веры. Мощь басов и новизна стиля сразу ошеломили слушателей. На лицах и восхищение и изумление и восторг и напряженное внимание, что будет дальше? Овациям действительно не было конца. И так после каждого песнопения, зал разражался бурей аплодисментов и безпрерывных криков « Браво. Бис... » Чувствовалось, что слушатели принимали хор, как нечто исключительное. На некоторых лицах в передних рядах блестели слезы радости: это-то, уж наверно, были соотечественники.

В первой короткой паузе, в хоровой раздевалке, одновременно служившей комнатой для отдыха, набилось столько народа, что нам негде было повернуться. Один высокий, как жердь, господин, невольно привлекавший к себе внимание, не находил слов для выражения своего восторга и благодарности, ничего подобного он не ожидал услышать. Оказался он известным пианистом Зилоти, родственником Рахманинова. Один из наших басов заметил его в первом ряду, в самом начале концерта, когда хор провозгласил первое « Верую », Зилоти чуть привскочил и так в слуховом напряжении оставался до заключительного « Аминь ».

Второе отделение прошло с не меньшим успехом. Народу в нашей комнате набралось еще больше и все спешат высказать свое восхищение и восторженное преклонение, а вновь появившийся Зилоти чить не расцеловал солиста тенора, певшего « Расцветали в поле цветики ». Эту арию наш солист спел как нельзя лучше. В нее вложил он все богатство своего голоса, всю присущую ему экспрессию и закончил на фортиссимо блестящим верхним « до диэз ». На следующий день друзья солиста уже пели ему на мотив « Отец сыну не поверил.... » « Сам Зилоти вас поздравил, Иван Иваныч дорогой — ». Моя попытка заглянуть в комнату регента успехом не увенчалась, я увидел лишь хвост очереди жаждавших увидеть С. А. Жарова. Третье отделение концерта прошло также блестяще, многие номера пришлось петь на бис. Усталые вернулись мы в отель.

Статьи критиков, появившиеся на следующий день в газетах, были одна хвалебнее другой. Концерт хора в Карнеги Хол явился настоящей сенсацией не только для слушателей, но и для самых крупных музыкальных рецензентов-критиков, осыпавших хор и регента сплошными дифирамбами. С таким же успехом прошли и остальные концерты в Нью-Йорке и во всех других городах С. Ш. А. и Канады, где хор побывал за свое короткое семинедельное турнэ.

Приведу несколько выдержек из самих крупных американских газет: « .... Они заслужили необычайный успех. Под руководством Сергея Жарова, они выиграли такую победу, какой не достиг здесь ни один хор за п о с л е д н и е годы ». (Нью-Йорк Ивенинг Уорльд).

« ...Слушатели возбуждены в высшей степени. Весь хор способен на почти оркестровые эффекты ». (Бостон Ивенинг Бюллетень).

« ....Самое красочное представление, какое было дано за многие годы ». (Филадельфия Ивенинг Транскрипт).

« ...Сенсация сезона... » (Вашингтон Сандэ Стар).

« .....Во всезахватывающем ликовании музыки они представляют нечто необычайное ». — (Чикаго Дели Ньюс).

« ....Никакой энтузиазм публики не может воздать должное их исполнению. Это нечто превосходнейшее ». (Детройт Ивенинг Таймс).

« ....За долгое время ничего не было более замечательного, чем посещение Синсинати казачьим хором ». — (Синсинати Энквайрер).

« ....Без сомнения лучший состав этого рода, который нас когда-либо посетил. Это чудо ». — (Минеаподис Трибюн).

« ...Никакое слово не может описать такое пение. Нас посетило много хоров, но ни один не был таким потрясающим ». (Торонто Дели Стар).

« ...Трудно припомнить другие такие изъявления энтузиазма, какие мы видели на первом концерте Донских казаков ». — (Монреаль Газет).

К приведенным мною рецензиям следует добавить сообщение Нью-Йоркских гезет после трех концертов в Карнеги Хол.

Три концерта подряд Донского каз. хора побили по сборам все предыдущие рекорды, Но полное представление о произведенной нами сенсации может дать тот факт, что 20 лет спустя в газете « Геральд Трибун », точно в день первого концерта в Карнеги Хол, в рубрике — « Что было 20 лет назад » под первым номером значится: » В этот день Сергей Жаров с донскими казаками штурмом взял Карнеги Хол, а под вторым номером сообщается о менее важном событии, а именно — Рузвельт стал губернатором Нью-Йорка. Как сенсацию, принимали хор и все другие города, где нам приходилось петь. Многие отели в этих городах считали за честь наше пребывание у них. Часто в отельном журнале помещались большие фотографии хора и отдельно фотографии С. А. Жарова. В Синсинати, в одном из самых фешенебельных по тому времени отелей Гибсон, хору в каждый приезд оказывался особый почет: после концерта хор приглашался в отдельный, чудесно разукрашенный, зал, где уже был приготовлен ужин. Кроме кельнеров в зале никого не было. Как только мы входили в зал, начинал играть большой, но конечно салонный и модерный оркестр, не прекращавший играть во все продолжение ужина. Стены и потолок этого зала были расписаны всевозможными райскими птицами, а отраженный свет придавал всему ансамблю волшебно-сказочный вид. Стоимость номеров в этом отеле варьировалась от 6 до 10-ти долларов, а хору ставилось в счет только по два доллара. Чуть ли не в каждом городе американцы устраивали нам большие приемы, во время которых выкатывались боченки пива. Это тогда-то, при сухом режиме!

Особенно запомнилось мне наше живописное прибытие в Монтреаль, где в то время уже существовала большая русская колония, возглавляемая полк. Ханжонковым. Как только покинув перрон мы очутились на вокзале, нас встретила группа станичников. Пожилой степенный бородатый казак поднес нам хлеб-соль, к немалому изумлению присутствовавшей на вокзале публики, а т. к. до отеля было всего два квартала, то так мы всей торжественной процессией пропутешествовали с хлебом-солью, вызывая удивление встречных, невиданным и необъяснимым для них, отечественным обычаем. Наши концерты во всех больших городах Америки и Канады проходили с неизменным успехом и сопровождались восторженными отзывами музыкальных критиков. Нередко приходилось нам петь в университетских залах. Эти залы прекрасны повсюду, а некоторые из ним огромны. Например, в Мичиганском университете в Ан-Арбор 5000 мест, в Миннеаполисе даже больше. Не уступают им и некоторые городские залы: так в Детройте-Месеник Темпел, в Питербурге — Сирия Моск имеют тоже до 5000 мест и их внутренее убранство много богаче.

Остановлюсь немного на впечатлении, произведенном на нас в Америке. Центр Нью-Йорка поражал обилием света в вечернее и ночное время, своими световыми рекламами, которых в Европе еще не было. Почти в каждом большом городе можно было видеть дома в 10-12 этажей и больше. В то время в Нью-Йорке самыми высокими зданиями, помещавшимися на 42-й улице, были небоскребы Крейслера и Вульворта, что было для нас в диковинку. Пришлось нам быть очевидцами американских чудачеств, которые никак не укладывались в наши понятия. На высоком здании Парамаунта, к венчавшему его шпилю, была прикреплена корзина, в которой сидел какой то господин, ставивший рекорд продолжительности сидения в корзине, а на углу 42-й улицы предприимчивые хлопцы поставили подзорные трубы, в которые можно было за известную плату взглянуть на рекордсмена. Кажется, в Грендрепиде, другой чудак ставил рекорд сидения на высоком фо-

нарном столбе. Видимо, в Америке никакие рекорды не возбраняются.

Кто-то из нас проведал, что в Нью-Йорке, недалеко от центра, есть русская столовая, где можно хорошо пообедать. Когда мы пришли туда и уселись за столы, мне сообщили, что кто-то из персонала столовой хотел бы меня видеть. К моей великой радости, я узнал в подошедшем ко мне человеке сотника Петра Васильевича Федорова, который вместе с хорунжим Харошкиным вытащил меня, тяжело раненого, оставшегося лежать на поле боя. Облобызались мы с Федоровым и долго вспоминали о былом. Вспомнил он, что когда отошла наша сотня после неудачной атаки и скрылась в небольшой выемке, заметил он с Харошкиным мое отсутствие и, дождавшись сумерек, поползли на розыски. Вспомнилось и мне, как лежал я тогда на виду у красных с револьвером у виска, и время казалось мне вечностью, как отобрал у меня револьвер Федоров, как оттащили меня, донесли до санитарной двуколки и отправили в село, в полевой госпиталь. Поведал он мне и о том, что дроздовцев в Нью-Йорке около десятка и среди них два наших конника. Одного я не знал, другого же, корнета М. Панова, знал очень хорошо, т. к. мы с ним прожили около 4-х месяцев в одной палатке в Тэль-Эль-Кебир, в лагере выздоравливающих, в Египте. Третьим нашим сожителем был ротмистр Ахвлидиани. На личности М. Панова я остановлюсь более подробно. Сын зажиточного хлебороба, он окончил Елизаветоградское кав. училище и перед самой революцией попал на немецкий фронт и вскоре вернулся домой, где уже хозяйничали немцы. Человек прямой, искренний и откровенный, он ненавидел и коммунистов и немцев, считая их в разной степени врагами России. Рассказывая о реквизициях-грабежах, творившихся немцами, он больше всего возмущался тем, что немцы целыми эшелонами грузили русский чернозем и отправляли к себе в Германию. Перед второй Мировой войной, когда хор приезжал в Америку на очередные концертные турнэ, жившие в Нью-Йорке дроздовцы стремились приурочить день нашего полкового праздника ко времени пребывания там хора. Собиралось нас около 20-и человек, а кроме того и почетные гости, которыми обыкновенно бывали ген. Денисов и ген. Имнадзэ.

С Пановым я встречался чаще, бывал у него и подолгу беседовали. Помню, как он делился со мною своей затаенной фантастической мечтой: достать пароход, нагрузить его оружием и незаметно приехать в Соловки или другой какой концентрационный лагерь. Эта мечта, несмотря на ее иллюзорность, прекрасно характеризовала направление его мыслей. Во время второй Мировой войны Панов поступил в добровольный флот С. Ш. А. и неоднократно конвоировал транспорты, доставлявшие военное снаряжение в Архангельск, но побывал и в заливе Красного моря. Ни там, ни здесь на берег его не пустили. Приходилось побывать и в воде, будучи потопленными немецкими подводными лодками, что впрочем не заставило его отказаться от продолжения своей службы во флоте. После войны он продолжал служить в коммерческом флоте, где не скрывал своих враждебных отношений к коммунизму. Команды на пароходах коммерческого флота состояли главным образом из прокоммунистически настроенных итальянцев, и однажды получено было известие, что в одном из итальянских портов рабочие столкнули Панова в глубокий люк, где он разбился на смерть. Неутомимый боец, любивший Россию больше своей жизни, он остался им до конца.

Наше пребывание в Америке совпало с юбилейным 1500-ым концертом, и Общеказачья станица устроила хору большой прием в зале при храме Христа Спасителя. В прекрасно убранном зале, за отлично сервированными столами уселось тесно множество народа. Многие за отсутствием места так и не попали на это торжество. Как и полагается, не обошлось без речей, тостов, поздравлений. Сухой режим оказался решительно нарушенным и шуму было много. На банкете выступала, в русском репертуаре, первоклассное лирическое сопрано, примадонна оперы Метрополитен, Т. Сабанеева и, если не ошибаюсь, Маке Пантелеев, прекрасный оперный певец, бас. Многие хористы повстречались со своими приятелями и однополчанами, пошли шутки, остроты, воспоминания.

Семь недель наших гастролей по городам Америки незаметно приближались к концу. Подошел и день отъезда « домой — » в Европу. Проводить нас явились и старые друзья, обосновавшиеся в Нью-Йорке, и вновь приобретенные, в большинстве казаки всех Войск. Все пароходы немецких линий того времени отчаливали от пристани в 12 часов и одну минуту ночи. В какое то время вечера на пароходе открывалась продажа пива, что поднимало настроение как отъезжавших, так и провожавших. Незадолго до отхода, громкие звонки давали знать провожавшим, что пора покидать пароход. Вся провожавшая толпа осыпала нас пожеланиями счастливого пути и обязательного возвращения в Америку в следующий сезон. Пароход опустел, пассажи-

ров в это предрождественское время было не так много.

Без малейшего преувеличения можно сказать, что из концертной поездки в Америку хор возвратился со славою, и мы, покидая Нью-Йорк, были в уверенности вернуться в следующем сезоне, уже на более продолжительное турнэ.

Океан был спокоен. На палубе можно было не только вдоволь нагуляться, но и позабавиться играми. Иные собирались группами посудачить, другие предпочитали повалять-ся в шез-лонге и подышать морским воздухом. В просторных закрытых помещениях можно было сыграть партию — другую в шахматы или перекинуться в картишки. Проводились также и спевки, готовили, разученную еще летом и частично петую в Америке, новую программу для Европы, главным образом для Германии. Были и традиционная встреча и прощание, с их балами и ужинами. И на этот раз хор дал концерт, давший обильный сбор в пользу семей погибших моряков.

Большинство хористов были люди семейные и торопились попасть домой. Пять дней пути до берегов Франции пролетели почти незаметно, но дальше пароход шел не так быстро и до Бремерхафена мы тащились сутки.

Свои серийные предрождественские концерты в Дрездене хор спел в небольшом зале с чудной акустикой. И опять неутомимый Я. И. Мульман устраивал хору обычные прекрасные веселые балы и вечеринки. Январьские концерты по разным городам Германии прошли блестяще и дали рекордные сборы. Наше триумфальное турнэ по Америке создало хору великолепную рекламу и, кроме того, дало некоторую передышку Европейскому рынку. Завоевание Америки пришлось ко времени: в Германии назревал хозяйственный кризис с неизбежной в подобных случаях безработицей и... увеличением числа коммунистов.

До конца сезона побывали мы почти во всех странах, где пели и в прошлые годы. В Ригу хор не был впущен властями, а без этого города не было смысла петь и в других городах Прибалтики.

В Польшу въезд хору был закрыт.... в « виду ярко выраженного национального характера ». Как и ежегодно, навестили мы Чехию, Австрию, Швейцарию, Францию, Англию, Бельгию, Германию, Голландию; не помню, выступали ли в Скандинавских странах и в Югославии. Эти страны посещались нами не каждый год, и еще реже Румыния. Повсюду концерты прошли с большим успехом.

Приближался конец сезона и наш летний отдых решено было провести на южных озерах Австрии. Подходящее место было найдено на Осслахерзеэ в местечке Боденсдорф, вблизи Виллаха, куда я и направился сразу после концертного сезона, имея много просьб и поручений, главным образом со стороны семейных, имевших детей, найти хорошие квартиры. Ехать пришлось долго; сначала пересечь Германию, а затем Австрию почти до самой Итальянской границы. Бодендорф оказался совсем захолустным местечком, разбросанным по берегу довольно большого озера и связанным незначительной железнодорожной линией, пропускавшей в обе стороны 6-ть поездов в сутки. Неподалеку от широко разметавшегося Боденсдорфа, было еще какое то маленькое селенье, а на протовоположном берегу — старинный полузаброшенный не то замок, не то монастырь. Ознакомившись с местностью, поодаль от озера, в далеко стоявших друг от друга домах, снял я несколько квартир для моих семейных коллег, имевших детей. Большее приволье трудно было найти. Для себя нашел я квартиру вблизи озера, рядом с желез. дорогой.

Озеро Осслахерзеэ было и не так живописно и не так глубоко, как Мильштадское, где мы проводили лето 1929 г., но за то в нем было много рыбы, ловлей которой мы и увлекались. Берега Осслахерзеэ почти повсюду покрыты густым камышем, так что ловля велась только с лодок. Для этой цели хористами были заарендованы на лето все имевшиеся у местного населения лодки. Увлекались рыбной ловлей не только хористы, но и их жены, некорые даже больше своих мужей. Рыба в озере была самая разнообразная, но больше всего было лещей, именуемых у нас на Дону чебаками. Однако эти лещи были мало похожи и по виду и по вкусу на наших чебаков. У нас, во время разлива Дона, когда с высокой соборной площади Новочеркасска в ином направлении не было видно противуположного берега, кривяне, главные поставщики базарных продуктов, сообщались с Новочеркасском только на лодках, и жирные вкусные чебаки продавались повсюду. Ими нас потчевали в Великом посту в семинарской столовой, ими же можно было дешево пообедать на борту курсировавшего по Дону парохода, на остановках их предлагали предприимчивые казачки. В Бадендорфе леши были другой рыбой, такой же широкой, серебристой, но будто худой и изможденной. А вкус? Отваришь-ли леща, или зажаришь, все равно труха. Водилась в озере и другая рыба, вкусная, но не в таком изобилии, как

лещи. Не мало было окуней, наших чикамасов. Попадались на удочку и довольно крупные. Я не помню, чтобы кто-нибудь ловил щук или карпов-сазанов; некоторым удавалось наловить сомят и линей. Часто попадалась и еще какая то рыба. Вообще, ловля была увлекательной. Достаточно было отъехать от берега на два-три десятка метров, чтобы увидеть всех любителей рыбного спорта. На некоторых лодках вместе с мужьями сидели с удочками и их жены, а то и их юный потомок. Память не сохранила воспоминаний о каких либо иных развлечениях в Баденсдорфе. Кажется, даже и на прогулки никто не ходил. Все торчали у воды; кто купался, кто грелся на солнышке, а кто часами сидел в лодке, в ожидании клева, или в поисках счастливого места. Танцор, живший у самого рыбного места, пойманную рыбу держал в бочке с чистой водой, этот резерв у него никогда не переводился.

Начались спевки. Теперь, несмотря на заманчивость, преспектива посидеть в лодке с удочкой в руках, да нахватать окуней, или хорошего линя, прекратилась, главное внимание уделялось подготовке новой программы. Новая программа предназначалась для тех городов, где мы еще не пели, и для повторных концертов. Как и всегда, регент проявлял волю и энергию в разучивании новых вещей, в их интерпретации, в шлифовке. Первое место « поставщика » нового репертуара прочно занял проф. К. Н. Шведов, который воочию убедился в почти неограниченных возможностях хора. Его творчество, его аранжировки были настолько интересны, насколько и сложны.

Разучивать большинство вещей, написанных им для хора, было не легко, но зато петь уже приготовленный номер — одно удовольствие. В них К. Н. показал себя не только большим музыкантом, но и мастером-либретистом, а подчас и поэтом. « По малину » сейчас поют многие хоры, но почти никто не упоминает, что эта довольно фривольная игривая вещица аранжирована проф. Шведовым и что слова ее тоже принадлежат ему. Запомнилось мне это хорошо, потому что я собирал пластинки, напетые хором Пятницкого и предлагал их вниманию Жарова. Первой из них было « Провожание » — « Дайте в руки мне гармонь »..., а когда я услышал мотив будущей « По малину », то мне показалось, что игривый характер этой веши вполне подходит к репертуару хора. Но слова?! В особенности припев, просто похабный: « Это Ленин нам дорожку проложил, это Сталин нам дорожку проторил ». Эту пластинку я показал Жарову, в результате и появилось « По малину » Шведова. Вообще невозможно перечислить все церковные песнопения и особенно советские вещи, обработанные им для хора, а потому я остановлюсь только на тех, что ярче запечатлелись в памяти. Прежде всего, не забыть « Справки » в ее первоначальном неурезанном виде, о ней я уже упомянул ранее, не забыть « Лезгинки », звучавшей у хора, как оркестр. « Очи черныя » и « Две гитары ». Не уйдут из памяти также « Пятая симфония » Чайковского и « Воспоминания » его же, где слова написаны Шведовым.

Вот слова на основную мелодию, не раз проходящую через пятую симфонию:

...Страждет и ждет в тоскливом нетерпеньи,
Верит, что прийдет для нее время освобожденья... —

Пел их солист-тенор. Слова, петые баритоном:

...Знакомые звуки плывут без конца —
Их вызвало в жизнь вдохновенье Творца.
Зовут сни к миру, зовут к милосердью,
Зовут они к свету, любви, всепрощенью.
И пусть этот свет будет вечно в них жить
И всем на земле неустанно светить... —

Воспоминания о Чайковском скомпанованы из нескольких его произведений: Струнного квартета, Славянского марша, Андантэ Кантабиле, 5-й симфонии. Слова к этой тоже написаны Шведовым, последние из них, заключительные, уже пелись на очень быстром темпе, бравурно:

...Русскому гению чистому, светлому,
Русскому гонию чистому, светлому,
Слава, слава, слава на век...

« Прелюд » С. В. Рахманинова долгое время пелся без слов, но для быстрого усвоения при разучивании во многих местах « Прелюда » К. Н. Шведов подставил вспомогательные слова из Пушкинского « Кто при звездах, при луне... » Большим и довольно тяжелым номером была « Кантата, приуроченная Шведовым к 950-тилетию Крещения Руси. Начиналась она торжественным величанием кн. Владимира и в дальнейшей песне излагалась история Руси, где главное внимание было уделено важнейшим событиям в истории нашего государства: удельный период, нашествие татар, объединение и укрепление Руси, смутное время.

Не упущена была и помощь моряков во время извержения Этны:

...Огнем дышет Этна, Мессина кипит,
И русский моряк к итальянцам спешит...

Эта кантата, написанная в 1938-ом году, пелась всего в течении одного сезона, но она

не потеряет своей актуальности и ценности и в 1988-м году, найдется ли только хор, которйы смог бы спеть это легкое музыкальное произведение?

В 1939-м году, кроме обычной программы, хор приготовил несколько номеров для пения с оркестром. Пелась сцена коронации Бориса из оперы Мусорского: « Борис Годунов », « Спаси Господи » и еще что то из « Увертюры 12-го года », пели и из Глиера. Все это было аранжировано для хора проф. Шведовым. Особенно блестяще проходила сцена коронации Бориса, чему много способствовал прекрасный баритон А. К. Левченко, певший арию.

Из церковных песнопений, написанных Шведовым, особенно следует отметить большой номер, составленный из панихидных песнопений: « Со святыми упокой » — « Сам еси бессмертный », « Надгробное рыдание », провозглашение всей басовой партией — Вечной памяти и наконец, « Вечная память ».

На фоне « Со святыми упокой » и « Вечной памяти », Шведов наложил два различных соло баса. Этот номер был одним из сильнейших в духовном отделении, но он требовал большого хора. Немало аранжировал Шведов и таких побрякушек, как « Вдоль деревни от избы до избы », которые как то разнообразили программу. Все это относилось к 1939-у году, когда хор перекочевал в США на постоянное жительство и летнее время проводил в Бельмаре на берегу океана в пятидесяти милях от Нью-Йорка. На производившиеся там спевки приезжал Шведов. Сейчас уже трудно вспомнить все то, что было аранжировано Шведовым, а что его бывшим учеником в Синодальном училище Жаровым.

С конца 40-х годов профессор стал серьезно прихварывать. К этому времени постепенно изменилось и лицо хора. Места выбывших хористов, поступивших в хор еще до 30-х годов, заменились новыми певцами более молодыми, а еще до того времени хор начал уменьшаться количественно. В 1927-м году хор состоял из 36-ти певцов, двух танцоров и регента, а к началу 50-того стабилизировался на 22-х певцах, двух танцорах и регенте. С. А. Жарову пришлось все сложные вещи, написанные Шведовым для 32-х голосов, приспособить к 22-м. Понадобилось до некоторой степени упростить старые вещи. Много раз хор включал в программу иностранные номера, началось это с « Серенады » Шуберта, приготовленной к Шубертовкому юбилею. После были введены в программу испанское « Бланко паломи », американское « Свани ривер », много немецких популярных песен и даже японских, нам непонятных.

Но от всего этого хор был вынужден отказаться и новая затея сама собой умерла. Быть может, для отдельных слушателей это было и интересно, но масса хотела слушать русскую пелодию, русскую песню. Только русская песня, выстраданная, вышедшая из нутра, то тоскливая и печальная, то радостная, веселая, пленяла и пленяет сердца иностранцев. Конечно, и до появления на хоровом горизонте проф. Шведова, как и при нем, Жаров аранжировал многие номера программ, как церковные, так и светские, но со смертью професора вся забота и вся работа по созданию нового репертуара легла на одного регента.

Теперь уже в 1968-й год, семь лет, как я оставил хор. Совсем недавно на концерте хора Жарова в Нью-Йорке, в зале Карнеги Хола, мне пришлось еще раз убедиться, что хор совсем не похож на увядающий цветок, он все также полон жизни, красок, звучности, как и прежде. В программе все те же композиторы: Чайковский, Гречанинов, Кастальский, Чесноков, Шведов, но уже большая часть аранжировок принадлежит самому маэстро Жарову. Некоторые из них были для меня совершенно новы и настолько интересны, что приковывали к себе внимание от начала до конца. « Молись, кунак », которое хор начал петь в начале 50-х годов, было аранжировано Жаровым настолько удачно и интересно, что все время поется хором в каждом концерте, если не в программе, то в бисах.

Концертное турнэ в С. А. Ш. и Канаде предполагалось больше, чем на 20-ь недель; кроме городов, где мы выступали в предыдущем сезоне, хор должен был посетить западную часть С. А. Ш. и Канады и заглянуть в южные города, где еще не появлялись. В хор вступили новых четыре хориста, обладавшие прекрасными голосами, и, как и мы вышедшие из рядов Белой Армии. Новому хористу, в тридцатых годах не так легко было овладеть всем большим и довольно сложным репертуаром. Кто по неспособности или нерадению не осиливал его в течении репетиций, тот уже в безпрерывных путешествиях не мог наверстать упущенного, за что расплачивался увольнением из хора в конце сезона.

В данный сезон, в хор был принят уже немолодой певец-тенор В. Левицкий. Жил он в Праге, где его знала почти все русская колония. Да и старшее поколение донцов, если и не знали его, то безусловно слыхали о нем. Его певческая карьера сложилась совсем

необычно. Кто-то из столичных меценатов, побывав на Дону, услыхал, что здесь имеется замечательный тенор с богатым природным голосом. Прослушав его, меценат сразу предложил ему ехать в столицу и гарантировал бесплатное обучение. Левицкий был принят в столичную консерваторию, окончил ее и попал на большую сцену. На сцене он оказался настоящим «дубом». Голосом своим он перестал заниматься, считая, что ему нечему учиться. В опере Левицкий не удержался и начал концертировать по разным городам, пел и в Новочеркасске. На пробе голос Левицкого понравился Жарову и Левицкий был принят в хор. Ценно было и то, что был он прирожденным Донцом.

Как то в Баденсдорфе, на хоровой семейной вечеринке с импровизированным концертом, упросили спеть что нибудь и Левицкаго. Пропел он какую то певучую, никогда много не слышанную русскую песню. Голос его звучал прекрасно на всех регистрах, и пел он без видимого напряжения, но в его пении не было жизни, не было искры, которая летит от певца к слушателю и объединяет их в общем горении. Пение Левицкого было безжизненно. Он, обладатель этого прекрасного голоса, не пел в хоре ни одного соло и, как передавали коллеги по партии хоре один сезон, он оставил его, возможно, где он был во вторых тенорах, совсем не тверд в знании репертуара. Проработав в хоре один сезон, он оставил ег°, возможно, по собственной инициативе. Дал Господь ему блестящий голос, но лишил даже малейших признаков темперамента.

(Продолжение следует)

Доброволец Иванов.

«БУРЯ В СТАКАНЕ ВОДЫ».

(Из обрывков давно слышанного).

В начале девяностых годов прошлого века умер астраханский губернатор. Столичный олимп выслал заместителя, тихого и очень трудолюбивого директора одного из департаментов, его жена, когда то красивая провинциалка, ничем не блистала, кроме словоохотливости за кофейными приемами ее круга, властности по отношению к мужу, еще была сродней Гоголевской помещице Коробочке. Серебряные четвертачки, полтиннички и рублики в разноцветных чулках уютно лежали в пузатом старинном комоде, местохождение же пачек ассигнаций, перевязанных ленточками нежных цветов, было известно только хозяйке.

Гром грянул среди ясного дня. Явившись раньше обычного времени, ее муж не без тревоги сообщил ей о назначении его губернатором в Астрахань, губернию богатую, находящуюся в окружении полудиких орд разных народностей. На сдачу должности, на домашние дела дана одна неделя.

В голове новоиспеченной губернаторши произошла революция: ее, де, тихий муж не справится с разбойными ордами и ей придется взяться за дела обширной губернии. Ее разрывало на части от сильных мыслей, побуждений — сейчас же за дело, за сильные решения, исполнение, не обращая внимания на робкие советы мужа заняться приведением в порядок имущества. «Казенная квартира полгода будет числиться за ними, взять только нужное, а там видно будет». Видимо умный директор считал свое неожиданное высокое назначение каким-то недоразумением и думал, что его властная жена не обладала нужным развитием, а в губернии ей откроется большой простор и наделает она много глупостей и их вернут.

Губернаторшу же магически потянуло к приятельницам; она врывалась с широко раскрытыми глазами, с быстрыми движениями, удивленных дам огорашивала, — «я губернаторша богатейшей губернии, где миллионы полудиких разбойников, инородцев, я должна их привести в порядок, обратить их в христианство, построить университеты» и пр. пр. — Дамы бледнели, зеленели, думали, вот дуре повезло! А Волга полна красной рыбы, красную икру лопатами гребут, а бобры, черно-бурые лисицы и другие ценнейшие шкуры! Из Азии караваны: золота, алмазов, самоцветных камней, шелка, богатейших ковров и при. и пр. Она,

губернаторша, в воротах Европы и Азии, она будет чуть не царица. Мировая слава... Она должна явиться в возможном шике, который может дать только Париж...

Но отъезд срочен... Дамы с губернаторшей впали в словесную истерию, говорили все разом, перебирали лучших столичных портних... Парижская обувь имеется в гостинном дворе, шляпы тоже... Дамы находили, что губернаторша для своих лет выглядит прекрасно и если она навестит раза два лабораторию мосье Гаспара, француза из Парижа, она выпорхнет из магической лаборатории очаровательнейшей женщиной, и у ее ног склонят головы беки, ханы, бахши, князьки и будут молить только милостивого взгляда: « и мы и наши орды в твоей власти, божественная красавица... »

Вернулась губернаторша очарованная, насыщенная сказками жизни, в которых она играет первую роль. Пузатый комод, поглащавший долгие годы разумную экономию, срочно раскрыл секретные уголки с солидными пачками ассигнаций и мешочками с золотой монетой, чулки с серебром небрежно, без прежней любви, отбрасывались. Появился сонм портных из Парижа, правда, их парижский говор был близок нижегородскому, но и губернаторша не блистала французским прононсом, приятельницы сбились с ног с новыми эфектами ее блестящего выступления на грани Европы-Азии; уже безконечные верблюжьи караваны идут от стен недвижного Китая, из сказочной знойной Колхиды...

Скорей, скорей туда, где она найдет наконец себя... Вот наконец, и карета с ливрейными лакеями, букеты роз, цветов, речи, целование ручки, которую француз Гаспар привел в аристократическое состояние воздушности, невесомости, гармонии и из множества лохматых усов, бород, удостоившихся поцеловать ручку, в голове не мелькнула мысль ни у кого, что она может быть и использована, как мера решительного воздействия. Благие пожелания, громадные успехи, слезы, как знак вечной потери, или камуфляж злой зеленой зависти и пр. пр. Наконец, карета тронулась, следом несколько карет, колясок, ландо, дрожек. Вокзал, блестящий скорый поезд, как гигантский змий, шипит нетерпеливо паровоз. Еще ускоренные прощания, цветы, поцелуи, третий звонок, взвились котелки, шляпы, цилиндры, лихо козырнули военные, и поезд тронулся, ускоряя ход. Сотни глаз были устремлены в окно вагона, где величественно стояла губернаторша, тонно, размеренно, согласно указанию мага волшебника француза из Парижа, жестами рук посылала толпе последнее прости.

Один из молодых гвардейцев другому: « у этого неказистого чинуши очаровательная мама ». — Поезд за поворотом скрылся, как бы убегая от человеческой лжи...

Волга. У пристани гигантский лебедь-пароход ждет. Снова цветы, речи, в салоне шикарный обед; осетры, белуги, стерлядь и прочие несметные богатства Волги. Три дня триумфа; баржи, баркасы, лодки, везде приветствовали, казалось, что скоро обитатели вод вылезут на поверхность и хвостами, плавниками, будут шлепать приветствие.

Астрахань, колокольный звон сорока церквей, пение муэдзинов на минаретах, несметные пестрые толпы российцев, азиатов. Губернаторский старинный дом, уютный комфортабельный, принял усталых путешественников. Утром губернаторша осмотрела дом, ознакомилась с довольно многочисленной прислугой, расспросила об аристократических семьях и решила сделать им визит, не считаясь с этикетом. Шикарно одевшись, выпорхнула из парадной двери, указала выездному лакею, куда везти.

Визиты смутили « сливочных » дам, но скоро создано понимание; хитрые провинциалки нашли, что столичная особа недалеко ушла от них, лебезили, комплиментили очарованию губернаторши, ее парижскому шику, прикасались к изящным материям, запоминали фасон. Растроганная губернаторша наболтала от востсрга много лишнего, что она будет всячески помогать мужу управлять дикими расбойными ордами, дасть им христианство, высшее образование и прочие глупости, предвиденные ее безвольным мужем.

Сливочные дамы, обсудив знакомство, разговоры, обезпокоились, что губернаторша может вызвать раздражение в ордах, которое перейдет в мятеж, город полон темного люду, найдутся Стеньки, Пугачевы, и пропала сытая богатая жизнь; некоторые хотели писать в Петербург своим знакомым, с запросом, кого вы прислали, но потом успокоились, решили обождать дальнейших событий.

Неделю спустя, губернатор знакомился с канцелярскими делами, а затем решил познакомиться с обслуживаюшими губернию чиновниками, в числе приглашенных был и бахша калмыцкой орды. В назначенный час раскрылась дверь приемной залы и два калмыка внесли огромный ковер и разостлали посреди залы, вслед четыре калмыка внес-

ли, толстый матрас в шелковом желтом чехле и положили на ковер, дальше внесли широкое кресло без ножек, вроде трона, обтянутое желтым шелком; явилось шесть монахов с курильницами и стали усиленно кадить, зал заполнился крепким тяжелым ароматом. Наконец, предшествуемый двумя старшими гилюнами, был почти втолкнут в узкую для него дверь бахша в блестящих огненно-красных одеждах, огромный шар, с круглой головой, глубоко сидящей между плеч, на кривых ногах в сафьяновых сапожках; подхваченный под руки, он был возведен на матрас и сел на трон, поджав под себя ноги. Физиономия бахши, с косыми прорезами глаз и чуть заметным носом и большим с толстыми губами ртом, отражали полное безразличие.

Губернатор и вышедшая на прием бахши губернаторша стояли против бахши, ожидая его приветствия, но видимо нужный этикет не был закончен. Засуетились послушники монахи, и подали бахше длинный чубук с трубкой, быстро из кисета набили табаком трубку и стали добывать « небесный огонь », цокая кресалом по кремню с приложенным к нему трутом из тряпки, искры, павшие на нее, воспламенили, быстро перенесли огонь на табак трубки, раздували, да и бахша потягивал мундштук, загорелся табак. Не без удовольствия, неспеша, затянулся бахша и выпустил облако дыму, которое с вонью трута сгустило куренья. Почтительное окружение бахши, живя в кибитках и считая вековечно человеческий дух признаком благополучая обитаемости кибитки, не намерены были изменять порядок и в губернаторском доме. Затем бахша чуть-чуть свернул голову в сторону и ловко плюнул, плевок, отлетев метра на три, упал на паркет, еще пять, шесть затяжек и плевок и он отбросил трубку; видимо, этикет был соблюден и подчеркнуто высшее значение бахши, как наместника будды на земле, и он снисходительно посмотрел на губернатора, повидимому ожидая от него приветствия.

Губернаторша нервничала от непривычного, нудного для нее, ритуала, а главное от оглума в голове, от благовоний, табаку, трута, все время она прижимала к носику надушенный платок. Наконец, губернаторша злобно по французски сказала мужу, что у ней нет больше сил быть в этой вонючей конюшне. Губернатор сказал бахше: « Здравствуйте, господин бахша. Как Ваше здоровье, трудна была для Вас дорога? »

Бахша любезно ответил: — « Здравствуйте, господин губернатор. Как Ваше здоровье? мое здоровье ничего, болит немного живот, закусил на дорогу два молочна баранка, а дорога не хорош; колоть, ничего, пройдет ».

Губернаторше говорили, что ей нельзя говорить с бахшой, но она думала своей воспитанностью уткнуть бахшу зато, что он не справился о ее здоровьи и спросила: « Господин бахша, а как здоровье вашей жены? »

И последовал сухой ответ: « Наш Бог Будда, не велит мне иметь жену, а только красив, молодая девка, баба можно ».

Губернаторша фыркнула на безтактность бахши и, сославшись на боль головы, быстро вышла. Губернатор сказал, что он здоров, рад знакомству с бахшой и рад его видеть еще, а затем извинился, что его ждут чиновники, пожелал ему счастливого пути и вышел. Бахша, тем же порядком в сияющем окружении отправился в свой монастырь, где были приготовлены горы ценнейших волжских рыб, а, закусивши, отдохнуть.

Губернаторша распорядилась прекратить прием, открыть окна, двери, вычистить паркет, сделать дезинфекцию, сама же приняла ванну, шикарно нарядилась, облилась парижскими духами. Бойко спустилась парадной лестницей; тучный швейцар, в медалях и позументах, с низким поклоном широко распахнул двер, выездной лакей открыл дверку кареты, она впорхнула, сказала: « как вчера ». Сливки городского общества были словами самой губернаторши осведомлены о том ужасе, который мог бы кончиться для нее тяжело' болезнью, а может быть и смертью от нелепо дикого, лишенного всякого смысла, визита бахши и его окружения, от которого несло невероятным зловонием, а бахша на мой любезный вопрос о здоровьи его жены, дерзко ответил: « Будда жены не велел, а хороший, красивый девка, бабы можно ». Значит и я, светская дама, могла на дикой лошади с ним сказать по степи, в его кибитку и не как жена, а так!...

И еще, еще гремела губернаторша почтенным дамам и мужчинам о пережитых ею ужасах; « Я хотела своим присутствием на приеме бахши придать его губернаторству целесообразность, осмысленность, красоту, шик, а получилась конюшня ». Усталая, выдохшаяся, но довольная собою возвратилась домой.

« Сливочные » дамы, под свежими впечатлениями драматических рассказов губернаторши, изгнали детей из гостинной, мужья потихоньку исчезли, где то выпить, поставить карточку, а может и еще куда.

Дамы нервно присели к столикам, извлекли бумагу белизны слоновой кости, на лицах отразилась мысль, вдохновение, быстро, быстро забегали изыщные ручки в кольцах, браслетах; деловито восприняла бумага все слова и соображения губернаторши о величии губернаторства ее мужа под ее влиянием на грани Европы и Азии с разбойными и мирными ордами, принятия всеми христианства, дальше высшее образование. Потом уже дамы писали от себя, что миллионы уже недовольны губернатором, а особенно губернаторшей, что она главенствует над мужем и думает управлять губернией и ордами, что их религиями строжайше запрещается... Может быть революция, Астрахань и мы все погибнем.

Дальше бумага поглощала нежные, родственные чувства и строго, строго засекреченное: — « мой дурак увлекся гречанкой, а я ответила богатым греком, который и денег на меня не жалеет, посмотрим дальше... »

P. S. Последние достоверные слухи, обиженный бакша заболел, вызваны лучшие городские доктора... мы накануне революции... »

Но доктора, выпустив бюлетень, что бахша съел такое-то количество лучшей рыбы, запивая бешеной ракой, что ее хватило бы на 6-7 человек... Есть надежда, что все кончится благополучно.

Через два дня бахша уехал в орду, призвал испытанных тибетских лекарей, что-то пил, ел, шептали, потом вся орда скакала, били в барабаны, чтобы не подпустить к нему злой дух сатаны. На утро бахша закусил нутром молочного жеребенка.

Письма дам несколько взволновали среднего обывателя, но наверх не дошли. Суетливость губернаторши с фантастическими проэктами погубила все дело. Решила она заручиться содействием местного архиерея, подкатила в неурочное время, когда прием был прекращен, архиерей готовился к архиерейской ухе и паре уемистых стаканчиков тройной очистки водки.

Губернаторшу все же принял, благословил, усадил; сразу-же губернаторша высыпала шумно свои проекты. Тонкий знаток человеческой психики, архиерей определил ее несерьезный взбаламошный нрав. Выслушав ее до конца, он не перечил ей, даже одобрил ее христианское стремление к насаждению православия среди буддистов, магометан, язычников:

— « И лично я бы пошел с готовностью на благое дело, но я подчинен Святейшему Синоду, запрошу его, и что будет сообщено, поставлю Вас в известность; университеты принадлежат ведению министра народного просвещения, куда и рекомендую обратиться ».

Учитывая любезность архиерея, хотела преподнести еще что-то сильное, но он, извинившись срочностью дел, просил быть другим разом. С благословением и благими пожеланиями, губернаторша выпорхнула, оставив архиерея без аппетита к ухе, в задумчивости. Конечно, дама она не серьезная, но шалая, болтливая, дойдет ее болтовня до орд, с которыми у Святейшаго Синода добрейшие отношения, вековечно делятся подарками, орды имеют рецепты изготовлять мясные продукты исключительного вкуса. Синод вождям орд посылает ликеры, шампань, а, главное, очищенную водку. Посредником является архиерей, он же и заведующий рыбным волжским синодальным участком. Вышло по поговорке: « ласковый дурак опаснее врага ».

Быстро все учел архиерей и сел писать свои соображения в Синод толково, умно, что присланный губернатор мягок, безволен, властная жена очень ограничена, а главное болтлива. Не успев осесть, сплетен создала множество; считаясь с ордынской темнотой, могут возникнуть неприятные трения, которые потребуют много хлопот для умиротворения и еще и еще, что было нужно, и послание Святейшему Синоду полетело эстафетой. Синод поставил в известность тех, кому надлежит ведать благополучие России.

И снова грянул гром среди бела дня. В Астрахань, в губернаторский дом, прибыл пожилой, но еще бодрый генерал, познакомился с губернатором и сообщил ему, что он назначен генерал-губернатором громадного астраханского района, ввиду волнений в ордах. Губернатору же вручил пакет, где ему предлагается вернуться в Петербург и занять его прежнее место директора департамента, чему он был очень рад, т. к. шум, поднятый женой, грозил большими неприятностями. Бывшая губернаторша поругалась, поплакала и смирилась. Тихо погрузились на пароход и через неделю рано утром подъехали на извозчике к своей квартире, драгаль привез вещи.

Директор департамента сел в свое кресло, о котором сослуживцы говорили, что он и родился в нем, а теперь оно будет его саркофагом. Бывшая губернаторша замкнулась,приводила в порядок имение — казну, сильно уменьшившуюся благодаря случайному буму. На вопросы знакомых, почему вернулась, говорила, что орды собираются

бунтовать и прислан генерал с войском их усмирять.

Генерал-губернатор мотнулся по ордам, задружил с ханами, беками, князьками, бахшами, не гнушался их еды, пил раку; постепенно, то один хан, то бек получал большую серебряную медаль с царским портретом, они становились друзьями царя; но были времена у ордынцев, когда им нужно было скакать, сечь по мордам плетьми до крови, но если в ожесточении летели и головы, появлялся, как из под земли, генерал с двумя, тремя сотнями астраханских или уральских казаков и только плетьми восстанавливался мир, на обоюдную радость. На поле битвы курили трубки мира, резали баранов, быков, появлялись бурдюки раки и на почве выпивки и обжорства дружески объеденялись казаки и ордынцы, постепенно уничтожался разбой и толпы из средней Азии вклинялись в размашистую Великую Россию Царя.

Ян. Богаевский

ЧИСТИЛИЩЕ

Чистилище — промежуточное
место между раем и адом.
Словарь.

I

Терпеть не могу я больных;
Себя больным — ненавижу.
Смерть подходит. Я чувствую,
вижу
Эту ведьму в космах седых.
Смерть подходит. Не ведаю
холода.
Трубный звук. Ты ведь
любишь меня?
И легко, уверенно, молодо
Сажусь опять на коня.

II

И вот в том чудесном саду,
В котором я не был, но буду,
Сниму я седло и узду
И конь в лошадином бреду
Возляжет среди незабудок.
Закрою глаза я коню:
Догонишь меня?
— Обгоню!

Николай Туроверов

ОТЗЫВЫ РУССКОЙ ПЕЧАТИ В АМЕРИКЕ О СТИХАХ НИКОЛАЯ ТУРОВЕРОВА.

Последняя (5-ая) книга стихов Н. Туроверова разошлась по всему миру (попала и за « железный занавес »), встретив всюду теплый и хороший отклик. Приводим здесь отклик Америки.

« Новый журнал » кн. 85. 1966 г. — « Конечно, можно было бы сравнительно легко « отписаться » более или менее добросовестной рецензией. Прочертить линию развития, указать влияние и даже « учителей » (ведь сам автор подсказывает: Лермонтов, Гумилев) итд. Но вот, перечитывая, видишь, что все это было бы « не то ».

Стихи Н. Туроверова уже давно притягивали внимание любителей, как-то минуя и « влияния » и « учителей ». Притягивали непосредственно, ибо любитель поэзии чувствует и знает, что настоящая поэзия возникает вне официальной терминологии, вне выдуманной табели о рангах. В таких сравнительно редких случаях, как отзыв о стихах Туроверова, хотелось бы дать дружеский совет читателю просто обратиться к источнику, к книге и ее автору.

Но все таки возникает потребность высказать какие то мысли, впечатления, догадки. Хотя бы уж потому, что автор книги — эмигрант (« старый ») и непосредственный фон

книги, все таки, литература эмиграции и современности, в которой поэзия претерпевает тягостные испытания — и почти на глазах умирает. Стихописание все более изощряется, технизируется, и поэзия все яснее превращается в «стихи», теряя порыв, признаки творчества, и даже — признаки дыхания.

А ведь, что бы ни говорили литературоведы, настоящая поэзия существует, как растение, дерево, камень, река, ветер, цветочная пыль... Вот это-то ощущение дает ключ любви к стихам Туроверова, и к не менее примечательной личности поэта, в его стихах неукоснительно присутствующей. Личности, связанной с землей (не только в размерах эмигрантского цветочного горшка), с «почвой», а не существующей в воздусях более или менее остроумных абстракций.

Талантливая поэзия Туроверова конкретна, вещна. Словом своим (крепким и даже «донским») автор владеет так, как, наверное, в военной своей молодости владел шашкой: без промаха.

Приморские деревни
Над камнем и водой.
И веет ветер древний,
А свиду молодой.
Очаг. Мерцает пламень.
Застывшие года.
И допотопный камень,
И вечная вода.

(«Стихи о Бретани»)

К «генеральной линии» русской (бывшей) литературы Туроверов, повидимому, не принадлежит. В эмиграции он, видно, тоже одинок: об этом свидетельствует и его поэтический словарь, почти начисто лишенный инерции доныне обязывающего стихотворцев общепоэтического «койне».

И уж если искать «линии» у Туроверова, то, очень приблизительно говоря, это будет м. б. Алексей Толстой (правнук гетмана К. Разумовского) и, может быть, Бунин-поэт. С одной существенной поправкой. Блок когда-то обмолвился, что стихи нельзя писать перед зеркалом. Бунин-поэт (да и Бунин-прозаик) в этом отношении, все-таки, был не без греха. А вот в ясных и прекрасных стихах Туроверова «зеркало» отсутствует начисто». — **Сотник**

В «Новом Русском слове» (26) 3 (1966) — проф. В. Завалишин пишет:

Стихотворения Николая Туроверова знают, запоминают, печатают. Недавно вышла пятая книга его стихов. И все таки этого большого и своеобразного поэта не дооценили. Для меня Николай Туроверов, как поэт, так же дорог, как Дмитрий Кленовский или Иван Елагин.

В пятую книгу стихов Туроверова включен цикл «Задонье», где одно стихотворение в свое время понравилось Бунину.

Утпола — по калмыцки звезда,
Утпола — твое девичье имя,
По толокам пасутся стада,
Стрепета пролетают над ними.

Ни дорог, ни деревьев, ни хат,
Далеки друг от друга улусы,
И в полынь азиатский закат
Уронил свои желтые бусы!...

Николай Туроверов, по собственному признанию, учился у Гумилева. Это верно. Но следует добавить, что он немалому научился у Бунина и Максимиллиана Волошина. И Туроверов далек от подражания, далек от того, что Бунин называл «книжным навождением». Он хочет, как он сам говорит, — писать о том, что перенес в крови, в слезах.

Ценность поэзии Туроверова — в сочетании высокой техники с той большой романтикой, которая действительно открывалась поэту, в крови и слезах, в вихревороте гражданской войны и в превратностях неласковых эмигрантских судеб.

Когда читаешь его, то кажется, что присутствуешь при скачках с препятствиями, когда поэт — сначала в белой армии, а позже в иностранном легионе преодолевает страх, смертельную опасность, страдание... При этом никакой рисовки, никакой позы, ничего напускного.

Туроверову веришь, что пережитое им — правда. В лучших стихотворениях о гражданской войне или об исторических судьбах донского казачества суровая романтика становится у него тем, что во времена Блока и Волошина называли русским апокалиптическим реализмом.

В эмиграции Туроверов вырос как поэт, потому что в нем не угасало стремление к переоткрыванию мира и неизвестного в мире.

У Туроверова — свой голос и стихотворная техника, достойная большого поэта. Техника эта тем ценне, что ее не замечаешь, настолько она естественна и непринужденна.

Вслед за Гумилевым Туроверов усиливает тонизацию силлаба — тонических размеров, то есть организующую роль ударных слогов в стихе, Создается впечатление, что поэт повелевает стихом, как опытный наездник — породистой лошадью. Но при этом стих Туроверова не теряет своей певучести, музы-

кальности, образотворческой силы.

В пятой книге его стихов мы находим прекрасную поэму о Сумарокове. Так писать о русской литературе восемнадцатого века мог только настоящий поэт и в то же время глубокий и смелый знаток истории русской литературы.

Туроверов — донской казак, и казачья тематика, естественно, занимает в его творчестве большое место. Но и « Сумароков » и ряд других стихотворений сборника показывают, что Туроверов перерос областные масштабы и что рубежи его поэзии шире столь дорогих поэту рубежей Области Войска Донского.

ДЕНЬ КАЗАЧЬЕЙ СКОРБИ В НЬЮ-ЙОРКЕ.

Эта печальная годовщина, приуроченная к трагической кончине первого выборного после революции Донского Атамана генерала Каледина, была торжественно отмечена казачьими организациями 11 февраля. В Соборном храме Христа Спасителя епископ бруклинский Никон с диаконом Мамонтовым после литургии отслужили панихиду. Пел хор под руководством регента Д. Орлова. Храм привлек казаков и казачек из Нью Йорка и прилегающих районов. Перед панихидой атаманы станиц*)во главе с А. Е. Афанасьевым, главным организатором « Дня Скорби », выстроились в ряд перед молящимися с чудом сохранившимися историческими казачьими регалиями и флагами — российским и казачьих Войск. Епископ Никон произнес краткую речь, посвященную памяти Атамана Каледина, его погибшим соратникам и всем казакам, « живот свой положившим за Родину ». Торжественная « Вечная память » закончила панихиду, а в заключение хор исполнил « Коль славен ».

По окончании богослужения в большом помещении Русского клуба было устроено торжественное собрание. На нем, кроме казаков, присутствовали после панихиды в Синодальном храме и сослуживцы Каледина по 12-ой кавалерийской дивизии, которой он командовал. Окруженный живыми цветами на сцене возвышался портрет покойного Атамана. В качестве основного докладчика о жизни, боевой деятельности и трагической кончине покойного Атамана выступил видный донской казак-артиллерист полк. М. К. Бугураев. Перед докладом все присутствующие с воодушевлением исполнили донской и кубанский гимны — « Всколыхнулся, взволновался православный Тихий Дон » и « Ты, Кубань, ты наша родина, вековой наш богатырь ».

Докладчик видимо основательно обследовал биографию Каледина. Без всяких записей, по памяти, он кратко, но с характерными деталями, проследил его жизненный путь и описал потрясающую обстановку его трагической кончины. М. К. Бугураев подчеркивает, что Добровольческая армия зародилась на Дону при непосредственном содействии Каледина. До последней минуты он оставался и погиб на своем посту Донского Атамана.

На ту же тему говорил и А. Тульцев, возглавляющий Донскую имени Атамана Краснова станицу. Сообщая о погибшем на своем посту Каледине, он попутно вспоминает о безвременной смерти в борьбе с большевиками целого ряда виднейших представителей Донского и других казачьих Войск. Докладчик отмечает также, что в личной трагедии Каледина немалую роль сыграл тот факт, что Первый Круг дал ему полномочия Атамана, но не дал реальной власти. Каледин был только председателем правительства...

Собрание закончилось выступлением от 12-ой кавалерийской дивизии полк Кудашева, который с воодушевлением прочел стихотворение покойного ахтырца полковника Ерофеева, посвященое родной Дивизии и Каледину. Последним говорил представитель от молодого казачьего поколения Свинарев, выразивший сожаление, что до сих пор казаки не объединены в одну семью. На собрание, посвященное « Дню Скорби », явились далеко не все представители местного казачества.

После окончания доклада, внизу, в ресторане Бабустова состоялся многолюдный казачий банкет, в котором приняли участие

свыше семидесяти человек. Центральное место занимал епископ бруклинский Никон. Распоряжались атаманы пяти станиц во главе с А. Е Афанасьевым.

«День Казачьей Скорби» прошел с большим подъемом. На нем присутствовали представители не только Донского, но и других казачьих Войск. В подавляющем большинстве все это были кадровые казаки и казачки, мягко выражаясь, зрелого возраста. В форме донского казаки был только один — художник В. Лазарев.

Г. Раковский

*) Общеказачья Станица в Нью Йорке, Общеказачья Станица в Нью Джерзи, Донская им. Атамана М. И. Платова станица в Патерсоне, Н. Дж., Донская Центральная имени Атамана П. Н. Краснова Станица в Нью-Йорке, Донская Чернецовская Станица в Фарингдэйл, Н. Дж. Союз Донский Казаков в Америке.

Г. Раковский

ПАМЯТИ СТАРЕЙШЕГО ДОНСКОГО ПАРТИЗАНА ГЕН.-ЛЕЙТ. ПЕТРА КОНСТАНТИНОВИЧА ПИСАРЕВА.

Петр Константинович родился 30 декабря 1874 года, в дворянской военной казачьей семье Донского Войска. Отец его Константин Иванович, участник Балканской войны в отряде ген. Скобелева, умер в родной Иловлинской станице, в чине в. старшины в отставке. Мать его была дочерью донского офицера. Старший брат-офицер Генерального Штаба.

П. К. мечтал быть горным инженером, учился в Новочеркасском техническом училище. Готовился в Горный институт, но недостаток средств не позволил это осуществить.

В 1895 году П. К. поступает в Новочеркасское юнкерское училище, которое окончил портупей-юнкером в 1898 году и вышел в 5-й Дон. каз. полк, где пробыл положенный срок службы до льготы. Состоя на льготе, занимал в Донском Войске положенные для льготного офицера должности.

После льготы служил в 12-м Дон. каз. полку в Царстве Польском, занимал поочередно должности: казначея, старшего офицера сотни, помощника н-ка учебной команды, полкового адъютанта. Был и хозяином полкового офицерского собрания. Служа в казачьем полку в Царстве Польском, был одним из активнейших проводников польско-казачьей дружбы, был близок со многими семьями польской передовой интеллигенции, где был «своим человеком».

Откомандовав в полку для стажа сотней, он вновь был отправлен на льготу. На льготе, проживая свободное время в родной Иловлинской станице, оказывал казакам всяческую помощь своими практическими советами вплоть до того, как устроить орошение огородов на возвышенных местах. Казаки вначале не веря в возможность движения воды на возвышенное место, не зло говорили: «чудак его благородие», но всегда любили его за практичность в хозяйственных делах и за его простоту в общении с ними.

Во время его пребывания на льготе, Иловлинская станица «хотела» избрать его своим станичным атаманом и старики посылали к нему делегацию уговорить его баллотироваться в станичные атаманы, при этом неясно намекали на необходимость по казачьей традиции «могарыча».

П. К., по его свидетельству, «не понял» и в результате при баллотировке его «прокатили», т. е. он не получил ни одного «шара». Потом казаки ему объяснили, что это результат того, что он «не понял намека о могарыче».

В период его пребывания на второй льготе, в Российской Империи в помощь полиции были созданы войска Государственной Стражи, в которых первые места предоставлялись льготным казачьим офицерам.П. К. учитывая ее полезность для страны, поступает в нее одним из первых и назначается начальником Госуд. Стражи в Кострому. В этой должности застает его война 1914 года. Он оставляет службу и едет на Дон в распоряжение Донского Войскового Штаба, которым назначается командиром 4-й сотни 42-го Дон. каз. полка.

Его первым славным делом на поле бра-

ни был бой у деревни Негово с венгерскими Черными гусарами, когда П. К., восстановливая положение на участке полка, фактически командуя тремя сотнями 42-го полка, разбил венгров, занял деревню и забрал много пленных. За этот бой П. К. заслуживал орден Св. Георгия, но орден отдали офицеру Штаба Корпуса, находившемуся во время боя при ес. Писареве, а П. К. был произведен в чин войск. старшины. В Штабе Корпуса ему сказали, что он успеет еще нахватать наград. И действительно, так и было.

К началу революции он имел ордена: Станислава до 2-й степени и Св. Анны до 3-й степени включительно, Св. Владимира до ордена на шею, орден Св. Георгия 4-й степени и Георгиевское оружие, английский орден Бани, французский офицерский воен-

Генерал П. К. Писарев в 1919 г.

ный крест и сербский военный орден. Еще до революции был произведен в полковники и, официально состоя на должности помощника К-ра 42-го Дон. каз. полка, неоднократно исполнял должность командира полка.

Незадолго до переброски донских каз. полков из действующей Армии на Дон, П. К. был назначен командиром 33-го Дон. каз. полка, но принять его не успел. На Дон прибыл с 42-м каз. полком в район станиц Верхне и Нижне Кундрюческих. Здесь застал его последний призыв Атамана Каледина к донцам стать на защиту Родного Края. При активном участии П. К. обе станицы сформировали дружину около 1000 чел. Командование ею он и принял, послав телеграмму Походному Атаману ген. Назарову, что дружина выступает в Новочеркасск. Существует версия, что эта телеграмма заставила ген. Назарова в Новочеркасском станичном правлении принять на себя обязанности Донского Войскового Атамана.

По образному свидетельству П. К., старуха казачка, провожая своего « хозяина » в Черкасс, предсказала, что « дружина дойдет до ст. Цымлянской да и возвернется домой ». Так и случилось, а когда дружина « возвернулась » из Цымлы домой, П. К. Писарев с десятком офицеров отправился в Новочеркасск, где в первый же день записался рядовым партизаном в отряд полк. Краснянского, вербовал которых в Новочеркасске В-ст. Дударев.

Когда эти добровольцы утром 12-го февр. по распоряжению полк. Краснянского ушли в ст. Ольгинскую для присоединения к его основному отряду, П. К. в качестве рядового партизана отправился с отрядом туда же. В ст. Ольгинской П. К. был назначен полк. Краснянским его помощником. Отряд входил в Донской Партизанский полк, бывший под командой ген. А. П. Богаевского.

П. К., считая, что Добр. Армия делает одно дело с донцами, тесно связал себя с Добр. Армией, с которой совершил 1-й Кубанский поход, где показал себя храбрым офицером и заботливым начальником. В бою под Выселками он водил партизан в наступление с палкой в руках, отчего получил у партизан имя « полковник с палкой ». Когда у Выселок партизаны должны были временно отступить, оставив раненых на поле боя, П. К. сам с риском для жизни спасал раненых партизан, « притаскивая их за цепи партизан на своем плаще-винцераде ». Когда в бою под Выселками был убит полк. Краснянский, ген. А. П. Богаевский на его место назначил П. К. Писарева. Отряд под командой П. К. Писарева совершил не мало славных дел и был прозван « Писаревским батальоном ».

Когда ген. А. П. Богаевский, после соединения Добр. Армии с Кубанской, был назначен командиром 2-й бригады, а Партизанский полк принял ген. Казнович, П. К., как старший Донской казак, был назначен помощником к-ра Партизанского полка.

Во время боев за Екатеринодар П. К. со стороны ст. Пашковской врывается со своими партизанами в город и доходит до Сенного базара. В боях за Екатеринодар П. К. ранен, но до отступления остается в строю.

С прибытием Добр. Армии в пределы Донского Войска П. К. назначается командиром Партизанского полка. К этому времени полк в большинстве своем состоит из кубанцев, с которыми П. К. совершает 2-й Кубанский поход.

Когда полк был переименован в Партизанский полк имени ген. Алексеева и в историю Гражданской войны вошел под именем Алексеевского, П. К. был его первым командиром. Во время 2-го Кубавнского похода П. К. был произведен в ген. майоры.

Находясь все время в составе Добр. Армии, он последовательно командует полком, бригадой, дивизией, а в августе 1919 года П. К. — ген.-лейтенант — командир 1-го Кубанского корпуса.

Со взятием Царицына, Команд. Кавказ. Армией ген. Врангель, в память жертв донских казаков, павших под Царицыном в 1918 году, начальником обороны Царицына, с оставлением в должности к-ра 1-го Кубанского корпуса, назначает ген. Писарева. На него же были возложены и обязанности н-ка гарнизона Царицына с задачей « навести порядок » в бывшей « Красной крепости ». С этой задачей П. К. блестяще справился и получил на параде в Царицыне особую благодарность Главнокомандующего ген. А. И. Деникина.

При отходе В. С. Ю. Р. к Черному морю П. К. командует Кубанской Армией, а после оставления Новороссийска на Черноморском побережьи объединяет все собравшиеся там части и принимает меры к их переброске в Крым. С прибытием пароходов из Крыма П. К. погружает до 10 тысяч донцов и до 5-и тысяч кубанцев и терцев. Сам садится на пароход последним.

Принимая участие в 1-м и 2-м Кубанских походах и командуя значительными силами, П. К. был принят почетным казаком нескольких кубанских станиц.

С перевозкой частей с Черноморскаго по-

бережья в Крым, П. К. назначается комендантом Севастопольской крепости с задачей навести в городе порядок. С выходом Русской Армии из Крыма в Северную Таврию, П. К. командует Свободно-казачьим корпусом. Я вспоминаю его в селе Ново-Алексеевка, в это время гоняющимся на автомобиле за казаками своего и Донского корпуса, чтобы отобрать у них « реквизированных » у местных жителей лошадей. Он не раз говорил, что такие « реквизиции » преследовал в Австрии и Германии в 1914 году.

П. К. завершил свой долгий боевой путь в должности к-ра 1-го Армейского корпуса (Корниловцы, Алексеевцы, Дроздовцы).

В Крыму за боевые подвиги в Сев. Таврии П. К. был награжден орденом Св. Николая. При оставлении Крыма, как всегда, уходил последним и попал не в Галлиполи, а в Грецию и был там одно время представителем Донского Атамана. Из Греции переехал в Югославию на положение беженца, где занимался столярным делом. Потом переезд во Францию.

Здесь он был избран Председателем Союза участников 1-го Кубанского похода, который и возглавлял свыше 30 лет, до своей смерти.

Состоя председателем Союза, был одним из 3-х возглавителей Союза участников первых походов — Кубанского и Дроздовского. Соратники П. К. всегда, и в боевой обстановке и в условиях эмигрантской жизни, любили покойного, относились к нему с исключительным уважением и авторитет его ставили высоко. Был он для них символом верности и чести, стойко и беззаветно до последних дней своей жизни храня заветы основоположников борьбы с большевиками.

В течении последних десятков лет своей жизни сохранял живую связь со своими соратниками по Великой и Гражданской войне, помогал им своей поддержкой, авторитетным заступничеством и советами.

Долгое время во Франции проживал у сына в Армантьер, где занимался огородничеством, плотничеством и другими хозяйственным работами. Когда по возрасту уже не мог заниматься работами и чтобы не быть в тягость сыну, поселился в Старческом доме Инвалидов в Монморанси. Там на прогулке упал и сломал себе ногу, которая в силу его преклонного возраста срастись не могла, и он уж не мог обходиться без посторонней помощи. Поэтому из Монморанси был переведен в Старческий дом в гор. Шель, где и скончался.

При положении во гроб тело покойного было покрыто национальным русским флагом, в гроб был положен песок, присланный с берегов Дона.

Погребен П. К. на Русском кладбище в Сен Женевьев дэ Буа, на участке чинов Партизанского полка имени ген. Алексеева. Могила была покрыта цветами, среди которых особо выделялись венки от Первопоходников Корниловцев, Марковцев, Алексеевцев, Дроздовцев, от Союза Инвалидов, в котором он состоял председателем суда чести, и от Георгиевских Кавалеров.

Проведя всю Гражданскую войну в частях Добр. Армии, тем не менее он не порывал связи со своими братьями донскими казаками и поэтому всякий раз во время выборов Донского Атамана за рубежом, неизменно выставлялась его кандидатура на этот высокий пост, одной из первых, но он всегда заявлял, что даст свое согласие на баллотировку только в том случае, если от нее откажется самый достойнейший из командиров ген. П. Х. Попов, конкурировать с которым он не намерен. Когда у донских казаков в Париже встал вопрос о необходимости увековечить память ген. П. Х. Попова, председателем комиссии был избран Петр Константинович. Он был одним из инициаторов издания ныне существующего казачьего журнала « Родимый Край », одно время состоял его сотрудником и членом редакционной коллегии.

Во время своих наездов в Париж из Армантьера, П. К. был желанным гостем не только в семьях участников первых походов, но и в семьях донских казаков, среди которых, как говорили, был « на расхват ».

Всю свою жизнь П. К. был рыцарем без страха и упрека. Всегда ко всем был доброжелателен. Врагов кроме большевиков не имел. К большевикам был непримирим. Был человеком высоко религиозным в истинном христианском духе, и я никогда не видел, чтобы П. К. садился есть за стол без молитвы и всегда заканчивал еду молитвой Господу Богу. Он никогда не ложился спать и не вставал от сна, никогда не начинал и не кончал никакого дела без молитвы.

Всегда был безсребренником, всегда из последних грошей отзывался на казачьи и др. нужды. В лице П. К., участники первых походов потеряли не только старшего сопоходника, но и незаменимого друга.

Ушел от нас последний представитель славной плеяды военачальников, возглавлявших и вдохновлявших нас на ратный подвиг, как в героические дни Великой войны, так и гражданской.

Сохраним о покойном вечную и светлую память. Мир его праху.

Партизаны-степняки выражают свое искреннее соболезнование сыновьям покойного и участникам Первого Кубанского Похода.

Париж. **А. Педалкин.**

ПАМЯТКА ДОН—КИХОТУ.

Ошибся тот, кто, прочтя заглавие, подумал, что речь будет о герое романа Сервантеса. Эта памятка посвящается иному « рыцарю печального образа » — человеку, безкорыстно увлекавшемуся борьбой с темными силами нашего века.

В одном из писем ко мне, он сам окрестил себя этим именем — « мы, уходящие со сцены Дон-Кихоты ». Вернее, не имевшие счастья искатели России.

Он любил свой Кавказ! и можно ли его не любить? Зная этот величественный и суровый, но сказочно красивый край лишь по произведениям великих русских художников слова, им нельзя не восторгаться —

Где — « по камням струится Терек, плещет мутный вал» ,

где — « злой чечен ползет на берег, точит свой кинжал »...

Там, в далеком, прекрасном Дагестане, (в Хунзак), в мартовский день 1895 года, в семье кубанца пластуна Ивана Джалюка и Юлии, из дома Вондаревской, пришел на свет маленький Павлуша. Когда мальчик подрос, его определили во Владикавказский Кадетский Корпус, по окончании которого Павел Иванович попал в Тверское Кавалерийское училище. После производства в прапорщики, в декабре 1914 года, его отправили на Кавказский фронт, во 2-й Сводный Кубанский Казачий полк.

П. Ив. Джалюк за боевые заслуги был представлен к оружию Св. Георгия, награжден орденами Св. Владимира с мечами и бантом, Св. Станислава и Св. Анны. Дважды ранен в боях и контужен.

После революции, он участник 1-го Кубанского похода — генерала Корнилова и белой борьбы на юге России. По эвакуации из Крыма Павел Иванович, энергичный и молодой, попав в Прагу, кончает там Технологический Институт.

Вскоре переехав в Париж, он не использовал свою специальность, но открыл ресторан, имевший, по рассказам, большой успех.

Подробности его жизни во Франции, надеюсь, известны его друзья Парижанам, потому не стану задерживаться на деталях этого периода.

**
*

Развернувшиеся во второй половине 1941 года, военные события на восточном фронте заставили устремиться туда глаза всей русской, разбросанной по Европе, эмиграции.

Как всегда, единомыслия не было. Одни считали немцев врагами России, пусть даже советской. Другие видели в военном конфликте единственную возможность реальной борьбы с коммунизмом.

Так было и в Париже, в то время главном скоплении эмиграции. Настроения там накалялись до точки кипения. Читая сводки о все новых победах над Красной армией, эмиграция раскалывалась на два лагеря.

Многие бывшие русские офицеры, эти французские шоферы и полотеры, кельнеры и повора воспряли духом, в надежде снова взяться за оружие. Но немецкие военные власти подозрительно отнеслись к русским эмигрантам и долго не принимали в действующую армию.

Только в 1942 году их стали вербовать на роли безправных переводчиков, без определенного чина, с правом ношения каких то нашивок вместо погон. Дело было, понятно, не в погонах, а в возможности борьбы — хоть с чертом, бить большевиков.

Увлеченный общим порывом, П. Ив. Джалюк покинул насиженное место и налаженное дело и ушел на восточный фронт.

В июне 1944 года он прибыл в расположения Казачьего Стана, на землю временного поселения в Н-ке и стал командоввать 1-м Конным Казачьим полком. При начавшемся вскоре отступлении в. ст. Джалюк про-

шел с казаками далекий и многотрудный поход на Запад.

После открытия 1-го Казачьего Юнкерского училища в Вилла -Сантине, в северной Италии, в конце декабря 44 года, его назначили командиром 1-й сотни этого училища.

Умом и развитием Павел Иванович выделялся среди офицеров Казачьего Стана и пользовался их уважением. В его походном «доме» можно было встретить заместителя Походного Атамана, тогда еще полковника, Силкина, Семена Николаевича Краснова и его брата Николая Николаевича. Завсегдатаем был Нефедов, заглядывал и автор недавно изданной книги «Пути-Дороги» и многие другие, фамилии которых забылись.

Вскоре подошло Рождество и хотя это было в Италии, стране юга, в соседнем лесу росло множество елок и каждый кто хотел, без труда, зажег рождественскую елочку...

На первый день Рождества, помню, гремел духовой оркестр Училища — получив гостинцы, музыканты не скупились... Я принимала гостей — среди визитеров генерал Соломахин, (вечная память и ему!) поглощенный ожиданием супруги, оживленно рассказывал, как она спасла из разбушевавшейся Югославии его любимую черкеску и кинжал. Занятая приемом, я все же ухитрялась со вниманием следить за пикировкой двух друзей — командиров двух сотен — Павел Иванович Джалюк и его приятель полковник Вдовенко занимали всю компанию. В конце их тревожные предположения прерывались надеждой... на будущее.

***

Но это будущее оказалось ужасным и превзошло предвидения даже пессимистов.

28 мая 1945 года Казачий Стан обезглавили... В этот день победители увезли в неизвестном направлении более 2.000 офицеров, в их числе и полк. Джалюка.

И как позднее выснилось, на следующий день, в Юденбурге, их всех выдали в руки советского командования.

Без суда, без разбора и пощады, белых офицеров выдали на расправу большевикам, хотя генерал Краснов и сотни офицеров-эмигрантов, выданных с ним, никогда не были советскими подданными, а потому, юридически, не подпадали под пункты Ялтинского договора о военнопленных и тайные параграфы Венского дополнения.

Имея возможность ознакомиться не только с изданными книгами, но и несколькими рукописями бывших советских лагерников, можно заключить, что помимо тождественности всех концлагерей СССР и страданий в них, каждый заключенный воспринял и пережил особо, в зависимости от характера, ближайшего соседства и непосредственного начальства. Не малую роль играла способность человека примениться к обстоятельствам.

Однако концлагерь — сплошной ад, где под неслыханным давлением голода, непосильного труда и нищеты, распадалось физическое тело и внутреннее Существо человека.

Счастье тех, что, как Павел Иванович, выжил лишь с физическими недомоганиями и отмороженными конечностями. Печальнее участь тех, кто дождался освобождения с «подмороженной душой».

После отбытия «наказания» в лагерях Сибири, в 1957 году, Павел Иванович возвратился в Париж и последние 6-7 лет доживал дни в доме Инвалидов в Монтморенси.

Можно удивляться, после всего пережитого, что он не утратил присущего ему чувства юмора и, под настроение, умел облечь свои воспоминания о советской каторге в такие шутовские наряды, что слушатели умирали со смеху.

Один из его друзей пишет мне — «несмотря на его не совсем ангельский характер, Павла Ивановича многие не только уважали, но и любили».

В последнем письме, другой его друг говорит — «Все мы горько сожалеем об его кончине и несмотря на некоторые особенности его характера (что вполне понятно после сов. каторги), все его очень любили. Последние недели его болезни были мучительны, он часто находился в кислородной палатке, а боли бывали столь нестерпимы, что он неоднократно повторял: «скорее бы конец!»

И этот конец наступил 16 января с. г.

Вместо вязанки цветов на могилу Кубанского казака, верному сыну России.

От **Татьяны Николаевны Т.**

ИЗ КАЗАЧЬЕЙ ЖИЗНИ ЗА РУБЕЖОМ И ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ.

● 21 янв. в Париже состоялось собрание донских партизан, участников Степного похода. После обсуждения текущих вопросов было решено, ввиду малочисленности партизан-степняков, оставшихся в живых, преобразовать Объединение Партизан-Степняков в Союз Донских партизан, путем привлечения других партизан не состоявших до сих пор в Объединении. Председателем Объединения Партизан-Степняков избран подъес. А. П. Падалкин, к которому и следует обращаться по всем вопросам, относящимся к Объединению. Его адрес:

3, rue Jobbé Duval. Paris (15) France.
(телефон — 828-75-53)

◆ **Письмо в редакцию уральского казака.** — «Разрешите принести Вам, г-н редактор, и равным образом ред. « Род. Края » большую благодарность за помещение очерков о борьбе уральских казаков на их Отд. фронте. Простым и ясным языком автор этих статей рассказывает про столкновение двух неравных сил, приведшим к ужасному концу, называемому трагедией Уральского Казачьего Войска. Мне, как и всем уральцам, можно лишь выразить надежду, что автор этих очерков будет и впредь продолжать свой правдивый рассказ, так волнующий лично меня, не знавшего всего этого и не прошедшего мук этого мытарства ».

◆ **Станичник А. Б. Закотнов из Англии** пишет: — « Хочу поделиться с вами некоторыми мыслями о содержании « Род. Края ». С большим интересом читаю очерки П. А. Фадеева о борьбе уральских казаков во время гражданской войны. Ведь нам в Европе мало известно о борьбе других Каз. Войск в Сибири, на Урале, и было бы очень желательно, чтобы в журнале помещались подобные, хотя бы краткие схематические очерки об этих страницах казачьей истории. А люди из последней эмиграции и вообще ничего, вероятно, об этом и не знают.

Не с меньшим интересом читаю и воспоминания добровольца Иванова о Донском Хоре С. А. Жарова. Ведь это тоже страница каз. истории, и страница яркая и живая. Я не думаю, что в эмиграции имеется книга, описывающая жизнь Хора. Все мы его видели на сцене, и не один раз, но об его внутренней жизни, об его организации мало что известно. И очень хорошо делает станичник Иванов, взявший на себя труд ознакомить читателей с эими яркими страницами жизни казаков зарубежом.

Не могу не остановиться и на очерках Т. Данилевич о Катыни. В русских газетах и журналах об ней почему то писалось не много. В этой трагедии есть что то общее с нашей казачьей трагедией в Лиенце. И там и здесь происходило уничтожение того класса людей, который представлял опасность для сов. власти.

Очень талантливы очерки из прошлой жизни на Дону и на Руси Я. П. Богаевского, брата последнего Донского Войскового Атамана Африкана Петровича и « Донского Баяна » Митрофана Петровича. Глубокое понимание человеческой души, наблюдательность, художественное описание природы, быта, уже отошедшего в невозвратное прошлое, характеризуют его, как большого талантливого писателя. Донцы, да и все казачество, вправе гордиться семьей Богаевских.

В заключение скажу, что очень хорошо, что « Род. Край » отводит мало места нашим неурядицам, ссорам, разделениям и особенно полемике. Все это мало кому интересно, разве только ссорющимся и полемизирующим лицам, и кроме скуки и сожаления, до чего могут дойти некоторые люди, претендующие на руководящие посты — не вызывает ».

◆ **Полк. Ф. И. Елисеевым,** автором многочисленных трудов по истории Кубанского Войска, выпущена брошюра № 3 « Оренбургское Казачье Военное Училище ». Выписывать у автора, цена — 1 долл.

Elusseev 66 Fort Washington ave. Apt 25.
New-York NY 10032 USA.

◆ **В. А. Беляевским** издана иллюстрированная книга « Дон и Россия », описывающая некоторые из главных событий истории Донского Войска. Выписывать у автора, цена — 1 долл.

Bcljaewsku. 1547. A. Balboa Street. San Francisco Calif. 94118. USA.

◆ **Издательством « Казачья Старина »** переиздана на ротаторе книга донского писателя Виктора Севского « Генерал Корнилов », изданная впервые в 1919 г. в Ростове. Эта книга давно уже стала библиографической редкостью, и ее перездание, особенно в связи с 50-тилетним юбилеем начала белой борьбы, нельзя не приветствовать. Выписывать по адресу:

P. D. Gouldieff. 41-41. 44 Str. Sunnyside. L. I.
New-York 11104. USA.

◆ **Музей Л. Гв. Казачьего полка** в Париже издал брошюру сот. И. Какурина « Первый Кубанский генерала Корнилова поход », пос-

вященную трагическим событиям 1917 г., самому походу, предшествующим событиям, зарождению Добр. Армии и Дон. партизанских отрядов, уделяя особенное внимание действиям дон. частей и в особенности своих однополчан лейб-казаков. Стоимость брошюры 5 фр. или 1 долл. Заказы с приложением стоимости брошюры адресовать по адресу:
W. Grekoff. 60 avenue d'Iena. 75 — Paris (16). France.

◆ **50-тилетию первых походов** (1-го Кубанского ген. Корнилова, Степного ген. Попова, Кубанского отряда полк. Покровского и отряда ген. Дроздовского) посвящен и тройной № 76-77-78 « Вестника Первопоходника », с многочисленными фотографиями белых вождей того периода. Выписывать из редакции « Вестника » по адресу, указанному в объявлении.

◆ **Священником Федором Горб-Кубанским,** кубанским казаком, издана брошюра « По волнам моря житейского » — сборник рассказов из подсоветской и эмигрантской жизни. Цена — 1 долл., выписывать у автора:
Rev. Fedor Gorb. 411 Oswego Street.
Syracuse. New-York 13204 — USA.

◆ Летом прошлого года в Германии, Австрии и Швейцарии выступала группа джигитов В. И. Пахомова, пользовавшаяся большим успехом.

◆ 12 мая в Доме Белого Война в Париже состоялась многолюдная Пасхальная встреча, устроенная, как каждый год, Казачьим Союзом. Одновременно в этот день молебном в Кафедральном Соборе было отмечено Казачьим Союзом и Союзом партизан-Степняков окончание Степного Похода и начало казачьих восстаний. Председателем Союза Парт-Степн. подъес. А. П. Падалкиным был сделан живой и интересный доклад об этих событиях.

◆ Из Австралии пишут:

Когда С. А. Жаров был в Австралии первый раз, то после его отъезда остались некоторые из его соратников. Они пели и теперь иногда (старость, болезни) поют в наших церковных хорах, они всегда готовы придти на помощь любому певческому начинанию. Один из этих старых жаровцев, бывший ряд лет здесь регентом первой нашей маленькой церкви на Робинзон Род в Сиднее, Савва Антонович Камаралли, на собственный страх и риск, создал хор из 25 человек. Хор именуется « Донской казачий хор », поет в казачьих костюмах и дал уже ряд концертов. Каждый проходит при переполненных залах.

В этом Донском казачьем хоре поют только молодые люди в возрасте от 20 до 28 лет и не только поют, но и танцуют. Сам регент и создатель хора, С. Н. Камаралли, спокойный, крепкий и уверенный в себе человек, проделал большую работу, чтобы вывести хор на сцену, показать его публике. Спевки шли каждую неделю по несколько раз и спевки эти аккуратно посещались всеми хористами. Задача все же была нелегкая — никто из хористов ранее никогда не пел нигде.

После первого же концерта, год тому назад, стало ясно, что хор запел и будет петь.

В составе его — только дети донских, а больше — уссурийских казаков, часть — староверы.

Поют они русские народные песни, поют донские казачьи песни, но не поют советских песен.

Уже прошло пять концертов. Как и у Жарова, концерты заканчиваются традиционной лихой пляской под казачью мелодию.

Успех хор имеет значительный и надо думать, что в конце этого года состоится его концерт в большом помещении (здесь проблема — трудно получить консерваторию или таун холл в центре города, всегда заняты).

С. Н. Камаралли в этом же году повезет свой сиднейский казачий хор в другие города страны.

◆ **Правление Каз. Союза во Франции** сообщает, что для передачи вдове полк. П. Н. Кудинова еще поступило: Н. Бабкина — 10 фр., В. Моргунова — 10 фр., Е. Е. Ковалева — 20 фр., П. Н. Максимова — 10 фр., Т. Я. Миллер — 20 герм. мар., М. И. Гаврилова — 10 фр., И. В. Ковалева — 5 фр., П. Клопотовича — 5 фр. В. М. Тереньева — 10 фр.

Общая сумма с ранее поступившими пожертвованиям — 934,16 фр.

Правление просит принять всех жертвователей глубокую благодарность за их отзывчивость, вместе с глубокой признательностью П. И. Кудиновой.

◆ **О каз. журналах, газетах и прочей литературе** пишет **А. П. Падалкин.** « Есть не мало казаков разных каз. Войск, у которых сохранились разные каз. и обще-русские газеты, журналы, брошюры и прочая литература, издававшаяся как в родных краях, так и за рубежом. Со смертью их владельцев, все это идет в сорный ящик, как ненужных « хлам ». Иногда от него отделываются и сами владельцы при переезде с одной квартиры на другую или при их ремонте. А между тем, весь этот печатный матерьял может представлять из себя большой интерес для будущего каз. историка.

У меня собрано, помимо книг и выписок из них, относящихся к участию казаков в рус-

ской революции и гражданской войне, много старых газет и журналов различных наименований. Часть имеется полными комплектами, но большинство не составляют полных комплектов.

Поэтому я обращаюсь с просьбой к тем казакам, которые при переездах не знают, что делать со всей этой литературой, также и с книгами, присылать мне таковые по адресу:

Padalkine. 3 rue Jobbé Duval. 75 — Paris (15)
France

не стесняясь состоянием и количеством этого « хлама », как « казачьего » так и обще-русского. За все присланное заранее приношу искреннюю благодарность. В Париже могу и сам за ним приехать, чтобы его забрать ».

УШЕДШИЕ.

† 29 февр. в г. Лилле (Франция) после продолжительной тяжкой болезни, на 79 году жизни, скончался подполк. М. А. Педино Куб. В.

† 28 февр. в Париже скончался от болезни сердца В. Романцов, станицы Чертковской В. В. Д.

† 21 ноябр. 1967 г. в Австралии скончался стар. ур. В. И. Горлов, ст. Вознесенской Куб. В.

† 1 дек. 1967 г. в Виннипеге (Канада) умер И. П. Топтунов ст. Псебайской Куб. В.

† 16 янв. в г. Трейбахе (Австрия) умер войск. старш. Л. Л. Дидик, ст. Динской Куб. В.

† 19 марта в Доме для престарелых в Ментоне (Франция) скончалась после продолжительной болезни Е. А. Попондопуло, урожденная Дорошенко Терск. В.

† 26 марта в США, на работе, от разрыва сердца скончался Г. С. Елатонцев, ст. Кременской В. В. Д.

† 1 апр. в Париже после тяжкой операции скончалась Л. Г. Гордеева, урожденная Хрипунова, В. В. Д.

† 11 апр. в Старческом Доме Русского Красного Креста в г. Шелль (Франция) скончался после продолжительной, болезни казак Каргинской станицы В. В. Д., в сане протоиерея отец Федор Власенков, 83 лет.

† 14 апр. в Париже неожиданно скончался хор. Л. Гв. Атаманского полка А. В. Михайлов, Каменской стан. В. В. Д.

† 16 апр. в Фармингдайле (США) скончался сот. Г. Л. Романенко, ст. Староминской Куб. В.

† 22 апр. в старченком доме в Иере (Франция) 82 лет от рода, умер Е. И. Кунчин, ст. Котовской В. В. Д.

ДЕНЕЖНЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ В РЕДАКЦИЮ « РОД. КРАЯ »

(С 1 марта по 1 мая 1968 г.).

В Фонд Издательства: В. А. Балахнин — 81,80 фр., С. И. Донсков — 10 долл., И. Г. Гнилорыбов — 100 фр., П. П. Боков — 20 шв. фр., В. Л. — 5 герм. мар., Б. Н. Уланов — 1 долл., В. И. Петрусь — 5 долл., В. А. Балахнин — 6 долл.

Через атамана **Обще-Казачьей станицы в Нью-Йорке** А. Е. Афанасьева поступило: на издание книги **« А. М. Каледин — герой Луцкого прорыва и Донской Атаман »** — А. Е. Никитенко — 5 долл., М. Я. Лапа — 5,50 долл., И. Р. Клевцов (2-ой взн.) — 5 долл., Ф. А. Золкин — 3 долл., А. Я. Баромык — 5 долл. от чинов 12-ой Кавалерийской (Калединской) дивизии: кн. Н. В. Кудашев — 11 долл., граф И. С. Ланской — 5,50 долл., граф М. В. Потоцкий — 5,50 долл. На **№ «Род. Края» посвященный памяти Пох.Атамана ген. П. Х. Попова у 50-тилетию Степного Похода:** от Обще-Каз. станицы в Нью-Йорке — 10 дол.

Отца П. Попова — 10 долл., А. Е. Афанасьева — 5 долл., В. М. Бабустова — 5 долл., С. А. Пахомова — 5 долл., и от казаков Станицы имени ген. П. Н. Краснова: И. И. Караваева — 5 долл., Ф. Стрижакова — 5 долл., Н. Д. Гончарова 3 долл., М. А. Саринова — 3 долл., А. И. Тульцева — 3 долл., Т. Е. Рябичева — 2 долл., от проф. Б. П. Прощакова — 5 долл., на организацию торжеств по случаю юбилея окончания Степного Похода от протоиерея Отца Петра Попова — 10 долл.

Для передачи **Дамскому Комитету Каз. Союза:** А. А. Леонов — 50 фр., г П. Г. Халеева — 50 фр., М. Я. Борисов — 12 фр., И. М. Гамов — 10 фр., от больного казака В. М. Белоусова — 50 фр., от Объединения Степняков — 10 долл., В. Севостьянова — 10 фр., В. М. Петруся — 5 долл.

На издание книги « А. М. Каледин — герой Луцкого прорыва и Донской Атаман »: Б. Попов — 4 долл., К. Пономарев — 8 канад. долл., Е. Г. Аханов 6 долл., Е. Тушканов (2-ой взн.) — 1 фр., Н. А. Ломакин (2-ой взн.) — 50 фр., М. Л. Малышко — 26 фр., В. М. Терентьев (2-ой взн.) — 6 фр., М. И. Залесский (4-ый взн.) — 11 долл., П. Г. Гребенников (2-ой взн.) — 1 долл., Е. В. Винокурова (2-ой взн.) — 16 фр.

Всех жертвователей просим принять нашу искренноо благодарность.

РОЗЫСКИ

● Лиц, знающих что-либо о **Семене Федоровиче Кудинове,** С хутора Муховаткина, район Миллерово Донской Области, просят написать в редакцию « Р. К. ».

● Родные с Дона розыскивают **Афанасия Тимофеевича Матвеева,** станицы Распопинской Дон. Войска и Николая Ивановича Белоусова из города Бердянска. Писать по адресу:
A. Kuliagin, 5346 Lee Str. Bristol Pa. USA

● Сестра розыскивает брата **Валентина Климнина** рожд. 1904 г. станицы Букановской. Учился в Дон. Кадет. Корпусе в Югославии. Около 1925 г. переехал в Париж, откуда уехал в 1930 или 1932 г. Писать по адресу:
Mrs. A. Pachkevitch. 3700 S. W. Donovan Seatle. Math. 98126. U. S. A.

● Сестра розыскивает брата **Бориса Станиславовича Катынского,** офицера 80-го конного Зюнгарского полка, и друзей **Андрея Одинцова, Александра Магутина** из Пятизбянской станицы, оба учились в Калаче, позже были офицерами в Донской Армии, и **Анну Бабушкину** из Арчеды. Лиц, знающих о их судьбе, прошу написать по адресу:
Madame Oussov-Blonsky, rue № 1. 85, Antsakoviro, Tananarive Madagascar.

● Елена Александровна Погорелко розыскивает брата **Михаила Александровича Жилина** и его сына Александра, до 2-ой Мировой войны живших в Белграде. Писать по адресу:
Mme. Pogorelko. 55, rue Beklioz. 78 — Velizy-Villacoublay. France

● Розыскивается **Анна Хрисанфовна Воробьева,** (урожденная Пишванова) из Новочеркасска. Знающих об ее судьбе просят написать Н. П. Казинцеву по адресу « Род. Края ».

● Сослуживец и одногодок рождения 1900 г. розыскивает **Михаила Ивановича Лощенкова** станицы Нижне-Чирской, хут. Секретева. Писать в редакцию « Род. Края ».

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ «РОДИМОГО КРАЯ»

Непринятые рукописи обратно не возвращаются и в переписку о них редакция не вступает. Редакция оставляет за собой право статьи сокращать, не меняя смысла написанного. За статьи, подписанные полным именем авторра, редакция не отвечает и они не всегда выражают взгляды редакции.

Корреспонденцию на имя Редакционной Коллегии направлять по адресу:
Mr Bogaevsky - 230 av. de la Division Leclerc, 95 — Montmorency (France).

Через редакцию « Род. Края » можно выписать:

« Воспоминания ген. А. П. Богаевского » (Ледяной поход) — 12 фр.

Н. М. Мельников — « Ермак Тимофеевич, кн. Сибирский, его сподвижники и продолжатели » — 8 фр. или 2 долл.

Л. Масянов — « Гибель Уральского Казачьего Войска » 20 фр.

« Митрофан Петрович Богаевский » — сборник статей о Донском Баяне — 16,50 фр. или 3,50 долл.

Н. М. Мельников — « Как извращается история » — 2 фр.

П. М. Аврамов — « Ковылий сказ » — 3 фр.

П. М. Аврамов — « Никифор Кащеев » — 3 фр.

Казачий словарь справочник, 1-ый том — 25 фр.

Н. Н. Туроверов — « Стихи », книга 5-ая — 15 фр.

Н. Н. Воробьев — « Кондратий Булавин » — 15 фр.

Адмиралов — « Казачья трагедия » (1940-1945 гг.) — 12 фр. или 2,50 долл.

В. А. Беляевский — « Голгофа » (Очерки из воспоминаний 1882-1964) — 12 фр. или 2,50 долл.

П. Поляков — « Поэмы » 4 фр.

Казачьи песни (изд. « Каз. старина ») — 5 фр.

Н. М. Мельников — « А. М. Каледин — герой Луцкого прорыва и Донской Атаман » — 26 фр. или 5,50 долл.

◆ Редакция обращается с настоятельной просьбой ко всем своим читателям и подписчикам не задерживаться с внесением подписной платы. Издание « Род. Края » основано исключительно на самоокупаемости, при полной безвозмездной работе всех наших сотрудников. То-есть журнал издается на деньги, за него полученные, и на пожертвования отдельных лиц в Фонд Издательства, иначе говоря на деньги самих читателей, от которых и зависит дальнейшее существование « Род. Края ».

Вышла из печати книга Н. М. Мельникова

« А. М. КАЛЕДИН —

ГЕРОЙ ЛУЦКОГО ПРОРЫВА И ДОНСКОЙ АТАМАН ».

В книге 375 страниц и редкие фотографии.

Выписывать из редакции « Род. Края ». Стоимость во Франции — 26 фр., заграницей — 5,50 долл.

Тираж ограничен.

Вышла из печати, под редакцией Н. М. Мельникова, в издательстве «Родимого Края», монография

МИТРОФАН ПЕТРОВИЧ БОГАЕВСКИЙ

В книге 276 стр. и редкие фотографии. Выписывать из редакции «Род. Края». Стоимость во Франции — 16,50 фр., заграницей — 3,50 долл. В книге, кроме яркой обрисовки личности и деятельности Донского Златоуста, перед глазами читателя попутно проходит героическая эпоха Калединского периода истории Дона.

Осталось еще ограниченное количество экземпляров.

РУССКИЙ КНИЖНЫЙ МАГАЗИН В ПАРИЖЕ

— Все новинки книжного рынка —
MAGASIN DU LIVRE
10, rue des Carmes Paris 5
Tél. DANton 25-28.

«ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА»
Редакционная Коллегия: А. Долгополов, Г. Головань и В. Мяч.
ежемесячный журнал, посвященный Первому Кубанскому походу и истории Белых Армий.
Издание Калифорнийского отдела Союза Участников 1-го Кубанского ген. Корнилова похода
Подписная плата на 1 год (12 номер.) дол. 5.00, на 6 месяцев долл. 3.00, цена отд. номера 0.50 цент. Адрес редакции:
842 NO. Alexandria ave. Los Angelos. Calif. 90029. USA.

Imprimerie P.I.U.F. - 3, rue du Sabot - Paris (6e)

Родимый край

ОГЛАВЛЕНИЕ.

В. Севский — « Генерал Корнилов »
М. Бугураев — « Донской Атаман Ген. Штаба генерал — майор А. М. Назаров »
П. П. Кумшацкий — « Завет сыну-казаку ».
Н. Н. Воробьев — « Скрижали славы казачьей » (продолжение).
Н. Кузнецов — « Внукам ».
М. Черныш — « Запорожье и Запорожская Сечь » (окончание).
П. А. Фадеев — « Гражданская война на Уральском отдельном фронте » (продолжение)
П. П. Иваница — « Так было... »
Нохчинкант — « Погубленный май... »
Я. П. Богаевский — « Турция ».
Доброволец Иванов — « С русской песней по белу свету... » (продолжение).
Из казачьей жизни за рубежом.
Ушедшие.
С. Г. — « Памяти П. П. Дричило.
Б. Уланов — « Памяти бакши С. Р. Менкова ».
От редакционной коллегии « Род. Края ».

РОДИМЫЙ КРАЙ

Орган общеказачьей мысли.
Издатель: Донское Войсковое Объединение.
Association des Cosaques du Don
Arr du Ministre de l'Int. J.O. 70 1955

Редакционная Коллегия: Б. А. Богаевский, А. И. Клочков, В. М. Кузнецов, А. П. Падалкин, Н. Н. Туроверов, Б. Н. Уланов.
Адрес редакции:

B. BOGAEVSKY
230, Av. de la Division-Leclerc
95 — Montmorency
France

PAYS NATAL Juillet — Aout 1968
№ 77 Июль — август 1968 г. 4 фр.
Parait tous les 2 mois. Directeur: *Bogaevsky.*

ГЕНЕРАЛ КОРНИЛОВ.

(Глава из книги того же названия, изданной в 1919 г. в Ростове и переизданной недавно издательством «Казачья Старина» в Нью-Йорке. Автор книги — известный донской писатель и журналист В. Севский (Краснушкин).

В далеком Усть-Каменогорске в западной Сибири 18 авг. 1870 г. начал свою жизнь Лавр Корнилов. Пеленали его мозолистые шершавые руки матери казачки Кокпектинской станицы Сибирского Каз. Войска. Были у нее, кроме маленького Лавра, и другие дети, были и другие заботы. Все небогатое хозяйство волостного писаря отставного хорунжего Войска Сибирского, казака Каркалинской станицы, Георгия Корнилова было на ней. Ходил хорунжий сам за сохой, сам сеял, сам косил и сам пахал. Не одну корку черствого хлеба размочила слезой мать Лавра Корнилова. Дети хорунжего, гнувшего спину за столом в волостном правлении, где пахло кислыми кожами зипунов и сургучем, знали одну гувернантку — природу. Сказки рассказывал степной ветер, ласкало их солнце да огонь костра в «ночном», журил их зимою суровый мороз. До 9-ти лет маленький Лавр жил под надзором природы, подружился с ней и верен ей остался до последних дней своих. Глядел на высокие горы Каракалы, видел орла, взмахнувшего крылом к солнцу и сам потянулся вверх за орлом.

Девяти лет Лавр сел за букварь в приходском училище, быстро одолел его и потянулся к книге. С мечтой о книге он прошел долгую Прииртышскую степь, когда его отец из Усть-Каменогорска переехал в Зайсан. В Зайсане маленький Лавр стал воплощать свою первую мечту: учиться. По истрепанным книгам, в часы досуга на конюшне, рядом с Гнедко, на гумне и в «ночном» у костра Лавр одолевает науку. Суровая природа его родины научила мальчика настойчивости и в 1883 г. он выдерживает экзамен в Сибирский кадетский корпус.

Здесь его встречают дети, рожденные в иной обстановке, дети, знавшие конфорт, учившиеся у гувернанток и воспитателей. Лавру Корнилову тяжело в первые дни, но затем он одолевает все препятствия и в 1889 г. кончает корпус первым.

Кто помнил Лавра Корнилова кадетом, тот говорил, что душою класса всегда был маленький кадетик с монгольским лицом и живыми глазами под узкими черточками-бровями. Широки и безкрайны степи сибирские, высоки и неприступны горы, но и степи, и горы мальчик Лавр одолевал с детства. Закалялся дух, закалялась воля.

Школа показалась легче препятствий, которые ставила Лавру Корнилову природа на пути к жизни, и эту школу быстро прошел мальчик. Юношей 19 лет Корнилов едет в Петербург, в Михайловское Артиллерийское Училище.

Когда из Каменогорска он уходил с отцом в Прииртышскую степь, то знал, что долог путь, но, если его преодолеть, то его ждет Зайсан, новая родина.

Долог и путь школы — не короче Прииртышской степи: корпус, Военное Училище, Академия и только тогда начнется работа.

В Военном Училище Корнилов отдается науке, а часы досуга отдает изучению иностранных языков. Часов досуга мало и юноша отрывает у ночи час — другой, чтобы закончить свое образование. Ничего не дается без денег. Уроки иностранных языков требуют оплаты труда учителей. А денег у бедного юнкера нет и он берет заказы на чертежи. Чертит в тиши ночи, чтобы быть богаче зна-

ниями, чтобы с жизнью встретиться во всеоружении знаний.

Бедный, но гордый, со стальным характером Корнилов юнкер — любимец товарищей. Они выбирают его делегатом к начальству, они всегда посылают его отстаивать их интересы. Но то, что нравилось юнкерам-юношам, не нравилось маленькому начальству Училища и Корнилов слывет среди него под кличкой «красного юнкера». В этом укрепил его маленький эпизод на учении, когда Корнилов был обижен курсовым офицером. Офицер крикнул что то обидное юнкеру, юнкер ответил. Офицер приблизился к юнкеру. Корнилов кипел, но только бледность выдавала волнение юнкера. Корнилов положил руку на эфес шашки. Все ждали взрыва, пахло грозой.

«Г. капитан, отъезжайте в сторону» — крикнул начальник Училища, благоволивший Корнилову и понявший его в эти минуты испытания.

С той поры юнкера обожали смелого сибиряка, а начальство косилось и было скупо на балы за поведение. Только к окончанию Училища начальнику его ген. Чернявскому удалось провести Корнилову II балов.

В 1892 г. Корнилов окончил Военное Училище и вместо гвардии в Петрограде выбрал артиллерийскую бригаду в Туркестане. Три года подпоручик Корнилов прожил в Туркестане, бегал по урокам, добывая средства для поддержки семьи отца, отдряхлевшего и уставшего, учил солдат, заставил их полюбить себя и в то же время готовился в Академию Генерального Штаба. По конкурсному экзамену подпоручик Корнилов первым поступил в Академию и первым ее окончил.

В Академии он не тянулся перед профессорами в мундире, не ходил даже на все лекции, он приехал учиться и поэтому посещал лекции лишь тех профессоров, которые любили науку, а не карьеру. Остальное время отдавал работе дома, в убогой мансарде, да в библиотеке, где, зарывшись в книги, он черпал знания, закаляя себя для схватки с жизнью.

По окончании Академии Корнилов остается верен себе, не остается в штабе Петербургского округа, а снова уезжает в Туркестан, куда манят его неизведанные дали и жажда новых впечатлений. Осенью 1898 г. он уехал в Туркестан, и уже через неделю по приезде туда едет на Афганскую границу.

В Туркестане Корнилов попадает в распоряжение известного исследователя центральной Азии ген. М. И. Ионова. На первых же порах молодой офицер покоряет старого исследователя своей волей к знанию и подвигу.

Русские войска занимают древний город древней Бактрии Термез. Не исследованный Афганистан заграждает от пытливого ума исследователя и завоевателя бурная грозная Аму-Дарья. В плеске грозной волны, в шуме падающей воды с высокой скалы слышатся угрозы и предостережение.

Туземцы афганцы настроены враждебно к таксырам (офицерам) русских войск, косятся на европейца и зорко берегут тайну своей земли, по которой редко ступала нога европейца.

В 50-ти верстах от Аму-Дарьи у ущелья Гинду-Куш, чтобы оставить себе перевалы и пути в Кабул, афганцы строят крепость. Камень за камнем тащат туземцы в новую крепость, растет и крепнет сплот туземцев крепость Дейдади.

Ген. Ионов жалуется Корнилову, что Дейдади — тайна для наших разведчиков. Крепко берегут от взоров чужих афганцы свою молодую крепость.

Молча слушал молодой офицер сетования старого генерала, задумчиво щипал редкую растительность на лице, а когда старый генерал умолк, попросил разрешения уехать в отпуск на три дня.

Ионов баловал молодого офицера и потому даже не спросил, куда едет в отпуск Корнилов и разрешил.

Корнилов ушел. Были у него знакомые туркмены. Корнилов любил их, смелых, гордых в нищете и рубищах. Любили и туркмены молодого таксыра, который говорил на их языке так же хорошо, как они сами. Не раз спрашивал русский офицер у своих друзой, что делается в Дейдади. Турмены загадочно улыбались, искрились их глаза, но и в словах, и в глазах Корнилов ничего узнать не мог.

«Поезжайте сами и посмотрите, что там делается» — сказал туркмен Корнилову, когда тот на настойчивый вопрос получил туманный, неопределенный ответ.

Вспыхнул Корнилов.

«Меня некому вести на том берегу, но я бы поехал, если бы нашлись проводники».

«Таксыр, я поведу тебя, если ты поедешь» — сказал один туркмен.

Другой прибавил:

«Но ты обещаешь нам, что ты не отдашься живым, если попадешь в плен. Будет неудача — все мы примем страшную смерть».

Корнилов ответил: «Последняя пуля будет мне. Люди вашего народа не возьмут меня живым».

«Клянись, таксыр».

« Клянусь ».

В тот же вечер молодой офицер обрил себе голову, подстриг усы, вобрал плечи в полосатый халат, как то делали афганцы, и явился к туркменам.

« Ведите, я готов ».

Не сразу признали туркмены во всаднике в халате того, кого привыкли видеть в иной одежде и иной обстановке.

Всадники поехали искать путей через грозную Аму-Дарью. В 40 верстах от Термеза они наладили плот из козьих бурдюков и на нем ринулись в кипучие бурные воды грозной царицы азиатских вод.

Посередине реки зашипел один бурдюк и воздух стал выходить из него. Еще минута и смелые люди нашли бы смерть в водах грозной реки. Но туркмены быстро нашли отверстие в бурдюке, заклепали его и доплыли до берега. На берегу зарыли бурдюк в песок, а в соседнем селении их ждали кони.

Темной ночью, среди неведомых холмов, среди чужих, враждебно настроенных людей скачет Корнилов к Дейдади. У стен крепости — часовые афганцы, зорко ее оберегающие.

Корнилов бросает первый вызов судьбе, останавливается около трактира, ведет туда своих спутников, ужинает, затем снова вскакивает на коня и мчится дальше.

До рассвета еще далеко, а ночь плохая помощница смелому разведчику. Корнилов ждет восхода солнца на постоялом дворе неподалеку от крепости.

Утром, едва взошло солнце, он подъезжает к крепости. Навстречу скачет всадник. Туркмены предупреждают Корнилова — это афганский офицер, наблюдающий за крепостью.

« Кто ты? » — спрашивает афганец.

Кланяется Корнилов афганцу и отвечает на его языке, четко выговаривая каждое слово:

« Великий Абдерахман, эмир Афганистана, собирает всадников в конный полк. Я еду к нему на службу ».

« Да будет благословенно имя Абдерахмана » — отвечает афганец и проезжает дальше. Опасность миновала — Корнилов едет в Дейдади. Зорко всматривается « афганец » в каждую деталь крепости, делает пять фотографических снимков, снимает кроки с дорог, ведущих к границам, и только тогда возвращается домой.

Через три дня Корнилов вернулся из « отпуска » и молча подал ген. Ионову фотографические снимки. Удивлению последнего не было предела...

« Неужели Дейдади? Но ведь вас могли посадить на кол... »

« Я знал, на что шел, но зато вы получили необходимые вам сведения » — ответил Корнилов.

Ионов рапортовал по начальству о блестящем подвиге молодого офицера и хотел наградить его Владимиром с мечами и бантом. Но командующий войсками посмотрел иначе на подвиг молодого Корнилова. Ионов получил строгий выговор за то, что посылал способного офицера к афганцам « на кол », а Корнилову был обещан месяц ареста, если он повторит свой подвиг. Так был награжден на заре своей военной карьеры Корнилов за то, что за три дня сделал пробег в 400 верст, установив в Туркестане рекорд, до сих пор еще никем не побитый. Однако, выговор и угроза арестом — одно, а взять на примету способного офицера — другое. Корнилов был замечен и ему стали поручать самые ответственные и серьезные поручения.

В 1899 г. он изучает район Кушки, направление на Мейман и Герат, а затем его командируют в китайский Туркестан — Кашгарию, где его ждут полтора тяжелых года напряженного труда, связанного с большими лишениями и страданиями.

18 месяцев шел маленький караван по неисследованной земле. Маленький сухощавый офицер кропотливо заносил на карту все извивы гор и рек, все капризы природы в этом обожженном солнцем и ветром краю. Не смущали его преграды, не пугали его лишения — он шел вперед, не зная устали, с одним желанием расширить горизонт знания, помочь родной науке. Это авангард Европы шел в Азию. Капитан Ген. Штаба Корнилов, подпор. Кирилов стлали дорожки будущим поколениям.

В Ташкенте, отдохнув от тяжелых полутора годов трудов и подвига, Корнилов издал свои очерки в книге « Кашгария или Восточный Туркестан ».

Но этого было мало. Путешествия стали стихией молодого офицера и в 1901 г. Корнилов пускается в путь, еще более тяжелый, идет навстречу испытаниям, горше пережитых. От отправляется в Степь Отчаяния — Дашти Наумед.

В восточной Персии были мало исследованы области Хоросан и Сейстан. Здесь тянется Степь Отчаяния, которая на карте была обозначена как « неисследованная земля ». Не дерзались пускаться в путь по знойной обиженной природой степи путешественники, смелые англичане и те обходили степь только по параллели, не углубляясь в нее. Здесь жили племена, которых никто не ве-

дал, знали о них только, что они жестоки и дики.

Корнилов пошел в степь с двумя казаками и двумя туркменами. Невелик был багаж путешественников, питались мучными лепешками. И в пути в пасть суровой степи бросали все, что дальше вглубь казалось лишним: походные кровати, вьюки. Оставляли лишь муку, карандаши, бумагу.

Так тянулись 7 месяцев исследования Степи Отчаяния. Корнилов победил степь.

В 1903 г. Корнилова командируют в Индию. Нашел бы он и здесь Степь Отчаяния и покорил бы ее этот не знающий усталости, неугомонный человек, если бы над Россией не грянул первый гром: война с Японией. Корнилов торопится из Белуджистана в Россию, чтобы записаться в Действующую Армию и идти сражаться.

В. Севский.

ДОНСКОЙ АТАМАН ГЕН. ШТАБА ГЕН-МАЙОР А. М. НАЗАРОВ

19 февраля 1918 г., 50 лет тому назад, был расстрелян большевиками Донской Войсковой Атаман ген. Назаров.

Когда банда Голубова, захватившая Новочеркасск, ворвалась на заседание Войскового Круга, Голубов скомандовал: « Встать... ». Единственный из всех ген. Назаров не встал...

Когда красногвардейцы его расстреливали, Атаман Назаров сам подал им команду:

« Стрелять как казаки... Сволочь, Пли... »

Анатолий Михайлович Назаров, казак станицы Константиновской, родился в 1876 г. в крепкой духом патриархальной семье сельского учителя. В 1894 г. окончил Донской Кадетский Корпус, в 1897 г. — Михайловское Арт. Училище по I-ому разряду и вышел хорунжим в I-ую Дон. Каз. кон. батарею. Через три года поступил в Академию Ген. Штаба, которую окончил в числе первых в 1903 г. в 1897 г. был произведен в сотники, в 1903 г. — в штабс-капитаны Ген. Штаба, в 1905 г. — в капитаны. К войне 1914 г. был уже полковником. Был женат, имел двух сыновей и дочь.

Участвовал в Русско-Японской войне на различных должностях офицера Ген. Штаба, одно время был в течении 2-ух лет преподавателем в Тифлисском Военном Училище, пользовался большой любовью и уважением юнкеров. В свое время не раз выполнял специальные задания Ген. Штаба, последним из которых было перед Японской войной рекогносцировка немецкой крепости Кенигсберг, результатом которой было точная карта с фотографическими снимками крепости.

Ген. Быкадоров во 2-ом т. « Дон. Летописи » дает ценные сведения о ген. Назарове. Коренастый, небольшого роста, с порывистыми движениями, в физическом отношении представлял идеал кавалериста-спортсмена. Избытком энергии и всем своим видом обращал внимание всех людей, с ним встречавшихся. Особенное впечатление производил пронзительно-внимательный взгляд его глаз: они как бы гипнотизировали и подчиняли себе волю каждого человека, разговаривающего с ним. Речь его была ясна, коротка и хорошо построена, убедительна приводимыми фактами и всегда сопровождалась точными данными. Строгий к самому себе, он требовал от подчиненных точного выполнения службы в пределах полной справедливости. Безукоризненной кристальной честности. Очень интересовался психологией и изучал ее. Пребывание в Академии и дальнейшая служба по Ген. Штабу оторвали его от казаков, но **он никогда не терял связи с Доном.**

С объявлением войны 1914 г. полк. Назаров был назначен командиром 20-го Дон. каз. кон. полка — 2-ой очереди, входившого в 3-ью Дон. каз. дивизию, которая с Дона была переброшена к г. Люблину и в августе уже участвовала в боях. В руках Назарова полк скоро выделился, как один из лучших конных полков. Полк. Назаров получал самые ответственные боевые задания, а блестящее их выполнение закрепило за ним славу беспримерного боевого начальника как авангардов, так и арриергардов. Самообладние в бою у него исключительное, так же, как и храбрость и стойкость. Никакие охваты, отходы, самые тяжелые положения не вносили в среду его подчиненных тревоги и опасений. Все знали и верили, что полк. Назаров выведет их из самого тяжелого положения. Он

умел сразу разбираться в сложной боевой обстановке, быстро принимал нужное (и правильное) решение, с сознанием своей ответственности и отсутствием боязни за нее. Настойчивость и энергия в проведении принятого решения, широкая инициатива были отличительными качествами А. М. Назарова. У других начальников он пользовался большим престижем.

При ликвидации прорыва германской конницы у Молодечно, Назаров был тяжело ранен осколком снаряда, но скоро вернулся на фронт. Описание всех боев, в которых участвовал полк. Назаров, заняло бы много страниц. Приведу только несколько примеров. В боях за г. Н. Сандец Назаров, командовавший бригадой, сыграл решающую роль. Бригада смелым и искусным маневром вышла во фланг и тыл противника, сломала его сопротивление и заняла город. Выписка из приказа: « В упорном бою у Тымрака в ноябре 1914 г. ком. бригады полк. Назаров своими блестящими действиями не только спас положение всего корпуса (ген. Драгомирова), но и фланг Армии ». Полк. Назаров был представлен к ордену Св. Георгия 4-ой степени. Но в получении высоких наград, вполне им заслуженных, ему не везло. Кавалерская Георгиевская Дума при разборе дел о награждении требовала свидетельские показания очевидцев. Из-за частых переброс дивизии, в которую входил полк Назарова, их вблизи не было, а разыскивать их не было времени. Отказа не было, но была бесконечная волокита, а в связи с революцией вопросы о награждении отпали. Но все же к концу войны Назаров имел ордена Св. Владимира 3-ей и 4-ей степени с мечами и бантом и Георгиевское оружие.

В бою близ Бржостока, когда наступил критический момент, Назаров лично со своим конвоем в конном строю бросился в атаку во фланг наседавшей пехоте противника, который ошибочно принял ее за атаку всей русской кавалерии и остановил свое наступление. Время было выиграно и к угрожаемому месту поспели подойти резервы.

К концу войны, Назаров был произведен в генерал-майоры и назначен командиром отдельной Забайкальской каз. бригады на Кавказском фронте, но скоро получил другое назначение и был назначен начальником Кавказской кавал. дивизии, а затем и командиром Кавказского корпуса, предназначавшегося к отправке в Месопотамию на соединение с английскими войсками.

Проездом к месту новой службы Назаров попал в Новочеркасск, где представился Донскому Атаману ген. Каледину, и, ознакомившись с тяжелой политической обстановкой на Дону, в связи с окт. переворотом и каз. « нейтралитетом », остался помогать Атаману в борьбе против большевиков. Вначале он был в Усть-Медведицком округе, но вскоре Атаман перевел его на самое опасное направление того времени — Таганрогское и скоро « товарищи » почувствовали сильную непоколебимую энергию нового начальника этого района и ...присмирели.

При взятии Ростова (2-го дек. 1917 г.) группа ген. Назарова (900 бойцов и 2 орудия) занимала позицию на Темернике и в привокзальной части города. Своей точной стрельбой из орудий по военным судам матросов и по казармам 4-ех солдатских полков — она решила участь Ростова. При уходе судов из Ростова траулер « Колхида » сел на мель. Все арестованные красными, находившиеся на нем (ген. Потоцкий, В. Ф. Зеелер — всего около 30-ти человек) были переведены на тральщик « Ф. Феофани », который против Гниловской тоже сел на мель. Батарея ген. Назарова открыла огонь по тральщику, а вооруженный каз. катер снял с него всех арестованных, которых матросы везли в Севастополь на суд.

3-го дек. Назаров был назначен командиром Ростовского района, и « товарищи » сразу почувствовали сильную власть. Но через 10 дней он получил новое назначение — был назначен Походным Атаманом. Военные операции красных на Дону расширялись, казаки-фронтовики держали « нейтралитет ». Атаман Каледин долго не соглашался давать разрешение на формирование партизанских отрядов, но... другого выхода не было. Не хотел он, чтобы партизаны вели бои против казаков, перешедших к большевикам.

Но 21 янв. казаки-голубовцы в районе хут. Гусев — ст. Глубокая напали на партизан чернецовцев. Недостаток патронов, темнота, малочисленность своих сил заставили Чернецова (он был ранен в ногу) вступить в переговоры с казаками. Воспользовавшись этим, голубовцы в темноте незаметно окружили их и всех... пленили. При попытке Чернецова бежать из плена, он был зарублен подхор. Подтелковым.

Гибель Чернецова и выступление казаков-фронтовиков против партизан произвели на Каледина большое впечатление. Кольцо окружения красными все сжималось. Ростовское направление защищала Добр. Армия с небольшими партизанскими отрядами семилетовцев и Грекова (« Белого Дьявола »). Новочеркасское направление (с севера) было

под защитой дон. партизан и одного батальона Добр. Армии. Но было видно, что и Ростов и Новочеркасск большевики скоро возьмут.

29 янв. от Корнилова Калединым была получена телеграмма, в которой Корнилов сообщал, что Добр. Армия уходит из Ростова на Кубань и срочно просил вернуть офиц. баталион с Персиановского направления.

С уходом Добр. Армии из Ростова создавалось безвыходное положение: Ростовское направление закрывать было нечем. С севера красные были уже под Персиановкой в 13 верстах от Новочеркасска. 29 янв. Атаман Каледин покончил жизнь самоубийством, расчитывая, что его выстрел сможет показать донцам безвыходность положения Дона и фронтовики выступят на его защиту.

« Трагическое положение на Дону — писал ген. Деникин — приводит к роковому выстрелу. Честный, мудрый, твердый, скромный и благородный ген. Каледин вошел яркой и непомеркнувшей звездой первой величины в историю отечества, как вождь и Донской Атаман ».

М. П. Богаевский в своей статье « 29 января 1918 г. » (« Дон. Волна » № 2 от 4-го февр. 1918 г.) писал: « Плакал хмурый холодный день, а над Доном вал за валом ползли свинцовые синечерные тучи, и не летние грозы с теплым дождем они несли: зловеще жуткие тянулись они над Доном и сулили ему горе, смерть и разорение. Протяжно гудит старый соборный колокол : еще недавно звал он на « вольный Круг », а теперь звонит он по душе Атамана Алексея Каледина; говорят и другое: что звонит колокол похоронный звон по Донскому вольному казачеству... »

После смерти Каледина Походный Атаман ген. Назаров стал исполнять обязанности Донского Атамана. В это время положение было уже таково, что, по выражению ген. Денисова (« Белая Россия ») — « никакие таланты не могли изменить обстановку к лучшему ».

Ген. Назаров видел безвыходность положения, предвидел и скорое падение Новочеркасска, но искал выхода. Учитывая психологию казаков, зная старинные обычаи и традиции, он предвидел, что Круг изберет его Атаманом и тогда на его плечи падет непосильно тяжелый груз — **спасти Дон, без всякой надежда на спасение.** А от Каледина он имел наказ: « Атаман не может оставить свой пост сам ». Ожидался уход партизан в дон. степи, но Назаров знал, что он, как Атаман, из Новочеркасска не уйдет. Он готовился к трагическому концу своей жизни, но... как человек, он хотел отвести от себя близкую смерть. Вот почему он и отказывался, долго отказывался от Атаманского поста и просил Круг его не выбирать. Я пишу об этом так уверенно, потому что позже, когда мы были арестованными на гауптвахте, в разговоре с нами в последние дни его жизни он неоднократно говорил: « Я знаю, меня скоро расстреляют ».

4 февр. Малый Войсковой Круг избрал его Войсковым Атаманом.

« В Новочеркасске — станичное правление — пишет известный писатель Н. Белогорский (Шинкаренко), в прошлом офицер 12-ой кавал. дивизии, в гражданскую войну бывший на Дону — тесная плохо освещенная комната, насквозь пропитанная табаком. Набилось в залу человек 500, быть может и больше, всякого звания и возраста — казаков, те, кому не хватало места, толпились на дворе и на улице... Было шумно... говорили про войну, про спасение Дона... и необходимости теперь же « поставить нового Атамана ». Председателем был войск. старш. Волошинов.

Прошло может быть полчаса... толпа у дверей задвигалась, стараясь дать дорогу Походному Атаману ген. Назарову и полк. Сидорину, его начальнику штаба. Водворился некоторый порядок. Пришедшие заняли почетные места.

Несколько коротких слов Назарова... Сидорин « набросал » общую картину положения на фронтах... Сидорин и Волошинов заявили о необходимости немедленно избрать преемника кончившему жизнь Каледину. По низкой зале пошел гомон... все чаще и чаще выкрикивали « Назаров »... Его имя повторяли все упорнее... стало немного тише, спокойнее... Вопрос об избрании именно его встал в определенной форме, и сразу же собрание провозгласило Назарова Атаманом.

Назаров отказывался. Напрасно думают, говорил он, будто у него хватит энергии для атаманства в это трудное время; когда то сила и энергия в нем были, а теперь ему, который сам ценит в людях силу, и тяжело, и грустно признаться в своей негодности, но он должен это сделать. Был конь, да изъездился — закончил Назаров и предложил вместо себя Сидорина.

Напрасно... по зале точно ветер пошел от неотступных криков: « Назарова,... Назарова... ». Кричали и умоляли долго... а он все отказывался, не потому, что хотел напустить на себя скромность (как полагается на выборах), но... как у меня осталось впечатление, **Назаров не хотел по настоящему и действительно силился оттолкнуть от себя избрание и свою мученическую судьбу.** А мольбы ста-

новились все крепче, в голосах стариков дрожали слезы... выдержать было трудно, и... Назаров начал сдавать. Всему Черкасскому округу и казакам он поставил условия, при которых согласится взять Атаманство: полнота власти, без всяких ограничений, каждая станица Черк. округа выставляет завтра же определенной силы свою дружину. Собрание и Войск. Круг обещали все. Одна Новочеркасская станица обещала тысячу человек. Собрание расходилось, и здесь же вербовщики от партизан Семилетова записывали желающих, раздавали винтовки и вели в здание Кадет. Корпуса »

В « Дон. Летописи » (т. 2, стр. 71-72) напечатано: « Назаровский Круг существовал с 4 по 12 февр. и делал героические усилия поднять упавший дух, зажечь патриотизм в каз. сердцах, внушить им сознание о необходимости борьбы. Круг постановил: I. Атаман облекается всей полнотой власти, 2 — Защищать Дон до последней капли крови, 3 — Объявить « сполох » и немедленно начать формирование дружин, 4 — Дружины немедленно отправлять на фронт, 5 — Объявить мобилизацию всех работающих на оборону, 6 — Ввести смертную казнь и 7 — Настаивать, чтобы Войсковой Атаман Назаров исполнил долг истинного сына Тихого Дона ».

Атаман Назаров ответил: « Свой долг я исполню ».

Но все эти мероприятия помочь уже не могли. Слишком силен был враг и слишком он был близко от Ростова и Новочеркасска.

Выстрел Каледина произвел потрясающее впечатление. Казаки станиц, еще не занятых большевиками, потянулись в столицу Дона, где их формировали в дружины и отправляли на фронт. Но... в то же время работала и пропаганда большевиков, обещающая казакам не трогать их каз. уклада жизни. Всю массу прибывающих казаков надо было принять, до отправки на фронт где то разместить, накормить, вооружить... А большевики не ждали и продолжали наступать... И казаки постепенно стали уходить по домам.

Вот некоторые сведения, характеризирующие ген. Назарова, как Донского Атамана и как государственнаго деятеля.

Ген. Деникин писал (« Очерки Русской Смуты » т. 2 стр. 221) — « С переездом Корнилова в Ростов, в его штабе возник вопрос о передаче Ростовского округа в подчинение Добр. Армии с назначением там генерал-губернатора. До сих пор в городе военная власть номинально находилась в руках ген. А. П. Богаевского, командующего войсками (донскими) Ростов. округа и подчинявшегося только Дон. Атаману. Богаевский во всем шел навстречу Добр. Армии, но, не имея в подчинении никакой вооруженной силы, находясь всецело в зависимости от Дон. Правительства, ничего существенного сделать не мог.

Этим актом был бы положен конец безначалию и тому нелепому положению Армии, при котором она, защищая Ростов, не могла извлечь из него никаких средств для борьбы и для своего существования. Этого хотели ростов. финансисты, боявшиеся репрессий со стороны большевиков и предпочитавшие, чтобы Добр. командование обложило их насильно ».

« Чтобы придать предстоящей реформе легальный порядок, **ген. Корнилов предложил Атаману Назарову объявить о ней атаманским приказом** (подчеркнуто мною М. Б.). Назаров не пожелал взять на себя ответственность и предоставил инициативу Добр. командованию ».

Невольно возникает вопрос — почему ген. Корнилов не сделал это заявление еще при жизни Атамана Каледина? Можно не сомневаться, что и Каледин поступил бы так же, как и Назаров. Мне кажется, каждый беспристрастный человек найдет такое решение Атамана Дон. Войска весьма правильным и тактичным. Назаров не отказал категорически, что он мог сделать, и решение этого очень серьезного и щекотливого вопроса предоставил ген. Корнилову, который в свою очередь так же не нашел возможным отторгнуть часть Дон. Войска, землями которого оно владело по праву, данному ему Российской государственностью.

Интересна и другая вещь. При первом решении Добр. Армии уходить из Ростова « ген. Корнилов распорядился взять с армией ценности Ростов. Отделения Государственного Банка. **Ген. Алексеев, Деникин, Романовский резко высказались против этой меры, считая, что она набросит тень на доброе имя Добр. Армии.** (Подчеркнуто мною М. Б.) « Ценности мы отправили в Новочеркасск — писал ген. Деникин — в распоряжение Дон. правительства, **и там в день спешной эвакуации города они были оставлены ».** Это нужно исправить, о чем не пишет, не знаю — почему, ген. Деникин: **ценности были оставлены не из-за спешной эвакуации, а по личному приказанию Дон. Атамана Назарова.** В №65 и 66 « Род. Края » донской подъесаул А. П. Падалкин, перевозивший эти ценности из Ростова в Новочеркаск и впоследствии подготовлявший их вывоз из Новочеркасска, сообщает очень ценные и интересные данные: в

Новочеркасске, когда на Соборной площади было все (подводы и охрана) подготовлено для их вызова вместе с уходящими партизанами ген. П. Х. Попова, пришел Назаров и погрузку ценностей отменил.

Можно удивляться различным оценкам ген. Деникина. В отношении Добр. Армии он становится на точку зрения сохранения ее моральной чистоты, а в отношении Дон. Атамана и бойцов Степного Похода пишет: « оставлен при спешной эвакуации ». Ген. Деникин как бы удивляется, и быть может и сожалеет, и считает, что ценности должны были забрать ген. партизаны в Степной поход. Это странно и непонятно, так же как и разница в суждении о добровольцах и донцах: **ведь это были две однородные армии, защищавшие одни те же интересы.** И им обоим всегда нужно было хранить чистоту своих действий.

Теперь известно, что часть золотого запаса большевики перевезли в Царицын, а часть разобрали по рукам главные большевицкие деятели Донской Республики ». В « Род. Крае » А. П. Падалкин писал, что после взятия казаками Новочеркасска у « сапожника члена Совета Пяти — управляющего городом » (и расстреливавшего офицеров) нашли во дворе пустые цинковые ящики, в которых хранились золотые монеты.

Уже в эмиграции, в Нью-Йорке, мне рассказывал подхор. А. Т. Кривов, что его отец с хут. Демина Усть-Медведицкой станицы был в отряде ес. Якушева, который у хут. Пономарева поймал председателя Сов. Дон. Республики Подтелкова с его двумя помощниками и 70-ю казаками охраны. Военно-полевой суд приговорил всех их к расстрелу, а Подтелков с помощниками были повешены. У этой группы нашли артиллерийский ящик для снарядов, полный золотыми монетами. Что стало дальше с ними, А. Т. Кривов ничего не знает — его отец ему ничего не говорил.

Возвращаюсь к положению в Новочеркасске. Так как формирование дружин кончилось неудачей, Атаман Назаров не смог выполнить своего обещания сказать помощь ген. Корнилову присылкой 2000 казаков. 7-го февр. Назаров доложил Кругу об этом и просил его освободить он возложенных на него обязанностей Атамана. Круг не согласился и « Атаман Назаров исполнил свой долг до конца ». Он сообщил письмом ген. Корнилову обо всем и 9-го вечером Добр. Армия оставила Ростов.

Вскоре по вступлении в должность Атамана Назаров предлагал Кругу всю работу перенести в ст. Константиновскую, но Круг решил остаться в Новочеркасске и принял предложение ген. П. Х. Попова об его уходе из Новочеркасска с партизанами в дон. степи, где переждать до начала восстаний на Дону и снова продолжать борьбу с большевизмом (восстания, предполагали, могли начаться через полтора-два месяца).

В « Дон. Летописи » (т 2, стр. 220) ген. Быкадоров писал: « Войск. Круг не избрал Атамана, а приказал ген. Назарову быть Атаманом, несмотря на его отказы.

Ген. Назаров часто сидел, опершись на руку, закрывая лоб, как будто решая мучительные вопросы... ища выхода, дав слово не покидать Круга... Все шло к роковому неизбежному концу... Я не сомневался, что в последний момент он не покинет Круга ».

Когда уходил Степной Отряд, ген. Попов послал Атаману конный разъезд с запасным конем. Назаров отказался покинуть Круг. И еще не раз подавали ему коня, с напоминанием « пора ехать... » и всякий раз он отказывался, говоря, что не покинет Круг, а Круг ждал возвращения своей делегации, посланной к командиру красными войсками Сиверсу и к Голубову (отдельно) для переговоров об условиях сдачи Новочеркасска. Семилетовский отряд, проходя из Персияновки через Новочеркасск последним, также послал конный разъезд к ген. Назарову, но последний приказал ему немедленно присоединиться к своим главным силам.

Назаров до конца вполнил свой Дон. Атамана: не покинул Круг и... остался в столице Войска.

Все это было отлично известно ген. И. А. Полякову, написавшему в своей книге « Дон. казаки в борьбе с большевиками » по этому поводу: « Какие мотивы побудили Дон. Атамана остаться в Новочеркасске и обречь себя на гибель, и почему, имея полную возможность покинуть город, он этого не сделал, остается и доныне неразгаданным » (стр. 124) ». В дальнейшем, в своей книге он и не старается выяснить эту причину. Но казакам и не надо ее выяснять. Они знают, что Атаман Назаров разделял мнение Каледина: « выборный Атаман своего поста покинуть не может ».

В « Архиве Русской революции (т. 5 стр. 150) помещен последний разговор по телефону ген. Назарова с ген. Лукомским в ночь с 11 на 12 февр. Ген. Назаров сказал, что, по имеющимся у него сведениям, первыми войдут в Новочеркасск присоединившиеся к большевикам казаки Голубова; что Голубов его, Назарова, не тронет, т. к. он как то за него заступился и освободил его с гаупвахты. Ген. Лукомский пишет: « Я убеждал ген. Назаро-

ва не быть таким оптимистом и уехать. Закончил я так: если Вы останетесь, то вас разтерзают. Я понимаю, что на это можно было бы идти, если бы Вы могли этим что либо спасти. А так гибнуть — совершенно безцельно. Но мои уговоры были напрасны. Ген. Назаров еще раз сказал, что он убежден, что его не посмеют тронуть, а затем добавил, что если **он ошибается и погибнет, то погибнет так, как это завещал покойный Атаман, сказавший, что выборный Атаман не смеет покидать своего поста».** — В книге ген. И. А. Полякова этот разговор приведен полностью. Какое же объяснение причин еще нужно? Каждому безпристрастному человеку ясно: остался, выполняя «наказ» Атамана Каледина.

Я приведу полностью еще последнее письмо ген. Назарова с гауптвахты к его жене, из котсрого ясно, что ген. Назаров знал о своем предстоящем расстреле.

«Дорогая и глубоколюбимая жена. — Я не называю тебя обычным моим ласкательным словом, т. к. обстановка далеко не обыкновенная...

Подробности ареста ты, вероятно, уже знаешь из телеграмм. Понятно, сведения эти далеки от истины. Но истину я бы и не мог сообщить, так много было нелепого. Но и в трагическом много комизма, и я имел возможность смеяться.

Смешнее всего было зрелище — 100-200 человек Круга (Верховной власти), вытянувшейся в струнку перед Бонапартом 20-го века.

Целую тебя, любимый Катулик. Целуй детей. Скажи сыновьям, что им не придется стыдиться памяти отца, а бедной Танечке придется довольствоваться воспоминаниями о том, что Вы закрепили в ее сознании. Передай мой привет всем знакомым». («Дон. Волна» №1,10 июня 1918 г.)

Об этом письме в книге ген. Полякова есть НЕ ВСЕ: а только о Круге. Почему? Может быть, он об нем не знал? Нет... знал. Письмо было перепечатано в «Дон. Летописи» т. 2, а в книге есть выписки из этого тома.

Пусть читатель «Род. Края» сам сделает вывод, почему же ген. Поляков не привел в своей книге письмо полностью.

Возможно и вероятно, я единственный, еще оставшийся в живых свидетель последних дней жизни Атамана Назарова, так как с 13 февр. и до его расстрела находился вместе с ним на гауптвахте. Сообщая читателям собранные мною правдивые и точные сведения о нем, я дополняю их моими личными наблюдениями на гауптвахте и считаю, что должен это сделать, т. к. мало кто знает, что **расстрел ген. Назарова имел очень большие последствия для казаков-фронтовиков в частности и для всех казаков вообще.**

Нью-Йорк. **М. Бугураев.**

(Продолжение следует)

ЗАВЕТ СЫНУ — КАЗАКУ.

(1918 г.)

Ты скажи мне, папаша, откуда
Нам приходит вся та суета?
Безпокойство, нужда и забота,
Что не видно нигде им конца?

Почему после брата Степана
Теперь должен «итти» Алексей,
Почему говоришь ты с майдана:
«Может сядем и мы на коней...»

Почему столько слез у Мамаши?
Почему пригорюнился дед?
Почему все соседи и родичи наши
Так страдают от тяжести бед?

Видишь, сын, тут задача простая,
И решить ее просто тому,
Что захочет судить не мечтая,
Без язвительной пены во рту.

Вот, живем казаки очень просто
По заветам дедов стариков,
Где решается все так же просто,
По числу большинства голосов.

Сохраняем заветы мы свято,
Их не может никто отменить,
Все для жизни из них нами взято
И их каждый старается чтить.

Наш закон — то решение Сбора,
Где свобода для всех и всегда
Соблюдалася всеми с покона,
С правом, равным, святым Казака...

Той свободой мы были богаты,
С ней и жизнь была нам красна,
А теперь... Перед нами отряды,
Чтоб решить нас ее навсегда.

Чтоб лишить нас того, что приняли,
Что имеем мы кровью отцов,
Путь к нему сплошь усеян костями
Наших предков, дедов и... юнцов.

Наша жизнь, это... Право, Свобода,
Охранить их всюду, всегда,
Есть священный долг и забота
Для любого из нас — Казака...

Марокко. **П. П. Кумшацкий.**

СКРИЖАЛИ СЛАВЫ КАЗАЧЬЕЙ

(Взятие Берлина)

(Продолжение № 76)

1813 февраля 6/18. Рапорт Витгенштейна Кутузову о казачьих отрядах Чернышева и Теттенборна на путях к Берлину.

Назначенный для преследования неприятеля полк Иловайского 11-го под командой майора Денисова ворвался в мест. Пинне и, по довольно упорном сопротивлении свладев оным, захватил 58 гвардейских жандармов-элитов, 3 капитана гвардии и адъютанта вице-короля Сануа с посланными от него квартергерами для занятия ему и всему корпусу квартир.

В самое то время, когда он приуготовлялся напасть на бегущих из Позена, получив из разных сторон известие, что авангард корпуса Гренье в числе 1000 чел. пехоты и 1500 кавалерии, между коими находились наполеонов драгунской полк и по большой части италианцы и французы с 5-ью орудиями, перешел Одер во Франкфурте и стремился на соединение с вице-королем. Во весь сей переход полк Иловайского 11-го не преставал его тревожить и брать пленных.

Полковник Теттенборн доносит, что неприятель оставил Ландсберг и отретировался ко Франкфурту. Майор Бенкендорф с полком Сулина пошел к мест. Вернейхену в трех милях расстоянием от Берлина.

1813 февраль. Журнал военных действий с 6/18 по 8/20 февр.

Генерал Чернышев, прибыв в мест. Филен, узнал, что Литовская дивизия расположена по р. Варте под командой князя Гедроича в 2000 человек. Хотя по рассылке в разные места отрядов при Чернышеве не оставалось более 500 казаков и двух орудий и несмотря на переход девяти миль, в тот день сделанный, решился он атаковать неприятеля в его позиции. Но так как пред мест. Цирке поднят был мост и оный стрелки защищали, послал он в обход чрез р. Варту полковника Ефремова который напал с неустрашимостью в тыл на изумленного неприятеля, прорвался до подъемного моста и, спустив оный, открыл генералу Чернышеву путь. При сем дивизионный генерал князь Гедроич, начальник штаба дивизии полковник князь Гедроич, оба раненые, и адъютант первого, довольное число офицеров и солдат более двухсот. До сих пор приводят беспрестанно пленных. Убитыми у неприятеля считают до 300 чел.

Подполковник Власов 3-й занял мест. Оберзичке, подполковник Греков овладел мест. Бирнбаум, а майор Денисов в мест. Пинне, где и захвачены гвардейские квартиргеры вице-короля италианского. Литовская дивизия сим поражением совершенно разбита; с нашей стороне потери весьма маловажны. Фельдмарш. кн. К-С.

1813 февр. 8/20 — Рапорт Чернышева Витгенштейну о переправе через Одер. Счастливой сей переход через Одер в двух милях от крепости Кюстрина не дал время французам

соединить рассеянные свои отряды по левой стороне сей реки.

6-го числа бригада полковника Ефремова, встретив в Циндорфе французский легкоконный полк, мужественно напала на него и, разбив совершенно, взяла в плен 107 чел. и 150 лошадей. Тяжело раненный при этом отряде находящийся генерал увезен был в Берлин, захваченный же при случае с обозом его знак отличия к Вашему сиятельству препроводить честь имею.

7-го числа следующий с авангардом полк. Быхалов, найдя в селении Тасдорф пехотный французский полк, по упорном и долговременном его защищении в церковной ограде согласил оный на капитулацию через находящегося при нем прусской службы поручика барона Дитмара и обещав каждому сохранение имущества за отобранием оружия и припасов, взял военнопленными 1 полковника, 5 штаб-, 9 обер-, 18 унтер-офицеров и 164 рядовых. Чернышев.

1813 февраля 9/21. Рапорт Чернышева Витгенштейну о партизанском рейде на Берлин.

Соединясь с казачьим отрядом полковника Теттенборна в Ландсберге, я предложил ему совокупно сделать движение на Марзан и Шенгаузен, оставя неприятеля в Вернейхене и с другой стороны идущего атаковать нас в Страусберхе, где предполагал отряд мой настичь. Из Панкова, отрядя подполковника Власова с майором графом Пушкиным для занятия Шарлоттенбурга и Потсдамской дороги, засадили все ведущие к Берлину дороги.

В полдень по известию, что вышедшая неприятельская кавалерия из Шенгаузских ворот намеревалась сделать осмотр нашей позиции, немедленно поехал к ней навстречу с полковником Теттенборном, который, взяв Комиссарова полк, сделал быстрый удар и на плечах конницы вскакал в город. Между тем сильная неприятельская колонна пошла вдоль стены ему в обход. Я приказал тогда подвезти орудие и, картечными выстрелами принудя ее к отступлению за вороты, послал вправо бригаду полковника Ефремова чрез Гамбургские вороты и влево полк Грекова 18-го чрез Кенигстор подкрепить неутомимо сражавшегося в городе Теттенборна.

Подвиги сих четырех полков выше похвалы, час и три четверти они, проходя через все улицы Берлина, остановились только у реки, над которой все деревянные мосты были поломаны, а каменный укреплен шестипушечной батареей. Ободряясь примером полковников Ефремова и Теттенборна, четыре раза нападали на неприятельские колонны и, обращая в бегство, остановились только у Александровской площади, где выстроенный карей с 8 пушками удержал их мужественные усилия.

Въехав потом сам в город и удостоверясь, что содействие жителей, которое одно могло бы способствовать к изгнанию неприятелей, ограничивалось одними восклицаниями и пьянством я во время приказал сим полкам возвратиться в поле и напасть во фланг идущим им вторично в обход четырем колоннам в числе 5000 человек, на которых сам, с гусарами и драгунами сделав общий удар, опрокидывал двукратно и принудил возвратиться в город, где начинающаяся темнота и подвезенные орудия единственно могли спасти неприятельскую пехоту от отважности ПРЕВЗОШЕДШИХСЯ сей день казаков. В неоднократных нападениях взято до 500 чел. в плен, убито же гораздо превосходное число.

С другой стороны подполковник Власов с полком Сысоева под командой майора графа Пушкина овладели упорно ящищаемым неприятелем местечка Шарлоттенбургом и Потсдамским трактом, при чем взято 4 офицера и 164 рядовых.

Описывать имена особенно отличившихся было бы исчислить всех чиновников вверенного мне отряда. Можно смело сказать, что сражение при берлинских стенах и в среди города принесло незабвенную славу российской кавалерии и что сами неприятели — 6 тыс. с 40 пушками — принуждены сознаться в неописанной храбрости и отважности одной им противополагаемой кавалерии.

Если б доброе расположение жителей, покушавшихся подать нам рукопомощи и заметное в исступлении самих женщин, нас приветствующих всеми их полу предоставленными способами, не были останавливаемы неприязненными распоряжениями городской полиции и в особенности господина Лекока, то могу уверить, что подвиги кавалерии в сей день не ограничились бы одним нанесенным неприятелю вредом. Генерал-адъютант Чернышев».

Славная страница нашей истории, а все ж обидно немного стало, когда прочитал: «Подполковник Власов с полком Сысоева под командой майсра графа Пушкина». Честь и слава герою майору графу Пушкину, но... согласно «Толковому Словарю Ушакова» — «майор — офицерский чин со времени Петра I до 1884 года, **среднее между капитаном и подполковником».** Неужели же нельзя было доверить командование Власову?

А вот описание берлинского рейда по рапорту начальника отряда полк. Теттенборна:

1813 февраля 9/21 Виттенштейну рапорт полк. Теттенборна.

Войска Его Императорского Величества, Вами, сиятельнейший граф предводимые, украсились новой славою, тем более знаменитой чем менее примеров подобной неустрашимости.

Согласясь сбще с ген. Чернышевым, решился я отойти на другую дорогу с Вернехенской и потому, оставя пред самыми воротами Вернейхена некоторое число казаков с приказанием беспокоить неприятеля и содержать в ночи сильные огни, обратился я сам на Альт-Ландзберг. Тотчас был отряжен полковник Власов с двумя полками в Шарлоттенбург. Мы сами положили ударить на Берлин со всех сторон в последующую ночь.

Но едва мы успели занять местечко, получили рапорт, что не приятельская конница сбивает наши передовые посты. Поспешил я вперед с казачьим Комиссарова полком. Неприятельские эскадроны, тотчас отпрокинутые, ввели нас на плечах в город. Несясь вслед за ними по всем улицам, достигли мы Александровской площади, где выстроенная пехота встретила нас сильнейшим огнем, тогда как неприятельские стрелки из окон, ворот, из казармов сыпали в нас пулями и когда два орудия в нашу середину наведенные вырывали храбрых казаков, коих в ту минуту не более было со мной как 40. Отступив влево, соединился я с полком Грекова 18-го, с другой стороны в город поспешающего и занял 4 главные дороги.

В то самое время ген. Чернышев, известясь о моем успехе и рассыпав оба отряда по необозримой площади, приближался к городу в порядке, послав парламентера с предложением очистить город, которое, однако ж, не принято. С нашей стороны делалось сие более для того, чтобы все казачьи полки, по разным дорогам расставленные, имели время приблизиться к воротам. Они окружили город, ворвались в середину его и рассыпались по всем улицам.

Когда собрана была большая часть наших казаков, видя, что неприятельская колонна берет особое направление с намерением зайти и действовать в левой наш фланг, я взяв полк Грекова 18-го поспешил на высоту и бросился с нее на эту колонну. Стремительность движения и внезапность, с какой полк понесся на неприятеля, все решило: в беспорядке должны были они пробежать большое пространство, чтоб присоединиться к своим. Казаки между тем преследуя их, истребили и захватили большую часть из них.

Тогда дело сделалось общим. С правого фланга воспрещена была им дорога двумя казачьими полками, прикрывавшими возвращение наших войск из города; с левой стороны успешная атака смяла и стеснила их к средине, и тогда-то, видя орудия свои в опасности, отвезли они их под самые стены, к которым, так сказать, прислонясь, действовали еще артиллерией, после чего покровительствуемые темнотой успели заключить себя снова в город. Полк. Теттенборн.

1813 февраля 10/22 Письмо берлинского жителя о положении в городе во время берлинского рейда.

Особенно воинственный вид открывается перед моими окнами и вообще во всем квартале. Это означает, что город окружен казаками.

Началось же с того, что в полдень через Бранденбургские ворота ворвались казаки, рассеяли и частично перебили охрану у ворот и с неслыханной смелостью в одиночку и небольшими группами промчались от одного конца города до другого. Полагают, что число ворвавшихся в город равно от двух до трех сотен человек, но их, конечно, никто не считал. Далее утверждают, что среди них были переодетые пруссаки, по тому что они прекрасно разбирались в улицах и немного говорили по-немецки. Один из них якобы крикнул: « Виват Шилль! »

Однако, вместо того, чтобы рассказывать вам эти побасенки, я хочу вам описать то, что видел своими глазами. Примерно около 11 часов мимо моих окон через Бранденбургские ворота промчалось несколько французских егерей. Крестьянские телеги с больными, которые выехали за пределы города, быстро вернулись. Вслед за этим поспешно в городской сад прибыл артиллерийский парк, состоящий из 12 пушек и 2 гаубиц, которые стояли за городом на строевом плацу. Я тотчас отправился на рекогносцировку. Я встретил старого Плагротта, охваченного таким же любопытством и мы отправились, не спеша, рука об руку, сквозь толпу народа и солдат, которые были в большом смятении.

Мы стояли у Оперного моста, где встал в ружье французский караул, и увидели густую толпу народа, мчавшуюся со стороны Собачьего моста в нашу сторону с непонятными криками. Тотчас же караул взял на руку и все разбежались. Это было весьма устрашающее выступление. **Весь шум был вызван одним полупьяным казаком,** который на своем пути зарубил несколько французов и попытался по-немецки крикнуть « ура ». О подобных сценах мне сообщали из многих частей города. Наши защитники были охва-

чены паническим страхом. Можно подумать, что несколько тысяч казаков вызвали такое замешательство. Впрочем, все осталось спорным, невыясненным. Бросается в глаза то, что всегда кто-либо из участников этих приключений оказывался убитым или захваченным в плен. Я сам видел, как маршал Ожеро собственной персоной приказал гнать с полдюжины русских вниз по Шарлоттенштрассе и поймать одного заблудившегося казака, что, однако, не удалось сделать. Несколько горожан были ранены случайно ружейными выстрелами, направленными в казаков. Бранденбургские ворота были тотчас же заперты, и в этот городской квартал были доставлены пушки и команда. Было сразу видно, что Ожеро хочет превратить наш городской квартал в крепость. Он велел выдвинуть несколько пушек за ворота, потому что здесь, в Тиргартене, было полно казаков. Он сам находился несколько часов за воротами, и я мог сквозь решетку различать его шляпу с плюмажем.

Вскоре казаки отошли — как мне кажется, без потерь.

1813 февраля 15/27 Рапорт Витгенштейна Кутузову о занятии летучими отрядами Франкфурта-на-Одере и об отступлении противника за Эльбу.

Командующий отрядом легкой кавалерии ген.-майор Бенкендорф от 11 сего февраля из Темпельберха доносит, что он, согласно с предписанием моим, перейдя за Одер, пошел по большой Берлинской дороге, ведущей из Франкфурта через Минихберг, где, не застав уже неприятеля, послал за ним вслед два полка казачьих под командой майора Мельникова, который догнал их арьергард, разбил оной в Тандорфе и взял 60 чел. в плен; одну партию послал он по большой дороге к Франкфурту, а сам с остальным отрядом пошел на Шонфельд дабы отрезать неприятельскую колонну в 900 чел. кавалерии, встретив которую ему удалось совершенно разбить и гнать до Треплина близ Франкфурта. В преследовании взято 23 офицера, 16 юнкеров и 664 рядовых, прочие же убиты, исключая 20 чел. и 1 офицера, который успел ночью уйти во франкфурт.

Сия кавалерия была италианской 4-й конно-егерской полк, прибывший только из Италии, почитаясь лучшим и состоял из 6 эскадронов, которой теперь совсем истреблен. Урон в наших людях убитыми совсем невелик, но раненых довольно. Сие отличное дело доставило нам двойную пользу: во-первых, что истребил почти последнюю неприятельскую кавалерию, которой и без того уже чрезвычайно мало было, второе — что корпус вице-короля отрезал от Берлина.

Сейчас получил рапорт от князя Репнина, что Франкфурт занят нашими партиями и неприятель ретируется на Бесков.

1813 февраля 18/30 Из Журнала военных действий с 9/21 по 15/27 февраля.

Февраля 12 — Генерал-от-кавалерии граф Витгенштейн доносит, что передовые отряды ген. Чернышева, ген. майора Бенкендорфа и полковника Теттенборна, переправясь через Одер в разных местах между Штеттином и Кюстрином, действуют обще и отрезывают неприятелю сообщение между сими крепостями и Берлином.

Генерал-майор Иловайской 3-й, следуя за ними, наблюдает между ними и авангардом, ныне под командой ген. Репнина и прекращает, сколь возможно, сообщение между Штеттином и Кюстрином по сю сторону Одера.

Генерал-от-инфантерии Барклай-де Толли рапортует, что, усилив корпус ген. гр. Воронцова одним казачьим полком и одним эскадроном гусар, весь отряд ген. лейт. Чаплица присоединил к войскам, находящимся при осаде крепости Торна. Ген. Винценгероде доносит, что казаки его действуют на левом берегу Одера и отбили у неприятеля 150 быков, кои препровождались в Глогау. Фельдм. кн. К. — С.

1813 февраля 21/марта 5 Рапорт Витгенштейна Кутузову о занятии Берлина.

Ген. Чернышев вступил первой в 6 час. пополуночи. После него вошел через франкфуртские ворота отряд ген. Бенкендорфа, полк Селиванова 2-го, а несколько часов спустя пехота и артиллерия авангарда. Войска окружены народом, проходя весь город с беспрерывным восклицанием: « Да здравствует Император Александр, наш благотворитель! »

1813 февраля 21/марта 5 Рапорт Чернышева Витгенштейну о том же.

Расположив по приближению к Берлину регулярную мою кавалерию, я отрядил полковника Быхалова с бригадой к Вустермарку и Потсдаму, оставил подполковника Власова в Генигсдорфе для защищения моста через Гавель и полк. Ефремова в Гермсдорфе для наблюдения за крепостью Шпандау, а майора графа Пушкина с двумя полками послал для занятия Рейникендорфа.

Расположение сие столь обеспокоило сообщении неприятеля, что он делал вылазки, но всегда был сбит, особливо 18 числа, в которое сам вице-король с маршалом Сен-Сиром и 6 орудиями выходили при довольном числе

кавалерии, не были преследуемы до самых ворот, после чего гр. Пушкин расположил аванпосты в форштате. Близкое сие расстояние при вымысле употребить прусские кокарды столько привлекло берлинских жителей в мой авангард, что я имел ежечасные уведомления обо всем, что в городе происходит и доставал порох и фуражу из городу.

20-го числа в половине 5-го гр. Пушкин, требовав напрасно открытия ворот, решил оные прорубить, и в 5 час. я вступил в город, тогда как неприятель еще выходил через Потсдамские вороты. Ствалив все вороты и оставив драгун и один казачий полк в городе, я отправил остальных в преследование. Каждый воин был облобызан тысячьми народу.

Документ №89 Из письма г. Нибура некоей Доре Генслер от февраля 22/марта 6 1813.

...Позавчера французы ушли не только отсюда, но и из Франкфурта-на-Одере. Пожар предместий Шпандай испепелил и предместье Кюстрина. Казаки говорят, что они отправились бы в Париж. Бывают самые оригинальные случаи. В городе они стоят бивуаками с лошадьми. В 4 часа утра стучат в двери домов и требуют завтрак. Для детей началась прекрасная пора: казаки балагурят с ними и возят их верхом на лошадях. Прибыли также калмыки и башкиры, однако их осталось здесь немного. Сами казаки показывают их, как невиданное зрелище. Ты не представляешь себе ликование при вступлении казаков. Русские и пруссаки как братья между собой...

1813 февраля 22/марта 6. Из Журнала военных действий с 17 по 22 февраля/1 по 6 марта.

Февраля 21 — Ген. лейт. Ратт доносит, что, приближаясь к крепости Замостью, показался неприятель в разных пунктах, но на всех пунктах был опрокинут; причем взято в плен более ста человек и неприятель должен был ретироваться в великом беспорядке. При сем ген. Ратт рекомендует особо отличившихся храбростию Переяславского полка майора Гаммерштейна, Нейшлотского поручика Бачея и казачьего Платова 5-го полка сотников Болдырева и Пономарева, квартермистра Попова и хорунжего Тарасова. кн. К. С.

1813 апрель. Из сообщения журнала «Дас нойе Дейчланд».

...С утра до 3 дня в город непрерывно вступали русские войска. Казаки, легкая кавалерия, пехота и артиллерия, всего от 12 до 13 тысяч, принадлежащие к армии Витгенштейна и корпусу князя Репнина.

Кавалерией командовал ген. Чернышев. Из них две трети стали преследовать французов, а остальные расположились в Люстгартене, на Дворцовой площади и Унтер-ден-Линден. Многие казаки рыскали по городу и разыскивали тех французов, которые еще попрятались и хотели быть дезертирами той «великой» армии. Было собрано более 200 чел. и из воды вытащили на следующий день несколько ружей — конечно, туда побросали их миролюбиво настроенные французы. В здешнем французском лазарете оказалось 1600 человек.

С утра на Дворцовой площади были поставлены телеги, наполненные хлебом, селедкой и водкой. Каждый русский мог там попотчеваться. Но еще больше продовольствия, чем было выставлено на площади, роздали русским сами жители. Каждый делился с ними едой, питьем и сердцем. «Русс, прусс — братья!» говорили казаки. Многие из них прикололи себе прусские кокарды. Как много сердечных рукопожатий и объятий, как много слез самой искренней радости. Ничего подобного уже целый век не было в Берлине! Хрупкие женщины целовали бородатых казаков и лихо прикладывались к фляжкам с простой водкой, которые им подносились в ответ. Разве кто мог в чем-либо отказать людям, которые отвоевали для нас наше Отечество и готовы были и в дальнейшем жертвовать ради нас жизнью. Солдаты и казаки были очень довольны тем, что так много сделали для блага — другого народа.

Н. Воробьев.

(Продолжение следует)

ВНУКАМ.

Много слов крылатых,
Много песен звонких,
Пропою я в жизни
О моих степях.

Пусть внучата знают,
Как в чужой сторонке
Жил их дед в неволе,
Вспоминая шлях.

Вдоль широкой сини
Голубого Дона,
И тоску глухую
Сонных деревень,

Где шумят раины
У родного дома,
Осыпая листья
На кривой плетень.

Где в туманном утре
Дней и снов веселых
Пролетела юность
На лихом коне,

Где на колокольнях
В тихих русских селах
Голуби воркуют
В горней вышине.

Там в грозе и буре
Мы ковали славу,
Новым поколениям
Прорубая путь;

И в дыму пожаров,
Развернувшись в лаву,
Подставляли ветру
Огненную грудь.

Распахнувши ворот,
Чуб из под фуражки,
Пригибаясь к лукам,
Рвались с гиком в бой.

И сверкали сталью,
Дедовские шашки,
Над склоненной к гриве
Буйной головой.

Время дум и взлетов,
Время золотое,...
Воротись хоть в песнях,
Вылейся стихом...

Пусть мои внучата
Ведают, какое,
Билось сердце дела
За Родимый Дон.

Н. Кузнецов.

ЗАПОРОЖЬЕ И ЗАПОРОЖСКАЯ СЕЧЬ

(Отрывки из истории запорожского казачества — Последняя Запорожская Сечь).

(Продолжение № 71. Окончание).

Последняя Запорожская Сечь существовала с 1734 по 1775 год, когда она была разрушена русскими войсками. В описываемое время Запорожье делилось в административном отношении на паланки (округа).

Сперва таких было пять, но по мере увеличения населения число их увеличилось до восьми. Центром паланки была слобода (окружная станица), где находилась местная администрация и небольшой гарнизон. Во главе паланки стоял полковник, которому подчинялась местная администрация из писаря, его помошников, атаманов слобод и т. д. Паланкская администрация ведала сбором налогов, судом, мобилизацией казаков, организовывала оборону паланок от набегов татар и т. д. Кроме казаков в паланках проживали посполитые (крестьяне), поэтому кроме выборных казачьих атаманов паланковой администрации подчинялись выборные старшины посполитых (крестьян).

Административным и военным центром

Запорожья в описываемое время попрежнему продолжала оставаться Запорожская Сечь, которая в то время состояла из крепости и предместья. Внутри Сечи, вокруг площади, на которой собиралась рада, кроме административных построек, мастерских, старшинских домов, школы и церкви, находилось тридцать восемь куреней, продолговатых бревенчатых зданий, в которых проживали казаки. Каждый бежавший на Запорожье человек, желая стать казаком, должен был предварительно явиться к куренному атаману одного из куреней. Атаман опрашивал вновь прибывшего и заносил его в список. С этого времени новоприбывший считался запорожским казаком соответствующего куреня. В составе запорожцев того времени, по их происхождению, уже не было того однообразия в происхождении, какое наблюдалось у живших поблизости малороссийских и реестровых казаков, которые, будучи древнего происхождения, не смешивались с местным населением. У запорожцев только ядро Войска состояло из старшин и казаков древнего происхождения, главная же масса запорожских казаков того времени состояла из бежавших на Запорожье и там оказаченных местных крестьян, показателем чего являются названия некоторых запорожских куреней, которые фактически являются землячествами запорожцев из тех украинских местностей, откуда эти казаки бежали на Запорожье, спасаясь от иностранного гнета захвативших их земли поляков, закабаливших местное население в своих крепостных. В шестидесятых годах 18 столетия население Запорожья насчитывало более 100 тысяч человек. Запорожское Войско пополнялось исключительно за счет тех, что искал на Запорожье спасения от усилившегося во второй половине 18-го столетия на Украине и в России закрепощения. Постоянный отлив крепостных крестьян на Запорожье больно задевал интересы польских и литовских феодалов, и они не раз обращались к сечевым властям с требованьем выдачи беглых. Однако подобные требования всегда были безрезультатными, и запорожская старшина в этом вопросе всегда стояла на стороне беглых. Нужно принять во внимание, что беглые были главным источником пополнения Запорожского Войска с самого начала его основания.

Во 2-ой половине 18-го столения, в связи с усилением феодально-крепостнического гнета, бегство на Запорожье приобрело размеры, внушающие серьезную тревогу правительству. На Запорожье нашли убежище не только беглые с Украины, но также и из Великороссии.

В 1767 г. крестьяне одного из сел, пограничного с Запорожьем, обратились к Кошу с коллективным письмом принять их в состав запорожского «подданства». На Запорожье бежало немало солдат, причем нередко с оружием и лошадьми.

Административная и военная власть на Запорожье принадлежала войсковой старшине, которой подчинялись есаулы, довбыши, сборщики налогов, а также паланковая старшина. В ее руках находился суд и тюрьма. Тюрьмы находились как в Сечи, так и в каждой паланке. Даже за мелкую кражу обвиняемого приковывали к столбу на сечевой площади и держали его в таком положении до тех пор, пока он не соглашался вознаградить потерпевшего.

Запорожская старшина, в отличие от старшины других войск, не превратилась в строго замкнутое сословие. Это, однако, не помешало ей присвоить себе целый ряд привилегий, которые резко выделяли ее из общей массы казачества. Земля на Запорожье принадлежала не отдельным лицам, а всему Войску. Однако воспользоваться правом на землю могли лишь те казаки, которые имели известное имущество и были в состоянии обзавестись собственным хозяйством. При этом лучшие земли, места для рыбной ловли, для постройки мельниц присваивала себе старшина.

Основной формой хозяйства на Запорожье в период последней Сечи оставался зимовник (хутор), хозяева которого содержат рогатый скот, лошадей и овец, имеют пасеки для развода пчел, заводят сады и огороды, запасаются сеном для прокормления скота и засевают поля разным хлебом, занимаются ловлею зверей и рыболовством.

В указанное время на Запорожье насчитывалось до четырех тысяч зимовников, принадлежащих старшине и зажиточным казакам. Но кроме подобных зимовников было много мелких хуторов, принадлежащих бедным казакам, имевших весьма убогое хозяйство. В таких зимовниках, которые назывались «кугами», жильем служила землянка и хозяйство состояло из одной — двух пар волов или лошадей. Крупные зимовники представляли собой довольно сложное хозяйство, в котором наряду с животноводством существовало земледелие, а также подсобные отрасли хозяйства, как пчеловодство, рыболовство, мельницы и крупорушки.

Во второй половине 18-го столетия центральные области Украины предъявляли боль-

шой спрос на продукты запорожского сельского хозяйства.

В связи с этим, в период последней Сечи значительная часть продуктов зимовников шла на рынок. Зимовники сбывали на рынок лошадей, скот, шерсть, кожи, масло, хлеб, рыбу, соль и др. Породистые запорожские лошади и скот славились далеко за пределами края. Для закупки продуктов запорожского сельского хозяйства на Запорожье приезжали купцы из разных мест. В начальный период существования последней Сечи Запорожье само нуждалось в привозном хлебе и закупало его на Украине. Однако сравнительно скоро, в связи с развитием земледелия на Запорожье, положение существенно изменилось.

На Запорожье стали в довольно значительных размерах возделывать зерновые хлеба, табак, арбузы, дыни, разные овощи. Запорожье стало удовлетворять теперь не только свои собственные нужды, но и вывозить продукты своего хозяйства за пределы края.

Значительное развитие в период последней Сечи получило сельское хозяйство и в запорожских слободах (станицах). В это время на Запорожье было несколько десятков слобод, в которых, как правило, жили семейные казаки и посполитые (крестьяне). Все посполитые платили в пользу Запорожского Войска определенный налог, размер которого определялся Кошем. Кроме уплаты денежных сборов, посполитые отбывали для Войска разные хозяйственные повинности: чинили дороги, привлекались для починки куреней, заготовляли для Войска сено и отбывали подводную и квартирную повинность. Переход из посполитых в казаки не был формально ничем ограничен.

Рыболовство занимало важное место в экономической жизни Запорожья. На реках и морских рыбных промыслах промышляла значительная часть запорожских казаков. Рыба в разном виде продавалась как на местном запорожском рынке, так и за пределами края. Наряду с мелким трудовым рыболовством существовало рыболовство крупное, предпринимательское.

Важную роль в хозяйственной жизни Запорожья в период последней Сечи играл чумацкий промысел. Чумацкие обозы, груженные хлебом, рыбой, маслом, табаком, шерстью, кожами и другими товарами, отправлялись на отдаленные рынки, откуда на Запорожье доставлялись предметы ремесла и производства и соль из Крыма. Во второй половине 18 столетия чумацкие обозы уже ходили за границу Запорожья — в Молдавию, Валахию, Крым, Правобережную Украину, Польщу и т. д.

Свое дальнейшее развитие в период последней Сечи получили на Запорожье ремесло и торговля. Бойким торговым и ремесленным центром Запорожья того времени было прежде всего предместье Сечи, насчитывавшее до пятисот куренных казачьих торговых и мастеровых домов.

Население предместья состояло из запорожцев-ремесленников с одной стороны и купцов не принадлежавшего к Войску и разного люда — с другой. При Сечи имелись мастеровые: кузнецы, шорники, слесари, сапожники, портные и прочие. Тут же были мастерские по изготовлению и починке оружия. Кроме мастерских хозяев-одиночек, были мастерские, в которых работало десять и больше мастеров.

В это время на Запорожье уже были свои мельницы. В 1774 году на обеих сторонах Днепра была 41 водяная мельница. На запорожских базарах, в предместьи Сечи и в слободах (станицах), шла оживленная торговля как местными, так и привозными товарами. Обороты отдельных предприятий были значительны. Это все является показателем экономического развития Запорожья в описываемое нами время.

В период последней Сечи (1734-1775 годы) Запорожское Низовое Войско участвовало в двух войнах России против Турции.

В 1736 году Запорожцы в составе Русской армии сражались под Перекопом, Евпаторией, Бахчисараем и Кинбурном. При взятии этих крепостей Запорожцы всех родов оружия проявили изумительную отвагу и героизм. За проявленную « отважную храбрость и отменную усердность » запорожцам было пожаловано как денежное, так и хлебное жалованье.

В знак награды за службу Правительство отправило в Сечь « Знамя большое с российским гербом и четыре малых, написанных золотом, бунчук, обвитый парчою золотою, булаву и пернач, все серебряные, вызолоченные и дорогими камнями украшенные ».

В 1773 году началось крупнейшее в истории Государства Российского крестьянское восстание под водительством донского казака Емельяна Пугачева. Распространившись на огромную территорию, это восстание захватило и Украину. Это восстание ознаменовалось массовым « показачением » крестьянского населения — это была та форма борьбы, посредством которой крепостные крестьяне стремились освободиться от крепостничества. Призывая крестьян к свержению крепостного права, Пугачев жаловал всех

« вольностию и свободою и вечно казаками ».

Украинское казачество и крестьянство живо откликнулись на призывы Пугачева, на Украине усилилась борьба и участились случаи разгрома имений польских феодалов. Пугачев придавал большое значение Запорожской Сечи, как одному из важнейших центров антифеодальной борьбы. Осенью 1774 года, после того, как царские войска разбили повстанцев у Черного Яра, Пугачев сообщил своим казакам о своем намерении пробраться морем на Запорожье, однако, как известно, осуществить этот замысел Пугачеву не удалось.

После поражения войска Пугачева под Черным Яром, царское правительство вступило на путь кровавой расправы с народными массами. Тысячи крестьян и казаков были казнены. С 60-х годов 18-го столетия царское правительство сбнародовало ряд мероприятий, целью которых было расширение русской власти на Украине. В 1764 году была упразднена должность гетмана, место которого занял назначенный правительством малороссийский генерал-губернатор. Был упразднен местный административный и судебный аппарат на Украине. Устанавливались ограничения, касавшиеся украинской национальной культуры, а земли местного населения щедро раздавались русским вельможам.

Русское правительство подвергло казачество жестоким репрессиям и с этого времени стало проводить последовательную политику превращения его в замкнутое военное сословие с обязательством охранять границы государства и быть опорой правительства в деле колонизации и осваивании страны. Ведя такую политику, правительство стремилось заметно увеличить в казачьей среде авторитет старшины и зажиточного казачества за счет « сиромы » (голоты) и прекратить доступ в него для беглых крепостных крестьян. В связи с этим, казачья старшина стала получать офицерские чины и дворянские привилегии.

Проводя жестокие репрессии против казачества, особенно жестоко и вероломно царское правительство расправилось с Запорожской Сечью, которая считалась опасным очагом борьбы против крепостного и национального гнета. Было время, когда Запорожское Войско играло в течение нескольких веков важную роль в борьбе против Турок и Крыма, однако после заключения в 1774 году Россией мира с Турцией и выхода России к Черному морю, Запорожская Сечь теряла свое прежнее значение пограничного пункта по отношению к Крыму, и царское правительство приняло решение о ликвидации Запорожского Войска и уничтожении Запорожской Сечи. К такому решению правительство побуждали и другие обстоятельства, главным из которых было стремление царских вельмож овладеть плодородными запорожскими землями и превращение запорожцев в своих крепостных крестьян.

Выражая в своих грамотах свое благоволение к Запорожцам и награждая их за их безкорыстную службу на пользу государства знаменами, бунчуками и литаврами, Екатерина 2-ая тем временем выжидала подходящего момента для уничтожения Запорожского Войска. Таковым оказался срок окончания войны с Турцией, в которой Запорожцы принимали самое деятельное участие. В распоряжении правительства имелась большая армия, вернувшаяся с турецкого фронта. Выполняя задание правительства, русские войска в числе 66-ти тысяч под начальством генерала Текели и 20 тысяч конницы под командой князя Прозоровского, войдя в пределы Запорожья, захватили паланки и в ночь на 4 июня 1775 года окружили Сечь, где в то время было около восьми тысяч Запорожцев.

Захваченные врасплох, казаки взялись за оружие, но под влиянием увещаний кошевого и архимандрита сечевой церкви запорожцы решили не сопротивляться. Однако из восьми тысяч сдалось только три тысячи казаков, остальные же пять тысяч, избрав себе кошевым Ляха, ушли ночью камышами из окружения и пробрались в Турцию, где султан распорядился дать им землю и свободу жить по своим обычаям. Запорожцы поселились на Дунае около Добруджи, создав здесь так называемую Задунайскую Сечь.

Сдавшиеся запорожцы были распущены по домам. Кошевой атаман Калнишевский, Войсковой судья Павел Головатый и Войсковой писарь Глоба были отправлены на Соловки и заточены в монастырь, где все они и умерли.

Земли запорожские были розданы царским вельможам и немцам-колонистам. Часть запорожцев была зачислена в крепостные, церковь и имущество разграблены, а самое Войско Запорожское манифестом царицы объявлено уничтоженным, « с истреблением на будущее время и самого названия Запорожских казаков ».

Запорожье было разгромлено. Не стало степных рыцарей, для которых и дома среди родной обстановки и в открытом бою было по колени море. Но запорожцы чувствовали, что они понадобятся. И они действительно понадобились. Через 12 лет, в 1787 году началась

война с Турцией и Главнокомандующий князь Потемкин Таврический увидел, что без казаков не обойдешься, почему он вновь приступил к сбору Запорожцев, но так как Екатерина Вторая воспретила даже вспоминать имя «Запорожец», то собранные в 1787 году под водительством кошевого атамана Сидора Белого казаки были названы «Войском Верных Казаков». В течение 4-х лет Запорожцы уже под новым названием жертвенно сражались против Турок. За проявленные чудеса исключительной храбрости они получили массу наград; им пожалованы были знамена, были возвращены старые Войсковые Регалии, отобранные у них при разрушении Запорожской Сечи, и за подвиги на Черном море они получили наименование Черноморского Войска. В 1789 году был убит в бою с турками кошевой атаман Сидор Белый и вместо него избран Захар Чепига.

Черноморское Войско, получившее все права на существование, не имело земли и даже постоянного местожительства. Потемкин счел себя обязанным позаботиться о них. Сначала Черноморцы были поселены между Днестром и Бугом, но считая положение свое здес. шатким, Черноморцы решили хлопотать о предоставлении им земель на Тамани.

Депутация, посланная в Петербург к царице Екатерине во главе с Войсковым Судьей Головатым, получила разрешение на эти земли. 30 июня 1792 года Черноморскому Войску, в воздаяние заслуг, был пожалован в вечное владение остров Фанагория со всей землей, лежавшей по правой стороне реки Кубани, от устья ее до Ейска и далее до устья реки Лабы.

На Черноморское Войско была возложена задача охранять границу от набегов закубанских народов. Жизнь на Кубани на обособленной изолированной территории не могла не улыбаться Черноморцам, и они спешили бросить свои полунасиженные места за Бугом и двинулись на Кубань. В русской истории не было еще случая подобного массового переселенія. Это была не случайно возникшая дружина или скопище вольницы, искавшей новых мест, а целое казачье войско, сбитое самими казаками по образцу Запорожской Сечи, со своей гребной флотилией, своей артиллерией, полками, командами, своим духовенством и походной церковью.

Переселившись за два года, 1792 и 1793 годы, морем и сухим путем, Черноморцы заняли вооруженными кордонами линию по правому берегу реки Кубани до нынешней Усть-Лабинской станицы, куренями же своими раскинулись по всей необъятной степи. В вооруженных кордонах стояло абсолютно все мужское население, способное держать оружие в руках. Здесь мы не освещаем полностью историю Черноморского Войска после переселения его на Кубань. Такой очерк в свое время был опубликован под названием «Черноморское Войско» в 66-м номере «Родимого Края».

Мы закончим наш очерк о Запорожьи и Запорожской Сечи краткой исторической справкой об упразднении Черноморского Войска.

Война на Кавказе, в которой казаки принимали самое деятельное участие, продолжалась 70 лет, закончилась в 1864 году победой русского оружия и присоединением Кавказа к России. В 1860-м году понадобилась перегруппировка войск Кавказской армии, и в соответствии с этим были реорганизованы Кавказские казачьи Войска: упразднено Кавказское Линейное Войско и из части его в размере 4-х левофланговых бригад в соединении с Волжскими и Гребенскими казаками было организовано Терское казачье Войско, а из Черноморского Войска и 6-ти правофланговых бригад Кавказского Линейного Войска сформировано Кубанское казачье Войско.

Так закончило свое существование, обвеянное героическими делами, славное Черноморское Вйско. Запорожская Сечь, стоявшая на пути царицы Екатерины 2-ой к централизации государственной власти, была по приказанию свыше уничтожена, но Запорожское казачество, хотя и под другим именем, существует до настоящего времени.

Слава Казачеству.

Нью Йорк. **М. Черныш.**

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА УРАЛЬСКОМ ОТДЕЛЬНОМ ФРОНТЕ.

(Продолжение № 76-Осень 1919г)

После оставления красными Сахарного из-за захвата нами Лбищенска в их тылу, каз. части не смогли с « налета » взять Скворкино, где большевики задержались на целый месяц в ожидании подкреплений и « нового начальства ».

К этому времени перегруженные работой В. Атаман и командующий Армией стали реже посещать фронт и заниматься армией, следствием чего преступный план ген. Петруева чуть не был приведен в исполнение. Кроме того, на высших командных постах появились посторонние Войску лица, офицеры Ген. Штаба, неказаки, приехавшие в конце лета 1919 г. из Добр. Армии. Они не знали ни казаков, ни особенностей нашего фронта. Казаки тоже их не знали, и как всегда, не любили, чтобы ими командовали « чужие » и им не доверяли. Новые начальники были люди посторонние и им было безразлично, когда и как кончится буря — корабль для них был чужой. Не умаляю их военных знаний, ни талантов, но в обстановке Уральского фронта проявлять их они не могли. Все это подтверждается планом ген. Петруева. Совместо с ним, а может быть и позже, в Урал. Отд. Армию прибыли полковники Ген. Штаба М. Изергин, Саломаха и И. Антипин. Полк. Изергин командовал осенью 19-го г. I-ым корпусом, полк. Антипин — пешими частями на главном направлении, полк. Саломаха был его начальником штаба. Вся эта группа и опоздала с преследованием красных, бросивших Сахарный, а потом преследовала их не энергично и безрезультатно топталась целый месяц под Скворкиным. Один из этих присланных полковников в конце октября 19-го г. предлогал собрать здоровые от « испанки » и тифа полки, **бросить фронт** и уйти на соединение с Добр. Армией (?). Один из старших офицеров, загипнотизированный академическим значком Ген. Штаба, был за выполнение этого проекта. Так как среди командиров полков охотников покидать « тонущий корабль » не было (в этому времени уже намечалось приближение катастрофы), и к счастью для инициаторов проект этот не был сообщен В. Атаману и так и остался проектом. Лица, о которых идет речь, сейчас все уже покойники и из уважения к вечности, из принципа сохранения тайны, хотя и преступной, из-за нежелания уподобляться крыловскому ослу (другое дело, если бы они были живы) имена их пусть и останутся неизвестными.

Пишется это все для того, чтобы охарактеризовать эпоху середины и конца октября, показать, что в это время над буйными головами « Горынычей » низко опускались темные грозовые тучи. Правда, после Лбищенского рейда настроение на некоторое время поднялось, но усиление тифа как в тылу, так и на фронте, разреживало и без того негустые ряды каз. цепей и лав, расстраивало транспорт, затрудняло питание армии всем, вплоть до огнеприпасов. Всех больных госпитали не могли вместить и они безпомошно валялись по станицам или в беженских становищах, без всякого лечения и ухода. Печальные новости с фронтов адм. Колчака и ген. Деникина, полная деморализация и самоликвидация Южно-Оренбургской Армии, что вызвало обнажение правого фланга Ураль. Отд. Армии — все вместе взятое создавало для уральцев обстановку исключительно тяжелую.

Как и после первого разгрома Лбищенска, 2-ая Конная дивизия и в ее составе I-ый Партиз. полк, которым я временно командовал (и командовал до конца существования Ураль. Отд. Армии) после ранения полк. Абрамова в Лбищенске, была отправлена на левый фланг Армии с задачей препятствовать подходу красных пополнений со стороны ЖД станции Шипово и Зеленый. Тактика обоих сторон не менялась. Красные никогда не доводили дело до штыковой атаки, а ждали, обложив хутора, пока казаки, по тем или иным соображениям, его не оставят. Как характерный пример, опишу защиту хут. Железнова I-ым Партиз. и I-ым Учебным полком, которым командовал полк. В. И. Донсков, который временно командовал всей группой. Хут. Железнов — 20-25 дворов в степи, с мельницей и с несколькими колодцами. Осень была сухая, вся трава вокруг хутора к этому времени была вытоптана проходящими табунами скота беженцев.

От взятого в плен ночью доктора красных стало известно, что утром красные будут наступать на Железнов. Силы их — два полка пехоты, эскадрон конницы, 4-6 орудий. У нас же было 2 орудия с малым количеством снарядов. Утром красные 2-мя цепями начали наступать. Оба наши полка были укрыты в небольшой складке местности за хутором, для защиты которого были оставлена одна спешенная сотня с 6 пулеметами I-го Парт. полка. Перед хутором в сторону наступающих местность была ровная, как стол. Пуле-

меты были пристреляны, поставлены на прицел « 8 » и ждали, пока красные приблизятся на эту дистанцию. Дойдя до нее, они и залегли под пулеметным огнем. Из винтовок мы стреляли « на выбор ». Из-за засухи было прекрасно видно, где ложатся пули стрелков и очереди пулеметов. Через некоторое время полк. Донсков, находившийся, как и все офицеры, в цепи с пулеметами, удивился, что один пулемет был переставлен на прицел « 9 ». На его вопрос пулеметчик ответил, что цепи красных, не вставая, отползают назад. К обеду прицелы поставили на « 10 ». Две наши пушки, расстреляв снаряды, снялись с позиций, а красные наоборот подвезли две « мортирки » и начали ими разваливать незатейливые строения хутора. Но цепи их, судя по нашим прицелам, продолжали отползать.

К обеду приказано прекратить огонь, в надежде, что красные, осмелевши, вдохновленные разрушениями в хуторе, подсйдут поближе, да и Кирсанов ...мне доложил, что « обед готов ». Оставив наблюдателей по окрайнам, казаки тоже разошлись по уголкам, где реже падали бомбы от мортирок, и тоже расположились « закусывать ». Потерь пока никаких нет. Уральские казаки не любят походных кухонь — это « не показачьи », а получая довольствие на руки, делились по собственным соображениям « на компании » и « закусывали » (уральцы не « едят », а « закусывают ») по семейному. И в Мировую войну предпочитали ту же « систему ». Полк. Донсков и я, с двумя адъютантами, расположились в одном из дворов « в палатке », Кирсанов принес суп... Не успели мы с супом покончить, как разорвался с недолетом в 15 шагов один снаряд, а через минуту с таким же перелетом другой... Как по команде, оба адъютанта, бормоча что то нескладное, выбежали из « палатки », оставив нас вдвоем с полк. Донсковым, к большому удивлению Кирсанова, спокойно доедать его « второе »...

Замечу, что никаких « Горячительных » напитков и самогона в полках во время всей гражданской войны на Ураль. Отд. фронте никогда не было.

После обеда, хотя и реже, красные продолжали обстрел хутора, но цепи их с « уроном » продолжали « отползать ». Все показывало, что они не ожидали такого « приема ». Мы могли свободно зайти во фланг и разбить их, но полк. Донсков имел приказание держать хутор лишь до вечера, а ночью стойти на хутора ниже. Кроме того, потеря нами каждого лишнего человека нам стоила дороже, чем победа и сотни пленных.

Отходя ночью от Железнова, мы заблудились, и полки вынуждены были остановиться для ночлега в степи. Коней пустили пастись в поле... А при рассвете были сильно удивлены, определив, что мы находимся в полуверсте от хут. Волсгина, занятого красными. Стали спешно ловить коней, седлать, строиться... И только тогда, когда двумя колоннами бригада приблизилась к одной складке местности, красные открыли по нам безпорядочный и безрезультатный огонь из 2-ух орудий.

По пути встретили ищущий бригаду разъезд от штаба 2-ой дивизии с приказанием I-ому Парт. полку спешно, через хут. Логашкин, занять хут. Ала-Байтал (в переводе: « Пегая кобыла »), вести наблюдение за принадлежащим семье покойного ген. Мартынова хут. Мартыновым, занятым красной конницей, связаться с командиром пешего Уральского полка полк. П. А. Сидоровниным, занимавшим соседние хутора, и ждать дальнейшего разъяснения задачи. К вечеру мы заняли Ала-Байтал, из 6-8 дворов, брошенных жителями. Проходя через Логашкин, также брошенный, набрали на бахчах полные повозки зрелых арбузов и дынь. В Ала-Байтале получили сводку-приказание из дивизии, где сообщалось, что Мартынов занят Доно-Кубанским дивизионом в 800 шашек с пулеметами. Состоит он в большей части из красных казаков и, не в пример красной коннице, держит себя « заносчиво и дерзко ». По сведениям штаба он должен атаковать Ала-Байтал и выйти в тыл хуторам, занятыми уральскими частями. Штаб дивизии, очевидно, так боялся этого, что выслал в мое распоряжение 2 орудия с подъес. Банновым. Хутор, занятый полк. Сидоровниным, был в 2-3 верстах от Ала-Байтала и был отсюда виден, но оба хутора были закрыты складкой местности от Мартынова. Это обстоятельство позволило нам перевести две пеших сотни Сидоровнина в Ала-Балтал, взамен отправив две конные сотни 1-го Партиз. полка, с двумя пулеметами каждая. Уральский пеший полк в то время силой в 400 штыков был из казаков Уральской станицы, старых возрастов и был небогат пулеметами. Усиленный двумя сотнями Партиз. полка с 4-я пулеметами, он заметно « повеселел ».

Я коснулся этих скучных деталей этого маленького случая из истории гражданской войны на Урал. Фронте, потому что это было первый раз за все время, когда сов. конница « осмелилась » первой атаковать наши части. Да и к тому же она состояла из красных казаков. Правда, на правом фланге фронта были уже случаи, когда красные оренбургские

казаки атаковывали части полк. Балалаева с криками: « Мы вам покажем, как воюют оренбургские казаки... Сдавайтесь, сволочь... ». Об этом рассказывал покойный хор. А. П. Рыбинсков.

Дальше все шло по шаблону: ночью охранялись « строго », коней не расседловали, орудия, пулеметы стояли на позициях. Пешие сотни разместились по базам, приготовив бойницы в плетнях. Под Мартыновым всю ночь « висели » дозоры, смененные рано утром разъездами. Но... от съеденных в большом количестве арбузов спалось плохо...

Утром в 7-8 часов красная лава вышла из Мартынова и шагом направилась на Ала-Байтал, о чем донесли нам наши разъезды, с Ала-Байтала из-за складки местности не было видно. Вот красные перешли на рысь, о чем доносят отходящие разъезды... Наконец лава показалась на увале и карьером бросилась на Ала-ба-тал, обходя его флангами. Наши конные сотни были готовы к атаке, пехота, пулеметы ждали сигнала открыть огонь. Но пока ни полк. Сидоровкин, несмотря на то, что красная лава своим левым флангом захватывала его хутор, ни я, не отдавали приказания, ожидая, когда красные подойдут поближе. Но вот уже примерно в пол версте от хутора, отчетливо видны лица, масти коней... Раздается моя команда: « Огонь... » Восемь пулеметов, расставленных по всей длине хутора, частый огонь 200 винтовок, местами залпами, опрокинули в одну минуту центр красной лавы... Падали кони, люди, а кто не упал, поворачивал и скакал в тыл. Но... пушки Баннова не стреляли, хотя ему было приказано одновременно с пулеметами « обсыпать » красных картечью. Несмотря на это, обе сотни Партиз. полка, каждая со своего конца хутора, бросились в атаку на красных... Одновременно и полк. Сидоровкин бросил сотни на преследование скачущего назад, зарвавшегося было вперед, фланга красной лавы... Началась гонка... Партиз. полк занял Мартынов, где были захвачены часть обозов, три санитарные повозки с санитар. имуществом и три сестры милосердия. Никаких потерь у нас не было. У красных было много убитых людей и коней под хутором и при преследовании порубленных, и в плен было взято около 25 человек. При опросе ни один из них не сознался, что он казак. Я до того времени никогда близко не встречался ни с донскими, ни с кубанскими казаками, а потому по « говору » не мог отличить казака от солдата.

А сестры плакали... В этот момент пришел Гараська, про которого я уже писал, недострелянный пленный, который пытался выдать себя за взятого в плен этим утром. Когда Кирсанов снабжал Гараську арбузами и хлебом, отпуская его, сестры недоуменно смотрели то на меня, то на Кирсанова, то на Гараську... и повеселели... Уходя к полк. Сидоровнину (наступала ночь), я заявил сестрам, что ночевать они будут у меня и чтобы о побеге и не думали бы, так как это намного опаснее, чем оставаться со мной. Одна из сестер имела георгиевский крест за немецкую войну. Кирсанову же приказал, чтобы он никого в палатку не пускал до моего возвращения. Смеясь, добавил сестрам, « что Кирсанов, хоть и не евнух, но гарем сохранит в неприкосновенности... » А последний по моему совету натаскал сестрам арбузов, дынь и хлеба, угощал « барышень » чаем и всем, что у него было, как они мне потом рассказывали, и воды принес умыться, и даже базок показал рядом, куда можно выйти... Под впечатлением рассказа бедного Гараськи хотелось искупить невольные жестокости нашего тыла...

Пленные, проведя ночь запертыми в амбаре под караулом, утром были отправлены в штаб дивизии. Посланный разъезд розыскал подъес. Баннова с его двумя пушками, и, как было приказано, привел его в Ала-Байтал. А утром вместе с пленными и моим рапортом он был отправлен в штаб дивизии за « ненадобностью ».

Ни I-ый Партизанский, ни Уральский пеший полки после разгрома Доно-Кубанского дивизиона не пошли дальше Мартынова для преследования, ибо на то были директивы штаба дивизии: « защищаться и отходить ». На главном направлении по Уралу положение становилось трагичным: эпидемия тифа свирепствовала так, что невозможно было вести учет наших сил.

В половине октября красные на главном направлении, получив подкрепления и « новое начальство », вышли из ст. Скворкинской и повели наступление вниз по Уралу — на юг. Тиф также свирепствовал и у красных, но у них был тыл, нескончаемые резервы, и силами и вооружением они превосходили нас разов в десять. Несмотря на наше отчаяное сопротивление, они в конце октября 1919 г. снова в 3-ий раз (и последний) заняли Лбищенск. К тому же в это время полк. Горшкову было приказано сформировать 6-ую дивизию из полков 2-го Партизанского, Позднякковского (из 2-ой дивизии), Чижинского и еще некоторых частей Саломихинского направления для отправки на левый берег Волги для соединения с кубанскими дивизиями, будто бы находившимися там. Как потом

выяснилось, сведения эти оказались ложными. Никаких белых частей там в то время не было. Они там, кажется, были, но в июне 1919 г. вновь ушли на правый берег. А из-за этого формирования силы Урал. Отд. Армии уменьшились на 2000 бойцов по крайней мере.

I-ый Партиз. полк был вновь вызван для защиты ст. Мергеневской на главном направлении. Там мне пришлось встретиться с В. Атаманом на собрании в штабе корпуса, куда были приглашены все командиры полков нашей группы. Атаман, как командующий армией, требовал сокращения обозов, которые из-за расстройства транспорта « распухали » по необходимости. На собрании определенно выяснилось, что фронт держаться долго не сможет и наше поражение в недалеком будущем неизбежно. Тиф продолжал косить наши ряды. Открыто говорили о необходимости подготовиться к отходу на Форт-Александровск. Атаман обещал сделать все нужное для этого похода.

1-ый Партиз. полк недолго оставался на главном направлении, и, отбив с другими частями одно наступление на Мергеневскую, снова был отправлен на левый фланг, где было замечено движение красных частей со станции Шипово на Лбищенск, минуя Уральск. Опять начались гонки, обходы, ночные нападения по тому же шаблону. Наш полк постоянно действовал вместе с Лбищенским кон. полком, которым командовал попрежнему полк. Н. Лифанов. Он, как старший, командовал нашей группой. Но бывало, что и каждый из полков получал свою задачу.

Этой осенью погода до ноября держалась хорошей. Все же ночами становилось все свежее, но зато днем Яицкое солнышко пригревало ласково, сопротивляясь закону природы, своих сынов, как и они, сопротивляясь, не желали бросать своего Яика и « своего солнышка ».

Местами по хуторам оставались еще неубранные полуобсыпавшиеся хлеба. Их косили, кормили коней, а свои обозы успевали снабжать полк всем необходимым. У жителей ничего не брали, да и хутора, за небольшим исключением, были ими брошены.

А жизнь в тылу продолжалась. Во 2-ой половине октября я получил телефонограмму из штаба дивизии, что у меня в Калмыкове родился сын, и что я могу на несколько дней поехать туда « для знакомства » с ним. Впервые за лето 19-го г. я, как и большинство из нас, мог забыться на несколько дней от войны.

Картины по тылам были печальные: по правому берегу Урала трава была близь дорог выбита до корней беженскими табунами и скотом войст. частей. Даже ветки с листьями были обрублены и поедены голодающим скотом и редкие лесочки по Уралу выглядели печально-сиротливо. Кругом — сушь и пыль... На бухарской стороне было немного зелени, особенно по берегам Урала, куда и переправилось большинство беженских обозов. По станицам, форпостам, хуторам все дома, все строения были забиты тифозными. Я ехал на Калмыков бухарской стороной. Одну ночь я ночевал в киргизском ауле у учителя-киргиза. Мне казалось, что настроение жителей киргиз. степей из-за тяжелого положения Ураль. Отд. Армии должно было измениться, но узнать об этом у киргиза — дело безнадежное. Мои попытки начать разговор на эту тему подтвердили мое предположение.

Калмыков, находившийся в то время на 100 верст в тылу, был до отказа забит больными, ранеными, полевыми госпиталями и обозами. Время от времени можно было видеть пленных, которые, как тени, под стенками домов, оборванные, грязные, в одном белье бродили по дворам, прося милостыню. Они были предоставлены сами себе и об их эвакуации никто не думал. Немногочисленный медицинский персонал выбивался из сил, из-за отсутствия медикаментов заменял их « уходом », измучиваясь в конец. Примером этого было то, что в Калмыкове я не нашел ни одного свободного доктора, чтобы помочь моей жене избавиться от закупорки груди сгустком молока. Во всем Калмыкове не нашлось резиновой груши, которым можно было бы вытянуть этот сгусток. Только личным вмешательством (по совету) избавил жену от страшных болей, а новорожденного сына от недостатка питания.

В Калмыкове определенно чувствовалась расхлябанность. По тылам самовольничал пор. Дзиндзюковский со своим отрядом « Особого назначения ». Из-за упомятутой дезорганизации контроль и учет больных, выздоравливающих и симулирующих (к этому времени появились и такие) по обозам, и особенно по беженским стоянкам, был затруднен, но необходим. Такой отряд был нужен, но выбор Атамана был неудачен. Это нужно было поручить или Комитетам Обороны или кому нибудь из войсковых лиц. Пор. Д., недавно приехавший из Добр. Армии, никому неизвестный, сам был дезертиром и самозванцем. Были случаи, что он расстреливая казаков самовольно, без суда. Его поведение возмущало казаков и клало черное пятно на самого Атамана. К сожалению, часто из Добр.

Армии к нам присылали подобных лиц. В Калмыкове, в нашем обозе 2-го разряда мне указывали на лиц, близких к В. Атаману, которые пьянствовали целыми ночами с «дельцами», которые всегда, как шакалы, окружают разлагающийся организм, устраивая выгодные «дела». Нужно сказать, что к этому времени Гурьев, помимо «прочих благ», был в изобилии снабжаем из Пор. Петровска кавказским коньяком.

С печальными думами возвращался я в полк. При моем отъезде из полка вел долгие разговоры с заведующим хозяйством. Решили «тянуть» из Интенданства все, что можно, делая запасы. Менять коней на верблюдов и еще раз настаивать о выдаче денег полку для уплаты жалования офицерам, задержанного уже 6-ой месяц, и для закупок частным путем всего необходимого для предстоящего неминуемого отхода на Ф. Александровск.

Ехал я в полк по правому берегу Урала. К этому времени и стали появляться слухи, что киргизы на бухарской стороне начали «шалить». Были случаи воровства на беженских стоянках и разбоев по дорогам, но пока лишь с целью грабежа. Время от времени на бухарскую сторону посылались разъезды для «острастки» и для охраны беженцев и дорог.

I-ый Партиз. полк оставался по хуторам лишь до полсвины ноября. Большевики сильно нажимали на главном направлении, так как 4-ая Сов. Армия получила приказание до наступления зимы занять Гурьев и ликвидировать Отд. Уральс. Армию. К этому времени красные после ст. Мергеневской заняли вновь Сахарный, Калёный, Лебедок, Антонов. *) Каз. части задержались в Круглом, куда пришел с куторов и наш полк.

*) Ниже приводится список городов, станиц, поселков от Уральска до Гурьева. Города отмечены жирным шрифтом, станицы — (х). От Уральска до Лбищенска — 120 верст, до Калмыкова — 250 в., до Гурьева — 500 в. От Илека до Гурева — 650 в.

Уральск — Клуглозерный (х) — Серебряков — Щапов — Балаган — Колвертной — Большой Чаган (х) — Колесов — Малый Чаган — Кушумский — Владимирский — Скворкин (х) — Янайкин — Богатинский — Прорвинский — Бударин (х) — Барановка — Кожехаров — *Лбищенск* — Горячкин — Мергенев (х) Карши — Сахарный (х) — Каленый — Лебедок — Антонов — Круглый (х) — Котельный — *Калмыков* — Красный Яр (х) — Харкин — Горы — Гребенщиков — Кулагин (х) — Тополинский (х) — Зеленый — Баксай — Яманкалинский (Яманка) (х) — Редутский — Кондауров — *Гурьев*.

К этому времени штабы I-го корпуса и дивизий были расформированы. На фронте оставался «Отряд», командовать которым после сдачи Лбищенска был назначен полк. И. В. Емелин — «калач на царстве тертый». Все полковники Ген. Штаба были отозваны с фронта и зачислены «в резерв чинов». Заменяющим командира корпуса был назначен полк. В. М. Хохлачев.

«Давно бы пора...» говорили все на фронте. Полк. Емелин был действительно «калач тертый». Коренной казак, бывший командир Пешего Учебного полка, защищавшего Уральск, после того, как полк был расформирован из-за его малочисленности от потерь, командовал Гурьевским пешим полком. Хорошо знал красных и неоднократно командовал соединениями из многих полков. Так же, как и полк. Хохлачев, пользовался большим уважением во всех кругах за его стойкость и «истинную веру казачью».

В Кругловскую I-ый Партиз. полк прибыл под вечер. На окраине станицы, в окопах, занимала позицию пехота. В 12 ч. ночи я был вызван в штаб Отряда. От полубольного полк. Емелина, с большой температурой, узнал, что красная конница, в обход Кругловской, движется по Быгырдаю. Это большая ростошь, летом сухая, почти от самого Круглоозерного, паралельно р. Уралу — тянется на юг, то приближаясь, то отклоняясь от него. От Круглого проходит в 2-3 верстах. Получил приказание идти навстречу этой коннице, ликвидировать этот обход, или по крайней мере задержать. Полк в колонне по «6» с пулеметами выступил из станицы, и, после 2-ух верст движения на юг, повернул на Быгырдай. Ночь была темная. С вечера выпал первый снежок, ветром запорошив все ямки и канавки в степи. Вперед был выслан взвод-разъезд, связанный цепочкой с головой колонны. Через 10 минут движения в таком порядке получаю донесение по цепочке, что впереди слышится шум — топот. Разъезд спрашивает «Что делать?» Ответ: «Продвигаться до соприкосновения... Колонна продолжает двигаться вперед...». По времени выходит, что красные из Быгырдая выходили на дорогу в тыл Круглого. Получаю от разъезда 2-ое донесение: «Двигаюсь вперед, временами вижу силуеты конных... Что делать?» Отвечаю: «Войти в соприкосновение, атаковать, 2-ая сотня выдвигается к вам...» С разъездом был не казак пор. Гимбут, Дикой Дивизии 1914 г., хороший храбрый офицер. В это время послышалось «Ура...» со стороны красных. 2-ая сотня рассыпалась в лаву и «на слух» продвигается вперед. В

темноте почти вплотную сошлись с красными, которые начали потихоньку отходить. Забрезжил рассвет... Посланный мною адъютант полка хор. В. Абрамов со своим вестовым на левый фланг нашей лавы с приказанием двигаться вперед, а наша лава под угрозой обхода из Быгырдая стала откатываться назад, что мне за темнотою не было видно, хорунжий остался между нашей лавой и красными. Группа красных бросилась на него, он повернул, но его лошадь попала ногами в занесенную снегом яму и упала. Красные его взяли в плен, вестовой ускакал. В этому времени стало хорошо видно и две сотни полка, обстреляв красных из пулеметов, погнали их назад и даже загнали за линию Круглого. Полк. Емелин из Круглого мог это видеть и простым глазом, но ему было не до того. Оказалось, что красная пехота, ночью, подошла под самый Круглый, и на рассвете атаковала станицу, а красная конница должны была ее захватить с тыла. Оказывается, что об обходном движении красной конницы по Быгырдаю предупредил полк. Емелина старик беженец, уходивший с «опозданием» по Быгырдаю. Пропустив красных мимо своего обоза, он на своем «маштаке» карьером прискакал в Круглый и предупредил полк. Емелина, который по приказанию должен был оставить Круглый и отходить на Калмыков. Партиз. полк должен был прикрывать отходящую пехоту. К 12 ч. дня он был сменен на Быгырдае Лбищенским конным полком, но уже без полк. Лифанова, заболевшего тифом. При входе в Калмыков наш полк был встречен Атаманом, угрюмо поздоровавшимся и поблагодарившим «за службу»... Из Калмыкова полк. Емелин, заболевший тифом, был эвакуирован в тыл. Гурьевский пеший полк был снят с фронта для подготовки пути и всего нужного для отхода Армии на Форт-Александровск. В замен его прибыл Гурьевский пеший дивизион, под командой полк. Н. Г. Назарова, человека уже пожилого (в свое время он был первым командиром сотни кончившего Военное Училище хор. В. С. Толстого — теперь Атамана), силой до 500 штыков с 4-я пулеметами, и 2-ой Оренбургский кон. полк — до 250 шашек (это был единственный полк Оренбургской Южной Армии, активно воевавший на Уральском фронте). Кроме этих частей на главном направлении фронта находились еще I-ый Партиз. полк, Лбищенский (до 200 шашек), Калмыковский (до 300 шт.), с ес. И. Паленовым во главе, остатки пешего Уральского полка, остатки 33-го Туркестанского полка. I-ый Учебный кон. полк с ес. В. А. Карташевым был на бухарской стороне, непосредственно по Уралу. И всего одна батарея из 4-ех орудий с неизменным ес. А. М. Юдиным. Из всего собранного, здорового, для «решительного боя» на главном направлении, в Калмыкове было до 2000 бойцов всех родов оружия. Красные же в тому времени имели в 10 раз больше, то есть до 20 тысяч бойцов.

Правее от р. Урала на бухарской стороне занимала аулы 3-я дивизия полк. С. П. Щадрина, сформированная из казаков всех возрастов весной 1919 г. станиц Трекинской, Рубежинской, Кирсановской и отчасти Ертецкой и Соболевского района. Наличное число бойцов было неизнестно, но при формировании каждый из 4-ех полков имел до 1000 шашек. Они понесли, конечно, потери в боях и от тифа, но от последнего значительно меньше, чем части, находившиеся на главном направлении.

Правее дивизии полк. Щадрина — широкий Фронт; правый фланг Уральс. Отд. Армии занимала вначале многочисленная дивизия полк. Д. А. Балалаева, состоявшая также из казаков всех возрастов (сыновья, отцы и деды) станиц: Илецкой, Студеновской, Мухрановской, Мустаевской и частично Благодарновской. Центром дивизии был Базар-Аул Куспа. Ее численность с артиллерией была примерно до 5000 бойцов, но в данному моменту она уменьшилась от потерь в боях и от тифа. 2-ым Корпусом командовал ген. В. И. Акутин, штаб его находился в большом ауле Кызыл-Куга (в переводе — «Красный Камыш»).

В Калмыкове В. Атаман собрал всех начальников частей на совещание, на котором сообщил, что все меры отхода Армии на Ф. Александровск принимаются, а Армии-Отряду приказывается «огрызаться», отходить, уничтожая ненужное оружие и огнеприпасы. Отход морем был исключен из-за льдов в Гурьевском порту и конца навигации по всей северной части Каспийского моря до Астрахани включительно.

На совещании был поднят вопрос о дальнейшем командовании нашей Армией-Отрядом. Самым старшим по годам и по службе был командир Гурьевского пеш. дивизиона полк. Назаров, но он наотрез отказался, ссылаясь на свою неопытность в «этой войне». Действительно, на главном Уральском фронте он никогда не был, занимаясь делами Богатинского фронта вместе с ген. Петруевым. Тогда выбор Атамана пал на меня, хотя я по годам был самым младшим из начальников частей (рождения 1893 г.) Ни мое смущение,

ни отказ с указанием на полк. Назарова на него не повлияло. « А я приказываю... » заявил он. Полк. Назаров заявил, что он ничего не имеет против и обещает выполнять все мои приказания « согласно указанным правилам, предписанным « Уставом Полевой Службы ».

Однако в дальнейшем обещания полк. Назарова нисколько не мешали ему потом отходить, отступать, когда он это находил нужным, ссылаясь в этих случаях на свою « опытность ». Как татары говорили у нас: « пошла своя-моя ».

Первый случай произошел в том же Калмыкове.

(Продолжение следует).

Париж **П. А. Фадеев.**

ТАК БЫЛО

Прежде, чем приступить к повествованию о жизни и встречах в лагере военнопленных III-Б, я вкратце хочу коснуться 20-ой годовщины окончания 2-ой мировой войны. По этому случаю в советской печати появилось много интересных сообщений. Поражение РККА в 1-ый период войны все авторы относят на счет внезапного нападения Гитлеровских дивизий.

Поэтому ставим вопрос, знала ли Москва, что Гитлер собирается напасть на Советский Союз?

— Да, знала!

В 1956 году, на секретном заседании XX-го съезда КПСС, Хрущев заявил, что Сталину и его окружению было известно о готовящемся нападении Германии на СССР.

В действительности в Кремле знали об этом из многих источников: секретной службе США удалось получить данные о « плане Барбароссы » — (план нападения Германии на СССР) — вскоре после подписания Гитлером в конце 1940 года директивы о его разработке. В середине января 1941 года помощник государственного секретаря США С. Уэллс сообщил об этом советскому послу в Вашингтоне К. Уманскому. В марте Уэллс подтвердил Уманскому достоверность этих сведений. Но в Москве не придали этому значения. Более того, Уманский по приказу из Москвы передал содержание своих бесед с Уэллсом помощнику немецкого посла в Вашингтоне Гансу Томсену.

3-го и 18-го апреля 1941 года ЧЕРЧИЛЬ в личных посланиях СТАЛИНУ, направленных через английского посла в Москве Стаффорда КРИППСА, сообщал о том, что немецкие войска перебрасываются к советской границе и что Гитлер намерен напасть на СССР.

Найболее точные сведения по этому поводу советская служба разведки доносила в Москву из Берлина, Рима, Берна и Токио.

В Швейцарии советской разведке, имевшей связи с сотрудниками немецкого посольства в Берне, удалось достать важный документ-копию протокола совещания от 29-го апреля 1941 года, на котором немецкие генералы обсуждали вопросы эксплоатации советских областей в соответствии с « планом Барбароссы ».

6-го мая 1941 года советский военный атташе в Берлине, капитан ВОРОНОВ, сообщал в Москву, что по сведениям, полученным от одного немецкого офицера, работающего в ставке Гитлера, Германия готовится напасть на СССР 14-го мая, произведя одновременно массированные воздушные налеты и высадку воздушных десантов в пограничных городах.

22-го мая 1941 года заместитель советского военного атташе в Берлине ХОХЛОВ доносил, что наступление Германской Армии назначено на 15 июня, однако, возможно, что оно произойдет в первые дни июня.

Из Японии необходимую информацию доставлял знаменитый Рихард ЗОРГЕ, пресс-атташе немецкого посольства в Токио, задолго до войны ставший агентом советской разведки. Сообщения Р. ЗОРГЕ по этому вопросу были основаны на разговоре, имевшем место между премьер-министром Японии МАЦУОКА и принцем КОНОЭ. МАЦУОКА докладывал принцу, что немецкое нападение на СССР состоится приблизительно 20 июня 1941 г.

Из за недостатка места, мы не приводим полного перечня сведений, утверждающих, что верхи коммунистической партии определенно знали о готовящемся нападении на Советский Союз.

Поставим еще один вопрос: Как и чему учили солдата и командира в рядах РККА?

Боевые уставы советской армии до 2-ой мировой войны игнорировали такие виды боя, как отступление и бой в окружении. Личный состав сов. армии воспитывался и обучался только на наступлении и обороне, — советский боец не должен и не будет отступать. При этом в боевых уставах и на тактических занятиях предусматривалось, что наступление сов. войск всегда будет вестись при тройном превосходстве над противником как в людях, так и в боевой технике.

Из этого можно сделать вывод: Офицерский состав всех рангов обучался до войны в духе уверенности в том, что советские границы неприступны, что советская армия самая мощная в мире, что она в случае войны будет только наступать, причем при тройном превосходстве над противником. Теперь же многие офицеры, попав в эту неожиданную для них обстановку, пали духом, в панике не знали что делать, как управлять своими частями и подразделениями...

К этому следует добавить еще и то, что сказал ХРУЩЕВ на секретном заседании XX съезда КПСС.: « На снижение качества офицерского состава большое влияние оказала также чистка 1937-41 г. г. В это время почти полностью были ликвидированы офицеры, которые приобрели военный опыт в Испании, на Дальнем (во время военного конфликта с Китаем в 1929 г., боев с японцами у озера Хасан в 1938 г. и на реке Халкин-Гол в 1939 г.)

Проводившаяся в широком масштабе политика репрессий против военных кадров привела также к подрыву воинской дисциплины, так как в течении нескольких лет офицерам всех званий и даже солдатам, СОСТОЯЩИМ В ПАРТИЙНЫХ И КОМСОМОЛЬСКИХ организациях, внушалась необходимость « разоблачать » своих начальников, как тайных врагов. Бичуя Сталина, Хрущев в действительности бичует коммунистическую партию. К вящему удовольствию мы не имеем права ему мешать.

Война Гитлеровской Германии против СССР началась в 4.30 утра в воскресенье 22 июня 1941 года. И результат:

За четыре месяца войны немецкие войска продвинулись в пределы СССР на северо-западе на 800 км., на западе и юго-западе на 1000-1200 км., захватив важнейшие индустриальные и сельскохозяйственные районы страны, имеющие высокую плотность населения. За это время сов. вооруженные силы потеряли только пленными около двух миллионов человек. По данным лишь советского информбюро, за первые пять месяцев войны было потеряно 12900 орудий, 7900 танков, 6400 самолетов.

В связи с тем, что мне придется говорить о некоторых командующих советскими армиями, с которыми я встретился в « М. ШТАМЛАГЕРЕ III-Б, я вкратце хочу описать судьбу их войск — все взято из официальных источников.

К I-му августа 6-я армия генерал-лейтенанта И. Н. МУЗЫЧЕНКО и 12-я армия генерал майора П. Г. ПОНЕДЕЛИНА были окружены в районе Умани. Измотанные боями, эти армии не имели сил пробиться из окружения, а помощи извне командующий Южным Фронтом оказать им не мог из-за отсутствия резервов. Войска этих армий отказались вести бессмысленную борьбу в окружении.

8-го августа войска 6-й и 12-й армий вместе с их командующими сдались в плен.

Под Киевом происходят следующие события: 6-я немецкая армия наносит удар с запада на Киев, прорывает советскую оборону, вклинивается в мешок и 19-го сентября достигает окраин Киева. На следующий день сов. войска оставили Киев, но отходить им было некуда. К 26-му сентября бои с окруженными восточнее Киева сов. войсками заканчиваются, — они прекращают сопротивление и сдаются в плен. Среди сдавшихся в плен находится командующий 5-ой армией генерал-майор танковых войск М. И. Потапов. Большинство офицеров Юго-западного фронта частью погибло, а частью сдалось в плен; командующий фронтом генерал-полковник М. П. Кирпонос покончил жизнь самоубийством. Первый секретарь Ц. К партии Украины Никита ХРУЩЕВ, являющийся одновременно членом Военного Совета Юго-западного фрнта, бежал из Киева и киевского окружения.

Для самих главковерхов стало очевидным, что политика коммунистической партии была причиной военных неудач первого периода войны. Но, к ужасу кремлевской верхушки, обнаружилось и еще более серьезное явление в сов. обществе вообще и в сов. армии в особености.

В эти горячие дни лета 1941 года обнаружилась страшная правда — советские солдаты и офицеры не хотят сражаться за советскую власть. Они тысячами и десятками тысяч сдаются в плен, или, бросая оружие, пробираются к своим домам. Население встречает наступающие немецкие войска отнюдь не враждебно, считая, что « хуже не будет ».

Народы России имеют славные военные традиции. Не отсутствие храбрости и патрио-

тизма заставило целые соединения, со всеми офицерами и штабами, сдаваться в плен врагу.

Не любовь к иноземным захватчикам заставила население Советского Союза встречать немецких солдат цветами и « хлебом-солью ».

Жестокая, безпросветная и безправная жизнь в царстве « построенного социализма » заставила народы СССР идти на унижение перед врагом. Война обнажила перед всем миром отвратительное лицо коммунизма и глубокую пропасть, существующую между властью и населением СССР.

Так был развеян миф о морально-политическом единстве советского общества.

Для этого очерка я воспользовался трудом И. БАРЕЦ — « Так было в сорок первом... » Написанный им к 20-ой годовщине начала Германо-Советской войны и опубликованный в журнале « СВОБОДА » №6, 7, 8 за 1961 год.

(Продолжение следует)

Канберра — Австралия **П. П. Иваница.**

ПОГУБЛЕННЫЙ МАЙ...

(К пятидесятилетию провозглащения свободных республик Кавказа)

50 лет прошло с тех пор, когда в буре войны и революции народы Кавказа, один за другим, получили возможность самостоятельного государственного строительства.

Миг незабываемой радости и многолетние муки слились в одно святое и трепетное для народов Кавказа в те далекие майские дни!.. — Народы Грузии, Армении, Азербайджана и Северного Кавказа образовали самостоятельные государства.

Но самостоятельность их была кратковременна... Жестокий жребий истории пожелал, чтобы заря Кавказской свободы отцвела не успевши разцвести!..

После 2-3-х лет свободной жизни Республики Кавказа, одна после другой, были насильно « проглочены » северной соседкой — большевистской Россией; только одной Грузии удалось сохранить свою самостоятельность немного дольше — была оккупирована советскими войсками в феврале 1921 года.

Не затрагивая судьбу остальных народностей Кавказа в этой статье, я кратко расскажу о судьбе чечено-ингушского народа, который входил в состав государственного объединения — « Союз Горцев Северного Кавказа ». Этот « Союз » и существовал с мая 1918 года по март 1919 года.

Чеченцы — древний народ Кавказа. Первые сведения об этом народе мы встречаем в исторических документах VI-VII вв. н. э. на грузинском и армянском языках. В своем историческом труде, « Армянская география », армянский летописец Моисей Хоренский упоминает чеченцев под названием н а х ч м а т ь я н ы. (Сами себя чеченцы называют « нахчий », что означает « люди », « народ »).

По данным официальной советской переписи 1939 года чеченцев насчитывалось около полмиллиона душ в пределах Кавказа, не считая соплеменников чеченцев — карабулаков, проживающих на территории Турции и в странах Ближнего Востока.

С незапамятных седых времен чеченцы проживали в северо-восточной части центрального Кавказа, населяя северные предгорья и горы Кавказского хребта и долины реки Терека и его притоков — Аргуна, Ассы, Сунжи, Хулхулу и других. Соседями чеченцев на юге были грузинские народности — хевсуры и пшавы, на севере — по левому берегу р. Терека — казаки, на западе — родственная им народность — ингуши, и на северо-востоке дагестанские племена: аварцы, андийцы и тюркская народность — кумыки.

Название « чеченцы » или « чечены » — русского происхождения и дано, по всей вероятности, русскими от названия старинного чеченского аула « Чечена ». Чечена-аул существует и поныне, только теперь он носит название « Комсомол-аул ». Возможно, что первые русские войска имели дело с жителями вышеназваннго аула при своем наступательном движении. Чечена-аул находится как раз у входа в Аргунское ущелье, в долине этой реки, при выходе ее из него на плоскость.

С давних времен основным занятием че-

ченцев было примитивное земледелие на равнине и скотоводство в горах. Добавочным занятием являлось кустарное производство бурок и холодного ружия. Далеко за пределами Чечни славились кинжалы и шашки знаменитых мастеров Базалая и Ханепия из Дарго и их учеников. Кинжалы, наряду с черкеской и буркой, составляли у чеченцев неотъемлемую принадлежность их красочного национального костюма. Существовала шуточная поговорка: — « чеченец без кинжала, что европеец без галстука ». Любовь к оружию была настолько велика, что до начала 1927 года чеченцы носили огнестрельное оружие с разрешения советской власти, в то время как ни одна из многочисленных национальностей, проживающих в СССР, не имела права его носить под угрозой строгой уголовной ответственности!.. А с кинжалами чеченцы не расставались до самого, для их судьбы злочастного, 1944 года, до поголовного их выселения в песчаные пустыни Казахстана...

Основная масса чеченского народа — магометане-суниты. Религия проникла в Чечню сравнительно недавно, в начале XVIII в., из Дагестана. До принятия Ислама чеченцы были язычниками, на что ясно указывают многие сохранившиеся до наших дней остатки древних капищ в горах Чечни., наличие в чеченском языке названия языческого божества и, наконец, и то, что часть чеченского народа — племя м а и с т и н ц ы, жители высокогорной Чечни, проживающие в верховьях реки Чанты-Аргуна на границе с хевсурами, до последнего времени, еще в моей памяти, справляли различные праздники в честь языческих « божков » плодородия, сенокоса, покровителя скота, охоты и т. д., хотя формально они себя считали « правоверными » мусульманами. Небольшое количество чеченцев, всего 2.000 душ т. н. п а н к и с ц, населяющие три аула в Алазанской долине Грузинской АССР, были православными.

В отличие он своих соседей осетин, кабардинцев, кумыков и многих дагестанских народностей), чеченцы не знали в своей истории ни князей, ни рабов, поэтому чеченцы всегда гордились своей демократичностью и свободой, считая себя « узденями », т. е. свободными дворянами. Даже понятие « приказывать » отсутствовало в словаре чеченского языка и было чуждо чеченскому слуху и духу...

Извечно привыкшие к свободе и самобытной патриархальной жизни, воспитанные в строгом соблюдении своеобразного неписанного закона гор — а д а т а, который предписывал почитание старших, уважение женской чести, исключительно строгое почитание достоинства человека, почитание священного обычая гостеприимства и других благочестивых обрядов, чеченцы никогда и ни перед какой силой не преклонялись там, где дело касалось их личной свободы. Уважая свою честь и свободу, они свято блюли честь и свободу других.

Воспитанные в строгом спартанском духе, мало требовательные к удобствам и роскоши жизни, чуждые излишней нежности, честные и прямые по характеру, чеченцы представляли собой как бы « кавказских гуркхов ». Они сочетали в себе рыцарское благородство и презрение к страху и смерти. Так, лучшие части знаменитой в свое время « Дикой дивизии » (Кавказская туземная дивизия) в большинстве состояли из добровольцев-всадников чечено-ингущей.

Врожденные качества чеченцев — беспредельная жертвенность, горячая любовь к свободе личности и жажда независимости, а также глубокая, иногда до фанатизма, вера в Бога — все эти черты резко отличали чеченцев от других народностей Кавказа. Бесспорным доказательством этого — авангардная роль чеченского народа в почти полувековой борьбе народов Кавказа против русского империализма в прошлом, и в равной степени — героическая борьба чеченского народа против произвола и порабощения советской диктатурой в наше время.

Еще в первой половине XIX века, умный и искушенный вождь горских народов легендарный имам Шамиль (1798-1871) в своей борьбе против русских прекрасно учел все положительные факторы, присущие чеченцам и их неколебимую волю к свободе. Вопреки утверждениям советских историков, которые, прикрываясь своим трафаретным и излюбленным « аргументом-коньком », — « теорией классовой борьбы», — неизменно утверждают, что борьба горцев Кавказа была классовой борьбой, нужно подчеркнуть, что борьба горцев Северного Кавказа за свою независимость носила **исключительно** религиозно-национальный характер и велась под лозунгом « священной » войны — « хазавата » против иноверных иноземцев-завоевателей — гяуров — « неверных ».

Первыми застрельщиками в борьбе против наступательных действий русских были чеченцы. Еще до начала организованной борьбы горцев под руководством Шамиля, чеченцы в конце XVIII века первыми с оружием в руках и под лозунгом « хазавата » выступили против царских войск, шедших на захват и

покорение Кавказа. В 1785 году, например, житель чеченского аула Бухан-Юрт (Алды) простой чабан Хасмухамед Мансур-Ушурма, объявив себя « шейхом » и организовав большой вооруженный отряд из жителей окружающих аулов, смело выступил против 30-ти тысячной армии царского воеводы Бутурлина. Сражение произошло в урочище « Мэдк », где отборные войска воеводы были разбиты на голову и обращены в бегство. — После шестилетней неравной борьбы против завоевателей, в 1791 г., Мансур-Ушурма попал раненым в плен к русским под Анапой (на побережьи Черного моря) и закончил свои дни на Соловецком острове.

Не случайно и то, что имам Шамиль создал свое теократическое государство на территории Чечни, — сначала со столицей Дарго, а позже — в Ведено, расположенных в глубине труднопроходимых ичкеринских лесистых гор. По существу, основным ядром шамилевского имамата была богатая природными рессурсами Чечня, откуда черпались основные материальные и людские резервы, необходимые для ведения ожесточенной неравной борьбы.

Самые надежные и преданные Шамилю наибы (начальники областей шамилевского государства) были в большинстве выходцами из среды чеченцев. Имам Шамиль особо ценил воинский дух и верность ему чеченцев, служивших ему не за страх, а за совесть, до самого трагического конца имамата — пленения Шамиля русскими войсками кн. Барятинского в дагестанском ауле Гунибе в сентябре 1859 года.

Завоевание Чечни и Дагестана, имамом которых был Шамиль, было завершено русскими в начале 70-х годов XIX века. С этого времени Чечня вошла в состав Российской Империи.

За свой неистовый дух вольности чеченцы дважды подвергались жестокому наказанию — принудительному выселению с земли своих отцов. Первый раз, после окончания покорения русскими Кавказа, в 1861 году., второй раз в наше время... — Значительная часть чеченцов, т. н. карабулаки (эрштхой), под разными предлогами, обманом и не без провокационной пропаганды царского генерала осетина Муссы Кундухова, были выселены в пределы Оттоманской Империи, где остатки этого несчастного племени и по сей день проживают, ассимилировавшись с местными аборигенами.

До большевистского октябрьского переворота в России в 1917 году, Чечня, как и другие национальные области Кавказа, входила в состав т. н. Кавказского Наместничества, называясь в административном отношении Чеченским округом.

С началом гражданской войны в России 1918-1921 гг., Чечня являлась театром военных действий между красными и белыми войсками.

В мае 1918 года, когда бывшая Российская Империя под ударами внешних и внутренних разлагающих сил распалась на отдельные составные части, народам Кавказа удалось создать самостоятельные независимые государственные объединения: Армения, Грузия, Азербайджан стали отдельными государствами-республиками. На Северном Кавказе образовалось государственное объединение, носившее название « Союз Горцев Северного Кавказа », куда вошли по добровольному соглашению народности Чечни, Дагестана, Ингушетии, Кабарды, Осетии, Балкарии, Карачая и Кубанской Черкесии. Во главе образовавшегося молодого государства стояли известные общественные и политические деятели из числа местных горских интеллигентов: — чеченец Абдул-Маджид Чермоев, кабардинец Пшемахо Коцев, кумык Гайдар Баммат, дагестанец Нух-Бек Шамхал Тарковский, ингуши — братья Висангирей и Магомет Джабагиевы и многие другие. Имена этих людей горцы Кавказа будут помнить с благодарностью и с любовью в веки — веков...

« Союз Горцев Северного Кавказа » просуществовал недолго. В начале 1919 года, когда Добровольческая Армия ген. Деникина, преследуя бегущие в панике войска Красной Армии, вступила в пределы Сев. Кавказа, ген. Деникин, политическая программа которого гласила: — « Единая, Великая и Неделимая Россия », признал государство горцев незаконным, а руководителей его объявил изменниками и предателями Родины (России), подлежащих немедленному суду военного времени... Так прекратило свое кратковременное бытие первое демократическое государство горцев Северного Кавказа — детище вековых чаяний и дум многих поколений народностей Кавказа...

В № 75 « Род. Края » Э. М. Теми-Хан рассказывает о временном возрождении в то смутное время эмирата Чечни и Дегестана.

В первые годы советской власти близкие соратники вождей октябрьской революции Ленина и Сталина, руководившие борьбой за установление « диктатуры пролетариата » на Северном Кавказе и в частности в Чечне — С. Орджоникидзе, С. Киров, Н. Гикало и другие (впоследствии ликвидированные Сталиным)

сочувственно или снисходительно относились к некоторым « слабостям » чеченцев и либерально относились к этому вольнолюбивому народу... Возможно, они знали хорошо и характер и стойкость чечено-ингушей и поэтому избегали предпринимать резкие меры по отношению к ним и мерить их дух общей меркой, которая применялась к остальным народностям... Быть может, большевистские комиссары помнили то гостеприимство, которое им было оказано чеченцами и ингушами зимой и весной 1919 года, когда комиссары, преследуемые деникинскими агентами, скрывались в чечено-ингушских аулах Пуй, Мужичи, Алхасты, Шатой, Гатан-Кала и Алх-Малхасты... Конечно, в те годы чеченцы не подозревали, что они, следуя закону священного гостеприимства и скрывая у себя большевистских руководителей, спасали своих будущих угнетателей!..

Нужно отдать справедливость этим комиссарам, при жизни своей они с большой любовью относились к чечено-ингушам, не раз спасая и защищая их от более строгих вышестоящих коммунистических вождей и их гнева...

Но никакие подачки и посулы советской власти (право ношения огнестрельного оружия, право иметь в личном пользовании лошадей — незаменимых друзей в условиях бездорожья гор, сохранение мечетей и другие) не могли потушить огонь свободы и подавить дух вольности чечено-ингушского народа. Начиная с первых дней советского режима, Чечено-Ингушетия являлась очагом беспрерывных антисоветских волнений и открытых восстаний.

Борьба чечено-ингушей против советской диктатуры достигла своего кульминационного пункта в период советско-германской войны 1941-1945 гг. Когда германская армия достигла предгорья Кавказа, некоторая незначительная часть чечено-ингушей, воодушевленная немецкой ложной пропагандой, обещавшей всемерную поддержку, подняла восстание против им ненавистной коммунистической тирании. Восстание охватило большую часть плоскостной Чечни и было подавлено с исключительной жестокостью, специально для этой цели с фронта вызванными войсками особого назначения. Следствием этого восстания было объявление всей территории Чечено-Ингушетии на осадном положении, удаление из советской армии всех военнослужащих чечено-ингушей и зачисление чечено-ингушей в разряд особо опасных противников советского режима.

В начале февраля 1944 года была окончательно решена участь чечено-ингушского народа. Война еще в полном разгаре. Положение на фронтах у советских руководителей улучшалось. Им улыбнулось военное счастье. И вот этот момент и использовали Сталин и его подручные для мести и расправы над вечно непокорными чечено-ингушами.

Под благовидным предлогом, — якобы, существует опасность объявления войны Советскому Союзу со стороны Турции — (страны нейтральной и вовсе не собиравшейся, тем более под конец проигранной немцами войны, выступать на стороне гитлеровцев), на Северный Кавказ, в большой тайне, были стянуты несколько отборных бронетанковых дивизий специального назначения. И в ночь с 22 на 23 февраля 1944 года вся Чечено-Ингушетия была оцеплена по заранее разработанному плану на верхах « тайников » Кремля...

В злосчастный для чечено-ингушского народа день 23 февраля 1944 г, в годовщину основания советской Красной Армии, во всех населенных местностях Чечено-Ингушской АССР были созваны, обязательные в таких случаях, собрания-митинги... Вместо обычных докладов и высокопарных « деклараций » люди, согнанные на собрания, выслушали из уст представителей власти ошеломляющую новость, что « за измену социалистической родине » все без исключения чечено-ингуши объявляются сов. правительством изменниками и врагами родины и народа и в наказание выселяются за пределы Северного Кавказа!.. Высылаемым разрешалось брать с собой лишь только 20 килограммов своих пожитков... В последовавшие дни специальные части согняли людей на близлежащие железно-дорожные станции, где несчастные люди под ударами и пинками спешно загонялись в товарные вагоны, предназначенные в обычное время для перевозки скота...

...Вереница бесконечных эшелонов в запломбированных вагонах, в которых везли чечено-ингушских изгнанников, потянулась на север — в неизвестную даль...

Мы не знаем в точности деталей этой злополучной « операции », проведенной под непосредственным руководством « опричника » Сталина, злодейского палача и врага чечено-ингушского народа — Ивана Серова, в то время бывшего помощником Лаврентия Берия... Но не трудно представить себе, какие душераздирающие сцены разыгрывались в те далекие февральские черные дни на земле чечено-ингушей. Расставание с годами нажитыми пожитками, бедными саклями предков, где выросло не одно поколение, с родными

горами и долинами, и кладбищами, где покоились останки предков, — все это в совокупности не могло не быть в высшей степени драматическим. Из немногочисленных достоверных источников стало известно, что многие уволенные из армии бойцы и командиры чечено-ингушского происхождения, груди которых были украшены медалями и орденами СССР за боевые доблести на полях сражения с гитлеровскими войсками, тут же на собраниях срывали с себя эти награды и швыряли их в лицо представителям советской власти...

Депортация чечено-ингушского народа, как и других народностей, подвергнутых высылке, долго и тщательно скрывалась правительством СССР от мировой общественности, как и от других народов Сов. Союза. С конца февраля 1944 года, вплоть до начала 1958 года, даже само название депортированного народа « чечено-ингуши » исчезло из разговорной речи населения « социалистического государства-рая ». Ни многомиллионная сов. пресса, ни бесчисленные радиостанции, ни одним звуком не упоминали об этом несчастном народе... Как будто его никогда и не было!.. С географических карт, издаваемых в СССР, исчезло и название « Чечено-Ингушская АССР ». Фиктивная « автономия » чечено-ингушей была упразднена, и территория, ранее принадлежавшая испокон веков чечено-ингушскому народу, была переменована в Грозненскую область... а некоторые районы, входившие ранее в Чеч. Инг. АССР, были просто « подарены » и « включены » в состав Грузинской ССР и Дагестанской АССР и до сих пор числятся в составе этих республик!.. Руководители Кремля проявили королевскую щедрость в « раздаче » чечено-ингушских земель...

После смерти Сталина (который после своей смерти стал для нынешних советских руководителей примерным « козлом отпущения » за все злодейства советской власти) его верные соратники и ученики, пришедшие к власти, решили, боясь гнева народа, обелить себя и вернуть сосланные народы на ранее им принадлежавшие земли.

В феврале 1956 года, тогдашний глава советского правительства Н. С. Хрущев в своем докладе на закрытом заседании XX-го съезда КПСС, коснулся и судьбы чечено-ингушского народа. Он впервые за долгие годы молчания, запронул вопрос о депортированных народах, сказав:

— « Чудовищны акты, инициатором которых был Сталин... Мы имеем в виду **массовую высылку из родных мест целых народов**, вместе с коммунистами и комсомольцами, без каких-либо исключений., эта высылка не была **продиктована никакими военными соображениями...** В марте 1944 года были полностью высланы чеченский и ингушский народы, а Чечено-Ингушская автономная республика была ликвидирована... »

...— Таким образом, дважды в своей маленькой истории в промежутке 80-ти лет, так незаслуженно, так безжалостно и жестоко, был наказан чечено-ингушский народ сперва царским правительством и, в наши дни, совластью за свой вольный дух свободы!..

В конце 1957 года, чечено-ингушам оставшимся в живых после « вавилонского сидения » в казахстанском плену, вынесшим муки и страдания в безводных, знойных пустынях, наконец разрешили вернуться на земли предков...

В официальных Указах Президиума СССР вывеску « Грозненская область » заменили вывеской « Чечено-Ингушская АССР ». Печать и радио СССР постепенно стали упоминать чечено-ингушев в своих пропагандных словоизвержениях, как « строителей самого счастливого в мире « бесклассового общества... Издательству географических карт срочно пришлось сделать « поправки » на географических картах Северного Кавказа...

Из « отсталой и нищенской окраины русского царизма » (так часто любят писать советские « историки » о прошлом Чечни и ей подобных национальных областях), Чечено-Ингушетия и ее « осчастливленные » обитатели стали на « светлый путь строительства коммунистического общества! ». Недавно, в прошлом году, Чечено-Ингушская АССР получила « Орден Ленина » за « выдающие успехи в деле строительства » этого общества...

В результате участия чечено-ингушей в таком « строительстве » и их « приобщения к передовой культуре », численность чечено-ингушского народа, по сравнению с результатами переписи 1939 года, уменьшилась на одну треть и оставшиеся чечено-ингуши, которые « участвуют » в вышеупомянутом строительстве », когда то славившиеся своей самобытной красотой и изящностью, в наши дни выглядят по внешнему виду на подобие восточных дервишей в... европейских лохмотьях!.. Красочные национальные костюмы и другие придаточные украшения, которые носили чечено-ингуши в былые времена, стали музейными редкостями или достояниями профессиональных артистов и танцоров национальных театров...

Печальна и трагична в прошлом и в настоящем судьба чечено-ингушского народа!..

Можно сказать без патетического преувеличения и излишней медовой сентиментальности, что больше, чем кому-нибудь из других народностей, подвластных СССР, подходят горькие и правдивые слова осетинского поэта и общественного деятеля Ахмета Цаликова к чечено-ингушскому народу и его земле:

« Край захлебнувшийся
В потоке волн кровавых,
Край, не ведавший
Дней счастливых никогда!.. ».

Швеция. **Нохчинкант.**

ТУРЦИЯ.

(20-ые годы).

Былая наследница феерического арабского калифата, извращенной блестящей Византии, знойной священной Палестины, древнего мудрого Египта, азиатских, африканских и славянских народов...

Дикие Османы, вырвавшись из безпредельных пустын Азии, преисполненные сил, искали на своем пути битв, добычи, приняли Ислам с зеленым знаменем пророка и с безумным фанатизмом, который был ими воспринят со всей силой первобытного ума, искавшего разъяснений о сущности и причинах явлений окружающего его мира.

Ислам разъяснил все: жизнь стала понятна, смерть во славу пророка желанна, она открывала волшебные сады с дивными плодами, а сонмами красивейших гурий для нег и ласк. И несли османы с восторгом, с напряжением сил, в кровавый бой свою жизнь, полную лишений, борьбы, среди пустынь своей родины.

С небывалой скоростью у ног турецких султанов были царства, народы, по волшебству стройные минареты гордо взлетали ввысь, возвещая побежденным народам, что они свечи Богу и пики, грозящие миру, и « нет Бога кроме Бога, а Магомет пророк Его ».

И преклонились народы перед могуществом завоевателей, новой, неведомой религии простой, ясной, добродетельной и жестокой, все было сказано в Коране, сказаное вне Корана должно погибнуть, как вредное, и гибли народы не согласные с Исламом, гибли величайшие творения тысячилетий за то, что говорили о том, чего нет в Коране.

И царили под зеленым с полумесяцем знаменем пророка турецкие падишахи, не знающие границ ни в милостях, ни в жестокостях.

По взятии святой и страшно грешной Византии, османы двинулись в Европу и росли по следам их шествия минареты, но в глубине Европы их орды столкнулись с организованными силами европейских народов, проникнутых величием и аскетизмом христианских идей. Не решив борьбы, османы впервые откатились назад, но еще века стучали в сердце Европы. Крепло христианство и Европа от защиты перешла к наступлению, рушились минареты, заменяясь величественным, миром и красотой дышащим, христианским зодчеством.

Внутренний развал империи османов и изжитие воинственного порыва ислама открыло пути до самого Истамбула.

И здесь нетревожимый на берегах красавца Босфора, в городе музее, среди величественных, дивной работы истых мастеров, мечетей, с гордыми стройными минаретами, в ажурном, как кружево, арабском орнаменте, почило величие Ислама, который не выходил из заколдованных древних рутинных форм; потускнел белоснежный мрамор мечетей, минаретов, травой поросли исторические ступени, замшевел воздушный орнамент, не слышно муэдзина...

А рядом с историческим художественным кладбищем, грохот машин, вой пароходных сирен, высочайшие трубы изрыгают облака дыма, копоти, гигантский человеческий муравейник творит новую жизнь в планетарном маштабе, отбросив вековечные религиозные воззрения.

**
*

Стояли чудные прозрачные осенние дни. Я без конца бродил в окрестностях лагеря Кабаджа. Вдали вырисовывались перспективы

мрачных гор, с тощей колючей растельностью, осенних разноцветных оттенков. На склоне плоскогорья, переходящего в низменную долину, была беспорядочно разбросана греческая деревушка Армын-Киой.

По долине бежала порожистая быстрая речушка Кабаджа, с маленькими мельничужками на ней. Параллельно ей, белой лентой извивалось шоссе. Все вокруг в лучах заходящего солнца дышало не нашим родным простором степей, с невысокими курганами, пологими перевалами и далями, далями без конца.

В версте от лагеря я встретил Захара Акимовича Ващенко, уроженца Екатеринославской губернии. Было ему на вид не больше шестидесяти лет, широкоплечий, среднего госта, черная с проседью борода обрамляла его умное привлекательное лицо. Немного сгорбленный, не годами, а тоской: долгой, а может быть и вечной, разлукой с семьей, с любимым хлеборобским делом. Шел Захар Акимович медленно, грустно посматривая на чуждые дикие виды в окружности. Раскланялись, пошли вместе, разговорились. Как бы стесняясь, неспеша, поведал он мне свою простую жизненную историю. Родился в бедной крестьянской семье, с десяти лет пошел в наймы и так до солдатчины; вернувшись домой, женился на такой же бедной, как и сам.

« Полюбились мы », заметил он, чуть улыбнувшись.

Посчастливилось вцепиться в клочек земли, а дальше годы с женой и детьми, честным упорным трудом зарабатывали лучшую долю; рублевым гвоздем заколачивали трудовую копейку, знали цену времени, трудились, как пчелы, на благо свое и других. Годы шли не бесследно. Господь труд их венчал: дружной семьей, достатком, счастливо текла их жизнь средь богатых черноземных полей, осторожно подходила старость и была не страшна идущая за ней вечно неизменная смерть. Но пришла революция, была она чужда пониманию Захара Акимовича, крестьянский ум не укладывался в бешеный кровавый ураган большевизма.

Все гибло, идти их путем было невозможно.

Борьба бессмысленна. Дальше долгие тяжкие мытарства и дикая Турция дала первый приют изгнаннику. Был закончен труд многолетний. Горько, обидно. « Да будет воля Господня, он дал, он и взял, будем безропотно нести свою долю », сказал он твердо в заключение; крепкая вера с ним, а с ней и тяжкое бремя его жизни было не так тяжело.

Быстро наступили сумерки, зажглась мириадами звезд сияющая южная ночь, вокруг воцарился божественный покой.

Как бы зачарованные величием окружающего, мы шли молча, у лагеря дружески пожали друг другу руки и разбрелись по своим землянкам. Прошли годы, наши пути давно разошлись, стушевался в памяти честный образ хлебороба, но остались в глубине души последние слова, сказанные с глубокой верой: « Да будет воля Господня ».

**
*

Вблизи Чаталджи, в предгории мрачной, пустынной, но живописной местности, с зелеными пятнами колючих кустарников-перелесков с гранями, изломами ущелий, с белизной гранитных вершин; у горного шумного потока примостилась мельничка на один камушек, построенная из дикого неотесанного камня, крытая камышом. Мельничка заплелась ползучей растительностью и издали походила на зеленую копну сена. Камушек быстро порхал в грубо сколоченном ящике, приводимый в движение колесом внизу с лопастями, в которые сильно толкали быстрые воды потока.

Эта нехитрая механика перерабатывала на грубую муку пшеницу, кукурузу и прочие злаки, соседним кардашам (туркам), братушкам-болгарам и грекам, привозившим мешочки на осликах.

Здесь в начале ноября двадцатого года гонимый холодом, голодом поселился 20-тилетний юноша, стройный, породисто красивый, из дорогой его сердцу России изгнанный, бросивший учение, чтобы быть ей полезным, боролся оружием, чтобы спасти Ее; из культурной семьи, привыкший к разумной, красивой жизни.

Трудно ему было первое время у хозяина мельника-грека, платившего гроши и скудно кормившего его. Сожителями были две дворовых лохматых собаки; в закопченых стенах: крысы, ласки, мыши, грязный земляной пол, сквозняки отовсюду...

Способный от природы, знавший два европейских языка, юноша стал быстро разбираться в нехитром турецком языке и объяснялся с завозчиками, входя в мелочи их быта, в воззрения их, крайне примитивные, на религию, политику. Простой механизм он также быстро изучил и молол неспеша мягкую муку, брал установленный помол и следил, чтобы в бездонные карманы шальвар кардашей не поступала хозяйская мука. Шумела вода на колесе, порхающий камень быстро крутился, весело постукивали палочки, трясся рукав ковша с зерном, мука сыпалась в ящик, из которого вечно курящий кардаш ссыпал в

мешок совком. Головами качали, цокали языками кардаши в знак удовольствия за хорошую муку. И давала мельничка хоть малый, но постоянный доход. Изредка приезжал хозяин-грек, видел изрядное количество мешочков, поднимал камень и грубая мука сыпалась, вызывая неудовольствие заказчиков, и после хозяйских посещений мельничка неделю две не имела завозу.

Скучно было юноше в пустой мрачной мельничке, холодно, днем и ночью жег он на полу костер, ложился на сухой траве с собаками у костра, когда костер прогорал, юноша снова клал, шел в ближайший перелесок, рубил, ломал дрова и приносил, готовя на длинную ночь; из кукурузной муки месил на воде тесто, делал толстые пышки, клал в горячую золу и засыпал. На утро вынимал их обуглившиеся, оскабливал и ел, запивая чаем. Собакам в деревянном корыте мешал в теплой воде муку. Грязь, лишения сделали из здорового цветущего юноши флегматичного «кардаша», да и костюм соответствовал этому, носил он феску или обматывал голову каким либо цветным куском тряпки; рваная, прогоревшая шинель, штаны, рубаха тоже в печальном состоянии. Заходившие отогреться, отдохнуть на пути из лагеря в город казаки-беженцы не узнавали его и считали кардашем, подделывались под турецкий говор, но скоро все выяснялось и юноша радостно разговаривал, пек в золе картошку, пышки, угощал голодных гостей; были радостны такие встречи.

Но было много ненастных, дождливых, снежных дней, жизнь замирала вокруг, было тогда особенно тоскливо, дни и длинные ночи проходили в сообществе собак, жавшихся к нему от холода, под шум дождя или завывания мятели, под писк мышей, крыс, и неслись чудной чередой перед изгнанником воспоминания детства, юности с уютом, с лаской родных, с светлыми надеждами на будущее; усиленно билось сердце, не выдерживали нервы и долго слышали крысы, мыши, насторожиеся чуткие псы горький плач о далеких родных, ушедших возможно на веки, горечь обид, ушедших надежд, светлых порывов... И жизнь так казалась тосклива, мрачна, как темная ночь за стеной, уходила надежда и жить не хотелось...

Угасал костер. Верные псы тоской его проникались и жалобно плачу его подвывали, внося еще больше тоски. Холод насквозь пронизывал юношу; в слезах изливалась тоска, озябшее тело просило тепла, пробуждалось сознание, потребность жизни во имя жизни, надломленные силы духа и тела были еще крепки. Он порывисто срывался, бросал в пстухающий костер дрова, разгорался огонь, появлялся свет, тепло, согревая и ободряя юношу, смотрели в глаза умиленные псы, лизали руки, жались с боков, согревая его.

Жизнь, надежда затеплялись... В щели стен брезжило мглистое холодное утро.

Париж. **Я. П. Богаевский.**

С РУССКОЙ ПЕСНЕЙ ПО БЕЛУ СВЕТУ

(Все права сохранены за автором)

(Продолжение № 76)

С начала спевок все же иногда удавалось посвятить час — другой рыбной ловле. Время летело быстро и к концу августа новая программа была готова, пробовать ее ездили в ближайший город Виллах и, вскоре распрощавшись с привольным Боденсдорфом, хор двинулся на север, опять в Германию.

По пути спели пару концертов в Австрии. Провинциальные европейские города все уже были посещены нами и никакого интереса не представляли. Здесь регенту частенько приходилось воевать с хористами за свой постоянный девиз: «нет для хора концертов маленьких или больших, все концерты одинаковы и всюду хор должен петь хорошо». Ни в одном концерте С. А. Жаров не позволял петь спустя рукава, или забалтывать даже самые старые номера репертуара. Все же мы знали, что к столичным концертам хор должен был подтягиваться во всем; привести в порядок форму, хорошо отдохнуть и т. д. Перед особо важными концертами, администра-

тор предупреждал хор, и тона в столичных концертах всегда бывали немного выше нормальных. У нас существовала для них своя классификация: архиерейские, столичные и т. д. К большим концертам, с тонами столичными, мы готовились особо. От четырех часов до шести все были в кроватях, но, конечно, случалось, что и в столицы хор приезжал за два часа до начала концерта и тогда весь концерт держался исключительно на нервах. И как-бы блестяще он ни кончался, после концерта наступала реакция: страшная усталость и апатия.

Не могу вспомнить, пел-ли хор до отъезда в Новый Свет еще где-либо кроме Германии, но в конце сентября мы погрузились в Бремерхафене на Бремен и поплыли в Нью-Йорк. Океан был почти спокоен и никаких приключений в пути не было. Как и в первую поездку, на борту парохода были устроены те же два традиционных бала: встречи и прощания. За сутки до прибытия в Нью-Йорк, в большом зале I-го класса хор давал концерт в пользу сирот погибших моряков.' Ежедневно проводились двухчасовые спевки и свободного времени оставалось достаточно, чтобы побывать в кинематографе, полюбоваться океаном, а после 10-ти часов вечера и потанцевать, если это привлекало. Тогда еще соблюдался строгий этикет и на эти балы дамы являлись в соответствующих туалетах, а мужчины или в смокингах, или в черных костюмах. Поэтому и нам приходилось брать с собой смокинги, которые оставлялись в Нью-Йорском отеле вплоть до обратного нашего возвращения в Европу.

Во второй наш приезд в Америку хор остановился в другом отеле, находившемся почти рядом с концертным залом « Карнеги Холл ». Этот отель « Грейт Нортен », был много удобнее. Большинство номеров состояло из двух комнат и ванной, первая комната являлась просторной гостинной, а вторая, чуть поменьше, спальней с двумя кроватями.

Американское турнэ хора со второго приезда, как и после, всегда начиналось с восточной Канады, обыкновенно с Монреаля. Отправлялись мы туда автобусами, через Трои или Албани и дальше через Саратога-спринге, до канадской границы. На границе таможенные чиновники надолго задерживали автобус, заставляли выносить все чемоданы и проверяли их содержимое, а затем также тщательно контролировали наши документы и вовсе не торопились. Дороги тогда по Соединенным Штатам были несравненно хуже теперешних, да и автобусы тоже, так что на канадской границе мы оказывались уже вечером и часто ночью. Здесь нередко приходилось наблюдать интересное явление: где то далеко-далеко на север и ввысь все время вспыхивали большие бегающие пятна, все небо находилось в непрерывном движении и было как бы живое. Местные жители говорили, что это отражение северного сияния на массах льда.

После концерта в Монреале, находящемся у самой границы, хор обычно направлялся вдоль реки Св. Лаврентия в Квебек, наверно самый старый город в Канаде, сильно напоминающий небольшие старинные города Франции с их узкими кривыми улочками. В Квебеке в первые годы мы останавливались в отеле « Шато Фронтенак », выстроенном у высокого крутого обрыва и напоминавшем большой замок. В этом отеле во время второй мировой войны происходили конференции союзников на « высшем уровне ».

Из Квебека вехали мы в город с двумя названиями; французским Труа Ривьер и английским — Три Роверс, а оттуда в столицу Канады — Оттаву, но иногда перебирались паромом на другую сторону реки Св. Лаврентия и, давая концерты по небольшим городаам, снова возвращались в Монреаль, где пели еще раз. В Оттаве хорошого и вместительного концертного зала не было и чаще всего хору приходилось петь в огромном здании, где устроивались сельско-хозяйственные выставки, а в зимнее время каток, так что приходилось стоять на деревянном настиле на льду. Впрочем, по началу и в Берлинском « Спорт-Палас », где также устраивался каток, приходилось петь в тех же условиях. В Оттаве в первые приезды мы останавливались в отеле « Шато Лорье », куда по короткому тонелю можно было попасть прямо с вокзала. Такие привокзальные отэли с тонелями имеются во многих городах Соед. Штатов. Из Монреаля, с концертами по пути, ездили мы иногда в Торонто, но чаще возвращались в Нью-Йорк, откуда и начинали концерты по Соед. Штатам. Все концерты, как и в первый приезд, проходили с аншлагами и отзывы критики были блестящие.

Хорошо запомнился день 11-го ноября, Армистик дэй, когда хор пел в городе Атланта, в штате Джордиа. Накануне пели мы в каком то небольшом городишке не далеко от Атланты, откуда и получили приглашение принять участие в параде и в церемонии по случаю дня перемирия. Торжество должно было состояться утром, но поездов в Атланту, за поздним временем, после концерта уже не было. Поехали автобусом, шофер автобуса плохо знал дологу в Антланту, ночь темная,

дорога местами грязная и ухабистая. Ехали мы не быстро и все таки угодили в одну из ям. Пришлось всем вылезти и ждать, пока автобус выберется из грязной рытвины на сухую дорогу. Потом, в другом месте, пришлось ждать пока не выяснили, где надо сворачивать на Атланту. Добрались до Атланты уже с рассветом. Только успели заснуть, как уже надо было вставать, привести себя в порядок и отдеть концертную форму, спуститься в вестибюль, откуда строем проводник повел хор к месту торжества. Довольно долго маршировали по городу пока, наконец, дошли до большой площади, повидимому спортивной, где и заняли указанное нам место.

На площади много американцев в военной форме, стоявших в строю, много и штатских зрителей. Парад, очевидно, был уже закончен. После нескольких коротких речей, хор спел « Со святыми упокой » и « Вечную память ». На этом торжество и закончилось. Кто-то из устроителей подошел к нам, поблагодарил регента и весь хор за участие в празднестве. В отель мы возвратились автобусом и, несмотря на раннее время, завалились спать.

Несколько времени спустя все мы получили фотографические карточки нашего красочного шествия по Атланте. Впоследствии эти фотографии часто использовались для рекламы.

В С.Ш.А. существует и другой праздник. чествуемый населением всей страны и приходящийся на последний четверг ноября, о наличии которого мы не подозревали. Приехали мы тогда в Питесбург накануне концерта и остановились в одном из лучших отелей города « Северин » рядом с театром « Сириа Моск ». Выспавшись, утром отправились в город. Город был почти пуст; мало прохожих и проезжих, все магазины и даже маленькие лавочки закрыты. Так мы узнали о « дне благодарения ». Данный нами вечером концерт в большом зале Сири Моск прошел блестяще, зал был переполнен. Когда мы вернулись к себе в отель, огромный вестибюль кишел толпой нарядной молодежи, больше барышень, изящных, красивых в роскошных вечерних туалетах. Вся эта молодежь принадлежала к « Хай сосаэти », т. е. к « Высшему Свету ». Оказалось, что два привилегированных женских колледжа, в двух разных залах отеля, в этот день устраивали бал. Попасть на такой бал можно было только по специальному приглашению.

Я уже не помню последовательности дававшихся концертов, но свежо сохранил в памяти встречу Нового Года (1932-го), на которую хор был приглашен Обще-казачьей станицей гор. Нью-Йорка. Встречали Нов. Год где то в «неглубоком» (даунтауне) нижнем городе. Режим был еще « сухой », но недостатка в спиртных напитках не было. Забавно, что сюда все время заходили блюстители порядка. Заглянет один, выпьет рюмку, другую, закусит хорошо и идет к исполнению своих обязаностей, а на смену ему является другой, другому третий. В отель мы возвратились пешим порядком, т. к. проехать через центр города было невозможно, все улицы были запружены толпами народа, да и нам было интересно взглянуть, как Нью-Йорк встречает Новый Год.

Вспоминается и первая поездка хора на Ниагарский водопад. Посмотреть на него ездили мы из Буффало автобусом. Короткая, но многоводная река Ниагара, соединяющая два больших озера Ири и Онтарио, дала название не только водопаду, но и прилегающему к нему городу. В городе Ниагара впоследствии хор девал концерты и даже не один раз.

Впечатление от водопада остается колоссальное. Река в этом месте широкая и во всю ее ширь с большой высоты низвергается сплошной стеной масса воды. Почти рядом с этим мощным водопадом есть другой, падающий с такой же высоты, но воды в нем мало и он не производит почти никакого впечатления. До посещения Ниагары, мы были хорошо знакомы с Рейнским водопадом, по соседству с городом Шафгаузен, где нам приходилось неоднократно петь. Полюбоваться на Рейнский водопад мы ходили группами. Рейн берет начало в Альпийских горах и впадает в Баденское озеро совсем небольшой речушкой и вытекает из него, у города Костанца, не слишком многоводной рекой. В нескольких десятках километров у города Шафхаузена находится водопад Рейна. В нем нет мощи Ниагарского водопада, но в нем много романтики, что совершенно отсутствует на Ниагаре. Рейнский водопад окружает старина: замок, башня, какой то дворец, старинный город. Никакой массы воды в нем не чувствуется, он, скорее, каскадного характера: вода как будто силится смыть со своего пути встречающиеся скалы, о которые она разбивается в потоки брызг и водяную пыль. У Ниагарского водопада мы много фотографировались и в одиночку и всем хором и отдельными группами.

Количество данных хором концертов во С.Ш.А. и обилие впечатлений не позволяют мне с точностью вспомнить, в каком году, в предрождественские дни, мы очутились в од-

ном из больших городов северной части центральной Америки, Миннеаполисе. Стояли большие холода и все было завалено снегом. Жили мы тогда почти в центре города. Главная улица была украшена множеством гирлянд, перекинутых через улицу, чередовавшихся с многими тысячами электрических лампочек, по низу вдоль тротуаров вытянулись елки. Все это, обильно засыпанное снегом, создавало настолько праздничное и радостное настроение, что не хотелось уходить в отель. От холода забегали в большие магазины, глазея на предрождественские заманчивые обновки, безделушки и украшения, а, обогревшись, снова возвращались на улицу полюбоваться столь редким и невиданным доселе зрелищем. По вечерам, это феерично-сказочное убранство производило особенное впечатление, благодаря игре огней бесчисленных лампочек на белоснежных одеждах гирлянд и елок. Перед Рождеством все города Соед. Штатов украшаются подобным образом, но нигде не приходилось видеть такого обилия снега, как в Миннеаполисе, а снег и придает всему особенный колорит и блеск. К самым праздникам хор вернулся в Нью-Йорк, где и провел предрождественские 4-5 дней, в которые никаких концертов не было.

Я уже упоминал о встрече Нового Года, устроенной Обще-казачьей станицей, прошедшей как в родной семье. Характерно, что сколько раз и впоследствии ни приходилось бывать в казачьей среде, когда, особенно на встречах, все естественно бывали под хорошим хмельком, ни разу не произошло не только дебоша, но и вообще никаких неприятностей.

После Нов. Года хор направился северным путем на Западное побережие Соед. Штат. и Канады. Давая по пути концерты, добрались мы до Виннипега, первого большого города центральной Канады. Остановились в отеле «Александра», где мер города устроил хору прием, на котором роздал нам всем значки своего города. Театр, где мы должны были петь, находился в трех кварталах от нашего отеля. Стояли большие морозы и местные жители были в шубах и меховых шапках, мы же, за неимением теплой одежды, прибывали в театр «на рысях».

Обыкновенно после Виннипега давался концерт в Регине (по английски Риджайна) и оттуда, спальным вагоном, ехали дальше на запад, давая концерты в Соскатун, Эдментон, Калгари и Ванкуверо, уже на берегу Тихого Океана. Бывало, что за трое суток хор выезал из своего спального вагона только на концерты, да в город погулять и сделать какие-либо покупки. Уже в первой поездке мы узнали, что в Эдментоне можно было приобрести жареных гусей, а если время позволяло, то и заказать и получить их свежеиспеченых через несколько часов, еще горячих, а если заказ был большой, то хозяин-мясник к вечеру сам привозил весь заказ. Гуси действительно были отменно вкусные и уплетали мы их с большим аппетитом.

Из Ванкуверо ехали мы обычно в Сеатл и Портланд, а оттуда дальше на Юг, но иногда в Ванкувере садились на пароход, который доставлял хор в гор. Виктория — на острове того же названия, а утром, после данного накануне концерта, таким же пароходом уезжали в Сеатл. Дорога по Канаде проходила по равнине, мало населенной местности и лишь за день до приезда в Ванкувер ландшафт резко менялся: равнина переходила в гористую местность, где виднелись и высокие горы. Зимой, под белой пеленой снега, общая картина была исключительно красива.

После концертов в Сеатле и Портланде пели мы в таких городах, как Такома и Юджин, но в первый раз из Портланда отправились ночью спальным вагоном прямо в Сан-Франциско. Выехали после полуночи и когда на рассвете проснулись — по сторонам дороги тянулся густой лес: мы въехали в полосу секвой или «редвуда». Какие огромные деревья, много больших елей, длинные лапы которых, под тяжестью покрывавшего их снега, почти касались крыш вагонов. Дорога была извилистая и поднимавшаяся в гору, поезд шел медленно, что, впрочем, не вызывало досады: уж очень радовали взор и великаны деревья и обилие покрывавшего их снега. Перевалили через возвышенность — поезд пошел нормальной скоростью.

Не помню точно, но, кажется, в Окланде, перебрались мы на пароход-паром, который доставил нас в порт С.-Франциска. Этот город расположен на большом каменистом полуострове; с запада его омывает океан, а с севера и востока широкий и глубокий залив.

С востока из Окланда в С.-Франциско построен огромный в 8-м миль мост, опирающийся в более мелких местах на «быки», а в одном месте на небольшой островок. В самом высоком месте мост очень высок, здесь свободно проходят все военные корабли-гиганты. Под этим мостом проехали и мы. Вблизи С.-Франциско расположены и другие большие города, как Сан Рафаэль, Сан Хозэ, Санта Роза.

В С.-Франциско хор задержался довольно долго: пели раза два и в самом С.-Франциско

и выезжали давать концерты в Окланд, Беркдей и другие города. Русская колония в С.-Франциско была большая и крепко спаянная. Преимущественно это были военные организации с Дальнего Востока и, конечно, от приглашений на частные обеды не было отбоя. Много устраивалось и общих банкетов. Один из таких банкетов, где было особенно много веселья, был устроен местным артистическим обществом «Колобок», другой «Обществом Ветеранов », на котором присутствовало много высших чинов Сибирской Армии. Большой прием хору сделал и один из самых богатых клубов Америки « Богемиен Клуб ». Прекрасный ужин был сервирован на отдельных маленьких столиках хозяев, за которыми были размещены хористы, где по одному, а где и по два человека. У каждого члена клуба имелся свой винный погреб, из которого то и дело официант, по заказу хозяина, приносил то один, то другой напиток. Пели что то хозяева, пел, конечно, и хор. Эти приятно проводимые вечера вошли почти в традицию, и много лет подряд при посещении С.-Франциско хор бывал гостем « Богемиен Клуба ».

Запомнился С.-Франциско и одним происшествием, редким в бродячей жизни хора. После данного нами дневного концерта хору было объявлено, что мы сразу же едем на концерт тенора Тито Скипа. Когда мы появились в зале, концерт уже начался. Быстро разместились в отведенных нам ложах. Певец отвесил легкий поклон в нашу сторону, открыл маленькую книжечку и запел по русски: « Пленившись розой садовой... » Конечно, мы разразились громом аплодисментов в виду такого внимания певца. Дальше все пелось уже по итальянски. И как пелось! Недаром критики назвали этого певца « колаборатурным тенером ». С одинаковой легкостью он пел как все певучие арии лирических теноров, так и самые трудные. Непреодолимых пасажей для Тито Скипа не существовало, пел он без малейшего напряжения, с изяществом. Вокальная техника его была совершенна.

После концерта регент и администратор навестили певца в его комнате и выразили благодарность от лица всего хора. Тито Скипа так привязался к хору, что потом не раз на наших концертах приходил за кулисы. Особенно часто это случалось в Чикаго, где он ряд лет был директором оперы, в зале которой по воскресеньям хор давал свои два концерта в один день. После второго, вечернего, концерта Тито Скипа неизменно приходил за кулисы и приглашал регента на « спагети » и стакан « Киянти ». Вскоре после нашего отъезда из С.-Франциско этот исключительный певец прислал всему хору свои большие фотографии со своим автографом.

Все концерты в районе С.-Франциско, как и всюду, прошли блестяще, отсюда поездом хор направился в Лос-Анжелос, где также задержались на несколько дней, пели мы там в театре города, пели и в богатом пригороде Пасадена; ездили автобусом петь в какой то город — центр цитрусовых садов, ездили петь в С.-Дьего. Наконец, из Лос-Анджолоса двинулись на север, в недалекий С.-Барбара, откуда начали свое возвращение в Нью-Йорк.

Первый концерт после С.-Барбара был дан в Солт-Леит-Сити, по ту сторону перевала у Мормонов. Петь там пришлось в храме, вернее в молитвенном доме « Табернакле », с десятью тысячами мест. Это был, пожалуй, самый большой закрытый зал, который когда либо удавалось встречать. В этом огромном зале каждое воскресенье происходят собрания этой секты, на которых всегда поет свой любительский хор больше чем в триста человек. Поет он много и поет хорошо. Раньше их пение передавалось по радио в Нью-Йорке, где его можно было послушать по воскресеньям, кажется в II час. утра. Слышали его и мы. Пел он уверенно и стройно, но чувствовалось отсутствие основы: вторых басов и октав. На нашем концерте зал был полон и пелось легко.

Дальше пели мы в Денваре, Колорадо и Канзас Сити, по пути пели в Топико и еще в одном небольшом городе. После Канзас Сити, в сторону Нью-Йорка, страна так насыщена городами, что решительно невозможно припомнить, где и в какой сезон давались концерты.

В Нью-Йорке дали мы несколько повторных концертов, из которых один или два в опере « Метрополитен ». За двадцать одну неделю, не считая рождественского перерыва, не пели мы только во Флориде, да в некоторых южных городах, и к концу марта снова вернулись в Германию, где экономическое положение ухудшилось еще больше. Количество дававшихся нами концертов сильно уменьшилось и хорошо помню, что на Православной Страстной неделе хор пел в Париже, а затем в Марселе.

На первый день Пасхи погрузились мы на товаро-пассажирский пароход, шедший в Алжир. Кто то из хористов вез из Парижа кулич и крашенные яйца — этим и разговелись. На том же пароходе ехал и знаменитый испанский тенор Флета, как то рано сошедший со сцены. Прошли мимо каких то островов и на

второй день подходили к африканским берегам. Все торчали на палубе, всем нетерпелось увидеть Алжир. И вот на мглистом горизонте появилось расплывчатое белое пятно. Кто то сообщил, что это и есть Алжир. В исчезающей туманной дали постепенно обозначался город, принимая все более ясные очертания. Он был сказочно бел. Уже виднелись отдельные большие здания и все нагромождения маленьких построек — и все белое. Как красиво выглядело это с моря!

Разместились мы в отеле на главной улице, против мечети, которую сразу же пошли осматривать. Огромное круглое помещение было почти пусто. Ни росписи и никаких украшений внутри не было. Главная улица выглядела прекрасно, красивые постройки, всюду чистота. Одна из боковых улиц, с широкой аллеей-цветником посередине, поднималась к подобию чего то вроде дворца. Все это было белое.

В стороне от центра улицы носили другой характер — чисто арабский: они были узки и извилисты. На более тщательный осмотр времени не хватало, да и не было особого интереса. Концерт наш, как и всюду, прошел прекрасно и на другой день, ранним утром, хор поездом отправился дальше в направлении Константины. Администратор хора к отходу поезда опоздал и догнал нас на такси на второй остановке. Поезд шел медленно, в вагонах стояла невыносимая изматывающая жара, а открывать окна было бессмысленно, снаружи врывалась в вагон лишь струя раскаленного воздуха. Пел хор в Константине, пел и еще в одном небольшом городе...

Проехали Бизерту, последнее убежище нашего военного флота после эвакуации Крыма. Это был уже Тунис. Не помню, сколько времени тащились мы до города Туниса; общий вид города был типично восточный: улицы запутанные, дома не ахти какой красоты и опрятности. Откуда то все время лилась тоскливая, заунывная музыка, По первому впечатлению, осматривать в городе было нечего. После утомительного пути завалились мы отдохнуть. Отдохнув, оделись и собрались пойти в кафе, выпить чашку кофе.

Когда я с плащем на руке шел по коридору отеля, навстречу мне бежал один из хористов, еще издали громко предупредивший: « раздевайся, русский убил президента Франции ». Такой ужасной и вместе с тем нелепой новости трудно было поверить, до того она ни с чем не вязалась и само убийство ничем не оправдывалось. Вскоре узнали и фамилию убийцы — Горгулов. О каких либо концертах на территории Франции в тот момент не могло быть и речи, и мы оказались обреченными на невольное Туниское сидение. Против нашего отеля находилось кафе, где подавались чудные круасаны собственной выпечки. Там мы все и объединялись, делились новостями и... поедали несчетное количество круасанов, которые хозяин едва успевал выпекать.

У одного из хористов явилось желание воспользоваться случаем и побывать на разрушенном кладбище некогда грозного Карфагена. Затея понравилась. До кладбища больше десяти километров и съездить туда можно было небольшим автобусом, курсировавшим по тем местам. По приезде нас поразило, что эти исторические места были в таком заброшенном состоянии. Смотреть фактически было не на что. Жалкие остатки былого величия, обломки надгробий, куски мраморных плит, торчащих из земли колонок. Возможно, что все более ценное давно было забрано в музеи, но мозможно, что и римляне, действительно, не оставили камня на камне. Почти незамедлительно возле нас появился заклинатель змей, но змея его была что то подозрительно вялая, может быть — « ленивая » Увековечилы мы эту поездку фотографиями.

Не помню уже, сколько времени просидели мы в Тунисе без дела. Время тянулось медленно и нудно. Большую его часть просиживали в кафе. В один прекрасный день было объявлено, что мы едем давать концерт в « Русскую Бизерту », и на следующий день хор покинул несчастливый для нас Тунис.

На концерте в Бизерте было полно русских, многие из них заходили к нам за кулисы, приглашали в гости, или на ужин в ресторане. Много охотников не нашлось, т. к. рано утром предстояла длинная поездка в Оран. Утром, когда поезд уже подошел к перрону, выяснилось, что одного хориста еще нет. Квартирьер бросился в отель, где жил отсутствующий. Благо, что отель был рядом с вокзалом, т. ч. через три-четыре минуты в припрыжку мчался обратно квартирьер с чемоданом в руках, из которого торчало наспех набросаное в него «имущество», а за квартирьером спешил проспавший. Волосы его были растрепаны, в одной руке какие-то носильные вещи, а другая поддерживала не застегнутые грозящие быть потерянными штаны. Картина была веселая, жаль, что не успели заснять. Наш обратный путь был чрезвычайно долгим и тяжелым. Мы пересекали Алжир во всю длину его побережья. Крыши вагонов были так накалены солнцем, что внутри трудно было дышать. Минуя город

Алжир, хор ехал в Оран лишь для того, что бы там сесть на пароход, идущий в Марсель. Так неожиданное и нелепое трагическое происшествие скомкало все наше северно-африканское турнэ.

Пароход, на который мы погрузились в Оране, был значительно больше и благоустроеннее того, который доставил нас в Алжир. На него же погрузилась рота легионеров, состоявшая из молодых немцев, перебрасываемых в какую то другую колонию. Во всех городах Алжира нам уже приходилось встречаться с легионерами, среди которых были и русские. Один из них, встреченный в гор. Алжире, поведал нам о их жизни. К сожалению, все рассказанное им уже улетучилось из памяти.

Когда мы вышли из порта, взору представился весь Оран. С моря он был такой же белый, как и Алжир, но, меньший по размерам, он казался более уютным, а на расстоянии прямо игрушечным. По пути пароход зашел в Барселону и наконец мы прибыли в Марсель. Этим и закончился наш сезон 1931-32-го года.

Доброволец Иванов.

(Продолжение следует).

ИЗ КАЗАЧЬЕЙ ЖИЗНИ ЗА РУБЕЖОМ.

● **Пятидесятая годовщина окончания первых походов и начала казачьих восстаний.** — В 50-ую годовщину окончания первых походов и начала каз. восстаний весной 1918 г., в Париже, по инициативе Объединения Партизан-Степняков, Казачьим Союзом с входящими в него: Донским Войсковым, Кубанским, Терским, Астраханским и Калмыцким Объединениями, Уральской станицей, Отделом партизан Чернецовцев-Семилетовцев, совместно с Союзом Казаков-Комбатантов, Союзом Дон. Артиллеристов, Объединениями Л. Гвардии Атаманскаго полка, Атаманскаго Военнаго Училища, с Атаманом Астраханского Войска и заместителем Атамана Уральского Войска, с редакцией журнала « Род. Край » и с участниками I-го Кубанского ген. Корнилова, Дроздовского, Кубанского Войскового и Степного похоодв, 12 мая, в Александро-Невском Соборе, после литургии, архирейским служением было совершено торжественное молебствие.

На молебне было провозглашено « многие лета » многострадальной Родине, всем казачьим Войскам, возглавителям казаков, казакам, казачькам, как в изгнании, так и на Родине находящимся.

Провозглашена была также « Вечная память » Войсковым и Походным Атаманам, вождям казачества, начальникам партизан и добровольцев, и участникам каз. косстаний и походов, сестрам милосердия на поле брани живот свой положившим, от ран и в мире скончавшимся, имена же их Ты, Господи, веси.

Храм был переполнем молящимися. Настоятелем Собора отц. А. Чеканом было сказано прочувственное слово посвященное первым походам и казачьим восстаниям.

Ко дню окончания походов и начала каз. восстаний А. П. Падалкиным в газете « Русская Мысль » была помещена обстоятельная статья, посвященная знаменательной годовщине.

После молебна в Доме Белого. Война состоялась казачья пасхальная встреча, организованная Дамским Комитетом Каз. Союза, на которой присутствовали казаки разных каз. Войск и участники I-ых Походов.

Председатель Каз. Союза В. М. Кузнецов, после краткого слова посвященного вспоминаемым событиям, огласил некоторые, полученные им к этому дню приветствия, в том числе первого выборного Войскового Атамана Амурского каз. Войска М. И. Гамова, от Атамана Астраханского каз. Войска полк. Г. М. Астахова, от заместителя Атамана Уральского каз. Войска полк. Фадеева, от начальника 1-го Отдела РОВС подполк. Щавинского, от председателя Союза Георгиевских кавалеров полк. Н. А. Звонникова и др.

Председатель Объединения Партизан-Степняков ес. А. П. Падалкин, отметив значение I-ых Походов и каз. восствний в 3-ех летней борьбе с большевиками, ознакомил с полученными им приветсвиями: из США — от

председателя Общего собрания Калифорнийского отдела Союза Первопоходников А. Долгополова и от заместителя председателя того же отдела А. Мячь, от редакционной коллегии журнала «Вестник Первопоходника», от атамана Донской станицы имени полк. Чернецова Д. Е. Свинарева, от атам. Обще-Казачьей станицы А. Е. Афанасьева и от группы участников Степного Похода, от Обще-Казачьего Представительства в США через инж. Глазкова, от отца Петра Попова и группы казаков в Таксоне, от председателя Главного правления Союза участников I-го Кубанского ген. Корнилова похода полк. С. Рясняньского, от Объединения «Инжевцев-Воткинцев», из Канады — от группы участников первых походов через дроздовца капит. А. В. Зауера, из Аргентины — от группы степняков через полк. Е. А. Федорова, из Австралии — от группы участников первых походов через полк. Юркина, из Германии, из Крефельда от участников первых походов через полк. Г. А. Токаревича, из Мюнхена — от группы казаков через степняка сот. А. К. Ленивова, из Берлина — от группы казаков через степняка сот. Б. Ракова, из Бельгии — от группы казаков через степняка войск. старш. А. М. Голубова и ряда отдельных, лиц проживающих в разных странах нашего рассеяния.

Ген. Н. Г. Зубов выступил от имени Союза Казаков-Комбатантов и Атаманского Военнаго Училища, С. Ш. Балданов — от имени Калмыцкого Союза, от Объединения дроздовцев полк. С. Р. Нилов, напомнивше о прибытии отряда полк. Дроздовского на Дон, от участников 1-го Кубанского похода — председатель Союза кап. Г. Н. Елачич разсказавшего об окончании похода в пределах Дона и напомнившего, что участники этого похода гордятся тем, что все они были записаны в казаки по Донскому или Кубанскому Войскам, полк. Сменов напомнил о Кубанском Войсковом походе и его скончании, ес. Н. И. Бабкин разсказал о присоединении донских казаков-калмыков в задонских степях к отряду ген. П. Х. Попова, а кап. Д. Н. Кирсанов, не казак, но принятый в казаки за участие в Степном Походе, сегодня, как и 50 лет тому назад, снова «чувствует себя в родной казачьей семье». От Л. Гв. Казачьего полка, по поручению ген. Поздеева, приветствовал собравшихся сот. И. А. Евстратов, от Терского Объединения выступил полк. Н. И. Зимин, напомнивший о восстаниях Терцев, от Кубанского Объединения говорил В. А. Соколов, напомнивший, что кубанцы не примирившиеся с сов. властью почти поголовно покинули пределы Войска во время 2-ой Мировой войны, от казаков «новой эмиграции» донец Александрин напомнил о том, что 50-и летие окончания первых походов и начала каз. восстаний на Дону в 1918 г. совпадает с 25-илетием начала борьбы на Дону новым поколением.

Много было и других выступлений, в теплых словах отмечавших значение первых походов и каз. восстаний, положивших начало 3-ех летней борьбе с большевиками.

Дамский комитет Каз. Союза во главе с Н. И. Богаевской прекрасно организовал пасхальное угощение с пасхой, куличами и обильными закусками.

Все присуствующие на этой казачьей пасхальной встрече отмечали, что они чувствовали себя на Родине — в гостеприимным казачьем крае.

— Присутствовавший на молебне и каз. пасхальной встрече.

● **85-ти летие ген. В. Г. Науменко.** — В марте с. г. «почетному старику Кубанского Каз. Войска» Ген. Штаба генерал-майору Вячеславу Григорьевичу Науменко исполнилось 85 лет. В этом же году прошло 65 лет со времени его производства в I-ый офицерский чин и 50 лет пребывания в генеральском чине. Во время гражданской войны ген. Науменко командовал воинскими соединиями воинских частей вплоть до корпуса и был членом Кубанского правительства. После Эвакуации на острове Лемносе был выбран Кубанским Войсковым Атаманом, и на этом тяжелом посту оставался много лет.

В день юбилея ген. Науменко посетила делегация казачьих деятелей во главе с Кубанским Атаманом полк. В. И. Третьяковым, поднесшим ему подарок от кубанцев.

Редакция «Род. Края» просит глубокоуважаемого Вячеслава Григорьевича принять ее искренние поздравления и наилучшие пожелания.

● **Правление Казачьего Союза во Франции сообщает, что для передачи вдове полк. П. Н. Кудинова** еще поступило: В. Г. Глазков — 10 долл., А. И. Скрылов — 2 долл.

П. И. Кудинова и правление Каз. Союза приносят свою благодарность всем жертвователям.

● **В редакцию «Род. Края»** с I-го мая по I-ое июля поступило: на издание книги «Ген. Каледин — герой Луцкого прорыва и Донской Атаман» — И. Семенов — 10 долл., г-жа Халеева (2-ой взн.) — 6 фр., Н. П. Казинцев

(2-ой взн.) 11 фр., Додонов (2-ой взн.) — 16 фр., Н. Д. Гончаров — 10 долл., Б. Н. Шарапов (4-ый взн.) — 2 кан. долл., В. Л. — 5 герм. марск.

В Фонд издательства: Н. Н. Воробьев — 3 долл., Б. Н. Уланов — 8 долл.

Всех жертвователей пресим принять искреннюю благодарность.

● **Из отзывов на книгу Н. М. Мельникова «Ген. Каледин — герой Луцкого прорыва и Донской Атаман» журналов, газет и отдельных лиц.** Из США Б. Н. Уланов пишет Н. М. Мельникову: — «Наконец я получил ваш труд об А. М. Каледине. Не раз, а дважды я прочитал его. Мало и этого. Его нужно перечитывать еще и еще.

Это, я убежден, лучший труд во всей современной литературе об Алексее Максимовиче.

Я — пусть и не столь продолжительный Ваш коллега, как другие, безмерно рад, что именно Вы, наш товарищ по нашей общественной работе, написали этот в высшей степени основательный и справедливый труд о всеми нами глубокочтимом и любимом великом Донском Атамане А. М. Каледине.

Сколько труда, сил и забот, несомненно, было положено Вами на этот труд.

Память о Вашем труде так долго останется у Казачества, в первую голову у Донского, как и память об Алексее Максимовиче.

В Вашей книге, кажется, н и ч т о не упущено, чтобы дать истинный образ об А. М. Каледине. Даже странно, что в наш век, когда, казалось, так пошатнулся чистый, святой лик человека, был т а к о й человек в лице Алексея Максимовича. Это — необычайная моральная чистота, это — непоколебимая жертвенность, это — глубокая прозорливость и суровый образ святого аскета. А, ведь, это был генерал, полководец и государственный деятель!

Какое было счастье для нас и радость, что с таким человеком мы сотрудничали!

Из в с е х, кто делал характеристику духовно-морального облика Алексея Максимовича, думаю, всего ближе к истине Ваше изображение.

Мотив его самоубийства?

Ваше понимание этого акта, по моему скромному пониманию, всего ближе к истине.

Алексей Максимович, мне представляется, всего ближе был к типу Искупителя, его мысли и чувства близки к великой идее искупления темноты и заблуждения не только Донского казачества и Казачества вообще, но и всей России.

Он вплотную подошел к идее священной и всеискупляющей ж е р т в ы индийских великих религий.

Если бы Вы и мы все стали бы превозносить Алексея Максимовича только потому, что он был наш Атаман и Донской казак, это снизило бы истину и его духовно-моральное существо.

Величайшие люди человечества кончали свою жизнь трагически.

Из них — исключение только Будда: особенная была духовно-моральная культура Индии во все времена.

Сократ, Пифагор, Х Р И С Т О С... Манихей, Джордано Бруно, Ян Гус...

Да, замечательные то были Донские казаки: Василий Чернецов, А. М. Назаров, Е. А. Волошинов, М. П. Богаевский.

Но их венец — несравненный Алексей Максимович Каледин».

УШЕДШИЕ.

† 16 февр. в Патерсоне (США) на 80 году жизни, после тяжкой болезни скончался есаул М. Г. Титов ст. Екатерининской В. В. Д.

† 25 янв. в Лос Анжелесе (США) скоропостижно скончался М. Ф. Кострюков, ст. Цимлянской В. В. Д.

† 27 марта в Карсруе (Германия) скончался М. И. Еськов, ст. Незлобной Терск. К. В.

† 10 марта в Нью-Йорке умер В. П. Сехин, стан. Стargладовской Терск. К. В.

† 7 марта в г. Труа (Франция) скончался после тяжкой болезни участник I-го Мировой войны и Мамантовского рейда Г. С. Каменцев, ст. Егорлыцкой В. В. Мир праху его.

† 24 дек. 1967 г. в Льеже (Бельгия) умер В. П. Гутов, ст. Надежной К. К. В.

† 15 февр. в результате несчастного случая, в г. Куфштайне (Австрия) скончался Я. Д. Вильхов, 65 лет от роду, ст. Кардоникской К. К. В.

† 30 мая, в Париже скоропостижно скончался донской казак регент хора Александро-Невского собора П. В. Спасский.

† 5 мая в госпитале г. Шамрозей (Франция) после продолжительной болезни скончался подхор. Л. Гв. Казачьего полка В. С. Колбасин, ст. Александровской В. В. Д.

† 12 мая в С. Женевьев де Буа (Франция) скончался донской казак Г. П. Дощечников, рождения 1886 г. В мирное время был учителем. Принимал участие в борьбе с большевиками, был выбран членом Войскового Круга от Хоперского округа. Мир праху его.

† 27 апр. в Пассейке (США) скончался подхор. Г. В. Боков ст. Каргинской В. В. Д.

† Петр Прокофиевич Дричило, Атаман Общеказачьей станицы в Нью Джерзи, скоропостижно скончался 24 февр. с. ч. в полном расцвете своих сил, сравнительно еще молодым, всего 57 лет. Смерть явилась явно в результате чрезвычайно тяжелых мытарств, какие ему выпали с самых юнных лет, с самого начала большевицкой власти.

Покойный родился 16-го января 1911 года в станице Ирклиевской на Кубани в старой казачьей семье, предки которой пришли на Кубань после разгрома славной Запорожской Сечи. Как только красные заняли станицу, его отец был арестован, а затем расстрелян. После этого он вместе с матерью, братьями и сестрами покидает свой родной очаг и начинает свои мытарства по всей Кубани под чужой фамилией. Но во время насильственной коллективизации его всего лишь 19-тилетнего юношу арестовывают, судят «за сопротивление советской власти» и отправляют на 10 лет в Заполярье Сибири в концентрационный лаггерь, откуда его освобождают только в 1940 году, но с запретом проживать в городах.

С началом войны его мобилизуют в советскую армию и отправляют на фронт. Тут он попадает в плен к немцам, но бежит из плена, пробираясь к своим родным на Кубань, занятую тогда немцами. После оставления немцами Кубани он вместе с другими казачьими беженцами уходит на Запад, предпочитая неизвестность и чужбину советской неволи. В конце войны он попадает вместе с семьей в Казачий стан, в котором были сосредоточены казачьи беженцы. Тут он пережил все ужасы Леинцовской трагедии...

Заветной мечтой его было добраться в Свободную Америку, вывести туда свою семью и дать своим сыновьям высшее образование, чего он сам был лишен вследствие своего происхождения. С первых же дней в США он вместе с своей женой тяжело трудится, но при этом не забывает и о своих родных ему казаках, оставшихся в Европе, помогая им впереезде в США и в устройстве их на новом месте. Вместе с тем он живо интересуется организацией бытовой и общественной казачьей жизнью, принимает в ней самое деятельное участие. Определив своих сыновей в колледж, а затем в университет, он постоянно призывал других давать своим детям должное образование, которое он не мог получить в советских условиях, как сын « врага народа ».

Годовой станичный сбор самой многочисленной в США Общеказачьей станицы в Нью Джерзи избирает его своим атаманом. Несмотря на подорванное здоровье, он и на этом посту старается ликвидировать всякие обычные в наших условиях неслсения, сплотить всех живущих там казаков, активизировать их бытовую и общественную жизнь. Но сердце его уже не выдержало больше тяжелых напряжений, и он скоропостижно скончался на глазах всех во время устроенного станицей празднества. в Казачьем доме в Фарминг-дэйль. Покойный пользовался большим уважением, и его похороны, на которые в будний рабочий день пришли его проводить сотни казаков и казачек, явно свидетельствуют о этом уважении.

Пусть будет легка ему свободная земля Вашингтона и грезятся ему широкие просторы вольной, родной ему, Кубани! — сообщил: А. Г.

† 30 янв. в Хермагоре (США) умер В. И. Неврев, 77 лет, ст. Новотроицкой К. В.

† 31 янв. в Граце (Франция) умер В. Е. Большепаев, 65 лет, ст. В. Чирской В. В. Д.

† 20 марта в Венецуеле скоропостижно скончался есаул Куб. Войска Н. Н. Пупынин.

● 18-го мая с. г. в больнице Св. Джозефа в Филадельфии на 72-м году жизни, после продолжительной тяжелой болезни, скончался Бакша Кальмыцкого БОГДО ЗОНКАБИН Хурула в Филадельфии **Санджи-Ракба Меньков.**

Начиная от звания маленького манджи (ученика-послушника), затем геленг (священник) и уже в сане Бакши, покойный Санджи-Ракба верой и правдой прослужил своей Буддийской религии и Общине Будды (Духовенству) 61 год.

Удостоившись сана геленг, Санджи-Ракба только краткое время успел пробыть в рядах Духовенства на Родине в своем родном Багу-

да Хуруле (Батлаевском). В 1920 году вместе с другими он эмигрировал, и с покойным ныне Бакшей Денисовского (Бокшорганкин) Хурула Джамнин Умальдиновым, нашел прибежище в Юго-Славии, в Белграде. Как юный геленг, ученик и асистент, он, согласно древней традиции учеников Будды и Его Общины, верно и преданно служил своему Бакше Дж. Умальдинову, заботился о нем, как самый близкий и родной человек. Когда Бакша Дж. Умальдинов в 1946 г. скончался в Германии, Саджи-Ракба исполнял все обязанности Бакши, пока группа остальных геленг и калмыки в гор. Пфафенгоффен в Баварии не избрали его Бакшей.

Он заслуженно пользовался искренней симпатией и уважением своей паствы, строго исполнял не только полагаемые по Уставу службы в Хуруле и требы, но при всяких условиях знакомя кальмыков с учением их Вероучителя Будды. В бедных и ограниченных условиях эмигрантской жизни, он проявил большую инициативу в проведении мер, какие дали бы возможность более торжественного и внушительного исполнения религиозных служб. Он научил мальчиков и девочек молитвам на тибетском языке и исполнять духовное песнопение во время праздничных богослужений. Он старался проводить в жизни калмыцкой эмиграции и национально-культурные меры: детям-калмыкам знать свой родной язык, свою национальную грамоту (калмыцко-монгольскую).

Как Глава своего Хурула, старался украсить и обогатить его новыми художественно исполненными изображениями Будд и приобретал для библиотеки Хурула буддийские книги на тибетском языке, пользуясь для этого всеми благоприятными возможностями. Так, пользуясь пребыванием в Индии Далай Ламы и больших буддийских деятелей, выписал из Индии прекрасно исполненные изображения Будды, Амидаба-Гегена и других Будд и Бодисата и книги по буддизму.

Санджи-Ракба Бакша был инициативным, живым и неустанно энергичным духовным буддийским деятелем, не замкнутым в рамку узкого религиозного служителя. Он внимательно следил за жизнью и духовной культурой страны, в которой жил, стараясь, по мере возможности, знакомиться с культурными и общественными деятелями окружающего его общества. Выучился английскому языку. Следил по русской прессе за эмигрантской жизнью и по американской за международной. Он радовался духовно-моральному и культурному развитию калмыцкой молодежи, но старался предотратить ее от нежелательных уклонов в воспитании и развитии.

В лице Бакши Санджи-Ракба калмыки понесли тяжкую национально-культурную, моральную и религиозную утрату. Невознаградимую.

Это почувствовали все. Как только разнеслась молва о его кончине, из самой Филадельфии и с отдаленных мест стали прибывать в Хурул покойного, калмыки — помолиться о душе покойного, а его сослуживцам геленг З. Переборову и Гомбо-Джаб выразить свою скорбь.

21 мая к 11 час. утра прибыли к покойнику духовенство и калмыки-миряне. Состоялась краткая церковная служба — (« отпевание »). Во главе духовенства (шесть особ) — Лхарамбо Джампил. На стене — большое буддийское изображение — Будда-Амидаба. Это — дар самого Санджи-Ракба Бакша при жизни на случай похорон калмыков-буддистов. Изображение Будды и в гробу над покойником. Предпоследнее прощание. Поклоны. Плач и рыдания. Покойный в желто-оранжевом буддийском священническом одеянии. Спокойное, красивое лицо. Масса прекрасных венков и цветов в корзинах. Хризантемы. Белые. Желтые. Лилии.

Лицо Санджи-Ракба Бакши закрывается белой тканью.

Гроб закрывается. Выносят на автомобиль-катафалку.

Тронулись на кладбище. Длинный ряд калмыцких автомобилей.

Похороны на кладбище в Филадельфии. Прибыли. Гроб открывается. Снова служба над могилой. Все держат курительные свечи. Прощальное слова Лхарамбо Джампил, Д. Ц. Арбакова, Председателя Калмыцкого Общества « Братство » Т. Шовгурова и Б. Н. Уланова.

Последнее прощание. Гроб закрывается. Опускается. Бросают цветы и щепотки земли на грод.

Конец...

Так кончилась земная жизнь славного Бакши Санджи-Ракба Менькова, донского казака станицы Батлаевской Сальск. окр. В. В. Л.

Но в душе, памяти калмыков он, Санджи-Ракба Бакша, будет жить до конца их жизни... — **Б. Уланов.**

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ «РОДИМОГО КРАЯ»

Непринятые рукописи обратно не возвращаются и в переписку о них редакция не вступает. Редакция оставляет за собой право статьи сокращать, не меняя смысла написанного. За статьи, подписанные полным именем автора, редакция не отвечает и они не всегда выражают взгляды редакции.

Не имея возможности документально проверять имена, даты и события, редакция возлагает всю ответственность за содержание статей на их авторов.

Корреспонденцию на имя Редакционной Коллегии направлять по адресу:
Mr. Bogaevsky — 230 av. de la Division Leclerc, 95 — Montmorency (France).

Через редакцию «Род. Края» можно выписать:

Н. М. Мельников — «Ген. Каледин — герой Луцкого прорыва и Донской Атаман» — 26 фр. или 5,50 долл.

«Воспоминания ген. А. П. Богаевского» (Ледяной поход) — 12 фр.

Н. М. Мельников — «Ермак Тимофеевич, кн. Сибирский, его сподвижники и продолжатели» — 8 фр. или 2 долл.

Л. Масянов — «Гибель Уральского Казачьего Войска» — 20 фр.

«Митрофан Петрович Богаевский» — сборник статей о Донском Баяне — 16,50 фр. или 3,50 долл.

Н. М. Мельников — «Как извращается история» — 2 фр.

П. М. Аврамов — «Ковылий сказ» — 3 фр.

П. М. Аврамов — «Никифор Кащеев» — 3 фр.

Казачий словарь справочник, 1-ый том — 25 фр.

Н. Н. Туроверов — «Стихи», книга 5-ая — 15 фр.

Н. Н. Воробьев — «Кондратий Булавин» — 15 фр.

Адмиралов — «Казачья трагедия» (1940-1945 гг.) — 12 фр. или 2,50 долл.

В. А. Беляевский — «Голгофа» (Очерки из воспоминаний 1882-1964) — 12 фр. или 2,50 долл.

П. Поляков — «Поэмы» 4 фр.

Казачьи песни (изд. «Каз. старина») — 5 фр.

● Редакция обращается с настоятельной просьбой ко всем своим читателям и подписчикам не задерживаться с внесением подписной платы. Издание «Род. Края» основано исключительно на самоокупаемости, при полной безвозмездной работе всех сотрудников. То-есть журнал издается на деньги, за него полученные, и на пожертвования отдельных лих в Фонд Издательства, иначе говоря на деньги читателей, от которых и зависит дальнейшее существование «Род. Края».

Вышла из печати книга Н. М. Мельникова

«А. М. КАЛЕДИН —

ГЕРОЙ ЛУЦКАГО ПРОРЫВА И ДОНСКОЙ АТАМАН»

В книге 375 страниц, много редких фотографий.

Выписывать из редакции «Родимого Края». Стоимость во Франции 26 фр., заграницей — 5,50 долл.

Тираж ограничен.

P.I.U.F., 3, rue du Sabot, Paris 6e

Родимый край

ОГЛАВЛЕНИЕ

Поздравления с Войсковыми Праздниками и Днем Покрова Пресвятой Богородицы.
П. Поляков — « Молитва на Покров ».
М. Бугураев — « Донской Атаман Ген. Штаба ген. А. М. Назаров » (продолжение № 77).
П. Дживзанов — « Донские калмыки в борьбе с большевиками в 1917-1920 гг ».
С. Ленский — « К оккупации Чехословакии ».
П. Ф. Фадеев — « Гражданская война на Уральском Отдельном фронте ». (продолжение № 77).
И. Сагацкий — « Происхождение древнего казачества ».
Н. Воробьев — « Скрижали славы казачьей » (продолжение № 77).
Юшкин-Котлобанский — « Далекое ».
Н. Альникин и В. Монаенков — « Несколько воспоминаний о П. В. Спасском.
Доброволец Иванов — « С русской песней по белу свету » (продолжение № 77).
Из казачьей жизни зарубежом. Отзывы на книгу « А. М. Каледин — герой Луцкого прорыва и Донской Атаман ».
От редакционной коллегии « Род. Края » Розыски.
Ушедшие.

РОДИМЫЙ КРАЙ

Орган общеказачьей мысли.
Издатель: Донское Войсковое Объединение.
Association des Cosaques du Don
Arr du Ministre de l'Int. J.O. 70 1955

PAYS NATAL Septembre-Octobre 1968
№ 78 — Сентябрь - Октябрь 1968 — 4,50 фр.
Parait tous les 2 mois. Directeur: *Bogaevsky.*

Редакционная Коллегия: Б. А. Богаевский, А. И. Клочков, В. М. Кузнецов, А. П. Падалкин, Н. Н. Туроверов, Б. Н. Уланов.
Адрес редакции:

B. BOGAEVSKY
230, Av. de la Division-Leclerc
95 — Montmorency
France

ПОЗДРАВЛЕНИЯ С ВОЙСКОВЫМ ПРАЗДНИКОМ И ДНЕМ ПОКРОВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ

Родные братья донцы, кубанцы и терцы,

Правление Казачьего Союза поздравляет вас с праздником Покрова Пресвятой Богородицы. Вместе с поздравлением оно шлет братский привет и сердечное пожелание провести этот знаменательный день в дружной казачьей семье, отдавшись радости и веселью.

Председатель Каз. Союза **В. Кузнецов**
Секретарь **Н. Ломакин**

Редакционная коллегия « Родимого Края » поздравляет казаков всех Казачьих Войск с Праздником Покрова Пресвятой Богородицы, а донцов, кубанцев и терцев с их Войсковым Праздником.

Да пошлет им Господь Бог и Пресвятая Богородица сил и бодрости преодолеть наши невзгоды.

Редакц. Коллегия « Род. Края ».

МОЛИТВА НА ПОКРОВ

ГОСПОДИ! Сегодня к Твоему подножью
Прошепчу молитвы тихие слова:
Сатана давно бы смог нас уничтожить,
Ка-бы не святая сила Покрова.

Пред иконой темной на коленях стоя,
Я в ночной звенящей голубой тиши
Древнего Азова помяну героев,
За покой их гордой помолюсь души.

Господи-Иисусе! Всем, что в битвах пали,
Что с нечистой силой полегли в борьбе,
Отпусти их вины. Утоли печали,
Утоли их раны. Допусти к Себе.

Помяни нас в Небе, Пресвятая Дева,
Перед Богом снова вспомни казаков,
Что в молитвах теплых и степных напевах
В рук делах суетных — помнят Твой Покров.

Боже наш Великий! В темноте столетий
Нам светила вера в правоту Твою,
И мы твердо знаем — будем мы, что дети,
Под Твоим Покровом у Тебя в Раю.

П. Поляков

ДОНСКОЙ АТАМАН ГЕН. ШТАБА ГЕН-МАЙОР А. М. НАЗАРОВ

(Продолжение № 77)

12 февр. после 5-и часов вечера « голубовские » казаки вошли в Новочеркасск. За ними, к вечеру, позже вошла и красная гвардия, начавшая немедленно аресты и расстрелы офицеров, юнкеров, кадет и партизан. Случалось часто, что по указаниям соседей партизан расстреливали тут же на месте. Много было расстреляно и больных и раненых, оставшихся в госпиталях.

Жертвы Дона с 12 февр. по 23 апр. 1918 г. были громадны и по числу и по своему значению: Дон потерял свыше 30 % кадрового состава офицеров, из которого большое число пришлось на долю старшего командного состава. « В Новочеркасске было расстреляно около 600 офицеров » (« Белая Россия » стр. 125). Ведь программой Центр. Испол. Комитета Сов. Дон. Республики предусматривалось полное « упразднение » казачества, поголовное уничтожение каз. верхов, массовой террор по отношению к зажиточным казакам путем безпощадной конфискации хлеба и предметов 1-ой необходимости, спешное переселение на Дон крестьянской бедноты, посылка на Дон карательных отрядов с приказом расстреливать каждого, у кого будет найдено оружие.

Расстрелами и грабежами занимались только красногвардейцы. Казаки голубовцы видели это почти сплошное избиение арестованных и вместе с 6-ым дон. каз. баталионом, остававшимся в Нчк., потребовали от большевистких главарей прекращения расстрелов без суда. И уже 13 февраля арестованных приводили в штаб большевиков на ЖД станции, а оттуда их групами, под конвоем латышей, отправляли на гауптвахту.

12 февр. был арестован Атаман Назаров. В « Дон. Волне » № 8 А. Павлов так описывает арест: « В 6 часов вечера Голубов ворвался в сопровождении полусотни вооруженных казаков в помещение, где заседал Круг.

« Встать! », закричал Голубов на сидевших членов Круга.

Все встали. Только Войсковой Атаман продолжал задумчиво сидеть, подперев голову обоими руками.

« Встать... » закричал на него Голубов, делая повелительный жест рукой и с угрожающим видом быстрыми шагами со своими казаками направился к столу президиума, где попрежнему спокойно сидел Атаман.

« Встать!... » — кричал еще злобнее Голубов, приближаясь к Атаману и стуча с яростью о пол ногами.

« Кто ты такой? » спросил Голубов Атамана.

« Я выборный Атаман... » ответил сидя и спокойно ген. Назаров. « А Вы кто такой? — спросил он Голубова.

« Я революционный атаман, товарищ Голубов. Встать... » Закричал опять Голубов и... схватил Атамана за руку. Сорвал с него погоны. Арестовал его и войск. старш. Волошинова, председателя Круга, и под конвоем своих казаков обоих отвел на гаутвахту ».

Вероятно, каз. караулу Голубов отдал специальное распоряжение с указанием, в каких условиях содержать этих арестованных.

Я ожидал ареста и решил спрятать все нужные для меня в будущем бумаги, если меня не расстреляют. Сначала хотел спрятать их в раскрывающейся гармошке, но... передумал.

Рано утром 13 февр. пришли трое молодых вооруженных солдат и меня арестовали. Один из них, с моего « разрешения », взял себе гармошку... Хорошо, что документы были в другом месте. Одевая полушубок, обнаружил в кармане удостоверение за подписью начальника артиллерии, что я адъютант дон. партизанской артиллерии... Смерть была около... Спокойно я передал эту бумажку, прощаясь, моей жене, которая ее впоследствии и уничтожила. Выйдя на улицу, я увидал соседа гимназиста лет 14-ти, который и привел солдат к нам в дом. На вопрос одного из солдат: « Этот? » он ответил: « Нет, это офицер... » и дал обо мне очень хороший отзыв. Искали же они моего брата Анатолия, чернецовца, убитого позже в 1-ом Кубанском походе. Солдаты повели меня через весь город (я жил около Краснокутской рощи), куда — не сказали. Часто по пути нас останавливали другие солдаты и матросы... говорили с площадной бранью « Расстрелять здесь же... », но мои конвоиры меня никому не выдали. Возможно, что причиной этого была моя гармошка, т. к. « яростнее » всех меня защищал солдат, ее взявший.

Небольшое отступление: с этим гимназистом, Василием Бабенко, я встретился в 1950 г. в Австрии, в русском лагере Келлерберге. Он плакал, целовал мне руки, прося его простить. Я его успокоил, сказав, что он то ме-

ня возможно и спас, дав про меня хороший отзыв.

Меня привели на вокзал, в зал 3-го класса. В углу, под иконой, под охраной находилось уже около 80-ти арестованных. Вскоре нас всех вывели на площадь сзади вокзала. Здесь уже стоял с примкнутыми штыками сильный караул из латышей. Они стояли тесно, плечом к плечу, огораживая пустое место, куда вошли все арестованные. Вид у латышей был ОТЧЕТЛИВЫЙ и ЧИСТЫЙ. Они были однообразно одеты в теплые короткие меховые полушубки защитного цвета, с воротниками, рукавами и кругом по низу обшитыми мерлушкой. На головах — низкие солдатского образца папахи из такой же мерлушки. Теплые ватные брюки, на ногах высокие кожаные сапоги.

При выходе с вокзала сами арестованные сразу становились четверками в колонну.

А кругом латышей бесновалась большая, сильно возбужденная, толпа железнодорожников-большевиков. Среди них много было женщин — фурий. Они особенно неистовствовали в требованиях выдачи им на расправу « партизанское офицерье, белобандитскую сволочь... » Все эти выкрики сопроваждались, конечно, нецензурной бранью.

Но латыши стояли как монолитная стена. По команде старшего, повернулись кругом, лицом к толпе, зарядили винтовки. Толпа в испуге на мгновение отхлынула назад. Снова команда, поставили предохранители, взяли винтовки « на руку » и двинулись вместе с арестованными вверх по Крещенскому спуску к Собору. Толпа долго от нас не отставала, сопроваждая нас криками ,свистками, нецензурной бранью. Я шел в последней четверке, крайним с левой стороны, и видел как несколько раз латыши, угрожая штыками, отгоняли особенно нахально наседающих баб, старавшихся вырвать хотя бы одного арестованного на зверскую расправу-самосуд. Жутко, очень жутко было тогда всем арестованным.

Но постепенно толпа стала отставать. Мы не знали, куда нас ведут, и, конечно, предполагали самое худшее: на расстрел. Но Господь хранил нас, и латыши благополучно доставили нас на гауптвахту. Возможно, что латыши не знали русского языка, между собой они перебрасывались фразами на своем языке. Я подробно описал их форму, дабы доказать в дальнейшем, что они не были на митинге в Кадетском Корпусе на « Лебединой песне » М. П. Богаевского.

В нашей группе арестованных было два малыша кадета по 13 лет. Взяты они были за то, что их братья были в партизанах, а при обыске красногвардейцами оба держали себя вызывающе дерзко. Мы, офицеры, придя на гауптвахту, просили сначала казаков, а потом и начальника караула, урядника, отпустить их. Узнав об этом, малыши стали смирно, взяли под козырек, сказали: « Господин старший урядник и казаки... Мы благодарим вас... » щелкнули каблуками, пожали руку урядникам и казакам и степенно пошли домой. Все арестованные, да и казаки, были довольны, что спасли малышей.

Никогда я не думал, что придется мне сидеть арестованным на гауптвахте, где я часто бывал во время войны дежурным по караулам гарнизона. Входя на гауптвахту, через единственный вход с Платовского проспекта, вы попадаете в большую квадратную комнату с тремя окнами, с большими широкими нарами для казаков караула. Дальше вдоль стены — стойка для винтовок. За ней дверь во двор, отделенный от соседнего двора высокой кирпичной стеной, выше двух человеческих ростов. Этот двор огибал здание кругом до сев. стороны, так что получался как бы небольшой коридор. Здесь была уборная. Став ногами на сидение, можно было свободно достать до квадратного отверстия окна, не застекленного и не заделанного железом. При желании и умении человек мог через него свободно пролезть на улицу. Может быть в первые дни кто нибудь и бежал таким способом, т. к. первые четыре дня « ведомости арестованным » не велось. Но вскоре отверстие это забили досками. В уборную ходили без « сопровождающего ».

Во дворе, к западной стенке здания, была небольшая пристройка — комната с узкой дверью и маленьким окном. В ней стояла печь, к стене была прикреплена цинковая раковина для умывальника, два крана торчали из стены. Вода зимой не замерзала, трубы были в теплом помещении.

При входе на гауптвахту с правой стороны была небольшая узкая комната с маленьким окном на Платовский проспект. Все окна были заделаны железными решетками. Раньше это была комната для дежурного офицера, теперь в ней помещался начальник караула — старший урядник. Здесь была кровать, небольшой столик с писменными принадлежностями. Был также телефон и звонок « тревоги » из Казначейства. Освещалась одной электр. лампочкой.

Рядом была большая светлая, с двумя широкими высокими окнами, комната. Посередине ее — длинный стол, вокруг четыре стула. Вдоль стены — 4 застеленных кровати.

Дверь — двухстворчатая, застекленная. Освещалась двумя электрическими лампочками. В этой комнате раньше офицеры отбывали свое наказание за упущение по службе. Теперь в ней помещалось 4 генерала и два штабофицера. Все они позже были расстреляны.

Чтобы пройти в следующие комнаты, надо было из большой караульной комнаты подняться по трем ступенькам и войти в узкий корридор, упирался он в очень большую комнату-подвал (раньше кладовая), пол которой был ниже общего уровня комнаты караула. Пол и стены были цементированы. Освещения в ней не было. Лишь в восточной стенке, под самым потолком, было два совсем маленьких оконца. Темная, мрачная, сырая комната. В ней помещались, как сельди в бочке, не меньше 300 человек. Один угол комнаты был отделен нами для женщин и девушек. Про одну из них говорили, что она была « лихой пулеметчицей ».

Второй ход из узкого коридора, сразу направо, вел также в узкий коридор. На правую сторону была комната № 10, где помещались Архиерей Донской (скоро выпущенный) и Атаман Назаров, рядом была — № 11, напротив № 12. №№ 11 и 12 освещались, также как корридор, по одной лампочкой. В № 11 помещалось 11 человек, в том числе и я. В № 12 — 14 человек, в том числе мои соученики по Кад. Корпусу подъес. Ф. Д. Черевков и подъес. Л. Гв. 6-ой Дон. батареи Б. Н. Упорников.

В двери комнаты № 10, на высоте груди человека, было прорезано небольшое квадратное незастекленное отверстие, на двери висел большой замкнутый замок (дверь была не замкнута). Внутри стоял маленький столик и были узкие деревянные нары, которые на день примыкались к стене. Освещения не было. Раньше в ней отбывали наказание — строгий арест.

Все двери на гауптвахте не имели замков, кроме двери у ген. Назарова. Но она не запиралась и дверь часто открывалась им самим, и он стоял в коридоре.

Когда меня привели в комнату № 11, я увидал Черевкова и Упорникова. Они вышли в коридор, мы стояли, разговаривали. От них я и узнал, что Атаман Назаров тоже арестован. В это время и он сам вышел из комнаты к нам в коридор. Раньше я с ним не встречался, но, увидав его, как то невольно подумал, еще не зная этого, что это и есть Назаров. Меня поразило выражение его глаз, можно сказать внимательных и что-то напряженно ожидающих. Ведь над его головой была уже занесена безжалостная коса смерти. Возможно, он это чувствовал и этот отражалось в его глазах. Неоднократно он говорил нам: « Я знаю, меня расстреляют и скоро ». Но никогда, ни одного раза, он даже не намекнул о возможности такой же печальной участи и для других.

Когда он выходил в коридор, его моментально окружали арестованные и казаки караула и начинали с ним разговаривать.

Караул на гауптвахте несли попеременно казаки 10-го и 27-го дон. каз. полков. С 10-ым полком до войны я служил в 1-ой Дон. каз. дивизии, а с 27-ым был в 5-ой дивизии во время войны, поэтому казаки в разговорах были со мною, как с « однодивизником », более откровенны, чем с другими арестованными. В обращении с арестованными они были всегда внимательны и вежливы, и повидимому чувствовали какую то неловкость, что были принуждены караулить своих же боевых офицеров ,с которыми на фронте делили и горе и радость, которых никогда не бросали раненными на поле боя, вынося их, рискуя своей жизнью. Охрану арестованных солдатам-большевикам казаки передавать не соглашались. Караулы сменялись каждый день в 12 ч. дня и Атаман Назаров всегда имел новых слушателей. К тому же аресты шли непрерывно и гауптвахта все время пополнялась... уплотнялась.

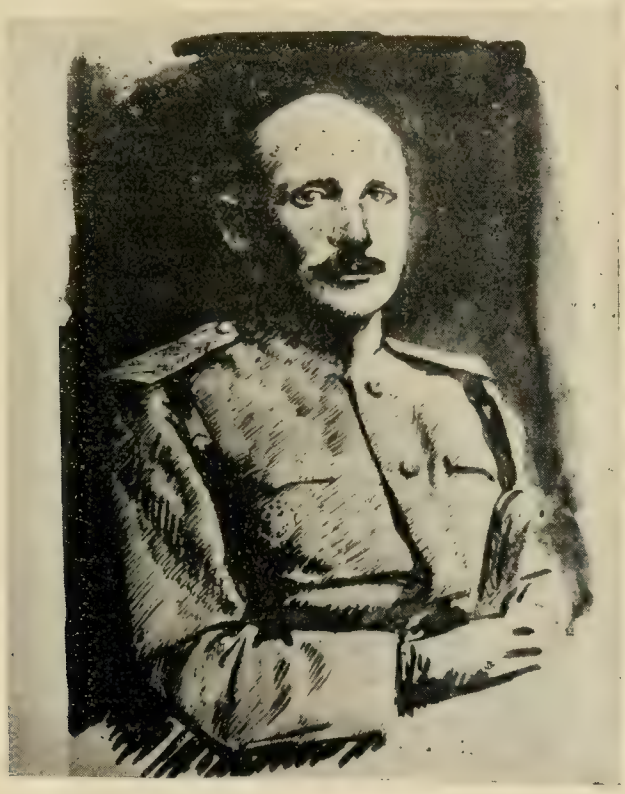
Сохранением своей жизни офицеры обязаны ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ген. Назарову. Он советовал казакам « беречь своих офицеров », нам давал совет сохранять свои документы, не давать их большевикам раньше времени и предъявить только на суде « военному трибуналу », иначе их преждевременно уничтожат большевики. Свои разговоры ген. Назаров никогда не кончал сам. Уходил в свою комнату тогда, когда разойдутся все слушатели. Когда разговоры слишком затягивались и кто нибудь из нас, чтобы дать отдохнуть Атаману, начинал слушателям советовать разойтись, Назаров говорил: « Нет, нет, поговорим еще, если хотите; я не устал, да и мне вообще уж мало осталось говорить...» Печально, грустно, тяжело нам было это слушать... Но что мы могли сделать?

А казаки-фронтовики выслушивали эти слова молча, глядя в землю. Могли ли они чем либо помочь ему? Пожалуй, и они были безпомощны...

Для свидания с арестованными нужно было иметь письменное разрешение от командующего каз. революционными войсками сотн. Смирнова. Получить его было очень трудно, и обычно его получали только женщины, да и то или по знакомству или же за взятку ра-

зличного вида. Когда меня арестовали, моя жена просила у него такое разрешение. Получила отказ, без объяснения причин. На ее вопрос: « Почему? » последовал грубый ответ: « Я не обязан и не буду объяснять, почему, а если будете разговаривать, то арестую и вас ». Тех, кто имел такое разрешение, впускали внутрь от 2-ух до 4-ех ч. дня.

Но начальник караула иногда одиночкам арестованным, не посещаемым из-за отсутствия разрешения родственниками, разрешал на короткий срок выходить на площадку гауптвахты, где постоянно был часовой.



Донской Атаман ген. А. М. Назаров

Ген. Назарова никто не посещал. Смирнов не давал разрешений на посещение штабофицеров и генералов. Еду генералу передавали казаки, они же и уносили пустые судки. Арестованных власти не кормили, еду им приносили родственники. С теми, кто в городе их не имел, делились едой все остальные.

Так как у ген. Назарова в комнате не было освещения, часто дверь в коридор у него была открыта, ночью он иногда зажигал свечку. Но никто из арестованных никогда не проявлял праздного любопытства и не стоял у его дверей, но как только он выходил из комнаты, его тотчас же окружали и арестованные и казаки караула. Начинались разговоры, распросы и... на все давал объяснения Атаман. Все его ответы были ясны, точны, коротки и понятны. Казаки интересовались общим положением на Дону и в России. Часто хотели знать о будущем, как их, так и всего казачества, о будущих порядках в станицах, об атаманах, о вольной каз. жизни итд. Все ответы Атамана показывали, что он совершенно не считается с большевиками и не боится их. Он говорил открыто о безбожности коммунизма и об его скрытых целях. Говорил, что скоро, очень скоро, « товарищи » откроют свои карты: уничтожат выборных атаманов, введут свои крестьянские комитеты, начнут расстреливать офицеров, зажиточных казаков, заслуженных стариков. Будут у казаков забирать все: нажитое добро, скот, продукты питания... На Дон начнут посылать свою крестьянскую бедноту, верную им. Начнется полное уничтожение казачества, как об этом имеется уже постановление Центр. Исп. Комитета партии большевиков. Грабежи, насилия, разбой в отношении казаков увеличиваются. Помощи искать будет негде, никто не

посмеет им оказать поддержку или защиту, ибо это угрожает гибелью. Казаки сами испытают на себе весь ужас и поймут, что у них и товарищей — дороги разные. Вот тогда то и начнутся восстания на Дону, встанут казаки сами на свою защиту. Восстания вспыхнут неожиданно, стихийно, и сразу разольются по всему Дону. И это будет очень скоро, так как свободолюбивый, верующий в Бога казачий народ не сможет долго вынести гнет и тиранию. Вот тогда то **и нужны будут вам ваши офицеры — добавлял Атаман — берегите их, не давайте уничтожать... »**

Все это слушали казаки караула. Возможно, в душе они и не совсем верили, что все произойдет так, как предсказывал Наразов. Но... это уже были не те фронтовики, что пошли против Атамана и Дон. Правительства, не те казаки, что говорили: « большевики нас не тронут, хуже нам не будет... » Сомнения закрадывались в их души и ждали они, а что же будет дальше?

Говорили об этом же казакам и арестованные офицеры, вспоминая, как по приказу Временного правительства наводили порядки вместе с казаками среди товарищей солдат и воевали против большевиков в Киеве, Петрограде, Гатчине...

Я имел возможность часто наблюдать ген. Назарова. В то время, как большинство арестованных безпокоились, сильно нервничали в ожидании возможного расстрела, ген. Назаров был всегда ОСОБЕННО СПОКОЕН. Многие из арестованных, если не все, приходили к нему. В его спокойствии они искали силу, моральную поддержку, чтобы вынести все испытания, которые быть может им придется перенести. Искали у него утешения и помощи. Просили совета. Он всегда был необыкновенно выдержан, внимателен, ласков и приветлив со всеми. И шедшие к нему чувствовали себя утешенными, ободренными, а большинство из них тоже ожидал расстрел.

Держал он себя с большим достоинством и не только с арестованными, но и с казаками караула. Первые два дня на гауптвахту приходило много, одиночками, распущенных « товарищей » солдат и матросов. Им было интересно посмотреть на ген. Назарова, Донского Атамана, который, не боясь смерти, добровольно и сознательно остался на своем посту. Как то один из таких посетителей — матрос начал ругаться. Ген. Назаров, возмущенный этим, немедленно крикнул: « Позвать ко мне начальника караула... » Матрос, услышав это, поспешил поскорее убраться с гауптвахты, опасаясь, что казаки могут с ним расправиться по своему, « по казачьи ». К генералу немедленно явился начальник караула — урядник. Стал « смирно », взял под козырек. Назаров, в повышенном тоне, как бы отдавая приказание, сказал ему примерно следующее: « Как вам, казакам, не стыдно! Пускаете сюда большевиков, а они здесь ругаются. Ругают и вашего выборного Атамана. Не им судить меня. Если надо — судите вы, казаки... Убрать этого мерзавца отсюда и больше эту сволочь сюда не пускать... » Урядник все это выслушал спокойно, сказал « Слушаюсь.. » и, повернувшись строго по уставу, опустил руку и ушел. С этого времени казаки **не пускали** на гауптвахту ни одного товарища. Долго нами обсуждался этот инцидент, все восхищались мужеством ген. Назарова. А казаки следующих караулов просили рассказать, как Атаман « вытурил матроса ».

Нью-Йорк

М. Бугураев

(Продолжение следует)

ДОНСКИЕ КАЛМЫКИ В БОРЬБЕ С БОЛЬШЕВИКАМИ В 1917-1920 гг.

После смерти Атамана Каледина в янв. 1918 г. краткое царствование большевиков с их грабежами, массовыми расстрелами и насилиями побудило казаков на Дону восстать против советско-коммунистической власти.

В это роковое время Калмыцкий народ на Дону, как часть Донского казачества, также, почти поголовно, бок-о-бок со своими боевыми товарищами казаками, поднялся на борьбу с большевиками. Боеспособная часть калмыков-казаков ушла на фронт. Дома остались женщины, дети, старики и старухи. Они работали и для себя и для фронта. Калмыцкая земля осталась без настоящего хозяина. Стало трудно с питанием, много калмыцких семей было обречено на голод. Питанием стал

почти исключительно-калмыцкий чай (преимущественно суррогат чая) без хлеба. Степи стали ареной кровавой борьбы.

Установился обычай «сидеть на сундуках». Все необходимое было нагружено на подводы, а тяга-быки и кони-были наготове в поход. Я помню хорошо, как мои две младшие сестры — 10 и 8 лет, — когда приближался фронт к нашей станице, почти два часа возились с запряжкой быков, став на табуретку, и вся семья торопилась уехать.

Много раз калмыки уходили и возвращались в станицу, домой, в надежде, что это в последний раз. Сколько было горьких и мучительных переживаний! Всегда на открытом воздухе. Палящее солнце или зимние холода. Голод. Холод. Паразиты и неизбежные болезни. Тиф, косивший ряды беженцев. Родители, братья и сестры, в силу безвыходной обстановки, на ходу выбрасывали из своей будкителеги еще не остывшее тельце умершего ребенка, безостановочно продвигаясь вперед все дальше и дальше от большевиков. Так проходили годы.

Осенью 1919 г. в один из пасмурных дней калмыки еще раз покинули свои родные места и потянулись на своих подводах, нагруженных скудным скарбом, на Кубань. Но на этот раз уходили далеко и в ужасных условиях. Часто прорывались большевики и расправлялись с беженцами. Сколько старых и малых и детей погибло от их рук! А сколько беженцев умерло от холода, болезней, сколько их без погребения брошено в пути.

В степи на Кубани умер старый Власовский Бакша Бакбушев. Его хоть похоронили и исполнили над ним печальный религиозный обряд гелюны, ехавшие с ним. Сколько народу погрязло и погибло в Кубанской весенней черной грязи...

Затор на Екатеринодарском мосту перед почти безпрепятственно наступающим врагом... И беженцы-калмыки выбрасывали почти все, лишь бы уйти, лишь бы спастись от большевиков! На мост попасть было возможно верховым и со стороны, но мост был отвесный и высокий. Сколько лошадей не смогли выбраться на него и падали со своими всадниками. Они были растоптаны следующими за ними, из которых некоторым удавалось попасть на мост. Многие верховые пускались вплавь. Быстрое течение широкой и глубокой реки их уносило и они тонули.

На мосту-каша. Толпа еле движется вперед, а сзади «наступает» поезд. Беженцы между двух огней. Гул орудий. Разрыв снарядов. Такание пулеметов. Душу раздирающие крики. Плач потерянных детей...

Все сливается в адский неописуемый хор. Лишь особо счастливые выбираются за мост. Облегченне, но одновременно и плач и рыдание.

Путь беженцев и воинских частей не кончается. Идут все дальше и дальше. Впереди Черноморское побережье. Туапсе. Грузинская граница. И голод и холод. Полная неопределеннось. Верные друзья — кони постепенно выходят из строя. Стерлись копыта. Не могут итти. Адлер. Наконец, Калмыцкий Джунгарский полк погрузился на пароход. В Крым. Лишь немногим беженцам нашлось место на пароходе. Оставшиеся достались большевикам — испить до дна горькую долю...

В Крыму Донской 80-ый Джунгарский Калмыцкий полк вписал немало блестящих страниц своей самоотверженной борьбой с большевиками. Об этом ниже. Другой Калмыцкий, 3-й Донской Конный полк, действовал на иных фронтах отдельно от старого, Джунгарского. Кроме этих полков, были калмыки и в рядах Добровольческой Армии в (Корниловском полку). К таким калмыкам большевики относились особенно зверски. Одним из живых свидетелей их издевательства и зверства был юный корниловец ББВ. Тяжело раненый, притворившись мертвым, он лежал среди мертвых и раненых и видел истекавших кровью, слышал стоны умиравших борцов-калмыков добровольцев. Красные вытаскивали калмыков из рядов военно-пленных и с криком «кадетская морда!» рубили их. Известное прозвище калмыков за их непримиримую борьбу с большевиками. Не только красноармейцы, но и деревенские мальчишки, находя пленных или раненых калмыков, били их дубинами.

Таково было возмездие Калмыцкому народа за его справедливую борьбу за лучшее свое будущее, Дона и России, народу, потерявшему в борьбе все свое достояние, 9/10 своего личного состава и все святыни которого были в корне попраны и уничтожены большевиками.

Кальмыцкая степь осиротела...

Но борьба калмыков с большевизмом-коммунизмом ныне ведется в мировом масштабе. Все равнодушные к этой борьбе ныне начинают понимать сущность коммунизма. Если бы т о г д а общими силами пресекли зло, сейчас, вероятно, все жили бы в мире и спокойствии и не было бы необходимости ни в СИТО, ни в НЕЙТО (Отана).

Этими немногими и последующими строками я хочу оставить память о героической борьбе Калмыцкого народа на Дону, и особенно одного из двух его полков, с современ-

ным рабством в форме большевизма-коммунизма, ныне стремящимся распространиться на весь остальной мир, спекулируя национальной идеей. Время уходит. С ним и люди. Редеют ряды активных участников этой грандиозной борьбы и изменяет память оставшимся.

**
*

Джунгарский или Зунгарский, а позже 80-ый Донской Джунгарский Калмыцкий конный полк, образовался главным образом из партизанских отрядов казаков-калмыков Платовской и Граббевской станиц Сальского округа ,присоединившихся к Степному Отряду походного Атамана ген. П. Х. Попова. Инициаторами создания этих отрядов в Платовской был член Дон. Войск. Круга А. С. Сарсинов, а в Граббевской — войск. ст. А. А. Алексеев, также член Круга и член Дон. Правительства при Атамане Каледине.

По приходе в 1918 г. из калмыцких степей в станицу Н. Курмоярскую отряд ген. Попова разделился: сам ген. Попов с отрядами Семилетова, Назарова, Гнилорыбова, Слюсарева, Каргальского направился вниз по Дону, освободив от красных всю территорию от Н. Курмоярской до Новочеркасска, а другая часть Степного Отряда, в том числе и калмыцкие партизанские отряды, с полк. Мамантовым двинулись вверх по Дону и дошли до уже восставшей против большевиков Н. Чирской станицы. Калмыцкие сотни, участвовавшие в освобождении от красных станиц по правому берегу Дона, ушли затем в ст. Константиновскую, где и был сформирован в мае 1918 г. Донской Джунгарский Калмыцкий конный полк (силой в 1000 - 1100 шашек) при активном участии А. А. Алексеева и бывшего товарища председателя Дон. В. Круга Б. Н. Уланова.

Первым командиром полка был войск. старш. Н. Суворов, после него — ес. Андрианов, полк. Сергеев, краткое время полк. Чеботарев, полк. Г. Э. Тепкин и войск. ст. П. Т. Безуглов. При полк. Тепкине, принявшем полк в 1919 г. на Маныче в хут. Процикове, адъютантом полка был сот. С. Б. Балыков, позже в эмиграции известный общественный деятель и писатель. Полк. Тепкин скончался в Крыму в 1920 г., а Балыков в 1942 г. — в Братиславе, в Словакии.

Полк. Гавриил Эрденевич Тепкин, калмык-казак Денисовской станицы, окончил Новочеркасское Реальное Училище, потом Новочеркасское Военное Училище. С 1-ой Мировой войны вернулся подъесаулом. Во время его командования полком он особенно бережно относился к бойцам: за это время, без всякого ущерба для борьбы и дела, полк имел наименьший урон. Его отцом был известный коннозаводчик Эрдне Дондонович Тепкин, а родным дядей — известный бакша Денисовского Хурула Шаран Тепкин, 15 лет пробывший в Лхассе в Тибете после окончания там Высшей Духовной Академии, получивший там звание высшего духовного ученого: « лхарамбо ». По возвращении на родину он был избран Духовным Главой всего калмыцкого народа в России. Позже, повидимому опасаясь его авторитета и влияния среди калмыков, сов. власть из предосторожности сослала его в Казахстан, где казахи назначили его агрономом.

Особой формы полк не имел. Была обычная донская форма: шаровары с красными лампасами, гимнастерка (или френч), фуражка с синим верхом и красным кантом и околышем. Имел полк и свое знамя: желтого цвета с изображением ОКОН-ТЕНГЕР: небесной девы, покровительницы полка.

После почти трех веков мирной жизни, у калмыков, очевидно, проснулась древняя воинственность. Джунгарский полк стал грозой на фронтах гражданской войны. Когда в период 2-й Мировой войны немцы уходили из России и крестьяне-украинцы неохотно давали им продовольствие, они, немцы, говорили, что за ними идут калмыки, которые едят не только кур, но и людей, и когда к украинскому селу подходили калмыки, все население села в панике бежало в лес. Но когда с наступлением сумерек сельчане возвращались домой и видели мирно и вежливо разговаривавших калмыков, они, селяне, с удивлением спрашивали: « вы же кимлыки? » — Да, — отвечали, калмыки. — « Да шо вы кажете. Мы же в гражданскую войну, служа у Жлобы, еле спаслись от кимлык. Они были страшные. Их было всего 1000, а нас 40.000. Они с диким страшным криком « г и ! » напали на нас и почти всех наших перебили. Наш батько Жлоба еле спасся на машине. С тех пор мы молились, чтобы не только мы, но и наши дети не видели их. Вот сейчас мы видим, что мы ошибались. Людей они не едят, но « дюже гарны вояки ».

В составе Джунгарского полка бывали 14-15-летние мальчики. В 1920 г. из полка явились в Калмыцкий Детский Приют в Евпатории в Крыму в чине урядников двое мальчиков: Нури Трушкин и Николай Иванов. Они нам рассказывали о боевых действиях своего полка. Они наравне с взрослыми принимали участие в боях. Подобные же воины — Эрдне

Чурюмов, Мирма Шиханов, Басан Бембетов учились в Русской Гимназии в Праге, в Чехословакии. Эрдне Чурюмов и Мирма Шиханов были в 3-м Донском Калмыцком Конном полку, а Б. Бембетов в Корниловском. Последний Б. был тяжело ранен и глубокие шрамы от ран можно видеть до сих пор. По окончании Русской Гимназии в Праге, Б. Бембетов окончи агрономический факультет в Пражском техникуме.

Свои первые боевые действия полк начал в районе слободы Большая Орловка, а затем воевал в Сальском округе. Всюду в родных станицах видел, как красные расправлялись с населением, никого и ничего не щадя. В Платовской станице бронзовое изображение Будды служило им мишенью для стрельбы, его грудь во многих местах была пробита пулями: надругательство, о котором калмыку страшно было бы и подумать. Это могли сделать только коммунисты. В другом месте огромная библиотека Ново-Алексеевского Хурула была употреблена как подстилка для окопов, а из шелковых изображений Будды жены красногвардейцев шили себе юбки. В Граббевской станице красные подожгли станицу и ее Хурул с большой ценной буддийской библиотекой на тибетском и калмыцком языках и святыми изображениями Будды.

Постепенно Джунгарский полк освободил юрты Батлаевской, Денисовской, Платовской, Великокняжеской, Орловской станиц и территории Восточного, а также Верхнего конного завода и Среднего Войскового запаса.

По пути к полку присоединялись калмыки и казаки, решившиеся на борьбу с большевиками. Антибольшевистский фронт захватил весь Сальский округ и протянулся вдоль ЖД на Царицын. Из района станции Ремонтная полк был переброшен к границам Астраханской и Ставропольской губерний. Так кампания протянулась до января 1919 года. Фронт менялся не раз. Наши войска успешно доходили до Царицына и отступали далеко на юг. Соответственно калмыки то возвращались в свои станицы, то вновь уходили. Передвигался нескончаемый караван нагруженных домашним скарбом подвод и шли огромные стада скота.

За Маныч уходили не только калмыки-казаки, но и огромное количество казаков из-за Дона. Беженцы всюду. И всюду их скот, стала овец и табуны лошадей. Но и всюду людей преследовала болезнь. Смерть. И падеж скота.

Фронт тянулся от Азовского моря почти до Каспия, но в мае 1919 г. мы снова гнали большевиков на север, на Царицын. Бои шли жестокие. От Маныча до Сала степь была покрыта человеческими и скотскими трупами.

В мае беженцы-калмыки вновь вернулись в свои станицы.

Джунгарский полк был причислен к корпусу Мамантова на Воронежском фронте. Полк прибыл в Воронеж. Ему дали отдых на два месяца.

В августе 1919 г. полк действовал на Курском направлении. В составе корпуса Мамантова он шел на Москву. С боями заняли Новый и Старый Оскол, Валуйки, в октябре заняли Орел.

При отходе Добр. Армии стал отходить и полк.

После отступления из Воронежа было приказано и донским станицам уходить за Манычь. Декабрь 1919 г. Глубокий снег. Трескучий мороз. Тысячи подвод, тянувшихся на юг. На этот раз бедствия стали неизмеримо большими, чем раньше. Была масса не только беженцев калмыков, но и масса задонского казачества. Налетали красные. Рубили, грабили, насиловали и убивали.

Больше половины беженства перешло Манычь. Наши военные силы их прикрывали. Напор красных все усиливался, и не в силах были наши войска их остановить. Поток беженцев устремился на Кубань и дальше. Туда же отходила и армия.

Весна 1920 года. Грязь по колено. Тягловая сила стала. Беженцы бросали все свое жалкое имущество и уходили дальше пешком. Лишь бы уйти от красных...

На кавказских горах обувь износилась. Несмотря на опухшие и окрававленные ноги, беженцы старались не отставать от войск. Голод. Тиф. Паразиты. Грязь почти невылазная. Больных несли на носилках. От горных дорог стерлись копыта лошадей. Их приходилось бросать. Половина нашей армии — пешком. На оставшихся коней сажали слабых, более сильные шли пешком.

Часть Армии отступала по Сочинскому шоссе. Другая, двигавшаяся на Новороссийск, была настигнута большевиками.

Вся земля от Дона до Черного моря усеяна трупами казаков и калмыков. Джунгарский полк и часть беженцев-калмыков отступали по Сочинскому шоссе.

Дошли до Сочи. Дальше — некуда. Три недели ожидали пароходов. Полк дошел до Адлера. С ним и беженцы-калмыки. Здесь, наконец, полк погрузили на пароход — в Крым. Приказ — беженцев не брать. Но как их оставить? Как?! Ухищрения. Женщинам постригли волосы. Прикрыли шинелями.

Но взять всех н е т никакой возможности. Н е т...

Брошены кони с седлами и вьюками Пароход « Дон ». Кончилась погрузка. Пароход отплывал... « Дон » покинул, бросил калмыков. Приказано играть похоронный марш. На берегу брошенные люди, кони. Плач, рыдания и вопли. Сердца готовы разорваться от горя. Плачут все. Даже воины, казалось, с окаменелыми сердцами...

***

Крым. Город Акмечет. Джунгарский полк принял сам ген. Врангель, Главнокомандующий Крымской Армией, и отправил полк в село Акмечетовка, что за Евпаторией.

Здесь полк отдохнул и снова переформировался.

20 мая 1920 г. он выступил в поход. Шли пешком на Джангарский мост. 25 мая — первая стычка с большевиками.

С полком — броневик « ВОЛК ». Большевики бежали. В тот день полк занял три села. По приказу главного командования в селах и деревнях забирали коней, но вслед шла Комиссия, платившая за взятых коней.

Наступление продолжалось. Большинство казаков-калмыков на конях, но без седла: оно заменялось набитыми соломой мешками. Полк преследовал большевиков, уходивших на Каховку. Но на третий день его повернули на Мелитополь. Здесь полку дали три дня отдыха. После этого он снова переброшен на Каховку. Отсюда его опять бросили на Мелитополь, где он получил недельный отдых.

В этот период произвели переформирование. Из -4-х Донских полков составили дивизию в составе: Джунгарского полка под командой полк. Тепкина, Калединского под командой полк. Чапчикова, 6-го Ермаковского, под командой полк. Шмелева и 48-го полка под командой полк. Губкина. Выступили в Бердянском направлении. На этом пути в Болгарской колонии дивизия встретилась с красными частями.

Три дня ожесточенных боев. Большевики отступили на Бердянск. Здесь они получили большое подкрепление броневиками. Дивизия отступила. Фронт менялся, переходя из рук в руки в течение суток.

Со стороны Ореховки ожидалось наступление 35.000-й красной кавалерии под командой известного Жлобы. Бывшая под Ореховкой Корниловская дивизия под давлением Жлобы с боем отступала. В помощь этой дивизии приказано наступать Донской дивизии. Одновременно для их поддержки приказано приготовиться 5-ти аэропланам с пулеметами.

Отступающую Корниловскую дивизию преследовала Жлобинская кавалерия. Донская конница ее атаковала. Аэропланы открыли по жлобинцам огонь из своих пулеметов. Жлобинцы смешались, панически бросаясь из стороны в сторону, потерпев полное поражение. Сам Жлоба спасся на автомобиле.

Донцам досталась большая добыча: кони с седлами, амуниция и всякого рода оружие. Самое важное — в значительном количестве седла.

Теперь калмыки-казаки вновь стали в полном смысле кавалеристами.

После этой победы прибыл к Донцам Главнокомандующий ген. Врангель. Джунгарский Калмыцкий полк получил от него знамя. Все командиры полков были награждены Георгиевскими крестами. Донские полки получили 10-тидневный отдых. После они выступили на Б. Токмак.

Здесь были собраны крупные силы красной кавалерии и артиллерии с многочисленными орудиями. Донская дивизия окружила их ночью и на заре атаковала. Противник был захвачен врасплох. Но бой был жестокий. Противник бежал, оставив на поле битвы 8 орудий и 4-ре пулемета с тачанками. В плен был взят командир батареи и много других пленных.

В течение месяца Б. Токмак переходил из рук в руки.

Вскоре Донскую дивизию заменили Корниловской пехотой, а дивизию перебросили в направлении на Ореховку. Здесь был двухдневный бой. В помощь Донской дивизии дали два броневика: « Волк » и « Огонек ». С их помощью дивизия заняла станцию Ореховка, но пришло донесение, что Красная кавалерия зашла в тыл и Донскую дивизию вызвали туда.

Она выступила ночью. Там противника не оказалось. Он прошел в глубокий тыл и был под Мелитополем. Дивизия догнала его на другую ночь и на заре с ним завязался бой. Он продолжался целый день. Но ночью противник ушел на Больш. Токмак, где стояла Корниловская дивизия. Она атаковала красных с фронта, а Донская дивизия с тыла.

Враг потерпел большой урон, но прорвался и ушел, весь же его обоз достался Донской дивизии. Она преследовала противника два дня, дойдя до Матвеева Кургана.

Был май месяц. Полковник Назаров высадился в Таганрогском районе с дессантом и пошел через Матвеев Курган на Дон — поднять его.

Но прежде чем наша дивизия соединилась с ним, его разбили под Константиновской станицей. Сам Назаров успел спастись и перео-

детым явился в нашу дивизию под Таганрогом. Здесь она держала фронт до 1-го ноября.

Но вот пришел приказ немедленно выступить в Крым, так как после перемирия Советов с Польшей Буденовская армия в 64 тысячи бойцов идет в Крым через Каховку отрезать нам путь.

Мы быстро отступили из Матвеева Кургана. Наши обозы переправились через Геническ, а дивизия пошла на Джангарский мост. Но еще до прихода нас он был занят красной кавалерией под командой калмыка О. Городовикова. Донская дивизия обошла ее, чтобы отрезать красных от их резерва, но они бросились в контр-атаку. Борьба была ожесточенная, переходящая в безпощадную рукопашную. Противник был разбит. Их орудия остались на Джангарском мосту. Нас заменила пехота. Всю нашу кавалерию отправили и сконцентрировали на Перекопе под командой ген. Барбовича. Мы атаковали армию Буденного и забрали многочисленных пленников.

Положение Перекопских защитников, казалось, было прочным, но случилось нечто абсолютно непредвиденное. Сиваш, сто лет не замерзавший, как раз в этом году замерз и так, что большевики могли переправить не только пехоту, но и тяжелую артиллерию.

Было бессмысленно держать Перекоп. Мы отступили. Вся кавалерия пошла на Керчь, а обозы на Севастополь.

Пришел конец нашей трехлетней борьбе за Свободу, Родные Земли и Родину... Джунгарский полк, как и другие полки, грузили в Керчи на пароход « Арарат » в первую очередь.

Но в порту находились многочисленные беженцы.

Нужно ли говорить об их положении, об их отчаянии?

После погрузки раненых и военных, взяли и гражданских беженцев. Но сколько?! Пароход был перегружен. Не было свободных мест. Битком набито. А на берегу тысячи. Т ы с я ч и . . .

Картины, сцены незабываемые и душураздирающие. Брошены. Оставлены...

Два дня пароход плыл в Турцию. Якорь бросили в Мраморном море против Константинополя. Три недели карантин. На пароходе теснота, грязь, голод. Турки, подплывавшие на лодках к пароходу. съестное продавали за цены непомерные: серебро, часы, золотые кольца и драгоценные вещи.

По окончании каранина, цивильных беженцев сортировали. Одних отправляли в Сан Стефано, других в Гайдар Паша, а отсюда на Балканы и др. места.

Военных разгрузили в Серкеджи. При разгрузке отбирали оружие: винтовки, шашки и револьверы.

По высадке Джунгарский полк, как и другие, разместили в сараях и лишь потом джунгарцы разместились по « человечески ». Но они, как арестанты, были под стражей французских мароканцев. Никуда калмыков не пускали. Еду отпускал Американский Красный Крест.

Потом полки посадили на товарный поезд, куда они едва влезли. После нескольких станций всех высадили на чистом поле. Отсюда союзники (французы, англичане и американцы, ведь, были союзниками по Первой Мировой войне) казачьи полки пешком два дня гнали до станции Кабаджа. Во главе их шел ген. Калинин. Все мы под конвоем мароканцев были на положении арестантов. Конвоиры сопровождали казаков верхами и обращались с ними крайне грубо. Слабых конвоиры били и угрожали растоптать лошадьми.

Наконец, дошли до Кабажди.

Казакам и калмыкам союзники отвели для прибежища окруженное колючей проволокой поле. Чем не советский концлагерь?!

Награда со стороны союзников за трехлетнюю борьбу с большевизмом, когда мы защищали не только свою свободу, но и свободу и культуру Западного мира!

Казаки решили устроить себе « жилище ». Было разрешено с соседней станции брать рельсы и шпалы, которыми крыли вырытые для землянок ямы и покрывали землей.

Т а к милостью союзников прибежище себе нашел и славный Донской 80-ый Джунгарский Калмыцкий Конный полк, пока мы не разъехались в разные страны Западной Европы, а через много лет, снова пройдя много мытарств, все более распыляясь, не докатились до США...

Большевизм-коммунизм, р а й, к о т о р ы й большевики обещали народам России и « трудовому человечеству »!?

Он стоил Донским калмыкам-казакам жизни хочти всего их народа, всего их достояния, почти всех их святынь.

США.

Петр Дживзанов

К ОККУПАЦИИ ЧЕХОСЛОВАКИИ

(Танки)

Мне жаль вас, Бухарест и Прага,
Предвестники весенних бурь! —
Приснились вам на дне оврага
Свобода, солнце и лазурь.

Увы! Безжалостные танки
В тюрьме воспитанных рабов
Разбили облачные замки
Несбыточности ваших снов.

А эти танки — только всходы
Когда то брошенных семян,
Когда нерусские народы
Косили русских как бурьян.

Китайцы, латышей отряды,
Германия, полки мадьяр, —
Не поскупились на снаряды
Чтоб превратить Русь в « Бабий
Яр »...1)

В Сибири генерал Сирови 2)
Был братски принят Колчаком...

Увы! — Удар судьбы суровой
Предал Верховного в « Ревком ».

И комиссаров легионы
Нерусской крови и души
Расстреливали миллионы
В Лубянке, в центрах и глуши.

Земля, напившаяся крови,
Дала питанье семенам,
И... ТАНКИ родились из нови, —
Подарок дорогим « друзьям ».

Чили.

Сергей Ленский

---

1) « Бабий Яр » — место расстрела еврейского населения Киева немцами во время войны.

2) Ген. Сирови — чешский генерал. Как известно, чехи легионеры выдали на расстрел большевикам адмирала Колчака.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА УРАЛЬСКОН ОТДЕЛЬНОМ ФОНТЕ

(Продолжение № 77)

После одного дня нашей передышки в Калмыкове, красные повели на него наступление. Пока наши части, особенно пришедшие с левого фланга, были агрессивно настроены и достаточно многочисленны, было решено « проучить » красную конницу, дав ей хороший урок. План обсуждался под руководством полк. В. М. Хохлачева всеми начальниками частей отряда. Со слов полк. И. В. Емельянова, который не имел в своем распоряжении достаточно конницы, красные, постоянными обходами его с левого фланга Быгырдаем, каждый раз принуждали его к отходу, несмотря на вялое действие красной пехоты. Намерения большевиков захватить Круглый с тыла показывали, насколько красная кавалерия осмелела и чувствовала свое превосходство. План защиты Калмыкова и разгрома красных был самый простой: при обходе красными подпустить их как можно ближе, расстрелять их лаву из большого количества пулеметов (по примеру защиты Ала-Байтал) и с близкой дистанции атаковать их в конном строю густой лавой, так как пулеметов при таких обходах красные при себе никогда не имели.

При начале наступления красной пехоты на Калмыков полк. Хохлачев его оставил, заняв наблюдательный пункт сзади. Гурьевский пеш. дивизион, усиленный пулеметной командой 1-го Парт. полка, занял окраину Калмыкова в сторону степи, откуда намечался обход. В исполнение плана полк. Н. не должен был открывать огня и тем более отходить без приказания. Пехота красных, как всегда, наступала вяло, что позволило почти все снять с этого фронта, сосредоточив конницу для удара на левом фланге.

Вот далеко слева появилась красная конница, лавы ее двигались шагом на Калмыков.

Но лишь я отлучился из цепи на короткое время для подготовки наших конных полков к предстоящей атаке — полк. Н. открыл огонь издалека по красным лавам, когда они находились вне достягаемости. Красные остановились и... оставались угрозой на нашем левом фланге до самого оставления Калмыкова. Атаковать красную кавалерию с далекого расстояния, гоняться за ней по степи не входило в наши расчеты. Приказание В. Атамана ясно гласило: « Отходить огрызаясь » и « Беречь части ».

В Калмыкове ничего не вышло. Красные подтянули всю пехоту, артиллерию и повели атаку с фронта и к вечеру Калмыков был нами оставлен. Потерь наш отряд почти никаких не понес (десяток раненых), кроме одной большой, которая стоила дорого впоследствии: — полки « потеряли сердце ».

После Калмыкова мы отошли в следующую на низ станицу — Красноярскую. Полк. Хохлачев ,заболевший тифом, был отправлен в тыл, и я стал непосредственно сноситься с Атаманом. Тиф продолжал все еще свирепствовать, командиры частей уже не докладывали о числе эвакуированных за день больных, а лишь время от времени сообщали о числе оставшихся в строю.

В Красных Ярах наш отряд задержался, остановил цепи красной пехоты, разогнал обходившую нас слева конницу красных, но опять не получилось того, что могло быть. Позиция наша в Кр. Яре для защиты была очень хорошая, 2-ой Оренбургский полк один разогнал красную кавалерию, маячившую на левом фланге, но полк. Н. был заражен психологией пехоты Германской войны последних дней: раз « обходят », то нужно « отходить » — все равно своя кавалерия « бросит » пехоту. Это было для него как бы тактическим « Отче Наш », но в таких случаях он ссылался на свою « опытность ». После того, как красные открыли арт. огонь по центру Кр. Яра, наш отряд его оставил и, преследуемый издалека красной конницей, отошел на следующий на низ пос. Харкин. Начал падать маленький снежок и морозить. К вечеру морозец так усилился, что Урал впервые « затянулся » льдом. Несмотря на все это, в Харкине я получил телеграмму — благодарность отряду от В. Атамана за « геройское сопротивление при защите станиц Калмыковской и Красноярской ». Этим же днем Гурьевский пеш. дивизион в 400 штыков был заменен на нашем фронте присланной сотней конных, что сильно нас ослабило. В п. Харкине мы задержались на несколько дней.

Яицкие казаки (жаль, что сначала революции Уральское Войско не переменило официально свое название на старое настоящее — « Яицкое ») всегда страшно опасались шпионов. Так было во время германской войны, где каждого еврея казаки подозревали в шпионаже. А в Харкине в первый же вечер из заставы казаки привели « шпиона », которого поймали на дороге лежащим в телеге, запряженной верблюдом. « Шпион » был одет в мужскую бекешу, в папахе, на вопросы отвечал слабым женским голосом... Когда же развязали все шали и шарфы на « шпионе », то увидали к общему изумлению, что это была жена ес. Каймашникова, который по ее словам умер от тифа в Калмыкове в день его сдачи. Она так напугалась смерти мужа, стрельбы и перспективы остаться у большевиков, что, потеряв голову, бросила мужа « на столе », бросила все и с деньщиком (пленным красноармейцем) оставила Калмыков. Деньщик же бросил ее в дороге. Она потом долго оставалась при штабе нашего отряда, не желая отправляться в тыл, т. к. близких у нее там не было, да она и находила, что на фронте спокойнее, чем в тылу.

При отступлении из Калмыкова неутомимый Кирсанов « поживился » там каким то образом кишмишем, урюком, черносливом и другими « сладостями » и некоторым количеством спирта. По этой причине и по случаю « геройской защиты Калмыкова и Красноярска » в штабе отряда был устроен « прием ». Но несмотря на все просьбы « гостей » и « хозяев », на их уговоры и угрозы, — Кирсанов наотрез отказался увеличить установленный рацион (две рюмки). Это позволило ему сохранить « рюмку водки » до начала похода.

После некоторых попыток завладеть Харкиным маневрированием и демонстрацией конницей и видя, что из этого ничего не выходит, красные повели на него наступление всей массой. Ниже Харкина находился п. Горский (Горы), куда по сдаче Харкина мы должны были отойти. В нем были склады снарядов, которые я должен был зажечь при отходе из него. Красные, заняв Харкин, там не остановились. Оттуда вышли их цепи, конница все время маячила на нашем левом фланге. Пехота их продвигалась медленно, наши пулеметы сдерживали ее огнем прямо с тачанок. Ничто не предвещало осложнений. Отходили медленно и спокойно. Начал падать маленький снежок, потом подул ветер, снег усилился, поднялась настоящая мятель и к тому же « попутная » красной коннице, чем и воспользовалась их лава, атаковав наш отходивший отряд во фланг. За бураном резерв этого не видел. Я находился в центре нашей

лавы и заметив, что левый фланг ее начал откатываться, отправил туда сначала казаков связных, а адъютанта за резервом, а сам с одним своим вестовым скачу налево. Лава продолжала откатываться и в результате я оказался сзади ее. Красная же конница, вместо того, чтобы ударить по нашей лаве, заметив, что она отходит, поскакала вдоль ее к р. Уралу. Группа из 6-7 конных красных, заметив меня, направилась ко мне. Между нами расстояние не превышало 30 саженей и ежеминутно сокращалось, так как мой конь, взятый за день из табуна, шел сначала мелкой рысью, а потом, повеся мокрые уши, перешел на шаг. А группа красных увеличивалась и смелела. Стреляя из револьвера и отмахиваясь шашкой, я не заметил, как ко мне присоединился командир 1-ой сотни 1-го Партиз. полка с таким же усталым конем, как и мой. Стали мы стрелять из двух наганов, отходя шагом. Долго ли бы это еще продолжалось — не знаю, красные все больше смелели и количество их увеличивалось. Но Бог не без милости, казак не без счастья...

С тыла к нам полным карьером несся всадник, — то один ур. Колесников скакал спасать своего командира сотни, остававшийся, как и я, позади лавы. Доскакав до нас, не останавливаясь крикнул « Отходите — я вас прикрою » и, подскакав к красным почти вплотную, в мгновение ока скидывает винтовку (обнаженная шашка висела у него на руке) и стреляет в кучу ошалевших от неожиданности красных.. .Один из них падает с коня. Колесников делает вольт, опять налетает на красных, опять стрелает. Два наших вестовых присоединяются к нему, красные начинают дергать коней и поворачивать. По слухам, красное командование сажало на коней пехоту, что и оказалось. А мы, с такими « орлами », как Колесников, были вынуждены отходить. В это время услышалась стрельба нашего пулемета слева, тучка со снегом пронеслась из-за бурга показался Лбищенский полк, идущий в контр-атаку, и мы были спасены.

На самом правом фланге, упираясь в Урал, были в лаве остатки Калмыковского конного полка с сот. Паленовым. За метелью, не видя, что происходит налево от него, он задержался, а когда заметил, то было уже поздно. Красные конники были около него, левый фланг его лавы отскакал назад, не успев предупредить о происходящем, и сот. Палёнов с 15-20 казаками оказался отрезанным. А калмыковцы, побросав коней, бросились на р. Урал и с риском на животах переползали по едва окрепшему льду на бухарскую сторону. В следующем ниже по Уралу п. Гребенщики Палёнов присоединился к нашему отряду.

Зажечь склад снарядов в п. Горском мне не пришлось. Снаряды уже рвались, когда мы группой шагом пересекали поселок. Со стороны степи он уже был занят красными. Мы были уже в центре поселка, когда я заметил, как, очевидно напуганный взрывами, навстречу нам несется заседланный конь без седока. Моему вестовому удалось поймать его. « Хоть масти он пегой, но добрый конь... » сказал он, подводя мне коня. Тут же на улице я бросил усталого жеребчика. Захваченный конь верно служил мне до самого конца. В отряде потом говорили: « Это Св. Архистратиг Михаил прислал Вам подарок по случаю Войскового Праздника... »

Красная конница (пехота на конях) не причинила нам больших бед и, удовлетворившись нашим отходом в следующий поселок Гребенщики, оставила нас в покое. Рано утром, дождавшись присоединения сот. Палёнова, наш отряд отошел в Кулачин. Конница красных уже маячила на фланге, но отряд не оказал ей « чести » и, в колонне по шести, спокойно занял поселок. Я сообшаю все эти детали ,потому что они относятся к последним дням существования Уральской Отдельной Армии. Указаны они в хронологической последовательности, имена, названия и события описаны так, как они происходили.

В Кулачине несколько дней большевики нас не трогали. Охранение велось строгое: днем ес. Юдин от батареи выставлял наблюдательный пунк с подзорной трубой, биноклями и телефоном на церковной колокольне, откуда было видно во все стороны верст на десять. Дежурный полк был « под седлом », на ночь высылалась застава с офицером, пулеметом и телефоном под самый Гребенщиков. При таком охранении нам казалось, что отряд гарантирован от всяких неожиданностей.

Во время стоянки в Кулачине я получил донесение от ес. Карташева, который с Учебным полком занимал аулы на бухарской стороне на высоте нахождения нашего отряда, в котором он сообщал, что рано утром того же дня группа казаков человек в 15, под руководством хор. Зузанова, напала на его пост, захватила в « плен » одного казака и скрылась в направлении на Гребенщиков. Ес. Карташев бросился его преследовать, но захватить Зузанова не удалось, так как его догнали только на льду Урала, против Гребенщикова, занятого красными. Зузанов — уральский казак, станицы Уральской, последнее время был при штабе 2-ой дивизии. Во время

разгрома Чапаева в Лбищенске он был при начальнике дивизии. В Лбищенске Зузанов взял в « жены » пленную машинистку из штаба Чапаева, которая, будучи коммунисткой, и привела его в « свою веру ». При нашем отступлении « жена » Зузанова осталась в Калмыкове с тем, чтобы подготовить почву к его переходу с « интересными сведениями ». Разница Зузанова с Андреем Гоголя из « Тараса Бульбы » та, что при чтении произведения Гоголя читатели сочувствуют Андрею, потому что, помимо чистоты моральной самого Андрея, у него был строгий судья — отец. К сожалению, у Зузанова вся его подлая измена прошла без возмездия.

За время нашей стоянки в Кулачине каждый день красная конница подходила к нему и маячила в степи, очевидно с целью узнать, не ушли ли мы из него.

Одним утром, как всегда, я проснулся часов в пять, позвонил на заставу, выпил чаю и одетым вновь прилег и заснул. Но спал я недолго, потому что было еще темно, когда Кирсанов начал меня будить: « Вставай скорее, на улицах кругом стрельба... ». Вскочив, я бросился к телефону — « Вызывай заставу...» Застава не отвечает... Связные от « полков » находились в той же комнате, что и телефон, и были немедленно разосланы по частям с приказанием собираться по тревоге против штаба отряда, где стояли и пушки ес. Юдина. Выскочив на улицу на коне, я утыкаюсь в группу всадников... Все еще темно... Все кричат, где то стреляют — полная неразбериха. Я шныряю между всадниками, стараясь определить, большевики или казаки. На меня никто не обращает внимания. На окраине застрочил пулемет... Началась паника, скачка... К этому времени я уже определил, что на улице столпились казаки. Кричу им: « Налево... В маленькую улицу... В степь »... Все повернули и понеслись, и я с ними. Была легкая гололедица. Конь мой, захваченный общей нервностью, понес меня в степь, скользя по льду изношенными подковами. При попытке его задержать, седло полезно ему на шею и я убедился, что конь не заузданн и седло не подтянуто, а я один, так как вестовой во время суматохи на улице потерял меня. Что делать? Каждую минуту конь может поскользнуться, упасть и меня покалечить. Успокоив коня сколько можно, намотав крепко чумбур на руку, я выпрыгнул из седла... Упал, но коня задержал. Взнуздал его, подтянул подпруги и повернул назад, задерживая скачущих казаков. Собрал человек пятьдесят. Начало светать. Направо вижу группу — оказался ес. Юдин со своими батарейцами и присоединившимися к ним казакам других частей. Соединившись, мы атаковали Кулагин, « сняли » пулемет, стрелявший с окраины, и заняли южную окраину станицы. Со всех сторон из улиц выскакивали казаки, обозы, вытянули одно орудие, а остальные три были брошены на месте. И Кирсанов выскочил со своим « имуществом », не забыв адъютанта пор. Кошелева, лечившегося от раны в полку. Стрельба в центре и противоположной окраине продолжалась. С группой казаков подъехал хор. М. С. Портнов, сообщивший, что пехота красных уже заняла другую окраину станицы. Хор. Портнов был расположен в центре станицы и отсиделся там, выйдя оттуда, когда красные прошли. Дождавшись, когда из центра Кулагина больше никто не выходил и заметив продвигавшуюся пехоту красных, остатки нашего отряда оставили Кулагин. Помимо трех орудий, там были брошены немало обозов, несколько пулеметов. Были потери и пленными с нашей стороны, точного числа их установить не удалось. В числе вышедших из Кулагина не было ни одного казака 1-го Партиз. полка, никто про него ничего не знал и связной казак, посланный в начале тревоги в штаб полка, не возвратился. Полк целиком пропал. Он был расположен на окраине станицы, обращенной к Гребенщикову, и первый должен был принять на себя удар в случае неожиданного нападения. Оказалось, при начале тревоги он занял окраину согласно приказанию, привезенному из штаба отряда, но началась стрельба в центре и на выходах из станицы, пехота красных, открыв сильную стрельбу, приближалась... Не рискуя с обозами и больными прорываться через красных, по соображениям начальства 1-го Партиз. полка, занявшего Кулагин, полк, заняв спуск на р. Урал, начал переправлять свои обозы по льду на бухарскую сторону. Лед был еще крепости « сомнительной », но уральские казаки, как рыболовы, имеют в этом отношении большой опыт. Повозки переправлялись собственной тягой, коней, облегчая, поддерживали на постромках с двух сторон. Прикрытие отбивало попытки красных добраться до переправы. Когда все было переправлено, оно цепочками перебежало по льду.

После Кулагина мы заняли следующий вниз по Уралу поселок Орлик. К 12 часам того же дня наблюдатель с колокольни донес, что бухарской стороной, направлением на Орлик, движется какая то конная часть составом в четыре сотни, с обозом. К общей радости то был « пропавший без вести » 1-ый Партиз. полк. Что же произошло? Оказалось

— в заставе в Кулагине была сотня 2-го Оренбургского полка (40 шашек). Когда в 5 часов утра, проснувшись, я позвонил на заставу, командир сотни мне ответил, что ночь прошла благополучно и никакого движения красных замечено не было. Я ему приказал — через полчаса, с началом рассвета, незаметно отойти в Кулагин. Но к этому моменту красная конница, незаметно приблизившись в темноте, атаковала заставу. На хвостах у заставы красная конница частью вскочила в Кулагин, а часть степной окраиной станицы заняла главный выход из нее и открыла огонь из пулеметов. Началась стрельба в центре, паника.. Их маневр им удался, как удавались до этого нам и наши маневры. Защиту Кулагина изнутри, ввиду поднявшейся паники, организовать не удалось, также и потому, что большинство защищавших Кулагин частей были разрозненными, малочисленными, мало сполоченными и поэтому не представляли из себя боевых единиц большой стойкости.

Не успели мы в Орлике как следует подсчитать свои потери и опомниться от трепки в Кулагине, как рано утром красная конница огромной лавой стала обходить поселок. Пехоты их с фронта еще не было видно. В последний раз наш отряд показал красным, что, несмотря ни на что, он их не боится. В колонне по шести спокойно вытянулся он на дорогу и пошел на станицу Пополинскую, сопровождаемый лавой красных, не отваживавшихся атаковать нас. Мы заняли отрядом п. Тополи.

Тиф продолжал свирепствовать попрежнему. Единственный врач был у нас в 1-ом Партиз. полку, но и тот, заболев в Калмыкове, был отправлен в тыл. Контроля, конечно, уж не было никакого. Конечно, были и симулирующие, малодушные, под видом больных отправлявшиеся в тыл. Проверить, установить точно не было никакой возможности.

Каждый вечер я докладывал В. Атаману о положении на фронте, прося подкреплений. В тылу им делалось все возможное, из тыловых учерждений, из штабов собирали людей, формируя части. Но при занятии п. Тополи в отряде, прикрывавшем отход Уральской Отд. Армии, оставалось всего лишь 600-700 шашек с одним орудием. Из них лишь 1-ый Партиз. полк в 320 шашек с 10 пулеметами, 2-ой Оренбургский до 200 шашек с 2-мя пулеметами, сотня калмыковцев (остаток полка) представляли из себя действительно боевые единицы. Остальное же были остатки 4-5 полков с присланными пополнениями, управлять которыми было почти невозможно. Сводили полки в сотни, а они вновь таяли, прибывали пополнения, часто всего в 15-20 человек, сноба переорганизовывали ,но результата было мало.

Но вернусь к общему положению. Ес. В. Карташев с Учебным полком был убран с левого берега Урала, ибо из-за своей малочисленности потерял всякое значение. На правом фланге корпус ген. Акутина занимал по старому свои позиции. Его штаб был еще в Казыл-Куге. Полк. Шадрин (3-ья дивизия) защищала это направление. Полк. Балалаев с Илецкими частями (4-ая дивизия) находился в районе аулов между Куспой и Уилом. К этому времени против него были брошены красные оренбургские казаки.

В п. Зеленом произошло событие, которое окончательно решило судьбу Уральской Отд. Армии. Неизбежность краха давно стала очевидной и мы не ждали никаких чудес. Но 15-16 дек. 1919 г. в Зеленом мы осознали всю безвыходность нашего положения. Рано утром со стороны красных появились парламентеры с белым флагом с письмом на имя « первого начальника дивизии или отряда ». В этом письме было: « Ввиду полной бессмысленности и невозможности с вашей стороны дальнейшего сопротивления, я предлагаю вам сдать оружие, все огнеприпасы и прекратить сопротивление. От имени Сов. Правительства я гарантирую жизнь и неприкосновенность всем казакам ,офицерам и генералам. — Командующий 4-ой Сов. Армией фрунзе ». Второе письмо, подписанное нераборчиво начальником дивизии ,предлагало для гарантии безопасности красных парламентеров выслать в п. Тополи такое же количество казаков с нашей стороны. Последняя просьба была немедленно выполнена, а я со своей стороны немедленно вызвал В. Атамана к проводу и доложил ему о случившемся. Атаман ответил: « Не предпринимать ничего — я выезжаю на фронт ». К 11 часам Атаман был уже в Зеленом. Вызвали красных парламентеров, но они ничего не добавили к ультиматуму. В нашем штабе был написан « ответ », в котором указывалось, что на сношения с нашим правительством необходимо три дня. Ответ был послан с красными парламентерами. Через некоторое время они возвратились и привезли согласие, но с просьбой за эти три дня не предпринимать никаких военных действий, ни подготовлений к ним. Атаман остался обедать в штабе отряда и Кирсанов показал все свои таланты и даже рюмку водки сохранил для этого случая. По окончании обеда я настойчиво просил Атамана сменить 1-ый Парт. полк и меня, дать ему день-два отдыха перед предстоящим походом, а мне дать возможность подготовить все необходимое к нему. Это

было возможно, так как Атаман говорил до этого о вышедшем уже из Гурьева конном дивизионе воск. старш. И. И. Климова в 350 шашек. После недолгих уговоров Атаман согласился ,но с условием только после прихода в Зеленый отряда Климова. И я согласился, но « выторговал » разрешение мне оставить Зеленый вместе с Атаманом, так как на его автомобиле я скорее доберусь до обоза 2-го разряда полка, который находился в п. Сарайчинках, где, кстати, находилось и Войсковое Казначейство. Моему заместителю ес. А. С. Русакову был дан совет (он и не был нужен), что как только придет замена, после необходимого времени для ознакомления с обстановкой в. с. Климова, немедленно уходить скорым маршем из Зеленого. Из Сарайчинки В. Атаман отбыл в Гурьев, дав мне « наряд » в Казначейство и приказал оставить Сарайчинку не раньше 22 дек., а дальше идти на Соколок — промыслы Ракуша и Жилая Коса. Всем иметь запас продовольствия на 5 дней. В обозе 2-го разряда полка уже подготовлялись к походу, было много приобретено верблюдов и имелись некоторые запасы продовольствия. В поселках Сарайчике и Сарайчинке скопилось большое количество беженцев, которые старались избавиться от своих обозов, как те, что собирались отступать с армией (« облегчались »), так и те, что решили оставаться (дабы избежать реквизиции « излишков » большевиками). В нашем обозе был большой излишек коней, их меняли у киргизов и беженцев на верблюдов, не считаясь с количеством. С получением же двух мешков сибирских денег и при наличии достаточно больших сумм советских, заведующий хозяйством полка мог « разворачиваться ». Сделки делались не торгуясь и « безотчетно ».

При своем приезде в обоз, семью свою я там не застал. Моя жена и теща с семьей Русаковых были в Гурьеве. Так как наш полк не должен был заходить в Гурьев, я мог во второй раз потерять семью. На счастье в обозе был сот. Д. Русаков, который и был отправлен в Гурьев с задачей вывезти семьи в п. Соколок.

1-ый Парт. полк с ес. Русаковым прибыл к обозу 20 дек. вечером. Обозы 1-го и 2-го разряда были ликвидированы. Все повозки, оставшиеся кони, продовольствие были распределены по сотням. Оказалось достаточно повозок и верблюдов, чтобы все люди сели на повозки. Строевые кони остались почти все заводными.

За эти три дня перемирия в Уральской Отд. Армии ломали, жгли, топили в Урале все, что не могли взять с собой, и артиллерию. Но красные тоже не дремали, догадываясь, что просимые три дня только оттяжка времени. За эти дни их конница обошла бухарской стороной и Быгырдаем отряд в. с. Климова и как только прошел трехдневный срок, рано утром его атаковала. Опытный начальник в. с. Климов избежал охвата и полного уничтожения своего отряда, но все же был вынужден от Зеленого до п. Баксай (около 20 верст) отступать полным карьером, преследуемый красными. Отставшие, на слабых конях, казаки попали в плен. В Баксае красные, заняв его, остановились и Климов отошел к п. Яман-Халинский, и, не задерживаясь там, стремясь « оторваться » от красных, ушел в следующий на низ п. Сарайчик, а 21 дек. пришел в Сарайчинку, на 12 часов позже прибытия туда 1-го Партиз. полка, который был там единственной воинской частью. Беженцы, что уходили с армией, уже оставили поселок. В. с. Климов предложил также оставить Сарайчинку, но я отказался, так как респределение запасов и повозок по сотням не было еще закончено и В. Атаман приказал отходить из Сарайчинки не ранее утра 22 дек., а преждевременный отход наш мог помешать выполнению неизвестных нам планов Атамана. Да и главные силы красных были еще далеко, а от конного их авангарда мы всегда сумеем уйти. Был вызван к проводу В. Атаман, разрешивший 1-му Партиз. полку оставить поселок ночью 21 дек. В 11 часов ночи полк переправился по льду р. Урала и двинулся на базар Соколок, а в. с. Климов, одновременно оставив Сарайчинку, занял следующий поселок к Гурьеву — Редут, откуда на другой день отошел на Соколок, не заходя в « мешок » в Гурьев. В силу его географического положения Гурьев был оставлен без защиты. Там остались госпиталя с нашими ранеными, некоторые обозы и много пленных. Много и его жителей остались на месте. Большевики заняли Гурьев не раньше 25 дек. Заняв пп. Редут и даже Кандауров, они несколько дней стояли там, не осмеливаясь входить в « мешок ». В. Атаман Толстов со своей охраной, около 100 казаков, оставил Гурьев после обеда 21 декабря. Сообщение ген. Акулинина (брошюра « Уральское Каз. Войско в борьбе с большевиками ») о том, что Атаман покинул фронт не заходя в Гурьев и что в Гурьеве было вооруженное восстание пленных после ухода всех воинских частей — не соответствует истине. Это потверждают и очевидцы Г. Н. Акутин, хор. Рыбщенсков, полк. П. А. Сидоровнин, бывшие в то время в Гурьеве. Они же подтверждают и то, что

большевики переменили свое отношение к жителям и захваченным пленным, как в Гурьеве, так и по всем станицам. Заняв Гурьев, они никого не трогали, ничего не « реквизировали », не разбивали. Больных, раненых наших оставили в госпитале с медицинским персоналом. Через несколько дней было приказано всем зарегистрироваться. Казаков и каз. офицеров отпускали и впоследствии они были направлены в Уральск. Но всех иногородних солдат и офицеров, принимавших активное участие в борьбе на стороне казаков, арестовывали и были случаи самосуда над ними.

В Гурьеве появился подхор. Почиталин, который в начале гражданской войны с доктором Ружейниковым и сот. Чеботаревым перешел на сторону красных. В Гурьеве он помогал по началу казакам и офицерам избежать регистрации, помогал и беженцам при их отправке по домам, проявляя всякого рода поблажки и « симпатии » к казакам. Впоследствии, по слухам, он был расстрелян за « саботаж ».

Во время агонии Уральс. Отд. Армии на главном направлении по реке Уралу, на правом ее фланге происходили события не менее трагичные. Правительство Алаш-Орды, братья Дос-Мухамедовы, части которого были немного обучены военному делу офицерами уральцами и вооружившиеся с согласия Оренбургской Южной Армии, перешли на сторону большевиков. В тот самый день, когда части главного направления ушли за р. Урал, киргизы напали на 2-ой корпус с тыла и одновременно красные ударили с фронта. Дивизия полк. Шадрина была уничтожена, часть ее была перебита, часть взята в плен красными или киргизами. Ген. В. И. Акутин, полк. С. П. Шадрин, все офицеры и казаки их штабов были вырезаны киргизами в Кызыл-Куге. Дивизия полк. Балалаева подверглась той же участи. Лишь один 3-ий Партизанский полк сумел выскочить из окружения и присоединиться к частям главного направления на промысле Жилая Коса, с которыми и пришел в Ф. Александровск.

Попытки полк. В. Горшкова, начальника 6-ой Уральской конной дивизии, сформированной в конце октября и отправленной на левый берег Волги для связи с мифическими кубанскими дивизиями, окончились неудачей. В пределах Самарской губ. он выяснил, что никаких белых частей в то время на Волге не было и что фронт ген. Деникина откатился далеко на юг. Полк. Горшков решил возвратиться в Войско, но полк Позднякова из добровольцев крестьян Самарской губ. отказался идти с ним и рассосался сам собой, а полк. Ф. Ф. Поздняков, как он сам мне рассказывал, с ложными документами пробрался в Добр. Армию Полк. Горшков с остатками дивизии возвратился на Урал, когда части фронта шли уже в степях походом на Ф. Александровск. На высоте ст. Мергеневской он перешел на бухарскую сторону. Будучи одноклассником по Уральскому Реальному Училищу с ханом Алаш-Орды Дос-Мухмедовым, он вступил с ним в переговоры и решил сдаться киргизам, на что и уговорил свою дивизию. Большинство сдалось, лишь часть 2-го Партиз. полка с войск. старш. Плетневым прорвалась из окружения и в количестве около 40 человек пришла в Ф. Александровск. О дальнейкей судьбе полк. Горшкова и казаков дивизии мне ничего неизвестно.

Париж **П. Ф. Фадеев**

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ДРЕВНЕГО КАЗАЧЕСТВА

Недавно я прочитал книгу, о которой уже слышал, как об одном из любопытных исследований о Казаках *). Ссылки на нее попадались мне неоднократно на глаза в ряде иностранных и русских работ на исторические темы.

Мнение иностранцев о России всегда должно интересовать нас, в особенности здесь за — границей, где нам стали доступны многие редкие и ценные источники. Тем более, что у нас самих достоверные сведения об истории казаков, или древнего Казачества, начинаются лишь с XV-XVI в., а все предыдущее теряется во тьме преданий, догадок и исторического сумбура.

К труду Лезюра надо относиться с особой осторожностью и снисходительностью; книга написана французом, на основании, главным образом, западно-европейских источников и... сто пятьдесят лет тому назад. Читать ее ме-

стами нелегко. Автор часто искажает орфографию имен и слов, перебрасывается с одного ответвления казачества на другое или совмещает их. Рассуждения Лезюра, логика и доказательства носят иногда слишком персональный характер, чтобы с ними можно было бы согласиться сразу и безоговорочно. Возможно, что причиной этому является его незнание русского языка. Поэтому местами внимательного читателя могут раздосадовать некоторые вольности автора и ошибки его объяснений.

Тем не менее, книга Лезюра об истории Казаков, которых автор знал, может быть, только по архивам библиотек того времени, все же весьма интересна: по ссылкам автора создается достаточно ясная картина, как думали о нас древние и более молодые историки.

Мое внимание задерживается сейчас на мнении Лезюра о происхождении казаков вообще и на некоторых оригинальных сведениях, собранных им о Донских казаках, в частности. Резюмируя все эти данные, я буду пользоваться только тем, что сказал Лезюр, и буду стараться избегать выдержек из его текста, за исключением трудно переводимых имен или терминов. По общепринятым правилам, таковые будут фигурировать в ковычках, с орфографией Лезюра.

Невольно возникает вопрос, почему какой-то француз Лезюр вдруг заинтересовался историей Казаков? В своем « обращении к читателю » автор указывает сам, что книга была заказана ему в начале 1813 года последним Правительством Франции, но причина, вызвавшая этот заказ, не объяснена. Подобная недоговоренность наводит читателя на разные предположения. Мне лично кажется разумным не вдаваться в них сейчас, так-как они не могут иметь никакой силы без соответствующих доказательств.

Толкование слова « Казак ». Стараясь осветить возможно полнее историю возникновения и развития Казачества, Лезюр приводит в своем труде сведения и мнения, почерпнутые им в работах разных авторов. К сожалению, эти данные не всегда согласуются между собой, иногда просто разноречивы или носят характер фантазии. Так, между прочим, обстоит и с толкованием слова « Казак », а ведь, если бы объяснение его было бесспорно правильным, оно могло бы послужить серьезным подтверждением соответствующего суждения или догадки историка. В противном случае ,приводимые им сведения только усложняют этимологическую и историческую путаницу, существующую по этому вопросу.

Я выписываю просто для осведомления различные толкования слова « Казак » из книги Лезюра и именно так, как они высказаны в ней: 1) На странице 149 Т. I своего труда автор указывает, что в « Генеалогической Истории Татар » — (— Histoire généalogique des Tartars. Tome III p. 458) говорится о том, что татары назвали себя так по имени одного из своих начальников, который носил имя Татар, точно так же, как Моголы приняли свое имя от Могул-хана, Манджуры от Манджура, Оттоманы от Отмана, Капчаки, или Кипчаки, от Кипчака, Узбеки от Узбека, Ногайцы от Ногая и т. д. Поэтому, думает Лезюр, было-бы резонно предполагать, опираясь на этот общий обычай, что и Казаки, об имени которых было столько уже сказано, ведут это последнее от какого-нибудь из своих собственных начальников, называвшегося « Kosak » (орфогр. Лезюра). 2) В том- же томе, на стр. 185, Кромэр (— Cromer, livre XXX. p. 452) польский историк, как бы подтверждает высказанную выше мысль: волжский хан Шахматый (Schahmatey, по орфографии Лезюра), воевавший с Крымским ханом на территории Казаков, имел брата по имени « Козак ». Он командовал одним из отрядов его армии. Из этого обстоятельства выводится предположение, что названный начальник мог иметь под своей командой войска, принявшие его имя по древней и общей традиции Татар.

3) Некоторые историки — (Hartknoch, Respublica Polonia p. 884 — Büching Geographie T. II p. 221) — хотят произвести термин Казак от польского (? И. С.) слова « Kosa », коза и по русски, которым прозвали наших предков, чтобы выразить их проворство.

4) Шерер — (Scherer. «Annales de la Petite Russie» T. I) полагает, что слово Казак происходит от полосы земли, которую населяли казаки на нижнем Днепре и которая называлась « Kossa », (орфография Лезюра).

5) Русские под словом « Kosak », на своем языке ,понимают: разбойник.

6) У татак же термин « Kazak » означает: легко-вооруженный воин.

Две последние этимологические версии, по мнению Лезюра, являются наиболее общепринятыми. И автор отмечает, что **слово Казак было по всем данным больше известно около Кавказа, чем на Днепре,** но именно на Днепре различимы определенные элементы образования казачества.

Кроме этого, несколько источников **(польских)** уточняют, что имя Казак стало впервые

*) M. Lesur. — «Histoire des Kosaques». Imprimerie A. Belin. 2 tomes. 1814.

общеизвестно только в начале 1500-х годов, после того, как казаки помогли Сигизмунду овладеть Белгородом.

От себя, в виде примечания, добавлю следующее: слово « Козак » с буквой — « о » — как-то лучше согласуется с Украиной или Запорожьем, говорившими на своем особом наречии, нежели с другими районами древнего казачества, воспринявшими от татар, а может быть и от Великороссии, орфографию и произношение « казак » с буквой — « а » —.

Меня немного удивляет, что никто из Западно-европейских историков не заинтересовался до сих пор возможностью существования какой-то связи между словом « Казак » и именем Казакстан, или Казахстан, страны значительной по своему прошлому, вошедшей в состав СССР на правах республики.

Происхождение Казаков. Если верить Абулгази-Баиадур-хану, автору — Генеологическая История Татар — Иафет, которого он называет «Japhis», ушел устраиваться на Атэлл — или Эдэл (Волга по татарски и по арабски). Там у Иафета родилось восемь сыновей, первые из них, четверо: «Turk», «Chars», «Sacklab», «Russ» дали свои имена — Тюркам, **Хозарам - прародителям Казаков,** Славянам и Русским.

Другой историк, Константин Порфирогенет, живший в X-м веке, дает в своем труде об управлении Империи, (— Constantin Porphyrogenete. »De administrando Imperio». 1729) — общую картину распределения древних народов, около 949 г., вокруг Черного моря и Палюс-Меотидес. По его указаниям, река Кубань отделяла в эту эпоху Хозарскую провинцию Тамань (или Tamatarcha), от Хозарской же страны Зигов («Zecchia»). Выше лежали еще две Хозарские провинции: — Папагия и Казахия («Kasachia» или «Kazachia»). Эта последняя была ограничена со стороны Кавказа и Каспийского моря страной Аланов (черкесского корня).

Кларке, ученый писатель-путешественник, не колеблется считать эту маленькую страну — Казахия — родиной Казаков. (Clarke's Travels, vol. I. chap. XV).

В подтверждение мнения Кларке, Лезюр добавляет, что племя, населявшее страну Казахию, было несомненно из тех самых « Котзагер » (одно из Скифских ответвлений), остатки которых могли сохраниться в устьях Буга и Днепра.

Шерер (— Annales de la Petite Russie T. I. p. 67-82) отмечает со своей стороны, что среди казаков Украины он нашел укоренившуюся традицию считать за эпоху своего основания начало IX-го века.

Все вышевысказанные мысли кажутся Лезюру такими-же допустимыми, как и аргументы сторонников русского или польского происхождения казаков (Schêrer, Storch).

В описываемую эпоху Казаки (П. С.), то-есть « Казахи », по словам Лезюра входили в ведение двадцатой епархии. (— Const. de Coerimoniis juloe Byzantinoc. T. II. p. 459). Следовательно, они могли-бы принять христианскую веру раньше Русских и если бы это было так, то один из самых существенных аргументов в пользу русского происхождения казаков отпал бы сам собою.

Что-же касается **быта и нравов тогдашних казаков, они больше всего имели сходство с таковыми Печенегов** (народ невыясненного происходжения: Скифы или Гунны? Татары? Славяне? Финны?). Три племени Печенегов были названы « Канклис ». Албугази-хан приписывает им общее происхождение с Кипчаками-Команами и возводит его за 4000 лет до Р. Х.

Некоторые историки уверяют, что Ярослав в 20-х годах XI-го века, взяв несколько городов за Днепром, разбил казаков. (— Martin Cromer. De Repub. Polonia. page 63). К сожалению, нам неизвестно, входили-ли они в состав Печенегов, объединенных с остатками « Котзагер ». Но Шерер (— Annales de la Petite Russie T. I p. 1. 9. 130), думает, что именно казакам следует приписать набеги и грабежи, совершенные якобы Печенегами в XI и XII вв.

Когда в 1242 году Батый пришел со своими ордами, чтобы войти во владение Империей, доставшейся ему по разделу наследства Чингиз-хана, Команы были еле замечены победителями. (— Abdulghasi-Khan, part VII p. 446 etc. — Mémoires de Stralhemberg T. II p. 194-196).

Первые из них, которых разметали татары Батыя, были из тех, что осели раньше к северу от Каспийского моря, на берегах Яика. Они спаслись от пришельцев в устьи реки. **Их беспорно можно считать основой Яицких казаков.**

При приближении же татар к Дону, Команы, населявшие левый берег, бросились спасаться в гирла, где победители, плохие моряки, не осмелись преследовать их. Вскоре независимый образ жизни этих людей стал привлекать к ним недовольных татар, выгнанных из своей страны русских беглецов из покоренного Кавказа. Спасавшееся население, в устьях Дона, отошло от страха только тогда, когда ханы Золотой Орды перестали тревожить их. **Эти элементы дали начало Донским казакам.**

На Днепре Команы сопротивлялись не больше, чем на Яике и на Дону. Они рассеялись, но потом из них образовалось несколько орд. Часть спаслась в Венгрии, но оттуда они были изгнаны за чинимые ими бесспорядки и грабежи. Спасаясь от заслуженной кары, они смогли укрыться в последнем убежище — на Днепровских островах, ниже порогов. Там еще оставались кое-кто из их соотечественников вместе с прежними уцелевшими от разгрома своего народа Печенегами. **Это колыбель Украинских Казаков.**

В середине XIII-го века в ставке Золотой Орды, в Каракоруме, появились монахи-посланцы короля Франции и Папы. По их свидетельству, в эту эпоху племена Печенегов (Канклис), Хозар и Аланов еще существовали на прежних своих местах. Монахи говорят о « Канклис » как о народности, подчиненной Команам. И они, не задумываясь, указывают **этих последних на берегах Дона,** а Аланов у подножья Кавказа.

Отделение Ногайцев от Кипчакской Империи во второй половине XIII в. послужило началом упадка Татарского ига. Оно особенно оказалось полезным для независимости Хозар, Команов и Казаков, спасавшихся в устьях Дона и разбросанных в степях до предгорий Кавказа.

Древние русские летописцы упоминают часто о Татарских казаках и разделяют последних на две главных ветви: **казаков Ордынских и казаков Азовских.**

Первые, расположившись между Каспийским морем, Яиком и Волгой, как-бы окружили Великую Татарскую Орду. Они несомненно происходили от Команов, спасшихся от Батыя. **Эти люди считали Донских казаков своими братьями.**

Азовские-же казаки, которых следует рассматривать, как результат смешения «Kasachi» Константина. Порфирогента, остатков Хозар и Команов, ушедших в плавни Кубани и гирла Дона при нашествии Татар, вскоре распространились вдоль Черного моря до границ Украины. В начале XVI в. у них оказалось два главаря: Черкас и Карабай. Эти казаки соединились с Ногайцами, но под давлением Русских им пришлось спасаться в страну Аланов. Там, позже разделившись на две группы, они образовали **Терскую и Гребенскую ветви казачества.**

К 1549 году, или незадолго до взятия Астрахани, Донские казаки перешли под покровительство России. Однако ни один достоверный акт не подтверждает это подчинение.

В 1570 году, вместе с Украинскими казаками, они по призыву царя Иоанна IV-го разбили Турок, осаждавших Астрахань. Донские казаки положили основание новому Черкасску на восточном берегу Дона.

Переходя к вопросу о Запорожцах, Лезюр рекомендует **строго отличать их от казачьей народности, как таковой:** вначале Запорожцы были воинским соединением, которому была поручена охрана островов Днепра, где находились арсенал и казна Войска. Шесть тысяч из них ушло позже искать счастья на берегах Дона. С тремя тысячами Донских казаков они взяли Азов, но в 1642 году оставили его и с тех пор след этих Запорожцев теряется. Истории неизвестно, остались ли они с Донскими казаками или вернулись к себе домой на Днепр.

Во время кровавой войны с Польшей, до и после битвы у Берестечко, большое количество казаков и крестьян Украины спаслись на левый берег Днепра. Россия дала возможность беглецам осесть на своих землях, оставшихся незаселенными со времени татарских нашествий. Их число быстро возрастало и после договора в Белой Церкви, который не удовлетворял многих казаков, пришельцы покрыли своими поселениями равнины южной России, даже за Донцом, и принесли с собою свою прежнюю воинскую организацию. **Таково происхождение Слободских казаков казаков вообще и в частности их первых пяти полков, сформированных в 1652 году.**

Эти полки стали известны под именами: Ахтырского, Харьковского, Изюмского, Сумского и Острогожского.

Лезюр совершенно убежден в том, что Казаки — обособленный народ, имеющий свое собственное этнографическое и историческое лицо. Он всячески старается доказать эту мысль и, в особенности, не-русское происхождение Казаков. Ни общность языка, ни единство исповедуемой греческой религии не мешают ему настаивать на своем. Лезюру кажется нормальным, что Казаки переняли и славянское наречие и веру у своих соседей Русских, но по его мнению это обстоятельство не подтверждает родства указанных народностей. Ища объяснений, он задает себе и читателю целый ряд вопросов, например:

Каким образом Казаки очутились, в одну и ту-же эпоху, и на Дону, и на Тереке, и на Яике, где они в дальнейшем сохранили вполне определенное лицо, нравы и обычаи, что без труда позволяет различать общность их расы (т. е. древних казаков, И. С.)?

— Как некоторые ученые смогли приписать Казакам и Русским общее происхождение, когда физические и моральные различия между первыми и вторыми настолько резко вы-

ражены, что позволяют с первого-же взгляда отличить Казака от Русского?

— Почему Украинские казаки, уходя от польского гнета, не спаслись на своей Родине, т. е. в России, если они были действительно того-же происхождения, что и Русские? А ведь вместо этого они предпочли или оставаться по соседству со своими тиранами, или уходить к братьям-другим казакам, когда им угрожало истребление.

— Почему Русские цветущего Новгорода оставили берега Волхова, чтобы искать убежища от тирании, едва затронувшей их, в камышах Дона и стать там основанием нескольких ответвлений Казачества?

Мысли о книге Лезюра. В заключение мне хочется прибавить несколько слов от себя самого:

«История Казаков» Лезюра — книга драгоценная для сторонников независимого казачества ,опасна для людей доверчивых или плохо разбирающихся в анализе исторических событий. Русский исследователь легко отметит в ней несостоятельность многих рассуждений и выводов автора, доходящих иногда до наивности.

Казакам-же, считающим себя частью Великой Русской Империи, книга Лезюра может показаться тенденциозной: автор немилосердно старается отдалить их от единения и кровного родства с их Родиной.

Удивительны условия составления этой « Истории Казаков »: Лезюр уточняет сам, что получил заказ на нее в начале 1813 года, а уже в 1814 году два тома его труда (800 печатных страниц), вышли из типографии. Это наводит на мысль, что заказанная работа была проведена Лезюром в « ударном порядке », а поэтому осталась местами недостаточно продуманной.

Иностранная тема, казалось бы, обязывала Лезюра обратиться к компетентности людей, ближе стоявших к русским вопросам, хотябы для беглого выправления допущенных погрешностей, перед изданием книги. Но конечно, Лезюр или не подумал об этом, или, может-быть, у него не было времени: уже назревали « Саксонские » Кампании Наполеона, а потом Париж был взят.

Я считаю, что для составления древней Истории Казаков надо искать сведений не на Западе, а на Востоке: в архивах армянских, грузинских монастырей, в странах с древней письменностью — в Персии, Индии, Китае, Тибете и т. д. наверно существуют более точные и полные сведения, чем материал, собранный Лезюром.

Париж **И. Сагацкий**

СКРИЖАЛИ СЛАВЫ КАЗАЧЬЕЙ

(Гамубург, под Дрезденом).

(Продолжение № 77).

1813 февраля 26/марта 10. Рапорт Витгенштейна Кутузову о преследовании неприятеля летучими отрядами.

Ген. Чернышев из мест. Гольцова доносит, что 7000 пехоты и 700 чел. кавалерии принуждены были ретироваться через мест. Белитц, кое они покушались зажечь, дабы остановить стремление казаков, но, отступая поспешно, не успели даже истребить в оном и мосты. Ген. Бенкендорф получил известие, что войски неприятеля находятся в г. Ютербоке и окрестностях. С рассветом того дня он отправил туда полки казачьи — Селиванова и Лощилина и Тверской-Ямской под командой ген. майора Дибича, которые, прогнав неприятеля, заняли сей город. Вступя в саксонские границы, настигли они оного в числе до 700 чел. пехоты с 2 орудиями в дер. Зейгаузен. Он приказал войск. старшине Мельникову атаковать деревню с одной стороны, а Тверскому-Ямскому поддержать с другой. Оба сии полки бросились с большой храбростию и очистили деревню, но с наступлением ночи подоспели еще неприятельские войски, сия пехота соединилась с оными и ретировались к Цану, до коего были преследуемы казаками. Потеря с нашей стороны невелика и состоя-ла в 3-х убитых и 20 раненых, но к сожалению, в числе последних храбрые офицеры: флигель-адъютант ЕИВ ротмистр Сухтелен и

войсковой старшина Мельников, кои оба ранены легко пулями, первой в руку, а второй в ляшку.

1813 февраля 28/марта 12 — Рапорт командующего Прусским корпусом ген. л. Йорка Витгенштейну о подчинении его корпуса русскому командованию.

...В распоряжении графа Тауэнцина имеется 12 вновь сформированных батальонов, 1 драгунский эскадрон, 1 конная и 1 пешая батарея, но ЖЕЛАТЕЛЬНО ИМЕТЬ 2 КАЗАЧЬИХ ПОЛКА...

1813 марта 3/15 Журнал военных действий с 22 по 28 февраля) 6 по 12 марта.

...Подполковник Прендель доносит из Лаубан, что посыланный им отряд в Герлиц принудил неприятеля отступить с такой поспешностию, что казакам невозможно было его догнать. Строгой воинской порядок и дружелюбное обращение русской армии с жителями уничтожило в них всякое опасение к ним, и везде наши отряды встречаются с нелицемерными изъявлениями радости.

28 февраля. Ген. лейт. гр. Воронцов рапортует, что послал он генерал-майора Иловайского вперед с двумя полками, который февраля 25 и занял Франкфурт.

1813 марта 6/118. Из рапорта ген. Барклая-де-Толли Кутузову.

Со времени обложения крепости Кюстрина казаки, содержащие ближайшие к крепости пикеты, всегда звали на свою сторону выходящих оттуда вестфальцев и других принадлежащих французской армии солдат, обещая им свободу, и средство сие столь много подействовало, что и 2-го сего месяца дезертировали из крепости 33 чел. вестфальцев, коих гр. Воронцов немедленно отпустил, снабдив билетами для свободного жительства по их желаниям. Имею честь присовокупить, что я предписал полк Иловайского 12-го отправить немедленно к генерал-адъютанту барону Винценгероде, который будет заменен другим казачьим полком от отряда генерал-майора граф Орурка; равным образом приказал отправить к нему же и всех тех людей, кои находились в конвое при Главной Квартире и дежурствах от полков: Белорусского и Александрийского гусарских, Лифляндского Конногерского, Татарского уланского и Казачьего 3-го Уральского. Барклай-де-Толли.

1813 марта 9/21 Рапорт Витгенштейна Кутузову об освобождении Гамбурга.

Правой берег Эльбы уже не вмещает в себе более неприятеля, казачий отряд полк. Теттенборна находится в стенах Гамбурга, который доносит мне, что когда он скорыми маршами приближался к Лауэнбургу, нашел авангард свой в жаркой перестрелке с неприятелем, хотя выгоды местоположения были совершенно с его стороны, ибо к деревне вел узкий дефиле с обеих сторон, когда крутые горы усыпаны были его стрелками и хотя орудия охраняли большую дорогу, однако храбрые стрелки казачьих Сулина, Гревцова и Денисова полков в ночи успели занять Эшенбург. У переправы Цолленштекера началось жаркое сражение, где отпорствовал неприятель с 2800 чел. пехоты и 17 орудиями. Часть неприятельской пехоты переправилась через реку, но казаки полков Гревцова и Денисова начали с такой живостию подходить под орудия, что неприятельские стрелки в беспорядке бросились к переправе, где и был решительной удар — полки Гревцова и Денисова бросились на пушки со всех сторон. Вечером казаки полк. Теттенборна взошли в Бергдорф, где его ожидали уже гамбурские делегаты.

1813 марта 9/21. Из Журнала военных действий с 2/14 по 8/20 марта.

Марта 5. Генерал-майор Греков доносит, что полковник Луковкин, починив в Щепотице сожженный неприятелем мост через Варту, согнавши их пикеты, занял ближайшие к Ченстохову посты. Ген. Греков посылает вслед за сим донесением партию к Ченстохову, а полк. Чернозубова отрядил туда же со стороны Кониесполя, дабы принудить неприятеля оставить Ченстохов. Он же рапортует, что с полком своего имени и с полком Луковкина обложил новое местечко Ченстохово. Подполковник Прендель от марта 7-го рапортует из Бауцена, что преследовал неприятельские форпосты до самого Дрездена. В то же время соединилась с ним и партия казаков из отряда Бенкендорфа, кои прорвались до виноградных гор, Дрезден окружающих.

1813 марта 9/21. Рапорт партизана Дениса Васильевича Давыдова ген. Ланскому о сдаче Нейштадта.

Вчерашнего числа сделал я сильную рекогносцировку в окрестностях Дрездена. Ротмистр Чеченской атаковал неприятеля и вогнал его за палисады. Убит 1 офицер, 7 казаков ранено. После перестрелки начались переговоры — завтра, вследствие этого, я занимаю половину г. Дрездена, копию с условий, мной ратифицированных, честь имею представить. Полк. Давыдов.

**
*

Глядел-глядел злой французик в подзорную трубку,
В подзорную трубку в росейскую силу...
Валит сила по всем сторонам, по всем четырем,
Генерал-казак Денисов по правому флангу
Генерал-Казак Денисов своим бомбардёрам
Он наказывал, писал ли строгие наказы:
« Вы женжуры, бомбардёры, слушайте приказу —
Пушки, ружья заряжайте, сабельки вынайте,
Без мово ли приказанья, огня не открывайте!»
Не успел сказать о речи, вдарил француз в плечи,
Стрелил его вор-французик из пушки картечью.
Как росейский огонь горячий начал нагоняти,
Казачушки-ребятушки пошли в мостовую.
Мы на лодках пер'езжали, француза догоняли,
Знамена отбирали, во полон забрали.

**
*

Очевидно, речь идет тут о ген. В. Т. Денисове, герое Отчественной войны, особенно отличившемся при преследовании неприятеля. О том, что « застрелил его вор-французик », присочинил составитель песни, это место действительности не соответствует. Генерал-майор Денисов скончался в 1822 году. Выражение — « пошли в мостовую » означает — пошли на предмостные укрепления.

К сожалению до нас дошло сравнительно мало песен, воспевавших наших героев, затерялись они в толще народной, а собирать их — почти никто и не собирал. Так вот и за тридевять земель от описываемых нами событий, в далекой Аляске, приблизительно в то же время, пелась сочиненная народом, самими промышленниками, песня о губернаторе Аляски Баранове, а потом и затерялась и позабылась всеми. Всеми, кроме... индейцев, живших в этом районе. Они, частично принявшие православие и немного говорившие по русски, сохранили с любовью в своем племени и передавали из поколения в поколение эту песню. Обнаружить ее удалось совсем недавно, и мне посчастливилось спеть ее со своим хором американцев-студентов в сто двадцать голосов на сан-францисском радио. Упоминаю об этом потому, что и та песня, в честь первого губернатора Баранова, и вторая, сейчас лежащая передо мной, обе имеют одинаковое начало — о венце надетом на голову героя. Там пелось: ; Здравствуй, батюшка-отец! Мы совьем тебе венец, от честных наших сердец. Мы на голову наденем, песню громко запоем. Запоем мы, запоем — как в Америке живем. Мы в Америке живали... » и т. д. А здесь, в песне, посвященной Платову, пелось: « От своих чистых сердец совьем Платову венец, на головушку наденем, сами песню запоем. Сами песни запоем — как мы в армии живем » и т. д. Первая, аляскинская, сочинена приблизительно в 1808 году, а вторая — в 1813 году. Однако, обе они заимствовали свое начало в старой песне XVIII столетия: « Не пыль во поле пылит... »

И вот с этими песнями, с гиком и свистом, лихие прапрадеды наши двигались наметом по страницам европейськой истории, о чем нам сухим, но любовным, восхищенным языком свидетельствуют рапорта, донесения и строки журналов военных действий.

1813 март. Из Журнала военных действий с 8/20 по 12/24.

Полковник Теттенборн доносит: в Лауэнбурге казаки были встречены с восхищением — народ мгновенно сорвал наполеоновские орлы и водрузил вместо оных английские гербы...

Читатель может остановиться в недоумении — причем тут гербы короля английского, даже, если он и является одним из союзников. Но дело в том, что Лауэнбург принадлежал ранее Ганноверу, а последний находился под скипетром Англии.

1813 марта 18/30. Письмо Кутузова Витгенштейну.

Милостивый государь мой граф Петр Крестьянович! Бывший австрийской службы генерал Вальмоден принимается тем же чином в российскую и определяется к войскам, в команде вашего сиятельства находящимся. Его Императорскому Величеству угодно, чтобы господин Вальмоден употреблен был вами к командованию трех легких отрядов Чернышева, Дернберха и Теттенборна.

ПРИМЕЧАНИЕ: В составе отрядов под командой Вальмодена по данным на 1/13 апреля 1813 г. находились следующие войска: в отряде Дернберга — казачьи полки Мельникова 4-го, Андреянова 2-го, Лощилина 1-го, I Башкирский полк, Сводный гусарский полк, 2 орудия Донской артиллерии, 2 орудия конной роты, 2-ой Егерский полк. В отряде Чернышева — казачьи полки Грекова 18-го, Власова 3-го, Сысоева, Иловайского 11-го, Жирова, батальон Изюмского гусарского полка, 4 эскадрона Финляндского полка, 2 эскадрона Рижского драгунского полка, 2 орудия 1 конн. роты. В отряде Теттенборна — казачьи полки Денисова 7-го, Гребцова, Сулина 9-го, Комиссарова, батальон Изюмского гусарского полка,

2 эскадрона Казанского драгунского полка, 6 орудий 1 кон. роты.

1813 апреля 5/17. Донесение бургомистра г. Шпроттау генералу Горчакову 2-му о совместном отражении ландштурмом и казаками вылазки гарнизона крепости Кюстрин.

Считаем своим служебным долгом сообщить, что 600 человек кюстринского гарнизона, которые совершили вылазку к Плейсхаммеру ,большей честью уничтожены войсками срочно организованного ландштурма при участии пятидесяти казаков, уцелевшая часть взята в плен. Просим известить об этом воинские части, дабы не делать ненужных маршей.

1813 апреля 16/28. Журнал военных действий с 30 марта по 12 апреля — 11 по 24 апреля.

Апреля 8 — Генерал барон Винценгероде с корпусом своим находится в Лейпциге. Генерал-майор Ланской, отряженный в Нордхаузен, узнав, что часть вестфальской кавалерии направляется в Блайхероде, послал против оной всех донских казаков, при нем находящихся, которые, встретив неприятеля в Эберсдорфе, ударили на него с такой быстротой, что взяли в плен трех офицеров и 102 рядовых.

Апреля 11 — Генерал-от-кавалерии граф Витгенштейн доносит, что прусский генерал Бюллов, желая воспретить неприятелю вывозить из близлежащих к Магдебургу деревень хлеб и сено, отрядил туда 300 стрелков, казачий Быхалова полк и эскадрон Черных гусар. Неприятеля совершенно разбили, принудили спасаться бегством в крепость. По показанию пленных убит также и генерал, ими командовавший.

1813 апреля 24/мая 6. Рапорт С. Н. Ланского Винценгероде о бое при Вайсенвельсе.

Уже неприятель сильными колоннами подвинулся к р. Сале, уже посты, занимаемые майором Левенштерном, которой без пехоты, без орудий защищал с одним казачьим полком все переправы и мужественными нападениями на неприятеля удерживал многочисленную его кавалерию, должен был уступить превосходной силе и оставить г. Наумбург, который тотчас был занят корпусом маршала Нэя, из 12.000 состоящим, когда я с командуемым мной авангардом прибыл в Вейсенфельс. Донские полки ген. Иловайского расположил я в дер. Плоттау, авангард неприятеля расположился в Веттау. Несколько раз подвигался вперед неприятель в намерении сбить передовые полки, подкрепившие аванпосты, несколько раз старался обойтить их фланги, дабы принудить к отступлению, но всегда по благоразумным распоряжениям генерал-майора Иловайского отражаем был со значительным уроном.

Итак, чуть ли не день за днем следовали мы за Донскими полками по страницам официальных донесений и журнала военных действий вплоть до периода перемирия. 29 мая/ июня 10 1813 г. генерал-от-инфантерии М. Б. Барклай-де-Толли вступил в командование всеми союзными армиями. Наполеон прибыл в Дрезден. Военные действия постепенно кончаются, мчатся курьеры к различным частям для прекращения огня. В районе Витемберга все еще продолжается перестрелка да казачьи « летучие » отряды продолжают беспокоить французские линии. Генерал-адъютант В. И. Гурко должен был спешно выехать в этот район, чтобы лично сообщить о заключении перемирия.

1813 мая 31/июня 12. Донесение Гурко в штаб Главнокомандующего русско-прусскими войсками.

По приказу Вашего Высокопревосходительства командирован я чрез Лигниц, Бауцен и Гойерсверд к генералу Бюллову, к войскам, расположенным около Витемберга и к партизанам для объявления о прекращении военных действий. На почтовой станции Вальдау нашел я 1200 чел. французской кавалерии, только что пришедшей из Франции, которая была в большом беспокойстве, ибо показывались в некоторых местах казачьи патрули отряда полк. Пренделя, которому я тогда же послал копию повеления о прекращении военных дел. В Шпремберге нашел я полк генерал-лейтенанта Иловайского 5-го и команду есаула Мельникова под начальством войск. старшины Давидова 3-го и вручил копию повеления.

И вот натыкаюсь я на рапорт о совместных действиях наших казаков с прусскими партизанами; более того — о нахождении казаков в рядах прусских партизан:

1813 июня 8/20 Рапорт Барклая-де-Толли Императору Александру об успешных действиях прусских партизан.

Имею счастие повергнуть на Высочайшее благоусмотрение доставленные мне донесения прусских партизанов майора Лютцова и ротмистра Коломбо о действиях их со времени отсутствия от армии. В донесениях видны благоразумные распоряжения ротмистра Коломбо, который, имея небольшую команду,

уничтожил неприятельский парк, состоящий из 18 пушек (6 гаубиц, 36 пороховых ящиков со снарядами и 4 запасные лафета). Много взял в плен обозу, офицеров, нижних чинов и лошадей. Обоз сжег, а людей отпустил на честное слово не воевать. Ген. Барклай-де-Толли.

ПРИМЕЧАНИЕ: Отряд майора (позднее полковника) Лютцова был организован в начале 1813 г. и являлся важной частью так называемых вольных партизанских формирований Пруссии. К маю состоял из 3-х батальонов и 4-х эскадронов с 9 орудиями, всего около 2500 чел. В состав отряда входили прусские волонтеры, саксонцы, тирольцы, испанцы **и полсотни русских казаков.**

Н. Воробьев

(Продолжение следует)

ДАЛЕКОЕ

Про далекое вспомнилось ныне
На далеком чужом берегу...
Средь людей я опять, как в пустыне!
Позабыть край родной не могу.

Что мне берег с песком серебристым!
Что мне пальмы и роскошь цветов!
Степь верните с ковылью волнистой,
Разоренную быль казаков!

Ширь привольных степей возвратите
И верните все балки, луга!
Шлях дорожку степную верните
И родимой сторонки снега!...

Все верните, что сердцу так мило!
С чем сроднилась душа с детских лет,
Красотой что увенчано было
Без крикливых рекламных примет!

Порфирий Юшкин-Котлобанский

НЕСКОЛЬКО ВОСПОМИНАНИЙ О П. В. СПАССКОМ

(К полугодовой годовщине его смерти — 30 мая 1968 г.)

30 мая с. г. скончался после долгой и мучительной болезни регент хора Парижского Кафедрального собора Петр Васильевич Спасский.

Мало русских, а еще меньше казаков, которые не знали бы покойного, как отзывчивого человека и талантливого регента по его церковным песнопениям, по его пластинкам, по его общественной деятельности. На 73-ем году его жизни и 53-ем его церковной деятельности Господу Богу было угодно призвать П. В. туда, « где нет ни печали, ни воздыханий ».

Его кончина совпала с забастовками по Франции, и не было возможности перевезти его останки для отпевания в Парижский Собор — место его долгого и ревностного служения, и мы проводили его прах прямо на русское кладбище в С. Женевьев, где и состоялось отпевание в сослужении епископа Мефодия.

В « Русской Мысли » от 22 июня и в « Церковном Вестнике » за май-июнь с. г. была широко освещена дорога П. В. на поприще церковной и общественной деятельности. И только вкратце было упомянуто о его « трудной жизни в изгнании », о времени « добывания горького хлеба тяжелым физическим трудом ». И вот мы двое из еще уцелевших его соратников напомним читателям и станичникам несколько обрывистых воспоминаний об этих пройденных вместе с ним путях.

П. В. Спасский, казак ст. Каменской, сын дьякона, родился 1 февр. 1896 г. Учился в Новочеркасском Духовном Училище, а затем в

Духовной Семинарии, которую окончил в 1916 г. С малого возраста увлекался церковным пением и уже 15-тилетним мальчиком управлял малым семинарским хором. По окончании Семинарии поступил в Казанскую Духовную Академию, но ...гражданская война указала ему другой путь, путь борьбы с большевиками, за свободу России, за Тихий Дон, за вольность казачью. В Новочеркасске вступает П. В. в Боевую Студенческую Дружину, где проявляет безпримерную храбрость, мужество и жертвенность. В бою был контужен. После П. В. зачисляется во вновь открывшееся Донское Военное Училище, и при отступлении к Новороссийску он, будучи пулеметчиком, охраняет донскую казну от попыток захватить ее бандами « зеленых ». Из Новороссийска Дон. Войсковое управление вместе с юнкерами и детьми перевозится на английском дредноуте в Крым. Там произошло слияние Донского Военного У-ща с Атаманским Военным У-щем и, вот, юнкер Спасский изучает военную науку и скоро становится портупей-юнкером. А так как юнкера временами посылаются на « выручку », на фронт, то за одну из таких « кампаний » под Каховкой П. В. награждается георгиевским крестом.

В эмиграции, из Константинополя, после карантинных мытарств, Училище было отправлено на Лемнос, где в одной из палаток была оборудована походная церковь и, конечно, пласомщиком и певчим при ней был П. В.

9 июня 1921 г. (нов. ст.) на Лемносе была погрузка, для отправки в Болгарию, на пароход « Решид-Паша », зафрактованный Французскими оккупационными властями для « разгрузки » Лемноса. Это был тот самый зловещий « Решид », который перед этим совершил один или больше рейсов, перевозя согласившихся вернуться в Совдепию. (При случае я расскажу по письмам тамошнего очевидца, полученным из Ростова за последние годы, как там встречали и расстреливали « возвращенцев »).

Группа юнкеров — и в том числе и П. В., бывшие (и будущие) студенты погрузились теперь на « Решид ». Один из нижеподписавшихся, не бывший юнкером (я был « калединовцем »), но студентом Дон. Политехнического Института, погрузился в самую последнюю минуту. Никакой предварительной записи для отравки не было, доступ на пароход был всем свободен, французы только и думали, как бы « разгрузить » Лемнос.

11-го рано утром пароход бросил якорь в Босфоре, как раз против « Айя София » и только 13-го вечером медленно по Босфору вышел в Черное море, направляясь к Варне. Вот выписка из моей тетради, сделанная в тот же вечер: « Солнце уже зашло, когда мы вышли в море, но было еще светло. Все лица потянулись туда, к северу и северо-востоку, где, за водной далью, скрывались родные берега. Хотелось взобраться выше, на мачты — авось видны будут берега Крыма и Кубани... »

14 июля мы были уже на рейде Варны, но сгрузились только 19-го и были помещены в карантинный лагер, на противоположном берегу залива (бухты) Варны. Еще на пароходе все мы, студенты, сошлись, побратались и решили образовать для будущих работ в Болгарии « студенческую рабочую артель ». Было у нас и свое снаряжение — военная палатка, военная походная кухня и прочий инвентарь. И конечно, в числе руководителей и зачинщиков всех наших планов и начинаний был всегда П. В.

В конце нашего « карантинного сидения » всю нашу группу отправили поездом в Пловдив с обещанием устроить на работы по постройке ЖД. Но этой работы не оказалось и некоторая малая часть нашей артели распылилась на разные мелкие работы в городе, на сахарную фабрику и тд.

В Пловдиве, в болгарской Духовной семинарии, оказался бывший учитель П. В. по Семинарии в России г. Чаусов, приехавший раньше нас и занимавший там должность заведующего болгарской семинарии. А так как время было не учебное, — все здание было свободно и в распоряжении г. Чаусова. Благодаря связям П. В. с Чаусовым часть нашей артели здесь временно и поселилась, остальные же остались жить в вагонах на ЖД станции.

Все же основная часть нашей артели (с походной кухней и прочим) все таки устроилась на земляные работы по постройке ЖД, сначала на станции Раковска, затем на ст. Сарамбей, в Родопских горах, поблизости от деревушки « Ели-Дере ». Здесь наша артель окончательно организовалась и конечно благодаря неутомимой энергии П. В. не только в смысле условий нашей работы и житья, но и в смысле, главным образом, наших планов: как и где продолжать образование? В то время у всех на языке только и было слово « Прага ».

В артели нас было человек 25-30, но настоящих то студентов только немного больше половины. Жили мы в деревянных бараках, но половина нашего барака № 1 была заселена болгарами. Соседний барак был полностью занят Гундоровским полком, работавшим, как и мы, во главе со своим командиром ген. Коноводовым.

Жизнь в бараках, особенно зимой, была тяжелая. (У кого есть книжка моих стихов « Рифмованные Кончики », ее кошмарное описание есть под заглавием « Один день в хуторе « Очумелом »). Петр Вас., как и мы все, зарабатывал себе пропитание « под звон железных лопат и кирок ». Но все же вечерами, при свете отдельных свечей и нескольких коптящих керосиновых ламп, мы находили время обсуждать свои планы о Праге — всегда о Праге, разбирать литературные новинки (т. к. на наши скромные экономии обзавелись небольшой библиотечкой), позировать художнику Косте Попову (вспоследствии декоратору театра Елисейских Полей в Париже, но умершему позже в Аргентине), слушать бренчание на гитаре Бори Фесенко итд. П. В., любитель не только церковно-религиозной литературы, но и поэзии, приобрел в одну из своих поездок в Софию томик « Декламатора » — сборника избранных русских стихотворений, почему у меня и сказано в упомянутом сборнике « Риф. Кончики »:

« В декламаторе Спасского Костя
Дочитал уж последний сонет... »

Конечно, с самого начала нашего пребывания в Сарамбее П. В. был уже в связи со священником болгарином из деревни Ели-Дере, и, конечно, все службы проходили с участием его и его хора, организованного из студентов и казаков гундоровцев соседнего барака. Припоминаю, что в Рождественскую ночь 1921 г. на торжественную ночную службу некоторые хористы прибыли в церковь с большим запозданием, так как, живя в бараке еще выше нас по течению горного потока и пробираясь в темноте по тропинке вниз, один из них упал в бурный поток, Пришлось его извлекать оттуда и промокшего привести в наш барак № 1, переодевать и просушивать...

Тяжесть жизни одно, а молодость требовала другого, и устраивали мы в школе Ели-Дере вечера с концертами струнного оркестра, с хоровым пением (конечно, хора П. В.), с деклмациями, со злободневными частушками, с показыванием рисунков, портретов и набросков Кости Попова итд. Бывало это и на Рождество, и под «оба» Новых Года (стар. и нов. стиль), и на Крещение, и на Татьянин день и ...просто экспромтом по воскресеньям. Один раз организовали спектакль (Чеховского « Медведя »), где за неимением женщин женскую роль пришлось исполнять одному из нижеподписавшихся.

Были у нас друзьями все « сливки » Ели-Дерийской « интеллигенции » и знати: хромая школьная учительница с матерью, зажиточный местный « помещик », имени его не помню, а особенно наш постоянный друг корчмар (и немного поэт) Кырмов (Кърмов), который тоже оказался ... Петром Васильевичем, так что на наших семейных празднованиях оба Петра Васильевича занимали первое почетное место. А болгарский П. В. именовал своего « братушку » — тезку « Спаскиным ».

Несмотря на тяжелые — вагонные, а потом барачные — условия жизни и еще более тяжелые условия работы, надежда продолжать учиться все время горела в душе П. В. и подогревала ее и у всех других. Завязалась по этому поводу обширная переписка с Дон. Правительством, с Союзом Русских студентов в Софии, с уже устроившимися студентами в Праге, для выяснения всех возможностей. Несколько раз П. В. ездил в Софию, чтобы устроить переезд туда нашей группы. Сначала переезжали одиночками, а потом почти и вся наша группа оказалась в Софии, даже покинув в Сарамбее « символ » нашего объединения — нашу военную походную кухню. По поводу последней припоминаю, что я, один из нижеподписавшихся, был ее полным хозяином в течении одного — только одного — дня, будучи, по настоянию другого нижеподписавшегося, единогласно выбранным на должность артельного повара, но наварил такой бурды, что в тот же вечер и так же единогласно была принята моя отставка.

Предлогом для переезда в Софию было поступление некоторых из нас на Технические Курсы, организованные Дон. правительством, и жили мы там — тоже « коммуной » — на мансарде дома, арендованного им.

После « сарамбейского » периода нашей жизни, наша « коммуна на мансарде » была вторым этапом существования нашей группы. Технические курсы были кратковременны и, конечно ,не вели нас ни к чему. Живя попрежнему вместе, мы работали все индивидуаально и рассеяно по городу, так что, в конце концов, условия жизни в Софии оказались для нас почти не легче. Как пример, перечислю несколько моих профессий за какие нибудь 7-8 месяцев: грузчик-чернорабочий на складе строительных матерьялов или на лесопильном заводе, разные мелкие работы у одного предпринимателя, работа в русской столовке (грязная и тяжелая работа на кухне) итд. Были среди нас и трубочисты, а один из нас сопровождал покойников, в качестве служащего похоронного бюро. Приходилось не отказываться ни от какой работы.

П. В., после нескольких « профессий », устроился корректором и экспедитором — рассыльным в редакцию донской газеты « Казачье Слово », которая редактировалась С. Пи-

нусом, помошником его был Куницин мелитопольского « Сполоха », а заведывал всеми иными делами представитель Дон. Пр-ва ген. П. Х. Попов. Под этим названием газета просуществовала только полтора месяца (с 1 янв. по 15 февр. 1922 г. — 8 №), а потом стала выходить под названием « Казачьи Думы » (до янв. 1923 г. вышло 49 №). Помню, по поводу перемены названия газеты П. В. шутил: « Мы поняли, что « слово » нам говорить еще рано, — нужно сначала еще « подумать ».

Один вечер поднялась у нас на « мансарде » трєвога: было уже поздно, вся « коммуна » в сборе, а П. В. — нет и нет. Не было всю ночь. А на утро он приходит плохо спавший или совсем не спавший. Оказалось, что провел он всю ночь в ...полицейском участке. Зацепили его « архангелы » поздно вечером с его газетной экспедиционной сумкой, извлекли из нее бумаги и стали изучать: « такому-то... 1 экз., Туда то... 3 экз. итд. ». « Архангелы » сполошились — Экз.? — Да это эскадрон... 1-ый эскадрон, 3-ий эскадрон...! Что это за военная организация? — И до поздней ночи допрашивали П. В. и продержали до утра. Лишь утром он был освобожден благодаря вмешательству редакции и союзнической миссии, имевшей тогда свое представительство в Софии.

Здесь же, в Софии, наблюдали мы зарождение знаменитого потом хора Жарова, певшего по воскресеньям, в не-рабочее время, в церкви (не помню ,принимал ли в нем участие П. В.).

Вот так то шла жизнь нашей « коммуны », все время меняя места работы, но главной нашей целью была все та же Прага.

Но вот началось наше рассеяние. Но в Прагу то попало меньше всего. Большинство уехало во Францию, где и окончило образование в разных городах: Париже, Нанси, Пуатье, Безансоне, Страсбурге. А двое: Костя Попов и П. В. попали в Италию, первый в Художественную Академию в Риме, второй — в Миланский Католический университет. П. В. пробыл в Италии до 1927 г., но начиная с 1923 г. навещал нас, студентов, в Париже, где наша казачья группа, в « лекурбовском » общежитии (которое в то время было исключительно студенческим), по приобретенному нами обычаю в Софии жить на мансарде, и теперь тоже жила на мансарде, в верхнем этаже. (Жизнь каз. студенческой группы в Париже, ее первые шаги, оброзование « Общества взаимопомощи студентов донских казаков во Франции » были детально описаны мною в свое время в №№ 4 и 5 « Казачьего Сполоха » за апрель 1925 г.). Уже в то время, при своих случайных приездах в Париж, П. В. организовывал свой временный маленький хор, который выступал то там, то сям. Так, помню выступление этого хора на « литературном утре » в Алианс Франсэз на бульваре Распай. В этой школе, где я провел один учебный год (1922-23), были моими « сошкольниками » профессор Карташев — милейший человек, бывший министр вероисповеданий Временного правительства, и г-жа Сватикова, супруга профессора (недавно скончавшаяся в США). Конечно, посещая нас там, П. В. встречался с Карташевым, так как им было много о чем поговорить. Бывали мы с ним также и у Сватиковых.

О деятельности П. В. на поприщах церковном, хоровом, педагогическом полностью рассказано в двух публикациях, упемянутых в начале этой заметки (упоминается о ней и в № 60 « Род. Края » при описании чествования П. В. по случаю 70 лет его жизни и 50 лет служения).

Служба при Бианкурской церкви, где П. В., не щадя своих сил, ни слабого здоровья, окунается с головой в организацию прихода и создает настолькот хороший хор, что Афонский, регент парижского собора, уезжая в США, рекомендует на свое место П. В. Таким образом, он 20 с лишним лет поет, управляет хором, участвует, как всегда горячо, во всех делах большого парижского прихода Александро-Невского Собора, выезжая в провинцию служить, отпевать, крестить, хоронить.

Последнюю зиму приобрел он себе длинное теплое пальто ,чтобы в поездках не мерзнуть, а ложась спать им укрываться. Но... осталось пальто не использованным, ибо болезнь оказалась затяжной. Даже лежа в клинике, покойный думал об издании учебника хорового пения, об окончании своей диссертации. Но... сердце не выдержало: закупорка вен и П. В. скончался на руках врача. Медицина оказалась безсильной...

Перед мной несколько любительских фотографий от марта 1922 г. на работах в Сарамбее. Фотографии сняты одним из наших друзей болгар, в то время у нас самих не было фотографических аппаратов. Вот еще одна — в Софии. Все мы были тогда молоды и « горькость » трудно зарабатываемого хлеба как то не чувствовалась. И вот теперь нас осталось только... двое.

А другие? Большинство поумирало (во Франции, в Африке, в Аргентине, на Зондских островах итд), двое... повесились (да помянет их и простит им Господь Бог во Царствии Своем), один — еще из Болгарии уехал в Совдепию (и чуть не сманил туда одного из нас). Некоторые ушли в неизвестность — где

они? И последний преставившийся, это — П. В.

Осталось нас только двое... А еще три года тому назад, в сентябре 1965 г., когда нас было еще трое, собрались мы втроем и отслужили панихиду в маленькой церкви при « лекурбовском » общежитии по всем почившим « сарамбейцам » — Петре, Владимире, Василии, Сергее, Михаиле и тд итд.

В одной из публикации о П. В. рассказывается об его паломничестве в Палестину, к святым местам. И вот, передо мною, когда я пишу эти строки, святой крестик, привезенный покойным оттуда и подаренный мне, его « сарамбейскому » соратнику...

Вот несколько воспоминаний о дорогом Петре Васильевиче — для нас Пети — воспоминания двух последних, доживающих свой век « сарамбейцев », воспоминаний, дополняющих картину его жизни не только в церковной области, но немного и в повседневной.

И мы, оставшиеся, знаем, что покойнику удалось в своей жизни осуществить все « земное в пределах земных », всегда « волнуясь и спеша ». И вспоминая его жизненный путь, нам, знавшим его с далеких лемносских и « сарамбейских » времен, остается просить Матерь Господа Бога об упокоении раба Божьего Петра, который всю свою жизнь посвятил Родине, Церкви, родному Войску и ближнему своему; а оставшимся — вдове и сыну — выразить наше соболезнование в постигшей их утрате, в уверенности, что тропа к могиле Петра Васильевича на кладбище С. Женевьев не зарастет травой.

А написанные выше строки да послужат нашим скромным цветочком, принесенным на могилу одного из последних « Сарамбейцев ».

Н. Альникин (Казабланка — Мароко)
В. Монаенков (Париж)

С РУССКОЙ ПЕСНЕЙ ПО БЕЛУ СВЕТУ

(Все права сохранены за автором)

(Продолжение № 77).

Местом летнего отдыха и спевок был выбран Крумпендорф, небольшое селение в Австрии на озере Вертэрзее. На юге по берегу этого большого озера находится самый фешенебельный летний курорт Австрии Перчах, а на севере, также вблизи озера, город Клягенфурт, где нам уже приходилось частенько давать концерты. В Германии, в то время, экономический кризис давал себя чувствовать все сильнее. Веймарская республика не могла справиться с разрешением возникавших экономических проблем и постепенно угасала. На смену ей шла диктатура национального характера. Царствовавший в стране кризис, конечно, не мог не отразиться и на работе хора. Начавшаяся безработица лишала большую часть населения возможности трат на развлечения и удовольствия. Наше положение ухудшалось еще и тем обстоятельством, что окончившийся концертный сезон, совпавший с убийством президента Франции, кроме оставшегося неприятного осадка, навсегда лишил нас Африканского концертного рынка.

В Соед. Шт. перед этим тоже разразилась настоящая экономическая катастрофа; биржевые ценности неудержимо катились вниз, один за другим лопались банки, миллионеры обращались в нищих, миллионы рабочих и служащих тщетно искали работу и службу. В борьбе с кризисом правительство открывало государственные работы, где заработки, если и не были велики, то и работа не была тяжелой. На этих работах в те тяжелые времена работали и многие русские. Но все же, даже и при таких неблагоприятных условиях, США и Канада явились для нас спасательной отдушиной, дававшей хору три года подряд по двадцати концертных недель, а начиная с 34-го по 40-й, по двенадцати недель. Однако, летом 32-го года пришлось сократить число хористов на два человека. Расписание всей жизни хора шло по старому, раз заведенному плану: в начале сезона пели мы в Германии, прихватывая иногда пароход в Бременхафене или в Куксхафене и плыли в Нью-Йорк. Из Нью-Йорка автобусом направлялись в Канаду — Монтреаль.

Осень, почти во всей Северной Америке, лучшее время года по погоде, а северные штаты и по красочности пейзажа. В начале октября, в штате Нью-Йорк, осень только лишь начинает чувствоваться и если лето не было особенно засушливым, то повсюду можно было видеть много зелени и леса еще продолжали сохранять свое летнее одеяние. К границе Канады, 500 кил. севернее Нью-Йорка картина резко менялась: тут почти беспрерывные смешанные леса были уже щедро раскрашены осенью. Зелеными оставались лишь хвойные деревья, а дубы, клены, орешник и множество других пород, бледно-зелеными, оранжевыми, темно-багровыми, желтыми и бурыми пятнами переплетались в один огромный букет осеннего леса, постояно менявшийся в сочетании красок. Куда ни глянь, все новые тона, все новые оттенки. Чуть поодаль от леса попадаются отдельные деревья, у которых северная сторона едва позолочена ,тогда как южная уже багровая. Одно такое дерево — полная гамма большого букета, выдержанного в одном тоне.

В США хору часто приходилось петь в университетских залах, колледжах и гимназиях. Иногда эти концерты бывали закрытыми, т. е. давались для студентов, учащихся и педагогов, но чаще открытые для широкой публики. В Миннеаполисе концерты первых лет устраивались в огромном университетском зале с пятью тысячами мест. В Ан-Арборе, небольшом городе с большим Мичиганским Университетом, концерты также давались всегда в Университетском зале, имевшем тоже 5 тысяч мест. В этом городе хор даже жил в университетском отеле. С самого начала этот университет устраивал хору хорошие приемы. Устраивались они довольно оригинально: после концерта нас приглашали в студенческий ресторан, где уже был сервирован ужин. Садились за столы и кельнеры-студенты подавали ужин: суп, мясные блюда, сладкое и напитки... вода, молоко, чай и кофе. Во время ужина пел университетский хор.

Пел он хорошо, а некоторые вещи прекрасно. После ужина и мы пели для студенческого хора несколько номеров. Целый ряд лет вместе с нами присутствовала на ужине вдова последнего Главнокомандующего Русской Добрармии г-жа Врангель, сидевшая обычно рядом с С. А. Жаровым и администратором. Возможно, что в эти годы в местном университете обучался один из ее сыновей.

В некоторых колледжах их хоры пели и русские вещи с русскими словами. Первым таким песнопением было « Господи помилуй » Львовского, то самое которое поется на выносах Креста, в канун Воздвижения, и в субботу вечером, на третьей неделе Великого поста. В этом песнопении всего два слова, а с нотами американские певцы справлялись очень хорошо.

Иногда нам приходилось петь вместе с хорами из высших учебных заведений, управлял такими хорами всегда Жаров, но бывало, что он управлял и отдельным американским хором. В таких случаях этот хор заранее разучивал русское песнопение. Отношение к нам с стороны американской молодежи ярко характеризуется следующим случаем. Однажды поезд, в котором мы ехали, попал в снежный занос и опоздал на несколько часов. Концерт должен был состояться в женском колледже, в Ваошаве, штат Нью-Йорк. Уже подошло время начала концерта, а хору надо было еще полчаса, чтобы добраться до колледжа автобусом. Позвонили администрации колледжа и запросили, что делать?... Ответ был короток: « Приезжайте. Будем ждать ». С часовым опозданием подъехали мы к колледжу и когда вошли в здание, из залы доносилась мелодия « Эй Ухнем ». Под гром аплодисментов проследовали мы через зал на сцену. Все это, « Эй Ухнем » и терпеливое ожидание хора в продолжении часа и встретившие нас аплодисменты были так трогательны, что невольно разогнали дорожную усталость и заставили подтянуться.

Не раз нам приходилось петь и в негритянских колледжах, имевших свои хорошие хоры, певшие для нас после концертов. Часто и очень часто нашему хору делались короткие приемы, как частными обществами, так и учебными заведениями. Происходили эти приемы сразу после концертов. Обыкновенно на них предлагались сандвичи, пирожные, печения, чай, кофе с прохладительными напитками.

В Рокфоре, в ста милях на северо-запад от Чикаго, большая и тесно сплоченная колония шведов много лет подряд устраивала хору большие приемы. Концерты там всегда устраивались в воскресенье после обеда. По окончании концерта хор возвращался в отель « Фауст », по английски « Фост », приведя себя в порядок, спускались в « лаби » — огромное фойе, где уже шли приготовления к ужину. К этому времени собирались и хозяева-шведы, со своими женами, а кто и со взрослыми детьми. Отдельная прислуга накрывала скатертями десятки столиков и раставляла стулья. Все съедобное подавалось на огромный стол, где возвышалась посуда и все прочие аксессуары ужина. Другой стол, поменьше, уставлен всевозможными напит-

ками, различными водами, бокалами, рюмками и непременными кубиками льда. Вся эта сервировка соответствовала скандинавскому обычаю: подходи к столу и бери сам, что тебе нравится, как из съестного, так и из напитков. Хозяева заботились, чтобы гости как следует насыщались и не забывали утолять жажду, и сами подавали пример, как нужно пить и есть. Роль прислуги сводилась лишь к замене опустевших блюд новыми. Вкусные блюда, заботливость и радушие хозяев создавали чисто семейную атмосферу, дружественную и непринужденную.

Мы, хористы, тонули в многочисленной толпе хозяев. По окончании — насыщеные до отказа — присутствовали при показе фильма, заснятого в предшествовавший прием. Эти фильмы всегда фотографировались экспромтом, без предупреждений к съемке, зафильмованными оказывались многие курьезные пассажи, вызывавшие взрывы смеха. Один из хозяев фиксировал все это на пленку. Затем начинались танцы, шли они и под рояль, пластинки и радио. Наконец, уже в темноте, шведы забирали регента, а маленькие группы хористов начинали разъезжаться по домам заканчивать день.

Большое фойе пустело и те из хористов, кто от « заканчивания » уклонялись, переодевались и шли на улицу слегка проветриться перед сном. Эта радушная и гостеприимная шведская колония в Рокфоре была самой дружной, спаянной из всех иностранных коконий, встреченных нашим хором в его долголетних разъездах.

Ежесезонное выступление хора, в уже неоднократно посещенных нами городах, требовало от нас постоянного увеличения репертуара, как в церковных песнопениях, так и в светских.

К церковным песнопениям прибавились — « Внуши Боже » двухxорное, « Кто Бог вели », « Да воскреснет Бог », « Тебя Бога хвалим », которое держится в репертуаре и по сей день; пели « Экзапостилавый » « Апостоли от конец », « Херувимскую » старо симоновскую, в обработке Кастальского, « Грамоту Патриарха Гермогена » — « Обращаюсь к вам, православным христианам ».

В светский репертуар вошли несколько колыбельных, несколько сборных частушек и народных песен в аранжировке А. Т. Гречанинова, из которых самой удачной была « Ой да ты подуй, подуй » — В грустную мелодию этой казачьей песни он вложил какие то радостные нотки и оживил ее солистами. Вообще Гречанинов аранжировал для хора многие народные песни, но к иностранной публике они привились далеко не все. Иногда приходилось снимать с репертуара даже такие, которые нравились регенту и певцам.

Такой чудесный номер, как « Хор поселян » из оперы « Князь Игорь » Бородина, пришлось заменить, ибо вне оперы иностранцы « Хор поселян » просто не понимали.

В конце лета 1932-го года, как и всегда, хор полностью обновил программу и до последних чисел сентября выступал с нею в Европе, а затем снова направился в Нью-Йорк.

Как обычно, концерты начались с Канады, с Монтреаля. Новым в сезоне было, что хор посетил южные штаты Америки: Аризону, Тэксаос, Миссисипи. В небольших городах северо-восточных штатов, где нам приходилось часто выступать, имеются значительные русские колонии, созданные из приехавших сюда еще до первой мировой войны русских людей. В этих колониях всегда и традиционное русское гостеприимство, частенько хор наш отдавал честь их вкусному борщу, холодцу, колбасе с капустой, голубцам, варенникам и, конечно, « отечественной чарочке ». Нередко эти колонии, объединенные в большие церковные приходы, покупали у дирекции концерт хора и тогда, уже без трапезы после концерта дело не обходилось. Все это вносило некоторое разнообразие в совсем не легкую работу хора, а иногда сглаживало и неприятности, встречавшиеся в нашей бродячей жизни.

Большим неудобством являлось то обстоятельство, что вскоре для наших передвижений нам пришлось пользоваться почти исключительно автобусом. Экономический кризис в С.А.Ш. изживался медленно и турнэ хора было настолько насыщено концертами, что поспеть с одного на другой можно было только при условии иметь в своем распоряжении автобус с выносливым шофером, сейчас же после концерта ехать 15 и 20 часов до места следующего концерта. Никаких « турыпайнов » и « трувэров », где в одном направлении могут катиться сразу три автомобиля в ряд, тогда еще и в помине не было, не было и « бай-пасов », позволявших объезд больших городов. В гористых местностях, особенно в Пенсильвании, часто приходилось ползти черепашьим шагом: крутые подъемы, крутые спуски с резкими поворотами. Не разгонишься. Да и сами автобусы были еще плохо приспособлены к долгим переездам; то почти не действовала вентиляция, то ее совсем не было, а то и еще хуже: в автобус просачивался отработанный газ. Проезжать через такие города как Кливланд, Филадельфия, было особенно нудно. Для того, чтобы пересечь го-

род, требовалось часа два, все зависело от движения в самом городе. На самом юге попадались отрезки дорог в 60-80 кил. вообще не гудронированных, где пыли хоть отбавляй и где автобус идет в полной тряске.

Начиная с четвертого турнэ по Америке в сезоне 1933-34 гг. хор перешел на 12 недель работы, и этот контракт возобновлялся вплоть до сезона 39-40 г. включительно. Эти 12 недель работы, с начала октября и до рождественского перерыва, были самыми тяжелыми в практике хора. Едва ли кто поверит, что за 84 дня хор умудрялся давать 86 полных концертов. Это было непрерывное движение, в котором и ночные передвижения не были редкостью, свободный от концерта день означал очень долгий переезд. Бывало, и не однажды, когда хор давал по два концерта в день, да еще в разных городах. И тем не мение контракты эти ежегодно возобновлялись.

Делалось это не из жадности, а потому, что многие, обремененные семьями, хористы вынуждены были жить на два дома. Остававшиеся на месте постоянного жительства в каком-либо из больших городов Европы их жены и дети должны были быть обезпечены не только в условиях нормального течения повседневной жизни, но и в случае несчастья, болезни или операции. Кроме того, чтобы нести столь нелегкую голосовую нагрузку, хор должен был хорошо питаться и останавливаться в хороших отелях, что в постоянных переездах обходилось недешево.

Царивший в Европе и Америке экономический кризис, выбросивший на улицу миллионы безработных, не мог не отразиться и на работе хора, заставляя принимать контракты весьма тяжелые по своим условиям.

К началу 1934 года благосостояние в Германии стало заметно улучшаться, а в С. А. Ш. много позднее.

Турнэ 32-33г. мало чем отличалось от предшествовавшего; сентябрь пели в Европе, с начала ноября и до половины марта в С. А. Ш. и Канаде, а с половины марта и до начала июня снова в Европе и в тех же государствах. В Польшу и Латвию доступ хору был закрыт тамошними властями. В иные страны мы не могли ехать из-за низкой валюты и полной безалаберности в концертном деле. Попытка, произведенная в прошлом сезоне, открыть новый « рынок » в Северной Африке, закончившаяся полным фиаско, более не повторялась. Стремления проникнуть в Южную Америку у нас не было, т. к. там во всех областях, а в том числе и в концертном деле, царил полный хаос; не было надежной дирекции, отсутствовали средства быстрого передвижения, и не только между отдельными странами, но и между городами. При таких обстоятельствах хору пришлось базироваться на Сев. Америку и Германию. В качестве подсобных стран, посещали мы Чехию, Австрию, Швейцарию, Францию, Бельгию, Голландию, Англию и изредка Югославию и Скандинавские страны. Но во всех этих странах к середине 30-х годов хор дал не более 40-ка концертов в год.

Небезинтересно было наблюдать, как Гитлер готовил Германию к реваншу; создавалась огромная армия и соответствующая ей военная промышленность. Вся немецкая молодежь проходила военную подготовку, даже и та, которая направлялась на « трудовой фронт », фактически представляла собой строевую часть, хотя их официальным оружием была лопата.

Работая на хозяйственном фронте подготовки к войне, эта многочисленная молодежь проводила дороги, осушала болотистые места и т. п. Германия готовилась к самоснабжению всем необходимым. Не было нефти — построили заводы, перегонявшие курной уголь на жидкое горючее, расширялась посевная площадь и улучшалась уже имевшаяся, перерабатывались на масла все кухоные отбросы и даже всех детей приучили собирать пробки и свинцовую бумагу от папирос и сносить в школы. Ежемесячно устраивались кружечные сборы, избежать которые вообще было невозможно.

Производились они повсюду, на улицах, в кафэ, в ресторанах в продолжении целого дня. Взамен брошенной в кружку монеты вам выдавался маленький искуственный цветочек. Введен был и « эйнтопфгерихт » — день одного горшка, когда весь обед состоял из одного блюда. Чаще всего одноблюдным обедом в ресторанах бывал густой суп из фасоли или гороха, с порезанными на кусочки сосисками. За такой обед клиент платил одну марку, из которой ресторатор отдавал большой процент государству .

Не избегали этого взноса и домашние хозяйки, партийцы обходили все квартиры. Большое внимание хозяев страны обращалось на совсем еще зеленую молодежь. Каждое воскресенье с раннего утра гремели оркестры, это подростки мальчики и девочки шли за город на разные тренировки. Вся эта внутренняя ажитация в стране, вплоть до войны с Польшей, проходила на наших глазах.

Начиная с сезона 33-34 года, хор перешел в С. А. Ш. и Канаде на 12-ти недельные турнэ, начинались они в начале октября и продолжались до рождественского перерыва, до 20-го декабря. До 1938-го года включительно

инославное Рождество хору приходилось проводить на пароходе. Пассажиров в этот период было совсем мало и мы пользовались прекрасным отдыхом, все внимание пароходной прислуги сосредоточивалось почти на нас.

В Берлин хор приезжал обыкновенно за день, за два до встречи Нового года. Но однажды хор приехал в Берлин за несколько часов до встречи Нов. года, так что времени хватило только, чтобы привести себя в порядок и сразу отправляться « с корабля на бал ». Другой раз, в 33-м году, обстоятельства сложились так, что нам пришлось ехать с пароходом, который шел северным путем, с заходом в канадский порт Галифакс и оставался в дороге 10 дней — пришлось этот Новый год провести на пароходе.

Обычным путем протекала жизнь хора, работали мы много и усердно, но больше всех, как и всегда, работал регент. Он настойчиво добивался выучки, отделки и шлифовки нового репертуара и также неуклонно следил за тем, чтобы хором не забывались петые репертуары.

Осень 34-го года была полна печальных и драматических событий. В Марселе был убит истинный друг Национальной России король Югославии Александр; в Париже скончался последний, выбранный на Дону, Атаман В. В. Донского ген. А. П. Богаевский; в Риге, на своей даче, был зверски умучен сталинскими палачами Архиепископ Иоанн, открытый и ярый враг коммунизма, громивший его в стенах Латвийского парламента, членом которого он был долгое время. Велико было значение этих понесенных белой эмиграцией потерь: в лице короля Александра мы потеряли верного друга, в лице Архиепископа Иоанна — мужественного и стойкого борца за родные Святыни, за человеческий образ; со смертью ген. А. П. Богаевского русская Белая эмиграция лишилась одного из последних непререкаемых авторитетов всего Белого движения, все казачество в целом-объединявшего его руководителя, донцы — последнего, избранного на родной земле, Атамана, при котором не было разброда и Войско оставалось едино, а мы, хор, кроме всего прочего — неизменного друга, так близко принимавшего к сердцу все наши горести и невзгоды. Никогда не сотрется в памяти образ гуманнейшего, высоко образованного, твердого в морали и принципах Атамана А. П. Богаевского.

Как по проторенной дорожке, без отклонений в стороны, протекала жизнь хора. Один сезон бывал немного легче, другой тяжелее. Жаров неуклонно следил за тем, чтобы хор отнюдь не снижался в своем художественном совершенствовании. Большая работа проводилась хором летом при разучивании и усвоении новой программы, но и в концертное время, как только к тому представлялась маленькая возможность, т. е. находилось свободное время от поездок и концертов.

Лето 1934-го года хор провел на севере Германии, в Альбек, одном из четырех морских курортов, расположенных в одном заливе. Справа по берегу в 3-х килом. находился Свинэмюндэ, а слева Херингсдорф, а чуть дальше Банзин. Повсюду в этих местах чудные песчаные пляжи и невысокие цены на пансионы. Все это так понравилось хору, что два лета подряд мы проводили в Альбеке, одно в Банзине и одно в Херингсдорфе.

Сезон 34-35-го года проходил с прежним успехом и никаких особенных происшествий в хоре не произошло. Я опущу описание данных нами концертов за этот период и познакомлю читателей с мнениями и отзывами о нас со стороны наших слушателей.

Перед мною небольшой журнал « Станица » за июль 1935 года, орган студенческой казачьей станицы в Париже. Весь этот номер посвящен Дон. каз. хору и его славному регенту С. А. Жарову. На обложке журнала фотография улыбающегося регента, на первой странице приветствие хору Донского Атамана гр. Граббе.

« Как Донской Атаман, я искренно и горячо приветствую на страницах журнала « Станица » гордость нашу, — Донской казачий хор, — Сергея Алексеевича Жарова. Вполне сочувствую и разделяю идею редакции, решившей посвятить очередной номер журнала хору, который в течении многих лет прославляет по всему миру песней казачье имя. Я не буду говорить о тех многочисленных концертах хора, о том огромном успехе, которым он заслуженно пользовался в столицах и городах Европы, Америки и других частях Света, об этом знают все, здесь я хочу отметить ту отрадную для нас, казаков, особенность, что хор, как птица перелетная, летая по всему Свету, тем не менее никогда не отрывается от казачества, всегда помнит о Войске, не только в дни Войсковых и других казачьих праздников, но через Атамана всегда держал живую связь с казаками и в тяжкие будни нашей заграничной жизни. Донской хор С. А. Жарова всегда отзывался на нужды своих братьев казаков, поддерживая в течении многих лет инвалидов, больных, безработных, студентов, поддерживал покойного А. П. Богаевского в дни его болезни и горячо принял участие в достойном его званию погребении.

Донской хор отзывался на нужды не толь-

ко казаков, но и на призыв русской общественности. Хор был постоянным щедрым жертвователем на храм-памятник в Лейпциге, ежегодно устраивал концерты в пользу военных инвалидов и т. д.

Заканчивая свое приветствие, я, от имени всего Донского Войска за рубежом, шлю Сергею Алексеевичу Жарову и его славному хору наше горячее казачье спасибо —. Ген.-Лейт. Граф М. Граббе.

Дальше идет статья ген. С. Д. Позднышева, навеянная концертом хора в Париже, в зале Трокадэро. Короткое название статьи « Хор Жарова » снабжено эпиграфом: « ...— И на очи давно уж сухие, набежала как искра слеза... ». Я опускаю начало статьи, где автор повествует о том, что еще в среднем учебном заведении их учитель пения рекомендовал всем при случае обязательно послушать хор Славянского; и перехожу к той части, которая касается нашего хора.

« ...и когда я услышал хор Жарова в марте этого года в Париже, я с величайшим душевным трепетом почувствовал, что хор Славянского мне не удалось услышать в жизни, но я услышал другой хор, не менее славный, наш родной, казачий, который как чародей заворожил, зачаровал весь зал, встрепенул всю душу, наполнил ее сладостным томлением, невыразимым, неизъяснимым восторгом, пленительнейшими, нежнейшими чувствами, порывами куда-то ввысь, в голубую беспредельность. И когда старый ген. Марио среди замершего зала, из своей ложи, выразил свой восторг и пожелал лично обнять маленького кудесника и когда интернациональные дамы и барышни со сверкающими горящими глазами, неистовствуя в величайшем восхищении, надрываясь кричали « Бис », « Браво », а мужчины с затуманенными глазами усердно били в ладоши, это был заслуженный грандиозный успех, это были и наша русская гордость, и наша светлая радость среди безрадостных будней безвременья... И когда кончился концерт, а наэлектризованная толпа не расходилась и все вопила в диком, точно сумашедшем, экстазе, и утомленный хор в пятый раз выходил и пел, я чувствовал, что из груди всех казаков рвались одни и теже слова: — Спасибо вам, родные Жаровцы. Сердечный поклон от донских казаков до сырой земли. Ген. С. Д. Позднышев ».

Следующая, уже деловая, статья, принадлежит перу большого композитора А. Гречанинова и посвящена почти исключительно регенту хора Жарову, о чем и говорит ее короткое название « Жаров ».

« ...Он поистине Жаров. Когда мы видели его появившимся на эстраде, у него жар, вернее пламя, в глазах и во всем существе. На эстради он не выходит, а как бы какой-то неведомой силой на крыльях выносится. Короткий поклон в публику и зал уже огласился могучими звуками. Момента, когда он повернулся лицом к хору, когда он подал знак, вы не уловили. Настраивать исполнителей ему, очевидно, не нужно. Они уже готовы, настроены, горят вместе со своим другом руководителем, пламенным Жаровым. Вы удивлены; когда же он дал тон? Ведь это не оркестр, ведь нужно, чтобы каждый член хора был в настоящем тоне... Как это он делает? Этого вы не заметите. Жаров любит начинать программу с фортиссимо. Это верный расчет сразу захватить публику, это и ему самому нужно, чтобы уйти от действительности и сразу погрузиться в очарованный мир звуков. Он вышел из Московского Синодального училища и это чувствуется в доведенной до последнего штриха законченной отделке всего, что бы он ни исполнял, чувствуется школа его учителя В. С. Орлова, главного руководителя знаменитого московского хора. И внешне приемы все те же, так же медленно прогуливается он за спинами своих хористов, перед началом номера, когда незаметно задается тон, все те же у него при дирижировании резко обозначенные движения рук и одно только отступление, дающее превосходство перед Орловым, это сильное время, которое он дает, как и всеми естественно принято, вниз, а не вверх, как это делал по каким то таинственным причинам Орлов. Жаров имеет в своем распоряжении только мужской состав. В этом отношении знаменитые русские хоры имели громадное преимущество. Но слушая Жаровский хор, вы часто получаете иллюзию смешанного: до того высоко забираются его тенора. Но что поражает, особенно иностранцев, это октависты с их бархатным звуком. Они придают хору органный колорит редкой красоты. Жаровский хор имеет диапазон и три октавы. Есть чем удивить мир, и его удивляют. В смысле художественности программы хор делает большие успехи, сравнительно с тем, как он начинал. Помимо имеющейся прекрасной музыки, он обогащает свои программы все новыми художественными произведениями, заказывая обработки старинных казачих и других народных песен выдающимся композиторам. Кроме радости слушанья этих новых произведений, Жаров еще и обогащает русскую хоровую литературу новыми сочинениями. Делая ценный вклад в область русского искуства, он таким образом выполняет миссию, имеющую историческое значение ».

Есть в « Станице » и каррикатура, посвященная хору — радио-такси — значительная толпа окружает радио-такси, внизу надпись: — « нет, нет, это не аксидан, это наши русские слушают концерт хора Жарова ».

Далее идет довольно большая статья под заголовком « Двенадцать лет », построенная на интервью с администратором хора. В ней говорится о внутренней структуре хора, о работе администрации и приводятся интересные данные о концертах хора, с указанием, что 12 лет пришлось дать 2785 концертов, побывал хор в 748-ми городах, 27-ми государствах. В журнале помещено несколько фотографий хора и большая статья доктора государственных наук Влад. Синеокова о донской казач. песне.

И какая неожиданность... Большая статья, посвященная памяти есаула Моисея Тихоновича Попова, того самого Попова, который в Корниловском походе, под Выселками, ходил ночью по цепи Чернецовцов и будил нас, утонувшихся в занесенную снегом землю — « Не спи, замерзнешь », было это третьего марта 1918 года.

В 33-34-35 годах Жаров ввел в свой репертуар « Богородице Дево радуйся » С. В. Рахманинова, спокойное выдержанное песнопение, лишенное эффектности, песнопение простое по мелодии, но такое молитвенное и нелегкое для исполнения, требующее мощного хора. В то-же время вошло в репертуар « Да молчит », песнопение, которое поется в церкви один раз в году, в Великую Субботу, на литургии, вместо Херувимской. Светский репертуар обогатился игривым филигранным « Чудный месяц », « Вдоль да по речке », не помню в чьей аранжировке; « За реченькой хмель вкруг кусточков вьется »; аранжировка А. Гречанинова, и много казачьих песен, почти все в аранжировке С. А. Жарова.

Нью-Йорк **Доброволец Иванов**

(Продолжинии следует)

ИЗ КАЗАЧЬЕЙ ЖИЗНИ ЗА РУБЕЖОМ

● 6 июля в Калмыцком Доме при Хуруле в Фарминдале (США) состоялось освящение реставрированного заботами П. С. Джевзинова знамени 80-го Донского Джунгарского Калмыцкого конного полка и собрание калмыков, устроенное Калмыцким Объединением в Нью Джерси. Собранию предшествовала торжественная религиозная служба — панихида по павшим в борьбе с большевиками и молебен за здравие еще живых калмыков, служивших в полку. На собрании под председательством ветерана Джунгарского полка С. И. Цуцукова, при секретаре Б. Н. Уланове, бывшем одним из организаторов полка, П. С. Джевзиновым был сделан доклад « история полка и его знамени », который был выслушан с большим интересом и вызвал дружные аплодисменты. Среди присутствующих были ныне здравствующие ветераны Джунгарского полка — С. И. Цуцуков, С. Мамонов, А. Бохординов, Х. Ильзетинов, корниловец Б. Б. Бембетов, Д. Н. Баянова, проф. А. Э. Борманжинов, А. Болдырев, Н. Чурюмов, атаман Чернецовской станицы Д. Е. Свинарев, представитель терцев г. Тетерев, инж. В. Г. Глазков, художник А. Бурчинов, К. Балинов, Н. Тугулчинов, председатель Калмыцкого Общества « Братство » Т. Шовгуров и много других.

Освящение знамени, доклад П. С. Джевзинова и собрание по этому поводу обратились в большое национальное событие в жизни калмыцкой эмиграции.

●Полк. Ф. И. Елисеевым выпущена брошюра № 4 « Оренбургское Казачье Военное Училище ». Выписывать у автора, цена — 1 долл.

Elissev, 66 Fort Washington ave. Apt 25.
New-York N. Y. 10032. USA

● Издатель « Казачьего словаря-справочника » А. И. Скрылов просит объявить о выходе из печати 2-го тома словаря, готовится и 3-й, заканчивающийся последней буквой алфавита.

Обращается внимание подписьчиков на то обстоятельство, что издание словаря сопряжено с затруднениями и расходами неравненно большими, чем издание какого — либо литературного произведения вследствие весьма сложной типографской работы по выбору разных шрифтов, печатания в два столбца и проч. Эти расходы увеличиваются и издание словаря делается часто просто непосильным из-за небрежного отношения подписчиков,

которые в отношении сделанных ими заказов допускают пагубную для дела задолженность. Поэтому, во избежание этого прискорбного явления, просится принять к сведению следующее:

1. — Всем пописчикам-одиночкам (т. е. не в составе групп), уплатившим 10 долларов (за 2 тома), 2-ой том будет выслан без замедления. 2. — Подписчиков, уплативших только 5 долларов или меньше, просят не отказать прислать разницу, чтобы получить 2-ой том без задержки.

3. — Получивших 1-ю часть 1-го тома Словаря и не приславших стоимости полученного, просят не отказать, в случае нежелания иметь его полностью, прислать стоимость 1-го и 2-го томов и получить немедленно дополнение. В случае же их нежелания иметь словарь (ни для себя, ни для детей и внуков) просят возвратить полученное издательству. Эти книги необходимы для тех казаков, которые запоздали их заказать, а иметь словарь желают.

Для сведения сообщается список городских и университетских библиотек, подписавшихся на полное издание « Словаря-справочника »: США — 40, Канада — 7, Англия — 16, Ирландия — 2, Шотландия — 3, Франция — 5, Зап. Германия — 10, Австралия — 5, Норвегия — 3, Новая Зеландия — 1, Израель — 1, Финляндия — 2, — всего 95.

О цели издания Словаря ясно сказано в предисловии: мы старики уходим, но если мы думаем о будущем, о будушности наследников, то должны знать, что **без прошлого — нет будущего.** Мы должны оставить им, нашей смене, завещание, ибо там, дома, под запретом будет сфабриковано новой властью наше прошлое почище истории Броневского. Здесь наша молодежь постепенно, с годами, но неуклонно, « расказачивается ». Но им и нашей молодежи « там », мы должны оставить правдивое описание нашего прошлого.

Словарь не претензует на безошибочность и полноту. Но безусловно ляжет в основу для будущих лучших времен и благоприятных возможностей, более полного. Иногда слышатся упреки — почему нет сведений о том или ином казаке? Это вина тех, кто, имея интересные сведения, не сообщил их нам, несмотря на многочисленные обращения и в « Род. Крае » и « Каз. Единстве ».

В заключение приведу выдержки из письма казака кубанца:

« Хотя я и не вполне согласен с теми установками, в духе которых словарь составлен, все же должен сказать, что труд Ваш очень полезен для изучения нашего Казачьего прошлого и что он много дает давно забытых фактов и данных.

Кроме того, следует отметить и то, что это **ЕДИНСТВЕННАЯ** книга подобного рода и что издана она в наших исключительно неблагоприятных эмигрантских условиях.

Что же касается « политической » окраски словаря, то мы, читатели, НЕ ДЕТИ и каждый имеет на этот счет свое личное мнение, так что вреда от этого никому не будет. А польза очевидна: Вы — составители Словаря ВПЕРВЫЕ систематизировали большое количество исторических и бытовых фактов и документов, поместили ряд биографий выдающихся казачьих деятелей, дали точное определение, часто уже забытых слов, перечислили полки, станицы по отделам и округам (в зависимости от Войск), и вообще проделали большую культурную работу.

Что до древних исторических справок об аланах, торках, берендеях и т. под, то есть казаки, которые говорят: « А что мне за дело о том, что было при царе Горохе — коли людэй було трохи ». ...Но для людей интересующихся древней историей — этнографов, как об этом сказано ЯСНО в предисловии к 1-му тому словаря, справки эти имеют особую и большую ценность. А словарь ведь и не составляется ТОЛЬКО для « некоторых », а для всех и каждого, интересующегося культурными и духовными ценностями любого, и не только СОБСТВЕННОГО народа.

Свидетельством этому служат 95 подписчиков иностранных университетских БИБЛИОТЕК из 12 различных стран свободного мира — в которых изучают русский язык и историю его народов ».

Всю переписку по делам « Словаря » направлять по адресу:

The Cossack Dictionary Alexei I. Skrilov, Editor
15 Bungalow Avenue
San Anselmo, CA., U.S.A. 94960

● Этим летом во Франции вышла хорошо изданная и богато иллюстрированная книга на французском языке « Белые Армии », описывающая гражданскую войну в России («Les Armées Blanches» par Marina Grey et Jean Bourdier. — Edition Stock)

Но сколько в ней несуразностей, в особенности по отношению казаков! Вот несколько примеров: текинцы ген. Корнилова называются « Текскими казаками (« Козак дю Тэк »), Атаман Забайкальского Войска ген. Семенов называется Уссурийским Атаманом, запорожцы, оказывается, были не только донскими казаками, но и Уральскими итд. итд. И это далеко не все.

Очень прискорбно, что дочь известного рус-

ского генерала, занимавшего один из крупнейших постов во время гражданской войны на юге России и принимавшая участие в авторстве этой книги, допустила наличие такой « клюквы ».

Из отзывов на книгу Н. М. Мельникова « А. М. Каледин — герой Луцкого прорыва и Донской Атаман ».

Проф. П. Ковалевский в **парижской « Русской Мысли »** пишет:

« Книга издана очень хорошо, иллюстрирована и дает не только полный очерк жизни и воинских подвигов большого русского патриота, но свидетельствует, что даже при самых скромных возможностях, при желании и дружной работе, можно достигнуть доброго результата. Том, посвященный Каледину, издан буквально на гроши, собранные разбросанными по всему свету донцами. Многие взносы пришли от стариков, живущих в домах для престарелых, от тех, для кого этот взнос был действительно большой жертвой. Два года комиссия собирала материалы и средства. За исполнение сложного и большого труда написания книги взялся последний председатель Донского Войскового правительства Н. М. Мельников, который, несмотря на свои 85 лет, не пожалел сил и создал почившему прекрасный памятник, заменяющий в памяти донцов могилу, которая была уничтожена коммунистами. На месте его погребения посажены тополя и местные жители говорят: « Здесь была могила Каледина ».

Первая часть книги посвящена жизни и работе ген. Каледина до Революции, его характеристике, как человека, военачальника и стратега. Очень подробно и объективно описаны действия корпуса, которым он командовал, а потом 8 армии, во главе который он прорвал фронт противника при Луцке. Надо отметить, что военные историки в СССР, давая похвальное описание боев у Луцка, избегают называть имя Каледина и всюду говорят только иносказательно « командующий армией ».

Отдельная глава касается вопроса, почему не был использован успех 8 армии и взаимоотношения Брусилова и Каледина.

Вторая часть тома посвящена Каледину — Донскому атаману. В ней даются данные о выступлении атамана на Московском Совещании летом 1917 года, о его посещении отдельных станиц области Войска Донского, о взаимоотношениях с Добровольческой армией и в частности с ген. Л. Г. Корниловым. Несколько страниц посвящено полк. В. М. Чернецову. Заканчивается эта часть описанием смерти Каледина и главой « Светлой памяти Отца-Атамана ».

В третьей части книги собраны стихи, посвященные А. М. Каледину.

В приложениях дается ряд документов и выписка из Советской Энциклопедии, передающей биографию Каледина в самом извращенном виде.

Не только донские казаки, но все, кому дорога наша военная слава, должны приобрести эту книгу и тем принять участие в увековечении памяти большого русского патриота ».

В **« Новом Русском Слове » (Нью-Йорк)** профессор В. Завалишин пишет следующее:

« Беспристрастная история гражданской войны еще не написана, это дело будущих историков. Если ныне здравствующие поколения хотят им помочь, их гражданский долг предоставить в распоряжение грядущих исследователей как можно больше правдивых документов.

Тут нельзя не признать, что эмиграция выполнила этот долг с честью. И тому порукой множество книг и статей в зарубежных периодических изданиях.

Сказанное в полной мере применимо и к двум казачьим сборникам — о генерале А. Богаевском и о его брате Митрофане Богаевском, — учителе, журналисте, ораторе, политике, историке. Сюда же относится и недавно выпущенная « Родимым Краем » книга Н. М. Мельникова « Алексей Максимович Каледин , герой Луцкого прорыва и Донской атаман ».

Идея выпустить такую книгу принадлежит комиссии по увековечению памяти атамана Каледина. Комиссия была создана на собрании донских казаков в Париже. Комиссия под председательством Б. А. Богаевского просила взять на себя труд написать такую книгу Н. М. Мельникова, последнего председателя Донского Войскового правительства, хорошо знавшего Каледина.

Книга вышла, когда Н. М. Мельникову исполнилось 85 лет — более достойным образом юбилей не справишь!

Автор вдумчиво и серьезно подошел к решению этой ответственной задачи, пригласив в сотрудники тех, кому нельзя отказать ни в объективности, ни в знании дела (отметим среди них Н. Н. Туроверова).

« Тело Корнилова, — пишет Н. М. Мельников в предисловии к своей книге, — сожгли и прах развеяли по ветру... могилу Каледина уничтожили в Новочеркасске, и жители города указывают на кладбище место, окаймленное тополями: « Здесь была могила Каледина... ».

Н. М. Мельников знает, что в советской во-

енной истории произошел сдвиг в сторону более правильного батального освещения первой мировой войны. И теперь из внутрисоветских источников можно узнать о галицийской битве и умелых действиях восьмой армии. Но эти источники намеренно не упоминают, что генерал от кавалерии Алексей Максимович Каледин командовал восьмой армией с апреля 1916 по 5 мая 1917 года.

Для характеристики генерала Каледина, как полководца и человека, Н. М. Мельников привел много документов, материалов и свидетельств. Каледин в наиболее ответственных операциях — сам вел войска в бой, увлекая солдат и офицеров спокойствием, рассудительностью, упорством. Его методом было всегда находиться при авангарде и часто выезжать в головной отряд, чтоб хорошо продуманным, но неожиданным решением навязать противнику свою волю.

Советские историки военного дела и профессора советских военных академий сейчас начинают признавать, что « Луцкий прорыв вписал в историю русской армии одну из славнейших страниц ». Но эти историки, по политическим и идеологическим мотивам, умалчивают о том, что в Луцком прорыве армия Каледина сыграла большую, быть может, решающую роль.

Обе русских революции, Февральская и Октябрьская, были для Каледина трагедией русской армии, которая, под влиянием потрясений изнутри, сначала ослабила, а потом и взорвала волю к победе над внешним врагом.

« Вчера я знал, кому служу, сегодня не знаю », — сказал Каледин Брусилову весной 1917 года.

Как же получилось, что человек с такими взглядами был избран Донским атаманом огромным большинством Войскового Круга? Тут сделали свое дело бесспорный героизм Каледина, его организационные способности, а также его справедливое отношение к людям.

Каледин так же подчинился идее народоправства, как солдат подчиняется приказам и распоряжениям того, кому он служит. У Каледина была привычкн к управлению и порядку. Но на атаманском посту Каледин держал себя не как диктатор, а как исполнитель казачьей воли.

Однако, у Каледина не было опыта борьбы с такими противниками, как бесшабашная демагогия коммунистов, а также расшатанная дисциплина в войсках. Непонятна была Каледину и игра февральских демократов в парламентариев над жерлом дымящегося вулкана. После неудачи выступления ген. Корнилова Каледин сказал, что он ничего об этом не знал и потому не может быть физическим соучастником, но он считает своим долгом морально поддержать низложенного Корнилова и нести ответственность за его выступление, как соучастник идейный.

Когда Временное правительство было свергнуто большевиками, А. М. Каледин и Войсковое правительство заняли совершенно определенную позицию непризнания и борьбы с захватчиками власти.

А. М. Каледин и Войсковое правительство приняли на себя всю полноту государственной власти в пределах Донской земли. Однако, разложения казачества Каледин перенести не мог. Дело дошло до того, что Каледин сказал:

« Дальнейшая борьба бесполезна. Только лишние жертвы и напрасно пролитая кровь ».

Так говорил человек, который был политическим самоубийцей еще до того, как пустил себе пулю в сердце. Каледина убила фактически не пуля, а вышедшая из повиновения толпа, то, что крупный полководец волею не зависящих от него обстоятельств, не смог создать крепкую, сильную армию для борьбы с коммунизмом.

П. Н. Милюков говорил о Каледине, что моральная трагедия этого сильного человека была трагедией всей России, а не одного Донского казачества.

Н. М. Мельников написал ценную, хорошо документированную книгу. Некоторую апологетичность ее можно понять, если учесть, как относятся к деятельности Каледина в Советском Союзе ».

В журнале « Часовой » (Бельгия) помещена рецензия за подписью В. О.

« Эта прекрасная книга воскресила перед нами славный и честный образ военного вождя, замечательного российского патриота и редкого по прямоте и благородству человека ». — Далее в рецензии кратко передается содержание книги. Заканчивается она: « ...многие страницы книги Н. М. Мельникова нельзя читать без глубокого волнения ».

Она доказывает величие души и жертвенность безвременно и так трагически ушедшего Подвижника и Патриота и в то же время подтверждает в его светлом образе нерасторжимую связь Дона с его Матерью-Россией ».

Из письма **атамана Обще-Казачьей станицы в Нью-Йорке А. Е. Афанасьева** редактору « Род. Края » и председателю Комиссии по изданию книги Б. А. Богаевскому:

« Казаки Обще-Каз. станицы в Нью-Йорке, наши друзья и все жертвователи на книгу памяти А. М. Каледина искренно поздравляют

автора книги Н. М. Мельникова, Вас и всех ваших сотрудников и помошников с прекрасно завершенной большой исторической работой. Книга сконцентрировала в себе хорошо подобранный матерьял и дает ясную и яркую картину личности А. М. Каледина, как военного вождя, Патриота, Донского Атамана и государственного мужа. Книга хорошо издана и безусловно займет достойное ей место как в русской, так и в казачьей военно-исторической литературе ».

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ « РОДИМОГО КРАЯ »

● В связи с вздорожанием жизни во Франции после майских событий, стоимость работ в типографии по изданию журнала, начиная с № 77, увеличена на 15 %. Нашим читателям известно, что издание « Род. Края » основано исключительно на самоокупаемости, при полной безвозмездной работе всех наших сотрудников: то есть журнал издается на деньги, получаемые при подписке и на пожертвования отдельных лиц в Фонд Издательства, иначе говоря — на деньги читателей. Никаких других источников дохода на журнал у нас — нет.

Поэтому, начиная с № 77, мы принуждены повысить стоимость годовой подписки до 26 фр., а цена отдельного № будет 4.50 фр.

Мы глубоко надеемся, что наши читатели и в дальнейшем не откажут в своей поддержке, ибо от нее зависит дальнейшее существование « РОДИМОГО КРАЯ ».

Одновременно редакция обращается с настоятельной просьбой не задерживаться со своевременным внесением подписной платы.

● Непринятые рукописи обратно не возвращаются и в переписку о них редакция не вступает. Редакция оставляет за собой право статьи сокращать, не меняя смысла написанного.

Не имея возможности документально проверять имена, даты и события, редакция возлагает всю ответственность за содержание статьей на их авторов. За статьи, подписанные полным именем автора, редакция не отвечает и они не всегда выражают взгляды редакции.

Корреспонденцию на имя Редакционной Коллегии направлять по адресу:

Mr. Bogaevsky — 230 av. de la Division Leclerc, 95 — Montmorency (France).

Через редакцию « Род. Края » можно выписать:

Н. М. Мельников — « А. М. Каледин — герой Луцкого прорыва и Донской Атаман » — 26 фр. или 5,50 долл.

« Воспоминания ген. А. П. Богаевского » (Ледяной поход) — 12 фр.

Н. М. Мельников — « Ермак Тимофеевич, кн. Сибирский, его сподвижники и продолжатели » — 8 фр. или 2 долл.

Л. Масянов — « Гибель Уральского Казачьего Войска » — 20 фр.

« Митрофан Петрович Богаевский » — сборник статей о Донском Баяне — 16,50 фр. или 3,50 долл.

Н. М. Мельников — « Как извращается история » — 2 фр.

П. М. Аврамов — « Ковылий сказ » — 3 фр.

П. М. Аврамов — « Никифор Кащеев » — 3 фр.

Казачий словарь справочник, 1-ый том — 25 фр., 2-ой випуск 2-го Тома — 12,50 фр.

Н. Н. Туроверов — « Стихи », книга 5-ая — 15 фр.

Н. Н. Воробьев — « Кондратий Булавин » — 15 фр.

Адмиралов — « Казачья трагедия » (1940-1945 гг.) — 12 фр. или 2,50 долл.

В. А. Беляевский — « Голгофа » (Очерки из воспоминаний 1882-1964) — 12 фр. или 2,50 долл.

П. Поляков — « Поэмы » 4 фр.

Казачьи песни (изд. « Каз. старина ») — 5 фр.

● **В редакцию « Род. Края » с № 1-го июля по 1-ое сент. поступило в Фонд Издательства:** С. И. Донсков — 10 долл., Рыжов — 26 фр., Серебряков — 3,40 фр., Коршунов (Афины) — 50 фр., И. Я. Крюков — 20 фр., г-жа А. Ф. Фетисова — 20 фр., г-жа Усова-Блонская — 26. фр., Е. К. — 20 герм. м., В. А. Лалахнин — 96,56 фр., Н. Т. Алексеев — 76 фр., Серебряков — 5 фр., Б. А. Богаевский — 23 фр.

На издание **специального №, посвященного**

Пох. Атаману ген. П. Х. Попову, Степному Походу и первым каз. восстаниям на Дону: от Союза степняков — 100 фр., через атамана Обще-Каз. станицы в Нью-Йорке А. Е. Афанасьева от проф. есаула Прощакова и есаула Сохранова по 5 долл.

Для передачи Дамскому Комитету Каз. Союза: от В. А. Бабкина (Канада) — 2 долл.

Правление Каз. Союза просит сообщить о получении им на благотворительность от г-жи П. Г. Халеевой — 50 фр.

Всех жертвователей просим принять нашу искреннюю благодарность.

Розыск. — Глеб Горлов
(Gleb Gorloff. 75 Laity Street North Richmond. Victoria 3121. Melbourne. Australie.
розыскивает **Михаила Алесандровича Лебединцева** ст. Вознесенской Куб. Каз. Войска. До войны жил в Париже.

УШЕДШИЕ

† 19 апр. во Фривуд Эйкерсе (США) умер Д. И. Бойко, 59 лет, ст. Каладжинской Куб. К. В.

† 12 дек. 1967 г. в Зальцбурге (Австрия) скончался Н. Н. Иващенко ст. Ахметовской К. К. В.

† 30 мая в Нью-Йорке скоропостижно скончался Н. А. Солнышкин, 70 лет, ст. Новопавловской Т. К. В.

† 10 мая в Энкарнасионе (Парагвай) скончался И. И. Ковалев, ст. Ольгинской В. В. Д. Родился в 1893 г. Окончил Мариупольское Мореходное Училище со званием шкипера. Во время 1-ой Мировой войны был причислен к военному флоту мичманом и был назначен в Дальне-Восточную Эскадру. Во время революции был переведен в Каспийскую флотилию. При отступлении белых армий был эвакуирован в г. Энзели в Персии. Отсюда был переведен англичанами в Месопотамию, а затем во Владивосток, в распоряжение так наз. Нечаевского правительства. После его падения был эвакуирован в Шанхай, откуда через два года переехал во Францию рабочим. В 1934 г. по вывозу ген. И. Т. Беляева переехал в Парагвай, где и закончил свой земной путь. Да будет ему пухом чужая земля.

† 2 июня в Мельбурне (Австралия) на собрании Памяти Жертв большевизма во время произносимой им речи скоропостижно скончался сотник Донского Войска инженер В. И. Попов.

† 13 июля в старческом доме в Каннах (Франция) скончался бывший командир Л. Гв. Казачьего Его Величества полка генерал-майор А. М. Греков.

† 13 июля в старческом доме в Кормей (Франция) скончалась М. Р. Панова, урожденная Поздеева, В. В. Д.

† 18 июня в госпитале г. Тионвиль (Франция) скончался ес. М. А. Поляков, ст. Новочеркасской В. В. Д.

† 26 мая в Нью Йорке после долгой и мучительной болезни умер полк. В. А. Слепцов, ст. Слепцовской Т. К. В.

† 11 мая в санатории Кумберланд (Австрия) умер прдхор. И. И. Гайдук ст. Екатериновской К. К. В.

† 22 июня в Нью Йорке скончался ес. В. К. Головков, ст. Манычской В. В. Д., редактор « Дон. Атаманского Вестника ».

† 20 авг. в Филадельфии (США) умер хор. А. П. Евко, 67 лет, ст. Екатериновской.

† 7 июня в СССР скончался конструктор русской автоматической винтовки Ф. В. Токарев, ст. Мечетинской В. В. Д., оружейный мастер, руководивший производством оружия на Сестрорецком Оружейном заводе с 1910 г. Позже он изобрел автоматический пистолет ТТ, самозарядную винтовку и др. виды оружия (журнал « Часовой »).

† 29 июля в госпитале Монтфермей (Франция) скончалась А. П. Попова 85 лет, ст. Баклановской В. В. Д. Похоронена на кладбище в Блан-Мениль.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

Дорогие соратники!

После смерти Походного Атамана Петра Харитоновича Попова была мысль об издании специального сборника, посвященного его памяти. Для этой цели была создана специальная комиссия, которая, по причинам от нее независящим ,не могла собрать нужных для этого средств.

К 1968 году две трети членов этой комиссии ушли в лучший мир. По решению членов комиссии оставшихся в живых, собранные ею суммы на указанную выше цель были переданы редакции журнала « Родимый Край » для издания специального номера, посвященного 100-летию со дня рождения Походного Атамана, имя которого тесно связано со Степным походом и началом казачьих восстаний на Дону, и с посвящением этого номера 50-летию этих событий.

К настоящему времени в редакции « Родимый Край » по этим вопросам собран большой материал, который имеет большое историческое значение, освещающий не только жизнь и деятельность ген. П. Х. Попова за его, почти вековую, жизнь, но также Степной поход и казачьи восстания на Дону весной 1918 года.

В один номер журнала « Р. К. » обычного размера материал этот помещен быть не может. Выпуск двойного или тройного номера увеличит стоимость обычного номера « Р. К. » в два-три раза. Редакция « Родимый Край » по своим материальным обстоятельствам такого специального номера издать не может. Сумм, переданных ей на издание специального номера, имеется только на оплату трех четвертей обычного номера.

Чтобы издать спец. номер, посвященный этим событиям с помещением всего собранного материала, необходимо оказать редакции « Р. К. » материальную помощь.

Настоящим письмом я обращаюсь ко всем участникам Степного похода и ко всем тем, кто чтит добрую память о Походном Атамане П. Х. Попове, Степном походе и казачьих восстаниях, помочь редакции « Р. К. » своей посильной лептой издать специальный юбилейный номер. Пожертвования направлять в адрес « Род. Края ».

Чтобы положить начало этому доброму и нужному для истории борьбы с большевиками делу, я передал редакции « Родимый Край — сто новых франков, т. е. почти все, что имелось в моем распоряжении из сумм Объединения Партизан-Степняков, но нужна помощь и отдельных лиц.

В добрый час!

Просьба к др. печатным органам перепечатать настоящее « открытое письмо ».

Председатель Объединения Партизан-Степняков — **А. Падалкин**

Вышла из печати книга Н. М. Мельникова

« А. М. КАЛЕДИН —

« ГЕРОЙ ЛУЦКАГО ПРОРЫВА И ДОНСКОЙ АТАМАН »

В книге 375 страниц, много редких фотографий.

Выписывать из редакции « Родимого Края ». Стоимость во Франции 26 фр., заграницей — 5,50 долл.

Тираж ограничен.

P.I.U.F., 3, rue du Sabot, Paris 6e

Родимый Край

79

ОГЛАВЛЕНИЕ

Поздравления с Новым Годом.
В. Селенс — « А. М. Каледин ».
М. Бугураев — « Донской Атаман Ген. Штаба г. м. Назаров » (продолжение).
Н. Кузнецов — « Сполох ».
Н. Дорошин — « Отход уральцев на Форт Александровск зимой 1919 г. »
Б. Богаевский — « Еще о происхождении древнего казачества ».
Н. Воробьев — « Скрижали славы казачьей » (продолжение).
И. Сагацкий — « Марсель ».
Эльмут — « Из бесед с побывавшими на родине ».
Л. Новак — « Верный сын отечества ».
Н. Воробьев — « Пусть узнают... »
Г. Губарев — « Беглые » г-на Черныша ».
С. Мамонтов — « Появление чая в России ».
Ф. И. Елисеев — « Правда в легенде ».
М. А. Петров — « Мурко ».
Я. П. Богаевский — « Зимой на Дону ».
Доброволец Иванов — « С русской песней по белу свету... » (продолжение).
Из казачьей жизни за рубежом и письма в редакцию.
А. Падалкин — « Памяти генерала Н. Г. Зубова ».
Ушедшие
От редакционной коллегии « Род. Края ».
Денежные поступления в редакцию.
Розыски.

РОДИМЫЙ КРАЙ

Орган общеказачьей мысли.
Издатель: Донское Войсковое Объединение.
Association des Cosaques du Don
Arr du Ministre de l'Int. J.O. 70 1955

PAYS NATAL Novembre-décembre 1968
№ 79. Ноябрь-Декабрь 1968 г. 5.00 фр.
Parait tous les 2 mois. Directeur: *Bogaevsky.*

Редакционная Коллегия: Б. А. Богаевский, В. М. Кузнецов, А. П. Падалкин, Н. Н. Туроверов, Б. Н. Уланов.
Адрес редакции:

B. BOGAEVSKY
230, Av. de la Division-Leclerc
95 — Montmorency
France

НОВОГОДНИЕ ПОЗДРАВЛЕНИЯ.

С НОВЫМ ГОДОМ! — Правление Казачьего Союза поздравляет казаков и казачек, как тех, кто пребывает за рубежом, так и живущих в родных краях, с 1969-м годом, пришедшим на смену 1968-го.

Идут годы, отмечает их история вместе с происходящими событиями. Для нас, зарубежных казаков, памятно то время, когда молодыми мы покинули родную землю. Прошло 48 лет после первого массового исхода. С тех пор много казаков ушло в лучший мир, состарились оставшиеся в живых, родилось два поколения заграницей.

Изменившись внешне, казаки, убеленные сединами, сохранили прежнее сердце. Оно все также любит родные реки, поля, политые кровью и потом пращуров, землю, хранящую кости отцов. Все — хорошее и плохое, все, что осталось в родном краю и что хранит память, дорого ему.

Наблюдается духовная связь между зарубежным казачеством и казачеством на Родине. Жизненная цепь не порвана, живая вода подземных ключей не иссякла. Будем надеяться, что она возродит казачество.

Председатель Казачьего Союза В. Кузнецов.
Секретарь Н. Ломакин.

Редакционная коллегия « Родимого Края » поздравляет всех своих читателей с праздниками Рождества Христова и Нового Года и шлет им свои пожелания всего хорошего.

Редакционная коллегия « Род. Края ».

« А. М. КАЛЕДИН »

(книга Н. М. Мельникова)

Двенадцать Всйск Казачьих, двенадцать братьев. Не старшой ли среди них Тихий Дон? Если и не старшой, то один из славных!

Где Ты, вольный некогда? Где неувядаемая слава твоих сынов, твоих Войсковых Атаманов и вождей, вписавших незабываемые страницы в историю России?

Платов... Каледин, Назаров, Попов, Богаевский... Где Чернецов, Мамантов, « Белый дьявол » Греков? Сколько их — всех ведь и не счесть героев непокорного и гордого Дона...

Не они ли были грозой для немцев в начале нашего века? Не они ли преследовали Наполеона и вошли в Париж за сто лет до того? Не они ли шли в авангарде Суворовских чудо-богатырей, выше облаков взбираясь на суровые вершины Альп? Не о них ли сказал сам, в течение долгого времени непобедимый, узник Св. Елены: « Если бы у меня были казаки — с ними я завоевал бы весь мир?! »

Не посягая на чужие земли, не раз обнажалась казачья шашка, обрушиваясь на тех, кто угрожал правам, за Землю Русскую.

То мирный пахарь, то бесстрашный воин — то Микула Селянинович, то Илья Муро-

мец... Легендой стал Донец. Не он ли подавил июльское восстание большевиков в 1917 году и, как в 1613, подняв свой твердый голос, положил конец Российской Смуте? Не он ли? Не Донцы ли обагрили своей горячей кровью родные поля и степи, обороняя их и вольности казачьи от нашествия большевистских банд в непонятые годы Гражданской войны? Скольких кормильцев своих, мужей и отцов, сплакивают гордые независимые казачки и подрастающие чубатые казачата на пепелищах некогда зажиточных дворов своих в колхозном ярме! Скрывают тугую скорбь, высказать ее не смеют — страшно за себя и за внучат.

...А скольких не досчитались, когда отгремела война! Об этом знает ковыль родных донских степей, подступы к Москве, чужие веси Германии и Аппенин, да запомнила в то страшное утро и негостеприимная Драва на кручах у Лиенца.

Это с Дону выдачи не было. Это Дон давал приют бежавшим от произвола в поисках свободы и защиты человеческих прав своих. Казачья совесть и совесть «демократий» в наши дни — да разве это одно и то же?!..

Побратимами стали Донцы и Власовцы в сорок пятом-шестом годах. Крестами не обменивались, но тот же крест несли на изможденных плечах своих, тот же крест невидимо стоит и над безвестными могилами осужденных за «измену» мстительными сторожевыми псами коммунистической диктатуры, погибших от пули СМЕРШ-а...

Алексей Максимович Каледин... Герой Мировой войны. Первый за 200 лет выборный Глава Казачьего Круга на Тихом Дону. Отец-Атаман. Знаменосец вольного Дона, не снесший обиды за край родной, горького разочарования в тех, кому верил, на кого полагался...

Страницу за страницей листаешь увлекательную книгу Николая Михайловича Мельникова, б. Председателя Войскового Правительства и одного из ближайших сотрудников Каледина. Вглядываясь в фотографии, вновь переживаешь прошлое.

Обстоятельная, документальная книга. Это — тяжкое обвинение кремлевским вершителям судеб миллионов русских людей, в том числе и казаков. Это — укор и обличение тем, кто допустил повторение Булавинского выстрела. Это — повесть о людях, о которых Бадьма Наранович Уланов сказал: «Чем дальше во времени они будут отходить от нас, тем в более чистом и величавом ореоле они засветят в душе и очах современников и потомков!»

Наши потомки должны знать «Земли родной минувшую судьбу». Должны прочесть и глубоко вдуматься во все поведанное в книге Николая Михайловича Мельникова.

В. Селенс
поручик РОА

ДОНСКОЙ АТАМАН ГЕН. ШТАБА ГЕН. МАЙОР НАЗАРОВ.

(Продолжение № 78).

В №33 «Род. Края», в очерке «Из недавнего и уже далекого прошлого», я описал посещение гауптвахты Голубовым и комиссаром Медведевым, принимавшим участие в убийстве царской семьи, захваченным позже белыми на Колчаковском фронте и ими расстрелянным, и к этому возвращаться не буду.

День 16-го февр. был для меня особенно тревожным. Утром Ф. Черевков сказал мне, что ночью привели сильно пьяного большевика, вероятно латыша, коменданта штаба у красных. Мне захотелось посмотреть на него. Встретились мы в караульной комнате, он вошел со двора. И оказалось, что мы **раньше встречались с ним.** Я сделал вид, что его не знаю. Совершенно неожиданно для меня и он поступил также. Молча мы разошлись. Я был очень взволнован этой встречей и думал, что это ускорит мой расстрел. Но вскоре, когда я стоял один в корридоре и никого не было вблизи, он, будто рассматривая что то на стене, близко подошел ко мне и тихо прошептал: «Не бойтесь... ни Вас и никого другого я не выдам..» И быстро стошел. Я был очень рад, хотя в душе и не верил этому. Вскоре его выпустили. Оказывается, он, напившись пьяным, устроил «дебош» и его по-

садили на гауптвахту — выспаться.

А встретились мы раньше вот как: он приходил ко мне в Новочеркасское Военное Училище и я его там записал в нашу партизанскую артиллерию. Вначале мне не хотелось его записывать, так как лицом он произвел на меня неприятное впечатление: латыш, подумал я, вероятно шпион. Ему было 24 года, сам он из Петрограда, я сам учился там три года и на мои вопросы отвечал он правильно. Тогда на нем были длинная арт. шинель, погоны старш. фейерверкера (урядника) и цветной шнур вольноопределяющегося. Во время войны служил в 27-ой артил. бригаде. С ней наша дивизия была на фронте на р. Стоходе. И здесь он точно и правильно ответил на проверочные вопросы. В Новочеркасске у него не было ни родственников, ни знакомых и я отправил его в Запасную батарею. На фронт он не попал.

Он сдержал свое слово и никого не выдал. Позже мы встретились еще раз. Во время восстания казаков, когда мы были в Заплавской, я встретил его на улице. Он перешел к казакам, но его опознали, арестовали как шпиона и вели под конвоем на допрос в штаб. Там его предали Военно-Полевому суду. Ни мое заступничество, ни других офицеров не было принято во внимание — он был приговорен к смертной казни...

Сделаю небольшое отступление и расскажу другой случай, как видный преступник большевик был оправдан таким же судом. В своей книге И. А. Поляков, описывая, где и как он скрывался в Новочеркасске до прихода 1-го апреля восставших казаков, пишет: «Я перебрался в центр города, к моим дальним родственникам». Обыск у них уже был и они «имели охранное свидетельство» на дверях записку — «в доме тифозный больной».

«В день оставления города белыми жене домовладельца привезли ее **брата партизана, тяжело раненого...**» (стр.134), но на той же странице сообщена и другая версия: «Дама прятала... и своего **сына, 15 лет** партизана-гимназиста, прибежавшего домой 12 февр., передала его на сохранение **к сапожнику, занимавшему в конце двора маленький домик».** Вопрос сын или брат не столь важный, хотя и вызывает некоторое недоумение — где же правда, но гораздо важнее роль и судьба сапожника.

«Сапожник этот играл видную роль среди большевиков, находясь в «Совете Пяти» — пишет А. И. Поляков. Эта «пятерка» в течении 6 дней расстреляла свыше 600 человек (стр. 130).

Когда Новочеркасск был захвачен восставшими казаками, «сапожник был арестован, дама сдержала свое обещание (спасти его за укрытие сына или брата) и своим настойчивым заступничеством вымолила ему свободу».

Сапожник предстал перед судом «Защиты Дона» (своими правами равный всенно-полевому суду), состоящим из 5 лиц: два от Совета Обороны, два выборных представителя от полков и председатель — по назначению Командующего Армией.

На стр. 143 своей книги И. А. Поляков пишет, что там, где он скрывался, квартировало 5 казаков и автору было интересно «войти с ними в контакт и узнать их настроение. Опасно было лишь попасться на глаза жившему в том же дворе сапожнику-большевику, игравшему видную роль в «Совете Пяти».

Встреча с ним, наверно, стоила бы мне жизни... «Но встреча с казаками состоялась и не один раз — пишет об этом сам И. А. Поляков. Я не хочу навязывать читателям моего мнения, но невольно возникают вопросы: неужели сапожник не видел И. А. Полякова хотя бы из окон своего домика, неужели он не узнал от соседей, что кто то скрывается в большом доме у дамы, т. к. до прихода красных И. А. Поляков в этом доме не жил? Ведь все это происходило в Новочеркасске — городе «слухов», где соседи отлично знали и следили друг за другом?... Ведь в то время соседи, не донеся большевикам, что кто то здесь скрывается, могли сами пострадать... А укрытие партизана («брата» или «сына»?)?

Странная и запутанная история и разобраться в ней трудно. Однако все говорит за то, что сапожник знал все, но никаких мер против И. А. не предпринимал. Почему?

Возникает и другой вопрос: каким образом заступничество какой то дамы спасло жизнь коммунисту-преступнику, на совести которого были не один десяток жизней расстрелянных белых бойцов, защитников Дона? Кто хоть немного знаком с законами Всенно-полевых судов, тот отлично знает, что одно заступничество какой-то (сердобольной) дамы не могло повлиять на его членов, особенно для того, чтобы сохранить жизнь известному коммунисту, члену «Совета Пяти». Повидимому, за «спиной» этой дамы было какое-то другое лицо, занимавшее большой пост или в Дон. правительстве или же в командовании Дон. Армией. И только его заступничество могло спасти жизнь преступника сапожника.

В ночь с 17-го на 18-го февр. около 10 ч. вечера караульный начальник приказал всем арестованным разойтись по своим комнатам

и не выходить из них в корридор. Около каждой комнаты поставили добавочных вооруженных часовых. По поводу этого нового и неожиданного строгого распоряжения мы, арестованные, предполагали, что должно случиться что то очень важное. Спрашивали казаков, почему, для чего, и что это значит — они отвечали, что ничего не знают. И начальник караула сказал мне, что тоже ничего не знает.

Но очень рано утром от казаков караула мы узнали, что ночью по приказу большевистских главарей, по специальной записке, вооруженный сильный конвой красных взял с гауптвахты ген. Назарова и еще 6 человек для перевода в тюрьму, находящуюся за городом. Все они недалеко от Краснокутской рощи были расстрелены.

« Несокрушимая сила воли не покидала ген. Назарова — писал ген. Денисов (« Белая Россия ») — и в эти тягтяйшие минуты его жизни, когда была уже занесена рука смерти: на месте расстрела он снимает с шеи иконку благословение матери, творит молитву, целует святыню, которая хранила его в дни войны, скрешивает спокойно на груди руки и подает властно, внятно и твердо команду караулу для расстрела: « Стрелять как казаки... Раз, два, три... Сволочь — пли... »

Вынужденно, доблестно и красиво отдал свою жизнь разбойникам этот мужественный витязь Дона... »

Большинство рассреливающих Назарова были рабочие, еще не очень опытные в этом грязном деле, и замешкались, не зная, что и как им делать. Поэтому то ген. Назаров и отдал им эту свою последнюю команду.

Одновременно с ген. Нараровым были расстреляны: ген. майор Усачев, начальник 5-ой Дон. каз. кон. дивизии, ген. м. Исаев, ген. м. П. М. Груднев, войск. старш. Тарарин, подполк. Н. Рот и войск. старш. Е. А. Волошинов — первый выборный Атаман Войска. В последнем письме матери с гауптвахты от писал: « скоро придет время... казаки поймут, что им не по пути с большевиками, поймут свою ошибку, но... будет уже поздно... » При расстреле он был тяжело ранен, с большим трудом добрался до одного из домиков, что были там на окраине города, попросил хозяйку его скрыть и сообщить его родственникам за большое вознаграждение. А хозяйка сообщила об этом большевикам, они вернулись, стащили его с лестницы, причем голова его билась по ступеням и... добили. Когда казаки заняли Новочеркасск, эту женщину судили военно-полевым судом и расстреляли.

Есаул Дон. артиллерии Е. Е. Ковалев сообщил мне, что в Архиве Дон. Артиллерии в Париже хранится письмо ген. И. П. Астахова, в котором генерал пишет: « Вот сведения, еще нигде не опубликованные, о том, как погребен А. М. Назаров. Моя дочь Анна с сестрой жены моей Надеждой Петровной в потайке от большевиков розыскали его труп, доставили в Кладбищенскую церковь гроб и там кладбищенский священник с честью похоронил его поздно ночью в присутствии членов моей семьи. А я был в это время в Степном походе »... Конечно, если бы об этом узнали большевики, то расстреляли бы и храбрых казачек Астаховых.

Казаки караула в разговоре с нами говорили, что если бы они знали, что Атамана Назарова и других ждет расстрел, то они бы их большевикам не выдали. Большевики их обманули. Может быть, да и вероятно, об этом знали Голубов и Смирнов, но они не хотели, да и не могли бы этому помешать: оба они добивались власти, на пути к которой стоял Назаров. Они не отдавали себе отчета в том, что они нужны большевикам временно, что править Доном будет новый пришлый элемент « товарищ», а не природные казаки, как они. И вскоре, когда отношения между « союзниками » — товарищами и голубовцами — начались портиться, то и Голубов и Смирнов оказались им не нужны.

Все казаки были сильно возмущены самочинным и неожиданным, без суда и следствия, расстрелом их выборного Атамана. « Мы — казаки, наш Атаман нами выбранный... нам его и судить, а не этим голодранцам-лапотникам... » с большой злобой говорили они, « теперь товарищи нас больше не обманут, — ни одного человека мы больше так с гауптвахты не выдадим... » Расстрел этот еще больше усилил недовольство казаков красными, вызванное еще раньше расстрелом офицеров в I-ый день занятия Новочеркасска.

Какие же последствия имел этот расстрел?

1. Он показал голубовцам, что красные уже совершенно не считаются с ними и не будут считаться, а Доном будут управлять сами. 2 — Они стремятся уничтожить сначала каз. командный офиц. состав, а после и казаков. 3 — Террором заставят казаков признать сов. власть и будут держать в руках. 4 — Расстрел этот стал главной причиной раздора между красными и казаками и привел к отказу голубовцев помагать красной гвардии, так как казаки поняли звериное лицо коммунизма и его намерение уничтожить казачество. 5 — Он ускорил разъезд революционных казаков по станицам, где они сами увидали на деле

все самоуправство товарищей. 6 —Большевики остались без казаков, что в обшем ходе политических событий на Дону имело большое не только психологическое значение, но и военное, так как все казаки собрались вместе — в один кулак. 7 — Спас от расстрела много офицеров, не только из находившихся на гауптвахте, но и по станицам, и этим приблизил начало каз. восстаний, а сохранение большого количества опытных военоначальников сыграло большую положительную роль и при начале восстаний и в дальнейших боях.

Этого разбора последствий расстрела Атамана Назарова в каз. печати еще никто не делал, да и не мог делать, так как, не находясь на гауптвахте, не мог знать, что там происходило и как к расстрелу отнеслось « революционное казачество ».

На нас же, арестованных офицеров, этот расстрел произвел убийственное (и я выражаюсь мягко) впечатление. Мы все теперь ожидали своей очереди и своей смерти. Говорили об этом и казакам и просили их послушаться совета теперь покойного Атамана Назарова « беречь своих офицеров ». Казаки караула нас успокаивали, обещали сохранить, уверяли, что не выдадут больше ни одного человека. И казалось подчас, что **все мы одно целое — « КАЗАКИ »** и так хотелось этому верить... Но все же, сказать по правде, трудно нам было верить, что те же казаки, которые объявив « нейтралитет », пошли против Дон. правительства, станут защищать нас, офицеров.

После расстрела ген. Назарова, начальник караула, посоветовавшись с нами, отменил посещение родственников. Они могли лишь видеть через открытую дверь гауптвахты, что лицо, их интересующее, еще живо (т. е. не расстреляно).

19-го февр. к 12 ч. дня, как обычно, пришел для смены новый караул от 10-го дон. полка. Когда происходила смена караула на площади перед гауптвахтой, то казаки увидали, что со стороны Московской улицы к гауптвахте двигалась огромная толпа солдат, сильно возбужденная. Слышны были злобные угрожающие крики. Стало ясно-толпа шла за арестованными. Команду над обоими караулами принял старый начальник караула — урядник 27-го дон. полка. Толпа приближалась, хвоста ее не было видно. Она заполняла весь Платовский проспект, хвост заворачивал на Московскую улицу. Казаки караула спокойно на нее смотрели, и, расстегивая подсумки с патронами, усмехаясь переговаривались : « Ну, кажется, сегодня дадим пить... товарищам... » Стало ясно — казаки не собираются выдавать арестованных, но чем это кончится — было еще не известно. А толпа, как набегающая в прилив волна, приближалась к казакам...

« Трубач... Труби тревогу... » коротко бросил урядник начальник караула... Раздались тревожные резкие звуки кавалерийской трубы... Толпа от неожиданности остановилась... Урядник 10-го полка, начальник нового караула, подошел к своему пулемету, на середину проспекта. Три казака по его приказанию, для обезпечения его тыла, пошли к углу Соборной площади, рассыпавшись в цепь, пересекая проспект. Но... толпа снова двинулась вперед.

Постепенно и очень громко командовал урядник:

« Без моей команды огня не открывать... Патрон боевой... Всем зарядить винтовки. Прицел постоянный... Пулеметчикам — вставить ленты... »

Передние ряды толпы, видя приготовления казаков, временно остановились, но под напором задних рядов снова двинулись вперед. До гауптвахты оставалось 130-150 шагов.

« Трубач — тревогу... » снова раздалась команда урядника — « Винтовки — на руку... ».

« Движение вперед — огонь открою сразу... » крикнул он в толпу.

Толпа зашумела, загудела, взревела, но... с места не сдвинулась. А урядник потребовал, чтобы выслали парламентеров, чтобы узнать, чего хотят солдаты. В ответ — шум, крики, угрозы, площадная брань, но... парламентеров выслали.

А толпа стояла, но последние ряды начали редеть.

Подошедшие парламентеры требовали от урядника выдачи « ахвицеров контрреволюционеров », на что он ответил, что таких лиц он на гауптвахте не охраняет и... не одного человека толпе не выдаст. Указывая на готовых к стрельбе казаков, спокойно советовал толпе разойтись. Парламентеры ушли, из толпы послышались громкие крики, конечно, нецензурная брань, но вперед она не пошла и постепенно, один по одному, разошлась...

Мы были спасены. Раздалась команда урядника: «Вынь патрон, трубач — труби отбой..» Но старый караул ушел с гауптвахты только поздно вечером.

Нужно сказать, что когда казаки готовились к отражению толпы, то многие из арестованных офицеров пулеметчиков предлагали им стать за наводчиков, но урядник им ответил: « У нас хорошие опытные пулемет-

чики, и мы вас не выдадим... »

В мемуарной литературе этот случай нигде еще не был описан.

Он очень скоро стал известен в городе. А на гауптвахте Б. Упорников, Ф. Черевков и я пошли к обоим урядникам и поблагодарили их за спасение всех арестованных. Они ответили: « Мы рады, что спасли своих казаков — офицеров, благодарности нам не нужно »... Другой добавил: « Мы выполнили наказ покойного Атамана. Нас обманули... обманул и Голубов. Теперь мы видим, что нам, казакам, с « товарищами » — каши не сварить. При восстании — воевать будем вместе... »

Мне приходилось нераз читать упреки ген. Назарову, что он напрасно остался и пошел на верную смерть. Как видим — не напрасно. Его смерть не только спасла жизнь многим арестованным на гауптвахте (аресты шли безпрерывно, гауптвахта была так переполнена, что вскоре были заняты все корридоры, в комнатах спали « посменно »...), но и открыла сущность большевизма, его отношение к казачеству, к казакам-голубовцам.

Это сказалось и в дальнейшем: « Заняв Дон. Область — пишется в Дон. Летописи (т. 2) — большевики начали планомерное уничтожение казачества и хотя никто не мог казакам оказать помощь, все же они в станицах и хуторах начали пассивное сопротивление сов. власти. В конце февраля особым декретом было предъявлено требование — выдать скрывающихся офицеров и оружие. Ни одна станица офицеров не выдала и ни одной винтовки не сдала ».

На спасение голубовцами каз. офицеров « главковерхи » ни в Новочеркасске, ни даже в Ростове никак не реагировали. Можно предполагать, что « фронтовики » тогда были еще сильны, и «товарищи» решили их пока не трогать. А массовые аресты в городе, безпричинные расстрелы « красными » казакам очень и очень не нравились.

США **М. Бугураев**

(Продолжение следует).

СПОЛОХ.

Что нам плаха, братцы!..
Аль боимся пыток?..
Вихрем на майданы
Собирай народ!

Пусть рассудят сами
Старики седые,
В чем таится сила,
В чем стальной оплот.

На майданы, други!
Вольницей могучей
Пусть кипит на Круге
Белая волна...

Пусть полки донские
Поступью летучей
В степи огневые
Оттеснят врага!

Враг шагнул за грани...
Враг идет в станицы...
Что ж иль не найдется
Твердых рук у нас?

Смело ногу в стремя!
Пусть во вражьем стане
Загорится кровью
Выжженный лампас...

Ну, взвивайтесь кони...
Метче бейте пики,
Грудью в грудь сойдемся
В бешеном бою...

Пусть сольются груди
Все в едином крике:
« Не дадим проклятым
Вольницу Свою! »

Что, иль позабыли,
Как рубились деды?
Руки разучились
Палаши держать?

Гей вы, казачата,
Гей вы, непоседы,
Смело мчитесь к Граням
Степь свою спасать!!

Н. Кузнецов.

ОТХОД УРАЛЬЦЕВ НА ФОРТ АЛЕКСАНДРОВСК ЗИМОЙ 1919 ГОДА.

Настоящее повествование написано мною, Н. А. Дорошиным, как очевидцем и участником этого отхода. Написано после почти 50-тилетней давности исключительно по памяти, т. к. никаких заметок, записей или документов у меня не сохранилось.

В середине декабря я с женой находился в г. Гурьеве. Фронт уже рухнул и известно было, что Атаман В. С. Толстов, с остатками фронтовых частей, не заходя в Гурьев, перешел Урал и пошел походом на форт Александровск, на восток вдоль берега Каспийского моря. Никаких распоряжений по уходу с Урала, а также никакой организации отходящих уральцев им сделано не было. Атаман ушел с остатками частей, предоставив полную инициативу для устройства своей судьбы всем — отдельным отрядам, тыловым учреждениям, раненым, больным, беженцам и всему прочему населению. Даже не было оставлено какого нибудь отряда для прикрытия уходящих. Единственно, что было сделано, это посылка сотни казаков с офицерами в Ф. Александровск, для подготовки встречи уральцев и устройства питательных пунктов по пути следования отрядов. Как после выяснилось, эти питательные пункты были выставлены за 3 — 4 перехода от форта, а на самых пустынных пространствах пути отходящие были предоставлены сами себе, что и привело к гибели в пути не менее двух третей отходивших, а вышло в путь по разным источникам от 11 до 15 тысяч, а может быть и больше.

Со мной в Гурьеве находилось несколько казаков из моей команды артиллерийского склада армии, все уже пожилые люди, решившие уходить от красных вместе со своими семьями. Помню вахмистра Попова, ст. ур. Крюкова, казаков Котельникова и Логашкина из Тополинского поселка и несколько других.

Обстановка была такая: красные двигались вниз по Уралу, занимая оставленные казаками станицы и со дня на день могли придти в Гурьев. Море было покрыто льдом на несколько десятков верст, так как стояли сильные морозы и отплыть морем на Кавказ, где находилась Добровольческая Армия было невозможно. На западе Астрахань давно была в руках красных и их отряды занимали все северное побережье моря, угрожая Гурьеву. Оставался путь на восток вдоль берега моря, как пошел Атаман Толстов. Гурьев был переполнен беженцами, отдельными отрядами, разными тыловыми учреждениями, ранеными, тифозными больными. Все кто мог, собирались и отправлялись в путь за Атаманом вдоль морского берега. Некоторые, главным образом Гурьевские казаки, имеющие опыт аханного рыболовства и соответствующие снаряжение, уезжали в Форт морем по льду. Я с своими казаками мог только двигаться туда берегом, а оттуда уехать пароходом на Кавказ. Идти предстояло около 1000 клм., большей частью без дорог. Известно было, что из жилых мест на пути будут: Ракуша, Жилая Коса и Прорва, а дальше пойдет безлюдная и безводная пустыня почти до самого Форта Александровского. Сколько времени придется идти, сколько припасов надо брать с собой-никто в точности не знал. Решили ехать — как ехали все, оставаться нельзя. Оставались, главным образом, больные, слабые раненые, многие женщины и дети. Страшила их неизвестная дорога, морозы, пустыня.

Сборы у нас были недолгие — мы уже были « на колесах », как приехали в Гурьев, так готовы были и ехать дальше. У меня был небольшой легкий экипаж на дрогах, с крытым кузовом, запряженный парою коней. Взято было в дорогу: овес для коней, продовольствие, главным образом пшеничная мука и постное масло, пара замороженных бараньих тушек, постель, необходимая одежда, кое что из вещей, винтовка о патронами. У казаков были парные фургоны, на железном ходу, запряженные конями и загруженные примерно тем же, что и у меня и, кроме того, ехали семьи казаков.

22 Декабря 1919 года утром мы выехали из Гурьева, переправились через Урал по льду и влились в общий поток отходящих, двигавшийся по направлению на Ракушу. День был ясный, солнечный, был хороший мороз. В степи лежал небольшой снег, дорога была твердая, совершенно не подымалось пыли — мороз крепко сковал влажную землю. Степь была ровная, видно было хорошо, как сзади и спереди нашего обоза ехали сотни людей в фургонах, телегах, экипажах, верховые... У некоторых были в упряжке верблюды. Пестрая лента обозов, следуя изгибам дороги, пропадала далеко впереди, сливаясь с горизонтом. На повозках, нагруженных мешками с мукой, фуражем, одеждой и разными домашними вещами, сидели закутанные в тулупы и полушубки фигуры мужчин, женщин и иногда детей. Так как обозы двигались шагом, то многие шли пешком, сбиваясь в небольшие

группы или шеренгой, шли по бокам дороги, ведя безконечные дорожные беседы. Впечатление было такое, как будто шло переселение народа. Наверное так же вот в древности переселялись племена на другие места, вытесненные с насиженным мест более сильными врагами. Так же они шли в неизвестность, не зная, где и когда они обретут себе безопасное место для поселения.

Я часто сходил с козел экипажа на землю и присоединялся к группе казаков нашего обоза, а кони держались впереди идущей повозки. Из разговоров выяснилось, что на лошадях далеко не уедешь, надо при первой возможности добывать себе верблюдов в виду того, что дальше пойдет безводная степь, скудные сухие колючки лошади не ,едят а сено для них с собой везти невозможно. Расчитывать найти себе верблюдов в зимовках, расположенных по пути следования отходящих — не приходилось. Искать: надо было в стороне от тракта, где верблюды еще сохранились. Поэтому за Соколком, поселком на восточной протоке дельты Урала, наш обоз, около десятка повозок, отделился от общего потока и направился к морю. Потом мы пошли вдоль прибрежных камышей на восток верстах в 10 от Ракушинского тракта. Здесь стали натыкаться на киргизские зимовки, в которых отходящие еще не были. В них мы покупали верблюдов, щедро расплачиваясь царскими и деникинскими деньгами и давали в придачу наших лошадей. На другой день весь наш обоз был на верблюдах — фуры были запряжены парами верблюдов, а себе я купил большого одногорбого верблюда — «нара» — светлой масти, который свободно повез мой легкий экипаж. Оставил я себе пристяжку для разъездов под седлом, так же и казаки оставили себе для разъездов несколько самых молодых коней.

После этого выехали на Ракушинскую дорогу и пошли вместе со всеми. Ночевали в степи «табором» — повозки ставили в большой круг, внутри которого разводили костры и спали, а снаружи стреноживали верблюдов и лошадей и пускали их пастись под наблюдением сторожевого по очереди. — Спать на морозе устраивались тепло, так как стелили кошму на камыше, накрывались одеялами и тулупами, снявши верхнее платье и закрывшись с головой, оставив небольшое отверстие для дыхания. То и дело с севера выходили на Ракушинский тракт небольшие обозы, идущие по Бухарской стороне непосредственно из Яманки, Сарайчика и других станиц. В одном из таких обозов я встретил своего брата Виктора. Он ехал на фуре, запряженной парой двугорбых верблюдов, со своим вестовым казаком Иваном Бабушкиным и его младшим братом Филимоном 14 лет. Сзади к фургону был привязан запасный верблюд. Они присоединились к моему обозу. В Ракуше мы остановились в доме нефтяных приисков, где были плиты с нефтяным отоплением. До полночи жена с Иваном месила и пекла пресные лепешки в запас на дорогу вместо хлеба. То же делали и другие казаки со своими женами-хлеба печеного уже нельзя было достать-Ракуша была переполнена беженцами. На утро, в первый день Рождества, выехали из Ракуши на Жилую Косу.

Уезжая, долго еще видели громадный черный столб дыма позади-горели нефтяные хранилища и промысла. Мороз продолжался. Движение уже не было такой непрерывной лентой, как при выезде из Гурьева. Вероятно, часть задержалась в Ракуше и, кроме того, вдоль дороги с обеих сторон то и дело попадались обозные станы. Верблюды и лошади, стреноженные, ходили на подножном корму, а у выпряженных повозок горели костры и копошились люди — видимо берегли силы скота перед дальней дорогой. Мы старались ночевать поблизости от киргизских зимовок, где была вода, где можно было купить баранов — свои бараньи тушки берегли. Хлеба у киргиз не было, поэтому ели свои пресные лепешки. Иногда приходилось отъезжать от тракта, чтобы остановиться на зимовнике, расположенном в стороне. Таким образом ехали, ночевали в степи, опять ехали и без приключений добрались до Жилой Косы. Это был большой рыбацкий поселок на берегу моря. Море было замерсшее. Поселок был также переполнен беженцами, тут оказалось много тифозных больных. Нам удалось остановиться всем обозом в доме богатых татар — кое-как все вместе разместились в комнатах. Прожили там сутки, напекли лепешек, добавили запасы муки и отправились дальше. По слухам, красные уже заняли Гурьев. Мороз держался. Движение происходило теперь отдельными обозами на разных дистанциях. Большая часть обозов шла уже на верблюдах, т. к. с фуражем становилось все труднее : киргизские зимовки стали попадаться реже, а встреченные были уже опустошены впереди идущими, подножные корма становились все хуже и скуднее. Стали попадаться солончаковые пространства без всякого следа растительности. Море было справа — его не было видно, только иногда чернелись прибрежные камыши. Зимний день

был короткий, за день проходили километров 20-25 не больше. Так мы шли, ночевали в степи, шли опять. По дороге наведывались в встречавшиеся вдоль пути станы, чтобы узнать, кто едет, нет ли родных или знакомых, и шли далее. При приближении к Прорве немного потеплело, но снег не таял. Спустился туман. Наш обоз остановился под вечер не доезжая до рыбацкого поселка Прорва на берегу замерзшего протока, в заброшенном киргизском зимовье. Утром туман усилился. После полудня, видя, что туман не рассеивается, я решил попытаться верхом пробраться в Прорву и узнать обстановку, прежде чем двигаться далее. Ехал я от одного стана к другому по кострам. Видимость костра была небольшая-шагов 50-60. Сначала увидишь оранжевое пятно, которое постепенно становится ярче и ярче — и я выезжал к костру. Приходилось руководствоваться шумом и голосами, когда не было видно костра. У одного костра встретил знакомых: А. В. Наумова и К. Е. Черняева. Спешился, полчаса поговорил с ними, потом поехал дальше. Ехал, ехал — костер! Подъехал — опять у костра Наумов и Черняев. Снова отправился, ехал, ехал — опять приехал к ним же! Они посмеялись, посоветовали мне остаться у них и переночевать, может быть к утру туман поредеет — тогда я мог бы ехать дальше. Конь в такой туман не хочет уходить от стана, он чует опасность и поэтому приворачивает обратно туда, где он видел стоят другие кони и верблюды. В таком тумане самому править невозможно — ничего не видно... Я был очень раздосадован, но делать нечего, пришлось остаться у них ночевать. Утром туман стал рассеиваться и уже можно было ориентироваться. Я вернулся к себе на стан — отъехал я вчера в тумане не больше версты. Потом вдвоем с Виктором верхами поехали в Прорву, которая оказалась верстах в 3-4 от нас. Поселок был небольшой, был он переполнен беженцами и больными тифом. Встретил я тут много знакомых офицеров и казаков, среди них вспоминаю доктора В. В. Парфенова, полк. Г. И. Донскова.

Говорили, что красные идут за отходящими, что занята Ракуша, может быть теперь и Жилая Коса, что скоро и сюда придут-надо двигаться дальше. Узнал, что в одной ближней киргизской зимовке лежит больной генерал Л. В. Загребин, мой дядя. Он шел с небольшой группой казаков и подъезжая к Прорве заболел тифом. Нашли мы с братом его лежащим без сознания в бараньей куре (камышевый навес с камышевыми стенками для укрытия баранов в непогоду) вместе с другими тифозными. Взяли мы казака со повозкой и перевезли Л. В. Загребина к себе на стан, обмыли его, привели в порядок, устроили ему постель в Викторовой фуре и уложили туда, хорошо закутав.

На другой день похолодало, стало ясно и мы отправились дальше, пристроившись со всеми своими повозками к одному из обозов. В Прорве мы узнали также, что киргизские зимовки на дальнейшем пути отходят в глубь степи и побережье является пустыней: нет жилья, нет дорог, нет воды, нет и травы для подножной пастьбы, так как в этой части низменного берега находится много солончаков. Поэтому я своего верхового коня выпустил в степь, подножного корма не предвиделось, на мясо он не годился по возрасту и худобе, а зерном разумнее было подкармливать верблюда, везущего наш экипаж. Казаки нашего обоза оставили трех коней не старше 3 лет на мясо — на них не ездили и подкармливали их зерном.

Наш путь теперь проходил по низкой заболоченной степи, где местами переезжали солончаковые трясины, по киргизски « соры ». Они не замерзали грубоко и были очень опасны. Нужно было их проезжать быстро, иначе колеса увязали и засасывались трясиной и тогда повозку приходилось бросать, так как вытащить ее было уже невозможно. А потеря повозки грозила гибелью, так как верблюдов было мало, на вьюках много не увезешь и пешком далеко не уйдешь. Видел я несколько брошенных повозок полузасосанных трясиной. Говорили, что эти топи постепенно засасывают, не оставляя следа на поверхности. Наш обоз поочереди протаскивал каждую повозку общими силами рысью через опасные места и мы их благополучно миновали. К несчастью, заболел тифом Виктор и закутанный лежал в жару и бредил. А Л. В. Загребин пришел в себя и начал понемногу поправляться но был еще очень слаб и лежал рядом с заболевшим Виктором. Питание и лечение больных было скудное: какао на воде с сахаром, ложка коньяку и конский бульон. В этих местах в разное время я встречал едущих небольшими группами с своими семьями: генерал-квартирмейстера Еремина, генерала Моторного, полковника Т. И. Сладкова, есаула Е. Назарова и других.

Не доходя до Усть Урта потеплело опять, пошел дождь, подул ураганный северовосточный ветер и ударил сильный мороз. Дождь перешел в снег, забушевала мятель. Идти не было возможности, обозы стали, где застала их непогода. Снег перестал, но мятель продолжалась, так как ветер не утихал. Выпря-

женные верблюды полегли задом к ветру, положив головы на землю. Люди прятались под повозками, загородившись кошмами и всем чем можно от пронзительного ветра. Больных на возах закутали с головой, оставив отверстие для воздуха с подветренной стороны. Беда увеличивалась еще тем, что сначала верхнюю одежду намочил дождь, а потом все намоченное замерзло. Так продолжалось целый день. С наступлением ночи холод усилился. Ветер шумел и завывал... Неподалеку от нас остановился отряд Бичераховцев. У них было две или три телеги только для вещей, шли они пешком, так как их было слишком много для этих подвод, почти все одеты только в шинелях. Мокрые шинели замерзли и уже не грели, укрытия за телегами им не хватало. Они начали копать мерзлую землю топорами и шашками, чтобы в ямах укрыться от пронзительного ветра. Развели костры и в них жгли все, что можно, но топлива было недостаточно и все это мало помогало. Зимняя ночь была длинна... и вот стали слышаться вопли: «Замерзаю!... Помогите... Помогите..» Постепенно эти вопли затихали... Чем можно было помочь, когда лишней одежды ни у кого не было? Отдать последнее с себя — самому замерзнуть. Мы с женой не спали почти в эту ночь, опасаясь замерзнуть, старались, сидя в экипаже, двигать руками и ногами, растирали их. Можно себе представить, что было у нас на душе, слыша эти вопли... Безконечная, ужасная ночь...

Наконец наступило утро, но буря все продолжалась. Только к полудню стих ветер. Я вылез их экипажа и увидел, что снегу было немного, но на все выдающиеся предметы, на повозки и верблюдов, ветер намел сугробы снега. Из под повозок вылезали люди, откапывали друг друга и животных. Верблюдов тотчас же начали гонять бегом, чтобы разогреть их, так же и люди забегали для этой же цели. Наши больные были в порядке, не замерзли, закутаны были хорошо, а от дождя их спас брезент, оказавшийся в фуре у Виктора. В нашем обозе замерзших не было и все верблюды уцелели, а вот в соседнем обозе двух верблюдов не подняли — замерзли, видимо были больные или истощены. Много людей померзло у Бичераховцев.

Наш обоз сразу же отправился дальше, спеша покинуть это страшное место. Но на пути теперь мы все время встречали трупы замерзших людей и верблюдов. Особенно вспоминается одинокий открытый тарантас около дороги и в нем лежали замерзшие, тесно прижавшись друг к другу, молодой офицер с женой и маленькой дочкой. Офицера этого я знал, но фамилии его не могу вспомнить.

Кто уцелел — спешил вперед, чтобы скорей пройти пустынные места до новой возможной бури. Когда мы вечером стали на привал, то ночью слышали, как проходили мимо обозы. Рано утром мы пустились в путь и к полудню достигли подъема на Усть Урт. Склоны его были обрывисты и только в одном месте находился сравнительно пологий подъем косогором, с крутыми оврагами по бокам. Дороги не было и повозки взбирались по косогору извилистым путем, выбирая наиболее отлогие места склона. Чтобы повозки не перевернулись, так как одно колесо было выше другого и повозка кренилась — ее подпирали плечами, поддерживали руками. Видимо других удобных подъемов поблизости не было, потому что внизу скопилось несколько обозов, поднимались по очереди и приходилось ожидать. Сзади подъезжали новые обозы. Стоял шум и крики на верблюдов, были и споры из-за очереди на подъем. В свою очередь и мы начали подниматься. Подъем шел довольно медленно, потому что повозки могли не только перевернуться на косогоре, но в некоторых местах и свалиться вниз в овраг, где я уже заметил несколько полузаметенных снегом повозок и замерзших трупов — вероятно, буря застала бедняг на подъеме. Почти на вершине, сбоку в небольшой котловине, я увидал целый военный отдяд мертвецов, человек 40, полузанесенных снегом, лежавших прижавшись друг к другу отдельными кучками у затухших костров. У них были винтовки и пара пулеметов. Где застала их мятель — там они и остались. Весь ли отряд погиб или нет — неизвестно, но трупов животных здесь я не видал.

Поднявшись наверх, мы сделали привал, другие пошли без остановки дальше. Передохнув и покормив верблюдов зерном, отправились и мы вперед, несмотря на наступавшую ночь. Ночь была тихая, лунная и морозная. Шли по следам повозок и все время попадались трупы замерзших людей и верблюдов. Под утро мы остановились около подобия ложбины, на дне которой среди снега видны были скудные сухие стебли травы, и пустили стреноженных верблюдов попастись, отъехав немного в сторону и выставив сторожевого. Только верблюды и могли собирать эти редкие сухие колючки. Ни лошади, ни быки такую траву не могли бы есть. Запас жира в верблюжьих горбах помогал им возмещать недостаток питания и они могли обходиться без еды и питья несколько дней. В этом был их секрет приспособленности к пустыне. Для покормки верблюдов старались

останавливаться днем часа на 2-3, т. к. днем было виднее и можно было отойти от дороги и поискать мест, где имелись какие то остатки растительности. Кроме того, днем легче было сторожить пасущихся верблюдов. Один раз ночью стреноженные верблюды доставили нам много хлопот по их розыску и сбору. Под покровом темноты они постепенно и незаметно разбрелись далеко по степи. С тех пор ночью мы укладывали верблюдов около повозок, привязав за бурундуки, потому что лишиться верблюда — гибель. Все зависело теперь от их силы и выносливости.

Как-то поднялась песчаная буря. Ветер поднял тучи мелкого песка и пыли. Почти ничего не было видно. Песок засыпал глаза и забивал ноздри у людей и верблюдов. Пришлось остановиться и ждать несколько часов конца песчаной мятели. Мелкий песок проникал всюду, забирался в белье. Груды песка намело на повозки и лежащих верблюдов. Благодаря непродолжительности буря несчастий нам не причинила.

Обозы теперь сильно растянулись и разбились на небольшие группы. Встречались такие процессии: верблюд тащит телегу, нагруженную самым необходимым, и около нее плетется десятка полтора пеших. Все закутаны насколько могли ,многие идут с трудом, но сесть на телегу нельзя-верблюд может остановиться. Так вот и брели, кто послабее придерживался рукой за телегу. Кто отставал — тот замерзал. Много таких трупов, как вехи, обозначали скорбный путь отхода Уральцев на многодневном пути по пустынной равнине Усть Урта.

Одного из таких отставших, с помороженным лицом и руками, вез я на козлах своего экипажа, а сам большей частью шел пешком, чтобы облегчить верблюда. У казаков нашего обоза также ехало несколько таких отставших, но многим помочь мы были не в состоянии. Раз видим — лежит большая кошма на пути, под ней что то есть. Иван Бабушкин откинул кошму — там лежало трое полузамерзших людей. Взять их с собой мы не могли, дали им лепешек, закрыли и пошли дальше. Горестно оставлять гибнуть людей, но сами мы также висели на тонкой ниточке.

Мороз все время держался довольно сильный. Кроме Виктора и Л. В. Загребина, в нашем обозе было еще трое больных у казаков. Для больных я кипятил воду на примусе в экипаже, давая возможность погреться сидевшей там жене. Как страдали больные, хотя и хорошо закутанные — трудно себе представить. Здоровые ни разу не мылись с Прорвы, не было воды, растапливали снег только для питья и варки пищи, так как не было топлива. Что было возможно взять деревянного из повозок, чтобы она не развалилась — все жгли, даже некоторые спицы из колес. На каждой остановке первая задача всем была собирать редкие былинки сухой травы для костра — это была трудная кропотливая работа.

Виктор пришел в себя, а Л. В. Загребин опять заболел — вернулся возвратный тиф, он бредил и скоро скончался. Я и Иван начали рыть могилу топором в замерзшей земле, лопаты у нас не было. Это было долгое дело — обоз не стал ждать нас, поднялся и ушел — все торопились. Мы должны были догнать их вечером на привале. Даже подобранный мною обмороженный казак не захотел ждать нас и пошел пешком с обозом. На другой день мы нашли его замерзшего на дороге. Трудно было копать, но все же мы могилу выкопали, но затратили почти полдня. Завернули Л. В. Загребина в ковер, прочитали молитву и предали его земле. Потом двинулись в путь.

Вечером стали на привал только наши две повозки — свой обоз мы не догнали и встретились только в Форте. Рано утром отправились дальше и в полдень подошли к спуску с Усть Урта. Справа виднелась замерзшая вода Мертвого Култука, а прямо — степь, которая кончалась крутым высоким обрывом у залива. Никого не было видно. Спуск был не крутой. Жена подержала нашего верблюда, пока я с Иваном сводил вниз фуру с лежащим в ней Виктором. А потом свели и мой экипаж. Когда спустились вниз, поднялся опять сильный ветер из степи к заливу. Следы колес вели под береговой обрыв и мы им следовали. Путь пролегал теперь по неширокой береговой полосе, закрытой от ветра обрывом. Но когда мы проходили мимо оврагов, прорезавших обрыв, то ветер был так силен, что кренил мой экипаж и я даже подпирал его плечом. Экипаж был легкий и имел высокий закрытый кузов, захватывавший много ветра. Так как путь вился вдоль берега под обрывом, то изгибы берега не давали возможности видеть впереди и я решил спуститься на лед залива, отойти от берега и посмотреть — нет ли кого впереди? Спустившись, пошел по льду, но тут уже мертвое пространство для ветра от вгсокого обрыва кончилось и ветер подхватил меня и понес от берега. Я упал и стал карабкаться — ну, где там!... Лед — как зеркало, скользкий и меня потащило лежачего все дальше и дальше от берега. Что делать? Меня могло затащить далеко, другого берега не видно, могла встретиться полынья... На счастье у меня был всегда с собой в дороге не-

большой финский нож в ножне у пояса — я вонзил его в лед, начал царапать лед и понемногу остановился. Потом быстро вонзил нож вперед и подтянулся и так шаг за шагом продвигался к берегу. Возвращение заняло, наверное, около полчаса, но мне показалось, что я потратил целую вечность. Иван не знал, как мне помочь, он боялся сам попасть в такое же положение.

Поехали дальше и заметили, что по обрыву маячит всадник в малахае — это, очевидно, адаевцы высматривали нас. Мы уже слышали, что их надо остерегаться — это дикое разбойничье киргизское племя. В этот же день мы наткнулись за одним из поворотов на разграбленный привал в одну телегу. Все было разбросано и лежали трупы женщины и двух мужчин. Теперь, когда мы увидали опять всадника на обрыве, — мы с Иваном обстреляли его из винтовок и он сразу же скрылся. Так и шли с винтовками в руках. Опаснее всего было ночью, пришлось сторожить по очереди с Иваном. На следующий день после полудня мы догнали небольшой обоз в 5 или 6 подвод беженцев, который стоял на месте, устроив себе дневку для отдыха. Мы к ним присоединились, чтобы идти вместе — это безопаснее. Может быть и позади нас шли обозы, но ждать на месте было рискованней и мы шли вперед. На следующий день в пути за одним поворотом наехали на только что разграбленный стан: одна подвода остановилась, развели костер и на них напали. Трупы казака и женщины еще не замерзли. В течении пути мы проехали несколько таких разграбленных станов. Наш обоз прошел эти места сравнительно спокойно — только постреливали в показывавшихся всадников.

Очевидно, адаевцы боялись напасть на наш обоз, считая его сильным. Они нападали больше на одиночные повозки, или пытались захватить врасплох ночью. Но у нас всегда ночью стояли сторожа, была раз тревога, но ограничилась стрельбою. Несколько раз слышали стрельбу впереди себя. Находили замерзших с отрубленными ногами — адаевцы отрубали ноги с сапогами и увозили к себе в аулы, чтобы там отогреть ноги и снять сапоги.

Потом мы отошли от залива и направились степью. Местность стала немного холмистая и начало больше попадаться остатков растительности, так что обоз стал чаще останавливаться, чтобы подкормить отощавших верблюдов. Мой верблюд, которого я прозвал « Фокеич », хорошо нес свою службу, был послушный и не ленивый. Когда вышел весь овес, я делился с ним лепешками, чтобы поддержать его силы. В его пышной гриве я часто отогревал руки. Наконец, вышли на первую зимовку мирных киргиз. Пошла мена: за тряпки нам киргизы давали пшена, баранины, сена для верблюдов.

Стало уже легче. Дальше встретили 2 или 3 питательных пункта с казаками, выставленных из форта. В одном был доктор, которому я и показал Виктора. Доктор ничем ему помочь не мог, советовал только спешить в Форт, где ему нужно было сделать ампутацию обеих ступней и пальцев на руках — они были обморожены. Вероятно обморозился он, когда был без памяти. Концы рук и ног были черные и доктор опасался гангрены.

Последние несколько переходов прошли сравнительно легко. Сильные морозы миновали, раздобывались теперь питанием, водой и топливом. Только у жены начались галлюцинации — ей все мерещились трупы, особенно по ночам.

Вот впереди засинело Каспийское море, свободное ото льда, и мы пришли в Форт Александровский, стоявший на высоком прибрежном обрыве. Под обрывом, на обширной косе, находилась рыбацкая слобода Николаевская, где мы и поместились в доме одного рыбака, И Форт и слобода были переполнены казаками и беженцами, здоровыми и больными и обмороженными, но мы себя почувствовали как в раю в теплой комнате, где в первый раз на два месяца разделись и вымылись в бане. Но Виктор был совершенно безпомощен — у него отваливались отмороженные ступни, нужна была срочная операция ног и пальцев. Всех больных обмороженных и беженцев отправляли на Кавказ. Для перевозки не хватало пароходов и, после больших усилий, наконец мне с женой и больным Виктором удалось погрузиться на пароход « Алесгери », на котором мы и переправились через море. На этом закончился для нас этот ужасный поход и начался следующий этап нашей эпопеи.

Монтреаль, Канада **Н. Дорошин**

ЕЩЕ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ДРЕВНЕГО КАЗАЧЕСТВА

В июне с. г. вышла книга А. А. Гордеева « Золотая Орда и зарождение казачества », являющаяся 1-ой частью обширного труда « История казаков », Автор, упомянув, что официальная русская история относит начало образования казачества ко временам Иоанна Грозного, указывает, что некоторые периоды истории России по разным причинам не получили достаточного и беспристрастного освещения, как например почти 300-летнее татарское иго, во время которого русские княжества были частью государства Золотой Орды и безусловно принимали участие в ее внутренней жизни, в ее вооруженных силах, в ее войнах. Громадное количество населения русских княжеств уводилось туда в виде полона или даточных людей. Это отсутствие сведений или их умалчивание привело к созданию ложной теории происхождения казаков исключительно из беглого русского крестьянства.

Во вступлении А. А. Гордеев пишет: « Историки умалчивали о том, что в московских хрониках имелись сведения о существовании казаков в составе войск Золотой Орды, участие их в составе московских войск предшественников царя Ивана Грозного времени распада Золотой Орды и не прекращавшуюся их связь с московскими князьями на протяжении всего времени вплоть до царствования Грозного, со времени которого начинается история казаков, основанная на актах Московского Государства ». И действительно, в летописях упоминаются ордынские, азовские, рязанские казаки задолго до Грозного. Напоминает автор, что и Н. М. Карамзин писал, что казаки, вероятно, существовали еще до нашествия Батыя.

А. А. Гордеев считает, что казачьи Войска сложились именно из тех русских людей, которые были переселены на территорию Золотой Орды, жили там и принимали участие в ее жизни. В своем труде он описывает положение русских княжеств перед нашествием монголов, монгольское иго, организацию Золотой Орды, ее армии, участь русского народа, находившегося там, и его судьбу после распада Золотой Орды.

Книга А. А. Гордеева интересна для всех, кто интересуется казачьей историей, ибо вопрос, кто был нашими предками, все еще не разрешен исторической наукой. Об этом существуют разные теории, часто противоположного характера.

Автором подготовлены к печати 2-ая и 3-ья части его труда: « История казаков со времени Иоанна Грозного до царствования императора Петра 1-го » и « Со времени Петра 1-го до революции 1917 г. ».

Вопросом, кто был предками казаков, занимается и советская историческая наука, все больше и больше считающая теорию Броневского — образование казачества исключительно из беглых — не отвечающей действительности.

Так, проф. Н. А. Смирнов в книге « Россия и Турция в 16-17 вв. ». (Ученые записки, Государственный Университет имени М. В. Ломоносова — Москва 1946 г.) пишет:

« С 16-го века начинается длительная и упорная, полная лишений и героизма, оборонительная война русского народа за землю, где издавна жили русские люди, где еще в 10-ом и 11-ом вв. между Кубанью и Доном существовало русское Тмутараканское Княжество. С севера, непосредственно к Дону примыкало так называемое « Дикое Поле » — богатые русские земли, очищенные в 14-15 вв. от монголов. На Диком Поле в придонских степях жили русские люди, так называемые « бродники » — охотники, рыболовы, скотоводы. Таким образом, русский элемент, как здесь, так и на Кубани, никогда не исчезал, несмотря даже на монгольское завоевание 13-го в. ...Дикое Поле оживает в 15-ом в., когда русские переселенцы спускаются на юг, когда здесь появляются русские люди из соседних украйн, не желающие « рядиться в крестьяне к помещикам и монастырям ». Сюда устремились также и крестьяне из Предне провья, ушедшие из кабалы польских помещиков.

Все они вливаются на Донце и на Дону в ряды охотников и рыболовов и занимающихся разными промыслами бродников. С 16-го века за населением этих двух рек уже закрепляется название донских казаков ».

Л. Н. Гумилев в книге « Открытие Хазарии » (Академия Наук СССР — Институт народов Азии. Москва. 1966) пишет:

« Принято думать, что казаки — это русские крестьяне, бежавшие на Дон от ужасов опричины. И верно, значительная часть казаков образовалась именно таким способом. Но беглецы, приходя на Дон, попадали не в пустыню. Потому то родилась знаменитая пословица « С Дона выдачи нет ». В самом деле можно поверить, что Робинзон Крузе (или его прототип) выжил на необитаемом острове и даже сумел отбиться от кучки индейцев, впрочем с помощью огнестрельного оружия. Но как мог не погибнуть русский крестьянин,

попавший в непривычную ему природную обстановку, когда во всех водораздельных степях Причерноморья господствовали ногаи, промышлявшие ловлей людей и продажей их в рабство? Невозможно ответить на вопрос: почему московское правительство, очень нуждавшееся в налогоплательщиках, допускало уход своих подданных за границу, если один конный отряд мог выловить сколько угодно безоружных беглецов? И. наконец, для того, чтобы из земледельца-пахаря превратиться в воина и охотника, нужны время и выучка. Очевидно, на Дону имелись места, где пришелец мог спокойно привыкнуть к новым условиям и новому образу жизни. Это значит, что с 13-го по 16-ый век там жили потомки бродников, воевавшие со степью и нуждавшиеся в пополнении. Поэтому они и принимали в свою среду единоверцев, обезпечивая им на первое время приют, выучку и безопасность от ногайских мурз и русских бояр ».

О бродниках Гумилев пишет: « Бродники говорили на русском языке и исповедовали православную веру, но современные им летописцы никогда не смешивали бродников и русских. Они считали, что это два разных народа. В письме венгерского короля Белы перечислены враги Венгрии в 1254 г. « Русь, кумане (половцы), бродники, болгары » и дальше повторяется: « рутени (русские), кумане, бродники ».

« Бродники — народ русско-хазарского происхождения, наследники древних хазар. Пока киевские князья воевали с половцами, бродники были их союзниками, когда же киевляне столковались с половецкими ханами, бродники нашли союзников в лице монголов и помогли Субатай-багадуру выиграть битву при Калке в 1223 г. Золотоордынские ханы умели ценить оказанную им помощь и оставили бродников спокойно жить в долинах Дона и Терека. С 16-го века потомки бродников называются тюркским словом — казаки ».

« Но не противоречит ли нашим соображениям то, что великая держава — Золотая Орда — терпела на своей территории такое инородное тело, как бродники-казаки? Нет! Бродники были врагами не татарских, а ногайских ханов, постоянно восставших против слабевших потомков Батыя. Само название « ногайцы » значит сторонники темника (начальника) Ногая, выступившего в конце 13-го в. на борьбу с монголами, пришедшими из Азии. Войско Ногая составляли по большей части потомки половцев и других кочевых племен, покоренных монголами и ненавидившие их. Ногай был разбит при помощи русских войск, пришедших на помощь хану Тохте, и убит русским воином. Мы не имеем прямых свидетельств о роли бродников в междуусобных войнах татар, но логика событий подсказывает, что золотоордынские ханы были их естественными союзниками, а ногайцы — врагами. Эта коллизия продолжалась и после падения Золотой Орды, когда в степях воцарилась анархия, которая оказалась на руку бродникам-казакам, обретшим полную самостоятельность... »

« Впоследствии московское правительство сумело найти с донскими казаками общий язык и сделало из них заслон против татарских набегов на Русь. Вспомним, что казаков на Тереке встретили воеводы Иоанна Грозного после завоевания Астраханского ханства и заключили с ними союз против кочевников и кавказских горцев.

Меняются народы, но соотношения между ними постоянны. Эту константу можно выразить алгебраической формулой, где числитель — население речных долин, а знаменатель — население степей ».

$$\frac{\text{Аланы 4-го в.}}{\text{Гунны}} = \frac{\text{Хазары}}{\text{Болгары и венгры}} =$$

$$\frac{\text{Бродники}}{\text{Половцы}} = \frac{\text{Казаки донские и гребенские}}{\text{Ногайцы и кумыки}} =$$

Париж **Б. Богаевский**

СКРИЖАЛИ СЛАВЫ КАЗАЧЬЕЙ

(Продолжение № 78)

В августе перемирие закончилось. Российско-прусские войска, разделенные на три части, двинулись вперед. Первое отделение, которым командовал генерал-от-кавалерии гр.

Витгенштейн, выступило к границам Богемии в четырех колоннах. В первой и второй колонне, кроме русских и прусских частей, было по одному казачьему полку, в третьей два донских полка, в четвертой казаков не было. Второе отделение, разделенное на две колонны, находилось под командованием Вел. Князя Константина Павловича; в первой колонне, под командой ген. Раевского, было три казачьих Донских полка, во второй — одна конная рота Донской артиллерии. Третьим отделением командовал генерал граф Ланжерон, и под его командованием было 12 полков иррегулярной кавалерии (под начальством генерал-майора А. А. Карпова). На левом крыле армии среди других частей находилось 9 казачьих полков под начальством генерал-майора П. М. Грекова 8-го. Кроме этого были еще отдельные корпуса, как напр. Винценгероде, под командованием которого среди других частей было еще 8 казачьих полков; генерал-лейтенанта гр. Воронцова с 13 полками иррегулярной конницы; генерала Вальмодена с летучими отрядами. Все эти отдельные корпуса соединились с войсками шведскими и составили армию наследного принца шведского — она должна была действовать со стороны Бранденбурга. Мы упомянули ген. Вальмодена — под его командой действовал Теттенборн с четырьмя казачьими полками, уже очень хорошо нам известными по предыдущим страницам.

Кроме этих трех армий, которые официально назывались тогда « отделениями », была еще сформирована на территории Варшавского герцогства резервная армия под командой ген. -от-кавалерии Л. Л. Беннигсена. Впоследствии ее назвали Польской — по месту формирования. В составе этой армии находился, между прочим, и Сибирский конно-казачий полк.

Итак, военные действия начались, Сражение за сражением. Великолепная победа при Кацбахе, неудачи под Дрезденом, переменный успех.

Близятся сроки. Вот уже и Кульм, где Иловайский покрыл имя казачье и свой род неувядаемой славой.

1813 августа 20/сентября 1. Рапорт командира казачьего полка генерал-майора В. Д. Иловайского 12-го Главнокомандующему русскими и прусскими резервами Вел. Кн. Константину Павловичу о сражении при Кульме.

« При совершенном истреблении 18 числа сего месяца корпуса генерала Вандама я с полком казачьим, мне вверенным, находился на правом фланге, примыкая к прусской кавалерии, где совместно со оною производил несколько раз на неприятеля нападения, нанося ему повсеместной урон. Наконец, после троекратного отражения сильных неприятельских атак, когда оной всеми силами бросился на прусские войска, стараясь очистить дороги к свободному проходу, то я с полком, презирая картечные и ружейные его выстрелы, атаковал сильную пехотную колонну, разбил оную совершенно, взял при ней 8 орудий и захватил в плен командующего корпусом генерала Вандама, дивизионного генерала Окса, бригадного генерала Брилля, довольное число офицеров и рядовых. И другую колонну принудил бросить оружие и сдаться, затем, преследуя бегущего неприятеля до дер. Валленсжорф, поражал оного повсеместно в расстоянии на 10 верст и взял человек до 400 в плен и одно орудие. Осмеливаюсь действия свои довести до сведения Вашего императорского Высочества и просить благоуважения о удостоении господ офицеров, в представляемом у сего списке означенных, к награждению прусскими орденами. Г.-м Илов ».

В это время, поссорившись с начальником штаба Наполеона, начальник штаба маршала Нэя, барон Анри Жомини, швейцарец по происхождению, военный писатель, находившийся на французской службе с 1804 года, перешел на сторону союзников. Будет более правильным сказать, что он предложил свои услуги самому Императору Александру и через некоторое время стал его ближайшим военным советником. Именно в это время русский царь повелел Жомини составить докладную записку, в которой были бы изложены возможные направления для наступления. Жомини выполнил это задание. Его докладная записка начинается словами: « Потери, которые должен был понести Наполеон и влияние, которое они могли оказать на моральное состояние его армии, должны побудить нас к наступательным действиям... » Он предложил три возможных направления: на Бауцен, на Фрейберг и на Дрезден. Сам он голосовал за первое, но ему не нравилась пересеченная местность и плохие дороги. При каком бы то ни было решении он требовал присоединить к армии двенадцать казачьих полков с тем, чтобы они находились вблизи коммуникаций противника — самому-то ему уж прекрасно было известно, какой урон наносили налеты казаков и какой ужас они вселяли в сердца французских солдат. Позднее командующий союзными армиями фельдмаршал Шварценберг также просил Императора о присылке казачьих полков в « самое горячее » место:

« Император Наполеон желает удерживать линию Эльбы самым настойчивым образом.

Весьма важно бросить соединения легких войск на его коммуникации, чтобы воспрепятствовать удаленным областям доставлять ему припасы, недостаток которых уже ощущается в его лагерях. Трех тысяч человек под командой генерала Тильмана недостаточно — весьма необходимо усилить их казаками из армии генерала Блюхера... »

Русское командование решило частично удовлетворить требование Шварценберга и поэтому предписано было из армии Блюхера направить к Шварценбергу 6 казачьих полков, а всего у Блюхера, вернее в Силезской армии, был 21 казачий полк. Особенно критиковал это намерение Барклай-де-Толли: « Полагают взять от Блюхера казаков. У него без того остается теперь десять полков казацких — князь Шварценберг хочет совершенно раздробить армию вашу, Ваше Императорское Величество, и раскинется во все стороны... » Как выяснилось позднее, Барклай-де-Толли оказался прав — наступательные планы Шварценберга были сорваны вследствие возвращения Наполеона с гвардией из Силезии к Дрездену. Шварценберг снова отступил к Теплицу.

В сражении при Катцбахе отличились полки под общим командованием генерал-майора Грекова 8-го. **Генерал-майор Рудзевич в своем рапорте на имя Ланжерона написал 26 августа/сент. 7:**

« Легкие войски под командой генерал-майора Грекова 8-го, бывшие впереди авангарда, настигнув неприятеля за Гольдбергом, после небольшой перестрелки взяли в плен 160 человек. 7-го числа с рассветом я приказал генерал-майору Грекову со всеми казачьими полками, отыскав брод, переправиться чрез реку и беспокоить неприятеля, отвлекая его на себя, а генерал-майору Гарноульду атаковать неприятеля, защищавшего берег. Храбрые сии начальники приказание выполнили и неприятеля вытеснили из лесу и с левого берега. Оставаясь на позиции, я ожидал повелений ваших, но в это время получаю известие от генерала Грекова о том, что несколько колонн неприятельских стараются скрытыми местами зайти мне в левой фланг. Генерал-майор Греков сколько искусными маневрами ни старался удерживать оные колонны, отражая на каждом шагу их движение, но в 3 часа пополудни достигли они своей цели и я был атакован. Принужден был уступить свою позицию противнику в силах в пять крат превосходному. Отступая до дер. Мерцдорф, я, воспользовавшись темнотою ночи, в 9 час. вечера по отысканному генерал-майором Грековым броду переправился с авангардом чрез р. Бобр и соединился с войсками вашего сиятельства. 15-го я с авангардом в семь утра пошел преследовать неприятеля, отрядив генерал-майора Грекова с его казаками по дороге к Гольдбергу, за коим и я с остальными войсками последовал... »

(Маленькое несоответствие в фразировке: « я пошел преследовать », а потом выясняется, что преследовал-то Греков 8-й, а не рапортующий генерал!).

« Быстрое преследование нашей кавалерии в такой страх привело неприятеля, что все обозы, снарядные ящики, множество пленных доставалось в руки победителям. Генерал Греков отбил 5 пушек, множество обозов и более 700 взял в плен ».

Просматриваем **Журнал военных действий с 7/19 по 11/23 сентрября 1813 г.,** где описывается подвиг Атаманского полка в районе сел. Гермсдорфа и Фрауэнштейна:

« 10 сентября. Генерал-майор князь Кудашев с отрядом его, составленным из 1-го Черноморского и 1-го Донского казачьих полков и двух орудий Донской конной артиллерии, прибыв в село Гермсдорф и присоединя к себе часть Атаманского полка, атаковал сего числа неприятеля, находившегося во Фрауэнштейне в числе 8 эскадронов кавалерии и 3 батальонов пехоты под командой генерала Беркгейма.

Казаки Атаманского полка, ударив на передовые неприятельские эскадроны, опрокинули их и принудили оставить без прикрытия 1 батальон пехоты, который хотя и упорно защищался, но, наконец, Черноморским полком был совершенно истреблен. Ударом сим нанесена неприятелю потеря, простирающаяся до 300 убитыми и до 80 чел. пленными. Князь Кудашев сам пустился к Зайде, дабы, соединясь там с отрядом графа Платова, действовать на неприятельские коммуникации к Вальдгейму.

Посланная в ночь на сие число при хорунжем Иловайского 12-го полка Скворцове партия, набежав на лагерь 2-го Итальянского конноегерского полка, схватила его пикеты и потом, ударив на самый полк, взяла в плен 1 ротмистра, 1 поручика и 45 ниж. чинов, а прочих заставила спасаться бегством.

8-го сентября неприятельское кавалерийское депо, состоящее из 10.000 чел., отступило чрез Наумбург в Эрфурт. Ариергард из двух только казачьих полков под командой ген. Тиллемана, был кавалерией атакован и, по превосходству в числе, опрокинут. Но встреча сия отличной храбростию войск обращена потом ко вреду самого неприятеля. Кроме того, он не смел преследовать отряда нашего,

ариергард его был к вечеру атакован и потерял 4 офицера, 200 нижних чинов пленными и до 400 убитыми, 200 повозок с кавалерийской амуницией и несколько генеральских экипажей. Между убитыми найден и 1 генерал ».

1813 сент. 11/23 Предписание Главного Штаба Императора Александра Атаману Войска Донского генералу-от-кавалерии граду М. И. Платову № 57.

« Государь Император, зная сколь великую пользу приносят отдельные корпуса, действующие под управлением и личным руководством искусных начальников в тылу неприятеля тем, что они уничтожают его сообщения, истребляют его запасы и, переносясь с быстротою с одного места на другое, затрудняют каждое его предприятие и наносят ему отчаянные удары, основываясь на том, что Войско Донское преимущественно способно к составлению таких корпусов, повелел прибыть сюда из Силезской армии шести казачьим полкам, кои высочайше назначены ,присоединив к ним Атаманской полк, составить отдельной корпус с той целью, чтобы независимо от движений Главных армий действовать в тылу неприятеля.

А дабы подать случай сим полкам Войска Донского явиться пред целым светом в новом блеске, Его Императорское Величество назначил Ваше Сиятельство в предводители оных, но предварительно мне повелеть соизволил узнать, согласны ли Вы принять начальство над корпусом.

1813 Журнал военных действий сентябрь/ октябрь. С 12/24 по 19 сент./1 октября.

« 10 сент. Генерал граф Платов выступил вчера из г. Зайды к г. Хемницу, где назначено собраться всему легкому его корпусу.

19 сент. Генерал граф Платов рапортует, что он, соединясь с авангардом своим под командой генерал-майора кн. Кудашева, прибыл 16-го числа поутру к г. Алтенбургу и атаковал находившийся там под командою генерала Лефебра неприятельский отряд в 8.000 чел. с 8-ью орудиями артиллерии. Невзирая на упорную защиту неприятеля, Платов мгновенно сбил его с первой позиции и, отрезав дороги к Борне, прогнал с трех других выгодных позиций и преследовал до мест. Мейзельвиц, где присоединились к Платову отряды ген. Тиллемана и полк. графа Менсдорфа. Неприятель, получа здесь в подкрепление себе 3.000 чел., прибывших с дивизионным генералом де-Лоржем от стороны Лейпцига, возобновил оборону с прежним упорством, но смещен будучи действием шести орудий Донской конной артиллерии и решительными ударами казаков и гусар, как венгерских, так и прусских, бежал попрежнему ж с сей позиции и был преследуем до г. Цейца и за оный более 5 верст.

В продолжении дня сего отнято генерал-майором князем Кудашевым 3 пушки и 3 гвардейских эстандартов и ген. -лейт. Тиллеманом 2 пушки; да вообще, кроме множества убитых, взято в плен до 40 штаб — и обер-офицеров и более тысячи ниж. чинов, Число пленных, возрастая ежечасно, не было приведено еще в известность. Урон наш во всех союзных отрядах простирается до 200 чел. убитыми и ранеными ».

США **Н. Воробьев**

(Продолжение следует)

МАРСЕЛЬ

Вздымает пыль сухой мистраль.
Шумит, трепещет магистраль,
Плывет безпечно и тупа
Космополитная толпа.

Как много в ней усталых лиц!
В их быстрой смене верениц
Проходят мимо вновь и вновь
Измены, пошлость и любовь;

А за углом, где карусель
Зовет на праздник весь Марсель,
Еще шумливей и тесней
У бледных ярмарки огней.

Алеют окна, крыши скат,
За морем — пламенный закат,
Сливаясь с ним в зловещий жар,
В горах полощется пожар...

Уныл, безлюден мой бульвар,
Лишенный томных летних чар,
Листвой он тихо шелестит,
Порою стонет и грустит.

А над вечерней легкой мглой
Блестит соборною иглой
Иная мысль иной страны
В багровом призраке войны.

Париж **И. Сагацкий**

ИЗ БЕСЕД С ПОБЫВАВШИМИ НА РОДИНЕ

Последние годы явилась возможность русским эмигрантам ездить на каникулы на родину. Побывали там и казаки из Франции. О своих впечатлениях, чаще всего, они рассказывают не особенно охотно. Это понятно — боязнь за судьбу близких. Наиболее интересны рассказы тех, кто не ограничился посещением больших городов, но сумел посетить станицы и хутора, лежащие вдали от больших населенных пунктов. Побывал на родном хуторе, теперь колхозе — рассказывает один. Родного дома не нашел — разнесли, все заросло травой, нет наследников. Нет ни одного забора, ни плетня — все было сожжено зимами на топливо. Из всего количества домов осталось меньше половины. Лавка в хуторе одна, да и та пустая, а если продаются помидоры или огурцы, то и завернуть то не во что, разве только в газету « Правду », которая высылается всем безплатно, даже неграмотным. Хлеб черный привозят из станицы, а белый и мясо раз в неделю. Живут, как в лесу, казенной пропагандой и сведениями из « Правды ». Гордо заявляют, что « мы кормим хлебом всю Европу » и на вопрос « А для чего же закупаете хлеб в США, Канаде и даже во Франции? » — не веря отвечают: « Быть этого не может ».

Была в свое время церковь, наполовину деревянная, наполовину кирпичная. Деревянные части сожгли, здание прикрыли кое как, и теперь туда ссыпают зерно. А когда места не хватает, ссыпают зерно прямо на землю и на замечание приехавшего, что в случае дождя зерно пропадет, отвечают: « Нас это не касается, мы свое дело сделали — сдали хлеб государству, пусть оно о нем и заботится ». Привезенные шелковые чулки перепробовали все женщины, удивляясь, что такие малые на вид, а лезут на все ноги... Нилоновая рубашка также вызывала изумление. Ребятишки бегают все босиком, женщины ходят в шлепанцах, но в доме тоже босыми. Из стариков уцелело только два казака и они у них за священников. Позвали приехавшего на панихиду, которую устроили просто в доме, один из стариков читал Евангелие, а потом все хором пропели, вот и вся служба. На этой панихиде были одни женщины, мужчин ни одного. Сильно развито в колхозе воровство: воруют зерно, овощи, чтобы прожить.

Впечатления другого казака, побывавшего в другой, своей родной, станице: Если в больших городах много нового строительства, много новых домов, то по более грухим станицам еще много старых домишек и хат, подпертых лесами. Не наблюдается стремлений к уюту, к хотя бы примитивной красоте жилищ. На лицах подавляющей массы людей лежит безисходная грусть, одеты бедно. Мощенных дорог нет, автобусы ходят когда сухо, зимой движение увеличивается. Ввиду плохого состояния дорог часто случаются поломки, тогда вызывается трактор, а пассажиры отправляются дальше по пешему хождению. Скота, лошадей видно мало. Хозяйство в колхозах ведется нерационально. Тракторы с метровой глубины повыкорчевывали все кусты, лозняк, уничтожили целины, вывернули пески и во время весенних восточных суховеев пески засыпают плодородные земли и жалкие остатки садов и огородов. Былые водные реки превратились в ручейки, глубокая распашка тоже способствует уничтожению водохранилищ.

Местные власти встретили приехавшего хорошо, никаких вопросов или допросов, наоборот — полная готовность помочь в случае затруднений. Властей или власть имущих служащих им — больше, чем нужно, осведомители находятся и во многих семьях. Но народ их знает и умеет держать язык за зубами, выработав видимо своего рода особый код, предупреждающий, когда нужно быть осторожным (подмаргивание или жесты). Страшный, пронизывающий все, сыск суще-

ствует попрежнему, кары стали на вид более « гуманными », прежней быстрой ликвидации нет, но человек может попасть в больницу, а оттуда ему дорога лишь на кладбище. Кстати, медицина далеко не на высоте, много шумихи, больницы утятся в старых зданиях, многих медикаментов, даже самых простейших, нет. Подметил приезжий, что и население получило приказ всячески угождать туристам, показать зажиточность и довольство. Как приехал — из одной хаты идет с бутылкой водки, из другой — с полкурицей, а там пирожки с картошкой, с капустой. На одном « банкете » 80-тилетний дед лихо отбил казачка, гость его похвалил, а потом спросил « Тяжело, ведь, дедушка? » Дед ответил: « Чтож, ничаво... » лукаво моргнув, что, мол, понимай, что надо. В другой раз пришел знакомый казак сильно « выпитый » (а пьют там много, водку глушат стаканами) и стал укорять приезжего, что вот вы мол бежали, разорили все, а мы тут восстанавливай. Хозяйка, здоровая казачка, ни слова не говоря, взяла гостя за шиворот и в дверь, открыл он ее своим лбом, да и получил еще коленкой куда следует ,а хозяйка добавила: « будешь так себя держать — найдут тебя в яру... » В станице много казаков, вокруг живет не мало хохлов и русских крестьян, живут мирно, женятся, кумятся, чувствуется, что гнет давит всех одинаково. Казачьи песни поют главным образом старики, молодежь больше новые, но с примесью казачьих. Танцы — смешанные.

**
*

В заключении этого очерка о том, как протекает жизнь в родных краях, помещается статья из советской газеты, выходящей в Ростове, присланной оттуда одному из читателей « Род. Края » его родственницей, об Атамане Платове, под заглавием « Верный сын отечества »:

« Имя храброго атамана донских казаков Матвея Ивановича Платова неразрывно связано с именами великих русских полководцев А. В. Суворова и М. И. Кутузова, заветам которых он следовал в жизни, труде и ратных подвигах.

Родился М. И. Платов в 1753 году в Черкасске (ныне станица Старочеркасская) в семье казачьего старшины. Рано начал военную службу. В 13 лет он был урядником, в 19 — командовал полком.

Важным этапом в жизни М. И. Платова явилась первая русско-турецкая война 1768-1774 годов, в которой он принимал активное участие, находясь в подчинении Суворова. В сражениях при Перекопе, под Кинбурном, Платов показал себя храбрым, энергичным офицером и завоевал любовь и уважение солдат.

Яркой страницей в военной биографии М. И. Платова является участие в Калалахской битве 13 апреля 1774 года, где его полк выдержал семь атак и разгромил в двадцать раз превосходящие силы крымского хана Девлет-Гирея. Это был первый подвиг, слава о котором облетела всю Россию.

В русско-турецкой войне 1787-1891 гг. Платов участвовал в осаде Очакова, взятии крепости Аккерман. В декабре 1790 года М. И. Платов под руководством А. В. Суворова штурмовал турецкую крепость Измаил. Сообщая в реляциях о взятии Измаила, Суворов писал: « Он, Платов, был повсюду присутствен и подавал пример храбрости. Он собою заменял многочисленность, его неустрашимость претворяла всех в героев ».

В августе 1801 года М. И. Платов в чине генерал-лейтенанта был назначен атаманом Войска Донского. Он явился основателем нового административного центра Дона — Новочеркасска.

Мирная деятельность Платова была нарушена войной России с Францией (1805-1807 гг.), а затем с Турцией (1797-1812 гг.). В этой войне Платов, произведенный в генералы от кавалерии, был деятельным помощником главнокомандующего генерала Багратиона.

В Отечественной войне 1812 года с особым блеском раскрылись лучшие качества военного таланта Платова. Донские казаки под предводительством Платова покрыли себя бессмертной славой в сражениях при Мире, Романове, Бородино, Тарутино, Малоярославце, Ковно. Отмечая действия казачьих полков, Кутузов писал в приказе: « Казачьи полки ревностным служением и оказываемою в делах противу неприятеля при всяком случае огличною храбростью заслужили справедливую похвалу, а командующий оными войсковой атаман полную благодарность, каковую с удовольствием и изъявляю ».

После освобождения территории России от нашествия французов М. И. Платов принял участие в разгроме военных сил Наполеона на территории Германии и Франции.

В марте 1814 года казаки Платова вместе с союзными армиями вступили в Париж. Имя Платова стало известно всему миру.

15 января исполнилось 150 лет со дня смерти М. И. Платова. Он скончался в своем приазовском имении в 1818 году. В 1911 году останки Платова перенесены в усыпальницу Новочеркасского собора.

Платов был сыном своего класса и своего времени, офицером-дворянином, слепо преданным идее самодержавия. Но он горячо любил свою Родину и никогда не изменял своему народу.

Л. Новак
научный сотрудник музея истории донского казачества.

« Памятник Платову в свое время убрали в 30-ых годах, на его пьедестале поставили Ленина, Снесен и памятник Бакланову. Снесена в Новочеркасске и Троицкая церковь, Бакланова улица была переименована в улицу Жданова, а теперь названа проспект Платова » — пишет приславший эту вырезку читатель.

Париж **Эльмут**

ПУСТЬ УЗНАЮТ

Уж не знаю я — сказы ли, притчи ли,
Песни ль внукам расскажут о том,
Как родной наш покинутый дом
Околхозили, обезличили,
Раскулачили, расказачили...

Пусть потребуют дети и внуки
В час расплаты — расплаты сполна
За казачьи невзгоды и муки,
За воздетые скорбные руки,
И за кровь, что алее вина
Оросила родимые степи,
За колымские тяжкие цепи,
И за то, что багряной волной
Захлестнуло тебя, Край родной!
За слезу и безвинных вину,
И за поднятую целину!

Калифорния **Н. Воробьев**

« БЕГЛЫЕ » г-на ЧЕРНЫША

В « Родимом Крае » № 77 г-н Черныш закончил пересказ книги советского автора В. А. Голобуцкого (« Запорожское Казачество », Госполитиздат, Киев 1957). Он согласился с тем, что « малороссийские » и реестровые казаки, « будучи древнего происхождения, не смешивались с местным населением » (читай — « с украинцами »), но насчет Низовцев он другого мнения: « У запорожцев только ядро Войска состояло из старшин и казаков древнего происхождения, главная же масса запорожских казаков того времени состояла из бежавших на Запорожье и там оказаченных местных крестьян, показателем чего являются названия некоторых запорожских куреней, которые фактически являются землячествами запорожцев из тех украинских местностей, откуда эти казаки бежали на Запорожье ».

В доказательство такого категорического утверждения г. Черныш, вместе с Голобуцким, представляет единственное и весьма туманное свидетельство: « В 1764 г. крестьяне одного из сел, пограничного с Запорожьем, обратились к Кошу с коллективным письмом (где, очевидно, просили, Г. Г.) принять их в состав запорожского « подданства ».

Слабое доказательство, а другого нет! В том то и дело, что все эти побасенки насчет « беглых » не подтверждаются никакими актами. А вместе с тем не стоит забывать, что Запорожцами назывались **все** Днепровские Казаки и что именно они, после падения Золотой Орды, придя из за порогов, стали первыми пионерами-поселенцами в « пустынях наддняпрянских » повыше порогов. Современник Сичи, процветавшей еще в его время, А. И. Ригельман говорит: « Гетман малороссийский пишет себя, « обоих сторон Днепра Войска Запорожского », а не пишется — низового, а кошевые пишутся « Славного Войска Запорож-

ского низового ». И еще он сообщает, что после того, как казаки в 1562 г. получили королевский привилей на занятые ими степи Гетманщины, они « приложили старание привести в состояние доброты свои земли, так что в короткое время на всей оной земле построились многие и не малые города, так же сел и деревень премножество, а старые и вновь возобновили ». Имея их « премножество », нужно ли было казакам заимствовать названия куреней от Украинцев? Просто казаки, объединяясь в курени-землячества, давали им названия **своих** городов и сел.

Попасть в полноправные члены сичевого товарищества было не так просто, как это представлялось Гоголю и Голобуцкому. Природная казачья молодежь должна была пройти специальные обучение и испытания. А об украинских крестьянах говорить не приходится. Польский историк К. Шейноха рассказывает, что на Запорожский Низ не смогли попасть даже те из них, которые восстали с оружием. Поэтому они основали свою Тешлыцкую Сечь на Ю. Буге, при впадении в него речки Тешлык. По словам Шейнохи, казаки называли их « каратайцами » (татар. « каратау » — « черная гора »).

Подданных Войско Запорожское, действительно, имело немало. Я встречал указания, что во время последнего разгрома и ликвидации Сичи (1775 г.) их было около 200 тыс. Но, что такое « подданные » в днепровском значении? Это совсем не полноправные граждане и совсем не казаки. Это люди, которые нашли для себя удобным уйти из Польши и Литвы от своих прежних господарей и, поселившись в Днепровско-Бугском клину, подчиниться казачьему коллективу. Подобно этому и на Дону проживали « малороссияне », « приписные » к Войску или к станицам. Войско Запорожское в этом случае только субъект права, сборное юридическое лицо. Его подданные, это украинцы, вольные землепашцы, которые с разрешения Коша пользовались земельными участками и выполняли некоторые трудовые повинности. Но считать, что они при этом становились казаками, нет данных. Из них лишь вербовались некоторые « подпомощники » и ыргаты (так по татарскому образцу в Сичи назывались слуги и рабочие).

В жизни Польши и Литвы слово « подданный » употреблялось в ином смысле, чем в наше время. Теперь считается, что подданных может иметь только государство, а там иной захудалый шляхтич тоже иногда хвалился, что имеет пять-шесть подданных. В таком значении оно введено и в юридические нормы. Пункт 22 в первом разделе Литовского Статута 1529 г. начинается так: « Хочем, абы вси посполитые люди, подданые княжат и панов хоругвных, шляхты, бояр и мещан тых земель Великого князьства Литовского... » А в книге украинского ученого В. А. Дядиченко, « Нариси суспильно-политичного устрою Лівобережної України кінця XVII — початку XVIII ст. (Академія Наук УРСР, Київ 1959), среди других интересных для казачьей истории мест, встречаем такое: « В 1723 р. генеральна військова канцелярія у відповідь на скаргу знатного військового товарища С. Забілы про непокірність його підданых, які вписалися до казацтва, відправила наказ борзненському сотнику, щоб він « в козацтво якби вписавшихся, а з подданства вибиваючихся, привернул в тяглость мужицкую, хлопецкую ему по прежнему ». В разі дальшої відмови від виконання повинностей було наказано « оних под час торгу и киями протрепать » (стр. 151).

Так выглядит вопрос о подданных и легкости, с которой Украинцы обращались в Казаков. Жизнь показала, что Казаки превращаются в Украинцев, Поляков и Русских гораздо легче.

США **Г. Губарев**

ПОЯВЛЕНИЕ ЧАЯ В РОССИИ

До середины 17 века Москва не знала чая. Пили брагу, квас, мед, и конечно, водку. Водка завезена из Китая к нам кочевниками еще в глубокой древности.

Но в середине 17 века, партия предприимчивых сибирских казаков отправилась в совершенно еще необследованный район Черного Иртыша на « сбор ».

Вот в чем состоял « сбор ». Казаки находили кочевье, узнавали у отдельных татар, нет ли поблизости китайских, или русских властей и солдат. Если таковые были, то казаки

тихонько исчезали. А если никакой опасности не было, то они развертывали флаг, портрет Государя и с бубнами и литаврами въезжали в туземное селение и поздравляли тамошних людей с великой милостью:

« Русский де великий Государь прослышал про них и послал казаков объявить — великую свою милость и радость. Он, великий Государь, принимает их под свою высокую руку и будет отныне им покровительствовать и защищать от врагов. Если у них есть просьба к великому Государю, то пусть они безбоязненно выскажут, а казаки о том передадут великому Государю ».

Следовал пир и длился три дня. На четвертый день казаки объявляли:

— Давайте налог.

— Какой налог?

— Как же, вы теперь подданные великого Государя, нужно платить ему налог.

Это было логично и кроме того казаки были хорошо вооружены. Почесав в затылках, туземцы платили налог — собольи и другие шкуры.

Погрузив налог, казаки уезжали с заверением вечной дружбы.

Налог делился на две неравные части. Большая шла казакам, а меньшая сдавалась в ближайшем городе в казну с указанием новых подданных. Этим казаки обеспечивали себя от неприятностей со стороны русских властей. Администрация смотрела на « сборы » сквозь пальцы, так как благодаря им она получала ценные сведения о стране и населении, которые она иначе не получила бы.

Первая Иртышская эяспедиция была очень выгодна.

Прошло после нее пять лет, казаки вспомнили новых государевых подданных и поехали их навестить, да кстати, собрать налог за прошедшие годы.

Жители их узнали, но не выразили особой радости. Все же водку они пили, но жаловались, что русский де царь им не помог в войне с другим племенем. Незадолго до прибытия казаков, местные жители ограбили китайский караван. Боясь китайских репрессий, когда дело дошло до налога, они отдали казакам два тюка чая из ограбленного каравана.

— Вот вам налог, увозите как можно скорее.

— Что это такое? Нам эта дрянь ни к чему. Давайте соболей!

— Нету соболей. Берите тюки. А если не хотите, то убирайтесь так. Больше ничего не получите.

Туземцы на тот раз были многочисленны и вооружены. Очевидно, это были ой-татары, или калмыки. Скрепя сердце, казаки забрали тюки и уехали. « Сбор » не удался.

Что делать с тюками и каково их содержимое: лекарство, а может быть и яд? Казаки сдали оба тюка в казну. Воевода отправил тюки в Москву. Там их положили в амбар и забыли о них.

Но несколько лет спустя, в Москву приехали персидские послы. За ними очень ухаживали (Персия могла быть союзником против Турции). Послы отказались от кваса и потребовали чая.

— Чая?! Что это такое? Где его взять? Нет у нас чая.

Но кто-то вспомнил про тюки. Это то и оказался чай. Все смотрели с недоумением на персов, с удовольствием пивших этот подозрительный настой. Вреда от чая послам никакого не было. Тогда русские тоже попробовали и вошли во вкус. Выпили оба тюка и заказали еще. И чай очень быстро распространился по всей России и сделался необходимым для всех, от царя до нищего. Этому распространению способствовало изобретение самовара.

Хотя чай появился в России только во второй половине 17 века, но вскоре « русский чай » стал знаменит своими высокими качествами.

В России практически чай не рос. Русские купцы скупали китайский, бирманский и даже цейлонский чай, тщательно его препарировали, сортировали и транспортировали. Постепенно появились тонкие знатоки и сотни сортов чая. Любители уверяли, что привезенный пароходом, или поездом, а не караваном, чай никуда не годен. Я таких еще встречал.

Конечно, китайские мандарины сохраняли лучшие сорта для себя и неохотно их продавали.

Англичане ссыпают все вместе и получают хороший средний сорт. Русские же вырабатывали громадное количество сортов от кирпичного, бурого, прессованного, самого грубого, до тончайшего зеленого (заварки связаны шелковиной и хранятся в фарфоровой коробке). Насколько я помню, этот последний сорт даже не продавался, его доставали по знакомству.

Кофе отдает свой запах, а чай, наоборот, впитывает все запахи предметов, с которыми соприкасается. Поэтому наиважнейшая вещь — упаковка чая. В России его завертывали в тонкий свинцовый лист, а в Англии чай продается в жестянке. В бумаге же, самой лучшей и толстой, чай вскоре портится. А хорошо упакованный он сохраняется годами.

Пришлось мне пить чай в юрте калмыков

Сальского округа. В чугуне заваривается разбитый молотком кирпичный чай, добавляется овечье молоко, сало и соль. Пьют, хлебая деревянными ложками из котла. Калмыки наслаждались, а я пил из вежливости, чтобы отказом не обидеть хозяина.

По моему, качества чая распределялись так: русский, голландский и английский, Другие страны не экспортировали. Русский чай погиб и количественно и качественно. То, что продают в СССР, на чай мало похоже.

Голландский, видимо, сильно уменьшился количественно. Остался пока только английский хорошего и среднего качества.

Сергей Мамонтов

(« Новое Русское Слово »)

ПРАВДА В ЛЕГЕНДЕ

Среди Уральских казаков существовала легенда, которую знал каждый казак.

Перед Полтавским сражением, Шведский король предложил царю Петру Великому кончить спор поединщиками.

« Это нам наруку » — сказал Петр.

У шведа заранее был приготовлен поединщик: — ростом чуть не с колокольню, в плечах косая сажень, обряжен в кольчугу и латы, конь — как слон. Наши думали, что это башня на колесах, а не человек. Петр и сам думал, что такому чудовищу трудно подыскать супротивника... однако, все же, велел кликать клич: — « Нет-ли охотников?! »

Разослал Царь всех своих адъютантов, всех генералов и сенаторов и все воротились ни с чем: не находится охотника...

Не вытерпел Царь и сам поскакал по всем полкам. Но и это не помогло: охотников не нашлось...

В это время как раз подошли Уральские казаки. Царь подъехал к ним, рассказал, в чем дело и окликнул: — « Нет-ли между вами охотника? »

« Я охотник! » — крикнул тоненьким голоском казак Рыжечка, ростом маленький — вестовой атамана Прохора Митрича. Царь взглянул на него, покачал головою и говорит: — « Мал! ».

Три раза Царь объехал полки, но охотника не нашлось.

« Что буду делать? » — говорит Царь. « Отказаться от поединка — вся Европа будет смеяться; пустить этого малыша — заранее знай, что все пропало »...

Рыжечка стоял тут-же, услышал это и говорит:

« А Бог-то!... при помощи Божьей Давид побил-же Галиафа! »

Нечего делать, Царь согласился.

Рыжечка выбрал себе доброго коня, подобрал потоньше пику, повесил на нее образ Михаила Святителя, положил перед ним семь поклонов и раскланялся на все стороны. Потом, повернувшись в сторону Урала, он проговорил:

« И вы, братцы-товарищи, старики наши и все общество наше почетное — помолитесь, чтобы Господь соблаговолил! »

Потом взял пику, вспрыгнул на лошадь, перекрестился и, со словами « Дерзайте, людие, яко с нами Бог » — полетел на супротивника, точно малый ястреб на орла заморского. Швед, также вооруженный пикой размером в добрую жердь, помчался на Рыжечку. Когда Рыжечке уже надо было столкнуться со шведом, он быстро уклонился вправо и великан пронесся мимо. Рыжечка быстро обернулся и хватил его пикою в затылок в не защищенное панцырем место. Швед покатился с коня. Рыжечка мигом соскочил на землю и отсек ему голову. Тут наша армия вздрогнула, зашумела и закричала « УРА! »

Приуныла, затихла шведская армия и знамена свои к земле опустила. Только один король их не хочет покориться: — « Подвох!... подвох! » — кричит он. « Русак сзади ударил нашего!... Подвох! »

Тут уж и Царя нашего взяло ретивое. Он подал знак к бою, да и скомандовал:

« Катай!... без пардона катай! » На зачинщика Бог! » — и пошла чесать наша армия шведскую армеюшку; дым коромыслом пошел — всех лоском положила. А король шведский с изменником Мазепой еле-еле удрали в Турецкую землю. Там. говорят, они оба в кабалу пошли к турку. Туда, значить, и дорога.

Когда совсем успокоились, Царь и спрашивает:

« А где же наш малыш?... Где безценный Рыжечка? »

« Здесь! » — пищит Рыжечка.

« А, голубчик мой, сокровище мое » — и поцеловал его в голову, а Рыжечка поцеловал у Царя ручку.

« Чем же тебя, друже мой, дарить-жаловать?... Говори!... Ничего не пожалею! »

« Мне, Надежа-Царь, ничего не надо, а пожалуй, коли твоя милость будет, наше общество ».

Царь и спрашивает: — « чем?... говори! »

« От пердков твоих, благоверных Царей, мы жалованы рекою Яиком с рыбными ловлями, сенными покосами, лесными порубами, а грамота на то у нас пропала. Пожалуй нам, Надежа-Царь, со своей высокой рукой, другую грамоту на Яик-реку ».

« С великою радостью », сказал Царь и велел тут-же написать грамоту на Яик-реку со всеми угодьями на веки-вечные.

« Еще что?... Проси! » — сказал Царь.

Рыжечка и говорит: — « Еще, Надежа-Царь, пожалуй нас, коли милость твоя будет, крестом и бородой ».

« Для кого нет, а для Яицких казаков — есть » — ответил Царь. « Пиши, секретарь, что я жалую Яицких казаков крестом и бородою на веки-вечные. Это все для общества », говорит Царь, « а тебя чем дарить-жаловать? Проси, ничего не пожалею! »

« Позволь мне, коли милость твоя будет, погулять с товарищами в твоих царевых кабаках безданно, безпощлинно — недельки две ».

Царь улыбнулся и говорит:

« Разве любишь? »

« Грешный человек, люблю »... ответил Рыжечка.

« Гуляй во здравие », говорит Царь и тут-же велел написать грамоту на круглый год.

В. В. К.

Рассказ этот напечатак в Харбине, в журнале « ОРЕНБУРГСКИЙ КАЗАК » в мае 1938 года, под вышеуказанными инициалами. Будучи юнкером Оренбургского казачьего военного училища 1910-1913 годов, где были воспитанники всех Казачьих Войск, кроме Донского — была заметна некоторая разность характера юнкеров по-Войскам и по Войсковому укладу жизни. В этом фельетоне « Правда и легенда », в типе казака Рыжечка, характерно изображено Войсковое мышление и молодецкий разгул Уральских казаков.

Перепечатал без пропуска **Ф. И. Елисеев**

МУРКО

Покров Пресвятой Богородицы — престольный праздник в станице. К этому времени почти заканчиваются работы в степи и хозяева подводят итоги своих усиленных трудов.

« Как годок: хороший урожай вышел в этом году? »

« Слава Богу, пшеницы намолотили больше 200 мешков, кое-что можно отправить на ссыпку, ячмень, овес тоже хорошие... Наступающая зима не страшна — все обезпечены. Можно немножко отдохнуть и встретить наш праздник как следует... »

Вытаскивали из сундуков пахнувшие нафталином мундиры, юбки — « чтоб на праздник быть не хуже других »... И шли с загорелыми лицами прежде всего в церковь помолиться. Потом после службы — на станичную площадь посмотреть на людей и себя показать. Уже по традиции в этот день делался как бы последний всенародный смотр молодым казакам, уже прошедшим предварительное обучение в рамках станичной возможности... Опытные подхорунжие, вахмистра и урядники немного обтесали молодых кугарей. Скоро они оставят свои семьи и вольются в полки и батареи, разбросанные по необъятным пространствам нашей родины, на три года « царю — отечеству служить! »

В этом году с разрешения высшего начальства будут и скачки с небольшими препятствиями и джигитовка с призами для молодых казаков, а также и для старых, если пожелают...

« Арсен будет скакать, Арсен будет джигитовать.. » разнесся слух по станице.

« В его то годы? — говорили иные — Да он запутается в своей бороде и разобьется... »

Был сухой солнечный день Покрова.

В назначенный час все были на своих местах: станичный атаман, окруженный хуторскими атаманами и заслуженными казаками, расположились на возвышенности против станичного правления. Казаки в конном строю, при холодном оружии, с другой стороны пло-

щади. Площадь же зацвела разноцветными казачьими мундирами и пестрым убранством казачек.

Заиграла труба сигнал. Казаки, справа по три, рысью проскакали перед начальством, Перестроились. И взводными колоннами, во главе со своими инструкторами, тоже рысью вернулись в исходное положение.

« Хорошо! » — похвалил атаман. « Рады стараться... » отвечали ему.

Скачки с препятствиями прошли довольно хорошо: лошади прыгали уверенно и казаки крепко держались в седлах. Джигитовка не принесла никаких неожиданностей... Почти все, расположеные на земле, предметы остались на своих местах... Нужен опыт и отвага, чтобы на скаку схватить с земли брюки, рубашку... чего еще не было у молодых казаков...

И вдруг: « Арсен... Арсен скачет... »

Развивается седая борода, фуражка слегка на бок, из под нее наружу выбивается седой чуб; рубашка защитного цвета, подпоясанная пряжкой, синие шаровары с широкими красными лампасами, уверенно сидит в седле, слегка наклонившись вперед. Конь скачет легко. Вот поравнялся с призом № 1. И вдруг площадь ахнула: « Упал... Разбился... »

А Арсен хлопнул своего Мурка по шее, что то шепнул и конь сразу уменьшил бег, остановился и камнем упал на землю. А Арсен, соскочивший перед этим с коня, схватил приз и через несколько секунд скакал дальше... Не крик, а какой то вой поднялся на площади...

« Вот так Арсен... Вот так удивил... А коня то как выучил... Это не конь, а золото... »

« А добрый конь — все наше счастье
И честь и слава казака...
Он нужен в счастье и в несчастье
И за врагом и на врага... »

Атаману и комиссии только пришлось признать совершившийся факт.

Арсен перехитрил всех.

Арсений Ильич был заметным казаком в станице. « Без Арсена и вода не осветится ». Это был постоянный несменяемый ходатай в общественных делах и главное там, где должен был быть представительный делегат: встретить ли должным образом благочинного или инспектора школ: « Акромя Арсена кого пошлем»... Если усы героя украшают, то борода дает представительство, вес, солидность. Такой бороды действительно ни у кого не было: широкая, длинная до пояса, чуть-чуть разделенная по середине на две равные части, сверху светло серая, а внизу белая. Она закрывала всю грудь представительного казака. Многие пожилые казаки носили бороды, но то бороды были или козлиные, или лопатистые или клинками. Их собственники ухаживали за ними особенно перед праздниками или по случаю сбора. Ну тогда, конечно, железная расческа долго ходила по бороде, смазанной лампадным маслом.

Грудь Арсена была украшена различными значками-наградами за уколы пикой, за рубку, за джигитовку. Словом: « иконостас ». Но все это закрывала борода. Арсен, несмотря на его почтенный возраст, всегда приглашался военным инструктором молодых казаков показать и уколы пикой, и рубку шашкой. « Артист... » — говорили про него.

Жил Арсен на хуторе, на речке Ольховой, где имел небольшую водяную мельницу — один из источников его доходов. Двор его с большим уютным домом, крытым железом, был окружен большой левадой, около 3-ех десятин, по обоим берегам речки. Большой фруктовый сад, огород, кругом всякая зелень, цветы на песчаной влажной почве, приволье, спокойствие, словом — рай земной.

И долго еще после Покрова в станице и по хуторам говорили про выходку Арсена и об его замечательном мудром коне. « И где он достал такого коня? »

Сам Арсен любил при случае рассказать кое-что о своем « сынке ». « Появился Мурко в начале мая. Был теплый сухой солнечный день и он не испытал никаких трудностей на новом свете. Но на меня он произвел какое то странное впечатление. Никаких физических недостатков при беглом осмотре не обнаружил... Но цвет!... Как говорится, « ни в мать, ни в отца, а в прохожего молодца »... Мать его настоящая донская светло-рыжая с небольшими белыми пятнами на лбу и на обоих задних ногах. Отец — темно-красный красавец жеребец, свой, станичный. А сын оказался каким то мурым, да был еще украшен темными поперечными полосками. В книжках я видел картинки разных животных на земле и теперь припомнился мне дикий конь Зебр. И дал я ему имя МУРКО.

Все соседи находили, что конек крепкий, двухжильный. Да только: « А чем ты его намазал? ».

Мать я в работу известное время не употреблял и она свободно разгуливала по левадам, где корму было достаточно. И рос мой Мурко

« Как при солнце, при луне,
При счастливой доле,
В знакомом табуне
Конь гулял на воле... »

Полюбил я Мурка, как родного сына. И он проявлял такие же чувства. Бывало, иду в ле-

ваду, а он, как увидит издалека, так и летит ко мне. А иногда только свистну и он ко мне. Ласкаю его, или пучком травы делаю ему легкие утирания, а он от удовольствия, как кот, то боком повернется, то задом. Потом бегаем вместе. Иногда я спрячусь за копну сена, а он ищет меня. Раз я решил немножко подшутить. Когда Мурка был занят около матери — завтракал, я спрятался на яблоню и свистнул. Мурка бросился меня искать за копну... вправо... влево... а меня нет. Тогда я еще раз свистнул... Мурка совсем потерял голову. Занервничала и мать. Но тут слез я с яблони и успокоил верного друга ».

Узнал о диковинном коне у Арсена и дед Ив. Ив. Зотов, бывший ветеринарный фельдшер в полку, неоспоримый авторитет по конской части, и в один воскресный день пришел посмотреть на « зебра ». Вместе с дедом пришло и несколько любопытных. Дед стал осматривать, ощупывать конька. Мурка покорно подставлял части своего корпуса.

« Коня такого цвета за всю свою жисть я не видал — вывел свое заключение дед — размалеван он, как яйцо на Пасху; корпус одного цвета, шея светлее, а голова еще светлее. Но голова небольшая, красивая, глаза выразительные, умные, шея лебединая, грудь богатырская, передние ноги в коленях нормальные, копыта прямые крепкие, спина ничего плохого сказать нельзя, постановка задних ног хорошая. Все равномерно. Никаких недостатков. Отличный конек. Послужит он тебе, Арсен Ильич. Все я осмотрел » — закончил дед.

« Как все? А под хвост не заглянул? » — раздалась реплика из группы любопытных.

Дед вскипел: « Это ты туда заглянешь, молокосос. Чей ты будешь? Поговорю вот с атаманом и при случае на сходке всыпит тебе пару горячих, чтобы ты научился разговаривать со старыми людьми... » Все засмеялись.

« На втором году мы уже брали препятствия — продолжал свой рассказ Арсен — я скакал на кобыле, а Мурка сбоку. Канавки брали без затруднений. Потом на двух столбиках я положил перекладинку, которая постепенно поднималась. Один раз поднял я перекладинку выше обыкновенного и попросил кума Архипа немножко задержать Мурка, а сам поскакал. Пустил его кум... взял он сразу скорость... доскакал до перекладинки и... обошел влево от столбика. Кричу я на него: « Стой, стой, Мурко — это нечестно... »

Поставил я тогда по бокам перекладинки двух человек с дубинками, которые и направили хитреца куда следует.

А на четвертом году я уже скакал на коне, хорошо обученном, бравшим разные препятствия без хитростей » — закончил Арсен.

« А сколько лет теперь твоему Мурку? » — спрашивали его.

« Без малого слишком » — отвечал Арсен.

Франция **М. А. Петров**

ЗИМОЙ НА ДОНУ

В былое счастливое время любил я в солнечные ясные зимние дни выходить на степной простор. Свистом вызывал охранников моей скромной усадьбы, расположенной в версте от хутора. Видимо, свист радовал 6-7 лохматых разнокалиберных псов, вылезали они из соломы, катушков, конюшни, довольно потягиваясь, повизгивая, чувствуя, что предстоит прогулка в степь, где будет возможность погонять зайцев.

В чистейшем воздухе стоит полная тишина, тепло одетый, так как стоит крепкий мороз, выйдя из усадьбы, подымаемся по пологой горе к видимому вдали сторожевому кургану. Мои спутники — впереди, рассыпаются, занимаются туалетом, безпокоят их блохи: сядет иной кундель и энергично задней лапой скребет по шерсти, и задрав голову, ляцкает зубами, воображая, что паразиты у него на зубах, другой проедет задом, работая передними лапами, то положит на снег косматую голову, подожмет передние лапы, а задними быстро двигает, поворачивая голову то направо, то на лево. Снег, покрытый тонкой коркой льда представляет много возможностей для акробатики псам, но особенно забавно, если пес, не учтя крутизны горки, катится все сильнее и сильнее, от скорости не может подняться и, испугавшись, поднимает истерический вой. Но на пути его скольжения попадаются то твердый кусок снега, то холмик от норки суслика, и кундель от быстрого бега переворачивается

через голову, садится и недоуменно смотрит на « аварийный » предмет...

Но вот туалетные дела закончены и кунделя видят курган и обширную степь. Слышатся их какие то странные повизгивания, как бы говорящие: « Ну, вот мы готовы, а где заяц? » Вот они, исполняющие обязанности гончих, разсыпаются в разные стороны и как то хрюкая носами, обследуют снег, и, что-то почуя, наклоня голову, бегут. Вдруг останавливаются видимо потерян след, но, меняя направление, снова бегут, снова стоп... Видимо, зайцы наметали много следов и моим лохмачам трудно в них разобраться...

Предоставляю кунделям широкое поле деятельности ,а сам вхожу на курган. Судя по основанию, был он очень высок, но века с ветрами, бурями, проливными дождями сильно снизили его гордую вершину, да и человек присоединился к разрушению стихией, ковыряя его поверхность сошками, плугами...

Обвожу глазами громадную округу в белоснежном блестящем наряде, картина была действительно сказочная, не чувствовалось человека с его убогим строительством. Балки, курганы, холмы, обрывы гористых правых берегов рек во всевозможных формах и направлениях, были как бы гигантскими волнами океана, схваченными крепчайшими морозами, мгновенно их сковавшими и не давшими им принять нормальные формы. А солнце рассыпало вокруг алмазы, топазы, изумруды, бриллианты, и все то, переливаясь, сияя и сверкая, то исчезало, то снова рождалось в новых вариантах, в новых сочетаниях. В воздухе алмазная снеговая пыль то сливается легкой дымкой фаты, то падает складками савана... Каким-то величием и необыкновенным спокойствием, непонятным для человеческого ума, веет от всей этой картины...

Но жесткий мороз, холод начинает донимать и меня и я бегом устремляюсь вниз по кургну, к своим « борзым », с лаем и истерическим воем бегающим во всех направлениях. Вот выскочил заяц, и легкими прыжками несется, то в одном направлении, то резко поворачивает в сторону или летит назад, как бы играя, дразня тяжелых, по сравнению с ним, мало поворотливых псов. Для зайца его вольты — шутка, а для кунделей — тяжелая работа. Вот большой серый Туман налетел на Рябчика и оба, испуганно взвизгнув, упали, потом сели и тупо смотрят друг на друга, а заяц, мягко прыгая, промчался вблизи их. Оба сидящих пса вскочили и помчались за ним, но заяц, сделав один — два поворота, исчез из их глаз. Другая пара кунделей, утеряв другого зайца, сидит, высунувши языки и тоскливо смотрит вдаль. Вдали еще пара « борзых » так же неудачно шумно гонялась за другим зайцем. Видимо, собачий гам поднял несколько зайцев, мирно спавших в снеговых норках, и они, « поиграв » с собаками, исчезали в степи.

Вдруг, совершенно неожиданно для меня, близко-близко, как серый призрак, мимо проскакал большой заяц. И скакал он как бы не спеша, не торопясь. К моему счастью, судьба с детства наградила меня неприязнью к охоте во всех ее видах, и я залюбовался матерым серым, который, прядя длинными ушами, легко прыгал, как бы летел, слегка прикасаясь лапками к ледяной корке снега. Свистом я обратил внимание моих « борзых » на зайца и они, побросав свои безнадежные дела, с лаем бежали ко мне. Но мой серый не стремился исчезнуть и, сделав пару крутых поворотов, прямо пошел на наступающий развернутый собачий фронт, Я забеспокоился, что могут его и поймать, но в решительный момент заяц громадными прыжками пролетел между двумя собаками, шедшими близко друг к кругу, и исчез.... Усталая, с высунутыми языками, моя « охота » собралась около меня. Был и я рад собачьей потехе, от души смеялся, когда лохмач пытался догнать зайца... От охотничьего вдохновения еще больше поднималась его шуба и со стороны казалось, что ком шерсти с лаем полз за быстро скачущим лопоухим.

Ввиду и сильного холода и обеденного времени, да и восток был подозрителен — там маячили темные тучки, предвестники мятели, жуткой в степных просторах — нужно было торопиться домой. Полчаса быстрого хода — и мы все в усадьбе. В конюшне псы, поев теплого супа, разошлись по своим углам на отдых. Ждал и меня вкусный деревенский обед с традиционной вахмистерской рюмкой водки...

К вечеру разыгралась мятель с диким жутким воем, с порывами ураганного ветра, с тучами мелкого, острого как иглы, снега. Все слилось в бешеном, жутком, страшном, грозном танце...

Мятель бушевала шесть дней...

Париж **Я. П. Богаевский**

С РУССКОЙ ПЕСНЕЙ ПО БЕЛУ СВЕТУ

(Все права сохранены за автором)

(Продолжение № 78)

В сезон 34-35 года по окончании турнэ по Сев. Америке, хор впервые посетил Мексику, где успех был настолько большой, что следующий сезон 35-36-го года хор начал свое турнэ по Америке с Мексики. Вторичное посещение Мексики было более « красочным », позднее я опишу его подробнее.

Из Мексики, пароходом, хор отправился в Испанию. В этой новой для нас стране хор дал не так много концертов. Жизнь здесь была дешева, но деньги дорогие. Наступило уже теплое время и днем жизнь в городах замирала. Только после захода солнца жители начинали выползать из своих толстостенных, сохраняющих прохладу, домов. Представления в театрах и концерты начинались в 10 часов вечера. К этому времени города оживали ,открывались кафэ и рестораны, быстро наполнявшиеся посетителями. С весны и до осени население вело ночную жизнь. Концерты хора проходили с большим успехом, но их было не так много. Сезон закончился в первых числах июня.

Местом летнего отдыха снова был выбран уже знакомый нам Альбек. Здесь хор покинули несколько хористов. Остальные с прежним старанием и усердием вкладывали много труда и ежедневных забот для того, чтобы при любом состоянии хора и хористов концерты проходили на должной высоте. Обычно, большинство хористов сами следили за тем, чтобы к каждому концерту быть в полном порядке, чтобы голоса звучали хорошо, чтобы на сцене быть бодрыми и внимательными. Но больше всего доставалось маэстро Жарову, который переживал все концерты, волновался при всякой маленькой шероховатости, даже незаметной для слушателей. Он неустанно следил на сцене за хором, независимо от того, в каком состоянии был сам. И откуда у него всегда бралась эта энергия? Если, в редчайших случаях, у регента замечалось апатия, значит у него неприятности в семье, кто-то заболел.

В Альбеке мы почти все жили по своим старым квартирам. Отношения с хозяевами не оставляли желать лучшего и даже наши редкие дружеские пирушки не вызывали возражений. Особенное веселье происходило на Владимиров день, когда все шесть бывших в хоре Владимиров справляли свои именины. Тогда было много шума, много и хмельного пения, то в одном доме, то в другом. Больше пели солисты под гитару, но нередко слышалось многолетие, петое имениннику какой нибудь веселой компанией.

В ежедневных купаниях на берегу, покрытом мягким сыпучим песком, проходило время нашего отдыха. Подошел август месяц, время подготовки нового репертуара для следующего сезона. К концу месяца, после усиленной работы, новая программа была готова. Месяц пели мы ее в Европе, а затем снова поплыли в Новый Свет. На этот раз мы начали с далекой жаркой Мексики. Времени до начала концертов оставалось больше недели, а потому из Нью-Йорка до границы Мексики мы ехали автобусом и в пограничный город Ляредо добрались лишь на третий день.. Жара и духота были настолько большими, что ехали мы при всех открытых окнах автобуса и... сколько попили прохладительных напитков и сколько поели арбузов на остановках! В Ляредо провели мы еще три дня и ежедневно устраивали в отеле репетиции.

Граница между С. А. Ш. и Мексикой проходит по реке Рио Грандэ, через которую по большому мосту можно пройти на мексиканскую сторону, в Нуэво Ляредо, что мы неоднократно и делали. Хорошего в это городишке мало — всякие дешевые мексиканские побрякушки-сувениры. Интересно, что американские спиртные напитки в Мексике стоят дешевле, чем в С. А. Ш. Конечно, провоз их обратно в С. А. Ш. разрешен туристам лишь в малом количестве, в зависимости от количества дней, недель или месяцев, проведенных вне С. А. Ш.

В Ляредо хор сел в поезд, шедший на юг в Мексико-Сити, а автобус остался дожидаться нашего возвращения. По пути хор дал концерт в Монтерео, где и заночевал в отеле, а рано утром отправился по железной дороге дальше. Мексико-Сити лежит на плоскогорьи на высоте более тысячи метров над уровнем моря. Ландшафт специфически мексиканский: поле, почти лишенное растительности, с торчащими повсюду толстыми и довольно высокими кактусами с одним, двумя или тремя отростками, придающими им весьма причудливые формы, то подобие человека с поднятыми вверх руками, то огромного трикирия. Чем дальше от границы, тем разнообразнее становится растительность, приближающаяся

к субтропической, а на плоскогорьи, где ночи очень прохладны, много травы, много и лиственного леса, есть и пальмы. По тем временам, бродячие шайки все еще занимались разбоями и нередко делали налеты на поезда, почему каждый пассажирский поезд сопровождался небольшой воинской командой.

В Мексико-Сити мы прибыли к вечеру. Здесь более состоятельная часть населения была одета по европейски, но было много и бедноты в своей национальной домотканной одежде, попадались и разгуливавшие босиком. Приезжие из деревень крестьяне все имели при себе особые длинные ковры с продольным разрезом по середине. Если погода была хорошая, то коврик, сложенный вдвое в длину, носился на плече, а если было прохладно ,или накрапывал дождь, то он набрасывался на плечи, голова просовывалась в прорез и тело закрывалось им ниже колен, как спереди, так и сзади. Ночью этот « коврик » служил хозяину подстилкой и одеялом. Поражало, что ночью скрючившиеся фигуры были разбросаны повсюду: по подъездам хороших домов, на каменных площадках перед парадным входом и в садиках и в парках на земле. Очевидно, это было в порядке вещей, т. к. блюстители порядка никого из спящих не тревожили.

Концерт наш должен был состояться в послеобеденное время на огромной арене, где обычно устраивается коррида (бой быков). Накануне концерта в городе был устроен грандиозный парад по случаю « Дня независимости ». Наверное, это был самый красочный парад, который мне приходилось видеть в течении моей жизни. Когда любуешься военным парадом, взор ласкает однообразие красивых форм и движений. На параде в Мексико-Сити только в конце продефилировали воинские части и пожарная команда. Вся прелесть и вся новизна его заключалась в самом начале, когда показалась конная кавалькада из мужчин и женщин в национальных костюмах. Лошади, хотя и разномастные, одна другой лучше; седла и сбруя, обильно разукрашенные золотом и серебром, не уступали роскоши богатейших нарядов всадниц и всадников. Костюмы, платья и широкополые твердые шляпы, выдержанные в скромных тонах, были расшиты серебряными и золотыми узорами, с различными мотивами вышивок. Вся эта кавалькада, состоявшая из не менее двухсот человек, ехала медленно, без строя и держалась в седлах очень стройно. Это была богатая мексиканская знать и смотреть на эту редкую процессию и любоваться ею доставляло большое удовольствие. Остальные группы парадировавших уже не представляли интереса. Удалось нам, кто пожелал, побывать и на корриде, но это зрелище было далеко не эстетичным. И на этой самой арене, на следующий день после обеда, нам предстояло петь, что нас немного пугало. Петь на открытом воздухе вообще тяжелое ,чем в хорошем зале, а здесь еще отсутствовало всякое подобие эстрады или большого подиума, где мог бы стать весь хор.

Когда мы явились к концерту, на самой арене был воздвигнут огромный подиум. Беда была лишь в том, что хор должен был стоять лицом к солнцу, которое не только немилосердно палило, но и слепило глаза, мешая видеть регента. Взглянешь и тотчас же опустишь голову вниз. Помочь нашей беде было никак невозможно и хор вышел петь первое отделение-церковные песнопения — лишенный возможности смотреть на регента.

Ко второму отделению дирекция снабдила всех хористов большими прозрачными темно-зеленого цвета козырьками, державшимися на голове при помощи резинок, облегавших голову. Петь стало много удобнее и легче. К середине отделения вдруг стали быстро набегать тучки, а на последнем номере забрызгал дождик, как внезапно начался, так же неожиданно и прекратился, оставив небо покрытым лишь легкими облачками, и третье отделение хор пел уже в более нормальных условиях. Концерт на огромном стадионе прошел хорошо, в концертном зале, несомненно, он прошел бы лучше.

Из Мексико-Сити, автобусом, поехали мы дать концерт в небольшом городке, кажется Пуэбло, а на следующий день, уже поездом, направились в старый мексиканский город Гвадалахару.

Что удручало в Мексике, это оби,лие бедноты. В Мексико-Сити было много нищих, а те скрюченные фигуры, которые были в ночное время разбросаны по подъездам домов и по паркам, в большинстве были крестьяне столичных окрестностей, не имевшие возможности заплатить за самый дешевый ночлежный дом.

В Гвадалахару мы приехали уже под вечер, до концерта успели лишь пробежать по центру города. Если в Мексико-Сити среди старых построек были и новые, как лучшие отели, банки и управления больших торговых фирм, то в Гвадалахаре никакого обновления не замечалось. Остановились мы в отеле с пансионом, т.е. с завтраком и ужином, и когда после концерта вернулись в отель, торопясь поужинать, т. к. рано утром надо было ехать дальше, то у отеля играл небольшой мекси-

канский оркестр. Когда мы сели за столы, хозяин сразу осведомился, не желаем ли мы пригласить внутрь ресторана оркестр, почти непрерывно продолжавший играть под окнами. Т. к. это удовольствие стоило очень дешево, то в течении всего ужина нас услаждала новая для слуха музыка с пением солиста с неплохим голосом. Невольно припомнился Будапешт, где во время ужина всегда играл цыганский оркестр. Скрипач, разгуливая среди столиков, играл разные мелодии, а оркестр с цимбалами, сидя на месте, все время аккомпанировал его мелодиям.

После Гваралахары посетили мы еще один мексиканский город, от которого остался в памяти лишь ресторан « Комида Коррида », где весь вечер играл оркестр, а молодежь отплясывала свои мексиканские танцы. Если не ошибаюсь, это было в Сан-Люис. На другой день мы снова вернулись в Ляредо, сели в ожидавший нас автобус и покатили в свое двенадцатинедельное турнэ.

Также нормально и успешно закончили мы наши концерты в Европе. Приближалось лето 1936 года, время отдыха и подготовки новой программы. Хору была обещана квотная виза в С. А. Ш., требовавшая довольно частых посещений американского консульства в Берлине.

В конце этого же лета в Берлине состоялась очередная Олимпиада. предвиделась некоторая работа и для хора, а потому было решено провести лето возле Берлина. Квартиръеры, отправленные на поиски подходящего места, остановились на Кирхмезере, куда хор по окончании концертов и направился.

Кирхмезер, куда сразу съехался почти весь хор, был небольшим благоустроенным новым рабочим поселком. В каждой довольно просторной квартире небольшого двухэтажного домика имелась хорошая ванная комната с проточной горячей и холодной водой и всеми прочими современными удобствами. В этих рабочих квартирах и разместился хор с семьями и лишь несколько человек поселились или в маленьком отеле, или в более комфортабельной обстановке частных домов. Развлекаться в Кирхмезере было негде, да на это у нас и времени не хватало, т. к. все лето, с незначительными перерывами, было занято какой-нибудь работой. Главной из них было участие хора в нескольких фильмах в киностудиях, близкого от Кирхмезера, Ноебабельсберга. Готовился большой фильм « Москва — Шанхай », с участием Поля Нэгри и еще одной юной артистки, игравшей роль ее дочери. Сюжет фильма был построен на том, что и мать и дочь влюбляются в одного и того же молодого человека, хориста по роли. В сцене концертного отделения этот артист находился среди наших теноров. Главной работой для хора была сцена Пасхального богослужения с крестным ходом, с пением « Воскресение Твое, Христе Спасе », коротким богослужением перед закрытыми дверями храма и возвращение в алтарь с пением « Христос Воскресе ». Духовенство изображалось нашими хористами ,облаченными в стихари и ризы. Режессировал фильм известный немецкий артист Поль Вегенэр. Сцену розговен он настаивал проводить в сутолоке, толкотне и поспешности, и чуть ли не с вырыванием блюд из рук друг у друга. Когда же ему заявили, что в России никто, нигде и никогда не разговлялся подобным образом, он возразил: — « что вы мне рассказываете. Я недавно был в России и видел, как русские разговляются ». Наверное, ему дали представление в « Клубе безбожников ». Статистов в сцене розговен было много, но все подходили к столу не спеша, брали на тарелке съестное и также не спеша отходили. Никакой толкотни и сутолоки проявлено не было.

Фильм сам по себе был грустный, а одно место в нем никак не удавалось и его много раз повторяли. У Поля Нэгри в этом месте каждый раз по щекам скатывались слезы. Перед каждым повторением кинооператорша приводила артистку в надлежащий вид — вытирала ей лицо и слегка припудривала, и все же в нужный момент у Поля Нэгри опять и опять катились слезы. Конец фильма был все таки утешительный: мать, побежденная дочерью, примирилась со своим положением.

В один прекрасный день хор получил предложение от супруги английского премьера Балдвина выступить, в качестве дивертисмента, на устраиваемом ею с благотворительной целью чае для особо знатных гостей. До начала спевок было еще далеко и хор предложение принял. К назначеному времени, в спальном вагоне, прибыли мы в Лондон. В четыре часа пополудни в небольшом саду при доме премьера, где были расставлены столы и стулья, начался файф-о-клок. Приглашенных было человек 35 чопорных дам и мужчин. Помещением для приведения себя в порядок хору служил огромный кабинет, где обычно происходили заседания Совета министров. Вдоль стен распологались вешалки с указанием, какому министру которая из них принадлежит. В ожидании начала концерта мы отдыхали в удобных министерских креслах за большим столом. На столе стояла чернильница, перо и стопка титульной бумаги премьера. Бумага нас заинтересовала и кто

взял на память один, а кто и два листа. Стопка заметно растаяла. Служащий заметил, заволновался и стал просить взявших положить бумагу обратно. Кое-кто вернул.

Наш концерт не представлял большого интереса, слушателей было мало, да и пели мы всего два отделения, но побывать в этом кабинете, где решались важнейшие дела империи ,все же представляло большой интерес. Не здесь ли было принято решение прекратить всякую помощь Белой Армии, не отсюды ли раздалось провозглашение, господствующих и поныне в мировой политике, пошлых установок — торговать можно и с людоедами; не отсюда ли впоследствии вышло распоряжение о кровавой расправе с казаками в Льенце, и о выдаче Власовцев и Дипи в других местах?

Время посещения нами Лондона совпало с гастролями в нем двух русских балетов: Балет Базиля и Балет Монтэ-Карло. Хор воспользовался приглашением и посетил балет Базиля, выступавший в Ковен-Гардене. Посмотреть было и на кого и на что. Роскошный зал был заполнен нарядной публикой, прекрасный оркестр, замечательные декорации и балет, блиставший талантами молодых исполнительниц — Баранова, Туманова, Рябушинская и, слегка постарше их, изящная и грациозная Данилова. Из мужского состава в памяти остался Лишин, хорошо запомнился « Голубой Дунай » с А. Даниловой в главной роли.. « Половецкие пляски » исполнялись в ураганном темпе. В русском танце выступала уже пожилая заслуженная балерина старого времени. Впечатление от всего балета осталось прекрасное.

Возвращаясь из Лондона через Голландию, хор остановился в Гильверсуме, где пел большую программу на радиостанции, и через день снова вернулся в Кирхмэзэр. Однако там долго отдыхать не пришлось, т. к. в скорости, в « День Русской культуры » в Берлине, мы выступали с концертом. Кроме того, нам неоднократно было нужно ездить в Берлин в американское консульство, то на опросы, то на медицинское освидетельствование. Часто наведывались мы в киностудию Ноебабельсбэрг, снимаясь в коротких, так называемых « культурфильмах ». Напели « Боярская Свадьба », заснятые в « Тереме », украинский фильм « У колодца », запомнился и фильм монастырский, для которого была сооружена просторная церковь.

Начинался этот фильм звоном, созывавшем братию на вечернюю молитву. На фоне звона тихо звучал напетый хором раньше « Вечерний звон ». Хористы ,в монашеском одеянии, все с бородами, постепенно, не торопясь, входили в храм и становились на свои места по партиям. После всех степенно входил регент, занимал свое место, давал тон и вторые басы в полумраке начинали запев « Блажен муж » Киево-Печерской Лавры. « Блажен муж, Аллилуия ». Кононарх продолжал стих: « иже не иде на совет нечестных ». Хор повторял весь первый стих. Музыка-шедевр творчества наших древних предков-монахов. Четко, не спеша, Кононарх пропевает второй стих, после него хор поет тот же стих. Дальше следует третий стих и заключительное: « Аллилуя, аллилуя, аллилуя, — слава Тебе Боже ». И древнее монастырское песнопение, вдохновенно исполненное хором, и сонм бородатых монахов, все было так гармонично и правдиво, что невольно переносило нас в глубокую древность. Эта захватывающая, граничащая с реальностью, правдивость, по всей вероятности послужила причиной того, что цензура безбожников национал-соц. партии не пропустила этот фильм на экраны, и даже нам — хору было отказано просмотреть и прослушать столь необычайный фильм.

Увидеть олимпийские состязания хору не удалось, т. к. они происходили в то время, когда мы усиленно готовили новую программуно перед началом репетиций, в олимпийском городке, хор дал концерт для уже съехавшихся спортсменов.

После съемок украинского фильма, мы вместе с режиссером снимались на фоне хаты с соломенной крышей и садочка с подсолнухами. Эта фотография 33-х хористов, регента и режиссера сохранила свежесть и по сие время. В 36-37 годах в хоре оставалось 12 человек основоположников, певших еще в Болгарии, из 34-х человек 16 были природными донскими казаками и два — терцами.

Лето 36-го года было насыщено работой в киностудиях, концертами и хлопотами по получению квотных виз для въезда в С. Ш. А. В сентябре, как и всегда, около трех недель мы пели в Европе, после чего погрузились на пароход и отправились в Нью-Йорк, уже по квотной визе. Ежедневно на пароходе устраивались двухчасовые спевки, на которых регент снова проявлял настойчивость, упорство и неизсякаемую энергию в отделке и предельной шлифовке всех номеров программы.

Работа хора в С. Ш. А. и Канаде и на сей раз требовала большого напряжения, проходила она в чисто деловой обстановке: концертный зал, отель автобусы, поезда. Без всяких особых происшествий закончили мы наше американское турнэ и к встрече Нового Года вернулись в Берлин. Также нормально

протекала работа хора в Европе, но уже без особой « американской спешки ».

Весной 37-го года хор снова посетил Югославию.

Из Белграда, с сонмом русского духовенства, во главе с покойным Митр. Анастасием, хор ездил в Опленац, где покоится прах убиенного короля Александра. В церкви, у места упокоения, была отслужена торжественная панихида, на которой присутствовало много русских и сербов, приехавших из Белграда, и представителей Двора. По окончании панихиды в большом зале состоялась трапеза.

В 37-м году Германия настолько окрепла, что начала бряцать оружием и предъявлять требования, то одному, то другому из своих соседей. Нельзя сказать, что все население поддерживало Гитлера. Высшая владетельная аристократия, урезанная в своих правах, не выказывала восторгов социалными реформами нац.-социалистов и их планами на будущее. Была какая-то оппозиция режиму и среди юной молодежи, не стремившейся попасть в « Гитлер-юнге ». По началу, мы как то не обращали внимания на то, что в больших городах, и особенно в Берлине, по окончании концертов зеленая молодежь обязательно требовала « Плятова ». (« Славим Платова героя ») требования — « Плятова » — не прекращались, пока эта песня не была спета. Затем в Берлине было запрещено петь « Платова », а вскоре последовало респоряжение полиции; после двух бисов хор должен был покидать зал Филармонии.

Как-то, на другой день после концерта, я зашел к дантисту исправить какие то неполадки в зубах. Дантист, у которого была дочь — подросток, обратился ко мне с вопросом: « А вы знаете, что вчера случилось в Филармонии после вашего концерта? ». И он рассказал мне, со слов дочери, что когда хор уже перестал появляться на вызовы, а молодежь все еще требовала спеть « Плятова », в зал вошел наряд полиции и забрал всех, кто еще находился в зале, и в том числе его дочь.

В участке всем учинили допрос, кто принадлежит к какой организации? Почему требовали исполнения — « Платова »? и пр. После опроса всех отпустили со строгим предупреждением на будущее. Впоследствии выяснилось, что часть зеленой молодежи, не состоя в « Гитлер-Юнге », состоит в бой-скаутах, к которым власти относились недружелюбно. Это юношество почему то избрало « Славим Платова героя » своей объединяющей песней.

США Доброволец **Иванов**

(Продолжение следует)

ИЗ КАЗАЧЬЕЙ ЖИЗНИ ЗА РУБЕЖОМ И ПИСЬМА В РИДАКЦИЮ

● **Празднование Покрова Пресвятой Богородицы и Войсковых Праздников Донского, Кубанского и Терского Каз. Войск.** — В Париже этот день праздновался в воскресенье 20-го октября. По установившейся уже традиции, в субботу 19 окт. на русском кладбище в С. Женевьев де Буа, собравшимися казаками была отслужена общая казачья панихида на могиле последнего Донского Атамана, выбранного еще на Донской земле ген. А. П. Богаевского, после которой последовал обход каз. могил кладбища с провозглашением краткой литии. В 17 часов была отслужена 2-ая панихида в кладбищенской церкви по жертвам выдачи в Лиенце.

На другой день, в воскресение, в кафедральном соборе на улице Дарю был отслужен торжественный молебен с провозглашением вечной памяти ушедшим казачьим вождям. А в 14 ч., в уже известном парижским казакам ресторане Люца, состоялась братская трапеза, затянувшаяся до поздней ночи.

Среди почетных гостей нужно отметить присутствие Н. М. Мельникова, последнего председателя Донского Войскового Правительства, который, несмотря на свой преклонный возраст, не ушел на заслуженный покой, а продолжает принимать активное участие в нашем казачьем деле. Его последний труд, книга об Атамане Каледине, имеет большой успех среди эмиграции не только казачьей, но и неказачьей и признана большим и ценным вкладом в историю Первой Мировой и гражданской войны. Его краткое слово вызвало бурные апплодисменты, перешедшие в овацию.

Другим почетным гостем был заметитель Атамана Уральского Каз. Войска в. старшина П. А. Фадеев, летописец трагических дней

гражданской войны на Уральском Отдельном фронте.

Тепло приветствовали собравшиеся и второго по возрасту после Н. М. Мельникова, Я. П. Богаевского, брата покойного « Донского Баяна » Митрофана Петровича и последнего Донского Войскового Атамана ген. А. П. Богаевского. Очерки Я. П. в « Род. Крае » хорошо известны его читателям.

Среди присутствующих были и казаки из провинции, среди которых необходимо отметить полк. Сменова, временного заместителя покойного председателя Союза Казаков-Комбатантов ген. Зубова и Ф. М. Миронова, председателя секции Союза в г. Монтаржи.

Много было выступлений, много было сказано речей... Дружной семьей в одном углу зала собрались бывшие юнкера Атаманского В. Училища, в другом — кубанцы во главе со своим долголетним председателем сот. Малышко, дальше гомонили неугомонные терцы. Лихо отплясывал казачка Николаев, звонко запевали каз. песни Г. И. Звонарев и Александрин.

Хорошо отпраздновали Покров казаки в Париже в этом году.

В Монтаржи праздники были отмечены церковной службой 13 окт. В этот же день отделение Каз. Союза Востока Франции отслужило панихиду по умершим каз. вождям и молебен о здравии здравствующим членам Союза.

В Нью-Йорке Донская Центральная станица имени ген. Краснова праздновала Войсковой приздник 13 окт. После молебна в храме Христа Спасителя донцы и их гости собрались в Казачьей комнате Русского Клуба. Собрание было открыто — атаманом станицы ес. Тульцевым, напомнившем историческое происхождение праздника Покрова со времен Азовской осады. После него выступали представитель кубанцев Н. Г. Назаренко, уралец Л. Л. Масянов, доктор Харламов и Б. Н. Уланов, Н. Г. Назаренко рассказал о казачьей эпопее во время последней войны, Масянов указал: « Судьба была жестока с нами. Да, мы гордимся, что мы казаки. Нас уничтожили, но наша идея живет и не умрет ». « Я не молод, но я самый младший член станицы — сказал докт. Харламов, сын покойного Председателя Войскового Круга В. А. Харламова — многие хоронят казачество, но все верующие знают, что после Великого Четверга, Страстной Пятницы, бывает суббота и за ней Воскресение Христово, так и мы, казаки, должны верить, что воскреснет казачество ». Б. Н. Уланов напомнил, что своей победой под Азовом казаки были обязаны исключительно своему казачьему духу, сознанию свободы, права, независимости и веры в правоту своего дела. Этими же стимулами должны руководиться казаки и теперь, а не давать преимущество личным соображениям, личному самолюбию в ущерб общему казачьему делу.

После собрания состоялась братская трапеза с артистическими выступленями. Прекрасно исполнил несколько романсов Е. Ф. Фролов, г-жа Д. Н. Баянова мастерски сыграла на калмыцкой балалайке калмыцкие мотивы, лихо отплясывали казачка молодой казачек и лезгинку терец Медведев с донской поэтессой Ю. Л. Пригодиной. А затем полились хоровые каз. песни. Одним словом, праздник прошел на славу.

Из далекой Австралии станичный писарь Канберра-Квинбиянской Кубанской станицы П. А. Курко сообщает: « В воскресение 13 окт. в Свято-Предтеченском храме нашей станицей был отслужен по случаю Войскового Праздника Покрова Пресвятой Богородицы торжественный молебен в честь всех Войсковых Атаманов, казаков, казачек и казачат всех Каз. Войск. После молебна атаман станицы П. П. Иванисас был приведен к присяге. После пения « Многие лета » казаки и богомольцы дружно поздравляли атамана и желали ему и станице всяких благ.

Правление Канбера-Квинвиянской станицы призывает всех кубанцев к единению, организации своих групп, хуторов и станиц. Дух единения должен доминировать над всем. Объединяйтесь вокруг наших приходов, ходите в православные храмы нашей зарубежной церкви, своими жертвами помогайте делу Божьему. Без веры всякое дело — мертво. Выбирая себе авторитеты, не забывайте слов зи церковных песнопений: « Не надейтесь на князи земные, сыны человеческия, в них нету спасения... » Служить нужно идее, а не человеку, ибо человек возвратится в землю свою и в тот же день покончатся помышления его. — Вдумайтесь, родные кубанцы, в эти слова и да будет мир с вами ».

● **Донской казак Тимофей Прохоров и... Олимпийские игры.** — Мюнхенский корреспондент газеты « Кроникл » рассказывает о донце, который стал в Зап. Германии своего рода знаменитостью.

Следующая после Мексики Олимпиада состоится в 1972 году в Мюнхене. Уже ведутся подготовительные работы. Неожиданно возник вопрос: что делать с маленьким « скитом » и двумя домиками, выстроенными в лесу Прохоровым. « Скит » оказался как раз на том месте, где предполагается строить Олимпийскую деревню. Поднялась буря. Послыпа-

лись протесты против выселения старика и разрушения « скита ».

В конце концов, было решено не трогать « скит ». На время Олимпийских игр над ним будет сооружен гигантский шатер, который изолирует старика от мирской суеты.

Прохоров (по происхождению донской казак) поселился в лесу под Мюнхеном в 1952 году и своими руками соорудил « скит ». Он покинул родину в сороковых годах и по окончании войны оказался в Австрии. Здесь он встретил свою родную сестру Наталию, которая еще на Кавказе приняла монашество. Они обосновались около « скита », каждый в своей деревянной хижине.

Газетная шумиха имела для стариков неожиданные и благоприятные последствия. Со всех сторон Зап. Германии начали приходить письма, подарки, пожертвования. Им выхлопотали пенсию для престарелых. Тимофею Прохорову сейчас 87, его сестре Наталии 75 лет. Оба совершенно здоровы и приписывают это посту, молитве и чистой питьевой воде.

● **М. Я. Казанцев** пишет по поводу письма К. Понамарева в № 75 « Род. Края »

« Мой дядя В. Упорников жил в Букановской станице, а моя мать была с хутора этой станицы. И они мне говорили, что это не псаломщик Угомословский, а дьяк Грамаславский имел красивую дочь, которая вышла замуж за М. Шолохова. С его же помощью и был написан « Тихий Дон ».

● **Объединение кадет Российских Зарубежных Корпусов,** подготовляя выпуск сборника-памяти, посвященной основанию Русского, Крымского и 2-го Донского (впоследствии Донского Императора Александра III) кадетских корпусов, обращается с настоятельной просьбой к бывшим кадетам Донского Кадетского корпуса присылать матерьялы о своем корпусе по адресу:

Vorobiov. 4110 Sunridge Rd.
Pebble Beach. Calif. USA

● **Полк. Ф. И. Елисеевым** выпущена брошюра **« Оренбургское Казачье военное училище »** № 5. Выписывать у автора:

Elysse 66 Fort Washigton ave. Apt. 25.
New-York N. Y. 10032. USA

● **Редакция « Казачьего Словаря-справочнича » —**

Skrilow. 15 Bungalow ave.
San Anselmo. Ca. 94960. USA

сообщает, что через нее можно выписать книгу **Г. В. Губарева — « Книга о казаках »** — материалы по истории казачьей древности, изд. газеты « Казак », Париж, 1957. 330 страниц с многочисленными картами, снимками и рисунками. Цена — 6 долл. США.

● **Уральцы Парижского района праздновали свой Войсковой Праздник** (Св. Архистратига Михаила) 24 ноября. После молебна с провозглашением вечной памяти ушедшим Атаманам, казакам и казачкам состоялась братская трапеза в ресторане Ля Биер, затянувшаяся до поздна.

● **И. Я. Крюков** указывает на некоторые неточности в статье стан. Дживанова (« Род. Край » № 78, стр. 10). Джунгарский полк не входил в состав 2-ой Донской дивизии (как ее называли красные « Чертова дивизия скорой помощи ») которая состояла из полков: 3-го Калединского (полк. Чапчиков), 4-го Назаровского (ген. м. Рубашкин), 5-го Платовского (полк. Шмелев), 6-го Ермаковского (полк. Губкин).

● **А. А. Герингом** в изд. « Военная Быль » изданы **« Материалы и библиографии Русской военной печати за рубежом »** — перечень печатных трудов и периодической печати, вышедших за время эмиграции. Среди указанных трудов многие написаны были казаками, а казачьим периодическим изданиям отведен целый отдел.

ПАМЯТИ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА Н. Г. ЗУБОВА

12 окт. с. г. после тяжкой болезни скончался генерал-майор Николай Григорьевич Зубов.

Родился он в Новониколаевской станице 13 дек. 1885 г. Дошкольный возраст провел у себя в станице, впитав в себя, с молоком матери, любовь к Дону. После окончания гимназии в Таганроге поступил в Александровское Военное Училище в Москве, которое окончил в 1906 г. по 1-ому рязряду и вышел хорун-

жим в 5-ый Дон. каз. Атаман Власова полк. В том же году был командирован от полка в 4-ый железнодорожный батальон, где к августу 1906 г. окончил 3-ехмесячные курсы подрывного дела.

В мае 1909 г. был произведен в сотники . В мае 1912 г. пожалован орденом Св. Станислава 3-ей степени.

С начала войны Н. Г. на германском фронте. В ноябре 1914 г. за боевые отличия награжден орденом Св. Анны с мечами и бантом. С декабря 1914 г. командует 3-ой сотней своего полка. В феврале 1915 г. за боевые отличия награжден орденом Св. Станислава 2-ой степени с мечами, в марте — орденом Св. Анны 4-ой ст. с надписью за « храбрость », в сентябре того же года получил мечи и бант к ордену Св. Станислава 3-ей ст. В мае 1916 г. был произведен в есаулы, а в июне был представлен к ордену Св. Георгия, но вместо него, Высочайшим приказом Войску Донскому был произведен в войсковые старшины с награждением орденом Св. Владимира 4-ой ст. с мечами и бантом. В дни войны у местечка Дусяты 30 авг. 1915 г. был отравлен газами.

За все время службы в 5-ом Дон. каз. полку всегда проявлял отеческие заботы о подчиненных ему казаках. а о боевых его подвигах говорят полученные им награды и производства.

В марте 1917 г. распоряжением Походного Атамана при штабе Верховного Главнокомандующего, командирован на Дон, в Новочеркасское Каз. Военное Училище, где с апреля 1917 г. по 12 февр. 1918 г. был командиром 2-ой сотни юнкеров и одновременно, из за недостатка преподавателей, читал юнкерам лекции по тактике конного боя и саперному делу.

После октябрьской революции в « Калединские дни » со своей сотней юнкеров принимал участие в разоружении мятежных пехотных полков в Хутунке, в дни « калединского похода » на Ростов водил свою сотню в бой против ростовских большевиков. С 19 янв. по 2 февр. 1918 г., командуя сводной сотней юнкеров Новочеркасского Училища, принимал участие в боях с красными у Гуково, Провалье, Должнике, Зверево, Сулине и Горной. 3-го февр. заболел и при оставлении партизанами Новочеркасска остался в городе, но когда восставшие казаки Черкасского округа под командой в. старш. Фетисова, 1-го апр. заняли Новочеркасск, Ник. Гр. одним из первых присоединился к восставшим и был назначен В. ст. Фетисовым командиром сотни в дружине Новочеркасской станицы. По оставлении Новочеркасска 4 апр., он в ст. Заплавской был назначен командиром Кривянского полка, с которым 18 апр. во время большевицкого наступления принял на себя главный удар лучшего полка (« Титовского ») красных. Кривянцы под командой Ник. Гр. разгромили красных, командир Титовского полка был убит.

23 апр. Кривянский полк наступал на Новочеркасск ,на наиболее важном участке, через р. Аксай на привокзальную часть города, где все ЖД пути были заняты эшелонами красных, да и большинство домов этого района защищались городскими рабочими, иногда имевшими и пулеметы. Кривянцы заняли этот район без больших потерь, но у Технического Училища и Учительского Института, превращенные большевиками в своего рода « форт Шаброль й, полк понес значительные потери, но « форт » был взят.

С 23 апр. по 20 мая Н. Гр. — военный комендант наиболее безпокойного (привокзального), а потому и наиболее ответственого 1-го Района Новочеркасска. Со своей задачей, по очистке этого района от укрывшихся большевиков, он справился блестяще.

С 20 мая 1918 г. по декабрь 1919 г. он — комендант Таганрога, где проявил недюжинные административные и хозяйственные способности, за что 30 сент 1918 г. был произведен в полковники, а 23 ноября 1919 г. — в генерал майоры. С оставлением Таганрога, он, с управлением своей комендатуры, через Новороссийск, где пережил его трагедию, переехал в Крым. В Крыму выполнял обязанности начальника Донского Офицерского Резерва и члена Военно-Медицинской Комиссии. После оставления Крыма, Н. Гр. попадает на о. Лемнос, а потом в Болгарию, все продолжая нести обязанности н-ка Дон. Оф. Резерва, в составе которого было немало генералов по старшинству производства старше его, и нужно было проявлять не мало дипломатического такта при обращении с ними.

В 1924 г. Н. Гр. переехал во Францию. Работая в Париже шофером такси, он распоряжением командира Донского Корпуса был назначен начальником группы Дон. Офиц. Резерва, во Франции, каковым и оставался до упразднения ее, немецкими оккупационными властями в 1940 г. Организованная при нем касса взаимопомощи оказала не мало помощи членам группы, нуждавшимся в ней, особенно во время безработицы во Франции.

В 1934 г. приказом Донского Атамана ген. Богаевского, ген. Зубов был назначен председателем Общеказачьего Союза Казаков-Комбатантов. Эту должность он занимал до августа 1935 г.

После смерти Атамана Богаевского, Н. Г.,

вошел в состав Центральной Комиссии по выборам заместителя почившему Атаману. Неоднократно своими выступлениями он вносил умиротворение в разгоревшиеся страсти. Позже, когда ген. И. А. Поляков объявил себя временно исполняющим должность Донского Зарубежного Атамана, ген. Зубов был назначен им его представителем на Францию. Но когда ген. Поляков, при выборах Атамана, пытался создать избирательную комиссию, которая бы работала по его указаниям, Н. Гр. нашел это нарушением казачьих « обыкновений » и заявил энергичный протест, за что был « снят » с поста « представителя ». При последних Атаманских выборах, когда тот же ген. Поляков организовал выборы при помощи « Войскового Совета », не считаясь с мнением большинства казаков, ген. Зубов не только категорически протестовал против такого не демократического способа перевыборов, но и отказался в них участвовать и подал идею организации выборов « окружных » атаманов по странам каз. разселения, при помощи которых можно было бы изжить « многоатаманство ». На все это ген. Поляков отозвался в печати в очень грубой форме, но Н. Гр., будучи человеком высоко воспитанным, ответил ему единственным в его жизни полемическим письмом в печати же, но с достоинством генерала и гражданина свободолюбивого Дона.

21 ноября 1935 г. по представлению командира Донского Корпуса, начальником Обще-Воинского Союза ген. Зубов был назначен начальником Атаманского Военного Училища и оставался им до последних дней своей жизни, крепко придерживаясь его традиций и высоко держа его знамя .

В 1948 г. при восстановлении упразненного немцами Союза Казаков-Комбатантов он был избран его председателем, каковым неизменно избирался в течении 20 лет. В 1966 г. по представлению французского Союза Комбатантов, филиалом которого является С. К. К., во время празднования 50-тилетия боев у Вердена ген. Зубов был награжден Французской медалью (médaille du Mérite), как лицо представлявшее Россию, союзницу Франции.

Покойный за все время жизни в эмиграции был одним из немногих донских генералов, принимавших активное участие в безпартийной каз. общественной жизни. Он был членом многочисленных комиссий: по созыву Общеказачьего Зарубежного Съезда, по выборам Дон. Атамана, по организации разных каз. памятных дней, по сбору средств на сооружение иконы Донской Божьей Матери и многих других комиссий и во всех них был очень ценненым и полезным сотрудников. К приближающейся 100-летней годовщине основания Новочеркасского Каз. Военного Училища он собирался издать « Памятку » и до последних дней своей жизни собирал материял для нее. Никогда не чуждался казачьей массы, и всегда старался по мере своих сил быть ей полезным. Казаки это понимали и ценили: в 1966 г. он был избран почетным членом Казачьего Союза во Франции.

В жизни был большим безсребрянником и всегда отзывался на всякую казачью нужду — помощи старикам, больным или учащимся или по ремонту Лейпцигского храма ген. Зубов всегда подавал пример своей жертвенностью. Всегда был скромным, никогда не кичился, ни чином генерала, ни занимаемым положением, со всеми был равным и приветливым, чем заслужил уважение как в казачьих, так и в обще-русских кругах.

Н. Г. умер на 83-м году жизни, проработав в Париже шофером такси до 80-тилетнего возраста. Каз. общественность Парижа скромно отпраздновала, его 80-лет, когда было сказано Н. Г. много теплых слов с пожеланием еще многолетней жизни. К сожалению эти пожелания не сбылись. И после мучительной и тяжкой болезни его похоронили на русском кладбище в С. Женевьев де Буа.

На могиле покойного надгробное слово сказали начальник 1-го Отдела Российского Обще-Воинского Союза подполк. Щовинский и председатель Объединения Партизан-Степняков подъес. Падалкин.

Донское Войско в лице генерала Николая Григорьевича Зубова потеряло своего верного сына, а зарубежные казаки — своего незаменимого старшего соратника.

Да будет легка ему, вдали от Родного Тихого Дона, приютившая нас земля Франций.

А. Падалкин

УШЕДШИЕ

† 23 июля в София-Княжево (Болгария) скоропостижно скончался юнкер Атаманского В. Училища А. И. Казинцев, ст. Баклановской ВВД.

† 11 апр. в С. Рафаеле (Франция) умер сот. В. Н. Мысник, рожд. 1896 г. ст. Новокорсунской К. В.

† 13 июля в г. Ланус (Аргентина) скончался К. В. Фишенко, 61 года ст. Упорной Куб. В.

† 16 июля в г. Негру (Франция) скончался А. Ф. Евтушенко ст. Старолеушковской Куб. В.

† 31 июля в Нью-Йорке скончался Г. И. Матешов ,офицер ВВД.

† 11 июля в Инсбруке (Австрия) умер С. Е. Безуглов, 69 лет, ст. Пятиизбянской ВВД.

† 30 июля в г. Мильвиле (США) скончался вахм. И. А. Терсков, 73 лет, ст. Маныческой ВВД.

† Во Франции скончались П. А. Калита и Г. Топчий ст. Старокорсунской Куб. В.

† 17 июля в Виллахе (Австрия) скончался А. Д. Альшанов, 68 лет, ст. Букановской ВВД.

† 9 авг. в С. Женевьев де Буа (Франция) умер подъес. П. Т. Петрусенко, Дондуковской ст. Куб. К. В.

† 20 авг. в Лос Анжелос (США) скончался подхор. А. И. Москаленко 83 лет, Кущевской ст. Куб. К. В.

† 28 авг. в Брюсселе (Бельгия) умер подхор. И. А. Васюков, 80 лет Усть-Лабинской ст. Куб. К. В.

† 22 авг. в Нью-Йорке скончался сот. А. В. Мироненко Тер. К. В.

† 12 сент. в г. Канны (Франция) скончался З. Я. Ковалев, рожд. 1891 г. Уральского Каз. В. Похоронен на кладбище « Абади ».

† 1 окт. в г. Морлей (Англия) скончался Я. И. Крохин, Каменской ст. ВВД. участник Великой войны, Добр. Армии и Русского Корпуса в Югославии..

† 29 сент. в Париже скоропостижно скончалась З. Я. Падалкина ст. Аксайской В.В.Д.

† 20 окт. в Париже скончалась после долгой и мучительной болезни сестра милосердия М. М. Чижова, урожденная Леонова, Пятиизбянской ст. В.В.Д. Похоронена на Дроздовском участке русского кладбища в С. Женевьев. Русской колонии в Париже хорошо были известны доброта и отзывчивость покойной. Принимала она и деятельное участие в жизни Казачьего Союза, особенно его Дамского Комитета. Да будет ей пухом чужая французская земля.

† 30 окт. в госпитале г. Тулона (Франция) после непродолжительной тяжкой болезни скончался А. В. Полковников, Новочеркасской ст. В.В.Д. Погребен в С. Рафаеле.

† В окт. в г. Бругиер (Франция) скончался Ф. Калабунов, казак В.В.Д.

† 1 сен. в Филадельфии (США) умер ес. И. П. Картавцов, Ново-Александровской ст. Куб. К. В.

† 22 авг. в Дорнштадте (Германия) скончался С. Т. Ремискевич, 87 лет, Кущевской ст. К. К.В.

† 5 сент. в Лондоне (Англия) скончался хор. Г. С. Кононенко, 81 года, Староминской ст. К. К.В.

† 14 сент. в г. Ланус (Аргентина) скончался В. И. Криворучко, 73 лет, Ладожской ст. К. К. В.

† 15 сент. в санатории Красного Креста в Усульск (Франция) скончался ес. П. И. Сутулов, ст. Новочеркасской В.В.Д.

† 17 ноября в госпитале г. Аржантей (Франция) скончался пенсионер Дома для престарелых Комитета Земгора в Корменй ан Паризис полк. В. А. Скандилов, причисленный к Ген. Штабу, казак В. В. Д. Похоронен на местном кладбище в Кормей.

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ РОДИМОГО КРАЯ »

● Непринятые рукописи обратно не возвращаются и в переписку о них редакция не вступает. Редакция оставляет за собой право статьи сокращать, не меняя смысла написанного. За статьи, подписанные полным именем автора, редакция не отвечает и они не всегда выражают взгляды редакции.

Не имея возможности документально проверять имена, даты и события, редакция возлагает всю ответственность за содержание

статьей на их авторов.

Всю переписку относительно журнала и денежные переводы направлять по адресу: Mr. Bogaevsky — 230 av. de la Division Leclerc, 95 — Montmorency (France).
Телефон: 964-89-11

Через редакцию « Род. Края » можно выписать:

Н. М. Мельников — « Ген. Каледин — герой Луцкого прорыва и Донской Атаман » — 26 фр. или 5,50 долл.

« Воспоминания ген. А. П. Богаевского » (Ледяной поход) — 12 фр.

Н. М. Мельников — « Ермак Тимофеевич, кн. Сибирский, его сподвижники и продолжатели » — 8 фр. или 2 долл.

Л. Масянов — « Гибель Уральского Казачьего Войска » — 20 фр.

« Митрофан Петрович Богаевский » — сборник статьей о Донском Баяне — 16.50 фр. или 3,50 долл.

Н. М. Мельников — « Как извращается история » — 2 фр.

П. М. Аврамов — « Ковылий сказ » — 3 фр.

П. М. Аврамов — « Никифор Кащеев » 3 фр.

Казачий словарь справочник, 1-ый том — 25 фр.

Н. Н. Туроверов — « Стихи », книга 5-ая — 15 фр.

Адмиралов — « Казачья трагедия » (1940-1945 гг.) — 12 фр. или 2,50 долл.

В. А. Беляевский — « Голгофа » (Очерки из воспоминаний 1882-1964) — 12 фр. или 2,50 долл.

Н. Альникин — сборник стихов « Рифмованные кончики й и « Сполох ». Цена каждого сборника — 5 фр.

П. Юшкин-Котлубанский — « Лучь » (стихи) — 4 фр.

Казачьи песни (изд. « Каз. старина ») — 5 фр.

● Редакция обращается с настоятельной просьбой ко всем своим читателям и подписчикам не задерживаться с внесением подписной платы. Издание « Род. Края » основано исключительно на самоокупаемости, при полной безвозмездной работе всех сотрудников. То-есть журнал издается на деньги, за него полученные, и на пожертвования отдельных лиц в Фонд Издательства, иначе говоря на деньги читателей, от которых и зависит дальнейшее существование « Род. Края ».

● **В редакцию « Род. Края » с 1-го сент. по 1-ое ноября поступило: в Фонд Издательства:** В. Ф. Зверев — 60 фр., Н. Ивановсков — 24 фр., Н. Н. Туроверова — 50 фр., Н. Ф. Пузанов — 24 фр., Г. И. Елисеев — 50 фр., Ф. Ф. Гончаров — 44 фр., Н. Н. Евсеев — 10 фр., М. В. Васильев — 14 фр., Г. В. Губарев — 1 долл., Калмыков — 4 фр., Б. А. Богаевский — 53 фр., В. А. Ульянов — 38 фр. С. И. Донсков — 10 долл., д-р Ряхин — 10 долл., Б. Н. Уланов — 3 долл., И. С. Лисичкин — 50 фр., И. Я. Крыюков — 15 фр., Додонов — 4 фр., В. А. Балахнин — 14 долл.

На издание специального №, посвященного ген. П. Х. Попову, Степному Походу и первым каз. восстаниям на Дону: М. П. Сергеев — 30 фр., Додонов — 10 фр. П. А. Селиверстов — 10 фр., А. М. Голубов — 100 белг. фр., Н. Н. Синяпкин — 25 долл., Н. Н. Воробьев и неизвестный из Монреаля — 6 долл., П. И. Алексеев — 50 долл., М. Петров — 4 фр., Б. А. Богаевский — 50 фр., Ф. И. Быков — 5 долл., А. Сысоев — 10 фр., Т. Г. Поляков — 100 фр., Е. Е. Ковалев 30 фр., Н. Н. Евсеев — 10 фр., Какурин — 2 долл., Н. Н. Туроверов — 25 фр., Р. Кузнецов — 10 фр., А. И. Третьяков — 5 долл., Н. Ф. Пузанов — 50 фр., ген. Н. Г. Зубов — 50 фр., докт. Н. Н. Тарарин — 50 фр., г-жа Д. Я. Падалкина — 30 фр., А. К. Л. — 16 фр., А. П. Падалкин — 50 фр., В. В. Тевяшов — 20 фр., Т. Ф. Б. — 50 фр., Б. Жуков — 50 фр., С. А. Артемов — 50 фр., чернецовцы семилетовцы через М. И. Кацмана — 20 фр., Б. Раков — 5 долл., ген. М. Г. Хрипунов — 2 долл., г-жа Чернобровкина — 20 фр., Ф. Ф. Гончаров — 30 фр., И. Е. Николаев — 10 фр., Н. А. Ломакин — 50 фр., от калмыков через С. Ш. Балданова — 22 фр., К. Жибров — 50 фр., Кравцов — 10 фр., Халанский — 10 фр., г-жа Лели — 30 фр., Н. И. Катенев — 50 фр., М. В. Васильев — 10 фр., Ф. М. Миронов — 10 фр., от секции казаков-комбатантов в Монтаржи — 10 фр., В. А. Ульянов — 10 фр., Н. Н. Воробьев (2-ой взн) — 3 долл., В. М. Кузнецов — 10 фр., И. Я. Крюков — 15 фр., И. И. Сагацкий — 10 фр., П. М. Поляков — 100 фр., г-жа Кучерова — 5 долл., В. А. Балахнин — 5 долл., Донская станица в Лос Анжелос — 20 долл.

Для передачи Дамскому Комитету Казачьего Союза: А. А. Леонов — 50 фр., П. А. Максимов — 10 фр.

На издание книги об Атамане А. М. Каледине: П. А. Еронин — 60 фр., « Донская Пирамида » — 40 фр.

Всех жертвователей просим принять нашу большую искреннюю благодарность.

● **Правление Казачьего Союза** просит сообщить, что им было получено на оплату обеда неимущим казакам в день Покрова Пресвятой Богородицы от Ф. Ф. Гончарова — 30 фр. и А. А. Пятницина — 25 фр. и для вдовы

полк. Кудинова через Е. Т. Гетманова 60 фр. Всего для П. И. Кудиновой было собрано 1052,45 фр. Правление Союза выражает жертвователям горячую благодарность за проявление казачьей солидарности.

● **РОЗЫСКИ.** — Таисия Георгиевна Кузнецова розыскивает брата МИХАИЛА ГЕОРГИЕВИЧА КУЗНЕЦОВА, станицы Зотовской, рождения 1912 г. Знающих об его судьбе просят сообщить по адресу:

V. Donskoff. 87 ter Bd. de la Republique.
92 — Billancourt. France.

А. Руденко из Чили
A. Rudenko. Santa Victoria W. 454. Altos Santiago de Chili — Chili.
просит сообщить о судьбе донского промышленика, члена Дон. Войск. Круга Николая ЕЛЬПИДИФОРОВИЧА ПАРАМОНОВА, его брата Петра или его сына НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА, родившагося в 1914 г., а также их зятя ВАСИЛИЯ ИВАНОВИЧА РЕЗАНОВА.

● **Поправка.** — В № 78 « Род. Края » было ошибочно указано, что бывший командир Л. Гв. Казачьего полка ген. А. М. Греков скончался в старческом доме в Каннах. Ген. Греков жил у своей дочери в Кап Фера, где и был похоронен.

● **Обращение к подписчикам « Род. Края » в Канаде.** — В Канаде введены номерные почтовые зоны. Номера зон считаются непременной составной частью всякого почтового адреса. Во избежание перерыва в доставке « Род. Края » просьба к подписчикам в Канаде сообщить в редакцию по возможности скорее номера своих почтовых зон.

Вышла из печати книга Н. М. Мельникова

« А. М. КАЛЕДИН —

ГЕРОЙ ЛУЦКОГО ПРОРЫВА И ДОНСКОЙ АТАМАН »

В книге 375 страниц, много редких фотографий.

Выписывать из редакции « Родимого Края ». Стоимость во Франции 26 фр., заграницей — 5,50 долл.

Тираж ограничен.

Вышла из печати, под редакцией Н. М. Мельникова, в издательстве «Родимого Края», монография

МИТРОФАН ПЕТРОВИЧ БОГАЕВСКИЙ

В книге 276 стр. и редкие фотографии. Выписывать из редакции «Род. Края». Стоимость во Франции — 16,50 фр., заграницей — 3,50 долл. В книге, кроме яркой обрисовки личности и деятельности Донского Златоуста, перед глазами читателя попутно проходит героическая эпоха Калединского периода истории Дона.

Осталось еще ограниченное количество экземпляров.

РУССКИЙ КНИЖНЫЙ МАГАЗИН В ПАРИЖЕ

— Все новинки книжного рынка —
MAGASIN DU LIVRE
10, rue des Carmes Paris 5
Tél. DANton 25-28.

« ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА »

Орган Союза Участников 1-го Кубанского ген. Корнилова Похода, посвященный истории Белого Движения. Выходит каждые два месяца.
Редактор Г. Л. Корнилов

Подписная плата на 1 год — 6 долл., на 6 месяцев — 3,50 долл., стоимость отдельного № — 1,25 долл.
Адрес редакции : 1521 Sargent place. Los Angeles Calif. 90026. USA

Imprimerie P.I.U.F. - 3, rue du Sabot - Paris (6e)

Х123
За
степной поход
1918г
12 5
11 V

Родимый Край

РОДИМЫЙ КРАЙ

Орган общеказачьей мысли.
Издатель: Донское Войсковое Объединение
Association des Cosaques du Don
Arc du Ministre de l'Int. [illegible]

PAYS NATAL

Редакционная Коллегия: Б. А. Богаевский, В. М. Кузнецов, А. П. Падалкин, Н. Н. Туроверов, Б. Н. Уланов.
Адрес редакции:
B. BOGAEVSKY
230 Av. de la Division-Leclerc
95 Montmorency
France

N° 80 - 81. 1969. 10 F.
Parait tous les 2 mois.
Directeur: Bogaevsky.

ОТ РЕДАКЦИИ "РОДИМОГО КРАЯ":

Этот двойной N° "Родимого Края" (80-81) посвящается Степному Походу, Походному Атаману генералу-от-кавалерии П.Х.Попову и началу казачьих восстаний на Дону.

Если о I-м Кубанском ("Ледяном") Походе Добровольческой Армии существует обширная литература, то о Степном Походе написано очень мало, да и то в виде описаний его отдельных эпизодов, описаний разбросанных по разным казачьим журналам. А Степной Поход - это яркая страница истории Дона, истории гражданской войны на юге России, о которой мы, казаки, находящиеся в свободном мире, должны оставить правдивое свидетельство для будущих историков.

Говоря о Степном Походе, нельзя не писать и о ген. П.Х.Попове, - вся его деятельность тесно связана с тем, что происходило на Дону в ту трагическую эпоху: до Степного Похода, во время него, и после него. Также тесно связаны со Степным Походом и начало казачьих восстаний, и как вполне правильно выразился А.П.Падалкин ("Степной Поход и начало каз. восстаний") вполне возможно, что не будь бы этих восстаний - судьба "Отряда Вольных казаков" могла бы быть иной, и возможно более трагичной. Но также возможно, что если бы не было бы этого Отряда Степняков, то и казачьи восстания были бы обречены на неудачу.

В прошлом году исполнилось сто лет со дня рождения ген. Попова. После его кончины в октябре 1960 г. был проэкт издать особый сборник посвященный его памяти. Для этого была создана специальная комиссия, но по разным причинам, от нее независящим (отсутствие средств, кончина многих ее членов и т.д.), эта задача не смогла быть выполнена.

Редакция "Родимого Края" просит принять ее искреннюю благодарность всех тех, кто дал ей возможность своими посильными взносами выполнить эту задачу. (Списки жертвователей были опубликованы в "Род. Крае" и "Русской Мысли") Матерьяла об описываемых событиях поступило столько, что выпуск типографским способом, несмотря на все денежные поступления, тоже оказался матерьяльно невозможным, поэтому мы были принуждены издать этот двойной N° на ротаторе.

Большое казачье спасибо всем, кто своей помощью и участьем позволил нам, помимо регулярного издания журнала, издать и ряд книг о

трагических страницах донской истории. Этот N° "Род. Края", вместе с "Воспоминаниями ген. А.П.Богаевского", монографией под редакцией Н.М. Мельникова "М.П.Богаевский", с его же книгой об Атамане Каледине, вместе с отдельными многочисленными статьями А.П.Падалкина, Е.Е.Ковалева, М.К.Бугураева и др. дает яркую картину и правдивое описание того, что происходило на Дону пол-столетия тому назад, описание "Калединской эпохи" и того, что произошло сразу после смерти А.М.Каледина. Все это ценные исторические документы для будущих историков.

Редакция "Родимого Края".

:-:-:-:-:-:-:-:-:-:

РОДИМЫЙ КРАЙ.

Родимый Край... Как ласка матери, как нежный зов ее над колыбелью, теплом и радостью трепещет в сердце волшебный звук знакомых слов.

Чуть тает тихий свет зари, звенит сверчек под лавкой в уголке, из серебра узор чеканит в окошке месяц молодой... Укропом пахнет с огорода... Родимый Край...

Кресты родных моих могил, и над левадой дым кизечный и пятна белых куреней в зеленой раме рощь вербовых, гумно с буреющей соломой и журавель застывший в думе, - волнует сердце мне сильней всех дивных стран за дальними морями, где красота природы искусство создади мир очарований.

Тебя люблю, Родимый Край...

И тихих вод твоих осоку и серебро песчаных кос, плас чибиса в куге зеленой, песнь хороводов на заре, и в праздник шум станичного майдана, и старый милый Дон не променяю ни на что...

Родимый Край...

Напев протяжный песен старины, тоска и удаль, красота разлуки и грусть безбрежная - щемят мне сердце сладкой болью печали, невыразимо близкой и родной...

Молчание мудрое седых курганов и в небе клекот сизого орла, в жемчужном мареве виденья зипунных рыцарей былых, поливших кровью молодецкой, усеявших казацкими костями простор зеленый и родной... не ты ли это, Родимый Край?

Во дни безвременья, в годину смутную развала и паденья духа, я, ненавидя и любя, слезами горькими оплакивал тебя, мой Край Родной...

Но все же верил, все же ждал; за дедовский завет и за родной свой угол, за честь казачества взметнет волну наш Дон Седой...

Вскипит, взволнуется и кликнет клич, клич чести и свободы...

И взволновался Тихий Дон... Клубится по дорогам пыль, ржут кони, блещут пики... Звучат родные песни, серебристый подголосок звенит вдали, как нежная струна...

Звенит, и плачет, и зовет...

То Край Родной восстал за честь отчизны, за славу дедов и отцов, за свой порог и угол...

Кипит волной зовет, зовет на бой Родимый Дон...

За честь Отчизны, за казачье имя кипит, волнуется, шумит седой наш Дон, - Родимый Край...

Ф.Крюков.

("Донская Волна" N° 12. 26 авг. 1918 г.)

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА.
(К произведению Ф.Крюкова "Родимый Край".)

Существует мнение, что известное стихотворение в прозе Федора Дмитриевича Крюкова "Родимый Край" случайно найдено в его бумагах без даты и, следовательно, можно думать, что оно написано им в неопределенное время и вне зависимости от обстановки, имея в виду историческое прошлое Дона. На самом деле это не так.

Происхождение его тесно связано с переживаемыми Россией и Доном днями и поэтому фактическая сторона его появления имеет значение, а она такова:

после захвата власти большевиками в Усть-Медведицком округе во главе с Войсковым старшиной Мироновым (Ф.К.), 21 января 1918 г., Ф.Д. Крюков жил в своей Глазуновской станице, в 39 верстах от Усть-Медведицкой, изредка наезжая в нее повидаться с своими друзьями и навестить сына, учившегося в реальном училище.

Когда, в конце апреля, в округе началась вооруженная борьба казаков-"кадет" с их противниками казаками-"мироновцами", изгнанный из станицы Усть-Медведицкой "Революционный Совет" Миронова перенес свою резиденцию к железной дороге в слободу Михайловку, откуда и руководил всеми операциями.

Вооруженная борьба разгоралась, переговоры, ведшиеся на происходившем в мае в Михайловке Съезде Делегатов обеих сторон, не приводили ни к чему и явно затягивались Мироновым, ожидавшим отряды красных матросов из Царицына и Борисоглебска, для наступления на Усть-Медведицкую, объявленную контр-революционным гнездом, подлежащим уничтожению.

Шла подготовка и в Усть-Медведицкой, но у казаков-кадет не было оружия, кроме шашек, не было патрон, даже на имевшееся ничтожное число винтовок. Приходившие отряды отдельных станиц, в 3-4 сотни конных и пеших казаков, имели на весь отряд всего каких-нибудь 15-20 винтовок, с 5-8 патронами на винтовку, что, понятно, не могло не отражаться на настроении казаков.

Воодушевленная учащаяся молодежь шла в бой, вооруженная одними палками и доставала себе оружие у красных. Были уже десятки убитых и раненых; в станице не было ни медикаментов, ни перевязочных средств и не было ни копейки денег на самые необходимые расходы по уходу за ранеными и не откуда было достать их.

Тот патриотический подъем, какой царил среди восставших казаков 14 хуторов ст. Усть-Хоперской, - родины Атамана А.М.Каледина, далеко не захватывал станицы и хутора округа. И в то время, когда за Доном уже горели хутора и шайки матросов с орудиями и пулеметами двигались от линии железной дороги на Усть-Медведицкую, расстреливая десятками ни в чем неповинных стариков, и когда безоружная молодежь и казаки восставших отрядов гибли в неравных боях, в это время в станицах и хуторах левого берега Дона шли бесконечные споры, на хуторских сборах, о том: - нужно ли участвовать в борьбе и чью принять сторону.

Некоторые хутора выбрасывали белые флаги, заявляя этим свою "нейтральность", другие делились на две группы "нейтральных" и "восставших" и, наконец, были хутора, делившиеся на резко обособленные три группы: "мироновцев", "кадет" и"нейтральных".

К этой последней группе, скрывавшей в себе и самый "шкурнический" элемент станиц и хуторов, в первые дни принадлежала и родная станица Ф.Д.Крюкова - Глазуновская.

Все эти колебанья казаков, бесконечные споры их на собраниях, начинавшиеся с раннего утра и кончавшиеся поздним вечером, - угнетающе действовали на Федора Дмитриевича, жившего в своей станице и часто вызывавшегося казаками на сбор, - для разъяснения тех или иных вопросов. Для него, приговоренного уже к смерти и чудом спасенного от расстрела, все вопросы были ясны, - он сам ни на минуту ни расставался с своим германским карабином и вопрос: "что делать?" для него разрешался просто: - нужно браться без колебаний за топоры и вилы и очищать родную землю от разбойничьих банд, именовавшихся революционным народом.

Но это мнение не было по душе большинству казаков его станицы, для них более были приемлемы призывы обыкновенных шкурников, скрывавшихся под видом нейтральных и в то время, как большая часть боевых казаков ушла к Миронову, а меньшая сражалась в рядах кадет, шкурники философствовали в станице на тему: "моя хата с краю".

Все убеждения Федора Дмитриевича на сборах, что эта шкурническая позиция не спасет их от расстрелов и грабежей красы и гордости ревслюции - матросов, уж по одному тому, что они казаки, на его станичников не действовали, и только позже они убедились в этом горьким опытом, и Глазуновская станица была впоследствии одной из непоколебимых в своей стойкости в борьбе с красными.

В эти тяжелые первые дни начала борьбы с красными в Усть-Медведицком округе, в дни полной неопределенности, душевного шатания и неуверенности, не только в далеком будущем, но и в завтрашнем дне, в тяжелой общей душевной угнетенности - только учащаяся молодежь местных учебных заведений, с примкнувшими к ней студентами, была бодра и весела. Образованный из нее подъесаулом Алексеевым партизанский отряд, с пением своего бодрого марша, ходил за станицу на обучение, резко выделяясь среди общего угнетенного состояния.

А оно питалось фронтом, с которого шли тяжелые вести, - молодые казаки, так называемые фронтовики, сформированных в станицах отрядов держали себя неопределенно, среди них было много колеблющихся, а из хуторов левого берега Дона и прямо сочувствовавших Миронову, - все это создавало неуверенность в отрядах. Отдельные отряды часто митинговали, отказываясь выполнять боевые задания, все еще надеясь на мирное разрешение вопроса: - быть ли в округе большевистским советам или жить казакам по старине?

На подн явших восстание Усть-Хоперцев, мужественно дравшихся с большевистскими бандами, сыпались упреки, - в поднятии напрасно оружия.

Знаменитый Казьма Крючков, бывший по обыкновению в первых рядах, жаловался, что ему нельзя слова сказать, как ему сейчас же со злобой говорили: "всемирную славу хочешь и генеральские погоны".

При таком крайне неопределенном настроении казаков, не могло быть уверенности в поднятое ими же самими дело борьбы с большевиками у офицеров, призванных казаками же в свои отряды. Своим мужественным примером они воодушевляли свои отряды и многие из них гибли при обстановке, исключавшей возможность этого в иных условиях, - так погиб сотник А.И.Емельянов, не поддержанный казаками отряда при команде его "в атаку..."

Но поднятое дело борьбы все же не умирало, напротив, оно росло и ширилось. Один за другим приставали нейтральные хутора к восставшим и высылали свои отряды за Дон на помощь бившимся там казакам.

И целые дни, на вершине Пирамиды, ставшей теперь "исторической" точкой округа, - стояли толпы народа, молча, пристально всматриваясь в даль Задонья, где на широком, многоверстном пространстве горели

отдельные хутора и кое где рвалась над ними шрапнель ... гудели орудия.

А по дорогам зеленеющей майской степи из присоединившихся хуторов, заунывными казачьими песнями, полными грусти, тянулись змейки казачьих отрядов, шедших к Дону на сборный пункт.

Далекой, эпической стариной, обвеянной грустью, веяло от всей этой картины...

На горе часто бывал и Федор Дмитриевич Крюков и Роман Петрович Кумов.

Здесь мало говорили, но само молчание говорило больше всяких слов.

В такой обстановке, между жизнью и смертью, в ст. Усть-Медведицкой был устроен "летучий" концерт для получения средств на первую помощь раненым.

Утром, в день концерта, к уезжавшему в свою Глазуновскую станицу, только что освобожденную от большевиков, повидать родных и свой очаг, обратилась его квартирная хозяйка А.В.Попова, приглашенная участвовать в концерте, написать что-либо для прочтения ею на этом вечере.

Федор Дмитриевич ответил:

- Что же я могу написать Вам, - стихов я не пишу, а стихотворений в прозе писать не умею, а то, что я пишу обычно, не подходит.

Это было за час до его отъезда, а уезжая он вышел из своей комнаты и, передавая ей набросанный "Родимый Край", сказал:

- Подойдет, - прочтите, а нет - выбросьте...

"Родимый Край" был прочитан под акомпанимент-экспромт рояли П. П.Васильева и произвел неописуемое впечатление...

В открытые окна переполненного зала реального училища, с далеким видом на Задонье, видно было зарево горевшего в двадцати верстах за Доном хутора Зимовника, - то отряд красных, предводительствуемый матросом, жег дома семей офицеров, ушедших в противные отряды. Изредка слышны были одиночные орудийные выстрелы...

На сцене сидели 17 юношей партизанского отряда, раненых в бою под хутором Шашкиным, где из отряда в сто человек было одних только убитых 26...

Один за одним проходили вокально-музыкальные номера грустных мелодий, невольно отражавших общее настроение и, наконец, вечер заканчивался мелодекламацией А.В.Поповой. С редким, по теплоте чувства, искусством стала она читать это стихотворение, под мелодию казачьих песен, полную тоски и грусти.

Прочитанный несколько раз подряд, "Родимый Край" произвел на присутствующих неизгладимое впечатление...

Его наизусть знала молодежь, в сотнях экземпляров его требовали на фронт и со словами из него "за честь отчизны" шли в бой молодые и старые казаки.

Психологическое влияние на казачьи массы этих немногих строк, сочетавших в простых и ясных словах близкие и безгранично дорогие душе и сердцу каждого Донца понятия, - было огромно.

Они, эти немногие строки связывали его настоящее с далеким прошлым истории его Родного края, обвеянной такой поэтической красотой, и в тяжелые, мрачные дни полной неизвестности его настоящего они придавали бодрость и укрепляли веру в будущее. В этих строках казаки своей простой душой глубоко чувствовали, что в их многовековой истории начинается новая страница, и что написанная их слезами и кровью, - она не забудется русским народом.

Нужно было видеть эти вдохновенные лица молодежи и слышать бесконечные повторения отдельных мест из "Родимого Края", чтобы понять оставленное впечатление в каждом, прочитавшем его, и оценить все его психологическое значение на поднятие духа и настроения в колебавшихся народных казачьих массах...

Убитая молодежь в первом бою с Мироновым из отряда партизан подъесаула Алексеева, в числе 13 трупов, была похоронена в общей могиле, на высшей точке горного берега Дона, в четырех верстах от Усть-Медведицкой, называющейся "Пирамидой" и на огромном деревянном кресте над этой "Братской Могилой" был приведен конец из "Родимого Края" от слов "... Во дни безвременья, в годину смутного развала...", но по занятии, 29 января 1919 г. Усть-Медведицкой станицы красными, крест начали рубить, - Миронов остановил и приказал только сорвать эту надпись.

В ясные летние дни, с "Пирамиды" открывается редкая по красоте картина беспридельной Донской степи, с извивающимися на много десятков верст вокруг нее Доном и красивыми степными притоками его, - Хопром и Медведицей. По радиусу в 80 верст с "Пирамиды" видны станицы и хутора, утопающие в зелени садов и левад, с белеющими в них колокольнями церквей.

Легкой синеватой дымкой, среди зеленеющих лугов, отмечены пути Старого Дона, Медведицы и Хопра, и какой-то особой грустью веет от картины кажущихся беспредельными пустыми сыпучих песков, левого берега Дона...

У подножия "Пирамиды", на берегу Дона, с впадающей в него с противоположной стороны Медведицей, красиво расположился Усть-Медведицкий Преображенский монастырь, так много раз воспетый Ф.Д.Крюковым и Р.П.Кумовым в их произведениях, придающий какую-то особую мягкость и теплоту общей картине...

Нужно было видеть Ф.Д.Крюкова, присутствовавшего на похоронах этих первых жертв "гражданской войны", чтобы понять его душевное состояние...

Оно вылилось во втором его стихотворении в прозе, названном им "Пирамидами", и посвященном героям "Братской Могилы".

А Р.П.Кумов, часто проводивший время на Пирамидах и особенно полюбивший их, как он говорил, после того, как они украсились "Исторической" Братской Могилой, - мечтал посвятить им целое большое произведение, связанное с пережитыми событиями, назвав его "Пирамидами".

И тот и другой, страстно мечтавшие найти покой среди дорогих братских могил Пирамиды, унесли с собою скорбь, оставив жизнь вдали от родных, любимых мест, вдохновлявших их на дивные строки.

Федор Дмитриевич Крюков умер 20 февраля 1920 г. на Кубани.
Роман Петрович Кумов - 20 февраля 1919 г. в Новочеркасске.

П.Скачков.
("Донская Летопись". N° I - 1923 г.)

:-:-:-:-:-:-:-:

От Редакции: Незадолго до своей смерти Роман Петрович Кумов, друг Федора Дмитриевича Крюкова, поместил в N° 12 "Донской Волны" от 26 августа 1918 г., издававшейся нашим талантливым писателем и журналистом, также безвременно погибшим, Виктором Севским (В.А.Краснушкиным) - трогательные строки, посвященные погибшим героям.

ПАМЯТИ ПОГИБШИМ ГЕРОЯМ.

Пусть позволит мне ваша чистая память возложить к подножью ваших безвременных могил несколько смиренных благодарных благоговейных былинок.

Я не погублю для этого в моем маленьком цветнике ни пышных маков, ни тонкостебельных синеоких васильков - пестрое, но непрочное богатство. Пусть они живут и дышут в память вашу...

Но я отдам вам то, что мне дороже всех пышных маков, синию васильков и благоухающих левкоев: несколько былинок седой горькой полыни и полевого цветущего чебора. Пусть они напомнят вам, как напоминали когда то мне на чужбине, о прекраснейшей стране под солнцем, где течет единственная в свете по синеве своих вод старая Река и где на пустынных прибережных горах колышится белая подсохшая полынь да сладко курится розовый ладонный чебор.

Пусть расскажут они вам, как рассказывали когда то мне в далеких землях, о нашей тихой станице под высокими горами - Пирамидами, о милых изрытых дождевыми потоками, улицах, о старом задумчивом соборе, на котором чудесно трезвонят ко всеношной под праздники, о сиреневых палисадниках, о заросших шумящими пахучими левадами и садами Базах и Клинах, о коротеньких переулках к Дону с восхитительными видами на старую синюю богатую воду.

Пусть скажут они вам о ваших оставленных на степной стороне, беленьких домах под лепечущей вишней, о грустных лампадках, заженных в вечерний час близкой рукой во имя ваше, о родных, о близких людях, - о всем том, что вами, высокими, оставлено ныне беззаветно и бесприкословно, ради долга и высокой чести...

И пусть передадут они вам, что вся великая Донская Степь с седой полынью и розовым чебором, с чистой ромашкой и важными красноголовыми татарниками, с холодной мятой и узорчатым тысячелистником, со всяким, всяким полевым разнотравием, ныне клонится перед вами ниц и поет, как под сильнейшим свежим ветром: "слава вам, слава"...

Клонятся ниц полинявшие под солнцем деревянные голубцы при дорогах, возмутились в глубоких тенистых оврагах ключевые воды, возшумели полевые дикие красавцы - боярышники и луговые терны, задымила травянным ароматом дебелая яркая "рожа" под подъемным слуховым оком: "слава вам, слава"...

Падают ниц, до самой сырой земли, степные народы, и те, которые пьют воду из старой синей Реки, и те, которые пьют воду из далеких степных жемчужных озерец, на белых хуторах: "слава вам, слава".

С Л А В А В А М , С Л А В А .

Роман Кумов.

ГЕН. П.Х.ПОПОВ И ЕГО РОЛЬ В ОРГАНИЗАЦИИ И РАЗВИТИИ БЕЛОЙ БОРЬБЫ.

Кто в Новочеркасске, особенно среди кадет, не знал Н-ка Новоч. Воен. Уч-ща ген. Попова? Его видели на парадах, его встречали в городе, но... это было знакомство издалека. Весной 1912 г. случай помог нашему выпуску встретиться с ним и оценить его немного ближе. В этот год, по окончании экзаменов, для строевой сотни был введен недельный поход с ночевкой в палатках и довольствием из походной кухни. Ввиду отъезда 6-го и 7-го классов частью в Москву, на открытие памятника Императору Александру III, частью в Петербург, на гимнастический съезд кадетских корпусов, в поход выступили только два отделения 5-го класса, перешедшие в шестой. Среди нас было много музыкантов и, выпросив инструменты, мы съимпровизировали небольшой духовой оркестр. При выступлении от нашей музыки собаки разбегались в разные стороны, но в походе мы быстро сыгрались и имели небольшой репертуар.

Возвращаясь в Новочеркасск со стороны Александро-Грушевска, мы в сумерках подошли к юнкерскому лагерю и грянули какой-то марш. Из рощи послышались крики, а затем топот ног бегущих к ж.д. платформе юнкеров. Когда мы подошли к ней, раздалась команда "смирно" - то взвод юнкеров отдавал честь донским кадетам. Мы ответили тем же, после чего были приглашены в Училище на ужин.

Ген. Попов встретил нас в столовой, поздоровался и предложил развлечь юнкеров музыкой, пока все приготовят. Когда ужин был подан, он поблагодарил нас за игру и даже поставил в пример своим юнкерам, а потом, обходя столы, беседовал с кадетами, спрашивая, как мы перенесли поход, ночлег в открытом поле и прочее. Вряд ли он думал тогда, что через 6 лет, с такими же юнцами, какими мы были в то время, ему придется проделать гораздо более тяжелый, длительный и героический поход по Сальским степям, в борьбе за честь и вольность Донского Войска.

Ласковое, чисто отеческое отношение ген. Попова к юным кадетам, произвело на нас большое впечатление и, покидая лагерь, мы прокричали в честь Н-ка Уч-ща громкое "ура".

Прошло немного лет и разыгрались грозные события. Началась первая мировая война. Многие из юных кадет и юнкеров, став офицерами, сложили свои головы на поле брани. На пополнение убыли десятков донских полков требовались все время новые офицеры. Их ускоренная подготовка была возложена на ген. Попова, как опытного Начальника Уч-ща, что помешало ему уйти на фронт, и в этой скромной, но ответственной должности, он продолжал оставаться в тени, пока не разразилась революция, сокрушившая вековые устои Российской государственности.

Развернувшиеся в Новочеркасске события сразу вынудили ген. Попова на первый план. Новочеркасское Воен. Уч-ще с первых дней стало оплотом порядка против развивавшейся всюду революционной анархии. Попытка Обл. Исп. Комитета сменить Н-ка Уч-ща не удалась, т.к. юнкера заявили, что если тронут ген. Попова, то они будут защищать его с оружием в руках ("Донская Летопись" N° 2).

По мере углубления революции и стихийно развивавшегося "нейтрализма" донских частей, три сотни дисциплинированных и преданных своему Н-ку Уч-ща юнкеров, представляли единственную реальную силу, на которую опиралась донская власть. Юнкерам пришлось выполнять задания самого разнообразного характера, но особенно важной была роль, которую сыграло Училище в деле организации донских партизанских отрядов. Им оказывалась помощь и советом, и инструкторами, и обучением стрельбе из пулеметов. Благодаря этому, сколь невелико было общее число ге-

роических защитников Дона в конце января 1918 г., все же их было значительно больше, чем в начале того же месяца, когда по словам Атамана Каледина у него на всех фронтах оставалось 67 штыков. И когда 29-го января прозвучал трагический выстрел и не стало Атамана, те, кто был тогда в Новочеркасске, помнят, какая жуткая и гнетущая атмосфера царила в городе. Если в тот же день не рухнуло все, то только потому, что если не тысячи, то все же сотни донских партизан, истекая кровью, сдерживали напор красной гвардии, позволив вновь организовать атаманскую власть и продолжать борьбу.

В тяжелый и грозный час согласился ген. Назаров стать Донским Атаманом, а ген. Попов принял назначение на пост Походного Атамана. Нужно было глубокое сознание долга, чтобы не уклониться от ответственности. В распоряжении ген. Попова находились только немногочисленные партизанские отряды, да три сотни юнкеров, т.к. остатки еще не разошедшихся по домам строевых частей не исполняли больше никаких боевых приказов. Попытка привлечь к обороне казачьи дружины ближайших к Новочеркасску станиц успеха не имела и стало очевидно, что одни партизаны, несмотря на весь их героизм, не смогут долго сопротивляться напору многочисленных и хорошо вооруженных отрядов большевиков. Занятие последними Новочеркасска и установление на Дону советской власти было неизбежно в ближайшем будущем, но формирование партизанских отрядов все же продолжалось. Ген. Попов и некоторые из его сотрудников, зная казаков и их веками сложившийся быт, считали, что они недолго уживутся с новыми пришельцами, ломавшими все старые устои, и конфликт казачества с большевизмом неизбежен. К этому моменту нужно было сохранить организованные вооруженные кадры, на которые можно будет опереться и тогда же был намечен план увода партизанских отрядов в глушь донских степей, где им легче будет продержаться некоторое время в ожидании грядущих событий. С партизанами должен был уйти и последний выборный Донской Атаман ген. Назаров.

После оставления Ростова Добровольческой Армией 9 февраля, донские партизаны продолжали сдерживать напор красных на сев. направлении, но неожиданное прибытие 11 февраля революционного казачьего отряда в.ст. Голубова в ст. Кривянскую, создав угрозу с тыла, заставило принять решение о немедленном отходе партизан в степи. 12 (25) февраля 1918 г. Новочеркасск был оставлен и партизанские отряды отошли в ст. Старочеркасскую. Атаман Назаров в последнюю минуту изменил свое решение и остался в Новочеркасске, где в тот же день был арестован и вскоре расстрелян. Красная большевицкая волна захлестнула Дон.

Не склонили головы перед красными захватчиками одни лишь партизаны во главе с Походным Атаманом ген. Поповым, на которого легла тяжелая ответственность за сохранение и наилучшее использование этих стойких бойцов в дальнейшей борьбе за освобождение от большевицкого ига.

Пока добровольцы, оставив Ростов и сосредоточившись в ст. Ольгинской, приводили себя в порядок, руководители Добр. Армии, созвав военный совет, обсуждали вопрос о дальнейших действиях. На совете обнаружилось два течения. Ген. Корнилов, поддержанный ген. Лукомским, предлагал двинуться в отдаленный от ж.д. и мало населенный район на стыке Дона, Кубани и Ставропольской губ., где было легче отбиваться от большевиков. Ген. Алексеев и ген. Деникин стояли за движение на Кубань, богатую продовольствием и фуражем, надеясь найти поддержку у кубанских казаков и создать базу в Екатеринодаре, т.к. этот город еще не был во власти большевиков. На втором заседании военного совета

12 февраля, как пишет в своей книге "Первые начавшие" полк. Ряснянский, было решено итти на Кубань. Решение это могло быть только условным, т.к. вожди Добровольческой Армии еще не знали, каковы были намерения Походного Атамана.

13 февраля состоялась встреча ген. Попова с ген. Корниловым в ст. Ольгинской и т.к. их взгляды совпадали, ему удалось убедить ген. Корнилова о совместном движении в район зимовников. Согласно принятого плана Добровольческая Армия двинулась в направлении на Торговую, а отряд Походного Атамана на Великокняжескую. Однако в ст. Егорлыцкой Добровольческая Армия изменила свое решение и 21 февраля повернула на Кубань, послав предложение Походному Атаману присоединиться к ней.

Его отряд в это время уже втянулся в боевые операции и по занятии Великокняжеской, после совещания с нач-ками партизанских отрядов, ген. Попов это предложение отклонил, т.к. донские партизаны имели задачу способствовать освобождению Дона и должны были оставаться на Дону.

Природный донской казак, сын известного на Дону общественного деятеля Х.И.Попова, основателя и хранителя Донского Музея, хорошо знавший историю Дона, нравы и быт казаков, ген. Попов глубоко верил, что пассивность донских казаков временна, что они не снесут долго красное иго, что восстание на Дону неизбежно. ЭТА ВЕРА, А НЕ ЧЕСТОЛЮБИЕ, в котором неосновательно упрекали его, БЫЛА ПРИЧИНОЙ ЕГО ОТКАЗА СЛЕДОВАТЬ С ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИЕЙ НА КУБАНЬ. ПОСЛЕДУЮЩИЕ СОБЫТИЯ ПОДТВЕРДИЛИ ПРАВИЛЬНОСТЬ РЕШЕНИЯ ГЕН. ПОПОВА И ЕГО ВЕЛИКУЮ ПРОЗОРЛИВОСТЬ, ОПРОВЕРГНУВ РАСЧЕТЫ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ.

По этому поводу ген. И.Н.Оприц, в своей книге "Лейб-Казаки. 1917-1920", пишет:

"Никто не мог знать, что жизнь решит вопрос по своему и что Добр. Армия, выйдя из ст. Егорлыцкой, ровно два месяца спустя, в поисках прочной базы, вернется в ту же станицу, в свое исходное положение на Дон. Вернется - утратив Корнилова, ряд выдающихся начальников, пережив ряд критических положений, когда только высокий героизм ее состава от рядового до начальника, опасал от полной и конечной гибели.

"Как бы то ни было, но в споре, где на одной стороне были б. Верховный Главнокомандующий всеми Армиями Российского фронта ген. Алексеев и б. Командующий Юго-Западным фронтом ген. Деникин, ПРАВЫМ ОКАЗАЛСЯ, КАК БУДТО, СКРОМНЫЙ НАЧАЛЬНИК НОВОЧЕРКАССКОГО ЮНКЕРСКОГО УЧИЛИЩА, ОБЛАДАВШИЙ ВЕСЬМА НЕБОЛЬШИМ СТРОЕВЫМ ЦЕНЗОМ И ПРИ ТОМ ЛИШЕННЫЙ МАЛЕЙШЕГО БОЕВОГО ОПЫТА ГЕН. П.Х.ПОПОВ. Ген. Попов верил в Дон, коему судьбою было предуказано быть базою всей борьбы с большевиками на Юге России."

Насколько он был прав видно из того, что после неудачи под Екатеринодаром и смерти ген. Корнилова, как пишет полк. Ряснянский ("Первые начавшие"):

"Ген. Деникин решил двинуться на восток, чтобы вырваться из густой сети ж.д., идущих на Екатеринодар и Кавказ, остановиться затем на стыке трех "республик" - Дона, Кубани и Ставрополья, и оттуда, передохнув, в зависимости от обстановки, начать новую операцию против большевиков."

Короче говоря, ген. Деникин направлялся в тот район, куда с самого начала предлагал итти ген. Попов. КАК ВИДИМ ОПЫТ ВОЙНЫ С ВНЕШНИМ ВРАГОМ НЕ ВСЕГДА ПРЕДОПРЕДЕЛЯЛ ПРАВИЛЬНОСТЬ ПРИНЯТЫХ РЕШЕНИЙ В БОРЬБЕ МЕЖДУУСОБНОЙ С ЕЕ ОСОБЫМИ ЗАКОНАМИ, В КОТОРОЙ ВСЕ БЫЛИ НОВИЧКИ.

Одним из факторов, ускоривших восстание на Дону, было присутствие на его территории в Сальском округе отряда Пох. Атамана. В то время как связь с Добр. Армией, после ее ухода на Кубань, совершенно оборвалась и о ней ничего не знали, отголоски борьбы партизан степняков проникали в ближайшие донские станицы и оттуда распространялись дальше. Чем больше росло недовольство среди казаков против своеволия и зверств большевиков, тем больше думали они о том, что где то недалеко есть люди непокорившиеся красным и ведущие с ними успешную борьбу. Это укрепляло сознание, что борьба с насильниками возможна, стоит лишь взяться за оружие и что в этой борьбе они будут не одни. С надеждой на помощь росла уверенность в успехе, ускорившая процес брожения и вызвавшая первую вспышку восстания на Дону.

19 марта восстала станица Суворовская, поддержанная ближайшими к ней станицами, немедленно пославшая гонцов к Походному Атаману.

25 марта началось восстание станицы Баклановской и соседних с нею станиц, тоже вошедших в связь с Походным Атаманом. Произошло то, что предвидел и на что надеялся ген. Попов. 30 марта его отряд был уже на Дону в полосе восстания, в то время как Добровольческая Армия истекая кровью, безуспешно штурмовала Екатеринодар.

Насколько это было важно для дальнейшего хода Белой борьбы становится ясным, если сопоставить события, происшедшие в то время.

2 апреля Добровольческая Армия, сняв осаду Екатеринодара, отошла в немецкую колонию Гначбау, где, похоронив Корнилова, переживала острый моральный кризис.

"Гибель вождя, большие потери и усталость, усталость без конца, все сказывалось в этот день. И пошли слухи о необходимости распылиться, куда то бежать и быть может скитаться бездомными бродягами среди большевицкого красного моря", пишет участник похода полковник Ряснянский ("Первые начавшие").

Иначе обстояло дело на Дону. В этот же день (2 апреля) отряд Походного Атамана закончил переправу на правый берег Дона и с приходом его в ст. Нижне-Курмоярскую восстание на Дону стало распространяться с неимоверной быстротой. Значение отряда Походного Атамана в деле развития борьбы определялось не количеством бойцов, а тем моральным подъемом, который вызвало его появление среди казаков. Надо было слышать радостные крики и ликующий колокольный звон, которым встречало партизан население прибрежных станиц, при их движении вниз по Дону из Цымлянской в Константиновскую.

Некоторое влияние на развитие восстания имели и сильно преувеличенные народной молвой сведения о численности отряда Походного Атамана. Это учитывали некоторые из организаторов восстания и намеренно их распространяли. Мне вспоминается следующий случай. В станице Мариинской, будучи старшим квартирьером, я, прежде чем двинуться в станицу Константиновскую, вышел немного проитись и, увидив, что у станичного правления толпились казаки, пошел туда. Пробраться внутрь мне не удалось и я стал прислушиваться у входа. До меня донеслись отрывки фраз: "Изведут наш Тихий Дон... Пропадет казачье семя..."

Голос показался мне знакомым и я решил подождать конца. Скоро казаки стали расходиться и из помещения вышел человек, по внешности типичный заводской рабочий. Кепка, синяя косоворотка, темного цвета штаны с отворотом внизу.

Это был Генерального Штаба полк. Гущин, которого я сразу узнал, несмотря на маскарад, т.к. он был одно время на германском фронте начальником штаба нашей дивизии (2-ой Кубанской). Участником Степного Похода, как ошибочно считают некоторые, он не был, а некоторое

время был организатором обороны в районе ст. Константиновской. Я подошел к нему, представился и он отвел меня в сторону поговорить. Узнав, что я выступаю с квартирьерами в ст. Константиновскую, он предупредил меня, что там один из двух полков еще колеблется и рекомендовал принять меры предосторожности, а прощаясь добавил: "Вероятно вам пошлют навстречу делегатов. Если будут спрашивать - сколько вас, то говорите 20 тысяч."

От исполнения этого совета я уклонился. Подъезжая к Константиновской, верстах в 3-х от нее, я издали увидел одинокую фигуру конного казака, явно нас поджидавшего. Когда приблизились, он подъехал ко мне и спросил - кто мы такие и куда едем? Прежде чем ответить, я спросил его - кто он такой? Он ответил, что послан казаками 2-го полка, чтобы узнать - что за войско и сколько приближается к станице. Тогда я сказал ему, что мы квартирьеры отряда Походного Атамана, а за нами и по суше и по воде идет весь отряд, а сколько - увидишь потом и, указав рукой на ясно видимые вдали пароходы и баржи, добавил: "Ателерь скачи в станицу и чтоб там к нашему приходу все было в порядке, т.к. Походный Атаман шутить не любит." Казак тотчас стегнул по лошади и поскакал. Когда мы прибыли в станицу уже в сумерках, там все было спокойно и никаких инцидентов не было.

К пламени восстания, охватившего I-й и 2-ой Донские Округа, прибавился новый очаг в районе Новочеркасска, где I апреля восставшие казаки станицы Кривянской и ближайших станиц овладели временно столицей Дона.

Восстание продолжало развиваться, охватывая новые районы, и весть о нем дошла до Добровольческой Армии. Когда I5 апреля в ст. Успенской ген. Деникин объявил об этом добровольцам, сказав, что они пойдут теперь на Дон, его слова были покрыты громким "ура". Все воспрянули духом и от прежних сомнений и угнетенного состояния не осталось и следа. ("Первые начавшие"). Это было лучшим доказательством правильности решения ген. Попова оставаться на Дону.

Дальнейшее известно. 2I апреля Добровольческая Армия пришла в станицу Егорлыцкую, а 23 апреля, восставшие донцы под командой Походного Атамана овладели Новочеркасском, куда 25 апреля подошел отряд полк. Дроздовского, помогший окончательно разбить большевиков и прочно овладеть городом. Начался новый этап белой борьбы.

Если она выросла, окрепла и развилась из совокупности трех походов: Первого Кубанского, Степного и Дроздовского, то надо признать, что наибольшее влияние на ее развитие оказал Степной Поход и в этом заслуга ген. П.Х.Попова.

Е.Ковалев.

:-:-:-:-:-:-:-:

АТАМАН ПЕТР ХАРИТОНОВИЧ ПОПОВ.

После смерти Донского атамана Каледина и вступления в должность Донского атамана Назарова генерал Петр Харитонович Попов, в феврале I9I8 года стал Походным Атаманом донских казаков и после расстрела коммунистами Атамана Назарова занял его место. Вера в неизбежность скорого восстания донских казаков против тирании коммунизма удержала Походного Атамана П.Х.Попова на Дону и подвинула на сговор с вождем Добровольческой Армии ген. Л.Г.Корниловым о совместных действиях на стыке Войска Донского, Войска Кубанского и Ставропольской губернии.

Изменение ген. Л.Г.Корниловым намеченного плана и уход на Кубань Добровольческой Армии, несмотря на уговоры, не подействовал на Походного Атамана П.Х.Попова, и он со своими партизанскими отрядами "Вольных Донских казаков" остался в Сальских степях и уже в конце марта начал объединение разрозненных восстаний донцов в одно организованное действие против тирании коммунистов.

Еще в начале апреля 1918 года будущему Донскому Атаману П.Н. Краснову положение Дона казалось безнадежным, и он категорически отказался возглавить восстание южных станиц Дона.

В середине апреля казалось, что восстание выдыхается, и казаки нескольких станиц настолько заколебались, что оставили свой участок фронта и против них пришлось посылать специальные отряды для разоружения и восстановления нарушенного порядка.

Но систематическая работа штаба Походного Атамана по налаживанию связи и укреплению организации позволила П.Х.Попову 23 апреля занять Новочеркасск. 28 апреля 1918 года начальник 1-ой Отдельной Русской Бригады Добровольцев полк. М.Г.Дроздовский издал в Новочеркасске приказ, в котором он напомнил, что город этот "с первых дней возникновения отряда был нашей целью, целью всех наших надежд и стремлений - обетованной землей". Указав дальше на пройденный отрядом путь и на перенесенные им лишения, полк. Дроздовский призвал всех помнить, "что только смелость и твердая воля творят большие дела, и что только непреклонное решение дает успех и победу. Будем же и впредь в грядущей борьбе ставить себе смело высокие цели, стремиться к достижению их с железным упорством, предпочитая славную гибель позорному отказу от борьбы". И дальше: "Еще много и много испытаний, лишений и борьбы предстоит нам впереди, но в сознании уже исполненного большого дела с великой радостью в сердце, приветствую я вас, доблестные добровольцы, с окончанием вашего исторического похода".

В Новочеркасске благодаря смелости и твердости воли П.Х.Попова началась подлинная работа по объединению всех казачьих сил с силами Добровольческой Армии ген. Деникина и доблестных Дроздовцев.

Во время 10-летней службы ген. П.Х.Попова в штабе Московского военного округа ему несколько раз приходилось быть руководителем военных игр войсковых соединений округа. Позже ему пришлось в трудных условиях гражданской войны применить этот опыт на практике и блестяще провести то, что ни раньше, ни позже не удалось осуществить ни Корнилову, ни Алексееву, ни Колчаку, ни Деникину, а именно, - впервые получить в свое распоряжение около 50 тысяч бойцов и возможность мобилизацией иногороднего населения, которое находилось на территории подчиненной донским казакам довести количество бойцов в течение месяца до 120 тысяч. Для осуществления намеченного плана уже 29 апреля Походным Атаманом и Кругом спасения Дона было направлено в Киев посольство в составе начальника штаба Походного Атамана ген. В.И.Сидорина, проф. Академии Ген. Штаба полк. Гущина, бывшего помощника наказного Атамана по гражданской части И.Т.Семенова, члена Круга, директора Новочеркасского реального училища М.А.Горчукова.

К несчастью для всего дела борьбы с коммунистами, отъезд этих влиятельных в Новочеркасске лиц позволил нескольким честолюбцам вновь выдвинуть кандидатуру ген. П.Н.Краснова в Донские Атаманы и провести ее значительным большинством.

3 мая 1918 года ген. Краснов был избран, а 5-го Круг спасения Дона, считая свою работу законченной, был закрыт. В тот же день П.Н. Краснов назначил командующим Донской Армией ген. С.В.Денисова и отдал приказ о роспуске партизанских отрядов, а 6 мая был уволен в отставку Походный Атаман П.Х.Попов, только что произведенный постановлением Круга спасения Дона в генерал-лейтенанты.

Добровольческая Армия Деникина и кубанские казаки оказались на положении гостей и союзников Дона. Посольство Походного Атамана П.Х. Попова в Киев было отменено и послано другое во главе с ген. А.В.Черячукиным с другим совсем заданием.

П.Н.Краснов поставил донским казакам невыполнимую задачу стать во главе всех казаков, всего Юга России, не в результате согласования деятельности, а в результате удачно сложившейся обстановки и той позиции в борьбе с коммунистами, которую удалось занять донским казакам, благодаря смелости и твердой воле в проведении намеченного решения П.Х.Попова весной 1918 года. Изменение основной цели в борьбе с коммунистами для данного моменто привело к невольной задержке в вовлечении и развертывании широких народных масс в эту борьбу. Вследствие этого произошла большая задержка с мобилизацией не-казачьего населения Дона, уход Добровольческой Армии и Дроздовцев, которым предназначалась главная роль при этой мобилизации, на Кубань, задержка в направлении главного удара на группу Щаденко-Ворошилова, бывшую в этот момент в центре Дона, а благодаря этому задержка в установлении прочной связи с северными округами Дона и возможность прорыва группы Щаденко-Ворошилова к Царицыну и тем самым увеличение сил коммунистов на фланге, с постоянной угрозой центру Дона.

Вместо объединения разрозненных сил, теперь уже не только всего Великого Войска Донского, а всей России, горевшей в огне борьбы с коммунизмом (в июне, июле 1918 года Самара, Казань, Ярославль были заняты антикоммунистами. Поднялись против коммунистов Сибирь, Урал, Средняя Азия, Прибалтика и Архангельский край) - Всевеликое Войско Донское безуспешно пыталось подчинить себе Добровольческую Армию Деникина, создавало Южную русскую армию Иванова, пыталось с кубанцами, калмыками и горцами восстановить Юго-Восточный союз и, вынуждено было, в сентябре бросить, с таким трудом созданную Молодую Армию на гибель, под Царицын, а позже - Старобельск и, с великим трудом, преодолевать пограничную болезнь. Все это привело к полному разгрому антикоммунистов в их разрозненных, хотя порою и очень успешных действий.

В результате разгрома Дона в январе 1919 года и требования Круга смены командования, спасать положение опять призван был ген. П.Х.Попов. Со знанием обстановки ген. П.Х.Попов ознакомил ген. А.И. Деникина с положением. Ген. Деникин понял важность момента и, не дожидаясь формального соглашения, немедленно бросил только что закончившие разгром коммунистов на Северном Кавказе и нуждавшиеся в отдыхе и реорганизации силы Добровольческой Армии, кубанцев и терцев на помощь Дону.

Организация партизанских отрядов из учащейся молодежи и выдвижение их на линию реки Донец у Каменской и Белой Калитвы создали возможность необходимой перегруппировки. Новый Атаман Всевеликого Войска Донского ген. А.П.Богаевский, избранный в феврале 1919 года, просит ген. П.Х.Попова возглавить донское Правительство в этих тяжелых обстоятельствах и, как верный сын Тихого Дона, он принял на себя всю тяжесть восстановления и реорганизации тыла и напряжения всех жизненных сил Дона для восстановления Донской Армии, еще так недавно столь мощной, а теперь совершенно дезорганизованной. Потребовалась трехмесячная напряженнейшая работа для того, чтобы не только остановить победоносное движение коммунистов, но и нанести им тяжелое поражение в мае 1919 года.

Заслуга ген. П.Х.Попова в этом деле была признана всеми, и,

только тогда, в апреле 1919 года, Войсковой Круг признал и отметил значение для Дона Степного Похода, - установив знак Степного Похода, статут которого приравнивался к статуту ордена св. Георгия.

Степняк.
("Новое Русское Слово").

:-:-:-:-:-:-:-:-:

К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ГЕНЕРАЛА-ОТ-КАВАЛЕРИИ ПЕТРА ХАРИТОНОВИЧА ПОПОВА, К ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЮ СТЕПНОГО ПОХОДА И НАЧАЛА АНТИ-БОЛЬШЕВИЦКИХ ВОССТАНИЙ НА ДОНУ ВЕСНОЙ 1918 Г. ")

"Ушли рыцари вольного Дона, немногие остались в живых...
Когда нибудь придет Гомер казачества и напишет Донскую казачью Иллиаду, вспомнит Каледина, Гогаевского, Чернецова, Назарова и прочих славных...
Но Гомер впереди..."
(Из редакционной статьи журнала "Донская Волна № I за 1918 г.).

I

П.Х.Попов прожил на нашей грешной земле 94 года, из коих 75 его сознательной жизни он отдал служению Дону и России. Служение это как на Родине, так и в изгнании было настолько разнообразно, что осветить все стороны его деятельности в небольшом труде не представляется возможным при отсутствии в эмиграции архивов и когда все его современники ушли в лучший мир. А все архивные материалы освещающие его деятельность находятся в С.С.С.Р., но не большевики же будут писать о нем.

Нам, эмигрантам, знавшим П.Х.Попова необходимо сохранить о нем память для будущих историков, т.к. имя его, особенно в дни тяжелых испытаний для Дона и России, в дни "великой безкровной" Российской революции и гражданской войны на Дону, блестело яркой звездой.

Настоящий труд пишется на основании не только личного знакомства с деятельностью П.Х. с первых дней революции, но использованы и его переписка в эмигрантский период, также как и материалы, изданные как за рубежом, так и в С.С.С.Р., и рассказы его современников и его личные воспоминания.

Родился П.Х. в семье известного донского общественного деятеля, археолога, историка, кооператора, журналиста и т.д. Х.И.Попова, в станице Казанской 10 января 1857 года Мать его была дочерью казака священника Мигулинской станицы. У П.Х. было три брата и четыре сестры. Все братья стали священниками и две сестры были также замужем

") - Примечание от Редакции "Род. Края": печатаемый материал взят из книги того же названия, приготовленной к печати А.П.Падалкиным, но за отсутствием достаточных материальных средств не напечатанной.

за священниками.

В доме Харитона Ивановича безраздельно царил культ Донского казачества. Там жили мыслями о нем. Там взращивалась не вражда к Государству Российскому, а гордость славным прошлым Дона, там жили верой в возрождение на Дону его свободолюбивых демократических принципов в лоне общей матери России. Там собиралось избранное общество любителей Донской старины, бывали известные с мировыми именами археологи, историки, кооператоры и т.д.

В этой атмосфере рос и воспитывался Петр Харитонович. Не одно казачье дело не обходилось без участия Харитона Ивановича, который приучал к тому же и своих детей и особенно своего старшего сына Петю, которого всегда учил думать о пользе и благополучии родного Дона и его граждан. Но в то же время и говорил ему: "на службу не напрашивайся, а от службы не отказывайся". Этого принципа П.Х. придерживался всю жизнь.

Его раннее детство прошло в станицах Казанской и Мигулинской по очереди то у дедушки по отцовской линии, то у дедушки по материнской линии. Проводя дни в играх с казачатами, вечера проводил в обществе взрослых: в Казанской чаще всего в обществе участников Отечественной войны 1812-1814 г.г., где внимательно прислушивался к воспоминаниям дедов о днях, "где вместе рубились они". Эти воспоминания производили на него большое впечатление, и уже тогда он мечтал сделаться военным. В Мигулинской не раз присутствовал на разговорах на духовные темы и проникся большой преданностью вере православной. Не раз слышал разговоры по казачьим вопросам вообще и о нуждах казаков в частности. Все это он запоминал и не раз говорил дедушкам - что он сделает для казаков, когда будет "большим".

Первые уроки грамоты в Казанской давал ему дьячек местной церкви, а в Мигулинской сам дедушка священник. И когда пришло время поступать в среднее учебное заведение, он уже был хорошо грамотен. Тогда он был взят родителями в Новочеркасск, где и был определен в классическую гимназию, в которой блестяще кончил 6 классов. В каникулярное время он сопровождал отца почти во всех его поездках по донским станицам, что позволило ему уже к окончанию гимназии хорошо знать не только историю Дона, но и казака, его нужды, его жизнь, настроения и психологию.

В 1885 г. желая стать военным, раньше чем поступить в Юнкерское Училище, он поступает вольноопределяющимся в 12-ый Донской казачий полк.

В 1886 г. он поступил в Новочеркасское Казачье Юнкерское Училище, Начальником которого в то время был не-казак Ген. Штаба полк. Шуваев, не понимавший казачьей психологии, а потому нередко бывавший к юнкерам не справедливым. Это дало мысль П.Х. в последствии поступить в Академию Ген. Штаба, чтобы потом добиваться назначения Н-ком Новочеркасского Училища, дабы подготовлять казачьих офицеров не лишая их казачьей психологии.

В Училище он был лучшим строевиком, лихим наездником и получил несколько призовых жетонов и серебряные часы. Был он вахмистром Училища, что развило в нем чувство ответственности, порядка и заботливости о подчиненных. П.Х. окончил Училище в 1889 г. блестяще, что было отмечено в приказе по Училищу, и был назначен по его желанию в 12-ый Донской казачий полк. В те времена Училище выпускало юнкеров подхорунжими. В 1891 г. с уходом полка из Новочеркасска П.Х. был там оставлен для подготовки к специальному офицерскому экзамену, который он сдал блестяще и 1 января 1892 г. был произведен в хорунжии с назначением в 8-ой Донской казачий полк, в Одессу. Там 1 ноября 1895 г.

был произведен в сотники. В 1896 г. поступил в Академию Ген. Штаба, 15 апреля 1898 г. был произведен в подъесаулы. В 1899 г. окончил Академию вторым по I-му разряду с занесением в списки Ген. Штаба и произведен в капитаны со старшинством с 2 января 1899 г. Из общей среды слушателей П.Х. выделяется серьезным отношением к наукам, и к его помощи не раз прибегали другие слушатели того или иного курса.

С 6 мая 1900 г. по 10 мая 1903 г. был адъютантом I-ой Гренадерской дивизии в Москве. Стаж командования эскадроном отбывал в I-м Сумском гусарском полку с 12 октября 1902 г. по 2 ноября 1903 г. Оставив о себе память в полку как отличного строевого офицера и как хорошего администратора, поставившего на большую высоту эскадронное хозяйство. Отлично, "на казачий манер" поставил дело обучения езде, рубке и т.д. и эскадрон долго еще после его ухода назывался "казачьим". С 19 мая 1903 г. по I декабря 1904 г. был прикомандирован к Александровскому Военному Училищу штатным преподавателем военной администрации и топографии. Преподавателем он был требовательным, но всегда давал возможность юнкеру, получившему неудовлетворительный балл, исправиться на одной из очередных лекций, за что юнкера его очень любили.

С I декабря 1904 г. по I января 1909 г. состоял штаб-офицером для поручений Штаба Московского Военного Округа. 28 марта 1904 г. был произведен в подполковники, 13 апреля 1908 г. - в полковники.

После объявления войны Японии П.Х. подал рапорт о командировании его на театр военных действий, но ему в этом было отказано и командующий Округом на его рапорте наложил резолюцию: "Желание ехать на фронт похвально, но хорошие офицеры нужны и в Москве". Во время войны по поручению начальника Штаба Московского Военного Округа П.Х. разбирал и толковал отдельные военные операции на фронте офицерам Округа. Сам командующий Округом очень ценил эти разборы. В 1908 г. П.Х. руководил играми войск Округа.

10 января 1909 г. П.Х. был назначен начальником Новочеркасского Казачьего Военного Училища, в замен полк. Т.Л.Гусловского, не-казака, предшественником которого был будущий Донской Атаман ген. А.М.Каледин. Полковник Гусловский внес ряд изменений в порядки Училища, установленные А.М.Калединым, которые ухудшили положение Училища. П.Х. восстановил распорядки установленные А.М.Калединым, которые, по его мнению, улучшали как подготовку юнкеров, так и их быт. (Новоч. Военному Училищу и ген. Попову, как его начальнику, будет посвящена статья в одном из N° "Родимого Края").

15 августа 1910 г. П.Х. был произведен в генерал-майоры.

Вскоре после начала войны в 1914 г. П.Х. получил от ген. Каледина предложение занять в его 12-ой кавалерийской дивизии, на выбор, пост начальника штаба дивизии или бригаду. П.Х. писал ген. Каледину: "Предложение принимаю. Выбирать не буду, что дадите, то и приму. С Вами работать рад на любом посту." Одновременно с ответом ген. Каледину он подал рапорт начальнику Военно-Учебного Ведомства об освобождении его от должности начальника Училища. Рапорт остался без ответа. А принятое им предложение ген. Каледина без ведома Главного Штаба испортило его отношения с ним. Не получая ответа от В.-У. Ведомства, П.Х., нарушая существующий порядок, подал рапорт Военному Министру об отчислении его в Действующую Армию. Это тоже вызвало неудовольствие Главного Штаба, а Военное Министерство сухо официально ответило, что ген. Попов состоит по В.-У. Ведомству и в армию может быть откомандирован или этим Ведомством или Высочайшим распоря-

жением. После этого писал П.Х. и в Гл. Управление Казачьих Войск и в Управление Военно-Учебных Заведений, но все было безрезультатно.

5 декабря 1914 г. Новочеркасск посетил Государь. От вокзала до Войскового Собора и дальше до Атаманского Дворца Его сопровождала сотня юнкеров. После парада, "отцы города" и разные военные начальники представлялись Государю в Атаманском Дворце. Государь во время представления ему ген. Попова, сказал: "Спасибо за подготовку юнкеров. Таких молодцов я давно не видел," а потом, положив руку на плечо П.Х. и как бы виновато улыбаясь, добавил - "Вы, вероятно обижены, что не удовлетворена ваша просьба о назначении вас на фронт. Понимаю ваше желание, оно похвально, но в настоящее время армия особенно нуждается в хорошо подготовленных молодых офицерах. Вы - опытный начальник Училища. Оставаясь его начальником, готовя офицеров, вы приносите громадную пользу Родине. Это и заставило неудовлетворить вашу просьбу. Оставайтесь на вашем посту, а Родина и я этого не забудем." Снова подавая руку П.Х. он закончил: "Еще раз спасибо за подготовку юнкеров".

Выслушать это от Императора, при большом количестве свидетелей, было лестно для П.Х., но он продолжал делать все, чтобы попасть на фронт, но избегая подавать ходатайства на Высочайшее имя.

Наконец, в январе 1917 г. получил назначение на должность начальника 45-ой дивизии и был удостоен особой чести внесения его в списки Новочеркасского Училища на все время его существования. Но В.-У. Ведомство задерживало назначение нового начальника Училища и не позволяло сдавать его помощнику начальника. А в феврале 1917 г. началась революция и П.Х. так и остался начальником Училища.

По окончанию Степного Похода и освобождения Новочеркасска, Круг Спасения Дона за все труды ген. Попова по спасению Дона от советской власти произвел его в генерал-лейтенанты.

23 апреля 1919 г. Войсковой Атаман А.П.Богаевский, следуя постановлению Большого Войскового Круга, произвел его в генералы-от-кавалерии с оставлением за ним пожизненного звания Походного Атамана.

За время военной службы П.Х. получил следующие награды: орден св. Станислава 4-ой ст. (1901 г.), 3-й ст. (1903 г.), 2-й ст. (1911 г.), орден св. Анны 3-й ст. (1906), 2-й ст. (1908 г.), 1-й ст. (1917 г.), орден св. Владимира 4-й ст. (1913 г.), 3-и ст. (1914 г.), 2-й ст. (1916 г.) и Степной Крест на георгиевской ленте № I в апреле 1919 г.

Нужно указать, что еще до революции, помимо службы ему не была чужда общественно-политическая и науная деятельность. Еще состоя в гимназическом кружке "Изучения Донской истории", он нередко там читал лекции, получая материал от своего отца. Сотрудничал и в гимназическом журнале "Танаис".

Во время поездок отца по донским станицам, он его часто сопровождает и знакомится с бытом и нуждами казаков, расспрашивает стариков о старых донских песнях, о преданиях старины, знакомится со станичными архивами и т.д. Эти поездки создали ему обширный круг знакомых во многих станицах. Позднее его любовь к донской старине и знание Дона очень его сближает с донским златоустом М.П.Богаевским.

Будучи вольноопределяющимся, а потом подхорунжим в 12-м Донском казачьем полку, он не только учит казаков грамоте, но организует кружок любителей донской старины и читает лекции по кооперации. Когда

был юнкером, то к нему как к высокому авторитету, обращались за советами и справками по вопросам истории и археологии Дона.

Во время службы в Одессе он организует кружок любителей изучения участия казаков в боях на Кинбургской Косе, у Очакова, Акерманна, Бендер, Измаила, Гирсово. С ними совершает экскурсии к этим историческим местам, рассказывая о происшедших там событиях, развивая у казаков гордость их прошлым. Все свободное время он использует для знакомства с одесскими архивами, делая выписки из всего, что относится к казакам. Пишет ряд статей в местной газете и в "Донских Областных Ведомостях" об участии казаков в войнах России на Азовском и Черноморском побережьях.

Состоя в Академии Генерального Штаба, он знакомится со многими государственными и частными архивами столицы, также и в Москве, где особенно интересуется эпохой Смутного времени и участии в нем донцов.

Тогда же, по его инициативе, в Москве было создано Общество Помощи Донским Студентам, в котором он был вначале членом правления, а потом и его секретарем. Там он проявлял неутомимую деятельность по сбору средств среди друзей и знакомых отца из среды ученого мира и кооператоров, и среди московских купцов-староверов. Благодаря этому Общество имело возможность помочь десяткам донских студентов закончить высшее образование. Его тогдашние знакомства с московскими купцами-старсобрядцами помогли и Атаману Каледину после октябрьского переворота получить от них 3 миллиона рублей на борьбу с большевиками.

Во время русско-японской войны он написал в "Русском Слове" около 100 статей о боевых операциях русской армии в манчжурии, из них несколько специально посвященных действиям 4-ой Донской казачьей див. в отряде ген. Мищенко в составе 2-й армии и в Монголии в борьбе с японо-хунгузскими бандами. Писал также и в "Донских Областных Ведомостях", "Донской Старине" и в газете "Донской Край".

Как политическую деятельность в московский период можно отметить его советы командиру 1-го Донского казачьего полка удерживать казаков от слишком немилосердной расправы с восставшими рабочими, в результате чего казачий отряд в.ст. Краснушкина при подавлении восстания проявлял большую гуманность. Об этом писал и старый революционер Зензинов. Когда в 1906 г. в "обществе" и Государственной Думе начали обвинять казаков в жестокостях при подавлении революционного движения, П.Х. в "Русском Слове" напечатал ряд статей за подписью "Казак", в которых с цифрами в руках, доказывал необоснованность таких обвинений. Заканчивал статьи приверением исторических справок участия казаков в строительстве России и указывал, что это их участие не только давало им право, но и налагало обязанность бороться с анархией и поддерживать в стране порядок.

В 1906-07 г.г. "Донской казачьей организацией" распространялись по Дону воззвания "Казачьей нужды", в которых требовалось отобрание земель "для удобного пользования их населением", отведенных под частные коневодства, под Провальский конный завод, под майские окружные лагеря, под лагеря Новочеркасского Военного Училища и кадетского корпуса и проводилась мысль о необходимости предоставить казакам право выхода из станичных общин с его паевым наделом земли. П.Х.Попов был, наверно, единственным, кто ответил на это воззванье большими статьями в "Донской Газете" и "Русском Слове", в которых раскритиковал проэкты отобрания земли у коневодств и Провальского завода, но считал необходимым пересмотр арендной платы. Что же касается лагерных участков, то он доказывал необходимость сохранения их в распоряжении тех организаций, которые ими владели, т.к. организации эти общеполезные войсковые

и земли тоже войсковые. Также он восставал против выхода казаков из станичной общины, т.к. считал, что это разрушит как станичную, так и Войсковую общину, разрушит казачий быт, сложившийся веками, и вызовет разделение между казаками и т.д.

В 1909 г., беспокоясь об интересах Войска, П.Х. в печати доказывает несправедливость того, что Военное Министерство начинает именовать Донской Войсковой капитал общегосударственным и того, что общероссийское правительство забирает в общегосударственную казну 12 миллионов питейного дохода, оставляя Войску только 10% его, что это противоречит вековым привилегиям Войска, которое содержит на Войсковой капитал суды, казармы, все учреждения гражданского управления, военно-учебные заведения, казенные и контрольные палаты и казначейство, выдает большие суммы на содержание Главного Управления Казачьих Войск и Офицерской Школы, уплачивает пенсию донским офицерам и чиновникам, жалование Наказным Атаманам и чинам Войскового Штаба, офицерам на льготе, содержит Управление начальника артиллерии, местные воинские команды, льготные и запасные батареи и пр. и пр. и что в силу этого казачество на Дону обнищало до такой степени, что к I июлю 1909 г. Войско должно было Войсковому капиталу свыше 3-х миллионов, а станичные общества должны были до полутора миллионов.

В 1912 г. П.Х. написал небольшую книжку, посвященную донским героям Отечественной войны и ряд статей в "Донских Областных Ведомостях" о ген. Бакланове и I-м донском архиерее, кажется Иоанне.

В 1913 г. П.Х. написал большую статью в газете "Донские Областные Ведомости" в защиту прав собственности Донского Войска на войсковые земли и доказывал несправедливость действия Военного Совета, который без ведома Войска 17 января 1913 г. продлил аренду коневодствам до 1928 г. по невероятно низким ценам. Сотни тысяч десятин земли этим актом были фактически изъяты из распоряжения Войска, что не только нарушало его права, но и мешало возможности "прирезки земли" малоземельным станицам. На защиту казачьей собственности на землю он стал и в 1917 г., когда министр земледения Временного Правительства Чернов заявил, что при разрешении земельного вопроса "казакам придется потесниться". Тогда П.Х. в "Русском Слове" и в "Вольном Дону" написал об исторических данных приобретения Войском этих земель, которыми "по наследству" от своих предков владеют современные казаки и провел параллель между заявлением Чернова и внедрением чужого человека в частную квартиру и предъявившего требования к хозяевам "потесниться", и сделал вывод, что такой акт будет просто разбойничьим.

В конце 1911 г. П.Х. состоит секретарем и фактическим руководителем комиссии по перенесению в Войсковой Собор прахов 7 человек героев Отечественной войны: Атамана Платова, ген. Ефремова и др., а в 1912 г. в связи со 100-летним юбилеем Отечественной войны П.Х. поднял вопрос перед казачьей общественностью о своевременности сооружения в Новочеркасске величественного памятника всем казакам участникам этой войны. Был образован для этого специальный комитет, секретарем которого был П.Х. Было сделано много для осуществления его инициативы, но пока шли переговоры с соответствующими органами власти, пока составлялись проэкты, грянула война и дело заглохло.

Был он также секретарем комитета сооружения памятника ген. Бакланову и он же поднял вопрос о перенесении в Войсковой Собор праха ген. Бакланова и первого донского архиерея, что им же было организовано и выполнено.

В 1914 г., незадолго до войны, им была издана книга "Исследование архивных материалов по истории Дона" в 220 стр. и приготовлен

сборник посвященный истории Новочеркасского Военного Училища с его основания.

Будучи начальником Училища, он никогда не чуждался казачьей среды, часто ходил в Новочеркасское станичное правление, где сидя рядом с рядовыми казаками делился своими знаниями и опытом с офицерами, урядниками и казаками выборными станичного общества.

Новочеркасская станица была одной из наиболее мощных и культурных станичных общин. В ее составе были сотни высококультурных казаков с высшим образованием по всем отрослям науки и искусства. Десятки их были почетными членами "стариками" станичного общества. Звание почетного старика и казака до 1914 г. ценилось казаками превыше всех высочайших наград. Этого звания удостаивались Войсковые Наказные Атаманы, командующие округами, корпусами, дивизиями. Но мало было в Войске почетных и несменяемых членов станичных правлений. Таким почетным званием Новочеркасской станицы были только удостоены в 1900 г. ген. В.Е.Экк и в 1912 г. ген. П.Х.Попов "за его труды на пользу Войска и общества Новочеркасской станицы".

До 1904 г. Донским Войсковым праздником был день 1 октября - день Покрова Пресвятой Богородицы, как годовщина Азовского сидения. Это был подлинно народный праздник, когда на Монастырском Урочище служились панихиды, бывал народ с массой войск, с участием делегаций от всех станиц, учебных заведений, с массами станичных и хуторских казаков, приезжавших сюда за сотни верст. На Войсковой счет устраивался бесплатный обед на тысячи человек, после него бывали скачки, военные игры и т.д.

С 1904 г. официальным Войсковым праздником был установлен день 6 октября. На Монастырском Урочище была теперь скромная официальная панихида, на которую по наряду Наказного Атамана посылалась одна казачья сотня, а обед устраивался Старочеркасской станицей только для начальствующих лиц.

С назначением П.Х. начальником Училища, по его настоянию, празднование Покрова на Монастырском Урочище организовывалось с прежним торжеством, "чтобы поддерживать у казаков доблесть их предков", а после парада, которым всегда командовал П.Х., он всегда говорил краткое слово, посвященное защите Азова с указанием на то, что современные казаки должны брать пример с защитников Азова. В результате день 6 октября был официальным "табельным" днем, а 1 октября, благодаря энергии П.Х. превратился в народный казачий праздник.

В 1911 г. во время Черноморской экскурсии Новочеркасского Училища, обедая на императорской яхте с Государем, П.Х. не преминул обратить Его внимание на былые подвиги казаков и на трудность многолетней казачьей службы, в силу чего казаки беднеют.

Так во всех случаях, когда была возможность, П.Х. старался напомнить о роли казаков в расширении границ Российского государства и о тяжелом их положении в настоящее время.

Пребывая в должности н-ка Новочеркасского Уч-ща, П.Х. неизменно пользовался доверием и добрым к нему отношением почти всех Наказных Атаманов, а последний, граф М.Н.Граббе, при его назначении проявил к П.Х. особое внимание: по прибытии в Новочеркасск, он, желая "познакомиться и побеседовать" со станичными и хуторскими атаманами, без участия представителей высшей Войсковой власти, собрал их на обед в Новочеркасском Училище, на который из начальствующих лиц пригласил только ген. П.Х.Попова.

К 1919 г. им был приготовлен многотомный труд по истории Дона и в этом же году в Новочеркасске было издано как бы предисловие к

нему в 273 стр. В этом же году им был подготовлен большой труд о борьбе Дона с большевиками с начала революции до 5 мая 1918 г. Часть его ввиде очерка была напечатана в журнале "Донская Волна". Но во время новороссийской эвакуации в 1920 г. все эти труды погибли.

В эмиграции он написал большой труд "Борьба за свободу Дона и Донская эмиграция". Выдержки из него были напечатаны в журнале "Огни сторожевые" и в других казачьих изданиях. За отсутствием материальных средств, он своевременно издан не был и погиб в старческом доме, где проживал последние дни П.Х. (погиб при странных обстоятельствах - был сожжен уборщиками дома).

II

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГЕН. П.Х.ПОПОВА С НАЧАЛА РЕВОЛЮЦИИ ДО СТЕПНОГО ПОХОДА.

Когда I марта в Новочеркасске были получены первые сведения о событиях в Петрограде, П.Х. привел Училище в "Боевую готовность" и с разрешения Атамана гр. Граббе послал по городу юнкерские патрули, чтобы сразу пересечь всякого рода выступления, могущие нарушить течение нормальной жизни в городе.

Когда дошли до Дона сведения о революции и когда политические дельцы, ставшие господами положения в столице Дона, постарались стать у кормила новой власти, чтобы ликвидировать господствующее положение казаков во всем Войске, образовали "Областной Исполнительный Комитет" с "Военным Отделом", в котором было засилие солдат запасных полков, то П.Х. послал туда в качестве "наблюдателей" ес. Захарова и Сутулова, дабы быть в курсе дел "Военного Отдела" и своевременно парализовать его вредную деятельность.

В первые же дни образования этого Комитета были произведены многочисленные аресты предаставителей старой администрации, вплоть до брандмейстера. Видя это, некоторые старшие начальники, занимавшие ответственные посты стали подавать в отставку и уходить от казачьих дел. Но П.Х. оставался на своем посту и силами своих юнкеров старался преграждать путь всякому произволу. Когда Донской Исп. Комитет расположился в Атаманском Дворце как "хозяин Донской земли", а его Военный Отдел в здании Областного Правления, ген. Попов, пригрозив юнкерами, потребовал очистить занятые помещения, что и было выполнено. Однако, Военный Отдел решил арестовать ген. Попова и для этого направил к Училищу батальон солдат с пулеметами. Но когда солдаты подошли к Училищу и потребовали его выдачи, юнкера заявили, что арестовать П.Х. можно только перейдя через их трупы и батальон "не солоно хлебавши" ушел, а П.Х. оставался начальником Училища до смерти ген. Каледина или вернее до оставления Новочеркасска 12 февраля 1918 г.

У Военного Отдела было намерение "разогнать" Войсковой Штаб, атаманскую канцелярию и Донское Областное правление. Тогда П.Х. принял соответствующие меры по охране этих учреждений, а Отделу пригрозил, что если он попытается их "разогнать", то он перевешает его членов. На этом дело и кончилось. Когда в Военном Отделе по адресу казаков стали раздаваться угрозы: "поцарствовали и буде ... теперь наш черед пришел ... мы эти казацкие привольности да угодья - во как зажмем ..." - П.Х. был вероятно единственным человеком настивающим, что для преграждения проникновения на Дон красных идей и против угроз "В.О." нужно противопоставить мощную казачью организацию. При молчаливом содействии Испол. Коми-

тета солдатская масса, наглея, стала вмешиваться и в экономическую жизнь Войска: повсюду начали появляться представители армейских комитетов и их комиссары и начали распоряжаться, реквизировать, очуждать и т.д. И П.Х. проявил инициативу в создании Союза Казаков, задачами которого были объединение казаков на "казачьей платформе" путем созыва казачьего съезда для разрешения Войсковых вопросов и выработки правил созыва Войскового Круга. Он прежде всего собрал вокруг себя группу офицеров из Войскового Штаба, Атаманской канцелярии и Областного Правления. В этом ему помогали А.П.Епифанов, А.П.Бондырев, братья Бояриновы, подъес. Сухоруков и др., которыми был создан Офицерский Союз. Пользуясь положением почетного члена Новочеркасского станичного правления П.Х. настоял, чтобы оно приняло активно участие в организации Союза Донских Казаков. Как председатель организационной комиссии П.Х. от имени правления созвал 14 марта собрание казаков станицы, и всех казаков, проживавших в данное время в городе. На нем присутствовали большие группы представлявшие казачьи части Новочеркасского гарнизона, группы казачьей молодежи из всех учебных заведений города. А в виде представительства от станиц всего Войска П.Х. командировал на собрание всех юнкеров, свободных от нарядов.

Собрание получилось импозантное во всех отношениях. Единогласно было принято решение о создании "Казачьего Союза". Попытка ес. Голубова и редактора газеты "Вольный Дон" Казмичева сорвать дело организации Союза не удалась, и они получили горячую отповедь от П.Х. и С.И.Бояринова. Председателем организованного "Союза Донских Казаков" усиленно просили быть П.Х., но он отказался в пользу подъес. Сухорукова.

Следующей задачей П.Х. было объединить казачий "Офицерский Союз" с "Союзом Донских Казаков". И это ему удалось. Председателем правления объединенного Союза был избран ес. А.П.Епифанов.

Организация Союза произвела в городе сенсацию и к П.Х. в Военное Уч-ще потянулись делегации с выражением благодарности за объединение казаков в Союз. Официально участия в работах правления Союза П.Х.Попов не принимал, но по свидетельству члена правления Г.И.Карева (журнал "Казачье Дело", N° 4-5) "формально не входя в состав правления, очень близкое участие в делах Союза принимал ген. П.Х.Попов". По его инициативепервым актом правления Союза было обращение к вр. исп. должность Войскового Атамана Е.Волошинову о передаче Союзу, как единственной казачьей общественно-политической организации газеты "Вольный Дон", бывшей в то время официальным донским органом, но находившемся в ведении Доского Исп. Ком., что и было сделано.

Донской Исп. Ком., при помощи ес. Голубова, пытался подчинить Союз себе "как единственной законной революционной власти", но ничего из этого не вышло. Голубов пытался также на эту тему говорить с П.Х. "о важных казачьих делах", но ген. Попов его не принял с предупреждением, что если он к нему явится вторично, то он предаст его суду юнкеров.

Союз Донских Казаков был первым островком среди надвигающегося потопа большевизма и его организация была оправдана последующими событиями, как на Дону, так и вообще в России. Это большая заслуга ген. Попова перед Войском в дни смутного времени на Руси.

Для того, чтобы легализировать существование Союза была послана телеграмма Военному министру Временного Правительства Гучкову с просьбой утвердить Союз с кратким сообщением об его целях и задачах. После ответной телеграммы Гучкова от 24 марта, утверждавшей Союз и одобрявшей его цели и задачи, Союз стал именоваться "Войсковым Союзом Донских Казаков" и 7 апреля выпустил свое первое "Воззвание к донским казакам",

которое почти полностью было написано П.Х.

Параграф I гласил: "С.Д.К. в лице Временного Правительства и Государственной Думы признает единственную государственную власть и заверяет в готовности защищать эту власть от посягательств с какой бы стороны они не исходили. Союз заранее приветствует тот новый порядок устройства России, который будет установлен Учредительным Собранием."

Параграф 2 - : "С.Д.К. приветствует героическую русскую армию и присоединяется к ее мощному голосу - довести войну до победного конца."

Параграф 3 - : "С.Д.К. шлет глубокий поклон на войну в окопы и на Дон родным станичникам и призывает их к единодушной работе по устройству своего быта и своей службы на исторических казачьих основаниях широкого самоуправления."

В этом воззвании П.Х., определяя свое отношение к войне и к устройству новой России, проявил максимум лояльности к Временному Прав.

Однако I5 апреля тот же министр Гучков сообщил вр. исп. должность Войскового Атамана (назначенному на эту должность Обл. Исп. Комитетом), председателю Обл. Исп. Комитета (создавшемуся самочинно революционным порядком, фактически без участия организованного казачества) и председателю С.Д.К., что "устроение краевой жизни остается в ведении Обл. Исп. Комитета, а Атаману, как представителю Российского правительства надлежит согласовать свою деятельность с работой этого Комитета." Этим сообщением Гучкова "хозяином" на Дону делался Обл. Исп. Комитет, а вр. исп. должность Атамана - агентом Временного Правительства.

Ген. Попов на это послал Гучкову письмо указывая на несуразность его сообщения, и что оно может повести не только к разного рода недоразумениям, но и вызвать на Дону междуусобицу в борьбе за власть. Ответа от Гучкова не последовало, а С.Д.К. продолжал намеченную работу по организации Войскового Казачьего Съезда в Новочеркасске. Одновременно им было отправлено воззвание к казакам на фронт с призывом к объединению "в целях выхода казачества на его исторический путь существования - по казачьему"присуду", положившее начало созданию в Действующей Армии особых казачьих комитетов, начиная от дивизий и кончая штабами фронтов, под разными названиями и удержал каков от вхождения в комитеты солдатских депутатов.

На Казачьем Съезде в Новочеркасске П.Х. был делегатом от станиц Новочеркасской и Мигулинской, и от Новочеркасского Военного Уч-ща.

В "Военном Отделе" Обл. Исп. Комитета, в то же время состоялось бурное заседание, на котором прапорщик Арнаутов и ес. Голубов требовали разгона С.Д.К., ареста и предания революционному суду ген. Попова, как инициатора, организатора и вдохновителя этого Союза. Но представители Уч-ща ес. Захаров и Сутулов припугнули Комитет юнкерами и казачьим гарнизоном и все успокоились.

Одновременно П.Х. не терял связей с Петроградом и неоднократно писал членам Государственной Думы Саватееву и Акраканцеву, членам "Донского Куреня" Харламову, Лагунову и др. о необходимости созыва в Петрограде или Москве Общеказачьего Съезда для "выявления казачьего лица, его отношения к революции и обмена мнениями о будущем казачества". "Петроградские" казаки приняли соответствующие меры и в результате I7 марта Волошиновым и ген. Поповым была получена от Саватеева телеграмма о том, что премьер-министр Временного Правительства, кн. Львов, разрешил Казачий Съезд в Петрограде для выяснения "казачьих нужд" и просил Атамана сделать распоряжение о высылке представителей от каждой станицы, что официальное распоряжение по этому поводу де-

лается военным министром Гучковым не только во все казачьи Войска, но и казачьи части Действующей Армии и что Съезд созывается на 23 марта. Действительно такое распоряжение было получено в Новочеркасске и в окружных станицах 18 марта.

Новочеркасская станица в числе других делегатов выбрала ген. Попова, но он по состоянию здоровья не мог поехать.

Я не буду останавливаться на работах этого Съезда, но не могу не отметить, что П.Х. тихо и скромно, без рекламы и шума, но и здесь приложил свою руку, а какова была польза от Совета Союза Казачьих Войск - общеизвестно. А на открытии Съезда член Государственной Думы Саватеев в своей речи отметил, что инициатива созыва Съезда принадлежит ген. Попову.

На апрельском казачьем Съезде в Новочеркасске П.Х. - член его президиума и делегат от нескольких станиц и от Новочеркасского Военного Уч-ща. На первом, майском Войсковом Круге он делегат от станиц Новочеркасской и Казанской.

Когда поднялся вопрос о кандидатах в Атаманы, имя П.Х. было названо одним из первых. Но он отвечал: "Подождем приезда ген. Каледина. Его знает не только Дон и вся Россия но и заграница. Ему и быть Атаманом, а я пригожусь и на меньших ролях." При приезде ген. Каледина в Новочеркасск, П.Х. одним из первых ему делает визит и после говорит М.П.Богаевскому: "Вы наш Златоуст. Сумейте уговорить А.М.Каледина балотироваться в Атаманы." 18 июня А.М.Каледин был выбран Войсковым Атаманом. При выборах Кругом начальника Войскового Штаба первым кандидатом был выставлен ген. Попов, но и тут он отказался, говоря, что революция может так обернуться, что у Атамана и Войскового Штаба может не оказаться никакой воинской части кроме Училища, поэтому он предпочитает оставаться во главе его, дабы сохранить надежную воинскую силу.

После выборов Войскового Атамана и Правительства, П.Х. как будто отходит от общественно-политической деятельности, проводя все время в Училище, но это только кажется. Вечерами он или у Атамана Каледина или у его помощника М.П.Богаевского, помогая им советом и делом. Особенно ярко это выразилось в дни "мятежа" ген. Корнилова, когда Вр. Правительство объявило Атамана Каледина мятежником, мобилизовав против Дона Московский и Казанский военные округа и приказав начальнику Ростовского гарнизона ген. Черноярову арестовать Атамана, бывшего в то время в поездке по северным округам Области. М.П.Богаевский объявил "сполох" и обратился за помощью и советом к ген. Попову, чтобы предупредить Атамана об опасности и не допустить его ареста. В хутора и станицы были посланы "летучки" и кроме того П.Х., сговорившись с М.П., посылает 6 юнкерских вооруженных отрядов с задачей разыскать Атамана и доставить его в Новочеркасск. Одна из этих групп, на двух автомобилях, была захвачена красной гвардией на станции Морозовской.

На Войсковом Круге обсуждавшем "мятеж" Каледина П.Х. был одним из первых, считавших необходимым послать Вр. Правительству телеграмму "С Дона выдачи нет", а Атаману Каледину приказать никуда не ездить и попрежнему выполнять обязанности Войскового Атамана, а на случай если А.М.Каледин решил бы ехать в Могилев, П.Х. для его сопровождения и охраны в пути организовал особый юнкерский отряд с пулеметами и ручными гранатами под командой ес. Н.П.Слюсарева.

После захвата власти в Петрограде большевиками, Атаман Каледин вместе с ген. Поповым изучает вопрос - как избежать распространение советской власти и на казачьи земли. П.Х. предлагает создать казаче-

украинский барьер от Оренбурга до Курска, чтобы отрезать большевиков от богатых Юга и Сибири и тем "уморить" их, а ген. Алексееву с его Добровольческой Организацией предоставить в этом"барьере" район Саратов-Камышин. Для установления связи по этому вопросу он послал к Оренбурскому Атаману Дутову письмо от ген. Каледина со своим бывшим юнкером сотн. Димитриевым.

Атаман консультировал ген. Попова и по многим другим вопросам: когда приезжали к нему представители союзных военных миссий и посольств из Петрограда на предмет обсуждения борьбы с большевиками в целях продолжения борьбы с немцами; когда французское военное представительство в Румынии считало нужным отвести находившуюся на границе катастрофы румынскую армию к границам Дона для реорганизации, и вело по этому поводу переговоры с ген. Калединым, поручившим ген. Попову разработать план расположения румынских войск на границах Дона. Румынский король Фердинанд принял предложение французов, но этоу воспротивился председатель министров Братиано.

Совместно с ген. Алексеевым, ген. Каледин вел переговоры с командованием чехословацких и польских легионов о переброске их к границам Дона. Разработку плана расположения этих войск было тоже поручено П.Х. Однако президент Масарик воспротивился тому, чтобы чешские части вмешивались в "русские внутренние дела". Его примеру последовали и поляки. Отмечаю все это как факты особого доверия Атамана Каледина и как доказательство того, что он высоко ценил способности П.Х.

Атаман Каледин во все ответственные моменты давал начальнику Уч-ща важные поручения. В дни обезоружения запасных полков на хутунке, П.Х. был назначен "как бы" командующим войсками Новочеркасска. И задача эта была блестяще выполнена. В дни "Ростовского похода" Атаман Каледин назначил П.Х. "как бы" своим помощником по военной части для организации похода, и с этой задачей П.Х. справился блестяще, собрав в распоряжение Атамана необходимые воинские силы. П.Х. пользовался безграничным доверием Атамана, который одно время предлагал ему пост Походного Атамана, но П.Х. от этой чести отказался в пользу ген. Назарова, обещая свою помощь советом и делом. И он это выполнил, прежде всего, в организации партизанских отрядов, главной базой организации которых было Училище.

Выполняя все эти важные и много других мелких дел и поручений, ген. Попов не забывал и своего Училища, создавши ему авторитет грозной несокрушимой силы в распоряжении Атамана. Училище являлось хранителем порядка в столице Дона, здесь была сосредоточена решимость борьбы с советами за свободу Дона, здесь была идеалогическая и материальная база сказочного донского партизанства, здесь, начиная с Чернецовского отряда, формировались и обучались почти все партизанские отряды, здесь было зарождение Добровольческой Армии и первых своих добровольцев ген. Алексеев принимал от начальника Новочеркасского Военного Училища ген. Попова, искренно благодаря его за прием и ласку, оказанные его добровольцам, которым в Училище вначале представлялись не только крыша и питание, но и обмундирование за счет Училища. А когда не оказалось больше свободных помещений для общежитий, П.Х. отдал для этого свою личную квартиру.

Своих юнкеров он посылал во все концы Дона для перевозки денежных сумм. В Новочеркасске юнкера несли караулы, а когда нужно было "заткнуть дырку" на фронте, они, как отряды "скорой помощи", появлялись где нужно и лихо били большевиков. Когда выяснилось, что "Алексеевская организация", имея юнкеров артиллеристов, не может получить орудий, он, чтобы не раздражать команды донских батарей отобранием у них пушек, посылает своих юнкеров вместе с юнкерами добровольцами под командой ген. Герасимова (помощника нач-ка Уч-ща) в село Лежанку, чтобы там"украсть" орудия в 39-й пехотной дивизии. Задача выполнена блестяще и добровольцы получили нужные

им орудия. Когда в Новочеркасске в январе 1918 г. образовался подпольный Военно-Революционный Комитет, деятельным членом которого был Войскового Штаба ес. Щепкин, ген. Попов, при помощи ес. Чернецова, своими юнкерами разгромил эту организацию, захватив с поличным ур. Фомина и члена Круга сотн. Запорожцева.

По настоянию ген. Попова, для поддержания в городе порядка, все донские офицеры проживавшие в Новочеркасске были взяты на учет и сведены в сотни Донского Офицерского Резерва, начальником которого по предложению П.Х. намечался ген. И.Д.Попов, но по настоянию Войскового Штаба им был назначен ген. Груднев, который не оправдал возлогавшихся на него надежд, тогда как ген. И.Д.Попов показал себя в Степном Походе и позднее блестящим организатором и храбрым начальником.

П.Х. председательствовал на собрании офицеров, когда ес. Чернецов призывал их стать на защиту Дона, но когда выяснилось, что записалось для этого всего 27 человек, ген. Попов сказал: "Какой позор! Я бы всех вас согнул в бараний рог и прежде всего лишил бы содержания." А Чернецов заявил собранию, что "при таком положении большевики скоро займут Новочеркасск и в первую очередь будут вешать офицеров"; он будет знать - за что его вешают, "а вы и этого знать не будете." В результате записалось 115 человек, но для отправки на фронт явилось 38.

Атаман Каледин не только не имел достаточно военных сил для борьбы с большевиками, но не имел для этого и достаточных денежных средств. И в этом отношении ген. Попов пришел ему на помощь: в начале января 1918 г., пользуясь не только своими личными связями но и связями своего отца, он собирал в Училище поочередно директоров местных банков, хозяев донских коневодств, директоров горно-заводской промышленности, советы Союза донских дворян и торговых казаков, которым предлагал "тряхнуть мощной" и собрать средства. В результате было собрано около 15 миллионов рублей, но ... было поздно - Атаман Каледин застрелился. Собранные деньги поступили в распоряжение нового Атамана ген. Назарова, который по совету П.Х. сразу же передал из них 6 миллионов ген. Алексееву для Добровольческой Армии.

Когда, по свидетельству ген. Деникина, в высших кругах Добровольческой Армии зародилось неудовольствие Атаманом Калединым за отсутствие у него "дерзания" в борьбе с большевиками, председатель Союза донских дворян Леонов, по полномочию, как он говорил, старейших дворян Донского Войска из военной среды, пришел к П.Х. с предложением "взять в свои руки атаманский пернач, если нужно насильственным путем при помощи юнкеров и поддержке донских дворян", которых якобы поддержит "все донское офицерство", П.Х. просто выгнал Леонова, предупредив, что если он сделает такое предложение кому нибудь другому, то будут арестованы и повешены юнкерами все причастные к этой попытке переворота.

Когда до Атамана Каледина стали доходить слухи, что Добровольческая Армия собирается покинуть пределы Дона, то он командировал в Ростов ген. Попова, чтобы он в "личной дружеской беседе выяснил бы планы ген. Корнилова." В Ростове он не застал ген. Корнилова, а в штабе Добровольческой Армии его заверили, что "слухи неверны". Факт командирования П.Х. к ген. Корнилову для "дружеской беседы" с ним, свидетельствует об их взаимной симпатии, и недаром ген. Попов о ген. Корнилове говорил, что "он был не из породы недотеп", а ген. Корнилов при "Ольгинском споре" поддерживал план Походного Атамана Попова.

Когда 29 января 1918 г. в Атаманском Дворце происходило трагическое совещание Атамана с Войсковым Правительством о дальнейшей

борьбе с большевиками, П.Х., предчувствуя "недобрые решения" с раннего утра находился в штабе Походного Атамана, где совещался с н-ком штаба полк. Сидориным "о надвигающейся беде". Когда из Дворца сообщили, что Атаман и Правительство сложили свои полномочия и Атаман приказал Походному Атаману ген. Назарову "прекратить огонь - больше ни одного выстрела", П.Х. первым звонит ген. Каледину, который решительно ответил: "Вопрос решен - другого выхода нет" и сообщил, что в районе хутора Малый Нецветай появился сильный отряд красных с артиллерией и что нечем прикрыть это направление. П.Х. немедленно послал туда для разведки взвод юнкеров.

Когда появившийся в штабе Походного Атамана Войсковой Есаул Янов сообщил подробности трагического заседания и высказал мысль о возможности самоубийства Атамана Каледина и что нужно подумать о спасении Атамана, П.Х. советовал полк. Сидорину вызвать начальника Атаманского отряда полк. Каргальского, отряду которого предлагалось, быть может даже силой, "спасти" Атамана. Узнав, что во Дворце бесповоротно решен вопрос о передачи власти Городской Думе, станичному правлению Новочеркасской станицы и Военно-Революционному Комитету, П.Х. на это твердо заявил, что "допустить передачи власти нельзя, что борьба не может быть прекращена, нужно выйграть время, что с уходом Добровольческой Армии из Ростова необходимо отойти от ж.д., может быть уйти в степи, но борьбу так или иначе продолжать." Его поддержал полк. Сидорин. Ген. Назаров по телефону сообщил Атаману Каледину мнения П.Х., Сидорина и свое. Атаман Каледин, не не выслушав до конца, раздражительно ответил: "Поступайте как хотите, я уже не Атаман." Не прошло и полчаса, как из Дворца сообщили, что Атаман Каледин застрелился.

Акт о передаче власти подписан не был. П.Х. считал до самой своей смерти, что "покойный Каледин не исчерпал всех средств и сдался преждевременно." На вопросы "что-ж теперь будет?" П.Х. отвечал - "Никому власть не может быть передана. Будет избран новый Атаман и борьба будет продолжаться." И пользуясь положением почетного члена правления Новочеркасской станицы, он поднял в ее правлении "сполох". Когда соборный колокол извещал горожан о смерти Атамана, "сидельцы" станичного правления и юнкера созывали народ для решения вопроса об атаманской власти и о судьбе Дона. По "сполоху" поднятому ген. Поповым громадное здание станичного правления к вечеру было набито битком. Люди сидели на открытых окнах, на деревьях, заполнили тротуары. Неутомимый М.И.Бояринов размещает, уплотняет и на вопрос - кто будет Атаманом - отвечал: "Атаманом быть П.Х.Попову." Когда последний появился в зале - со всех сторон крики: "Просим быть Войсковым Атаманом!" Полк. Сидорин сделал краткий доклад о положении, из которого следовало, что оно не так уж плохо, что борьба может продолжаться. После него говорил ген. П.Х.Попов: "Выборы Атамана - прерогатива Круга. Круг собирается только 4 февраля. Войско не может оставаться ни одной минуты без Атамана. Существует принцип приемственности власти, в силу которого власть Войскового Атамана должен взять на себя Походный Атаман ген. Назаров. Вот наш новый Атаман" закончил П.Х., указывая на входящего ген. Назарова и чтобы не смущать собравшихся своим присутствием, передает председательствование полк. Бояринову, а сам уходит на обмывание тела погибшего Атамана.

Ген. Назаров сообщил, что получена телеграмма от ген. Корнилова, что Добровольческая Армия задерживается в Ростове, что это дает возможность продолжать борьбу, но и казаки должны помочь партизанам. Собравшиеся предлагают сейчас же начать запись в "боевую дружину" и

обещают Атаману всестороннюю помощь и поддержку в создании армии для борьбы с большевиками и просят ген. Назарова принять пост Войскового Атамана до Войскового Круга. В.ст. Н.И.Тарарин объявляет, что предварительная запись в "боевую дружину" уже дала около 200 человек. А.М. Назаров соглашается принять "тяжелый крест" до собрания Войскового Круга и всем записавшимся в дружину предлагает немедленно отправиться в Кадетский Корпус. Затем отправляет офицеров добровольцев в ближайшие станицы поднимать "сполох" для защиты Дона путем организации станичных дружин, направляя их в Новочеркасск. Сам он отправляется в Кадетский Корпус, где вместо записавшихся 200 человек находит ... всего около 30.

В 6 часов утра ген. Назаров вызывает к себе в штаб Походного Атамана ген. П.Х.Попова, которому сообщает: "Собрание казаков просило меня взять на себя обязанности Войскового Атамана. Я согласился. Вы здесь свой человек. Дон в опасности. Прошу мне помочь, и принять пост Походного Атамана." Также кратко П.Х. ему ответил: "Знаю, дорогой Анатолий Михайлович, что Дон в опасности. Не смею отказываться."

Сразу приступили к делу. Первым актом было обращение к Войску, в котором говорилось: "Помогите партизанам! Спасайте честь Родины и старого Дона! Пушки гремят уже под Сулиным..."

Как в первые дни революции, в атмосфере развала, анархии, распада и разнузданости, так и в дни казачьих трагедий, самоубийства Каледина, в момент растерянности, когда казалось, что все потеряно, все рухнуло, борьба проиграна, П.Х. был в творческой роли организатора, советника, духовного руководителя, вдохновителя и борца за интересы и идеалы казачества. И сам он, в эту столь критическую, тяжелую и почти безнадежную минуту при отсутствии воинской силы, при всеобщем упадке духа, когда другие не хотели брать никакой ответственности, он ее не убоялся, смело стал во главе горсти партизан, с глубокой верой, что казаки опомнятся и рано или поздно придут на помощь партизанам.

31 января Атаман Назаров поехал в Ростов к ген. Корнилову. Ген. Корнилов просил помощи в 2000 бойцов в течении 10 дней. 1 февраля, в его распоряжение с Новочеркасского фронта направлены отряд полк. Краснянского, Чернецовский отряд под командой ес. Лазарева, отряд сотн. Хоперского, добровольно формируется дружина казаков Гниловской станицы, которая выступает на помощь корниловцам под ст. Хопры. В район армянских поселений в Ростовском направлении направлены отряд ес. Назарова и дружина Александровской станицы. Ольгинская станица выставляет свою дружину в сторону Батайска, станицы Аксайская и Грушевская выставляют свои дружины из "фронтовиков" для защиты юртов своих станиц. Эти же станицы посылают дружины стариков в Новочеркасск, куда идут и дружины из других станиц. Походный Атаман ген. П.Х. Попов лично посещает 7-ой Донской казачий полк и остатки 16-го и 17-го полков. Так как в 7-м полку было много казаков Новочеркасской станицы, он обещает выступить. В 16-м и 17-м полках людей почти нет, но офицеры этих полков ес. Боков, ес. Власов, в.ст. Мартынов, ес. Бобров и подъес. Аврамов формируют свои отряды. Формируются также и новые партизанские батареи.

В ожидании прибытия в Новочеркасск станичных дружин, П.Х. обратился к начальнику Донского Офицерского Резерва ген. Грудневу, с просьбой выделить для формирования этих дружин нужное количество офицеров. Ген. Груднев отказался, указывая, что это не его дело, а дело Войскового Штаба. А Войсковой Штаб, в свою очередь, утверждал, что если дружины составлены из добровольцев, то и командный состав также должен был быть из них. По [illegible]бе П.Х. было созвано собрание

офицеров Резерва, на котором П.Х. произнес большую речь, призывая офицеров организовать офицерские дружины и итти в организуемые станичные дружины. Поговорили и разошлись... Почему? По свидетельству полк. Добрынина "одни из чувства простого самохранения, другие не могли и не хотели этого делать из-за самолюбия, оскорбленного незаслуженным недоверием широких казачьих масс...", а ген. Деникин пишет: "Донское офицерство, насчитывающее несколько тысяч, до самого падения Новочеркасска уклонялось вовсе от борьбы: в донские партизанские отряды поступали десятки, в Добровольческую Армию - единицы, а все остальные, связанные кровью, имущественно, земельно с Войском, не решались пойти против ярко выраженного настроения и желания казаков-фронтовиков." И в результате, офицеров для станичных дружин не нашлось. Офицеров на местах в станицах было мало и больше молодых, которые не хотели итти в командиры к старикам, да и старики рассчитывали, что командиров им дадут в Черкасске.

Когда в Новочеркасск стали прибывать станичные дружины, кстати сказать, значительно поредевшие по пути, часть их была помещена в Кадетском Корпусе, в Военном Училище и других учебных заведениях, но главная масса была помещена по частным квартирам. Те, кто попали в Корпус или Училище жили как кадеты и юнкера и также питались, т.е. так, как не всегда питались дома. Большевицкие агитаторы использовали это для пропаганды, говоря, что не напрасно за ними так ухаживают, дружинники им поверили, что "тут не все чисто" и постепенно стали "возворачиваться" домой. Те, кто попали в другие учебные заведения, довольствие должны были получать через начальника снабжения, где всякие мелкие чиновники не сочувствовавшие борьбе с большевиками, всячески тормозили дело питания. В обстановке того времени бороться с этим было трудно и эти дружинники также под влиянием большевицкой пропаганды стали возвращаться в свои станицы. Те же, кто оказались размещенными по частным квартирам, оказались не в лучшем положении. Если призывы Атаманов Назарова и Попова всколыхнули станичных казаков старших возростов, то они не коснулись многих городских обывателей, которые думали лишь о своем личном благополучии, предоставляя другим подставлять свои груди под пули большевиков, также как кормиться и одеваться за свой счет. Зажиточный городской элемент мог и был обязан поддержать подъем "серой" казачьей массы, но эта масса не только не встретила сочуствия, но подчас чувствовала и вражду за принудительный постой на квартирах и особенно за пользование кухнями. Предоставленные сами себе дружинники эти подверглись усиленной большевицкой пропаганде, стали постепенно "остывать" и распыляться.

Кроме всего этого, при всем желании, особенно в условиях того времени за 2-3 дня из необученной массы нельзя было "сколотить" хотя бы относительно боеспособную часть, а посылать людей просто на "убой" Атаман Назаров и ген. Попов не могли себе позволить. В результате Атаман Назаров не смог выполнить требований Добровольческой Армии оказать ей помощь людьми. Об этом хорошо знали и в штабе Добровольческой Армии, т.к. уже 5 февраля там снова был решен вопрос об оставлении Ростова. Атаман Назаров, узнав об этом случайно, поехал в Ростов 7 февраля и сообщил, что всенародного ополчения не получилось, что он больше того, что уже дал, ничего дать не может и поэтому благодарит Добровольческую Армию за все ею сделанное и больше задерживать ее не может.

В ночь на 9 февраля Добровольческая Армия покинула Ростов, а 10-го закончила переправу через Дон, уводя с собой и донские партизанские отряды бывшие на Ростовском фронте. Новочеркасск со стороны Ростова оказался неприкрытым. Походный Атаман ген. Попов перебросил в станицу

Аксайскую 2-ю сотню Новочеркасской дружины, вторую часть Чернецовского отряда под командой ротмистра Курочкина и просил ген. Корнилова задержать в Аксайской отряд полк. Краснянского.

Возвращаюсь немного назад. 31 января ген. Назаров сдавал штаб Походного Атамана ген. Попову. Офицеры штаба, также как и офицеры Войскового Штаба, были собраны в одной из комнат штаба Походного Атамана. Атаман Назаров довольно пространно обрисовал картину общего положения, затем закончил словами: "Все вы знаете П.Х., прошу выслушать и его."

Ген. Попов сказал почти дословно: "Вы меня знаете, знаю и я вас всех за отдельными исключениями. Но не все офицеры как Войскового, так и штаба Походного Атамана присутствуют здесь. Это плохая примета. Значит - не все сочувствуют делу борьбы с большевиками и вероятно собираются от нее уклониться. Предупреждаю, что борьба будет продолжаться до полной победы над большевиками и никаких компромиссов. Сил у нас немного, но тот, кто сражается на фронте имеет сильный дух и непреклонную волю к борьбе до победы. Этим мы и победим. Красная гвардия сильна числом своих людей и вооружением, но слаба духом. Красное командование старается привлечь на свою сторону казаков. Если ему удастся это сделать, хотя бы временно - это будет казачьей трагедией. Чтобы не устраивать бойни между казаками, быть может нам придется на какое-то время покинуть Новочеркасск. Но этим борьба не будет закончена. Мы уйдем в степи и там переждем исцеления казаков от нейтралитета. Придет весна, казак поймет - где правда и право, и встанет на их защиту."

Дальше призывал не терять веру в то, что казаки не потерпят советского рабства и "мы, офицеры, должны помочь им скорее разобраться в сущности большевизма."

П.Х. уже тогда допускал возможность оставления Новочеркасска и все свои планы строил на выздоровлении казаков от "нейтралитета", и уже тогда думал о задонских степях, как о временном пристанище для тех, кто не желал признавать советской власти и готов был бороться до конца.

По оставлении Ростова естественно вставал вопрос об оставлении Новочеркасска. Поэтому, еще 5 февраля, Атаман Назаров, когда Круг постановил вести борьбу до победы, "на всякий случай" командировал в станицу Константиновскую ген. П.Н.Краснова с задачей приготовить на месте прием войсковых учреждений, партизанских отрядов и Войскового Круга. Круг со своей стороны командировал туда же особую комиссию во главе с полк. С.К.Бородиным. А Походному Атаману было приказано подготовить план эвакуации Новочеркасска.

Войска северной группы ген. Ф.Ф.Абрамова и войска северо-запад. направления ген. А.В.Черячукина в неравных боях, цепляясь за каждую пядь земли, постепенно отходили к Новочеркасску. К 9-у февраля ген. Абрамов подошел к Персиановке, всего в 12 верстах от Новочеркасска, а ген. Черячукин с незначительными силами подошел к ст. Грушевской в 15 верстах от столицы Дона.

По данным разведки штаба Походного Атамана красные Антонова - Овсенко окружавшие Новочеркасск, не считая Ставропольской группы, принявшей участие во взятии Ростова, имели свыше 30 тысяч бойцов, свыше 200 пулеметов, больше 30 легких орудий и 4 тяжелых, несколько бронеавтомобилей и 2-3 бронепоезда. Больше половины красных войск было с северной и северо-западной стороны Новочеркасска.

Казачьи революционные полки Голубова, не вступившие еще в бой и находившиеся в районе Александровск Грушевский, в любой момент могли

занять станицу Раздорскую, Мелиховскую и Бесергеневскую и тем отрезать путь партизан на Константиновскую.

Против всей этой массы красных в распоряжении Походного Атамана официально числилось около 3000 человек, находившихся как на боевых участках, так и в Новочеркасске. В это число входили малонадежные: Новочеркасская и Константиновская дружины, 7-й Донской казачий полк, две сотни студенческой дружины, фельдшерские и обще-образовательные курсы; малочисленные и совершенно небоеспособные остатки дружин из стариков Аксайской, Гниловской и других станиц. Все это составляло около 1500 человек. На формировании в Новочеркасске находилось несколько партизанских отрядов, главным образом из учащейся молодежи - около 500 человек. И только около 1000 вполне боеспособных и надежных партизан было на фронте. На вооружении всей этой "армии" было около 10 орудий (3-х дюймовых), около 50 пулеметов и один примитивный бронепоезд.

Положение Новочеркасска стало критическим. В то время в городе возник слух, что Голубов передал кому-то записку с предложением впустить его казаков в город, чем якобы гарантировалась полная безопасность населения от произвола, самосудов, насилий и грабежей. Эти его обещания смутили горожан, и немалую часть офицеров, проживающих в Новочеркасске и весь день 9 февраля Атаман Назаров и штаб Походного Атамана были засыпаны недоуменными вопросами отцов города и офицеров - неужели город может стать ареной кровопролитий, когда Голубов предлагает такие заманчивые условия? Слухи об этом проникли и в Войсковой Круг и нашли здесь сторонников, которые начали сначала осторожно, а потом все смелее, говорить о необходимости послать делегации к красным главковерхам Голубову, Сиверсу и Саблину.

Войсковой и Походный Атаманы, на сколько могли, удерживали Круг от этого, но Круг не внял их голосу и уже 9 февраля послал свои делегации в Ростов в штаб Сиверса и в Александровск Грушевский к Голубову.

В такой обстановке ген. Назаров и ген. Попов должны были подумать как о дальнейшей борьбе, так и о судьбе партизан. Вечером 9 февраля ими были собраны все начальники отрядов, дабы посвятить их в подробности создавшейся обстановки и выработать дальнейший план действий.

Собрание, на которое были приглашены и президиум Круга и некоторые общественно-политические деятели начался с доклада Войскового Атамана. Ген. Назаров обрисовал обстановку, указав, что Круг еще 5 февраля постановил перенести свою работу в Константиновскую. Туда же по мнению ген. Назарова нужно эвакуировать и золотой запас, интендантские склады, войсковые учреждения, госпиталя и т.д. Главной же задачей вооруженных сил - воссоздание Большого Войскового Круга и через него возрождение Войска и его освобождение от советской власти. Ближайшей же задачей, сосредоточив в одном кулаке все силы, разбить красных на северном Персиановском направлении, потом повернуть на Константиновскую для осуществления поставленных задач. Сам ген. Назаров предлагал лично руководить всеми боевыми операциями и даже лично водить войска в атаку. План этот отличался необыкновенной простотой и был полон рыцарского порыва.

Он не встретил почти никаких возражений со стороны начальников отрядов, хотя было очевидно, что он не отвечал создавшейся обстановке. Времени для столь громоздкой эвакуации было мало, да и путь на Константиновскую мог быть отрезан в любой момент (что и случилось уже 11 февраля). Маленькая армия детей-партизан понесла бы такие потери, восстановить которые было бы невозможно. Но молчаливое согласие на-

чальников отрядов, идейных людей, решивших скорее умереть в открытом бою за честь Родного Края, чем искать пощады у врага - было также понятно. Это был все же какой-то выход.

Ген. Попов предложил несколько иной план. Он указал, что решение вопроса должно строго логически вытекать из задания поставленного войскам - воссоздание Большого Войскового Круга и возрождение Дона. Но большевицкая зараза, в создавшейся обстановке, захватывает уже и станицы, и, следовательно, выполнение основного задания - задача будущего, а в данное время нужно больше всего думать о выйгрыше времени необходимого станицам и еще уцелевшим полкам для выздоровления от большевицкого угара. Параллельная задача - сохранение хоть маленькой, но реальной силы, на которые станицы могли бы опереться в момент пробуждения Дона для дальнейшего создания мощной Донской Армии, для окончательного очищения Дона от красных. Пробуждение же Дона наступит через полтора-два месяца с наступлением весны и начала полевых работ.

При выполнении же плана ген. Назарова, большевики несомненно попытаются втянуть голубовских казаков в боевые действия, и партизанам придется драться со своими же казаками, которые в скором времени могут превратиться из Савлов в Павлов и тоже выступить против красных.

Отсюда вытекает дальнейший план действий: не подвергая несомненному риску уничтожения в неравном бою крошечной армии партизан, необходимой для будущей борьбы, вывести ее в такое место, где она бы оставалась вне всякой зависимости от станиц, могла бы выждать полтора два месяца, а когда обозначится отрезвление станиц, придти к ним на помощь и приступить к осуществлению основной задачи. Для этого нужно вести партизан не на Персиановку, где они вероятно сложат свои головы, а в задонские степи, в район зимовников, где найдется все необходимое для их существования. А Кругу переехать в Константиновскую, там продолжать свою работу, захватив все ценное и безусловно необходимое, также как и раненых, и поддерживать связь с партизанами. К осуществлению такого плана нужно торопиться, т.к. окружение красными Новочеркасска заканчивается, абсолютно открытым остается лишь направление на Старочеркасскую станицу, которое временно обеспечивается остановкой в Ольгинской Добровольческой Армии. Из Старочеркасской перейти за Дон, откуда можно перейти и в Константиновскую.

Предложение ген. Попова было горячо поддержано всеми начальниками отрядов и ген. Назаровым, сказавшим: "П.Х. прав. Не нужно подвергать армию риску."

Но командующим фронтами ген. Абрамовым и ген. Черячукиным высказалось иное мнение: всякая борьба, если она не поддержана казаками, должна быть прекращена, а партизаны распущены, т.к. надежды на "выздоровление казаков" проблематичны, в степях партизаны могут быть уничтожены. Им может быть предложено или остаться в городе или в одиночном порядке, кто как пожелает, присоединиться к Добровольческой Армии.

На другой день после совещания Походный Атаман, с разрешения Войскового Атамана, заменил ген. Абрамова на посту командующего сев. фронтом полк. Мамонтовым. При оставлении Новочеркасска ген. Абрамов уехал в свою станицу, а ген. Черячукин остался в городе.

Всю подготовку по оставлению Новочеркасска Атаман Назаров возложил на Походного Атамана, т.к. сам должен был все время проводить на беспрерывных мучительных заседаниях Круга, который все не мог решить - уходить ли ему из города или оставаться? Но между ген. Назаровым и ген. Поповым было решено оставить город II-го вечером. Поэтому

ген. Попов уже в ночь на 10 февраля принимал все необходимые меры. И в ночь на 11 февраля приказал с раннего утра начать погрузку золотого запаса, интендантского имущества, продовольствия, огнеприпасов, раненых и т.д.

Всю ночь 11 февраля на Круге шла борьба между сторонниками ухода Круга с партизанами и сторонниками того, чтобы остаться в городе "для защиты населения от кровавой расправы, грабежей и насилия." Главным застрельщиком последнего решения был член Круга Маркин. К наступлению дня Круг решил остаться в Новочеркасске, и в тот же день от него посылается делегация к красному главковерху Ю.Саблину.

Когда шла агония Новочеркасска, в Александровск Грушевске казаки Голубова митинговали. 10 февраля вечером на собрании делегатов от частей ими было принято решение: оказать самую энергичную поддержку советским войскам в борьбе за взятие Новочеркасска. В параграфе 3 по настоянию Голубова было: "Для противодействия агитации Донского Войскового Правительства и занятия более удобного места для военных действий перейти ближе к Новочеркасску и Дону."

Комиссар голубовского отряда Пугачевский, в своих воспоминаниях, пишет, что параграф 3 рассматривался в штабе Саблина как попытка казаков "уйти из под нашего влияния", и что это это вызвало там тревогу, т.к. там "боялись измены казаков". И этим он объясняет свое назначение в отряд Голубова с заданием "следить за поведением и настроением казаков, предотвратить возможную измену и их выступление против советской власти". В последнюю минуту 10 февраля Антонов Овсенко дал ему задачу: "вести казаков в охват Новочеркасска по маршруту Шахты - хутор Ягодин - станица Раздорская". Пугачевский договорился с Голубовым выступить из Шахт в 2 часа дня 11 февраля, но в 12 часов узнал, что Голубов с казаками рано утром ушел из Шахт к Дону. Он бросился в догонку. В Ягодине он встретил красную артиллерию отряда Петрова, от которой узнал, что Голубов в Ягодин не заходил. По дороге в раздорскую догнал обоз Голубова и от обозников узнал,что Голубов пошел прямо на Мелиховскую, не заходя в Раздорскую. Пугачевский помчался туда и через некоторое время увидел: "прекрасное, никогда не виданное, незабываемое зрелище - во всю ширь степи, теряясь в предвечерней мгле и снегах шла донская кавалерия. Сзади пулеметы и артиллерия ... которая неудержимым потоком стремилась к Новочеркасску..." Голубов объяснил комиссару, что он получил из Новочеркасска "добавочные сведения, по которым пришлось ускорить марш". Видимо эти сведения доставила делегация Круга к Голубову, посланная в ночь на 10 февраля. Но об этом он умолчал. Когда Голубов шел в Мелиховскую, чтобы там переночевать, к Ю.Саблину спешила новая делегация Круга.

Прибытие отряда Голубова в Мелиховскую, о чем стало известно в штабе Походного Атамана, в ту же ночь изменило положение Новочеркасска и единственным путем отхода партизан осталось направление на Старочеркасскую.

Когда Круг 11 февраля послал свою делегацию к Саблину, Атаман Назаров приказал Походному Атаману остановить эвакуацию города до его особого распоряжения. И вместе с ген. Поповым продолжал уговаривать Круг уйти из города вместе с партизанами.

Одновременно принимались меры, чтобы из города ушло возможно больше казаков и тем более офицеров. Для этого еще 10 февраля Походный Атаман вызвал ген. Груднева, начальника Донского Офицерского Резерва, и предложил ему подготовить Резерв для оставления города. Ген. Груднев на это ответил, что он ничего "готовить" не будет, но с офицерами "поговорит" и предложит желающим уйти с партизанами. Небольшую

группу он действительно собрал II-го вечером, сообщил им предложение Походного Атамана но добавил, что лично он остается, а другие пусть поступают как хотят.

В тот же день I0 февраля ген. Попов побывал в правлении Новочеркасской станицы и просил его предложить казакам станицы создать особую дружину для ухода из города; по его же распоряжению в тот же деньбыло создано офицерское собрание в Епархиальном Училище, на котором он призывал офицеров не оставаться на милость победителей, а уходить, записываясь в партизанские отряды. Офицеры поговорили и разошлись, только единицы записались в отряд Гнилорыбова, который нес охрану Атамана, Войскового Круга, Областного правления и Казначейства. Побывал он и на собрании общественных деятелей, представителей разных организаций, учреждений города и т.д. И там говорил о том же.

Им было сообщено и в казачьи воинские части, расположенные в городе о предстоящем уходе, а начальникам частей было предложено поговорить с казаками о желательности их ухода с партизанами.

II февраля утром по приказанию Походного Атамана было собрано еще одно собрание всех офицеров Новочеркасска. Собралось свыше 3000 человек. Начальник штаба Походного Атамана полк. Сидорин призывал всех покинуть город. Наиболее решительные высказывались за отход всем офицерам сильной вооруженной группой под начальством Походного Атамана, но раздавались и иные голоса - о необходимости вступления в переговоры с Голубовым. Поговорили и разошлись. "Решительных" оказалось мало. Одни из них вошли в состав Штаб-офицерской дружины, а другие, покинув город в одиночку, вошли в состав Конно-офицерского отряда в хуторе Арпачине.

В тот же день когда Круг выбирал делегацию к Саблину, П.Х. уговаривал Круг этого не делать и уходить с партизанами, обещая Кругу "продержаться" в Новочеркасске до вечера I3-го или даже до утра I4 - го. Но и это никого не соблазнило.

II-го же по просьбе Походного Атамана было созвано еще одно совещание в Областном правлении из начальников отрядов, президиума Круга, представителей городской Управы, и Новочеркасской станицы, разных общественных и гуманитарных организаций и казачьих воинских частей. Ген. Попов обрисовал положение: хутор Протопоповский Аксайской станицы и станица Александровская заняты больше иками; хутор Каменный Брод Грушевской станицы занят матросами Мокроусова. Красные в непосредственной близости к Новочеркасску, ими заняты Несветайские хутора и они на подступах к Персиановке. Голубов вошел в станицу Мелиховскую. Войсковой Круг вероятно останется в городе - Бог ему судья. Но пусть не задерживает Войскового Атамана. Эвакуация города задержана. Средств для эвакуации раненых нет. Кто о них позаботится здесь? Партизанские отряды уйдут за Дон. Если они задержатся в городе, то нет гарантий, что он не подвергнется бомбардировке. Если на какое-то время город останется без власти, могут быть выступления черни, грабежи и насилия. Кто это преотвратит? Студенческая дружина самораспустилась. Если Круг останется, он должен совместно с разными общественными организациями взять на себя заботу о раненых. Сотни Новочеркасской дружины, которые не собираются покидать города, должны привлечь в свой состав других горожан и совместно с остающимися воинскими частями составить отряды самообороны и принять на себя охрану войсковых складов, учреждений и т.д. Придут большевики - будет расправа. Казаки Голубова от нее не спасут. Все те, кто не хотят быть ее жертвами и кто верит в Дон и его светлое будущее, должны уйти с партизанами.

Говорил ген. Попов более часа при абсолютной тишине. Президиум

Круга заявил, что заботу о раненых партизанах он берет на себя, а представители станицы, дружины и казачьих частей обещали взять на себя караулы и поддержание порядка в городе. В тот же день ген. Попов приказал своему начальнику штаба послать в госпиталя, где находятся раненые и больные партизаны полк. Грузинова для снабжения их на всякий случай деньгами из средств штаба. Распоряжение это было выполнено рано утром 12 февраля.

В ночь на 12 февраля П.Х. снова выступает на Круге все по тому же вопросу оставаться ли Кругу в городе или нет?

Ранним утром 12 февраля Походный Атаман дает распоряжения об охране города со стороны Кривянки отряду ес. Боброва с приданными ему остатками станичных дружин Аксайской, Гниловской и др. "Бронепоезд" ес. Упорникова послать в Персиановку. Сотням 7-го Донского казачьего полка, находившихся у Несветаевских хуторов к 12 ч. дня отойти к Новочеркасску, к Татарской слободке, где и охранять подступы к городу. Отрядам в.ст. Яковлева и ес. Бокова к этому времени выдвинуться к Краснокутской роще и кладбищу с одним орудием батареи ес. Неживова. Для охраны города со стороны ст. Грушевской и хутора Мишкина отряду сотн. Хоперского занять позицию у Новой Тюрьмы. Инженерной сотне полк. Макеева у полустанка Александровский взорвать ж.д. полотно и завалить его вагонами. Атаманскому отряду полк. Каргальского со 2-м орудием батареи ес. Неживова перейти за р. Аксай у мельницы Цикунова и наблюдать за дорогой из Кривянской в Старочеркасскую. А т.к. по городу "поползли слухи", что местные большевики готовят выступление, чтобы помешать уходу партизан, то отряды - юнкерский ес. Слюсарева и партизанский ес. Назарова назначены для патрулирования по городу, особенно со стороны Хутунка.

Атаман Назаров, видя, что решения Круга все затягиваются, а обстановка с каждой минутой ухудшается для партизан (разъезды голубовцев уже появились у Кривянской) и что при дальнейшем промедлении не удастся вывести части с Персиановского направления в 8 ч. утра, разрешил сделать предварительные распоряжения и подготовления к уходу. По прямому проводу было приказано полк. Мамантову в Персиановке: его отряду и отряду в.ст. Мартынова отойти в Новочеркасск и занять позицию в сторону Кривянки у ж.д. вокзала и у мельницы Цикунова, а другие части в Персиановке подготовить к отходу. Ген. Черячукину в ст. Грушевской было приказано: отряду полк. Упорникова и Баклановскому отряду ес. Власова отойти к Новочеркасску, поручив охрану ст. Грушевской местной дружине.

Кроме того с подробными инструкциями отхода, из Новочеркасска были посланы в штаб полк. Мамантова Ген. Штаба кап. Говоров, а в штаб ген. Черячукина - ес. Губарев.

12 февраля с раннего утра, в холодном тумане, беспрерывной рекой тек поток беженцев из Новочеркасска в Кривянскую и Старочеркасскую. А у Мелеховской отряд Голубова, развернувшись в боевой порядок, двинулся к Новочеркасску. Скоро его движение стало видно с церковной колокольни и со сторожевого кургана в Александровском саду. К 12 ч. дня голубовцы расположились в Кривянской.

Узнав о движении отряда Голубова, Войсковой Круг послал ему навстречу напросившегося ес. Сиволобова, который должен был договориться с Голубовым о занятии его отрядом Новочеркасска не ранее 5 ч. вечера.

После его посылки, в 12 ч дня Походный Атаман получил записку от Атамана Назарова об оставлении города партизанами: "Войсковой

Круг выслал делегацию в Бесергеневскую станицу для переговоров с 10-м и 27-м Донскими полками, чтобы возложить на них охрану города. Приказываю сосредоточить войска для отвода их в избранном направлении. Отвод войск должен быть закончен не раньше 5 часов, т.е. так, чтобы до подхода 10-го и 27-го полков город не был бы без прикрытия. 12.2.1918" Только после этого ген. Попов отдал распоряжение отходить на Старочеркасскую по мосту через Аксай у лесного склада Цикунова. Первыми двинулись отряды ес. Боброва, полк. Хорошилова и ес. Назарова. Последнему было приказано прикрывать Старочеркасскую со стороны Богаевской и Семикаракорской.

Во избежание образования "пробок" в городе и на переправе, отрядам были указаны часы отхода и указны направления. Одни должны были отходить по Троицкому спуску - Московской улице - Платовскому проспекту и дальше мимо областной больницы к переправе, другие - по Железнодорожной улице и по Крещенскому спуску мимо вокзала, чтобы в случае надобности при давлении со стороны Кривянки прикрыть переправу. Обозам было приказано закончить переправу не позже 2-х часов, пехоте и артиллерии - к 3-м часам. Отряды Мамонтова и Мартынова должны были оставаться на позиции у вокзала и мельницы Цикунова фронтом на Кривянскую до нового распоряжения. Отряды Бокова, Власова и Яковлева должны были оставаться на своих местах до 4-х, а потом итти к переправе. Конные Семилетовские сотни должны были задержаться до 4-х ч. на окрайне города в сторону Персиановки, а потом итти к Аксаю. Сотням 7-го полка оставаться на их участке до 4-х ч., а дальше поступать по своему усмотрению. Юнкерский отряд ес. Слюсарева получил приказание нести патрульную службу в городе до 4-х часов, а после поступить в личное распоряжение Походного Атамана на переправе через Аксай. Отряд в.ст. Гнилорыбова должен был охранять заседания Войскового Круга и Войскового Атамана, находясь в распоряжении госледнего и покинуть город по его распоряжению, т.е. в последнюю минуту (поэтому он именовался "Сотней смерти"). Атаманский отряд полк. Каргальского должен был оставаться на прежнем месте, до его замены юнкерами Слюсарева, а затем итти в Старочеркасскую. Создавшаяся Штаб-офицерская дружина ген. Базовова должна была немедленно итти в Старочеркасскую. Бронепоезду ес. Упорникова было приказано выдвинуться к Персиановке и беспокоить красных артиллерийским огнем до 4-х ч. дня, а затем отойти к переправе, где испортить орудия и, погрузив пулеметы на подводы, которые будут ждать у переправы, итти туда же. Все отряды бывшие в стадии формирования и Константиновская дружина должны оставить город одновременно с артиллерией. Однако, бронепоезд оставил свою позицию раньше и прибыл в Новочеркасск между 3 и 4 ч. и команда его разошлась. Часть офицеров с ес. Измайловым присоединилась к партизанам, уходящим в Старочеркасскую, а пулеметная команда с ес. С.Н.Красновым с одним пулеметом через ст. Аксайскую пошла в ст. Ольгинскую, остальные разошлись по домам в Новочеркасске.

В этот же день ген. Попов посетил самораспускающиеся сотни Студенческой дружины и призывал студентов временно пополнить сотни Новочеркасской дружины, чтобы составить охрану города до вступления казаков Голубова. А затем советовал студентам разъехаться по станицам для подготовки восстаний против советской власти. С этой же целью он посетил Военно-Фельдшерские курсы и Обще-сбразовательные курсы урядников и остающиеся в городе сотни Новочеркасской дружины. Последних благодарил за "службу" и просил сменить, т.е. заменить, партизан на караулах, на складах, учреждениях и т.д. до прихода голубовцев. Просьбу эту дружинники выполнили.

А в это же время полк. Сидорин с начальником Особого Отделения (политического) Д.М.Афанасьевым в штабе Походного Атамана инструктировали лиц, оставляемых для секретной работы в Новочеркасске, Ростове и других местах Области, снабжая их деньгами и соответствующими документами. Таких лиц было оставлено в Новочеркасске около 20 человек, главным образом студентов и молодых офицеров. Одни из них погибли, длругие блестяще выполнили возложенные на них задания.

К 3-м ч. дня ген. Попов был вызван Атаманом Назаровым, передавшим ему "на всякий случай" наспех набросанную им точную и определенную задачу, которая в главных чертах сводилась к следующему: увести партизан в задонские степи, где и сохранить их для будущей борьбы; поднять на Дону восстания против советской власти, объединить их и руководить ими; при первой возможности созвать Войсковой Круг для решения вопросов власти на Дону и выборов Войскового Атамана; придя в Старочеркасскую, посетить в Ольгинской ген. Корнилова и договориться с ним о подробностях совместных действий на основе уже рассмотренного им и ген. Корниловым плана дальнейшей борьбы.

Когда шла переправа партизан через Аксай и пока они шли к этой переправе под злобное шипение улюканье большевизанствующих, под молчаливую неприязнь умеренных, под насмешки знакомых, называвших уходящих Дон-Кихотами и под слезы матерей - Войсковой Круг во главе с Войсковым Атаманом и председателем Круга в 3 ч. дня отправились в Войсковой Собор отслужить молебен о спасении города и жителей его от грабежей и насилий. Ген. Попов, как бы охраняя Круг и Атамана скромно шел сзади во главе своего штаба. После молебна Владыка Митрофаний благословил Походного Атамана и в его лице и всех партизан на ратный подвиг копией иконы Покрова Пресвятой Богородицы, которая была у казаков во время Азовского Сидения. Служба затянулась почти до 4-х часов.

После, Атаман Назаров с кругом пошли на последнее в этот период и в его жизни столь печальное и трагически закончившееся заседание Круга. Походный Атаман и полк. Сидорин пошли в свой штаб, чтобы по телефону проверить сняты ли все отряды охранения, приказать отряду полк. Мамантова уходить сейчас в Старочеркасскую, а отряду Мартынова в 5 ч. снять офицеров наблюдателей на колокольнях Войскового Собора, Троицкой церкви и пожарной каланчи, также как и дежурного офицера на почтовом телеграфе, сотн. Н.А.Ломакина, который, кстати, доложил полк. Сидорину, что красные заняли Персиановку и что их комендант говорил с ним по аппарату, предлагая скорее "убираться" из города и предупредил, чтобы не чинили сопротивления при входе красных войск в Новочеркасск.

Сейчас же после 4-х ч. со стороны вокзала послышалась ружейная и пулеметная стрельба - то партизанская сотня в.ст. Мартынова встречала огнем наступавших голубовцев. Стрельба была услышена на заседании Круга и Атаман Назаров приказал в.ст. Гнилорыбову снять охрану Круга и уходить в Старочеркасскую, а в отряд Мартынова прискакал член Круга и на словах передал приказание Атамана "прекратить огонь" и тоже уходить туда же. Т.к. Мартынов имел приказ Походного Атамана "сняться с позиции" в 5 ч., а до того охранять город от голубовцев со стороны Кривянской, то он послал своего адъютанта с тем же членом Круга к Походному Атаману, который приказал Мартынову прекратить огонь и отходить к переправе.

К 5 ч 30 в городе не осталось "брошеных" или "забытых" партизан. Ушли все, кто хотел, остались по своей вине одиночки, задержавшиеся дома, куда они "зашли", чтобы проститься с родными. В последнюю минуту из Новочеркасска в Добровольческую Армию выехал ее представитель ген. Складовский и Редактор "Нового Времени" Б.Суворин, а в Старочеркасскую

члены Государственной Думы А.Ф.Аладин и Араканцев, а за ними через Аксайскую в Ольгинскую с группой партизан, быховец, автор книги "Жертвы вечерние" - ес. Родионов.

Член Круга ес. Сиволобов, вернувшись от Голубова, доложил Кругу, что Голубов вступит в город в 6 ч. вечера и гарантирует неприкосновенность Атамана и Круга. По мнению другого члена Круга Н.Д.Дувакина "или Голубов обманул Сиволобова, или Сиволобов обманул Круг и Атамана". А комиссар голубовского отряда Пугачевский свидетельствует, что Голубов из Мелиховской "двигался шагом, не спеша", в Кривянской отряд "расположился по квартирам, как будто на ночевку". И что Голубов все время твердил, что "город еще сильно занят противником и что он со своими силами, понеся большие потери, может его не взять". И все время советовал Пугачевскому "не спешить", и что, наконец, в 4 ч. он, сам Пугачевский, без ведома Голубова "поднял" отряд и "повел его сам на Новочеркасск". Догнавший его Голубов вновь советовал "в город не входить в конном строю, т.к. город сильно занят противником". Тут Голубов или обманывает Пугачевского, чтобы сдержать данное Сиволобову обещание, или не зная сил ген. Попова и, даже имея донесение своих дозоров, ведших наблюдение за дорогой на Старочеркасскую и видивших движение туда партизан из Новочеркасска, видимо все же боялся "засады". Возможно Голубов не знал, что Походный Атаман оставляет город без боя потому, что считал этот бой бесполезным для данного момента и вредным для будущего.

Как известно, Голубов, заняв город, ворвался с Пугачевским на заседание Круга, который на его окрик "Сволочь, встать!" встал как один человек, кроме Атамана Назарова, хотя среди членов Круга, кажется было большинство офицеров и в почтенных чинах, хорошо знавших Голубова, как и он знал многих. Все члены Круга не только встали, но никто, кроме нескольких рядовых казаков-стариков не протестовал на грубое обращение и арест Атамана и председателя Круга, а подобострастно спрашивали - что он прикажет делать, и получив ответ "мне некогда возиться с вами, убирайтесь все к черту!" поспешили "убраться".

Новочеркасск оставлен.

..... Партизаны начали свой легендарный поход.

А.Падалкин.

"
" "

Не выдаст моя кобылица,
Не лопнет подпруга седла,
Дымится в Задонье, курится
Седая февральская мгла.

Встает за могилой могила,
Темнеет калмыцкая твердь
И где то правее - Корнилов,
В метелях идущий на смерть.

Запомним, запомним до гроба
Жестокую юность свою,
Дымящийся гребень сугроба,
Победу и гибель в бою.

Тоску безисходного гона,
Тревоги в морозных ночах,
Да блеск тускловатый погона
На хрупких, на детских плечах.

Мы отдали все, что имели,
Тебе восемнадцатый год,
Твоей азиатской метели
Степной - за Россию - поход.

Н.Туроверов.

:-:-:-:-:-:-:-:-:

ДОНСКИМ ПАРТИЗАНАМ.

Ох, мела, мела она, поземка,
Хутор Фролов замела во-взять.
Ох, намерзся в шинелишках тонких,
В половне скрывавшийся отряд.

Ни сварить, ни закурить ребятам,
Что кроты в полове залегли,
Ночь пришла. По куреням и хатам
Огоньки вечерние зажгли.

Сотня их, парнишек желоторотых,
Из Черкасска, с Чира, с Калитвы.
Против них - четыре красных роты
Коммунистов. Русских. Из Москвы.

Закурило ночью, запуржило,
Ветер, тучи и темным-темно,
О полночи, или в час от силы,
Занялося крайнее гумно.

Ветряки отрезали с налета,
С водокачки вдарил пулемет...
Бились крепко все четыре роты
Но к рассвету начался отход.

Ночью этой пленных нет, не бра
Все, что было здесь не обсказа
К Иловлинской красных провожал
Через Лог вертались ночевать.

.....

Эх, мела, мела она, поземка,
Гимназистик, реалистик и кадет
Без обувки, в шинелишках тонки
Жертва злобе окаянных лет.

Жизни ваши, молодые силы,
Разбросав в сугробах и пыли,
И уйдя в безвестные могилы
Тем вы честь казачью сберегли.

А потом - отцы поднялись ваши.
Эх ты, горе - горькое мое...
.....
Побежденных меж зубцами башен
В старину кидали на копье.

Мюнхен.

П.С.Поляков.

ПЕРВОПОХОДНИКАМ

Все меньше и меньше вас остается,
Могилы растут с каждым днем,
И медленнее сердце будто бы бьется.
Оно не скорбит ни о чем.

Оно не грустит о потерях,
О честных погибших в боях,
И верит - раскроются двери,
Исчезнут страданья и страх.

Не даром в поход уходили -
Российскую честь берегли.
Отдали без слов что любили.
Отдали вы все, что могли.

Не страшен вам крест безыменный -
Один только раз умирать,
И много вас, доблестных, славных,
Легли за любимую Мать.

Еще мы увидим свободу,
(Она где то в небе, во мгле),
Увидим мы счастье народа,
На русской прекрасной земле.

Париж. Николай Евсеев.

:-:-:-:-:-:-:-:

СТЕПНОЙ ПОХОД И НАЧАЛО КАЗАЧЬИХ ВОССТАНИЙ НА ДОНУ.

Прежде чем говорить по существу, хочется привести выдержки из стихотворений, напечатанных в журнале "Донская Волна", верно отражающих события описываемого периода.

"СТЕПНАЯ БАЛЛАДА"

Н.Литвин.

Казаки обходят... Молва о погоне...
И пушки все ближе стонали...
По снежным прогалинам кони
Опасливо-чутко ступали.

Февральское солнце бросало
Прощальный привет уходившим,
А девичье сердце дрожало
В предчувствии остром и нывшем.

-Родная любимая мама... -
Склонился пред матерью ратник...
Вдруг колокол Старого Храма
Ударил печальный превратник.

Над городом тень Атамана
Душою великою страдала,
И в дымках седого тумана
Легенда степей умирала.

.....

В кровавых полях утонули
Следы многодневных скитаний,
И раны и песни под пули,
И теплые дни ожиданий.

Два месяца в траурном звоне
Висела тревога печали.
А весною усталые кони
Изгнанников снова примчали.

БЕЗ ЗАГЛАВИЯ.

А.Громова.

Над безмолвьем уснувшего Дона,
Над простором родимых полей,
Слышен отзвук далекого стона,
Слышен лязг беспощадных цепей.

Стон замученных к мести зовет,
Враг идет многолик, безобразен,
Наступает со всех он концов,
Но... проснулся донской богатырь.

Только дым заклубился вдали,
То возстал Дон свободный и гордый
Для спасенья родимой земли
И пошел он в решительный бой.

"ВСКОЛЫХНУЛСЯ, ВЗВОЛНОВАЛСЯ".

Евг.Венского.

Ваши степи незнакомы
С вражьим каблуком.
Мы насадин совнаркомы
С красным босяком.

Все казачество тогда мы
Обратим в рабов,
Уничтожим ваши храмы,
Вырежем попов.

Нам каблук рабочей власти
Будто не с руки, отвечали казаки.
Не в крови - разбоя счастья
Видят казаки.

Вскольыхнулся, взволновался
Тихий, старый Дон.
По долам-степям начался
Призывной трезвон.

От станицы до станицы
Слались ходоки,
И летели, словно птицы,
К бою казаки.

Мчались бурей-вихрем к бою
Стаи удальцов,
Звал их громко за собою
Атаман Попов.

.....

:-:-:-:+-:-:-:

Между 2-мя и 4-мя ч. 30 I2 февраля I9I8 г. донские партизанские отряды под водительством Походного Атамана ген. П.Х.Попова ушли из Новочеркасска в Степной Поход.

Подробной его истории до сих пор по разным причинам, а главным образом, материальным не написано. За недостатком места и из-за отсутствия подробной и точной документации и я не берусь этого сделать. Но тем не менее, нам необходимо напомнить об этой славной странице истории Дона и всей гражданской войны на юге России.

Цели Степного Похода изложены на предыдущих страницах. I3 февраля ген. Попов в станице Ольгинской безуспешно пытался задержать Добровольческую Армию на Дону. Этому вопросу посвящена отдельная статья "Ольгинский спор".

Если бы не было Степного Похода, то возможно - не было бы так скоро и казачьих восстаний на Дону, что отметила не только казачья эмигрантская литература, но и советская. Так это понимали и руково-

водители этих восстаний, считая, что партизаны это "допинг" для казачьего повстанческого движения и что существование партизанских отрядов было лучшим моральным стимулом для колеблющихся. Так это понимал и Круг Спасения Дона и Большой Войсковой Круг февральской сессии 1919 года, отмечая заслуги степняков и их вождя. Но если бы не было казачьих восстаний, то и судьба партизан могла бы быть печальной. Это отлично понимали руководители Степного Похода, и особенно ген. Попов, который при помощи Особого Отделения своего штаба руководил всей работой по подготовке казачьих восстаний, не жалея никаких средств и не упуская ни одной возможности. Первые результаты сказались уже 4 марта, т.е. через 20 дней после оставления Новочеркасска и скоро началось стихийное народное движение сопротивления советской власти по всей Области. Но чувствовалась невидимая руководящая "рука" Походного Атамана и его штаба, что известно мне лично и что отмечает советская мемуарная и историческая литература, для которой несомненно в советских архивах имеется соответствующая документация. В то время я был скромным чиновником для особых поручений Особого Отдела штаба Походного Атамана. Фигурально выражаясь - маленьким винтиком сложного механизма, его большого ведущего колеса, но был у самого его центра, поэтому мог видеть его работу лучше других, оставшихся в живых. В Походе вел дневник, а после ознакомился с архивом Союза Партизан-Степняков, с литературой, относящейся к Походу и казачьим восстаниям, и собрал богатый материал не только о событиях и военных операциях, но и о настроениях, мыслях, переживаниях, надеждах партизан и восстающих казаков. К сожалению, размер журнала не позволяет останавливаться на этом подробно.

Партизаны двигавшиеся из Новочеркасска в Старочеркасскую видели "маячившие" дозоры голубовцев, наблюдавших за их движением и подходивших так близко, что они могли перекликаться с партизанами. Но они друг друга не трогали, каждый шел своей дорогой, быть может размышляя, что деление на "кадетов" и "трудовых казаков" - явление временное и поэтому не стоит "обострять отношений".

Ночь на 13 февраля партизаны провели в хорошо их принявшей Старочеркасской станице, а рано утром начали переправу по льду через Дон в Задонье. Из станицы некоторая часть партизан под влиянием пропаганды председателя Союза Донских дворян Леонова ушла в Ольгинскую, в Добровольческую Армию: отряды ес. Бокова, Баклановский отряд ес. Власова, группа "новоиспеченных" партизан полк. Краснянского под командой в.ст. Дударева, группа офицеров казаков и не-казаков покинувших Новочеркасск в одиночном порядке. Частично "самораспустилась" 2-я сотня Новочеркасской дружины, бывшая на "фронте" в Аксайской и пришедшая прямо в Старочеркасскую после последней перестрелки с рабочими Аксайского стеклянного завода Добровольского у Плавного моста через Аксай.

В станице Старочеркасской председателем Союза Донских дворян А.П.Леоновым, очевидно под влиянием сторонников Екатеринодарского направления среди высших чинов Добровольческой Армии, чтобы увести донских партизан в станицу Ольгинскую в распоряжение ген. Корнилова, был задуман "переворот", имевший целью армию Походного Атамана ген. Попова и передачу его власти новому лицу. Таким лицом намечался полк. Мамонтов, которому в хуторе Арпачине и было сделано соответствующее предложение. Полк. Мамонтов отклонил предложение и доложил о нем Походному Атаману. Леонов, зная крутой нрав ген. Попова, уехал в станицу Ольгинскую под крылышко ген. Алексеева.

В хуторе Арпачине была объявлена дневка, для подсчета сил пар-

тизан, производства реорганизации отрядов, установления количества имеющихся запасов и количества совершенно небоеспособного элемента - частных лиц, последовавших за партизанами. Из I6 отрядов, из которых некоторые имели по 30-40 человек, были организованы более крупные соединения (6 отрядов были лишены самостоятельности), способные на выполнение самостоятельных боевых задач. Все отряды были сведены в "Отряд Вольных Донских Казаков", т.е. независимых от советской власти.

В Арпачине тоже был "отлив" и "прилив". Ушла в свою станицу Константиновская дружина, а из одиночных офицеров ушедших из Новочеркасска с партизанами была организована Конно-Офицерская сотня полк. Чернушенко. По данным, хранившимся в Союзе Партизан-Степняков, в "Отряд Вольных Донских Казаков" вошли:

I. Отряд полк. Э.Ф.Семилетова - состоял из 2-х конных и 3-х пеших сотен, подрывной и пулеметной команд, 2-хорудийной батареи, медицинского околодка и обоза. В основной его отряд вошли отряды: в.ст. Мартынова, сот. Хоперского и остатки Новочеркасской дружины. Помощниками -заместителями полк. Семилетова были: I-м полк. Лысенков, командовавший пешими сотнями, 2-м в.ст. Ленивов, командовавший конными сотнями. Командирами сотен были: конных - I-й подъес. Галдин, 2-й - подъес. Зеленков; пешими последовательно командовали: I-й ес. Пашков (убит у Казенного Моста), капитан Балихин (убит у Ал. Грушевска) и в.ст. Ретивов; 2-й ес. Тацин, 3-й - в.ст. Мартынов; начальником пулеметной команды был подъес. Кундрюков, батареи - капитан Щукин, обоза - кап. Виноградов, комендантом и н-ком комендантской команды - ес. А.В.Губарев. Из хутора Веселого отряд вышел в составе 70I человека, при I3 пулеметах.

2. Отряд сотн. Ф.Д.Назарова - состоял их 2-х конных сотен, подрывной команды при 5 пулеметах и околодка. 252 человека.

3. Отряд полк. Мамонтова - из 2-х пеших сотен, при 4-х пулеметах в 205 человек. В основной его отряд входили отряды: полк. Яковлева (смешанный) и полк. Хорошилова (детский). Помощником Мамантова был полк. Шабанов, который командовал мамонтовским отрядом в тех случаях, когда сам Мамантов командовал группой отрядов.

4. Юнкерский конный отряд ес. Н.П.Слюсарева - в 96 человек при 3-х пулеметах. Помощником Слюсарева был ес. В.С.Крюков.

5. Атаманский конный отряд полк. Г.Д.Каргальского с заместителем в. ст. Хрипуновым - 92 человека при 3-х пулеметах.

6. Конно-Офицерский отряд полк. Чернушенко с заместителем ес. Дубовсковым - 85 человек при 3-х пулеметах.

7. Штаб-Офицерская пешая дружина ген. Базавова ("песочники" и дети) с заместителем его полк. Ляховым. Сюда входил пеший ученический отряд ес. Боброва (48 человек), в Великокняжеской переведенный в отряд полк. Семилетова. Всего в отряде было II6 человек при 2-х пулеметах.

8. Офицерская боевая конная дружина в.ст. Гнилорыбова - I06 человек при 3-х пулеметах.

9. Инженерная сотня ген. Модлера - 36 человек при I-м пулемете и одной полевой радио-станции.

I0. I-я отдельная батарея ес. Неживова - 2 3-х дюймовых орудий и 2 пулемета "люиса": 38 человек.

II. 2-я Отдельная батарея ес. Кузнецова - I орудие и I "Люис": 22 человека.

В хуторе Веселом все отряды были сведены в "Отряд Вольных Донских Казаков" в I727 человек боевого состава, из которых III0 человек

было пехоты, 617 - конницы при 5 орудиях и 39 пулеметах, под общим командованием Походного Атамана ген. Попова.

В Великокняжеской присоединилось около 200 человек учащейся молодежи а позднее, в Восточных коневодствах, Отряд пополнился 4-мя калмыцкими сотнями, в 620 коней при 4-х пулеметах, под общим командованием ген. И.Д.Попова (командиром I-й сотни был полк. Абраменков, 2-й - в.ст. Кострюков, 3-й - подъес. П.М.Аврамов, 4-й калмык сотн. Яманов), что увеличило общую численность Отряда до 2850 человек.

В нестроевой части Отряда было 251 человек, распределяющихся следующим образом:

штаб Отряда - адъютантом Походного Атамана был полк. Кучеров, офицерами-ординарцами в.ст. Н.И.Тарарин и в.ст. Розов.

Начальником штаба был полк. В.И.Сидорин, его помощником и н-ком оперативного отделения - ес. Сутулов, казначеем Отряда - ес. М.И. Тарарин, н-к хозяйственной части - ес. Платонов, н-к службы связи - полк. Кудинов, обязанности н-ка разведовательного и контр-развед. отделений выполнял н-к военно-следственной комиссии ген. Жерве, обязанности коменданта Отряда - полк. Мамонтов. Всего обслуживающего персонала штаба было 31 человек при I пулемете.

Особое место при штабе занимало Особое Отделение Штаба Ростовского Военного Округа под начальством инженера Д.М.Афанасьева, с помощником на должности чиновника для особых поручений А.П.Падалкиным и 16 секретных сотрудников.

Артиллерийское управление и его обоз, возглавляемое начальником Донской Артиллерии ген. Астаховым, с адъютантом управления ес. Е.А. Федоровым, в 36 человек при I пулемете. В обозе находилось 200 арт. снарядов, 500000 ружейных патронов, около 1000 ручных гранат, 5 пулеметов, около 500 винтовок и некоторое количество военного снаряжения.

Походный госпиталь - 21 человек обслуживающего персонала кроме сестер милосердия.

Калмыцкая группа членов Донского Войскового Круга и духовенства - 22 человека, очень способствовавших привлечению в Отряд казаков-калмыков.

Группа общественных деятелей во главе с членами Государственной Думы казаком Араканцевым и не-казаком Аладьиным - 18 человек.

В Отряде было рядовыми партизанами, сестрами милосердия и отрядными поварихами 78 женщин и девушек.

Наибольший численный состав Отряда к 20 марта доходил до 3000 человек.

С 20 марта по 5 апреля в порядке распыления из отряда ушло около 150 человек и было уволено около 50 (китайцы сотн. Хоперского).

С 5 апреля по 4 мая в Отряд вступило 500 новых добровольцев, в Константиновской присоединился партизанский отряд ес. Димитриева, из учащихся этой станицы - около 100 человек.

Общие кровавые потери с 12 февраля по 25 марта были убитыми и умершими от ран - 81 человек, ранеными - 211 .

Каждый отряд имел свой значек: штаб Походного Атамана - русский национальный трехцветный флаг; отряд Семилетова - синее поле с золотой оторочкой, с одной стороны серебряный Георгиевский крест, с другой - золотая буква С; отряд в.ст. Мартынова, вошедший в Семилетовский, - черное поле с серебряной оторочкой, с одной стороны 4-хконеч-

ный степной крест, с другой - серебряная буква М; Мамантовский отряд - белое поле с золотой оторочкой, с одной стороны 6-тиконечный золотой крест, с другой - золотые буквы О.М.; юнкерский отряд - голубое поле с серебряной оторочкой и серебряные буквы с двух сторон ЮН.ОТ.; Назаровский отряд - синее поле с золотой оторочкой, с одной стороны золотые лучи восходящего солнца, с другой - золотые буквы О.Н.; Атаманский отряд - значек Л.-Гв. Атаманского полка; Офицерская боевая дружина Гнилорыбова - белое поле с золотой оторочкой, с обеих сторон золотые буквы О.Б.Д.; Конно-офицерская сотня Чернушенко - синее поле с серебряной оторочкой, с обоих сторон серебряные буквы К.О.С.; инженерная сотня - белое поле с красной отрочкой и серебряные буквы, с одной стороны ИН., с другой - СОТ.; Штаб-офицерская дружина ген. Базавова - черное поле с серебряной оторочкой и с одной стороны буквы Ш.О.Д.; управление н-ка артиллерии - синее поле с красной оторочкой и с одной стороны красные буквы У.Н.Д.А.; батарея Неживова - белое поле с красной оторочкой и с двух сторон красные буквы Б.Н.; батарея ес. Кузнецова - синее поле с красной оторочкой и с двух сторон красные буквы Б.К.; калмыцкие сотни - желтое поле с красной оторочкой и с двух сторон литеры I К.С., 2 К.С. и т.д. - всего 4 сотни.

I4 февраля в хуторе Арпачине был произведен смотр маленькой партизанской армии. На "смотр" партизаны пришли с песнями, веселые и улыбающиеся. Собравшиеся жители хутора говорили, одни полные сочувствия - "И как они, бедные дети, будут воевать?", другие, злобные духом, - "Ироды окаянные, кадеты проклятые, передушить бы вас всех!", третьи, наиболее многочисленные, относясь совершенно безразлично - "Подумаешь, вояки тоже!". В своем слове ген. Попов, спокойный и уверенный, что показывало его уверенность в партизанах, напомнил об их доблести в предыдущих боях и указал задание возложенное на них Войсковым Атаманом. "В настоящее время трудно сказать - каким путем это удастся осуществить, путь - укажет обстановка." Далее он отметил, что Добровольческая Армия ген. Корнилова для совместных действий с партизанами идет другой дорогой. В заключение ген. Попов потребовал соблюдать в отрядах полный порядок, дисциплину, без всяких комитетов и митингов; пьянство, игра в карты, грабежи, обиды местного населения будут строго караться "вплоть до изгнания из отряда". Требовал также бережливости казенного имущества и указал, что в целях сбережения денежных средств, "жалование до поры до времени" выдаваться не будет. Все это вызвало одобрительное выражение на лицах партизан и реплики среди жителей: "Вот это хорошо, правильно сказал Атаман..." Сам ген. Попов показывал пример экономии и нетребовательности, приказав в.ст. Тарарину купить за его личный счет "лантух", который был бы покрышкой на сено во время ночевок вповалку с чинами его штаба.

Первое боевое "столкновение" после переправы через дон произошло поздно вечером I3 февраля: инженерная сотня, шедшая в х. Арпачин после того как повзрывала лед на Дону, на месте переправы, была обстреляна казаками фронтовиками Манычской станицы, обстрелявших уже юнкерские разъезды в ночь на I3 февраля.

При движении на Арпачин и далее на хутор Веселый, боковым охранением главных сил со стороны Дона был конный отряд Назарова, а со стороны степи - юнкерский отряд. Когда главные силы ночевали в Арпачине, отряд Назарова ночевал в Манычской, где казаки станицы держали себя вызывающе, а посланный Назаровым на утро I4 февраля разъезд на станицу Богаевскую был там обстрелян ружейным и пулеметным огнем. Потом это объясняли тем, что "кадеты вырезали" станицу Манычевскую и

ее два хутора. Назаров объявил, что это неверно, что партизаны - казаки и с казаками не воюют и предложил "богаевцам" послать делегатов в Манычевскую проверить слухи, что и было сделано. После, станица партизан не трогала и их разъезды свободно разъезжали по юрту Богаевской станицы 14 и 15 февраля. Слухи о том, что партизаны "вырезают" целые поселения, сопровождали их во время всего похода и командование, для их опровержения, неоднократно направляло в "вырезанные" места делегатов из запуганных поселений.

15 февраля главные силы пер.ли на хохлацкий хутор Веселый в 60 верстах от Арпачина. Партизаны еще не втянувшиеся в переходы едва тянулись, уже на первой половине пути и в Веселом было много больных, главным образом с кровавыми нат ртыми мозолями. Походный Атаман проявил особенную заботливость о "пострадавших".

В хуторе Веселом Походный Атаман был принужден учредить при отряде судебно-следственную комиссию и отрядный суд. Вызвано это было тем, что из группы полк. Биркина из офицеров, кадет и казаков Донского Кадетского Корпуса, оставшиеся в Новочеркасске после оставления его партизанами и приехавшая в Арпачин уже после того, как партизаны выступили на Веселый, в желании скорее их догнать, при требовании от хуторского атамана обывательских подвод, в.ст. Тихонов "случайно" убил из винтовки хуторского казака. Отец убитого приехал в Веселый с жалобой к Походному Атаману. Ген. Попов знал лично Тихонова, допускал возможность "несчастного случая", но чтобы эти "случаи" не повторялись и не клакли бы пятна на партизан, приказал произвести расследование и виновника предать суду. Отец старик был удовлетворен, но в ту же ночь группа полк. Биркина, а с ней и в.ст. Тихонов, ушла в Добровольческую Армию, что вызвало впечатление, что она бежала от ответственности. Это вызвало негодование партизан.

Ген. Попов всегда придавал большое значение, как одному из видов борьбы с красными, пропаганде и политической разведке в их стане. Пользуясь трехдневной стоянкой в Веселом приказал н-ку Особого Отделения Д.М.Афанасьеву собрать всех сотрудников и провести с ними двухчасовую "беседу" об их работе среди местного населения, где будут проходить партизаны, в среде красной гвардии, о казачьих настроениях, о мероприятиях советской власти на Дону и т.д. и просил Афанасьева два раза в неделю представлять ему сводки "казачьей температуры". В этом отношении он оказался очень требовательным и никогда не довольствовался сухими докладами, но требовал материалы на основании которых эти доклады основывались и глубоко вникал во все слышанное. Основываясь на полученных сведениях, он сам вел особые таблицы по округам, отмечая изменение казачьих настроений и мероприятий советской власти, и принимая то или иное решение всегда пользовался собранным у него материалом.

Во время стоянки главных сил в Веселом почти что все конные отряды были расположены на хуторах в 10-15 верстах от Веселого. Один из этих отрядов имел перестрелку у хутора станицы Богаевской, где укрылись мужики хутора Веселого во главе с Думенко. Оставшиеся же жители хутора говорили партизанам: "Уходите от нас... Большевики люди хорошие, зла нам не сделают."

В том же хуторе, один партизан не-казак, называвший себя офицером, за игру в карты, а главное, за кражу револьвера у другого партизана отрядным судом был приговорен к смертной казни. Но ген. Попов приговора не утвердил, сказав: "Зачем убивать дурака? Выгнать его из Отряда. Пусть идет на все четыре стороны. Удастся ему "там" спастись - его счастье, нам его кровь не нужно" и этот партизан был изгнан.

При подготовке операции против Великокняжеской, н-к штаба Отряда полк. Сидорин, по приказанию Походного Атамана послал не только конные разъезды для производства глубокой разведки, но посылал в станицу и агентов Особого Отделения. Так 18 февраля хор. Калмыков, сообщивший, что Великокняжеская занята красным отрядом Кулакова.

19 февраля из Веселого партизаны широким фронтом двинулись через хутор Момутец, зимовники Демина, Пишвонова и т.д. Отряд Чернушенко выбил красную гвардию Думенко с зимовника Орлов-Подвал.

20 февраля весь отряд сосредоточился на зимовниках Пишванова, Королькова, Жеребкова, Орлов-Подвал и др. Штаб Походного Атамана был в районе зимовника Королькова и отсюда в ночь на 21-ое был послан в глубокую разведку в Великокняжескую юнкерский взвод с ес. В.Крюковым. Задача была им выполнена блестяще, но два юнкера было ранено. Это были первые раненые у партизан после оставления Новочеркасска.

20 февраля на зимовник Королькова казаком из отряда Голубова было доставлено письмо от него самого к "братьям-партизанам", в котором он предлагал вернуться в Новочеркасск, гарантируя всем жизнь, чтобы "отстоять Дон от красных". По распоряжению ген. Попова письмо это, чтобы "несмущать людей" не было передано брату Голубова, Алексею, партизану Гнилорыбовского отряда. Казак этот рассказал о расстрелах в Новочеркасске, после того как красная гвардия Ю.Саблина 13 февраля вошла в Новочеркасск, как командующий революционными казачьими войсками сотн. Смирнов с казаками 10-го и 27-го Донских казачьих полков спасали раненых партизан. Но спасти всех не удалось, много было расстреляно или выброшено из окон госпиталей. Рассказывал о о том, что в Кривянской красной гвардией Петрова были расстреляны студенты В.Стефанов и С.Ершов, оставленные в Новочеркасске для подпольной работы. Это были первые жертвы подпольщиков-партизан.

В тот же день по просьбе калмыков Платовской станицы помочь им в борьбе с красной гвардией из местных крестьян, ген. Попов выделил особый сводный отряд полк. Мамантова. 21 февраля этот отряд с успехом выполнил поставленную ему задачу: разбить красные отряды Никифора и Думенко и хуторов Соленый и Шара-Булук. Отряд Чернушенко побывал в хуторе Казюрине и "проскочив" до Орловки имел там бой, а отряд Назарова добирался до Мартыновки, где тоже имел бой. Другие отряды почти без боя заняли станицу Платовскую, где ген. И.Д.Попов приступил к формированию калмыцких сотен.

С зимовника Орлов-Подвал Походный Атаман командировал в северные калмыцкие станицы ес. Холмского и прапорщ. Куркусова с задачей организовать в этих станицах калмыцкие партизанские отряды.

Выполняя эту задачу ес. Холмский с дороги послал вперед прапорщ. Куркусова в район станиц Батлаевской и Ново-Алексеевской, чтобы подготовить сбор партизан. Позднее выяснилось, что Куркусов, прибыв в станицу Ново-Алексеевскую просил своих верных друзей собрать тайно людей, которые готовы были бы пойти в отряд, обещая через несколько дней вернуться с новыми определенными инструкциями и указаниями "начальника", т.е. ес. Холмского.

Тайная запись в "партизанский отряд" в станице Ново-Алексеевской быстро дала сотню людей на прекрасных конях, готовых в любой момент присоединиться к партизанам ген. Попова, но ... плохо вооруженных.

Прошло 2-3 дня в станицу Ново-Алексеевскую не явились ни Холмский ни Куркусов, т.к. они были пойманы большевиками, рыскавшими по калмыцким станицам и расстреляны.

Почти одновременно с этим, в районе северных калмыцких станиц,

пользуясь еще поручением Атамана Назарова организовать калмыков для борьбы с большевиками, прибыл полк. Мангатов в сопровождении в.ст. Болдырева, ес. Макарова и сотн. Абушинова, большевики напав на их след безуспешно охотились за ними, т.к. калмыки их тщательно укрывали. К концу февраля полк. Мангатов со своими помощниками приехал в станицу Ново-Алексеевскую в санях запряженных четверкой хороших коней. Остановились они в доме Уланова, где устроили летучее совещание с местными активными натибольшевиками. Это была их последняя "организационная" деятельность. Отсюда они все четверо направились с докладом к Походному Атаману.

В Ново-Алексеевской к ним присодинились десятка два вооруженных калмыков. Отсюда Мангатов с группой до 25 человек направился в станицу Великокняжескую, рассчитывая там "поймать" партизан Атамана Попова но ... опоздал. Партизаны оставили Великокняжескую и двинулись в восточные коневодства. У станицы Великокняжеской группа Мангатова нарвалась на сильный красногвардейский отряд. Полк. Мангатов был убит. Группа его рассеялась и часть ее во главе с сотн. Абушиновым по I - 2 человека присоединилась к отряду ген. Попова, который через некоторое время командировал Абушинова в северные калмыцкие станицы, с группой калмыков для организации в этих станицах калмыцких восстаний, что через некоторое время и увенчалось успехом.

21, 22 и 23 февраля главные силы партизан занимают зимовники Янова, Жеребкова и др. Семилетовский отряд занимает Михайловку, откуда высылаются разъезды к Казенному Мосту, где они имели столкновения с разъездами красных.

24 февраля партизаны вели наступление на Казенный Мост. Об этом мною написано в № 50 "Родимого Края". Было взято много пленных, среди них комиссар Чесноков, два орудия и 3 пулемета. У партизан было убито 9 человек и 40 раненых. Был убит и командир 2-й пешей Семилетовской сотни, офицер редкой храбрости и хладнокровия, ес. Пашков. Это была большая потеря. После занятия Казенного Моста, отряд Семилетова ночевал на зимовнике Меснякина, куда из Великокняжеской прибыла делегация из 3-х казаков, сообщивших, что ночью красные оставили станицу.

25 февраля была занята без боя Великокняжеская, в которой было захвачено 6 орудий, значительное количество патронов и снарядов, много военного имущества (в том числе и полевая радиостанция) но очень мало винтовок, которые все были отправлены ген. И.Д.Попову для вооружения калмыков. Первыми вошли в станицу юнкера ес. Слюсарева и отряд в.ст. Гнилорыбова. 26 февраля отряд Мамонтова оставил Платовскую под защиту калмыцких сотен ген. И.Д.Попова и также пришел в Великокняжескую. Здесь были получены сведения о расстреле Войскового Атамана Назарова и семи генералов и офицеров. С этого момента Походный Атаман ген. Попов является и временно исполняющим должность Войскового Атамана, т.е. носителем верховной власти на Дону.

На станичном сборе Великокняжеской, на котором присутствовало много казаков из ближайших хуторов и станиц, ген. Попов рассказал о последних днях Атамана Каледина и призывал к борьбе с большевиками, указав на то- что несет казакам советская власть. Многое обещали, но ничего не решили. На другой день, на сборе казаки выразили готовность присоединиться к партизанам, но при условии, что станица не будет ими оставлена. Ген. Попов разъяснил, что остановка партизан в Великокняжеской может быть только временной, т.к. "усидеть" на ж.д. под угрозой красных и с севера и с юга, не имея тыла и пополнений, трудно, и что партизаны в случае нажима большевиков от Царицына и Торговой, чтобы не делать станицу ареной боев, перейдут в восточные коневодства, где будут не только ожидать всеобщего пробуждения казаков, но и

будут беспокоить большевиков своими набегами, напоминая казакам о своем существовании. Все это казаков не удовлетворило и из ополчения станицы ничего не вышло. А когда подписывался станичный приговор о необходимости поддержать партизан, то из 500-600 человек бывших на сборе подписалось лишь 28 человек, да и то в большинстве представители хуторов.

Из захваченных в Великокняжеской советских газет, воззваний, декретов и пр. видно было, что советская власть чувствует себя на Дону не твердо, что казаки на местах воздерживаются от применения советских декретов, а больше тяготеют к казачьим "обыкновениям". Во многих станицах на требование центральной власти заменить атаманов выборными советами, станичные правления переименовывались в советы, а атаманы в их председателей. Во многих местах Области, начиная с Новочеркасска, появились подпольные казачьи организации.

О работе этих организаций впоследствии писал г-н Олин в "Донской Волне" ("Тайные работники"), в то время Походный Атаман приказал н-ку Особого Отделения увеличить кадр чинов его Отделения для их посылки во все Округа для установления связи с подпольными организациями и другой работы того же характера. Кадр был увеличен на 6 человек из числа партизан имевших склонность к "сильным ощущениям" (два было из Юнкерского отряда, по одному - из Назаровского и Гнилорыбовскому и два из Семилетовского).

Из советских газет стало известно, что основные силы красных занявших Новочеркасск - отряды Сиверса, Саблина и Петрова под общей командой Антонова-Овсеянко переброшены на Украину, чтобы задержать движение туда немецких войск. На их место организуются отряды красной гвардии из местных рабочих и крестьян, причем последние, в большинстве, не идут в эти отряды.

26 февраля на казачьих собраниях выступали в.ст. Гнилорыбов, полк. Мамонтов и ес. Ф.Д.Назаров. На их призыв отозвалось примерно около 200 человек учащейся молодежи во главе с учителем Реального Училища И.Дудка.

27 февраля Конно-Офицерский отряд Чернушенко после коротких боев занял хутора лежащие на север от ж.д. линии Великокняжеская - Двойная. В этот же день на станцию Эльмут (в 18 верстах на север от Великокняжеской) прибыл из Царицына красный бронепоезд и несколько эшелонов красной гвардии. Несколько эшелонов было обнаружено и на станице Двойной.

В первом завязавшемся бою у ст. Эльмут участвуют отряд Назарова и часть Семилетовского отряда.

28 февраля красные подвезли новые части. На усиление Назарова посланы остатки семилетовцев и отряд Гнилорыбова. Временами бой доходил до рукопашного. Красные отходили, потом вновь шли в атаку. На ст. Великокняжеской были захвачены телеграмма, что от Торговой движется бронепоезд и несколько эшелонов пехоты. Т.к. в план Походного Атамана не входило долго задерживаться в Великокняжеской, то он приказал начать отход в глубь восточных коневодств, а для врыва ж.д. полотна на Торговую был послан сотн. Е.Ковалев. При оставлении Великокняжеской 1-ой Семилетовской конной сотне пришлось вести упорный бой у хутора Н.Кундрюческого.

За время пребывания в Великокняжеской, отряд Чернушенко сделал набег на хутор Каменский, а Юнкерский и Атаманский отряды - на хутора Кундрюческий и Таврический.

Поздно ночью на 1 марта все отряды собрались на зимовниках Михайлюкова. № 1 и № 2 и Егора Литвинова, у которого были уничтожены

красные разъезды, где и простояли весь день. Наблюдение за Великокняжеской, которую заняли красные, вели юнкера Слюсарева. В этот же день калмыцкие сотни Платовской станицы под напором больших красных сил, во главе с ген. И.Д.Поповым отошли на зимовник Орлов-Подвал.

2 и 3 марта партизаны ведут усиленную разведку вглубь восточных коневодств и вокруг своего расположения. Отряд Чернушенко имел значительный бой с большевиками у хутора Эльмутинского, когда он совершал новый набег на хутор Каменский.

4 марта партизаны заняли в восточных коневодствах широкое расположение на 40-50 верст в глубину, заняв зимовники С.Безуглова, Полкопаева, В.Безуглова, Н.Безуглова и др.

Еще в Великокняжеской, в штабе Походного Атамана были получены сведения от сотника Х., бежавшего из Новочеркасска, что там после занятия красной гвардией, 6-ой пеший казачий батальон не разошелся по домам, для того чтобы по возможности противодействовать власти большевиков, что этот батальон, также и как 10-й казачий революционный полк скрыли в своих рядах много офицеров партизан под видом рядовых казаков, что много студентов, учащейся молодежи, слушатели фельдшерских курсов разъехались по станицам для подготовки восстания казаков против советской власти. Позднее выяснилось, что все это было результатом работы людей оставленных в Новочеркасске ген. Поповым и в особенности сотн. Кузнецова. Результатом этого - уже 4 марта в ст. Грушевской была организована дружина в 150 человек из учащихся, молодых офицеров и казаков, выступившая на хутор Рыгин под командой сотн. Леонтьева, чтобы содействовать перевороту в станице Каменской, намеченному 2-м Донским казачьим полком и каменскими казаками. Однако на хуторе Рыгине выяснилось, что распоряжением командующего Революционными донскими казачьими полками сотн. Смирнова, 2-й полк переведен в Константиновскую. Переворот был отложен, но в ночь на 13 марта дружина произвела набег на оружейный склад в Каменской, в результате которого было увезено в Грушевскую несколько сот винтовок, несколько пулеметов и значительное количество патронов, но при возвращении в Грушевскую, сотн. Леонтьев в стычке с красными был убит.

4 марта, прибывший в Сальский округ Голубов с небольшим казачьим отрядом в в станице Денисовской арестовав М.П.Богаевского, увез его в Платовскую, направляясь в Новочеркасск. Об этом стало известно в штабе Походного Атамана позднее. А 5 марта Голубов, оставив М.П. в Платовской под охраной местной красной гвардии, со своими казаками придвинулся к месту расположения партизан и через своих лазутчиков дал знать о своем желании "разговаривать" с партизанами. Ес. Назаров и полк. Захаревский сообщили об этом в штаб Походного Атамана. Там вспомнили о письме Голубова к его брату, партизану А.М.Голубову и, вопреки мнения Походного Атамана, вместе с Назаровым и Захаревским настаивали на вступление в переговоры с Голубовым через брата Алексея. Последний был вызван в штаб, но категорически отказался от встречи с братом. Переговоры не состоялись.

В ночь на 5 марта Конно-Офицерская сотня, бывшая в набеге, имела бой в районе хутора Каменского.

В тот же день калмыцкая полусотня отряда И.Д.Попова из зимовника Орлов-Подвал совершила набег на один из хуторов Платовской станицы, где разогнала отряд красной гвардии; одновременно с восточных окраин Сальского округа хор. Абуша Алексеев привел 200 конных вооруженных калмыков.

К утру 5 марта партизанские отряды располагались следующим образом: на зимовнике Подкопаева - семилетовцы со своей батареей кап.

Щукина, на зимовнике С.Безуглова - штаб Походного Атамана, отрядный госпиталь, управление н-ка артиллерии ген. Астахова с его обозом, отрядный обоз под командой ес. Платонова, инженерная сотня полк. Макеева, Штаб-Офицерская дружина ген. Базавова, на зимовнике В.Безуглова - отряды ес. Назарова, полк. Мамантова, в.ст. Гнилорыбова и батарея ес. Неживова, на зимовнике Н.Безуглова - отряды полк. Чернушенко, Атаманский полк. Каргальского, Юнкерский ес. Слюсарева и одно орудие ес. Кузнецова. Предполагалось время стоянки использовать на боевую подготовку партизанской молодежи. Но в Гашунском районе появился красный отряд Кулакова, поэтому на заре 6 марта было приказано совершить набеги Назарову с батареей Неживова на хутор Мокрый Гашун и Церковный; отряду Чернушенко - на зимовник Михайлюкова 2; Атаманскому и Юнкерскому с орудием ес. Кузнецова - на село Новоселовка; отрядам Гнилорыбова и Базавого перейти на зимовник Н.Безуглова. Все набеги увенчались большим успехом и все отряды почти без потерь, но с большой добычей, ночью вернулись на свои стоянки.

Когда донские партизанские отряды, придя в район восточных коневодств, "устраивали" свое расположение в зиомовниках, Оренбургское и Уральское Войска, не зная о том, что партизаны оставили свою столицу и ушли в степи, старались связаться с Новочеркасском и получить помощь с Дона.

Атаман Оренбурского Войска полк. А.Н.Дутов из Верхне-Уральска 5 марта послал на Дон своих гонцов: донского офицера, бывшего при нем для связи, ес. Дмитриева и партизана Червь с письмом к А.П.Богаевскому, в котором писал об оставлении Оренбурга, что об общем положении доложат гонцы и просил прислать ему оружия, огнеприпасов, офицеров и главное - денег.

Гоцы прибыв в Новочеркасск донских партизан там уже не застали. Оренбуржец Червь вернулся к Атаману Дутову, а ес. Дмитриев уехал в ст. Константиновскую и приступил там к организации партизанских отрядов из учащейся молодежи.

Почти одновременно с гонцами от Оренбурского Атамана, Атаман Уральского Войска Мартынов тоже послал на Дон своего гонца ес. А.И. Потапова, чтобы установить связь с силами, борющимися с большевиками на Дону, ознакомить их с положением в Уральском Войске и может быть выработать общий план борьбы. Однако пока ес. Потапов добрался до Дона, Добровольческая Армия ушла на Кубань, а донские партизаны - в степи. Имя ген. Корнилова больше привлекало восточные казачества и ес. Потапов пытался "догнать" добровольцев, но попал в Ставрополь и возвращаясь оттуда на Урал через Донское Войско, намеревался связаться там с Походным Атаманом ген. Поповым и для этого с Тихорецкой поехал на Царицын. Но в это время в районе ж.д. Котельниково-Ремонтная донские партизаны вели бой с красными и он, едва вырвавшись от красных, не связавшись с ген. Поповым, вернулся на Урал.

6 марта из Великокняжеской были получены сведения, что там большевики расстреляли священника Проскурякова и двух его сыновей студентов, арестовали много казаков и грабят население. Увезенных арестованных на одном из зимовников - ес. Макарова с братом и отцом, учителя Черепахина и ряд других лиц - расстреляли.

Чтобы освободить арестованных и "наказать" большевиков зв расстрель и грабежи, Походный Атаман послал 7 марта в Великокняжескую "карательную" экспедицию (I-я конная и I-я пешая сотни Семилетовцев под командой кап. Балихина), которая в ночь с 7-го на 8-е ворвалась на ж.д. станцию Великокняжеская, разгромила стоявшие там эшелоны красных, испортила ж.д. стрелки, телефон и телеграф. Ворвавшись в

станицу, партизаны освободили арестованных из тюрьмы, которые к ним присоединились, разгнали местную красную гвардию, расстреляли комиссаров и пройдя по станице с песнями, к вечеру 8 марта, имея всего 3-х легко раненых, вернулись на свою стоянку на зимовник Подкопаева, приведя 20 пленных.

8 марта с зимовника Орлов-Подвал двинулся к главным силам партизан ген. И.Д.Попов с двумя калмыцкими сотнями Платовской станицы хор. Боринова и хор. Бармандженова. Они присоединились к главному отряду 10 марта и ген. И.Д.Попов доложил Походному Атаману об аресте Голубовым М.П.Богаевского и о неудачной попытке его освобождения. Богаевский был переведен в Великокняжескую.

В тот же день отряд Назарова совершил набег на ст. Граббевскую, откуда привел две сотни вооруженных калмыков, а разведка от отряда Гнилорыбова установила, что в районе села Ремонтное Ставропольской губернии прибыл из Царицына хорошо вооруженный и многочисленный отряд красных под начальством ростовского рабочего Тулака.

Показателем казачьих настроений в то время было то, что казаки Луганской станицы 8 марта разобрали ж.д. путь на 4-5 верст к Луганску, для того чтобы отбить направленных на Луганск из Каменской в чека 34 офицера. Луганская дружина, окружив остановившийся поезд, освободила арестованных. Против луганцев был выслан красный карательный отряд и Луганская дружина, бедная оружием, должна была уступить силе и освобожденные офицеры вновь попали в руки большевиков. Бежал только один подъес. К., присоединившийся в Н.Курмоярской к партизанам. А 9 марта станица Хомутовская прогнала из своей станицы отряд красных присланный для установления советской власти. Дон начинал выздоравливать от "нейтралитета".

Узнав, что видимо в предвидении больших боев большевики Манычевской грязелечебнице оборудовали госпиталь, и т.к. в партизанском лазарете был большой недостаток медикаментов, перевязочных средств, постельного белья и одеял, отряд Слюсарева совершил туда удачный набег и утром 10 марта партизанский лазарет получил все нужное. Привезли с собой в качестве "языка" мобилизованного доктора, который сообщил немало ценных сведений о возможном в ближайшем времени серьезном наступлении большевиков.

10 марта в Новочеркасске председатель Исполкома Медведев и "Совет пяти" настаивают на ликвидации офицеров. Казаки 6-го батальона послали в Исполком делегацию с требованием оставить офицеров на свободе и прекратить регистрацию, угрожая в противном случае их защитить с оружием в руках. К ним присоединились казаки 10-го Донского казачьего полка, часть 27-го и вся артиллерия "Голубовской революционной дивизии". Исполком медлил сответом, тогда эти казаки вышли вооруженными на улицу, навели орудия заряженные боевыми снарядами на здание, где заседал Исполком, и угрозой разнести его артиллерийским огнем заставили Исполком уступить. А медведев должен был покинуть Новочеркасск. Это была первая ощутительная победа над советской властью. Дон оживал...

Расположившись в зимовниках, партизаны из-за группировки вокруг них больших сил красных, по приказанию Походного Атамана вырыли небольшие окопы и усилили охранение. Сам ген. П.Х.Попов объехал их расположение идля их одобрения проводил с ними "беседы". Из-за разбросанности отрядов в них велась пропаганда, неизвестно как проникающей советской агентуры. Чтобы сеять панику среди них, распускались слухи, что весь отряд Мамантова "вырезан", что посланный туда отряд Гнилорыбова, потеряв в бою половину своего состава, разбежался и т.д.

К Походному Атаману приезжали коннозаводчики с просьбой, чтобы партизаны оставались в коневодствах "все время", предлагая за это да-

же деньги. Ген. Попов ответил, что этого обещать он не может, а от денег отказался, заявив, что партизаны не наемники и пришли сюда не для охраны коневодств. После этого отношения между ними создались "странные": коннозаводчики, как будто сочувствовавшие партизанам, отказывали им в самых мелких вещах, объясняя это тем, что если партизаны уйдут, то они будут расплачиваться за "добрые отношения" к ним. На все обращения они обычно отвечали: "Берите все, что хотите, но берите сами - силой. Вы будете иметь все необходимое и мы будем гарантированы, когда придут большевики". То-есть получалась та же картина, что в свое время в Ростове и Новочеркасске, где никто не хотел ничего давать добровольно.

II марта было произведено перемещение отрядов - штаб Походного Атамана перешел в центр расположения на зимовник Н.Безуглова, а отряд Слюсарева имел значительный бой с красными у зимовника Байздренкова. Весь день шел дождь со снегом так, что семилетовская сотня, бывшая в дальнем охранении, вернулась на свою стоянку в раскисших и вытянувшихся "кожухах", рукава вытянулись до пола и т.д.

I2 марта отряд Семилетова с зимовника Подкопаева переходил на зимовник В.Безуглова. Во время перехода теплая погода сменилась холодом. Мелкий дождь замерзал, покрывая людей и лошадей коркой льда. Благом было еще то, что Семилетов мобилизовал все коннозаводческие "возилки", запряженные волами. Ехали медленно, без остановок, но "удобству" мешал замерзающий дождь, который всех сидящих на "возилках" сковывал своим ледяным покровом (это был своего рода "ледяной поход"). На зимовнике В.Безуглова на весь отряд не хватило теплых, приспособленных для жилья помещений, часть людей в замерзших кожухах разместилась в конюшнях, поэтому на утро обнаружились десятки больных партизан.

С появлением партизан в коневодствах большевицкая агитация и провокации захватила не только Сальский округ, но проникла и в глубину Астраханской и Ставропольской губерний. Распространялись самые невероятные слухи, нервируя население, что "кадеты вырезают все население", не щадя даже детей, сжигают села и в своем варварстве не знают границ. Чтобы этому противодействовать, Особое Отделение отправило своих лучших пропагандистов вахмистра Иванова в Ставропольскую губернию и хор. А. в Астраханскую.

Красный главковерх Тулак поднял против партизан астраханских и ставропольских крестьян, которые из сел за 200-300 верст от границы Дона спешили на выручку "обижаемых" товарищей, в то время как главное внимание Походного Атамана было обращено на запад, в сторону ж.д. Царицын-Торговая, где шло спешное формирование красных отрядов.

Когда партизаны Атамана Попова подошли к Ставропольской губернии, то большевицкие власти все местные красные отряды, разбросанные по уездам, направили в распоряжение Тулака, а в губернии началось антибольшевицкое движение, особенно ярко выразившееся в Медвежинском уезде под руководством коренного ставропольца кап. В.Жукова. По свидетельству последнего, оно началось именно под влиянием действий донских партизан у границы Ставрополья, которые отвлекли внимание красных властей от местных дел. Это дало возможность населению Ставрополья не только свободно жить по своему усмотрению, но к половине апреля I918 г. организовать 4-хтысячный отряд самообороны для защиты от красной гвардии, возглавителем которого и был избран кап. Жуков. Действия донских партизан у себя на Дону, на общем собрании медвежинцев были одобрены и предполагалось послать к Походному Атаману делегацию, но к этому времени донские партизаны ушли далеко от границ Ставрополья и она послана не была.

По свидетельству кап. Жукова, Добровольческое командование, начав свой 2-й Кубанский поход, не использовало ставропольские отряды самообороны и они были распущены.

Чем спокойнее держались партизаны, тем смелее становились красные и мелкие стычки перешли в бои. Так против отрядов Мамантова были собраны отряды местного донского формирования Т.П.Круглякова, Мокро-Гашунский отряд Скибы, зимовниковский отряд Савина, Куберловский Кулишенко, Мартыновский Ковалева и др., общей численностью свыше 3000 под общим командованием Кулакова.

А между тем в Новочеркасске на требование Исполкома выдать находящихся в Кривянской офицеров, станица ответила, что не только их не выдаст, но что если красные что либо сделают с офицерами, то казаки в свою очередь устроют резню большевикам. Последние не реагировали, т. к. видели, что с каждым днем в Войске для них становится все тревожнее. Считая, что одной из главных причин этого является наличие в задонских степях партизан, Тулаку было приказано во что бы то ни стало их ликвидировать, распространив заранее слухи среди казаков об окружении и уничтожении отряда ген. Попова и на Кубани армии ген. Корнилова.

12 марта Тулак начал свое наступление. Первыми боями были бои отрядов Каргальского и Чернушенко у зимовника Байздренкова. Атаки красных были отбиты. Но т.к. в этот же день началось скопление красных у Манычских грязелечебницах, т.е. в противоположном направлении, отряды Слюсарева и Гнилорыбова с орудием ес. Кузнецова произвели удачный ночной набег. Взята была большая добыча, пленные за исключением комиссаров были отпущены и в итоге красные в этом направлении были надолго обезврежены. После, в штабе Походного Атамана было решено нанести ряд коротких ударов в районе зимовника Королькова, занятого крупными силами красных, для чего был создан сводный отряд полк. Мамантова из отрядов Мамантова, Каргальского, Гнилорыбова, Чернушенко, Назарова, Граббевской калмыцкой сотни, батареи Неживова и орудия ес. Кузнецова. Ночью на 13-е сводный отряд выступил с зимовника С.Безуглова к зимовнику Королькова. Зимовник Байздренова, оставшийся незанятым, 13 марта на заре был занят красными, что поставило под угрозу правый фланг отряда Мамантова.

13 марта после столкновения разъездов в Стариковой балке, около зимовника Королькова около 9 ч. начался бой на подступах к зимовнику. Он продолжался до самого вечера, с переменным успехом, в весьма тяжелых условиях для партизан: все время шел то град, то снег - люди промокли, поле превратилось в непролазную грязь. Пехота Мамантова и спешенные партизаны Назарова и Гнилорыбова несколько раз ходили в атаку. Каргальский и калмыки действовали жиденькой цепью на флангах. Все атаки были отбиты красными занимавшими удобную позицию. Три партизанские пушки с открытых позиций вели бой с шестью орудиями красных, находившихся в хорошем прикрытии. Но три красных орудия были подбиты. С темнотой партизанам удалось сбить красных с занятой ими возвышенности, они стали отходить, оставляя горы трупов. Темнота и поднявшаяся снежная метель помешали их полному разгрому, а в последний момент, из-за плохой видимости, отряд Каргальского атаковал отряд Чернушенко, приняв его за красных. В последнюю минуту ошибка обнаружилась благодаря отрядным значкам. К 7 ч. вечера партизаны заняли зимовник. Красные при своем отходе отравили всю воду немногочисленных колодцев сулемой - было несколько случаев отравления среди партизан, быстро оправившихся благодаря своевременно оказанной медицинской помощи, но лошади пострадали. Озлобленные этим партизаны беспощадно расстрелива-

ли красных, прятавшихся на сеновалах и в скирдах соломы.

Утром 14 марта Чернушенко и Каргальский после короткого боя овладели зимовником Сергеева в 6 верстах на юг от зимовника Королькова, но 2-я Платовская калмыцкая сотня, занимавшая зимовник Пишванова, была атакована красными, но отбила все атаки. Красные разбитые у зимовника ролькова и Сергеева, и после неудачной атаки зимовника Пишванова, отошли к хуторам Совоськину и Курьячему, где были их значительные резервы, и оттуда стали обстреливать артиллерией зимовник Пишванова.

Несмотря на серьезность положения на фронте, который был фактически со всех сторон, Походный Атаман командировал в Великокняжескую хор. А, чтобы выяснить возможность "отбить" М.П.Богаевского у Голубова и для этой цели, в ущерб "фронту" предназначались значительные силы. Однако хор. А., вернувшись, доложил, что Богаевский увезен в Новочеркасск.

15 марта была произведена перегруппировка расположения отрядов: штаб Походного Атамана, госпиталь, артил. и интенд. обозы под прикрытием Штаб-Офицерской дружины ген. Базавова и "детского" отряда полк. Хорошилова перешли на зимовник С.Безуглова, Чернушенко с зимовника Сергеева перешел на зимовник Байздренкова оставленный красными, туда же с зимовника Я.Королькова перешли отряд Гнилорыбова и орудие Кузнецова. Отряд Семилетова сосредоточился на зимовнике Пишванова, а Слюсарева на зимовнике Н.Безуглова.

А в Войске дела шли своим чередом: 15 марта большевики созвали в Ростове "Областной Съезд Советов" на две трети состоявший из большевиков. На нем должен был быть решен вопрос о "национализации" земли явно во вред казакам и станицы всего Войска стали готовиться к смертному бою рассчитывая на помощь партизан.

Утром 16 марта в.ст. Семилетов, дабы прекратить обстрел красными зимовника Пишванова, по собственной инициативе предпринял наступление на большевиков в хуторе Савоськине. 3-я пешая сотня атаковала "в лоб", 2-я Платовская конная сотня пошла в обход левого фланга красных, которые оказали сильное сопротивление. Лишь когда на правом фланге рассыпалась в лаву конная сотня ес. Зеленкова, они поспешно оставили хутор, но поздно вечером вернулись на зимовник Пишванова.

В этот день рано утром было приказано полк. Мамантову с отрядами Мамантова, Гнилорыбова и Назарова с батареей Неживова, оставив 1-ю Граббевскую сотню и орудие ес. Кузнецова на зимовнике Я.Королькова, занять зимовник Трубникова, выбив оттуда красных. Но т.к. после их ухода против зимовника Королькова появились сильные отряды красных, то Походный Атаман приказал отряду Назарова вернуться. Назаровский отряд при своем движении к зимовнику Королькова встретил отставшую батарею Неживова. При встрече он попал под артиллерийский обстрел. Батарея Неживова отвечала. Атака красных была отбита. Не имея представления о сложившейся обстановке Назаров вместе с батареей Неживова пошел не на зимовник Королькова или Трубникова, а на зимовник Безуглова, куда и пришел поздно вечером.

16 марта был днем больших событий в отношении дальнейшего прибывания партизан в степях.

Ген. Попов сделал Неживову и особенно Назарову строгий выговор, несмотря на то, что очень ценил их боевую деятельность, за неисполнение боевого приказа и за самовольное прибытие на зимовник Безуглова. Назаров [illegible] обиженным и подал "непочтительный" рапорт. Походный Атаман назначил следственную комиссию, чтобы выяснить причины невыполнения приказа. Назаров же заявил, что никаких показаний он комиссии давать не будет и предпочитает этому "отделиться" от "Отряда Вольных Донских Казаков", уйти в станицы и действовать там со своим отрядом на свой страх

и риск. При этом обвинил в.ст. Розова, офицера-ординарца штаба Походного Атамана, в шпионаже в пользу большевиков. Для расследования этого дела Походным Атаманом к этому времени была уже назначена следственная комиссия, работой которой, до ее заключения Назаров был неудовлетворен и самочинно арестовав Розова, создал свою комиссию, которая в несколько минут заставила Розова сознаться, что он не офицер, а вольноопределяющийся одного из запасных ростовских полков - Симановский и что действительно он был большевицким агентом. I7 марта он был расстрелян партизанами Назарова. А "дело" Назарова о неисполнении боевого приказа было придано забвению.

К этому неприятному "делу" прибавилось еще и то, что под влиянием большевицкой пропаганды, проникнувшей в отряды, может быть при помощи того же Розова, стали говорить о необходимости найти выход из положения и даже о необходимости распыления. Небольшая группа ушла уже с зимовника Трубникова, говоря "чтобы пробраться к ген. Корнилову". Пошли разговоры: "Довольно в степях сидеть и ждать пока казаки восстанут. Нужно что то предпринять." Больше всего таких разговоров было в отрядах Чернушенко, Каргальского, Гнилорыбова и Базавова, т.е. в отрядах состоявших главным образом из офицеров. Эти мысли поддерживал и Назаров.

По этому вопросу I6 марта на зимовнике С.Безуглова состоялось совещание начальников отрядов и их помощников и общественных деятелей под председательством Походного Атамана.

Совещание, обсудив положение, признало его очень тяжелым. Начиная с младших и кончая старшими, были предложены ряд выходов, из коих были:

I - Пробиваться в Персию к англичанам.
2 - Пробиваться в Румынию или Польшу.
3 - Распылиться по станицам и хуторам мелкими группами для организации борьбы на местах.
4 - Распылиться отрядами, чтобы поднимать станичные восстания.
5 - Искать возможности соединиться с Добровольческой Армией.

Большинство же старших чинов высказалось в том духе, что решение вопроса должно принадлежать Походному Атаману, как заместителю Войскового Атамана, получившего от него определенное задание, которое он должен выполнить по своему разумению, учитывая общее положение, которого многие не знают.

Ген. Попов, подводя итоги вышесказанному, дал такую оценку: Персия, Румыния, Польша - шкурная авантюра, распыление группами - это то, к чему призывают большевики, организация борьбы на местах - мысль недурная, но "не зная броду, не суйся в воду" и что "поспешность хороша при ловле блох", соединение с Доброльческой Армией - старая негодная песнь с опозданием на месяц.

После, н-к Особого Отделения Афанасьев сделал доклад о положении на Дону на основании советских газет, показания населения, пленных и наших агентов. Основываясь на этом докладе и его резюмируя, ген. Попов определенно заявил, что "поход близится к концу, что нужно еще потерпеть и что скоро партизаны потребуются дону и что все фантастические планы должны быть отброшены". Члены совещания без возражения разъехались по своим частям с верою в близкий конец "сидения в степях".

Как бы подтверждая сказанное Походным Атаманом, I6 же марта из села Ремонтное, что на границе с Астраханскими степями, в штаб Походного Атамана приехали делегаты от астраханских сел района с. Райгород и от района с. Кисты, заявившие, что они представители I8 пограничных сел, которые на своем съезде для самообороны организовали ряд отрядов,

которые по зову новоселов из Сальского округа пришли на границу Донского Войска, чтобы не допустить "кадет", все уничтожающих на своем пути, в свои края. Приехали они сегодня для того, чтобы выяснить цели "кадетов", их требования и, быть может, придти к мирному соглашению. Ген. Попов прежде всего предложил им убедиться на месте во лжи новоселов. Оказалось, что это было уже сделано, а потому делегаты и приехали для переговоров. Походный Атаман заверил их, что партизаны никаких захватнических целей не преследуют, что они ведут борьбу с красной гвардией в Донском Войске, что если крестьяне Астраханской и Ставропольской губернии оставят их в покое и разойдутся по домам, то и партизаны не будут переходить границы Войска Донского, что крестьяне Сальского округа также призываются оставить партизан в покое и приступить к мирному труду и что в случае насилия разных шаек грабителей, именующих себя красной гвардией, он обещает свою помощь обижаемому населению. Все это делегаты просили изложить на бумаге и послать своих делегатов в с. Ремонтное, они обещают, что крестьяне астраханских и ставропольских сел разойдутся по домам, войны с партизанами вести не будут. Делегатами ген. Попов отправил ес. Сутулова и члена Государственной Думы Аладьина, выехавших в Ремонтное 17 марта.

На боевых участках в этот день также были перемены: зимовник Лисицкого, занятый наблюдательным постом партизан для наблюдения за ж.д. линией Торговая-Царицын, был захвачен красными. Хор. Егоров и Васильев были там зверски замучены. Зимовник Подкопаева занятый конно-подрывным взводом Семилетовского отряда тоже был оставлен под давлением той конницы, что была на зимовнике Лисицкого.

Отряды Мамантова и Гнилорыбова выдержали два сильных боя с различными группами большевиков, но овладели зимовником Трубникова в крайнем углу Донской Области, на стыке с Астраханской и Ставропольской губерниями.

18 марта в связи с общей обстановкой, штаб Походного Атамана, лазарет, артиллерийский и интенд. обозы, Штаб-Офицерская дружина, отряд полк. Хорошилова и юнкерский отряд перешли на зимовник Я.Королькова, куда должен был придти и отряд Каргальского.

Из станицы Граббевской прибыли гонцы к Походному Атаману с докладом, что ее хутора подвергаются грабежам красных, угоняющих скот и терроризирующих население, и с просьбой оказать им помощь. В этот же день восстала против большевиков Суворовская станица и, мобилизовав всё население способное носить оружие, в ночь на 19 марта под командой местного учителя сотн. Алимова, двинулась освобождать почти что с голыми руками окружную станицу Н.Чирскую. 19 марта заняв ее, избрали окружным атаманом полк. Растягаева. К суворовцам присоединились станицы: Н.Чирская, Есауловская, Потемкинская, Верхне и Нижне-Курмоярские, Нагавская и Филиповская. Восстание Суворовской станицы, по справедливости, должно считаться началом восстаний казаков на Дону против советской власти.

Одновременно с выступлением суворовцев, в ст. Манычевской по инициативе сотн. Кузнецова состоялся съезд станиц Черкасского округа, на котором присутствовали и делегаты 6-го батальона и голубовских полков, 10-го и 27-го. Съезд этот дал возможность казакам обменяться мыслями и из глубины души всех ораторов вырвался протест против крови пролитой в Новочеркасске. В каждой речи чувствовалась глубокая любовь к родине и каждый присутствующий был в праве сказать, что заря возрождающегося казачества разгорается. Съезд не вынес определенных резолюций, представители станиц разъехались с решением вновь собраться 1 апреля для окончательного решения и выяснения своего отношения к

советской власти. Но каждый уезжал с сознанием, что на съезде ясно выяснилось, что если выступит против советской власти какая нибудь станица, то ее дружно поддержат другие.

19 марта в станицу Граббевскую для защиты ее населения был послан отряд Назарова имевший столкновение с красными у хутора Мокрый Гашун. Это столкновение красные главковерхи в с. Ремонтном Ставропольской губернии посчитали как нарушение переговоров и едва не учинили расправы над Сутуловым и Аладьиным. Из района Граббевской Назаров привел еще 2 сотни калмыков. С этого момента можно считать, что калмыки открыто выступили против большевиков, и если бы в распоряжении Походного Атамана было бы достаточно оружия, можно было бы, как полагал ген. Попов, сразу поднять все калмыцкие станицы.

В.ст. Семилетовым были получены сведения, что большевики готовят большое наступление на его отряд со стороны хут. Савоскина, и чтобы предупредить их, он сам решил совершить набег. Бой разыгрался в так называемой Курячей Балке, вдоль которой расположены с запада на восток хутора Курячий, Савоськин, экономия Ладченко, зимовник Скороходова, экономия Байздренкова, зимовник Пишванова и зимовник Лисицкого. В ночь на 19-е Семилетов сосредоточил свой отряд за зимовником Скороходова, Байздренкова и Пишванова и легко очистил их от красных. Против него были большие силы красных под общей командой Тулака. Значительные их силы занимали хутор Савоськин и зимовник Нечаева. Рано утром 19-го семилетовцы сбили красных и загнали их в хутор Савоськин. Тулак бросил против партизан отряд Кулакова, силы которого во много раз превышали силы партизан. Этот бой известен под названием "бой на Курячей Балке". Он не только был описан много раз в казачьей эмигрантской литературе, но и в советской, так что описывать его не буду. В этом бою красные потеряли более 1000 человек убитыми, а партизаны до 200 убитых и раненых, что для них было значительной потерей. (Бой описан иъ №15 "Родимого Края").

К вечеру 19 марта семилетовцы сосредоточились на зимовнике А. Королькова, в 11 верстах от Курячей Балки, чтобы быть поближе к войскам Тулака.

Начиная с ночи 17 марта в штаб Походного Атамана начали возвращаться посланные в разные концы Войска агенты Особого Отделения.

Первым вернулся хор. А. из 2-го Донского округа. Из его доклада было ясно, что Округ "созрел" для восстаний и что почин могут сделать Суворовская или Потемкинская станицы. Из сказанного выше известно, что почин сделали суворовцы. 18 марта вернулся ветеринарный фельдшер Ф., который нарисовал картину казачьих настроениях в южных станицах 2-го Донского и северных станицах 1-го Донского Округов. Докладывал он также и о событиях в Черкасском Округе, но по слухам. В ночь на 19-е вернулся калмык Н. из калмыцких станиц района Андреевской. Он рассказал, что еще в конце первой половины марта казаки Андреевской станицы совершили удачный набег на ст. Котельниково для добычи оружия. Станица готова к выступлению в любой момент. 20-го утром вернулись из Донецкого Округа студент П. и из Верхне-Донского юнкер С., которые доложили о том, что достаточно маленькой искры, чтобы в Округах вспыхнули восстания. Были также агенты в Хоперском, Усть-Медведицком, Ростовском и Черкасском Округах, но они еще не вернулись. С особенным нетерпением Походный Атаман ожидал агентов из Черкасского Округа, т.к. считал, что освобождение Дона нужно начинать со столицы. Из донесений агентов и из подробного доклада Особого Отделения о казачьих настроениях во всем Войске, доклада основанного на советских газетах, опросе пленных, населения и т.д., ген. Попову стало ясно,

температура "поднялась до вспышки". Все эти сведения были ясными признаками казачьего отрезвления, нужно было поддержать его, вдохнуть в зародыш движения струю уверенности. Настал время партизанам приблизиться к станицам, дабы своим присутствием дать казакам поддержку, импульс, составить рычаг, на который мог бы опереться весь переворот. Поэтому 20 марта Походный Атаман снова созвал военный совет на зимовнике Королькова, который в это время обстреливался артиллерией красных, на котором и рассказал о положении на Дону в данное время. Ген. Попов в Степном Походе смотрел на партизан не как на боевую силу для освобождения Дона, а как на моральную, предназначенную для моральной поддержки выздоравливающего от нейтралитета казачества. После обрисовки положения на Дону ген. Попов почти буквально сказал: "Наше сидение в степях кончилось. Наступил момент выполнения нашей основной задачи и для этого нам нужно двигаться к Дону, т.е. в пределы Войска, к станицам." На совещании никто не вспомнил о фантастических проэктах, никто речей не произносил, все были зачарованы близкой возможностью напоить коней в Тихом Дону. Задавались только отдельные вопросы Атаману и н-ку Особого Отделения, касающиеся деталей происходящего на Дону. Но день 20 марта был праздником не только для чинов военного совета, т.к. ген. Попов считал это военным секретом и просил пока об этом не говорить. Военный совет молчаливо принял решение "идти к Дону". Партизанские же отряды в это время находились на границах Войска на стыке Астраханской и Ставропольской губерний и Донской Области.

В этот же день 20 марта в Черкасском Округе большевики отправили в станицу Егорлыцкую карательный отряд. Егорлычане, мобилизовав все мужское население вплоть до 70-тилетних стариков, на голову разбили красных, захватив винтовки, два пулемета и много патронов.

21 марта Походный Атаман, чтобы обмануть красных и создать у них впечатление, что партизаны намереваются уйти с Донской земли в астраханские или ставропольские степи, приказал всем отрядам сосредоточиться в крайнем углу Донской Области на зимовнике Трубникова.

К этому времени астраханские и ставропольские крестьяне, приходившие из своих сел для борьбы с партизанами, покинули "фронт" и ушли в свои деревни.

На зимовнике Трубникова, за отсутствием достаточного количества помещений, партизаны располагались под открытым небом. Была прекрасная весенняя погода и расположение партизан представляло красивое, незабываемое зрелище или табора цыган или полчищ татар, остановившихся на привале. Только отрядные значки, развивавшиеся при легком степном ветре в разных местах расположения, да русский национальный флаг, обозначавший штаб Походного Атамана, напоминали о том, что здесь расположился "Отряд Вольных Донских Казаков". Партизаны с оживлением обсуждали вопросы - почему их всех собрали в одном месте и куда их поведут отсюда? Начальники на эти вопросы молчали и только давали понять, что "сидение в степях" кончено.

Красные потеряли "контакт" с партизанами и начали поиски их конными разъездами, появившихся на виду у зимовника Трубникова только к полудню 22 марта. Концентрирование партизанских отрядов на зимовнике Трубникова действительно обмануло большевиков, которые, вместо того, чтобы преградить пути к Дону, стали сосредотачивать большие силы на территориях Астраханской и Ставропольской губерний, дабы преградить путь в этом направлении.

К вечеру же 22 марта на зимовник Трубникова вернулись из с. Ремонтное ес. Сутулов и Аладьин, а с ними и новая делегация военно-революционного комитета штаба главковерха Тулака. Делегация эта была с

большими требованиями: требовалась сдача отряда и выдача всех партизанских начальников, до взводных командиров включительно, рядовым же партизанам "гарантировали" сохранение жизни. Вела она себя нахально, с цинизмом, не знавшим предела. Ответ Походного Атамана был весьма вразумительным: отпустив крестьян-заложников, он приказал повесить комиссаров-коммунистов.

К этому времени большевики вновь окружили партизан, оставив свободным только небольшое расстояние в северном направлении, охраняемое небольшими их силами. 23 марта, в 2 ч. ночи, бросив все лишние повозки и ненужный груз, оставив на зимовнике лишь юнкерский отряд для наблюдения за красными, ведомые опытными проводниками калмыками по степным дорогам, партизаны двинулись на ... север, т.е. туда, где большевики их совсем не ожидали. Фланговым маршем они вышли из окружения не потеряв ни одного человека. Шли они и остаток ночи и весь день 23 марта.

А в Черкасском Округе большевики 22 марта послали карательные отряды против станицы Кагальницкой и 23-го против Хомутовской. На помощь этим станицам Манычская и Богаевская отправили свои отряды - объединенными силами красные были разбиты. В Округе настали дни тревожного ожидания большевицкой мести и расправы. Станицы готовились к отпору и самозащите.

23 марта юнкера Слюсарева после небольших стычек с красными разъездами оставили зимовник Трубникова.

24 марта главные силы партизан, дойдя утром до хутора Хуторского, после короткого привала круто повернули на запад, на станицу Граббевскую. Красные вновь "потеряли" партизан и только после обеда 24 марта их авангард имел короткий бой с арьергардом партизан у хутора Хуторского. Главные силы партизан уже ночевали в Граббевской.

23 марта, когда партизаны ген. Попова "продвигались" к станицам, в одном из хуторов Баклановской станицы были задержаны красными партизанами 4 партизана-степняка, поддавшихся пропаганде о необходимости распыления и ушедших в свою Баклановскую станицу. После ареста они были доставлены на станцию Ремонтная. Хутор поднял тревогу и стал просить помощи у станицы. Чтобы спасти обреченных станичников на утро 24 марта собралось 70 всадников, которые двинулись к Ремонтной. По дороге к ним присоединился поголовно соседний хутор Жуков. Присоединились и казаки других хуторов, и к вечеру 24 марта у Ремонтной стоял отряд казаков, более чем 300 человек, потребовавших освобождение партизан. Комиссары Ремонтной уступили - партизаны были спасены. Спасители вернулись в станицу и, окрыленные бескровной победой, подняли вопрос о поголовном восстании против захватчиков власти. К 25 марта организован отряд в 600 человек. По дороге в Ремонтную он пополняется казаками с соседних хуторов, со станицы Андреевской (300 всадников). Ремонтная взята лихой атакой пешими казаками. Узнав о выступлении баклановцев, к Ремонтной подошли дружины других станиц, что увеличило число восставших до 3000 человек, но винтовок было всего 300, всего один пулемет и ограниченное количество патронов. Ими была разрушена ж.д. как на Царицын, так и в сторону Котельникова. Но красные, исправив путь, обстреливают станцию артиллерийским огнем, несмотря на это весь день 26 марта восставшие казаки под общей командой ес. Андрианова удерживают ее в своих руках.

На заре 25 марта главные силы партизан-степняков покидают ст. Граббевскую, оставив сильный авангард, и двигаются на ст. Бурульскую. Отряд Назарова, находившийся с батареей Неживова на хуторе Мокрый Гашун, неожиданно был атакован значительными силами красных. Во время

артиллерийской перестрелки ес. Неживов был убит на своем командном посту, на крыше дома. При оставлении Граббевской последним партизанским отрядом Семилетова, он также был атакован значительными силами большевиков, отбил несколько атак и сам ходил в контр-атаку с песней "Смело мы в бой пойдем".

В силу настойчивого преследования партизан красными, на походе была произведена перегруппировка войск. На переправе через Гашун был оставлен заградительный отряд под командой полк. Мамантова - из его пешего отряда под командой полк. Шабанова, конный отряд Гнилорыбова, 2-я калмыцкая Платовская сотня и батарея Неживова. Отряд, прикрывая отход, выдержал сильный бой, понеся значительные потери, среди которых прапорщику Лапшину были отрованы ноги, а сотн. А.А.Пятницын тяжело ранен.

Авангард, заняв ст. Бурульскую, выдвинулся к станице Еркетинской. В Бурульской к главным силам партизан присоединилась бурульская калмыцкая сотня - около 150 человек.

26 марта главные силы партизан выступили на ст. Еркетинскую, выдвинув авангард к зимовнику Бакбушева. Арьергардные бои произошли у Бурульской.

На полпути к Еркетинской к партизанам подъехал разъезд казака Ромашкина с "летучкой" от полк. Растегаева из Н.Чирской, в которой сообщалось о восстании казаков 2-го Донского Округа и занятии ими Н. Чирской, об избрании его окружным атаманом. Полк. Растегаев просил Походного Атамана спешить на помощь восставшим, также как и материальной помощи. В тот же день ген. Попов отправил разъезд Ромашкина обратно, вместе с офицером для связи, которому была передана денежная помощь для восставших и была обещана помощь людьми и оружием.

Движение к Бурульской изменило всю обстановку: партизаны стали двигаться на юг, приближаясь к казачьим станицам. Ген. Попов считал, что было крайне важно задержаться в Бурульской, чтобы оказать давление на астраханские и ставропольские села, понудив их к выступлению против большевиков, но определенные сведения, что в придонских станицах началось движение против красных, заставили его спешить с движением вперед - в глубь Области.

27-го утром главные силы двинулись на Еркетинскую. По дороге ген. Попову было доставлено частное письмо от полк. А.И.Бояринова из Н.Курмоярской станицы, сообщавшее, что правобережные станицы "созрели" для восстаний и что партизанам необходимо спешить за Дон, чтобы "поднять их". Это письмо свидетельствовало о том, что сведения о движении партизан к Дону уже широко распространились и даже перебросились за Дон. Бояринов писал: "сознание необходимости освобождения от советской власти вполне созрело в станицах, но нет оружия, нет ядра, около которого казаки организовались бы. Нужна неотложная помощь, как в моральном, так и в материальном отношении." Становилось ясно, что нужно спешить к берегам Дона, чтобы раздуть первые искры в пламя пожара и ген. Попов решил из Еркетинской двигаться к Андреевской и там переправиться через р. Сал. К вечеру главные силы расположились в Еркетинской, арьергард остался в Бурульской, Чернушенко занял зимовник Бакбушева, а юнкера и Атаманский отряд заняли Андреевскую. Чтобы не была прервана связь между Еркетинской и Бурульской, что было возможно, т.к. появились крупные силы красных, между ними были посланы калмыцкие разъезды.

У самой Андреевской станицы протекает р. Сал, на которй не было никаких переправ. А у партизан был огромный обоз раненых и больных, интендантский, отрядные обозы и т.д. Начальником переправы был назна-

чен в.ст. К.А.Ленивов, а командиру инженерной сотни было приказано организовать техническую сторону переправы; при помощи казаков Андреевской станицы соорудил свыше десятка плотов на бочках. Андреевцы оказали большую помощь при переправе.

Переправа началась в 2 ч. дня 27-го и тянулась до позднего вечера 28-го. Арьергард Мамантова, из-за непрерывных атак красных и начатого ими обходного движения, оставил Бурульскую и к вечеру отошел в Еркетинскую. Т.к. он в течении 2-х дней был в непрерывных боях, то был сразу направлен к переправе в Андреевскую, а оборона Еркетинской и переправы была поручена Семилетову. Сначала для этого в его распоряжении был его отряд в составе 1-й пешей сотни в.ст. Ретивова, 2-й пешей сотни [illegible], 1-й конной сотни ес. Галдина, 2-й конной сотни подъес. Зеленкова, конного взвода и остатков 3-й пешей сотни в.ст. Мартынова, батареи капитана Пукина и приданных двух калмыцких сотен 1-й полк. Абраменкова и 2-й в.ст. Кострюкова.

Некоторую задержку в переправе внес отряд Чернушенко, который 27-го утром ушел от зимовника Бакбушева и потребовал переправы вне очереди и, переправившись, направился к Дону. Уход Чернушенко потребовал переброски к зимовнику Бакбушева юнкеров ес. Слюсарева из Андреевской.

С переправой штаба Походного Атамана в Андреевскую стало известно во всех подробностях не только о восстании в Баклановской и других станицах, но и о том, что восставшие 25 марта заняли Ремонтную, 26-го ее оставили и отошли на хутор Минаев, что 26-го же восставшие узнали о нахождении в ближайших калмыцких станицах партизан и было решено во что бы ни стало установить с ними связь и просить у них помощи. Однако до 28-го руководители восстания ничего в этом отношении не сделали и восставшие, после оставления Ремонтной, настояли перед своим командованием немедленно итти на соединение с партизанами и 27-го двинулись на юго-восток. В это время Ремонтная с востока была обстреляна отрядом Чернушенко, что остановило движение восставших и они установили связь с Чернушенко, остановившемся на ночлег в 12 верстах от станции на степном хуторе. Чернушенко, под предлогом спешности своего движения со специальной задачей от Походного Атамана, заявил, что не может оказать поддержки восставшим, но передал им 2 пулемета с командой своих партизан и значительное количество патронов.

Получив эти сведения, Походный Атаман приказал отряду полк. Каргальского с орудием ес. Кузнецова выступить на заре 28-го, чтобы помочь восставшим вновь занять Ремонтную, что и было выполнено - станция вновь была занята. Красная пехота с Ремонтной отошла на юрты Власовской станицы. А через некоторое время со стороны Котельникова и Царицына появились красные бронепоезда, а с юга полк красной кавалерии. Подтянулась и пехота с Власовских юртов. Среди восставших велась усиленная пропаганда против дальнейшей борьбы с большевиками, особую энергию в этом отношении проявлял сотн. Бояринов. В результате часть восставших ушла в свои станицы, а большинство оставшихся вновь оставили Ремонтную и сосредоточились на хуторе Минаеве.

Партизаны вернулись в Андреевскую. Обстановка менялась еже минутно и штаб Походного Атамана в зависимости от этого принимал необходимые и выполнимые для него меры.

28-го, когда уже ушла помощь к Ремонтной, Походный Атаман получил записку от начальника восставших ес. Андрианова с просьбой оказать помощь, а через некоторое время получил записку такого же содержания из района ст. Котельниково от полк. Бородина.

Все это дает известные указания в вопросе дальнейшего движения

к Дону и ген. Попов намечает "резать" ж.д. линию между Котельниково и Ремонтная, на переезде южнее станции Семичной.

В Андреевской к Походному Атаману приезжали представители II восставших станиц, заявивших, что они признают в его лице верховную Войсковую власть.

Когда в ночь на 29 марта партизаны вернулись с Ремонтной в Андреевскую и полк. Каргальский доложил о положении и настроении восставших, ген. Попов, считая, что положение поправимо, приказал Назарову на заре 29-го с его отрядом и батареей Неживова отправиться на хутор Минаев и помочь восставшим восстановить положение - занять Ремонтную. Однако, как увидим ниже, Назаров приказания не выполнил.

28-го с раннего утра группа Семилетова вела упорный бой за Еркетинскую и оставив станицу к 12 ч., заняла позицию в 3-х верстах от Андреевской. Здесь к ней присоединился отряд юнкеров, оставивших зимовник Бакбушева. Тут же была ему придана Штаб-Офицерская дружина Базавова. Батарея кап. Щукина, переправившись через Сал под прикрытием батареи Неживова, заняла рядом с ней огневую позицию на станичном кладбище. Примерно до 2-х ч. дня, когда закончилась переправа обозов, Семилетов отбивал все атаки красных, а затем стал постепенно выводить из боя подчиненные ему части, переправляя их через Сал в Андреевскую. Последними, до сумерек, оставались калмыцкие сотни Абраменкова и Кострюкова и юнкера Слюсарева, неоднократно ходившие в атаку. Происходили горячие схватки. Последней атакой отогнав красных на пару верст от переправы, под прикрытием ураганного огня 4-х партизанских орудий, они переправились вплавь.

Красные отошли в Еркетинскую и ... исчезли.

По позднейшим сведениям, начиная от Граббевской, партизан преследовала сводная группа красных свыше 6000 человек, имея два конных казачьих полка полного боевого состава. Эта масса могла партизан просто "раздавить", но по тем же сведениям начальником штаба этой группы "по мобилизации" был казак ес. С. Он то все время "сдерживал боевой порыв" красных и тем противодействовал разгрому партизан.

В итоге, в ночь на 29-е все партизанские силы сосредоточились в Андреевской.

А в Черкасском Округе шли свои события. 28 марта большевики отправили в Кривянскую грузовик с матросами. Кривянцы их перебили. 29-го Кривянская, с нарочными отправляет эстафету в станицы Заплавскую, Бесергеневскую, Мелеховскую, Раздорскую и Богаевскую: "27 марта, вечером, красная гвардия вошла в Новочеркасск. Режет и убивает мирных жителей. Станица Кривянская восстала. Начальником отряда избран Фетисов, помощником Говоров. Мобилизация 20 годов."

29-го же марта Богаевская приглашает представителей станиц, участвовавших на съезде 18 марта, на свой станичный сбор. Собрались представители II станиц. К этому времени Богаевская уже выслала подкрепление в Кривянскую и это в полном единении с иногородними станицы. На этом импровизированном съезде был кликнут клич "К оружию" и создан "Комитет Общественного Спасения" и вынесено постановление о необходимости "беспощадной борьбы с советской властью за освобождение Дона и организации краевой власти".

В Андреевской же, 29 марта к партизанам присоединилась станичная дружина. Половину ее, для "психологической поддержки", ген. Попов отправил в распоряжение ес. Андрианова, а половину полк. Бородину.

Решая из Андреевской двигаться к Дону, Походный Атаман был намерен, перерезав ж.д., остановиться на 1-2 дня на хуторе Королеве и на Верхне-Яблочном, откуда, при нужде, легко было помочь и Андрианову, на

ст. Ремонтная, и Бородину к ст. Котельниково. Чтобы помочь Андрианову и обеспечить переход партизан через ж.д., ген. Попов приказал юнкерскому отряду Слюсарева с наступлением темноты 29 марта совершить набег на ст. Семичная для взрыва полотна ж.д., а 2-й конной сотне Семилетова - взорвать полотно ж.д. на высоте хут. Королева.

Из Андреевской партизаны выступили в ночь на 30 марта и рано утром Семилетовский отряд расположился на хуторе В.Яблочном, а остальные отряды на хуторе Королева. Около 8 ч. утра со станции Котельниково появился красный бронепоезд, но был отогнан онем партизанских орудий. В хуторе Королевом из отряда Мамантова был выведен отряд полк. Яковлева и пополненный остатками отряда Чернушенко, снабженный небольшим количеством винтовок для станичных дружин был отправлен к ст. Котельниково, на помощь полк. Бородину. Был и другой "отлив": ушла часть партизан отряда Назарова и единицы из других отрядов по своим станицам.

30 марта в Королев приезжали полк. Бородин и ес. Андрианов, доложившие Походному Атаману, что казаки их станичных дружин митингуют, бросая позиции, уходят в свои станицы и что никакие убеждения начальников на них не действуют. При этой встрече выяснилось, что отряд Назарова не помог дружинам ес. Андрианова. Назаров этот факт объяснил усталостью отряда, желанием его партизан скорее попасть в свои станицы за Дон и т.д., но обещал выступить -сейчас же". В то время применять "крутые" меры не всегда было разумно и ген. Попов, сказав Назарову, что вместо него послан другой отряд, просил его не "беспокоиться". А ес. Андрианову обещал прислать семилетовцев. И действительно, рано утром 31 марта в хутор Минаев были отправлены под командой ес. Балихина 2-я конная и 1-я пешая сотни Семилетовского отряда, калмыцкая сотня ес. Аврамова и батарея Неживова. Но оказалось, что уже поздно - дружины таяли не по дням а по часам. Не помогали ни увещания начальников ни предупреждения Походного Атамана, что своим распылением дружины приведут в свои станицы красных и навлекут на свои дома и семьи весь ужас их злобы и произвола. При отъезде Бородина и Андрианова, ген. Попов благодарил казаков за их выступление от имени Войска, его лично и партизан, подчеркнув, что казаки своим выступлением в некоторой степени облегчили переправу партизан через Сал, "сковав" красных на ж.д. одним своим присутствием.

31 марта, когда группа кап. Балихина выступила на хутор Минаев, к Походному Атаману прискакал гонец ес. Андрианова, сообщивший, что его отряд уже рассыпался и могущие прибыть в Минаев партизаны полежения не исправят.

К этому времени вернулись из командировки в Черкасский и 1-й Донской Округа агенты Особого Отделения студент К. и вахмистр Иванов, сообщившие, что эти Округа на границе восстания и там все упования на партизан. К этому времени все партизанские силы были сосредоточены на хуторе Кривом, куда из станичной почты Нижне Курмоярской сообщили о начавшихся восстаниях в районе станиц В. и Н. Кундрюческих и Екатерининской, и что зреют восстания в Донецком Округе. А после обеда на моторной лодке прибыли гонцы из станицы Богаевской от сотн. Кузнецова - подъес. Бардышев и ст.-ур. Цыпкин, с сообщением о положении в Черкасском Округе и с просьбой спешить с партизанами. Ген. Попов командирует туда вместе с возвращающимися гонцами, для организационной работы, полк. Ляхова и полк. Монакина и агента Особого Отделения хор. А. Получив от полк. Бородина записку, рисующую развал его дружины в таких же мрачных красках как и ес. Андрианов, Походный Атаман приказал полк. Яковлеву и кап. Балихину идти на соединение с

партизанами в хутор Кривой. Когда к нему в хутор Кривой приезжали от ес. Андрианова с вопросом - что ж им теперь делать, ген. Попову ничего не оставалось как ответить: "Сами начинали - сами кончайте" и предложить Андрианову и Бородину с остатками их дружин уходить вслед за партизанами на правую сторону Дона.

И.Степной в журнале "Донская Волна" в очерке "Баклановцы", описывая восстания ее района пишет, что "прекрасно начатое дело борьбы с большевиками (в этом районе - А.П.) умирало... Пали духом станичники" и "ехали они по домам" и там собирались на сход обсудить вопрос - как выйти с честью из создавшегося положения, выхода не было, и отдал сход приказ -"винтовки зарыть в землю", но что "все сознательно мыслящие, не желавшие гнуть шею под ярмом большевизма, оставляли родные станицы, кров, семью и ... шли на правый берег Дона, чтобы там с винтовкою в руках стать на защиту казачьей воли".

Действительно, с партизанами ушло немало казаков Баклановского района и почти все офицеры. Из них были сформированы дружины, принявшие участие в борьбе с красными в Черкасском Округе, в частности под командой ес. Ф.Е.Перфилова. 18 апреля 100 человек их принимало участие в карательной экспедиции в ст. Семикаракорскую на пароходе "Вольный Казак". Часть их ушла к восставшим казакам района Н.Чирской станицы.

1 апреля рано утром была начата переправа на правый берег Дона в станицу Н.Курмоярскую. Она производилась на паромах и лодках, днем и ночью и закончилась к полудню 2 апреля. Штаб переправился на одном из первых паромов. Первое, что доложили в станице Походному Атаману, это было сообщение с местной почты, что в Донецком Округе в районе Гундоровской действует против большевиков партизанский отряд ес. Сухаревского, что Гундоровская для самозащиты от красных организовала отряд под командой ес. Рытикова, что в районе Бело-Калитвенской станицы началось движение под руководством полк. Быкадорова, а в районе Екатерининской станицы под командой в.ст. Старикова и ес. Позднышева.

2 апреля был отдан приказ о расформировании "Оряда Вольных Донских Казаков".

Из отдельных партизанских отрядов был сформирован "экспедиционный" отряд под командой полк. Мамантова, в который вошли отряды Мамантова, Гнилорыбова, Каргальского и два орудия. К его штабу был прикомандирован ес. Сутулов с задачей произвести разведку в Усть-Медведицком и Хоперских Округах и поднимать там восстания. Сведения из этих округов в штабе Походного Атамана были весьма скудны. Отряд Мамантова из Н.Курмоярской выступил в Н.Чирскую 4 апреля.

Две калмыцкие сотни были оставлены отдельными сотнями: одна как конвой штаба Походного Атамана, а вторая в распоряжении ген. И.Д.Попова, назначенного командующим войсками I-го Донского Округа. Остальные калмыцкие сотни были сведены в калмыцкий полк под командой в.ст. Суворова, а после его ранения полк принял ес. Н.П.Слюсарев. Отряд Назарова был расформирован и его партизаны влиты в другие отряды. Штаб-Офицерская дружина также была расформирована, чины ее оставались в распоряжении штаба Походного Атамана и предназначались для станичных формирований. Инженерная сотня превратилась в управление инжерной части штаба Походного Атамана. Другие партизанские отряды были влиты в Семилетовский отряд. Отряд Хорошилова (малолетние кадеты) был расформирован, дети сначала были переданы на попечение Цымлянской станицы, потом на попечение окружного управления I-го Донского Округа, а оттуда затем отправлены в Новочеркасск. Все раненые были переданы сначала в Цымлянскую больницу, потом перевезены в Константиновскую.

Позднее, по донесениям ес. Сутулова и агентов Особого Отделения,

в Усть-Медведицком Округе антибольшевицкое движение началось в конце марта: старогригорьевцы еще 28 марта послали свою делегацию во главе с Кременсковым в Н.Чирскую, чтобы выяснить "что к чему", а 8 апреля вместе с соседними станицами постановили "присоединиться к восставшим против советской власти и мобилизовать станицы". Начальниками районов обороны были избраны подъес. Каласков и сотн. Седов, командование отрядами поручено хор. Федорову и прапор. Маринину. Примерно в это же время начальниками обороны станиц Трех-Островянской и Сиротинской был выбран в.ст. Иванов. Тоже в конце марта в Усть-Хоперской по инициативе сотн. Веденина образовался "Совет Вольных Станиц и Хуторов". В районе Усть-Медведицкой были созданы партизанские отряды ес. Алексеева и сотн. Долгова. Формально восстание в Усть-Медведицком Округе произошло с 28 на 29 апреля, когда усть-хоперцы под общим руководством в.ст. Голубинцева с боем заняли Усть-Медведицкую, а к ним присоединились станицы Ново-Александровская, Распопинская и Клетская.

В Хоперском Округе уже с 31 марта действуют партизанские отряды Дудакова Урюпинской станицы и ес. Сонина Зотовской ст., которые 1 апреля на один день заняли Урюпинскую. По ее оставлению, оба отряда объединились в Зотовско-Урюпинский отряд во главе с ес. Кривовым при начальнике штаба ес. Моргунове. Узнав обо всем этом, Походный Атаман для связи, инструктирования, с агитационной литературой и своими приказами отправляет ес. А. в Усть-Медведицкий Округ и ес. Чувашина в Хоперский.

В Н.Курмоярской Походный Атаман получил дополнительные сведения, что 20 марта большевики потребовали от Гундоровской выдачи дружины Сухаревского, офицеров и оружия, послали туда карательную экспедицию, часть которой была гундоровцами уничтожена, а другая взята в плен. Туда был командирован ес. Х., от которого позже стало известно, что 14 апреля красные большими силами повели наступление на Гундоровскую, которая, мобилизовав в станице и хуторах всех казаков до 70 лет, под командой полк. Гусельщикова разбила большевиков. 15 апреля они бросили на станицу новые силы под командой Щаденко, но тоже были разбиты. Гундоровцы, ожидая новых наступлений красных, послали свою делегацию в г. Луганск и нашли там немцев, которые обещали свою помощь. Однако, гундоровцы принуждены были отойти на левый берег Донца, где митякинцы тоже вступили в борьбу с большевиками. Здесь казаки вместе с немцами 19 апреля разбили красных на голову. Полк. Гусельщиков Походным Атаманом был назначен н-ком обороны Гундоровско-Митякинского района.

5 апреля в Н.Курмоярскую приезжал хор. Х., гонец подъес. Дрынкина, атамана Мигулинской станицы, чтобы узнать положение дел в 1-м и 2-м Донских Округах, сообщивший, что на 17 апреля созывается станичный сбор с участием хуторов, т.к. в станице зародилась мысль "отмежеваться" от станицы Каменской, объявить войну большевикам. Ген. Попов командирует туда полк. Алферова.

16 апреля Тираспольский отряд 1-й Социалистической армии выгрузился на станции Шептуховка, чтобы походным порядком идти в Воронежскую губ. 17 апреля он остановился на ночлег в хуторе Сетракове. Мигулинцы быстро мобилизовались (до 50 лет), захватили большевиков врасплох, забрали всю артиллерию, а красногвардейцев прогнали на север. 20 апреля в Мигулинской состоялся съезд, на котором полк. Алферов был избран окружным атаманом и командующим войсками Округа.

Полк. Добрынин в своем труде справедливо отмечает, что Походный Атаман, "войдя в связь с восставшими, берет в свои руки всю

гражданскую и военную власть, причем все его мероприятия направлены к тому, чтобы дать организацию стихийному движению, т.е. сделать то, чего до сих пор не хватало."

Так 2 апреля он отдает приказ с целью расширить районы восстаний вниз по Дону, об общей мобилизации и создании районов обороны, из 4-5 станиц, чтобы каждый район мог составить отряды в 1200-1500 человек, способных для самостоятельных оборонительных и наступательных операций и достаточно подвижных для переброски в соседние районы на случай совместных действий. Назначает туда начальников обороны и офицерские кадры. В зависимости от обстановки на местах, в некоторых районах он оставляет для большей устойчивости и как ядро для формирований, партизанские отряды. Так в Н.Курмоярской была оставлена такая группа под командой полк. Антонова.

5 апреля в Н.Курмоярской ген. Попов созвал совещание членов Круга всех созывов для обсуждения вопроса об его созыве. Присутствовало до 100 человек, большинство считало, что Круг нужно созвать в Новочеркасске. Здесь впервые предстоящий Круг был назван "Кругом спасения Дона". Совещание признало единогласно за Походным Атаманом временную верховную власть, как законного заместителя Войскового Атамана Назарова.

За время пребывания партизан в Н.Курмоярской 3 апреля 2-я конная семилетовская сотня ес. Зеленкова захватила вблизи станицы пароход "Венера", шедший из Ростова в Калач, на котором было захвачено до 200 красногвардейцев. 4 апреля 1-я конная сотня ес. Галдина и 2-я пешая сотня ес. Тацина, совершив набег с одним орудием кап. Щукина на ст. Нагавскую, разбила там красный отряд под командой сотн. Бояринова, захватив два орудия, но и партизаны понесли значительные потери.

4 апреля, получив дополнительные сведения о том, что в районе В. и Н. Кундрюческих и Екатерининской станиц действуют повстанческие отряды полк. Быкадорова и в.ст. Старикова, ген. Попов командирует туда для связи сотн. Кузнецова, назначив полк. Быкадорова командующим войсками, а в.ст. Старикова начальником обороны. Позднее, в Цымлянскую оттуда для связи со штабом Походного Атамана приезжал ес. Позднышев.

18 апреля войска полк. Быкадорова, разбив красных у станции Тацино, захватили богатую добычу: около 5000 снарядов, пулеметы, винтовки и до 2-х миллионов патронов. А войсками в.ст. Старикова, на одном из хуторов Екатерининской станицы, были захвачены остатки 27-го Донского казачьего революционного полка, во главе с командиром полк. Седовым, который после доставки его в Константиновскую станицу умер от разрыва сердца.

Еще 1 апреля в Константиновской начались заседания Окружного Съезда Советов, на котором должен был рассматриваться и вопрос отношения к советской власти. Чтобы он принял решение в нужном смысле, Походный Атаман отправил туда 2 апреля ген. И.Д.Попова с его калмыцкой сотней. Ген. И.Д.Попов явился на заседание съезда в полной генеральской форме, при орденах, в сопровождении двух калмыков, георгиевских кавалеров. Через полчаса Съезд был переименован в окружной круг, а ген. И.Д.Попов избран окружным атаманом. Круг постановил выступить активно противно советской власти и приступить к организации дружин для борьбы с ней. Походный Атаман был признан единственным законным главою Войска, в руках которого должна находиться вся военная и гражданская власть.

3 апреля утром штаб Походного Атамана получил сведения, что Новочеркасск занят восставшими казаками Черкасского Округа. Радости

не было конца и нижне-курмоярцы широко угощали партизан "заветными" бутылками вина. Но она была омрачена 6 апреля, когда Походным Атаманом были получены в ст. Цымлянской первые сведения об оставлении столицы Дона и 6-го же появились и первые беженцы оттуда.

В Черкасском Округе за это время произошли следующие события. 31 марта Кривянская станица при поддержке Раздорской, Заплавской, Бесергеневской, Мелеховской и Богаевской, под общим командованием в. ст. Фетисова, на рассвете 1-го апреля заняла Новочеркасск. В это время в станице Манычской, под руководством М.В.Кузнецова происходил окружной съезд станиц Черкасского Округа, который происходил под тем же настроением, что и в Богаевской 29 марта. Председателем Съезда был Ф.И.Бабкин. Как и на съездах 18 и 29 марта, лишних слов сказано не было - царило сознание важности момента, было не до трескучих фраз. Съезд объявил себя временно верховной властью Черкасского Округа и выделил районный штаб обороны, объявил беспощадную борьбу с советской властью. До организации Войсковой власти признал за Походным Атаманом, как за временным заместителем Войскового Атамана, всю верховную, как военную так и гражданскую власть. Разъехались делегаты по своим станицам проникнутые единодушием и с радостной вестью, полученной во время заседания, что Новочеркасск в руках казаков. Эта весть окрылила всех надеждой на успех, это была уже не заря возрождающегося казачества, а солнце брызнуло своими лучами и разбудило донских казаков от короткого, но тяжелого сна.

Из Ростова, в предвидении Манычского съезда, комиссары послали карательную экспедицию на тральщике "Св.Николай", дабы не допустить съезд, но манычские казаки "атаковали" тральщик и он вернулся в Ростов, не выполнив своей задачи.

Задонские станицы (Нагальницкая, Хомутовская и др.) в это время тоже вели борьбу с красными под руководством ген. Семенова.

Накануне Манычского съезда, подпольная организация Аксайской станицы, руководимая ст.ур. Зацепиным, оставленным в Новочеркасске 12 февраля Особым Отделением, командировала его на Кубань, на поиск Добровольческой Армии. По дороге он прихватил делегатов от задонских станиц, тоже искавших помощи в борьбе с большевиками. По дороге на Кубань они встретили разъезд Добровольческой Армии полк. Барцевича, который проводил их в штаб ген. Деникина в станицу Успенскую Кубанского Войска. Это решило вопрос о дальнейшем движении Добровольцев.

Как Походный Атаман в Новочеркасске, так и ген. Корнилов и ген. Алексеев в Ростове оставили секретных агентов для подпольной антибольшевицкой работы. Во главе ее, в Ростове, стоял И.А.Добрынский, которому удалось организовать значительную офицерскую группу, которая поддерживала связь с Добровольческой Армией через пор. Колю Х., оставшегося в Ростове раненым и донскую казачку Валю Гайдукову, а главное через капитана Натуса - н-ка команды связи Корниловского полка, который установил связь ген. Корнилова с Ростовым еще в начале марта.

Параллельно с Добрынским, в Ростове работали студенты казаки, оставленные в Новочеркасске Походным Атаманом - Сыстунов и Коротков - бывшие членами ростовской студенческой казачьей организации. Им удалось создать в Ростове подпольную казачью организацию из учащейся молодежи, в которую вошло много и не-казаков, и привлечь на свою сторону Союз Увеченных Воинов, городскую милицию и казаков Гниловской и Александровской станиц. Все это, по мысли руководителей, могло выступить в любой момент. Но время выступления мог назначить только Добрынский по соглашению "со своим штабом", как глава военной офицерской организации. Однако, когда восставшие казаки 1 апреля заняли Новочер-

касск и подходили к Ростову, он не только не отдал соответствующие распоряжениия, но и удержал "казачий центр" от выступления.

После занятия Новочеркасска I апреля, там около II ч. ночи по инициативе группы "политиканствующих" офицеров во главе с ес. Яновым был образован, как временная краевая власть,"Совет Обороны", в который уже потом был включен Маныческий "штаб обороны".

Войска восставших казаков в Новочеркасске пополнялись очень слабо. Офицеры шли неохотно на командные должности, а те, кто присоединились, в большинстве пошли рядовыми под команду урядников и вахмистров.

Восставшие пытались освободить увезенного в Ростов М.П.Богаевского и подошли к Нахичевани. Большевики бросили против них все, что могли, даже членов Донского Съезда Советов. Представитель Походного Атамана полк. Ляхов и Монакин, приехавшие в Новочеркасск поздно вечером 2 апреля, видя, что восстание уже началось без них, не стали "мешать" тем, кто начал его, хотя и видели, что в Новочеркасске шла уже борьба за верховную власть. В.ст. Фетисов избранный казаками, "Советом Обороны", был заменен ген. К.С.Поляковым с присвоением титула "Командующего Донской Армией", а его начальником штаба был приглашен полк. С.В.Денисов, проживавший в станице Богаевской. В такой обстановке руководство боевыми операциями восставших и вообще организация всего дела, в силу разных обстоятельств, были не на высоте. В частности для поддержки духа казаков не велось никакой пропаганды. Характерной особенностью было колебание настроений, как это было в Баклановском районе: от подъема к упадку и обратно. Многие представители восставших станиц допускали, что при таких обстоятельствах, Новочеркасск может быть оставлен и настаивали на необходимости заранеее вывезти из города запасы золота, снарядов, патронов и пр., но им всегда отвечали, что об этом своевременно позаботится штаб.

В результате ряда причин казаки от Нахичевани отошли к Новочеркасску, а 4 апреля и он был ими оставлен с такой поспешностью и неорганизованностью, что ничего не было вывезено, даже деньги. "Совет Обороны" вывез всего 25 рублей. А в Заплавской станицы, чтобы подбодрить казаков, им говорили: "Походный Атаман везет золото, пушки, снаряды и патроны".

Остатки "Донской Армии" сосредоточились в станице Заплавской, где началась их реорганизация.

К этому времени и командованию "Армией" и "Совету Обороны" было известно, что партизанская "армия" Походного Атамана сосредоточена в Н.Курмоярской и что Маныческий Съезд станиц Черкасского Округа признал в лице Походного Атамана верховную власть в Войске, как военную, так и гражданскую. Однако "Совет Обороны" созданный в Новочеркасске после Маныческого Съезда, с "благословения командования "Армии", чтобы вырвать власть у Походного Атамана ген. П.Х.Попова путем образования Временного Донского Правительства, 8 апреля объявил себя таковым, но в то же время продолжая рассматривать партизан Походного Атамана как "допинг" для восставших казаков.

Во время стоянки партизан в Н.Курмоярской было замечено как характерное явление массовое передвижение со стороны Ростова, вверх по Дону, подозрительных групп и отдельных лиц красногвардейского типа, на всякого рода моторных лодках, также как и эшелонов по ж.д. на Царицын из Торговой. Опрос задержанных или пленных красногвардейцев показал, что в Ростове советские власти встревожены не на шутку, т.к. казачье освободительное движение разросталось с каждым днем все шире, а с другой - какая то сила начала давить извне. Этой силой были немцы.

Станица Н.Курмоярская в истории Степного Похода, как и вообще в истории первых дней антибольшевицкого движения на Дону, была тем пунктом, откуда Походный Атаман начал планомерную организацию борьбы в Войсковом масштабе. Здесь, в его штабе, было положено начало плана формирования постоянной "молодой" Донской Армии. Закончен он был в ст. Константиновской и Раздорской и полностью был принят и приведен в жизнь Атаманом Красновым.

С вечера 4 преля партизаны, частью баржами и пароходами, частью походным порядком, покинули Н.Курмоярскую. Несколько задержались в Цымлянской, где еще не прошел дух советского засилия и местный совет обороны, образовавшийся по приказу Походного Атамана, занимал несколько странную позицию. Но чутко прислушивался - что скажет окружной съезд в Константиновской. Ген. П.Х.Попов не раз выступал и на станичном сборе, и на общем собрании и в местном Совете Обороны. Отметим, что при выступлении из Н.Курмоярской Походный Атаман приказал всем чинам Особого Отделения следовать походным порядком, чтобы по пути вести пропаганду.

В Цымлянской был захвачен пароход "Пустовойтов", переименованный в "Вольный Казак", который явился основоположником Донской военной Флотилии.

При следовании партизанской флотилии вниз по Дону, население прибрежных станиц высыпало на берега Дона и ветствовало партизан и Походного Атамана криками "Ура!". В некоторых местах "Вольный Казак", на котором находился Походный Атаман, подходил к берегу и тогда ген. Попов произносил краткие речи и принимал хлеб-соль. Движение партизан от Н.Курмоярской до Раздорской было сплошным триумфальным шествием.

8 апреля партизаны рано утром прибыли в Константиновскую. Здесь начинается новая фаза борьбы Дона с большевиками и новая организационная деятельность ген. П.Х.Попова. Здесь и в станице Раздорской все силы восставших казаков и партизан получают новую организацию. Создаются с подчинением штабу Походного Атамана отдельные группы войск: Задонская, ген. Семенова, район действия - ст. Мечетинская-Кагальницкая, со штабом в Егорлыцкой; Южная, полк. Денисова, район действия - против Новочеркасска, со штабом в Заплавской; Северная, полк. Семилетова, - против Александровск-Грушевск, со штабом в Раздорской. Кроме того другие группы: Верхне-Донского Округа, полк. Алферова, район действия - весь В.Д. Округ, со штабом в Мигулинской; 2-го Донского Округа, полк. Мамантова, район действия - весь 2-й Округ, со штабом в Н.Чирской; I-го Донского Округа, ген. И.Д.Попова, район действия - весь Округ, со штабом в Константиновской. Отдельные отряды: Донецкий, полк. Быкадорова, со штабом в ст. Екатерининской, с районом действия Лихая-Усть-Белс-Калитвенская; Гундоровский, полк. Гусельщикова, со штабом в Гундоровской, район действия - Митякинская - Луганская; Хоперский, ес. Кривова, со штабом в Зотовской, район действия - в сторону Урюпинской; Усть-Медведицкий, в.ст. Голубинцева, со штабом в Усть-Медведицкой, район действия - весь Округ. Было создано также около десятка районов обороны. Позже, число их и их отрядов увеличилось, в частности когда в 20-х числах апреля произошло восстание против большевиков крестьян хутора Сулина и казачьего хутора Сулинско-Кундрюческого. Начальником этой группы был назначен шт.кап. Сычев, со штабом в ст. Владимирской. Все эти силы так или иначе были связаны со штабом Походного Атамана и действовали до 5 мая по его указаниям, а в зависимости от военного положения меняли не только места стоянок, но и районы действий. Так Донецкий отряд полк. Быкадорова с I мая действовал уже в Задонском районе, совместно с войсками этого района.

В Константиновской партизан поразило, и вызвало недоумение, отношение к казачьим восстаниям ген. Краснова, проживавшего в станице под немецкой фамилией. Когда к нему 2 апреля явилась депутация от казаков Константиновской, Раздорской станиц и 9-го полка, во главе с офицером 10-го полка, бывшим Войсковым Есаулом Сиволобовым, с просьбой принять на себя руководство восставшими казаками 1-го Донского Округа, имея ввиду объединить вокруг него все казачье антибольшевицкое движение, ген. Краснов принял ее крайне грубо и на обращенную к нему просьбу ответил: "Я казакам не верю и никакого дела с ними иметь не желаю." И вообще в этот тяжелый, критический период жизни Дона, ген. Краснов не проявил никакого желания участвовать в неблагодарной черной работе и рисковать ответственностью за возможные неудачи с поднятием казаками восстаний. При попытке Походного Атамана иметь встречу с ген Красновым для обсуждения вопросов борьбы с большевиками для освобождения Дона, ген. Краснов, как говорили, считая себя бывшим командующим армией последних дней Временного Правительства, считает себя старше Походного Атамана и находил недопустимым первому делать визит к Походному Атаману.

Когда 10 апреля в Константиновскую к Походному Атаману приезжала делегация из Заплавской станицы от штаба "Донской Армии" и от "Вр. Донского Правительства", то председатель правительства Г.Янов и начальник оперативного отделения Армии И.Поляков, раньше чем видеть Походного Атамана, "навестили" ген. Краснова. О чем у них была речь - неизвестно, но потом говорили, что они тоже предлагали ген. Краснову стать во главе казачьего движения и что он, по тем же мотивам, что и делегации Сиволобова, тоже отказал.

В Константиновской отдал себя в распоряжение Походного Атамана 9-й Донской казачий полк, часть 2-го Донского казачьего полка и Константиновский партизанский отряд ес. Димитриева. Казаки 2-го полка были влиты в 9-й, что дало 6-тисотенный полк полного боевого состава при 20 пулеметах. Его командиром был назначен ес. Климов. Этот полк и отряд Димтриева были включены в группу полк. Семилетова.

В Константиновской же ген. Попов посещал заседания окружного круга, чтобы выяснить его настроение, и сообщить ему свое мнение о проведении определенных воззрений через делегатов круга в станицы. С помощью круга им был принят ряд мер по обеспечению Новочеркасска и Ростова хлебом и мясом после их освобождения, по созданию баз для довольствия казачьей армии. Для этого, по его совету кругом были выделены специальные комиссии, а он включил туда специалистов. Сюда, в Константиновскую, шло прямо паломничество делегаций из станиц почти всего Войска. Отсюда была установлена связь со станицами, расположенными у ж.д. Лихая-Царицын и со станицами Донецкого Округа, и здесь же было принято ряд важных решений.

Особым Отделением штаба Походного Атамана было разослано во все Округа, по станицам и хуторам, воззвание в.ст. Фетисова "К Великому Донскому Казачьему Войску" и приказ-обращение Походного Атамана к донцам с призывом к восстаниям против советской власти. Не боясь уронить своего "престижа", Походный Атаман приказал первым разослать обращение Фетисова, а потом свой приказ-обращение.

В Константиновской делегация "Вр. Донского Правительства" и штаба "Донской Армии", Г.Янов и И.Поляков, добивались признания этого правительства до созыва Круга за верховную власть на Дону; признания права за Заплавской группой именоваться "Донской Армией, настаивали на том, чтобы ген. Попов оставался бы Походным Атаманом "своих" партизан и чтобы он вел организационную работу повстанческого движения в

других Округах, а "Донской Армии", по праву ее "первородства" предоставил Черкасский Округ, со всеми выходящими отсюда последствиями. Но ген. Попов ясно и определенно ответил, что он Походный Атаман всех вооруженных сил Дона и что после гибели Войскового Атамана Назарова он является его заместителем - Верховной властью на Дону, впредь до разрешения этого вопроса Войсковым Кругом. Ему не нужно никакого Вр. Правительства с правами верховной власти, но он готов работать с любой общественной организацией, независимо от ее названия, для освобождения Дона от большевиков. Он готов работать "руку в руку" с Вр. Донским Правительством, но не как с верховной властью, а как с общественной организацией по вопросам продовольствия, созыва Круга, по поднятию казаков на борьбу с большевиками и т.д., но что о всех своих мероприятиях Вр. Донское Правительство должно ему докладывать заранее. Член делегации А.М.Горчуков считал, что точка зрения Походного Атамана "законна и логична", но Г.Янов и И.Поляков "по праву первых начавших борьбу" настаивали на своих требованиях. Вопрос остался открытым и делегация вернулась в станицу Заплавскую.

В Константиновской был захвачен пароход "Москва", на нем поместился штаб Походного Атамана. 9 апреля, погрузив на его борты и на баржи все, что можно, в 9 ч. теплого, весеннего, солнечного утра, когда могучий Тихий Дон величаво катил свои мутные воды по широкой долине, украшенная русскими национальными флагами партизанская флотилия, вытянувшись в кильватерную колонну, производя чарующее и грозное впечатление, торжественно, под крики "ура" партизан и пропровожающих, поплыла вниз по течению. Почти около каждой станицы, по какому то таинственному сигналу, разносился вдоль по Дону колокольный звон из прибрежных селений и народ сбегался к берегу. "Флотилия" замедляла свой ход, чтобы Походный Атаман ген. П.Х.Попов мог принять депутации с приветствием и хлеб-солью. У всех праздничное настроение, все ликовало, хотя были последние дни Великого Поста.

10 апреля флотилия подошла к Раздорской. Все ее жители, и стар и млад, бросились к пристани. Флотилия замедляет ход. Громовое "ура" и на судах и на берегу. "Москва" плавно отделяется и идет к пристани. Из толпы встречающих выделяется депутация станицы, образовывая круг для приветствия Походного Атамана. В центре ее - атаман станицы, по бокам - старики-депутаты с традиционной хлеб-солью. Как только бросили мостки, Походный Атаман, в форме, при оружии, быстрым шагом идет к депутации. Станичный атаман говорит краткое приветствие, старики подносят хлеб-соль. Дети, девочки, подносят цветы. Минута торжественная. В этот момент перед ген. Поповым бросается на колени член Назаровского Круга Макаров, много сделавший, чтобы Круг 12 февраля остался бы в Новочеркасске, и просит Походного Атамана простить ему все зло, которое он причинил делу борьбы с большевиками. "Бог вам судья, кто старое вспомнит - тому глаз вон" - отвечает ген. Попов.

Через час началась разгрузка партизан, артиллерии, обозов.

Конные части также триумфально шли походным порядком до Раздорской; особенно теплый прием им был в станице Богаевской.

С прибытием партизан, станица Раздорская превратилась в военный лагерь. Начали подходить и мобилизованные дружины соседних хуторов и станиц. Шла большая работа по организации частей, налаживался вопрос об их снабжении и т.д. А одновременно в штабе Походного Атамана спешно заканчивался план создания постоянной Донской Армии ("молодой"), которая смогла бы сменить на фронтах станичные дружины, а по очищению Дона от красных - создать надежную охрану его границ.

11 апреля Вр. Донское Правительство издало приказ N° 3, в кото-

ром говорилось, что "после тяжелого похода, в станицу Раздорскую прибыл во главе своего отряда Походный Атаман; что Вр. Донское Правительство, в полном единении с доблестным командованием Донской Армии, решило для пользы дела и успешности борьбы передать высшее командование и полноту военной власти Походному Атаману; что Вр. Донское Правительство, избранное и облеченное доверием восставших казаков, оставляет за собой, до созыва Круга Спасения Дона, всю полноту гражданской власти и высший контроль по всем вопросам связанными с успешностью борьбы с большевиками; что Круг Спасения Дона должен быть созван немедленно по освобождению столицы Дона от большевиков; что Вр. Донское Правительство приступило к предварительной работе по созыву Круга; что о порядке выборов и дне созыва, Вр. Донское Правительство известит станицы, хутора, полки и дружины." Приказ этот был доставлен Походному Атаману в тот же день частным лицом, с сообщением, что он широко распространяется не только в войсках Заплавской группы и населении этого района, но послан и в другие станицы и хутора. Приказ этот, как и его распространение без ведома Походного Атамана, вызвало у него горечь и раздражение. Старшие чины штаба, полагая, что издан он был не без согласия командования Заплавской группы, рекомендовали Походному Атаману немедленное его смещение и роспуск Вр. Донского Правительства, указывая,что такая мера будет одобрена всеми командующими других групп. Но Походный Атаман, в интересах борьбы с красными, не нашел возможным принять такие меры, но в тот же день, не объясняя мотивав, вызвал в Раздорскую ген. К.С.Полякова и полк. Денисова.

Вр. Донское Правительство, видимо не зная, что приказ N° 3 уже известен Походному Атаману, послало его ему с "командующим Донской Армией", и вместе с тем просило ген. Попова "при возможных переменах в командном составе, оставить на ответственных постах ген. Полякова и полк. Денисова", подчеркнув, что "они пользуются доверием казаков".

I2 апреля "командующий Донской Армией ген. К.С.Поляков и полк. С.В.Денисов приехали в Раздорскую, оставив за себя в Заплавах ген. Балабина и подполк. И.А.Полякова". Ген. К.С.Поляков в разговоре относительно приказа просто заявил, что он не стремится быть ни только "командующим Донской Армией", но и ни к какому командованию, что он принял его в тяжелую минуту, чтобы спасти - что можно, что он сделал - что мог, и теперь, с приездом Походного Атамана, он ни на что не претендует, а просит его уволить в отставку, т.к. он не привык служить в атмосфере "дрязг", и рекомендовал вместо себя командующим Южной группой ген. Е.И.Балабина, временно уже его заменяющим в Заплавской группе и уже как известного ген. Попову по его работе в Макеевском районе в дни Каледина, но предупредил, что вероятно и он, по тем же мотивам, тоже откажется. Походный Атаман удовлетворил просьбу об отставке ген. К.С.Полякова, и чтобы не обижать полк. Денисова, назначил его командующим Южной группой и по просьбе последнего его начальником штаба назначил И.А.Полякова, но фактически эти обязанности выполнял ген. М.Свечин.

Новое командование Заплавской группы не изменило своего отношения к штабу Походного Атамана и по свидетельству полк. Добрынина это "неприязненное отношение" давало себя знать и "построено оно было на почве личного самолюбия Заплавского штаба", переоценившего свои достоинства и стремившегося обвинить штаб Походного Атамана и его самого в неправильности решений одухотворящих действия предыдущего периода борьбы", и что на почве этих неприязненных отношений даже назревал развал в Заплавских войсках, в тылу которых находились беспокойные станицы Мелиховская и Семикаракорская. По поводу встречи Походного

Атамана с командованием Заплавской группы в Раздорской, председатель Вр. Донского Правительства в своем труде писал: "... состоялось довольно неприятное заседение, грозившее в будущем не объединением всех сил а разъединением". Чтобы этого избежать, Походный Атаман 13 апреля посетил войска Южной группы, где сказал казакам о необходимости продолжать начатую борьбу и верить в конечную победу.

В Заплавской он имел "беседу" и с Вр. Донским Правительством. Пожурил его за приказ N° 3, но в интересах борьбы и казачьего единства в борьбе, никаких мер не принял, но потребовал "таких номеров больше не выкидывать". "Правительство" согласилось.

За время пребывания в войсках Южной группы, Походный Атаман обратил внимание, что не только казаки но и большинство офицеров ни только не носят погон, но не имеют и военной формы, и поэтому их не всегда можно отличить от красногвардейцев. Во избежании "недоразумений" во время боевых операциях, ген. Попов отдал приказ всем имеющим форму носить погоны, а кто ее не имел - нашить на головные уборы белые полосы, которые должны были их отличать от красных. Этот отличительный знак сохранился в Донской Армии всю гражданскую войну.

14 апреля главные силы Походного Атамана составляли группы Северная (полк. Семилетова) и Южная (полк. Денисова). В первую входили: партизаны семилетовцы, яковлевцы, юнкера, Константиновский партизанский отряд Димитриева, сводный конный полк ес. Климова и Калмыцкий партизанский конный полк - всего примерно 3200 человек. Позиция была у Мокрого Лога. Во вторую входили Новочеркасский (А.П.Фицхелаурова), Кривянский (Н.Г.Зубова), Раздорский, Заплавский, Бесергеневский, Мелиховский и Богаевский (полк. Желтухина) пешие полки, 6-й батальон, 7-й Донской казачий (В.Н.Карпова) и сводный полк Туроверова - общей численностью до 6,5 тысяч человек. Позиция их была на участке Бесергеневская-Кривянская. В резерве обоих групп были дружины Кочетовская, Камышевская, Зотовская и др., расположенные в тылах и находившиеся в стадии формирования. На правом фланге Северной группы в сторону ж.д. линии Лихая-Белая Калитва была Донецкая группа полк. Быкадорова из станичных дружин Усть-Белокалитвенской, Ермаковской, Екатерининской, Усть-Быстрянской, Владимирской В. и Н. Кундрюческих - всего около 5000 человек. На левом фланге Южной группы была Задонская группа ген. Семенова, направленная в сторону ж.д. Ростов-Тихорецкая и Ростов - Торговая. В нее входили станичные дружины Егорлыцкая, Кагальницкая, Мечетинская и Хомутовская - всего около 3,5 тысяч человек.

В это время разведка штаба Походного Атамана установила поспешное продвижение огромного количества поездов с красной гвардией со стороны Лихая-Зверево на Ростов, возвращавшихся обратно пустыми. В Сулине и в Александровск-Грушевск усиленно проводилась добровольная и насильственная мобилизация рабочих на рудниках и заводах и в крестьянских поселениях. А у Зверево и Лихой были обнаружены признаки близкого присутствия немецких войск. Было известно также об их движении к Таганрогу.

По мнению Походного Атамана с имевшимися войсками в Южной группе можно было овладеть Новочеркасском в любой момент, но при сопоставлении всех имеющихся сведений, было ясно, что при создавшейся обстановке, Южная группа после занятия города попала бы в клещи огромных масс со стороны Ростова и Александра-Грушевска, что при не вполне устойчивом настроении станичных дружин, было угрозой не только нового очищения казаками столицы Дона, но и в таком случае, может быть, и крушением самой идеи борьбы за освобождение края. Поэтому у Походного Атамана напрашивался другой план: повременить со столь желанной ата-

кой Новочеркасска, а временно центр внимания перенести на Александровск-Грушевск. Поэтому он приказал полк. Денисову из его группы, для усиления Северной, передать Раздорский, Богаевский и Мелиховский пешие полки; полк. Быкадорову, после оставления им Усть-Белокалитвенской, выделить из его отряда В. и Н. Кундрюческие дружины под общей командой в.ст. Старикова и обеспечить ими не только правый фланг Северной группы, но и от возможного удара в тыл, в сторону Константиновской, а полк. Семилетову приказывает 15-го атаковать Ал.-Грушевск.

Наступление началось бодро и уверенно, право крыло, где были партизаны и полк Климова уже очистили ряд рудников, но на левом фланге, где были станичные дружины, с самого начала была заминка, а потом началась сумятица. В.ст. Балихин, общий любимец и гордость партизан, руководивший на левом крыле, увидев колебание дружин, бросился на перерез уже отходившему их левому флангу, чтобы задержать его и тем устранить уже начинавшуюся панику в дружинах, но был тяжело ранен и не успел переломить колебания мелеховцев, "сдавших" сначала на левом фланге, а потом заставивших этим и всю группу отойти. Раздорский полк отошел к Заплавам, богаевцы и мелиховцы - к себе в станицы (причем мелиховцы привели в свою станицу красных фуражиров и даже снабжили их фуражем и провиантом, за что позже получили кличку "хлебосолов"). А партизаны, обойденные с левого фланга, понесли большие потери, особенно семилетовские пешие сотни.

Неудача под Ал.-Грушевском не обескуражила ген. Попова. Он считал, что нервность и слабая устойчивость станичных дружин - дело поправимое и приказал войскам Северной группы снова готовиться к наступлению, взяв в свои руки "сколачивание" рассыпавшихся частей. Работа кипела и день и ночь. Обстановка улучшалась. Подходили новые подкрепления из станиц, но был острый недостаток патронов и снарядов. Патронов было всего 10000, а снарядов - 40 штук на орудие.

К 17 апреля стало известно о движении к Дону с Кубани Добровольческой Армии. 18 апреля прибыл от нее для связи донской партизан ес. Чеботарев.

А в Южной группе все велась пропаганда против Походного Атамана и всех участников Степного Похода, распространялись слухи, что ген. Попов и партизаны 12 февраля бежали из Новочеркасска, бросив все и вся на милость победителей, бросили раненых и золото. Шли они из штаба Южной группы и чтобы их пресечь, нужно было сменить весь штаб. Походный Атаман этого не делал по той же причине, по которой терпел и выходки Вр. Донского Правительства.

15 апреля командующий Южной группой прислал Походному Атаману рапорт в ультимативной форме, требуя особого отношения к Южной группе. 16 апреля - его новый рапорт, что "вверенная ему группа стала совершенна небоеспособна", что "Бесергеневский и Заплавский полки в стадии начала разложения", что "конница совершенна небоеспособна по своей трусости", что требуются новые части, которые могли бы "послужить примером повиновения и долга" и т.д.

17 апреля Донецкий отряд у ст. Тацинской, заняв Усть-Белокалитвенскую и разрушив мост через Белую Калитву, захватил около 5000 снарядов и до 200000 патронов, что внесло большую панику в красное командование. Походный Атаман принимая во внимание обстановку, приказал Северной группе занять исходное положение для новой атаки Ал.-Грушевска.

17-го же пароход "Венера", перевозивший из Раздорской в Константиновскую раненых, проходя мимо Семикаракорской, был обстрелян ру-

жейным огнем, а раненые, бывшие в станице, брошены в Дон. Ген. Попов был принужден послать в Семикаракорскую карательную экспедицию на пароходе "Вольный Казак", под командой полк. Косоротова.

Из Ростова в этот же день были доставлены сведения о существовании там подпольных антибольшевицких сил, могущих выступить в любой момент, и отдающих себя в распоряжение Походного Атамана. Ген. Попов немедленно отправил туда на моторной лодке распоряжение начать выступление только по его приказу, которое будет приурочено к атаке Новочеркасска, чтобы одним ударом захватить оба города. Но позднее выяснилось, что не-казачья часть этих сил, под руководством Добрынского, выступила в 10 ч. вечера на 20 апреля, не предупредив об этом станичные казачьи группировки. Ими были захвачены ростовский порт, почта, пароход "Киев", тральщик "Фиофанич", ледокол "Фанагория" и посыльный катер "Татарин". Но большевики быстро ликвидировали это выступление. Катеру "Татарин" удалось уйти в сторону Таганрога. На полпути бывшие на нем вышли на берег и присоединились к проходящему мимо отряду полк. Дроздовского. "Фиофанич" ушел в "Мертвый дон", оттуда одна часть восставших ушла на соединение с Добровольческой Армией, другая вернулась в Ростов и лишь несколько казаков пришли в Раздорскую. Всего из 500-600 человек выступивших, покинуло Ростов около 200 человек.

Среди них донская казачка Константиновской станицы Шура Гандукова, студентка Ростовского университета, которая немедленно поступила сестрой милосердия в Корниловский полк и была убита в первом же бою.

Ликвидировав это восстание, большевики разоружили "Союз Увеченных Воинов", милицию, произвели многочисленные аресты и расстрелы среди"казачьего центра", подпольной казачьей студенческой организации. В результате 2-хмесячная работа пропала даром и организованных антибольшевицких сил в городе не осталось. Но несмотря на неуспех восстания, оно внесло дезорганизацию в советские войска, часть которых ушла в Батайск и дальше, а часть в Нахичевань и на ст. Кизитеринка. Это обстоятельство позволило отряду полк. Дроздовского без особого труда вечером 21 апреля занять ростовский вокзал и дойти до центра города, броневик же кап. Нилова доходил до Нахичевани.

18 апреля, рано утром, Северная группа начала вторую атаку Ал.-Грушевска. Правая колонна сосредоточенным ударом смела красных и на их плечах ворвалась на первые рудники. Но левая колонна из Новочеркасского и Раздорского полков, под командой полк. Фицхелаурова, атаковавшая с юга Бурасовский рудник, подавленная артиллерией красных, начала поспешно отходить, совершенно оголив левый фланг Северной группы. Этим воспользовались большевики, тотчас развив ураганный огонь во фланг и по тылам семилетовцев. Высланный для парирования охвата Калмыцкий полк, не поддержанный артиллерией Семилетова, из-за отсутствия снарядов, не мог остановить нахлынувшую лавину красных. Группа Фицхелаурова отошла в Заплавы. Вторая атака Ал.-Грушевска сорвалась...

Эта неудача была компенсирована тем, что красные в этот день сделали вылазку из Новочеркасска и были на голову разбиты Южной группой под командой ген. Балабина и конными сотнями ес. Сафронова и сотн. Азарянского. Захвачено было до 5000 снарядов, около 200000 патронов и т.д.

19 апреля похоронили красу и гордость партизан в.ст. Балихина. В этот же день была разоружена Кочетовская дружина, усмирены и приведены в порядок дружины Мелиховская и Богаевская и усмирена станица Семикаракорская.

20 апреля из Задонской группы ген. Семенов донес, что Добровольческая Армия вошла в пределы Дона и бригада ген. А.П.Богаевского Донским Партизанским полком заняла Мечетинскую. В штаб ген. Деникина Походный Атаман послал для связи полк. Манакина. Северная группа полк. Семилетова с утра была дважды атакована красными у Мокрого Лога. Обе атаки были отбиты и было захвачено значительное количество снарядов, патронов и т.д. Потери Северной группы были незначительны, а красные на поле боя оставили множество трупов. Это очень подняло дух станичных дружин Северной группы и казаки стали поговаривать о необходимости овладеть Ал.-Грушевском ночной атакой.

Принимая все это во внимание, имея уже значительные запасы огнеприпасов, ген. Попов приказал Семилетову готовиться к третьей атаке Ал-Грушевска, а сам отправился в станицу Заплавскую, чтобы лично ознакомиться с настроением и состоянием войск Южной группы. Там, в ночь на 21-е, получил донесение своего н-ка штаба полк. Сидорина, что согласно докладу агента Особого Отделения вахм. Иванова, вернувшегося из Ал.-Грушевска, там после кровавой "бани" началось разложение: мобилизованные крестьяне и рабочие уходят из красной гвардии, уходят и проходящие эшелоны в сторону Ростова, в городе остается лишь местный гарнизон из горнозаводских рабочих, фронтовиков и местного населения. Сидорин просил Походного Атамана 21-го снова атаковать город при помощи некоторой части войск Южной группы, но ген. Попов, в силу совокупности всех данных, приказал "повременить" с новым наступлением на Ал.-Грушевск и 21-го приказал командующему Южной группой готовить его войска к атаке Новочеркасска.

В ночь на 22-ое полк. Сидорин донес Походному Атаману, что в Раздорской задержана моторная лодка с бежавшими из Ростова служащими порта, сообщившими, что город занят каким то офицерским отрядом и что немецкие части подходят к Ростову 22-го утром конные разъезды сотн. Азарянского и сотн. Гавриленкова, высланные к Новочеркасску, донесли, что они дошли до окрайн города, что красные по случаю наступающей Пасхи пьянствуют, охраны города почти нет и что много поездов уходят на Ростов. А вернувшийся из самого города агент Особого Отделения хор. А. дополнил, что, действительно, Ростов вечером 21-го был занят каким то офицерским отрядом, красные частично отошли в Нахичевань и ст. Александровскую, часть за Дон - в Батайск, и что для освобождения Ростова из Новочеркасска утром 22-го послано несколько эшелонов красной пехоты со значительным количеством орудий, конный полк, бронепоезд, два броневика и т.д. В силу этого Новочеркасский фронт сильно ослаблен, красное командование нервничает, чувствуя себя как в мышеловке, т.к. помимо общего положения на Дону, немецкие войска подходят или уже подошли к Ростову и Зверево. В силу этого пути отступления красным, не хотящих покидать ж.д. на Воронеж и Царицын, или за Дон, - через Ростов отрезаны.

Получив все эти сведения Походный Атаман приказал н-ку Южной группы полк. Денисову в 3 часа ночи на 23 апреля атаковать Новочеркасск, а н-ку Северной группы - оставив заслон против Ал.-Грушевска, партизанский отряд приблизить к правому флангу Южной группы фронтом на Персияновку, для усиления Южной группы - прислать в Заплавскую конный полк ес. Климова, а для символического участия партизан-степняков в атаке Новочеркасска, прислать в Заплавскую же конную семилетовскую сотню ес. Зеленкова и офицеров подрывников из юнкерского отряда. Но когда Походный Атаман попросил н-ка штаба Южной группы И.А.Полякова передать этот приказ в штаб Походного Атамана для передачи командующему Северной группой полк. Семилетову, Поляков заявил, что этого он

сделать не может, т.к. красные заняли в тылу Южной группы Мелиховскую, прервали телефонную и телеграфную связь с Раздорской, связи с Семилетовым тоже нет, и что сильные разъезды красных находятся между Заплавской и Раздорской. Иначе говоря, с "занятием" Мелиховской красными создавалась угроза тылу Южной группы, готовящейся к атаке Новочеркасска. Ген. Попов, чтобы не отменять атаки, послал из своей конвойной калмыцкой сотни несколько разъездов с распоряжением полк. Сидорину выслать требуемые части и ликвидировать красных, "занявших" Мелиховскую. Калмыки на всем своем пути не встретили ни одного красного разъезда и установили, что Мелиховская красными не занята и не занималась. Все сказанное И.А.Поляковым оказалось его фантазией. Уже в эмиграции он сознался, что обманул ген. Попова. Его обман не только вызвал задержку прибытия в Заплавскую назначенных Походным Атаманом частей из Северной группы, но мог и сорвать все наступление.

Меры, принятые ген. Поповым, позволили Южной группе всети атаку "без оглядки назад" и получить назначенные части для ее усиления. Они пришли усталые, но пришли во-время - до начала атаки. Сотня Зеленкова была назначена на правый фланг Новочеркасского полка, полк. Климов оставлен как резерв в распоряжении Походного Атамана, подрывники, в частности ес. Крюков, были назначены в левую группу, а пор. Кирсанов - в правую.

К 3-м ч. ночи на высоту у Кадамовских хуторов, недалеко от Персияновки, где был командный пункт, приехали командующий группой полк. Денисов, Походный Атаман с адъютантом полк. Кучеровым, штаб-офицером для поручений полк. В.А.Карповым, несколькими чинами Особого Отделения штаба Походного Атамана с полусотней калмыков из конвойной сотни ген. Попова с ес. П.Аврамовым. Ровно в три часа Походный Атаман зажег сигнальную веху для начала атаки Новочеркасска.

Еще с вечера 22 апреля конница полк. Туроверова была отправлена в обход Новочеркасска, с задачей содействовать его атаке, а с занятием города действовать в направлении Аксайской станицы, где наверобовав добровольцев, двигаться дальше на Ростов. Тогда же с вечера в Старочеркасскую была направлена "Донская флотилия" под командой партизана степняка лейтенанта Тарасенкова, состоявшая из "адмиральского" парохода "Вольный Казак" вооруженного 2-мя пушками и 6-ью пулеметами "Максима". (для "десантной операции" на нем было 200 человек "морской пехоты", часть которой были партизаны семилетовцы) и несколько катеров с пулеметами "Кольта". До рассвета "флотилия" укрылась за островом против Аксайской станицы. Тогда же на высоту хут. Мишкина и полустанка Александровский была выдвинута партия охотников для обеспечения левого фланга наступающих.

Когда атакующие части подошли к Новочеркасску, три конные сотни полка Климова выдвинулись в Хутунок, где обнаружили в казармах запасных полков значительные запасы огнеприпасов, которые немедленно были вывезены в Заплавскую. Другие три сотни полка Климова были выдвинуты к Кривянской, где укрылись в складках местности против Новочеркасского вокзала. К рассвету, послу упорного сопротивления в самом городе, Новочеркасск был взят казаками. К 8 ч. утра Заплавский и Бесергеневский полки прикрывали город со стороны хутора Мишкина, сотня Зеленкова - со стороны Грушевской, за Кадетским Корпусом, Богаевский полк и 6-й батальон - со стороны Персияновки, Раздорский и Мелеховский - со стороны хут. Большой и Малый Несветай.

Как только казаки заняли город, как по волшебству, загудели пасхальными перезвонами соборные колокола, а им стали вторить колокола всех церквей. Со всех сторон слышалось радостное "Христос Воскресе!

Жители, увидав, въехавшего в город через Троицкий спуск, Походного Атамана, приветствовали его криками "ура партизанам!". Т.к. среди партизан сотни Зеленкова было почти 90% жителей Новочеркасска, то он им позволил, строем, поочередно, по полусотне совершить прогулку по городу. Жители, видя знакомые лица и узнав место их стоянки - в Кадетском Корпусе - бросились туда, одни, чтобы повидать своих родных, другие, чтобы узнать о судьбе тех, кого с ними не было. На Атаманском Дворце, по приказанию Походного Атамана, был поднят русский национальный флаг.

Некоторые командиры полков, на радостях сравнительно легкого захвата города, и видимо полагая, что красные бежали далеко, с разрешения н-ка штаба Южной группы, отпустили своих людей "в отпуск по домам". В первую очередь это произошло в лучших полках - Новочеркасском и Кривянском.

В это время красные, установив у Новой тюрьмы артиллерию, открыли по городу огонь; 3 или 4 снаряда попали в купол Собора, и под прикрытием огня они стали накопляться значительными силами. А по городу, в это время, бродили кучки казаков разных полков и ни одного командира. Походный Атаман, проезжая по Московской улице, когда Платовский проспект и Дворцовая площадь осыпались гранатами красных, увидал около Торговых рядов одно орудие и около полусотни конных и пеших казаков. А командир одной из сотен Бесергеневского полка доложил ему, что в районе завода "Южная Бавария" неустойчиво и туда нужны подкрепления. Тут же "случайно" оказался артиллерийский офицер ес. Лобачев, которому Походный Атаман приказал взять брошенное орудие и присоединить его к орудию, стоявшему у Михайловской церкви, открыть самый жестокий огонь и сбить батарею красных, что у Новой тюрьмы, а командиру Бесергеневской сотни - взять казаков, находившихся у Торговых рядов и отвести их на угрожаемый участок у завода "Южная Бавария", обещая прислать еще людей, для сбора которых он проехал со своими офицерами ординарцами по Платовскому проспекту, где бродили группы казаков, и направлял их туда же. По телефону он приказал ес. Зеленкову с его сотней "прочистить" Краснокутскую рощу, а командиру своего конвоя, ес. Аврамову, бывшему в Военном Училище, с конвоем у двумя сотнями полка ес. Климова атаковать батарею со стороны кладбища. Батарея ес. Лобачева заставила красные орудия замолчать, а ес. Аврамов закончил дело, захватив красную батарею и пленных, в чем ему помог случайно подошедший из ст. Грушевской ее отряд. Положение было спасено.

Донская "флотилия" во взятии и удержании Новочеркасска тоже сыграла заметную роль: как только из Новочеркасска утром 23-го у Аксайской стали появляться бегущие эшелоны красных, флотилия вышла из-за острова и открыла по ним огонь, наводя панику не только на ж.д. линии у Аксайской, но и на комиссаров в Ростове, что заставило красного командующего войсками Молова приказать немедленно уводить поезда с "нижней" ростовской ж.д. линии в Батайск, на расстоянии 10 метров поезд за поездом. А появление "Вольного Казака" 24 апреля на виду у Ростова вызвало бегство оттуда многих частей красной гвардии, что облегчило и немцам и казакам взятие Ростова на 25 апреля.

В ночь на 24-е во Дворец к Походному Атаману со сторожевой заставы у Краснокутской рощи был доставлен "неизвестный", оказавшийся кап. Благовским - офицером отряда полк. Дроздовского, который сообщил, что с вечера 21-го до утра 22-го дроздовцы занимали Ростов, где потеряли свыше 100 человек убитыми и ранеными, и что сейчас отряд сосредоточен в селении Крым, и что полк. Дроздовский, узнав, что казаки

осаждают Новочеркасск, предлагает свой отряд в полное распоряжение старшего казачьего начальника. Ген. Попов немедленно отправил с кап. Благовским к полк. Дроздовскому офицера штаба Южной группы и предложил ему сосредоточить его отряд в Грушевской ст.

24 апреля в штаб Походного Атамана на автомобиле от полк. Дроздовского приезжали кап. Нилов и пор. Александров, которые получили от Походного Атамана подробную ориентировку и просьбу продвинуться в ст. Грушевскую, и нарисовали положение отряда Дроздовского.

24 апреля чинами Особого Отделения, по приказанию Походного Атамана, был арестован сапожник, член красного "Совета пяти", подписавший сотни смертных приговоров "контр-революционерам". По приказанию ген. Попова он подлежал военно-полевому суду. Однако, как позже выяснилось во дни Атаманства ген. Краснова, он по протекции н-ка штаба Донской Армии И.А.Полякова был освобожден из тюрьмы, а после оставления Новочеркасска в конце 1919 г. продолжал свою кровавую работу, подписав, вероятно, еще тысячи смертных приговоров казакам.

24 апреля по приказанию Походного Атамана, особой командой под руководством полк. Карпова, были осмотрены все поезда на станции Новочеркасск и ее товарные склады. Было обнаружено такое количество снарядов и патронов, что никто не ожидал. Было приказано все это вывезти в Арсенал. Кроме того, было обнаружено громадное количество награбленного красными добра. К нему были выставлены надежные караулы стем, чтобы в будущем, это добро передать в распоряжение Круга.

В этот же день красные делали попытки наступать на Новочеркасск со стороны Персияновки, но легко были отбиты. Несмотря на это, Походный Атаман приказал выдвинуть специальный отряд к Земледельческой школе.

Появилась в городе и небольшая группа донских партизан, участников Кубанского Похода Добровольческой Армии. Сведения о них, о прибытии на Дон отряда полк. Дроздовского и немцев быстро распространялись по городу и проникли в войска. Это значительно подняло дух казаков и вместе со взятием столицы Дона вселили в них веру в свои силы и конечную победу, и они считали совершенно необходимым вести борьбу до конечной победы. А в это же время командование Южной группой, в лице командующего и его н-ка штаба, уже 24 апреля предлагали Походному Атаману начать с большевиками "мирные переговоры", послав к ним делегатов. Походный Атаман не стал с ними обсуждать этого вопроса, а просто заявил: "Забудьте о переговорах, а если поднимите этот вопрос второй раз - предам военно-полевому суду." Этим ответом он нажил себе непримиримых врагов.

25 апреля с 10 ч. утра большевики, теснимые с севера немцами и восставшими казаками, желая через Ростов скорее пробиться за Дон, со стороны Персияновки повели наступление широким фронтом на Новочеркасск. Казаки держались нетвердо, некоторые части их стали отходить, все больше принимая направление на Заплавскую. В городе появились паникеры, штаб Южной группы посылает Походному Атаману панические сообщения о "грозности" обстановки и даже думает об эвакуации. Ген. Попов едет на командный пункт к Троицкой церкви и берет руководство боем в свои руки. Артиллерия, находившаяся вблизи Хутунка, вызывается в город и располагается в несколько ярусов, на спуске от Троицкой церкви, у артиллерийских казарм и по спуску Платовского проспекта с приказанием открыть самый убийственный огонь. Ес. Климову было приказано спешить свой полк и занять позиции вдоль ж.д., на насыпи, выставив все свои 20 пулеметов. Партизанскую сотню ес. Зеленкова и конную кривянскую сотню "укрыли" во дворе Арсенала. Наспех собранный офицерский отряд

под командой полк. Фарафонова уступом располагается за полком Климова. Полагая, что отряд полк. Дроздовского уже в ст. Грушевской, туда посылается сотн. Иловайский с приказанием отряду идти в Новочеркасск. Полк. Дроздовский, узна о положении у Новочеркасска, по собственной инициативе немедленно присылает конно-горную батарею, конный казачий дивизион ес. Фролова, сформированный в ст. Ново-Николаевской и пополненный в Таганроге и попутных станицах и кап. Нилова на броневике "Верный", обещая к вечеру привести в город весь отряд. Полк. Семилетову было приказано ударить конными партизанами в тыл красным, и пешими во фланг. Помимо всех принятых мер, город надежно обеспечивался разливом рек Тузлова и Аксая и единственным подходом к нему была узкая гать от Хутунка к единственному мосту.

К 2-м часам красные заняли Хутунок и солдатские казармы.

Батарея Дроздовского с прикрытием ес. Фролова заняла позицию у скакового поля и открыла огонь по резервам красных. Казармы были зажжены казачьей артиллерией.

Большевики стали подаваться назад. "Верный" их преследовал. Появление на фланге и в тылу обходной колонны Семилетова и преследование отходящих полком Климова, казаками Фролова и конными сотнями Зеленкова и Кривянской обратили отступление в неудержимое и беспорядочное бегство. Преследование продолжалось до Персияновки: "Верный" расстреливал красных "на выбор", казачья конница также "на выбор" их рубила. Разгром красных был полный, уцелевшие пробились через ст. Лихая на Царицын.

В этот же день немцы и казаки полк. Туроверова заняли Ростов, выслав свои авангарды к Батайску и Ольгинской станице.

Вступивший в Новочеркасск отряд полк. Дроздовского для успокоения населения прошел с музыкой по городу. Дроздовцы за время пребывания в Новочеркасске, за счет его населения, увеличили свой состав до 3000 человек. Когда в I-м Донском Округе, в районе Константиновской создалось неблагоприятное положение для казаков, то по просьбе Походного Атамана туда были направлены конно-горная батарея, казаки ес. Фролова и броневик "Верный". Они действовали в сторону Великокняжеской; там был убит ес. Фролов. После избрания Донским Атаманом ген. Краснова, дроздовцы ушли в Добровольческую Армию.

26 апреля Вр. Донское Правительство по прежнему без ведома Походного Атамана "решило" созвать Круг Спасения Дона 28 апреля, и в тот же день разослало сообщение об этом в станицы, хутора, дружины и полки. За два дня не только не могли приехать делегаты из далеких станиц I-го Донского, Донецкого и других Округов, но и само сообщение не могло попасть в эти Округа. Поэтому на Круге не были представлены ни только станицы занятые красными, но и большинство освобожденных станиц. В последний момент число делегатов пополнялось случайными людьми из жителей Новочеркасска, и из людей случайно оказавшихся в городе. Попытки ген. Попова мирно изменить дату созыва Круга ни к чему не привели, а крайних мер, в интересах борьбы с большевиками, он не находил возможным применить.

26 апреля Походный Атаман послал от Донского Войска делегацию в Ростов во главе с полк. Гущиным, в которую были включены и представители Вр. Донского Правительства с разведовательной целью, после чего 27-го было назначено посольство на Украйну для переговоров с Гетманским правительством и с немецким командованием. В его состав вошли от Вр. Донского Правительства И.Т.Семенов и М.А.Горчуков и от заместителя Войскового Атамана, т.е. от Походного Атамана ген. Попова, его н-к штаба полк. Сидорин и полк. Гущин. Кандидатура всех 4-х лиц из руково-

дящих деятельностью Вр.Донского Правительства была встречена недоброжелательно, но они приняли их, чтобы к моменту созыва Круга Спасения Дона "убрать" из из Новочеркасска. Позже, посольство и его задачи были утверждены Кругом Спасения Дона, т.е. были одобрены мероприятия Походного Атамана.

27 апреля в Новочеркасск приехал представитель Добровольческой Армии ген. Кисляков, предложивший от имени ген. Деникина передать командование всеми антибольшевицкими силами ему - ген. Деникину. Ген. Попов ответил, что при настоящих условиях, он этого сделать не может, а Вр. Донское Правительство и Круг Спасения Дона на то же предложение ответили, что все войска, находящиеся на территории Дона, должны подчиняться только Донскому Войсковому Атаману и в настоящее время его заместителю - Походному Атаману.

Но когда ген. Деникин, не предупредив донское командование, направил из Добровольческой Армии в Новочеркасск около 2000 раненых добровольцев, то несмотря на то, что в городе не было достаточно госпиталей и на требования командования Южной группы отправить этих раненых в Ростов, ген. Попов приказал их разместить в учебных заведениях, обращенных в госпиталя. И когда Добровольческая Армия отдыхала в пределах Дона, на ее содержание распоряжениями ген. Попова с 23 апреля по 3 мая из Донской казны было отпущено 6 миллионов рублей, а восставшие казаки, достаточно хорошо снабженные огнеприпасами и оружием, захваченными у большевиков, братски поделились ими с Добровольческой Армией.

26 апреля партизаны-степняки в Новочеркасске участвовали в параде по случаю освобождения города, а 28-го уже дрались с красными под Ал.-Грушевском, после занятия которого отводятся в Новочеркасск на заслуженный ими отдых. На этом фактически поход партизан заканчивается, но они еще служат Войску, неся в городе гарнизонную службу.

За отъездом на Украйну ген. Сидорина, н-ком штаба Походного Атамана с 26 апреля состоит ген. Денисов и с этого времени он же и руководил военными операциями, особенно в южных Округах, т.к. ген. Попов должен был организовывать Войсковую администрацию, налаживать отношения с Добровольческой Армией, с немецкими оккупационными властями и т.д.

В последних числах апреля начались восстания в калмыцких станицах: Ново-Алексеевской, Денисовской, Иловайской, Кутейниковской, Батлаевской под руководством ес. Тепкина, ес. Сельдинова, подъес. Шадманжинова, хор. Абушинова, Мусова и др. I-го мая от них в Константиновскую, к ген. И.Д.Попову, пробились хор. Абушинов и казак Шарапов, сообщившие, что восставшие станицы выставили по I-2 конные сотни и отдают себя в распоряжение Походного Атамана.

28 апреля в Новочеркасск стали прибывать делегаты "Круга Спасения Дона". Регистрация выяснила, что приехали только делегаты от частей, действовавших в Черкасском Округе и от станиц и хуторов только от части Ростовского Округа, и почти полностью от Черкасского и I-го Донского. На первом заседании Круга в 6 ч. вечера, по настоянию Походного Атамана, в число членов Круга были включены представители калмыцких частей, как представители Сальского Округа. I мая состав Круга был пополнен случайно приехавшим в Новочеркасск товарищем председателя "Союза казаков" 2-го Донского Округа Ивановым и представителями Новочеркасской Городской Думы Черевковым, Белявским и Колесниковым, и отдельными лицами, принимавшими то или другое участие в освобождении Дона. Однако, по настоянию председателя Вр. Донского Правительства, не были приглашены ни в число членов Круга, ни в ка-

честве докладчиков, такие фактические руководители казачьих восстаний как в.ст. Фетисов, сотн. Кузнецов, в.ст. Стариков, полк. Гусельщиков, полк. Быкадоров, ген. Семенов и др., также как и такие представители партизан-степняков как ген. Семилетов, ес. Слюсарев и др. Круг получился несколько однобоким и состоял главным образом из лиц угодных руководителям Вр. Донского Правительства и командованию Южной группы.

Свои заседания Круг Спасения Дона начал в составе 130 человек. Первым приветствовавшим Круг был Походный Атаман. Он же был первым докладчиком о положении на Дону, о целях и возможностях дальнейшей борьбы, о необходимости создания Донской Армии, о переговорах с немцами и Добровольческой Армией, о финансовом положении и т.д. 30 апреля по всем этим вопросам Круг вынес постановления: верховное командование всеми силами на территории Дона должно принадлежать Войсковому Атаману, а до его избрания его заместителю Походному Атаману ген. П.Х.Попову; были одобрены проэкты организации молодой Донской Армии с поручением Походному Атаману приступить к проведению их в жизнь; для разрешения финансового вопроса была избрана по предложению Походного Атамана особая комиссия, было поручено Походному Атаману произвести обязательную мобилизацию всех казаков присяги 1917-19 г.г. 31 апреля ген. Попов доложил Кругу, что к 1 мая вооруженные силы Дона насчитывают свыше 50000 человек, с достаточным количеством артиллерии и пулеметов, взятых с боя. Имеются аэропланы и речная флотилия. Территория Войска освобождена от красных более чем на 75%. 1 мая Походный Атаман подписал приказ о порядке формирования постоянной армии, о мобилизации определенных возрастов, об организации военного управления с прочно заложенным в основу его принципом - беречь войсковую казну, о реорганизации станичных дружин в полки, дивизии и т.д.

2 мая Круг приступает к разрешению вопросов организации Войсковой власти и выборов Донского Войскового Атамана. Ген. Попов на утреннем заседании, кратко высказав свою точку зрения, дальше не вмешивается в работу Круго и всего себя отдает проведению в жизнь его решений по вопросам борьбы с большевиками и организации Армии. К этому времени в Новочеркасск прибыл ген. П.Н.Краснов, который был приглашен председателем Круга Г.Яновым сделать доклад о будущей Донской власти. Еще до его приезда на Круге велась пропаганда в пользу его кандидатуры в Донские Атаманы и его сторонниками распускались слухи, что ген. Попов не желает баллотироваться в Атаманы. Сторонники кандидатуры ген. Попова, считая его бесспорно первым кандидатом, которому Атаманский пернач принадлежит по праву, даже не пытались вести пропаганду за него и даже не говорили с ним о возможности балотироваться. Большинство членов Круга отнеслось критически к проэкту Основных Законов и единоличной власти Атамана, как об этом высказался ген. Краснов 2 мая. И после того, как его сторонники открыто стали говорить, что ген. Попов не желает выставлять свою кандидатуру и поэтому необходимо принять условия предложенные ген. Красновым, только тогда сторонники ген. Попова спросили его - намерен ли он балотироваться в Атаманы, на что он ответил - нет, пояснив, что в такой ответственный момент, да еще при составе Круга в 130 человек, для авторитета будущего Атамана нельзя разбивать голоса. Тогда противники проэктов ген. Краснова устроили частное совещание 3 мая, пригласив обоих генералов. На этом совещании ген. Попов заявил: "Если в такой ответственный момент ген. Краснов берет на себя бремя единоличной власти - дайте ему ее и примите предложенные им законы, а если в будущем нам не понравятся ни Атаман ни законы, то Атамана выгоним, а законы изменим." Этим вопрос был исчерпан и громадное большинство голосов ген. Краснову было обеспечено. Закрывая собрание,

инициаторы его выразили пожелание, чтобы ген. Попов оставался бы Походным Атаманом. Ген. Краснов на это ответил: "Вы предвосхитили мои мысли, я как раз хотел просить об этом ген. Попова."

3 мая на вечернем заседании К.С.Д. закрытой балотировкой 107-ью голосами из 130 избрал Донским Атаманом ген. П.Н.Краснова, а 4 мая постановил "принять" Основные Законы, предложенные ген. Красновым.

В тот же день, в 2 часа дня, избранный Атаман назначил парад частям Новочеркасского гарнизона, но командующего парадом назначил не как следовало Походного Атамана, а н-ка своего штаба ген. Денисова.

5 мая на заседании Круга ген. Краснов объявил свой приказ о назначении заведующих Отделами Правительства В.В.Донского. Управляющим военным и морским Отделом и командующим Донской Армией назначался ген. Денисов. В другом приказе того же дня должность Походного Атамана упразднялась, а ген. Попов назначался генералом для поручений при Донском Атамане, в следующем параграфе сухо говорилось о расформировании партизанских отрядов и только. Об их боевых заслугах и не вспомнили. Круг правильно оценил значение этого приказа и в своем вечернем заседании, заканчивая сессию, вынес постановление: "Принимая во внимание боевые заслуги Походного Атамана Попова в борьбе с советскими войсками и тяжелые труды понесенные им на благо родного Дона, произвести Походного Атамана в генерал-лейтенанты".

Степной Поход был окончен. Ген. Попов, не получая от Донского Атамана по должности генерала для поручений никаких поручений, подал ему рапорт об отставке, каковую и получил.

О партизанах-степняках вспомнил Большой Войсковой Круг февральской сессии 1919 г., т.е. при Атамане А.П.Богаевском. Тогда Круг постановил: "В воздаяние воинской доблести и отменного мужества в боях и понесенных безмерных трудов и лишений во время Степного Похода наградить всех его участников знаком отличия Степного Похода - "Степным Крестом".

"Степной Крест" в пределах Дона был приравнен к статуту ордена св. Георгия. Носится он на георгиевской ленте. Кресты были номерные и 1-й был поднесен ген. П.Х.Попову на торжественном собрании, посвященном первой годовщине окончания Похода председателем Круга - В.А.Харламовым. Всего Степных Крестов было выдано оставшимся в живых к первой годовщине не много больше тысячи.

Крест за "Степной Поход" с 23 апреля 1919 г. по март 1920 г. получило 1236 человек. Следовательно, к 23 апреля 1919 г. партизан-степняков после окончания Степного Похода пало на поле брани за свободу Дона, умерло от ран и в мире скончалось свыше 1600 человек. За границу в ноябре 1920 г. уехало только около 400 человек. Следовательно, с 23 апреля 1919 г. по ноябрь 1920 г. при разных обстоятельствах семья партизан потеряла еще свыше 800 человек.

С первого года пребывания в эмиграции партизаны-степняки ежегодно совместно с участниками 1-го Кубанского ген. Корнилова и Дроздовского походов отмечали в начале февраля начало походов. Была отмечена и 50-тилетняя годовщина в Париже, совместно с другими казачьими организациями, также как и начало казачьих восстаний. К этой юбилейной дате никого из начальников отрядов в живых не осталось. На объявленную к этому времени перекличку партизан-степняков отозвалось 44 человека (24 во Франции, 4 в Германии, 1 в Бельгии, 2 в Канаде, 1 в Австралии, 1 в Израеле, 3 в Аргентине, 8 в С.Ш.А.). Есть предположение, что десяток лиц не отозвалось, следовательно к 50-ти летнему юбилею осталось в живых около 55 человек.

С первых дней эмиграции существовало Объединение Партизан-Степ-

с центром в Париже. В настоящее время его председателем, вероятно последним, является ес. А.П.Падалкин.

Итак, по перекличке к 50-й годовщине окончания Похода осталось в живых всего примерно 50 человек, рассеянных по всему миру. Скоро уйдут и они в другой мир, "где нет ни печали ни вздыханий", но память об их Степном Походе сохранится навсегда. Участниками его были люди всех возрастов и положений, от II-тилетнего мальчика-кадета до седого отставного генерала. Партизанская армия была всесословная, всеклассовая и беспартийная. На ряду с крайними монархистами были в ней и умеренные социалисты, как например члены Государственной Думы Аладьин или родной брат известного революционера-террориста Бориса Савинкова. Пройдут года, будет еще немало походов и боев, но история Степного Похода и его вождя ген. П.Х.Попова останется одной из самых светлых и славных страниц в истории Дона, где в каждой строке будет героизм, в каждом слове - страданья и под каждой буквой запекшаяся кровь, много крови, но никакой грязи.

Казачьи восстания на Дону явились основой борьбы с советской властью на Юге-Востоке России. В 3-хлетней борьбе с большевиками казаки дали в войска Вооруженных Сил Юга России 80% всего их состава. Бог не судил белому воинству победы над сатанинской властью, но общенародная борьба белых армий начатая по почину донских казаков спасла Европу от похода на нее в 1918 г. красной гвардии, которую готовили Ленин и Троцкий под лозунгом "грабь награбленное".

Как бы в настоящее время не был страшен большевизм, как бы ни была велика его сила, отношение к нему казачества остается попрежнему непримиримым.

А.Падалкин.

:-:-:-:-:-:-:-:-:

СТЕПНОЙ ПОХОД

(От Редакции: это стихотворение-песня было напечатано в одном из журнала "Донская Волна" в 1919 г. Имя автора осталось неизвестным, но известно, что им был полковник Ген.Шт. эпохи Атамана Каледина и написавший его в дни "сидения" на гауптвахте после 12 февраля 1918 г. Позже оно было дополнено автором. Пусть оно не блещет с точки зрения поэзии, но оно интересно упоминанием участников Степного Похода и их характеристикой современником).

Пусть наши внуки прославляют
Бои, сраженья и труды,
И партизан не забывают.
Алла-Верды, Алла-Верды.

Награды им совсем не нужны,
Они ведь все и так храбры,
Степные все отряды дружны.
Алла-Верды, Алла-Верды.

Везде шипят и зло клевещут,
Трусы хотят пожать плоды,
Ведь партизаны славой блещут.
Алла-Верды, Алла-Верды.

Кровь партизан ручьем бежала,
Поля, луга, пески, кусты,
Она повсюду обогряла.
Алла-Верды, Алла-Верды.

Поход свершен и слава Богу
Честь партизан и ран следы
Вот все, на дальнюю дорогу.
Алла-Верды, Алла-Верды.

Вот Чернецов боями славен,
Он сын кровавейшей поры,
Седых былин героям равен.
Алла-Верды, Алла-Верды.

Славнейший Атаман Походный,
И храбр и бодр, без сует,
Попов - казак донской природный.
Алла-Верды, Алла-Верды.

Стратег и тактик наш Сидорин,
Душа и ум степной борьбы,
Всегда спокоен, не задорен.
Алла-Верды, Алла-Верды.

Герой Похода - Семилетов,
Его хранит закон судьбы,
Он чист от всех наветов.
Алла-Верды, Алла-Верды.

Балихин - вождь стальной, упорный,
Пришел спасать Дон из беды,
Убит в бою у шахты Черной.
Алла-Верды, Алла-Верды.

Горячий Тацин, злой и смелый,
Кричит, ругает без нужды,
В огонь ведет рукой умелой.
Алла-Верды, Алла-Верды.

Вот неугомонный Слюсарев,
Без усов и бороды,
Ведет юнкеров впереди.
Алла-Верды, Алла-Верды.

А вот И.Д.Попов,
Ведет отряды калмыков,
А там и Яковлев лихой.
Алла-Верды, Алла-Верды.

Лихой монгол Мартынов,
Детей водитель Хорошилов,
А с ними и герой Бобров.
Алла-Верды, Алла-Верды.

Краса похода - Мамантов,
И Базавов уже старик,
А с ними Гнилорыбов.
Алла-Верды, Алла-Верды.

Каргальский - водитель Атаманцев,
Чернушенко - неугомонный, беспокойный
Гроза степей - Назаров бесподобный.
Алла-Верды, Алла-Верды.

Герой Астахов, Щукин с Неживовым,
Мелихов и Савинков - лихие пушкари,
И общественные деятели Араканцев и Аладьин.
Алла-Верды, Алла-Верды.

Зеленков, Долбихин, Греков и другие
Сомкнули стройные ряды,
Дмитровы с ними, все родные.
Алла-Верды, Алла-Верды.

Вот политическая часть отряда степняков:
Афанасьев, Падалкин, Акимов, Иванов
Ведут пропаганду и разведку среди казаков и большевиков.

Вот юные сестрицы милосердия,
Врачуют партизан,
Отдавая им заботы и усердия.
Алла-Верды, Алла-Верды.

Павшие в боях: Лысенко, Михин, Кожин,
Евсеев, Пашков, Фолимонов, Кутырев,
Леонтьев и другие - имена их легион
Алла-Верды, Алла-Верды.

Донцы, герои-партизаны,
Вы все родной Донской среды,
Пусть не щемят все ваши раны.
Алла-Верды, Алла-Верды.

Пусть тени славные восстанут,
Стяг Атамана впереди,
Пусть духом все сейчас воспрянут,
Алла-Верды, Алла-Верды.

XXX

(Упоминается артиллерист Савинков, родной брат известного социалиста-террориста Бориса Савинкова).

ЗЕМНОЙ ПОКЛОН.

Сестрам-первопоходницам.

Как же нам не помнить трогательно близких
В беленьких косынках с ласковым лицом,
Вас, порой склоненных на коленях близко,
Надо мной, над братом или над отцом.

Под огнем косящим вы в цепи идете
Лишь с одной защитой - на груди с крестом,
В темноте на поле раненых зовете,
Клонитесь над ними с марлевым бинтом.

Милые, родные, сестры дорогие,
Как забыть Карпаты и Кубань и Дон?
Верным, благородным дочерям России,
Вам, неустрашимым, наш земной поклон.

Николай Евсеев.

(От Редакции: стихотворение это было прочитано автором на одном из обедов участников первых Походов и посвящено сестрам милосердия I-го Кубанского, Степного и Дроздовского Походов).

:-:-:-:-:-:-:-:-:-:-:

ХАРАКТЕРИСТИКИ НАЧАЛЬНИКОВ ДОНСКИХ ПАРТИЗАН.

"Чернецов - это донской "Иван-Царевич". Его феерическое время и его легендарные деяния должны быть описаны красками и образами эпохи, но не сухим пером повествователя-историка."

К.П.Каплыгин.

"Чернецов - метеор в истории, вихрь экстаза, порыв степного ветра, дальний шопот седого ковыля. Чернецов то же, что стихотворение в прозе для литературы."

"Семилетов - глава из истории восстания станиц на Дону против кровавого тумана. В нем мало поэзии но много житейской прозы, из которой куются счастливые будни.

Партизаны Семилетова - за пазухой у хорошего интенданта, за широкой спиной партизанского Ивана Калиты, собирателя сил живых на защиту Дона."

"Федор Назаров - молчаливый и угрюмый рыцарь. Степи донские знают его, знают юноши и старики. О нем не поют песен, но все его знают. Его биография - живой упрек левым, мнившим партизан как детей из дворцов и палат. Его молитва - за волю и правду."

"Сотник Греков - "Белый Дьявол" в грязноватой белой папахе, сек как лунь от контузии, с грудью - решетом от вражеских пуль. Беженец из Майн-Рида. Кубанец [illegible]ова. Греков - Черне-

цов для младшего возраста."

В.Севский.

"Курочкин - гроза нерадивых и трусов. Он образец исполнительности в затишье и отваги в бою. Чернецов говорил о нем: "Он моя правая рука, с ним я всегда побеждаю." А партизаны говорили о нем: "С Курочкиным не пропадешь, один всего отряда стоит."

А.Двухтенов.

"Р.Лазарев - после смерти Чернецова - наследник его обояния... Во время восстаний он старался быть изюменкой восстания. В семье донских партизан у него свое "Романово" место. Чернецов - это изящное стихотворение, Семилетов - разум в степях, а Р.Лазарев - казачий Еруслон Лазаревич, пестрый, народный. Громоздкий, широкий в кости, он так и просится на широкую, привольную строку былины."

Н.К.

"Мартынов - один из способнейших организаторов партизанских отрядов. Недаром он был одним из первых организаторов партизанских отрядов на германском фронте в дивизии ген. П.Н.Краснова. "Бесстрашный монгол" как его называли.

И.Н.

"Мамантов - был природным вождем. Таковым его считали те, кого он водил в бой, кем управлял. Поэтому, когда настали дни пробуждения и Суворовская станица подняла знамя восстания, казаки вспомнили "своего" Мамантова и послали к Походному Атаману просьбу назначить им Мамантова командующим.

Мамантов понял казаков, а казаки познали в нем "своего".

Мамантов, прибыв в Нижне-Чирскую станицу, кликнул клич "казаки на коня!" и повел борьбу на знакомом уже ему фронте."

М.Нератов.

"Ген. Сидорин - когда не воюет учится и работает. Корпус ген. Ирмона, где Сидорин состоит н-ком штаба, обошел все фронты и не раз спасал положение. Имя Сидорина не называли в газетах, но его знал весь корпус. В дни "похода" Каледина на Ростов Сидорин - рядовой в рядах дружинников. Его замечает Атаман Каледин и после "похода" берет его н-ком своего полевого штаба. И Сидорин дни и ночи просиживает в Атаманском Дворце, в маленькой комнате полевого штаба. "Сидорин в штабе - все" говорил о нем Каледин.

Он не герой, как их рисуют на батальных картинах, но если на войне есть свои Станиславские, свои режиссеры художественной борьбы, то Сидорин режиссер - Станиславский донской борьбы."

В.С.

Выдержки эти взяты из трудов, печатавшихся в "Донской Волне". Такого рода выдержек с характеристиками н-ков партизан можно было бы привести много и о других, но ограниченность размера журнала не позволяет этого сделать.

А.Падалкин.

:-:-:-:-:-:-:-:-:

ИЗ СТИХОТВОРЕНИЯ М.БОРЕЦКОГО "КОВЫЛЬНЫЙ СКАЗ".
("Донская Волна" № 29)

Пройдут года... Струящийся ковыль,
Седой волною играя по степи могучей,
На струнах ветра в серебре созвучий,
Чудесную расскажет внукам быль,
Услышат все ковыльный сказ певучий...

Святую быль... О том, как Тихий Дон
На зов поруганной, поверженной России
Водил на смерть свои полки лихие,
Врагами сам, как тучей, окружен.
.....

То не тюльпанов, пламенных цветов,
Лилося по степи пурпуровое море,
То, Тихий Дон, на всем твоем просторе
Алела жарко кровь твоих сынов.

:-:-:-:-:-:-:-:-:-:-:

ПОСЛЕ СТЕПНОГО ПОХОДА. В ЭМИГРАЦИИ.

Выйдя в отставку, ген. Попов поселился в скромной квартире на Ермаковском проспекте. Редко принимал участие в общественной казачьей жизни, однако квартира его была местом паломничества казаков и любившей его казачьей интеллигенции, и бывших его партизан, и казаков из станиц. К нему шли не только просто поговорить, но шли за всякими справками и советами. Тянулась к нему и "пишущая братия" во главе с В.Севским. В кругу его близких, квартира его стала называться "справочное бюро", а сам он "консультантом по всем вопросам".

Он живо интересовался ходом борьбы с большевиками и всеми общественно-политическими событиями, но никто не слышал от него критики нового донского командования только для критики. Но когда появились слухи о попытках Атамана Краснова вступить в переговоры с большевиками, он не скрывал своего отношения к этому вопросу.

То ли это обстоятельство, то ли бесконечные паломничества к нему, вызвали то, что штаб Донской Армии установил слежку за его квартирой и даже сделал попытку его ареста. Он прогнал "соглядатаев" и пришедших для его ареста, предупредив их, что в другой раз он поступит с ними иначе. А к моменту созыва Большого Войскового Круга августовской сессии, он, избранный член Круга от Новочеркасской станицы, выяснил, что штаб Донской Армии готовится его арестовать и выслать из пределов Дона. Он, возмущенный этим, позвонил председателю Донского Правительства ген. Богаевскому, прося умерить пыл инициаторов его ареста, предупредив, что он член Круга и стреляет метко. Ген. Богаевский принял соответствующие меры и вопрос на некоторое время был исчерпан.

В это время на защиту П.Х., по инициативе певца славы и героизма донских партизан - редактора журнала "Донская Волна" - В.Севского, казака Константиновской станицы Краснушкина, подняла свой голос "казачья общественность". Севский был подвергнут штабом Донской Армии домашнему аресту с угрозой закрытия журнала и высылки его самого из

пределов Войска. Казачья общественность отстояла журнал и Севского, а в их лице и П.Х.

26 мая 1918 г. П.Х. организовал перевозку тела полк. Чернецова из хут. Гусева и его торжественные похороны в Новочеркасске, посвятив его памяти большую статью в местной газете.

Несмотря на "неприязненное" к нему отношение нового командования, когда ген. Семилетов, ген. Сидорин и другие повели открытую публичную пропаганду против германофильской политики Краснова, П.Х. написал им всем письма, укоряя их за то, что они этот вопрос "вынесли на улицу" и требовал прекратить это безобразие.

Во время работ Круга августовской сессии, П.Х. неизменно выбирался почти во все комиссии, создаваемые по разным вопросам, всегда старался сдерживать их членов от крайностей.

Чтобы сохранить память о Степном Походе он намерен был организовать Союз Партизан-Степняков, чтобы собрать материалы о Походе в одном месте, т.е. в Союзе, и для целей взаимопомощи. Однако эта его идея не встретила сочувствия Атамана Краснова и организация Союза была воспрещена. Но он неоднократно выступал в защиту партизан-степняков.

В февральскую сессию 1919 г. П.Х. также член Войскового Круга. К этому времени красные подходили к Новочеркасску, положение было настолько критическое, что члены Круга на частном совещании решили, не ожидая открытия Круга, командировать в Екатеринодар и к Кубанскому Правительству члена Круга, который сумел бы побудить последних оказать помощь Дону войсками и немедленно. По мнению совещания, способным сделать это был только ген. Попов, который выехал в Екатеринодар во главе делегации и уже на другой день телеграфировал президиуму Круга, что помощь обеспечена, а 2 февраля просил президиум Круга озаботиться посылкой в Екатеринодар пустых ж.д. составов для перевозки войск.

Вернулся с Кубани П.Х. 6 февраля, т.е. тогда, когда новый Донской Атаман ген. А.П.Богаевский при выборе председателя Донского Правительства предложил Кругу двух кандидатов: Н.М.Мельникова и П.Х. Попова. Н.М.Мельников снял свою кандидатуру в пользу П.Х.Попова, кандидатура которого была принята почти единогласно и в тот же день Атаман Богаевский подписал приказ о назначении ген. П.Х.Попова председателем Донского Правительства и Министром Иностранных Дел. Эти посты П.Х. занимал с 7 февраля по 18 сентября 1919 г.

15 февраля Атаман Богаевский заболел сыпным тифом и ген. Попов вступил в исп.об. Донского Атамана и исполнял эти обязанности свыше трех месяцев, т.е. в самое критическое время для Дона.

Т.к. Донской Атаман согласно конституции являлся и главой Армии, то П.Х., как его заместитель, отдавал немало времени и ей, состав которой к этому времени упал до 15000 человек, красная же армия в это время насчитывала до 90000.

Новый командующей Армией ген. Сидорин, т.е. бывший н-к штаба Походного Атамана, неотказавшийся от принятия в свои руки этой должности в такие тяжелые дни, приступил к энергичной работе по закреплению положения на Донце, а ген. П.Х.Попов всячески помогает ему и его штабу в этом отношении.

Тогда, по инициативе П.Х., были организованы или вернее возрождены донские партизанские отряды: семилетовский, чернецовский, Дудаковский, Студенческая боевая дружина и др.

Кадрами для их формирования явились партизаны участники Степного Похода и I-го Кубанского. Командные должности в них заняли офицеры-

партизаны участники этих походов: ес. Брыкин, ес. М.Попов, ес. Д.Артемов (командовавший некоторое время чернецовцами после смерти ес. Брыкина) и многие другие.

Первыми на фронт были брошены семилетовцы и студенты, которые отличились в боях у ст. Лихая и у станиц Морозовская и Каменская.

Позднее эти партизанские отряды составили партизанский корпус под командой ген. Семилетова, который показал чудеса храбрости у ст. Репная.

Организаци партизанских отрядов, брошенных на фронт в критические моменты, позволила донскому командованию привести в порядок отходящие части Донской Армии. А последние, зараженные порывом партизан, воспрянули духом и восстановили свою боеспособность.

19 февраля красные пытаются овладеть Новочеркасском со стороны Каменской станицы, ген. Попов с ген. Сидориным выезжают на угрожаемый участок, где они совместно личным присутствием воодушевляют Армию и дают первый отпор красным. Этим отход Донской Армии фактически был окончен и началась новая эра борьбы, в которой П.Х. принял непосредственное участие. Между 6 и 22 марта он с ген. Сидориным присутствует на участке Мигулинская-Великокняжеская.

В начале апреля, когда красные выдвинули конницу Буденного и Думенко для выхода на линию Торговая-Ростов на Дону, П.Х. "тот самый Попов - как пишет Буденный - что зимой 1918 г. вел борьбу с красными отрядами в Сальском Округе" с ген. Сидориным встречает эту красную конницу у хутора Золотарева Богаевской станицы. 20 апреля противник выдвигается на линию Егорлыцкая-Мечетинская-Кагальницкая, чтобы захватить Ростов. Ген. Попов снова на фронте, где также совместно с ген. Сидориным, руководит операциями и просит ген. Деникина помочь Донской Армии. Подходит Кавказская Армия, продвижение красных остановлено.

Полковник Добрынин в своей книге об операциях второй половины февраля, марта и апреля 1919 г. пишет: "образец умелого использования Донским командованием слабых сил для того, чтобы бить противника по частям, образец умелого маневрирования". К руководству этим маневрированием приложил руку ген. П.Х.Попов.

По вступлении в должность председателя Правительства, П.Х., как член Круга, был им избран председателем комиссии по обороне Войска и принимает энергичные меры восстановления Армии: производит чистку тыла от громоздких и ненужных учреждений и управлений и т.д.

Когда в марте и апреле в Новочеркасске были слышны орудийные выстрелы и когда там вновь появились "нейтралисты" и началось бегство из города, ген. Попов издал приказ, запрещающий выезд из города без уважительных причин. "Шептунам" о необходимости "замирения" пригрозил преданием суду. Как председатель комиссии по обороне и как заместитель Атамана, он рекомендует Командующему Армией отказаться от громоздкой и несоответствующей числу казаков в боевой линии, организации вооруженных сил, разделенных на три армии. Свести эти армии в корпуса, не считаясь ни с какими неудовольствиями старшего командного состава.

17 апреля ген. Попов, несмотря на тяжелое положение на фронте, как временный заместитель главы Войска, с большим достоинством принимает в Новочеркасске англо-американскую миссию ген. Бригса. Объезжая позже с миссией фронт, он показывал ей не парадную сторону, а те разрушения, что несут большевики и тот героизм, который проявляют казаки за свои курени.

Всю деятельность ген. Попова на должности председателя Донско-

го Правительства и министра иностранных дел и вр. заместителя Атамана перечесть в небольшом труде невозможно, но нужно отметить, что он придавал большое значение новому оружию - пропаганде, помогая кому нужно советами и знанием этого дела. И именно поэтому полк. Добрынин отмечает, что в 1919 г. "огромную помощь войскам оказала правильно налаженая пропаганда".

Когда с продвижением Добровольческой Армии на Украйну следом за ней шли помещики, приступавшие к восстановлению своих"законных прав", ген. Попов выразил свое мнение Особому Совещанию при ген. Деникине и ему лично, о недопустимости таких вещей. Также он протестовал против системы "хождения по мукам", применявшейся в "реабилитационных комиссиях" Добровольческой Армии для офицеров служивших в красной армии.

Когда его, как председателя Правительства, посетил сербский посланник Ненайдич, он поднял вопрос о возможности помощи Дону Сербией. Ненайдич, считая это возможным, находил, что нужно послать делегацию к Королю и в Скупщину (парламент) и обещал со своей стороны всестороннюю помощь. О том же он говорил и с болгарским полк. Калаксызовым. Для "разведки на местах" ген. Попов отправил в Сербию черногорца новочеркасского коммерсанта Скулича, женатого на казачке, а в Болгарию - участника Шипкинских боев ген. Пономарева. Когда же об этом стало известно Особому Совещанию, ген. Деникин отказал в праве Донского Правительства вести эти "сепаратные переговоры".

Примерно тогда же П.Х. получил с "оказией" письмо из Польши от своего бывшего юнкера ес. Яковлева, сообщавшего о намерении маршала Пильсудского "помочь красной армии, побить белую армию" путем "топтания на месте". Об этом П.Х. сообщил ген. Деникину, но был намерен предложить Пильсудскому заключить между Доном и Польшей "оборонительный союз", рассчитывая, что этим заставит поляков вести наступательные действия. Но и тут ген. Деникин воспротивился "сепаратным" переговорам и послал в Польшу своего представителя. Тогда же ген. Попов восстановил связь с правительственными и военными кругами Чехии через чеха чиновника Ездика. И тут ему была обещана помощь Дону, но послать туда своих представителей он не имел возможности. Это был период блестящих успехов на фронте и ген. Попов, чтобы не вступать в открытую борьбу с ген. Деникиным, вынужден был покинуть посты председателя Донского Правительства и Министра Иностранных Дел.

Еще будучи председателем Донского Правительства, он был горячим сторонником создания Юго-Восточного Союза, т.к. считал, что казаки составляют главные силы в борьбе с большевиками, что судьба всего российского дела решается на казачьих землях и поэтому казачество имеет право, чтобы им не только командовали, но и считались с его законными желаниями. Он считал, что для пользы общего дела в этот Союз нужно привлечь не только казаков и горцев, но также Ставрополье, Крым и Новороссию.

Уйдя с поста председателя Правительства, П.Х. работает во многих комиссиях Войскового Круга и заботится о партизанах, разрабатывая проэкты памятников на месте гибели Чернецова, на Курьячей Балке и на новочеркасском кладбище, на партизанском участке, собирая на это средства, так и исторические материалы по истории партизанского движения. Как средства, так и документы передавались им в Союз Партизан-Степняков. Но оставление Новочеркасска в конце 1919 г. не позволило осуществить его идеи, собранные же средства из-за болезни казначея Союза остались в Новочеркасске, а архив Союза пропал уже в эмиграции.

Во второй половине октября 1919 г. положение на фронте резко изменилось к худшему и в Черкасском Округе появились значительные группы беженцев из северных Округов. Кругом была создана особая комиссия под председательством П.Х. для организации им помощи. Ближайшим его сотрудником и помощником был писатель Ф.Д.Крюков, который во время одной из своих поездок к беженцам заразился тифом и от этого умер.

В это время снова, как весной, нависла угроза занятия столицы Дона большевиками. Войсковой Круг вновь вспомнил ген. П.Х.Попова и, приняв решение об организации особой армии для защиты Новочеркасска, командующим этой армией назначил П.Х. а н-ком штаба ген. Бондарева. Командующий В.С.Ю.Р. ген. Деникин не допустил ее формирования и штаб ее был расформирован в станице Ольгинской.

По оставлении Новочеркасска ген. Попов был назначен Атаманом Богаевским в Новороссийск для организации там эвакуации заграницу больных, раненых, семей, учебных заведений, Войскового Музея, областных архивов, казначейского запаса, серебра и т.д.

Почти одновременно с этим, собравшийся в Екатеринодаре Верховный Обще-Казачий Круг, договорившись с Главнокомандующим В.С.Ю.Р. об образовании Южно-Русского правительства, предложил ген. Попову занять там пост Военного Министра. Но он отказался после совещания с Донским Атаманом, Правительством и Кругом. Также отказался он, как и ген. Сидорин, когда на Верховном Круге и на Совете Атаманов поднимался вопрос об объединении войск казачьих Армий в одну обще-казачью армию, и первым кандидатом на роль командующего считался ген. Попов. Свой отказ они мотивировали тем, что эта мера уже запоздала.

В январе 1920 г. П.Х. приступил к эвакуации заграницу всего ему порученного, войдя в контакт с дипломатическими и военными миссиями Франции, Англии, Италии и других стран, с которыми должен был договариваться о предоставлении перевозочных средств, о возможности размещений в их странах, о содержании эвакуируемых. Особое внимание он встретил, по старому знакомству, у югославянского посланника Ненайдича, при помощи которого, в первую очередь, на пароходе "Афон" в Югославию были отправлены воспитанницы Донского и Харьковского институтов.

Второй партией, на английском пароходе "Ханнокер" были значительная группа раненых, женщин и детей, отправленных на Принцевы острова, и Донской Кадетский Корпус с директором ген. А.В.Черячукиным, уехавшими в Египет.

Третьей партией были остатки кадет, часть больных и раненых, часть казаков беженцев, отправленных на пароходе "Иртыш" в Югославию.

Четвертой - главным образом больные, раненые и часть беженцев, отправленные в Румынию на пароходе "Колыма".

Всего им было отправлено из Новороссийска около 10 партий на острова Мраморного моря, на Лемнос, в Сербию, Болгарию, Грецию. В Константинополь были отправлены ценности Музея и областного архива, запас серебра казначейства и некоторые запасы зерна и табака. Когда главная масса скопившихся в Новороссийске была эвакуирована, П.Х. был назначен Донским Атаманом его представителем на Константинопольский район и на Балканы, где он должен был ознакомиться с размещением эвакуированных, их питанием и общим положением и т.д. Объехав Сербию, Болгарию и Румынию, П.Х. поселился в Константинополе, где сделал все, что мог, чтобы отправить в Новороссийск для общей эвакуации наибольшее количество судов. В Константинополе, с поездками на Балканы он находился до июня 1920 г., за это время добился от союзного командования улучшения питания, организации медицинской помощи и обеспечения

особым питанием детей, стариков и больных.

Находясь в Константинополе, он внимательно следил за событиями в Крыму и в особо важных случаях "подавал" свой голос. Когда англичане предложили свои "услуги" для заключения мира между казаками и большевиками и вели в этом направлении пропаганду, ген. Попов, как представитель Донского Атамана подал свой протест против "нечеловеческого" посредничества. Когда ген. Врангель предал суду ген. Сидорина, П.Х. послал ему письмо с указанием, что ген. Сидорин, как назначенный на должность командующего Донской Армией по представлению Донского Войскового Круга, подлежит его суду. Когда из Крыма стал готовиться "Назаровский десант" казаков на Дон, П.Х. писал в Крым, что это авантюра, которая погубит тысячи казаков. Так и вышло - погиб десант, свыше 1000 человек и из-за него на Дону до 3000 людей.

Как представитель Донского Войска он очень помог военному агенту ген. Врангеля при хлопотах о перевозки из Польши в Крым казачьих частей ген. Бредова и в частности 42-го Донского казачьего полка и донской батареи.

Когда в Крыму, в с. Астраханка, инспектор Донской Армии ген. Топилин был захвачен и расстрелян большевиками, П.Х. был вызван в Крым и получил предложение Атамана Богаевского принять пост, но он, зная положение Армии, и что инспектировать нечего - отказался. После этого был назначен генералом для поручений в распоряжении Донского Атамана.

За некоторое время до эвакуации Крыма, когда вопрос об этом был решен, ген. Попов был снова командирован Донским Атаманом в Константинополь, чтобы там, на месте, с союзным командованием наладить прием и размещение донских воинских частей и беженцев. 10 ноября, прибыв в Константинополь, он немедленно вошел в контакт с союзными властями, указав, что покинуть Крым могут до 50000 донцов, половина которых будут беженцами. Союзное командование не ожидало такого количества донцов и было принуждено пересмотреть свои планы расселения. В начале предполагалось разместить Донской Корпус на Лемносе, но П.Х. настоял на поселении его в Турции. Осмотрев предложенный Чаталжинский район и найдя его состояние довольно плачевным, он просил союзное командование и Международный Красный Крест хотя бы примитивно оборудовать будущие жилища казаков. Но сделано было очень мало: привезено некоторое количество соломы. Некоторое количество людей было намечено для отправки в Болгарию, Сербию, Грецию, Румынию и на острова Мраморного моря.

С прибытием из Крыма неожиданного количества людей, все планы союзного командования оказались нарушенными и П.Х. пришлось "отвоевывать" места для донцов, места уже ранее намеченные, что не всегда удавалось. Однако, удалось, как было намечено, отправить, в первую очередь в Югославию оставшихся в Крыму донских кадет с полк. Бабкиным и с педагогическим персоналом и группу донских беженцев с ген. Рудаковым в 400 человек на пароходе "Сиам". Всего в первый день в Югославию было направлено 1730 человек. 29 ноября в Болгарию, на пароходе "Трувор", им были отправлены значительная группа беженцев и членов Круга с заместителем председателя Круга Гнилорыбовым и в Румынию, на пароходе "Витим", группа беженцев, имевшая во главе члена Круга ген. Н.В.Черячукина, в Грецию группу казаков беженцев с ген. Алпатовым в 350 человек. На другой день туда же были отправлены значительная группа больных и раненых донцов с ген. П.К.Писаревым. Тогда же значительная группа беженцев, Атаманское Военное Училище, запасной пеший полк ген. Бородина были отправлены на Лемнос. Много беженцев было

расселено в Константинопольском районе, а Донской Корпус в районе Чаталжи. Для учета расселенных, организации их жизни на местах, П.Х. было поручено объехать страны расселения. Поездка его продолжалась около двух месяцев. Всюду он советовал не сидеть "на чемоданах", но устраиваться крепко и надолго, не рассчитывать на войсковые пособия, а проявлять настойчивость, энергию, инициативу для своего устройства. 26 января 1921 г. он выступил с большой речью на заседании членов Круга против большевизанствующих требований "демократической группы" Гнилорыбова. Большая часть членов Круга разделяла точку зрения ген. Попова и в результате группа Гнилорыбова демонстративно покинула зал заседания. Пришлось П.Х. столкнуться с пропагандой крайне правых казаков о необходимости перевыборов нового Войскового Атамана, против чего П.Х. всегда боролся.

В апреле 1921 г., когда был создан Объединенный Совет Дона, Кубани и Терека, П.Х. назначается его представителем в Софию. Там ему сразу пришлось столкнуться с левыми элементами казачества, положение его осложнялось тем, что в Болгарии было левое земледельческое правительство, работал Украинский Красный Крест, призывавший к возвращению в С.С.С.Р., склоняли к этому казаков и болгарские коммунисты и большевицкие провокаторы. Не имея никаких средств бороться с этим злом, П.Х. первое время мог использовать лишь личные беседы с казаками и улучшение условий их существования. Он добился от болгарского правительства для казаков права свободного передвижения и бесплатного проезда на ж.д., поддержки неимущим из Русского Красного Креста и т.д. Многих казаков устраивал на работу. Позднее он организовал непериодическое издание газеты "Казачье Слово".

Когда стал намечаться перевоз казаков в Болгарию с Лемноса, а в то время в Болгарии еще было неприязненное отношение к русским, как к врагам по войне 1914-18 г.г. П.Х. поместил ряд статей в болгарской прессе об освободительной войне 1877-78 г.г., о роли казаков в ней, об участии казаков-добровольцев в Болгарской армии в 1912 г. По его просьбе писали в газетах и видные болгарские общественные деятели, указывая на необходимость оказать приют русским беженцам вообще, и казакам в частности. Прочел он и ряд лекций в больших городах о войне 1877-78 г.г., подчеркивая при этом, что в этой войне приняли участие 53 донских полка и 24 батареи, что казаки этих частей вывезли из Болгарии сотни брошенных болгарских детей, которых выростили и воспитали, и что сейчас эти дети, или их дети, как донские казаки нуждаются в приюте. Все это дало известные результаты в перемене отношении болгар. В местах большого скопления казаков он организовывал детские школы, доставая учебные пособия через Всероссийский Земский Союз, организовал Казачью Вспомогательную Кассу, основой которой были 3000 турецких лир, отпущенных Донским Атаманом, доставал ссуды для обзаведения собственных хозяйством, устраивал студентов на стипендии В.З.С.

По его же инициативе в Болгарии был организован Союз Донских Инвалидов и первые средства на содержание которого поступили через него от Донской казны. Был устроен, вероятно первый на чужбине, инвалидный дом на Шипке. По поручению Атамана созывает в Пловдиве первый эмигрантский Донской Казачий Съезд, на котором он и председательствует.

Состоя представителем О.С.Д.К.Т. в Болгарии, одной из забот П.Х. было расселение казаков станицами, хуторами или артелями. Он считал это необходимым для достижения их организованности и для облегчения связи с ними в целях осведомления и борьбы против разлагающей пропаганды демагогов и большевиков.

Первая станица была организована им лично в Дольна-Ореховица, которая после его отъезда во Францию была названа станицей имени По-

ходного Атамана ген. П.Х.Попова.

С переездом Донского Атамана и правительства в Болгарию, представительство О.С.Д.К.Т. было упразднено и П.Х. выходит "в отставку". Одно время служит на сахарном заводе и, одновременно, как хорошо знающий Болгарию и имеющий связи среди болгарской администрации, по приглашению русских финансистов, занимается разработкой организации предприятия по эксплуатации недр Болгарии. Предприятие начало работать в Родопах, но через полгода в силу слишком больших эксплуататорских тенденций "общества", П.Х. с ним разошелся и переехал во Францию. В Париже он сразу получил предложение от бывшего Наказного Атамана гр. Граббе принять участие в организации "Обще-Казачьего Объединения" для оказания помощи казакам для переезда во Францию и их устройства на работу. Был там выбран секретарем, но как только Объединение перешло с гуманитарной на правую политическую деятельность и стало в оппозицию Донскому Атаману, ген. Попов оттуда вышел и уехал в г. Канн в Кальвадос. Там открыл школу шоферов, но вскоре по просьбе казаков переехал в Кнютанж (Мозель), где организовал кооперативный гараж, с ремонтной мастерской и школой для шоферов. После ликвидации "предприятия" в Кнютанже, П.Х. переехал в Париж, где научился поварскому делу, одно время работал поваром у Великого Князя Бориса Владимировича. В 1928 г. он уехал в Америку, где начал работать поваром в Филадельфии. Потом одно время занимался куроводством на компанейских началах, потом вновь взялся за поварское дело.

Так продолжалось до 1934 г., когда умер Атаман А.П.Богаевский, выбранный еще на Дону. Взоры многих казаков обратились к П.Х., как естественному заместителю умершего Атамана, но не все думали об интересах всего зарубежного донского казачества. Многие прежде всего имели ввиду свои политические интересы. Первой к нему обратилась умеренная самостийная организация "Лига Возрождения Казачества" с запросом - готов ли он выставить свою кандидатуру в Донские Атаманы, обещая ему свою поддержку, но при условии, что он в дальнейшем будет руководствоваться программой "Лиги" и из ее состава назначит "Донское Зарубежное Правительство". П.Х. ответил, что хотя он и не собирался выставлять своей кандидатуры, но если казаки ее выставят и его изберут Атаманом, то он почтет себя обязанным выполнить волю казаков, но в своей деятельности будет руководствоваться не программой какой либо политической партии, а той частью Основных Законов Войска, кои применимы зарубежом, и помощников будет выбирать по их полезности, а не по принадлежности к той или иной группировке. Тогда "Л.В.К.", "договорившись" с гр. Граббе и заключив ряд "союзов" с другими группировками, стали вместе проводить кандидатуру гр. Граббе, одновременно широко сообщая, что ген. Попов отказался балотироваться в Атаманы. Многие этому поверили и при выставлении кандидатур, большинство заявило, что "за отказом" ген. Попова выставляют кандидатуру других лиц. Поэтому при выставлении кандидатур, П.Х. получил незначительное количество голосов, о чем Гл.Изб.Комиссия и и довела до сведения избирателей и кандидатов, прося последних сообщить - выставляют ли они свою кандидатуру на баллотировку? Ген. Попов, видя, как будто незначительное число голосов выдвинувших его кандидатуру, заявил, что "чобы не разбивать голосов, иначе будущий Атаман не получит нужного ему авторитета", снимат свою кандидатуру. Но когда донцы узнали все это, то большое их количество обратилось с просьбой к ген. Попову выставить свою кандидатуру. Он согласился. Сторонники других кандидатов вели большую пропаганду, как за своих кандидатов, так и против П.Х., его же сторонники воздерживались от такой пропаганды. Но в результате ген. По-

пов все же получил большинство голосов, хотя и небольшое. Но главная Изб. Комиссия и Контрольная Комиссия разными способами "нашли" незначительное большинство голосов за гр. Граббе и провозгласили его Атаманом. П.Х. во имя казачьего единства признал эти "выборы". Новый Атаман назначил его своим представителем на Америку.

По истечению своих полномочий, гр. Граббе не назначил перевыборы, а запросил своих сторонников - стоит ли ему оставаться Атаманом на новое трехлетье и, конечно, получил положительные ответы, что было бы не только ненормальным, но и не отвечало желаниям большинства казаков, которые и приступили к выборам нового Атамана и 75% принимавших участие в атаманских выборах в 1934-35 г.г. почти единогласно в 1938 г. избрали Атаманом ген. Попова. Это избрание было совершенно законным, но и гр. Граббе тоже продолжал себя считать Атаманом.

После избрания П.Х. переехал в Европу и объехал страны наибольшего расселения донцов: Францию, Чехию, Болгарию, Югославию. Эта поездка была его сплошным триумфом. При встречах с казаками он призывал к объединению, что должно явиться одним из главных факторов борьбы против большевиков. На эти призывы залы собраний дрожали от грома рукоплесканий. Все чувствовали, что Атаман не фантазер, что он говорит то, что и нужно говорить, что их избранник - тот вождь, который знает куда ведет казаков.

В Праге по случаю приезда П.Х. состоялся "Донской Окружной Съезд", о котором чешская пресса сообщила как большую сенсацию, а радио из Болгарии, Югославии, Венгрии и даже из Москвы взволновали мир известиями о "конгрессе донских казаков". Московское радио сообщило об этом в день Рождества Христова 7 января 1938 г., чем порадовало казаков проживавших на Дону, где не одно сердце радостно забилось при упоминании имени героя Степного Похода, как будто организующего зарубежное казачество на борьбу с советской властью. Так Пражский Съезд и объезд Атаманом казаков по Европе понял и советский посол в Чехии Александрович, заявивший протест чешскому правительству о разрешении Съезда и о приезде в Прагу Атамана Попова. Протест его не только остался без последствий, но чешские власти оказали П.Х. особое внимание. После торжественной церемонии возложения Атаманом и казаками венка на могилу "Неизвестного солдата" и подписи Атамана в "Золотой Книге", как дар Праги Атаману была поднесена роскошная книга о "Золотой Праге". Вечером на чествовании П.Х. казаками присутствовали "отцы города". На следующий день он был принят военным министром Чехословакии ген. Клесандро, с которым он был знаком еще на Дону, когда генерал, в ту пору капитан, служил в Добровольческой Армии.

В Болгарии было примерно то же. В Софии, на вокзале его встретил помощник городского головы, а на обеде устроенном казаками в честь П.Х. присутствовали представители города, начальника гарнизона и министерства внутренних дел. В Бургасе н-к Гарнизона прислал для встречи на вокзал военный оркестр, а городское самоуправление - своих представителей. На обедах на Шипке, в Старой Загоре, в Казанлыке и др. городах присутствовали местные военные и гражданские власти. В Софии П.Х. был очень любезно принят военным министром ген. Даскаловым и министром иностранных дел.

В Югославии у П.Х. был такой же триумф. Там его очень любезно приняли председатель Скупщины (парламента), военный министр и министр внутренних дел, которые вели с ним продолжительные беседы о казачьих делах и о возможности борьбы с большевиками.

Такие приемы не только казаками но и представителями местных властей показали, что имя П.Х. стояло высоко и не только у казаков,

но и на высшем уровне у власть имевших, в разных странах казачьего рассеяния.

Однако 1939 год принес миру такие потрясения, что о казачьих делах временно нужно было забыть. П.Х. "застрял" в Праге. Когда немцы в своих интересах решили из всех народностей бывшей Российской Империи формировать особые части, то вызвали его в Берлин, где ему предложили приступить к формированию казачьих частей в составе немецкой армии, в немецкой форме, с немецким командным составом и под немецкими знаменами. П.Х. категорически отказался, за что был арестован и пробыл какое то время в тюрьме. Потом его"отпустили" в Прагу, где за ним была установлена слежка и ему было запрещено заниматься какой бы то ни было общественно-политической деятельностью. За все время войны П.Х. пережил немало "неприятных" минут.

После капитуляции Германии он немало потрудился над "переброской" казаков из Германии, Австрии в С.Ш.А., куда и сам переселился.

За время своего второго пребывания в С.Ш.А. он дважды выбирался Донским Атаманом. И в этот период он пытался объединить казаков по странам, но последняя война, внесшая большие изменения в их расселение, появление значительного количества новой казачьей эмиграции и продолжающееся двухатаманство внесли новые расслоения в казачью среду, что не позволяло ему добиться своей цели. Да и возраст, а с ним и болезни не позволяли П.Х. работать со свойственной ему энергией. Средств на работу по казачьим делам не было и он часто отрывал для нее от своей небольшой старческой пенсии, а сам голодал. В результате - госпиталь, а из него старческий дом. Там у него, при загадочных обстоятельствах, был забран и уничтожен его многолетний литературный труд. Это вновь привело его в госпиталь, где 6 октября 1960 г. он тихо скончался как истый христианин, заранее исповедовавшись и причастившись. Похоронили его скромно на казачьем участке русского кладбища. Был скромный салют из охотничьих ружей, сделанный казаками его почитателями. Позже на его могиле был поставлен скромный памятник на средства собранные среди казаков.

Если бы он скончался на родной Донской земле, были бы и воинские почести и настоящие салюты, гроб бы везли на артиллерийском лафете и было бы все, что полагается на похоронах скончавшемуся 95-тилетнему генералу, дожившему до своего 75-тилетия в офицерских чинах и заслужившего все военные почести своей долголетней военной и гражданской деятельностью на пользу Дона и России.

З а к л ю ч е н и е. - У каждого человека есть на земле самый дорогой его сердцу уголок. Крупнейший ли это город или крошечный поселок, приютившийся на прибрежном крутояре, село или станица затерянные меж степных холмов, богата ли здесь природа или скудна - неважно. Но если здесь впервые ты ощутил солнечный мир, познал первые радости и первые невзгоды, если здесь промчалось твое безмятежное, а быть может, и трудное детство, отшумела юность - для тебя этот уголок самый родной и самый благославенный.

Таким уголком для почившего Петра Харитоновича была вся Донская земля. Он всю свою долгую жизнь прожил верным сыном любимого им Дона и матери России. Много лет своей службы от отдал почетной работе воспитанию будущих русских и донских офицеров, среди которых он снискал себе славу строгого, но и справедливого преподавателя и начальника. Через его руки прошли их тысячи. Его воспитанники по Новочеркасскому Училищу всегда были рыцарями долга и чести и доблестно умирали как в Великую, так и в гражданскую войну.

П.Х. был природным донским демократом в лучшем значении этого слова. После падения монархии, он, одним из первых, начал борьбу с антидемократическими левыми течениями на Дону. Он никогда не верил в возможность эволюции советской власти, был по отношению к ней абсолютно непримирим и был твердо убежден, что ее свержение должно произойти без иностранной помощи. Эти принципы легли в основание всей его деятельности и руководили им во всех стадиях его борьбы с большевиками. Он всегда считал, что вопрос будущего устройства России должен быть разрешен только после падения советской власти всеми народностями населяющими Россию.

П.Х. верил в Дон, которому, по его суждению, судьбою было предуказано в дни смутного времени быть базою всей борьбы с большевиками на юге России. К близкой возможности всероссийского ополчения он относился как к далекой мечте. И поэтому уходя в Степной Поход он не боялся опоздать к решительному часу перелома российских настроений, но отказываясь от похода на Кубань с Добровольческой Армией он не хотел опоздать к перелому настроений донских казаков.

Он был казаком душой и телом и всегда активно и прямо выступал на защиту как родного края, так и обще-казачьих интересов. Никогда он не прерывал связи с Доном. Был символом зрелой, уравновешенной государственной мысли и лучших традиций донского казачества.

Это был редкий человек и слова его об основных понятиях добра, совпадают с его духовным обликом. Ни разу, за все мои встречи с ним, он не сказал ничего злобного, ничего мелочного. Когда его "доброжелатели" пытались его очернить, он всегда говорил: "история все это опровергнет" и не вступал с ними в пререкания.

Чаадаев писал: "человек может быть полезен своей стране, только в том случае, если ясно видит ее", т.е. хорошо знает и понимает ее. П.Х. хорошо знал свой край и где бы он ни был, был всегда ему полезен.

На примере жизни П.Х. мы должны воспитывать будущие казачьи поколения. Он - наша гордость и донское казачество его не забудет во веки.

А.Падалкин.

:-:-:-:-:-:-:-:-:

"

" "

Как вспоню о степи, о ласковом Доне,
О том, что, быть может, ушло навсегда -
Смыкаются зубы, душа захолонет
И в памяти жадной всплывают года.

Года небывалой и лютой погони
По шири, где все ледянила пурга,
Когда на намете храпящие кони
Грудями сбивали лихого врага.

Когда из училищ, забросивши книжки,
На детские плечи врубая погон,
В ряды партизан уходили мальчишки
С прклятыми биться за ласковый Дон.

Прошла, отшумела гроза боевая...
На родине смятой туга и грабеж;
Но мы не забыли родимого края,
Не пустим из рук коченеющих нож!

Н.Кузнецов.

:-:-:-:-:-:-:-:-:

ДОНСКИЕ ПАРТИЗАНЫ УХОДЯТ В СТЕПИ...

Пусть это мое повествование послужит правдивой памяткой ко дню столетия рождения Ген.Штаба генерала от кавалерии Петра Харитоновича Попова (родился он 10 января 1867 г.).

Со дня ухода донских партизанских отрядов из Новочеркасска в степи, прошло более 50 лет. В эмиграционной казачьей печати есть много упоминаний об этом, но подробного, правдивого описания еще нет до сих пор. Многое еще остается не выясненным, много есть и сведений не соответствующих истине. Есть даже и обвинения Походного Атамана ген. Попова в том, что "...Отряд уходил тайно, ... что многие военнообязанные остались в Новочеркасске и, после, были расстреляны большевиками..." Это - неправда.

В то время я был уже в Новочеркасске и опишу подробно и правдиво все то, чему я был свидетелем, относящееся к этому периоду.

Нужно указать на одну особенность жизни в Новочеркасске. Хотя он был столицей Войска Донского, но это был типичный провинциальный город России. Все его жители находились под влиянием различных слухов: всегда обсуждали случившиеся события, о которых они узнавали (в станицах, городах Войска и всей России)... Так было и в дни революции, так было и при наступлении красной гвардии на Дон в 1917 году. Каждое событие, случившееся даже и вне города, но ставшее известным только одному жителю в городе, немедленно по"беспроволочному телеграфу" - от соседа к соседу - становилось известным всему городу.

Есть люди, которые говорят и пишут, что они не знали, что Новочеркасск может быть оставлен его защитниками. Это заявление - неправдиво. О том, что придет время, когда город надо будет оставить, раньше всех предупреждал Атаман Каледин. Он говорил об этом офицерам гарнизона два раза: в Офицерском собрании; на первом собрании я не присутствовал, оно описано в "Донской Летописи", но я был на втором собрании. Это было примерно в половине января 1918 г. Присутствовал ген. Каледин и Чернецов. М.П.Богаевского не было. Ген. Каледин предупреждал офицеров, что необходима немедленная помощь донским партизанам, истекающим кровью. Если офицеры ее не окажут, красногвардейцы займут город и в первую очередь пострадают офицеры же. Атаман говорил коротко. Все комнаты второго этажа в Офицерском собрании были переполнены офицерами так, что "яблоку упасть негде было". После Атамана еще короче говорил Чернецов. Он призывал офицеров записываться в его отряд или другие...

О возможном уходе партизан знали офицеры, а от них и все жители города. Только никто не знал точно - когда наступит этот несчастный день.

В это время я занимал должность временного адъютанта у н-ка Донской Артиллерии ген. И.П.Астахова. Моя обязанность была записывать и принимать добровольцев в партизанскую Донскую Артиллерию. Канцелярия моя находилась в Новочеркасском Военном Училище. Нам было уже известно, что Добровольческая Армия 9 февраля оставила г. Ростов и через ст. Аксайскую ушла в ст. Ольгинскую. Ростовское направление осталось совершенно открытым. У Атамана Назарова не было войск послать туда.

На Персияновке партизаны едва-едва сдерживали сильный натиск красных. Положение становилось для защитников Новочеркасска безвыходным. И об этом знал каждый житель столицы Донского Войска.

Ген. И.Поляков писал с своей книге "Донские казаки в борьбе с большевиками": "После смерти Ат. Каледина все внимание и весь интерес большинства офицеров штаба сосредотачивалось, преимущественно, на изобретении планов наиболее безопасного бегства" (стр. 114). И это вполне понятно. Значит - уже с 30 января офицеры готовились к оставлению Новочеркасска.

Как же после этого можно уверять, что Степной отряд ушел тайно, и многие военно-обязанные остались в городе?

Утром 10 февраля штабом Походного Атамана в Епархиальном училище созвано было совещание начальников войсковых частей гарнизона. Они решили: завтра 11 февраля город будет оставлен. О чем все начальники должны предупредить своих подчиненных, чтобы те, кто не хотят оставаться в городе, могли своевременно подготовиться и вместе с партизанами уйти... Около 11 часов дня ген. Астахов запиской сообщил мне об этом в Военное Училище, при чем добавил: "о времени выступления будет сообщено дополнительно". Вскоре, другой запиской, он сообщил, что выступление отложено на 12 февраля и час будет сообщен своевременно. Вечером 10 февраля, ко мне на квартиру пришел мой сосед, есаул в отставке В.А.Калмыков, и спросил: "верно ли говорят соседи, что партизаны оставляют город?" Я ответил: "Да, верно, но выступление отложено на 12-ое". "Как же мне поступить - уходить из города или оставаться?" Я ответил, что остаюсь; остался и он.

В "Белой России" (стр. 125) ген. С.Денисов писал: "изменяя время отхода отряда из Новочеркасска, вместо 11 на 12-ое февраля, Атаман Назаров формулировал свое приказание так: " эту операцию совершить таким порядком, чтобы до подхода отряда Голубова в Новочеркасск, таковой не оставался без прикрытия." Эта выписка указывает, что был приказ Атамана Назарова об отходе партизан. Ген. Денисов делал это извлечение из приказа уже после 23 апреля, когда был Новочеркасск занят казаками. В феврале ген. Денисов не был в Новочеркасске, вероятно в делах Войскового Штаба он нашел это распоряжение Атамана.

Факт на лицо, тайны об уходе отряда не делал никто и приказ об этом был.

Ген. И.Поляков писал, что 11-го вечером, придя из Штаба, он от своих хозяев узнал, что завтра 12 февраля город будет оставлен партизанами. Он не поверил этому сообщению, полагая, что это очередная сплетня, пущенная друзьями большевиков с провокационной целью (стр. 119). До этого времени он почему то не знал, что партизаны готовятся к оставлению города. Странно! И возможно ли, чтобы в отделе второго ген.квартирмейстера об этом не знали?

Я сделаю некоторые пояснения о том, как проходила служба в Армии при отдаче письменных распоряжений и приказов, т.к. многие читатели не знают этого. Она во всех частях Русской Императорской Армии и после революции тоже, была строго регламентирована. В каждой части

была книга приказов и приказаний, отдельно. Особые книги были для секретных бумаг. В частях были адъютанты, делопроизводители в батареях, арт. дивизион-адъютант, которые получали от высших штабов и различных учреждений приказы, приказания и другие различные бумаги. Вся переписка, получаемая в части, вводилась во входящий журнал под номерами: указывалась дата получения бумаги, ее номер по входящему журналу и краткое содержание бумаги. Все секретное имело отдельный журнал. Все посылаемое, исходящее из частей, заносилось в журнал исходящих бумаг. При чем в обоих журналах обязательно указывалось откуда, из какого учреждения и в каком количестве экземпляров, получена или отправлена данная бумага. Специальные распоряжения отдавались отдельно. Если штабное учреждение было в одном городе, то обычно, еще все получающие бумаги, расписывались с указанием даты и часа полученной бумаги. В каждой части имелись книги очередных приказаний и каждый офицер обязан был читать и расписываться в книге. Специально срочные распоряжения, если час был не служебный, посыльный из части приносил офицеру на квартиру. Когда в свою часть приходил командир, утром или после обеда, то всегда ему давались все бумаги, вновь полученные и он по ним делал свои распоряжения по части: строевые, хозяйственные и пр.

Об уходе партизан было известно всем в городе, знали и жители уже 10 февраля, а ген. И.Поляков узнал об этом только 12-го утром (стр. 119). Могли ли забыть его часть в штабе и случайно не послать туда сообщение или распоряжение об уходе партизан? Нет. Его часть забыть не могли. Почему? Потому что количество печатных распоряжений, печатались точно, сколько надо было рассылать по всем частям и вне данного города, подчиненных штабу и составляющих гарнизон города.

Адъютант, офицер штаба, ведающий отправкой и рассылкой этих распоряжений, всегда проверял - по исходящему журналу - точно и всем ли послано данное распоряжение или приказ. Единственным объяснением разбираемого мною случая может быть только то, что ген. Поляков, почему-либо, в эти дни не приходил на службу.

Рано утром 12 февраля я на службе получил записку от ген. Астахова, что сегодня партизаны уходят из Новочеркасска. Сборный пункт на плацу Кадетского корпуса. Час выступления точно указан не был, но нужно было собраться не позже 3 часов дня, чтобы уйти засветло.

По получении этой записки я ушел домой. Своему соседу ес. Калмыкову сказал, что партизаны уходят около трех часов. Он мне ответил, что уже знает об этом.

Хотя я решил остаться, но все же интересовался, как будут уходить партизаны, поэтому часов около 3 я пошел на корпусный плац.

На углу Баклановского проспекта и Татарской улицы, против корпусного здания, был кирпичный дом в углу большого двора, у стен его несколько маленьких домиков-клетушек. В них ютились семьи многих бедных "служителей" кадетского корпуса. За многочисленностью тамошнего населения особенно детей, этот двор кадеты называли "Порт-Артуром". Здесь я встретил корпусного ламповщика (тушил, чистил, зажигал лампы). Он спросил меня - куда я иду, знал он меня когда я учился в корпусе, после моего ответа сказал мне: "все уже ушли полчаса тому назад."

Я все же пошел на плац. Там был оставлен Походным Атаманом конный офицерский разъезд, с сотником во главе. Ген. Попов ему приказал остаться как "маяк" и всем опоздавшим давать направление, куда ушел отряд. Ему было приказано держаться "до темноты по возможности". Разъезд был в 12 коней, с сотником на плацу, два конных казака и на всех пяти улицах, окружающих плац по два конных наблюдателя, охрана разъезда. Все ворота в железной решетчатой ограде плаца были открыты:

в случае опасности разъезд мог сразу уйти в нужном направлении. Оставленный "маяк" офицерский разъезд, указывает, что ген. Попов ни только не забыл, что могут быть опоздавшие, но даже и позаботился о них, чтобы присоединиться к отряду. Уход партизан около трех часов дня можно объяснить тем, что ст. Кривянская уже была занята казаками -фронтовиками, а по приказу Атамана Назарова, Походный Атаман должен был избежать вооруженного столкновения с казаками Голубова.

В 5 часов дня Голубов со своей конницей занял Новочеркасск, а вскоре вошли и войска красных.

Часть партизанского отряда не ушла в донские степи с ген. Поповым, а ушла на Кубань с ген. Корниловым. Почему?

Это интересный вопрос и можно сказать, что до сих пор он еще не освещен достаточно полно; постараюсь дать беспристрастное объяснение на основании данных, которые у меня имеются.

Известно, что ген. Корнилов, оставляя г. Ростов, еще не решил куда идти: на Кубань или в донские степи. К вечеру 10 февраля вся Добровольческая Армия сосредоточилась в ст. Ольгинской. Ген. Корнилов 12 февраля сам один принял решение двигаться в донские степи. Узнав об этом, ген. Алексеев писал ген. Корнилову: "пребывание в степи, поставит нас в стороне от общего хода событий, мы не будем иметь возможности получать пополнение людьми и предметами снабжения. Прошу Вас сегодня же созвать военное совещание из лиц, стоящих во главе организации и их помощниками." (Деникин, "Очерки", стр. 230). На военном совещании, в тот же вечер, было решено идти на Кубань.

Когда партизанские отряды узнали, что Добровольческая Армия идет в донские степи, т.е. с отрядом ген. Попова вместе, но в разных направлениях, часть из них присоединилась к Добрармии и ген. Попов не протестовал. Он мог бы отдать приказ о присоединении своих партизан к Степному отряду.

Ген. Попов был строг и характер имел суровый и решительный, почти не подающийся влиянию других лиц. Хотя военный совет Добровольческой Армии принял решение двигаться на Кубань, но ген. Корнилов до последнего момента вел усиленную разведку района зимовников.

Из трех пеших партизанских донских отрядов составлен был Партизанский полк, около 800 человек, командиром которого был назначен ген.м. А.П.Богаевский. Из конных партизан было составлено два конных отряда - полк. Глазенапа и полк. Корнилова.

Ген. И.А.Поляков, об уходе партизан с Добровольческой Армией, пишет: "нераспорядительность Донского командования подорвала к нему доверие и многие партизанские отряды не пожелали влиться в Донской отряд предводительствуемый Походным Атаманом ген. Поповым, а присоединились к Добр. Армии." (стр.122) и далее "где то вдали грохотали пушки, то забытые герои партизаны, не предупрежденные об оставлении Новочеркасска, боем пробивали себе дорогу на юг." "В числе ушедших с добровольцами находился и сподвижник Чернецова пор. Курочкин, а также Краснянский, Власов, Р.Лазарев, ушел с добровольцами и ген. Богаевский".

Я привел полностью эту фразу, потому что она построена так, чтобы создалось впечатление, что и ген. Богаевский якобы был недоволен и...ушел с партизанами в Добрармию.

Ген. Богаевский объясняет свой уход с Добровольческой Армией так: "Получив известие о намерении добровольцев покинуть Ростов, я со своим штабом решил присоединиться к ним. Другого выхода не было. К этому времени у меня в распоряжении было только десяток офицеров шаба и несколько солдат. Оставаться в Ростове значило сознательно и

совершенно бесполезно идти на верную смерть." ("Ледяной Поход", стр. 52). О своем решении, конечно, ген. Богаевский должен был донести Донскому Атаману и ген. Назаров его не вернул в Новочеркасск. Это было 9 февраля, а донские партизаны присоединились только 12-го.

Почему же ген. Поляков в своей книге не указал все точно, т.к. оно было? Странно. Где же правда?

В ст. Мечетинской ген. Корнилов объявил войскам, что Добровольческая Армия идет на Кубань "Взор его (пишет Деникин, II - 233) испытующе и с некоторым беспокойством следил за лицами донских партизан". Были собраны все н-ки отдельных отрядов. "Пойдут ли с Дона?" Вот подтверждение того, что причина ухода с Добровольческой Армией была совместное движение в зимлвники. "Партизаны смущены, некоторые опечалены. Но в душе выбор их уже сделан, - идут с Корниловым."

Ген. Корнилов послал извещение ген. Попову и звал его идти вместе. Ген. Попов отказался, но ... подчеркиваю вторично - партизан к своему отряду идущих с ген. Корниловым не потребовал.

Ген. Деникин писал: "Про ген. Попова говорили, что честолюбие удержало его от подчинения ген. Корнилову." (II-233).

Конечно, это не верно, ген. Попов должен был считаться не только с Российской Государственностью в лице ген. Корнилова и Добровольческой Армии, но и с донскими казаками и их будущем. Все старые, опытные казачьи начальники и старики-донцы знали, что восстание будет и ... скоро. Казакам нужна будет помощь. А что будет и что ждет Добровольческую Армию? Вернется ли она на Дон? И если вернется, то когда? Никто не мог знать.

Ген. Попов остался со своим отрядом на Дону. Правильно сделал, он должен был остаться. И как показала жизнь и последующие события, ген. Попов оказался прав в своем решении. А восстание на Дону облегчило Добровольческой Армии возвращение и ускорило ее приход на Дон.

О том, что ген. И.Поляков писал: "грохотали пушки ... забытые партизаны пробивали себе путь..." - ничего этого не было. С уходом партизан, до следующего утра, над Новочеркасском нависла какая то зловещая тишина. Улицы были пусты. Все жители сидели по домам и даже не было ружейной стрельбы.

И.А.Поляков пишет на стр. 122 - "в суматохе забыли снять и большинство городских караулов". Все эти обвинения относятся к ген. Попову. Но если даже это и было так, то ни к ген. Попову, ни к Степному Отряду это не имело никакого отношения и вот почему.

На стр. 136 И.А.Поляков пишет, что после нескольких дней прихода большевиков: "я встретил моего дядю ... 12 февраля он был в карауле у интендантских складов и его забыли снять..."

В Новочеркасске я был дежурным офицером по караулам гарнизона. Караулов было только два. Один на городской гауптвахте на Платовском проспекте, имеющий двух часовых: один наружный на площадке гауптвахты у колокола, другой внутренний в Государственном казначействе, на Соборной площади. Часовой стоял внутри казначейства у специальной комнаты, где хранились ценности. Около часового был электрический звонок, которым он вызывал разводящего или, в случае тревоги, сообщал в караул из казначейства в караульное помещение. Дверь в казначейство тоже была замкнута. При смене караулов, ежедневно, дежурный по караулам офицер, обязан был лично проверить исправность звонка.

Второй караул нахадился за городом в направлении Ботанического сада, в 3 верстах от него. Там были пороховые погреба, охраняемые двумя часовыми: один с наружной стороны к шоссе Новочеркасск-Ростов, другой с тыловой пороховых погребов, врытых в землю. Остальной ка-

раул помещался в небольшом, специально построенном, домике, саженях в 200 от погребов. Часовые оба имели телефонные звонки в караульное помещение. В случае тревоги вызывали выстрелом. Оба караула были связаны телефоном.

У интендантских складов, если они были, стояли не часовые а вооруженные дневальные, которые сменялись сами а не разводящими. По уставу гарнизонной службы - часовые не подчинялись ген. Попову и если бы он лично отдал приказание часовому оставить пост, часовой его приказания не исполнил бы. Так что нельзя и обвинять ген. Попова, что будто не все караулы были сменены. Часовой исполнял приказания Государя Императора и своих начальника караула и разводящего.

Заявление о том, что в городе остались военно-обязанные тоже не выдерживает никакой критики, т.к. в штабах все знали 10 февраля, что партизаны уходят. Кто себя считал военно-обязанным, находились в партизанских отрядах. Все остальные были, как бы частными лицами, если можно так сказать, и находились по домам.

Мобилизация объявлена не была; части и офицеры расходились по домам и защита Дона уже шла на добровольных началах.

Много внимания уделено мною сомнительным точностям в книге ген. Полякова, относящихся к донским партизанам. Но это необходимо было сделать, т.к. в донской печати о них почти ничего нет. Придет время, когда историк разберется в правде.

Есть сведения, что ген. Попов отдал приказ I апреля о распылении Степного отряда. Это распоряжение нисколько не умаляет значение похода донских партизан. Такова была военная, боевая обстановка.

Ген. П.Х.Попов ушел из Новочеркасска не для того, чтобы в степях найти большевиков и уничтожить их, и не для того, чтобы потерять свой отряд ... загубить живую силу.

Заканчивая писать о "степняках Отряда Вольных Казаков" надо отдать им должное. Ген. Попов и донские партизаны свою задачу вполне выполнили. Они сохранили живую силу защитников Дона, и вновь продолжали борьбу с большевиками. Степной отряд не избегал боев и когда надо было вступал в бой с большевиками и побеждал их.

Приведу мнение последнего Донского Войскового Атамана ген. А.П. Богаевского о Степном отряде; оно очень правильно, точно и, главное, беспристрасно в своей оценке.

"Историческая заслуга Походного Атамана несомненна, ген. Попов не отказался стать во главе тех донских офицеров и казаков, которые смело решились на открытую борьбу с большевиками. В эти страшные дни растерянности и упадка духа степняки спасли честь Донского казачества, как Добровольцы - честь Русской Армии. Доказав, что не все донцы решили держать нейтралитет. В лице Степного отряда сохранилось ядро, около которого впоследствии выросла Донская Армия". ("Ледяной Поход", стр. 59).

В заключение надо добавить: хотя восстание на Дону началось независимо от участия Степного отряда, но его существование в донских степях имело громадное значение для казаков, поднимавших восстание и они в первый же день восстания (суворовцы) послали конный разъезд к ген. Попову с просьбой о помощи.

Нью-Йорк. М.Бугураев.

:-:-:-:-:-:-:-:

"ЗНАЧЕНИЕ СТЕПНОГО ПОХОДА".

Б.Н.Уланов, бывший член правительства Атамана Каледина, говорил на эту тему на собрании казаков в Нью-Йорке 4 мая 1958 г. Тогда он отметил, что в 1918 г. "сохранить идею приемственности Донской казачьей власти выпало на долю Походного Атамана ген. П.Х.Попова и его отряда, получившего в истории имя Степного Отряда или Степняков."

Что в это время "Дону ни откуда и ни от кого помощи не было, не было никакого просвета...

На что же рассчитывал этот маленький отряд среди моря враждебных и предательских элементов?

Вера в Донское казачество - вот что давало моральную силу Степнякам. Вера, что казаки прозрят и поймут истинную природу большевиков не потерпят их беззакония, произвола, насилия и ... восстанут.

В этой вере Степняков и их руководителей не было ни малейшего сомнения и колебания. Казаки восстанут.

И как подлинная вера, она оправдалась. Ни голод, ни холод, ни бои во всякое время дня и ночи, в дождь, вьюгу и снег, ни многочисленность врагов не поколебали этой веры.

Степнякам грезился Дон - обетованная земля.

Казаки действительно восстали... Рвали оковы советской власти и поднимались на освобождение Дона. Но не даром давалась Степнякам чудодейственная вера: не один партизан-степнях сложил свои благородные кости на наших родных степях.

Их не смеют забывать донские казаки. Их благородной памяти - наш низкий поклон и наша глубская и безмерная благодарность. Они вместе со своими оставшимися в живых соратниками спасли честь и славу Донского Войска...

Ген. П.Х.Попов со своими боевыми товарищами бережно пронес и сохранил на Дону в беспросветные дни 1918 г. веру в родное Войско Донское, в совесть, здравый смысл и доблесть донских казаков.

Пусть мы на чужбине, но этому будет конец. В это мы верим. Опять пробудится и воскреснет дух и доблесть донских казаков, высоко взвьется знамя В.В.Д. и возродится наша родная Земля, наш Тихий Дон..."

"Родимый Край" № 16.

:-:-:-:-:-:-:

В НОВОЧЕРКАССКЕ.

1918 год. Месяц - ма Отряд полк. Дроздовского встреченный под Ростовом большими силами красных после тяжелого боя должен был отойти... Настроение у всех было подавленное. Пройти походом 1200 верст из Румынии и казалось бы быть уже у цели - соединиться с ген. Корниловым, а вместо этого - полная неизвесность.

Но неожиданно, рано утром было приказано авангарду отряда немедленно двинуться к Новочеркасску, к которому подходит большая группа красных со стороны Каменноугольного района. Несмотря на страшное переутомление лошадей, авангарду удалось подойти к городу, когда разъезды красных были уже в его предместьях, а за ними по дамбе дви-

гались густые колонны пехоты. Но беглый огонь нашей конно-горной батареи, пулеметы броневика "Верный" и лихая работа двух эскадронов конницы привели к полному разгрому красных, которые с большими потерями бросая оружие, пленных, обратились в повальное бегство.

На следующий день весь наш отряд входил в город. Жители встречали его со слезами радости, некоторые становились на колени, целовали даже лошадей. Все знали - Новочеркасск был спасен в последнюю минуту...

Нашей батарее было отведено место на Троицкой площади. Однажды я был дежурным по батареи. Было раннее утро. Город еще спал, но спал теперь спокойным сном... Мое внимание привлекло несколько людей в штатском, с ними была женщина, державия в руках что то большое, зеленое... Они видимо кого то ждали. И, действительно, с противоположной стороны площади показалась сначала группа всадников, а за ними стал втягиваться на площадь конный отряд. Все они были от меня далеко и я не мог разобрать - кто это, но когда головная группа отряда поравнялась со штатскими, я увидал как бывшая с ними женщина подошла к одному из всадников, видимо командиру отряда, и через голову лошади одела венок из зелени...

На следующий день мне стало известно, что это был конный отряд под командой полк. Семилетова из отряда Походного Атамана ген. Попова, отряд который уже все считали погибшим, но которому все же удалось посли почти трехмесячного Степного похода, в невероятно тяжелых условиях, окруженный со всех сторон красными, подымая по дороге казачьи станицы, подойти к столице Дона...

Встреча этого отряда на Троицкой площади при такой необычайной обстановке произвела на меня очень сильное впечатление и часто, часто я вспоминал этот случай. Это было признание доблести командира и всего отряда и одновременно признание жертвенности и верности долгу всем, кто в одиночку, группами, отрядами со всех концов России, стекались на Дон под знамена борьбы за Родину против красных...

Вспоминаю Атамана Попова, когда он после взятия Новочеркасска 26 апреля на плацу у Краснокутской Рощи делал смотр отряду полк. Дроздовского. Тогда он, обнажив голову, говорил: "... низко кланяюсь вам от лица Донского казачества, славные дроздовцы, пришедшие из далекой Румынии, чтобы в тяжелый момент помочь казакам отстоять столицу Дона!"

В прошлом году Степняки-партизаны отмечали 50-тилетие своего Степного Похода. Им - в рассеянии сущим, а также всем почившим и павшим в неравной героической борьбе за Родину - С Л А В А !

Канада. А.Зауэр.
(Конно-Горной ген. Дроздовского батареи).

:-:-:-:-:-:-:-:

ОЛЬГИНСКИЙ СПОР.

Под этим названием в историю гражданской войны на Дону вошло совещание Походного Атамана Донского Войска ген. П.Х.Попова с вождями Добровольческой Армии в станице Ольгинской 13 февраля 1918 г. По существу это был спор между старшими начальниками Добровольческой Армии по вопросу выбора направления дальнейшего движения их Армии.

С того времени прошло уже 50 лет, но еще до сих пор, с легкой руки ген. А.И.Деникина, передававшего в своем труде "Очерки русской смуты" почти точно ответ ген. Попова по каким причинам он не может присоединиться к Добровольческой Армии, уходившей на Кубань, но добавившего фразу "про него говорили, что честолюбие удержало его от подчинения Корнилову". Эти его слова до сих пор некоторыми эмигрантскими историками не только повторяются, но и извращаются по их вкусу. Так в одном из трудов донского казака, генерала, напечатанного в сборнике "Возрождение", автор приводит эту фразу ген. Деникина, как его авторитетное свидетельство, но выбросив слова "про него говорили", чем искажает сказанное выше ген. Деникиным о причинах отказа ген. Попова идти на Кубань. Другие, не доходя до такой крайности, основываясь на тех же словах ген. Деникина, пишут о "самолюбии" ген. Попова. Другой генерал, занимавший ответственное положение в Донской Армии, в своих воспоминаниях в бочку меда подбросил ложку дегтя. Он пишет: "Если ген. Деникин любил, ценил и гордился Добровольческой Армией, совершившей Ледяной Поход, то он должен был знать, что и Войско Донское имело свою "Добровольческую Армию" - Степной Отряд ген. Попова... Оба отряда имели одну и ту же ближайшую цель выиграть время, дождать оздоровление масс от большевицкого угара, сохранить жизнь возможно большему числу участников и с этой целью всемерно уклониться от боев с большевиками. Ген. Корнилов настаивал на совместном движении обоих отрядов. Ген. Попов не согласился с ним и пошел самостоятельно, поведя свой отряд в донские степи. И следует признать, что выбор направления, сделанный Поповым случайно оказался более удачным, ибо он достиг ту же цель с наименьшими потерями и на несколько дней раньше, чем вернулись Добровольцы..."

Выбор донских степей не "случайно оказался более удачным", а такой исход похода был предвиден Походным Атаманом еще 9 февраля, когда он предлагал "Степное направление".

Помимо свидетельства ген. Деникина и приведенных выше "доброжелателей" ген. Попова, есть свидетельства и других лиц, не менее авторитетных. А сам ген. Деникин в других местах своих "Очерков" опровергает сказанное им о самолюбии ген. Попова.

Известно, что Добровольческая Армия еще при жизни Атамана Каледина, по воле ее вождей собиралась уходить на Кубань, даже не предупредив об этом своевременно Атамана, предоставившего Дон как базу для формирования Добровольческой Армии и несмотря на то, что вожди ее в своей декларации от 27 декабря 1917 г. обещали "защищать до последней капли крови самостоятельность областей, давшим им приют".

После смерти Атамана Каледина, ген. Корнилов в надежде на помощь Дона в количестве 2000 вооруженных казаков, обещанных Атаманом Назаровым примерно в течении 10 дней обещал ему задержаться в Ростове. Однако 5 февраля без предупреждения Атамана Назарова командованием Добровольческой Армии было принято решение об оставлении Ростова 9 февраля. Атаман Назаров узнал об этом случайно, когда поехал в Ростов к ген. Корнилову 7 февраля, чтобы предупредить его, что Дон кроме небольших партизанских отрядов ничего больше в настоящее время дать не может и сам нуждается в помощи, а потому не может больше задерживать Добровольческую Армию, если она решит оставить Ростов. Тогда 7 февраля Атаман Назаров с ген. Корниловым наметили общий план дальнейшей борьбы, по которому Добровольческая Армия оставляет Ростов 9 февраля, а донские партизанские отряды Новочеркасск 11-го. Добровольческая Армия, оставив Ростов и задержавшись в станице Ольгинской, идет в астраханские степи, базируясь на станцию Торговая, а партизаны

оставив Новочеркасск, идут в Задонье, базируясь на станицу Константиновскую, предварительно разгромив красных у Новочеркасска. В дальнейшем обе армии поддерживают между собой связь и ждут пробуждения Дона, совершая иногда набеги в разных направлениях. Походный Атаман ген. Попов не совсем согласился с этим планом и предложил Атаману Назарову свой, почти аналогичный, но без боя с красными у Новочеркасска. План принятый ген. Назаровым и Корниловым вероятно был принят без ведома и согласия других старших начальников Добровольческой Армии и у них уже до оставления Ростова были разногласия в выборе направления движения после оставления города. По крайней мере ген. Деникин в своих "Очерках" пишет, что когда ген. Корнилов "отдал приказ отходить за Дон в станицу Ольгинскую, вопрос о дальнейшем направлении не был еще решен окончательно: на Кубань или в донские зимовники". В другом месте он пишет: "В Ольгинской разрешился наконец вопрос о дальнейшем плане нашего движения." Фактически же этот вопрос был решен окончательно не в Ольгинской, а в Мечетинской, где ген. Корнилов отдал приказ свернуть на Кубань.

Какого мнения в Ростове держался ген. Алексеев - неизвестно, но в своем письме близким из Ростова он писал: "Мы уходим в степи..." тогда как в Ольгинской он прямо говорил о Кубани и кавказских горах. Видимо в Ростове большинство склонялось к походу в донские или астраханские степи.

Ростов был оставлен не 9 февраля, а в ночь на 9-ое. 9-го же Атаман Назаров созвал особое Донское совещание по вопросу оставления Новочеркасска и дальнейшего плана борьбы. На совещании было предложено два плана: план Атамана Назарова заключался в перенесении деятельности Круга в Константиновскую; вооруженным силам ставилась задача воссоздания Большого Круга для возрождения через него казачества. Для этого сосредоточивание всех сил для удара против красных подходящих к Новочеркасску с севера и дальнейшее движение на Константиновскую. Сам Атаман Назаров намеревался вести партизан против красных. По свидетельству ген. Попова: "план этот отличался необычной простотой, был полон рыцарского порыва, черезвычайно смелый и картинный". Никто из н-ков партизанских отрядов против этого плана не возражал. Второй план предложил ген. Попов, рекомендовавший не рисковать последним ядром будущей армии, а увести партизан в такое место, где они оставались бы вне всякой зависимости от станиц, т.е. в задонские коннозаводческие степи, где пользуясь местными средствами держаться до пробуждения казачества, что будет вероятно весной. В итоге был принят этот последний план, против которого не возражал и Атаман Назаров.

В Новочеркасске, в это время, представителем штаба Добровольческой Армии был ген. Лукомский, который безусловно сообщил ген. Корнилову о принятом плане. По причинам того, что Круг колебался уходить или остаться на милость победителя, оставление города намеченное на II февраля было перенесено на I2-ое, Атаман Назаров дал слово быть с Кругом до конца и что "если суждено погибнуть так, как завещал покойный Атаман Каледин, сказавший, что выборный Атаман не смеет покидать свой пост", I2 февраля приказал Походному Атаману ген. П.Х.Попову вывести партизан из города, отвести в задонские степи, чтобы там, не прерывая борьбы с большевиками сохранить до весны здоровое и боеспособное ядро.

Все это как будто не имеет отношения к Ольгинскому спору, но свидетельствует о том, что по причинам морального характера, как Атаман Назаров не мог покинуть Новочеркасск, имея на то все возмож-

ности, так и Походный Атаман, помимо его глубокой веры в скорое пробуждение казачества, не мог покинуть Дона, ибо он Походный Атаман назначенный Войсковым Атаманом, утвержденный Кругом, получив приказ Войскового Атамана, одобренный тем же Кругом идти в донские степи, не мог "выбирать" нового направления. Его уход с Дона был бы бегством, дезертирством, которых история Дона ему никогда бы не простила. Оставаясь в пределах Дона, он спасал его честь, как ген. Алексеев и Корнилов создав Добровольческую Армию, спасли честь России. Но они могли находиться на любом месте русской земли, на Дону, на Кубани, на Волге, ген. же Попов должен был сохранить беспрерывность борьбы Дона с большевиками на донской земле. Пока готовилось оставление Новочеркасска, Добровольческая Армия, начиная с 9 февраля, начала сосредотачиваться в ст. Ольгинской. Там ген. Корнилов, еще до оставления Новочеркасска, в силу принятого им с Атаманом Назаровым, отдал соответствующее распоряжение о выдвижении авангардов Добровольческой Армии в направлении донских степей. Оно вызвало протест со стороны ген. Алексеева, как Верховного руководителя Добровольческой Армии. Ген. Деникин по этому поводу пишет в "Очерках русской смуты": "Корнилов был склонен двигаться в Сальский Округ Донской Области, некоторые распоряжения уже были сделаны. Обеспокоенный этим ген. Алексеев I2 февраля писал Корнилову: "В настоящее время в связи с потерей главной базы армии - Ростова, в связи с последним решением Донского Войскового Круга и неопределенным положением на Кубани - встал вопрос о возможности выполнения тех обще-государственных задач, которые себе поставила наша организация. События в Новочеркасске развиваются с чрезвычайной быстротой. Сегодня к I2 ч. положение рисуется в таком виде: Атаман слагает свои полномочья; вся власть переходит к Военно-революционному Комитету; Круг вызвал в Новочеркасск революционные казачьи части, которым вверяет охрану порядка в городе; Круг начал переговоры о перемирии; ст. Константиновская и весь северный Области в руках Военно-революционного Комитета; все части (главным образом партизаны) не пожелавшие подчиниться решению Круга, во главе с Походным Атаманом и штабом сегодня выступают в ст. Старочеркасскую для присоединиинения к Добровольческой Армии. Создавшаяся обстановка требует немедленного решения ни только чисто военных, но в тесной связи с решением вопросов общего характера.

Из разговоров с ген. Эльснером и Романовским, я понял, что принят план ухода отряда в зимовники, к северо-западу от Великокняжеской. Считаю при таком решении невозможно ни только продолжение нашей работы, но даже при необходимости и относительно безболезненная ликвидация нашего дела и спасение довериших нам свою судьбу людей.

В зимовниках отряд очень скоро будет стеснен, с одной стороны разлившейся р. Доном, а с другой ж.д. Царицын-Торговая-Тихорецкая-Батайск, причем все ж.д. узлы и выходы грунтовых дорог заняты большевиками, что лишит нас совершенно возможности получать пополнения людьми и предметами снабжения, не говоря уж о том, что пребывание в степи поставит нас в стороне от общего хода событий в России.

Т.к. подобное решение выходит из плоскости чисто военной операции, необходимо теперь же разрешить вопрос о дальнейшем существовании нашей организации и направления ее деятельности. Прошу Вас сегодня же созвать совещание из лиц стоящих во главе организации с их ближайшими помощниками."

Обращает на себя внимание недостаточная осведомленность ген. Алексеева о происходящем в Новочеркасске и преувеличенные страхи пе-

ред пребыванием в задонских степях. Атаман Назаров хотел, но не сложил своих полномочий, о переходе власти к В.-Р. Комитету не было и речи, партизаны не отказывались подчиняться Кругу, а Походный Атаман уведя их из Новочеркасска, выполнял директиву Войскового Атамана, одобренную Кругом, и они выступили не для присоединения к Добровольческой Армии, а для ухода в задонские степи. В своих рассчетах ген. Алексеев не принял во внимание возможности восстания донских казаков, а пополнение Армии людьми предполагал только из центра России, что уже прекратилось в конце 1917 г.

Совещаний по вопросу дальнейшего движения Добровольческой Армии в Ольгинской состоялось несколько позже.

О совещании, созванном ген. Корниловым, согласно письму ген. Алексеева, ген. Деникин пишет: "На военном совете собранном в тот же день (12 февраля. А.П.) мнения разделились. Одни настаивали на движении к Екатеринодару, другие, в том числе Корнилов, склонялись к походу на зимовники." Далее ген. Деникин пишет: "Помимо условий стратегических и политических, это второе решение казалось весьма рискованным и по другим основаниям." "Степной район пригодный для мелких партизанских отрядов представлял большие затруднения для жизни Добровольческой Армии с ее 5000 ртов. Зимовники значительно отдаленные друг от друга не обладали ни достаточным числом помещений, ни топливом. Располагаться в них можно было лишь мелким частям разбросанно, что при отсутствии технических средств связи до крайности затрудняло бы управление. Степной район, кроме зерна (немолотого), сена и скота не давал ничего для удовлетворения потребностей Армии. Наконец, трудно было рассчитывать, чтобы большевики оставили бы нас в покое и не постарались бы уничтожить по частям распыленные отряды."

"На Кубани - на оборот; мы ожидали встретить не только богато обеспеченный край, но в противоположность Дону сочувственное настроение, борющуюся власть и добровольческие силы, которые значительно преувеличивались молвой... Наконец, уцелевший от захвата большевиками центр Екатеринодар давал, казалось, возможность начать новую большую организационную работу..." и поэтому "... принято было решение идти на Кубань."

"Однако - пишет дальше ген. Деникин - на другой день вечером (13 февраля, А.П.) обстановка изменилась..."

Ген. Лукомский в своих "Воспоминаниях" пишет, что приехав в Ольгинскую из Новочеркасска 12 февраля, после разговора с ген. Алексеевым вынес впечатление, что последний "считает положение серьезным и начинает думать о том, что как бы спасти офицеров и дать им возможность "распылиться". "Наша задача - говорил он,прежде всего должна заключаться в том, чтобы вырваться из кольца, которое образуют большевики. Эти настроения были и среди других чинов командования Добровольческой Армии." О них знал Походный Атаман еще 11 февраля из доклада ездивших в этот день из Новочеркасска в Ольгинскую, по собственной инициативе редактора газеты "Вольный Дон" Виктора Севского и по поручению н-ка Штаба Походного Атамана полк. Сидорина и чиновника для особых поручений Особого Отделения А.Падалкина.

В.Севский беседовал с ген. Корниловым о дальнейших планах борьбы. Посетил он в Ольгинской и ген. Алексеева, Маркова, Эльснера, Романовского и других.

Падалкин ездил с поручением выяснить настроение чинов Добровольческой Армии после оставления Ростова и беседовал не только с рядовыми добровольцами но и рядом офицеров, занимающих ответственное положение: ген. А.П.Богаевским, ген. Кисляковым, членом Государствен-

ной Думы Половцевым и др.

По сосредоточению донских партизанских отрядов в Старочеркасске 13 февраля ген. П.Х.Попов, приказав начать переправу через Дон, рано утром а сам в сопровождении своего адъютанта полк. Кучерова и взвода юнкеров уехал на свидание с ген. Корниловым в Ольгинскую, чтобы лично переговорить о дальнейшем направлении движения Добровольческой Армии и о дальнейших ее целях. На этом свидании, по свидетельству полк. Кучерова, ими было решено, что донской отряд наносит удар на Великокняжескую и занимает степной район фронтом на Царицын, а Добровольческая Армия, заняв Торговую, поворачивает фронт на Тихорецкую. В таком положении оба отряда остаются до весны, чтобы произвести необходимую реорганизацию, пройти с молодежью курс обучения, пополнить запасы и таким образом подготовиться к предстоящим весенним боевым операциям. Ген. Корнилов просил Атамана Попова снова приехать в 6 ч. вечера на совещание старших начальников Добровольческой Армии.

Ген. Попов, вернувшись в Старочеркасскую, лично проверив успешность переправы через Дон и дав дальнейшие указания, в 4 ч. снова уехал в Ольгинскую в сопровождении н-ка своего штаба полк. Е.И.Сидорина, ес. Сутулова, состоявшего при штабе и чиновника для особых поручений Особого Отделения А.Падалкина и взвода юнкеров под командой ес. В.Крюкова. На совещании были ген. Попов и полк. Сидорин, остальные находились в соседней комнате и многое из того, что говорилось на совещании, слышали.

После утреннего свидания Походного Атамана с ген. Корниловым, видимо по настоянию сторонников Екатеринодарского направления, как пишет ген. Лукомский ("Воспоминания") "... в 12 ч. дня ген. Корнилов назначил совещание старших начальников Добровольческой Армии. На нем присутствовали: ген. Алексеев, Романовский, Лукомский, Марков, Богаевский и несколько строевых офицеров. Ген. Деникин "по болезни" отсутствовал." О чем шла речь на этом совещании ген. Лукомский ничего не пишет. И вероятно по ошибке указывает, что к 2-м ч. на это совещание прибыл Атаман Попов и по просьбе ген. Корнилова информировал собравшихся об оставлении Новочеркасска, о судьбе Атамана Назарова и о силах партизан. Ген. Корнилов предложил ему "присоединить его отряд (партизан - А.П.) к Добровольческой Армии". Но ген. Попов просил "первоначально выяснить первоначальные намерения ген. Корнилова и направление движения Добровольческой Армии, но что он со своей стороны должен определенно заявить, что донской отряд не может покинуть территорию Дона" и что он считает, что обоим отрядам лучше всего, прикрываясь с севера Доном, который скоро станет трудно проходимым, переждать события в районе зимовников, где много хлеба, фуража, лошадей, скота и что из этого района можно развивать партизанские действия в любом направлении". Ген. Корнилов на это ответил, что он "по соглашению с ген. Алексеевым предлагает двинуться на Екатеринодар. Но что вследствии заявления ген. Попова, он предлагает еще раз обсудить этот вопрос и просил желающих высказаться... Ген. Алексеев на это заявил, что вряд ли встречается необходимость вновь обсуждать этот вопрос", но по свидетельству ген. Лукомского, первый стал защищать Екатеринодарское направление, закончив тем, что "Добровольческая Армия во всяком случае будет в силах дойти до кавказских гор и там, если обстановка потребует, можно будет ее распустить, дав добровольцам денег и предложив им самостоятельно, через кавказские горы, пробираться кто куда пожелает или будет в состоянии."

После ген. Алексеева, ген. Лукомский говорил в защиту "Степно-

го направления": "лучше всего поступить так, как предлагает Походный Атаман Войска Донского, т.е. пока перейти в район зимовников". Ген. Алексеев сделал попытку уговорить ген. Попова отказаться от "Степного направления", т.е. не выполнять приказ Войскового Атамана Назарова, и вместо задонских степей увести партизан на Кубань. По свидетельству ген. Лукомского, ген. Алексеев ставил вопрос - либо "поднять" Кубань, либо распустить Добровольческую Армию. А ген. Попов считал своим долгом "поднимать" Донское Войско, не думая о роспуске партизан.

После речей ген. Алексеева и Лукомского, находившиеся в коридоре офицеры штаба Походного Атамана слышали как ген. Попов, когда кто то еще хотел говорить по этому вопросу, сказал: "Вы, господа, можете обсуждать этот вопрос как хотите и сколько хотите - а я не могу. Я все сказал, выслушал ваши мнения, с Екатеринодарским направлением согласиться не могу. Мои партизаны в тяжелых условиях переправляются через Дон, я должен быть там, а потому разрешите откланяться". Ген. Корнилов, по свидетельству ген. Лукомского, на это сказал: "он не может не согласиться с правильностью замечаний ген. Лукомского, но не считает правильным идти в район тех зимовников у Дона, на которые указывает ген. Л." и "решает пока идти с Армией в район к западу от Великокняжеской (т.е. район станции Торговой - А. П.), который так же богат лошадьми, скотом, хлебом как и район северных зимовников (т.е. задонские степи - А.П.), и что там приведет Армию в порядок и затем, вероятно, пойдет на Екатеринодар."

Как видно, ген. Корнилов не совсем отказался от плана принятого как с Атаманом Назаровым в Ростове, так и с Походным Атаманом на утреннем совещании, но до какой то степени успокоил и ген. Алексеева относительно Екатеринодарского направления.

Сам же ген. П.Х.Попов в своем очерке о Степном Походе ("Донская Волна", 1918 г., Ростов на Дону) пишет, что ранним утром он "поехал в Ольгинскую, чтобы лично переговорить с ген. Корниловым и Алексеевым о направлении и движении Добровольческой Армии и о дальнейших целях". По этим вопросам ген. Алексеев указал ему "вполне определенно, что Добровольческая Армия идет на Кубань для сближения с пополнениями, которых Дон не дал ей. Кроме того, на Кубани Армия рассчитывала получить некоторые денежные средства... Ген. Корнилов сообщил более подробные сведения. По его словам Армия идет на Екатеринодар, где ген. Эрдели собрал уже для Армии пополнения до 2000 человек" (при соединении Добровольческой Армии с Кубанской, выяснилось что у ген. Эрдели его не оказалось - А.П.)... В Екатеринодаре Армия должна сделать остановку, чтобы отдохнуть, реорганизоваться, одеться и, в зависимости от обстановки, взять то или иное направление... Добровольческая Армия достаточно сильна и если ощущает нужду, так это в коннице и частично в артиллерийских снарядах... Движение Армии уже началось, авангард ген. Маркова из Хомутовской 14 февраля выступает на Мечетинскую, а главные силы под командой ген. Деникина переходят в Хомутовскую..."

На вопрос ген. Попова: "идет ли Добровольческая Армия на Кубань по зову кубанских казаков или лишь по соглашению с кубанским правительством", Корнилов ответил, что "незадолго перед этим с Кубани прибыли два разведчика Добровольческой Армии и сообщили, что на Кубани можно расситывать на более сочувственный прием чем на Дону". Ген. Попов выразил сомнение по поводу уверенности ген. Корнилова по причине "большой пестроты населения на Кубани, с одной стороны, и потому что по достоверным сведениям его штаба зараза большевизма уже

сделала свое дело и на Кубани".

Ген. Попов предложил изменить принятый Добровольческой Армией план действия в таком смысле: Армия повернет в задонские степи и здесь, вдали от жизненных центров иж.д., от которых красные в то время не рисковали далеко отрываться, отдохнет, организуется, пополнится людьми и конским составом и спокойно выждет, пока казачество переболеет и само обратится с просьбой о помощи. "Ждать этого долго не придется, т.к. весна и начало полевых работ произведут радикальный переворот в душе казака... за эти полтора-два месяца отдыха не только возможно наладить пополнение Армии, но и сама обстановка покажет - двигаться ли Добровольческой Армии на Кубань, работать ли на Дону или идти на Царицын, Волгу и т.д." Далее ген. Попов пишет, что он "рассеял сомнения ген. Корнилова относительно задонских степей, что там Армия найдет и достаточно места для расположения и хлеб и скот, а что касается боевых припасов, то добровольцам как и партизанам не привыкать добывать их у врага и в данном случае на Торговой, по сведениям его штаба в изобилии находятся большие склады обмундированья, белья, обуви... операцию на Торговую можно выполнить одновременно с его ударом партизанами на Великокняжескую... повидимому комбинация мною предложенная казалась Корнилову заманчивой и вполне приемлимой и он просил меня снова в 6 ч. вечера приехать на общее совещание с участием старших начальников Добровольческой Армии... На прощанье Корнилов задал мне вопрос о подчинении ему войск Походного Атамана", на что ген. Попов "откровенно посоветовал ему этого вопроса не поднимать и не обсуждать, чтобы неосторожным шагом не давать пищи выступлениям агитаторов и не смущать казаков, которых все время запугивали именем ген. Корнилова, обещая в то же время, при совместных действиях в пределах Донской Области всегда и полностью сочетать свои действия с командованием ген. Корнилова."

О втором совещании в тот же день ген. Попов пишет: "На обсуждение было поставлено мое предложение направить движение Добровольческой Армии не на Кубань а в задонские степи... Я снова повторил все соображения высказанные утром ген. Корнилову. Против моего предложения горячо возражал лишь один ген. Алексеев... В результате совещания было решено, что Добровольческая Армия из Мечетинской повернет на восток на зимовники Кутейниковых и далее для удара на Торговую, а мои войска через хутор Веселый по большому тракту на Казенный Мост, через р. Маныч для одновременного удара на Великокняжескую. При таком движении удаление колонн не превышало бы 20-30 верст и связь могла бы поддерживаться без затруднения... С таким решением Походный Атаман с полк. Сидориным, около 10 ч. вечера, выехали из Ольгинской прямо на хутор Арпачин. После "дипломатического" выступления ген. Корнилова, ген. Попов в силу высказываемых на совещании опасений о трудностях размещения, продовольствия и связи на зимовниках, прощаясь, обещал ген. Корнилову прислать "знатока", ни только донских но и астраханских и ставропольских коневодств, который ознакомит его с тем, что представляют из себя эти зимовники. По дороге в хутор Арпачин, он как всегда не очень распространялся, сказал: "Не понимают обстановки. Не знают куда им идти, и что то мудрят... Договорились, но могут и не пойти в степи, если их возьмет "в оборот" ген. Алексеев. Ну что ж - не пойдут, пойдем сами... жаль, но не страшно..."

"Не страшно" ему было потому, что он верил в скорое выздоровление донцов.

Ген. А.П.Богаевский, присутствовавший на совещаниях, в своих воспоминаниях о Кубанском Походе пишет: "В Ольгинской был решен во-

прос о дальнейшем движении в задонские степи, на зимовники. Корнилов принял это решение без ведома ген. Алексеева. Последний узнав об этом настоял на том, чтобы был собран военный совет старших начальников для деятельного обсуждения этого вопроса.

Мнения на совете разделились. Большинство стояло за движение на Кубань... Лишь меньшиство (в том числе Корнилов и я) верило в то, что Дон скоро поднимется, испытав на себе всю прелесть советской власти, а потому не стоит идти так далеко, не зная еще точно - как нас встретят на Кубани. Опасения в том, что на богатых зимовниках мы не разместимся и будем голодать, казались нам не основательными и надежда на соединение с Походным Атаманом, который двигался туда с донцами, еще более укрепляло нас в мысли о целесообразности движения на зимовники. Однако победило первое мнение, решено было идти на Кубань." Видимо ген. Богаевский не разбирает всех заседаний, а дает общую сводку.

"Вечером 13 февраля, продолжает он дальше, в Ольгинскую прибыли Походный Атаман ген. Попов со своим н-ком штаба полк. В.И.Сидориным." "И тому и другому судьбой было суждено сыграть крупную роль в дальнейшем ходе борьбы донского казачества, но еще не настало подвести итоги их деятельности. Не мало нареканий, может быть не вполне справедливых, вызвала она и дело беспристрастной истории разобраться в этом и сделать свой приговор. Но в этот первоначальный период - историческая заслуга Походного Атамана и его н-ка штаба несомненна: ген. Попов хотя и не имел никакого боевого опыта, будучи во время Великой войны н-ком Новочеркасского Военного Уч-ща, но не отказался встать во главе тех офицеров и казаков, которые смело решились на открытую борьбу с большевиками. В эти страшные дни растерянности и упадка духа "степняки" спасли честь донского казачества (как добровольцы - честь русской Армии), доказав, что не все донцы решили держать "нейтралитет". Отряд ген. Попова был невелик, боевые действия его были незначительны, но в лице его сохранилось ядро, около которого впоследствии выросла Донская Армия..."

"Приезд ген. Попова и его убеждения склонили ген. Корнилова ... двинуть добровольцев на зимовники. Наш конный авангард, стоявший в Кагальницкой, по его приказанию был уже готов двинуться на восток. Однако ввиду все же затруднительности размещения по квартирам обоих отрядов ген. Корнилова и ген. Попова и снабжения их продовольствием, было решено не соединяться, а идти параллельными дорогами, поддерживая между собой надежную связь..." "За это время были получены более подробные сведения о районе зимовников, выяснившие бедность его средствами и жилыми помещениями, разбросанными на большие расстояния, что для нас было опасно в отношении связи. Это заставило Корнилова окончательно решиться на движение на Кубань.

Походному Атаману было послано предложение присоединиться к нам и идти дальше вместе. Ген. Попов не согласился на это, мотивируя свой отказ желанием донцов не уходить с Дона и дождаться на зимовниках его пробуждения..."

В вопросе жилья и продовольствия ген. Корнилов был введен в заблуждение, т.к. в действительности в зимовниках, как донских так и астраханских, было изобилие как продуктов питания для людей, так и фуража для животных. Кроме того были значительные конские табуны, большие отары овец и гурты рогатого скота. Почти все зимовники были относительно благоустроены и многие из них имели ветряные мельницы, а некоторые и паровые. Было не мало зимовников расположенных по 2-3 вместе с достаточным количеством построек, правда не всегда приспособленных для жилья. А дело шло к весне. Наши зимовники далеко отстоя-

щие друг от друга, но между ними попадались поселки. Почти на всех зимовниках были не только значительные табуны лошадей, но были и лошади уже предназначенные для сдачи в Армию.

Советская литература, как правило, все то, что было до советской власти, старается все значительно преуменьшить и тем не менее в советском "Альбоме пород лошадей в С.С.С.Р." (изд. "Сов. Хозяйственная литература") сообщается, что "к1910 г. в задонских степях насчитывалось 145 "конзаводов", с поголовьем свыше 83000 лошадей" и что "количество лошадей сдаваемых в ремонт армии с каждым годом возрастало" и что "с каждым годом улучшалось оборудование зимовников и росло количество построек для рабочих". Эти данные вероятно никому в штабе Добровольческой Армии известны не были, но их хорошо знал Походный Атаман и поэтому не боялся задонских степей.

Заявление же ген. Корнилова на вечернем совещании 13 февраля о желании движения в задонские степи, хотя оно и не было совершенно определенным, но оно вызвало тревогу в среде сторонников Екатеринодарского направления и они стали в частном порядке уговаривать ген. Корнилова изменить свое решение и вести Армию на Кубань.

Ген. Деникин по этому вопросу пишет, что приехавшие Походный Атаман и его н-к штаба "Убедили Корнилова идти на зимовники. Наш конный авангард, стоявший у Кагальника, получил распоряжение свернуть на восток... Поднявшись с постели я пошел в штаб отвести душу. Безрезультатно. Некоторое колебание однако посеяно: решили собрать дополнительные сведения о районе..."

Жаль, что он не указывает каким путем собирались эти сведения.

После отъезда ген. Попова и полк. Сидорина совещание генералов как будто закончилось, однако по свидетельству ген. Лукомского, когда он, придя к ген. Корнилову, увидет, что "за столом сидели те же лица, кои были на совещании, не было только ген. Попова и полк. Сидорина" и "вновь не было ген. Деникина, который будучи болен, прилал сказать, что придти не может", что при его входе ген. Корнилов сказал, что " ген. Алексеев просил нас собраться и вновь обсудить вопрос относительно наших дальнейших планов" и просил ген. Алексеева повторить то, что было сказано до прихода ген. Лукомского. Ген. Алексеев сказал: "сегодня днем ген. Лукомский сделал несколько замечаний относительно решения идти на Екатеринодар. Они были приняты к сведению и командующий изменил свое первоначальное решение идти на Екатеринодар. Правильность нового решения мне кажется следует пересмотреть и я просил ген. Корнилова собрать нас снова." Потом ген. Алексеев вновь стал защищать необходимость идти на Екатеринодар и что "нового он ничего не сказал! На предложение ген. Корнилова ответить ген. Алексееву, ген. Лукомский тоже ответил, что он тоже не может "прибавить ни одного слова к тому, что им было уже сказано" в защиту донских степей. После этого "семейного спора" и непродолжительных прений ген. Корнилов, как пишет ген. Лукомский, сказал, что "решения принятого он не меняет, но что ко времени подхода Армии к Егорлыцкой выяснится - идти ли к Великокняжеской или повернуть на Екатеринодар". Как видно горячим противником задонского направления был ген. Алексеев, к нему примыкал ген. Деникин и вероятно другие. За "Степное направление" определенно были ген. Корнилов, ген. Лукомский, ген. Богаевский и вероятно другие.

Спор доходил даже до интриг, так например по свидетельству ген. Лукомского, как не занимавшего в это время никакой должности, на совещании, о котором только что шла речь, его не пригласили. Это обстоятельство н-к штаба Армии ген. Романовский объяснил ему "недоразумением", что настолько обидился Лукомского, что он под видом команди-

ровки в Екатеринодар ушел из Добровольческой Армии.

Спор о дальнейшем движении Добровольческой Армии несомненно продолжался среди командования и после ее выхода из Ольгинской и закончился лишь в Егорлыцкой.

По плану принятому ген. Поповым и Корниловым на утреннем свидании 13 февраля, они должны были подвести свои войска к определенному сроку так, чтобы одновременно атаковать Великокняжескую и Торговую. Поэтому Походный Атаман, дав дневку в хуторе Арпачине для реорганизации отрядов, т.е. потеряв день, и чтобы его наверстать ведет партизан из Арпачина форсированным маршем прямо на хутор Веселый в 65 верстах от Арпачина.

Но одновременно с этим, по каким то причинам, Добровольческая Армия к станции Торговая не спешит: ген Деникин в "Очерках" пишет: "Мы шли медленно, останавливаясь на дневки в каждой станице. От Ольгинской до Егорлыцкой 88 верст шли 6 дней... При условии направления в зимовники, такая медлительность была бы полне понятна..." Об этом ген. Попов узнает в хут. Веселом, да и то случайно от приехавшего в Степной отряд пор. Дроздовского, который был командирован ген. Корниловым к ген. Попову с просьбой отпустить для Добровольческой Армии тротиловых капсюлей для подрывной команды, которых у нее не оказалось. Атаман Попов, несмотря на то, что не очень был ими богат, распорядился их дать из тех запасов, которые были в распоряжении н-ка артиллерии ген. Астахова от Константиновской дружины и кроме того дает пор. Дроздовскому партизанский конный взвод под командой ес. Б.В.Кульгавова и не только для охраны посылаемого, но и поручает Кульгавову, как коннозаводчику, дать ген. Корнилову (как это было обещано ген. Поповым в Ольгинской) все справки о положении и состоянии донских и астраханских коннозаводствах, о путях движения в степи а также и по тем вопросам, кои могли бы быть полезны ген. Корнилову при движении на Торговую. "Попутно, как пишет ген. Попов в своем "Очерке о Степном Походе", ес. Кульгавов должен был выяснить ген. Корнилову о создавшемся твердом казачьем настроении в калмыцких станицах, выражающимся в полной готовности калмыков вступить в открытую борьбу против советской власти, лишь бы им дали оружие."

В силу медлительного движения Добровольческой Армии, Атаман Попов, чтобы подравнять движение своего отряда с добровольцами, дает партизанам трехдневный отдых в хуторе Веселом.

Ес. Кульгавов и пор. Дроздовский "нагнали" добровольцев в Мечетинской и Кульгавов успел вернуться на хутор Веселый, не привезя от ген. Корнилова никаких изменений в плане принятом в Ольгинской. Но сообщил, что в Добровольческой Армии сообщение о настроении калмыков приняли с недоверием и даже не обратили на него внимания и это тогда, когда у сторонников Екатеринодарского направления "кубанские надежды" были проблематичны, а калмыцкие у ген. Попова были реальны, что получило подтверждение через некоторое время.

Вместе с ес. Кульгавовым на хутор Веселый приехал и специальный посланный ген. Алексеева. Он привез письмо от него Походному Атаману, из которого, как писал ген. Попов в своем "Очерке", стало ясно, что в силу каких то обстоятельств, план движения Добровольческой Армии в район зимовников для удара на Торговую одновременно с ударом партизан на Великокняжескую, как это было окончательно решено 13 февраля в ст. Ольгинской, изменен и что Добровольческая Армия круто повернула на юго-запад - в Кубанскую Область.

"В своем письме ген. Алексеев убеждал Походного Атамана также изменить свое решение и повернуть к Добровольческой Армии."

"Вместе с письмом ген. Алексеева как к Походному Атаману, так и к целому ряду других лиц было письмо бывшего Донского Областного Предводителя Дворянства А.Н.Леонова, который в хуторе Арпачине пытался свергнуть Походного Атамана Попова и заменить его полк. Мамантовым, чтобы увести партизан в Добровольческую Армию, а после неудачи этой попытки, бежавшего в Добровольческую Армию." Это тот самый Леонов, который в Новочеркасске предлагал П.Х.Попову свергнуть силами юнкеров Атамана Каледина и самому занять его место, а в Старочеркасской вел пропаганду среди партизанских н-ков за присоединение партизан к добровольцам.

"В этих письмах Леонов также уговаривал партизан повернуть в Добровольческую Армию. За Походным Атаманом и его н-ком штаба А.П. Леонов"гарантировал" "сохранение официального положения и подобающее место в истории, а Степной поход называл авантюрой. Походный Атаман хорошо знал взгляды и настроения своих партизан, но "по стародавнему казачьему обычаю собрал всех н-ков отрядов для ознакомления с создавшейся обстановкой и предложением ген. Алексеева. На совещании картина была освещена со всеми подробностями и все начальники высказались за мысль, что нам, донским казакам, нужно продолжать свою задачу - спасение Родного края, у себя на Дону, а не на Кубани и только полк. Мамантов бывший в то время отрядным комендантом, высказываясь первым, высказался за присоединение к Добровольческой Армии.

"С этого момента заманчивая мысль о совместных наших действиях с Добровольческой Армией в задонских степях отпала сама собой и партизаны уверенно пошли к намеченной цели самостоятельно."

Как видим, первые официальные сведения о повороте добровольцев на Кубань были сообщены ген. Попову не командующим Армией ген. Корниловым, а ее "духовным вождем" - ген. Алексеевым.

Почему это сделано - неизвестно.

"В ответном письме ген. Алексееву, ген. Попов высказал свое сожаление, что пути донских партизан и добровольцев неожиданно разошлись и как раз в тот момент, когда партизаны согласно плану намеченному в Ольгинской уже втянулись в бой, когда сама цель так близка и сообщил вполне откровенно общее мнение всех н-ков отрядов о невозможности соединиться с Добровольческой Армии при наличии местной донской задачи." Казалось, что этим вопрос был исчерпан. Однако, на другой день в хут. Веселом в отряде Походного Атамана появился корнет Левин, назвав себя лицом, якобы командированным ген. Алексеевым "уговаривать" Походного Атамана повернуть к Добровольческой Армии. Он, не явившись к ген. Попову, уговаривал партизан "бросить Атамана" и уходить в Добровольческую Армию. Это вынудило офицеров Атаманского отряда полк. Кагальницкого и офицерской боевой дружины полк. Гнилорыбова обратиться к Походному Атаману во избежании больших неприятностей принять меры против разлагающей пропаганды Левина. Ген. Попов приказал ему покинуть Отряд. Однако, ему при отъезде удалось "увлечь некоторые сердца в свой конвой на обратный путь". Это была небольшая группа полк. Биркина.

"Охота" за партизанами ген. Попова со стороны руководителей добровольцев некоторое время продолжалась и дальше. 23 февраля на зимовник Янова приехал разъезд Ген.Штаба кап. Ряснянского, до оставления Новочеркасска служившего в штабе Походного Атамана. Он привез письмо ген. Корнилова, в котором сообщалось, что "непредвиденные обстоятельства заставили его изменить направление" и предлагал соединиться к добровольцам. До 26 февраля кап. Ряснянский вел пропаганду среди партизан "рекомендуя бросить Атамана" и уходить в Добровольческую Армию.

Вечером 25 февраля ген. Попов, вероятно для того, чтобы проде-

монстрировать настроение партизан, созвал н-ков отрядов на совещание, на котором Рясянский изложил предложение ген. Корнилова. Н-ки отрядов, все без исключения, ответили, что считают "более целесообразным оставаться в пределах Дона."

После совещания в тот же день ген. Попов дал кап. Рясянскому общую ориентировку о его дальнейших планах и написал письмо ген. Корнилову в котором, как и ген. Алексееву, ясно и определенно писал, что он с донскими партизанами в силу приказа Атамана Назарова и настроения н-ков и партизан не может покинуть пределов Дона и должен оставаться в среде донского казачества, выжидать его пробуждения, в которое он глубоко верил.

При отъезде Рясянского в Добровольческую Армию, Походный Атаман приказал Семилетову назначить в распоряжение Рясянского в качестве конвоя конный взвод, который и был назначен из Мартыновской сотни под командой сотн. Нефедова, которому Походный Атаман приказал по выполнению задачи оставаться в Добровольческой Армии для связи.

При занятии Великокняжеской в одном из степных колодцев были найдены трупы брошенные туда большевиками ген. Складовского и кап. Роженко. Первый, при оставлении Новочеркасска был представителем Добровольческой Армии при Круге, а второй служил в штабе Походного Атамана. Оба были особенно доверенными лицами ген. Корнилова. По свидетельству ген. Деникина они покинули Добровольческую Армию в порядке распыления. Однако комиссия, которая была назначена Походным Атаманом для расследования их гибели, установила свидетельскими показаниями, что причиной их гибели было письмо ген. Корнилова Атаману Попову, посланное после оставления Ольгинской.

Последней связью ген. Попова с добровольцами был отряд полк. Лебедева, которого ген. Корнилов командировал на Волгу и в Сибирь, прося Атамана Попова оказать ему содействие. Отряд Лебедева ушел от партизан 16 марта, причем ген. Попов специально организовал его "прорыв" в расположении красных, окружавших донцов.

По свидетельству ген. Деникина, ген. Корнилов отдавая приказ о движении добровольцев на Кубань "в Мечетинской вызвал всех командиров частей, чтобы объявить им о принятом решении. Собралось много офицеров, каждый партизан имевший под командой 30-40 человек (в составе Партизанского полка) искал самостоятельности. Корнилов сухо, резко как всегда, изложил мотивы и императивно указал новое направление. Но взор его испытующе и с некоторым беспокойством следил за лицами донских партизан: "Пойдут ли с Дона?"

Это показывает, что ген. Корнилов хорошо знал, что не "самолюбие" Атамана Попова заставило его остаться в пределах Дона и не только приказ Атамана Назарова, но и настроение донских партизан. Дальше ген. Деникин пишет, что "партизаны смущены, некоторые опечалены. Но в душе их выбор уже сделан: идут с Корниловым."

Вопрос -- почему донские партизаны, оказавшиеся в Добровольческой Армии, сделали этот "выбор" требует специального освещения. Ген. Деникин так его характеризует ("Очерки"): "Для нас (не-казаков - А. П.) Дон был только частью русской территории, для них (казаков - А. П.) понятие Родины раздваивалось на составные элементы - один более близкий, ощутимый, другой отдаленный, умозрительный..," Объяснялось это конечно тем, что Добровольческая Армия, грубо выражаясь "собранная с бору по сосенке", "всюду гонимая", состояла из людей значительное время оторванные от дома и родных, поэтому ей было безразлично в какой точке защищать Родину, тогда как донские партизанские отряды на 90% состояли из казаков, 60% из коих совсем недавно вышли из

под опеки матери, сформировавшихся на Дону, где они родились, выросли и воспитывались, где каждая пядь земли была им родной, где была семья и дом. Они были у себя дома. Русская пословица говорит: "дома и стены помогают". Оставаясь на Дону, для защиты Дона, они рассчитывали не без основания на помощь всего казачества и не без основания считали, что здесь они защищают ни только свою хату, свой курень, но и общее с Добровольческой Армией Отечество, которого они еще не успели познать, но чувствовали сердцем.

"Ольгинского спора" как и значения "Степного Похода" касались многие историки-мемуаристы не только в эмиграции, но и в С.С.С.Р. В. ст. П.Аврамов в своем дневнике, печатавшемся в "Донской Волне в 1919 г. пишет: "Степной Поход очень мало освещен в печати, хотя значение его в истории Дона велико. В это время на Дону его немногочисленный отряд был единственным носителем казачьей идеи в степях, как Походный Атаман - хранителем Атаманской власти на Дону.

Поход не имел своих описателей, не привлек к себе внимание художников и после, не потому что в нем не было красок о нарядности подвига, как в Армии ген. Корнилова и блестящих побед, как теперь принято говорить. Но это неверно. В Степном Походе была одна блестящая и грандиозная победа - это сохранение ядра казачьей армии к моменту пробуждения казачества, когда понадобятся ему и опытные руководители офицеры и лихие герои-партизаны.

Заслуга вождей Степного Похода в искусстве маневрирования. Они отходя победили."

Ген. Оприц в своем труде "Лейб-Казаки 1917-1920" пишет: "как бы то ни было, но в споре, где на одной стороне были бывший Верховный Главнокомандующий всеми армиями Российского фронта ген. Алексеев и б. командующий Юго-Западным фронтом ген. Деникин, правым оказался как будто скромный начальник Новочеркасского Училища, обладавший весьма небольшим строевым цензом, при этом лишенный малейшего боевого опыта - ген. П.Х.Попов..."

"Ген. Попов верил в Дон, коему судьбой было предуказано быть базой всей борьбы с большевиками на юге России.

К близкой возможности всероссийского ополчения, когда вся Россия встанет как 300 лет тому назад, он относился, повидимому, скептически, как к далекой мечте, не забывая, что и в ополчении Смутного времени казачество играло одну из главенствующих и решающих ролей и не только как воинской силы, но и как основоположника начала великой Державной Российской Государственности."

"Поэтому ген. Попов не боялся опоздать к решительному часу перелома российских настроений, а задался лишь ограниченной целью сохранения жизни людей ему доверившихся для ожидающей их в отдаленном будущем работы."

Ген. Головин ("История Русской Контр-Революции") пишет: "Ген. Лукомский, предупреждая (об ошибочности рассчетов) на немедленное восстание кубанских казаков был совершенно прав. Поэтому единственным правильным стратегическим решением было уйти в степи подальше от ж.д. и там ждать перемены настроения казаков..." "Прав был донской Походный Атаман Попов, приняв такое решение. Он сохранил кадры для будущего восстания... Кубань являлась типичным выявлением стратегии "прямого действия": по игре судьбы за подобное решение стоял стратегически мудрый и опытный ген. Алексеев. За стратегию "не прямого действия" стоял ген. Корнилов. Но важно не то, что Алексеев мог сделать ошибку, а Корнилов, несмотря на свой весьма импульсивный характер, мог принять осторожное решение. Важно то, что, вопреки тому, что решения

ген. Корнилова имели для Армии несравненно большее моральное значение чем решение ген. Алексеева, в жизнь все таки проводилось решение ген. Алексеева. Невольно возникает вопрос: почему же много мудрых решений ген. Алексеева отбрасывались и не исполнялись, а его редкая стратегическая ошибка проводится в жизнь и при этом, в редком случае Корнилов уступает будучи правым..."

Полк. Зайцев ("1918 год") пишет: "Будущее показало, что надежды Походного Атамана донцов оказались много реальнее..."

Ген. Н.Д.Невадовский в газете "Доброволец", в статье "Первые Походы" писал: "...психологически трудно было партизанам ген. Попова покинуть свой родной край. Они верили, что навождение скоро пройдет. Присутствие на Дону Степного отряда способствовало подъему казаков и повстанческому движению в Области. Степной отряд стал носителем идеи свободы, хранителем "Атаманского перната", призывал к борьбе и организовывал ее."

К.П.Каплюгин в "Донской Летописи" в статье "Степной Поход в Задонье 1918 г. и его значение", которая полностью печатается в настоящем номере, пишет: "Ген. Попов делал попытки задержать в пределах Области Добровольческую Армию, предлагая ей направиться в степи Сальского Округа..." "В жизни повстанческого казачьего движения одним из важнейших факторов является Степной Поход ген. Попова..."

М.Б.Нарбеков в своей статье в журнале "Вольное Казачество" пишет: "Ген. Попов старался сохранить идею родного казачества во имя лучшего будущего...", "... не будь где то в степях партизан ген. Попова, не было бы у населения надежды на поддержку и кто знает - какой оборот приняли бы события..."

Ген. Стариков в труде "Трагедия Казачества" пишет: "Если бы вместо поисков Добровольческой Армии ген. Корнилова, Кубанская Армия по оставлению Екатеринодара двинулась бы на Дон в поисках донского отряда Атамана Попова, возможно, что и ген. Корнилов, узнав об этом, повернул бы Добровольческую Армию, чтобы уйти с ней в астраханские степи, как того ему хотелось в Ольгинской. Степняки, кубанцы и добровольцы составили бы значительный ударный кулак и результаты всей гражданской войны были бы совершенно иными..."

Полк. С.Болдырев в журнале "Часовой" пишет, что "...план Походного Атамана был простой, основанный исключительно на знании психологии казачества. Он хотел сохранить ядро будущей армии до пробуждения Дона...", "... Степной Поход в самом его начале имевший чисто краевое значение в конечном результате вылился в большой масштаб белой борьбы, охватившей весь юг России..."

Ген. А.П.Богаевский в своей речи по случаю 15-тилетия первых Походов говорил: "Казаки гордятся тем, что первые защитники России пришли к ним, к казакам, и что часть казаков "ушла в поход под водительством Атамана Попова в степи, но и там они делали одно дело с добровольцами."

Л.В.Половцев в книге "Рыцари Тернового Венца" пишет: "Казачий нейтралитет был неожиданностью для создания Добровольческой Армии..."; "этот нейтралитет был ненадежен и для большевиков...", что ген. Попов знал, что он не может продолжаться долго. Знал об этом и Корнилов. Было ясно, что казаки обмана большевиков не потерпят и не простят и следствием этого будет восстание казаков против них. Значит - нужно переждать. Но где ждать? Чтобы быть под рукой в случае необходимости - поэтому решено было вести армии Добровольческую и Казачью в южные безлюдные степи на границах Донской Области, Астраханской и Ставропольской губерний... Армии должны были следовать параллельно..." Но

"дошел слух... слух верный: на Кубани, как везде в России, ждут не дождутся каких нибудь чужих избавителей... Корнилов собрал совет. Долго спорили и обсуждали. Одна сторона требовала соблюдения соглашения с ген. Поповым, другая настаивала на необходимости немедленно повернуть на Кубань. Второе мнение одержало верх.

Ген. Денисов в своем альбоме "Белая Россия" пишет, что "Бытие Степного отряда сохранило преемственность Донской власти и дало право утверждать, что донское казачество не прекращало борьбы с советами, каковая была начата 26 октября 1918 г. ...", "Задача и смысл Степного Похода заключались в том, чтобы не порывая борьбы Дона с большевиками, сохранить до весны здоровое и боеспособное ядро, вокруг которого донские казаки (пробуждение которых с наступлением весны было вне сомнений) могли сплотиться, поднять оружие и выбросить насильников из родныхстаниц.

Руководители и организаторы Степного Похода, хорошо знавшие психологию и бытовые особенности казака, точго определяли время восстания Дона (через полтора-два месяца)."

Когда на Дону начались восстания, то для всех восставших являлось настоятельной потребностью отыскать Походного Атамана, в лице коего была единственная и законная власть на Дону до избрания нового Войскового Атамана.

Посланные гонцы к Походному Атаману доложили обстановку на берегах нижнего Дона и Степной отряд направился в район ст. Нижне-Курмоярской.

Эти выводы определяют смысл и значение Степного Похода..."

Такого рода свидетельств по поводу Ольгинского спора из эмигрантской, как мемуарной и исторической литературы, так и из периодической печати, можно было бы еще привести много, но ограничимся уже приведенными.

А вот, что говорят советские историки гражданской войны на Дону и ее участники:

Н.Какурин ("Стратегические очерки гражданской войны") пишет: "найбольшую опасность для советской власти на Дону в то время представляли донские партизанские отряды, которые Походный Атаман Донского Войска ген. Попов увел в задонские степи, откуда подготовлял и организовывал восстания донских казаков. С началом восстания он был первым главным руководителем этих восстаний..."

Н.Я.Иванов ("Корниловщина и ее разгром") пишет "Корниловщина" была придушена, но не разгромлена и с новой силой возродилась на Дону при Атамане Каледине. После его самоубийства и поражения ее на Дону, донскую "корниловщину" увел в степи ген. Попов, чтобы там собраться с силами и поднять казаков на борьбу с советской властью."

К.А.Хмелевский ("Крах красновщины и немецкой интервенции на Дону"), нарисовав картину сопротивления казаков советской власти, начиная с половины марта 1918 г., пишет, что "... взоры казаков обращались в Задонье, где бродил сл своими партизанами Атаман Попов", и что "в начале апреля 1918 г. на правобережье Дона появляются остатки банд Походного Атамана Попова." Дальше он рисует картину организации ген. Поповым "казачьего антибольшевицкого движения на Дону".

С.Буденный ("Пройденный путь") пишет, что "... в станице Ольгинской белогвардейцы разделились на две группы. Генералы Алексеев и Корнилов направились на Кубань, а ген. Попов ... двинулся в Сальские степи. Он хотел показать, что Войско Донское есть и оно идет, чтобы ... истребить большевиков и прочих организаторов советской власти..."

О.Городовиков ("Воспоминания") пишет: "Ген. Попов не хотел ос-

тавлять Донскую Область, не хотел отступать с ген. Деникиным на Кубань; он надеялся организовать кавалерийские полки из казаков и калмыков и двинуть их против большевиков. Генерал говорил: тысячи лихих всадников, сотни тысяч лошадей у коннозаводчиков. Не надо много ума, чтобы понять, что это такая сила, против которой никому не устоять."

"Сальский Округ представлял для контр-революционеров хороший плацдарм для развертывания борьбы против советской власти: калмыцкое население грозило мужикам, говоря - погодите, скоро придет ген. Попов. Гелюны убеждали калмыков поступать в его отряды. Абуша Сарсинов предложивший свои услуги ген. Попову на хут. Веселом для борьбы с большевиками, вел агитационную работу среди калмыков."

Городовиков также пишет, что ген. Попов на станичном сборе в ст. Великокняжеской говорил: "Сейчас казак не хочет воевать ни против большевиков, ни за большевиков... В худшем случае если до весны большевики начнут теснить наши отряды, тогда наш путь не на Кубань, а в Астраханские степи..." Хлеба там мало, зато много конского мяса. К апрелю мы вернемся в Сальские степи. Начнется весна. Казак выйдет пахать и тут неизбежные раздоры казаков с иногородними: "где ты был, когда мой дед кровью завоевывал казачий земельный паек?" Используя этот раздор, мы пойдем казакам на помощь, да они и сами нас позовут. Так и случилось..."

Степной Поход, как возбудитель казачьих восстаний на Дону и положительную роль, с точки зрения успешной борьбы казаков с советской властью, Походного Атамана, как в казачьих восстаниях, так и правильность его решения остаться в пределах Дона, отмечают в своих литературных трудах М.Шолохов, Д.Петров (Бирюк) и ряд других советских писателей.

Дабы закончить историю Ольгинского спора, необходимо отметить, что донские партизанские отряды, оказавшиеся в Добровольческой Армии, в силу дисциплины, как отмечает ген. Деникин, известие о кубанском направлении в Мечетинской встретили спокойно, но с грустью, и полностью проделали весь Кубанский Поход, проявляя чудеса храбрости, что неоднократно отмечал ген. Корнилов, и что отметил ген. Деникин в своих "Очерках". Однако, по рассказам вернувшихся из Похода, они всегда помнили о покинутом ими Родном Крае. А после гибели ген. Корнилова, под впечатлением общего падения духа в Армии и двоекратного оставления на растерзание красным раненых, среди которых было немало донских партизан, в партизанских отрядах поднимался вопрос об уходе их на Дон на соединение с отрядом ген. Попова. Говорили, что вопрос этот был поставлен почти открыто в конных отрядах. Эти факты отмечает ген. Деникин и ес. Родионов. Последний пишет, что после оставления Гначбау в Армии больше всего занимались вопросом: куда их ведут вожди? "Но взоры и сердца всех старых добровольцев и особенно донских партизан устремлялись к северу, к светлым берегам негостеприимно проводившего их Дона."

А когда 16 апреля Добровольческая Армия окончательно взяла направление на Дон, добровольцы ожили, дух Армии поднялся. Слышались сожаления о том, что в свое время не послушались ген. Попова и не пошли в донские степи.

Ген. Деникин пишет в своих "Очерках", что после Екатеринодара Армия пошла на стык "трех республик", т.е. в район своего исходного положения, где начались восстания донских казаков, которые предсказывались Походным Атаманом. У ген. Деникина, как у одного из главных сторонников движения на Кубань, возможно из-за задетого самолюбия, в

отношении ген. Попова породилось неприязненное чувство, которое сохранилось и за рубежом. Вспоминается случай проявления этого чувства на одном обеде участников первых Походов, на котором произносилось много речей, как "вместе рубились они..." Когда ген. Тарарин, через ген. Писарева попросил ген. Деникина дать ему слово, то последний ответил: "Дайте слово, но чтобы он не говорил о ген. Попове. Если будет говорить, я уйду с обеда." Ген. Тарарин от слова отказался.

Несмотря на то, что в эмиграции существует большое количество литературы посвященной "Ольгинскому спору", иногда, однако, еще можно слышать от людей близко стоявших к ген. Деникину, что ген. Попов был таким"маленьким, что на это совещание его бы и не допустили". Что это не так говорит уже то, что он был Походным Атаманом Войска Донского, а это положение не маленькое. Полк. Зайцев в книге "1918 год" дает данные о возрасте в то время главных руководителей антибольшевицкой борьбы на Дону, как и данные об окончании Академии Ген. Штаба: ген. Алексеев - 60 лет, ген. Каледин - 55 лет, ген. Попов - 51 год, ген. Лукомский - 49 лет, ген. Корнилов - 47 лет, ген. Назаров - 46 лет, ген. Деникин - 45 лет. Ген. Каледин окончил Академию в 1889 г., ген. Алексеев в 1890 г., потом шли последовательно ген. Попов, ген. Лукомский, ген. Корнилов, ген. Назаров и ген. Деникин. Из этого следует, что после смерти ген. Каледина, старшим как по возрасту, так и по выпуску из Академии Ген.Штаба оставались ген. Алексеев и ген. Попов.

Вина за разделение двух армий, преследовавших одну и ту же цель, лежит не на ген. Попове. Он всегда сожалел о том, что ему не удалось убедить главных противников Степного направления. Тогда по его предположению и Кубанская Армия, оставив Екатеринодар, могла бы двинуться на север на соединение с донцами и добровольцами. Это могло позволить объединенным силам занять Царицын и оттуда угрожать большевикам в любом направлении. Об этом он писал в одном из своих писем из С.Ш.А., в котором он говорил, что "не имея связи с Екатеринодаром мы могли из степей, договорившись между собой, послать на Кубань одновременно от нас и от добровольцев несколько "гонцов", установить связь с Кубанской Армией и предложить ей идти на соединение с нами."

Может быть он был прав, но это уже дело историков и военных специалистов, когда у них будут все необходимые документы и будет писаться история гражданской войны на юге России.

А.Падалкин.

:-:-:-:-:-:-:

СТЕПНОЙ ПОХОД В ЗАДОНЬЕ В 1918 ГОДУ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ.

Ворвавшийся I февраля 1918 г. в Новочеркасск во главе красных есаул Голубов прекратил существование на Дону казачьей власти и разогнал Войсковой Круг. Арестовав Председателя Войскового Круга Волошинова и Войскового Атамана А.М.Назарова, он подошел к осуществлению своей заветной давнейшей мечты к атаманству. Но мечта не осуществилась. Высшие руководители советской власти, использовав предательст-

во Голубова, устранили его от всякого участия в местной жизни.

Во главе управления Области стал Областной Совет Донской Республики, под председательством бывшего председателя Каменского военно-революционного комитета, вахмистра Подтелкова, Новочеркасском правил сподвижник Голубова, вахмистр Смирнов.

Вся Область покрылась сетью советских учреждений, а казачьи станичные и хуторские правления со станичными атаманами были уппразднены. Для казачества наступило время для предметного изучения советского режима и большевизма. Боровшиеся против большевиков силы на юге: отряд добровольцев полк. Кутепова с участием донских партизан Семилетова и Назарова и несколько сотен казаков Гниловской станицы, на севере партизанский отряд полк. Чернецова, погибшего 22 января близ хутора Гусева, отходиди под напором советских войск за Дон.

Там сосредоточились штабы Добровольческой Армии и Походного Атамана ген. П.Х.Попова. Ген. Корнилов намечал путь на Кубань: туда привлекало многочисленное казачье население, для которого советская власть была органически неприемлима, в силу уклада его жизни и исторических традиций, богатство населения хлебными запасами и борющийся за свою независимость Екатеринодар.

Ген. Попов со своим отрядом в 1500 человек направлялся в Задонье. Он решил остаться в пределах Области, на Донской территории и сохранить идею преемственности казачьей власти, среди казачьего населения, уверенный в поддержке и помощи этого населения и пополнения своего отряда, уверенный в скорое пробуждение казачества от большевитского навождения. Ген. Попов делал попытки задержать в пределах Области Добровольческую Армию, предлагая ей направиться в степи Сальского Округа, изобилующие хлебными запасами, кормом для скота и лошадьми. В результате было решено произвести разведку этого края, а Армия двинулась в южные пределы Донской Области, в направлении станиц Хомутовской, Мечетинской, Егорлыцкой.

В Мечетинской станице были получены неудовлетворительные сведения о зимовниках и Корнилов дал приказ двигаться на Кубань. Перед тем, как уйти из Донской Области, ген. Корнилов предложил Походному Атаману ген. Попову присоединиться к нему.

Ген. Попов ответил отказом, мотивируя свое решение настроением отряда, нежелающего покидать пределы родного Дона и уверенного, что казачество не перенесет советской власти, восстанет против нее и сбросит ее в непродолжительном времени. Отряд будет ждать пробуждения казачества, оставаясь в его среде. Пути двух армий разошлись.

Для Добровольческой Армии между Доном и Кубанью не было никакой принципиальной разницы. Ген. Деникин в своих воспоминаниях отмечает, что Дон и Кубань для добровольцев были лишь частями русской территории. Для донских партизан ген. Попова - Дон был "Родным им краем", который им трудно было покинуть. Присутствие Степного отряда в Области должно ускорить и облегчить повстанческое движение.

Степной отряд нес идею казачьей самостоятельности, казачьей вольности, он шел с призывом к восстанию казаков против большевитской тирании. Ген. Деникин говорит, что Походного Атамана ген. Попова "честолюбие" удержало от подчинения Корнилову. Это показывает, что с точки военной дробление военных сил, получившееся в результате принятого ген. Поповым решения, было неправильно, возможно, что разумность решения Добровольческой Армии, основанного на учете и рассчете, стоит выше решения, основанного на вере и психологии отряда партизан но для казачества решение ген. Попова [illegible] таким понятным и жизненно правдивым.

Ген. Корнилов настаивал на присоединении отряда к Добровольческой Армии, полторы тысячи человек представляли в то время внушительную силу. После принятого решения в станице Мечетинской идти на Кубань, ген. Попову послано предложение о присоединении.

Для отряда ген. Попова уход добровольцев из пределов Области был делом не безразличным; ослаблялись антибольшевицкие силы в Области, подрывалась идея и значение присутствия значительной военной силы для поднятия и развития восстания казаков. Но кроме того с добровольцами уходили донские партизаны, образовавшие Партизанский пеший полк под начальством ген. А.П.Богаевского и конный партизанский отряд полк. Глазенапа. С донскими партизанами уходили донцы с известным именем в казачьих кругах. Кроме ген. Богаевского - полк. Краснянский, в.ст. И.П.Карташев, Боков, Власов, сподвижник Чернецова Курочкин, Р. Лазарев и другие.

Завоевавши Дон, советская власть сбросила с себя маску, отказалась от своего учения о "трудовом казачестве", которое уже сыграло свою предательскую и провокационную роль, открыто заявила о своих задачах и целях в казачьих землях.

Юрий Саблин, с циничной откровенностью, заявил депутатам Войскового Круга: "Казачество как таковое, должно быть уничтожено с его сословностью и привилегиями." Это было исходное положение советской казачьей программы (подробная программа разработана была позднее Центральным Комитетом Российской Компартии). Она рекомендовала:

1 - Самую беспощадную борьбу со всеми верхами казачества путем поголовного их истребления. Никакие компромисы, никакая половинчатость путей не допустимы.

2 - Истребить поголовно богатых казаков и крестьян, провести беспощадный массовый террор по отношению вообще к казакам, принимавшим какое либо прямое или косвенное участие в борьбе против советской власти.

3 - Конфисковать хлеб и другие сельско-хозяйственные продукты.

4 - Переселить на Дон "крестьянскую бедноту".

5 - Уравнить пришлых иногородних с казаками.

6 - Провести полное разоружение казаков и расстреливать каждого, у которого будет найдено оружие после срока сдачи.

7 - В казачьих станицах оставлять вооруженные отряды.

8 - Комиссарам предлагается проявлять максимальную твердость и неуклонно проводить настоящее указание.

Эта коммунистическая программа и проводилась в жизнь советской властью с первого дня ее организации на Дону.

Истреблены: Волошинов, Назаров, М.П.Богаевский и другие видные вожди казачества, истреблено офицерство, казачья интеллигенция. Полились на Дону реки крови лучших сынов его. Задача"расказачить, истребить, терроризовать и населить крестьянскую бедноту, уравнить с иногородними" проводилась "твердо и неуклонно". Советский режим и его идеология оказались для казаков непереносимыми. Надежды Походного Атамана и его отряда сбылись раньше, чем предполагалось. По всей Области без предварительного сговора начались в разных местах восстания казаков, сначала в станицах и хуторах Черкасского Округа, затем в станице Суворовской, в казачьих поселениях по течению Дона вниз от Н. Чирской, во 2-м Донском Округе. Походный Атаман переходит у Н.-Курмоярской на правый берег Дона к повстанцам, присоединяется окружная Константиновская станица, поднимаются станицы по Дону, I-го Донского Округа, наконец поднимаются северные Округа: Верхне-Донской, Усть-Медведицкий.

И всюду одна картина: появляется небольшая группа, дружины, связываются, объединяются, растут численно, дело переносится на хуторские и станичные сборы, там оно расширяется, крепнет. Объединяются хутора и станицы, организуют "Советы вольных хуторов и станиц", "Советы обороны Дона", назначаются руководители военной борьбы, создается власть, ведующая разными органами управления. Это движение, возникшее в самой гуще казачьего населения с аналогичными методами действия, по порыву, воодушевлению массы - является стихийным народным движением. Нет вождей с громким именем, нет предварительно разработанного плана, нет штабов вызвавших бы своей организационной предварительной работой.

К 28 апреля восставшие казаки овладели уже Новочеркасском, освободили большую часть Черкасского Округа, части I Донского, 2-го и Верхне-Донского Округов. Донецкий Округ очищен совместно с прибывшими в это время немцами, которые очистили от большевиков Ростовский и Таганрогский Округа.

Все повстанческое движение, все отряды и дружины находились под высшим командованием Походного Атамана ген. Попова, по распоряжению которого созывается в Новочеркасске Круг Спасения Дона, который организует казачью власть, выбирает Донского Атамана, устанавливает порядок в освобожденных местах и дает директивы на ближайшее будущее. В истории повстанческого казачьего движения, одним из важнейших факторов является Степной отряд ген. Попова. Он сохранил идею казачьей борьбы с советской властью. Он спас честь и знамя вольного казачества. Он служит связующим звеном между временем Каледина-Назарова и временем Краснова-Богаевского, он дает право утверждать: казачество не прерывало своей вооруженной борьбы с большевиками.

Предметный урок советского режима доказал органическую неприемлимость для казачества большевизма, вызвал взрыв стихийного, народного казачьего революционного движения. Великая вера в казачество жила в сердцах донских партизан Степного отряда, переносившего мужественно и терпеливо в безбрежных донских степях все физические и моральные страдания своего скитания, без крова и приюта, в холоде и голоде, под страхом быть раздавленными сильным и жестоким врагом, но и велика была радость дождаться осуществления своей веры, такого яркого воплощения своей идеи, являвшейся единственной опорой и оправданием Степного Похода. Самый факт существования Степного отряда говорил о том, что казачество не умерло, не задушено, оно борется за свое существование. Эта мысль вселила бодрость, устранила апатию, упадок духа, рабскую подчиненность, звала к борьбе, к подвигу. Этим объясняется та быстрота, с которой началось восстание. Не прошло и месяца после установления по станицам и хуторам советов, как казаки уже изгнали представителей советской власти и приступили к восстановлению станичных и хуторских правлений и Атаманов. Более того, когда начались восстания, они начались именно там, где бродил Степной отряд. Походный Атаман становится центром движения, центральной властью, он помогает и содействует восстанию.

К восстанию примыкают станицы и хутора, где появляется отряд, так поднялся правый берег Дона. Ген. Попов посылает полк. Мамонтова для организации повстанческого движения во 2-м Донском Округе. Он объединяет под своим командованием две вооруженные казачьи группы на Дону. Две группы против Александровск-Грушевска и Новочеркасска. Он ведет планомерную борьбу с красными войсками, всюду отступающими, под организованным воодушевленным напором повстанцев.

Все сделанное Степным отрядом ген. Попова ярко живет в благо-

дарной памяти казачества, которое не забудет, и по достоинству оценит, решение его остаться среде казачества в беспросветные для него дни советского кровавого владычества и попытки его задержать в пределах Области Добровольческую Армию, и его веру в казачество и его значение и роль в повстанческом казачьем движении.

В память Степного Похода Войсковой Круг установил для его участников нагрудный знак "темно-стального цвета на Георгиевской ленте в виде могильного креста", встречающегося на степных курганах.

К.Каплюгин.
("Донская Летопись". Том 3)

:-:-:-:-:-:-:-:-:

НА РОДНЫЕ МОГИЛКИ.
(Из романа "За Край Родной")

...Дин-н-нь...дон-н-н...бом-м-м...трлям-м-м...
...Дин-н-нь...дон-н-н...бом-м-м...трлям-м-м...

Протяжно и тоскливо, певуче и грустно вызванивают колокола. Дрожащая волна поющей меди густо нависает над станицей, проникая во все уголки, несется, слабея постепенно, над поемным пырейным лугом до далекого войскового леса и там, словно остановленная им, замирает окончательно. Скорбные звуки похоронного звона щемят сердце, волнуют душу, наводят на печальные размышления...

...Дин-н-нь...дон-н-н...бом-м-м...трлям-м-м...

Как не подходит это ко всему, что видит вокруг взор! Яркое солнце погожего летнего дня, брызжущее золотом животворящих лучей; тихая станица, весело смотрящая оконными глазками своих куреней на улицы; зелень отцветших садов, широким поясом охватывающая станицу со всех сторон и в ней самой тянущаяся длинными прерывистыми уличными лентами в палисадниках; всюду жизнь, радость, ни одного темного пятна, полная ясность, как ясна эта притягивающая к себе небесная синь, без единого следа и намека на облачко... А тут:

...Дин-н-нь...дон-н-н...Бом-м-м...трлям-м-м...

Хоронят кого то. Еще издали доносится величаво-грустное пение:

...Свя-а-тый Бо-о-же, свя-а-тый кре-е-пкий, свя-а-тый бессмертный, помилуй на-ас...

Кто бы это помер?

О, народу-то сколько!

Да никак и войско принимает участие в похоронах?

Так и есть - едет конница... Тридцать два всадника в четырех рядах, по восемь всадников на ряд... Чубатые головые, усатые лица, над правым плечом у каждого дуло винтовки, слышится перезвяк стремян и деревянный стук шашечных ножен о каблуки сапог... Опытные молодцеватые наездники, едут медленно, осаживая нервничающих коней, едут ровно, линий шеренг не ломают. Это лихие баклановцы, "отломавшие действительную" с "гаком" мировой войны и теперь начавшие "ломать гражданскую"...

... А перед конницей пехота. Два десятка казаков, но казаков совсем молодых, безусых, тщетно старавшихся идти в ногу двумя неровными шеренгами. Одеты в праздничный казачий наряд: все в новых - си-

них и черных - шароварах с лампасами, все, как один, в белых рубашках, туго стянутых в поясе узенькими наборчатыми ремнями, все в ярко начищенных сапогах и в новых, с алыми околышами, фуражках... Винтовки на плечах, ничего лишнего из прочей аммуниции - никаких сумок, одни поясные и нагрудные патронташи... Впереди офицер с обнаженной головой, идет, о чем-то глубоко задумавшись... А на правом фланге передней шеренги, на полголовы выше всех, хмуро шагает бородатый старик. Одного взгляда на него было достаточно, чтобы заметить, что и одет и вооружен он был иначе, чем другие. Рубаха на нем была не белая, а цвета хаки, обычного военного образца, с новенькими синими, обшитыми красным шнурком по краям, погонами в отличие от всех своих соратников, погон не имевших. Поперек этих погон лежали две свеженьких, узкой белой тесьмы, лычки, обозначавших, что старик был в звании младшего урядника. Черный поясной ремень его был широк, толстой кожи с большой квадратной, желтой меди, начищенной до яркого блеска, бляшкой-застежкой, украшенной двуглавым орлом, как у пожарных. Пояс был гладкий, безо всякого набора из разрезанных вдоль пулек, плоских звездочек, полумесяцев и подковок, сверкавших серебром на узеньких поясках-пряжках молодых казаков, шагавших рядом... Широченные, по старой моде, шаровары темно-синего сукна, с кумачевыми полосами лампас, ниспадали из голенищ сапог, наполовину укрывая их... Кроме винтовки у старика была еще и шашка. Это обстоятельство вынудило его несколько нарушить общий порядок - винтовку он нес на правом, а не на левом плече. Иначе он поступить и не мог - шашку при ходьбе необходимо было придерживать левой рукой, чтоб не "тюлюпалась". Имея обе руки занятыми, старик, разумеется, не мог, идя, размахивать одной из них, как это делали все и этим он очень выделялся - шел, как связанный... И вот тут, даже не вглядываясь, можно было догадаться, что старик был никто иной, как Герман Минаич. И это был, конечно, он. А раз это был Герман Минаич - все остальное становилось ясным: хоронят сейчас Ефима Рассказова, молодого красивого казачка, живот свой положившего при защите родной станицы... И станица, тронутая такой великой жертвенностью одного из своих детей, благодарная и потрясенная - в первый раз умирал за нее казак в бою не где-то там, на краю света, за тридевять земель, а вот тут, рядом, в шести-семи верстах от нее! - вся вышла проводить убиенного на место вечного упокоения. Войско представлено было конной полусотней, специально собранной к этому дню и снятым позиций у Дона полувзводом "сосунков", в рядах которых сражался Ефим. Станицу представлял атаман со всем правлением и двенадцатью членами военного совета, во главе с его председателем - отставным майором Иваном Александровичем Каргиным - вот они все, толпясь, идут впереди пехоты... Сзади же конных, запрудив неширокую улицу, шла сама станица - старые казаки-домоседы - на обнаженных головах многих из них танцующими звездочками отражались солнечные блики, старухи в черных, траурных платках, молодые казачки, подростки, девушки, дети...

Перед гробом, поддерживая друг друга, идут родители убитого - Тихон Васильевич и Устинья Яковлевна. Мать беспрестанно покачивает головой из стороны в сторону, не отрывая большой, мокрой от слез, утирки от подбородка. И в этом молчаливом и страшном покачивании головы, в этой манере держать платок, было такое отчаяние, определить степень коего не представляется возможным... А выражение воспаленных все время слезящихся глаз! Нет, лучше не пытаться заглянуть в них, чтобы не отшатнуться в ужасе от отражающихся в них страданий и неописуемых душевных мук...

Старик-отец не плачет. Низко опустив седую голову, с покрасневшими, но сухими глазами, сурово сдвинув брови, с бледным, измученным лицом, он пытается, время от времени, успокоить жену: "Ну, ну, Устюша!" - вполголоса говорит он. - "Будя, будя! Все одно, ничево не поделаешь... война-вить. Нонче Ефимушка, завтря - другой кто"... И взглядывая против воли на восковое лицо сына, лежащего перед ним в простом сосновом гробу, обитом внутри белым, а снаружи черным коленкором, он замолкает и еще ниже опускает голову...

Рядом с родителями - родственники Рассказовых: две тетки Ефима, всхлипывающие, не отнимающие утирок от глаз, черные дочки их, двоюродные Ефимовы сестры, с недоуменными заплаканными лицами, дядя по матери, приехавший с далекого хутора и привезший племяннику последний поклон от степи...

Тяжелые носилки с гробом легко несут четверо дюжих стариков - все дружки Тихона Васильевича. Рядом два подростка с крышкой гроба. На черной наружной ее стороне, во всю длину, нашит восьмиконечный крест из белых лент... В головах положена Ефимова фуражка с ярким алым околышем и кокардой... На шаг от подростков, несших крышку, девятилетний брат Ефима - Васятка, в полном казачьем наряде - только вместо сапог на нем праздничные чирички, серьезный от возложенной на него задачи, бледный, но не плачущий - настоящий казак - держит в руках, прижимая ее к груди, дедовскую шашку. Не успел сам Ефим заслужить ни наград, ни обзавестись собственным оружием. Порешили: Васятка понесет до могилок не отцовскую шашку, по редкой случайности не побывавшей ни в одной кампании, а дедовскую, побывавшую на турецкой войне и сразившую не мало басурман...

Сейчас же впереди гроба - хор. Два-три баса, столько же теноров, с десяток учеников приходской школы - дискантов и альтов. Александр Михайлович - учитель, поминутно встряхивая головой, волнообразными, плавными движениями обеих рук, с зажатым в одной из них камертоном, дирижирует, лицом к хору, спиной к идущему впереди клиру. Отец Симеон, недавно вернувшийся в станицу, в черной траурной рясе, с виднеющимся из-под нее черным же подрясником, с крестом в руках, полный, добродушный, но с грустным выражением лица, идет медленно, точно желает, чтобы Ефим как можно дольше побыл в станице, от которой уходил навсегда... Рядом с отцом Симеоном суетился, семеня ногами, престарелый диакон из псаломщиков. В противоположность отцу Симеону, он радостно настроен и весь вид его выражает необычайное довольство. То и дело, окидывая взглядом толпу, он еле приметно улыбается. Так и читается в его глазах потаенная, с профессиональным душком, мысль:

- Ну и похороны послал нам Господь - одно благолепие!

Казалось бы - вот и вся похоронная процессия. Но нет! Впереди клира еще один гроб, несомый как и гроб Ефима, четырьмя станичниками. Рядом, пятый казак несет крышку. Гроб и крышка из нетесанных, наскоро сколоченных, сосновых досок. Вблизи, спереди и сзади, ни души. В гробу лежит умерший позавчера в лазарете красногвардеец, один из раненых в бою у берега Дона.

На вчерашнем заседании военного совета решено было похоронить его одновременно с Ефимом. Заседание прошло бурно. Многие члены совета ни за что не соглашались хоронить вместе с защитником Дона одного из тех, кто пришел этот Дон завоевывать. Особенно непримиримым был хорунжий Машкин. Однако, после разъяснений, что красногвардеец перед смертью попросил священника, исповедался и получив прощение грехов, пособоровавшись, умер как настоящий православный христианин,

весь совет, за исключением хорунжего Машкина, постановил похоронить его вместе с Ефимом.

- Покаялся человек - к чему зло помнить?

Красногвардеец ни в ком сожаления не вызывал, ни одной слезинки не было уронено у его гроба. Только отец Симеон перед выносом сказал, обращаясь к дьякону:

- И у этого осталась, наверное, семья... Узнайте-ка после похорон его адресок - может он говорил в лазарете. Ох-хо-хо, жизнь наша тяжкая, отец дьякон...

Похороны Ефима были очень торжественными. Ивана Афингеныч - майора, умершего в августе прошлого года, человека известного и всеми уважаемого - можно сказать, почитаемого - не хоронили так, как хоронили сейчас молодого станичника. И его все знали в станице, знали и любили - нельзя было не любить этого веселого, приветливого, красивого парнишку. Не у одной из девчат болезненно сжималось сердце и глаза увлажнялись слезой при взгляде на восковое и теперь еще не потерявшее обаяния, лицо своего случайного "кавалера" на посиденках или на ежевечерних, год всего тому назад, "улицах" летними вечерами. Но главное, почему так много собралось народу почтить память Ефима, заключалось не в его известности и молодости, что, конечно, тоже имело значение. Это, прежде всего, необычайная, немыслимая и страшная сама по себе создавшаяся обстановка - начавшаяся война в далекой Японии или на более близкой, но тоже отдаленной российской границе, а на самом Дону, в нескольких верстах от станицы. И первой жертвой этой немыслимой, нежданной, навязанной войны оказался Ефим. Понятно желание граждан станицы выразить свое отношение к событиям присутствием на похоронах. И еще... Много постарался подъесаул - Иван Федорович Колесов, чтобы придать похоронам особо торжественный характер. Это он распорядился о высылке на похороны молодого полувзвода и конной полусотни для отдания воинских почестей убитому, при исполнении долга, молодому казаку. Отсюда легко объяснить и вполне законное любопытство всех - станице впервые приходилось видеть похороны с участием войск. Но кроме самого войска на похоронах была и ... музыка. На левом фланге первой восмерки всадников, на рослом рыжем коне, с блестящим на солнце корнет-а-пистоном в правой руке, ехал трубач-баклановец, не спускавший глаз с подъесаула в ожидании от него знака... Но подъесаул не выходил из своей задумчивости и попрежнему, с опущенной головой, шел впереди пешего полувзвода, прислушиваясь к пению и горестным вздохам родных Ефима.

Остановились на перекрестке, всего в нескольких десятках шагов от родительского куреня Ефима. Вон он налево в боковой улице, что пересекает ту, по которой идет к могилкам процессия. Виден фасад в четыре окна со ставнями желто-белого цвета, окна смотрят на улицу через узенький палисадник, весь в зелени низкорослых кустов шиповника с поднимающимися среди них двумя пирамидальными топольками, недавно посаженными - они едва дотянулись до соломенной крыши куреня. Может быть, эти тополькы сажал Ефим...

Задребезжал старческий тенорок дьякона, возглашающего краткую заупокойную литию. Ему отвечает хор грустным троекратным "Господи помилуй"... Закрестился народ, громче заплакали-запричитали приглушенно тетки Ефима, сильнее закачала головой в безмолвном горе мать, послышались вздохи, шорох... И вот все стихло.

- ... Еще молимся, - внятно доносился тенорок дьякона, - о упокоении рабов Божиих [illegible] с упокоением и раздельно произнес дьякон, - и о еже простится им всякому прегрешению вольному и невольному.

- Господи помилуй, Господи помилуй, Господи поми-и-луй...

В первый раз за дорогу от церкви молчаливое горе Устиньи Яковлевны прорвалось громким вскриком-стоном. Закрыв лицо руками, содрагаясь вся, зарыдала она, услышав имя ненаглядного сыночка...

- Устя, Устя! Ради Христа, скрепись! зашептал, наклоняясь к ней Тихон Васильевич.

- Яко да Господь Бог учинит души их идеже праведнии упокояются.

- Господи помилуй, Господи помилуй, Господи помилуй, - тихо вторил возгласам хор.

- Милости Божия, царства небесного и оставление грехов их, у Христа бессмертного Царя и Бога нашего просим.

- Подай Господи.

Конец литии... Отец Симеон, с печальным выражением, не покидавшим его добродушнего, заросшего бородой лица, поднял крест и медленно как всегда, произнес заключительн е слова моления под открытым небом:

- Яко Ты еси воскресение, и живот и покой усопших раб твоих ... - тут отец Симеон приостановился и от себя прибавил несколько слов: - на поле брани, за други своя, живот свой положивших... - Ефимия и Василия: Христе Боже наш: и Тебе славу воссылаем, со безначальным Твоим Отцом и животворящим Твоим Духом, ныне и присно, и во веки веков.

Носильщики дружно подняли гробы, шумно задвигалась крестящаяся толпа, лязгнули под фыркание коней стремена тронувшейся конной полусотни..., пошли к могилкам...

Хор собирался запеть "Святый Боже". Учитель-регент уже повернулся, подняв руки. Но в этот момент подъесаул кивнул трубачу. Тот приставил корнет к губам, надул щеки и ... полились нежные звуки трогательной "кавалерийской молитвы". Не то надо было играть. Но музыкант-то был один и на одном корнете никак невозможно было сыграть похоронного марша. Важно было то, что игрался военный сигнал, специально написанный для корнет-а-пистона и это как нельзя лучше подходило к обстановке. Хорошо играл трубач. Конь его, улавливая знакомые звуки, поднял уши и не опускал их до тех пор, пока мелодия не прервалась. Сам же трубач, вспомнив, очевидно, полк, так увлекся, что незаметно для самого себя повторил сигнал.

Скоро дошли до кладбища. Конница осталась за оградой, а пеший полувзвод вошел вовнутрь и меж покосившихся крестов, построился около двух свеже выкопанных могил.

Когда началось отпевание, подъесаул громко скомандовал полувзводу, державшему винтовки у ноги:

- На молитву - шапки - долой!

- Во время спуска гробов, когда хор пел "Вечную память", раздалась новая команда:

- На-а-кройсь!

- Взвод кру-гом! Пальба ... шеренгой!

- Взво-о-од ... пли!

- Трах-тах!

- Вынь патрон! К но-о-ге! Взвод кру-у-гом!

Все было кончено. Гулко падали комья земли на крышки гробов. Рыдал старый казак Тихон Васильевич... Наклонившись, бросал он в могилу щепотки земли - последнее, что мог он дать сейчас сыну... Страшным надрывным стоном вырвалась наружу материнская мука у Устиньи Яковлевны. Заголосила она, запричитала над свежей могилой ненаглядного сыночка... Ее не успокаивали, не просили сдержаться. Знали - бесполезно это, горе-то оно такое - неутешное...

Плакали все женщины, смахнул слезинку кое-кто и из казаков...

Тихон Васильевич пригласил на поминки причт, подъесаула, военный совет и ближайших соседей. Пошли, отказаться невозможно, отказаться в подобную минуту - это кровно обидеть станичника.

С кладбища войско разошлось не строем, а как попало. После залпа - одного из экономии патронов, вместо полагаемых трех - конные разъехались по домам, а потому на поминках не были. Герман Минаич, бодро как всегда, шагал в компании двух "сосунков" своего взвода. Один из них, возбужденно махая свободной от винтовки рукой, с жаром говорил:

- И саданула же она меня! Вот отдает, так отдает! Ажнык по сею минуту все плечо ноить! - парень, просунув левую руку под ремень винтовки, почесал правую сторону груди. - А у Тебя, Минаич - урядничек наш молоденький - отдает винтовка?

- Не-е, Петруша, не могла она у меня отдачу совершить, - загадочно усмехаясь, ответил Герман Минаич.

- Как так? Почему такое? - разом спросили оба "сосунка".

- Потому што я пожалел патрон.

- То-исть, как это пожалел?

- Да так и пожалел.

- Да почему же? Вить скомандовал подъесаул стрелять?

- Скомандовал, - спокойно, все так же хитро усмехаясь, как в начале разговора, сказал Герман Минаич. - Скомандовал ево благородия а я не выстрельнул. Решил я, ребятки, пулечку эту - Ефимушкину, намогильную - израсходовать на супостата каково-нибудь. Што-ж пулять так, зазря... В отместку, выходит, стрельну Ефимушкиной пулечкой... Вот вы и смекайте теперича, как она повернулась дела-то - виноватый я, аль нет, што не выпалил, приказа не исполнил?

Подъесаул, шедший неподалек и слышавший весь разговор, с удивлением посмотрел на Германа Минаича.

- "Ну и Герман Минаич, - подумал он. - Обязательно у него своя точка зрения... и нельзя сказать, что плохая. Хороший дед"...

+ П.Аврамов
(Участник Степного Похода)

:-:-:-:-:-:-:-:

НА ОСВЯЩЕНИЕ ПАМЯТНИКА П.Х.ПОПОВУ

Волнуются станицы,
Гудит набатный звон,
И смерть голодной птицей,
Летит на тихий Дон.

В жестокую годину,
Холодною зимой,
Ты горсть бойцов безусых,
Повел в Поход Степной

Без сел и без дороги,
Вокруг лишь только снег,
Голодный, неприютный,
В зимовниках ночлег...

Что будет темной ночью?
А что готовит день?
Ревет и жаждет крови
Озлобленная чернь...

Ты шел в степи холодной,
Без сел и без дорог,
Но в нас сердца надеждой,
Ты бодростью зажег.

Проснулся Дон наш гневный,
И на борьбу восстал,
Тебя назад из степи
Как праздника он ждал.

...

Давно уж это было,
Прошло уж много лет,
Ты многими осмеян,
Немногими воспет.

Ты не был сладкопевцем,
Речей ты не держал,
Но в жуткую минуту,
Ты путь нам показал.

Пройдут еще десятки,
Быть может сотни лет,
В снегу, багряном кровью
Не сгладится твой след.

С.Ш.А. Г.Гордеев.

:-:-:-:-:-:-:

ПАМЯТИ ДРУГА

Мне никогда не приходила в голову мысль, что я буду писать воспоминание о Донском Атамане Петре Харитоновиче Попове, о человеке мощного здоровья и выносливости.

Меня соединяла с ним долговечная дружба, хотя я и не принадлежал ни к одному из казачьих Войск. Мое знакомство с ним и дружба начались со времени поступления в Академию Ген. Штаба в 1896 г. и продолжались до последних дней его жизни.

По окончании Академии в 1899 г., которую он кончил по I-му разряду с причислением к Ген. Штабу, он взял ваканции в Московский военный округ и в Москве был прикомандирован к штабу 3-й Гренадерской дивизии, расположенному там же. С осени, в свободное время, читал лекции по топографии в 3-м военном Александровском училище, был требователен к юнкерам, но всегда давал возможность получившим неудовлетворительный балл на предыдущей репетиции, повысить оценку на следующей репетиции, что очень нравилось юнкерам.

Мы жили в Москве с Петром Харитоновичем в одной и той же гостиннице на Тверской улице и часто посещали Оперу, драматический театр и особенно Художественный театр, который в то время только что получил свою известность и между прочим тогда же появились на его сцене драматические произведения Чехова, которыми мы особенно увлекались. Летом штаб Московского военного округа (в то время П.Х. служил еще в штабе округа) перебирался на Ходынку, лагерь войск Москвы, где и находился до конца лагерного сбора.

П.Х. иногда с офицерами Ген. Штаба играл в теннис, но он был новичек в игре и отбивал с такой силой мяч, что однажды с размаху ракетой сломал молодое деревцо. После тенниса, обычно приглашались обедать к одному из офицеров штаба, там разбирались разного рода военные вопросы или события политического характера.

Живя в Москве, мы с П.Х. для усовершенствования во французском языке, брали уроки, но к сожалению это продолжалось недолго, т. к. этому помешала начавшаяся русско-японская война и мы возбудили ходатайство о желании быть отправленными на театр военных действий, но нам в этом отказали.

Цензовое [illegible] П.Х. отбывал в одном из полков I-й кавалерийской дивизии, обращал особое внимание на моральную сторону, часто ведя в эскадроне беседы, беря примеры из жизни и из нашей военной литературы и при этом таким простым языком говорил, чтобы было понятно слушателям.

Во время русско-японской войны, куда мы с ним неудачно пытались попасть, писал военные статьи в очень распространенной газете "Русское Слово", часто пользуясь материалом, который присылали его товарищи офицеры Ген. Штаба с театра войны.

Интересно отметить, что П.Х. не верил в удачный выбор Главнокомандующим ген. Куропаткина, основываясь на том, что еще во время Боксерского восстания ген. Куропаткин руководил из Петербурга действиями русских войск, отдавая одно распоряжение противоположное первому, когда первое начало уже проводиться в исполнение. Действительность оправдала предсказание П.Х. Период, когда П.Х. был н-ком Новочеркасского военного уч-ща и гражданской войны на юге не буду касаться, т. к. об этом существует большая литература, из которой можно узнать деятельность П.Х. и это не входит в мою задачу.

Во время пребывания П.Х. в Москве, он часто бывал в Румянцевском музее и в других хранилищах архивов, в которых он черпал материал касающийся истории Дона, но судьбу его работы я не знаю. После эвакуации из России мы с П.Х. встретились в Париже, но будучи офицером Ген. Штаба, эта профессия в чужом государстве была совершенно непригодной, пришлось подыскать подходящее занятие, которое давало бы возможность существовать. Неудачно подумав заарендовать участок земли и разводить на нем "шампиньоны", нас разочаровал знаток сельского хозяйства, убедив нас в том, что разводить грибы - это подсобное занятие и мы будем не в состоянии выплачивать необходимую сумму за аренду только участка, а об обеспечении жизни не придется и думать.

Явилась другая мысль, оказавшаяся более удачной, я поступил в поварскую школу "Кордон Бле", окончил ее, поступил на место, где я мог поучить кулинарному искусству П.Х. (вместе в школу мы не могли поступить, т.к. не было денег на обучение). Позже П.Х. поступил поваром к Великой Княгине Марии Павловне. Кухня у них была простая, однако П.Х. удалось приготовить очень вкусное блюдо из сардинок, которое так понравилось, что часто подавалось к столу.

Когда началась большая тяга в Америку, П.Х. этим заразился, начав хлопотать о получении необходимых бумаг для переезда в С.Ш.А. и вскоре я проводил своего друга в далекий путь. У П.Х. была мысль обзавестись в Америке фермой, но т.к. денег не было, то он думал по приезде поступить поваром в русский ресторан и скопив нужную сумму денег приступить к выполнению своей заветной мысли, купить или заарендовать ферму.

В действительности вышло иначе. П.Х. написал мне по приезде в Нью-Йорк, что встретился с бывшим своим сослуживцем, который уже имел ферму и занимался куроводством (около 2700 кур), уговорил его остаться на этой ферме и продолжать куроводство, т.к. сам он служил в Нью-Йорке.

П.Х. согласился на это предложение. Он довел число кур до 5000, оборудовал ферму, построив для кур соответствующие помещения, но скоро разразился экономический кризис в Америке, владелец фермы вернулся к себе, начались недоразумения и в результате П.Х. пришлось уйти. Поступил в русский ресторан, т.е. с чего и надлежало ему начать, как он предполагал в Париже.

В последний раз я его видел в Париже, когда он уже Атаманом приехал на короткий срок. Тогда он еще с некоторой надеждой рисовал свои планы объединения казаков, на благо России и Дона.

В личной жизни П.Х. был всегда очень скромен, благожелателен ко всем, бессеребренником и всегда довольствовался малым.

Живя с П.Х. давно в Петербурге, Москве и в Париже, и поддерживая письмами связь с ним, я отлично знал его путь, его мечты, направленные на восстановление горячо любимой России и вместе с нею любимого Дона, его родины. Он не щадил для этого ни своего здоровья, ни своих скудных средств. Скончался он в Нью-Йорке 6 октября 1960 г.

Да будет ему легка земля в чухом краю, да сбудутся его мечты.

Мир праху его.

Генерал Г.Покровский.

:-:-:-:-:-:-:-:

ПАМЯТИ ПОХОДНОГО АТАМАНА ГЕН. П.Х.ПОПОВА.

Много пишут и говорят о достоинствах и заслугах выдающихся людей после их смерти. Хочется и мне сказать несколько слов о выдающемся донском казаке генерале от кавалерии Петре Харитоновиче Попове.

Его я знал, будучи еще малолетком в Новочеркасске с 1915 г., а позже в 1917 г. Из 25-й Донской казачьей батареи я был откомандирован в Новочеркасское Казачье Уч-ще, которое окончил при П.Х. В уч-ще я видел отношение его, как к юнкерам, так и с казачьей командой: он был строгим, но справедливым начальником и юнкера его любили. Я не буду писать про его биографию, она написана уже людьми располагавшими документальными данными, но расскажу об личных впечатлениях.

Часть своего детства П.Х. провел у своей бабушки в Мигулинской станице и посещал там Начальное Уч-ще. Я тоже той же станицы и жил там до поступления на военную службу. И уже здесь в С.Ш.А., любимой темой разговоров П.Х. со мной была наша станица. Вспоминал он большую кирпичную церковь, замечательной, редкой архитектуры, большое, глубокое у самой станицы озеро Гущевку, которое, по рассказам П.Х., со слов его деда, было старым руслом Дона. Были проэкты его использовать для направления Дона в старое русло. Позже П.Х. принимал в этом деятельное участие, ибо это было очень важно для развития коммерческой жизни станицы. Но пока на это изыскивались средства грянула война, потом и революция - было не до этого. Нередко П.Х. с увлечением рассказывал эпизоды из времени своего пребывания в Академии Ген. Штаба и по службе в штабе Московского военного округа.

Вспоминая о П.Х., нельзя не вспомнить то время, когда он со своими юнкерами в Новочеркасске при Атамане Каледине, был единственной реальной силой, на которую мог опереться Атаман и правительство. Он же помог обезоружить солдат на Хутунке, он же организовал "Ростовский поход" Атамана Каледина. При выборах Донского Атамана в мае 1918 г., когда атаманский пернач по праву Божьему и человеческому надлежало бы вручить П.Х., по разным обстоятельствам этого не было сделано. Но он не обидился, не покинул Войска. А когда в 1919 г. враг подошел к столице Дона, П.Х. призванный стать председателем Донского Правительства, исполняя должность заместителя Донского Атамана, много сделал для восстановления боеспособности Армии и спасения положения.

Он всегда отличался природной незлобивостью, скромностью, умеренностью. Всегда терпимо относился к мнению инакомыслящих. Нас, ближайших его помощников на посту Донского Атамана в эмиграции в С.Ш.А., всегда удивляло, что, ознакомившись с каким нибудь пасквилем или клеветой, особенно во время предвыборных кампаний, и услышав от

нас "нужно ответить" всегда говорил "отвечать не к чему". "Все это клевета, а опровергать ее будет будущий историк. Я же считаю ниже своего достоинства вступать в пререкания с клеветниками." В этом был весь П.Х.

П.Х. очень интересовался историческим прошлым Дона. Им было много написано на эту тему, много было собрано материалов. Свои записки он всегда хранил при себе, даже когда попадал в госпиталь или в дом для выздоравливающих. Но однажды, когда он, живя в доме для престарелых, вышел на свою краткую обычную утреннюю прогулку, служащие дома, по распоряжению заведующего домом, забрали в его комнате всю собиравшуюся им литературу (журналы, газеты, брошюры, книги и т.д.) и выбросили в ящик для отбросов, увезли и уничтожили. Вместе со всем этим были выброшены и все рукописные труды П.Х. и даже его карманные серебряные часы, которые П.Х. получил будучи юнкером как приз "за стрельбу". Близкое окружение П.Х., как будто приняло какие-то меры против заведующего домом, но до самой смерти П.Х. загадка по этому делу так и осталась неразгаданной. Вопрос - кому нужно было уничтожение записок П.Х. так и остался открытым.

Еще за некоторое время до своей смерти П.Х. был бодр, сам выходил покупать себе газету. Когда к нему приходили друзья, он смеясь говорил, что переживает своего отца (более 100 лет). И вдруг паралич всей правой стороны. Смерть наступила не сразу. Долгое время он поддерживался кислородом, но ничего уже сделать было нельзя.

Похоронами распоряжался его ближайший сотрудник П.И.Медведев. Чин отпевания совершал митрополит Ириней, в сослужении с протоиереями П.Поповым и Ладинским - оба донские казаки. Пел архиерейский хор под управлением Афонского. Около гроба - американский и донской флаги, которые держали ес. Третьяков и сотн. Болдырев. После отпевания протоиереем Ладинским было сказано прочувственное слово, обрисовавшего деятельность почившего и его руководство донцами с I февраля по 5 мая 1918 г. в борьбе с большевизмом. П.Х. всегда был примером мужества и бескорыстного служения родному казачеству, которому он посвятил всю свою жизнь до последнего вздоха. Погребение состоялось на казачьем участке русского кладбища в Нью-Джерси. Последняя воинская почесть - салют из охотничьих ружей. "Если бы мы хоронили Донского Атамана генерала от кавалерии П.Х.Попова у себя на Дону, это были бы национальные похороны - сказал в последнем слове отец Ладинский - которые он заслужил, с участием артиллерии, кавалерии, пехоты и с положенным салютом, но здесь, на чужбине, мы принуждены ограничиться охотничьими ружьями". Дубовый гроб был опущен в другой - цементный, заранее опущенный в могилу. Цементный гроб был закрыт такой же крышкой и после уже был засыпан землей. У могилы были сказаны прощальные слова протоиереем Ладинским, Б.Н.Улановым, В.Г. Глазковым.

После обряда погребения, все присутствующие собрались в ближайшем ресторане на поминальную трапезу по казачьему обычаю, во время которой было сказано много речей посвященных памяти покойного. В частности теплое и прочувственное слово сказал ген. Ф.Ф.Абрамов, отметив его честное и нелицемерное служение России и Дону.

На панихидной трапезе был заложен и первый камень памятника П.Х. - было собрано 143 дол. Дальнейшая жертвенность казаков позволила избранной специальной комиссии создать этот памятник по проэкту донского казака художника-скульптора Королькова.

Вечная память достойнейшему казаку Войска Донского - Атаману

генералу от кавалерии Петру Харитоновичу Попову.

С.Ш.А. А.И.Третьяков.

:-:-:-:-:-:-:

Отчет Строительного Комитета памятника на могиле ген. Попова:

Собрано на трапезе в день погребения - 147 долларов.
Собрано по подписным листам. (в долларах)
Д.Е.Свинаревым - 17,50, И.Терсковым - 8, Г.И.Ноговым - 15, хором Н.Ф.Кострюкова - 24, М.Я.Дьяконовым - 16, Т.Н.Козловым - 26,50, А.И.Никитиным - 5, Д.Ф.Фалимоновым - 6, Г.Ф.Чеботаревым - 14, неизвестным - 10, В.П.Поповым-Вайт - 8, хором С.А.Жарова - 15, В.В.Черешневым - 5, И.С.Ореховым - 21, А.М.Дмитровым - 23, Монреальской станицей - 84,90, П.И.Медведевым - 26,52, М.Долговым - 7, Н.П.Лобовым - 5, А Д.Николенковым - 25, М.М.Афанасьевым - 3, Ф.И. Быковым - 20, С.И.Донсковым в Аргентине - 24,04.
Получено от А.Е.Афанасьева, от Обще-Казачьей станицы в Нью-Йорке - 135 долларов, от В.А.Балахнина, от Донской станицы в Калифорнии - 100 долларов, от Ф.И.Сулина, от Павловской станицы в Нью-Йорке - 56 долларов, от Ф.Наумова, от Обще-Казачьей станицы в Патерсоне - 18,75 долларов.
Выручено Д.Е.Свинаревым от продажи картин выдачи казаков в Лиенце - 7,50 долларов.
Получено от разных лиц - 144,80 долларов.

Всего поступило - 1018.51 долларов.

Израсходовано : на постановку памятника и газетные объявления - 962,51 долларов.

Остаток в 56 долларов переведено в Объединение Партизан-Степняков в Париже на усиление средств на издание № журнала "Родимый Край", посвященного памяти ген. Попова.

:-:-:-:-:-:-:-:-:

Денежный отчет Комиссии по увековечении памяти ген. П.Х.Попова:

Приход:
Н.И.Тараринн, А.П.Падалкин и партизан Снесарев - по 50 Ф; В.Н.Романов, Б.А.Богаевский, М.П.Сергеев, г-н Медведицков, Союз Донских Артиллеристов и Казачий Союз Востока Франции (Сошо) - по 30 Ф; Ольга Галицына, г-н Литвинов, С.П.Кондрашев - по 20 Ф; ес. Еронин - 15 Ф; Н.П.Казинцев - 12 Ф; ген. П.К.Писарев, С.Ш.Балданов, Н.П.Чижов, П. В.Колтышев, Н.Штейнбекер, В.С. и М.Н Левитовы, кап. Шилов, М.Кацман, А.Борисов, И.А Евстратов, полк. Золотов, полк. Скандилов, г-н Мукосеев, г-н Ковалев, Секция Казаков-Комбатантов в г. Монтаржи, Н.Ф. Пузанов, Е.Е.Ковалев, г-н Аристов, партизан Процыков, г-н Голенов - по 10 Ф; кап. Боевой и сотн. Орлов - по 5 Ф; ес. Сердинов - 2 Ф; ес. Третьяков - 5 долларов; г-н Семенов - 2 доллара; В.Припольцев - 5 немецких марок.
Всего поступило: 668,95 франков.

Расход:
почтовые и канцелярские - 24,15 Ф; объявление в газете "Русская Мысль" о панихиде по ген. П.Х.Попове - 33,10 Ф. Всего - 57,25 Ф.

Остаток 611,70 Ф. переданы Редакции журнала "Родимый Край" в фонд издания специального №, посвященного памяти ген. П.Х.Попова и пятидесятилетию Степного Похода и казачьих восстаний весной 1918 г.

Секретарь-Казначей Комиссии:

А.Падалкин.

:-:-:-:-:-:-:-:-:

ДЕНЕЖНЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ В РЕДАКЦИЮ "РОД. КРАЯ" НА ИЗДАНИЕ СПЕЦИАЛЬНОГО № ПОСВЯЩЕННОГО СТЕПНОМУ ПОХОДУ, ПОХОДНОМУ АТАМАНУ ГЕНЕРАЛУ П.Х.ПОПОВУ И НАЧАЛУ КАЗАЧЬИХ ВОССТАНИЙ НА ДОНУ.

18.9.1966. От Комиссии по увековечению памяти ген. Попова через А.П.Падалкина: 611,70 франков.
12.2.1967. От Строительного Комитета памятника на могиле ген. Попова через отца П.Попова и А.П.Падалкина: 271,35 франков.
15.5.1967. Объединение Партизан-Степняков через А.П.Падалкина: 50 франков.
6.4.1968. От Обще-Казачьей Станицы в Нью-Йорке через ее атамана А.Е.Афанасьева: от отца П.Попова и станицы - по 10 долл., от А.Е. Афанасьева, В.М.Бабустова, С.А.Пахомова, проф. Б.П.Прощакова, полк. Сохранова и от казаков станицы им. ген. Краснова И.И.Караваева, Ф. Стрижакова - по 5 долл., Н.Д.Гончарова, М.А.Саринова и А.И.Тульцева - по 3 долл., от Т.И.Рябичева - 2 долл.
28.8.1968. От Объединения Партизан-Степняков - 100 франков.
С 1.9.1968 по 15.1.1969 поступило от разных организаций и лиц: от неизвестного через А.П.Падалкина - 1000 Ф, А.П.Падалкина - 350 Ф, С.А.Артемова - 200 Ф, Б.А.Богаевского - 150 Ф, Т.Г.Полякова, П.М. Полякова, М.Д.Школенко, Н.П.Казинцева, Объединения Партизан-Степняков - по 100 Ф, через М.И.Кацмана от Партизан-Чернецовцев - 80 Ф, через него же от Партизан-Семилетовцев - 80 Ф, В.А.Ульянова - 60 Ф, Н.Ф.Пузанова - 80 Ф, ген. Н.Г.Зубова, докт. Н.Н.Тарарина, ТФБ, Б. Жукова, Н.А.Ломакина, К.Жиброва, Н.И.Катенева и Проскурина - по 50 Ф М.П.Сергеева, Е.Е.Ковалева, г-жи Д.Я.Падалкиной, Ф.Ф.Гончарова, г-жи Лели, Объединения Атаманского Уч-ща через И.А.Евстратова, Романа Кузнецова и его дочери Ольги - по 30 Ф, Н.Н.Туроверова, В.Черничкина, партизана-степняка - по 25 Ф, А.А.Морозова - 24 Ф, инж. Зверева - 14 Ф, И.Я.Крюкова - 15 Ф, А.К.Л. - 16 Ф, Н.В.Альникина - 17 Ф, А.К.М. - 16 Ф, от Калмыцкого Союза через С.Ш.Балданова - 22 Ф, В.В.Тевяшова, г-жи К.Г.Чернобровкиной, Д.Д.Кирсанова, И.Г.Гнилорыбова - по 20 Ф, А.Додонова, П.А.Селиверстова, А.Сысоева, Н.Н.Евсеева, И.Е.Николаева, К.Кравцова, П.Халанского, М.В.Васильева, Е.М.Миронова, секции Союза Казаков-Комбатантов в Монтаржи, В.М.Кузнецова, И.И.Сагацкого, И.В. Ковалева, Е.Голубова, А.С.Кулягина - по 10 Ф, И.Г.Воевода - 5 Ф, М.А.Петрова, И.Т.Серебрякова - по 4 Ф, Е.Н.Кадиков - 9 Ф, г-на Парамонова - 12 Ф.
От П.А.Алексеева - 50 долл., от Н.Н.Синяпкина - 25 долл., Донской станицы в Лос-Анжелос через В.А.Балахнина и от П.М.Медведева -

по 20 долл., от проф. В.Г.Улитина - 13 долл., проф. М.М.Афанасьева, В.М. Петруся, г-жи Е.Д.Богаевской - по 10 долл., от дроздовца Ю.В. Зауера и г-жи Е.М.Даниловой в память мичмана Императорского Флота, участника борьбы на юге России - по 10 канадских долл., от Ф.И.Быкова, А.И.Третьякова, г-жи Кучеровой и г-жи О.Кривецкой совместно, В.А.Балахнина, С.И.Донскова, А.И.Скрылова - по 5 долл., проф. Н.Н. Воробьева - 6 долл., от неизвестного из Монреаля, И.И.Какурина - по 3 долл., Б.Н.Шарапова - 3 канадских долл., ген. Хрипунова и П.Г. Талалаева - по 2 долл., В.Л. - 1 долл., собрано В.В.Тевяшовым среди казаков в Бельгии - 61,08 ₣, от А.М.Голубова - 100 бельг. Ф, Б.Ракова - 20 герм. мар., М.Я.Борисова - 15 герм. мар.

Редакция "Родимого Края" приносит всем помогшим ей в издании этого N° свою большую искреннюю благодарность.

:-:-:-:-:-:

ОТ ПАРТИЗАН - СТЕПНЯКОВ :

В начале 1968 г. парижская группа участников Степного Похода выразила пожелание издать материалы посвященные 100-летию со дня рождения организатора и вождя Степного Похода - генерала от кавалерии П.Х.Пова, и 50-тилетию Степного Похода и начала казачьих восстаний на Дону весною 1918 г.

Средств для этой цели не было почти никаких. Была только надежда на то, что зарубежное донское казачество рассеянное по всему миру, поможет этому доброму и нужному для Донской истории делу.

Надежды их оправдались. На обращение председателя Объединения Партизан-Степняков о сборе средств на указанную цель отозвались ни только казаки доцы, но и вообще русские люди.

Список жертвователей приведен выше.

Благодаря этому собралась сумма достаточная для издания настоящего N° "Родимого Края"; это свидетельствует о том, что жертвовавшие, как и мы Степняки, считали необходимым издать материалы, посвященные вышеуказанным юбилеям.

Объединение Партизан-Степняков и я лично, как его председатель, шлем всем жертвователям сердечное спасибо и низкий поклон.

Особая благодарность донскому казаку пожертвовавшему тысячу франков и, по скромности своей, не пожелавшему указать своего имени в списке жертвователей.

28 января 1969 г. Есаул А.Падалкин.
П а р и ж .

:-:-:-:-:-:

СПИСОК ФОТОГРАФИЙ , ФОТОКОПИЙ И СХЕМ .

От Редакции: Фотографии печатались по мере как их поступления, так и поступления материальных средств для их печатания. В силу этого, распределение их получилось, в некотором разброде, без распределения по положению, чинам, ролям и т.д., за что Редакция приносит извинения.

Количество фотографий могло бы быть еще более значительным, если бы наличие средств позволило их напечатать.

Все даты указаны по старому стилю.

На обложке:
1 - Сверху посередине - генм. П.Х.Попов, начальник Новочеркасского Военного Училища.
2 - Сверху слева - Степной крест, лицевая сторона.
3 - Сверху справа - Степной крест, обратная сторона.
4 - Внизу - рисунок художника, донского казака В.А.Иванова, символизирующий Степной Поход и начало казачьих восстаний на Дону.

В конце журнала, в порядке расположения:
Страница 1.
1 - Донской Атаман ген. А.М.Каледин - застрелился 29.I.1918 г. в Атаманском Дворце, в Новочеркасске.
2 - Полк. В.М.Чернецов - зарублен Подтелковым у хут. Гусева 22.I. 1918 г.
3 - Донской Атаман ген. А.М.Назаров - расстрелян большевиками в Новочеркасске 17.2.1918 г.
4 - Помощник Атамана Каледина, М.П.Богаевский - расстрелян большевиками в Ростове I.4.1918 г.

Страница 2.
5 - Ген. от кавалерии П.Х.Попов - председатель Правительства Всевеликого Войска Донского.
6 - П.Х.Попов - представитель Донского Атамана на Ближнем Востоке.
7 - П.Х.Попов - Атаман В.В.Д. зарубежом. Умер в С.Ш.А. 6.10.1960 г.
8 - Последний салют при погребении ген. П.Х.Попова.
9 - Памятник на могиле ген. П.Х.Попова.

Страница 3.
10 - Ген. А.П.Богаевский - командир Партизанского полка Добровольческой Армии, состоявшего главным образом из донских партизан, (в Первом Кубанском Походе), позже председатель Правительства В.В.Д. в дни Атамана Краснова, затем Атаман В.В.Д. с февраля 1919 г. Умер в Париже в октябре 1934 г.
11 - Ген. Л.Г.Корнилов - командующий Добровольческой Армией, убит под Екатеринодаром 29 марта 1918 г.
12 - Ген. В.И.Сидорин - н-к штаба Походного Атамана в 1917-18 г.г., командующий Донской Армией в 1919-20 г.г. Умер в Чехословакии в 1940 г.
13 - Ген. И.П.Астахов - н-к Донской Артиллерии, участник Степного Похода, умер в Риме (Италия) 26.II.1935 г.

Страница 4.
14 - Ген. К.К.Мамантов, н-к Партизанского отряда в Степном Походе, отравлен в госпитале в Екатеринодаре в январе 1920 г.
15 - Ген. П.К.Писарев, один из старейших партизан, командир Партизанского полка после ген. А.П.Богаевского во 2-м Кубанском Походе, умер в Нариже в 1964 г.
16 - Есаул Ф.Д.Назаров, н-к Партизанского отряда в Степном Походе, убит в стычке с большевиками на Дальнем Востоке в 1928 г.
17 - Ген. Е.Ф.Семилетов - н-к Партизанского отряда в Степном Походе умер в Новочеркасске в 1919 г.

Страница 5.
18 - Полк. В.В.Мартынов - н-к партизанского отряда в Степном Походе убит в бою с большевиками в августе 1918 г.

19 - Полк. Б.Л.Мангатов, организатор калмыцких восстаний, убит I.3. 1918 г. в стычке с красными у ст. Великокняжеской.
20 - Сотник Э.Л.Яманов, командир 4-й калмыцкой сотни в Степном Походе, умер в эмиграции в 1923 г.
21 - Есаул М.Т.Попов, помощник полк. Чернецова по организации партизанского отряда, последний командир чернецовцев в I-м Кубанском Походе, умер в Париже 25.7.1935 г.

Страница 6.
22 - Виктор Севский, казак Константиновской станицы В.А.Краснушкин, певец славы и героизма донских партизан, в дни Каледина был редактором газеты "Вольный Дон", в 1918-19 г.г. редактором журнала "Донская Волна". Расстрелян большевиками в 1921 г.
23 - В.ст. Е.А.Волошинов, председатель "Назаровского" Малого Войскового Круга. Расстрелян большевиками 17.2.1918 г.
24 - Юнкер Н.П.Казинцев (участник Степного Похода), для спасения которого из рук большевиков на станции Ремонтная восстала Баклановская станица. Здравствует в Париже.
25 - Полк. М.В.Кузнецов, организатор казачьих восстаний в Черкасском Округе весной 1918 г. Умер в Париже в 1935 г.

Страница 7.
26 - Полк. А.Н.Евсеев, атаман Новониколаевской станицы, старейший партизан в Степном Походе, в штаб-офицерской дружине ген. Базавова. Умер в Румынии в 1930 г.
27 - Подъес. Н.Н.Туроверов, чернецовец, партизан Атаманского отряда в Степном Походе. Известный донской поэт. Здравствует во Франции.
28 - Набросок-шарж Л.Кудина - партизана-степняка, на А.Ф.Аладьина, члена I-й Государственной Думы, участника Степного Похода, умершего в эмиграции.
29 - Парижская группа партизан-степняков в 1934 г. на обеде участников Первых Походов. Стоят справа налево: партизан Т.Ф.Баранов, полк. С.В.Болдырев (умер в С.Ш.А. в 1957 г.), ес. А.П.Падалкин, ген. Н.И.Тарарин (умер в Париже в 1966 г.), полк. М.С. Пономарев, следующих двоих фамилии неизвестны, полк. М.С.Зеленков (умер), сзади него и рядом фамилии неизвестны. Сидят справа налево: г-жа З.П.Падалкина, зубной врач З.Матвеева, г-жа М.Н.Болдырева, партизан В.Черничкин, А.С.Артемов (умер), сестра милосердия Семилетовского отряда К.Г.Балашевич, позади нее полк. И.В.Балабин (умер), ес. Д.А.Артемов (умер), ес. С.А. Артемов, сотн. Б.А.Раков, партизан П.Попов (священствует в С. Ш.А.), г-жа Зеленкова.
30 - Есаул А.П.Падалкин - последний председатель Объединения Партизан-Степняков в эмиграции.

Страница 8.
31 - Группа партизан-степняков на паперти Новочеркасского Собора во главе с Походным Атаманом ген. П.Х.Поповым после парада 26 апреля 1918 г.

Страница 9.
32 - Партизаны и их начальники:
I-й ряд слева направо: ген. Г.Каргальский, командир Атаманского отряда в Степном Походе, умер в эмиграции; ген. М.Г.Хрипунов,

помощник н-ка Атаманского отряда, здравствует в эмиграции; в.ст. П. М.Аврамов, организатор отряда ес. Боброва, в Степном Походе врменно командовавший 2-й калмыцкой сотней, со 2 апреля командир конвойной сотни штаба Походного Атамана, умер во Франции; сотн. Греков, командир партизанского отряда "Белый Дьявол".

2-й ряд: донская казачка Константиновской станицы, студентка, сестра милосердия Ростовского госпиталя, Шура Гайдукова, 9 февраля 1918 г. пыталась вывезти из Ростова в Новочеркасск раненых добровольцев. В ночь на 19 апреля приняла участие в Ростовском восстании против большевиков, а с подавлением его ушла в Добровольческую Армию в ст. Егорлыцкую и в первом бою в составе Корниловского полка была убита; студентка сестра партизанского питательного пункта в Персияновке - Лимарева, 13 февраля расстреляна большевиками на полустанке Александровка с 4 другими партизанскими сестрами.

3-й ряд: Н.Н.Евсеев, воспитанник Константиновского Реального Училища, убит в Походе у ст. Еркетинской; партизан гимназист Семилетовского отряда И.В.Филимонов, убит 18 апреля 1918 г. у А.-Грушевска.

4-й ряд: донской казак, юнкер Михайловского Артиллерийского Учища, В.Кащеев, убит у Ал.-Грушевска; хор. Янковский, участник ростовского "похода" Атамана Каледина, участник Степного Похода, убит 13 августа 1918 г.

5-й ряд: партизан студенческой боевой дружины, студент Л.А.Чакалов, 12 февраля 1918 г. остался раненым в госпитале Новочеркасска а 13-го расстрелян матросами Мокроусова на улице, против госпиталя; ген. С.А.Бородин, с 24 марта по 2 апреля 1918 г. командовал отрядом восставших казаков у ст. Котельниково, умер в эмиграции.

Посредине сверху: группа партизан-степняков со своими сестрами милосердия. С раненой рукой ес. Д.А.Артемов.

Внизу: известный донской историк стасткий советник Х.И.Попов, отец Походного Атамана, создатель и долголетний директор Донского Войскового Музея. Расстрелян большевиками в 1920 г. Портрет этот, больших размеров, по рассказам казаков побывавших на Дону в последние годы, в угоду "казачьим патриотам", украшает стену вестибюля Областного Музея в Новочеркасске.

Страница 10.

33 - Казачьи жертвы большевизма на Дону и донские партизаны:

1-й ряд слева направо: ген. П.Н.Краснов, Атаман В.В.Д. с 4 мая 1918 г. по 2 февраля 1919 г., повешен в Москве в 1947 г.; ген. Ф.Ф. Абрамов, командовавший северным фронтом партизан до 9 февраля 1918 г., умер в С.Ш.А.; ген. А.В.Черячукин, командовавший северо-западным фронтом партизан до 12 февраля, умер во Франции; ген. Л.Л.Сидорин, бывший к-р Сибирского Корпуса до войны 1914 г., расстрелян большевиками в ст. Аксайской 15 февраля 1918 г. за то, что был родным дядей н-ка штаба Походного Атамана.

2-й ряд: ген. Туроверов, до революции был помощником наказного Атамана, расстрелян большевиками в Новочеркасске в феврале 1918 г., ген. Исаев, расстрелян с Атаманом Назаровым. В.ст. Тарарин, расстрелян большевиками с ген. Назаровым; священник В.Проскуряков, популярный общественный деятель ст. Великокняжеской, расстрелян в станице большевиками 28 февраля с двумя сыновьями студентами за сочувствие "кадетам".

3-й ряд: п.р. В.П.Крутский, чернецовец, при погребении Атамана Каледина "последний его ординарец", ротмистр Н.И.Иноземцев - к-р 3-й

сотни чернецовцев, убитый при оставлении Ростова, в последней контратаке в ночь на 9 февраля 1918 г.; офицер Л.-Гв. Казачьего ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА полка ес. Я.Ф.Рыковский, донской партизан в Корниловском Походе, убит под Екатеринодаром; В.Лисин, сотник 7-го Донского Казачьего полка, партизан Назаровского отряда, убит в Степном Походе.

4-й ряд: хор. Сазонов, донской партизан, убит в Корниловском Походе под ст. Медведовской; юнкер Новочеркасского уч-ща И.Н.Греков, убит в Корниловском Походе в отряде Краснянского у ст. Выселки, хор. Г.С.Попов, Семилетовского отряда, убит в Степном Походе; семинарист Н.Г.Попов, партизан чернецовец, убит в Степном Походе.

5-й ряд: кадет 7 класса Донского кадетского корпуса А.Данилов, партизан чернецовец, убит в Походе; воспитанник Усть-Медведицкой гимназии Подольский, застрелян в станице комиссаром Рошковым по обвинению в покушении на его жизнь; студент Ф.Ф.Пухляков, казак Раздорской станицы, партизан Студенческой дружины, 30 марта 1918 г. убил в ст. Заплавской казачьего Иуду, предателя Н.М.Голубова, что положило начало казачьему восстанию в Черкасском Округе против большевиков, Атаман Новогрушевского хут. Грушевской ст. Е.А.Лактионов, приговоренный большевиками к расстрелу 12 февраля 1918 г. за мобилизацию казаков хутора, по приказу Атамана Назарова, своими смелыми ответами н-ку отряда матросов Мокроусову, что он как хуторской атаман выполнял приказ законной власти на Дону, был им помилован.

Страница II.

34 - Партизаны, их начальники и жертвы большевизма на Дону:

I-й ряд слева направ: кап. Б.Курочкин, убит в I-м Кубанском Походе; ес. Р.Лазарев, расстрелян в 1920 г. в Крыму; полк. Г.Н.Лысенков, убит в Степном Походе; кап. Е.А.Балихин, убит в бою у А.-Грушевска.

2-й ряд слева направо: ес. Тацин, убит в бою в июле 1918 г.; ес. Жданов, убит в августе 1918 г.; сотн. С.И.Кутырев, убит в Степном Походе; хор. И.И.Михин, убит в Степном Походе.

3-й ряд: хор. Сидоренков, убит в Степном Походе; партизан студент В.Стефанов, расстрелян большевиками в Кривянской 13 февраля 1918 г.; партизан студент С.Ершов, расстрелян вместе с Стефановым; семинарист Кожин, убит в Степном Походе.

4-й ряд: кадет В.Полковников, первая жертва из отряда Чернецова, убит 29 декабря 1917 г. у станции Дебальцево; сотн. Медведев, убит в Походе у ст. Андреевской; студент И.Павлов, атаман донской студенческой станицы в Ростове, убит в Семилетовском отряде, полк. В.К.Монакин, участник Степного Похода, умер от ран в 1919 г.

5-й ряд: ген. Усачев и ген. Груднев, расстреляны большевиками в Новочеркасске 17 февраля 1918 г.; полк. М.И.Бояринов, расстрелян большевиками в Батайске, в феврале 1918 г.; полк. С.И.Бояринов - тоже.

Страница I2.

35 - Организаторы и вожди казачьих восстаний:

I-й ряд, слева направ.: ген. И.Ф.Быкадоров, умер в Париже в 1956 г., ген. З.А.Алферов, умер в эмиграции; ген. Т.М.Стариков, умер в Париже II декабря 1934 г.

2-й ряд: ген. А.К.Гусельщиков, умер во Франции, в г. Виши 21 февраля 1966 г.; ген. С.Д.Поздышев, здравствует в эмиграции; сотн. В.Л.Веденин, убит в 1919 г.

3-й ряд: кап. А.Сычев, убит в 1918 г.; сотн. Леонтьев, убит в

стычке с большевиками у ст. Каменской 13 марта 1918 г.; ес. П.Дудаков, вернулся в 1923 г. в С.С.С.Р. и пропал без вести.

4-й ряд: ген. Г.Янов, умер в эмиграции; урядник Мугутов, участник восстания Суворовской станицы, умер в эмиграции; есаул Неживов командир партизанской батареи, убит в Степном Походе.

36 - Участники совещания представителей Донского, Кубанского, Терского и Астраханского Войск, бывшего 6-7 июня 1919 г. в Екатеринодаре. Стоят слева направо: ген. П.Х.Попов, председатель Донского Правительства, Н.С.Рябовол, председатель Кубанской Краевой Рады, Абрамов, председатель Терского Правительства, П.И.Курганский, председатель Кубанского Правительства; сидят: В.А.Харламов, председатель донского Войскового Круга, ген. Н. В.Ляхов, Астраханский Войсковой Атаман, ген. Г.А.Вдовенко, Терский Войсковой Атаман, ген. А.П.Богаевский, Донской Войсковой Атаман, Ген. А.П.Филимонов, Кубанский Войсковой Атаман, Султан Зелим Гирей, товарищ председателя Кубанской Краевой Рады.

Страница 13.

37 - Сверху: расправа большевиков с ранеными и оставшимися в городе партизанами и добровольцами у "Палас-Отеля" в Ростове 9 февраля 1918 г.

38 - Снизу: опознание трупов - жертв большевицкого террора в Новочеркасске, после оставления его партизанами в феврале 1918 г.

Страница 14.

39 - Сверху: юнкерский отряд ес. Н.П.Слюсарева на походе в задонских степях, в марте 1918 г.

40 - Снизу: партизанский участок на городском кладбище в г.Новочеркасске в 1918 г.

Страница 15.

41 - Казачья контр-атака под Новочеркасском 18 апреля 1918 г. с картины художника Е.П.Рытченкова, участника казачьего восстания.

42 - Атака партизан под Персияновкой 25 апреля 1918 г. с картины художника Е.П.Рытченкова (умер в Новочеркасске 13 ноября 1918 г.. Незадолго до смерти он начал писать картину "Смерть Митрофана Богаевского").

Страница 16.

43 - Донской писатель Ф.Д.Крюков. В конце 1919 г. в дни великого исхода казаков с Дона, объезжая беженские казачьи "станы", заразился сыпным тифом и умер на Кубани.

44 - "Ванька Ключник", рисунок из альбома Е.П.Рытченкова, сделанный с казака 6-го Донского пластунского батальона, добровольца Аксайской станицы Ивана Ключникова, участника восстания казаков Черкасского Округа.

45 - Донской писатель Р.П.Кумов. Умер в 1919 г. в Новочеркасске.

46 - Семья казака Ершова, Ермаковской станицы, в дни восстания.

Страница 17.

47 - Фотокопия удостоверения о награждении "знаком отличия Степного креста".

48 - Фотокопия выписки из приказа № 696 о статуте "Степного креста"

напечатанная на обороте удостоверения.

Страница I8.
49 и 50 - Схемы карты положения в Донском Войске к I5.2 и 5.4 I9I8 г. (Схемы N° I и N° 2).

Страница I9.
5I и 52 - Схемы карты положения в Войске к I8.4 (схема N° 3) и 25.4 I9I8 г. (схема N° 4).
Примечания к картам 3 и 4:
На 3-й схеме русские цифры показывают: I - район действия Северной, Южной и Задонской групп, 2 - Добровольческой Армии, 3 - немцев и казаков Донецкого Округа, 4 - немецких войск, 5 - казаков I-го Донского Округа, 6 - казаков 2-го Донского Округа, 7 - казаков Верхне-Донского Округа, 8 - казаков Усть-Медведицкого Округа, 9 - казаков Хоперского Округа.
Римские цифры показывают группы отходящих большевицких войск.
На 4-й схеме цифры I, 2, 3, 4 показывают районы действия Северной, Южной, Задонской групп, общей численностью I6000 человек, 5 - войска полк. Быкадорова - 5000 человек, 6 - войска 2-го Донского Округа полк. Мамантова - 6000, 7 - войска Донецкого Округа полк. Гусельщикова - 5000, 8 - войска Верхне-Донского Округа полк. Алферова - 5000, 9 - войска Усть-Медведицкого Округа в.ст. Голубинцева - 5000, I0 -отряды полк. Грекова и ес. Сутулова - I500, II - Добровольческая Армия ген. Деникина - 2000, I2 - отряд полк. Дроздовского - I500, I3 - немецкие войска неизвестной численности, I4 - войска Хоперского Округа ес. Кривова - I000 человек, I5 - большевицкие войска. Цифра "I6" в треугольнике показывает территорию Донского Войска отчищенную от большевиков.

Страница 20.
53 - Схема-карта положения в Войске к 5:5:I9I8 г. (5-я схема).
Примечание: цифры на схеме показывают районы занятые: I - немецкими войсками, 2 - Добровольческой Армией, 3 - казаками Хоперского Округа, 4 - казаками Усть-Медведицкого Округа, 5 - войсками красных, 6 - территории отчищенные от большевицких войск под общим верховным командованием Походного Атамана ген. П.Х.Попова.

Страница 2I.
54 - Большая карта Степного Похода.

:-:-:-:-:-:-:-:-:

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ "РОДИМОГО КРАЯ":

Настоящий номер "Родимого Края" можно выписать из редакции: B.Bogaevsky. 230, av. de la Division Leclerc. 95 - Montmorency. France. Его стоимость - I0 Ф для Франции или 2,50 долл. для заграницы.

Из Редакции же можно выписать следующие книги, относящиеся к началу гражданской войны на юге России: "ВОСПОМИНАНИЯ ГЕН. А.П.Богаевского". о Ледяном Походе (в книге I60 стр., стоимость I2 Ф во Франции и 3 долл. для заграницы), монографию "МИТРОФАН ПЕТРОВИЧ БОГАЕВСКИЙ" под редакцией Н.М.Мельникова (276 стр., цена I6,50 Ф во Франции и 4 долл. для заграницы), "А.М.КАЛЕДИН - ГЕРОЙ ЛУЦКОГО ПРОРЫВА И ДОНСКОЙ АТАМАН" Н.М.Мельникова (375 стр., цена 26 Ф или 5,50 долл.). Последняя книга описывает всю жизнь ген. Каледина, его служ-

бу, участие в Первой Мировой войне, знаменитый Луцкий прорыв и его деятельность как Донского Атамана.

Все книги с большим количеством редких фотографий. Вместе с этим номером 80-81 "Родимого Края", эти книги дают яркую картину того, что происходило на Дону в ту бурную эпоху.

Из Редакции же можно выписать и листы фотографий и схем напечатанных в этом N° по цене 5 Ф за лист для Франции или I долл. для заграницы (пересылка за счет покупателя).

Редакция обращается с настоятельной просьбой ко всем своим читателям и подписчикам не задерживаться с внесением подписной платы. Издание "Родимого Края" основано исключительно на самоокупаемости, при полной безвозмездной работе всех наших сотрудников. Т.е. журнал издается на деньги за него полученные и на пожертвования отдельных лиц в Фонд его Издательства, иначе говоря на деньги читателей, от которых зависит дальнейшее существование "Родимого Края".

Репродукция фотографий, схем и документов сделана в "Studio Dubent, Photographie Industrielle" (Mr Dubent). 2, rue Jobbé-Duval. 75 - Paris 15. France.

О Г Л А В Л Е Н И Е Стр.

От Редакции"Родимого Края" I
Ф.Крюков. "Родимый Край" 2
П.Скачков. "Историческая справка к произведению Ф.Крюкова "Родимый Край" 3
Р.Кумов. "Памяти погибшим героям" 7
Е.Ковалев. "Ген. П.Х.Попов и его роль в организации и развитии белой борьбы" 8
Степняк. "Атаман Петр Харитонович Попов" I2
А.Падалкин. "К столетию со дня рождения генерала от кавалерии Петра Харитоновича Попова, к пятидесятилетию Степного Похода и начала антибольшевицких восстаний на Дону весной I9I8 г." I5
А.Падалкин. "Деятельность ген. П.Х.Попова с начала революции до Степного Похода" 22
Н.Туроверов. "" (стихотворение) 40
П.Поляков. "Донским партизанам" (стихотворение) 40
Н.Евсеев. "Первопоходникам" (стихотворение) 4I
А.Падалкин. "Степной Поход и начало казачьих восстаний на Дону" 4I
XXX. "Степной Поход" 86
Н.Евсеев. "Земной поклон" (стихотворение) 88
А.Падалкин. "Характеристика начальников донских партизан" ... 88
Из стихотворения М.Борецкого "Ковыльный Сказ" 90
А.Падалкин. "После Степного Похода. В эмиграции" 90
Н.Кузнецов. "" (стихотворение) I00
М.Бугураев. "Донские партизаны уходят в степи" I0I
"Значение Степного Похода" I07
А.Зауэр. "В Новочеркасске" I07
А.Падалкин. "Ольгинский съезд" I08
К.Каплюгин. "Степной Поход в Задонье в I9I8 г. и его значение I25

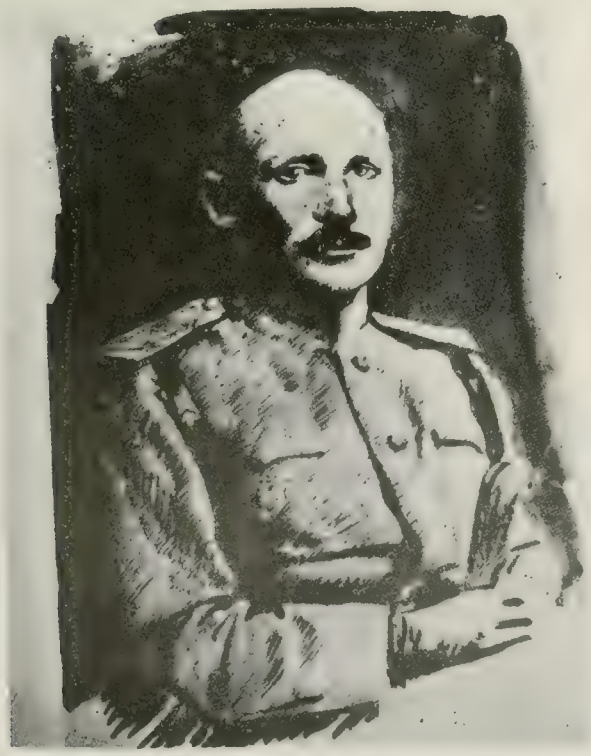
Стр.

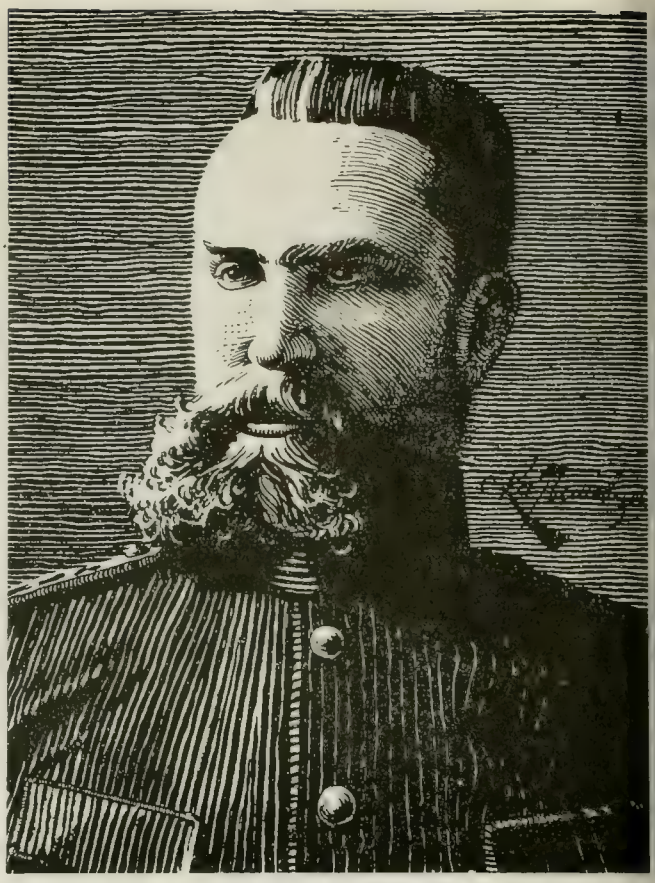
П.Аврамов. "На родные могилки" I29
Г.Гордеев. "На освящение памятника П.Х.Попову" I34
Ген. Покровский. "Памяти друга" I35
А.И.Третьяков. "Памяти Походного Атамана ген. П.Х.Попова" .. I37
Отчет Строительного Комитета памятника на могиле ген. Попова I39
А.Падалкин. "Денежный отчет Комиссии по увековечению памяти ген. П.Х.Попова" I39
Денежные поступления в Редакцию на издание номера I40
А.Падалкин. "От Партизан-Степняков" I4I
Список фотографий, фотокопий и схем I4I
От Редакционной Коллегии "Родимого Края" I47

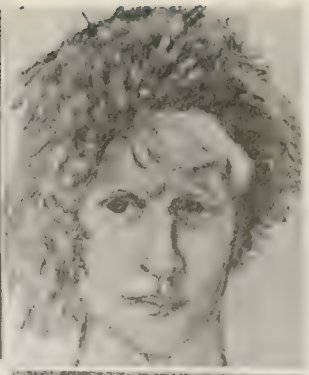
ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строка.	Напечатано.	Нужно читать.
I5	I4	Гогаевского	Богаевского
I9	39	приверением	приведением
20	32	земледения	земледелия
24	35	Каков	Казаков
26	I5	Этоу	Этому
27	27	советы	совета
30	3I	сташих	старших
37	23	итти к Аксаю	итти к реке Аксай
38	6	длругие	другие
38	5I	К к ч. 30	К 4 ч. 30
42	2	разбоя счастья	разбое счастья
43	50	Попова и передачу	присоединить к добровольцам и передачу
45	39	к 20 марта	к 28 марта
48	7	хутор Момутец	хутор Хомутец
49	8	натибольшевиками	антибольшевиками
50	2I	Гнилорыбовскому	Гнилорыбовского
53	2	разгнали	разогнали
53	28	большевики маны-	большевики в маны-
56	6	ролькова	Королькова
56	33	вечером вернулись	вечером партизаны вернулись
60	I9	празником не только	праздником только
63	40	пехота с Гемонтной	пехота с Ремонтной
64	4I	мобилизация 20 годов	мобилизуйте 20 годов
65	9	отогнан онем	отогнан огнем
70	3	25 рублей	25000 рублей
		станицы	станице
73	37	Богаевской	Богоявленской
76	I0	право крыло	правое крыло
77	I2	казачьи группировки	казачьи группировки в городе
77	I3 и I7	"Фиофанич"	"Фиофания"
77	2I	Шура Гонду-	Шура Гайду-
77	48	вылезку	вылазку
79	47	послу упорного	после упорного
80	34	у двумя	и двумя
85	9	н-ка своего штаба	начальника его штаба
87	После 6-го куплета - припев "Алла-Верды".		
88	Под первой характеристикой Чернецова		Каклюгин
88	В характеристике Грекова (I-я строка)		
		папахе, се-	папахе, белый
89	Под характеристикой Курочкина		
		Двухтемов	Двухженов
89	В характеристике Лазарева		
		народный	нарядный
89	В характеристике Сидорина		
		Ирмона	Ирмана

Стр.	Строка.	Напечатано.	Нужно читать.
97	5I	снимат свою	снял свою
I00	I6	но отказываясь	и отказываясь
I07	33	месяц - ма	месяц апрель
II2	II	состоялось несколько позже	состоялось несколько
II6	I8	не настало подвести	не настало время подвести
II7	28	увидеть, что	увидел, что
I23	I6	точло	точно
I23	45	сл своими	со своими
I24	23	на Дону и	на Дону сыграл
I25	42	ворвавшийся I фев.	ворвавшийся I2 фев.
I29	подпись	К.Каплюгин	К.Каклюгин
I29	37	чубатые головые	чубатые головы
I4I	25	казаки доцы	казаки донцы
I42	50	в августе I9I8	в августе I9I9
I48	49	К.Каплюгин	К.Каклюгин







СОЮЗЪ
ПАРТИЗАНЪ
СТЕПНЯКОВЪ.

23 Мая 1919 г.
№ 445

г. Новочеркасскъ.

Удостовѣреніе.

Въ воздаяніе воинской доблести и отмѣннаго мужества въ бояхъ и понесенныхъ безпримѣрныхъ трудовъ и лишеній во время „СТЕПНОГО ПОХОДА“ предъявителю сего

Сотнику Падалкину
Алексѣю Петровичу

выдано настоящее удостовѣреніе на право ношенія „Знака Отличія степного похода“—„СТЕПНОГО КРЕСТА“ № 3405, что подписью и приложеніемъ печати Союза удостовѣряется.

Основаніе: Приказъ Всевеликому войску Донскому 23 апрѣля 1919 г. № 696.

Бывшій Наказный Атаманъ Войска Донского,
ГЕНЕРАЛЪ

Предсѣдатель Союза Партизанъ Степняковъ

За Секретаря Союза Партизанъ Степняковъ

Выписки изъ прик. Всевеликому войску Донскому 23 апрѣля 1919 г. № 696.

Награжденные „СТЕПНЫМЪ КРЕСТОМЪ“ получаютъ нижеслѣдующія права и преимущества: 1) всѣ не казаки зачисляются въ казаки Донского войска; 2) имѣютъ право на производство въ слѣдующій чинъ до чина полковника безъ выслуги, при чемъ опредѣленіе времени использованія сего преимущества предоставляется самому награжденному; 3) время, проведенное въ походѣ (съ 12 II по 5/V—1918 г.), считается на выслугу лѣтъ день за два; 4) сами награжденные и ихъ дѣти принимаются въ учебныя заведенія на казенный счетъ и 5) вдовы и сироты и неспособные къ труду за раненіемъ или контузіей имѣютъ право на пенсію.

Лица, нижніе въ самовольномъ присвоеніи или ношеніи „Знака Отличія СТЕПНОГО ПОХОДА“ „СТЕПНОГО КРЕСТА“, подлежатъ отвѣтственности по ст. 1416 Улож. о нак. угол. и испр. съ усиленіемъ наказанія, примѣнительно къ приказу ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМІИ отъ 25 сентября 1918 года № 500.

Схема №1
къ 15 февраля 1918 г.
р. Донецъ
р. Донъ
НОВОЧЕРКАССКЪ
Маріуполь
Ростовъ
Азовское море
2
Донской отрядъ Г. Попова
2 Т.
р. Манычъ
1
Добровольческая Армія Г. Корнилова
4½ Т.
р. Ея
р. Кубань
ЕКАТЕРИНОДАРЪ
МАСШТАБЪ
вер. 100 60 20 0 100 200 вер.

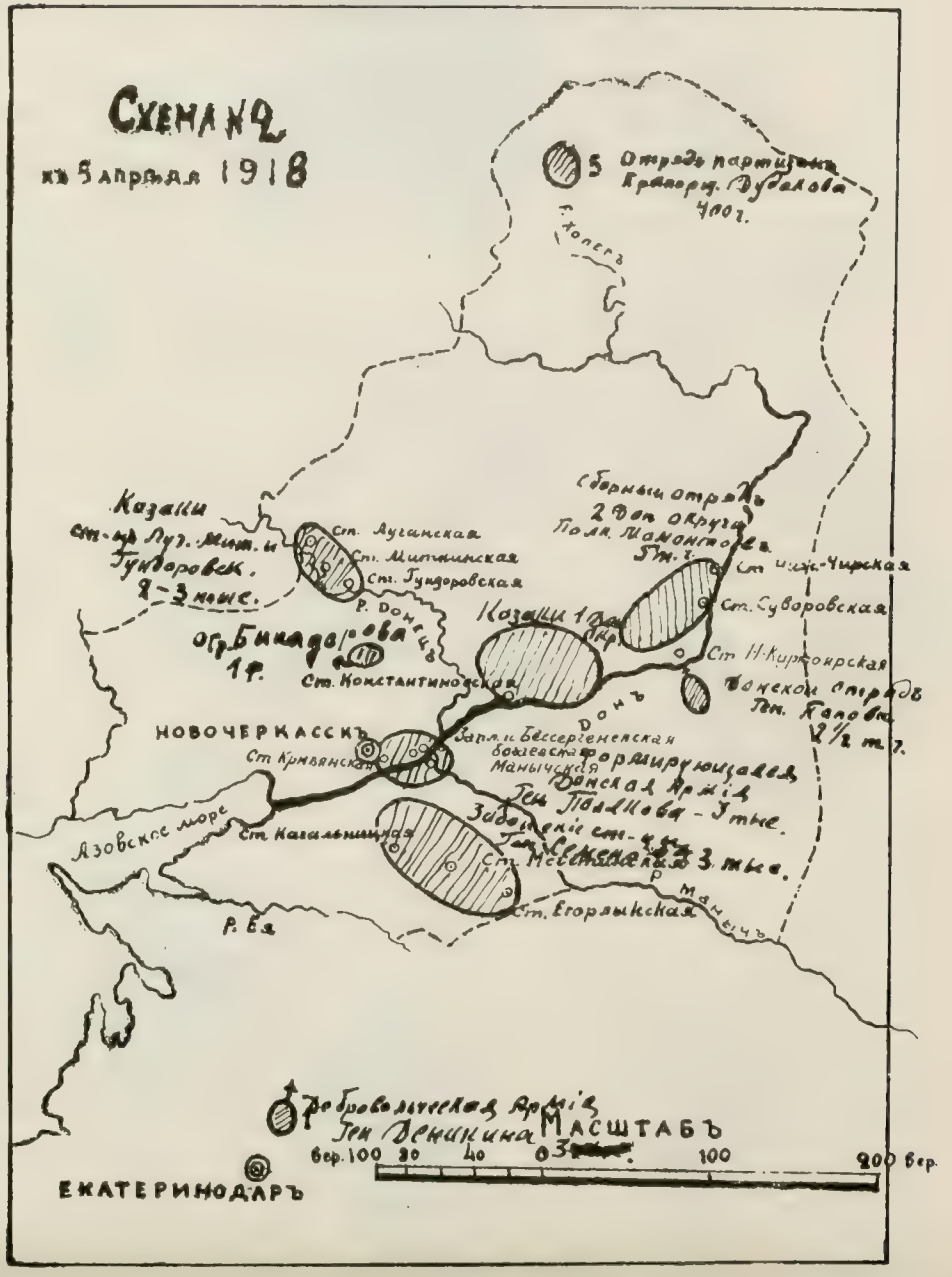


Схема №2
къ 5 апрѣля 1918
5 Отрядъ партизана Прапорщ. Дудакова 400 т.
р. Хоперъ
Казаки ст-цъ Луг. Мит. и Гундоровск. 2-3 тыс.
Ст. Луганская
Ст. Митнинская
Ст. Гундоровская
р. Донецъ
Сборный отрядъ 2 Дон. округа Полк. Мамонтова 5 т. ч.
Ст. Чиж-Чирская
Ст. Суворовская
Казаки 1 Дон. окр.
Ст. Н-Кирюнирская
Донской отрядъ Ген. Попова 2½ т. ч.
Ст. Константиновская
НОВОЧЕРКАССКЪ
Ст. Кривянская
Запл. и Бессергеневская бодаевская
Манычская
Формирующаяся Донская Армія Ген. Полякова - 3 тыс.
Азовское море
Ст. Кагальницкая
Ст. Мечетинская
Ст. Егорлыкская
р. Манычъ
р. Ея
Добровольческая Армія Ген. Деникина
МАСШТАБЪ
вер. 100 30 40 0 3 100 200 вер.
ЕКАТЕРИНОДАРЪ

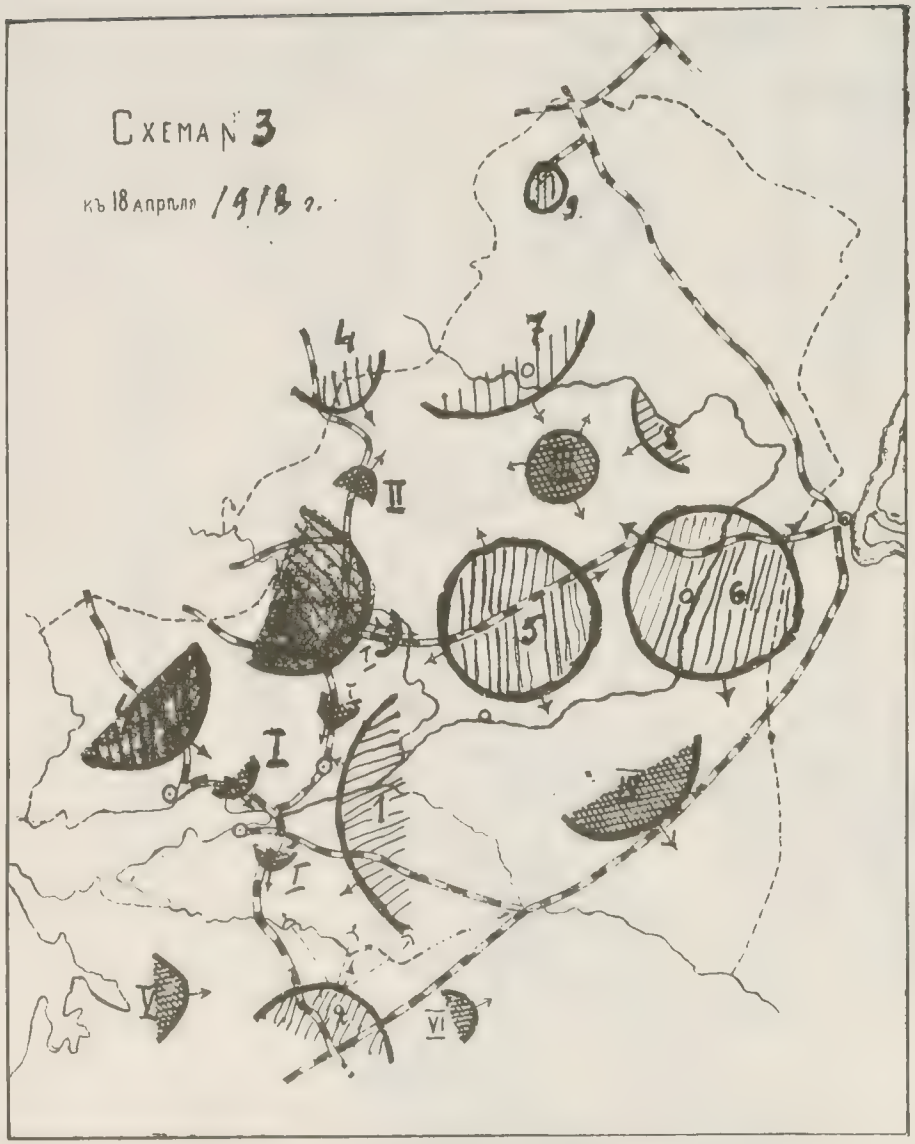


Схема № 3
къ 18 апрѣля 1918 г.
Масштабъ 100 Вер. въ 1 дм.
Вер 100 20 60 40 20 0 100 200 Вер.

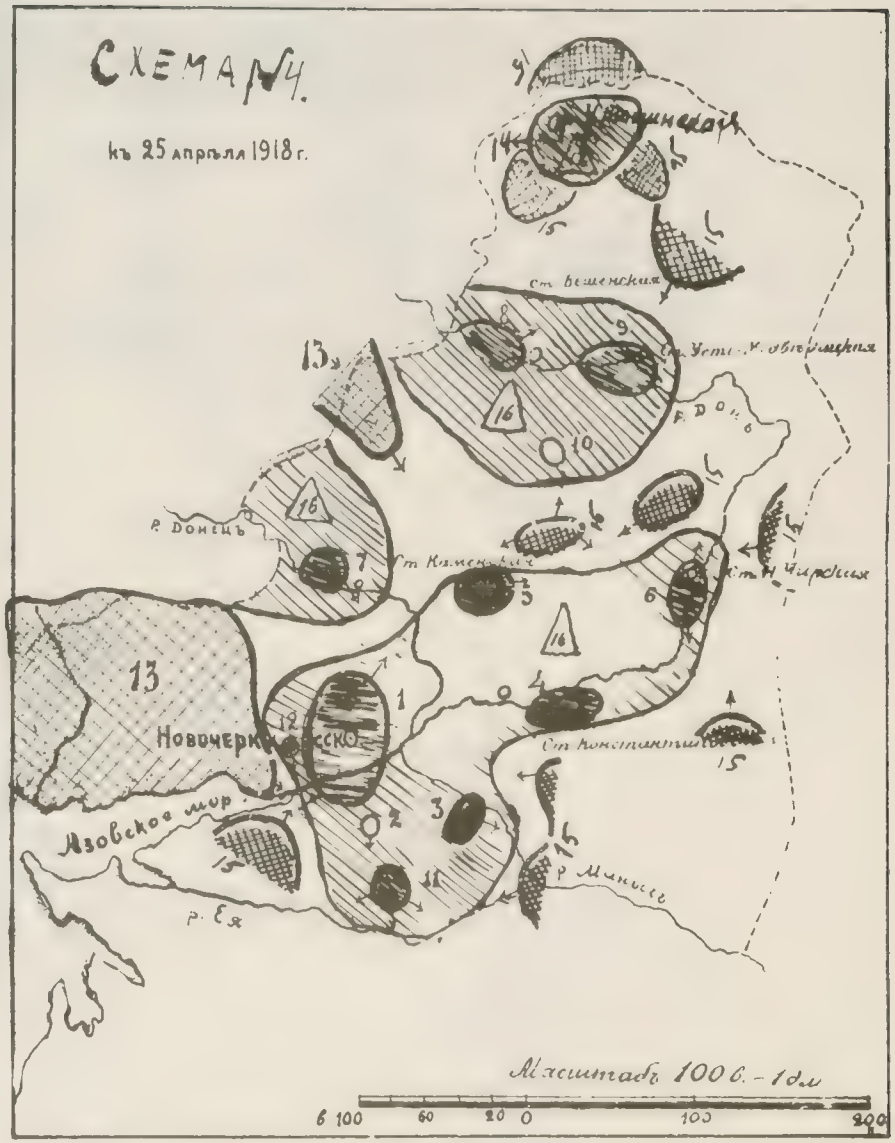


Схема №4.
къ 25 апрѣля 1918 г.
ст. Вешенская
ст. Усть-Медвѣдицкая
р. Донецъ
ст. Каменская
ст. Чирская
ст. Константиновская
Новочеркасско
Азовское мор.
р. Маныч
р. Ея
Масштабъ 100 в. - 1 дм.
в 100 60 20 0 100 200

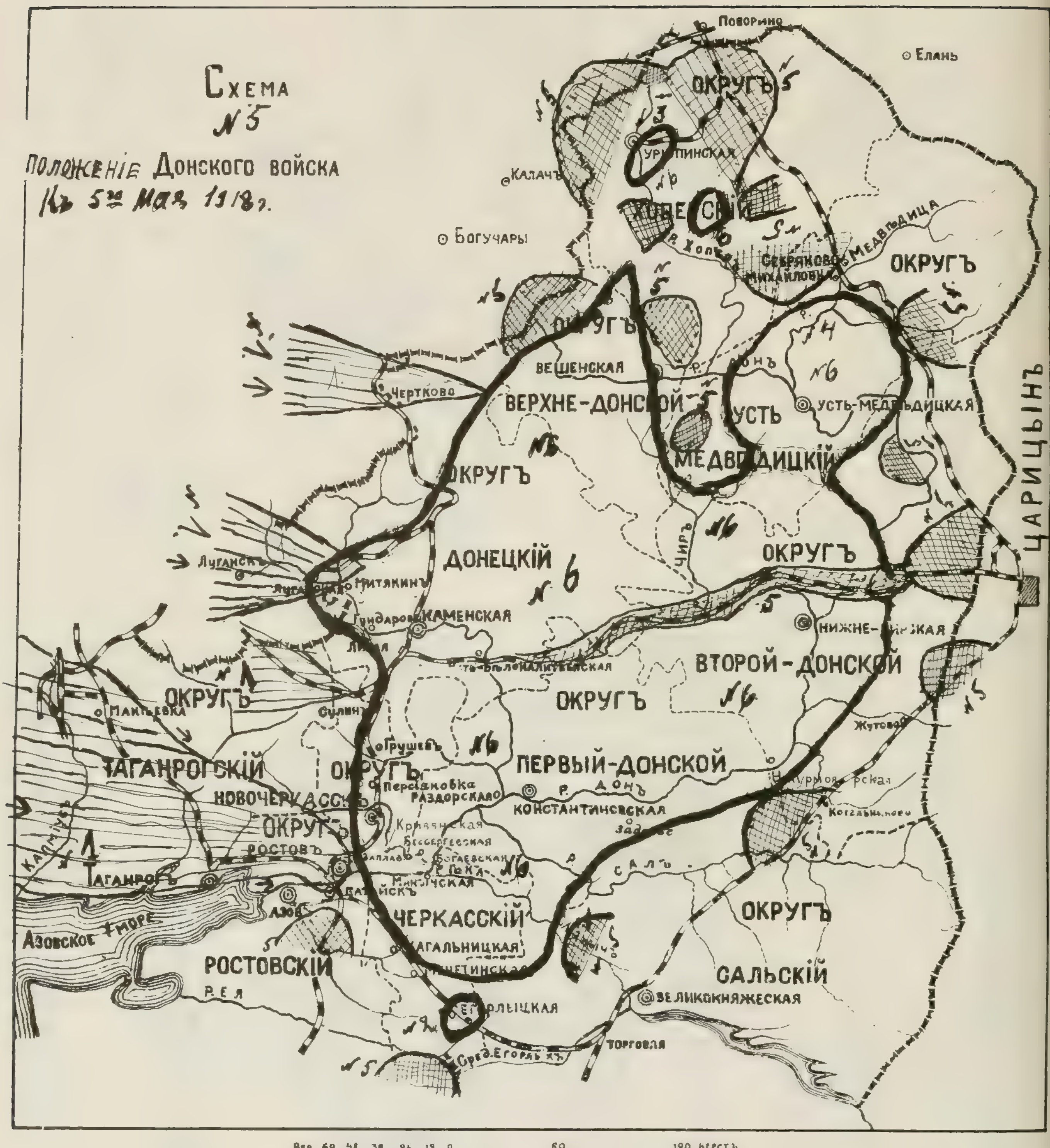


Схема
№5
положеніе Донского войска
къ 5му Мая 1918 г.
Поворино
Елань
Урюпинская
Калачъ
Богучары
Хоперскій
Округъ
Р. Хоперъ
Себряково
Михайловка
Медвѣдица
Округъ
Вешенская
Чертково
Верхне-Донской
Округъ
Усть-Медвѣдицкая
Усть
Медвѣдицкій
Царицынъ
Чиръ
Луганскъ
Митякинъ
Донецкій
Каменская
Округъ
Нижне-Чирская
Второй-Донской
Округъ
Округъ
Макѣевка
Таганрогскій
Округъ
Грушевъ
Персіановка
Раздорская
Первый-Донской
Р. Донъ
Константиновская
Жутово
Новочеркасскъ
Округъ
Кривянская
Бессергеевская
Богаевская
Ростовъ
Таганрогъ
Батайскъ
Азовъ
Азовское море
Черкасскій
Кагальницкая
Р. Салъ
Округъ
Ростовскій
Р. Ея
Мечетинская
Сальскій
Великокняжеская
Егорлыцкая
Торговля
Сред. Егорлыкъ
Кальміусъ
Вер. 60 48 36 24 12 0 60 120 верстъ

Родимый Край

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пасхальные поздравления.
Б. Уланов — « День Казачьей Скорби ».
М. Бугураев — « Донской Атаман Ген. Штаба ген. м. Назаров » (окончание).
П. А. Фадеев — « Гражданская война на Уральском отдельном фронте » (продолжение).
И. Я. Самойлов и И. Я. Крюков — « О донских станицах ».
С. Рождественский — « Судьба рыбных богатств Урала ».
И. Сагацкий — « Имя ».
Н. Воробьев — « Скрижали славы казачьей » (продолжение).
Я. Н. Горбов — « Творчество Н. Н. Туроверова ».
Н. Н. Пенинский — « Караганда ».
Ко-Ба — « Пешком с Кубани на Дальний Восток ».
Понемногу обо всем : из « Записной книжки » И. Лозицкого, о Зюнгарском полке и полк. Магнатове — Андрианова, « Дура » — С. И. Мамонтова, о статье « Погубленный май » — А. Пенькова, о калмыцком чае — Барашкина.
Доброволец Иванов — « С русской песней по белу свету ». (продолжение).
Донец — « Войсковой Праздник Уральского Войска ».
В. Кузнецов — « Просьба о помощи ».
Из казачьей жизни за рубежом.
В. Кузнецов — « Последний Войсковой Атаман, избранный на родной земле.
Ушедшие.
От редакционной коллегии « Род. Края ».
Розыски.

РОДИМЫЙ КРАЙ

Орган общеказачьей мысли.
Издатель: Донское Войсковое Объединение.
Association des Cosaques du Don
Arr du Ministre de l'Int. J.O. 70 1955

PAYS NATAL Mai - Juin 1969
№ 82 — Май - Июнь 1969 г. — 5 фр.
Parait tous les 2 mois. Directeur: *Bogaevsky.*

Редакционная Коллегия: Б. А. Богаевский, В. М. Кузнецов, А. П. Падалкин, Н. Н. Туроверов, Б. Н. Уланов.
Адрес редакции:

B. BOGAEVSKY
230, Av. de la Division-Leclerc
95 — Montmorency
France

ПАСХАЛЬНЫЕ ПОЗДОРОВЛЕНИЯ. ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

● Правление Казачьего Союза поздравляет казаков и казачек с светлым праздником Христова Воскресения.

В день прославления чуда из чудес, проникнемся верой в силу Всевышнего и положимся на волю Его, зная, что только Он может даровать нам радость и благоденствие.

Председатель Казачьего Союза **В. Кузнецов.**
Секретарь **Н. Ломакин.**

● Редакционная коллегия « Родимого Края » поздравляет казаков и казачек всех Казачьих Войск и своих читателей со светлым праздником Воскресения Христова и просит их принять ее наилучшие пожелания.

Христос Воскресе!
Редакц. Коллегия **« Род. Края ».**

ДЕНЬ КАЗАЧЬЕЙ СКАРБИ.

В прошлом году исполнилось 50 лет со времени трагической кончины А. М. Каледина. Отмечая это грустное пятидесятилетие, « Родимый Край » выпустил книгу « А. М. Каледин — Герой Луцкого прорыва и Донской Атаман » Н. М. Мельникова. Эта книга является лучшим памятником Алексею Максимовичу.

А. М. Каледин был и навеки останется замечательным донским казаком и выдающимся государственным деятелем его времени. Время и условия его деятельности были безпримерно особенными и сложными. Мы переживали последствия великой войны. Она открыла ужасный период в истории человечества. Ее последствия продолжаются.

Из всех наших современников, может быть, только один А. М. Каледин предвидел, предчувствовал грядущее Казачества, своей великой Родины и человечества. Он был всегда погружен в свои думы. Скорбна была его душа. И смех и улыбка редко появлялись на его лице. Его трагедия связана с тогдашним настроением казаков-фронтовиков. Много было тех, которые предъявляли жестокие обвинения по адресу фронтовиков-донцов. Но нужно знать и понять, что они были живыми людьми, много лет проливавшими свою кровь на огромном поле битв. Не по их вине и не по вине многочисленных неказачьих полков, случилась эта «великая русская революция». Она была закономерным последствием целой истории, ошибок, преступлений и упущений поколений и тысяч людей. В этом отношении Россия и Русский народ не были исключением. Империя пала. Не стало власти. Не было авторитета. Исчезла законность. Воцарилась анархия. Для утешения, иллюзорной радости и оправдания многие это называли « свободой ».

И тогда как бы от вековой спячки, очнулось Донское казачество, вспомнившее старые

свои принципы государственного и общественного управления: «казачий присуд» — Войсковой Круг и избираемые им Донские Войсковые Атаманы и Правительство. Нашлись казаки, которые быстро организовали Казачий Союз, заставивший вр. власть и Новочеркасске созвать Большой Донской Войсковой Съезд, призванный созвать Донской Войсковой Круг, на которого возлагали и веру и надежду спасения Дона, а через него, бы, и всего государства. Все Донские станицы избрали депутатов на Войсковой Круг. На них возложили все надежды. Была в е р а, что они найдут спасение. Людям далеким от тех событий и смятений, от тех попыток, за которые Казачество ухватилось, не понять веры в «казачий присуд».

Это явление произошло тогда во всем Казачестве.

Особенное время, особенное настроение казачьей души. Казачеству было ч т о вспомнить. Была в е р а.

Так собрался первый после двухсотлетнего перерыва Донской Войсковой Круг. Депутаты — казаки. Обыкновенные. Бородатые. Старые урядники или рядовые казаки. Никто никогда их не учил государственной деятельности.

Но пришел момент, когда воедино сплелись вера, предания старины, здравый смысл и опыт жизни. Люди выросли... Возможно, что и сами депутаты этого не сознавали. Они как бы сказали себе: «м о г и». Среди депутатов были и офицеры в высших чинах. Но это уже не имело значения. Они были депутаты. Им станицы вверили нечто огромное. Это равняло всех.

Наступил момент: выборы Донского Атамана. К о г о? Вот, по-истине, роковой исторический вопрос. К о г о?

Депутаты со всем своим духовным и душевным напряжением искали н у ж н о г о, достойного, отвечающего моменту казака-кандидата в Донские Атаманы. Перебирали в с е х известных. Речь не шла о чине, положении в прошлом. Требовался н у ж н ы й, способный и авторитетный. Счастье улыбнулось Войску Донскому. Как раз в это время, по пути на Кавказ для лечения, остановился в Новочеркасске б. Командующий 8-й армией ген. шт. ген.-от-кав. А. М. Каледин. Его посетил и беседовал с ним Председатель Б. Д. В. Круга М. П. Богаевский. О своей встрече с А. М. он сообщил депутатам Круга.

И мысль и душа в с е х в одно мгновение повернулись к А. М. Каледину. «Он», сказал себе каждый. «Он и никто другой».

Ген. Каледин пришел приветствовать Круг. И Круг приветствовал его. Это был момент, подобного которому не было ни до, ни после. Это напоминает картину: вдали, как светлое видение, появился Спаситель, и лица, увидевшие Его, мгновенно повернулись к Нему.

«ОН», сказал себе каждый. И душа каждого, увидевшего Спасители, возрадовалась.

В известной степени нечто подобное было и с депутатами, впервые увидевшими Алексея Максимовича. «Он — наш Донской Атаман», сказал себе каждый депутат Круга.

И он морально был не в силах отказаться, не на просьбы, а скорее на мольбы, баллотироваться в Д. А. Да, и баллотировки было бы не нужно.

И А. М. Каледин был избран Донским Атаманом.

Хорошо стало депутатам! Облегчились их душа и совесть. Но соответственное страшное бремя легло на Алексея Максимовича, **Он знал, на что шел.** Д о л г. Он был единственный. Нужный. Способный... И он нес этот свой долг ТАК и так долго, пока слова имели смысл и значение, пока не потребовалось сказать иным, о с о б ы м способом. В б. Империи, благодаря полному расстройству и в силу великой войны и благодаря тупому, бездушному и безпринципному фанатизму известных деятелей, происходили варварское разрушение и убийство безчисленных людей.

В душах миллионов солдат, рабочих и крестьян происходила безмерная катастрофа. Армия распалась. Казаки до последней возможности еще поддерживали порядок и дисциплину. И на фронте и в тылу. Они раздавили первое — июльское — восстание большевиков в Петербурге. Но и казаки были живыми людьми, годы бившимися на фронте. Это не был лагерный сбор мирного времени. Их душа также, наконец, вздрогнула. В них проникла некая солидарная мысль и какое-то общее чувство с крестьянством, рабочими и солдатами, т. е. теми же крестьянами, но переодетыми в солдатские формы, с которыми «вместе сидели в сырых окопах» — как говорили фронтовики. — Требовать, чтобы рядовые казаки мыслили так, как передовые казаки того времени, было невозможно.

Был предел мышлению и пониманию фронтовых казаков. Естественно требовался тот элементарный опыт, каким движется мысль и процес человеческого познания. Ведь, офицерство, чиновничество, зажиточные люди, не говоря о высших слоях обще-

ства, всегда были на стороне власти, на стороне тех, которые владели и управляли государством и народом. Но на этот раз, в 1917 г., на сторону крестьян, рабочих и низов перешла значительная часть высшего офицерства и интеллигенции.

Вот этот роковой период « размышления » фронтовиков-казаков пал на долю Атамана Алексея Максимовича.

И он, наконец, бросил свое последнее Слово.

Это — его выстрел в свое сердце. Своей жизнью он принес искупительную жертву за всех, кто не понял страшного исторического момента.

И в наши дни мы также знаем искупительные жертвы: в Чехословакии и Южном Вьетнаме.

Коммунистическая власть себя показала в жизни Донского казачества, выстрел Великого Атамана принес свой плод. Казачество восстало. Восстали казаки-фронтовики. И вспыхнула трехлетняя кровавная борьба Казачества с поработителями Дона и народов б. Рос. Империи. Жертвы Казачества неисчислимы. Только победа советско-коммунистической власти уподобилась безпощадной победе над Казачеством древних завоевателей. Истребляя казаков, большевики-коммунисты завладели всем их достоянием и Казачьими Землями, **колонизируя** их представителями центральных областей СССР. Возврат крепостничества в форме колхоза и совхоза (худшей формы крепостничества) и **колонизация Казачьей Земли** — вот большевистско-коммунистическое разрешение земельного вопроса в России. Еще на днях на страницах эмигрантской печати некоторые писали о хорошей обширной каз. земле и « привилегиях » Казачества. Самое имя « к а з а к » в СССР стало запретным. Вот одна из « привилегий » Казачества...

Все, что было светлого, благородного, справедливого в истории Донского казачества, казаки не перестанут соединять с именем своего избранника А. М. Каледина...

Но нужно помнить и другие великие жертвы советско-коммунистического навождения: Д. А. А. М. Назарова, Председателя Д. М. Круга Е. А. Волошинова, великого борца-партизана В. М. Чернецова, славного донского деятеля М. П. Богаевского, донского журналиста Виктора Севского (Вен. Алексеев. Краснушкина), ставших жертвой советских палачей, и П. Х. Попова, славного Походного Атамана.

Нью-Йорк. **Б. Уланов.**

ДОНСКОЙ АТАМАН ГЕН. ШТАБА ГЕН. МАЙОР НАЗАРОВ.

(Продовжение № 79)

В самом начале марта я, после разбора моего дела « тройкой » Военно-Революционного трибунала, был освобожден. О самом суде расскажу подробнее в другом месте. На этом можно было бы закончить мою статью о ген. Назарове, но для того, чтобы уяснить все последствия его мученической смерти, нужно рассказать вкратце как дальше развивались события. Предсказание Назарова о неизбежности восстания казаков вскоре оправдалось.

Отношения между « голубовцами » и « товарищами » все больше и больше портились.

В 20-ых числах марта в городском театре было созвано собрание — митинг для обсуждения вопроса разногласий между ними. Я был на этом митинге вместе с моими соседями — тремя казаками 27-го Дон. Полка, заходившими к нам в дом, вернее к нашей девушке-кухарке. Они же мне и предложили пойти с ними.

Театр был переполнен. Председательствовал Голубов. Все шло спокойно, когда неожиданно принесли перехваченную телеграмму и как председателю передали ее Голубову. Не зная ее содержания, Голубов ее прочитал вслух. Телеграмма эта была от восставших казаков 2-го Дон. округа, подписанная Мамантовым. Это был призыв ко всему Дону восстать и « изгнать красную нечисть — большевиков из пределов Дон. Области... »

На мгновение в театре все затихло... А затем раздался гром апплодисментов и « ура » казаков. Голубов вскочил. Как разъяренный зверь, он метался по сцене, кричал, ругался,

топал ногами. А казаки все кричали « ура... » Президиум поднялся и ушел, вместе с ним ушел и Голубов. Начали постепенно расходиться и « товарищи ». А за ними также постепенно и осторожно и казаки. Ведь очень многие были при оружии. После этого митинга во всех частях революционных войск комитеты вынесли постановление, что на митинг все должны приходить без оружия, включая и комиссаров.

Голубов не ожидал, что такая телеграмма обрадует казаков **его отряда** и расчитывал на обратный эффект, но казаки хотели быть свободными и жить, как жили раньше. А товарищи поняли, что им предстоит большая борьба, чтобы уничтожить казачество.

Этот незаконченный митинг еще больше обострил отношения между голубовцами и большевиками. Смирнов и Голубов потеряли всякий авторитет среди казаков, а у « главковерхов » лишились доверия. Об этом митинге ген. И. А. Поляков в **своей книге не написал ни слова.**

Через несколько дней в Кадетском корпусе состоялся другой митинг, на котором выступал М. П. Богаевский. Как и расстрел ген. Назарова, этот митинг имел колоссальное значение для дальнейшего хода событий на Дону. Для истории необходимо знать все о нем точно, в каких условиях он происходил, какое впечатление произвел на казаков-фронтовиков и какие имел последствия.

В книге ген. И. А. Полякова этот митинг описан НЕПРАВИЛЬНО. Ген. Поляков на нем не присутствовал: « боязнь быть узнанным удержала меня от рискованного шага », написал он. Я же на нем был вместе с казаками 27-го полка, как с ними же ходил и на предыдущий митинг, и записал всю речь Митрофана Петровича. Ген. Поляков описал митинг со слов « друзей », которые передали ему много « фантазии », и поэтому в его описании много очень важных неточностей, на которые я укажу, как непосредственный свидетель.

Издательством « Род. Края » была выпущена, под редакцией Н. М. Мельникова, монография « Митрофан Петрович Богаевский ». Книга очень нужная и ценная и надо сказать издателям от чистого сердца « большое казачье спасибо ». Из нее мы узнаем, что М. П. скрывался в дон. степях и был там захвачен Голубовым, выехавшим из Новочеркасска с небольшим отрядом казаков для этой цели. Вероятно, этим поступком (предателя) он расчитывал восстановить свое положение у красных, которые ему уже не доверяли. В Новочеркасске М. П. посадили на гауптвахту. Разрешения его жене на посещения не давали, но ее пропускали, с риском для них, казаки караула. « Сразу почувствовалось, что между революц. комиссарами и казаками происходят какие то трения » (стр. 52).

В своей книге « Дон. казаки в борьбе с большевизмом » ген. И. А. Поляков пишет: « В городе... стало известно, что Голубов привез Богаевского и что даст ему возможность выступить на « покаянном » митинге », « ...большевики уже открыто говорили, что на днях известный контр-революционер М. Богаевский, правая рука Каледина, даст народу отчет в своих преступлениях ». Очевидно, ген. Поляков умышленно придерживается большевистской терминологии. Как мы увидим ниже, митинг был не « покаянным », а скорее обвинительным. « Даст отчет народу... » Какому народу? Большевикам? Так как М. П. Б. выполнял «наказ» казаков, а не большевиков, то и отчет он должен давать казакам. Отчет «...в своих преступлениях...» Каких, перед кем? Вместе с Атаманом и Дон. Правительством он боролся против большевиков, защищая Дон и казачество от уничтожения.

Описание самого митинга — неправильно. Ген. Поляков пишет: « аудитория была... буйно настроена ». Наоборот, все было тихо. Все сидели, стояли лишь те, кто поздно пришли. Спокойно разговаривали. Ждали с нетерпением начала митинга. Казаки говорили и о М. П. Б., некоторые его слышали на Кругe, когда приезжали выборными с фронта. Зал быстро наполнялся, т. к. казаков предупредили, что митинг начнется в назначенное время, ждать никого не будут. Опоздавшие стояли в проходах. Скамейки для сидящих были тесно сдвинуты. Зал был переполнен.

Также не соответствует истине утверждение ген. И. А. Полякова, что « аудитория делилась на два враждебных лагеря: первый составлял пришлый элемент, главным образом матросы, красногвардейцы, латыши и иногородние — они требовали немедленной расправы с контр-революционером ». Все это «фантазия », чистая сказка, придуманная для тех, кто не был митинге. Никакого деления на два лагеря не было. Были почти исключительно казаки, что было видно по выправке, чубам, каз. « ухватке » и по форме кавалер. шинелей (разрез сзади). Матросов я не видел ни одного. Красногвардейцев было очень мало — несколько человек. Можно предполагать, что им не сообщили о митинге. Вот почему я так думаю: после начала митинга пришла небольшая группа, человек 6-7, какая то комиссия « товарищей », засе-

давших в другом зале. Они **случайно** узнали о митинге, пришли и... шумно хотели войти в зал, но казаки их ...быстро успокоили, и они остались стоять сзади в комнате перед входом в зал. Ясно, что если бы они знали заранее о митинге, они пришли бы раньше и заняли бы первые места, а то, что митинг их заинтересовал, показывает то, что они, прервав свое заседание, опустились вниз. Латышей не было ни одного. Я нарочно описал раньше их форму и ни одного из них не видел. Русского языка они не понимали и делать им тут было нечего. Иногородних (штатских) было человек 20-30. Среди них же была и жена М. П. Богаевского.

Никаких требований «немедленной расправы» — как пишет И. А. Поляков — не было. Очередная фантазия, выражаясь мягко. Никаких обсуждений каких бы то ни было до прихода «начальства» не было. Все спокойно ждали начала митинга, тихо разговаривая между собой. Какая богатая «фантазия» у «друзей» И. А. Полякова!

Но вот вошли в зал Смирнов, Голубов, комиссар Ларин. За ними под сильным конвем, с примкнутыми штыками, М. П. Богаевский.

В зале все стихло. Голубов открыл митинг. Начал говорить Ларин. Обычная пропагандная речь: «Богаевский — враг революции и трудового народа, контрреволюционер». Временами мелкают как бы призывы к самосуду... Казаки слушают невнимательно. Ларин начинает говорить о том, что большевики сделали хорошего, о красной гвардии... Видно, что казаки начинают нервничать. Дальше он говорит о «гидре контр-революции — офицерстве»... Терпение у казаков лопнуло... «Знаем... Довольно... Долой с трибуны...» крики казаков не дают Ларину говорить. Вмешивается Голубов — «кумир толпы». Два раза напоминает казакам «о свободе слова». Не слушают. Гонят Ларина. Кричат: «почему Ларин не выполняет приказа и на митинг явился с револьвером...» Ларин, комкая, спешно заканчивает свою речь. Это враждебное отношение казаков было полной неожиданностью и для него и для Голубова.

Голубов снова напоминает о свободе слова. быть можеть, он опасался, что и М. П. Б.-му казаки тоже не дадут говорить. Но вот Богаевский стал на стол трибуны. Зал затих. Все замерло, умолкло. Внимательно ждут.

Как только он начал говорить, в задних рядах крики: «на середину... не слышно... просим на середину...» Голосуют. Трибуну переносят на середину, туда же переходят Голубов и Богаевский с конвоем. Вот он снова на столе, снова начинает говорить. Мгновенно все смолкло. Слушают... боятся слово пропустить.

Богаевский говорил три часа и десять минут безпрерывно (как позже отметил Голубов). За все это время в зале не раздалось ни одного звука, никто не прерывал его речи. В «Дон. Летописи» (т. I стр. 191) К. П. Каклюгин писал:

«Слабый грудной голос. Речь без жестов, без мимики. Спокойная, непринужденная, неподвижная поза. Однообразно звучавшая интонация. Отсутствие патетических подъемов, лирического шопота. Короткая отрывистая разговорная фраза. Полное отсутствие внешних искуственных построений фразы, расчитаной на эффект».

Просто, ровно, спокойно, как будто объясняя урок ученикам, ясно и понятно говорил Богаевский. Говорил он очень смело, храбро и правдиво. В тех условиях его речь была героической, искренней, горячей, дышащей глубокой убежденностью и правдой. А он не мог знать, что его ждет после речи. По своей внешней и внутренней красоте это была его незабываемая нами «Лебединая песнь» — так ее назвал редактор «Дон. Волны» талантливый донской журналист В. А. Краснушкин (Виктор Севский — впоследствии расстрелянный большевиками).

В ответ на обвинения Ларина Богаевский сказал: «сейчас я не могу ответить комиссару, как нужно и должно. Ларин у власти, он свободен и потому бросает необоснованные обвинения, а я под угрозой штыков, но и штыки меня не испугают».

Далее следовал отчет о периоде работы Атамана Каледина. Начав с самого начала революции, он постепенно дошел до выборов ген. А. М. Каледина Дон. Атаманом. Говорил о деятельности Дон. правительства, о том, что казаки-фронтовики не поддержали своего Атамана, что он вынужден был прибегнуть к помощи партизан. О смерти Каледина сказал: «он видел, что Дон гибнет... и не мог этого перенести...» О ген. Назарове: «Назаров пять раз отказывался от власти, пять раз просили его казаки-черкассцы. Взял Атаман свой крест... и пошел на Голгофу».

Богаевский сказал: «Дон гибнет...» Это ясно и точно указывает, что он говорил только казакам. «Товарищам» не надо было этого знать, да это их и не интересовало.

Далее он говорил, что в Платовской станице он, Богаевский, говорил «приблизительно то же, что и тут. Говорил 2 с $^1/_2$ часа перед слушателями, большинство которых бы-

ли солдаты и крестьяне, которые, вот так же как и вы, внимательно слушали, а потом хотели учинить самосуд. Отстояли адъютант Голубова и несколько солдат и казаков ».

О себе М. П. сказал: « Я еще молод. Мне всего 36 лет. У меня семья. Мне хочется жить. Я хочу и могу работать. Если я нужен вам, если я могу быть полезным для Дона в вашей работе, я готов работать с вами... » Все ясно и понятно... « Вам, для вас » — то есть казакам — и ни одного слова о « товарищах ». « Для Дона... » хотел работать Митрофан Петрович.

Заканчивая свою речь, он сказал: « Вы нас выбрали. Вы нам вручили власть. Вы нам дали « наказ ». Его выполняли мы. Сами же за нами не пошли. Мы остались одни. Не судите, не вините нас строго. **Помните,** что это **ваши ошибки. Ошибки всего казачества привели к тому, что сейчас творится у нас на Дону.** Вините и судите самих себя. Судите весь Дон. Всех казаков судите... »

М. П. прямо говорит « ошибки всего казачества », не упоминая об « товарищах ». А. И. А. Поляков в своей книге пытается доказать, что Богаевский давал отчет и им. Больше того, от пишет, приводя выдержку из речи М. П. (« если я нужен вам, если могу быть полезным вашей работе для Дона. ») — « Но большевики отвергли просьбы М. Богаевского и сотрудничать с ним не пожелали ». Где он это нашел — не знаю, ведь на митинге М. П. обращался исключительно к казакам. Да и сам митинг был скорее обвинительный, а отнюдь не « покаянный ». Находясь под большевистским конвоем, во власти комиссаров, М. П. Богаевский не побоялся сказать всю правду казакам голубовцам, бросив им обвинение, что они не поддержали ими же избранную Войсковую власть.

По окончании речи М. П-ча, казаки сидели некоторое время молча... И вдруг весь зал, кроме « начальства », но включая даже конвой товарищей, разразился продолжительными апплодисментами. Все « начальство » немедленно покинуло зал, уводя с собою и Богаевского. Никаких дополнительных вопросов или обсуждений не было. Присутствовавшие стали постепенно расходиться.

Под впечатлением этой знаменательной и незабываемой речи я и казаки пришедшие со мной шли молча минут десять до моего дома. Прощаясь, один из них сказал с грустью: « Да... Митрофан Петрович нам все рассказал. Все объяснил. Сказал нам то, чего раньше мы не знали. Конечно, во многом мы — сами, казаки, виноваты... »

Узнав о результатах митинга в Кадетском корпусе, Центральный Комитет Дон. советской республики потребовал Смирнова и Голубова в Ростов. Не ожидая для себя ничего хорошего, оба не поехали. Смирнов скрылся неизвестно куда, а Голубов остался в Новочеркасске, голубовцы же стали разъезжаться по своим станицам, убедившись, что с « товарищами » им не по пути. Все полковые, батарейные и сотенные комитеты вынесли об этом постановление, а слух о скором прибытии из Ростова карательного отряда ускорил их разъезд.

К этому времени в Дон. Области большевики уже приступили к выполнению своей главной задачи: уничтожению казачества. По всей Области шли аресты и расстрелы офицеров, каз. интеллигенции, зажиточных казаков. Начались грабежи, насилия, изъятие хлеб. запасов и продуктов питания, вводились « крестьянские комитеты бедноты », которые сводили личные счеты. Прав оказался Атаман Назаров, предсказывая все это казакам на гауптвахте. Поняли казаки свою ошибку : сами в свой дом пустили злейшего врага — большевиков. Стали выражать свое неудовольствие, а в ответ сов. власти еще туже затягивали петлю.

27. марта я из окна своей комнаты неожиданно увидал на улице отряд конных матросов. Это был « передовой дозор » — карательного отряда, большой силы, главным образом из матросов с бронеавтомобилями и даже артиллерией. Отряд вошел со стороны Ростова одновременно по всем улицам с этой стороны. Большого сопротивления он не встретил, много казаков уже разъехалось, но Голубова видели с винтовкой в руках, отходившего, отстреливаясь, с группой казаков человек в 30, в сторону Собора. Узнали впоследствии, что он бежал в станицу Заплавскую, где и был убит студентом Донского Политехникума Пухляковым.

Карательный отряд долго в городе не задержался. Часть его осталась на усиление гарнизона, а остальные вернулись в Ростов, взяв с собой и М. П. Богаевского, который I-го апр. был застрелен в Балабановской роще. Была объявлена новая регистрация офицеров в Новочеркасске, на которую я не пошел. Снова начались расстрелы...

Но еще раз прав оказался Атаман Назаров в своих предсказаниях. На рассвете I-го апр. 1918 г. казаки близлежащих станиц восстали и ворвались в Новочеркасск. Станица за станицей поднимались донцы на борьбу с красными. Поднялась и Кубань. Вместе с Добр. Армией, кубанцами, терцами три года боролись донцы с мировым злом — коммунизмом.

Господь не дал победы нам, «белым бойцам», и мы были принуждены уйти в изгнание — заграницу. С тех пор прошло много времени — пол века, но настанет когда нибудь тот счастливый момент для всего света, когда в решительной схватке Добро одержит победу над Злом. Наступит мир на земле. И тогда, на родной земле, на берегах батюшки-кормильца Тихого Дона, молитвой об усопших вспомнят о всех умученных, погибших и в смуте убиенных. И в первую очередь наших незабываемых вождей: Каледина, Назарова, Волошинова, Митрофана Богаевского, Караулова, Дутова и много-много других мученников.

В заключение я позволю себе высказать великую радость, что Господь Бог дал мне возможность исполнить свой долг перед великим духом и силой воли — казаком Атаманом Назаровым, ибо не осталось больше в живых свидетелей последних дней его жизни. Мое повествование немножко затянулось, но описание последующих событий показывает, насколько был прав покойный Атаман в своих предвидениях. Все эти события тесно связаны между собой и являются как бы отдельными актами великой казачьей трагедии, происходившей 50 лет тому назад. Попутно я указал на многие ошибки и неточности, встречающиеся в мемуарной литературе, в особенности в книге ген. И. А. Полякова («Дон. казаки в борьбе с большевиками»), описавшего некоторые события со слов своих «друзей», обладающих, мягко выражаясь, большой фантазией.

Нью-Йорк.

Максим Бугураев.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА УРАЛЬСКОМ ОТДЕЛЬНОМ ФРОНТЕ.

(Продолжение № 79).

Обвинения некоторыми авторами Войскового Атамана Уральского Каз. Войска ген. Толстова в плохой организации отхода остатков Уральской Отдельной Армии на Форт-Александровск, отчасти имеют основания, но отрицать наличие какой бы то ни было организации (хотя бы и плохой) и обвинять его, в связи с этим, помимо неспособности, как бы в нерадении и даже намеренности — на мой взгляд — преувеличены. Критиковать, обвинять (задним умом все крепки) очень легко, (немного фантазии), особенно не быв свидетелем событий, как ген. Акулинин или в силу оторванности (ненамеренной) от центра при начале этих событий, как есаул Н. А. Дорошин.

Ген. Акулинин пишет прямо: «Движение Армии по степям совершалось без всякого плана и маршрута... Многие выступали в поход без всякого провианта...». Его отзывы предвзяты и тенденциозны не только по этому вопросу, но и по всему, что касалось организации борьбы на Уральском Отд. Фронте, и поэтому большой цены не имеют. Он в событиях не участвовал и был плохо о них осведомлен, что показывают его ссылки на факты, совершенно не имевшие места. О причинах его отрицательного отношения дают понять некоторые его заметки в его статье «Уральское Каз. Войско в борьбе с большевиками» («Белое Дело» т. 2, Берлин 1927): «Героизма, доблести и самопожертвования было проявлено много, но порядка в Войске было мало... Уральцы не были довольны своими соседями оренбуржцами за их плохую поддержку... Организация хорошего тыла уральцам была не по плечу...», так как по его мнению у уральцев было недостаточно умных людей, т. е. офицеров Генерального Штаба. Однако в полудеморализованной Оренбургской Южной Армии их было очень много умеющих работать «по планам в большом масштабе» (!), но Уральский Атаман предлагал им только второстепенные должности, тогда как они расчитывали, очевидно, на роли «варягов». «Против Урал. Отд. Армии со стороны красных были второстепенные части, а на фронте Оренбургского Войска — части ударного свойства...», и другие подобные замечания показывают, что, несмотря на многие комплименты уральцам за их стойкость, храбрость, самоуверенность

(« никакого страха уральские казаки не имеют даже перед начальством » — пишет тот же ген. Акулинин), — он или не любит уральцев или им завидует.

Отрицательное отношение ген. Акулинина к организации борьбы в Уральском Войске (надо понимать и к его Атаману) послужило причиной печального расхождения В. Атамана с его представителем в Европе ген. Б. И. Хорошкиным и отрешением его от его должности, которого В. Атаман, по недоразумению, обвинял в соучастии с ген. Акулининым (как сослуживца по штабу адм. Колчака) в издании его статьи, цитируемой мною. У меня имеется копия письма В. Атамана ген. Хорошкину, посланного через меня по этому вопросу. Зная вспыльчивый характер ген. Толстова и торопливость его заключений (временами), я, сняв копию с этого письма (оно было послано мне: « передай, пожалуйста », и тд.), передал его ген. Хорошкину, Никакого « обнародования » этого письма ни мною, ни ген. Хорошкиным сделано не было.

Другое дело-статья ес. Дорошина, участника этого похода. Он пережил все ужасы его и впечатление от пережитого не изгладило и время. Горечь потерь близких и картина гибели Армии оставили в душе его осадок, который он ищет возможность объяснить и найти причины этой трагедии. Его показания — верны. Он пишет о том, что он видел и переживал. Он пишет: « Фронт уже рухнул и известно было, что Атаман Толстов с остатками фронтовых частей, не заходя в Гурьев, перешел р. Урал и отправился в поход на Ф. Александровск. Никаких распоряжений по уходу с Урала, а также никакой организации отходящих уральцев Атаманом Толстовым сделано не было... »

Показания ес. Дорошина о « последних распоряжениях — не распоряжениях » станут понятными, если принять во внимание дезорганизацию всех тыловых учреждений, вызванную усилением эпидемии тифа, в особенности в последние месяцы существования фронта. При переорганизации (в половине ноября) главного управления многие штабы, управления, обозы, склады при них должны были быть ликвидированы, другие сведены в группы и, так или иначе, после этого должны были иметь связь со своими центрами и через них со штабом Армии. Излишек людей должен был быть направлен в центр при штабе Армии для формирования подкреплений на фронт. Свирепствовавший в тылу тиф помешал выполнению всех распоряжений, и некоторые тыловые учреждения не связались со своими центрами к моменту оставления фронта, и оказались от него оторванными и через них и от Штаба Армии — поэтому и не получили своевременно никаких распоряжений. Отход Уральской Отд. Армии на Ф. Александровск с начала ноября 1919 г. был очевиден и ни для кого не был секретом, тем более для В. Атамана, но это все же не помешало тому, что последние распоряжения делались наспех. Посещая фронт, я был свидетелем тому, что В. Атаман не раз уверял, что подготовления к отходу производятся. В ст. Мергеневской в середине ноября им был снят с фронта Гурьевский пеший полк для организации питательный пунктов по пути на Ф. Александровск. Через три недели для этого же был взят из пос. Харкина Гурьевский пеший дивизион.

При организации этих встречных пунктов с запасами продовольствия на поход, перевоз их до Жилой Косы было кое-что сделано, но зато приобретение верблюдов, укрытий от непогоды (кибиток, кашар), теплой одежды и тд. было предоставлено инициативе частей и тыловых учреждений, без своевременного и категорического предупреждения их об этом.

Были ли возможности приобрести верблюдов и укрытий заблаговременно? Безусловно были, если бы не было « но », которое заключалось в том, что под конец не было ни здоровых людей для занятия этим, ни денег на заготовку всего нужного. Район Бухарской стороны между Гурьевым, Жилой Косой и даже выше Гурьева был заселен более густо, чем остальная степь, киргизами, богатыми скотом и запасами кошмы и жибачи. Но вышеуказанное «но» является как был смягчающим вину обстоятельством. Запасы войскового серебра В. Атаман почему то не хотел использовать. При оставлении Гурьева штаб Атамана состоял из двух лиц: полк. К. И. Корнаухова и ес. Б. П. Митрясова. Не нужно забывать и фатальной неизбежности, что всяким таким « крахам » предшествует беспорядок и растерянность. Быв в центре событий, в дальнейшим моем повествовании я постараюсь беспристрастно осветить условия, в которых разыгрался последний акт трагедии Уральской Отдельной Армии.

Все обозы частей и беженцев не допускались последнее время в Гурьев (в мешок), так как отход частей фронта на п. Соколок должен был произойти из п. Сарайчинка, а потому обозы и беженцы сгруппировались в последних перед Гурьевым поселках-форпостах: Сарайчик, Сарайчинка, Редут и Кондауров. В Сарайчинке при расставании с Ата-

маном мне было приказано покинуть ее 22 декабря. Мною, через станичного атамана и лично мною, обращавшимся беженцам повторялось, что фронт рушится и если кто думает уходить, тот должен покинуть «линию». Маршрут давно был известен всем: Соколок, Ракуша, Жилая Коса, Прорва и тд. В п. Соколок мне и отходящим частям было назначено Атаманом свидание на 22/12, чтобы получить указания о движении на восток. Там же были некоторые запасы продовольствия. Но были тыловые организации, которые не были точно осведомлены о дне и часе оставления Гурьева, это было возможно, но, опять таки, потому, что они потеряли связь со своими центрами и Штабом Армии, т. е. с Атаманом. Отсутствие информационных листков при Штабе Армии содействовало этой сторванности. Стряд В. Атамана из молодых здоровых казаков, на хороших верблюдах, хорошо экипированный, мог продвигаться много быстрее, чем обозы частей и беженцев. В п. Соколок I-ый Парт. полк прибыл 22/12 утром, но отряда Атамана там уже не было. Сн начальника армейского транспорта полк. К. Е. Беляева я узнал, что Атаман прошел уже дальше, назначив свидание всем начальникам частей в Жилой Косе. Полк. Беляев был оставлен Атаманом для направления проходящих обозов.

В поселке Соколок полк должен был сделать привал, так как целую ночь был в движении. Нам с Русаковым это было необходимо для встречи с нашими семьями, которые должны были к этому времени прибыть из Гурьева. К счастью, не пришлось долго ждать и выставленный на дороге пост скоро привел сот. Д. Русакова, сопровождавшего укрытый со всех сторон черной новой кошмой, запряженный парой добрых верблюдов, наполненный подушками, одеялами, мехами, фургон, в котором находилась моя жена с 5-ти месячным сыном. Отец Русакова и моя теща, заболев, отказались следовать с нами. Дорожная «богатая» экипировка была приобретена мсим 2-ым вестовым Кузнецовым, который за 2-3 недели был отправлен мною в обоз 2-го разряда полка для этого. Его дядя, богатый казак, заболев, решил остаться в Гурьеве, и подготовленный фургон, как ненужный, уступил для меня.

После отдыха под п. Соколком, полк вытянулся по дороге на Ракуши. Погода была хорошая, дорога была сносная и полк спокойно двигался за непрерывными обозами. I-ый Партиз. полк выступил в поход в составе 280 казаков при 18-ти офицерах. Из этого числа до 40% были больны тифом. Напрасно уговаривали больных остаться на «линии»... Они плакали (что могут делать только больные тифом), соглашались переносить все трудности и лишь об одном просили: «не оставлять их на погибель...»

По пути справа попадались киргизские аулы, еще не брошенные своими обитателями, до Жилой Косы они были местами ночлегов большинства обозов. При выходе из п. Соколок всем командирам сотен приказано во что бы то ни стало раздобыть по одной кибитке (юрте) для каждой из сотен. Воспользовавшись проходом через населенные аулы, меняя на коней, на ненужное имущество, сотни легко обзавелись кибитками. И я в одном из первых аулов приобрел для штаба полка совершенно справную кибитку с дверью и открывающимся частично верхом для выхода дыма. При подсчете по пути все же оказался недостаток верблюдов в I-ой и 4-ой сотнях. Сотни 2-ая и 3-яя были из казаков Кругло-Озерновской станицы, фор-ов Шапова и Серебрякова, постоянных верблюжников, и они снабдились своими собственными верблюдами заблаговременно. Для пополнения недостатка в верблюдах была сделана дневка и сот. Д. Русаков с разъездом, влево от нашего движения, немного глубже в степи, легко приобрел 20 добрых верблюдов, что покрыло все недостатки. До Жилой Косы положение с фуражем было довольно сносным. По пути попадались долинки с полусухой травой, где мы и останавливались на отдых, а при ночлегах по аулам часто попадалось «сено» — молодой камыш, который верблюды и даже кони ели охотно. С водой было также благополучно, т. к. все аулы «сидели» на колодцах, хотя и плохой, но годной для питья воды. Таким образом, до Жилой Косы мы шли спокойно, и после стольких месяцев бессменного пребывания на фронте, с постоянными тревогами — отдыхали. Но не было слышно песней... Каждый замкнулся в себя и думал свою думу. В полку в большинстве казаки были немолодые, семьи у всех остались в Войске по станицам разоренным, частью сожженым... Тиф не щадил никого — ни женщин, ни детей. Часто запасы продовольствия для семьи остались скудными... Невеселыми думами были полны казачьи головы. Не до песней...

В. старш. Климов со своим отрядом вплоть до п. Прорвы прикрывал отход обозов. В п. Ракуша была сделана дневка. В. Атаман уже прошел на Жилую Косу, подтвердив, что там назначен сбор частей и выдача запасов продовольствия на дальнейший путь. После Ракуши, все тем же порядком, через 6 дней

полк без приключений прибыл в Ж. Косу. Начались холода и берег моря был покрыт льдом. Помимо персонала и рабочих приисков, там ютились несколько семей рыбаков (русских) и торговцев (татар), занимавшихся скупкой кож и шерсти у киргизов и продававших им необходимое для хозяйства. Расположены прииски Ж. Косы на устье реки Эмбы, впадающей в Каспийское море. Вода в р. Эмбе соленая и непригодная для питья, никаких колодцев в Ж. Косе нет, как и никакого водоснабжения извне. Жители ее добывают себе воду сами. Во время зимы вырубают на море большие куски льда — « гири », ставят их в вертикальном положении и, после пребывания в течение нескольких дней гир на ветру, свозят их по домам. В каждом дворе имеются большие резервуары — « чапы », куда и складывают лед. Растаяв летом, лед и дает пресную воду до следующего льда.

Когда полк пришел к Ж. Косе, там и в соседнем ауле уже находились ранее пришедшие обозы. В. Атаман со штабом занимал помещение дирекции приисков. Всем прибывшим частям, тыловым учреждениям, беженцам было приказано явиться в штаб с точным списком наличных людей для получения наряда на продовельствие, по которому было получена помимо мелочей, как чай, сахар, табак (все в небольшом количестве), мука по 1 фунту на человека с расчетом на 30 дней. Были и некоторые запасы сена, которые были использованы во время 2-ухдневной задержки частей там.

Есаул Б. П. Митрясов, занимавшийся регистрацией вошедших в части, тыловые учреждения и беженцев, выдал приблизиться на 12000 человек ордеров на получение продовольствия. Но число вышедших на Ф. Александровск безусловно превышало эту цифру. Беженцы, имевшие запасы продовольствия (а таковых было большинство), не регистровались, также как и некоторые строевые части и тыл. учреждения, прошедшие через Ж. Косу раньше дня регистрации. Мне кажется, что самая близкая цифра к истине будет 14-15000.

В Ж. Косе я случайно узнал, что мои братья, бывшие в 3-ем Партизанском полку, находятся здесь. Старший — урядник был болен тифом, а младший 13 лет находился с ним. С казаком, сообщившим мне это, я их быстро розыскал. У старшего был кризис, он валялся на полу киргизской землянки, полной дыма. Младший сидел около него и горько плакал. При помощи нашего полкового фельдшера, у нас на квартире мы привели больного в порядок: очистили нос, рот, он сразу стал легче дышать, избавили от вшей, сменили белье и к выходу из Ж. Косы брат пришел в себя. Младший также подвергся большой дезинфекции и повеселел.

От Ж. Косы до поселка Прорвы 140 км. Армия могла идти туда двумя путями: старой караванной дорогой или правее ее, ближе к морю, зимней дорогой, пересекая морские рукава по льду. Вторая дорога была короче на несколько десятков километров. Погода стояла сухая, мороз сковал рукава и лед настолько окреп, что, казалось, не было никакого риска идти по второму пути. И многие обозы частей и беженцев пошли по этому 2-ому пути, в том числе и наш полк. Атаман же пошел по старой караванной дороге. Еще до выступления из Ж. Косы строевым частям и обозам было приказано в условленное время явиться в Штаб Армии, который будет на старой караванной дороге, на высоте п. Прорвы, для получения указаний на дальнейшее: указание пути, о порядке движения, о прикомандировании незащищенных обозов к строевым частям, для защиты их от возможных нападений киргизов. Каждая группа должна была получить проводников. Степи на ЮВ от Прорвы населены разбойничьим племенем непокорных киргизов Адай-Орды.

Первый день пути прошел благополучно. Лед хорошо держал обозы, спуски в рукава и подъемы из них не представляли затруднений. По пути попадались киргизские зимовки, в которых можно было остановиться на ночь и отыскать камыш для корма верблюдам и еще оставшимся коням. К полудню второго дня подул влажный ветер, повеяло оттепелью. К вечеру заморосил редкий мелкий дождь. Погода переменилась.

На ночлег полк остановился в одном из аулов киргиз-адайцев. С первого же взгляда на хозяина зимовки в глаза бросилась разница между адайцами и киргизами Алаш-Орды, населявшими степи соседние с р. Уралом. Адаец — сухой, неразговорчивый, на все вопросы отвечает коротко « да » или « нет ». И кони у них такие же сухие. Их зимовки по берегу моря сделаны целиком из камыша. Занимаются они, помимо скотоводства, рыболовством для себя, охотой. Почти в каждой зимовке имелся приученный для охоты степной беркут. Хозяин зимовки, где мне пришлось провести ночь, сидел все время у огня со своим беркутом на цепочке, посматривая из под своего малахая злобно, как и его беркут.

Всю ночь моросил мелкий дождичек. И к полудню 3-го дня пути от Ж. Косы лед так

обрыхлел, что начал проваливаться. Тонули верблюды, кони, повозки с больными и продуктами. На более удобных спусках рукавов (а их множество) лед был быстро попорчен и для переправы через оттаявший рукав обозы вынуждены были искать новый спуск, где лед еще не был попорчен. Все это затрудняло движение и вызывало опасения опоздать с выходом на Караванную дорогу.

При переправе через один из рукавов, повозка, в которой лежал, вновь находившийся без памяти, мой брат, провалилась под лед. Запряженный верблюд и привязанный к оглобле конь провалились тоже. Услышав крики (я лежал с температурой в фургоне), я выскочил на лед и увидал, что повозка с братом постепенно погружается и брат уже находится по пояс в воде. С одним из казаков мы прыгнули на повозку и за рукава шинели по воде вытащили брата на лед. Тут же сменили на нем одежду, обувь и перенесли в мой фургон. Провалившийся конь брата не доставал до дна ногами и бился между верблюдом и льдом. Спасти его не было никакой возможности и пришлось его пристрелить. Верблюд был оставлен в воде между льдами в надежде, что киргизы смогут его освободить.

Все эти безчисленные рукава были «украшены» провалившимися верблюдами, конями, повозками. Шедший за нашим полком войск. старш. Климов с арьергардом, на день или два позже нас, потерял 90 % своего обоза с кашарами (род юрт) и продовольствием. Погода продолжала быть теплой, двигаться дальше, пересекая рукава по льду, стало невозможным, поэтому полк повернул на СВ для того, чтобы выйти из зоны рукавов на Караванную дорогу. На другой день утром, не приходя в себя, умер мой брат. К вечеру полк приблизился в поисках проходов к аулу, окруженному со всех сторон водой. От дождя и ветра с моря (моряны) рукава вздулись, вода поломала лед и в низких местах вышла из берегов. По словам киргизов мы находились в 8-10 верстах от Прорвы и в 5-6 верстах от Караванной дороги. Рано утром, верхом с одним вестовым, я отправился искать выхода на нее. С нами была и повозка, запряженная парой добрых коней, которая должна была добраться до Прорвы, отыскать там полк. Н. М. Абрамова, бывшего командира 1-го Партиз. полка, и доставить его в полк. Пересекая во многих местах разливы вод, мне все же удалось выбраться на Караванную дорогу и отыскать там стан В. Атамана, расположенный среди обозов. При Атамане, как всегда, находились полк. К. Корнаухов и в. с. Б. Митрясов. В штабе Атамана предполагалось три пути на форт Александровск:

1. По льду, через имеющиеся на море несколько островов. Путь самый короткий, но риск быть захваченными оттепелью и моряной грозил гибелью обозов. Этот путь был выгоден для обозов, которые могли быстро двигаться, и для людей, хорошо знающих местность. Казаки-аханщики даже из Гурьева делали эти пробеги.

2. Берегом моря вокруг залива «Мертвый Култук», который имеет форму сапога до его носка. Путь этот оказался впоследствии самым удобным, закрытым от ветров, более богатым кормом для верблюдов, если считать «кормом» полусухую траву-колючку и местами камыш по берегам залива. Но этот путь во многих местах пересекался солеными болотами (сорами), которые без хороших проводников-киргизов, хорошо знающих места проходов и характер этих «сор», для тяжелых обозов были непроходимы.

3. Старой Караванной дорогой, степью, по плоскогорью Усть-Урт, которая приближается к заливу у его каблука. Путь этот сухой, но зато холодный, с постоянными ветрами зимой и с редкими колодцами с соленой водой, которую не пили даже верблюды, Препятствиями были и подъем на плоского рье и спуск с него. Дороги в полном смысле слова не было, была лишь тропа для караванов, по которой и должны были двигаться обозы.

После получения сведений о путях к 1-ому Партиз. полку должен был быть присоединен обоз Яицкого банка, который вез все запасы войскового серебра. Обоз этот был уже на Караванной дороге, поблизости от стана В. Атамана. Был у него и проводник, и он должен был ждать наш полк для совместного движения дальше. В. Атаман сообщил, что он пойдет по старой Караванной дороге, степной ее частью, и так как он мог двигаться гораздо скорее, чем обозы, то следующая встреча могла иметь место лишь в Ф. Александровске. Так оно и случилось. Пожелав взаимно «счастливого пути», я возвратился в полк. Но когда на другой день утром вышел на Караванную дорогу, то обоза банка там уже не было. Неизвестно каким «хабаром», по обозам распространился слух, что красные преследуют отступающие части (что было правдой), уже заняли Ж. Косу и двигаются на Прорву. Испугавшись этих слухов, обоз банка ушел, забрав проводника и оставив мне лишь догадки о том пути, что он выбрал. Впоследствии выяснилось, что от

Прорвы он повернул к морю, а наш полк пошел степной дорогой, почему до самого Ф. Александровска мы не имели никаких сведений о его судьбе.

Посылка повозки за полк. Абрамовым в Прорву не увенчалась успехом: казаки, проблуждав целый день между разливами рукавов, вечером возвратились ни с чем в полк. Караванная дорога проходила верстах в десяти севернее Прорвы и полк прошел мимо, не заходя в нее, Мой договор с пол. Абрамовым (он выехал с «линии» раньше полка) встретиться по пути, не уточняя ни времени, ни места, имел уже некоторую давность, и я совершенно не знал, где он находится. Все эти обстоятельства позволяли лишь сохранить «надежду» встретиться на пути за Прорвой.

Погода продолжала стоять теплая и даже временами моросил дождь. На 2-ой день пути, в 15-ти верстах от подъема на Усть-Урт, к вечеру, ветер переменил направление и погода стала меняться, повеяло холодом и вместе с дождем начали падать и снежинки. Ветер все крепчал, и вскоре начался настоящий степной буран с крепким морозом. Кругом ровная степь, никакого укрытия, впереди виднелся подъем на плоскогорье, производя впечатление впереди лежащих гор. Эта резкая перемена погоды заставила полк остановиться на ночлег заблаговременно и принять особые меры при этом. Мы расположились кучнее обычного, кибитки, кашары были прилажены более тщательно, каждая сотня использовала свои повозки, как защиту от ветра, верблюды и оставшиеся кони были помещены за укрытиями, верблюды были положены рядами, близко один от другого и укрыты кошмами. У верблюдов, в лежачем положении задние ноги выдвигаются далеко назад и, как менее покрытые шерстью, более чувствительны к холоду. Все эти «тонкости» казакам известны с детства, поэтому в каз. частях, помимо прочих причин, был меньший процент потерь, чем в частях иного родних, незнакомых ни с верблюдами, ни со степными буранами. Впереди полка поблизости расположилась на ночлег английская военная миссия, задержавшаяся в Войске преждевременным прекращением навигации в Гурьевском порту. Вправо от дороги, также поблизости от стоянки нашего полка, расположился 2-ой Оренбургский конный полк. Пока еще можно было видеть до наступления темноты, было видно, что вся степь до подъема на плоскогорье была занята остановившимися на ночлег обозами.

Буран продолжался три дня и три ночи. Это была сплошная трагедия. За целый день дождя одежда на людях намокла, а наступивший мороз превратил ее в ледяной покров. Погибавшие люди не успели, да и не имели возможности, высушить одежду, не имея ни огня, ни укрытия, а было до25 градусов ниже ноля. Ветер был настолько сильным, что сбивал с ног человека. Люди топтались на месте, жгли все, что можно было сжечь: телеги, седла, даже ложе винтовок, а когда уж нечего было жечь, выбившись из сил, ложились и замерзали. Не трудно себе представить положение больных тифом. Не защищенные от холода, с голода дохли кони и верблюды... Так погиб почти полностью 2-ой Оренбургский полк, погиб, замерзнув, Волгский кавалерийский полк с Фортунатовым, пеший отряд воеводы Кисилева, большая часть Броне-дивизиона имени ген. Бичерахова и много групп беженцев и людей из тыловых учерждений, шедших неорганизованно. Некоторые группы людей пытались вырыть ямы, но что можно выкопать шашками в мерзлой земле, а шанцевого инструмента не было даже и в хорошо организованных обозах.

Вспоминая все эти ужасы, мне просто становится стыдно писать, в каких сравнительно конфортабельных условиях находился штаб 1-го Партизанского полка, да и весь полк, в эти пагубно-тяжелые дни. В киргизской кибитке-юрте (каждая группа обоза должна была иметь такую кибитку) может поместиться до 40 человек. Открыв часть верха, можно разводить огонь, дым уходит через это отверстие, не распространяясь внутрь. Можно варить пищу, по очереди высушить одежду и быть в тепле. Как пример, моя жена около огня меняла и сушила пеленки и рубашенки, давая в то же время побарахтаться 3-ехмесячному участнику похода — моему сынку.

Для поддержания огня жгли «лишние» телеги, колеса, дуги. Никаких источников воды поблизости не было. Собирали снег, таяли и процеживали полученную воду, так как в снеге было много песка. Ведь запасов воды с собой никто не вез, да и вообще за весь переход через плоскогорье Усть-Урт пользовались исключительно снеговой водой, ибо вода колодцев была горько-соленой.

Население кибитки штаба нашего полка состояло примерно из 20 человек. Помимо моей жены с сынком и братишки, находились в ней больной адъютант полка пор. Кошелев с вестовым, постоянный командир батарей при моем отряде ес. А. М. Юдин, больной тифом и почти все время находивши'ся

без памяти. Помимо его вестового, с ним была жена покойного полк. В. Г. Любавина. Во время последних дней пребывания на фронте, мы все дали друг другу слово — здоровым не бросать больных. Зоя Гавриловна — «шпион» — ехала с отрядом до Прорвы, а там, обезсилев от тифа и поноса, умерла не приходя в себя. Несколько моих бывших вестовых и станичников, «прибившихся» к штабу полка, дополняли население кибитки.

Первые двое суток бурана штабная кибитка и кибитки сотен были как бы спасательными пунктами. Находившийся по соседству 2-ой Оренбургский конный полк вышел в поход на конях, с малым обозом, и, не имея никаких укрытий от снега, ветра и холода, стал мерзнуть... Часть людей померзла на месте в неглубоких ямках, вырытых шашками, другая, более энергичная, разбежалась, вернее расползлась (ветер сшибал с ног человека) по соседним обозам, прося их приютить. Около кибиток казаки становились в очредь, плакали, прося их впустить отогреться и, умирая от жажды, дать хоть несколько капель воды. Кибитка штаба была ими забита до отказа. Свои здоровые казаки были высланы наружу и укрывались или в моей повозке или между закрытыми верблюдами. В сухой одежде это было выносимо.

Но все равно всех поместить было невозможно. Кирсанов с другими вестовыми непрерывно собирали и таяли снег и теплой водой поили обезумевших людей. Попавшие в кибитку никак не соглашались выходить из нее и уступить место другим. Двое суток продолжался этот кошмар, двое суток обитатели кибитки постились, не решаясь в присутствии голодных людей есть. А кормить всех не было возможности...

К началу 3-го дня все стихло. Никто уж больше не приходил — все не укрывшиеся замерзли.

Гибель Оренбургского кон. полка лежит на совести командования Уральской Отд. Армии. До самого конца полк этот оставался на фронте, хотя и знал о неминуемоети отхода, но, находясь на фронте и будучи посторонним элементом в Войске, затруднялся проявить свою инициативу для приобретения необходимого к походу, да и не имел для этого и времени и денежных (как и все) средств.

Остальные, сильно пострадавшие, части находились все время в тылу и о неминуемом отходе на Ф. Александровск, конечно, задолго до него, знали. Броневой дивизион имени ген. Бичерахова в июле 1919 г. прибыл с юга России в Уральскую Отд. Армию, но, несмотря на невероятные усилия уральцев «держать» фронт, ни один броневой автомобиль не появился на фронте. Почему? По официальной версии — все автомобили чинились, подготовляясь к выходу на фронт...

Во время этих трех дней бурана в хвосте отходящих происходили следующие события: преследующая красная конница 28-29 декабря заняла Ж. Косу. Все обозы, захваченные ею по пути, а также и в Прорве, возвращались на линию р. Урала. По словам очевидцев, большевики не чинили им никаких бед. Очевидцем этого был Г. Н. Акутин, природный казак Уральского Войска, в настоящее время проживающий в Париже. Тогда угрозами красных от был принужден сопровождать два их эскадрона, брошенных на преследование уральцев. По мысли большевиков, как казак, он должен был знать и местность и условия движения по степям. Вплоть до Ж. Косы Акутин сопровождал красные эскадроны.

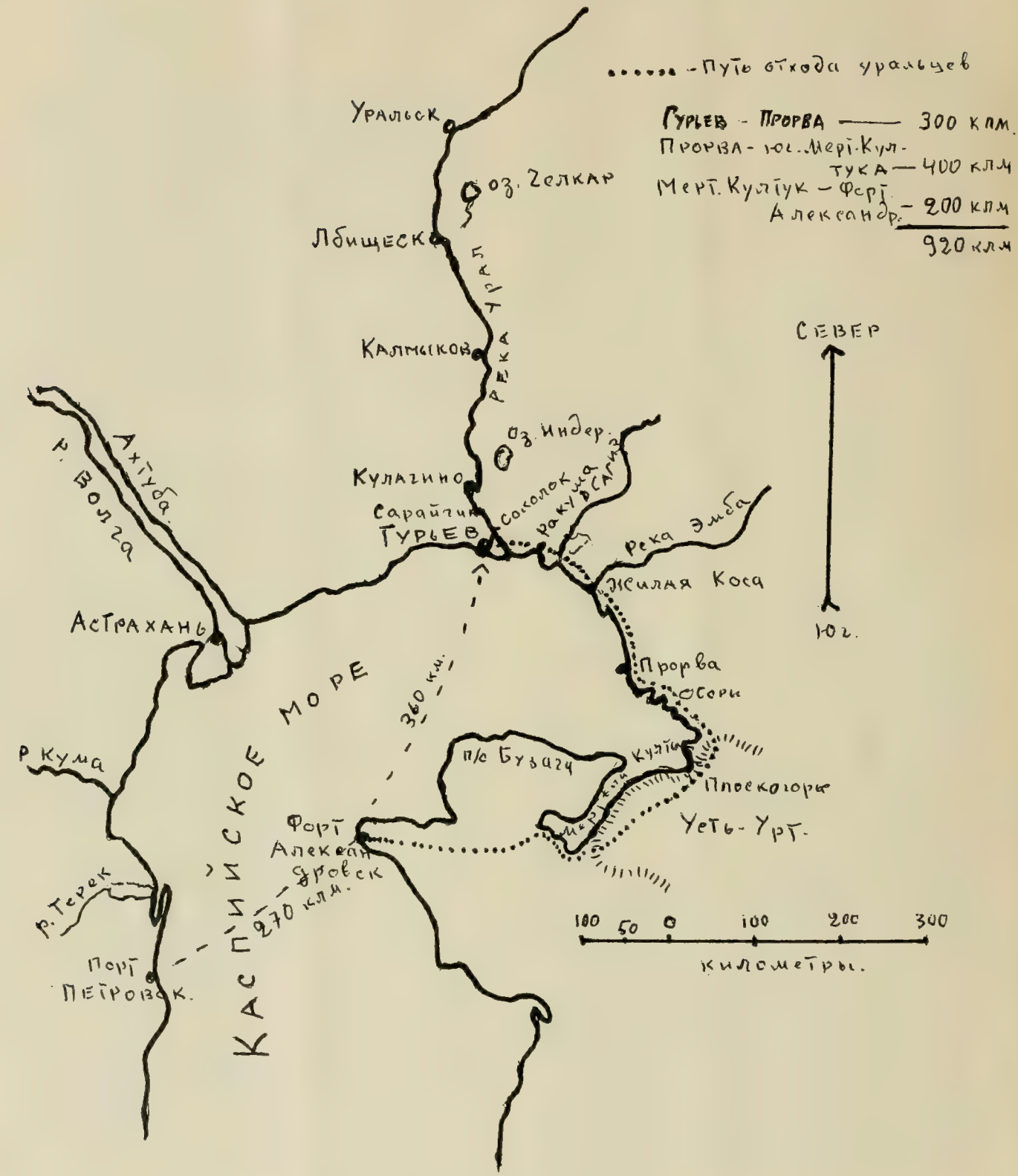
Войск. старш. Климов с арьергардом-прикрытием Уральской Отд. Армии — из Ж. Косы пошел на Прорву береговой дорогой. Захваченный оттепелью, блуждая в поисках переправ через разбухшие рукава, он пришел к Прорве одновременно с преследовавшими красными эскадронами, шедшими за Армией (обозами) степной дорогой. Деморализованный потерей всех своих обозов, измученный в конец блужданиями между рукавами, Климов оставил Прорву без боя, не заходя в нее.

По словам хор. Д. Чернобровкина, 1-го Партиз. полка, находившегося на поправке после ранения и бывшего в Прорве в это время с полк. Н. М. Абрамовым, красными были захвачены там некоторые обозы беженцев и несколько групп офицеров, ожидавших свои части или двигавшихся самостоятельно. При вступлении красных в Прорву полк. Абрамов, больной, видя неизбежность плена, застрелился. Чернобровкину удалось убежать из Прорвы, догнать один из уходящих обозов и он на третий день бурана присоединился к нашему полку. В Прорве большинство офицеров было арестовано и многие из них расстреляны, между ними и полк. В. И. Донсков.

В станицах, занятых красными вплоть до Гурьева, всем беженцам было приказано возвратиться по домам, казакам, поправившимся от тифа, после регистрации — ехать в Уральск. Тиф к весне 1920 г., даже с конца зимы, — приостановился, как будто бы «наелся».

И все это, обезсиленное болезнями, полу-

КАРТА ОТХОДА УРАЛЬЦЕВ.



(Прислана Н. А. Дорошиным).

голодное, — двинулось вверх по р. Уралу. Еще были холода и выще Гурьева лежал снег. В станицах возвращавшиеся не находили ни еды для себя, ни фуража для скота. Все было съедено или сожжено. Обезсиливших ставших коней бросали, быков, коров резали, поедали, бросали имущество и продолжали путь пешком. В станицах дома и дворы забиты трупами. Командиры красных частей часто задерживали возвращавшихся беженцев и здоровых (т. е. могущих двигаться) заставляли очищать от них дома и дворы. Трупы собирались в сани, вывозились за станицу, складывались в кучи и засыпались снегом. Так мне рассказывал мой большой друг, казак Т. Е. Переплетов, проживающий в данное время в Париже.

На Бухарской стороне положение возвращающихся беженцев было еще хуже. Поощренные своим «союзом» с красными, киргизы нападали на безащитные беженские обозы, грабили их, отбивали скот, насиловали и уводили женщин. Эти насилия вылились в конце концов в такие формы, что красное командование стало высылать особые команды для защиты беженцев. В письме, полученном мною в конце 20-ых годов от родственников, сообщалось, что жена брата, умершего при мне в походе, ее дочь, моя сестра с двумя детьми, тетка с ребенком, сестра моей жены, все они «из беженства» не возвратились и «погибли без вести в киргизских степях»... Их мужья: мой дядя, зять, свояк были убиты в последних боях, брат умер в походе, так же погибли четверо из двоюродных братьев. И так было во всех уральских семьях... Гибли, пропадали без вести, как «искупительные жертвы великого служения Родине и Казачеству».

«Так закончилась героическая борьба уральских казаков за восстановление России» — так заканчивает свою брошюру ген. Акулинин. Отдавая ему должное за прекрасное описание событий, не ставя в счет некоторые расхождения с ним в деталях, которые компенсируются его теплым отношением к уральцам и комплиментами по их адресу, но, тем не менее, мне кажется, что это заключение сделано немного «по книжному», «для красного словца». Ибо пережившим все описанное, потерявшим всех родных, как то трудно с этим согласиться. И мне кажется, что помиравшие тысячами от голода, от тифа, замерзнувшие от холода, погибшие в боях или замученные, уведенные киргизами, изнасилованные женщины, эти «герои» — вряд ли благословляли «свою светлую роль искупителей» во имя служения Родине и восстановления России.

П. А. Федсев

(Продолжение следует).

О ДОНСКИХ СТАНИЦАХ.

Н. Я. Самойлов пишет: «Список донских станиц я сверил с картой Юга-Востока России, изданной Объединенным Советом Дона, Кубани и Терка в Константинополе в 1922 г., и «Географией России» Семенова Тян-Шанского, изд. Девриена (том 14, СПБ, 1910 г.). Есть кое-какие изменения. Посылаю вам результаты.

Черкасский Округ. (16 станиц)
Новочеркасская (окружная),
Аксайская,
Александровская,
Бесергеневская (Заплавская),
Богаевская,
Владимирская,
Грушевская,
Егорлыцкая,
Мечетинская,
Кагальницкая,
Кривянская,
Манычевская,
Мелеховская,
Сльгинская,
Старочеркасская,
Хомутовская.

I-ый Донской округ. (25 станиц).
Константиновская (окружная),
Баклановская,
Богоявленская (образована в 1835 г. из станиц Кагальницкой и Траилинской),
Верхне-Каргальская,
Верхне-Кундрюческая,
Генералефремовская,
Екатерининская,

Ермаковская,
Зотовская,
Камышевская,
Кочетовская,
Кумшацкая,
Мариинская,
Нижне-Курмоярская,
Нижне-Кундрюческая,
Николаевская,
Раздорская на Дону,
Романовская,
Семикаракорская,
Терновская,
Усть-Быстрянская,
Филиповская,
Цесаревичевская,
Цымлянская,
Чертковская,

2-ой Донской округ. (21 станица).
Ниже-Чирская (окружная),
Верхне-Курмоярская,
Голубинская,
Есауловская,
Иловлинская,
Калачевская,
Кобылянская,
Качалинская,
Логовская,
Морозовская,
Нагавская,
Новогригорьевская,
Обливская,
Потемкинская (раньше Зимовейская),
Пятиизбянская,
Сиротинская,
Старо-Григорьевская,
Суворовская,
Таубевская,
Трех-Островянская,

Донецкий округ. (9 станиц).
Каменская (окружная),
Вольно-Донская,
Гундоровская,
Донецкая,
Калитвенская,
Луганская,
Милютинская,
Митякинская,
Усть-Белокалитвенская,

Усть-Медведицкий округ. (19 станиц).
Усть-Медведицкая (окружная),
Арчадинская,
Березовская,
Глазуновская,
Етеревская,
Кепинская,
Клетская,
Кременская,
Малодельская,
Ново-Александровская,
Островская,
Перекопская,
Раздорская(наМедведице),
Распопинская,
Сергеевская,
Скуришенская,
Усть-Хоперская,
Чернышевская,
Самсоновская.

Хоперский округ. (23 станицы).
Урюпинская (окружная),
Акишевская,
Алексеевская,
Анненская (образовалась из Березовской и Черновской станиц).
Арженевская,
Букановская,
Бурацкая,
Добринская,
Дурновская,
Зотовская,
Котовская,
Кумылженская,
Луковская,
Михайловская,
Павловская,
Петровская,
Правоторовская,
Преображенская,
Тепекинская,
Тишевская,
Усть-Бузулуцкая,
Филсновская,
Ярыженская.

Верхне-Донской округ. (II станиц).
Вешенская (окружная. Бывшая станица Донецкого округа).
Боковская (из хутора Еланской станицы),
Еланская (из Донецкого округа),
Казанская (из Донецкого округа),
Колодезная (бывший хутор),
Каргинская (из хутора Вешенской станицы),
Краснокутская,
Мешковская (из хутора Мигулинской станицы),
Слащевская,
Федоссевская (из Хоперского округа).

Сальский округ. (17 станиц).
Великокняжеская (окружная),
Андреевская,
Атаманская,
Батлаевская,
Беляевская,
Бурульская,

Власовская,
Граббевская,
Денисовская,
Иловайская,
Кутейниковская,
Ново-Алексеевская,
Орловская,
Платовская,
Потаповская,
Чунусовская,
Эркетинская,

Ростовский округ. (3 станицы)
Верхне-Гниловская,
Елизаветинская,
Нижне-Гниловская,

Таганрогский округ имел одну станицу Ново-Николаевскую.

Итого всего 145 станиц. К списку станиц, помещенному в № 49 « Род. Края », автор письма делает следующие примечания: Александровская и Ольгинская — Черкасского округа, а не Ростовского, так же, как Владимирская, а не Донецкого. В списке станиц I-го Донского округа не указана Камышевская, и Обливская 2-го Донского, а не I-го Донского. Во 2-ом Донском округе не указана ст. Кобылянская. По словам двух казаков Усть-Медведицкого округа была еще станица Самсоновская, которая внесена Н. Я. Самойловым в списки. В Верхне-Донском округе, по словам казака этого округа, были еще станицы Колодезная и Мешковская (бывшие хутора), обе они внесены в списки. В Географии Семенова станицы Сальского округа не указаны, кроме Великокняжеской. Станицы Булавинской нет ни у Семенова, ни на карте.

Пишет о донских станицах и И. Я. Крюков. — « Многое и многое уже позабыто, но у меня всегда оставалось в памяти, что на Дону 141 станица. Я проверил список станиц, что был в № 49 журнала, по карте В. В. Д. издания 1919 г. Попова, и вот мои наблюдения: в списках станиц **Черкасского округа** пропущены Владимирская (которая отнесена к Донецкому о-гу) и Ольгинская (приписанная к Ростовскому о-гу). Всего в округе 16 станиц, вместо указанных 14-ти.

В Ростовском о-ге была одна станица Гниловская, а указаны Верхне и Нижне-Гниловские. Всего в о-ге 3 станицы, вместо указанных 5-ти.

В Сальском о-ге Андреевская должна быть отнесена к I-ому Донскому. Она лежит на левом берегу Сала, который служит границей между Сальским и I-ым Донскими округами. Всего 16 станиц, вместо указанных 17.

В I-ом Донском округе пропущена Камышевская. Станица Обливская находится при станции Обливы во 2-ом Донском о-ге. Цесаревическая должна быть переименована, но на своей карте я ее не нашел. Всего в этом округе (с Цесаревической) было 25 станиц, как и указано. В списке станиц **2-го Донского округа** пропущена Обливская (смотри выше) и Красношековская и, думаю, Чернышевская, отнесенная к Усть-Медведицкому округу. Она лежит на правом берегу Чира, который служит границей между двумя округами. Калач и Лог были хуторами и я не знаю, когда они стали станицами. Таубевская, думаю, переименована в Вольно-Донскую или Морозовскую, так как адреса указывали « ст. Таубевская при станице Морозовской ». Всего во 2-ом Дон. о-ге с Калачем и Логом 21 станицы, вместо 19.

В Донецком округе Владимирская относится к Черкасскому о-гу (смотри выше). Всего 9 станиц, вместо 10 указанных.

В Верхне-Донском о-ге пропущены Букановская и, думаю, Мешковская (бывший хутор Мешков). Всего II станиц, вместо 9-ти указанных.

В списке **Усть-Медведицкого округа,** думаю, что Чернышевская относится ко 2-ому Донскому. Она лежит на стыке трех округов, на правом берегу Чира, который служит границей между округами Усть-Медведицким и 2-ым Донским. Всего 17 станиц, вместо 18-ти указанных.

В Хоперском округе 22 станицы вместо указанных 23. Букановская была отнесена к Верхне-Донскому (смотри выше). Из Хоперского округа в Верхне-Донской отошли 3 станицы: Федосеевская, Слащевская и Букановская.

Общий результат:

Черкасский о-г	— 16	станиц.
Ростовский	— 3	«
Таганрогский	— 1	«
Сальский	— 16	«
I-ый Донской	— 25	«
2-ой Донской	— 21	«
Донецкий	— 9	«
Верхне-Донской	— 11	«
Усть-Медведицкий	— 17	«
Хоперский	— 22	«
Всего	141	станица

СУДЬБА РЫБНЫХ БОГАТСТВ УРАЛА.

Река Урал издавна славилась своими рыбными богатствами. Но сейчас многое изменилось. В « Новом Русском Слове » от 24. 9. 1968 г. С. Рождественский поместил следующий очерк, написанный на основании советских газет.

О гибели речных богатсв Урала « Казахстанская правда » от 27 августа 1968 г. снова пишет в статье « В защиту Урала — реки » специального корреспондента газеты В. Филинского, тщательно обследовавшего этот вопрос.

« ...Веками, — пишет газета, — каспийский осетр, белуга, шип, севрюга шли на нерест, главным образом, в Волгу и Урал. В наше время, после того, как перегоженная плотинами Волга превратилась в цепь рукотворенных морей, ихтиологи отмечают нарастающее с каждым годом увеличение захода осетровых рыб в Урал. Каждую весну почти на тысячекилометровом своем протяжении в пределах Гурьевской и Уральской области Урал становится местом совершения великого таинства природы. Песчано-гравийное ложе реки под светлыми быстрыми ее водами устилается черной икрой — той самой знаменитой на мировом рынке « русской икрой ». Дно Урала не только в старинном казачьем фольклоре, но и в буквальном смысле золотое.

— Понятна поэтому особая важность воспитания населения в уважении к бесценному дару реки, — заявил старший инженер отдела рыбных запасов Евстюгов — Но какое уж тут уважение, если реку попросту грабят и губят и частники и руководители государственных учреждений! — И он сокрушенно машет рукой ».

« Казахстанская правда » признает его правоту: « С ним нельзя не согласиться и не только потому, что частники занимаются браконьерством рыбы. **Урал сейчас рубят под корень, упираясь на мощь современной индустрии!... »**

Первое — это загрязнение реки, второе — браконьерство, третье — рубка лесов и, наконец, — пароходство.

« ...С очистительными вооружениями, — пишет В. Филинский, — в Уральске, как и в других местах, действительно, беда. Вторая очередь, сооружаемая несколько лет, до сих пор не введена в эксплуатацию. Из-за этого нынешней весной **сбрасывали сточные отправленные воды в реку Урал.**

И на письма в « Казахстанскую правду » — « Кто же будет отвечать за отравление реки? » — никакого вразумительного ответа не было. Советские инстанции сваливали вину друг на друга и, как обычно, ссылались на выполнение плана!

Затем — начавшаяся вырубка лесов на берегах Урала.

— Рубим!., — откровенно подтвердил в Алма-Ате начальник лесного хозяйства Казахстана О. Михайленко. И на замечание В. Филинского, что существует « Положение об охране рыбных запасов и регулировании рыболовства в водоемах СССР », в котором запрещается производить заготовку леса по берегам реки и озер, являющихся местами нереста лососевых и осетровых рыб, на расстоянии одного километра от берега.

И однако, власти рубят и рубят, где угодно и как угодно — лишь бы выполнить план! Рубят под видом « санитарных порубок »...

Что это такое? — « Казахстанская правда » поясняет: « Отчет — официальная бумага, которой руководствуются, которой верят. Он — **прямое обвинение « лесникам ». В 1967 году они заготовили на Урале 62.000 кубометров древесины, из них только 22.000 — за счет « санитарных рубок! »...**

Лесники уверяют, что они не только « рубят, но и восстанавливают » лес. И снова отчет и снова хозяйственники пойманы во лжи! В отчете говорится:

« ...Посадки весны 1967 и 1966 годов в июне текущего года **погибли более чем на пятьдесят процентов...** Большой отход произошел в культурах старших возрастов посаженных деревьев... Большое усыхание древостоя в связи с отсутствием паводка и понижением грунтовых вод произошло в пойменных насаждениях ».

И это не фантазия, а официальный отчет Казахстана!

« ...Урал быстро мелеет, — пишет « Казахстанская правда », — на это особенно жалуются в Уральском речном пароходстве. Почти каждую навигацию речники буквально садятся на мель. Вот данные о деятельности пароходства за пять лет: 1961 год — убыток речного Уралского пароходства от перевозок — 122.000 рублей, 1963 год — 24.000 рублей убытка, 1965 год убыток — 162.000 рублей и 1967 год — убыток — 26.000 рублей... *) « Спрашивается, зачем такое пароходство, которое из года в год казне дает лишь убыток. Больше того...

*) То есть 260.000 рублей в рублях 1965 года.

Вот что пишет «Казахстанская правда»: «...Сейчас пароходство на Урале насчитывает 83 буксира и 97 барж. В навигацию 1968 года этот флот должен привезти 900.000 тонн груза, в основном гравия. Его легко перебросить другими видами транспорта. А пока **буксиры, толкая баржи с заброшенными на дно тяжелыми лотовыми цепями для облегчения управления в извилистом фарватере реки, разрушают нерестилища осетровых!..»**

«Казахстанская правда» дает следующую историческую справку: **«Урал,** как говорится в справочнике «Уральску 350 лет», **как водная магисталь до революции совершенно не использовался.** Потытки организовать судоходство предпринимались в старое время не раз, но заканчивались крахом из-за **противодействия Уральского Казачьего Войска, владевшего рекой. Казаки оберегали своего кормильца!..»**

А теперь? «Промышленные ядовитые стоки городов... Вырубка пойменных лесов... Бездумная деятельность речников — вот, что губит реку Урал, — замечает «Казахстанская правда».

Наносят вред и люди — работники на реке Урале: «...Пароходство обслуживают 200 с лишним бакенщиков, — замечает та же «Казахстанская правда», — и вот с ними рыбинспекторам приходится вести настоящую войну. Весной прошлого года у одного только бакенщика Ушенина изъяли 250 осетров и севрюги!»

Дополняют картину гибели рыбных богатств Урала и землечерпалки.

«Их семь, — пояснил Евстюгов корреспонденту «Казахстанской правды», — от Уральска до Гурьева каждую навигацию они режут перекаты и перекачивают гравий — ложе осетровых нерестилищ. Если бы были такие весы, на которых можно было бы определить тяжесть разрушения золотого дна Урала!...»

«Казахстанская правда» предлагает, пока не поздно, объявить Урал в пределах Казахстана заповедником... А как же промышленные планы индустриализации?.. Нет, это не выйдет! — заранее утверждает В. Филинский.

Уральские казаки, — пишет он, — были умнее советских плановиков! — **Они умели ценить природное добро — золотое дно Урала!..**

С. Рождественский

ИМЯ

Вдалеке от путей караванных,
В самом сердце монгольских пустынь,
У предверья неведомых, странных
Азиатских древнейших святынь

Можно много услышать преданий,
Тихих сказов у дымных костров
И невнятных глухих заклинаний
В глубине полутемных шатров.

Чаще прочих имен у шамана
На устах, как нетленный кумир,
Имя предка звучит Чингиз-Хана,
На коне истоптавшего мир.

Нет монголу дороже обрядных
Поминальных молений о нем,
В память оргий его безпощадных,
Озаренных кровавым огнем.

Мнится сердцу и мыслям шамана
Пестрых орд колыханье цветов,
Путь далекий в степи Чингиз-Хана,
Пирамиды пустых черепов...

И как жалкий потомок никчемный,
Затаивший инстинкты веков,
Щурит он исподлобия темный
Взор горящий недвижных зрачков.

На закат, где спокойный, воздушный,
Удаляясь бредет караван
По стране, где когда-то бездушный
Проходил на коне Чингиз-Хан.

И. Сагацкий.

СКРИЖАЛИ СЛАВЫ КАЗАЧЬЕЙ

(Продолжение № 79)

1813 сент. 17/29 Рапорт Донского атамана графа М. И. Платова Барклаю-де-Толли об успешных действиях Донских казаков в тылу французских войск западнее Дрездена.

№ 6 г. Алтенберг

15 сего числа с № 2 доносил я Вашему Высокопревосходительству, что я последовал в Пениг и дал знать через нарочного г-ну генерал-лейтенанту барону Тиллеману, дабы он из мест. Цвиккау следовал к Алтенбургу атаковать совместно со мной неприятеля, там находившегося и вторительно дал ему знать, что я в ту ночь туда следую, присоединя к себе авангард мой под командой генерал-майора кн. Кудашева. С вечера под 16-е число последовал я и прибыл к Алтенбургу помянутого числа в 7 часов поутру, к которому времени ген. Тиллеман, повидимому за отдаленностью г. Цвиккаю от Алтенбурга прибыть ко мне не успел, и я, видя, что мне стоять в виду неприятеля без занятия его неудобно, решился атаковать оного, состоявшего в восьми тысячах с восьмью орудиями и бывшаго под начальством дивизионного генерала Лефебра и еще трех бригадных генералов, в том числе и польской генерал Красинский.

Неприятель, сколь упорно ни защищался, но с Божией помощию и храбростию войск выбит из первой позиции и по отрезании ему дороги, ведущей отсель в Борно, сбит с трех выгодных для него позиций и преследован с стремительностию и поражением до мест. Мейзельвиц, к которому в 2 пополудни подоспели отряды ген. Тиллемана и его помощника гр. Менздорфа. На сем месте неприятель, получа подкрепление из 3000 чел., состоявшее от стороны Лейпцига под командой дивизионного генерала Делоржа, две кавалерийские дивизии и более 600 пехоты с бригадными генералами Мерти и Кинетом, усугубил упорное защищение; но при всем сопротивлении его шестью орудиями Донской конной артиллерии и ударами Донских казачьих полков, двух эскадронов венгерских гусар, а также гусар прусских, сбит с позиции уже при мест. Мейзельвиц, опрокинут и прогнан с поражением до г. Цейц и за оный более пяти верст.

С нашей стороны, благодарение Богу, урон не так велик, но по сведениям есть убитых и раненых чиновников и казаков, а также венгерских и прусских гусар всего до 200 чел., о чем, а равно и об отличившихся в сем сражении чиновниках буду иметь долг донести Вашему Высокопревосходительству. Теперь же обо всем донесет Вам посланный с сим адъютант мой, есаул Кузнецов, как началось и как окончено. Войски наши дрались как львы, невзирая на упорное сопротивление гвардии, польских улан, а особливо мамелюков и так называемых гвардейских татар. Командовавший мамелюками помощник Мюзо убит, полагать надобно, что и польской генерал Красинский убит же, как пленные офицеры показывают, что он при начале дела был больно ранен пикою казачьей, в плену же у нас не оказался, а бывши больно раненому так далеко ретироваться на лошади невозможно, и конечно, остался между убитыми телами.

В сем важном поражении неприятеля особенно отличились мужеством, храбростию и благоразумным распоряжением : командовавший авангардом ген. кн. Кудашев, который во все время поражения неприятеля находился со Донскими полками впереди и распоряжал как искусный генерал. Командующий Атаманским полком полковник Греков 18-ый, командующий частями двух Донских полков Грекова 1-го и Чернозубова 5-го подполковник Костин, командир Черноморского казачьего полка есаул Плохин, — все они находились впереди полков и были примером храбрости; командир же 1-й роты Донской конной артиллерии подполк. Тацын 4-й с отличною храбростию поражал неприятеля картечными выстрелами. О состоящих в полках и артиллерии чиновниках, отличившихся особенно в сем сражении, как выше объяснено, имею я долг донести Вашему Превосходительству особенно. Я нынешний день отправляю через Цвиккау наших раненых, а потом и пленных. Завтра следую обще с отрядами ген. Тиллемана и полк. гр. Менсдорфа на Борно, где также находится неприятель, которой и открыт посыланною от меня партиею. Буду стараться при Божеской милости и оного разбить. Тогда уже будет свободно действовать на неприятельскую коммуникацию порознь каждому отряду. Буду также наблюдать и тревожить направо к г. Фрейбергу, где находится неприятельской корпус, который, по слухам от жителей, усиливается числом. О награждении адъютанта моего есаула Кузнецова предаю уважению Вашего Высокопревосходительства. Генерал граф Платов.

1813 сент. 20/окт. 2 Рапорт Донского Атама-

на генерал-от-кавалерии графа М. И. Платова Барклаю-де-Толли о действиях корпуса Донских казаков в тылу французских войск западнее Дрездена.

№ 8 сел. Лом

После донесения моего от 17 числа с № 6 и по отправлении из г. Алтенбурга раненых и пленных, которых оказалось : штаб-офицеров 2, обер-офицеров 42, унтер-офицеров и рядовых 1071 человек, кроме таких, кои за тяжелыми ранами не могли идти далее и коих не на чем было везти, брошенных в Алтенбурге и возле оного, всего более 300 чел., а там же за отправлением отбитых у неприятеля орудий — следовал я с войсками моими 18 числа к г. Фробургу, а отряд ген. Тиллемана оставался в Алтенбурге.

Приближаясь к Фробургу, встречен я был неприятельским корпусом польского генерала князя Понятовского и генералов частных польского Тулинского и французского Вальмэ состоящим, как пленный офицер, бывший в патруле и схваченный разъездом казачьим с несколькими рядовыми, показал всего в двадцати тысячах кавалерии и пехоты ,следовавшим от Дрездена для занятия нужных пунктов и обеспечения коммуникационной дороги из Дрездена на Лейбциг. Дознавши от вышесказанного офицера, что также сильная часть следовала на Пениг, я в ночь под 19-е число сделал поворот свой на Пениг же, дабы не быть мне от оного отрезану и чтобы, повстречавшися с неприятелем, напасть на оного. Поутру того же 19-го отряд полк. графа Менсдорфа, будучи подкреплен авангардом моим под командой кн. Кудашева, имел перестрелку, но неприятель отретировался к Рохличу для соединения с корпусом кн. Понятовского, и Пениг занят нашими войсками. При перестрелке взято до двадцати человек в плен.

Вчерашнего дня занял я было позицию на случай нападения иногда неприятеля при сел. Ломе и дал знать о том, для общего в случае надобности действия ген. Тиллеману. Но теперь буду находиться между Пенигом и Алтенбургом и буду посылаемыми партиями открывать неприятеля и, смотря по обстоятельствам и по малоимению у меня войск, коих всего менее двух тысяч человек, да в отряде полк. гр. Менсдорфа менее тысячи, буду действовать по возможности на отделяющиеся части оного. Но на коммуникацию, прикрываемую корпусом князя Понятовского, которой в большом числе и занял все дороги, действовать мне с вышеобъясненным малым числом войска нет возможности, ибо и из сего числа называемой полк Тептярьской в коем не более ста двадцати человек, отправлен весь для препровождения пленных и для прикрытия наших раненых, о возвращении которого ко мне предаю благорассмотрению Вашего Высокопревосходительства.

Что касается до отряда ген. Тиллемана — то куда он из Алтенберга примет направление свое — мне неизвестно.

Отбитую посыланную от меня к стороне Лейбцига партиею под командой полка Атаманского войск. страшины Процыкова на большой дороге между Лейбцигом и Вурценом, неприятельскую почту представляя, доношу, что партия сия с великим затруднением и крайней опасностию едва могла пробраться ко мне в ночное время. Генерал граф Платов.

1813 сентябрь/октябрь. Журнал военных действий с 20 по 22 сентября/2 по 4 октября.

20 сентября. Казаки отряда генерал-майора Кнорринга заняли дер. Найндорф, что на большой дороге в Дрезден.

На подкрепление легкого корпуса генерала графа Платова отряжены из армии генерала графа Беннигсена 3-й Оренбургский и 11-й Башкирский полк.

21 сентября. Генерал граф Платов, продолжая поиски свои до Фрейбурга, встретил близ оного 18 числа неприятельский корпус генерала кн. Понятовского, состоящий по показаниям пленного офицера из 20.000 человек. С сим вместе узнал гр. Платов, что другой сильный отряд взял направление на Пениг. Дабы не поставить себя между двух огней, граф Платов в ночь на 19-е пустился сам к Пенигу. Г. Пениг занят нашими войсками. Граф Платов расположился 20 числа с корпусом своим между Пенигом и Альтенбургом в намерении действовать на одни деташементы неприятельские. Между тем посланная от него партия под командою войск. старшины Процыкова схватила на большой дороге в 5 верстах от Лейпцига неприятельскую почту, шедшую из Парижа. Из частных писем видно, что там все умы в большом унынии. Официальные известия о военных действиях и особливо о победах — вышли уже совершенно из доверенности! Все ждут и никто не может знать о настоящем положении армий. Все знают и никто не говорит о стесненном положении страны. Все надеются и никто не видит конца общим бедствиям!

1813 сентябр/октябрь — Журнал военных действий с 23 по 29 сентября /5 по 11 октября.

25 сентября. Генерал граф Платов, взяв направление к г. Фробургу, прибыл сего числа в

Борн и послал партии свои к Лейпцигу. Генерал Тиллеман, соединясь с австрийским отрядом князя Лихтенштейна, делал поиски до Гены и открыл там корпус маршала Ожеро, шедший из Ерфурта.

29 сентября. Генерал граф Платов прибыл вчера в Люцен и взял там 3 офицеров и до 150 чел. неприятельских мародеров. Авангард его послал разъезды к самому Лейпцигу, а другие его партии наблюдают за движениям корпуса маршала Ожеро, находящегося у Наумбурга и удерживают открытое уже сообщение с армией наследного шведского принца. Ген.-от-инф. Барклай-де-Толли.

1913 сент. 23/октября 5. Рапорт Донского атамана генерала-от-кавалерии, графа Платова Барклаю-де-Толли о боевых действиях казаков донских в районе г. Хемница.

№ 11 на марше к Лихтенштейну.

Вчера с № 9 донесено от меня, что от Валденбурга пойду я между Пенигом и Хемницом. Но на пути получа известие, что неприятель в большом числе конницы и пехоты идет от г. Митвейды к г. Хемницу, поспешил я сюда; и дал знать полковнику графу Менсдорфу, дабы и он как можно поспешнее сблизился к Хемницу.

Приближаясь к городу сему, нашел я, что неприятель вытеснил из оного генерал-лейтенанта Мора с его войсками. Почему я, не медля нимало, атаковал неприятеля в правой его фланг с тылу и опрокинул оного. Тогда обратился и генерал Мор к преследованию неприятеля, которой, устроясь на высотах, лежащих по ту сторону г. Хемница по дороге к Франкенбергу, сильно защищался пехотою и отстреливался пушками; но при продолжении сильной с обеих сторон пушечной канонады, стремительными ударами войск российских совместно с австрийскими сбит с высоты, опрокинут и преследован с сильным поражением до г. Франкенберга, где открыт большой неприятельский лагерь, которой усмотревши, остановил я войски свои и пробыл там до вечера, а ввечеру возвратился снова к Хемницу и расположился при оном, оставя на местах, мной занимавшихся австрийские войска ген. Мора.

Неприятеля побито большое число. Неприятельские пушки после первого сбития с высот перестали действовать, увозимы были с поспешностию и защищаемы двумя дивизиями пехоты под командой генералов Вандадема и Ожеро. Но дивизии сии неполные, так как потеряли много — в плен взято не более двадцати человек, ибо разъяренные сильным упорством российские и австрийские войски кололи и рубили кавалерию без всякой пощады.

Долгом поставляю отдать справедливость генерал-майору кн. Кудашеву, а также и особенной отличности в сем сражении оказанной Его Императорского Высочества адъютанта полковника Шперберга, которой, командуя шестью орудиями Донской конной артиллерии, одним эскадроном австрийских драгун, наносил неприятелю поражение с храбростью. Войска Донского подполковника Костина 4-го, которой, командуя двумя Донскими полками, сильным и стремительным нападением во фланг неприятельской с подкреплением полка Атаманского, под командой полк. Грекова 18-го, привел неприятеля в совершенное расстройство и, находясь впереди, поступал везде с отличным мужеством и храбростию. Старшего адъютанта моего, Войска Донского подполковника Лазарева 3-го, которой в продолжение всего сражения, а также и бывшего 16 числа у Алтенбурга, был посылаем от меня с нужными приказаниями, исполнял оные в самой точности под сильными выстрелами. Дежурного моего штаб-офицера, состоящего по армии подполковника Краснокутского, который во время сего сражения два раза посылан был мной на правой фланг к ген. Мору, исполнил поручения с точностию, и как в сем, так и в бывшем 16 числа у Алтенбурга деле, находился в неприятельском огне. Об отличившихся же в сем деле офицерах, в полках состоящих, имею долг донесть за сим.

Г-н полковник гр. Менсдорф, приближившись уже ко мне, усмотрел неприятеля в немалом числе кавалерии, шедшего по Рохлицкой дороге, которой сбил уже мою заставу в намерении взять меня во фланг во время сражения — ударил на оного с стремительностью, опрокинул и гнал. О каковом предприятии его донести поставляю обязанностию.

США. **Н. Воробьев**

(Продолжение следует)

ТВОРЧЕСТВО Н. Н. ТУРОВЕРОВА

В № 76 « Род. Края » были приведены отзывы русской печати в США о последней книге стихов Н. Туроверова. В этом № мы помещаем отзыв журнала « Возрождение », наиболее крупного русского литературного журнала заграницей. Я. Н. Горбов пишет : — « В предпосланных книге нескольких пояснительных строчках, находим указание, что в нее вошли часть стихов, изданных в 1928, 1937, 1939 и 1942 гг., так же как и написанное позже. Нового, таким образом, не слишком много. Но и не в том была, повидимому, задача автора, чтобы приподнять завесу над до сих пор неизвестной стороне его творчества. Скорее, кажется нам, отбирая некоторые из своих стихов, он руководствовался желанием — а может быть и потребностью — соединить воедино звенья своего рода цепи. Все расположено в порядке хронологическом. Благодаря этому можно следить за тем, как, подчиняясь голосу той или иной темы, того или иного вдохновения, автор искал, и находил, некое среднее между прошлым и настоящим, не менее чем прошлое, ему дорогим и близким. Но никакой автобиографической схемы в книге нет, как нет в поэтическом складе Туроверова никакой уступки, вольной или невольной, стихотворческому модернизму. Все стихи просты, никаких ухищрений, общипанных и подстриженных рифм, перемежающихся ритмов в них не найти. Нет у него ничего общего и с той манерой писать — многими теперь усвоенной — когда автор, подчиняясь только магии слова или только фонетическим поискам, уделяет содержанию и смыслу роль привеска, если вообще не пренебрегает всяким смыслом. Жизнь поэта отразилась в этих страницах естественно, и то, что пришлось за годы странствования и изгнания видеть и слышать, что оставило в его душе и сознании следы — приняло тут поэтические образы. Это потому, что Туроверов родился поэтом и посланный ему свыше талант в землю не зарыл. К каждому из попадавшихся на его пути источнику он приближался чуть ли не с благоговением и не только для того, чтобы, прислушавшись к его журчанию, смочить губы и итти дальше, а для того, чтобы утолить поэтическую жажду большими полными глотками. Еще в России, еще до крушения белых надежд, он, присматривался к тому, что попадало в его поле зрения, отметил :

Когда то мимо этих плес
Шли половцы и печенеги,

чтобы позже, установив некоторую родственность, добавить :

Мы шли в сухой и пыльной мгле
По раскаленной крымской глине.

Несколько стихотварений, относящихся к тому времени, когда под ногами автора была еще русская земля, сразу ставят читателя к нему лицом.

Я выцарапал на скале :
Двадцатый год — прощай Россия.

Они почти поэтическое предисловие, род вступления, к которому позже находим просьбу не забывать самого главного, т. е. того, что следовало за автором, что в нем продолжало и продолжает жить :

Ничего не помню и не знаю.
Фея положила в колыбель
Мне свирель прадедовского края,
Да насушный хлеб чужих земель.

И так с этой свирелью и питаясь хлебом изгнания, Туроверов и прошел через все выпавшие на его долю испытания, задержавшись мысленно на каждом этапе и для каждого этапа найдя рифмы, ритмы, образы. По мере того, как текут года, его требовательность к себе возрастает :

Все скупее, вернее и проще
Нахожу для стихов я слова,

чтобы сразу добавить, точно побоявшись, что его кто то упрекнет в черезмерной сжатости или сухости :

Все короче положенный срок,
О, как вкусен насущного хлеба
С каждым годом все худший кусок!

Чтобы ни у кого не возникало сомнение, чтобы всякому бы стало ясно, где и как он черпает вдохновение, он поясняет :

Я не боялся умирать,
Любить и верить не боялся
И все настойчивей влюблялся
В свое земное бытие.
О счастие верное мое!
Равно мне дорог пир и тризна —
Весь Божий мир моя отчизна!
Но просветленная любовь
К земле досталась мне не даром —
Господь разрушил отчий кров,
Испепелил мой край пожаром.

Ни отчего крова, ни своего края он не забывает. Но исключительности в эти в воспоминания он не вкладывает. Его отчизна « весь Божий мир ».

Так встреченный им, во время африканских скитаний, паша, про которого он говорит :

Что ему европейские сроки,
Что мой дважды потерянный кров?
Только строки, арабские строки
Тысячелетних стихов...

его не удивляет. Сам он в своих скитаниях не забывает о « с детства неразлучном друге Гоголе », который ему :

Память подарил такую,
Без которой невозможно жить,

но которая вовсе не заслоняет собой, как и тысячелетние арабские стихи, что так щедро повсюду разбросано. В той же Африке, где он был легионером, он радуется, говоря :

Она стояла у колодца,
Смотрела молча на меня,
Ждала, пока мой конь напьется,
Потом погладила коня.

. . . . . .

Я помню горечь на устах,
Да синеву татуировки
На темно бронзовых ногах...

А потом :

Снова приступ желтой лихорадки,
Снова паруса моей палатки,
Белые, как лебедь, паруса,
Уплывают прямо в небеса...

Верный себе, всегда открытый зову « Божьего Мира », но не забывающий о том, что « Господь испепелил мой край пожаром », он, в Провансе, мимо которого равнодушным пройти он не мог, пишет :

Успокойся сердце, успокойся.
В Авиньонской католической ночи,
Русскою тоской не безпокойся,
Не стучи так громко, не стучи...

В сущности на всем протяжении своего сборника Туроверов одинаково чуток и к прошлому и к настоящему.

Умей же, брат мой, без разбора
Простить разбойника и вора,
Обиду горькую забыть.
Без опасений, без оглядки
Встречать грядущие года
И не играть с судьбою в прятки,
А быть ей вызовом всегда!

Эллада. Албания. Скутари. Истамбул. Париж. Версаль. И вот бабье лето :

Стали дни прозрачнее и суше,
Осыпаться начинает сад;
Пожелтели розовые груши,
Золотые яблоки висят.

Но только всего этого мало, и сами по себе вырастают в памяти другие образы :

Там летят по ветру паутины,
Все хлеба давно уже в снопах.
Бабье лето! Первые морщины,
Первые седины на висках.

И не оттого ли, подчас в сборнике звучат совсем меланхолические нотки :

Если крест нательный пропиваю,
Что мне обручальное кольцо?

Или :

Уже без вдохновений, по привычке,
В нестройном хоре праздных голосов,
Участвую в унылой перекличке,

И все таки, зов оттуда приходит всегда во время и берет верх над тем, что поэт считает своим во « всем Божьем Мире ». Пусть, подчас в оглядках этих можно различить и что то темное, заимствованное из давно ушедшего и переданного оттуда, как теперь принято выражаться по « прямому проводу ».

Заносы. Сугробы. Земерзшие глыбы
Сползающих с кровель снегов.
Цепные медведи вставали на дыбы,
Ревели от холодов.
У Темных, у Грозных, у Окаянных
За шерстью не видно лица :
Иваны, Иваны и снова Иваны,
И нет тем Иванам конца,
До белого блеска снсосилась верига.
На улицах снежная муть.
Татарское иго — московское иго :
Одна белоглазая чудь.

И по такому же « проводу » передано совсем теперешнее, степное :

И опять, в полдневной сини,
Как в минувшие века,
В горьком запахе полыни
Вековечная тоска.

Но и теперь, когда он уж « Стареющий пришелец без возврата », он хочет

Глядеть, глядеть и глаз не отрывать,
И знать, что никогда не наглядеться
На Божий мир. Какая благодать,
Какая радость для стареющего сердца!

И вот живет и всегда, до самого конца, будет жить в этом сердце сознание, что такая ему дорогая, такая близкая свобода

« ...еще с Ледяного Похода
Для нас неразлучна с бедой ».

И не от того ли так необыкновенны строчки и строфы одного из лучших, если не лучшего, стихотворения Туроверова, в котором он, благочестиво склонившись, с любовью неизмеримой, дал прозвучать в некотором смысле заключительному и примиряющему аккорду :

Было их с урядником тринадцать, —
Молодых безусых казаков.
Полк ушел. Куда теперь деваться
Средь оледенелых берегов?
Стынут люди, кони тоже стынут;
Веет смертью из морских пучин...
Но шепнул Господь на ухо Сыну :
Что глядишь, Мой Милосердный Сын?
Сын тогда простер над ними ризу,
А под ризой белоснежный мех,
И все гуще, все крупнее книзу
Закружился над разъездом снег.

Ветер стих. Повеяло покоем.
И доверясь голубым снегам,
Весь разъезд добрался конным строем,
Без потери к райским берегам.

Спасибо Николаю Николаевичу Туроверову за то, что он прислал нам для отзыва свои стихи» — так заканчивает свою рецензию Я. Н. Горбов.

КАРАГАНДА

С высоты безоблачного степного казахстанского неба ожесточенно палило неумолимое ослепительное солнце. Уже больше месяца сверху не упало ни одной капли дождя. Невысокая степная трава давно высохла и рассыпалась под ногами пешеходов. Беспрерывный знойный ветер, не встречая на своем пути никаких препятствий, подхватывал степную пыль и со злобой крутил ее черными столбами-вихрями. Если бы не редкие скопища низких и чахлых кустов карагача, то степь могла бы по праву получить название «Мертвой» земли». Стояло лето 1932 года...

Поезд уныло достукивал последние километры линии Петропавловск-Караганда. Пассажиры, изомлевшие от десятичасового сидения в душных и до предела накаленных солнцем вагонов, задвигались, приводя в порядок свой багаж. Замедляя ход, поезд стал вползать в большую котловину, шириной около пяти и длиной до пятнадцати километров. На дне ее, в самом центре, спутанное мотками железнодорожных линий, грунтовых дорог и улиц, располагалось, на первый взгляд, безсистемное скопление больших черных толевых крыш и каких-то вышек с гигантскими черными колесами на них, которые вдруг начинали бешено крутиться в разные стороны и так же неожиданно замирали в остановке. Местами виднелись растущие бетонные блоки больших приземистых построек, бесконечные заборы из колючей проволоки, открытые склады со штабелями сочных ярко-желтых досок, серебряно-серых бревен и длинных верениц из деревянных ящиков и бочек. Десятка два грузовых автомобилей суетливо шныряли между построек, поднимая за собой высоченные столбы густой пыли и всюду стояло бесчисленное количество строительных лесов. На крае всего этого приютилось несколько башеннообразных построек, не то каупера, не то дымовые трубы будущей электро-силовой станции. Кое-где из этого хаотического месива поднимались округлые клубы ослепительного белого пара, свидетельствующие о неутомимой деятельности паровозов внутреннего транспорта.

Все это стучало, лязгало буферами, свистело, скрежетало, визжало и сопело, сливаясь в непрерывный тяжелый гул и рев. Казалось, что вся эта толпа построек, связанная рельсами, скатилась на самое дно котловины и мучительно корчится в предсмертных конвульсиях. Весь этот рычащий и извивающийся клубок изрыгал из себя пыль, дым и зловоние серы, пота и испражнений, а над всем этим царством сатаны стояло неумолимо палящее степное солнце. Такой была знаменитая Караганда в 1932 году.

Сама Караганда возникла в начале 30-х годов, в качестве «небольшой поправки» к известному Урало-Кузнецкому металлургическому комбинату. Зная, как легко, во время войны, терять территории, населенные ненадежными народами (как Казачьи Земли, Украина и др.), коммунистическая Россия захотела иметь заменитель Донбассу (Донецкий каменноугольный бассейн) и, после долгих поисков, решила создать Урало-Кузнецкий комбинат, соединив специальным железнодорожным транспортом знаменитые Уральские месторождения железной руды в Магнитогорске, с «наиболее близкими» к нему месторождениями каменного угля в Кузнецком бассейне Западной Сибири. Расстояние между Магнитогорском и Кузнецком, равное 3.000 километров, должно было быть компенсировано четкой работой железнодорожного транспорта, для которого модернизировали автоблокировкой одну часть путей и построили вторые, а где и совсем новые железнодорожные линии. И в Кузнецке и в Магнитогорске, были выстроены металлургические заводы, но в Магнитогорске они работали на собственной руде и на привозном угле, а в Кузнецке на привозной магнитогорской руде и на собственном угле. Специальные поезда беспрерывно возили в одну сторону уголь, а в другую железную руду.

Однако, в эту хорошо продуманную и точно

расчитанную систему, периодически вклинивались неизбежные кризисы, вызывавшие болезненные перебои. И вот, для добычи Магнитогорску резервного угля, на голом месте, в безводной и безлюдной степи, была создана Караганда, стоящая в стороне от Урало-Кузнецкой транспортной магистрали, но находящаяся на 1.000 километров ближе к Магнитогорску, чем Кузнецк.

Таковы были мои первые впечатления и знания о Караганде. Позже, через двенадцать дней, когда я покидал этот Богом и Правдой покинутый клочек земли, я уже достаточно знал о нем, чтобы разобраться в хаосе строительства и мои глаза стали видеть то, чего прежде не замечали.

Так, раньше, при приезде, увлеченный разглядыванием Караганды, я как-то не обратил внимания на два гигантских концентрических кольца, обхватывающих вокруг города. Если вам приходилось бывать на берегу моря, то вы наверное заметили, как вдоль всей береговой линии, на расстоянии нескольких метров от воды, тянется лента пловучих наносов, тут и куски дерева, и камыш и выброшенные водоросли, т. е. все то, что прибой постоянно выбрасывает на берег и оставляет на суше. Так вот, на расстоянии одного километра от городской окраины, расположился вокруг города сплошной густой ряд киргизских кибиток и юрт, издали создавая полную иллюзию морского берегового наноса. Но только нанос уложен в ровную морскую ленту морским прибоем, а километровое расстояние киргизского табора от города точно отмерено городской милицией, которая, выполняя приказ « самой справедливой власти трудящихся », ежедневно палками, плетями, а где и стрельбой, энергично отгоняла киргизов на один километр от города. Если сам город Караганда имел в поперечнике один километр, то можно легко подсчитать, что длина всего кольцевого киргизского табора составляла около десяти километров и определялась числом в 2.500 кибиток или около 15-20.000 человек.

Судьба этих киргизов особенно трагична. Лишь недавно закончились мероприятия государства по « ликвидации кулаков », проведенные здесь в 1931-32 годах. Киргизы были всегда кочевниками и их занятием было скотоводство. Вследствие двухсотлетней российской политики, ко времени революции (1917 г., прим. ред.), лишь одна треть киргизского народа состояла из владельцев скота, а другие две трети являлись пастухами и владели самым необходимым для жизни скотом, получаемым от скотовладельцев в качестве натуральной оплаты за труд. Целая нация жила около скота и кормилась им. Так создались вековые привычки питаться одним мясом и молочными продуктами. Киргизы покупали хлеб и сахар в качестве редкого лакомства, которое позволялось два-три раза в год, по большим праздникам. Для нормальной жизни киргиза ежедневно требовалось 2-3 килограмма мяса и 3-5 литров молока.

Ликвидация « кулака » была проведена силами конных и авиационных отрядов НКВД, которые в короткий срок отняли у киргизов весь скот, оставив « не кулакам » на каждую семью по две упряжных и по одной верховой лошадей, и по прае овец. Не получив ничего взамен отнятого скота, киргизы были вынуждены съедать оставленный им скот или умереть с голоду. Те кочевые роды, которые сумели добраться до различных » социалистических строек » на территории Казахстана, попали в наилучшее положение, но и это благоприятное условие было для них настоящей катастрофой.

Все киргизы, прибывающие в Караганду, быстро доели остатки своего скота и буквально вымирали от эпидемий и голода. Коммунистическая власть безжалостно проводила коммунистическую догму : « кто не работает, тот не ест! » и выдавала свои продовольственные карточки только тем киргизам, которые являлись в город на работу и выполняли нормы выработки. Лишь это давало право на получение жалкого продовольственного рациона; однако иждевенцы работающего киргиза (т. е. члены семьи) никаких карточек на продовольствие не получали.

Киргизы неутомимы в седле и в заботах о скоте. Трудно найти более опытных и знающих скотоводов. Но извечно занимаясь этим делом, они совершенно не приспособлены к физической работе. Их короткие и кривые ноги и женственно маленькие ступни ног, делают их на земле совершенно беспомощными. Их одежда, приспособленная для верховой езды, тяжелые, высокие сапоги с громадными раструбами, на высоких и тонких каблуках (высотой в 6-7 сантиметров), тяжелые и просторные халаты, как и массивные меховые шапки, все это не способствует физическому труду, а как бы усиленно мешает ему. Но в коммунистической России никому нет дела до каких-то там национальных особенностей своего населения. И Карагандинское начальство, жестоко проводя свой коммунистический принцип, не только не давало работающим киргизам спец-одежды, но и не предоставляло никакой возможности купить таковую за собственные деньги.

И вот, в сумме всех этих мероприятий и об-

стоятельств, когда в г. Караганде в « ударных темпах » шла « социалистическая стройка », в одном километре от этого города, в кольцевом киргизском таборе, царили эпидемии, голод и смерть. Табор состоял из жалких живых скелетов стариков, взрослых мужчин, женщин и детей, с ввалившимися щеками и глазами, с присохшей к костям кожей, и с уродливо выпирающими суставами и одеждой, висящей на них, как на вешалке. Упавшие раз, уже более не вставали, а беспомощно перевалившись с боку на бок и истратив на эти передвижения остаток сил, навсегда замирали. Женщины-киргизки, сидя на корточках, терли траву и какие-то зерна на доисторических ручных каменных мельницах, а кругом, как жадные волчата, сидела стайка исхудалых ребятишек. Трупы умерших оттаскивались недалеко в степь, где их тотчас начинали пожирать стаи полуголодных одичалых собак.

Отсутствие привычной мясной пищи вызывало эпидемии желудочных заболеваний, которые окончательно подрывали силы больных. Отсутствие воды и скученность стали следствием чудовищной зашивленности. Обилие беспорядочно разбросанных экскрементов дополняло картину, перед которой бледнеет описание Дантова ада!

Коммунистическая власть на местах, отгоняя киргизов на километр от города, тем самым снимала с себя формальную ответственность за голод, эпидемии и смерть, и ограничивалась только кордонными мероприятиями. Табор не имел никакой администрации, при полном отсутствии медицинского надзора и помощи. Ежедневно прибывающие из степи новые кочевые роды быстро съедали остаток своего скота и включались в общую « мельницу смерти ».

Так открыто и беззастенчиво уничтожался Киргиз-Кайсацкий народ, называемый Казахами, на своей собственной земле, в границах своего собственного « советского государства-Казахской Советской Социалистической Республики », и притом — заметьте, станичники читатели, — республики отнюдь не автономной, а полноправной и федеральной!!!

Говоря далее о Караганде, следует отметить, что вторым, внешним концентрическим кольцом вокруг города служили т. наз. поселки « спец-переселенцев ». На нормальном человеческом языке « спец-переселенцами », т. е. « специально переселенными », являлась та многочисленная часть политических ссыльных, для которых государственные репрессии отнюдь не ограничивались одной ссылкой, но продолжаются полутюремной жизнью в особых поселках, под непрерывным наблюдением и администрированием ОГПУ. Подобные « спец-переселенцы » были обязаны работать там, где им прикажут и по тем квалификациям, на которые их назначает начальство. Эти несчастные люди совершенно лишены документов и поэтому не могут покинуть мест своей ссылки. От настоящих тюремных условий их жизнь отличается лишь разрешением совместной семейной жизни, однако и в данном случае начальство имеет власть и право по своему усмотрению разделять семьи, расселяя их совсем или на срок, по штрафным спецпоселкам.

Оплата труда « спец-переселенцев » производится в размере 50 % нормальных рабочих ставок, но на руки выдаются не деньги, а соответствующие квитанции, по которым «спецпереселенец » может произвести покупки в коммерческих магазинах своего поселка. Таким образом начальство предусмотрело невозможность накопления наличных денег у полузаключенного, без которых нельзя достать поддельные документы для совершения бегства с ссылки.

Еще одна особенность отличает « спец-переселенцев », а именно-заключенных водят на работу под вооруженным конвоем, а спецпереселенцев ведут на работу не под конвоем, а в сопровождении « невооруженных » энкаведистов. Если в заключенного, вышедшего из колонны, конвой стрелял, то в вышедшего из колонны « спец-переселенца », хотя и не стреляли, но угрожали, кричали, могли ударить и по возвращении в поселок он немедленно исчезал в подвалах « Третьего Отделения » (т. наз. следственная часть ОГПУ), переходя на положение арестованного.

Почему-то, разбирая наличие и условия рабского труда в коммунистической России, обычно оперируют лишь цифрами о количестве конц-лагерей и о числе заключенных, тогда как для сравнения в « спец-колониях » и « спец-поселках » содержится по меньшей мере в два раза больше этих полузаключенных, чем вообще всех заключенных во всех вместе взятых концлагерях.

Контингенты этих « спец-колоний » пополняются не менее сурово и безжалостно, чем контингенты заключенных для конц-лагерей, но с той особенностью, что эти пополнения делаются массовым порядком и из среды семейного хлеборобского населения. Так, в какую-либо станицу или хутор являлись коммунисты из местной власти, объявляли заранее составленный список семей, давая всего два часа на сборы, после чего под конвоем намеченные жертвы препровождались до ближайшей железнодорожной станции. Там их уже под-

жидал железнодорожный состав из товарных вагонов. После приемки арестантов происходила погрузка, и поезд обычно шел месяцами за тысячи километров от места посадки в заранее назначенное место ссылки. По прибытии, как правило, предполагалось своими силами приступить сначала к постройке соответствующих жилищ для начальства, затем всевозможных хозяйственных строений и в последнюю очередь бараков для самих высланных. Так возникли из полузаключенных целые города-поселки, численностью населения от 20.000 до 200.000 человек обоего пола и всех возрастов.

После устройства самого спец-поселка, начиналось систематическое распределение всего его населения на различные работы, обычно по обслуживанию какой-либо « социалистической стройки ». Освободиться от « спецпереселения » можно только пройдя ряд длинных судебных формальностей, и фактически совсем невозможно. За особое послушание и выслуживание перед начальством, отдельные » « спец-переселенцы » могут получить разные льготы, вроде кратковременного отпуска в ближайший город и тому подобное.

В данном случае, для « социалистической стройки » Караганды, было прислано около 180.000 « спец-переселенцев », преимущественно из Казачьих Земель, Кавказа, Крыма, Белоруссии и др. Донских, Кубанских, Терских, Астраханских, Уральских, Оренбургских и др. казаков было до 90.000 человек в составе этих « спец-переселенцев », около 20.000 человек северо-кавказцев, около 30.000 кавказцев, около 20.000 белоруссов и около 20.000 других нерусских национальностей.

Вот эти 180.000 коммунистических рабов и были расселены вторым полуконцентрическим кольцом вокруг города. Живописно расположившись на внутреннем склоне Карагандинской котловины, эти «спец-поселки» представляли собою стройные многорядные прямоугольники из ослепительно белых, от побелки, одноэтажных саманных бараков и издалека они отнюдь не выглядели как отдельные участки-поселки. Ни одного деревца, ни одного кустика, ни одного цветка или клочка обработанной земли.

При строительстве этой « спец-колонии » руководствовались не хозяйственными интересами, а лишь соображениями внешнего вида, а так же административным удобством, позволявшим наблюдать всю территорию колонии из одного центрального пункта-дома Карагандинского ОГПУ.

Мне, как частному лицу, не удалось самому побывать внутри этих « спец-поселков », однако я вдоволь наслышался рассказов от самих обитателей последних о тамошних порядках. Глубокая анти-санитария, вытекавшая главным образом из недостатка в воде, приводила к тому, что люди месяцами не могли помыть себе лица и тела и не стирали белья. Принудительная дезинфекция, специальное уничтожение паразитов — вшей прим. ред.) всей одежды и постели, при посредстве жаровых камер, эффективно боролись с появлением насекомых, но в тоже время до такой степени « зажаривали » грязь на белье и платье, что все население « спец-колонии » было черно-серого цвета. Благодаря этому несчастного « спец-переселенца » можно было узнать в темноте по запаху, а при свете он отличался от остальных особым цветом одежды и тела.

Сам город Караганда страдал от острого недостатка в воде. Инженерный проэкт предполагал провести воду из искусственного бассейна, строящегося в 24-х километрах от Караганды, и еще не был осуществлен. Мне хорошо известно, что этот проэкт не включал в себе нужд в воде для « спец-колонии » ОГПУ и поэтому таковая была обречена на дальнейший водяной голод, со всеми проистекающими из него последствиями. Вода в « спец-поселки » доставлялась конным транспортом в бочках, была исключительно низкого качества и сильно ограничена количеством. Из-за водяного голода, в « спец-колонии » периодически вспыхивали эпидемические заболевания, уносившие из рядов «спец-переселенцев» многочисленные человеческие жизни.

Там же, за вторым кольцом, были организованы заводы саманного кирпича, для которых расходовалась вода лучшего качества и в большом количестве. Саман-это необожженный кирпич, в который вмешивается рубленная солома. Эти заводы не имели никакой механизации и обслуживались « спец-переселенцами », которые, несмотря на тяжелый труд в них, мечтали туда устроиться, по причине близости заводов от места жительства и наличия в них настоящей хорошей воды, которую можно было украдкой пить.

Вот эти-то « спец-переселенцы » и являлись подлинными строителями Караганды и основными кадрами по добыче каменного угля. Так как угледобыча является специфическим знанием, то для технического руководства неопытными вчерашними хлеборобами, « заботливой » властью было создано техническое ядро из углекопов, которые якобы « добровольно », в количестве 1.000 человек, выразили желание переехать из Украины в Караганду. « Правда » сообщала, что им были даны на « добровольность » и на сборы только

24 часа и, что они были внушительно предупреждены о том, что их « добровольность » не так уже обязательна и можно легко обойтись и без нее. Эти горняки Донбасса и были поставлены в качестве бригадиров и мастеров при « спец-переселенцах ».

Во главе технических управлений « Караганда-Строя » и « Караганда-Угля » находились, досрочно освобожденные из концлагерей, высококвалифицированные инженеры, ранее осужденные по известному « Шахтинскому » судебному процессу на Дону в 1928 году (Дело инж. Рамзина). Их досрочно освободили после дачи « добровольных » подписок о постоянном поселении в Караганде, о согласии работать по своей специальности и о согласии не покидать Караганды, даже на короткое время, без специального разрешения органов ОГПУ, в каждом отдельном случае.

Так строилась Караганда! Так работали в ее шахтах! Так руководили всеми этими работами главные технические руководители! Так осуществлялось низшее и среднее техническое руководство. Различные степени принудительного труда в коммунистической России - разные стадии лишения свободы. Свободными были лишь люди, составлявшие исполнительную власть СССР, но и эта свобода относительная и связанная жесточайшей партийной и государственной дисциплиной.

Ведь Караганда является только маленькой копией гигантского государства рабства, имя которому — КОММУНИСТИЧЕСКАЯ РОССИЯ, ФИГУРИРУЮЩАЯ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА ПОД ВЫВЕСКОЙ СССР.

† **Н. Н. Пенинский**

(« Казачья Жизнь » № 130)

ПЕШКОМ С КУБАНИ НА ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

(Быль)

Говорят, что достигая почтенного возраста люди начинают впадать в детство. Правда ли это?... И почему такое суждение?...

Ведь детский возраст ушел, увы... и навсегда. Так почему же?

Не потому ли, что пожилые люди зачастую вспоминают с сожалением то, что было в то золотое, то невозвратное время, когда можно было ходить пешком под столом, и даже не нагибаясь?

Вот и мне припомнился случай из того времени. Было мне — примерно годика три. Времена были тревожные. Вокруг только и было слышно, что разговоры о войне, где то далеко... Все взрослые сильно возбуждены. Повторяются все те же слова: Япошки... Дальний Восток...

Почему, и кто такие япошки? и где это, тот самый Дальний Восток? — задавал я себе вопросы и не находил ответа...

В один прекрасный — помню — солнечный день, забавлялся я чем то незамысловатым во дворе отцовского дома. Подходит ко мне сестра Оля, годика на два старше меня, и говорит :

« Котик, хочешь итти со мной казаков провожать? »

« Куда? » — спрашиваю я.

« Да на Дальний Восток... »

При этих словах я как то сразу воспрянул и с радостью согласился, подумав, что и на самом деле мы пойдем на этот самый Дальний Восток.

Шли мы долго. Несколько раз Оля спрашивала меня, не устал ли я. Но как же можно было признаться, что я могу утомиться, горя желанием побывать на Дальнем Востоке, и, кроме того, я ведь не девочка, а хотя и будущий, но мужчина, да еще казак.

« Нет, я ничуть не уморился » — отвечаю, а сам думаю, ну и далеко же этот Восток, и не даром говорят, что Дальний. (На самом деле мы шли не на восток, а на север).

Знаете ли вы город Майкоп? — Если да, то там, где теперь, то есть с 1911 года, находится станция железной дороги, стоял большой курган. Вот этот то курган и приковал все мое внимание. Вокруг него народу — видимо невидимо. Как сейчас, вижу его сплошь покрытым целым лесом всяких хоругвей, крестов, икон. Как у нас говорили, всевозможных « святостей » со всех семи или восьми церквей города. На одной из сторон кургана был устроен деревянный помост и на нем полно священников в богатых красивых блестящих облачениях. Дружно и складно поют

певчие вперемежку с возгласами священников и дьяконов. Священники без устали с высоты помоста окрапливают священной водицей проходящие мимо полки. Тут были и пешие пластуны и конные войска, при полном боевом снаряжении, была даже и батарея, которая, грохоча своими тяжелыми пушками, проехала перед помостом на кургане. А вдали насколько видел глаз, тянулись, подымая пыль, длинные вереницы и пеших и конных, удалявшихся от кургана. Издали слышны были песни вперемежку с музыкой. Мощный духовой оркестр гремел уже где то далеко, играя какой то марш.

Наглядевшись и наслушавшись всех этих чудес, пошли мы до дому. Устали. Не знаю, как только я доволок свои ноги, но все же не сдавался и держал себя гоголем. Вот — думаю себе — какой мы долгий путь совершили. Не успел переступить порог дома, как меня засыпали вопросами :

« Ну расскажи же, Котик, где ты был, что хорошего повидал? »

« На Дальнем Востоке был... Казаков провожал... » — отвечаю.

Все взрослые почему то начали смеяться.

« Ну да! На Дальнем Востоке был, казаков провожал — повторяю — у самого кургана.. .» А они еще больше хохочут.

Повернулся я и ушел обиженный, а сам про себя думаю : « не понимают, ведь я им правду говорю, а они не верят... »

Позже, когда подрос, понял, почему взрослые смеялись. Когда сестра предложила мне идти казаков провожать, я ее спросил : « Куда? (идти), а она мне ответила в другом смысле, куда казаки пойдут. То есть пойдут то **они** на Дальний Восток. Но тогда для меня получился большой конфуз.

Париж **Ко-Ба**

ПОНЕМНОГУ ОБО ВСЕМ

● **Из « Записной книжки » И. Лозицкого.** — « К лету 1950 г., с тех пор прошло 19 лет, все трудоспособные мужчины и женщины из лагерей Ди-Пи в Австрии были вывезены на работу в С. Америку, Англию, Францию и некоторые страны Латинской Америки. В лагерях остались нетрудоспособные старики, которым английский комендант лагеря объявил о закрытии лагеря и предложил воспользоваться предложением католической церкви во Франции, ее организации « Secours Catholique », принять нас на пожизненное попечение. Выбора не было, англичане могли нас выдать советам, они на это способны. Началась запись. В первых числах августа из Парижа приехал католический священник доктор Браун. В беседе с записавшимися он сообщил, что католическая церковь принимает нас на пожизненное попечение в старческие дома при католических монастырях во Франции, где мы будем жить со такими же стариками французами, а кормить и ухаживать за нами будут сестры-монашки « Petites Soeurs des Pauvres ».

В ночь на 10-ое августа, мы с нашими небольшими вещами погрузились в пасажирский поезд и к 12 ч. дня приехали в Зальцбург. Здесь нас встретила монашка из Парижа, сестра Мария-Тереза, пригласившая нас всех на обед, заказанный ею в станционном ресторане. Во время обеда она обошла все наши столики, ласково разговаривая с каждым, чем сразу завоевала нашу симпатию. В 4 часа мы сели в вагоны скорого поезда прямого сообщения Зальцбург-Париж. Вечером сестра Мария-Тереза со своими помощницами обошла всех нас, пожелала спокойной ночи, выдав каждому по бутылке вина с бутербродами.

Утром 11 августа мы приехали в Париж. Прибывших — 120 человек, из них большинство донцов из Болгарии и кубанцев из Сербии. Нас распределили по старческим домам при католических монастырях Парижа, Марселя, Туркуана и Каркасона.

Жизнь в этих домах спокойная, тихая и трудолюбивая. Вот подходит сестра монашка со сложенными на груди крест на крест руками и ласковым голосом тихо просит помочь ей в чем нибудь. Кто бы мог отказать этому существу, посвятившему себя служению Богу и людям? С радостью и по силам помогаем. Работы несложные : уборка помещений, двора, сада.

Посещение церковных служб, как и для монашек, необязательно, но желательно. На-

ши истрадавшиеся души жаждут духовного умиротворения и мы их посещаем. Молимся без слов, вместе с монашками, умиленно слушая, как они под орган поют свои мелодичные молитвы нашему Единому Богу. Всякая религия облагораживает душу человека. Хочется искренне поблагодарить служителей святой католической церкви, приютивших нас, обездоленных стариков, хотя и другого вероисповедания, на чужбине. Большое им казачье спасибо! »

● **О Зюнгарском полке и полковнике Б. Л. Мангатове** была получена следующая заметка от вскоре скончавшегося после ее присылки ес. Андриянова : — « В своей статье « Донские калмыки в борьбе с большевиками » (« Род. Край » — № 78) автор совершенно не упомянул о главном инициаторе и деятеле по созданию Зюнгарского полка калмыке полковнике Борисе Леонидовиче Мангатове. В марте 1917 г., видя, как действует « свобода » на русских солдат, он решил организовать полк из калмыков, хорошо зная их преданность казачьему делу и их начальникам, терпение, выносливость и дисциплину. При содействии начальника 4-ой казачьей дивизии ген. В. М. Каледина (брата Атамана) полк. Магнатов обратился с просьбой в донские каз. полки откомандировать в его распоряжение, в 15-ый Дон. каз. полк, калмыков, находившихся в этих полках. В короткий срок явилось около 150 человек, сведенных в отдельную сотню, как будущее ядро полка. Формирование предполагалось произвести в Великокняжеской. В первой половине января 1918 г. состоялась отправка собравшихся калмыков из г. Пскова. При погрузке в вагоны каждый спрятал там винтовку с достаточным количеством патронов. Движение происходило благополучно, если не считать мелких инцидентов. Только в Брянске, на вокзале, пришлось ружейным огнем рассеивать тысячную толпу, атаковавшую эшелон, чтобы отобрать лошадей. Великокняжеская оказалась занятой красными и эшелон разгрузился на станции Куберле, откуда сотня отошла в ближайший калмыцкой хутор, и там калмыки с оружием были отпущены по домам с условием собраться по первому требованию. Впоследствии все они влились в отряд Пох. Атамана ген. П. Х. Попова, о чем подробно рассказывается в № 80-81 « Род. Края ». По приходе степняков в станицу Нижне-Курмоярскую одна сотня была оставлена здесь, а две другие отправились вниз по Дону. В начале мая все калмыцкие части были собраны в ст. Константиновской, где и был сформирован Зюнгарский полк. После боевых действий в районе Орловки полк был отведен в Литвиновку, где было закончено его окончательное формирование с образованием из калмыков Батлаевской станицы 4-ой сотни и саперной команды. Так закончилось формирование, начатое в г. Пернове полк. Магнатовым и законченное в Константиновской членом Дон. Войскового Круга Б. Н. Улановым ».

Что же касается полк. Магнатова, то он был убит в стычке с большевиками в конце февраля 1918 г., о чем подробно рассказано на стр. 49-ой « Род. Края » № 80-81.

● **О прошлых днях вспоминает в своем очерке « Дура » С. И. Мамонтов.**

« Была у меня прекрасная лошадь — вороная кобыла « Дура ». Предыдущий ее владелец был близорук, и, внуздывая, совал ей железо не в рот, а в нос. Понятно, она задирала голову, а он в ярости кричал « Дура ». Так это название за ней и осталось. Но она была умной лошадью, хотя и имела три недостатка. Выпущенная, она больше в руки не давалась. Поймать ее была целая история. Затем она не давала сесть в седло — крутилась и нервничала. А я по опыту знал, что во время паники или спешки очень опасно, если конь мешает вам сесть в седло, иногда это бывает вопросом жизни и смерти. Кроме того, она была « звездочетом ». Когда я натягивал повод, она не уменьшала хода, а закидывала голову на луку. Создавалось впечатление, что она смотрит на небо. Есть система ремней (мартингаль), которая не позволяет лошади задирать голову, но у меня ее не было да и, кроме того, это усложняло седловку. Мне пришлось разрезать повод и тянуть обеими руками книзу, что было очень неудобно.

Однажды я остановился на постой у старого донского казака. Он осмотрел « Дуру » глазом знатока : « Хороша у тебя кобыла... »

« Да, но она звездочет » — ответил я.

« Ну да это очень просто исправить. Возьми два сырых яйца, поезжай в стець. Пусти ее наметом и натяни повод. А когда она закинет голову, ударь ее яйцами по лбу. Потому слезь, поговори с ней, будто она ранена и приведи ее потихоньку на поводу домой. Не счищай яйца два дня. Они ссохнутся и будут тянуть ей волосы. Она будет думать, что мозги у ней текут и будет держать голову вниз. Два раза так сделаешь и она отвыкнет задирать голову. Вот увидишь... »

Казаки понимают в лошадях, да и я вспомнил, что Лесков в « Очарованном страннике » говорит о тем же рецепте, но только с горшком теста. И решил тотчас же попробовать.

Результат был поразительный. Одного яйца было достаточно, чтобы « Дура » избавилась от своего недостатка. Правда, вся батарея смеялась надо мною из-за измазанного лба лошади.

Потом приучил я ее от меня не бегать. Лаской можно добиться от лошади всего.

Тогда я стал приучать ее стоять смирно, пока я сажусь в седло. Когда батарея шля рысью, я отъезжал в сторону и слезал. « Дура » нервничала, желая следовать за лошадьми. Я делал вид, что сажусь. Тотчас же она начинала крутиться. Тогда я вынимал ногу из стремени и ждал, пока она успокоится. Это я проделывал много раз и наконец она поняла, что я сяду только, если она будет стоять неподвижно. « Дура » была очень умная лошадь, легко понимала, что я от нее хочу и облегчала мне задачу. В конце концов, путем терпения и настойчивости, я достиг того, что Дура стояла неподвижно, пока я садился, разбирал повод и говорил ей : — « Ну, Дура! »

Тогда, но только тогда, она пускалась как стрела. Она прекрасно разбиралась в военной обстановке и знала, когда нужно утекать во всю. Я просил брата и друзей скакать вокруг « Дуры », кричать и даже стрелять в воздух. Дура осталась неподвижной.

Любопытно, что вся батарея восхищалась этой способностью « Дуры », стоять смирно во время паники, но никто не попробовал приучить к этому же своего коня. Даже мой брат.

— « Рыцарь » (его мерин) спокойный. Я всегда смогу на него сесть ».

— « Все лошади спокойны в мирной обстановке, а когда будет паника, то он будет мешать тебе сесть в седло ».

И действительно. Мы ходили по красным тылам с терцами. Под Харьковом два красных броневика налетели на нас. Мы их прозевали. Поднялась невероятная паника. Обезумевший « Рыцарь » не дал брату сесть в седло, а « Дура » стояла как вкопанная.

« Дуру » я оставил в Новороссийске. Вынул наган, но не мог ее убить. Столько ведь было пережито вместе!

Я расседлал ее, разнуздал, нашел сад с травой и бассейном воды. Поцеловал ее, затворил калитку и быстро ушел, не оборачиваясь.

Сколько людей осталось в Новороссийске. Сколько коней! Какие кони!

● **О статье Нохчинканта « Погубленный май »** (№ 77 « Род. Края ») пишет А. Пеньков.

« В той части этой статьи, где говорится о первых выступлениях чеченцев против русских, написано : « В 1785 г. житель чеченского аула Бухан-Юрт, простой чабан Хас-Мухмет-Мансур-Ушурма, объявил себя « шейхом » и организовал большой вооруженный отряд из жителей окружающих аулов и смело выступил против 30-титысячной армии воеводы Бутурлина. Сражение произошло в урочище « Мэдх », где отборные войска воеводы были разбиты на голову. После 6-тилетней неравной борьбы против завоевателей, в 1791 г. Мансур попал раненым в плен к русским под Анапой и закончил свои дни на Соловецком острове ».

В этом сообщении смешаны события, происшедшие в начале 17-го века и в конце 18-го, и Мансур и воевода Бутурлин никак не могли встретиться, так как жили они в разные эпохи. Мансур вел борьбу против русских с 1785 по 1791 г. Это было время царствования Екатерины Великой, когда армиями командовали не воеводы, а генералы. Мансур с религиозным фанатизмом проповедовал «газават» против русских, что привлекало к нему нетолько простых жителей аулов, желавших послужить во славу Аллаха, но и всякого рода авантюристов, которых тогда было много на Кавказе. Движение, начавшееся в родном ауле Мансура, вскоре захватило всю Чечню. Русское военное командование на северном Кавказе отправило в аул Алды небольшой отряд полковника Пиери с заданием захватить самого Мансура и подавить восстание. Это не удалось. Возвращавшийся после разгрома аула отряд растянулся по лесным тропам и был окружен горцами и уничтожен. Около 200 человек попало в плен, больше 300 было убито, в том числе и полк. Пиери и 8 офицеров. Эта победа, 26 июня 1785 г., была первым и единственным крупным успехом Мансура. В дальнейшем ему не везло : русские стали действовать большими силами и при каждом выступлении горцев посылались карательные экспедиции, что заставляло жителей аулов массами покидать Мансура. Он пытался перенести свою деятельность к кумыкам и ногайцам, потом к кабардинцам, но уже не встречал сочувствия среди горского населения. Я не буду излагать дальнейшую его борьбу с русскими, но очевидные неудачи принудили Мансура бежать к туркам, в Анапу, где он и был взят в плен при взятии крепости русскими в 1791 г. Мансур был отправлен не на Соловки, а заключен в Шлюсельбургскую крепость, где и умер в 1794 г., о чем сохранился рапорт коменданта крепости полк. Колюбакина.

Появление же воеводы Бутурлина связано с русско-грузинскими отношениями. В начале 17-го в. Грузия, теснимая турками и подвергавшаяся нападениям подданных дагестанского шахмала ,обратилась за помощью к Рос-

сии. В то время там правил Борис Годунов, который и послал Бутурлина с войсками к берегам Каспийского моря. Бутурлин взял столицу шахмала — Тарки, но на помощь к шахмалу подошли турки из Шемахи. Бурулин заперся в Тарках, где ему пришлось перенести и голод и болезни. После длительного сопротивления он договорился с турками о свободном проходе его отряда на Терек. Но турки не сдержали своего слова: при выходе из Тарков, турки совместно с кумыками напали ночью на истощенных и изможденных солдат и в кровавом бою уничтожили около 7000 человек, в их числе погиб и Бутурлин. Это произошло на реке Озень в 1605 г., то есть за 180 лет до первого выступления Мансура (в 1785 г.) — Источники: «Покоренный Кавказ», сборник статей, дореволюционное издание Каспери, СПБ., и Н. Смирнов «Политика России на Кавказе в 16-19 веках». Москва 1958).

● Об очерке **«Появление чая в России»** С. И. Мамонтова в № 79 «Род. Края» пишет Г. Барашкин, внося некоторые поправки.

«Овечье молоко мы никогда не употребляем для приготовления чая. Чай пьется не деревянными ложками из котла, а из специальных маленьких чашечек крепкого дерева, привозимых из Тибета. С. И. Мамонтов пил калмыцкий чай «из вежливости», но это, конечно, вопрос вкуса. В прошлом году во время летних каникул побывал у меня англичанин, профессор иностранных языков. Попросил меня приготовить ему калмыцкий чай и пил его с большим удовольствоием».

От редакции. В очерк С. И. Мамонтова вкралась досадная опечатка. Последнее слово в левом столбце на стр. 22 не «ой-татары», а «ойраты».

С РУССКОЙ ПЕСНЕЙ ПО БЕЛУ СВЕТУ

(Все права сохранены за автором)

(Продолжение № 79)

Сезон 36-37 г. отличался от предшествовавшего только тем, что в Мексику хор не поехал, но зато посетил Флориду и побывал в Гаванне на Кубе. После концертов в Петербурге и в Тампе, пароходом прибыли мы в Гаванну. Путешествие туда было довольно приятным. Концерт в Гаванне был закрытым, купленный каким то состоятельным обществом. Большой зал был наполнен лишь на половину, т. к. кроме членов общества в зал никого не впускали. Администрации хора стоило больших усилий провести за кулисы офицера текинца из конвоя ген. Л. Г. Корнилова. Скитаясь по джунглям острова, этот текинец питался больше «подножным кормом», главным образом бананами.

Концерт прошел с большим успехом, и впоследствии хор приезжал и прилетал на Кубу неоднократно. Времени на осмотр города было мало, но все же удалось побывать на главной улице и за чашкой кофе, на открытом воздухе, послушать хороший женский оркестр и полюбоваться красивым зданием парламента-Капитоля. После концерта, происходившего в послеобеденное время, хор сразу, даже не переодеваясь, поехал грузиться на пароход, идущий во Флориду, но уже в Маями. Спешка, жара, духота. На пароходе, как были так и отправились в ресторан к ужину, а там и вовсе дышать было нечем.

Пароходик был маленький и даже небольшие волны клонили его то на один борт, то на другой, то на корму, то на нос.

Весь концертный сезон, кроме времени переезда через океан, хор работал безперебойно и лето 37-го года провел в Германии, на северном взморьи в Банзине, недалеко от Альбека, хорошо нам знакомого по лету 34-35 годов. К этой группе морских курортов принадлежал и большой город Свинэмюндэ, имевший большое прекрасное казино, где каждое лето играл оперный оркестр одного из городов Германии. Так как начало лета было довольно пасмурным и дождливым, я решил провести первый месяц отдыха в Свинэмюндэ. Поселился я совсем близко от казино, против пляжа и неподалеку от музыкальной эстрады, в форме раковины, на которой в после-

обеденное время и вечером играл оркестр.

Частенько этот хороший оркестр исполнял произведения русских композиторов. Хорошо запомнилось «Итальянское каприччио» П. И. Чайковского, которое игралось неоднократно. И каждый раз слушатели, обыкновенно вялые, на этом номере сразу оживали, а по окончании награждали оркестр громом аплодисментов. Это жизнерадостное музыкальное произведение мы, большая группа хористов, слушали задолго до того в Бад-Пирмонте, где тогда концертировали.

Погода для купания мало благоприятствовала и курортников было еще мало. Немцы обыкновенно приходили на пляж с кипой газет, забивались в свой «корб», — предохранявший от дождя и ветра, и углублялись в чтение. Я, непоседа, больше бродил по песчаному берегу залива, и иногда так быстро, что кое-кто принимал меня за спортсмена и задавал полу вопрос: — «вместо купанья тренировка?».

Однажды пришло мне в голову поупражняться на песке в прыжках в длину. Припомнилось, как в юности, бродя по степи, любил я перескакивать канавы, через овраги и теперь захотелось испробовать свои силы. Разбежался, прыгнул раз, прыгнул два, а на третьем осекся. Внутри что то будто оборвалось и почувствовалась небольшая боль. От частых дождей обыкновенно рыхлый песок слежался и затвердел, утратив свою способность смягчать падение тела после прыжка. В продолжении всего лета боль в правом паху не переставала, но и не увеличивалась и я все надеялся, что пройдет без вмешательства врачей. Кроме того в Банзине, куда я вскоре перебрался и где почти весь хор был в сборе, хорошего врача не было, а ехать в Берлин не хотелось.

До начала репетиций времени было достаточно и большинство хористов проводило свой отдых на берегу моря, пользуясь установившейся хорошей погодой. Вечерами можно было встретить во время прогулки какую нибудь «звезду экрана». Появившиеся афиши известили, что скоро в зале кинематографа состоится концерт венерского оркестра, и мы сразу поспешили купить билеты. Оркестр, довольно большой, играл прекрасно и особенно венгерские мотивы. Исключительно блестяще была исполнена им знаменитая «Венгерская рапсодия» Листа.

Но вот начались и наши спевки. Происходили они в здании школы. Весьма характерно для Германии того времени было, что даже в неучебное время у входа в школу стояли два огромных бака с крышками: на одном красовалась надпись «для пробок», на другом «для свинцовой бумаги».

С окончанием августа успешно закончилась подготовка новой программы. Начался концертный сезон. Трехнедельное турнэ по Германии приближалось к концу. Предпоследний концерт давался в Берлине. Воспользовавшись этим обстоятельством, я обратился к известному хирургу проф. Рудневу — человеку близкому к хору и бывшему на «ты» с С. А. Жаровым.

Осмотрев меня, профессор заявил — надо удалить отросток слепой кишки и чем скорее тем лучше, а на мое возражение, что через день хор уезжает в Америки, пообещал на концерте же поговорить с регентом. Разговор был коротким; уведомив С. А. Жарова о необходимости операции, проф. Руднев спросил его, может ли он ручаться за то, что и в путешествии мною будет соблюдаться строгая диета. Регент ответил утвердительно. Так я и продолжал путешествие по Свету с тем, чтобы по окончании концертного сезона сразу лечь на операционный стол.

Едва погрузились мы на пароход, как узнали из короткого бюллетеня последние новости, среди которых было лаконическое сообщение: в Париже похищен ген. Миллер — глава русской военной эмиграции. При заходе парохода в один из портов Франции, для принятия на борт группы пассажиров, уже из газет узнали подробности похищения ген. Миллера и участия в нем четы Скоблиных. Это известие произвело потрясающее впечатление не только потому, что был похищен уже второй возглавитель Р. О. В. С. но и потому, что в похищении был замешан такой видный генерал, как Скоблин. И вспомнилось мне, как еще в Египте, лежавший со мною в госпитале с тяжелым ранением в голову первопоходник-корниловец кап. Морозов неоднократно ругал Скоблина площадной бранью, (очевидно за дело), а несколько лет спустя очень нелестные отзывы о моральных качествах Скоблина давал хорист дроздовец А. Ф. Богдановский, учившийся вместе со Скоблиным в Нежинской гимназии. Еще одну тяжелую рану удалось нанести палачам России Белому воинству.

С прежним успехом прошло наше турнэ по Канаде и С. А. Ш. и с прежним выматыванием в безпрерывных путешествиях с обилием концертов. Для меня это турнэ осталось особенно памятным. При путешествиях в автобусах по плохим тряским дорогам, обычные незначительные боли в правом паху переходили в одну тянущую, беспрерывную боль. Честенько меня выручал хорист молодой те-

рец, предлагавший поменять мое тряское место на его, более спокойное. В поездках автобусом только С. А. Жаров всегда сидел на определенном месте, в первом ряду, а все остальные хористы через каждые два часа менялись местами. Сидевший в первом ряду передвигался на одно место назад, а на его место садился хорист с самого последнего места сзади. Это мероприятие являлось необходимым во избежание всяких недоразумений и споров из-за мест. Над задними колесами, да и вообще на задних местах, всегда больше трясло, что чувствовалось на дефектных дорогах, которых по тем временам было достаточно. Так же и воздух позади всегда тяжелее, чем впереди.

Двадцать недель напряженной концертной работы, при ежедневных больших переездах, тянулись нудно-тягуче, но благодаря большой занятости, закончились к общей радости неожиданно быстро.

Повсеместное признание и восторженную критику в Американской печати, украшавшей свои статьи заголовками вроде « Величайший в мире мужской хор » (Тэ Дэтройт Ньюз) или « Сенсационный триумф донских казаков » (Тэ Ванкувер Сон) привезли мы из Америки, как награду за то напряжение, какое делал регент и вместе с ним весь хор.

Новый год опять встречали в Берлине. 1938-ой год был годом смерти величайшего певца и артиста Ф. И. Шаляпина. Хор находился где то далеко и не мог присутствовать на его похоронах, но вернувшись в Берлин, мы пели по нем в соборе торжественную панихиду.

В Дрездене, Я. И. Мульман тяжело переживал смерть Шаляпина : слезы катились из его глаз, когда он говорил о нем. Сам он, потеряв свое место, как то сразу обмяк, сдал, превратился в полу-развалину. Возраст его перевалил за 80. кончились в Дрездене устраивавшиеся им хору веселые балы. Открытым гонениям со стороны нац. -соц. он, как еврей, еще не подвергся.

В продолжении нашего турнэ по Европе в связи с окончанием путешествий на автобусах, болей я почти не чувствовал, но с нетерпением ждал окончания сезона и предстоящей мне операции. В начале мая стала известна дата последнего концерта и сразу был назначен день операции. Проф. Руднев лишен был права иметь собственную клинику и все операции делал у одного немецкаго врача, куда я и явился.

На следующее утро меня оперировали. Операция прошла быстро. Потом два раза профессор заходил ко мне и принес стеклянную банку, где в какой то жидкости плавала маленькая колбаска — мой « апендикс ». Он предупредил меня, что в недалеком будущем у меня возможен катарр какой-то главной кишки, в виду того, что от прыжка отросток переместился, лег поперек нее и прирос в таком положении, вызвав сужение в этом месте. Года через четыре предсказание его оправдалось. Скажу несколько слов о проф. Рудневе.

Карьера его началась задолго до революции должностью придворного врача при одном из Великих Князей и изобиловала множеством интересных эпизодов, о которых он сам рассказывал. Об одном таком случае, происшедшем в Берлине, я расскажу поподробнее. У одного известного инженера, каждый вечер стал слепнуть взрослый сын. Ни одна знаменитость врачебного мира Германии не могла не только избавить молодого человека от его загадачной болезни, но даже определить ее происхождение. Удрученный отец решил созвать консилиум медицинских светил, среди которых находился и Руднев. Никто не смог определить болезни и остановились на предположении зачатков туберкулеза. Проф. Руднев пошел своим путем в отыскании болезни; что то в организме больного вырабатывает яд, который регулярно к вечеру проникает в организм и поражает зрение на определенное время. Органом, способным вырабатывать яд и в определенное время дня отравлять им организм, может быть только червовидный отросток. Когда профессор высказал свое мнение коллегам, те пожали плечами и, не имея своего определенного мнения, заявили ему : « Ну что ж, делайте операцию ». После операции сразу и навсегда прекратилась у пациента и слепота по вечерам.

Профессор Руднев был интересным собеседником. В конце Второй мировой войны он вошел во Власовский Комитет и участвовал в составлении его программы. Впоследствии, в 50-х годах, он доживал свои дни в госпитале маленького городка на берегу Женевского озера. Может быть, я вернусь еще к этому незаурядному хирургу и человеку, которого нам довелось навестить в последние дни его жизни.

Следуя совету профессора — хорошо отдохнуть, — я уехал в Австрию, на то озеро, где хор проводил лето 29-го года, но остановился не в Зээбодэнэ, где жил хор, а на окраине городка Мильштадта, рядом с пляжем, в хорошей вилле, где русская дама держала пансион. Отдых свой я провел отлично, много гулял, купался. Боли мои как рукой сняло, но в прыжках я больше не упражнялся. Недели через три я оставил Мильштадт и уехал к

месту спевок хора в Бад-Эмс. Этот известный курорт, прославившийся своими минеральными водами, привлекал много гостей, страдавших болезнями горла и дыхательных органов. Этими целебными свойствами он привлек хор. В довоенное время, до 1914 года сюда съезжалось немало и русской знати, оставившей на память о себе маленькую чудесную церковь. Во время нашего пребывания в Эмсе русских там не было, кроме одного русского, присматривавшего за церковью. К моему приезду хористов съехалось много, большинство исправно ходило дважды в день пить целебную воду.

Отношение к хору со стороны администрации курорта и здесь не оставляло желать лучшего, все были внимательны и предупредительны. Окрестности, как и само расположение Бад-Эмса, чрезвычайно красивы и прогулки доставляют большое удовольствие. Для купания на реке была устроена большая высокая запруда. Незаметно подошло время подготовки новой программы. Для спевок нам предоставили большое помещение при Курхаузе.

США Доброволец **Иванов**

(Продолжение следует)

ВОЙСКОВОЙ ПРАЗДНИК УРАЛЬСКОГО ВОЙСКА

Уральцы считают своим покровителем Святого АРХИСТРАТИГА МИХАИЛА, день которого празднуется 19/6 ноября. Те из них, кто живут в Париже, чествовали в 1968 году свой Войсковой праздник в воскресенье 24 ноября.

Празднование началось молебном, отслуженным в церкви Святого Отца Серафима, Саровского Чудотворца. Церковь эта находится на улице Лекурб, в глубине двора, в дощатом бараке, где раньше жили неимущие русские студенты — стипендиаты. Внутри помещения растет мощное платановое дерево, верхняя часть которого высоко возвышается над крышей. На стволе дерева в церкви висят иконы с изображением эпизодов из жизни в лесу преподобного отца Серафима и его слова, призывающие верующих в тяжелую минуту притти на его могилку и с верой в помощь Божью склониться над его гробиком, чтобы получить облегчение. Церковь уподобляется келье святого, в память которого создана. Она располагает к сосредоточению и создает молитвенное настроение.

Молебен был отслужен в сопровождении скромного, но хорошо спевшегося хора. Войску Уральскому и его Атаману были пропеты многолетия.

После молебна состоялась братская трапеза в ресторане Бьер под председательством заместителя Войскового Атамана Уральского Войска, войскового старшины Павла Андреевича ФАДЕЕВА. В числе гостей присутствовали: председатель Казачьего Союза В. М. Кузнецов, председатель Донского Войскового Объединения Н. А. Ломакин, редактор « Родимого Края » Б. А. Богаевский с супругой и председатель Союза Степняков А. П. Падалкин.

Заместитель Войскового Атамана открыл банкет речью, в которой приветствовал гостей и сказавший:

« Неизменно, каждый год мы собираемся, чтобы отметить этот день. Молимся нашему Высокому Покровителю Св. Михаилу Архистратигу и проводим несколько часов за общей трапезой, вспоминая наши дорогие « Берега » и счастливое прошлое. Постоянное повторение этих Праздников, неизменные перемены времен года наводят меня на мысль, по ассоциации идей, на старое сказание летописцев, гласящее: « И приходят (возвращаются) ветры на круги своя... « Это мудрое сказание писалось, когда мудрые, « не мудрствуя луково », замечали повторение больших исторических событий в противовес распространенному мнению, что « история не повторяется ». Мудрость французского народа по этому поводу высказана пословицей столь же мудрой: « Jamais deux sans trois », в переводе « никогда два случая не бывают без третьего », подтверждая этим, что события, не исключая и больших, повторяются.

В истории нашего Войска — Яицкого поначалу, Уральского потом, — было два больших « случая », два потрясения всех основ его. Первый — это Пугачевское восстание, которое, помимо многих потерь и перемен в быте Войска, принесло ему и перемену его названия — из Яицкого оно было превращено в Ураль-

ское. Второй — гражданская война. По своим потрясениям и лишениям, по потерям населения « Земли Уральских казаков », как помечены на старых картах наши владения, эти события несравнимы ни количеством жертв, ни глубиной страданий ни с одним из предыдущих потрясений. А название «Земли Уральских казаков » исчезло с географических карт бывшего Государства Российского, и Уральское Каз. Войска оказалось как бы уничтоженным...

Но веря в народную мудрость, доказанную веками и как бы законами природы, законами больших чисел, будем надеяться и верить, чт не все еще окончено! Придет ТРЕТИЙ случай! И возвратятся ветры на круги своя! И я нахожу, что преждевременно и необдуманно пророчить нам « Гибель Уральского Каз. Войска »... Когда это будет? Что нам принесут вечно странствующие ветры? Никто того не знает... Но это будет! И Уральское Войско еще раз возродится, как и все Казачьи Войска. Пусть только один из нас останется в живых, но и он все же должен верить, что Войско Уральское еще живо... »

На приветствие заместителя Войскового Атамана первым ответил председатель Казачьего Союза, поздравивший присутствующих и сказавший :

«Приветствую заместителя Войскового Атамана Уральского Войска Павла Андреевича Фадеева и поздравляю его и славных уральцев, возглавляемых им, с Войсковым Праздником.

« Мне приятно вновь очутиться в небольшой, но дружной Уральской семье.

Вы, уральцы, с Атаманом во главе, олицетворяете ваше Войско. Не тужите о том, что вас не 40 тысяч, помните пословицу : « мал золотник, да дорог ». Вы соединили в себе лучшие качества казаков : отвагу, доблесть, стойкость, любовь к воле. Недаром донской казак Емельян Пугачев, поднимая народное движение, пошел на Яик искать опоры.

Известен Урал осетрами, но еще больше славен он казаками. Зародившись на вершинах Уральского хребта, Гориныч-Яик упорно режет гранитные массивы, стремясь вырваться к своим верным сынам-казакам. Достигнув казачьих полей, он благодушествует. Ласково омыв Оренбургские берега, он плавно несет воды свои, наполненные золотистыми осетрами, родным уральцам. Как не любить им его? Долгий срок разлуки с ним не в силах убить в сердах уральцев горячей любви к нему.

Помнит-ли он, родимый, сынов своих, 48 лет тому назад покинувших его? Слышит ли он, Гориныч, как здесь — в Париже, отделенные расстоянием в 4000 километров, они восхваляют его, поют ему песни? Знает-ли он, что при воспоминании о нем, не одно казачье сердце сжимается в колючих спазмах и не одно постаревшее казачье лицо увлажняется жгучей слезой?

Нет, не погасло в казачьих сердцах пламя любви к казачеству, а пока будет гореть оно — будет жить казачество.

Да здравствует славное Уральское Войско!»

После него с речами выступали : редактор « Родимого Края », председатель Союза Степняков, председатель Донского Войскового Объединения и Уральского Войска войск. старш. А. И. Потапов.

По окончании речей началось веселье. По своему уменью петь уральцы не уступят казакам других Войск. Пение время от времени прерывалось танцами. Около 8-ми часов вечера уральцы и их гости, довольные проведенным днем, разошлись по домам.

Донец

ПРОСЬБА О ПОМОЩИ

От имени сотника Всевеликого Войска Донского В. И. СЫЧЕВА обращаюсь к людям с добрым сердцем.

В сентябре 1919 года юный сотник, воодушевленный патриотическим порывом, впереди своей сотни пошел в атаку на хутор Черкасский, занятый противником. Разорвавшаяся граната контузила храбреца в голову, лишив его памяти, способности речи и парализовав левую сторону тела.

При отступлении донцы не бросили его : в полуживом состоянии довезли несчастного до Крыма, откуда вместе со всеми он был эвакуирован к Константинополь. Там В. И. Сычев подвергся двум трепанациям черепа, которые восстановили ему способность речи и

память, но левая нога осталась полупарализованной, а кисть левой руки парализованной полностью.

Из Константинополя В. И. Сычев был эвакуирован в центральную Европу. Тяжело было жить ему, калеке, до последней войны, а еще хуже стало после нее. Одна из сестер милосердия, казачка Филоновской станицы, работавшая в госпитале того города, где живет В. И. Сычев, вышла за него замуж, проявив редкий пример жертвенности. Жена содержала себя и мужа.

Теперь жена состарилась и уволена в отставку, супруги вынуждены жить на ее ничтожную пенсию. Полуголодное существование, отсутствие средств на покрытие побочных расходов (одежда, отопление и пр.) создают трагическое положение.

Необходима помощь.

Пусть тот, кто имеет возможность нормально питаться, садясь за стол, вспомнит о сотнике Сычеве и даст в его пользу посильную лепту, пусть боевые сдратники, которых судьба осчастливила выйти из борьбы неповрежденными, задумаются над тем, что каждый из них мог очутиться в положении сотника Сычева.

Хочется верить, что протянутая единственная рука, подчиняющаяся воле В. И. Сычева, не останется пустою.

Просьба направлять пожертвования по одному из указанных ниже адресов :

На имя председателя Каз. Союза :
V. Kouznetzoff. 37, rue Galliéni 92 — Malakoff (France)

На почтовый текущий счет Каз. Союза :
Union des Cosaques № 21209-10 Paris

В редакцию « Родимого Края » :
B. Bogaevsky. 230, av. de la division Leclerc 95 — Montmorency (France)

Председатель Каз. Союза **В. Кузнецов**

ИЗ КАЗАЧЬЕЙ ЖИЗНИ ЗА РУБЕЖОМ

● **День Казачьей Скорби.** — День Казачьей Скорби был отмечен в Париже Казачьим Союзом и Союзом Казаков-Комбатантов торжественной панихидой по усопшим вождям казачества и казакам всех казачьих Войск в Кафедральном Соборе Св. Александра Невского 16 февраля.

В Нью-Йорке этот день отмечался по инициативе Донской Центральной имени ген. Краснова станицы 2-го марта. В храме Христа Спасителя была отслужена торжественная панихида по Атаманам А. М. Каледине, А. П. Богаевском, А. М. Назарове, П. Н. Краснове, В. М. Чернецове, Е. А. Волошинове, М. П. Богаевском, П. Х. Попове и Викторе Севском. Панихиду служил архиепископ Бруклинской Никон в сослужении местного духовенства.

После панихиды казаки собрались в Казачьей комнате Русского Клуба. Собрание открыл атаман станицы ес. Тульцев, произнесший прочувственное слово об Атамане Каледине и других вождях казачества, отдавших жизнь в борьбе за освобождение родной земли от красных поработителей. Затем выступали бывший член Калединского правительства Б. Н. Уланов, Н. Д. Гончаров, В. И. Попов и др. Собрание закончилось дружеской беседой и традиционными поминками.

● **Жаровский хор.** — 21 и 22 февраля в Париже, в зале Плеель, состоялись два концерта Жаровского хора, прошедшие при переполненной зале.

● **Письмо П. И. Кудиновой, вдовы полк. Кудинова.** — Правлением Каз. Союза получено от П. И. Кудиновой следующее письмо с просьбой ознакомить с ним казаков :

« Дорогие братья-казаки!

Поздравляю вас в Новым 1969 годом. Желаю вас счастья, здоровья и благополучия в вашей работе.

На днях я получила от В. М. Кузнецова 115 фр. Благодарю вас за пожертвования и за то, что вы не забыли вашего брата-казака П. Н. Кудинова, который, страдая 10 лет в Сибири, работая в тайге, потеряв силы и здоровье, умер безропотно за казачество на чужбине. Умер он телесно, но продолжает еще долго жить в ваших сердцах. Вашими средствами в Болгарии ему поставлены памятник и ограда... С приветом к вам, ваша казачка П. И. Кудинова ».

● **Бал Калмыцкого Союза.** — 28 декабря 1968 г. в мерии 3-го района г. Парижа состоялся благотворительный бал Калмыцкого Союза. Он был многолюден. Были, конечно, кал-

мыки, французы, в небольном количестве русские, почти исключительно казаки.

Дружной семьей пришли калмыки на свой увеселительный бал, устроенный с благотворительной целью. Были представлены все возрасты : от 12-тилетних отроков до стариков, и людьми различных социальных слоев — от рабочего и студента до доктора и инженера. Чтобы поддержать своих собратьев в изыскании средств для благотворительных целей, они приехали из французской провинции, из Бельгии, Швейцарии, Чехии и даже из далекой Америки.

Артистическая программа была богатой, она доставила наслаждение посетителям. В первой части ее выступал украинский ансамбль « Чумак », с успехом исполнивший украинские танцы и песни, и супруги Ашидзе, с исключительным воодушевлением станцевавшие лезгинку. Нельзя не отметить участия в лезгинке донского казака-калмыка, бывшего джигита-акробата Дамбы Ульчинова. Стареет Дамба, но хранит еще свою прежнюю лихость, проявленную им раньше в отчаянных джигитовках во многих странах Европы. Его отвага отмечена была королевскими особами в Англии : во время одной из джигитовок в Лондоне Дамбу Ульчинова попросили к королевской ложе. Взволнованный Дамба, подойдя к ложе, услышал от одной из присутствующих особ ласковое приветствие на русском языке — то была Великая Княгиня Ксения Александровна. В ответ на приветствие растерявшийся Дамба сказал несколько несвязных слов, чем вызвал общую улыбку.

Вторая часть артистической программы была посвящена калмыцкому фольклору : танец Астраханских калмыков, прекрасно исполненный Баязетом Манжиковым и Жаклиной Киликовой и казачек в лихом исполнении Николая Чунжинова. Часть эта закончена была характерной калмыцкой мелодией песни о полковнике Тепкине — командире 80-го Донского Джунгарского полка, пропетой Моркусом Балиновым.

Необыкновенное оживление царило в буфете, расположенном в вестибюле и обслуживаемом миловидными калмычками. Слышался гул голосов, время от времени покрывавшийся русскими напевами электрофона, хлопали пробки шампанского и лилась громкая песня донских казаков.

На рассвете, разгоряченная танцами, вином и веселием, публика начала расходиться. Ушел и пишущий эти строки, унеся отрадное впечатление, произведенное на него балом.

В. Кузнецов

● **Съезд Союза донских казаков в США.** 16 марта с. г. в новом Казачьем Доме в Фривуд Эйкрэс, шт. Нью Джерзи, состоялся 3-ий Съезд Донских Казаков в США, на который прибыли уполномоченные представители всех организаций, входящих в состав Союза Донских Казаков в США. Здесь были Донцы всех политических взглядов и убеждений, начиная от монархистов, демократов и кончая националистами. Председателем Съезда были избран В. Г. Глазков, который с тактом и умением проводил работу Съезда, отметив десятилетие существования Союза Донских Казаков в США.

Председатель Союза инж. С. И. Донсков сделал доклад о деятельности Союза за истекший административный срок. Доклад был дополнен Д. Е. Свинаревым и А. С. Кибиревым и, после всестороннего обсуждения, был принят с выражением благодарности правлению Союза за проведенную им работу.

Участники Съезда уделили особое внимание будущей деятельности Союза. Живое участие в обсуждении этого вопроса приняли : прот. от. Петр Попов, от. Л. Попов, инж. А. Е. Афанасьев, А. Тульцев, инж. М. Саринов, Н. Гончаров, Д. Свинарев, А. Кибирев и др. Председатель Съезда суммировал общие рекомендации будущему правлению Союза, которые были приняты.

Съезд всецело подтвердил платформу Союза Донских Казаков в США, принятую 2-ым Съездом, в основу которой легли принятые Большим Войсковым Кругом на Свободном Дону в 1918 году Основные Законы В. В. Д. и их демократические принципы, признавая их единственной и законной базой для объединения всех донских казаков и для объединения всех казаков всех Казачьих Войск на основе решений Верховного Казачьего Круга в Екатеринодаре, на Кубани, в 1920 году.

Вместе с тем Съезд счел необходимым заявить, что казаки не признают и не могут признавать лиц, самозванно или же по почину какой-либо группы называющих себя « Войсковыми Атаманами » без законных, свободных и всеобщих выборов. Нет выборов — нет Атамана, так гласит старый казачий закон. Вследствие этого казаки не несут и не могут нести накикой ответственности за действия и поступки таких « атаманов ».

Съезд обратил внимание на необходимость сохранения казачьей молодежи и воспитания ее в казачьем духе и казачьих традициях.

На очередной срок Съезд избрал правление Союза Донских Казаков в США в составе : председателя инж. С. И. Донскова, зам. председателя Д. Е. Свинарева, казначея М. К. Юськи-

на, секретаря А. С. Кибирева и атаманов или председателей входящих в состав Союза организаций.

После разбора текущих дел, стоявших на повестке дня, было принято предложение председателя Съезда В. Г. Глазкова о проведении общего традиционного моления казаков за павших и умерших братьев и сестер во второе воскресение после Пасхи (на Красную Горку) на св. Владимировском кладбище в Джэксоне, Нью Джерзи, перед памятником « Казаки — Казакам ». Проведение этого возложено на атаманов станиц в штатах Нью Йорк и Нью Джерзи совместно с председателем Комитета « Казаки — Казакам » А. Афанасьевым с своевременным объявлением об этом в прессе и в газете « Новое Русское Слово », постоянными читателями которой являются многие казаки в США и за их пределами.

Съезд установил размер членского взноса с одиночки один доллар, а организации 20 долларов. Для активизации работы Союза Донских Казаков в США участники съезда произвели добровольное самообложение по десяти долларов.

Молитвой протоиерея отца Петра Попова работа Съезда была закончена.

● **Казачий « Словарь-Справочник ».** — В « Род. Крае » уже неоднократно писалось о « Казачьем Словаре-Справочнике ». Указывалось о той титанической работе, что проделали и продолжают выполнять его составители и издатели Г. В. Губарев и А. И. Скрылов. Обычно, составлением таких трудов занимаются большие комиссии, состоящие из многочисленных специалистов — историков, географов, экономистов, этнографов и т. д., располагающие необходимыми для этого средствами. В данном случае нет ни комиссии, ни средств, а есть два казака, задавшиеся целью ознакомить иностранцев, да и своего брата казака, с нашим славным прошлым. Конечно, в « Словаре » есть пропуски, сказываются подчас личные взгляды авторов на то или иное событие, чего следовало бы избегать, но тем не менее это ценное пособие для всех тех, кто интересуется казаками. Доказательством этому служит то, что вышедшие два тома были выписаны уже 119 библиотеками (городскими, университетскими, институтскими и т. д. : 46 в США, 16 в Англии, 6 в Австралии, 1 в Дании, 14 в Германии, 1 в Израеле, 3 в Иране, 3 в Ирландии, 6 в Канаде, 3 в Норвегии, 1 в Новой Зеландии, 3 в Шотландии, 2 в Швеции, 12 во Франции, 2 в Финляндии).

3-ий том готов к изданию. Но не хватает средств. Издательство « Словаря » обращается к казакам с просьбой дать ему возможность закончить издание внесением подписной платы на 3-ий том и произведением расчетов за полученные ранее 1-ый и 2-ой томы. Стоимость каждого тома — 5 долл. Все взносы и переписку по делам « Словаря » направлять по адресу :

The Cossack Dictionary. A. I. Skrilov — Editor.
15 Bungalow Avenue. San Anselmo. CA. 94960
USA

● 23 марта в Париже, в помещении при русской церкви Св. Александра Невского, состоялось общее **собрание Дамского Комитета Казачьего Союза** в присутствии президиума Союза, на котором были произведены перевыборы правления Дамского Комитета. Выбраными единогласно оказались : председательницей — Н. И. Богаевская (переизбрана), казначеем — В. И. Самсонова (переизбрана), секретарем — А. П. Падалкин.

● В начале этого года вышла небольшая **книжка стихов Ивана Сагацкого :** « Глушь. Медальоны », которую нельзя не приветствовать. Имя автора хорошо известно читателям-казакам : в бурные дни Гражданской войны, в дни своей молодости, он — активный участник белой борьбы. Заграницей, молодой офицер, ведя трудовую жизнь для добывания куска хлеба насушного, учится и становится инженером-геологом. На службу уезжает из Европы в колонии, и вот этому периоду и посвящена последняя книжка его стихов. При ее чтении перед нами проходят Дакар, Нигерия, глухие места Африки, Индо-Китай, Цейлон, Аннам и много других мест с экзотическими названиями.

Стихи И. Сагацкого искренни, легки, изящны и музыкальны. Перед читателем без труда возникают картины и образы жаркой Африки, не всегда понятной нам Азии. От него не ускользают ни нравы, ни обычаи разных племен и народов, с которыми ему приходилось встречаться, ни их предания, ни окружающая природа.

После своих скитаний по экзотическим странам, автор возвращается во Францию, Современная жизнь его не так интересует, как прошлое этой гостеприимной страны. В конце своей небольшой книжки стихов автор помещает два « Медальона » — один посвященный блестящему маршалу Наполена Мюрату, другой французскому средневековью.

В наше время, при огромном количестве претендентов на звание поэтов, забывающих или не желающих знать, что писать стихи и быть поэтом это далеко не одно и то же, небольшая книжка стихов И. Сагацкого является ценным подарком.

А мы, донцы, можем и должны гордиться, что в нашей среде были не только лихие военоначальники, но есть и немало поэтов Божьей милостью, как Н. Туроверов, И. Сагацкий, П. Поляков, Н. Евсеев, Н. Воробьев, М. Гаврилов, Н. В. Альникин, Н. Кузнецов.

● **Среди калмыков в Америке.** — 15 марта в калмыцко-буддийском храме (хуруле) в Фарминдайле состоялось большое религиозно-национальное торжество: освящение памятников-Субурганов над уранами с прахом известных среди всех калмыков религиозных глав — Ламы Арлад Чубанова и Очер-Ламы. Последний в половине 19-го столетия был духовным главою Ставропольских калмыков и учителем в с е х самых выдающихся представителей калмыцкого буддийского духовенства на Дону. По каким-то мотивам урна с прахом Очир-Ламы была передана одному из его учеников, ставшего бакшой Хурула Чоносовского аймака (позже Чоносовской станицы) Донских калмыков. Эта урна стала предметом почитания калмыков, также как и урна с прахом ламы А. Чубанова, в его родном Хуруле Ике-Буррул аймака (Платовской станицы).

Очир-Лама скончался лет 90 тому назад, а Лама А. Чубанов 75 лет тому назад. Он был Ламою всех Донских калмыков и пользовался большой популярностью, будучи человеком с большим религиозным образованием, большими способностями, энергичным, авторитетным. Многие представители калмыцкого духовенства на Дону были его учениками. Скончался он сравнительно молодым, не имея еще 50 лет.

Во избежание осквернения указанных святынь со стороны большевиков, станичники и родственники покойного Ламы А. Чубанова с бакшой М. Бориновым, как и калмыки Чоносовской станицы с своим атаманом С. Б. Бембековым, урны с прахом покойных Лам вывезли в эмиграцию. В Константинополе и в других местах эмиграции можно было видеть, как бакша М. Боринов и атаман Бембеков на своих спинах носили свои святыни.

Когда многие калмыки Платовской станицы переселились в США, они перевезли сюда и урну с прахом своего Ламы. Так как атаман Бембеков вынужден был остаться в Париже, он при содействии своих станичников Муша Молунова, Курашова, У. Зодьбинова и др., уже бывших в США, урну с прахом Очир-Ламы переслал в Америку.

Эти урны сначала были установлены в Хуруле в гор. Филадельфии, где поселилось большинство калмыков, а потом, когда построили Хурул в Фарминдэйле, их перевезли в новый Хурул.

Благодаря инициативе Ламы, нынешнего настоятеля Хурула в Фарминдэйне, и жертвенности почитателей покойных Лам, в Индии заказали малого размера прекрасные металические памятники-Субурганы, какие из камня воздвигались над урнами, но погребенными в земле, в Индии, Цейлоне, Тибете, Монголии и др. странах. Урны Лам, уже вложенные во внутрь новых памятников, украсили шелковыми хадаки (традиционные шелковые шарфы). В освящении Субурганов участвовало все калмыцкое духовенство. Оно по пяти человек в своих торжественных одеяниях сидело на длинных низких скамейках Лама — настоятель Хурула в Фарминдэйле, настоятель Хурула во Фриуд Эккрс Лхарамбо Нисаев Яромпил и настоятель Хурула в Филадельфии геленг З. Переборов.

Калмыки почти заполнили все помещение Хурула. Горели лампады-зул, курились ароматические свечи-кюджи.

Духовенство, читая на распев молитвы, аккомпанировало им звуками хонхо-колокольчиков и маленьких ручных барабанчиков-арамбар. Когда звуки молитв, колокольчиков и барабанчиков в ореоле сияния лампад и аромата свеч заполняли помещение Хурула, а перед нами были столь знакомые родные калмыцко-монгольские лица, углубленные и молитвенно-настроенные, на короткое время забылась эмигрантская действительность. Казалось, мы, калмыки, у себя, на Родине. Невольно уносились на родные места и кругом нас простирались наши широкие, привольные степи...

Служба кончилась. Люди поклонились святым изображениям.

После этого прихожане принесли духовенству благодарность. Так как это торжество произошло еще не в окончившийся месяц Цаган (Цаган-Сар), то по старым калмыцким традициям, прихожане поднесли духовенству и многим мирянам б е л е к, т. е. дары в виде новых рубашек и новых носовых платков. Распорядителями были: Правление Калмыцкого Объединения в Формингдэйле в лице Н. Нембирокова, Саран Иванчукова и др. и г. г. Х. Ээьзетинов, П. Таунов, С. Бурушкин, М. Степкин и др. О смысле торжества в самом Хуруле перед лицом духовенства и прихожан сказали Н. Б. Нембирков и Б. Н. Уланов. Настоятель Хурула Лама огласил отчет расходов по заказу памятников. После этого в общественном Доме при Хуруле устроители торжества всем прибывшим предложили угощение, сопровождавшееся речами по поводу празднества. С речами выступали почти исключительно представители Ике Бурул аймака

(Платовской станицы). Естественно, они говорили о своем станичнике покойном Ламе А. Чубанове, о верности и преданности его памяти. Об Очир-Ламе и Чоносовской станице говорил Б. Н. Уланов.

Среди прибывших на торжество, помимо Правления Калмыцкого Объединения в Фарминдэйле, были порф. А. Борманжинов, Др Н. Чурюмов, Б. Н. Уланов, Э. Борманжинов с супругой, С. И. Цуцуков, Санджи Мамонов, Д. и П. Ямановы, С. и П. Тауновы, Санджи Бурушкин, Н. Тугульчинов. К. Балинов, А. Татнинов и др.

С речами выступали Д. Яманов, Х. Эльзетинов, С. И. Цуцуков, Санджи Мамонов, Шока Иванчуков, Андрианов и др.

Но на этом хорошем празднесте можно было заметить и подчеркнутую роль платовцев и отсутствие представителей других калмыцких Обществ. Разговоры с отдельными калмыками свидетельствовали, что калмыков в настоящее время живо интересует и идея общего национального объединения, которое не будучи помехой существующим Обществам в их местной самодеятельности, давало бы непосильные отдельным Обществам : общие религиозные, национально-культурные и др. а так же и возможность вести связь с калмыцкими группами, разбросанными в других странах, при случае оказывая моральную и материальную помощь крайне в ней нуждающимся.

Идея общего национального объединения особенно занимает старых ветеранов-партизан, которые в борьбе с большевиками рисковали жизнью, проливали кровь, а многие их товарищи отдали свою жизнь не за благо лишь отдельных племен, аймаков-станиц, а за благо в с е г о Калмыцкого народа в целом, который понес страшные жертвы во всех областях, местах, где жили калмыки. Можно было заметить, что, что идея старых ветеранов вызывает сочувствие многих калмыков.

Б. Уланов

● **О выборах Донского Атамана.** — Проф. Н. В. Федоров, именующий себя Донским Атаманом и Донской Войсковой Совет, провозгласивший его таковым, объявили в апреле с. г. в русских газетах о производстве выборов Зарубежного Донского Атамана на следующее 5-ти летие 1970-1974 гг. Организация выборов возложена проф. Федоровым на Дон. Войск. Совет, который из своего состава должен выделить Главную Контрольную Комиссию для подведения итога голосования.

Как известно, в предыдущих выборах проф. Федорова большинство донцов участия не принимало — он был «провозглашен» Донским Атаманом своими единомышленниками, Д. В. С., и поэтому фактически был «групповым» атаманом, то есть атаманом небольшой группы своих единомышленников.

В помещенной в русских газетах инструкции Д. В. С. для выборов, контрольная комиссия для учета поданных голосов выделяется из его состава, то есть без участия других каз. организаций, число которых значительно больше, чем организаций, входящих в ДВС. Иначе говоря, предлагается произвести выборы в таких же условиях, что и предыдущие, без учета воли большинства дон. казаков. Такие выборы, без участия и контроля других каз. организаций не могут быть полноценными.

Как на обращения проф. Федорова и Д.В.С. откликнется донское казачество — покажет будущее.

ПОСЛЕДНИЙ ВОЙСКОВОЙ АТАМАН ИЗБРАННЫЙ НА РОДНОЙ ЗЕМЛЕ

18-го января текущего года в Швейцарии, в приюте для престарелых, скончался первый выборный Войсковой Атаман Амурского Войска ИВАН МИХАЙЛОВИЧ ГАМОВ.

К нашему огорчению, мы располагаем скудными сведениями, могущими служить материалом для биографии этого незаурядного человека. Покойный по прирожденной скромности мало говорил о себе и то немногое, что мы скажем о нем, взято из нашей переписки с ним.

И. М. Гамов родился в 1887 году в семье казака-хлебороба Амурского Войска. В детстве, в суровые сибирские зимы вместе с отцом он ездил в лес за дровами. Когда у мальчика Вани мерзли ноги отец, согретый напряженной работой, снимал свой тулуп и вставлял их в рукава шубы, прикрывая ею же детское тело.

Отец Гамов пробовал поместить сына в кадетский корпус. Стремление его не увенча-

лось успехом : для детей простых казаков не было доступа в учебные заведения, предназначенные для детей офицеров и дворян.

Однако благодаря желанию отца и упорству сына будущий Войсковой Атаман поднялся на высокий уровень культуры. В момент выборов депутатов в 4-ую Государственную Думу И. М. Гамов был выставлен кандидатом от своего края и совсем молодым стал членом русского парламента.

После февральской революции Амурское Войско выбирает его Войсковым Атаманом.

Как и другие казачьи Войска, Амурское Войско во главе с Атаманом приняло участие в борьбе с захватчиками власти в России. Обманом и силой большевики восторжествовали. Конечная участь Атамана — исход и жизнь на чужбине.

Покойный Войсковой Атаман был почетным членом Казачьего Союза во Франции. Оставаясь в тени, он живо интересовался жизнью казаков на чужбине. Владея хорошо пером, он под псевдонимом поместил несколько хороших статей в « Родимом Крае ».

Покинул нас высоко достойный казак. Мы, казаки остающиеся в живых, должны сохранить память о нем и занести имя Ионна в список вождей казачества, поминаемых в День Казачьей Скорби.

Париж **В. Кузнецов**

УШЕДШИЕ

Профессор М. М. Афанасьев сообщает о давно скончавшихся его друзьях коллег по Пражскому Университету : Ф. К. Попове, В. К. Попове и А. А. Азарянском.

† 24 авг. 1936 г. скончался Феофил Капитонович Попов, Нижне-Чирской ст. В. В. Д., родившийся 16/12/1899 г., инженер-агроном, служивший в Министерстве Земледелия США. Похоронен в г. Боземан (США).

† 19 сент. 1959 г. скончался в Буенос-Айрес и там же похоронен доктор медицины его брат Виктор Капитонович Попов, Ниже-Чирской станицы В. В. Д. род. 18 февр. 1894 г.

† В 1951 г. в г. Чите (СССР) умер сотник Андрей Андреевич Азарянский Кривянской ст. В. В. Д., инвалид 1-ой Мировой войны, возглавлявший восставших казаков кривянцев в дни начала борьбы против красных. Перед второй Мировой войной и во время ее жил в Югославии, откуда, вероятно, под давлением, был вынужден выехать в СССР и был сослан в Читу.

† 24 дек. 1968 г. в Берней (Франция) скончался А. С. Слюсаренко, ст. Приморско-Ахтырской Куб. К. Войска, о чем с прискорбием сообщают вдова, Кубанское Объединение и казачий Союз.

† 1 янв. с. г. в Коломбеле (Франция) скончался георгиевский кавалер подхор. М. В. Мельников, ст. Каргиновской В. В. Д.

† 2 янв. с. г. в « Русском Доме » в С. Женевьев де Буа (Франция) скончался ур. И. П. Текучев, 76 лет, ст. Атаманской В. В. Д.

† 28 янв. в старческом доме Русского Красного Креста в г. Шелль (Франция) скончался сот. Т. В. Щепин, 78 лет, ст. Лабинской К. К. В. Похоронен в семейном склепе на кладбище в Шамп сюр Марн. — Сообщил пенсионер Г. И. Елисеев.

† 5 янв. в г. Виннипег (Канада) скончался есаул Л. Гвардии Казачьего Е. В. полка М. М. Ротов, Новочеркасской станицы В. В. Д.

† 17-го Ноября 1968 г. в Доме для престарелых Комитета Земгор, в Корменй-ан-Паризис, скончался полковник Василий Адрианович Скандилов.

Казак Донского Войска, В. А. родился 1-го августа 1889 года в станице Семикаракорской 1-го Дон. округа. Верный казачьим традициям, он избрал военную карьеру. В мирное время служил в 8-м Донском казачьем полку, находившемся в Одессе, а во время Первой Мировой войны в 25-м Донском К. полку. Редкие, оставшиеся в живых, его сослуживцы отзываются о нем, как о прекрасном офицере с высокоразвитым чувством долга. В военное время В. А. окончил ускоренные курсы при Академии генерального штаба.

В гражданскую войну В. А. был начальником штаба одной из дивизий корпуса генерала Мамантова, участвовал в прорыве фронта красных и в рейде совершенном в тылу большевистских войск. В эмиграции, как и большинство русских в изгнании, он был шофером такси в Париже до тех пор, пока позволяло ему здоровье.

У всех, с кем сталкивался В. А., сохранились о нем наилучшие воспоминания. Скром-

ный, выдержанный, чрезвычайно вежливый и добрый он невольно располагал к себе.

22-го ноября В. А. был похоронен на кладбище Кормей-ан-Паризис. Лег казак в длинную шеренгу русских могил, расположенных вдоль высокой кладбищенской стены. Не было слез при похоронах, некому было плакать. Присутствовали директриса общежития, да три донских казака: у каждого из них с болью сжалось сердце, когда открытая пасть могилы поглотила тело их станичника.

В. Кузнецов
Председатель Казачьего Союза

† 14 дек. 1968 г. скончался ст. ур. П. К. Свинуков, 78 лет от роду, Хамкетинской ст. Майкопского отдела К. К. В. Погребен на городском кладбище г. Ла Реоль (Франция).

† 12 янв. с. г. в Буневуа (Люксенбург) скончался И. Т. Серебряков В. В. Д., о чем сообщают вдова О. А. Серебрякова и дети.

† 5 ноября 1968 г. в г. Рейд-Бенк (США) умер подхор. Я. А. Горленко 80 лет, ст. Спокойной К. К. В.

† 1 сент. 1968 г. в Филадельфии (США) от рака легких скончался ес. И. П. Картавцев, 74 лет, ст. Ново-Александровской К. К. В.

† 4 окт. 1968 г. в. Дармштадте (Германия) скончался В. Н. Решитько, 80 лет, ст. Ново-Николаевской К. К. В.

† 25 ноября 1968 г. в старческом доме г. Дармштадта (Германия) скончался Е. Ф. Кочетов, ст. Вешенской хут. Вещаева В. В. Д.

† 21 окт. 1968 г. в Сиракузе (США) скоропостижно скончался сотник А. С. Кривов В. В. Д.

† 20 ноября 1968 г. в Петерсоне (США) скончался В. М. Наумов, ст. Аксайской В. В. Д.

† 6 ноября 1968 г. в Вашингтоне скоропостижно скончался полк. В. Н. Дронов, ст. Казанской В. В. Д., бывший Окружной атаман Верхне-Донского округа.

† 27 апр. 1968 г. в г. Пассэйке (США) скончался Г. В. Боков, ст. Каргинской В. В. Д.

† 21 сент. 1968 г. в Лейквуде (США) скончался вахм. П. А. Солдатов, Уральского Каз. Войска.

† 10 дек. 1968 г. в г. Дубно скончался полковник Калединского полка Г. К. Челбин, хут. Челбина, Филипповской ст. В. В. Д., о чем с прискорбием сообщает семья Афанасьевых.

† 21 янв. в г. Ганьи (Франция) скончался полк. И. А. Андрианов, ст. Баклановской В. В. Д. Родился он 20 авг. 1886 г. на хут. Моисееве своей станицы. По окончании Новочеркасского Военного Училища вышел в 8-ой Дон. каз. полк. В начале 1-ой Мировой войны, будучи на льготе, был призван в 25-ый Дон. Каз. полк, в котором и прослужил до конца войны. В январе 1918 г. при полной разрухе русской армии с большими трудностями, с препятствиями со стороны большевиков, привел на Дон с Западного фронта сотню калмыков с конями и оружием. Во время восстания казаков Баклановской станицы был их руководителем. А потом боевая страда гражданской войны и эмиграция. Полк. Андрианов имел все боевые награды до Св. Анны 2-ой ст. — Сообщил П. А. Селиверстов.

† 27 янв. в Париже скоропостижно скончался капитан 2-го имени генерала Дроздовского полка Николай Павлович Чижов. Покойный родился в далекой Сибири, в г. Иркутске, где и учился и окончил Военное Иркутское Училище. В 1916 г. после производства вышел в 10-ый Сибирский полк, из которого был переведен в 259-ый Ольгинский полк 65-ой пехотной дивизии, в составе которого был отправлен на фронт. За боевые отличия получил орден Св. Владимира с мечами и бантом. Возвратившись после ранения на Румынский фронт, капитан Чижов поступил одним из первых добровольцем в отряд полк. Дроздовского, в составе которого проделал весь поход из Ясс на Дон. После ранения командира офицерской роты полк. Румеля временно командовал этой ротой, но в бою под Ново-Николаевской, когда вел свою роту в атаку, был тяжело ранен в голову. После выздоровления вернулся в полк. Как участник 2-го Кубанского Похода Добр. Армии был приписан к Кубанскому Каз. Войску. В 1920 г. командовал почетной ротой в Севастополе. После эвакуации Крыма обычный путь — Константинополь, Галлиполи, Болгария и Франция, где долгое время работал шофером такси, а последнее время ночным сторожем.

Все, кто знали этого доброго, отзывчивого, веселого человека, а знали его очень многие (он состоял членом Объединения дроздовцев, галлиполийцев, первопоходников, кубанцев и Казачьего Союза) сохранят о нем хорошую память. До конца дней своих он остался верен своим идеалам, верен Белой Идее, знамя которой высоко держал, несмотря на все жизненные невзгоды. Покойный принимал большое активное участие в казачьей жизни, помогая по мере сил своих и Казачьему Союзу и Кубанскому Объединению и редакции «Родимого Края». Всегда охотно брался за всякую работу и никогда никому не отказывал в помощи.

Похоронен Н. П. Чижов на дроздовском участке русского кладбища в С. Женевьев де Буа, рядом с женой, сестрой милосердия, урожденной Леоновой, донской казачкой, скончавшейся за три месяца до смерти му-

жа. Отдать последние почести собралось много его соратников, несмотря на будний день.

Да будет ему пухом чуждая французская земля...

Капитан И. Воевода
и редакция «Род. Края»

† В Вашингтоне скончался полк. Л. Гв. Е. В. Казачьего полка С. П. Полковников, ст. Кривянской В. В. Д.

† 21 янв. в Париже скончался полковник 6-ой Дон. Е. В. батареи И. Г. Коньков, ст. Вешенской В. В. Д.

† 6 дек. 1968 г. в Югославии скончался подпоручик Югославской королевской армии Г. С. Дьяков, казак Качалинской ст. В. В. Д.

† 26 февр. в убежище для престарелых г. Реймса (Франция) умер Никифор Нестеров, казак В. В. Д.

† 9 февр. в Париже скончался полк. К. Т. Богданов, ст. Попутной К. К. В.

† 11 февр. в Брюсселе умер сотник М. М. Галацан К. К. В.

† 17 дек. 1968 г. в госпиталее Рокланд, штата Нью-Иорк, скончалась О. Д. Сокал, урожденная Ульянова, ст. Краснокутской В. В. Д. 65 лет. Похоронена на кладбище около церкви на «Новой Кубани» штата Нью-Джерси, США.

† 13 марта в Париже скончался полковник донской артиллерии М. Т. Чернявский.

† 22 ноября 1968 г. в Мельбурне (Австралия) скончался ротмистр В. Э. Тайрих, 75 лет, ст. Дондуковской К. К. В.

† 3 дек. 1968 г. в Патерсоне (США) умер М. И. Кравченко ст. Убеженской К. К. В.

† 15 дек. 1968 г. в США скончался хор. Н. Я. Тыщинский, 69 лет, ст. Васюринской К. К. В.

† 12 февр. в Афинах (Греция) скончался после тяжкой и продолжительной болезни полковник Л. Гв. Казачьего Е. В. полка Б. И. Демин.

† 20 февр. в Париже скончался капитан донской артиллерии И. С. Стронин.

† 20 окт. 1968 г. в Югославии скончался Н. К. Чайка, ст. Ново-Днепровской К. К. В.

† 3 ноября 1968 г. в Англии скоропостижно скончался сот. А. Г. Мизин, 79 лет, ст. Урухской Терск. Каз. Войска.

† 23 марта в С. Жермен ан Ле (Франция) скончался ес. Л. Гв. Казачьего полка В. В. Безладнов.

† 25 дек. 1968 г. в Вене (Австрия) скончался полк. Б. А. Сомов, 79 лет, ст. Невиномысской К. К. В.

† 17 явн. в Саут-Бенде (США) скоропостижно скончался хор. А. П. Ряднина, 73 лет, ст. Должанской К. К. В.

† 11 дек. 1968 г. в г. Лангр (Франция) скоропостижно скончался и похоронен на местном кладбище ст. ур. Д. И. Попов, ст. Усть-Медведицкой В. В. Д. После окончания в 1917 г. Реального Училища покойный сразу вступил на тяжкий путь борьбы за свободу Дона. После покушения на военного красного комиссара С. Рожкова - Алексеевский Партизанский отряд, ранения, тифы, служба в Донской речной флотилии, а затем Крым, Бизерта, работа в каменоломнях и наконец Франция, где попав в глухую провинцию и окончив электро-монтерские курсы, всю свою остальную жизнь прожил, работая в г. Лангр. Человек честный и отзывчивый заслужил общую любовь жителей и уважение. Незадолго до 2-ой войны спас из озера двух утопавших мальчиков, за что был награжден медалью.

Все его знавшие, во главе с мером города, проводили «своего казака» к месту его вечного успокоения. Спи спокойно верный сын Тихого Дона, в своей Скромной жизни не позабывший о нем. **В. И. Попов**

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ «РОДИМОГО КРАЯ»

● Непринятые рукописи обратно не возвращаются и в переписку о них редакция не вступает. Редакция оставляет за собой право статьи сокращать, не меняя смысла написанного.

Не имея возможности документально проверять имена, даты и события, редакция возлагает всю ответственность за содержание статей на их авторов. За статьи, подписанные полным именем автора, редакция не отвечает и они не всегда выражают взгляды редакции.

Корреспонденцию на имя Редакционной Коллегии направлять по адресу:
Mr. Bogaevsky — 230 av. de la Division Leclerc, 95 — Montmorency (France)

Через редакцию « Род. Края » можно выписать :

Н. М. Мельников — « А. М. Каледин — герой Луцкого прорыва и Донской Атаман » — 26 фр. или 5,50 долл.

« Воспоминания ген. А. П. Богаевского » (Ледяной поход) — 15 фр. или 3 долл.

Н. М. Мельников — « Ермак Тимофеевич, кн. Сибирский, его сподвижники и продолжатели » — 9 фр. или 2 долл.

« Митрофан Петрович Богаевский » — сборник статей о Донском Баяне — 18 фр. или 4 долл.

Н. М. Мельников — « Как извращается история » — 2 фр.

П. М. Аврамов — « Ковылий сказ » — 3 фр.

П. М. Аврамов — « Никифор Кащеев » — 3 фр.

Н. Н. Туроверов — « Стихи », книга 5-ая — 15 фр.

Н. Н. Воробьев — « Кондратий Булавин » — 15 фр.

Адмиралов — « Казачья трагедия » 1940-1945 гг.) — 12 фр. или 2,50 долл.

В. А. Беляевский — « Голгофа » (Очерки из воспоминаний 1882-1964) — 12 фр. или 2,50 долл.

Казачьи песни (изд. « Каз. старина ») — 5 фр.

Специальный двойной № 80-81, посвященный Степному Походу, Пох. Атаману ген. П. Х. Попову и началу казачьих восстаний на Дону в 1918 г. Его стоимость — 10 фр. или 2 долл. 50 цент.

Из редакции можно также выписать листы фотографии и схем, напечатанных в этом № 80-81 по цене 5 фр. за лист для Франции или 1 долл. для заграницы. Пересылка фотографий и схем за счет покупателя.

● Редакция обращается с настоятельной просьбой ко всем своим читателям и подписчикам не задерживаться с внесением подписной платы. Издание « Род. Края » основано исключительно на самоокупаемости, при полной безвозмездной работе всех наших сотрудников. То есть журнал издается на деньги, за него получаемые и на пожертвования отдельных лиц в Фонд его Издательства, иначе говоря на деньги читателей, от которых зависит дальнейшее существование « Родимого Края ».

● В редакцию « Род. Края » с 1-го ноября 1968 г. по 1-ое апреля 1969 г. поступило :

В Фонд Издательства : Сетраков и Яшкин — 15 фр., Н. А. Ломакин — 5 фр., в память г-жи Д. Я. Падалкиной — 50 фр., М. П. Негоднов — 10 долл., полк. Лозицкий — 10 фр., из копилки Н. Н. Туроверовой — 60 фр., П. П. Боков — 10 шв. фр., Арестов — 4 фр., В. М. Петрусь — 4 долл., В. А. Иванов — 30 фр., Парамонов — 12 фр., д-р Ряхин — 25 долл., И. Жидков — 14 фр., Е. Е. Ковалев — 4 фр., В. Седов — 20 долл., И. Ф. Булаткин — 7 долл., Б. А. Богаевский — 73,80 фр., Д. И. Свинарев — 21 долл., С. А. Жаров — 20 долл., Н. Н. Воробьев — 3 долл., Е. Уткин — 11 фр., В. А. Балахнин — 15 долл., В. М. Кузнецов — 4 фр., В. Л. — 2 долл.

Для передачи Дамскому Комитету Каз. Союза : П. И. Еронин — 10 фр., от В. И. Соколова и Р. Н. Алавердовой для распределения между нуждающимися инвалидами казаками Всевеликого Войска Донского, в память скончавшегося 24/11/67 в г. Виши настоятеля храма отца Павла Приходько, казака Аксайской станицы Черкасского округа В. В. Д. — 100 фр., И. Ф. Булаткин — 2 долл., Б. Н. Шарапов — 3 канад. долл., г-жа Абрамова — 10 фр.; В. М. Петрусь — 5 дол., М. Я. Борисов — 10 герм. мар., Новиков, Балданов, Богаевский, Ломакин, Жибров, Малышко и Падалкин — по 10 фр., Н. П. Казинцев — 100 фр., Теми-Хан — 25 фр., г-жа П. Г. Халеева — 50 фр., г-жа М. Н. Гамова — 27,63 фр.

Для передачи партизанам чернецовцам-семилетовцам от В. М. Петруся — 5 долл.

Список **поддержавших своими взносами выпуск специального двойного № 80-81,** посвященного Степному Походу, ген. П. Х. Попову и началу казачьих восстаний на Дону, был опубликован в этом же № 80-81.

К этому списку нужно добавить следующие взносы : С. Ш. Балданов, Н. И. Сибирсков, Корфиатис — по 10 фр., В. А. Балахнин — 5 долл., Н. И. Корольков — 10 долл., Н. М. Карташев — 4 фр.

Всех жертвователей просим принять нашу искреннюю благодарность.

РОЗЫСКИ — Илья Ильич Булаткин розыскивает **Валентину Ивановну Копаневу,** дочь генерала Ивана Даниловича Попова, казаку станицы Константиновской, 1-го Дон. Округа В. В. Д. До 2-ой Мировой войны жила в Югославии. Писать на адрес редакции « Род. Края ».

● Глеб Горлов (G. Gorloff. 75 Laity Street Australie) розыскивает **Михаила Александровича Лебединцева** ст. Вознесенской Куб. Каз. Войска. До войны жил в Париже.

● Ювеналий Димитриевич Свеколкин, проживающий в Болгарии, розыскивает своего двоюродного брата **Ивана Михайловича Свеколкина.** Знающих об его судьбе просят написать в редакцию « Род. Края ».

● Таисия Георгиевана Кузнецова розыски-

вает брата МИХАИЛА ГЕОРГИЕВИЧА КУЗНЕЦОВА, станицы Зотовской, рождения 1912 г. Знающих об его судьбе просят сообщить по адресу : V. Donskoff. 84 ter Bd. de la République — 92 — Billancourt (France)

● **Редакция « Род. Края » и ее редактор Б. А. Богаевский** просят принять всех тех, кто их поздравил с Праздниками, их искреннюю благодарность за память и за добрые пожелания. К нашему глубокому сожалению, из за перегруженности работой мы не имеем возможности ответить всем лично. И всех вспомнивших нас мы просим принять наше искреннее казачье спасибо.

Редакция « Род. Края »

Вышла из печати книга Н. М. Мельникова

« А. М. КАЛЕДИН —

ГЕРОЙ ЛУЦКОГО ПРОРЫВА И ДОНСКОЙ АТАМАН »

В книге 375 страниц, много редких фотографий.

Выписывать из редакции « Родимого Края ». Стоимость во Франции 26 фр., заграницей — 5,50 долл.

Тираж ограничен.

Вышла из печати, под редакцией Н. М. Мельникова, в издательстве «Родимого Края», монография

МИТРОФАН ПЕТРОВИЧ БОГАЕВСКИЙ

В книге 276 стр. и редкие фотографии. Выписывать из редакции «Род. Края». Стоимость во Франции — 18. фр., заграницей — 4 долл. В книге, кроме яркой обрисовки личности и деятельности Донского Златоуста, перед глазами читателя попутно проходит героическая эпоха Калединского периода истории Дона.

Осталось еще ограниченное количество экземпляров.

РУССКИЙ КНИЖНЫЙ МАГАЗИН В ПАРИЖЕ

— Все новинки книжного рынка —
MAGASIN DU LIVRE
10, rue des Carmes Paris 5
Tél. DANton 25-28.

« ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА »

Орган Союза Участников 1-го Кубанского ген. Корнилова Похода, посвященный истории Белого Движения. Выходит каждые два месяца.
Редактор Г. Л. Корнилов

Подписная плата на 1 год — 6 долл., на 6 месяцев — 3,50 долл., стоимость отдельного № — 1,25 долл.
Адрес редакции : 1521 Sargent place. Los Angeles Calif. 90026. USA

Imprimerie P.I.U.F. - 3, rue du Sabot - Paris (6e)

Родимый край

83

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Б. Богаевский — « Столетие рождения ген. П. Н. Краснова и выдача в Лиенце ».
В. Кузнецов — « Б. Н. Уланов ».
А. Падалкин — « Незаменимая утрата ».
Юшкин-Котлубанский — «Ушедшему ».
К. В. Деникина и Н. М. Мельников — « О книге « А. М. Каледин — герой Луцкого прорыва и Донской Атаман ».
М. Вейнбаум — « О новом романе Шолохова ».
Пародия — « У лукоморья дуб зеленый... »
П. А. Фадеев — «Гражданская война на Уральском Отдельном фронте » (продолжение).
Н. Воробьев — « Скрижали славы казачьей... » (продолжение).
И. Сагацкий — « Радзивиллов ».
П. Аврамов — « Храбрый кашевар ».
Доброволец Иванов — « С русской песней по белу свету... » (продолжение).
В. Кузнецов — « Помощь сотнику В. И. Сычеву ».
Из казачьей жизни зарубежом.
Некрологи: В. Кузнецов — « Подъесаул А. А. Пятницын »
Е. Ковалев — « Полковник М. Т. Чернявский ».
С. Ш. Балданов — « Сотник С. Б. Бембеков ».
П. Юшкин-Котлубанский — « Четыре ушедших ».
Е. Л. — « Памяти Д. Я. Падалкиной ».
Ушедшие.
От редакционной коллегии « Родимого Края ».

РОДИМЫЙ КРАЙ

Орган общеказачьей мысли.
Издатель: Донское Войсковое Объединение.
Association des Cosaques du Don
Arr du Ministre de l'Int. J.O. 70 1955

Редакционная Коллегия: С. Ш. Балданов, Б. А. Богаевский, В. М. Кузнецов, К. С. Марченко, А. П. Падалкин, Н. Н. Туроверов, П. А. Фадеев.
Адрес редакции:

B. BOGAEVSKY
230, Av. de la Division-Leclerc
95 — Montmorency
France

PAYS NATAL JUILLET - AOUT 1969

№ 83 — Июль-Август 1969 г. 5 фр
Parait tous les 2 mois. Directeur: *Bogaevsky.*

СТОЛЕТИЕ РОЖДЕНИЯ ГЕНЕРАЛА ПЕТРА НИКОЛАЕВИЧА КРАСНОВА И ВЫДАЧА В ЛИЕНЦЕ.

Каждый год в начале июня во всех странах казачьего рассеяния казаки служат панихиды, вспоминая последнюю большую казачью трагедию — выдачу казаков в Лиенце.

Подробности ее не раз уже описывались в казачьей прессе, но кто был фактически инициатором выдачи, до сих пор неизвестно. Акты, решения, приказы по этому делу хранятся в секретных архивах и не публикуются. Предполагается, что это было сделано в силу Ялтинского договора, по которому все советские подданные должны были быть возвращены в СССР, но ведь в среде выданных было много лиц, не имевших советского подданства, да и самый акт выдачи был произведен в условиях обмана, лжи и насилия. Американский писатель и историк П. Д. Гукслей в своем произведении «Восток пришел на запад» считает, что это произошло по воле верховного командования западных союзников и независимо от Ялтинского соглашения.

В числе выданных в Лиенце был и генерал от кавалерии Петр Николаевич Краснов, бывший Войсковой Атаман Всевеликого Войска Донского, никогда не бывший советским подданным.

В этом году будет 100 лет со дня его рождения.

Генерал П. Н. Краснов, казак станицы Каргинской, родился в 1869 г. в Петербурге, по месту службы своего отца. В 1887 г. он окончил Александровский кадетский корпус, а в 1889 г. из фельдфебелей Павловского Военного Училища был произведен в хорунжие Л. Гв. Атаманского полка. Позже один год был слушателем Военной Академии Ген. Штаба, он в 1894 г. оставил ее по причинам личного характера. В 1897 г. он был начальником конвоя русской военной миссии полк. Артамонова в Абиссинии.

С самого начала своей военной службы он становится сотрудником целого ряда русских журналов («Русского Инвалида», «Разведчика», «Вестника русской конницы» и многих других) и быстро становится известным как талантливый журналист и полемист по военным и казачьим вопросам. В роли военного корреспондента выполняет целый ряд командировок: в 1901 г. во время боксерского восстания он был в Китае, с 1904 г. — на фронте русско-японской войны. Помимо своей прямой задачи посылки отчетов о боевых действиях, П. Н. принимает и непосредственное участие в боях и заслуживает ордена св. Анны и св. Владимира 4-ой степени.

В 1907 г. есаул Краснов, пройдя курс Офицерской Кавалерийской Школы, оставлен при ней как начальник Казачьего Отдела. В 1910 г. он произведен в полковники и назначен командиром 1-го Сибирского Ермака Тимофеевича полка, а через три года получает 10-ый Донской каз. генерала Луковкина полк, с которым и выходит на фронт 1-ой Мировой войны. Через три месяца за боевые заслуги он производится в генерал-майоры. С ноября 1914 г. он — командир бригады в I-ой Дон. дивизии, затем командир бригады Туземной дивизии, а позже начальник лихой 2-й Казачьей Сводной дивизии, действия которой вписали много славных страниц в русскую военную историю. К началу революции, он известный кавалерийский начальник, получивший многие боевые награды, в том числе золотое оружие и орден св. Георгия 4-ой степени.

Летом 1917 г. ген. Краснов назначается начальником I-ой Кубанской каз. дивизии, а затем I-ой Донской каз. дивизии, с которой, в корпусе ген. Крымова, по приказу главнокомандующего ген. Корнилова двигается к Петрограду для поддержки Временного Правительства против большевиков. После неудачи этой попытки, в конце сентября ген. Краснов принял 3-ий Конный корпус и способствовал его отводу на юг. После полного развала армии в январе 1918 г. он приехал на Дон. До апрельского восстания донцов против красных он проживал в Константиновской станице, а после освобождения Новочеркасска в мае 1918 г. Войсковым Кругом был избран Войсковым Атаманом, которым и оставался до февраля 1919 г.

После окончания гражданской войны ген. Краснов проживает во Франции, потом в Германии и занимается литературным трудом. Им было написано как в России, так и заграницей несколько десятков романов, имевших большой успех, из которых многие переведены на большинство иностранных языков, несколько исторических трудов и очень большое количество очерков и рассказов на самые разнообразные темы.

Во время 2-ой Мировой войны генерал Краснов, несмотря на преклонный возраст, согласился стать начальником Главного Казачьего Управления на территории Германии. В конце войны он находился в Казачьем Стане ген. Доманова в городе Лиенце, в Австрии, и оттуда 28 мая 1945 г. был выдан англичанами советской армии вместе с 2148 казачьими офицерами. 19 января 1946 г., в Москве, генерал Краснов по сталинскому приказу был предан муфтительной казни. Ему было тогда 77 лет.

Деятельность генерала Краснова еще ждет своего летописца. После блестящей военной карьеры в русской императорской армии, судьба поставила его во главе Всевеликого Войска Донского в дни тяжелой борьбы Дона за свою свободу. И через 20 лет он снова занимает крупный пост среди казаков, не пожелавших и не могущих примириться с советской властью.

Трагический был его конец, как и многих других с ним выданных, общей же «виной» их была их непримиримость к коммунизму, которой они остались верными до конца. Да будет им всем вечная память...

Б. Богаевский

Б. Н. УЛАНОВ

Печальную весть получили из Америки казаки во Франции: 23-го апреля в Нью-Йорке скончался Бадьма Наранович Уланов...

Из казачьих рядов выбыл казак беззаветно любивший казачество и служивший ему на протяжении 52-х лет.

Калмык родом и наружностью, Бадьма Наранович был душой и телом донской казак. Не представлял он себе жизни донских калмыков вне казачества, а счастья казачьего вне России и вне народоправства. Свободный сын Донских степей не мог мириться с насилием, откуда бы оно ни исходило. Любовь к свободе зародилась в его душе с ранних лет. Она развилась и укрепилась в стенах Петербургского университета, но окончил он в 1908-ом году Казанский университет. Университетская формация породила в нем, как и в его коллеге М. П. Богаевском, стремление к служению обществу. Стремление это проявилось впервые во время выборов в последнюю Государственную Думу. Молодой присяжный поверенный Уланов проходит в число окружных выборщиков, однако не посчастливилось ему получить депутатского мандата.

Позже, во время революции, способности общественного деятеля выдвигают его на авансцену политической жизни Дона. Бадьма Наранович выбирается депутатом Донского Войскового Круга. Будучи подлинным демократом, он сочетал в своем мировоззрении любовь к свободе с уважением к закону и с признанием обязанностей и долга по отношению к государству. Присутствие в нем казачьего духа не позволило ему увлечься крайними несбыточными революционными идеями, которым последовало большинство русской интеллигенции.

После выборов генерала Каледина Донским Атаманов Бадьма Наранович становится преданным калединцем. Чтит он царского

генерала с крепким военным закалом за его ум, за чистоту его души, за его беспредельную лояльность к демократическим казачьим принципам, за его стойкость во взглядах и любовь к казачеству. Бадьма Наранович не знал более совершенного человека, чем Атаман Каледин, и до последних дней своих с волнением вспоминал о нем.

Имя Бадьмы Нарановича неразрывно связано с бурной пореволюционной эпохой Донского казачества. При Атамане Каледине на него возлагается ряд ответственных и опасных миссий, которые он выполняет. Будучи членом Войскового Круга и потом товарищем председателя его, он участвует в разработке всех важных установлений.

По прошествии 50-ти лет мы можем спокойно взглянуть на прошлое и сделать беспристрастные выводы. Мы замечаем, что необыкновенно много книг вышло за границей, сюжетом которых является борьба против большевиков. Почти все они подходят к этому вопросу с военной точки зрения, не затрагивая гражданской стороны дела. Много говорится о храбрости, об успешных военных действиях, о стратегических ошибках, при-

Бадьма Наранович Уланов.
27 (3) 1886 — 23 (4) 69.

ведших к неудачам. Со стороны белых военные были главными руководителями. Они безусловно умели воевать, но наивны были в политике, пренебрегали ею и были побеждены штатскими: Лениным, Троцким, Сталиным, Ворошиловым и другими.

Только в казачьих Войсках, где руководство общественной жизнью было в руках Войсковых Кругов, состоявших из народных представителей, велась политическая работа. Казаки с гордостью могут утверждать, что они не только воевали, но и организовывали свою жизнь на новых началах, учитывая уроки революции. Творчество их, основанное на инстинкте самосохранения и чувства справедливости, проявлялось во всех разновидностях, присущих создаваемому государственному образованию. Горячее участие принимал в этой работе Бадьма Наранович. В частности, донцы делали усилия разрешить социальные вопросы. Донской Войсковой Круг вынес постановление наделить коренных крестьян землею, отчужденной у крупных собственников-землевладельцев. Рабочий вопрос стоял у казаков менее остро, чем земельный, потому, что края казачьи имели слабо развитую промышленность. Но и к нему передовые круги казачества, к которым принадлежал Бадьма Наранович, относились небезразлично. В них говорилось о восьмичасовом рабочем дне. Руководящие круги Белого Движения называли лиц, затрагивавших эти вопросы, демагогами. Особое Совещание, правительственный орган Верховного Командования, не утруждал себя вопросами этого порядка, а карательные отряды, созданные для борьби с спекулянтами и дезертирами, разрешали замельный вопрос посвоему, они подвергали порке мужиков за вырубленные рощи помещиков, за разоренные усадьбы и за разобранный породистый скот. Результат — армия после победоносного шествия вперед в 1919-ом году через 5 месяцев безудержно покатилась назад. Белое Движение, зародившееся на основе высоких патриотических идеалов, кончилось крахом. Мы стали изгнанниками.

Началась заграничная жизнь, потребовавшая приспособления эмиграции к новым непредвиденным обстоятельствам. Бадьма Наранович обосновывается в Праге. Оставаясь верным своему призванию, он также, как и на Дону, отдается общественной работе. Он становится во главе Казачьего Комитета, благодаря усилиям которого проникло в Чехословакию для продолжения образования много казачьей молодежи. Его стараниями из Югославии в Чехословакию перевозятся юноши-калмыки и помещаются в русские гимназии. Кто из казаков — студентов в Праге не знал Бадьму? Никому не отказывал он в содействии, за одного он шел хлопотать в министерство, чтобы урегулировать его незаконное проникновение в страну, другому-неиждивенцу он доставал билетики на обеды в столовой Земгора, третьего пристраивал в общежитие, четвертому он давал советы как добиться получения стипендии и т. д.

Студенты, учившиеся в Чехословакии, не забудут Бадьму.

Пребывание его в Чехословакии кончилось с окончанием 2-ой Мировой войны. Не хотел Бадьма Наранович попасть в большевитские лапы, со своей семьей он бежал из Праги во Францию. Новая чужая страна с незнакомым ему языком. Много лишений пережил он в ней, но благодаря своей энергии преодолел трудности новых условий жизни.

В Париже, как и в Праге, он не остается в стороне от общественно жизни. Деятельное участие принимает он в работе Казачьего Союза, будучи выбран членом правления его. Он был одним из основателей Донского Войскового Объединения и казачьего журнала « Родимый Край », членом редакционной коллегии которого он был до конца своей жизни. Кроме этого он сотрудничает с профессором С. П Мельгуновым. Благодаря ему и своей личной предприимчивости он добивается разрешения на въезд камыков в С. Ш. А., куда им не было доступа из-за рассового признака. Вместе со своими собратьями переезжает туда и сам Бадьма Наранович со своей семьей.

Живя в Америке, он принимает посильное участие в жизни тамошних казачьих организаций, оставаясь в тесной связи с Казачьим Союзом и с «Родимым Краем », пишет ряд серьезных статей в газетах « Русская Мысль » и « Новое Русское Слово ». Его предсмертная статья « Донской Атаман А. М. Каледин », помещенная в « Русской Мысли » он 10-го апреля с. г., за 13 дней до смерти, приводит в восторг красотой формы, выразительностью и глубиной содержания. Это его « лебединая песня ». Успел-ли он прочитать ее в напечатанном виде или-же немилосердная смерть лишила его последнего авторского удовольствия?

Нет больше в живых Бадьмы Нарановича, но живет он в памяти многих, многих казаков. Своей плодотворной работой на казачьей ниве он навсегда вписал имя свое в казачью историю.

Париж.

Председатель Казачьего Союза **В. Кузнецов.**

НЕЗАМЕНИМАЯ УТРАТА

ИЗ АМЕРИКИ пришли известия, что там, в начале второй половины апреля, скончался большой общественный деятель — представитель калмыцкого народа, казак Донского Войска, Бадьма Наранович Уланов.

Б. Н. — казак Ново-Алексеевской станицы Сальского округа, был единственным донским калмыком, получившим до войны 1914 года университетское образование; он окончил юридический факультет. Известный донской писатель-журналист В. Севский, в 1919 г., в редактируемом им журнале «Донская Волна», писал, что в дни атамана Каледина «маленький Бадьма был — восьмая Церетели и четверть Плеханова». Бадьма Наранович нелицемерно любил свой калмыцкий народ и так же любил Дон и Россию.

В дни атамана Каледина Б. Н. представлял в его правительстве калмыцкое население Сальских степей.

Сальские степи широкие, бескрайние, но тихие. Разве только ковыль зашумит, да трава шепнет... Таким был и Б. Н., потому Сальские степи и послали его в калединское правительство — правительство тишайшего Атамана. Б. Н. всегда улыбался. Шумел ли Войсковой Круг, волновалась ли левая сторона Круга, выходил — как все его называли — маленький Бадьма, и шум стихал. Бадьма говорил: «мой народ»... — так позволяли говорить Бадьме калмыки. Порой он был в речах нескладен, говорил быстро, будто мчался на степном скакуне, но всегда его слушали внимательно.

Для Бадьмы не было скучного дела. Он всякое дело делал охотно, с улыбкой. Заседал в правительстве, заседал в президиумах, в комиссиях, ездил по Дону с делегациями, писал статью в донских газетах и т. д. Все делал с любовью и охотой. Его шутя называли «Митрофан Богаевский начерно». Бадьма очень был похож на М. Богаевского. В Бадьме, как и в донском трибуне, много было от лирики: оба были люди одного аккорда, только один мажор, а другой минор.

Бадьма был природный дипломат — миротворец, и по этому его посылали со всеми делегациями. Посылается делегация Круга в Петроград, чтобы снять с Атамана Каледина обвинение в мятеже против Временного Правительства, — Бадьма в ее составе. Посылается делегация во всероссийский предпарламент, — Бадьма в ее составе. Посылается делегация в войска, посланные советом народных комиссаров против Дона, — Бадьма в ее составе.

В станице Каменской «трудовой атаман» подхорунжий Подтелков поднял за счет совета народных комиссаров знамя восстания против правительства Атамана Каледина, Бадьма едет туда в составе делегации Войскового правительства. В Каменской, с казачьим военно-революционным комитетом хорошо говорил Павел Агеев — Донский Керенский. Убедительно говорил представитель неказачьей части Донского правительства В. Н. Светозаров. Казаки Подтелкова исподлобья смотрели на представителей атамана Каледина и готовы были расправиться с ними революционным судом.

В минуту прощанья, накануне разрыва, чтобы избежать пролития крови, заговорил Бадьма. При свечном огарке, в темной прокуренной комнате, насыщенной злобой и ненавистью, говорил Бадьма о любви и мире между казаками:

— Я сын маленького народа, но мой народ гордится своим братством с казаками. И я, калмык, идущий за Буддой, не хочу верить, чтобы казаки, братья во Христе, не столковались, не поняли друг друга.

Затихли казаки Подтелкова.

Бадьма своим словом внес мир в потревоженные души и вывихнутые мозги казаков Подтелкова, они решили не браться за оружие, а послать свою делегацию в Новочеркасск.

Подошла красная армия красного Главковерха Сиверса к Таганрогу. Бадьма, глава донской делегации, едет к Сиверсу мирить его с казаками. В Таганроге восстание рабочих против Добровольческой Армии. Избиваются юнкера Константиновского училища. Бадьма, как представитель правительства атамана Каледина, с риском для собственной жизни — выступает на их защиту. В Таганроге Бадьма заболел, слег в постель и остался в плену у большевиков.

В феврале 1918 г. оставлены Ростов и Новочеркасск.

В задонские Сальские степи пришли донские партизаны под командой походного атамана. Мимо калмыцких степей прошел на Кубань Корнилов, сибирский казак, с лицом монгола. В Сальские степи, рассчитывая на помощь калмыков, пришел М. Богаевский, казак с лицом калмыка. Помощь М. Богаевскому пытается оказать родная сестра Бадьмы до его приезда, но его нет. Богаевский арестован большевиками.

В доме Бадьмы, в его родной станице, идут совещания о возможности выступления кал-

мыков против большевиков.

Во все концы из степи в города полетели гонцы калмыков на поиски Бадьмы. Наконец Бадьма нашелся. Исхудал, выстрадал много, но вернулся в степи живым.

Обрадовав своим возвращением калмыцкий народ, Бадьма поехал в освобожденный Новочеркасск. Ехал радостно, а приехал на похороны, — встретил печальную процессию. То в свой родной город возвращался из Ростова в цинковом гробу Митрофан Богаевский. У могилы, расставаясь навек с М. Богаевским, Бальма сказал маленькую речь.

Рассказал сырой земле о том, кого она принимает, а затем запнулся и застенчиво, со слезой в голосе, сказал: « А еще я любил тебя, Митрофан, за то, что ты похож был... на калмыка ».— Сказал и заплакал.

Ориентировавшись в Новочеркасске, Бадьма уехал в родные Сальские степи поднимать на борьбу с большевиками свой маленький калмыцкий народ.

При его участии создалось пять калмыцких полков, вошедших в состав Донской Армии. В августовскую сессию Донского Войскового Круга 1918 г. Бадьма — член его президиума от калмыцкого народа. В февральскую сессию Круга, в 1919 году, Бадьма избирается товарищем председателя Войскового Круга и обладая незаурядныли талантами организатора и психолога, он назначается начальником Донского осведомительного отдела, по отделу пропаганды. Когда в 1919 г. возник вопрос об взаимоотношениях казачьих Войск с главным командованием Вооруженных Сил Юга России, Бадьма — член Донской делегации для решения этого вопроса.

Позднее он — член президиума Верховного Казачьего Круга в Екатеринодаре.

В Крыму, в 1920 г., Б. Н. член Совещания при главнокомандующем Русской Армией ген. Врангеле.

С оставлением родной земли, после краткого пребывания в Турции, он приезжает в Чехию, где и делает все возможное для перевозки из Турции в Чехию донских калмыков, где многих из них устраивает в высшие учебные заведения. Редактирует калмышский журнал « Улан-Залат ». Сотрудничает в ряде казачьих демократических журналов, являясь редактором одного из них. Он же председатель Калмыцкой Культурной Комиссии в Праге и позже председатель Объединения Калмыков в Запад. Европе. Печатается в общерусских периодических журналах. После 1945 г. печатается в газетах « Русская Мысль », « Новое Русское Слово » и других общерусских изданиях.

С занятием Чехии в 1952 красной армией, Бадьма Наранович поселается во Франции, где принимает близкое участие в казачьей и общерусской общественно-политической жизни эмиграции. Здесь он был инициатором издания казачьего журнала « Родимый Край », инициатором организации Донского Войскового Объединения во Франции, председателем комиссии по выборам Донского атамана за рубежом, а после смерти председателя Донского Войскового Круга В. А. Харламова являлся его заместителем.

Когда после последней мировой войны началась тяга казачьей эмиграции в Америку, куда не хотели пускать калмыков, Б. Н. едет в Америку и добивается въезда их туда. Туда же позднее переезжает и сам. Там, как и в Европе, ни на одну минуту не оставляет общественной казачьей работы и делает это бескорыстно. В эмиграции, как и на Родной земле, он также старался быть дипломатом миротворцем, лавируя между разными политическими группировками, поэтому — одни травили его за его русофильство, другие за его казачий демократизм. Он никогда на это не реагировал и всегда отвечал словами Христа — « не знают, что творят », и скромно, но настойчиво продолжал дело, которое по воле своего народа начал в 1917 году.

Раздоры среди донских казаков, как по атаманскому вопросу, как и по вопросу будущего устройства Дона, которого он не мыслил вне России, его не смущали. Он считал, что если среди козаков есть споры, значит казачество живо, а это главное. — Он глубоко верил, что придет время, когда эмигрантские раздоры прекратятся сами собой и казаки, как весной 1918 года, независимо от их политических убеждений, объединятся в одну дружную семью для восстановления родного края на основах « стародавних казачьих обыкновений ». Являясь одним из главных сторонников и руководителей избрания всенародным голосованием единого Донского зарубежного атамана, как символа казачьего единства и хранителя заветов Всевеликого Войска Донского, отдавая этой деятельности много труда и времени, он не учитывал того, что ему перевалило за восемьдесят лет, и сердце не выдержало. Слег в постель и через два дня Бадьмы Нарановича не стало.

Его смерть большая потеря не только для его детей, для его калмыцкого народа, но и для всех сынов Тихого Дона. Он был верующим буддистом и вместе с тем большим пок-

« Потоптавшись около стола, директор подошел к Николаю вплотную, спросил почему то шопотом »:

— Он сколько просидел, Микола?

— Без малого четыре с половиной года.

Иван Степанович горестно сморщился. Потом решительно прошагал к двери, закрыл ее на ключ, жестом пригласил Стрельцова садиться, а сам так тяжело опустился на древнее, дореволюционного изделия кресле, что оно не заскрипело, а жалобно взвыло под ним. После недолгого молчания спросил:

— Как думаешь, почему брата освободили?

Стрельцов молча пожал плечами. Вопрос застал его врасплох.

— Ну все-таки, как ты соображаешь?

— Наверно, установили в конце концов, что осудили напрасно, вот и освободили.

— Ты так думаешь?

— А как же иначе думать, Степаныч?

— А я так своим простым умом прикидываю: у товарища Сталина помаленьку глаза начинают открываться.

— Ну, знаешь ли... Что же, он с закрытыми глазами страной правит?

— Похоже на то. Не все время, а с тридцать седьмого года.

— Степаныч! Побойся ты Бога! Что мы с тобою видим из нашей МТС? Нам ли судить о таких делах? По-твоему, Сталин пять лет жил слепой и вдруг прозрел?

— Бывает и такое в жизни...

— Я в чудеса не верю.

— Я тоже в них не верю, но как-то надо нам объяснить этот случай с твоим братом? Раскусил же товарищ Сталин Ежова? А почем ты знаешь, может, он и Берию начинает помаленьку разгрызать?

**
*

Приезд брата Александра, произвел в семье Стрельцовых крутую перемену к лучшему. Старший брат внес много радостного, хорошего. Шолохов рисует Александра Михайловича Стрельцова идейным советским человеком.

Братья отправляются на рыбную ловлю. Там почти сразу начинается разговор.

« Он (Александр) присел на песок, проворно стащил полуботинки, носки, с наслаждением пошевелил пальцами. Потом, после некоторого колебания, снял штаны. Иссиня-бледные, дряблые икры у него были покрыты неровными темными пятнами. Заметив взгляд Николая, Александр Михайлович сощурился ».

— Думаешь, картечью посечены? Нет, тут без героики. Эту красоту заработал на лесозаготовках. Простудил ноги, обувка-то в лагерях та самая... Пошли нарывы. Чуть не подох. Да не от болячек, а от недоедания. Давно известно, « кто не работает, тот не ест », тому уменьшают пайку, и без того малую. А как работать, когда на ноги не ступишь? Товарищи подкармливали. Вот где познаешь на опыте, как и при всякой беде, сколько велика сила товарищества! А нарывы, как думаешь, чем вылечил? Втирал табачную золу. Более действенного лекарства там не имелось. Ну, и обошлось, только до колен стал как леопард, а выше — ничего от хищника, скорее наоборот: полный вегетарианец. Надеюсь, временно...

Опираясь обеими ладонями о песок, слегка откинувшись назад, Александр Михайлович смотрел на Николая снизу вверх, улыбался. И так не вязалась его простодушно детская улыбка с грубоватым юмором, что Николай только головой покачал.

— До чего же неистребим ты, Александр! Я бы так не мог...

**
*

На закате солнца братья поужинали рыбой и ухой. Александр Михайлович выпил рюмку водки. От второй решительно отказался, объяснив, что у него и « так хорошо на душе », и добавил: « Давай лучше поговорим. Надо же мне рассказать тебе мою одиссею.

Попивая чай, генерал Стрельцов начал рассказ с критики молодых, которые берутся « судить обо всем, даже о том, чего, еще как следует не осмыслили, не продумали до скрытой глубины... »

Однако, сам герой романа еще на гимназической скамье многое осмыслил. В окопах прозрел окончательно. Поступил в армию « вольнопером ». Окончил юнкерское училище офицером.

« Под конец войны я поручиком был. Но и офицерский чин не сделал меня защитником царского режима! Покорила навсегда программа большевиков, начисто отверг половинчатых эсеров, меньшевиков и прочих анархистов, и стал я, братец ты мой, ярым большевиком, бескомпромиссным, пожалуй, немного даже фанатичным. **Не было, да и сейчас нет для меня святее дела нашей партии!** Подчеркнуто здесь и дальше мною (М. В.). Да разве я один из офицерского корпуса царской армии пришел к большевикам? А Брусилов, Шапошников, Каменев и многие другие, чинами пониже? **Однажды в двадцатых годах Сталин присутствовал на полевых учениях нашего военного округа. Вечером зашел разговор о гражданской войне, и один**

из военачальников случайно обронил такую фразу о Корнилове: «Он был субъективно честный человек». У Сталина желтые глаза сузились, как у тигра перед прыжком, но сказал он довольно сдержанно: «Субъективно честный человек тот, кто с народом, кто борется за дело народа, а Корнилов шел против народа, сражался с армией, созданной народом, какой же он честный человек?» Вот тут — весь Сталин, истина — в двух словах. Вот тут я целиком согласен с ним! Все честное из интеллигенции и даже дворянства пошло за большевиками, за народом, за Советской властью. Иного было не дано: либо за, либо — против, а все промежуточное стиралось двумя этими жерновами. Дальнейшее ты знаешь. Стал я кадровым военным. Связал свою жизнь с Красной Армией.

**
*

Александр Стрельцов довольно долго и восторженно рассказывает о том, «какой народище» армия вырастила за двадцать лет. **«Преданные партии до последнего дыхания,** образованные, умелые командиры...» Он сам, оказывается, наблюдал их в Испании: «Какие орлы там побывали» и, наконец, подходит к 1937 году, который **«как снег на голову свалился».**

Можно подумать, что до 1937 года все было, как лучше не могло быть. А ведь концлагери были созданы еще в 1918 году самим Лениным.

Была насильственная коллективизация, обошедшаяся в несколько миллионов человек. Было подстроенное Сталиным убийство Кирова, за которое поплатились каторгой и жизнями много тысяч человек. Были процессы и кровавые чистки. А Шолохов, устами своего героя, генерал-лейтенанта Стрельцова, говорит о тысячах погибших коммунистов, о потерях в армии, когда надвигалась война с фашистами, о собственных страданиях, и объясняет все это с шолоховской примитивной хитростью.

Ну, и со мной случилось, как со многими: один мерзавец оклеветал десятки людей, чуть ли не всех, с кем ему пришлось общаться за двадцать лет службы, меня в том числе. И всех пересажали, на кого он сыпал показания, и жен их отправили в ссылку, и мою Аню, конечно. Ты, очевидно, слышал и о методах допросов с пристрастием, и о методах ведения следствия, и о порядках в лагерях. Слышал, надеюсь?

— Слышал.

— Этого не скроешь, и я не стану лишний раз тебя ранить, поберегу тебя, браток. Все это было В разных местах по-разному. И не в этом дело, а в том, как такое могло случиться? Кто повинен? Я глубочайше убежден, что подавляющее большинство сидело и сидит напрасно, они — не враги. Слов нет, были среди изъятых и настоящие враги, однако их меньшинство, жалкое меньшинство!

**
*

Как же все-таки ярый большевик, дослужившийся до чина генерала — оказался врагом народа?

Его и многих других оклеветал «мерзавец, который оказался шпионом, да еще с долголетним стажем... Он работал на немецкую разведку, да еще со времени нашего сближения с Германией, еще со времени Локарно... Взялись за проверху наших дел и убедились, что предъявленные нам обвинения — чистейшая липа...»

Ну, а как с миллионами остальных жертв сталинских чисток? Их тоже оговорили шпионы? Сколько же таких шпионов понадобилось для этого?

**
*

Генерал Стрельцов уверяет дальше, что настоящие коммунисты и в лагерях оставались коммунистами... «И я не потерял веру в свою партию, и сейчас готов для нее на все». Он в обиде на Сталина. Спрашивает, как он, Сталин, такое мог допустить?

«...Теперь он — признанный вождь. Он был во главе борьбы за индустрию в стране, за проведение коллективизации. Он, безусловно, крупнейшая после Ленина личность в нашей партии, и он же нанес этой партии такой тяжкий урон...»

Александр Стрельцов признает, что не может разобраться во всем этом и приводит примеры из прошлого Сталина.

«...В двадцатых годах после учений, о которых я говорил, он согласился отобедать с нами. Было восемь старших военачальников. В разговоре кто-то из наших скептически отозвался об одном командире дивизии: «Он же бывший офицер царской армии»... Сталин и говорит: «Ну,, и что из того, что бывший офицер? Офицеры бывают разные. Под Царицыном в восемнадцатом году, возле Кривой Музги, попал к нам в плен раненый казачий офицер. Пулеметной очередью был ранен в обе ноги, в мякоть, кости не были затронуты. Мы с Ворошиловым решили с ним поговорить. Приходим. Лежит на носилках, на цементном полу. Спрашиваем: «За что вы с нами воюете?» Плюется, кричит: «С большевисткими комиссарами я не разговари-

ваю!» Во второй раз к нему пришли. Молчит. В третий раз. Походили, привык, стали разговаривать. Ведем с ним политические беседы, разъясняем, что к чему... А теперь он у нас в больших военачальниках ходит».

В восемнадцатом году его заинтересовала судьба одного вражеского офицера, а двадцать лет спустя не интересуют судьбы тысяч коммунистов...»

**
*

Неожиданно загадочное для генерала Стрельцова становится ясным. Он так и говорит:

«Да что же с ним произошло? Для меня совершенно ясно одно: его дезинформировали, его страшнейшим образом вводили в заблуждение, попросту мистифицировали те, кому была доверена госбезопасность страны, начиная с Ежова...»

После длившейся всю ночь беседы, на рыбалку прибыл старший лейтенант Петлин.

«Из кустов белотала вышли двое, подошли к берегу. Николай, вглядевшись, сказал:

— Шофер райкомовской машины и инструктор райкома Ваня Петлин. Нет, тут что-то другое...

— Перевезити меня, Николай Михайлович! — послышалось с того берега.

Николай молча спустился к лодке.

Только в прошлом году демобилизованный из Красной Армии старший лейтенант Петлин подошел к Александру Михайловичу строевым шагом, четко приложил ладонь к сколышу артилерийской фуражки.

— Разрешите обратиться, товарищ генерал. — И подал конверт. — Шифровка на ваше имя.

Александр Михайлович прочитал. Широко улыбаясь, крепко обнял стоявшего рядом Николая. Он тяжело дышал и говорил с короткими паузами:

— Ну, брат, приказывают немедленно прибыть в Москву за назначением. Вспомнил обо мне Георгий Константинович Жуков! Что ж, послужим Родине и нашей Коммунистической партии! Послужим и верой и правдой до конца! — он стиснул в объятиях Николая, и тот впервые за все время увидел в помутневших глазах брата слезы».

**
*

Приведенные здесь выдержки из романа Шолохова подтверждают, что автор, как и в прошлом, выполнил «социальный заказ»; устами своего героя он слегка побранил Сталина за то, что тот недосмотрел, что проделывали Ежов и другие. Но зато восстановил престиж диктатора, как второго после Ленина человека в партии и правительстве. А это именно и нужно Брежневым и Косыгиным.

Однако, если это так, то как объяснить всю шумиху с запрещением книгу печатать?

Возможно, что она была устроена намеренно с целью вызвать интерес к новому роману писателя, которого мало сейчас читают в Советском Союзе.

Возможно и другое, возможно, что сталинцы, забирающие теперь большую силу, были против даже легкой критики Сталина. Но, когда на Уссури грянули выстрелы, роман Шолохова оказался как нельзя более кстати.

М. Вейнбаум

(«Новое Русское Слово»)

От редакции. — Главы из романа Шолохова «Они сражались за Родину» впервые появились в печати в 1945 г., в виде небольшой книжки из серии рассказов «Из фронтовой жизни» (издательство «Правда»). В них рассказывается о боевой жизни рядового бойца Николая Стрельцова, отступающего в составе своего пехотного полка перед наступающими немцами на юге России.

После опубликования этих отдельных глав прошло 24 года. И только теперь была помещена в «Правде» еще одна глава, о которой пишет г-н Вейнбаум, Этот факт подтверждает его предположение, что Шолохов действительно теперь выполняет новый «социальный заказ» партии.

У ЛУКОМОРЬЯ ДУБ ЗЕЛЕНЫЙ...

Пародия.

У лукоморья дуб срубили,
Златую цепь продали в лом,
Кота ученого убили,
Чтоб не шатался он кругом

И не рассказывал бы сказки
И песен зря не заводил,
А по невидимой указке
О том, что надо, говорил.

Бродягу-лешего забрали
Как беспризорного в Чеку,
Русалке косу оторвали,
Чтоб не сидела на суку.

Морского дядьку утопили
В боченке кислого вина
И насмерть палками забили,
Поймав с поличным, колдуна.

И, затоптавши на дорожках
Следы неведомых зверей,
Снабдив по тощей «козьей ножке»,
Угнали всех богатырей.

Насильно уплотнив избушку,
Сварив из крурьих ножек суп,
Ягу — несчастную старушку
Лишили крова, выбив зуб.

Царевну, посадив в темницу,
Из волка бурого, потом,
Сняв шкуру, сшили рукавицы,
А мясо отдали в детдом.

Дух русский просто упразднили,
Чтоб им не пахло всюду зря,
А королевича убили,
Равно как грозного царя.

И тридцать витязей прекрасных,
Чредой поднявшихся из вод,
Как пролетариям опасных
Шпионов, вывели в расход.

Затем бессмертному Кащею,
За проживанье лишних лет,
Забравши злато, дали в шею
И отобрали партбилет.

Ступу и разные там «дали»,
Видений полный чудный, лес
В Торгсин отправили, продали
Для агитации, на вес.

Где брагу пили наши предки,
Там звезды красные горят
И об успехах пятилетки
Вожди нам сказки говорят.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА УРАЛЬСКОМ ФРОНТЕ.

(Продолжение № 82)

Под конец третьего дня мятель немного стихла и ветер, хотя и с усилием, позволял передвигаться. С вызвавшимся сопровождать меня верным и любопытным Кирсановым я направился в Английскую Военную Миссию, стоявшую в полу-версте от полка. Не в пример частям нашей армии, Миссия была хорошо подготовлена к походу. В самой Миссии было около 20 человек, но с приданными казаками охраны, одиночными офицерами из тыловых учреждений, вдовами погибших офицеров, взятыми Миссией под покровительство, и проводниками-киргизами составляло группу до 150 человек. Ее начальником был лейтенант английской службы Обер, начальником охраны был Оренбургского Войска полк. Пичугин, бывший сменный офицер Оренбургского Каз. Военного Училища во время моего пребывания там. Для всей группы имелись в достаточном количестве хорошо экипированные палатки, вплоть до железных печурок для каждой. Продовольствием Миссия также была хорошо снабжена и даже везла топливо для печей. Верблюды с проводниками, на обязанности которых лежала погрузка верблюдов, установка и

разбор палаток, были наняты у киргизов по добровольному соглашению о цене за каждого верблюда и проводника за день пути от Гурьева до Ф. Александровска. По выполнении контракта после расплаты киргизы с верблюдами уходили «порожняком» в свои места. Вся Миссия двигалась вьючным порядком и больных с собой не брала.

Такая «система» частично могла быть применена и к частям Уральской Армии, но опять этому мешало трагическое «НО» — большое количество больных, неорганизованные массы беженцев со своим имуществом и больными, оставлять которых они бы не согласились. Из-за этого «но» движение вьючным порядком как для строевых частей, так и для беженцев не могло быть применено. К тому же организация такого рода требовала много времени и много людей для ее выполнения. Правда, среди командного состава и гражданских лиц были еще свободные здоровые люди, но под конец существования фронта В. Атаман не сумел сплотить их вокруг себя. Резкость его характера, отсутствие дипломатии и личного обаяния в его характере были этому причиной.

В стане Миссии я встретил полк. Пичугина, от которого узнал, что Мисся намерена сняться с месте завтра, если погода еще немного улутчится, и договорился о дальнейшем движении вместе, так как в полку у нас не было проводников. Полк. Пигучин был этому рад из-за возможных нападений киргизов и обещал двигаться согласно моим возможностям. До самого Ф. Александровска наш полк останавливался на ночь около Миссии. От него же узнал, что при Миссии находятся жены известных в Войске людей: супруги ген. Мартынова, полк. Карпова и вдова полк. Курина. С семьей последнего я был очень близок по службе в 8-ом Уральском полку во время войны 14-го года.

К утру погода улучшилась и мы начали свои приготовления к выступлению. Прежде всего нужно было откопать полузанесенных снегом верблюдов. За эти три дня голодовки и холода многие верблюды не могли встать. Нужно было их поднимать, помогая всячески стать на ноги. После, поддерживая со всех сторон, водить их некоторое время, давая им возможность «размять» застывшие от 3-ехдневного лежания ноги. Кони, оставшиеся в живых до бурана, почти все пали, среди них и мой пегий мерин, захваченный мною в Горском поселке.

Оставив умерших на месте, полк двинулся к подъему на плоскогорье Усть-Урт. Среди умерших от тифа был и зауряд-прапорщик И. Г. Кулагин, организатор Серебряковской дружины, полный кавалер 4-ех степеней Георгиевских крестов и медалей, участник Японской и Германской войн. Все 12-15 верст до подъема были усеяны трупами замерзших людей, верблюдов и коней между полусоженными повозками и разбросанными сундуками, чемоданами, мешками с имуществом, Попадались становища, где пять-шесть человек мирно лежали рядом за каким нибудь укрытием, как бы приготовившись ко сну, но все были мертвые — замерзшие. Среди мертвецов были и женщины и дети. Говорили, что видели двух братьев офицеров Железновых лежащих рядом мертвыми, а между ними замерзший мальчик-кадетик. Становище Вольского кав. полка Фортунатова представляло собой сплошную массу мертвых людей, коней с той же «декорацией» вокруг: полусоженных повозок, стволов винтовок без лож, седел без ленчиков и брошенных двух пулеметов. На плоскогорьи становище пешого отряда воеводы Кисилева (Оренбуржской Южной Армии) представляло ту же картину. Все мертвые лежали пока одетыми и их имущество было разбросано вокруг них. Эти обстоятельства привлекали киргизов, которые скрытно и невидимо сновали по пути следования обозов, но ночами и даже днем забирались в оставленные становища, забирали имущество, раздевали мертвецов до гола, зверски убивая оставшихся еще полуживых.

К подходу полка на подъем на плоскогорье, там уже стояло много обозов, ожидая своей очереди. Никто из них не пытался отыскать более удобный подъем, несмотря на то, что выбранный кем то склон был неудобен. Помимо крутизны до 30°, местами дорога шла по косогорам, где каждую повозку нужно было поддерживать со стороны, ибо она могла покатиться по укатанной уже дороге и упасть в глубокий овраг, где были уже видны разбитые повозки, убитые люди и верблюды. Мы решили искать другую дорогу для подъема. Подъем на плоскогорье Усть-Урт был нелегок — это был почти вертикальный каменистый обрыв до 200 метров высотой, изредка на нем попадались относительно отлогие места с крутым уклоном до 40-45°. Правее на версту от скопившихся обозов был найден подходящий склон, может быть он был и круче первого и покрыт снегом, но зато был ровным, без косогоров и оврагов по сторонам.

С подъемом верблюдов, дорогой до плоскогорья и розыском подходящего подъема было потрачено много времени и день клонился уже к вечеру. Для подъема одной повозки, особенно поначалу, нужно было впрягать в

нее две пары верблюдов и кроме того 10-15 человек, подпирая повозки, помогали верблюдам тянуть их на верх. Наверху, на плоскогорье, был сильный ветер и страшный холод. Снег держался лишь в складках местности. Наступила ночь, к счастью светлая — лунная. Только к полуночи все повозки полка были вытянуты наверх. Люди, верблюды жались от холода и потому, несмотря на усталось, было решено продолжать движение ночью, чтобы разогреть трясущихся от холода верблюдов, которые могли сильно пострадать после « жаркого » для них подъема. Как более опытные, 2-ая сотня (Щаповская) с ес. А. Русаковым была отправлена первой, за ней шла 3-яя сотня с сот. Скоробогатовым, штаб полка, а за ним 1-ая и 4-ая сотни. Эта ночь была — ночь кошмара, ночь бегства от трупов!.... Верблюды, несмотря на усталось от подъема на плоскогорье и на голодовку в течении трех суток перед этим, подгоняемые сильным холодным и попутным ветром, неслись, как призраки, с необычной для них быстротой... Казалось, что они тоже бежали от трупов... Мертвецы же все время попадались и по пути, но уже голые, обледеневшие, блестящие при лунном свете. Часто они лежали на самой дороге и повозки со стуком перекракивали через них... Невероятно? Но это было так... Ведь также невероятно, до какой степени люди могут черстветь и спокойно переносить это...

В эту ночь никто не спал... Оставаясь в незакрытой части фургона, мы с кучером, (тот же Кирсанов) временами испытывали такой холод, что по очереди спрыгивали с повозки и, чтобы хоть немного согреться, бежали около с риском, споткнувшись о труп, оторваться, упасть и быть раздавленным под колесами повозок. К утру заметили, что передовые сотни оторвались от полка и только к 10-ти часам утра мы догнали их в одной из лощин, покрытой колючей полусухой травой. С рассветом ветер стал затихать, и, соединившись, полк решил дать хороший отдых верблюдам. К ночлегу этого дня догнали и английскую Миссию.

А дальше пошли безконечные переходы. На каждом ночлеге оставляли мертвых, которых было невозможно « предать земле » : вырыть могилу в мерзлой каменистой почве было невозможно без хорошего шанцевого инструмента. Везти умерших с собой казаки отказывались из-за предрассудка, что это будто бы грозит гибелью всему отряду. Да и возможности на это были ограничены, так как верблюды от безкормицы тоже « выбывали из строя ».

На плоскогорье Усть-Урт мы похоронили нашего сынка. Могилку ему вырыли в кибитке на месте бывшего ночью огня. Эта потеря сильно подействовала на мою жену. Долгое время она отказывалась от пищи и не хотела даже на ночь выходить из повозки. Так на плоскогорье осталось по меньшей мере около ста человек казаков и офицеров полка.

К довершению всех бед на обитателей кибитки штаба полка « навалилась » такая вошь (в поход вышли без вшей), что существование стало просто невыносимым. Женщины плакали от боли и безпокойства, которые причиняли им эти проклятые насекомые. Первым и главным желанием у всех в конце похода была парная баня, чистое белье с избавлением от вшей. Но в то время конца пути все еще не было видно...

При движении по плоскогорью слухи о нападениях кригизов участились. Наш полк, рачитывая иметь некоторый простор на скудных пастбищах, останавливался на ночлег на небольшом расстоянии от английской Миссии, но ни мы, ни она ни разу не подверглись нападению. На ночь выставлялась всегда охрана, на привалах велось всегда наблюдение за пасущимися верблюдами. Однажды при сборе верблюдов один казак 2-ой сотни, не видя среди пасущихся своей пары верблюдов, в их поисках удалился за холмик, где и увидал их лежащими рядом. Довольный, думает : « наелись досыта », но подойдя к ним вплотную, увидал, что у обоих верблюдов задние ноги связаны арканом, чтобы они не могли встать. Около никого не видно.. Поняв, в чем дело, казак быстро распутывает верблюдов и поднимает их на ноги, но в это время, как « из под земли », бросились на него два киргиза, повалили на землю и один навалился на него, вцепившись ему в горло, а другой намеревался ударить его железной лопатой, как к этому представится возможность (каждый киргиз обычно на поясе носит большой нож). Но казак был здоровый, сильный, в кармане у него был револьвер и во время борьбы, отбиваясь, он его выташил и выстрелил. Ранил ли он кого из нападавших, или просто напугал, но киргизы его бросили и скрылись за холмом. В след им он выстрелили еще несколько раз. В полку, услышав стрельбу, подняли тревогу, особенно во 2-ой сотне, обезпокоенной отсутствием товарища. Бросились « на выстрел », но за холмами никого не нашли, кроме своего станичника с окровавленной кистью руки : во время борьбы киргиз поспел откусить ему палец. Нужно сказать, что они имели большую способность применяться к местности, да и одежда у них такая же серая, как степь.

К этому времени относится и исчезновение из английской миссии ее начальника лейт. Обера. Молодой, здоровый человек, всегда вооруженный, «пропал без вести». Случай совершенно невероятный. Однажды, готовясь к дальнейшему пути, после привала заметили его отсутствие. Из опроса его окружения полк. Пичугин узнал, что лейтенант при начале погрузки верблюдов удалился за холмик «по своим делам», на что никто не обратил внимания, так как в данных условиях это было явлением совершенно нормальным. Начали его искать — никаких следов. Других мер для его поисков, как более глубокого изледования местности не было, розыски похитителей в тех условиях предпринимать было бессмысленно, ибо киргизы так же незаметно появлялись, как и исчезали. И за время пребывания мисси в Ф. Александровске никаких сведений о судьбе лейт. Обера получить не удалось и миссия отправилась в П. Петровск без своего начальника.

Потеряв счет дням, обозы армии, редея, продолжали двигаться по плоскогорью. В полку выяснилось, что расчеты продовольствия на 30 дней пути от Ж. Косы до Ф. Александровска сделаны были не точно. Муки съели много, а полк находился в двух днях пути после «заворота», т. е. сделано чуть больше половины пути. Никаких других запасов продовольствия (хлеба, мяса, пшена) в полку уже не было. На совете с командирами сотен было решено объявить в сотнях (все запасы продовольствия были розданы в Ж. Косе казакам «на руки») об уменьшении рациона муки наполовину, т. е. на пол фунта в день.

У «заворота» старая караванная дорога поворачивает на юг с небольшим уклоном к западу. В пол дня пути от каблука залива Мертвый Културак находится спуск с плоскогорья Усть-Урт.

Спуск (как и подъем) тоже представляет из себя отвесный обрыв, на котором изредка попадаются отлогие места с уклоном, тоже иногда до 30-40°, покрытые множеством огромных камней-валунов. Между ними проходят тропы для караванов. По ним и должны были спускаться обозы. Что для караванов было возможно, то для повозок, да еще без тормазов, было делом сложным. Да и верблюды, их запряжка, сбруя совсем не приспособлены к крутым спускам. А в парных фургонах, коих было большинство, дышла в большинстве были уже сожжены, и при спуске повозки раскатывались во все стороны, рискуя разбиться об валуны, между которыми приходилось лавировать. Каждую повозку пришлось спускать отдельно, почти что на руках. Веревками подвязывали колеса, редкие остатки сломанных дышел вставляли между спицами колес, задерживая повозки, чтобы не накатились на камни. Больные, находящиеся в памяти, не рисковали оставаться в повозках и пешими тянулись за повозками; выбившись из сил, падали, ложились средь камней, где подчас и оставались «на вечно». Из 1-го Паризан. полка был потерян сот. И. Адеянов, которого мы с женой подобрали в пути. Спуск с плоскогорья занял пол дня и на ночлег полк остановился под самой горой. Когда было замечено отсутствие сотника, на его розыски было послано три казака, но наступила ночь и казаки возвратились, не найдя его. А утром мы двинулись дальше.

Так гибли люди и как черствели другие! Начальники частей, если они и не были захвачены общей паникой, чувством общего животного самосохранения, в тех условиях не могли на деле выявить свою гуманность порывов, несмотря на большую дисциплинированность частей в прошлом. С трудом, большим трудом, угрозами, уговорами, вне дисциплины удавалось поддерживать некоторый порядок. На «беды» других большинство были глухи. Бураны, картины замерзших, брошенных в пути, голод, холод, неизвестность что будет дальше, опасение погибнуть под ножем киргиза были причинами страха и такого настроения.

После плоскогорья местность шла с уклоном к «каблуку», что облегчало движение. Чаще попадались долинки с сухой травой-колючкой. Погода тоже изменилась, стало немножко теплее и ветер стал тише. Появилась надежда выбраться из этого кошмара.

Но однажды эти надежды снова поколебались. Не предвидя изменения погоды к худшему, одним вечером кибитка на ночлег была поставлена наспех. Отчасти виною этого было то, что казаки, на которых лежала обязанность установки кибитки, в том числе и Кирсанов, все были больны руками. От маленькой царапины появлялись на руках нарывы с сильными болями, парализирующими всякую деятельность. Причиной этого была стужа, перчатки свои казаки, просушивая, пожгли или растеряли; недоедание, грязь этому помогали.

Проснувшись утром от холода, вижу, что кибитка полна снегом и верх у нее открыт полностью. Ночью дул ветер со снегом и открыл незакрепленный верх кибитки. Растолкав казаков, глядя на их осунувшиеся бледные лица и виноватый вид, я только тогда заметил эту перемену. Кирсанов, со слезами на глазах, прижимая свои больные руки к груди,

говорил, что от боли он не может и пошевелить своими руками и просил разрешения пойти в 1-ую сотню просить вахмистра о замене его здоровым казаком. Но в сотнях положение было не лучше : больных было больше, чем здоровых.

С этого дня я взял на себя обязанности « обозного ». С братишкой, — который ни на что, кроме большого количества вшей, — не жаловался — и охотно согласившимся помогать мне запрягать верблюдов, собирать кибитку и тд., мы справлялись с этой работой. За один день он стал « взрослым » казаком. Кроме этих обязанностей нужно было еще помогать ес. Юдину слезать с повозки при остановках и садиться в нее. Сот. К. Кошелев и еще несколько больных казаков также требовали постоянной помощи. Много времени занимало и собирание снега, его таяние и процеживание, собирание топлива (все та же трава-колючка) и приготовление пищи, состоявшей к этому времени из « журмы » из $^1/_2$ фунта муки на человека. « Журма » — род болтушки из муки. Муку нужно смешать с водой и « затереть » до состояния крутого теста, которое маленькими горошинками и запускалось в кипящую воду. Никакой другой еды в запасе уже давно не было. На мое предложение забить на мясо верблюженка (был такой при обозе) — обитатели кибитки есть верблюжатину пока отказывались. В сотнях положение с питанием было не лучше. Кирсанов даже говорил, что в 1-ой сотне казаки на ночлеге вырезали холки у замерзшего верблюда и ели их, сварив с « журмой ».

К счастью, выпавший ночью снег был последним и погода вновь изменилась к лучшему. Полк по старому двигался довольно быстро, не отставая от английской миссии. Я уже сам правил верблюдами повозки, сменяемый время от времени братишкой. Кирсанов с поджатыми на груди руками сидел около меня. Через несколько дней вахмистр 1-ой сотни (когда то моей) прислал на помощь в штаб полка поправившегося от тифа казака Дубова, который принял на себя занятие « кухней ».

И вдруг, неожиданно, на 40-ой день от Ж. Косы мы приехали на первый встречный питательный пункт!... Там был хлеб, рис, вода, еще кое что из мелочей и табак. Был и доктор, который смог оказать первую помощь больным и обмороженным. Постоянно циркулировал обоз, доставляя продукты и на обратном пути вывозивший больных и всех тех, кто не мог продолжать движение своими средствами. Мяса на этом первом пункте не было, но в кибитках у киргизов, расположившихся вокруг пункта, можно было купить барана или выменять его на одежду, несмотря на то, что она была полна вшей. Немедленно для штаба полка, так же, как и в сотнях, были куплены бараны и немедленно у нас баран был заварен в самом большом котле. На питательном пункте стало известно, что до Ф. Александровска осталось до 200 верст. Нечего и говорить, что настроение сильно поднялось и люди выглядели веселее. Ес. Юдин уже несколько дней как « пришел в память », но ходить самостоятельно еще не мог. Ползал. ...Во время собирания на пункте новостей, Кирсанов и все казаки с больными руками были отправлены « на перевязку » к доктору. Хлеб был получен. А приготовление долгожданного блюда с бараниной, с советами со всех сторон, как его приготовить, было поручено Дубову. Когда же « сели за стол », что же оказалось? — В супе с рисом плавало очень небольшое количество кусков мяса. « И половины нет! » — возмущенно докладывал Кирсанов на мое замечание о недостаточном количестве баранины, положенной в котел. Оказалось, что Дубов (он потом признался), следя за приготовлением мяса, часто его пробовал и в результате съел его большую половину. Теперь это понятно — только что оправившийся от тифа, наголодавшийся, большой казак, гвардеец, мог бы и полбарана съесть за « один присест ». Голод не тетка! Не удержался, воли не хватило... Но тогда, нам, также наголодашимся, это показалось ужасным преступлением, смертельной обидой... Дубов был изгнан из штаба полка, лишен пайка и права места на повозке. Были тогда и такие возгласы : « Убить его мало, мерзавца... ». А Дубов был смирным хорошим казаком, я его знал еще по 1-ой сотне, где он был вестовым у одного из офицеров. Сам он был так потрясен происшедшим, так растерялся, что в свое оправдание ничего не мог сказать и со слезами на глазах, дрожа, как в лихорадке, лишь повторял : « Прости Христа ради « исподин » полковник, братцы, виноват, не утерпел, обмишулился! Убейте... »

Через два дня спрашиваю Кирсанова : « Где Дубов? »

« За последней повозкой штаба полка идет пешком. В сотню боится идти. Стыдно! »

« Скажи ему, чтоб сел в повозку сот. Кошелева и выдавай ему паек » — говорю пожимавшему плечами Кирсанову. Дубов был его станичником. Недоумевая и не допытываясь, я так и не понял, доволен ли был Кирсанов моим распоряжением? И почему пожимал плечами?

От того ли, что доктор больные руки каза-

ков помазал помадой и забинтовал чистыми бинтами ,от того ли, что питание улучшилось и погода потеплела, отчего повысилось настроение, но руки у казаков начали быстро заживать, и я был « освобожден » от обязанностей « обозного ».

На одном из привалов полка возле следующих питательных пунктов « грузили » на повозки обмороженных для дальнейшего пути. Впечатления от этой погрузки и по сей момент остались неизгладимыми. Оттаявшие в тепле обмороженные части тела вызывали такие боли, что люди кричали, выли как звери, стонали, плакали, каждый на свой лад. Они отправлялись в неудобных туркменских арбах, с двумя огромными колесами, тряских и лишенных каких бы то ни было удобств для перевозки больных. Набивались они больными « до отказа ». Вот прошел обоз, где везли тело умершего от тифа бывшего члена Войск. Правительства А. Михеева, за ним вскоре прибыл на пунк с обмороженными руками и ногами и еще больной тифом ес. В. Дорошин. Такие « встречи » продолжались до прибытия полка на последний питательный пунк перед Ф. Александровским. Прибывавшие обозы частей к Ф. Александровску представляли собой необычайную и трагическую картину. Печальнее ее трудно себе вообразить. Вот подходит со своим обозом генерал Г. К. Бородин, старик 70-ти лет. Повозки тянут, едва передвигая ногами, исхудалые до невероятности кони. Упряжка их, сбруя — необычайные : к коню, при запряжке с дугой, « прицеплен » разными веревочками, но без дуги, верблюд, такой же тощий, как и конь. Все деревянные « ненужные » части из телег были сожжены на пути (дуга и частично спицы из колес). Сам генерал, одетый по « станичному », с воспаленными глазами тянется пешком возле телеги, боясь сесть на нее и своим весом утяжелить повозку. Обросший бородой, по которой и по большим усам ползают вши, меняя их цвет из красиво-седого на грязно серый, лицо почерневшее от грязи и копоти, от ветров Усть-Урта. Стеганка его (халат, как называют казаки), заправлена в холстовые широкие, « багренные » (от слова — багрить) шаровары. Все это прожжено во многих местах и болтается лохмотьями на спине и ногах. За ним в таком же виде следует обоз полубольного войск. ст. И. Климова, потерявшего во время пути 90 % состава своего полка. Признаки какого то безразличия в выражениях на лицах у перетерпевших невероятные лишения, были присущи всем прибывающим. Если бы эту картину еще пополнить, заставив встать всех умерших по пути от тифа, замерзших от холода, зарезанных киргизами, с отрезанными ногами (для использования сапог), и всем вместе хором закричать на весь свет : « Сакки Муни, Ты не прав! », то может быть это произвело бы какое-нибудь впечатление? Впечатление и чувства может быть еще сильнее тех, которые мы испытывали в юности, читая прекрасные стихи « Сакки Муни » Мережковского?

Просматривая старые записки (1921 года) об этом походе, я, как и все вынесшие эти лишения, и в потерях до 7000 человек во время похода обвинял Войскового Атамана ген. В. С. Толстова. Через некоторое время после прибытия в Ф. Александровск безразличие у многих перешло просто в ненависть к нему. Но всемогущее время и спокойные размышления сделали свое дело. Нет! Не один В. Атаман исключительно виноват в этом!... Часть вины нужно отнести на безвыходность положения и на невозможность найти выход из него. Не малую роль сыграл и фатализм уральских казаков и их решимость идти всегда до конца во что бы ни стало. « Чему быть — того не миновать » — их потоянное оправдание во всех случаях жизни. Ведь, видя свое поражение, они могли сдаться! И это относится не только к казакам, но в одинаковой мере и к офицерам, которые являются « плотью от плоти » от них и такие же « Горыныч », как и рядовые казаки...

С последней остановки перед Ф. Александровском, опять же 2-ая сотня, как более « быстрая », за час до выступления всего полка с ес. Русаковым была послана квартиръерами. По этому случаю скажу несколько слов об казаках 2-ой и 3-ей сотен. Обе они Круглоозерновской станицы (из под самого г. Уральска), которую в насмешку казаки иных станиц называли Свистунской. Станица эта богатая, казаки там все большого роста, гвардейцы, все живут богато, страшно горды собой, скупы и любители богатства : в общем — приверженцы частной собственности. Они — « единоверцы » или « австрийского толку » по верованиям. Все это не мешало им быть очень хорошими (истыми) казаками и сыграть им большую роль в соблюдении порядка и защите фронта после сдачи г. Уральска. Про них еще казаки говорили, что они « Горланы », то есть своего не упустят, не уступят, не отдадут. А что они лучше в полку были подготовлены к походу — то это им делает честь. Они были действительно самые « быстрые » из сотен полка, потому что верблюдов своих подкармливали просом, запасшись им отдельно, втихомолку, как мне потом рассказывал ес. Русаков. И вот, именно эти две

сотни и оторвались от полка после подъема на плоскогорье Усть-Урт. Мне только в Ф. Александровске стало известно, что они, оторвавшись, не хотели ждать остальных, увидя, что они могут двигаться быстрее и говоря, что они не согласны « гибнуть » из-за недостатков других. Только благодаря настойчивости ес. А. Русакова, который их пристыдил, обвиняя в трусости, измене и угрожая им тем, что он, ес. Русаков, ляжет на дорогу под 1-ый фургон 2-ой сотни : « Раздавите меня на дороге, если вы настолько совесть потеряли, а я с вами не поеду.. » все обошлось благополучно. Ес. Русаков до принятия должности помошника командира полка долго командовал 2-ой сотней и казаки его знали.

Как бы то ни было, 1-ый Партизанский полк измученный, усталый морально и физически, как и все части Уральской Отд. Армии, 11 февр. 1920 г. (по стар. стилю) добрался до Ф. Александровска. В то время Ф. Александровск состоял как бы из двух поселений : собственно Форт Александровск, крепость времен ген. Скобелева, которая была расположена на горе, при входе в бухту. Она была уже необитаема, но там сохранились еще казармы и пушки эпохи завоевания Туркестана. Под горой крепости находился аул, населенный туркменами и татарами (торговцами). В 2-ух верстах, вдоль косы, которая образовывала бухту, было другое селение — станица Николаевская, которая была заселена рыбаками из русских и ничего общего ни с одним из казачьих Войск не имела. В ней было до 400-500 дворов. Вся молодежь ее и « фронтовики » в большинстве служили во флоте и настроены были определенно « за коммунистов ». Между крепостью и Николаевской была дорога, покрытая сыпучим песком и трудно проходимая. Штаб В. Атамана и казначейство расположились в ауле под крепостью, а все строевые части и беженцы — в Николаевской. Штаб 1-го Партиз. полка расположился в просторном доме, во дворе которого была настоящая парная баня, долгожданная баня! Мечты сбылись! Уж по одному этому прибытие в Ф. Александровск было днем необыкновенной радости и счастья!...

Не успели еще как следует расположиться, как Кирсанов и другие казаки из штаба затопили баню. Женщинам остригли волосы, так как за 50 дней пути они так свалялись, что их невозможно было расчесать и к тому же они были перемешаны со вшами и гнидами. Все грязное белье и часть одежды были сожжены тут же на дворе. Но мне сразу в баню попасть не удалось. У уж был совсем готов к этому, как пришел казак из Штаба В. Атамана с приказанием « немедленно явиться к нему ». Атаман потребовал у меня сведений о наличном составе полка в данное время и о судьбе Яицкого Банка, приданного полку под п. Прорвой. Я не знал ни того, ни другого. Из разговоров выяснилось, что Банк шел (или идет) берегом залива, тогда как 1-ый Партиз. полк шел старой степной караванной дорогой. По пути Яицкого банка я не встречал. Приказ Атамана : « Послать разъезд берегом залива, отыскать и вывести банк...! » На это я заявил о невозможности выполнить это распоряжение : люди только что пришли из похода, физически ослабели, и могут просто отказаться от выполнения приказа. Да и верблюды не способны передвигаться. Дайте отдых! Условились, что на другой день снова приду в Штаб Атамана. Тогда выяснилось, что Штаб подготовляет формирование бригады из пришедших в Ф. А. остатков частей Уральской Отд. Армии. Командиром бригады был назначен полк. К. Корнаухов, начальником его штаба — ес. Б. Митрясов. Большинство строевых частей уже дали сведения о своей численности и потерях. Остатки Армии, кроме Партизанских полков, вошли в так называемый 1-ый Уральский конный полк, командование которым было поручено войск. старш. И. Климову. Все партизанские полки и отряды должны были составить 2-ой Уральский конный полк под командованием пишущего эти строки — войск. старшины П. А. Фадеева. Части, которые предназначались для формирования 2-ого Ураль. полка : 1-ый, 2-ой, 3-ий Партизанские полки, отряд капит. П. Решетникова из добровольцев Самарской губернии. Излишек офицерского состава был зачислен в резерв чинов Армии.

Из 3-го Партизанского полка, пришедшего в Ф. А. на две недели раньше, и был назначен разъезд для розыска Яицкого Банка. Был он из 25-ти казаков, под командой хор. Жиберина с пулеметом Люиса. Двигаясь по берегу залива Мертвый Куртулак, еще в гористой части своего пути разъезд устлышал стрельбу. Это было на 2-ой день пути. Идя « на выстрелы », он в одной котловине заметил обоз, обстреливаемый с вершин холмов киргизами. Это и был обоз Яицкого Банка. Разъезд разогнал киргизов и освободил обоз. Оказалось, что проводник завел его в котловину намеренно, сам сбежал и сообщил снующим вокруг киргизским бандам о большом богатстве этого обоза. Там действительно было до 50 пудов серебра в рублях. Начальник конвоя при обозе войск. старш. Домашнев был убит при нападении на обоз киргизов. Да и команда его к тому времени состояла наполовину из боль-

ных тифом и была накануне гибели от голода. Но в результате обоз Банка был благополучно доставлен в Ф. Александровск со всем своим серебром, а хор. Жиберин был произведен В. Атаманом в сотники за «оказанную услугу Войску».

Париж **П. А. Фадеев**

(Продолжение следует)

СКРИЖАЛИ СЛАВЫ КАЗАЧЬЕЙ

(Продолжение № 82)

1813 сент. 28/окт. 10 Рапорт генерала-от-кавалерии, Донского атамана, графа М. И. Платова Барклаю-де-Толли об установлении связи между корпусом Донских казаков и авангардом Северной армии в районе Мерсебурга.

№ 27. На подходе к Люцену.

Вчерашнего числа пребывал я с остатками войск моих при г. Пегау и мест. Гроич, ибо большая часть разосланы были в партии, както : к открытию сношений с наследным шведским принцем чрез Мерсебург, которая и прибыла уже туда вчерашнего числа к вечеру, откуда вновь получил я рапорт от ген. лейт. графа Воронцова, которой в оригинале имею честь препроводить. Другие партии посылаемы были к Вейсенфельсу и Люцену, где неприятель тянулся от Лейпцига и оттуда к Вейсенфельсу.

Неприятель вчерашнего числа атаковал авангард мой, в г. Цвенкау находящийся, но был опрокинут, преследуем и сегодняшней ночью полком казачьим под командой подполковника Костина прогнан до самого Лейпцига.

Я вместе с отправлением сим следую к Люцену, где уже авангард находится. Генерал-майор Кайсаров с отрядом остается здесь впредь до нового ему назначения от ген. от кав. гр. Витгенштейна, чрез которого удерживать могу коммуникацию с Главною армией нашей. Долгом поставляю донести, что в местопребывании моем и не имея в команде моей двух тысяч легко могу быть вытеснен с важного сего пункта, почему прошу приказать усилить меня, а до того не угодно ли будет приказать присоединиться ко мне кому-либо из партизанов, кроме ген. лейт. Тиллемана, ибо полки Оренбургской и Башкирской, назначенные ко мне, не прибыли еще.

Ген. гр. Платов.

1813 сент. 29/окт. 11 Рапорт Донского атамана, генерала-от-кавалерии, гр. М. И. Платова Барклаю-де-Толли о занятии корпусом Донских казаков г. Люцена и о подходе неприятельских войск к Лейпцигу через Люцен и Наумбург.

№ 29 г. Люцен

По рапорту моему от вчерашнего числа за № 27 Ваше высокопревосходительство известны о направлении моем к г. Люцыну, куда и прибыл я вчера в 4 часа пополудни.

Войски расположены все за городом, в котором взято три офицера баденской службы, кои желают поступить в службу нашу и около 150 мародеров разных корпусов неприятельских. Здесь удостоверился я, что 6-й корпус под командой дюка де-Рагуза прошел чрез Наумбург к Франкфурту для поправления и что генерал Ожеро, следовавший к Лейпцигу чрез Люцын, в котором приготовлено было вчерашнего числа для корпуса его состоящего в пятнадцати тысячах продовольствие, остановился после встречи его вчерашнего же числа утром, конечно, как полагаю, по слышанным выстрелам, с отрядом ген. кн. Лихтенштейна при г. Наумбурге, где партиями моими наблюдается движение его, а потому и надеюсь я по нахождению моему здесь удержать прибытие его к Главной неприятельской армии.

Со вчерашнего числа надеюсь я удержать сношения с армиями под предводительством Его королевского Высочества, наследного шведского принца, тем более, что легкие отряды генералов Лефебра-Денуэтта, Ожеро и Красинского уходят по сближении партий моих к самому Лейпцигу, защищаясь пехотой. Вчерашним числом донес я наследному принцу о нахождении моем здесь и надеянии удержать сношение мое с ним, с чем и послан от меня лейб-гвардии Преображенского полка капитан Берхман чрез г. Мерсебург, в котором находятся два казачьи полка в армии кронпринца. Авангард мой, расположен бу-

дучи по ту сторону г. Люцына, имеет разъезды свои до самого Лейпцига, также оттуда по направлению к Мерсебургу, в коем неприятельской гошпиталь от двух до трех сот человек; другою же партией она наблюдает также движение корпуса ген. Ожеро, там найден гошпиталь числом три тысячи человек, но в обоих сих гошпиталях, наполненных смрадом, люди совершенно неподвижны, и взять их оттоль никак нельзя.

Пребывание Большой неприятельской армии, хотя и известно должно быть Вашему Высокопревосходительству, но я полагаю по известиям, мною собранным, что все армии неприятельские стесняются между Вурценом и Лейпцигом.

Долгом поставляю донесть, что жители здешние, хотя и ожидают прибытия самого Наполеона в Лейпциг, что по дошедшим мне известиям полагаю наверно, но на самом поле бывшего Люцынского сражения и в окрестностях встречают нас с хлебом-солью и со восклицаниями : « Ура, Александр! »

От 20-го сего мес. генерал-адъютант кн. Волконской уведомил меня, что по Высочайшему Его Величества повелению отправлены ко мне 2 полка — 3-й Оренбургский и 11-й Башкирский. Я тогда же послал за ними нарочного с предписанием о скорейшем следовании их ко мне, но ни их, ни нарочного по сие время нет. По малоимению у меня войск и за беспрерывною раскомандировкою денно и ночно в разные места партий остается со мной столь мало, что я не успеваю делать того, что должно по моим предприятиям на пользу службы, о чем поручено донести Вам лично и подносителю сего ротмистру барону Гейсмеру.

Генерал граф Платов

1813 Журнал военных действий с 30 сент. по 7 окт./12 по 19.

1 октября. Генерал граф Платов, призванный гр. Витгенштейном для атаки с ним на неприятеля, прибыл к дер. Меклебергу, встретился здесь с аванпостами неприятельскими и после жаркой сшибки с ними прогнал их за р. Плейс. Но когда неприятель усиливался занять деревню сию стрелками и когда открыт был за Плейсом большой его лагерь, то граф Платов, не будучи в силах там удерживаться далее вечера, отступил версты две к стороне Цвенкау. В сей сшибке, кроме убитых взято у неприятеля в плен 30 чел. Наша же потеря, хотя и заключается только в 20 ч. убитыми и ранеными, но, к общему сожалению, ген. м. кн. Кудашев, пренебрегая повсюду опасности, получил здесь тяжелую рану в ногу пулею навылет.

2 октября. Непреятель, предприняв напасть на левой наш фланг, двинул по большой Лейпцигской дороге к дер. Крастовицу значительную часть пехоты и кавалерии, но храбрая пехота нашего авангарда с бесстрашными гусарами Гродненского и казаками Иловайского 12-го полка сделали покушение сие ничтожным.

3 октября. Гр. Платов, выгнав из дер. Гаучь 2 эскадрона кавалерии, подкрепленные пехотой, сам занял деревню сию и послал на левый берег р. Плейс свои партии.

4 октября. Огонь открыт в 7 часов утра гр. Витгенштейном. Он, находясь ближе всех к неприятелю, тотчас отнял у него высоты пред дер. Вахау и овладел лесом, Университетский называемым. Тогда все силы неприятельские показались на высотах между Вахау и Либертвольковиц, и он открыл жестокой огонь из своей артиллерии на всю нашу линию. Несколько раз покушался он прорваться чрез нее своей кавалерией, но всегда с большим уроном был прогоняем нашей. 3-я кирасирская дивизия и прусская пехотная отличили себя здесь особенно. Между тем генерал граф Кленау приближался к дер. Либертвольковиц; но когда неприятель, встречая его большими колоннами, стремился обойти правый его фланг, то он, отступив несколько, расположился у дер. Гросс-Песны и устоял уже там противу всех покушений. Однако, при всем том отступление сие обнажило правый наш фланг. К обеспечению одного ген. Барклай-де-Толли, не теряя ни минуты, приказал 1-й гренадерской дивизии занять Университетский лес и там держаться до самой крайности. Неприятель после отступления графа Кленау, заняв высоты перед Либертвольковицем, бросился на фланг сей, но генерал-лейт. кн. Горчаков 2-й с 5-й пехотной дивизией и кавалерией графа Палена удержал за собой все поле между лесом и деревней Госсы.

В самое сие время Государь Император изволил прибыть на поле сражения. Неприятель устремился с большими усилиями на центр наш. Поставя на высотах множество артиллерии, он обратил весь свой огонь на корпус принца Евгения Виртембергского и бригаду Кликса, составлявших центр войск графа Витгенштейна. Они, подкрепленные слева 2-й гренадерской дивизией, с неустрашимостию устояли жестокому огню сему в продолжении нескольких часов, но когда большая часть артиллерии нашей по превосходнейшему числу артиллери неприятельской была повреждена, то они должны были взять прежнюю позицию свою у дер. Госсы, однако 2-я гренадерская дивизия под личным начальством генерала-

лейтенанта Раевского твердо удержала место свое. Главнокомандующий, усмотрев, что войски гр. Витгенштейна и корпус Клейста имели дело со всеми почти силами неприятельскими, тогда как австрийская колонна генерала графа Мерфельда, состоявшая из гораздо превосходнейшего числа войск, занимала место, недостаточное даже и к самому ее расположению, просил генерал-фельдмаршала князя Шварценберга о приказании придвинуть к нам хотя бы некоторую часть ее. Между тем неприятель пустил многочисленные колонны свои кавалерии на центр наш. Стоявшая в оном легкая наша гвардейская кавалерия после многих смелых ударов на кавалерию неприятельскую, и после выгодной на нее атаки обще с 3-й кирасирской дивизией, видя, что неприятель беспрестанно усиливал себя новыми массами кавалерии, принуждена была отступить, но ПОСЛАННЫЕ ГОСУДАРЕМ ИМПЕРАТОРОМ ИЗ СОБСТВЕННОГО КОНВОЯ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ЛЕЙБ-ГВАРДИИ КАЗАЧИЙ ПОЛК И ЧЕРНОМОРСКАЯ СОТНЯ, ПОДКРЕПИВ ЕЕ, ОСТАНОВИЛИ ДАЛЬНЕЙШЕЕ СТРЕМЛЕНИЕ НЕПРИЯТЕЛЯ, И МИНУТА, В КОТОРУЮ УСПЕХ БИТВЫ МОГ КАЗАТЬСЯ СОМНИТЕЛЬНЫМ, ПРОЛЕТЕЛА МГНОВЕННО. Главнокомандующий ген. Барклай-де-Толли двинул между тем нашу и прусскую гвардию на высоты позади дер. Госсы. Одно появление ее было уже, так сказать, знаком к отступлению неприятеля. До сего времени он ворвался было уже в дер. Госсу; но лейб-гвардии Егерский, Финляндский, Гренадерский и Павловский полки выгнали его оттуда штыками, а 1-я гренадерская дивизия обще с прусскою бригадою генерала Пирха тогда же атаковали его колонны перед сею деревнею, и неприятель при всем ужасном действии артиллерии своей был сбит даже с первой позиции его. Он тщетно также силился поколебать левый фланг наш. Там генерал-лейтенант Раевской со 2-й гренадерской дивизией и прусская пехота Клейста отразили его с чувствительною для него потерею...

1813 сентября 30/октября 12. Отношение Витгенштейна к Донскому атаману графу Платову с просьбой о содействии атаке французских позиций под Лейпцигом.

№ 915 мест. Борна

Милостивый Государь граф Матвей Иванович!

Имея теперь под командою до 70.000 российских и союзных войск, я надеюсь завтрашнего дня атаковать неприятеля, пред г. Лейпцигом расположенного. Но дабы лучший иметь в сем предприятии успех, долгом почитаю Вас просить, зная всегдашняе Ваше расположение, содействовать к общей пользе, не благоугодно ли будет Вашему Сиятельству перейти к 12 часам утра с Вашими войсками из Пегау в Цвенкау и распорядить свой марш таким образом, чтобы Вы в 2 часа пополудни могли действовать на неприятельской правый фланг от деревни Маклерберга до Коновиц чрез р. Плейс, что весьма будет способствовать вытеснить неприятеля из занимаемой им теперь позиции при деревнях Кростовиц, Греберн, Стерменталь и Либертвольквиц. С истинным почтением и совершенной преданностию имею честь быть Вашего сиятельства, милостивого государя, покорнейший слуга гр. Витгенштейн.

1813 октября 4/16. Из рапорта начальника армейского партизанского отряда генерал-майора Теттенборна Императору Александру о занятии Бремена.

Государь! Спешу сообщить Вашему Императорскому Величеству сведения о проведенной мной экспедиции на г. Бремен, которая полностью удалась. Бездействие маршала Даву на позиции у Штекеница позволило мне с большей частью войск, которые Ваше Императорское Величество соблаговолило доверить моему командованию, предпринять рейд на Везер. Этот рейд проводился так быстро и скрытно, что когда я 13 октября после нескольких трудных маршей подошел к воротам Бремена, то неприятель и не подозревал о моем переходе через Эльбу. Казаки мои немедленно атаковали предместья и захватили более 300 пленных. Но они должны были остановиться у самых ворот отчасти оттого, что мост был поднят, отчасти по причине сильного огня из-за земляного вала. Бывшая со мной ганзеатическая артиллерия начала тогда метать ядра в город. Но несмотря на возникшие пожары, жители, которые по меньшей мере должны были открыть нам одни из ворот, вели себя так, что позволили неприятелю удержать город, хотя французы едва ли могли что-либо предпринять против многочисленного населения. Ожесточенная перестрелка продолжалась, но и после двухдневного упорного боя неприятель еще не был сломлен. Все уже было подготовлено, чтобы взять город приступом, когда гибель полковника Тюилье (он командовал в Бремене и был убит ружейным выстрелом, находясь на крепостном валу) привела к капитуляции, в результате которой я во главе своих войск вчера вступил в город. Французы отступают за Рейн. Мы захватили 15 пушек, большое количество сна-

рядов, огромные склады, значительные денежные суммы. Взятие Бремена вызвало смятение на всем побережье. Большинство французских чиновников обратилось в бегство, коммуникации маршала Даву почти полностью перерезаны. Войска Вашего Величества вторично достигли берегов Северного моря и установили непосредственную связь с Англией, куда я немедленно отправил курьера. 110.000 франков, найденные в денежных ящиках были розданы войскам, как русским, так и прусским, которые вот уже длительное время нуждаются в помощи. Беру смелось повергнуть к стопам Вашего Величества сумму 150.000 франков, оставшуюся после раздачи 110.000 франков... Ген. М. Теттенборн.

1813 октября 7/19 Известия Главной квартиры Главной армии о битве при Лейпциге.

... Неприятель с чрезвычайной смелостию предпринял атаку на правый фланг, намереваясь отделить его от центра. Генералы-от-кавалерии граф Витгенштейн и граф Кленау приняли его снова с величайшим хладнокровием, и когда уже колонны неприятеля приближались к Госсе, русские гренадеры непоколебимо защищали свою позицию.

Удачное направление огня артиллерии и храбрая атака лейб-гвардии Казачьего полку под командою генерал-адъютанта графа Орлова-Денисова принудили неприятеля снова отступить за Вахау. Ночь прекратила битву сего дня.

...Взято с лишком 250 пушек и 900 фур с амуницией. Пленных приведено по сие время более 8.000. В числе их — 3 генерала, командовавшие корпусами : Лористон, Ренье и Бертранд, и еще 10 генералов. Кн. Понятовский, пожалованный 4-го числа в маршалы, не мог бежать по мосту, хотел спастись вплавь через Эльстер и утонул, по показанию взятых в плен его адъютантов. В тот же вечер 8 польских полков оставили неприятельские знамена и перешли к нам. Поле битвы, имеющее в ширину и длину по 12 верст, на котором за свободу Гармании и спокойствие Европы сражались почти три дни, так покрыто мертвыми телами, что можно положить всю потерю французской армии по крайней мере в 40.000 человек. Три союзные монарха были вчера в решительный день свидетелями редкой храбрости войск. Все армии преследуют неприятеля.

Выписка из диспозиции князя Шварценберга :

...в то время, как на левом крыле борьба продолжалась с переменным успехом, Наполеон лично руководил атакой против центра. Не ожидая нападения, двигалась растянутыми линиями легкая гвардейская кавалерия. Прежде чем она смогла построиться, неприятель стремительно напал на нее и смял. Неприятельские колонны прошли чрез дамбы около Тейхена, недалеко от Госсы и угрожали высоте, на которой Его Величество Император стоял на коне. Можно было видеть, как сильные колонны неприятельской пехоты быстро продвигаются от Вахау к Госсе.

Судьба дня колебалась, и уже казалось, что победа склоняется в пользу неприятеля.

В этот важный момент Его Величество приказал генерал-адъютанту графу Орлову-Денисову напасть с лейб-казаками в тыл неприятельской кавалерии, и этот удачный маневр явился решительным...

США **Н. Воробьев**

(Продолжение следует)

РАДЗИВИЛЛОВ

В местечке Радзивиллов, где прошло мое счастливое детство, не было особенных достопримечательностей, но зато вокруг него простиралась Волынь с именами дорогими русскому и казачьему сердцу : Почаев, Берестечко, Дубно, Кременец, Луцк итд. Песчаные равнины, сосновые леса; поля засеянные рожью и гречихой; « криницы » с кристально чистой ледяной водой; быстротекущие речушки, болотца, заросшие осокой, с важно прохаживающимися аистами... Незабвенная простота и красота!

Как и большинство населенных пунктов Западного Края, Радзивиллов был вытянут вдоль единственного шоссе. Оно отходило от двухстороннего вокзала, принимавшего поезда со стороны Киева и Львова, описывало дугу и уходило через местечко Крупецы

вглубь страны.

В Крупецах, до которых от Раздивиллова было верст пять, в замке Мнишек и рядом с ним была размещена 3-яя сотня нашего полка и невдалеке от нее жил полковник Димитриев со своей семьей и канцелярией 18-ой бригады Пограничной Стражи.

Другие сотни 12-го Донского Казачьего полка стояли на окраинах Радзивиллова: 1-ая и 6-ая около кладбища, 4-ая и 5-ая с противоположной стороны местечка, 2-ая — поблизости от вокзала.

Верстах в трех на запад от Раздивиллова проходила граница с Австрией и версты 2-3 еще дальше находился город Броды.

Основное население местечка было почти исключительно евреи. Русские — крестьяне, говорившие на языке Холмской или Прикарпатской Руси — ютились где то на задворках. Они, видимо, были бедны и находились в руках у евреев.

В центре Радзивиллова стояла православная церковь с небольшой площадью, где обыкновенно происходили парады. Поблизости от нее находилось собрание 12-го полка и за ним — усадьба князей Урусовых. Нижний этаж ее был занят штабом полка. На самом же шоссе, рядом с кладбищем, помещалась местная пожарная команда с деревянной красной каланчей.

В то время, то-есть около 1910 г., особенности городка и его окрестностей мало интересовали меня. Любознательность пришла позже. Пока-же я знал твердо, что в Радзивиллове стоял 12-ый Донской казачий генерал-фельдмаршала князя Потемкина Таврического полк, и это для меня было самым важным.

. . . . . .

После долгого и утомительного путешествия зимой в воинском поезде с пополнением молодых казаков в полк, мы приехали в Радзивиллов. Из семейных офицеров с нами приехали Клевцовы и Князевы.

От этого переезда из Новочеркасска на австрийскую границу, по совершенно непонятному маршруту: Воронеж-Курск-Лозовая — Фастов-Казатин-Киев, у меня остались в памяти безконечные паровозы и вагоны, равнины и станции, занесенные снегом, буфеты, лимонад, пирожки, пончики с кремом... Этими последними меня баловали втечении всего пути.

Отец по приезде был сразу назначен в 6-ую сотню и мы поселились недалеко от ее казарм, рядом с пожарной командой. Снятый нами домик был небольшой, но достаточно уютный. Кроме отца, матери и меня самого (старший брат Вадим учился в одном из младших классов Донского Кадетского Корпуса и оставался в Новочеркасске), с нами поместились деньщик и прислуга.

С одной стороны дома был просторный двор с амбаром, где стояла лошадь отца и находились разные хозяйственные заготовки, дальше дом хозяина, скромнее нашего, а поодаль — еще один домик. Его тоже нанимал кто-то. За домами лежало поле, частично возделанное под огороды.

С другой стороны нашего дома было нечто вроде небольшого сада, закрытого со стороны боковой улицы густой чащей высоких кустов сирени. Хозяева предоставили это место в полное распоряжение матери. Той же весной ее заботами, при содействии деньщика, оно превратилось в очаровательный цветник. Летом же в зарослях сирени гнездились и оглушительно пели соловьи целыми ночами.

На следующий год цветник стал еще красивее и пышнее. Хороши были длинные грядки в тени забора, на которые были пересажены ландыши прямо из леса. Они цвели весну и почти все лето, ставши высокими, крупными и необыкновенно душистыми. Красива была и моя любимая круглая клумба со сплошным ковром незабудок и красками львиного зева посередине. Цветов с первой же весны оказалась масса. Они стояли повсюду в комнатах, раздавались матерью друзьям и радовали нас, наполняя дом ароматом резеды, табака, левкоев, матиолы и пр.

В этом маленьком земном раю росла старая развесистая груша и под ней стоял деревянный стол с такими же скамейками. Они стали излюбленным местом отдыха наших друзей, собиравшихся здесь около уютного самовара.

Пожарная команда, находившаяся против нашего дома, сначала показалась мне очень страшной. Все ее постройки были выкрашены в красный цвет. Иногда на вышке каланчи часовой бил тревогу в медный колокол. Тогда ворота казармы распахивались настеж и оттуда с грозным видом вылетали паракон-ная складная лестница, за ней несколько громадных бочек с брезентовыми кишками и насосами. Вся эта колонна, увенчанная яркоблестящими касками пожарных, неслась куда-то, производя большой шум и переполох в прилегающих кварталах. Однако действительные пожары были исключением. Чаще всего наблюдатель на каланче принимал за пожар обильную тягу дыма из разжигаемой печи; в других случаях загоралась сажа в трубе, но огонь тушился на месте своими

средствами задолго еще до прибытия пожарных. Иногда-же сконфуженные пожарные, вернувшись обратно, объясняли свой выезд в пустую необходимостью поддерживать бдительность и ревность к службе путем искусственных тревог. А когда я с вышки каланчи, забравшись туда с деньщиком, увидал и вокзал, и городишко, и внизу наш дом с садиком, я потерял раз навсегда страх перед пожарной командой Радзивиллова.

. . . . . .

В один из первых дней нашего устройства на снятой квартире я играл сам с собой на дворе: у меня была игрушечная кавалерийская сабля в блестящих металлических ножнах; я подавал себе разные команды, выхватывал саблю, маршировал, колол и рубил невидимого противника. Но неожиданно увидал рядом с собой маленького белобрысого мальчика в фуражке железнодорожника и длинном до земли пальто...

« Ты кто? » спросил я его.

« Костя Попилко ».

« Ну и что? »

« Можно мне играть с тобой? Я ничего не знаю, но научусь... »

Узнав, что он сын хозяина нашего дома, служившего в Радзивиллове на станции, я побежал к матери и, получив от нее разрешение, стал обучать Костю тому, что знал сам. Но, за неимением второй сабли, Костя был назначен в пехоту и вооружен ружьем, то есть небольшой и нетяжелой палкой.

На следующий день, во время наших занятий, я заметил с другой стороны забора две головы, жадно следившие за нами. Одна из них оказалась Колькой Клюшниковым, а другая — Сашкой Клюшниковым. Они были детьми тоже железнодорожного служащего и тоже хотели играть с нами. Я после некоторого колебания — у младшего Сашки нос был все время мокрый — принял их в пехоту и вооружил такими же ружьями, как и у Кости.

Слава о нас распространилась; к нам стали прибывать мальчишки с разных сторон, умоляя принять их в наши ряды. Пришлось отбирать лучших, то есть наиболее чистых и вежливых и отказывать другим под разными предлогами.

Колька Клюшников оказался самым способным, расторопным и одаренным большой инициативой. Помимо этого, он прекрасно знал мельчайшие детали Раздивиллова и его окрестностей. Он стал моей правой рукой, кем-то вроде начальника штаба.

После долгого обсуждения с ним, как называть нашу организацию: « полк », « дивизия » или « армия » или еще как нибудь в этом духе, мы остановились на термине « войско ». Все мальчишки радостно одобрили наше решение. Костя Попилко даже подбросил шапку вверх и закричал « ура », но за это получил замечание от Кольки Клюшникова. Сашка же его брат, в восторге одобрения зашмурычил чаще своим мокрым носом...

В « войско » вскоре были приняты еще два брата Рыковские и Володя Конев — сыновья офицеров 12-го полка. Сын же капельмейстера Елкина, из « наших », но православный — долго в « войске » не задержался: вопервых, наша « служба » показалась ему очень безпокойной, во-вторых, у нас стали назревать конфликты с местными жиденятами.

Я был « командующим » (некоторые мальчишки, видимо не без лести, пробовали называть меня « главнокомандующим », но это не привилось, тем более, что мальчишки с трудом или с ошибками произносили это слово). Мне они подчинялись слепо. В виде наказания у провинившегося отбиралось ружье или он ходил один в хвосте « войска ». В самом тяжелом случае, что случалось редко, виновный лишался права участвовать в учениях на целый день. Тогда он даже плакал.

Трудный вопрос предстал перед мною, когда моя большая подружка — Женя Сулина, дочь командира полка, — выразила свое настойчивое желание поступить в « войско ». Как быть? « Войско » усиленно засопело носами, услышав об этом, и большинство высказалось против, так как « девочкам нечего делать среди настоящих солдат »; они мол, могут собираться между собой, играть в дурацкие куклы или шить там платья и пр.

Деликатность положения усугублялась тем, что мать Жени — Ида Ивановна Сулина, полная и добродушная обрусевшая немка, называвшая меня « Фан Фаныч », очень одобрительно относилась к моей дружбе с Женей: мы были одного возраста и, как нарочно, в 12-ом полку и среди знакомых Сулиных не было подходящих по возрасту подружек для Жени. Мое колебание было сломлено, когда на мои именины я получил от Жени подарок, о котором вообще и не мечтал: настоящую каз. шашку укороченного образца. Она была сделана в оружейной мастерской полка из сломленного на рубке казачьего клинка. Правда, Женя в свой день Ангела получила тоже порадок от меня, в который я вложил все мои экономии того времени: книжку « Отважная перуанка »! Но, конечно, « Отважная перуанка » — история любви перуанки к европейцу, которого она укрывала и отходила от страш-

ной малярии коркой хинного дерева, вынесенного из владения индейцев с опасностью для собственной жизни — была ерундой в сравнении с шашкой! Смертоносность шашки я тотчас испробовал на зарослях старой конопли, а потом и на нескольких кочанах капусты, оставшихся еще на огороде. Правда, за это я получил дома нахлобочку, но престиж мой в « войске » возрос непомерно.

В итоге, Женя, несмотря на протесты некоторых, была принята моей властью в « войско ». Об этом я объявил фронту подчиненных в устном приказе. Должность Жени была определена довольно туманно : в зависимости от обстановки, она была сестрой милосердия или маркитанткой или телеграфисткой... На парадах она проходила иногда в строю мальчишек, но чаще отдельно, порою с ружьем на плече или с пистолетом на поясе, а иногда без всякого оружия.

Наша служба состояла в безконечных упражнениях во дворе и парадах. Всем командовал я сам, но нередко передавал власть в руки Кольки Клющникова и тот ревностно отправлял свои обязанности. Очень часто мы уходили строем по два в походы и на маневры. На окраине Радзивиллова были песчаные бугры, овраги, пустыри, и там-то « войско » находило себе применение : мы прятались в оврагах и оттуда производили нападения на мнимого противника, наступали и атаковывали вершины песчаных дюн и скатывались, сидя, по их крутому склону. Женя тоже принимала участие и смело катилась по откосам холмов. Возвращались мы, конечно, грязные, утомленные, но такие счастливые и довольные друг другом!

Во время одного из « смотров », в плохо притворенную калитку двора протиснулся крошечный еврейский мальчик и остановился около нее. Он с восхищением следил за происходившим и не заметил, как я подошел к нему :

« Ты зачем здесь? » — спросил я.

— « Хорошо!... » — ответил он, не отрывая глаз от маршировавшего « войска ».

— « Как тебя зовут? »

— « Поп », ответил мальчишка и сейчас же заморгал глазами от испуга.

« Какой тут может быть Поп? Пошел отсюды... « Колька схватил его за шиворот и выставил на улицу. Но Поп с улицы продолжал следить за « войском » и глаза его горели тем же восхищением.

На следующий день Поп был на том же месте. Если ему давали подзатыльник, он отходил немного в сторону и оттуда наблюдал за нами. Отделаться от него стало совершенно невозможно. Он страшно хотел играть с нами и всюду следовал по нашим пятам. В конце концов мы сжалились над ним : он присутствовал на парадах и учениях, тоже с ружьем, но « из-за малолетства и из-за того, что не был православным !, проходил последним и отдельно от « войска ». В ногу он не попадал, но всегда переживал большие волнения. В маневрах и атаках он также принимал участие, взбирался тоже на вершину песчаного холма, но заставить его скатиться вниз по песку было невозможным : Поп останавливался на гребне, хлопал руками как птица крыльями, орал истошным голосом « вайвай », но не двигался, пока его силой не стаскивали обратно...

В один прекрасный день кто-то из мальчишек бросил вверх щепотку очень мелкого гравия. Один камушек, падая вниз, стукнул Попа по голой голове и чуть оцарапал кожу. Поп, увидя свою кровь, перепугался и заорал благим матом. Моментально на шоссе собрался « кагал », то есть толпа евреев, которые стали горячо обсуждать ранение Попа. Им было предложено не пускать больше Попа к нам. Так закончилось наше знакомство с этим незлобивым и обожавшим нас мальчишкой с громадными черными доверчивыми глазами и любовью ко всему военному.

В это время я уже учился, но мать, занимавшаяся со мной, много на уроки пока не налегала. Мои сверстники — мальчишки были все приблизительно в том же положении, то есть относительно свободны.

Окрестные жиденята уже давно стали задирать нас : следя с шоссе за эволюциями « войска » в нашем дворе, они все чаще и чаще отпускали остроты и насмешки по нашему адресу, а иногда и запускали в нас снежками, но при первом же нашем появлении на улице рассеивались в стороны как воробьи.

В это время к нам пришел на службу новый деньщик Павел Бутуев, казак станицы Казанской. Довольно неуклюжий, с красным лицом, серыми мало выразительными глазами и светло-русыми волосами, Павел сразу стал одним из моих больших друзей. Евреев он органически не терпел, начиная с их чесночного запаха. Он быстро вошел во все интересы нашего « войска » и стал самым ценным нашим советником. Узнав о том, что жиденята из зависти или расовой неприязни не оставляют нас в покое, он советовал нам проучить их, и даже разработал план того, как это нужно сделать. Колька Клюшников, встретив одного из главных жиденят, предложил им сразиться с « войском », но без применения камней, палок и вообще всего, что могло-бы на-

нести настоящее увечье. Хвастливый и дерзкий еврейчик согласился. Был назначен и день, скорее вечер, когда должно было произойти сражение. А мне Павел сказал : « Ты, Ванятка, не боись, мы их побьем, они — трусы ».

У меня был недавно привезенный из Брод пугач, наподобие маленького браунинга, заряжавшийся с дула пробкой, начиненной порохом. При выстреле звук был оглушительный, а из дула вылетало пламя длиной около метра. Павел же вооружился кожанным стэком отца, выброшенным за давностью его применения. Очень удачно в этот вечер родные ушли к кому то в гости.

Стоял конец зимы и снег таял. « Войско » собралось, проникнутое сознанием серьезности положения. Отряд наш был разделен на две части : одна заготовила во дворе около калитки большой запас снежков, другая же, меньше по численности, сделала тоже самое в углу нашего сада. Оттуда можно было легче выскочить через забор на улицу и атаковать жиденят во фланг на шоссе. Этой группой командовал я сам, а в виде резерва в саду оставался Павел Бутуев. От предстоящего удовольствия он плотоядно похлопывал себя стэком по голенищу сапога...

Жиденят на шоссе собралось человек двадцать. Они держались все вместе под фонарями, освещающими поле предстоящей битвы.

Мой головной отряд — человек пять смельчаков, нагруженных снежками — внезапно выскочили через калитку на шоссе и принялись бомбардировать в упор жиденят. Те, не ожидавшие такой стремительной атаки, попятились назад и бросились лепить снежки, о которых раньше не подумали. Но целый ряд удачных попаданий моих стрелков с разбитием в кровь нескольких носов и зубов принудили жиденят к дальнейшему безпорядочному отступлению. Но увидя, что против них всего несколько человек, еврейчики перешли в массовую контр-атаку и начали теснить наших стрелков. Это было как раз то, что мы ожидали... Пропустив толпу жиденят вперед по шоссе, мы, перескочив через забор, бросились с победными криками на них с фланга и с тыла... Жиденята дрогнули... Подбегая к самому большому из них, я выстрелил рядом с его головой из пугача. Мальчишка от внезапности и страха упал плашмя на мостовую. Быстро зарядив снова пистолет, я бросился на следующего еврейчика, пытавшегося защищаться уже с распухшей от попадания снежков физиономией, и тоже выстрелил рядом с ним. Эффект был такой-же, как и предыдущий : услышав оглушительный выстрел и увидев огромное пламя, мой противник от страха упал на мостовую. После этого, жиденята, да еще побитые снажками, быстро разбежались по домам и Павлу не пришлось вмешиваться в баталию. Он удовольствовался тем, что покрикивал из-за забора : « Подай ему туда, откуда ноги растут, чтобы завтра ему было больно сидеть!... »

После этого сражения жиденята оставили нас навсегда в покое. Отличившиеся же у нас были на ближайшем смотру награждены красивыми орденами на разноцветных лентах, которые я отобрал из наших елочных украшений.

С приездом на летние каникулы брата Вадима, жизнь и деятельность « войска » значительно изменилась : брат принял на себя главное командование, но, помимо походов и маневров, усадил нас всех за изучение... естественной истории. Он сам читал нам лекции по минералогии и энтимологии, пользуясь образчиками из коллекции, которые начал собирать самым серьезным образом; спрашивал нас, устраивал нам письменные работы и устные экзамены, ставил отметки. Некоторым учение не давалось или казалось скучным и они глядели по сторонам. А тут, во время одного из учений, Вадим попал рукой в песке на осколок разбитой бутылки и серьезно поранил себе ладонь. Поэтому занятия « войска » приобрели более спокойный характер, а с осени сократились и еще больше : мать стала подготовлять меня к вступительным экзаменам в кадетский корпус. Главные мои помощники по « войску » тоже начали ходить в школу. Таким образом свободного времени у нас теперь оставалось мало.

. . . . . .

С местными крестьянами у нас не было почти никакого общения. Они приносили на дом молоко, масло, предлагали грибы и землянику, но их принимала и с ними расчитывалась наша прислуга Марина. Мы же их совсем не понимали : сильно ополяченные и окатоличенные, они говорили на каком то странном наречии — смеси польского и украинского языков, с еврейскими и русскими отдельными словами.

Зато еврейство не оставляло нас без внимания. В Радзивиллово можно было найти и получить все что угодно : и весьма приличных столяров и сапожников, и портных, парихмахеров, фотографов и тд. Все эти евреи достаточно хорошо объяснялись по русски, были необыкновенно услужливы, аккуратны в исполнении заказов и никогда не приходили за

деньгами раньше традиционного « двадцатого » каждого месяца.

Еврейское население, грязное в массе и, конечно, бедное, жило активной жизнью. Однако, преуспевающие из них или выбившиеся в настоящие люди не раз зазнавались и были способны содрать кожу со своего же собрата. Отец, порошо знавший их, говорил : « Еврей хорош и услужлив, пока он беден, пока он настоящий « жид », но, как только он почувствовал под собой прочную опору, то есть становился « евреем », тогда он легко превращается в заносчивого и дерзкого человека. « Кагал » же, состоящий из таких субъектов, очень опасен для всех не-евреев, так как в нем бывшие Мойши, ставшие, скажем, господами Гольдбергами, уже не сдерживаясь и зная свою силу, проявляют нередко библейский фанатизм и злобность своей расы ». И это было, увы, верно...

Почему служивые казаки и все остальные на Дону не любили или даже просто не терпели евреев? Над этим вопросом серьезно задумывались, к сожалению, мало. Люди прогрессивных убеждений считали ненависть к евреям некультурностью : евреи-де — такие же люди, как и все остальные, даже, пожалуй, лучше и талантливее. Но я лично с первых дней моего раннего детства запомнил в период безпорядков 1905 г. отца, привезенного казаками домой с рассеченной, к счастью легко, куском кокса головой. Этот кусок кокса бросил студент-еврей, когда одна из сотен 33-го Дон. каз. полка разгоняла толпу манифестантов в районе местечка Голты. Ряд казаков тоже были ранены камнями и разными предметами. Среди большинства арестованных большинством оказались евреи.

Несколько дней спустя после своего ранения, отец с отрядом казаков в той-же местности застиг врасплох в одном из подвалов дома заседание местного революционного комитета и арестовал его целиком. Казаки нашли там целый арсенал огнестрельного оружия, бомб и прочей прелести. Главные члены этого комитета оказались опять таки евреями. И таких примеров можно назвать очень много. Так что-же удивляться тому, что где-то в местечке Голта, вместо снега, густо летал по улицам пух из вскрытых разъяренными казаками, за ранения их товарищей, перин местных евреев?

В Радзивиллове в описываемое время евреи держали себя « тише воды, ниже травы ». Газета « Киевлянин » вела против всего еврейства энергичную кампанию : только что произошло неразгаданное убийство маленького Ющинского, так взволновавшее все умы. О нем я кое что узнал. Оно испугало, возмутило меня, но особых последствий не оставило, кроме, пожалуй, брезгливости к « маце », которую на « Кучки » жители-евреи разносили большими ковригами на голове по своим семьян. В ней я подозревал присутствие христианской крови.

Казаки относились к евреям свысока, но не третировали и не обижали их. Евреи же были всегда на-чеку. Они хорошо разбирались в нашивках казаков и в чинах офицеров. Иногда, встречаясь с рядовым казаом, евреи снимали ермолку или шляпу и кланялись. Наиболее « образованные » даже отдавали неумело честь растопыренной пятерней.

Слово « жид » не шокировало и не обижало местных евреев. Некоторых из них казаки по настоящему любили и подшучивали над ними с своеобразным юмором. Например, иду я как то с Павлом : ему кланяется еврей с длинными пейсами : « Давно не видел Вас, господин казак... В лавке все есть : столовое вино, свинина... »

— « Так ты же жид? » — удивленно отвечает Павел.

« Жид, ну и что такое? Побей Бог, я — жид и не виноват господин казак... А свинина тоже вкусное мясо... »

Павел доволен, жмет ему руку, и, в виде особого снисхождения, обещает как-нибудь наведаться в его лавку.

Среди « маленьких » евреев в Радзивиллове было несколько особенно колоритных типов. Одним из них был очень скромный, вежливый и конфузливый молодой Мошка — чудный столяр. Мой отец в свободное время развлекался разнообразными мелкими работами, хорошо рисовал и выжигал по дереву. Мать увлекалась живописью. Поэтому Мошка часто появлялся у нас, принимая и сдавая всевозможные заказы на дощечки, рамки итд.

Отец благодушно донимал его одним и тем же :

— « Мошка, скажи теперь : муха! »
— « Ну, муха ».
— « Да нет, ты скажи : муха, без ну! »
— « Ну, муха, но... »
— « Я тебе говорю : скажи просто муха! »
— « Да просто муха, ну... » и тд. и тд.

Сбить Мошку было невозможно.

Был также весьма оригинальный Ицка. Это был средних лет, высокий, тощий еврей с рыжими волосами и пейсами, под засаленной ермолкой. Один раз в неделю он появлялся на шоссе в какой то странной двухколесной бричке, похожей на открытый гроб, с высокими дощатыми стенками. Самого Ицки не было видно : он сидел на дне этого подобия

гроба. Его тянула худая кляча, а Ицка изнутри периодически возвещал всему свету заунывным голосом: « По-ку-жаю старое зеле-зоо!!. И Ицка этим жил, говорили даже — удачно: новые дети рождались, предыдущие росли и не умирали от голода.

Но самыми замечательными в Радзивиллове были извозчики. Из них пальма первенства принадлежала бесспорно Айзику. Айзик бывал часто в « пол-свиста », но в любой момент он был готов везти куда угодно, хоть за 50 верст. Он был веселого покладистого, почти ухарского, нрава, незлобивый и не мелочный. Коляска его была запряжена серой лошадью небольшого роста и рыжей высокой кобылицей. Обе они напоминали скелеты, но когда Айзик хлопал в воздухе сплетенным из шпагата кнутом, обе лошади с места бросались галопом с неимоверной энергией и скоростью по ухабам и булыжникам шоссе. Коляска визжала, скрипела, бухала; рессоры, которыми гордился Айзик, подбрасывали очень высоко и в разные стороны, но все же все благополучно прибывали к месту назначения.

Офицеры всегда оставались довольны Айзиком и он широко получал от них « на чай ». На кухне, куда иногда звали Айзика, он никогда не отказывался от большого стакана водки. Тут он проявлял своеобразную элегантность: он выпивал не спеша водку и только позже, разговаривая с прислугой, так, между прочим, принимался за кусок селедки или за соленый огурец, чтобы « закусить ».

Всех прочих описать невозможно. Был еще « парижский цырюльник Поль », на самом деле, конечно, не парижский, а просто Шмуль, с портретами очень усатых мужчин на ярко-голубых деревянных дверцах входа в его « салон ». Около же церкви находился « известный и премированный » фотограф Лансберг с витринами своих произведений (между прочим, действительно прекраснсейший фотограф). У него снимались буквально все офицеры и нижние чины полков дивизии и Пограничной Стражи, с семьями, без семей, группами и в одиночку, до завтрака в Собрании и после него. Особенный успех он имел у нижних чинов: они у него часто фигурировали в парадной форме и на вздыбленном коне с высоко занесенной над головой саблей. Иногда у лошадей глаза бывали огненные и из ноздрей вылетали клубы дыма или пламя. Редко у кого из уходящих после службы домой не было подобной фотографии, прикрепленной к крышке заветного сундучка. На такой фотографии настоящей была только голова, остальное уже существовало раньше или прибавлялось и раскрашивалось фотографом. Но все вместе взятое производило большое и неотразимое впечатление на нижних чинов.

Были и другого рода знаменитости. Но анонимные. О них доходили только слухи. Эти люди принадлежали к категории настоящих контрабандистов. Их далеко не всех знала даже разведка нашей Пограничной стражи. Кое-кого из них ловили и подстреливали на границе. Один из таких профессионалов умудрился доставить пешком из Брод на своей спине чудные стенные часы размером больше его роста...

Париж. **И. Сагацкий**

(Продолжение следует)

ХРАБРЫЙ КАШЕВАР

I

Кавалерийский набег на тылы противника, начатый накануне вечером по плану, составленому и тщательно продуманному самим начальником дивизии — генерал, отличавшийся большой инициативой и не меньшей храбростью, лично руководил операцией — обещал увенчаться полным успехом. Благодаря местным мужикам, знавшим несколько тайных бродов на речке, а также и все легко проходимые места средь непролазных, казалось, болот, заросших частым мелким кустарником, дивизия, в составе всех четырех полков, почти без единого выстрела, сняв все встретившиеся ей на пути австрийские посты и заставы, быстро перебросилась на вражеский берег. Оставалось использовать достигнутый успех.

По прекрасно вымощенной и широкой, точно улица, гати, стрелой уходившей вперед меж расступившимися молчаливыми соснами,

дробно застучали копыта лошадей головной сотни. В предрассветном сумраке замелькали пики, дула винтовок, лохматые черные папахи и фуражки с высокими и острыми полями донцов, круглые шапочки кубанцев и терцев. С места пошли наметом. И как только тронулись — дрогнула спокойная доселе предутренняя тишина, сонный воздух ожил, наполнился необычным для этих мест шумом. Гудела под тысячами копыт гать, звенели, касаясь стремян, железные пики, с глухим деревянным стуком хлопали по сапогам ножны шашек... Громкий храп и недовольное фырканье коней, резкие окрики всадников — не то команда, не то ругань в адрес споткнувшейся лошади — все чаще выделялись из общего шума...

Скакали не заботясь о том, что противник услышит и забьет тревогу. Поздно теперь принимать какие либо меры. Через двадцать минут, самое большее через полчаса, авангардный полк, разметав плохо охраняемые рогатки, расставленные в конце гати и входящие, как составная часть, в линию укреплений третьей — тыловой полосы, веером рассыпав перед собой дозоры, понесется вперед и, как снег на голову, стремительным потоком обрушится на вражеские штабы и обозы, не ожидающие столь раннего и внезапного визита...

Впереди поднялась стрельба. Разрозненная и слабая вначале, она постепенно усиливалась и через короткое время достигла крайнего напряжения. Зафыркали, защелкали по лесу пули. Движение на гати замедлилось, почти приостановилось совсем. Разгоряченные скачкой кони топтались на месте, требуя повода, напирали на передние ряды... И вдруг стрельба, точно по команде, оборвалась. Вместо нее, заглушенный слегка расстоянием, донесся крик сотен людей. Скачка немедленно возобновилась с новой, почти удвоенной, силой и в шуме ее на этот раз потонули и людские возгласы и отдельные выстрелы, о которых можно было только догадаться по бессильно повисавшим, тут и там, веточкам редких среди сплошной сосны березок, подсеченным высоко пролетавшими и наугад выпущенными пулями...

Через два часа, когда поднявшееся солнце растопило густой молочный туман, с раннего утра нависший над болотами, дивизия была уже далеко. Высокие столбы дыма от горевших продовольственных и вещевых складов, как гигантские вехи, отмечали ее путь, терявшийся среди глухих лесов, в пятнадцати-двадцати верстах от недавно перейденной линии фронта. Над пожарищами и вдоль всего, пройденного дивизией, пути реяли десятки аэропланов. Это было единственное средство, каким располагало в данный момент австрийское командование, чтобы остановить мчавшиеся в неудержимом порыве казачьи полки...

Увы, не под силу оказалась аэропланам эта задача. Летчики щедро бросали бомбы и поливали горячим свинцом пулеметных очередей казачьи лавы... А через четверть часа новый столб дыма на новом месте вздымался кверху. Дивизия в точности выполняла порученную ей задачу — в кратчайший срок она приводила неприятельский тыл в состояние полного развала, сея в нем панику и уничтожая его запасы.

II

— Морозов!

— Вахмистра к командиру сотни! Вахмистра к командиру сотни! — раздалось по рядам, и скоро вдоль вытянувшейся в колонне по три полусотни, шагом продвигавшейся по лесной просеке, коротким наметом проскакал вперед сухой, черноусый, сутулившийся немного в седле, казак.

— Чего изволите, ваше благородие?

Молодой подъесаул на ходу рассматривал карту.

— Опустите руку, — не глядя на вахмистра, проговорил он. — Вот что, Анисим Антоныч, — сразу вдруг повернулся он в седле. — Сейчас мы выедем на поляну. На этой поляне имеется небольшая высота, а на ней лесок.. Это как раз то место, где нам приказано остановиться... А так-как простоим мы тут, наверное, до самого обеда — может и до вечера — то надо подумать о лошадях.

— И о людях, ваше благородие...

— Ну, это само собой. Нарядите пять человек за фуражем и провизией. Пусть проедут к австрийскому штабу, где мы были час назад. Авось, не все сгорело.

— Слушаюсь! Только напрасно это, ваше благородие.

— Почему?

— Да, ведь, там работали кубанцы! Разве после кубанцев найдешь чево? Чистое горе с ними! — с сердцем вскричал вахмистр. — Проедут — хоть с веником иди за ними и подметай, соринки не оставят...

Подъесаул рассмеялся.

— А кубанцы на нас жалуются. А терцы на нас и на кубанцев... Ничего, пусть поищут. Наш овес надо беречь. Никто не знает, сколько времени мы будем болтаться тут.

— Да, вот еще, — спохватился подъесаул.

— Прикажите Задорожневу назначить трех человек от взвода — поедут для связи с терцами. Их сотня где-то вправо от нас. Старшему явиться ко мне.

— Слушаюсь... Ваше благородие! — обратился к командиру сотни, снова было взявшему в руки карту, вахмистр.

— В чем дело, Анисим Антоныч?

— Я забыл вам доложить — все некогда было с этой скачкой — Небыков в сотне.

— Как? Каким образом?

От неожиданности подъесаул потянул на себя повод. Гнедой, двухвершковый конь, круто подобрав голову и подняв уши, послушно остановился. Остановилась и вся полусотня.

— А кто-ж ево знает, — виновато пожал плечами вахмистр. — Давеча, когда скакали по гати, слышу кто-то шумит, совсем близко от меня. По голосу, будто, Небыков. Так нет, думаю, он же остался на стоянке, с обозом. Подскакал — плохо еще видно было — гляжу, он и есть! Что вы будете делать с ним! В темноте вчера выходили. Он и пристроился, когда были уж на походе.

— Небыков! — во весь голос крикнул подъесаул, повернувшись к полусотне.

— Чаво изволитя! — раздался из последних рядов мощный сиплый бас.

— Я тебе покажу чего изволю! — побагровел от гнева подъесаул. — Забыл, что я тебе приказывал? Чтоб ноги твоей в сотне не было! Марш на кухню! Сейчас же!

— Ваше благородие, — тихонько вмешался вахмистр. — Не лучше ли оставить его? Как бы не пропал еще.

— Тут он скорей пропадет.... Небыков!

— Чаво изволитя! — так же громко, как и раньше, но как будто еще веселей, раздалось в ответ.

В рядах сержанно захохотали.

— Чорт! — выругался подъесаул. Дав коню шпоры, он в несколько мгновений очутился в хвосте полусотни.

— Где ты тут?

— Вот я, ваше благородие! — во всю глотку отозвался Небыков.

— Вылазь!

Давясь от смеха, казаки расступились.

Перед командиром сотни оказался плотный парень с добродушным и совершенно круглым лицом, до того красным, что казалось — вот-вот во все стороны брызнет из него кровь. В огромных серых, слегка выпуклых, глазах его искрился веселый огонек. Парень улыбался во весь рот и ждал.

— Небыков....

— Чаво изволитя, ваше благородие! — гаркнул он, точно выстрелил.

— Слушай! Ты поедешь сейчас во-он на тот бугор — Подъесаул указал на видневшийся из просеки невысокий холм. — Оттуда ты увидишь дорогу, которая ведет в лес. Понял?

— Так точно, ваше благородие!

— Ты поедешь по этой дороге и встретишь заставу сотника Скасырского.

— Слушаю, ваше благородие!

— Скажи сотнику Скасырскому, чтобы он дал тебе провожатого до гати. А по гати ты доедешь до позиции один. Все понял?

— Так точно!

— Повтори!

Улыбка мгновенно сползла с лица Небыкова. Ее место заняло сосредоточенное, немного страдальческое выражение.

Подъесаул безнадежно махнул рукой и коротко бросил :

— Езжай!

— На бугор?

— На бугор, за бугор, в лес, за болото, в обоз, черти бы тебя подрали! — вне себя, под неудержимый хохот казаков, кричал подъесаул. — Убирайся, чтоб духу твоего тут не было!

Небыков понял, что от него не требуют больше повторения приказаний и снова заулыбался. Почмокав губами, он повернул своего низенького вороного меринка и затрусил мелкой рысцой к видневшемуся вдали из просеки холму — исходному пункту своего бесславного возвращения из набега, в коем он добровольно, от чистого сердца захотел принять деятельное, горячее участие...

Небыков скоро подъехал к лесу, о котором говорил ему командир сотни. Обернувшись назад, он увидел на вершине холма полусотню. Казаки спешились и заводили лошадей под высокие сосны, чтобы укрыть их от аэропланов и от начинавшего пригревать утреннего солнца.

— Спать сычас ляжуть..., — соображал Небыков. — А Бог с ними, пущай спять... Приеду до штаба — до вечера буду спать. Н-но! — прикрикнул он на своего маштака и въехал в лес.

Небыков не знал, что сотня, из которой он так во время был изгнан и которая, вместе с тремя сотнями от других полков, прикрывала дивизионный тыл, ровно через час попадет в такую переделку, что его низенький вороной маштачек навряд выдержал бы и уж наверняка погубил бы своего хозяина.

III

Далеко ли он отъехал от сотни и по той ли дороге ехал, по какой следовало — Небыков не знал. Если бы его спросили об этом, он наверное махнул бы рукой и равнодушно пробасил бы : « а хто-ш ево знаеть, чи правильно еду, чи не. Должно, правильно »... И подумав минутку, прибавил бы : « Правильно! Ейбо, правильно! Гляди, как Воронок строчить... Но беда была в том, что некому было спрашивать Небыкова. Самому же ему ниразу еще не пришла в голову такая, казалось бы, естественная мысль. Да, признаться, и не могла никак придти, ибо Небыков, как только въехал в лес, так почти тотчас же заснул, как проклятый. Покачался-покачался в седле, взад-вперед и убаюкался. Голова, как-то сама собой, склонилась на грудь, фураженка-хаки немедленно сползла на нос и... не стало храброго казака — грозного разорителя вражеских тылов. Вместо него на тощем низеньком меринке тюлюпалась мешковатая квадратная фигура, крепко державшаяся обеими руками за луку.

Бедному Воронку приходилось отдуваться одному. Умная была лошаденка у Небыкова. Размахивая непомерно большой головой, с длинной и жиденькой чолкой, не чувствуя повода, Воронок быстро перебирал ногами, время от времени пофыркивая и кося яблоком блестящего глаза на придорожные кусты. Спешил он так, будто понимал, что командир прогнал его хозяина на кухню, а с ним, стало быть, и его — Воронка — на коновязь, где всегда, хоть и понемногу, но во время дают овсеца и вдоволь — ешь, сколько влезет — сена. Вот эта-то коновязь и связанное с ней лошадиное благополучие и манили так к себе черного, как жук, конька, смертельно уставшего за бессонную ночь, проведенную в дикой, сумасшедшей скачке. А тут еще сам хозяин так не во время вздумал спать. Кабы знал он, во что обходится бедным лошадям этот казачий сон на походе. Одну минуту кажется, что объятый сном хозяин валится из седла на левую сторону — седло кренится на бок, надо срочно надувать до отказа живот, чтобы натянуть ослабшие подпруги и этим предотвратить катастрофу. Только что справишься с бедой, глядь, а хозяин тычется вправо — опять надувайся и весь подавайся влево... И седло беспрестанно ерзает по спине, трет холку в кровь — страшно становится при одной мысли об этом... Да, кабы люди были, как люди — бедным лошадям не приходилось бы переносить совершенно ненужных страданий... И чего это вздумалось хозяину Воронка ввязаться в эту историю с набегом на неприятельский тыл? Воронок с самого начала не одобрял этой затеи. Так ему не хотелось, на ночь глядя, выходить вчера из-под навеса седлаться! Потом началось такое, чего Воронок за всю свою шестимесячную службу в полку ниразу не испытывал. Грязное болото, теснота, давка... Скачка по бревнам, стрельба, опять скачка, опять стрельба... Фрр..., противно и вспоминать! Отвык уже Воронок от всего этого. Полгода назад, когда он с хозяином прибыл в сотню, было нечто подобное. Гоняли их и туда и сюда, седла, иной раз, по нескольку дней не снимали. Но, слава Богу, через месяц все это кончилось. Хозяина заставили кашеварить — не получалось у него ничего в сотне. Что ни начнет делать — крик кругом, люди зубы показывают и даже старые опытные кони, много перевидавшие на своем веку, и те не выдержут, бывало, и заржут... Ну, а на кухне все пошло по иному. Во-первых, хозяин почти не седлал Воронка, все время на попонке ездил. Во-вторых, ночи наступили спокойные. В сотне шум, движение, собираются выезжать, а Воронок, вместе с упряжными кухонными лошадьми, спит себе на всех четырех ногах, да изредка, так, для пищеварения, пережевывает клочек сена... А теперь занесло их за десять верст от привычной стоянки, в чужие леса, где все так странно, ново и опасно. Ежеминутно надо настораживаться, поднимать уши и слушать... Нельзя иначе, расчитывать, ведь, на случай беды, не на кого, хозяин — то спит...

Долго шел Воронок, предоставленный самому себе, пока не дошел до одного места, сильно его смутившего. Дело в том, что от большой дороги, которую он отлично помнил, влево отходила маленькая дорожка, показавшаяся ему очень знакомой. До того знакомой, что он, не долго думая, взял и свернул на нее. Но сейчас же на него напало сомнение. Его потянуло назад. В нерешительности, он остановился. И вот тут-то Небыков, переставший чувствовать ход Воронка, убаюкивавший его, очнулся. И как только очнулся, на весь лес гаркнул :

— Н-но! Спишь, гадюка!

Воронок в удивлении « насторбучил » уши — никак проснулся? — и не двинулся с места. И не стоило двигаться — Небыков немедленно отменил команду :

— Тпрру!... — натянул он почему-то повод, должно быть, с просонья, и кулем свалился на земь.

Воронок заметно повеселел — с пробуждением Небыкова с него снималась всякая ответственность за опасное и неприятное путешествие...

Небыков постоял около ближайшей сосны. После долго чесал за ухом, соображая, где он, собственно, находится. Вспомнил, что едет он из набега на полковую стоянку, а вот куда его завез мерин — один чорт, должно быть, знает... Размышлять, однако, нечего — надо ехать... Небыков, не торопясь, снял винтовку, патронташи, шашку, пояс с флягой, шинель. Приторочил последнюю к седлу, вооружился и, взяв Воронка за повод, пошел, не колеблясь ни одной секунды, вперед по маленькой дорожке. Воронок покорно следовал за своим хозяином, всем видом своим показывая, что теперь он, что бы ни случилось, ни за что не отвечает...

Время приближалось к обеду. Погодка стояла ясная, осеннее солнце в местах, где сосны отступали от дорожки в сторону, приятно согревало тело. Небыков чувствовал себя недурно и с удовольствием разминал затекшие во время сна члены. Почувствовав голод, он достал из переметных сум большой кусок холодного мяса, оставшегося вчера после вечерней раздачи сотенного обеда, и держа его в зубах, ломал руками краюху хлеба...

Позавтракать Небыкову все-таки не пришлось. Между редкими и высокими соснами, в каких-нибудь двухстах шагах от себя, увидал он вдруг густой столб дыма. Первая мысль, пришедшая в голову Небыкову после короткого оцепенения, была та, что он доехал, наконец, до заставы сотника Скасырского. Он уже обрадовался, хоть и забыл, что следовало передать сотнику от командира сотни. Но почему-то радость его быстро сменилась какой-то непонятной тревогой. Под влиянием этого нового чувства, он поспешно запихнул мясо и хлеб обратно в сумы и вскочил — ловко так — на Воронка... Не отдавая себе отчета в том, что он делает, Небыков обнажил палаш и шагом, осторожно, стал продвигаться вперед. Скоро он увидел узкую просеку, пересекавшую его дорогу. Небыков попридержал коня, не зная, что предпринять дальше... Где дым — там должны бы быть и люди. Хорошо — свои, казаки.. а если австрийцы?

Стараясь не шуметь, Небыков вложил шашку в ножны, слез и бросив Воронка, с винтовкой в руках, побежал, пригнувшись, к просеке... Сердце его забилось сильно и часто... Вправо, в сотне шагов от него, у большого костра под соснами сидели трое австрийцев — двое спиной к нему, третий боком... На другой стороне просеки находилась распряженная повозка и около нее лошадь, евшая дачку...

Через минуту Небыков сидел на Воронке. В руке у него снова блестел палаш. Ничего не подозревавший, Воронок получил такой удар по животу тяжелыми хозяйскими каблуками, что с места рванулся карьером и чуть не свалился с копыт, сворачивая на просеку.

А Небыков страшным голосом, наполнившим, казалось, весь лес, орал :

— Ур-р-ра!... Ур-р-ра!... Ги-и-!...

. . . . . .

Через четверть часа все было готово к отъезду. На запряженной повозке чинно, рядышком, сидели пленные австрийцы и со страхом посматривали на свирепого казака, так напугавшего их. Небыков же деловито осматривал полянку, с весело трещавшим на ней костром — все ли, дескать, забрали? Ничего не обнаружив, он махнул палашем и скомандовал :

— Трогай!

Повозка тронулась и свернула на дороге влево — в сторону, откуда прибыл Небыков. Тот не обратил на это никакого внимания. Зорко наблюдая за пленными, он заранее предвкушал удовольствие от будущей встречи с командиром сотни.

— Небось, не зашумить теперича на меня, — думал он.

Небыков не подозревал, что повозка, которую он к вечеру с великими приключениями доставил в штаб полка, стоила больше, чем все три австрийца-пленника вместе взятые. Это был почтовый фургон, развозивший по позиции письма, газеты, журналы, книги, посылки, то, за чем всегда охотились штабы, как за чрезвычайно ценной и редкой добычей. Не подозревал Небыков — по отсутствию воображения — и того, что через неделю на его груди забелеет маленький серебряный крестик на желточерной ленточке, а через погоны с цыфрой 16 ляжет свеженькая лычка приказного...

Из всей этой истори ничего не выиграл один Воронок. Его заставили опять скакать... На поляне он попал ногою в костер, сильно обжегся... И вдобавок, идти стало куда тяжелей — на передней луке седла болтались, мешая идти, три тяжелых австрийских винтовки...

Сворачивая на большую дорогу, вслед за повозкой с австрийцами — Небыков не указывал дорогу пленникам, только помахивал палашем, вполне логично рассудив — редко это с ним случалось, — что раз они едут в плен, должны же они знать, где находятся русские позиции? — Воронок недовольно фыркнул и замотал головой. В осовелых

глазах его можно было прочитать затаенную лошадиную мысль :

— Эх, и дернуло же меня давеча свернуть тут с дороги...

† **П. Аврамов**

С РУССКОЙ ПЕСНЕЙ ПО БЕЛУ СВЕТУ.

(Все права сохраненн за автором).

(Продолжение № 82).

1938-й год явился для нас, принявших православие, 950-тилетним юбилеем крещения кн. Владимиром Руси. Проф. Шведовым была написана кантата, приготовленная к этому великому событию в жизни нашего Отечества. Объяснить сущность этого сложного музыкального произведения мне не по силам, а потому передаю это объяснение самому автору К. Н. Шведову, изложившему на страницах печати глубинный смысл своего творчества. Вот что пишет профессор.

« Весной этого года С. А. Жаров обратился ко мне с предложением написать для его хора сочинение, в котором бы, в связи с Владимирским юбилеем, прошла перед слушателями вся история русского государства. Я это предложение отклонил, исходя из того, что такая грандиозная тема, во первых, вообще не по средствам какого бы ни были хора (тут потребовался бы и оркестр), а во вторых, Владимир вовсе не был основателем Русского Государства, а лишь (как поется в « Величании ») « святым крещением просветил его », Поэтому я тему изменил, сузив ее до пределов « влияния христианства (и православия) на судьбы русского государства.

Как бы мы не относились к религиозным вопросам в настоящее время, мы не можем отрицать, что это влияние, действительно, существовало и, чем дальше в глубь веков, тем оно было сильней. Особенно легко было заметить его в годы татарского ига, когда русские — христиане — боролись против татар — магометан, и в Смутное время, когда православие столкнулось с католичеством.

Этим двум периодам и отводятся главные места в моей Кантате. Труднее было проследить это влияние в более поздние периоды и поэтому я упоминаю только о некоторых исторических фактах, в которых, как мне кажется, это влияние было более или менее заметным.

Но одно дело — выбирать тему, а другое — ее оформить в словах и звуках. Музыкальный материал, которым я предполагал воспользоваться (для того, чтобы сделать понимание Кантаты более легким) — у меня наметился. Но за текстом была остановка. Я не мог обратиться к какому-нибудь поэту за помощью, так как дело было не только в том, чтобы написать текст, а в том, чтобы он был приспособлен к тем музыкальным идеям, которые я предполагал провести.

Особенная трудность была еще в том, что все огромное содержание Кантаты нужно было уложить в сочинение, продолжительность которого не превышала бы 12 минут. Поэтому все время нужно было лететь вперед, не останавливаясь на тех моментах, которые бы, при других условиях, заслуживали большего внимания.

В конце концов, текст был составлен. В нем мне очень пришлось менять размер стиха, помешать невыдержанные по слуху строки, кое-когда вводить даже прозу. Все это делалось потому, что этого требовал ритм музыкальных тем, выбранных мною.

Я отлично вижу все недостатки моего текста и прошу отнестись к нему поснисходительней, вовсе не претендую на лавры стихотворца, а во-вторых, единственной моей целью является желание помочь разобраться в довольно сложной Кантате тем, кто ее слышал, и может быть, услышит в будущем.

Кантата к 950-летию Крещения Руси.

(Слова и музыка К. Шведова).

Величаем Тя, святый Равноапостольный Княже Владимире, и чтем святую память твою, идолы поправшего и всю Российскую Землю святым Крещением просветившего.

Свет Христов воссиял на Руси!
Но тучи черные
Вокруг собираются,
Хотят затмить они

Им ненавистный свет,
Клубятся, кружатся
И набегают вновь,
Как стан хищников
На жертву слабую.
И злобой темною
Еще полны сердца,
Кипит вражда кугом
Междоусобная,
И льется кровь
Льется... Русская... Братская... Кровь...
Татарский полон:
И уж не дремлет зоркий враг,
На Русь орда татар валит.
Пожаром путь их освещен
И кровью русскою залит.
Свирепствует Батый, как ураган,
И верх берег над Русью хан.

Стоном стонет злосчастная Русь,
Под ярмом басурман изнывая,
Плачем плачет бессильная Русь,
Перед ханом главу преклоняя...
Свет Христов поразит Ислам!
Проходит тема «Славы»:
Но уж над Русью заря занимается,
Крепкая власть на Москве зачинается,
Люд русский к ней отовсюду стекается,
На басурман рать идти собирается,
С благословенья игумена Сергия
Димитрий, Московский князь, в бой
отправляется.
Знаменитый распев:
С нами Бог. Разумейте языци и покоряйтеся,
яко с нами Бог!

Тема Татарского полона:
Знает поле то Куликовское,
Как рубилися люди русские,
Как бежал Мамай в Золоту Орду,
Как вопил: «Велик, велик Русский Бог!
Тема «Славы»:
И уж не страшен Руси пораженный враг,
Прочь гонит ханских послов православный
царь,
Падают крепкие стены Казанские
И Астраханское царство смиряется,
Перед русским стягом склоняется долу,
Склоняется ханский бунчук!..
Но новые скорби Русь бедную ждут
И новые недруги к ней уж идут.
Царь Грозный преставился. Кончился род.
Как овцы без пастыря — русский народ...
И вековечная,
Исконно — русская
Уж зачинается
Разноголосица; —
Среди князей — бояр
Идет великий спор: —
Кто больше всех других
Достоин быть царем.
И разливается
Волной широкою
По всей родной земле
Междоусобица,
И тень царевича
Повсюду носится
Кровавым призраком,
Вопросом тягостным...
И всюду слышен спор,
Везде кипит раздор;
Куда ни глянет взор, —
Везде раздор, раздор...
Тема мазурки из оперы: «Жизнь за Царя»:
И хитро прищурясь, крутя длинный ус,
Король Сигизмунд уж забрать хочет Русь.
Из Польши в Москву Самозванец идет
И люд легковерный с собою ведет.
И ляхи сидят уж в Московском Кремле,
И рыщут их шайки по Русской Земле.
И звуки мазурки в Престольной звучат, —
И тот-же кровавый средь русских разлад...
Победу справляет король Владислав;
С ним вместе ликует весь Римский конклав.
Иезуит на Русь идет
И веру чуждую несет!..
Свет православья спасет страну.
И шлет посланье Гермоген.
Звучит в словах его укор.
Зовет он распри позабыть
И ляхам должный дать отпор.
И мудрый Минин-Сухорук
Уж ополченье создает,
И князь Пожарский, храбрый вождь,
На бой с врагом его ведет.
«Заложим жен мы и детей,
Но Землю Русскую спасем!»
И крепок рати дружный шаг,
И прочь бежит кичливый враг,
И белый клобук — наверху,
Тиара папская — внизу,
И правит Русью, как и встарь,
Свой русский, православный царь,
Тема «Славьяся» из оперы «Жизнь за Царя» М. И. Глинки.
И Русь с надеждою вдаль глядит,
И звон колокольный повсюду звенит.
«Славься, славься, наш русский царь!
Господом данный нам царь-государь!»
Дин, дон, дин, дон, дин, дон...

**
*

Прошло много лет с той далекой поры
И многие славные в землю ушли.
Терпела не раз пораженья страна

И много побед одержала она.
Но ясный, зажженный Владимиром, свет
Оставил в стране благодатный свой след,
И верная дочь красоты и добра,
Как светоч во мраке, сияла она.
Начало Марсельезы :
И царь Александр возглавляет союз,
Избавивший Запад от деспота уз.
Начало Болгарского гимна :
Другой Александр, брат гонимых славян,
Идет на Балканы унять басурман.
Начало имна Соед. Штатов :
Вот бьется за жизнь свою новый народ,
И Русь шлет Америке в помощь свой флот.
Начало Итальянского гимна Гарибальдийцев :
Огнем дышет Ґтна, Мессина кипит,
И русский моряк к итальянцам спешит.
Тема « Анданте » из 5-ой симфонии П. И. Чайковского :
Искусство Руси... Кто не знает его?
Проникнуто правды сияньем оно.
Зовет оно к миру, зовет к милосердью,
Зовет оно к свету, любви всепрощенью...
И пусть этот свет будет вечно в нем жить
И всем на земле неустанно светить!
Слава Святому Владимиру!
Слава несущим в мир истину!
Правды, добра, красоты всем служителям
Слава, слава, слава! ».

К. Шведов.

К Кантате, центральному номеру новой программы, Жаров отнесся не только с обычным рвением, но и с каким то непрерывным горением, что невольно передалось и всему хору. Выучена и отшлифована она была безукоризненно. Кроме Кантаты, готовилось еще 14 номеров, менее сложных, дававшихся хору без больших усилий и с меньшей затратой времени. Запомнить эти новые номера ввиду обширности нашего репертуара и безошибочно их отнести к сезону 38-го года я не берусь, но Кантату Шведова, приуроченную к 950-тилетнему юбилею, помню хорошо.

Для проверки уже готовой программы, хор отправился в недалеко лежавший курорт — Бад-Ноенар. С. А. Жаров с женой ехали на этот концерт в легковой машине, предоставленной, сдружившимся с хором, местным врачем. Небольшой курорт имел хорошее казино с довольно просторным концертным залом. Первый концерт новой программы хор пел, естественно в приподнятом настроении, с особым вниманием, и был хорошо принят нарядной публикой, заполнивший зал.

Возвращались мы в Бад-Эмс тем же автобусом, за исключением регента, воспользовавшегося автомобилем доктора. Темная ночь, неширокая дорога, обсаженная по обеим сторонам большими деревьями, многие сидевшие впереди задремали, а кое-кто и спал. Я сидел в третьем ряду у окна, изредка перебрасываясь фразами с соседом. Проехали по пути. На пустынной в ночное время дороге, наше внимание привлек ехавший нам навстречу грузовик. За легким поворотом, создалось впечатление, что катится он по левой стороне. Шофер нашего автобуса начал давать световые сигналы грузовику. Через мгновение, уже на прямой линии, стало ясно, что он мчится прямо на нас и столкновение неизбежно. Чтобы избежать прямого удара, наш шофер стал забирать влево, когда автобус оказался посередине шоссе, шофер грузовика, очевидно, очнулся и тоже вильнул в нашу сторону и сбил окончательно влево. Перед глазами молниеносно вырос толстый ствол дерева, в который автобус врезался на полном ходу. Хорошо помню, как мой, физически сильный, сосед наклонил голову и уперся руками в переднее сидение, но не представляю себе, как я оказался на земле на ногах у открытой двери, рядом с шофером. Я заглянул внутрь автобуса и у видел, что все впереди лежали без движения. Проходяших автомобилей не было, но где то вправо я заметил свет и стал неистово орать в ту сторону: « Хильфэ, Хильфэ ». — Кто-то из молодежи вылез через крышу, автобус был сверху открыт, и с проклятиями пытался догнать удиравший грузовик. Постепенно начали выносить и класть рядком на траву лежавших без чувств хористов. Внутри автобуса царил полный хаос: все сидения оказались сорванными со своих мест и нагромождены в передней его части, люди лежали без сознания, среди них и шофер автобуса. Наконец появилась первая проезжавшая машина. Кое-как уложили в нее двух тяжело раненых и при сопровождающем отправили в ближайший госпиталь, кажется в Кобленц. Через короткий промежуток времени, остановился еще один проезжавший автомобиль, и в него уложили троих тяжело раненых. Разновременно подошли еще два автомобиля, в которые мы усадили всех остальных нуждавшихся в скорой помощи, а сами остались поджидать автобуса, который отвез бы нас в Бад-Эмс. Но вот приехала наконец полиция. Осмотрев автобус, первым делом спросила, сколько убитых. Автобус действительно имел жуткий вид. Удар о дерево был настолько сильным, что толстая средняя штанга шасси пробила насквозь древесный ствол и вышла с другой стороны на целый фут, радиатор и вся перед-

няя часть были сплющены, так что в мотор нельзя и заглянуть. Полиция с сомнением отнеслась к нашему заявлению, что убитых нет, но тяжело раненых, отправленных в госпиталь в безсознательном состоянии, было шесть человек, включая и шофера. Хор того времени состоял из 34-х человек, но после катастрофы насчитали около автобуса всего 18 человек. Подошел ожидаемый автобус и ствез нас в Бад-Эмс. Так трагически закончилась поездка хора в Бад-Ноенар. Утрение газеты пестрели крупными красными заголовками о большом несчастьи с хором. От администрации мы получили извещение о необходимости всем явиться на медицинский осмотр, на котором выяснилось, что все уцелевшие получили ушибы и ссадины.

Мое левое колено оказалось синим и сильно распухло, у кого то ссадина в паху и т. д. Кроме того порваны сапоги, шаровары и гимнастерки. Выяснилось и положение наших тяжело раненых. Сильнее других пострадали бас, у которого от удара разошлись швы на голове, и баритон, получивший двойной сложный перелом ноги в колени и у бедра. У других помяты внутренности, выбиты зубы, рассечена кожа на голове, да так, что обнажился череп и т. д.

А через день, после Бад-Ноенар, уже начиналось регуляное концертное турнэ. И в назначенное время мы все же выступали. Этот первый концерт состоялся в Висбадене, в роскошном зале Курхауза. Каким составом пел хор концерт, не могу сказать с точностью, — кажется, на сцену вышло чуть больше 20-ти человек, считая с танцорами и регентом; кто вышел, а кто выполз. За одним, сильно хромавшим хористом, служащий нес стул, за который хромой держался все время концерта. Хромали все, т. к. у большинства непострадавших нижняя часть тулсвища, и в особенности ноги, были в синяках. Зал был полон. Надо было видеть и слышать, какими апплодисментами встретили слушатели хористов и регента при выходе на подиум. Публика выражала так много трогательной радости, что в столь большой катастрофе никто не погиб и хор все же поет. Нам платили, как за пережитое, так и за все прошлое.

Последующий концерт хор пел в небольшом городе, по пути в Берлин, куда подъехали кое-кто из раненых хористов. На третий день в киностудии Носбабельсберг, под Берлином, где мы напели два номера для какого то фильма, появились и другие справившиеся хористы. Так, постепенно, через три недели к нашему отъезду в Новый Свет вернулись из госпиталя все, за исключением двух, весьма ценных солистов, (бас и баритон), оставшихся в госпитале. Бас вернулся в хор по возвращении из С. А. Ш., а баритон позднее в августе 39-го года.

США

Доброволец Иванов.

(Прдолжение следует).

ПОМОЩЬ СОТНИКУ В. И. СЫЧЕВУ.

Поступило до 1-го июня 1969 г.: г-жа Халеева П. Г. (старейшая казачка Терского Войска 97 1/2 лет) 50 фр., Кузнецов В. М. 50 фр., Кузнецов Л. В. 50 фр., г-жа Сергеева А. В. 200 фр., Уваров А. Л. 100 фр., Артемов С. В. 10 фр., Богаевский Б. А. 20 фр., Ломакин Н. А. 20 фр., Николаев И. Е. 20 фр., Балданов С. Ш. 10 фр., Казинцев Н. П. 50 фр., Жибров К. Т. 10 тр., Падалкин А. П. 5 фр., Пузанов Н. Ф. 20 фр., Донское Войсковое Объединение 50 фр., Дамский Комитет Казачьего Союза 50 фр., Костя из Тамбова 50 фр., Монаенков В. И. (три взноса) 30 фр., Иванов М. И. 50 фр., г-жа Иванова К. П. 50 фр., г-жа Калиманова А. А. 5 фр., Додонов Н. Ф. 5 фр., Монастырева П. Т. 5 фр., Православный приход в городе Шавиль через М. П. Сергеева 20 фр., г-жа Мащенко К. С. 10 фр., Гончаров Ф. Ф. 10 фр., А. А. Леонов — 50 фр., Е. Е. Ковалев — 20 фр. Всего поступило 1020 франков.

Из пожертвованной суммы В. И. Сычеву переведено 500 французских франков.

От имени сотника Сычева выражаю глубокую благодарность жертвователям за их щедрую отзывчивость. Легко и отрадно на душе от сознания, что не очерствели казачьи сердца.

Сбор пожертвований продолжается.

Пожертвования можно направлять:

1. На текущий счет Казачьего Союза

UNION DES COSAQUES № 21. 201-10 PARIS

2. На имя председателя Казачьего Союза:
Monsieur B. Kouznetzoff
37, rue Galliéni, 92 — MALAKOFF, France

3. На имя редактора « Родимого Края »:
Monsieur B. Bogaevsky
230, av. de la Division Leclerc,
95 — MONTMORENCY, France

Председатель Казачьего Союза: **В. Кузнецов.**

ИЗ КАЗАЧЬЕЙ ЖИЗНИ ЗА РУБЕЖОМ.

◆ **В Обще-Казачьем Союзе в Сан-Франциско.** — 16 марта в Казачьем Доме состоялось расширенное заседание правления — Малый Круг Обще-Каз. Союза в Сан-Франциско, который прошел под председательством Г. К. Бологова, председателя Союза, при участии атаманов Енисейской, Кубанской, Оренбургской станиц и атамана Донского хутора. Было решено созвать 25 ежегодный большой Круг Обще-Казачьего Союза.

В воскресение 30 марта в храме Богородице-Владимирской Обители после литургии был отслужен молебен препод. Алексию, небесному покровителю Дальневосточных Казачьих Войск, на котором присутствовало много казаков и казачек-членов Обще-Каз. Союза, атаманы станиц и представители общественных и военных организаций.

● В воскресение 20 апреля **Союзом Донских казаков, Донской Центральной имени Атамана Краснова станицей в Нью Йорке, станицей имени Атамана Платова в Патерсоне, Донской станицей имени полк. Чернецова в Фарминг-дайле, Кубанской станицей в Ред Бенке, станицей « Родная Кубань » в Лейквуде** в 10 часов 30 минут была отслужена общая панихида по всем павшим, убиенным и скончавшимся казакам и казачкам у памятника « Казаки — Казакам » на Свято-Владимирском кладбище в Джексоне (Нью Джерси).

Там же в 12 часов, возле часовни Св. Иоанну Крестителю, строящейся в память жертв Лиенцевской трагедии **Комитетом Помощи Казакам Ди-Пи и правлением фонда по постройке часовни** была отслужена панихида по жертвам Лиенцевской выдачи — казакам и их семьям и по другим православным людям, замученным и убиенным безбожной коммунистической властью.

◆ 25 мая в Париже, в Доме Русского Воина, востоялась ежегодная **пасхальная встреча,** устраиваемая Дамским Комитетом Казачьего Союза.

◆ Исполнилось 90 лет проживающему в Буенос Айресе митрофорному протоиерею Тимофею Соину, донскому казаку. Отец Соин жил при трех русских императорах и прожил 34 года под советской властью. В Аргентину отец Тимофей приехал в 1948 г. Будучи в СССР, он провел несколько лет в концлагере на Соловецких островах. Попав заграницу, чудом избежал выдачи в Лиенце.

Редакция « Р. К. » шлет юбиляру, своему верному читателю, свои наилучшие пожелания.

◆ **Донской Казачий Хор С. А. Жарова.** — После многомесячного турне по Европе, в начале апреля хор вернулся в Нью-Йорк. Хористы настолько переутомлены, что было решено в этом году не делать традиционного концерта в Карнеги Холл. Во время поездки по Европе хор дал 149 концертов в разных городах и странах, не считая выступлений по радио и регистрации грамофонных пластинок. Все участники Хора до осени разъехались по домам для отдыха.

◆ Полк. Ф. И. Елисеевым выпущена брошюра **№ 6 « Оренбургское Казачье Военное Училище ».** Выписывать у издателя:
Elysseev. 66 Fort Washington ave. Apt. 25.
New York, N. Y. 10032. USA

В начале этого года автор перенес весьма серьезную операцию. Редакция « Р. К. » шлет полковнику Елисееву свои искренние пожелания улучшения здоровья.

● Н. Н. Воробьевым выпущена книжка **« Стихи о разном »,** с казачьим отделом, Ее стоимость 2 долл. или 10 фр. Выписать ее можно из редакции Р. К. ».

◆ Вышла третья книга стихов **« Лучь »** Порфирия Юшкина Котлубанского Ожидается ее получение в редакции.

◆ Раз в год Союз Инвалидов выпускает большую газету **« Военный Инвалид ».** В № вышедшем в мае этого года — две больших статьи ес. Е. Е. Ковалева: « Мамантовский рейд »

и « Второй рейд Донской конницы в 1919 г. ».

◆ **К выборам Донского Атамана.** — 18 мая, по инициативе Донского Войскового Объединения во Франции, в Париже состоялось собрание донских казаков для обсуждения вопроса о выборах Донского Атамана за рубежом, на котором присутствовало 31 казаков и казачек.

Председателем собрания единогласно был выбран подъесаул А. П. Падалкин, секретарем — инженер Б. А. Богаевский. Открыв собрание, председатель сообщил, что помимо присутствующих на собрании прислали свои пожелания и полномочия 65 казаков и казачек. Постановлено их голоса при голосованиях присоединять к учету.

После обмена мнений и обсуждения обращений Н. В. Федорова и Донского Войскового Совета по поводу выборов Донского Атамана за рубежом, собрание, большинством голосов при двух воздержавшихся, постановило обратиться к ДВС с предложениями:

1 — Изменить систему выборов путем создания Главной Избирательной и Контрольной Комиссий из представителей всех донских казачьих организаций (или из их большинства), а не только из лиц, состоящих в ДВС.

Для того, чтобы Атаман имел авторитет и был символом объединения, необходимо, чтобы он был избран широкой массой казаков, вне зависимости от их политических убеждений (кроме конечно, коммунистов и им симпатизирующих) под руководством и контролем органов, в которые бы вошли представители разных политических течений.

2 — Собрание считает, что ДВС присваивает себе самовольно законадательную роль, не считаясь с мнением большинства донских казаков заграницей, как в отношении создания Избирательной и Контрольной Комиссий, так и ограничивая имеющих право голоса по своему усмотрению.

Избранный в таких условиях атаман не будет Донским Атаманом, а будет главой лишь определенной группы лиц.

3 — Донские казаки во Франции, в массе своей не питающие ни к кому неприязни, считают, что Атамана выбирать нужно, но он должен быть выбран большинством донских казаков за рубежом, а не только группировками, так называемого « организованного » казачества, следующего директивам ДВС. Они проникнуты стремлением к объединению, но с большим огорчением принуждены констатировать, что выборы в той форме, в которой они предложены в обращении ДВС, затрудняют возможность единения и исключают их участие в выборах, если ДВС не найдет возможным или не пожелает считаться с высказанными пожеланиями.

УШЕДШИЕ.

† 14-го апреля, с. г., на второй день Святой Пасхи, в доме отдыха для престарелых в городе Иер (деп. Вар — Франция) скончался подъесаул Всевеликого Войска Донского Александр Алексеевич ПЯТНИЦЫН.

А. А. Пятницын, казак Грушевской станицы, Черкасского округа, родился в Петербурге в 1897-ом году. Семья Пятницыных известна была в Грушевской станице. Дядя Александра Александровича был станичным атаманом в ней, а отец его, попав в Атаманский полк, остался в нем на сверхсрочную службу, как штаб-трубач. К нему с Дону переехала его жена. Таким образом донская станичная семья очутилась в столице. Там она разрослась, в ней было не меньше 6-ти детей, из них Александр был младшим. Нелегко было штаб-трубачу выращивать такое число птенцов на свое скромное жалованье. Однако родной полк учитывал тяжесть содержания семьи для штаб-трубача и помимо жалованья предоставлял ему некоторые побочные преимущества. Семья Пятницыных могла-бы жить сносно, если-бы не произошло несчастие — смерть отца в момент, когда Александру было 3 года. Осталась мать с многочисленными сиротами, но не расстерялась она. Благодаря трудолюбию, упорству и стойкости характера она « вывела детей своих в люди ».

Александр рос полковым мальчиком. Он все время находился в толще казачьей. Донские песни с ранних детских лет услаждали его слух, еще мальчиком он начал танцовать казачка. Не хватало ему родных степей. В

раннем возрасте он состоял в полковом хоре.

Из-за недостатка средств мать не могла дать Сашеньке большого образования, однако ему удалось окончить высшее начальное училище.

В 1914-ом году началась война. В возрасте юноши Александр покидает свою мать и идет добровольно на фронт. По прошествии некоторого времени он, как вольноопределяющийся 2-го разряда, откомандировывается в школу прапорщиков, по окончании которой зачисляется в запасный батальон города Курган в Сибири.

Не по душе казаку служба в воинской части, составленной из людей с разных концов России. Молодого прапорщика тянуло к родным донцам. Он настойчиво начал ходатайствовать о переводе. Ему удалось добиться этого благодаря его поездке в Петроград и личной просьбе, обращенной к генералу А. П. Богаевскому, бывшему в то время начальником штаба походного Атамана Казачьих Войск.

А. А. Пятницын командируется на кавказский фронт, в 6-ти Донской пеший батальон, с которым участвует в боях против турок и курдов.

После революции, в 1917-ом году 6-ой батальон возвращается на Дон и размещается в слободе Михайловке. В него вливаются распропагандированные казаки местных команд. Боевая часть теряет свой прежний облик, превратившись в скопище недисциплинированных людей.

В конце 1917-го года, после Октябрьской революции, в слободе Михайловке происходит большевицкое восстание с избиением офицеров. А. А. Пятницын с другими офицерами, спасаясь от самосуда, направляется пешком на Новочеркасск. По дороге их арестовывают с целью отправки в революционный комитет станции Морозовской. Спасают их казаки-старики.

Александр Алексеевич достигает столицы родного края в трагические дни, предшествующие уходу степняков за Дон. Он не колеблясь поступает в сотню смертников полковника Гнилорыбова и участвует от начала до конца в Степном походе, во время которого был ранен в ногу.

Дальше — радостное переживание момента восстания родных донцов и наконец организованная борьба Дона против красных полчищ. Во все время этой борьбы, вплоть до эвакуации из Крыма, Аленсандр Алексеевич остается в рядах армии.

1920-ый год, Константинополь, Лемнос и наконец Болгария, где А. А. женится на терской казачке Валентине Ивановне Халеевой.

В 1923-ем году молодая чета переезжает в Париж, где она вступает в число скромных заводских рабочих на предприятии, изготовляющем резиновые изделия. Александр Алексеевич работает там без перерыва 40 лет, заняв через некоторое время место шефа. В новой профессии он остается таким же, каким был на военной службе: точный в исполнении своих обязанностей, крайне добросовестный, разумно требовательный шеф, он снискивает уважение подчиненных, дирекции и хозяина. При уходе в отставку дирекция устраивает в честь его банкет, на котором присутствуют служащие и рабочие завода.

Казалось-бы, судьба должна была вознаградить Александра Алексеевича за его безупречную жизнь, обеспечив спокойной старостью. Но она оказалась к нему жестокой, лишив вначале здоровья его жену. Пять лет он, находясь в доме отдыха для престарелых, ухаживал за любимой женой, стараясь облегчить ее страдания. На 6-ой год заболел сам, заболел и через 4 месяца скончался. Жестокая болезнь одолела крепкий организм Александра Алексеевича. Сильно страдал он, скрывая свои мучения и стараясь не тревожить лежавшую около больную любимую жену. Ему ампутировали правую ногу выше колена, стонов не было слышно. Доктора, лечившие его, были поражены редким мужеством пациента.

19-го апреля 1969-го года на русском кладбище в Сент-Жененьев-де-Буа появился свежий курганчик из глинистой земли. Он прикрыл тело Донского казака Александра Пятницына.

Пусть та залетная пташка, о которой говорится в казачьей песне, очутившись во французском небе, не пролетит мимо могилы казака Пятницына, пусть сядет на ее курганчик и споет: « как жил-был казак на чужбине далекой и помнил про Дон свой родной ».

В. Кузнецов.

† Скончавшийся 14 марта с. г. в Париже, Донской Артиллерии полковник Михаил Тимофеевич Чернявский, станицы Раздорской н/Д., род. 30 окт. 1887 г., окончил Донск. кад. корпус в 1905 г., Михайл. Арт. Уч. в 1907 г. и ускоренный курс Николаевской Военной Академии в 1917 г.

Службу начал хорунжим в 4-й Дон. каз. батарее. В 1911 г. в чине сотника уволен на льготу и зачислен в 16-ю Дон. каз. батарею. В 1914 г. командирован на полевую службу в

3-ю Дон. каз. батарею, а с объявлением мобилизации переведен в 14-ю Дон. каз. батарею и 6 окт. произведен в подъесаулы. В 1916 г. назначен старшим офицером вновь формируемой 23-й Дон. каз. б-реи и произведен в есаулы В 1917 г. командирован в Петроград для прохождения ускоренного курса Ник. Воен. Академии, откуда, после октябрьского переворота, выехал на Дон и, по прибытии, зачислен в Полевой Штаб Дон. Атамана, а затем назначен помощником н-ка оперативного отд. Штаба Походного Атамана.

В составе войск Пох. Атамана участвовал в Степном Походе в отряде полк. Чернушенко. С 24-го апр. по 19 мая командовал отдельной батареей, а затем был назначен старшим адъютантом по оперативной части 2-й Дон. каз. дивизии постоянной Армии. За отличия в боях 26 авг. 1918 г. произведен в Войск. Старшины, а в декабре, за отличия по службе, в полковники.

Последовательно занимал должности: н-ка штаба 6-й Пласт. бригады и помощника н-ка штаба по оперативной части 8-й Дон. каз. дивизии.

В Крыму был делопроизводителем, а затем секретарем Контр.-Ликвидационной комиссии Донск. Армии. В эмиграции состоял в Союзе Дон. Артиллеристов, в Обществе « Михайловцев », где был секретарем, и в Обще Кадетск. Объединении.

После долгой болезни тихо скончался в госпитале и 18 марта погребен на кладбище в Сент-Женевьев де Буа. Мир его праху.

Е. Ковалев

◆ 28 марта тихо скончался в возрасте 95 лет Санжа Борисович Бембеков, всеми любимый и уважаемый, старейший калмык-казак.

Родился он в Чонусовской станице Сальского округа В. В. Донского, служил в 5-м Дон. Каз. Атамана Власова полку и возвратился в родную станицу старшим урядником. Был станичным атаманом, членом Войскового Круга всех созывов и постоянным членом земельного совета своего округа. По мобилизации — попал на турецкий фронт. За боевые отличия награжден Георгиевскими крестами 4-ой и 3-ей степени и медалью за храбрость, произведен в прапорщики, а потом дослужился до чина сотника. После оставления Крыма — Константинополь, Болгария и, наконец, Франция, куда С. В. прибыл с группой калмыков-казаков.

Почувствовав приближение конца, С. Б. попросил жену позвать дочерей и внуков и завещал им свято сохранять веру, обычаи и традиции своего народа, жить дружно. Скончался он на руках старшего внука Жана. Горячий патриот, добрый и отзывчивый человек, готовый всегда придти на помощь каждому, он тверсо хранил заветы прошлого, знал о старине. Все называли его — Ава, дедушка.

Провожать его пришла вся калмыцкая колония, приехали даже из провинции. Было много французов, были поляки и украинцы. Гроб утопал в цветах. Лично от себя и от имени Калмыцкого Союза надгробную речь произнес на калмыцком и русском языках С. Ш. Балданов, которого связывала с покойным 50-летняя дружба.

С моим глубоким сочувствием супруге покойного — Дарье Монживне — и всей его семье.

С. Ш. Балданов

† **Четыре ушедших.** — Год 1968 и начало 1969 г. для казаков и многих русских людей, проживающих в стольном голоде Америки, омрачились кончиной четырех донцов, имена которых известны многим.

Отошли в иной мир, мир вечности, полковник В. Н. Дронов, бывший окружной атаман Верхне-Донского округа, полковник С. П. Полковников, есаул В. А. Веселовский и А. Г. Терентьев. Все ушедшие — участники казаче-белого движения и борьбы за присуд родной земли и отчизны, ввергнутой большевизмом в бездонный омут разсрения, страданий и унижений. Незаживаемой болью приросли к сердцам ушедших поношения и унижения нашей Родины. И эта боль стала источником непримиримости их к поработителями обманутого русского народа и угнетателями-палачами казачества...

Святая непримиримость! Она являлась главной чертой их характера с лет молодости и до самого ухода из земной жизни. Главным делом этой жизни была борьба с сатанинской ложью большевизма, борьба за честь и правду, борьба за чистое казачье и русское имя. Светом этой борьбы смягчались нужды и тяжкие лишения, приносившиеся нередко судьбой. При свете непримиримой борьбы с самым большим злом нашего времени — большевизмо-коммунизмом выковывалась ушедшими гражданская мужественность и зрелость, без которых нельзя спокойно и стойко переносить горькую долю. Все четыре ушедших выдержали строгий экзамен жизни на звание достойных сынов родины, выдержали с честью и отошли в иной мир с именем непреклонных борцов за правду и честь отчизны, за благо родной земли и свое-

го народа, за законы Высшей Справедливости. Высокое имя! Высокое звание! Им следовало бы дополнить послужные списки ушедших. Они принадлежали к славной семье могиканов чести казачьей и чести общерусской. По минованию нашего безвременья такими людьми будут гордиться наши потомки.

Вечная память усопшим!

Добрая память о них в сердцах наших будет служить нам указателем пути, по которому мы должны направлять дни нашей жизни... Путь ушедших был православным, национально-патриотическим. Все они до последних дней находились в лоне Русской Зарубежной церкви и их отход в царство вечности благославлен был молениями в Свято-Предтеченском храме в Вашингтоне.

Ушли он нас одни из тех, которые стремятся быть полезными нашим общим задачам, как православных христиан, как сынов порабощенной нашей Родины и как граждан приютившей нас благородной Америки.

Каждый из ушедших заслуживает отдельного подробного некролога. К сожалению, условия печати не позволяют воспоминаниям об уходящих достойных людях уделять места больше кратких заметок. —

П. Юшкин-Котлубанский.

† В Пакистане, в городе Карачи, 3 апреля с. г. скончался казак Всевеликого Войска Донского Андрей Васильевич Решетовский, в возрасте 67 лет. 15-тилетним кадетом Донского Кадетского корпуса он принимал участие в подавлении восстания большевиков в Ростове в конце 1917 г. По окончании корпуса поступил в Атаманское Военное Училище. Во время отступления по Кубани заболел тифом и около станции Тоннельная попал в плен красным. Позже вернулся в Новочеркасск. Дважды неудачно пытался бежать за границу. Третья попытка, но уже из далекой Сибири, была удачной: в начале 30-ых годов А. В. Решетовский в морозную ночь перебрался через пограничную реку Уссури и затем пробрался в Харбин, где оставался недолго. Некоторое время служил полицейским в португальской колонии Макао и вскоре переехал в Пакистан, в г. Карачи, где и прожил до своей кончины, преподавая иностранные языки в школе Св. Патрика.

Да будет ему пухом чуждая земля... —

Б. Прянишников.

† 20 ноября 1968 г. в г. Неункиршен (Западная Германия) скончался инженер Леонид Григорьевич Крюков, Новочеркасской станицы В. В. Д., в возрасте 63 лет.

† 20 марта с. г. в г. Жиен (Франция) скончался И. В. Солдатов, 71 года, станицы Вешенской В. В. Д.

† 7 апр. в госпитале г. Монтаржи (Франция) на 79 г. жизни скончался Т. Коновалов, стан. Глазуновской В. В. Д.

† **Памяти Дины Яковлевцы Надалкиной**. Я знала ее с раннего детства. Ее родители были крупными землевладельцами в Крыму и очень баловали своего первого ребенка Дину, выполняя все ее желания. Выросшая в богатстве и роскоши, Д. Я. в отношении себя всегда была очень скромной, с детства отличалась добрым сердцем, особенно в отношении людей менее ее обезпеченных, не кичилась положением дочери богатых родителей. Всегда помогала своим соученицам — дочерям бедных людей, раздавая им не только свои обильные завтраки, но и носильные вещи.

Во время войны 1914-1917 гг., будучи гимназисткой, в своем родном городе Евпатории она записалась в Комитет Помощи воинам на фронте, заставляя своих родителей и богатых родственников шире открывать кошельки. Обладая большой красотой, после окончания гимназии имела много завидных женихов, подчас титулованных, но выходить замуж не спешила, а поступила на Московские Высшие Женские Курсы, желая стать преподавательницей в школе для крестьянских детей, которую собирался строить ее отец на своих землях. Но... судьба решила иначе.

Октябрьский переворот застал ее в родной Евпатории. И с этого времени началась трагедия ее жизни, доведшая ее до могилы на 68 году жизни. В дни революции и гражданской войны на ее глазах красногвардейцы убили двух ее родных дядей. Родители ее были ограблены до нитки и долгое время вся семья ютилась у бедных татар, которым в свое время не раз помогали отец Д. Я. и она сама.

Когда Крым был занят белой армией, Д. Я. работала в Белом Кресте по оказанию помощи белым воинам.

С весны 1920 г. в доме ее родителей, в Евпатории, находилась Донская Комендатура. В силу своего общительного характера Д. Я. познакомилась со многими семьями донских офицеров и многим из них оказала не мало помощи. Тогда казаки и казачки говорили ей неоднократно: «освободим Дон, выдадим Вас замуж за донского казака и будете Вы донской казачкой». И это частично сбылось в дальнейшем.

После оставления Крыма армией ген. Врангеля ее родители вновь принуждены были хорониться у бедных татар, а Д. Я., чтобы содержать родителей, работала библиотекаршей в городской библиотеке и в городском самоуправлении. И тогда с риском для собственной жизни не раз спасала оставшихся белых от расправы Бела-Куна.

В 1922 г. на службе познакомилась с бедным студентом Варшавского университета, польским гражданином. По влечению сердца и по настоянию родителей вышла за него замуж и уехала с ним в Варшаву. Оттуда поддерживала своих родителей, которые вскоре после ее отъезда переехали в Ростов на Дону, где вскоре и умерли, порадовшись недолгое время тому, что любимая их дочь подарила им внука « вылитого Мангуби ». Жизнь на новой родине как будто ей улыбалась. Муж имел хорошее место, сын учился в лучшем варшавском учебном заведении — гимназии графа Замойского. Д. Я., имея тяготение ко всему красивому, поступила на театральные курсы, но началась война 1939 года с безконечными немецкими бомбардировками Варшавы. Дом, в котором жила Д. Я. со своим сыном, был разрушен до основания и они, чудом уцелевшие, оказались на улице буквально голыми и босыми. С занятием Варшавы немцами муж Д. Я. был ими арестован и пропал без вести — как потом говорили, был ими растрелян за свои родственные связи с Россией. Когда в Варшаве начался немецкий террор, Д. Я. по « договору » с сыном, уйдя из города, скиталась по польским деревням, ночуя в холодных хлевах или сараях, вместе с такими же бездомными, питаясь за счет своего небольшого богатства или из милости польских крестьян. Второй ее сын, входивший в организацию Польского Национального Сопротивления немецкой оккупации, был убит во время первых боев. Об том Д. Я. узнала возвратившись в Варшаву после ее занятия советскими войсками, нашла его тело, зарытое на одной из улиц города, перевезла его на военное кладбище и при помощи друзей построила на его могиле памятник.

Приехав в Польщу и став польской гражданкой, она не забывала, что она русская и все время до немецкой оккупации состояла в русском комитете по оказанию помощи русским детям и учащейся молодежи. Как бывшая русская « буржу4ка », должна была покинуть и свою вторую родину. В Париже у ней были два брата — русские эмигранты и тетка. Д. Я. перебралась в Париж и, не желая « садиться братьям на шею », стала работать: сиделкой, компаньенкой, поварихой, судомойкой и т. д. Так, заменяя своего брата повара, она одно время работала в парижском ресторане « Тихий Дон », хозяином которого был донской есаул А. П. Падалкин, за которого она и вышла замуж. 15 лет она была ему верным другом. Дому и семье она отдавала всю себя, думая больше о других, чем о себе. Скрытно от всех занималась благотворительными делами, скрывая их даже от мужа, который узнавал об этом случайно, а она, как бы оправдываясь, говорила: « Мы без этих вещей можем обойтись, а тем, кому я их дала, они могут быть очень полезными и нужными, ведь купить их они не могут ». Много вещей отдавала в старческие и детские дома, на благотворительные казачьи балы. Никогда не проходила мимо нищего, не дав ему какую нибудь лепту.

Как старшая в семье Мангуби, всячески старалась сохранить хорошие близские отношения со всеми членами ее. Поддерживала родственную связь с родственниками мужа в России, не будучи с ними лично знакома, но посылая им посылки. Ежегодно, в день ее рождения, ее с Дона поздравляли по телефону.

Последние три года доставили ей много переживаний смертью ее близких друзей. Особенно тужело она переживала кончину жены одного из ее братьев весной 1968 г. Но к себе она не проявляла никакого внимания и когда ей муж говорил о необходимости пойти к доктору, она неизменно отвечала : « Это пройдет... » Своим друзьям, иногда жалуясь на свои недуги, она всегда говорила : « только не говорите об этом мужу, а то он пошлет меня к доктору, а это и так пройдет ». Она, конечно, не предполагала, что ее относительно крепкое здоровье надломлено всеми ударами судьбы, и что все может кончиться трагедией, что в конце концов и случилось: 29 сентября прошлого года Д. Я. почувствовала себя настолько плохо, что был вызван врач, который констатировал острую болезнь сердца, а через три дня, на руках у мужа, в тот момент, когда он давал ей лекарство, ее сердце перестало биться и она отошла к Господу Богу, в мир, где « нет ни печали, ни воздыханий, а жизнь безконечная »...

Врагов у нее не было, по доброте душевной она много прощала людям, но с большевиками, которых она считала виновниками не только ее личных бед, но и всех несчастий, выпавших на долю ее первой и второй родины, до последней минуты она не могла примириться. С людьми восхвалявшим советскую власть

она прекращала всякие знакомства.

Мир ее праху. Ушел от нас добрый и хорошей человек. Это свидетельствуют многочисленные друзья ее семьи, пришедшие проводить ее в последний путь. Ее могила была завалена цветами, которые она так любила. При ее положении во гроб муж ее положил горсть земли с берегов Тихого Дона, ее последней официальной родины, а братья ее — горсть песка с Евпаторийского пляжа, от города, где она родилась, где провела золотое детство, но где и познала первые горести.

Похоронена Д. Я. в чужой земле, на русском кладбище в С. Женевьев далеко от любимой родной земли, но пусть будет ей легка земля Франции, а горсть песка и земли с берегов Черного моря и Тихого Дона будут символом ее связи с ними и в загробной жизни. Царствие ей небесное и мои искренние соболезновния мужу А. П. Падалкину.

Е. Л.

† 18 апреля в Париже скончался ес. Г. Н. Сенюткин, станицы Усть-Медведицкой В. В. Д.

† 24 февр. в г. Десин (Франция) скончался гелюн Бурульского хурула Бурульской ст., Сальского округа В. В. Д. Цурим Андреев, 84 лет.

† 15 мая в доме для престарелых в Абондане (Франция) скончался казак-калмык Ш. Кавлгшов, Платовской ст. В. В. Д. 68 лет.

† 16 апр. в г. С. Рафаель (Франция) скончался георгиевский кавалер хор. П. А. Бабкин, казак В. В. Д., в возрасте 85 лет, участник 1-ой Мировой войны, 1-го Кубанского похода и всей гражданской войны.

† I мая во Франции умер К. И. Немцов, ст. Вознесенской Куб. В.

† I мая в доме для престарелых г. С. Рафаеля (Франция) скончался Я. И. Костин, ст. Елизаветинской В. В. Д.

† В Брисбане (Австралия) скончался сот. Е. М. Красноусов Сибирского каз. Войска.

† 16 апр. в Нью Йорке скончался генерал И. А. Поляков, станицы Ново-Николаевской В. В. Д. бывший начальник Штаба Донской Армии в 1918 г.

† 13 мая в доме для престарелых в Кормей ан Паризис скончался полк. С. К. Лотиев, Терского Каз. Войска, о чем с прискорбием сообщают терцы и его сослуживцы по I-ому Волгскому полку.

† 24 февр. в монастыре Св. Иова в Мюнхене (Германия) скончался от рака желудка дьякон о. Иоанн Татанкин, ст. Митякинской В. В. Д., 75 лет.

† 18 марта в Ред-Бенке (США) скончался сот. А. И. Баев, 73 лет, ст. Новопокровской Куб. В.

† 30 июля 1968 г. в Эрве (Бельгия) скончался вахм. Я. Я. Гондарь, 73 лет, ст. Марийнской Куб. В.

† 7 авг. 1968 г. в Ганьи (Франция) умер А. С. Коненко, 85 лет, ст. Старо-Корсунской К. В.

† 16 дек. 1968 г. в Сан Франциско (США) скончался войск. старш. А. З. Лакосин, 71 года, ст. Хамкетинской К. В.

† 29 дек. 1968 г. в г. Брадфорде (Англия) скончался П. А. Зинченко, ст. Старо-Величковской К. В.

† 31 дек. 1968 г. в г. Спрингфильде (США) скончался И. К. Кирполенко, 61 года, ст. Уманской К. В.

† 4 янв. в Сан Франциско (США) скончался сот. Н. И. Дзюба, 79 лет, ст. Роговской К. В.

† 8 янв. в Патерсоне (США) умер подхор. И. М. Петелько, ст. Тимашевской К. В.

† 20 янв. в г. Шабац (Югославия) скончался подхор. А. С. Круц, ст. Роговской К. В.

† 22 сент. 1968 г. в Мюнхене (Германия) скончался С. А. Гринев, ст. Родниковской К. В.

†22 ноября 1968 г. в Чикаго (США) скончался И. А. Герасименко, 58 лет, ст. Ново-Джерелиевской К. В.

† 19 дек. 1968 г. в Сантъяго (Чили) скончался вахм. Е. К. Кривец, 72 лет, ст. Роговской К. В.

† 28 дек. 1968 г. в Нью Йорке (США) скончался М. К. Холявка ст. Роговской К. В.

† 18 янв. в Париже скончался член Краевой Кубанской Рады всех созывов, член Кубанского Краевого правительства и председатель Кубанского Краевого Правительства в эмиграции Д. Е. Скобцов, 84 лет, ст. Урупской К. В.

† В Аргентине скончалась сестра ген. В. Е. Зборовского, казачка ст. Ладожской Куб. Каз. Войска, К. Э. Голубь.

† 17 февр. в г. Шамокине (США) скончался от рака легких первопоходник хор. Г. Г. Строгов, 83 лет, ст. Анапской К. В., участник трех войн и переживший трагедию в Лиенце.

† 13 февр. в Салониках (Греция) скончался С. Додинлис, 81 года, ст. Незамаевской К. В.

† 16 марта в доме для престарелых в г. Брен ле Конт (Бельгия) скончалась А. П. Панова, 77 лет, ст. Темижбекской К. В.

† 12 марта в г. Лидсе (Англия) скончался Н. Бурсук, 65 лет, ст. Полтавской К. В.

† 3 марта в Дорнштадте (Германия) скончался вахм. М. П. Безуглый, 84 лет, ст. Новоминской К. В.

† 30 мая в старческом доме Русского Красного Креста в г. Шелль (Франция) скоропостижно скончался П. П. Петров, Петро-Павловской ст. Куб. Каз. Войска. Да будет ему легка земля французская и дай Бог ему Царствие Небесное. —

Сообщил **Г. И. Елисеев.**

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ «РОДИМОГО КРАЯ»

◆ Непринятые рукописи обратно не возвращаются и в переписку о них редакция не вступает. Редакция оставляет собой право статьи сокращать, не меняя смысла написанного.

Не имея возможности документально проверять имена, даты и события, редакция возлагает всю ответственность за содержание статей на их авторов. За статьи, подписанные полным именем автора, редакция не отвечает и они не всегда выражают взгляды редакции.

Корреспонденцию на имя Редакционной Коллегии направляють по адресу:

Mr. Bogaevsky — 230 av. de la Division Leclerc, 95 — Montmorency (France)

Через редакцию «Род. Края» можно выписать:

Н. М. Мельников — «А. М. Каледин — герой Луцкого прорыва и Донской Атаман» — 26 фр. или 5,50 долл.

«Воспоминания ген. А. П. Богаевского» (Ледяной поход) — 15 фр. или 3 долл.

Н. М. Мельников — «Ермак Тимофеевич, кн. Сибирский, его сподвижники и продолжатели» — 9 фр. или 2 долл.

«Митрофан Петрович Богаевский» — сборник статей о Донском Баяне — 18 фр. или 4 долл.

Н. М. Мельников — «Как извращается история» — 2 фр.

П. М. Аврамов — «Ковылий сказ» — 3 фр.

П. М. Аврамов — «Никифор Кащеев» — 3 фр.

Н. Н. Туроверов — «Стихи», книга 5-ая — 15 фр.

Н. Н. Воробьев — «Кондратий Булавин» — 15 фр.

Н. Н. Воробьев — «Стихи о разном» 10 фр. или 2 долл.

Адмиралов — «Казачья трагедия» 1940-1945 гг.) — 12 фр. или 2,50 долл.

В. А. Беляевский — «Голгофа» (Очерки из воспоминаний 1882-1964) — 12 фр. или 2,50 долл.

Казачьи песни (изд. «Каз. старина») — 5 фр.

Специальный двойной № 80-81, посвященный Степному Походу, Пох. Атаману ген. П. Х. Попову и началу казачьих восстаний на Дону в 1918 г. Его стоимость — 10 фр. или 2 долл. 50 цент.

Из редакции можно также выписать листы фотографий и схем, н апечатанных в № 80-81 по цене 5 фр. за лист для Франции или 1 долл. для заграницы. Пересылка фотографий и схем за счет покупателя.

◆ Редакция обращается с настоятельной просьбой ко всем своим читателям и подписчикам не задерживаться с внесением подписной платы. Издание «Род. Края» основано исключительно на самоокупаемости, при полной безвозмездной работе всех наших сотрудников. То есть журнал издается на деньги, за него получаемые и на пожертвования отдельных лиц в Фонд его Издательства, иначе говоря на деньги читателей, от которых зависит дальнейшее существование «Родимого Края».

◆ В редакцию «Род. Края» с I-го апреля по I-ое июня поступило: **В Фонд Издательства:** Бреславцев — 5 фр., В. И. Попов — 5 долл., П. П. Боков — 20 швец. фр., г-жа Г. Л. Абрамова — 5 фр., И. И. Курицин — 3 долл., Севостьянов — 7,50 фр., В. Г. Улитин — 6 долл., С. И. Донсков — 10 долл., г-жа А. Ф. Фетисова — 5 фр., Семенов из Венецуелы — 4 долл., Н. Н. Воробьев — 3 долл., И. П. Осетров — 3 фр., И. Г. Грибов — 3 долл., Н. Ф. К. — 20 нем марок, Б. А. Богаевский — 42,99 фр.

Дополнительный список лиц, **поддержавших выпуск специального № 80-81, посвященного Степному Походу:** ген. Хрипунов — 2 долл., П. И. Еронин — 20 фр.

Для **улучшения следующего № «Род. Края», посвященного 100-летию Новочер-**

каского Военного Училища: И. И. Сагацкий 20 фр.

Для **передачи Дамскому Комитету Казачьего Союза:** П. А. Алексеев — 5 долл., г-жа Г. Л. Абрамова — 5 фр., Севостьянов — 7,50 фр., В. Г. Улитин — 2 долл., г-жа А. Ф. Фетисова — 5 фр., П. И. Еронин — 10 фр.

Для **передачи Союзу Инвалидов:** П. А. Алексеев — 5 долл.

От А. Г. Павлова из Вашингтона получено 20 долл, вырученных от продажи **книги об Атамане Каледине.**

Всех жертвователей просим принять нашу искреннюю благодарность.

Вышла из печати, под редакцией Н. М. Мельникова, в издательстве «Родимого Края», монография

МИТРОФАН ПЕТРОВИЧ БОГАЕВСКИЙ

В книге 276 стр. и редкие фотографии. Выписывать из редакции «Род. Края». Стоимость во Франции — 18. фр., заграницей — 4 долл. В книге, кроме яркой обрисовки личности и деятельности Донского Златоуста, перед глазами читателя попутно проходит героическая эпоха Калединского периода истории Дона.

Осталось еще ограниченное количество экземпляров.

РУССКИЙ КНИЖНЫЙ МАГАЗИН В ПАРИЖЕ

— Все новинки книжного рынка —
MAGASIN DU LIVRE
10, rue des Carmes Paris 5
Tél. DANton 25-28.

«ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА»

Орган Союза Участников 1-го Кубанского ген. Корнилова Похода, посвященный истории Белого Движения. Выходит каждые два месяца.
Редактор Г. Л. Корнилов

Подписная плата на 1 год — 6 долл., на 6 месяцев — 3,50 долл., стоимость отдельного № — 1,25 долл.
Адрес редакции: 1521 Sargent place. Los Angeles Calif. 90026. USA

Вышла из печати книга Н. М. Мельникова

« А. М. КАЛЕДИН —

ГЕРОЙ ЛУЦКОГО ПРОРЫВА И ДОНСКОЙ АТАМАН »

В книге 375 страниц, много редких фотографий.

Выписывать из редакции « Родимого Края ». Стоимость во Франции 26 фр., заграницей — 5,50 долл.

Тираж ограничен.

Imprimerie P.I.U.F. - 3, rue du Sabot - Paris (6e)

Родимый Край

84

ОГЛАВЛЕНИЕ

Поздравления с Войсковыми Праздниками и днем Покрова Пресвятой Богородицы.
Г. Гордеев — « Баллада ».
В. Кузнецов — « К выборам зарубежнаго Донского Атамана ».
П. А. Падалкин — « О происхождении двухатаманства у донских казаков ».
Правление ДВО — « К выборам Донского Атамана ».
Н. И. Зимин — Казачья сотня Николаевского кав. Училища ».
В. Строгов — ***
П. А. Фадеев — « Гражданская война на Уральском отдельном Фронте » (продолжение).
М. П. Морозова — « К борьбе ».
П. Донсков — « Памяти Походного Атамана С. В. Павлова ».
Н. Воробьев — « Скрижали славы казачьей » (продолжение).
И. Сагацкий — « Радзивиллов ». (продолжение).
М. А. Петров — « Облава ».
В. М. Кузнецов — « Андрей Жиров ».
Доброволец Иванов — « С русской песней по белу свету » (продолжение).
Казачья жизнь за рубежом.
Ушедшие.
От редакционной коллегии Род. Края ».

РОДИМЫЙ КРАЙ

Орган общеказачьей мысли.
Издатель: Донское Войсковое Объединение.
Association des Cosaques du Don
Arr du Ministre de l'Int. J.O. 70 1955

Редакционная Коллегия: С. Ш. Балданов, Б. А. Богаевский, В. М. Кузнецов, К. С. Мащенко, А. П. Падалкин, Н. Н. Туроверов, П. А. Фадеев.
Адрес редакции:

B. BOGAEVSKY
230, Av. de la Division-Leclerc
95 — Montmorency
France

PAYS NATAL Septembre-Octobre 1969
№ 84 — Сентябрь-Октябрь 1969 — 5 фр.
Parait tous les 2 mois. Directeur: *Bogaevsky.*

ПОЗДРАВЛЕНИЯ С ВОЙСКОВЫМ ПРАЗДНИКОМ И ДНЕМ ПОКРОВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ

● РОДНЫЕ БРАТЬЯ, ДОНЦЫ, КУБАНЦЫ и ТЕРЦЫ,

Правление Казачьего Союза поздравляет вас с днем Покрова Пресвятой Богородицы, Войсковым праздником трех казачьих Войск.

Празднование Покрова невольно переносит нас в прошлое, в котором все было : радость, потоки слез, доблесть, подвиги, величие, мудрые решения и роковые ошибки, окупленные ценою крови.

Все в целом дорого нам.

На основе прошлого, очищенного от ошибок, думаем мы строить будущее.

Изгнанные с родной земли, мы несем ответственную миссию, возложенную на нас судьбой, — сохранение памяти о прошлом, милом нашему сердцу, и передачи ее будущим поколениям.

Да поможет нам Бог в общем усилии, направленном к достижению поставленной высокой цели.

Председатель Казачьего Союза **В. Кузнецов**
Секретарь **Н. Ломакин**

●Редакционная коллегия « Родимого Края » поздравляет казаков всех Казачьих Войск с Праздником Покрова Пресвятой Богородицы, а донцов, кубанцев и терцев с их Войсковым Праздником.

Да пошлет им Господь Бог и Пресвятая Богородица сил и бодрости преодолеть наши невзгоды.

Редакц. Коллегия « Род. Края »

БАЛЛАДА

В ночь под день Покрова, над землею Донской
Звезды блещут-горят неземной красотой.
А когда над курганом повиснет луна,
Наступает волшебная вдруг тишина.
Не шумит, не бушует в степи чернобыл,
Резвый ветер не треплет сухую ковыль,
Только плещет слегка под обрывом река,
Только шепчут порой камыши над водой
Да в лимане вздохнет иногда осока.
И опять-тишина, нерушимый покой.
Но вот где-то в дали, будто сдержанный стон,
Зарождается тихий, таинственный звон.
Все сильнее и шире становится он,
Этот странный, далекий, чарующий звон.
И тем звукам волшебным как будто в ответ
Вдруг забрезжет, польется загадочный свет.
Вот уже в небесах побледнела луна,
Над лугами тумана весит пелена,
Выростают станицы, встают хутора,
Из-за рощь показались церквей купола,
В храмах божьих горят миллионы свечей,
Льется пенье стихар из открытых дверей,
Вот рассеялись волны последние мглы.

Высоко в небесах заклектали орлы,
Вот откуда-то всадник спеша проскакал,
А вот где-то послышался трубный сигнал.
И вот ожила степь, зашумели поля,
Под ударами ног задрожала земля,
Издали показались тучи колонн,
Над колоннами вьются полотна знамен.
Грохот тяжкий орудий и ржанье коней,
Блески копий и шашек, бряцанье мечей, —
То седой Дон-отец, степь родимая мать,
Созывают на праздник могучую рать,
Созывают детей, соколов и орлят,
На торжественный смотр, на полночный
парад.
И послушно сыны из могилок встают
И сомкнувши ряды, темным строем идут
От Кавказских вершин, от Балканских долин,
От Полесских болот, от Альпийских высот,
Из Сибирской тайги, с берегов Иртыша,
Где впервые проснулась казачья душа,
Где на воле пасутся стада степняка,
И где в бурную ночь ходит тень Ермака.
От Азова идут, от Царьграда спешат
На торжественный смотр, на полночный
парад.
А навстречу полкам из станиц, хуторов, —
Море красных лампас, тучи пестрых платков,
Мчатся по полю шумные толпы ребят;
И ведут старики о походах допрос,
У румяных девчат в косах ленты горят,
На глазах матерей-реки радостных слез.
Так могучий народ, по равнине Донской
Ежегодно свершает парад войсковой.
Так идут по степи вдоль безсмертной реки
За отрядом-отряд, за полками полки
Пока месяц далеко на запад уйдет
И зарница свой свет на востоке зажжет,
И последний сигнал в далеке отзвучит,
И осенняя ночь вновь уснет ,замолчит.

Георгий Гордеев

К ВЫБОРАМ ЗАРУБЕЖНОГО ДОНСКОГО АТАМАНА

Свободные выборы, восстановленные на Дону в 1917-ом году, дали Войску Донскому плеяду славных Атаманов. На первом месте среди них стоит Каледин, при котором престиж Дона был поднят на необычайную высоту. На него смотрела национальная Россия, как на источник спасения. Каледин уподоблялся мощному маяку, излучавшему свет надежды, лучи которого проникали в отдаленнейшие уголки необъятной Руси.

После Каледина Атаманом был талантливый генерал П. Н. Краснов, а после него высокодостойный генерал А. П. Богаевский. Со смертью последнего кончается линия настоящих Атаманов и начинается серия зарубежных-малоценных.

Был Атаманом граф Граббе, а после него донцы, как будто разбогатев, обзавелись двумя Атаманами сразу: количество заменило качество. Два генерала, оба имевшие заслуги перед Доном, претендовали на прерогативы атаманской власти. Они не только не подняли престижа Дона, но скорее унизили его своими раздорами и полемикой в печати и до некоторой степени омрачили свои личные заслуги.

Теперь умерли оба генерала, но двуатаманство не прекратилось : одна часть донцов считает Атаманом профессора Н. В. Федорова, другая генерала-майора *) П. И. Медведева, а третья не признает ни того, ни другого. Эта последняя категория донских казаков во Франции самая многочисленная.

Если предыдущих зарубежных Атаманов я назвал малоценными, то теперешним можно дать один эпитет — ничтожные. В моей оценке я не имею ввиду их профессиональных качеств : возможно один хороший профессор, а другой хороший военный. Правда, про П. И. Медведева говорят, что он малообразованный, но ведь и Бакланов был еле грамотный.

Что-бы не быть голословным в оценке качеств двух Атаманов, я приведу несколько доводов, из которых основным является следующий : оба Атамана цепляются за призрачную власть всеми правдами и неправдами (больше неправдами). Оба они объявили о выборах и, не спросив мнения казачьих организаций, указывают порядок их.

По указанию атамана Медведева должны быть выбраны делегаты от организаций на Донской Войсковой Круг, который установит порядок выборов. Идея в основе прекрасна, но беда в том, что П. И. Медведев лишает права быть делегатами станичных атаманов, председателей организаций и лидеров (вероятно лиц,

*) Произведенного в генералы в 1958 г.

имеющих авторитет среди казаков), что является в высшей степени несуразным. На самом деле, можно-ли допустить лишения права участия в выработке основных положений лиц, пользующихся доверием казачьей массы? На Дону станичные атаманы не лишались права быть членами круга.

Атаман Федоров возлагает проведение выборов на Донской Войсковой Совет, состоящий из его личных друзей и существующий без переизбрания с 1954-го года. Донской Войсковой Совет берет на себя, в силу неизвестного закона, права всесильного законодательного органа. Он декретирует выборы и устанавливает способ их, он проверяет выборные бюллетени, он объявляет имя выбранного Атамана. Можно-ли назвать такое явление выборами? Нет, это не выборы, а суррогат выборов, прибегая к которому руководители профанируют святое для казака слово — Атаман. Достойный кандидат на такие выборы не пойдет.

Казаки во Франции, побуждаемые стремлением к единению и к выборам единого полномочного Атамана, опирающегося на широкую массу, еще в 1965-ом году указали путь, ведущий к исжитию наличия групповых атаманов. Не захотел тогда пойти по этому пути покойный генерал И. А. Поляков, а вместе с ним проф. Федоров и Д. В. Совет, находившиеся под влиянием его авторитета.

В последнее время своей жизни ген. Поляков коренным образом изменил свой взгляд, став на ту позицию, которую занимали и продолжают неизменно занимать казаки во Франции, т. е. создать избирательную комиссию из видных представителей всех казачьих течений и вверить им руководство выборами.

28-го марта с. г. ген. Поляков, создатель Донского Войскового Совета, написал обращение к Донским казакам, в котором утверждает, что никаких выборов, в Донском Войсковом Совете не производилось, все сделано по назначению, что объявление Донского Войскового Совета нельзя признать отвечающим сущности вопроса, скорее это подходит для выборов группового, а не Войскового Атамана.

Проф. Федоров приписывает перемену мнения ген. Полякова склерозу мозга. Уместно заметить здесь, что в Советском Союзе мыслящих не по политграмоте сажают в сумашедшие дома, профессор-же Федоров из-за того, что мысль, выраженная в обращении, не совпадает с его желанием причисляет своего умершего духовного вождя к разряду ненормальных. Разительное сходство.

После вдумчивого чтения обращения ген. Полякова и ответа Донского Войскового Совета, напечатанного в газете « Новое Русское Слово » от 24-го июля 1969-го года, можно скорее допустить, что больны старческим склерозом сочинители ответа, но никак не автор обращения.

Обращение отличается ясностью выражения мысли, логичностью, непогрешимостью стиля и грамматической правильностью, чего нельзя приписать ответу.

Ответ Донского Войскового Совета с самого начала сумбурен. Начну с заголовка : ответ — кому? Читатель остается в недоумении. Дальше говорится о том, что Д. В. Совет опирается на « подавляющее большинство организованных Донцов ». В таком случае избранный Атаман не в праве называться « Донским », а « Атаманом Донских Организованных Казаков ». Имеется в ответе фраза : « это не должно сводиться к тому, что-бы большинство оказалось на поводу у отдельных лиц или незначительных группировок ». Донской Войсковой Совет этим показывает, что он считает донцов за людей несознательных (если не сказать за дурачков), могущих быть у кого-то на поводу. Спасибо Д. В. Совету за роль няньки донских казаков, но в ней они не нуждаются, давно выйдя из детского возроста. Свой ответ Д. В. Совет кончает блефом : « что из той-же Франции, которую собрание пытается представлять, уже откликнулось в поддержку позиции Д. В. Совета ряд казачьих организаций и объединений, а так-же и отдельных лиц, общая численность которых значительно превышает вышеуказанное собрание ». Заявлению этому возможно поверят казаки пребывающие вне Франции, но никак не те, которые живут в Париже. Здесь все знают, что это не соответствует истине. Для возражения скажу, что в 1965-ом году ни одна казачья организация из существующих в Париже участия в выборах не принимала, голосовали отдельные лица из Гвардейского Объединения (далеко не все), часть артиллеристов и несколько казаков, непринадлежащих к этим незначительным группировкам. Для более веского подтверждения моего заявления приведу еще следующий пример : на собрании донских казаков, созванном Донским Войсковым Объединением 18-го мая с. г., присутствовало 31 человек, да было дано 65 письменных полномочий, всего 96 голосов (из этого числа было только 3 явных сторонников проф. Федорова), тогда как 23-го августа с. г. в музее Л. Гв. Казачьего полка на беседе с проф. Федоровым присутствовало всего 12 лиц, сторонников его (8 мужчин и 4 дамы, в числе которых была вдова ген. Шатилова — не казачка). К последнему числу надо приба-

вить 7 членов Донского Войскового Объединения, пришедших с благою целью убедить проф. Федорова отказаться от выборов группового атамана и избрать всенародною душой Донского атамана.

Не будучи последователем ген. Полякова при его жизни, о чем знают читатели « Родимого Края », я нахожу обращение его проявлением мужества, искренности и благородства. Оно действует на чувства многих из его противников, но не проникает в душу проф. Федорова, затуманенную стремлением к мнимой власти, и в зачерствевшие старческие сердца членов Д. В. Совета, несколько месяцев тому назад еще считавших ген. Полякова своим вождем.

При сознании приближающейся смерти совесть человеческая бывает чрезвычайно чувствительна. Это наблюдается особенно у людей верующих. Поэтому обращение ген. Полякова в высшей степени ценно. В нем не может быть фальши, оно вышло из глубины его души.

В заключение скажу, что многолетние безрезультатные усилия донцов во Франции выбрать полномочного Атамана надломили их терпение. Многие высказывают мнение, что атаманы теперешние не только не приносят пользы, но причиняют вред внося в казачью среду тлетворный дух разложения. Они находят более полезным сплотиться в существующих организациях, входящих в Казачий Союз. Казачий Союз заботится о стариках, а их теперь много, помогает нуждающимся, организовывает казачьи традиционные торжества. Тесное сотрудничество его с редакционной коллегией « Родимого Края » обеспечивает существование этого печатного органа, ценимого не только казаками, но и читателями из русской эмиграции неказачьего происхождения. Общим усилиями редакции « Родимого Края » и Казачьего Союза издан ряд книг, имеющих историческое значение. Вот в этомто направлении и намерены работать казачьи деятели во Франции, будучи уверены, что они найдут поддержку в казаках, проживающих в других странах.

Париж, сентябрь 1969 г. **В. Кузнецов**

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ДВУХАТАМАНСТВА У ДОНСКИХ КАЗАКОВ

После смерти в 1934 г. избранного на Дону Атамана Всевеликого Войска Донского ген. А. П. Богаевского, зарубежное казачество, не имея Войскового Круга, одной из прерогатив которого было избрание Атамана, в первое время как будто растерялось, не зная, каким способом избрать ему заместителя. По предложению бывшего Донского Атамана ген. П. Н. Краснова было собрано большое казачье собрание, на котором была выделена специальная избирательная комиссия по указанию ген. Краснова из представителей всех донских организаций, общественных деятелей и представителей каз. старшины от крайне правых до крайне левых, включая казаков-сепаратистов (но кроме, конечно, коммунистов) для организации выборов Атамана путем плебисцита, то есть всенародного голосования.

Через некоторое время Н. М. Мельников по должности председателя Донского Войскового Правительства также собрал большое казачье собрание, на котором также были представлены казаки всех политических течений и на котором также была выбрана комиссия для производства выборов Атамана.

Таким образом образовалось две совершенно самостоятельных, независимых друг от друга, Избирательных Комиссий, состоявших, и та и другая из казаков разных политических течений. Однако, члены обеих Комиссий, поняв, что наличие двух избирательных органов может привести к выборам двух Атаманов, обратились, каждая к своим инициаторам с пожеланием объеденить обе Комиссии в одну. И Н. М. Мельников и ген. П. Н. Краснов предоставили каждой комиссии решать этот вопрос по своему разумению. Обе комиссии после кратких переговоров слились в одну, благодаря чему двухатаманство было избегнуто и в выборах приняло участие 85 % донцов, разбросанных по всему миру. Первым Атаманом за рубежом был провозглашен бывший наказный Атаман Донского Войска ген. граф М. Н. Граббе. Не все казаки за него голосовали, но все его признавали Атаманом.

В 1938 г. М. Н. Граббе по окончании своих полномочий вместо того, чтобы организовать выборы нового Атамана при помощи Избира-

тельной Комиссии, как это следовало бы, добился продления своих полномочий путем опроса своих сторонников, что было первым нарушением казачьих демократических принципов.

Значительное большинство донцов, принимавших участие в первых выборах зарубежом, признало такое положение ненормальным и избрало особую Комиссию для производства новых выборов. В них, по системе плебисцита, как и в 1935 г., участвовало до 70 % казаков зарубежья. Атаманом был избран ген. П. Х. Попов, но М. Н. Граббе так же считал себя Донским Атаманом. Таким образом появилось двухатаманство. Большинство признавало Атаманом ген. Попова, меньшинство — гр. Граббе.

Срок полномочий обоих кончался в 1941 г. Война, начавшаяся в 1939 г., не позволила произвести новые перевыборы. Во время войны гр. Граббе умер. По настоянию ген. Краснова, его заменил, без перевыборов, ген. Татаркин, а последний перед своей смертью своим преемником « назначил » ген. И. А. Полякова. Такое положение продолжалось довольно долго, пока жизнь после войны не вошла в нормальную колею, пока не прекратилась текучесть казаков и не определилось более или менее их местожительство.

В 1955 г., с большим трудом, в Париже была создана одна Избирательная Комиссия, в которую вошли как сторонники ген. Попова, так и последователи ген. Полякова. Ее работа затянулась почти на два года. Сторонники этих кандидатов при подсчете голосов не поладили между собой и сторонники ген. Полякова, не доведя до конца подсчет голосов, вышли из Комиссии, объявив об избрании Атаманом ген. Полякова. Сторонники же ген. Попова, закончив подсчет голосовавших, объявили Атаманом ген. Попова. Так двухатаманство продолжалось и после 1956 г.

По истечении срока полномочий обоих Атаманов, ген. Попов в середине 1959 г. назначил Избирательную Комиссию, которая по своей неопытности, примитивно проведя плебисцит, объявила его Атаманом. В том же году, несколько позднее, ген. Поляков, вместо создания избирательной комиссии, поручил организацию выборов состоявшему при нем Донскому Войсковому Совету, который и провел « выборы » в пользу ген. Полякова в начале 1960 г.

Опять у донцов оказалось два Атамана.

В конце 1960 г. ген. Попов умер, а « председатель » его « правительства » П. И. Медведев объявил себя его заместителем, вероятно, бессменным, так как до 1969 г. он не назначал новых выборов.

В 1964 г., незадолго до истечения срока полномочий ген. Полякова, им. из за его болезни, был назначен его заместителем инж. Н. В. Федоров. Когда же срок полномочии ген. Полякова кончился, то он совместно с Н. В. Федоровым поручили Дон. В. Совету произвести выборы нового Атамана. Тогда же им был увеличен и срок, на который избирался Атаман.

В виду смерти к этому времени ген. Попова, зарубежное казачество, считая, что наступило время изжития двухатаманства, настаивало на создании единых Главных Избирательной и Контрольной комиссий для избрания нового Атамана. К этому мнению присоединились и многие стороники ген. Полякова. Однако ни ген. Поляков, ни Н. В. Федоров с Дон. В. Советом не пожелали считаться с этим мнением, к которому присоединились и бывшие представители ген. Полякова во Франции генералы Позднышев и Зубов и очень многие его сторонники. Выборы, проведенные по системе Дон. В. Совета, большинством казаков игнорировались. Из нескольких тысяч донцов за рубежом приняло участие в этих выборах несколько сот человек, и объявленный Донским Атаманом в 1964 г. Н. В. Федоров оказался групповым атаманом или, по его выражению, атаманом « организованного » казачества.

В 1969 г. срок полномочий Н. В. Федорова окончился. 15 марта с. г. им было доведено до сведения донских казаков о данном им поручении Дон. В. Совету организовать перевыборы Атамана. Д. В. С. одновременно опубликовал в печати инструкции по производству выборов, по которым выборы будут производиться не избирательной и контрольной комиссиями из представителей казачества, как этого ожидали казаки на основании обещания Н. В. Федорова, следующие выборы произвести « по другой системе », а многолетним несменяемым, существующим теперь по назначению Дон. В. Советом. Согласно его инструкциям, казаки вдобавок были им разделены на « организованное » и « неорганизоваанное » казачество. Инструкция предусматривала также лишение права голоса, наравне с коммунистами ,казаков именуемых в инструкции « казакийцами », под рубрику которых можно подвести всех неугодных Н. В. Федорову и Д. В. С.

Так сложилась обстановка по выборам Донского Атамана к 1969 г.

Париж **А .П. Падалкин**

К ВЫБОРАМ ДОНСКОГО АТАМАНА

18 мая с. г. по инициативе правления Донского Войскового Объединения во Франции, в Париже состоялось большое казачье собрание, посвященное вопросу выборов Атамана, на котором присутствовали не только члены ДВО, но и представители разных каз. дон. организаций и группировок. Собрание признало, что порядок выборов Атамана, установленный Дон. В. Советом, не отвечает казачьему демократическому способу выборов и что они, выборы, должны быть произведены при посредстве Избирательной и Контрольной комиссий из представителей всех каз. течений и поручило правлению ДВО вступить по этому вопросу в сношения с ДВС, Н. В. Федоровым и донскими организациями в разных странах. Выполняя это постановление, правление ДВО предложило ДВС и Н. В. Федорову изменить порядок выборов. Это предложение было сообщено дон. организациям с просьбой высказаться по этому вопросу.

Донское Войсковое Объединение, Калмыцкое Объединение во Франции, Отдел Казачьего Союза на востоке Франции, казачий хутор имени Атамана Каледина в Абондане, Объединение казаков в старческом доме г. Иера, Объединение Партизан-степняков во Франции, также как и отдельные члены Объединений Атаманского Военого Училища, Л. Гв. Атаманского полка, Союза донских артиллеристов, всецело присоединились к постановлению собрания 18 мая, так же как и следующие каз. организации из других стран : в Германии — Казачья Центральная станица в Мюнхене и Казачий Союз в Германии, которые на общем собрании донских казаков постановили : « постановление собрания дон. казаков в Париже 18 мая признать правильным и полностью присоединиться к его решению ». Одновременно оттуда было сообщено, что « представитель » атамана « Н. В. Федорова в Мюнхене М. Сорокин уже два года как уехал в СССР », и что « второй его представитель И. Олейников — не казак, уроженец г. Богодухова, Харьковской губ., который и « организует » казаков для выборов Атаманом Н. В. Федорова ».

Донской казачий хутор в Лиенце (Австрия), присоединяясь полностью к постановлению 18 мая, считает, что переговоры с « атаманом » Федоровым и ДВС ни к чему не приведут, так как « толочь воду в ступе — вода и будет ».

Донская станица в Лос Анжелос (США) пишет, что « сговор с Н. В. Федоровым и компанией — задача невыполнимая », что « никакого соглашения не может быть достигнуто, т. к. у них другие цели и другой подход к этому вопросу », что « объявленные выборы нельзя назвать выборами... когда то большевики разделили казаков на « трудовых » и « нетрудовых » и бросили первых на вторых... история повторяется — в эмиграции казаки разделены на « организованных » и « неорганизованных », а ведь подавляющее большинство последних имеет свои организации, утвержденные правительством стран, в которых они находятся... Н. Федоров и его ДВС — это своего рода диктатура — антиобщественный элемент. Они не терпят инакомыслящих. С ними можно достичь соглашения, только приняв их условия... Дон. Станица в Лос Анжелосе относится отрицательно к попыткам сговора с ними, т. к. они недостижимы ».

Донской хутор в Сан-Франциско (США) « приветствует почин Д. В. Объединения во Франции и готов ему всячески помочь и даже матерьяльно ».

Верховное Казачье Представительство в Америке также выразило свою солидарность с постановлением казаков 18 мая в Париже.

Союз Донских Казаков в США с примыкающими к нему каз. организациями Нью Йорка и его окрестностей, на собрании их представителей вынес постановление, что « законные права по выборам единого Донского Атамана принадлежат главной Избирательной и Контрольной комиссиям, избранным вольными голосами дон. казаков от реально существующих, а не мифических, то есть от организаций объединенных в союзы, объединения, станицы », что ДВС не может « самовольно, не считаясь с огромным большинством казаков, находящихся в организациях, брать на себя право выборов Дон. Атамана », что « Союз Дон. Казаков в США берет на себя создание Главной Центральной Избирательной и Контрольной комиссий из представителей каз. организаций и общественности, находящихся в США, с правом каз. организациям, находящимся в других странах, прислать свои полномочия на представительство их в Комиссиях казакам, проживающим в США, и что Дон. В. Совету будет предложено прислась и своих представителей в эти Комиссии.

Ряд отдельных донских казаков, проживающих в разных странах, также сообщил о своей солидарности с постановлением каз. собрания в Париже 18 мая .

П. И. Медведеву — «Временно исполняющему должность Дон. Атамана » — в частном порядке членами Дон. В. Объединения было

предложено для того, чтобы положить конец двухатаманству, сговориться с каз. организациями в США и с ДВС по вопросу организации единой Избирательной Комиссии. В ответ П. И. Медведев разослал свое обращение, в котором предложил «избрать на Донской Войсковой Круг по одному уполномоченному кандидату от организаций — станиц, хуторов итд.», «для разработки программы-порядка выборов Дон. Атамана». Но... одновременно своей «властью» лишил права станичных атаманов и председателей организаций быть избранными в делегаты на предполагаемый «Круг»...

11 июня инж. Н. Е. Корольков в газете «Новое Русское Слово», выходящей в США, опубликовал, в сопровождении своего письма, предсмертное «Обращение» к дон. казакам ген. И. А. Полякова. Текст их приводится ниже.

«К сведению донских казаков».

В связи с предстоящими выборами Донского Войскового Атамана (см. НРС 3-15-1969, 6-11-1969) считаю своевременным довести до сведения казаков «ОБРАЩЕНИЕ» бывшего Донского Войскового Атамана генерала И. А. Полякова к донским казакам, собственноручно им написанное и за три дня до его смерти данное мне для опубликования.

Задержка с опубликованием мною «обращения» генерала И. А. Полякова была вызвана необходимостью соблюсти траур по покойном.

Н. Е. Корольков

ОБРАЩЕНИЕ — Родные донцы.

В последнее время некоторые из вас обратились ко мне с разными вопросами по поводу предстоящих выборов Войскового Атамана.

Будучи болен, я не в состоянии ответить каждому казаку и потому этим «Обращением» отвечаю всем ко мне обратившимся. Конечно, «Объявление» Д. В. Совета от 3-15 с. г., как основу для выборов Войскового Атамана ,нельзя признать отвечающим сущности вопроса, скорее это подходит для выборов группового, а не Войскового Атамана.

Никаких выборов, даже в самом Д. В. Совете, не производилось, все сделано по назначению, даже без указания фамилий казаков, составивших выборную комиссию, а также и контрольную комиссию.

Казачество предварительно не запрошено — каким способом производить выборы.

Совершенно игнорировались и не привлечены к работе Д. В. Совета казаки, пользующиеся авторитетом среди донцов.

Надо сказать, что «Объявление» Д. В. Совете имеет и другие минусы и во всяком случае, в том виде, как оно напечатано, служить основанием для выборов Войскового Атамана оно не может, без предварительного коренного изменения.

Почетный Казак Всевеликого Войска Донского **Генерал И. Поляков**

28. III. 69.

В начале августа с. г., в Париже, Н. В. Федоров объяснил появление этого обращения болезнью ген. Полякова и в силу этого его «невменяемостью». 23 августа, подтверждая вышесказанное, он утверждал, что в то время ген. Поляков из за своей болезни не мог не только писать, но и говорить и никого не принимал. Сам Н. В. Федоров, по его словам, этого письма не читал и из этого следует, что опубликованное письмо ген. Полякова является «фальшивкой».

Однако, совещание представителей каз. организаций в США, созванное по этому вопросу Союзом Дон. Казаков, которому были предъявлены не только подлинник этого «Обращения», но и его черновик, написанный ген. Поляковым, постановило признать его «вполне заслуживающим внимания».

Правление ДВО во Франции, ознакомившись с фотокопиями «обращения» и его черновика, полностью присоединилось к этому постановлению.

23 августа с. г., в Париже, во время беседы Н. В. Федорова с казаками, представители правления ДВО еще раз предложили ему задержать выборы и произвести коренные изменения в их порядке, создав для этого при участии каз. организаций и общественности Главные Избирательную и Контрольную комиссии, но В. В. Федоров категорически заявил, что ни задерживать выборов, ни менять их порядка, ни он, ни ДВС, ни при каких обстоятельствам не могут, и предложил ввести в ДВС представителей называемого им «неорганизованного» казачества, путем передачи полномочий казакам проживающим в США, но при этом же объявил значительный список казаков, живущих в США, которые, по его мнению, не могут быть включены в ДВС, даже только для выборов Атамана. Иначе говоря, он допускал возможность передавать полномочия только лицам угодным ему и ДВС.

Правление Дон. Войск. Объединения принять такого предложения не могло, так как это противоречит демократическому духу казаков и создает диктатуру группы отдельных лиц. По сведениям Союза Дон. Казаков, «по проверенным данным т. н. «большинство организованного казачества» на самом деле

составляет лишь 2 с $^1/_2$% всех донских казаков, пребывающих за рубежом».

Поэтому правление ДВО считает, что поручение, данное ему собранием дон. казаков 18 мая, им выполнено полностью, но не увенчалось успехом. Оно считает свою работу в этом отношении законченной и прекращает дальнейшие переговоры как с Н. В. Федоровым, так и с ДВС, считая их совершенно безполезными.

Правление ДВО отказывается от участия в выборах Дон. Атамана, организуемых ДВС по его «упрощенной» системе. Дело каждого донского казака решить, как ему поступить в данном вопросе, но участие в выборах, производимых ДВС, неминуемо приведут не только к уже существующему двухатаманству, но могут привести и к «многоатаманству», так как одновременно с этими выборами объявлены и выборы «Временным заместителем Дон. Атамана» П. И. Медведевым. В то же время и казачьи организации в США готовятся к образованию специальной комиссии по выборам Дон. Атамана, которая, возможно, будет их проводить без участия как представителей ДВС, так и П. И. Медведева.

Правление ДВО во Франции, не предрешая вопроса, как оно отнесется к созданию этой Комисси и к организации ею выборов, считает своевременным и необходимым призвать донских казаков к объединению на местах их расселения вокруг уже существующих каз. организаций и в первую очередь на основе взаимопомощи, считая, что если не сейчас, то может быть в будущем, это может привести к общему зарубежному объединению донских казаков и их сговору по вопросам избрания единого, всеми признаваемого, Донского Атамана за рубежом, как это было в 1935 году.

31 августа 1969 г.

Правление Донского Войскового Объединения во Франции

КАЗАЧЬЯ СОТНЯ НИКОЛАЕВСКОГО КАВАЛЕРИЙСКОГО УЧИЛИЩА

С 1890 г. по повелению Государя Императора Александра III начала существовать казачья сотня Николаевского Кавалерийского Училища. Ее первыми юнкерами был главным образом выпуск Новочеркасского Кадетского Корпуса, прибывший в том же году в Училище.

Сотня подготовляла молодых офицеров всех 12 казачьих Войск, учитывая особенности казачьей тактики, строя, езды итд. Успешной подготовке юнкеров способствовал блестящий состав офицеров-руководителей, который состоял из выдающихся офицеров, выбиравшихся из офицеров всех Войск. Почти все они имели императорские призы за фехтование или стрельбу, что производило сильное впечатление на юнкеров.

И каждую осень в здание Училища на Ново-Петерговском проспекте стали прибывать кадеты, окончившие корпус, сыновья казачьих офицеров. Большое количество их было из Новочеркасского Кадетского Корпуса, а с 1909 г. стали поступать и кадеты Владикавказского Кадет. Корпуса.

Жизнь в Училище протекала по строго установленному порядку: пол дня юнкера сотни и эскадрона проводили в классах, где совместно слушали лекции, а остальное время занимались строевой подготовкой. Для общих занятий сотня строилась по ранжиру, без различия курса и Войска, лишь юнкера кавказских Войск становились преимущественно в заднюю шеренгу, чтобы сохранить однообразный вид фронта, так как до 1910 г. юнкера сотни носили форму своего Войска. В 1910 г. сотня получила общую форму одежды.

Сотня делилась на четыре взвода, а для одиночного строевого учения, каждый курс делился на три смены, каждую смену вел два года сменный офицер, обучая юнкеров уставам и конному и пешему строю.

В размеренную однообразную зимнюю жизнь юнкеров два события вносили оживление: несение караульной службы раз в год, в январе, в Зимнем Дворце — все старшее начальство, начиная с Главнокомандующего войсками Гвардии и Петербургского Военного Округа Великого Князя Николая Николаевича, проверяли знание правильного несения службы, и выезд Великим постом Училища в Михайловский манеж, где эскадрон показывал фигурную сменную езду, а сотня — джигитовку, производившуюся всей сотней. Джигитовка производила сильное впечатление как на зрителей, так и на ее участников, старавшихся показать свое уменье и лихость. И

долго потом юнкера переживали это событие, тщательно собирая те номера газеты « Русский Инвалид », где бывало ее описание.

Весной Училище уходило походным порядком в Авангардный лагерь, где, по окончании занятий по съемкам, происходили сотенные учения. Потом Училище принимало участие в маневрах Красносельского лагеря. Завершалось все царским смотром, во время которого Училище, в составе войск гвардии и Петербург. Военного Округа, проходило церемониальным маршем перед Государем. А за два — три дня до царского смотра происходил смотр войскам главнокомандующим войсками Вел. Князем Николаем Николаевичем. Этот смотр вызывал трепет и у юнкеров, а особенно у начальства.

В Петербурге, в помещении сотни часто слышались старинные казачьи песни — устная история казачества, возбуждавшая в молодых сердцах юнкеров гордость своими предками и стремление быть достойными их славы. Постепенно создавались свои традиции. Одной из таких было совершение « г. г. офицерами », то есть юнкерами старшего курса (« бумажные хорунжие ») офицерского обхода сотни. Это строго запрещалось, а потому приобретало особый интерес. Конечно, сменные офицеры про это знали, но не показывали вида.

Тихая осенняя ночь. Юнкера младшего курса спят глубоким сном. Тишина. Но вот, издали, из помещения 1-ой полусотни, чуть слышно стало доноситься пение.

Серый день едва мерцает,
Скоро ночь пройдет,
Офицерство начинает
Свой лихой обход.
Блещут шашки боевые,
Шпоры чуть звенят,
На погонах золотые
Звездочки горят.

Пение постепенно приближается, слова становятся более ясными.

Впереди полковник храбрый,
Вслед хорунжих ряд,
Жаждой удали и славы
Очи их горят.

В затылок друг другу, держа обнаженную шашку под высь, на конце которой горит свеча, торжественно входят юнкера старшего курса. Вперед — « полковник » (юнкер оставшийся на второй год), хранитель традиций, за ним « есаул » торжественно несет « Папку » сотни. Пение продолжается :

Раздаются песен звуки
Славных казаков,
Про великие заслуги
Дедов и отцов.
Про Сибири покоренье,
Вечную войну,
Про Азовское Сиденье,
И тоску в плену.
Запорожские походы
К туркам, полякам,
Покоренные народы
Храбрым казаком.

И подойдя вплотную в младшему курсу, юнкера, которого стоят вытянувшись у своих кроватей, заканчивают :

Русь! Смотри, какую силу
Казаки таят,
За Тебя сойти в могилу,
Каждый будет рад.

« Полковник » приказывает « есаулу » прочесть приказ по сотне, составленный в юмористических тонах, о принятии в « царскую сотню » молодежи и несколько шутливых замечаний вновь принятым юнкерам. Прочитывается ряд очерков из « Русского Инвалида », лестных для сотни. После следуют провозглашение многолетия Училищу, сотне, любимым офицерам, а не любимым — « вечная память ». Дальше следует знакомство старшего курса с младшим : вновь прибывшие показывают свое знание казачьих песен и пляски. Заканчивается все общим пением и танцами казачка и лезгинки.

« Сотенная папка » была создана в год получения сотней общей формы. Нарядная, больших размеров папка, на лицевой стороне помещался значек Училища, на последней стороне были изображены погоны всех казачьих Войск. В ней хранились праказы по сотне, все статьи относящиеся к жизни сотни и т.д.

Какую же силу таило в себе казачество?

К двадцатому столетию казачьи Войска были расположены вдоль границ государства Российского : Войско Донское, далее на восток Кубанское, Терское, Астраханское, Уральское, Оренбургское, Сибирское, Забайкальское, Семиреченское, Амурское, Уссурийское.

В войну 1914-1917 гг. казачьи Войска выставили :

166 конных 6-ти сотенных полков,
444 конных 6-ти орудийных батарей,
30 пластунских батальонов,
177 отдельных сотен (состав отдельной сотни доходил до нескольких сотен казаков).

Общее число выставленных казаков — достигало 465 тысячь человек.

По мобилизации из полка 1-ой очереди откомандировывались офицеры в полки 2-ой и 3-ей очереди, казаки этих полков жили по

станицам на льготе. Казаки полков 2-ой очереди имели строевых лошадей и все свое и конское снаряжение. Эти полки были готовы к выступлению на 7-ой день. Казаки полков третьей очереди получали лошадей по военно-конской повинности и могли выступить через месяц. В мирное время лишь только Кубанское Войско имело пластунскую бригаду из 6-ти батальонов.

Чтобы иметь ясное представление, какую экономию давало казачество формированием полков 2-ой и 3-ей очереди и с какой быстротой это делалось, нужно знать, что стоило пополнение конями кавалерии и какое время на это затрачивалось. Ремонтные комисси осенью скупали молодых лошадей, в 1911 г. плата за коня доходила до 400 руб., после чего конь поступал в ремонтный эскадрон, где его год выезжали, и лишь только после этого он поступал в полк.

Добавлю еще несколько слов о казачьей сотне Николаевского Кав. Училища. Из числа окончивших ее выдвинулись :

Генерал-лейтенант Богаевский Африкан Петрович, — окончил Училище в 1892 г., первым, с занесением на мраморную доску, затем с отличием Академию Генерального Штаба. Был начальником штаба Походного Атамана всех каз. Войск Вел. Кн. Бориса Владимировича, начальником Забайкальской каз. дивизии, затем 2-ой Гвардейской, 1-ой Гвардейской кав. дивизий. Кавалер ордена Св. Георгия и многих Российских и иностранных орденов. Последний выбранный на Дону Войсковой Атаман Всевеликого Войска Донского.

Генерал-лейтенант Науменко Вячеслав Григорьевич, Генерального Штаба, награжден золотым оружием, Кубанский Войсковой Атаман в течении 38 лет.

Генерал-лейтенант Дутов Александр Ильич, Генерального Штаба, Войсковой Атаман Оренбургского Каз. Войска.

Генерал-лейтенант Греков, Алексей Кириллович — 1-го выпуска каз. сотни, был блестящим ее командиром, потом выдающимся командиром 1-го Дон. каз. полка, при нем полк получил шефство Государя Императора. Войну 1914-17 гг. кончил начальником 1-ой Кавалерийской дивизии.

Генерал-лейтенант Секретов Александр Степанович, Донского Войска, имел Георгиевское оружие, лихой предводитель донской конницы во время гражданской войны.

Генерал Улагай, Сергей Георгиевич, Куб. Войска, кавалер ордена Св. Георгия за то, что, командуя дивизионом 1-го Линейного полка Куб. Войска, занял Рудка Червищенский плацдарм, который не могла взять пехота. Во время борьбы с большевиками блестящий командир 1-го Кубанского корпуса.

Генерал майор Бабиев, Николай Гаврилович, Куб. Войска, георгиевский кавалер, выдающийся начальник каз. дивизии во время борьбы с красными.

Генерал лейтенант Шкуро, Андрей Григорьевич, Куб. Войска — выдающийся партизан во время Мировой войны и начальник казачьей конницы во время гражданской.

Генерал Агоев, Константин Константинович, Терского Войска. Кавалер ордена Св. Георгия за блестящую атаку 6-ой сотни 2-го Волгского полка у с. Дарахово в Галиции, против немецкой пехоты, теснившей нашу II пех. дивизию. Один из первых организаторов восстания терцев против большевиков в июле-августе 1918 г. Войсковой Атаман Терского Каз. Войска в эмиграции.

Париж **Н. И. Зимин**

**
*

Посвящается полк. А. И. Медынскому и всем выданным в Лиенце.

Всем вам, прошедшим путь терновый
От гор Альпийских до концлагерей,
Всем вам, вкусившим судьбы суровой
В тайге сибирской под вой зверей :
Зверей-овчарок и зверей двухногих,
Ломавших души, терзавших нас,
Всем вам, кому смерть на таежной дороге
От мук освобождением была;
Всем вам, соратники родные,
Кубань и Терек и Тихий Дон
И все двенадцать Войск едино
Шлют свой казачий земной поклон.
. . . . . .
Шлем и клянемся, что не забудем,
Шлем и клянемся, что не простим,
Пока казачье имя будет
Жить на земле, — мы отомстим.

США **В Строгов**

По приходе в Ф. Александровск части подсчитывали свои потери. В 1-ом Партизанском полку осталось 160 казаков при 8 офицерах, т. е. мы потеряли до 40 % своего состава. Во многих частях потери были значительно больше. Дивизион в. старш. Климова, потопив свои обозы перед п. Прорвой, потерял до 80 %, в частях из иногородних потери доходили от 60 до 80 %. Потери среди беженцев учесть было невозможно, (а потеряли они много), так же, как и количество их и строевых казаков, захваченных красными в Жилой Косе, Прорве и на пути до них. Хотя в Ф. Александровске строевые части и тыловые учреждения и дали отчеты о своих потерях за поход, но сводки о них ни в приказе по армии, ни каким либо другим способом объявлено не было, поэтому мои подсчеты потерь будут приблизительными, основаны они будут на двух известных мне фактах :

1. В Живой Косе требующих довольствия на поход строевых частей и беженцев было 15.000 чел. в тот момент, когда я подавал требования для 1-го Партиз. полка.

2. В Ф. Александровске же было зачислено на довольствие до 4.000 чел.

Нужно заметить, что цифра в 15.000 чел. не точна, так как были части и беженцы, прошедшие через Ж. Косу до начала там регистрации. Если считать число оставшихся, захваченных в Ж. Косе и Прорве, равным числу не вошедших в 15.000 зарегистрованных, то выходит, что потери за время похода от Гурьева до Ф. Александровска исчисляются от 11 до 12.00 человек.

Бывший председатель Войск. Правительства Г. М. Фомичев, захваченный красными в одном из аулов до п. Прорвы, был посажен в тюрьму в Уральске, где казаки его видели сопровождаемого конвоем на порубку дров в Переволочной роще. Потом по суду в Уральске он был расстрелян. Из старых офицеров во время похода были убиты в Прорве ген. В. П. Мартынов с сыном, полк. В. И. Донсков, полк. Семенов и др., во время пути умер от тифа ген. Л. В. Загребин.

О потерях 2-го корпуса (правого фланга армии) также не было ничего сообщено ни в приказах по армии, ни в книге « От красных лап в неизвестную даль » ген. Толстого. Я уже писал, что корпус атакой с тыла киргизами, а с фронта красными был « ликвидирован ». Какие он понес потери, сколько погибло там беженцев — сказать трудно. Все старшие начальники корпуса : ген. В. И. Акутин, полк. С. П. Шадрин, полк. Д. А. Балалаев и многие офицеры из штабов были захвачены красными или убиты. Нельзя даже назвать приблизительной цифры потерь 2-го корпуса, но они были безусловно близки к потерям 1-го Корпуса во время его похода к Ф. Александровску. Офицеров и казаков 2-го корпуса заграницей очень мало, из старших офицеров нет никого.

Состояние сформированных двух полков в Ф. Александровске нельзя было назвать « блестящим ». Помимо усталости после похода, разочарований и, как неизбежного следствия, упадка морали, и материальная часть была не на высоте : не было коней, не хватало оружия, пулеметов было всего три-четыре, никакой артиллерии, никаких кухонь и приспособлений для довольствия людей. Оба полка были 4-ех сотеного состава, до 700 шашек в каждом. Во 2-ом Уральском полку осталась организация 1-го Партизанского полка, помощником по строевой части оставался ес. А. Русаков, по хозяйственной — ес. С. Морунов. Рекомендованный штабом бригады поручик Сидоренко (не казак) был приглашен мною на должность адъютанта, он оказался очень опытным канцеляристом и впоследствии храбрым строевым офицером.

К этому времени (середина февраля 1920 г. ст. ст.) все порты Каспийского моря, за исключением Астрахани, Гурьева и Красноводска, были в руках белых и навигация по морю производилась совершенно свободно, так как порты Астрахани и Гурьева были заперты льдами, а Красноводск, занятый большевиками со стороны г. Ташкента, не имел вооруженного флота. Каспийской флотилией командовал адм. Сергеев. На вооруженных судах торгового флота « Опыт » и « Милютин » боевую часть обслуживал по приходе в Ф. А., бездействовавший на Уральском фронте, Броне-дивизион имени ген. Бичерахова под командой полк. Пиоульского с помошником полк. Филатовым, с которыми мне пришлось позже встречаться в Персии и Индии.

По прибытии в Ф. А. остатков Уральской Отд. Армии, в ее распоряжение был подан один пароход, на который были погружены обмороженные в походе, раненые, больные, требующие немедленной операции и серьезного лечения. После были поданы еще один — два парохода, а затем подача прекратилась. Почему? Для выяснения этого обстоятельства трудно обойти молчанием содержание первых глав книги Атамана ген. Толстова, написанной им « сгоряча » в 1921 г. На нас, участни-

ков событий, ее первые 15 глав произвели впечатление, которое можно выразить с горечью словами: « лучше бы было их не писать... » И в казачьей печати тоже появились недоуменные отзывы.

Атаман по приходе в Ф. Александровск не сумел установить должных и нужных отношений с командованием Каспийской флотилией. Это и является « причиной » всех « причин ». По его обвинениям, как и по эпитетам, которые он употребляет в отношении моряков, видны его нервность, невоздержанность, из чего могла явиться возможность необоснованности выдвигаемых им обвинений. Его ссоры с начальником штаба, с зачисленными в резерв офицерами, подозрения в провокаторстве всех проезжающих миссий, наконец, ссора его со своим отцом, показывают, насколько Атаман не владел собой. Из его же цитированных в книге писем отцу видно, что причиной ссоры (которая началась еще в Гурьеве) были не одни забытые « газыри », а другое... Он не ссорился лишь с одним изгибающимся перед ним в дугу пор. Дзинь-Дзюновским, который, по словам Атамана, будто бы (?) первый узнал о намерении хана Алаш-Орды изменить свое отношение к Войску, но почему то не было принято никаких мер.

Мне не были известны в точности все недоразумения и интриги, которыми сопровождались споры Атамана с командованием флотилии, с офицерами резерва и иногородними о преимуществе « заслуг » по ведению борьбы на фронтах и тд., но что касается эвакуации бригады, то определенно говорилось, что она будет отправлена на юг России через Порт Петровск, где находились все запасы армии. Ни о каких персидских берегах, к сожалению, разговора не было. Осведомление было плохое, вернее никакого. Радио было в распоряжении Каспийской флотилии и, по причине нескончаемых ссор Атамана с ее командованием, никаких секретных сводок ему не сообщалось. Редкие сведения, попадавшие неофициально из Петровска и Баку, были далеко не утешительными. Петровск уже в начале марта « сокращался » и незаметно эвакуировался. В ст. Николаевской ходили нелепые слухи, что дама, близкая к адмиралу Сергееву, говорила в обществе : « Не подмажешь — не поедешь! ». Происхождение этих слухов осталось тайной.

Атаман, зная благосклонное отношение ген. Богаевского, Атамана Войска Донского, к Уральской Отд. Армии и его обещание зачислить ее остатки в Донскую армию, спешил с ее переброской на юг до открытия навигации Астраханского порта, но ген. Толстов не знал обстановки на юге России и взаимотношения между Главным Командованием и казаками.

Во время нахождения в Ф. Александровске остатков Уральской Армии питание ее было более или менее налажено. Беженцы были также зачислены на довольствие, как и строевые части. В Ф. Александровске были еще запасы муки, стараниями Уральской миссии на Юге России получали некоторые продукты из складов П. Петровска. Последнее время, правда, не хватало мяса. Все, что можно было купить у киргизов (исключительно бараны), далеко не хватало для нормального снабжения. Мясо заменялось рыбой, которой было неограниченное количество, но, несмотря на большую любовь яицких казаков к этим « дарам моря », под конец надоела она всем до тошноты. Но все же, как бы то ни было, после лишений в походе все находили положение « райским ». Новых заболеваний тифом больше не было и люди отдыхали.

Во время подсчета потерь за поход, создавалось и « общественное мнение », которое далеко не было в пользу Атамана ген. В. Толстого. На него указывали, как на виновника всех потерь. Рядовое казачество не выявляло определенно своих дум, но и не скрывало своих разочарований. Недовольство и обвинения Атамана исходили главным образом со стороны старших офицеров, с которыми, как я уже упоминал, он не мог наладить нужных отношений для выполнения общих задач. Атаман хотел делать все один. Неприязнь к нему особенно выявилась и перешла в открытый ропот после ареста им с назначением суда над ген. Г. К. Бородиным. По слухам, ставшим известными от членов суда, В. Атаман будто бы требовал расстрела ген. Бородина. К счастью, этого не произошло.

Ген. Г. К. Бородин был очень популярен в Войске. Это был тип офицера « старого закала » и своими оргинальными поступками он был известен во всей 9-ой кавалерийской дивизии, где ген. Бородин командовал 1-ым Уральским полком, с которым вышел на войну 1914-17 гг. От полк. С. Г. Курина, бывшего адъютанта ген. Бородина, а моего командира сотни по 8-ому полку, я и наслышался о « чудачествах » Георгия Кондратьевича. Он требовал, чтобы его называли Егором, а не Георгием, возил с собой на маневрах и на войне черный халат (« азям »), такой, как казаки по станицам одевали при молениях в церквах и « моленных ». Возил с собой (что делали и все казаки) и икону. Каждое утро и вечер, несмотря ни на что, Г. К. одевал халат и перед иконой долго молился. Не дай Бог, если день-

щик, в силу спешности на войне, занятый уборкой постели или подачей чая, не заметит грозных взглядов генерала. Тогда происходила часто повторявшаяся « история » : Г. К. ударял казак наотмаш, сердито ворча : — « Сволочь! и помолиться не даст спокойно... » Всегда имел с собой нагайку длиннее строевой — киргизский « доир ». Но казаков никогда под суд не отдавал, а провинившегося на плацу или в поле преследовал со своим доиром. Если казаку удавалось от него ускакать, вина прощалась, но если казак побоялся прибегнуть к этому способу суда или бывал догнан, то получал в спину пару доиров, с прибавкой самовара(?), который Г. К. дарил побитому.

Когда вышел приказ на право ношения шпор казачьими офицерами ген. Бородин, тогда полковник, никогда их не носил. Однажды командир 9-го гусарского полка его спросил : « Георгий Кондратьевич, почему вы не носите шпор? » — « Я их об...! » — так и сказал полным словом, а потом поправился : « — Они мне мешают, когда я хожу... », но не договорив.

Под его командованием полком в войну 1914 г. была взята целиком австрийская батарея и по его ходатайству на Высочайшее Имя с Уральского Войска был снят « запрет » иметь свою артиллерию, что было запрещено после Пугачева. При сдаче этой трофейной батареи с ген. Бородиным произошел весьма комичный случай. Дело в том, что во время японской войны, тогда есаул, Бородин отбил у японцев несколько пушек, но награды за это никакой не получил — по недоразумению, забыв взять расписку о сдаче трофеев и номера орудий. В 9-ой Кав. дивизии это знали, что служило нередко предметом насмешек над Бородиным. После взятия австрийской батареи полк. Бородин сам повел ее лично для сдачи начальнику дивизии. Надо было по пути ему встретить командира гусарского полка, который знал о « промахе » Г. К.,

« Георгий Кондратьевич, — издали прокричал гусар — не забудь номера записать!... »

Как рассказывал полк. Курин, он в первый раз увидал, что Бородин растерялся, побагровел, был ошеломлен, обижен... и, повернув коня в сторону насмешника, двинулся на него с такой руганью, что гусар решил поскорее без ответа удалиться во избежание « недоразумений ».

Гусары, уланы, драгуны дивизии боялись его как огня, а казаки отвечали на все добродушным смехом и даже с некоторой гордостью.

В гражданской войне активного участия ген. Бородин не принимал. Его знаменитая шашка, украшенная золотом, драгоценными камнями, с надписью « Елизаветъ », повидимому была той самой, о которой упоминает чешский писатель Ерасек в своей книге « Vien ». В 1814 г. Уральский полк под командой полк. Бородина, деда нашего генерала, возвращаясь из Парижа в Россию, дневал под Прагой в Богемии. По словам Ерасека, жители города были удивлены типами уральских казаков, их одеждой, вооружением, ловкостью, также как и элегантностью одежды полк. Бородина, красотой его коня и богато убранной золотом и камнями шашкой. В музее г. Праги имеется и картина « Уральские казаки в Богемии ».

Ген. Бородин не любил « регулярных » за то, что, по его словам, они « обсчитывали » казаков в призах на дивизионных состязаниях и в наградах на войне.

Так вот, над этим ген. Бородиным и был назначен суд. Причины мне неизвестны, но поводом к нему был пустой случай. Во время похода Гурьев — Ф. Александровск на случайно совместном ночлеге обоза ген. Бородина с отрядом Атамана казаки последнего украли дугу у генерала. Уже ее наполовину сожгли, когда Бородин, искавший ее, это заметил. Выхватив из огня остаток дуги, он начал бить сидевших у костра похитителей, которые, не зная генерала в лицо, тем более, что он был одет по « станичному », стали разбегаться, крича : « Что ты, старый черт, с ума сошел, что ли? Мы — Атаманского отряда. Как смеешь ты нас трогать?... » Вот тогда то ген. Бородин и высказал свое нелестное мнение о ген. Толстове, да и при том же в очень « крепких » выражениях, ему свойственных.

Председателем этого несуразного суда был назначен полк. Исаев, членами — полк. Бунькин и войск. ст. И. Климов. Офицеры старше указанных отказались от этой роли. Все это было несогласно с правилами суда над генералом : его не могли судить лица ниже его по чину. Когда ген. Бородин был « приведен » на « суд », он наотрез отказался дать какие бы то ни было объяснения, но задал вопрос : « Вы, это вы, будете меня судить? » А затем, обругав по своей манере председателя и членов суда и еще раз В. Атамана, ушел из « суда » не ожидая его решения.

Атаман нервничал. Кто встречал его в этот период, знал его настроение. Получив согласие от Донского Атамана ген. Богаевского на зачисление остатков Уральской армии в Донскую, ген. Толстов решил представиться там с В. Съездом и В. Правительством, как это принято в Войсках Донском, Кубанском, Терском.

Но так как и В. Съезд и В. Правительство были им распущены при его вступлении на пост Атамана, то из депутатов и членов правительства в Ф. Александровске, кроме председателя Съезда Котельникова и еще нескольких депутатов, почти никого не было. Несмотря на явную малочисленность, В. Атаман решил создать видимость представительства и назвал его, в подражание, « Малым Кругом ».

Помню, на празднике у меня по случаю сформирования 2-го Уральского полка ген. В. С. Толстов в своей речи коснулся необходимости создания организации хотя бы « Малого Круга ». Еще не кончил он говорить, как громко раздалась реплика — « Закружился!.. » Ее произнес сот. М. С. Портнов, 2-го Уральского полка, сидевший против меня. Атаман, удивленный и пораженный неожиданостью такого смелого поступка, вынул револьвер и так же громко прокричал : « Кто это сказал? »

Так как это было у меня, Атаман было моим гостем, я был очень этим смущен, как и другие гости, и искал выхода, глядя то на Атамана, то на автора неуместной реплики. А Атаман держит револьвер в руке. Сот. Портнов встал и спокойно сказал : « Это я сказал, Ваше Превосходительство! » Момент мог быть чреватым последствиями, но Атаман нашел выход из положения : выстрелил в потолок и сел на место со словами, сказанными без всякой злобы : « Безшабашная, дурная голова... » Сот. Портнов тоже « не обидился », сел на место, и праздник продолжался.

Сотник Михаил Савельевич Портнов был действительно « безшабашный », отчаяный « сорви-голова ». Нужно сказать, что с самого начала гражданской войны среди молодых офицеров было не мало таких, которые сильно « оригинальничали » : одевались под запорожцев, не носили погон, но зато носили серьги, всячески демонстрируя свою нелюбовь к « неказачьему », но при этом проявляли большую храбрость и презрение к опасностям.

Для полного понимания настроений и объяснения причин, в силу которых Уральской армии и беженцам не удалось вырваться из мешка Ф. Александровска, трудно обойтись без книги ген. В. С. Толстого. Напитана она « сгоряча » и с « досады », но если бы Владимир Сергеевич знал военно-политическую обстановку на юге России, он, вероятно, не писал бы первые 15 глав в стиле не подходящем к его высокому положению В. Атамана и командующего прославленной Уральской армией. Из приводимых ниже дат больших событий на Юге России, в Добр. Армии, на Дону и на Кубани, на Кавказе можно предполагать, что не одни « коммерческие соображения » препятствовали Каспийской флотилии занять ся переброской остатков Уральской армии в П. Петровск или Баку. Как известно теперь, с декабря 1919 г. Добровольческая и Донская Армии несли большие поражения. Они были настолько значительны, что ген. Врангель говорил : « Война проиграна... ». Полную оторванность В. Атамана ген. Толстова от событий подготовил « Злой гений » его, пор. Дз.-Дз., наговорив о коварстве командования Каспийской флотилии, и в результате сложившихся отношений, ген. Толстов с радио получал лишь сведения, предназначенные для «печати ». 28 февр. Верховный Круг прервал свои сношения с ген. Деникиным и требовал, чтобы казачьи армии ему не подчинялись. Напомню, что 1-ый Партизанский полк Ураль. армии прибыл в Ф. Александровск 11 февраля. 27 февр. был сдан Новороссийск, где были брошены две Донские дивизии и одна бригада. 7-го марта правительство Англии предложило ген. Деникину заключить мир с большевиками. В случае его несогласия оно прекратит всякую помощь. 22 марта ген. Врангель сменил ген. Деникина на посту главнокомандующего Вооруженными Силами на Юге России (все даты по старому стилю. « Болое Дело » — ген. Врангель, « Очерки русской смуты » — ген. Деникин, « В стане белых » — Раковский). Результатом этого, надо думать, произошла « Черноморская трагедия », где три кубанских корпуса (1-ый, 2-ой и 4-ый) и 4-ый Донской были оставлены при эвакуации Добр. Армии в Крым на голодном побережьи Черного моря и 25 марта капитулировали. Большевики захватили там, по их сведениям, 40.000 казаков и офицеров и 10.000 коней.

Лица, посылаемые Атаманом в Порт Петровск для разведки, как полк. А. Кирилов, полк. Т. Сладков, сообщали о волнениях на Кавказе и неудачах на Юге России. Войск. страш. А. Потапов с группой офицеров и казаков и с деньгами для нашей армии из за волнений на Кавказе и в частности занятия ЖД линии чеченцами, в П. Петровск приехать не смог. Но, несмотря на все, Атаман продолжал верить и не верить в возможность эвакуации на Юг средствами Каспийской флотилии, но не предпринимал никаких мер к улучшению отношений с ее командованием. Все делалось как бы наоборот — для их обострения.

В начале марта Атаман приказал сделать повальный обыск в ст. Николаевской, подозревая там у большевизанствующих солдат

из ее жителей наличие складов оружия. По тревоге, полки « при полной боевой », построились на сборном месте и начали обыск, не предупредив о том морское командование, что не отвечало правилам отношений гарнизонной службы. Из-за натянутых отношений морское командование (комендатура и морской инспектор) приняли это за намерение казаков захватить два судна, находившихся в порту. Кораблям было приказано выйти на рейд и навести орудия на Николаевскую. Оружия ни какого не нашли и инцидент был исчерпан.

Спустя некоторе время, без предупреждения морских властей и без ведома Атамана, его обожаемый пор. Дзинь-Дзинздиковский устроил со своим отрядом « Особого назначения » « маневры » со стрельбой. « Пули летели над городом и над радио-станцией » — пишет ген. Толстов, добавляя лишь добродушное замечание : « Весенний воздух вызвал проявление излишков энергии у вездесущего поручика... ».

Организованный Атаманом « Малый Круг » на другой же день начал свою работу и потребовал у Атамана ареста пор. Дз. Дз. и расследования его незаконных действий в бытность в Войске и по пути на Ф. Александровск. Мотивами к этому были : расстрелы казаков и грабежи. Поручик не был арестован, суд над ним обещался быть назначенным, но поручик « незаметно » сбежал на одном из судов, ушедших в П. Петровск. Ген. Толстов, сожалея об инциденте с поручиком, пишет : « Я от души порадовался за него » (стр. 104) и дальше : « безусловно я бы отстоял бы поручика и он отделался бы только арестом плюсом к возвращенным уже казаку деньгам »... Об расстреле казака в походе ничего не говорится, но это было установлено свидетелями.

Между прочим, были и другие возможности спасти остатки армии и беженцев от сдачи большевикам. Ведь, в ст. Николаевской имелось много рыбачьих парусных судов, которые смогли совершать большие плавания. Наняв их за плату серебром, можно было перебросить всех в один их персидских портов. К тому же, в это время в Персии находился бывший командующий Каспийским флотом английской службы адмирал Норрис, почетный казак Уральского Войска, который, как и было потом, не отказался бы оказать содействие в легализации случившегося. Но когда было понято, что для спасения нужно искать других путей — было уже поздно. Большинство пригодных парусников скрылось в островках северной части Каспийского моря. Была назначена комиссия по осмотру оставшихся в бухте парусников, в которую вошли начальник Штаба Армии ген. Моторный и пишущий эти строки. Комиссия определила, что для использования оставшихся парусников нужен некоторый ремонт и этот план был отвергнут.

Была и другая возможность — использовать содействие Бухарской миссии, которая с первых же дней прибытия Атамана предлагала свои услуги. Однако Атаман, вместо того, чтобы ознакомиться с этой возможностью, не захотел разговаривать « с этим черномазым господином », как он окрестил представителя этой миссии, подозревая его в корыстных намерениях. Когда же наконец было понято, « что все пути нам заказаны », пришлось обратиться в эту миссию. Правда, это решение было довольно сложным и не без риска. Для пересечения степей от Ф. Александровска до Бухары нужно было иметь большое количество верблюдов, вьючного матерьяла и продовольствия. Муки имелось достаточно в Ф. Александровске, мясо можно было добывать по пути, верблюдов же можно было достать покупкой на запасы войскового серебра, находившегося в Ф. Александровск. Район степей на СВ и ЮВ от Ф. Александровска был богат скотом, накопившимся у киргизов из за нарушения его нормального сбыта во время войны и революции. Да и часть верблюдов, пришедшая из похода, была еще пригодна для дальнейшей службы. Атаман не верил в возможности переброски на Кавказ при помощи Каспийской флотилии, о чем неоднократно говорил, но в тайниках своей души, возможно, надеялся на это, а потому никаких решений не принимал. Серебро, которое все равно досталось большевикам и которое сильно интересовало киргизов, не было использовано ни в этом случае, ни для улучшения условий перехода от Гурьева до Ф. Александровска.

Дня за два до развязки событий в Ф. Александровске Атаман получил телеграмму от адмирала Сергеева такого содержания : « Получил радио-марина № 69. Все морские учреждения и суда Вы подчинили себе. Ваш приказ о подчинении учреждений и судов самочинен... » Как и нужно было ожидать, это было следствием (преувеличенным) обыска ст. Николаевской с движением на бухту, « маневрам » пор. Дз. Дз. и наблюдениям за портом. В этот же день приехала из Баку на паруснике г-жа Челябьева с письмом от А. А. Михеева (бывшего члена Войск. Правительства) и устными обещаниями адм. Сергеева, та самая « дама », близкая адмиралу, которая « будто-бы » говорила — « не подмажешь —

не поедешь », и которую Атаман считал виновницей всех бед. В письме Михеев характеризирует адмирала « единственным деловым человеком », а г-жу Челябьеву за риск плавания на паруснике — « молодцом ». Сергеев, через г-жу Челябьеву на словах передавал : « Скажите уральцам, чтобы они не безпокоились. Пароходы для них будут дней через восемь ». На это ген. Толстов делает замечания : по поводу письма Михеева — « Попался, кажется, наш парень на удочку », а по поводу адм. Сергеева — « Если не будет подлецом, то едва ли будет честным человеком... » Из всего сказанного получается полная « неразбериха ».

Наконец, 22 марта стоявшие в порту два судна « Опыт » и « Милютин » были даны в распоряжение Уральской армии. Затем они должны были идти в Баку, т. к. П. Петровск спешно эвакуировался. На них должны были быть погружены все беженцы и все « нестроевые », в Ф. Александровске должна была остаться одна лишь бригада. На один из них была погружена часть войск. серебра. Взяв своих пассажиров, оба парохода пошли на рейд. Но едва они вышли в море, едва пристанский колесный пароходик « Туркмен » причалил к пристани, как послышался орудийный выстрел, а за ним и разрыв снаряда на северной стороне бухты. Атаман, командир бригады полк. Карноухов, мы, командиры полков и много других офицеров, были на « Туркмене ». День был воскресный, теплый и солнечный. Все это произошло примерно около 2-ух часов дня. « Опыт » и « Милютин » с рейда возвратились в бухту, высадили своих пассажиров, оставя на бортах своих их имущество и войск. серебро, вышли вновь в море и начали бой с красными кораблями. Мы все с « Турмена », вместе с Атаманом, пошли на окраину ст. Николаевской, откуда ясно были видны в море два неприятельских судна и шедшие им, со стрельбой, навстречу « Опыт » и « Милютин ». Завязался морской бой. Нашим полкам был назначен сбор и они были сосредоточены на улицах Николаевской. Поначалу корабли красных, атакуемые нашими, стали отходить. Наши их преследовали. Пока еще было видно с берега, нам казалось, что один из наших кораблей был задет разрывом снаряда красных. К сумеркам корабли обеих сторон так удалились, что невозможно было их видеть. Доносились лишь глухие выстрелы орудий.

Был наскоро созван военный совет, на котором, помимо Атамана, были высадившийся с « Милютина » ген. Моторный, командир бригады полк. Карноухов с начальником штаба и командиры полков. Общее мнение всех было, что удержать Ф. Александровск мы не можем, помощи ждать неоткуда и остается только два выхода : или сдаваться или уходить. Вопрос о сдаче совершенно не разбирался, а куда уходить? Было решено пока оставить Николаевскую и Ф. Александровск с тем, чтобы решить эти вопросы в обстановке более спокойной. Полки следовало вывести при наступлении темноты, но все еще надеялись, что эти корабли красных лишь их разведка. Поэтому и было решено оставить Николаевскую только к часу ночи. Мне со 2-ым полком было приказано занять порт и берег моря на северной окраине ст. Николаевской. 1-ый полк полк. Климова был оставлен в резерве и должен был оставить Николаевскую одновременно со мной. С наступлением темноты, местные большевики сновали между казаками, уговаривая их сдаваться, обещая свою защиту и прощение от красного командования ,будто бы тайно полученное. Требовались лишь задержание и выдача офицеров. Радио станция Ф. Александровска также безостановочно передавала предложение капитуляции. Вследствие того, что мой 2-ой полк был рассеян по побережью залива и в порту, только делая общие выводы из разговоров с отдельными офицерами и казаками можно было вынести заключение о настроении в полках. Будучи принужден обстановкой все время по пескам переходить с одного участка 2-го полка на другой, к 11 часам ночи я совершенно выбился из сил.

В другом положении находился 1-ый полк : в резерве, все вместе.

Когда же к 12 ч. ночи было замечено приближение вражеских кораблей ко входу в бухту, обезпокоенный отсутствием каких бы то ни было приказаний или распоряжений, я пошел в штаб бригады, где нашел лишь ес. Митрясова. С его слов я узнал, что мне якобы было послано приказание оставить Николаевскую два часа тому назад, т. е. в 11 ч. ночи, что Атаман и полк. Карноухов выехали в крепость, а 1-ый полк оставил станицу и ждет выхода моего на ее окраине. Так как я отрицал получение приказа об оставлении Николаевской, а Митрясов утверждал, что оно было послано, из за этого разногласия разговор наш происходил в очень повышенном тоне. К счастью, пришла в штаб бригады проститься супруга ген. М. Ф. Мартынова и, растолкав нас, обругала « на две стороны ».

Дальше события стали развиваться с калейдоскопической быстротой. Выходя из штаба бригады, я заметил, что суда красных на-

ходятся уже при входе в бухту. Проверил — серебро в бунтах находится на месте. Но вот послышалась трескотня пулеметов. Бегу к заведующему хозяйством полка и приказываю обоз выводить немедленно... « Все готово, выступаю »... Казакам связи приказываю : « Бежать, как на карьере, по всем постам и передать приказание оставить позиции и собираться у штаба полка... » Рядом — квартира ес. Русакова. Захожу к нему. Деньщик говорит, что есаул только что вышел, ищет меня и наверно пошел в штаб бригады. Иду к себе на квартиру : « Где Кирсанов? » Его нигде не видно.. .Лишь один мой братишка знал (они были большими друзьями), что Кирсанов, собрав все для отправки, напился пьяным и прячется где то во дворе, а ему, братишке, говорил, что больше он никуда не поедет... И плакал... Говорил, что ему жалко расставаться с нами, просил не сердиться на него за это и простить его за измену » ...Так и сказал « за измену » « Видно на роду — говорит — мне так написано... »

Есаул А. М. Юдин тоже с утра пьяный : « Я, Павел Андреевич, с этим « губителем » ехать не желаю. Остаюсь здесь. Что будет, то будет — не еду! Так и скажи ему... »

« Александр Мироныч, обдумай хорошо... Не торопись.. .Причем здесь он? » — говорю ему.

« Все обдумал, не желаю больше никаких авантюр... »

Сотник Кошелев, больной, ходит лишь с помощью своего верного казака Усова : — « Меня ты, Павел Андреевич, здесь не оставляй. Куда угодно пойду, но сдаваться не могу... »

Успокаиваю его, говорю : « Константин Алексеевич, куда ты пойдешь, когда самостоятельно не можешь передвигаться? Ведь одна неизвестность впереди... Оставайся... »

« Застрели меня на месте, если ты такой уж добрый... Усов, Федор, тяни меня в бухту, утопи, но живым я не сдамся... »

Вот какие сцены происходили в действительности, а ген. Толстов пишет : « казаки митинговали... » Слово « митинговать » — оскорбительное, которого уральские казаки не заслуживают. Казаки думали и размышляли, они устали, боялись « новых авантюр ». Порядочная часть 2-го полка из-за спешки, изменения приказа оставить Николаевскую на 2 часа раньше, которого **я не получил,** была брошена, оставлена в Ф. Александровске. В полученном мною письме (о котором упоминает Атаман в своей книге) на 2-ой или 3-ий день по выходе из Ф. А. жена мне писала, а ес. А. Русаков приписал, что « полк был брошен, оставлен... »

Сот. М. Портнов, со своим другом хор. Харчевским, из ст. Николаевской не вышли. Были ли они задержаны постами красных или остались добровольно, придумав какие нибудь необыкновенные подвиги?

Не надо забывать, что все это происходило темной ночью, на неосвещенных улицах селения. Даже огни в окнах домов были редки, а вражеские суда зловеще входили в бухту, время от времени бросая лучи прожекторов на Николаевскую или на крепость, сопровождаемые пулеметной очередью или орудийными выстрелами...

Бегу в штаб полка, около которого стояла группа казаков. Слышны разговоры : « Идти или не идти? Куда? Что делать? »... Они расступились, дав мне дорогу. В штабе нахожу адъютанта и несколько писарей. Узнаю, что ес. Русаков недавно был в штабе, что он ищет меня, что капит. Решетников, командир 4-ой сотни, два раза присылал вестового с просьбой немедленно зайти к нему. Его квартира была вблизи полка, иду к нему в надежде найти там ес. Русакова. У ворот квартиры Решетникова стоит пост, во дворе три подводы, запряженная каждая парой коней. В квартире сам Решетников, одетый, вооруженный, набрасывается на меня с расспросами : « Что Вы делаете? ...Что Вы ждете? Надо уходить... 1-ый полк уже оставил станицу... Большевики в станице группируются... » С его слов, капитан Тишков, командир 3-ей сотни моего полка, не казак, « перевернулся », ведет пропаганду за сдачу и выдачу офицеров. Успокаиваю Решетникова как могу и прошу его послать ко мне на квартиру партизан и узнать, выехали ли обозы, а сам иду в штаб полка, для того, чтобы адъютанта полка со штабной повозкой направить на квартиру Решетникова.

Последний меня удерживал : « Не ходите, вас задержат! я лучше пошлю своих людей...»

Небольшая группа казаков около штаба молча пропустила меня в штаб, дала нам с адъютантом выйти, и штабная повозка направилась к Решетникову. Вернувшиеся партизаны сообщили, что мой обоз и заведующий хозяйством со дворов выехали. Другие, сновавшие по станице для разведки, сообщили, что пароходы красных вошли в бухту. Теперь, вспоминая все это, мне досадно и стыдно, что часть вины за оставление полка лежит на мне и обвинения ес. Русакова отчасти справедливы. Но обстановка была настолько жуткая и запутанная, а настояния кап. Решетникова и адъютанта казались такими убедительными, что было решено, с болью в

сердце — уходить... С группой партизан Решетникова (4-ая сотня полка), с одиночными казаками других сотен, всего около 30 человек, обоз из 4-ех повозок направился к выходу из станицы. Все же была маленькая надежда, что ес. Русаков, поняв обстановку с сотнями выйдет из Николаевской. По пути мы остановились у полковой пекарни, погрузив на повозки весь хлеб и часть муки. Движение по пескам было очень затруднительно, т. к. повозки были нагружены до отказа. Время от времени по пути попадались группы людей. В темноте было трудно разобраться, кто они — казаки или местные большевики. При нашем появлении они расходились по дворам и в разговоры с нами не вступали. Наконец мы вышли на окраину в сторону крепости. Там уже были ген. Моторный и войск. ст. Климов, удивлявшиеся моему запозданию. Свои обозы Климов уже отправил в крепость и оставался лишь со строевыми казаками — около 100 человек. Климов ничего не знал о моем обозе и все торопил меня с оставлением окраины. Все же он и ген. Моторный согласились немного обождать в надежде, что мой обоз еще подойдет и вернутся посланные на разведку о судьбе обоза два казака. Казаки вернулись, но с теми же сведениями : обозов во дворах нет, они ушли... Оставалась единственная надежда, что мой обоз прошел в крепость до прихода Климова. Но посланные во все стороны люди по приходе в крепость ни обоза, ни ес. Русакова не нашли.

Вскоре было получено приказание выйти всем на север от Ф. Александровска — туда, где был уже Атаман, ген. Моторный и полк. Карноухов. Была еще полная темнота. Собравши всех вышедших, Атаман произнес речь, в которой указывал на полную неизвестность дальшейшего, не скрывая всех трудностей, которые могут ожидать впереди. Он подчеркнул, что все те, кто чувствует себя недостаточно здоровым или не хотели бы рисковать идти в новый поход — могут остаться и вернуться в Ф. Александровск. Из числа около 500 человек, вышедших из Ф. Александровска, больше половины вернулось. Лишь от 200 до 240 человек остались, решив до конца разделить свою судьбу с Атаманом, Так закончилось больше чем месячное сидение остатков Уральской Отдельной Армии в Ф. Александровке.

Описание событий и интриг и в особенности того, что касается непосредственно Атамана и его отношений с командованием Каспийской флотилии, мне до крайности тяжелы и неприятны... Но для писания исторических записок требуется правда. Не имея никаких данных поддерживать ген. Толстова в его обвинениях морского командования в недоброжелательности и искренно не желая разрушать авторитета Атамана в силу личного уважения к нему, я должен сказать, что, несмотря на все его ошибки, малые и большие промахи, он остается гордостью всех уральцев, как выразитель в его лице непокорного буйного Войска Яицкого. Со всеми его недостатками, он наш, родной, Горыныч, воплощение нашего дорогого Войска! Буйный, характером нескладный, неудержимый...!

Это он в лице казака Ведерникова скандалит со своим командиром сотни, а через некоторе время, будучи раненым, все же бросается спасать своего командира... Это он — урядник Юткин с пулеметом в Лбищенске выскакивает со двора на тачанке и в ста метрах от стреляющего пулемета красных открывает огонь, и несмотря на то, что был ранен, разбивает все, добиваясь победы... Это он — урядник Колесников, один бросается в атаку на 15 человек красных для спасения своего командира... Это он — в Ф. Александровске. расстроенный потерями, неудачами, в поисках возможности вырваться из мешка, готовый на все... И буйно требует расправы со всем и всеми...

Париж. **П. А. Фадеев**

(Продолжение следует)

К БОРЬБЕ!

Лет страшных много миновало
И виды разные пришлось видать.
Подчас глаза туманом застилало
И жизни признаков уж сердце не хотело дать.

То снова кровь кипела в жилах —
К борьбе суровой разум призывал
За правду тех, кто головы сложили,
Кто в страшных тюрьмах умирал.

Умерших стоны слышали живые,
Порою представлялись облики родных
В этапах, тюрьмах и больные,
Став жертвою тиранов злых.

Кто скажет, где могила брата,
Как он страдал, как умирал вдали?
Один иль группой, сотни, больше взято?
Иль в тайниках их тысячи легли?...

Ушел «без права переписки» —
Разлуки час припомнится когда —
Как рок жестокий оторвав от близких
Закрыл завесу навсегда!

А где отец?... На чьем кладбище?
В могиле без креста, без панихид.
Чужой для всех, как бедный нищий
Вдали от родины лежит.

Кто кровью руки обагрил людскою
Пора отмщенья того ждет,
Сердца других кто наполнял тоскою,
Его уж близок час... И он придет!...

М. П. Морозова

ПАМЯТИ ПОХОДНОГО АТАМАНА С. В. ПАВЛОВА

Казачество, плененное большевиками после неравной трехлетней битвы (1917-20 гг.), сохранило надежду на возрождение былой свободы и не затухавшую искру в пепелищах родной земли превратило в пламя 2-го казачьего сполоха во второй мировой войне, в 1942 году.

Вырвавшаяся из многолетнего плена, казачья стихия подняла над волнами всколыхнувшихся Дона, Кубани и Терека походного атамана Павлова.

И потому походный атаман Павлов отверг приказы немецкого командования об отправке всех казачьих частей на Западный фронт и не допустил насильственную присягу казаков на верность Гитлеру, о чем свидетельствует одна из картин летописи «Дон, Кубань и Терек во второй мировой войне».

«Весь ритуал парада сегодня подчеркнуто торжественен и четок, как взмах прославленных клинков. В холодном молчании застыл оркестр, затаив решимость могучими звуками гимнов укрепить противление казачества иностранному насилию.

После короткого приветствия, генерал Штольберг произносит речь, характеризующую намерения немецкой политики.

— Я надеюсь, что казаки на всех фронтах великой войны будут верными союзниками Германии и эту верность докажут сегодня присягой великому вождю германского народа, Адольфу Гитлеру. Я не сомневаюсь, что присяга вами будет дана, как необходимая мера для укрепления дружеских взаимоотношений наших народов. Мой адъютант прочитает вам текст присяги, а вы подтвердите ее принятие словами «Хайль Гитлер!». Ваш оркестр исполнит германский и казачий гимны.

Адъютант с переводчиком вышли наперед для чтения текста присяги на немецком и русском языках. Но едва адъютант произнес первое слово, как лист текста присяги очутился в руках походного атамана. Мгновенно на этот акт протеста, усиливая напряженность момента, отозвалась команда: «Сотня, слушай, на краул!» Строй клинков подался вперед и будто занял исходную позицию для сокрушительной атаки, начатой походным атаманом.

— Казаки, сегодня мы даем неравный бой за утверждение казачьей истории, за нашу казачью суверенность, за вольную волю казачью и, как бы ни окончился этот бой, духовная победа будет за нами, ибо мы не посрамили имя отцов своих. Пусть вечным позором будет покрыто имя тех, кто в наше тяжкое лихолетье сойдет с казачьего пути, нарушит клятву верности казачеству, сегодня освящаемую нашей жертвенностью. Нет и не будет моего согласия на отправку казачьих частей на Западный фронт. Вопросы войны решает только Войсковой Круг и Рада. Казачество продолжает войну с большевиками, начатую в 1917 году и будет сражаться со всеми, кто нарушает его суверенитет.

— Народ, из столетий принесший свое мужество и сохранивший любовь к отчизне и воле — бессмертен! Ныне бессмертие казачества, положившего начало мировой истории борьбы свободных народов с коммунизмом,

утверждается героикой и доблестью верных сынов его, жертвенной кровью вписавших в свою летопись новую и славную страницу: «Дон, Кубань и Терек во второй мировой войне». Пусть наша духовная победа сегодня прозвучит с новой силой в наших казачьих гимнах. Слава казачеству!

Ответный клич на призыв атамана слился с торжественной мелодией казачьих гимнов.

Генерал Штольберг и офицеры его штаба, пораженные самоотверженностью представителей казачества в защите своего национального права, взяли под козырек и окаменело стояли пока исполнялись казачьи гимны.

Германское правительство признало исторический суверенитет казачества, но не понуру политическим органам была самостоятельность действий походного атамана Павлова. Им нужен был послушный исполнитель их воли. Интересы немцев и намерения большевиков иметь в казачьем возглавлении своих ставленников сошлись в одной точке. Была создана обстановка полной безответственности за совершаемое преступление и потому 17 июня 1944 года, в Белоруссии, последовал фатальный для казачества выстрел, сразивший походного атамана Павлова, ставшего первой жертвой казачьей трагедии.

После убийства походного атамана Павлова началась позорная история предательства казачества. Казаки, без их согласия, были отправлены на Западный фронт и отданы под командование «СС», что послужило причиной особо жестокой расправы над казачьим станом в Лиенце. Великое предательство 2-х тысяч офицеров и казачьего стана было совершено союзниками Сталина извне и большевицкими ставленниками изнутри.

Казачья история покроет предателей вечным позором и поставит имя походного атамана Павлова наряду с бессмертными именами атаманов Каледина и Назарова, жизнь свою положивших во имя возрождения казачества.

П. Донсков

СКРИЖАЛИ СЛАВЫ КАЗАЧЬЕЙ

(Продолжение № 83)

Изгнание наполеоновских войск из Германии

1813 октябрь/ноябрь. Журнал военных действий с 8/20 по 31 окт. /12 ноября.

Неприятель продолжал свое бегство к Вейзенфельсу и Мерзебургу.

Генералу графу Платову Главнокомандующий генерал граф Барклай-де-Толли приказал идти поспешнейше к Бутштетту и наблюдать переправу чрез р. Унштрут у Лаухи и Небры, куда на сей же конец послан был еще 6-го числа с самого места сражения генерал-майор Иловайский 12-й с своим отрядом. Главные же войска взяли направление на Веймар чрез Йену.

12 октября. Граф Платов, открыл большие неприятельские колонны, ретирующиеся уже от Эрфурта к Готе, пошел вслед за ними. Главная квартира — в г. Веймаре, который еще 9-го числа очищен от неприятеля отрядами графа Платова и Иловайского 12-го.

13 октября. Генерал-майор Иловайский 12-й, ударив сего числа на французскую кавалерийскую дивизию генерала Фурнье, выгнал ее в Магделюнг, где, стеснив со всех сторон, нанес ей сильное поражение. Кроме множества убитых, взял он здесь в плен 1 майора — адъютанта ген. Фурнье, 6 других офицеров и до 400 чел. нижних чинов, потеряв со своей стороны: убитыми 1 офицера и 6 казаков да ранеными 2 офицера и 32 казака. После сего ген. Иловайский пустился по дороге на Фульду.

14 октября. Ген. м. Иловайский 12-й, продолжая поиски за неприятелем, ударил полком своим на один из отрядов его между Ваха и Гинфельдом, взял в плен 1 полковника, 5 офицеров, до 30 ниж. чинов, отнял несколько обозов и 2 пушки; принудил истребить много зарядных фур и, преследуя затем неприятеля до мест. Гинфельд, схватил курьера, ехавшего к Наполеону с важными депешами. К ген. Платову, преследовавшему неприятеля уже за Эрфуртом, перешли 12-го числа 2 баталиона баварской пехоты, которые отправлены им в армию ген. гр. Вреде.

15 октября. Ген. м. Иловайский 12-й, соединясь с генерал-адъютантом Чернышевым, вы-

шли на большую дорогу от Эйзенаха к Франкфурту и, упредив неприятеля в Фульде, истребили там большой его магазин и мост, взяв в плен до 500 чел.

С прибытием туда же к вечеру всей неприятельской армии, выгнав из города дважды ее авангард, выступили, наконец, к дер. Нейгофу. Ген.-адъютант гр. Орлов-Денисов обще с австр. полковником графом Менсдорфом атаковали шедший по дороге между Вахой и Фульдой отряд, взяли 4 пушки, 50 повозок с амуницией, много другого обозу и значительное число пленных. После сего они открыли коммуникацию с армией ген. Вреде.

16 октября. Генерал-майор Иловайский 12-й и ген. Чернышев выступя еще вчера из Нейгофа истребляли позади себя мосты и делали всевозможные к затруднению марша препятствия, настигнув шедшую впереди их гвардейскую дивизию генерала Демутье и остатки корпуса маршала Мармонда, теснили их до г. Ханау и взяли в плен около тысячи человек. Когда же здесь встретили неприятеля авангард баварских войск, то генералы Иловайский и Чернышев, возобновя атаку на него с тылу, заставили 4.000 человек его войск положить оружие.

Генерал граф Платов, преследуя неприятеля по большой дороге к Фульде, взял в плен до 100 чел.

21 октября. Генерал граф Платов и авангард австрийско-баварской армии прибыли к г. Франкфурту и когда они подошли уже к воротам Ханаусским — неприятель находился еще у ворот Майнских... Вслед за тем неприятель совершенно очистил город, и ген. Платов с ген. Болкманом заняли его. Граф Платов выступил из Франкфурта и пошел преследовать неприятеля по дороге к Майнцу.

23 октября. Граф Платов, исправя вчера мост на р. Ниде, преследовал неприятеля до мест. Хохейма, где имел с ним сшибки до самой ночи и взял в плен до 100 чел.

СЛАВА ПЛАТОВУ ГЕРОЮ! ПОБЕДИТЕЛЬ БЫЛ ВРАГАМ! СЛАВА ДОНСКИМ КАЗАКАМ!

При прочтении отдельных донесений и рапортов приходит на ум, что самая форма: «...вы Платóва, Плáтова сыщите среди русских войскóв...» правильна по тем временам, так как постоянно натыкаешься на слово «войски», а не «войска». Ударение в фамилии тоже очевидно имеет двоякость, о чем можно судить по многочисленным песням. Очевидно произносили и так и так, по разному. Поздняя версия: «среди храбрых русских войск» является досужей поправкой к оригиналу, также как и «средь российских храбрых войск» — это уже какой-то полковой грамотей исказил оригинал. — Да и по А. С. Пушкину ударение того времени было на последнем слоге фамилии Донского Атамана, что следует из его лицейского стихотворения «ПИРУЮЩИЕ СТУДЕНТЫ», где о Малиновском сказано:

А ты, повеса из повес, на шалости рожденный,
Удалый хват, головорез, приятель задушевный!
Бутылки, рюмки разобьем за здравие Платова,
В казачью шапку пунш нальем, и пить давайте снова!

Но, как бы то нибыло, все же — СЛАВА ПЛАТОВУ-ГЕРОЮ!

1813 октября 10/22. Рапорт М. И. Платова Барклаю-де Толли.

Вчерашнего дни, в 3 часа пополудни, исправивши поспешно изломанный австрийцами до сего чрез р. Салле в г. Камбурге мост, переправился я и следовал к Бутштету. В 4 часа авангард мой под командой ген. м. Кайсарова встретил неприятельской отряд в кавалерии, посланной от войск его, при г. Экарцберге находившихся, для занятия Камбурга, которой был опрокинут, разбит и прогнан с поражением к Экарцбергу. В плен взято 3 офицера и до ста человек нижник чинов, кроме побитых довольного числа.

Неприятель, стоявший у Экарцберга, видя поражение отряда своего, выслал было к Зульзештату на подкрепление несколько эскадронов кавалерии и часть пехоты; но генерал-майором князем Шербатовым с подкреплением части генерал-майора Дехтерева они были выбиты пушками из селения и обращены в бегство к Экарцбергу же. По окончании сего прибыл я к сел. Нидертребры и имел здесь ночлег.

В минувшую ночь посланы от меня три команды: одна к Экарцбергу, другая вперед к стороне Эрфурта, а третья к Бутштету, для открытия неприятеля и тревоги его. Из коих, посыланная к Бутштету, проехав ночью чрез неприятельские войски, идущие по дороге чрез Веймар на Эрфурт, возвратилась теперь ко мне и донесла, что неприятель в больших силах найден у с. Гебштедта и тянется на Бутштет, о чем и пленные 3 человека, взятые сею командою с пикетов, уверяют;

а другие две команды еще не возвратились.

Генерал-майор Иловайской 12-й чрез посланных от меня найден в Веймаре, где посланная еще третьего дни из 500 человек при подполковнике Костине и лейб-гвардии уланского полка ротмистре бароне Гейсмаре команда, встретив часть авангарда неприятельского корпуса маршала Виктора — идущий к Веймару, разбила оную и обратила назад, взяв в плен 5 офицеров и 40 рядовых. Веймар же занят нами.

Во исполнение воли Вашего Сиятельства для занятия г. Гота послал я теперь генерал-майора Иловайского 12-го, так как он ближе туда и что лошади его в Веймаре поотдохнули. Дал ему в подкрепление и подполковника Костина с полком и предписал ему, Иловайскому, чтобы он следовал в Готу как наипоспешнее; ежели же имеет он, Иловайской, какие-либо другие виды для поиска над неприятелем, в таком случае я не останавливаю его; но подполковник Костин должен исполнить предписание мое и занять Готу, который сколь скоро уведомит меня, что Иловайской последовал в другое место, то я тотчас пошлю ему подкрепление.

Сам я с войсками иду теперь поспешно чрез Веймар к Эрфурту по-над неприятелем, не занимаясь оным, дабы прибыть мне севодни к Эрфурту непременно. Генерал гр. Платов. № 53 9 час. утра на походе к Веймару.

1813 октября 10/22 Донесение Донского Атамана, генерала-от-кавалерии графа М. И. Платова Императору Александру о взятии Веймара корпусом Донских казаков.

Всемилостивейший Государь!

Высочайшее изустное повеление по верноподданническому долгу моему исполнил я в точности. Употребленный мною для исполнения оного еще за три дни пред сим, как доносил я, лейб-гвардии уланского полка ротмитр барон Гейсмар всеподданнейше донесет обо всем Вашему Величеству.

Вместе с прибытием моим с войсками сегодни к г. Веймару, с тем, чтобы поспешнее пройдя его идти на Эрфурт левее от оного, вдруг неприятель с неожидаемой стороны большим числом кавалерии, в которой были и мамелюки под начальством генералов Лефебра-Денуэтта и Красинского, напал на город, силился занять оной и ворвался в него, приближился к герцогскому двору нарочито как полагательно нащот герцога и для разграбления города, ибо пришел он не с той дороги, по коей ретируется, а от г. Буттельштета; но с помощию Божиею при продолжении жаркого чрез несколько часов сражения убиваем был неприятель на городских улицах, выбит из города и прогнан с поражением по буттштетской дороге более мили, чем г. Веймар, и спасен от разграбления неприятельского. Дорога, по которой он прогнан был покрылась трупами его. В плен взято немало разных кавалерийских полков штаб — и обер-офицеров и нижних чинов, есть в том числе и мамелюки, но за скоростию и наступлением ночи всем пленным разборки и щоту еще не сделано.

Я собираю теперь войски мои после отражения и преследования рассеянного неприятеля и, покормя несколько лошадей, следую в ночь поспешно вперед, оставляя Эрфурт направо на г. Эйтерогаузен, отколь буду открывать коммуникацию с баварскими войсками чрез Вирцбург и также делать поиски правее за Эрфурт.

К г. Готу же послан от меня сегодни еще поутру генерал-майор Иловайский 12-й, которому я дал в подкрепление полк подполковника Костина. — Всеподданейший граф Платов.

1813 октября 12/24 Рапорт М. И. Платова Барклаю-де-Толли о переходе баварских частей французской армии на сторону русских.

№ 60 у дер. Вальквилькен

Проследовавши сегодни от сел. Эйсхлебен, оставляя Готу направо, имею нынешнюю ночь ночлег при сел. Вальквилькен.

Неприятель, как я и доносил с № 57 ретируется густыми колоннами пехоты и кавалерии с артиллериею частыми так, чтоб одна часть от другой версты в две и не более трех по большой дороге чрез Готту в виде моем, и некоторые части прошли уже к Готту с великой осторожностию и весьма поспешно. Подымается с полуночи и до свету проходит примерно более десяти верст, в виду нашем подрывают зарядные ящики и жгут лишние обозы; но я всякий день поутру достигаю его и, где удобно, нападаю на оного. К ночи же чрез целый день опять предупреждаю его и в будущие дни не отстану от оного.

Сегодни в проследовании моем, пройдя уже Готту, явились ко мне из неприятельской армии два баварские баталиона пехоты, в коих : один полковник ,один майор и четырнадцать обер-офицеров, которые по просьбе их я решился отправить в корпус генерала графа Вреде, дав им направление к стороне Вирцбурга; с тем, что ежели не найдут уже сей баварский корпус в Вирцбурге, то настигали бы оных по следам его. Для препровождения их определил я одного урядника с четырьмя казаками.

Я покорнейше прошу Ваше сиятельство разрешить меня в рассуждении баварских

войск, когда оне будут вперед являться ко мне, отправлять ли их к корпусу ген. Вреде, или куда в другое место. Прочие же выходцы из неприятельской армии разных наций, а также и пленные отправляются все в главное дежурство Вашего сиятельства. Нынешнего дни не имею я еще верного сведения, в какой точно колонне следует сам Наполеон. Но из Эрфурта вчерашнего числа точно вышел. Ген. гр. Платов.

1813 октября 13/25 Рапорт командира казачьего отряда генерал-майора В. Д. Иловайского 12-го М. Б. Барклаю-де Толли о разгроме в районе г. Эйзенах кав. дивизии генерала Фурнье.

№ 500 Гирштрунген

По выступлении моем из Готы по причине большого количества неприятеля, тянущегося по дороге к Эйзенаху и оттуда к Готта, почел я за лутчее, не иттить большой дорогою, но котаировать неприятеля, имея его всегда в виду и нападая на его фланги; поспешность с которым он делает сие отступление при каждом на него нападении подает великую надежду в скором его истреблении. Множество обоза, зарядных ящиков и протчих повозок досталось в руки наши и по невозможности взять их с собой истреблены на месте.

Сего же числа, пошед к дер. Меттелгоф, узнал я, что кавалерийская дивизия генерала Фурнье потянулась из Эйзенах на Магделюнг, и я решился тотчас атаковать его, с неустрашимостью встретил ее командовавший авангардом Нарвского пехотного полка капитан Бароцци и ударил на оную с храбростию, заслуживающею уважения.

Я тотчас отрядил подполковника Храповицкого с командуемым им отрядом и полком имени моего, дабы атаковать неприятеля во фронт, подполковника Костина с правого и подполковника Барникова с левого флангов, быстрота и решимость, с которым выполнено было мое повеление ,мало имеет примеров, неприятель, атакованный авангардом с фронта и протчими с флангов, приведен был тотчас в замешательство, расстроенный стремительно искал спасения в бегстве, выгнанный в дер. Магделюнг и прижатый со всех сторон претерпел жестокое поражение, один майор адъютант генерала Фурнье, шесть офицеров и до четырех сот человек нижних чинов достались в руки наши, поле сражения покрыто трупами, дефилее дер. Магделюнг наполнены ими, генерал Амель с малым числом спасся бегством, которому способствовали ущелии, в сих местах находящиеся. С нашей стороны потеря очень мала : убито адъютант мой есаул Пшенишной и 6 казаков; ранено 2 офицера и 32 человека нижних чинов. Сего числа прибыл я в мест. Рурштрунген, в 5 часов утра выступаю на Гинфельд и далее на Фульда; генерал Чернышев тоже находится здесь и идет той же дорогою. Ген. м. Иловайский 12-й.

1813 октября 15/27 Предписание Главного штаба Императора Александра начальнику армейского партизанского отряда генерал-лейтенанту В. В. Орлову-Денисову о партизанских действиях на коммуникациях отступающей французской армии.

№ 163 Арнштет.

При сем прилагается к Вашему Сиятельству повеление к полковнику графу Менсдорфу, коим предписывается ему состоять в команде Вашей и относиться обо всем к Вашему Сиятельству. А как сему достойному офицеру совершенно известен край, то и может он вам быть весьма полезным.

Согласно мнению Государя Императора и князя Шварценберга главный предмет ваших действий должен состоять в том, чтобы быть всегда в голове колонн неприятельских, дабы наверное ведать о действительном направлении, которое он возьмет. Частые рапорты от Вашего сиятельства необходимы, и для того имеете посылать таковые к Государю Императору и фельдмаршалу князю Шварценбергу, дабы можно было успеть дать направление нашим колоннам, согласное движению неприятеля. Генерал граф Платов котоирует с левого, а генерал Чернышев с правого неприятельских флангов, с коими старайтесь быть в сношении. Вам известно, сколь много затруднить можно марш неприятелю истреблением мостов и прерванием плотин, и для того Государь Император не сомневается, что Ваше Сиятельство воспользуетесь сими способами. Особо старайтесь перехватывать курьеров, и для того малые партии необходимо Вам иметь на всех дорогах, кои даже от самых жителей должны скрываться. Граф Менсдорф находится в окрестностях Фульды и для того поспешите с ним соединиться.

США. **Н. Воробьев**

(Окончание следует)

РАДЗИВИЛЛОВ

(Продолжение № 83)

До поступления в кадетский корпус моя жизнь проходила в семейной обстановке, тесно переплетаясь с повседневным бытом полка. Я начал увлекаться чтением « Задушевного Слова », журналом « Природа и люди », « Вестником Русской конницы ». Однако с чтением у меня произошла неприятность : в приложениях к « Природа и люди » был сборник рассказов « Мир приключений », и я набросился на авантюрный роман « Брилльянтовый корабль ». Он так сильно подействовал на мое воображение, что через несколько дней я стал бояться темноты : мне всюду мерещелись пираты, кровавая резня и прочие страхи. Мать взволновалась и « Мир приключений » был у меня отобран. В это время к нашим друзьям Князевым приехала с Дону погостить мать Т. М. Князевой — Туроверова, по тем временам уже старушка, но бодрая и очень властная. Узнав о моих кошмарах и о боязни темноты, она начала подшучивать надо мною ,а потом захотела и сама прочесть этот самый авантюрный роман. И что-же? Два дня спустя Т. М. Князева вернула « Брилльянтовый корабль », уведомляя мать, что со старушкой Туроверовой по ночам творится что то ужасное, еще хуже моего... Я втихомолку немного позлорадствовал...

Приблизительно в это же время военный Радзивиллов был взволнован тяжелым происшествием : во время одного из обедов в собрании пограничников молодой вольноопределящийся из песенников выстрелом из винтовки в упор убил своего командира; другим выстрелом он только успел сбить эполет с мундира одного из поручиков. Убийцу судили в суде Киевского Военного Округа и процесс произвел очень угнетающее впечатление : подсудимый держал себя вызывающе и даже нагло. Он был приговорен к смертной казни через расстрел. Убийца, повидимому, принадлежал к какой то тайной анти-правительственной организации и был с некоторым образованием. Священника он обругал и отказался от прощания со своей несчастной матерью. Его расстреляли на рассвете, недалеко от Радзивиллова, в приграничной зоне, в присутствии стянутых туда войск. Отец, по долгу службы, присутствовал при расстреле, и было заметно, сильно переживал виденное. Обо всем я узнал по обрывкам разговоров, но для меня лично это событие не имело последствий и оно вскоре стушевалось в общем фоне полковой жизни.

Дома моими игрушками теперь были почти исключительно оловянные солдатики, главным образом русской гвардейской кавалерии. Мне их дарили офицеры и дамы полка. Солдатики были плоские, с тщательно воспроизведенными деталями форм и мастей лошадей. Когда мы оставались дома вдвоем с деньщиком Павлом, то часто играли с ним в солдатики. Весь большой обеденный стол был занят войсками и Павел иногда входил в большой азарт.

В редкие вечера, когда отец оставался дома, я упрашивал его нарисовать что нибудь. И он рисовал, что мне было угодно и все было поразительно удачно и интересно! Иногда мы рассматривали книгу « Жизнь животных » Брэма.

В один прекрасный день я увидал в нашем дворе молодого черного индюка. Мы с ним быстро подружились. Индюк хорошо узнавал меня, опасался Павла, а отца обожал, бегая за ним как собачка. Неизвестно почему, но он сразу возненавидел всех евреев, появлявшихся во дворе. Вскоре он превратился в большую, сильную и красивую птицу. Но когда к нему пустили еще двух индюшек, он стал злющим, агрессивным и просто невозможным. И мне и Павлу уже приходилось обходить его с опаской; евреев же он гонял по всему двору, прыгал на них, стараясь клюнуть в спину или шею. Только с отцом он встречался по джентельменски и даже позволял ему гладить по спине, производя какие то звуки одобрения.

Но вскоре с ним начались настоящие драмы : у одного еврея он вырвал со спины пальто большой кусок материи с клоком ваты, другого он клюнул в шею так, что была настоящая рана, из которой текла кровь. Был с ним еще целый ряд историй. Мать потихоньку от отца приказала казнить индюка, но когда он появился на обеденном столе во всем своем великолепии, отец сразу догадался, загрустил и наотрез отказался его есть.

Зимы в Раздивиллове стояли мягкие, безветренные. Снег выпадал в ноябре и лежал не тая до конца марта. Мороз редко опускался ниже пяти градусов.

Чин подъесаула обязывал отца проводить много времени на службе и я его видел больше урывками в обеденное время. Вставал он всегда часа в четыре утра и часто ходил в сотню на уборку лошадей. Я любил, когда он брал меня с собой. Так я узнал, как чистят

лошадь, как ее подковывают, как спят казаки в казармах, где человеку со свежего воздуха было трудно оставаться долго, так как, по словам дневальных, в казарме ночью « дух был дюже чижолый » итд.

Я давно упрашивал отца разрешить мне возвращаться в сотню верхом на его кобылице « Лань » Провальского завода. Это разрешение я в конце концов получил, но со строжайшим наставлением вестовому вести « Лань » на чумбуре и не переходить аллюра рыси. Стремена мне подтягивались до отказа и я чувствовал себя очень счастливым. Но позже езда шагом и мелкой рысью мне надоели и я стал настаивать на том, чтобы вестовой отдал мне чумбур. « Папаня так не велять » отвечал мне упрямо каждый раз казак. Тогда я стянул у отца десяток папирос и вестовой не устоял перед соблазном. Дальше происходило одно и то же : как только мы исчезали за поворотом дороги, вестовой получал от меня несколько папирос, отпускал « Лань » и мы шли хорошей рысью или даже галопом. Все шло благополучно, но однажды моему молодечеству пришел конец : полагая, что никого из родных нет дома, я прошел на « Лани » мимо нашего сада широким галопом и совершенно самостоятельно. И, как нарочно, в саду оказались моя мать и несколько наших дам, которые решили, что лошадь меня понесла, В итоге, я был спешен на продолжительное время. Вестовому, конечно ,досталось тоже. Но позже отец заступился за меня и убедил мать, что для меня « все это хорошо, полезно, а лошадь умница и глупостей не сделает ».

. . . . . .

Однажды отец мне доставил редкое удовольствие, преисполнившее меня гордостью : он взял меня с собой на боевую стрельбу. Еще до рассвета, он в сопровождении вестового и я с ними, выехали верхом на стрельбище. Отец занял место в блиндаже около насыпи с поднимающимися и опускающимися мишенями. Тут же находились наряд казаков и трубач. По приказу отца трубач играл сигнал. Отец подавал команду и казаки налегали на бревенчатый рычаг подъемной установки : над валом появлялись мишени. По ним в течении определенного времени, за которым отец следил по часам, велась стрельба и, по новой команде, они опускались. Подавался сигнал « Отбой ». Несколько казаков поднимались из блиндажа на насыпь : белыми и красными треугольниками на шестах они указывали стрелявшим их промахи и попадания.

Свист, шлепание пуль, пробивающих дощатые мишени, воющие на разные лады рикошеты над головой производили жуткое впечатление. Но я сам подбадривал себя : « На войне точно так-же и еще страшнее; к этому надо привыкать, чтобы меньше потом бояться ».

В офицерском собрании полка довольно часто устраивались любительские концерты и спектакли. Душой их были полный и добродушный подъесаул Иван Алексеевич Яськин и жена адъютанта подъесаула Краснова. Деятельное участие в них принимала и моя мать. По словам друзей, она недурно пела и неплохо играла в пьесах. Прекрасным актером оказался сотник Василий Петрович Салтыков, мягкий, задумчивый, немного сентиментальный. Очень хорошо всегда декламировал наш ветеринарный врач с длиннейшими пышными усами и огромными гремящими шпорами. Когда меня брали на такие вечера, я ожидал с нетерпением его выступлений, а « Старая цыганка » Апухтина в его исполнении запомнилась мне на всю жизнь.

Конечно, у меня были свои любимые офицеры. Больше всех мне был дорог подъесаул Иван Алексеевич Клевцов. Я называл его « дядя Сава́ » по прозвищу, привезенному из Л. Гвардии Атаманского полка, где он служил раньше. Его там прозвали так за то, что он слишком часто произносил эти слова « Сава », которыми и ограничивались его скудные познания во французском разговорном языке. Он смешно, весело и всегда незлобиво подтрунивал надо мною, и я, конечно тоже не оставался в долгу. Если мой отец талантливо рисовал любое животное : слона, жираффа, крокодила и тд., дядя Сава замечательно рисовал лошадей любой породы. Он был знатоком и самой лошади и верховой езды. Офицерская Кавалерийская Школа дала ему много знаний в этой области.

Полковник И. И. Сулин, откомандовав полком, уехал, Я остался без моей подружки Жени. Мое « войско », успевшее полюбить и оценить ее, трогательно с ней распрощалось.

В короткое командование 12-ым полком полковником Васильевым была устроена в сосновом лесу большая маевка. В этот день все радзивилловские извощики — Ицки, Срули, Айзики и др. — были мобилизованы, не говоря уже об обозных лошадях полка. Собранские казаки на разосланных скатертях и коврах приготовили обильный завтрак. Для нас же — детей, командир полка приготовил особый сюрприз привезенного откуда то фокусника, который показал ряд чудесных номеров, но совершенно поразил нас, когда, посту-

чав по стволу сосны, стал разговаривать с каким то человечком, казалось живущим в сосне. Мы искали повсюду этого « братика », как его называл фокусник, стучали даже пальцами по его животу. « Братик » отвечал разумно и учтиво на наши вопросы, но показываться не хотел. Мы заглядывали во все карманы фокусника, под тарелки и скатерти, но он продолжал утверждать, что « братик » поселился на лето в стволе сосны и выйдет оттуда только осенью, когда станет холодно. Странно было все это и необъяснимо для нас, детей, в то время...

Полковник Васильев вскоре сдал полк полковнику Василию Максимовичу Каледину, родному брату будущего Атамана, строгому, сумрачному и малоразговорчивому. Ему было суждено приготовить полк к войне, вывести его и провести в нем самую серьезную часть боевой жизни полка.

Командиром 6-ой сотни был тогда есаул Гущин Александр Федорович. Он недавно окончил Академию Генерального Штаба и отбывал ценз командования сотней. Гущин, как об нем отзывались офицеры полка, с первого же разговора поражал собеседника обширностью своих знаний во всех областях военного искусства и, в особенности, даром красноречия. Говорили, что в Петербурге, где он читал лекции, залы были всегда полны слушателей и самыми ревностыми из них были юнкера. Однако, Гущин иногда высказывал офицерам полка мысли, которые их удивляли и шокировали. Только во время гражданской войны я осознал, что хотел сказать о нем мой отец, называя его « розовым » еще до Германской войны. В эту войну Гущин оказался в штабе 1-ой Гвардейской пехотной дивизии и там видимо он служил нормально до самой революции. Во время же Гражданской войны он появлялся с обеих сторон фронта. Уже в Крыму, при Врангеле, генерал Шатилов, знавший его еще по Академии, устроил Гущину пропуск, разговаривал и спорил с ним всю ночь, но в конце концов Гущин сказал тен. Шатилову : « Выиграть вы все равно не сможете, ваше дело потеряно и я поэтому возвращаюсь обратно... ». Специальный конвой проводил его до заставы красных. И, удивительно, Гущин пережил очень и очень многих. У меня до сих пор висит в комнате большая фотография : опушка соснового леса, 6-ая сотня 12-го полка в развернутом строе, впереди ее командущий сотней есаул Гущин. На 1-ом взводе — покойный отец, на 2-ом — хор. Маноцков, еще дальше — хор. Козловский... и еще кто то. Никого в живых... А Гущин остался. Правда, люди оказались разного покроя...

В Раздивиллове все время появлялись по служебным делам офицеры нашей 11-ой дивизии, иногда генералы со свитой. Для них устраивались выводки лошадей, показывалась рубка, джигитовка казаков, парады и разные учения.

Как-то был устроен 50-тиверстный пробег Дубно-Радзивиллов. На учебном плацу с препятствиями, около 1-ой сотни толпа офицеров, дам, посторонних и свободных от службы казаков ожидала прибытия участников пробега. Ожидание было томительным и долгим. Наконец прошло : « Идут! »... На дороге вдоль шоссе показалось несколько точек. Волнение возросло — все хотели узнать, кто ведет скачку. Наступила полная тишина... Несколько минут спустя кто-то громко произнес : « Красная фуражка... Корнет Надежин Гусарского Изюмского полка ». Это был действительно он. Высокий, худощавый, на красивой кобылице Корольковского завода, он легко прошел все барьеры и закончил скачку. С небольшим опозданием пришел за ним офицер Чугуевского Уланского полка, потом штатский из окрестных помещиков, тут же свалившийся с лошади на одном из барьеров, и последним-один из офицеров 12-го Донского казачьего полка. Отсталых не было видно даже на горизонте.

Однако на рубке состязаться с нашими казаками было невозможно. Украшением 12-го полка был подхорунжий Земляков. На состязании 11-ой дивизии число конкурентов, постепенно сокращаясь, дошло до двух последних кандидатов на 1-ый приз : вахмистра Чугуевского полка и нашего подхорунжего Землякова. Они шли наравне, рубили безукоризненно все, что им ставили, и комиссия была в затруднении. После совещания и поисков были принесены две одинаковых настоящих дубины. Их хорошо закрепили в кресовинах и на первую был пущен улан. Удар его был очень сильный, но « лоза », прорубленная больше чем на две трети толщины, все же осталась стоять, хоть верхняя ее часть и отошла немного в сторону.

Удар Землякова по второй дубине привел присутствующих в полное недоумение : « лоза » тоже осталась на месте, как ни в чем не бывало. « Эх, промазал » — сказал рядом один казак... — « Не такой наш господин подхорунжий » — зашевелил на него скулами Павел — « подожди маленько... » И, вслед за его словами, верхушка « лозы » задрожала и вся верхняя часть, отсеченная небывалым ударом, тихо соскользнула вниз...

На одном из смотров, происходивших в Радзивиллове в присутствии Командующего войсками Киевского Округа генерала от инфантерии Иванова, произошел любопытный случай. В толпе присутствующих дам с детьми и прочих приглашенных сильно капризничал пятилетний, до крайности избалованный, мальчик Жоржик Брызгалин, сын одного из младших офицеров 12-го полка. Дежурный по полку в этот день подъес. Клевцов чтобы повлиять на ребенка, припугнул его : « Если ты будешь продолжать свои капризы и не успокоишься, я отведу тебя к этому дедушке — и он указал на ген. Иванова — а он страшный и сердитый... » — « А я его не боюсь! » — ответил, надув губы, маленький Брызгалин. — « А ну-ка, докажи это и дерни его за бороду! »

Мальчик, после небольшого колебания, решительно направился к ген. Иванову, окруженному многочисленной свитой. Не обращая внимания на их оживленный разговор, он потянулся к бороде Командующего Округом и весьма энергично дернул ее... Разговор сразу оборвался, но генерал быстро нашелся : он нагнул свою голову к Жоржику и, улыбнувшись, сказал : « А так тебе нравится моя борода? Ну дерни тогда еще... » Мальчик мгновенно покраснел и бросился назад к матери, за спиной которой немедленно разревелся. К счастью, никто из старших офицеров не попытался узнать, почему именно Жоржик Брызгалин дернул генерала Иванова за бороду и для подъесаула Клевцова этот эпизод прошел благополучно.

. . . . . .

Как и все дети, я любил рождественские дни и елки. Дома, в сочельник, мы не ели « до первой звезды » и обед был строго постный, кончавшийся кутьей из пшеницы с медом и орехами. Ожидание « первой зведы » было для Павла Бутуева настоящим испытанием. Голодный, уже часов с 3-ех дня, он поглядывал в окна, ожидая первую звезду, но иногда небо бывало затянуто облаками или туманом — тогда ему приходилось терпеть до тех пор, пока мать или отец решали « на глаз », что первая звезда уже появилась.

У нас было принято закладывать в один из пирожков новенький двухгривенный « на счастье ». В один из сочельников все присутствующие охотились за ним, но неудачно. Пришлось отказаться от соревнования и два блюда нетронутых еще пирожков были отосланы на кухню, где ими занялись деньщик, вестовой и прислуга Марина. Но и на следующий день, когда пирожки были уничтожены, двухгривенный не нашелся. Все были в удивлении. Но немного позже, Павел, смущенно и не без радости, сознался, что двухгривенный у него : оказалось, что он его проглотил и поначалу этого не заметил. Дальнейшее было понятно само собой...

Вообще, неумение простых казаков выразить соответственно свою мысль приводило иногда к трагикомическим казусам. Так, однажды во время чая у наших друзей, на пороге столовой появился их деньщик, красный от смущения. В руках он держал лопнувший чайный стакан и отлетевшее от него донышко. На вопрос хозяйки : « Как же ты это умудрился отбить донышко? » — он, запинаясь, ответил : « Да я и сам не знаю, как оно случилось. Хотел его помыть, пустил на него холодную воду из крана, а ж...ка и отвалилась... »

Замечательная елка для взрослых и детей устраивалась в собрании полка. Она доходила до самого потолка и бывала богато украшена. В соседнем темном зале, нас, детей, выстраивали парами и заставляли мучительно долго ждать. Через замочную скважину и щель под дверьми пробивался свет. И вдруг, за буфетной гремел хор трубачей, дверь широко распахивалась и сияющая всеми огнями елка представала перед нами в своей ослепительной красоте!... Пахло хвоей, мандаринами, крымскими яблочками, воском, бенгальскими огнями... Вокруг стояли и сидели папы и мамы, в стороне от них стоял большой стол, загруженный игрушками и прочими подарками.

Забавно и трогательно елки устраивались в сотнях самими казаками. Я помню одну из них. Приглашенными были некоторые офицеры и сотенные дамы, то есть жены сверхсрочнослужащих, вахмистров и тд. Всем распоряжались сами казаки и они радовались празднику как маленькие дети. У елки же, на столе были разложены именные подарки всем казакам сотни и каждому из них, сверх того, кулек со сладостями. Сладости эти были ими оставлены « на потом », а по рукам сразу пошли большие матерчатые мешки с семечками. Уже минут через десять пол оказался густо покрытым слоем подсолнечной шелухи.

Была своя собственная и довольно разнообразная программа : на сцене сменялись рассказчики анекдотов, музыканты на балалайке и на гармонии. Репертуар их был незамысловатый, но публика горячо награждала аплодисментами всех решительно артистов. Гвоздем вечера был театр : несколько скэчей, написанных и разыгранных казаками сотни. Понять текст не всегда было возможно из-за

его витиеватого или сверх-абстрактного стиля. Но публика прекрасно разбиралась во всех тонкостях казачьей драматургии и комедии. И слушала сосредоточенно, в других местах — громко и дружно хохотала, похлопывая от восторга по коленкам и плечам соседей. Я запомнил один — увы, совсем маленький, но очень характерный — отрывок из такой « тяжелой » драмы, как « 1812-ый год ».

На сцене, в противоположных углах ее, стоит по небольшому столику и стулу. На столе, над каждым из них прикреплена небольшая темная коробка; от нее отходит длинный шнур, заканчивающийся чем-то, напоминающим по форме деревянную ложку для обеда. За каждым столиком сидит казак, старающийся смотреть возможно более свирепо и прямо перед собой... Голос из-за кулис возвещает : « 1812-ый год... Разговор.. .Наполеон-Александр... »

Тот, кто Наполеон, берет трубку, похожую на деревянную ложку, а другой рукой изображает, что со злобой крутит ручку телефона. Другой казак — Александр 1-ый — сидящий в противоположном углу, вдруг сдвинув грозно брови, тоже берется за второе подобие деревянной ложки... Наполеон злобно кричит в телефонную трубку : « Семь бед гребет ». Александр отвечает : « Нет!... « Наполеон в исступлении : « Как нет, когда я горжусь отомстить, аки вострый нож? » — Александр, с презрением : « Врешь!... » и пр.

После тяжелого молчания, навеянного продолжительным « историческим » диалогом, начинаются, наконец, общие танцы. Присутствующие дамы приглашаются на расхват : и на вальс, и на польку « с каблучком »; казаки, оставшиеся без дам, танцуют « шерочка с машерочкой »... Хотя все это удается всем трудно и плохо, танцующие, даже с оттопыренными пальцами, довольны, веселы и хотят танцевать еще... Картина резко меняется, как только раздаются звуки казачка. Тут все смолкает, все встают и уходят в серьезное созерцание... Казаки поочередно танцуют с казачками, потом в одиночку и, наконец, в виде совернования, один против другого. Это — их стихия и праздник — не праздник, если не окончится казачком.

. . . . . .

Я продолжал посещать, когда это было возможно, ученья, состязания, парады. Иногда в парадах, кроме казаков, участвовали и другие воинские части, чаще всего Чугуевские уланы, стоявшие ближе остальных к Радзивиллову. Они были красивы в своих мундирах в белыми лацканами, в уланских шапках с легкими султанами, с георгиевскими лентами, обвивавшими трубы оркестра.

Старое георгиевское знамя 12-го полка « За оборону крепости Баязет 20 и 21 июня 1829 года » даже на парадах оставалось в черном кожаном чехле. Оно очень редко извлекалось из него и только в помещении собрания полка, и тогда благоговейно раскладывалось на столе в присутствии всех офицеров : от него оставался только обрамлявший полотнище витой серебряный шнур и в правом верхнем углу небольшой остаток самого полотнища; все остальное было вырвано вражеским ядром, попавшим прямо в него.

Наши казаки выглядели молодцами, в особенности в конном строю, с бунчуками, бубнами и песенниками впереди. Они замечательно пели одну из песен « полкового репертуара » :

« Вспомним, братцы, как стояли
Мы на Шипке в облаках... »

И у присутствующих евреев вздрагивали брови и ресницы, когда запевале дружно отвечал хор :

« Греми, слава, трубой,
По всей области Донской,
Как казаки турок били,
Не щадя своих голов!... »

Хор трубачей 12-го полка играл чаще всего на парадах « Под двухглавым орлом » и « Слава Войска Донского » — прекрасные, сейчас всеми забытые марши. Капельмейстер Елкин оказался талантливым; он даже написал марш 12-го полка, звучный, красивый и легкий, сразу полюбившийся всем офицерам. Грянувшая вскоре война помешала получить Высочайшее утверждение этого марша, как полкового.

В хорошую погоду в улицах Радзивиллова изредка появлялся выезд очень пожилой и совершенно старомодной княгини Урусовой. Княгиня одевалась во все черное, с мантильей или пальто на плечах и кружевной белой наколкой на прическе. Она выезжала на прогулку всегда одна, то в тяжелой карете прошлого века, то в открытом экипаже, а порой и в английском кэбе. Ливрейная прислуга и кучер и лакей на запятках тоже была пожилой. Все они были хорошо одеты и колоритны, как и сама княгиня. Экипаж нередко был запряжен цугом, но никогда не передвигался аллюром выше сдержанной рыси. На флагштоке, перед фасадом ее усадьбы, висел флаг с ее гербом. Он снимался, когда княгиня уезжала из Радзивиллова.

В праздничные дни церковь всегда была полна молящихся. Это были окрестные кре-

стьяне, военные — нижние чины и офицеры с их семьями — местные жители и тд.

Позже, в этой же церкви, я удостоился несколько раз присутствовать на торжественных Богослужениях, когда в Радзивиллов прибывала с крестным ходом и большой толпой богомольцев чудотворная икона Божьей Матери из Почаевского Монастыря. В памяти от этого осталось впечатление чего-то необыкновенно важного и даже страшного: плотная масса простых людей и богомольцев, тянущихся к чудотворной иконе Почаевской; море свечей, заливающее светом всю церковь, нечто вроде ореола вокруг иконы от сияния крупных алмазов, покрывавших ее борты, да и сама она, небольшая, без киота, спускавшаяся на цепочках перед амвоном и излучавшая такую необыкновенную силу!...

В компании дам мне удалось побывать несколько раз в Бродах, в Австрии. В то время это был маленький, но, не в пример Радзивиллову, чистенький и приветливый городок. Дамы предпочитали ездить туда на извозчиках, переодевшись в самые поношенные платья и шляпы. На границе Айзик или Шмуль шли с бумагами дам сначала на русский, потом на австрийский пост и, получив контрольные штемпеля на пропуски, пускались дальше по шоссе полным галопом.

При въезде в Броды я каждый раз восторгался часовыми австрийского драгунского полка, стоявшими у караульных будок: они были щеголевато одеты в прямые голубые мундиры, красные рейтузы, высокие сапоги и черные лакированые каски с острым гребнем впереди. Офицеры этого полка иногда появлялись в нашем собрании.

В Бродах дамы переодевались во все новое, оставляя старое платье у того же комерсанта-еврейчика. Такие же предметы, как «контрабандные» шоколад или конфеты, мелкие игрушки для детей, флакончики или коробочки парфюмерии, исчезали в дамских сумках.

На обратном пути формальности на границе проходили тем же порядком, но на этот раз и у австрийских и русских пограничников глаза смотрели более лукаво. Иногда они даже уверяли наших дам, что их шляпы и платья «настолько хороши, что венские портнихи могли бы многому поучиться в Киеве...»

И. Сагацкий

(Продолжение следует)

ОБЛАВА

Донец берет свое начало где то на севере, и в пределы Донской Области попадает в районе станицы Луганской уже настолько большой рекой, что в половодье — весной достаточно большие речные пароходы с юга, с Дона, доходят до станичных ссыпок-амбаров, расположенных на его берегу, чтобы забрать зерно.

Донец — граница между Донской Областью и Екатеринославской губернией. Левая сторона — казачья, равнинная, луговая и песчаная, покрыта редкими лесками. Правая сторона — хохлатская — гористая. Зеленый пояс леса, почти непроходимого, охватывал реку на много верст по ее течению. Земля с лесом принадлежала помещику Додону или Додонову, экономия которого была с другой стороны леса. В этих заповедных спокойных местах, кроме множества разных пернатых, водились лисицы и волки. Как помещик, так и близко лежащие села-деревни постоянно платили дань этим зверям телятами, баранами итд. Иногда эти нежеланные гости-обжоры переходили естественную границу и появлялись в наших донских просторах и доставляли немалые неприятности своим недостойным поведением. Обыкновенно они появлялись не в одиночку, а стаей, и по результатам их «работы» можно было приблизительно определить количество «гостей». Вот такая волчья стая, по предположению в 5-7 голов, и появилась осенью после Покрова в нашем районе в лесистых степных балках между хуторами нашей станицы.

Урожаи были уже сняты и гурты скота свободно ходили по полям и балкам с сочной травой. Пастухам оставалось только стеречь от едоков склады сена. Скот на ночь возвращался домой, но однажды телушка Петра Зубарева домой ночевать не пришла. На другой день в балке нашли рожки, да ножки, да хвостика трошки. Еще через день и бычек дяди Андрея тоже не пришел домой. Видимо, волки разбирались в еде и брали только мо-

лодых... А счет все время увеличивался. Потом волки перешли на баранов (смена режима питания). Наблюдение установило, что стая « работала » в лесистых балках Водяная, Кредяная, Липовая, Коротченкова, Глубокая. Все эти балки соединялись между собой, искривляясь то вправо, то влево, образуя как бы цепь в общей сложности протяжением 6-8 верст. Пострадавшие соседние хутора решили общими усилиями убрать непрошенных гостей. Встретившиеся на пасеке Ревунова, на Глубокой балке, атаманы пяти хуторов выработали общий план действия : все казаки этих хуторов, имеющие огнестрельное оружие, в пешем или конном строю должны сосредоточиться в указанных местах откуда с восходом солнца начнется по сигналу облава-гонка.

Наши хуторцы решили выехать вечером, переночевать в балаганах на токах Головкова, Зубарева, Баранцова и Черепахина, расположенных в непосредственной близости один от другого и почти в начале Коротченковой балки, где есть многоводный колодец и избыток подножного корма для лошадей. К тому же это и наш район облавы. Уже после обеда несколько групп по 4-5 человек с ружьями, а часто и с шашками и кинжалами, появиился около балаганов. За два-три часа до захода солнца около балаганов виднелся ряд расположенных в порядке казачьих седел, а на ближайших сенокосных полях паслись спутанные кони. Необыкновенное количество конных вооруженных казаков привлекало внимание хохлов, везущих на подводах зерно на станцию Чеботовка.

— « Шо це вы, хлопци, тут робите? »

— « Как что? Делаем маневры... Война началась с Японией... »

— « С гапонцами? »

— « Ну, да! »

Желающих участвовать в облаве набралось много больше, чем предполагалось и между балаганами непрерывно наблюдалось движение людей в разных направлениях. Слышались крики, шум, песни...

« Слышны песни, кони ржут,
И повсюду было слышно, что донцы
домой идут... »

Некоторые казаки отдыхали, другие группами разселись на земле, с цыгарками в зубах, и делятся новостями. А некоторые закусывают.

— « Чего это у тебе, Давид, сумка так надулась, никак перину возишь с собой? »

Давид спокойно извлекает из вместительной сумки содержимое : краюху белого хлеба, пол куска сала, две луковицы, шесть ладиков (оладьи), сырники, печеные на листе капусты

— « Да ты, Давид, действительно запасец сделал... »

— « Я, братцы, не поспел и закусить как следует дома. А кроме того придерживаюсь поговорки : едешь на день, бери хлеба на два ».

И Давид принялся освобождать свою сумку от излишней тяжести.

— « Вот допался до сала, как Мартынов кобель до мыла ».

— « Это ты, чертов Рашпыль, все подгонял с выездом... »

— « Потихоньку на повороте, а то я тебе покажу... »

Максим Пономарев, он же Максим Рашпиль, получил свое прозвище за свою необыкновенную внешность. А был он хороший казак, примерный семьянин, стройный, высокий и, как говорили, с копейкой в кармане, но оспа до такой степени изуродовала его лицо, что оно походило на моршавку. « Словно бороной ездили по его морде » — говорили казаки.

С предпоследней группой приехал и казак Митрофан Жилкин — единственный из всех собравшихся не служивший на действительной. Его служба прошла на станичном табунном отводе : он был кормилец, единственный взрослый сын у матери-вдовы, обремененной большой семьей. Эта служба не считалась почетной и казаки относились к нему с преувеличенным пренебрежением.

— « Раскажи-ка, Митрофан, как служил белому царю, как кровь проливал на отводе с косяками. Небось нанюхался кобыльего поту? »

Мешковатый, без надлежащей военной выправки, Митрофан сам чувствовал себя как бы обвиняемым перед урядниками и служивыми казаками, повидавшими свету, и старался доказать, что служба на отводе не только тяжелая, но также опасная и ответственная. На огромном пространстве в несколько сот десятин разбросаны косяки кобыл с жеребцами, которых и днем и ночью нужно держать под наблюдением.

— « Смотри, Митрофан, чтобы косяки не подходили близко один к другому, а то жеребцы могут побиться — приказывали старики — и тогда смотритель сдерет с тебя шкуру ».

Косяки спокойно паслись на значительном расстоянии друг от друга — рассказывал Митрофан — а я протянулся на травке, согретый теплым солнышком. Предыдущая ночь была неспокойная, дождливая : сверкали молнии, гремел гром, лошади нервничали и постоянно перемещались, почти всю ночь я провел в

седле, сильно уморился... И неудивительно, что теперь я заснул крепким сном... Разбужем я был необыкновенным шумом и каким то визгом... И когда протер глаза, то увидал необыкновенно жуткую картину боя двух жеребцов-самцов между еще не смешавшимися косяками... Жеребцы поднимались на задние ноги и били друг друга передними... Шеи их сплелись, как змеи, и они грызли друг друга за холки, за спины... потом временами расходились и снова с яростью ударяли друг друга грудью. После нескольких ударов ноги меньшого не выдержали сильного удара в грудь и он упал спиной на землю. Красавец « Самсон » — временный победитель в единоборстве — стоял на месте, нервно топая передними ногами, и издавал победный храп, но был готов снова наброситься на противника, как только он поднимется. Видимо и жеребцы придерживаются правила — лежачего не бить! « Самсон » был самым старым по возрасту и самый свирепый жеребец. Свой косяк он ревниво охранял и конечно молодому красавцу « Султану » не под силу было вступать в бой с великаном. И неудивительно, что он быстро очутился на земле. Но тут я уже сидел на своей кобылице и арапником стал их « гладить », стараясь разделить... Позже обоих раненых отвели на конюшню. Как мне влетело от смотрителя и фельшера — лучше и не говорить... Другой раз я уже не ложился... » — закончил свой рассказ Митрофан.

Почти перед заходом солнца прискакал Санька Гвоздев — первый песенник, танцор и музыкант-самоучка. Еще издали кричит : « Отвечать, как генералу : Здорово, славные донцы... »

« Гав, гав, гав!... » — услышал он в ответ — « а ты генерал чего, не взял с собой свою балалайку? Мог бы теперь чего нибудь изобразить.. »

Санька схватывает с земли какую то досточку, и делая вид, что это балалайка, запел :

« Вот свинья хлопот наделала,
Кверху рыло задрала,
Шляпу на бок, и запела,
Тра-ля-ля, да тра-ля-ля »

— « Ну, да это уже старая, мы ее слыхали... »

« А вот вам новенькая... »

« Как был я на ярмарке, ну и видел я диковинку, как курица быка родила, поросенок яичко снес, голопузому за пазуху занес. А слепой да подглядывал, а глухой до подслушивал, а немой караул закричал, да безногий догонять погнал... » Раздался общий смех...

Но вот солнце посылает последние прощальные лучи и скрывается. Показываются на небе звездочки, постепенно наступает темнота, ночь вступает в свои права, приглашая людей на покой. Несмотря на все неудобства, казаки заснули « как убитые ».

Быстро прошла ночь. Сверкнули первые лучи восходящего солнца по широкой степи. Время собраться на указанных местах перед началом облавы. Потянул слабый восточный ветерок, разгоняя образовавшийся за ночь туман над степью. Балки же были еще в густом тумане. Непредвиденное обстоятельство, из-за которого облава началась с запозданием.

В восточной части обще-станичного плоскогорья начинается Водяная балка... Водяная... Когда говорят о степном пространстве — думается всегда об отсутствии или недостатке воды. А там, где нет ее в необходимом количестве, не может быть и нормальной повседневной жизни во всех ее проявлениях. В этом отношении природа щедро нас наградила почти неиссякаемыми источниками чистой родниковой воды, в количестве достаточном, чтобы удовлетворить ежедневные нужды и напоить несколько сот голов скота. И неудивительно, что именно в этой части степи была самая активная жизнь от начала покосов и до глубокой осени — конца работ в степи. Правда, были колодцы и в других балках, но не всегда удовлетворяли нужды, особенно в горячее время летних работ.

Именно в вершине Водяной собрались представители разных хуторов. В ожидании сигнала для начала облавы ведутся оживленные разговоры.

« Тю, и ты, годок, тут? А с жинкой распрощался? »

« А почему? »

« Ну, а если тебе волки кишки выпустят, как тем телятам, что шкуры валяются по балкам? » В ответ казак гордо показывает на ружье и кавказский кинжал на поясе.

« И ты, Долбаносов, тут? А кому оставил дома свою сову? »

« Кому сова, а кому совушка... »

Десяток казаков окружили Платона, пастуха хохла, бывшего солдатом в войне в 1905 г., и слушают его незамысловатый рассказ :

« Був я кашеваром. Таки дывлюсь, а вин едет гапанец (японец) и до меня хурю-мурю... А я галушки варю... Так я схватил ружныцю, да як зарядил юшкой, запыжил галушкой, да як та-ра-хнул... А вин на утек... »

Но вот в вершине Водяной раздался звук трубы. Облава началась. Все подозрительное пространство было охвачено кольцом вооруженных гонщиков. Пешие шли по балке с собаками, конные ехали по бокам ее. В середи-

не Водяной заметили волков, которые быстро стали уходить вниз, все приближаясь к своему роковому концу. Со всех балок, менее значительных, так же шло медленное движение вниз. Постепенно балки теряли свой характерный вид и превращались в общую котловину с слегка приподнятыми краями. Именно в этих местах и должна произойти окончательная развязка.

Пешие далеко отстали от быстро удалявшейся стаи, но собаки почти по пятам следовали за волками, своим лаем указывая местонахождение их. Впереди бежал, высунув язык, уже усталый матерой темно-серый громаднейший волк-самец, за ним другой, почти такой же, это была самка, за ними еще четыре различной величины, но меньше первых двух. И когда поравнялись волки с засевшими замаскированными лучшими стрелками с дальнобойными ружьями — раздались выстрелы. Сразу, словно по команде, свалились двое первых, а через несколько минут и остальные. Вышедшие охотники с удовлетворением делятся впечатлениями: — « Я целил в голову матерому... », « И я тоже в голову... ». Неудивительно, что голова его превратилась к какое то месиво.

С пикой на бедре, на усталом и мокром своем коне « Мурко » (Смотреть « Род. Край » № 79) первым из конных прискакал старый казак Арсен Ильич.

« Запоздал, борода, и без тебя управились!... » — встретили его.

Франция. **М. А. Петров**

АНДРЕЙ ЖИРОВ

Большой медный диск солнца медленно выплывал из-за плоского степного горизонта. Его утренние негреющие лучи освещали верхушки садов Перещепновского хутора и отражались в каплях росы, превращая их в перламутровые зерна. Восходившее солнце давало начало Троицыну Дню.

Стадо рогатого скота, собранное на окраине хутора, прошло через целинную часть выгона, покрытую зелеными пучками низкой травы с рассеянным то там, то сям чеборцом, и выдвинулось на паровое поле пастбища. Вел стадо Савелич, уроженец Тамбовской губернии— пастух с большим профессиональным опытом. Вот уже четыре года, как он в начале весны приходит в хутор наниматься для исполнения пастушьих обязанностей. По прошествии лета Савелич возвращается домой, унося с собой заработанные деньги, пополненные свиным салом, входившим в плату в определенном количестве на установленное число скотских голов.

Савеличу было под пятьдесят лет. Небольшого роста, с круглым лицом, широким курносоватым носом, с светлыми волосами, подстриженными под скобку, он имел вид типичного жителя центральных губерний. На ногах у него были шерстяные чулки и чирики, зашнурованные ремешками, вырезанными из « кислины » 1). В чулки вобраны были холщовые портки, державшиеся вокруг талии веревочным ушкуром 2). Туловище его прикрывалось цветной рубахой дешевого качества и потрепанным пиджаком, а голова засаленным темного цвета картузом. Правое плечо его опоясывал ремень из полотна, к которому прикреплена была пищевая сумка, висевшая на левом боку. К тому-же ремню прицеплена была кубышка для воды или пресного молока. Пастушьим оружием и в то-же время символом власти над стадом у Савелича был двухсаженный кнут с хлостником 3) на конце. Кнутом своим, хлопая им по земле, он приводил в восторг хуторских ребят и примирял задорных быков, вступавших в бой. Махорку Савелич курил в трубке, чего не наблюдалось среди казаков.

В подчинении у Савелича был подпасок Митька, мальчик четырнадцати лет, сын местной вдовы иногороднего. Митька имел свою пищевую сумку и кубышечку, да кроме того « шибок » — дубовую палку длиною немного больше аршина. Шибок предназначался для той-же цели, что и кнут Савелича, с тою только разницей, что кнут при пользовании не

---

1) Кислина-тонкан, мягкая, малопроделанная кожа.

2) Ушкур — веревочный пояс, продернутый в верхней части штанов.

3) Хлостник — придаток к кнуту, свитый из волос бычьего хвоста и прикрепленный к концу, служащий для усиления звука при хлопаньи.

выпускался из рук, а шибок в нужный момент бросался, чтобы наказать провинившееся животное или охладить боевой пыл его.

Паровое поле, где паслось стадо, отдыхало. Три года подряд оно вспахивалось, засеивалось и производило то, что требовал от него человек. Теперь оно не подчинялось человеческой воле. Оно давало жизнь растениям по своему желанию: пырею, овсюку, повителке, полыни, васильков, стебелькам, взошедшим от упавших в землю зерен прежних посевов. Не отказывало оно в бытии ни перекатиполю, ни чертополоху.

Проголодавшийся за ночь скот, посапывая, щипал траву по своему выбору. В стаде не было столкновений, которые происходят обыкновенно, когда скот становится сытым. Даже забияка, хуторской бугай, и тот был спокоен. Он пасся около красной коровы Щегольковых. Заслышав ее мычание, он подошел к ней, обнюхал ее и, подняв голову с широким курчавым лбом, ощерил свои бугаиные зубы.

Солнце поднялось выше дуба. Митька подошел к Савеличу и несмело сказал:

— Дядя Егор, я есть хочу.

— Погоди немножко, Митька, нынче праздник — Троицын День. Могеть быть в церкви не пропели еще херувимскую. Гляди, Косорогий Тяпкиных пошел к засеянному полю. Прокудная скотина! Беги, перейми его, когда вернешься позавтракаем.

Митька, вооруженный шибком, побежал в направлении Косорогого. Приближаясь к отошедшему от стада быку, он кричал:

— Ку-ды!, Ку-ды!

Бык остановился, повернув голову в сторону Митьки. Подпасок подбежал к нему и, бросив шибок, ударил им животное по выступающей кости крестца. Косорогий повернул назад, пустясь врысь. Митка на бегу подобрал шибок и, преследуя быка, повторил удар со словами:

— У-у, косорогая сволочь!

Вернулся Митька запыхавшийся. Савелич сидел на земле, вытянув ноги и разложив перед собою еду: сало, пышки со сметаной, окрашенные в желтый цвет яйца и кубышку с молоком. Завтрак, полученный от семьи Минаевых, был праздничным. Митька вынул из своей сумки кусок пышки и начал жевать.

— Перекрести лоб, нехристь, а апосля начинай есть. Учила тебя мать молитвы читать? — Спросил Савелич.

— Учила.

— Знаешь молитву перед обедом?

— Нет, дядя Егор, не знаю.

— Ну, слухай: « Очи всех на тя уповая »... —Савелич прочитал молитву, сопровождая ее повторным исполнением крестного знамени. Крестился и подпасок.

— Садись теперь, — сказал Савелич.

Митька сел. Пастухи начали есть. Позавтракав, Савелич сочно отрыгнул и три раза перекрестился. Перекрестился и Митька. После завтрака Савелич взял дудки, прицепленные к ремню пищевого мешка, и начал наигрывать тягучую мелодию. Митька-же вытащил из своей сумки пять округленных камушков и, разчистив маленькую площадку на земле, приступил к игре в « чурконики ».

**
*

Перещепновский хутор имел праздничный вид. Стены хат и домов были выбелены известкой, к воротам и входным дверям были прикреплены зеленые ветки, а внутри полы покрыты свежескошенной травой.

Принаряжена была и пятистенная изба Жировых. Заболивая Фоминична, хозяйка дома, побелив стены, выделила нижнюю часть их, окрасив ее желтой охрой.

Семья Жировых кончила обедать. Обед состоял из лапши с зарезанным рано утром пепухом, петушиного мяса, вареников и « глухих клецок », приготовленных на масле и запеченных в глиняной змалированной махотке. После обеда Фоминична собрала со стола и, закрыв ставни окон, легла с мужем — Моисеем Афанасьевичем — отдыхать, а два сына их — Андрей и Никита — пошли веселиться. Оба молодых казака были одеты попраздничному: сапоги их были навощены до блеска, широкие шаровары с алыми лампасами напуском прикрывали верхнюю часть голенищ, на туловищах были белые рубашки с вышитыми манишками, а на головах казачьи фуражки с урядничьими кокардами. Талии казаков перепоясывали узкие ремни с набором из поддельного серебра.

Братья мало походили друг на друга. Старший — Андрей — уродился в мать. Он был выше среднего роста, имел прямой стан, выпуклую грудь, овальное лицо, прямой умеренной толщины нос, серые с голубым отливом глаза и темнорусые волосы. Мягкий пушок усов более светлых, чем волосы, оттенял его верхнюю губу. Был-бы Андрей красавцем, да насмеялась над ним судьба, наслав на него в раннем детстве оспу, поковырявшую ему лицо глубокими впадинами.

Никита был небольшого роста, с плоской грудью, с продолговатым лицом, с светлорусыми волосами и светлыми еле пробивающи-

мися усиками. Так-же, как и отец, он казался нелюдимым.

Оба казака получили на « гулянье » по полтиннику от отца, да по четвертаку от матери из вырученных ею денег от продажи яиц проезжему « яичнику ». Направлялись казаки к избе Ваньки Куликова, служившей зимой местом сборища хуторской молодежи мужского пола. Иван Сидорович Куликов охотно принимал посетителей. (не будем называть его Ванькой, ведь он был в почтенном возрасте). Делал он это из-за любви к пению. Часто, когда хата его наполнялась молодежью, он говорил:

— Ну, ребята, типерича сыграйте мне служивскую, ато всех выгоню.

Было бы фальшью сказать, что Иван Сидорович предоставлял свое помещение исключительно ради любви к песне, — конечно нет, имел он от этого и некоторую нерегулярную выгоду. Он продавал неофициально водочку, пользуясь отсутствием казенной винной лавки в хуторе, принимал за пониженную цену приносимые ему молодежью яица, не отказывался и от мешка пшеницы. Осуждали его серьезные хозяева, а мы скажем, что человек он был неплохой. Если-бы не было Ивана Сидоровича, кто бы дал молодежи возможность общения? Кто бы содействовал развитию у нее любви к песне? Нужно сказать, что Перещепновский хутор славился песенниками на всю станицу, а может-быть и на весь округ.

Летом, в теплое время молодые казаки собирались на дворе около сада Щегольковых, поблизости к Ивану Сидоровичу. На месте сходок притоптана была трава, а особенно там, где происходила игра в орлянку. В этом месте образовался настоящий точек. Туда-то шли два брата. Приближаясь, они увидели сидящих в тени, около плетня, на заброшенном вербовом бревне Михаила Щеголькова, Петра Ковалева, Арсения Лыгина, Ивана Амочаева, Николая Минаева и Алексея Цыганкова. Подойдя к ним, Андрей протянул руку:

— Здорово Михаил, здорово Петро,... Он поздоровался со всеми, Никита сделал то-же самое.

— Чево вы сидите, как куры на яйцах, — с насмешкой сказал Андрей.

О чем гутарите?

— Ты не задавайся, Андрей, — отозвался Мишка. — Вот что, Иван узнал от Анютки, своей сестры, что девки собираются у Волыновых и оттель пойдут на Бузулук венки бросать. Я говорю ребятам, когда они будут итить обратно в хутор, нам надо встретит их у леса.

— Знаю, Мишка, чево ты хочешь. Ты думаешь, что с девками будет Наталья Максимова. Гляди, придет Матвей со службы набьет тебе морду, — сказал с усмешкой Андрей.

— Поглядим, кто кому набьет, — возразил с задором Михаил, затянувшись скрученной из газетной бумаги цыгаркой.

— Ты знаешь, гутарят, кубыть он в учебную попал, урядником придет. Дай скрутить одну — попросил Андрей.

— На, — Михаил передал свой кисет с махоркой и со сложенной газетной бумагой.

Через некоторое время к собравшимся подошли два брата Абрамовых: корноухий Федор и Дмитрий. Федору, когда он был маленьким, свинья откусила левую ушную раковину. От уха остались только отверстие и выступающая ушная « пипка », да две блестящие полоски на коже — следы свиных зубов. Федор был тонок и высок. Участники кулачных боев жаловались, что больно бил он в драке.

— Давайте в орла сыграем, — предложил Щегольков Михаил, поднимаясь с бревна.

Предложение было охотно принято. У Михаила было больше денег, чем у его товарищей. Он получил на праздник целковый от отца, да выручил три рубля, отнесши ночью Ивану Сидоровичу мешок пшеницы. Все подошли к точку.

— Ну, кто сколько ставит? — спросил Михаил.

Андрей швырнул на точек пять копеек, Петро Ковалев столько-же, Иван Амочаев десять копеек. Михаил, положив в ответ каждому равную суму, бросил пятак вверх. Монета взвилась и через несколько моментов шлепнулась на землю. Игроки подошли к месту падения и несколько голосов вместе объявило:

— Орел! Михаил забрал деньги.

— Ставь, ребята, — обратился он, приободренный успехом. Вторая была решка.

— Мечи теперь ты, Андрей.

Андрей вынул из кармана пятак. Не отрывая правой ноги от земли, он приподнял слегка ступню и, нагнувшись, начал тереть поверхность монеты с двуглавым орлом о подметку сапога. Натертая сторона пятака ярко блестела.

— Ставьте! — сказал он.

Было поставлено игроками двадцать пять копеек, из них пятнадцать Михаилом Щегольковым. Андрей положил соответствующую

сумму. Сильным взмахом руки бросил он пятак вверх. Вибрируя с механической регулярностью вокруг горизонтальной оси, монета взлетела в высоту и, исчерпав сообщенную ей силу инерции, опустилась на землю. Натертый орел блестел на солнце. Андрей забрал деньги. Четыре раза подряд он имел орла, пятая была решка.

Поиграв некоторое время в орлянку, казаки пошли навстречу девкам. Андрей имел в кармане около двух рублей выигрыша.

На опушке леса до слуха их однеслось девичье пение. Девки, побросав в воду сплетеные из зеленых ветвей венки, возвращались в хутор. Казаки начали различать слова песни:

— Как все венки посверх воды,
А мой потонул,
Знать мой миленький, хороший
Меня вспомянул...

. . . . . .

При встрече двух групп произошло замешательство. Парни начали балагурить, вырывать у девок цветы, подоткнутые стеблями под платки, Замешательство скоро прошло. Бывшая с девками жалмерка Наталья Максимова, у которой с замужеством исчезла девичья застенчивость, обратилась к парням:

— Будет вам охальничать, сыграйте лучше песню. Андрюшка, зачинай.

— Зачну, если поцелуешь. — Андрей схватил Наталью, стараясь приблизить ее к себе.

— Пусти, анчихрист! Женись, а потом и целуй свою жену, — вырываясь, сказала она. — Погляди, сколько тут девок, выбирай любую.

— Ну, довольно тебе, Наташка, ишь как раскудахталась, кубыть с гнезда тебя спугнули, — отозвался Андрей, выпуская Наталью из своих объятий.

Освободив ее, он сильным баритоном запел песнь соотвертствующую обстановке:

Уж ты, веснушка, весна,
Хороша была весна,
Дюжа хороша.

Весна воздухом прохладна,
Гулять с девками приятно
В пригожих местах.

. . . . . .

Дружно вступили в начатую Андреем мелодию голоса его товарищей. Высокий подголосок Ивана Амочаева парил над общим звуком. Во втором куплете к певцам присоединились некоторые из девок. По окончании песни — Михаил обратился к ним:

— Девки, будем играть в горелки.

Первой ответила согласием жалмерка Наталья, за нею последовали остальные.

— А как будем делиться на пары? — спросил Алексей Цыганков.

— Давайте жеребки тянуть, кому какая достанется.

Создались пары для игры. Андрею очень хотелось иметь партнершей Дарью Махонину. Нравилась она ему. Крупная, крепкая, она дышала здоровьем. Лицо ее со слегка выдающимися скулами было без изъяна. У нее был правильный нос, довольно большой рот, но не настолько, чтобы мог нарушить миловидность лица. В ее девственных губах, из которых нижняя была немного толще верхней, отражалась доброта и страстность. Она имела голубые глаза, обрамленные темными бровями. Через загар ее щек проникал легкий румянец, из-под платка свешивалась на спину темнорусая коса.

Не досталась она Андрею, ему выпал жребий « гореть ». Дарья была партнершей невзрачного Арсения Лыгина. Андрей твердо решил разделить их.

Пробежали три первые пары, Андрей гнался за партнершами для вида. Наступил черед бежать Дарье и Арсению. Андрей изо всех сил бросился за Дарьей, которая бежала вперед, не направляясь в сторону своего партнера. Она, казалось, хотела убежать от обоих преследователей. Андрей настиг ее и обеими руками схватил за верхнюю часть туловища. Правая рука его попала под откинутую руку Дарьи и ладонь его очутилась на упругой девичьей груди. Андрей и Дарья остановились, Арсений-же пошел « гореть ». Андрей, не выпуская из своих рук Дарью, с восхищением смотрел на нее.

Небесного цвета шелковый платок ее от быстрого бега сполз с головы на плечи, обнажив нежную шею и незагоревшую часть лица, прикрываемую платком. Румянец принял более сильную окраску, резко выделяясь на фоне белой кожи. Дарья была прелестна.

— Не трогай, Андрюшка, — сказала она, тяжело дыша.

Андрей продолжал крепко держать свою ладонь на ее волнующейся груди. Страсть электрическим током пробежала по его телу.

— Пусти, Андрюшка, — она схватила его руку и незлобно, но с силой отняла ее от своего тела.

Андрей не упорствовал. Он взял ее за руку и они направились к исходному месту. Сердце

его сильно билось от бега и от близости молодого женского тела. Ему хотелось выразить свои чувства, сказать много ласковых слов, а у него их не было. Помимо этого он боялся выражением ласки проявить слабость несвойственную казаку. Наконец он решил приступить к объяснению.

— Даша, дюжа нравишься ты мне. Я скажу бате, чтобы посватался за тебя. Скажи мне, как ты думаешь?

Рябой Андрей Дарье не нравился, но она не хотела огорчать его резким отказом.

— Я не знаю, Андрюшка, как мой батенька с мамой захотят.

Они подошли к общей группе. На посту стоял Арсений, а очередной бежавшей парой была жалмерка Наталья и Михаил Щегольков. Арсению не удалось разлучить их. Михаил, ведя обратно Наталью за руку, спросил:

Придешь, Наташа, на улицу после ужина?

— Не знаю, пустит-ли меня свекровь?

— Приходи беспременно. После улицы я буду ждать тебя около ворот вашего сада. Придешь?

— Ей-Богу не знаю, Мишка.

— Ну, гляди, я буду тебя ждать.

После игры в горелки молодежь разошлась по домам и, поужинав засветло, собралась на месте предстоящей постройки дома Огарковых.

Часть девок сидела на бревнах, приготовленных для постройки, а часть стояла. У них был общий разговор.

— В середу моя мать ходила к Селивановым Марфутку проведать, — рассказывала Анютка Беспавлова.

— Чево-ж она рассказывает? — спросило несколько голосов.

— У Селивановых теперь лекарь и кубыть Марфутке лучше стало, — продолжала Анютка. — Раньше она кричала и говорила: « испортил меня Иван Шикун ». В пост хотели ее причастить, три казака не могли подвести ее к причастию. Лекарь наверно тоже колдун: пришла к Селивановым тетка Анисья, села в хате, а там был лекарь. Посидела она и начала кричать. Лекарь говорит: « Вот видите и она испорчена. Дайте мне, грть, десять рублей, я на косогоре плугом обведу круг и в круг созову всех ваших колдунов ». С дяди Федосея Селиванова он потребовал десять рублей за лечение Марфутки. Дядя Федосей пошел к атаману. Атаман сказал ему: « дай ему три рубля и пущай убирается отцедева. А если не захочет, то мы его отправим этапным порядком, потому он у баб деньги вымагает ».

— Вот чего еще гутарят, девоньки: кубыть у него, у лекаря, хвост есть. Пошел он, этот лекарь, по нужде на коровий баз, а Дуняшка Селиванова побегла подглядеть через плетень. Прибегла оттедева к матери: — « маменька, маменька, у него хвост есть ».

— « У кого? — спрашивает мать. — У этого, у дохтура. — И-и, глупенькая, — говорит мать. А Дуняшка ей : — Вот провалиться мне на этом месте, сама видала хвост ».

— Довольно, девки, страсти рассказывать, давайте лучше сыграем песню, — прервала рассказ Наталья и своим низким голосом запела:

Как под яблонькой под садовою,
Как под грушею под зеленою,
Там казак с бабеночкой миловалися,
Все соседи про них знали дивовалися,
Все зеленые дубочки разверталися.

. . . . . .

Хорошо пели молодые женские голоса. Правда, не было в них той уверенности, которая наблюдается у опытных певиц, но зато свежесть молодости, чистота звука, искренность передаваемых песней чувств чаровала слушателей. Хутор еще не спал и многие из сбитателей, слушая, делились впечатлениями.

Ребята стояли неподалеко. Степан Щегольков, услышав голос Натальи, чувствовал, что ему шлет она слова песни.

По окончании ее Иван Амочаев высоким тоном завел:

Ох ты, хмель, мой хмелек,
Где-ж ты зимовал?
Зимовал мой хмелек в лесе на турчине,
В лесе, в лесе на турчине на самой
вершине,
Ночевал молодец у красной дивчины

. . . . . .

Веселый напев песни захватил все существо певцов. Раздался звонкий свист, образовался круг и в нем пустился в присядку Николай Минаев.

Мрак безлунной ночи окутал хутор. Жители погрузились в сон. Первыми стали расходиться девки. Парни не приминули преследовать их. Наталья пошла вместе с Дарьей, которая жила немного дальше. Подойдя к дому, Наталья попращалась с ней и зашла во двор. Постояв внутри двора, она вышла и направилась к воротам сада. Там ждал ее Степан. Наталья приблизилась к нему. Степан,

развязав старое веревочное путо, соединявшее ворота со столбом внизу, и, подняв кольцо свитое из хвороста, служившее запором в верхней части, слегка приоткрыл их. Наталья прошла в сад, а за нею Степан. Они сели под ветвистой яблоней. Степан обнял Наталью. Грудь ее высоко вздымалась, она учащенно дышала. Степан молча поцеловал ее...

Через некоторое время они вышли из сада. При прощании Наталья спросила:

— Не будешь рассказывать, Степа?

— Нет.

— Никому?

— Никому.

— Побожись.

Ей-Богу, нет, Наташа.

Кровать Натальи, на которой она спала раньше с мужем, а теперь одна, находилась в горнице. Там-же спал с своей женой Григорий, старший сын Максимовых. Чтобы проникнуть в горницу, необходимо было пройти через комнату, служившую кухней, в которой была постель свекрови и свекора. Свекровь лежала в постели, но не спала, когда пришла Наталья.

— Это ты, Наташа? — тихо спросила она.

— Я, маменька.

Легши в постель, Наталья долго не могла заснуть, ворочаясь с боку на бок. Она думала о происшедшем свидании со Степаном, мучимая вопросами: сдержит-ли он данное обещание или будет хвастаться своим успехом? Узнает-ли об этом Матвей? Если узнает, то как отнесется к ней по возвращении со службы? Под утро здоровый молодой организм взял верх над раздраженными нервами и она заснула.

**
*

Через неделю после Троицы тетка Матрена, сестра Фоминичны, по просьбе Моисея Афанасьевича пошла к Махониным сватать Дарью. Предвидел Моисей Афанасьевич неудачу сватовства, но сделал уступку Андрею, усиленно просившего отца.

Матрена пришла к Махониным в будничный день до обеда. Войдя в хату, где стряпала Тихоновна, мать Дарьи, она три раза перекрестилась на образа.

— Здорово живете, — сказала она, не обращаясь ни к кому.

— Слава Богу, — ответила Тихоновна, стоявшая у печи.

— Я пришла к вам, Тихоновна, на минутку, проведать.

— Проходи, садись, Фоминична.

Тетка Матрена прошла вперед и села на лавку под матку. Не желая сразу приступать к основному вопросу, она завела разговор на тему не относящуюся к делу.

— На базу у вас цыплята бегают. Какие они большие! Когда-ж они вывелись?

— На другой неделе опосля Красной Горки.

— Сколько-же у тебя, Тихоновна, сидело наседок?

— Пять. Да одна была сумашедшая, плохо сидела, вывела она восемь цыпленков. Выкинула я тринадцать болтунов.

— А где-ж у вас Дашка?

—В огороде.

— Работящая она у вас девка. Когда-ж вы думаете отдавать ее замуж?

— Мы сами не знаем, когда жених найдется, да в обыч ей будет.

— А я нашла ей жениха. Лицом он некрасив, а парень статный и работящий.

Тихоновна поняла сразу, о каком женихе шла речь.

— Мы погодим, Фоминична, отдавать Дашку. Она не засидевшаяся девка. Замуж выйдет-забота начнется. Пущай еще повольничает.

— Оно, конечно, вам виднее. А где-ж хозяин-то?

— Под сараем к покосу готовится. Скоро будут луга делить.

— Ну, я пойду домой, Тихоновна, боюсь, как-бы закваска у меня не убегла. Надысь я пошла капусту поливать, вернулась домой, а закваска перевалилась через махотку и потекла по лавке, а с лавки на пол. Махотка была накрыта дежником 4) и завязана бичевкой, ито не удержала. Это от хмеля, хмель у нас дюжа хороший. Ну, прощай, Тихоновна.

— С Богом!

Сватовство на этом кончилось.

**
*

Перед рождественским постом Дарью выдали замуж за казака Чеботарева. Чеботаревы жили в станице. Во время Воздвиженской ярмарки будущий муж Дарьи увидел ее в толпе девок, около каруселей. Пленила она его сердце. Произошло сватовство, закончившееся свадьбой.

В мясоед женили Андрея на Степаниде Кудряшовой из бедной хуторской семьи. Степанида была маленького роста, бледная, невзрачная. В ту-же зиму отбыл Андрей допризывную подготовку, руководил которой вах-

4). Дежник — полотняная покрышка для сосуда с тестом.

мистр Иванов. На следующую зиму после присяги Андрей вместе со сверстниками прошел через военномедицинскую комиссию, признавшую его негодным к службе. Комиссия обнаружила у него на левой ноге расширение вены.

Через год после скромной свадьбы Андрея Жировы сыграли свадьбу Никиты, а через два года второй брат Жировых пошел в 13-тый Донской Казачий полк. Если Андрей был огорчен решением военномедицинской комиссии, касающимся его, то Моисей Афанасьевич был доволен. Действительно, снарядить двух сыновей на военную службу с промежутком времени в два года, было не по силам для него при его бедном хозяйстве. Он должен был-бы лишиться на несколько лет пользования одним земельным наделом.

По приходе Никиты со службы между братьями начались недоразумения. Моисей Афанасьевич решил отделить Андрея. он дал ему одну лошадь и корову и построил небольшую хату с чуланом. Хуторское общество определило место для гумна и огорода.

Началась самостоятельная жизнь и Степаниды. Не спорилась она. Имелось много неблагоприятных условий, мешавших расширению их ничтожного хозяйства: земля хуторского юрта не отличалась высоким качеством, отсутствие средств для хорошей обработки ее не могло способствовать хорошему урожаю, а к тому-же ни Андрей, ни Степанида не обладали достаточной предприимчивостью. Ко всему этому надо добавить, что не было взаимной любви между ними. Андрей не был груб с женою, он просто мало интересовался ею, она казалась ему лишней. По прошествии шести лет независимой жизни Андрей продал свое небольшое имущество, оставил жену и сделался бродягой.

Не покидая пределов своей станицы, временами он исчезал из виду, находясь неизвестно где. Ходили слухи, что он жил в землянке и питался улитками и лягушками, что вызывало много толков в станичной бабьей среде. Иногда в программу его времяпрепровождения входило посещение родственников, живших в станице и на хуторах ее.

Жена Андрея, покинутая им, переехала из хутора в станицу, стараясь найти заработок. Станичный рабочий рынок был беден, прислуг имели : директор начальной школы, два священника, офицер на льготе и офицер в отставке. Предложения превышали спрос. Трудно было жить Степаниде. Пошла она по рукам молодых парней и стала потом любовницей Митьки, сына станичного дьячка — Потапича. Потапич — отчество дьячка, заменявшее ему фамилию. В станице никто не знал его фамилии, разве только два священника. Наделила среда Степаниду прозвищем « Стеньки Поганкиной ».

Митьке было лет тридцать. Жил он вместе со своим вдовым отцом. Излюбленным занятием его было рыболовство. Рыбу ловил он в Бузулуке не для продажи, а для отца и себя. Не имея личного заработка, жил он на скудные средства своего отца. Это не мешало ему время от времени напиваться водкой вместе с Федькой по прозвищу « Шиболок ». Федька был немного старше Митьки. Связала их тесная дружба, основанная на презрении к труду и беспечном взгляде на жизнь. Их можно назвать « битниками » того времени.

Один из станичных законоведов посоветовал Степаниде подать на мужа в станичный суд, чтобы получить в пользование половину его земельного пайка. Тужущиеся стороны были вызваны на заседание суда. При разборе дела Степанида заявила:

— Господа судьи, муж меня выгнал, мне не на что жить.

— Дорогая моя Степанидушка, не выгоняю я тебя, иди ко мне жить — обняв Степаниду при судьях, возразил Андрей.

Ответ Андрея лишил судей формального основания признать его виновным и положение осталось без изменения.

В. Кузнецов

(Продолжение следует)

С РУССКОЙ ПЕСНЕЙ ПО БЕЛУ СВЕТУ

(Все права сохранены за автором)

(Продолжение № 83)

В заокеанское турнэ мы отправились в довольно пощипанном виде, а работа предстояла столь же напряженная, как и в предыдущие сезоны. За 81-одневное путешествие нам пришлось дать 83 концерта. Только четыре дня мы были свободны, зато 6 дней пришлось петь по два концерта в день, после обеда и вечером.

По восточному побережью, включая Чикаго и Минэаполис, мы передвигались автобусом, а дальше Виннипег, Регина, Саскатун, Эдмонтон, Калгери, Ванкувэр и все западное побережье поездами. Сейчас мне самому не верится в возможность столь большого напряжения человеческого организма вообще и голосовых данных певцов — в частности. Передо мной случайно сохранившееся расписание этого турнэ, старенькое, потрепанное, пережитое. В нем указаны все даты : в какой день, в каком зале и в какое время должен состояться концерт, указаны также все отели.

Все расписания концертов составлялись и отпечатывались дирекцией и раздавались хористам в самом начале турнэ. Ни одна дирекция не соглашалась платить хору хороший гонорар за короткое турнэ, если количество концертов будет хоть немного меньше количества дней.

Дирекция оплачивала дорогу через океан в оба конца, дорогу по С. А. Ш. и Канаде, рекламу и все расходы по устройству концертов. Хор свободно мог продлить турнэ по Америке на 4-6 недель, но тогда бы пришлось сидеть без дела весь предрождественский и Рождественский период, когда концерты в стране не устраиваются, а возвращаться в Европу пришлось бы в самый разгар концертного сезона. Перенасыщенное концертами турнэ по С. А. Ш. и Канаде являлось меньшим неизбежным злом, — так оно хором и рассматривалось. —

Итак хору, основательно пострадавшему от автомобильной катастрофы у Бад-Эмса и временно лишившемуся двух первокласных солистов, пришлось выполнить тяжелое концертное турнэ по С. А. Ш. и Канаде. В Новом Свете публика не столь сантиментальна, как в Европе, и расчитывать на такое снихождение, какое хору было оказано в Германии в Висбадене, не приходилось. Надо было петь так, как-будто с хором ничего не случилось и заслужить успех в каждом концерте. Имея богатый опыт тяжелого физического труда в Болгарии, когда после работы все аккуратно являлись не только петь в церкви, но и посещали все спевки, мы справились и с этой нелегкой задачей. И как-бы тяжко ни далось регену и хору это турнэ, все 83 концерта прошли прекрасно.

Приближался, богатый множеством политических событий, 1939-й год. Для переездов через океан хор пользовался пароходами немецких компаний, курсировавшими между немецкими портами и Нью-Йорком. Возвращаться в этот раз нам пришлось на пароходе, выходившем из Нью-Йорка перед Рождеством и шедшим северным путем, с заходом в канадский порт Галифакс. Одинадцатидневное путешествие захватывало Рождество и Новый Год. Отсутствие достаточного количества пассажиров компенсировалось тем, что нижние багажные и продуктовые трюмы заполнили мертвым и живым грузом; когда мы погрузились, на пароходе чувствовался легкий запах присутствия животных. Узнали, что в трюмах несколько сот мулов. Один из хористов тогда изрек: — « На пароходе плывут казаки, да ишаки ».

До Галифакса тащились мы сутки, а в порту простояли почти двое. Вся пристань была забита горами ящиков с яблоками, которые нужно было погрузить. В Галифаксе мы уже пели и были знакомы с городом, а т.к. пассажирам покидать пароход не возбранялось, то мы, воспользовавшись этим, пошли бродить по знакомым местам. Больше всего нас интересовали магазины-склады английских шерстяных материалов, мы покупали, — кто на форму для сцены, кто на костюмы. Горы ящиков были погружены и к вечеру второго дня мы покинули Галифакс.

Проведенное на пароходе инославное Рождество сохранилось в моей памяти очень слабо, но встреча Нового Года запомнилась хорошо. К торжественному праздничному ужину все уже облачились в вечерние костюмы, и после ужина разбрелись по разным залам парохода с тем, чтобы через полтора часа снова собраться на встречу Нового Года. Хор помещался в своем « туристическом классе », где общее число пассажиров не превышало сотни, во втором классе их было и того меньше.

К десяти часам собрались мы снова и маленькими компаниями разместились за отдельными столиками, ожидая полночи, оказывая должное внимание французским винам, особенно бургондскому, уже неоднократно скрашивавшему нашу скитальческую жизнь. Пили и угощали подходивших к нашим столикам других пассажиров, с которыми перезнакомились за время путешествия. Постепенно создалась семейная атмосфера. Не забывали преподносить стаканы вина и нашим кельнерам. По пароходному, уже почти европейскому, времени подошла полночь. С Новым Годом!...

Посыпались взаимные поздравления. Появился и капитан парохода. Его усадили за регентским столом. Пришли с поздравлениями все его помощники и все старшие стюарты. Вскоре всему пароходу стало известно, что только в туристическом классе, вернее у казаков, царит настоящее веселье. Мало по малу, стали подходить пассажиры 1-го и 2-го класса, которых сразу-же приглашали за тот или иной столик. С полным и радушным гостеприимством принимали хористы своих многочисленых гостей. Веселье продолжалось до тех пор, пока не было сообщено, что в пароходном « погребе » французских вин больше нет. Пить другие напитки не было желания, да и все уже находились сильно под « мухой ». Встреча этого Нового Года была, пожалуй, самой веселой изо всех, самой радушной и гостеприимной. Да и причины безудержного веселья были более чем уважительными : еще сравнительно недавняя катастрофа, сопряженное с нею тяжелое концертное турнэ, из которого мы теперь возвращались, необходимость провести праздники на пароходе далеко от своих семей, — все тянуло хоть чем нибудь скрасить серую будничную жизнь.

Вскоре после Нового Года прибыли мы в немецкий порт и в тот же день оказались в Берлине, где радостно приветствовали возвращение в хор нашего, тяжело пострадавшего в катастрофе, баса-солиста. Подготовка к войне была закончена и население знало, что война неизбежна. Знало оно и о том, что главным направлением будет восточное. Первые сведения об этом сообщили нам дети русских эмигрантов, живших в Германии, потом и те из хористов, кто любил после концерта посидеть в ресторане за кружкой пива, а вскоре представился случай услыхать это из уст высокого ранга хвастливого партийца, после концерта в Штетине, на котором присутствовал Фельдмаршал Макензен, сделавший визит хору в нашем отеле, о чем я уже упоминал.

Давали мы концерт в Касселе. В первом антракте в хор явился далеко не старый, очень хорошо одетый, господин, с маленьким Георгиевским крестиком на штатком костюме. Представился полковником технических войск, галлиполийцем, и поинтересовался, много-ли в хоре Галлиполийцев?

Кто-то назвал приблизительную цыфру, он попросил доставить ему удовольствие отужинать с ним в его отеле, и за стаканом вина вспомнить далекие времена Галлиполи. Интерес к полковнику среди хористов-галлиполийцев был большой, кто-то даже помнил его немного. По его разговору, по его блестящему виду и по тому, как он держав себя с другими, было видно, что этот барин, в лучшем смысле слова, достиг большого благополучия. Это обстоятельство интриговало, и почти все в хоре дали свое согласие провести в его обществе время. Наше согласие, переданное ему видимое удовольствие и он предупредил нас, что после концерта будут поданы автомобили, которые доставят всех в тот отель, где он жил.

По окончании прекрасно прошедшего концерта, обещанные лимузины доставили нас в отель весьма высокого ранга, судя по его подъезду и ливрейному швейцару. Через большое фойе, полковник провел нас в обширный зал, где за большим длинным столом уже полностью был сервирован холодный ужин. И сервировка и предупредительность всего штата услужающих указывала на то, что пригласивший нас « меценат » рассматривался здесь, как « персона грата ». За ужином выяснилось, что пригласивший нас соратник, прекрасно владевший немецким языком, сразу после Галлиполи уехал в Германию, и по окончании одной из лучших технических школ занял место инженера в паровозостроительном деле. Со временем, он оказался во главе его, будучи представителем на весь Восток.

Зная, что перед концертом хор никогда не ужинал, наш полковник угощал нас с большой настойчивостью и радушием, много расспрашивал и рассказывал сам. На столах, богато уставленных изысканными блюдами, красовались и балыки и паюсная икра, не было недостатка и в напитках. За дружеской беседой, за воскрешением дорогих всем воспоминаний, за добрым стаканом вина и на редкость вкусной едой, незаметно бежало время. Есть уже никому не хотелось, но кельнера убрали со стола посуду, переменили ска-

терть и начали подавать горячий ужин. Пришлось отведать всего, дабы не огорчить хозяина. Рано утром нам предстояло уезжать в другой город, и по окончании ужина хористы стали, поблагодарив полковника, собираться «до хаты». Гостеприимный соотечественник стал упрашивать хотя бы еще на один часок. Пятеро хористов, в том числе и я, согласились на его просьбу. Проводив уходивших до входных дверей отеля, мы, возвращаясь обратно, заметили в отдаленном углу фойе двух партийцев в форме. Когда мы снова уселись за стол, полковник предложил нам пригласить их в нашу компанию. Мы ответили, что, как хозяин, он может приглашать кого он хочет. Полковник отправился за ними и вскоре привел их с собой. Мы встали и ответили на приветствие. Один из них был в черной форме, украшенной дубовыми листьями, другой в защитном. Полковник поднес всем по бокалу. Чернорубашечник заговорил, общий смысл его речи сводили к тому, что: «Фюрер сказал, что наша граница будет на Волге» и продолжал в том же духе. Подобная беззастенчивость возмутила нас до крайности. Поднялся шум неимоверный. Полковник стал нас успокаивать и попросил дать ему возможность ответить партийцу.

Он совершенно спокойно начал: — «Давайте оставим в стороне все иллюзии и мечты, а будем говорить о реальности, о добрососедских отношениях, о сотрудничестве и о старых границах — Вержблово — Эйдкунен и т. д.» Говорил он долго и спокойно, а когда закончил, партиец вскочил и с пафосом прокричал: «Нет! Если фюрер сказал, что наша граница будет на Волге, то так и будет».

Эта наглость настолько взорвала нас, что уже никто никого не слушал, а мой сосед справа, молодой терец, подвыпивший, помянув родительницу партийца, потянулся к нему через стол, стараясь ухватить его за «манишку» и заорал: — «Ах, так вашу разэтак, если ваша граница собирается быть на Волге, то наша будет на Рейне».

Этим скандалом закончился так мило протекавший прием у полковника-галлиполийца. Как потом извинялся он за такую большую неприятность, доставленную нам нацистами!... Вероятно, приглашая партийцев, он желал ознакомить нас с тем, к чему готовятся немцы, о чем мечтают, но едва-ли, предвидел разразившийся скандал. Недавно я спросил С. А. Жарова, знает-ли он о том, что произошло в 1939-м году в Касселе после ужина у полковника? Рассмеявшись, он ответил: «А как-же! Рано утром ко мне явился полковник немецкой армии и с усмешкой рассказал обо всем происшедшем, придав ему совсем несерьезный характер».

Из свидетелей этой дикой сцены, кроме меня, живы и здоровы еще два бывших хориста, жив и тот молодой терец, который пытался поймать и проучить партийца. И надо сказать, рассказы местной русской молодежи вполне соответствовали поведению встреченных нами партийцев.

В начале лета покинул Германию такой национально мыслящий философ, как И. А. Ильин, который печатал свои труды не только по русски, но главным образом и по немецки. Эти его писания пришлись настолько «не по вкусу» тогдашних властей, что против него начали готовиться репрессии, узнав о которых, профессор выехал по временной визе... (что он делал постоянно) в Швейцарию, где и остался жить в Цюрихе, до самой своей смерти во второй половине пятидесятых годов.

К этому большому человеку я еще вернусь, т. к. знакомство с ним не ограничилось случайными встречами, а поддерживалось и дружеской перепиской.

Будучи в Берлине, С. А. Жаров и администрация хора нередко навещали ген. П. Н. Краснова в его доме, расположенном далеко на окраине города. Главной темой для разговора обычно бывали грядущие события, о которых генерал был вполне осведомлен и неоднократно, без поставленного вопроса, заявлял, что в грядущих событиях он не примет никакого участия.

Вплоть до лета успешно проходило концертное турнэ хора. Местом летнего отдыха и репетиций снова было избрано северное взморье Германии, — Херингсдорф, лежащий между Альбэком и Банзином, так хорошо нам знакомым. Наши американские «паспорта-первобумажники», еще неимеющих гражданства, нуждались во въездных визах в каждую страну, а поэтому я сдал свой администратору с просьбой поставить на него визу в Югославию, имея в виду воспользоваться свободным временем и по приглашению друзей посетить Белград, а затем отдохнуть на берегу Адриатического моря. Так-как в изы долго не было, то я уведомил администратора, что уезжаю в Австрию, в Перчах на Вэртэрзээ. Австрия была уже одним государством с Германией и для поездки туда никаких специальных документов не требовалось. Гостей на курорте было немнгого, и я без труда нашел себе комнату с пансионом в прекрасной вилле, на самом берегу озера, откуда открывался

чудный вид на озеро и тянувшуюся за ним цепь гор Караванхен, будто плывущую в легком тумане. От виллы ступеньки вели к озеру, на котором для пансионных гостей имелся свой пляж и собственные лодки. Среди пансионеров мне запомнились только две, уже не молодые, пары, с которыми обыкновенно приходилось встречаться за чашкой пятичасового кофе. Одна из них владела небольшой фабрикой печенья в Берлине, а о другой я узнал, что муж был крупным чиновником в каком-то учреждении. Они не были партийцами и жена фабриканта, кормя свою собаченку под столом взбитыми сливками, обратилась ко мне с просьбой, никому не говорить, что она это делает. В Германии подобные вещи строго карали, да и подобной « роскоши» уже не было, а в Австрии еще проделывалось украдкой.

О чем-бы мои собеседники не начинали говорить, разговор всегда сводился к предстоящей войне, как к чему-то неизбежному. Не раз они спрашивали; примут ли С. А. Ш. участие в предстоящей войне, или останутся в стороне от происходящих событий в Европе. Я был также откровенен, как и они, и всегда подчеркивал, что общественное мнение в Америке всецело на стороне Англии и Франции, и она будет помогать этим двум странам всем чем сможет. Но вот, чем они поставили меня в очень щекотливое положение: Вы хорошо знаете Германию и по всей вероятности будете шпионом в пользу России? — На эту тему завязялась целая дискуссия « — России сейчас нет — говорил я, — а СССР, по всей вероятности, останется в стороне от назревающего конфликта, кроме того немецкий язык я знал поверхностно, да и по своему характеру совсем не подхожу и не испытываю склонности к шпионской работе ». Думаю, что мой ответ мало убедил моих собеседников, т. к. этот вопрос повторяли неоднократно, говорили и о евреях, против которых в Германии уже начались репрессии. В доказательство моего взгляда, что в каждом народе имеются и хорошие и дурные люди и о недопустимости возлагать ответственность одного за совершенное им преступление на весь народ, я показал им полученную мною недавно из Праги фотографию доктора Бориса Яхнина, с его трогательною надписью. На этой фотокарточке последних лет он выглядел уже типичным евреем. Рассказал я им, как с этим бывшим студентом-медиком мы сражались с большевиками с самого начала борьбы и как он был ранен на моих глазах в Ледяном походе ген. Корнилова. Мои собеседники посоветовали мне больше никому не показывать этой фотографии.

Вообще же, все наши беседы привели меня к выводу, что война неизбежна и что главное направление будет восточное — « дранг нах остэн ». —

Наконец получив свой паспорт с Югославской визой, я укатил в Белград. Одной из причин, побудившим меня побывать там, было желание получить свидетельство на право ношения знака отличия 1-ой степени за участие в 1-ом Ледяном походе ген. Корнилова. Для его получения надо иметь свидетельство двух лиц, подтверждающих мое участие в походе. Одним из моих свидетелей был доктор Яхнин-чернецовец, а другим капитан Д. Возовик-корниловец, писменные свидетельства которых я имел при себе; с этим я явился к главному секретарю правления ген. шт. полк. К. Н. Николаеву. На прощание он сообщил мне о предстоящем в скором времени заседании Главн. правления и просил меня обязательно присутствовать на нем. Старые друзья ознакомили меня с достопримечательностями Белграда.

Первым делом показали мне Калимегдан, самое высокое место, откуда открывался чудесный вид на протекавший внизу разлившийся Дунай и впадавшую в него и тоже разлившуюся Саву. Много ниже, площадка со львами, довольно вялого вида, а влево в направлении Савы не особенно широкая аллея, от которой специальная дорожка ведет к древней церкви-часовне и находящемуся перед ней колодцу-кринице, с удивительно прозрачной водой. Неподалеку оттуда расположен военный музей, почти рядом с ним, по середине площади, на высоком цоколе, большая человеческая фигура в позе стрежительного движения вперед. Очень красиво в Белграде кладбище, там среди других памятников выделяется памятник Русским воинам, построенный на добровольные взносы всех частей быв. Добров. Армии. Весь он испещрен их наименованиями.

Интересно, уцелел-ли он при большевиках?

Чрезвычайно оригинальна, и по замыслу, и по структуре, могила « Неизвестного солдата ». Далеко за Белградом, на большом пологом холме, прекрасно видимый со всех сторон, высится высеченный из серого гранита, облицованного темным мрамором, тяжелая громада мавзолея. Футов на 40 в вышину врезается она в безконечный занавес простирающегося за нею неба.

Монументальный цокль и покоющаяся на нем усыпальница, слегка пологая, органичен-

ная внизу прямолинейным карнизом, украшенным по углам арабесками, изображающими собою пламя факелов, крыша — все создает впечатление открытой двери на небо. Это впечатление усиливается, если посмотреть снизу, от начала длинной каскадной лестницы, ведущей к мавзолею. Равная по ширине цоколю, невысокими ступенями поднимается она к первой слегка повышающейся площадке и снова ведет вас по новым шести ступеням к следующей. Шесть таких площадок должны вы пройти раньше, чем достигнете мавзолея. Здесь уже сузившаяся лестница подведет вас к застекленным дверям усыпальницы.

На всем своем протяжении лестница окаймлена вечно-зелеными елками и украшена шестью высокими прямоугольными обелисками, поставленными друг против друга у начала каждой нечетной площадки. К каждому из них прикреплен меч, обращенный острием вниз, тогда как эфес его немного превышает высоту обелиска.

Вдали от суеты и грохота современных больших городов, покоится прах « Неизвестного Солдата » и сюда надо приехать именно для того, чтобы отдать долг его подвигу.

Доброволец **Иванов**

(Продолжение следует)

ИЗ КАЗАЧЬЕЙ ЖИЗНИ ЗА РУБЕЖОМ

● По случаю 25-тилетия трагической смерти Походнаго Атамана полковника Сергея Васильевича Павлова 17 июня по инициативе И. С. Бондаренкова была отслужена панихида о. Николаем, настоятелем Благовещенского храма в Флошинге-Нью Йорк.

● В 24-ую годовщину Лиенцевской трагедии казачьей станицей имени Атамана Платова в Патерсоне (США) 31 мая в Св. Михайло-Архангельском соборе была отслужена панихида по всем усопшим казакам, казачкам и друзьям казачества. На другой день в воскресение 1 июня правлением станицы в Польском доме была устроена поминальная трапеза.

● В Сан Франсизко панихида по выданым на расправу казакам была отслужена 8 июня в Св. Скорбященском соборе.

● После кончины в прошлом году председателя Союза Казаков Комбатантов ген. Н. Г. Зубова председателем Союза был выбран войсковой старшина Л. Гвардии Казачьего полка Б. Ф. Дубенцев.

● Н. Н. Туроверов, известный поэт, бывший долгое время председателем Казачьего Союза, в июне с. г. подвергся тяжелой операции. В данное время Николай Николаевич находится в доме для выздоравливающих. Редакция « Р. К. » шлет свои искренние пожелания полнейшего выздоровления.

● А. И. Скрылов, редактор и издатель « Казачьего словаря-справочника » прислал следующую заметку: — В « Новом Русском Слове » (Нью-Йорк) от 10 июня было сообщено.

« Николай Гедда, премьер Метрополитэн Оперы, выступал в Ватикане в концерте духовной музыки. Выслушав русского певца, папа дал ему аудиенцию и наградил его медалью со своим изображением ».

Прошу Вас — дать дополнительные сведения об этом певце:

Премьер Метрополитэн Оперы в Нью-Йорке, **Николай Гедда,** сын казак станицы Качалинской на Дону, Михайла Васильевича Устинова, на сцене пользуется именем свой матери, шведки — Гедда.

Родился он в Стокгольме. Окончил и был награжден наивысшей для шведских артистов наградой: « Солиста Королевского двора », которой удостоились за 200 лет только 12 артистов.

Его полная и весьма богатая биография будет дана в готовящемся к печати **третьем** томе « Казачьего Словаря-справочника ».

● Институтом по изучении СССР в Мюнхене (Германия) выпущена брошюра Ю. Валенского, посвященная памяти и научной деятельности известного археолога и историка, донского казака профессора М. А. Миллера, скончавшегося в прошлом году.

● Вышли брошюры № 7 и 8 « Оренбургское Казачье военное Училище » издаваемые полк. Ф. И. Елисеевым. Выписывать у автора:

Elysseev — 66 Fort Washigton ave. Apt. 25
New York. N. Y., 10032 USA

● В США вышли « Памятка Новолавско-

го Кавалерийского Училища», изданная Объединением юнкеров-николаевцев. Книга издана очень хорошо, типографским изданием, с многочисленными фотографиями. Ея 3-ья часть посвящена казачьей сотне Училища.

● Для помощи нуждающимся казакам и казачкам правлением Каз. Союза во Франции получено от П. Г. Халеевой, 97-илетней терской казачки, 50 фр. Г-жа Халеева давно живет на старческую пенсию, но тем не менее всегда широко отзывается на казачьи нужды. Правление считает своим долгом принести г-же Халеевой свою искреннюю и горячую благодарность.

● В. И. Самсонова просит передать ее искреннюю благодарность Казачьему Союзу, Донскому Войсковому Объединению, редакции «Род. Края» и всем казакам, почтившим память ее мужа, донского казака И. А. Самсонова, скончавшегося в Париже 19 июня.

● **Сбор для оказания помощи сот. Сычеву.** — В дополнению к списку пожертвований, поступивших в Каз. Союз и в редакцию «Род. Края», опубликованному в № 83 журнала, до 1 сент. поступило:

С. С. Юр — 15 фр., А. Алимов — 250 фр., А. Л. Уваров (2-ой взнос) — 50 фр., от неизвестного — 10 фр., от неизвестного — 10 фр., Э. М. Теми-Хан (Швеция) — 25 фр., В. М. Терентьев — 10 фр., М. А. Петров — 10 фр., В. Н. Букановский — 10 фр., г-жа Миллер (Германия) — 31 фр., Н. Андреев (Бельгия) — 28,20 фр., проф. В. Г. Улитин — 1 долл., П. А. Максимов — 10 фр., от неизвестного (2-й взнос) — 10 фр., Н. Е. Корольков — 5 долл., от неизвестного (3-ий взн.) — 10 фр., А. И. Скрылов — 4 долл., г-жа Миллер (Германия — 2-ой взнос) — 23,74 фр., проф. Н. Н. Воробьев — 5 долл., К. М. Дмитров — 2 долл., С. И. Донсков — 5 долл., г-жа Г. М. Абрамова — 10 фр., г-жа А. Н. Кучерова — 5 долл., через атамана Донской станицы в Лос-Анжелосе В. А. Балахнина — 33 долл., (Донская станица в Лос Анжелос — 20 долл., В. С. и В. Балахнины — 10 долл., Н. А. Петровский — 3. долл.), Ф. И. Быков (станица имени Калабухова в Чикаго) — 5 долл., проф. М. М. Афанасьев — 5 долл. Ф. А. — 5 долл.

До 25-го августа сего года сотнику В. И. Сычеву переведено правлением Каз. Союза 750 фр., остающаяся сумма в 1150 фр. 57 сант. будет переслана частями по 250 фр., согласно существующему в настоящее время французскому финансовому закону.

Радость безпомощного сотника Сычева и его супруги безгранична, и безпредельна их благодарность жертвователям.

Я присоединяю к их благодарности свою личную горячую признательность за исключительную отзывчивость казаков на мою просьбу.

Сбор пожертвований продолжается.

Председатель Казачьего Союза во Франции

В. Кузнецов.

УШЕДШИЕ.

† 1 мая в Рэд Бэнке (США) скончался хор. Ф. И. Кригин 84 лет ст. Каменнобродской, Куб. Войска.

† 22 июня в Русском Доме в С. Женевьев де Буа (Франция) скончался подъес. П. В. Золотарев, рожд. 1891 г., станицы Раздорской В. В. Д. о чем с глубоким прикорбием сообщает Союз Казаков-Кембатантов.

† 19 июня в Париже после тяжкой болезни скончался И. А. Самсонов, ст. Нижне-Кудрюческой В. В. Д. о чем с глубоким прискорбием извещают вдова, Донское Войсковое Объединение, Казачий Союз и редакция «Род. Края».

† 25 июня в Инвалидном Доме в Монтморенси (Франция) скончался есаул Г. Н. Мордвинцев, В. В. Д.

† 6 августа в Русском Доме в С. Женевьев де Буа (Франция) умер уряд. Д. И. Зеленков, 83 лет. ст. Милютинской В. В. Д.

† 7 авг. в Брюсселе (Бельгия) на 82 году жизни скончался атаман Обще-Казачьей станицы в Бельгии войск. старш. В. В. Кузнецов, ст. Маныческой В. В. Д.

† 28 июня в Лос Анжелос (США) скончался войск. старш. Е. Г. Аханов, 70 лет, ст. Николаевской В. В. Д.

† 30 мая в старческом доме г. Шелль (Франция) скончался сот. П. П. Петров ст. Петропавловской К. К. В., рождения 1888 г.

† 23 мая после тяжкой болезни в г. Минеола (США) скончался есаул А. И. Третьяков В. В. Д.

† 4 апр. в Клягенфурте (Австрия) скончался хор С. Г. Богуш, 78 лет, ст. Роговской К. К. В.

† 10 мая в Фривуд Эйкрс (США) скончался вахм. И. Н. Фомин, ст. Орловской В. В. Д.

† 1 мая в г. Ард (Франция) скончался воен. чин. К. И. Немцов, 89 лет, ст. Воскресенской К. К. В.

● Сын Эльти Темихан с женой Маргаритой, дочь Кока с мужем Тойсумом Муслимовым, внучки Тумиша и Тамара, правнук Асланбек, родные и многочисленные друзья на Родине, имена которых по известным причинам мы не называем, в глубокой печали и в беспредельной скорби доводять до сведения всех кавказце-мусульман на чужбине, о том, что, 21-го июля с. г. на далеком Кавказе в станице Петропавловской (Чурттохе) на 80-ом г. земной жизни, до два испив горькую чашу двадцатилетного советского «Казахстанского плена», тихо отошла в Пределы Господние, наша незабвенная родительница, Д Ж У-ХИРАТ-ПАТИМАТ ДОВСУЛТАНОВА — (в девичестве дочь осетинского алдара, Елизавета Васильевна К о з ы р е в а). Спи моя родимая! Спи спокойно! Прощай до скорой встречи! И прости!

† 7 мая в Сантяго (Чили) скоропостижно скончался А. В. Руденко, 69 лет, ст. Усть-Лабинской К. К. В.

† 18 июня в Ментоне (Франция) скончалась Е. В. Зайцева ,урожденная Шакурова ст. Гиагнинской К. К. В.

† 27 мая в Рединге (Англия) скончался вахм. И. Я. Новак, 73 лет, ст. Должанской К. К. В.

† 20 июня в США умер Е. В. Герасимов, ст. Кавказской К. К. В.

† 28 авг. в С. Жан де Морене (Франция) скончался С. Л. Попов, ст. Ищерской Терск. Войска.

† 1 августа в Новочеркасске скоропостижно скончался находившийся там на летних каникулах хор. Атаманского Военного Училища П. С. Бондырев, Новочеркасской ст. В. В. Д., о чем с прискорбием сообщают жена, братья, Объединение юнкеров Атаманского Училища и друзья.

† 16 Мая с. г. глубоко опечаленные Терцы проводили на кладбище С. Женевьев де Буа своего старейшего сослуживца, всеми уважаемого Константина Семеновича Лотиева.

К. С. Лотиев, казак станицы Ново-Осетинской, родился в 1878 году. По окончании Владикавказского реального училища и казачьей сотни Николаевского Кавалерийского училища в 1899 году, вышел хорунжим в 1 Волгский полк Терского казачьего Войска.

В 1910 г. назначен командиром 1-й сотни 1 Вг. полка и с первых дней участвовал в войне 1914-18 года.

Среди офицерского и казачьего состава 1 Вг. пол., Константин Семенович пользовался любовью и уважением за свои знания, отличную службу, скромность, доброжелательное ко всем отношение. Благодаря же своей стойкости и упорству в боях, выдвинулся, как надежный, выдающийся командир сотни. 22 июля 1915 года был контужен и эвакуировался в г. Пятигорск, а по выздоровлении получил направление на кавказский фронт, где сначала командует 10 отдельной сотней Кубанского каз. Войска, а затем назначается помошником ком-ра 1 Кавказского полка Куб. к. в.

После революции в чине полковника возвращается в Войско... Принимает энергичное участие в борьбе Терских казаков с большевиками в 1918-19 г. В 1920 г. эвакуация в Грузию, потом в Константинополь и далее — во Францию, где много лет работает на заводе Ситроен в Париже.

Всегда тактичный, благожелательный ко всем, со всеми ровный, он и здесь пользовался любовью и уважением у всех его знавших.

За отличие в боях езаул К. С. Лотиев награжден всеми боевыми орденами, включая орден Владимира 4 ст. и Высочайшим Благоволением, а за бой 11 сентября 1914 г., когда он первым ворвался на вражескую батарею, при взятии 1 Волгским полком перевала Ужок и 5 орудий, награжден Георгиевским Оружием.

Дорогой однополчанин! Хвала тебе и честь за твою любовь и верность Родине! Да будет тебе легка чужая земля. — **Н. Зимин**

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ «РОДИМОГО КРАЯ»

Непринятые рукописи обратно не возвращаются и в переписку о них редакция не вступает. Редакция оставляет за собой право статьи сокращать, не меняя смысла написанного. За статьи, подписанные полным именем автора, редакция не отвечает и они не всегда выражают взгляды редакции.

Корреспонденцию на имя Редакционной Коллегии направлять по адресу:

Mr. Bogaevsky — 230 av. de la Division Leclerc
95 — Montmorency (France)

Через редакцию « Род. Края » можно выписать:

Н. М. Мельников — « А. М. Каледин — герой Луцкого прорыва и Донской Атаман » — 26 фр. или 5,50 долл.

« Воспоминания ген. А. П. Богаевского » (Ледяной поход) — 15 фр. или 3 долл.

Н. М. Мельников — « Ермак Тимофеевич, кн. Сибирский, его сподвижники и продолжатели » — 9 фр. или 2 долл.

« Митрофан Петрович Богаевский » — сборник статей о Донском Баяне — 18 фр. или 4 долл.

Н. М. Мельников — « Как извращается история » — 2 фр.

П. М. Аврамов — « Ковылий сказ » — 3 фр.

П. М. Аврамов — « Никифор Кащеев » — 3 фр.

Н. Н. Туроверов — « Стихи », книга 5-ая — 15 фр.

Н. Н. Воробьев — « Кондратий Булавин » — 15 фр.

Н. Н. Воробьев — « Стихи о разном » — 10 фр.

Адмиралов — « Казачья трагедия » (1940-1945 гг.) — 12 фр. или 2,50 долл.

В. А. Беляевский — « Голгофа » (Очерки из воспоминаний 1882-1964) — 12 фр. или 2,50 долл.

Казачьи песни (изд. « Каз. старина ») — 5 фр.

Специальный двойной № 80-81, посвященный Степному Походу, Пох. Атаману ген. П. Х. Попову и началу казачьих восстаний на Дону в 1918 г. Его стоимость — 10 фр. или 2 долл. 50 цент.

Из редакции можно также выписать листы фотографии и схем, напечатанных в этом № 90-81 по цене 5 фр. за лист для Франции или 1 долл. для заграницы. Пересылка фотографий и схем за счет покупателя.

● Редакция обращается с настоятельной просьбой ко всем своим читателям и подписчикам не задерживаться с внесением подписной платы. Издание « Род. Края » основано исключительно на самоокупаемости, при полной безвозмездной работе всех наших сотрудников. То есть журнал издается на деньги, за него получаемые и на пожертвования отдельных лиц в Фонд его Издательства, иначе говоря на деньги читателей, от которых зависит дальнейше существование « Родимого Края ».

● В редакцию « Род. Края » с 1-го июня по 1-ое сентября 1969 г. поступило :

В Фонд Издательства : Косоротов — 4 фр., Ивановсков — 20 фр., г-жа Усова-Блонская (Мадагаскар) — 24 фр., В. А. Балахнин — 14 долл., проф. В. Г. Улитин — 22 долл., П. И. Медведев (за № 80-81) —20 долл., проф. Н. Н. Воробьев — 5 долл., С. И. Донсков — 5 долл., г-жа Г. Л. Абрамова — 5 фр., г-жа А. Н. Кучерова (за № 80-81) — 5 долл., Е. М. Уткин — 5 фр., проф. М. М. Афанасьев — 10 долл., Э. М. Теми-Хан (Швеция) — 50 фр., Н. Ф. Пузанов (для улучшения № Р. К. посвященного 100-летию Новочеркасского Юнк. Училища) — 50 фр., Б. А. Богаевский — 55,35 фр.

Для передачи *Дамскому Комитету Каз. Союза :* А. А. Леонов — 50 фр., В. Бабкин — 3 канад. долл., Д. Д. Дурняпин — 3 долл., Э. М. Теми-Хан — 50 фр.

Всех жертвователей просим принять нашу искреннюю благодарность.

Imprimerie P.I.U.F. - 3, rue du Sabot - Paris (6e)

Родимый Край

85

ОГЛАВЛЕНИЕ

Поздравления с Р. Х. и Н. Г.
М. Гаврилов — « Донские юнкера ».
Н. Бирюков — « 1869-1969. Столетие Новочеркасской школы урядников — Атаманского Военного Училища ».
А. Падалкин — « Новочеркасское — Атаманское Военное Училище ».
И. Сагацкий — « Каховка ».
И. Сагацкий — « Тост ».
А. П. Фадеев — « Гражданская война на Уральском Отдельном фронте » (продолжение).
И. Сагацкий — « Раздивиллов » (окончание).
Я. П. Богаевский — « Северная сторона Новочеркасской горы ».
Добр. Иванов — « С русской песней по белу свету... » (продолжение).
В. Кузнецов — « Андрей Жиров » (окончание).
В. Щербаков, казак из С. Франциско и др. — « Праздник Покрова ».
Из казачьей жизни.
Ушедшие.
От редакционной коллегии « Род. Края ».

РОДИМЫЙ КРАЙ

Орган общеказачьей мысли.
Издатель: Донское Войсковое Объединение.
Association des Cosaques du Don
Arr du Ministre de l'Int. J.O. 70 1955

Редакционная Коллегия: С. Ш. Балданов, Б. А. Богаевский, В. М. Кузнецов, К. С. Мащенко, А. П. Падалкин, Н. Н. Туроверов, П. А. Фадеев.
Адрес редакции:

B. BOGAEVSKY
230, Av. de la Division-Leclerc
95 — Montmorency
France

PAYS NATAL Novembre-Décembre 1969
№ 85 Ноябрь-Декабрь 1969 г. 5 фр.
Parait tous les 2 mois. Directeur: *Bogaevsky.*

НОВОГОДНИЕ ПОЗДРАВЛЕНИЯ.

◆ Правление Казачьего Союза поздравляет казаков и казачек всех Войск с НОВЫМ ГОДОМ.

Живя в век необычайного технического прогресса, материальных достижений и социальных завоеваний мы, к огорчению нашему, замечаем мировое моральное падение: заглушена совесть, затуманено человеческое сознание, люди наивно соблазняются прикрашенной ложью.

Наше новогоднее искреннее пожелание сводится к тому, чтобы в 1970-ом году луч правды проник в человеческие души и помог рассеять распространяющийся мрак, готовый окутать вселенную.

В мире озаренном светом правды легко будет жить всем людям, в том числе и нам казакам.

Председатель Казачьего Союза В. Кузнецов
Секретарь Н. Ломакин

◆ Редакционная коллегия « Род. Края » поздравляет всех своих чиатателей с праздниками Рождества Христова и Нового Года и шлет им свои пожелания всего наилучшего.

Редакционная коллегия « Род. Края ».

ДОНСКИЕ ЮНКЕРА

Когда нагрянула беда,
Все стали дух терять,
На страже были, как всегда,
Донские юнкера!

Когда все рушилось вокруг
И все казалось зря,
Несли в себе Казачий Дух
Донские юнкера.

Они не приняли обман,
Не покорились злу,
Главой для них был Атаман,
Избранный на Кругу.

Они любили Тихий Дон,
За правду только шли,
И прадедов Святой Закон
В душе своей блюли.

Как много пало их в борьбе
За честь Родной Земли,
Не покорившися судьбе
Дорогой страдною пошли.

Осталось мало их теперь,
Но дух еще живет,
Теряет силы красный зверь
И время подойдет:

Осветит новую весну
Глядущая заря,
И снова будут на Дону
Донские юнкера.

И возликует Дон тогда,
Уйдет ужасное вчера,
На страже будут, как всегда,
Донские юнкера.

М. Гаврилов.

1869 — 1969

СТОЛЕТИЕ НОВОЧЕРКАССКОЙ ШКОЛЫ УРЯДНИКОВ — АТАМАНСКОГО ВОЕННОГО УЧИЛИЩА.

В 1863 г. Наказным Атаманом Войска Донского генерал-адъютантом гр. П. Х. Граббе было возбуждено перед Военно-Учебным Ведомством ходатайство, об открытии в Новочеркасске школы для подготовки младшего командного состава казачьих полков.

До этого времени, при гимназиях Новочеркасской и Усть-Медведицкой существовали военные отделения, подготовлявшие молодых людей для поступления в учебный полк. Высочайшим приказом по Военно-Учебному Ведомству, в ноябре 1869 г. в Новочеркасске было открыто Казачье Урядничье Училище на 120 человек, 114 — донцов и 6 астраханцев. Прием был по экзамену, не моложе 16-ти лет. Курс двухгодичный. Донцы, поступавшие в Училище, должны были иметь собственную лошадь, обмундирование и снаряжение. Астраханцы — только обмундирование. Учебный год: с 15 августа до 15 мая. По окончании экзаменов урядники служили в полку, составляя отдельную конную сотню и носили форму полка с продольной желтой нашивкой на погонах. Старший курс выходил на практические занятия в поле. Успешно окончившие командировались в полки, где производились в офицеры по представлению строевого начальства.

За неимением нужного помещения урядники жили по частным квартирам. Получали от казны: квартирные, провиянтские, приварочное и фуражное довольствие и сверх того на улучшение питания 5 копеек в день.

Для классных занятий был снят дом Сербинова на Ермаковском проспекте, а для строевых занятий и хозяйственных нужд Училища было нанято подворье Попова на Николаевской площади.

Первым начальником Училища был Лейб-Гренадерского полка подполковник Миллер, а командиром сотни войсковой старшина Иван Эрастович Греков.

День начинался в 8 ч. утра, до 2-ух ч. шли фронтовые и классные занятия, с перерывом на один час на обед. От 2-ух до 5-ти урядники отпускались на квартиры. С 5-ти до 8-и собирались в классы для подготовки уроков.

Курс обучения — прохождение общеобразовательных предметов и строевая подготовка (Закон Божий, русский язык, арифметика, геометрия и решение топографических задач).

С 1870 г. на старшем курсе проходили только Закон Божий и русский язык, весь остальной курс заключал изучение военных предметов: военная администрация, полевая фортификация, военная топография и иппология. Система преподавания была лекционной, по окончании курса — экзамены.

В 1871 г. Новочеркасское Урядничье Училище, приказом по Военному Ведомству за № 355, было переименовано в Новочеркасское Казачье Юнкерское Училище с соответствующими правами. Таким образом казачье училище уравнялось с регулярными, что, конечно, не могло не поднять энергию обучающих и обучающихся и дать им уверенность в своих силах и веру для достижения в будущем самых благоприятных результатов.

С 1873 г. Училищу дано право выпускать отличнейших из портупей-юнкеров в гвардейские казачьи полки, Лейб-Казачий и Лейб-гвардии Атаманский, без предварительного прикомандирования к полку. Ни одно из регулярных Училищ этого права, то есть выпуска в гвардию без прикомандирования, не имело.

В 1877 г. был установлен училищный праздник в день Св. Архистратига Михаила (8-го ноября).

В 1878 г. появилась первая черная мраморная доска увековечания памяти питомца училища хорунжего Гурбанова Григория, 30-го Дон. каз. полка, павшего в бою у Ловчи (Болгария).

Первые годы Училище было лишено возможности фиксировать пройденный теоритически курс практическими занятями. На занятия оно выходило за город, теряя много времени на переходы к месту занятия и обратно, но с1879 г. Училище начинает выходить в летний лагерь, где идут регулярные занятия, по программе составленной Главным Управлением Военно-Учебных заведений.

В 1889 г. Училище стало выпускать своих питомцев подхорунжими, которые производились в офицеры в полках на открывающиеся вакансии.

В 1898 г. была построена училищная церковь.

В 1893 г. была изменена программа с уменьшением курса общеобразовательных предметов и увеличением военных. Это было вызвано повышением к тому времени общего уровня образования поступающих в Училище молодых людей. Были более систематизированы и детализированы программы практических занятий и было обращено особое внимание на основательное ознакомление юнкеров с военными уставами и служебными обязанностями. С течением времени увеличивались требования, предъявляемые к офицерам, явилась и необходимость повысить объем знаний, что достигалось путем увеличения курса и усовершенствованием методом преподавания.

В 1901 г. Училище было переформировано в 3-ехгодичное. В младшем, общем, классе проходились исключительно общеобразовательные предметы в объеме программ 6-ти классов средне-учебных заведений. Два же специальных класса были с объемом курса Военных Училищ.

Юнкера, окончившие курс по новому положению, производились прямо в хорунжие. Первые два года существования Училища с 3-ехгодичным курсом, показали, что выпуск из него прямо в офицеры привлек многочисленный контингент молодых людей со средним образованием, стремившихся поступить в Училище. Это дало возможность с 1904 г. ввести еще более расширенную программу.

В 1905 г. Училище получило знамя, под сенью которого оно воспитывало доблесть, любовь и преданность Дону и Матери России.

Русско-Японская война показала многие недостатки нашей боевой подготовки и среди них недостаток образованных офицеров. В конце концов необходимость преобразования Училища соответственно современным требованиям была учтена: в 1908 г. были открыты военно- училищные курсы, на которые могли поступать лица с высшим и законченным средним образованием.

Это дало возможность повысить объем курса специальных классов и облегчило переход Училища от типа Юнкерского к типу Военного Училища. Принятыми мерами образовательный уровень офицеров из юнкерских до уровня подготовки Военных училищ завершился преобразованием Училища в Военное в 1911 г. Училище получило шефство Наследника Цесаревича Атамана всех Казачьих Войск Алексея Николаевича.

В числе мер, предпринимавшихся Военно-Учебным Ведомством, для поднятия как физического развития, так и умственного кругозора были состязания — турниры и образовательные поездки.

В 1908 г. в Одессе на Всероссийском фехтовальном турнире Военно-Учебных заведений Училище было представлено тремя юнкерами, из которых два Ковалев и Кудрявцев взяли первые призы за рубку на коне и работу пикой, а третий — Иванков — получил 3-ий приз за бой на эспадронах.

В 1908 г. был утвержден значек Училища, который могли носить все окончившие Училище и его служащие.

Вспыхнувший в 1914 г. пожар на западе заставил Училище перейти к напряженной работе — ускоренной подготовке. Курс был сокращен до 4-ех месяцев и за этот ничтожный срок нужно было подготовить офицера, способного взять на себя ответственность командования взводом и сотней. Работа преподавательского персонала и курсовых офицеров была доведена до высшей степени напряжения. Состав Училища со 120 человек был доведен до 400. Несмотря на все это, работа Училища продолжалась с полной интенсивностью и немало его питомцев напоили своей кровью земли Восточной Германии и Галиции, немало их украсилось Георгиевскими крестами и Георгиевскими оружием.

При прохождении этого ускоренного курса в самом широком масштабе вводилось все то, что давал новый опыт войны. Для его приобретения, курсовые офицеры Училища командировались на фронт и при возвращении приносили с собой богатый запаса новых веяний, который сейчас же воспринимался чуткой и восприимчивой молодежью. Так спешно, но сосредоточенно-спокойно и бодро, ра-

ботало Училище, имея ввиду только одну цель — дать возможно в большем количественном и лучше в качественном отношениях полезных работников — офицеров Дону и Матери России.

Началась революция и Училище, как небольшой, но совершенный корабль, управляемый ген. майором П. Х. Поповым (питомец Училища выпуска 1891 г.), взяло верный курс. Небольшой, но стройной и стойкой организацией Училище дошло до самого страшного водоворота большевизма.

Ему, как самой надежной военной единице, пришлось нести службу по охране порядка в Новочеркасске. На него же была возложена ответственная задача — разоружение двух запасных пехотных полков в Хутунке. под Новочеркасском. Соотношение сил : одна сотня против 17.000 солдат. Молниеносное окружение Хутунка и появление внутри его юнкеров привели солдат в замешательство и полное недоумение. Результат — блестяще выполненная задача, и полки разоружены.

При Атамане Каледине юнкерам Училища пришлось принимать участие в боях с красными под Зверевом, Гуковым, Ростовом, где на их участке был сам Атаман.

Училище сыграло немалую роль и в жизни Добровольческой Армии. В его стенах находили приют первые добровольцы, здесь они организовывались, получали обмундирование, снаряжение и вооружение. При Училище же организовывались и вооружались станичные дружины для борьбы с большевиками.

Наступили критические дни. Начальник Училища ген. П. Х. Попов назначен Походным Атаманом. 12 февраля 1918 г., под его водительством зародыш будущей Донской Армии, небольшая группа партизан и верных Дону казаков, вышли в Степной Поход. Юнкера, составлявшие особый отряд, совершили его до конца, потеряв в боях с большевиками многих своих питомцев.

В апреле восставшие казаки, вместе с вернувшимися из Степного Похода партизанами, освободили Новочеркасск. На собравшемся Круге Спасения Дона из представителей низовых станиц на пост Донского Войскового Атамана был выбран талантливый строевой офицер и блестящий организатор генерал П. Н. Краснов.

Одной из первых забот Атамана была организация «Молодой» армии и воссоздание Военного Училища. Приказом по Донскому Войску от 4-го мая 1918 г., Начальником Училища был назначен полковник Семенченков Ал. Ипп. На его долю выпала трудная задача приведения в порядок, после 3-ехмесячного хозяйствования большевиков, разграбленного и загаженного здания Училища. Классные учебные пособия были почти полностью уничтожены, манежы завалены всяким хламом. По самому скромному подсчету, реквизированными драгалями города было вывезено 6.000 подвод мусора. Очистка производилась военнопленными красноармейцами, под наблюдением юнкеров младшего курса, вернувшихся из Степного Похода.

Юнкера старшего курса и юнкера других Училищ, принимавшие участие в Степном и Ледяном Походах, были зачислены на повторительный курс и по его окончании были произведены в офицеры в октябре. Из юнкеров младшего курса и вновь принятых была сформирована сотня в 4 взвода : конный, артиллерийский, пластунский и инженерный — 120 человек. Для пополнения недостающих классных пособий и для приобретения новых для вновь открытых отделов артиллерийского и инженерного была послана в Киев комиссия во главе с инспектором классов, которой удалось достать все необходимое. Таким образом Новочеркасское Военное Училище, приведя все в порядок и достав все нужное, смогло приступить к выполнению своей роли. Как и раньше, по окончании классных и строевых занятий в стенах Училища, в мае 1919 г. юнкера вышли для практических занятий в летний лагерь в Персияновку. По возвращении из него Училище, приказом Донского Атамана, было пополнено командированными из полков действующей армии молодыми казаками с законченным средним образованием. Были сформированы две сотни : 1-ая конная с артил. взводом и 2-ая пластунская с инженерным отделом. Курс был установлен 2-ухгодичный. С 1-го сентября начались занятия. Хороший подбор курсовых офицеров и педагогического персонала, а также и солидный образовательный ценз юнкеров, позволили сразу приступить к выполнению серьезно разработанной программы. В октябре были произведены в офицеры юнкера старшего курса.

8-го ноября 1919 г., в день Училищного праздника и 50-тилетия основания Школы Урядников, Донским Атаманом генералом Богаевским Училище было переименовано в Атаманское Военное Училище с присвоением голубой формы. Ему было пожаловано старинное знамя Св. Илии Пророка одного из казачьих полков.

Между тем на фронте, после блестящих летних успехов и рейда ген. Мамантова по тылам красных, к осени 1919 г. положение

резко изменилось. После жестоких боев под Орлом, Воронежем наши армии начали отходить. Юнкерам в Новочеркасске, кроме своих прямых обязанностей, пришлось нести в городе патрульную службу и караулы. События разыгрывались с головокружительной быстротой и Училищу 25 декабря 1919 г. пришлось второй раз оставить стены родного гнезда и снова выступить в поход. От конной сотни были высланы разъезды, которые присоединились лишь на Кубани в станице Павловской, потеряв первой жертвой юнкера Карасева. При отходе до Новороссийска, от Училища посменно дежурил взвод юнкеров при командовании Донской Армии, будучи его охраной. Конная сотня весь переход до Новороссийска сделала походным порядком. Тяжел был переход по тучным полям Кубании в весеннюю распутицу, труден был уход за лошадьми, но любовь к этому верному другу преодолевала все препятствия. В марте в Новороссийске юнкеров-конников ожидала новая трагедия. Лошадям не нашлось места на пароходах и с великой скорбью на сердце юнкерам пришлось расстаться с верным другом-конем. Не одна слезинка скатилась из юнкерских глаз при виде понуро стоявших расседланных лошадей на пристани.

Из Новороссийска, после недолгой остановки в Феодосии, Училище попало в Евпаторию, где было расквартировано в Реальном Училище. При эвакуации Новороссийска не удалось собрать всех больных юнкеров и офицеров Училища, находившихся в госпиталях города. Судьба из, за малым исключением, оказалась трагичной.

В конце марта в Евпатории скончался начальник Училища ген. м. Ал. Ипп. Семенченков. Его похороны на местном кладбище состоялись с отданием воинских почестей гарнизоном г. Евпатории : Атаманского Военного Училища, Донского Юнкерского Училища и нарядов от казачьих полков, расквартированных в городе.

Вскоре, ввиду грозных событий на севере Таврии, Училище вошло 1-ым дивизионом во вновь сформированный Донской Пластунский Юнкерский полк и выступило для ликвидации прорыва красной конницы Жлобы под Большой Токмак и Ново-Александровск. После выполнения этой операции полк был расквартирован в Мелитополе. 26-го июня полк был переименован в Атаманское Военное Училище.

Но коротка была передышка. Уже 27 июля вечером Училищу пришлось выступить в район деревни Каховки, где красные форсировали Днепр. С 29 июля Училище принимало участие в боях под Каховкой и Любимовкой. В тяжелых условиях, в безводной степи, под палящим солнцем Атаманское Военное Училище блестяще выполнило поставленную ему задачу, разгромив красных латышей. Дорого досталась эта победа. Был тяжело ранен и скончался командир 2-ой сотни ес. Жуковский и юнкер П. Скрынник. Ранены в. старш. Г. А. Сохранов, в. старш. А. И. Страхов, ес. Д. М. Колышкин, командиры юнкерских взводов. Около 40 юнкеров выбыло из строя из-за ранений. После 3-ехдневных боев Училище было оттянуто в тыл. За эти бои Училище было награждено гвардейскими Георгиевскими петлицами, а много юнкеров получили георгиевские кресты и ордена Св. Николая Чудотворца.

В Крыму Училищу пришлось действовать в горах против « зеленых » и позже занимать позицию на Сивашах. По их оставлении оно было оттянуто для эвакуации в Севастополь. 1-го ноября, на пароходе « Лазарев », Училище покинуло последний клочек родной земли. После долгого плавания и карантина в Константинополе и Мраморном море, Училище было перевезено в Грецию на остров Лемнос.

« Ты, Лемнос — ты наша каторга,
« Заграничная тюрьма... »

В марте 1921 г. были произведены в офицеры юнкера, поступившие в Училище в 1919 г. в Новочеркасске. Они вышли в полки Донского Корпуса. После 8-мимесячного « сидения » на Лемносе Училище и Донской Корпус были перевезены на Балканы : в Болгарию и Югославию.

В Болгарии, Училище было расквартировано в г. Ямболе в казармах болгарского пехотного полка. Попав в более спокойную обстановку, Училище возобновило занятия и в июне 1922 г. юнкера старшего курса были произведены в офицеры и была сформирована офицерская сотня при Училище.

В 1923 г. состоялся последний выпуск юнкеров и Училище, как военная организация, прекратило свою деятельность, и молодым офицерам пришлось искать какую нибудь работу. Некоторым, не имевшим документов об окончании средней школы, удалось поступить в гимназию в г. Шумен, другие, имевшие соответственные бумаги, перебрались в Чехо-Словакию, для поступления в высшие учебные заведения.

В 1924 г. в Софии скончался начальник Училища ген. м. А. М. Максимов.

В 1925 г. штаб Училища, вместе с его начальником ген. В. П. Поповым и группой молодых офицеров, по рабочему контракту

переехал во Францию, в Эльзас-Лотарингию. Отбыв 6-тимесячный контракт, большая часть переехала в Париж часть в Лион. Первое время, в новых условиях, а главное из-за незнания языка, приходилось устраиваться на любую работу. Большинство стало работать на заводах автомобильной промышленности.

В 1927 г. в Париже было решено организовать Кассу Взаимопомощи Атаманцев, с целью оказывать моральную и материальную помощь. За время своего существования Касса вполне оправдала свое назначение. В тяжелый период экономического кризиса 30-ых годов было выдано безвозвратными пособиями безработным членам Кассы более 15.000 тогдашних франков.

С 1940 г. во время 2-ой Мировой войны и во время оккупации немцами Парижа деятельность Кассы была временно приостановлена, но в 1945 г. восстановлена. В настоящее время количество членов ее значительно уменьшилось, да и большинство их уже получают старческую пенсию.

Со смертью последнего начальника Училища ген. м. Н. Г. Зубова на Объединение членов кассы взаимопомощи Атаманцев легла и ответственная задача сохранить дружную семейную спайку — традиции славной Школы с ее девизом : « Долгу верен — врагу грозен ».

Пожелаем же Атаманцам, всем членам их Объединения, с честью справиться с выпавшей на их плечи ответственной задачей.

Н. Бирюков
(бывший взводный портупей-юнкер)

НОВОЧЕРКАССКОЕ — АТАМАНСКОЕ ВОЕННОЕ УЧИЛИЩЕ

Атаманское Военное Училище является преемником Новочеркасского Казачьего Военного Училища, которое в свою очередь является наследником Новочеркасского Казачьего Юнкерского Училища, в которое в свое время было переименовано Новочеркасское Урядничие Училище.

1969 год — год юбилея столетия со дня основания этой военной школы в Донском Войске. Если бы Училище продолжало существовать на родной земле, то ко дню его столетия безусловно были бы изданы матерьялы, посвященные историии Училища. Сделать это в эмиграции не представляется возможным, как по материальным обстоятельствам, так и потому, что архивы Училища были частично разграблены и уничтожены красными после занятия Новочеркасска 12 февр. 1918 г., частью погибли при оставлении города в 1919 г., а то, что уцелело и было вывезено заграницу, погибло в Париже, во время одного из наводнений в подвалах музея Л. Гв. Казачьего полка в Курбевуа.

Краткая история Новочеркасского каз. Юнкерского Училища до 1910 г. была написана Ген. Штаба полк. И. Г. Кострюковым и помещена в Военной энциклопедии издательства Сытина в Петербурге в 1914 г., но она является сейчас библиографической редкостью. По указанным выше причинам автору пришлось пользоваться сейчас только сведениями, опубликованными в эмиграции « молодыми » воспитанниками Новочеркасского и Атаманского Училищ, однако и они не могут быть широко использованы по ряду обстоятельств. Все вместе взятое, лишает возможности пишущего эти строки дать полную картину столетнего прошлого Училища, внутренней жизни школы, работы офицерского состава, жизни юнкеров и тд. В настоящей статье автор основывался на личных рассказах начальника Новочер. Военного Училища ген. от кавалерии П. Х. Попова, его бывшего адъютанта ген. майора Н. И. Тарарина и юнкеров разных выпусков. К сожалению, размер журнала не позволяет в должной мере использовать и эти источники и заставляет быть кратким.

В пору возникновения первых юнкерских Училищ в Российской империи, в Донском Войске, при Новочеркасской и Усть-Медведицкой гимназиях, а так же при Донском Учебном полку, существовали особые отделения, которые подготовляли казачью молодежь к офицерским экзаменам. Но так как этого оказалось недостаточно, то в 1869 г. было открыто Новочеркасское Урядничье Училище на 120 человек. Поступать в него могли по экзамену дворяне и вольноопределяющиеся с законченным средним образованием из казаков Донского и Астраханского Каз. Войск. Так как Училище содержалось на

средства Донского Войска, Астраханское Войско должно было вносить некоторую плату за своих учеников. Начальником Училища с 1869 по 1873 г. был полковник Миллер. Курс Училища в то время был двухгодичный, с летними практическими занятиями в поле. Училище выпускало подхорунжих. Через некоторый срок, после особых — « офицерских » — экзаменов они производились в хорунжие. Срок этот длился от 6 месяцев до полутора года.

В 1870 г. Урядничье Училище было переименовано в Новочеркасское Юнкерское Училище, тоже с двухгодичным сроком обучения, в составе одной конной сотни.

С 1873 г. окончившим Училище по 1-ому разряду было предоставлено право производства в корнеты Л. Гв. Атаманского полка без предварительного прикомандирования к нему.

С 1873 по 1885 г. начальником Училища был полковник Третьяков. При нем из-за недостатка кандидатов из дворян и вольноопределяющихся были допущены к поступлению в Училище молодые люди с 6-тиклассным образованием среднего учебного заведения. Вольноопределяющимися в те времена именовались казаки, закончившие полностью образование и прослужившие в полку не менее года. Вышеуказанная мера не достигла цели и контингент юнкеров оставался недостаточным. Поэтому в 1879 г. при Училище был открыт еще подготовительный общеобразовательный класс, просуществовавший до 1885 г.

С 1880 г. Училище перешло на содержание общегосударственной казны.

В 1885 г. начальником Училища был назначен Ген. Штаба полковник Д. С. Шуваев, до этого в течении 5-ти лет бывший там преподавателем военных наук.

После закрытия в 1885 г. казачьих отделов в Виленском, Варшавском пехотных, Елизаветградском кавалерийском училищах, юнкера-казаки этих отделов были переведены в Новочеркасское Училище.

В 1890 г. вследствие наплыва желающих поступить в Училище с незаконченным образованием и из-за необходимости поднять программу общеобразовательного курса до уровня существующего в Военных училищах, Новочеркасское Училище было преобразовано в трех-годичное. Таким образом в нем были приготовительный и два основных класса с правами производства в хорунжие по окончании Школы. Тем не менее последний выпуск подхорунжих был в 1902 г. В 1903 г. выпуска вообще не было.

С 13 авг. 1899 г. до 25 июня 1903 г. начальником Училища был Ген. Штаба полковник М. С. Тюлин, а после него Ген. Штаба полковник А. М. Каледин, будущий Донской Атаман. При нем в 1904 г. состоялся 1-ый выпуск хорунжих в числе 46 человек. Тогда же Училище вновь перешло на содержание Донской Войсковой казны. В 1903 г. Училищу было пожаловано знамя. Штат его при полк. Каледине был доведен до 180 человек.

Начиная с 1904 г., кандидаты от 17 до 27 лет ,кончившие полный курс средне-учебных заведений, стали приниматься без экзаменов в младший специальный класс, юноши же прошедшие только 6 классов, могли поступить без экзамена в общий класс. Имевшие образование 2-го разряда поступали в общий класс по экзамену. В общем классе учение велось по программе выпускных классов средне-учебных заведений. Военные науки в нем проходились, но были и строевые занятия и изучались уставы. Выпуски производились по 3-ем разрадям. До 1908 г. для 1-го разряда нужно было иметь в среднем 10 баллов (по 12-тибальной системе), с 1909 г. — 9 баллов. Средний балл между 9 и 8 определял 2-ой разряд, и имевшие в среднем меньше 8-и выпускались из Училища вольноопределяющимися-урядниками по 3-му разряду и откомандировывались в полки, где после 6-ти месяцев безпорочной службы и производились в хорунжие.

С 12 окт. 1906 г. по 26 мая 1909 г. начальником Училища был Ген. Штаба полковник П. А. Гуславский. До 1908 г. Училище находилось в ведении Наказного Атамана Войска Донского, а с 1908 г. в составе учреждений, подведомственных Главному Управлению Военно-Учебных Заведений. В 1910 г. оно было сравнено в правах с прочими Военными Училищами и переименовано в Новочеркасское Казачье Училище.

2июля 1909 г. начальником Училища назначается Ген. Штаба полковник П. Х. Попов, в будущем Походный Атаман Войска Донского. В это время Училище имело 2 специальных класса и один общий, каждый с годичным курсом. В младший специальный класс принимались окончившие кадетские корпуса или средне-учебные заведения имевшие аттестат зрелости, в общий же класс по экзаменам попадали в исключительных случаях даже лица не имевшие прав 2-го разряда.

За некоторое время до начала учебного года 1909-1910 г. Главное Управление Воен. Учеб. Заведений предложило начальнику Училища упразднить приготовительный класс. П. Х. Попов, пользуясь тем, что это не было приказом, а только рекомендацией, а также и

тем, что Училище содержалось исключительно на средства Дон. Войска и было подчинено Гл. Управ. только в учебном отношении, начал учебных год с приготовительным классом. Одновременно он подал в Гл. Управ. мотивированный рапорт о том, что не может закрыть вышеуказанный курс в текущем учебном году, а через Войскового Атамана ходатайствовал об его сохранении, мотивируя свою просьбу тем, что « для казачат от сохи Училище было единственной лазейкой выбиться в люди ». Войсковой Атаман всецело его поддержал и приготовительный курс сохранился в продолжении еще двух лет.

В целях экономии Войсковых средств, а также для удешевления и улучшения питания юнкеров, часть земельных участков, принадлежавших Училищ в районе Персионовки, были использованы под огороды. Благодаря таким хозяйственным мерам Училище имело возможность заготовлять для себя запасы продуктов на целую зиму.

Военные предметы и подсобные к ним проходились очень основательно и Училище оберегало своих питомцев от незрелого политиканства. Почти ежедневно начальник Училища посещал занятия юнкеров, как в классе, так и во дворе или в поле, где иногда под дождем юнкерам приходилось « работать » в лужах с подоткнутыми полами шинелей за пояс. Когда же командиры сотен обращали его внимание на плохую погоду, он неизменно отвечал : « Воевать то придется не на паркете или под солнышком, а в любую погоду; поэтому будущий офицер должен быть подготовлен к тому, чтобы служить примером для рядовых казаков ». С этой же целью Училище совершало многоверстные пробеги и зимой и летом. Зимой юнкера ходили в « атаку » по льду через Дон, а летом переправлялись через Дон вплавь. Во время летних пробегов, чтобы юнкера не отрывались от казачьей массы, они часа по 2-3 помогали казакам в уборке хлеба. Были также введены экскурсии юнкеров по историческим местам Войска и прогулки по Азовскому и Черному морям. Первая такая прогулка была совершена всем Училищем в 1911 г. по местам сражений на Азовском и Черноморском побережьях, где принимали участие донские казаки. При встрече в Черном море с Императорской яхтой П. Х. Попов представил своих юнкеров Государю, после чего был приглашен со своим старшим офицером к царскому столу.

В 1914 г. была организована прогулка в Черное море на миноносце « Прут », под начальством командира сотни полк. Дубенцева и руководством инспектора классов полк. Цыганкова. Тогда же юнкера представлялись Государю в Ливадийском дворце. (Все путешествие было красочно описано полк. Рытченковым в журнале « Часовой » № 389).

В самом начале учебного года 1911-1912., Главное Управление Военно-Учебных заведений, при поддержке Главного Управления Казачьих Войск, особенно настаивало на упразднении общего класса, почти требуя это. Тогда начальник Училища, помимо ходатайств по всем инстанциям об его сохранении, организовал к выпускным экзаменам 1912 г. в Персияновских лагерях Училища « показательное » празднество юнкеров, на которое были приглашены представители Глав. Управ. Военно-Учеб. Заведений, Главного Управления Каз. Войск, Военного Министерства, Генерального Штаба, Офицерской Кавалерийской Школы, Военных Округов : Московского, Варшавского, Киевского и др., Кавалерийских Военных Училищ Кубанского, Терского, Астраханского и др. Каз. Войск. На этом празднике Училище показало своих юнкеров 3-го курса в джигитовке, рубке, работе пикой и тд. Видя головокружительные номера юнкеров, высокие гости говорили : « Какие ловкачи и как просто они это делают! » На это начальник Училища отвечал : « Что они ловкачи, согласен, а что просто делают — не согласен. Чтоб делать такие штуки, как Вы говорите, нужно быть не только природным наездником, но и мастером. Двух лет обучения для таких штук недостаточно, только на 3-ем году упорной работы может получиться такой джигит и рубака, который, когда сядет в седло, то по настоящему сольется с конем в одно целое ».

Кто то спросил : « А какая разница между двух и трех годичниками? Разве у вас не все юнкера одинаковы? »

Начальник Училища любезно ответил : « Нет, не все. Трехгодичники — это те, кто не окончил средне-учебного заведения; они поступают в Училище в особое отделение, так сказать подготовительное, которое дает сначала права средне-учеб. заведений, а потом эти юнкера на общих основаниях идут с двухгодичниками. Этим лишним годом они сравниваются по образованию с двухгодичниками, но в строевой подготовке — как видите — обгоняют их чисто практически. А так как поступающей в Училище молодежи со средним образованием недостаточно, то нам необходимо иметь подготовительный класс. Это дает возможность поддерживать в Войске необходимый кадр офицеров, а каких — Вы видите сами ». (Празднество это красочно опи-

сано полк. Биркиным в его книге « Повести минувших лет »).

После этого празднества гости были приглашены на парадный обед, и в итоге этот вопрос об упразднении приготовительного класса больше не поднимался, и, благодаря этому « дипломатическому ходу », какое то количество донской молодежи получило возможность закончить полный курс Училища. Многие из них в дни 1-ой Мировой войны показали себя блестящими офицерами, а во время гражданской отлично командовали полками и бригадами.

С 1912 г. в программу обучения юнкеров было введено преподавание психологии. До войны 1914 г. его вел сам начальник Училища, а потом оно было поручено инспектору классов ген. Герасимову.

Высочайшим приказом от 30 июля 1915 г. Наследник Цесаревич и Вел. Князь Алексей Николаевич был назначен шефом Училища; юнкерам были пожалованы на погоны его инициалы, а офицеры Училища получили права гвардии и букву « А » на погоны.

5 мая 1914 г. юнкера в конном строю конвоировали прибывшего в Новочеркасск Вел. Князя Николая Николаевича, который позже, на балу в Дворянском собрании, поблагодарил юнкеров как за их безупречный строй и выправку, так и за их танцы на балу.

В июне 1914 г. газеты были полны статьями о возможности войны между Сербией и Австро-Венгрией и о вмешательстве России. 12-го поздно вечером начальник Училища был срочно вызван Наказным Атаманом, а в воскресенье 13-го, около 11-ти часов утра, совершенно неожиданно в лагере юнкеров в Персияновке раздался сигнал трубача «Сбор» и ген. Попов с необычным для него волнением объявил, что получена телеграмма о производстве юнкеров очередного выпуска в офицеры. После напутствия на новую жизнь ген. Попов сказал : « Помните, чему вас учили в Училище и не посрамите его. Мы накануне войны. Объявлена мобилизация ».

Так как первоочередные полки, куда были разобраны вакансии, оказались уже отправленными к границам, весь выпуск молодых офицеров был назначен в полки 2-ой очереди, выступавшие по мобилизации.

1-го окт. 1914 г. состоялся 1-ый ускоренный выпуск 90 хорунжих. Произведены были пробывшие в Училище не меньше года. Это был последний выпуск хорунжих. 1-го декабря 1914 г. состоялся 1-ый выпуск прапорщиков, пробывших 1 год в общем классе или 4-е месяца в специальном. И с этого времени при составе Училища в 300 юнкеров пошли регулярные 4-ехмесячные выпуски, каждый по 120 прапорщиков. При ген. Попове Училище выпустило до 3000 хорунжих и прапорщиков.

В конце октября того же года Войско Донское должно было выставить внеочередный полк « особого назначения ». Офицеры Училища : в. ст. Воинов, ес. Иванков, ес. Кучеров, ес. Логвинов, подъес. Губарев и подъес. Рытченков тогда же добровольно изъявили желание занять в нем различные должности.

После разъезда по полкам офицеров последнего нормального выпуска Училище произвело 1-го авг. новый, численно-увеличенный, набор молодых людей. Занятия с ними начались еще в Персияновских лагерях, для этого были вызваны преподаватели из отпусков.

Еще в сентябре 1914 г. по инициативе офицеров Училища в одном из его зданий был открыт госпиталь на 10 кроватей для легкораненых. На его содержание из жалования офицеров вычитывалось 5 %, а начальник Училища отдавал из своего содержания 10 % Все медицинские расходы оплачивались Училищем, питание же шло из общей кухни юнкеров.

5 дек. 1914 г. юнкера Училища сопровождали, в качестве конвоя, Государя от вокзала к Атаманскому дворцу при его приезде в Новочеркасск. На площади перед дворцом юнкера прошли мимо Государя церемониальным маршем и удостоились Царского « Спасибо, юнкера...» Начальник же Училища получил от Него особую благодарность за их подготовку. В своих словах Государь отметил, что « давно не видел таких юнкеров ».

До февральской революции Училище занималось исключительно подготовкой юнкеров к высокому званию офицера, но с первых ее дней оно стало оплотом антибольшевисткой борьбы. Немедленно по получении сведений о революции, происшедшей в Петрограде, новочеркасские юнкера тотчас же были высланы начальником Училища в город для патрулирования по улицам для поддержания порядка в случае каких либо нежелательных выступлений.

Когда новочеркасская чернь и солдаты запасных полков, видя в Училище « оплот контр-революции », угрожали юнкерам силой оружия и требовали выдать им начальника Училища, юнкера твердо заявили толпе, что взять его она сможет только переступив через их трупы. Толпа сразу успокоилась.

Со времени октябрьского переворота юнкера вместе с партизанами Чернецова и Студенческой дружиной были главной силой в

руках Атамана Каледина, на которую он мог опереться и положиться. В стенах Училища, по распоряжению Атамана, формировались донские партизанские отряды и готовились первые добровольцы ген. Алексеева.

Все начальники Училища и юнкера, бывшие его питомцы, много послужили Матери Родине и своему Тихому Дону. Наибольшее количество офицеров Донского Войска вышло из своего Новочеркасского Училища, существовавшего под разными наименованиями.

Казачьи офицеры, всегда считавшиеся в России «серыми» и «необразованными», по свидетельству командовавшего Дон. Армией ген. С. В. Денисова, «показали себя во весь рост» на фронте внешней войны, где по подсчетам ген. Головина кровавые потери (первая цифра) и потери пленными (вторая цифра) в командном составе были в %:

Пехота	85	—	15
Кавалерия	95	—	5
Казаки	96	—	4

Сейчас же после революции офицеры почти всех Донских каз. полков с вверенными им взводами, сотнями, наводили порядок в ближайшем тылу Армии, где бушевала солдатская масса. В большинстве случаев казаки блестяще справлялись с возложенными на них задачами.

В Степном Походе донские юнкера были представлены своим отрядом под командой ес. Н. П. Слюсарева, командира 3-ей сотни юнкеров Новочеркасского Военного Училища. Другая значительная их группа участвовала в 1-ом Кубанском Походе. Начальник Училища ген. П. Х. Попов после своего назначения Походным Атаманом Войска Донского продолжал оставаться начальником Училища, которое фактически прекратило свое существование в день оставления партизанами Новочеркасска 12 февр. 1918 г.

В мае 1918 г. Училище было восстановлено Донским Атаманом ген. Красновым, а его начальником был назначен ген. Семенченков. Оно состояло из одной конной и одной пластунской сотен, артиллерийского и инженерного взводов.

8 ноября 1919 гр., в день Училищного праздника, Донским Атаманом ген. Богаевским оно было переименовано в Атаманское Военное Училище и ему одновременно было пожаловано знамя одного из старинных полков Войска Донского ,а ген. Богаевский принял на себя шефство. Много позже, уже на острове Лемносе, по ходатайству нового начальника Училища ген. Максимова, общество гг. офицеров Л. Гв. Атаманского полка постановлением 15 апр. 1921 г. согласилось с тем, чтобы их полковой марш был присвоен и Атаманскому Военному Училищу.

За недостатком офицеров в дни гражданской войны, в октябре 1919 г. по распоряжению Донского Атамана стало формироваться в Новочеркасске новое «Донское Военное Училище» под начальством Ген. Штаба ген. м. А. М. Максимова. Пожизненным шефом его был назначен Походный Атаман ген. от кавалерии П. Х. Попов. Формирование этого второго Училища имело целью довести его состав до одной конной и четырех пластунских сотен с пулеметной командой. Отступление из Новочеркасска застигло Донское Военное Училище в старой организации и укомплектование его рядов происходило главным образом на пути к Новороссийску и после переброски остатков Армии в Крым. Так в станице Павловской из Пулеметного полка в Училище было влито 70 человек, а в Новороссийске из Студенческого полка около 100 человек. Начальником нового Донского Военного Училища стал ген. Максимов.

Атаманское же Военное Училище, проработавшее интенсивным темпом 4 с половиной месяца еще в Новочеркасске, вышло из него в поход в полном своем составе под начальством ген. Семенченкова. Во время отступления его конная сотня (конный и артиллерийские отделы) несли безпрерывно, до самого Новороссийска, службу разъездов во фронтовой и прифронтовой зонах; пешие сотни (пластунский и инженерные отделы) несли конвойную службу при штабе Командующего Донской Армией ген. Сидорина.

После эвакуации в Крым Донской Армии и смерти в Евпатории ген. Семенченкова, Атаманское и Донское Военные Училища были сведены в Донской Юнкерский Пластунский полк из двух конных и четырех пластунских сотен и одной пулеметной команды. Командиром его был назначен Донским Атаманом ген. Максимов.

Лишь 26 июля 1920 г., накануне выступления в боевую операцию на Днепре, этот Юнкерский полк приказом Донского Атамана был переименован в Атаманское Военное Училище и отправлен на фронт под Каховку. Там с 30 июля по 2 авг. в боях с красными оно вписало блестящую боевую страницу в историю своего прошлого. Понеся значительные потери, оно выполнило возложенную на него задачу. Под Каховкой 6 человек было убито и умерло от ран, в том числе и командир 2-ой Пластунской сотни ес. Жуковский, и 47 юнкеров выбыло ранеными. За бои у Каховки и Любимовки Училище было награ-

ждено ген. Врангелем Георгиевскими петлицами, десять юнкеров сверх этого получили военные награды: два ордена Св. Николая (один из них получил портупей-юнкер Бондырев) и восемь Георгиевских крестов (один из них 2-ой степени получил вахмистр 3-ей сотни Евстратов), а все офицеры, участвовавшие в боях, произведены в следующий чин.

В дни подготовки эвакуации Крыма Училище занимало позицию у Сиваша. Отсюда оно было вызвано в Севастополь, куда и прибыло 31 окт. в 5 часов утра и немедленно стало нести службу охраны и поддержания порядка в городе. Оно прекрасно справилось с этим заданием и дало возможность спокойно погрузиться всем желающим на пароходы. Юнкера покинули город последними на пароходе «Лазарев», который отошел от берега в 14 ч. 44 минуты 1 ноября 1920 г., вслед за катером Главнокомандующего ген. Врангеля и Донского Атамана ген. Богаевского.

После эвакуации заграницу Училище было размещено на о-ве Лемносе в составе 54 офицеров, 537 юнкеров и команды казаков в 120 человек. На Лемносе оно пробыло до 29 августа 1921 г., а затем было перевезено в Болгарию, где 22 сент. было расквартировано в г. Ямболе. (Подробное описание пребывания на Лемносе дано в книге полк. С. Рытченкова «259 дней Лемносского сидения»).

На Лемносе при Училище были организованы офицерские курсы для офицеров донских частей, произведенных за боевые отличия в дни Гражданской войны. Преподавателями на них были офицеры Училища.

За весь заграничный период Атаманское Военное Училище произвело три выпуска офицеров: 1-ый («Орлиный») на Лемносе 9 марта 1921 г. — 103 хорунжих, 2-ой («Голубой»), уже в Болгарии, 12 июля 1922 г. — 86 хорунжих, 3-ий («Железный»), там же 12 июля 1923 г. — 36 хорунжих.

В феврале 1924 г. начальник Училища ген. Максимов скончался и на его место был назначен бывший инспектор классов Училища Ген. Штаба ген. м. В. П. Попов. Он скончался в Париже в октябре 1935 г., работая в книгоиздательстве «Hachette». 21 ноября того же года начальником Русского Обще-Воинского Союза, по представлению командира Донского Корпуса ген. Абрамова, на должность начальника Училища был назначен ген. м. Н. Г. Зубов, работавший в Париже шофером такси.

В 1927 г. бывшими чинами Училища, проживающими во Франции, организована Касса Взаимопомощи, которая существует и поныне.

Из Училища его питомцы разлетелись по всему свету, но главная их масса осела во Франции. Где бы они ни находились, юнкера-атаманцы поддерживают между собою связь и ежегодно отмечают в Париже свой училишный праздник молебном в день св. Архистратига Михаила и обедом в помещении Л. Гв. Казачьего Е. В. полка, на котором бывают не только юнкера-атаманцы, но и бывшие воспитанники Новочеркасского Казачьего Военного Училища.

Председатель Объединения Училища ген. м. Н. Г. Зубов скончался в Париже 12 окт. 1968 г. Его место занимает теперь многолетний адъютант Училища хор. И. А. Евстратов.

С первых дней образования РОВСа и по сей день Атаманское Военное Училище или, вернее, Объединение бывших юнкеров и офицеров Училища входит в него.

В свое время Новочеркасское Училище было не только военной школой, но и своего рода рассадником культуры и просвещения на Дону, хранителем верности России, любви к Тихому Дону и верности казачьим традициям.Многие его воспитанники занимали ответственные посты в Российской Армии, много их выдвинулось во время Гражданской войны. Его воспитанниками были Пох. Атаман Войска Донского ген. от кавалерии П. Х. Попов, Астраханский Войсковой Атаман ген. Бирюков, ген. Семилетов, ген. Писарев, ген. Татаркин, ген. Тарарин, ген. Позднышев, полк. Чернецов, полк. Назаров, полк. Мартынов, полк. Краснянский, полк. Слюсарев, полк. Чапчиков, ес. Лазарев и др.

К Атаманскому Военному Училищу перешли все традиции Новочеркасского Казачьего Училища и воспитанники его всегда оставались верными своему девизу: «Долгу верен — врагу грозен».

Органиченность места не позволяет дать более подробное описание столетней жизни Училища. Некоторые страницы его истории были описаны в «Род. Крае» (№ 35 — «Лагерь Новочеркасского Каз. Юнкерского Училища» — В. Скандилов, № 36 — «Новочеркасское Каз. Училище» А. П. Падалкин, № 66 и 67 — «Донские юнкера» — Е. Е. Ковалев, № 69 — «Об Атаманском Военном Училище» — И. И. Сагацкий, № 71 и 72 заметки под теми же названиями Н. Зубова и И. Крюкова, а также в № 80-81, посвященном Степному Походу, начальнику Училища ген. П. Х. Попову и началу каз. восстаний на Дону в 1918 г., в № 55-56-57 — «Калединский поход на Ростов» — А. П. Падалкина) в «Военной Были» (№ 11 и 12 — «Атаманское Военное

Училище в боях под Каховкой », № 17 « Бой под станцией Должанской », № 53 — « На пути к Новороссийску » — И. И. Сагацкого), и во многих №№ « Донской Волны ».

Париж **А. Падалкин**

КАХОВКА

(2 августа 1920 г.)

В тиши полдневной августовской
Мы ждали с трепетом тот час,
Когда дивизии Слащевской
Атаки отдан был приказ.

И вот вдали загрохотало :
Все наши цепи шли вперед...
Нам сразу всем понятно стало,
Что час пробил, что бой идет...

Мы ждали снова. Удалялась
Порой стихавшая стрельба.
То снова близко разгоралась, —
— Решалась жуткая судьба...

Но вот все ближе, реже вещий
Стал слышен четкий пулемет,
И с ним грознее и зловещей
Снаряда гулкий черный взмет...

Вдруг поле быстро оживилось...
То наши цепи шли назад...
Шли батареи... Все клубилось
В дымках шрапнелей и гранат.

И в этот миг, когда тревожно
Сомнений близился черед,
Когда ждать стало невозможно,
Нас твердо бросили вперед!

О, день жестокий, незабвенный,
Велик был юнкерский порыв
С бодрящей песнью в час священный
Итти в зияющий прорыв!

И песню ту не заглушила
Разрывов бешенных игра :
Так смело в бой, где смерть царила,
Могли итти лишь юнкера!

Мы шли колоннами. Вздымались
Все чаще черные столбы,
И лица раненых встречались
Сурово-строго, без мольбы.

Мы шли, их мимо пропуская,
С винтовкой туго на-ремень,
И быстро цепи рассыпая...
Гремел, дрожал каховский день!

А с батареи вдаль следивший,
Рукой дрожащей генерал
Наш строй в порядке проходивший
Крестом широким осенял...

Привет тебе, полк Таганрогский,
Привет, друзья, мы помним Вас,
Вас всех — Литовский, Белостокский!...
Мы вас сменили в трудный час.

Мы шли одни, уже вливаясь
В прорыв. Весь грохот, гул и звон,
Вся даль и смерть в одно сливаясь,
Неслись волной со всех сторон.

Но был велик наш дух забвений,
Порыв : дойти иль умереть!
Дойти! Отмстить! на жуть мгновений,
На павших братьев не смотреть.

И лишь на грани заповедной
Мы рядом с смертью залегли,
И весь порыв в огонь победный,
В огонь губительный внести....

За смерть отцов, за братьев муки
Мы посылали град свинца.
Кипела кровь, сжимались руки
В желаний близкого конца...

И мы отмстили их достойно :
Враг дрогнул, стал, пошел назад...
За залпом залп гремел наш стройно
И пулеметный лился град.

А наши пушки оживали,
Громя бегущую орду,
Ее мы гнали, добивали,
Стреляя быстро на ходу.

Спустился вечер августовский.
Стонал вдали ночной покров :
Так был закрыт прорыв каховский
Атакой смелой юнкеров!

Прошли года, но утомленный
Я помню все : огни костров
И фольварк ночью оживленный,
Повязки, жуть глухих рядов...

И шлях неубранный каховский,
Наш строй в пути на Перекоп,
И взгляд последний твой, Жуковский,
И вздох твой, Скрынник, с пулей в лоб!

И всех Вас — братья и калеки,
Живых и мертвых длинный ряд,
Чья память будет жить вовеки,
Чьи имена в душе горят...

Я всюду Вас благославляю,
Ваш дух, порыв, страданий тень
И с Вами вновь переживаю
Великий наш каховский день!

И. Сагацкий

1919 год. Новочеркасск. Посещение Донским Атаманом ген. Богаевским Училища в день его 50-тилетия и переименования Новочеркасского Казачьего Военного Училища в Атаманское. В центре Донской Атаман, справа от него начальник Училища ген. Семенченков, слева инспектор классов ген. Новицкий. Снимок сделан в актовом зале Училища.

2-ая конная сотня Атаманского Военного Училища. Лемнос. 1921 г.

Пасха 1921 г. Ген. Абрамов на Офицерских курсах.

1-ая смена 2-ой сотни. Лежат, слева направо : юнк. Прилепский, Попов, Павлов, Утинев. Сидят : юнк. Золотарев, Пивоваров, ст. п. юнк. Тарасов, сменный офицер сот. Бирюков, мл. п. юнк. Маркин, юнк. Сережников, Казинцев, Стоят : мл. п. юнк. Борисов, юнк. Гончаров, Карнеев, Ульянов, мл. п. юнк. Черенков, юнк. Пятилетов.

1921 год. Г. Ямболь, Болгария. 1-ая смена юнкеров 2-ой сотни.
Лежат слева направо : юнкера Сережников, Гончаров. Сидят : юнк. Карнеев, Пивоваров, мл. п. юнкер Черенков, сменный офицер сот. Бирюков, командир 2-ой сотни войск ст. П. Т. Греков, вахм. 2-ой сотни Бондырев, юнк. Павлов, ст. п. юнкер Мещеряков. Стоят : мл. п. юнк. Леонов, юнк. Попов Евгений, мл. п. юнк. Маркин, ст. п. юнк. Попов Михаил, мл. п. юнкер Борисов, юнк. Зуев, Золотарев, Казинцев, пл. п. юнк. Ульянов, юнк. Прилепский.

Лемноский выпуск Атаманского Военного Училища.

30-ые годы. Франция. Слева направо : Бондырев, Артемов, Ольховский, Кочетов, Бирюков, Евстратов.

1921 год. Г. Ямбол, Болгария. Посещение Донским Атаманом ген. Богаевским Училища. Слева направо, первый ряд : сот. Баландин, сот. Ченцов, чинов. Елисеев, вахм. 2-ой сотни Бондырев, вахм. 3-ей сотни Евстратов. 1-ой сотни Рахмин. Сидят : командир 2-ой сотни в. старш. П. Т. Греков, командир 1-ой сотни полк. Н. И. Кочетов, адъютант Атамана в. старш. Фолимонов, начальник Училища ген. майор А. М. Максимов, Донской Атаман ген. Богаевский, инспектор классов ген. майор В. П. Попов, ген. м. С. А. Дынский, Командир дивизиона юнкеров полк. Н. Я. Шляхтин, священник о. Куколев, на коленях сот. Гладков.

Стоят : Х, ес. Артемов, сот. Лобов, сот. Дубовсков, ес. Осипов, сот. Бирюков, в. старш. Осипов, полк. Короченцев, полк. Голубинцев, полк. Долгов, полк. Фомин, полк. Каклюгин, полк. Рытченков, полк. Маркин, Х, в. старш. Кундрюков, Х, в. старш. Гладков, док. Яковлев, сот. Михайленков, в. старш. Колышкин, сот. Долгопятов.

Стоят сзади : полк. Сергеев, в. страш. Кузнецов, полк. Платонов, сот. Бузин, подъес. Харитонов, сот. Кукиев, сот. Самсонов, сот. Пузанов, чинов. Букин, Х.

1929 год. Париж. Празднование 60-тилетнего юбилея Училища. Сидят слева направо : председатель Дон. правительства Н. М. Мельников, ген. Марков, ген. Упорников, ген. Алексеев (бывший начальник Училища), Донской Атаман ген. А. П. Богаевский, ген. Черячукин, ген. Лебедев (начальник Кубанского Военного Училища), ген. В. П. Попов (начальник Атаманского Училища), полк. Рытченков.

Встреча Государя в Новочеркасске сотней Училища в 1914 г. Впереди сотни, ея командир полк. Дубенцев, сзади на белом коне ес. Тарарин, адъютант Училища.

ТОСТ

«Орлиному» выпуску Атаманского Военного Училища — в рассеяньи сущему — ко дню его Праздника.

Знакомый запах пороха Каховский...
И вот сквозь сон давно ушедших лет,
Опять гремит наш полдень августовский,
Вселяя в мысли прежний жуткий бред...

И вы — одни, овеянные славой
В движеньи смело — сдержанном вперед,
И как будто зная в час борьбы кровавой,
Что это вызов смерти этот не умрет!...

Пришла пора и нам теперь подняться,
И выпить тост за молодость свою,
С любовью братской мысленно обняться
Как если-б снова шли мы все в бою;

И, в знак признательности старой Школе,
Сумевшей в нас зажечь особый свет,
Склонив главы по рока высшей воли,
Сыновний издали отдать привет!

Парих. **И. Сагацкий.**

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА УРАЛЬСКОМ ОТДЕЛЬНОМ ФРОНТЕ

(Продолжение № 84)

В Форте Александровске осталось около 1600 человек, в том числе три генерала и много офицеров. Отец Войскового Атамана ген. О. Евл. Толстов был отправлен в Москву, был там судим и расстрелян. Последние дни его пребывания в тюрьме, перед казней, были талантливо и ласково описаны поэтессой Марией Волковой, мать которой была уральской казачкой. О судьбе генералов Бородиных, Георгия Кондратьевича и Сергея Николаевича, ничего точно неизвестно, но надо думать, что они подверглись той же участи, что и ген. О. Е. Толстов.

Все офицеры, казаки и беженцы, оставшиеся в Ф. Александровске, были отправлены на судах в Астрахань, где беженцам было разрешено возвратиться по своим местожительствам, а казаки и офицеры были отправлены в Уральск, там мобилизованы и отправлены на Польский фронт. Так мне писала жена после 4-ех лет полного неведения о моей судьбе. Да и я не знал о перенесенных ею мытарствах. К счастью для нее, мой брат, мальчик 13-ти лет, оставался неразлучно с ней, всячески помогая ей в трудностях ее путешествия и утешая ее.

Приступая к описанию похода от Ф. Александровска в Персию, должен отметить, прежде всего, что, несмотря на всю трудность прохождения закаспийских степей, безводных, со скудной растительностью, с кочевыми враждебными племенами и принимая во внимание полную неподготовленность к нему, этот поход мог быть закончен « счастливо » лишь благодаря выносливости казачьей натуры и приспособленности яицких казаков к условиям жизни в степи, сплоченности и решимости всего отряда идти до конца, не останавливаясь ни перед какими трудностями по пути. Роль ген. Толстова, как главы отряда, была весьма значительна. Часто, без проводников, со старой картой (40 верст в дюйме), без дорог, и часто бывало ночью, по компасу ему удавалось отыскать долгожданный колодец. А погибнуть от жажды и голода в этих диких степях было также возможно и страшно, как и от пуль и ножей полудиких племен.

По русской истории известно, что одна попытка пересечь эти степи, несмотря на заблаговременную подготовку, кончилась полной неудачей. Это был в начале 18-го столетия « Поход Петра Великого на Индию ». Неудача этого похода, в отчетах, объясняется главным образом недостатком транспорта. Считалось обязательным для таких переходов иметь полтора верблюда на участника похода. Наша же группа уральцев в 220 человек имела лишь 40 верблюдов и на 30 дней скудного продовольствия.

Первую ночь по выходе из Ф. А. все шли неорганизованной толпой за впереди идущей группой Войск. Атамана с командиром бригады и командирами полков. Остальные частью ехали на конях, на верблюдах, повозках, но большинство шло пешими. Шли, конечно, медленно, с остановками для ожидания не поспевающих. Утром был назначен привал. На нем был сделан точный подсчет вышедших, наличного транспорта и продовольствия. Сразу выяснился недостаток продовольствия (всего 50 пудов муки) и транспорта (40 верблюдов и около 20 коней). Было полное отсутствие каких бы то ни было приспособлений для приготовления пищи, даже ложек для еды, чашек и посуды для перевозки запасов воды.

Этим же утром все вышедшие были разбиты на четыре группы, названные взводами, которые образовывали « сотню ». Ген. Толстов был командиром « сотни », полк. Корнаухов — командир 1-го взвода, войск. старш. Климов — 2-го взвода, полк. Исаев — 3-го взвода, войск, старш. Фадеев, пишущий эти строки — 4-го взвода. Все офицеры, за исключением ген. Моторного, обязаны были нести службу и наряды, как и рядовые казаки. Распределение по « возводам » было сделано « наспех ». Так в 4-ый взвод, помимо 3-ех сестер милосердия, вошли все нестроевые офицеры : ген. Моторный, Ген. Штаба полковники Антипин, Саломаха, кап. Тодуа, дежурный генерал армии пожилой и больной ген. Еремин, полк, Сладков, полк. Голубов, полк. Карчагин и др. Все они, за небольшим исключением, вышли пешими и совершенно неприспособленными к походной жизни, которую нам пришлось вести. Поэтому я, как командир взвода, имел часто упреки от Атамана за опоздания с выходом с ночлегов, привалов и за « безпорядок » в движении. Правда, первые дни никакого порядка в движении не соблюдалось и не могло быть соблюдаемо, так как повозки не могли поспеть за впереди идущими конными, а пешие отставали от повозок. Из-за частого ожидания отстающих, замедлялось движение и первые дни пути оно не превышало 10-ти верст в

день. Но тем не менее старались как можно скорее подальше уйти от Ф. Александровска. Первые три дня движения вправо и влево попадались киргизские становища. В 4-ом взводе, главным образом у кап. Решетникова, 2-го Уральского полка, имелось до десяти верховых коней, благодаря им можно было удаляться в стороны и реквизировать у киргизов все, что могло быть полезным : верблюдов, коней, кошмы, чашки, бурдюки, ложки и тд. Ген. Еремин после одной ночи и дня пути идти больше не мог, полк. Голубов — также, сестра милосердия А. П. Бородина в своих городских башмачках плакала от боли. Все это группировалось около 3-ех повозок 4-го взвода, отдыхая попеременно. Набеги на киргизов дали взводу до 10-ти верблюдов, несколько коней, кошмы для укрытия ночами и кое какие приспособления для варки пищи. Несмотря на конец марта, ночи на плоскогорье Магишлак были довольно свежими. А моя личная экипировка состояла в том, в чем я вышел в теплый праздничный день для проводов отъезжающих. Только благодаря помощи пор. Сидоренко, в первые дни я мог приспособиться к изменениям температуры. Но на 2-ой день в своих сапогах я не мог уже ходить, а данные мне тем же Сидоренко английские башмаки натерли мне ноги до крови.

Войск, старш. Климов и есаул Митрясов в эти дни также старались достать что либо у киргизов, но, так же, как и мы, больших успехов не имели. Киргизы этого района занимались главным образом рыболовством и были бедны скотом. Полк. Сладков розыскал стоянку главы Бухарской миссии, но вынес впечатление, что на помощь его нет никакой надежды.

При одной из реквизиций партизаны кап. Решетникова привели немудреного маштачка и впрягли его уже в помощь одной повозки, как его владелец со слезами обратился ко мне с просьбой его возвратить, как последнее достояние семьи. Так как это было уже под вечер и ожидался близкий ночлег, то я и обещал киргизу возвратить коня на ночлеге. Из разговора с ним я понял, что в верстах сорока на запад от нашего пути, на соленых озерах, каждый год в это время с незапамятных времен останавливаются на продолжительное время большие аулы киргизов, богатые скотом.

На этом ночлеге Атаманом был созван совет, на котором присутствовали ген. Моторный и командиры взводов. Ни один из старших офицеров не был приглашен. На заявление ген. Моторного о возможных обидах с их стороны, Атаман резко ответил, что он сам только командир сотни и советоваться будет только с командирами взводов. Этим он вызвал недовольство и обиду со стороны всех старших офицеров. Поступать так было совершенно бессмысленно, ибо присутствие их на совете, хотя бы только в этом случае, было бы актом объединения и общности принятого решения. На совете было решено добыть верблюдов, хотя бы по одному на участника похода, посуду для воды и все что необходимо. Движение по 10 верст в день грозит гибелью отряду. Мой доклад о нахождении большого количества киргизов со скотом на соленых озерах был подтвержден в. ст. Климовым, который выяснил это из разговоров с киргизами во время его последней реквизиции. Решили этим воспользоваться, лишь один полк. Исаев был несогласен, так как считал, что такие меры восстановят всех киргизов против нас и побудят их к нападениям. Этой же ночью полк. Исаев возвратился в Ф. Александровск.

На вопрос Атамана, кто же поедет к киргизам, вызвался я, заявив, что у меня есть для этого и проводник. В разъезд было назначено 25 человек с пулеметом. Я сговорился с киргизом, владельцем реквизированного коня, что он будет проводником и что в случае благополучного выполнения миссии, я ему не только возвращу коня, но дам еще одного и некоторую сумму денег. Были отобраны лучшие верблюды, пор. Сидоренко скопировал участок карты, раздобыл компас и с наступлением темноты мы выступили к соленым озерам, снабженные провиантом и целым мешком сибирских денег. Из 4-го взвода вахм. Карташев и ур. Черыкаев, знающие в совершенстве киргизский язык, казак Фофнов, привыкший ко мне за эти два дня, и два сорванца 4-го взв. подх. Почиталин и ур. Ставрин решили сопровождать меня. Скрытность и выступление ночью были необходимы, так как никто не сомневался, что киргизы наблюдают за движением отряда. Курить было запрещено. Шли в колонне по два. До 12 часов ночи (4 часа ходу) мы должны были идти на запад, сделать маленький привал, после чего изменить направление с небольшим уклоном на юг. По словам проводника, к этому времени должно встретиться полусухое деревцо. К полночи верблюды стали выдыхаться, решено было сделать привал. Сухое дерево было найдено недалеко от остановки. После привала нужно было торопиться, чтобы поспеть к озеру с рассветом. Усилили ход, но через пол часа мне передали с хвоста колонны, что один верблюд отказывается идти

и лег. Передаю : « бросить верблюда... » Через некоторое время — другой, третий... Большинство верблюдов разъезда проделали уже поход до Ф. Александровска и больших переходов выдерживать не могли. Казаки шли пешком или отдыхали, садясь вдвоем на одного верблюда. К началу рассвета по пути стали находиться следы недавнего пребывания здесь киргизов, а дальше оставленные вещи, кошмы. Все показывало, что они близко и ночью спешно снялись со своих стоянок. Идущий впереди дозор заметил спящего на коне киргиза. При приближении казаков он проснулся и пытался ускакать. Дозор открыл по нему огонь, На одном из поворотов киргиз так нажал на стремя, что оно лопнуло, он упал с коня и был нами захвачен. На вопрос, что он делает в этом месте, он ответил, что ищет сбежавших коней. Но все же, как он ни лгал, ни путал, мы поняли, что киргизы близко и находятся впереди. Мы двигаемся дальше и поднявшись на плоскую возвышенность увидали большой гурт баранов и косяк коней. Карташев и Черыкаев, хорошо знавшие киргизскую жизнь, уверенно говорят, что киргизы близко, так как гурт состоял из овец-самок, которые ягнятся у киргизов ранней весной. Ягнят киргизы на пастбище с матерьми не пускают, так как они их доят. Севши на несколько пойманных коней, казаки стали поворачивать стадо в обратную сторону нашего движения. Этот маневр удался как нельзя лучше. Как из-под земли, появились невидимые до этого 3-4 старца киргиза, кланяются издали и приближаются ко мне. Приблизившись, « вежливо » спрашивают : « Что жасаул (и обязательно в 3-ем лице) думает делать с нашими овцами? » Вахм. Карташев, так же « вежливо », передает им, что мы хотим видеть ваши аулы-людей, и если вы нас к ним не проводите, мы угоним всех баранов. Старики на это согласились. Оставив стадо на месте и поднявшись на холм, мы увидали в котловине огромное количество караванов, готовых к уходу. Был снят пулемет, показан старикам с объяснением, что эта « машина » и за горой достанет и перебьет разбегающихся. Частью на захваченных конях, частью пешими, киргизы и 5-6 казаков поскакали в караваны с приказанием развьючивать верблюдов. А старикам была передана просьба (с киргизами нужно говорить вежливо и спокойно, не выказывать своей нервности и не горячиться) на окраине расположения поставить кибитку, принести туда много арьяну (кислое молоко), воды и заварить много баранины. За все будет заплачено хорошими деньгами. Когда все это будет сделано, разъезд спустится вниз, и тогда нужно будет придти к кибитке многим аксакалам для разговора « с нами ». Киргизская грамматика для построения вежливых фраз требует себя называть во множественном числе — « мы », а собеседника — или в 3-ем лице или на « ты ». При появлении разъезда на холме караваны сразу же бросились в разные стороны, но уговоры стариков и казаков, а главное очередь из пулемета сверх караванов подействовали успокаивающие и они остановились. Во время скачки среди караванов и уговоров остановиться на вахм. Карташева бросился киргиз, стянул его с коня и подмял под себя, но во время свалки Карташев успел ножем ранить нападавшего и выбраться из-под него раньше, чем подбежали другие киргизы на помощь своему. Во время этой свалки Карташев уронил свою папаху, которая была потом возвращена, а я упрекнул при этом киргизов за недоброжелательный прием ими своих « друзей ».

Когда все было сделано как условлено, разъезд спустился вниз, где в кибитке нашли большое количество воды, молока и варившуюся баранину. Жажда и голод мучили всех нас уже давно, так как скудные запасы сухарей были съедены и вся вода выпита еще на привале ночью. Это происходило в Страстную субботу 1920 года. После некоторого времени пришли и аксакалы, которым после дружеского приветствия от « самого большого генерала » было предложено « продать » мне 200 верблюдов, 400 баранов, посуды для воды и вьючного матерьяла. А для справедливого распределения этой поставки я предложил заняться этим им самим. Начали « торговаться » о ценах. Сговорились по 200 рублей за верблюда и 25 руб. за барана и кое какие мелочи за кошмы, седла, бочаты, арканы и тд. Часть стариков было отпущена для распределения поставок, а часть была приглашена мною « на ужин ». Карташев и Черыкаев рассказывали им « небылицы в лицах », что завтра у нас большой праздник и « по обычаю » гости должны оставаться целую ночь с хозяевами. После сытного ужина и бессонной ночи всех валило ко сну, но спать было нельзя. В караванах киргиз было по крайней мере до 200 человек способных владеть оружием, оружие они имели, а их « дружеские чувства » к нам были хорошо известны. Ночь прошла спокойно. Посты у кибитки, у пулемета часто менялись, дабы не заснуть. Ни я, ни прап. Горшков, ни Карташев и Черыкаев не спали уже вторую ночь. С утра киргизы начали приводить верблюдов и пригонять баранов. Вместо 200 верблюдов

пришлось удовлетвориться 125, снисходя к просьбам киргизов, с заменой к этому числу 25 наших измученных верблюдов. Количество баранов было снижено до 250. Три четверти денег были уплачены на месте, а оставшиеся, несмотря на то, что они у меня были, я обещал уплатить по возвращении в отряд. Для этого я просил дать до 10 киргизов, которые должны были вести верблюдов и баранов, дабы оставить казаков разъезда свободными для защиты от возможного нападения в пути. Сибирские деньги киргизам не нравились, они требовали деньги с Царем или Царицей, но так как их у меня не было, пришлось им удовлетвариться деньгами адмирала. После расплаты с киргизами, мы с верблюдами и баранами двинулись обратно. Начался солнечный светлый день, так напоминавший пасхальные дни на Урале, где они всегда бывали солнечными, ясными и веселыми. Счастливое окончание нашего похода поначалу разогнало сон, но к полудню солнце начало пригревать, нервное напряжение прошло, наступила реакция и две бессоные ночи давали о себе знать. Под равномерное раскачивание верблюдов трудно было удержаться от дремоты. Было видно, как все « клевали носом » и вздрагивали, просыпаясь в моменты близкие к падению. После двух часов такого мучения дремота прошла. За 10-15 верст от колодцев, где находился наш отряд, четыре казака, каждый с одним бараном в торкак, были отправлены вперед с донесениями В. Атаману о благополучном окончании нашей разведки. Верблюды, да к тому же « свежие », могли двигаться в два раза быстрее, чем караван с баранами. И когда весь разъезд прибыл в отряд, там уже весело горели костры, и почти готовая баранина скоро могла удовлетворить аппетит наголодавшихся людей, три-четыре дня не видевших мяса. Кригизам все было уплачено. Мой проводник, согласно условию, получил своего коня и в благодарность за услуги другого, с хорошим куском мяса на ужин.

Это была первая большая реквизиция, позволившая почти всех посадить верхами на верблюдов, и только несколько человек ехало по двое на одном верблюде. Это обстоятельство позволило нам двигаться значительно быстрее : за первый же день было пройдено до 60 верст.

При выходе с этого привала наши посты заметили лаву в 20-30 всадников, двигавшихся в нашем направлении. Тревога!... Во главе с В. Атаманом, цепь выдвинулась в направлении лавы и залегла. Но еще до этого было определено по заметному, с обрезанным хвостом, коню ген. О. Бородина, что это казаки из Ф. Александровска. Так оно и было. После некоторого топтания на месте лава подъехала к цепи. Ее начальником урядником было вручено письмо В. Атаману от его отца, в котором предлагалось сыну со всем отрядом вернуться в Ф. Александровск и сообщалось, что политический комиссар флота красных обещал всем неприкосновенность. Сам ген. Толстов — отец взят для допроса на крейсер красных. Я также получил письмо от жены, так же, как и несколько офицеров отряда. Письмо от жены было не длинным, она писала, что казак за письмом пришел скрытно от других и ее торопит. Помимо выражения горечи разлуки и опасений за меня и за себя, жена посвятила несколько строк случившемуся в Ф. Александровске : мой обоз с заведующим хозяйством вышел со дворов, но недалеко от выхода из ст. Николаевской ему преградила дорогу большая вооруженная группа людей и силой завела его в один из дворов. На протесты зав. хозяйством, « люди » отвечали, что командир полка (то есть — я) остался и приказал обозу возвратиться. На его заявление, что это его не убеждает, ему грозили немедленной расправой. Кирсанов отрезвел и был с обозом. Утром на квартире был ес. Русаков и обвинил меня в неосмысленном оставлении полка (бросил). Из-за темноты или из-за своей неопытности или из-за поспешности письма, жена не определила, что это были за « люди » — казаки или местные большевики.

Казаки, догнавшие отряд, относились к нам сочувственно и сами бы остались с нами, но у каждого из них в Ф. Александровске остался заложник и поэтому они вынуждены были возвратиться. Кстати замечу, что В. Атаман в первых 15-ти главах своей книги отмечает всякие заслуги « гурьевцев » — « только Редутская сотня (его конвой) вышла целиком... » Отдавая им должное, надо заметить, что всю тяжесть войны на своих плечах вынесли главным образом 1-ый и 2-ой Отделы Войска, они же понесли и большинство потерь. Гурьевский же Отдел — 3-ий Отдел Войска.

После этой встречи наш отряд двинулся в дальнейший путь. После нее уже не было мыслей о возвращении, все понимали необходимость идти дальше, и идти до конца. Удача первой реквизиции, наличие продовольствия и окончание мук хождения пешком повысили настроение и внушали надежды. Но вскоре пришлось пережить и неудачу. На одном из ближайших ночлегов отряд, как было принято, на ночь расположился в карэ из

взводов. В середине находились верблюды, бараны. Кони были привязаны или стреножены вблизи от расположения. Вокруг расположения отряда — посты. Но киргизы, поняв, что деньги, полученные ими за верблюдов и баранов, ничего не стоют и что они просто напросто ограблены, решили отомстить. В темноте ночи они оставили большую группу позади отряда, а другая, более значительная, находилась впереди по движению отряда. В полночь с дикими криками и стрельбой передняя группа бросилась на спящий отряд. Посты открыли огонь на шум. Напуганные бараны шарахнулись через наше расположение, кони сорвались с приколов и разбежались по степи; лишь верблюды, вскочив на ноги, философски ожидали дальнейших событий. Киргизам только этого и нужно было. Их задняя группа подобрала баранов и часть коней и исчезла в соседних холмах. Передняя часть проскакала возле расположения отряда и все смолкло. Дежурный взвод был послан на преследование, но будучи пешим и из-за темноты далеко уйти не мог и вскоре возвратился лишь с несколькими конями, которых киргизы не успели поймать. Более далекое исследование утром не дало никаких результатов. Таким образом мы лишились всех баранов, осталось лишь мясо зарезанных этим вечером.

Через несколько дней был послан для реквизиций разъезд с ес. Жигалиным, который был также удачен. Он пригнал достаточно верблюдов, и теперь каждый имел « своего », много баранов, которых решили порезать, мясо посолить и при удобном случае сушить-вялить. Было также решено всем, кроме атаманской семьи, перейти на вьюки, так как тяга тяжелых двухколок по бездорожью, по кочкам, сильно утомляла верблюдов, выводила их из строя и сильно замедляла движение.

К этому же времени надо отнести и начало резделения отряда. С первого ночлега, одновременно с полк. Исаевым, отделился от отряда с несколькими казаками полк. М. Карчагин, зять ген. Еремина. Служа до германской войны на границах Бухары и будучи в группе полк. Сладкова в поисках бухарской миссии, полк. Карчагин смог сговориться с ее главой об отходе в Бухару в ее составе.

Отделился от отряда, с группой в 17 человек, кап. П. Решетников, обиженный В. Атаманом приказанием сделать обыск в его обозе — по доносу, что будто бы в повозках его имеется много съестных припасов, не объявленных при их подсчете по выходе из Ф. Александровска. Донос гласил, по словам В. Атамана, что « в 4-ом взводе едят белый хлеб вволю и пьют чай с сахаром », что было совершенной выдумкой. Запасы хлеба, муки, сухарей, что были вывезены мною с кап. Решетниковым, были все на учете со второго же дня по выходе из Ф. Александровска. Из-за отсутствия общего обоза для отряда, а повозки 2-го полка были только в 4-ом взводе, т. е. у кап. Решетникова, запасы везлись им. Сухари были сданы, хлеб был роздан по отряду в первые два дня пути и оставалась в обозе 4-го взвода под учетом лишь мука. Из каких источников В. Атаман получил донос — неизвестно, но кап. Решетников наотрез отказался исполнить приказ В. Атамана. Несмотря на мое вмешательство, В. Атаман отказался отменить приказание, а Решетников предпочел отделиться от отряда, чем выполнить приказание. Обвинение (донос) было совершенно необоснованно, но В. Атаман искал продолжения ссор. Совершенно был прав г. Н. Куницин (журнал « Каз. Думы » июнь 1923 г.) в статье по поводу вышедшей книги ген. Толстова « От красных лап в неизвестную даль » : характеризуя его поступки в Ф. Александровском и в этом походе, заметивший : « наш автор (ген. Толстов) умеет обижаться, но еще больше умеет обижать... », « Обиженных им больше, чем обидчиков... ». Сдав находившуюся на учете муку, при выходе отряда с ночлега кап. Решетников остался на месте. После этого случая 4-ый взвод еще больше поредел строевыми людьми. О судьбе оставшейся группы мне ничего неизвестно.

Как я уже упоминал, в отряде были женщины (до 10) и дети В. Атамана, старшему из которых, Олегу, было не больше 6 лет. Особенно тяжело было одинокой, застенчивой, скромной, молодой и очень хрошенькой, из хорошей семьи, Анне Николаевне Бородиной. Сколько бед она перенесла, сколько вынужденных уступок девичей стыдливости она должна была вынести помимо всего, находясь среди чужих мужчин, не всегда деликатных... Замужним женщинам было намного легче : муж всегда мог помочь во всем — укрыть, закрыть, проводить итд. Она вышла из Ф. Александровска с сот. Смирновым, который был женат на сестре милосердия, сослуживицей ее по госпиталю. Жена сот. Смирнова и 3-ья сестра милосердия, что были всегда с группой ген. Моторного, были женщины « бывалые », сбе были на германской войне и привыкли бывать среди мужчин. Она была доброй женщиной и всячески помогала Анне Николаевне. Сот. Смирнов с женой, а с ними и А. Н. вышли из Ф. Александровска с небольшими узелками, без под-

воды, и должны были идти пешком. К утру после первой ночи похода А. Н. выбилась из сил, идти дальше в своих городских башмачках не могла. У нее не было ни ложки, ни плошки, ни ножа. К тому же ночами на плоскогорье стояли холода. Когда было произведено распределение по взводам, сот. Смирнов пришел ко мне и рассказал про свои беды. И на другой ден. А. Н. сидела уже в тарантасе штаба бывшего 2-го полка, сот. Смирнов с женой шли также возле обоза 4-го взвода, по очереди с А. Н. отдыхая время от времени, а Фофонов, наш кучер, шил ей туфли из кошмы. Почиталин и Ставкин сразу влюбились «по уши» в А. Н. и поклялись ей достать все необходимое при первом же случае. У Смирнова были кое какие знакомства в 4-ом взводе и до моего знакомства с ним они уже составили компанию-группу для довольствия отдельно от нас. В первой же реквизиции для А. Н. были приобретены ложка, чашка, кошма для подстилки, другая — для укрытия, третья для седла, и молодой верблюженок, которого Почиталин и Ставкин, облюбовав его еще на месте для А. Н., спрятали от учета. Первая ее посадка на верблюда была трагикомической. Наладив из кошмы седло, предлагаем ей садиться верхом — она отказывается, говоря, что поедет амазонкой. Предложили ей одеть шаровары — отказывается. На наши доводы, что при первой же кочке, сидя поперек верблюда, она свалится и что ноги на весу скоро отекут, Ставкин предлогает привязать ведро для ног. Почиталин находит, что ведро слишком глубоко, лучше привязать котел... А оба ржут, как застоявшиеся жеребцы. А. Н. чуть не плачет. Но тут вмешивается И. Фофонов, вестовой при мне, степенный казак, много старше Почиталина и Ставкина: «Если вы, молокососы, немедленно не уберетесь отсюда, я принесу этот самый котел и разобью его об ваши пустые «варки» («варка» — по уральски голова). Сняв кошму, что была натянута вокруг холки верблюда, Фофонов, свернув ее в более узкую полосу и связав, не сводя концы, сделал что то вроде вилки — передней луки для правой ноги. Из оставшихся концов аркана один служил для удержания устойчивости, необходимой первое время, второй конец с петлей был как стремя для левой ноги. В общем получилось подобие седла амазонки, и А. Н. сидела уже боком вдоль верблюда и более устойчивее. Посвятили ее в секреты «бурундука». Это палочка, как толстый карандаш, продетая выше ноздрей верблюда, как серга, для управления им, с тонким арканом на конце. Также было указано, как класть верблюда для посадки... «Осторожнее при подъеме его... Откидывайте весь корпус назад, или вы свалитесь на шею вашему коню» — говорили мы почти хором. Первый переход Ставкин, Почиталин, Фофонов и Сидоренко шли по очереди возде «ни живой — ни мертвой» А. Н., сидевшей на своей «скворешнице», как она говорила. Но вскоре А. Н. привыкла к высоте, к раскачиванию верблюжьего шага и уже не бледнела при посадке на него. А Почиталин под смех окружающих пел частушки: «Моя милка семь пудов — Не боится верблюдов...». Верблюженок А. Н. был очень хорошо «воспитан» — он не орал, не плевался, но имел один большой недостаток: будучи, очевидно, одного хозяина с верблюдом Почиталина, всегда и повсюду следовал за ним, что было постоянной причиной смущения А. Н. и предметом развлечения и насмешек Почиталина, который от скуки и однобразия этим забавлялся. Бывало, поворачивает он своего верблюда в сторону, А. Н. не может удержать своего верблюженка и следует за ним. А он просит ее не «следовать» за ним, так как хочет отстать от взвода по своим «нуждам». Первое время А. Н. думала, что это правда и в панике просила меня задержать ее верблюда. Но потом Почиталину было «приказано» не указывать причины таких поворотов его верблюда. Упомяну еще про случай, происшедший с А. Н. при переправе в брод р. Сумбар. Что взбрело в голову ее верблюженку — неизвестно, но только по середине реки он лег в воду. К счастью, река была неглубокая, но во взводе — тревога. Слышу, кричат: «Анна Николаевна тонет!...» Бросились спасать. Но все обошлось благополучно. Она сама вышла из речки, стянув в стороне прилипшую одежду. День был жаркий, все быстро высохло и «купание» обошлось без последствий.

Еще больше бед и горя, втрое больше, пришлось перенести супруге В. Атамана Елизавете Миновне, с тремя детьми и старушкой матерью, особенно принимая во внимание крутой нрав Владимира Сергеевича (В. Атамана). Трудно представить себе ее страх и волнения за детей, которые могли попасть под пули киргизов или туркмен, быть взять им в плен, утомления от переходов на вьюках и недостатка питания, который был особенно действителен для детей. Старшему из них было не более 6-ти лет. Казаки всего отряда всячески помогали Е. М., но средства у всех были так ограничены, что все это сводилось в сущности к одному сочуствию. По возка для семьи Атамана сохранялась долго, но под конец и она должна была перейти на

способ передвижения на вьюках. Первые же дни после этого я предложил супруге В. Атамана взять Олега с собой. После нескольких взглядов « из подлобья », Олег согласился ехать со мной. А потом, в течении многих дней, до начала боев с туркменами, он был непременным членом 4-го взвода. Каждое утро он прибегал ко мне и дружба скоро установилась. Едучи со мной на одном верблюде, он мне задавал целый ряд вопросов : « Боюсь ли я туркменов? » — Отвечаю — « Нет...»

« А почему А. Н. едет амазонкой и почему ее верблюд всегда идет за верблюдом Почиталина? »

Отвечаю : « Верблюд Почиталина наверно дядя верблюду А. Н... »

Таким ответом Олег был сильно удивлен и немедленно задает другой вопрос : « Рази есть дяди у верблюдов? — и по ассоциации идей добавляет — « И у меня есть дядя Сережа, только он на Кавказе (полк. С. С. Толстов)... »

Я ему отвечаю, что не только дяди-тетки, но есть у них и папы и мамы и бабушки, дедушки. Его это приводит в крайнее недоумение, и он, растерявшись, говорит, что у него тоже есть папа и мама, и дедушка есть, который с другой бабушкой остался в Ф. Александровске.

Олег был баловнем всего взвода и никогда не нуждался ни в воде, ни в пропитании. Каждый старался приберечь для него хороший кусочек баранины, когда она была, кусочек лепешки и даже завалявшийся кусочек сахара. Через несколько дней он дружески называл Фофонова Иван Павлыч и здоровался с ним раньше всех, при приходе утром во взвод.

А. П. Фадеев

(Продолжение следует)

РАДЗИВИЛЛОВ

(Продолжение № 84)

Но вот пришло время вступительных экзаменов в кадетский корпус. Их я сдал хорошо и на меня посыпались подарки с разных сторон. Одним из самых интересных для меня оказалась книга Л. Чарской « Смелая жизнь » — романсированная биография Надежды Дуровой, знаменитой женщины—кавалериста времен Отечественной войны. Ее мне подарила Аглаида Александровна Машлыкина, очень важная дама, носившая платья с турнюром, жабо, черную бархатку и обязательно лорнет. Ее муж, генерал в отставке, очень любил моего отца, который в 7-ом Дон. Каз. полку, в Николаеве, был долго его бессменным адъютантом. В Новочеркасске генерал окружил себя воспоминаниями о прошедшей службе. В зале же, на особой тумбочке, под большой общей фотографией офицеров Лейб-Гвардии Казачьего Его Величества полка, где он служил молодым офицером, лежала, как дорогая реликвия, его алая фуражка.

Летом мы получили с братом от родителей чудный подарок : поезд с тендером и вагонами. Он был выписан из Берлина и, конечно, произвел большой эффект. « Войско » теперь целыми днями строило станции, горы из песка, прокладывало в них туннели и пр. Паровоз заводился ключем и неутомимо бегал по складным металлическим рельсам, таща за собой один багажный и три классных вагона. В поезде ездили главным образом наши оловянные солдатики. Крышки вагонов легко сдвигались. Это позволяло сажать солдатиков внутрь вагонов и любоваться ими через открытые окна поезда во время его движения или на остановках. Колька и Сашка Ключниковы, как дети железнодорожного служащего, были назначены : один начальником тяги, а другой — сцепщиком вагонов.

Однажды кто-то из нас отнял у кошки пойманную ею мышь и мы, после долгого совещания с « начальником тяги », решили покатать ее в поезде для успокоения нервов. Мышь была посажена в вагон 1-го класса и, казалось, чувствовала себя хорошо в этих комфортабельных условиях. Но когда, набегавшись вволю, поезд остановился, мы нашли в нем мышку мертвой. Все были очень огорчены этим происшествием. Мышка была похоронена в коробочке, тут же недалеко, у куста сирени, а Павел уверял нас, что мышь умерла от головокружения. Кто-то из старших даже высказал мнение, что причиной ее смерти мог быть разрыв сердца. Во всяком

случае, в течении трех дней, по секрету от взрослых, « войско » благоговейно соблюдало траур по бедной мышке.

В полку постепенно появлялись новые офицеры. Некоторые из них стали известными во время Гражданской войны, как например Гусельщиков, Шмелев, Духопельников. Общее внимание дивизии стал привлекать молодой капитан Генерального Штаба Георгий Петрович Полковников. Всегда подтянутый, безупречно одетый, энергичный, с живым умом, он казался воплощением типичного офицера Ген. Штаба. В Собрании, на вечерах, он с удовольствием выступал один, исполняя экзотический танец « зока » — единственный, который он танцевал вообще. Капельмейстеру Елкину пришлось специально разучивать его с трубачами. Г. П. Полковников пробыл довольно долго в штабе 11-ой кав. дивизии. Во время Германской войны он сравнительно быстро получил свою первую Георгиевскую награду, вызвавшись добровольно лететь наблюдателем на воздушную разведку позиций неприятельского фронта. Он произвел ее очень удачно под сильным огнем. Потом он получил и вторую Георгиевскую награду, командуя одним из сибирских конных полков. В дальнейшем, полковник Г. П. Полковников фактически оказался последним Командующим Войсками Петроградского Военного Округа.. .в течении одного дня!... В самом начале Гражданской войны на Дону он был захвачен красными где-то в степи, и там же ими расстрелян.

С поступлением в кадетский корпус многое в моей детской жизни переменилось. Радзивиллов я видел теперь только во время летних каникул и каждый раз, приезжая туда, находил в нем что-нибудь новое.

Мы с братом продолжали увлекаться коллекцией бабочек. Это заставляло нас уходить на экскурсии все дальше и дальше от Радзивиллова. Павел продолжал сопровождать нас повсюду. У нас оставался еще для обследования весь приграничный район за речкой Слоновкой, где тянулись сосновые леса и песчаные равнины, перемежаясь с березовыми рощами, лугами и кустарниками. В одну из таких экскурсий мы случайно набрели в пустынной местности на маленький холмик с крестиком из прутиков. Павел долго мялся, но все же открыл нам : « Помнишь, был вольноопределяющийся—пограничник, который убил в собрании своего командира? Так вот тут он и был расстрелян и зарыт, и, так как он отказался от напутствия и благословения священника, то его тут и погребли без креста... Да какой то, видимо пастух, из жалости все же отметил это место крестиком... Но дома не выдавай меня : мне велели не рассказывать вам об этом... » Мы обещали Павлу не подвести его и, подавленные, отошли от могильного холмика : « Здесь был расстрелян этот пограничник! »... Журашки бежали по телу, а кругом было солнце, жизнь, красота!..

Павел с удовольствием оставался в условленном месте, поджидая нас, а мы возвращались к нему уже под вечер. Обыкновенно, по нашей настойчивой просьбе, с принесенной едой он справлялся сам. Раз мы нашли его крепко спящим в нескольких шагах от большой кучи свирепых красных муравьев. Они бегали по его телу, голове и лицу, но Павел спал по богатырски спокойно, и, удивительно, муравьи не трогали его!

Отец сделал нам еще чудный подарок : выписал от какого то Финкельштейна, опять таки из Берлина, настоящий кинематограф! Лент, пока, к нему было только три : одна с какими то двумя улыбающимися туристами, разгуливающими по Парижу вдоль Сены, около Эйфелевой башни, потом разглядывающими Париж с ее первой и второй площадок. Другие ленты были комические, с быстро бегающими, падающими, теряющими и догоняющими свои котелки Глупышкиными или Дурашкиными. Сильно подросшее за эти два года « войско » с нетерпением ожидало дня, когда отец устраивал для нас сеанс. Хотя программа оставалась та же самая, мальчики были готовы смотреть ее несколько раз подряд. Особенным успехом пользовались Глупышкины : и Колька Клюшников и Костя Топилко смеялись до слез, уверяя, что у них от этого даже болят животы.

Летом Радзивиллов пустел : полк уходил на маневры. На плацу, около 1-ой сотни, 12-ый полк в походной амуниции выстраивался в конном строю, в сотенных колоннах. Под открытым небом служился напутственный молебен. Батюшка окроплял святой водой знамя полка и ряды казаков. После короткого прощания с близкими, полк, под звуки мелодичного вальса, уходил походным порядком в район г. Ровны. В Радзивиллове сразу становилось тихо и грустно. Семьи офицеров оставались одни и продолжали свою обычную жизнь, следя лишь по письмам за тем, что происходило на маневрах.

Один раз я был ошеломлен, увидев в самом хвосте полка, за денежным ящиком, казака, шедшего пешком без фуражки и пояса. Павел Бутуев мне объяснил, что этот казак провинился в чем то очень серьезном и поэтому был присужден к высшей мере наказания : строгому аресту втечении всего срока

маневров, что принуждало его следовать повсюду за полком пешком. Но этим казак был спасен от военно-полевого суда.

Друг моего отца — Иван Алексеевич Клевцов, вернувшись из Офицерской Кавалерийской Школы, получил в командование 5-ую сотню полка. Вахмистром у него оказался Павел Назарович Кудинов, будущий кавалер георгиевских медалей и крестов всех четырех степеней, а в 1919 году — предводитель восстания казаков Верхне-Донского округа против красных. Кудинов был очень серьезный, непьющий казак. Несмотря на свой средний рост и, казалось бы, совершенно нормальное телосложение, это был человек необыкновенной физической силы. И. А. Клевцов любил гордиться своим вахмистром и рассказывать об его необыкновенной силе. На этой почве возникали споры, заключались пари и Иван Алексеевич неизменно их выигрывал. Все выигранное шло Кудинову, а Клевцову было приятно « положить » спорщика « на обе лопатки ». Обыкновенно он вызывал Кудинова к кузнице и там, по просьбе своего сотенного командира, Кудинов разводил подковы или сгибал без особого труда толстые железные прутья. Как то раз он смял и какую то медную монету. Но Кудинов не был только человеком исключительной физической силы : у него имелся целый ряд призов за самые разнообразные состязания. Одно из них — бой на эспадронах с очень хорошим фехтовальщиком, тоже вахмистром, но Изюмского гусарского полка, было особенно продолжительно и ожесточенно. Присутствовавшие офицеры дивизии сильно переживали этот захватывающий поединок, вызвавший много споров и похвал.

Мы сдружились и стали видеться довольно часто с семьей Димитриевых. Сын их, Миша, был кадетом нашего корпуса, немного старше моего брата. Он в виде прогулки приезжал к нам из Крупец верхом, а мы с братом, в сопровождении старших или казака, тоже ездили верхом к Димитриевым. Такие прогулки были для нас настоящим счастьем : пять верст утром туда по мягкой проселочной дороге, вдоль полей, и такой же путь обратно под вечер : что могло быть приятнее этого?

В один из таких наших приездов в Крупецы, Миша предложил нам осмотреть втроем местный костел. Ксендз дал ему ключи. Костел стоял рядом с замком Мнишек. Когда то, давным давно назад, он был православным храмом. Нас заинтересовали его хоры — там никто никогда не бывал. Снизу, на хорах виднелась какая то мебель, безпорядочно сваленные разные вещи, а сама церковь казалась такой же обыкновенной, как и прочие местные костелы.

Дверь на боковую лестницу, ведущую на хоры, долго не поддавалась ключу, но совместными усилиями мы все же ее открыли. Лестница оказалась старой и опасной, но нас она выдержала. Амбразуры в стене достаточно освещали и проветривали ее. Все они оказались занятыми многочисленными семействами сов. Птицы, полуслепые от дневного света, смотрели на нас, от неожиданности, в полном оцепенении. Но когда брат хлопнул слегка одну стэком по боку, начался переполох. И только тогда обозначилась толщина слоя пыли, покрывавшей низ каждой амбразуры : добрых сантиметров пятнадцать. Откуда и как смогла она собраться и задержаться там в таком количестве?

На хорах царил невероятный безпорядок, как на чердаке старого запущенного дома. Чего тут только не было : и стулья, и аналои, небольшие и очень большие подсвечники, чудная своей резьбой по кипарису голова Иоанна Крестителя, нормального размера, прикрепленная к большому серебряному блюду, масса книг!... Почти все они были огромной толщины и длины. Были они заполнены от руки мелким, но разборчивым почерком, чернилами, побуревшими от времени и, к сожалению для нас, на латинском или польском языке. Среди валявшихся по полу отдельных предметов и бумаг, я подобрал один небольшой исписанный листок и взял его себе на память.

Возвращая ксендз ключи от церкви, мы спросили его, что это за странные книги хранятся на хорах. Ксендз ответил совершенно равнодушно, что не знает и что это вообще его не интересует, сам он на хоры никогда не поднимался и не собирается этого сделать, а если книги и вещи понадобятся высшим властям, то они уведомят его об этом и сами займутся приведением хор в порядок.

Много позже, уже во время Германской войны, я как то показал взятую на память в Крупецком костеле бумажку моему преподавателю истории. Тот через несколько дней вернул мне ее чуть ли не со слезами на глазах от умиления : « Так это же маленький отрывок из подробной истории рода Мнишек! Для истории такой документ — очень редкая драгоценность »...

Что стало со всеми такими историческими сокровищами, которыми в годы моего детства ни наше правительство, ни католические духовные власти никогда не интересовались? Жаль : Радзивиллов потом, только за время

одной Германской войны, переходил раз десять из рук в руки и можно представить, что там осталось...

. . . . . .

Наконец, и отец получил в командование 2-ую сотню нашего полка. Это обстоятельство резко переменило нашу жизнь : мы переехали в очень просторную и светлую квартиру недалеко от вокзала. В этой части Радзивиллова жили почти исключительно офицеры пограничной стражи. Их квартиры тянулись, по обе стороны шоссе, в тени громадных столетних лип.

Отца теперь мы больше видели дома, чем прежде : хотя он и продолжал сам вставать еще до рассвета, но больше не торопился, спокойно пил чай и дома принимал доклады и просматривал служебные отчетности. Ему привозил их бравый старший урядник Шумилин на своем игреневом красавце-коне « Окуне ».

Наши приезды с братом из Новочеркасска в Радзивиллов « без провожатых » стали выше всех обыкновенных радостей и удовольствий. Тетушка везла нас обоих в Ростов, откуда, по Екатериненской железной дороге, отходил один раз в неделю курьерский поезд прямого сообщения « Ростов — Калиш ». Его локомотив, одно из последних чудес Сормовского завода, казался мне совершенно необыкновенным : он был коричнево-малинового цвета с острым корпусом, очень низкой трубой и свистком, на высоких ярко-красных колесах. За ним шел длинный тендер, багажный вагон, три вагона 1-го класса, вагон ресторан и вагон 2-го класса, 3-го класса в поезде не было. Тетушка покупала нам билеты, плацкарты на кушетки 2-го класса, потом, найдя кондуктора, сдавала ему все наши билеты и вручала что-то « заранее в виде благодарности »; после этого все мы шли к машинисту, ведшему паровоз; тетушка давала ему специальные инструкции, касавшиеся нас с братом, и подтверждала их тоже чем-то « заранее в виде благодарности ». Около 9-ти часов вечера мы прощались с дорогой тетушкой и наш поезд мягко отходил от ростовского вокзала.

Кушетки наши были всегда наверху : оттуда особенно было приятно следить и утром и ночью за тем, что творилось за окном. Поезд мчался быстро, с редкими и короткими остановками на больших станциях : дольше всего в Киеве — 17 минут, минут по 10 в Казатине и Фастове, 5 минут в Славуте итд.

Проводник следил за нами, как за своими детьми. Несмотря на ворох еды, переданной нам тетушкой, он перед каждой остановкой заходил к нам в купэ и спрашивал, хотим ли мы чего-нибудь : чаю, лимонада, пирожков или бутербродов. Он успевал все добыть в буфете, а вечером, приговаривая ласковые слова, стелил нам постели и пристраивал сбоку лесенку.

После Киева происходило самое серьезное и самое приятное : на станции Здолбуново нам приходилось высаживаться из нашего поезда, а он останавливаться здесь не имел права. Но все устраивалось идеально : глубокой ночью проводник заранее будил нас, сносил наши вещи на площадку, около выхода из вагона. Подходя к станции, поезд сильно замедлял ход. Проводник срыгивал на перрон с одним чемоданом, оставлял его там, впрыгивал обратно за вторым, потом принимал с перрона за подмышки моего брата, за ним меня, окончательно вскакивал на ступеньку вагона и, пожелав нам всего доброго, давал негромкий свисток. Поезд сразу набирал ход и исчезал в темноте ночи... А под освещенными сверху фонарем станционными часами стоял наш отец и за ним — рослый бородатый жандарм. Он помогал нам отнести вещи в помещение станции, где проезжающие, почти исключительно военные, спали крепким сном в ожидании своих поездов.

Отец будил буфетчика, кормил нас и устраивал отдохнуть. Когда же наступал рассвет, мы устраивались в купэ 1-го класса. От Здолбуново мы были уже « дома », то есть на Волыни : с обеих сторон дороги тянулся знакомый пейзаж — песчаные равнины, сосновые леса, селения. Вагон занимали офицеры нашего района. Они приветливо отвечали нам с братом на отдание чести, расспрашивали отца и нас самих о жизни в корпусе, о наших успехах. Обыкновенно на станции Дубно, построенной, как и другие остановки на радзивилловской ветке, в виде бревенчатой русской избы, оказывались офицеры Чугуевского уланского полка и это было очень приятно, так как многих из них я уже знал.

Ну, а дальше — вокзал Радзивиллова, на перроне — объятия матери, добродушное лицо Павла в сопровождении Пляка — нашего маленького, резвого и глупого мопса, а потом, уже дома, умиленное лицо и объятия Марины, нашей верной прислуги!...

По желанию отца мы почти каждый день ходили в сотню. Там, представившись сначала почтенному сверхсрочному подхорунжему и вахмистру сотни, мы постепенно перезнакомились с остальными урядниками и мно-

гими казаками сотни. Позже присутствовали на разных учениях, упражнениях, езде, чистке и ковке лошадей. Все это было поучительно, интересно и увлекательно. Особенно мы любили о братом учебную стрельбу из винтовки : казак, назначенный вахмистром, расставлял маленькие мишени, растилал на траве чистые мешки и ложился рядом, обучая нас поочередно стрельбе. Мишени мы приносили домой и отец подробно разбирал недостатки нашей стрельбы.

В воскресенье, если была хорошая погода, отец иногда брал нас с собой и мы верхом уезжали на весь день куда нибудь в окрестности Радзивиллова. Во время пути отец попеременно подзывал к себе брата, потом меня, и объяснял премудрости верховой езды.

В одну из таких поездок мы попали в огромный казенный Бариненский лес, где зимой полком устраивались охотничьи облавы, всегда с хорошими результатами.

Такой сказочной красоты, как в этом дремучем бору, я никогда больше не видел и не увижу в моей жизни! Мы въехали в лес гуськом по еле-заметной тропинке, опознанной сопровождавшим нас казаком, и сразу же окунулись в царство темноты, сырости и прохлады. Вершины мощных сосен тесно сходились над головой, не пропуская ни одного луча солнца. Гигантские папоротники, обильно покрытые крупной росой, были выше головы всадника и поливали нас холодной водой, промочив до костей, в первые же минуты нашего продвижения. Внизу бросались в глаза огромные мухоморы с ярко-красными шляпками, на высоких белых ножках. Лошади осторожно обходили или перепрыгивали преграждавшие тропинку стволы упавших деревьев.

И вдруг, сразу наметился просвет. Через несколько минут мы выехали на небольшую поляну. Посреди нее блестело озерцо с чрезвычайно прозрачной водой. Вокруг него расстилалось сплошное поле незабудок, за ними, ближе к лесу, море разных пестрых цветов и над ними — безчисленные хороводы и взлеты бабочек. Над головой яркое солнце, всюду полная тишина... От такой красоты просто захватывало дух! Завтракая тут же на траве, и отец, и мы, и казак умилялись и любовались этим местом.

. . . . . .

И вот наступило лето 1914 года. Полк, сильно подтянутый и натренированный под начальством полк. В. М. Каледина, жил полным темпом своей строевой жизни. В это время в дивизии появился есаул Сутулов, присланный из Николаевского Кав. Училища для обучения новому виду фехтования — кавалерийскому бою верхом. Перед своим отъездом сбратно, этот блестящий офицер, весь напружиненный, гибкий, сильный и точный в каждом своем движении, демонстрировал достигнутые им результаты : несколько всадников с фехтовальными пиками сражались с казаками вооруженными эспадронами. Количество участников и состав каждой стороны фехтующихся менялся в разных схватках. Этот новый спорт вызвал у офицеров и нижних чинов всей дивизии живейший интерес и энтузиазм. В конце программы Сутулов сам, сначала один, с эспадроном, дрался против двух всадников с пиками, а потом с пикой, против четырех человек с эспадронами. Он возвращался в Петербург, увозя с собой множество похвал, поздравлений и благодарностей за проведенную им подготовку в кавалерийских частях Киевского Военного Округа.

Незадолго до ухода полка на большие маневры, в Радзивиллове, в таможенном саду, вечером был устроен большой концерт. Там на эстраде, среди прочих вещей, в сопровождении громадного соединенного оркестра 11-ой кавалерийской дивизии, все фанфары 4-ех полков, парадно убранные, с платами полковых цветов, играли марш « Императорские фанфары ». Это было так величественно, красиво и волнующе!

Несмотря на радости окружающей обстановки, что-то чувствовалось в воздухе : отец бывал подчас задумчивым и рассеянным. В полк поступило новое снаряжение и обмундирование. Офицеры получили вьюки новой системы, часы-хронометры Бурэ, бинокли, новые детальные карты. В начале июля отец предложил нам с матерью приехать к нему в район г. Ровно, где происходили маневры. Мечтая о нескольких неделях жизни и присутствия на разных учениях в обществе других кадет, сыновей офицеров нашей и соседних дивизий, мы приехали с матерью в Ровно и оттуда в одну из деревень, где был расквартирован 12-ый Донской каз. полк. Едва успели мы привести себя в порядок после проделанного пути, как приехал отец. Мы уселись за стол в чистой и просторной избе, выходившей окнами на улицу. Все были в чудном настроении и радовались, что мы вместе.

И, вдруг, где-то совсем близко, раздался сигнал трубача. Мы прислушались и сразу узнали его : « Тревога! »... Мимо окна, один за другим, пронеслось карьером несколько

всадников... Отец бросился снова одевать амуницию и, пообещав вскоре прислать казака с инструкциями, сел на лошадь и помчался в расположение своей сотни.

Вскоре прибыл казак с запиской. Отец извещал нас, что объявлена мобилизация и что мы должны сейчас же возвращаться поездом в Раздивиллов. Сам он приедет туда на следующий день попрощаться с нами и отправить нас на Дон с поездом, эвакуирующим офицерские семьи из Раздивиллова. Будет наверно война.

Улицы города Ровно и его вокзал были уже забиты обозами и войсками. Поезд отошел ночью и только утром мы прибыли в Раздивиллов. Из штаба полка нам принесли преписание приготовить к следующему дню самые ценные и необходимые вещи в 2-3 чемоданах и быть готовыми по первому вызову сесть в единственный и последний пассажирский поезд, отходящий на Киев.

Отец приехал в последний момент. Горевать было некогда. Бросив все, мы простились с ним и тронулись на Киев. Там провели несколько дней в семье Рясинцева, офицера Рижского драгунского полка, друга моего отца. В Киеве мы успели осмотреть много его достопримечательностей, приложились к мощам св. Владимира, поклонились могилам Столыпина. Кочубея и Искры, побывали в Киево-Печерской Лавре. В ней полковые дамы служили молебен о своих мужьях, оставшихся на границе и обреченных на неизбежную войну.

Долгое время писем оттуда не было. Откуда-то, стороной, мы узнали уже в Новочеркасске, что 12-ый Дон. каз. полк, по плану мобилизации, сразу отошел глубоко в тыл. Накануне в собрании полка состоялось очень важное совещание офицеров. Во время него казаками было захвачено врасплох два шпиона-еврея : они накануне провертели дырки в потолке над залой собрания и записывали все, что говорилось на совещании внизу. Эти евреи были тут-же повешены.

Позже, наконец, пришло письмо от отца из « Действующей Армии ». Он сообщал вкратце, что в назначенный день 11-ая кавал. дивизия двинулась вперед. В пограничной зоне, около Раздивиллова, у 12-го Дон. Каз. полка произошел первый бой с австрийцами. Казаки сбили их и погнали на Броды. При вступлении в город командир 4-ой сотни есаул Кумсков, участник русско-японской войны, был убит наповал молодой еврейкой выстрелом из револьвера из окна почты. Возмездие казаков за смерть своего командира было жестоким, но против этого ничего нельзя было сделать...

Так для 12-го Донского казачьего генерала фельдмаршала князя Потемкина Таврического полка началась Великая война. Одновременно с этим оборвалось и наше счастливое детство...

Париж **И. Сагацкий**

СЕВЕРНАЯ СТОРОНА НОВОЧЕРКАССКОЙ ГОРЫ

(1905-1906 годы).

Песчаная улица № 27, небольшой полутораэтажный домик отставного есаула Шумилина, рядом же домик чиновника Калинина, где я квартировал, будучи реалистом последних классов в 1905-1906 гг. Домик есаула стоял на холмике полугорья, ничем не закрытый и его балкончик был особенно благоприятен для созерцания весеннего пробуждения природы степи с пологими перевалами и постепенному наклону к городской горе. Вечерами собирались соседи Шумилина на его балкончике ,шли житейские разговоры, курили, щелкали подсолнечные семячки, а главное — любовались степью, которая вольно раскинулась прямо, налево, направо; грани ее с небом замыкались в безконечной дали, доступной лишь сильному зрению.

Вдали, налево, что-то выявляется сквозь редкий туман. Всмотревшись, увидишь высокие столбы, наверху нити медной телеграфной проволки, внизу по высоким и малым железнодорожным насыпям несутся в безконечность блестящие рельсы... Вот показался, как из под земли, дым, выявляется темная безформенная масса и благодаря бегу быстро оформляется — это паровоз, внизу которого с обеих сторон мощные блестящие рычаги быстро-быстро вращают пять-шесть осей с ко-

лесами, в трубу с шумом вылетает отработанный пар с дымом. Следом, ритмически постукивая, тридцать-сорок красных товарных вагонов поезда на юг, а на встречу на север — блестящий красками и стеклами идет пассажирский. И рождались радостные гордые мысли, что вызов, брошенный человеком суровым, временами безпощадным, проявлениям природы, как безконечным дождям, страшным мятелям, с мертвящими холодами, положен конец.

Юго-восточная ЖД огибала почти три четверти Новочеркасской горы и, пройдя немного от вокзала, отрывалась от нее и неслась к Ростову.

Конец апреля, начало мая — низовая вода опоясывает на три четверти городскую гору широкой полосой воды, в особенности на юге до Дона. Северная сторона — тихая, узкая. « Северяне » приспособливаются всеми возможными способами — из окон, балкончиков, чердаков — любоваться своей Венецией.

Был полон до отказа балкончик есаула, любовались степью, начинающей зеленью, цветами, а небо дарило несметными певцами, особенно радостными в начале семейной хлопотливой жизни. Любимая Тузловка закрыта разливом, а когда он отойдет, Шумилин с друзьями отправятся рыбалить после того, как подсохнут берега, покроются нежным зеленым покровом, устоится бледно-зеленая вода в своем ложе. Прибрежные старые ветвистые деревья, густо осыпанные блестящей зеленой листвой, дают приют удочным рыболовам. Манила тишина, свежий воздух, знали удочники историю своей любимой Тузловки : за 40-50 верст от горы из родничков балок, сливаясь постепенно с другими родничками и ключиками с еле слышным бульканьем, с шелестом крохотных ручейков, в древесном и бурьянистом их окружении зазвучал звонкий ручей, прыгая по мелким и крупным камешкам, радостно принимая на бегу говорливые ручейки, и вот, пройдя десяток верст, на степной простор вышла уже речушка Тузлов, заселившись по берегам мелкими хуторками, дачками, садиками, рощицами, мостились крохотные мельничужки на один-пару поставов, появились огородные плантации. Близость города с базарами поглащала молочные, мясные, овощные, фруктовые и другие продукты. Тузлов была почетная речушка и охранялась береговыми переселенцами, но версты за 4-5 до города поселенцы не держались — много было шкоды от городского скота, да и молодежь дурила.

Но вот наконец настал рыбный сезон. Пересмотрены все мелочи удочного дела, включительно до подсачка на крупную рыбу, но таковая вылавливалась сетями, бреднями бедным низовым людом. Да и удочников не захватывал азарт, отсиживали молча 3-4 часа утром, внимательно следя за поплавками из сухой куги. Ловилась плотва, мелкие окуньки, красноперка. К полудню, деревенскому обеду, рыбалки приутомлялись, да и клев прекращался и рыба идет на отдых на илистое дно в прибрежные ряски.

Старички сматывали удочки, втыкали удибища в мягкий берег и, размявшись, приступали к устройству обеденного стола под тенью старой раскидистой вербы, чуть-чуть шумящей своей рясной листвой, растилались легкие коврики, подстилочки, из корзиночек извлекались домашние кушанья, приготовленные рано вставшими заботливыми старушками : котлетки, сырники, жареная рыба, таранка и пр., все свежее, вкусное. В центре закуски бутылочка доброго донского вина. На последней приречной улице, в ряду маленьких хаток, флигельков, земляночек стоит избушка чуть ли не столетнего старичка Софроновича, имеющего и винный погребок, в котором стоит только одна бочка на 40 ведер, бутылка — 10 копеек, « этикет » безплатный. Старичек, услышав хриплый лай собаки из под крылечка, знает, что пришли покупатели, выходит с клюкой, ласково здоровается и открывает дверь погребка под хаткой, наливает бутылки, клеет « этикеты », расплачиваются старички и передают ему узелочки в чистеньких тряпочках, гостинцы от старушек. Совсем довольный, Софронович подносит старичкам по стаканчику, сам пьет их здоровье и старушек и, простившись, идет дремать в хатку. Выглядывает старый-престарый Султан изпод крыльца, находятся и ему гостинцы и он медленно жует беззубым ртом, ласково глядя на уходящих старичков. Софронович доживает свой долгий век один, давно умерла старуха, дети одни перемерли, другие неизвестно куда поуходили, но окрестная беднота его опекает, подстирывают, латают одеженку, несут горяченький борщок, кашу, картошечку, зимой топят печужку, убирают хатку. Пожелает ли в праздник старичек в церковь — сейчас же появляются желающие проводить, и все это делается от сердечной доброты. Глубокий жизненный опыт, преисполненный глубокой религиозностью, неугасимо мерцающая лампада и долгие молитвы отрывали его все больше и больше от земли и беднота искала у него утешения в горестях, болестях, молитвы и беседы были преисполнены глубокой верой и совер-

шенно были чужды языческого знахарства. Искавшие его помощи, проникаясь его молитвами, разумностью его речей — получали облегчение. А верховой винодел Пухляков привозил ему 20-тиведерную бочку, устанавливал в погребке, говоря: «Дедушка, пей на здоровье, бедным давай безплатно, если что наторгуешь — тебе на церковь и на твои надобности». И так добряк Пухляков годы поддерживал старика. Султан тоже имел попечение, зимовал в хатке, в ящике с соломой и имел нужное питание. «Блажен, иже и скоты милует!» — говорил Софронович.

Помолившись ,удочники садятся, выпивая, закусывают с аппетитом, миролюбиво беседуя, а закончив трапезу, встают со скамеечек, молятся, аккуратно укладывают терелочки, остатки пищи и приспосабливаются подремать на подстилочке или коверчике, и вскоре в тишину полудня под густой родной донской вербой вклиняются старческие похрапывания, им из лиственной гущи вторит птичий разнобой и, видимо не найдя нужной им с дедами гармонии в пении, махнувши своими крыльшками — продолжает свое. Поспав пару часов, старички поднимались, очухавшись, посмотрев на солнце, устанавливали, что до вечернего клева еще далеко, решали покурить, побеседовать, сближали скамеечки. Умиротворенное старчество смиренномолитвенно подходило к закату своего бытия. Велись серьезные разговоры мудрой старости, были не приемлемы им не нужные вольные мысли, знали они от отцов, дедов, церковных глаголов — от свободы добра не жди, да и не нужна она им. Давно сложилась нужная им жизнь, дети приохотились к службе, к работе по специальности, что и их и семьи кормит, довольны. У иных отцов вышли дети самодуры, верхогляды, поуходили по сторонам и часто далеко творят новую легкую жизнь, дома ведь тупость и глупость. Ну, а старички и не перечат уходить, не мешайте нам доживать в скромных домиках, флигелечках, по бедности в крохотных хатках, вокруг крохотные садики, огородики, пара — другая курей, голубей, верная Жучка от воров, Рябушка от мышей и крыс. Близко церковь с ее душеспасительным вековечным укладом. Хранится священная временами бедная хлеб-соль для всякого переступившего порог жилища. Хорошие дети, как могут, помогают родителям, станичные, хуторские родичи шлют дары от хлеборобных трудов, садов, виноградников, от даров Дона Ивановича и его больших и малых несметных притоков.

Вспомнили долголетних подруг — жен, с которыми сжились в любви безпорочной, и чем глубже в жизни, тем крепче, и молим лишь Бога о совместной смерти и могилах. Есаул Шумилин рассказал свое: 35 лет счастливо жил с женой, сын давно в офицерах, дочь — замужем в станице, в хорошей зажиточной семье. «Заболела моя Анна Сергеевна чахоткой, доктора лечили, лечили без пользы, нужный уход жене трудно найти и она сама меня попросила: «Пригласи мою дальнюю родственницу Анфису Ивановну из станицы Мелиховской, она добрая, умелая и мне легче будет с ней». Это была женщина моего возраста, вдовая, бездетная. На пятый день приехала. Встретил я ее у ворот. Сердечно поздоровались, упрекнула, почему раньше не позвал, а сама спешит: «Где больная Аннушка?» Увидали они друг друга, обнялись, обе плачут. Наконец, Анфиса оторвалась, поправила больную на кровати и сказала: «Не горюй, Аннушка, сделаю все, что можно, тебе легче будет, а сейчас к делу: Сидор Поликарпович, разрешите мне распоряжаться во всем, что нужно для Аннушки...» Отвечаю: «Прошу, прошу Анфиса Ивановна...» — «Первое, надо сменить комнату, ваша больше, в ней больше и солнца и воздуха...» Сейчас же попросила помочь вытянуть всю мебель на балкон, обмела комнату, помыла пол, проветрила, поставила другую койку, убрала нужным чистым, перетрушенным. Принесла ванную, скоро горячая вода была налита, взяла она жену как ребенка, раздела, положила в ванну на простыню, а затем мягкими тряпочками с мылом, осторожно, нежно ее выкупала, вытерла, надела чистую согретую рубашку и без напряжения перенесла в другую комнату на свежую кровать». «Так ухаживая за мной, ты удлинишь мои дни» — сказала слабым, но довольным голосом больная. Спала Анфиса Ив. все время, около года, в комнате с женой, поставив там широкую скамейку с тощим матрасиком. Что случится — она уже на ногах. Видел ее много раз коленопреклоненную у икон, где горела большая неугасимая лампада. Что только не делала Анфиса Ивановна для облегчения страданий жены, ловя солнце, передвигая кроватку с больной, в летнее время выносся на балкон, но предварительно устраивая из одеял вроде шалаша, чтобы не чувствовалось сквозняка, только солнце согревало угасающую больную. Глубоковерующая Анфиса учла время и положение больной, во время был приглашен священник, совершивший исповедь и причастие и два-три дня жена чувствовала себя хорошо, но наступило резкое ухудшение. Была она у конца жизни и как

то, полуоткрыв глаза, взглянула на меня, а затем на Анфису, приподняла чуть-чуть восковые ладони к нам, как бы благославляя нас не разлучаться и с последним усилием положила руки на грудь, сомкнулись ее пальцы и был закончен круг ее жизни. Мы земно поклонились ее праху. Последующее погребение, поминовение, благодаря исключительной энергии Анфисы прошли в наилучшем порядке.

А дальше, я был окружен исключительной заботой. Хозяйствишко было в наилучшем состоянии. И вот, по миновании установленного церковного срока для вступающих во второй брак, мы скромно повенчались в нашей церкви... »

Подходило время вечернего рыболовства, с неохотой расходились старички по своим местам, развернули снасти, размотали лески, размахнув удилищами, отбросили подальше от берега лески с крючками, поплавками, грузилами, побросали приманку из мокрых отрубей и севши на скамеечки стали следить за игрой поплавков : вот, вот нырнет... Но на правом, подгорном, берегу началось оживление, появилось много подростков, детей, попринесли бредни, предвидились шумные купанья и ловля бреднями, становилось все шумнее и шумнее.

Взволновали неширокую Тузловку, клев прекратился. Бурчали старички, сворачивали удочки, сидеть было безполезно. Собрались под раскидистой к вечеру особенно тенистой, вербой, допивали винцо и судили о своих рыбных делах и просили есаула, как очень « писучего », написать Новочеркасскому окружному атаману, чтобы он каким нибудь приказом оградил бы нам маленький участочек реки для удочного лова. Обещался Шумилин заявить и добавил, что у него один из чиновников управления большой друг. Долго писал есаул, предлагая разные планы : загородить участочек проволочной сеткой, загрузить дно отведенного участка корягами от выкорчеванных старых деревьев, скатить громадные каменные валуны, поставить будку на берегу лова, а в будке должен во время лова быть отставной полицейский при холодном оружии, приходит на лов и уходит с него вместе с удочниками, на уличенных же в нарушении тишины и порядка он должен составлять протокол и препровождать к участковому мировому судье для наложения штрафа в пользу казны. Закончив изложение всех мер, предохраняющих лов, Шумилин шел в окружное правление, около Троицкой церкви, и приятно переговорив с чиновником приятелем, передавал уемистую, мелко исписанную тетрадь, для доклада генералу (окружному). Обещал чиновник доложить, и есаул, простившись, уходил, а тетрадка поступала в архив. Ждали старички решения дела, подходила жара, Тузловка превращалась в грязную мелкую речушку, лов месяца на полтора-два прекращался, забывалась и жалоба, но на следующий год удочники снова просили написать прошение, что есаул и делал каждый год, забывая предыдущие жалобы.

Старички покурили, смотали удочки, уложили хозяйственную мелочь в корзиночки, сумочки и пошли к деревянному мосту, перекинутому через Тузлов из ближайшего хутора в город. Пол часа старческого ходу по подъему горы и поперек вытянулась довольно длинная песчаная улица, на перекрестке дружески распрощались, условившись о дне очередного лова. Есаулу от угла до домика на горке — две минуты хода. В прохладном низу, у открытого окна сидит Анфиса Ивановна, что-то вяжет, на коленях спит Пеструшка, Барбосик сидит на скамеечке.

« Как улов, Сидор Поликарпович? »

« Неважно, после обеда не дала удить правобережная молодежь, купались, кричали, ловили бреднями рыбу... Ничего, в обед хорошо поели, отдохнули, поговорили приятно... »

« Я тоже, Сидор Поликарпович, рано на лов бегала, да таких сазанчиков схватила, и жареное и варенное, и на ноне и на завтра будя... Проходите на верх, мойтесь, переоденьтесь и спускайтесь, а я сейчас накрою на стол, да еще с бутылочкой... »

« Спасибо, Ивановна, я с усталу пару стаканчиков выпью... »

Умытый, освежившись, есаул скоро спустился, стол был уже накрыт белой скатерью самодельной работы и установлен закусочками и среди них притаился маленький пузатенький графинчик водочки... Растерялся Сидор Поликарпович, увидя графинчик :

« Ну и мудрая же ты у меня, Анфиса Ивановна!... »

« Простите, Сидор Поликарпович, не спросясь его поставила... »

Помолились, сели...

« Ну же наливай водочки, дорогая женушка... »

Такие же речи были и в домиках флигельках, хатках компаньонов есаула по рыбальству на Тузловке...

**
*

Так доживали свои годы наши отцы... И вспомнилось мне, доживающему свой век на

чужбине, что наш отец не раз говорил нам : « Мы, старики, доживем по милости Бога хорошо, но к вам подойдут страшные годы... » Те же тяжкие пророчества изрекали многие, многие старцы и старицы по Тихому Дону и безкрайной Великой России...

Я. Богаевский.

С РУССКОЙ ПЕСНЕЙ ПО БЕЛУ СВЕТУ

(Все права сохранены за автором)

(Продолжение № 84)

Подошло время заседания Глав. Правл. Первопоходников. Председателем Союза был в то время неустрашимый ген. Казанович. Мне пришлось, по желанию присутствующих, поделиться всем, чем была богата моя скитальческая жизнь, а также высказать предположение о направлении главного удара гитлеровской Германии : « А что-же можно ожидать иное от немецкого сапога », добавил к моим сообщениям прямолинейный ген. Казанович. Возможно, что именно в его прозорливости и открытой неприязни следует искать причину его загадочного угасания с того момента, когда Белград оказался под немецкой пятой.

Узнав, что оформление моего ходатайства займет еще несколько недель, из Белграда я уехал на побережье Адриатического моря, в небольшой курортный городок МАКАРСКА.

Курорт этот находится вдали от жел. дороги и чтобы попасть туда с конечной станции, надо три часа плыть пароходиком. Две разные панорамы в продолжении всего пути проходят перед глазами; слева — нагромождение высоких, с очень редкими деревцами, скалистых серых и унылых гор, справа — ласково манящая прозрачная голубая даль воды. В большой ложбине, у подножья высоких гор, приютился курортный городок Макарска. Поселился я в русском отеле-пансионе « Москва » у самого берега моря. Среди курортных гостей оказалось немало и русских, как из Белграда, так и из других городов Югославии. Сюрпризом для меня явился русский оркестр, при котором подвизался неплохой певец, певший по русски, а изредка по сербски. По вечерам, а в праздничные дни и после обеда, в небольшом садике отеля были расставлены столики для гостей, а посредине танцевальная площадка, здесь происходили выступления этого оркестра.

Вскоре познакомился я с русской семейной парой, жившей в том же отеле. Стало веселее. С ними и еще другими русскими из Макарска, мы составили одну компанию, и так всем гурьбой бродили по горам, по небольшому парку, валялись на пляже. Вода чудная, но дно у берега покрыто булыжниками. Без труда прочистили мы широкую дорожку. На берегу, у нескольких небольших сосенок, укрывавших нас от нестерпимо припекавшего солнца, нашли мы себе чудесное пристанище. Смолистым ароматом поили эти сосенки окружавший нас воздух. А море! Вода была так прозрачна, что на значительной глубине виднелось дно.

По вечерам, не танцуя сам, сопровождал и я нашу компанию на « танцульки ». Встретился мне в МАКАРСКА, бывший российской знаменитостью, уже дряхлевший Юрий Морфесси. Этого короля романса и цыганской песни я неоднократно видел и в Берлине и в Белграде. Сюда он приехал отдохнуть по приглашению музыкантов, с которыми он обычно работал в Белграде в зимнее время.

Приблизилось время спевок и я снова уехал на север Германии в Бад-Херингсдорф, куда к концу июля должен был съехаться весь хор. Погода стояла прекрасная и большую часть свободного времени я проводил на берегу моря, на пляже.

Этим летом, по требованию Нью-Йоркской дирекции, кроме обычной новой программы, хор готовил несколько номеров для совместного выступления с оркестром. Главным номером хор взял сцену коронации из оперы « Борис Годунов », была также приготовлена « Увертюра 12 года » Чайковского, где пению уделялось не так уже много места. Переложение обеих вещей для хора принадлежало все тому же К. Н. Шведову.

Политические события того времени разви-

вались с молниеносной быстротой и поглощали все внимание. В середине августа мир уже висел на последнем волоске. Как и в предшествовавшие годы, хору пдестояло начать свое турнэ по Германии, а к октябрю перебраться за океан для работы по С. А. Ш. и Канаде, однако обстоятельства сложились так, что исковеркали весь сезон, сведя предполагавшихся рабочих недель до 12-ти. Уже к концу августа не оставалось сомнения, что Гитлер вот-вот займет Данциг, с которого начиналось наше сезонное турнэ. Еще не закончивши подготовки, хор постепенно переехал в Берлин и в центре города снял зал для сцены, где нам удалось провести одну репетицию с участием оркестра.

1-го сентября Германия начала войну с Польшей, заняв тот самый Данциг, в котором в этот день мы должны были дать наш первый концерт. Союзники Польши, Фанция, Англия, одна за другой, объявили войну Германии. Война с Польшей в полном разгаре. Поляки защищались храбро, но немецкая военная машина быстро оттесняла их на восток. А нам-хору пришлось искать путей в Новый Свет через Скандинавию. Только 8-го сентября сели мы в поезд, шедший в Копенгаген. и дальше в Осло. В продолжении целой недели до нашего отъезда все гадали, уедем-ли мы из Германии. При переезде границы в Данию, немецкие власти сделали попытку задержать хор в Германии, но благодаря связям нашей концертной дирекции мы были выпущены и вскоре очутились в Копенгагене, где пересели в поезд, идущий в Осло, куда и прибыли рано утром. Здесь хор задержался дня на четыре, в ожидании парохода. Скучать особенно не приходилось, т. к. и в Осло производились ежедневные спевки, а кроме того, в этом городе много лет подряд оркестром национальной оперы управлял старый знакомый хора еще по первым концертам в Дрездене дирижер и композитор И. Добровейн, столь удачно оранжировавший для хора «Стеньку Разина», что їтот ходкий в Европе номер и до сих пор исполняется хором в его неизменном Добровейновском виде. Как знаток русских опер и особенно «Хованщины» и «Бориса Годунова», Добровейн помог хору установить надлежащие темпы в уже приготовленной хором сцене коронации из «Бориса Годунова».

Наконец пришел шведский пароход «Ставангерфиорд» доставить нас в Нью-Йорк. Окрашенный и внутри и снаружи в ослепительно-белый цвет, он был до того чист, что даже не верилось. Единственной остановкой при переезде через океан был северный норвежский порт — Берген — здесь мы простояли так долго, что хватило времени побродить по знакомым местам города и забраться на высокие скалистые горы, откуда открывалась широкая панорама на все побережье, а наш белый красавец «Ставангерфирд» казался причаленной к пристани лодочкой.

Кормили нас еще по настоящей шведской манере, с обильным большим столом, установленным самыми разнообразными горячими и холодными закусками, после которых обед подавался полностью. Кажется, это было в последний раз, когда нам пришлось отдать дань обильным явствам шведской кухни. После войны эта роскошь осталась возможной только в самых фешенебельных ресторанах.

Сильно беспокоила нас, в связи с начавшейся войной, будущая судьба хора. Спешно покидая Берлин, все хористы что-либо оставили на попечение близких или знакомых; остался и огромный архив хора, погибший позже во время бомбардировки. Не выехали с хором и жены некоторых хористов, одни по нездоровью, другие просто нежелавшие расставаться с насиженным местом.

Мы совершенно определенно знали, что первый «военный сезон» у хора будет работы лишь на те регулярные двенадцать недель, на которые мы имели контракт, и, возможно, несколько случайных концертов. В С. А. Ш. и Канаде устройство концертных турнэ резко отличается от Европы. Если в Европе втечении сезона можно добавить не только отдельные концерты, но и целые турнэ в какой-нибудь маленькой стране, то в Сев. Америке сделать это невозможно, особенно в больших городах, где все концертные залы уже заняты, а в высших и средних учебных заведениях все ассигновки на развлечения исчерпаны. Американские и Канадские концертные турнэ организовываются за год вперед. С хором ездил так называемый «компани Мэнэджэр», ведший все переговоры и расчеты с местными дирекциями, и иногда делавший хору турнэ на будущий сезон. Это поручалось профессионалу-специалисту, разъезжавшему по стране в своем автомобиле и делавшему «букинг», т. е. составление расписаний будущего сезона для нескольких театральных или концертных единиц. Дело это нелегкое, т. к. составляемое турнэ должно иметь как можно меньше свободных дней и как можно больше коротких дорог, дабы избежать лишних расходов.

Дней за шесть до начала концертов вполне благополучно добрались мы до Нью-Йорка. Расписание концертов было уже готово и

ни одного добавочного выступления дирекция устроить не могла.

Наше американское турнэ, как и раньше, хор начал с 1-го октября с Монтреаля и закончил его 17-го декабря концертом в Военной Академии Вест-Пойнта вблизи Нью-Йорка. Полученное нами расписание предоставляло хору один свободный день, приходившийся на 6-ое ноября, и два дня с двумя концертами в разных городах: 3-го дек. в 3 часа в Бостоне и в 8 час. в Плимуте того-же штата, а 9-го дек. в 2 часа в Морской Академии, в Аннаполисе и в 8 ч. 30 в Балтиморе. За 78 дней хор спел 79 концертов. И это было все. Только во второй половине января наметилась кое-какая работа, которую мы характеризовали как свадебное путешествие — день-два с проблематическими по заработку концертами, и день-два пустых.

Наших выступлений с симфоническим оркестром, к сожалению, было не так много, т. к. это удовольствие обходилось устроителям слишком дорого. Кроме гонорара хору, крупная сумма выплачивалась и оркестру. Все музыканты состоят в унионах и получают твердые ставки не только за выступления, но и за репетиции.

Первый такой концерт мы пели в Монгстауне, штата Охайо — большом центре сталелитейной индустрии, прошел он прекрасно. Но более интересный концерт хор пел в Рочестэре, штата Нью-Йорк. В этом городе находятся огромные фабрики фотографических и киномотографических аппаратов фирмы Истман-Кодак и с именем фирмы связан и большой университет, и громадный концертный зал «Истман концерт холл» с прекрасным оркестром, под управлением хорошего дирижера. В те времена дирижировал оркестром испанец Хозэ Итурби, первокласный пианист и дирижер. В программе стояла сцена коронации из «Бориса Годунова» и «Увертюра 12-го года». Арию Бориса в первом номере пел А. К. Левченко, тот самый баритон, который после автомобильной катастрофы у Бад-Эмса целый год пролежал в госпитале со сложным переломом ноги. Пережитое им потрясение нисколько не отразилось на его голосе, но нога его стала на несколько дюймов короче. В том-же Рочестере в следующий сезон и с тем же оркестром и дирижером, пришлось нам повторить наш концерт. Кроме уже названных мною городов, хор выступал с оркестром и в других местах: в Элизабэт около Нью-Йорка, каком-то городе на юге, и в Сан-Франциско, где дирижировал оркестром Пьер Монтэ.

17-го декабря закончили мы наш контракт и наступил перерыв на целый пустой месяц. Незадолго до того Сталин начал войну против маленькой Финляндии, вернее совершил разбойничье нападение, накладывая таким образом позорное пятно на весь русский народ. Воспользовавшись свободным временем и подчинившись невольному чувству протеста, зашел я к одному предприимчивому соотечественнику и совместно с ним решили устроить Русско-Финский митинг. Всю организационную работу я взял на себя.

В моем распоряжении оставалось около трех недель времени, и с устройством митинга надо было поторапливаться. Сходил я к Владыке и испросил у него благословения на задуманное предприятие. У него же состоялось и первое организационное собрание общественности, на котором полностью выявилось присущее нашей эмиграции многоречие, грозившее затянуть дело до бесконечности. Попробовал я привлечь к устройству митинга одну средневозрастную национальную организацию, но наткнулся на такой апломб и на предъявление таких требований, что уже и не рад был своему визиту. Зато удалось мне заручиться согласием двух местных организаций молодежи, из которых одна была многочисленной, она и взяла на себя распространение летучек — извещение о месте и времени митинга и поддержание порядка в зале. Опираясь на эту базу, снял я зал «Пальмен Гартен», вмещавший до полутора тысяч публики, и заказал летучки. К приглашению ораторов я не имел никакого отношения, но на мою долю выпало пригласить Финского консула. Свидание с ним состоялось в одном из лучших Бродвейских отелей, за чашкой утреннего кофэ. Для большей представительности, я попросил присутствовать проф. Г., бывшего члена правительства адмирала Колчака, и одну даму, безукоризненно владевших английским языком. Плодов моей работы лично мне вкусить не удалось, т. к. за неделю до митинга, передав свою миссию братьям Б., я должен был уехать с хором в наспех составленное турнэ.

Естественно, что не только из одного любопытства ожидал я сведений, как прошел митинг, тем более, что мне было известно о недовольстве многих лиц, не получивших приглашения принять участие в нем. Сомнение в успехе высказывал и искренне сочувствующий затее проф. Г., достаточно искушенный в делах общественно-политических. Но вот и первое полученное кратское сообщение: — митинг прошел прекрасно. В переполненном зале полный порядок. Большая толпа на улице, где порядок поддерживался полицией.

Через несколько дней пришли и русские газеты с отчетными статьями, а вместе с ними получил я вырезки из американской газеты, подчеркнуто повествовавшей о выступлении некоего господина с орлиным профилем. Склонен думать, что успешность затеянного предприятия объяснялась и его своевременностью, и быстротой организационной работы. Однако на страницах русских газет этот митинг породил целую склоку, продолжавшуюся несколько... месяцев.

Наше экспромтом составленное турнэ, как и следовало ожидать, дало далеко не блестящие результаты : свободных дней оказалось более, чем следовало и не все концерты были хорошо посещены. Пели мы в штатах Нью-Йорка, Дэланар, Огайо, Нотр-Каралайна, Вирджиния, Конектикут, но большею частью ползали по городам Пенсильвании. Стояли сильные мороды и дороги были так занесены снегом, что частенько приходилось вылезать из автобуса и помогать ему выбраться из сугроба. Одно из таких происшествий случилось с нами в каком-то небольшом городке, где нам пришлось приложить много дружных усилий в выручке увязшего автобуса. Намерзлись мы страшно. Приближалось обеденное время и заведующий движением объявил остановку на обед, целый час. Случаю было угодно, чтобы мы оказались рядом с православной церковью, где еще шло богослужение. Мы группой вошли в церковь, литургия подходила к концу. Богослужение шло на не совсем понятном карпаторусском языке. Карпатороссом был и священник, сказавший краткую проповедь. Новостью для нас явились стоявшие в церкви длинные скамьи для молящихся ,присущие католическим и протестанским храмам.

Наше вяло проходившее турнэ оставляло хору много свободного времени для более близкого ознакомления со страной и ее промышленностью. В гор. Харшей хор осматривал самую большую в мире шоколадную фабрику. Встречала нас красивая молодая дама, типа румяных швейцарок, долго водившая всех по огромному главному корпусу фабрики, показывая, объясняя все стадии производства, упаковки и экспедиции. Не знаю, фабрика-ли получила название от города, или город образовался от наименования фабрики, но администрация ее сделала очень многое для населения. Ею построен обширный закрытый стадион, где происходят все спортивные состязания, вплоть до бейсбола. Зимой на нем устраивается каток, со всеми развлечениями. Ею-же построен небольшой, но очень хороший театр.

В Висстенвэйлем осмотрели мы большую папиросную фабрику, где, как и в Хершей, все шло по конвейерам и только у места распределения сигарет по пачкам, стояла девушка-контролер, следившая за тем, чтобы в каждый пакет попадало точно 20 штук, распределитель иногда ошибался и недодавал одну папиросу. В это турнэ приходилось петь по маленьким городкам и казалось, что время тянется медленно и нудно.

Закончили мы в начале марта и до начала октября хору предстоял вынужденный отдых. В 50-ти милях от Нью-Йорка, на берегу океана, в недорогом курортном городке Бельмар, разместился весь хор. Некоторые снимали квартиры с кухнями, а некоторые поселились в отдельных домиках. Мы в компании семи человек сняли двухэтажный дом, имевший внизу вестибюль, гостинную, столовую, кухню, спальню, а наверху две больших и три малых спальни, ванную. Дом был меблированный, кухонное, столовое и постельное белье поставляла нам большая прачешная, бравшая с нас только за стирку и ничего за прокат. За весь теплый сезон мы платили 450 долларов. Один из нашего общежития согласился готовить на всех, за что был освобожден от платы за стол и квартиру. Он оказался прекрасным поваром, кормил нас вкусно и сытно, и нередко по вечерам подносил по хорошей чарке, бывшего тогда в большом ходу, джина. Все питание обходилось нам в среднем 95 центов в день на человека. Жил хор экономно, без всяких лишних трат, лето провели хорошо. Своевременно была приготовлена и новая программа. Из Бальмора ездили мы на ферму РООВА, петь концерт в только что выстроенном новом зале. Многие хористы ездили туда-же петь в хоре И. Блонского на закладке храма-Памятника — на Владимирской горке —.

На предстоящий сезон наша дирекция продлила контракт до первых чисел марта 1941-го года, но этого было мало, так как хор всегда работал 9-ть месяцев в году, тем более, что к началу сезона 40-41-го года хоровая касса оказалась пуста. В С. А. Ш. очень часто местные дирекции расплачиваются за концерты чеками на имя главной Нью-Йоркской дирекции и реализовать такой чек можно только в Нью-Йорке, что требует продолжительного времени и не дает возможности кассиру вовремя уплачивать гонорар хористам. Сплошь и рядом, семейные, отправляясь в турнэ, нуждались в авансах, а денег не было. Администрация хора обратилась с просьбой о займе туда, где деньги имелись, и получила отказ. Такое положение заставило

кассира прибегнуть к внутренним займам, и часто у самого себя. В графе наличности в кассирской книге часто можно было увидеть : временный заем у такого-то, столько-то. А сколько денежно и безвозвратно помогал хор, сколько дал концертов в пользу инвалидов в одном тлько Париже... Занимая должность кассира в течении 19-ти лет, я со спокойной совестью могу засвидетельствовать, что никому ни из посторонних, ни из уходивших или уволенных хористов, хор не остался должен ни копейки.

Доброволец **Иванов**

(Продолжение следует)

АНДРЕЙ ЖИРОВ

(Продолжение № 84)

***

Великий пост. Утром и вечером монотонно звучит церковный колокол в станице, зовя верующих к молитве, покаянию и духовному очищению для встерчи светлого праздника Христова Воскресения. Мавра Афанасьевна, семидесятипятилетняя старушка, родная тетка Андрея, говеет, исправно посещая два раза в день церковь. Живет она с внуком, станичным писарем. Сын ее, Михей Семенович Самсонов, имея большую семью, живет на хуторе Ястребовом, где у него богатое хозяйство. Раз в неделю привозит он своей матери продукты питания.

Вернувшись из церкви. Мавра Афанасьевна пообедала вместе с внуком. Собирая со стола, она увидела в окно Андрея, ведущего клячу.

— Ведь это Андрюшка! — воскликнула Марфа Афанасьевна. На спине лошади лежали верхом старые холщевые портки, наполненные вещами. Группа мальчишек следовала за Андреем.

— Дядя Андрей, портки потеряешь! — кричали они. С непоколебимым спокойствием Андрей продолжал свое шествие. Дойдя до ворот дома тетки, Андрей открыл калитку и ввел лошадь во двор. Поставив ее под сарай и подложив ей немного сена, Андрей вошел в хату.

— Здорово живешь, тетушка, — сказал он своим густым баритоном.

— Слава Богу, Андрюшка. Чево ты все таскаешься, срамота-то какая! Не подходи близко к кровати, ато вшей напущаешь.

— Ничево, тетушка, ты не боися, вошь ребро не перекусит.

— И-и дурак ты, Андрюшка, погляди на себя, на кого ты похож. Ты хоть-бы помылся.

— Чево мне, тетушка, мыться, — когда помру, тогда у меня все подмышки вымоют.

— Не плети глупости, не стыдно тебе? Ох, Господи! Наверное голодный ты. Садись, я налью тебе щей с горохом.

Андрей сел за стол. Тетка налила ему полную миску щей с горохом. Не торопясь, степенно, хлебал Андрей щи, закусывая пшеничным хлебом. Осущил он миску, тетка налила вторую, выпорожнил он и эту. Обильный пот выступил у него на лбу, видимо утолил он свой волчий голод. Прежде чем встать из-за стола, Андрей положил на стол гривенник. Увидев деньги, Мавра Афанасьевна, возмутившись, сказала :

— Возьми деньги, Андрюшка, денег твоих мне не нужно.

— Нет, тетушка, возьми ты их себе, ато я их всеравно с сударками прогуляю, — отозвался Андрей.

Монета осталась на столе. Андрей, посидев некоторое время с теткой, попрощался, вышел, взял лошадь и вновь отправился в странствование.

В день Светлого Воскресения Андрей пришел в церковь наполненную так, что яблоку негде было упасть. Во время заутрени пел станичный хор. Андрей вытащил псалтирь и начал читать его вслух. Не будучи силен в грамоте вообще, а в церковнославянском писании в особенности, читал он запинаясь, будто сидя на повозке, едущей по кочкам. Как и все молящиеся, он решил купить свечку. Для этого он передал пять копеек казаку, стоящему впереди, со словами :

— За две копейки свечку, а остальные назад.

К его неожиданности доходит до него све-

ча в пять копеек, без сдачи. Недовольный Андрей разразился протестом :

— Для чево мне такая свеча, свинью мне что-ли палить!

**
*

Прожил Андрей деньги, вырученные от продажи своего хозяйства, и почувствовал необходимость в заработке. Нанялся он в работники к зажиточному казаку — Дмитрию Федоровичу Обухову. Упорным и тяжелым трудом нажил Дмитрий Федорович свое хозяйство. Не даром под старость не мог он сделать усилия из-за приобретенной паховой грыжи.

У Дмитрия Федоровича был сын Иван, дочь-водворка 5) Авдотья и зять Евлампий. Строг был Дмитрий Федорович по отношению к сыну и зятю, требуя от них такого-же усердия в труде, какое проявлял сам.

В сентябре послал он Ивана, Евлампия и Андрея пахать поле. Запрягли они пару быков в телегу, две пары в один пустой плуг и три пары в другой. На повозку сел Иван, а около плугов шли Евлампий и Андрей. Осенняя пахота была работой нетяжелой. от нее не требовалось той поспешности, которой сопровождались весенние работы. Молодые казаки охотно уезжали на нее из дома, отрываясь от семьи для независимой полевой жизни. Оставались пахари в поле от понедельника до субботнего вечера, запасшись необходимым питанием. В обед и вечером они варили себе в котле, подвешенном к таганку 6), полевую жидкую кашу с салом, пополняя это основное блюдо откидным молодом 7). По скошенному полю в этот период года бродили без надзора стада гусей и свиней, пущенных на волю для питания потерянными при покосе колосьями. Нередко молоденькие поросята и гуси попадали в котел пахарей.

Два плуга Дмитрия Федоровича бороздили поле. Одним из них руководил Андрей, другим Евлампий. Иван был кашеваром. Легко и приятно пахать, имея сильный и привыкший к этому роду работы скот. Впряженные три пары добротных обуховских быков, почти не напрягаясь, тянули двухлемешную скоропашку 8) Аксайского завода. Хрустели корни растений, подрезываемые острыми лемешами. Откладывал плуг равномерные пласты дерна, перевернутого низом вверх и сложенного правильными рядами, подобно длинным плоским макаронам. Правые быки — « цобы » — шли по дну глубокой борозды. От них зависела хорошая вспашка без огрехов, позорящих пахарей. Андрей, направив « цобов » в борозду и вонзив с помощью стрелки на должную глубину лемеши своего плуга, шел с боку, время от времени искусно похлопывая кнутом над спинами тянувших быков. Длинный прогон давал ему возможность задуматься. Изредка размышление прерывалось поощрением того или другого быка, проявляемым в легком ударе кнута и в возгласе : « ну, не отлынивай, чубастый! » или « эй, не ленись, бурый! » Временами Андрей вспоминал свою молодость, вечера на Перещепновском, и бархатным баритоном запевал песню из своего богатого репертуара. Воспевал он казачью тяжелую судьбину, тоску по родному краю казаков, оторванных от него службой, войну на « проклятом » Кавказе, где бились казаки и где сложилась слава казачья под водительством такого же рябого, как и он, Бакланова. Иногда переходил он на бабьи песни.

В среду в обеденное время приехал к пахарям Дмитрий Федорович и привез им пышек со сметаной, кислого молода и соленых огурцов. Запас сала, пшена и картофеля у них был достаточен. Быки были на попасе, а пахари сидели на земле вокруг котла, хлебая из него деревянными ложками жидкую кашу. Истинная причина приезда Дмитрия Фидоровича была — не пополнение запаса продуктов, а проверка исполненной работы. Прошел он вдоль межи, осмотрел вспаханную часть поля и пришел в ярость, найдя, что сделано было мало.

— Лентяи, не работают, а спят тут, — приговаривал он. Упрек относился главным образом к сыну Ивану, как к прямому наследнику и ответственному лицу.

— Останусь я тут с вами и запрягу вас, лоботрясов, в скоропашку, — сказал он, повысив голос.

— Вставай, Иван, пойдем вложим головы в ярмо ,сделаем вид, кубыть мы тянем скоропашку, упадем на колени, как быки, когда

---

5) Водворка у казаков — дочь, вышедшая замуж и остающаяся жить вместе с мужем у своих родителей.

6) Таганок — треножник, ножки которого соединяются наверху, а внизу расставляются так, чтобы достигнуть желательной высоты. От вершины треножника спускается крючек для подвешивания котла.

7 « Откидное молоко » — молоко сгущенное подвешиванием в холщевом полотне. Иногда из-за экономии подвешивалось оно в старых казачьих портках и поэтому в насмешку называлось « портошным ».

8) Скоропашка — двухлемешный плуг. В некоторых станицах она называлась букарем.

им неподсилу, — шепчет Андрей Ивану. Послушался Иван. Увидел суровый Дмитрий Федорович Ивана и Андрея с вложенными головами в ярмо и на коленях, не выдержал, захохотал.

— Это твоя выдумка, Андрей, — сказал он, сел на повозку и уехал домой.

Не мог Андрей вынести постоянного подконтрольного труда. Не захотел он раньше работать для себя, еще меньше было у него желания трудиться для других. Покинул он Дмитрия Федоровича и перешел опять на скитальческий образ жизни, изредка нанимаясь на непродолжительный срок.

***

Июнь.. Воскресный день необыкновенно жарок. Нет даже легкого ветерка. В широком степном просторе синеватыми волнами колеблется нагретый воздух и виднеются вдали не существующие то церковь, то левада. Стрекот кузнечиков и пение стрекоз наполняют своеобразным концертом воздушное пространство. Рыжие мясистые сурки, будто тумбочки, сидят на рыхлых холмиках около своих нор. Завидев человека, они, свистнув, убегают в вырытые ими убежища.

На хуторе Ястребовом семья Михея Семеновича, двоюродного брата Андрея, после сытного праздничного обеда, прогрузилась в сон. Ставни большого « круглого » 9) дома под железной крышей закрыты. Вне дома через всю длину двора протянута бичева, поддерживаемая двумя рогатинами для уменьшения прогиба. На бичеве висит одежда, вынутая из сундуков для проветривания. На ней развешены мундиры с лычками старшего урядника, темносинего сукна шаровары с лампасами— военная справа Михея Семеновича, принесенная им тридцать лет назад с действительной службы. Давно уже не надевал он ее, но хранит, как реликвию. Часть бичевы уделена праздничной одежде Радионовны, жены Михея Семеновича.

Двор — пуст. Жара загнала даже кур в тень на скотские базы, где шесть-семь наседок роются в конском помете, ища непереваренные зерна и, при счастливой находке, сзывая квоканьем цыплят своих. Один только красный кочет не стеснен жарой. Он гордо ходит по двору, поворачивая голову то в одну, то в другую сторону при неподвижном состоянии шеи. Изредка он останавливается и, запрокинув голову, неистово горланит : — Ку-ку-ре-ку! Над двором, распластав крылья, парит коршун. Хищным взглядом своим он следит за появлением наседок, чтобы, опустившись комом на землю, схватить отдалившегося от матери цыпленка. Несколько ласточек с неимоверной быстротой вьются вокруг него, то пролетая под ним, то возвышаясь над ним.

На отлогом берегу хуторского пруда, в тени, бросаемой вербами левады, накупавшись вдоволь, сидят гуси. Почти все они так же, как и люди, спят. подоткнув клювы под крылья. Бодровствуют только гусыни, окруженные гусятами, да гусак. Бдительность гусынь матерей и гусака необходима для охраны выводков от неожиданного нападения коршуна. Изредка гусыни издают придавленные короткие звуки, выражающие ласку своим птенцам, а им протяжным тихим гоготом отвечает гусак, вытянув змеинообразную шею по земле. Он, как-будто, старается убедить гусынь в обеспечеваемой им безопасности.

Саженях в пятидесяти от гусиного стойла необыкновенное оживление : человек пятнадцать хуторских ребят, поснимав одеженку, купаются в мутной воде пруда. Звонкие крики их нарушают сонную тишину. У них происходят состязания : то кто быстрее всех переплывет пруд туда и обратно, то кто дальше нырнет, то кто достанет земли со дна самого глубокого места. Нужно сказать, что глубина-то пруда не ахти какая : в лучшем случае вода едва скрывает взрослого человека. Особая удаль проявляется в ударе осетром. Прием этот заключается в том, что кто-либо ныряет, переворачивается в воде и, поджав одну ногу, ударяет вытянутой другой по поверхности воды. Рассеченная вода брызгами высоко летит в воздух. Иногда удар попадает на спину или голову зазевавшегося товарища.

— Почему ты плачешь, Санька? — приблизившись к младшему брату, спрашивает Егорка Самсонов.

— Мишка меня осетром вдарил, — всхлипывая и вытирая кулаком облупившийся нос, отвечает Санька с красными от купанья глазами.

Егорка направляется к Мишке Обухову. Приблизившись, он сжимает кулаки и с угрозой говорит :

— Я тебе дам в нос, аж у тебя юшка красная потекеть. Мишка немного отступил. Готовясь к защите, он реагирует :

— Я сам тебе дам в зубы, будешь помнить. Не боюсь я тебя.

Вода, мешающая быстрому движению, пре-

9) « Круглым домом » казаки называли дом в три комнаты с чуланом, имеющий в основании приблизительно квадратную форму.

дотвращает столкновение.

Прошло уже часа два с того времени, как заснула семья Самсоновых. Жара начала спадать. Первым проснулся Михей Семенович. Разбудил он лежавшую около него жену.

— Вставай, Родионовна, иди будить ребят, — сказал он.

Михей Семенович с женой спали на кровати, поставленной в очень большой комнате, служившей кухней и столовой для семьи. В ней вдоль стен были лавки, в переднем углу под иконами стоял большой стол. Там-же находилась одна подвижная скамья и три саморучного производства табуретки. Старший сын — Алексей — с женой спал в большой горнице, где принимались обыкновенно гости. Постелих с периной, приданое Анастасьи, прикрывалась пологом. В горнице стоял стол, несколько венских стульев и служивский сундук.

Постель второго сына — Мирона, женатого на Елизавете, звавшейся в семье « Лисанькой » (измененное слово — Лизанька), находилась во второй малой горнице. Третий сын холостой — Роман — устроил себе на летнее время постель в арбе, стоявшей под сараем. Под сараем же в розвальнях спал Андрей, нанятый Михеем Семеновичем для покоса сена.

Родионовна разбудила двух старших сыновей и снох и начала собирать развешенную на дворе одежду. Мирон пошел под сарай и крикнул проснувшемуся уже Роману :

— Роман, разбуди дядю Андрея.

Начались приготовления к отъезду в поле. Сыновья Михея Семеновича выкатили из под сарая две повозки на железном ходу 10), окрашенные в черный цвет. На них было положено сено не для корма лошадей, а для замены несуществовавших рессор, а потом укладывались шерстяные полости для спанья на земле, зипуны для замены одеял, большой брезентовый полог для устройства палатки, две зыбки для грудных детей и еда. Все складывалось главным образом на одну повозку, на которой должен был ехать Алексей с Настасьей. На задке той же повозки были сложены косы дручками поперек, а грабли вдоль ее. Вторая повозка предназначалась преимущественно для пассажиров.

Радионовна послала Романа позвать двух младших сыновей Егорку и Саньку, купавшихся в пруду.

Солнце близилось к закату. Семья Михея Семеновича села за стол для « полудновання ». После воскресного сытного обеда и сна аппетита ни у кого не было, кроме Егорки и Саньки. На стол поставлены были варенники со сметаной и принесенное из погреба пресное молоко.

Закончив ранний ужин, сыны Михея Семеновича приступили к запряжке лошадей. Алексей впряг в свою повозку гнедого трехвершкового мерина с белой задней правой ногой, Мирон заложил кобылицу « Рыжуху », имевшую жеребенка, во вторую повозку. На первую повозку сели Алексей, Настасья и Егорка, на вторую — Мирон, Лисанька, Роман, дядя Андрей и Санька. Егорка и Санька предназначались для роли нянек двух грудных детей снох Михея Семеновича. Егорке было двенадцать лет, а Саньке девять. Предстоящее занятие мальчиков рассматривалось ими, как специальность девочек и от этого страдало их ребячье самолюбие. Они уже чувствовали себя казаками.

Едва успели выехать подводы за ворота, как дядя Андрей своим сочным голосом затянул :

« Сидел ворон на березе, крикнул ворон про войну »,

. . . . . .

Заулыбались ехавшие с ним на одной повозке, но вступить в пение не решились. Ведь не на свадьбе же они были, чтобы петь среди хутора. Проехали подводы хозяйство Митрофана Семеновича, брата Михея, и стали приближаться ко двору Осипа Шамаева. Андрей заметил водворку, дочь Осипа — Екатерину, хуторскую кокетку, шедшую с ведрами к колодцу. Прервал он начатую песнь о войне на Кавказе и запел :

« Как по улице мостовой
Шла девица за водой,
За холодной ключевой »

. . . . . .

В момент, когда повозка поровнялась с Екатериной, он воскликнул :

— Эх, ты, раскрасавица, расцеловал-бы я тебя!

— Нужен ты мне, черт рябой, — отозвалась Екатерина.

— Не серчай, бабеночка, рябого поцелуешь раз, второй раз захочется, — сказал Андрей

Подводы выезжали из хутора. Алексей не понукал своего гнедого. Размашистым мерным шагом тянул он повозку. За ним следопевая, жеребячьим шагом и переходя время

---

10) Повозки на железном ходу — с железными осями.

певал, жеребячьим шагом и переходя время от времени на рысь, бежал ее приплодок. Приобрела она его от войскового жеребца английской породы с кличкой «Экспресс». Влюблен был англичанин в дончиху. Во время пребывания «Рыжухи» на табунном отводе Экспресс, охраняя свой косяк, почти не отлучался от нее.

Жеребенок на ходу попробовал сунуть свою головку под живот матери и отскочил, будто ужаленный, получив от Мирона легкий удар кнута со словами:

— Куда лезешь, глупенький, зацепит тебя ось.

Подбор лиц на второй подводе не был случайным. Все сидевшие на ней страстно любили пение и умели петь. Это и было причиной их группировки. Андрея мы знаем, как певца. Мирон имел низкий, правда, немного надтреснутый, бас. В хоровом пении недостаток его не замечался и он пополнял аккорд. У Романа был прекрасный тенор. Подголоском он не пел, но являлся ценным певцом в хоре и был хорош, как запевала. Что касается Лисаньки, родившейся в семье лучших песенников в станице, то она обладала чрезвычайно тонким музыкальным слухом и сильным высоким женским голосом. У нее было даже стремление складывать песни.

Тотчас по выезде из хутора к голосу Андрея присоединились три других певца и полилась широкая, подобная Дону в половодье, казачья песня. Роль запевалы переходила от одного участника мужского пола к другому. Каждый из них старался проявить свой вкус в выборе песни и показать свое уменье петь.

Завел Мирон басом:

— Один есть юноша несчастный, один во свете сирота,
Он ходит во полночь глухую на кладбище завсегда.

. . . . . .

По окончании этой песни запел Роман:

— Ни минута наступает, ни военный гром гремит,
Прости, прощай, моя разлюбезная, твой друг на брань-поле спешит.
Никто-ж так не сражался, как мой милый на войне,
Он пулей в поле не боялся, всегда-ж он думал обо мне...

. . . . . .

Потом Андрей, перейдя с казачьих песен на бабьи, затянул:

— Скатилася ясная звездочка с неба с неба голубого,
Долго, долго я его ждала, своего дружка милого...

. . . . . .

Певцы вкладывали их душу в пение. В мощный поток звука трех мужских голосов вливался ручей хрустальной чистоты — голос Лисаньки. Высокий и звонкий, он покрывал мужскую партию, придавая тягучему казачьему пению мелодичность и красоту.

Стемнело, когда приехали косари к месту назначения. Мирон и Роман выпрягли лошадей и надели на них путы. Для того, чтобы лошади не зашли на засеянное соседнее поле, каждая из них была привязана к вбитому в землю колу с помощью длинной бичевы, прицепленной калмыцким узлом к передней ноге. Алексей снял с повозки косу и несколькими ударами накосил сочного пырея для постелей. Мирон разостлал на скошенной траве полость, на которую сели певцы. К ним присоединилась Настасья, пополнившая квартет своим несильным, но правильно управляемым голосом. Не пел один Алексей. У него не было ни музыкального слуха, ни голоса.

Донская степь, оживляемая днем пением птиц и стрекотом насекомых, внимала теперь людскому пению. Не хмель от выпитого вина и не приказание начальства, как это бывало на военной службе, вызвали его, нет, выходили звуки из груди певцов, побуждаемые здоровьем, чистотой вечернего степного воздуха, красотой зеленых полей и любовью к родным напевам, отражавшим чувства поющих.

Точно пламенем пожара окрасился горизонт с восточной стороны и показался багровый край восходящего месяца.

Алексей обратился к певцам:

— Ну, довольно, пора спать. Не забывайте, завтра косить надо.

— Дядя Андрей, сыграем последнюю, — сказал Роман.

Андрей запел:

— Не бела-то заря рано занималася,
Не дала-то заря, она младцу выспаться,
Не дала-то заря, с добрым конем приуправиться,
Не дала-то заря с бабеночкой нагрутариться..

. . . . . .

Кончилась песнь и онемела степь.

Ее охватила тишина, при которой кажет-

ся человеку, что он слышит биение собственного сердца. Лагерь косарей заснул. Высоко взошедший месяц потерял свою прежнюю окраску и своим круглым бледным лицом освещал землю.

**
*

Трещат крещенские морозы. Все живое прячется в теплые убежища. Воробьи и голуби сидят в гнездах своих, свитых с внутренней стороны сараев. Они покидают их для того, чтобы покормиться невымолоченными зернами скирд, свободных от снега в том месте, где берется корм для скота, или-же пищей, раскинутой во дворе для домашней птицы.

Люди сидят в жарко натопленных хатах. оставляя их лишь в силу необходимости. Два раза в день выходят казаки, чтобы выгнать из крытых базов скот на водопой и чтобы дать ему корм. Бабы появляются на дворе для кормления домашней птицы и свиней.

Улицы станицы пусты. Изредка пройдет кто-нибудь, направляясь в станичное правление посмотреть витрину, в которой выставляются письма, пришедшие из далеких стран, где отбывают казаки военную службу.

Станица готовится к проводам на службу молодых казаков. Служивые по указанию отцов проверяют обмундирование, выслушивают наставления и усиленно холят своих коней. Бабы пекут и сушат « бурсаки » 11), приготовленные из теста на гусином сале. Бурсаки пекутся не только в семьях, где имеются отходящие малолетки, но и в тех, у которых казаки находятся на службе. Им молодые повезут подарки от родных.

Наступил день выступления. Напутственный молебен был отслужен накануне. Семья Щербаковых провожала своего сына — Максима. Все проснулись раньше обыкновенного и позавтракали. С утра пришли к ним родственники, пришел и Андрей Жиров, доводившийся отцу Максима троюродным братом. Вместительная комната пятистенной хаты была полна народу. На столе стояла водка и обильная закуска. В переднем углу под образами сидел дед Максима — Кондратий Семенович, с левой стороны его находился отец — Кирилл Кондратьевич, а около него мать — Агадья Лаврентьевна. Максим сидел по правую сторону деда. Гости разместились на лавках и на скамье, приставленной к столу. Водка и закуска радушно предлагалась каждому. Кирилл Кондратьевич и служивый воздерживались пить много, предвидя зимний долгий путь до окружной станицы. Охотно пил и закусывал Андрей. Было спето две песни, из которых одну запевал служивый, а другую Андрей в честь уходящего троюродного племянника.

— Максим, иди одевайся, мешкать нельзя, надо благословлять и ехать, — сказал Кирилл Кондратьевич.

Максим, надев дубленый полушубок и шашку, стал перед столом. Наступила торжественная минута благословения. В комнате настала полная тишина. Максим опустился на колени, три раза перекрестился на образа и, встав, обратился к деду :

— Дедушка, благослови меня.

— Бог тебя благословит и я благословляю. Служи, Максимушка, как служили твой отец и дед. На службу не напрашивайся, но и от службы не отказывайся. Береги коня, без коня казак — не казак.

Максим вновь становится на колени. Опускаясь, левой рукой он придерживает шашку. Конец ее в медной оправе стучит, ударяясь о деревянный пол. Звук этот, нарушая абсолютную тишину, усиливает торжественность момента. Поднявшись, Максим обращает ритуальные слова к отцу :

— Батя, благослови меня.

— Бог тебя благословить и я благословляю.

Подходит черед матери. После коленопреклонения и троекратного крестного знамени, Максим просит у нее благословения. Усиленный прилив горячей крови жжет ее сердце. Тяжка горесть разлуки с существом, которому в муках дала она жизнь и которое выкормила своею грудью. Вспомнилась ей рабочая пора, когда днем, не отставая от мужа, она несла бремя полевого труда, а ночью, часто не смыкая глаз, качала зыбку, чтобы усыпить плачущего от неизвестного детского недомогания Максимушку.

Слезы потоком хлынули из ее глаз, прерывая слова :

— Роди-и-мый ты мой сы-ы-ночек, Господь тебя благословит и я благословляю. Уезжаешь ты далеко. Да хранит тебя Пречистая Матерь.

Встав из-за стола, она приблизилась к сыну, обняла его, крепко поцеловала в губы и повесила ему на шею освященную иконку Николая Чудотворца.

Все встали из-за стола. Максим попрощался с присутствующими, кроме отца и жены-

---

11) « Бурсаки » — служивские сухари. Приготовлялись они следующим образом : тесто раскатывалось в жгуты, резалось на короткие куски и запекалось, а потом засушивалось. Отсутствие на поверхности сухарей пористости давало им возможность долго сохраняться.

Прасковьи, которые должны были ехать с ним. Выйдя из дома, он с крыльца выстрелил вверх из охотничьего ружья и сел на своего гнедого, заседланного коня, подведенного младшим братом-Федором. Отец и Прасковья сели в розвальни, а вместе с ними Андрей и Федор, желавшие проводить служивого за станицу.

На окраине станицы, меж садов, состоялась встреча уходящих казаков. Там служивые и провожавшие почтенные казаки сели в круг на разостланные полости около поставленных бутылок водки и закуски. Молодежь, стоя, кольцом охватывала сидящих.

Максим запел :

— Чуяло сердечко, что на службицу итить,
Коню мому верному больны раны
получить,
Телу мому белому не прибрату в поле быть.

. . . . . .

По окнчании песни служивые попрощались с остающимися. Они сели вместе с другими в сани, привязав коней к оглоблям около дуг. Андрей обратился к Кириллу Кондратьевичу :

— Брат, возьми меня. Когда вы выедете на шлях, я слезу и пойду на Дубовской к брату Семену.

— Садись, — ответил Кирилл Кондратьевич.

Обоз тронулся в путь. Неба не было видно. Воздушное пространство наполнено было серой бесформенной массой, из которой сыпался мелкий снег. Когда обоз вышел из долины Бузулука в открытую степь, где лежал шлях, поднялся ветер. Будто иглами колол он лицо и проникал под бараньи тулупы. Поземка, смешиваясь со снегом, парающим сверху, органичивала видимость до крайности. Сани двигались, следуя по накатанной дороге, кой-где перерезанной снежными дюнами. Расставленные вехи помогали путникам ориентироваться. В станице начали звонить « по погоде ». Приглушенный звук большого станичного колокола временами достигал слуха ехавших, отдалившихся от станицы версты на три.

Когда обоз подошел на ближайшее расстояние от хутора Дубовского, Андрей обратился к Кириллу Кондрасьевичу :

— Остановись, брат, я слезу.

— Тебе лучше, Андрей, вернуться в станицу и итить по набитой дороге, а потом и звон есть, — посоветовал Кирилл Кондратьевич.

— Нет, брат, я пойду к Семену.

Андрей, поцеловав служивого, обратился к уезжавшим :

— Прощайте!

— С Богом! — ответили они.

— Но! — крикнул Кирил Кондратьевич, стегнув кнутом запряженного мерина, стремясь нагнать отъехавший вперед обоз.

Андрей пошел по безбрежному снежному полю. Он уподоблялся путешественнику без компаса в лодке, плывущей в разбушевавшемся море. Ему нужно было пройти по равнине, а потом спуститься в долину речушки Паники, притока Бузулука, и, дойдя до нее, повернуть налево, чтобы попасть на хутор Дубовской, расположенный на берегу ее.

Сравнительно легко ему было итти там, где снег, выпавший раньше, был покрыт затвердевшей корой, выдерживавшей тяжесть его тела, и утомительно тогда, когда он проваливался и завязал выше колена в белой холодной массе. Особенно тяжело было спускаться по склону в долину, где ветер отложил толстый слой снега. Спустившись, он начал блуждать, не находя речки. Короткий зимний день подходил к концу. Вдруг Андрей заметил что-то черное и высокое. Подойдя, он уведел тополь. По капризу природы росло это могучее дерево со стволом в два обхвата в безлесной местности. Весной оно красовалось среди зеленого поля, невольно напоминая слова песни :

Среди долины ровные,
На гладкой высоте
Растет, цветет зеленый дуб
В могучей красоте.

Выбившийся из сил Андрей облегченно вздохнул, сказав про себя :

— Ну, теперь я знаю куда мне итить.

Приобревши уверенность достигнуть хутора, он решил отдохнуть и сел, прислонившись спиною к дереву так, что ствол служил ему щитом от ветра.

Усталость и хмель клонили его ко сну. Он не чувствовал холода, приятное состояние овладело им. Ему казалось, что он сидит летом на скошенном поле под искусственным кустом, установленном на площадке с колесиками для передвижения. Вдали он видит стаю крупных голенастых дудаков. Он силится двигать куст вперед, но остается на месте. Однако расстояние между ним и дудаками сокращается. Дудаки вот уже совсем близко и он хочет стрелять. И что-же, к его удивлению, перед ним не дудаки, а косяк лошадей. В нем выделяется красотой золотистый конь со звездою на лбу и белой полоской меж ноздрей.

— Это мой конь, — думает Андрей. — На нем пойду я служить, на нем проеду я по Пе-

рещепновскому хутору мимо дома Махониных, чтобы увидала Дарья.

Вдруг кони, навострив уши и расширив ноздри, бросились вскачь, испугавшись невидимого бирюка. Понеслись они от Андрея, распустив хвосты по ветру. Все расплывчатее и расплывчатее становится очертание их контуров и наконец они растворились в синеватой дымке...

**
*

Через три дня погода изменилась: затих ветер и прояснилось небо. Николай Моргунов, напоив утром скот и дав ему корм, вышел с собакой поохотиться на зайцев. За хутором собака напала на след и повела Николая в сторону тополя. Приблизившись к дереву, она остановилась и начала лаять. Подошел Николай и увидел сидящего, закоченевшего Андрея. Одет он был в старый дубленый тулуп, подпоясанный кушаком. Приподнятый воротник был подвязан платком, на ногах были валенки, на голове старая папаха, а на руках голицы.

Николай сообщил хуторскому атаману, а атаман послал сани, на которых привезли Андрея в станицу. Скорченного, одеревеневшего сняли его с саней и положили в полуподвальное помещение правления. где находились гимнастические снаряды для казаков допризывного возраста и где происходило словесное обучение малолетков.

Власти дали знать Моисею Афанасьевичу. Он был вдов, прошло в то время четырнадцать лет с тех пор, как умерла Фоминична. Моисей Афанасьевич приехал с Никитой. Оттаял к тому времени Андрей. Выпрямили его и положили в дешевый сосновый гроб, сделанный местным плотником. Отец Клавдий, один из двух станичных священников, отслужил панихиду в церкви, сопровождать же гроб на кладбище не пошел — за это полагалась повышенная плата, которую Моисей Афанасьевич дать не мог.

Скромна была похоронная процессия: четыре сидельца 12), назначенные атаманом, несли гроб на кладбище, а за гробом шли Моисей Афанасьевич, да Никита. Печально гудел колокол по мертвому...

На могиле поставлен был дешевый крест из досок без надписи.

Давным-давно сгнил крест, сравнялся намогильный холмик и место поросло бурьяном, а в моей душе до сих пор живет память об Андрее Жирове.

Париж. **В. Кузнецов**

---

12) Сиделец — казак, отбывающий при правлении станичную повинность.

ПРАЗДНИК ПОКРОВА

Праздник Покрова Пресвятой Богородицы праздновался во многих местах казачьего рассеяния. О Париже сообщает В. Щербаков: «Казаки парижского района праздновали День Покрова Пресвятой Богородицы, Войсковой праздник трех Казачьих Войск — Донского, Кубанского и Терского в воскресенье 19-го октября.

В организации празднества принимали участие Казачий Союз, Союз Казаков-Комбатантов и Объединение Атаманского Военного Училища.

Как всегда, канун праздника был посвящен памяти умерших. В субботу, 18-го октября, казаки съехались на русском кладбище в Сэнт Женевьев де Буа. День был прекрасный: повесеннему светило солнце, деревья, полностью сохранившие свою летнюю одежду, оживляли природу яркой зеленью, могилы, украшенные газоном и цветами, имели праздничный вид и влавали в душу торжественность и умиление.

Казаков и казачек собралось на кладбище чрезвычайно много. Причиной большего, чем обыкновенно, скопления явилось освящение намогильного памятника генералу Н. Г. Зубову, умершему год тому назад, исполненное в первую очередь. По освящении памятника председатель Казачьего Союза В. М. Кузнецов сказал на могиле слово, посвященное покойному, в котором отметил высокие моральные достоинства умершего.

Перед началом моления из среди собравшихся создался хороший хор, который сопровождал отца Александра Ергина, кладбищенского священника, во всех его богослужениях, совершенных по случаю праздника.

После освящения памятника была отслу-

жена панихида на могиле последнего Донского Атамана А. П. Богаевского, избранного на родной земле, а затем был совершен молитвенный обход казачьих могил и наконец отслужена была панихида в кладбищенской церкви по жертвам Лиенца.

В вескресенье, 19-го октября, был отслужен торжественный молебен с провозглашением многолетия Всевеликому Войску Донскому, Войску Кубанскому и Войску Терскому в кафедральном соборе Святого Александра Невского. Службу совершил архиепископ Георгий в сослужении соборного причта и церковного хора в полном составе. Собор был переполнен молящимися. По окончании общего молебна терцы отслужили молебен в нижней церкви перед иконой, созданой ими.

После моления состоялась традиционная братская трапеза в прекрасной зале ресторана Люс. Перед трапезой была пропета молитва «Отче наш», и Войсковые гимны Дона, Кубани и Терека, а потом председатель Казачьего Союза В. М. Кузнецов сказал слово, темой которого было — «Азовское Сидение». Закончил он его сравнением долголетнего пребывания казаков на чужбине с положением осажденных не страдающих ни физически, ни материально, но мучающихся морально за судьбу Родины и за будущее казачества, а так-же призывом, выраженным словами: «тяжки были страдания наших предков в Азове, мужественно вынесли они их. Последуем-же их примеру, проявляя моральную стойкость, не прельщаясь лживым изображением в заманчивых красках положения на Родине, которое распространяют теперешние властители нашей страны».

Тепло поздравили собравшихся председатель Союза Казаков-Комбатантов в. стр. Б. Ф. Дубенцев, приехавший из Монтаржи полк. Сменов, председатели Кубанского и Терского Объединений сот. Малышко и полк. Н. И. Зимин, председатель Объединения Союза партизан-степняков подъес. А. П. Падалкин, от Объединения Атаманского Училища хор. И. А. Евстратов и многие другие.

Кончилась официальная часть. От выпитого вина, хорошего обеда и прекрасной обстановки настроение казаков и казачек начало подниматься, зала, наполнившись густым гомоном, уподобилась станичному майдану, наконец раздаался казачья песнь, сопровожденная лезгинкой.

Поздно вечером разошлись казаки, унеся с собой надежду на встречу через год на казачьем празднике, который они хотели-бы провести так-же радостно, как в этом году».

● Праздник Покрова праздновался во многих других местах. Казаки националисты Парижского района праздновали его 12 октября, в тот же день он был отмечен в г. Монтаржи. В Труа 19 окт. после Литургии с поминовением ушедших казаков в церкви при семинарии и после обеда была отслужена панихида на кладбище Сен Жюльен.

В США казачьи организации праздновали Покров в разное время. Союз Донских казаков, Донская Центральная станица имени Атамана Краснова в Нью Йорке и Донская станица имени полк. Чернецова в Нью Джерси отметили этот день Божественной Литургией и молебном в помещении Русского Клуба 12 окт., после которых состоялась трапеза в ресторане В. И. Бабустова. Казачья станица имени Атамана Платова в Патерсоне 14 окт. в Св. Архангело-Михайловском соборе отслужила молебен, а 18 окт. в помещении Сирийского Клуба был организован банкет. Обще-Казачья Американская Национальная станица в Фарминдале 11 окт., после благодарственного молебна в Казачьем Доме организовала банкет с танцами до утра. Комитет Помощи Казакам в Америке при участии станиц Кубанской в Рейд Бенке, «Родная Кубань», Донской Красновской в Лейквуде, Кубанской в Фарминдале, Кубанской в Саут Ривер, Донской Ермаковской и Фонда имени ген. Краснова праздновали вечером 18 окт. В помещении Комитета во Фривуд Эйкрс был отслужен благодарственный молебен с кратким поминовением усопших, а после молебна состоялся «обильный ужин с напитками».

В Сан Франциско Войсковые Праздники Дона, Кубани и Терека, приуроченные ко Дню Покрова Пресвятой Борогодицы, были отмечены совместно с Храмовым праздником Обще-Казачьего Союза — днем Святителя Алексия — митрополита Московского.

В субботу 1 окт., в Казачьем Доме (900 Ашбури стрит) собрались для общего торжества многочисленные казаки, казачки и представители дружественных казачеству воинских и общественных организаций г. Сан Франциско.

По вековому казачьему «обыкновению» торжество было начато общей молитвой — молебном, совершенным духовником Обще Каз. Союза: почетным казаком протопресвитером отцом Петром Триединым (амурский казак) и протоиерем отцом Константином Заневским (забайкалец), в сослужении с протодьяконом отцом Николаем Потоевым. Пел импровизированный хор казаков и казачек.

Отец Петр, в прочувственном слове, отме-

тил значение каз. праздников и передал молящимся Архипастырское благославение и поздравление с праздником Владыки Антония, архиепископа Западно-Американского в С. Франциско. Молебен был завершен многолетием Атаманам, казакам, казачкам Обще-Каз. Союза, Дона, Кубани, Терека и всех российских каз. Войск.

По окончании богослужения, все присутствующие на нем были приглашены председателем О. К. Союза полковником Г. К. Бологовым в столовую Казачьего Дома, где заботами трудами казачек были нарядно сервированы столы для общей трапезы. После выслушивания личных и письменных поздравлений с Праздниками, дружная казачья « беседа », прерываемая « службовскими » песнями, затянулась до поздна. Сердечное радушие хозяек трапезы и их заботливая внимательность придали « беседе » характер дружеской непринужденности, раскрывающей сердца. В ней, еще раз, горение казачьего духа согрело души собравшихся теплом ненарушимой казачьей спайки. — Сообщил казак из С. Франциско.

УШЕДШИЕ

† 29 июля в г. Бреван (Франция) скончался в возрасте 74 лет сот. 1-го Кубанского Стр. полка П. М. Дегтерев, ст. Полтавской К. В.

† 16 сент. в Омон (Франция) скончался П. И. Сеньшин ст. Н. Чирской В. В. Д.

† 3 окт. в г. Шелль (Франция) скончался Н. С. Аникеев, ст. Ерыженской В. В. Д.

† 14 овг. в Сан Франциско скоропостижно скончался войск. старш. К. И. Заруба, 78 лет, ст. Ивановской К. К. В.

† 13 июля в Брюсселе (Бельгия) скончался Г. А. Фисик, 79 лет, ст. Поповической К. К. В.

† 16 июля в г. Агаста (США) скончался подхор. А. И. Панченко, 79 лет, ст. Поповической К. К. В.

† 1 сент. в Филадельфии (США) скончался ес. И. П. Картавцев, 74 лет, ст. Ново-Александровской К. К. В.

† 14 мая в Кастр Лакрасин (Франция) скончался ес. Н. Грицай, казак Куб. Каз. В.

† 19 июля на Толстовской ферме около Наяка (США) скончался А. И. Похожаев, 68 лет, ст. Баталпашинской К. К. В.

† 25 мая в клинике Лагенштейнбах (Германия) после тяжкой болезни на 81-ом году жизни скончался первопоходник и один из основоположников казачьей джигитовки в зарубежье есаул Куб. Каз. Войска С. В. Панасенко. Похоронен в Мюнхене, на православном отделе кладбища Нёёер Вальденфридхоф.

† 18 октября в доме для престарелых Русских инвалидов в Монтморенси (Франция) скоропостижно скончался начальник 1-го Казачьего Юнкерского Училища полк. А. И. Медынский.

† 19 окт. в Доме Русского Красного Креста в г. Шелль (Франция) скоропостижно скончался военный чиновник Г. И. Елисеев, 80 лет, ст. Семикаракорской В. В. Д., о чем с прискорбием сообщают Союз Казаков-Комбатантов и Объединение Атаманского Училища.

† 20 окт. в Париже после продолжительной болезни тихо скончался Есаул Н. Е. Ковалев, ст. Луганской В. В. Д.

† 8 авг. в Лос Анжелос (США) скончался хор. П. А. Ганжула, 74 лет, ст. Староминской К. К. В.

† 24 июля в Лондоне (Англия) скончался хор. И. С. Захаров, 78 лет, ст. Рязанской К. К. В.

† 13 окт. в Бельгии скончался атаман Кубанской станицы и представитель Куб. Войск. Атаман есаул А. И. Птушенко К. К. В.

● **Пожертвования в пользу сот. В. И. Сычева.** — Правление Каз. Союза сообщает, что в дополнение к спискам, помещенным в №№ 83 и 84 « Род. Края », до 15 ноября с. г. поступило еще : неизвестный (4-ый взнос) — 10 фр., г-жа Т. А. Миллер (Германия — 3-ий взнос) — 27,83 фр., от группы русских учителей в Калифорнии во главе с Ф. А. Агеевым, через Н. Н. Воробьева — 117 долл., И. Я. Крюков — 20 фр., С. П. Могилин — 10 фр., С. А. Пахомов (США) — 20 долл., З. Г. Павлова — 20 долл., Ф. Ф. Гончаров — 20 фр., Ф. М. Миронов — 10 фр., И. С. Бондаренков (США), собравший по подписному листу — 25 долл., В. М. Терентьев — 10 фр., неизвестный (5-ый взнос) — 10 фр.

Жертвенный порыв читателей « Род. Края », проявленный в деле помощи сот. В. И. Сычеву, превзошел его надежды и оказанная поддержка кажется ему чудом, ниспосланным Богом. Он просит выразить жертвователям от его имени глубокую благодарность. — Председатель Каз. Союза :

В. Кузнецов

● 30 сентября в широко распростарненной французской газете « Парижанин » была помещена большая статья проф. Мэри, известнейшого специалиста доктора ветеринара, почетного председателя французского « Общества покровительства животных », под заглавием « Чемпион акробатической вольтижировки Петр Пахомов ».

Петр Пахомов, сын известного джигита В. И. Пахомова, донского казака который, еще лет восемь тому назад организовывал группы джигитов и принимал сам участие в джигитовке. Молодой Пахомов широко известен в спортивных кругах и часто бывал одним из главных участников всяких конских состязаний и конкурсов. Так он выступал на интернациональных конкурсах в Мадриде, Париже, на « Мировом празднике лошади » в Ницце в 1966 г., в Остенде, в Женеве в 1967 г., в Биарице, Виши и тд.

● Редакция « Казачьего Словаря-Справочника » сообщает, что на складе издания имеется еще ограниченное количество 1-го и 2-го томов. Стоимость каждого тома — 5 долл.

Рукопись 3-го тома сдана в типографию и выход его ожидается в январе 1970 г. Он будет содержать около 400 страниц, таким образом полный Словарь составит более 1000 страниц текста. Ввиду разницы в 100 страниц с 1-ым и 2-ым томами его стоимость 6 долл., вместе 5-ти. Подписываться и выписывать все три тома Словаря от редактора :

The Sossack Dictionary. Alexi I. Scrilow.
15 Bungalow Avenue San Anselmo. Ca. 94960.
USA

Для иллюстрации того, как разценивается Словарь иностранцами сообщается количество библиотек (университетских, городских, институтских, министерских) выписавших Словарь : США — 52, Австралия — 6, Англия — 17, Ирландия — 3, Шотландия — 3, Финляндия — 2, Зап. Германия — 13, Канада — 6, Франция — 12, Норвегия — 3, Дания — 1, Швеция — 2, Иран — 3, Израель — 1, Новая Зеландия — 1.

● В начале этого года вышла книга рассказов Н. И. Катенева « Рассказы моря и земли ». Автор — уроженец В. В. Д., моряк по профессии, во время своих многолетних плаваний побывал буквально во всех странах света, начиная от туманных северных стран Европы до жарких экзотических стран Азии, Африки, Южной Америки. Богата приключениями и необыкновенными встречами жизнь моряка. Часто автору приходилось встречаться с русскими людьми и казаками, разбросанными волей судеб, после необычных приключений по всему свету. Так встречает он донскую казачку в Гонконге, описывает празднование Покрова в казачьей станице на Экваторе и много других интересных встреч. Книга читается с захватывающим интересом.

● М. Я. Борисов пишет в редакцию : « В № 82 « Род. Края » был помещен список наших станиц. Сам я станицы Морозовской 2-го Дон. Округа и хочу внести кое какие поправки. В наше время ст. Калачевской не было, а был хутор Калач на Дону. Не было и станицы Обливской, была ЖД станция Обливы и принадлежала она ст. Н. Чирской. Таубевская станица была до 1911-12 гг., когда она была названа Морозовской. Таубевскую « дражнили » — « Свинья пособие поела », и это перешло на Морозовскую. Так же нет и Кобылянской станицы, которая в тех же годах, что и Таубевская, была переименована в Суворовскую. Не было и станицы Чернышевской, а была станция Ю. В. Ж. Д. Чернышки, юрта Есауловской станицы между ЖД станциями Морозовской и Обливами.

● Полк. А. М. Голубов вносит кое какие дополнения и поправки в № 80-81 : « В описании Степного Похода сказано, что я был в отряде полк. Гнилорыбова. Это не так. Я был в Атаманском отряде полк. Каргальского. Отряд этот состоял из двух взводов : 1-ый из атаманцев, командиром его был ес. Хрипунов,

и 2-ой из армейцев войск. старш. Захарова. Была еще пулеметная команда подес. Рудакова, тоже из гвардейцев. Я где-то в каз. литературе читал, что в Атаманском отряде было орудие, но такого не было, а я был в отряде с Перианoвки, еще до Степного Похода.

Еще другая поправка. Подес. Миша Пашков, командир сотни семилетовцев в атаке на Казенном Мосту был ранен, а не убит. Это был один из самых храбрых офицеров в 5-ой Дон. дивизии и был большим моим другом по 29-ому Дон. полку. Я видел его на 3-ий день после боя, лежащим на повозке. Ранен он был в живот, пробит был и мочевой пузырь. Страдал он ужасно, но прощаясь со мной, улыбнулся и сказал : « моя песня спета, а ты — пой дальше ». Слышал я, что он скоро помер. Царствие ему Небесное ».

● Редакция журнала « Наши вести », выходящего в Нью-Йорке, сообщила, что снимок конной атаки, что был помещен на 15-ой стр. иллюстраций № 80-81 « Род. Края » с пояснительной надписью (на стр. 146) « Казачья атака под Новочеркасском 18 апр. 1918 г. с картины худ. Е. П. Рытченкова », аналогична переснимку помещенному в « Летописях Великой войны за 1915 г. » с надписью « Атака » — В. Мазуровский., и с этой же надписью помещенной в « Наших вестях » в № 237.

Фотография, которая была помещена в « Род. Крае » была переснята из журнала казаков-младороссов, изданного под редакцией полк. Г. И. Чапчикова в 1934 г. на чешском языке под наименованием «Poplach Kázástva» Под ней была надпись : « Kázacky Partizancky Utok — Maliket E. P. Ritčenkov ». Она была дана как иллюстрация к статье ген. Сидорина « Казаки в Великой и противобольшевицкой войне », к описанию боев в апреле 1918 г.

● 11. 12 и 13 окт. в СССР, в космос было запущено три космических корабля : « Союз — 6 », « Союз — 7 », « Союз — 8 » с шестью космонавтами. Один из них, инж. Горбатко — кубанский казак или уроженец Кубани. Иностранная пресса сообщает, что родился он в 1934 г. на Кубани, где и прошло его детство. В 1953 г. он поступил в Военную Авиационную Школу в Батайске, затем служил в разных авиоционных частях. В 1968 г. получил диплом инженера испытания авиационных апаратов, после окончания Обуховской Военной Авиоционой Академии.

● Научный журнал « Вокруг света », выходящий в Париже, сообщает что в СССР разработан проэкт о соеднинении особыми каналами Азовского и Каспийского морей. Уровень последныго неизменно понижается, благодаря чему концентрация соли в воде увеличивается, что плохо отражается на его рыбном богатстве. Канал этот должен пройти по рр. Манычу и Куме.

● Полк. Ф. И. Елисеевым выпущена брошюра № 9 « Оренбургское Казачье Училище ». Выписывать у автора :

Elysseev, 66 Fort Washington ave. Apt. 25
New York, N. Y. 10032. USA

● **Открытое письмо казаков г. Вашингтона.** — « Казаки и казачки! Дорогие донцы! — Поднят вопрос о выборах Донского Атамана. Мы, казаки-донцы, проживающие в г. Вашингтоне и его окрестностях, обращаемся ко всем в рассеянии сущим донцами с искренней просьбой сделать так, чтобы были произведенны выборы ЕДИНОГО АТАМАНА, согласно нашим законам и обыкновениям. Двух или трех ДОНСКИХ АТАМАНОВ не должно быть. Должен быть АТАМАН один и должна быть одна **главная избирательная комиссия,** установленная путем взаимного соглашения наших донских организаций — станиц, хуторов, союзов, объединений и групп. Добрая воля и все усилия донцов должны быть направлены к созданию такой ОБЩЕЙ и ЕДИНОЙ избирательной комиссии. Только такая Комиссия будет пользоваться доверием донцов, разбросанных по всему белому свету. И у нас будет ЕДИНЫЙ АТАМАН, как велят законы, и его авторитет будет опираться на законность выборов и на их общее признание. Эту цель не трудно достигнуть, если мы, искренно, по братски протянем друг другу руки с чувством примирения и забвения раздоров, разогласий и расхождений. Нужно при этом помнить, что наши разделения ведут не только к ослаблению наших сил, но и к исчезновению казачества с исторической сцены. Только наше единение, возглавленное единым законным Атаманом, может привести нас к возрождению казачества и побудить к единению и дружбе с нами порабощенные коммунистической тиранией российские народности, большие и малые.

Настоящее обращение, как просьба, как призыв, основано на нашей глубокой вере, что братские чувства и честь казачья неистребимы и никакие невзгоды нашего рассеяния не могут их изгладить из казачьей души.

С этими строками мы обращаемся ко всем в изгнании находящимся казакам и казачкам, и в первую очередь к Дон. Войсковому Совету, Союзу Донских Казаков в США, казачьим донским союзам, объединениям, станицам в других странах, порф. Н. В. Федорову,инж. Н. Е. Королькову, исп. должность Дон. Атамана ген. П. И. Медведеву, инж. Е. А. Афанасьеву, равно как и ко всем донским

общественным деятелям и возглавителям донских организаций.

Казачью и общероссийскую печать в эмиграции мы просим о помещении на ее страницах настоящего призыва, а казаков присоединиться к этому призыву, заявив об этом в выше указанные организации.

Призовем милость Божью, — да будет у нас единый АТАМАН.

Представители Группы: А. Г. Павлов (Pavlov. 1881 Newton St. N. W. Washington. D. C. 20010. USA), П. Заворотнов, С. Д. Лутченков, Г. В. Заречняк (Дронова), С. Г. Максимов, Г. Попов, Н. Ч.

● 23 ноября, в ближайшее воскресение ко дню Св. Архистратига Михаила уральские казаки парижского района праздновали свой Войсковой Праздник. После церковной службы в церкви Св. Серафима Саровского на рю Лекурб состоялась братская трапеза в ресторане « Ла бьер ».

● В этот же день объединение Атаманского Училища праздновало свой Училищный праздник и столетие основания Новочеркасского Каз. Училища. После церковной службы в помещении музея Л. Гв. Казачьего полка состоялась братская трапеза.

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ « РОДИМОГО КРАЯ »

Непринятые рукописи обратно не возвращаются и в переписку о них редакция не вступает. Редакция оставляет за собой право статьи сокращать, не меняя смысла написанногро. За статьи, подписанные полным именем автора, редакция не отвечает и они не всегда выражают взгляды редакции.

Корреспонденцию на имя Редакционной Коллегии направлять по адресу:

Mr. Bogaevsky — 230 av. de la Division Leclerc 95 — Montmorency (France)

Через редакцию « Род. Края » можно выписать:

Н. М. Мельников — « А. М. Каледин — герой Луцкого прорыва и Донской Атаман » — 26 фр. или 5,50 дол.

« Воспоминания ген. А. П. Богаевского » (Ледяной поход) — 15 фр. или 3 долл.

Н. М. Мельников — « Ермак Тимофеевич, кн. Сибирский, его сподвижники и продолжатели » — 10 фр. или 2 долл.

« Митрофан Петрович Богаевский » — сборник статей о Донском Баяне — 18 фр. или 4 долл.

Н. М. Мельников — « Как извращается история » — 2 фр.

П. М. Аврамов — « Ковылий сказ » — 3 фр.

П. М. Аврамов — « Никифор Кащеев » — 3 фр.

Н. Н. Туроверов — « Стихи », книга 5-ая — 15 фр.

Н. Н. Воробьев — « Кондратий Булавин » — 15 фр.

Н. Н. Воробьев — « Стихи о разном » — 10 фр.

Адмиралов — « Казачья трагедия » 1940-1945 гг.) — 12 фр. или 2,50 долл.

В. А. Беляевский — « Голгофа » (Очерки из воспоминаний 1882-1964) — 12 фр. или 2,50 долл.

Казачьи песни (изд. « Каз. старина ») — 5 фр.

Специальный двойной № 80-81, посвященный Степному Походу, Пох. Атаману ген. П. Х. Попову и началу казачьих восстаний на Дону в 1918 г. Его стиомость — 10 фр. или 2 дол. 50 цент.

Из редакции можно также выписать листы фотографии и схем, напечатанных в этом № 80-81 по цене 5 фр. за лист для Франции или 1 долл. для заграницы. Пересылка фотографий и схем за счет покупателя.

● Редакция обращается с настоятельной просьбой ко всем своим читателям и подписчикам не задерживаться с внесением подписной платы. Издание « Род. Края » основано исключительно на самоокупаемости, при полной безвозмездной работе всех наших сотрудников. То есть журнал издается на деньги, за него получаемые и на пожертвования отдельных лиц в Фонд его Издательства, иначе говоря на деньги читателей, от которых зависит дальнейшее существование « Родимого Края ».

● В редакцию « Род. Края » с 1-го сентября по 1-ое ноября 1969 г. поступило:

В Фонд Издательства : Объединение Атаманского Училища через И. А. Евстратова и Н. А. Бирюкова для улучшения №, посвященного 100-летию Училища — 300 фр., Б. А. Богаевский (для той же цели) — 30 фр., И. А. Ченцов — 16,50. ген. Безмолитвеннов — 15 фр., г-жа В. И. Самсонова — 45 фр., И. Г. Гнилорыбов — 100 фр., В. Н. Букановский — 10 фр., Н. Н. Евсеев — 10 фр., Халанский — 10 фр., В. Ф. Зверев — 50 фр., П. Калмыков — 14 фр., Ф. Ф. Гончаров — 50 фр., А. М. Голубов — 100 бель фр., Б. А. Богаевский — 52.60.

Для передачи **Дамскому Комитету Каз. Союза :** М. А. Петров — 4 фр., В. Ф. Зверев — 14 фр., Ф. Ф. Гончаров — 30 фр., П. Калмыков — 10 фр.

Всех жертвователей просим принять нашу искреннюю благодарность.

● **Опечатки.** — Редакция « Род. Края » просит своих читателей извинить ее за опечатки. В наших условиях издания, это неизбежное зло, с которым бороться очень трудно. Так в № 83, на стр. 43, в правом столбце, на 7-ой строчке сверху, напечатано « Памяти Д. Я. Надалкиной » вместо « Д. Я. Падалкиной ». В № 84, на стр. 9-ой, в правом столбце, 9-ая строка снизу — напечатано « 444 конных 6-ти орудийных батарей » вместо « 44 ».

● **РОЗЫСКИ.** — « Родственники из СССР розыскивают казака ст. Аксайской, хут. Протопопова ЕФИМА ДМИТРИЕВИЧА ЧЕРНОУСОВА. Лиц, знающих что либо о нем, просим сообщить в редакцию журнала, для передачи И. И. Сагацкому.

● Мария Александровна Калута розыскивает донского казака СЕРГЕЯ АКИМОВИЧА ЧЕКУНОВА. Писать по адресу :

Adres Kaluta. Protopapadacy St № 22.
Athene, 220. Grece

● Казачий литератор, пишущий книгу о Доне, просит откликнуться казаков станицы Островской, Усть-Медведицкого округа, с хуторов Гурова, Киреева или Разуваева. Адрес в редакции « Род. Края ».

Вышла из печати книга Н. М. Мельникова

« А. М. КАЛЕДИН —

ГЕРОЙ ЛУЦКОГО ПРОРЫВА И ДОНСКОЙ АТАМАН »

В книге 375 страниц, много редких фотографий.

Выписывать из редакции « Родимого Края ». Стоимость во Франции 26 фр., заграницей — 5,50 долл.

Тираж ограничен.

Imprimerie P.I.U.F. - 3, rue du Sabot - Paris (6e)

Вышла из печати, под редакцией Н. М. Мельникова, в издательстве «Родимого Края», монография

МИТРОФАН ПЕТРОВИЧ БОГАЕВСКИЙ

В книге 276 стр. и редкие фотографии. Выписывать из редакции «Род. Края». Стоимость во Франции — 18. фр., заграницей — 4 долл. В книге, кроме яркой обрисовки личности и деятельности Донского Златоуста, перед глазами читателя попутно проходит героическая эпоха Калединского периода истории Дона.

Осталось еще ограниченное количество экземпляров.

РУССКИЙ КНИЖНЫЙ МАГАЗИН В ПАРИЖЕ

— Все новинки книжного рынка —
MAGASIN DU LIVRE
10, rue des Carmes Paris 5
Tél. DANton 25-28.

« ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА »

Орган Союза Участников 1-го Кубанского ген. Корнилова Похода, посвященный истории Белого Движения. Выходит каждые два месяца.
Редактор Г. Л. Корнилов

Подписная плата на 1 год — 6 долл., на 6 месяцев — 3,50 долл., стоимость отдельного № — 1,25 долл.
Адрес редакции : 1521 Sargent place. Los Angeles Calif. 90026. USA